

M 69
56

T.7

M $\frac{69}{56}$

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

„ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ“

А. Э. БРЭМА

СО МНОЖЕСТВОМЪ ПОЛИТИПАЖЕЙ И ХРОМОЛИТОГРАФІЯМИ

ВЪ ДЕСЯТИ ТОМАХЪ

ПЕРЕВОДЪ СЪ 3-ГО НѢМЕЦКАГО ИСПРАВЛЕННАГО И ДОПОЛНЕННАГО ИЗДАНІЯ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ МАГИСТРА ЗООЛОГІИ К. К. СЕНТЬ-ИЛЕРА

Томъ VII

Пресмыкающіяся. — Земноводныя

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“ И К^о.
ВОЛЬСКАЯ ПОДЪЯЧЕСКАЯ, 39.

1894.

ПРЕДПРИЯТО НОВОЕ ДЕШЕВОЕ ИЗДАНИЕ:

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ

Собраніе произведеній иностранныхъ авторовъ въ русскомъ переводѣ.

Въ настоящее время печатается собраніе сочиненій

БРЕТЪ-ГАРТА

ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ.

Цѣна 2 руб., съ доставкой и пересылкой 3 руб.

Иногородные высылаютъ подписку въ Товарищество «Общественная Польза» (Б. Подъяческая, 39), а городскіе, кромѣ того, могутъ подписаться еще: 1) Невскій, Пассаждъ 44 и 2) Литейный, д. 36.

Допускается разсрочка платежа:

При подпискѣ 1 р. и 15 Января—1 р.; подписчики съ дост. и перес. вносятъ послѣдній 1 р. не позже 15 Февраля.

Иногородные, желающіе получить съ наложеннымъ платежомъ, приплачиваютъ за наложенный платежъ 20 к., но подписавшіеся безъ разсрочки—вносятъ при полученіи первыхъ двухъ книгъ 3 р. и остальные книги получаютъ безъ всякой приплаты. При подпискѣ выдаются первые два тома. Все изданіе, будетъ окончено не позже 1 Марта 1895 г.

По выходѣ всѣхъ 6-ти томовъ цѣна будетъ повышена.

Для Гг. служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка со взносомъ по 50 к. ежемѣсячно, впродъ до погашенія всей подписной суммы.

ИСТОРИЯ РОССИИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ВЪ 29 ТОМАХЪ.

Сочиненіе Сергѣя Михайловича Соловьева.

Вышли 1-я, 2-я, 3-я и 4-я книги: каждая въ 5-ти томахъ.

По подпискѣ стоитъ 15 руб., съ перес. и достав. 18 руб.

Полное сочиненіе, безъ всякихъ сокращеній и измѣненій, въ 29 томахъ; въ 6-ти книгахъ около 5000 стр. или 10000 столбцовъ и къ нимъ будетъ приложенъ указатель и гравированный на деревѣ портретъ автора съ факсимиле (чего до сихъ поръ при изданіи не было).

Всѣ 29 томовъ и указатель по подпискѣ стоятъ 15 руб. съ пересылкою 18 руб. (вмѣсто бывшей цѣны за 29 томовъ 58 р. безъ перес.). По выходѣ же въ свѣтъ всего изданія подписка прекратится и въ отдѣльной продажѣ будетъ стоить 24 руб. Подписка принимается только на все изданіе, которое выйдетъ въ концѣ 1895 года.

Подписавшіеся на полученіе всего изданія, 29 том. въ 6-ти книгахъ, при подпискѣ высылаютъ 3 р., при высылкѣ каждой книги будетъ наложенъ платежъ на 1-ю, 2-ю, 3-ю, 4-ю и 5-ю по 3 р. и за наложенный платежъ, а также и за заказъ по 20 к., а 6-я книга будетъ выслана бесплатно. Высылающіе же при подпискѣ 18 руб. сполна при полученіи книгъ, какъ за наложенный платежъ, такъ и за заказъ ничего не платятъ.

При высылкѣ задаточныхъ денегъ Товарищество проситъ указывать, какъ выслать вышедшія 4 книги, т. е. всѣ сразу съ наложеннымъ платежомъ на всю слѣдующую сумму или выслать ежемѣсячно по одной книгѣ съ наложеннымъ платежомъ по 3 р. 20 к. безъ переплета и 4 р. 45 к. въ переплетѣ.

Чтобы еще болѣе облегчить каждому приобрести знаменитое сочин. ИСТОРИЯ РОССИИ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ Серг. Михайл. Соловьева въ 29 том., Товарищество допускаетъ также подписку и съ меньшими взносами, начиная отъ 1 рубля и по оплатѣ слѣдующихъ денегъ по подпискѣ, какъ сказано выше, книги будутъ высылаться немедленно. Для желающихъ книги высылаются наложеннымъ платежомъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ исключительно въ Товариществѣ «Общественная Польза», СПБ., Вольш. Подъяческая, 39.

Изготавливаются прочные переплеты и крышки на всѣ 6-ть книгъ одинаковаго вида; за каждую книгу приплачиваютъ по 1 р. съ пересыл. по 1 р. 25 к. Подписчикамъ изъ Азіатской Россіи изданіе стоитъ въ переплетѣ 21 р. и пересылка за ихъ счетъ 6-ти книгъ по почтовому тарифу, считая каждую книгу по 5 фунтовъ.

Имѣются въ продажѣ оставшіеся экземпляры прежняго изданія въ отдѣльныхъ томахъ и каждый томъ стоитъ 1 р. 50 к. за исключ. IX и XII том., котор. въ продажѣ нѣтъ.

1895

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

„ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ“

А. Э. БРЭМА

СО МНОЖЕСТВОМЪ ПОЛИТИПАЖЕЙ И ХРОМОЛИТОГРАФІЯМИ

ВЪ ДЕСЯТИ ТОМАХЪ

ПЕРЕВОДЪ СЪ 3-ГО НѢМЕЦКАГО ИСПРАВЛЕННАГО И ДОПОЛНЕННАГО ИЗДАНІЯ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ МАГИСТРА ЗООЛОГІИ К. К. СЕНТЬ-ИЛЕРА

Томъ VII

Пресмыкающіяся. — Земноводныя

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ИЗДАНИЕ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“ И Б^о
ВОЛЬСКАЯ ПОДЪЯЧНОКАЯ, 39 .

1895.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 Ноября 1894 года.

19043-0

2011136687

Оглавление VII-го тома

Иллюстрированной „Жизни Животных“ А. Э. Брэма.

ПРЕСМЫКАЮЩИЯСЯ

Общій взгляд на жизнь пресмыкающихся 1

Отрядъ I: Чешуйчатая пресмыкающіяся. Squamata.

I-й Подотрядъ: Ящерицы. Lacertilia 32

	Стр.		Стр.
1-е Сем. Цѣлконопалыя. Geckonidae	39	Шипохвость индійскій. <i>U. hardwickei</i>	70
1-й родъ. Полупалые гекко. Hemidactylus	43	7-й родъ. Молохи. <i>Moloch</i>	72
Дископалый гекко. <i>H. turcicus</i>	43	Молохъ <i>M. horridus</i>	72
2-й родъ. Лопастнохвостые гекко. <i>Ptychozoon</i>	44	IV-е Сем. Игуановыя. Iguanidae	74
Лопастнохвостый гекко. <i>Pt. hemalocerphalum</i>	44	1-й родъ. Аноли. <i>Anolis</i>	75
3-й родъ. Широкопалые гекко. <i>Tarentola</i>	44	Красногорный аноли. <i>A. carolinensis</i>	76
Стѣнной гекко. <i>T. mauritanica</i>	44	2-й родъ. Шлемоносные аноли. <i>Corythophanes</i>	79
II-е Сем. Чешуенюги. <i>Rugosodidae</i>	51	Шлемоносный аноли. <i>C. hernandezii</i>	79
1-й родъ. Чешуенюгъ. <i>Rugosus</i>	51	3-родъ. Василиски. <i>Basiliscus</i>	80
Новоголандскій желтопузникъ. <i>R. lepidopus</i>	51	Американскій василискъ. <i>B. americanus</i>	80
III-е Сем. Агамовыя. <i>Agamidae</i>	52	Полосатый василискъ. <i>B. vittatus</i>	81
1-й родъ. Драконы. <i>Draco</i>	54	4-й родъ. Рулицы. <i>Tropidurus</i>	82
Летающій драконъ	54	Рулица обыкновенная. <i>T. torquatus</i>	82
2-й родъ. Калоты. <i>Calotes</i>	56	5-й родъ. Высоконогія ящерицы. <i>Uraniscodon</i>	83
Кровосось. <i>C. versicolor</i>	56	Высоконогъ. <i>U. umbra</i>	83
3-й родъ. Агамы. <i>Agama</i>	57	6-й родъ. Морскія ящерицы. <i>Amblyrhynchus</i>	85
Агама колонистовъ. <i>A. colonorum</i>	58	Морская ящерица <i>A. cristatus</i>	85
Египетская агама. <i>A. pallida</i>	60	7-й родъ. Конолофы. <i>Conolophus</i>	88
Ключая агама. <i>A. armata</i>	61	Конолофъ земляной. <i>C. subcristatus</i>	89
Гардунъ. <i>A. stellio</i>	62	8-й родъ. Игуаны. <i>Iguana</i>	91
4-й родъ. Плащеносныя ящерицы. <i>Chlamydosaurus</i>	65	Игуанъ. <i>I. tuberculata</i>	91
Плащеносная ящерица. <i>Ch. kingi</i>	65	9-й родъ. Циклурны. <i>Cyclura</i>	95
5-й родъ. Парусныя ящерицы. <i>Lophura</i>	66	Циклуря иглистая. <i>C. carinata</i>	95
Парусная ящерица. <i>L. amboinensis</i>	67	Черный игуанъ <i>C. acanthura</i>	97
6-й родъ. Шипохвосты. <i>Uromastix</i>	68	10-й родъ. Жабовидныя ящерицы. <i>Phrynosoma</i>	98
Шипохвость африканскій. <i>U. spinipes</i>	68		

	Стр.		Стр.
Жабовидная ящерица. <i>Ph. cornutum</i>	98	2-й родъ. Двуходки. <i>Amphisbaena</i>	134
Жабоглавъ. <i>Ph. rhynosephalus</i>	101	Двуходка бѣлая. <i>A. alba</i>	134
V-е Сем. Поясные ящерицы. Zonuridae	103	Двуходка пятнистая. <i>A. fuliginosa</i>	137
1-й родъ. Поясохвосты. <i>Zonurus</i>	103	3-й родъ. Бурья двуходки. <i>Bianus</i>	137
Поясохвост сѣрый. <i>Z. cordylus</i>	104	Бурял двуходка. <i>B. cinereus</i>	137
VI-е Сем. Веретеницвыя. Anguidae	104	XI-ое Сем. Настоящая ящерицы Lacertidae	137
1-й родъ. Змѣящеры. <i>Ophisaurus</i>	105	1-й родъ. Ящерицы. <i>Lacerta</i>	145
Желтопузикъ. <i>O. arus</i>	105	Глазковая ящерица. <i>L. ocellata</i>	145
Пятнистый змѣящерь. <i>O. ventralis</i>	109	Зеленая ящерица. <i>L. viridis</i>	148
2-й родъ. Веретеницы. <i>Anguis</i>	110	Прыткая ящерица. <i>L. agilis</i>	153
Веретеница. <i>A. fragilis</i>	110	Горная ящерица. <i>L. vivipara</i>	155
VII-е Сем. Ядозубовыя. Helodermatidae	114	Стѣнная ящерица. <i>L. muralis</i>	158
1-й родъ. Ядозубы. <i>Heloderma</i>	114	2-й родъ. Песчанья ящерицы. <i>Psammotromus</i>	162
Ядозубъ. <i>H. horridum</i>	114	Алжирская ящерица. <i>P. algirus</i>	162
VIII-е Сем. Варановыя. Varanidae	117	3-й родъ. Гребнепалыя ящерицы. <i>Acanthodactylus</i>	165
1-й родъ. Вараны. <i>Varanus</i>	117	Гребнепалая ящерица. <i>A. vulgaris</i>	165
Желтый варанъ. <i>V. flavescens</i>	119	XII-е Сем. Сцинковыя. Scincidae	167
Нильскій варанъ. <i>V. niloticus</i>	120	1-й родъ. Гигантскіе сцинки. <i>Macrosцинus</i>	168
Полосатый варанъ. <i>V. salvator</i>	122	Гигантскій сцинкъ <i>M. coctaei</i>	168
Сѣрый варанъ. <i>V. griseus</i>	123	2-й родъ. Короткохвосты. <i>Trachisaurus</i>	169
Капскій варанъ. <i>V. albigularis</i>	125	Короткохвостъ. <i>T. rugosus</i>	169
IX-е Сем. Американскіе вараны. Teiidae	127	3-й родъ. Змѣяглазы. <i>Ablepharus</i>	171
1-й родъ. Ящерицы тейю. <i>Tupinambis</i>	128	Венгерскій гологлазъ. <i>A. rannonicus</i>	171
Саломпентерь. <i>T. teguixin</i>	128	4-й родъ. Сцинки. <i>Scincus</i>	172
2-й родъ. Амейвы. <i>Ameiva</i>	131	Сцинкъ аптечный. <i>S. officinalis</i>	172
Амейва суринамская	131	5-й родъ. Сепсы. <i>Chalcides</i>	174
X-е Сем. Двуходковыя. Amphisbaenidae	132	Сепсъ трехпалый. <i>Ch. tridactylus</i>	175
1-й родъ. Хироты. <i>Chirotes</i>	133		
Хироть. <i>Ch. canaliculatus</i>	133		

II-й Подотрядъ. Червеязычныя. Rhyptoglossa. 177

	Стр.		Стр.
I-е Сем. Хамелеоновыя. Chamaeleontidae	177	Карликовый хамелеонъ. <i>Ch. rutilus</i>	180
1-й родъ. Хамелеоны. <i>Chamaeleon</i>	177	Обыкновенный хамелеонъ. <i>Ch. vulgaris</i>	180

III-й Подотрядъ Змѣи. Ophidia. 189

	Стр.		Стр.
I-е Сем. Червеобразныя змѣи. Typhlopidae	234	3-й родъ. Полозы. <i>Eguch</i>	266
1-й родъ. Слѣпуны. <i>Typhlops</i>	235	Полозь турецкій. <i>E. jaculus</i>	267
Слѣпунъ червячный. <i>T. vermicularis</i>	236	4-й родъ. Удавы. <i>Boa</i>	268
II-е Сем. Ложноногія. Boidae	236	Удавъ обыкновенный. <i>B. constrictor</i>	268
1-й родъ. Питоны. <i>Python</i>	249	5-й родъ. Водяные удавы. <i>Eunectes</i>	273
Тигровый питонъ. <i>P. molurus</i>	249	Анаконда. <i>E. murinus</i>	273
Сѣтччатый питонъ. <i>P. reticulatus</i>	251	6-й родъ. Узкоорюхіе удавы. <i>Xiphosoma</i>	279
Южноафриканскій питонъ. <i>P. natalensis</i>	256	Собачьеголовый удавъ. <i>X. caninum</i>	279
Пероглифовый питонъ. <i>P. sebae</i>	257	7-й родъ. Гладкогубые удавы. <i>Homalochilus</i>	281
2-й родъ. Ромбическіе питоны. <i>Mogelia</i>	264	Стройный удавъ. <i>H. striatus</i>	281
Ромбическій питонъ. <i>M. argus</i>	264		

	Стр.		Стр.
III-е Сем. Вальковья змѣи. Pysiidae	282	14-й родъ. Дипсы. <i>Dipsas</i>	344
1-й родъ. Сверташки. <i>Pysia</i>	283	Уларь буронгъ. <i>D. dendrophila</i>	345
Коралловая сверташка. <i>I. scydale</i>	283	15-й родъ. Мексиканскіе дипсы.	
2-й родъ. Цилиндрическія змѣи. <i>Cylindrophis</i>	284	<i>Trimorphodon</i>	346
Красная змѣя. <i>C. rufus</i>	284	Мексиканскій дипсъ. <i>T. biscutatus</i>	346
IV-е Сем. Щитохвостыя змѣи. Uropeltidae	284	16-й родъ. Имкочешуйные змѣи.	
1-й родъ. Щитохвосты. <i>Uropeltis</i>	285	<i>Coelopeltis</i>	347
Щитохвостка большая. <i>U. grandis</i>	285	Ящеричный ужъ. <i>C. lacertina</i>	347
V-е Сем. Ужеподобныя. Colubridae	286	17-й родъ. Зеленныя змѣи. <i>Philodryas</i>	349
I-я группа Гладкозубыя. Aglypha	287	Зеленая змѣя. <i>Ph. viridissimus</i>	350
1-й родъ. Карликовые змѣи. <i>Calamaria</i>	289	18-й родъ. Плетевидныя змѣи.	
Карликовая змѣя. <i>C. linnaei</i>	290	<i>Dryophis</i>	350
2-й родъ. Мѣдянки. <i>Coronella</i>	291	Темная плетевидка. <i>D. pulverulentus</i>	352
Обыкновенная мѣдянка. <i>C. astricta</i>	291	Зеленая плетевидка. <i>D. mycterizans</i>	352
Жирондская мѣдянка. <i>C. girundica</i>	292	Древесная плетевидка. <i>D. prasinus</i>	353
3-й родъ. Злые змѣи. <i>Zamenis</i>	297	Повязковая плетевидка. <i>D. fronticinctus</i>	353
Пятнистобрюхий ужъ. <i>Z. ventrimaculatus</i>	297	19-й родъ. Остроголовыя змѣи.	
Диадемовая змѣя. <i>Z. diadema</i>	297	<i>Oxybelis</i>	353
Желтозеленый ужъ. <i>Z. gemonensis</i>	297	Блестящая остроголовка. <i>O. fulgidus</i>	353
Желтопузь. <i>Z. trahalalis</i>	298	Мѣдная остроголовка. <i>O. acuminata</i>	353
Слизистый ужъ. <i>Z. mucosus</i>	300	20-й родъ. Водные ложные змѣи.	
Подковчатый ужъ. <i>Z. hippocrepis</i>	301	<i>Nomalopsis</i>	355
4-й родъ. Большеглазые змѣи.		Удавовидный ужъ. <i>N. buccata</i>	355
<i>Ptyas</i>	302	21-родъ. Церберъ. <i>Cerberus</i>	356
Пантеровый ужъ. <i>P. pantherinus</i>	303	22-й родъ. Горбоносъ. <i>Hypsirhina</i>	356
Черный ужъ. <i>P. constrictor</i>	304	23-й родъ. Фордонія. <i>Fordonia</i>	356
5-й родъ. Лазающіе змѣи. <i>Coluber</i>	305	24-й родъ. Гинисты. <i>Hipistes</i>	356
Лазающій ужъ. <i>C. getulus</i>	306	III-я группа. Переднебороздчатыя.	
Эскулаповъ ужъ. <i>C. aescularii</i>	307	<i>Protoglypha</i>	356
Леонардовый ужъ. <i>C. quadrilineatus</i>	314	25-й родъ. Аспиды. <i>Elaps</i>	357
Четырехполосный ужъ. <i>C. quater-radiatus</i>	315	Коралловый аспидъ. <i>E. corallinus</i>	358
Канианья. <i>C. roeclostomus</i>	318	Ручной аспидъ. <i>E. hygiae</i>	360
6-й родъ. Остромордые змѣи. <i>Rhinechis</i>	319	26-й родъ. Красивыя аспиды. <i>Callophis</i>	361
Лѣстничный ужъ. <i>Rh. scalaris</i>	319	Маклеландова ехидна. <i>C. macclandii</i>	361
7-й родъ. Лѣсные змѣи. <i>Herpetodryas</i>	320	27-й родъ. Железистыя змѣи.	
Зипо. <i>H. carinatus</i>	320	<i>Adeniophis</i>	362
8-й родъ. Древесныя змѣи. <i>Dendrophis</i>	322	Железистая ехидна. <i>A. intestinalis</i>	362
Шокари. <i>D. pictus</i>	322	28-й родъ. Бунгары. <i>Bungarus</i>	363
9-й родъ. Водныя змѣи. <i>Tropidonotus</i>	323	Бунгара-пама. <i>B. fasciatus</i>	364
Обыкновенный ужъ. <i>T. natrix</i>	324	Царагуда. <i>B. caeruleus</i>	364
Темный ужъ. <i>T. ater</i>	325	29-й родъ. Ная. <i>Naja</i>	368
Пестрый ужъ. <i>T. persa</i>	325	Очковая змѣя. <i>N. tripudians</i>	368
Кляпчатый ужъ. <i>T. tessellatus</i>	332	Гая. <i>N. haje</i>	385
Гадюковый ужъ. <i>T. viperinus</i>	336	Большая ная. <i>N. bungarus</i>	392
10-й родъ. Косоглазыя змѣи. <i>Helicops</i>	337	30-й родъ. Черныя ехидны. <i>Pseudochis</i>	395
Черноглазникъ. <i>H. carinicaudatus</i>	337	Черная ехидна. <i>P. porphyriacus</i>	395
11-й родъ. Акрохорды. <i>Acrochordus</i>	338	31-й родъ. Фурия. <i>Porrocephalus</i>	398
Акрохордъ. <i>A. javanicus</i>	339	Фурия короткая. <i>H. curtus</i>	398
II-ая группа. Бороздчатозубыя. <i>Opisthaglypha</i>	341	32-й родъ. Шипохвостыя ехидны. <i>Acanthophis</i>	399
12-родъ. Лунастики. <i>Scytale</i>	341	Шипохвостъ. <i>A. antarcticus</i>	399
Лунастикъ вѣценосный. <i>S. coronatum</i>	342	Морскія змѣи. <i>Hydrophiinae</i>	400
13-й родъ. Кошачьи змѣи. <i>Tarborphis</i>	343	33-й родъ. Плоскохвостыя змѣи.	
Кошачья змѣя. <i>T. vivax</i>	343	<i>Platurus</i>	401
		Плоскохвостъ. <i>P. laticaudatus</i>	401
		34-й родъ. Пеламиды. <i>Hydrus</i>	402
		Двуцвѣтная пелаида. <i>H. bicolor</i>	403

	Стр.		Стр.
35-й родъ. Ластохвостыя змѣи.		Гремучая змѣя. <i>C. durissus</i>	459
<i>Distira</i>	403	Ромбическій гремучникъ. <i>C. adamanteus</i>	472
Ластохвость синнеполосатый. <i>D. suanopincta</i>	404	Каскавелла. <i>C. horridus</i>	472
VI-ое Сем. Гадюковыхъ. Viperidae.	409	5-й родъ. Лахезисъ. <i>Lachesis</i>	479
Настоящія гадюки. Viperinae.	411	Нѣмой кроталь. <i>L. muta</i> .....?	479
1-й родъ. Гадюки. <i>Vipera</i>	411	6-й родъ. Копьеголовыя змѣи.	
Обыкновенная гадюка. <i>V. berus</i>	412	<i>Ancistrodon</i>	484
Випера <i>V. aspis</i>	432	Щитомордникъ. <i>A. halys</i>	484
Курносая гадюка. <i>V. latastei</i>	437	Гладкій копьеголовъ. <i>A. rhodotoma</i>	486
Восточная гадюка. <i>V. lebetina</i>	437	Мокашпная змѣя. <i>A. contortrix</i>	488
Песчаная гадюка. <i>V. ammodytes</i>	437	Водяной копьеголовъ. <i>A. piscivorus</i>	489
Тякъ-полонча. <i>V. russelli</i>	442	7-й родъ. Куфьи. <i>Trimeresurus</i>	494
Канская гадюка. <i>V. arietans</i>	445	Зеленая куфия. <i>T. gramineus</i>	494
2-й родъ. Рогачи. <i>Cerastes</i>	450	Копьеголовая куфия. <i>T. lanceolatus</i>	497
Рогатая гадюка. <i>C. cornutus</i>	451	Шарака. <i>T. jaracara</i>	501
3-й родъ. Эфа. <i>Echis</i>	454	Лабария. <i>T. atrox</i>	501
Эфа. <i>E. carinata</i>	454		
Гремучники. <i>Crotanilae</i>	457		
4-й родъ. Настоящія гремучники. <i>Crotalus</i>	458		

Отрядъ II Панцырныя ящеры. *Eumydosauria*..... 505

	Стр.		Стр.
1-й Сем. Крокодилы. Crocodilidae.	505	Болотный крокодилъ. <i>C. palustris</i>	543
1-й родъ. Гавиалы. <i>Gavialis</i>	512	3-й родъ. Черныя крокодилы.	
Гавиаль. <i>G. gangeticus</i>	512	<i>Osteoleaemus</i>	548
2-й родъ. Настоящія крокодилы. <i>Crocodilus</i>	514	Черный крокодилъ. <i>O. tetraspis</i>	548
Узкорылый крокодилъ. <i>C. cataphractus</i>	515	4-й родъ. Аллигаторы. <i>Alligator</i>	549
Американскій крокодилъ. <i>C. americanus</i>	517	Китайскій аллигаторъ. <i>A. sinensis</i>	550
Нильскій крокодилъ. <i>C. niloticus</i>	523	Миссисиппскій аллигаторъ. <i>A. mississippiensis</i>	551
Сямскій крокодилъ. <i>C. siamensis</i>	525	5-й родъ. Кайманы. <i>Caiman</i>	556
Исполинскій крокодилъ. <i>C. robustus</i>	525	Черный кайманъ. <i>C. niger</i>	557
Гребнистый крокодилъ. <i>C. porosus</i>	542	Шакаръ. <i>C. latirostris</i>	560
		Очковый кайманъ. <i>C. sclerops</i>	561

Отрядъ III. Черепахи. *Chelonia*..... 564

Подотрядъ I. Безщитковыя черепахи. *Athesae*..... 572

	Стр.		Стр.
I-е Сем. Кожистыя черепахи. Sphargidae.	572	1-й родъ. Кожистыя черепахи.	
		<i>Dermochelys</i>	573
		Кожистая черепаха. <i>D. coriacea</i>	573

Подотрядъ II. Щитковыя черепахи. *Testudinora*..... 575

	Стр.		Стр.
Скрытоголовыя черепахи. Cryptodira.	575	2-й родъ. Грифовыя черепахи.	
II-е Сем. Каймановыя черепахи Chelydridae.	575	<i>Macrochelymys</i>	576
		Грифовая черепаха. <i>M. temmincki</i>	576
1-й родъ. Каймановыя черепахи. <i>Chelydra</i>	575	III-е Сем. Замыкающіяся черепахи. Cinosternidae.	580
Кусающаяся черепаха. <i>Ch. serpentina</i>	575	1-й родъ. Замыкающіяся черепахи. <i>Cinosternum</i>	580

	Стр.
Пенсильванская черепаха. <i>C. pennsylvanicum</i>	580
IV-е Сем. Большоголовыя черепахи. Platysternidae	582
1-й родъ. Большоголовая черепаха. <i>Platysternum</i>	582
Большоголовая черепаха. <i>P. megacerphalum</i>	582
V-е Сем. Выпуклыя черепахи. Testudinidae	583
1-й родъ. Прѣсноводныя черепахи. <i>Clemmys</i>	586
Каспійская черепаха <i>Cl. caspica</i>	587
Лѣсная черепаха. <i>Cl. insculpta</i>	587
Испанская черепаха <i>Cl. leprosa</i>	587
2-й родъ. Эмиды. <i>Emys</i>	588
Европейская эмида. <i>E. orbicularis</i>	588
3-й родъ. Твердощитныя черепахи. <i>Cistudo</i>	594
Каролинская черепаха. <i>C. carolina</i>	594
4-й родъ. Циниксы. <i>Cinixys</i>	599
Зубчатая циникса. <i>C. erosa</i>	599
5-й родъ. Сухопутныя черепахи. <i>Testudo</i>	601
Шабутн. <i>T. tabulata</i>	602
Пирамидальная черепаха. <i>T. elegans</i>	604

	Стр.
Слоновая черепаха. <i>T. indica</i>	607
Греческая черепаха. <i>T. graeca</i> ..	613
Мавританская черепаха. <i>T. ibera</i>	616
Горстфильдова черепаха. <i>T. horstfeldi</i>	616
VI-е Сем. Морскія черепахи. Chelonidae	618
1-й родъ. Обыкновенныя морскія черепахи. <i>Chelone</i>	619
Зеленая черепаха. <i>Ch. mydas</i>	619
Каретта. <i>Ch. imbricata</i>	626
Бокшеиыя черепахи. Pleurodira ..	629
VII-е Сем. Пеломедузы. Pelomedusae	630
1-й родъ. Цитоногія черепахи. <i>Podocnemis</i>	632
Аппау. <i>P. expansa</i>	632
VIII-е Сем. Губастыя черепахи. Chelydidae	638
1-й родъ. Бахромчатыя черепахи. <i>Chelys</i>	638
Матамата. <i>Ch. fimbriata</i>	639
2-й родъ. Гидромедузы. <i>Hydromedusa</i>	640
Звѣнношейная черепаха. <i>H. testifera</i>	641
Мягкія черепахи. Trionychoidea	643
IX-е Сем. Триониксовыя. Trionychidae	643
1-й родъ. Триониксы. <i>Trionyx</i>	646
Злой триониксъ <i>Tr. ferox</i>	646

Отрядъ IV. Ящерогады. Rhynchocephalia..... 648

	Стр.
1-й родъ. Гамтерин. <i>Sphenodon</i>	648

	Стр
Гаттерія. <i>Sp. punctatus</i>	648

ЗЕМНОВОДНЫЯ.

Общій взглядъ на жизнь земноводныхъ..... 652

Отрядъ I. Безхвостыя. Ecaudata..... 673

Подотрядъ I. Язычныя. Phaneroglossa..... 682

	Стр
I-е Сем. Рогатыя лягувы. Ceratobatrachidae	683
1-й родъ Рогатыя лягувы. <i>Ceratobatrachus</i>	684
Рогатая лягува. <i>C. guentheri</i>	684
II-е Сем. Настоящія лягушки. Ranidae	684
1-й родъ. Водяныя лягушки. <i>Rana</i>	687
Зеленая лягушка. <i>R. esculenta</i>	691
Озерная лягушка. <i>R. esculenta. var. ridibunda</i>	697
Сѣрая лягушка. <i>R. temporaria</i> ..	698
Болотная лягушка. <i>R. arvalis</i>	702
Проворная лягушка. <i>R. agilis</i>	704
Лягушка-быкъ <i>R. catesbeiana</i>	707
2-й родъ. Веслоногія лягушки. <i>Rhacophorus</i>	710
Борнеоская летающая лягушка. <i>Rh. pardalis</i>	710

	Стр
Яванская летающая лягушка. <i>Rh. reinwardti</i>	710
Цейлонская веслоногая лягушка. <i>Rh. reticulatus</i>	710
III-е Сем. Древесныя лягушки. Dendrobatidae	710
1-й родъ. Древесницы. <i>Dendrobates</i>	711
Пятнистая древесница. <i>D. tinctorius</i>	711
Трехлолая древесница. <i>D. trivittatus</i>	713
IV-е Сем. Узкорылыя лягушки. Engystomatidae	713
1-й родъ. Короткоголовыя лягушки. <i>Breviceps</i>	714
Мозамбикскій короткоголавъ. <i>B. mossambicus</i>	715

	Стр.		Стр.
V-е Сем. Лягушки Нового Свѣта. Cus-		3-й родъ. Пастоящія квакши.	
tignathidae	716	Пула.....	743
1-й родъ. Листовыя лягушки.		Обыкновенная квакша. <i>H. arborea</i>	744
Phyllodes	716	Цѣлая квакша. <i>H. leucophyllata</i>	749
Антильская лягушка. <i>H. martini-</i>		Квакша-кузнецъ. <i>H. faber</i>	750
censis	716	Квакша-гребецъ. <i>H. crepitans</i>	751
Сѣрая листовая лягушка. <i>H. gri-</i>		4-й родъ. Сумчатыя квакши. No-	
seus	716	totrema	751
2-й родъ. Рогатки. Ceratophrys	720	Сумчатая квакша. <i>N. marsupiatum</i>	751
Итанія. <i>C. cornuta</i>	720	Черепашья квакша. <i>N. testudi-</i>	
Рогатка Бойе. <i>C. boiei</i>	720	neum	752
Пестрая рогатка. <i>C. ornata</i>	722	Икроносная квакша. <i>N. oviferum</i>	752
3-й родъ. Свистуны Leptodactylus	722	VIII-е Сем. Жабы лягушки. Pelobati-	
Глазастый свистунъ. <i>L. ocellatus</i>	722	dae	754
Усатый свистунъ. <i>L. mystacinus</i>	723	1-й родъ. Чесночницы. Pelobates	754
4-й родъ. Болотные свистуны. Pa-		Чесночница. <i>P. fuscus</i>	755
ludicola	724	IX-е Сем. Дискосязычныя. Discoglos-	
Болотный свистунъ. <i>P. gratalis</i>	724	sidae	757
VI-е Сем. Жабы. Bufonidae	725	1-й родъ. Жерлянки. Bombinator	757
1-й родъ. Земляныя жабы. Bufo	727	Желтобрюхая жерлянка. <i>B. ra-</i>	
Обыкновенная жаба. <i>B. vulgaris</i>	727	chyrus	758
Пятнистая жаба. <i>B. viridis</i>	733	Огненная жерлянка. <i>B. igneus</i>	759
Каменная жаба. <i>B. calamita</i>	735	2-й родъ. Повитухи. Alytes	762
Ага. <i>B. marinus</i>	737	Повитуха обыкновенная. <i>A. obs-</i>	
2-й родъ. Носатыя жабы. Rhino-		tetricans	762
phrynus	739	X-е Сем. Шпорцевыя лягушки. Dacty-	
Носатая жаба. <i>Rh. dorsalis</i>	739	lethridae	766
VII-е Сем. Квакши. Hylidae	740	1-й родъ. Шпорцевыя лягушки.	
1-й родъ. Земляныя квакши. Cho-		Хенорус.....	767
rophilus	740	Гладкая шпорцевая лягушка. <i>X.</i>	
Красивая квакша. <i>Ch. ornatus</i>	740	laevis	767
2-й родъ. Сверчковыя квакши.		XI-е Сем. Пиповыя. Pipidea	767
Acris	741	1-й родъ. Пипа. Pipa	767
Сверчковая квакша. <i>A. gryllus</i>	741	Пипа Суринамская. <i>Pipa ameri-</i>	
		cana	767

Отрядъ II. Хвостатыя. Caudata

	Стр.		Стр.
I-е Сем. Саламандровыя Salamandridae	775	1-й родъ. Скрытожаберникъ. Me-	
1-й родъ. Саламандра. Salamandra	776	galobatrachus	811
Огненная саламандра. <i>S. maculosa</i>	777	Японскій скрытожаберникъ. <i>M.</i>	
Алпійская саламандра. <i>S. atra</i>	781	maximus	811
2-й родъ. Тритоны. Molge	783	2-й родъ. Аллеганскіе скрыто-	
Гребнистый тритонъ. <i>M. cristata</i>	785	жаберники. Cryptoblanchns	817
Горный тритонъ. <i>M. alpestris</i>	785	Аллеганскій скрытожаберникъ.	
Полосатый тритонъ. <i>M. vulgaris</i>	786	<i>C. alleghanensis</i>	817
Черепчатоголовій тритонъ. <i>M. pal-</i>		3-й родъ. Угревидныя уколы. Am-	
mata	787	phiuma	819
Мраморный тритонъ. <i>M. marmorata</i>	796	Угревидный уколь. <i>A. means</i>	819
Тритонъ Блазиуса. <i>M. blasii</i>	798	III-е Сем. Протеиныя. Proteidae	820
Иглистый тритонъ. <i>M. waltli</i>	798	1-й родъ. Протей. Proteus	820
3-й родъ. Очковыя саламандры.		Протей. <i>P. anguinus</i>	820
Salamandrina	800	2-й родъ. Американскіе про-	
Очковая саламандра. <i>S. perspicil-</i>		тен. Necturus	824
lata	801	Американскій протей. <i>N. macu-</i>	
4-й родъ. Амблостомы. Amblystoma	803	latus	824
Ахолотль. <i>A. tigrinum</i>	803	IV-е Сем. Сиреновыя. Sirenidae	826
II-е Сем. Рыбообразныя саламандры.		1-й родъ. Сирены. Siren	826
Amphiumidae	811	Сирена. <i>S. lacertina</i>	826

Отрядъ III. Безногія. Apoda.

	Стр.		Стр.
1-е Сем. Червяги. Caeciliidae.....	829	Caecilia.....	831
1-й родъ. Кольчатая червяги.		Настоящая червяга. <i>C. gracilis</i> ..	
<i>Siphonops</i>	831	3-й родъ. Сѣбныя червяги. <i>Ichty-</i>	
Кольчатая червяга. <i>S. annulatus</i> .	831	<i>orphis</i>	832
2-й родъ. Настоящая червяги.		Цейлонская червяга. <i>I. glutinosus</i> .	832

ОГЛАВЛЕНІЕ РИСУНКОВЪ.

ОТДѢЛЬНЫЕ РИСУНКИ.

	Стр.		Стр.
Летающій драконъ (хромолит.).....	54	Гадюка.....	416
Стеллионъ.....	64	Нильскій крокодилъ (хромолит.).....	529
Игуана (хромолит.).....	90	Черный кайманъ.....	556
Полосатый варанъ (хромолит.).....	122	Слоновая черепаха.....	608
Стѣнная ящерица (хромолит.).....	160	Зеленая морская черепаха (хромолит.)..	620
Хамелеонъ (хромолит.).....	176	Триониксъ (хромолит.).....	646
Удавъ-анаконда.....	243	Лагушка быкъ.....	707
Очковая змѣя (хромолит.).....	368	Карта въ концѣ тома.	
Змѣя Аспидъ.....	385		

РИСУНКИ ВЪ ТЕКСТѢ.

	Стр.		Стр.
Скелеть ящерицы.....	33	Глазковая ящерица.....	146
Дискокалтый гекко.....	42	Зеленая ящерица.....	149
Лопастнохвостый гекко.....	43	Обыкновенная ящерица.....	154
Стѣнной гекко.....	45	Горная ящерица.....	156
Чешуеногъ.....	52	Алжирская ящерица.....	163
Агама колонистовъ.....	58	Гребнепалая ящерица.....	166
Колочая агама.....	61	Короткохвость.....	170
Плащеносная ящерица.....	65	Венгерскій гологлавъ.....	172
Парусная ящерица.....	67	Сцинкъ аптечный.....	173
Шипохвость африканскій.....	69	Сенсъ трехпалый.....	176
Индійскій шипохвость.....	71	Головные щитки змѣй.....	189
Молохъ.....	73	Скелеть змѣи.....	192
Красногорлый аноли.....	77	Тигровый питонъ.....	250
Американскій василискъ.....	81	Южноафриканскій питонъ.....	256
Высоконогъ.....	84	Героглифовый питонъ.....	258
Морская ящерица.....	86	Ромбическій питонъ.....	265
Земляной конолофъ.....	89	Полость турецкій.....	267
Циклура.....	96	Обыкновенный удавъ.....	269
Жабовидная ящерица.....	99	Собачьеголовый удавъ.....	280
Поясхвость сѣрый.....	104	Стройный удавъ.....	281
Желтопузникъ.....	108	Коралловая сверташка.....	283
Веретенца.....	111	Красная змѣя.....	284
Лдозубъ.....	115	Карликовая змѣя.....	290
Нильскій варанъ.....	120	Мѣдянка.....	292
Сѣрый варанъ.....	124	Желтозеленый ужъ.....	298
Капскій варанъ.....	126	Лѣтвичный ужъ и Подковчатый ужъ.....	302
Саломпентеръ.....	129	Пантеровый ужъ.....	303
Амейва.....	131	Лазяющій ужъ.....	306
Хиротъ.....	135	Эскулаповъ ужъ.....	309
Двуходна пятнистая.....	136	Леопардовый ужъ.....	314

	Стр.		Стр.
Четырехполосный ужъ.....	316	Пирамидальная черепаха.....	605
Зино.....	321	Греческая черепаха.....	614
Обыкновенный ужъ.....	324	Каретта.....	630
Клѣтчатый ужъ и Гадюковый ужъ.....	334	Аррау.....	633
Черноглазигъ.....	338	Матамата.....	639
Акрохордъ.....	340	Змѣиношейная черепаха.....	642
Вѣяценосный лунатигъ.....	342	Гаттерія.....	649
Кончачья змѣя.....	344	Стадіи развитія яицъ и личинокъ зеле- ной лягушки.....	662
Уларъ буронгъ.....	346	Скелеть лягушки.....	674
Темная плетевидка.....	351	Рогатая лягва.....	683
Блестящая остроголовка.....	354	Зеленая лягушка.....	692
Коралловый аспидъ.....	359	Сѣрая лягушка.....	699
Железистая ехидна и Маклеландова ехидна.....	361	Болотная лягушка.....	703
Бунгара-нама.....	365	Проворная лягушка.....	705
Большая пая.....	392	Иванская летающая лягушка.....	709
Фурия короткая и Змѣя смерти.....	398	Пятнистая древесница.....	712
Плоскохвость.....	402	Мозамбикскій короткоглавъ.....	714
Двудѣтная пелаида.....	403	Развитіе Антильской лягушки.....	717
Ластохвость синеполосатый.....	404	Рогатка Бойе.....	719
Винера.....	433	Пестрая рогатка.....	721
Песчаная гадюка.....	438	Обыкновенная жаба.....	729
Капская гадюка.....	445	Носатая жаба.....	739
Рогатая гадюка.....	451	Красивая квакша.....	741
Эфа.....	455	Сверчковая квакша.....	742
Гремучая змѣя.....	460	Квакша.....	745
Ромбическій гремучникъ и Чернохвос- тый гремучникъ.....	472	Пѣгал квакша.....	749
Нѣмой кроталь.....	480	Квакша кузнецъ.....	750
Щитомордникъ азіатскій.....	485	Сумчатая квакша.....	752
Гладкій копьеголовъ.....	487	Чесночница.....	755
Мокасиновая змѣя.....	488	Желтобрюхая жерлянка.....	758
Водяной копьеголовъ.....	490	Огненная жерлянка.....	760
Зеленая куфія.....	495	Повитуха.....	763
Копьеголовая куфія.....	499	Гладкая шпорцевая лягушка и голова- стикъ ея.....	766
Скелеть и грудобрюшная кость кроко- дила.....	506	Пипа суринамская.....	768
Гавиаль.....	512	Скелеть саламандры.....	770
Узкорылый крокодилъ.....	515	Огненная саламандра.....	777
Американскій крокодилъ.....	518	Альпійская саламандра.....	782
Гребнистый крокодилъ.....	544	Гребнистый тритонъ.....	784
Миссисипскій аллигаторъ.....	553	Горный тритонъ.....	786
Очковый кайманъ.....	560	Полосатый тритонъ.....	787
Шягя пандыря черепахъ.....	565	Перепончатогой тритонъ.....	788
Скелеть черепахи снизу.....	566	Мраморный тритонъ.....	797
Скелеть сухопутной черепахи. Продоль- ный разръзъ.....	567	Иглистый тритонъ.....	799
Кожистая черепаха.....	574	Очковая саламандра.....	801
Кусающаяся черепаха.....	577	Головастикъ ахолотла.....	804
Пенсильванская черепаха.....	581	Ахолотль.....	805
Большеголовая черепаха.....	582	Японскій скрытожаберникъ.....	813
Лѣсная черепаха.....	588	Аллеганскій скрытожаберникъ.....	818
Европейская эмида.....	590	Угревидный уколъ.....	819
Каролинская черепаха.....	595	Протей.....	821
Зубчатая динника.....	600	Американскій протей.....	825
Шабути.....	603	Сирена.....	827
		Кольчатая червяга.....	832
		Настоящая червяга.....	833

Общій взглядъ на жизнь пресмыкающихся.

Творецъ научной зоологіи, Линней, назвалъ «Амфибіями», т. е. животными съ двойственною жизнью, группу позвоночныхъ, которыхъ прежде относили частью къ «четвероногимъ» и млекопитающимъ, частью къ «червямъ». Окенъ пытался замѣнить это не совсѣмъ удачное названіе нѣмецкимъ словомъ и выбралъ для этого нижегерманское названіе жабы—«Lork» или «Lurch», тогда какъ Кювье назвалъ ихъ «пресмыкающимися—Reptilia».

Позднѣйшіе изслѣдователи придали больше значенія, чѣмъ ихъ предшественники, различіямъ во вѣншиности строенія тѣла, а особенно въ развитіи, свойственнымъ этимъ животнымъ, и раздѣлили ихъ поэтому на два класса, которымъ дали уже существовавшія названія «пресмыкающихся» и «земноводныхъ». Нѣкоторые зоологи еще долго не соглашались съ этимъ раздѣленіемъ, впервые высказаннымъ де-Бленвилемъ. Теперь оно общепризнано, и многіе съ полнымъ основаніемъ причисляютъ пресмыкающихся къ ряду высшихъ позвоночныхъ, противуполагая послѣднихъ земноводнымъ и рыбамъ, какъ низшимъ представителямъ перваго и важнѣйшаго типа животнаго царства.

Пресмыкающіяся (Reptilia. Kriechtiere. Reptiles)—позвоночныя съ «холодною кровью», которыя всю жизнь дышатъ легкими, слѣдовательно превращенія не имѣютъ; сердце у нихъ съ вполне обособленными предсердіями и не вполне раздѣленными желудочками; тѣло ихъ покрыто чешуями или костяными щитками. Холоднокровными животными ихъ можно назвать только въ томъ смыслѣ, что температура ихъ крови находится въ зависимости отъ температуры окружающей среды и лишь немного выше ея; поэтому ихъ вѣрнѣе назвать животными съ измѣняющейся температурой тѣла. Внѣшній видъ пресмыкающихся представляетъ большое разнообразіе: у нѣкоторыхъ изъ нихъ туловище кругловатое или сплюсненное, у другихъ удлинненное или даже червеобразное; у однихъ оно опирается на конечности, у другихъ ихъ не бываетъ; шея то короткая и неподвижная, то длинная и легко подвижная. Конечностей обыкновенно четыре, за исключеніемъ формъ, вовсе лишенныхъ ихъ; «но, благодаря своему горизонтальному направленію», говоритъ Фогтъ, «онѣ, какъ направленные наружу рычаги, болѣе помогаютъ передвиженію тѣла, нерѣдко змѣвидно извивающагося, нежели служатъ ему опорой, и лишь рѣдко дѣйствительно его поддерживаютъ».

Кожа покрыта различными образованіями. «У нѣкоторыхъ ящерицъ», говоритъ Фогтъ, «мы находимъ настоящія чешуи, какъ у рыбъ, т. е. тонкія костяныя пластинки, покрытыя слоемъ рогового вещества, черепицеобразно налегающія

другъ на друга и лежація въ мѣшечкахъ утонченной кожи; у прочихъ ящерицъ и змѣй, повидимому, также обнаруживаются чешуи, но подъ этимъ названіемъ не слѣдуетъ разумѣть образованій, подобныхъ описаннымъ выше. Кожа здѣсь ясно раздѣляется на два слоя: нижній—собственно кожный слой соединительной ткани, имѣющей волокнистое строеніе, и надкожица (эпидерма), похожая на слой засохшаго лака, верхніе слои которой время отъ времени сбрасываются по частямъ или цѣликомъ. Нижній слой кожи образуетъ то простые бугорки въ видѣ сосочковъ, то бородавки, то возвышенія, загнутыя въ видѣ чешуекъ и свободныя на своемъ заднемъ краю; надкожица покрываетъ всѣ эти образованія, плотно прилегая къ нижнему слою и слѣдуя за его неровностями, и проникаетъ въ видѣ тонкихъ складокъ въ промежутки между сосочками и бородавками. У крокодиловъ въ подобныхъ возвышеніяхъ образуются настоящіе костяные щитки, лежащіе въ толщинѣ нижняго слоя кожи, волокна котораго проникаютъ въ многочисленныя отверстія щитковъ; у черепахъ эти элементы кожного скелета очень рано срастаются съ нѣкоторыми частями внутренняго скелета и образуютъ спинной и брюшной щитки, а надкожица сильно утолщается и образуетъ роговой покровъ, который въ общепити называютъ черепахой». Особенность строенія кожи пресмыкающихся состоитъ, по мнѣнію Каруса, въ томъ, что, вслѣдствіе сильнаго развитія роговыхъ образованій, замѣчается почти полное отсутствіе осязательныхъ сосочковъ и железъ. Среди элементовъ кожного скелета различаютъ чешуи и щитки. «Послѣдніе представляютъ большую часть болѣе крупныя многоугольныя образованія, прилегающія всею своею поверхностью и другъ на друга не налегающія»; чешуи очень разнообразны по формѣ и расположенію и раздѣляются на гладкія, килеватыя, муточкатыя и черепчататыя. Къ роговымъ образованіямъ надкожицы принадлежатъ когти на пальцахъ переднихъ и заднихъ конечностей, а также другіе придатки въ видѣ рожковъ, иглъ или конически свернутыхъ пластинокъ. Въ то время, какъ у ящерицъ, крокодиловъ и ящерогадовъ когти, по мнѣнію Гегенбаура, расположены не на концахъ пальцевъ, у черепахъ они имѣютъ именно такое положеніе; поэтому послѣднія по устройству когтей стоятъ ниже всѣхъ пресмыкающихся.

Красотой внѣшней окраски пресмыкающіяся едва ли уступаютъ другимъ классамъ животнаго царства. У большинства ихъ окраска отвѣчаетъ цвѣтамъ ихъ обычнаго мѣстопребыванія, т. е. цвѣту почвы, листьевъ и древесной коры; у нѣкоторыхъ даже способность приспособленія къ цвѣту окружающей обстановки болѣе или менѣе зависятъ отъ ихъ воли, такъ какъ эти животныя могутъ, вѣроятно, измѣнять свой цвѣтъ по собственному произволу. Подобныя измѣненія цвѣта вызываются главнымъ образомъ передвиженіями пигментныхъ клѣтокъ, расположенныхъ въ слизистомъ слой надкожицы, а равно и въ соединительнотканномъ слой кожи и обладающихъ способностью сжиматься и расширяться, благодаря чему онѣ то сильнѣе, то слабѣе просвѣчиваютъ сквозь кожу. Повышенная жизнедѣятельность, повидимому, сообщаетъ также чешуямъ и щиткамъ болѣе яркую окраску.

Скелеть пресмыкающихся окостенѣваетъ почти вполне, но въ строеніи отдѣльныхъ своихъ частей представляетъ такое разнообразіе, что едва-ли можно сказать о немъ что-нибудь общее для всего класса. Черепъ, во многихъ отношеніяхъ поразительно напоминающій черепъ птицъ, болѣе или менѣе сплюсненъ и челюстныя кости вмѣстѣ съ лицевыми получаютъ въ немъ преобладающее развитіе. «Затылочная кость», говоритъ Фогтъ, «по своей формѣ вполне отвѣчаетъ позвонку и состоитъ изъ непарнаго тѣла, непарной чешуи и двухъ болѣею частью

сильно развитыхъ боковыхъ частей. За исключеніемъ двуходковыхъ, имѣющихъ два сочленовыхъ бугорка, затылочная кость остальныхъ пресмыкающихся имѣетъ только одинъ, обыкновенно сильно развитый и выпуклый сочленовый бугорокъ, который входитъ въ сочленовую ямку перваго позвонка; зтотъ общій признакъ, равно какъ и сильное развитіе чешуи, отличаетъ ее отъ затылочной кости земноводныхъ, которая всегда имѣетъ два сочленовыхъ бугорка». Далѣе кпереди дно черепной полости замыкается клиновидной костью, несущей у крокодиловъ и черепахъ малоразвитые, у ящерицъ и змѣй сильно развитые отростки, къ которымъ причленяются крыловидныя кости. Темяныя кости срастаются большею частью въ одну непарную пластинку, снабжены часто высокимъ костянымъ гребнемъ и всегда имѣютъ глубокія височныя впадины. У змѣй темянная кость образуетъ отчасти и боковыя стѣнки черепа; спереди къ ней примыкаетъ то парная, то непарная лобная кость, ограничивающая сверху глазничныя впадины; носовая кость только рѣдко отсутствуетъ; она образуетъ передній конецъ черепной крышки и прикрываетъ большую часть особаго носовыя раковины, развивающіяся въ хрящахъ носовой полости. Въ образованіи боковыхъ стѣнокъ черепа кромѣ того принимаютъ участіе задне-лобныя и особаго слезныя кости; глазничныя впадины обыкновенно замыкаются снизу скуловою дугой и передне-лобными костями. Остальная часть краевъ послѣднихъ или неподвижно связана швами или сочленена подвижно, что допускаетъ очень значительное расширеніе пасти.

Небно-челюстной аппаратъ также представляетъ значительное разнообразіе; у всѣхъ почти змѣй всѣ его части соединены подвижно и связаны вездѣ помощью подвижныхъ сочлененій съ плотной черепной коробкой; у крокодиловъ и черепахъ, напротивъ, всѣ его кости соединены неподвижно, за исключеніемъ сочлененія нижней челюсти. Межчелюстныя кости то парныя, то непарныя и соединены съ носовою сонникомъ, у однихъ помощью сочлененій, у другихъ неподвижно; у первыхъ, къ которымъ относится большинство змѣй, подвижны даже небныя кости и рядъ костяныхъ пластинокъ, образующихъ дно глазничныхъ впадинъ и небный сводъ; также обѣ половины нижней челюсти соединены другъ съ другомъ у змѣй только связками и мышцами, благодаря чему онѣ могутъ по произволу животнаго сближаться или удаляться другъ отъ друга, тогда какъ у ящерицъ онѣ связаны волокнистымъ хрящемъ, у крокодиловъ швомъ, а у черепахъ большею частью даже незамѣтно между ними никакой границы. Каждая изъ половинокъ нижней челюсти состоитъ по крайней мѣрѣ изъ четырехъ частей, а у многихъ пресмыкающихся даже изъ шести.

Позвоночникъ всегда окостенѣваетъ и ясно расчлененъ на позвонки; у многихъ пресмыкающихся можно различить въ немъ шейный, грудной, поясничный, тазовый и хвостовой отдѣлы. Число позвонковъ чрезвычайно колеблется въ зависимости отъ длины тѣла; такимъ образомъ у черепахъ оно рѣдко больше 30, тогда какъ у змѣй оно можетъ быть больше 400. Ребра, число которыхъ подвержено наименьшимъ колебаніямъ, всегда хорошо развиты, у змѣй даже лучше, чѣмъ у всѣхъ позвоночныхъ животныхъ, и обладаютъ у нихъ полной подвижностью; съ другой стороны у черепахъ они принимаютъ значительное участіе въ образованіи спиннаго щита и сливаются съ нимъ. Грудная кость совершенно отсутствуетъ или очень слабо развита; то же въ известной степени можно сказать о плечевомъ поясѣ и конечностяхъ, напримѣръ, змѣй, у которыхъ сохраняются только слѣды тазовыхъ костей и заднихъ конечностей въ видѣ небольшихъ косточекъ, лежащихъ въ мускулатурѣ вблизи задняго прохода. У остальныхъ пресмыкающихся конечности представляютъ самыя разнообразныя степени развитія.

О вооруженіи рта трудно сказать что-либо общее. Черепахи не имѣютъ вовсе зубовъ, а челюсти ихъ покрыты острыми роговыми пластинками. Прочія пресмыкающіяся имѣютъ значительное число зубовъ, а именно не только на челюстяхъ, но иногда также на небныхъ костяхъ, сошникѣ и крыловидныхъ костяхъ. Они почти всегда служатъ только для схватыванія и удерживанія добычи и очень рѣдко для размельченія пищи. Обыкновенно они имѣютъ крючковидную форму, но встрѣчаются также зубы, сжатые съ боковъ съ зазубренными или бугорчатыми краями; у ящерицъ, питающихся плодами и сѣменами, зубы приспособлены къ жеванію и имѣютъ полушарообразныя коронки.

Зубы эти бываютъ плотные, безъ внутренней полости или имѣютъ такую у основанія, или же наконецъ снабжены на передней сторонѣ по всей почти длинѣ своей бороздкой, иногда же внутреннимъ каналомъ. Большею частью зубы укрѣплены плотной сухожильной тканью въ неглубокихъ желобкахъ зубоносныхъ костей, иногда они срастаются съ краемъ челюсти такимъ образомъ, что образуютъ на ней какъ бы гребень; у нѣкоторыхъ, наконецъ, зубы сидятъ въ ячейкахъ. Правильной смѣны зубовъ у пресмыкающихся не бываетъ, но непрерывно около старыхъ или подъ ними образуются на смѣну имъ новые.

Органы пищеваренія также представляютъ значительное разнообразіе. Языкъ у нѣкоторыхъ, напримѣръ у крокодиловъ, имѣетъ видъ плоскаго возвышенія, лежащаго на двѣхъ ротовой полости, сросшагося съ нею и совершенно неподвижнаго; у другихъ, напримѣръ у черепахъ, языкъ короткій, толстый, мясистый, у ящерицъ онъ имѣетъ то яйцевидную плоскую форму, то заключенъ въ чехоль, то способенъ выбрасываться изо рта, или, какъ у змѣй, нитевидно вытянуть и раздвоенъ на концѣ. Широкая глотка у нѣкоторыхъ пресмыкающихся чрезвычайно растяжима и незамѣтно переходитъ въ объемистый и толстостѣнный желудокъ, который отдѣляется отъ кишки складкой или клапаномъ. Кишка широкая, болѣе или менѣе длинная, но съ небольшимъ числомъ извилинъ; прямая кишка часто снабжена слѣпымъ отросткомъ и заканчивается сильно расширенной клоакой. Пресмыкающіяся всегда имѣютъ печень, желчный пузырь и селезенку; настоящихъ слюнныхъ железъ часто не бываетъ, но поджелудочная железа встрѣчается почти у всѣхъ безъ исключенія. Черепахи отличаются отъ всѣхъ другихъ пресмыкающихся присутствіемъ подъязычной железы, у многихъ ящерицъ и змѣй мы находимъ железки на губахъ: кромѣ того у многихъ змѣй встрѣчаются большія железы въ височной области, нерѣдко съ ядовитымъ выдѣленіемъ, вытекающимъ по бороздкамъ или каналамъ въ ядовитые зубы.

Почки обыкновенно очень велики и часто подраздѣлены на многочисленныя лопасти; выходящія изъ нихъ мочеточники открываются на задней стѣнкѣ клоаки, впереди которой у ящерицъ и черепахъ находится мочевой пузырь. Сѣмяники лежатъ всегда въ брюшной полости, сѣмянные каналцы образуютъ обыкновенно придатки сѣмянниковъ, изъ которыхъ выходятъ сѣмянные протоки. Органы оплодотворенія имѣются у всѣхъ пресмыкающихся, за исключеніемъ ящерицагодовъ, у которыхъ они отсутствуютъ. У змѣй и ящерицъ они парны и представляютъ два мѣшка, усаженныхъ шероховатыми шипами или роговыми крючками и выпячивающихся при совокупленіи, какъ палецъ перчатки, такъ что ихъ внутренняя поверхность выворачивается наружу. Черепахи и крокодилы имѣютъ на передней стѣнкѣ клоаки непарный органъ совокупленія безъ внутренняго канала, но съ наружной продольной бороздкой, по которой стекаетъ сѣмянная жидкость. Яичники имѣютъ форму то трубокъ, то пластинокъ и всегда отдѣлены отъ яйцево-

Органы дыханія, какъ уже замѣчено, не претерпѣваютъ превращенія и всегда являются въ формѣ легкихъ. Только у нѣкоторыхъ черепахъ, именно у мягкокожихъ черепахъ, рядомъ съ легочныхъ дыханіемъ имѣются слѣды жабернаго, въ видѣ особыхъ сосочковъ въ глоткѣ. Своеобразныя глотательныя, такъ называемыя «осцилляторныя» движенія дыхательнаго горла, незамѣченныя только у змѣй и еще яснѣе наблюдаемыя у земноводныхъ, Гейнemannъ считаетъ остаткомъ утраченнаго жабернаго дыханія, пытается объяснить ихъ какъ унаслѣдованныя дыхательныя движенія и подозреваетъ даже существованіе для нихъ особаго перваго центра помимо центра легочнаго дыханія. Пресмыкающіеся имѣютъ обособленную гортань: дыхательное горло обыкновенно развѣтвляется, но часто бываетъ трудно опредѣлить границу между нимъ и его вѣтвями, такъ какъ хрящевыя кольца, окружающія его, иногда далеко продолжаются въ легкія и съ другой стороны легочныя дольки иногда скрываютъ значительную часть дыхательнаго горла. Легкія представляютъ перепончатые мѣшки, или цѣльные, какъ у большинства пресмыкающихся, или съ придаточными мѣшками, какъ у нѣкоторыхъ ящерицъ, или съ бахромчатыми придатками на концахъ. У змѣй, правое легкое которыхъ обыкновенно длиннѣе и шире лѣваго, послѣднее можетъ и совершенно отсутствовать, а первое, по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ видовъ, превращается отчасти въ заднемъ своемъ отдѣлѣ въ воздушный приемникъ, не имѣющій значенія для дыханія. Вообще же оба мѣшковидныхъ легкихъ вполне развиты, тянутся черезъ всю брюшную полость и внутренняя поверхность ихъ представляетъ рядъ складокъ слизистой оболочки, образующихъ ячейки. или, при болѣе совершенномъ развитіи легкихъ, они приобрѣтаютъ характеръ губчатой массы.

Сердце, какъ уже было упомянуто, состоитъ изъ отдѣленій: двухъ вполне раздѣленныхъ предсердій и двухъ желудочковъ, перегородка которыхъ полная, цѣльная только у крокодиловъ, у всѣхъ же остальныхъ пресмыкающихся она имѣетъ болѣе или менѣе широкія отверстія, черезъ которыя кровь лѣваго желудочка можетъ смѣшиваться съ кровью праваго. «У черепахъ, змѣй и большинства ящерицъ, у которыхъ перегородка желудочковъ неполная», говоритъ Фогтъ, «изъ праваго желудочка выходятъ легочныя сосуды и крупныя артеріальныя стволы, тогда какъ у крокодиловъ изъ праваго желудочка выходятъ легочныя артеріи и лѣвая дуга аорты, а болѣе толстая правая дуга аорты выходитъ изъ лѣваго желудочка. Вообще говоря, даже и при неполномъ раздѣленіи желудочковъ, возвращающаяся изъ тѣла венозная кровь гонится, благодаря особому устройству клапановъ сердца, главнымъ образомъ въ легочную артерію, а окисленная въ легкихъ артеріальная кровь поступаетъ преимущественно въ аорту; тѣмъ не менѣе съ другой стороны, какъ здѣсь, такъ и у крокодиловъ, смѣшеніе обоихъ родовъ крови обусловлено тѣмъ, что изъ жаберныхъ сосудовъ зародыша развиваются широкія соединительныя вѣтви между крупными сосудистыми стволами. Сама аорта представляетъ одну, двѣ или три дуги, которыя сливаются подъ позвоночникомъ и отсылаютъ сосуды къ головѣ. Въ венозной системѣ воротное кровообращеніе, кромѣ печени, существуетъ еще и въ почкахъ. Лимфатическая система чрезвычайно развита и представляетъ, кромѣ обширныхъ лимфатическихъ пространствъ, расположенныхъ въ области желудка, еще 2 или чаще 4 особыхъ ритмически пульсирующихъ лимфатическихъ сердца, изъ которыхъ два всегда лежатъ въ поясничной области непосредственно подъ кожей или нѣсколько глубже, прилегающія къ крестцу, и которыя гонятъ свое содержимое въ близъ лежащія полая вены». Эти лимфатическіе сосуды не имѣютъ клапановъ. Кровяныя тѣльца всегда яйцевидной формы и имѣютъ ядра. Существованіе своеобразныхъ соединеній

между крупными кровеносными сосудами объясняетъ, почему у пресмыкающихся потребность дыханія ограничена. Благодаря медленности обмѣна веществъ, они могутъ, какъ доказываетъ Брикке, довольствоваться количествомъ кислорода, полученнымъ при вдыханіи, гораздо дольше, чѣмъ выше организованныя млекопитающія и птицы; они выносятъ продолжительное отсутствіе дыханія, такъ какъ у нихъ переполненіе кровью легочнаго круга кровообращенія, наступающее обыкновенно при прекращеніи дыханія, предотвращается тѣмъ, что крови обезпечена возможность оттока въ большой кругъ кровообращенія; этимъ постоянно поддерживается извѣстное равновѣсіе въ большомъ и маломъ кругѣ кровообращенія. Вслѣдствіе медленности послѣдняя температура тѣла пресмыкающихся лишь незначительно выше температуры воздуха или вообще окружающей среды.

Мозгъ пресмыкающихся далеко менѣе совершенъ чѣмъ мозгъ млекопитающихъ и птицъ, но съ другой стороны гораздо сложнѣе мозга гадювъ и рыбъ; именно здѣсь впервые обособляется слой коркового вещества, аммоновы рога и отходящій отъ нихъ мозговой сводъ. Головной мозгъ состоитъ изъ трехъ лежащихъ другъ за другомъ частей: передняго мозга, средняго и задняго. Послѣдній особенно развитъ у крокодиловъ, значительно менѣе у черепахъ и змѣй и представляетъ органъ, завѣдующій, по Эдингеру, координаціей движеній животнаго. Тѣ же различія наблюдаются въ величинѣ передняго мозга. Сравнительно съ головнымъ, спинной мозгъ, вмѣстѣ со своими нервами, имѣетъ преобладающее развитіе; поэтому вліяніе перваго на отправленіе нервовъ ограничено. Изъ органовъ чувствъ у всѣхъ безъ исключенія пресмыкающихся особенно развиты глаза, хотя нерѣдко они бываютъ очень малы, а иногда даже совершенно скрыты подъ кожей. Для различныхъ семействъ и группъ характерно устройство вѣкъ. «Въ простѣйшемъ случаѣ», говоритъ К. Фогтъ, «какъ у змѣй, вѣки какъ бы совершенно отсутствуютъ, въ сущности же они срослись другъ съ другомъ; кожа надъ глазнымъ яблокомъ становится прозрачною и образуетъ надъ нимъ выпуклый колпачекъ, защищающій его снаружи на подобіе часового стеклышка, вставленнаго въ окружающую кожу. Слезная жидкость выполняетъ пространство между этимъ колпачкомъ и глазнымъ яблокомъ и вытекаетъ изъ внутренняго угла глаза черезъ широкій каналъ въ носовую полость. Верхнее вѣко мало развито почти у всѣхъ остальныхъ пресмыкающихся и представляетъ обыкновенно твердую хрящеватую складку кожи, тогда какъ нижнее, гораздо большее и болѣе подвижное, можетъ закрывать весь глазъ, часто подпирается особой костной пластинкой, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣетъ прозрачный участокъ противъ входа зрительнаго нерва. У крокодиловъ, черепахъ и большинства ящерицъ имѣется кромѣ того мигательная перепонка, нерѣдко также заключающая хрящевую основу и болѣе или менѣе полно закрывающая глазъ, надвигаясь на него изъ внутренняго угла. Совершенно особо стоятъ между пресмыкающимися хамелеоны, выдающіеся глаза которыхъ снабжены однимъ круглымъ вѣкомъ, прободеннымъ небольшимъ отверстіемъ, и обладающимъ гораздо болѣе подвижностью, чѣмъ у другихъ пресмыкающихся. По внутреннему строенію глаза послѣднихъ вообще мало отличаются отъ глазъ высшихъ позвоночныхъ».

У многихъ пресмыкающихся глаза мало подвижны; встрѣчается, впрочемъ, и обратное и притомъ въ исключительной степени: хамелеоны обладаютъ способностью вращать глаза въ разныя стороны независимо одинъ отъ другаго. Радужная оболочка болѣею частью ярко окрашена; зрачекъ у однихъ круглый, у другихъ въ видѣ вертикальной щели, какъ у кошекъ или совъ; въ такомъ случаѣ онъ можетъ сильно расширяться и глазъ приспособленъ для зрѣнія въ темнотѣ; у третьихъ,

наконецъ, зрачекъ вытянуть въ поперечномъ направленіи. Змѣи и ящерицы обладаютъ сильнымъ мускуломъ изъ поперечно-полосатыхъ волоконъ, расширяющимъ зрачекъ; у аллигаторовъ мускулъ этотъ отсутствуетъ.

Одно изъ замѣчательныхъ открытій послѣдняго десятилѣтія—это обрѣтеніе остатка особаго органа чувствъ, который называли темяннымъ глазомъ. По своему строенію онъ напоминаетъ глазъ оболочниковъ и лежитъ подъ кожей на поверхности черепа, нерѣдко выдѣляясь по своей формѣ и окраскѣ отъ окружающей его ткани; такъ называемый мозговой придатокъ ничто иное, какъ ножка темянного глаза. Если кромѣ того принять во вниманіе, что уже у одного отряда земноводныхъ, а также у нѣкоторыхъ отрядовъ пресмыкающихся изъ краснаго лежня въ темянномъ швѣ находится отверстіе, вполне соответствующее темянному глазу современныхъ ящерицъ и черепахъ, то мы должны принять, что этотъ темянный глазъ игралъ большую роль у предковъ современныхъ позвоночныхъ и служилъ у нихъ неизвѣстнымъ до сихъ поръ органомъ чувствъ. Только у ящерогадовъ сохранилось, впрочемъ, и понынѣ связь темянного глаза съ надмозговымъ придаткомъ. Въ то время, какъ нѣкоторые изслѣдователи принимаютъ, что темянный глазъ ящерицъ и ящерогадовъ понынѣ служитъ органомъ зрѣнія, хотя и въ ограниченной мѣрѣ, другіе считаютъ его кожнымъ органомъ чувствъ или органомъ, воспринимающимъ тепловыя ощущенія, и, наконецъ, третьи не признаютъ за нимъ въ настоящее время никакой функціи. Что нѣкогда онъ былъ органомъ чувствъ, доказано изслѣдованіями Креднера, который прочно обосновалъ этотъ взглядъ на основаніи положенія, формы и величины темянныхъ чешуй у ископаемыхъ земноводныхъ; но чтобы этотъ органъ функционировалъ какимъ-бы то ни было образомъ и понынѣ, вполне отрицаетъ Лейдигъ, послѣ безплодныхъ усилій отыскать нервъ, идущій къ этому предполагаемому органу чувствъ. Съ другой стороны этотъ заслуженный изслѣдователь нашелъ совсѣмъ недавно еще пару придаточныхъ темянныхъ глазъ, которые, вмѣстѣ съ упомянутымъ уже темяннымъ глазомъ, по своему строенію и положенію втроемъ поразительно похожи на простые глаза многихъ насѣкомыхъ. Въ вопросѣ объ этомъ органѣ чувствъ многое остается еще для насъ загадочнымъ, но мы не считали себя въ правѣ обойти здѣсь молчаніемъ эти важныя открытія въ строеніи пресмыкающихся, хотя бы они и не были еще закончены.

Органъ слуха далеко менѣе совершенъ, чѣмъ у высшихъ позвоночныхъ: ухо не имѣетъ раковины и его полость устроена гораздо проще, чѣмъ у теплокровныхъ позвоночныхъ. Но улитка имѣется у пресмыкающихся то въ формѣ округлаго перепончатомѣшка, то въ формѣ короткаго канала съ неполной спиральной перегородкой и колбообразнымъ придаткомъ на концѣ. «Такимъ образомъ всѣ составныя части внутреннего уха (высшихъ формъ) имѣются уже на лицо и дальнѣйшее развитіе его у птицъ и млекопитающихъ заключается не въ прибавленіи новыхъ частей, но въ усовершенствованіи старыхъ». Среднее ухо и барабанная полость представляютъ значительное разнообразіе. У змѣй нѣтъ ни барабанной перепонки, ни барабанной полости, ни Евстахіевой трубы; у остальныхъ отрядовъ барабанная полость замыкается барабанной перепонкой, болѣе или менѣе открытой снаружи, и сообщается съ ротовой полостью посредствомъ короткой и широкой Евстахіевой трубы. Барабанная перепонка соединена съ овальнымъ окошечкомъ столбикомъ, часто очень длиннымъ, къ которому у нѣкоторыхъ формъ присоединяются еще другія косточки. За чувствомъ слуха по степени развитія слѣдуетъ кожное чувство, хотя оно выражено главнымъ образомъ какъ чувство осязанія, менѣе какъ способность воспріятія иныхъ кожныхъ ощущеній. Что пресмыкающіяся чувствительны къ вѣш-

нимъ воздѣйствіямъ, показываетъ ихъ любовь къ солнечному теплу, хотя съ другой стороны они обнаруживаютъ нечувствительность, которая кажется намъ просто непонятной. Чувство осязанія, напротивъ того, можетъ быть очень развитымъ и достигаетъ высокой степени совершенства у тѣхъ формъ, которымъ органомъ осязанія служитъ языкъ. Чувство вкуса, повидимому, въ такой же степени недоразвито. У крокодиловъ, черепахъ и ящерицъ можно предполагать чувство вкуса; но у змѣй трудно допустить его существованіе. Чувство обонянія также не особенно высоко развито и во всякомъ случаѣ не дѣйствуетъ на большое разстояніе. Носовыя полости пресмыкающихся снабжены хрящевыми (носowymi) раковинами и сообщаются съ ротовой полостью; наружныя носовыя отверстія могутъ у нѣкоторыхъ формъ расширяться и сжиматься или закрываться клапанами. Обонятельные нервы хорошо развиты, слизистая оболочка носовыхъ полостей пронизана сосудами, образующими сѣтчатое сплетеніе.

Большинство пресмыкающихся развивается изъ яицъ, которыя въ общемъ похожи на птичьи, состоятъ изъ крупнаго, богатаго жиромъ желтка и болѣе или менѣе толстаго слоя бѣлка и заключены въ кожистую, нерѣдко растяжимую оболочку, на поверхности которой отлагается въ большемъ или меньшемъ количествѣ известъ. Развитие яйца начинается болѣею частью еще задолго до кладки въ яйцеводѣ самки, а у нѣкоторыхъ формъ здѣсь и завершается развитіе зародыша: дѣтенышъ прорываетъ оболочку яйца еще въ яйцеводѣ и рождается живымъ. Нѣкоторыя виды, обыкновенно откладывающіе яйца задолго до этого момента, могутъ задержать кладку до полнаго развитія зародыша, если имъ постоянно мѣшать откладывать яйца. Оплодотворенное яйцо имѣетъ на поверхности желтка бѣловатый кружокъ съ неопредѣленными очертаніями, соответствующій той части куринаго яйца, которую въ обыденной жизни называютъ насѣднымъ пятнышкомъ или рубчикомъ. Этотъ зачатокъ состоитъ изъ мелкихъ безцвѣтныхъ клѣтокъ, вызывающихъ впечатлѣніе бѣлаго пятна на желткѣ; онъ представляетъ самую существенную часть яйца и служитъ основой тѣхъ образованій, которыя принимаютъ участіе въ построеніи тѣла зародыша. Съ началомъ развитія онъ удлинняется и превращается въ овальную пластинку, болѣе прозрачную посрединѣ, нежели по краямъ. Въ средней прозрачной части, въ такъ называемомъ зародышевомъ полѣ образуется спинной валикъ, заключающій между обоими своими колѣнами углубленіе; смыканіемъ надъ послѣднимъ обоихъ колѣнъ валика образуется трубка, представляющая зачатокъ головного и спинного мозга. Подъ спинной бороздкой появляется позвоночникъ въ видѣ шнура. Спереди спинная бороздка расширяется и во время наростанія на ней спинныхъ валиковъ постепенно обозначаются разные отдѣлы мозга, изъ которыхъ передній съ самаго начала значительнѣе прочихъ. Между тѣмъ какъ такимъ образомъ обособляется передній отдѣлъ головы, выступаетъ одно рѣзкое различіе между низшими и высшими позвоночными, различіе, известное подъ именемъ головного сгиба. Плоскій зародышъ лежитъ по направленію поперечной оси яйца и налегаетъ на поверхность желтка своей умѣренно согнутой брюшной поверхностью. Когда затѣмъ онъ приподнимается надъ желткомъ и получаетъ болѣе опредѣленныя очертанія, головной конецъ его обособляется особенно быстро и загнѣвается въ то же время впередъ и внизъ къ желтку, какъ будто бы зародышъ нагнулъ голову насколько возможно и прижалъ ее къ груди. Вершина этого сгиба лежитъ въ области передняго конца спинной струны и подмозгового придатка, который появится впоследствии въ промежуткѣ между обѣими черепными перекладинами и впереди хорды; этой области отвѣчаетъ вдавленіе на поверхности желтка.

Благодаря головному сгибу невозможно изслѣдовать брюшную поверхность головы и шеи, не отогнувъ насильственно голову къверху. Непосредственно послѣ замыканія спинныхъ наливковъ и образованія спинной струны и головного сгиба появляется новая особенность, свойственная зародышамъ высшихъ позвоночныхъ; это именно такъ называемый околоплодный мѣшокъ. Поверхностный слой клѣтокъ зародыша, изъ котораго затѣмъ развиваются его покровы, продолжается на поверхность желтка и одѣваетъ его весь, но въ то же время образуетъ спереди и сзади по складкѣ; эти складки надвигаются на головной и хвостовой концы зародыша, нарастаютъ на послѣдній со всѣхъ сторонъ по направленію къ серединѣ его спинной поверхности, сростаются другъ съ другомъ надъ нимъ и наконецъ совершенно закрываютъ зародышъ и въ то же время представляютъ продолженіе его покрововъ. Еще до появленія и полного развитія околоплоднаго мѣшка появляются и другія системы органовъ. Въ непрозрачной части зародышевой пластинки, въ такъ называемомъ сосудистомъ полѣ, образуются, въ видѣ щелевидныхъ полостей, первые сосуды и первыя кровяныя клѣтки; въ то же время въ шейной области появляется скопленіе клѣтокъ, скрытое снаружи благодаря головному сгибу; оно затѣмъ становится полымъ и превращается въ трубчатое сердце. Позади сердца все тѣло зародыша сначала прилегаетъ къ желтку, такъ что кишечникъ представленъ только длинной и неглубокой бороздой, которая какъ-бы омывается желткомъ; позже брюшныя стѣнки постепенно замыкаются, борозда углубляется и превращается вскорѣ въ трубку, которая еще только въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ находится въ открытомъ сообщеніи съ желточнымъ мѣшкомъ. При дальнѣйшемъ заростаніи стѣнокъ тѣла и кишки, сохраняется, какъ послѣдняя связь ея съ желточнымъ мѣшкомъ, такъ называемый кишечный пупокъ. Ко времени рожденія онъ втягивается вмѣстѣ съ остатками желточного мѣшка въ кишку и служитъ для окончательнаго замыканія ея. Съ началомъ замыканія кишки совпадаетъ развитіе мочевого мѣшка. Въ той области, гдѣ появляются зачатки заднихъ конечностей, передняя стѣнка кишки даетъ выпяченіе въ формѣ грушевиднаго пузырька, который проникаетъ въ полость тѣла черезъ отверстіе кожного пупка и разрастается надъ околоплоднымъ мѣшкомъ. Между тѣмъ какъ послѣдній вполне замкнутъ, мочевой мѣшокъ, напротивъ, обильно снабженъ развѣтвленіями сосудовъ, служащими для дыханія зародыша. «Къ концу развитія», говоритъ К. Фогтъ, «въ яйцѣ находится зародышъ, окруженный околоплоднымъ мѣшкомъ и имѣющій на брюшной сторонѣ пупочное отверстіе; изъ этого отверстія выходятъ стебелекъ желточного мѣшка, послѣдній остатокъ котораго сохранился въ формѣ грушевиднаго пузырька, и мочевой мѣшокъ, широко разросшійся и облегающій зародышъ. Желточный каналъ вскорѣ вполне закрывается, втягивается, теряетъ свой просвѣтъ. такъ же, какъ и стебелекъ мочевого мѣшка, сосуды котораго, впрочемъ, сохраняются. Зародышъ прорываетъ околоплодный мѣшокъ, а затѣмъ пробиваетъ и скорлупу; для этой послѣдней цѣли у многихъ формъ ему служитъ особый непарный острый зубъ, такъ называемый яичный зубъ, который сидитъ на концѣ морды сверху, вырастаетъ на межчелюстныхъ костяхъ и впоследствии выпадаетъ. Послѣ рожденія сосуды мочевого мѣшка съживаются; дыхательная дѣятельность вполне переносится на легкія, и пупокъ зарастаетъ совершенно, не оставляя никакого слѣда».

Развитіе крокодиловъ, по Фельцкову, тѣсно примыкаетъ къ развитію птицъ. Замѣчательно, что здѣсь хвостъ зародыша, очень длинный уже въ началѣ развитія, сначала свернуть спиралью на подобіе часовой пружины, а затѣмъ, при сильномъ изгибаніи зародыша, загнуть на затылокъ послѣдняго.

О пресмыкающихся можно положительно выразиться, что время этих животных прошло. Дѣйствительно изъ того, что теперь мы знаемъ о первобытномъ мірѣ, явствуетъ, что въ числѣ вымершихъ животныхъ имѣются цѣлые отряды пресмыкающихся, каковы отряды **Ихтіозавровъ** (Ichthyosauria. Fischsaurier), **Плезіозавровъ** (Sauropterygia. Meerdrachen), **Несходнозубыхъ** (Theromora. Theromoren), **Динозавровъ** (Dinosauria. Riesensaurier) и **Летающихъ ящерицъ** (Pterosauria. Flugsaurier), а до настоящаго времени дожило только 4 отряда: ящерицъ, крокодиловъ, черепахъ и ящерогадовъ. Окаменѣлые остатки вымершихъ видовъ этого класса, находимые въ наши времена, являютъ передъ нами цѣлый рядъ различныхъ и въ высшей степени оригинальныхъ животныхъ, строеніемъ своего тѣла и образомъ жизни напоминавшихъ частью млекопитающихъ (таковы несходнозубыя), частью птицъ (летающія ящерицы), земноводныхъ и рыбъ (ихтіозавры).

Распространеніе древнихъ пресмыкающихся, по Цителію, указываетъ на то, что классъ этотъ появился на землѣ послѣ рыбъ и земноводныхъ и что древнѣйшими представителями его были Proterosauria и Mesosaurus, жившіе по берегамъ или на самой сушѣ и находимые въ красномъ лежнѣ и мѣдистомъ сланцѣ; формы эти по наружному виду, строенію позвоночника и образу жизни ближе всего походили на нынѣ живущихъ ящерогадовъ. Уже одинъ этотъ фактъ позволяетъ заключить, что пресмыкающіяся мезозойской эры, жившія въ морѣ, каковы ихтіозавры, плезіозавры и древнѣйшіе крокодилы, далѣе отстоятъ отъ прототипа пресмыкающихся, нежели наземныя или рѣсноводныя формы, и что ихъ слѣдуетъ разсматривать, какъ самостоятельныя боковыя вѣтви генеалогическаго древа пресмыкающихся; такія же вѣтви образованы и летающими ящерицами, черепахами и динозаврами.

Вмѣстѣ съ ящерогадами изъ палеозойскихъ представителей извѣстны только сходнозубыя изъ отложеній краснаго лежня въ Сѣверной Америкѣ и Россіи, причемъ всѣ они, безъ исключенія, принадлежатъ къ группѣ плотояднозубыхъ (Theriodontia), весьма близко стоящей къ ящерогадамъ.

Слѣдовательно предковъ первыхъ пресмыкающихся мы должны прежде всего искать среди древнѣйшихъ вымершихъ ящерогадовъ и первыхъ несходнозубыхъ; дѣйствительно какъ разъ обѣ эти группы и характерны смѣшеніемъ признаковъ, которое и давало возможность ихъ потомкамъ уклоняться въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ.

Пресмыкающіяся изъ отложеній Кароо въ южной Африкѣ, а равно изъ соответствующихъ слоевъ въ южной Индіи и Бразиліи принадлежатъ, правда, одинаково, какъ къ несходнозубымъ, такъ и къ первымъ ящерогадамъ, однако уже выказываютъ большую односторонность въ строеніи своего тѣла, такъ что нѣкоторыя формы изъ основной вѣтви несходнозубыхъ (Anomodontia)¹⁾ уже не проявляютъ способности къ дальнѣйшему развитію и, вѣроятно, вымерли уже въ триасовую эпоху, въ каковую появилась и вымерла также неполнѣ еще извѣстная группа плоскозубыхъ (Placodontia).

Къ триасовой же эпохѣ относится первое появленіе плезіозавровъ съ нотозаврами и пистозаврами, а равно и ихтіозавровъ съ мяксозаврами. Оба эти отряда могли произойти отъ предковъ, походившихъ на ящерогадовъ, но происхожденіе ихъ до сихъ поръ еще съ точностью не можетъ быть установлено. Древнѣйшія формы этихъ животныхъ уже далеко отстоятъ отъ палеозойскихъ пресмыкающихся, причемъ, очевидно, успѣли закончить дальнѣйшій циклъ своего развитія, и мы уже

¹⁾ Theromora, названіе, данное палеонтологомъ Коле (Cope).

не можем прослѣдить его по ископаемымъ остаткамъ. Древнѣйшіе крокодилы изъ кейпера въ Европѣ, Индіи и Сѣверной Америкѣ (*Parasuchia* и *Pseudosuchia*) стоятъ еще значительно ближе къ ящерогадамъ, нежели появляющіяся въ лѣсовыхъ отложеніяхъ *Eusuchia*, непосредственные потомки которыхъ также еще неизвѣстны, но отъ послѣднихъ-то и произошли все нынѣ живущіе крокодилы. Ближайшимъ вмѣстѣ съ крокодилами отпрыскомъ основного генеалогическаго ствола является отрядъ динозавровъ; онъ также, по всей вѣроятности, произошелъ отъ ящерогадовъ и еще вѣроятнѣе отъ плотояднозубыхъ (*Theriodontia*). Развѣтвление его на *Sauropoda* и *Thegopoda* закончилось еще въ триасѣ; въ юрскій періодъ обособляется группа птиценогихъ (*Ornithopoda*), достигающая своего высшаго развитія въ эпоху верхнихъ мѣловыхъ отложеній, въ какуюю она и вымираетъ.

Черепашки появляются въ верхнемъ триасѣ и уже въ видѣ высоко развитыхъ формъ (*Proganochelys* и *Psephoderma*). За ихъ скудными численностью потомками триасоваго періода слѣдуютъ многочисленные представители юрской и мѣловой эпохъ—какъ втяжноголовыя, такъ и невтяжноголовыя, которыя безъ существенныхъ уклоненій въ общемъ строеніи удержались и живутъ до настоящаго времени. Обособленіе черепахъ завершилось, вѣроятно, еще въ палеозойскую эпоху и относится ко времени, близкому къ появленію несходнозубыхъ (*Apomodontia*), съ которыми у черепахъ много общаго.

Летающія ящерицы представляютъ собой самостоятельную боковую вѣтвь, вымершую еще въ періодъ верхнихъ мѣловыхъ отложеній. Эти формы также свойственны лѣсу и выражены въ немъ со всеми своеобразными признаками, но отъ прототипа пресмыкающагося значительно уклоняются постепеннымъ исчезновеніемъ зубовъ и извѣстными измѣненіями въ черепѣ; въ верхнихъ мѣловыхъ отложеніяхъ они совершенно вымираютъ. Ведя образъ жизни, подобный птичьему, они извѣстными признаками напоминаютъ послѣднихъ, однако эти признаки отнюдь не указываютъ на болѣе близкую родственную связь между этими животными.

Боковой вѣтвью ящерогадовъ уже являются наши ящерицы, появленіе которыхъ начинается въ Пурбекскихъ слояхъ и Вельдскихъ образованіяхъ, но полное развитіе ихъ завершилось только въ третичную и современную эпохи. Отъ ящерицъ въ мѣловую эпоху обособились морскія илеономы (*Pythonomorpha*), а въ противоположномъ направленіи—змѣи. Изъ нихъ до настоящаго времени выжили только змѣи вмѣстѣ съ хамелеономъ, ископаемый представитель котораго до сихъ поръ еще неизвѣстенъ. Группа *Pythonomorpha*, какъ развившаяся въ высшей степени односторонне, вымерла еще въ концѣ мѣловаго періода.

Такимъ образомъ, по всей вѣроятности, генеалогическое древо пресмыкающихся ведетъ начало отъ ящерицеподобнаго предка, имѣвшаго длинный хвостъ, двойковогнутые позвонки, крестцовую кость съ двумя позвонками, пятипалыя ноги, суживающійся впереди черепъ съ верхнимъ и боковыми темными отверстіями и затылочной дырой, зубы, примыкающіе къ краямъ челюстей; и покрытую чешуей кожу. Отъ этого прототипа прежде всего, вѣроятно, произошла группа *Theriodontia* и ящерогады, а отъ послѣднихъ наши ящерицы вмѣстѣ съ тремя боковыми вѣтвями своими—группой *Pythonomorpha*, хамелеонами и змѣями. Все остальные отряды обособились еще въ палеозойскую эру или въ началѣ мезозойской, причѣмъ претерпѣли такое сильное измѣненіе въ строеніи тѣла, что ихъ родственная зависимость между собой, а равно и связь ихъ съ древними первыми пресмыкающимися, повидимому, довольно сильно сгладилась.

Впрочемъ въ настоящее время на земномъ шарѣ живетъ все же около

3500 всевозможных пресмыкающихся: около 1645 ящериц, 55 хамелеонов, приблизительно 1575 видов змѣй, 23 — крокодила, 201 — черепахъ и 1 — ящерогадъ, причѣмъ ежегодно находятъ новые, еще неизвѣстные до того виды, особенно ящерицъ и змѣй.

Весьма интересна обширная распространенность по земному шару нынѣ живущих пресмыкающихся. Гюнтеръ устанавливаетъ опредѣленные границы мѣсто-пребыванія для каждой болѣе крупной группы. Живущія въ такихъ ограниченныхъ областяхъ семейства и роды выражаютъ извѣстную самостоятельность этихъ областей. Для настоящихъ ящерицъ имѣется 6 подобныхъ царствъ: 1) африканская фаунистическая область съ западно-палеарктическимъ райономъ; 2) индѣйская съ манджурскимъ или восточно-палеарктическимъ райономъ; 3) тропико-тихоокеанійская область съ Австраліей и Новой Гвинеей; 4) Мадагаскарская область; 5) южно- и сѣверо-американская и 6) новозеландская области. Для змѣй Гюнтеръ устанавливаетъ 8 характерныхъ фаунистическихъ отдѣловъ: 1) африканскій на югѣ Атласскихъ горъ, 2) западно-палеарктическій, 3) индѣйскій съ восточно-палеарктической областью, 4) сѣверо-американскій, 5) тропико-американскій, 6) тропико-тихоокеанскій, 7) мадагаскарскій и 8), новозеландскій. Наконецъ для наземныхъ и рѣсноводныхъ черепахъ этотъ натуралистъ различаетъ всего 5 фаунистическихъ областей: 1) область, обнимающую собою Европу, Азію, сѣверную Африку, сѣверную и среднюю Америку, 2) африканскую область къ югу отъ Атласскихъ горъ, 3) область, распадающуюся съ одной стороны на южно-американскую фауну, съ другой на мадагаскарскую, 4) тропико-тихоокеанійскую и 5) новозеландскую области. Изъ предыдущаго слѣдуетъ весьма интересный выводъ, что и крупные отдѣлы пресмыкающихся не могутъ быть сведены къ опредѣленной общей области мѣстожителства. Столь глубокая разнохарактерность фаунистическихъ областей можетъ стать ясной только при допущеніи, что различные первобытные отряды и подотряды этихъ животныхъ были распространены на землѣ далеко не въ одно и то же время, когда распредѣленіе воды и суши по земной поверхности было иное, чѣмъ настоящее, и океаны то размыкали сушу, то, отступая, способствовали образованіямъ новыхъ перешейковъ. Причину, почему современная обширная распространенность пресмыкающихся столь значительно разнится отъ распространенности воробьиныхъ птицъ и млекопитающихъ, Блэнфордъ видитъ также въ томъ, что послѣднія по времени гораздо болѣе новѣйшаго происхожденія, нежели пресмыкающіяся. На основаніи распространенія пресмыкающихся этотъ ученый заключаетъ о недавней связи между группой Соломоновыхъ острововъ и Новой Гвинеей, о перешейкѣ, соединявшемъ еще до средняго періода третичной эпохи Мадагаскаръ съ восточной Африкой и о такомъ же соединеніи Мадагаскара съ Индѣей еще до времени болѣе древней третичной эпохи. Еще въ болѣе древнюю эпоху Южная Америка была въ соединеніи съ Новой Зеландіей или Австраліей, а южная Африка съ Мадагаскаромъ, что и можно заключить по находженію въ такихъ областяхъ однихъ и тѣхъ же нѣкоторыхъ семействъ и многихъ родовъ пресмыкающихся. Неймайръ приводитъ весьма цѣнные свѣдѣнія, что послѣднее изъ вышеприведенныхъ материковыхъ соединеній имѣло мѣсто въ юрскій періодъ или, быть можетъ, даже въ эпоху нижнихъ мѣловыхъ формацій. Какъ располагались эти перешейки въ отдѣльности, конечно, съ точностью не выяснено, но что они существовали, въ томъ теперь уже никто не сомнѣвается.

Огромное большинство пресмыкающихся живетъ въ низменностяхъ тропическихъ странъ и эти животныя болѣе, чѣмъ всѣ остальные позвоночныя, убавляются въ численности по направленію къ полюсамъ. То же самое относится и къ

различнымъ горнымъ поясамъ. Тепло является необходимымъ условіемъ для ихъ жизни: чѣмъ жарче страна, тѣмъ они многочисленнѣе, чѣмъ холоднѣе—тѣмъ бѣднѣе ихъ фауна. За полярнымъ кругомъ живутъ лишь немногіе виды. Въ Альпахъ нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ горная ящерица и гадюка, доходятъ до высоты 1800 м.; въ Андахъ Каstellно встрѣтилъ двухъ змѣй на высотѣ болѣе 2000 м., а въ Гиммалаяхъ Шлагинтвейтъ нашелъ многихъ пресмыкающихся еще на высотѣ 4660 м. Послѣдняя столь значительная высота, повидимому, и составляетъ предѣльную границу вертикальнаго распространенія пресмыкающихся. Увеличеніе температуры во всякомъ случаѣ повышаетъ жизнѣдѣтельность этихъ животныхъ. Виды, область распространенія которыхъ охватываетъ нѣсколько градусовъ широты, на югѣ часто бываютъ замѣтно крупнѣе и красивѣе окрашены, нежели на сѣверѣ, такъ что въ иныхъ случаяхъ трудно бываетъ даже признать въ нихъ однѣ и тѣ же формы. На ряду съ теплотой, для многихъ видовъ необходима также и влажность. Африка сравнительно бѣдна этими животными, тогда какъ въ южной Азіи, а еще болѣе въ Америкѣ замѣтно бросается въ глаза наибольшее разнообразіе формъ пресмыкающихся, а равно и наибольшая численность ихъ особей. Величина отдѣльныхъ видовъ находится въ соотвѣтствіи съ развитіемъ всего класса въ томъ смыслѣ, что крупнѣйшіе виды населяютъ тропическія страны, а въ умѣренныхъ поясахъ живутъ почти одни мелкіе виды.

Всѣ виды этого класса болѣе или менѣе связаны съ мѣстностью, въ которой живутъ: ни одно пресмыкающееся, за исключеніемъ развѣ морскихъ черепахъ, не совершаетъ регулярныхъ переселеній въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Черепахи распространяются по бассейну какой-либо рѣки и могутъ переселяться на сосѣднія воды, но, если область ихъ жительства отдѣлена отъ бассейна другой рѣки широкой, безводной площадью, то это уже одно является непреодолимымъ препятствіемъ къ ихъ распространенію. То же самое относится и къ тѣмъ видамъ, которые живутъ на сушѣ: какой-нибудь узкій морской рукавъ уже можетъ воспрепятствовать дальнѣйшему расширенію области ихъ жительства. Змѣи очень рѣдки на островахъ, лежащихъ посреди океановъ; если же присутствуютъ, то въ видѣ совершенно своеобразныхъ, исключительно мѣстныхъ формъ. Несмотря на это, одни и тѣ же пресмыкающіяся встрѣчаются приблизительно въ одинаковомъ числѣ въ совершенно различныхъ мѣстностяхъ, раздѣленныхъ препятствіями, подобными вышеприведеннымъ; въ такомъ случаѣ слѣдуетъ принять, что прежде такой раздѣляющей границы между данными мѣстностями не существовало. Что море до известной степени облегчаетъ распространеніе и этихъ животныхъ и даже обусловливаетъ возможность нѣкотораго рода переселенія—понятно само собой: случайныя невольныя переселенія, въ особенности гекконовъ и сцинковыхъ ящерицъ, были наблюдаемы довольно часто; ими же объясняется непонятное присутствіе различныхъ видовъ ящерицъ на вулканическихъ и коралловыхъ островахъ, образовавшихся въ открытомъ океанѣ только въ новѣйшія времена.

Мѣстожительство пресмыкающихся бываетъ весьма разнообразно, однако въ общемъ ихъ слѣдуетъ причислить къ наземнымъ животнымъ. Въ морѣ постоянно живутъ только нѣкоторыя черепахи и змѣи, остальные же населяютъ сушу и въ особенности охотно живутъ во влажныхъ мѣстностяхъ. Обителю многихъ видовъ служатъ прѣсныя воды, однако большинство въ известное время держится на сушѣ, грѣясь на солнцѣ и отдыхая, и только самая меньшая часть этихъ животныхъ спитъ плавая. Дѣсь еще болѣе богатъ видами пресмыкающихся, нежели болота и вода; онѣ должны также считаться однимъ изъ главнѣйшихъ пріютовъ животныхъ этого класса. Здѣсь они живутъ какъ надъ землей, такъ

и на землѣ, между кустарниковъ и корневыхъ сплетеній, на стволахъ и въ вѣтвяхъ деревьевъ. Наконецъ нѣкоторые селятся въ сухихъ, песчаныхъ или скалистыхъ областяхъ, такъ—многія ящерицы и змѣи водятся въ степяхъ, а инныя въ пустыняхъ на мѣстахъ, повидимому, почти исключаящихъ возможность жизни въ нихъ.

Какое вліяніе на пресмыкающихся оказываютъ климатъ и почва, превосходно выяснено Беткеромъ на одномъ примѣрѣ. Онъ приводитъ читателя въ пустынную и бесплодную область Закаспійскаго края. «Зима въ Закаспійскомъ краѣ коротка, но довольно сурова; уже въ концѣ февраля появляются первые вѣстники весны—красивыя поросли лилій, замерзшіе мощные корни которыхъ, пролежали навѣрное 9—10 мѣсяцевъ. Всюду, даже въ южныхъ частяхъ предгорій, господствуетъ недостатокъ воды. Весною все представляетъ собой цвѣтистый коверъ, въ началѣ же лѣта въ степи высыхаетъ все, чему недоступно натуральная или искусственная влага. Солнечный зной вскорѣ убиваетъ всю растительную жизнь, а осень съ ея ужасными, губительными даже для человѣка песчаными бурями, поднимающимися съ сѣвера и сѣверо-востока и несущими пыль и песокъ, уничтожаетъ въ почвѣ послѣдніе жизненные остатки растительности. Этимъ объясняется отсутствіе какой-либо древесной растительности въ мѣстныхъ равнинахъ и недостатокъ почти всѣхъ растений съ сильно развитой листвою. Всѣ листья принимаютъ форму листьевъ травы или иголь.

«Для присутствія въ такихъ песчаныхъ мѣстахъ пресмыкающихся важенъ еще способъ распредѣленія растительности. Мелкіе кустики, листва которыхъ необыкновенно слабо развита, не образуютъ сомкнутаго кустарника, но растутъ всѣ по одиночкѣ; почва у основанія каждаго кустика нѣсколько приподнята, вслѣдствіе нанесенныхъ вѣтромъ песка и пыли. Вотъ тутъ то и находятся укромные уголки пустынныхъ грызуновъ, здѣсь же прячутся ящерицы и змѣи, сюда же спасаются преслѣдуемая крупныя самки наземныхъ черепахъ.

«Довольно трудно подвести подъ одну опредѣленную точку зрѣнія безчисленные и бросающіяся въ глаза явленія приспособляемости закаспійскихъ пресмыкающихся, такъ какъ одно свойство въ разнообразныхъ случаяхъ переходитъ въ другое. Что рѣчь будетъ идти почти только объ извѣстныхъ оригинальныхъ чертахъ, ставшихъ полезными для носителя ихъ и являющихся въ высшей степени цѣлесообразными, легко понять изъ того, что съ одной стороны все цѣлесообразное дѣйствительно пересилило остальное въ общей борьбѣ за существованіе, съ другой—все нецѣлесообразное и даже вредное для особи, вида или рода, познается менѣе легко, если не имѣть самаго точнаго знакомства съ мѣстопребываніемъ, пищею животныхъ и борьбою между ними.

«Для жизни въ степныхъ или пустынныхъ областяхъ для животнаго особенно цѣнно обладаніе быстротой передвиженія съ одного мѣста на другое, имѣющей особую важность при быстромъ ли ускользаніи отъ врага по лишенной растительности почвѣ или же для быстрого перемѣщенія при недостаткѣ пищи изъ одной мѣстности въ другую. Особенное значеніе въ этомъ случаѣ имѣетъ общая форма тѣла. Такимъ образомъ въ узкомъ тѣлѣ въ высшей степени подвижныхъ ящерицъ изъ семейства настоящихъ ящерицъ (*Eremias* и *Scapteira*), въ формѣ тѣла степныхъ гологлазовъ (*Ablepharus*), какъ равно и въ бичевидно удлиненныхъ стрѣлахъ-змѣяхъ (*Tarhomotopon*), мы видимъ примѣръ необыкновенно важной приспособляемости къ жизни въ пескахъ. Даже закаспійская очковая змѣя (*Naja oxiana*), рисунокъ очковъ у которой, впрочемъ, на раздувающимся затылкѣ совершенно отсутствуетъ, при обычномъ строеніи тѣла

очковыхъ змѣй и при нормальномъ числѣ чешуй, въ степныхъ областяхъ имѣеть болѣе вытянутый и удлиненный хвостъ. Но не одна только длина хвоста обуславливаетъ особенную быстроту движеній большинства наземныхъ змѣй; въ незначительной степени быстроту эту слѣдуетъ считать свойственной и всѣмъ тѣмъ змѣямъ, которыя имѣють большое число брюшныхъ щитковъ (въ общей сложности 200 и болѣе). Однако вышеприведенный признакъ свойственъ почти всѣмъ закаспійскимъ видамъ змѣй не только виду *Pseudocyclophis* изъ семейства ужовыхъ, но и обоимъ видамъ лазающихъ ужей, четыремъ видамъ злыхъ ужей (*Zamenis*) и даже очковой змѣй. Не всѣ, конечно, пресмыкающіяся этой области проявляютъ стремительность въ своихъ движеніяхъ, но зато остальные, какъ напримѣръ наземныя черепахи, иначе приспособляются къ жизни въ пескахъ и обладаютъ иными защитительными свойствами, которыя исключаютъ необходимость обладанія особенной быстротой въ движеніяхъ.

«Жесткій, мало чувствительный щитковый и чешуйчатый покровъ служитъ, безъ сомнѣнія, очень подходящимъ защитительнымъ орудіемъ противъ всякихъ вліяній отъ погоды. Такъ, мы встрѣчаемъ съ одной стороны наземную черепаху Горсфильда, съ другой—агамъ и змѣй изъ рода *Echys*, а также и два вида гекконовъ (*Gymnodactylus*), обыкновенно покрытыхъ панциремъ изъ сухихъ и весьма эластичныхъ чешуй и щитковъ, представляющихъ много преимуществъ ихъ носителямъ въ борьбѣ со зноемъ и сухостью. Чешуйчатый гекко имѣеть кирассу изъ круглыхъ чешуй, похожихъ на чешуи уклейки, — оригинальность, которая изъ всего семейства цѣнкопалыхъ свойственна только ему, да еще африканскимъ родамъ *Geccoleris* и *Homophilis*, живущимъ также въ пустынныхъ мѣстностяхъ. Изъ другихъ своеобразныхъ чертъ, свойственныхъ почти всѣмъ безъ исключенія пресмыкающимся, живущимъ въ азіатскихъ степяхъ и пескахъ, характерно отсутствіе потребности въ удовлетвореніи жажды. Коренные обитатели пустыни, быть можетъ, даже отказываются отъ глотанія ночной росы, которую другія змѣи и ящерицы обыкновенно съ жадностью отыскиваютъ по утрамъ. Очевидно обычная пища ихъ заключаетъ уже въ себѣ все то количество влаги, которое необходимо для этихъ животныхъ. Въ защитѣ отъ ночного холода, какъ равно и отъ дневного зноя большая часть закаспійскихъ пресмыкающихся прячется въ норы и подземные ходы, а еще чаще просто зарывается въ песокъ. Способность рыть и зарываться у всѣхъ почти видовъ находится на высокой степени развитія. Начиная отъ наземныхъ черепахъ и пустынныхъ варановъ, съ необыкновенной силой и ловкостью врываются въ самую сухую глинистую почву, до агамъ и фриноцефаловъ (*Phrynoscephalus*), зарывающихся въ болѣе легкую степную почву, и до рода *Scapteira*, роющего въ песокъ,—всѣ эти вышеприведенныя животныя характеризуются хорошо развитыми роющими когтями. Наоборотъ, многія змѣи, напримѣръ слѣпунъ червячный (*Tuphlops*), полозы (*Eryx*) и ужы изъ рода *Lytrophis* роютъ съ помощью своего специально приспособленнаго для этого рыла, причѣмъ довольно существенную роль при рытвѣ играетъ у нихъ также и ихъ необыкновенно короткий и толстый хвостъ. Особаго рода приспособленіе видимъ мы также у змѣй изъ рода *Echys*, въ его расположенныхъ въ одинъ рядъ хвостовыхъ щиткахъ и въ необыкновенно острорезристыхъ косыхъ боковыхъ рядахъ чешуй всего тѣла. Безъ всякаго сомнѣнія подобное устройство служитъ этой змѣй для мощныхъ извилистыхъ движеній во всѣ стороны, вбокъ и вверхъ, которыя отчасти могутъ набрасывать на змѣю окружающій песокъ, чѣмъ въ высшей степени помогаютъ ей оставаться незамѣтной съ одной стороны для врага, съ другой—для добычи, въ которую она неподвижно вперяетъ свой взоръ. Совершенно

сходное встречаем мы у фриноцефаловъ, обладающихъ боковой складкой кожи, и между ними особенно у вида *Phrynoscephalus interscapularis*, бахромчатые отростки котораго на боковыхъ складкахъ, на задней части бедръ и на хвостовыхъ гребняхъ, повидимому, какъ разъ способствуютъ возможности животного забрасывать себя пескомъ.

Подобное же мы замѣчаемъ у жабовидныхъ ящерицъ, по строенію тѣла и по образу жизни такъ близко стоящихъ къ мексиканскимъ фриноцефаламъ. Наконецъ нѣкоторыя закаспійскія пресмыкающіяся приспособляются къ жизни въ степи тѣмъ, что днемъ, во время жары прячутся и ведутъ ночной образъ жизни, напримѣръ слѣпуны, которые избѣгаютъ вліянія колебаній тѣмъ, что, подобно землянымъ червямъ, живутъ въ землѣ подъ дерномъ. Изъ ящерицъ упомянемъ все семейство цѣпкопалыхъ, изъ змѣй—роды *Pseudocyclophis*, *Lytorhynchus*, а равно и всѣ водящіяся тамъ виды полозовъ, гадюкъ и *Echys*, которые уже по внѣшнему виду могутъ быть признаны настоящими ночными животными, благодаря щелевиднымъ зрачкамъ. Очковая змѣя, по Гюнтеру, также ночью кажется гораздо болѣе оживленной, нежели днемъ. Такое строеніе тѣла ставитъ эту змѣю почти внѣ зависимости отъ внѣшняго вліянія температуры, такъ какъ она при сильныхъ ночныхъ колебаніяхъ тепла или холода всегда можетъ вновь зарыться въ безопасное песчаное убѣжище.

«Къ однимъ изъ самыхъ интересныхъ приспособленій ящерицъ къ жизни даже въ мелко сыпучихъ пескахъ принадлежитъ разнообразная приспособляющаяся конструкція ихъ органовъ движенія. Такъ, родъ *Eremias* (*E. intermedia* и *E. velox*) изъ мѣстныхъ ящерицъ имѣетъ необыкновенно крупныя щитки на голенахъ, которые, благодаря своей широкой гладкой поверхности, препятствуютъ животному утопать въ песокъ. У рода *Scapteira* пальцы служатъ для той же цѣли, а равно и для облегченія рытья въ песокъ, для чего они весьма своеобразно лопатовидно расширены. У чешуйчатого гекко, какъ равно у рода *Crossobamon* изъ цѣпкопалыхъ, у рода *Scapteira* и у фриноцефаловъ мы встречаемъ длинныя бахромки по бокамъ пальцевъ, которыя при хожденіи значительно расширяютъ площадь ступни, чѣмъ весьма противодѣйствуютъ утопанію ногъ въ песокъ. Подобное приспособленіе далеко не рѣдкое у ящерицъ. Наоборотъ, у цѣпкопалыхъ бываетъ явленіемъ рѣдкимъ и необычнымъ, такъ что, за исключеніемъ чешуйчатого гекко и рода *Crossobamon*, это встречается еще только у родовъ *Ptenopus* и *Stenodactylus*, также живущихъ въ пустынѣ. Во всякомъ случаѣ изъ цѣпкопалаго трудно выработать типъ настоящаго степного или пустыннаго жителя, и приспособленіе какъ разъ такого животного до мельчайшихъ подробностей особенно характерно выражено для жизни въ пескахъ.

«Совершенно другой характеръ, но еще болѣе оригинальный, носятъ приспособленія закаспійскихъ пресмыкающихся, которымъ приходится защищать себя отъ вредныхъ дѣйствій вѣчно клубящейся пыли и сыпучихъ песковъ. Въ этомъ случаѣ естественно сначала обратить вниманіе на предохранительныя приспособленія отдѣльныхъ органовъ чувствъ, особенно ихъ наружныхъ отверстій.

«Прежде всего поговоримъ о носѣ, органѣ дыханія. У фриноцефаловъ носовыя отверстія никогда не направляются прямо, открываясь на носовыхъ пластинкахъ, но выходятъ всегда наверху, будетъ ли носовая пластинка поставлена вертикально и обращена площадью впередъ, или же располагается почти горизонтально, лежа наверху морды. Вообще у всѣхъ зарывающихся въ песокъ ящерицъ или змѣй, во время ихъ рытья, соръ никогда не можетъ попасть непосредственно въ носъ; отверстія ноздрей лежатъ всегда въ направленіи, которое со-

вершено или почти совершенно противоположно самому сильному напору песка при рытьѣ. У большинства змѣй Закаспійской области мы кромѣ того встрѣчаемъ хорошо развитые клапаны. Такъ, мы видимъ это у рода *Lytrogynchus*, носовое отверстіе котораго въ спокойномъ состояніи прикрывается наглухо закрывающимся отросткомъ, у мѣстныхъ гадюкъ, у очковыхъ змѣй и въ незначительной степени также у родовъ *Zamenis* и *Echys*. Раздуваніе ноздрей въ гнѣвѣ и при нападеніи виперами и очковыми змѣями извѣстно уже издавна, но, повидимому, менѣе знакомо то обстоятельство, что всякая чуть попавшая въ ноздри песчинка можетъ быть съ легкостью удалена животнымъ помощью чрезвычайно сильнаго фыркающаго движенія, что мы замѣчаемъ также у вида *Testudo Horsfieldi*. То же самое свойственно и остъиндскому слизистому ужу (*Zamenis mucosus*), а въ извѣстномъ смыслѣ и родамъ *Cyclopis* и *Pseudocyclopis* изъ ужевыхъ, которые отличаются носовыми отверстиями, похожими на уколъ иголки, что не очень то часто встрѣчается у змѣй».

Вышеизложенному Вальтеръ справедливо противопоставляетъ тѣ факты, что ядовитыя змѣи, по крайней мѣрѣ гадюки и очковыя, въ настоящихъ пескахъ не водятся, что, напротивъ, *Echys*, если и нерѣдки въ степныхъ мѣстностяхъ, то ведутъ преимущественно жизнь животныхъ, свойственныхъ пескамъ и что злые ужи часто попадались ему и въ пескахъ. Однако два послѣднихъ рода имѣютъ болѣе несовершенный замыкающійся носовой аппаратъ, чѣмъ у предыдущихъ, почему, пожалуй, можно предположить существованіе другихъ причинъ образованія этого защитительнаго приспособленія. Какъ бы то ни было, эти строки, быть можетъ, побудятъ какого-либо хорошаго наблюдателя обратить особенное вниманіе на столь разнохарактерные способы замыканія носовыхъ отверстій, имѣющіе значеніе въ систематикѣ змѣй, и такой наблюдатель, можетъ быть, найдетъ лучшее объясненіе этому явленію, чѣмъ то, которое мы можемъ привести въ настоящее время.

«Но и глаза пресмыкающихся, особенно ящерицъ, живущихъ въ пескахъ, представляютъ намъ примѣръ въ высшей степени интереснаго приспособленія. Совершенно скрытыми подъ щитками глаза бывають только у слѣпуновъ; въ этомъ случаѣ они настолько спрятаны, что, быть можетъ, способны отличать только темноту отъ свѣта. Какъ животныхъ съ чрезвычайно сильно развитыми вѣками мы прежде всего должны отмѣтить агамъ и фриноцефаловъ; смыкающіяся между собою пластинки вѣкъ у нихъ образуютъ довольно широкія площадки, наружные края которыхъ, кромѣ того, снабжены рѣсницевидными чешуйками, что, вмѣстѣ взятое, вѣроятно, и служить надежнѣйшею защитою отъ пыли и песка въ вѣтряную погоду. Точно также и у чешуйчатого гекко послѣдовавшее въ исключительныхъ случаяхъ увеличеніе верхняго вѣка замѣчательно тѣмъ, что какъ разъ у цѣлконозыхъ развитіе вѣкъ принадлежитъ къ числу рѣдчайшихъ явленій. Совершенно иное устройство видимъ мы у рода *Mabuia* изъ спинковыхъ. У ящерицъ этого рода нижнее вѣко весьма увеличено и направлено вверхъ, причемъ въ обыкновенныхъ случаяхъ плотно смыкается съ верхнимъ вѣкомъ, которое меньше. Но именно въ силу этого ящерицы эти столь же зорко видятъ, какъ еслибы вѣки ихъ были совершенно открытыми, такъ какъ большое, прозрачное окно нижняго вѣка обусловливаетъ къ глазу свободный доступъ свѣта. Наконецъ еще интереснѣе устройство зрительнаго аппарата у пустынныхъ гологлазовъ, у которыхъ нижнее вѣко, какъ это открылъ Буланже, срослось съ верхнимъ, раздѣляющая ихъ горизонтальная щель совершенно исчезла и напоминающая видомъ часовое стеклышко пара вѣкъ совершенно приняла видъ роговицы, и такъ-же функционируетъ, какъ и она. Прежде принимали, что гологлазъ вообще лишентъ вѣкъ или имѣетъ только чешуевидные остатки ихъ; въ дѣйствительности же глаза у него похожи на глаза змѣй.

«Что касается, наконецъ, до ушного аппарата, то у многихъ, живущихъ въ пескахъ цѣлкопалыхъ, напримѣръ у вида *Gymnodactylus russowi*, мы встрѣчаемъ ушные щели замѣтно меньше и болѣе узкія, чѣмъ у ихъ ближайшихъ родичей. Другія ящерицы, какъ напримѣръ агамы и спинковыя рода *Eumeces*, въ видѣ защиты наружнаго уха имѣютъ бахромчатые или иглистые придатки, состоящіе изъ слабо прикрѣпленныхъ прикрывающихъ чешуекъ, которыя бываютъ всегда такъ расположены, что при рытвѣ или зарываніи въ песокъ совершенно закрываютъ ушное отверстіе или по крайней мѣрѣ его большую часть. У фриноцефаловъ же, какъ и у змѣй, наружное отверстіе уха совершенно исчезаетъ, что представляетъ собою явленіе чрезвычайно интересное и очень рѣдкое среди ящерицъ. Подобное устройство ушного аппарата, безъ сомнѣнія, должно имѣть для нихъ преимущественное значеніе при огромномъ изобиліи этого рода какъ особями, такъ и видами въ областяхъ центральной Азіи.

«Чистаго зеленаго цвѣта въ своей окраскѣ закаспійскія пресмыкающіяся абсолютно лишены. Этихъ цвѣтовъ нѣтъ даже у одного водящагося тамъ вида изъ рода *Suclorhis*, въ другихъ мѣстахъ обыкновенно окрашеннаго въ зеленый цвѣтъ. Самое большее, что можно встрѣтить тамъ, это—сѣро-зеленую окраску. Такое явленіе объяснить нетрудно: зеленый тонъ въ Закаспійской области есть тонъ рѣдкій и встрѣчающійся на окраинахъ лишь мѣстами и то въ теченіи короткихъ весеннихъ мѣсяцевъ. Нечасты также и блѣдные цвѣта, бѣлый съ сѣрымъ или болѣе чернымъ пятнистымъ рисункомъ; мы встрѣчаемъ ихъ только у ночныхъ цѣлкопалыхъ, какъ приспособленіе тоновъ къ свѣту мѣсяца и бросаемыхъ имъ тѣней. Наоборотъ, повсюду и обычно встрѣчаются животныя песчаныхъ цвѣтовъ—желтаго, желто-сѣраго, желто-краснаго и желто-бураго; большинство бываетъ пестраго цвѣта съ самыми разнохарактерными рисунками и оттѣнками. Но освѣщенный лучами солнца песокъ не состоитъ изъ однообразныхъ желто-сѣрыхъ, желтыхъ или желто-красныхъ цвѣтовъ, скорѣе онъ представляетъ собою смѣшеніе бѣлыхъ, красныхъ, бурыхъ и черныхъ оттѣнковъ, въ которые окрашены зернышки кварца и другія составныя части песка и камней. Самую роскошную окраску подобнаго рода можно лучше всего видѣть въ окраскѣ одного изъ фриноцефаловъ (*Phrynoscephalus mystaceus*) или вида *Scapteira grammica*: до такой точности обѣ эти ящерицы подражаютъ своей окраской окружающей ихъ обстановкѣ песковъ. У вида *Phrynoscephalus helioscopus* имѣются даже еще темные спинные отростки, похожіе на болѣе крупныя черныя или черно-сѣрыя камешки, а сплюснутое, зарывшееся боками въ песокъ, плоское тѣло часто можетъ даже оставить впечатлѣніе спокойно лежащаго камня. На ряду съ только что упомянутой пятнистой окраской матоваго колорита, похожаго на тѣневые тоны, въ окраскѣ этихъ животныхъ встрѣчаются также и отдѣльно лежащія, ярко окрашенныя пятна. Такъ, кирпично-красныя пятна часто, но, повидимому, не всегда, украшаютъ спину самки агамы (*Agama sanguinolenta*), таковы оба карминово-красныя, обрамленныя небесно-голубымъ кольцомъ глазныя пятна на шеѣ *Phrynoscephalus helioscopus*, подобныя же, но расположенныя болѣе назадъ, у области плеча, пятна фриноцефала Радде (*Phrynoscephalus raddei*), яркое отдѣльное по серединѣ спины у вида *Phrynoscephalus interscapularis*, наконецъ чудныя бѣло-синие-черныя, глазчатыя пятна на бокахъ *Eremias velox*. Чѣмъ обусловливается происхожденіе этихъ пятенъ—я достовѣрно высказаться не могу. Быть можетъ всѣ эти оригинальныя и чрезвычайно яркіе выдѣляющіеся изъ окружающаго пятнистыя рисунки могутъ быть разсматриваемы, какъ явленія подражанія почвѣ или цвѣткамъ, на стебляхъ которыхъ въ извѣстное время года фриноцефалы имѣютъ

обыкновеніе сидѣть, уцѣпившись своими вертявыми хвостиками. Съ другой стороны такія пятна могутъ служить для устрашенія враговъ или для приманиванія самокъ. Невыяснено также значеніе лимонно голубого или сургучно-красныхъ цвѣтовъ видовъ родовъ *Eremias* и *Phrynoscephalus*; у послѣднихъ при этомъ весьма обыкновенно бываютъ темно-черные полукольца передъ концомъ хвоста.

«На ряду съ этимъ весьма распространеннымъ пятнистымъ рисункомъ встрѣчаются также полосатые рисунки. Это явленіе, частое также и въ стѣнныхъ областяхъ, свойственно изъ ящерицъ видамъ рода *Eremias*, особенно молодымъ, виду *Scapteira grammica*, въ извѣстномъ смыслѣ также и пустынному гололазу, а изъ змій—роду *Tarhometeron*. Быть можетъ оно является слѣдствіемъ приспособляемости къ пребыванію въ степи въ зависимости отъ восхода и захода солнца, слѣдовательно относится къ тому времени дня, когда отдѣльныя былинки и стебли бросаютъ длинныя тѣни на оголенную почву. Такъ какъ такой полосатый рисунокъ, что уже было выяснено еще Эймеромъ, чаще имѣетъ мѣсто у молодыхъ животныхъ, когда послѣднія обыкновенно бываютъ чувствительнѣе къ колебаніямъ температуры, то этотъ приспособляющійся признакъ тѣмъ болѣе можетъ быть особенно цѣлесообразенъ тѣмъ, что такимъ животнымъ дѣйствительно нельзя оставаться на открытыхъ мѣстахъ во время жаркаго полуденнаго солнца или въ холодную лунную ночь. Кромѣ того измѣнчивость наружнаго вида змій рода *Tarhometeron*, у которыхъ полосатый рисунокъ бываетъ то очень отчетливымъ, то весьма неправильнымъ, для отдѣльной особи допускаетъ возможность болѣе разнообразить выборъ своего мѣстопребыванія и препятствуетъ такимъ образомъ скопленію многочисленныхъ животныхъ на ограниченномъ пространствѣ; скорѣе эта измѣнчивость ведетъ къ распространяемости вида даже на ненадежной и, повидимому, неблагоприятной почвѣ.

«Впрочемъ, Вальтеръ приводитъ противъ такого объясненія полосатыхъ рисунковъ основательныя, какъ мнѣ теперь кажется, возраженія. Онъ разсуждаетъ такъ: «Единственной причиной происхожденія и измѣненія цвѣтовъ въ настоящее время мы должны считать вліяніе свѣта. Но я прежде всего, не соглашаясь съ объясненіемъ Бетхера, скажу, что въ тѣхъ мѣстахъ время сумерекъ настолько не продолжительно, что тамъ вовсе не можетъ быть сумеречныхъ животныхъ. Всѣ вышеупомянутые полосатые виды суть истые любители зноя, которыхъ я видѣлъ бодрыми только днемъ, большею частью около полудня, но никогда рано утромъ или къ наступающей ночи, т. е. въ то время, когда солнце даетъ слабыя тѣни. Но свои норы и укромныя уголки всѣ виды устраиваютъ въ корняхъ пустынныхъ кустарниковъ и злаковъ. Растительность эта почти безъ исключенія обладаетъ узкими, травянистыми листьями, которыя у большинства растений этой области опавши, сбиваются въ небольшія кучки, образующія бугоръ у основанія куста. Узкій и тонкій листъ предоставляетъ лучамъ солнца незначительную зеленую поверхность, почему и происходятъ рѣзкія полосатые тѣни. Понятно, что полосатую ящерицу очень трудно замѣтить среди этихъ сухихъ тонкихъ листьевъ. То обстоятельство, что молодыя обладаютъ болѣе выраженнымъ полосатымъ рисункомъ, чѣмъ взрослые животные, для закаспійскихъ формъ я объясняю себѣ отнюдь не болѣе значительной чувствительностью первыхъ къ вліянію температуры, но тѣмъ, что для маленькихъ ящерицъ особенно опасны большею частью тонкія, живущія въ пескахъ змѣи, отъ которыхъ онѣ и защищены своей предохранительной окраской. Такимъ образомъ здѣсь скорѣе всего нужно предположить раздражительность окраски продолговатымъ листьямъ укромныхъ уголковъ этихъ животныхъ. Самые мелкіе виды (какова, напримеръ, *Scapteira scripta*) и во взросломъ состоя-

ни или весьма полосаты, или сильно походятъ окраской на окружающую обстановку. Вейсманъ во многихъ случаяхъ могъ наблюдать превосходную раздражительность гусеницъ травъ, и я полагаю, что въ интересующемъ насъ вопросе мы встрѣчаемъ то же, но выраженное еще сильнѣе».

«Навѣрное большая часть закаспійскихъ пресмыкающихся являются настоящими плотоядными животными, что доказывается почти всеобщей мощностью зубного аппарата отдѣльныхъ видовъ. Но особенно интересны нѣкоторыя приспособленія, находящіяся въ зависимости отъ добыванія пищи, свойственныя фриноцефаламъ и чешуйчатымъ гекко, которые характеризуются извѣстнымъ своеобразнымъ устройствомъ ихъ хвоста. Извѣстно, что всѣ фриноцефалы снабжены болѣе или менѣе скручивающимся хвостомъ, при помощи котораго они довольно крѣпко могутъ держаться на стебляхъ кустовъ и зонтичныхъ растений. Я полагаю, что животныя этого рода, всѣ виды котораго обладаютъ такимъ хвостомъ, залѣзаютъ весной на расцвѣтшія растения именно ради облегченія себѣ добыванія добычи; здѣсь они прячутъ свою голову между цвѣтами и въ удобный моментъ ловятъ пролетающихъ насѣкомыхъ. Этотъ взглядъ укрѣпился во мнѣ особенно послѣ одного наблюденія, которое мнѣ пришлось сдѣлать надъ ушастымъ фриноцефаломъ (*Phrynoscephalus mystaceus*) (*auritus*) и которое, мнѣ кажется, объясняетъ значеніе удивительныхъ, крупныхъ, воронковидныхъ кожныхъ лопастей у угловъ рта животнаго этого вида. Именно—я наблюдалъ яркую карминно-красную окраску внутренней стороны этихъ кожныхъ лопастей, которыя снаружи по краямъ имѣли красивѣйшія, бѣлоснѣжныя, пучковидныя бахромки, оторачивавшія ихъ. Если раскрыть ротъ этого животнаго, то такія лопасти въ обоихъ углахъ рта расширяются въ видѣ крупныхъ лепестковидныхъ площадокъ, красиво и аккуратно охваченныхъ бѣлыми бахромками. Я и представляю себѣ дѣло такимъ образомъ: животное это, раскрывши пасть, сидитъ на стеблѣ какого-либо растенія, прицѣпившись своимъ подвижнымъ хвостомъ, выглядывая изъ вышеупомянутаго зонтика растенія; возможно, что и слизь, выдѣляемая такими боковыми лопастями, придаетъ имъ особенно обольстительную для насѣкомыхъ влажность или же, что самая глотка кромѣ того имѣетъ яркій манящій цвѣтъ; однимъ словомъ—насѣкомыя принимаютъ всю эту и ярко-окрашенную, блестящую поверхность за только что распустившійся цвѣтокъ зонтичнаго растенія и летятъ прямо въ ротъ ящерицы. Если подлетающія насѣкомыя садутъ только на боковыя лопасти, то послѣднія снабжены такой сильной мускулатурой, что дѣйствуютъ какъ сачекъ и захлопывающимся боковымъ движеніемъ препровождаютъ обманутое насѣкомое прямо въ глотку животнаго. Если этотъ взглядъ вѣренъ, то онъ сразу выясняетъ значеніе столь рѣдкихъ лопасти-видныхъ, боковыхъ отростковъ на верхней и нижней губѣ, явленіе—единственное во всемъ отрядѣ ящерицъ. Вальтеръ высказываетъ по этому поводу, конечно, совершенно другое. Онъ говоритъ: «Во-первыхъ ушастый фриноцефалъ (*Phrynoscephalus mystaceus*), будучи, правда, проворнымъ, но и тяжелымъ, никогда или только въ очень рѣдкихъ случаяхъ залѣзаетъ на растенія. Во всякомъ случаѣ я ни разу не имѣлъ случая занести такой фактъ въ свою записную книжку. Радде утѣрялъ, что однажды видѣлъ подобное животное, сидѣвшее на сухомъ кустѣ колючки ¹⁾, но очень вѣроятно, что былъ введенъ въ заблужденіе обманчивымъ воздухомъ пустыни и видѣлъ передъ собой просто агаму ²⁾. Затѣмъ мнѣ кажется, что хвостъ ушастаго фриноцефала не обладаетъ достаточною подвижностью, чтобы

¹⁾ *Alhaga camelorum*.

²⁾ *Agama sanguinolenta*

уцѣпляться; далѣе я полагаю, что своеобразныя боковыя бахромки на пальцахъ заднихъ ногъ этого животнаго, напоминавшія мнѣ всегда зубчики на пальцахъ глухарей и тетеревовъ, препятствуютъ ему лазать по весьма тонковѣтвистымъ пустыннымъ кустикамъ. Затѣмъ окраска боковыхъ лопастей имѣетъ, хотя и отдаленное, сходство съ цвѣтомъ маленькой кудрявки (*Fritillaria*) и во всякомъ случаѣ съ цвѣтомъ *Egremigus olgae*. Но оба эти растенія цвѣтутъ въ такое время года, въ которое ящерицы едва начинаютъ бодрствовать и въ которое вообще ни одна ящерица не лазаетъ на кусты. Ко времени, въ которое ушастый фриноцефаль дѣлается замѣтно бодрѣе, не цвѣтетъ ничего подобнаго, если не считать нѣкоторыхъ огромныхъ чертополоховъ, который посѣщаютъ однако только нѣкоторыя насекомоядныя животныя, умѣющія находить добычу въ мелкихъ цвѣткахъ этихъ растеній. Въ спокойномъ состояннн ушастый фриноцефаль никогда не распускаетъ своихъ бахромъ, но онѣ быстро и совершенно раскрываются и сплошь алѣютъ, какъ только ящерица видитъ, что ее преслѣдуютъ и она не можетъ никуда скрыться. Такимъ образомъ она принимаетъ дѣйствительно весьма оригинальный видъ, рѣшительно напоминающій дракона, и въ первый разъ это меня на самомъ дѣлѣ изумило. На основаннн личныхъ наблюденнй я въ этомъ вижу ничто иное, какъ средство испугать и тѣмъ самымъ защититься отъ преслѣдователя, хотя я вообще не особенно склоненъ вѣрить въ эту теорнн угрозы, столь часто преувеличиваемую, и гораздо скорѣе согласился бы со взглядомъ Бетхера, какъ съ рѣшительно болѣе вѣроятнымъ, если бы не имѣлъ случая лично побывать въ тѣхъ мѣстахъ».

«Второе приспособляющееся свойство, менѣе спорное и подавшее поводъ также къ измѣненнмъ въ строенн хвоста, мы встрѣчаемъ у чешуйчатаго гекко. У него хвостъ, благодаря продольному ряду крупныхъ черепичато наложенныхъ другъ на друга чешуекъ, на верхней сторонѣ своей образовалъ звуковой аппаратъ, при помощи котораго это цѣлкупалое животное, быстро двигая хвостомъ въ разныя стороны, оживленно музицируетъ, подобно тому, какъ это дѣлаетъ гортанью его юго-западно-африканскнй родичъ *Ptenopus*. При этомъ ящерица въ вечернн сумерки или въ началѣ наступающей ночи сидитъ передъ своимъ жилищемъ. Звукъ отъ такого движенн хвоста, напоминающнй стрекотанн кузнечиковъ и сверчковъ, разумѣется, можетъ привлечь ночныхъ кузнечиковъ, служащихъ пищей этой ящерицы; быть можетъ звукъ этотъ въ то же время есть призывъ въ пору спариванн, однако этотъ звукъ, что было бы необычно, въ состоянн производить какъ самцы, такъ и самки. Это очевидно странный, впервые указанный Штраухомъ фактъ, требуетъ еще дальнѣйшихъ наблюденнй и поясненнй.

«Самая маленькая чешуйка, самое незначительное цвѣтное пятнышко въ хозяйствѣ и экономн природы имѣетъ свое значенн, но лишь въ рѣдкихъ случаяхъ точное объясненн этого значенн бываетъ для насъ столь просто и ясно, какъ окраска такихъ песчаныхъ и степныхъ жителей, у которыхъ всякая малость въ строенн тѣла можетъ уже, повидимому, оказаться чрезвычайно полезной.

«О заботахъ закаспнйскихъ пресмыкающихся по отношенн къ своему потомству, о самой важной дѣятельности для поддержанн своего дальнѣйшаго существованн и объ успѣшномъ продленн того или другаго вида, я, къ сожалѣнн, имѣю сообщить мало фактическаго матерьяла. Тамъ, гдѣ заботы о будущемъ поколѣнн предоставляются землѣ въ видѣ снесенныхъ яицъ, зарыванн яицъ на подходящихъ мѣстахъ совершается съ нѣсколько большей заботливостью, причеиъ черепаха Горсфильда, весьма ловко и терпѣливо роющее животное, зарываетъ свои яйца на значительную глубину. Очковая змѣя родитъ живыхъ дѣтенышей; что змѣя *Echus* и мѣстныя гадюки живородящи, почти несомнѣнно по сходству ихъ

съ европейскими и африканскими представителями рода *Vipera*; болѣе чѣмъ вѣроятно также, что и большинство закаспійскихъ ящерицъ изъ многочисленнаго семейства агамовыхъ и всѣ сцинковыя также приносятъ живыхъ дѣтенышей».

Этими примѣрами вліянія климата и окружающей обстановки на пресмыкающихся мы и удовлетворимся, хотя было бы очень заманчиво и интересно рассмотреть приспособляемость пресмыкающихся Бразиліи и Мадагаскара къ обстановкѣ дѣвственнаго лѣса или вліяніе неизмѣримаго моря на живущихъ въ немъ змѣй и черепахъ.

Жизнедѣятельность пресмыкающихся едва ли можно сравнивать съ жизнью млекопитающихъ и птицъ, такъ какъ пропасть, раздѣляющая ихъ отъ послѣднихъ двухъ классовъ, необыкновенно велика. Соответственно малому развитію мозговой массы, а равно и несовершенному кровообращенію, пресмыкающіеся ведутъ такъ сказать несовершенную жизнь. Между ними есть животныя, которыхъ мы называемъ оживленными, подвижными, гибкими и проворными, хитрыми и умными; однако всѣ эти качества далеко не похожи на тѣ же качества, свойственныя млекопитающимъ и птицамъ. Пресмыкающіеся ползаютъ, бѣгаютъ, лазаютъ, прыгаютъ и плаваютъ; нѣкоторые виды даже въ извѣстномъ смыслѣ носятся по воздуху, т. е. совершаютъ это при помощи летательной перепонки, которой пользуются какъ парашютомъ даже для перелета довольно большихъ разстояній, однако животныя эти никогда не могутъ взлетѣть снизу вверхъ, но опускаются всегда только сверху внизъ. Пресмыкающіеся заслуживаютъ свое названіе, такъ какъ даже ихъ ходьба и бѣганье въ точномъ смыслѣ слова пресмыканье. Большинство волочить брюхо по землѣ и яснѣ всего это замѣтно какъ разъ у самыхъ быстрыхъ изъ нихъ. Многія черепахи, правда; въ состояніи ходить такъ, что брюшной панцырь ихъ не касается земли, но зато онѣ двигаются съ такою медлительностью, что движеніе ихъ въ самомъ дѣлѣ едва ли можно назвать бѣганьемъ. Уже большая часть водныхъ черепахъ при движеніи бороздятъ по землѣ своимъ брюшнымъ панцыремъ, а морскія черепахи ползаютъ по землѣ еще безпомощнѣе, чѣмъ тюлени. Ящерицы бѣгаютъ, правда, очень быстро и проворно, но держать при этомъ свои ноги весьма вывернутыми въ стороны, такъ что движеніе ихъ въ сравненіи съ движеніемъ млекопитающихъ точно также слѣдуетъ назвать безпомощнымъ. Наконецъ змѣи, настоящія ползающія животныя среди пресмыкающихся, двигаются при помощи своихъ реберъ, которыя служатъ имъ опорой тѣла: при передвиженіи онѣ ими дѣйствуютъ, какъ рычагами, и употребляютъ ихъ въ дѣло, какъ ноги.

Плаванье совершается весьма различными способами. До сихъ поръ еще неизвѣстно ни одного пресмыкающагося, которое бы, попавъ въ воду, погнбло. Даже безпомощныя наземныя черепахи, какъ камень тонущія въ водѣ, не гибнутъ на глубинѣ. Рѣчныя черепахи плаваютъ при помощи своихъ широкихъ ногъ; морскія черепахи, благодаря своимъ большимъ лапамъ, двигаются въ водѣ ловко, легко и продолжительно. Крокодилы плаваютъ главнымъ образомъ при помощи хвоста, представляющаго изъ себя мощный органъ передвиженія, двигая имъ подобно рулевому веслу, помѣщенному на кормѣ лодки; при этомъ эти животныя двигаются необыкновенно быстро. У морскихъ змѣй задняя часть тѣла превратилась въ превосходное, вертикально поставленное рулевое весло, благодаря чему и движенія ихъ становятся гораздо быстрѣе. Однако и простыя змѣи, лишеныя такого приспособленія, также весьма быстро скользятъ по волнамъ. Незначительная потребность дыханія облегчаетъ продолжительное пребываніе въ водѣ даже и земнымъ пресмыкающимся.

Многія пресмыкающіяся лазаютъ очень ловко. Извѣстные виды ящерицъ взбираются по самымъ гладкимъ стволамъ деревьевъ и скаламъ такъ же быстро, какъ и по землѣ. Немало изъ нихъ для удержанія своего тѣла и прицѣпленія обладаютъ въ высшей степени подходящими орудіями въ видѣ своихъ острыхъ, серповидно согнутыхъ когтей или же въ видѣ дисковидно расширенныхъ пальцевъ конечностей, снабженныхъ снизу поперечными складками; такіе пальцы предоставляютъ имъ даже возможность, подобно мухамъ, удерживаться на нижней сторонѣ горизонтальнаго сучка или такой же поверхности скалы и даже совершенно безопасно бѣгать по потолку комнаты. Змѣи лазаютъ тѣмъ же способомъ, какъ ползаютъ и плаваютъ: онѣ двигаются, змѣевидно извиваясь и при влѣзаніи такъ плотно укрѣпляются своими подвижными ребрами къ неровностямъ древесной коры, что совершенно не рискуютъ произвольно соскользнуть внизъ.

Непроизвольныя движенія пресмыкающихся сравнительно съ жизнедѣятельностью выше развитыхъ животныхъ оказываются еще менѣе совершенными. Дыханіе и кровообращеніе у нихъ весьма несправильны и несовершенны. Правда, кровообращеніе находится еще въ связи съ дыханіемъ, но гораздо независимѣе, чѣмъ то мы видимъ у птицъ и млекопитающихъ. Всѣ пресмыкающіяся дышатъ медленно и могутъ долгое время обходиться безъ свѣжаго воздуха. Ихъ дыханіе совершается гораздо произвольнѣе, чѣмъ у теплокровныхъ животныхъ: при удобномъ случаѣ они совершенно наполняютъ воздухомъ свои легкія, и выпускаютъ испорченный воздухъ мало по малу. Голосомъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, обладаютъ крокодилы, гекконы и нѣкоторыя ящерицы, какъ напримѣръ алжирская (*Psammotriton*); всѣ же остальные испускаютъ только фыркающіе и шипящіе звуки. Сердце, какъ мы видѣли, отправляетъ въ легкія лишь часть крови для очищенія, и обогащенная кислородомъ кровь многократно смѣшивается съ венозною, что придаетъ тѣлу животнаго незначительно большую температуру, чѣмъ окружающая. Къ этому присоединяется сравнительно большая независимость спинного мозга отъ головного и, какъ слѣдствіе этого—малая чувствительность, связанная въ свою очередь съ живучестью. Бойль помѣстилъ гадюку подъ колоколъ воздушнаго насоса и выкачалъ оттуда воздухъ; тѣло и шея животнаго надулись, челюсти раскрылись, отверстіе гортани придвинулось почти къ краю нижней челюсти и языкъ высунулся далеко впередъ. Когда, по прошествіи 23 часовъ, воздухъ былъ снова впущенъ, гадюка закрыла и вновь открыла свою пасть и когда ее щипали за хвостъ, еще дѣлала нѣкоторыя движенія. Ужъ жилъ въ безвоздушномъ пространствѣ болѣе 11 часовъ. Сходныя данныя были получены и изъ другихъ опытовъ: обезглавленные черепахи 11 дней спустя еще двигали членами. Одно изъ такихъ животныхъ, у котораго были вырваны брюшной панцирь, сердце и всѣ внутренности, на другой день само перевернулось и поползло. Всѣ эти опыты доказываютъ, что головной мозгъ пресмыкающихся проявляетъ свою дѣятельность не въ такой мѣрѣ, какъ головной мозгъ вышеорганизованныхъ позвоночныхъ, что, наоборотъ, каждый членъ тѣла ихъ болѣе или менѣе независимъ отъ другого. Въ связи съ этимъ находится и способность возстановленія членовъ. У ящерицъ, у которыхъ отрубятъ хвостъ, послѣдній возобновляется вновь, и раны, которыя у высшихъ позвоночныхъ непремѣнно причиняютъ смерть, у пресмыкающихся залѣчиваются. При новообразованіи хвоста ящерицы, по Фрессу, вырастающій спинной мозгъ облекается костной оболочкой, вокругъ которой располагаются мелкіе кровеносные сосуды и многочисленные нервы. Въ то время, какъ чешуя зародышей образуется изъ кожныхъ выступовъ, при возстановленіи хвоста образуются продольныя бороздки, въ которыхъ и происходитъ обра-

зование новых чешуй. Красящее вещество, залегающее главнымъ образомъ въ верхней части кожи, позднѣе перемѣщается въ болѣе глубоко лежащій слой соединительной ткани. Вообще, по словамъ этого ученаго, новообразование объясняется не увеличеніемъ притока питательнаго матеріала и не уменьшеніемъ сопротивленія росту, но есть явленіе наследственное, при которомъ мы видимъ странную и очень часто весьма сильно выраженную приспособляемость ткани, а равно и подтвержденіе закона, что одна ткань можетъ развиваться за счетъ другой. Впрочемъ, ни одна ящерица не въ состояніи произвольно отбросить или обломать свой хвостъ и такимъ образомъ покалѣчить себя; это случается всегда отъ вѣшнихъ причинъ.

При повышеніи вѣшней температуры вся жизнедѣятельность пресмыкающихся повышается и одна и та же змѣя ведетъ себя въ жаркій день совершенно иначе, чѣмъ въ прохладный. Процессы дыханія и кровообращенія не въ состояніи дать пресмыкающемуся внутренней теплоты, почему такое животное болѣе или менѣе зависитъ отъ вѣшней температуры. Оно воспринимаетъ ее и выдерживаетъ, хотя бы покровы его тѣла, панцырь или чешуйчатая одежда до того нагрѣлись, что могли обжечь руку; иной разъ оно предоставляетъ себя такому вліянію необыкновенно долгое время и затѣмъ мало по малу снова возвращаетъ воздуху теплоту, пока не возобновится равновѣсіе между вѣшней температурой и теплотой тѣла. Пресмыкающіяся, получающія отъ лучей солнца какъ вѣшнюю, такъ и внутреннюю теплоту, или, лучше сказать, прогреваемые солнцемъ насквозь, остаются теплыми еще долгое время по заходѣ солнца. Однако теплота ихъ въ теченіи ночи уходитъ обратно въ воздухъ, а равно и уменьшается къ осени или ко времени болѣе холодной поры года. Весною же и лѣтомъ она снова повышается. Этимъ объясняется также, что всѣ тѣ виды, которые живутъ въ болѣе холодныхъ мѣстностяхъ, въ зимніе мѣсяца принуждены уединяться, впадать въ оцѣпенѣніе или въ зимнюю спячку: они погибли бы, если бы вышли на холодъ.

Уже изъ вышеприведенныхъ свѣдѣній слѣдуетъ, что душевныя способности пресмыкающихся должны быть совершенно незначительны. Созданіе, въ тѣлѣ котораго головной мозгъ имѣетъ столь небольшое значеніе, не можетъ и обладать болѣе высоко развитыми проявленіями дѣятельности этого мозга, тѣмъ, что мы называемъ понятливостью. Эта способность находится, если и не въ прямомъ, то все же въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ величиной мозга, и когда теперь извѣстно, что вѣсъ головного мозга человека равенъ $\frac{1}{40}$ части общаго вѣса тѣла, а вѣсъ мозга черепаха относится къ вѣсу ея тѣла какъ 1:1850, то мы и можемъ имѣть масштабъ для сужденія о способностяхъ этого животного. Не только малое развитіе и несовершенство головного мозга, но и незначительная масса его ставитъ этихъ пресмыкающихся на столь низкую ступень. Всѣ высшія проявленія въ наиболѣе благопріятныхъ случаяхъ бывають также выражены и у нихъ, но животныя при этомъ являются болѣе или менѣе непроизвольными машинами. Способность распознавать окружающія явленія замѣчается только у немногихъ животныхъ этого класса. Обманъ чувствъ, другими словами—недостаточное пониманіе какаго-либо раздраженія извнѣ у нихъ наблюдаются часто; въ нихъ замѣтны лишь самыя низменныя проявленія душевной дѣятельности; о способности рассуждать почти не можетъ быть и рѣчи. Извѣстная память мѣстностей, ограниченная способность распознавать съѣдобное отъ несъѣдобнаго, полезное отъ вреднаго, также пониманіе опасности и наконецъ нѣкоторые аффекты—вотъ всѣ проявленія ихъ душевныхъ способностей. Они занимають очень низкую ступень въ общемъ ряду столь богатаго царства животныхъ. У болѣе высокостоящихъ животныхъ этого класса наблюдались нѣкоторыя проявленія понятливости, накопленіе свѣдѣній,

полученных опытом, и целесообразность поступков, как результат опыта: у других наблюдалась известная заботливость по отношению к потомству — большей частью лишь как следствие раздражения, имющего связь с половой деятельностью. Многие пресмыкающиеся выказывают возбудимость, которая может означать злобу, гнев, коварство, и очень немногие из них полагаются на собственные силы. До хитрости, которая отнюдь не может служить выражением высшего проявления ума, не доходит ни одно пресмыкающееся.

О привязанности этих животных к другим, о взаимной любви самцов и самок или к детенышам больше говорили, чем подтверждали это безпристрастными наблюдениями. Если откинуть в сторону вырывание яиц для яиц, нанесение для той же цели немного листвы, то в животных этих не замечают никакого стремления к искусственным постройкам, что свойственно выше организованным животным. Они умывают подходящим образом устроиться в какой-либо местности, выбирая для своего жительства или отдыха соответствующие места, например поселяясь в норках, трещинах, вообще углублениях. К такому месту они привыкают и после выхода на добычу отыскивают его вновь. Однако такие жилища почти нельзя сравнить с разумно устроенными норами и ходами млекопитающих, гнездами птиц, а равно и заботу, выказываемую пресмыкающимися к своему потомству, нельзя ставить на одну доску с такою же заботливостью млекопитающих и птиц. Высокоорганизованные позвоночные животные выбирают местожительство обдуманно, пресмыкающееся же следует какой-либо из своих потребностей и почти не делает разницы между лучшим и худшим местом для своего пребывания. Оно делается осторожным и пугливым там, где впервые его начали преследовать, а современем это обращается и в привычку, однако редко, быть может даже никогда такое животное не различает настоящей опасности от кажущейся. Человек, стоящий совершенно спокойно, не обращает на себя внимания даже более высоко стоящих видов, но достаточно ему сделать какое-либо движение или произвести шум, чтобы стать врагом в их глазах. Нильские крокодилы приобрели весьма смутное представление об опасности, представляемой им человеком, но отнюдь не делают разницы между безопасными для них чернокожими и белыми людьми, которые не пропускают случая послать им пулю, тогда как млекопитающие и птицы проявляют свою умственную одаренность как раз в точном распознавании этих двух рас. Более высоко организованные животные изменяют свою жизнь в зависимости от обстоятельств, внешние побуждения оказывают на них влияние и приводят к тем или другим поступкам или душевным проявлениям; они бывают радостными, оживленными, довольными, способными на шутки и игры, или печальными, угрюмыми, надутыми, смотря по обстоятельствам; ничего подобного не бывает с пресмыкающимися. Ни одно из таких животных не выражает каким-либо внутренним душевным проявлением своего довольства или веселия; самое большее, если оно наслаждается обильной пищей или благотворной теплотой.

Чувственные раздражения, иногда конечно, довольно значительно влияют на маленький по массе мозг этих животных. Так, наблюдали, что во время оплодотворения они до того забывали окружающий мир, что становились как бы глухими и слепыми, не обращая внимания на самые очевидные опасности, которых прежде избегали, короче — совершенно меняли свое обычное поведение. О сознании их едва ли может быть речь, скорее еще можно говорить о чувственности их. Однако, как уже было замечено выше, им также свойственна

извѣстная опытность, а равно нельзя имъ отказать и въ умѣніи иногда извѣстнымъ образомъ употребить ее въ дѣло. Ядовитыя змѣи хорошо сознаютъ силу своего смертоноснаго оружія и спокойно ждутъ результатовъ отъ дѣйствія ихъ яда; неядовитыя змѣи, черепахи, крокодилы, ящерицы подкрадываются къ своей добычѣ, преслѣдуютъ ее или же смотря на нея снизу, внезапно подпрыгиваютъ и стараются схватить; наконецъ каждое пресмыкающееся до извѣстной степени позволяетъ себя приручить, т. е. мало по малу привыкаетъ къ человѣку, снабжающему его кормомъ, однако оно съ трудомъ различаетъ ухаживающаго за нимъ человѣка отъ другихъ людей, а просто видитъ въ столь обычномъ для него явленіи лицо, доставляющее ему пищу. Крокодилы и ящерицы, даже черепахи, мало по малу могутъ приучиться выходить на опредѣленный свистъ своего хозяина и приглатываться къ принятію пищи; первыхъ можно даже отучить отъ кусанья: этимъ ограничивается достигнутая степень приручаемости пресмыкающихся. Я видѣлъ также, какъ ядовитыя змѣи брали предлагаемую имъ пищу, причемъ одновременно все-таки замѣчаль, какъ онѣ, несмотря на то, что привыкли получать пищу изъ желѣзныхъ щипцовъ, при неожиданномъ для нихъ движеніи кусали щипцы, слѣдовательно въ это мгновеніе совершенно забывали, что онѣ уже нѣсколько разъ повреждали свои зубы о желѣзо. Такъ называемыя ручныя пресмыкающіяся, которыя въ состояніи нанести серьезнѣйшій вредъ ухаживающимъ за ними, остаются всегда опасными. Такъ, о привязанности съ ихъ стороны нечего и думать, скорѣе же можно рассчитывать на досаду и злобу, нежели на дружбу. Въ дружественное общеніе такое животное не вступаетъ ни съ пресмыкающимися, ни съ другими животными вообще. Самое большее, чего можно достигнуть, это—что оно перестанетъ бояться другого животного или же будетъ относиться къ нему равнодушно. Настоящей общительности среди этихъ низко стоящихъ животныхъ не было замѣчено ни разу. Сотни черепахъ плаваютъ сообща, 20, 30 крокодиловъ лежатъ въ одномъ мѣстѣ, грѣясь на солнышкѣ, но каждое изъ такихъ животныхъ думаетъ, пока не наступитъ половая пара, только о себѣ, живетъ исключительно для себя и не заботится о сосѣдѣ; общество никогда не приходитъ на помощь къ одному изъ сочленовъ его.

Упомянувъ о тѣлесныхъ и душевныхъ способностяхъ пресмыкающихся, въ заключеніе намъ остается сказать о голосѣ. Среди болѣе высоко развитыхъ позвоночныхъ мало такихъ, которыя не были бы въ состояніи издать звукъ или крикъ; среди пресмыкающихся же мы встрѣчаемъ большое число такихъ, которыхъ слѣдуетъ назвать нѣмыми. Черепахи пыхтятъ или свистятъ, ящерицы и змѣи, какъ извѣстно, иногда выпускаютъ болѣе или менѣе громкое шипѣніе, многія однако не издаютъ и этого звука. Только крокодилы и гекконы, ночныя ящерицы а равно и нѣкоторыя обыкновенныя ящерицы въ состояніи воспроизводить громкіе опредѣленные и отчасти благозвучные звуки. Ниже стоящія земноводныя въ этомъ отношеніи являются одареннѣе пресмыкающихся.

Повседневная, и если можно выразиться общественная жизнь пресмыкающихся чрезвычайно однообразна. Среди черепахъ, живущія на сушѣ дѣятельны днемъ, большинство же прѣсноводныхъ черепахъ, оживленны преимущественно ночью. Крокодилы охотятся за своей добычей главнымъ образомъ въ сумеркахъ, хотя они и днемъ не упускаютъ случая поймать добычу. Только ящерицъ и значительную часть неядовитыхъ змѣй нужно считать дневными животными, тогда какъ гекконы и почти всѣ ядовитыя, а равно и многія неядовитыя змѣи выхо-

дять на добычу послѣ захода солнца. По обыкновенію, водная среда измѣняетъ образъ жизни и этихъ животныхъ въ томъ смыслѣ, что живущія въ водѣ не дѣлають разграниченій суточного времени, какъ то свойственно живущимъ на сушѣ, но и между водными пресмыкающимися большая часть оживляется только ночью.

За исключеніемъ земныхъ, нѣкоторыхъ рѣсноводныхъ и одной морской черепахи, а равно и нѣкоторыхъ ящерицъ, всѣхъ животныхъ этого класса мы должны назвать хищниками, а нѣкоторыхъ даже причислить къ самымъ опаснѣйшимъ. Почти всѣ классы животныхъ платятъ имъ дань. Крокодилы нападаютъ на млекопитающихъ, величиной съ собаку или свинью, и столь же мало щадятъ человѣка, какъ и всякое маленькое хищное животное, приблизившееся къ водѣ; преслѣдуютъ же главнымъ образомъ водныхъ животныхъ, въ особенности рыбъ. Черепахи ловятъ послѣднихъ, мелкихъ млекопитающихъ, птицъ, другихъ пресмыкающихся, земноводныхъ, головоногихъ, улитокъ, насѣкомыхъ, раковъ, червей и медузъ. Ящерицы питаются млекопитающими, птичками, другими ящерицами, земноводными, рыбами, насѣкомыми и различными червями. Змѣи главнымъ образомъ нападаютъ на позвоночныхъ, но есть цѣлыя семейства, питающіяся только червями и насѣкомыми. Почти всѣ проглатываютъ свою добычу цѣликомъ и только немногія, въ особенности черепахи и крокодилы, разрываютъ сырую добычу предварительно на куски, какъ это дѣлають тѣ, которыя питаются растеніями. Слѣдствіемъ этого оказывается, что пожираніе и проглатыванье у нѣкоторыхъ пресмыкающихся требуетъ значительныхъ усилій. Большинство этихъ животныхъ пьеть. Съ повышеніемъ температуры возрастаетъ и прожорливость пресмыкающихся: въ жаркое время года они, такъ сказать, набирають запасовъ питательнаго матерьяла на все остальное время года. Однако сравнительно съ ихъ величиной, пресмыкающіяся ѣдятъ гораздо менѣе, чѣмъ млекопитающія и птицы. Они проглатываютъ сразу огромные куски, но затѣмъ вплоть до полного перевариванія днями лежатъ въ лѣнивомъ покоѣ болѣе или менѣе на одномъ и томъ же мѣстѣ, а въ случаѣ нужды могутъ обходиться и безъ пищи. При обильномъ кормѣ они до извѣстной степени тучиють, нѣкоторыя же дѣлаются очень жирными, однако послѣднее выражается несравненно менѣе значительно, чѣмъ у млекопитающихъ и птицъ.

Черепахи и крокодилы смѣняютъ свою верхнюю кожу такимъ же способомъ, какъ и млекопитающія и птицы; остальные пресмыкающіяся линяють цѣлой шкуркой, т. е. сбрасываютъ кожу лоскутьями или болѣе или менѣе цѣликомъ, такъ что народъ совершенно справедливо упоминаетъ про «ужевиыя рубашки». Послѣ такой линьки животныя выказываютъ себя особенно ревностными на охотѣ и прожорливыми, такъ какъ имъ нужно вознагражить свою потерю.

Съ началомъ весны у пресмыкающихся также начинается половая пора. Виды, живущіе въ сѣверныхъ странахъ, появляются съ первыми теплыми днями, животныя умѣренныхъ или жаркихъ странъ, зарывающіяся на время сухой поры года, выходятъ послѣ перваго дождя. Нѣкоторые виды, возбуждаемые половой страстью, ведутъ ожесточенные бои другъ съ другомъ. Крокодилы злобно гоняются другъ за другомъ и яростно дерутся. Между ящерицами также происходятъ единоборства, змѣи собираются на извѣстныхъ мѣстахъ въ большомъ числѣ, образуютъ путанные клубки, шинятъ или чѣмъ-либо другимъ выказываютъ свое возбужденное состояніе, пока не спарятся съ какой-нибудь самкой. Самое оплодотвореніе длится цѣлыми часами и днями; однако вслѣдъ за нимъ, по крайней мѣрѣ у большинства, наступаетъ тупое равнодушіе между самцами или самками, проявлявшими только что такую сильную склонность другъ къ другу. Много времени спустя, самка, если только она не родитъ живыхъ дѣтенышей, отыскиваетъ

подходящее мѣсто для кладки яицъ. Большая часть пресмыкающихся кладетъ свои яйца въ найденныя или ими же вырытыя подземныя норы или между мхомъ или листовой на влажныхъ, теплыхъ мѣстахъ. Яйца имѣютъ пергаментную или жесткую известковую оболочку; число ихъ колеблется отъ 2 до 150; высиживание ихъ самка поручаетъ дѣйствию солнца или теплоты, развивающейся отъ гніенія растений, и далѣе о нихъ уже не заботится. Исключеніе составляютъ лишь нѣкоторые крокодилы и змѣи. Рѣдки случаи рожденія уродливыхъ дѣтенышей, но такія животныя рѣдко достигаютъ полнаго развитія. Уже древніе писатели совершенно правильно сообщаютъ о двухголовыхъ змѣяхъ, въ наше же время были наблюдаемы также двухголовыя ящерицы и черепахи. Молодыя животныя развиваются сравнительно быстро, обыкновенно уже черезъ нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ и уже съ перваго дня по выходѣ начинаютъ вести жизнь своихъ родителей.

Къ зимѣ, а въ сухихъ полосахъ тропиковъ къ началу сухой поры, пресмыкающіяся зарываются въ землю, по крайней мѣрѣ прячутся въ болѣе глубокія норы и впадаютъ тамъ въ полное оцѣпенѣніе, которое соотвѣтствуетъ зимней спячкѣ извѣстныхъ млекопитающихъ. На сѣверной и южной границѣ области распространенія пресмыкающихся, всѣ водящіяся тамъ виды этого класса животныхъ ищутъ защиты отъ вліянія неблагоприятнаго времени года, въ южныхъ частяхъ умѣреннаго пояса и подъ тропиками это дѣлаютъ только тѣ изъ нихъ, которыя не могутъ иначе избѣжать вреднаго вліянія переменъ, зависящихъ отъ времени года. Во влажныхъ областяхъ Бразиліи земныя черепахи бодрствуютъ повсюду круглый годъ, тогда какъ черепахи, живущія по Ориноко, по наблюденіямъ Гумбольдта, на время солнечнаго зноя и засухи прячутся подъ камнями или въ вырытыхъ ими же норахъ, вылѣзая вновь изъ своихъ угловъ только тогда, когда появятся первые слѣды влажности воздуха или земли. Крокодилы, живущіе въ рѣкахъ, не претерпѣваютъ зимней спячки. Тамъ, гдѣ вода, въ которой они держатся, въ неблагоприятное время года изсякнетъ, всѣ виды проводятъ пору засухи, зарывшись въ иль.

Не всѣ пресмыкающіяся впадаютъ въ полное оцѣпенѣніе; нѣкоторыя скорѣе находятся какъ бы въ забытіи, такъ какъ сохраняютъ извѣстную подвижность или же вновь пробуждаются при измѣнившихся условіяхъ; напротивъ, другія во время своего зимняго сна лежатъ совершенно одеревенѣлыми и неподвижными, а равно и твердыми на оцупь. Впрочемъ и у нихъ также, какъ это сообщаетъ Шинцъ, паденіе температуры является необходимой побудительной причиной зимней спячки. «Что животныя, которыя въ бодрствующемъ состояніи могутъ безъ вреда для себя постыться цѣлыми мѣсяцами, проводятъ безъ пищи зиму, это очень понятно. Съ другой стороны мы имѣемъ здѣсь тотъ же законъ, что и при зимней спячкѣ млекопитающихъ, именно: потребление питательныхъ соковъ, какъ бы незначительно оно ни было, все-таки продолжается; это ясно уже изъ того факта, что пресмыкающіяся гибнутъ, если осенью передъ спячкой чувствовали недостатокъ въ пищѣ. Насколько приостанавливаются во время зимняго сна жизненныя отправленія и которыя изъ нихъ совершенно прекращаются—нелегко наблюдать у животныхъ, у которыхъ эти отправленія и въ бодрствующемъ состояніи легко могутъ быть прерваны безъ вреда для жизни самого животнаго. Однако по всей вѣроятности дѣятельнымъ остается одно только болѣе медленное и прерывистое кровообращеніе, дыханіе почти совершенно прекращается, что не можетъ удивлять насъ при незначительномъ содержаніи кислорода въ крови этихъ животныхъ. Между тѣмъ слишкомъ сильный и продолжительный холодъ убиваетъ и ихъ. Во время зимней спячки вѣсь пресмыкающихся нѣсколько уменьшается и этимъ до-

казывается существованіе траты органическихъ веществъ. Черепаха, вѣсившая передъ спячкой 4 фунта 9 унціи, потеряла до февраля 1 фунтъ 5 драхмъ вѣсу». Впрочемъ животныя вылѣзаютъ отнюдь не безсильными, скорѣе же проявляютъ особенное оживленіе какъ разъ вслѣдъ за зимней спячкой.

Всѣ безъ исключенія пресмыкающіяся растутъ весьма медленно; этому же слѣдовательно соотвѣтствуетъ вялость ихъ внѣшнихъ жизненныхъ отправленій. Отношенія, подобныя тѣмъ, что мы находимъ у млекопитающихъ и птицъ, въ этомъ классѣ животныхъ не встрѣчаются: даже болѣе мелкіе виды должны прожить много лѣтъ, прежде чѣмъ стать зрѣлыми въ половомъ отношеніи. За то пресмыкающіяся и доживаютъ до глубокой старости. По нѣкоторымъ даннымъ, черепахи проживали въ неволѣ болѣе 100 лѣтъ; извѣстные экземпляры крокодиловъ наблюдались туземцами Африки въ теченіи времени, насколько охватываетъ человѣческая память, все на одномъ и томъ же мѣстѣ: крупныя змѣи также могутъ жить очень долго. Болѣзни, повидимому, рѣдко случаются у пресмыкающихся, хотя все же наблюдались у плѣнныхъ животныхъ; постепенное приближеніе къ смерти, которое мы обыкновенно называемъ старческою слабостью, у нихъ пока не было изслѣдовано: большинство умираетъ насильственной смертью или по крайней мѣрѣ отъ внѣшней причины. Такъ какъ многимъ можетъ быть интересно узнать, какъ всего вѣрнѣе и возможно безболѣзненнѣе убить мелкое пресмыкающееся, то я вкратцѣ припомню, что такое животное самое лучшее положить въ хорошо закрывающійся сосудъ, въ который вводятъ губку, смоченную хлороформомъ или эфиромъ. Когда оцѣпенѣвшее животное перестанетъ двигаться, его нужно быстро перенести въ хорошій винный спиртъ и спиртъ этотъ по возможности разъ или два перемѣнить каждый разъ послѣ того, какъ онъ окрасится. Метилизованнаго виннаго спирта употреблять не нужно. Гниющій экземпляръ можетъ испортить содержимое цѣлаго сосуда или запаянаго жестяного ящика, а совершенно разложившійся экземпляръ бываетъ годенъ большею частью только для приготовленія скелета.

«Чтобы точнѣе изучить этихъ животныхъ, лишь съ трудомъ доступныхъ наблюденіямъ на свободѣ», пишетъ Фишеръ, одинъ изъ опытнѣйшихъ воспитателей такихъ животныхъ, «всего лучше пользоваться терраріями, т. е. теплицами въ миниатюрѣ, въ которыхъ животныя принуждены жить въ относительно тѣсномъ пространствѣ. Разумѣется для хорошаго устройства обстановки подобнаго помѣщенія, чтобы обитатели его жили въ немъ благополучно и имѣли хорошій видъ, чтобы животныя не повредили другъ друга и жили бы при условіяхъ, которыя свойственны имъ на свободѣ,—мы должны имѣть точныя свѣдѣнія объ образѣ жизни содержимыхъ здѣсь пресмыкающихся и знать необходимыя для нихъ растенія, которыми мы и украсимъ терраріумъ. Мы должны стараться по возможности сохранить точныя соотношенія между животными и растеніями, чтобы затѣмъ предоставить, какъ тѣмъ, такъ и другимъ, безмятежное дальнѣйшее развитіе. Если перенести болотныя формы пресмыкающихся въ терраріумъ съ степными растеніями, то животныя скоро похудѣютъ и погибнутъ и, наоборотъ, если помѣстить въ одно мѣсто пустынныхъ животныхъ и степныя растенія, то гибель тѣхъ или другихъ является неперемѣннымъ послѣдствіемъ. Умѣлый подходящій выборъ почвы, правильнаго объема воздуха и достаточно подходящаго освѣщенія, а равно устройство соотвѣтствующей влажности и урегулированіе температуры, — вотъ жизненныя условія, одинаково благоприятныя для животныхъ и растеній. Необходимо также дѣлать особенно тщательный выборъ совмѣстно поселяемыхъ живот-

ныхъ, чтобы они не повредили и не искалчили другъ друга, и не пожрали бы одинъ другого. Относительное количество животныхъ и растений между собой также должно быть соразмѣрено: слишкомъ большое количество растений, помѣщенныхъ въ недостаточно объемистый терраріумъ, вскорѣ отражается на недостаткѣ воздуха; при изобиліи животныхъ послѣднія могутъ другъ друга стѣснить, задавить или пожрать. Во всѣхъ случаяхъ слѣдовательно необходимо точное знаніе условій существованія растений, жизненныхъ привычекъ и пищи животныхъ, а равно и всесторонне разсмотрѣнной зависимости между тѣми и другими, безъ чего терраріумъ не можетъ оказаться цѣлесообразнымъ. Если что-либо просмотрѣно вначалѣ, то часто уже послѣ нѣсколькихъ дней или недѣль начинаютъ сказываться плохіе результаты, а въ концѣ концовъ и вымирание. Напротивъ, терраріумъ, устроенный со знаніемъ, обставленный разсудительно и заботливо, поддерживаемый съ любовью и терпѣніемъ, награждаетъ своего обладателя обильнымъ матерьяломъ для изученія и развлеченія, равно можетъ служить украшеніемъ комнаты и даже цѣлаго дома. Подобный терраріумъ, наполненный пресмыкающимися, для образованнаго человѣка, любящаго углубляться въ созерцаніе природы, предоставляетъ даже зимой богатое и пріятное поле дѣятельности и изученія. Онъ даетъ ему возможность дополнять знанія, полученныя при бѣгломъ осмотрѣ набитыхъ чучель или спиртовыхъ экземпляровъ пресмыкающихся, потерявшихъ свои красивые цвѣта и естественную окраску; онъ тогда можетъ дѣлать надлежащія наблюденія за нравами и поведеніемъ этихъ животныхъ. Терраріумъ уже помогъ, какъ это мы увидимъ на слѣдующихъ страницахъ, разрѣшенію весьма важныхъ вопросовъ изъ жизни пресмыкающихся. Однако еще много біологическихъ вопросовъ, которые могутъ быть разрѣшены только послѣ продолжительныхъ наблюденій или цѣлесообразно произведенныхъ опытовъ надъ пойманными животными, еще остаются безъ отвѣта; много также и попутныхъ замѣчаній ждуть своего подтвержденія, а еще очень многое нужно дополнить и исправить.

Полезьа, приносимая намъ пресмыкающимися, въ сравненіи съ пользою другихъ позвоночныхъ, необыкновенно мала. Непосредственную пользу приносятъ намъ аллигаторы и нѣкоторыя змѣи своей кожей, которой покрываются и украшаются различныя вещи, черепахи—своими пластинками щита, что составляетъ одинъ изъ важныхъ торговыхъ предметовъ, вызывающій различныя поддѣлки, идущій какъ на изготовленіе предметовъ необходимости въ нашей жизни, такъ и на бездѣлушки; кромѣ того черепахи приносятъ пользу своимъ мясомъ и яйцами. Косвенно полезны намъ ящерицы ловлей вредныхъ насѣкомыхъ и личинокъ. Напротивъ, вредъ, приносимый пресмыкающимися, болѣе значителенъ. Если мы оставимъ въ сторонѣ хищничество, отъ которыхъ страдаютъ рыбы и ихъ икра, производимыя даже маленькими черепашками, а равно и нѣкоторыми змѣями, то прежде всего наше вниманіе останавливается на большомъ количествѣ случаевъ, которые сообщаютъ намъ объ ежегодной смерти многихъ людей и домашнихъ животныхъ отъ укушенія ядовитыми змѣями и нападеній крокодиловъ. Въ этомъ случаѣ проповѣдывать пощаду было бы неумѣстно и грѣшно. Но мы должны также высказаться и за помилованіе огромной массы неповинныхъ животныхъ, терпящихъ за одно съ небольшимъ количествомъ виновныхъ. Оставимъ въ сторонѣ пресмыкающихся тропическихъ странъ, просить пощады которымъ мы не имѣемъ ни желанія, ни права, и обратимся прежде всего къ красивымъ ящерицамъ, веретеницамъ, прудовымъ черепахамъ, которыя веселятъ нашъ взоръ своей подвижностью, бодростью и беззаботностью, населяя поля, лѣса и уединенныя озера. Онѣ не вредятъ никому и поэтому

мы позволимъ себѣ сказать въ пользу ихъ слово милости. Что касается до змѣй, то мы считаемъ цѣлесообразнымъ убивать тѣхъ изъ нихъ, которыхъ мы не знаемъ хорошо, но вслѣдъ затѣмъ въ оправданіе совершеннаго всегда брать убитое животное съ собой и сохранять его въ спирту, чтобы при случаѣ показать компетентному человѣку и такимъ образомъ узнать объ ядовитости или безвредности даннаго животного. Такое знаніе, добытое личнымъ опытомъ, не будетъ безплодно и въ случаѣ, если бы убитое животное оказалось безвреднымъ, мы будемъ уже имѣть поводъ позднѣе щадить такую змѣю. При болѣе точномъ знакомствѣ вскорѣ можно научиться отличать безвредныхъ ужа и мѣдянку отъ ядовитыхъ гадюкъ, и тогда ничего не препятствуетъ любоваться жизнью и нравами неядовитыхъ змѣй. Въ Германіи мы теперь почти въ совершенствѣ знаемъ, гдѣ водятся у насъ ядовитыя змѣи и потому мы можемъ перечислить всѣ тѣ мѣстности, въ которыхъ ни viperы, ни гадюки никогда не попадались. Было бы безчеловѣчно съ нашей стороны дать суровый совѣтъ въ Пфалцѣ, въ Великомъ Герцогствѣ Гессенскомъ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ убивать всѣхъ тѣхъ змѣй, которыхъ встрѣтили на свободѣ, только потому, что между ними можетъ найтись одна гадюка, опасная своими укусами человѣку. Тамъ, гдѣ гадюка дѣйствительно водится, она извѣстна всякому, ее знаетъ каждый ребенокъ, такъ какъ родители и всякій нѣмецкій добросовѣстный учитель знакомятъ дѣтей еще въ младшихъ классахъ съ этой ядовитой змѣей. Гдѣ гадюки водятся, тамъ пусть уничтожаютъ ихъ и ихъ потомство; гдѣ же ихъ нѣтъ, щадите змѣй, такъ какъ и онѣ имѣютъ такое же право наслаждаться жизнью, какъ и человѣкъ!

Въ давнопрошедшія времена люди воздавали божескія почести тѣмъ пресмыкающимся, которыя внушали имъ страхъ. Древніе египтяне держали ручныхъ крокодиловъ вблизи своихъ храмовъ и заботливо бальзамировали ихъ трупы; жители восточной Азіи, въ особенности китайцы и японцы, придавали изображеніямъ своихъ боговъ внѣшній видъ змѣй и ящерицъ; греки и римляне идеализировали змѣй и слагали басни и пѣсни о хитрости и умѣ этихъ животныхъ, объ ихъ дарѣ прорицанія и о другихъ качествахъ. Древнегерманскія сказанія точно также повѣствуютъ о змѣяхъ и отнюдь не всегда съ отвращеніемъ. Въ наше время еще у многихъ народовъ крокодиловъ и змѣй почитаютъ и боготворятъ. Однако древніе египтяне доказали намъ также, что они были люди очень практичныя. Я самъ видѣлъ въ пещерѣ Маабде, близъ Монфалута, въ которой складывались муміи священныхъ животныхъ, тысячи молодыхъ крокодиловъ и крокодиловъ яицъ, про которыя очевидно никто не сталъ бы утверждать, что они были забальзамированы лишь послѣ естественной смерти. Они скорѣе съ достаточной очевидностью доказываютъ, что египтяне прежде всего заботились о собственной безопасности и полагали, что исполняютъ лишь священную обязанность, сохраняя земную оболочку животныхъ, которыя могли бы сильно имъ навредить, если бы выросли и размножились.

Отрядъ I.

Чешуйчатые пресмыкающіяся (Squamata)

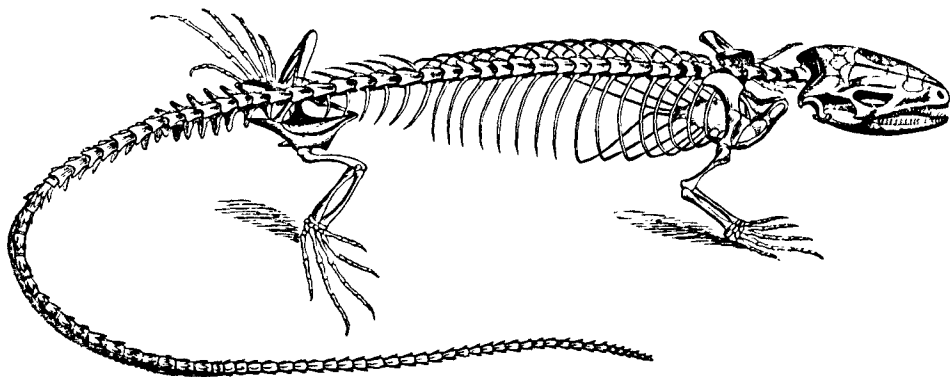
I Подотрядъ: Ящерицы (Lacertilia).

Типическою формою этого отряда можетъ служить обыкновенная миловидная ящерица, которая, безъ сомнѣнія, знакома нашимъ читателямъ по ихъ собственному наблюденію, хотя это основная форма, если можно такъ выразиться, сильно видоизмѣняется или вслѣдствіе того, что взаимное отношеніе между отдѣльными частями тѣла бываетъ другое, чѣмъ у обыкновенной ящерицы, (такъ напримѣръ могутъ неразвиться конечности и животное тогда становится похожимъ на змѣю), или у нѣкоторыхъ видовъ вырастаютъ странные шипы, кожистые гребни, лопасти и складки. Обыкновенно ящерицы по внѣшнему виду походятъ на крокодиловъ и только немногія изъ нихъ по внѣшнему виду и отсутствію ногъ похожи на змѣй, однако по внѣшнимъ и внутреннимъ признакамъ онѣ болѣе отличаются отъ крокодиловъ, чѣмъ отъ змѣй. Тѣло ихъ въ большинствѣ случаевъ ясно раздѣляется на голову, шею, туловище и конечности, но эти послѣднія могутъ быть мало развитыми и даже вовсе отсутствовать; тогда то ящерицы и принимаютъ внѣшнюю форму змѣй: но это сходство, бросающееся въ глаза несвѣдущему человѣку, оказывается поверхностнымъ и исчезаетъ при болѣе точномъ наблюденіи. Характерными признаками ящерицъ могутъ считаться: внѣшній покровъ, состоящій изъ роговыхъ чешуекъ, внутри которыхъ иногда бываютъ костяныя пластинки, иногда нѣтъ, подвижной языкъ и зубы, которые никогда не сидятъ въ ячейкахъ, но срослись съ челюстною костью. Ушное отверстіе не прикрыто кожистой складкой; барабанная перепонка находится на поверхности кожи или на днѣ очень короткой барабанной полости, иногда же въ видѣ исключенія покрыто внѣшней кожей; вѣки почти всегда подвижныя, ноздри отдѣлены одна отъ другой. Задній проходъ имѣетъ видъ поперечной щели, какъ у змѣй, а не продольной, какъ у черепахъ и крокодиловъ.

Чешуйки, представляющія большое разнообразіе формъ у различныхъ видовъ, раздѣляются на табличныя, зерновидныя, черепичатыя и мутовчатые. Табличными или зерновидными чешуйками называютъ маленькія, круглыя или многоугольныя роговыя образования, которыя всею нижнею поверхностью прирастаютъ къ кожѣ, лежатъ одно около другого и другъ друга не покрываютъ. Черепичатыя чешуйки врастаютъ въ кожу своимъ переднимъ краемъ, задняя же часть ихъ свободна, при чемъ онѣ покрываютъ другъ друга боковыми частями, а также и кончиками.

Мутовчатая чешуйка бываетъ расположена поперечными рядами одна около другой, такъ что образуютъ на тѣлѣ пояса или мутовки. Чешуйки, отличающіяся своею большою величиною и прилегающія всею нижнею поверхностью къ кожѣ, называются щитками и носятъ различныя названія, смотря по положенію и формѣ. Напримѣръ щитокъ, расположенный на концѣ рыльца, называется **рыльцевымъ**, находящіяся за нимъ парные щитки—**носовыми**, тѣ, которые прикрываютъ глаза—**бровными**, расположенный по срединѣ головы—**темяннымъ**, тѣ щитки, которые сидятъ между темянными, рыльцевыми и носовыми, называются **лобными**, задній головной щитокъ носить названіе **затылочнаго**; кромѣ того отличаютъ еще **подглазные**, **заглазные** щитки, **узdechные**, **височные** и **губные**. Однако всѣ эти наименованія вовсе не соотвѣтствуютъ одноименнымъ головнымъ костямъ и поэтому въ этомъ отношеніи употребляются неправильно. Такъ, напримѣръ, изъ такъ называемыхъ затылочныхъ щитковъ ни одинъ или только одинъ лежитъ на затылочной кости, прочіе же лежатъ на темянной кости, передній темянной щитокъ лежитъ на лобной кости и т. д. Кромѣ чешуекъ и щитковъ у ящерицъ нерѣдко встрѣчаются шипы, гребни, роговыя складки и другія роговыя образованія.

Скелеть ящерицы.

Черепъ ящерицъ значительно отличается отъ черепа крокодила. Квадратная кость, соединяющая нижнюю челюсть съ черепомъ, постоянно соединена съ симъ послѣднимъ подвижнымъ суставомъ; верхняя челюсть, за немногими исключениями, неподвижна. Отъ темянной кости идутъ въ большинствѣ случаевъ довольно большіе гребни въ видѣ дугъ по сторонамъ затылочной кости; лобная кость большею частью цѣльная и рѣдко раздѣлена по срединѣ, барабанная кость не срастается съ сосѣдними костями, носовыя кости часто недоразвиты. Позвоночный столбъ состоитъ изъ очень различнаго числа позвонковъ, которые обыкновенно имѣютъ на передней сторонѣ углубленіе, а на задней выпуклый бугорокъ, а въ видѣ исключенія—углубленія съ обѣихъ сторонъ. Крестцовыхъ позвонковъ бываетъ не болѣе двухъ, а у ящерицъ, не имѣющихъ заднихъ конечностей, ихъ едва можно отличить отъ прочихъ позвонковъ. Ребра всегда имѣютъ округленные кончики. Грудная кость, ключицы и лопатки, а также тазовыя кости могутъ быть иногда очень недоразвиты, но никогда не отсутствуютъ, какъ у змѣй. Форма ключицы имѣетъ большое значеніе, какъ отличительный признакъ между нѣкоторыми семействами ящерицъ.

Языкъ, который также очень важенъ для опредѣленія семейства, бываетъ

различной формы: иногда овъ покрытъ чешуйками или волосистыми бородавками, мясистый, спереди съ небольшою выемкой или округленный, короткій и утолщенный у основанія, тонкій и спереди болѣе или менѣе расщепленный и т. д. Болѣе подробно объ этомъ органѣ придется говорить впоследствии. Зубы бываютъ вросшіе (Acrodontes), если они сидятъ на краю челюстей и приросли къ нимъ, и приросшіе (Pleurodontes), если они вѣншей стороною своего основанія приросли къ внутренней поверхности челюстей, такъ что корень ихъ свободенъ и лишь только прикрытъ десной. Однако встрѣчаются переходы отъ одной формы зубовъ къ другимъ, напримѣръ у американскихъ варановъ и у двуходокъ. Кромѣ этихъ зубовъ у ящерицъ встрѣчаются еще зубы на небныхъ и крыловидныхъ костяхъ, впрочемъ они только рѣдко сидятъ на небныхъ костяхъ и на сошникѣ. По формѣ своему зубы бываютъ очень различны и у нѣкоторыхъ видовъ можно, пожалуй, даже различить рѣзцы, клыки и коренные зубы. Широкій пищеводъ постепенно переходитъ въ конусообразный желудокъ, который иногда спереди расширенъ, иногда перегнутъ по срединѣ и окруженъ толстымъ кольцеобразнымъ мускуломъ и всегда отдѣленъ отъ кишекъ особымъ клапаномъ; почки лежатъ за брюшную полость, имѣютъ удлинненную или лентообразную форму и на заднемъ краю часто срастаются между собою. Мочевой пузырь всегда существуетъ. Сердце имѣетъ два совершенно раздѣльныхъ предсердія, но желудочки его соединены между собою. Легкія не отдѣлены особымъ мускуломъ, похожимъ на грудобрюшную преграду, какъ у крокодиловъ, но проникаютъ въ брюшную полость; одни только вараны составляютъ здѣсь исключеніе. Особенно замѣчательны двойные или парные органы оплодотворенія ящерицъ, которыя и въ этомъ отношеніи болѣе похожи на змѣй, чѣмъ на черепахъ и крокодиловъ.

Ящерицы образуютъ наиболѣе богатый видами отрядъ пресмыкающихся; число нынѣ извѣстныхъ видовъ простирается до 1645, которые, по Буланже, можно раздѣлить на 20 семействъ. Этотъ натуралистъ впервые обратилъ вниманіе на различіе въ географическомъ распредѣленіи ящерицъ и гадовъ. Между тѣмъ какъ распредѣленіе гадовъ можно раздѣлить на двѣ области, одну, заключающую въ себѣ сѣверныя части Европы, Азии и Америки, а другую, идущую широкимъ поясомъ вдоль экватора, у ящерицъ мы замѣчаемъ двѣ области, раздѣленные первымъ меридіаномъ, изъ которыхъ одна заключаетъ въ себѣ Старый Свѣтъ и Австралію, а другая Америку. Кромѣ того тропическая африканская фауна гадовъ очень похожа на тропическую индійскую, но мы все не замѣчаемъ подобнаго сходства между ящерицами обѣихъ этихъ областей, наоборотъ, индійскіе и австралійскіе гады другъ на друга мало похожи, а ящерицы этихъ странъ похожи между собой. Мы также замѣчаемъ, что ящерицы, живущія сѣвернѣе Сахары, сходны съ тѣми, которыя водятся въ тропическихъ странахъ Африки, между тѣмъ какъ гады этихъ двухъ областей все не обнаруживаютъ сходства между собою. По этому можно съ полнымъ правомъ раздѣлить этихъ животныхъ на ящерицъ Старого Свѣта и ящерицъ Нового Свѣта, при чемъ нѣкоторыя семейства замѣняютъ другъ друга въ этихъ двухъ большихъ областяхъ: напримѣръ, агамы и настояція ящерицы Старого Свѣта замѣняются въ Новомъ Свѣтѣ легуанами и тейю.

Животныя эти распространяются, за исключеніемъ холоднаго пояса, по всему земному шару, отъ береговъ моря до границъ вѣчнаго снѣга въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ: въ плодородныхъ равнинахъ точно такъ, какъ и въ пу-

стыняхъ, по близости воды и въ совершенно безводныхъ мѣстахъ. Въ холодныхъ частяхъ умѣреннаго пояса ихъ живетъ очень немного, но по мѣрѣ приближенія къ тропикамъ, число видовъ ихъ возрастаетъ, при чемъ замѣчается большое разнообразіе формъ и болѣе яркія краски. Лишь немногіе виды живутъ въ водѣ и выходятъ на сушу лишь по временамъ какъ крокодилы, чтобы захватить добычу, нысаться или погрѣться на солнцѣ; большинство видовъ могутъ считаться земными животными въ строгомъ смыслѣ этого слова и избѣгаютъ сырыхъ мѣстностей. Нѣкоторые виды живутъ на деревьяхъ, но большинство на землѣ и на склонахъ скаль.

По формѣ тѣла этихъ животныхъ можно судить о мѣстѣ жительства ихъ. Тѣ, у которыхъ тѣло сплющено сверху внизъ, живутъ большею частью на песчаныхъ равнинахъ и прячутся подъ камнями, въ трещинахъ скаль и въ норахъ; тѣ же, тѣло которыхъ сжато съ боковъ, живутъ на кустахъ и деревьяхъ, наконецъ тѣ, у которыхъ тѣло цилиндрическое или червеобразное, большую часть времени пребываютъ въ подземныхъ норахъ и дуплахъ деревьевъ. Безногія и змѣвидныя ящерицы живутъ всегда на поверхности земли, а червеобразныя—подъ нею. Однако это правило представляетъ и нѣкоторыя исключенія.

Человѣкъ относится къ ящерицамъ не враждебно и онѣ вполне этого заслуживаютъ. На нихъ слѣдуетъ, безъ всякаго сомнѣнія, смотрѣть какъ на самыхъ высоко одаренныхъ пресмыкающихся, и онѣ рѣшительно ни въ какомъ отношеніи не уступаютъ прочимъ представителямъ этого класса. Движенія ихъ разнообразны, ловки и въ большинствѣ случаевъ очень быстры; хотя и онѣ влачатъ по землѣ свое туловище, однако бѣгаютъ чрезвычайно скоро, змѣвидно извивая свое тѣло; опираясь на хвостъ и ударяя имъ по землѣ, онѣ могутъ приподниматься съ ея поверхности и дѣлать довольно большіе прыжки. Тѣ немногіе виды, которые живутъ въ водѣ, отлично плаваютъ и ныряютъ, несмотря на отсутствіе плавательныхъ перепонокъ на ногахъ, и даже тѣ, которыя обыкновенно тщательно избѣгаютъ воды, умѣютъ двигаться въ ней съ большимъ искусствомъ, если случайно туда падутъ; тѣ ящерицы, которыя лазаютъ по скаламъ, стѣнамъ и по вѣтвямъ деревьевъ, исполняютъ это съ удивительною ловкостью. Древесныя ящерицы съ успѣхомъ пользуются своимъ длиннымъ хвостомъ для поддержанія равновѣсія, и онѣ въ состояніи точно такъ же ловко бѣгать вдоль вѣтвей и прыгать съ сучка на сучекъ, какъ ихъ родичи двигаются по землѣ. Нѣкоторыя ящерицы, благодаря широкимъ и внизу шероховатымъ пальцамъ, лазаютъ по деревьямъ въ любомъ положеніи вверхъ и внизъ на верхней, какъ на нижней сторонѣ; иныя, наконецъ, могутъ совершать большіе прыжки съ верхнихъ вѣтвей на нижнія, пользуясь при этомъ растяжимою перепонкою, которая натягивается по сторонамъ ихъ тѣла. Тѣ ящерицы, у которыхъ ноги мало развиты или ихъ вовсе нѣтъ, двигаются по землѣ на подобіе змѣй, хотя ребра у нихъ не имѣютъ такого свободнаго движенія, какъ у этихъ послѣднихъ.

Лишь немногія ящерицы имѣютъ настоящій голосъ; но большинство однако во время гнѣва фыркаетъ, шинитъ или пыхтитъ. Однако нѣкоторые виды, особенно ночные, издають довольно громкіе отдѣльные звуки, не имѣющіе, впрочемъ, никакого сходства съ ревомъ крокодила, а скорѣе напоминающіе кваканье лягушекъ или трещанье кузнечиковъ и сверчковъ; иногда же раздается пискъ или чириканье.

Между внѣшними чувствами зрѣніе постоянно развито лучше другихъ; у большинства ящерицъ глазъ хорошо развитъ и имѣетъ круглый зрачекъ; нѣкоторыя однако имѣютъ щелевидный зрачекъ, прямой или извилистый и по этому признаку

можно узнать ночных животных. После зрѣнія слѣдуетъ упомянуть о слухѣ, который у большинства ящерицъ также очень тонокъ. Всѣ виды, которые издаютъ звуки, очень обращаютъ вниманіе на шумъ, который передается имъ черезъ воздухъ или черезъ колебаніе почвы. За слухомъ слѣдуетъ развитіе обонянія и осязанія: многія ящерицы пользуются своимъ языкомъ, какъ змѣи, болѣе для ощупыванія, чѣмъ для вкуса. Вкусъ рѣдко хорошо развитъ, однако у ящерицъ, питающихся растеніями и плодами, а также у разборчивыхъ настоящихъ ящерицъ онъ настолько тонокъ, что онѣ самымъ тщательнымъ образомъ выбираютъ себѣ пищу.

Относительно понятливости ящерицы стоятъ едва ли ниже какихъ-либо другихъ пресмыкающихся: онѣ довольно наблюдательны и умѣютъ пользоваться своими наблюденіями. У насъ въ Европѣ онѣ видятъ врага въ каждомъ большомъ животномъ, а особенно въ человѣкѣ; въ южныхъ же странахъ онѣ живутъ въ большой дружбѣ съ человѣкомъ, смѣло приближаются къ нему, считаютъ себя, такъ сказать, гостями въ его жилищѣ и дѣлаются настоящими домашними животными, между тѣмъ какъ отъ другихъ враговъ онѣ осторожно убѣгаютъ. Всѣ любители, державшіе этихъ красивыхъ животныхъ въ неволѣ, утверждаютъ, что питомицы узнаютъ ихъ и, если этимъ еще не доказано, что онѣ отличаютъ своихъ хозяевъ отъ другихъ людей, то все же видно, что онѣ измѣняютъ свое поведение согласно сдѣланнымъ наблюденіямъ. Нравъ ихъ очевидно нравится людямъ: онѣ намъ кажутся, большею частью справедливо, олицетвореніемъ веселой невинности: онѣ живы, подвижны, осторожны и, въ сравненіи со своей величиной, очень смѣлы. Въ качествѣ хищныхъ животныхъ онѣ позволяютъ себѣ иной разъ поступки, которыхъ мы не можемъ, съ нашей точки зрѣнія, не порицать, напримеръ, онѣ, не задумываясь, пожираютъ своихъ дѣтенышей или крупныя ящерицы—своихъ мелкихъ родичей: несмотря на это, общественность у нихъ все-таки болѣе развита, чѣмъ у другихъ пресмыкающихся: многія изъ нихъ собираются вмѣстѣ и наблюденія показываютъ, что члены этого общества имѣютъ нѣкоторую связь между собой.

Нѣкоторыя ящерицы питаются растительными веществами, не пренебрегая, впрочемъ, совершенно и животною пищею; лишь очень немногія скорѣе голодаютъ, чѣмъ станутъ ѣсть мясо, а большинство, какъ уже выше сказано, хищники, которые ищутъ себѣ добычу въ различныхъ классахъ животнаго царства. Большіе виды нападаютъ на позвоночныхъ всѣхъ пяти классовъ, бываютъ иногда опасны маленькимъ млекопитающимъ и птицамъ, а иногда даже и большимъ, олуствуютъ гнѣзда, преслѣдуютъ всѣхъ пресмыкающихся, рѣже гадювъ и рыбъ, и охотятся кромѣ того на всѣхъ низшихъ беспозвоночныхъ животныхъ, которыхъ могутъ себѣ добыть. Маленькіе виды преимущественно питаются беспозвоночными животными, главнымъ образомъ суставчатыми, а другіе—улитками и червями. Пищевареніе у нихъ совершается быстро, особенно при высокой температурѣ; они тогда ѣдятъ чрезвычайно много и до извѣстной степени тучнѣютъ, но при неблагоприятныхъ условіяхъ могутъ, безъ видимаго вреда, долго голодать. Твердыя части своей добычи и случайно проглоченныя вмѣстѣ съ нею растительныя вещества они выбрасываютъ вмѣстѣ съ пометомъ. Почти всѣ извѣстные виды ящерицъ пьютъ жидкости лакая, съ помощью языка, быстро опуская его въ воду и снова втягивая; впрочемъ большая часть ихъ довольствуется росой, которую они собираютъ на листьяхъ и камняхъ, а нѣкоторыя, повидимому, могутъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, а можетъ быть и вовсе обходиться безъ воды.

Ежедневная жизнь этихъ животныхъ разнообразнѣе, чѣмъ у другихъ пре-

смыкающихся, но все же довольно однообразна. Подвижнѣ всего они бываютъ въ жаркихъ странахъ подѣ тропиками, особенно тамъ, гдѣ между временами года мало различія и гдѣ ящерицы не принуждены искать временной защиты отъ вліянія непогоды. Здѣсь онѣ начинаютъ свою дѣятельность уже рано утромъ и бываютъ подвижны до захода солнца, уступая затѣмъ мѣсто своимъ родичамъ, ведущимъ ночную жизнь. Первые и послѣдніе часы дня онѣ посвящаютъ охотѣ, передъ полуднемъ и послѣ полудня предаются свойственнымъ имъ удовольствіямъ, т. е. собираются въ общества, а самое жаркое время дня онѣ проводятъ въ полудремотѣ, потому что боятся чрезвычайной жары точно такъ, какъ и холода. Въ умѣренныхъ странахъ онѣ въ полуденное время лежатъ растянувшись на камняхъ или сухихъ мѣстахъ, сильно нагрѣтыхъ солнечными лучами, а въ тропическихъ странахъ онѣ въ это время отыскиваютъ себѣ тѣнистыя мѣста. Каждая отдѣльная ящерица избираетъ себѣ извѣстную область жительства, а въ ней какое-нибудь укромное мѣстечко для постоянного пребыванія, устраивая его себѣ даже иногда искусственно. Отъ этого жилища, которое можно назвать гнѣздомъ ящерицы, она никогда далеко не удаляется, а въ случаѣ опасности спѣшить туда какъ можно скорѣй. Въ этомъ отношеніи не дѣлаютъ исключенія и тѣ ящерицы, которыя живутъ въ водѣ и на деревьяхъ. Кто тщательно наблюдалъ варановъ, навѣрно замѣтилъ, что они появляются почти всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ, чтобы погрѣться на солнцѣ или поспать, а кто долго занимался ящерицами, живущими на деревьяхъ, навѣрно убѣдился въ томъ, что онѣ добровольно никогда не покидаютъ ихъ. Повидимому каждая ящерица съ нѣкоторымъ смысломъ выбираетъ себѣ мѣсто жительства, по окраскѣ подходящее къ ея цвѣту. Здѣсь она охотится за добычей, каждый видъ по своему. Всѣ зорко всматриваются въ свою жертву, при случаѣ бросаются на нее большимъ прыжкомъ, схватываютъ ее, раздавливаютъ между зубами и глотаютъ по возможности головою впередъ. Послѣ обильной ѣды ящерицы дѣлаются вялыми, но никогда не впадаютъ въ состояніе совершеннаго расслабленія и равнодушія къ окружающему, какъ змѣи. Послѣ захода солнца дневныя ящерицы постоянно прячутся въ свои убѣжища, а при плохой погодѣ остаются тамъ по нѣскольку дней и даже недѣль. Всѣ виды этого отряда, которые не живутъ на деревьяхъ или въ водѣ въ странахъ, гдѣ царствуетъ вѣчная весна, проводятъ неблагоприятное время года въ состояніи, похожемъ на зимнюю спячку млекопитающихъ. Въ средней Европѣ ящерицы осенью прячутся въ подземныя норки и, проспавъ тамъ всю зиму, появляются лишь въ началѣ весны; тѣ виды, которые въ Германіи спятъ только пять мѣсяцевъ, въ сѣверной Европѣ или высоко на горахъ остаются въ состояніи окоченѣнія отъ 6—8 мѣсяцевъ. Что подобное окоченѣніе происходитъ и въ тропическихъ странахъ доказывается хотя одиночными, но совершенно согласными наблюденіями свѣдущихъ путешественниковъ.

Скоро послѣ пробужденія весною, какимъ бы образомъ это ни произошло, у ящерицъ проявляется стремленіе къ размноженію. Тогда замѣчается между ящерицами сильное возбужденіе; часто видишь, какъ два самца яростно преслѣдуютъ другъ друга, нерѣдко дерутся, кусаются и треплютъ одинъ другого. Только въ это время самцы и самки живутъ близко другъ около друга. Нѣсколько недѣль спустя яйца, числомъ отъ 2 до 30, готовы къ кладкѣ, и мать приготовляетъ для нихъ довольно заботливо и старательно надлежащее гнѣздо, вырывая въ рыхлой землѣ или во мху, въ гнилomъ деревѣ или въ муравьиныхъ или термитовыхъ кучахъ ямку, куда она кладетъ яйца и слегка закрываетъ ихъ. Яйца мало отличаются отъ яицъ другихъ пресмыкающихся, имѣютъ тягучую, кожистую,

мягкую скорлупу, заключающую въ себѣ малое количество известки, большой маслянистый желтокъ и совершенно жидкій бѣлокъ. Нѣкоторыя, напримѣръ цѣпкопалыя, кладутъ яички съ твердой скорлупой. Черезъ нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ, смотря по тому, когда они положены, яйца созрѣваютъ и дѣтеныши вылупляются безъ всякой помощи со стороны родителей и съ первыхъ же дней своей жизни ведутъ себя, какъ эти послѣдніе.

Такъ бываетъ чаще всего, но нѣкоторыя ящерицы яицъ не кладутъ, а рождаютъ живыхъ дѣтенышей; иногда совершенно такъ-же, какъ млекопитающія, иногда же яйца настолько сильно развиваются въ тѣлѣ матери, что оболочка ихъ лопається и дѣтеныши вылупляются изъ яицъ еще до рожденія. У безногихъ ящерицъ можно замѣтить у зародышей присутствіе конечностей, которыя при дальнѣйшемъ ростѣ остаются недоразвитыми и исчезаютъ при вылупленіи дѣтенышей. Такъ, Борнъ нашелъ у зародыша веретеницы, величиною въ 4,2 мм. свободно выдающіяся переднія конечности, которыя совершенно были похожи на конечности зародышей обыкновенныхъ ящерицъ и другихъ позвоночныхъ. Въ сѣверныхъ странахъ дѣтеныши, родившіеся позднимъ лѣтомъ, еще разъ линяютъ, а затѣмъ отыскиваютъ себѣ удобное мѣсто для зимней спячки. О способности возобновлять утраченныя части тѣла мы уже говорили выше. Булаже сдѣлалъ у ящерицъ интересное наблюденіе, что, въ случаѣ новаго выростанія сломаннаго хвоста, часто на немъ замѣтна другая форма чешуекъ и иное расположеніе ихъ. Между тѣмъ какъ ящерагоды замѣняютъ потерянный хвостъ такимъ же, и то же самое замѣчается у настоящихъ ящерицъ и веретеницъ, у цѣпкопалыхъ ящерицъ первоначальная форма часто значительно измѣняется. Особья видоизмѣненія въ формѣ чешуй происходитъ у *Gymnophthalmus*, который покрытъ круглыми и черепицеобразными чешуйками: новый хвостъ его имѣетъ устройство чешуекъ, похожее на чешуйки ящерицы тейю, въ свою очередь похожей на *Cercosaura*, примѣрно какъ у *Heterodactylus*. Наоборотъ, вновь выросшій хвостъ желтопузика покрытъ черепичатыми чешуйками, какъ у веретеницы, между тѣмъ какъ въ первоначальной формѣ этотъ хвостъ покрытъ килевидными мугловчатыми чешуйками. Вышеупомянутый натуралистъ справедливо замѣчаетъ, что эти новыя образованія чешуекъ слѣдуетъ считать возвращеніемъ къ первобытной формѣ животнаго, и что по нимъ не только можно дѣлать правильныя заключенія о положеніи въ системѣ трудно опредѣляемыхъ родовъ и видовъ пресмыкающихся, но что эти явленія указываютъ на ходъ постепеннаго образованія этихъ родовъ изъ первоначальныхъ формъ. Еще интереснѣе наблюденіе, сдѣланное Лидеккеромъ, именно, что это явленіе уже замѣчается у исчезнувшихъ формъ: онъ замѣтилъ у первобытнаго желтопузика (*Orphisaurus*), найденнаго въ третичной формации, что уже въ то время вновь выросшій хвостъ покрывался чешуйками другого вида, чѣмъ обыкновенно.

Ящерицы подвержены нападенію враговъ болѣе, чѣмъ другія пресмыкающіяся. Множество хищниковъ преслѣдуетъ ихъ и нападаютъ на нихъ во всѣхъ возрастахъ ихъ жизни. Большіе виды ящерицъ, благодаря своей силѣ и зависящаго отъ нея мужества, въ значительной степени обезпечены отъ нападеній другихъ животныхъ, но маленькіе виды служатъ добычею виверрамъ, куницамъ и вонючкамъ, грифамъ, орламъ, соколамъ и сарычамъ, совамъ, воронамъ, куринымъ, болотнымъ и воднымъ птицамъ, змѣямъ и, наконецъ, болѣе крупнымъ ящерицамъ, такъ что слѣдуетъ удивляться, какъ эти животныя могутъ иногда избѣгать всѣхъ этихъ разнообразныхъ враговъ. Человѣкъ также иногда присоединяется къ числу враговъ и преслѣдователей этихъ безобидныхъ созданій и дѣлаетъ это безъ всякой цѣли, а только изъ любви къ уничтоженію другихъ существъ. Нѣ-

которыхъ ящерицъ считаютъ, совершенно несправедливо, ядовитыми, другихъ принимаютъ за змѣй, и онѣ должны терпѣть послѣдствія ненависти къ этимъ пресмыкающимся тварямъ. И то и другое несправедливо: ядовитой слѣдуетъ считать только одну ящерицу, именно ядозуба (*Heloderma*), живущаго въ Сѣверной Америкѣ, да и онъ бываетъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ опасенъ для людей. Правда, что ящерицы не приносятъ никакой замѣтной пользы, но онѣ и не причиняютъ никакого вреда человѣку. Мясо нѣкоторыхъ большихъ видовъ съѣдобно и даже европейцы находятъ его довольно вкуснымъ, другія ящерицы насъ радуютъ своею граціозною подвижностью на свободѣ, а также красотой формъ и безвредностью, если ихъ держать въ клѣткахъ, а большинство ихъ питается животными, которыя намъ неприятны. Только немногія ящерицы опасны своимъ хищничествомъ среди домашнихъ птицъ или тѣмъ, что онѣ уничтожаютъ ихъ яйца, другія пугаютъ слабонервныхъ людей своимъ сходствомъ со змѣями и подозрительнымъ шуршаніемъ въ травѣ. Вотъ все, что можно сказать о пользѣ и вредѣ ящерицъ. Большаго значенія для насъ онѣ не имѣютъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ничего не дѣлаютъ такого, за что ихъ должно было бы преслѣдовать.

Чрезвычайное разнообразіе формъ этого отряда пресмыкающихся не дозволяетъ въ популярномъ сочиненіи подробно описать огромное количество нынѣ извѣстныхъ видовъ ихъ; поэтому на слѣдующихъ страницахъ мы будемъ говорить лишь о самыхъ важныхъ представителяхъ различныхъ группъ ящерицъ, при чемъ придется даже пропустить нѣкоторыя семейства, такъ какъ образъ жизни животныхъ, къ нимъ относящихся, до сихъ поръ еще мало извѣстенъ. Натуралисту, который не имѣетъ въ своемъ распоряженіи первокласнаго естественно-историческаго музея и полной коллекціи научныхъ сочиненій по этой отрасли знанія, въ высшей степени трудно оріентироваться въ существующей еще до сихъ поръ путаницѣ названій и описаній различныхъ ящерицъ; кто же желаетъ ознакомиться съ образомъ жизни пресмыкающихся и кое-что разсказать объ этомъ въ популярномъ сочиненіи, тотъ часто находится въ самомъ затруднительномъ положеніи, такъ какъ матеріала для этого онъ почти нигдѣ не находитъ. Вслѣдствіе этого необходимо въ значительной степени ограничить число описываемыхъ видовъ.

Едва ли о какой-либо группѣ пресмыкающихся такъ много сочинено басенъ, какъ о **Цѣлкопалыхъ** или **Генконахъ**, ночныхъ ящерицахъ, которыя живутъ въ жаркихъ странахъ всѣхъ частей свѣта и имѣютъ очень своеобразную внѣшность. Древніе ихъ называли «*Stellio*», потому что, какъ намъ объясняетъ Овидій, на спинѣ у нихъ замѣчаются маленькія звѣздообразныя пятнышки (*Stella*—звѣзда). Аристотель говоритъ, что стелліоны живутъ въ комнатахъ на окнахъ и въ подземельяхъ, лазаютъ по стѣнамъ и часто падаютъ съ потолка на столъ въ кушанья. Они спятъ въ ясляхъ, влѣзаютъ ослама въ ноздри и мѣшаютъ имъ ѣсть, далѣе, что укушеніе ихъ ядовито, и что они въ теченіи четырехъ холодныхъ мѣсяцевъ въ году прячутся и ничего не ѣдятъ, а весной и осенью линяютъ и сами съѣдаютъ свою кожу. Геснеръ говоритъ: «стелліоны съѣдаютъ свою кожу вслѣдствіе недоброжелательства къ людямъ, чтобы не давать имъ возможности пользоваться этимъ прекраснымъ лекарствомъ отъ падучей болѣзни и потому у юристовъ существуетъ терминъ «*Titul stellionatus*», которымъ обозначаютъ, когда кто-либо вымогаетъ и отнимаетъ что-либо обманомъ или хитростью. Говорятъ, что у стелліоновъ существуетъ инстинктивная вражда къ скорпіонамъ, такъ что если они только увидятъ ихъ, то сильно пугаются и покрываются холоднымъ потомъ. Поэтому это живот-

ное варять въ маслѣ и получаютъ лекарство, употребляемое противъ укуса скорпионовъ.» Плиніи утверждаетъ, что гекко доставляетъ очень опасное снадобье; если его утопить въ винѣ или умертвить въ мази, то люди, употребляющіе это вино или эту мазь, получаютъ множество веснушекъ. «Многіе нарочно даютъ такую мазь красивымъ дѣвушкамъ съ злостнымъ намѣреніемъ уничтожить ихъ красоту.» Къ счастью, Плиніи даетъ и противоядіе: если смѣшать яичный желтокъ съ медомъ и щелокомъ, то это снадобье уничтожаетъ вредное дѣйствіе предыдущаго. По мнѣнію этого натуралиста укушеніе гекко въ Греціи смертельно, а въ Сициліи неопасно.

Подобныя басни рассказываются во многихъ мѣстахъ еще и до сихъ поръ и находятъ наивныхъ людей, которые имъ вѣрятъ. Старый писатель Бонциусъ, которому мы обязаны многими дѣльными наблюдениями, повѣствуетъ объ одномъ гекконѣ, живущемъ въ Индіи, слѣдующія страшныя вещи: «укушеніе его столь ядовито, что смерть слѣдуетъ послѣ него черезъ нѣсколько часовъ, если укушенная часть тѣла не будетъ отрублена, или ее не прижгутъ каленымъ желѣзомъ. Это я испыталъ самъ на матросѣ, который лежалъ въ госпиталѣ въ Батавіи: у него сдѣлался пузырь, какъ отъ сильнаго обжога кипяткомъ только потому, что така ящерица пробѣжала у него по груди. При вскрытіи этого пузыря вытекла желтая вонючая матерія, и мясо подъ нею было черное, какъ орѣховое дерево; на этомъ мѣстѣ сдѣлался антоновъ огонь и мясо, къ нашему большому удивленію и ужасу, стало отваливаться кусками въ два пальца толщины. Ящерица эта имѣетъ столь острые зубы, что она оставляетъ ими слѣды на стали. Ея пасть ярко-краснаго цвѣта, какъ горящая печь. Къ ужасу тамошнихъ жителей она часто попадаетъ въ ихъ спальняхъ, и люди часто принуждены ломать свои хижины, чтобы прогнать оттуда этихъ животныхъ. Яванцы отравляютъ свое оружіе ихъ кровью и слюною; безсовѣстные люди, которыхъ много въ этой странѣ, для того, чтобы приготовить ядъ, вѣшаютъ этихъ ящерицъ за хвостъ и собираютъ въ глиняный сосудъ желтую липкую слюну, которую гекконы выпускаютъ въ ярости, а затѣмъ сушатъ ее на солнцѣ; поэтому они всегда держатъ у себя и воспитываютъ этихъ отвратительныхъ животныхъ. Даже моча ихъ производитъ пузыри на кожѣ.» Хасельквистъ утверждаетъ, что цѣлкопала ящерица, живущая въ Египтѣ, выпускаетъ ядъ изъ бороздокъ, находящихся на ея широкихъ пальцахъ, и увѣряетъ, что видалъ двухъ женщинъ и одну дѣвушку, которыя были при смерти вслѣдствіе того, что поѣли сыру, отравленную этою ящерицей. Миссіонеръ, который схватилъ это скверное животное, получилъ отъ прикосновенія пузыри на рукахъ, которыя горѣли точно отъ обжога крапивой. Тотъ, кто поѣсть кушанья, черезъ которое пробѣжала эта ящерица, дѣлается паршивымъ и т. д. Подобныя же басни сообщали Пелпигу въ Перу. Одинъ встрѣчающійся тамъ гекко, говорятъ, такъ ядовитъ, что даже прикосновеніе къ нему опасно. Ядъ выдѣляется изъ нижней поверхности пальцевъ, и онъ дѣйствуетъ не столь быстро, но такъ-же смертельно, какъ и ядъ змѣй. Индѣйцы знаютъ это хорошо и, отрубивши ему ноги, смѣло хватаютъ животное руками. Эта ящерица, къ счастью, сама не нападаетъ на человѣка, и подвергается опасности лишь тогда, когда она неожиданно падаетъ съ потолка, или ее нечаянно схватишь, подымая что-нибудь изъ темнаго угла. Такъ какъ вышеупомянутый путешественникъ при разсмотрѣніи животнаго въ хорошую лупу замѣтилъ, что чешуи его совершенно сухія, и при анатомированіи «на сколько позволяла опасность отъ животнаго» подъ кожей не видалъ ни желѣзокъ, ни пузырьковъ съ ядомъ, то онъ предполагаетъ, что ящерица эта выпускаетъ ядъ по своему произволу. Онъ думаетъ, что хорошимъ средствомъ противъ этого яда мо-

гутъ служить выжиганія ѣдкою жидкостью и натиранія горячимъ масломъ, такъ какъ, хотя ядъ этотъ несомнѣнно силенъ, но все же не такъ опасенъ, какъ змѣиный, который черезъ рану вводится въ кровь. Подобныя страшныя исторіи рассказываются и въ другихъ частяхъ Америки, въ Африкѣ, въ Индіи и даже въ южной Европѣ. Индѣйцы и негры рассказывали братьямъ Шомбурггъ слѣдующее: «когда гекко упадетъ съ потолка или съ балки на крышѣ на голую кожу человѣка, то расширенія на пальцахъ, содержащія ядъ, расправляются и впиваются въ мясо, отчего происходитъ опухоль, причиняющая очень скорую смерть.» Поэтому люди боятся цѣлкопалыхъ точно такъ, какъ ядовитыхъ змѣй. Въ южной Европѣ всѣ совершенно убѣждены въ ихъ ядовитости. «Ихъ не только обвиняютъ въ томъ», замѣчаетъ принцъ Бонапартъ, «что они портятъ кушанья своими ногами, но даже ложно утверждаютъ, что если они пробѣгутъ по груди человѣка, то у него мгновенно свертывается кровь. Матери ежедневно пугаютъ своихъ дѣтей этою страшною басней». Однимъ словомъ недоувѣріе и отвращеніе къ цѣлкопалымъ есть всеобщее явленіе, а все-таки оно совершенно незаслужено!

Фитцингеръ возвелъ это семейство въ отдѣльный отрядъ, но мы считаемъ ихъ только однимъ изъ семействъ ящерицъ (*Geckonidae*). Согласно мнѣнію Гюнтера цѣлкопалыя отличаются отъ другихъ ящерицъ своими позвонками, вогнутыми съ обѣихъ сторонъ, неполными надглазными и темянными дугами на черепѣ и почти всегда парными темянными костями. Но у нихъ, какъ и у другихъ ящерицъ, встрѣчается столбикъ. Булаже прибавляетъ къ этимъ признакамъ гладкій или покрытый шерстистыми бородавками языкъ и широкія, на концѣ петлеобразныя ключицы.

Цѣлкопалыя (*Geckonidae*. *Haftzeher*. *Ascalabotes*) большею частью небольшія, короткія, плоскія ящерицы темнаго цвѣта. На головѣ у нихъ замѣчается удлиненная, сзади расширенная, а около лба вогнутая, спереди круглая, сильно расщепленная щучья морда; особенно обращаютъ вниманіе большіе глаза, какъ у всѣхъ ночныхъ животныхъ; зрачекъ у нихъ при дневномъ свѣтѣ превращается въ узкую, продольную, часто бахромистую щель, а вѣкъ, повидимому, совсѣмъ нѣтъ. Настоящія вѣки встрѣчаются только у нѣкоторыхъ родовъ, у прочихъ же, какъ у змѣй, кожа покрываетъ глазъ и образуетъ надъ нимъ круглую прозрачную складку, замѣняющую вѣко. Только немногіе роды, напримѣръ живущіе въ восточно-африканскихъ нѣмецкихъ колоніяхъ *Lygodactylus*, имѣютъ круглый зрачекъ и потому должны считаться дневными животными. Ушное отверстіе также имѣетъ видъ продольной щели. Шея очень короткая и толстая, туловище также короткое, округленное, сверху и снизу сплюснутое, иногда съ бахромками по бокамъ; очень ломкій хвостъ имѣетъ среднюю длину, толстый, у основанія круглый или также плоскій, иногда по сторонамъ онъ окаймленъ кожистой складкой. Ноги очень короткія, а пальцы имѣютъ совершенно своеобразное строеніе, которое можетъ считаться главнымъ признакомъ этого семейства. У большинства видовъ пальцы относительно коротки, по динѣ мало отличаются одинъ отъ другого, очень часто между собою соединены кожицею и снизу снабжены пластичатыми подушечками, состоящими изъ поперечныхъ кожистыхъ листочковъ различной величины, формы и положенія; эти подушечки даютъ животному возможность бѣгать по очень гладкимъ поверхностямъ въ какомъ угодно положеніи. У нѣкоторыхъ присасывательныя подушки занимаютъ всю нижнюю поверхность пальцевъ, у другихъ же только часть ея; у первыхъ подушечка раздѣлена на двѣ части, у вторыхъ этого раздѣленія не замѣчается; у иныхъ расширены лишь

последние суставы пальцев, у других же подушечки замѣняются круглыми бородавками, у нѣкоторыхъ наконецъ пальцы устроены такимъ же образомъ, но согнуты и т. д. Однимъ словомъ строеніе пальцевъ въ высшей степени разнообразно, и зоологи пользуются этимъ признакомъ, чтобы раздѣлить этихъ ящерицъ на нѣсколько родовъ и видовъ. У большинства видовъ замѣчаются острые, подвижные, часто даже втяжные когти, но случается, что на нѣкоторыхъ, а иногда и на всѣхъ пальцахъ когтей нѣтъ. Внешній покровъ состоитъ изъ маленькихъ

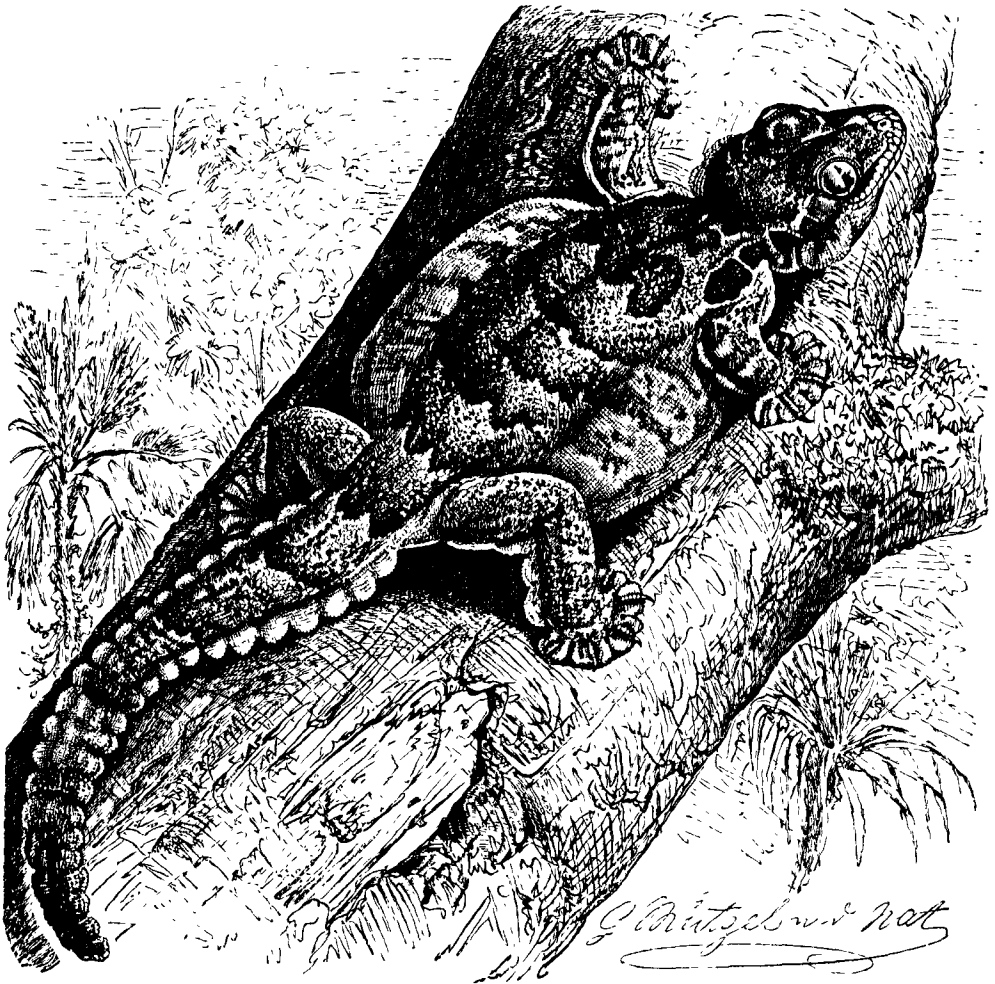
Дископалый гекко. *Hemidactylus turcicus*. Наст. вел.

лежащихъ другъ около друга возвышеній или чешуекъ, между которыми иногда встрѣчаются и большія. Только немногіе виды покрыты круглыми чешуйками, какъ у сцинковыхъ. Зубовъ бываетъ всегда очень много, но они не отличаются разнообразіемъ, такъ какъ почти всѣ одинаковой формы и величины, и только задніе постепенно дѣлаются короче. Нижняя часть зубовъ цилиндрическая, а коронка имѣетъ видъ нѣсколько сжатого съ боковъ острія. Особенно большихъ зубовъ, похожихъ на клыки, не замѣчается, нѣтъ зубовъ и на небѣ. По изслѣдованіямъ Пультона, при открываніи пасти и кусаніи верхняя челюсть двигается кверху, что и понятно, такъ какъ морда соединена подвижно съ костями черепа.

Семейство цѣлопалыхъ раздѣляется примѣрно на 50 родовъ, но различіе ихъ имѣетъ значеніе лишь для зоологовъ, такъ какъ отличительные признаки отдельныхъ родовъ незначительны, а значеніе всѣхъ сюда относящихся животныхъ для человѣка почти одинаково. Поэтому мы ограничимся описаніемъ трехъ видовъ, изъ которыхъ каждый служить представителемъ особаго рода.

* * *

Полупальми гекко (*Hemidactylus Halbzeher*) называютъ тѣ виды, у кото-

Лопастнохвостый гекко. *Rhuchozoen homaloccephalum*. Наст. вел.

рыхъ присоски находятся только при основаніи пальцевъ, а предпоследній и послѣдній суставы имѣютъ обыкновенное строеніе. Присоска раздѣляется продольной бороздкой на двѣ половины. Нижняя часть хвоста покрыта щитками. У самцовъ есть железистыя отверстія около задняго прохода и на бедрахъ.

Представителемъ этого рода въ южной Европѣ служитъ **Дископальный гекко** (*Hemidactylus turcicus*, *Lacerta turcica*, *Gecko cyanodactylus* и *meridionalis*,

Hemidactylus triedrus, *granosus*, *verruculatus* и *cyanoactylus*. *Scheibenfinger* *Gecko verruculeux*). Это маленькая ящерица 9—10 см. длины, у которой замѣчается 14—16 продольныхъ рядовъ неясно треугольныхъ бородавокъ, изъ которыхъ часть окрашена въ бѣлый, а другая въ черноватый цвѣтъ; верхняя часть тѣла имѣетъ мясной пвѣтъ съ сѣровато-бурыми пятнышками. По мнѣнію Вернера дископалый гекко отличается отъ другихъ видовъ тѣмъ, что у него замѣчается переменна цвѣтовъ: въ темнотѣ онъ кажется молочно-бѣлымъ и какъ бы просвѣчивающимъ, а при дневномъ свѣтѣ его спина принимаетъ разные оттѣнки отъ свѣтло-бурого до темно-бурого. Онъ живетъ въ тѣхъ же странахъ, какъ и стѣнной гекко, но по юго-восточному направленію доходить до береговъ Краснаго моря и до Сивда.

* *

Лопастнохвостый гекко (*Ptychozoön. Fältler.*) отличается кожистой складкой по сторонамъ тѣла, которая образуетъ и на хвостѣ кожистую каемку; пальцы ихъ соединены между собой кожей по всей длинѣ и четыре изъ нихъ снабжены когтями.

Единственный сюда относящійся видъ **Лопастнохвостый гекко** (*Ptychozoön homalosephalum*, *Lacerta homalosephala*, *Platydactylus* и *Gecko homalosephalus*, *Pteropleura horsfieldi*. *Faltengecko. Platydactyle frangé.*) принадлежитъ къ числу самыхъ странныхъ по внѣшности животныхъ этого семейства. Онъ имѣетъ отъ 18—20 см. длины; верхняя сторона тѣла имѣетъ желтовато-зеленый масляный цвѣтъ, переходящій по сторонамъ въ красновато-бурый; на этомъ фонѣ замѣчаются ломанныя поперечныя полоски и зигзаги бурого, темно-бурого или чернаго цвѣта; складчатая кожа на щекахъ свѣтло-мясного цвѣта съ темно-бурыми точечками, на кистевомъ суставѣ замѣчается буроватое колечко, нижняя часть тѣла сѣровато-желтая, а кольцо кругомъ глазъ золотисто-желтое. Кромѣ острова Лвы, гдѣ этотъ гекко встрѣчается особенно часто, онъ еще живетъ на Суматрѣ, Борнео, Малаккскомъ полуостровѣ и островахъ Луюкіу.

* *

У **Широкопалыхъ гекко** (*Tarentola. Breitzeher.*) присоски занимаютъ всю нижнюю поверхность пальцевъ, изъ которыхъ первый, второй и пятый лишены когтей. Присоска не раздѣляется продольной полоской и железистыхъ отверстій на бедрахъ и около задняго прохода не замѣчается.

Сюда относится **Стѣнной гекко** (*Tarentola mauritanica*, *Lacerta mauritanica*, *Gecko muricatus*, *mauritanicus*, *fascicularis* и *stellio*, *Platydactylus muralis*, *fascicularis*, *mauritanicus* и *facetanus*, *Ascalabotes mauritanicus*. *Mauergecko. Gecko des murailles*), маленькое животное 12—16 см. длины, изъ которыхъ хвостъ занимаетъ половину. Верхняя часть тѣла бываетъ разнаго цвѣта отъ свѣтло-желтовато-сѣраго, просто-сѣраго и бурого, черно-бурого до матово-чернаго цвѣта, на которомъ иногда замѣчаются полоски, иногда же вся верхняя сторона одноцвѣтная и какъ бы покрыта пылью. Нижняя часть тѣла грязно-желтовато-бѣлая. Голова покрыта неровностями, на спинѣ находится отъ 7 до 9 продольныхъ рядовъ бородавокъ, изъ которыхъ каждая состоитъ изъ 3—4 маленькихъ очень близко другъ отъ друга стоящихъ возвышеній; брюшко гладкое и покрыто чешуйками. Область распространенія этого животнаго простирается на всѣ страны, окружающія Средиземное море; особенно обыкновенно оно въ Испаніи, на островахъ, окружающихъ Италію, и въ сѣверной Африкѣ. Въ южную Францію (Портъ Вандръ,

Сеттѣ, Марсель, Тульнѣ и т. д.) ящерица эта завезена кораблями, напримѣръ въ Сеттѣ она встрѣчается только въ той части города, которая граничитъ съ гаванью, гдѣ пристають алжирскіе корабли.

Семейство цѣлкопалыхъ, которыхъ теперь извѣстно до 270 видовъ, распространено теперь по всемъ жаркимъ странамъ земного шара; ящерицы эти живутъ не только на материкѣ, но также и на островахъ, расположенныхъ внутри области

Стѣнной гекко. *Tarentola mauritanica*. Наст. вел.

ихъ распространенія, даже на такихъ, которые одиноко лежатъ въ океанѣ и которые, по всей вѣроятности, никогда не были соединены съ материкомъ. Онѣ живутъ какъ въ низменностяхъ, такъ и на горахъ, въ лѣсу точно такъ, какъ и въ безлѣсной пустынѣ, среди большихъ и многолюдныхъ городовъ точно такъ, какъ подъ сводами уединеннаго колодца на большой дорогѣ въ пустынѣ.

Всѣ гекконы встрѣчаются почти на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, и образъ жизни ихъ болѣе или менѣе одинаковъ. Они живутъ на стѣнахъ и деревьяхъ, между валунами и скалами, и очень охотно—въ человѣческихъ жилищахъ, отъ погребовъ

до крышъ. Тѣ изъ нихъ, которые окрашены въ зеленый цвѣтъ, живутъ только на деревьяхъ, а другіе встрѣчаются какъ между растениями, такъ и на стѣнахъ и въ домахъ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они водятся, они большею частью очень многочисленны и привлекаютъ къ себѣ вниманіе людей, такъ какъ это единственныя ящерицы, которыя могутъ производить звуки своею гортанью, иначе говоря, которыя имѣютъ голосъ.

Днемъ гекконы мало замѣтны, такъ какъ они по большей части ночныя животныя и уже при восходѣ солнца отыскиваютъ себѣ возможно темныя уголки, гдѣ бы они могли спрятаться; они заползаютъ подъ каменья и подъ отставшую кору деревьевъ, въ щели и ямки и только тогда остаются на стѣнѣ или на древесномъ стволѣ, когда окраска окружающей среды похожа на ихъ собственную или они по опыту знаютъ, что обитатели того жилища, гдѣ они поселились, имъ не сдѣлаютъ вреда. Однако они точно такъ, какъ и другія пресмыкающіяся, любятъ грѣться подъ лучами полуденнаго солнца, причѣмъ на такихъ стѣнахъ, которыя бываютъ отчасти затѣнены, они перебираются изъ тѣни въ освѣщенную часть. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ ихъ не преслѣдуютъ, можно видѣть сотни гекконовъ на одной стѣнѣ, дюжины—на одномъ и томъ же деревѣ, такъ какъ они любятъ общество себѣ подобныхъ, хотя и не всегда живутъ въ мирѣ между собой; можетъ быть эти сборища происходятъ оттого, что они умѣютъ найти самое подходящее мѣсто въ извѣстномъ участкѣ и туда собираются въ большомъ количествѣ. Съ наступленіемъ ночи они дѣлаются живѣе и начинаютъ охотиться за всякими мелкими животными, именно: мухами, комарами, пауками, жуками, небольшими гусеницами и т. п., причѣмъ умѣютъ очень ловко овладѣвать своей добычей. Большіе виды, по словамъ Мартенса, преслѣдуютъ также маленькихъ животныхъ своего семейства; вообще всѣ они точно такъ же прожорливы, какъ и другія ящерицы. При началѣ своей дѣятельности они издаютъ очень замѣтный короткій звукъ, который можно примѣрно передать слогами «еко» или «токи», производимый въ болѣе высокихъ или болѣе низкихъ тонахъ. У маленькихъ видовъ голосъ часто сильнѣе, чѣмъ у большихъ, напримѣръ дископальный гекко кричитъ громче, чѣмъ стѣнной. **Песочный гекко** (*Ptenopus garrulus*), часто встрѣчающійся въ окрестностяхъ нѣмецкой колоніи Ангра-Пеквена, кричитъ тоже и днемъ, и его рѣзкій голосъ, по словамъ Смита, вслѣдствіе большого количества этихъ животныхъ, такъ рѣжетъ ухо, что путешественникъ иногда принужденъ переходить съ мѣста на мѣсто, чтобы отыскать себѣ болѣе спокойный уголокъ для отдохновенія. Пехуэль Леше, напротивъ, говоритъ, что ни онъ, ни жена его не находили чиреканье этихъ животныхъ безпокойнымъ, напротивъ того, оно имъ нравилось, такъ какъ напоминало стрекотанье сверчковъ на родинѣ. Почти всѣ гекконы издаютъ звуки гортанью, но среднеазиатскій **Стреночущій гекко** (*Teratoscincus*) имѣетъ удивительную способность стрекотать большими черепицеобразными пластинками своего хвоста, вродѣ того, какъ жукъ-усачъ скрипитъ посредствомъ тренія головы о грудной щитокъ. Штраухъ полагаетъ, что этими звуками гекко привлекаетъ кузнечиковъ, которые ему служатъ пищею. Странный музыкантъ, который добываетъ себѣ пропитаніе съ помощью хвоста!

Движеніе гекконовъ продолжается втеченіе всей ночи и представляетъ дѣйствительно очень странное явленіе. Неудивительно, что новичку кажется страннымъ, что гекко, животное, похожее на ящерицу, съ удивительною ловкостью и большою увѣренностью лазаешь по отвѣснымъ гладкимъ стѣнамъ, быстро переходитъ даже на потолокъ и тамъ сбѣгаетъ точно по полу. Непривычному человѣку

странно видѣть, какъ это животное нѣсколько минутъ сряду бываетъ какъ бы прилѣплено къ потолку, какъ затѣмъ оно быстро подвигается впередъ, повидимому безпомощно поворачивая вправо и влѣво своимъ толстымъ хвостомъ, какъ оно извивается на подобіе змѣи, причемъ внимательно наблюдаетъ все окружающее своими большими и свѣтящимися ночью глазами, съ намѣреніемъ гдѣ-нибудь увидать добычу. Неудивительно, что, слыша повсюду дурные отзывы объ этой ящерицѣ, путешественнику вначалѣ не нравится это красивое животное и возбуждаетъ въ немъ даже отвращеніе; но это послѣднее чувство является только у тѣхъ, которые не даютъ себѣ труда ближе познакомиться съ образомъ жизни гекконовъ. Я не понимаю, какъ Шомбургкъ, который можетъ считаться наблюдателемъ безъ предвзятыхъ идей, счелъ нужнымъ неодобрительно отозваться объ этихъ безвредныхъ животныхъ. «Еще противнѣе ядовитыхъ змѣй», говоритъ онъ, «было для насъ присутствіе гекконовъ или «лѣсныхъ рабовъ», какъ ихъ называютъ колонисты, которые въ неисчислимомъ количествѣ собирались на стѣнахъ, стропилахъ и крышахъ нашихъ жилищъ, какъ только началось дождливое время года. Ужасные рассказы индѣйцевъ подѣйствовали и на насъ и сдѣлали для насъ ненавистными этихъ, по всей вѣроятности, безвредныхъ животныхъ. Часто случалось, что во время нашихъ вечернихъ собраній внезапно падалъ такой непрошенный гость къ намъ на столъ, что легко можетъ случиться, такъ какъ гекконы постоянно другъ за другомъ гоняются и кусаются; тогда въ одно мгновеніе всѣ вскакивали съ мѣстъ и не усаживались до тѣхъ поръ, пока отвратительное животное не было удалено. Наше отвращеніе къ этимъ безобразнымъ ящерицамъ было такъ сильно, что мы никогда не ложились раздѣтыми въ наши гамаки».

Мнѣ также пришлось по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ жать въ домахъ, гдѣ гекконы жили массама, и меня поразили первые экземпляры этихъ ящерицъ, которыхъ я увидалъ; но это своеобразныя и безвредныя существа мнѣ скоро понравились и часто помогали мнѣ коротать время. Это настоящія домовыя животныя въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова, чѣмъ мыши и во всякомъ случаѣ гораздо полезнѣе этихъ послѣднихъ. Днемъ движенія ихъ дѣйствительно кажутся неуклюжими, особенно тогда, когда имъ угрожаютъ и они какъ можно скорѣе скрываются въ свои убѣжища; точно также не въ ихъ пользу говорить и то, что они отъ страха, какъ нѣкоторые жуки, часто внезапно падаютъ на полъ, причемъ обыкновенно у нихъ отваливается хвостъ. Когда же наступитъ ихъ время дѣятельности, т. е. темнота, то натуралистъ или внимательный наблюдатель долженъ на нихъ смотрѣть, если не съ восхищеніемъ, то по крайней мѣрѣ съ интересомъ. Даже Шомбургкъ признаетъ, что ловкость и быстрота, съ которою они бѣгаютъ по стѣнамъ, другимъ гладкимъ поверхностямъ или стропиламъ, иногда кажется баснословною, а также, что они въ высшей степени своеобразно киваютъ головой, особенно тогда, когда сидятъ смирно; если же все это его не такъ занимало какъ меня, то въ этомъ онъ виноватъ самъ. Первый вечерній крикъ гекконовъ доставлялъ намъ всегда большое удовольствіе, когда мы вечеромъ собирались въ нашихъ жилищахъ въ Каирѣ, Донголь, Хартумѣ или другихъ мѣстностяхъ долины Нила, видали этихъ животныхъ на темныхъ глиняныхъ стѣнахъ или въ соломенныхъ хижинахъ и имѣли возможность наблюдать, какъ эти ящерицы бѣгали точно при видѣніи и усердно охотились за добычей.

Движенія гекконовъ хотя довольно неувѣренны, но въ высшей степени быстры и поразительно ловки. При быстромъ бѣгѣ они извиваются такъ замѣтно, что кажется, будто каждый шагъ представляетъ для нихъ затрудненіе; но если наблюдать, какъ они весело и живо двигаются, какъ, играя, гоняются другъ за другомъ

или серьезно дерутся, то скоро убѣждаешься въ ложности этого мнѣнія. Они плотно прижимаются своимъ животомъ къ поверхности, по которой двигаются, при лазаніи по отвѣснымъ стѣнамъ захватываютъ большую поверхность, какъ можно дальше раздвигаютъ свои ноги, а также пальцы,; опираются еще кромѣ того на хвостъ и такимъ образомъ двигаются съ большою увѣренностью, чѣмъ всякая другая лазающая ящерица. По наблюденіямъ Кантора, лопастьхвостые гекко, благодаря кожистымъ оторочкамъ, служащимъ имъ парашютомъ, могутъ производить довольно большіе прыжки, между тѣмъ, какъ другіе виды, которые иногда пытаются скакнуть, если торопятся и возбуждены, большею частью теряютъ равновѣсіе и падаютъ на полъ. Правъ ихъ соответствуетъ живости ихъ движеній: ночью они точно такъ же безпокойны и легко возбуждаются, какъ ящерицы днемъ; вообще они по своимъ способностямъ не уступаютъ этимъ послѣднимъ, хотя по строенію тѣла на нихъ мало похожи. Напримѣръ ихъ смѣлость и любовь къ дракамъ точно такъ же сильны, какъ и у ящерицъ. Въ большомъ обществѣ гекконы почти всегда живутъ во враждѣ между собой, преслѣдуютъ другъ друга, безпрестанно ссорятся и очень умѣло и съ успѣхомъ пользуются своими зубами. Большіе виды даже пытаются защищаться отъ человѣка, раскрываютъ насколько можно свою пасть, дико смотрятъ на нападающаго и такъ сильно кусаются, что могутъ прокусить кожу человѣка. Это рассказываютъ, напримѣръ, Теобальдъ и Мартенсъ про одного большого гекко, распространеннаго по всей южной Азіи; туземцы боятся этого гекко до смѣшного, не только изъ-за страшнаго его вида, но также изъ-за его привычки кусаться.

Я ловилъ несчетное число разъ гекконовъ, держалъ ихъ въ рукахъ и внимательно разсматривалъ ихъ и ихъ присоски, причемъ не чувствовалъ ни малѣйшаго вреда отъ прикосновенія къ этимъ животнымъ, которыхъ считаютъ столь ядовитыми; никакого яда я у нихъ не замѣчалъ, такъ какъ у нихъ на пальцахъ вовсе нѣтъ «клейкой жидкости», о которой говорятъ нѣкоторые писатели. Уже Юмъ, который серьезно изслѣдовалъ цѣпкопалыхъ, высказываетъ мысль, что гекко образуетъ посредствомъ своего присоска безвоздушное пространство и этимъ придерживается на гладкихъ поверхностяхъ; въ этомъ отношеніи Юмъ вполне правъ. Прикосновеніе къ присоскамъ дѣйствительно возбуждаетъ ощущеніе, какъ будто трогаешь что-то клейкое, но дѣйствительнаго клейкаго вещества, которое могло бы отравить, навѣрно не замѣчалъ ни одинъ натуралистъ, который серьезно изучалъ этихъ ящерицъ. Ни одинъ изъ натуралистовъ, которые говорятъ объ этомъ клеѣ, не подумалъ, что если бы эта жидкость дѣйствительно существовала, то гекко скоро не могъ бы пользоваться своими ногами, такъ какъ къ присоскамъ пристало бы много пыли и грязи, и ими животное не могло бы больше прилѣпляться къ стѣнѣ. Гекко очевидно держится на предметахъ въ силу воздушнаго давленія, и онъ можетъ лазать и быстро бѣгать на самыхъ гладкихъ поверхностяхъ, напримѣръ зеркалахъ и мраморныхъ плитахъ. Если схватить подобную ящерицу, которая ползетъ по зеркалу, то чувствуешь небольшое, но очень замѣтное сопротивленіе, которое очевидно происходитъ отъ давленія воздуха.

Когда я писалъ о гекконахъ, то получилъ отъ моего брата Рейнгольда извѣстіе, что у него гекко живетъ въ неволѣ, и такъ какъ я зналъ, что онъ не побойтся воображаемой опасности изслѣдованія, то и попросилъ его еще разъ изучить способ лазанія этихъ животныхъ и сообщить мнѣ свои наблюденія. Въ отвѣтъ на эту просьбу я получилъ слѣдующее. «Согласно твоему желанію, я нѣсколько разъ изслѣдовалъ ноги стѣннаго гекко, и ни разу не нашелъ и слѣда клейкой жидкости; строеніе пальцевъ этого маленькаго звѣрка такого рода, что

онъ вовсе не нуждается въ клейкой жидкости, чтобы держаться и бѣгать по стѣнамъ. Всѣ его пальцы въ высшей степени подвижны, и пальцы на переднихъ ногахъ отличаются отъ пальцевъ на заднихъ только тѣмъ, что пятый палецъ заднихъ ногъ длиннѣе соответствующаго передняго и вообще самый длинный изъ всѣхъ. Гекко можетъ располагать крайніе пальцы не только подъ прямымъ, но даже подъ тупымъ угломъ съ сосѣдними, да и второй палецъ каждой ноги такъ подвиженъ, что животное можетъ имъ описывать довольно большую дугу, между тѣмъ какъ третій и четвертый могутъ быть только незначительно отдалены другъ отъ друга. Послѣдніе, т. е. третій и четвертый палецъ, при лазаньи служатъ главнымъ образомъ для придержанія тѣла на мѣстѣ, а три остальныхъ имѣютъ значеніе для присасыванія при перемѣщеніи. Эта необыкновенная подвижность пальцевъ при боковыхъ движеніяхъ приноситъ очевидно животному большую пользу, но она еще увеличивается тѣмъ, что второй и третій суставы двухъ первыхъ и пятого пальца имѣютъ совершенно своеобразное движеніе, именно суставы эти могутъ становиться подъ прямымъ угломъ одинъ къ другому. Уже давно извѣстныя кожистыя пластинки на присоскахъ во время покоя складываются какъ пластинки вѣера, такъ что разрѣзы между ними совершенно исчезаютъ, между тѣмъ, какъ они дѣлаются очень замѣтными, когда животное примѣняетъ свои пальцы къ лазанью по стѣнамъ. На ощупь они похожи на бархатъ. Какъ бархатъ при незначительномъ нажатіи пристаётъ къ довольно гладкимъ поверхностямъ, точно такъ прилѣпляется и гекко къ неровнымъ стѣнамъ своими бархатистыми пальцами, что облегчается еще крючковатыми и острыми коготями третьяго и четвертаго пальцевъ. Во время покоя когти отчасти втянуты, какъ у кошки, но тотчасъ выставляются, когда животное хочетъ лезть. Несмотря на это, ты вполне правъ утверждая, что гекко поддерживается на вертикальныхъ поверхностяхъ воздушнымъ давленіемъ, которое проявляется тогда, когда животное ставитъ свои присосковые листочки перпендикулярно къ поверхности, между тѣмъ какъ при движеніи на землѣ они лежатъ наклонно; такимъ образомъ происходятъ пустыя пространства между листочками, которыя и служатъ причиною воздушнаго давленія».

Браукъ, который еще разъ изслѣдовалъ ноги гекконовъ, замѣтилъ, что прилипаніе ихъ представляетъ собою двѣ дѣятельности. Сначала нижняя часть пальцевъ прижимается къ поверхности, по которой ящерица лезаетъ, посредствомъ сокращенія мускуловъ и тѣмъ выдавливается воздухъ между пальцами и поддерживающею поверхностью. Когда же давленіе нѣсколько ослабнетъ, то листочки присосковъ становятся въ перпендикулярное положеніе посредствомъ особыхъ мускуловъ, причемъ дѣйствуетъ также упругость густыхъ волосковъ, которые покрываютъ эти листочки, и такимъ образомъ происходитъ безвоздушное пространство между всею подошвою и стѣною. При линяньи возобновляется также вышеупомянутый слой изъ волосковъ.

Въ высшей степени замѣчательны большіе выпуклые глаза гекко, имѣющіе цвѣтъ свѣтлой бронзы; радужная оболочка имѣетъ металлическій блескъ, точно она бронзирована гальваническимъ путемъ; зрачекъ продолговатый и съ бахромчатыми краями, а при сильномъ свѣтѣ онъ превращается въ тонкую, черную поперечную и волнистую линію, которая дѣлитъ глазное яблоко на двѣ одинаковыя половины. Если затѣнить глазъ, то зрачекъ расширяется очень быстро, сначала дѣлается продолговатымъ, затѣмъ почти круглымъ и, наконецъ, занимаетъ всю видимую часть глазного яблока, такъ что радужная оболочка замѣтна по обѣимъ сторонамъ только въ видѣ узкой каемки, а наверху и внизу она почти совершенно исчезаетъ.

Гекконы обращают мало вниманія на другихъ пресмыкающихся и вообще позвоночныхъ, развѣ только тогда, когда они въ другомъ, болѣе сильномъ существѣ видятъ врага. Въ южной Европѣ довольно трудно наблюдать цѣпкопалыхъ ящерицъ, вѣроятно потому, что онѣ здѣсь повсюду безъ всякой нужды преслѣдуются и становятся очень боязливыми; въ Африкѣ же, напротивъ того, онѣ вовсе не боятся людей и очень къ нимъ довѣрчивы, что очень располагаетъ всѣхъ въ ихъ пользу; но, дѣлаясь очень осторожными при преслѣдованіи, онѣ въ то же время постепенно привыкаютъ къ другимъ животнымъ и даже къ человѣку, такъ что становятся въ извѣстной степени ручными. «Въ комнатѣ, гдѣ проводили вечера дамы моего семейства», рассказываетъ Теннентъ, «одна изъ этихъ довѣрчивыхъ и интересныхъ ящерицъ поселилась за рамкой картины. Когда зажигали свѣчи, гекко появлялся на стѣнѣ, чтобы получить обычно предлагаемую ему пищу, состоящую изъ различныхъ крошекъ; если на него не обращали вниманія, то онъ постоянно напоминалъ о себѣ громкимъ «чик, чик, чик». Въ квартирѣ одного офицера въ крѣпости въ Коломбо приучили другого гекко ежедневно появляться вечеромъ, когда садились обѣдать. Онъ появлялся очень правильно, когда подавали десертъ. Семейство офицера уѣхало изъ этой квартиры на нѣсколько мѣсяцевъ и его отсутствіемъ воспользовались, чтобы привести въ порядокъ все помѣщеніе; стѣны обили новыми обоями, выбѣлили потолки и даже сняли крышу, чтобы ее починить. Всѣ предполагали, что маленькій обитатель этой квартиры удалился изъ нея, вслѣдствіе столь сильныхъ перемѣнъ, но это было невѣрно. При возвращеніи своихъ прежнихъ пріятелей онъ появился съ прежнею пунктуальностью въ первый же разъ, когда былъ накрытъ столъ, и снова сталъ выпрашивать себѣ подачки». Подобную же исторію рассказываетъ Мелендорфъ о другомъ гекко въ нѣмецкомъ консульскомъ домѣ въ Манильѣ. «Дѣти такъ привыкли къ этимъ довѣрчивымъ сожителямъ нашимъ, что каждому изъ нихъ дали особое имя, — на примѣръ «безхвостый Ванька» не пропускаетъ ни одного завтрака или обѣда и постоянно появляется среди насъ, чтобы получить подачку».

Подобныя наблюденія, которыя каждый можетъ произвести, казалось бы, должны были расположить людей къ этимъ безвреднымъ животнымъ, а вмѣсто того ихъ преслѣдуютъ и убиваютъ безъ всякой нужды. «Гекко представляетъ», говоритъ совершенно справедливо принцъ Бонапартъ, «ясный примѣръ людской неблагодарности. Этотъ звѣрекъ всѣми силами старается очистить комнаты, гдѣ онъ поселяется вмѣстѣ съ нами, отъ пауковъ, комаровъ и другихъ докучливыхъ насѣкомыхъ и за это благодаряніе, вмѣсто благодарности, его преслѣдуютъ и на него клеветуютъ!»

Всѣ европейскіе гекконы кладутъ два почти шарообразныхъ яичка съ твердой бѣлой известковой скорлупой. Бауеръ сообщаетъ, что жившій у него въ неволѣ яванскій лопастоносный гекко въ ноябрѣ также положилъ только два яйца, изъ которыхъ дѣтеныши выползли только въ серединѣ мая. Только одинъ новозеландскій гекко, *Naultinus elegans* составляетъ исключеніе: по словамъ Коленса, видъ этотъ рождаетъ живыхъ дѣтенышей всегда по двое и время беременности продолжается пять съ половиною мѣсяцевъ.

Къ сожалѣнію, гекконовъ очень трудно держать въ тѣсной неволѣ и въ средней Европѣ они очень плохо переносятъ зиму и часто околѣваютъ. Даже ловить ихъ не такъ то легко. Днемъ относительно довольно легко ихъ захватить, если только они спрятались не слишкомъ высоко: ночью же поимка этихъ быстрыхъ животныхъ очень затруднительна, а часто даже невозможна. При сколько-нибудь неосторожномъ прикосновеніи хвостъ у нихъ отламывается, точно стеклянный, что,

конечно, не составляет большой потери, такъ какъ уже черезъ нѣсколько дней нарастаетъ новый хвостъ, а черезъ мѣсяцъ онъ уже получаетъ прежній видъ, хотя находящіяся въ немъ позвонки еще не появились; но внѣшній покровъ этого хвоста измѣняется: онъ дѣлается гладкимъ, безъ шишвидныхъ бугорковъ и въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ сломанъ, нѣсколько утолщенъ. Гекко живётъ по прежнему, но вначалѣ, конечно, очень неприятно видѣть это животное изуродованнымъ, а затѣмъ обращеніе съ нимъ дѣлается въ высшей степени затруднительнымъ. Хвостъ очень часто снова ломается даже при самомъ осторожномъ обращеніи; можно положительно сказать, что очень рѣдко удаётся въ цѣлости перенести гекко изъ одной клѣтки въ другую. Жизнь въ тѣсномъ помѣщеніи, повидимому, дѣлаетъ животное скучнымъ и безпокойнымъ: оно всегда остается боязливымъ и раньше, чѣмъ успѣешь его приручить, приходитъ злая зима, которая постоянно бываетъ губельна для гекко. Вслѣдствіе этого рѣдко можно видѣть цѣлкупалыхъ въ неволѣ у любителей. Только въ послѣднее время научились дольше содержать этихъ животныхъ живыми, именно, искусственно воспитывая для нихъ подходящій кормъ, (личинки маленькихъ жуковъ). Въ хорошо устроенномъ павильонѣ зоологическаго сада, гдѣ втеченіе цѣлаго года поддерживается одинаковая температура, этимъ ящерицамъ живется легче; здѣсь не особенно трудно ихъ держать и зимою.

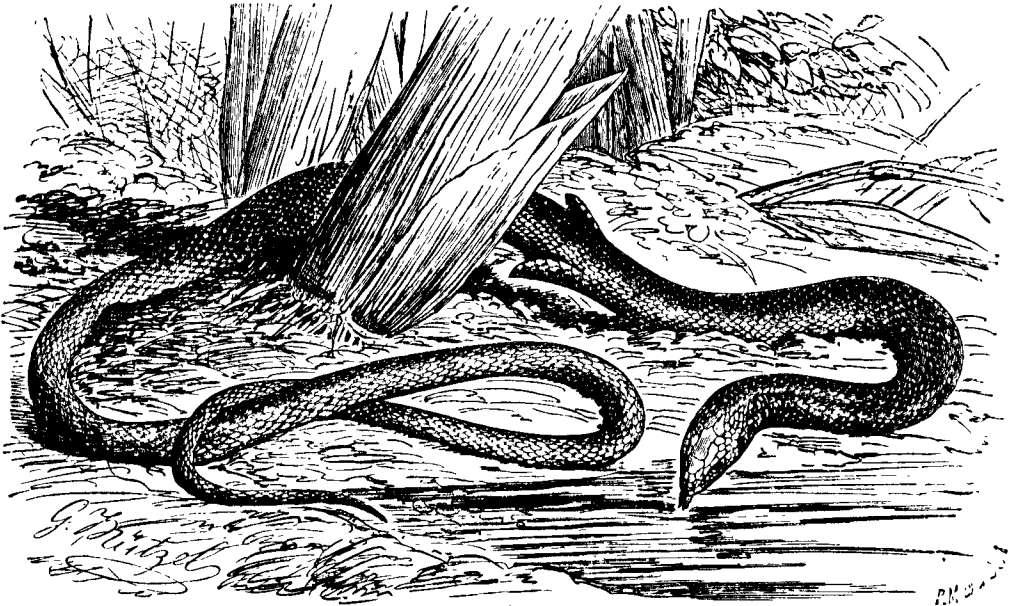
«Мой плѣнникъ», пишетъ мнѣ братъ, «ѣсть мухъ, которыхъ схватываетъ быстрымъ прыжкомъ, предварительно долго къ нимъ присматриваясь; мучныхъ червей онъ, кажется, не любитъ, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ онъ постоянно отъ нихъ отказывался. Считаю долгомъ еще сообщить, что мнѣніе древнихъ, будто гекко при линяніи сѣдаетъ свою собственную кожу изъ недоброжелательства къ человѣку, такъ какъ эта кожа представляетъ собою очень хорошее лекарство противъ падучей болѣзни, основывается на дѣйствительномъ фактѣ. Мой гекко дѣйствительно сожралъ свою кожу на этихъ дняхъ. Линяніе началось со спины и постепенно распространялось на голову и шею; здѣсь кожа дольше всего оставалась прикрѣпленной къ тѣлу. Какъ только гекко совершенно освободился отъ старой кожи, то захватилъ ее въ пасть и постепенно сталъ глотать, повидимому безъ услія».

Чешуеноги (*Pygopus*. *Schuppenfüsser*) образуютъ особое семейство *Pygopodidae*; это австралійскія ящерицы очень страннаго вида, которыя отличаются длиннымъ, тонкимъ змѣвиднымъ туловищемъ, на которомъ, повидимому, переднихъ конечностей вовсе нѣтъ, а заднія конечности получили видъ ластовидныхъ придатковъ. Языкъ покрытъ шерстистыми бородавками, ключицы на внутренней сторонѣ не развиты, на маленькихъ глазахъ нѣтъ подвижныхъ вѣкъ. По строенію черепа они близки къ гекконамъ, и поперечный узкій зрачекъ приближаетъ ихъ къ семейству цѣлкупалыхъ и легко отличаетъ ихъ отъ веретеницъ, около которыхъ ихъ ставили прежде въ системѣ. Извѣстно 6 родовъ съ 8 видами этихъ животныхъ, которыя водятся только на материкѣ Австраліи, въ Тасманіи и Новой Гвинее.

Чешуеногъ или **Новоголландскій желтопузикъ** (*Pygopus lepidopus*, *Bipes lepidopus* и *novae-hollandiae*, *Hysteropus* и *Scheltopusik novae-hollandiae*. *Flossenfuss*) животное, имѣющее 52—58 см. длины съ хвостомъ, длина котораго вдвое больше длины туловища. Голова удлиненная, морда спереди острая, мало отдѣленная отъ туловища, сверху покрыта большими щитками, а по сторонамъ маленькими че-

шуйками; ухо очень замѣтно и расположено вкось; верхнее и нижнее вѣки совсѣмъ мало развиты, неподвижны и покрыты маленькими чешуйками; туловище цилиндрическое, очень тонкое, почти одинаковой толщины по всей длинѣ, очень длинный хвостъ къ концу постепенно суживается и сверху покрытъ, какъ и спина, килеватыми мутовчатыми чешуйками. Заднія конечности образуютъ два придатка, похожіе на плавники, которые на концѣ закруглены и покрыты черепичатыми чешуйками. Верхняя часть тѣла имѣетъ сѣровато-блѣдно-бурый цвѣтъ; у большинства экземпляровъ замѣтенъ красивый рисунокъ, состоящій изъ 3 или 5 рядовъ черноватыхъ пятенъ, проходящихъ отъ головы къ кончику хвоста; горло бѣлое, прочія части тѣла съ сѣрымъ налетомъ. О жизни чешуенога мы знаемъ лишь то, что это животное встрѣчается въ Австраліи и Тасманіи и живетъ на подобіе на-

Чешуеногъ. *Rugopus lepidopus*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

шей веретеницы. Его особенно часто встрѣчаютъ въ болѣе жаркой сѣверной части Викторіи.

На югѣ и востокѣ Стараго Свѣта къ вышеозначеннымъ ящерицамъ присоединяется многочисленное семейство Агамъ (*Agamidae*), которыхъ извѣстно нынѣ 30 родовъ и болѣе 200 видовъ. Вѣшность сюда относящихся ящерицъ въ высшей степени разнообразна: туловище иногда короткое, иногда вытянутое, иногда сплюснутое сверху внизъ, иногда сжатое съ боковъ, но вообще довольно плотное, голова короткая и широкая, хвостъ вельможій, длинный, острый или короткій и толстый, конечности хорошо развиты. Голова покрыта многочисленными маленькими, плоскими или немного выпуклыми щитками неодинаковой величины. Спина, бока и нижняя часть тѣла покрыты большими, большею частью ромбоидальными черепичатыми чешуйками. Къ нимъ присоединяются очень часто различныя удлиненныя роговыя образованія, которыя иногда покрываютъ одну голову остриями и зубцами, иногда образуютъ гребень на спинѣ и хвостѣ, иногда же расположены по всему

тѣлу. Языкъ толстый, прикрѣпленъ по всей своей длинѣ къ нижней части полости рта, на концѣ округленный или съ легкой выемкой и не можетъ выдвигаться изъ рта. Зубы срослись съ внутреннимъ краемъ челюстей и на каждой челюсти замѣчается нѣсколько зубовъ, которые больше другихъ и похожи на клыки. Ключицы на нижнемъ концѣ не расширены. Во всемъ остальномъ агама такъ мало похожи другъ на друга, что болѣе подробное описаніе должно быть отнесено къ отдѣльнымъ родамъ ихъ.

Область распространенія агамъ начинается въ юго-восточной Европѣ, на югъ простирается до мыса Доброй Надежды, на востокъ—до Китая, и включаетъ въ себѣ южно-азиатскіе острова, Австралію и Полинезію. Наибольшее развитіе получаютъ агама въ южной Азіи, такъ какъ здѣсь живетъ около половины всѣхъ извѣстныхъ видовъ. Прочія распредѣляются по Австраліи, которая относительно богата этими ящерицами, и распространяются черезъ степи средней и западной Азіи, а также черезъ всю Африку до Греціи и южной Россіи. Почти всѣ виды могутъ быть названы болѣе или менѣе вполне наземными животными; многія изъ нихъ живутъ даже въ самыхъ сухихъ и безводныхъ мѣстностяхъ своего отечества, между тѣмъ какъ другія встрѣчаются только въ сырыхъ странахъ, но здѣсь держатся почти исключительно на деревьяхъ. Про агамъ можно сказать, что онѣ оживляютъ пустыни Африки и Средней Азіи точно такъ, какъ украшаютъ собою роскошные лѣса южной Азіи. Уже самые древніе путешественники любовались ими и говорили о нихъ съ восхищеніемъ; онѣ и нынѣ поражаютъ тѣхъ, кто видитъ ихъ при естественныхъ жизненныхъ условіяхъ, во всемъ великолѣпіи ихъ удивительной и часто подверженной измѣненію окраски. Всѣ виды должны считаться безвредными животными: даже лучше всего вооруженныя изъ нихъ не причиняютъ никакого вреда ни человѣку, ни живущимъ въ ихъ отечествѣ высшимъ животнымъ. Большинство изъ нихъ питается различнаго рода насѣкомыми, а нѣкоторые, можетъ быть большее число, чѣмъ мы въ настоящее время предполагаемъ, ѣдятъ также растительныя вещества, плоды, травы и листья деревьевъ, которые онѣ собираютъ на землѣ или на вѣтвяхъ деревьевъ. Всѣ, повидимому безъ исключенія, кладутъ яйца, изъ которыхъ дѣтеныши вылупляются черезъ нѣсколько времени послѣ кладки ихъ, и ни одинъ изъ извѣстныхъ видовъ не родитъ живыхъ дѣтенышей.

* *
*

«Мнѣ сказали», такъ рассказываетъ Геродотъ, «что около города Бутуса въ Аравіи есть мѣстность, гдѣ живутъ летающія змѣи; поэтому я сѣзидилъ туда и увидѣлъ невѣроятное количество толстыхъ и тонкихъ костей, которыя лежали большими и маленькими кучками. Мѣстность эта находится въ окруженной горами долинѣ, которая открывается въ обширную Египетскую равнину. Мнѣ говорили, что эти летающія змѣи весною летятъ изъ Аравіи въ Египетъ, но въ концѣ долины встрѣчаютъ ибисовъ, которые ихъ уничтожаютъ поэтому эти птицы и пользуются въ Египтѣ такимъ почетомъ. По вѣшнему виду эти змѣи похожи на водяныхъ, а крылья ихъ не состоятъ изъ перьевъ, а похожи на перья летучихъ мышей. Изъ Аравіи получается ладонъ, мирра, кассія и корица. Крылатая змѣя охраняетъ деревья, производящая ладонъ (тѣ самыя змѣи, которыя прилетаютъ цѣлыми стаями въ Египетъ); ихъ однако можно прогнать дымомъ смолы стиракса». Трудно теперь сказать, о какихъ животныхъ повѣствуетъ самый древній историкъ, однако возможно предположить, что уже тогда имѣли кое-какія свѣдѣнія о маленькихъ древесныхъ ящерицахъ Остъ-Индіи, которыя хотя и не имѣютъ настоящихъ крыльевъ, тѣмъ не менѣе снабжены органами, похожими на парашютъ. Эти маленькія без-

вредныя животныя только по названію похожи на баснословныхъ драконовъ змѣй-горынычей, которыхъ представляли себѣ громадными крылатыми змѣями или крокодилами, снабженными чудовищными крыльями; впрочемъ, названіе свое онѣ все-таки получили отъ этихъ баснословныхъ животныхъ.

Драконы (*Draco*, *Drachen*, *Dragons*) отличаются тѣмъ, что пять или шесть ложныхъ реберъ съ каждой стороны оттопырены и соединены полукруглой перепонкой, которая въ спокойномъ состояніи можетъ быть сложена и служить для той же цѣли, какъ боковыя складки кожи у летяги и сумчатого летуна, но у драконовъ эта перепонка не соединена съ конечностями. На серединѣ горла виситъ другая складка кожи и по сторонамъ горла также замѣчаются небольшія складки кожи. Голова толстая и высокая, морда короткая и тупая, шея довольно длинная, тѣло сжато и съ боковъ худощавое, хвостъ длинный, тонкій и къ концу постепенно суживается. Ноги отличаются своею относительною длиною и стройностью, на лапахъ какъ спереди, такъ и сзади находится по пяти длинныхъ тонкихъ пальцевъ, которые снабжены короткими крючковатыми когтями. Маленькія круглыя ноздри расположены на одномъ небольшомъ, очень выдающемся щиткѣ, но расположеніе ихъ различное: иногда онѣ направлены вверхъ, иногда въ стороны. Глаза имѣютъ среднюю величину и снабжены хорошо развитыми вѣками. Зрачекъ круглый, что соответствуетъ дневной жизни животнаго. Барабанная перепонка замѣтна у всѣхъ видовъ, но у иныхъ она голая, а у другихъ покрыта маленькими чешуйками. Голова также покрыта очень маленькими чешуйками, которыя превращаются въ довольно маленькіе щитки только на краяхъ губъ; подобныя же маленькія тонкія чешуйки покрываютъ и все прочее тѣло. Во рту замѣчаются отъ 3—4 переднихъ зубовъ, по два зуба, похожихъ на клыки, и много трехконечныхъ коренныхъ зубовъ въ каждой челюсти. Бедренныхъ железокъ нѣтъ.

Самымъ замѣчательнымъ органомъ драконовъ является, безъ сомнѣнія, перепонка, поддерживаемая ложными ребрами, такъ какъ подобнаго образованія не замѣчается ни у одного другого животнаго. Какъ извѣстно, только однѣ змѣи пользуются своими ребрами, какъ органами движенія, но у нихъ всѣ ребра служатъ для одной цѣли и отчасти замѣняютъ недостающія конечности, между тѣмъ какъ у драконовъ только часть реберъ служитъ для того, чтобы помогать дѣятельности хорошо развитыхъ конечностей. По замѣчанію Мартенса, особенно страннымъ является то обстоятельство, что на родинѣ дракона встрѣчается наибольшее количество летающихъ или вѣрнѣе далеко прыгающихъ млекопитающихъ, что здѣсь даже нашли летающихъ лягушекъ, между тѣмъ какъ въ тропической Африкѣ живутъ только такъ называемыя летающія бѣлки, а въ тропическихъ странахъ Южной Америки вовсе нѣтъ млекопитающихъ, снабженныхъ такими парашютами.

Летающій драконъ (*Draco volans*, *praepos*, *viridis*, *fuscus* и *daudini*. *Flugdrache*, *Dragon volant*.) можетъ считаться наиболѣе извѣстнымъ изъ 21 нынѣ описанныхъ видовъ. Это интересное животное достигаетъ 21 см. длины, изъ которыхъ 12,5 см. приходится на длинный, тонкій хвостъ. Ноздри расположены по сторонамъ морды, барабанная перепонка не покрыта чешуйками и меньше глазъ. У самца замѣтенъ кожистый гребень на затылкѣ, а у обоихъ половъ находится по маленькому тупому бугорку на задней части надглазной дуги. Спина покрыта неправильными килеватыми чешуйками; вдоль боковъ идетъ рядъ большихъ килеватыхъ чешуекъ, образующихъ неправильно-ломанную линію. Окраска сильно измѣняется, какъ у всѣхъ драконовъ, не только по мѣстностямъ, но даже у от-

ЛИТ. ШТАДЛЕРЪ И ПАТРИНОТЪ С. П. Б.

ЛЕТАЮЩІЙ ДРАКОНЪ.

дѣльныхъ экземпляровъ. Красота ихъ, впрочемъ, какъ очень опредѣленно выражается Канторъ, превосходить всякое описаніе. Голова живого дракона металлически-бураго или зеленаго цвѣта и украшена чернымъ пятномъ между глазами, спина и задняя часть парашюта окрашены смѣсью темно-бураго и розово-краснаго цвѣтовъ съ металлическимъ отливомъ; у нѣкоторыхъ экземпляровъ замѣчаются поперечныя полосы, состоящія изъ многочисленныхъ черныхъ пятенъ и короткихъ неправильныхъ черточекъ. Окраска передней части парашюта измѣняется отъ оранжево-желтаго до розово-краснаго, и на ней также замѣчаются неправильныя черныя пятна или поперечныя полосы, а по краямъ парашютъ украшенъ серебряной каемкой. По конечностямъ и хвосту проходятъ у нѣкоторыхъ экземпляровъ чередующіяся розово-красныя и бурныя поперечныя полосы, а надъ вѣками замѣчаются короткія, лучистыя, черныя линіи. Горловой мѣшокъ у самца ярко-оранжево-желтый, а у самки—синеватый. Грудь представляетъ ту же окраску съ черными точечками. Боковые шейные наросты бываютъ желтоватыя или розово-серебристыя, и также съ черными пятнами. Подобныя же пятна видны и на нижней поверхности летательной перепонки, но здѣсь они часто принимаютъ бурый цвѣтъ. Летящій драконъ встрѣчается на Зондскихъ островахъ и на южной части Малайскаго полуострова. По образу жизни онъ не отличается отъ своихъ родичей.

Всѣ драконы должны считаться древесными ящерицами въ полномъ смыслѣ этого слова: по доброй волѣ они, вѣроятно, никогда не бываютъ на землѣ. Они большей частью живутъ въ густыхъ вѣтвяхъ деревьевъ, почему ихъ присутствіе замѣчаютъ гораздо рѣже, чѣмъ если бы они жили болѣе открыто. Хотя распространеніе ихъ довольно значительно, но ихъ трудно замѣтить и рѣдко можно видѣть, даже если они поселились въ садахъ жилищъ европейцевъ. Они постоянно держатся высоко на деревьяхъ и большей частью сидятъ тамъ неподвижно, особенно въ полуденныя часы, когда солнце сильно грѣетъ. Поэтому ихъ великолѣпная и пестрая окраска вовсе не бросается въ глаза. Этихъ животныхъ можно замѣтить въ тѣни листьевъ или на толстыхъ сучкахъ только тогда, когда къ нимъ подойдешь очень близко, да и тогда видишь только смѣсь сѣраго и бураго цвѣтовъ, очень сходную съ окраской древесной коры. При этихъ условіяхъ даже при очень внимательномъ наблюденіи, у этихъ животныхъ не замѣчаешь никакихъ признаковъ жизни, кромѣ безпокойно движущихся глазъ, которые слѣдятъ за мимо летающими насѣкомыми. Если добыча пролетаетъ недалеко отъ дракона, то онъ внезапно расправляетъ свою перепонку, съ помощью ея дѣлаетъ большой прыжокъ въ воздухъ, почти всегда схватываетъ добычу, а затѣмъ опускается на другую вѣтвь. Но даже и въ этомъ случаѣ красота цвѣтовъ не бросается въ глаза: она дѣлается замѣтной только при очень близкомъ созерцаніи. По сообщеніямъ прежнихъ наблюдателей, драконы могутъ съ помощью своей перепонки переноситься на разстояніе 6—10 м., но, какъ всѣ животныя, снабженныя подобными парашютами, они двигаются только по наклонной плоскости сверху внизъ, или только немного поднимаются вверхъ. Ихъ движенія отличаются отъ движеній другихъ древесныхъ ящерицъ въ значительной степени тѣмъ, что они не бѣгаютъ, а подвигаются впередъ прыжками.

Хотя драконы въ нашихъ глазахъ и кажутся безоружными и бевобидными животными, но самцы, которые отличаются отъ самокъ болѣе длиннымъ и болѣе ярко окрашеннымъ горловымъ мѣшкомъ, ведутъ между собою жестокіе бои. Это видно уже по украшеніямъ на горлѣ и шеѣ, которыя у всѣхъ пресмыкающихся, да и не у однихъ ихъ, обозначаютъ легко возбуждающійся нравъ. Однако, положительныхъ наблюденій объ этихъ дракахъ мы до сихъ поръ не имѣемъ: мы

знаемъ только, что самцы, повидимому, встрѣчаются въ гораздо большемъ числѣ, чѣмъ самки. Последнія кладутъ 3—4 цилиндрическихъ и по концамъ закругленныхъ яичекъ, имѣющихъ желтовато-бѣлую окраску и около 1 см. длины; по наблюденію старыхъ натуралистовъ, яички эти кладутся въ отверстія коры.

Держали ли драконовъ въ неволѣ, я сказать не могу, но читаль, что они очень неживучи. Если бы возможно было ихъ содержать въ клѣткахъ, то ихъ необыкновенная красота, подвижность и безвредность навѣрное сдѣлали бы ихъ особыми любимцами всякаго воспитателя животныхъ, причемъ черезчуръ боязливые люди научились бы одѣивать по достоинству этихъ и подобныхъ имъ животныхъ, которыхъ до сихъ поръ еще многіе страшатся.

* * *

Калоты (*Calotes. Schönechsen*) могутъ также считаться вполне древесными животными; ихъ теперь насчитываютъ 17, а если къ нимъ присоединить близкій родъ *Bronchosela*, 19 видовъ, которые живутъ на материкѣ южной Азіи и на близъ лежащихъ большихъ и малыхъ островахъ. Строеніе тѣла у нихъ довольно красивое, туловище сжато съ боковъ, голова имѣетъ видъ четырехгранной, короткой пирамиды, хвостъ длинный и округленный, конечности длинныя и стройныя и пальцы на нихъ также длинныя. Покровъ тѣла состоитъ изъ однородныхъ, большею частью большихъ килеватыхъ черепичатыхъ чешуй ромбоидальной формы, которыя на хребтѣ обыкновенно образуютъ гребень, состоящій изъ острыхъ роговыхъ шиповъ; подобные же шипы встрѣчаются и по другимъ частямъ тѣла, напр. на задней части головы или между ушнымъ отверстіемъ и затылкомъ. Поперечной горловой складки не бываетъ, но у самца замѣчается болѣе или менѣе развитой горловой мѣшокъ.

Какъ наиболѣе извѣстный видъ этого рода можно назвать **Кровососа**, какъ его называютъ сингалезцы (*Calotes versicolor, Agama versicolor, vultuosa* и *tiedemanni, Calotes tiedemanni* и *cristatus. Blutsauger. Galéote*). Длина его достигаетъ 41 см., изъ которыхъ почти три четверти занимаетъ хвостъ. У этого животного замѣчаются на бокахъ чешуйки, направленные назадъ и вверхъ. Около каждаго уха сидитъ группа шиповъ, а на шеѣ и на передней части спины есть не очень высокій гребень, который у очень старыхъ экземпляровъ доходитъ до хвоста, но отъ середины спины дѣлается все меньше и меньше; кромѣ того животное это отличается общимъ и очень сильнымъ измѣненіемъ цвѣта тѣла. У многихъ экземпляровъ господствуетъ однообразный буровато- или сѣровато-оливковый или желтый цвѣтъ, на спинѣ проходитъ нѣсколько поперечныхъ бурыхъ полосъ, которыя на бокахъ прерываются продольными желтыми полосками; около глазъ замѣчаются лучистые черныя штрихи, а на животѣ продольныя сѣрыя полоски. Однако кровососъ при извѣстныхъ условіяхъ можетъ принимать самую разнообразную и великолѣпную окраску. Иногда все животное принимаетъ блестящій красный цвѣтъ съ черными пятнами. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ измѣненіе цвѣта ограничивается только головой, а въ другихъ распространяется на все туловище и хвостъ. Когда кровососъ сидитъ на изгороди или кустѣ, и подвергаетъ себя вліянію солнечныхъ лучей, то очень часто у него замѣчаются слѣдующіе цвѣта: голова и шея желтыя съ красными пятнами и полосками, спина, бока и брюшко красныя, а конечности и хвостъ черныя. Жердонъ и Блайтъ думаютъ, что это измѣненіе цвѣтовъ свойственно только самцу и то только во время размноженія, которое происходитъ въ маѣ и юнѣ.

Кровосось принадлежит къ самымъ обыкновеннымъ ящерицамъ южной Азіи и область распространенія его простирается отъ Афганистана и Белуджистана черезъ оба Индійскихъ полуострова до южнаго Китая. Особенно часто онъ встрѣчается на Цейлонѣ, но и въ прочихъ вышеупомянутыхъ странахъ онъ не рѣдокъ, если только въ мѣстности встрѣчаются деревья и живыя изгороди. Въ жаркіе солнечные дни часто видишь это животное на вѣткѣ или на стѣнѣ, грѣющимся на солнечныхъ лучахъ, при чемъ ротъ его совсѣмъ открытъ; послѣ дождя, напротивъ, видишь его въ полной дѣятельности, гоняющимся за всевозможными насѣкомыми. Въ послѣднемъ случаѣ онъ спускается иногда на землю, гдѣ обыкновенно онъ не держится. Самка кладетъ въ дупла деревьевъ или въ вырытую ею самую ямку въ мягкой землѣ 5—16 продолговатыхъ яичекъ съ мягкой скорлупой, изъ которыхъ дѣтеныши вылупляются черезъ 8 или 9 недѣль. Почему его называютъ кровососомъ—до сихъ поръ хорошенько не объяснено. Келлертъ думаетъ, что ему потому дали это названіе, что голова его часто бываетъ окрашена въ красный цвѣтъ.

Повидимому самцы этихъ ящерицъ сильно дерутся между собой; на это намекаетъ покрайней мѣрѣ названіе, данное этимъ ящерицамъ голландцами: ихъ называютъ «боевыми пѣтушками». Можетъ быть, впрочемъ, это послѣднее прозвище относится къ другому свойству этого животнаго: если его раздражить, то оно сильно кусаетъ то, что ему сунуть въ ротъ, и ни въ какомъ случаѣ не отпускаетъ схваченное, даже если при этомъ обломается зубъ или часть челюсти. Обыкновенно, впрочемъ, кровососы не употребляютъ въ дѣло своихъ зубовъ, а спасаются отъ людей, какъ вообще отъ всѣхъ крупныхъ враговъ, при чемъ въ полной мѣрѣ выказываютъ свое необыкновенное проворство и быстроту въ лазаньи и прыганьи съ вѣтки на вѣтку. Если ихъ преслѣдуешь настойчиво и вдругъ потеряешь изъ виду, то слѣдуетъ, по словамъ Мартенса, сначала посмотреть, не спрятавшись-ли они въ платье самого охотника. Благодаря всѣмъ этимъ качествамъ, животные эти принадлежатъ къ числу самыхъ общеизвѣстныхъ ящерицъ своего отечества. Сильное измѣненіе цвѣтовъ бросается больше всего въ глаза европейцамъ и потому понятно, что несвѣдущіе люди часто ихъ называютъ хамелеонами.

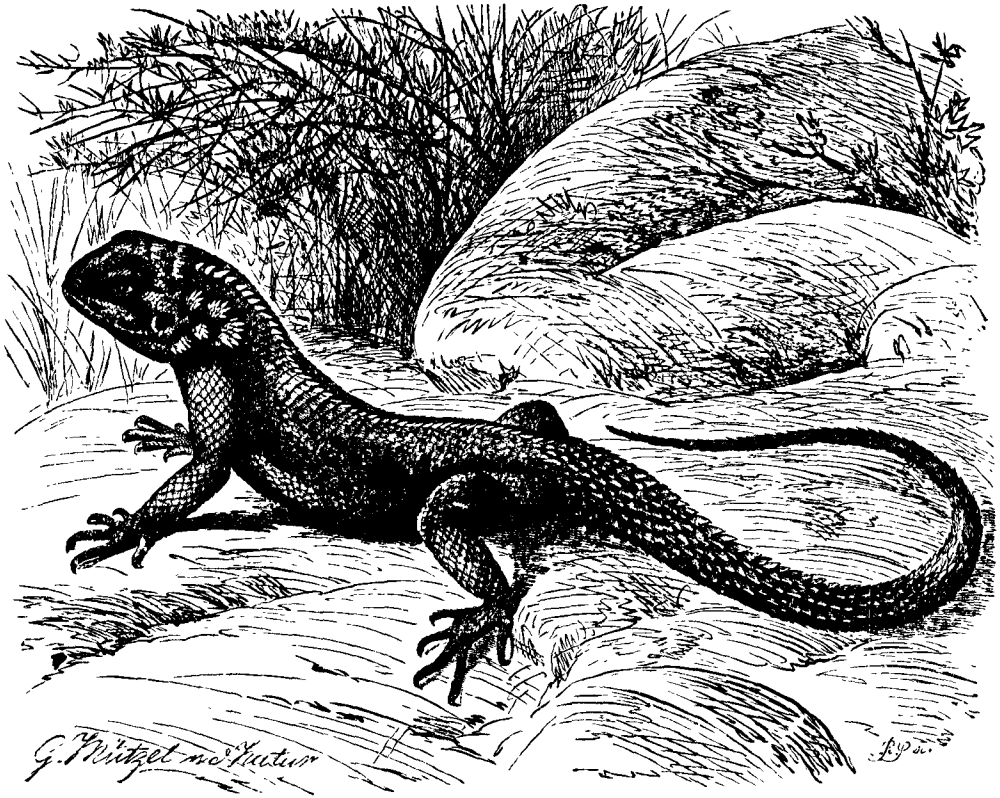
* *
*

Кромѣ вышеназванныхъ животныхъ къ этому же семейству относятся **Агамы** въ тѣсномъ смыслѣ этого слова (*Agama*). Онѣ отличаются короткою трехугольною головою, которая сзади сильно выпукла, спереди круто спускается и оканчивается округленной мордой; туловище толстое, плоское, ноги длинныя и стройныя, а хвостъ круглый, болѣе или менѣе длинный. Ноздри расположены близко одна отъ другой, ушные отверстія явственны и въ нихъ въ нѣкоторомъ углубленіи видна барабанная перепонка. На горлѣ рѣдко замѣчается большой горловой мѣшокъ, съ каждой стороны шеи есть углубленіе и очень замѣтная поперечная складка; бедренныхъ железокъ нѣтъ, а вмѣсто нихъ у самца замѣчаются передъ заднимъ проходомъ одинъ или нѣсколько рядовъ толстыхъ мозолистыхъ чешуекъ. Верхняя часть тѣла покрыта болѣе или менѣе правильно расположенными, ясно килеватыми и черепичатыми чешуйками; на головѣ замѣчаются многочисленные, большею частью маленькіе, плоскіе или выпуклые щитки; хвостъ покрытъ черепичатыми или мутовчатыми чешуйками.

Въ этомъ родѣ насчитываютъ около 41 вида, которые распространяются отъ юго-восточной Европы и всей Африки по юго-западной Азіи до Индіи и которые встрѣчаются въ большомъ количествѣ тамъ, гдѣ живутъ.

«Для путешественника, который послѣ многих мѣсяцевъ скучнаго морского плаванія высадится на Золотомъ берегу», такъ пишетъ мнѣ Рейхеновъ, «одна часто тамъ встрѣчающаяся ящерица является въ высшей степени поразительнымъ и интереснымъ животнымъ. Точно такъ, какъ взоръ любителя птицъ, который посѣщаетъ въ первый разъ эту страну малоизвѣстнаго материка, бываетъ восхищенъ общественными гнѣздами ткачей въ высокихъ вершинахъ кокосовыхъ пальмъ, а слухъ его услаждается глухимъ воркованьемъ голубей, населяющихъ изгороди кругомъ деревень, точно такъ же бываетъ онъ пораженъ при видѣ красноглавой агамы колонистовъ. Впрочемъ и при болѣе продолжительномъ пребываніи эти красивыя

Агама колонистовъ. *Agama colonorum*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

созданія невольно обращаютъ вниманіе натуралиста: я покрайней мѣрѣ не могъ никакъ достаточно на нихъ наглядѣться».

«Взрослый самецъ Агамы колонистовъ (*Agama colonorum*, *occipitalis* и *picticauda*, *Podorrhoea colonorum*. Siedleragame. Agame des colons.) окрашенъ въ такіе яркіе цвѣта, о которыхъ блѣдныя, сохранные въ спиртѣ экземпляры нашихъ музеевъ не даютъ ни малѣйшаго понятія. Вся голова живой агамы огненно-краснаго цвѣта, горло покрыто мелкими желтыми пятнами, туловище и конечности блестящаго темно-синяго стального цвѣта, по спинѣ проходитъ яркая бѣлая полоса, которая, впрочемъ, иногда и не замѣчается. Нижняя сторона хвоста, отъ задняго прохода до середины, соломенно-желтаго цвѣта, а соотвѣтственная верхняя сторона

стального свѣтло-голубого; остальная часть хвоста огненно-красная, а кончикъ темно-синій съ стальнымъ отливомъ. У старыхъ животныхъ хвостъ у основанія сверху и снизу свѣтло-голубой съ стальнымъ отливомъ, затѣмъ идетъ огненно-красная полоса, которая занимаетъ почти всю остальную половину хвоста и только на концѣ замѣчается короткая темно-синяя верхушка. У самки все тѣло имѣетъ обыкновенную бурю окраску съ свѣтлою спинною полоскою. Молодые самцы похожи на самокъ, но отличаются свѣтло-желтыми пятнами на головѣ и затылкѣ. Въ горахъ Агуалима внутри материка Золотого берега я нашелъ очень красивую разновидность агамы колонистовъ, живущую постоянно въ чащахъ лѣсовъ. У самцовъ этой разновидности голова была бѣлая, а вмѣсто огненно-красной полосы на хвостѣ замѣчалась такая же желтая. Длина взрослого самца 35 см., изъ которыхъ 22 см. приходится на хвостъ.

«Характернымъ признакомъ этого вида можетъ служить необыкновенно большая затылочная чешуйка, затѣмъ однообразныя чешуйки спины съ очень острыми шипами и кромѣ того 7 или 8 верхнегубныхъ щитковъ, которые окаймляютъ глазъ спереди. Область распространенія этой агамы въ западной Африкѣ простирается на сѣверъ до Сенегамби, а на югъ до рѣки Кунене. Однако по моимъ наблюдениямъ, къ югу она становилась все рѣже и рѣже. Въ Камерунѣ я нашелъ только нѣсколько экземпляровъ, а подь экваторомъ во время моего долгаго пребыванія видѣлъ только очень немного этихъ ящерицъ; поэтому Золотой берегъ слѣдуетъ считать центромъ области распространенія этого животнаго». Пехуэль-Лёше снова ихъ часто встрѣчалъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на Лоанго, на примѣръ въ Ландано и у рѣки Чилоанго, а позднѣе даже и на берегахъ Конго. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ животныя эти были не огненного цвѣта, но матово-бѣлыя съ ярко-желтымъ рисункомъ. «На Золотомъ берегу», продолжаетъ Рейхеновъ, «агамы колонистовъ встрѣчаются повсюду и, повидимому, настолько же связаны съ жилищемъ человѣка и съ его привычками, какъ домашній воробей. Въ лѣсу, кромѣ вышеупомянутой разновидности, ихъ встрѣчаютъ только кое-гдѣ на полянахъ и на поляхъ, засѣянныхъ бананами, пизангами и ясомъ, именно тамъ, гдѣ выстроены отдѣльныя хижины сторожей и работниковъ, такъ что даже въ лѣсу онѣ ищутъ человѣка и его жилище. Хижина негра, воробей и агама на Золотомъ берегу составляютъ постоянно три соединенныхъ между собою понятія. Въ деревняхъ эти ящерицы встрѣчаются въ большомъ количествѣ: ихъ замѣчаемъ повсюду на глиняныхъ стѣнахъ хижинъ, на соломенныхъ и пальмовыхъ крышахъ и на выбѣленныхъ домахъ европейцевъ; иногда онѣ спокойно лежатъ и грѣются подь перпендикулярными лучами горячаго тропическаго солнца, иногда проворно бѣгаютъ взадъ и впередъ, чтобы ловить насекомыхъ. Въ высшей степени своеобразны движенія этихъ животныхъ, лишь только онѣ замѣтятъ что-либо необыкновенное или къ нимъ приближается человѣкъ. Хотя онѣ и привыкли къ людямъ и даже отыскиваютъ ихъ жилища, но все же оказываются точно такъ-же пугливыми, какъ и другія ящерицы и постоянно стараются избѣжать воображаемой опасности. Когда онѣ приходятъ въ безпокойство, то быстро двигаютъ головою вверхъ и внизъ, причѣмъ то приподнимаютъ, то опускаютъ переднюю часть тѣла, опираясь на переднія конечности, такъ что кажется, будто онѣ кланяются, нагибая свою красную голову. Чѣмъ ближе подходишь, тѣмъ быстрѣе становятся эти движенія и, наконецъ, животное съ быстротою молніи исчезаетъ въ трещинѣ стѣны или во внутренности соломенной крыши. Когда я въ полуденное время проходилъ по улицамъ Акры и повсюду замѣчалъ этихъ великолѣпныхъ, кивающихъ мнѣ ящерицъ, то не могъ противостоять искушенію за ними поохотиться съ помощью сѣтки для бабочекъ; однако вслѣдствіе провор-

ства агамъ, охота моя рѣдко бывала успѣшна. Легче ихъ убить самою мелкою дробью изъ небольшого охотничьяго ружья, причемъ достаточно одной дробинки, проникнувшей въ ихъ тѣло, чтобы лишить ихъ жизни. Несмотря на извѣстную живучесть пресмыкающихся, я испыталъ то же самое при охотѣ на змѣй».

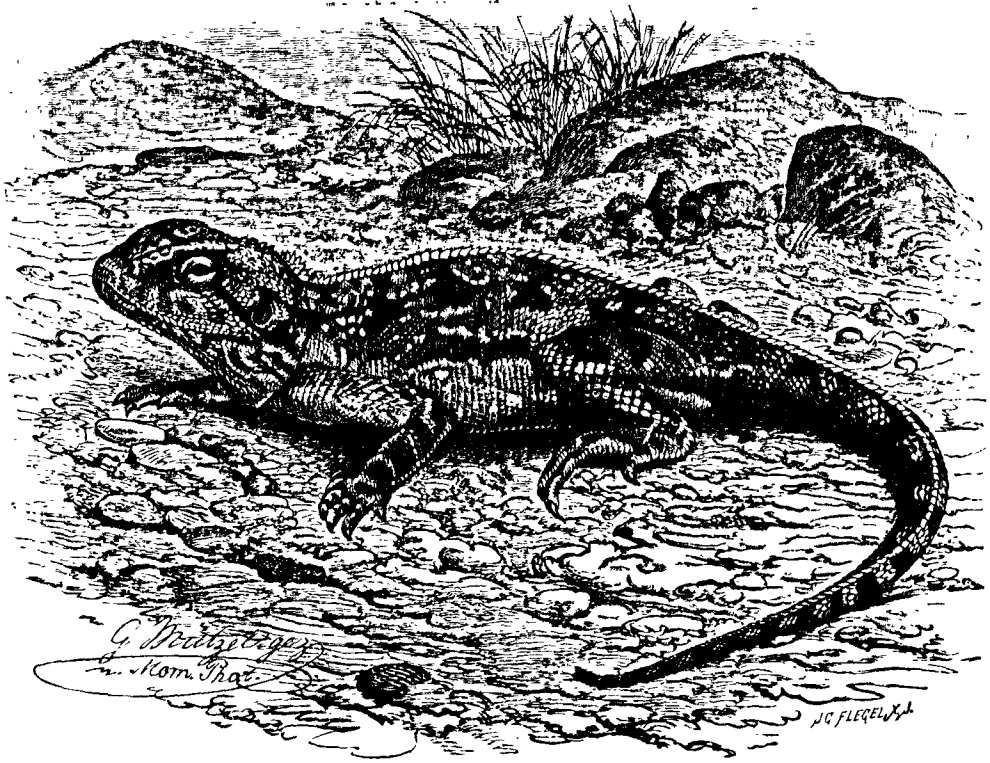
«Движенія этихъ красивыхъ и проворныхъ животныхъ, говорить Пехуэль Леше, очень различно окрашенныхъ, смотря по возрасту и полу, въ высшей степени интересны, тѣмъ болѣе, что ящерицы эти всегда держатся вблизи человѣческихъ жилищъ. Ихъ постоянно видишь въ большомъ числѣ, грѣющихся на солнцѣ или бѣгающихъ взадъ и впередъ и другъ за другомъ гоняющихся; онѣ быстро исчезаютъ и столь же внезапно снова появляются. Ихъ нельзя назвать пугливыми, но онѣ такъ беспокойны, что нельзя считать ихъ и довѣрчивыми. Самымъ красивымъ ихъ движеніемъ слѣдуетъ признать постоянное киваніе умной головой, при покачиваніи передней части тѣла. Если приближаешься спокойно, то все общество играющихъ ящерицъ останавливается и обращаетъ вниманіе на подходящаго. Онѣ раздвигаютъ переднія конечности, приподымаютъ головы и нѣсколько разъ двигаютъ вправо и влѣво своими подвижными хвостами. Затѣмъ, съ любопытствомъ всмотрѣвшись въ человѣка, онѣ начинаютъ быстро кивать головой и шаловливо подыматься и опускаться на переднихъ ногахъ; быстрота движеній увеличивается при приближеніи человѣка, пока, наконецъ, передняя ящерица не пускается въ бѣгство, а за ней мгновенно разбѣгается и вся пестрая группа кивающихъ и кланяющихся ящерицъ, которыя быстро прячутся въ щели и ямки. Но это продолжается недолго: тамъ и сямъ снова показывается огненно-красная шея, выглядываетъ тонкая головка, и красивое зрѣлище скоро возобновляется. Если стоять совершенно неподвижно, то эти безвредныя животныя подходятъ совсемъ близко къ человѣку; тогда можно слышать едва замѣтный голосъ ихъ, звучащій какъ «пк,.pk», издаваемый ими при быстрыхъ движеніяхъ».

На сѣверо-востокѣ Африки почти такъ-же часто, какъ вышеописанная агама на Золотомъ берегу, встрѣчается **Египетская агама** (*Agama pallida, nigrofasciata, mutabilis, Trapelus aegyptius. Wechselagame. Agame d'Egypte*). Она отличается отъ западноафриканскаго вида большой затылочной чешуйкой, очень неравномѣрными чешуйками на спинѣ и меньшимъ ростомъ. Я ее находилъ въ большомъ количествѣ въ Египтѣ и Нубіи, а Швейнфуртъ—и во внутренности материка. «Изъ пресмыкающихся чаще всего встрѣчались», рассказываетъ вышеупомянутый писатель, «безвредныя агамы, киваніе которыхъ сердить правовѣрныхъ магометанъ, которые думаютъ, что это черти смѣются надъ ихъ молитвами. Тотъ же видъ я еще раньше видѣлъ на скалистыхъ откосахъ бесплодныхъ долинъ на берегахъ Краснаго моря. Въ странѣ Банго агама встрѣчается какъ около хижинъ, такъ и на лѣсныхъ деревьяхъ, но любимымъ мѣстопребываніемъ ея должно считать старые частокоды, окружающіе деревни, гдѣ онѣ собираются тысячами. Поведеніе ихъ очень курьезное: когда приближаешься къ дереву, по которому онѣ бѣгаютъ, то ящерицы прячутся на противоположную сторону его, отъ времени до времени останавливаются и хитро выглядываютъ изъ-за вѣтвей, при чемъ ихъ большіе глаза кажутся дѣйствительно очень выразительными». Почти нѣтъ сомнѣнія, что Белонъ и Гассельквистъ говорятъ именно объ этой ящерицѣ, а не о гардунѣ, когда описываютъ животное, котораго магометане ненавидятъ изъ-за его движеній головою, но пометъ котораго однако собираютъ, чтобы дѣлать изъ него бѣлила.

Врагами агамъ слѣдуетъ считать нѣкоторыхъ хищныхъ птицъ, именно пѣвчихъ ястребовъ и канъ (*Elanus*); но еще болѣе вреда имъ наносятъ шпорцевыя

кукушки. Молодые экземпляры часто служатъ добычей лѣсныхъ альционовъ, которыя сидятъ на пняхъ или широкихъ листьяхъ пизанга, карауля себѣ добычу, и мгновенно бросаются на этихъ небольшихъ безвредныхъ ящерицъ.

Кромѣ того можно упомянуть **Колючую агаму** (*Agama armata*, *infralineata*. *Stachelagame*. *Agama toque*), которая водится какъ въ восточной, такъ и въ западной части южной Африки, особенно часто въ Мозамбикѣ и Наталѣ, но встрѣчается и въ странахъ Нама и Гереро. Она принадлежитъ къ видамъ, имѣющимъ большую затылочную чешую и неодинаковыя острыя спинныя чешуйки; барабанная перепонка у нея больше глазного отверстия, третій палецъ нѣсколько

Колючая агама. *Agama armata*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

больше четвертаго и всѣ брюшныя чешуйки имѣютъ острыя ребра. Длина ея равняется 25 см., изъ которыхъ 16 см. приходится на хвостъ. Этотъ видъ также представляетъ большое разнообразіе въ окраскѣ и въ рисункѣ. Спина имѣетъ оливково-зеленую или оливково-бурую окраску, а большія спинныя колючія чешуйки, расположенныя неправильными рядами, окрашены нѣсколько свѣтлѣе; кромѣ того по спинѣ и по основанію хвоста тянется двойной рядъ темно-бурыхъ или черныхъ пятенъ, которыя иногда сливаются въ боковыя полоски, болѣе ясно ограниченныя сверху, чѣмъ снизу. На свѣтлой желтоватой нижней части тѣла замѣчаются голубовато—или сѣровато-черныя продольныя линіи, которыя у молодыхъ экземпляровъ очень ясно замѣтны на горлѣ.

Какъ самецъ, такъ и самка имѣютъ низкій гребень на затылкѣ и спинѣ,

чего не замѣчается у всѣхъ сродныхъ южноафриканскихъ видовъ ящериць. Самецъ отличается, какъ и у другихъ видовъ, двумя поперечными рядами, по 12 штукъ, утолщенныхъ чешуекъ передъ заднимъ проходомъ.

Объ образѣ жизни колючей агамы мы еще мало имѣемъ свѣдѣній, хотя, вѣроятно, въ этомъ отношеніи она мало отличается отъ вышеописанныхъ видовъ. Петерсъ находилъ ее въ лѣсистыхъ равнинахъ во внутренности Мозамбика, гдѣ туземцы ее называютъ **Токъ**. Желудокъ ея былъ наполненъ разломанными остатками жуковъ, кузнечиковъ и муравьевъ.

Стеллионъ. Гардунъ (*Agama stellio*, *Lacerta* и *Cordylus stellio*, *Iguana cordilina*, *Agama sebae* и *cordilea*, *Stellio vulgaris*, *antiquorum* и *cyprius*, *Schleuderschwanz*. *Stellion du Levant*) отличается отъ другихъ агамъ болѣе толстымъ туловищемъ и колючими муточчатыми чешуйками, образующими на хвостѣ пояски. Почти трехугольная голова у нихъ плоская, за ротовую щель углубленная, щеки нѣсколько вздуты, туловище болѣе или менѣе толстое, шея покрыта неправильными складками, короткая и тоньше задней части головы, хвостъ средней длины, у основанія плоскій, а въ остальной части круглый, ноги относительно длинны и толстыя. Ноздри расположены по сторонамъ морды; ушные отверстия, въ которыхъ барабанная перепонка нѣсколько углублена, но все-таки очень ясно замѣтна, довольно велики. Верхняя часть тѣла покрыта неодинаковыми килеватыми чешуйками, нижняя часть—черепичатыми чешуйками; голова покрыта маленькими многоугольными щитками, изъ которыхъ нѣкоторые гладкіе, другіе ребристые, а на задней части тѣла и на вискахъ щитки принимаютъ форму конусовъ или шиповъ. Эта агама намъ больше всего знакома, потому что встрѣчается и въ Европѣ. Взрослые экземпляры достигаютъ 28 см. длины, изъ которыхъ 17 см. приходится на хвостъ. Окраска и рисунокъ бываютъ довольно разнообразны, какъ и у другихъ ящериць. Верхняя часть тѣла измѣняется отъ сѣровато-чернаго и желтовато-бураго цвѣта до свѣтло-сѣровато-желтаго; на спинѣ замѣчаются большія черныя пятна и точки посрединѣ спины. Ноги и бока обыкновенно окрашены свѣтлѣе; хвостъ имѣетъ всегда буроватый оттѣнокъ, а на концѣ его замѣчаются черноватые колечки. Брюшко представляетъ по желтому фону темныя пятна и линіи, но нижняя часть хвоста одноцвѣтно грязно-оранжевая или буровато желтая. Самецъ отличается отъ самки болѣе крупной головой, а также 3—5 рядами поръ, расположенныхъ около задняго прохода, и двойнымъ рядомъ подобныхъ же поръ на срединѣ живота.

Гардунъ встрѣчается у насъ въ Европейской Турціи и на нѣкоторыхъ островахъ Эгейскаго моря. Кромѣ того онъ распространенъ по большей части Малой Азій, Сиріи, сѣверной Аравіи и Египту. По Эргардту его довольно часто встрѣчаютъ на Цикладскихъ островахъ, но нигдѣ такъ часто, какъ на островѣ Миконѣ, гдѣ онъ уничтожилъ процвѣтавшее тамъ прежде пчеловодство истребленіемъ пчелъ. Его находятъ также на Паросѣ, Антипаросѣ и Наксосѣ; на прочихъ Цикладскихъ островахъ, точно такъ, какъ и собственно въ Греціи, онъ не встрѣчается; однако довольно обыкновененъ на островѣ Кефалоніи. Жители называютъ его и по нынѣ, точно такъ, какъ и во время Геродота «крокодиломъ или коркодиломъ».

Гораздо чаще, чѣмъ въ Европѣ эта ящерица встрѣчается въ сѣверовосточной Африкѣ, гдѣ «Гардунъ», какъ его называютъ арабы, общеизвестное животное. Его встрѣчаешь вездѣ дюжинами и еще въ большемъ числѣ на камняхъ, скалахъ и домахъ, по стѣнамъ которыхъ онъ точно такъ же ловко лазаетъ, какъ и по наклоннымъ поверхностямъ скалъ. Хотя по виду онъ и кажется неуклюжимъ, но по

ловкости движеній едва ли уступаетъ нашей ящерицѣ. Онъ бѣгаетъ извиваясь, но очень быстро, лазааетъ подобнымъ же образомъ, такъ какъ это лазанье можно назвать бѣганьемъ по болѣе или менѣе наклоннымъ поверхностямъ. При этомъ гардуна держитъ голову высоко и потому производитъ впечатлѣніе смѣлаго и храбраго существа.

Пища его состоитъ главнымъ образомъ, если не исключительно, изъ большихъ насекомыхъ, особенно мухъ, бабочекъ и, какъ выше сказано, пчелъ, осъ и шмелей. Уничтоженіемъ вредныхъ насекомыхъ онъ въ Египтѣ приноситъ пользу, а на греческихъ островахъ оказывается вреднымъ истребителемъ пчелъ.

Въ Египтѣ гардуна, какъ и другихъ большихъ ящерицъ, часто ловятъ закливатели змѣй. Кромѣ этихъ почтенныхъ людей и натуралистовъ мало кто обращаетъ вниманіе на эту ящерицу, однако нѣкоторыя изъ нихъ попадаютъ къ намъ въ зоологическіе сады. Я самъ нѣсколько разъ воспитывалъ ихъ, но по недостатку времени не могъ обстоятельно заняться ими и потому не могу сообщить подробныхъ свѣдѣній о жизни гардуна въ неволѣ. Этотъ пробѣлъ я могу пополнить свѣдѣніями, любезно мнѣ сообщенными Симонсомъ. «У меня содержатся», пишетъ мнѣ вышеупомянутое лицо, «два гардуна, которыхъ я выписалъ черезъ Триестъ; это два взрослыхъ экземпляра, которыхъ я получилъ въ іюлѣ 1876 года. Я ихъ тотчасъ посадилъ въ хорошо устроенный, отапливаемый терраріумъ, поставленный въ моемъ саду. Температура терраріума была почти всегда выше окружающей, но гардуны въ ноябрѣ 1876 и въ февралѣ и мартѣ слѣдующаго года выдержали безъ вреда для себя довольно низкую температуру между 5 и 0,6° по Цельсію. Эти наблюденія не согласуются съ сообщеніями Шрейбера, который утверждаетъ, что гардуны плохо переносятъ нашъ климатъ, при холодной погодѣ перестаютъ ѣсть и скоро околѣваютъ. Мои гардуны до сихъ поръ чувствуютъ себя вполне хорошо и объемъ тѣла ихъ даже увеличился во время неволи.

«Вначалѣ оба животныя были очень лугливы, такъ что убѣгали въ свои норки, когда я приближался на 10—15 шаговъ къ терраріуму. Любимымъ мѣсто-пребываніемъ ихъ служила крышка котла съ горячей водой, служащей для нагрѣванія терраріума. Котелъ этотъ покрытъ сверху и съ боковъ жестянымъ футляромъ, такъ что дневной свѣтъ можетъ проникать въ это пространство только спереди. Это самое теплое и недоступное, но зато самое темное мѣсто въ терраріумѣ; однако гардуны охотнѣе всего держатся тамъ. Они всегда стараются туда спрятаться и ихъ трудно оттуда выгнать даже если толкаешь ихъ пальцемъ или палочкой. Туда они постоянно прячутся, если ихъ застаютъ въ терраріумѣ. Если я ихъ вытаскивалъ оттуда и клалъ на открытое мѣсто терраріума, то они тотчасъ же старались ускользнуть, прыгали даже по стекляннымъ стѣнкамъ терраріума и до тѣхъ поръ не успокаивались, пока не находили себѣ какого-нибудь укромнаго мѣстечка, чтобы спрятаться.

Только въ послѣднія недѣли они настолько привыкли ко мнѣ, что не тотчасъ убѣгали, когда я приближался, а нѣсколько секундъ оставались на мѣстѣ. Впрочемъ они покидали свои норки только тогда, когда терраріумъ сильно освѣщался солнцемъ и только въ маѣ начали выходить изъ норокъ при облачномъ небѣ. Въ видѣ корма я имъ ежедневно даю достаточное количество мучныхъ червей, а кое-когда и дождевыхъ; въ августѣ, сентябрѣ и октябрѣ прошлаго года къ этому я прибавлялъ кузнечиковъ, мухъ, бабочекъ и т. п.; принявъ во вниманіе упитанность моихъ гардуновъ, я долженъ предположить, что они не пренебрегали этимъ кормомъ, хотя только разъ видѣлъ, какъ гардуна, во время скорого бѣга, схватилъ одного мучного червяка. Пьютъ ли они воду, я сказать не могу.

«Въ моемъ террариумѣ гардуны не подвергались зимней спячкѣ; однако при холодной температурѣ около 0°, державшейся въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, они окоченѣвали точно такъ, какъ и другія ящерицы, но при обыкновенной комнатной температурѣ снова скоро оживали.

«Всѣ движенія гардуновъ показываютъ относительно большую силу. Они очень быстро бѣгаютъ и хорошо лазаютъ; въ этихъ качествахъ я убѣдился при трехъ попыткахъ этихъ животныхъ къ бѣгству. Въ первый разъ одинъ изъ гардуновъ убѣжалъ и спрятался подъ листьями плюща, который покрывалъ собою цвѣточную клумбу и только сильное движеніе листьевъ указало намъ на слѣдъ животного и дало возможность его поймать. Второй разъ гардунъ выскочилъ у меня изъ рукъ и упалъ въ глубокой сѣнѣ, гдѣ однако могъ двигаться нѣсколько шаговъ, именно пробѣжалъ 1,5 м. Въ третій разъ онъ мгновенно исчезъ у меня изъ глазъ, причемъ впоследствии оказалось, что онъ влѣзъ на стволъ дерева на 3 м. высоты. При четвертомъ побѣгѣ 6 мая текущаго года намъ такъ и не удалось его поймать; онъ перелѣзъ черезъ стѣну, высотой въ 2 м., и всѣ старанія найти его были напрасны. Все это совершилось съ удивительной быстротой, въ промежутокъ времени, продолжавшійся никакъ не болѣе двухъ секундъ. Изъ этого случая я убѣдился, что гардуны двигаются, особенно лазаютъ, гораздо скорѣе, чѣмъ стѣнные ящерицы. Я считалъ убѣжавшаго гардуна уже давно погибшимъ, когда 20 іюня былъ удивленъ извѣстіемъ, что онъ пребываетъ въ сосѣднемъ саду и его видѣли на стволѣ ильма. Возвратившись съ прогулки, продолжавшейся полчаса, я узналъ, что ящерицу снова поймали и водворили на мѣсто. Во всякомъ случаѣ очень страннымъ кажется долгое пребываніе гардуна на томъ же мѣстѣ, хотя окружающее насъ пространство дозволяло ему бѣгство во всѣ стороны. Самка гардуна въ апрѣлѣ мѣсяцѣ текущаго года поразила меня необыкновеннымъ объемомъ своего туловища, а въ концѣ этого мѣсяца чешуйки на животѣ были мѣстами неправильно приподняты и образовались выпуклости, величиною въ двадцатикопѣечную монету; изъ всего этого я заключилъ, что слѣдуетъ ожидать прибавленія семейства. Она все менѣе и менѣе дѣлалась подвижною, почти все время лежала на трубахъ, служащихъ для нагрѣванія террариума, и 17 мая была найдена мертвою. Надъ нею была тотчасъ же совершена операція кесарскаго сѣченія, которая указала на присутствіе девяти удлиненныхъ яичекъ, имѣвшихъ бѣлый цвѣтъ съ легкимъ желтоватымъ отливомъ; величина яичекъ превосходила величину яицъ нашей сѣрой ящерицы и всѣ ихъ колебался между 0,77 и 1,15 грамма. По положенію ихъ можно было предположить, что эти яички должны были быть снесены въ скоромъ времени, но что у большой самки не достало силы ихъ снести. Удивительно, что она могла развить въ себѣ такое количество яицъ. Такъ какъ оба гардуна находились въ неволѣ почти цѣлый годъ, то мнѣ кажется несомнѣннымъ, что спариваніе произошло въ террариумѣ.

«Гардуны относились совершенно равнодушно къ другимъ животнымъ, населявшимъ вмѣстѣ съ ними террариумъ, гдѣ жило нѣсколько взрослыхъ сѣрыхъ и зеленыхъ ящерицъ, одинъ гекко и веретеница. Кусаются гардуны сильно, такъ что они были въ состояніи укусить мой налѣцъ до крови. Когда ихъ раздражаютъ и принуждаютъ кусаться, то они послѣ этого въ теченіи нѣсколькихъ минутъ держатъ свои челюсти открытыми.

«Вопросъ о томъ, линяютъ-ли эти животные, я могу разрѣшить утвердительно, такъ какъ въ 1876 г. я замѣтилъ, что у нихъ кожа слѣзла съ головы, а когда мы поймали убѣжавшаго самца, то у него были замѣтны слѣды линьки. Я не замѣтилъ никакихъ болѣзней у этихъ животныхъ, именно у нихъ не было опухолей, которую я часто видалъ у другихъ ящерицъ, жившихъ въ неволѣ».

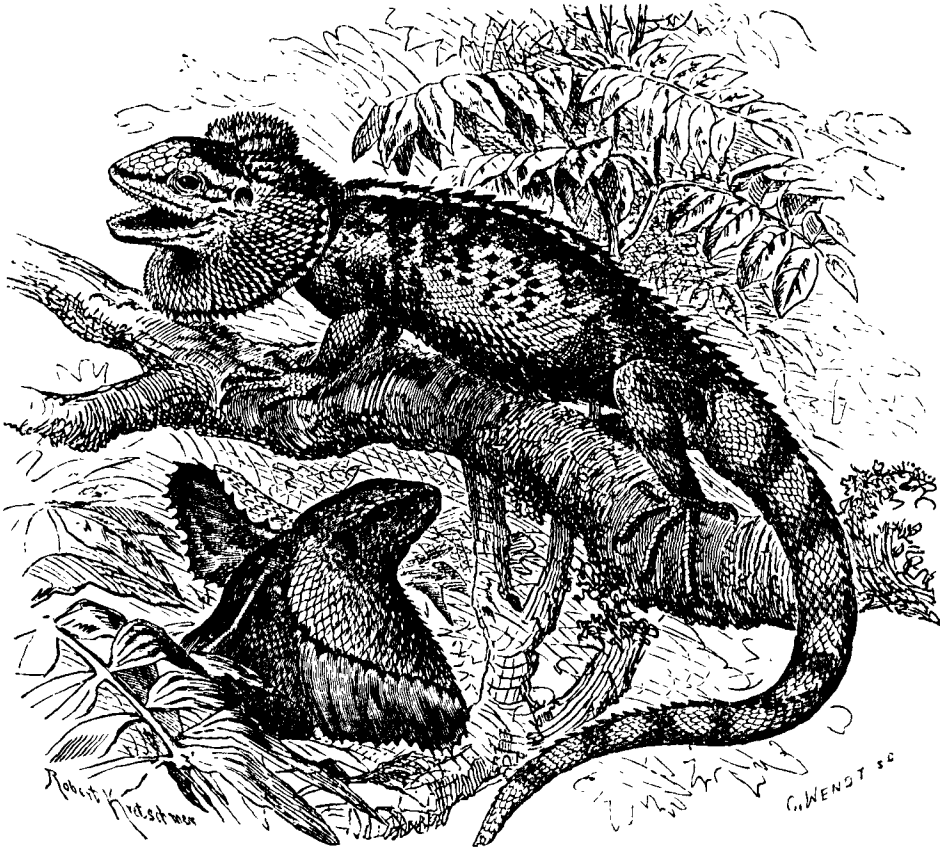
СТЕЛІОНЪ.

По мнѣнію Бедряги, гардунъ также имѣеть способность, подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей и при внутреннемъ волненіи, измѣнять свою окраску и принимать различныя оттѣнки основнаго цвѣта.

«Я имѣлъ нѣсколько разъ возможность», пишетъ онъ, «на островѣ Миконѣ наблюдать черную разновидность гардуна, описанную Эргардтомъ, и пришелъ къ убѣжденію, что всѣ стелліоны принимаютъ темную окраску и дѣлаются наконецъ совсѣмъ черными, когда подвержены жгучимъ лучамъ солнца. Возбужденіе при спариваніи также производитъ у этихъ животныхъ измѣненіе въ окраскѣ, напримѣръ

Плещеносная ящерица. *Chlamidosaurus kingi*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

верхняя часть головы и затылокъ часто при этомъ дѣлаются ярко-кирпично-красными. Слѣдуетъ замѣтить что эти цвѣта у самца гораздо ярче, чѣмъ у самки. Эта временная окраска, являющаяся только при половомъ возбужденіи, не можетъ быть удалена искусственными средствами; во время спариванія пойманные стелліоны сохраняютъ и въ спирту красный цвѣтъ головы и затылка».

* *
*

Алланъ Кунингамъ, извѣстный своими путешествіями по Австраліи, которыя окончились печальною смертію, открылъ тамъ одну изъ удивительнѣйшихъ ящерицъ, такъ называемую **Плещеносную ящерицу** (*Chlamidosaurus kingi*. Kragepnechse. Agame

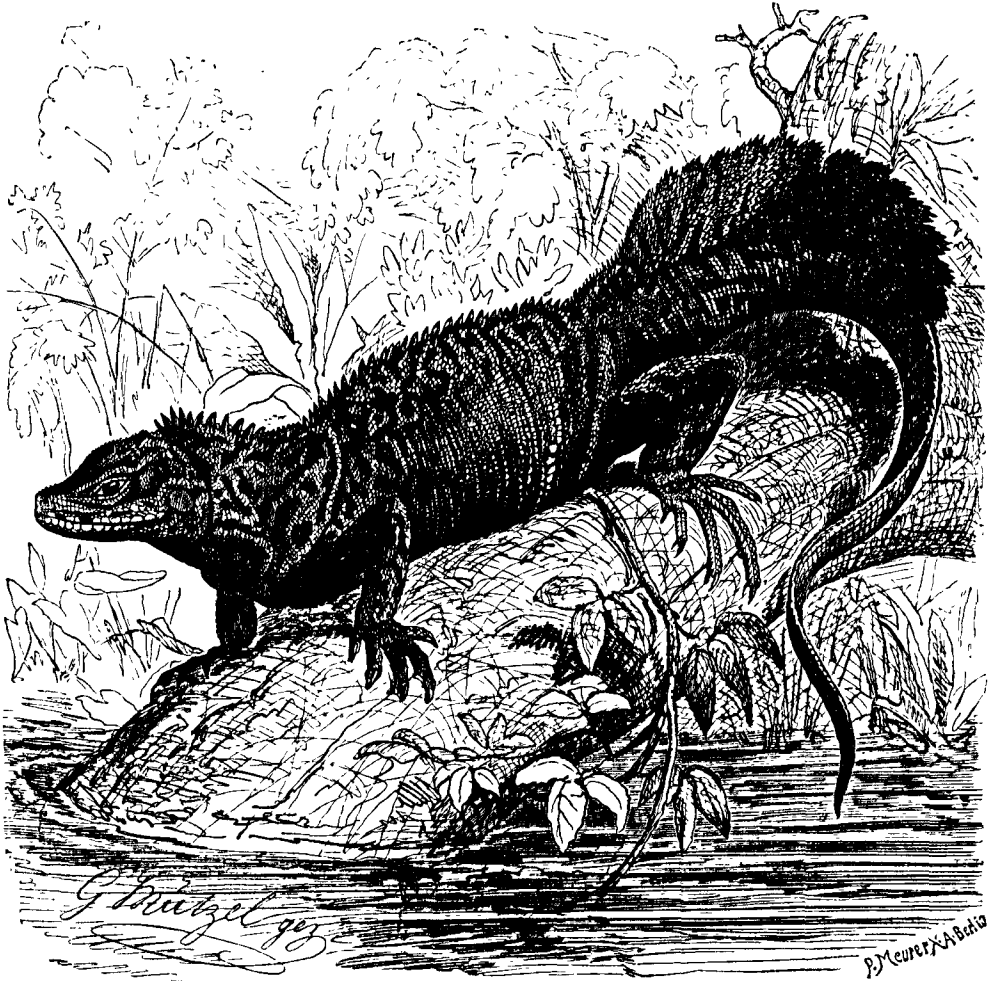
herissé). Взрослое животное достигает 81 см. длины, изъ которыхъ однако 55 см. занимаетъ хвостъ, и отличается отъ всѣхъ другихъ пресмыкающихся удивительнымъ плащомъ, находящимся на шеѣ, который послужилъ поводомъ къ ея названію. Этотъ воротникъ прикрѣпленъ къ сторонамъ шеи, поддерживается хрящевыми лучами, по краямъ зубчатый, на верхней поверхности покрытъ мелкими чешуйками и огибаетъ все горло; на затылкѣ онъ достигаетъ наибольшаго развитія и можетъ быть расширенъ во всѣ стороны на 15 см. и даже перекинуть черезъ голову. На спинѣ и хвостѣ не замѣчаютъ большого гребня. Ноги довольно стройныя и тонкія, пальцы очень длинныя. Все тѣло покрыто маленькими неровными чешуйками, изъ которыхъ наименшія расположены на бокахъ. Ушные отверстія велики, глаза живые и довольно выпуклые. Во рту замѣчаются на каждой сторонѣ обѣихъ челюстей по 3 остроконическихъ переднихъ зуба, по 4 длинныхъ зуба, соответствующихъ клыкамъ, и по 30 трехзубчатыхъ коренныхъ зуба. Передъ заднимъ проходомъ и вдоль бедра замѣчаются ряды железистыхъ поръ. Молодыя животныя отличаются отъ взрослыхъ меньшею величиною воротника. Окраска состоитъ изъ однородной смѣси желто-бураго и чернаго цвѣтовъ.

Объ образѣ жизни этой ящерицы мы, къ сожалѣнію, имѣемъ еще мало свѣдѣній. Плащесная ящерица, по словамъ Грэй, живетъ въ Квенсландѣ и въ сѣверной и сѣверо-восточной Австраліи и держится главнымъ образомъ на деревьяхъ, хотя можетъ очень быстро бѣгать и по землѣ. Если ее не дразнить и не пугать, то она ходитъ тихо и свой модный воротникъ à la Marie Stuart складываетъ и прижимаетъ къ тѣлу; но она принадлежитъ къ числу раздражительныхъ животныхъ и тотчасъ же расширяетъ свой плащъ, какъ только ее испугаютъ. Въ этомъ случаѣ она старается какъ можно скорѣе спастись на дерево; если же ее преслѣдуютъ, то она прижимается къ землѣ заднею частью тѣла, часто поджимаетъ подъ себя хвостъ, приподнимаетъ переднюю часть тѣла и голову, сколько возможно, и показываетъ своему противнику свои страшные зубы, которыми она умѣетъ очень хорошо пользоваться, даже храбро нападаетъ на врага и яростно кусаетъ все, что можетъ захватить. Грэй увѣряетъ, что эта храбрая ящерица очень смѣло зацѣпляется и можетъ дѣйствительно испугать непривычнаго или неловкаго европейца, такъ какъ недовольствуется защитой, а при случаѣ и нападаетъ на противника. Она, повидимому, пользуется своимъ воротникомъ не только для того, чтобы испугать врага, но также и какъ щитомъ для туловища, конечностей и хвоста. Де-Вись, который изслѣдовалъ мускулы, служащіе для натягиванія воротника, полагаетъ, напротивъ, что это расширеніе служитъ для усиленія звука и можетъ быть разсматриваемо какъ гигантская ушная раковина.

* *
*

Парусныя ящерицы (Lophura) отличаются короткимъ, но высокимъ, съ боковъ сжатымъ туловищемъ, короткой толстой головою, очень длиннымъ толстымъ хвостомъ, сильными ногами и лапами, длинныя пальцы которыхъ по краямъ усажены чешуйками, образующими выдающіяся лопасти; кромѣ того у нихъ замѣчается вдоль середины спины чешуйчатый гребень, который особенно высокъ на основаніи хвоста и образуетъ здѣсь какъ бы парусъ, поддерживающійся высокими отростками позвонковъ. Тѣло покрыто маленькими четырехугольными чешуйками, которыя на головѣ и на спинѣ снабжены ребрами. Во рту мы видимъ съ каждой стороны челюсти по шести маленькихъ коническихъ переднихъ зуба, по 4 длинныхъ клыка и по 13 коренныхъ зуба. На верхней части бедра находится рядъ железистыхъ поръ.

Единственнымъ представителемъ этого рода считается **Парусная ящерица** (*Lophura amboinensis*, *Lacerta*, *Iguana*, *Basiliscus*, *Hydrosaurus* и *Istiurus amboinensis*, *Segelechse*, *Lophyre à crête*). Это очень большая древесная ящерица, имѣющая болѣе метра длины, окрашенная въ оливково-бурый цвѣтъ, который на головѣ и шеѣ переходитъ въ зеленоватый, а на тѣлѣ испещренъ черными пятнами и такимъ же мраморнымъ рисункомъ. На плечѣ замѣчается совершенно черная

Парусная ящерица. *Lophura amboinensis*. $\frac{1}{3}$ вел. наст.

складка кожи. Эта ящерица встрѣчается на Филиппинскихъ и Молукскихъ островахъ, на Явѣ и Целебесѣ. Въ Европу ее привезли первоначально изъ Амбоины.

Валентинъ въ началѣ нашего столѣтiя сообщилъ нѣсколько свѣдѣнiй о парусной ящерицѣ. Она живетъ въ лѣсахъ и кустахъ вблизи рѣкъ и питается зернами, листьями, цвѣтами и ягодами, а также водяными растенiями, червями, многоножками и подобными животными. Если это животное испугать, то оно бросается въ воду и здѣсь прячется подъ камнями, но легко дозволяетъ себя захватить сѣтью и даже руками, такъ какъ оно очень глупо, пугливо и совсѣмъ не

сердито. Яйца парусной ящерицы кладутся въ песокъ. Туземцы охотятся за нею изъ за ея блага мяса, которое, говорятъ, имѣетъ пріятный вкусъ дачины.

* * *

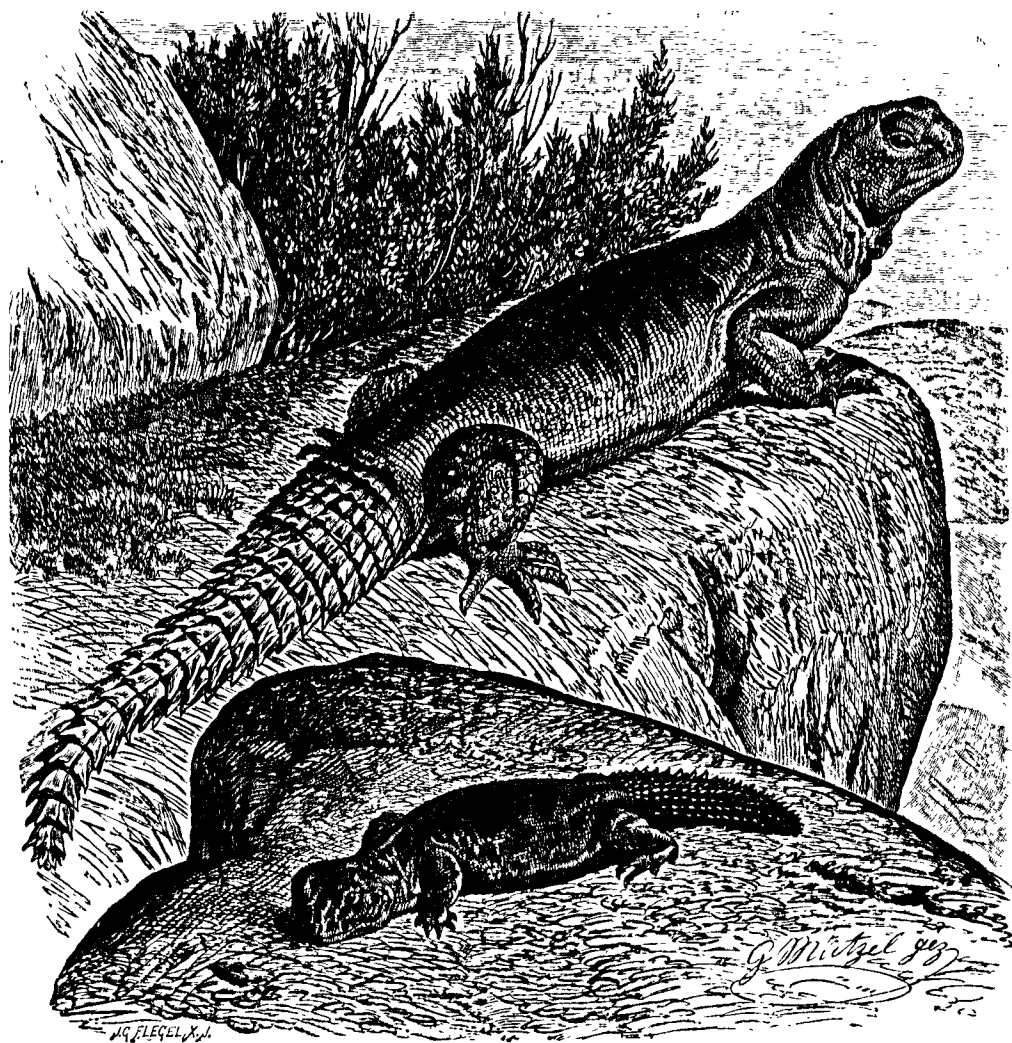
Въ пустыняхъ сѣверной Африки и южной Азіи живутъ большія и довольно неуклюжія агамы, **Шипохвосты** (*Uromastix*). Отличительные признаки этого рода слѣдующіе: голова трехугольная, сверху плоская, нѣсколько похожая на голову черепахи, короткая морда спереди тупо округлена, туловище короткое, широкое и довольно плоское, хвостъ также плоскій и сверху покрытъ многими рядами мутовчатыхъ чешуекъ; ноги короткія, сильныя, пальцы также короткіе съ очень изогнутыми когтями. Поздри направлены назадъ и расположены по сторонамъ морды; ушные отверстія велики и имѣютъ видъ поперечнаго овала; барабанная перепонка лежитъ глубоко, но все же явственно замѣтна. Передніе зубы широкіе и образуютъ у взрослага животнаго одинъ или два непрерывныхъ ряда, которые отдѣлены отъ коренныхъ зубовъ пустымъ промежуткомъ. Складчатая кожа покрыта однообразными округленно-четыреугольными чешуйками, которыя на верхней части головы превращаются въ небольшіе, гладкіе, неправильно четырехугольные щитки; за ушными отверстіями чешуйки превращаются въ бугорки и шиповидные отростки. Ноги также покрыты бугорчатыми чешуйками, а пальцы черепичатыми, большею частью гладкими табличками. На бедрахъ всегда замѣчаются поры.

Шипохвостъ африканскій, называемый арабами **Даббъ** (*Uromastix spinipes*, *Stellio* и *Mastigura spinipes*. Dornschwanz. Fouette-queue d'Egypte) можетъ достигать 46 см. длины, изъ которыхъ 19 см. занимаетъ хвостъ; верхняя часть тѣла довольно однообразно сѣровато-бурая или оливковая съ неправильными бурыми пятнами, а въ эпоху спариванія блестяще-зеленая; нижняя часть тѣла зеленовато-желтая.

Всѣ шипохвосты, которыхъ нынѣ насчитываютъ 7 видовъ, имѣютъ очень странный внѣшній видъ и выглядятъ неуклюжими и неподвижными существами, но на самомъ дѣлѣ только отчасти сказываются таковыми. Они всегда избираютъ себѣ мѣстопробываніемъ пустынные каменистыя мѣстности, не избѣгая однако близости поселеній. Африканскій шипохвостъ, по словамъ Эргардта, встрѣчается на островѣ Критѣ, но настоящее его отечество лежитъ южнѣе, такъ какъ только въ каменистой Аравіи и въ Египтѣ онъ встрѣчается въ большомъ количествѣ. Въ голой песчаной пустынѣ его встрѣтить нельзя, но онъ постоянно попадаетъ въ низменностяхъ, гдѣ изрѣдка падающій дождь производитъ хотя жалкую растительность. Днемъ онъ иногда лежитъ открыто на камняхъ и грѣется на солнцѣ, но чаще держится въ широкихъ щеляхъ скалъ. Въ особенно благоприятныхъ мѣстностяхъ, именно такихъ, гдѣ находится много недоступныхъ скважинъ, онъ встрѣчается въ большомъ количествѣ. Я помню, что находилъ ихъ дюжинами въ нѣкоторыхъ щеляхъ скалъ. Въ случаѣ недостатка подобныхъ щелей шипохвосты сами вырываютъ себѣ норки въ песокъ и покидаютъ ихъ только днемъ, чтобы погрѣться на солнцѣ, но въ жаркіе полуденные часы также туда прячутся. Другой сходный видъ, говорятъ, очень чувствителенъ къ измѣненіямъ температуры и при холодной погодѣ тщательно засыпаетъ песокомъ отверстія своихъ норокъ. Дѣлаетъ ли то же самое даббъ, я сказать не могу.

Если подойти къ шипохвосту, то онъ спѣшитъ спрятаться въ свою норку, при чемъ извиваетъ свое тѣло, что при короткости и неуклюжести его, а также неподвижности хвоста производится очень неловкимъ образомъ. Пока онъ еще не замѣтилъ человѣка, онъ идетъ развалистой походкой, потихоньку, при чемъ по-

качиваетъ головой направо и налево, точно онъ оглядывается съ большою осторожностью. Достигнувъ своей норки, онъ сидитъ тамъ совершенно тихо, если успѣлъ добраться известной глубины, какъ будто знаетъ, что тамъ никто его потревожить не можетъ. Если случайно или искусно крадучись, загородить ему дорогу къ жилищу, то онъ становится передъ противникомъ, издастъ глухое пыхтѣ-

Шипохвость африканскій. *Uromestix spinipes*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

нѣ и готовится къ оборонѣ. Главнымъ оружіемъ ему служить хвостъ, удары котораго очень сильны и чувствительны. Кусаться онъ рѣшается рѣдко, но, разъ укусивши, не легко бросаетъ схваченное, даже если ему при этомъ сломаютъ челюсть.

Всѣ шипохвосты питаются растительною пищею и ѣдятъ различные листья, цвѣты, сѣмена травы и сухіе плоды; животную пищу они ѣдятъ только при случаѣ. Рюппель видѣлъ, какъ одинъ изъ самыхъ красивыхъ видовъ этихъ ящерицъ

ѣлъ траву, а Эффельдтъ печальнымъ опытомъ убѣдился, что воспитываемые имъ шипохвосты околѣвали вслѣдствіе того, что онъ ихъ кормилъ мясомъ. Они, правда, схватывали и глотали предлагаемый имъ кусокъ мяса, но уже на другой день или черезъ нѣсколько дней они дѣлались неповоротливыми и безчувственными, чѣмъ показывали, что захворали, а болѣзнь эта всегда вела къ смерти. Послѣднее время я нѣсколько разъ воспитывалъ дабба, но не могъ добиться, чтобы онъ ѣлъ въ неволѣ и потому не могу сказать, можно ли долго сохранить его живымъ, кормя растительною пищей. Отъ бедуиновъ, живущихъ въ Сахарѣ, Тристрамъ узналъ, что это животное никогда не пьетъ и что вода ему даже въ сильной степени вредна. Новыя изслѣдователи подтвердили это свѣдѣніе. Тѣ шипохвосты, которыхъ я наблюдалъ въ неволѣ, были все время очень безпокойны и вели себя тише только тогда, когда увеличившаяся слабость дѣлала ихъ равнодушными къ внѣшнему міру. По сообщенію Ключингера, арабы иногда держатъ дабба въ неволѣ, такъ какъ считаютъ его животнымъ, приносящимъ счастье дому, и 21 кольцо его хвоста играютъ роль въ одной изъ легендъ, имѣющихъ отношеніе къ этой ящерицѣ. Бедуины, напротивъ, охотятся за шипохвостомъ изъ за его мяса; они откармливаютъ это животное и сѣдятъ. Тристрамъ не упоминаетъ о томъ, чѣмъ его кормятъ, но увѣряетъ, что и ему мясо это очень понравилось и что оно похоже на мясо молодыхъ цыплятъ.

Кромѣ человѣка эта ящерица, могущая хорошо защищаться, едва ли имѣетъ такихъ враговъ, которые могли бы нанести ей существенный вредъ. Бедуины рассказывали Тристраму, что рогатая гадюка часто прячется въ норку шипохвоста, но при этомъ почти всегда лишается жизни, такъ какъ хозяинъ сильными ударами хвоста постоянно ломаетъ змѣѣ хребетный столбъ. Однако слѣдуетъ предположить, что этотъ рассказъ, подобно многимъ другимъ, принадлежитъ къ числу басенъ.

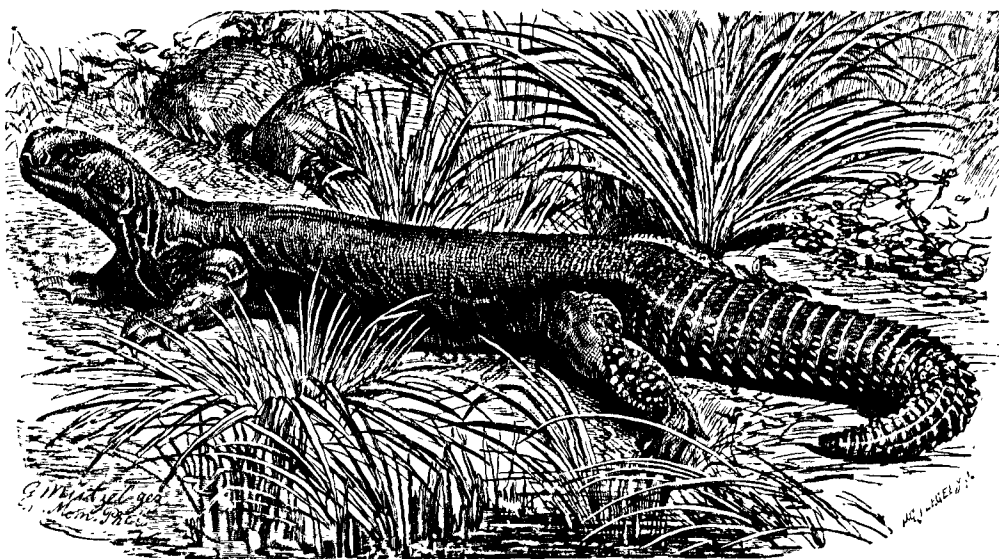
Второй видъ этого рода **Индійскій шипохвостъ** (*Uromastix hardwickii, reticulatus, Centrocereus hardwickii* и *similis*. Indischer Dornschwanz. Fouette-queue des Indes), животное 28 см. длины, изъ которыхъ 16,5 приходится на хвостъ. Отъ африканскаго и другихъ шипохвостовъ этотъ видъ отличается расположеніемъ чешуекъ на хвостѣ, на которомъ колечки съ шипами на верхней сторонѣ не соприкасаются другъ съ другомъ, а отдѣлены двумя, тремя или четырьмя рядами мелкихъ чешуекъ, а также вся спина его покрыта однообразными чешуйками. Кромѣ того индійскій шипохвостъ легко узнается по большому черному пятну на передней части бедра. Общая его окраска песчано-желтая, а иногда желѣзно-сѣрая на верхней части тѣла и однообразнаго рогового-бѣлаго цвѣта на нижней сторонѣ, гдѣ, впрочемъ, иногда замѣчаются темныя пятна и сѣтчатый рисунокъ. Отечество этого шипохвоста, часто встрѣчающагося въ зоологическихъ садахъ, находится въ Индіи и Белуджистанѣ.

Фишеръ намъ сообщилъ интересныя свѣдѣнія о жизни этого животного въ неволѣ. Онъ говоритъ, что этотъ шипохвостъ держится довольно смѣло, и внѣшность его красива и изящна. «Онъ не такъ зябокъ, какъ измѣнчивыи шипохвостъ и уже при 22° Цельсія у него является полный аппетитъ, а при 34° онъ себя чувствуетъ не хорошо, ищетъ тѣни, широко раскрываетъ пасть и начинаетъ быстро дышать, какъ собака въ жаркую лѣтнюю погоду, при чемъ кожа на горлѣ у него то приподымается, то опускается. Изъ вышесказаннаго видно, что это животное не живетъ въ пустынѣ. Несмотря на это, индійскій шипохвостъ ищетъ умѣренныхъ солнечныхъ лучей и любитъ тамъ погрѣться. Онъ не отыскиваетъ сырости

даже при высокой температурѣ, но и не избѣгаетъ ея, если она умѣренна. Вечеромъ съ заходомъ солнца и при наступленіи темноты животныя эти прячутся въ свои норки, а утромъ, когда начинается дѣлаться свѣтло и тепло, они высовываютъ головки, но не рѣшаются вылѣзти, пока воздухъ и почва хорошенько не согрѣются. Они вылѣзаютъ изъ своихъ ночныхъ убѣжищъ постепенно и безпрестанно зѣвая.

«Единственный звукъ, который слышенъ у этого животнаго—довольно сильное шипѣніе, происходящее отъ выдыханія воздуха при открытомъ ртѣ. Они совершенно безвредны и гнѣвъ ихъ выражается только шипѣніемъ; если же ихъ долго дразнить или беспокоить, то они начинаютъ сильно хлопать хвостомъ. Между собой они живутъ мирно; только изрѣдка два самца ссорятся между собою и стараются укусить другъ друга въ горло, но при этомъ рѣдко доходятъ до крови.

«О другихъ животныхъ они не заботятся. Большимъ преимуществомъ индійскаго шипохвоста должна считаться его сильная способность къ прирученію;

Индійскій шипохвостъ. *Uromastix hardwickii*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

можно даже сказать, что онъ привязывается къ человѣку. Уже черезъ нѣсколько недѣль неволи его можно гладить, причѣмъ онъ не убѣгаетъ, и эта довѣрчивость вовсе не происходитъ оттого, что они начинаютъ дѣлаться безчувственными вслѣдствіе неволи. Животное это бѣгаетъ за лакомымъ кусочкомъ, который держатъ въ рукѣ, какъ собачка, и если его долго держать въ клѣткѣ, то оно замѣтно не худѣетъ, а остается живымъ и проворнымъ. Если его помѣстить на столъ около блюда съ мучными червями, то оно сейчасъ же начинаетъ ѣсть. Можно помѣстить лакомую пищу на ладонь и всунуть руку въ клѣтку: животныя сейчасъ же прибѣгаютъ и безъ всякаго страха ѣдятъ съ руки. Если держать руку довольно высоко, то ящерицы приподымаются, опираются передними ногами на руку и спокойно продолжаютъ ѣсть.

У индійскаго шипохвоста очень хорошая память; доказательствомъ этого можетъ служить слѣдующій фактъ: такъ какъ хамелеоны и гардуны ѣдятъ по преимуществу утромъ и вечеромъ раньше, чѣмъ шипохвосты проснутся и послѣ того,

какъ они отправятся въ свои ночныя убѣжища, то въ это время вѣшался въ вѣтвяхъ дерева, стоящаго въ клѣткѣ, сосудъ, въ который ежедневно насыпали мучныхъ червей. Одинъ изъ шипохвостовъ, при своихъ довольно неуклюжихъ попыткахъ къ лазанію, однажды наткнулся на этотъ сосудъ, гдѣ еще было нѣсколько червей. Онъ тотчасъ же ихъ съѣлъ и слѣзъ съ дерева. Съ этого дня онъ очень хорошо узналъ значеніе бураго глинянаго сосуда: какъ только его вѣшали на дерево, онъ тотчасъ же лѣзъ наверхъ и съѣдалъ содержимое. Такъ какъ отъ этого страдали хамелеоны и гардуны, то я оставилъ сосудъ въ терраріумѣ и насыпалъ червей утромъ и вечеромъ. Шипохвостъ напрасно лазалъ на дерево, такъ какъ сосудъ днемъ былъ пустъ. Наконецъ онъ привыкъ къ висящей чашечкѣ и болѣе ее не осматривалъ, но скоро замѣтилъ, что вечеромъ незадолго до захода солнца снова открывали дверь терраріума. Однажды тотъ же самый шипохвостъ появился вечеромъ, когда насыпали червей; онъ тотчасъ же поднялся наверхъ, опорожнилъ весь сосудъ, а затѣмъ спрятался въ свою норку. Съ тѣхъ поръ онъ ежедневно показывается; какъ только вечеромъ открываютъ дверь терраріума, тотчасъ же подходит къ кормушкѣ и съѣдаетъ тамъ все до послѣдняго червяка. Я былъ принужденъ совершенно измѣнить свою систему кормленія, такъ какъ иначе хамелеоны и гардуны умерли бы съ голоду. Часто онъ однако долго стоитъ вечеромъ у двери и отправляется на покой только тогда, когда убѣдится, что ее не отворяютъ.

«Зрѣніе и слухъ у нихъ очень острые и они слышатъ малѣйшій шорохъ. Что касается до вкуса, то ихъ короткій розовый языкъ оказывается чрезвычайно чувствительнымъ, и они способны по вкусу различать то, что отъ человѣка навѣрно бы ускользнуло. Кромѣ того языкъ имъ служитъ для осязанія, а также для хватанія: имъ они схватываютъ или вѣрнѣе слизываютъ, какъ легуаны, зерна, листья и наѣжкомыхъ.

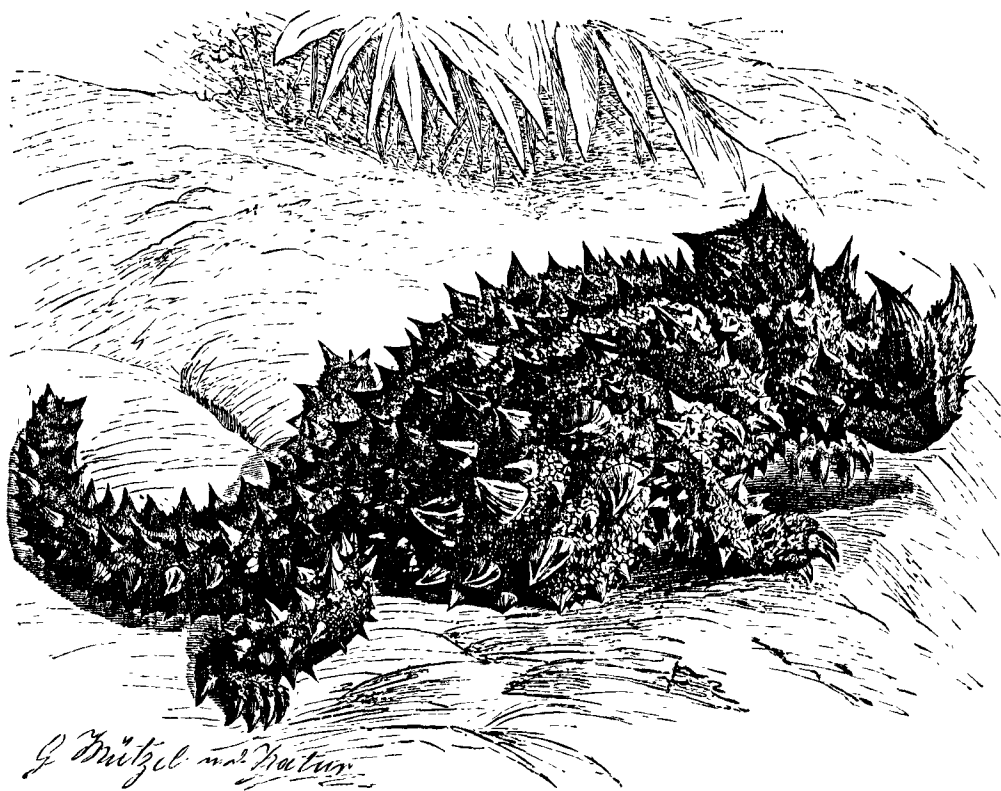
«Они берутъ языкомъ рисъ, просо, пшеницу и кукурузу и съ наслажденіемъ разжевываютъ ихъ. Удивительно, какъ сильны ихъ короткія челюсти: они совершенно размельчаютъ зерно кукурузы, которое даже человѣку трудно раскусить. Впослѣдствіи они ѣли охотно и даже съ жадностью листья брюссельской капусты, иногда немного люцерны, цвѣты одуванчика, но особенно мучныхъ червей въ большомъ количествѣ. Они также любятъ ѣсть траву, особенно осоку, которую съѣдаютъ цѣликомъ; траву на дернѣ они подгрызаютъ до самой земли. Имъ необходимо ставить воду, которую они пьютъ, медленно лакая. Индійскій шипохвостъ любитъ рыть землю и этимъ приводитъ терраріумъ въ большой беспорядокъ. Его стремленіе къ рытью и большіе крючкообразные когти заставляютъ предполагать, что онъ на свободѣ роетъ себѣ норки».

* * *

Къ агамамъ относится также одна изъ самыхъ странныхъ ящерицъ, **Молохъ** (*Moloch horridus*, *Moloch*), единственный представитель одноименнаго рода, который живетъ въ южной и западной Австраліи. Голова у него очень маленькая и узкая, не шире шеи, туловище толстое, посрединѣ расширено и плоское, такъ что нѣсколько напоминаетъ туловище жабы; хвостъ немного короче туловища, округленный и на концѣ тупой. Ноги довольно толстыя, пальцы необыкновенно короткіе и широкіе и вооружены длинными когтями.

На срединѣ шеи возвышается длинный бугорокъ, по сторонамъ котораго торчатъ большіе шипы. Голова, шея и туловище покрыты неправильными щитками, на которыхъ сидятъ довольно прямыя шипы, похожіе на шипы розана.

Шипы эти имѣютъ различную длину и неодинаково загнуты. Самые большіе и кривые находятся по сторонамъ головы, такъ что похожи на рога млекопитающаго; другіе, также большіе, сидятъ на срединѣ шеи и на обѣихъ боковыхъ шейныхъ бугоркахъ, а также вдоль всего хвоста; самые маленькіе находятся на ногахъ. Нижняя сторона тѣла не гладкая, но безъ шиповъ. Окраска этого колючаго животнаго не особенно яркая, но довольно красивая. Основной цвѣтъ у него каштаново-бурый съ темными каемками по сторонамъ; вдоль средины спины проходитъ узкая полоска цвѣта охры, которая во многихъ мѣстахъ расширяется, образуя ромбы;

Молохъ. *Moloch horridus*. Натур. вел.

двѣ другія, точно такъ-же окрашенныхъ полоски начинаются по сторонамъ шеи, проходятъ по плечамъ, здѣсь расширяются и раздѣляются на двѣ вѣтви, изъ которыхъ одна тянется вдоль туловища и по сторонамъ хвоста, а другая загибается за плечевой суставъ. Основной цвѣтъ нижней части тѣла свѣтло-буровато-желтый, на которомъ замѣчается рисунокъ, состоящій изъ широкихъ продольныхъ и поперечныхъ полосокъ съ темными каемками; рисунокъ этотъ занимаетъ всю грудь, брюшко и нижнюю часть хвоста. Общая длина тѣла равняется 18—22 ст.

Мы только въ послѣднее время кое что узнали объ образѣ жизни молоха, котораго колонисты называютъ «колючею ящерицею» или «колючимъ чортомъ»; по своей внѣшности онъ очень похожъ на американскихъ жабовидныхъ ящерицъ. Вильсонъ много лѣтъ собиралъ всѣ извѣстія объ этомъ странномъ животномъ и сообщалъ ихъ вмѣстѣ съ своими собственными наблюдениями. Молоха встрѣчаютъ въ

различных мѣстахъ около порта Августа, но его область распространенія навѣрно простирается дальше, чѣмъ до сихъ поръ извѣстно. Ящерица эта живетъ только на очень песчаныхъ мѣстахъ и иногда можно видѣть, какъ двѣ или три изъ нихъ грѣются на солнцѣ на верхушкѣ песчанаго холмика вблизи залива. Случается, что онѣ закапываются въ песокъ, но глубоко онѣ никогда не зарываются. По ихъ привычкамъ и маленькимъ скрытымъ глазамъ можно догадаться, что эти животныя дневныя, которыя никогда или очень рѣдко двигаются ночью; обыкновенно они двигаются медленно, но случалось видѣть, что они бѣгаютъ очень скоро, особенно, когда они хотятъ спрятаться въ норку, расположенную не очень далеко. Когда они сидятъ смиренно, то приподнимаютъ голову, такъ что она образуетъ со спиной тупой уголъ. Пища ихъ, говорятъ, состоитъ преимущественно изъ муравьевъ, но нѣкоторые утверждаютъ, что молохъ иногда ѣстъ и растительныя вещества. Яйца, которыя мало отличаются отъ яицъ другихъ ящерицъ, кладутся, говорятъ, въ песокъ.

Молохъ также имѣетъ способность измѣнять свой цвѣтъ сообразно окружающей обстановкѣ, но, по наблюденіямъ Вильсона, это никогда не дѣлается внезапно, а лишь очень постепенно; однако это случается нерѣдко. Яркая окраска переходить тогда въ темный шиферно-сѣрый или дымчато-бурый цвѣтъ и красивый рисунокъ при этомъ почти пропадаетъ.

Молохи, жившіе у Вильсона въ неволѣ, были очень скучныя существа, почти вовсе не двигались, а въ присутствіи этого натуралиста совсѣмъ не шевелились; если ихъ приподнимали, то они оставались сидѣть въ этомъ положеніи и вообще казались совершенно безчувственными относительно вѣшняго міра и даже дневного свѣта. Только когда ихъ переворачивали на спину, то они сильно карабкались, чтобы опять встать на ноги. Ни одинъ изъ молоховъ, жившихъ у Вильсона, не принималъ пищи, однако они прожили такимъ образомъ цѣлый мѣсяць, не выказывая ни особой худобы, ни слабости, что слѣдуетъ объяснить живучестью, свойственной всѣмъ пресмыкающимся.

Молохъ напрасно носить свое страшное названіе; вѣщность его дѣйствительно ужасна, но по образу жизни онъ совершенно безвреденъ. Единственнымъ орудіемъ ему служатъ шипы, но они такъ слабы, что ловкій человѣкъ рѣдко получаетъ отъ нихъ вредъ. Кусаться онъ не можетъ, что доказывается его маленькимъ ртомъ.

Агамы, живущія въ Старомъ Свѣтѣ, въ Америкѣ замѣняются **Игуановыми** (Iguanidae. Leguane); только онѣ встрѣчаются въ большемъ числѣ видовъ и гораздо разнообразнѣе по вѣшнему виду. Общія признаки ихъ слѣдующіе. Голова покрыта множествомъ мелкихъ щитковъ, на спинѣ замѣчаются очень равнообразныя чешуйки, которыя часто расположены поперечными рядами. Глаза имѣютъ хорошо развитыя вѣки, барабанная перепонка почти всегда видна. Ноги бываютъ короче или длиннѣе, но обѣ пары имѣютъ по пяти большаго частью свободныхъ пальцевъ. Хвостъ бываетъ очень различной величины, но въ большинствѣ случаевъ длиннѣе туловища. Языкъ коротокъ, толстъ, спереди съ мало замѣтной выемкой и приростъ ко рту всей своей длиной. Главное различіе игуанъ отъ агамъ состоитъ въ томъ, что зубы у нихъ приросли къ костяному рубцу, находящемуся на внутренней сторонѣ верхняго края челюстей; зубы эти внизу круглые, а наверху широкіе. Выдающихся зубовъ, похожихъ на клыки, почти никогда не бываетъ, на крыловидныхъ костяхъ зубы почти всегда есть, а на небныхъ очень рѣдко.

Нынѣ насчитываютъ до 50 родовъ съ 300 видовъ игуановъ; они въ выс-

шей степени характерны для Южной и средней Америки и тамъ повсюду встрѣчаются въ большомъ числѣ, но распространяются и на жаркія страны Сѣверной Америки: на западъ до Британской Колумбіи, на востокъ до Арканзаса и южныхъ Соединенныхъ Штатовъ, а также населяютъ сосѣдніе съ Америкой острова. Только 3 рода живутъ внѣ Америки: 2 изъ нихъ на Мадагаскарѣ, а одинъ въ Полинезіи, на островахъ Фиджи и Дружбы.

Мѣстожителство этихъ ящерицъ точно такъ-же разнообразно, какъ обширна область ихъ распространенія. Онѣ живутъ буквально вездѣ, гдѣ только пресмыкающіяся могутъ найти условія для своего существованія: на материкѣ точно такъ, какъ на островахъ, на высокихъ, какъ и въ низкихъ мѣстахъ, на сухихъ равнинахъ, равно какъ и въ сырѣхъ тѣнистыхъ первобытныхъ лѣсахъ, въ непосредственной близости человѣческихъ жилищъ, въ городахъ, селахъ, на наружныхъ стѣнахъ и внутри домовъ, а также въ совсѣмъ пустынныхъ мѣстностяхъ. Многіе виды должны считаться водными ящерицами, такъ какъ онѣ, точно такъ, какъ вараны Старого Свѣта, при малѣйшей опасности бѣгутъ въ воду и превосходно плаваютъ и ныряютъ. Одинъ видъ даже ищетъ себѣ пищу въ морѣ. Между ними также встрѣчаются малоразвитыя, лѣнивыя и, повидимому, безчувственные существа, но большая часть ихъ нисколько не уступаетъ нашимъ обыкновеннымъ ящерицамъ въ живости, проворствѣ и какъ въ физическомъ, такъ и въ душевномъ развитіи. Игуаны точно такъ же украшаютъ лѣса своей родины, какъ это дѣлаютъ агамы въ Старомъ Свѣтѣ. Пища ихъ состоитъ изъ насѣкомыхъ и растительныхъ веществъ. Нѣкоторые виды исключительно питаются растеніями, но большинство, какъ и прочія пресмыкающіяся, охотятся за насѣкомыми и другими мелкими животными. Нынѣ извѣстно, что всѣ игуаны кладутъ яйца, кромѣ нѣкоторыхъ жабовидныхъ ящерицъ и нѣсколькихъ видовъ рода *Sceloporus*. Многіе виды имѣютъ для человѣка довольно большое значеніе, такъ какъ мясо и яйца ихъ охотно ѣдятъ. Вреднымъ можетъ считаться развѣ только одинъ видъ, но многіе изъ нихъ подвергаются преслѣдованіямъ человѣка.

* * *

Въ лѣсахъ, рощахъ и садахъ всѣхъ жаркихъ странъ Америки живетъ многочисленный родъ очень милыхъ ящерицъ, которымъ дали названіе **Аноли** (*Apo-lis*), потому что ихъ такъ зовутъ на Антильскихъ островахъ. Родъ этотъ отличается пирамидальной головой, средней длины шейю, на которой у самца замѣчается большой височій, большею частью великолѣпно окрашенный мѣшокъ; туловище у нихъ стройное, обѣ пары конечностей хорошо развиты, при чемъ задняя пара длиннѣе передней; лапы большія съ 5-ю неодинаково длинными пальцами, у которыхъ средніе суставы расширены и на нижней сторонѣ имѣютъ поперечныя листовыя полоски; когти необыкновенно длинные, острые и загнутые; хвостъ очень длинный, тонкій. Все тѣло покрыто очень маленькими щитками, которые на спинѣ и хвостѣ иногда образуютъ гребень; передніе зубы острые, конические, нѣсколько загнутые, а задніе съ боковъ сжаты и имѣютъ трехзубчатую коронку; кромѣ того на крыловидныхъ костяхъ замѣчается одинъ рядъ маленькихъ крючковатыхъ зубовъ. Кожа окрашена въ великолѣпные цвѣта и имѣетъ способность измѣнять окраску гораздо болѣе, чѣмъ у всѣмъ извѣстнаго хамелеона.

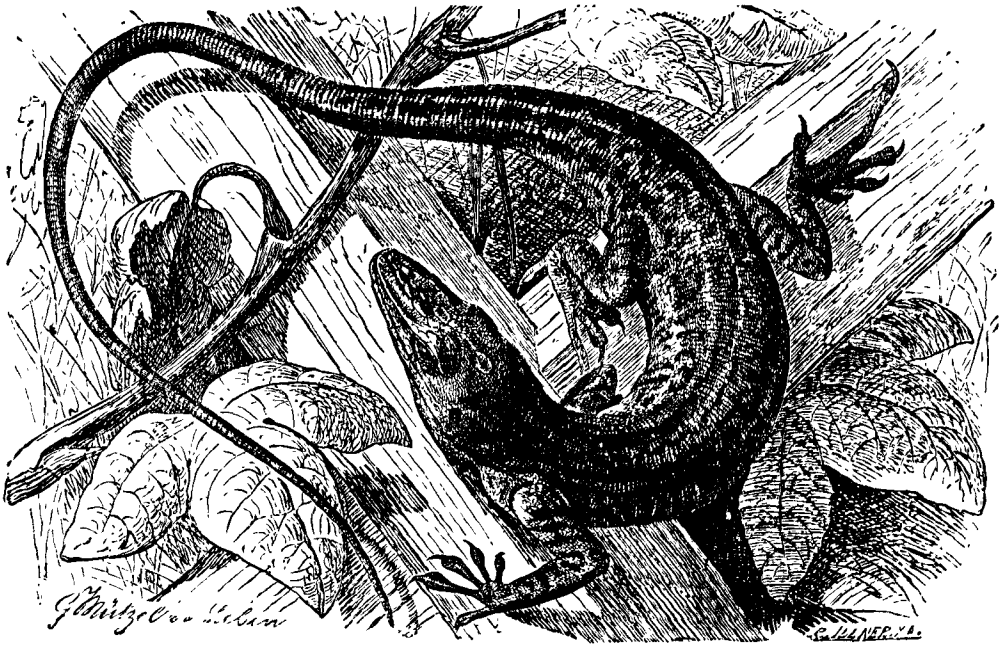
Каждый путешественникъ, который посѣщаетъ какую-либо часть Южной или средней Америки, знакомитъ насъ съ новыми, еще не описанными видами этого рода; такихъ видовъ нынѣ насчитываютъ болѣе ста, которые распространены почти по всѣмъ теплымъ странамъ Америки. Аноли живутъ повсюду: въ каждомъ

лѣсу, въ каждой рошѣ, на каждомъ отдѣльномъ деревѣ, но иногда появляются на стѣнахъ домовъ, въ сѣняхъ и даже въ комнатахъ, такъ что незамѣтить ихъ можно развѣ въ густомъ лѣсу. Въ то время, какъ въ первобытномъ лѣсу только случайно увидишь, какъ это животное тихо, безъ движенія сидитъ на вѣткѣ—по близости поселеній аноли по неволѣ бросаются въ глаза людямъ и оправдываютъ слова Никольсона, который, шутя, говоритъ, что эти ящерицы какъ будто подслушиваютъ человѣка. Необыкновенно живыя, проворныя и ловкія, онѣ постоянно заняты охотой на насѣкомыхъ, здѣсь схватятъ комара, тамъ бабочку или жука, изслѣдуютъ всѣ щели и уголки, чтобы завладѣть паукомъ, караулятъ добычу какъ хищныя животныя и, какъ кошки на мышъ, бросаются съ быстротою молніи на свою добычу, схватывая ее почти всегда съ большою ловкостью. Онѣ находятся въ движеніи цѣлый день и все время враждуютъ съ себѣ подобными. «Какъ только аноли увидятъ другаго», рассказываетъ Никольсонъ, «то онѣ живо подбѣгаютъ къ нему, а тотъ ожидаетъ противника, какъ храбрый герой. Передъ боемъ они другъ передъ другомъ вертятся почти такъ, какъ пѣтухи, быстро и сильно киваютъ головой вверхъ и внизъ, какъ можно больше надуваютъ горло и смотрятъ другъ на друга сверкающими глазами; затѣмъ бросаются другъ на друга, и каждый старается повалить противника. Если оба врага одинаково сильны, то бой, который почти всегда ведется на деревьяхъ, кончается не такъ скоро. Къ борящимся приближаются другіе аноли, вѣроятно самки, чтобы полюбоваться зрѣлищемъ, какъ будто оно имъ доставляетъ удовольствіе, но въ драку они не вмѣшиваются; оба противника такъ сильно впиваются другъ въ друга зубами, что долго таскаютъ одинъ другаго и уходятъ, наконецъ, съ окровавленной мордой. Несмотря на это, ссора скоро возобновляется, болѣе слабый противникъ въ счастливомъ случаѣ уходитъ съ откусаннымъ хвостомъ, но часто бываетъ и убитъ. Если они теряютъ хвостъ, то дѣлаются пугливыми и скучными и почти всегда прячутся. Бои эти, вѣроятно, происходятъ изъ за самокъ; по крайней мѣрѣ во время спариванія аноли живѣе, чѣмъ обыкновенно и безъ усталости прыгаютъ съ вѣтки на вѣтку. Самка вырываетъ передними ногами подъ деревомъ или около стѣны неглубокую ямку, кладетъ туда свои грязно-бѣлыя яички и прикрываетъ ихъ чѣмъ-нибудь, предоставляя нагрѣваніе ихъ солнцу».

Благодаря своей безвредности и довѣрчивости, аноли приобрѣли даже въ Южной Америкѣ, гдѣ, по словамъ принца фонъ Видъ, всѣмъ животнымъ придаютъ вредныя качества, если не всеобщее расположеніе, то по крайней мѣрѣ признаніе ихъ неядовитыми существами. На нихъ нигдѣ не смотрятъ съ отвращеніемъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже съ благосклонностью, какъ бы признавая ихъ услуги, состоящія въ ловлѣ насѣкомыхъ. Имъ прощаютъ даже ихъ смѣлость, выражающуюся въ томъ, что они бросаются на преслѣдующаго ихъ человѣка и впиваются въ него зубами. Всѣ виды при хорошемъ уходѣ переносятъ легко неволю и поэтому могутъ быть безъ труда привезены въ Европу.

Какъ представителя этого рода мы опишемъ **Красногорлаго аноли** (*Anolis carolinensis, principalis, porcatius* и *bullaris, Lacerta principalis, Dactyloa bullaris, Rotkehlanolis. Anolis de la Caroline*). Признаки этого животного слѣдующіе: голова удлинненная, трехугольная и плоская, у молодыхъ экземпляровъ почти гладкая, а у старыхъ съ двумя сильными ребрами и покрыта довольно большими многоугольными щитками, барабанная перепонка замѣтна, шея короткая, у самца подъ ней находится довольно большой мѣшокъ, туловище столь же высокое, какъ и широкое, спина не острая, брюшко плоское; туловище сверху покрыто маленькими шести-

угольными или круглыми, другъ друга не прикрывающими, слегка килеватыми чешуйками; брюшко покрыто продолговато—шестиугольными, прикрывающими другъ друга и также килеватыми чешуйками; хвостъ почти круглый, у основанія сжатъ съ боковъ, а на концѣ покрытъ маленькими мутовчатыми килеватыми чешуйками; у живыхъ животныхъ верхняя часть тѣла блестяще-зеленая, а нижняя серебристо-бѣлая, горловой мѣшокъ ярко-красный и покрытъ бѣлыми чешуйками, виски черные, надъ прикрѣпленіемъ переднихъ конечностей замѣчается круглое черное пятно, похожее на глазъ, около хвоста на тѣлѣ много черныхъ точекъ. Зеленый цвѣтъ можетъ однако переходить въ буроватый или бурый и вообще сильно измѣняется. По словамъ Шомбургка, окраска этого животнаго при возбужденіи переходить отъ зеленовато-сѣраго, темно-сѣраго, бураго во всевозможныхъ оттѣнкахъ до

Красногорлый аноли. *Anolis carolinensis*. Наст. вел.

блестяще-зеленаго, причемъ сильно измѣняется и рисунокъ. Длина этой ящерицы колеблется, смотря по полу, отъ 14—22 см., изъ которыхъ двѣ трети приходится на хвостъ. Самцы, какъ у большинства видовъ этого рода, всегда больше, толще и красивѣе окрашены, чѣмъ самки.

Красногорлый аноли въ Луизианѣ, Каролинѣ и на островѣ Кубѣ принадлежитъ къ числу самыхъ обыкновенныхъ встрѣчающихся тамъ ящерицъ и живетъ во всѣхъ подходящихъ мѣстахъ, деревьяхъ, изгородяхъ, на наружныхъ стѣнахъ домовъ и нерѣдко даже внутри ихъ. По описанію Гольбрука, это въ высшей степени подвижное, веселое и драчливое животное, которое, вовсе не обращая вниманія на присутствіе человѣка, бѣгаетъ по столамъ и другой мебели и въ сообществѣ себѣ подобныхъ гоняется за мухами и комарами. По своимъ привычкамъ онъ мало или вовсе не отличается отъ другихъ видовъ. Онъ бѣгаетъ по землѣ въ высшей степени проворно и такъ какъ держитъ голову высоко, то выглядитъ очень красивымъ: кажется, что онъ летаетъ, а не ходитъ. По деревьямъ онъ двигается

съ удивительною быстротой и ловкостью, дѣлаетъ скачки, превосходящія въ двѣнадцать разъ длину его тѣла, прыгаетъ съ вѣтки на вѣтку или съ одного дерева на другое и умѣетъ удержаться, если даже схватился лишь за одинъ листикъ; благодаря своимъ широкимъ пальцамъ, онъ, какъ гекконы, въ одно мгновеніе прилипаетъ къ предметамъ, даже къ самымъ гладкимъ, напримѣръ, къ полированному дереву или стеклу; онъ въ состояніи бѣгать даже по потолку комнаты. Этотъ аноли питается животными, но можетъ случиться, что при случаѣ проглотитъ и ягоду. Шомбургкъ говоритъ, что онъ также ловитъ ось и другихъ жалящихъ насѣкомыхъ, по мнѣнію многихъ онъ не боится и скорпіоновъ и такъ ловко ихъ схватываетъ за голову, что они, защищаясь, ранятъ иногда сами себя, но никогда не жалятъ аноли. Въ эпоху спариванія его возбужденіе сильно возрастаетъ и онъ храбро и сердито дерется со всякимъ другимъ самцомъ. Оба противника надуютъ елико возможно свои горловые мѣшки, схватываютъ другъ друга за челюсти и такъ впиваются зубами, что нѣкоторое время ихъ невозможно разнять. При этомъ измѣненіе цвѣтовъ бываетъ у нихъ всего замѣтнѣе и происходитъ очень быстро. Къ осени аноли забываетъ всѣ распри и живетъ вполне мирно съ себѣ подобными, иногда даже большими обществами, которыя случайно собрались на одномъ мѣстѣ. Шомбургкъ рѣдко находилъ въ тѣлѣ ихъ болѣе двухъ яицъ и замѣтилъ, что обыкновенно одно было болѣе развито, чѣмъ другое. Самка просто роняетъ свои яйца безъ всякихъ предосторожностей, такъ что ихъ находятъ то въ нескѣ, то на скалахъ и даже иногда въ комнатахъ. Шуфельдтъ замѣтилъ, что домашняя кошка самый большой врагъ аноли и предпочитаетъ эту ящерицу всякой другой добычѣ. Впрочемъ аноли подвергаются и всякимъ другимъ преслѣдованіямъ, что видно по обломаннымъ хвостамъ и недостающимъ конечностямъ. Чѣмъ жарче погода, тѣмъ чаще эти животныя сползаютъ съ деревьевъ и охотятся за насѣкомыми около корней ихъ. Если схватить аноли, то онъ кусается, но прокусить кожи человѣка не можетъ.

По словамъ Шомбургка, мальчики пользуются замѣтною любовью аноли къ музыкѣ, свистя приближаются къ проворнымъ животнымъ и накидываютъ имъ петлю на шею, чтобы завладѣть ими. Плѣнные аноли дѣлаются скоро ручными и потому часто видишь ихъ въ неволѣ у такихъ людей, которые не любятъ другихъ пресмыкающихся. Они очень часто попадаютъ живыми и въ Европу.

Они въ главныхъ чертахъ ведутъ себя, какъ и наши европейскія ящерицы, но гораздо проворнѣе ихъ и сообразно устройству своихъ ногъ лучше ихъ лазаютъ. Ихъ очень хорошо описалъ Белль. «У меня жили два живыхъ аноли изъ Вестъ-Индіи», рассказываетъ онъ, «и я кормилъ ихъ мухами и другими насѣкомыми. Мнѣ очень нравилось ихъ проворство при преслѣдованіи добычи. Они караулили свою жертву съ осторожностью кошки и бросались на нее съ быстротою молніи. Однажды я, кромѣ мухъ, бросилъ въ ихъ помѣщеніе большого паука крестовика. Одинъ изъ аноли бросился на него, но схватилъ только за ногу; паукъ сразу обернулся, окружилъ обѣ переднія лапы своего противника толстой паутиной, а затѣмъ укусилъ за губу, точно такъ, какъ онъ обыкновенно это дѣлаетъ, когда самъ ловитъ добычу. Аноли, повидимому, очень сильно испугался. Я поэтому вынулъ паука и освободилъ ноги ящерицы отъ паутины, но черезъ нѣсколько дней она обомлѣла, очевидно отъ полученной раны, такъ какъ другая ящерица, которая не была укушена, пережила ее на много».

Шлемоносные аноли (*Corythophanes. Kantenköpfe.*) отличаются отъ обыкновенныхъ тѣмъ, что у нихъ не расширены пальцы. На задней части головы у нихъ находится костяной шлемовидный отростокъ, а на пальцахъ у нихъ нѣтъ широкихъ каемокъ. Длинный хвостъ, который оканчивается очень тонкимъ кончикомъ, не имѣетъ гребня, но такой гребень замѣчается на спинѣ и на затылкѣ. Кожа нижней части шея имѣетъ поперечныя складки, на крыловидныхъ костяхъ есть зубы, а на бедрахъ железистыхъ поръ нѣтъ. Родъ этотъ состоитъ только изъ трехъ видовъ, живущихъ исключительно лишь въ средней Америкѣ.

Зумихрастъ познакомилъ насъ съ образомъ жизни одного вида этихъ ящерицъ, **Шлемоносного аноли** (*Corythophanes hernandezii, Chamaeleopsis hernandezii, Corythophanes chamaeleopsis и mexicanus. Helmkantenkopf. Anolis à crête*). Это животное, имѣющее 35 см. длины, изъ которыхъ 25 см. занимаетъ хвостъ, украшено на спинѣ гребнемъ, который однако не соединенъ съ гребнемъ на затылкѣ; кромѣ того оно отличается отъ другихъ видовъ неодинаковыми килеватыми спинными щитками, расположенными поперечными рядами, а также и небольшою продольною складкой на голени. Голова такъ похожа на голову хамелеона, что можно извинить мексиканцевъ, которые этой ящерицѣ даютъ вышеупомянутое названіе. Однако она отличается отъ головы хамелеона тѣмъ, что отростокъ на затылкѣ образуетъ наверху острое костяное ребро. Окраска у этой ящерицы не блестящая и состоитъ изъ нестраго смѣшенія оливково-бураго, желтаго, чернаго и бѣлаго цвѣтовъ; окраска эта сильно подвержена перемѣнамъ и измѣняется отъ вліянія свѣта. Зумихрастъ, напримѣръ, наблюдалъ, что горло жившаго у него въ неволѣ шлемоноснаго аноли днемъ было бѣлое, а ночью принимало темную окраску точно такъ, какъ и всѣ остальные свѣтлыя части тѣла.

Шлемоносный аноли нигдѣ не встрѣчается очень часто, но живетъ въ Мексикѣ по обѣимъ сторонамъ Кордильероу. Отъ василисковъ и легуановъ онъ отличается по образу жизни тѣмъ, что не живетъ на берегахъ рѣкъ, а только въ лѣсахъ и тутъ почти всегда въ сосѣдствѣ со скалами. Онъ, повидимому, предпочитаетъ дубовыя лѣса, такъ какъ его темный цвѣтъ подходитъ къ цвѣту сухихъ листьевъ этого дерева и этимъ помогаетъ его охотѣ за насѣкомыми. Онъ очень проворенъ и если только ему есть путь къ спасенію, то завладѣть имъ трудно иначе, какъ выстрѣливъ изъ ружья. Онъ сильно приподнимаетъ спину, когда бѣжить, хвостъ же поэтому волочится по землѣ или вѣткѣ дерева, что придаетъ ему очень странный видъ.

Сувѣріе индѣйцевъ, конечно, придало необыкновенныя свойства этому маленькому, странному и смѣшному существу. Туземцы очень боятся безвредныхъ укуловъ шипами, находящимися по обѣимъ сторонамъ головы этой ящерицы, но считаютъ его засушенное тѣло, которое носятъ въ видѣ амулета, хорошимъ волшебнымъ средствомъ отъ худого глаза и множества разныхъ болѣзней. На самомъ дѣлѣ это животное должно быть причислено къ самымъ красивымъ игуановымъ ящерицамъ. Вышеупомянутый аноли, жившій болѣе мѣсяца въ неволѣ у Зумихраста, былъ очень проворенъ, но скоро сдѣлался настолько ручнымъ, что при бѣгалъ брать изъ рукъ комаровъ и другихъ насѣкомыхъ. Онъ даже позволялъ брать себя въ руки и ласкать и, повидимому, это ему въ высшей степени нравилось. Когда хозяинъ схватывалъ его рукой, то казалось, что это прикосновеніе магнетизировало его. Если его гладили по брюшку, то онъ складывалъ переднія лапы, какъ молящійся человѣкъ, и тѣло его дѣлалось вполнѣ неподвижнымъ.

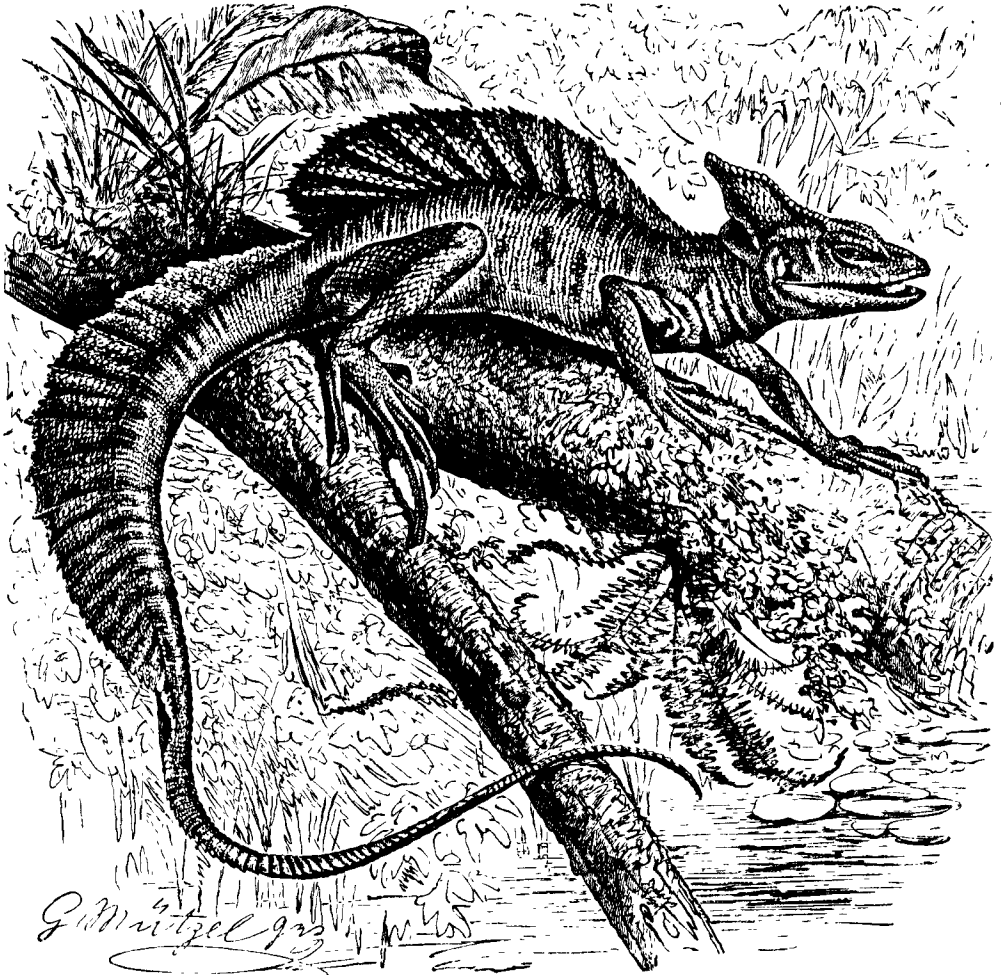

Подъ именемъ василиска древніе греки и римляне представляли себѣ змѣе-подобное чудовище самаго страшнаго вида и одаренное сверхъестественною силою. Онъ и рождался сверхъестественнымъ путемъ, высиженный гадами, неспособными къ насиживанью, и былъ вреденъ для всего живущаго, не исключая и человѣка. Въ его рожденіи участвовали пѣтухъ, змѣя и жаба: пѣтухъ клалъ уродливыя яйца, а змѣи и жабы ими завладѣвали и высиживали. У василиска было крылатое туловище, на головѣ находилась корона, у него было четыре пѣтушьи ноги, змѣиный хвостъ, сверкающіе глаза и такой ядовитый взглядъ, что онъ дѣйствовалъ гораздо сильнѣе, чѣмъ «худой глазъ» у нынѣшнихъ жителей юга и востока. Исходящій отъ этого чудовища ядъ, говорятъ, наполняетъ воздухъ и убивалъ все живущее: плоды падали съ деревьевъ и сгнивали, трава засыхала, птицы падали мертвыми и даже лошадь со всадникомъ погибали. Лишь одно животное могло прогнать василиска и дѣлать его безвреднымъ, это былъ одинъ изъ его родителей—пѣтухъ. Точно такъ, какъ пѣніе пѣтуха, по позднѣйшимъ баснословнымъ сказаніямъ, прогоняетъ чорта, привидѣнія и всякую нечистую силу, точно такъ и василискъ былъ принужденъ скрываться въ нѣдра земли, какъ только слышалъ пѣніе этой птицы. Всѣ эти глупыя басни повторялись до новѣйшаго времени и не только невѣжественными людьми, но такъ называемыми учеными мужами, которые писали о природѣ, напримѣръ англійскимъ натуралистомъ Топселемъ, который составилъ удивительное описаніе василиска. Названіе василиска упоминается и въ Ветхомъ Заветѣ, напримѣръ у пророковъ Іереміи и Исаяи, но трудно рѣшить вопросъ о томъ, какое животное подразумѣвалось подъ этимъ именемъ. По тексту видно, что оно должно было быть страшное и вредное. Зоологи воспользовались этимъ названіемъ для обозначенія совершенно безвредной американской ящерицы, что неудивительно, такъ какъ животнымъ часто даютъ имена, заимствованныя изъ древней міеологіи.

Василиски (*Basiliscus*) образуютъ родъ съ четырьмя видами; самцы ихъ имѣютъ на задней части тѣла высокій кожистый наростъ, а на спинѣ и у основанія хвоста у нихъ замѣчается кожистый гребень, который поддерживается остистыми отростками позвонковъ; пальцы заднихъ ногъ имѣютъ съ наружной стороны чешуйчатую каемку. Голова и шея коротки, туловище высокое и худое, хвостъ очень длинный и сильно сжатъ съ боковъ, голова покрыта маленькими килеватыми щитками, а туловище—ромбoidalными чешуйками, расположенными поперечными рядами. Во рту замѣчается много одинаковыхъ по величинѣ и стоящихъ близко другъ отъ друга прямыхъ, сплюснутыхъ зубовъ съ трехлопастной коронкой: въ верхней челюсти ихъ около 42, а въ нижней почти столько же; кромѣ того есть нѣсколько рядовъ зубовъ на крыловидныхъ костяхъ. Всѣ василиски живутъ въ тропической Америкѣ.

Американскій василискъ (*Basiliscus americanus*, *Lacerta* и *Iguana basiliscus*, *Basiliscus mitratus*. *Helmbasilisk*. *Basilic mitré*) имѣетъ на затылкѣ острый колпачекъ, поддерживаемый хрящеватымъ гребнемъ и снаружи покрытый килеватыми чешуйками. Брюшныя чешуйки у него совсѣмъ гладкія, безъ всякаго слѣда реберъ. Натуральный цвѣтъ его кожи, вѣроятно, зеленый, но у животныхъ, сохранныхъ въ спирту, спина оливково-бурая, а брюшко грязно-бѣлое; отъ спины по бокамъ идутъ неправильныя и прерванныя черныя поперечныя полосы; за глазами замѣчается бѣлая полоска и другая такая же еще болѣе замѣтная за угломъ челюстей. Длина животнаго около 80 см., изъ которыхъ 56 приходится на хвостъ. Онъ живетъ на Панамакомъ перешейкѣ и въ Костарикѣ.

Объ образъ жизни василисковъ мы получили свѣдѣнія лишь въ новѣйшее время. По словамъ Сальвина, другой видъ, **Полосатый василискъ** (*Basiliscus vittatus*. Geschtreifter Basilisk. Basilic à bandes) такъ обыкновененъ въ Гватемалѣ, что этотъ натуралистъ могъ получить столько этихъ животныхъ, сколько хотѣлъ. Ихъ повсюду видишь сидящими на низкихъ вѣтвяхъ деревьевъ и кустовъ, а также на поваленныхъ стволахъ, гдѣ они, вѣжась, грѣются на солнцѣ. Особенно часто ихъ

Американскій василискъ. *Basiliscus americanus*. $\frac{1}{3}$ изъ наст. вел.

встрѣчаешь около рѣкъ, окрестности которыхъ, кажется, они никогда не покидаютъ. Движенія ихъ однако довольно быстры и схватить ихъ можетъ только искусный ловець. Зумихрасть описываетъ намъ болѣе подробно этотъ видъ и этимъ, вѣроятно, даетъ понятіе о всей группѣ. «На берегахъ всѣхъ рѣкъ жаркой и умѣренной части Мексики часто встрѣчаешь василисковъ, которыхъ индѣйцы называютъ **Цумбихи**, а мексиканцы **Пасариосъ** или перевозчикъ; это премилое животное, нравы котораго вовсе не напоминаютъ баснословнаго василиска древнихъ. Чаще всего василиски замѣтны весною въ періодъ спариванья, такъ какъ тогда самецъ отли-

чается не только красивымъ видомъ и яркой окраской, но также граціозными движеніями. Рано утромъ они отыскиваютъ себѣ кормъ, а въ полуденные часы любятъ грѣться на солнцѣ, сидя на сухихъ вѣтвяхъ. При каждомъ шумѣ они поднимаютъ голову, надуваютъ горло и быстро двигаютъ кожистымъ гребнемъ. Зоркіе глаза съ золотисто-желтой радужной оболочкой тотчасъ замѣчаютъ опасность и василискъ быстро, какъ на пружинѣ, прыгаетъ въ воду. При плавании онъ приподнимаетъ голову и грудь, гребетъ передними ногами какъ веслами, а длинный хвостъ вращается какъ руль, чѣмъ и объясняется мексиканское названіе перевозчикъ.

Въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая самка кладетъ 12—18 яичекъ въ ямку у ствола дерева и предоставляетъ насиживаніе ихъ солнцу. Они имѣютъ 20 мм. длины и 13 мм. ширины, а въ прочемъ похожи на яйца игуановъ. Дѣтеныши вылупляются черезъ нѣсколько дней и по цвѣту сильно отличаются отъ старыхъ, такъ какъ гребень и хвостъ у нихъ, какъ у самокъ, оливковаго цвѣта, между тѣмъ какъ у самцовъ онъ красиваго кроваво-краснаго цвѣта». Василиски питаются, насколько до сихъ поръ извѣстно, исключительно растительными веществами.

* * *

Къ числу самыхъ обыкновенныхъ ящерицъ, живущихъ въ Гвіанѣ и на восточномъ берегу Бразиліи, относится **Рулица обыкновенная** (*Tropidurus torquatus*, *Stellio torquatus*, *Agama tuberculata*, *taraguira*, *Ephymotes tuberculata*, *Kiel-schwanz*, *Agame à collier*), представительница особаго рода, признаки котораго слѣдующіе: голова плоская, трехугольная, по сторонамъ ея складокъ незамѣтно, хвостъ мутовчатый, иглистый, спина покрыта болѣе или менѣе ясно килеватыми чешуйками, расположенными наклонными рядами, а у нѣкоторыхъ видовъ замѣчается спинной гребень. На бедрахъ нѣтъ поръ. Отъ высоконогихъ ящерицъ онѣ отличаются прямыми несогнутыми въ суставахъ пальцами и отсутствіемъ въ челюстяхъ длинныхъ клыковъ.

Къ этому роду причисляются 11 видовъ, довольно равномерно распределенныхъ между западною и восточною частью Южной Америки. Рулица обыкновенная, называемая португальцами **Лягарта**, т. е. ящерица, достигаетъ длины въ 25 см., изъ которыхъ 10 см. приходится на хвостъ; основной цвѣтъ ея сѣроватый, покрытый свѣтлыми и темными пятнами, по сторонамъ шеи замѣтны черныя полоски, а надъ глазами сѣровато-черныя. Круглый хвостъ покрытъ мутовчатыми черепицеобразными чешуйками, верхняя часть тѣла покрыта ромбоидальными, острыми и килеватыми щитками, нижняя часть тѣла—такими же щитками, но не килеватыми, на верхней части головы замѣчаются неправильныя большіе щитки. На кожѣ подъ шейю находятся двѣ поперечныя складки. Переднихъ зубовъ бываетъ отъ 5 до 6, коронка у нихъ округленная и неясно трехлопастная, на задней части верхней челюсти сидятъ 20 острыхъ ясно трехлопастныхъ коренныхъ зубовъ, а на нижней челюсти такихъ же 24 съ каждой стороны. Окраска и рисунокъ очень разнообразны. Молодые животныя покрыты пятнами и полосками, у старыхъ замѣтны неясныя и небольшія круглыя пятнышки; нѣкоторые экземпляры почти безъ пятенъ и одноцвѣтные, у другихъ замѣтны ясныя, блѣдныя, поперечныя полоски, но у всѣхъ замѣчается черное пятно, идущее на сторонѣ шеи отъ затылка къ груди и 3 вертикальныхъ полоски надъ вѣками. Горло у самца всегда черное.

Рулица, по словамъ принца фонъ Видъ, живетъ только въ сухихъ песчаныхъ странахъ, преимущественно между каменными обломками, въ горахъ камней, въ трещинахъ скалъ, на старыхъ стѣнахъ, на постройкахъ и внутри ихъ, гдѣ пря-

чется въ дыркахъ стѣнъ или на крышахъ; впрочемъ эта ящерица встрѣчается въ кустахъ и ропахъ вмѣстѣ съ ящерицами тею и довольствуется укромнымъ мѣстечкомъ въ сухихъ листьяхъ; она часто грѣтся на голыхъ камняхъ и когда къ ней приближаешься, съ быстротою молніи прячется въ свою норку. Вышеназванный натуралистъ особенно часто встрѣчалъ ее въ каменныхъ обломкахъ, покрывающихъ кое-гдѣ берега рѣкъ и моря, но и въ другихъ мѣстахъ ее можно видѣть нерѣдко. Эту ящерицу трудно не замѣтить, потому что она много бѣгаетъ внѣ своей норки, когда сидитъ спокойно, то высоко поднимаетъ голову и шею, киваетъ какъ агама Старога Свѣта, бѣгаетъ необыкновенно скоро и легко лазааетъ вверхъ и внизъ по самымъ крутымъ стѣнамъ. Гензель говоритъ, что она очень часто встрѣчается около Рио-Жанейро, именно въ ближайшихъ окрестностяхъ города, особенно на дорогѣ, идущей къ Карковадо. При приближеніи человѣка животныя эти, грѣющіяся на солнцѣ, тотчасъ же пускаются въ бѣгство и бѣгаютъ съ необыкновенною скоростью по совершенно голымъ скаламъ, окаймляющимъ дорогу, причемъ однако держатся нѣсколько наклоннаго направленія. Ихъ пугливость и ловкость при лазаніи такъ велики, что очень трудно поймать цѣльный экземпляръ. Тамъ, гдѣ рулицы не покоятъ, она ведетъ себя иначе, смѣло приходитъ на дворъ жилища, лазааетъ по стѣнамъ и домамъ и приближается къ человѣку безъ всякаго страха. «Въ одной заброшенной плаватціи», пишетъ принцъ фонъ Видъ, «находилась старая хижина, выстроенная изъ бревень и древесной коры, которая была населена только этими ящерицами. Онѣ громко шумѣли, когда бѣгали по разваливающейся крышѣ, сидѣли на старыхъ заборахъ, грѣлись на солнцѣ и очень мало боялись человѣка, котораго не привыкли видѣть въ этой пустынной мѣстности». Бразильцы называютъ этотъ видъ просто ящерицей, такъ какъ она не надуваетъ горлового мѣшка и не измѣняетъ своей окраски, такъ что первымъ колонистамъ она напоминала ящерицу ихъ родины.

* * *

Два извѣстныхъ вида **Высоконогихъ ящерицъ** (*Uraniscodon*) имѣютъ голову, покрытую не особенно выдающимися чешуйками; затылочный щитокъ у нихъ очень великъ, пальцы сильно согнуты въ суставахъ, на затылкѣ замѣчается гребень, а на спинѣ другой, пониже; бедренныхъ поръ нѣтъ. Клыки у нихъ довольно большіе.

Представителемъ этого рода можетъ служить **Высоконогъ** (*Uraniscodon umbra* и *pictus*, *Lacerta umbra*, *Hypsibatus umbra*, *Hyperanodon peltigerus* и *umbra*, *Agama picta*, *Lophirus ochrocollaris*, *Uperanodon pictus*, *Stelzenechse*, *Agame ombre*) животное, имѣющее 30 см. длины, причемъ хвостъ занимаетъ 20 см. Голова короткая и толстая, надъ глазами утолщена какъ у жабы, морда довольно тупая, нижняя челюсть нѣсколько длиннѣе верхней, очень замѣтная барабанная перепонка яйцевидная, по сторонамъ шеи находится мягкая кожа, которая при возбужденіи надувается и образуетъ горловой мѣшокъ, торчащій по обѣ стороны головы; туловище довольно стройное, ноги высокія, хвостъ длинный и тонкій. На переднихъ и заднихъ ногахъ по 5 сжатыхъ съ боковъ и согнутыхъ въ суставахъ, кривыхъ пальцевъ, снабженныхъ довольно толстыми, короткими и съ боковъ сжатыми когтями. Туловище покрыто маленькими тонкими чешуйками, голова—нѣсколько болѣе крупными шестигольными, четырехгольными или неправильными чешуйками, по сторонамъ обѣихъ челюстей замѣчаются большія чешуйки, по сторонамъ горла нѣбольшія острыя чешуйки; нижняя часть тѣла покрыта четырехгольными, болѣе крупными, чѣмъ сверху, чешуйками, а хвостъ—четыреугольными килеватыми чешуйками, расположенными кольцами. На затылкѣ находится низкій гребень, который

*

продолжается до начала хвоста. Окраска высоконого очень красива. Голова и затылок окрашены въ свѣтло-сѣрый, буроватый цвѣтъ; на шеѣ, отъ одной передней ноги до другой, проходитъ широкая, бархатисто-черная поперечная полоса. передъ нею по сторонамъ затылка находятся большія желтыя пятна, а за ними узкія, свѣтлыя поперечныя полосы голубовато-сѣраго цвѣта. Далѣе назадъ находятся 4 темно-бурыхъ, широкихъ поперечныхъ полосъ, окаймленныхъ темными каемками и раздѣленныхъ узкими голубовато-сѣрыми полосками. Задняя часть тѣла и хвостъ имѣютъ желтовато-розовый основной цвѣтъ и украшены 11—12 черно-бурыми или черными поперечными полосками или кольцами; на заднихъ ногахъ замѣчаются 4 бурыхъ полоски съ темными каемками, а сѣровато-бурыя переднія ноги покрыты неясными блѣдно-голубыми поперечными полосками и пятнышками. На сторонахъ шеи, когда она не надута, находится круглое оранжевое пятно, а когда она на-

Высоконогъ. *Uraniscodon umbra*. Натур. вел.

дута, то весь пузырь принимаетъ оранжевую окраску. Горло и всѣ нижнія части тѣла голубовато-пепельно-сѣрыя съ бѣловатымъ или красноватымъ оттѣнкомъ. Кругомъ радужной оболочки находится узкое желтое кольцо, а сама радужина бурая. У молодыхъ животныхъ на бурыхъ полоскахъ замѣчаются круглыя жемчужныя пятнышки, которыя у взрослыхъ исчезаютъ. Высоконогъ распространенъ по всей тропической Южной Америкѣ.

«Этотъ необыкновенно красиво разрисованный пестрый легуанъ», говоритъ принцъ фонъ Видъ, «встрѣчался мнѣ въ огромныхъ дѣвственныхъ лѣсахъ близъ лагуны Аррара около Мукури, когда я тамъ жилъ въ февралѣ и мартѣ. Я наблюдалъ его только въ этой мѣстности, но встрѣчалъ тамъ часто и могъ срисовать съ натуры. Его тамъ называютъ хамелеономъ, такъ какъ онъ немножко измѣняетъ свой цвѣтъ и при возбужденіи, особенно по бокамъ, принимаетъ прекрасную розовую окраску. Это измѣненіе цвѣта по преимуществу замѣтно на свѣтлыхъ полоскахъ,

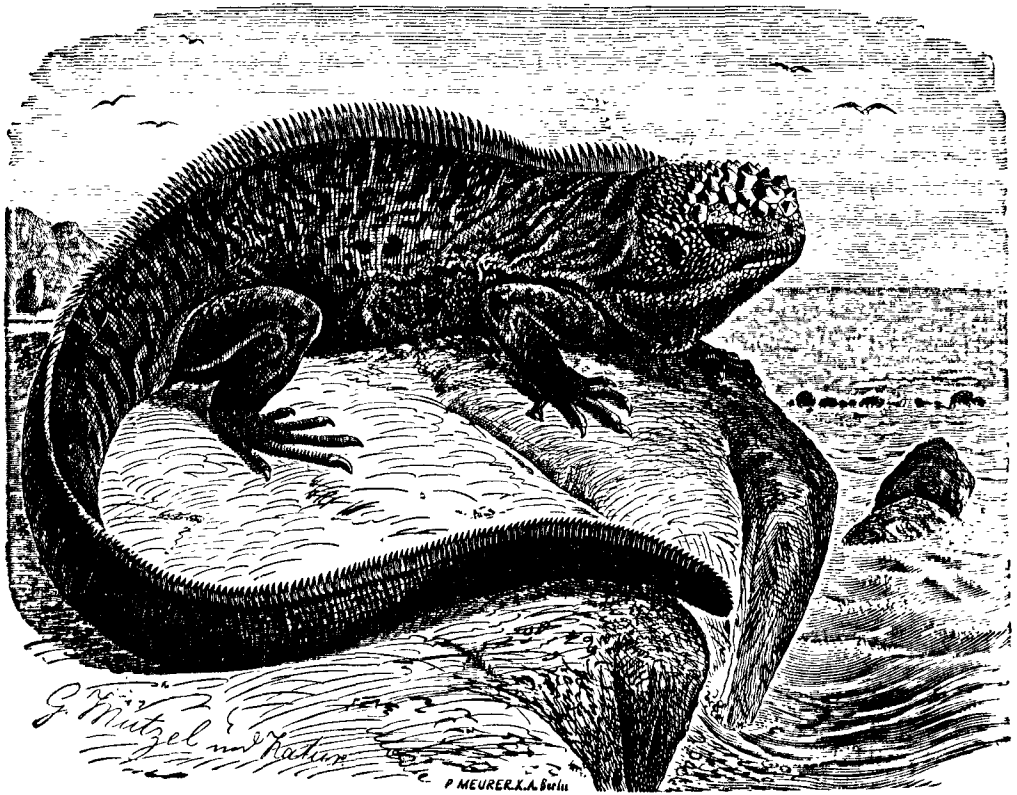
испешряющихъ его тѣло. Онъ живетъ постоянно на деревьяхъ, по стволамъ которыхъ ловко лазаетъ, но бѣгаетъ также скоро и по сучьямъ; онъ высоко держится на ногахъ, а голову и шею подымаетъ еще выше и глаза у него всегда сильно открыты. Если онъ не можетъ убѣжать отъ угрожающаго ему существа, то онъ открываетъ пасть, надуваетъ горловые мѣшки, издаетъ шипѣніе и прыгаетъ на противника. Это животное, вѣроятно, нерѣдко встрѣчается въ обширныхъ первобытныхъ лѣсахъ, по берегамъ Мукури, такъ какъ индѣйцы, которые каждый день работали въ лѣсу, вечеромъ обыкновенно приносили нѣсколько штукъ этихъ животныхъ, чтобы, какъ они говорили, доставить удовольствіе любознательному чужеземцу».

* *
*

Острова Галапагосъ образуютъ собой особый міръ, такъ какъ большинство растений и животныхъ, тамъ живущихъ, болѣе нигдѣ не встрѣчаются. Пресмыкающіяся играютъ очень важную роль въ фаунѣ этихъ острововъ и въ известномъ смыслѣ замѣняютъ здѣсь недостающихъ млекопитающихъ, особенно травоядныхъ. Тамъ живетъ немного видовъ, но каждый изъ нихъ встрѣчается, или по крайней мѣрѣ встрѣчался нѣсколько десятилѣтій тому назадъ въ большомъ числѣ экземпляровъ. Особенно замѣчательны здѣсь четыре ящерицы изъ семейства игуановыхъ, а изъ нихъ заслуживаютъ особеннаго вниманія двѣ очень странныя ящерицы, которыя значительно отличаются отъ сродныхъ имъ игуановъ зубами, формою головы и покровомъ ея, толщиной черепныхъ костей и отсутствіемъ горлового мѣшка. Обѣ онѣ сходны между собой по строенію, и образъ жизни ихъ во многомъ одинаковъ. Быстрою движеній не отличается ни одна изъ нихъ; обѣ принадлежатъ къ травояднымъ животнымъ, хотя питаются различною пищею: одна изъ нихъ живетъ на землѣ, другая въ водѣ и, что всего удивительнѣе—это единственная ящерица, которая справедливо можетъ быть причислена къ морскимъ животнымъ, единственная, которая питается водорослями.

Морская ящерица (*Amblyrhynchus cristatus*, *Hypsilophus* и *Oreocephalus cristatus*, *Amblyrhynchus ater*, Meerechse, *Iguane marin*), единственная представительница своего рода, очень крупное животное, длина котораго достигаетъ 135 см. при длинѣ хвоста въ 80 см.; вѣсъ ея доходитъ до 12 klg., короткая и широкая голова круто спускается по сторонамъ, спереди суживается и образуетъ очень крутую и дугобразно согнутую поверхность отъ лба до края морды. Для описанія этого животнаго я воспользуюсь сообщеніями Штейндахнера, который написалъ особое сочиненіе объ ящерицахъ острововъ Галапагосъ. Вся верхняя часть головы покрыта многоугольными, болѣею частію четырехъ-или шестиугольными щитками различной величины и расположенными вродѣ мозаики; самые крупные коническіе, даже шиповидные щитки лежатъ на передней части головы, самые малевкіе надъ глазами. Яйцевидныя воздри расположены довольно высоко по сторонамъ головы и имѣютъ наклонное положеніе снизу вверхъ; онѣ окружены возвышеннымъ кожистымъ гребнемъ, на которомъ снаружи сидятъ маленькіе щитки. На верхней губѣ находятся 9—10 пятиугольныхъ щитковъ, на нижней губѣ 12—13 четырехугольныхъ; отъ глаза до висковъ идетъ дуга, состоящая изъ килеватыхъ чешуекъ, а нижняя сторона головы покрыта маленькими выпуклыми чешуйками. Яйцевидная барабанная перепонка окружена толстыми круглыми ребрами. На горлѣ и по сторонамъ шея кожа болѣе или менѣе слабо прикрѣплена къ тѣлу и иногда образуетъ передъ грудью замѣтную поперечную складку. Туловище очень толстое, на затылкѣ, шеѣ и спицѣ замѣчается сильно сжатый съ боковъ гребень, распростра-

няющийся до самого конца хвоста и раздѣленный болѣе или менѣе глубокими надрѣзами на отдѣльныя части, именно затылочную, спинную и хвостовую. Всѣ прочія чешуйки отличаются малою величиной, на спинѣ онѣ килеватыя, на бокахъ выпуклыя, а на животѣ крупнѣе и совсѣмъ плоскія. Хвостъ длинный, у основанія сжатъ съ боковъ умѣренно, а на концѣ очень сплюснутъ, такъ что принимаетъ форму плавника и покрытъ большими четырехугольными килеватыми чешуйками, которыя, какъ и на спинѣ, расположены правильными поперечными рядами. Ноги короткія и плотныя, пальцы соединены между собой короткой перепонкой и вооружены большими, сильно загнутыми когтями; второй и третій пальцы одинаковой

Морская ящерица. *Amblyrhynchus cristatus*. $\frac{1}{6}$ наст. вел.

величины и длиннѣе другихъ. Толстый языкъ занимаетъ всю ширину полости рта. Зубы большіе, трехлопастные и прикрѣплены къ наружной стѣнкѣ глубокаго желобка, находящагося на челюстяхъ; на верхней челюсти ихъ бываетъ 22—25, на нижней 20—24, изъ которыхъ 6—8 одинаковыхъ расположены на между челюстныхъ костяхъ. Небольшіе и малочисленные зубы на крыловидныхъ костяхъ часто вываливаются.

Окраска и рисунокъ измѣняются смотря по возрасту. У молодыхъ морскихъ ящерицъ по сторонамъ головы и подъ нею, а также на бокахъ замѣчается много свѣтло-сѣрыхъ пятенъ на черномъ фонѣ, и этихъ пятенъ бываетъ иногда такъ много, что основной темный цвѣтъ сохраняется лишь въ видѣ сѣтчатого рисунка. Спина покрыта или перемѣнными грязно-сѣрыми и черными неправильными полосами, состоящими иногда изъ отдѣльныхъ пятенъ. Верхняя и наружная сторона ногъ

покрыта сѣрыми точками, или большими сѣрыми пятнами. Нижняя сторона головы грязно-темно-сѣрая, горло черное, брюшко грязно-желто-бурое, верхняя часть пальцевъ, плюсны и голени, а также задняя часть хвоста совершенно черныя, на спинномъ гребнѣ замѣтны поперечныя желтыя или сѣрыя и черныя полосы. Въ видѣ исключенія встрѣчаются совершенно черныя экземпляры.

Морскія ящерицы въ довольно большомъ числѣ живутъ на островахъ Галапагосъ. Дарвинъ нашелъ ихъ на всѣхъ посѣщенныхъ имъ островахъ этой группы, Штейндахнеръ—на островахъ Альбермарль, Чарльзъ, Джемсъ и Джервизъ, на послѣднемъ въ необыкновенно большомъ числѣ и въ крупныхъ экземплярахъ; Буксентъ находилъ ихъ и на островѣ Абингдонъ. Соответственно своему образу жизни, онѣ всегда встрѣчаются на скалистыхъ морскихъ берегахъ и, по наблюдениямъ Дарвина, никогда не удаляются болѣе, чѣмъ на 10 шаговъ отъ воды.

«Иногда мы ихъ видѣли», говоритъ Дарвинъ, «плавающими на нѣсколько сотъ шаговъ отъ берега, и капитанъ Кольнетъ увѣряетъ, что онѣ встрѣчаются въ морѣ цѣлыми стадами и здѣсь занимаются рыбною ловлей или грѣются на скалахъ. Я полагаю, что онѣ ошибается на счетъ цѣли ихъ плаванія, но сообщаемый имъ фактъ не можетъ быть подвергнутъ сомнѣнью. Животное это плаваетъ въ водѣ легко и быстро, змѣеобразно извивая туловище и плоскій хвостъ, но при этомъ не пользуется своими ногами, которыя плотно прижимаются къ бокамъ и въ водѣ никогда не двигаются. Одинъ матросъ привѣсилъ къ такой ящерицѣ значительную тяжесть и бросилъ ее въ море, полагая ее сразу потопить, но къ удивленію своему замѣтилъ, что черезъ часъ ящерица была еще вполне жива. Ея конечности и большіе когти прекрасно приспособлены къ ползавію по шероховатымъ и растрескавшимся массамъ лавы, изъ которыхъ состоятъ всѣ берега. На подобныхъ мѣстахъ часто видишь 6 или 7 этихъ некрасивыхъ пресмыкающихся, лежащихъ на черныхъ скалахъ въ нѣсколькихъ метрахъ отъ прибоя волнъ; они здѣсь грѣются, растопыря свои ноги.

«Я изслѣдовалъ желудокъ многихъ изъ нихъ и находилъ его всегда наполненнымъ размельченными морскими водорослями, именно остатками того вида, который имѣетъ широкія листовидныя вай свѣтло-зеленаго или темно-красно-зеленаго цвѣта. Такъ какъ я не помню, чтобы встрѣчалъ эту водоросль въ значительномъ количествѣ на скалахъ, омываемыхъ моремъ, то слѣдуетъ предположить, что онѣ растутъ на днѣ моря, недалеко отъ берега, и если это вѣрно, то этимъ вполне объясняется, почему ящерицы плаваютъ въ морѣ. Биноэ нашелъ разъ въ желудкѣ морской ящерицы остатки крабба, но, вѣроятно, они были случайно проглочены, и свѣдѣніе это поэтому не можетъ имѣть большого значенія. Плоскій хвостъ, добровольное пребываніе этой ящерицы въ водѣ и пища ея достаточно доказываютъ, что это животное морское, но, по странному противорѣчію, она не спасается въ воду, если ее испугать. Ее легко загнать на камень, выступающій изъ воды, но тамъ скорѣе она дастъ себя схватить за хвостъ, чѣмъ бросится въ море. О защитѣ посредствомъ зубовъ она, повидимому, не имѣетъ никакого представленія. Если ее сильно напугать, то она брызгаетъ попавшей въ ротъ водой изъ ноздрей. Однажды я принесъ морскую ящерицу, пойманную въ глубокой дужѣ, оставшейся послѣ отлива, и нѣсколько разъ бросалъ ее туда, какъ только могъ дальше; она постоянно возвращалась прямымъ путемъ къ тому мѣсту, гдѣ я стоялъ. При этомъ я замѣтилъ, что она плавала близко отъ дна, красиво и быстро извиваясь, причемъ ногами не пользовалась при плаваніи, но иной разъ ползала на нихъ по неровному дну. Приблизившись къ берегу, но оставаясь еще подъ водой, она старалась спрятаться въ водоросляхъ или въ какую-нибудь ямку; черезъ

несколько времени, думая, что опасность уже прошла, она выползала на сухие скалы и, переваливаясь, как можно скорее уходила. Я несколько раз сразу ловил эту ящерицу, пригнавъ къ удобному мѣсту, и всякій разъ замѣчалъ, что ее никакими средствами нельзя загнать въ воду. а когда я ее туда бросалъ силой, то она постоянно возвращалась вышеуказаннымъ способомъ. Можетъ быть эта кажущаяся глупость объясняется тѣмъ, что на берегу у ней нѣтъ враговъ, въ морѣ же она часто дѣлается жертвою многочисленныхъ акулъ, такимъ образомъ, по опыту, считаетъ берегъ безопаснымъ убѣжищемъ.

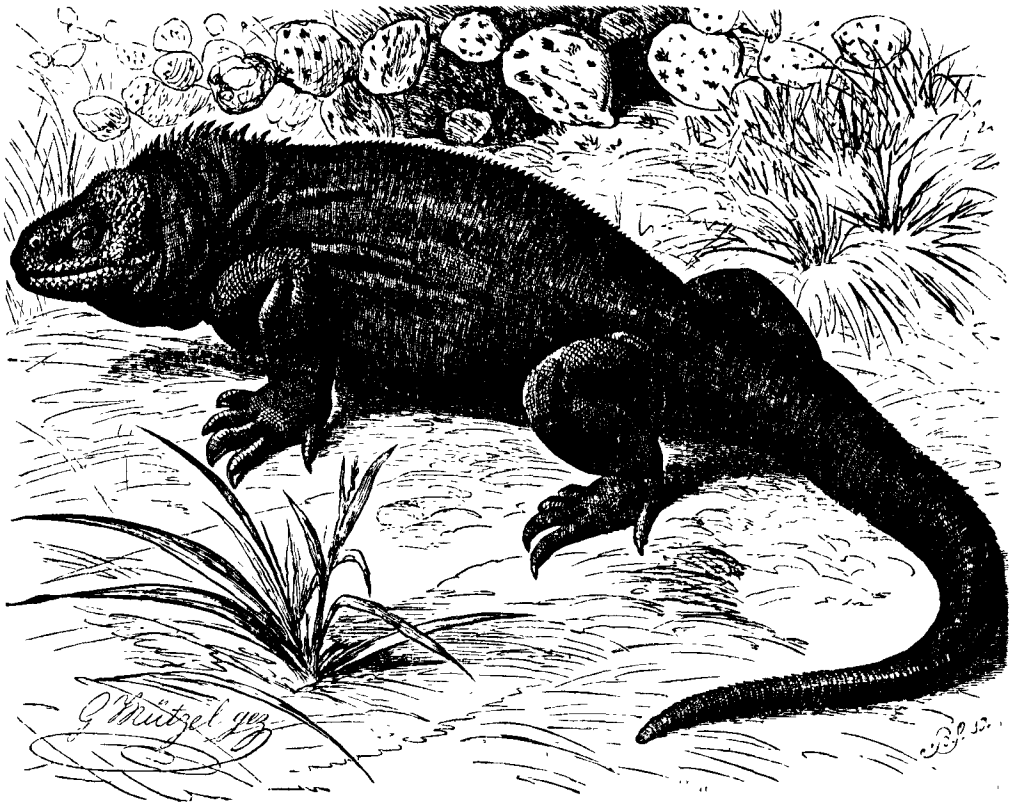
«Во время нашего посѣщенія въ октябрѣ я видалъ многихъ маленькихъ ящерицъ этого вида, но между ними ни одной, которая была бы моложе года. Поэтомъ у меня предположить, что время размноженія ихъ тогда не наступило. Я спрашивалъ многихъ туземцевъ о томъ, не знаютъ ли они, куда класть эта ящерица свои яйца; они отвѣчали, что хорошо знакомы съ яйцами другого вида, но не имѣютъ ни малѣйшихъ свѣдѣній о томъ, какъ размножается морская ящерица, что очень странно, если имѣть въ виду, что она на этихъ островахъ встрѣчается въ столь значительномъ числѣ».

Штейндахнеръ посѣтилъ острова Галапагосъ въ 1872 г. и нашелъ, что морскія ящерицы тамъ встрѣчаются тысячами, точно такъ, какъ во времена Дарвина и Дампiera. «Когда мой спутникъ Питкинсъ», говоритъ онъ, «увидалъ большое число этихъ безобразныхъ животныхъ, грѣющихся на скалахъ, состоящихъ изъ лавы, то онъ выстрѣлилъ въ толпу ихъ, и когда я тотчасъ послѣ этого, а затѣмъ еще разъ черезъ часъ осмотрѣлъ это мѣсто, то на немъ не было болѣе ни одного животнаго. Они всѣ спаслись въ море и, вѣроятно, затѣмъ высклаки какое-нибудь болѣе отдаленное убѣжище. Это наблюденіе, которое я повторилъ на островахъ Джемсъ и Джервисъ, доказываетъ, что хотя морскія ящерицы очень лѣнны и безпомощны въ своихъ движеніяхъ, почему ихъ вовсе нетрудно словить, все же стараются избѣгать угрожающей опасности, а не остаются, какъ прежде, лежать съ тупымъ упрямствомъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ лежали, особенно тогда, когда онѣ замѣчаютъ враговъ вблизи. При спокойномъ морѣ часто видишь, какъ эти ящерицы быстро плаваютъ и ныряютъ въ морѣ довольно далеко отъ берега. Движеніе ихъ въ водѣ похоже на движеніе змѣи, голова только высовывается изъ воды, а ноги прижаты къ тѣлу. На островѣ Джервисъ я ихъ находилъ только на неровныхъ и растрескавшихся массахъ лавы вблизи моря; онѣ тамъ лежали цѣлыми стадами, состоящими изъ 100—150 штукъ. На островѣ Джемсъ я находилъ только нѣсколько небольшихъ экземпляровъ, довольно далеко отъ моря, около небольшихъ пещеръ, заросшихъ травой и кустарникомъ; очень можетъ быть, что подобныя мѣста служатъ имъ гнѣздовьями. Желудокъ и кишки ихъ, какъ уже было замѣчено Дарвиномъ, постоянно наполнены небольшими широколистными красными водорослями».

* * *

Вторая ящерица, встрѣчающаяся на островахъ Галапагосъ, значительно отличается отъ морской по внѣшнему виду, а также отсутствіемъ зубовъ на крыло-видныхъ костяхъ; она еще неуклюже и неповоротливѣе морской ящерицы. Такъ какъ она живетъ только на сушѣ, то у ней нѣтъ перепонки между короткими пальцами толстыхъ ногъ. Хвостъ у ней короче и сжатъ съ боковъ только слегка, въ разрѣзѣ онъ яйцевидный и почти безъ гребня; шея у нея зато гораздо длиннѣе и снизу имѣетъ продольныя складки, голова болѣе вытянута, не такъ высоко и не такъ круто спускается отъ лба къ краю рта. Поэтомъ Штейндахнеръ присоединяется къ мнѣнію тѣхъ натуралистовъ, которые изъ нея образуютъ особый родъ

(*Conolophus*). Ей дали название **Земляного конолофа** (*Conolophus subcristatus*, *Amblyrhynchus subcristatus* и *demarlei*, *Trachycephalus subcristatus*, *Hypsilophus* и *Conolophus demarlei*. Drusenkopf.). Штейндахнеръ приводитъ слѣдующіе признаки этого животнаго. Щитки верхней части головы гораздо меньше и потому многочисленнѣе, чѣмъ у морской ящерицы; маленькій затылочный щитокъ нѣсколько вдавленъ; широкія ноздри оканчиваются на большомъ щиткѣ, который образуетъ значительную выпуклость. Въ верхней челюсти замѣчается 23—24 длинныхъ тонкихъ трехконечныхъ зуба, включая сюда 7 одинаковыхъ, сидящихъ на между челюстной кости; на нижней челюсти 23—24 такихъ же зуба. Яйцевидный языкъ въ верхней части

Земляной конолофъ. *Conolophus subcristatus*. $\frac{1}{5}$ наст. вел.

вальковатый и посрединѣ передняго края имѣетъ неглубокую трехугольную выемку. Чешуйки нижней части головы, шеи и боковъ малы и имѣютъ конусообразную форму, верхушки ихъ направлены, смотря по положенію чешуи, въ сторону или внизъ; чешуйки на спинѣ килеватыя, на животѣ нѣсколько крупнѣе, плоскія, неправильно четырехугольныя и расположены правильными поперечными рядами. Только на затылкѣ возвышается рядъ высокихъ, болѣе или менѣе коническихъ, болшею частью сзади плоскихъ, а спереди сильно выпуклыхъ чешуекъ, которыя отдѣлены другъ отъ друга маленькими чешуйками; онѣ образуютъ собою гребень, который выше всего на срединѣ, на спинѣ сильно понижается и переходить въ еще болѣе низкій хвостовой гребень, въ которомъ только кое-гдѣ замѣчается высокая чешуйка. Хвостовой гребень начинается на нѣкото-

ромъ разстояніи отъ начала хвоста, не образуетъ непрерывнаго ряда и теряется около середины хвоста. Конолофъ значительно отличается отъ морской ящерицы и по окраскѣ. Голова болѣе или менѣе яркаго лимонно-желтаго цвѣта; спина около гребня кирпично- или ржаво-красная; въ рѣдкихъ случаяхъ на ней замѣчаются чередующіяся и неясныя желтыя и красно-бурныя полосы, на бокахъ красно-бурная окраска переходитъ въ грязный, темно-бурый цвѣтъ. Кое-гдѣ замѣчаются точки и маленькія, неясно очерченныя черныя пятнышки. Брюшко темно-желтое съ красно-бурнымъ отгѣнкомъ. Наружныя и верхнія стороны переднихъ ногъ красновато-желтыя, заднія ноги буровато-желтыя, когти и пальцы около нихъ черноватые. Ящерица эта достигаетъ 107 см. длины, изъ которыхъ 54 см. приходятся на хвостъ.

Дарвинъ наблюдалъ конолофа только на среднихъ островахъ группы Галапагосъ, именно Альбермарль, Джемсъ, Барлинтонъ и Индефатигабль. Здѣсь онъ живетъ какъ на высокихъ и сырыхъ, такъ и въ болѣе низкихъ и пустынныхъ частяхъ; въ послѣднихъ, впрочемъ, онъ многочисленнѣе. «Чтобы дать понятіе объ ихъ многочисленности», замѣчаетъ Дарвинъ, «я не знаю лучшаго средства, какъ сказать, что на островѣ Джемсъ мы довольно долго не могли найти подходящаго мѣста для нашей палатки, такъ какъ вся земля была изрыта ихъ норками. Конолофъ точно такъ же безобразенъ, какъ и морская ящерица, и голова его, вслѣдствіе малаго лицевого угла, имѣетъ очень глупое выраженіе.

«По движеніямъ своимъ онъ кажется лѣнивымъ и соннымъ. Если его не пугать, то онъ ползаетъ тихо, влача по землѣ животь и хвостъ, часто останавливается, на нѣсколько минутъ закрываетъ глаза, какъ будто дремлетъ и при этомъ широко распластываетъ заднія ноги по землѣ. Онъ живетъ въ норахъ, которыя выкапываетъ между обломками лавы, а чаще на ровныхъ мѣстахъ, въ мягкомъ вулканическомъ пескѣ. Норки эти, кажется, неглубоки и некруто спускаются въ землю, такъ что почва надъ ними легко проваливается и путникъ очень устаетъ, шествуя по этимъ изрытымъ мѣстамъ. Когда конолофъ роетъ нору, то онъ работаетъ поочередно правой и лѣвой стороною тѣла; одною изъ переднихъ ногъ онъ нѣкоторое время царапаетъ землю и бросаетъ ее по направленію къ задней ногѣ, которая такъ расположена, что она можетъ выбрасывать землю изъ норы. Когда одна сторона тѣла устанетъ, то начинаетъ работать другая, и такъ поочередно. Я наблюдалъ одного изъ этихъ животныхъ довольно долго, пока все его туловище не зарылось въ землю; тогда я подошелъ ближе и потащилъ его за хвостъ; оно казалось очень удивленнымъ, выползло изъ норы, чтобы объяснить себѣ причину этой помѣхы въ работѣ и пристально на меня посмотрѣло, какъ будто спрашивая меня: «зачѣмъ ты меня дергалъ за хвостъ?»

«Конолофы ѣдятъ днемъ и при этомъ не удаляются далеко отъ своей норы. Если ихъ испугать, то они очень неуклюже бѣгутъ къ своимъ убѣжищамъ. Вслѣдствіе того, что ноги довольно близко расположены къ тѣлу, конолофы скоро бѣгать не могутъ и имъ легче всего бѣжать подъ гору. Человѣка они не боятся: если на нихъ пристально смотрѣть, то они вертятъ хвостомъ, приподнимаются на переднихъ ногахъ, быстро киваютъ головой вверхъ и внизъ и придаютъ себѣ очень сердитый видъ, который, впрочемъ, вовсе не соответствуетъ дѣйствительности. Если только ударить ногой о землю, то они опускаютъ хвостъ и убѣгаютъ какъ можно скорѣе. Я часто видѣлъ, что маленькія насѣкомоядныя ящерицы точно также киваютъ головой, если внимательно къ чему-нибудь присматриваются, но я никакъ не могъ понять, для чего это онѣ дѣлаютъ. Если остановить конолофа и дразнить его палкой, то онъ сильно ее кусаетъ; я однако многихъ хваталъ за хвостъ и ни

Лит. Штадлеръ и Паттисотъ С. П. Б.

ИГУАНА.

одинъ изъ нихъ не пробовалъ меня кусать. Напротивъ того, если посадить двухъ конолофовъ вмѣстѣ на землю другъ противъ друга, то они тотчасъ начинаютъ драться между собой и другъ друга кусаютъ до крови.

«Всѣ тѣ конолофы, которые живутъ въ низменностяхъ, въ теченіи цѣлаго года выпиваютъ только нѣсколько капель воды, но поѣдаютъ большое количество сочнаго кактуса, если вѣтромъ случайно оторветъ вѣтвь. Когда нѣкоторымъ изъ нихъ я бросалъ куски кактуса, то интересно было видѣть, какъ каждый изъ нихъ старался схватить и утащить свою долю, совершенно подобно собакамъ, которыя спорятъ изъ-за кости. Они жрутъ очень медленно, но не жуютъ пища. Всѣ маленькія птички знаютъ, что эти животныя безвредны. Я видѣлъ, какъ толстоклювый воробей клевалъ одинъ конецъ куска кактуса, между тѣмъ, какъ конолофъ ѣлъ съ другаго конца, и маленькая птичка потомъ совершенно спокойно прыгнула на спину пресмыкающагося. Въ желудкѣ тѣхъ, которыхъ я изслѣдовалъ, я находилъ только растительныя волокна и листья различныхъ растений, чаще всего отъ одного вида акацій. Въ высокомъ поясѣ острова эти ящерицы преимущественно питаются кислыми и вяжущими ягодами гуаявиты, и я видѣлъ, какъ онѣ ѣли ихъ вмѣстѣ со слоновыми черепаками. Чтобы полакомиться листьями акаціи, конолофы отыскиваютъ низкія, карликовыя деревья, причемъ не очень рѣдко случается, что нѣкоторые изъ нихъ сидятъ на деревѣ на метръ высоты отъ земли и тамъ спокойно ѣдятъ листья. Туземцы говорятъ, что конолофы, живущіе въ сырыхъ мѣстахъ, пьютъ воду, но что тѣ, которые живутъ въ безводныхъ мѣстахъ, никогда не поднимаются на болѣе сырыя высоты, чтобы напиться, какъ это дѣлаютъ черепахи.

«Во время нашего пребыванія на островахъ мы находили у самокъ въ тѣлѣ много большихъ продолговатыхъ яицъ; онѣ ихъ кладутъ въ свои норки, а туземцы ихъ отыскиваютъ для ѣды. Вареное мясо этихъ ящерицъ бѣлаго цвѣта и считается у людей безъ предразсудковъ за очень хорошее кушанье».

* *
*

«Два вида цвѣтущихъ деревьевъ изъ рода инга привлекли необыкновенно большое число игуановъ. При каждомъ ударѣ весла, которымъ мы подвигались впередъ 3—4 этихъ большихъ животныхъ падали съ деревьевъ въ воду или исчезали, удивительно быстро пробираясь съ вѣтки на вѣтку, въ густой листвѣ верхушекъ деревьевъ, гдѣ однако зоркіе глаза и мѣткія стрѣлы индѣйцевъ слѣдовали за ними. Всѣ оживились, такъ какъ каждому хотѣлось получить лакомое блюдо къ ужину. Охота шла менѣе успѣшно съ помощью ружей, чѣмъ съ лукомъ и стрѣлами, такъ какъ игуаны, убитые дробью, падали въ воду и тонули, между тѣмъ какъ длинныя стрѣлы отчасти удерживали ихъ на водѣ. Въ числѣ нашей добычи были экземпляры, длиною до двухъ метровъ и толщиною въ 30 см. Несмотря на страшный видъ животныхъ, мясо ихъ принадлежитъ къ числу самыхъ нѣжныхъ, которое можно себѣ представить; яйца ихъ также очень вкусны. Качества эти способствуютъ къ уничтоженію этихъ животныхъ, особенно близъ береговъ моря, гдѣ, кромѣ туземцевъ, за ними охотятся европейцы, мулаты и негры».

Этими словами Шомбургкъ описываетъ свою встрѣчу съ **Игуаномъ, Легуаномъ** (*Iguana tuberculata, coerulea, viridis, squamosa, emarginata* и *Iophygoides, Lacerta* и *Hypsilophus iguana. Leguan. Iguane*), наиболѣе извѣстнымъ видомъ и типическимъ представителемъ всего семейства. Признаки рода игуановъ (*Iguana*) слѣдующіе: туловище вытянутое, съ боковъ сжатое, голова большая, четырехугольная, шея короткая, ноги коренастыя, пальцы длинныя, а хвостъ очень длинный, съ

боковъ сжатый и покрытъ однообразными килеватыми чешуйками. На горлѣ замѣчается большой висячій горловой мѣшокъ, съ гребнемъ на передней его части, состоящимъ изъ шиповъ. Отъ затылка до конца хвоста тянется спинной гребень, голова покрыта многогранными выпуклыми и килеватыми щитками очень различной величины; брюшко покрыто гладкими или слабо килеватыми чешуйками, нижняя сторона пальцевъ — щитками съ тремя ребрышками на каждомъ, на бедрахъ замѣчаются железистыя поры, барабанная перепонка большая, круглая, ясно замѣтная, ноздри широкія. Передніе зубы имѣютъ коническую форму, очень острые и нѣсколько загнуты назадъ; прочіе зубы, сжатые съ боковъ, трехугольные и, въ отличіе отъ сходныхъ родовъ, имѣютъ зубчатые края. Кромѣ челюстей двойной рядъ маленькихъ зубовъ замѣчается на крыловидныхъ костяхъ; число зубовъ измѣняется смотря по возрасту.

Игуанъ достигаетъ 1, 4—1, 6 м. длины, изъ которыхъ 1 м. приходится на хвостъ. Основной цвѣтъ кожи ярко-травяной зеленый, мѣстами переходящій въ синій, темно-зеленый, бурый и сѣрый; нижняя часть тѣла и ноги полосатыя, передъ прикрѣпленіемъ переднихъ конечностей замѣчается иногда бѣлая полоска, на хвостѣ замѣчаются нѣсколько широкихъ темныхъ полосъ. Впрочемъ окраска бываетъ очень различная, тѣмъ болѣе, что игуаны имѣютъ также способность измѣнять свой цвѣтъ.

Образъ жизни различныхъ игуановъ, которыхъ насчитываютъ до полудюжины видовъ, легко, впрочемъ, соединяемыхъ въ два рѣзко различаемыхъ вида, настолько сходенъ между собой, что мы позволяемъ себѣ обобщить всѣ сюда относящіяся свѣдѣнія въ одно цѣлое. Всѣ игуаны живутъ въ тропической части Южной Америки и въ странахъ около Мексиканскаго залива, слѣдовательно также и на Антильскихъ островахъ; всѣ они живутъ на деревьяхъ и охотѣе всего на такихъ, которыя растутъ на берегу воды. Здѣсь они двигаются съ большою ловкостью, лазая и прыгая съ вѣтки на вѣтку, и умѣютъ очень хорошо прятаться въ листьѣ, такъ что непривычному глазу они мало замѣтны. Къ вечеру они нерѣдко спускаются на землю, чтобы и здѣсь искать себѣ пищу, но при опасности спасаются, если это только возможно, на верхушки деревьевъ или, какъ мы уже это видѣли выше, прыгаютъ въ воду. Въ водѣ они точно такъ же хорошо двигаются, какъ и вараны, и съ большою ловкостью и быстротою пользуются своимъ сильнымъ хвостомъ, какъ весломъ. Они плаваютъ, какъ замѣчаетъ Тейлеръ, тѣмъ же способомъ, какъ и другія ящерицы, т. е. прижимаютъ конечности къ туловищу и двигаются исключительно съ помощью хвоста. Въ водѣ они двигаются совѣмъ свободно, ныряютъ точно такъ же хорошо, какъ и плаваютъ, долго остаются подъ водою, не устаютъ и могутъ легко спастись отъ всѣхъ враговъ, угрожающихъ имъ въ этой чуждой для нихъ стихіи; по крайней мѣрѣ они вовсе не боятся крокодиловъ и каймановъ, которые живутъ въ тамошнихъ рѣкахъ.

Дюмериль говоритъ, что находилъ въ желудкѣ изслѣдованныхъ имъ игуановъ только растительныя вещества и Тейлеръ и Зумихрастъ съ нимъ въ этомъ соглашаются. Послѣдній нашелъ во внутренностяхъ анатомированныхъ имъ экземпляровъ только мягкія ягоды, которыя иной разъ сильно расширяли кишки; Тейлеръ замѣчаетъ, что между полупереваренными листьями иногда находятъ безчисленное множество маленькихъ червяковъ и полагаетъ, что они грызли съѣденные игуаномъ листья и вмѣстѣ съ ними были проглочены. Многие натуралисты полагаютъ, что игуаны при случаѣ ѣдятъ и насѣкомыхъ, что подтверждается наблюденіями надъ живущими въ неволѣ, но главной ихъ пищей несомнѣнно остаются растительныя вещества.

Обыкновенно они убѣгаютъ при видѣ человѣка, такъ какъ научились видѣть въ немъ самаго опаснаго врага; если они находятся въ безвыходномъ положеніи и бѣжать не могутъ, то пробуютъ защищаться; при чемъ надуваются и расширяютъ свой горловой мѣшокъ, чтобы придать себѣ страшный видъ, шипятъ, фыркаютъ, прыгаютъ на своего противника, пробуютъ укусить его и не такъ легко выпускаютъ то, что схватили своими сильными зубами; своимъ большимъ хвостомъ они наносятъ очень чувствительные, а иногда даже опасные удары. Во время размноженія они, говорятъ, еще болѣе возбуждены и злѣе, чѣмъ обыкновенно; они не отходятъ отъ избранной самки и съ яростью нападаютъ на каждое животное, къ ней приближающееся; между собой они также дерутся изъ-за обладанія самкою. Последнія черезъ нѣкоторое время послѣ спариванія появляются на песчаныхъ отмеляхъ, чтобы здѣсь класть свои яйца, и въ это время легче всего наблюдать этихъ обыкновенно очень скрытно живущихъ животныхъ. На островѣ Санта Лучія яйца кладутся въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ. Яйца имѣютъ величину примѣрно голубиныхъ, и мягкую скорлупу бѣлаго или свѣтло-желтаго цвѣта; скорлупа похожа на тонкую лайку и непосвященному человѣку яйца бросаются въ глаза тѣмъ, что состоятъ почти изъ одного желтка, какъ, впрочемъ; большинство яицъ пресмыкающихся. Самки кладутъ яйца въ песокъ, въ ямку и тщательно ихъ прикрываютъ, но затѣмъ болѣе о нихъ не заботятся. Шомбургкъ замѣчаетъ, что въ яичникахъ убитыхъ имъ самокъ онъ находилъ 18—24 оплодотворенныхъ яичекъ. По изслѣдованіямъ Тейлера, старыя самки кладутъ гораздо болѣе яицъ, чѣмъ молодыя. Одна самка, жившая у него въ неволѣ, положила въ одинъ день пять, а пять дней спустя еще тридцать два яйца. Въ тѣлѣ анатомированныхъ самокъ находили, смотря по величинѣ животнаго, 8, 14 и 17 яицъ, которыя были всѣ одной величины и расположены въ два ряда по сторонамъ живота. По наблюденіямъ Зумихраста часто случается, что многія самки игуановъ кладутся сообща въ одну ямку, такъ что иногда находятъ до десяти дюжинъ яицъ въ одномъ мѣстѣ. Многія яйца уничтожаются не только муравьями, но также маленькими млекопитающими, особенно часто встрѣчающеюся на Санта Лучія такъ называемою мускусною крысой. Поэтому вѣроятно, что самки игуановъ нарочно отправляются на берегъ моря, гдѣ песокъ мевѣ доступенъ ихъ врагамъ, чѣмъ на песчаныхъ отмеляхъ въ рѣкахъ. Вылупившіеся дѣтеныши, повидимому, остаются довольно долго жить вмѣстѣ, такъ какъ Гумбольдтъ упоминаетъ, что его проводникъ принесъ однажды цѣлое гнѣздо молодыхъ игуановъ, имѣвшихъ всего 10 см. длины. «Этихъ животныхъ трудно было отличить отъ обыкновенныхъ ящерицъ, такъ какъ спинные шипы, большія приподнятыя чешуйки и всѣ тѣ особенности, которыя придаютъ игуавамъ, имѣющимъ 1—1, 5 м. длины, столь страшный видъ, были замѣтны лишь въ видѣ чуть-чуть выдающихся зародышей».

Въ Вестъ Индіи почти всюду распространено мнѣніе, что мясо игуановъ нездорово и въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ увеличиваетъ число припадковъ; однако мало кто обращаетъ вниманіе на это мнѣніе, а, напротивъ, каждый старается, какъ проводники Шомбургка, добыть себѣ это лакомое блюдо. Катесби говоритъ, что игуановъ ловятъ для того, чтобы торговать ими и ихъ отправляютъ на материкъ, чтобы за дорогую цѣну продавать богатымъ людямъ, какъ особенно изысканное кушанье. Мясо ихъ считается легко переваримымъ, питательнымъ и вкуснымъ и его ѣдятъ въ жареномъ, а еще чаще въ вареномъ видѣ. Яйца, въ которыхъ и его ѣдятъ въ жареномъ, а еще чаще въ вареномъ видѣ. Яйца, въ которыхъ почти нѣтъ бѣлка и которыя при варкѣ не твердѣютъ, обыкновенно употребляются для приготовленія суповъ. Особейные охотники занимаются отысканіемъ этой странной дачи и ловятъ ее различными способами. Нѣкоторые путешествен-

ники упоминаютъ объ одномъ способѣ ловли игуановъ, который сильно противорѣчить свѣдѣнiямъ, сообщеннымъ Шомбургкомъ. Говорятъ, что охотники приближаются къ животнымъ, которыя такъ любопытны, что остаются на мѣстѣ и даже протягиваютъ шею; ихъ сначала глядятъ кнутикомъ, а затѣмъ надѣваютъ на шею петлю, находящуюся на концѣ кнута. Тогда ихъ силою стаскиваютъ съ дерева; вначалѣ игуаны страшно бьются, стараются освободиться, открываютъ пасть, фыркаютъ и шипятъ, но скоро съ ними справляются, связываютъ имъ морду и въ такомъ безпомощномъ состоянiи приносятъ на рынокъ. Насколько правдивъ этотъ разсказъ, я не берусь рѣшать, но возможно, что любопытныя животныя тамъ, гдѣ за ними мало охотились, подпускаютъ людей близко къ себѣ, надѣясь на свои средства защиты. Обыкновенно для этой охоты пользуются дрессированными собаками, такъ какъ безъ ихъ помощи очень трудно, даже почти невозможно отыскать среди зелени мало замѣтныхъ животныхъ. Либманъ разсказываетъ, что на западномъ берегу средней Америки игуановъ подкарауливаютъ, когда они вечеромъ слѣзаютъ съ деревьевъ, и тогда на нихъ выпускаютъ собакъ, а Тейлеръ къ этому добавляетъ, что собакъ къ этой охотѣ приходится особо дрессировать. Опытныя собаки отыскиваютъ игуановъ, вѣроятно, чутьемъ и начинаютъ лаять, когда увидятъ ихъ на деревѣ или дѣлаютъ стойку, когда животное находится на землѣ. Нѣкоторыя собаки прямо схватываютъ игуана за спину и закусываютъ до смерти; но такихъ немного, такъ какъ опытыя и не особенно злобныя собаки по опыту боятся сильныхъ ударовъ хвостомъ, а также острыхъ когтей и зубовъ игуановъ. Если игуанъ еще можетъ бѣжать, то прежде всего старается спастись на дерево, а при неимѣнiи такового прячется въ какую-нибудь норку, но въ обоихъ случаяхъ почти всегда погибаетъ, такъ какъ его довольно легко стрясти съ вѣтки или добыть тѣмъ, что сучекъ, на которомъ онъ сидитъ, отпиливаютъ; съ другой стороны игуаны очень рѣдко находятъ достаточно большую норку, чтобы спрятаться, а обыкновенно считаютъ себя спасенными, если куда нибудь сунуть только свою голову. Схваченному игуану, чтобы онъ не кусался, продѣваютъ крѣпкую соломинку черезъ ноздрю и кожу нижней челюсти, а затѣмъ завязываютъ соломинку; послѣ этого вырѣзываютъ сухія жилы изъ длинныхъ среднихъ пальцевъ заднихъ ногъ и пользуются ими, чтобы связать обѣ пары ногъ, перегнувъ ихъ черезъ спину; въ такомъ жалкомъ видѣ игуаны приносятся на рынокъ. Такъ какъ мексиканцамъ извѣстна живучесть игуановъ, которые часто спасаются съ сильнымъ зарядомъ дрови въ тѣлѣ, то туземцы сохраняютъ иногда въ теченiи цѣлаго мѣсяца связаннаго вышеописаннымъ способомъ игуана, чтобы потомъ его продать. Игуановъ въ особенности охотно покупаютъ во время поста; ихъ тогда запекаютъ въ тѣсто изъ кукурузной муки и считаютъ въ такомъ видѣ большимъ лакомствомъ, даже употребляютъ ихъ для подарковъ. Во внутренностяхъ этихъ животныхъ иногда находятъ безоаровые камни, которые прежде считались сильнымъ лекарственнымъ веществомъ, а можетъ быть и нынѣ кое-гдѣ употребляются для лѣченiя.

Плѣнные игуаны сначала бываютъ очень дики и выказываютъ даже коварство: они стараются укусить человѣка и огрызаются на всякое приближающееся животное, иногда даже убиваютъ слабыхъ домашнихъ животныхъ, до которыхъ могутъ добраться, а также и содержимыхъ въ одной съ ними клеткѣ. Но ярость ихъ понемногу затихаетъ и по прошествiи нѣсколькихъ недѣль они дѣлаются такими ручными, что позволяютъ себя трогать. Тейлеръ сообщаетъ слѣдующее средство, чтобы заставить ихъ ѣсть: нужнѣ ихъ дразнить до того, чтобы они стали яростно кусаться, и тогда вмѣсто пальца всовывать имъ въ пасть предлагаемую

пищу. Тогда они безъ затрудненія глотаютъ ее и такимъ образомъ понемногу приучаются къ кормленію. Однако этому натуралисту и этимъ способомъ не удалось долго сохранить ихъ въ живыхъ. Нѣкоторые околѣли послѣ того, какъ поѣли листьевъ, которые имъ были не по вкусу, а другіе оттого, что ѣли зерна. Въ ихъ отечествѣ иногда содержатъ ихъ на свободѣ въ садахъ или въ домахъ; въ Европѣ ихъ кое-гдѣ можно видѣть въ зоологическихъ садахъ и у нѣкоторыхъ любителей. Тѣ, которыхъ я могъ наблюдать, меня не привлекали. Правда, они были настолько ручны, что брали изъ рукъ ихъ воспитателя предлагаемую добычу, листья салата, капусту, цвѣты и тому подобное, но въ дѣйствіяхъ и движеніяхъ ихъ ничего не было замѣчательнаго: они по цѣлымъ часамъ скучно сидѣли на одномъ мѣстѣ и выказывали большое равнодушіе ко всему окружающему. Для ихъ благосостоянія необходимы довольно высокая и равномерная теплота (27° — 28° Ц.) и вода для утоленія жажды; при небольшомъ уменьшеніи температуры они дѣлаются вялыми, отказываются отъ пищи и скоро околѣваютъ.

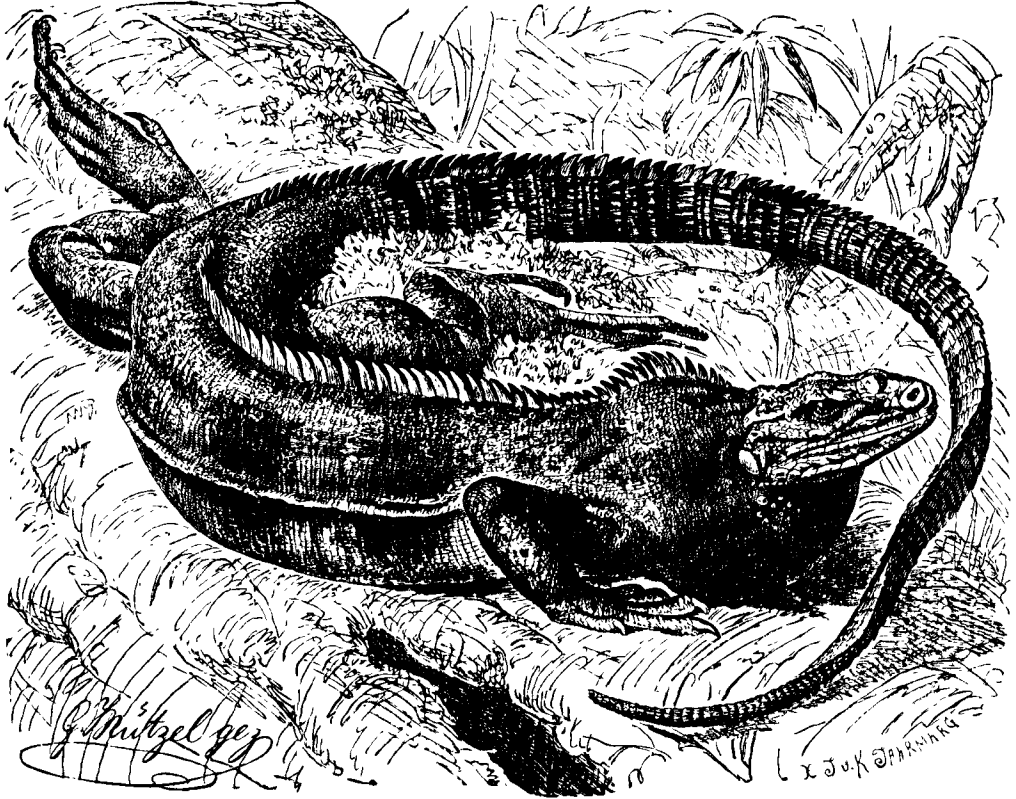
* * *

Отъ вышеописанныхъ игуановъ отличаются **Циклуры** (*Cyclura*. *Wirtelschwänze*.) своими зубами, небольшимъ горловымъ мѣшкомъ и незначительной поперечной складкой подъ шеей. Покровъ тѣла почти такой же, какъ у игуановъ, но чешуйки на верхней части хвоста отличаются тѣмъ, что послѣ трехъ или четырехъ рядовъ обыкновенныхъ чешуекъ замѣчается кольцо, отдѣльные чешуйки котораго имѣютъ не особенно длинные, но острые шипы, образующіе мутовку. Спинной гребень иногда прерывается надъ плечами и крестцомъ. Зубы, число которыхъ, повидимому, увеличивается съ возрастомъ, не имѣютъ по краямъ зубчиковъ, какъ у игуановъ, но гладкую трехлопастную коронку; на крыловидныхъ костяхъ зубы мелки, но многочисленны. Бедренныя поры у нихъ существуютъ.

Единственный извѣстный видъ этихъ животныхъ, **Циклура иглистая** (*Cyclura carinata*, *Iguana cyclura*, *belli*, *carinata* и *nubila*, *Cyclura harlani*, *lorhama* и *baeolopha*, *Lacerta nebulosa*. *Wirtelschwanz*. *Iguane cyclure*), живущая на Кубѣ, Ямайкѣ и Багамскихъ островахъ; она прекрасно описана Госсе и его друзьями. Животное это достигаетъ длины 1,2—1,3 м., изъ которыхъ 70 см. приходится на хвостъ, и отличается довольно низкимъ спиннымъ гребнемъ, состоящимъ изъ сжатыхъ съ боковъ, нѣсколько серповидныхъ шиповъ; иногда спинной гребень соединенъ съ гребнями затылочнымъ и хвостовымъ, а иногда отдѣленъ отъ нихъ маленькими чешуйками. Передняя часть головы покрыта щитками различной величины, изъ которыхъ средній особенно великъ. На нижней челюсти замѣчается рядъ большихъ ромбоидальныхъ килеватыхъ чешуекъ. Туловище и конечности окрашены въ буровато-зеленый цвѣтъ, кое-гдѣ переходящій въ шиферно-синій; надъ плечами проходятъ нѣсколько наклонныхъ темно-оливково-бурыхъ линій, а по бокамъ отъ спинного гребня къ животу тянутся нѣсколько широкихъ полосъ того же цвѣта. Хвостъ покрытъ правильно расположенными чередующимися полосками болѣе свѣтлаго и болѣе темнаго оливково-бурого цвѣта.

По словамъ Госсе, циклура встрѣчается на Ямайкѣ только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Она, напримѣръ, довольно часто попадаетъ на известковыхъ горахъ, которыя тянутся отъ порта Кингстонъ къ такъ называемому Козьему острову; горы эти, между прочимъ, замѣчательны тѣмъ, что на нихъ живутъ одичавшія козы, свиньи и куры. Кромѣ того циклуру нерѣдко встрѣчаютъ на равнинахъ между вышеназванными береговыми горами и высокими внутренними горами, но только

въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть старыя дуплистыя деревья. Животное это, повидному, не особенно нуждается въ водѣ, хотя оно хорошо плаваетъ, какъ всѣ его родичи. Счастливый случай далъ возможность узнать образъ жизни циклуры лучше, чѣмъ образъ жизни другихъ сродныхъ видовъ. Въ имѣніи Мино двѣ циклуры жили въ теченіи 16 мѣсяцевъ на старой акаціи и дали возможность этому помѣщику ихъ наблюдать, причѣмъ онъ оберегалъ ихъ отъ всякихъ опасностей. Одинъ изъ друзей Мино случайно нашелъ этихъ животныхъ, но такъ испугалъ ихъ ударомъ хлыста, что они въ теченіи нѣсколькихъ недѣль только потихоньку выходили наружу и

Циклура. *Cyclura saginata*. $\frac{1}{4}$ насг. вел.

при приближеніи человѣка тотчасъ же прятались въ дупло дерева. Послѣ того какъ Мино строго запретилъ ихъ пугать, циклуры понемногу забыли свой страхъ и наконецъ сдѣлались настолько ручными, что позволяли хозяину наблюдать за собой.

Какъ только день становился теплѣе, одно изъ этихъ животныхъ появилось изъ дупла и, цѣпляясь за кору или ползая по ней, отправлялось на тонкій сухой сучекъ, чтобы грѣться на солнцѣ. Здѣсь оно оставалось въ теченіи цѣлаго дня, не обращая вниманія на окружающее. Мино никогда не видѣлъ, чтобы циклура ловила насѣкомыхъ и лишь однажды замѣтилъ, что она ѣсть. Это случилось послѣ сильнаго дождя, когда солнце прорвало темныя тучи и нѣсколько осушило растенія. Одна изъ циклуръ слѣзла тогда съ дерева медленными шагами; едва передвигая одну ногу за другой, она проползла метровъ 10 по землѣ, приблизилась къ кусту такъ называемой цесаркиной травы, стала щипать ее и, набравши полный

ротъ, разомъ проглотила. Замѣтивъ наблюдателя, она испугалась и поспѣшила къ дереву, причѣмъ не ползла и не бѣжала, а двигалась впередъ небольшими прыжками, нѣсколько похожими на прыжки лягушки: она скоро добралась до дерева, влѣзла на него и въ одно мгновеніе скрылась въ дуплѣ.

Мино считаетъ замѣчательнымъ то, что циклура я при этихъ условіяхъ не искала воды, какъ это дѣлаютъ родственные виды, вообще мало заботилась о ней и даже при сильной засухѣ не пила. Оба животныя, жившія въ дуплѣ, составляли очевидно парочку, такъ какъ она отличались какъ по величинѣ, такъ и по окраскѣ. Они жили дружно, но никогда не показывались вмѣстѣ внѣ дупла, а всегда поочередно выходили наружу. Негодный мальчишка нарушилъ наблюденіе надъ циклурами, спрятался въ засаду около дерева и убилъ одну ящерицу за другой. Мино анатомировалъ убитыхъ животныхъ и нашелъ желудки ихъ наполненными вышеупомянутой травой.

О размноженіи циклуръ ни Госсе, ни его друзья, повидимому, ничего не узнали, поэтому нельзя съ опредѣленностью сказать, отличается ли циклура въ этомъ отношеніи отъ другихъ игуановъ или нѣтъ. Одинъ изъ родственныхъ видовъ, называемый мексиканцами **Черный игуанъ** (*Ctenosaura acanthura*. Schwarzer Leguane. Iguane noir) по размноженію похожъ на обыкновенныхъ игуановъ, согласно наблюденіямъ Зумихраста; онъ также кладетъ яйца въ ямку и отличается только тѣмъ, что не такъ много самокъ кладутъ яйца въ одно гнѣздо, такъ какъ трудно найти въ одной ямѣ болѣе 6 или 7 дюжинъ яицъ.

Хотя циклура бѣжитъ отъ человѣка, если только есть путь къ спасенію, но она въ случаѣ нужды умѣетъ защищаться храбрѣ и успѣшно. Хвостъ ей служитъ оружіемъ, которое нельзя считать ничтожнымъ, и она пользуется имъ при случаѣ съ большимъ успѣхомъ. Какъ всѣ игуаны, она легко приходитъ въ возбужденіе и дѣлается очень сердитой, если поставлена въ безвыходное положеніе: она надувается, приподнимаетъ спинной гребень, открываетъ пасть, показываетъ свои острые зубы, грозно смотритъ на своего противника и готовится къ удару. Если продолжать ее дразнить, то она быстро оборачивается и ловкимъ боковымъ движеніемъ наноситъ ударъ своимъ хвостомъ. Иногда оборачивается на другую сторону и наноситъ новый ударъ. Негры предупредили Гилля объ опасности отъ этого животнаго и совѣтовали ему держаться подальше отъ него. Шипы сильнаго хвоста такъ остры, что животное можетъ ими нанести очень чувствительныя раны. Собакамъ, которыя неосторожно къ нему приближаются, сильно достается отъ него.

Можетъ быть вслѣдствіе своей пищи циклура имѣетъ очень дурной запахъ, такъ что даже муравьи ее не трогаютъ и не ѣдятъ ея мяса, если бросить въ муравейникъ трупъ этой ящерицы. Кажется, что въ Мексикѣ не такъ усердно за ней охотятся, какъ за игуанами. Однако, вышеупомянутой черной игуанѣ считается особенно вкуснымъ, и потому, по словамъ Зумихраста, его сильно преслѣдуютъ особенно во время поста. Животное это отыскиваютъ въ трещинахъ и дуплахъ деревьевъ, стоящихъ около лужъ, наполненныхъ водою въ дождливое время года; ихъ схватываютъ какъ только могутъ и завязываютъ такъ, какъ игуановъ. Хотя мясо ихъ считается очень лакомымъ блюдомъ, но яйца цѣнятся еще выше; поэтому особенно охотно отыскиваютъ беременных самокъ, разрѣзаютъ имъ животъ, вынимаютъ оттуда яички, снова зашиваютъ и въ такомъ видѣ отпускаютъ несчастное животное въ надеждѣ воспользоваться его яйцами и въ будущемъ году. Катрфажъ рассказываетъ по этому случаю исторію, которую ему передалъ путешественникъ и натуралистъ Салле. Этотъ послѣдній однажды вечеромъ, въ средней

Америкѣ, зашелъ въ бѣдную хижину и нашелъ въ ней для утоленія своего голода только жидкій супъ, но хозяинъ хижины, къ большому удивленію Салле, захотѣлъ особеннымъ образомъ приправить плохое кушанье, которое путешественникъ собирался ѣсть. По приказанію хозяина нѣсколько маленькихъ мальчиковъ побѣжали въ лѣсъ и скоро вернулись оттуда съ огромной ящерицей, которая, повидимому, была предназначена для ужина гостя. Но вмѣсто того, чтобы убить животное, изжарить его, хозяинъ сдѣлалъ небольшой надрѣзъ въ боку ящерицы, засунулъ туда пальцы и осторожно вытащилъ оттуда два шнурка, состоящіе изъ сросшихся довольно большихъ яицъ. Сдѣлавши это, онъ снова тщательно зашилъ отверстие, посыпалъ рану горячей золой и выпустилъ ящерицу на свободу. Яйца были предложены Салле для ѣды и на вопросы его было отвѣчено, что съ этими животными всегда такъ поступаютъ, такъ какъ надѣются въ будущемъ году получить такой же запасъ яицъ.

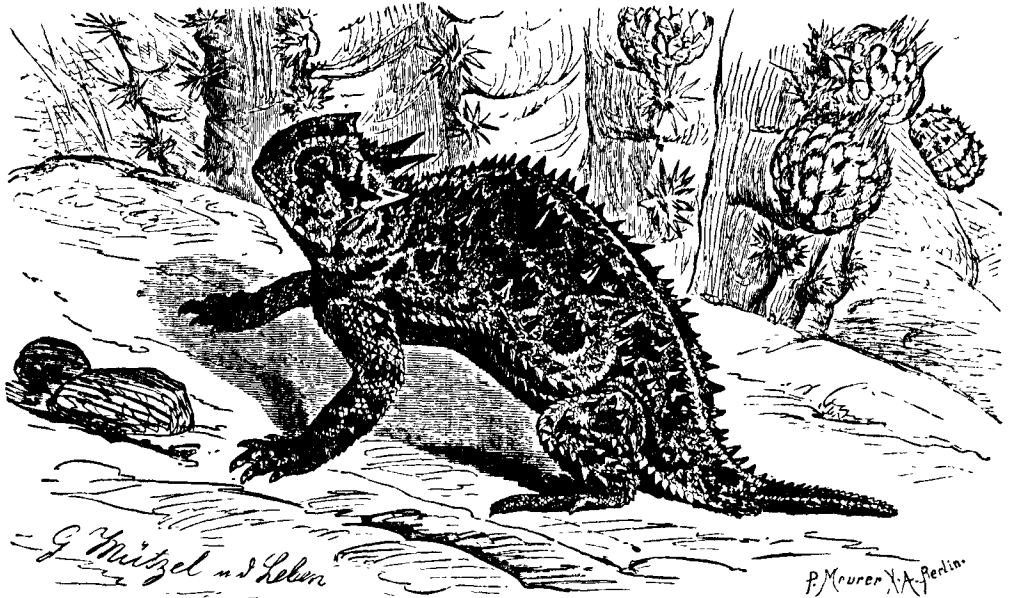
* * *

Въ концѣ этого семейства мы помѣщаемъ родъ **Жабовидныхъ ящерицъ** (*Phrynosoma*. *Krötenechsen*), которыя въ нѣкоторомъ отношеніи служатъ представителями шипохвостовъ между игуанами. Это—бросающееся въ глаза, но безобразное животное, имѣющее широкое, плоское, по сторонамъ складчатое туловище и короткій, у основанія толстый хвостъ; тѣло покрыто неодинаковыми чешуйками, изъ которыхъ многія оканчиваются кое-гдѣ шипами; на задней части головы находятся костяные крупные шипы, а на крыловидныхъ костяхъ зубовъ нѣтъ. На бедрахъ всегда замѣчаются поры.

Родъ этотъ состоитъ изъ 12 видовъ, живущихъ въ Сѣверной Америкѣ и Мексикѣ, а самымъ извѣстнымъ представителемъ его считается **Жабовидная ящерица** (*Phrynosoma cornutum*, *Agama cornuta*, *Phrynosoma bufonium* и *harlani*. *Krötenechse*. *Tarapae.*), которая была уже извѣстна Германдецу и названа имъ **Тапаянсіа**; животное это дѣйствительно во многомъ похоже на жабу и, безъ сомнѣнія, самое неуклюжее изъ всѣхъ игуановъ. Голова у этой ящерицы очень короткая, неправильно четырехугольная, почти такой же длины, какъ и вышаны, шея короткая, туловище широкое, плоское, округленное, хвостъ короткій и оканчивается острымъ конусомъ. Ноздри находятся на верхней части морды, горло покрыто маленькими одинаковыми килеватыми чешуйками; параллельно щиткамъ нижней челюсти расположенъ рядъ очень большихъ шиповидныхъ чешуекъ. По сторонамъ рта и на затылкѣ находятся 10 довольно длинныхъ шиповъ, по бокамъ тѣла проходитъ двойной рядъ трехугольныхъ шиповъ, чешуйки верхней части тѣла большею частью превращены въ большіе тупые шипы неодинаковой длины; нижняя часть тѣла покрыта одинаковыми черепичатыми чешуйками; на шеѣ находится поперечная складка. Во рту замѣчаются шесть короткихъ, простыхъ, прямыхъ коническихъ переднихъ зубовъ и по 18 одинаковыхъ сжатыхъ съ боковъ, округленныхъ и наверху плоскихъ коренныхъ зубовъ. Голова спереди красновато-бурая, сзади буровато-желтая, съ бурыми пятнами, основной цвѣтъ верхней части тѣла грязно-песочно-желтый; по бокамъ затылка находится по одному темно-бурому пятну, спина покрыта бурыми пятнами, такъ какъ шипы бурые или свѣтло-сѣрые и окружены узкимъ темно-бурымъ кольцомъ; нижняя часть тѣла песочно-желтая, одноцвѣтная или съ немногими маленькими бурыми пятнышками. Этотъ видъ, встрѣчающійся только въ сѣверной Мексикѣ и въ юго-западныхъ Соединенныхъ Штатахъ, имѣетъ 12—13 см. длины, изъ которыхъ 4 см. приходится на хвостъ.

Уже старый писатель Германдець кое-что говоритъ объ образѣ жизни этого

страннаго животнаго и всѣ прочіе натуралисты, посѣщавшіе его родину, также о немъ упоминаютъ. Несмотря на это, мы только въ последнее время получили болѣе подробныя свѣдѣнія о жизни жабовидной ящерицы на свободѣ, именно мы обязаны этими свѣдѣніями Зумихрасту и молодому Уоллесу. Жабовидная ящерица живетъ какъ на горахъ, такъ и на равнинахъ сѣверной Мексики, чаще всего на песчаныхъ и солнечныхъ склонахъ сухой части плоской возвышенности, находящейся въ срединѣ этой страны. Здѣсь она мѣстами встрѣчается очень часто, но ее иногда не замѣчаютъ, такъ какъ землистый цвѣтъ ея туловища сливается съ окраской почвы. Она мало приспособлена для бѣгання и потому далеко не такъ проворна, какъ другія ящерицы; передвигается она порывисто и потому вовсе не быстро. «Когда видишь, какъ она съ трудомъ подвигается впередъ», говоритъ Зу-

Жабовидная ящерица. *Phrynosoma cornutum*. $\frac{3}{4}$ наст. вел.

михрасть, «то понимаешь, что ей нелегко достается ежедневное пропитаніе. Ея толстый языкъ, прилипшій къ небу, не позволяетъ ей легко схватывать жуковъ, находящихся вблизи ея, какъ это дѣлаетъ хамелеонъ. Широкое висячее брюшко мѣшаетъ ей бѣгать за добычей, какъ это дѣлаютъ стройныя ящерицы, не можетъ она схватывать муху на лету, что такъ хорошо удается проворнымъ аноли. Ей приходится питаться лишь неповоротливыми жуками, которые почти такъ же плохо бѣгаютъ, какъ она сама, и которые, если можно такъ выразиться, сами ей ползутъ въ пасть. Вслѣдствіе этой умѣренности въ пищѣ, которая зависитъ отъ ея организаціи, туземцы утверждаютъ, что она питается воздухомъ.

Не имѣя никакихъ средствъ къ защитѣ, она позволяетъ себя схватить, не дѣлая никакихъ попытокъ кусаться. Однако она выражаетъ свое непріятное чувство другимъ и очень страннымъ способомъ. Уже Гернандецъ упоминаетъ, что если схватить жабовидную ящерицу, то у ней изъ носа и глазъ вытекаютъ капли крови, которыми она прыскаетъ на нѣсколько сантиметровъ; онъ полагаетъ, что это явленіе, не замѣчаемое ни у какого другого пресмыкающагося, происходитъ отъ нѣж-

ности строенія ноздрей и глазъ. По новому наблюденію молодого Уоллеса, который ничего не зналъ о свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ Гернандецомъ, однако оказывается, что это прысканье кровью должно считаться средствомъ для защиты. «При извѣстныхъ условіяхъ», замѣчаетъ онъ, «и, повидимому, защищаясь, ящерица эта брызгаетъ изъ глазъ струею ярко-красной жидкости, очень похожей на кровь. Это я замѣчалъ три раза, на трехъ различныхъ экземплярахъ, хотя я ловилъ и такихъ, которыя этого не дѣлали. Слѣдуетъ даже замѣтить, что это прысканье есть явленіе необыкновенное, и я часто напрасно старался воспроизвести его. Обыкновенно животныя эти не пускаютъ въ дѣло этого страннаго способа защиты, если ихъ брать съ земли, хотя иногда это и случается; на примѣръ, я словилъ одну ящерицу, которая тотчасъ же брызнула жидкостью на мою руку на 15 см. разстоянія, другая дѣлала это, если я держалъ блестящій ножикъ передъ ея глазами. Я полагаю, что эта жидкость берется изъ глазъ, такъ какъ не могу себѣ представить другого мѣста, откуда ею можно брызгать». Передавая эти свѣдѣнія, сообщенныя двумя очевидцами, я не позволяю себѣ высказать никакого о нихъ сужденія, хотя никакъ не могу понять, какою силою эта жидкость можетъ быть выдавлена изъ глазъ. Новые изслѣдователи, какъ Бетхеръ и Фишеръ, которые наблюдали этотъ видъ жабовидныхъ ящерицъ или другіе сходные, не замѣтили у нихъ никакого брызганья кровью и считаютъ всю эту исторію за басню.

Зумихрастъ сообщаетъ, что онъ нѣсколько разъ держалъ у себя этихъ безвредныхъ ящерицъ. Обыкновенно онѣ сидѣли гдѣ-нибудь въ углу комнаты и, если кое-когда исчезали, то навѣрно ихъ можно было найти въ башмакахъ или въ карманахъ висящаго на стѣнѣ платя. Нѣсколько разъ случалось, что когда онъ клалъ самокъ жабовидныхъ ящерицъ въ спиртъ, то онѣ въ эту минуту рождали отъ 10 до 12 дѣтенышей. Наблюденіе это было сдѣлано у другого похожаго вида, такъ что Зумихрастъ считаетъ себя въ правѣ предполагать, что большинство мексиканскихъ жабовидныхъ ящерицъ, по крайней мѣрѣ тѣ, которыя живутъ въ высокихъ и холодныхъ частяхъ страны, рождаютъ дѣтенышей живыми. Шуфельдтъ получилъ отъ сходнаго вида (*Phrynosoma douglasi*) 24 дѣтеныша и считаетъ, что беременность продолжается около 100 дней.

Жабовидная ящерица попадаетъ теперь довольно часто въ кѣтки нашихъ зоологическихъ садовъ. Живущіе въ Мексикѣ нѣмцы съ большою готовностью пересылаютъ этихъ странныхъ животныхъ своимъ роднымъ и знакомымъ; они ихъ укладываютъ, вѣроятно по совѣту мексиканцевъ, въ толстый слой ваты въ деревянный ящикъ и пересылаютъ, какъ посылку, по почтѣ. Такимъ образомъ онѣ благополучно достигаютъ Европы. Я иногда воспитывалъ до 5 или 6 этихъ ящерицъ заразъ, но, несмотря на всѣ мои старанія, ни одна изъ нихъ не могла окрѣпнуть до того, чтобы добровольно брать пищу: далекое путешествіе и связанное съ нимъ голоданіе такъ ослабляло ихъ, что онѣ едва могли двигаться. Онѣ безучастно лежатъ на животѣ и маленькіе глаза ихъ совершенно мутны. Если ихъ толкнуть, то онѣ иногда рѣшаются сдѣлать нѣсколько шаговъ, но тотчасъ снова ложатся въ то же положеніе, пока наконецъ, по еще болѣе помутившимся глазамъ, не замѣтишь, что онѣ околѣли. Послѣ этихъ неудачныхъ опытовъ, которые повторялись, несмотря на всѣ мои старанія, мнѣ было въ высшей степени удивительно увидѣть совершенно здоровую жабовидную ящерицу, которая безъ всякаго колебанія брала пищу, состоящую изъ мучныхъ червей и гусеницъ и добровольно двигалась. При этомъ, къ моему большому удивленію, ея сходство съ жабами еще болѣе бросалось въ глаза. Жабовидная ящерица, о которой идетъ рѣчь, какъ только ее сажали на солнце, принимала то положеніе, которое изображено на нашемъ рисункѣ, и старалась убѣ-

жать. Движенія ея сначала состояли изъ ряда быстро слѣдующихъ другъ за другомъ неуклюжихъ, короткихъ и низкихъ прыжковъ, совершенно подобныхъ тѣмъ, которые свойственны жабамъ, и только прошедши так имъ образомъ нѣкоторое пространство, она рѣшалась бѣжать, при чемъ, извивая свое неуклюжее тѣло изъ стороны въ сторону, она передвигала одну ногу за другою, чередуя заднія и переднія ноги крестообразно. Конечно она и тогда ни въ какомъ случаѣ не могла бы перенять быстро бѣгущую обыкновенную ящерицу, но, вопреки нашимъ ожиданіямъ, бѣгъ ея былъ довольно скоръ и продолжителенъ. Къ сожалѣнію, и эта жабовидная ящерица не долго оставалась въ полной силѣ. Несмотря на заботливый уходъ, которымъ она пользовалась, она замѣтно ослабѣвала и наконецъ околѣла. Ея движенія дѣлались медленнѣе и рѣже, прыжки совсѣмъ прекратились, а черезъ нѣсколько недѣль она точно такъ же безучастно лежала на животѣ, какъ и тѣ ящерицы, о которыхъ сказано выше.

Ветхеръ, который описываетъ жзнь этихъ ящерицъ въ неволѣ, указываетъ на удивительное сходство жабовидныхъ ящерицъ по внѣшнему виду и позѣ съ **Жабоглавыми** (*Rhynocerphalus*), живущими въ степяхъ Средней Азии. «Объ окраскѣ тѣла жабовидныхъ ящерицъ», говоритъ Ветхеръ, «можно только сказать, что животное это по цвѣту удивительнымъ образомъ подходитъ къ песчаной почвѣ, на которой живетъ, при чемъ всѣ выступы, темно окрашенные бугорки и темныя точки на тѣлѣ этихъ животныхъ вполне согласуются съ цвѣтомъ камушковъ и крупныхъ песчинокъ; когда эта ящерица, на половину зарытая въ песокъ, плотно къ нему прижмется, то очень напоминаетъ камбаль, который такимъ же образомъ зарывается въ песчаное морское дно и тѣмъ спасаются отъ своихъ враговъ.

«Жабовидныя ящерицы каждый день къ вечеру, какъ только солнце опустится ниже и лучи его не очень сильно грѣютъ, постоянно зарываются, распластавшись, въ песокъ, дѣлаются такимъ образомъ вполне незамѣтными и остаются безъ движенія съ закрытыми глазами до слѣдующаго утра. При зарываніи онѣ производятъ сильныя боковыя движенія, но сначала головою роютъ передъ собой, встряхивая ея кверху; при этомъ шипы, находящіяся по сторонамъ головы, оказываются очень полезными. Если песокъ не очень мягкій, то движенія эти дѣлаются съ небольшими паузами. Затѣмъ передняя часть тѣла лежитъ совершенно безъ движенія, а шевелится только боковыя шипы, загребая песокъ такъ, что онъ падаетъ на спину; наконецъ онѣ начинаютъ двигать въ стороны задними ногами и хвостомъ и такимъ образомъ черезъ нѣсколько секундъ бывають совсѣмъ зарыты въ песокъ, гдѣ остаются лежать втеченіе нѣсколькихъ часовъ.

«Ноздри этихъ ящерицъ точно такъ же прекрасно приспособлены къ необходимому сву въ песокъ, какъ и шипы по сторонамъ головы. Въ пятиугольномъ носовомъ щиткѣ на каждой сторонѣ морды находится ноздря, имѣющая видъ поперечной щели и открывающаяся внизъ; она прикрыта круглой, кожистой, наверху подвижной пластинкой, похожей на занавѣску, которая можетъ плотно закрыть ноздю и дѣйствительно ее закрываетъ, когда животное зароеется въ песокъ, въ чемъ я лично убѣдился. Когда утромъ солнце начинаетъ довольно сильно грѣть песокъ, то ящерицы понемногу оживляются, онѣ выдѣзають изъ песка и начинаютъ искать себѣ пищу, двигаясь быстро, почти какъ мыши. Какъ уже выше замѣчено, скорость движеній этихъ, по видимому столь неуклюжихъ животныхъ на самомъ дѣлѣ поразительна, если только воздухъ и почва сильно нагрѣты; однако быстрые повороты и боковыя движенія имъ даются нелегко.

«Жабовидныя ящерицы настоящія дневныя или лучше сказать даже солнеч-

ныя животныя, которыя покидаютъ свое песчаное ложе только тогда, когда солнце находится довольно высоко надъ горизонтомъ, а при начинающейся прохладѣ, слѣдовательно осенью, уже въ 4 или 5 часовъ снова зарываются въ песокъ. Если ихъ схватить, то онѣ никогда не пробуютъ кусаться, а лишь стараются освободиться отъ сжимающихъ ихъ пальцевъ, вертятся и двигая своей иглистой головой. При сильномъ страхѣ и во время покоя онѣ плоско прижимаются къ землѣ, что, впрочемъ, также случается, если гладить ихъ палочкой вдоль хребетнаго столба, особенно въ облачные или холодные дни. При скорыхъ движеніяхъ и когда солнце сильно грѣетъ онѣ держатъ спину высоко и приподнимаютъ голову, принимая то положеніе, которое такъ хорошо изобразилъ Мютцель на своемъ рисункѣ. Лишь иногда я замѣчалъ у нихъ киваніе головой, какъ у африканской агамы, при чемъ это движеніе, точно такъ, какъ зѣваніе у человѣка, вызывало подражаніе, такъ что вторая и третья ящерицы, находящіяся вблизи, также начинали кивать. Проворство у жабовидныхъ ящерицъ при полномъ солнечномъ свѣтѣ необыкновенно велико и по живости и подвижности ихъ тогда можно вполне сравнить съ нашими обыкновенными ящерицами; онѣ точно такъ-же, какъ и тѣ, стараются вырваться на свободу изъ того помѣщенія, гдѣ ихъ заперли.

«Жабовидная ящерица ѣстъ только живыхъ животныхъ и при выборѣ ихъ очень прихотлива. Лучшимъ кормомъ для нея служатъ маленькіе муравьи и пауки, а также пауки средней величины; этихъ животныхъ ящерицы ѣдятъ охотно, даже съ жадностью. Такъ какъ онѣ питаются мелкими животными, то количество съѣдаемой пищи довольно велико. Лишь изрѣдка онѣ ѣдятъ жуковъ, именно маленькихъ черныхъ жужелицъ и навозныхъ жучковъ. Нетрудно приручить этихъ животныхъ настолькоъ, что они, какъ ручныя квакши, приходятъ съ жадностью схватывать изъ рукъ предлагаемаго имъ мучного червяка. Эти ящерицы очень рѣдко долго преслѣдуютъ добычу; только при сильномъ голодѣ или во время большой жары онѣ бѣгутъ за муравьями на разстояніи одного фута, обыкновенно онѣ, спокойно сидя, даютъ имъ приблизиться, а затѣмъ быстро схватываютъ ихъ движеніемъ языка. Если животное сидитъ смиренно и замѣтитъ лакомую добычу, то оно, какъ кошка, начинаетъ махать хвостомъ, и это служитъ несомнѣннымъ признакомъ, что черезъ нѣсколько секундъ оно схватитъ добычу. Вообще, по моему мнѣнію, живые черные глаза этого животнаго указываютъ на то, что зрѣніе у него развито лучше всего.

Слухъ, повидимому, менѣе развитъ и только въ видѣ исключенія жабовидная ящерица поворачивается, если услышитъ за собой шуршаніе бѣгущаго животнаго. Кажется, что она не пьетъ правильно воды, но очень можетъ быть, что иногда слизываетъ капли росы.

При исполненіи естественныхъ потребностей жабовидная ящерица поднимаетъ хвостъ выше туловища и, нажимая брюшные мускулы, скребетъ одной изъ заднихъ ногъ назадъ. Пометъ состоитъ изъ довольно большихъ темныхъ вальковъ, образованныхъ главнымъ образомъ изъ хитиновыхъ покрововъ насѣкомыхъ; моча имѣетъ видъ почти сухихъ бѣлыхъ вальковъ, которые меньшей величины, чѣмъ пометъ. Моча выбрасывается отдѣльно отъ помета и постоянно передъ нимъ. Интересно то, что, по изслѣдованіямъ моего отца, моча эта, какъ у змѣй, состоитъ почти только изъ одной мочевоы кислоты. Количество испражнений, согласно довольно обильной пищи, значительно, и онѣ выбрасываются довольно правильно черезъ день».

Въ новѣйшее время одинъ экземпляръ этого вида ящерицъ жилъ у Симонса втеченіе 8 мѣсяцевъ, а другой родственный видъ (*Phrynosoma coronatum*)—у Фишера втеченіе 6 лѣтъ.

Я здѣсь пропускаю одно семейство американскихъ ящерицъ, объ образѣ жизни которыхъ до насъ дошли только очень скудныя свѣдѣнія, и послѣ игуановъ буду описывать **Поясныхъ ящерицъ** (*Zonuridae. Gürtelchsen*). Такъ называютъ тѣхъ ящерицъ, по сторонамъ тѣла которыхъ проходитъ складка кожи, покрытая мелкими чешуйками, начинающаяся у переднихъ конечностей и отдѣляющая спину отъ брюшка. По внѣшнему виду онѣ или похожи на обыкновенныхъ ящерицъ, или имѣютъ змѣевидное туловище, вслѣдствіе очень длиннаго хвоста и недоразвитія конечностей. Языкъ всегда простой и передняя часть его не можетъ высовываться изъ рта. На глазахъ всегда замѣчаются вѣки, а барабанная перепонка лежитъ открыто. Спина покрыта большими щитовидными, большею частью килеватыми и расположенными поперечными рядами чешуйками, или чешуйки эти маленькія и имѣютъ зернистую поверхность; голову покрываютъ правильные щитки.

Нѣкоторые виды этого семейства по внѣшней формѣ мало отличаются отъ обыкновенныхъ ящерицъ, другіе очень похожи на змѣй. При змѣевидномъ удлинennomъ и вальковатомъ туловищѣ конечности расположены другъ отъ друга на большомъ разстояніи; только у нѣкоторыхъ видовъ конечности вполне развиты, какъ у настоящихъ ящерицъ, у другихъ онѣ настолько недоразвиты, что имѣютъ видъ простыхъ отростковъ, безъ пальцевъ, а у одного вида переднихъ конечностей совсѣмъ нѣтъ, такъ что эти животныя имѣютъ большое сходство со змѣями. Черепъ всѣмъ нѣтъ, такъ что эти животныя имѣютъ большое сходство со змѣями. Черепъ и у змѣевидныхъ видовъ похожъ на черепъ ящерицы, какъ по сочлененію нижней челюсти, такъ и по приросшимъ къ челюстямъ зубамъ. У всѣхъ есть грудная кость и тазъ; вѣки хорошо развиты, языкъ короткій, у основанія толстый, спереди совсѣмъ безъ выемки или съ очень незначительной выемкой, но всегда безъ чехла; сердце лежитъ совсѣмъ впереди, оба легкихъ развиты одинаково. Всѣ эти признаки связываютъ этихъ животныхъ съ одной стороны съ игуанами, а съ другой съ веретеницами, и указываютъ, что, несмотря на внѣшнее сходство, ящерицы эти въ системѣ должны быть поставлены далеко отъ змѣй.

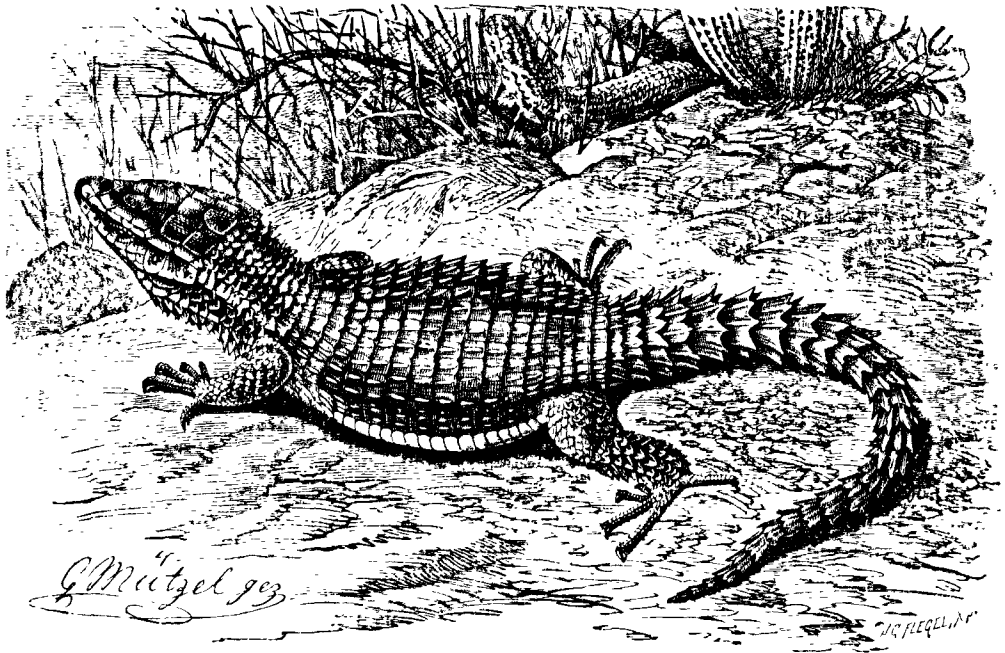
Семейство это, состоящее изъ 4 родовъ съ 14 видами, населяетъ тропическую и южную Африку и островъ Мадагаскаръ. Поясныя ящерицы живутъ какъ обыкновенныя, но тѣ изъ нихъ, которыя похожи на змѣй, и по образу жизни на нихъ нѣсколько похожи. Движенія ихъ быстры, даже у тѣхъ, которыя имѣютъ недоразвитыя конечности; послѣднія двигаются какъ змѣи, можетъ быть немного медленнѣе, чѣмъ проворные ужы, но довольно граціозно; вообще эти животныя производятъ пріятное впечатлѣніе. Нѣкоторые изъ относящихся сюда видовъ живутъ только на ровныхъ мѣстахъ и могутъ подниматься развѣ только по наклоннымъ плоскостямъ; другіе держатся преимущественно на склонахъ и очень ловко лазаютъ. Ящерицы эти питаются другими животными. Объ ихъ размноженіи мы имѣемъ еще мало свѣдѣній и знаемъ лишь то, что онѣ въ этомъ отношеніи едва ли отличаются отъ другихъ ящерицъ.

* *
*

Къ этому семейству относятся **Поясохвосты** (*Zonurus. Gürtelschweife*), ящерицы, которыя по внѣшнему виду похожи на агамъ; туловище у нихъ короткое и плотное, конечностей четыре, голова плоская, трехугольная, хвостъ средней длины и толстый. Спина и верхняя часть шеи покрыты большими четырехугольными чешуйками, расположенными поперечными рядами; нижняя часть тѣла покрыта большими щитками; на верхней части конечностей замѣчаются килеватыя черепчатые чешуйки, а хвостъ покрытъ мутовчатыми чешуйками съ большими шипами. На челюстяхъ находятся маленькіе одинаковые конусообразные, тупые и у основанія полые зубы; 7 изъ нихъ сидятъ на межчелюстной кости, а на челюстныхъ кос-

тяхъ на верху ихъ бываетъ по 18, а внизу по 20. Округленный плоскій языкъ имѣетъ спереди лишь слабую выемку. Относящіеся къ этому роду 7 видовъ живутъ въ тропической Африкѣ и на Мадагаскарѣ.

Поясохвость стрый (*Zonurus cordylus*, *Lacerta cordylus*, *Stellio cordylus*, *niger*, *Cordylus verus*, *griseus*, *niger*, *dorsalis*. *Zonurus griseus*. Gürtelschweif. *Cordyle du Cap*) живетъ на югѣ Африки, отъ мыса Доброй Надежды на сѣверъ до рѣки Кунене. Эта ящерица въ 18 см. длины съ очень измѣнчивой окраской. У большинства экземпляровъ спина и хвостъ грязно-оранжеваго цвѣта, голова и ноги свѣтло-желтыя, нижняя часть тѣла бѣлая; у другихъ верхняя часть тѣла темно-черно-бурая, а у иныхъ бурая съ свѣтлыми полосами.

Поясохвость стрый. *Zonurus cordylus*. Наст. вел.

Кое-какія свѣдѣнія объ образѣ жизни этой ящерицы даетъ Смитъ. Всѣ поясохвосты живутъ въ скалистыхъ мѣстностяхъ, и если имъ дана возможность выбора, то держатся постоянно на крутыхъ, мало доступныхъ склонахъ. Здѣсь они довольно медленно бѣгаютъ взадъ и впередъ, отыскивая кормъ и грѣясь на солнцѣ, пока что-либо ихъ не испугаетъ и не заставитъ спрятаться въ свои норки. Даже если отыскать эти норки, то поймать этихъ животныхъ нелегко, такъ какъ они удивительно сильно прицѣпляются къ камнямъ и чаще всего въ рукахъ остается хвостъ, а не все животное.

Веретеницевыя (*Anguidae*. *Schleichen*) близко подходятъ къ предыдущему семейству, отъ котораго отличаются главнымъ образомъ присутствіемъ на кожѣ костяныхъ пластинокъ, заключающихъ въ себѣ неправильные лучевидные и развѣтвленные каналы, а также тѣмъ, что передняя часть языка вдвигается въ основную часть, которая имѣетъ видъ чехла. У нѣкоторыхъ родовъ замѣчается по бо-

камь тѣла складка кожи, какъ у поясохвостовъ, у другихъ ее нѣтъ. Зубы у различныхъ видовъ очень разнообразны и измѣняются гораздо замѣтнѣе, чѣмъ у другихъ семействъ ящерицъ. Между тѣмъ какъ желтопузикъ по зубамъ похожъ на игуана, наша веретеница имѣетъ кривые крючковатые зубы, неплотно приросшіе къ челюсти, что отчасти напоминаетъ зубную систему змѣй. Чѣбо можетъ быть совсѣмъ лишено зубовъ, а иногда они замѣчаются на крыловидныхъ костяхъ, нѣбныхъ и даже на сошникѣ.

И въ этомъ семействѣ встрѣчаются животныя очень разнообразнаго вида, отъ настоящихъ ящерицъ съ пятипалыми ногами, до безногихъ змѣевидныхъ веретеницъ; но въ этомъ семействѣ мы замѣчаемъ нѣсколько промежуточныхъ формъ, у которыхъ туловище постепенно удлиняется, а конечности все менѣе и менѣе развиты. По головнымъ покровамъ веретеницевыя значительно отличаются отъ сцинковыхъ тѣмъ, что у нихъ всегда замѣчается непарный затылочный щитокъ, котораго не бываетъ у большинства очень похожихъ на нихъ по вѣншему виду сцинковыхъ. Отъ змѣй веретеницевыя отличаются тѣмъ же, чѣмъ и предъидущее семейство, но слѣдуетъ замѣтить, что линька происходитъ инымъ способомъ, чѣмъ у большинства ящерицъ, напримѣръ у сцинковыхъ, именно у всѣхъ видовъ этой группы кожа слѣзаетъ цѣликомъ со всего тѣла, какъ у змѣй.

Всѣ виды этого семейства живутъ на землѣ, лишь нѣкоторые виды американскаго рода *Gerrhonotus* влѣзаютъ на низкіе кусты и наклонно стоящія деревья. Веретеница, какъ мы знаемъ, рождаетъ живыхъ дѣтенышей, а одинъ видъ только что упомянутаго *Gerrhonotus*, по наблюденіямъ, однажды положилъ 17 яицъ. Намъ извѣстны 7 родовъ съ 45-ю видами этихъ ящерицъ, изъ которыхъ значительно большая часть живетъ въ средней Америкѣ и Вестъ-Индіи, причѣмъ только немногіе виды распространяются на Сѣверную и Южную Америку. Только три вида живутъ въ Европѣ и по берегамъ Средиземнаго моря, а одинъ видъ встрѣчается въ Гиммалайскихъ горахъ и Бирмѣ.

Веретеницевыя также питаются исключительно животными: мелкіе виды довольствуются насѣкомыми, пауками, мокрицами, слизнями, червями и тому подобнымъ, а крупныя виды, кромѣ вышеупомянутыхъ животныхъ, нападаютъ и на позвоночныхъ, преимущественно на пресмыкающихся; нѣкоторые изъ нихъ оказываются полезными уничтоженіемъ ядовитыхъ змѣй. Многія изъ этихъ ящерицъ очень хорошо переносятъ неволю: онѣ неприхотливы, мало чувствительны къ измѣненію вѣншнихъ услвій, довольствуются простой пищей и выживаютъ, при не очень сильно измѣняющейся температурѣ, по цѣлымъ годамъ въ терраріумахъ. Онѣ привикаютъ къ своему воспитателю, не отличаются никакими дурными наклонностями и оказались бы очень полезными у насъ въ домахъ истребленіемъ вредныхъ насѣкомыхъ, если бы возможно было имъ дозволить гулять свободно по нашимъ комнатамъ.

* * *

Палласъ открылъ въ тѣнистыхъ оврагахъ приволжскихъ стеней большую веретеницу, которую тамошніе жители называли желтопузикомъ; позднѣе онъ ее нашелъ на берегахъ рѣкъ Терека и Сарпы; другіе натуралисты находили ее въ Венгрии, Истріи, Далмаціи, Греціи, Малой Азіи, Сиріи, Персіи, въ Закавказьѣ, за Каспійскимъ моремъ и въ Туркестанѣ. Въ Марокко ее замѣняетъ другой, гораздо ярче окрашенный видъ. Эрберъ чаще всего находилъ ее въ Далмаціи, особенно у озера Баканьяца около Цары. Любимымъ мѣстопребываніемъ желтопузика служатъ густо заросшія кустами долины, гдѣ онъ находитъ отличныя мѣста для скрывать убожищъ, такъ что его трудно замѣтить, несмотря на его крупный ростъ;

при приближеніи челоуѣка онъ постоянно старается скрыться, сознавая свою безпомощность. Всѣ натуралисты, наблюдавшіе его, расточаютъ ему похвалы. Это одно изъ самыхъ полезныхъ пресмыкающихся, такъ какъ желтопузикъ питается обыкновенно вредными животными. Главною пищею ему служатъ мыши и улитки, при чемъ, по словамъ Эрбера, послѣднихъ онъ глотаетъ со скорлупой; онъ нападаетъ также на гадюкъ, убиваетъ и съѣдаетъ ихъ, не обращая вниманія на ядъ, который дѣйствуетъ убійственно на другихъ пресмыкающихся. Когда Эрберъ однажды посадилъ въ одно помѣщеніе желтопузика и гадюку, то оба животныхъ сейчасъ же привяли оборонительное положеніе, между тѣмъ какъ гадюка къ другимъ змѣямъ относилась равнодушно. Такъ какъ у Эрбера былъ всего одинъ желтопузикъ, то онъ не захотѣлъ имъ рисковать и вынулъ его изъ клѣтки, но позднѣе, какъ видно, онъ производилъ другіе опыты, такъ какъ указываетъ намъ на желтопузика, какъ на одного изъ лучшихъ истребителей гадюкъ. Несмотря на то, что желтопузикъ оказывается очень сильнымъ хищникомъ, онъ относится однако къ челоуѣку съ такимъ добродушіемъ и спокойствіемъ, что заслужилъ любовь всѣхъ тѣхъ, кто его содержалъ въ неволѣ. Онъ никогда не кусается и потому съ нимъ можно обращаться совершенно спокойно, при продолжительной неволѣ онъ до извѣстной степени привязывается даже къ своему воспитателю, и Эрберъ думаетъ, что онъ могъ бы сдѣлаться полезнымъ домашнимъ животнымъ.

Отъ другихъ яперницъ онъ отличается своею живостью: онъ постоянно въ движеніи, красивыми изворотами извивается безъ перерыва въ своей клѣткѣ, высовываетъ языкъ и самымъ тщательнымъ образомъ изслѣдуетъ каждую щель, каждое отверстіе между камнями и мхомъ. Если его пустить гулять по комнатѣ, то онъ тотчасъ же начинаетъ охотиться за насѣкомыми и пауками и особенно полезенъ тѣмъ, что истребляетъ массу таракановъ и прусаковъ, отыскивая ихъ во всѣхъ щеляхъ и даже въ печныхъ трубахъ.

Гюнтеръ еще раньше Эрбера обнаружилъ свои наблюденія о жизни въ неволѣ желтопузиковъ въ терраріумѣ для змѣй Лондонскаго зоологическаго сада. «Въ одномъ помѣщеніи навильона, устроеннаго для змѣй, живутъ пресмыкающіяся, которыя, повидимому, лучше всего здѣсь себя чувствуютъ, такъ какъ температура помѣщенія имъ вполне благоприятна: здѣсь я разумѣю 4-хъ желтопузиковъ. Это самыя прожорливыя изъ всѣхъ тамъ живущихъ пресмыкающихся. Чтобы ихъ вызвать изъ песка или изъ подъ ковра, гдѣ они обыкновенно прячутся, достаточно самаго незначительнаго шума. Они тотчасъ высовываютъ головы, осматриваются своими живыми глазами, чтобы узнать, не наступило-ли время кормленія. Если имъ показать какой-либо бѣлый предметъ, который они издали могутъ принять за бѣлую мышку, служащую обыкновенно для нихъ кормомъ, то они тотчасъ же приходятъ въ возбужденіе и приползаютъ, тѣся другъ друга, если встрѣтятся по дорогѣ. Однако ихъ кормятъ только разъ въ недѣлю, такъ какъ разомъ они съѣдаютъ много, и я никогда не видалъ ни одного изъ нихъ совершенно сытымъ. Они бросаются на руку сторожа, который держитъ около дюжины мышатъ или птичьихъ птенцовъ, и вырываютъ ихъ у него силою прежде, чѣмъ онъ успѣетъ ихъ бросить. При этомъ случается, что одну мышъ схватятъ два желтопузика и ни одинъ не хочетъ уступить ее другому: одинъ ее тащитъ направо, другой налево, одинъ приподымается, чтобы тяжестью своего тѣла выхватить мышъ изъ пасти товарища, но напрасно; они дергаютъ мышъ до тѣхъ поръ, пока не разорвутъ ее на двѣ части, и каждый поспѣшно глотаетъ доставшійся ему кусокъ. Но изъ за этого спора желтопузика много потеряли, такъ какъ прочіе ихъ товарищи успѣли съѣсть все остальное. Если одинъ изъ нихъ еще не успѣлъ совсѣмъ проглотить свою добычу

и часть ея торчитъ изо рта, то другіе преслѣдуютъ его и снова начинается споръ, который иногда ведется между тремя желтопузиками. Послѣ того, какъ все съѣдено, они еще долго ползаютъ по клѣткѣ и ищутъ, не осталось-ли чего съѣдобнаго и приподымаются по стеклянной стѣнкѣ, глядя на сторожа, который иногда, по просьбѣ зрителей, бросаетъ имъ еще что-нибудь. Зрѣлище это довольно похоже на кормленіе щенятъ или лисенятъ, которымъ разомъ бросаютъ одну добычу, и если-бы природа дала желтопузикамъ голосъ, то они навѣрно при этомъ случаѣ стали бы лаять или пищать. Они, впрочемъ, хватаютъ свою добычу цѣликомъ, какъ другія ящерицы, сильно кусаютъ, чтобы разломать кости, а затѣмъ разомъ проглатываютъ».

Прочитавши до тѣхъ поръ мнѣ неизвѣстныя вышеизложенныя сообщенія Гюнтера, я пожелалъ имѣть болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ животномъ и обратился къ Эрберу, прося его сообщить мнѣ свои собственные наблюденія. Въ отвѣтъ на это я получилъ нижеслѣдующее описаніе, въ которомъ мы въ первый разъ находимъ болѣе точныя свѣдѣнія о жизни желтопузика на свободѣ.

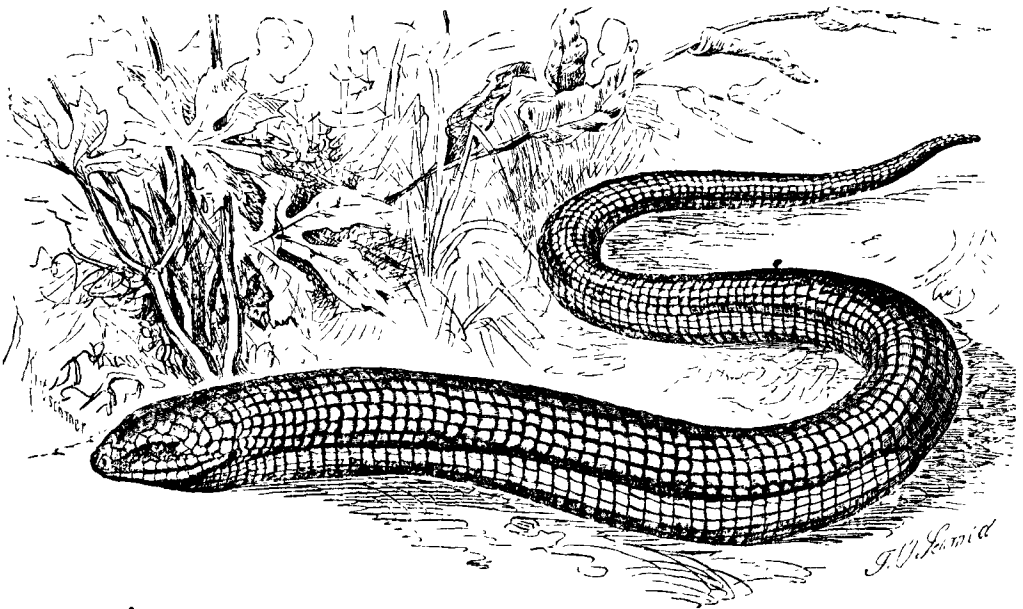
«Желтопузикъ точно такъ же интересенъ на свободѣ, какъ и въ клѣткѣ, и вслѣдствіе своей довѣрчивости, безвредности и полезности можетъ быть причисленъ къ моимъ любимцамъ. Если часто подходить къ его клѣткѣ, то можно настолько его приручить, что онъ позволяетъ себя брать въ руки безъ всякаго страха. Единственное средство защиты, которымъ онъ пользуется противъ человѣка, это—его задній проходъ, чѣмъ онъ похожъ на обыкновеннаго ужа. Когда его схватываютъ, то онъ такъ ловко извиваетъ свое, повидимому столь твердое тѣло, что всегда съумѣетъ съ головы до ногъ опрыскать человѣка своимъ ужасно вонючимъ пометомъ. Этимъ однако онъ и довольствуется, такъ какъ, по совершенно непонятной причинѣ, онъ никогда не употребляетъ въ дѣло противъ человѣка свои очень сильныя зубы. Когда видишь, какъ онъ на свободѣ, съ свойственной ему обыкновенно быстротой, ловить песчаную гадюку и совершенно легко ее раскусываетъ пополамъ, то кажется очень удивительнымъ, что онъ не пользуется силой своихъ челюстей для защиты отъ человѣка; но мои собственные наблюденія показали, что въ борьбѣ съ человѣкомъ онъ никогда не кусается.

«Въ высшей степени интересно видѣть, какъ желтопузикъ ловить и убиваетъ мышь или крота. Какъ только онъ захватилъ подобную добычу, онъ начинаетъ съ удивительною быстротой вертѣться, пока схваченное животное не потеряетъ сознание и не можетъ отъ него ускользнуть. Тогда онъ раздавливаетъ ему голову и начинаетъ его ѣсть. На это требуется много времени, такъ какъ онъ глотаетъ ее по кускамъ и зубы его не настолько остры, чтобы онъ могъ разомъ прокусить кожу и сухія жилы. Для ящерицъ онъ очень опасный сосѣдь, такъ какъ онъ у нихъ откусываетъ хвосты и ихъ проглатываетъ; остальные части тѣла ящерицы, повидимому, ему не нравятся».

«Половое возбужденіе у желтопузиковъ очень сильное: во время спариванья они забываютъ о всемъ окружающемъ и не разъединяются даже тогда, когда ихъ въ это время поймаютъ. Спрятавшись, я однажды наблюдалъ, какъ самецъ, во время спариванья, хваталъ зубами всѣ окружающіе предметы. Вслѣдствіе крупныхъ и иглистыхъ мужскихъ половыхъ органовъ, оба животныя такъ тѣсно соединены при спариваньи, что ихъ до окончанія этого акта нельзя разъединить, не повредивши половыхъ органовъ. Яйца кладутся подъ густые кусты и слои сухихъ листьевъ, гдѣ и взрослыя животныя охотнѣе всего держатся. Дѣтеныши по окраскѣ совсѣмъ непохожи на взрослыхъ и, кажется, приобрѣтаютъ внѣшній видъ своихъ родителей только черезъ нѣсколько лѣтъ. Хотя я не вполне увѣренъ, что

могу дѣлать точные выводы, основываясь на ростѣ моихъ плѣнныхъ желтопузиковъ, но мнѣ кажется, что я не ошибусь, допуская, что эти животныя могутъ прожить 40—60 лѣтъ».

Послѣднее время я держалъ у себя многихъ желтопузиковъ и могу почти во всемъ подтвердить прекрасныя наблюденія Гюнтера и Эрбера. Только движенія этихъ животныхъ мнѣ не показались столь изящными, какъ ихъ описываетъ Эрберъ. По моему мнѣнью желтопузика не хватаетъ гибкости змѣи и проворства ящерицы, и движенія его, что замѣтилъ также Лейдигъ, довольно неуклюжи, а извороты коротки и круты. Считаю долгомъ еще добавить, что большихъ и маленькихъ желтопузиковъ можно держать вмѣстѣ, безъ всякаго для нихъ вреда, такъ какъ спящие никогда не обижаютъ и не съѣдаютъ слабыхъ.

Желтопузикъ. *Ophisaurus apus*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

Желтопузикъ, Головачъ, Глухарь (*Ophisaurus apus*, *Lacerta apus*, *apoda*, *Bipes pallasii*, *Chalcida*, *Chamaesaura apus*, *Pseudopus pallasii*, *oppeli*, *serpentinus*, *apus*, *Seps scheltopusik*, *Proctopus pallasii*, *Ophisaurus serpentinus*. *Scheltopusik*.) относятся къ роду **Змѣящеръ** (*Ophisaurus*) и отличается слѣдующими признаками: туловище змѣеобразное, длинное, вальковатое, съ боковъ нѣсколько сплющенное, почти такой же толщины, какъ шея; голова замѣтно отдѣляется отъ туловища, четырехугольная, почти такой же длины, какъ и вышины, морда удлинненная и остроконечная, хвостъ по длинѣ равняется половинѣ туловища, тонкій и на концѣ заостренъ. Отъ переднихъ конечностей не осталось и слѣда, а заднія конечности имѣютъ видъ короткихъ отростковъ. Глаза имѣютъ круглый зрачекъ и хорошо развитыя вѣки, уши очень замѣтны, имѣютъ видъ маленькихъ продольныхъ щелей. Голова покрыта плотно къ костямъ прилегающими щитками, которые по формѣ, положенію и числу совсѣмъ похожи на головныя щитки веретеницы; туловище покрыто костистыми, болѣе или менѣе ромбоидальными, другъ за другомъ рядами расположенными чешуйками; чешуйки верхней части тѣла килеватыя, а на нижней части тѣла имѣютъ

на задней части остріе и гладкія, кромѣ тѣхъ, которыя находятся на хвостѣ. По сторонамъ тѣла очень замѣтна боковая складка, которая начинается за ушами и оканчивается около задняго прохода. Во рту замѣчаются гупые, толстыя, круглыя зубы, которыхъ въ верхней челюсти насчитываютъ 28, а въ нижней 26. Анатомированіе указываетъ, что желтопузики въ значительной степени похожи на другихъ ящерицъ, но по нѣкоторымъ признакамъ имѣютъ сходство и со змѣями, напримѣръ у нихъ одно легкое сильно развито, а другое гораздо меньше. Обыкновенная окраска тѣла состоитъ изъ грязно-красно-бурого или темно-соломенно-желтаго цвѣта, при чемъ голова окрашена нѣсколько свѣтлѣе. Старые экземпляры послѣ линіянія бываютъ сверху темно-мѣдно-красныя съ зеленовато-красной головой. Молодые по сѣрому фону имѣютъ темно-бурыя пятна и поперечныя полоски; подобныя же темныя поперечныя полоски замѣтны и по сторонамъ головы. Длина тѣла 1,1 м., изъ которыхъ 65 см. приходится на хвостъ; отростки, замѣняющіе заднія ноги, имѣютъ около 1 см. длины.

Въ прежнія времена и въ Германіи жили желтопузики. Остатки **Первобытнаго желтопузика** (*Proseudpopus*) были найдены въ слояхъ бурого каменнаго угля, около Бонна, въ третичныхъ известнякахъ Гохгейма и въ нѣсколько болѣе позднихъ, но все-же третичныхъ песчаныхъ пескахъ въ Штейнгеймѣ въ Вюртембергѣ.

Пятнистый змѣяцерь или **Стекланная веретеница** (*Ophisaurus ventralis*, *Anguis* и *Chamaesaura ventralis*, *Ophisaurus punctatus* и *striatulus*. *Glasschleiche*. *Orvet d'Amérique.*), живущій въ восточной части Сѣверной Америки и въ Мексикѣ, можетъ считаться вторымъ видомъ этого рода; онъ еще болѣе похожъ на змѣй, чѣмъ желтопузикъ, такъ какъ у него нѣтъ и слѣдовъ заднихъ конечностей и плечевой поясъ и тазъ замѣтны только въ скелетѣ; однако подвижныя вѣки, замѣтная барабанная перепонка и боковыя складки тѣла ясно указываютъ, что это ящерица. Во рту замѣчаются простые конусообразныя острые зубы, 15 на верхней челюсти и 16 на нижней; кромѣ того на крыловидныхъ и небныхъ костяхъ находится множество мелкихъ зубовъ. Окраска очень измѣнчива: нѣкоторые экземпляры ярко-зеленаго цвѣта съ черными и желтыми пятнами, другіе—бурого съ темно-бурыми полосками по бокамъ тѣла, наконецъ у иныхъ по бурому фону замѣтны круглыя пятнышки, похожія на глазки. Длина около 80 см., изъ которыхъ 52 см. приходится на хвостъ.

Объ образѣ жизни этого животнаго кое-что сообщили старые натуралисты, между прочимъ Катесби. Стекланная веретеница живетъ по преимуществу въ очень сухихъ мѣстностяхъ, но въ такихъ, гдѣ она можетъ найти укромныя уголки, чтобы спрятаться; ей служатъ убужищами корни стараго пня или высохшаго дерева, а также норки на склонахъ холмовъ и въ случаѣ опасности она поспѣшно туда прячется. Впрочемъ эта веретеница встрѣчается также довольно часто въ лѣсахъ, гдѣ много низкихъ кустовъ, безъ сомнѣнія потому, что здѣсь она находитъ себѣ обильную пищу. Она появляется очень рано весной, гораздо раньше змѣй, и проворно движется по землѣ уже тогда, когда змѣи еще подвержены зимней спячкѣ. Питается она насѣкомыми и маленькими пресмыкающимися, по преимуществу молодыми ящерицами и тому подобными животными.

Стекланная веретеница очень красива и держать ее въ терраріумѣ чрезвычайно пріятно, но ловить ее нелегко, потому что она въ полномъ смыслѣ заслуживаетъ свое названіе, т. е. очень легко ломается, если ее тронуть. Сэй опи-

бочно предполагаетъ, что эта веретеница можетъ сама себя оборвать хвостъ, не будучи даже тронута, такъ какъ одного сокращенія мускуловъ достаточно, чтобы сломить хвостъ; другіе наблюдатели соглашаются съ тѣмъ, что малѣйшій ударъ хлыстикомъ достаточенъ, чтобы отдѣлить хвостъ отъ туловища и потому въ высшей степени рѣдко удается добыть цѣльный экземпляръ этого животнаго. На самомъ дѣлѣ въ коллекціяхъ чрезвычайно трудно видѣть эту веретеницу неповрежденною. Вслѣдствіе этой хрупкости это красивое животное очень рѣдко и даже почти никогда не содержится въ неволѣ.

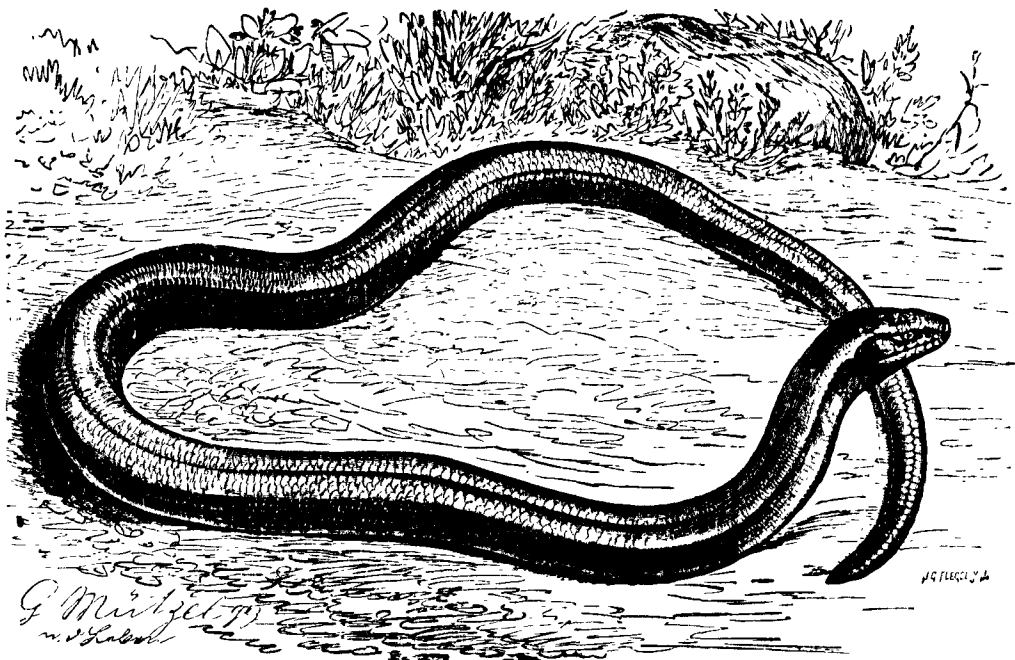
* * *

Настоящія **Веретеницы** (*Anguis*) отличаются слѣдующими признаками: по бокамъ тѣла нѣтъ складки, переднихъ и заднихъ конечностей вовсе невидно, барабанная перепонка маленькая и большею частью мало замѣтная, тѣло покрыто маленькими, шестиугольными, гладкими и блестящими чешуйками, которыя по бокамъ тѣла расположены поперечными рядами, а на головѣ превращаются въ болѣе крупныя щитки; скелетъ похожъ на скелетъ ящерицы, зубы длинныя, тонкіе, загнутыя крючкомъ и острые, на небѣ зубовъ нѣтъ; языкъ плоскій, довольно широкій и спереди съ небольшою выемкой, оба легкія развиты одинаково. Главнымъ представителемъ этого рода служить наша **Веретеница**, **Мѣдянка**, **Веретельница**, **Веретилка** (*Anguis fragilis*, *Anguis clivica*, *eryx bicolor*, *cinerea*, *lineata*, *incerta*, *Otophis eryx*. *Blindschleiche*. *Orvet*). Верхняя часть тѣла обыкновенно окрашена красивымъ свинцово-сѣрымъ цвѣтомъ, переходящимъ по бокамъ въ красновато-бурый, а на животѣ въ голубовато-черный; кое-гдѣ замѣтны иногда желтоватобѣлыя точки, но едва ли можно найти двухъ веретеницъ, которыя были бы вполне похожи другъ на друга по окраскѣ. Ленцъ увѣряетъ, что онъ однажды въ полчаса поймалъ 33 веретеницы на пространствѣ въ 600 шаговъ и между ними не нашелъ двухъ веретеницъ, которыя были бы вполне одинаково окрашены. Очень старыя экземпляры имѣютъ на верхней части тѣла большія или маленькія сінія пятна или точки, расположенныя продольными рядами; молодыя животныя сверху серебристо-бѣлыя, а внизу черныя и у нихъ на спинѣ замѣтна или одна широкая, или двѣ узкихъ черныхъ полосы; самецъ по цвѣту не отличается отъ самки, но оба пола способны измѣнять свои цвѣта. Лейдигъ, на примѣръ, поймалъ молодыхъ веретеницъ, у которыхъ на бѣлой спинѣ съ черными полосками втеченіе первой ночи въ неволѣ появились двѣ слабыя новыя полосы; онъ наблюдалъ также, что каштаново-бурая окраска спины иногда переходила въ желто-бурю, ограниченную по бокамъ двумя буроватыми продольными полосками; онъ также видѣлъ, что нѣкоторые экземпляры теряли свою красивую окраску, а потомъ ее снова получали. Радужная оболочка глаза желтовато-красная. Взрослыя экземпляры достигаютъ 43 см. длины, причѣмъ хвостъ занимаетъ нѣсколько болѣе 23 см.

Веретеница живетъ по всей Европѣ отъ южной Швеціи до Греціи и Испаніи, кромѣ того на Кавказѣ и въ Грузіи, а также по всей западной Азіи; она встрѣчается повсюду на равнинахъ, какъ и на высотахъ, даже на горахъ до 1450 м. вышины; на сырыхъ мѣстахъ она встрѣчается чаще, чѣмъ на сухихъ, однако попадаетъ въ различныхъ мѣстностяхъ, чаще всего въ буковыхъ лѣсахъ, почва которыхъ покрыта густымъ кустарникомъ и высокой травой и гдѣ на землѣ валяется много камней. Въ сѣверной Африкѣ ея нѣтъ. Смотря по условіямъ мѣстности, она устраиваетъ себѣ жилище въ различныхъ укромныхъ уголкахъ. Въ мягкой землѣ она роетъ болѣе или менѣе глубокую норку; тамъ, гдѣ много травы или мха, она прячется между растеніями, въ кустахъ подъ корнями ихъ, на каменистыхъ мѣстахъ подъ плоскими камнями, которые, повидимому, ей особенно нравятся.

Такъ какъ она не боится муравьевъ, то часто живетъ съ ними вмѣстѣ подъ камнями, часто встрѣчается даже въ муравейникахъ, причемъ безпокойные жители ихъ, которые нападаютъ на всякое животное, ее не трогаютъ.

Въ срединѣ или концѣ октября веретеница забирается въ естественныя или ею самую выкопанныя норки подъ землю, чтобы тамъ предаться зимнему сну. Всѣ тѣ зимнія убѣжища, которыя изслѣдовалъ Лейдигъ, по положенію своему были очень тщательно избраны и не только отверстия своими направлены на югъ, но также хорошо защищены отъ сѣвернаго и восточнаго вѣтра. Животныя эти часто сами себя выкапываютъ норки, буравя землю головой. Иногда ихъ находишь въ очень узкихъ норкахъ на 7—30 см. глубины, иногда же въ болѣе ши-

Веретеница. *Anguis fragilis* $\frac{3}{4}$ наст. вел.

рокой кривой норкѣ, имѣющей до 1 м. длины, причемъ отверстіе изнутри заткнуто землей и травой; большею частію тутъ ихъ находишь отъ 20 до 30 штукъ, совершенно окоченѣвшихъ, причемъ нѣкоторыя свернуты, другія сплетены по нѣсколько штукъ вмѣстѣ, а иныя просто вытянуты. У выхода лежатъ всегда молодые экземпляры, затѣмъ слѣдуютъ болѣе крупныя, а на самомъ днѣ норки всегда лежитъ старый самецъ или старая самка. Однажды Лейдигъ нашелъ мѣдянку, врага всѣхъ болѣе слабыхъ ящерицъ, въ зимнемъ убѣжищѣ веретеницъ. Всѣ онѣ при холодной погодѣ лежатъ безъ движенія въ глубокомъ оцѣпенѣніи, но оживляются, если ихъ постепенно перенести въ болѣе теплое мѣсто. Тѣ 20 штукъ, надъ которыми дѣлалъ наблюденіе Ленцъ при 1,5—2° Цельсія, были довольно неподвижны, но все-таки шевелились, если ихъ трогали; нѣкоторыя изъ нихъ даже поползли, когда ихъ снова положили въ ихъ ящикъ. Вѣки у всѣхъ веретеницъ были совершенно закрыты и только двѣ изъ нихъ немного открывали глаза, когда ихъ брали въ руки; если имъ насильно открывали вѣки, то онѣ при первой возможности сами

ихъ закрывали. Когда температура понизилась до 3° холода, то всё онѣ улеглись въ отрубяхъ, находящихся въ ихъ ящикѣ, въ полномъ оцѣпенѣніи; однако ни одна изъ нихъ не замерзла, между тѣмъ какъ нѣкоторыя настоящія змѣи, находившіяся въ томъ же помѣщеніи, околѣли отъ холода. Впрочемъ, при болѣе сильныхъ морозахъ и веретеницы также умираютъ. Весною при хорошей погодѣ онѣ выходятъ изъ своихъ норокъ уже въ срединѣ марта.

Веретеница питается почти исключительно глыми слизнями и земляными червями; при случаѣ она хватается также гладкую гусеницу, но не въ состояніи овладѣть быстро двигающимся животнымъ. У находящейся въ неволѣ веретеницы Ленцъ наблюдалъ, что она медленно подползаетъ къ брышному ей червяку, обыкновенно его опущиваетъ сначала языкомъ, затѣмъ открываетъ пасть и схватываетъ жертву. Червякъ вьется, насколько хватается силъ; веретеница ждетъ, пока онъ умается, а потомъ медленно глотаетъ его, поворачивая голову то направо, то налево и постепенно захватывая все дальше и дальше червяка своими зубами. Она возится отъ 5—6 минутъ надъ однимъ червякомъ, пока наконецъ его проглотитъ, но за одинъ разъ ей достаточно одного большого или двухъ средней величины. Воду она пьетъ очень часто и такимъ же способомъ, какъ ящерицы.

Хотя случается, что она и днемъ схватитъ находящуюся передъ ея мордой добычу, но обыкновенно отправляется на охоту только въ сумерки. Днемъ она лежитъ, какъ другія пресмыкающіяся, по цѣлымъ часамъ на солнцѣ, прижавъ голову къ землѣ, и, повидимому, очень хорошо себя чувствуетъ, когда солнце ее сильно грѣетъ. Однако въ очень жаркіе, сухіе дни она рѣдко выходитъ изъ своей норки, но всегда вылѣзаетъ, если собирается дождь. «Когда веретеница ползаетъ рано утромъ, замѣчаетъ Лейдигъ, то всегда означаетъ, что произойдетъ перемѣна погоды, т. е. пойдетъ дождь». Гредлеръ также считаетъ веретеницу за вѣрную предсказательницу погоды и замѣчаетъ, вѣроятно совершенно справедливо, что ея появленіе передъ перемѣной погоды или во время этой перемѣны имѣетъ связь съ тѣмъ, что дождевые черви, ея обыкновенная добыча, въ это время приближаются къ поверхности земли.

Движенія веретеницы медленны и мало похожи какъ на движенія ящерицъ, такъ и на движенія змѣй. Въслѣдствіе того, какъ замѣчаетъ Лейдигъ, что кожа ея покрыта известковыми щитками, движенія ея не происходятъ въ видѣ крутыхъ волнистыхъ линій, какъ это очень часто замѣчается у змѣй, но при обыкновенныхъ условіяхъ она извивается по почвѣ очень пологими дугами. Тѣло ея только тогда образуетъ болѣе крутые повороты, когда ей приходится прокладывать себѣ дорогу черезъ камни или въ густой чащѣ растений; но и эти повороты довольно неуклюжи, если ихъ сравнить съ движеніями змѣй. Съ горы она ползетъ довольно скоро, на ровномъ мѣстѣ такъ медленно, что человекъ, идущій тихими шагами рядомъ, легко перегоняетъ ее, а на гору она ползетъ совсѣмъ тихо. Если ее положить на гладкое стекло, то ей очень трудно сдвинуться съ мѣста, но мало по малу она однако подвигается впередъ, учащая свои боковые извороты. Въ воду она добровольно не идетъ, если же ее туда бросить, то она очень ловко плаваетъ, извивая тѣло въ сторону и обыкновенно приподнявъ головку надъ поверхностью воды; случается, что она плыветъ и на спинѣ, но во всякомъ случаѣ она старается какъ можно скорѣе выбраться на сушу.

Между ея виѣшними чувствами очевидно лучше всего развито зрѣніе и совершенно непоятно, почему нѣмцы называютъ ее слѣпою (Blindschleiche). У ней два хорошенькихъ глаза съ золотисто-желто-радужной оболочкой и чернымъ зрачкомъ, которыми она очень хорошо видитъ. Гредлеръ сомнѣвается въ остротѣ ихъ

зрѣнія, такъ какъ никогда не замѣчалъ, чтобы находящіяся въ плѣну веретеницы бросались на кормъ, если его держать прямо передъ ними на нѣкоторомъ разстояніи, но признаетъ, что молодыя веретеницы на довольно большомъ разстояніи замѣчаютъ приближеніе руки даже сквозь стеклянныя стѣнки терраріума и вообще онѣ не приводятъ никакихъ доказательствъ того, чтобы это животное, имѣющее два хорошо развитыхъ глаза, худо видѣло.

Но видить-ли веретеница при яркомъ солнечномъ свѣтѣ—это другой вопросъ: желтовато-красный цвѣтъ радужной оболочки не говоритъ ничего ни за, ни противъ, но неуверенныя движенія животнаго при солнечномъ свѣтѣ указываютъ на то, что днемъ она плохо видитъ. Опыты надъ плѣнными веретеницами указываютъ на то, что слухъ ихъ почти такъ же хорошо развитъ, какъ и зрѣніе, однако опредѣленнаго заключенія объ этомъ сдѣлать трудно. Точно также трудно сказать что-либо опредѣленное о развитіи прочихъ внѣшнихъ чувствъ, кромѣ осязанія; можно предположить, что въ языкѣ веретеница имѣетъ хорошиіи органъ осязанія, но объ обонянія и вкуса мы рѣшительно ничего опредѣленнаго сказать не можемъ. Лейдягъ, повидимому, имѣетъ высокое мнѣніе о понятливости веретеницы. Ея поведеніе во многомъ отличается отъ поведенія ящерицъ. «Прежде всего она дѣйствуетъ гораздо спокойнѣе и обдуманнѣе, чѣмъ эти послѣднія, причѣмъ не мѣшаетъ замѣтить, что лопасти большого мозга въ сравненіи со среднимъ мозгомъ у веретеницы замѣтно больше, чѣмъ у ящерицы». Она вовсе не пуглива и не выказываетъ никакой хитрости, но старается освободиться отъ враговъ тѣмъ, что если ее схватить, то она начинаетъ страшно извиваться, причѣмъ почти всегда теряетъ кусокъ своего хвоста. «Пока отломанный кусокъ» говоритъ Ленцъ, «сильно шевелится и бываетъ тотчасъ схваченъ хищникомъ—сама веретеница всегда находитъ возможность улизнуть, что можно легко наблюдать, если кормить различныхъ хищниковъ веретеницами». Обыкновенно она дозволяетъ себя поймать, не пробуя защищаться, но изрѣдка употребляетъ въ дѣло и свои зубы, чѣмъ однако не можетъ испугать никакого противника. Со временемъ она пріучается къ измѣнившимся условіямъ, т. е. къ своему терраріуму и воспитателю. «Если она привыкнетъ къ чловѣку», говоритъ Ленцъ, «то очень охотно допускаетъ, чтобы ее брали въ руки, очень ловко проскальзываетъ головой или хвостомъ между пальцами, какъ будто ища себѣ мѣста, чтобы спрятаться». Она хорошо уживается съ различными змѣями, лягушками и ящерицами и, повидимому, очень довольна, когда никто на нее не нападаетъ.

Веретеница очень живуча, точно такъ, какъ и другія пресмыкающіяся, и можетъ голодать по цѣлымъ мѣсяцамъ. Табачный сокъ, который легко убиваетъ змѣй, ей мало вредитъ. Ленцъ давалъ двумъ веретеницамъ по 3 дня сряду табачнаго соку; онѣ сначала были точно опьянены, но скоро поправились. Другой веретеницѣ силой влили въ ротъ нефти; она послѣ этого была очень безпокойна и такъ сильно завертѣлась, что обломала себѣ хвостъ, но вовсе не была ошеломлена и осталась живою.

«Веретеницы рожаютъ живыхъ дѣтенышей, какъ ужи, что доказано многими наблюденіями», говоритъ старый Геснеръ о размноженіи этихъ животныхъ. Однако, повидимому, веретеница не приступаетъ къ размноженію раньше четвертаго года своей жизни, такъ какъ Ленцъ находилъ зрѣлыя яйца только у вполне выросшихъ экземпляровъ. Спариванье происходитъ въ маѣ и, по словамъ Мейера, совершается какъ у ящерицъ: самецъ такъ сильно схватываетъ самку зубами за затылокъ, что повреждаетъ ей даже чешую на этомъ мѣстѣ. Затѣмъ онѣ приближаетъ заднюю часть тѣла къ заднему проходу самки и, оплодотворивши ее, лежитъ нѣсколько часовъ рядомъ, не свываясь однако съ нею.

Дѣтеныши рождаются во 2-й половинѣ августа или въ 1-й половинѣ сентября; яйца кладутся въ промежуткахъ нѣсколькихъ минутъ и дѣтеныши тотчасъ выскальзываютъ изъ тонкой прозрачной кожицы яицъ. Только что вылупившіеся дѣтеныши имѣютъ бѣловатый цвѣтъ, переходящій на головѣ и животѣ въ синеватый, вдоль спины проходитъ синеватая линия. Ленцъ говоритъ, что получилъ отъ плѣнной самки до 100 дѣтенышей, которые однако всѣ околѣли съ голоду втеченіе 1—6 недѣль. Другіе любители, напримѣръ Эрберъ, были счастливѣе и имъ удалось воспитать маленькихъ веретеницъ, но это дѣйствительно не легко, такъ какъ дѣтеныши могутъ ѣсть только самыхъ маленькихъ и нѣжныхъ насѣкомыхъ, а ихъ не всегда легко можно достать. Взрослыя веретеницы обыкновенно тотчасъ же берутъ кормъ, когда пойманы, и потому ихъ безъ затрудненія можно держать въ неволѣ по нѣскольку лѣтъ. Онѣ чувствуютъ себя вполне хорошо въ терраріумѣ, наполненномъ отчасти землей, отчасти камнями и мхомъ, и наблюдать ихъ въ такомъ помѣщеніи очень интересно, такъ что содержаніе ихъ можно рекомендовать всякому.

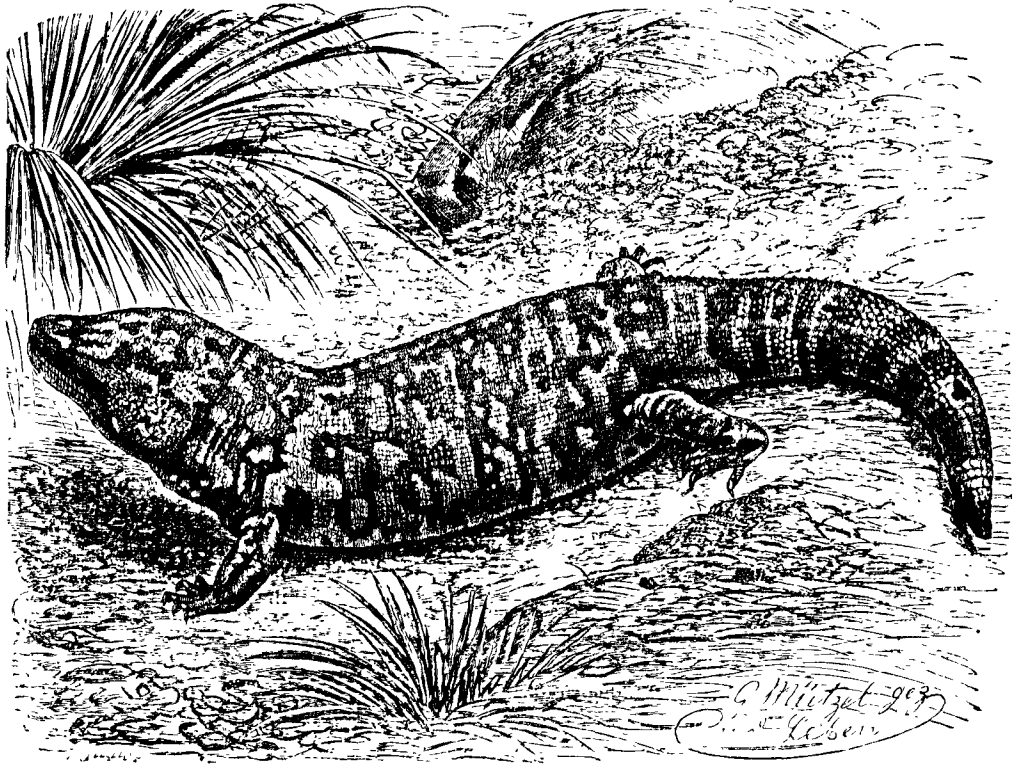
Еще и въ наше время веретеница у простого народа считается за змѣю, потому полагаютъ, что она очень ядовита и вслѣдствіе этого ее безпощадно преслѣдуютъ и безъ всякой жалости убиваютъ, гдѣ только ни увидятъ; между тѣмъ какъ, напротивъ того, ее слѣдовало бы щадить и даже разводить особенно въ садахъ. Что она неядовита знали уже древніе, и Геснеръ говоритъ очень ясно, что укушеніе веретеницею неядовито и даже невредно, однако онъ рассказываетъ почти тѣ же самыя исторіи, которыя и теперь повторяются итальянцами о трехпаломъ сепсѣ. «Если скотъ, напримѣръ быки и коровы, лягутъ на веретеницу и раздражатъ ее тяжестью своего тѣла, то она кусается, отчего происходитъ гноящаяся опухоль. Если это случится, то укушенное мѣсто слѣдуетъ вскрыть ланцетомъ или другимъ острымъ орудіемъ, а затѣмъ нужно развести мѣлъ или сукновальную глину въ укусѣ и помазать этимъ рану». Геснеръ однако говоритъ и о пользѣ веретеницы, но не о томъ, что она полезна истребленіемъ вредныхъ животныхъ, а о томъ, что она употреблялась тогдашними шарлатанами для ихъ лекарствъ, что, впрочемъ, можетъ быть и по нынѣ еще случается. «Нѣкоторые, продолжаетъ онъ, приготовляли спиртъ изъ веретеницъ и во время чумы прибавляли его въ потогонное питье, при чемъ 2 или 3 приема этого лекарства сохраняли людямъ жизнь». Большинство простого народа однако нынѣ уже бросили эти взгляды, но сохранили еще мнѣніе объ ядовитости веретеницы, въ чемъ ихъ поддерживаютъ, впрочемъ, многіе изъ образованныхъ людей.

Одна ящерица, еще извѣстная старому путешественнику Хернандецу, замѣчательна тѣмъ, что по строенію зубовъ она похожа на такъ называемыхъ ложныхъ ужей, которые могутъ быть отчасти причислены къ ядовитымъ змѣямъ; этимъ оправдывается всеобщее убѣжденіе туземцевъ, что эта ящерица ядовита. Дѣйствительно это единственная изъ ящерицъ, отъ укушенія которой человекъ можетъ умереть.

Ядозубъ (*Heloderma horridum*, *Trachyderma horridum*. Gilatier. Escarpion), называемый мексиканцами **Толя-Хини**, служитъ представителемъ особаго рода (*Heloderma*) и даже особаго семейства. Родъ этотъ заключаетъ въ себѣ только два вида, живущихъ въ Мексикѣ и въ сосѣдней съ ней юго-западной части Соединенныхъ Штатовъ. Тѣло у него плотное, хвостъ цилиндрической и длинный, третій и четвер-

тый палецъ переднихъ и заднихъ ногъ длиннѣ другихъ, барабанная перепонка замѣтна. Тѣло покрыто чешуйками, расположенными поперечными рядами и имѣющими видъ бородавокъ; языкъ раздѣляется спереди на два короткихъ, гладкихъ острия и вообще похожъ на языкъ веретеницъ. Зубы загнуты крючкомъ, какъ у змѣй, у основанія нѣсколько утолщены, довольно неплотно прикрѣплены къ внутреннему краю челюстей и у корня не имѣютъ внутренней полости. Взрослый ядозубъ достигаетъ длины въ 60 см. По строенію скелета онъ ближе всего подходитъ къ веретеницамъ, а по внѣшнему виду напоминаетъ варана и амейбу, но гораздо неуклюже ихъ и замѣтно отличается толстымъ, круглымъ хвостомъ. На верхушкѣ плоской, спереди тупой головы замѣчаются возвышенныя окостенѣвшія

Ядозубъ. *Meloderma horridum* $\frac{2}{3}$ наст. вел.

бородавки; туловище и прочія части тѣла покрыты бородавчатыми чешуйками, похожими на бисеръ, почему кожа на ощупь кажется неровной и шероховатой. На передней и задней части конусообразныхъ острыхъ зубовъ замѣчаются ясныя продольныя бороздки. Окраска этого очень бросающагося въ глаза животнаго похожа на окраску нашей саламандры. Верхняя часть тѣла имѣетъ темно-бурый цвѣтъ и покрыта небольшими, но очень различными по возрасту и разновидностямъ пятнами желтовато-бѣлаго, оранжево-желтаго и красновато-бурого цвѣта; на хвостѣ много желтыхъ полосъ, нижняя часть тѣла рогового бурого цвѣта съ желтоватыми пятнами.

Короткое и необстоятельное описаніе, составленное Дешпе, въ новѣйшее время въ значительной степени дополнено Зумихрастомъ. По словамъ вышеназваннаго натуралиста, эга странная ящерица живетъ на западномъ склонѣ Кордильеровъ до

самаго Тихаго океана, и только въ сухихъ мѣстностяхъ; добровольно она, кажется, никогда въ воду не ходитъ. Это ночное животное, которое двигается медленно и тяжело, а въ старости или когда оно беременно, тащитъ съ трудомъ свое брюхо по землѣ. Днемъ ядозубъ прячется въ вырытыя имъ самимъ норки подь корнями деревьевъ или подь упавшими листьями и лежитъ тамъ неподвижно, свернувшись. Вечеромъ онъ вылѣзаетъ изъ своего убѣжища и охотится за всякими мелкими животными: безкрылыми насѣкомыми, земляными червями, многоножками, маленькими лягушками и т. п., которыхъ онъ схватываетъ на лѣсныхъ тропинкахъ; онъ вырываетъ также яйца игуановъ и даже не пренебрегаетъ гнѣющими животными веществами. Его чаще всего можно встрѣтить въ дождливое время года, отъ ноября до іюня—рѣже всего; изъ этого можно заключить, что въ сухое и жаркое время года, соответствующее нашимъ зимнимъ мѣсяцамъ, онъ впадаетъ въ спячку, какъ многія другія пресмыкающіяся въ средней и Южной Америкѣ.

Если ядозуба раздражить, то у него изо рта течетъ бѣловатая клейкая слюна, выдѣляемая очень развитыми слюнными железами около нижнихъ челюстей; при этомъ онъ издаетъ глухое шипѣніе. Фишеръ, посредствомъ анатомическаго изслѣдованія, убѣдился въ возможности предположенія, что ядозубъ дѣйствительно принадлежитъ къ ядовитымъ животнымъ; бороздчатые зубы и строеніе нижнечелюстныхъ железъ отчасти это подтверждаютъ. Предположеніе это подтверждается тѣмъ, что въ новѣйшее время доказаны вредныя послѣдствія укушенія этой ящерицы. При этомъ вовсе не имѣется въ виду мнѣніе туземцевъ, которые считаютъ укушеніе ядозуба гораздо болѣе опаснымъ, чѣмъ укушенія самыхъ страшныхъ ядовитыхъ змѣй. Зумихрастъ сдѣлалъ нѣсколько опытовъ, которые несомнѣнно доказываютъ ядовитость укушенія этого животнаго. Онъ далъ возможность молодому и довольно истощенному ядозубу укусить курицу въ бокъ, и та скоро умерла съ явными признаками отравленія. Укушенная въ заднюю ногу здоровая кошка сильно захворала, ослабѣла и выказывала признаки сильной боли; однако потомъ она выздоровѣла, но осталась худою и безчувственною. Эти наблюденія надъ птицами и млекопитающими дополняются опытомъ, сдѣланнымъ Штейномъ надъ самимъ собой и переданнымъ намъ Фишеромъ. Самый большой изъ двухъ экземпляровъ ядозуба, надъ которыми Фишеръ производилъ свои анатомическія изслѣдованія, одно время жилъ въ неволѣ у Штейна въ Мексикѣ и укусилъ этого натуралиста въ палець, при переводѣ ядозуба изъ одной глѣтки въ другую. Палець и вся рука распухли при сильныхъ боляхъ, и во всемъ организмѣ замѣтно было болѣзненное состояніе. Еще долго послѣ этого кожа руки имѣла видъ сухого, желтаго пергамента.

Изъ вышесказаннаго можно, съ нѣкоторою достовѣрностью, заключить, что туземцы справедливо приписываютъ ядозубу ядовитыя качества, хотя несомнѣнно, что укушеніе его только въ рѣдкихъ случаяхъ причиняетъ человѣку смерть. Начиная съ 1881 года, Шуфельдтъ, Буланже, Фэйреръ, Мютцель, Рейхертъ, Гарманъ, Тридуэль и Ярау производили опыты надъ этимъ животнымъ, при чемъ нѣкоторые подтверждаютъ его ядовитость, а другіе отрицаютъ ее. Всѣ эти опыты въ сложности доказываютъ, что ядозубъ и родственныи ему видъ (*Helodermatidae suspectum*) единственныя дѣйствительно ядовитыя ящерицы и что укушенія ихъ въ нѣсколько минутъ убиваютъ маленькихъ животныхъ, напримѣръ лягушекъ и голубей; на человѣка они дѣйствуютъ очень вредно, хотя и не смертельно.

Въ неволѣ часто держали ядозубовъ, которые клали яйца; они представляютъ собою очень непривлекательныхъ животныхъ. По словамъ Циперлена, ядозубъ лежитъ весь день неподвижно, четыре раза въ годъ линяетъ и еженедѣльно съѣдаетъ

3—4 сырыхъ куриныхъ яйца. Повидимому онъ ведетъ ночной образъ жизни, но этотъ натуралистъ не замѣчалъ, какъ утверждаютъ другіе наблюдатели, чтобы ядозубъ зарывался въ песокъ. Зумихрастъ говорить, что ядозубъ умираетъ лишь отъ ранъ, нанесенныхъ острымъ или огнестрѣльнымъ орудіемъ, такъ какъ крѣпкая кожа дѣлаетъ его почти нечувствительнымъ къ ударамъ. Сократимость мускуловъ у него сохраняется до 48 часовъ послѣ отдѣленія головы отъ туловища. Бернгъ убилъ въ 20 минутъ своего ядозуба посредствомъ хлороформа.

Вслѣдствіе странной ошибки нѣмецкихъ натуралистовъ, нѣкоторыхъ большихъ ящерицъ назвали «предохраняющими» (Warneidechsen). Наибольше извѣстные виды этого семейства живутъ въ Египтѣ и называются тамъ варанами; это слово передѣлали въ Warner (предупреждающій) и сохранили то же значеніе въ латинскомъ терминѣ Monitor. Между тѣмъ варанъ или, вѣрнѣе, по арабски уаранъ не имѣетъ никакого отношенія къ предупрежденію, а просто значить ящерица.

Вараны (Varanidea. Warane. Monitors) очень похожи на другихъ ящерицъ своимъ удлинненнымъ туловищемъ, широкою спиною безъ гребня и хорошо развитыми спереди и сзади пятипалыми ногами съ большими когтями. Они отличаются отъ прочихъ ящерицъ тѣмъ, что ключица на внутренней сторонѣ не расширена, присутствіемъ грудобрюшной перегородки, которая по строенію своему похожа на тотъ же органъ у крокодиловъ, кромѣ того чешуями, строеніемъ языка и формой зубовъ. Голова у нихъ относительно длиннѣе, чѣмъ у прочихъ ящерицъ и нѣсколько напоминаетъ голову змѣй; шея и туловище, особенно хвостъ, гораздо болѣе удлинены, чѣмъ соответствующія части ихъ родичей. Языкъ въ сжатомъ состояніи совершенно спрятанъ въ чехоль, но можетъ быть сильно выдвинуть и имѣетъ на концѣ два длинныхъ роговыхъ острия. Зубы прикрѣплены къ внутреннему краю челюстей; они сидятъ довольно далеко другъ отъ друга, большой величины, конусообразные и на концѣ острые; на небныхъ и крыловидныхъ костяхъ зубовъ нѣтъ. Спинныя чешуйки небольшія, круглыя, имѣютъ форму пуговицъ и окружены колечками мелкихъ зернистыхъ чешуекъ; на головѣ чешуйки мало увеличиваются и почти не могутъ быть названы щитками; брюшко покрыто болѣе крупными четырехугольными чешуйками, которыя расположены правильными поперечными рядами. На бедрахъ и около задняго прохода железистыхъ поръ нѣтъ.

Вараны, которыхъ извѣстно до 27 видовъ, живутъ въ восточномъ полушаріи, именно въ Африкѣ, южной Азіи, Австраліи и Полинезіи. Нѣкоторые виды живутъ постоянно на сушѣ, даже въ пустыняхъ, отыскиваютъ себѣ какую-либо норку, чтобы прятаться и охотиться недалеко отъ нея, иные днемъ, иные въ сумерки или даже ночью; другіе должны быть причислены къ воднымъ животнымъ, такъ какъ они держатся исключительно вблизи воды, въ болотахъ или на берегахъ рѣкъ, и въ случаѣ опасности поспѣшно спасаются въ воду. Всѣ вараны очень подвижныя животныя. Они бѣгаютъ по твердой землѣ, сильно извивая туловище и такъ скоро, что могутъ догнать маленькихъ млекопитающихъ и даже птицъ; несмотря на свою величину, они прекрасно лазаютъ, а тѣ виды, которые бывають въ водѣ, прекрасно плаваютъ и ныряютъ, несмотря на то, что у нихъ нѣтъ плавательныхъ перепонкъ. Продолжительному пребыванію въ водѣ въ значительной степени помогаютъ двѣ большія полости въ верхней части морды, которыя соединены съ ноздрями; онѣ наполняются воздухомъ и могутъ быть закрыты подвижными краями ноздрей. По своему образу жизни, нравамъ и привычкамъ, вараны напоминаютъ ящерицъ,

но не крокодиловъ; однако соотвѣтственно своей величинѣ и силѣ, они гораздо болѣе хищны, смѣлы и задорны, чѣмъ ихъ болѣе мелкіе родичи. Отъ человѣка и крупныхъ животныхъ они постоянно убѣгаютъ, если могутъ это сдѣлать; земные виды при этомъ съ быстротою молніи прячутся въ свои норки, а водные, какъ уже сказано выше, спасаются въ воду. Если же имъ нельзя спастись, то есть отрѣзанъ путь къ ихъ убѣжищу, то они смѣло вступаютъ въ бой, съ помощью своихъ ногъ и сильнаго хвоста, дѣлаютъ высокіе прыжки и храбро стараются вцѣпиться въ лицо и руки своего противника.

Пища ихъ состоитъ изъ различныхъ животныхъ. Нильскій варанъ, который былъ уже извѣстенъ древнимъ египтянамъ и изображенъ на ихъ памятникахъ, прежде считался однимъ изъ самыхъ опасныхъ враговъ крокодила, такъ какъ думали, что онъ отыскиваетъ и уничтожаетъ его яйца и пожираетъ вылупившихся изъ нихъ молодыхъ крокодиловъ. Насколько справедливы эти рассказы, трудно рѣшить, но можно смѣло предположить, что варанъ дѣйствительно можетъ съѣсть молодого крокодила и проглотить содержимое яйца этого животного, если только онъ можетъ захватить ихъ. Лешено увѣряетъ, что былъ свидѣтелемъ, какъ нѣсколько индійскихъ варановъ, собравшись вмѣстѣ, напали на дѣтеныша оленя, долго его преслѣдовали и наконецъ утопили въ водѣ; онъ утверждаетъ также, что находилъ въ желудкѣ варановъ бараньи кости. Съ своей стороны я рѣшительно сомнѣваюсь, чтобы какой-либо видъ этого семейства ящерицъ нападалъ на большихъ животныхъ, чтобы питаться ихъ мясомъ, но африканцы и арабы нѣсколько разъ меня увѣряли, что вараны могутъ одолѣть птицъ до величины чибиса, и млекопитающихъ до величины крысы. Вараны, живущіе на землѣ, преслѣдуютъ мышей, маленькихъ птичекъ, небольшихъ ящерицъ, змѣй, лягушекъ, насѣкомыхъ и червей, а также воруютъ птичьи яйца; живущіе въ водѣ виды этого семейства, по всей вѣроятности, главнымъ образомъ питаются лягушками, но конечно не упускаютъ случая захватить неосторожно приблизившееся къ берегу маленькое млекопитающее или зазѣвавшуюся птичку. Тамъ, гдѣ ихъ не преслѣдуютъ и гдѣ имъ легко прятаться, они сильно разбойничаютъ въ курятникахъ, захватывая цыплятъ и куриныя яйца, и потому въ этихъ мѣстахъ ихъ совершенно справедливо боятся и ненавидятъ.

Живущіе въ неволѣ вараны ясно доказываютъ, что они большіе хищники. Хотя они не пренебрегаютъ мертвыми животными и сырою говядиною, но рѣшительно предпочитаютъ живую добычу. Ихъ поведеніе тотчасъ измѣняется, если имъ бросить въ клѣтку дюжину живыхъ ящерицъ или лягушекъ. Лѣнивое спокойствіе, въ которомъ они любятъ пребывать, тотчасъ же замѣняется самымъ упорнымъ вниманіемъ: маленькіе глазки сверкаютъ и длинный языкъ быстро появляется и снова прячется. Наконецъ они начинаютъ двигаться, чтобы завладѣть одною изъ своихъ несчастныхъ жертвъ. Ящерицы бѣгаютъ, лазаютъ, прыгаютъ въ смертельномъ страхѣ по клѣткѣ, лягушки боязливо скачутъ, толкая другъ друга. Глаза и языкъ такъ испугавшаго ихъ врага ясно доказываетъ, что онъ только ждетъ минуты, чтобы схватить добычу. Вдругъ длинная голова варана внезапно вытягивается впередъ и схватываетъ почти всегда безъ промаха лягушку или даже проворную ящерицу; животное убивается сильнымъ сжатіемъ челюстей и тотчасъ же цѣликомъ проглатывается. Это повторяется, пока не съѣдены все находящіяся въ клѣткѣ животныя, даже въ томъ случаѣ, если ящерицъ или лягушекъ было нѣсколько дюжинъ. Если варану кладутъ въ клѣтку одно или нѣсколько яицъ, то онъ потихоньку къ нимъ приближается, ощупываетъ языкомъ яйцо, осторожно схватываетъ его челюстями, приподнимаетъ голову, раздавливаетъ яйцо и съ наслажде-

нием проглатывает содержимое его, а затѣмъ облизывает вытекшій на губы бѣлокъ или желтокъ своимъ чрезвычайно подвижнымъ языкомъ. Безъ сомнѣнн онъ точно также поступаетъ и на свободѣ.

Болѣе чѣмъ странно то обстоятельство, что мы до сихъ поръ не имѣемъ обстоятельныхъ свѣдѣннй о размноженн варановъ. Если бы мнѣ былъ извѣстенъ этотъ пробѣлъ въ естественной исторнй варановъ въ то время, когда я путешествовалъ по Африкѣ, то я бы болѣе тщательно занялся наблюденнями надъ ними; однако я этимъ не хочу утверждать, что навѣрно узналъ бы что-либо положительное, такъ какъ арабы и жители Судана, которые очень охотно разсказываютъ о разныхъ животныхъ то, что имъ извѣстно, сколько мнѣ помнится, никогда мнѣ ничего не говорили о размноженн этихъ ящерицъ. Кажется одинъ Теобольдъ сообщаетъ краткнй свѣдѣннй о размноженн одного инднйскаго вида, **Желтаго варана** (*Varanus flavescens*, Gelbwaran. Monitor jaune). «Вараны», говоритъ онъ, «кладутъ свои яйца въ землю. Иногда они для этого пользуются гнѣздами термитовъ. Яйца эти имѣютъ цилиндрическую форму, на обоихъ концахъ закруглены, длиною около 5 см. и грязно-бѣлаго цвѣта: вообще они кажутся грязными и противными». Каждая самка кладетъ, повиднмому, разомъ довольно большое число яицъ. Во время путешествнй несчастнаго фонъ-деръ-Деккена, погибшаго жертвою науки, однажды былъ убитъ выстрѣломъ дробью варанъ, имѣвшнй до метра длины; когда его анатомировали, то нашли въ немъ 24 яйца.

Вараны имѣютъ для человѣка довольно большое значенн; съ одной стороны они приносятъ вредъ своими хищническими набѣгами на домашнихъ птицъ и ихъ яйца, но съ другой стороны они полезны своимъ вкуснымъ мясомъ, которое похоже на телятину, и своими еще болѣе вкусными яйцами. Въ нѣкоторыхъ странахъ ихъ обширной области распространенн на мясо и яйца ихъ смотрятъ, правда, съ отвращеннемъ, но въ другихъ очень цѣнятъ какъ мясо, такъ и яйца этихъ животныхъ и потому ихъ усердно преслѣдуютъ. По словамъ Теобольда, житель Бирмы, несмотря на свою прирожденную лѣность, не пожалѣетъ труда срубить дерево, куда спрятался варанъ, чтобы только завладѣть лакомымъ блюдомъ. Пойманнымъ водянымъ варанамъ заворачиваютъ всѣ четыре ноги на спину и связываютъ ихъ, безжалостно вырѣзая сухнй жилы сломанныхъ пальцевъ несчастной жертвы. Яйца варановъ въ Бирмѣ продаютъ дороже куриныхъ; они совершенно справедливо считаются лакомствомъ, не имѣютъ никакого противнаго запаха, дѣйствительно очень вкусны и отличаются отъ птичьихъ яицъ только тѣмъ, что бѣлокъ ихъ при варкѣ не свертывается. Индусы ѣдятъ чаще всего мясо варановъ жаренымъ, а европейцы болѣею частью варятъ изъ него супъ. Келлертъ, пробовавшнй этотъ супъ, говоритъ, что онъ очень вкусенъ и похожъ на супъ изъ заячьего мяса. Кромѣ того кое-гдѣ употребляютъ въ дѣло чешуйчатую кожу варановъ; напримѣръ, въ сѣверо-восточной Африкѣ ею покрываютъ разную домашнюю утварь. Варанами пользуются также фокусники для разныхъ кунштюковъ, а знахари изъ различныхъ частей тѣла ихъ готовятъ таинственнымъ образомъ различныя яды.

Плѣнные вараны доставляютъ мало удовольствнй. Сначала содержащнйся въ неволѣ животные бываютъ очень безпокойны, шипятъ и фыркаютъ какъ змѣи, когда къ нимъ приближаешься, или яростно кусаются, если думаютъ, что могутъ добраться до своего воспитателя; они, по словамъ Фишера, разбиваютъ сильными ударами хвоста стеклянныя стѣнки своего террарнума. Однако понемногу они дѣлаются смиренѣе, но никогда дѣйствительно не приручаются, а при случаѣ бываютъ очень опасны и любятъ кусаться, при чемъ нужно всегда имѣть въ виду значи-

тельную силу ихъ зубастыхъ челюстей. Ихъ можно держать только въ большихъ помѣщеніяхъ, но и здѣсь они скоро дѣлаются неприятными своею безтолковою бѣготней и лазаньемъ, а также прожорливостью и неопрятностью. Молодые животныя, напротивъ того, очень милыя существа, которыя скоро дѣлаются ручными и легко пріучаются брать пищу изъ рукъ.

Въ прежнее время семейство варановъ раздѣляли на нѣсколько группъ; но

Нильскій варанъ. *Varanus niloticus*. $\frac{1}{8}$ наст. вел

едва ли можно ихъ считать отдѣльными подродами, такъ какъ отличія ихъ ограничиваются очень ничтожными признаками; поэтому я не считаю нужнымъ приводить здѣсь эти подраздѣленія.

Нильскій варанъ (*Varanus niloticus*, *Lacerta nilotica* и *capensis*, *Stellio saurus*, *Scincus niloticus*, *Tupinambis niloticus*, *elegans*, *stellatus*, *ornatus*, *Varanus elegans*, *ornatus*, *Monitor niloticus*, *Polydaedalus niloticus*. Nilwaran. Monitor du Nil) отличается отъ другихъ видовъ нѣсколько сжатымъ съ боковъ хвостомъ, ко-

торый на верхней сторонѣ образуетъ выдающійся гребень; зубы спереди конусообразные, сзади съ тупыми коронками, на верхней части головы не замѣчается продольнаго ряда широкихъ чешуекъ надъ каждымъ глазомъ, ноздри круглыя и нѣсколько ближе придвинуты къ переднему краю глаза, чѣмъ къ концу морды. Взрослый варанъ достигаетъ длины въ 1,7 м., изъ которыхъ хвостъ занимаетъ около 1 м. Тѣло имѣетъ основную темно-желтовато-зеленую окраску; на этомъ фонѣ замѣтны черныя пятна и расположенныя рядами зеленовато-желтыя точки. Между плечами и пахами находятся подковообразныя желтыя пятнышки, а передъ плечами—черноватая полукруглая полоска; первая треть хвоста имѣетъ желто-зеленныя, а остальная часть желтыя колечки. Нижняя часть желтая съ болѣе или менѣе ясными поперечными полосами.

Нильскій варанъ, повидимому, встрѣчается во всѣхъ африканскихъ рѣкахъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя находятся въ сѣверо-западной части этого материка; его находили не только въ Египтѣ и Нубіи, но также и въ Верхней и Нижней Гвинееѣ, а также въ южной и восточной Африкѣ. Въ Египтѣ, насколько я могъ убѣдиться собственными наблюденіями, онъ встрѣчается чаще, чѣмъ въ Нубіи, вѣроятно потому, что въ Египтѣ Ниль доставляетъ ему больше пищи, чѣмъ рѣки въ Нубіи; въ Восточномъ Суданѣ онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчается въ большомъ числѣ, но только по одиночкѣ, а не обществами. Обыкновенно его замѣчаешь лишь тогда, когда онъ начинаетъ двигаться и бѣжить къ рѣкѣ; въ водѣ онъ болѣею частью прячется, а на землѣ обыкновенно лежитъ безъ движенія на солнцѣ. Въ отличіе отъ крокодила онъ только въ крайнемъ случаѣ выбираетъ себѣ для отдыха и сна плоскія песчаныя отмели, а вездѣ, гдѣ это возможно, держится на горизонтальной вершинѣ круто спускающагося къ водѣ берега, а еще охотнѣе на верхушкѣ береговой скалы; иногда его встрѣчаешь и въ береговомъ кустарникѣ, но никогда онъ не держится далеко отъ воды. Гейглинъ однако встрѣчалъ его на довольно большихъ экскурсіяхъ въ глубинѣ страны, даже въ пустынѣ. Въ береговомъ кустарникѣ убѣжищами ему служатъ подмытые водною корнями деревьевъ, особенно въ тѣхъ рѣкахъ, которыя лѣтомъ совсѣмъ высыхаютъ. Онъ, кажется, не подверженъ лѣтней спячкѣ и хотя очень любитъ воду, но все же не такъ отъ нея зависитъ, какъ крокодилъ. Египтяне и африканцы знаютъ варана очень хорошо и никогда не смѣшиваютъ съ крокодиломъ. Очень возможно, что древніе египтяне считали варана истребителемъ крокодила, которому воздавали божескія почести и потому часто изображали эту ящерицу на своихъ памятникахъ; нынѣ же это животное очень хорошо обходится и безъ молодыхъ крокодиловъ. Нильскій варанъ гоняется, какъ уже сказано, за маленькими млекопитающими и птицами, а также за другими ящерицами, которыхъ въ Египтѣ вездѣ очень много, и слѣдовательно, онъ встрѣчается въ большомъ количествѣ и около рѣки. Очень можетъ быть, что онъ ѣстъ и молодыхъ мягкокожихъ черепахъ, но главнымъ образомъ питается лягушками, грабитъ также гвѣзда береговыхъ птицъ и посѣщаетъ даже голубятни и курятники, чтобы здѣсь завладѣть яйцами и птенцами; между прочимъ онъ охотится и за насѣкомыми. Пѣнные вараны, которыхъ наблюдалъ Жюфруа Сентъ-Илеръ, были въ высшей степени хищны и нападали на всѣхъ маленькихъ животныхъ, которыхъ выпускали въ ихъ клетку; вообще они оказались очень кровожадными. Я часто убивалъ варановъ, но всегда случайно, когда, подкрадываясь къ птицамъ, я могъ незамѣтно приблизиться къ этимъ животнымъ, лежащимъ на солнцѣ. Пѣнныхъ варановъ видишь иногда у рыбаковъ, которые ихъ ловятъ вмѣстѣ съ рыбами въ сѣтя, куда они запутываются, но правильному предѣланію эта ящерица въ Египтѣ не подвергается. Иное мы замѣчаемъ въ сред-

ней и южной Африкѣ. Ливингстонъ, подъ именемъ «легуана», мясо котораго онъ считаетъ очень вкуснымъ, безъ всякаго сомнѣнія, имѣеть въ виду варана. Швейнфуртъ мнѣ рассказывалъ, что въ Галабатѣ усердно преслѣдуютъ всѣхъ большихъ ящерицъ, особенно варановъ, сдираютъ съ нихъ шкуру, жарятъ на угольяхъ и считаютъ, вѣроятно вполне справедливо, за отличное кушанье. Въ Занзибарѣ, рассказываетъ Керстенъ, ихъ часто ловятъ, привязываютъ къ палкѣ и въ такомъ безпомощномъ видѣ приносятъ на рынокъ; однако едва ли ихъ тамъ ѣдятъ, такъ какъ магометанское населеніе страны и туземцы, живущіе на материкѣ, не употребляютъ въ пищу подобныхъ животныхъ. Яйца той самки, которая была поймана спутниками фонъ-деръ-Деккена, были сварены, и европейцы ѣли ихъ съ большимъ аппетитомъ, но Керстенъ тщетно предлагалъ это кушанье туземцамъ, сопровождавшимъ путешественниковъ. Отъ этого кушанья отказывались даже нерозборчивые ваника, которыхъ магометане восточнаго берега Африки называютъ свиньями, такъ какъ они ѣдятъ всевозможныхъ животныхъ, не брезгаютъ содержимымъ кишекъ убойнаго скота и считаютъ хорошимъ кушаньемъ мясо убитой хищной птицы, будь это даже самый вонючій грифъ; эти люди ни за что не хотѣли попробовать вкусную яичницу изъ яицъ варана, несмотря на то, что Керстенъ нарочно при нихъ ѣлъ ее.

Живучесть, которою варанъ обладаетъ наравнѣ съ другими ящерицами, дѣлаетъ это животное вполне пригоднымъ для содержанія въ неволѣ; онъ привлекаетъ вниманіе зрителей тѣмъ, что держится то на сушѣ, то въ водѣ и можетъ считаться очень приятнымъ жильцомъ хорошо устроеннаго просторнаго помѣщенія.

* * *

На материкѣ Индіи, въ южномъ Китаѣ и на всѣхъ азиатскихъ островахъ до сѣвернаго берега Австраліи нильскій варанъ замѣняется **Полосатымъ вараномъ**, котораго сингалезцы называютъ **Кабарагоя** (*Varanus salvator*, *Stellio* и *Hydrosaurus salvator*, *Tupinambis*, *Varanus*, *Monitor* и *Hydrosaurus bivittatus*. *Bindenwaran*. *Monitor à bandes*.), который отличается отъ нильскаго тѣмъ, что у него на верхней части головы надъ глазами находится продольный рядъ широкихъ щитковъ; ноздри имѣютъ яйцевидную форму и расположены ближе къ концу морды. Верхняя часть тѣла имѣеть черный цвѣтъ съ рядами желтыхъ точекъ и глазковъ; около висковъ проходитъ черная полоса, а на шеѣ замѣтна желтая полоса; нижняя часть тѣла одноцвѣтно-желтая. Взрослые экземпляры достигаютъ 2,2 м. длины.

Хотя полосатый варанъ встрѣчается главнымъ образомъ на Зондскихъ, Филиппинскихъ и Моллукскихъ островахъ, но его находятъ также въ Остѣ Индіи, Цейлонѣ, Сіамѣ и Китаѣ. Канторъ находилъ его на полуостровѣ Малаккѣ очень часто какъ въ холмистыхъ мѣстностяхъ, такъ и на равнинахъ. Днемъ онъ обыкновенно держится на вѣтвяхъ большихъ деревьевъ, которыя растутъ на берегахъ рѣкъ и ручьевъ; здѣсь онъ караулитъ птичекъ и маленькихъ ящерицъ и грабятъ гнѣзда, если же его испугать, то онъ тотчасъ же прыгаетъ въ воду, даже съ значительной вышины. Если условія мѣстности ему благопріятствуютъ, то онъ поселяется вблизи человѣческихъ жилищъ и даже за оградой ихъ и тогда дѣлается очень опаснымъ хищникомъ для домашнихъ птицъ. Мартенсъ, напимѣръ, узналъ отъ одного европейскаго плантатора, живущаго недалеко отъ Манилы, что у него подъ домомъ живетъ «крокодилъ» и ночью выходитъ, чтобы таскать куръ, при чемъ Мартенсъ былъ увѣренъ, что этотъ «крокодилъ» былъ никто иной, какъ варанъ. Хотя полосатый варанъ выказываетъ большую смѣлость при своихъ хищническихъ набѣгахъ и безсовѣстно воруетъ и грабитъ вблизи человѣческихъ жилищъ, однако

Л. ИТ. ШТАДЛЕРЪ И ПАТТИНОТЪ С. П. Б.

ПОЛОСАТЫЙ ВАРАНЪ.

онъ боязливо избѣгаетъ преслѣдованія человѣка. Если его застать на ровной мѣстности, то онъ, по словамъ Кантора, какъ можно скорѣе убѣгаетъ и старается по возможности спастись въ воду, но быстрота его бѣга не настолько значительна, чтобы проворный человѣкъ не могъ его догнать. Если его схватить, то онъ храбро защищается зубами и когтями и наноситъ также сильные удары своимъ хвостомъ.

Туземцы низшихъ кастъ овладѣваютъ этимъ вараномъ, вырывая его изъ норъ, и ѣдятъ мясо этой добычи съ большимъ удовольствіемъ. Но эта ящерица играетъ еще болѣе важную роль у индусовъ при приготовленіи смертельныхъ ядовъ, которые сингалезцы и до сихъ норъ часто употребляютъ въ дѣло. По словамъ Теннета, для приготовленія самаго страшнаго сложнаго яда, называемаго «Карабатель», служатъ змѣи, именно: очковая змѣя (*Naja tripudians*) тикполонга (*Vipera russelli*) и каравилля (*Ancistrodon hypnale*), которымъ дѣлаютъ надрѣзы на головѣ, а затѣмъ вѣшаютъ надъ сосудомъ, думая такимъ образомъ собрать ихъ ядъ. Этимъ способомъ собранная кровь смѣшивается съ мышьякомъ и другими ядовитыми снадобьями, а затѣмъ, при помощи кабарагой, варится въ человѣческомъ черепѣ. При этомъ вараны должны играть роль таинственныхъ животныхъ, которыми пользуются наши сказочныя вѣдьмы при своихъ колдовствахъ. Варановъ крѣпко привязываютъ передъ огнемъ съ трехъ сторонъ, такъ что головы ихъ обращены къ огню; ихъ сильно бьютъ и мучаютъ, отчего они шишатъ и какъ будто раздуваютъ огонь. Слюну, которая у нихъ вытекаетъ изъ рта при этихъ мученіяхъ, старательно собираютъ и прибавляютъ къ вышеназванному вареву, которое считается готовымъ, когда на поверхности его покажется маслянистая жидкость. Само собой разумѣется, что настоящимъ сильно дѣйствующимъ средствомъ здѣсь является мышьякъ, но безвредная кабарагой, вслѣдствіе шарлатанства знахарей, пользуется въ тѣхъ странахъ такую дурною славою, что всѣ и нынѣ до смѣшного ее боятся. Точно такъ, какъ и нильскій варанъ, полосатый на Цейлонѣ держится преимущественно около воды и туда спасается при всякой опасности; при высыханіи рѣкъ онъ иногда принужденъ предпринимать странствованія по землѣ и при этомъ случается, что онъ появляется около жилищъ сингалезцевъ и даже пробѣгаетъ по двору. Это считается очень дурнымъ предзнаменованіемъ; туземцы тогда ожидаютъ болѣзней, смерти или другого несчастія и отираются къ знахарямъ, чтобы предотвратить по возможности послѣдствія этой бѣды. Послѣдніе являются, заставляють довѣрчиваго туземца порядочно заплатить за это, входятъ на дворъ, гдѣ появилась кабарагой и начинаютъ пѣть; пѣніе это состоитъ изъ немногихъ словъ, обозначающихъ, что отвынѣ всѣ дурныя послѣдствія посѣщенія кабарагой уничтожены

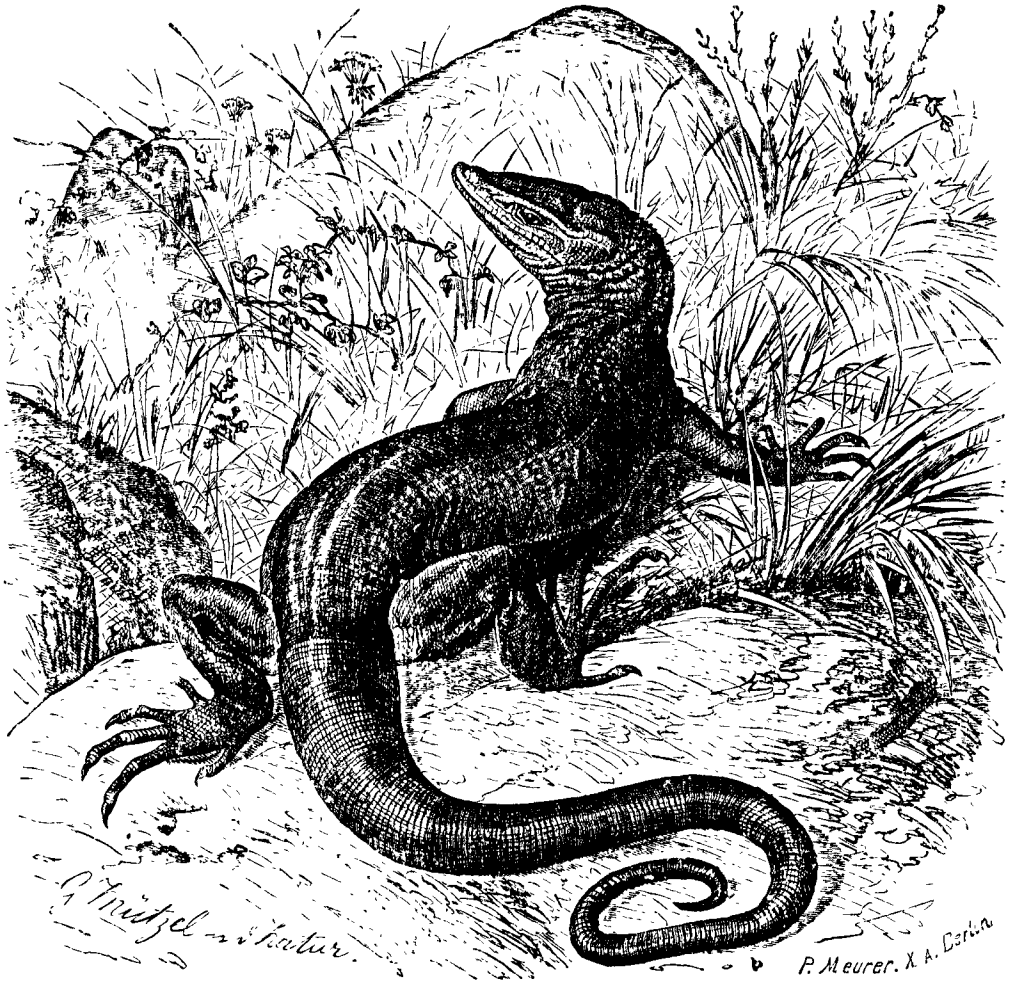
* *
*

Уже Геродотъ рассказываетъ про «земного крокодила», который живетъ въ области Либійскихъ кочевыхъ пастушескихъ народовъ и похожъ на ящерицу; Просперъ Альпинъ считаетъ это животное за *Scincus* древнихъ, о которомъ говорили, что онъ питается пряными травами, особенно любитъ полынь и потому самъ пріобрѣтаетъ цѣлебныя свойства, между тѣмъ, какъ теперь подъ именемъ скинка мы разумѣемъ другое животное. Этотъ земной крокодиаль теперь носитъ научное названіе **Сѣраго варана** (*Varanus griseus*, *Psammosaurus scincus*, *griseus*, *Tupinambis arenarius*, *griseus*, *Varanus arenarius*, *scincus*, *Monitor scincus*, *Wüstenwaran*, *Monitor gris*), который отличается отъ другихъ варановъ главнымъ образомъ круглымъ хвостомъ безъ гребня; ноздри у него щелевидныя, косо поставленныя, а передніе зубы маленькіе и широкіе. Верхняя сторона тѣла имѣетъ сѣровато-желтый цвѣтъ съ бурыми поперечными полосами по спинѣ и хвосту; такія же бурыя

полоски замѣтны и на затылкѣ, а нижняя сторона тѣла одноцвѣтно-песчано-желтая. Животное это достигаетъ 1,3 м. длины.

Сѣрый варанъ живетъ только въ самыхъ сухихъ мѣстностяхъ сѣверной Африки и юго-западной Азии, особенно въ пустыняхъ. Въ Азии онъ встрѣчается во всей западной части ея, отъ Каспійскаго моря до сѣверо-западной Индіи, а на юго-западъ—до Палестины и Аравіи. Онъ здѣсь держится точно такъ, какъ и его

Сѣрый варанъ. *Varanus griseus*. $\frac{1}{10}$ наст. вел.

южно-африканскій родичъ, на каменистыхъ мѣстахъ, но иногда охотится и въ песчаныхъ мѣстностяхъ между скалами. Арабы по справедливости его боятся, такъ какъ онъ смѣлѣе и злѣе всѣхъ другихъ ящерицъ этой страны; если его испугнуть на открытомъ мѣстѣ, то онъ тотчасъ же готовится къ защитѣ, прыгаетъ на 1 м. высоты съ помощью своего сильнаго хвоста и бросается челювѣку въ лицо или на грудь, а крупнымъ животнымъ на брюхо, вцѣпляется и наноситъ сильныя раны верблюдамъ, лошадямъ и осламъ, отчего тѣ пугаются и бѣшено несутся по пустынѣ. Пища его состоитъ изъ различныхъ мелкихъ животныхъ. Ваглеръ нашелъ въ желудкѣ сѣраго варана, котораго онъ анатомировалъ,

кромѣ двухъ кремней, величиною съ каленый орѣхъ, 11—12 штукъ цѣльной сарапчи, два яйца какой-то куриной птицы и хорошо сохранившагося скорпіона, величиной въ палець. Арабы увѣряютъ, что животное это охотится преимущественно на маленькихъ ящерицъ и змѣй, но умѣетъ схватывать тушканчиковъ и птицъ и въ особенности любитъ грабить птичьи гнѣзда.

Вальтеръ, который познакомился съ этимъ видомъ въ Закаспійской области, говоритъ, что этотъ варанъ тамъ встрѣчается часто и держится по преимуществу въ настоящихъ песчаныхъ пустыняхъ, а въ такъ называемой голодной степи его видишь рѣдко и только недалеко отъ песчаныхъ мѣстъ. «Въ видѣ исключенія онъ живетъ на тѣхъ мѣстахъ въ степяхъ, которыя находятся вблизи высохшихъ потоковъ и отличаются тѣмъ, что здѣсь много овраговъ, щелей въ камняхъ и пещеръ въ землѣ, напримѣръ около Атрека, гдѣ онъ живетъ въ довольно большомъ числѣ. На горы сѣрый варанъ никогда не поднимается. Отъ запада на востокъ Закаспійской области онъ болѣе обыкновененъ въ пескѣ, особенно на дюнахъ, заросшихъ саксауломъ, въ восточной части Мервскаго оазиса. Въ верхнемъ теченіи Мургаба и около Кушка его также часто встрѣчаютъ. Этотъ видъ на пищу неприхотливъ и ѣстъ всякія животныя вещества, которыя ему попадаются».

Изъ трехъ экземпляровъ, желудокъ которыхъ былъ изслѣдованъ Вальтеромъ, онъ нашелъ въ одномъ ящерицу (*Eumeces schneideri*), въ другомъ остатки большого таракана, скорпіона, кузнечика и куски птичьяго яйца и, наконецъ, въ третьемъ были найдены одна или двѣ пригоршни гусеницъ *Deilephila livornica* и *alecto*— «послѣдніе представляли особенно грустное зрѣлище для страстнаго охотника за бабочками!» Зарудный-же находилъ въ желудкѣ сѣраго варана ящерицъ агамъ и очень часто дѣтенышей собственнаго вида.

На базарѣ въ Каирѣ можно часто видѣть заклинателя змѣй, который показываетъ горожанамъ связаннаго сѣраго варана, какъ животное, совершенно имъ неизвѣстное; онъ многословно рассказываетъ своимъ слушателямъ всевозможныя басни про эту ящерицу, приписываетъ ей волшебныя качества, подкрѣпляетъ все это сильной жестикуляціей и такимъ образомъ зарабатываетъ себѣ пропитаніе. Само собою разумѣется, что хитрый шарлатанъ предварительно отпилил зубы варана и обезсилилъ его худымъ обращеніемъ; подобныя заклинатели змѣй, конечно, вовсе не думаютъ о хорошемъ содержаніи показываемыхъ ими животныхъ. Варана, точно такъ, какъ очковую змѣю и рогатую гадюку, сначала приводятъ въ безвредное состояніе отпиливаніемъ зубовъ и затѣмъ держатъ въ неволѣ до тѣхъ поръ, пока тѣ ее выдерживаютъ. Помѣщеніемъ для нихъ служитъ кожаный мѣшокъ или ящикъ, наполненный отрубями, откуда ихъ вынимаютъ, когда начинается представленіе. Животныя эти не получаютъ ни ѣды, ни питья, такъ какъ заклинатель считаетъ болѣе удобнымъ изловить себѣ новыхъ животныхъ и ихъ дрессировать, тѣмъ уменьшить свой приходъ тратою на мясо или другой кормъ. Относительно сѣраго варана заклинатели въ нѣкоторомъ отношеніи правы, такъ какъ эти ящерицы очень рѣдко добровольно ѣдятъ въ неволѣ и имъ приходится силою впикивать кормъ въ пасть, при чемъ онѣ часто ранятъ своего воспитателя. Въ глазахъ бедуиновъ сѣрый варанъ считается, какъ и другія большія ящерицы, за дичь, за которой стоитъ охотиться, такъ какъ мясо ея довольно вкусно.

Капсій варанъ (*Varanus albigularis*, *Tupinambis*, *Monitor* и *Pachisaurus albigularis*, *Karwaran*, *Monitor du cap*), который живетъ въ южной и югозападной Африкѣ, а въ новѣйшее время былъ найденъ Шенкомъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ югозападной Африки, отличается отъ предыдущихъ короткимъ туловищемъ, ко-

роткой мордой, лишь слегка сжатымъ съ боковъ хвостомъ, съ двойнымъ гребнемъ на верхнемъ краѣ и короткими пальцами съ очень большими когтями; у него кромѣ того туловище покрыто маленькими чешуями, и ноздри, имѣющія видъ ко-со поставленныхъ щелей, расположены очень близко отъ глазъ. Животное это, вполнѣ выросши, достигаетъ не болѣе 1,3 м. длины, имѣетъ сѣро-бурую окраску съ желтыми полосками и пятнами; нижняя сторона тѣла свѣтлѣе, горло желтовато-бѣлое, а на хвостѣ замѣчаются бурья и желтыя колечки.

Каспій варанъ. *Varanus albigularis*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

Смитъ первый доставилъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ образѣ жизни каскаго варана; Дюмериль и Бибронъ даже не знали, гдѣ онъ живетъ. Смитъ нашелъ его на сѣверѣ Каспской земли, на крутыхъ утесахъ или низкихъ каменныхъ холмахъ, въ щели которыхъ онъ въ случаѣ опасности прячется. Если онъ не можетъ спастись, то онъ такъ сильно прицѣпляется къ камнямъ или скаламъ, что его можно оторвать только съ большими усилиями. Взрослое животное, говорятъ, не можетъ быть оторвано однимъ человекомъ даже въ томъ случаѣ, если ему привязать къ задней ногѣ толстую бичевку. «Я видѣлъ», говоритъ Смитъ, «что только двумя людямъ удалось оторвать взрослого каскаго варана, но когда это

наконецъ удалось, то люди эти должны были бѣжать, такъ какъ животное мгновенно и яростно на нихъ бросилось, угрожая имъ своими страшными зубами. Когда этого варана убили, то замѣтили, что онъ обломать себѣ кончики всѣхъ ногтей, стараясь крѣпче прицѣпиться».

Пища капскаго варана состоитъ изъ насѣкомыхъ, раковъ, лягушекъ, маленькихъ млекопитающихъ и тому подобныхъ животныхъ, за которыми онъ охотится днемъ. Его нерѣдко встрѣчаютъ вблизи рѣкъ, и туземцы поэтому считаютъ ихъ священными животными, думая, что смерть ихъ поведетъ за собою уменьшеніе количества воды. Голландскіе боэры очень боятся этой ящерицы, не потому, что она злобна и имѣетъ довольно страшные зубы, а потому, что они считаютъ ее ядовитою; вслѣдствіе этого боэры называютъ ее Adder (гадюка).

Въ Америкѣ настоящія ящерицы и вараны замѣняются **Американскими варанами** (Teiidae. Schienenechsen). Они по величинѣ отчасти походятъ на своихъ родичей Старога Свѣта, сходны съ ними и по строенію тѣла, но значительно отличаются отъ нихъ по устройству черепа, зубами и кожнымъ покровомъ. Зубы ихъ прикрѣплены по краямъ челюстей, никогда не бываютъ пустыми и наклонены нѣсколько впередъ. Чешуйки похожи на чешуи ящерицъ, на головѣ онѣ превращаются въ щитки, которые не срастаются съ черепными костями, на животѣ и хвостѣ чешуйки расположены поперечными рядами. У большинства ихъ замѣчаются двѣ поперечныя складки кожи на горлѣ; у многихъ на бедрахъ находятся железистыя поры. Языкъ длинный, на концѣ съ двумя остріями и покрытъ чешуйками, расположенными черепицеобразно или косыми складками кожи; языкъ этотъ нерѣдко можетъ прятаться въ особый чехоль. Барабанная перепонка замѣтна; на глазахъ есть вѣки, а височная полость открыта, т. е. не прикрыта костью. По внѣшнему виду высшіе представители этого семейства похожи на нашихъ ящерицъ, другіе нѣсколько напоминаютъ гологлазовъ (Ablephagus), у иныхъ же замѣчаются только 4 пальца на конечностяхъ. Наконецъ встрѣчаются такіе виды, у которыхъ конечности совсѣмъ недоразвиты или заднихъ конечностей снаружи вовсе невидно; послѣдніе напоминаютъ по своему внѣшнему виду двуходокъ.

Въ семействѣ этомъ насчитывается 35 родовъ съ 110 видами, которые всѣ живутъ въ теплыхъ странахъ Америки, при чемъ самые крупные виды, само собою разумѣется, встрѣчаются подъ тропиками. Нѣкоторые изъ нихъ живутъ только на жаркихъ песчаныхъ равнинахъ, другіе въ высокой травѣ луговъ, третьи въ лѣсахъ, а иные ведутъ полуподземную жизнь. Убѣжищами имъ служатъ естественныя или ими самими вырытыя углубленія въ почвѣ, куда они постоянно прячутся отъ опасности. По образу жизни эти ящерицы отчасти напоминаютъ варановъ или мелкихъ ящерицъ, нѣкоторыя же — сцинковъ и двуходокъ. Онѣ очень живы и быстры, а крупные виды представляютъ изъ себя большихъ хищниковъ, которые ловятъ не только насѣкомыхъ, червей и улитокъ, но даже мелкихъ позвоночныхъ животныхъ; поэтому нѣкоторые изъ нихъ должны быть причислены къ вреднымъ животнымъ. Отъ человѣка и большихъ животныхъ онѣ бѣгутъ, но если онѣ поставлены въ безвыходное положеніе, то смѣло защищаются отъ противника и даже пугаютъ большихъ собакъ. Яйца ихъ кладутся въ дуплахъ деревьевъ. Нѣкоторые виды, особенно крупные, считаются вкусною дичью и за ними кое-гдѣ правильно охотятся; болѣе мелкихъ люди не беспокоятъ.

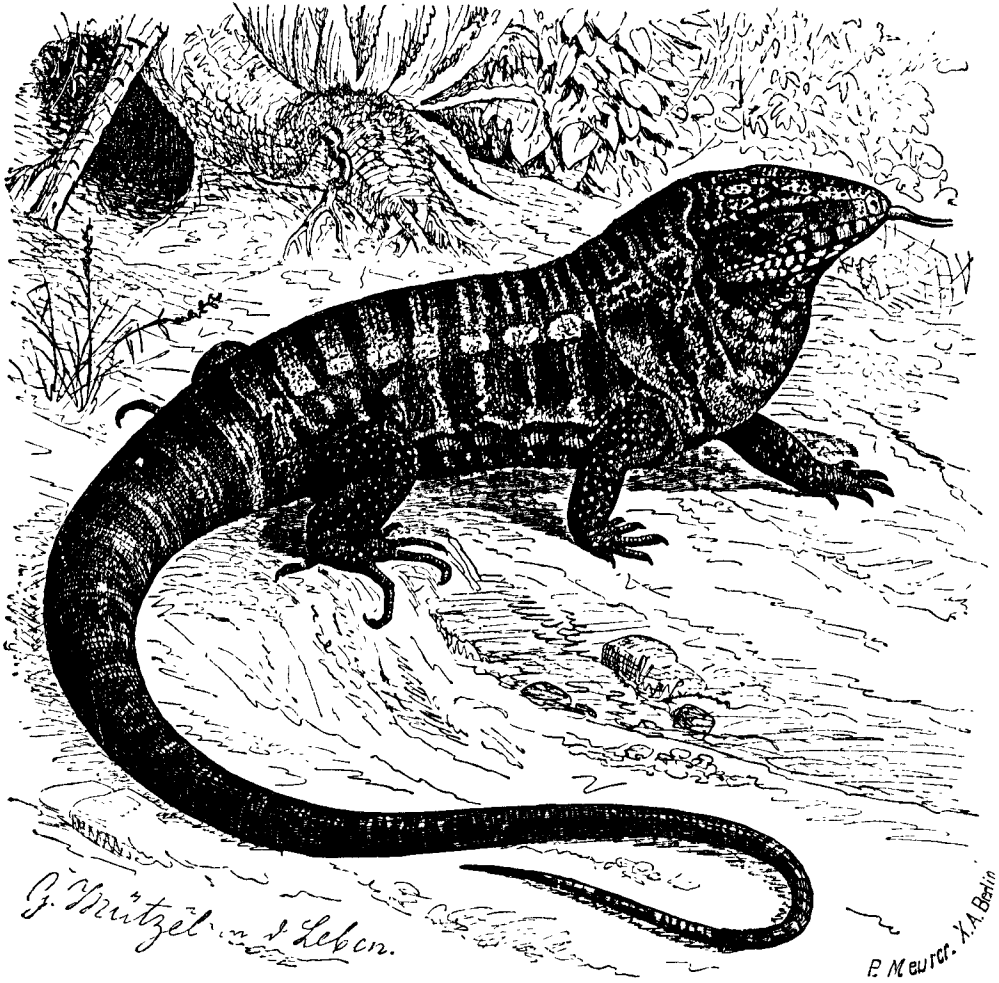
Ящерицы тейю (*Tupinambis*) отличаются у основанія круглымъ, а начиная съ середины, вѣсколько сжатымъ съ боковъ хвостомъ, кожа на шеѣ у нихъ складчатая, спина покрыта мелкими одинаковыми чешуйками, брюшные щитки четырехугольные и расположены болѣе, чѣмъ въ 20 продольныхъ рядовъ, на шеѣ зубовъ нѣтъ, передніе зубы съ 2-мя или 3-мя выемками, коренные зубы у молодыхъ трехкопечные, а у старыхъ бугорчатые, языкъ можетъ быть спрятанъ въ находящейся у основанія его чехоль.

Самый извѣстный изъ трехъ видовъ это рода называется въ Гвианѣ **Саломпентеръ** (*Tupinambis teguixin*, *Lacerta teguixin* и *monitor*, *Seps marmoratus*, *Monitor meriani*, *teguixin*, *Tupinambis* и *Tejus monitor*, *Podinema teguixin*, *Salompenter*, *Sauve-garde d'Amérique*). Это большая ящерица 92 см. длины, изъ которыхъ $\frac{1}{3}$ занимаетъ хвостъ. Она довольно пестрая: основной цвѣтъ ея буровато-черный, нѣсколько впадающій въ синеватый, на затылкѣ замѣтны бѣловато-желтыя, а по сторонамъ шеи и головы бѣловатыя пятна, расположенныя рядами, на спиѣ находятся 9—10 поперечныхъ полосъ, состоящихъ изъ круглыхъ желтыхъ пятенъ, хвостъ покрытъ неправильно расположенными желтыми пятнами, изъ которыхъ нѣкоторыя образуютъ ряды; на наружной сторонѣ ногъ замѣчаются желтоватыя точки, а нижнія части ихъ желтовато-красныя съ разорванными поперечными черными полосками: на горлѣ и нижней части шеи находятся желтыя полоски, окаймленныя чернымъ. Головные щиты также окаймлены черными полосками.

Тейю береговыхъ индѣйцевъ или **Лагардо** португальцевъ распространена по большей части Южной Америки отъ Гвианы до Уругвая; она живетъ также въ Вестъ-Индіи и въ большинствѣ мѣстностей, повидимому, очень обыкновенна, но чаще встрѣчается на берегу, чѣмъ внутри страны. Въ населенныхъ странахъ саломпентеръ, по словамъ Шомбургка, держится больше всего на сахарныхъ плантаціяхъ и въ соседнихъ съ ними лѣсахъ; въ Бразиліи же, по указаніямъ принца фонъ-Видъ, онъ предпочитаетъ сухія песчаныя и глинистыя мѣстности, а также кусты, опушки лѣсовъ и даже большіе первобытные лѣса внутри страны. Прежніе писатели говорили, что это животное охотно ходитъ въ воду, но принцъ фонъ-Видъ считаетъ это мало вѣроятнымъ: «хотя мы часто видали саломпентера около воды и тамъ охотились за нимъ, однако я никогда не замѣчалъ его въ водѣ; индѣйцы и ботокуды также меня увѣрили, что эта ящерица живетъ только на сушѣ и никогда въ воду не ходитъ». Она живетъ въ норѣ, которую выкапываетъ себѣ подъ корнями деревьевъ и снабжаетъ очень широкимъ отверстиемъ; въ эту нору она прячется, если ее преслѣдуютъ или если она испугана чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ. Саломпентеръ очень сильное и проворное, но боязливое животное, которое рѣдко дозволяетъ, особенно въ населенныхъ мѣстностяхъ, близко подойти къ себѣ, но въ случаѣ нужды оно храбро защищается, кусается очень сильно, такъ что прокусываетъ даже толстыя сапоги и бьетъ нападающихъ на него собакъ своимъ сильнымъ мускулистымъ хвостомъ. Въ спокойномъ состояніи саломпентеръ высоко приподнимаетъ голову и потому получаетъ своеобразный, но неприятный видъ, при чемъ выраженіе его головы еще болѣе усиливается огненнымъ взглядомъ его глазъ; онъ бѣгаетъ съ быстротою стрѣлы и въ прямомъ направленіи, при чемъ хвостъ его извивается за нимъ на подобіе змѣи. Языкъ находится въ постоянномъ движеніи и выбрасывается изъ рта даже тогда, когда это вовсе и не нужно. Принцъ фонъ-Видъ никогда не слыхалъ голоса саломпентера и назы-

васть баснями прежнее предположеніе, что онъ предупреждаетъ другихъ животныхъ, если приближается какой-либо хищникъ.

Пища саломпентера состоитъ изъ маленькихъ живыхъ животныхъ, напримѣръ мышей, лягушекъ, червей, насѣкомыхъ, а также изъ яицъ и другихъ животныхъ веществъ. Принцъ фонъ-Видъ нашелъ въ желудкѣ убитаго имъ тейю остатки мышей и насѣкомыхъ и узналъ, что онъ, говорятъ, похищаетъ цыплятъ на птичь-

Саломпентерь. *Tupinambis teguixin*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

ихъ дворахъ; Шомбургкъ и Гензель подтверждаютъ послѣднее и увѣряютъ, что его съ неудовольствіемъ видятъ около жилищъ, такъ какъ онъ не только съѣдаетъ яйца, но таскаетъ и цыплятъ. Туземцы Бразиліи увѣряютъ, что въ холодное время года тейю прячется въ свою нору, живетъ тамъ около 4 мѣсяцевъ, кормясь собранными плодами, и вылѣзаетъ оттуда примѣрно въ августъ; Гензель замѣтилъ, что около Рио-Грандо-де-Сулъ онъ зимою дѣйствительно прячется и показывается на открытыхъ мѣстахъ только въ случаѣ продолжительной теплой погоды. Такъ какъ замѣтили, что хвостъ его часто бываетъ отломанъ, а затѣмъ снова вырастаетъ, то сочинили басню, что саломпентерь зимою съѣдаетъ свой хвостъ, когда у него истощится запасъ плодовъ.

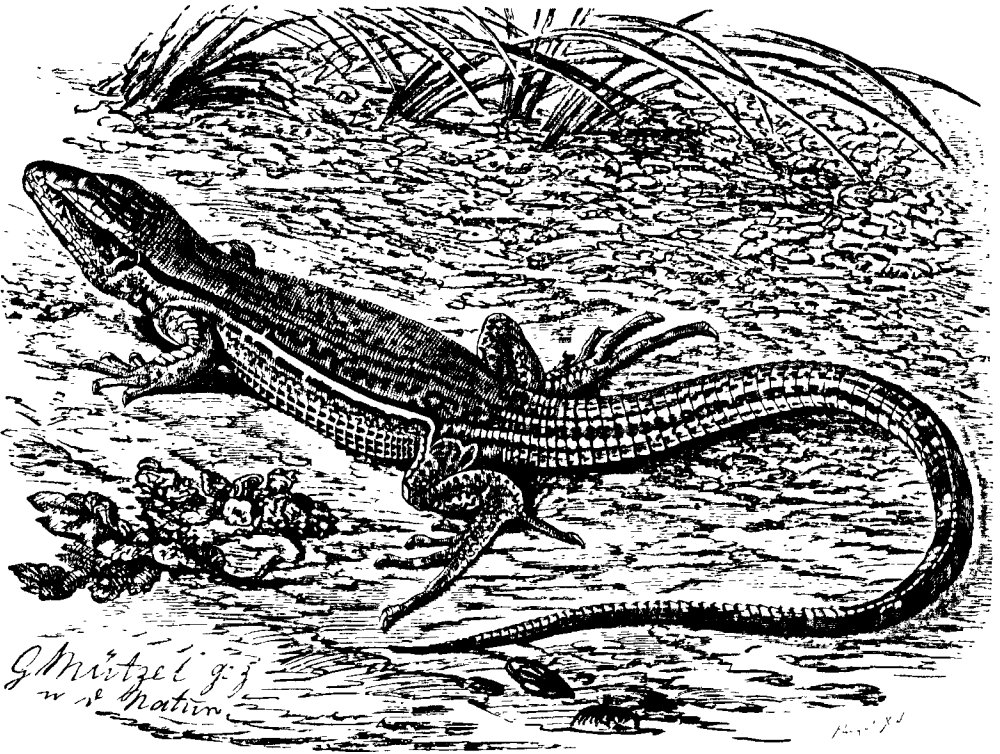
Шомбургкъ собралъ нѣсколько свѣдѣній о размноженіи этой ящерицы. «Я часто находилъ яйца», говоритъ онъ, «въ большихъ конусообразныхъ постройкахъ одного вида термитовъ, которые устраиваютъ свои гнѣзда не только въ лѣсахъ, но и на большихъ пняхъ около плантацій, при чемъ галлерей гнѣзда спускаются въ землю до 1 м. глубины. Саломпентеръ выкапываетъ эти гнѣзда, съѣдаетъ обитателей ихъ и кладетъ въ землю свои 50—60 яицъ; онъ расширяетъ входы въ гнѣздо, такъ что можетъ легко влѣзть даже во внутренности пня». Яйца имѣютъ, по Гензелю, очень крѣпкую скорлупу бѣлаго цвѣта и у крупныхъ старыхъ самокъ почти достигаютъ длины голубиныхъ яицъ, но они уже и притуплены на обоихъ концахъ.

Саломпентеръ принадлежитъ къ вреднымъ животнымъ, такъ какъ вслѣдствіе своей смѣлости и хищничеству приближается къ человѣческимъ жилищамъ и дѣлаетъ нападенія на птичники; его преслѣдуютъ уже по этой причинѣ, но еще болѣе изъ-за его вкуснаго мяса; охотой этой занимаются довольно усердно, отправляются въ лѣсъ съ собаками, особо для этого дрессированными, которыя отыскиваютъ ящерицу и загоняютъ ее въ нору, откуда ее вырываютъ и убиваютъ холоднымъ оружіемъ или изъ ружья дробью. Для этой охоты нужно имѣть довольно крупныхъ и хорошо дрессированныхъ собакъ, такъ какъ только такія и могутъ справиться съ взрослымъ тейю, а неопытныя большею частью пугаются сильныхъ ударовъ хвоста этой ящерицы и трусливо отступаютъ. Мясо тейю, если его хорошо приготовить, похоже на мясо цыплятъ; оно бѣлое, вкусное и потому очень высоко цѣнится. Его употребляютъ не только для ѣды, но и какъ лѣкарство противъ укушенія змѣй; особенно полезенъ для этого, говорятъ, жиръ.

Шомбургкъ держалъ нѣсколько мѣсяцевъ саломпентера въ клѣткѣ, но приучить его не могъ. «Это было злое животное», говоритъ онъ, «сильно кусалось и не могло отучиться отъ своей дикости. Онъ ѣлъ только мясо и такъ же часто пилъ, какъ ужи, такъ что каждый день ему приходилось давать воду». Я нѣсколько лѣтъ сряду держалъ у себя этихъ ящерицъ и могу въ главныхъ чертахъ подтвердить вышесказанное, долженъ однако прибавить, что въ концѣ концовъ въ известной степени привязался къ своимъ плѣнникамъ. Ихъ смѣлость и самоувѣренность мнѣ нравились. Если заботиться объ ихъ необходимыхъ нуждахъ, т. е. держать ихъ въ теплѣ и доставлять нужный кормъ, то они скоро привыкаютъ къ клѣткѣ, а до известной степени и къ воспитателю, однако не позволяютъ ему ничего такого, что имъ не нравится, а постоянно сохраняютъ свою самостоятельность и въ случаѣ нужды защищаютъ свое помѣщеніе и свой кормъ. Неловкое и недружелюбное обращеніе вызываетъ ихъ гнѣвъ: они тогда поднимаютъ голову выше обыкновеннаго, откидываютъ ее нѣсколько назадъ и смотрятъ на противника сверкающими глазами; тогда ихъ ничѣмъ не испугаешь, они скачутъ на врага даже на метръ вышины и такъ сильно кусаются, что человѣкъ долженъ нѣсколько недѣль сряду лѣчить укушенную руку или ногу. Относительно корма они довольно требовательны, такъ какъ ѣдятъ много. Имъ нужно втеченіе дня давать 100—200 граммовъ нежирнаго коровьяго или лошадинаго мяса, которое они съѣдаютъ большею частью заразъ и этого хватаетъ имъ не болѣе какъ на 24 часа. Съ другими экземплярами своего вида они уживаются довольно хорошо, хотя случается, что старый сердитый самецъ не терпитъ около себя другого и убиваетъ или сильно ранитъ болѣе слабого. Въ большихъ хорошо протопленныхъ и подвѣренныхъ лучамъ солнца помѣщеніяхъ ящерицы эти даже приступаютъ къ размноженію; онѣ кладутъ яйца перѣдко и въ тѣсной клѣткѣ, но, сколько мнѣ известно, изъ этихъ яицъ никогда еще не вылуплялись дѣтеныши.

Амейвы (*Ameiva*) отличаются слѣдующими признаками: хвостъ у нихъ круглый безъ гребня, на брюшкѣ расположено менѣе 20 продольныхъ рядовъ гладкихъ щитковъ, зубы маленькіе, конусообразные, сжаты съ боковъ и имѣютъ коронку съ двумя или тремя остріями. Языкъ прячется въ чехоль. Онѣ въ средней и Южной Америкѣ замѣняютъ нашихъ обыкновенныхъ ящерицъ, въ главныхъ чертахъ похожи на нихъ по образу жизни и ихъ въ Бразиліи называютъ ящерицами.

Самый обыкновенный изъ 19-ти извѣстныхъ видовъ есть Амейва суринамская (*Ameiva surinamensis*, *Lacerta graphica*, *litterata*, *gutturosa*, *Seps surinamensis*,

Амейва. *Ameiva surinamensis*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

Tejus ameiva, *lateristriga*, *tritaeniatus*, *Ameiva lateristriga*, *vulgaris*, *Chemidrophus praesignis*), ящерица отъ 38—53 см. длины, изъ которыхъ 25—36 см. занимаетъ хвостъ. Спина у нея травянисто-зеленаго цвѣта, на бокахъ замѣчаются на землистомъ или буроватомъ фонѣ поперечныя полосы, состоящія изъ черныхъ и желтыхъ пятенъ. У молодыхъ животныхъ вмѣсто этого рисунка видна широкая черная продольная полоса со свѣтлыми каемками. На брюшкѣ находится 10—12 продольныхъ рядовъ щитковъ

Амейва встрѣчается во всей Южной Америкѣ и распространяется на сѣверъ до Шикарагвы; въ большинствѣ мѣстностей она очень обыкновенна, живетъ тамъ же, гдѣ тейю и похожа на нее по образу жизни, привычкамъ, пищѣ и размноженію: это, какъ говоритъ принцъ фонъ-Видъ, саломпентеръ въ уменьшенномъ масштабѣ. Она поселяется подъ кустами и сухими листьями, между камнями въ тре-

пещинахъ скаль, въ земляныхъ норахъ, подъ гнилыми деревьями, но всего охотнѣе на очень сухихъ и горячихъ песчаныхъ или глиняныхъ поверхностяхъ; въ Гвианѣ же часто живетъ въ садахъ, на плантаціяхъ и на открытыхъ лѣсныхъ прогалинахъ, доступныхъ лучамъ солнца. Въ воду она не ходитъ точно такъ, какъ и сальмонтеръ. Въ случаѣ опасности она какъ можно скорѣе бѣжитъ къ своей норкѣ, а если не можетъ спрятаться, то готовится къ защитѣ и больно кусается. Отъ человѣка она всегда убѣгаетъ, даже если ее и не преслѣдуютъ, такъ что натуралистъ, которы хочетъ ею завладѣть, долженъ употребить въ дѣло огнестрѣльное оружіе.

Для дополненія описанія образа жизни амейвы я считаю нужнымъ здѣсь привести въ извлеченіи свѣдѣнія, сообщаемыя Госсее о другомъ родственномъ видѣ, живущемъ на Ямайкѣ, именно объ **Ямайской Амейвѣ** (*Ameiva dorsalis*). Это одно изъ наиболѣе обыкновенныхъ пресмыкающихся острова; ящерица эта встрѣчается въ большомъ числѣ и очень красива. Окраска ея бросается въ глаза, но не отличается великолѣпнѣмъ цвѣтовъ, а мордочка ея имѣетъ кроткое выраженіе, нѣсколько похожее на выраженіе морды оленя или антилопы. Всѣ ея движенія граціозны и проворны. Когда она двигается на свободѣ, то туловище ея извивается красивыми изгибами, а если ее испугать, то она бѣжитъ такъ необыкновенно быстро, что въ буквальномъ смыслѣ кажется, что она летитъ, и наблюдателю представляется, что онъ видитъ передъ собой птицу.

Хотя эта амейва встрѣчается на всемъ островѣ, но предпочитаетъ песчаныя мѣста и потому чаще всего ее можно видѣть вблизи морского берега. Здѣсь накопляются большія кучи сухихъ листьевъ и травы, свесенныхъ сюда вѣтромъ и волнами, и въ нихъ постоянно слышишь шуршанье этой проворной ящерицы. Она обыкновенно очень боязлива, но если наблюдатель стоитъ совершенно спокойно и безъ движенія, то она нисколько не смущается его присутствіемъ, бѣгаетъ очень близко отъ него, какъ птичка собираетъ кормъ въ пескѣ, шаритъ въ листьяхъ, какъ курица, скребя почву то одной, то другой ногой, по временамъ останавливается и чешетъ себѣ голову задней ногой, а затѣмъ продолжаетъ снова бѣгать по прежнему. Госсее говорили, что она сама себѣ вырываетъ норки и иногда во время проростанія хлѣба этимъ сильно вредитъ, при чемъ даже съѣдаетъ проросшія зерна. Вышеупомянутый натуралистъ однако въ желудкѣ изслѣдованныхъ имъ амейвъ находилъ только остатки различныхъ насѣкомыхъ и кое-когда сѣмена нѣкоторыхъ ягодъ.

Амейва никогда не лазаетъ на деревья, а также не ходитъ въ воду. Хотя она и можетъ лазать по почти отвѣснымъ стѣнамъ, но дѣлаетъ это рѣдко, только въ видѣ исключенія; если ее бросить въ воду, то она очень хорошо плыветъ безъ помощи ногъ, только, замѣобразными извивами тѣла, но скоро устаетъ при этомъ и совершенно выбивается изъ силъ. Въ тѣлѣ самокъ Госсее находилъ 4 яйца, а изъ норокъ амейвы ему приносили также яйца, имѣвшія около 2 см. длины и правильную овальную форму; они были покрыты тонкой и упругой скорлупой бѣлаго цвѣта.

Двуходковые (*Amphisbaenidae*) образуютъ семейство, всѣ роды котораго ведутъ отчасти подземную жизнь; этимъ они сходны съ ящерицами теію, у которыхъ конечности часто недоразвиты и которыя также живутъ часто подъ землей.

Внѣшній видъ двуходковыхъ совѣмъ напоминаетъ червей: туловище у нихъ цилиндрическое, длинное, вездѣ одинаково толстое и вмѣсто чешуй покрыто твердой

и довольно толстой кожей, которая раздѣлена на множество маленькихъ удлиненно четырехугольныхъ щитковъ кольцеобразными бороздками и углубленными продольными линиями. Между этими четырехугольными щитками изрѣдка замѣчаются многоугольные щитки, но на головѣ находятся всегда большіе кожистые щитки. Одинъ видъ отличается присутствіемъ переднихъ конечностей, у другихъ подъ кожей находятъ только слѣды ключицъ и лопатокъ, а также таза. Хвостъ у всѣхъ видовъ короткій и толстый. Вышшняго уха нѣтъ ни у одного вида; глаза лишены нѣкъ и очень несовершенны; они видѣются лишь какъ темныя точки подъ кожей, которая ихъ покрываетъ, и расположены на верхней части головы; ноздри находятся обыкновенно около конца морды.

При анатомированіи двуходковыхъ оказывается, что онѣ отличаются отъ прочихъ ящерицъ слѣдующими признаками: черепъ по формѣ очень разнообразенъ, обыкновенно удлиненъ, въ серединѣ съ выемкой, надъ мордой выпуклый и нѣсколько похожъ на черепъ хищнаго млекопитающаго тѣмъ, что на темени находится большой костяной гребень, а на затылкѣ проходитъ острый костяной выступъ. Массивная и сзади очень высокая нижняя челюсть, которая, впрочемъ, бываетъ различнаго строенія, по длинѣ едва равняется половинѣ всего черепа. Глазныя впадины не имѣютъ между собой стѣнки, и также соединяются съ височною полостью; по сторонамъ головы нѣтъ костяныхъ дугъ, а межчелюстная кость цѣльная и не раздѣлена на двѣ части. Нѣкоторыя двуходковыя имѣютъ грудную кость, у другихъ она въ совершенно зачаточномъ состояніи, между тѣмъ какъ у всѣхъ другихъ ящерицъ, какъ извѣстно, она существуетъ. На челюстяхъ замѣчается небольшое количество крупныхъ зубовъ, которые доходятъ, однако, какъ замѣчаетъ Ваглеръ, лишь до передняго угла глазъ, что, впрочемъ, замѣчается и у другихъ ящерицъ; у всѣхъ извѣстныхъ видовъ нѣтъ зубовъ на крыловидныхъ костяхъ. Языкъ короткій, широкій и плоскій, спереди съ двумя остриями и у основанія безъ чехла. У двуходковыхъ, какъ у змѣй, развито лишь одно легкое и дыхательное горло очень удлинено. Эти ящерицы отличаются отъ змѣй тѣмъ, что онѣ не могутъ расширять въ стороны ни верхней, ни нижней челюсти, такъ какъ обѣ половинки нижней челюсти и личныя кости соединены швами. Кромѣ того онѣ отличаются еще отъ змѣй строеніемъ зубовъ и языка.

Двуходковыя всѣ безъ исключенія ведутъ отчасти подземную жизнь и въ большинствѣ случаевъ живутъ въ гнѣздахъ термитовъ. Онѣ роютъ въ сырой землѣ узкіе ходы своею мордою, имѣющей иногда продольное, иногда поперечное твердое остріе; въ этихъ ходахъ онѣ, какъ кроты, могутъ легко двигаться какъ впередъ, такъ и назадъ. На поверхности земли онѣ ползаютъ по прямой линіи впередъ, образуя вертикальные, а не горизонтальные изгибы. Хвостъ многихъ видовъ можетъ служить для схватыванья. Онѣ питаются маленькими насѣкомыми, напримѣръ муравьями и термитами, а также червями. Извѣстно, что родъ *Aporos* кладетъ цилиндрическія яйца, имѣющія 35 мм. длины и 10 мм. ширины; яйца эти кладутся въ муравьиныя гнѣзда.

Нынѣ извѣстно 11 родовъ и 66 видовъ двуходковыхъ, изъ которыхъ 39 видовъ живутъ въ Америкѣ; только два вида встрѣчаются сѣвернѣе тропика Пака; 4 вида живутъ въ Вестъ-Индіи. Изъ прочихъ видовъ 23 живутъ въ тропической Африкѣ, а 4 въ странахъ, окружающихъ Средиземное море.

* * *

Родъ **Хиротовъ** (*Chirotes*. *Handwühle*.) отличается отъ всѣхъ прочихъ присутствіемъ переднихъ конечностей съ четырьмя мало развитыми пальцами, снаб-

женными однако когтями. По прочимъ признакамъ онъ почти ничѣмъ не отличается отъ рода *Amphisbaena*. На челюстяхъ сидятъ острые, неровные между собой по длинѣ зубы. У хиротовъ существуютъ ключицы, лопатки и грудная кость, но онѣ мало развиты. Отъ плечъ до задняго прохода тянется ясная боковая складка.

Единственный видъ этого рода **Хиротъ** (*Chirotes canaliculatus*, *Lacerta lumbricoides*, *mexicana*, *sulcata*, *Bipes canaliculatus*, *Chirotes lumbricoides*, *Chamaesaura*, *Chalcides* и *Bimanus propus*. *Handwühle*. *Bimane*.) живетъ въ Мексикѣ, Калифорніи и на рѣкѣ Платтѣ (притокъ Миссури). Онъ достигаетъ 20 см. длины, сверху буровато-мясного цвѣта, а снизу бѣловатый. На шеѣ и туловищѣ насчитываютъ 210—260 колець; на хвостѣ 36—37. Объ образѣ жизни его мы не имѣемъ пока никакихъ свѣдѣній.

* *

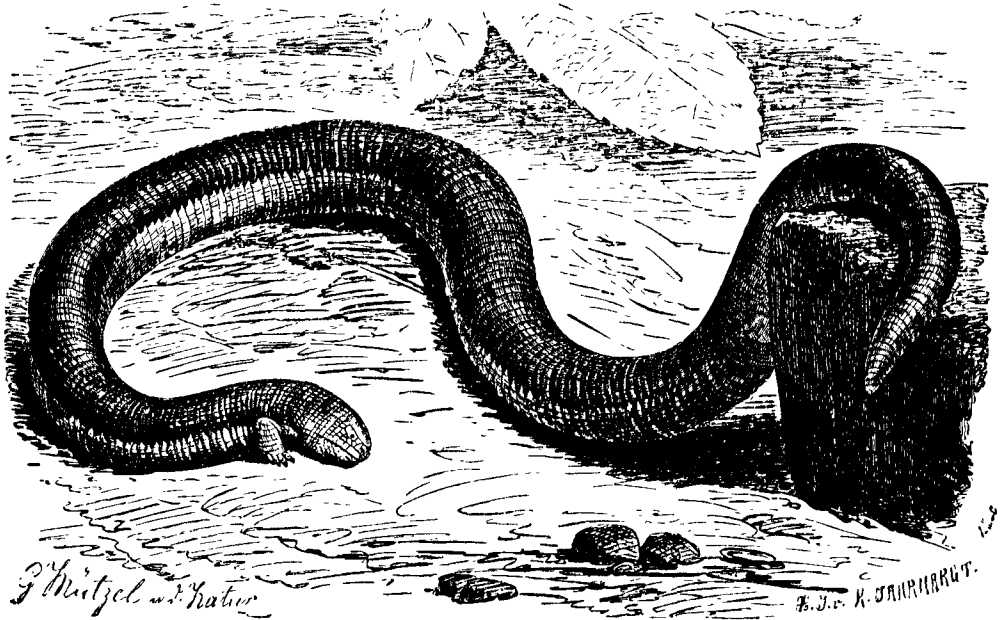
Двуходнами (*Amphisbaena*. *Doppelschleiche*.) называютъ нынѣ 27 видовъ, живущихъ въ тропической Америкѣ и Африкѣ. Онѣ имѣютъ червеобразное тѣло, округленную и слегка сбоку сжатую морду, толстый, тупой цилиндрической хвостъ и конусообразные, слегка загнутые зубы, присосшіе къ внутреннему краю челюстей. Только передняя часть головы до темени покрыта правильными большими щитками, образующими на концѣ морды еще болѣе крупный хоботной щитъ; задняя часть головы, туловище и хвостъ покрыты кожей, раздѣленной на узкія кожистыя или роговыя колечки, которыя въ свою очередь раздѣлены на маленькіе четырехугольные щитки. Поздри расположены по сторонамъ головы и окружены особымъ поздревымъ щиткомъ. На груди нѣтъ крупныхъ щитковъ. По сторонамъ тѣла отъ шеи до задняго прохода проходитъ боковая складка, которая у нѣкоторыхъ видовъ болѣе, у другихъ менѣе замѣтна; у нѣкоторыхъ видовъ посрединѣ спины проходитъ подобная же складка. Передъ заднимъ проходомъ замѣчается поперечный рядъ изъ 2—12 поръ.

Одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ видовъ рода, это—**Двуходна бѣлая, Ибияра** бразильцевъ (*Amphisbaena alba*, *rosea*, *flavescens*, *pachyura*. *Ibiyara*. *Amphisbène du Brésil*),—животное въ 52 см. длины, изъ которыхъ на голову приходится 2, а на хвостъ 5 см. Верхняя часть его тѣла блестящая желто-бурая, бока свѣтло-желтые, нижняя сторона желтовато-бѣлая, голова свѣтлѣе спины. На туловищѣ насчитывается 205—242 колець, а на хвостѣ 17—21. Свое научное названіе этотъ видъ получилъ по блѣднымъ экземплярамъ нашихъ музеевъ.

Двуходки, составляющія самый многочисленный родъ этого семейства, живутъ подъ землею и показываются на поверхности ея только ночью и во время пасмурной или дождливой погоды. Обыкновеннымъ ихъ мѣстопребываніемъ служатъ муравейники и постройки термитовъ, личинками которыхъ онѣ питаются. Въ Суринамѣ поэтому ихъ называютъ «муравьиными королями», а на рѣкѣ Амазонской—«матерями муравьевъ», тогда какъ въ остальной Америкѣ онѣ извѣстны подъ названіемъ «двуглавыхъ змѣй». Тамъ и сямъ во внутренности Южной Америки онѣ довольно обыкновенны; но ихъ странный образъ жизни, какъ легко понять, весьма затрудняетъ всякія наблюденія, такъ что до сихъ поръ не имѣется еще вѣрныхъ свѣдѣній относительно числа ихъ видовъ, нравовъ и привычекъ. Достоверно только то, что онѣ и посейчасъ представляютъ собою рѣдкое явленіе въ маленькихъ музеяхъ. Жители побережья Амазонской рѣки, равно какъ и другіе южно-американцы, полагаютъ, что ихъ воспитываютъ, вскармливаютъ и вообще

очень почитают муравьи. По их мнѣнію—когда двуходки покидают муравейникъ, то и муравьи пускаются бродить, разсѣваясь во всѣ стороны. По всей вѣроятности случается и обратное: двуходки слѣдуютъ за муравьями, когда тѣ бываютъ принуждены покинуть свою постройку.

«Весьма страннымъ кажется», замѣчаетъ Чуди, «наблюдаемое въ бытѣ странствующихъ муравьевъ явленіе, что они терпятъ внутри своихъ подземныхъ жилищъ такое значительное по величинѣ животное, какъ двуходку, тѣмъ болѣе, что они считаются злѣйшими врагами всѣхъ живыхъ существъ, и нападаютъ на каждое изъ нихъ, которое неосторожнымъ образомъ приблизится къ ихъ жилищу, своею численностью одолевая и убивая даже змѣй болѣе, чѣмъ въ метръ длины, и млекопитающихъ, величиною съ бѣлку. Какія основанія имѣются къ такому со-

Хиротъ. *Chirotus canaliculatus*. Наст. вел.

жителю, до сихъ поръ еще не указано. Но ясно, что какъ хозяйка, такъ и гости извлекаютъ изъ этого совместнаго жительства одинаковую пользу, иначе такое явленіе не было-бы такимъ общимъ и зауряднымъ. Впрочемъ, изъ этого не слѣдуетъ выводить, чтобы всякое гнѣздо странствующихъ муравьевъ обязательно содержало въ себѣ двуходку или чтобы всякая двуходка неизбѣжно жила въ муравьиной колоніи: мнѣ неразъ случалось доставать двуходокъ изъ неглубокихъ, повидимому ими самими выкопанныхъ норъ въ кофейныхъ плантаціяхъ. Насколько мнѣ извѣстно, эти животныя держатся преимущественно въ очень старыхъ муравейникахъ, либо въ большихъ кучахъ земли, нарытыхъ муравьями при ихъ постройкахъ, либо въ верхнихъ сырыхъ слояхъ, и, напротивъ, крайне рѣдко ихъ можно видѣть въ глубокихъ проходахъ. Здѣсь же двуходки кладутъ и свои яйца. При выкуриваніи муравейниковъ, что во всякомъ хозяйствѣ практикуется очень часто въ видѣ предохранительной мѣры противъ этого страшнаго врага—можно зачастую видѣть, какъ двуходка быстро обращается въ бѣгство, лишь только начнется дѣйствіе раздувательныхъ мѣховъ».

Движенія этого животнаго крайне своеобразны, а потому неудивительно, что во всей Южной Америкѣ распространилось мнѣніе, будто двуходки умѣютъ ползать и назадъ, и впередъ. «Тѣ, которыхъ я находилъ», говоритъ принцъ фонъ-Видъ, «чуть-чуть шевелились, если ихъ не толкали, и въ такомъ случаѣ движеніями своими вполнѣ напоминали дождевыхъ червей, что также можетъ служить доказательствомъ ихъ слабаго зрѣнія». Но насколько медленно онѣ ползаютъ, настолько же ловко рожются въ землѣ, причемъ существенную услугу оказываетъ имъ ихъ хоботной щитокъ.

Относительно размноженія этого вида мало еще опредѣленныхъ свѣдѣній. Въ противоположность Чуди, туземцы утверждаютъ, что двуходки рожаютъ прямо живыхъ дѣтенышей; но эти люди рассказываютъ про этихъ животныхъ такъ много чудеснаго, что, право, трудно отличить истину отъ басенъ. Въ глазахъ южно-американцевъ безобидныя двуходки считаются за крайне ядовитыхъ созданій, но въ то же самое время они приписываютъ имъ необыкновенно цѣлебныя свойства. Воз-

Двуходка пятнистая. *Amphisbaena fuliginosa*. 2,5 наст. вел.

можно, что способность возобновлять части тѣла, свойственная всѣмъ пресмыкающимся вообще, и можетъ быть двуходкамъ въ особенности, навела людей на мысль, что подобное существо должно оказывать хорошую услугу при пораненіяхъ; короче говоря, въ нихъ живетъ твердое убѣжденіе, что мясо двуходокъ, высушенное и истолченное въ порошокъ, оказываетъ самую дѣйствительную помощь при переломѣ костей, глубокихъ ранахъ, и т. п. Тѣмъ не менѣе не видно, чтобы этихъ животныхъ особенно ревностно преслѣдовали ради того, чтобы добыть отъ нихъ это чудесное цѣлебное вещество; и въ этомъ случаѣ дѣло ограничивается больше однимъ пустословіемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вполнѣ опасными врагами двуходки могутъ считать только другихъ же пресмыкающихся, именно, ядовитыхъ змѣй; онѣ становятся жертвами этихъ враговъ въ то время, какъ выходятъ ночью изъ своихъ подземныхъ жилищъ или, вслѣдствіе затопленія, бываютъ вынуждены покинуть защищающую ихъ почву. Батсъ вынулъ однажды вполнѣ сохранившійся экземпляръ изъ тѣла одной шарараки (*Trimesurus jagaraca*), которая сама была только немного болѣе проглоченной жертвы. Буланже также сообщаетъ объ одной двуходкѣ (*Lepidosternum*), проглоченной однимъ бразильскимъ аспидомъ (*Elaps*), но прорвавшей его тѣло. Отверстіе, изъ котораго торчала голова двуходки, находилось на разстояніи 7,5 см. отъ рыла змѣи. Оба животныхъ лишились жизни при этомъ случаѣ.

Второй видъ этого рода, распространенный въ тропической части Южной Америки и въ Вестъ-Индіи, это — **Двуходка пятнистая** (*Amphisbaena fuliginosa*, *flava*, *magnifica*, *varia*, *vulgaris*, *americana*. *Gefleckte Doppelschleiche*. *Amphisbène tachetée*), изображеніе которой мы и даемъ на нашемъ рисункѣ. Она отличается отъ предъидущаго вида тѣмъ, что каждое кольцо въ средней части тѣла имѣетъ менѣе 60 щитковъ и что у нея средніе брюшные щитки совершенно квадратные. Окраска ея также совсѣмъ иная. Ибіяра выглядитъ почти одноцвѣтною, этотъ же видъ чернаго цвѣта съ бѣлыми круглыми и четырехугольными пятнами съ поочереднымъ преобладаніемъ того или другого цвѣта. На туловищѣ насчитываютъ 193—217 колець, а на хвостъ 24—32. При длинѣ хвоста въ 5,5 см., эта двуходка достигаетъ общей длины въ 39 см.

Объ ея образѣ жизни намъ извѣстно еще такъ мало, что мы не можемъ отмѣтить никакого различія между нею и ибіярою.

Однимъ изъ немногихъ представителей этого семейства, находимыхъ до сихъ поръ въ восточномъ полушаріи, является **Двуходка бурая** (*Blanus cinereus*, *Amphisbaena cinerea*, *rufa*, *oxyura*, *Blanus rufus*. *Netzwühle*. *Amphisbène d'Europe*). Эта червеобразная двуходка имѣетъ 22 см. длины, сѣро-буроватую или бурокрасноватую окраску и ту особенность, что ноздри у нея помѣщаются на первомъ щиткѣ верхней губы. Лобъ покрытъ однимъ большимъ щиткомъ, а затылокъ—тремя парами четырехугольныхъ щитковъ. На туловищѣ насчитываютъ 110—125, а на хвостъ 20—22 кольца. Съ каждой стороны тѣла пробѣгаетъ явственная бороздка. Глаза очень малы и незамѣтны. Зубная система состоитъ изъ 7 зубовъ, помѣщающихся на межчелюстной кости, изъ 8 на верхней и изъ 14 зубовъ на нижней челюсти.

Относительно жизни на свободѣ бурой двуходки обстоятельныхъ свѣдѣній еще очень мало; намъ извѣстно лишь, что ее находили въ Испаніи, Португаліи, Марокко и Алжирѣ и что живетъ она подъ землею, преимущественно подъ камнями или, подобно своимъ тропическимъ родичамъ, въ муравейникахъ.

Два, очень схожихъ между собою вида двуходокъ, весьма рѣзко, впрочемъ, отличающихся между собою по зубной системѣ, живутъ въ Малой Азіи и Сиріи. Съ перваго взгляда бурю двуходку легко принять за дождевого червя, потому что она движется, подобно червю, посредствомъ сокращательныхъ движеній, отвѣсными извилистыми линіями, а не боковыми извивами тѣла, какъ другія безногія ящерицы и змѣи; но при болѣе подробномъ изслѣдованіи ротъ, снабженный крѣпкими зубами, тотчасъ же выводитъ изъ заблужденія.

Пища бурой двуходки состоитъ преимущественно изъ тысяченожекъ. По словамъ Бедраги, бурія двуходка долго выживаетъ въ неволѣ. Вначалѣ онъ кормилъ ихъ размельченными мучными червями, затѣмъ, когда черви всѣ вышли у него, онъ попробовалъ кормить ихъ мучнымъ киселемъ и, противъ всякаго ожиданія, онѣ безъ всякаго колебанія принялись за него и очевидно благоденствовали при такомъ необыкновенномъ кормѣ. Онѣ содержались въ ящикѣ, наполненномъ землею, съ которымъ очень скоро освоились.

Ящерицы, которыхъ мы рассматриваемъ какъ прототипъ всего отряда, представляютъ собою красиво сложенныхъ животныхъ съ вполне развитыми конечностями. Онѣ отличаются вальковато-вытянутымъ туловищемъ, ясно отдѣляющеюся отъ шеи головою, очень длиннымъ, сильно утончающимся къ концу, хруп-

кимъ хвостомъ, четырьмя пятипалыми ногами, видимою снаружи барабанною перепонкою, хорошо развитыми, по большей части свободно двигающимися глазами въ рамкахъ и костистыми, плотно сросшимися своей нижней стороною, многоугольными щитками, покрывающими голову; спину и бока покрываютъ зернистыя чешуйки, никогда не содержащія въ себѣ наложныхъ костей, а брюхо одѣто четырехугольными продольными и поперечными щитками; зубы у ящерицъ коническіе, прямые, на концѣ слегка выгнутые, пустые внутри и снабженные двумя или тремя остриями; они сидятъ въ выемкѣ верхней и нижней челюстей, приросши къ нимъ съ внутренней стороны; межчелюстная кость простая; языкъ плоскій, спереди суживающійся, чешуйчатый, глубоко разсѣченный и двухконечный. Помимо того отличительнымъ признакомъ являются ясно видимыя бедряныя поры.

Всѣ ящерицы живутъ въ Старомъ Свѣтѣ и уже въ Европѣ распространены во множествѣ видовъ. За исключеніемъ нашей мѣдяницы, всѣ вообще нѣмецкія ящерицы относятся къ этому семейству; въ южной Европѣ къ нимъ присоединяются много другихъ, но особенно богата ими Африка. Въ восточной Азіи живутъ немногіе виды, но зато наиболѣе прыткіе и длиннохвостые, у которыхъ хвостъ въ четыре, даже въ пять разъ превосходитъ длину всего тѣла. Извѣстныхъ до сихъ поръ 100 видовъ ящерицъ раздѣляютъ на 17 родовъ. Для нашей цѣли вполне будетъ достаточно, если мы опишемъ всѣ водящіяся въ Германіи виды, присоединивъ къ нимъ еще два южно-европейскихъ вида.

* * *

Ящерицы, живущія въ Германіи, избираютъ своимъ мѣстопребываніемъ оброщенные къ солнцу холмы, стѣны, груды камней, пни деревьевъ, изгороди, плетни и кусты, а равнымъ образомъ залитые солнцемъ выгоны и т. п. мѣста; здѣсь онѣ выкапываютъ норы или пользуются найденными, и рѣдко когда удаляются на далекое разстояніе отъ центра своего района. «У ящерицъ есть обыкновеніе, общее и многимъ другимъ низшимъ и высшимъ животнымъ», говоритъ Лейдигъ въ своемъ прекрасномъ сочиненіи о германскихъ ящерицахъ, «упорно держаться на томъ клочкѣ земли, гдѣ онѣ впервые увидѣли свѣтъ. Во многихъ областяхъ, достаточно извѣстныхъ намъ вслѣдствіе частыхъ экскурсій, приходилось замѣчать, что ящерицы изъ году въ годъ держатся въ извѣстномъ округѣ, не распространяясь по другимъ мѣстностямъ, хотя бы, насколько можно судить, одинаково подходящимъ для нихъ. Перекочевка, стало быть, и у нихъ вызывается только крайнею необходимостью, когда, на примѣръ, мѣстность черезчуръ переполнена ими».

Въ теплую погоду ящерицы лежатъ на вольномъ воздухѣ, всего охотнѣе на солнышкѣ, подстерегая и высматривая своими блестящими глазами всякую добычу, въ особенности летающихъ насѣкомыхъ; въ прохладные же или дождливые дни онѣ сидятъ, спрятавшись въ своихъ норахъ. Онѣ въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова стоятъ въ полной зависимости отъ солнца и показываются тогда только, когда оно свѣтитъ на небѣ, а какъ только оно скрывается, и онѣ прячутся въ норы. Выходя грѣться на солнцѣ, онѣ выбираютъ такія мѣста, гдѣ всего болѣе сосредоточивается тепла и поэтому взлѣзаютъ даже на деревья, на частокоты и т. п., однимъ словомъ куда-нибудь повыше, растягиваются и распластываются тамъ какъ можно шире, какъ-бы опасаясь утратить хоть одинъ лучъ живительнаго свѣтила. Чѣмъ ярче свѣтитъ солнце, тѣмъ болѣе поднимается въ нихъ духъ оживленія и бодрости. Въ утренніе и вечерніе часы онѣ иногда кажутся лѣнивыми и въ высшей степени смиренными; въ полдень же онѣ становятся не только подвижными, но зачастую очень храбрыми, даже задорными. Подъ осень онѣ большую

часть своего времени проводят внутри своих норъ, а съ наступленіемъ октября въ Германіи забираются уже въ свои зимнія логовища, гдѣ и проводятъ всю зиму до наступленія весны.

«Очень странный видъ представляютъ собою эти животныя», говоритъ Лейдигъ, «когда весна застаётъ ихъ лишь только вылѣзшими изъ своихъ земляныхъ норъ въ состояніи крайней неловкости. Даже и при комнатномъ содержаніи, если только температура понизится, онѣ тотчасъ же утрачиваютъ свою подвижность и еле-еле волочатъ ноги, осторожно и медленно передвигая ихъ одна за другою, тогда какъ при солнечномъ свѣтѣ всѣ движенія ихъ пріобрѣтаютъ замѣчательную легкость и онѣ шныряютъ всюду, какъ-бы не чувствуя тяжести тѣла. При довольно высокой температурѣ въ 20° по Цельзію, въ комнатахъ и безъ солнца южные виды становятся не только холодными на ощупь, но и крайне отошальными, худыми на видъ; подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей у нихъ усиливается біеніе сердца и дыханіе и вслѣдствіе того, что легкія отъ этого растягиваются и наполняются воздухомъ, внѣшній видъ ихъ снова принимаетъ прежнія здоровыя формы».

Всего охотнѣе ящерицы любятъ выходить грѣться на солнцѣ передъ полднемъ, отъ 9 до 12 часовъ; содержащіяся въ клѣткахъ даже въ пасмурные дни около 11 часовъ утра всегда выходятъ наружу. «При южномъ вѣтрѣ ящерицы уже съ ранняго утра чувствуютъ себя быстрыми; въ ненастье, передъ дождемъ, онѣ прячутся отъ свѣта, тогда какъ нашихъ змѣй, какъ извѣстно, такая температура выманиваетъ наружу. Холодная погода дѣйствуетъ на ящерицъ очевидно вредно: такъ, напримѣръ, уже Палласъ вывелъ такое наблюденіе, что въ Крыму послѣ трехъ холодныхъ лѣтъ подъ радъ почти совершенно вывелись таврическія ящерицы (*Lacerta taurica*), въ былыя времена крайне многочисленныя тамъ». Время ихъ удаленія на зимнюю спячку стоитъ въ зависимости не только отъ мѣстности, но также и отъ вида животнаго, а, по мнѣнію Лейдига, даже отъ пола и возраста: старые самцы исчезаютъ осенью раньше старыхъ самокъ, а какъ тѣ, такъ и другія—раньше молодыхъ ящерицъ. Весною замѣчается обратное явленіе: прежде всего появляются молодыя, затѣмъ самцы и послѣ всѣхъ уже самки. Въ зимнихъ своихъ логовищахъ, гдѣ онѣ располагаются большею частью цѣлымъ обществомъ, онѣ лежатъ совершенно оцѣпенѣлыя, съ закрытыми глазами, но съ открытымъ ртомъ, совсѣмъ какъ мертвыя; но какъ только до нихъ коснется тепло, онѣ тотчасъ же оживаютъ, начинаютъ шевелиться, дышать, открываютъ глаза и мало по малу становятся бодрыми.

Какое замѣчательное вліяніе оказываетъ на ящерицъ тепло, это доказываютъ тѣ виды, область распространенія которыхъ обнимаетъ относительно большое пространство съ сѣвера на югъ, и притомъ очевидно всѣхъ прочихъ пресмыкающихся, за исключеніемъ развѣ только столь родственныхъ имъ змѣй. Одинъ и тотъ же видъ на югѣ области своего мѣстожительства выказываетъ себя совершенно инымъ, чѣмъ на сѣверѣ. Повышающаяся температура поднимаетъ въ нихъ жизненную дѣятельность и вмѣстѣ съ тѣмъ способствуетъ внѣшней красотѣ; продолжительное лѣто, затянувшаяся нѣсколькими мѣсяцами дольше жара ограничиваетъ ихъ зимнюю спячку, если таковая вообще наступаетъ, всего нѣсколькими недѣлями; литаніе и обмѣнъ веществъ вслѣдствіе этого происходитъ гораздо правильнѣе и благопріятнѣе, можетъ быть даже вовсе не прерывается. Весьма понятнымъ слѣдствіемъ всего этого является замѣтно большая величина животнаго: всѣми доказано, что ящерицы, живущія на югѣ, значительно крупнѣе тѣхъ, которыя свойственны сѣверу.

Почти всѣ ящерицы существенно способствуютъ украшенію той мѣстности, которую оживляютъ своимъ присутствіемъ. Въ Германіи это замѣчается, конечно,

меньше, чѣмъ на югѣ Европы. Здѣсь онѣ шмыгаютъ и шелестятъ повсюду; каждая стѣна, каждая улица, почти каждая дорога оживляется ими, и глаза наши восхищаются въ самомъ дѣлѣ ослѣпительнымъ великолѣпьемъ, когда эти чудно окрашенные, блестящія животныя, въ избыткѣ жизненныхъ силъ, повидимому играя, гоняются другъ за другомъ. Подобно драгоценной цѣпочкѣ, по словамъ Эргардта, извивается въ зелени и вѣтвяхъ смоковницъ и кирказона (*Aristolochia*) сверкающее тѣло зеленой ящерицы, переливаясь мѣдно-бронзово-золотыми металлическими отблесками и оживляя до тѣхъ поръ столь пустынные и однообразные Циклады; блескъ драгоценныхъ камней сверкаетъ также и на чешуйчатомъ тѣлѣ другихъ видовъ, поражая вниманіе всякаго путешественника по югу; испугъ, возбужденный сначала въ робкихъ сердцахъ шелестомъ этихъ животныхъ, скоро превращается въ ощущеніе довольства и благоволенія къ нимъ. Каждый долженъ отнести къ нимъ любовно, хотя даже еще не приобрѣлъ достаточныхъ свѣдѣній относительно ихъ симпатичныхъ привычекъ и образа жизни.

Всѣ настоящія ящерицы подвижныя, рѣзвыя, живыя и относительно умныя животныя съ тонкими чувствами. Если онѣ не грѣются на солнцѣ, то охотно шныряютъ внутри своего района и всегда находятъ себѣ какое-нибудь дѣло. При этомъ онѣ проявляютъ свое проворство во всѣхъ направленіяхъ. Вообще всѣ виды сходны между собою тѣмъ, что бѣгаютъ чрезвычайно быстро, лазаютъ ловко, а въ случаѣ нужды и плаваютъ; но все-же степень подвижности весьма различна у разныхъ видовъ. Каждое движеніе производится извивами тѣла, и ему одинаково существенно способствуютъ какъ хвостъ, такъ и ноги. Ящерицы, лишеныя хвоста, теряютъ равновѣсіе въ движеніяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ живость и равномерность каждаго поворота; кажется даже такъ, какъ будто утрата хвоста болѣе стѣсняетъ ихъ, чѣмъ недостатокъ одной ноги. Насколько гибки ихъ суставы, настолько-же превосходно развиты ихъ чувства. Зрѣніе у нихъ острое, соотвѣтственно живымъ глазамъ; слухъ такъ тонокъ, что малѣйшій шумъ уже привлекаетъ ихъ вниманіе; тонкость своего ощущенія онѣ проявляютъ въ своемъ пристрастіи къ теплу, а—осязанія—въ томъ, что постоянно шевелятъ языкомъ. Впрочемъ, языкъ служить имъ также настоящимъ органомъ вкуса, такъ какъ можно замѣтить, что всѣ сладкіе фруктовые соки, медъ или сахаръ, которые любятъ всѣ безъ исключенія, онѣ сразу умѣютъ отличить отъ другой пищи; но все-же при этомъ играетъ роль и ихъ обонаніе. Въ полномъ соотвѣтствіи съ развитіемъ ихъ внѣшнихъ чувствъ стоятъ и ихъ душевныя способности. Это столь же живыя и беспокойныя, сколько раздражительныя и подвижныя созданія; онѣ постоянно проявляютъ любопытство и напряженіе, забавляются или скучаютъ, по крайней мѣрѣ явно зѣваютъ, выкалываютъ себя, смотря по обстоятельствамъ, то пугливыми и робкими, то смѣлыми и храбрыми, легко впадаютъ въ гнѣвъ и такъ-же скоро снова успокаиваются; онѣ обращаютъ вниманіе рѣшительно на все, даже на музыку, къ которой прислушиваются съ удовольствіемъ. Пс уму онѣ стоятъ, конечно, нисколько не ниже другихъ пресмыкающихся, напротивъ, превосходятъ даже въ этотъ отношеніи большую ихъ часть. Онѣ ведутъ себя такъ умно, какъ только въ состояніи пресмыкающееся, правильно распознаютъ вещи, набираются опыту и сообразно съ этимъ мѣняютъ свои поступки, скоро свыкаются съ измѣнившимися обстоятельствами и привыкаютъ къ созданіямъ, которыхъ прежде боязливо избѣгали, напримѣръ къ людямъ. Лейдигъ полагаетъ, что душевныя способности ящерицъ въ существенномъ основываются на унаслѣдованной отъ предковъ опытности и приобрѣтенныхъ ими знаніяхъ. Различныя состоянія, которыя приходится переживать той или другой ящерицѣ, многократно повторяющіяся въ ея жизни

случай, опыты, которые постепенно собираются родомъ, «вызываютъ физическія измѣненія и выражаются у потомства въ видѣ унаслѣдованной осторожности, склонности, навыка, короче сказать—въ видѣ опредѣлившихся природныхъ способностей». Я не хочу возражать этому почтенному изслѣдователю, но въ то же самое время не могу безусловно согласиться съ нимъ. Вообще ящерицы одного и того-же вида ведутъ себя въ существенномъ одинаково; всѣ молодыя однако держатся совершенно иначе, чѣмъ старыя, и этимъ доказываютъ, что каждая набирается опытности только для себя лично. Уроки и примѣръ старыхъ, болѣе толковыхъ ящерицъ, при реализаціи прибрѣтенныхъ знаній и понятій имѣютъ по крайней мѣрѣ столько же значенія, какъ и наслѣдственныя или природныя способности, которыхъ навѣрно безусловно отвергать все-таки нельзя.

Ящерицы—ловкіе хищники. Онѣ ревностно преслѣдуютъ насѣкомыхъ, дождевыхъ червей, земляныхъ улитокъ, нападаютъ также на маленькихъ позвоночныхъ, грабятъ гнѣзда и пожираютъ также яйца пресмыкающихся. Нѣкоторыя изъ нихъ, по наблюденіямъ Глюкзелига, совершенно пренебрегаютъ мухами, даже какъ будто побаиваются большихъ изъ нихъ, тогда какъ другія не выказываютъ подобнаго страха и такъ же жадно поглощаютъ большихъ и маленькихъ мухъ, какъ и другихъ насѣкомыхъ; пауковъ онѣ преслѣдуютъ ревностно для того, чтобы поѣдать ихъ; голыхъ садовыхъ улитокъ онѣ хватаютъ съ удовольствіемъ, дождевыхъ червей же менѣе охотно; бабочки, сверчки, кузнечики, жуки и ихъ личинки составляютъ, повидимому, любимую пищу ящерицъ. Но онѣ строго умѣютъ различать различные виды ихъ, если даже они такъ походятъ одинъ на другой, что несвѣдущій человекъ легко можетъ смѣшать ихъ, и, если возможно, то дѣлаютъ изъ предлагаемой имъ добычи выборъ, оказывающій честь ихъ вкусу и понятливости; такъ, напримѣръ, мягкоскорлупныхъ насѣкомыхъ онѣ всегда предпочитаютъ твердоскорлупнымъ, а нѣкоторыми жуками, по крайней мѣрѣ въ клѣткахъ, совершенно пренебрегаютъ. Лакомствомъ, какъ, напримѣръ, мучными червями ихъ можно такъ избаловать, что онѣ долгое время не дотронутся до другой пищи. Нѣкоторыхъ насѣкомыхъ онѣ иногда ѣдятъ, повидимому, безъ всякаго колебанія, одно за другимъ, иногда же упорно оставляютъ лежать нетронутыми. Все, что онѣ получаютъ въ добычу, должно быть въ живомъ состояніи, такъ какъ до мертвыхъ насѣкомыхъ онѣ не дотрогиваются, если только ихъ не подsunуть имъ обманомъ, т. е. не двигать ими искусственнымъ образомъ передъ ручными ящерицами. Въ неволѣ большинство видовъ привыкаютъ къ сырому мясу, муравьинымъ куколкамъ, а нѣкоторые также и къ плодамъ, но и въ этомъ случаѣ всегда предпочитаютъ пищу въ живомъ видѣ всякой другой.

Онѣ схватываютъ свою жертву внезапно, зачастую прыжками издалека, сдавливаютъ ее зубами и затѣмъ медленно проглатываютъ. Крульныхъ насѣкомыхъ онѣ трясуть во рту до тѣхъ поръ, пока тѣ не перестанутъ шевелиться, затѣмъ вываливаютъ изо рта, разсматриваютъ и опять хватаютъ. Бабочекъ онѣ ловятъ на лету и однимъ укусомъ отгрызаютъ у нихъ крылья, которыя падаютъ на землю справа и слѣва и, сметаемыя вѣтромъ въ большія кучи, возбуждаютъ зачастую вниманіе путешественниковъ. Проглатываніе крупнаго насѣкомаго причиняетъ, повидимому, маленькимъ видамъ ящерицъ много труда: онѣ до тѣхъ поръ возвращаютъ насѣкомое во рту, пока голова его не ляжетъ впередъ, и тогда медленно проглатываютъ его. Если это удастся, то съ видимымъ удовольствіемъ облизываютъ рыло. Настоящими пресмыкающимися онѣ выказываютъ себя тѣмъ, что безпощадно преслѣдуютъ собственныхъ дѣтенышей, которыхъ, въ случаѣ, если удастся поймать, безъ дальнѣйшихъ околичностей умерщвляютъ и пожираютъ. Въ жаркіе

солнечные дни онѣ пьютъ очень много медленными, но частыми погруженіями языка въ жидкость. Медъ и сахаръ онѣ лижутъ съ жадностью и видимымъ наслажденіемъ; сладкій фруктовый сокъ имъ тоже очень нравится, поэтому можно думать, что и на свободѣ онѣ, по всей вѣроятности, не пренебрегаютъ плодами.

Каждый катышокъ помета состоитъ, по изслѣдованіямъ Лейдига, изъ двухъ, рѣзко отдѣляющихся одна отъ другой частей: большая представляетъ собою продолговатую массу, въ свѣжемъ видѣ буро-кофейнаго цвѣта; это и есть собственно калъ; меньшая часть, образуемая изъ мочи, является въ видѣ бѣлой, какъ мѣлъ, известковой кашицы. Всѣ виды нѣмецкихъ ящерицъ въ этомъ отношеніи въ существенномъ совершенно похожи одни на другихъ; можетъ встрѣтиться развѣ только маленькое различіе въ формѣ катышковъ. Такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи пресмыкающіяся приближаются къ птицамъ. Вскорѣ послѣ пробужденія отъ зимней спячки, весной, возбуждаются любовныя похоти и пары начинаютъ сходиться. Самецъ большею частью всегда крупнѣе самки и ярче окрашенъ. Половое стремленіе проявляется у нихъ чрезвычайно бурно, такъ какъ самецъ, подъ влияніемъ любовныхъ похотей, становится крайне сварливымъ: сильнѣйшій свирѣпо преслѣдуетъ слабѣйшаго, онъ высоко приподнимается на своихъ вытянутыхъ ногахъ и злобно наступаетъ съ опущенной головой на противника, который нѣкоторое время всматривается въ своего врага и, убѣдившись въ его силѣ, ищетъ спасенія въ бѣгствѣ. Атакующій во весь духъ преслѣдуетъ бѣглеца и иногда до того озлобляется, что кусаетъ даже подвернувшуюся на дорогѣ самку. Если ему удастся догнать бѣглеца, то онъ пытается схватить его за хвостъ: отсюда то и происходятъ тѣ увѣчья, которые такъ часто приходится наблюдать у ящерицъ. Уложивъ соперника на полѣ брани, самецъ, по наблюденіямъ Глюкзелига, приближается къ самкѣ въ высоко приподнятомъ положеніи съ выгнутымъ у основанія дугою хвостомъ, обходитъ ее кругомъ и, видя, что самка, извиваясь и трепетно шевелясь, проявляетъ ему свое сочувствіе, дѣлается еще болѣе смѣлымъ. Тогда онъ схватываетъ самку ртомъ выше заднихъ ногъ и такимъ образомъ довольно сильно сдавливаетъ ее тѣло, затѣмъ приподнимаетъ и переворачиваетъ ее, крѣпко сжимая, выворачиваетъ клоаку, закидываетъ одну ногу черезъ ее спину и прикладываетъ свои половые органы къ половымъ частямъ самки. Оба въ продолженіи трехъ минутъ остаются неподвижными, затѣмъ самецъ развѣваетъ челюсть и выпускаетъ самку, которая быстро удаляется. Спариваніе совершается по нѣскольку разъ въ теченіи дня; самецъ спаривается съ нѣсколькими самками, а самка въ свою очередь съ нѣсколькими самцами. При спариваніи, которое можетъ продолжаться полчаса, согласно наблюденіямъ Мортенсена, выдвигается и дѣйствуетъ всегда только одинъ изъ мужскихъ половыхъ органовъ. Приблизительно недѣли черезъ 4 послѣ перваго спариванія самка кладетъ, по наблюденіямъ Чуди — обыкновенно ночью, свои 6—12 продолговато-округлыхъ яицъ, величиною съ бобъ, грязно-бѣлаго цвѣта; мѣсто кладки зависитъ отъ расположенія мѣстности, такъ какъ яйца ящерицъ находятъ не только на солнечномъ припекѣ въ пескѣ или между камнями, но также и во мху, и въ кучахъ крупныхъ черныхъ муравьевъ, которые не трогаютъ ихъ, и въ тому подобнхъ мѣстахъ. Для развитія яицъ необходима сырость; въ сухомъ воздухѣ яйца очень скоро высыхаютъ. Замѣчено, что они имѣютъ свойство, по крайней мѣрѣ по временамъ, слабо свѣтиться ночью; но это можетъ служить первымъ признакомъ того, что яйца начинаютъ разлагаться. Молодые вылупляются среди лѣта, и съ самаго рожденія такъ же подвижны, какъ и старыя; они сбрасываютъ съ себя кожу въ началѣ осени и тогда же подыскиваютъ себѣ подходящее убѣжище для зимней спячки.

Взрослыя ящерицы сбрасываютъ кожу въ теченіи лѣта по нѣскольکو разъ въ неопредѣленное время, тѣмъ чаще, чѣмъ сильнѣе, крупнѣе и тучнѣе экземпляръ. Старая кожа отдѣляется лоскутками и удаляется посредствомъ тренія о камни, коренья, траву и т. п. У слабыхъ животныхъ и въ холодную погоду сбрасываніе кожи занимаетъ зачастую восемь дней, у здоровыхъ и сильныхъ экземпляровъ оно заканчивается обыкновенно въ два дня.

Наши безвредныя ящерицы страдаютъ не только отъ холодовъ, но также и отъ многочисленныхъ ловкихъ враговъ. Всѣ раньше уже поименованныя наши хищныя животныя безпрестанно угрожаютъ имъ: отсюда и проистекаетъ ихъ осторожность и пугливость. Паническій страхъ наводятъ на нихъ змѣи: едва завидѣвъ ихъ, онѣ изъ всѣхъ силъ спѣшатъ убѣжать, а если ужъ къ тому не представляется возможности, то остаются неподвижно стоять на томъ же мѣстѣ съ закрытыми глазами, какъ бы оцѣпенѣвъ отъ ужаса. Впрочемъ, онѣ имѣютъ полное основаніе бояться этихъ родичей своихъ, такъ какъ нѣкоторыя виды змѣй охотятся почти исключительно за ящерицами, которыхъ ядовитые зубы гадюкъ и другихъ родственныхъ змѣй убиваютъ такъ же быстро, какъ и теплокровныхъ животныхъ. Ящерицы умѣютъ очень точно различать разныхъ змѣй. Плѣвныя ящерицы, содержащіяся у Лейдига, держали себя осторожно по отношенію мѣдинокъ, тогда какъ клѣтчатые ужи ихъ ничуть не беспокоили.

Живучесть ящерицы вовсе не такъ велика, какъ другихъ пресмыкающихся. Отсѣченная голова умираетъ въ нѣсколько мгновеній, а живыя движенія туловища послѣ обезглавленія или отнятія какого-либо отдѣльнаго члена основываются, очевидно, не на самостоятельности нервной системы и ея независимости отъ мозга, а на отличительномъ свойствѣ самихъ нервовъ. Животные яды быстро и навѣрняка убиваютъ самую сильную ящерицу: выдѣленіе слизистой железы жабы умерщвляетъ ящерицу очень скоро. Минеральные и растительные яды дѣйствуютъ на нихъ медленно; такъ, напримѣръ, для умерщвленія кошки достаточно двадцатой части того приема синильной кислоты, который необходимъ для ящерицы. Изъ растительныхъ ядовъ всего, повидимому, губительнѣе и быстрѣе дѣйствуетъ на нихъ никотинъ: засунутая въ ротъ щепотка табаку или нѣсколько капель табачнаго сока убиваютъ ихъ очень быстро.

Плѣвныя ящерицы доставляютъ немалое удовольствіе и потому находятъ себѣ много любителей и любительницъ. Если взяться за дѣло какъ слѣдуетъ, то ихъ можно наловить какое угодно количество; не умѣючи же придется бесполезно промучиться цѣлый день и недостать ни одной, такъ какъ ловля этихъ зоркихъ животныхъ оказывается дѣломъ вовсе не легкимъ. Нашихъ ящерицъ съ хрупкимъ хвостомъ всего легче удастся добыть неповрежденными посредствомъ узкихъ сачковъ съ длинными ручками. Отъ такого орудія ловли онѣ не такъ легко ускользаютъ, какъ отъ протянутой руки, и всего лучше, поймавъ ящерицу, изъ сачка переложить ее въ легкій, тонкій, холщевый мѣшокъ, въ которомъ легче всего донести ее домой въ цѣлости. Отведенная для нихъ клѣтка должна быть частью выложена мхомъ и имѣть удобныя норки; но прежде и главнѣе всего слѣдуетъ позаботиться о томъ, чтобы она стояла на солнцѣ или искусственно согрѣвалась, потому что тепло столь же необходимо ящерицамъ, какъ вода и обильная пища. Пока онѣ оживленны и бодры, значить онѣ здоровы; но когда онѣ начнутъ добрую половину дня проводить лежа неподвижно на одномъ мѣстѣ съ закрытыми вѣками, то имъ, очевидно, чего-нибудь не хватаетъ—или удовлетворительной пищи, или тепла, и если въ такихъ случаяхъ тотчасъ же не принять соответственныхъ мѣръ, то животное быстро умираетъ. Кто съ ними много занимается, тотъ

черезъ нѣсколько уже дней пріобрѣтаетъ если не ихъ благосклонность, то во всякомъ случаѣ довѣріе. Вначалѣ онѣ при появленіи человѣка боязливо убѣгаютъ въ самый скрытый уголокъ, потомъ начинаютъ съ любопытствомъ посматривать оттуда, высунувъ головку и, наконецъ, въ послѣдствіи привыкаютъ до того, что не только не убѣгаютъ, но позволяютъ себя трогать и гладить руку, и ловко и граціозно берутъ предлагаемую имъ пищу прямо изъ пальцевъ. Случается, конечно, что нѣкоторые экземпляры, именно пойманные старыми, никогда не приручаются. Чрезвычайно забавно смотрѣть на нихъ, когда на нѣсколько ящерицъ достанется всего одинъ червякъ: каждая изъ нихъ старается тогда стянуть добычу у другой, при этомъ онѣ хватаютъ червяка съ разныхъ сторонъ и дергаютъ его туда и сюда до тѣхъ поръ, пока онъ не разорвется или не исчезнетъ въ томъ или другомъ ртѣ. Глюкзелигъ утверждаетъ, что онѣ даже способны доходить до задора. «Мой большой самецъ», говоритъ онъ, «несмотря на свою прирученность, очень легко приходитъ въ раздраженіе, если кончикомъ пальца щелкнуть его по теменію; онъ тогда не убѣгаетъ, а храбро готовится къ оборонѣ, забавнымъ образомъ ударяетъ задней ногой по рукѣ и старается укусить; послѣ такого возбужденія долгое время потомъ расхаживаетъ по свсей клѣткѣ и задираетъ своихъ сожителей». Съ послѣдними такъ называемыя невинныя ящерицы далеко не всегда обходятся дружественно, но зачастую крайне задорно, сварливо и по разбойничьи.

О далматской *Lacerta mosogensis*, ближайшемъ родичѣ стѣнной ящерицы, Шрейберъ сообщаетъ: «Она вовсе не требуетъ рачительнаго ухода и у меня въ Герцѣ держится безъ особеннаго присмотра уже третью зиму въ нетопленномъ помѣщеніи. Въ самое короткое время животныя становятся до того смиренными и довѣрчивыми, что ихъ прирученность граничитъ уже съ назойливостью и они доставляютъ воспитателю по истинѣ большую радость. Ящерицы не только принимаютъ теперь всевозможную пищу, поѣдая ее прямо съ руки, но я не могу приподнять крышки съ ихъ клѣтки безъ того, чтобы та или другая изъ нихъ тотчасъ-же не вскочила мнѣ на руку; она то остается сидѣть на рукѣ, то принимается лазать по мнѣ, принимая и поѣдая предлагаемую ей пищу. Это въ самомъ дѣлѣ настоящія назойливыя попрошайки, которыя достигаютъ нѣкоторой степени короткаго знакомства и дружбы съ человѣкомъ, что вовсе ужъ не такъ часто встрѣчается у пресмыкающихся».

Въ настоящее время намъ приходится ограничиться признаніемъ только той пользы за ящерицами, что онѣ ловятъ и истребляютъ всевозможныхъ вредныхъ мелкихъ животныхъ; въ прежнія-же времена изъ нихъ умѣли извлекать и другую пользу: «Если», пишетъ старый Геснеръ, «стволъ яблоки обмазать желчью зеленой ящерицы, то яблоки на этомъ деревѣ не станутъ портиться или точиться червями. У африканцевъ мясо этого животнаго считается съѣдобнымъ; особенно оно полезно для тѣхъ, кто страдаетъ ломотою въ бедрахъ или въ поясницѣ.—Если мясо этого животнаго разрѣзать и сырымъ или варенымъ дать съѣсть ястребу или соколу или натереть имъ эту птицу, то она вскорѣ измѣнитъ свое опереніе.—Если это животное безъ головы и ногъ сварить въ винѣ и затѣмъ каждое утро принимать такое вино по полному бокалу, то самые изнуренные и чахоточные больные снова поправляются.—Если въ стеклянный сосудъ положить мясо, кровь или золу этого животнаго, или-же заключить его самого и туда же опустить нѣсколько желѣзныхъ, серебряныхъ или золотыхъ колецъ и продержать все это въ продолженіи девяти дней, послѣ чего ящерицу выпустить изъ сосуда, то кольца, носимые на пальцахъ, служатъ необыкновеннымъ цѣлебнымъ средствомъ противъ гноенія, красноты и воспаленія глазъ. Нужно семь такихъ зеленыхъ ящерицъ, или нашихъ обыкновенныхъ, но тоже зеленыхъ яще-

риць бросить въ сосудъ, заключающій въ себѣ одинъ фунтъ обыкновеннаго масла и, закупоривъ, дать имъ тамъ задохнуться, продержавъ сосудъ съ масломъ трое сутокъ на солнцѣ; тогда такимъ масломъ можно мазать красные и гноящиеся глаза, послѣ чего они становятся ясными и чистыми. Нѣкоторые варятъ это животное въ маслѣ и употребленіе такого масла способствуетъ тому, что вырванные съ корнемъ волоса больше не будутъ расти: подобное-же дѣйствіе производитъ и желчь этого животного, если ея настоять на солнцѣ бѣлое вино до густоты киселеобразной жидкости».

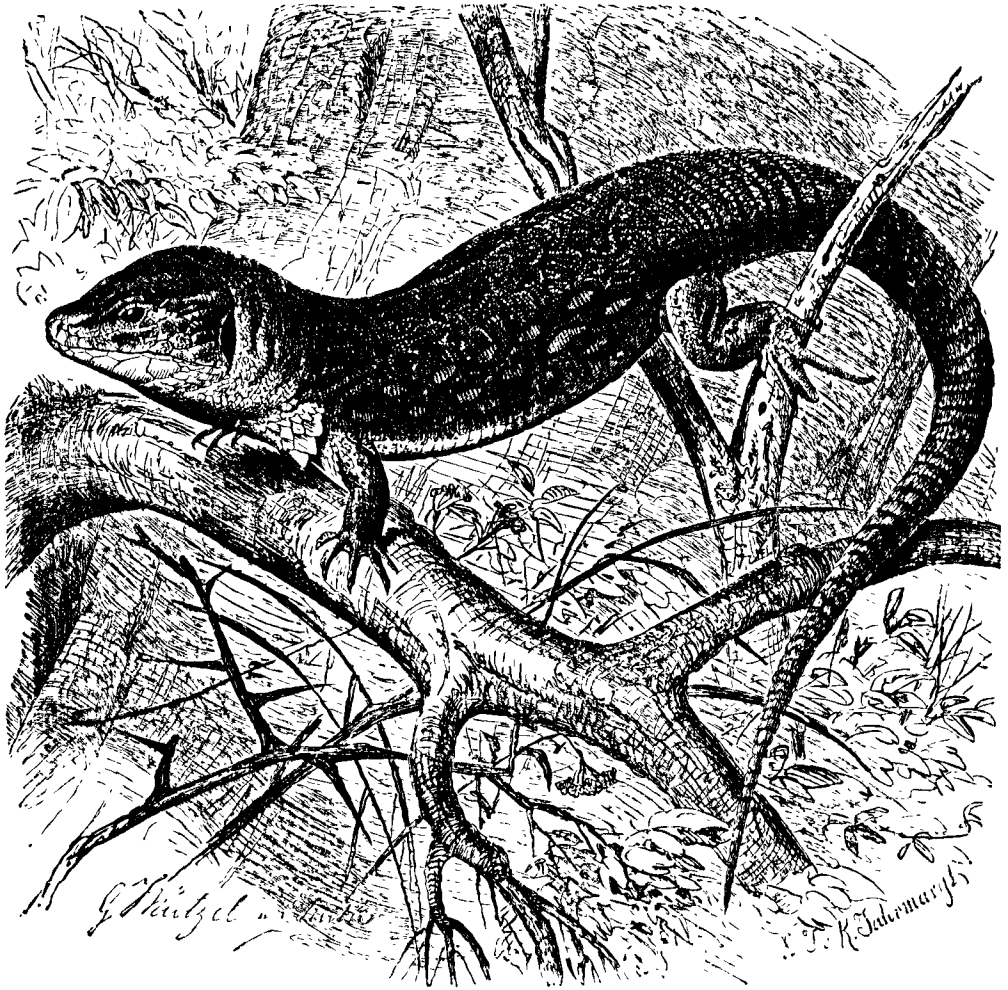
* * *

Послѣ вышеприведеннаго общаго описанія ящериць вообще я думаю ограничиться отдѣльнымъ описаніемъ лишь немногихъ видовъ. Прежде всего слѣдуетъ упомянуть о **Настоящихъ ящерицахъ** (*Lacerta. Halsbandeidechsen. Lezards*), такъ какъ къ нимъ причисляются всѣ нѣмецкіе виды. Отличительные признаки этого рода, обнимающаго собою 23 вида, живущихъ въ Европѣ, въ сѣверной и западной Азій, въ сѣверной Африкѣ, сѣвернѣе экватора, и на островахъ Атлантическаго океана,—слѣдующіе: болѣе или менѣе стройное туловище вальковато или немного сжато отъ верха книзу; пирамидальная голова имѣетъ отвѣсныя боковыя стѣнки, спереди болѣе или менѣе круто суживающаяся; шея, длиною почти съ голову, выдѣляется не особенно ясно; хвостъ, всегда превосходящій длину туловища, въ видѣ длиннаго конуса, зачастую очень длинный, тонкій и острый. Покровъ тѣла на головѣ и брюхѣ образуютъ щитки, на туловищѣ маленькія чешуйки, расположенныя въ видѣ колець, а на хвостѣ—болѣе крупныя мутовчатныя; на нижней же части шеи—особенно большія чешуйки, соединяющіяся въ кольцо вокругъ шеи. Пять, весьма различной длины, пальцевъ снабжены серповидными, сжатыми съ боковъ когтями, съ желобкомъ на нижней сторонѣ, и не имѣютъ ни бахромы по сторонамъ, ни выпуклыхъ килей на нижней поверхности.

Въ юго-западной Европѣ и въ сѣверной Африкѣ живетъ самый крупный и вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ великолѣннѣйшихъ видовъ семейства, **Глазковая ящерица** (*Lacerta ocellata, margaritata, lepida, pater, tangitana, Thimon ocellatus. Perleidechse. Lezard ocellé*). Она достигаетъ въ длину отъ 41 до 61 см. и считается однимъ изъ самыхъ красивыхъ видовъ всего отряда. Чешуйки у нея поразительно малы, гораздо меньше, чѣмъ у всѣхъ остальныхъ родичей; вокругъ тѣла насчитываютъ не меньше 70 чешуекъ, изъ которыхъ 8 или 10 должны считаться брюшными щитками. Верхняя часть головы покрыта большими щитками, между которыми особенно отличается своею шириною затылочный щитокъ; окраска этой ящерицы буроватая, по сторонамъ головы—зеленая; спина по темному фону такъ плотно усажена зелеными или желтоватыми запутанными линиями, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свѣтлая окраска преобладаетъ; кромѣ того каждая сторона испещрена приблизительно 25-ю синими пятнами съ черною опушкою (глазками); нижняя часть тѣла равномернаго свѣтлаго желто-зеленаго цвѣта; всѣ остальные части болѣе или менѣе ярко-зеленыя или зелено-сѣрыя. Молоденькія ящерицы отличаются отъ старыхъ болѣе мрачною оливково-бурою окраскою и многочисленными бѣлыми или голубоватыми съ черною каемкою глазками по бокамъ тѣла.

Глазковая ящерица живетъ на Пиренейскомъ полуостровѣ, но распространяется также и въ южной Франціи и на сѣверо-западныхъ берегахъ Италіи, именно до границы произростанія оливковаго дерева. Въ южной и средней Испаніи она часто встрѣчается повсюду. Въ Алжирѣ и Тунисѣ она замѣняется другою меньшею и болѣе зеленою равновидностью (*var. pater*), у которой насчитывается только

восемь брюшных щитковъ. Мнѣ приходилось часто наблюдать этотъ видъ. Обыкновенно эту ящерицу можно видѣть вблизи дуплистаго дерева, нерѣдко на нѣкоторой высотѣ надъ землею и даже лазящею по вѣтвямъ. При появлении чело-вѣка она быстро убѣгаетъ въ свое дупло, исчезаетъ въ немъ, свертывается тамъ и высовываетъ въ проходъ только голову, чтобы видѣть, что будетъ происходить дальше. Пока она въ силахъ бѣгать, то постоянно спасается, но только не отъ

Глазковая ящерица. *Lacerta ocellata*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

собакъ и не отъ кошекъ; противъ этихъ животныхъ она храбро обороняется, прыгаетъ имъ на встрѣчу и больно кусается прямо въ морду или въ переднюю часть шеи, такимъ образомъ постоянно прогоняя ихъ. Если она случайно очутится отрѣзанною отъ своей норки, то карабкается на одно изъ ближайшихъ деревьевъ, поспѣшно взлѣзая по косымъ сучьямъ, и тамъ выжидаетъ, высматривая и прислушиваясь, будутъ-ли ее преслѣдовать. Если это случится, то она сильнымъ прыжкомъ соскакиваетъ сверху прямо на землю и все-таки спѣшитъ укрыться въ какой нибудь норѣ. Если она спрячется педь камнемъ и камень этотъ поднимутъ, то она

старается прижаться вплотную къ землѣ и тогда ее очень легко схватить. Но это слѣдуетъ дѣлать ловко, такъ какъ она кусается, и очень больно, а также пускаетъ при защитѣ въ ходъ и свои острые когти. Большихъ глазковыхъ ящерицъ, бѣгающихъ на свободѣ, я не совѣтоваль-бы вообще брать руками; не малаго труда стоитъ обороняться отъ нихъ, когда онѣ, озлобившись, больно укусятъ за икру или за сапогъ.

Пища глазковой ящерицы болѣе или менѣе та-же, что и у нашихъ нѣмецкихъ видовъ; соответственно своей силѣ она со страстью охотится за относительно крупными животными, въ особенности за другими ящерицами, молодыми змѣями и мышами; вмѣстѣ съ тѣмъ она ѣстъ также виноградъ, свѣжія винныя ягоды и другіе сладкіе плоды. «Замѣтивъ добычу», говоритъ Шинцъ, «она подстерегаетъ ее, пристально уставивъ прямо на нее свои сверкающіе глаза и затѣмъ наскочиваетъ съ большою быстротою, схватываетъ ее зубами, нѣсколько разъ сильно трясетъ головою и тогда уже медленно пропускаетъ въ ротъ пойманное и прищемленное животное. Проглотивъ добычу, она съ большимъ удовольствіемъ облизываетъ морду языкомъ подобно кошкѣ, поѣвшей молока». Дюжесъ наблюдалъ, что эта ящерица ѣстъ также птицъ и пресмыкающихся, даже своего-же вида. Изъ двухъ плѣнныхъ глазковыхъ ящерицъ, содержавшихся у него, одна была беременная самка, совсѣмъ уже готовая къ кладкѣ яицъ; но къ своему величайшему изумленію нашъ изслѣдователь замѣтилъ, что объемъ самки ежедневно убавлялся, тогда какъ яицъ онъ не видѣлъ. Зато слѣды яицъ онъ нашелъ въ испражненіяхъ, а впоследствии Дюжесъ видѣлъ также, какъ его глазковыя ящерицы пожирали прежде ихъ положенныя яйца другихъ ящерицъ и змѣй. Мелкія яйца проглатывались цѣликомъ, хотя и не безъ нѣкотораго затрудненія; крупныя-же разбивались и содержимое ихъ вылизывалось, какъ и всякая другая жидкость.

Въ періодъ спариванія какъ въ неволѣ, такъ и на свободѣ, самцы ожесточенно дерутся другъ съ другомъ и укусы свои направляютъ преимущественно въ хвостъ соперника. 6—10 яицъ кладутся обыкновенно въ рыхлую древесину оливковаго дерева.

Шинцъ сообщаетъ, что въ Бернскій ботаническій садъ было пущено нѣсколько живыхъ глазковыхъ ящерицъ съ намѣреніемъ акклиматизировать ихъ тамъ. Для жительства имъ отвели подходящій холмикъ. Во время жаркихъ лѣтнихъ дней онѣ выглядѣли такими-же оживленными, какъ и на своей родинѣ, въ холодные дни онѣ становились вялыми и равнодушными, а съ наступленіемъ холодной осенней погоды совсѣмъ перестали показываться. Зиму онѣ не могли пережить. Побный исходъ былъ почти предвидѣнъ. Хотя зима въ сѣверо-испанскихъ горахъ и даже въ средней Испаніи немного уступаетъ нашей по продолжительности, зато она значительно превосходитъ ее по мягкости.

Во время нашего пребыванія въ Испаніи мы, т. е. мой братъ Рейнгольдъ и я, очень часто ловили глазковыхъ ящерицъ, но никогда не могли наблюдать ихъ въ клѣткахъ, такъ какъ женскій персоналъ нашего дома приходилъ въ сильное возмущеніе каждый разъ, когда мы приносили такую ящерицу съ нашей охотничьей прогулки, и постоянно либо тайкомъ выпускали животное, либо убивали его. Хотя впоследствии мнѣ и часто приходилось ухаживать за глазковыми ящерицами, но все-же въ описаніи этого животнаго я предпочту уступить мѣсто Либе, такъ какъ не въ состояніи дать такого прекраснаго описанія ихъ жизни въ неволѣ, какое составилъ этотъ изслѣдователь.

«Она очень скоро освоилась съ моей комнатою, но была несносна тѣмъ, что любила лазать по занавѣсамъ, нижній край которыхъ доставала прыжкомъ. Вообще

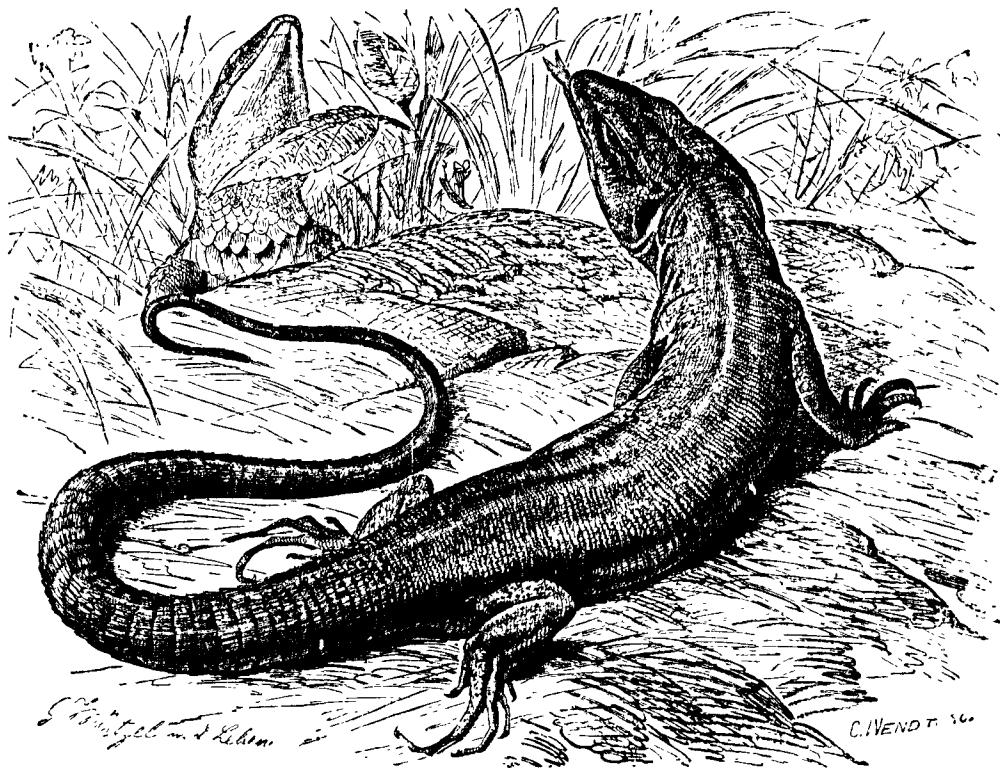

она, среди бѣга, охотно дѣлала прыжки безъ всякой видимой къ этому надобности. Добычу свою она схватывала съ насока только тогда, когда та могла легко ускользнуть отъ нея; къ ползающимъ насѣкомымъ она приближалась медленно и схватывала ихъ быстрымъ боковымъ движеніемъ головы. Если кто-нибудь становился ей въ это время на дорогѣ, она зачастую такъ озлоблялась, что кусала за носокъ сапога или за брюки. Прикосновеніе воды къ ея тѣлу вызывало въ ней ужасъ, хотя брошенная въ воду, она ловко выплывала, чѣмъ и отличалась отъ обыкновенной ящерицы. Обрызгиваніе водою нагоняло на нее такой страхъ, что она дѣлала тщетныя попытки вскарабкаться на ближайшую пригодную стѣну. Несмотря на это, она все-таки воду пила, причѣмъ осторожно погружала кончикъ рыльца въ жидкость и вбарала ее въ себя, повидимому, при помощи языка. Молоко она тоже скоро выучилась пить. Солнце ей было необыкновенно пріятно: тучка, набѣжавшая на небѣ, въ состояніи была принудить ящерицу запрягаться въ мохъ и листья. Большого затрудненія стоило мнѣ вначалѣ доставлять ей подходящую пищу. Она ѣла мучныхъ червей, майскихъ жуковъ, личинки ихъ и т. п., но никогда не ѣла много заразъ, въ особенности майскіе жуки ей очень скоро пріѣдались. Дождевыхъ червей, улитокъ, головастиковъ и лягушекъ она не брала даже во время сильной голодухи. Одинъ только разъ я добился того, что она съѣла молодого мышенка, но больше никогда это не повторялось. Зато любимымъ ея кушаньемъ были всѣ виды прямокрылыхъ, въ особенности большіе кузнечики. Она хватала ихъ постоянно за середину, кивкомъ головы поворачивала ихъ такъ, что длинныя заднія ноги ложились впередъ и тогда уже проглатывала, причѣмъ зачастую выскользнувшія голени выбрасывала на землю ловкимъ поворотомъ головы. Самымъ большимъ лакомствомъ для нея все-же были пресмыкающіяся, собственные родичи, обыкновенныя ящерицы, веретеницы, кольчатые и гладкіе ужи. Къ сожалѣнію я не могъ получить для опыта ни одной обыкновенной гадюки. Всѣ эти животныя впивались зубами, какъ только были схвачены, въ челюсти или шею ящерицъ, но она ихъ ударяла о землю и такимъ образомъ оглушала. При этомъ подбрасываніи веретеницы обыкновенно разрывались на куски и ящерица подбирала ихъ только тогда, когда они еще немного шевелились. Когда наступила зима мнѣ было очень трудно доставлять ящерицѣ удовлетворительную пищу; но всего болѣе опасны для нея были, очевидно, ночные холода. Она стала вялою, тощею, утратила аппетитъ и наконецъ впала въ почти летаргическое состояніе; это вовсе не было зимнею спячкою, такъ какъ теплота не приносила уже никакого улучшенія. Продержавшись въ подобномъ состояніи 6 недѣль, она въ концѣ зимы умерла. Я ухаживалъ за этой ящерицей почти цѣлый годъ».

Благодаря своей способности къ защитѣ, глазковой ящерицѣ приходится страдать отъ меньшаго количества враговъ, чѣмъ ея болѣе мелкимъ родичамъ. Опаснѣйшими ихъ врагами остаются хищныя птицы, именно крачуны и сарычъ, къ которымъ присоединяется еще и воронъ. Испанцы считаютъ глазковую ящерицу ядовитой, боятся ее просто до смѣшного и вслѣдствіе этого убиваютъ ее чаще, чѣмъ это было-бы желательно.

Изъ живущихъ въ Германіи видовъ выше всѣхъ стоитъ по своей величинѣ и красотѣ **Зеленая ящерица** (*Lacerta viridis, bilineata, strigata, bistrigata, chloronata schreiberi, quinquevittata, elegans, smaragdina, Seps viridis, Podarcis cyanolaema. Smaragdeidechse. Lezard vert piqueté*). Она достигаетъ въ Германіи 30, а на югѣ до 43 см. въ длину, изъ которыхъ не болѣе $\frac{1}{3}$ приходится на голову и туловище; вслѣдствіе длиннаго хвоста она кажется очень тонкой, на самомъ-же дѣлѣ туло-

вице ея довольно толстое. Щитовый покровъ головы отличается тѣмъ, что позади носового отверстія лежатъ обыкновенно прямо другъ за другомъ два маленькихъ щитка; затылочный щитокъ трехугольный, но очень маленькій, а височная область покрыта неправильными щитками и чешуйками; покровъ тѣла характеризуется тѣмъ, что брюшные щитки расположены въ шесть долевыхъ рядовъ, а щитки ошейника зазубрены. Носовое отверстие стоитъ въ соприкосновеніи съ рыльцевымъ щиткомъ; лапки у самокъ и молодыхъ всегда длиннѣе головы. Въ межчелюстной кости помѣщаются 9—10 зубовъ, въ верхней челюсти съ каждой стороны 19—20, въ нижней же 23—24, а въ крыловидной кости съ каждой стороны

Зеленая ящерица. *Lacerta viridis*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

8 большихъ и нѣсколько мелкихъ зубовъ. Самецъ отличается отъ самки болѣе длинною и высокою головою, вздутымъ основаніемъ хвоста, болѣе сильными задними ногами и болѣею частью также болѣе значительною величиною. Окраска его яркая, зачастую даже блестящая зеленая съ различными оттѣнками, начиная отъ синевато-зеленаго, изумруднаго и до свѣтло-зеленаго, который на нижней сторонѣ тѣла переходитъ въ зеленовато-желтый. Верхняя сторона украшена черными точками, которыя на головѣ кое-гдѣ увеличиваются до пятнышекъ, тогда какъ нижняя сторона, за исключеніемъ зачастую синевато окрашенныхъ горла и нижней челюсти, постоянно одноцвѣтная. Самка нерѣдко походитъ на самца, тоже имѣетъ синее горло; обыкновенно-же красивый покровъ ея тѣла болѣе или менѣе съ буроватымъ отливомъ и украшенъ по сторонамъ желтоватыми съ черною каемкою пятнами, расположенными долевыми рядами. У молодыхъ ящериць преобладаю-

щая окраска бурога цвѣга кожи съ однимъ или двумя желтыми боковыми полосами. Вліяніе возраста и мѣста родины не особенно существенно сказывается на обоихъ полахъ, но южные экземпляры, въ особенности далматскіе, всегда красивѣе окрашены, чѣмъ сѣверные.

Родиной зеленой ящерицы мы признаемъ страны на востокъ и сѣверъ Средиземнаго моря. Она обыкновенна въ Португаліи и Испаніи (здѣсь въ видѣ *var. schreiberi*), проникаетъ во Францію до Парижа, встрѣчается въ Италіи, за исключеніемъ Сардиніи, въ южной и западной Швейцаріи, въ южномъ Тиролѣ; на Балканскомъ полуостровѣ считается однимъ изъ распространеннѣйшихъ видовъ и достигаетъ здѣсь наибольшаго развитія (*var. major*), населяетъ также Дунайскія области и южную Россію, Персію и Кавказъ, Малую Азію, Сирію и Палестину (*var. strigata*); отдѣльными экземплярами встрѣчается въ Австріи и Германіи, въ Дунайскихъ низменностяхъ отъ Пассау до Вѣны, въ Моравіи, Богеміи, а съ другой стороны въ Виленѣ, Эфриягенѣ и въ Кайзерштулѣ, въ Баденѣ, въ Рейнскомъ Пфальцѣ, въ Одербергѣ, Тейпицѣ, а прежде попадалась и въ Рюдерсдорфскихъ известковыхъ горахъ въ Бранденбургѣ; но изъ всего этого вовсе не слѣдуетъ заключать, чтобы ее нельзя было встрѣтить и въ другихъ областяхъ Германіи. Насколько она распространена въ западной Германіи, настолько же замѣтно ея полное отсутствіе во всей нижней долинѣ Майна. Во всей Рейнской долинѣ, отъ Страсбурга до Майнца, а также во всемъ прирейнскомъ Гессенѣ, она попадаетъ очень рѣдко. Если мы признаемъ доказаннымъ пребываніе ея въ Дейдсгеймъ-Вормсѣ, то надо считать, что распространеніе ея, кромѣ нижней долины рѣки Наэ отъ Мюнстера амъ Штейнъ до Бингербрюка и Бингена, простирается по всей Рейнской долинѣ отъ Бингена до Бппарда и въ средней долинѣ Мозеля около Трира, гдѣ ея присутствіе было установлено; это было открыто еще Ноллемъ и подало ему поводъ сдѣлать очень правдоподобное заключеніе, что эта ящерица отодвинулась отъ запада черезъ долины Наэ и Мозеля въ свое настоящее мѣстожителство и что ея водвореніе въ этой области стоитъ въ существенной зависимости отъ виноградниковъ. Имѣя въ виду, что эти ящерицы держатся на почвѣ, состоящей изъ твердаго камня, извести, песчаника или сланца, слѣдуетъ признать, что мѣстопробываніемъ имъ служатъ различныя мѣстности одинаково, какъ на равнинахъ, такъ и на возвышенностяхъ и въ горахъ. Начиная отъ морского берега до высоты въ 1000 м., а въ Эггенталѣ еще выше, зеленую ящерицу встрѣчали рѣшительно на всякой высотѣ. Гдѣ она обыкновенна, тамъ попадаетъ всюду: такъ, по Гредлеру, въ Тиролѣ она держится на скалахъ или каменистыхъ расклеванныхъ солнцемъ мѣстахъ вдоль улицъ, полевыхъ дорогъ и рѣчныхъ береговъ, въ предгоріяхъ и кустарникахъ, рѣже въ равнинахъ или виноградникахъ; по Бедрягѣ—въ Италіи она придерживается известковыхъ горъ, поросшихъ кое-гдѣ вязкими тернистыми кустарниками; по Эрберу—въ скалистой Далмаціи попадаетъ рѣшительно всюду. «Одна парочка зеленыхъ ящерицъ», говоритъ Бедряга, «пріютилась въ группѣ кустарниковъ. Животныя грѣются на солнцѣ постоянно въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ своего ночного убѣжища, для того, чтобы даже незначительная тѣнь отъ кустовъ не застилала имъ солнца; они растягиваются на какомъ-нибудь камнѣ во всю длину своего тѣла и ихъ яркая окраска рѣзко выдѣляется на фонѣ скалы». Зеленая ящерица довольно охотно взбирается также на кусты, чтобы погрѣться тамъ на солнышкѣ, а также и на деревья, чтобы пользоваться большею безопасностью. Въ южной Франціи она живетъ, по словамъ Фишера, по берегамъ почти всѣхъ водныхъ бассейновъ; она плаваетъ и ныряетъ превосходно.

Движенія зеленой ящерицы прекрасны, какъ по своей быстротѣ и ловкости,

такъ и по красотѣ и граціи. «Подобно молніи пересѣкаетъ она дорогу», воспѣваетъ Данте; «при скачкѣ», говоритъ Лейдигъ, «она, подобно стрѣлѣ, перелетаетъ съ вытянутымъ хвостомъ по прямому направленію черезъ довольно большое пространство и часто даже дальше цѣли». При преслѣдованіи, по Эрберу, она ищетъ спасенія на деревьяхъ. Если ее и здѣсь еще побезпокоятъ, она бросается зачастую громаднымъ прыжкомъ на землю и ускользаетъ подъ камни или въ земляную нору. «Какое важное значеніе для поспѣшнаго, прямолинейнаго движенія имѣетъ ея хвостъ», замѣчаетъ Лейдигъ, «можно убѣдиться тогда, когда мы случайно встрѣтимъ ящерицу съ изувѣченными хвостами. Хотя такія животныя и пускаются тоже въ бѣгство, но они неспособны уже къ быстрымъ, подобно стрѣлѣ, движеніямъ, а просто бѣгутъ, помогая себѣ частыми и быстрыми извивами тѣла».

Всѣми своими прочими способностями зеленая ящерица нисколько не уступаетъ другимъ своимъ сородичамъ. Она столь-же пуглива, какъ и проворна, столь-же умна, какъ и подвижна. Если, по словамъ Лейдига, стараго, въ большинствѣ случаевъ живущаго одиноко, самца, нѣсколько разъ сряду потревожить, не поймавъ его, то послѣ такого случая грѣющагося на солнцѣ животное всегда заранѣе убѣжитъ въ свою нору прежде, чѣмъ удастся подойти къ нему близко. При этомъ замѣчательно, что зеленая ящерица отлично различаетъ и понимаетъ, когда къ ней подходить съ тяжелою ношею крестьянинъ; тогда, не измѣняя своего положенія, она даетъ ему пройти мимо себя, между тѣмъ какъ, завидѣвъ горожанина, она удаляется уже заблаговременно. Въ неволѣ она почти ежедневно даетъ доказательства своей понятливости; она безусловно причисляется къ умнѣйшимъ видамъ своего рода. Только когда послѣ неоднократныхъ преслѣдованій она спрячется подъ неплотно лежащимъ камнемъ, если и тотъ будетъ приподнятъ, она уже не ищетъ спасенія въ бѣгствѣ, а отдается въ руки судьбы; точно также иногда случается, что послѣ неудачнаго выстрѣла въ нѣе, она въ испугѣ остается сидѣть на томъ-же мѣстѣ и тогда позволяетъ легко схватить себя. Но все-же въ этомъ случаѣ она защищается укусами, которые, конечно, не могутъ причинить пальцамъ никакого вреда. Совершенно иначе поступаетъ она, когда затѣетъ ссору со своими родичами. Будучи общительною, какъ всѣ ящерицы, она живетъ съ себѣ подобными довольно мирно, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ встрѣчается часто; но все-же даетъ чувствовать свое превосходство болѣе слабымъ видамъ, а иногда даже нападаетъ на молодыхъ животныхъ своего собственнаго вида.

Ея обычная пища состоятъ изъ большихъ, проворно движущихся насѣкомыхъ, ихъ личинокъ, изъ улитокъ и червей; осенью она живетъ зачастую исключительно кузнечиками, но пожираетъ также, не задумываясь, маленькихъ ящерицъ, по крайней мѣрѣ, по наблюденіямъ Симона, поступаетъ такъ въ неволѣ. Чтобы проглотить такую крупную добычу, какъ обыкновенную или стѣнную ящерицу, она, по словамъ Симона, хватаетъ ее за середину туловища, жуя, нѣсколько разъ переваливаетъ ее во рту съ головы до хвоста, придавливая и, наконецъ, проглатываетъ, не выпуская изъ рта, съ поразительною для ящерицы легкостью. О прожорливости ея свидѣтельствуютъ данныя Эрбера, который высчиталъ определенное количество насѣкомыхъ, дававшихся въ пищу какъ ей, такъ и другимъ воспитывавшимся у него пресмыкающимся: одна зеленая ящерица поѣла съ февраля по ноябрь мѣсяцъ болѣе 3000 штукъ большихъ насѣкомыхъ, изъ нихъ 2040 однихъ только мучныхъ червей.

Южнѣ Альпъ зеленая ящерица удаляется на зимнюю спячку въ ноябрѣ, въ Германіи-же—почти цѣлымъ мѣсяцемъ раньше; на югѣ Греціи и Испаніи она въ нѣкоторыя зимы остается почти все время въ дѣятельности. Въ Германіи она по-

гружается въ зимнюю спячку до самаго апрѣля; въ южномъ-же Тиролѣ показывается уже въ мартѣ. Въ маѣ или юнѣ величавые самцы, въ полной красѣ своего брачнаго наряда, уже вступаютъ въ ожесточенную борьбу съ соперниками; эти послѣдніе не менѣе ихъ возбуждены и при этомъ тотъ или другой изъ нихъ откусываетъ своему противнику его главное украшеніе — хвостъ. Около этого же времени происходитъ и спариваніе; мѣсяцемъ позже, въ Швейцаріи или въ Германіи рѣдко раньше іюня, самка кладетъ въ соответственномъ мѣстѣ 8—11, сѣверо-африканскій видъ 15—22 яицъ, величиною съ бобъ и такой-же формы. грязно-бѣлаго цвѣта; приблизительно еще черезъ мѣсяць, стало-быть въ іюлѣ выплываются молодыя, которыя вскорѣ-же начинаютъ вести себя такъ-же, какъ и старыя.

Бетхеръ, описывающій жизнь нѣмецкихъ экземпляровъ зеленой ящерицы, указываетъ прежде всего на то, что и у самки въ періодъ полового возбужденія горло украшается свѣтло-синимъ цвѣтомъ. Весеннее линяніе наступаетъ 15 апрѣля, а 15 іюня начинается вторичное линяніе. Германскіе виды съ большимъ удовольствіемъ ѣдятъ дождевыхъ червей, которыхъ хватаютъ всегда съ конца туловища и жуютъ, хрустя зубами вслѣдствіе приставшихъ на нихъ песчинокъ. Очень крупныя черви, неудобные для ѣды цѣликомъ, перегрызаются, послѣ чего дѣлается маленькая пауза и затѣмъ уже берется остальное и пережевывается. Дождевыхъ червей наши ящерицы умѣютъ распознавать съ ранней юности очень хорошо и моментально подхватываютъ ихъ прежде другой предложенной пищи. Были сдѣланы попытки перемѣны корма, но онѣ охотно ѣдятъ еще только жуковъ и большихъ пауковъ. Поѣвши, онѣ трутся краями челюстей о камень, чтобы чистоплотно удалить могущіе пристать кусочки, песчинки или послѣ червей оставшуюся слизь, и затѣмъ по кошачьи тщательно облизываются и чистятся своимъ широкимъ, очень подвижнымъ языкомъ.

«Несмотря на противурѣчачія указанія другихъ наблюдателей, нѣмецкая зеленая ящерица легко приходила въ гнѣвъ, постоянно становилась противъ пальца, за который ожесточенно хваталась и, вытянувъ впередъ голову, старалась защититься противъ всякаго кажущагося нападенія. Мнѣ приходилось видѣть, какъ животное по цѣлымъ минутамъ стояло передъ самымъ невиннымъ зрителемъ въ такомъ положеніи съ угрожающе раскрытымъ ртомъ. Ни малѣйшаго слѣда довѣрчивости или хоть какой-нибудь прирученности я не подмѣтилъ у этихъ красивыхъ ящерицъ, несмотря на то, что долго изо дня въ день старательно занимался ими. Впрочемъ, весьма возможно, что различныя животныя, смотря по возрасту и природнымъ способностямъ, выказываютъ себя совершенно иными; я отнюдь не сомнѣваюсь въ томъ, что и нѣмецкія ящерицы могутъ достигнуть такой-же степени прирученности, какъ тирольскія и далматскія».

«Купанье было любимымъ занятіемъ для моей ящерицы; даже въ очень холодной водѣ она чувствовала себя хорошо. Часто я видѣлъ ее по-получасу лежащей въ водѣ. Во время очень жаркой погоды я могъ замѣтить, что она, особенно въ послѣобѣденное время, старалась укрыться въ тѣнистомъ мѣстѣ подъ листьями. Ночь-же она всегда проводила въ скрытомъ убѣжищѣ».

«29 мая вечеромъ, между 5^{1/2} и 6^{1/2} часами вечера при жаркой душевной погодѣ самка снесла въ сырѣмъ пескѣ 11 яицъ и нагребла надъ ними впродолженія послѣдовавшей затѣмъ ночи и ранняго утра горку сухого песку въ 6—7 см. вышиною. Я взялъ ящерицу изъ ея четырехугольнаго ящика, переложилъ яйца въ другой сосудъ, чтобы можно было присматривать и наблюдать за ихъ развитіемъ, и затѣмъ тщательно выровнялъ опять кѣтку. Сосудъ съ водою, который

раньше стоялъ около песчаной горки, содержащей въ себѣ яйца, я случайно поставилъ на противоположную сторону ящика. Тогда произошло одно явленіе, которое меня, по правдѣ сказать, страшно удивило и кромѣ того крайне убѣдительно доказало мнѣ въ высшей степени тонкую, даже неуловимую память мѣста, присутствующую этому животному. Вечеромъ я нашелъ ящерицу опять въ томъ-же углу, въ которомъ она положила свои яйца: ее нисколько не спутало измѣненное положеніе сосуда съ водой; другихъ-же болѣе очевидныхъ признаковъ, по которымъ она могла-бы ориентироваться, тоже не существовало, такъ какъ мокрое мѣсто въ прежнемъ углу уже успѣло высохнуть, ящикъ былъ совершенно прямоугольный и вездѣ одинаково ровно выстланъ пескомъ; ящерица опять соорудила совершенно такую-же песочную горку, подъ которой на этотъ разъ не было яицъ, но очевидно у нея было намѣреніе опять положить яйца въ этомъ мѣстѣ и вотъ уже второй день, какъ все свое вниманіе и заботы она посвятила выводу дѣтенышей».

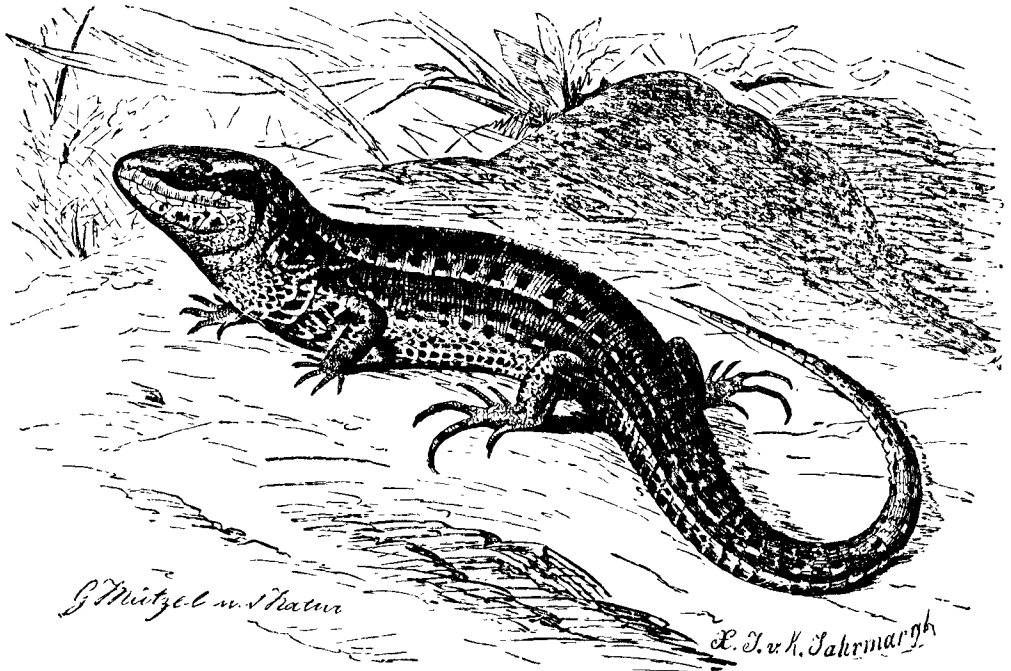
Зеленой ящерицѣ приходится въ обширномъ смыслѣ слова страдать отъ всѣхъ враговъ, поименованныхъ въ общемъ обзорѣ жизни всѣхъ ящерицъ, а еще болѣе—отъ суровыхъ зимъ и холодныхъ сырыхъ лѣтъ. Шарпантье рассказываетъ, что до наступленія суровой зимы съ 1829 на 1830 г. эти ящерицы были зауряднымъ явленіемъ въ Бексѣ, но послѣ того довольно долгое время онѣ почти не показывались, потому что, безъ сомнѣнія, большая часть ихъ нашла свой конецъ въ недостаточно глубокихъ норахъ, куда проникалъ морозъ.

* * *

Гораздо болѣе, чѣмъ съ зеленой ящерицей, мы освоились съ нашей повсюду распространенной и вездѣ заурядной **Обыкновенной** или **Прыткой ящерицей** (*Lacerta agilis*, *Seps caerulescens*, *argus*, *ruber*, *Lacerta vulgaris*, *stellata*, *arenicola*, *stirpium*, *laurentii*, *exigua*, *chersonensis*, *sylvicola*, *doniensis*, *paradoxa*. *Zauneidechse*. *Lézard agile*). Ея длина достигаетъ самое большее 25 см., въ большинствѣ-же случаевъ только 20—21 см., голова относительно короче, толстая и съ тупой мордой, хвостъ не болѣе какъ на $1\frac{2}{3}$ длиннѣ туловища и головы. Изъ уздечныхъ щитковъ передніе расположены непосредственно позади носового отверстія въ видѣ треугольника; маленькій затылочный щитокъ имѣетъ видъ трапеціи. Височная область покрыта правильными щитками; маленькія чешуйки спины и болѣе крупныя—боковъ большею частью существенно отличаются своею величиною; брюшные щитки образуютъ по большей части 8 долевыхъ рядовъ. Носовое отверстіе всегда отдѣлено отъ рыльцеваго щитка маленькимъ промежуткомъ; между щиткомъ вѣка и бровнымъ у этой ящерицы никогда не замѣчается той четковидной долевой полосы изъ мелкихъ крупинокъ, по которой такъ часто можно отличить зеленую ящерицу и всегда—стѣнную; лапы у нея никогда не бывають длиннѣ головы. Въ межчелюстной кости помѣщаются 9, съ каждой стороны въ верхней челюсти 16, въ нижней до 20, въ крыловидной кости, со включеніемъ маленькихъ, 10 назадъ и внутрь направленныхъ зубовъ. Въ окраскѣ самца преобладаетъ на верхней сторонѣ болѣе или менѣе яркій зеленый цвѣтъ; окраска самки преимущественно сѣрая или бурая; темя, спинная полоса и хвостъ по большей части бурые, подбородокъ и нижняя сторона зеленоватые или желтоватые. Спинная полоса, а у самокъ также и бока разрисованы бѣлыми, вдоль расположенными пятнами, которыя мѣстами увеличиваються до размѣра глазковъ; нижняя-же сторона испещрена черными крапинами. Впрочемъ, встрѣчаются различныя измѣненія, которыя у самцовъ напоминають окраску и узоръ зеленыхъ ящерицъ.

Обыкновенная ящерица распространена по сѣверной, средней и восточной

Европѣ, начиная отъ Альпъ до южной Англiи и Швеци, отъ Кавказа до Финскаго залива, а на западѣ до средней Францiи; ее совсѣмъ нѣтъ южнѣе Альпъ, и чѣмъ дальше на сѣверь, тѣмъ она встрѣчается рѣже. За Ураломъ она заходитъ на востокъ до западной Сибири и распространяется далѣе въ Азиатской Россiи (*var. exigua*). Въ сѣверномъ Тиролѣ она, по словамъ Гредлера, поднимается до высоты 1200 м., въ Ваадтландѣ, по изслѣдованiямъ Питте и Варда, до 1380 м. Въ Германiи она почти всюду обыкновенна, хотя не во всѣхъ мѣстахъ одинаково заурядна. Мѣстопребыванiемъ своимъ она избираетъ преимущественно склоны освѣщенныхъ солнцемъ холмовъ, именно такiе, которые покрыты малорослыми кустарниками, степи, каменистыя покатоки, плетни, края лѣсовъ и улицы, и особенно

Обыкновенная ящерица. *Lacerta agilis*. Наст. вел.

желѣзнодорожныя насыпи; но ее можно встрѣтить также и на тощихъ лугахъ и не слишкомъ сырыхъ болотахъ, однимъ словомъ она водворяется всюду, гдѣ можетъ рассчитывать на добычу. «Если», говоритъ Лейдигъ, «на томъ мѣстѣ, гдѣ находится обыкновенная ящерица, лежитъ пограничный камень, то она съ удовольствiемъ избираетъ его своимъ мѣстожительствомъ. При спокойной обстановкѣ она грѣется на немъ на солнцѣ, и, скрываясь подъ нимъ, какъ будто чувствуетъ, что этотъ камень останется неизмѣненъ въ своемъ положенiи».

По своей подвижности обыкновенная ящерица такъ много уступаетъ зеленой, что Линней навѣрное далъ бы ей другое научное названiе, еслибъ ему пришлось наблюдать на свободѣ другiе виды этого отряда. Она тоже проворна и быстра, но не настолько, чтобы напрасно измучить ловкаго ловца, который всегда можетъ наловить ихъ столько, сколько пожелаетъ. Она бѣгаетъ дѣйствительно быстро лишь тамъ, гдѣ ей не встрѣчается никакихъ препятствiй, зато очень ловко пробирается въ густой травѣ и сросшихся вѣтвяхъ, лазаешь довольно сносно, но все-

таки только по низкимъ кустамъ, чтобы грѣться на нихъ, а въ случаѣ нужды и плаваеъ быстро извивающимися движеніями по лужамъ, ручьямъ и даже маленькимъ рѣкамъ. По своему образу жизни она гораздо менѣе отличается отъ своихъ родичей, чѣмъ по своимъ движеніямъ.

Въ Германіи она появляется въ первыхъ числахъ, наипозднее въ серединѣ апрѣля, на югѣ своей области распространенія соотвѣтственно раньше, на сѣверѣ позже, но все-же тамъ ее никогда не видѣли раньше конца марта, а здѣсь не позже конца апрѣля. Старыя самки, по Лейдигу, появляются почти недѣлю позже молодыхъ. Въ маѣ, а при очень хорошей весенней погодѣ даже въ концѣ апрѣля онѣ приступаютъ къ размноженію. Въ одну изъ іюньскихъ ночей самка кладетъ свои 5—8 тупо-овальныхъ яицъ съ бѣлой оболочкой на солнечномъ мѣстѣ въ песокъ, между камнями, по Шпанцу—также въ кучахъ черныхъ муравьевъ, которые ихъ не трогаютъ; въ концѣ іюля или въ началѣ августа вылупляются моляды. По предположенію Лейдига, старыя, послѣ періода размноженія, удаляются въ скрытыя убѣжища или зарываются въ землю, можетъ быть для того, чтобы такимъ-же способомъ, какъ это бываетъ у притоновъ, выдержать нѣчто вродѣ лѣтней спячки. «Каждый можетъ легко подмѣтить тотъ фактъ, что весною въ опредѣленномъ мѣстѣ ящерицы могутъ быть очень многочисленны, а позже, приблизительно въ концѣ іюля, какъ разъ въ то время, когда устанавливается сильная жара, онѣ замѣтно исчезаютъ. Дюжесъ давно уже замѣтилъ это и тоже истолковалъ это явленіе тѣмъ, что ящерицы или впадаютъ въ нѣкоторый родъ оцѣпенѣнія, въ лѣтнюю спячку или-же скрываются въ прохладное, сырое убѣжище».

Обыкновенныя ящерицы съ жадностью ѣдятъ капустныхъ бабочекъ и тѣмъ становятся полезными для садоводовъ. Когда Бетхеръ ловилъ въ саду этихъ бабочекъ для своихъ ручныхъ ящерицъ, то онѣ слѣдили за нимъ глазами и все время сидѣли въ просительной позѣ съ приподнятыми головами на той сторонѣ ящика, которая была обращена къ нему, и даже подпрыгивали, подобно собакамъ, когда онъ просовывалъ бабочку въ проволочную сѣтку, покрывавшую ихъ клетку. Обыкновенная ящерица и горная совершенно исключаютъ присутствіе одна другой: онѣ никогда не населяютъ одной и той-же мѣстности. Это весьма понятно для каждаго, кто хоть разъ видѣлъ, съ какою свирѣпостью обыкновенныя ящерицы преслѣдуютъ дѣтенышей горныхъ ящерицъ, какъ неумолимо пожираютъ и истребляютъ ихъ. Слѣдствіемъ этого было то, что горная ящерица удалась въ высокія и сырыя мѣста, куда не хотѣла и не могла послѣдовать за нею обыкновенная ящерица, любящая большое тепло и сухость.

Между несмѣтными врагами, преслѣдующими обыкновенную ящерицу и ея дѣтенышей, прежде всего слѣдуетъ назвать мѣдяницу (гладкаго ужа) и гадюку обыкновенную. Первая питается исключительно ящерицами; гадюка-же, пока сама еще не выросла, преслѣдуетъ менѣе прыткихъ и гибкихъ животныхъ, въ особенности молодыхъ ящерицъ. Различныя куницы, сокола, сойки, сорокопуть, домашнія куры, индѣйки, павлины, аисты и утки тоже преслѣдуютъ этихъ ящерицъ и, повидимому, съ удовольствіемъ ѣдятъ ихъ.

* * *

На ряду съ обыкновенною ящерицею въ большей части Германіи встрѣчается также **Горная ящерица** (*Lacerta vivipara, crocea, pyrrhogastra, oedura, montana, chrysogastra, jacquini, schreibersiana, nigra, Zootoca vivipara, montana, crocea, pyrrhog astra, guerini, Atropis nigra, Bergidechse. Lizard vivipare*). Ваглеръ возвелъ ее въ представительницы особаго рода (*Zootoca*), такъ какъ она произ-

водитъ на свѣтъ живыхъ дѣтенышей; новѣйшіе же зоологи не придаютъ этому отличительному свойству такого важнаго значенія, которое допустило бы подобное дѣленіе. Горная ящерица достигаетъ въ длину 15—18 см., изъ которыхъ 10—11 см. приходится на хвостъ, имѣющій у основанія такую-же толщину, какъ и туловище. Голова, туловище и пальцы имѣютъ немного болѣе тонкое и нѣжное строеніе, чѣмъ у обыкновенной ящерицы. Въ межчелюстной кости помѣщаются 7 зубовъ, въ верхней челюсти съ каждой стороны 16, въ нижней 16—21. Чешуйки относительно больше, чѣмъ у обыкновенной ящерицы, на спинѣ онѣ чуть-чуть килеваты, на шеѣ слегка зазубрены, на брюхѣ распределены въ 6 рядовъ средней

Горная ящерица. *Lacerta vivipara*. Паст. вел.

длины; къ нимъ съ каждой стороны можетъ быть причисленъ еще одинъ рядъ щитковъ, которые нѣкоторыми изслѣдователями не разсматриваются въ качествѣ брюшныхъ щитковъ, такъ какъ они почти сходны съ боковыми. Носовое отверстие находится въ соприкосновеніи съ рыльцевымъ щиткомъ; за нимъ лежитъ только одна чешуйка, а позади этой единственный передній уздечный щитокъ. Лапы обыкновенно длиннѣе головы. Основная окраска спины болѣе или менѣе темно-бурая, переходящая болѣе или менѣе ясно въ шиферный цвѣтъ, но во всякомъ случаѣ на серединѣ спины и на каждомъ боку образуетъ болѣе темныя полоски. Послѣднія много разъ мѣняются, ограничиваются наверху свѣтло-сѣрой или желтой линіей, а также отдѣльными бѣлыми или желтыми чешуйчатыми пятнами, кромѣ того имѣютъ темныя точки или глазки, которые сливаются въ продольныя полоски и т. д. Нижняя сторона по буровато или голубовато-сѣрому, желтовато-бѣлому,

шафранно-желтому или кирпичнаго цвѣта фону покрыта черными точками или пятнами; горло синеватое, но нерѣдко буквально розово-красное. Самецъ отличается отъ самки большею стройностью, болѣе плоской головой, вздутымъ основаніемъ хвоста, а также обыкновенно болѣе яркою окраской и рисункомъ. Почти черная разновидность, (*var. nigra*), попадающаяся тамъ и сямъ въ Альпахъ, по словамъ Мехели, передаетъ въ восточной Трансильваніи свою окраску дѣтенышамъ и является такимъ образомъ болѣе, чѣмъ простымъ и случайнымъ измѣненіемъ цвѣта.

Область распространенія горной ящерицы охватываетъ значительно большую часть сѣверной и средней Европы и простирается кромѣ того по всей сѣверной Азіи до Амура и острова Сахалина. Этой ящерицы нѣтъ, какъ кажется, къ югу отъ Альпъ, но на сѣверъ она доходитъ дальше, чѣмъ всѣ остальные виды ея семейства; по словамъ Нильсона, она водится въ значительномъ количествѣ въ средней Скандинавіи, и на фіельдахъ подымается до пояса березы; по Берману, она живетъ даже въ окрестностяхъ Архангельска, а въ Альпахъ ее находили на высотѣ до 3000 м. На такой высотѣ, какъ и на сѣверѣ, она проводитъ три четверти года въ зимней спячкѣ и наслаждается жизнью всего какихъ-нибудь два, много что 3 мѣсяца. На Кавказѣ она замѣняется родственнымъ видомъ (*L. praticola*). Въ Германіи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея совсѣмъ нѣтъ, на другихъ-же она попадаетъ часто, такъ напримѣръ, преимущественно въ горныхъ мѣстностяхъ и болотахъ. Въ Швабскихъ Альпахъ, въ Таунусѣ, Тюрингенскомъ лѣсу, Гарцѣ, Глацкихъ горахъ она такъ же многочисленна, какъ въ Альпахъ, въ голландскихъ дюнахъ, въ Бельгіи и въ сѣверной Франціи, а во всей Великобританіи не менѣе обыкновенна, чѣмъ на болотистыхъ мѣстахъ Бранденбурга, въ степяхъ ГанOVERA и Эстляндіи или въ области озеръ Финляндіи и въ южной части тундровой полосы Россіи. Гредлеръ замѣчаетъ вполне справедливо, что она любитъ жить по близости воды, «на горахъ въ сырыхъ ущельяхъ, при горныхъ ручьяхъ или въ водопроводахъ, въ долинахъ-же—на сырыхъ лугахъ, въ болотахъ и въ запрудахъ». Это касается какъ Тироля, такъ и Бранденбурга или Силезіи, гдѣ я ее наблюдаю. Фитцингеръ не безъ основанія называетъ ее болотной ящерицей.

По своему образу жизни, движеніямъ и привычкамъ горная ящерица очень мало отличается отъ родственной ей обыкновенной ящерицы. Но все-таки она менѣе проворна и рѣже лазаетъ, чѣмъ та, но зато плаваетъ чаще и легче послѣдней. Если послѣ грозового дождя на обитаемыхъ ею горныхъ лугахъ образуются лужи или болотца, то ее можно видѣть также бѣгающей вдоль по дну лужи и высаживающейся на другой сторонѣ, какъ будто-бы она понимаетъ, что это средство скорѣе можетъ спасти ее отъ преслѣдователя, который, оберегая свою обувь, не всегда пойдетъ вслѣдъ за нею въ воду. Если, преслѣдуя ящерицу, обходятъ лужу кругомъ, то живское нерѣдко снова поворачиваетъ той-же дорогой по дну болотца и такимъ образомъ дѣйствительно успѣшно уклоняется отъ поимки. На болѣе высокихъ горахъ горная ящерица держится замѣтно неповоротливѣе и медлительнѣе, чѣмъ въ глубокихъ долинахъ, но и здѣсь она такъ же приспособлена къ господствующей тутъ температурѣ воздуха, какъ и ея сородичи, живущіе на низменностяхъ. Человѣка она мало боится. На высокихъ горахъ, по Гредлеру, когда ея убѣжище внезапно откроется вслѣдствіе обвала камней, она обыкновенно не выкалываетъ ни малѣйшаго намѣренія убѣжать; въ болотахъ она также дается легче въ руки, чѣмъ всякій другой видъ.

Соотвѣтственно своему пребыванію въ сѣверныхъ странахъ или на высокихъ горахъ, горная ящерица появляется весной такъ рано, какъ это позволяетъ погода, именно въ болѣе теплыхъ мѣстахъ въ одно время съ обыкновенной яще-

рицей или даже раньше ея, на сѣверѣ же своей области распространенія, какъ и на горахъ, не раньше мая.

Можетъ быть въ зависимости отъ этого находится то, что время кладки уже созрѣвшихъ въ утробѣ матери яицъ или появленія на свѣтъ дѣтенышей бываетъ крайне различно. Межаковъ видѣлъ въ Вологодской губерніи, уже 29 іюня молодыхъ ящерицъ, а 1 августа находилъ еще беременныхъ самокъ. Весьма возможно, что болѣе старыя самки рожаютъ позже молодыхъ, а можетъ быть и то, что на размноженіе значительнымъ образомъ вліяетъ и господствующая въ тотъ годъ погода. Въ южной Германіи горныя ящерицы рожаютъ обыкновенно въ концѣ іюля и притомъ всегда ночью, 8, въ крайнемъ случаѣ 10 дѣтенышей. Родовой процессъ—впервые точно изслѣдованный Межаковымъ, происходитъ такимъ образомъ: передъ родами самка выказываетъ себя крайне безпокойной, скребетъ почву, съ времени до времени прижимается къ твердымъ предметамъ, закручиваетъ хвостъ, какъ-бы желая закинуть его себѣ на спину, позднѣе, иногда только по прошествіи цѣлаго дня, успокаивается и, наконецъ, вечеромъ становится на ноги, широко раздвинувъ ихъ, вытягивается, какъ будто желая испражниться, и нѣсколько минутъ спустя, повидимому безъ напряженій и болей, рождаетъ перваго, обыкновенно завернутаго еще въ яичную оболочку дѣтеныша. Приблизительно черезъ двѣ минуты выходитъ второе яйцо и т. д. Послѣ каждой кладки самка дѣлаетъ нѣсколько шажковъ впередъ, такъ что яйца, которыя сначала были прикрыты хвостомъ, ложатся въ рядъ. Между тѣмъ дѣтеныши стараются разорвать яичную оболочку, и не проходятъ и получаса, какъ они язъ нея выбѣгають. Мать, кажется, не расточаетъ имъ ни малѣйшаго участія, но бѣгаетъ туда и сюда, какъ только снесетъ послѣднее яйцо. Если же случайно она вполсѣдствіи и вернется къ яичнымъ оболочкамъ, то лишь для того, чтобы съѣсть тамъ то, что есть съѣдобнаго. Дѣтеныши проводятъ первые дни своей жизни въ полнѣйшей бездѣятельности, спятъ, свернувши хвостъ, въ щеляхъ и расщелинахъ земли, кажутся совершенно нечувствительными, но все же ощущають легчайшее прикосновеніе и пытаются освободиться отъ него. Они растутъ, не принимая пищи, замѣчательно быстро: тѣ, которые при рожденіи имѣли 15 мм. въ длину, черезъ 20 дней достигли 27 мм. Лейдигъ кормилъ ихъ травяными вшами, которыхъ онѣ съ жадностью поѣдали. По наблюденіямъ названнаго изслѣдователя, яичная скорлупа можетъ сбрасываться еще въ утробѣ матери и въ такомъ случаѣ происходитъ дѣйствительно роженіе живыхъ дѣтенышей. «Когда видишь», заключаетъ Лейдигъ, «какъ выходятъ ея свѣтъ 8—10 ящерицъ-дѣтенышей, то неволью поддаешься недоумѣнію, какъ такое значительное количество хорошо развитыхъ ящерицъ могло вмѣститься въ нѣжной, тѣсной утробѣ самки».

* * *

Въ странахъ, омываемыхъ бассейномъ Средиземнаго моря, водятся очень красивая и подвижная **Стѣнная ящерица** (*Lacerta muralis*, *Seps*, *Zootoca* и *Podarcis muralis*, *Lacerta vulgaris*, *tiliguerta*, *faraglionensis*, *fillolensis*, *melisellensis*, *fusca*, *serpa*, *saxicola*, *deilippii*, *portschinskii*, *sicula*, *archipelag.ca*, *lilfordi*, *Mauereidechse*, *Lezard des murailles*). Нѣмецкіе экземпляры достигаютъ длины въ 18—19 см., южно-итальянскіе 20—24 см.; они рѣзко отличаются отъ своихъ родичей строенностью своего туловища, длинной съ узкой мордой головой и очень остроконечнымъ хвостомъ, вмѣющимъ въ длину болѣе половины общей длины, и это отличие до того разительно, что ихъ едва-ли кто-нибудь можетъ смѣшать съ какою-нибудь другою ящерицею. Сзади носоваго отверстія помѣщается только одинъ щитокъ, три уздечныхъ щитка лежатъ въ одинъ рядъ; между щитками вѣкъ и

бровей находится четковидный рядъ мелкихъ зернистыхъ чешуекъ, служащій вѣрнымъ признакомъ, отличающимъ ихъ отъ другихъ нѣмецкихъ ящерицъ; въ центрѣ височныхъ чешуекъ выдѣляется въ большинствѣ случаевъ болѣе крупный щитокъ. Чешуйки спины и боковъ малы и кругловаты, вслѣдствіе чего спина выглядитъ какъ-бы покрытой зернами; почти четырехугольные брюшные щитки образуютъ шесть продольныхъ рядовъ; шейникъ цѣльнокрайній и безъ зубчиковъ. Зубовъ на крыловидной кости обыкновенно нѣтъ; въ межчелюстной кости находится 6 — 7, въ верхней челюсти съ каждой стороны 17 — 18, въ нижней-же 20—23 зуба. На счетъ окраски едва-ли можно сказать что-нибудь положительное. По Лейдигу, основная окраска спины у нѣмецкихъ экземпляровъ бурая или сѣрая, при яркомъ освѣщеніи, именно при солнѣчномъ свѣтѣ,— съ бровзого-зеленымъ отливомъ; на этомъ фонѣ выдѣляется темная, начинающаяся еще съ головы боковая полоса и пятнистый или облачный узоръ; въ промежуткѣ между боками и брюшкомъ выдѣляется продольный рядъ голубыхъ пятенъ; брюшко свѣтлѣе или темнѣе, переходя въ окраскѣ всѣ постепенные тона отъ молочно-бѣлаго къ желтому и до мѣдно-краснаго; иногда оно одноцвѣтное, зачастую съ облачнымъ или пятнистымъ узоромъ.

Между многочисленными разновидностями, подробное описаніе которыхъ для насъ не особенно важно, лишь немногія заслуживаютъ быть упомянутыми. Кромѣ только что описанной нѣмецкой формы, которую мы признаемъ за коренную, замѣчается вторая, южная, (*var. tiliguerta*), отличающаяся значительною величиною, болѣе крупною и высокою головою, болѣе толстою шею и преобладаніемъ въ окраскѣ зеленаго цвѣта. Она живетъ на берегахъ Средиземнаго моря. За черную разновидность основной формы признаютъ *var. melisellensis* съ маленькаго далматскаго острова Мелизелло; какъ на разновидность вышеупомянутой южной формы указываютъ на *var. saerulea*, живущую на скалахъ Фаральоне близъ Капри и *var. lilfolensis*, водящуюся на скалахъ Фильфола близъ Мальты; болѣе самостоятельную формую является *var. lilfordi* на скалистомъ островѣ Айре близъ Минорки. Изъ нихъ фаральонскіе и айрскіе экземпляры рѣзко бросаются въ глаза своею великолѣпною лазуревго-голубою окраскою сторонъ брюшка.

Эйлеръ признаетъ, что многочисленныя разновидности стѣнной ящерицы указываютъ на первоначальную продольно-полосатую форму, которая съ теченіемъ времени превратилась сначала въ пятнистую, а въ благоприятныхъ случаяхъ даже въ поперечно-полосатую форму. Что такіе узоры являются дѣйствительно вновь пріобрѣтенными признаками, доказывается тѣмъ, что молодыя и самки все еще придерживаются прежнихъ рисунковъ и окраски, тогда какъ самцы щеголяютъ уже во вновь пріобрѣтенномъ нарядѣ. Впрочемъ на молодыхъ, въ теченіи ихъ развитія, повторяется узоръ первоначальной формы; онѣ постоянно бываютъ полосаты.

Во всѣхъ странахъ, окружающихъ Средиземное море, стѣнная ящерица падается если не чаще всякаго другаго вида ихъ семейства, то во всякомъ случаѣ— въ громадномъ количествѣ и рѣшительно повсюду. Ее знаютъ во всей сѣверо-западной Африкѣ, средней и южной Европѣ, Малой Азии, на Кавказѣ и въ сѣверной Персіи. На многихъ маленькихъ островкахъ Средиземнаго моря это единственный встрѣчающійся тамъ видъ. Съ юга Европы она, повидимому, постепенно перекочевала въ центръ Европы, а равнымъ образомъ и въ Германію и вполнѣ утвердилась тутъ. Но все-же въ Германіи она не такъ широко распространена, какъ во Франціи и Бельгіи, и водится, насколько до сихъ поръ извѣстно, только въ Рейнскихъ областяхъ, въ особенности въ Баденѣ, Эльзасѣ, Вюртембергѣ,

Пфальцъ, Гессенъ, въ долину нижней Наа, отъ Кирна и Рейнгау, къ сѣверу до южной подошвы Зибенгебирге; съ другой-же стороны—въ Дунайской низменности, но внутри границъ населяемой области встрѣчается не всюду и, какъ показали неудачныя опыты, въ своей родинѣ акклиматизируется не сейчасъ. Зато въ Вюртембергѣ, по наблюденіямъ Клюнцингера, область ея распространенія постепенно расширилась безъ содѣйствія человѣка. Въ горахъ она поднимается, по словамъ Гредлера и Лейдига, до высоты болѣе 1500 м.

Въ южной Европѣ стѣнная ящерица живетъ прямо-таки въ поразительномъ, даже въ необыкновенномъ множествѣ. Здѣсь ее встрѣчаютъ буквально повсюду: какъ на пустынныхъ скалистыхъ островахъ, гдѣ рѣдко ступаетъ человѣческая нога, такъ и среди большихъ и многолюдныхъ городовъ, какъ на морскомъ берегу, такъ и внутри страны, какъ на низменностяхъ, такъ и на умѣренной высотѣ. «Даже на глыбахъ лавы», говоритъ Лейдигъ, «которыя еще не такъ разложились, чтобы дать развиваться настоящей растительной и животной жизни, стѣнная ящерица отвоевала себѣ мѣсто. Тѣ изъ посѣтителей Везувія, которые обращаютъ на это вниманіе, ясно замѣчаютъ, что вблизи кратера нѣкоторыя насѣкомыя еще летаютъ, а ящерицы проскальзываютъ черезъ лаву и сѣру». Забавнымъ образомъ выражается Кейслеръ, путешественникъ прошлаго вѣка, слова котораго Лейдигъ тоже приводитъ. «Другое неудобство, которое присуще Неаполю и другимъ итальянскимъ мѣстностямъ, заключается во множествѣ ящерицъ, зеленый видъ которыхъ повсюду встрѣчается въ огромномъ количествѣ. Весною ихъ сотнями видишь лежащихъ на плоскихъ крышахъ и грѣющихся тамъ на солнышкѣ. Онѣ ползаютъ по стѣнамъ вверхъ и внизъ, вслѣдствіе чего ни одна комната, двери и окна которой открыты, не обезпечена отъ ихъ вторженія. Съ самимъ мною было такой случай: когда я однажды на окно въ третьемъ этажѣ каменнаго дома положилъ на солнцѣ прсмокшія отъ дождя перчатки, то спусти нѣсколько минутъ въ одну изъ нихъ вползъ этотъ непрощенный гость, котораго я замѣтилъ только тогда, когда всунулъ руку въ перчатку». Въ долинахъ Рейна и Мозеля Нолль никогда не встрѣчалъ стѣнныхъ ящерицъ на возвышенностяхъ, а только у подошвы долины, въ отверстіяхъ не выложенныхъ цементомъ стѣнъ виноградниковъ и набережной, и всегда именно на тѣхъ мѣстахъ, которыя обращены на югъ. Мѣста, на которыхъ Бетхеръ въ большемъ числѣ встрѣчалъ этотъ видъ на Рейнѣ, лежали вообще на правой сторонѣ рѣки. Удостовереніе древнихъ, что ящерицы любятъ сосѣдство людей, можетъ подтвердить всякій, кто ихъ хорошо изучилъ, такъ какъ всѣ новѣйшіе изслѣдователи сходятся въ томъ, что численность ящерицъ увеличивается по близости людскихъ селеній; тамъ-же, гдѣ таковыхъ нѣтъ, ящерицы почти совсѣмъ исчезли.

Интересно описываетъ Гредлеръ ея пребываніе въ южномъ Тиролѣ. Никакое животное не можетъ произвести на сѣверянина, переходящаго лѣтомъ или осенью черезъ Бреннеръ, болѣе сильнаго и разительнаго впечатлѣнія, какъ стѣнная ящерица, которая тамъ кучами населяетъ всѣ солнечныя мѣста, заборы, шлабгаумы, стѣны домовъ, даже церковныя колокольни до самой верхушки. Всѣ туземцы съ замѣчательнымъ равнодушіемъ привыкаютъ къ этимъ неизбѣжнымъ живымъ звѣркамъ, шмыгающимъ туда и сюда, вдоль и поперекъ по огородамъ, между плодовъ, разложенныхъ для просушки, или занимающихся вознею и всюду сующихъ свою остренькую мордочку, привыкшую изслѣдовать рѣшительно все, что попадаетъ на пути. Такое добродушіе со стороны человѣка вызываетъ довѣріе животныхъ, такъ что даже живупція на свободѣ ящерицы берутъ изъ рукъ предлагаемыхъ имъ червей, трещающихъ мухъ и т. п. Гредлеръ такъ приручилъ къ себѣ одну стѣнную ящерицу, что она, будучи нѣсколько разъ накормлена имъ, обыкновенно сама по-

Л. ИТ. ШТАДЕРЪ И ПАТТНОТЪ С. П. В.

СТѢННАЯ ЯЩЕРИЦА.

являлась въ поддень у садоваго плетня и до тѣхъ поръ обращала въ его сторону свою головку, пока не получала своей доли». Совершенно иначе ведутъ себя умныя созданія тамъ, гдѣ они претерпѣваютъ преслѣдованіе, какъ напримѣръ, по словамъ Эйлера, на островѣ Капри, тогда какъ на рѣдко посѣщаемыхъ человѣкомъ фаральонскихъ скалахъ они такъ-же неустрашими, какъ и въ Тиролѣ.

По своимъ движеніямъ, образу жизни и повадкамъ стѣнная ящерица напоминаетъ большинство своихъ родичей съ зеленой окраской. Своей быстротой, живостью и ловкостью она далеко превосходитъ обыкновенную и горную ящерицу. Каждое ея движеніе совершается быстро, хотя въ то-же самое время не лишено и граціи. Въ проворствѣ стѣнныхъ ящерицъ пришлось однажды убѣдиться Ветхеру, когда онъ въ первый разъ взялъ съ собою домой пять этихъ животныхъ, положивъ ихъ въ жестянку. Закрывъ въ комнатѣ всѣ окна, онъ хотѣлъ вынуть свою добычу и пересадить ящерицъ въ пригодное для нихъ помѣщеніе. По ему не пришлось порадоваться на своихъ звѣрковъ. Удивительно быстро всѣ ящерицы выскочили изъ жестянки и бросились: одна подъ кровать, двѣ за книжный шкапъ, скорѣе мчась, чѣмъ убѣгая, а исчезновеніе двухъ остальныхъ такъ и осталось неразгаданнымъ, и въ результатѣ оказалось, что изъ пяти животныхъ ни одного не удалось снова поймать, даже ни одно изъ нихъ больше не попало въ глаза. Съ быстротою молніи эта ящерица носится по прямому направленію на дальнее разстояніе, такъ что глазу почти невозможно уловить тѣхъ змѣинообразныхъ извивовъ ея тѣла, которыя она при этомъ производитъ; но поразительнѣе всего она развертываетъ свою выдающуюся ловкость при лазаніи по отвѣснымъ стѣнамъ. Такой способности лазать по стѣнамъ и домамъ не имѣетъ никакой другой нѣмецкій видъ ящерицъ и вмѣсто всякихъ ученыхъ мудрствованій и кропотливыхъ сравненій чешуекъ и щитковъ, достаточно-бы было простого опредѣленнаго отвѣта на единственный вопросъ. «Ты ее поймалъ на отвѣсной стѣнѣ?» Малѣйшая неровность позволяетъ задерживаться ея длиннымъ, гибкимъ, далеко хватающимъ пальцамъ съ острыми когтями, и такимъ образомъ въ лазаніи эта ящерица въ состояніи соперничать съ гекко. Съ этою ловкостью въ полномъ соотвѣтствіи стоитъ бодрость ея духа. Вслѣдствіе своей многочисленности и частью обусловливаемаго этимъ общительнаго образа жизни, а можетъ быть также и изъ-за жадности къ корму, она самая сварливая и задорная среди нѣмецкихъ видовъ и почти постоянно ссорится съ другими представителями своего рода; даже и въ клѣткѣ она не мѣняетъ своего характера. Она на каждомъ шагу даетъ доказательства своего замѣчательнаго для пресмыкающихся ума и вообще правильнаго пониманія человѣка и существующихъ отношеній: основательное довѣріе, такъ-же какъ и справедливую недоувѣрчивость, она проявляетъ замѣтнѣе всякой другой ящерицы, такъ какъ ни одна изъ нихъ такъ тѣсно не связана съ человѣкомъ, какъ эта. Несмотря на это, она все-таки вдается иногда въ обманъ просто непостижимымъ образомъ. Эйлеру пришлось очень много потрудиться на островѣ Капри надъ ловлею стѣнныхъ ящерицъ, которыя, хотя и очень многочисленны здѣсь, но крайне трусливы и осторожны по отношенію человѣка, а между тѣмъ потомъ онъ узналъ, что туземные мальчики примѣняютъ почти безошибочное средство для ловли въ какомъ угодно количествѣ этихъ проворныхъ и ловкихъ звѣрковъ. Для этого мальчики берутъ длинный травяной стебелекъ и тонкій его конецъ завязываютъ петлей, плюютъ на нее, вслѣдствіе чего на этой петлѣ образуется тонкая плева изъ слюны, натянутая какъ въ рамкѣ. Завидѣвъ ящерицу, они ложатся или садятся на корточкахъ на землю, тихонько подкрадываются въ такомъ положеніи къ звѣрку и, вытянувъ всю длину руку, держатъ петлю надъ самой головой ящерицы. Она останавли-

вается какъ пригвожденная на одномъ мѣстѣ и удивленно всматривается въ рѣдкостное явленіе, забывая отъ любопытства даже свой страхъ; тѣмъ временемъ мальчикъ медленно притягиваетъ къ себѣ стебелекъ и сманиваетъ съ мѣста ящерицу, затѣмъ, выждавъ удобный моментъ, внезапно накидываетъ ей петлю на голову. Сначала Эйлеръ предполагалъ, что ящерицу привлекалъ въ этомъ случаѣ разноцвѣтный блескъ слюнной пленки, но впослѣдствіи онъ убѣдился, что ее можно приманить и одной петлей безъ слюны. Каждый разъ, когда послѣ этого открытія на своихъ отдаленныхъ прогулкахъ онъ пользовался услугами свѣдущихъ мальчиковъ, его охота за ящерицами увѣнчивалась блестящимъ успѣхомъ. Впрочемъ, это удивительное искусство вовсе не составляетъ новѣйшаго открытія: какъ намъ свѣдѣтельствуется одна изъ великолѣпнѣйшихъ, дошедшихъ до насъ, статуй древности (Зауроктоносъ) оказывается, что уже 2000 лѣтъ тому назадъ въ южной Италіи мальчики примѣняли совершенно такой-же способъ ловли.

На югѣ области своего распространенія стѣнная ящерица выдѣрживаетъ лишь короткую зимнюю спячку; въ южномъ Тиролѣ она скрывается только въ декабрѣ; а снова появляется уже въ серединѣ февраля, а на особенно солнечныхъ мѣстахъ въ видѣ исключенія показывается тамъ и сямъ въ теплую погоду даже среди зимы; на юго-западѣ Германіи она шныряетъ на вольномъ воздухѣ по крайней мѣрѣ до половины ноября, а въ первые-же солнечные дни весны опять показывается изъ своихъ зимнихъ убѣжищъ. Какъ только солнце станетъ грѣть жарче, къ стѣнной ящерицѣ возвращается ея бодрость и подвижность, а съ полнымъ возстановленіемъ силъ—и прежній воинственный задоръ. Зимой онѣ, по Гредлеру, пренебрегаютъ мясными мухами, покидающими, подобно имъ, свои убѣжища, до тѣхъ поръ, пока онѣ не достигнуть воды, т. е. до-сыта не напьются ея; позже, въ началѣ весны, когда голодь великъ, а въ пищѣ недостатокъ, онѣ зачастую теребятъ свои хвосты, которые, вслѣдъ за тѣмъ, преспокойно проглатываютъ, еще трепещущими. Настоящее значеніе этого вполне достовѣрнаго наблюденія, вѣроятно, то, что у ящерицъ уже въ раннее время года проявляется если не стремленіе къ спариванію, то во всякомъ случаѣ избытокъ силы и драчливость, вызывающіе собою тѣ драки и поѣданіе хвостовъ, о которомъ только-что говорилось. Всевозможная летающая и ползающая мелкая тварь: насѣкомыя, пауки, черви, а равно, по всей вѣроятности, и молодые слабые экземпляры ихъ вида и рода составляютъ также ихъ пищу:

* * *

Къ **Песчанымъ ящерицамъ** причисляются, по Буланже, всѣ настоящія ящерицы, у которыхъ или вовсе нѣтъ ошейника, или онъ обозначенъ весьма неясно, и у которыхъ пальцы на ногахъ по сторонамъ не бахромчатые. Отъ настоящихъ ящерицъ онѣ отличаются, кромѣ того, большими ромбоидальными, остро-килеватыми спинными чешуйками, расположенными въ видѣ кровельныхъ черепицъ и килемъ на нижней сторонѣ пальцевъ, которые у нѣкоторыхъ изъ четырехъ извѣстныхъ видовъ замѣняются узелками. Бедренныя железки у нихъ имѣются. Всѣ эти ящерицы живутъ въ юго-западной Европѣ и на противоположномъ берегу Африки.

Алжирская ящерица (*Psammadromus algirus*, *Lacerta algira cuvieri*, *Scincus*, *Tropidosaura* и *Psammuros algira*, *Algira barbarica algira*, *Kielechse*, *Lezardet*) самый большой видъ этого рода, достигающій въ длину 27 см., изъ которыхъ 19 см. приходится на хвостъ. Она необыкновенно многочисленна по всему сѣверо-африканскому берегу отъ Туниса до Марроко, но также живетъ въ Португаліи, Испаніи и на югѣ Франціи. При отсутствіи всякаго слѣда ошейника, она отличается

отъ другихъ видовъ своего рода еще своими брюшными щитками, совершенно равными по ширинѣ и расположенными въ шесть долевыхъ рядовъ. Если считать эти брюшные щитки, то туловище алжирской ящерицы окружено 30—36 рядами чешуекъ. Верхняя сторона туловища украшена блестящимъ бронзово-зеленымъ цвѣтомъ, отъ котораго по сторонамъ расходятся одна или двѣ золотистыя съ черною каймою долевая полосы; нижняя сторона серебристо-бѣлая съ отливомъ въ зеленое.

Алжирская ящерица. *Psammodromus algirus*. $\frac{3}{4}$ наст. вел.

У самцовъ надъ плечевой впадиной свѣтится синее съ черной каемкой пятно, за которымъ зачастую слѣдуютъ второе и третье, болѣе мелкія.

Фишеръ находилъ эту ящерицу въ большомъ количествѣ въ Алжирѣ, гдѣ она оживаетъ плетни, низкіе, тернистые кустарники и известковыя скалы, тогда какъ въ южной Франціи она никогда не встрѣчается на плетняхъ. «Въ окрестностяхъ Монпелье она избираетъ своимъ мѣстопребываніемъ преимущественно «пустыри», вывѣтренныя, растрескавшіяся известковыя скалы, наполненныя валунами, которыя обросли вѣчно-зелеными малорослыми дубами, тиміаномъ, розмариномъ, и можжевельникомъ и представляютъ картину безотрадной пустыни. Охота на нихъ,

столь легкая въ Алжирѣ, въ южной Франціи становится пробнымъ камнемъ нашей ловкости. Приходится скользить на каждомъ шагу по рыхлымъ, хрупкимъ валунамъ, ноги каждую минуту подвертываются и впередъ подвигаешься съ большимъ трудомъ и крайне медленно, тогда какъ въ высшей степени проворная ящерица шныряетъ съ быстротою молніи, всюду находя случай скрыться, благодаря кустообразнымъ, колючимъ группамъ карликовыхъ растений, о которыя только рвешь платье. Одному эту ящерицу почти невозможно поймать; надо быть вдвоемъ или втроемъ, потому что каждую минуту теряешь ее изъ виду, такъ какъ она вдругъ появляется тамъ, гдѣ ее совсѣмъ не ожидалъ. Ктому-же она шмыгаетъ такъ быстро, что даже ея очертаніе неясно видно. Улавливаешь только одну темную тѣнь, всего еще яснѣе выдаются золотисто-желтыя боковыя полосы, когда на нихъ падаетъ солнечный лучъ. Молодые значительно менѣе ловки, чѣмъ старыя и ловить ихъ гораздо легче.

«Ни мнѣ, ни одному изъ моихъ многочисленныхъ знакомыхъ ловцовъ ни разу не приходилось видѣть, чтобы алжирская ящерица при поимкѣ прыгала на человѣкѣ или даже кусала его. При схватываніи ея она только издаетъ громкій крикъ и кусается за палецъ или за руку, что однако дѣлаютъ и всѣ другія ящерицы, даже маленькій видъ *Algiroides*.

«Алжирская ящерица любитъ сухія, подвергающіяся дѣйствию вѣтра, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и очень теплыя мѣста. Въ тамошнихъ пустыряхъ нѣтъ ни ключей, ни ручьевъ. Животныя, вслѣдствіе этого, могутъ пользоваться только росой и дождемъ; но такъ какъ лѣтомъ въ южной Франціи почти не бываетъ дождей, то имъ приходится довольствоваться одной росой. По утрамъ ихъ можно видѣть, жадно облизывающихъ листья и поглощающихъ каждую каплю. Это самое благоприятное время для охоты, такъ какъ рано утромъ онѣ еще не совсѣмъ согрѣвшись. Часъ или два спустя, можетъ быть, только напрасно придется порвать себѣ сапоги, платье и поцарапать руки. Окончивъ утреннее питье, онѣ любятъ распластаться на горячихъ отъ солнца известковыхъ осколкахъ, причѣмъ дѣлаются совсѣмъ плоскими и широкими. Онѣ лазаютъ такъ же ловко, какъ и зеленыя ящерицы, и взлѣзаютъ на кусты, именно на можжевельные, чтобы грѣться на солнцѣ. Съ удовольствіемъ онѣ также закапываются въ песокъ, хотя не въ такой мѣрѣ, какъ ящерицы съ бахромчатыми пальцами.

«Въ неволѣ имъ необходимо устроить норки, въ которыя бы онѣ могли прятаться по вечерамъ или въ пасмурную погоду, сучки и растенія для лазанья и какой-нибудь растрескавшійся камень, подъ который бы онѣ могли подлѣзать. Къ сожалѣнію, ночью онѣ легко пугаются гекко или какихъ-нибудь другихъ ночныхъ жителей ихъ терраріума, и тогда, какъ сумасшедшія, принимаются бѣгать кругомъ. При ламповомъ освѣщеніи онѣ по большей части всѣ выходятъ наружу, ложатся подъ свѣтъ лампы, распластываются и поступаютъ совершенно такъ, какъ при солнечномъ свѣтѣ. Когда лампу унесутъ, онѣ зачастую остаются лежать на мѣстѣ до разсвѣта и при этомъ легко простуживаются. Изъ этого можно заключить, что умственныя способности этихъ красивыхъ животныхъ, несмотря на ихъ умные глаза, стоятъ совсѣмъ невысоко.

«Самая большая особенность, отличающая ихъ отъ всѣхъ ящерицъ, заключается въ ихъ голосѣ, который они издаютъ при схватываніи, а иногда также при испугѣ. Онъ звучитъ какъ довольно громкое, протяжное «тси» или «тситси». Есть экземпляры, которые, будучи посажены въ клѣтку или въ мѣшокъ, пищать зачастую по четверти часа; другіе же споконѣе предаются въ руки судьбы, а иные съ громкимъ визгомъ бѣгаютъ по терраріуму и, наконецъ, забиваются въ уголъ, гдѣ

и остаются надолго сидѣть съ широко разинутой пастью, пицать и насакиваютъ на протянутый палецъ или подставленное лицо. Последнее случается больше со старыми, только что пойманными алжирскими ящерицами.

«Въ періодъ спариванія самцы зачастую, громко крича, жестоко кусаютъ другъ друга. Въ другое время эти ящерицы по отношеніи другъ друга довольно миролюбивы. Въ неволѣ при хорошемъ, спокойномъ обращеніи онѣ очень скоро совершенно утрачиваютъ свою пугливость и легко привыкаютъ къ человѣку, такъ что ихъ можно сажать на столъ и кормить; только когда ихъ чѣмъ-нибудь испугнуть, онѣ быстро убѣгаютъ. Вообще движенія ихъ, такъ же какъ и у настоящихъ ящерицъ, отличаются спокойствіемъ и обдуманностью. У меня есть старый самецъ, который совершенно спокойно лежитъ у меня на колѣняхъ, ѣсть изъ рукъ мучныхъ червей и только медленно ползаетъ кругомъ.

«Зрѣніе алжирской ящерицы необыкновенно остро и служитъ ей лучшимъ вспомогательнымъ средствомъ при охотѣ на насѣкомыхъ и при самосохраненіи, такъ какъ онѣ видятъ приближающагося къ нимъ человѣка на дальнемъ разстояніи. Слухъ, обоняніе и вкусъ развиты одинаково хорошо. Въ кормѣ своемъ онѣ любятъ перемѣну. На свободѣ ихъ лица состоятъ преимущественно изъ мелкихъ кузнечиковъ, личинокъ богомоловъ, а также изъ маленькихъ бабочекъ всѣхъ видовъ, мухъ и столъ безчисленныхъ на пустыряхъ маленькихъ стрекозъ. При нуждѣ онѣ ѣдятъ также пауковъ, мокрицъ, тысяченожекъ и другихъ маленькихъ животныхъ. Я знаю только одинъ случай, заключаетъ Фишеръ, когда алжирская ящерица была приучена въ неволѣ къ сырому, наскобленному мясу, которое она подлѣ коонецъ стала предпочитать всему другому. Онѣ пьютъ много заразы и по долгу, но не часто».

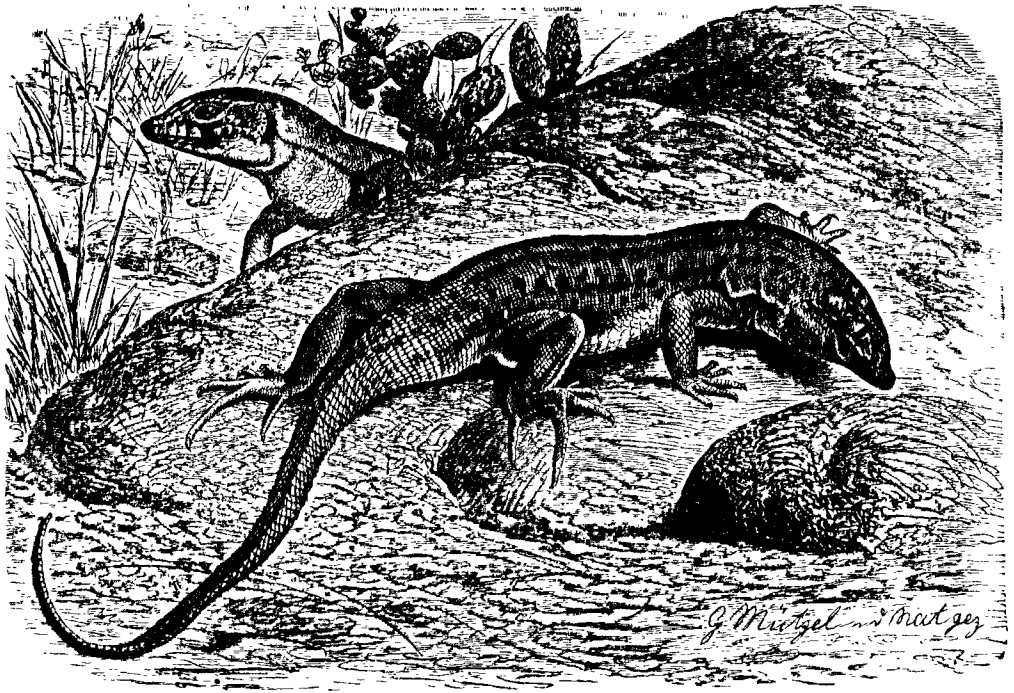
* * *

Гребнепалая ящерица (*Acanthodactylus*) отличаются отъ настоящихъ и алжирскихъ ящерицъ своими какъ бы гребенчатыми пальцами, снабженными по сторонамъ рядомъ бахромчатовидныхъ чешуекъ, вслѣдствіе чего съ нижней стороны они вдоль килеваты. Затылочнаго щитка у нихъ нѣтъ; носовое отверстіе помѣщается между двумя носовыми щитками и первымъ губнымъ щиткомъ; ошейникъ болѣе или менѣ развитый, всегда существуетъ. Десять видовъ этого рода населяютъ сухія и песчанія страны на югѣ Испаніи и Португаліи, всю Африку на сѣверъ отъ экватора и юго-западную Азію на востокъ до самаго Пенджаба.

Спинныя чешуйки, постепенно увеличивающіяся къ основанію хвоста, гдѣ онѣ крупнѣе, чѣмъ на затылкѣ, 8 или 10 рядовъ брюшныхъ щитковъ, остро-килеватыя верхнія хвостовыя чешуйки, только два большихъ щитка на вѣкахъ и очень слабо, но все же правильно гребенчатые пальцы,—вотъ отличительные признаки **Обыкновенной Гребнепалой ящерицы** (*Acanthodactylus vulgaris*, *Lacerta velox*, *pardalis*. *Acanthodactylus velox*, *belli*, *lineomaculatus*. Gemeiner Fransenfinger. *Lezard veloce*). Это стройное животное, длиною въ 18—20 см., изъ которыхъ 11—12 см. приходится на хвостъ. Этотъ видъ раздѣляется на двѣ разновидности — европейскую, живущую въ Испаніи и Португаліи, а поодиночно также и на югѣ Франціи и отличающуюся гладкими или лишь весьма слабо килеватыми спинными чешуйками, и—сѣверо-африканскую, населяющую Марокко, сѣверный Алжиръ и сѣверный Тунисъ и обладающую красивою окраскою сильно килеватыхъ спинныхъ чешуекъ. Молодыя ящерицы этого вида, живущія въ Испаніи, имѣютъ вдоль спины рѣзкія черныя и бѣлыя полосы, на бедрахъ бѣлыя круглыя пятна и сургучно-красный хвостъ; старые экземпляры болѣе или менѣ утрачиваютъ темныя долевыя полосы

и выглядят сѣроватыми или буроватыми, сохраняя лишь большею частью только слѣды долевыхъ полосъ, которыя образуются изъ черныхъ и свѣтлыхъ пятенъ; по бокамъ туловища, между сочлененіями, зачастую бываютъ большіе, синіе глаза.

«Гребнепалая ящерица», описываетъ Фишеръ, «существо крайне непостоянное, нелюдимое и буйное, но ея красивый покровъ тѣла съ розово-краснымъ хвостомъ и отважный нравъ дѣлаютъ ее въ высшей степени привлекательнымъ жителемъ терраріума. Она населяетъ теплыя, расположенныя на солнцѣ мѣста, и при опасности съ быстротою молніи скрывается между камнями и въ ямахъ, выкопанныхъ ею въ рыхлой землѣ. Поэтому ловля этой ящерицы не легка.

Гребнепалая ящерица. *Acanthodactylus vulgaris*. Наст. вел.

«Бѣгаетъ она толчками, при каждой остановкѣ высоко приподнимаясь на переднихъ ногахъ, тогда какъ заднія ноги складываетъ и раскорячиваетъ. Вслѣдствіе этого вся передняя часть туловища вмѣстѣ съ головою приподнята, а остальная часть лежитъ низко. Прежде чѣмъ бѣжать дальше или высматривать, нѣтъ ли гдѣ опасности, эта ящерица дѣлаетъ одно или нѣсколько кивательныхъ движеній сверху внизъ. Гребнепалыя ящерицы очень любятъ дневной свѣтъ, въ особенности солнечный. Онѣ чувствуютъ себя хорошо и выглядятъ бойкими только тогда, когда солнце во всей своей силѣ освѣщаетъ ихъ помѣщеніе; при пасмурномъ дневномъ свѣтѣ, если даже температура и достаточно тепла, онѣ по цѣлымъ часамъ лежатъ съ закрытыми глазами и грѣются. При яркомъ дневномъ свѣтѣ или во время солнечнаго сіянія ихъ поступки сильно мѣняются. Онѣ становятся оживленными, много бѣгаютъ кругомъ, катаются въ пескѣ, прячутся въ выкопанныя норки, чтобы тотчасъ же снова показаться въ другомъ мѣстѣ. Онѣ избѣгаютъ сырости, но всегда должны имѣть сосудъ съ водою, потому что онѣ пьютъ часто и подолгу.

«Онѣ прислушиваются ко всякому, даже къ малѣйшему шуму и при подо-

арительной тревогѣ обращаются въ паническое бѣгство. Къ холоду онѣ крайне чувствительны и тотчасъ же прячутся, когда температура воздуха начинаетъ понижаться. Однимъ изъ главныхъ условий ея благоденствія, кромѣ теплоты, служить свѣтлое мѣстоположеніе ея помѣщенія, такъ какъ онѣ ѣдятъ только тогда, когда проникаетъ самый яркій дневной свѣтъ.

«По моему опыту, гребнепалая ящерица никогда не дѣлается ручной, развѣ только до извѣстной степени довѣрчивой, такъ что, напримѣръ, свою пищу вытаскиваетъ изъ щипцовъ, но дальше этого дѣло не идетъ. Между собою онѣ крайне миролюбивыя животныя, если одинаковаго роста. Взрослыя гребнепалыя ящерицы, конечно, безжалостно пожираютъ молодыхъ и, слѣдовательно, болѣе слабыхъ животныхъ своего вида или другихъ родовъ ящерицъ. На свободѣ онѣ питаются всѣмъ, что въ состояніи осилить и переварить. Онѣ схватываютъ свою добычу сильными боковыми движеніями головы, которую онѣ тотчасъ же поднимаютъ вверхъ и проглатываютъ кусокъ съ лихорадочной поспѣшностью, причемъ глаза ихъ въ это время ворочаются во всѣ стороны, зорко присматриваясь къ окружающему, потому что даже и во время ѣды онѣ не забываютъ своей предосторожности, приобретенной опытомъ».

Сцинковыя (Scincidae. Wühlehsen), обнимающія собою многочисленное семейство, состоящее изъ 25 родовъ и 375 видовъ, также разнообразны по формѣ, какъ американскіе вараны и поясныя ящерицы: онѣ представляютъ собою, какъ обыкновенно выражаются, постепенные переходы отъ ящерицы къ змѣямъ, вслѣдствіе недоразвитости ногъ и удлиненія туловища. Ноги, если вообще и есть, то всегда короткія, у нѣкоторыхъ ихъ всего двѣ, у многихъ же онѣ совсѣмъ неразвиты: число пальцевъ измѣняется не только у различныхъ родовъ, но даже у отдѣльныхъ видовъ. Зубы прикрѣпляются своими корнями къ внутреннему краю зубного желобка; языкъ короткій, свободный, слегка зазубренный спереди и чешуйчатый; большею частью замѣтныя снаружи уши покрыты иногда чешуей; въ очень рѣдкихъ случаяхъ наружнаго уха совсѣмъ нѣтъ. Глаза имѣютъ крупныя зрачки и почти всегда подвижныя вѣки, изъ которыхъ нижнее и большее снабжено по срединѣ прозрачной кожей, какъ-бы окошечкомъ. Голова покрыта правильными щитками; спина, брюшко и бока—такими-же чешуйками, похожими на рыбью чешую и содержащими костное вещество. Боковой складки нѣтъ; также отсутствуютъ бедренныя и заднепроходныя железки.

Область распространенія сцинковыхъ очень обширна. Они живутъ во всѣхъ частяхъ свѣта отъ крайнихъ границъ умѣреннаго пояса до экватора; особенно они многочисленны въ Австраліи, на островахъ Великаго океана, въ Остѣ-Индіи и Африкѣ, тогда какъ въ Европѣ и Америкѣ имѣютъ мало представителей. Ихъ образъ жизни еще очень мало изслѣдованъ, и это тѣмъ болѣе прискорбно, что по тѣмъ немногимъ видамъ, которыхъ имѣли возможность наблюдать, можно судить, что сцинковыя обладаютъ столь-же своеобразными, сколь и привлекательными качествами.

Въ общемъ мы должны признать, что всѣ сцинковыя болѣе или менѣе привязаны къ землѣ и лазаютъ только въ видѣ исключенія и то лишь въ ограниченной степени. Зато они владѣютъ способностью, которой нѣтъ у большинства остальныхъ ящерицъ, именно: они могутъ, если и не съ такою силою, то все-же съ ловкостью крота, двигаться подъ поверхностью земли. Почти всѣ болѣе извѣстные виды имѣютъ свое пребываніе на сухихъ мѣстахъ и боятся или по крайней мѣрѣ избѣгаютъ воды, хотя и случается, что они могутъ попасться непосредственно на морскомъ берегу за предѣлами прилива. Лучшее всего они любятъ селиться

тамъ, гдѣ мелкій песокъ на далекое разстояніе покрываетъ почву, кромѣ того между валунами и между камнями обвалившихся скалистыхъ утесовъ, на стѣнахъ съ глубокими выемками и въ тому подобныхъ мѣстахъ, но только меньшинство видовъ, живущихъ въ области Средиземнаго моря, отыскиваетъ себѣ убѣжище и пищу въ имѣющихся здѣсь расщелинахъ и щеляхъ; большинство же копается въ песокъ и двигается подъ самой поверхностью земли съ поразительною быстротою. Ихъ болѣе или менѣе веретенообразное туловище, покрытое гладкими чешуйками, короткія недоразвитыя ножки и прозрачныя окошечки въ нижнихъ глазныхъ вѣкахъ вполне способствуютъ такому копанію и тогда только становится понятной вся цѣлесообразность ихъ строенія, когда наблюдаешь ихъ дѣятельность и поступки. Въ обыкновенной клѣткѣ, дно которой устлано тонкимъ слоемъ гравія и мха, конечно нельзя усмотрѣть никакихъ подобныхъ движеній; если же сцинковому предоставить просторное помѣщеніе и дно его усыпать по крайней мѣрѣ сантиметровъ на 6, лучше на 10 и даже больше мелкозернистымъ пескомъ, то приходится изумляться такъ же, какъ дивился я, глядя на плѣвныхъ халцидъ, а именно на тиглигу (Chalcides ocellatus), и на всѣхъ другихъ членовъ этого семейства съ одинаковымъ устройствомъ, какъ они тотчасъ же исчезаютъ въ этомъ песочномъ слоѣ, буквально вырываютъ въ него и затѣмъ взрываютъ его на различной глубинѣ по всѣмъ направленіямъ и даже, собственно говоря, плаваютъ въ песокъ. Все это, и въ особенности движеніе въ горизонтальномъ направленіи, производится съ такою же легкостью и быстротою, съ какою бѣгаетъ обыкновенно по землѣ, ничѣмъ не испуганная и не встревоженная ящерица. Если сцинковымъ, совершенно скрытымъ подъ пескомъ, но движенія которыхъ удобно можно наблюдать по колебанію песка, бросить на дно ихъ клѣтки какое-нибудь лакомство, напримеръ, мучного червя, то они тотчасъ же приближаются къ добычѣ, поднимаются вплотную къ самой поверхности, нѣсколько разъ дотрагиваются до червя языкомъ, который въ большинствѣ случаевъ пока одинъ только еще и виднѣется наверху, затѣмъ быстро высовываютъ головку изъ песка, схватываютъ жертву и съ нею или совсѣмъ выходятъ наружу, покидая свою настоящую сферу, и такъ же быстро, какъ вышли, снова исчезаютъ въ скрывающемъ ихъ слоѣ песка. По этимъ опытамъ, о которыхъ было извѣстно и раньше изъ подобныхъ же, но не столь подробныхъ наблюденій, можно вывести то заключеніе, что сцинковыя и на свободѣ поступаютъ приблизительно такимъ же или соответственнымъ образомъ и также охотятся подъ землею на всевозможныхъ мелкихъ животныхъ. Что сцинковыя, впрочемъ, не чужды и поверхности земли доказываютъ такъ же хорошо халциды, какъ и сепсы трехпалые, съ которыми мы познакомились ниже, или средне-американскій видъ семейства, описанный съ натуры Госсе.

Насколько намъ извѣстно, только два вида этого семейства: **Гигантскій сцинкъ** (*Macroscoincus costaei*, Riesenskink) съ острова Бранко изъ острововъ Зеленаго мыса и *Cocucia zebra*, съ Соломоновыхъ острововъ питаются растениями. Первый изъ нихъ, въ настоящее время гораздо чаще встрѣчающійся въ зоологическихъ садахъ, представляетъ собою, несмотря на свою нескладную вѣшность, совершенно безвредное и въ высшей степени добродушное животное и питается онъ исключительно плодами и ягодами. По странной случайности эти два вида сцинковыхъ, живущіе на такомъ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга, имѣютъ между собою еще вторую общую точку соприкосновенія: они—единственные виды семейства, у которыхъ хвостъ служитъ хватательнымъ органомъ.

О размноженіи ихъ мы имѣемъ еще мало свѣдѣній; однако извѣстно, что, за

исключеніемъ двухъ родовъ (*Macroscincus* и *Ablepharus*), всѣ остальные виды, которые были наблюдаемы въ этомъ отношеніи, рождаютъ на свѣтъ уже созрѣвшихъ въ утробѣ матери дѣтенышей, но не кладутъ яицъ. Число дѣтенышей колеблется между 2—10, смотря по различнымъ видамъ.

Во многихъ отношеніяхъ совершенно особенный образъ жизни сцинковыхъ могъ быть главной причиною того, что древніе египтяне, извѣстные какъ проницательные наблюдатели, и любители таинственныхъ толкованій, тщательно бальзамировали этихъ животнымъ и муміи умершихъ заключали въ маленькіе, искусно вырѣзанные гробики, представляющіе съ наружной стороны изображеніе упомянутой ящерицы; можетъ быть этотъ видъ сцинковыхъ, степная халцида (*Chalcides serpoides*) уже и тогда считался за животное, обладающее цѣлебною силою, какъ въ послѣдствіи другой родственной ему видъ, сцинкъ аптечный, о которомъ я буду говорить ниже. Въ настоящее время мы видимъ во всѣхъ сцинковыхъ только лишь болѣе или менѣе безвредныхъ и полезныхъ созданій, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ—зрелестныхъ и занимательныхъ плѣзниковъ. Между тѣмъ бедуины пустынь и пустынныхъ степей Сиріи и Палестины, которые мѣтко прозвали этихъ животныхыхъ «пескороями» — ревностно преслѣдуютъ ихъ, изъ за блага, нѣжнаго и вкуснаго мяса, которое они съ удовольствіемъ ѣдятъ, хотя благочестивый толкователь Корана и усмотрѣлъ бы въ немъ нечистую пищу.

Содержащіяся въ неволѣ сцинковыя очень привлекательны. Большинство изъ тѣхъ, которыя воспитываются въ тѣсномъ помѣщеніи, выдерживаютъ неволю очень хорошо, нѣкоторыя просто превосходно, скоро привыкаютъ къ потерѣ своей свободы, а также до извѣстной степени и къ воспитателю, причиняютъ самыя незначительныя хлопоты и своей красивой наружностью доставляютъ такое же удовольствіе, какъ и прочими своими качествами, такъ что остается только пожалѣть, что въ продажѣ такъ рѣдко можно достать живыхъ сцинковыхъ, особенно изъ крупныхъ видовъ.

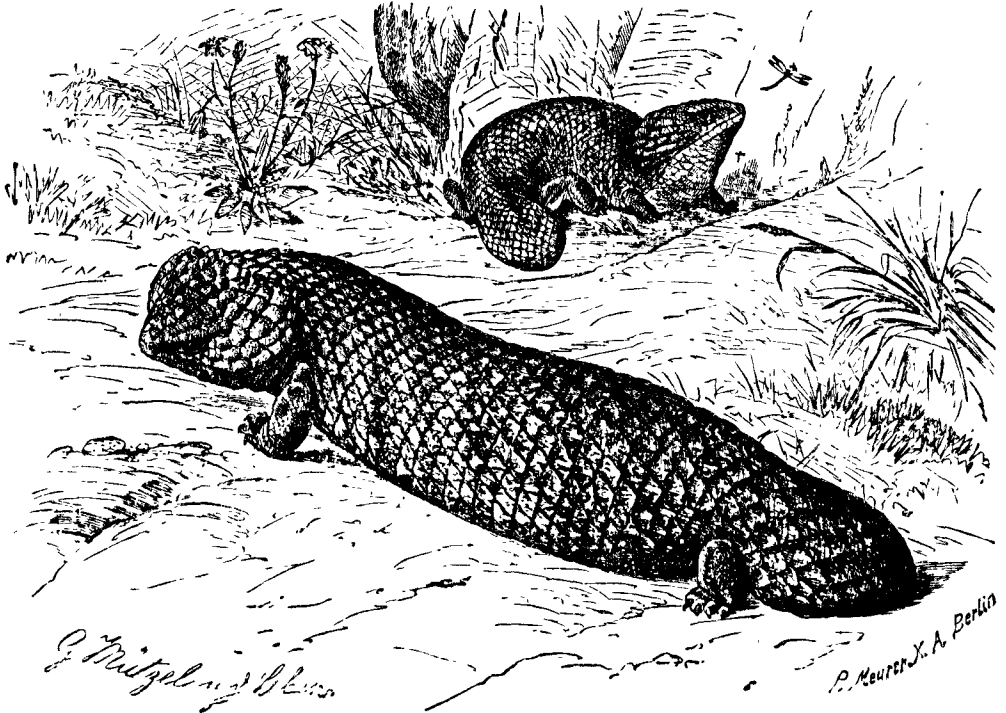
* * *

Чаще всѣхъ другихъ сцинковыхъ, за единственнымъ исключеніемъ южно-европейскаго и сѣверо-африканскаго тилигугу, мы встрѣчаемъ въ нашихъ клѣткахъ водящагося въ Австраліи **Короткохвоста** (*Trachysaurus rugosus*, *peroni*, *asper*, *typicus*, *Brachydactylus typicus*. Stutzechse); самый характерный признакъ, отличающій этого чешуйчатаго сцинка отъ другихъ, заключается въ своеобразномъ устройствѣ его хвоста. Короткохвость является представителемъ одноименнаго съ нимъ рода (*Trachysaurus*), состоящаго только изъ одного этого вида. Уже старый Дампьеръ въ 1698 г. даетъ описаніе этого страннаго животнаго. Тупо-пирамидальная голова замѣтно отдѣляется отъ короткой шеи, туловище длинное и толстое, замѣтно сплющенное, хвостъ очень короткій, широкій, плоскій и на концѣ закругленный, у самца немного длиннѣе и уже, чѣмъ у самки; четыре низкія, коренастыя ноги имѣютъ короткія лапы, снабженныя пятью мало отличающимися между собою пальцами, которые вооружены сильно изогнутыми ногтями. Большинство поперечныхъ пластинокъ, лежащихъ на нижней сторонѣ пальцевъ, по срединѣ раздѣлены. Вся верхняя часть тѣла покрыта очень толстыми, грубыми, неровными чешуйками, что придаетъ животному видъ еловой шишки; нижнюю же сторону покрываютъ болѣе тонкія, гладкія чешуйки. Верхняя часть тѣла короткохвоста по черноватому фону покрыта какъ-бы стертymi неправильными пятнами цвѣта желтаго рога и неправильными же поперечными полосами, которыя иногда такъ расширяются, что желтый цвѣтъ становится преобладающимъ; нижняя сторона имѣетъ болѣе или менѣе яркую желтую окраску съ бурными пятнами, мра-

морными разводами или полосами. Общая длина животного достигает самое большее 36 см., изъ которыхъ хвостъ занимаетъ пятую или шестую часть.

О жизни на свободѣ короткохвостовъ имѣется очень мало данныхъ, да и об ихъ жизни въ неволѣ тоже не могу сообщить многого. Хотя я ихъ и часто воспитывалъ, но ничего не замѣтилъ такого, что было бы достойно пространнаго описанія. Днемъ животныя спокойно сидятъ на одномъ мѣстѣ со скучающимъ видомъ, почти не мѣняя положенія, и пристально, но безучастно глядятъ въ пустое пространство. Ихъ движенія обыкновенно медленны, ползучія, такъ что туловище почти или даже совсѣмъ волочится по землѣ, приспособляя къ этому положенію и прочія свои жизненныя отправления. Короткохвостъ почти не въ состояніи прыгти

Короткохвостъ. *Trachysaurus rugosus*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

въ возбужденіе, даже въ тѣ минуты, когда его чѣмъ-нибудь дразнятъ, или же подманиваютъ кормомъ. Это очень нетребовательный плѣнникъ; онъ питается мелкими животными всѣхъ сортовъ, въ особенности личинками насекомыхъ и червями, а также ѣсть и сырое мясо, которое ему нарезаютъ мелкими кусочками. По Фишеру, онъ поѣдаетъ также сладкіе и сочные плоды. Къ сторожу онъ, повидимому, мало-по-малу привязывается и во всякомъ случаѣ привыкаетъ къ нему. При тщательномъ уходѣ онъ выживаетъ въ клѣткѣ очень долгое время.

По Гааке, короткохвостъ и родственныи ему *Cyclodus boddaerti* считаются живородящими не въ томъ смыслѣ, какъ остальные пресмыкающіяся, яйца которыхъ лопаются передъ самыми родами или вскорѣ послѣ того; но они дѣйствительно рождаютъ живыхъ дѣтенышей, какъ млекопитающія животныя, т. е. зародыши развиваются въ яйцеводѣ, какъ бы превращенномъ въ матку, и не облечены въ яичную скорлупу, образованную въ яйцеводѣ или еще въ яичникѣ. Такъ называемаго яичнаго зуба вовсе нѣтъ у созрѣвшаго для рожденія дѣтеныша, который

достигаетъ приблизительно въ длину половины роста матери. Размноженіе короткохвостовъ происходитъ въ южной Австраліи въ мартѣ; рождается два, рѣже три дѣтеныша; *Cyclodus* производитъ на свѣтъ 4 дѣтеныша.

* * *

Маленькія спячковыя, у которыхъ прозрачныя вѣки неподвижны и срослись между собою и, какъ у змѣй, покрываютъ и защищаютъ глазъ на подобіе часового стекла, образуютъ родъ **Зибеглазовъ** (*Ablepharus Natteraugen*). Представители этого рода живутъ въ Австраліи, юго-западной Азіи, юго-восточной Европѣ, въ тропической и южной Африкѣ, а одинъ изъ видовъ встрѣчается даже неправильно разсѣяннымъ по жаркимъ областямъ обоихъ полушарій.

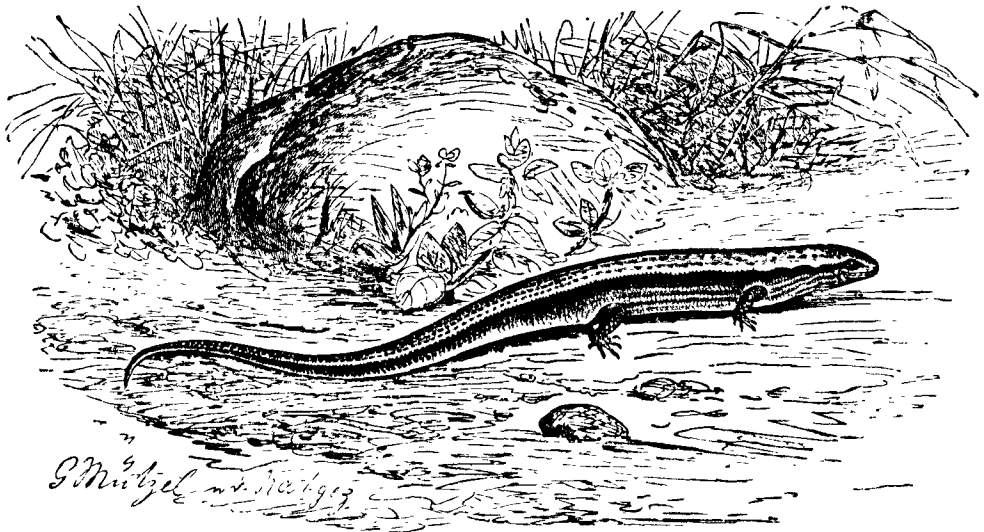
Въ этомъ родѣ, который помимо того отличается еще тѣмъ, что у нѣкоторыхъ экземпляровъ слуховой каналъ виденъ снаружи, у другихъ онъ спрятанъ подъ чешуйками, также встрѣчаются виды съ совершенно развитыми конечностями, или же такіе, у которыхъ конечности болѣе или менѣе недоразвиты. Десять изъ 15 извѣстныхъ видовъ владѣютъ пятью пальцами на переднихъ и заднихъ ногахъ, одинъ видъ имѣетъ 4 пальца на переднихъ и 5 на заднихъ: два вида снабжены четырьмя пальцами, кромѣ того есть по одному виду съ 3-мя пальцами и съ двумя на переднихъ и тремя на заднихъ ногахъ.

Изъ всѣхъ этихъ ящерицъ мы обратимъ вниманіе на **Венгерскаго гологлаза** (*Ablepharus rannonicus*, *Ablepharus kitaibeli*, *Riopa rueppelli*, *Johannisechse*, *Lezard de Rueppell*), потому что онъ встрѣчается въ сосѣдней Венгріи. Это миловидное созданіе имѣетъ удлинненное, цилиндрическое туловище, которое не отдѣляется ни отъ шеи, ни отъ длиннаго, круглаго, постепенно утончающагося хвоста, далеко отстоящія другъ отъ друга конечности, изъ которыхъ передняя пара короче задней, и внѣшній покровъ, состоящій изъ довольно однородныхъ, гладкихъ чешуекъ. Овальная, сверху довольно плоская голова покрыта щитками, числомъ около двадцати, различной формы, затылокъ 6 — 8 гладкими, короткими, широкими, шестиугольными щитками, расположенными въ два долевыхъ ряда; остальная часть спины—болѣе узкими, закругленными, шестиугольными чешуйками, раздѣленными на 4—6 долевыхъ рядовъ; грудь, брюхо и хвостъ одѣты подобными же образованиями. Основная окраска верхней стороны бронзовая оливково-бурая, отъ которой по срединѣ спины зачастую отдѣляются двѣ черныя долевые линіи; бока туловища немного темнѣе; отъ носового отверстія къ глазамъ тянется черноватая полоса, съ обѣихъ сторонъ окаймленная свѣтлымъ, которая продолжается къзади въ видѣ постепенно расплывающихся темныхъ боковыхъ полосъ; нижняя сторона зеленовато-серебристая. Длина достигаетъ 9—11 см., изъ которыхъ ровно половина идетъ на хвостъ.

Венгерскій гологлазъ живетъ преимущественно въ Венгріи и притомъ на склонахъ, покрытыхъ короткимъ дерномъ, но встрѣчается также и въ юго-восточной Европѣ, напримѣръ въ Греціи и Турціи, и кромѣ того въ Малой Азіи, Сиріи и сѣверной Аравіи и даже чаще, чѣмъ думаютъ. На него верѣдко можно натолкнуться въ городской рошѣ въ Пештѣ или на стѣнахъ Офенской крѣпости. Эрберъ упоминаетъ, что онъ получилъ два живыхъ экземпляра, воспитывалъ ихъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, кормя дождевыми червями, и что оба околѣли въ одинъ день; впрочемъ, онъ мнѣ писалъ потомъ, что въ послѣдствіи ему удалось сохранить на всю зиму этихъ нѣжныхъ и слабыхъ звѣрковъ. Лейдигъ нашелъ, что они по своему поведенію болѣе напоминаютъ веретеницъ, чѣмъ ящерицъ. Хотя они гораздо оживленнѣе нашихъ веретеницъ, но по крайней мѣрѣ совершенно сходны съ

ними въ томъ, что обыкновенно долго и усидчиво, какъ бы оцѣпенѣвши, прислушиваются, прежде чѣмъ пуститься въ бѣгство. Несмотря на все проворство, извивамъ тѣла двигающагося животнаго недостаетъ той гибкости, которая присуща настоящимъ ящерицамъ, причиною чего являются, по всей вѣроятности, костистыя таблички, изъ которыхъ состоитъ кожа. Такимъ образомъ они и въ этомъ отношеніи всецѣло принадлежатъ къ сцинковымъ.

По словамъ Фишера, венгерскій гологлазъ живетъ на дернистыхъ холмахъ и песчаныхъ мѣстахъ. Его движенія состоятъ изъ необыкновенно быстрыхъ изгибовъ, но онъ въ состояніи также легко взбираться по шероховатымъ стѣнамъ. Его незначительная величина, гладкость чешуекъ и полная беззащитность объясняютъ съ одной стороны боязливость въ характерѣ, а съ другой—ту ловкость, съ которою онъ умѣетъ прятаться. Только въ 4—6 часовъ пополудни звѣрекъ идетъ за пищей и снова съ наступленіемъ ночи уползаетъ въ нору. Сырость ему противна,

Венгерскій гологлазъ. *Ablepharus rannonicus*. Наст. вел.

но онъ все же пьетъ. Его зрѣніе лучше слуха. Онъ, въ отличіе отъ большинства своихъ сородичей, кладетъ яйца. Неволю онъ переноситъ годами, если только хорошо за нимъ ухаживать и давать соответственный кормъ въ видѣ мухъ, маленькихъ мучныхъ червей и личинокъ жуковъ.

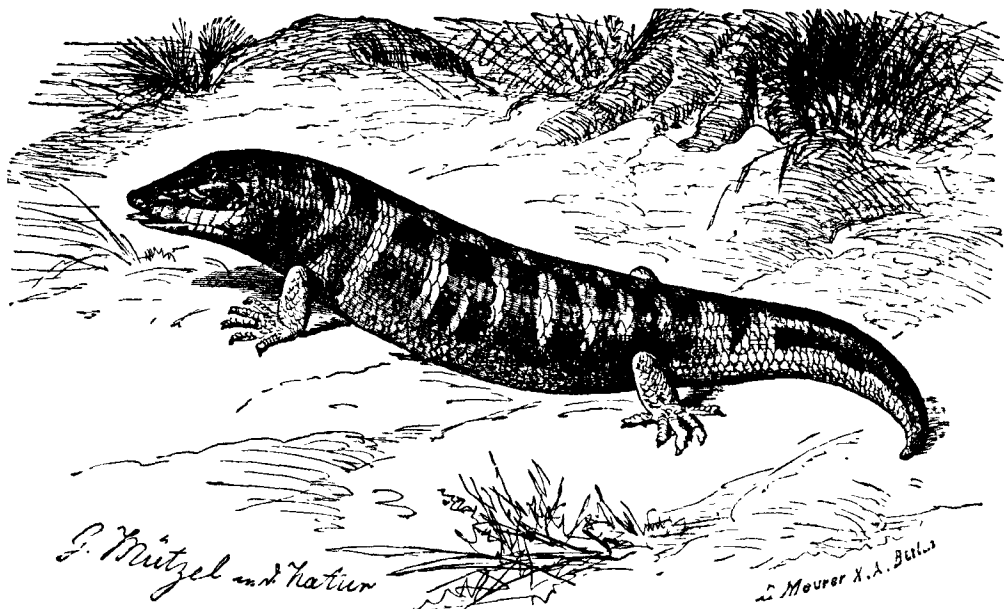
Другіе виды этого рода считаются характерными животными для среднеазиатскихъ степей, покрытыхъ короткимъ дерномъ.

* * *

Одинъ изъ сцинковъ, именно **Сцинкъ аптечный** (*Scincus officinalis*, *Lacerta scincus*. Skink. Scinque des pharmacies), представитель рода сцинковъ (*Sciacus*), обнимающаго собою 9 видовъ, названный въ библіи «хомечь» (Левитъ. Гл. 12, ст. 31) обрѣлъ въ древности большую славу и сумѣлъ долго поддержать ее. «Мясо этихъ животныхъ», говоритъ Геснеръ, «употребляется въ нѣкоторыхъ самыхъ благородныхъ лѣкарственныхъ средствахъ, какъ напримѣръ митридатъ и тому подобныхъ. Будучи примѣшено къ другимъ лекарствамъ, оно можетъ служить противъ апатичной слабости нервъ—Мясо этихъ животныхъ въ свѣжемъ или сушеномъ видѣ имѣетъ удивительную силу возбуждать въ мужчинахъ половую

дѣятельность и вести къ невоздержанности въ этомъ отношеніи. Пепель сожженнаго мяса, смѣшанный съ уксусомъ и масломъ, отнимаетъ отъ членовъ всякую чувствительность, такъ что ихъ можно даже рѣзать. Жиръ или сало этихъ животныхъ также употребляется, какъ возбуждающее средство и принимается внутрь; оно облегчаетъ также боль въ почкахъ.—Почки этихъ животныхъ способствуютъ плодovitости. Изъ внутренностей готовятъ куреніе, которое очень полезно противъ вялости матки.—Желчь, смѣшанная съ медомъ, отличное дѣкарство противъ бѣлымъ и темной воды въ глазахъ. Пометъ или калъ этихъ животныхъ, совершенно бѣлаго цвѣта, имѣетъ пріятный запахъ; въ аптекахъ онъ извѣстенъ подъ названіемъ *Crocodylea* и продается какъ косметическое средство для красоты лица, противъ пятенъ, веснушекъ и морщинъ».

Естественнымъ послѣдствіемъ этого заблужденія, которое и въ настоящее еще время находитъ распространеніе среди нѣкоторыхъ магометанъ, было то, что

Сцинкъ аптечный. *Scincus officinalis*. $\frac{2}{3}$ вѣст. вел.

сцинки сдѣлались предметомъ усерднѣйшаго преслѣдованія; ихъ ловили тысячами и вели прибыльную торговлю ихъ сушеными или сожженными въ пепель трупамп. Несмотря на это, мы еще мало знакомы съ образомъ жизни этого животнаго. Въ то время, какъ его сородичи распространены по пустыннымъ и степнымъ мѣстностямъ Сенегамбіи, сѣверной Африки, Аравіи, Персіи и Сивда, аптечный сцинкъ живетъ въ Сахарѣ и въ пустынныхъ береговыхъ мѣстностяхъ по Красному морю. Въ Египтѣ и Нубіи онъ не рѣдокъ, а въ алжирской и тропической Сахарѣ даже очень многочисленъ. Лефевръ, посѣтившій оазисъ Бахаріе, сообщил Дюмерилю и Виброну, что онъ встрѣчалъ сцинка преимущественно на маленькихъ песочныхъ бугоркахъ, наметенныхъ вѣтромъ, у подошвы деревьевъ и у изгородей, окружающихъ обработанную землю; здѣсь онъ потягивается подъ палящими лучами солнца въ полномъ покоѣ, только время отъ времени припрыгивая, чтобы схватить жука или какое-нибудь другое насекомое. Бѣгъ его быстрый; но при опасности онъ не старается спастись бѣгствомъ, а закапывается въ песокъ и притомъ съ такою удивительной ловкостью, что въ нѣсколько минутъ зарывается на нѣсколько метровъ

глубины. Тристрамъ, наблюдавшій аптечнаго сцинка въ западной Сахарѣ, во всѣхъ отношеніяхъ подтверждаетъ данныя Лефевра. Онъ никогда не видѣлъ сцинка, котораго тамошніе арабы называютъ, смотря по полу, «Сарарутомъ» и «Салгагой», на каменистой почвѣ, а всегда только тамъ, гдѣ почва покрыта рыхлымъ пескомъ, но здѣсь всюду цѣлыми толпами. Въ холодное время года онъ залѣзаетъ въ норы или въ подземные проходы и выдерживаетъ здѣсь зимнюю спячку; лѣтомъ днемъ его постоянно можно видѣть лежащимъ на солнцѣ, а ночью, при лунномъ сіяніи, бѣгающимъ кругомъ; будучи вспугнутъ, онъ на одно мгновеніе извивается и затѣмъ исчезаетъ вышеописаннымъ способомъ. По сообщеніямъ арабовъ, онъ питается не только всевозможными насѣкомыми, но нерѣдко ѣстъ также и скорпіоновъ.

У арабовъ Сахары аптечный сцинкъ такъ-же высоко цѣнится въ качествѣ питательнаго продукта, какъ и лѣкарства. Въ нѣкоторыхъ оазахъ, какъ напримѣръ въ Варгѣ и Туатѣ довлею его занимается значительная часть населенія. По мнѣнію Тристрама, основанному на собственномъ наблюденіи, жареный сцинкъ представляетъ собою дѣйствительно очень вкусное кушанье. Арабы сдираютъ кожу, высушиваютъ его, затѣмъ толкутъ въ ступкѣ его трупъ, пока онъ не превратится въ порошокъ, смѣшиваютъ его съ мякотью финика, все это укладываютъ въ кожаные мѣшки и продаютъ ихъ за хорошую цѣну караванамъ въ Туатѣ и проѣзжимъ торговцамъ.

Будучи пойманъ, сцинкъ поступаетъ такъ-же, какъ и другіе члены его семейства; хотя онъ и пытается улизнуть, но никогда при этомъ не кусается и не защищается своими когтями. Фишеръ, дающій интересное описаніе жизни аптечнаго сцинка на свободѣ, называетъ его кротомъ среди ящерицъ, который въ буквальный смыслъ слова «плаваетъ» въ пескѣ. При ловлѣ, однимъ ловкимъ движеніемъ его схватываютъ въ пескѣ; пересылаютъ и содержатъ его также въ самомъ мелкомъ, сухомъ пескѣ. Въ неволѣ онъ охотно пьетъ; его пища состоитъ изъ саранчи, жуковъ и мокрицъ. На пескѣ его движенія довольно медленны. Уже при температурѣ въ 18° по Цельзію сцинкъ приходитъ въ оцѣпенѣніе. Кусаясь, онъ испускаетъ шипящій звукъ. Зрѣніе—самое важное изъ его чувствъ. Главными его врагами являются сѣрый варанъ и одинъ видъ злыхъ ужей (*Zamenis diadema*)

Сцинкъ очень плотная ящерица съ короткими конечностями. На всѣхъ четырехъ ногахъ имѣется по пяти плоскихъ пальцевъ неодинаковой длины, по бокамъ бахромчатыхъ и раздѣленныхъ до самаго основанія; хвостъ коническій, голова съ клиновидно заостреннымъ рыльцемъ; верхняя челюсть выступаетъ надъ нижней и спереди немного притуплена. Носовое отверстіе помѣщается между верхнимъ и нижнимъ носовыми щитками, вѣки покрыты чешуйками, ухо скрыто подъ чешуйками. Чешуйки болѣе широкія, чѣмъ длинныя, закругленныя, гладкія, блестящія, желтоватой или буроватой окраски съ тонкими бурыми и бѣловатыми пятнышками и стержневыми черточками. По туловищу проходятъ зачастую нѣсколько бурыхъ поперечныхъ полосъ. Нижняя сторона одноцвѣтно-бѣлая, съ блестяще-жемчужнымъ отливомъ. Взрослые сцинки достигаютъ длины въ 21 см.

* *
*

Греческіе изслѣдователи обозначали названіемъ «Халцида», а позднѣйшіе римскіе—именемъ «сенсъ» одну въ высшей степени миловидную ящерицу, которую они легко могли наблюдать, и, несмотря на это, все-таки описывали какъ крайне страшное животное. Ея укусъ, будто-бы, тотчасъ-же вызывалъ гнойное воспаленіе или гангрену, и пострадавшій умиралъ черезъ нѣсколько дней; даже простое прикосновеніе къ ея тѣлу, по ихъ мнѣнію, влекло за собою большую опасность. Простой народъ въ Италіи еще и до сихъ поръ вѣрится въ ея ядови-

тость, хотя уже Соважъ и Четти описали это животное, какъ совершенно невнятное, безвредное и пріятное созданіе.

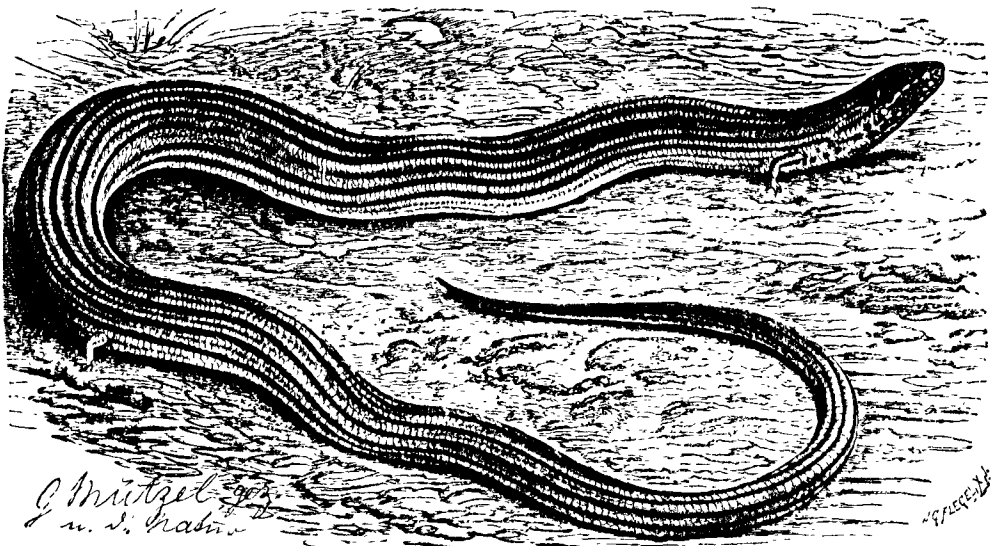
Сепсъ трехпалый (*Chalcides tridactylus*. *Zygnis chalcidica*. *Erzschleiche*), являющійся представителемъ рода халциды (*Chalcides*), по своей величинѣ и силѣ приблизительно равняется нашей веретеницѣ и на нѣкоторомъ разстояніи выгладить довольно похожимъ на нее; но, разсмотрѣвъ ближе, его тотчасъ-же можно отличить отъ веретеницы по четыремъ недоразвитымъ ножкамъ. 11 видовъ рода халциды, область распространенія которыхъ простирается отъ южной Европы до Африки, сѣвернѣе экватора и охватываетъ также юго-западную Азію отъ Сиріи и Аравіи до Синда, особенно замѣчательны тѣмъ, что они образуютъ собою непрерывный рядъ въ отношеніи развитія ихъ конечностей, потому-что пятипалые виды, какъ тилигугу, стоятъ на одномъ концѣ ряда, а виды съ нераздѣльными зачатками вмѣсто ногъ—на другомъ концѣ. Сепсъ трехпалый относительно развитія конечностей, занимаетъ центральное мѣсто въ средѣ своихъ сородичей. Голова у него заостренная съ тупымъ рыльцемъ, туловище цилиндрическое и очень удлиненное, хвостъ равномерно утончается до очень остраго кончика; на каждой изъ четырехъ недоразвитыхъ ногъ видны три зачаточныхъ пальца, вооруженныхъ едва замѣтными когтями. Второй палецъ всегда длиннѣе третьяго. Небо не имѣетъ зубовъ, челюсти снабжены простыми коническими зубами; на плоскомъ стрѣловидномъ языкѣ также замѣтны чешуйчатая бородавка. Покровъ тѣла состоитъ изъ маленькихъ, плотно прилегающихъ, красивыхъ, блестящихъ чешуекъ, которыя на головѣ переходятъ въ болѣе крупныя щитки и здѣсь замыкаютъ довольно большой срединный щитокъ. Носовое отверстіе помѣщается въ зазубринѣ рыльцеваго щитка, между этимъ послѣднимъ и очень маленькимъ носовымъ щиткомъ; нижнее вѣко имѣетъ прозрачное окошечко. Верхняя сторона тѣла окрашена въ блестящій бронзово-бурый или серебристо-сѣрый цвѣтъ одного тона или съ долевыми, близко стоящими другъ къ другу, но все-же раздѣльными полосками; нижняя сторона выгладить бѣловатой съ перламутровымъ отливомъ.

Этихъ черныхъ или бурыхъ полосъ насчитываютъ никакъ не больше шести, но всегда четное число. Взрослые экземпляры могутъ достигать въ длину 42 см., изъ которыхъ одна половина идетъ на туловище, а другая на хвостъ; ножки едва имѣютъ въ длину 8 и 12 мм.

Изъ прибрежныхъ странъ Средиземнаго моря Испанія, Сицилія, Сардинія, Тунисъ и Алжиръ служатъ родиною трехпалому сепсу. Въ южной Франціи, Испаніи и Португаліи, Марокко и въ одной части Алжира онъ замѣняется близко родственнымъ ему, но меньшимъ по величинѣ видомъ (*Chalcides lineatus*), который достигаетъ въ длину только 26 см.; у этой халциды второй и третій пальцы всегда одинаковой длины и спина ея украшена 9 или 11 (однимъ словомъ всегда нечетнымъ числомъ) полосками. Трехпалый сепсъ всюду встрѣчается въ громадномъ количествѣ, а въ Сардиніи, какъ выражается Четти, въ такомъ множествѣ, «какъ сухая трава на лугахъ». Для своего пребыванія онъ выбираетъ преимущественно сырые луга по той простой причинѣ, что здѣсь онъ скорѣе всего можетъ найти себѣ добычу: насѣкомыхъ, маленькихъ голыхъ улитокъ и червей. По образу жизни онъ необыкновенно напоминаетъ нашу веретеницу. Его маленькія ножки легко могутъ ускользнуть отъ вниманія; немудрено потому, что простолудинъ, которому бросается въ глаза только туловище и змѣевидныя движенія, принимаетъ сепса за змѣю; и дѣйствительно, сепсъ движется совсѣмъ какъ ужъ обыкновенный, а когда лежитъ спокойно, то свертывается такъ же, какъ и этотъ послѣдній.

Тѣмъ не менѣе, зачатки ногъ ему не совсѣмъ бесполезны, такъ какъ, когда онъ движется, видно, что и его маленькія ноги также работаютъ, по мѣрѣ силъ содѣйствуя движенію. Холода онъ боится больше всѣхъ остальныхъ родичей и скрывается въ норы даже раньше черепахъ; поэтому уже въ началѣ октября его больше не видишь и развѣ только можно отыскать глубоко въ землѣ, искусно подкопавъ ее. Онъ появляется снова только когда весна дѣйствительно вступаетъ въ свои права, и съ тѣхъ поръ начинаетъ свой лѣтній образъ жизни.

По Фишеру, трехпалый сепсъ рождается живымъ и питается маленькими насѣкомыми, пауками и улитками. Онъ любитъ солнце и требуетъ теплаго, обращеннаго на солнце помѣщенія съ пескомъ и камнями, подъ которые въ сумерки и забивается. Его кормятъ маленькими мучными червями и мухами и получаютъ отъ него большое удовольствіе, такъ какъ онъ скоро становится доврчивымъ и самъ приходитъ за получкой назначеннаго ему корма.

Сепсъ трехпалый. *Chalcides tridactylus*. Наст. вел.

Подобно нашей веретеницѣ, сепсу приходится страдать отъ многочисленныхъ враговъ. Его преслѣдуютъ многія млекопитающія, птицы и пресмыкающіяся и къ этому многочисленному союзу враговъ, которые по крайней мѣрѣ хоть пожираютъ его, стало бытъ пользуются имъ, присоединяется въ качествѣ злѣйшаго врага человѣкъ. Ему еще и до нынѣ это безвредное созданіе кажется крайне ядовитымъ животнымъ, такъ что онъ считаетъ себя обязаннымъ истреблять его всякими средствами. Даже болѣе культурные жители Сардиніи, которые отлично знаютъ, что сепсы или совсѣмъ не кусаются, или-же если и дѣлаютъ это, то укусы ихъ ни въ какомъ случаѣ не ведутъ за собою вредныхъ послѣдствій,—даже они говорятъ, что если рогатый скотъ или лошади проглотятъ сепса вмѣстѣ съ травой, то брюхо у нихъ странно вздувается, такъ что является неотложная необходимость во врачебной помощи; этимъ-то они также стараются оправдать повсемѣстное жестокое истребленіе сепсовъ. Кромѣ того трехпалыхъ сепсовъ преслѣдуютъ всѣ виды куницъ и вообще всѣ маленькія хищныя животныя такъ-же, какъ и соколы, вороны, сойки, аисты и даже куры.

Лит. ШТАДЛЕРЪ и ВАЙТНОФЪ С. П. Б.

ХАМЕЛЕОНЪ.

Червеязычныя (Rhiptoglossa).

Подотрядъ **Червеязычныхъ** (Rhiptoglossa. Wurmzüngler) характеризуется полными височными дугами, костянымъ мостикомъ, перекинутымъ отъ темени къ сосцевидной кости, непарнымъ сошникомъ, отсутствиемъ дужки и ключицы, расположениемъ пальцевъ и особеннымъ устройствомъ языка. Онъ заключаетъ въ себѣ только единственное семейство **Хамелеоновыхъ** (Chamaeleontidae. Chamäleons), которыя въ существенномъ настолько отличаются отъ до сихъ поръ поименованныхъ ящерицъ, что даютъ полное основаніе къ выдѣленію этой группы въ особый отрядъ.

Строго говоря, хамелеоновыя имѣютъ мало родственнаго съ другими ящерицами. Ихъ туловище сильно сжато съ боковъ, узкое и имѣетъ острый, выгнутый спинной хребетъ. Голова возвышается пирамидально, или же плоско сжатая, представляетъ обыкновенно украшенный гребнемъ шлемъ и въ рыльцевой части зачастую замѣчательно выдвинута впередъ въ видѣ костяного острія или кожистой лопасти, вообще она необыкновенно угловата; шея едва отдѣляется отъ головы. Сжатые, трехугольные, съ тремя болѣе или менѣе ясными остриями зубы помѣщаются на краю челюсти, небо всегда безъ зубовъ. Ноги представляютъ не менѣе своеобразное строеніе. Онѣ длинныя, тощія, цилиндрической формы, и всѣ почти одинаковой длины; пальцы, по пяти на каждой ногѣ, облечены по 2 и по 3 до самаго основанія ихъ предпоследнихъ суставовъ общей перепонкой и такимъ образомъ образуютъ два противоположащихъ пучка, слѣдовательно нѣчто вродѣ клещей, которые крѣпко и увѣренно обхватываютъ сучекъ, благодаря тому, что внутренняя ихъ сторона покрыта зернистой кожей. Всегда и всюду одинаково плотное прикрѣпленіе всего туловища къ мѣсту остановки достигается еще тѣмъ, что пальцы расположены очень своеобразно: на переднихъ ногахъ соединены вмѣстѣ три внутреннихъ пальца, а на заднихъ—три наружныхъ. Изъ этого видно, что ноги этихъ животныхъ относительно своего устройства единственныя въ своемъ родѣ. Хвостъ, служащій хватательнымъ органомъ, кругловатый, сильный, къ концу постепенно утончающійся и въ нижней своей части имѣющій способность свертываться спиралью. Онъ не такой хрупкій, какъ хвостъ многихъ ящерицъ и также не имѣетъ свойства снова срастаться, если его отдѣлить. Вмѣсто чешуекъ кожу покрываютъ маленькія зернистыя возвышенія, между которыми иногда попадаются болѣе крупныя зерна или бородавки, и всегда проходятъ тонкія складочки. Это свойство кожи допускаетъ значительную растяжимость.

Еще замѣчательнѣе, чѣмъ строеніе описанныхъ частей тѣла, являются, даже и для вниманія поверхностнаго наблюдателя, глаза хамелеоновыхъ. Они заключа-

ны, словно въ капсулю, въ толстыя вѣки и свободнымъ остается только очень маленькое круглое отверстіе для зрачка. Оба глаза въ своихъ движеніяхъ совершенно независимы другъ отъ друга, такъ что правый можетъ смотрѣть впередъ или вверхъ въ то время, какъ лѣвый смотритъ назадъ или внизъ, и наоборотъ. Эта, не встречающаяся еще ни у одного изъ пресмыкающихся подвижность, даетъ хамелеону возможность, не двигаясь, обозрѣвать всю окрестность и отыскивать добычу. Барабанной перепонки совсѣмъ нѣтъ.

Внутреннее строеніе не менѣ замѣчательно, чѣмъ вѣншнее и въ нѣкоторомъ отношеніи напоминаетъ строеніе первобытныхъ ящерницъ, именно динозавровъ, а также птицъ. Въ странномъ устройствѣ черепа бросаются въ глаза необыкновенно большія съ толстымъ ободкомъ глазныя впадины и заднія, необыкновенно развитыя, раковистыя и перпендикулярно опускающіяся небныя кости, нераздѣленная лобная кость и тонкія височныя кости. Присутствіе у хамелеоновыхъ столбика, отличающагося отъ столбика у ящерницъ только своею незначительною величиною, недавно доказано Долло. Шея состоитъ только изъ двухъ или трехъ, спина изъ 17—18, поясница изъ 2—3, крестецъ изъ двухъ, хвостъ изъ 60—66 позвонковъ, съ углубленіемъ спереди; 17—18 реберъ соединены въ средней линіи брюшной стороны посредствомъ хрящевой полоски; запястье образуется изъ пяти крѣпкихъ костей. Мы не станемъ подробно заниматься расположеніемъ мускуловъ и органовъ пищеваренія, а перейдемъ прямо къ тому, что Видерстеймъ открылъ у обыкновенныхъ хамелеоновъ чрезвычайно своеобразное устройство легкихъ, а именно—присутствіе множества слѣпыхъ отростковъ, которые объясняютъ намъ способность хамелеоновъ надуваться. Своеобразно устроенный языкъ, имѣющій важное значеніе въ жизни животного, заслуживаетъ подробнаго описанія. Если идти на сравненія, то можно сказать, что онъ напоминаетъ языкъ муравьяда и дятла, но все-же весьма существенно отличается отъ того и другого. Въ состояніи покоя онъ лежитъ свернутымъ въ пасти; при употребленіи же въ дѣло, можетъ выдвигаться на 10 и болѣе сантиметровъ и во всякомъ случаѣ за половину длины тѣла. Подъязычная кость, по словамъ Хустона, не имѣетъ связи съ дыхательнымъ горломъ и имѣетъ четыре рожка, длиною въ 2 см., и поразительно удлиненное тѣло, которое вытягивается на подобіе грифеля на 3 см., впередъ, служа опорой языку, когда тотъ находится въ состояніи покоя. Въ вытянутомъ положеніи языкъ имѣетъ толщину лебединого пера, на ощупь эластиченъ и сплющивается лишь немного, посрединѣ выглядит красноватымъ, а по обѣимъ сторонамъ почти на 2 см. отъ кончика, имѣетъ бѣлую полосу, на самомъ же кончикѣ нѣсколько толстыхъ полыхъ венъ, наполненныхъ кровью. Онъ приводится въ движеніе девятью мускулами съ каждой стороны, которые притягиваютъ рожки подъязычной кости къ грудной клеткѣ и отдергиваютъ назадъ. Подвижная часть языка состоитъ изъ трехъ частей: одна служитъ для схватыванія, другая для опоры и третья—влагалище; первая изъ нихъ лежитъ спереди, имѣетъ въ длину около 2,5 см. и 2 см. въ окружности; длина ея не измѣняется и при высовываніи языка, такъ какъ она окружена волокнистымъ влагалищемъ; ея передній, углубленный кончикъ покрытъ морщинистою слизистою оболочкою и выглядит какъ бы обмазаннымъ клейкою массой, которая выдѣляется нѣсколькими железами. Вторая часть лежитъ между первой и подъязычною костью и мѣняетъ свою длину, смотря по обстоятельствамъ. Въ спокойномъ состояніи она занимаетъ очень маленькое пространство, но при высовываніи языка двѣ очень большія язычныя артеріи, расходящіяся въ ней на безчисленное количество развѣтвленій, наполняютъ ее кровью и растягиваютъ. Стремительность, съ какою высовывается языкъ, происходитъ такимъ образомъ

вслѣдствіе этого дѣятельнаго притока крови въ сѣтъ кровеносныхъ сосудовъ, а не посредствомъ накачиванія воздуха, какъ прежде думали. Кровеносные сосуды наполняются приблизительно такъ же быстро, какъ вспыхиваетъ румянецъ на щекахъ человѣка; поэтому высовываніе и втягиванія языка происходитъ въ одно мгновеніе. Третья и послѣдняя часть языка представляетъ собою влагалищеподобную складку, въ которую можетъ втягиваться основаніе языка во время бездѣйствія.

«Стоя по цѣлымъ днямъ на одномъ мѣстѣ», говоритъ Ваглеръ, «животное съ извѣстною безпечною ожидаетъ добычи, которую пошлетъ ему случай. Ловля добычи вовсе не составляетъ цѣли этого пріятнаго покоя. Съ быстротою молніи языкъ высовывается изъ рта и издали схватываетъ насѣкомое, на которое онъ направленъ. Его стремительное выталкиваніе не въ состояніи поколебать туловище и сбить съ позиціи чудака, хотя-бы онъ и стоялъ на очень гибкой и гладкой вѣткѣ, такъ какъ сильный мускулистый хвостъ, которымъ онъ прицѣпляется сзади, не допускаетъ туловище сползать».

Весьма возможно, что своеобразное строеніе, серьезная наружность, медленная походка, внезапное выталкиваніе языка на добычу—все это вмѣстѣ привлекло вниманіе грековъ на это животное и заставило ихъ дать хамелеону прекрасное названіе «маленькаго» или «землянаго льва»; впрочемъ, какъ въ древности, такъ, и въ позднѣйшее время больше всего этого привлекало вниманіе какъ изслѣдователей, такъ и профановъ, свойство хамелеона перемѣнять цвѣта. Прежде предполагали, что животное можетъ мѣнять свою окраску по желанію; принимать, напримѣръ, цвѣтъ окружающаго и посредствомъ этого скрываться отъ враговъ; поэтому человѣка, мѣнявшаго свои убѣжденія, смотря по обстоятельствамъ и всегда къ своей личной выгодѣ, называли хамелеономъ и считали послѣдняго за эмблему холопеской угодливости льстецовъ и царедворцевъ. Одно уже имя это дало Тертуллиану матеріалъ для строгой критики противъ всякой фальшивой вѣрности и безыдства лицемѣровъ и хвастуновъ. Появлялись какъ ученѣйшія, такъ и самыя безграмотныя, какъ остроумнѣйшія, такъ и самыя недѣльныя разсужденія и толкованія по поводу этой измѣнчивости цвѣтовъ, которую мы, впрочемъ, замѣчаемъ еще въ большей степени и у другихъ ящерицъ, напр. у кровососа (*Salotes*); но до настоящаго времени существовало разногласіе въ мнѣніяхъ относительно этого, еще недостаточно разъясненнаго явленія, пока, наконецъ, Брюкке не рѣшилъ этого вопроса путемъ удачныхъ изслѣдованій.

Причина перемѣны цвѣта основывается на двоякомъ положеніи различныхъ красящихъ веществъ (пигментовъ), изъ которыхъ одно расположено подъ верхними слоями собственно кожи, но распространяется также въ соединительную ткань и здѣсь проникаетъ между ея частями; другое-же распространяется по всей кожѣ, находясь именно въ развѣтвленныхъ клѣточкахъ, которыя лежатъ подъ кожей или также въ главной массѣ кожистаго слоя. Первое изъ этихъ двухъ красящихъ веществъ даетъ бѣлый цвѣтъ, который, впрочемъ, снаружи становится обыкновенно болѣе или менѣе ярко-желтымъ; второе—буровато-чернаго цвѣта. Оба эти красящія вещества обуславливаютъ измѣнчивость цвѣта животнаго, смотря по тому, располагаются-ли они рядомъ или одно за другимъ, или-же проникаютъ одно въ другое. Если въ силу входитъ свѣтлый пигментъ, то кожа выглядитъ бѣлою или желтою, если въ него проникаетъ черный—то кожа становится бурюю или черною; промежуточные цвѣта образуются смотря по тому, въ какой мѣрѣ происходитъ просвѣтчиваніе одного пигмента чрезъ другой. Какимъ способомъ происходитъ самая перемѣна цвѣта и какія причины вызываютъ ее—это мы узнаемъ впоследствии.

Что хамелеоны не только по внутреннему и внешнему строению ихъ тѣла стоятъ совершенно особнякомъ среди пресмыкающихся, но также и по душевнымъ своимъ способностямъ занимаютъ среди нихъ особое мѣсто, въ этомъ приходится убѣдиться изъ того, что подвижность и вполне независимая дѣятельность каждаго глаза въ отдѣльности, способность языка высовываться съ поразительною стремительностью, главнымъ образомъ медлительность и спокойствіе въ движеніяхъ ихъ конечностей — все это постоянно вводитъ натуралистовъ въ заблужденіе относительно того, дѣйствительно-ли имѣешь дѣло съ ящерицами въ лицѣ этихъ странныхъ созданий.

Всѣ хамелеоны принадлежатъ Старому Свѣту или, вѣрнѣе, восточному полушарію, такъ какъ въ полномъ значеніи слова не имѣютъ въ Америкѣ ни одного родственнаго представителя. Они причисляются къ характернымъ животнымъ Африки и кромѣ того встрѣчаются только еще въ пограничныхъ странахъ сосѣднихъ частей свѣта. Изъ 55 извѣстныхъ намъ видовъ одна половина живетъ на Мадагаскарѣ и сосѣднихъ островахъ, а другая въ жаркихъ и умѣренныхъ странахъ Африки. Всего только одинъ видъ населяетъ области по берегамъ Средиземнаго моря; по одному также виду живетъ на островѣ Сокотора, въ южной Аравіи, Индіи и на Цейлонѣ. Различаютъ три рода хамелеоновыхъ, изъ которыхъ, кромѣ главнаго, собственно хамелеоновъ, особенный интересъ для насъ можетъ имѣть еще одинъ (*Rampholeon*), такъ какъ единственные два вида этого рода встрѣчаются въ Германскихъ владѣніяхъ: одинъ изъ нихъ въ восточной Африкѣ, а другой въ Камерунѣ.

Что касается ихъ размноженія, то намъ извѣстно, что большая часть видовъ кладутъ яйца, но что есть также виды, какъ **Карликовый хамелеонъ** (*Chamaeleon rufus*) съ его пятью ближайшими родичами, которые рожаютъ до 11 живыхъ дѣтенышей. Для нашей цѣли вполне достаточно описать только тѣ виды, которые встрѣчаются въ Европѣ.

Хамелеонъ обыкновенный (*Chamaeleon vulgaris*, *Lacerta chamaeleon*, *Chamaeleon cinereus*, *carinatus*, *siculus*, *africanus*, *hispanicus*, *parisiensium*, *Chamaeleon*, *Chamaeleon communis*), упомянутый въ Библии (Левитъ, 12 Гл. ст. 31), имѣетъ слѣдующіе отличительные признаки: спинной гребень у него зазубренъ только до половины, брюшной гребня, идущаго отъ подбородка до зада, совсѣмъ нѣтъ; на затылкѣ возвышается тупо пирамидальной формы шлемъ, который образуется изъ сильно выступающаго, загибающагося назадъ темнаго валика; туловище покрыто всюду одинаковыми маленькими чешуйками, которыя увеличиваются только на головѣ. На задней сторонѣ шлема, слѣва и справа, ясно обозначается кожистая лопасть, которая отдѣляетъ голову отъ шеи; ни на той, ни на другой парѣ ногъ шпорцевидныхъ кожистыхъ отростковъ нѣтъ. Относительно окраски мы поговоримъ ниже; вполне удовлетворительнаго описанія ея дать нельзя. Длина животнаго 24—28 см., изъ которыхъ половина отходитъ на хвостъ. Область распространенія обыкновеннаго хамелеона простирается отъ южной Испаніи черезъ большую часть побережья Средиземнаго моря: онъ живетъ въ Андалузій, во всѣхъ странахъ сѣверной Африки, отъ Марокко до Египта, въ Аравіи, Сиріи, на Кипрѣ, Самосѣ и Хиосѣ и въ Малой Азіи.

Всѣ хамелеоны придерживаются такихъ странъ, гдѣ хоть временами идетъ дождь или каждую ночь выпадаетъ такая сильная роса, что они во всякое время могутъ удовлетворить своей настоящей потребности—пить воды. На этомъ основаніи они селятся преимущественно въ береговыхъ странахъ и на островахъ. Впрочемъ хамелеоны попадаются также и въ пустыняхъ, но тамъ придер-

живаются исключительно тѣхъ мѣстностей, которыя находятся подъ влияніемъ моря и потому производятъ хотя скудную растительность. Другая ихъ потребность заключается въ высокихъ растеніяхъ, деревьяхъ или кустахъ, или, по крайней мѣрѣ, въ кустарникѣ, такъ какъ они вполнѣ древесныя животныя, которыя только въ видѣ исключенія сходятъ на землю (преимущественно для того, чтобы напиться или для кладки яицъ). Этимъ объясняется то обстоятельство, что во всѣхъ почти извѣстныхъ видахъ самокъ гораздо больше, чѣмъ самцовъ, которые зачастую украшены рожками или кожистыми лопастями на головѣ, и кромѣ того легко отличаются отъ самокъ тѣмъ, что у нихъ основаніе хвоста всегда утолщенное и вздутое вслѣдствіе выпяченныхъ половыхъ органовъ. Тамъ, гдѣ они живутъ, ихъ можно зачастую встрѣтить; при особенно благоприятныхъ обстоятельствахъ на небольшомъ разстояніи ихъ тамъ и самъ можно увидѣть цѣлую дюжину. Обыкновенно ихъ видишь маленькими обществами въ 3—6 штукъ, сидящими на кустѣ или на верхушкѣ дерева, такъ неподвижно, какъ будто бы это были приросшіе къ сучку древесныя наросты, и прикрѣпившись къ одной или нѣсколькимъ вѣткамъ своими четырьмя цѣпкими ногами и хвостомъ. Въ продолженіи цѣлаго дня всѣ ихъ движенія ограничиваются тѣмъ, что они то опускаются, то снова поднимаются по тому сучку, который избрали себѣ мѣстомъ отдохновенія и только какія-нибудь исключительныя обстоятельства заставляютъ ихъ измѣнять не только положеніе, но и мѣсто. Прославленный лѣнинецъ и всякое другое изъ подобныхъ существъ, живущихъ на деревьяхъ, движется больше и чаще, чѣмъ они, если только не принимать во вниманіе ихъ глаза и языкъ, такъ какъ глаза находятся въ непрерывной дѣятельности, а языкъ высовывается каждый разъ, какъ показывается добыча. Никакое другое позвоночное не подстерегаетъ свою добычу такъ настойчиво, какъ хамелеонъ: въ этомъ отношеніи его можно сравнить только съ низшими безпозвоночными животными, которыя какъ бы прирастаютъ къ скаламъ. Кому посчастливится напасть на это, не такъ то легко находимое существо, тотъ можетъ видѣть, какъ оба глаза животного постоянно движутся какъ бы толчками и высматриваютъ по различнымъ направленіямъ независимо одинъ отъ другого. Если продолжительный постъ не возбудитъ въ немъ слишкомъ сильнаго аппетита, то хамелеонъ остается въ одномъ положеніи даже тогда, когда ему удастся высмотрѣть насѣкомое, и спокойно выжидаетъ, когда оно сядетъ на вѣтку или на листь въ удобномъ разстояніи отъ него. Какъ только это произойдетъ, голова хамелеона поворачивается къ насѣкомому, оба глаза обращаются впередъ, ротъ медленно раскрывается, языкъ высовывается, приклеивается къ добычѣ и втягивается назадъ; иногда замѣчается быстрое жевательное движеніе челюстей и затѣмъ животное становится опять такимъ же неподвижнымъ, какъ прежде. Но если ему долгое время не было удачи въ охотѣ, то онъ на самомъ дѣлѣ пускается преслѣдовать высмотрѣнное насѣкомое на цѣлый метръ разстоянія, но все же не покидалъ того куста, на которомъ сидитъ.

Во время моего пребыванія въ Александріи, я однажды держалъ въ комнатѣ до 20 живыхъ хамелеоновъ. Они всѣ достались мнѣ въ одинъ и тотъ же день и съ самаго начала подѣлили между собою отведенное имъ помѣщеніе. Они разсѣлись на каждомъ выступѣ, на подоконникахъ, на дверныхъ карнизахъ, на ружьяхъ и чубукахъ, стоявшихъ въ углу, на столахъ, стульяхъ, ящиккахъ и коробкахъ, и каждый оставался на своемъ мѣстѣ по возможности долго. Посредствомъ посуды, наполненной медомъ, я приманивалъ для нихъ насѣкомыхъ, въ особенности мухъ; но какъ бы много ихъ туда ни слеталось — голодь моихъ плѣнниковъ былъ неутолимомъ, или же избранныя ими стоянки были такъ неблагоприятны,

что волей-неволей имъ приходилось пускаться въ дальнія прогулки. Эти выходы вначалѣ постоянно доставляли имъ много мухъ; но когда я затворилъ окно и тѣмъ прекратилъ доступъ новыхъ роевъ, охота сдѣлалась труднѣе, потому что мухи замѣтили преслѣдованіе и осторожно избѣгали приближавшихся враговъ. При этомъ мнѣ неразъ пришлось подивиться неистощимому терпѣнію хамелеонъ.

Одинъ изъ моихъ звѣрковъ, укрупившійся на спинкѣ стула, сначала сталъ по всѣмъ направленіямъ ворочать глазами, пока наконецъ не замѣтилъ на со-сѣднемъ стулѣ муху. Открытіе свое онъ подвергъ тщательной провѣркѣ и затѣмъ, повидимому, извѣсилъ всѣ случайности. У него, очевидно, была еще слабая надежда на то, что муха, удаленная отъ его рыльца на 10 см., усядется на спинку стула; но, къ сожалѣнію, эти радужныя мечты не осуществились. Тогда хамелеону приходитъ великая мысль и онъ спѣшитъ по своему привести ее въ исполненіе. Осторожно освобождаетъ онъ одну изъ переднихъ ногъ, тихонько приподнимаетъ ее приблизительно на 1 см. отъ прежняго положенія, медленно переноситъ ее, можетъ быть, сантиметра на 2 дальше и снова крѣпко прицѣпляется ею; черезъ нѣсколько мгновеній послѣ этого петля хвоста распускается, эта пятая рука также вытягивается, снова прикрѣпляется и теперь животное можетъ передвинуть и одну изъ заднихъ ногъ. Послѣ этого весьма естественно ожидаешь, что и передняя лапа противоположной ноги будетъ передвинута, но скоро замѣчаешь, что хамелеонъ не придерживается въ ходѣ общаго правила, но переставляетъ то одну ногу за другой одной и той-же стороны, то попеременно переднюю и заднюю ноги. Одинъ глазъ пристально слѣдитъ за мухой, другой еще непрерывно вращается, какъ будто-бы онъ съ своей стороны долженъ охотиться самостоятельно. Муха продолжаетъ сидѣть: можно слѣдовательно подвигаться впередъ. Съ крайне забавною, но, несмотря на то, мучительною медлительностью спускается терпѣливый хищникъ по спинкѣ стула, впередъ на сидѣніе, съ удивительною ловкостью взбирается снизу на столъ и послѣ неописанныхъ усилій, карабкаясь и цѣпляясь, добирается до края доски. Оба глаза вращаются теперь такъ быстро, какъ только могутъ; муха, къ счастью, продолжаетъ сидѣть еще на томъ же самомъ мѣстѣ, наконецъ она входитъ въ поле зрѣнія, и дальнѣйшія движенія хамелеона снова становятся правильными. Наконецъ онъ достигаетъ соответственной близости, челюсти его уже открываются и показывается головка кончика языка: но озабоченная муха, жужжа, улетаетъ, а хамелеонъ только глядитъ ей вслѣдъ. Снова глаза начинаютъ вращаться и долгое время совершенно напрасно; наконецъ, по крайней мѣрѣ одинъ изъ нихъ неожиданно устремляется куда-то въ дальній уголъ, и дѣйствительно, тамъ снова усѣлась муха, если и не та-же самая, то во всякомъ случаѣ другая. Теперь, кажется, досада на неудачную попытку заставляетъ хамелеона ускорить шаги, такъ какъ онъ съ поразительною поспѣшностью спускается на столъ, и съ широко разставленными ногами, пользуясь хвостомъ въ качествѣ подпорки, шагаетъ по плоской поверхности, хотя очевидно съ большимъ трудомъ, но все-же гораздо скорѣе, чѣмъ это можно было ожидать отъ него. Длинный чубукъ служить ему удобной лѣстницей, и черезъ нѣсколько минутъ вершина его счастливо достигнута. Но если-бы чубукъ былъ на 15 см. длиннѣе! Когда нашъ хамелеонъ достигаетъ его конца, онъ, послѣ минутнаго размысленія, замѣчаетъ, что ему не хватаетъ этихъ 15 см. Муха сидитъ тамъ, повидимому, съ невозмутимымъ спокойствіемъ, но внѣ выстрѣла; долго долго оба глаза неподвижно виваются въ нее: муха остается на томъ-же мѣстѣ, и хамелеонъ также. Возможно, что она съ теченіемъ времени приблизится на нѣсколько сантиметровъ; возможно также, что прилетитъ и другая. Въ противномъ случаѣ нашъ хамелеонъ остается на своей позиціи,

занятой съ такимъ трудомъ, до тѣхъ поръ, пока не улетитъ счастливо подмѣченная добыча и не подвернется гдѣ-нибудь другая.

Неоднократно утверждали, что хамелеонъ при всемъ своемъ желаніи не въ состояніи сдѣлать въ теченіи дня болѣе нѣсколькихъ шаговъ. Но изъ моихъ наблюденій я убѣдился, что это вовсе не вѣрно. Когда онъ захочетъ, то въ теченіи одного часа можетъ пройти относительно порядочное разстояніе. Нѣкоторые изслѣдователи высказывали мнѣніе, что будто-бы хамелеонъ не можетъ плавать, потому что у этого животнаго не только глаза, но и обѣ половины мозга, а вслѣдствіе этого и обѣ половины тѣла совершенно независимы одна отъ другой. Я же того мнѣнія, что хотя хамелеону и нечасто приходится переплывать рѣки, но сомнительно, чтобы онъ пошелъ въ такихъ случаяхъ ко дну, такъ какъ ему достаточно при этомъ только надуться, что онъ и безъ того часто дѣлаетъ, чтобы обезпечить себя отъ погруженія въ воду.

Относительно перемѣны въ окраскѣ кожи обыкновенно составляютъ себѣ ложное представленіе. Нѣкоторые думаютъ, что хамелеонъ имѣетъ свойство внезапно проявлять на своей кожѣ всевозможные оттѣнки и переходы всѣхъ, какихъ только можно представить себѣ цвѣтовъ, что онъ безконечно можетъ примѣняться по окраскѣ къ разнымъ обстоятельствамъ, въ какихъ приходится ему обрѣтаться, и потому, по желанію, въ состояніи принимать какой угодно цвѣтъ; вообще полагаютъ, что перемѣна окраски зависитъ отъ произвола животнаго. Но всѣ эти мнѣнія болѣе или менѣе несправедливы. Обыкновенно хамелеонъ выглядит зеленоватымъ, похожимъ по цвѣту на листь; но онъ далеко не всегда можетъ принимать, по желанію, окраску того предмета, на который его посадятъ. Въ цвѣтъ его кожи встрѣчаются всѣ переходы отъ оранжеваго черезъ желто-зеленый до сине-зеленаго и оттѣнки и переливы всѣхъ этихъ цвѣтовъ въ отдѣльности, переходящіе черезъ сѣрый или сѣро-бурый въ черный, бѣлый, мясо-красный, ржаво-бурый, фіолетово-синій и сине-сѣрый; кромѣ того бываютъ еще перемѣны цвѣтовъ, образуемыя тонкими, плоскими, шестиугольными клѣточками кожи, лежащими надъ верхнимъ слоемъ кожи. Всѣ измѣненія окраски происходятъ съ извѣстною правильностью или вслѣдствіе внѣшнихъ вліяній, или же вызываемыя какими-нибудь душевными движеніями или общими ощущеніями, напримѣръ: голодомъ, жаждою, потребностью покоя, пресыщеніемъ, сладострастіемъ и т. п. Однако всѣ эти перемѣны не у всѣхъ экземпляровъ совершаются одинаковымъ образомъ или съ одинаковыми послѣдствіями. Точно также не всѣ части тѣла подвержены такой способности мѣнять окраску: желтая полоса, идущая отъ подбородка къ заду, т. е. такъ называемая нейтральная линія, и тоже желтая внутренняя часть лапъ на обѣихъ парахъ ногъ никогда не мѣняютъ своего цвѣта. Внутренняя сторона предплечья и бедра подвергаются тоже лишь весьма незначительнымъ измѣненіямъ.

Фанъ-деръ Хувенъ сдѣлалъ очень точныя наблюденія надъ измѣнчивостью окраски тѣла хамелеона и изобразилъ это животное въ различныхъ цвѣтахъ. По сторонамъ замѣчаются двѣ широкія, свѣтлыя долевыя полосы и разсѣяныя между ними отъ головы до хвоста и отъ спины до брюха темныя, круглыя крапины, которыя больше другихъ мѣстъ подвержены измѣненію. По утрамъ, когда животное болѣе или менѣе покойно, кожа его обыкновенно желтоватая, а обѣ полосы выглядят красноватыми; крапины тоже или вовсе незамѣтны, или очень мало. Днемъ, немного поздне, цвѣтъ кожи выглядит почти такимъ-же, безъ большой перемѣны, полосы-же становятся бѣловатыми, а крапины темно-зелеными; кромѣ того по спинному хребту выступаютъ темныя тѣни. Если животное взять въ руки утромъ, то также выступаютъ зеленныя пятна. Въ возбужденномъ состояніи кожа

становится зеленоватою, брюхо синеватымъ, полосатость бѣлою, а крапъ чернымъ. Иногда животное выглядит красновато-бурымъ, полосы тогда свѣтлѣе, крапины и тѣни почти совершенно исчезаютъ. Этимъ, впрочемъ, вовсе еще не исчерпывается измѣнчивость красокъ. Я замѣтилъ, что два хамелеона во время спариванія принимали молочно-бѣлую окраску, а когда ихъ сердили, они становились почти совершенно черными; другіе изслѣдователи видѣли хамелеоновъ съ блѣдно-красными, пурпуровыми и фіолетовыми крапинами. Въ общемъ окраска и узоръ тѣмъ ярче, чѣмъ здоровѣе и воспріимчивѣе животное. Но и это правило не безъ исключенія. Что свѣтъ и теплота также имѣютъ существенное вліяніе на окраску, это можно доказать опытами. «Если кому-нибудь вздумается посмотреть, какъ быстро мѣняется окраска хамелеона», говоритъ Ленцъ, «тому стоитъ только сидящаго въ прохладномъ мѣстѣ хамелеона взять въ руки или согрѣть какимъ-нибудь инымъ способомъ». Иногда для этого не требуется даже и теплоты: одного слабого свѣта уже достаточно, чтобы вызвать измѣненіе цвѣта. Если ночью подойти къ спящему хамелеону со свѣчею въ рукахъ и держать ее на разстояніи 6—10 см. отъ одного бока животнаго, то можно замѣтить, какъ на желтой ровной кожѣ черезъ нѣсколько минутъ выступать свѣтло-бурая пятна, которыя постепенно будутъ дѣлаться все темнѣе и темнѣе, пока не станутъ совсѣмъ черными; по удаленіи свѣчки и пятна медленно исчезнутъ. Если пойманнаго хамелеона перенести изъ темнаго помѣщенія на солнце, то его кожа темнѣетъ въ теченіи нѣсколькихъ минутъ. Необыкновенное вліяніе свѣта, одновременно съ независимостью обѣихъ половинокъ тѣла хамелеона становятся вполне очевидными, если животное освѣщать или согрѣвать только съ одной стороны; въ такихъ случаяхъ измѣняется только эта одна сторона, а не обѣ. Поэтому весьма возможно такое, на примѣръ, странное явленіе, что когда спящее животное неожиданно разбудить и раздражить, то просыпается только одна половина его, а другая продолжаетъ находиться въ сонномъ состояніи. Дальнѣйшее возбужденіе, примѣрно вспрыскиваніе водою, тоже вліяетъ на измѣненіе окраски, въ особенности тогда, когда животное долго не пользовалось водою. Изъ всего этого слѣдуетъ, что измѣненіе окраски зависитъ отъ вліянія нервъ и происходитъ только вслѣдствіе возбужденія нервной системы.

Съ себѣ подобными хамелеонъ уживается не лучше большей части прочихъ пресмыкающихся. Если только его равнодушіе ко всему, что не служитъ ему добычей, когда-нибудь было нарушено, то нерѣдко случается, что два хамелеона обзлятся другъ на друга, яростно нападаютъ одинъ на другого и стараются поранить своими сильными челюстями. Когда нѣсколько хамелеоновъ заключены въ одно тѣсное помѣщеніе, то поводовъ къ ссорамъ и дракамъ бываетъ немало. Какое-нибудь удобное мѣстечко для сидѣнія уже способно возбудить зависть и досаду въ менѣе счастливымъ соперникъ и вызвать угрожающія движенія и даже настоящее нападеніе съ его стороны; но гораздо серьезнѣе обстоитъ дѣло, когда пробудится потребность къ спариванію. Тогда въ нихъ возбуждается не только ревность, но они прямо дерутся изъ-за обладанія самкою, яростно нападаютъ другъ на друга и изо всей силы кусаются. Съ другими пресмыкающимися они живутъ въ полнѣйшемъ мирѣ, или, вѣрнѣе сказать, не имѣютъ съ ними никакихъ сношеній, такъ какъ они интересуются только тѣми животными, которыя имъ опасны или могутъ служить пищей. Когда къ нимъ приближается врагъ или просто даже какая-нибудь безобидная птица, они прежде всего стараются надуться такъ, что туловище ихъ становится почти круглымъ въ поперечномъ разрѣзѣ, а затѣмъ принимаются фыркать и шипѣть. Если схватить ихъ рукою, то они также вибрируютъ въ нее и немного придавливаютъ кожу челюстями, но настолько

слабо, что никогда не могут вызвать ни малѣйшаго поврежденія. Само собою разумѣется, что при этомъ ихъ кожа переливается различными цвѣтами и самая форма животнаго, вслѣдствіе раздутія, совершенно измѣняется: всѣ ребра выступаютъ и животное въ буквальномъ смыслѣ приобретаетъ извѣстную прозрачность, такъ что сквозь его тѣло можно разглядѣть вѣтки или перекладины его клѣтки, которыя выдѣляются въ видѣ темныхъ полосъ.

Подобно большинству пресмыкающихся, хамелеонъ, безъ всякаго вреда для себя, можетъ голодать по цѣлымъ недѣлямъ, даже, быть можетъ, по мѣсяцамъ; но жажду онъ не выносить такъ долго. Однажды лѣтомъ я получилъ изъ Александріи многочисленное общество этихъ животныхъ, которыя были въ дорогѣ всего 14 дней. Больше трети всѣхъ хамелеоновъ, удовлетворительное состояніе здоровья которыхъ передъ стравленіемъ было вполнѣ констатировано, лежали мертвыми на полу хорошо устроенной для нихъ клѣтки; другіе безъ всякаго сопротивленія позволяли брать себя; но какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ было совершенно одинаковое одѣяніе: кожа ихъ выглядѣла совершенно равномернаго, сѣровато-соломенно-желтаго цвѣта безъ яснаго узора, безъ всякой яркости въ краскахъ. Мое предположеніе, что умершія животныя погибли отъ голоду, что слабыя близки къ голодной смерти, а остальные по крайней мѣрѣ очень голодны, не подтвердилось. Хотя глаза всѣхъ ихъ устремились на приготовленный кормъ, гдѣ копошились мучные черви и гусеницы, а также слетались на приманку мухи, но ни одинъ изъ моихъ воспитанниковъ не сталъ ѣсть, ни одинъ изъ нихъ даже не пытался достать добычу. Тогда, въ видѣ опыта, я пустилъ на нихъ искусственный дождь. Болѣе магическаго, болѣе животворнаго дѣйствія навѣрно никогда не могла имѣть даже первая гроза послѣ продолжительной засухи, болѣе освѣжающе никогда не вліялъ, по всей вѣроятности, первый глотокъ, сдѣланный вызывающимъ отъ жажды человѣкомъ. Каждая капля, падавшая на желто-кожаннаго цвѣта тѣло, восстанавливала въ орошенномъ мѣстѣ свѣжесть кожи и, подобно солнечному лучу, разсѣивающему тучу, раздирала эту одежду вынужденнаго лишенія, чтобы уступить мѣсто роскошному одѣянію. Живительная влага освѣжала не только завядшую кожу, но и языкъ съ жадностью подбиралъ отдѣльныя капли. И когда капли стали падать все рѣже и рѣже, истомленные отъ жажды животныя ухватились съ обѣихъ сторонъ за листъ своими сухими губами и буквально присосались къ нему, а когда онъ былъ весь вылизанъ и высосанъ, они обратились къ другому листу. Наконецъ всѣ хамелеоны успѣли подкормить себя еще разъ предложеннымъ питьемъ и тогда только обратили подобающее вниманіе на копошащихся мучныхъ червей и похотливыхъ до меда мухъ. Туловища хамелеоновъ изъ листоподобныхъ сдѣлались опять кругленькими, въ подгибавшихся ногахъ восстановилась крѣпость и устойчивость, тусклые глаза приобрѣли подвижность: теперь хамелеоны могли доказать, что послѣ долгаго поста они не только ѣли съ жадностью, но поѣдали кормъ въ изумительномъ количествѣ. До этого, по своимъ наблюденіямъ и опытамъ, я ихъ считалъ за умѣренныхъ созданій; я зналъ, что на свободѣ они питаются только мелкими и слабенькими насѣкомыми, въ особенности мухами, бабочками, жуками, кузнечиками, гусеницами, пауками, мокрицами, можетъ быть также червями; я представлялъ себѣ, что они терпѣливо выжидаютъ, пока имъ предложатъ какую-нибудь добычу; я читалъ, наконецъ, что они никогда не ѣдятъ большихъ насѣкомыхъ и постоянно могутъ одолѣть одновременно только одного; теперь же мнѣ пришлось убѣдиться въ совершенно противоположномъ. Животныя лазали по вѣткамъ вверхъ и внизъ; когда не хватало мѣста, они обвивались между собою завитками хвоста; за лучшее мѣсто они ссорились

между собою съ угрожающими жестами; глаза ихъ, дѣйствующіе независимо другъ отъ друга, осматривали всѣ углы какъ по вертикальной, такъ и по горизонтальной плоскости. Дожинны такихъ глазъ мѣтились на одну и ту-же добычу; муха, счастливо избѣжавшая одного языка, падала неизбежною жертвою второго, третьяго и ужъ навѣрное десятаго. Довольно большое блюдо, наполненное мучными червями, они опустошили за одинъ присѣсть; содержимое довольно объемистой коробки, которую далъ имъ садовникъ, обиравшій гусеницъ, въ теченіи сутокъ было поглощено желудками моихъ сорока хамелеоновъ, а вращающіеся глаза все еще продолжали выматривать дальнѣйшую добычу: мои плѣнники казались мнѣ еще прожорливѣе всякаго другаго извѣстнаго мнѣ пресмыкающагося.

Какъ собственно поступаетъ хамелеонъ, чтобы завладѣть добычей, я не могъ узнать навѣрно. Кажется, что схваченное глазомъ насѣкомое приклеивается къ головкѣ быстро высузутаго и такъ же быстро снова подобранаго языка, и это, судя по наблюденіямъ, должно быть такъ; съ другой стороны можетъ быть и то, что головка языка употребляется ими вродѣ клещей. Какъ бы то ни было, но я самъ былъ безчисленное количество разъ свидѣтелемъ, что попавшее на головку языка насѣкомое почти безповоротно могло считать себя погибшимъ. Послѣ того, какъ чашечка съ кормомъ была наполнена мучными червями, мои хамелеоны открыли настоящій перекрестный огонь выстрѣловъ и ни разу языкъ не высовывался безъ добычи; очень часто на головкѣ языка висѣли 2 или 3 мучныхъ червя и ни одинъ изъ нихъ при втаскиваніи не отпадалъ. Мѣткость этихъ стремительныхъ выстрѣловъ языка возбуждала всеобщее изумленіе.

Кладка яицъ у обыкновеннаго хамелеона наблюдалась неоднократно, но, насколько мнѣ извѣстно, только на плѣнныхъ животныхъ. «Однажды я замѣтилъ» рассказываетъ Валлиснери, «что одинъ изъ моихъ хамелеоновъ сдѣлался очень безпокойнымъ и наконецъ тихонько, со всей своей прирожденной лѣнью, спустился на землю по вѣтвямъ, которыми была украшена его клѣтка; здѣсь онъ сталъ безпокойно бѣгать, наконецъ остановился въ одномъ углу клѣтки, гдѣ не было ни песку, ни пыли, а одна твердая земля, и передними лапами принялся рыть ее. Твердая земля представляла ему такое сопротивленіе, что онъ долженъ былъ проработать безъ перерыва цѣлыхъ два дня, чтобы прежнюю дырку расширить до размѣровъ ямки 10 см. въ поперечникъ и 15 см. глубины. Онъ залѣзъ въ эту ямку и тамъ сталъ класться, положивъ всего болѣе 30 яицъ, какъ я самъ убѣдился. Выполнивъ, и надо сказать съ большимъ стараніемъ, это дѣло, онъ заднею ногою снова зарылъ яму, совершенно такъ, какъ это дѣлаютъ кошки, когда хотять скрыть свои испраженія. Но этимъ онъ однако не удовольствовался и наносилъ еще сухихъ листьевъ, сѣломы и хворосту, изъ чего сдѣлалъ вѣчто вродѣ крыши надъ образовавшимся холмикомъ» 25—35 яицъ, составляющихъ кладку хамелеона, овальной формы и равномерно-бѣлаго цвѣта, съ мягкой какъ пергаментъ скорлупою. По моимъ наблюденіямъ, очень много самокъ, даже сильныхъ и здоровыхъ, умираетъ передъ, во время или послѣ кладки яицъ.

«Увидѣнный хамелеонъ—погибшій хамелеонъ», гласитъ одна испанская пословица, и вполне справедливо, такъ какъ, несмотря на всю свою измѣнчивость, мало бросающаяся въ глаза окраска животнаго служить ему лучшей защитой противъ безчисленнаго полчища враговъ, преслѣдующихъ его. Не только всѣ маленькіе четвероногіе хищники и большая часть хищныхъ птицъ, но также и вороны, птицы - носороги, цапли, аисты и наконецъ даже большія змѣи, быть можетъ также вараны и другія пресмыкающіяся должны быть причислены къ врагамъ этого безобиднаго созданія. Человѣкъ повсемѣстно удѣляетъ ему вниманія больше

того, чѣмъ это полезно для него. Нигдѣ его не считаютъ ядовитымъ или опаснымъ, но всюду его удивительное строеніе такъ бросается въ глаза, что каждый старается, какъ бы овладѣть животнымъ. Ловля производится обыкновенно самымъ грубымъ способомъ: хамелеоновъ, которыхъ можно схватить руками, силою отрываютъ отъ вѣтвей; тѣхъ-же, которые сидятъ слишкомъ высоко, стараются сбросить на землю, кидая въ нихъ камни. Поэтому неповрежденныхъ экземпляровъ можно получить только тогда, когда внушить ловцамъ обращаться съ величайшей осторожностью; вслѣдствіе дурного обращенія большая часть пойманныхъ хамелеоновъ умираетъ черезъ нѣсколько дней, наипозднее черезъ нѣсколько недѣль.

Вначалѣ плѣнные хамелеоны проявляютъ себя крайне раздражительными, фыркаютъ и надуваются каждый разъ, когда къ нимъ кто-нибудь приближается, даже стараются укусить, однимъ словомъ, не хотятъ изнать своего воспитателя. Впрочемъ, поведеніе ихъ скоро измѣняется: они привыкаютъ къ человѣку и терпѣливо переносятъ отъ него рѣшительно все. При цѣлесообразномъ уходѣ они выживаютъ въ неволѣ цѣлые мѣсяцы. Больше всего они требуютъ равномерной теплоты. Наступленіе позднихъ осеннихъ дней служитъ для нихъ началомъ недомоганья. Они перестаютъ ѣсть, чахнутъ и умираютъ. Лучше всего они держатся въ оранжерейхъ, равномерно-теплая температура которыхъ позволяетъ имъ даже бороться съ продолжительнымъ постомъ. Въ надлежащей пищѣ они тоже никогда не должны терпѣть недостатка; изъ вышесказаннаго можно видѣть, что они требуютъ значительнаго количества мухъ, мучныхъ червей, пауковъ, кузнечиковъ и т. п. Они никогда не дотрогиваются до мертваго насѣкомаго, какъ бы заманчиво оно ни было на видъ; все, что они поглощаютъ, должно быть въ живомъ видѣ. Хотя Джэмсонъ и рассказываетъ, что его садовникъ въ продолженіи цѣлой зимы пичкалъ одного хамелеона мокрицами и дождевыми червями, но такіе податливые экземпляры попадаются очень рѣдко: большинство изъ нихъ предпочитаетъ умереть голодной смертью, чѣмъ принимать непривычную для себя пищу; къ тому-же насильственное открываніе челюстей вовсе не легко дается. Фишеръ, державшій недавно въ клѣткѣ множество хамелеоновъ, считаетъ ихъ очень чувствительными къ холоду и поэтому совѣтуетъ держать ихъ въ температурѣ 27—35° Цельсія. Кромѣ того влажность воздуха и питье также служатъ главными условіями ихъ благоденствія. По словамъ того-же достовѣрнаго наблюдателя, искусственное освѣщеніе не вліяетъ на перемѣну окраски, если животное не разбужено. Въ извѣстное время хамелеоны издаютъ мурлыкающій звукъ. Въ отношеніи душевныхъ способностей они изъ всѣхъ пресмыкающихся стоятъ на самой низкой ступени, хотя зрѣніе и слухъ ихъ отлично развиты. Пищей имъ служатъ мухи, мучные черви, тараканы и кузнечики. Линяніе совершается съ августа по сентябрь; затѣмъ слѣдуетъ періодъ спариванія. Самый процессъ спариванія продолжается отъ нѣсколькихъ секундъ до 14 минутъ; беременная самка принимаетъ постоянную присущую ей окраску. Беременность длится 51—57 дней, обычная кладка состоитъ изъ 24—37 яицъ. Въ концѣ ноября яйца пристраиваются въ соответственное мѣсто и 125—133 дня послѣ кладки слѣдуетъ вылупленіе молодыхъ; впрочемъ навѣрно еще не доказано, чтобы на родинѣ животнаго эти сроки совпадали съ выше указанными.

Въ южной Испаніи хамелеона держатъ въ комнатѣ вовсе не для удовольствія, а для того, чтобы воспользоваться его дѣятельностью. Ему отводятъ опредѣленное мѣсто, подвѣшиваютъ тамъ сосудъ съ медомъ и тѣмъ привлекаютъ надоѣдливыхъ мухъ къ внимательному и неутомимому ловцу. Мой братъ пишетъ мнѣ, что въ Севильѣ почти въ каждой лавочкѣ видишь этихъ пресмыкающихся въ видѣ домашнихъ животныхъ.

Подотрядъ III.

Змѣи (Ophidia).

Важѣйшимъ отличительнымъ признакомъ змѣй является присущая имъ подвижность лицевыхъ костей, которая способствуетъ необычайному расширенію рта. Много другихъ пресмыкающихся животныхъ имѣютъ, какъ мы видѣли, такую же внѣшнюю форму тѣла, какъ змѣи. Принявъ это во вниманіе, можно сказать, что змѣи характеризуются вытянутымъ, червеобразнымъ тѣломъ, одѣтымъ въ твердую, такъ называемую чешуйчатую кожу. Голова и хвостъ слабо отграничены отъ туловища. Согласно воззрѣнію юновѣйшихъ изслѣдователей, змѣи представляютъ своеобразно развившуюся боковую вѣтвь чешуйчатыхъ пресмыкающихся, и не отличаются отъ послѣднихъ какими-либо важными признаками. Отсутствие плечевого пояса и мочевого пузыря, чему придавали большое значеніе, нужно разсматривать какъ такую особенность, которая была предуготовлена образомъ жизни нѣкоторыхъ первобытныхъ ящериць.

Голова змѣй не бываетъ никогда очень велика; обыкновенно она шире, чѣмъ остальное туловище, и ясно ограничена. Впрочемъ только у немногихъ видовъ она особенно рѣзко отдѣлена отъ шеи или отъ туловища. Голова яйцевидной или трехугольной формы, обыкновенно сдавлена сверху внизъ т. е., иначе говоря, сплюснута. Ротовая щель столь велика, что пасть, повидимому, заходитъ далѣе задней границы головы. Ушного отверстія нѣтъ; глаза расположены почти надъ серединой ротовой щели, сбоку и вблизи края челюсти. Носовыя отверстія всегда расположены впереди, часто совсѣмъ близко къ верхушкѣ рта. Чешуйчатый покровъ головы болѣе или менѣе отличекъ отъ покрова туловища. Обособленной шеи нѣтъ; туловище начинается, по большей части, непосредственно позади головы и переходитъ мало-по-малу незамѣтнымъ образомъ въ болѣе или менѣе удлиненный хвостъ. Послѣдній имѣетъ форму полного или усѣченного конуса. Длина туловища и хвоста больше ихъ ширины отъ двадцати до девяноста разъ. Голова, туловище и хвостъ одѣты твердой кожицей, которую, по словамъ Карла Фогта, «неправильно называютъ чешуйчатой кожицей, такъ какъ въ дѣйствительности покровъ этотъ представляетъ одно нераздѣльное цѣлое и ясно состоитъ изъ настоящей кожи и лежащей надъ ней верхней кожицы.

«Настоящая кожа не вездѣ одинаково толста и гладка, но утолщена въ опредѣленныхъ мѣстахъ, и края этихъ мѣстъ свободно загнуты, такъ что образуются складки, производящія впечатлѣніе кровлеобразно лежащихъ другъ надъ

согласуется съ разноцвѣтными волнами Индѣйскаго моря. Это соотвѣтствіе окраски и мѣстности не всегда можетъ быть наблюдаемо непосредственно, но путешественники, изучившіе, на основаніи собственныхъ наблюденій, богатство красокъ тропическихъ странъ, непремѣнно замѣтятъ его, точно такъ какъ наши охотники на змѣй знаютъ, какъ онѣ хорошо приспособляются къ почвѣ, на которой движутся. Заслуживаетъ вниманія замѣчательное исключеніе изъ этого правила. Именно—чешуйки роющихъ змѣй, проводящихъ полъ-жизни подъ землей, отчасти окрашены въ яркіе цвѣта, отчасти же имѣютъ металлическій блескъ, подобный блеску полированной стали. Хотя окраска и рисунокъ не могутъ быть измѣняемы произвольно, не усиливаются при возбужденіи и не ослабѣваютъ во время сна, тѣмъ не менѣе они являются постоянными только до извѣстной степени. Именно только общій отпечатокъ ихъ существуетъ у всѣхъ экземпляровъ даннаго вида. Строго говоря, окраска и рисунокъ значительно варьируютъ, у однихъ видовъ больше, у другихъ меньше. Наша гадюка, напримѣръ, имѣетъ около 12 названій, потому что прежніе изслѣдователи рассматривали отдѣльныя разновидности за особые виды, которымъ и давали названія. При этомъ возрастъ и полъ оказываютъ вліяніе болѣе значительное, чѣмъ обыкновенно думаютъ.

Простота и однообразіе вѣншей формы тѣла обусловлены строеніемъ костнаго скелета. Послѣдній состоитъ только изъ черепа, позвоночнаго столба и реберъ. Существующіе-же у нѣкоторыхъ семействъ укороченные тазовые и ножные бугорки, расположенные соотвѣтственно заднимъ конечностямъ другихъ пресмыкающихся, служатъ лишь намекомъ на конечности другихъ пресмыкающихся. Эти костные бугорки заслуживаютъ нашего вниманія, особенно сопоставивъ ихъ съ наблюденіями Карсона, который нашелъ у небольшого числа змѣй остатки плечевыхъ мускуловъ и кровеносныхъ сосудовъ переднихъ конечностей. Вышеупомянутыя данныя заставляютъ насъ признать, что змѣи произошли въ старину изъ четвероногихъ, ящерицеобразныхъ формъ. Важнѣйшей и притомъ самой своеобразной по формѣ и устройству частью скелета является черепъ. Онъ состоитъ, не считая менѣе важныхъ для насъ костей, изъ затылочной кости, теменныхъ, лобныхъ, височныхъ, скуловыхъ, носовыхъ и слезныхъ костей, клиновидной и межчелюстной костей, двухъ верхнечелюстныхъ и двухъ небныхъ костей и связанныхъ съ ними нижне-челюстныхъ костей, состоящихъ изъ нѣсколькихъ частей. Еще болѣе, чѣмъ незначительная величина части черепа, заключающей мозгъ, бросается въ глаза свободная подвижность челюстнаго аппарата. «Межчелюстная кость», говоритъ Карлъ Фогтъ, «связана плотно съ носовой костью; верхнечелюстная, крыловидная и небная кости, напротивъ, являются очень подвижными у большинства змѣй, главнымъ образомъ у ложноногихъ, ужей и гадюкъ, и могутъ двигаться изъ стороны въ сторону, а также впередъ и назадъ. Столь большая подвижность зависитъ отъ нижнечелюстныхъ костей. Длинная, чешуевидная соековидная кость связана съ черепомъ только посредствомъ связокъ и мускуловъ и несетъ на концѣ также длинную, стержневидную, направленную косо внизъ квадратную кость, съ которой сочленена нижняя челюсть. Эта послѣдняя состоитъ обыкновенно изъ двухъ, совершенно отдѣльныхъ, стержневидныхъ, лишь слегка изогнутыхъ половинокъ, которыя соединены впереди только рыхлыми, растяжимыми волокнами; отдѣленіе ихъ обозначается снаружи на такъ называемой подбородочной бороздѣ, находящейся на нижней поверхности головы». Такое устройство позволяетъ змѣямъ значительно расширять свой ротъ и проглатывать добычу, гораздо болѣе значительныхъ размѣровъ, чѣмъ, повидимому, это допускаетъ отверстіе рта. Къ черепу непосредственно примыкаетъ туловище, такъ какъ у

змѣй нѣтъ различія между шейными, грудными, поясничными, крестцовыми и хвостовыми позвонками. Уже, начиная со втораго, или третьяго, или четвертаго позвонка, лежащаго позади черепа, всѣ позвонки снабжены парю реберъ, отличающихся отъ реберъ туловища только своей меньшей величиной. Начиная съ указанныхъ позвонковъ, всѣ позвонки, лежащія сзади, имѣютъ болѣе или менѣе одинаковое строеніе. Они связаны другъ съ другомъ настоящимъ шарообразнымъ сочлененіемъ, причѣмъ сочленовная головка предыдущаго позвонка входитъ въ подшарообразную ямку послѣдующаго, и имѣютъ ребра, связанныя съ тѣлами позвонковъ также шарообразнымъ сочлененіемъ. Ребра имѣютъ особенное и очень важное значеніе, такъ какъ они замѣняютъ у змѣй недостающія конечности. Они оканчиваются въ мускульномъ слоѣ, связанномъ съ большими брюшными щитками, и придавливаютъ ихъ, какъ мы увидимъ ниже, когда они движутся спереди назадъ, своими задними концами, выпячивающимися къ поверхности, по которой должно совершаться движеніе. Такимъ образомъ они представляютъ рядъ рычаговъ, изъ которыхъ каждый, если и не вполне соответствуетъ конечности, то во всякомъ случаѣ исполняетъ ея роль. Слѣдовательно не будетъ несправедливо, если мы скажемъ, что змѣй ходятъ на своихъ ребрахъ. У нѣкоторыхъ видовъ змѣй шейныя ребра расширены также и въ бокъ. Въ хвостовой части ребра уменьшаются мало-по-малу и наконецъ совершенно исчезаютъ. Соотвѣтственно видамъ и величинѣ змѣй, число позвонковъ колеблется въ широкихъ предѣлахъ. Только въ исключительныхъ случаяхъ число ихъ бываетъ менѣе 200, у отдѣльныхъ же видовъ оно поднимается выше 430. Грудная кость отсутствуетъ у всѣхъ змѣй, такъ какъ ребра свободно оканчиваются; у нихъ также нельзя замѣтить слѣдовъ плечевого пояса и передней пары конечностей.

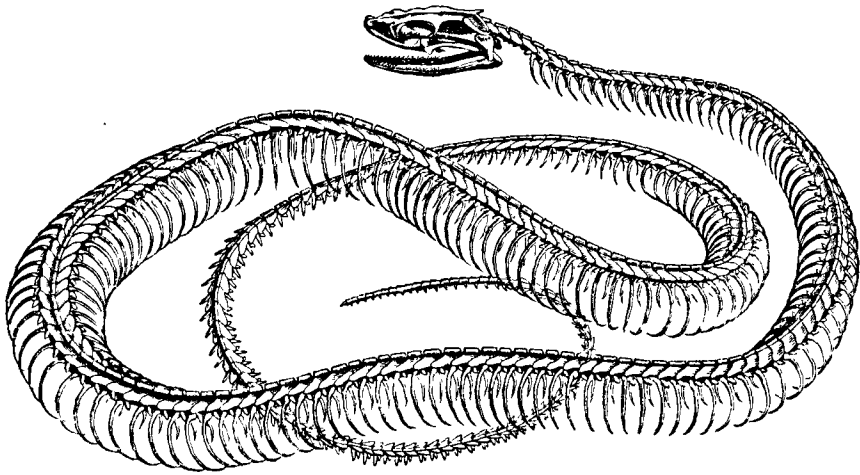
Не менѣе, чѣмъ кости скелета, заслуживаютъ вниманія зубы, такъ какъ они представляютъ, по своему строенію, важныя отличія и служатъ для опредѣленія семействъ и подсемействъ змѣй. Зубы помѣщаются не только въ верхней и нижней челюстяхъ, но часто также на межчелюстной кости и по большей части на небныхъ и крыловидныхъ костяхъ. Зубы всегда прирастаютъ къ костямъ, на которыхъ они сидятъ, и, по мѣрѣ надобности, замѣняются новыми зубами. Эти послѣдніе развиваются или позади, или рядомъ со старыми зубами и заключены съ ними въ общую складку слизистой оболочки. Различаютъ три рода зубовъ: плотные, бороздчатые, то есть такіе, которые снабжены на своей изогнутой передней поверхности глубокой бороздой, идущей отъ корня до кончика, и полые, прорываемые въ передней части корня и разсѣченные щелеобразно недалеко отъ верхушки. Всѣ зубы дугообразны, очень остры и крючковаты. Они служатъ только для укушенія и удерживанія добычи, но никогда не могутъ служить для разрыванія или перетиранія послѣдней. Плотные зубы образуютъ конусъ, состоящій изъ твердаго зубнаго вещества и покрытый тонкимъ слоѣмъ эмали. Бороздчатые зубы представляютъ изъ себя, повидимому, недоразвитые полые зубы, такъ какъ можно допустить, что края борозды у послѣднихъ срослись и образовали трубку. «Сообразно съ такимъ качествомъ зубовъ», замѣчаетъ Карлъ Фогтъ, «построенъ и верхне-челюстной аппаратъ. У большинства неядовитыхъ змѣй, снабженныхъ плотными зубами, верхняя челюсть очень длинна и усажена непрерывнымъ рядомъ зубовъ. За этимъ рядомъ внутри слѣдуетъ второй рядъ зубовъ, образованный существующими почти у всѣхъ змѣй зубами, сидящими на небной кости и на непосредственномъ ей продолженіи — крыловидной кости. У такъ называемыхъ подозрительныхъ змѣй съ бороздчатыми зубами, верхняя челюсть уже короче и усажена въ передней части маленькими крючковатыми зубами, а

въ задней—большими бороздчатыми зубами. У аспидовъ и морскихъ змѣй верхняя челюсть совсѣмъ коротка и усажена расположенными позади большихъ продыравленныхъ ядовитыхъ зубовъ маленькими, плотными, крючковатыми зубами. Наконецъ у гадюкъ верхняя челюсть является въ видѣ совсѣмъ коротенькой косточки, усаженной нѣсколькими полыми ядовитыми зубами, продыравленными вблизи верхушки».

Изобиліе мускуловъ является слѣдствіемъ своеобразнаго устройства скелета. Межреберныхъ мышцъ можно насчитать столько же, сколько и реберъ. Кромѣ нихъ вдоль спины проходятъ мышцы, имѣющія много точекъ прикрѣпленія у различныхъ реберъ и позвонковъ. Это позволяетъ имъ не только проявлять значительную силу, но и дѣйствовать по самымъ разнообразнымъ направленіямъ. Всѣ мышцы, какъ и у всѣхъ пресмыкающихся, очень блѣдной окраски

Вытянутой формѣ туловища соотвѣтствуютъ и внутренности. Отверстіе дыхательнаго горла расположено въ передней части пасти. Дыхательное горло тя-

Скелетъ змѣи.

нется подъ пищеводнымъ и рядомъ съ нимъ и состоитъ изъ тонкихъ, растяжимыхъ хрящевыхъ колецъ. Эти кольца въ передней части горла замкнуты, а въ задней соединены перепонкой. Гортань не ясно обособлена, надгортанный хрящъ почти всегда отсутствуетъ. Кольца сзади постепенно расширяются и переходятъ въ легкія, образующія одинъ или два большихъ полыхъ мѣшка. Легкія тянутся до конца брюха.

Удавы и питоны, по изслѣдованіямъ Шульце, снабжены двумя одинаково развитыми легкими, имѣющими почти одинаковыя размѣры въ длину; у гадюкъ и морскихъ змѣй только одно легкое. Между ними существуютъ многочисленныя переходныя формы, характеризующіяся по большей части уменьшеніемъ лѣваго легкаго. Отношеніе передней, дѣятельной и участвующей въ дыханіи части къ задней, болѣе или менѣе гладкой, варьируетъ у различныхъ семействъ. Такъ, у удавовъ и у водныхъ ужей существуетъ незамѣтный переходъ отъ одного отдѣла легкаго къ другому, а у очковыхъ змѣй эти отдѣлы рѣзко разграничены. Легкія у тѣхъ змѣй, которыя, по другимъ признакамъ, стоятъ ближе всего къ ящерицамъ, походятъ въ общемъ на легкія ящерицъ. Маленькое сердце, значительно удаленное отъ головы, и у нѣкоторыхъ аспидовъ лежащее даже въ началѣ второй трети туловища, состоитъ изъ двухъ, совершенно обособленныхъ предсердій и одного, не вполне раз-

длѣннаго желудка. Органы пищеваенія отличаются своей простотой. Пищеводъ длинный и очень мускулистый; желудокъ, представляющій изъ себя собственно только расширение пищевода, имѣетъ сходство съ длиннымъ мѣшкомъ. Отъ желудка отграничены только уменьшеніемъ діаметра короткія и мало извитыя тонкія кишки. Почки, яичники и сѣмяники очень вытянуты; печень представляетъ длинную и сравнительно крупную лопасть; желчный пузырь значительныхъ размѣровъ, поджелудочная железа велика.

Въ жизни змѣй важную роль играютъ нѣкоторыя железы, особенно развитыя у ядовитыхъ видовъ этого подотряда. Вслѣдствіе этого понятно, что эти железы послужили темой для точныхъ изслѣдованій. Въ головѣ змѣй существуютъ шесть паръ железъ и одна непарная. Изъ этихъ железъ, правда не всѣ, но бѣльшая часть встрѣчаются одновременно. Таковы: переднія подъязычныя железы, задняя подъязычная, носовая, слезныя, нижнія и верхнія защечныя или губныя железы и наконецъ ядовыя железы. Переднія и заднія подъязычныя железы найдены почти у всѣхъ змѣй и, по всей вѣроятности, ихъ просмотрѣли у тѣхъ змѣй, у которыхъ онѣ не описаны. Эти железы расположены отчасти позади передняго края нижней поверхности рта, отчасти въ нижней стѣнкѣ язычнаго чехла; онѣ малы, овальны, тверды, гладки, съ неясными лопастями и открываются впереди возлѣ отверстія язычнаго чехла. Нѣсколько менѣе распространены слезныя железы, имѣющія болѣе значительные размѣры, болѣе мягкія и лопастья; онѣ расположены съ внутренней стороны за глазами, но по большей части совершенно снаружи за глазной впадиной. Ихъ отдѣленіе, по Барну, служить также для обливанія слюной добычи. Носовая железа, расположенная позади носовой полости, имѣетъ круглую форму. Нижняя губная железа, расположенная снаружи возлѣ вѣтвей нижней челюсти, открывается многочисленными выводными протоками передъ нижнечелюстными зубами. Она состоитъ изъ многочисленныхъ, продолговатыхъ или круглыхъ, перпендикулярныхъ, прямыхъ или нѣсколько извитыхъ лопастей. Она тверда и у неядовитыхъ змѣй болѣе развита, чѣмъ у ядовитыхъ. Противъ нея расположена возлѣ наружной поверхности вѣтвей верхней челюсти верхнегубная железа. Строеніе ея вполне сходно со строеніемъ нижней губной железы. Наконецъ, ядовыя железы, расположенныя почти всегда позади и ниже глазъ надъ верхней челюстью, очень велики, продолговаты, листоватой структуры и имѣютъ внутри значительную полость. Онѣ, кромѣ того, характеризуются длиннымъ выводнымъ протокомъ, тянущимся впередъ къ наружной поверхности верхней челюсти. Выводной протокъ открывается впереди и надъ ядовымъ зубомъ въ окружающій ихъ чехолъ, такъ что отдѣленіе железы можетъ изливаться въ зубъ. Ядовая железа окружена очень сильнымъ мускуломъ, который, совмѣстно съ жевательнымъ мускуломъ, служитъ для сжиманія железы. У нѣкоторыхъ ядовитыхъ змѣй железа эта тянется назадъ такъ далеко, что отчасти лежитъ на ребрахъ. Ея присутствіе констатировано у всѣхъ змѣй, имѣющихъ полые зубы. У змѣй же съ бороздчатыми зубами ее замѣняетъ сходная съ ней железа. Эта послѣдняя мягкаго, губчатого строенія, никогда не бываетъ окружена мускулистымъ чехломъ, и такимъ образомъ является недоразвитой и менѣе приспособленной къ введенію яда въ рану. Она, впрочемъ, часто подвергается небольшому сжатію отъ дѣйствія передняго височнаго мускула.

Спинальный мозгъ по своей массѣ очень значительно превосходитъ головной мозгъ. Послѣдній необычайно малъ; спинной же мозгъ, наоборотъ, сообразно длинѣ позвоночнаго столба, внутреннюю полость котораго онъ выполняетъ, очень великъ и объемистъ. Слѣдствіемъ этого является необычайная раздражимость

мускуловъ, тупость сознанія и слабость остальныхъ душевныхъ способностей. Преобладающимъ чувствомъ, несомнѣнно, является осязаніе т. е. способность ошупывать предметы. Языкъ, съ давнихъ поръ считающійся жаломъ, который и теперь еще многіе невѣжды разсматриваютъ, какъ органъ нападенія, служитъ не для вкуса, а исключительно для осязанія. Поэтому языкъ имѣетъ для змѣи громадное значеніе. Онъ очень длиненъ, тонокъ, спереди раздѣленъ на двѣ заостренныхъ половины и покрытъ роговой массой. Онъ помѣщается въ мускулистомъ чехлѣ, проходящемъ подъ дыхательнымъ горломъ и открывающемся невдалекѣ отъ отверстія горла, вблизи верхушки нижней челюсти. Языкъ можетъ быть совершенно втянуть въ этотъ чехолъ и можетъ быть очень далеко выдвинуть и вообще отличается необыкновенной подвижностью. Вырѣзка въ верхней челюсти, которая и при закрытомъ ртѣ образуетъ еще отверстіе, облегчаетъ поперемянное высываніе и втягиваніе языка, такъ какъ онъ постоянно имѣетъ свободный выходъ чрезъ это отверстіе. Органъ зрѣнія у змѣи по своей проницательности можетъ быть поставленъ на ряду съ языкомъ, приспособившимся отлично къ осязанію. Впрочемъ, несомнѣнно, глазъ у змѣи менѣе совершененъ, чѣмъ у остальныхъ пресмыкающихся. Своеобразная особенность глаза заключается въ его кажущейся неподвижности, которая придаетъ ему видъ стекляннаго глаза. вмѣсто подвижныхъ вѣкъ у нихъ существуетъ прозрачная кожица, которая «вдѣлана, подобно часовому стеклу, въ желобокъ круглой глазной впадины и образуетъ капсулу, стоящую внутри въ связи съ носовой полостью, посредствомъ длиннаго протока слезнаго канала». Эта прозрачная кожица, которую нѣкоторые неправильно уподобляютъ роговицѣ или даже разсматриваютъ ее, какъ таковую, представляетъ часть верхней кожи. Самый наружный слой ея, во время общаго линянія, сбрасывается въ видѣ одного куска вмѣстѣ съ остальной верхней кожей. Вслѣдствіе этого и прозрачность ея увеличивается послѣ линянія и постепенно уменьшается въ промежуткѣ между двумя линьками. Нужно замѣтить, что, при подобной линькѣ, внутренній слой глазной капсулы остается. Итакъ эту капсулу можно разсматривать, какъ замкнутое, такъ сказать, прозрачное вѣко, подъ которымъ глазъ можетъ свободно двигаться. Зрачекъ либо круглый, либо продолговатый и въ послѣднемъ случаѣ вытянуть или по горизонтальному или по вертикальному направленію. По горизонтальному направленію онъ вытянуть у дневныхъ, а по вертикальному у ночныхъ змѣй. Радужная оболочка отлиываетъ яркими цвѣтами, у однихъ золотымъ, у другихъ серебрянымъ, у третьихъ ярко-краснымъ и у четвертыхъ зеленымъ цвѣтомъ. Органъ обонянія, о существованіи котораго мы можемъ судить снаружи по поздрямъ, открывающимся съ каждой стороны между глазомъ и вершиной верхней челюсти на боковой сторонѣ или сверху рыла, повидимому, далеко уступаетъ по развитію органамъ осязанія и зрѣнія. Поздри прикрыты у нѣкоторыхъ видовъ кожистыми клапанами или подвижными крышечками. Носовыя трубки коротки, окостенѣлая носовая раковина, слизистая оболочка которой снабжена лишь немногими вѣточками нервовъ, очень проста. О присутствіи органа слуха мы узнаемъ лишь тогда, когда удалимъ чешуи съ боковыхъ сторонъ головы, такъ какъ слуховыя проходы цѣликомъ скрыты подъ кожей. Настоящей барабанной полости нѣтъ, равнымъ образомъ отсутствуетъ и барабанная перепонка, улитка же существуетъ и въ общемъ похожа на улитку у птицъ.

Очертаніемъ тѣла обуславливаются присущія змѣямъ движенія и, само собой разумѣется, до извѣстной степени и образъ жизни, такъ какъ привычки у животныхъ по крайней мѣрѣ посредственно вытекаютъ изъ строенія ихъ тѣла. Движенія змѣй разнообразнѣе, чѣмъ обыкновенно принимаютъ незнакомые съ ними.

Змѣи, во всякомъ случаѣ, заслуживаютъ скорѣе, чѣмъ большинство остальныхъ представителей этого класса, названія пресмыкающихся животныхъ. Онѣ ползаютъ не только по ровной почвѣ, но и въ гору и подъ гору; онѣ ползаютъ вверхъ по деревьямъ, между сучьями ихъ, двигаются по поверхности воды и скользятъ по дну рѣки. Слѣдовательно, онѣ ползаютъ, лазаютъ, плаваютъ и ныряютъ и все это продѣлываютъ приблизительно съ одинаковымъ проворствомъ и ловкостью. Ихъ многочисленныя ребра, сочлененныя только съ позвонками, а внизу свободныя, приходятъ въ дѣйствіе при ползаніи: каждое отдѣльное ребро становится, какъ замѣчено, ногой, подпоркой и рычагомъ, который не только поддерживаетъ тѣло, но и приводитъ его въ поступательное движеніе. Ползающее движеніе происходитъ нѣсколько иначе, чѣмъ думаютъ неспеціалисты и иначе, чѣмъ рисуютъ неопытные живописцы. Это движеніе совершается не посредствомъ вертикальных дугообразныхъ движеній, а посредствомъ боковыхъ волнообразныхъ извилинъ. Всѣ позвонки очень легко изгибаются въ боковомъ направленіи и ребра такъ же легко передвигаются спереди назадъ. Когда змѣя хочетъ двигаться впередъ, тогда она вытягиваетъ попеременно то одна, то другіе боковыя мускулы и изгибаетъ вслѣдствіе этого тѣло въ горизонтально расположенную волнообразную линію. Змѣя съ тѣмъ она настолько вытягиваетъ ребра впередъ, что они стоятъ почти или совершенно перпендикулярно. При послѣдующемъ изгибѣ она приводитъ ребра въ наклонное положеніе, спереди назадъ, т. е. двигаетъ ими такъ же, какъ другія животныя двигаютъ ногами. Острые края брюшныхъ щитковъ, направленные книзу, облегчаютъ, вслѣдствіе тренія о почву, поступательное движеніе впередъ и не допускаютъ соскальзываніе назадъ. Пока змѣя движется на гладкой поверхности, ея движеніе совершается очень легко: тѣло ея цѣликомъ находится въ дѣятельномъ состояніи. Многочисленныя пары реберъ служатъ для опоры, и въ это время остальные подтягиваются одновременно впередъ и приходятъ въ дѣйствіе въ тотъ моментъ, тогда первые прекращаютъ движеніе. Каждый изгибъ, который описываетъ тѣло, очень скоро выпрямляется, и передвиженіе, поэтому, можетъ совершаться очень быстро; съ другой стороны безконечное число изгибовъ, которое должно описать тѣло при поступательномъ движеніи, замедляетъ быстроту движенія. Когда змѣя ползетъ черезъ узкіе проходы, въ которыхъ она не можетъ двигать свое тѣло въ стороны, тогда она пользуется исключительно своими ребрами, какъ подпорками, причѣмъ опирается на свои чешуйки. Лазаніе есть, строго говоря, ничто иное, какъ ползаніе по отвѣснымъ плоскостямъ. Древесный стволъ, если только его кора не слишкомъ гладкая, не представляетъ никакого затрудненія змѣѣ, желающей обвиться около него. Она очень быстро взбирается на него винтообразными извилами, причѣмъ все время подвигается впередъ. При этомъ она обезпечена, что не сползетъ внизъ, благодаря острымъ заднимъ краямъ брюшныхъ щитковъ. Многія древесныя змѣи имѣютъ по обѣимъ сторонамъ брюшныхъ щитковъ угловатые края, и даже выдающіеся гребни, проходящіе вдоль краевъ брюшныхъ щитковъ. Эти гребни очень полезны змѣямъ при лазаніи. Даже по вѣтвямъ онѣ ползаютъ почти съ такой же увѣренностью и поспѣшностью, какъ и по гладкой почвѣ, особенно если листва густая. Змѣя совершаетъ точно такое же движеніе и во время плаванія; несомнѣнно, при этомъ, главнѣйшимъ органомъ движенія является хвостъ. Всѣ змѣи умѣютъ плавать; впрочемъ тѣ, которыя обыкновенно не ищутъ воды и не живутъ въ ней, очень скоро, повидимому, устаютъ отъ движенія по водѣ. У настоящихъ морскихъ змѣй, у которыхъ хвостъ сплюснутъ съ боковъ и снабженъ еще кожистой оторочкой, плавательное движеніе болѣе, чѣмъ у другихъ представителей отряда, похоже на плаваніе угря.

«Немногія изъ животныхъ», утверждаетъ Ласепедъ, «столь проворны, какъ змѣи. Когда онѣ бросаются на добычу или убѣгаютъ отъ врага, то уподобляются стрѣлѣ, вышущей изъ лука сильной рукой; каждая часть въ отдѣльности дѣйствуетъ тогда, какъ стальная пружина, которая отскакиваетъ съ силою. Кажется, будто ихъ безпрестанно отталкиваетъ все, къ чему онѣ прикасаются, будто онѣ летаютъ по воздуху, только дотрогиваясь до земли. На высочайшія верхушки деревьевъ онѣ взбираются быстрѣе, чѣмъ птица: онѣ съ такой быстротой извиваются вокругъ стволовъ и вѣтвей, что за ними едва можно услѣдить взоромъ». Это описаніе очень напоминаетъ собою преувеличенныя описанія древнихъ, ибо ни одна змѣя не движется въ дѣйствительности такъ, какъ описываетъ Ласепедъ. «Извилистое движеніе змѣй», говоритъ Ленцъ, «значительно обманываетъ глазъ, и такъ какъ немного людей поставило себя въ трудъ точнѣе измѣрить скорость его, то вообще допускаютъ, что быстрота этого движенія очень велика; но ни одна змѣя не движется настолько быстро, чтобы нельзя было, идучи только скорымъ шагомъ, а не бѣгомъ, идти рядомъ съ нею. Онѣ движутся, сравнительно, медленнѣе, чѣмъ ящерицы, лягушки, мыши и т. п. По мху и по степи съ короткой травой онѣ двигаются быстрѣе всего, потому что имъ помогаетъ колючая подстилка, а по голой землѣ онѣ ползутъ менѣе быстро. Если ихъ положить на стеклянную пластинку, тогда имъ очень трудно двигаться впередъ. Съ крутыхъ горныхъ утесовъ онѣ сползаютъ такъ легко, что кажется, будто онѣ летятъ и притомъ такъ быстро, что никогда нельзя узнать, какого вида змѣя и какой величины».

Только небольшое число змѣй въ состояніи подымать переднюю треть своего туловища; описанія, утверждающія противоположное, безъ сомнѣнія, нужно признать ложными. Большинство змѣй не подымаютъ своей головы выше, какъ на 30 см. надъ землей. Исключеніе составляютъ немногія, напримѣръ, очковые змѣи; многія изъ нихъ могутъ извиваться настолько, что, если ихъ взять за хвостъ и держать внизъ головой въ всячемъ положеніи, то и тогда онѣ достаютъ головой до руки или кисти.

Дыханіе вполнѣ бодрствующихъ и дѣятельныхъ змѣй совершается непрерывно и сопровождается замѣтнымъ движеніемъ реберъ, попеременно подымающихся и опускающихся. Дыханіе сопровождается также легкимъ расширеніемъ головы и жевательнымъ движеніемъ челюстей. Въ общемъ дыханіе слабое и увеличивается только въ наступленіи гнѣва. Хорошимъ признакомъ наступленія гнѣва служитъ сильное, продолжительное шипѣніе, прерывающееся только на короткое время, которое замѣняетъ собой недостатокъ голоса. Одна змѣя, водящаяся въ Африкѣ, по словамъ Линннгстона, такъ часто прерываетъ шипѣніе, что звукъ его дѣлается похожимъ на бляеніе козы. Въ нѣмецкой юго-западной Африкѣ туземцы рассказываютъ объ этой змѣѣ, которую они называютъ «Ондара», совершенно удивительныя и ужасныя вещи, хотя, впрочемъ, не могутъ ее точно описать. Можетъ быть это питонъ (*Python sebae*), который, несмотря на свою величину, безопасенъ для человѣка. Свообразное сильное шипѣніе сѣверо-американскаго рода *Pituophis* зависитъ, по Уайту, отъ присутствія надгортаннаго хряща. Этотъ послѣдній у другихъ змѣй или совсѣмъ отсутствуетъ, или же является въ видѣ маленькой бородавки. У *Pituophis* же онъ тонокъ, имѣетъ форму лопаточки и служитъ подвижной затворкой голосовой щели.

Кромѣ осязанія, а у нѣкоторыхъ видовъ и зрѣнія, остальные чувства слабо развиты у змѣй и даже осязаніе развито только, какъ способность ощупывать предметы. Мы согласны также съ важностью языка у змѣй, хотя мы и очень хо-

рошо знаемъ, что значеніе его совершенно иное и притомъ даже болѣе важное, чѣмъ думали древніе. Змѣи, впрочемъ, могутъ и безъ помощи языка совершать обыденныя отправления, хотя и не съ такой легкостью. Объ этомъ мы можемъ судить по наблюденіямъ, произведеннымъ въ этомъ направленіи. Ленць отрѣзывалъ у кольчатого ужа половину языка: змѣя пользовалась оставшеюся половиною какъ бы цѣлымъ языкомъ, и выказывала въ своемъ поведеніи почти такое же проворство, какъ и до операции. Гадюка, у которой вышеупомянутый наблюдатель отрѣзалъ отъ языка столько, что она могла высовывать только маленькій кусочекъ, не выказывала при своихъ движеніяхъ никакой замѣтной перемѣны. Мы имѣемъ изъ собственнаго опыта данныя, утверждающія противоположное тѣмъ выводамъ, къ которымъ, повидимому, приходитъ Ленць. У арабовъ, кромѣ заклинателей и опытныхъ ловцовъ змѣй, господствуетъ распространенное, какъ и у нашего народа, мнѣніе, что змѣи смертоносно жалаютъ языкомъ. Очень понятно, поэтому, что арабы стараются отрѣзать языкъ у змѣй, надѣясь обезопасить себя отъ ихъ яда. Изувѣченныя подобнымъ способомъ часто совершенно невинныя змѣи попадали нерѣдко въ наши клѣтки. Онѣ выживаютъ въ клѣткахъ очень продолжительное время, движутся такъ же, какъ и змѣи съ цѣлымъ языкомъ и шевелить кончикомъ языка, который вновь никогда не вырастаетъ, такъ же, какъ неповрежденнымъ языкомъ. Несмотря на все это, онѣ никогда не ѣдятъ, не пьютъ, становятся болѣе нечувствительными, чѣмъ всякая другая змѣя, не обращаютъ вниманія ни на пищу, ни на другіе предметы и вслѣдствіе этого скоро наступаютъ безусловная и жалкая смерть.

По мнѣнію наблюденіямъ и свѣдѣніямъ, змѣя, лишенная языка, не можетъ ни двигаться какъ слѣдуетъ, ни жить. Непреложный фактъ, что змѣя, если только она не отдыхаетъ вытянувшись, безпрестанно шевелитъ языкомъ и притомъ двигаетъ имъ по всѣмъ направленіямъ, желая изслѣдовать предметы, находящіеся предъ ней. Фактъ также и то, что она никогда не пьетъ и не входитъ въ воду, прежде чѣмъ не коснется языкомъ ея поверхности. Неоспоримо и то, что она изслѣдуетъ языкомъ не только умерщвленную добычу, прежде чѣмъ проглотить ее, но, если только жертва даетъ ей время, изслѣдуетъ и самую жертву до ужаленія. Даже въ томъ случаѣ, когда она боится, что намѣченная ею жертва убѣжитъ отъ ея охотничьяго аппетита, она все-таки частымъ высовываніемъ языка дѣлаетъ попытку произвести обычное изслѣдованіе. «Повидимому», говоритъ Ленць, «она не только осязаетъ тѣ предметы, которыхъ касается своимъ языкомъ, но получаетъ представленія и о предметахъ, находящихся на разстояніи 1 см., которыхъ она не касается языкомъ. Очень ясно можно убѣдиться въ этомъ, если дать возможность змѣѣ уйти изъ ящика, банки или т. п. Когда она выдвинетъ за край ящика свою голову и шею и замѣтитъ предъ собой пустое пространство, тогда она постепенно высовываетъ свой языкъ такъ далеко, какъ она можетъ, и двигаетъ имъ осматривательно, поворачивая при этомъ голову во всѣ стороны. Если она не найдетъ никакой точки опоры внѣ наружной стѣнки ящика, тогда она наконецъ, все время двигая языкомъ, начинаетъ ползти по наружнымъ стѣнкамъ его. Если мы пустимъ змѣю на дерево, то она всегда касается языкомъ той вѣтви, на которую желаетъ перейти. При этомъ она не всегда считаетъ необходимымъ непосредственно коснуться языкомъ каждой вѣтви. Если запереть змѣю въ коробку, въ которой продыранены отверстия, то она высовываетъ свой языкъ черезъ эти отверстія. При погруженія въ сосуды, наполненные спиртомъ или водой, змѣя, какъ можно видѣть, старается боязливо отыскать языкомъ отверстіе въ стѣнкахъ сосуда.

«Кольчатый ужь во время плаванія держитъ голову надъ поверхностью воды и при этомъ безпрестанно высовываетъ языкъ, точно онъ ползетъ по сушѣ; даже, плавая подъ водою, онъ высовываетъ языкъ. Чѣмъ бодрѣ змѣя, тѣмъ больше и скорѣе она шевелитъ языкомъ. Разсвирѣпѣвшая гадюка такъ быстро шевелитъ языкомъ, что многіе считали происходящее при этомъ мерцаніе за электрическое явленіе». Частое повторное втягиваніе языка несомнѣнно имѣетъ цѣлью овлажнить его и сдѣлать слизистымъ и тѣмъ самымъ увеличить его воспримчивость.

Въ сравненіи съ чувствительностью языка, общая воспримчивость змѣй слаба. Мы, конечно, изъ опыта знаемъ, что, несмотря на толстый покровъ, достаточно легкаго прикосновенія для того, чтобы она почувствовала. Точно также мы знаемъ, что онѣ любятъ, подобно другимъ пресмыкающимся, тепло, такъ что даже тѣ змѣи, которыя бодрствуютъ по ночамъ, днемъ оставляютъ свое убѣжище, чтобы доставить себѣ высокое наслажденіе погрѣться на солнцѣ. Несмотря на все это, едва-ли ошибаются тѣ, которые говорятъ, что для возбужденія у нихъ чувствительности, необходимо сильное раздраженіе. Поэтому можно скорѣе говорить о нечувствительности, чѣмъ о чувствительности змѣй. Змѣи отличаются, подобно другимъ пресмыкающимся, живучестью, переносятъ мученія, которыя для высшихъ животныхъ насомнѣнно были бы смертельны; при пораненіяхъ или даже при разсѣченіи онѣ поражаютъ даже того, кто знаетъ о взаимной независимости ихъ нервныхъ центровъ. Бойль помѣщалъ ужей и гадюкъ подъ колоколъ воздушнаго насоса и разрѣжалъ, насколько возможно, воздухъ подъ колоколомъ: тѣло змѣи раздувалось, какъ пузырь. челюсти расширялись до нельзя, но оба вида змѣй показывали еще втеченіе часа признаки жизни. Вырѣзанное у змѣи сердце сокращается долгое время, отсѣченная голова viperы шевелитъ языкомъ, кусаетъ и отравляетъ. Воспримчивость у животнаго съ подобной организаціей не можетъ быть значительной.

Что же касается другихъ чувствъ, то они также слабы. Совершенно справедливо замѣчаніе Линка, что чувствительность языка не доходитъ до того, чтобы вполне замѣнить глазъ, хотя этотъ языкъ служить у змѣи, подобно палкѣ слѣпца, не только въ помощь зрѣнію, но и для замѣны его; напротивъ того, несправедливо утверждаютъ, будто змѣи совсѣмъ не могутъ лишиться глазъ, а языкъ могутъ, будто безъ языка онѣ могутъ еще кое-какъ жить, а безъ глазъ погибаютъ. Глазъ у змѣи никогда не достигаетъ такого значенія, какъ у остальныхъ, за немногими исключеніями пресмыкающихся. Дюрси изъ положенія глазъ по бокамъ головы вывелъ заключеніе, что каждый изъ нихъ, для того, чтобы быть въ состояніи овладѣть предназначеннымъ для него полемъ зрѣнія, долженъ двигаться одинъ независимо отъ другаго. Правильность своего вывода онъ подтвердилъ наблюденіями. По его наблюденіямъ змѣи могутъ одновременно поворачивать оба глаза въ одну и ту-же сторону; зрачекъ одного могутъ повернуть въ одну, зрачекъ другого въ другую сторону и наконецъ могутъ одинъ глазъ вращать, а другой оставить неподвижнымъ. Согласно этому взгляду мы должны были-бы признать, что змѣи принадлежатъ къ животнымъ съ самымъ острымъ зрѣніемъ; въ дѣйствительности же это не такъ. Съ красотой и подвижностью глаза не согласуется его дѣятельность. Всѣ наблюденія говорятъ въ пользу того, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ древесныхъ змѣй, зрѣніе у змѣй слабое и незначительное, и что мнѣніе, поводомъ къ которому послужили блескъ и величина глазъ, не-вѣрно.

«По моему мнѣнію», говоритъ Ленцъ, «змѣи видятъ плохо, хотя зрѣніе, вмѣстѣ съ чувствительностью языка, составляютъ тѣ чувства, которыя руководятъ движеніями змѣй. Могутъ быть существуютъ чужеземные виды, которые хорошо

видать; этого я не знаю; что же касается нашихъ туземныхъ, то, повидимому, глазъ имъ не даетъ никакого опредѣленнаго понятія о предметахъ, хотя они и замѣчаютъ хорошо послѣдніе; повидимому, они обращаютъ по преимуществу вниманіе на движеніе предметовъ. Такъ, на примѣръ, онѣ, что, впрочемъ, дѣлаютъ и значительно болѣе одаренныя животныя, безтолково наталкиваются на притаившагося человѣка и убѣгаютъ всегда, когда онъ находится въ движеніи. Если посадить змѣю вмѣстѣ съ врагомъ ея въ большой ящикъ, то она часто приближается къ нему и, если возможно, то и вползаетъ на него; когда же врагъ пошевелится или, быть можетъ, нанесетъ ей нѣсколько ударовъ или укушеній, тогда она, если не желаетъ обороняться, убѣгаетъ. Чуть только врагъ успокоится, она возвращается вновь скоро къ нему и убѣгаетъ опять, когда онъ еще разъ нанесетъ ударъ. Разсвѣрѣвшія змѣи, какъ ядовитыя, такъ и неядовитыя, кусаютъ даже свою тѣнь и очень часто производятъ укушеніе мимо того предмета, въ который онѣ мѣтили, особенно, если этотъ предметъ небольшой. Нужно думать, что въ этихъ случаяхъ ярость дѣлаетъ ихъ слѣпыми. Передъ линіею глазъ ихъ затянута какъ бы бѣлой вуалью, состоящей изъ верхней кожицы, сбрасываемой впоследствии. Въ это время онѣ видятъ еще хуже».

Нѣтъ никакихъ наблюденій, которыя противорѣчили бы этимъ даннымъ знатока змѣй Ленца. Наоборотъ, то, что справедливо для нашихъ туземныхъ змѣй, оказывается справедливымъ и для большинства другихъ. Ричардсъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что индѣйскія ядовитыя змѣи, именно кобра, при нападеніи, въ тотъ моментъ, когда онѣ бросаются, чтобы укусить, гораздо чаще, чѣмъ принято думать, не попадаютъ въ цѣль. Онѣ очень часто бросаются на-угадъ, кусаютъ, такъ сказать, на воздухъ, повидимому, не могутъ хорошо измѣрить разстоянія. Ихъ движенія нѣсколько неопредѣленны, ктому же именно ядовитыя змѣи не особенно оживленны, тѣмъ болѣе, что движенія ихъ были наблюдаемы только днемъ, между тѣмъ какъ онѣ, по преимуществу, ночныя животныя. Причину такихъ поступковъ змѣй нужно главнымъ образомъ, но не единственно, искать въ органахъ чувствъ; впрочемъ, вѣроятно, также и въ скудости ихъ познавательной способности. Возможно, что глазъ обладаетъ болѣе острымъ зрѣніемъ и видитъ на большемъ разстояніи, а мало развитая понятливость вызываетъ тѣ обманы, которые Ленцъ описалъ и которые мы всѣ наблюдали. Впрочемъ не только животныя съ столь слабо развитыма душевными способностями, какъ змѣи, но и болѣе одаренныя и несомнѣнно дальновзоркія животныя, какъ жвачныя, обращаютъ вниманіе на предметы, только во время движенія послѣднихъ. Ленцъ, повидимому, пришелъ къ ошибочному заключенію и въ другомъ отношеніи. Онъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что у змѣй въ темнотѣ зрачекъ очень расширяется, а на солнцѣ суживается въ едва замѣтную щель. При этомъ онъ упоминаетъ, что одна змѣя была перенесена въ такое помѣщеніе, гдѣ у нея одинъ глазъ подвергся втеченіе большаго промежутка времени солнечному свѣту, а другой находился въ темнотѣ. Оказалось, что въ глазу, подвергавшемся дѣйствію свѣта, зрачекъ очень сдузился, а въ другомъ глазу значительно расширился. Впрочемъ, по мнѣнію Ленца, это не должно служить подтвержденіемъ общепринятому взгляду, будто животное съ щелевиднымъ зрачкомъ—ночное, а съ круглымъ—дневное. Въ дѣйствительности же этотъ взглядъ совершенно справедливъ. Всѣ змѣи, у которыхъ зрачекъ представляетъ вертикальную щель, ведутъ ночной образъ жизни, а отчасти и подземную жизнь. Впрочемъ онѣ, какъ и другія ночныя животныя, и днемъ видятъ въ известной степени. Произведенныя въ этомъ направленіи наблюденія вполне подтверждаютъ это общее правило.

О такъ называемой особенной выразительности глаза змѣй больше разсуждали и говорили, чѣмъ предметъ этого заслуживаетъ. «Глазъ змѣй», говоритъ Линкъ, «болѣе выразителенъ, чѣмъ у другихъ животныхъ, и передаетъ не только характеръ змѣи, но и настроеніе духа въ данную минуту. Спокойнымъ и кроткимъ, но не безъ блеска онъ бываетъ у миролюбивыхъ змѣй, неприятнымъ—у тѣхъ, которыя собираются ранить, но не умищлять; грознымъ и страшно сверкающимъ во время ярости бываетъ глазъ гадюки, которая носитъ смерть на кончикѣ своихъ зубовъ. Но даже самой кроткой змѣѣ придаетъ своеобразное выраженіе стекловидная кожа, покрывающая глазъ, а также и относительная неподвижность глазного яблока, которое движется только съ трудомъ и сильными толчками». Вторая часть описанія совершенно справедлива, первая же часть приписана глазу змѣй самимъ наблюдателемъ. Несмотря на стекловидность, глазъ не представляетъ ничего необыкновеннаго. Грозность и неприятность глазъ зависятъ не столько отъ строенія ихъ, сколько отъ положенія подъ покрывающими ихъ въ видѣ свода щитками или чешуйками. Эти щитки и чешуйки особенно развиты у ночныхъ ядовитыхъ змѣй и производятъ такое-же впечатлѣніе, какъ, напримѣръ, выпяченные бровные отростки хищной птицы.

Насколько мы можемъ судить, за чувствомъ зрѣнія слѣдуетъ, по своей тонкости, слухъ, хотя, повидимому, органъ слуха слабѣе развитъ, чѣмъ органъ обонянія. Тупоуміе змѣй становится очень замѣтнымъ во время изслѣдованій остроты чувствъ и потому наблюдателю трудно придти къ какому-либо опредѣленному выводу. Опыты, произведенные Ленцомъ и другими, доказали только, что змѣи мало обращаютъ или совсѣмъ не обращаютъ вниманія на различные звуки, если только послѣдніе не потрясаютъ слишкомъ воздуха или почвы. Съ другой стороны путешественники, предъ которыми индѣйскіе и египетскіе заклинатели змѣй фиглярничали, наблюдали, что змѣи, повинувшись звукамъ флейты, выдѣлываютъ своеобразныя движенія. Я самъ, будучи въ Египтѣ, очень часто присутствовалъ на подобныхъ зрѣлищахъ и пришелъ къ такому же выводу, къ какому пришли и другіе наблюдатели. Я также думаю, что змѣи, дѣйствительно, обращаютъ нѣкоторое вниманіе на раздающіеся звуки духового инструмента, который заклинатели змѣй держатъ въ рукѣ. Впрочемъ я только упоминаю о высказанномъ мнѣніи, ибо я, быть можетъ, былъ введенъ въ обманъ, а Ленцъ и другіе натуралисты, признающіе слухъ въ высшей степени тупымъ, могутъ быть правы. Ричардсъ не имѣлъ возможности убѣдиться въ Индіи въ томъ, что ядовитыя змѣи, принесенныя фокусниками, выказываютъ какое-либо пристрастіе къ музыкѣ. Онъ считаетъ весьма вѣроятнымъ, что вообще змѣи очень мало воспримчивы къ дѣйствію звуковъ.

Такъ же трудно уяснить себѣ степень развитія чувства обонянія. «Что чувство обонянія у змѣй развито очень слабо», говоритъ Ленцъ, «я заключаю отчасти изъ того, что обонятельный нервъ очень коротокъ, отчасти изъ того, что никогда не наблюдается, чтобы змѣи отыскивали или изслѣдовали что-либо обоняніемъ; у млекопитающихъ же это очень легко наблюдать. Кроме того я заключаю объ этомъ изъ слѣдующаго наблюденія. Я бралъ палочку, обмоченную въ табачный сокъ, и держалъ ее предъ носомъ гадюкъ, мѣдянокъ, эскулаповыхъ змѣй и обыкновенныхъ ужей. Ни одна изъ нихъ не обратила никакого вниманія на палочку. Табачный сокъ, какъ извѣстно, не только обладаетъ сильнымъ запахомъ, но и отличается способностью легко умерщвлять гадюкъ, эскулаповыхъ змѣй и ужей, или же, по крайней мѣрѣ, вызывать въ нихъ заболѣваніе. Поэтому я вправѣ былъ ожидать, что змѣи, если бы у нихъ чувство обонянія было тонко, убѣгутъ отъ запаха табачнаго сока». При этомъ кстати привести еще одно замѣчаніе. Всѣ животныя обоняютъ только

тогда, когда втягиваютъ носомъ воздухъ, или, другими словами, приводятъ запахи, т. е. различные газы, въ соприкосновеніе съ обонятельными нервами. Змѣи же, какъ извѣстно, вдыхаютъ очень рѣдко и неравномѣрно. Поэтому нельзя ни въ какомъ случаѣ не сдѣлать предположенія, что змѣи втеченіе опытовъ Ленца не производили вдыханія. Бетхеръ до перенесенія въ спиртъ уничтожалъ чувствительность многихъ змѣй парами эфира или хлороформа. При этомъ онъ замѣчалъ сильное возбужденіе у змѣй именно въ тотъ моментъ, когда онъ подносилъ бумажку, смоченную летучей жидкостью. На основаніи этого онъ не признаетъ возможнымъ отрицать у змѣй чувство обонянія. Еще рѣшительнѣе говорить въ пользу того, что у змѣй обоняніе ясно выражено, фактъ, указанный Вернеромъ, что ужы отыскиваютъ въ темнотѣ между большимъ количествомъ различныхъ видовъ земноводныхъ именно ту лягушку, которую они по большей части употребляютъ въ пищу. Возможно, что при этомъ выборѣ не принимаетъ участія вкусъ, а единственно только обоняніе.

Легче, чѣмъ о другихъ чувствахъ, за исключеніемъ осязанія, мы можемъ составить себѣ понятіе о чувствѣ вкуса, такъ какъ мы можемъ смѣло утверждать, что онъ почти совершенно не развитъ. Это подтверждается какъ изслѣдованіемъ языка, такъ и наблюденіями надъ живыми змѣями. Аристотель увѣряетъ, конечно, что языкъ раздѣленъ на двѣ части единственно съ цѣлью доставить лакомкамъ-змѣямъ двойное наслажденіе во время принятія пищи. Однако въ языкѣ не нашли вовсе окончаній вкусовыхъ нервовъ, и на каждой змѣѣ, умерщвляющей добычу, можно наблюдать, что языкъ во время проглатыванія втягивается въ язычный чехоль. Съ другой стороны извѣстно, что онѣ дѣлаютъ различіе между разнообразной добычей. Однако мы не имѣемъ права приписать это явленіе чувству вкуса, но главнымъ образомъ—осязанію или обонянію. Утвержденіе Аристотеля, столь точнаго наблюдателя въ остальномъ, что змѣи—самыя хитрыя лакомки, столь же ошибочно, какъ и его замѣчаніе, что змѣи не знаютъ мѣры въ употребленіи вина и наливаются до-пьяна. Недавно Лейдигъ нашелъ бокаловидный органъ чувствъ въ ротовой полости гадюки, быть можетъ, служащій для вкусовыхъ ощущеній; впрочемъ болѣе точно этотъ органъ не изслѣдованъ.

Библейское прѣречіе «будьте мудры, какъ змѣи, и безхитроствы, какъ голуби» слѣдуетъ понимать только въ переносномъ смыслѣ. На самомъ же дѣлѣ змѣи не выказываютъ не только никакой мудрости, но, какъ уже выше сказано, понятливость у нихъ очень слаба. Совершенно справедливо принимаютъ, что между низко-организованными пресмыкающимися, змѣи стоятъ ниже всѣхъ. Во время своей охоты онѣ ясно выказываютъ извѣстную долю хитрости и, повидному, часто поступаютъ умно со своими врагами; къ своимъ воспитателямъ онѣ до извѣстной степени привыкаютъ. Впрочемъ онѣ ни при какихъ обстоятельствахъ не выказываютъ большей понятливости, чѣмъ другія пресмыкающіяся. У нихъ не только внѣшнія чувства тупы, но вообще онѣ тупоумны. Только Абботъ не признаетъ правильности этого воззрѣнія и считаетъ одиннадцать изслѣдованныхъ имъ точнѣе сѣверо-американскихъ видовъ змѣй—умными животными. Черному ужу онъ приписываетъ умѣнье не только пріобрѣтать опытность и становиться подозрительными, но и сохранять въ памяти опредѣленные случаи. Другіе виды подражаютъ, повидному, сознательно, почти точнымъ образомъ, гремучей змѣѣ, и это подражаніе доставляетъ имъ безопасность. Третья узнаютъ своихъ воспитателей. Все это однако не можетъ заставить насъ отказаться отъ мнѣнія, относящагося ко всѣмъ змѣямъ вообще.

Змѣи встрѣчаются во всѣхъ частяхъ свѣта, но не въ одинаковомъ коли-

чествъ. Онѣ также подчиняются общимъ законамъ распространенія пресмыкающихся. Число видовъ и недѣлимыхъ быстро убываетъ въ высшихъ широтахъ. Однако подъ одинаковыми градусами широты не вездѣ встрѣчается одинаковое количество змѣй. Если раздѣлить сушу земного шара на области, приведенныя въ первомъ томѣ, то, по словамъ Гюнтера, змѣй распределяются приблизительно слѣдующимъ образомъ.

Въ палеарктической области встрѣчается менѣе всего родовъ и видовъ змѣй. Встрѣчающіяся же змѣй малы, темной окраски, слабы и боязливы. Преимущественно встрѣчаются ужи, число ихъ превосходить въ четыре раза число гадюковыхъ и въ двадцать разъ число ложноногихъ. Сходство видовъ, встрѣчающихся на западѣ, востокѣ, югѣ и сѣверѣ, несомнѣнно. Ни одинъ видъ не встрѣчается за 67 градусомъ сѣверной широты. На островахъ Канарскихъ и Мадерѣ, по изслѣдованіямъ Бойля и другихъ ученыхъ, змѣй вовсе нѣтъ.

Въ эіонской области замѣтно вліяніе тропиковъ: появляются своеобразные роды и виды—исполинская, ярко окрашенная и песочнаго цвѣта змѣй. Кромѣ живущихъ на землѣ змѣй встрѣчается необычайно большое число такихъ видовъ, которые живутъ на деревьяхъ. На Мадагаскарѣ встрѣчается много видовъ, ему только свойственныхъ, и много родовъ, общихъ съ средней и Южной Америкой, такъ что этотъ островъ можно разсматривать, какъ самостоятельную область. Преобладающими являются еще ужи, которые превышаютъ число ложноногихъ примерно въ 8 разъ, а число гадюковыхъ въ 11 разъ; впрочемъ, послѣднія достигаютъ необычайной величины, и рядомъ съ ними обитаютъ представители другихъ родовъ ядовитыхъ змѣй, именно аспидъ, который, начиная отъ Египта, распространенъ по всей области во многихъ разновидностяхъ; въ омывающемъ сѣверо-восточный берегъ морѣ водятся морскія змѣй. Характерны для этой области щитохвостки и пустынные змѣй, а также много родовъ питоновъ, полозовъ, карликовыхъ змѣй, дипсовъ и ужей. Въ тропической западной Африкѣ на четыре ядовитыхъ вида змѣй приходится одинъ ядовитый видъ. На Мадагаскарѣ же ядовитыхъ змѣй не встрѣчается.

Восточная область является самой богатой змѣями и, можетъ быть, лучше всѣхъ областей изслѣдована въ этомъ отношеніи. «Число видовъ змѣй, обитающихъ въ Индіи, безгранично», говоритъ Эліанъ. Здѣсь живетъ въ 12 разъ больше змѣй, чѣмъ въ сосѣдней палеарктической области. Здѣсь настоящая родина морскихъ змѣй, здѣсь мѣстопробываніе другихъ ядовитыхъ змѣй подотряда; здѣсь на шесть безвредныхъ видовъ змѣй приходится одинъ ядовитый видъ. Характерными семействами являются: акрохордовые и щитохвостыя, характерные роды для этой области встрѣчаются въ семействахъ полозовыхъ, карляковыхъ, плетевидныхъ, ложныхъ водныхъ ужей и нѣкоторыхъ другихъ, наконецъ здѣсь только встрѣчаются ядовитыя змѣй-бунгары, красивые аспиды и зеленая куфія.

Островъ Цейлонъ находится въ такомъ же отношеніи къ этой области, какъ Мадагаскаръ къ Африкѣ. На этомъ островѣ живетъ больше своеобразныхъ змѣй, чѣмъ на какомъ-либо другомъ большомъ островѣ южной Азіи.

Изъ австралийской области точнѣе извѣстны только тѣ змѣй, которыя обитаютъ на маленькихъ островахъ или же по берегамъ большихъ острововъ. Поэтому невозможно дать удовлетворительный обзоръ змѣй, которыя здѣсь живутъ. Во всякомъ случаѣ Австралію нѣкоимъ образомъ нельзя назвать бѣдной змѣями. Она замѣчательна тѣмъ, что по меньшей мѣрѣ двѣ трети змѣй, живущихъ здѣсь, относятся къ ядовитымъ. При этомъ замѣчательно, что всѣ ядовитыя змѣй принадлежатъ къ аспидовымъ и морскимъ змѣямъ. Преобладающими ядовитыми змѣ-

ями являются ложноногія: къ нимъ относится больше половины неядовитыхъ змѣй, остальная часть относится къ слѣпунамъ, полозамъ, воднымъ ложнымъ ужамъ и настоящимъ ужамъ.

Только въ Новой Гвинее и на Моллукскихъ островахъ отношеніе ядовитыхъ змѣй къ безвреднымъ нѣсколько измѣняется въ пользу послѣднихъ; здѣсь только четверть всѣхъ видовъ принадлежитъ къ ядовитымъ. Подобная несоразмѣрность въ отношеніи числа ядовитыхъ змѣй къ числу неядовитыхъ не встрѣчается ни въ какой другой области. вмѣстѣ съ тѣмъ нигдѣ больше не встрѣчается столь большого участка суши, лежащаго въ предѣлахъ распространенія змѣй, какъ Новая Зеландія, на которой не встрѣчается ни одной змѣи.

Сѣверная Америка, занимающая положеніе, хотя по размѣрамъ и значительно меньше сходное съ палеарктическою областью, образуетъ сѣверо-американскую область, болѣе богатую змѣями, чѣмъ сходная съ ней область Старого Свѣта. Насколько извѣстно, къ сѣверу отъ 60 градуса широты тамъ не встрѣчается ни одной змѣи; только югъ умѣренного пояса, который можетъ быть разсматриваемъ, какъ приблизительная граница области, является необычайно удобнымъ для змѣй. Поэтому здѣсь мы замѣчаемъ необычайное обиліе ихъ. Характернымъ для области является преобладаніе ужей, водяныхъ ужей и карликовыхъ змѣй, незначительное количество аспидовъ и совершенное отсутствіе настоящихъ гадюкъ, которыхъ здѣсь, подобно австралійской и южно-американской областямъ, совершенно нѣтъ. Почти всѣ ядовитыя змѣи Сѣверной Америки принадлежатъ къ гремучникамъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, южно-американская область очень богата змѣями, и занимаетъ поэтому второе мѣсто послѣ восточной области. Только на южныхъ островахъ вулканическаго происхожденія отсутствуютъ, по Пиздсу, всѣ пресмыкающіеся, а слѣдовательно и змѣи. И здѣсь преобладающими являются ужи и ложноногія; ложныхъ ужей не встрѣчается вовсе: они замѣнены характерными для Южной Америки лунатиками. Ядовитыя змѣи большей частью относятся къ аспидамъ и гремучникамъ; въ Суринамѣ, по Каллеру, встрѣчается только пять видовъ ядовитыхъ изъ 100 видовъ змѣй.

Въ заключеніе приведемъ цифровыя данныя: изъ 635 видовъ змѣй, которые Гюнтеръ принималъ въ 1858 году, 40 живетъ въ палеарктической области, 80 въ эіопской, 240 въ восточной, 50 въ австралійской, 75 въ сѣверо-американской и 150 въ южно-американской области.

Кромѣ обильной пищи, змѣи ищутъ всегда мѣстности съ норками и убужищами и избѣгаютъ мѣстностей, которыя не доставляютъ имъ возможности прятаться. Швейнфуртъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что въ странѣ Бонго нѣтъ совсѣмъ змѣй, а если и есть, то очень мало. На разпросы онъ получилъ объясненіе, справедливость котораго онъ подтверждаетъ. Въ этой каменистой странѣ, сказали ему, нѣтъ чернозема, а черноземъ, глубоко растрескиваясь во время засухи, представляетъ змѣямъ удобное убужище для отдыха, а особенно во время степныхъ пожаровъ. То же самое мы можемъ наблюдать и въ Европѣ. Такъ, въ окрестностяхъ Берлина гадюка появляется мѣстами необычайно часто, въ другихъ же мѣстахъ ея совершенно нѣтъ. Въ первыхъ мѣстахъ она находитъ убужища, во вторыхъ же, — не находитъ. Вообще замѣчено, что змѣи появляются тѣмъ чаще, чѣмъ разнообразнѣе мѣстность. Совершенное отсутствіе ихъ является исключительнымъ случаемъ; онѣ обитаютъ какъ въ пустынѣ, такъ и въ лѣсу, какъ въ горахъ, такъ и на низменности. Теплота и влажность нравятся имъ болѣе, чѣмъ зной и сухость, хотя и въ послѣднихъ условіяхъ онѣ переносятъ невѣроятное. Несмотря на отсутствіе ногъ, онѣ умѣютъ распола-

гаться дѣл на ровной почвѣ, другія на крутыхъ склонахъ, третьи въ болотѣ, четвертыя въ водѣ озеръ, рѣкъ и даже морей; отдѣльные экземпляры даже живутъ подѣ землей и немало въ листовѣ деревьевъ. Повидимому, онѣ упорно держатся разѣ выбраннаго мѣстопробыванія, слѣдовательно, онѣ обходятъ очень маленькій участокъ. Онѣ также и странствуютъ въ ограниченной степени; такъ, онѣ переплываютъ рѣки или другія воды, чтобы поселиться на противоположномъ берегу или на островахъ; онѣ приходятъ изъ лѣсу или изъ степи въ города и села. Вообще же змѣи не любятъ кочевать, обыкновенно же выбираютъ мѣстопробываніе по возможности такое, которое имѣло-бы укромныя уголки, и въ окрестности его подстерегаютъ добычу. Весьма вѣроятно, что по своей волѣ онѣ кочуютъ только въ періодѣ спариванія и предѣ наступленіемъ зимы. Онѣ бывають вынуждены къ переселенію, когда мѣстность, въ которой онѣ обитають, измѣняется настолько, что онѣ лишаются убѣжища и пищи, или возможности уютно погрѣться на солнцѣ. Обыкновенно змѣи находятъ вдали отъ человѣческихъ жилищъ, но это потому, что вблизи жилыхъ мѣстъ человѣкъ преслѣдуетъ ихъ и прогоняетъ. Сами же змѣи нисколько не боятся близости своего непримиримаго врага и появляются около людей часто весьма нежеланнымъ способомъ. У насъ нерѣдко можно встрѣтить змѣй въ садахъ, расположенныхъ посрединѣ города. Иногда не понимаешь, какъ онѣ могли сюда попасть, благодаря ли аистамъ, упустившимъ ихъ, или же онѣ были привезены вмѣстѣ съ дровами и крупными деревьями, которыя пересаживають. Въ южныхъ странахъ онѣ часто появляются въ домахъ. Посѣщенія совершаютъ ночныя змѣи, слѣдовательно самыя опасныя и нерѣдко становятся очень непріятными. Мнѣ неразѣ случалось, во время моего пребыванія въ Африкѣ, наталкиваться въ жилищахъ на змѣй и находить ихъ даже на моей постели подѣ ковромъ. Всѣ путешественники, посѣщавшіе тропическія страны, испытывали то же самое. «Единственное, что беспокоитъ иностранца въ жилищахъ дянковъ» говорить Швейнфуртъ, «это шуршаніе змѣй, которыя шумятъ въ соломѣ крыши надѣ головою испуганнаго путника». Онѣ посѣщали Уоллеса не только на сушѣ, но и на борту его корабля и однажды только благодаря счастливой случайности онѣ избѣжалъ укушенія одной ядовитой змѣи, которая свернулась на его постели. Въ Индіи подобныя посѣщенія представляютъ обыденное явленіе и изъ нѣсколькихъ тысячъ людей, погибающихъ ежегодно въ Британской Индіи отъ укушенія змѣй, немало бывають укушены внутри своихъ жилищъ. Еще и теперь дѣло обстоитъ здѣсь немного лучше, чѣмъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, и слова Непарха, переданныя Страбономъ, сохраняють свою силу. Теперь еще, какъ во времена Страбона, случается, что во время наводненія змѣи появляются въ большомъ количествѣ въ человѣческихъ жилищахъ и принуждаютъ людей поднимать свои постели или даже покидать свой домъ и дворъ. Своеобразное устройство хижинокъ на столбахъ внутри Африки объясняется основательной боязнью змѣй, посѣщающихъ по ночамъ эти хижины.

Мѣстности, въ которыхъ течение года внѣшнія условія не мѣняются, постоянно доставляють змѣямъ приблизительно одинаковыя удобства, а именно: достаточное количество пищи, пріятную теплоту и воду для купанья. Естественнымъ слѣдствіемъ этого является то, что здѣсь жизнь змѣй изъ году въ годъ протекаетъ почти одинаково. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло тамъ, гдѣ смѣна временъ года обуславливаетъ различный образъ жизни. Во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ зима холодная или же жаркая, сухая, змѣи принуждены защищаться отъ дѣйствія холода или засухи. Всѣ виды змѣй, обитающіе въ сѣверной части нашего умѣреннаго пояса, прячутся съ наступленіемъ зимы въ глубокія норы и пребываютъ въ нихъ

въ состояніи оцѣпенѣнія втеченіе неблагоприятнаго времени года. То же самое можно наблюдать и подъ тропиками, хотя здѣсь засуха неприятна только видамъ, обитающимъ, если не въ водѣ, то во влажныхъ мѣстахъ. Нѣкоторые виды во время зимней спячки собираются часто группами. Возможно, что скопление это оказывается необходимымъ, такъ какъ масса змѣй, разсѣянныхъ по определенной области, съ трудомъ можетъ найти подходящую нору. Утверждаютъ, что въ Сѣверной Америкѣ гремучія змѣи собираются во время зимы дюжинами въ одной и той же зимней берлогѣ. То же самое наблюдается и у нашихъ гадюкъ. Вышесприведенное предположеніе оказывается совсѣмъ вѣроятнымъ, какъ покажетъ послѣдующее. Относительно самой зимней спячки, т. е. относительно времени, когда наступаетъ оцѣпенѣніе и сколько времени оно продолжается, невозможно произвести на свободѣ удовлетворительныхъ наблюденій. Для этого нужно поступить такъ, какъ поступилъ Ленцъ, у котораго перезимовали 30 змѣй и почти такое же число ящериць.

«Для этого опыта», говоритъ онъ, «я выбралъ въ нижнемъ этажѣ комнату, обращенную окнами на югъ, и размѣстилъ животныхъ, частью въ открытыхъ ящикахъ, частью въ ящикахъ, прикрытыхъ стеклянными пластинками. Дно этихъ ящичковъ было покрыто слоемъ отрубей, толщиной въ 8 см., и въ каждомъ находился сосудъ съ водой. Втеченіе первыхъ трехъ недѣль ноября змѣи почти всегда находились, при открытомъ окнѣ, при температурѣ 2 до 4 градусовъ тепла. Все же онѣ становились болѣе вялыми и медлительными и были холодны на ощупь. Втеченіе послѣдней недѣли ноября начало на дворѣ морозить; я заперъ окно и въ комнатѣ втеченіе этой недѣли было только 1, 5—2 градусовъ тепла. Я произвелъ осмотръ и нашелъ слѣдующее: два обыкновенныхъ ужа, находившихся въ открытомъ ящикѣ, заползли подъ отруби, стали довольно неповоротливы, хотя еще двигались и шевелили языкомъ; одинъ очень большой ужъ, находившійся въ ящикѣ, прикрытомъ стеклянной пластинкой, ползалъ еще, хотя и медленно, шевелилъ языкомъ и даже шипѣлъ, когда его сильно беспокоили; двѣ мѣдянки ползали еще произвольно и не прятались въ отруби; четыре эскулаповы змѣи были бодрѣе всѣхъ, хотя все-таки какъ бы полуоцѣпенѣли; двѣнадцать гадюкъ лежали свернувшись вмѣстѣ въ видѣ толстаго клубка; тѣ, которыхъ я вынималъ по одиночкѣ, надувались, шевелили языкомъ, шипѣли и очень медленно ползали; четыре гадюки въ другомъ ящикѣ и три въ третьемъ ящикѣ лежали уже давно свернувшись по одиночкѣ; нѣкоторыя еще ползали; совсѣмъ молодыя гадюки частью лежали спокойно свернувшись, частью ползали, шипѣли и надувались, когда ихъ трогали; ни одна изъ гадюкъ не зарылась въ отруби.

«Когда по прошествіи нѣсколькихъ дней сдѣлалось теплѣе и температура повысилась до 4 и 5 градусовъ, я открылъ въ комнатѣ окно и впустилъ свѣжій воздухъ. Всѣ змѣи сдѣлались нѣсколько бодрѣе; когда же температура упала снова до 1 и 2 градусовъ, онѣ стали опять очень спокойны; когда же температура упала до 0 градусовъ, тогда я съ удивленіемъ замѣтилъ, что всѣ стали спокойны, даже и тѣ, которыя уже втеченіе большого промежутка времени лежали на одномъ и томъ же мѣстѣ, перемѣнили мѣсто. Даже и большая куча, состоявшая изъ двѣнадцати гадюкъ, перемѣнила мѣсто, хотя на третій день возвратилась на прежнее. Въ этотъ день я умертвилъ трехъ гадюкъ, вливъ имъ въ пасть табачнаго сока; всѣ онѣ околѣли, но по меньшей мѣрѣ въ три раза медленнѣе, чѣмъ лѣтомъ. Всѣ змѣи (а также веретеницы и ящерицы) съ тѣхъ поръ, какъ стали отъ холода вялыми, проявляли такую живучесть, что почти ни одна изъ нихъ не околѣла, между тѣмъ какъ во время лѣта многія изъ нихъ умирали отъ табачнаго сока.

«На четвертый день, девятого декабря, вдругъ въ комнатѣ стало два градуса холода, а во время ночи могло понизиться и до трехъ градусовъ. На слѣдующее утро я произвелъ осмотръ и нашелъ слѣдующее: девять гадюкъ совершенно замерзли, сдѣлались тверды, какъ палки, всѣ болѣе и менѣе свернулись, и были совершенно безъ признаковъ жизни; черный зрачекъ сталъ ледяного цвѣта, что доказывало, что и жидкости глаза замерзли. Въ большой кучѣ всѣ еще были живы и двигались и только одна изъ нихъ, лежавшая какъ разъ посрединѣ, одервенѣла, какъ палка. Всѣ не замерзшія очень мало двигались, когда я ихъ трогалъ; зрачекъ ихъ былъ еще черный и тѣло мягкое. Изъ четырехъ аскулановыхъ змѣй самыя большія замерзли и зрачекъ сталъ ледяного цвѣта; изъ ужей самый большой совершенно замерзъ; другіе же скрылись подъ отруби и еще не оцѣпѣли. Когда я взглянулъ на часть замерзшихъ змѣй, лежавшихъ предо мною, то я никакъ не подозревалъ, что онѣ были бездыханны; мнѣ казалось очень подозрительнымъ то обстоятельство, что многія изъ нихъ находились въ такомъ положеніи, точно онѣ оцѣпѣли во время движенія: онѣ выглядѣли такъ, точно хотѣли двигаться впередъ. Только, когда я дотронулся до нихъ, тогда я замѣтилъ, что онѣ околѣли».

Изъ этихъ наблюденій нашего изслѣдователя вытекаетъ, что змѣи, подобно другимъ животнымъ, подвергающимся зимой спячкѣ, втеченіе своего оцѣпѣнія должны находиться въ мѣстахъ, защищенныхъ отъ дѣйствія мороза.

При теплой, тихой погодѣ уже въ мартѣ можно снова замѣтить въ средней Германіи змѣй на свободѣ. Онѣ ужъ оставляютъ свои зимнія убѣжища, чтобы погрѣться на солнцѣ, вечеромъ же, вѣроятно, снова возвращаются въ свою норку. Онѣ тогда еще не помышляютъ объ охотѣ и размноженіи, ибо настоящая лѣтняя жизнь начинается у нихъ только въ началѣ апрѣля. Когда онѣ отправляются осенью на покой, тогда онѣ жирны; когда же онѣ снова выходятъ весной, то почти половина ихъ жира истрачена.

Большинство безвредныхъ змѣй—дневныя животныя, многія же изъ подозрительныхъ, снабженныхъ бороздчатыми зубами, и почти всѣ ядовитыя змѣи—ночныя животныя. Первые съ наступленіемъ темноты возвращаются въ свое убѣжище, здѣсь въ полномъ покоѣ проводятъ ночь и только много времени спустя послѣ восхода солнца, вновь появляются. Ядовитыя змѣи и днемъ довольно часто показываются, хотя въ состояніи сонливаго покоя, ибо ихъ дѣятельность наступаетъ только съ началомъ сумерекъ. Кто зажжетъ костеръ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчаются ядовитыя змѣи, тотъ убѣдится, что всѣ гадюки принадлежатъ къ ночнымъ животнымъ. Привлеченныя свѣтомъ костра, онѣ сползаются со всѣхъ сторонъ и ловець, напрасно старавшійся днемъ поймать хотя бы одну обыкновенную или песчаную гадюку или вилеру, ночью можетъ получить богатую добычу. Когда намъ приходилось ночевать въ африканскихъ степяхъ, то насъ часто беспокоили рогатыя гадюки и неразъ мы по цѣлымъ часамъ караулили съ щипцами въ рукахъ, чтобы моментально схватить подползавшую змѣю и бросить ее въ костеръ. Эффельдтъ ловилъ въ окрестности Берлина гадюкъ, а въ Штиріи песчаныхъ гадюкъ подобнымъ же образомъ. Онъ или разводилъ костеръ и приманивалъ змѣй огнемъ, или же выходилъ на охоту съ фонаремъ въ рукѣ; даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ днемъ онъ по напрасну искалъ, онъ находилъ многихъ гадюкъ, лежащими у своихъ норъ. Всѣ, кто держитъ ядовитыхъ змѣй въ неволѣ, увѣряютъ, что онѣ, если и не исключительно, то обыкновенно ѣдятъ только ночью, что онѣ только въ темнотѣ становятся дѣятельными и выходятъ на хищничество.

Всѣ безъ исключенія змѣи, объ образѣ жизни которыхъ мы знаемъ, пита-

ются другими животными и главнымъ образомъ, если не исключительно, такими, которыхъ онѣ сами поймаютъ и умертвляютъ. Способы, которые онѣ примѣняютъ для добыванія насущнаго пропитанія, очень разнообразны. Это извѣстно каждому, кто держитъ въ неволѣ въ большомъ количествѣ разнообразныхъ змѣй. Большинство изъ нихъ подстерегаютъ добычу, проходящую вблизи изъ мѣстопребыванія, затѣмъ неожиданно бросаются на нее и наносятъ смертельное укушеніе, или схватываютъ и проглатываютъ то немедленно, то предварительно задушивши свою жертву. Относительно способа охоты ядовитыхъ змѣй у насъ недостаетъ наблюденій. Это объясняется просто тѣмъ, что эти змѣи большею частью дѣятельны только ночью, а мы ихъ изучаемъ въ большинствѣ случаевъ днемъ въ состояніи покоя, а не во время ихъ энергичной дѣятельности. Поэтому неповоротливость ихъ, въ сравненіи съ подвижностью неядовитыхъ, большею частью дневныхъ змѣй, кажется намъ больше, чѣмъ какова она въ дѣйствительности. Этимъ мы вовсе не хотимъ сказать, что ядовитая змѣя можетъ поспорить въ быстротѣ и ловкости съ безвредными змѣями. Ядовитая змѣя не нуждается въ избыткѣ силы настолько, насколько неядовитая. Ея оружіе столь страшно, что достаточно ей только прикоснуться къ своей жертвѣ и сдѣлать ей своими ядовитыми зубами ранку въ одинъ миллиметръ глубины, и жертва въ ея власти. Безвредная же змѣя, хотя и подстерегаетъ, подобно ядовитой, но все же чаще и правильнѣе охотится, чѣмъ какая-либо ядовитая змѣя. Если она удачно поймаетъ невнимательную добычу, то ей придется еще напрягать силы, чтобы удержать ее. Въ этомъ ей помогаютъ ея внимательность, ея вытянутое строеніе, ея болѣе значительная, въ сравненіи съ ядовитой, длина тѣла и стоящая въ связи съ этимъ подвижность и гибкость.

Если за разнообразными змѣями ухаживать надлежащимъ образомъ, доставляя имъ прежде всего необходимую теплоту, то онѣ, вѣроятно, въ общемъ ведутъ въ клѣткѣ образъ жизни, немногимъ отличающійся отъ жизни на свободѣ. Безполезное передвиженіе имъ не нравится; онѣ любятъ больше спокойно пребывать на одномъ и томъ же мѣстѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ лежатъ по цѣлымъ часамъ болѣе или менѣе неподвижно въ пескѣ или на пескѣ между камнями, представляющими для нихъ удобное убѣжище, а также и въ водѣ. Другія отдыхаютъ свернувшись, болѣе свѣсившись, чѣмъ лежа, на назначенныхъ для нихъ вѣтвяхъ. Всѣ онѣ, пока ихъ не потревожатъ, находятся, повидимому, въ благодумнѣйшемъ настроеніи духа, и для нихъ остальной міръ какъ-бы не существуетъ. Но вотъ приближается слугитель, раздающій пищу и вытряхиваетъ свою подачку въ клѣтки пойманныхъ змѣямъ. При этомъ онъ руководится видомъ змѣй и ихъ потребностями: въ одну клѣтку онъ бросаетъ лягушекъ, въ другую определенное количество рыбъ; въ клѣтку, наполненную удавами и большими ядовитыми змѣями, онъ кидаетъ живого кролика, голубя или какое-нибудь другое теплокровное позвоночное животное. Но даже и послѣ этого ядовитыя змѣи нерѣдко не обращаютъ по цѣлымъ часамъ вниманія на жертву. Чаще же онѣ надуваются характернымъ образомъ, повидимому разсердившись на предметъ, нарушившій ихъ покой, шевелятъ иногда языкомъ, подымаютъ грозно голову и этимъ приблизительно и довольствуются. Удавы, питоны и ужь, если они сколько-нибудь голодны, не теряютъ ни одной минуты, а начинаютъ тотчасъ же преслѣдовать добычу, попавшую въ ихъ владѣнія. При этомъ одни, напрягнувъ всѣ силы, бросаются на добычу со всей возможной быстротой, другіе же стараются подкрасться къ ней осторожно, медленно и правильно. Еще не успѣтъ брошенная въ клѣтку лягушка даже узнать, въ какомъ обществѣ она находится, а проворный ужъ схватываетъ ее уже за заднюю лапу. Она напрасно работаетъ остальными конечностями, стараясь освободиться, на самомъ же дѣлѣ медленно под-

впается все глубже и глубже въ глотку ужа, причемъ жалкія движенія переднихъ конечностей какъ-бы прощаются съ вѣшнимъ міромъ. Немногимъ лучше приходится кролику, голубю, курицѣ, положеннымъ предъ удавомъ; разница только въ томъ, что удавъ раньше удушаетъ ихъ нижеописаннымъ способомъ. Животное, брошенное ядовитой змѣй, также погибаетъ втеченіе ночи; впрочемъ очень часто замѣчали, что змѣя, умертвивши, не трогала своей жертвы. Изъ этого можно сдѣлать выводъ, что змѣя не голодна, а умертвила свою жертву единственно по злобѣ и съ досады за причиненное безпокойство.

Замѣчательно, что всѣ змѣи очень хорошо знаютъ, какъ онѣ должны обходиться со своей добычей. лягушекъ и рыбъ онѣ проглатываютъ животрепещущими; ящерицъ-же, млекопитающихъ животныхъ и птицъ сперва душатъ. Пока змѣя не убѣдится въ смерти добычи, до тѣхъ поръ она не освобождаетъ ее изъ своихъ петель. Затѣмъ только змѣя пожираетъ обычнымъ способомъ добычу.

Хотя изъ вышесказаннаго должно быть ясно, что змѣя всякую добычу проглатываетъ цѣликомъ, однако я считаю нужнымъ еще разъ подчеркнуть тотъ фактъ, что змѣя не въ состояніи раздроблять добычи и не въ состояніи откусить отъ большого животнаго кусокъ, могущій помѣститься у нея во рту. Мнѣ стыдно было за состояніе нашего просвѣщенія по естествовѣдѣнію, когда я прочелъ въ выдающихся нѣмецкихъ газетахъ страшную исторію, выдуманную какимъ-то американцемъ. Въ этой исторіи рассказывалось, какъ сѣверо-американскія змѣи нападаютъ на глаза у трепещущаго, но къ счастью спасшагося всадника, на лошадь и вырываютъ у нея изъ живого мяса одинъ кусокъ за другимъ. Ужасный ревъ лошади переходитъ въ стоны, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока чудовище не умертвитъ ее. Рассказъ этотъ безпрепятственно распространялся все больше и больше и даже попалъ на страницы такихъ журналовъ, которые сообщаютъ вообще только достовѣрное. Каждый школьникъ, усвоившій себѣ первоначальныя свѣдѣнія по зоологіи, долженъ былъ бы знать, да и знать, вѣроятно, что весь рассказъ съ начала до конца представляетъ выдумку, такъ какъ онъ невозможенъ.

Смотря по роду и величинѣ змѣй, добыча, которую онѣ преслѣдуютъ, бываетъ очень разнообразна. Исполнины этого отряда могутъ проглатывать животныхъ, величиной съ козулю: такъ, Фалькенштейвъ и Пехуэль-Леше вырвали изъ туловища одного застрѣленнаго питона еще совершенно свѣжую взрослую антилопу, у которой, къ удивленію, не доставало головы, но ни одна косточка не была сломана. Другія змѣи довольствуются болѣе мелкими тварями, на примѣръ грызунами, маленькими птицами, пресмыкающимися всякаго рода (быть можетъ исключая черепахъ) и рыбами. Низшія же животныя служатъ пищей только для червеобразныхъ, карликовыхъ и другихъ мелкихъ змѣй и, быть можетъ, для молодыхъ разнообразныхъ видовъ, которые въ зрѣломъ возрастѣ охотятся за позвоночными.

Наблюденія наши надъ питаніемъ змѣй еще скудны и поверхностны; однако мы можемъ утверждать, что каждый видъ змѣй предпочитаетъ болѣе или менѣе опредѣленный видъ животнаго, даже питаются только однимъ видомъ.

«Всѣ ужы», пишетъ мнѣ Эффельдтъ на основаніи своихъ многолѣтнихъ наблюденій, «какъ-то: обыкновенный, клетчатый, гадюковый и американскій, питаются только рыбой и лягушками, и даже изъ лягушекъ исключительно бурой травяной лягушкой. Если же имъ дать зеленую лягушку, то они отступаютъ, содрогаясь, и позволяютъ ей, хотя и укусивъ предварительно, уйти, даже во время сильнаго голода. Мѣдианка ѣстъ только горныхъ ящерицъ, желтозеленый и ящерицный ужы—только зеленыхъ ящерицъ, кошачья змѣя питается горными, обыкновенными и стѣнными ящерицами; эскулапова змѣя, четырехполосный и подковчатый ужы.

полосатые и алжирскіе змѣ ужѣ избираютъ себѣ теплокровныхъ животныхъ, какъ напримѣръ мышей и птицъ; леопардовый ужъ хватаетъ только мышей. Послѣднихъ преслѣдуютъ всѣ ядовитыя змѣи, которыхъ я наблюдалъ, напримѣръ обыкновенныя, песчаныя и рогатыя гадюки, аспиды и другія; исключеніе составляетъ водяная гадюка, для которой обыкновенной пищей служатъ рыбы, но она пожираетъ также лягушекъ и даже змѣй, не исключая ядовитыхъ, и не пренебрегаетъ также теплокровными животными, напримѣръ мышами и птицами». Весьма вѣроятно, что при внимательномъ наблюденіи надъ вѣввропейскими змѣями, мы пришли бы къ выводамъ, сходнымъ съ полученными изъ наблюденій надъ европейскими. Что отдѣльные представители змѣй пожираютъ птичьи яйца, извѣстно со временъ Плинія, который слѣдующимъ образомъ описываетъ, какъ это происходитъ: «Змѣи», говоритъ онъ, «обѣдаются яйцами, и нужно при этомъ удивляться ихъ искусству, ибо онѣ проглатываютъ яйца, если только пасть можетъ схватить ихъ, цѣликомъ и разбиваютъ ихъ въ брюхѣ посредствомъ извиванія тѣла, или же, если онѣ сами еще очень молоды и малы, обвиваютъ яйцо своимъ туловищемъ и постепенно сдавливаютъ его такъ сильно, что отрѣзаютъ часть, какъ-бы ножомъ и, крѣпко держа остальную, выпиваютъ содержимое. Въ первомъ случаѣ онѣ выплевываютъ скорлупу, подобно тому, какъ онѣ удаляютъ съ усиленіемъ перья проглоченной цѣликомъ птицы». Исключая разрѣзанія яицъ и выбрасыванія скорлупы, всѣ данныя Плинія подтверждены болѣе новыми наблюденіями. Послѣднія твердо устанавливаютъ тотъ фактъ, что змѣи дѣйствительно крадутъ яйца, уносятъ и проглатываютъ ихъ, раздробляютъ ихъ внутри тѣла и перевариваютъ. Африканскія щитохвостки, напримѣръ, похищающія яйца, у голландскихъ колонистовъ, и индѣйскій родъ *Elachistodon*, повидимому, совершенно приспособились къ питанію яйцами. Ихъ зубы недоразвиты, а нижніе отростки переднихъ позвонковъ превратились удивительнымъ образомъ въ зубовидные органы. У обоихъ родовъ эти нижніе отростки удлинены необычайно, въ видѣ зубовъ, покрыты эмалью и продыравливаютъ прикрѣпленную къ нимъ часть пищевода. Какъ только яйцо подойдетъ подъ рядъ этихъ зубовидныхъ отростковъ позвонковъ, оно раздробляется и въ тотъ же моментъ пасть закрывается, такъ что ни одна капля жидкаго содержимаго яйца не пропадаетъ. Многія змѣи, кромѣ позвоночныхъ, пожираютъ еще и безпозвоночныхъ, нѣкоторые виды, вѣроятно, ѣдятъ даже мягкотѣлыхъ и ракообразныхъ. Весьма вѣроятно, что при сильномъ голодѣ ими питаются даже тѣ виды, которые обыкновенно охотятся за крупной добычей. Наблюдали, что онѣ, повидимому, съ истиннымъ наслажденіемъ пожирали куколки муравьевъ и въ ихъ желудкѣ находили кузнечиковъ. Индѣйскія толстоголовыя змѣи питаются исключительно ночными насѣкомыми.

Вѣра въ чудесное и сверхъ-естественное породила удивительное, еще существующее и нынѣ у многихъ, повѣрье. До послѣдняго времени даже натуралисты не страшились употреблять словъ «магическая сила змѣи» и приводить ихъ въ связь со способомъ, посредствомъ котораго змѣи добываютъ себѣ добычу. Именно наблюдали, что многія животныя, напримѣръ мыши и птицы, приближались безъ боязни къ тѣмъ змѣямъ, которыя ихъ затѣмъ схватывали и проглатывали. Наблюдали также, что птицы съ величайшей осторожностью порхали около змѣй, угрожавшихъ или ихъ яйцамъ или имъ самимъ; наконецъ онѣ черезъ чуръ къ нимъ приближались и тотчасъ же были схватываемы. Изъ этого дѣлали приблизительно такой выводъ: такъ какъ инстинктъ, который долженъ предупреждать животное о всякой опасности, угрожающей ему, въ обоихъ этихъ случаяхъ не дѣйствовалъ и совершенно покинулъ бѣдную мышъ или птичку, то для разрѣшенія сомнѣній воз-

можно было только принятіе другой, сверхъестественной силы. Если-бы захотѣли вполнѣ повѣрить безчисленнымъ разсказамъ, которые намъ передавали о волшебной силѣ змѣй различные путешественники, то нужно было-бы, безъ сомнѣнія, согласиться съ ихъ воззрѣніями. Познакомившись съ послѣдними, приходишь къ тому, что ихъ нужно безусловно отбросить, и видишь, что наблюденія могутъ быть сами по себѣ правильны, а заключенія невѣрны. На основаніи моихъ многократно повторенныхъ наблюденій дѣло объясняется просто тѣмъ, что животныя, околдовываемыя, по воззрѣнію путешественниковъ, не считаютъ змѣю, которая имъ угрожаетъ, столь страшнымъ животнымъ, какова она въ дѣйствительности. Лихтенштейнъ разсказываетъ, что онъ, во время одной изъ поѣздокъ въ южную Африку, наблюдалъ одну змѣю, во время ея охоты за большою полевою мышью. «Бѣдный звѣрекъ былъ настигнутъ какъ разъ у своей норки и вдругъ, хотя змѣя не тронула его, остановился, какъ бы обезсиливъ отъ страха. Змѣя вытянула свою шею по направленію кълевой мыши, открыла пасть и, повидимому, пристально смотрѣла на нее. Оба животныя нѣкоторое время были неподвижны. Но какъ только мышь сдѣлала движеніе, чтобы убѣжать, голова змѣи быстро послѣдовала за этимъ движеніемъ, какъ бы желая отрѣзать ей путь къ отступленію. Эта игра продолжалась почти 4 минуты, пока мое приближеніе не положило ей конца. Змѣя быстро схватила мышъ и убѣжала со своей добычей въ ближайшій кустарникъ, куда я напрасно погнался, желая ее умертвить. Такъ какъ я уже такъ много слышалъ о силѣ змѣй, околдовывающей маленькихъ млекопитающихъ животныхъ, то для меня было очень важно увидѣть собственными глазами доказательство этому. Я, впрочемъ, оставляю невѣреннымъ, оказалъ-ли ядовитый запахъ змѣи расслабляющее дѣйствіе на преслѣдуемую мышъ, или же просто взглядъ и увѣренность въ неизбежной смерти были причиной послѣдней». Сообщеніе Лихтенштейна вполнѣ отражаетъ ту эпоху, (начало нашего столѣтія) въ которую оно написано.

Ни ядовитый запахъ, ни увѣренность въ неизбежной гибели, а просто любопытство заставило мышъ поступать такъ, какъ она поступила. Я могъ несомнѣннымъ образомъ убѣдиться въ этомъ, благодаря моимъ наблюденіямъ надъ плѣнными змѣями. Ни млекопитающее животное, будь это глупый кроликъ или старая, опытная крыса, ни одна птица, если бы даже это былъ недовѣрчивый, неразъ наученный горькимъ опытомъ воробей, никогда не понимаютъ, что представляетъ изъ себя змѣя. Если вообще они обратятъ на нее вниманіе, то приближаются къ ней неловко, съ любопытствомъ, разсматриваютъ или обнюхиваютъ ее. Они позволяютъ змѣѣ трогать ихъ языкомъ и только тогда отскакиваютъ немного, когда языкъ защекочетъ какое-либо чувствительное мѣсто. Старыя, сильныя крысы, помѣщенные къ большимъ змѣямъ, не только вовсе не робѣютъ предъ ними, напротивъ того, выказываютъ часто совершенно неожиданнымъ образомъ собственную отвагу. Одна изъ нихъ, которую я обрекъ въ жертву плѣнной гремучей змѣѣ, нисколько не обращала вниманія на грозный шумъ и шипѣніе змѣи, напротивъ, прогрызла, когда чувствовала голодь, дыру въ туловищѣ змѣи, вслѣдствіе чего послѣдняя жалкимъ образомъ околѣла. Не нуждается въ длинномъ объясненіи то, что нельзя приписывать какой-либо змѣѣ ядовитый запахъ. Многія змѣи, особенно ядовитыя, конечно не издають особенно пріятнаго запаха, напротивъ того, послѣ ѣды, во время пищеваренія, онѣ пахнутъ очень непріятно. Но, конечно, нужно признать невозможнымъ, чтобы этотъ запахъ могъ приводить млекопитающихъ животныхъ въ безчувственное состояніе. Нѣсколько иначе, хотя съ такой же легкостью, объясняется боязливое поведеніе различныхъ птицъ у гнѣзда при видѣ приближающейся змѣи, что наблюдали вышеупомянутые путешественники. Въ

такихъ случаяхъ, какъ извѣстно каждому наблюдателю, болѣе слабыя птицы охотно прибѣгаютъ къ искусству притворяться, для того, чтобы отвлечь вниманіе замѣченнаго врага отъ яицъ и обратить его на себя. Онѣ при этомъ жалобно кричатъ, приближаются, какъ-бы околдованныя, къ врагу, порхаютъ и прихрамываютъ на землѣ, какъ будто у нихъ ослабли крылья и ноги, падаютъ, какъ мертвыя, съ высоты вѣтокъ на траву и т. п. Онѣ этимъ вводятъ въ обманъ каждаго не особенно опытнаго врага, не исключая и людей. По всей вѣроятности таковы были обстоятельства, которыя наблюдались вышеупомянутыми путешественниками. Такого же мнѣнія держатся изслѣдователями Мютцель, Никольсовъ, Ричардсъ, миссъ Гонлей и другіе, которые имѣли случай наблюдать змѣй на свободѣ и поступки ихъ жертвъ. При этомъ можетъ случиться, что животное съ такими странными поступками только что было укушено или схвачено на глазахъ наблюдателя, а онъ этого и не замѣтилъ тотчасъ-же. Такъ, Руссель съ удивленіемъ замѣтилъ, что курица, которую онъ поднесъ къ древесной змѣѣ, вдругъ начала корчиться, точно въ предсмертныхъ судорогахъ. Когда онъ ближе разслѣдовалъ дѣло, то нашелъ, что древесная змѣя образовала концомъ хвоста петлю вокругъ шеи курицы и едва не удушила послѣднюю. Какъ всегда, такъ и въ этомъ случаѣ чудесное исчезаетъ при безпристрастномъ наблюденіи.

Такъ какъ змѣи проглатываютъ всякую пищу нераздробленной и даже цѣлыхъ животныхъ, которая вдвое шире, чѣмъ голова змѣй, то проглатываніе требуетъ значительныхъ усилій и совершается медленно. За рѣдкими исключеніями змѣи схватываютъ всегда добычу спереди за голову, крѣпко держатъ ее зубами, двигаютъ впередъ одну сторону головы, зацѣпляютъ зубами, затѣмъ подвигаютъ другую сторону головы. Такимъ образомъ онѣ захватываютъ добычу попеременно то однимъ, то другимъ рядомъ зубовъ, пока добыча не попадетъ цѣликомъ въ пасть. Въ слѣдствіе значительнаго давленія происходитъ усиленное отдѣленіе слюнныхъ железъ, которое облегчаетъ лицѣ прохожденіе ея черезъ отверстіе рта, которое постепенно расширяется до нельзя. Во время проглатыванія очень большихъ кусковъ добычи голова принимаетъ безобразно расширенную форму и каждая косточка челюстнаго аппарата какъ-бы вывихнута. Какъ только кусокъ проглоченъ, голова принимаетъ быстро свой первоначальный видъ. Случается, что змѣи схватываютъ и стараются проглотить животныхъ, которыя слишкомъ велики даже для ихъ невѣроятно растяжимаго челюстнаго аппарата. Тогда онѣ по цѣлымъ часамъ лежатъ на одномъ мѣстѣ съ добычей въ пасти, при чемъ дыхательное горло у нихъ выдвинуто далеко впередъ, чтобы не прерывать дыханія. Онѣ лежатъ и тщетно слятся одолѣть массу; иногда, впрочемъ, имъ случайно удается вытащить изъ нея зубы и выбросить ее вонъ посредствомъ потрясанія головой. Иные утверждаютъ, что змѣя не можетъ освободиться отъ схваченнаго и проглатываемаго куска пищи и въ случаѣ слишкомъ крупной добычи должна задохнуться, но это совершенно невѣрно. Ядовитыя змѣи схватываютъ свою жертву только послѣ того, какъ она околѣетъ, и притомъ съ извѣстной осторожностью, чтобы не сказать, съ нѣжностью. Онѣ при проглатываніи не пользуются своими ядовитыми зубами, но отодвигаютъ ихъ, какъ можно дальше, въ сторону, и приводятъ въ дѣйствіе главнымъ образомъ нижнюю челюсть.

Перевариваніе совершается медленно, но очень энергично. Сначала переваривается та часть добычи, которая находится въ нижней части желудка. Случается при этомъ такъ, что одинъ кусокъ, переваренный, переходитъ въ кишки прежде, чѣмъ другая часть начала перевариваться. Если проглочено нѣсколько животныхъ, то они, если только не слишкомъ малы, помѣщаются не рядомъ, а всегда

одно позади другаго. Если при этомъ желудокъ полонъ, тогда остальные пребываютъ въ пищеводѣ до тѣхъ поръ, пока не смогутъ подвинуться дальше. Не переваримыя части или остатки пищи, особенно перья и волосы, удаляются чрезъ задній проходъ. Только въ видѣ исключенія и при томъ слабосильныя и больныя змѣи изрыгаютъ ихъ чрезъ ротъ. То-же бываетъ и съ полу-переваренными кусками добычи, если змѣя испугана или чѣмъ нибудь обезпокоена. Количество пищи зависитъ отъ погоды и увеличивается съ повышеніемъ температуры; но змѣй собственно нельзя назвать прожорливыми. Онѣ, хотя и проглатываютъ заразъ много пищи, но за то могутъ оставаться втеченіе нѣсколькихъ недѣль, даже мѣсяцевъ безъ всякой пищи. Шубертъ рассказываетъ, что одинъ удавъ (*Voa tucina*) голодалъ втеченіе 500 дней.

Дюмериль, посвятившій всю свою жизнь изученію змѣй и написавшій вмѣстѣ съ Виброномъ относительно этой животной группы важное сочиненіе, поймалъ во время одной прогулки гадюку, думая, что это гадюковый ужъ, былъ укушенъ и находился втеченіе многихъ дней въ большой опасности. На этотъ фактъ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе, потому что онъ слишкомъ ясно доказываетъ, что наружныя отличія безвредныхъ и ядовитыхъ змѣй могутъ быть, и во многихъ случаяхъ дѣйствительно бываютъ, въ высшей степени незначительны. При наружномъ осмотрѣ невозможно ядовитую змѣю признать безусловно таковой. Конечно это не относится ко всѣмъ видамъ или подсемействамъ, потому что морскія змѣи, гремучники и нѣкоторыя гадюковыя могутъ быть узнаны и по наружнымъ признакамъ. Къ таковымъ же, которыхъ нельзя отличить по наружному виду, относится обыкновенная гадюка, которая обманула даже опытный глазъ такого изслѣдователя, какъ Дюмериль. Въ нѣкоторыхъ учебникахъ зоологіи отличительныя признаки ядовитыхъ змѣй приведены совершенно неосновательно. Это правда, что виды, ведущіе ночной образъ жизни, обыкновенно имѣютъ короткое туловище, сильно утолщенное посрединѣ, и въ поперечномъ разрѣзѣ трехугольное. Правда, что онѣ имѣютъ конусовидный хвостъ, тонкую шею и трехугольную голову, очень широкую сзади. Правда, что по строенію своихъ чешуекъ онѣ часто отличаются отъ безвредныхъ змѣй. Совершенно справедливо и то, что глаза у нихъ большіе, зрачекъ представляетъ вертикальную щель и глазъ защищенъ выдающимся надглазнымъ щиткомъ и поэтому имѣетъ злобное и лукавое выраженіе. Но всѣ эти признаки характерны только для ночныхъ ядовитыхъ змѣй и совершенно не пригодны для дневныхъ змѣй, а также для аспидовъ, и для морскихъ змѣй, ибо большинство представителей послѣднихъ двухъ группъ по виду такъ же невинны и безвредны, какъ и какая-либо неядовитая змѣя. Одна изъ многочисленныхъ группъ аспидовъ, въ ядовитости которыхъ наконецъ должны были убѣдиться, снаружи такъ привлекательна и кажется столь добродушной, что даже очень опытные изслѣдователи за нее заступались и подтвержденіемъ ея безвредности служили прежніе рассказы о томъ, что эти змѣи являются игрушкой для дѣтей и женщинъ. Единственно только изслѣдованіе зубовъ позволяетъ сдѣлать безошибочный выводъ относительно ядовитости или безвредности змѣи.

Замѣчанія такого рода считаю долгомъ предпослать описанію змѣй для того, чтобы, насколько это возможно, предостеречь неспеціалистовъ и новичковъ, желающихъ изучить змѣй, отъ легкомысленнаго обращенія съ этими опасными тварями.

Кто вспомнить, какъ велико число людей, ежегодно гибнущихъ, благодаря ядовитымъ змѣямъ, сколь много у насъ подвергается, благодаря имъ, по меньшей мѣрѣ продолжительной болѣзни, тотъ пойметъ ужасъ, овладѣвающій каждымъ неопыт-

нымъ человѣкомъ при видѣ змѣи, тотъ уразумѣетъ также рассказы, преданія и выдумки древнихъ и новыхъ народовъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о змѣяхъ.

Ядовитые виды змѣй, хотя и не въ состояннн совершенно обезлюдить страну, однако приносятъ жителямъ мѣстности, посѣщаемой необычайнымъ количествомъ змѣй, такой вредъ и такое стѣсненіе, о которомъ мы, жители сѣвера, бѣднаго ядовитыми змѣями, не имѣемъ и понятія. Фэйреръ, англійскій врачъ, занимался втеченіе многихъ лѣтъ изученіемъ дѣйствія змѣинаго яда и отмѣчалъ, во время своего пребыванія въ Индіи, число людей, подвергавшихся укушенію втеченіе каждаго года, и число людей, умершихъ отъ отравленія этимъ ядомъ. Данныя, полученныя при помощи правительства, по истинѣ ужасны. Фэйреръ обращался за свѣдѣніями къ началству только восьми президенствъ; отвѣты были получены не отовсюду или же не давали возможности составить себѣ ясную картину положенія дѣла. Тѣмъ не менѣе результатъ этихъ изслѣдованій для 1869 года поразительный. Общая сумма укушеній по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя онъ получилъ, была для этого года не менѣе 11,416 и, по мнѣнію Фэйрера, вѣроятно гораздо менѣе дѣйствительной. Много укушеній змѣй не были записаны: туземные правительственные чиновники только въ исключительныхъ случаяхъ обращаютъ вниманіе на подобныя ежедневныя происшествія, а туземцы съ такой покорностью привыкли къ неизбѣжности укушеній, что не считаютъ нужнымъ сообщать о нихъ.

Поэтому, по мнѣнію Фэйрера, нужно признать, что число людей, погибающихъ отъ укушенія змѣй, достигаетъ ежегодно, по крайней мѣрѣ, до 20,000. Хотя населеніе Индіи очень многочисленно и достигало въ то время до 120 милліоновъ, однако этотъ фактъ не теряетъ значенія и подтверждаетъ, повидимому, высказанное уже во времена римлянъ утвержденіе, что въ Индіи ядовитыя змѣи составляютъ ужасное бѣдствіе. Я могу къ этому прибавить, что, въ сравненнн съ ними, тигры, пантеры и волки оказываются невинными и безвредными существами. Съ того времени индійскимъ правительствомъ собираются ежегодно статистическія данныя относительно числа смертныхъ случаевъ, которые въ извѣстныхъ частяхъ англійскихъ владѣній могутъ быть приписаны укушенію змѣй, и эти данныя докладываются въ извѣстные періоды времени парламенту въ напечатанномъ видѣ.

Въ этихъ официальныхъ докладахъ приведена для послѣднихъ лѣтъ слѣдующая таблица относительно людей, погибшихъ отъ укушенія змѣй, а также число убитыхъ змѣй:

Годъ	Умерло	16,812	человѣкъ.	Убито	117,958	змѣй.
» 1878	»	17,388	»	»	132,961	»
» 1879	»	19,150	»	»	212,776	»
» 1880	»	18,670	»	»	254,968	»
» 1881	»	19,519	»	»	322,401	»
» 1882	»	20,067	»	»	412,782	»
» 1883	»	19,629	»	»	380,981	»
» 1884	»	20,142	»	»	420,044	»
» 1885	»	22,134	»	»	417,596	»
» 1886	»					

За этотъ промежутокъ времени было заплачено круглымъ числомъ 300,000 марокъ вознагражденія за убитыхъ и доставленныхъ змѣй; при этомъ однако оказалось, что индусы, чтобы заслужить больше вознагражденія, устраивали настояще садки для разведенія змѣй.

Эти очень большія числа смертных случаевъ людей, мало-по-малу удвоившіяся со времени первыхъ и неполныхъ изслѣдованій Фэйрера, кажутся вѣроятными, но на самомъ дѣлѣ преувеличены. Это просто грандіозный обманъ и вышеприведенныя официальные данныя нужно разсматривать не только какъ неточныя, но слѣдуетъ признать ихъ, какъ завѣдомо совершенно невѣрныя. Причины этому приведены при описаніи тигра (Томъ I, стр. 410 и 411). Снискавшіе себѣ довѣріе, какъ наблюдатели и охотники въ пустыняхъ Индіи, напимѣръ Балдуинъ, Форсайтъ, Кинлохъ, Мацентайръ, Невелль, Рисъ, Сандерсонъ, Шекспиръ, Стердаль и другіе, совершенно не приводятъ свѣдѣній, которыя хоть сколько-нибудь могли бы служить подтвержденіемъ официальныхъ данныхъ. Большинство охотниковъ считаютъ даже совершенно лишнимъ говорить о змѣяхъ и объ опасности, угрожаемой ими.

Форсайтъ только вскользь упоминаетъ, что онъ неразъ терялъ собакъ вслѣдствіе укушенія змѣй. Гарбе рассказываетъ, что, правда, онъ видѣлъ вскорѣ послѣ высадки нѣсколькихъ ядовитыхъ змѣй, но прошло больше года, пока онъ снова во время своихъ поѣздокъ увидѣлъ одну змѣю, которую онъ убилъ палкой. Говоря вообще объ опасныхъ индійскихъ животныхъ, онъ просто выражается: «Всѣ эти животныя въ дѣйствительности не столь злобы и вредны, какъ ихъ описываютъ въ учебникахъ зоологіи». Заслуживающіе довѣрія врачи на Явѣ, Суматрѣ, Гонконгѣ, правдивые колонисты и путешественники въ нидерландской Индіи, въ Кохинхинѣ, Камбоджѣ и на Цейлонѣ, однимъ словомъ въ тропическихъ странахъ, въ которыхъ фауна змѣй одна и та-же или очень сходная, высказывались письменно и устно и ручались за то, что вышеприведенныя данныя ошибочны и что не слѣдуетъ имъ придавать ни малѣйшаго значенія. Если бы эти числа колебались въ предѣлахъ сотенъ, тогда, вѣроятно, они не привели насъ къ раздумью и не возбудили бы никакого сомнѣнія. Но, когда мы, благодаря Монике и другимъ, узнаемъ, что на всей Явѣ и на Суматрѣ только изрѣдка можно услышать о смертныхъ случаяхъ отъ укушенія змѣй, втеченіе года самое большее о двухъ подобныхъ случаяхъ, когда мы узнаемъ, что многіе врачи, обращающіе на это особенное вниманіе, съ трудомъ могутъ насчитать за цѣлый годъ только дюжину подобныхъ случаевъ, когда мы узнаемъ, что въ Кохинхинѣ и Камбоджѣ убилъ людей, вслѣдствіе отравленія змѣями, Тиранъ считаетъ ничтожной, тогда мы невольно становимся втупикъ и спрашиваемъ себя, что подавало и что можетъ теперь подавать поводъ къ такимъ невѣроятнымъ цифрамъ потери именно въ англійской Индіи. На это мы отъ знатоковъ тамошнихъ порядковъ получаемъ отвѣтъ, что почти каждый смертельный случай, напимѣръ, всѣ дѣтубійства, частыя, возбуждающія ужасъ самоубійства вдовъ, и всѣ тѣ случаи, которые по разнымъ причинамъ не могутъ быть обнародованы, все это сваливается на ядовитыхъ змѣй. Кромѣ того сборщикамъ податей часто выдаютъ за мертвыхъ тѣхъ людей, которые вслѣдъ затѣмъ оказываются невредимыми. Наконецъ благодаря способу доставленія свѣдѣній ненадежными туземными чиновниками, которые, не обращая вниманія на послѣдствія ихъ легкомысленнаго отношенія къ дѣлу, не боятся заносить на бумагу числа, полученныя совершенно произвольно, благодаря, повторяемъ, всему этому, совершенно измѣняется, если и не совершенно исчезаетъ, правильность цифровыхъ данныхъ, принимаемыхъ на вѣру правительствомъ.

Если бы было желаніе или возможность произвести подобныя изслѣдованія и въ другихъ странахъ, гдѣ живетъ большое количество змѣй, тогда получились бы результаты, если не тождественныя, то, во всякомъ случаѣ, приближающіяся къ результатамъ, полученнымъ на Явѣ. Впрочемъ всѣ путешественники, особенно

Чуди, увѣряють, что въ Бразиліи дѣло обстоитъ подобно тому, какъ въ Индіи. «Изъ моихъ сообщеній относительно ядовитыхъ змѣй», говоритъ онъ, «не слѣдуетъ выводить заключеніе, что при каждой прогулкѣ подвергаешься опасности быть укушеннымъ ими и что поѣздка въ дѣвственные лѣса представляетъ безпрестанную борьбу съ кроталами и змѣями шарарака. Богатая фантазія путешественниковъ слишкомъ преувеличила дѣйствительность; но тѣмъ не менѣе все-же совершенно справедливо, что въ Бразиліи ядовитыя змѣи очень часто встрѣчаются и тамъ ежегодно сотни людей становятся ихъ жертвами. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ поймалъ въ своей бесѣдкѣ въ Рио-де Жанейро втеченіе двухъ лѣтъ девять различныхъ видовъ змѣй, въ количествѣ болѣе 30 экземпляровъ и сохранилъ ихъ въ спиртѣ. Каждый помѣщикъ въ Бразиліи знаетъ, что въ его саду или паркѣ живетъ множество этихъ пресмыкающихся животныхъ. Путешествующему естествоиспытателю, который входитъ въ лѣса, обыскиваетъ кустарники, переворачиваетъ камни, нужно посоветовать самымъ настоятельнымъ образомъ брать съ собой при своихъ поѣздкахъ нѣсколько метровъ узкаго бинта и стеклянку нашатырнаго спирта».

Въ Африкѣ дѣло находится въ такомъ же положеніи. Сообщеніе Висмана, которое можетъ быть приведено, какъ противорѣчащее этому, стоитъ совершенно одинако. «Въ странѣ Башиланговъ, въ средней Африкѣ», пишетъ Висманъ, «змѣи, особенно ядовитыя, встрѣчаются очень часто. Можно наблюдать много несчастныхъ случаевъ изъ-за нихъ. При постройкѣ станціи Лулуабургъ, на площади, имѣющей 300 квадратныхъ метровъ, было убито 26 ядовитыхъ змѣй и было укушено 6 человекъ, которые всѣ, впрочемъ, были спасены». Удивительно уже то, что столько африканцевъ, которые, конечно, въ совершенствѣ знаютъ опасность, было укушено. Но еще удивительнѣе, что всѣ они остались живы. Другой рассказъ, повѣствующій о тѣхъ же происшествіяхъ, выражается иначе, но точнѣе: «Въ окрестностяхъ Лулуабурга было удивительно большое множество змѣй; до нашего свѣдѣнія дошло не менѣе 11 укушеній. Изъ нихъ четыре имѣли смертельный исходъ, другія же можно было, къ счастью, своевременно вылечить амміакомъ, и они прошли безъ продолжительнаго вреда для здоровья». Вслѣдствіе этого, отношенія, существующія въ вышеупомянутой области Африки, должны быть исключительными (предполагая, что дѣло шло, дѣйствительно, объ укушеніяхъ змѣями, ибо свѣдѣнія индѣйскихъ врачей показали, какъ много при этомъ встрѣчается ошибокъ). Напрасно стали-бы искать подобныхъ рассказовъ изъ другихъ областей, напримѣръ въ сообщеніяхъ наблюдателей, прожившихъ тамъ цѣлыя годы и имѣвшихъ поэтому случай точно изслѣдовать состояніе вопроса и тщательно провѣрять происшествія. Такъ, Монтейро изъ южной половины Нижней Гвинеи совсѣмъ не рассказываетъ о подобныхъ несчастныхъ случаяхъ. Драйсонъ считаетъ очень удивительнымъ, что въ южной Африкѣ такъ рѣдко слышишь о дѣйствительномъ укушеніи змѣями. Селусъ, Джемсъ Александръ, Гансъ Шиницъ и многіе другіе, имѣвшіе удобнѣйшій случай точно изучить положеніе дѣла, не сообщаютъ ничего противорѣчащаго. Относительно области нижняго Конго Гессе сообщаетъ: «Страна богата змѣями; я собралъ 29 различныхъ вида, между ними 9 ядовитыхъ. Нѣкоторые изъ послѣднихъ встрѣчаются очень часто и, въ самомъ дѣлѣ, удивительно, что такъ рѣдко люди бываютъ укушены змѣями. Это тѣмъ болѣе странно, что туземцы не носятъ никакой обуви на ногахъ и вслѣдствіе этого совершенно беззащитны противъ нападенія этихъ животныхъ, если послѣднія имѣли бы склонность нападать на людей. Но очевидно змѣи вовсе объ этомъ не думаютъ: онѣ убѣгаютъ отъ людей и кусаются только тогда, когда ихъ разсердятъ. Во время

моего трехлѣтняго пребыванія въ Конго мнѣ сталъ извѣстенъ только одинъ вѣрный, безспорный смертельный случай отъ укушенія змѣи». Съ этимъ согласуются свѣдѣнія, полученные Бюттикоферомъ въ Либеріи: «Змѣями», пишетъ онъ, «и при томъ настолько же ядовитыми, насколько и неядовитыми, Либерія особенно богата. Когда же я вспоминаю о многочисленныхъ ядовитыхъ змѣяхъ, которыхъ мнѣ дѣти приносили живыми почти ежедневно, какъ, напримѣръ, встрѣчающагося массами *Causus rhombatus*, то я дѣйствительно прихожу въ изумленіе, что несчастные случаи отъ укушеній змѣями бывають здѣсь такъ рѣдко». О станціи Чинчоч Фалькенштейнъ сообщаетъ слѣдующее: «Изъ змѣй мнѣ приносили именно ядовитыхъ въ поразительно громадномъ количествѣ, такъ что нужно было удивляться, что оказывалось такъ мало или даже ни единого смертельнаго случая отъ укушенія змѣй; за все время нашего пребыванія (3 года) мы только одинъ разъ слышали о такомъ». Въ такомъ же духѣ высказывается и Пехуэль-Леше для Лоанго, области Конго и юго-западной Африки: «Относительно смертельныхъ случаевъ, которые были обусловлены укушеніемъ ядовитыхъ змѣй, я не имѣю ничего сообщить, за исключеніемъ единственнаго случая, засвидѣтельствованнаго очевидцами. Чрезвычайно ядовитая *Vipera rhinoceros* необычайно часто попадаетъ въ саваннахъ Лоанго, гдѣ повсюду туземцы ходятъ босикомъ. Хотя ихъ видишь рѣдко, но стоитъ только приняться за ловлю, чтобы втеченіе короткаго времени получить удивительно большое количество ихъ. Люди нерѣдко схватываютъ ихъ голой рукой, причѣмъ берутъ ихъ за болѣе тонкую шею и прижимають къ головѣ большой палецъ. Такимъ образомъ они уносятъ живое, съ раскрытой пастью животное, тѣло котораго неуклюже свѣщивается».

Объ отношеніяхъ въ Австраліи, гдѣ почти всѣ змѣи принадлежать къ числу ядовитыхъ, сообщаетъ Маклей. Во всякомъ случаѣ достовѣрно одно, что, несмотря на большое количество ядовитыхъ змѣй, какъ по числу видовъ, такъ и по числу экземпляровъ, несчастныхъ случаевъ бываетъ менѣе, чѣмъ въ десять разъ мнимой потери людей въ Индіи. Какъ обстоитъ дѣло съ смертельными случаями, обусловленными укушеніемъ змѣй въ Европѣ и особенно въ Германіи, будетъ разобрано позже при описаніи гадюки.

При всемъ разнообразіи во внѣшней формѣ и строеніи, а также и въ образѣ жизни, ядовитыя змѣи, тѣмъ не менѣе, имѣють въ своихъ ядовитыхъ органахъ такой признакъ, который позволяетъ съ увѣренностью и при нѣкоторомъ навыкѣ и съ извѣстной легкостью отличить ихъ отъ безвредныхъ змѣй. Именно у всѣхъ въ верхней челюсти находятся крупныя, продырявленные зѣбы, которые могутъ или стоять одиноко или же сопровождаться маленькими плотными зубами. Верхняя челюсть ядовитыхъ змѣй сравнительно коротка, у всѣхъ видовъ, ведущихъ ночной образъ жизни, она укорочена до маленькой кисточки. У нихъ верхняя челюсть необычайно подвижна, такъ какъ она опирается сзади на тонкій стебелекъ, поперечнонебную кость (*Transpalatinum*), а эта, въ свою очередь, опирается на крыловидную кость и при посредствѣ первой, управляемой своими мускулами, можетъ двигаться въ направленіи, перпендикулярномъ къ поперечнонебной кости. У дневныхъ ядовитыхъ змѣй зубъ укрѣпленъ въ верхней челюсти болѣе внутри, чѣмъ у ночныхъ ядовитыхъ змѣй. У тѣхъ и у другихъ видовъ ядовитыхъ змѣй зубъ связанъ съ челюстью не корнями, а только связками. Онъ на самомъ дѣлѣ неподвиженъ. Что у гадюковыхъ ядовитый зубъ можетъ быть повернуть назадъ, зависитъ только отъ подвижности плотно соединенной съ нимъ верхней челюсти; у аспидовъ эта подвижность не больше, чѣмъ у неядовитыхъ змѣй, т. е. ядовитый зубъ укрѣпленъ неподвижно и можетъ совершать только

движенія по направленію влѣво и вправо, каковыя движенія совершаетъ преимущественно верхняя челюсть у большинства змѣй. Верхняя челюсть у гадюковыхъ имѣетъ на нижней поверхности съ каждой стороны двѣ или болѣе мелкихъ ямки, которыя стоятъ вплотную другъ съ другомъ и въ которыя помѣщаются основанія ядовитыхъ зубовъ. Обыкновенно у нихъ образуется только одинъ зубъ съ каждой стороны; но такъ какъ въ каждой челюсти существуютъ всегда нѣсколько (1—6) развивающихся замѣщающихъ зубовъ, то можетъ случиться, что образуются одновременно два изъ нихъ, въ каждой ямкѣ по одному, и они начинаютъ одновременно дѣятельность. Между замѣщающими зубами, расположенными на кости неплотно, ближайшій къ ядовитому зубу бываетъ всегда самымъ развитымъ. По обѣимъ сторонамъ зуба замѣчается кожное разрастаніе десны, такъ что образуется чехоль, въ которомъ помѣщается ядовитый зубъ, когда верхняя челюсть находится въ покоѣ.

Ядовитые зубы отличаются отъ остальныхъ зубовъ болѣе значительной величиной, ясно выраженной шиловидной формой и, по словамъ Штрауха, построены у всѣхъ ядовитыхъ змѣй по одному и тому-же основному плану. Кромѣ полости, находящейся у основанія и служащей для питанія зуба и встрѣчающейся у всѣхъ змѣй безъ исключенія, каждый ядовитый зубъ имѣетъ еще полость, проходящую вдоль по длинѣ его. Эта полость помѣщается всегда на передней, выпуклой сторонѣ зуба и открывается впереди наружу двумя отверстиями. Одно изъ этихъ отверстій, представляющее всегда болѣе или менѣе круглое очертаніе, находится вблизи основанія зуба и способствуетъ вхожденію яда въ зубъ, такъ какъ при открываніи пасти гадюки и при обусловливаемомъ этимъ перемѣщеніи зуба, оно располагается подъ выводнымъ протокомъ ядовитой железы. Нижнее же отверстие, расположенное у верхушки зуба и служащее для выхожденія яда, имѣетъ видъ щели. У большинства ядовитыхъ змѣй оба эти отверстия соединены другъ съ другомъ тонкой, еле замѣтной щелью, такъ что, слѣдовательно, ядовая полость не вполне замкнута спереди; напротивъ того, у меньшинства змѣй эта полость совершенно замкнута и вмѣсто щели мы находимъ весьма часто тонкую линію. Поэтому различаютъ бороздчатые и гладкіе ядовитые зубы, другими словами такіе, у которыхъ полость имѣетъ спереди щель и такіе, у которыхъ каналъ совершенно закрытъ. Впрочемъ щель на бороздчатыхъ ядовитыхъ зубахъ едва-ли имѣетъ какое-либо физиологическое значеніе, такъ какъ она всегда такъ узка, что змѣяный ядъ не можетъ пройти сквозь нее наружу. Ея присутствіе, поэтому, должно имѣть другое основаніе. Это основаніе нетрудно отыскать, такъ какъ можно убѣдиться, что борозду нужно разсматривать какъ остатокъ болѣе ранняго эмбриональнаго періода.

Всѣ изслѣдователи, производившіе наблюденія надъ образованіемъ и ростомъ ядовитыхъ зубовъ, сходятся въ томъ, что возникновеніе трубки всегда предшествуетъ образованію борозды и что каналъ можетъ возникнуть только благодаря схожденію или же срастанію краевъ этой борозды. По изслѣдованіямъ Шлегеля каждый зубъ змѣи на первыхъ стадіяхъ развитія состоитъ изъ широкой поверхности съ завернутыми внутрь краями, слѣдовательно, имѣетъ на своей передней поверхности борозду. Эта борозда у плотныхъ зубовъ исчезаетъ очень рано, а на заднихъ бороздчатыхъ зубахъ подозрительныхъ змѣй не исчезаетъ и сохраняетъ у бороздчатыхъ ядовитыхъ зубовъ на всю жизнь форму болѣе или менѣе узкой щели; она только у гладкихъ ядовитыхъ зубовъ остается болѣе открытой, а когда зубъ вырастетъ, тогда она замыкается посрединѣ и принимаетъ форму трубки, сохраняющей еще вверху и внизу часть борозды. Почему отверстіе ядовитаго

зуба помещается не на верхушкѣ зуба, а на его передней поверхности и притомъ довольно высоко, едва-ли нуждается въ объясненіи. Если бы мѣсто-выхожденіе яда помещалось на верхушкѣ зуба, тогда отъ этого страдало бы дѣйствіе зуба, какъ орудія, а также и его крѣпость. Если бы отверстіе помещалось на задней поверхности зуба, тогда, во время укушенія, не доставало бы пространства, въ которое могъ-бы излиться ядъ. Когда ядовитый зубъ погружится въ добычу, тогда эта послѣдняя рвется назадъ, стараясь освободиться изъ пасти врага и образуетъ, вслѣдствіе этого, пустое пространство между схваченнымъ мускуломъ и проникшимъ въ него зубомъ. Въ этомъ пространствѣ кровь жертвы можетъ легко смѣшаться съ ядомъ змѣи. У различныхъ видовъ и у змѣй различной величины ядовитые зубы имѣютъ различную длину. Эта длина, впрочемъ, не точно пропорціональна длинѣ животнаго. Такъ, всѣ дневныя ядовитыя змѣи имѣютъ сравнительно маленькіе, а всѣ ночныя сравнительно большіе зубы. У нашей гадюки ядовитые зубы достигаютъ длины 3—4, самое большее 5 м.м., у копьеносной куфін они имѣютъ въ длину 25 м.м. Они тверды и хрупки, какъ стекло, необычайно остроконечны, такъ что, подобно острой иглѣ, легко проникаютъ въ мягкіе предметы, даже въ мягкую кожу. Съ твердыхъ же предметовъ они соскалываютъ или даже отламываются, если ударъ, который нанесла змѣя, былъ силенъ. Если одинъ изъ нихъ потерявъ, тогда на его мѣсто выходитъ слѣдующій за нимъ замѣщающій зубъ. Подобная смѣна зубовъ совершается съ извѣстной правильностью даже безъ всякой внѣшней причины, разъ въ годъ, а можетъ быть и чаще. Развитіе и образованіе зубовъ совершается необыкновенно быстро; Ленцъ нашель, что молодыя гадюки, которыхъ онъ вынулъ, по его расчету, изъ беременных самокъ за 4 или самое большее за 6 дней до рожденія, еще не имѣли вовсе ядовитыхъ зубовъ. Тѣ же, которыя должны были родиться, по его мнѣнію, на слѣдующій день, имѣли уже вполнѣ развитые ядовитые зубы. Такъ же быстро, какъ новообразованіе, происходитъ и замѣна потерянныхъ или же насильно вырванныхъ ядовитыхъ зубовъ. Если они попросту выломаны, тогда часто уже по истеченіи трехъ дней, самое позднее по истеченіи шести недѣль появляется на ихъ мѣстѣ замѣщающій зубъ. Зубы не возобновляются совершенно только въ томъ случаѣ, если, какъ это дѣлаютъ заклинатели змѣй, вырѣзать также слизистую оболочку, въ которую погруженъ ядовитый зубъ и выломать часть верхней челюсти, то есть, разрушить всѣ зачатки зубовъ.

Каждая ядовая железа отдѣляетъ сравнительно небольшое количество жидкости: железа здоровой гремучей змѣи, имѣющей почти 2 м. длины, отдѣляетъ не болѣе 4—6 капель. Но достаточно маленькой доли подобной капли, чтобы втеченіе нѣсколькихъ минутъ отравить кровь большого млекопитающаго животнаго. Железа изобилуетъ ядомъ, если змѣя не производила продолжительное время укушеній, а ядъ тогда сильнѣе дѣйствуетъ. Возобновленіе истраченного отдѣленія совершается очень быстро и свѣже приготовленный ядъ также въ высшей степени силенъ.

Самъ по себѣ ядъ, сравниваемый со слюной и рассматриваемый за таковую, представляетъ водянистую, прозрачную, окрашенную въ слабый желтый или зеленый цвѣтъ, жидкость. Эта жидкость въ водѣ опускается на дно, а при легкомъ встряхиваніи смѣшивается съ водою. Она окрашиваетъ лакмусовую бумажку въ красный цвѣтъ и слѣдовательно дѣйствуетъ какъ кислота. Ядъ состоитъ, по изслѣдованіямъ Мютцеля, изъ бѣлковаго вещества, которое и есть самая существенная составная часть; вещество это свертывается въ абсолютномъ спиртѣ, но не при нагреваніи; кромѣ того тамъ заключается сходное вещество, но болѣе

сложнаго состава, которое не оказывает никакого дѣйствія и свертывается какъ въ теплотѣ, такъ и въ алкогольѣ, желтое красящее вещество и неопредѣленная масса, (эти двѣ послѣднія составныя части растворяются въ алкогольѣ), жарь, свободныя кислоты и, наконецъ, соли; кромѣ того ядъ содержитъ хлоръ и фосфоръ, легко высыхаетъ на предметахъ и тогда блеститъ какъ лакъ, и по цѣлымъ годамъ сохраняется, по изслѣдованіямъ Манджили, свои свойства. По Армстронгу и Брунтену, которымъ Фэйреръ передалъ для изслѣдованія ядъ очковой змѣи, онъ представляетъ бурюю сиропобразную жидкость и содержитъ 43—45 процентовъ углерода и 13—14 процентовъ азота. При прибавленіи азотной кислоты, спирту и при нагрѣваніи ядъ свертывается. Никоемъ образомъ не удалось получить изъ него твердаго, кристаллическаго вещества. Присутствіе бѣлковыхъ веществъ легко обнаруживается разнообразными способами.

Присланный ядъ, а также и различныя приготовленныя изъ него смѣси при изслѣдованіяхъ указывали на то, что онъ при всякихъ условіяхъ сохраняетъ неизмѣненнымъ и неослабленнымъ присущее ему свойство. По изслѣдованіямъ Тэйлера, Пави и Христисона онъ дѣйствуетъ даже по прошествіи 12—15 лѣтъ. По Шоту ядъ очковой змѣи представляетъ маслянистую, прозрачную, свѣтложелтую жидкость, похожую на яичный бѣлокъ, съ удѣльнымъ вѣсомъ 1,046, съ кислотнымъ характеромъ. Онъ не содержитъ вовсе слизи, а только бѣлковыя вещества, и, будучи положенъ на языкъ, производитъ жженіе, образованіе пузырей и онѣмѣніе того мѣста, котораго онъ касается. При смѣшеніи яда съ растворомъ ѣдкаго кали, онъ теряетъ ядовитыя свойства, между тѣмъ какъ внутреннее и наружное смачиваніе растворомъ ѣдкаго кали ранъ, произведенныхъ ядовитыми зубами, оказывается недѣйствительнымъ. Изслѣдованіе яда при очень большомъ увеличеніи указываетъ въ бѣлковой жидкости на плавающія клѣтки. Галфордъ пришелъ къ выводу, что въ тѣло укушеннаго животнаго вмѣстѣ съ ядомъ попадаетъ бродильное начало и здѣсь, быстро развиваясь, образуетъ клѣтки, размножающіяся съ невѣроятной быстротой. Эти клѣтки отнимаютъ у крови кислородъ и вызываютъ смерть, какъ бы отъ задушенія. Этотъ выводъ не могъ быть подтвержденъ Фэйреромъ и многочисленными другими новыми изслѣдователями, потому что, по ихъ изслѣдованіямъ, измѣненіе крови послѣ отравленія вслѣдствіе укушенія змѣи состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что кровь при укушеніи известными видами быстро свертывается, при укушеніи же другихъ ядовитыхъ змѣй наблюдается обратное явленіе. Дѣйствительно ли кровь животнаго, отравленнаго укушеніемъ змѣи, будучи впрыснута въ другихъ животныхъ, дѣйствуетъ, какъ показалъ Фэйреръ, отравляющимъ образомъ, нуждается въ провѣркѣ въ виду новыхъ изслѣдованій Каца надъ короткой фуріей. По Фэйреру грудные младенцы, матери которыхъ были искусаны, умирали при такихъ же явленіяхъ, какъ и ихъ кормилицы. Мясо же отравленныхъ животныхъ можетъ быть употребляемо въ пищу; курицы, употреблявшіяся имъ для опытовъ, и другія сѣдобныя животныя, сѣдались всегда его помощниками и прислугою и были перевариваемы безъ всякаго вреда.

Веченіе послѣднихъ лѣтъ Мютцель и Рейхертъ произвели многочисленныя наблюденія надъ ядомъ змѣй. По ихъ наблюденіямъ, самымъ лучшимъ противоядіемъ является марганцово-кислое кали, обеззараживающее дѣйствіе котораго на змѣиный ядъ твердо установлено еще десять лѣтъ тому назадъ де-Лацердой при опытахъ съ бразильскими ядовитыми змѣями. Далѣе хорошимъ противоядіемъ является хлористое желѣзо и іодистая тинктура. Они получили также хорошіе результаты при примѣненіи бромистыхъ соединеній. Мѣстныя измѣненія послѣ уку-

шенія большей частью очень сильны и выражаются прежде всего сильной опухолью вслѣдствіе водянистой или вышедшей крови, нагноеніемъ и омертвеніемъ. При многихъ случаяхъ, очень быстро закончившихся смертью, наблюдали только мѣстные измѣненія. При болѣе постепенномъ отравленіи подобныя явленія были всегда очень ясно выражены и на другихъ частяхъ тѣла и состояли всегда въ очень обильномъ кровоизліаніи въ клѣточную ткань по всему тѣлу, подобно тому, какъ это наблюдается при гнилостномъ зараженіи крови. При этомъ наблюдается, что кровь становится неспособной къ свертыванію и что красные кровяные шарики претерпѣваютъ совершенно опредѣленные измѣненія: они теряютъ плоскую форму, становятся шаровидными и сливаются другъ съ другомъ въ неправильныя массы.

Согласно съ этими изслѣдованіями, смерть отъ змѣйнаго яда объясняется различнымъ образомъ. Она или возникаетъ вслѣдствіе паралича мозговыхъ частей, которыя управляютъ дыханіемъ, или же вслѣдствіе паралича сердца, или вслѣдствіе кровоизліанія въ продолговатый мозгъ, а можетъ быть также вслѣдствіе сильнаго поврежденія красныхъ кровяныхъ шариковъ. Во всякомъ случаѣ, части мозга, завѣдывающія процессомъ дыханія, больше всего подвергаются вредному дѣйствію змѣйнаго яда, и параличъ ихъ, навѣрно, служить въ большинствѣ случаевъ причиною смерти.

Относительно дѣйствія яда на желудокъ изъ изслѣдованій обоихъ авторовъ видно, что всасываніе яда желудкомъ происходитъ только пока онъ пустъ, а во время пищеваренія ядовитыя составныя части становятся отъ дѣйствія желудочнаго сока безвредными.

Еще не знаютъ, какое вещество, разрушающее кровь, содержится въ змѣиной слюнѣ, несмотря на то, что до сихъ поръ было произведено такъ много изслѣдованій относительно этого. Итакъ мы знаемъ ядъ только по его виду и по дѣйствію. Готье недавно нашелъ въ ядѣ очковой змѣи тѣло, похожее на алколонды или птомаины. Это тѣло, будучи нагрѣто до кипѣнія, профильтровано и обработано спиртомъ, не теряетъ своего ядовитаго дѣйствія. Но и слюна млекопитающихъ животныхъ содержитъ подобныя-же ядовитыя тѣла.

Де Лацерда пришелъ, напротивъ, къ заключенію, что ядъ нѣмого кротала похожъ на сокъ поджелудочной железы млекопитающихъ животныхъ, такъ какъ онъ растворяетъ бѣлокъ и обмываетъ жиры, и что самымъ лучшимъ противоядіемъ противъ укушенія гремучей змѣи служитъ марганцово-кислосое кали. Ричардсъ произвелъ въ Индіи многочисленныя опыты надъ этимъ средствомъ и нашелъ, что оно тогда лишь дѣйствуетъ, когда его (въ растворѣ 5 частей на 100 частей воды) вспрыснуть тотчасъ же въ укушенное мѣсто какъ можно скорѣе, чтобы оно пришло въ соприкосновеніе съ ядомъ, который оно разрушаетъ и обезвреживаетъ, втеченіе 4 минутъ, то-есть прежде, чѣмъ ядъ проникаетъ въ кровь.

Мютцель и Рейхертъ работали главнымъ образомъ надъ ядомъ гремучихъ и очковыхъ змѣй. Ядъ первыхъ можетъ быть нагрѣтъ до 100 градусовъ и при этомъ совершенно не теряетъ своего дѣйствія. Яды различныхъ видовъ змѣй, по этимъ изслѣдованіямъ, различаются только по интенсивности дѣйствія. Алколондоподобное тѣло Готье не было найдено, точно такъ, какъ и въ опытахъ Гибба; наши же изслѣдователи нашли три протеиновыхъ тѣла, изъ которыхъ два оказались растворимыми въ водѣ. Одно протеиновое тѣло, повидимому, представляетъ родъ пентона и производитъ гніеніе; другое представляетъ глобулино-подобный ядъ, который, вѣроятно, въ состояніи прекращать дыханіе и уничтожать способность крови свертываться. Третье нерастворимое вещество есть бѣлковое тѣло и, вѣроятно, не

ядовито. Ядъ разрушается отъ дѣйствія брома, іода, бромоводородной кислоты, гидрата натрія и марганцово-кислаго кали. По Волфендену ядовитость железистыхъ выдѣлений очковой змѣи зависитъ исключительно отъ протеиновыхъ веществъ, и притомъ отъ глобулина, который дѣйствуетъ необыкновенно ядовито, отъ серумъ-альбумина и синтонина. Оба послѣдніе бѣлка оказываютъ также ядовитое дѣйствіе. Пептонъ же, если и есть, то только въ видѣ слѣдовъ встрѣчается въ ядѣ гремучей змѣи.

Относительно дѣйствія яда, повидимому, твердо установлено, что оно тѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ больше змѣя и чѣмъ теплѣе погода, что это дѣйствіе у различныхъ ядовитыхъ змѣй отличается только по степени интенсивности. Прежде принимали, что ядъ можетъ быть проглоченъ безъ вреда; благодаря же новымъ опытамъ найдено, что ядъ, даже сильно разбавленный водой, будучи введенъ въ желудокъ, оказываетъ еще довольно сильное дѣйствіе, при проглатываніи вызываетъ боли и нарушаетъ дѣятельность головного мозга, всасывается, преимущественно, слизистыми оболочками и можетъ вызвать опасные припадки. По изслѣдованіямъ Фэйрера онъ можетъ вызвать смерть, если его ввести въ достаточномъ количествѣ въ желудокъ, въ глазъ или же помѣстить на брюшину. Тѣмъ не менѣе старый выводъ изъ опыта остается всегда въ силѣ: что змѣинный ядъ серьезно угрожаетъ жизни только тогда, когда онъ непосредственно введенъ въ кровь. Чѣмъ быстрѣе и совершеннѣе кровообращеніе, тѣмъ опустошительнѣе дѣйствіе яда: теплокровныя животныя послѣ укушенія змѣй умираютъ гораздо скорѣе и болѣе навѣрняка, чѣмъ пресмыкающіяся, земноводныя и рыбы. Такъ называемыя блѣдно-красныя, т. е. безпозвоночныя животныя, повидимому, менѣе страдаютъ отъ дѣйствія яда. Двѣ ядовитыхъ змѣи одного и того же вида могутъ наносить взаимно укушенія безъ всякихъ видимыхъ результатовъ. Старая басня о знаменитой змѣѣ въ Африкѣ, «которая безъ причины кусала каждое животное» и свою злобность доказала на самой себѣ, есть не болѣе, какъ басня. Разъяренныя змѣи, дѣйствительно, очень часто кусаютъ заднюю часть своего туловища, нисколько не страдая отъ этого. Совершенно другой оборотъ принимаетъ дѣло, когда ядовитая змѣя укуситъ другую змѣю изъ другаго вида; въ такомъ случаѣ дѣйствіе яда на укушенныхъ жертвахъ оказывается такое-же, какъ и на другихъ животныхъ: онѣ окочнѣваютъ съ признаками отравленія. Впрочемъ это не всегда такъ бываетъ; Веддель наблюдалъ, что ядовитыя змѣи, будучи укушены другими ядовитыми видами змѣй, во многихъ случаяхъ оставались невредимыми.

Относительно аспіда гая утверждаютъ, что онъ ловитъ капскихъ гадюкъ, которыхъ всѣ боятся и проглатываетъ ихъ; рассказываютъ, что гремучая змѣя продѣлываетъ то-же самое съ ядовитой мокасиновой змѣей, а эта послѣдняя въ свою очередь сѣдаетъ, по наблюденіямъ Эффельдта, мелкихъ ядовитыхъ змѣй, именно песчаныхъ гадюкъ, которыя находятся съ ней въ одномъ и томъ же ящикѣ. Она ихъ сначала ужалитъ и съ помощью отравленія умертвитъ или по крайней мѣрѣ совершенно парализуетъ. Я также наблюдалъ, что болѣе крупныя ядовитыя змѣи укусомъ убивали болѣе мелкихъ, напримѣръ мокасиновая змѣя — гадюку, и т. п. Впрочемъ я долженъ прибавить, что нерѣдко можно оставаться въ сомнѣніи, произошла-ли дѣйствительно смерть змѣи отъ ужаленія другой или нѣтъ.

Нѣкоторыя млекопитающія животныя и птицы не поддаются дѣйствію змѣинаго яда совершенно непонятнымъ для насъ образомъ, напримѣръ, хорекъ, кротъ и ежъ. Невольно спрашиваешь себя, нужно-ли разсматривать выводы, которые мы сдѣлали изъ опытовъ нашего знатока змѣи Ленца, совершенно обосно-

важными, такъ какъ болѣе новые опыты, напримѣръ опыты, произведенный Штрукомъ надъ ежемъ, дали противоположные результаты. Ежъ, укушенный въ въ губу, погибъ. Мунго, который считается также неуязвимымъ, умираетъ каждый разъ, когда онъ получить сильный укусъ. Въ основаніи предположенія о неуязвимости по отношенію къ яду нѣкоторыхъ млекопитающихъ животныхъ и птицъ, повидимому, лежитъ въ концѣ концовъ только тотъ фактъ, что эти животныя настолько защищены противъ укушеній ядовитыхъ змѣй, что смѣло могутъ предпринимать борьбу съ послѣдними. Такъ, ежъ защищенъ иглами, свинья сломъ сала, многія птицы, пожирающія змѣй, защищены густымъ перистымъ одѣяніемъ, а ноги ихъ вооружены роговыми пластинками. Если же змѣя въ исключительныхъ случаяхъ ужаливъ незащищенную и уязвимую часть противника, тогда ядъ производить свое губительное дѣйствіе.

Въ общемъ ходъ отравленія, произведеннаго змѣями, протекаетъ у всѣхъ животныхъ болѣе или менѣе одинаково, хотя слѣдующіе за укушеніемъ припадки могутъ быть и, повидимому, даже бываютъ разнаго рода. По мнѣнію древнихъ, дѣйствіе яда каждаго вида ядовитыхъ змѣй было различно. Это яснѣе всего видно изъ описанія Лукана, который описываетъ походъ Катона послѣ битвы при Фарсалѣ по африканскимъ пустынямъ. Сначала Луканъ рассказываетъ басню о возникновеніи ядовитыхъ змѣй и образно описываетъ, какъ страшныя ядовитыя животныя выросли изъ капель крови, упавшихъ на землю изъ отрубленной головы Медузы; затѣмъ онъ переходитъ къ отдѣльнымъ случаямъ укушеній змѣями и къ несчастной развязкѣ, вызванной ими, и говоритъ буквально слѣдующее: «Сквозь полчища этихъ мерзкихъ чудовищъ вель Катонъ свое закаленное войско и видѣлъ, какъ многіе изъ его спутниковъ жалкимъ образомъ погибають отъ маленькихъ ранъ. Знаменосецъ Ауль наступилъ на змѣю дипсу; она повернула голову и ужалила его. Онъ едва почувствовалъ ужаленіе животнаго, и рана сама по себѣ казалась совершенно маловажной. Но скоро ядъ проникъ во все его тѣло до мозга костей; небо начало становиться сухимъ, языкъ началъ сохнуть, никакой испарины не выходило изъ кожи, ни единая слезинка не падала изъ глазъ. Несчастный бросилъ знамя и неистово сталъ искать, измученный страшнѣйшей жаждой, воды. Онъ пилъ и пилъ и его все болѣе томила жажда, наконецъ онъ перерѣзалъ свои жилы, началъ пить свою собственную кровь, но не могъ все-таки утолить жажду. Объятый страхомъ Катонъ приказалъ войску поспѣшно идти впередъ; но скоро смерть должна была выказать себя предъ нимъ въ еще болѣе страшной формѣ. Нога Сабелла была укушена маленькимъ сепсомъ. Онъ оторвалъ животное рукой и искололъ его копьемъ; рана была мала, но тотчасъ-же вокругъ нея кожа отпала кусками, такъ что видны были голыя кости. Безпрерывно подымаясь дальше, болѣзнь распространялась; мясо превратилось въ гнилой гной и когда оно исчезло также и съ головы, тогда начали гнить и распадаться даже кости, такъ что нельзя было болѣе распознать человѣческій трупъ, но вмѣсто него только пятно, окрашенное ужаснымъ гноемъ. Марсійскій воинъ Назидій былъ ужаленъ гадюкой. Огненный румянецъ началъ пылать на его лицѣ и кожа натянулась: опухоль всего тѣла скоро пошла такъ далеко, что нельзя было болѣе узнать фигуры, такъ что удивленнымъ взорамъ войска представлялся только еще громадный комъ. Никто не отважился положить на костеръ такой трупъ, который все еще увеличивался, а каждый искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Туллъ былъ уязвленъ подковчатымъ ужемъ. Изъ всей кожи началъ тотчасъ, течъ красноватый ядовитый гной, и глаза, ротъ и носъ наполнились имъ. Несчастный Левъ умеръ, ужаленный змѣей, причемъ онъ моментально потерялъ

сознаніе. Съ одного древеснаго ствола сползла внизъ змѣя, названн ая африканцами *Iaculus* (полозь) быстрѣ шипящей стрѣлы и поразила Павла, пролѣзши со свистомъ черезъ его голову. Мурръ прокололъ копьемъ василиска. Ядъ проникъ чрезъ копье въ руку; но онъ самъ отсѣкъ себѣ ее мечемъ.»

Конечно нѣтъ необходимости въ особомъ увѣреніи, что эти происшествія не могли совершаться такъ, какъ ихъ описываетъ Луканъ; но все-же изъ нихъ дѣлается очевиднымъ, что они основаны на наблюденіи случаевъ, имѣвшихъ мѣсто въ дѣйствительности. Однако они преувеличены въ такой же мѣрѣ, въ какой поэты умѣютъ представить намъ невѣроятныя происшествія въ видѣ вѣроятныхъ. Такъ какъ, къ сожалѣнію, и теперь еще очень часто люди бываютъ уязвляемы змѣями, поэтому мы въ точности знаемъ не только видимые припадки, но также ощущенія и чувства уязвленныхъ. Непосредственно послѣ укушенія замѣчаются двѣ расположенныя другъ возлѣ друга маленькія проколотыя раны; если же, существовалъ только одинъ ядовитый зубъ, то одну рану и часто даже изъ нихъ не течетъ кровь. Жертва же обыкновенно испытываетъ сильную, ни съ чѣмъ не сравнимую, боль, которая проходитъ по тѣлу, какъ электрической токъ; во многихъ же случаяхъ бываетъ и обратное явленіе, именно укушенный думаетъ, что онъ только оцарапался шипомъ и поэтому вовсе не считаетъ боль опасной. Слѣдующая непосредственно за этимъ усталость всего тѣла, чрезвычайно быстрый упадокъ силъ, припадки головокруженія и повторяющіеся обмороки—первые безошибочные признаки начинающагося измѣненія крови. Очень часто появляется рвота, часто даже рвота съ кровью; почти также часто появляется поносъ, иногда начинается кровоизліяніе изъ рта, носа и ушей.

Изнеможеніе проявляется дальше въ усиливающейся сонливости и въ замѣтномъ ослабленіи мозговой дѣятельности; именно въ высшей степени повреждается дѣятельность органовъ чувствъ, такъ что, напримѣръ, можетъ появиться совершенная слѣпота или глухота. Съ увеличеніемъ слабости уменьшается ощущеніе боли, и когда приближается конецъ отравленному, тогда онъ, повидимому, вовсе не ощущаетъ страданій, но мало по малу въ полномъ безсознательномъ состояніи умираетъ. При быстромъ ходѣ разрушенія крови укушенная конечность обыкновенно незначительно распухаетъ, а при медленномъ ходѣ, напротивъ, она распухаетъ въ безобразную массу и эта опухоль распространяется тогда и на другія части. Многіе укушенные не только выглядятъ какъ мертвецы, но у нихъ наблюдается также своеобразная холодность тѣла, естественное послѣдствіе нарушеннаго кровообращенія, такъ какъ отравленіе вызываетъ разрушеніе крови. Но не всегда заболѣвшій испытываетъ вышеуказанное: часто онъ по цѣлымъ часамъ мучится отъ ужаснѣйшихъ страданій и его нервная система возбуждена до такой степени, что его раздражаетъ самымъ ужаснымъ образомъ каждое движеніе, каждый шорохъ около него. Укушенные люди жалостливо рыдаютъ, укушенные собаки жалобно воютъ по цѣлымъ часамъ, пока наконецъ не наступитъ безсознательное состояніе и не послѣдуетъ сравнительно тихая смерть.

Чѣмъ змѣя больше, сильнѣе и богаче ядомъ, чѣмъ дольше она не уязвляла, чѣмъ теплѣе погода и чѣмъ змѣя яростнѣе, тѣмъ быстрѣе и опаснѣе дѣйствіе ея яда. Важнѣйшія явленія болѣзни сходны въ общемъ съ вышеописанными; но теченіе болѣзни гораздо быстрѣе, и поэтому иногда появляются другіе припадки. Почти непосредственно за укушеніемъ слѣдуютъ: оглушеніе и сильное безпокойство, непроизвольное выдѣленіе мочи и кала, расширение или суженіе зрачка, медленное и неправильное дыханіе, судороги, дрожаніе мышцъ, нечувствительность кожи, а сознаніе и дѣятельность органовъ чувствъ сохраняется до послѣд-

ней минуты, наконец парализь, сопровождаемый судорогами и конвульсиями или безъ нихъ. Смерть обыкновенно обуславливается удушьемъ, такъ какъ дѣятельность сердца продолжается долѣе дыханія. Опытами установлено также, что животныя, которымъ былъ привитъ змѣиный ядъ, оставались долгое время въ живыхъ, благодаря искусственному дыханію и съ помощью послѣдняго судороги могли быть временно остановлены. Смерть можетъ наступить уже черезъ 20 минутъ послѣ ужаленія, а когда ядъ попадаетъ въ полую вену, тогда смерть наступаетъ почти мгновенно. По Джону вскорѣ послѣ ужаленія температура тѣла немного повышается, а позже сильно падаетъ. Дѣятельность сердца ускоряется, но слабо; появляются кровотеченіе въ пищеварительномъ каналѣ и разлитіе желчи. Нерѣдко наблюдается въ числѣ первыхъ признаковъ потеря рѣчи, которая иногда продолжается послѣ исчезновенія остальныхъ признаковъ. При вскрытіи трупа не наблюдаютъ трупнаго окоченѣнія, а находятъ въ правомъ желудочкѣ дегтеобразную, мягкую свернувшуюся кровь, а лѣвый желудочекъ пустъ. Сосуды головного мозга и мозговыхъ оболочекъ наполнены въ изобиліи темной кровью, печень и легкія очень изобилуютъ кровью; печень распухшая и окрашена въ темный цвѣтъ.

Если теченіе болѣзни, вслѣдствіе ли примѣннаго средства, или же вслѣдствіе того, что количество яда, введеннаго въ рану, было слишкомъ мало, принимаетъ другое направленіе, тогда за этими первыми общими явленіями наступаетъ продолжительная болѣзненность, прежде чѣмъ наступитъ полное исцѣленіе. Къ сожалѣнію только слишкомъ часто бываетъ, что человекъ, возвратившійся къ жизни, страдаетъ, вслѣдствіе укушенія змѣи, нѣсколько недѣль, мѣсяцевъ и даже лѣтъ, такъ что вся его жизнь отравлена, въ буквальномъ смыслѣ, одной только капелькой ужасной жидкости.

Неисчислимы противоядія, которыя издавна примѣнялись противъ укушенія змѣи и еще и теперь примѣняются. Къ сожалѣнію, при этомъ еще постоянно играетъ очень значительную роль суевѣріе. Все-же примѣняютъ также и такія средства, которыя оказываются болѣе или менѣе рациональными: вырѣзываніе или прижиганіе раны, привязываніе особыхъ змѣиныхъ камней, которые съ одной стороны, по своей пористости въ состояніи высасывать ядъ, а съ другой стороны, благодаря давленію, производимому на рану, препятствуютъ дальнѣйшему распространенію яда, прикладываніе измельченныхъ корней и листьевъ, принятіе внутрь растительныхъ соковъ, нашатырнаго спирта, хлора, мышьяка и другихъ ядовъ и т. п. Однако несмотря на это, неизвѣстно до сихъ поръ ни одного вѣрнаго и заслуживающаго довѣрія средства. Повидимому лучше всего дѣйствуетъ винный спиртъ, выпитый или принятый внутрь въ большой дозѣ, все равно въ какой формѣ, въ видѣ-ли алкоголя, рома, арака, коньяка, водки или же крѣпкаго вина. Это средство не новое, но извѣстное уже съ незапамятныхъ временъ и примѣнялось въ самыхъ разнообразныхъ частяхъ земнаго шара не врачами раньше, чѣмъ врачами. Уже Маркъ Порцій, Катонъ Цензорій совѣтуетъ давать человеку или домашнему животному, ужаленному змѣей, истертый тминъ въ винѣ; Цельзій рекомендуетъ вино, приправленное перцемъ и чесночнымъ сокомъ. Далматинцы, ужаленные гадюкой, пьютъ вино до опьяненія и выздоравливаютъ. Ловцы гадюкъ примѣняютъ противъ укушенія собранныхъ ими змѣи только вино. Сѣверо-американцы сравнительно мало обращаютъ вниманія на укушеніе гремучихъ змѣи, если у нихъ есть достаточное количество водки. Они напиваются ею, сколько могутъ, просятъ свой хмѣль и не испытываютъ никакихъ вредныхъ послѣдствій отъ змѣинаго яда.

Жители Индіи не признаютъ другаго средства, на сколько они къ нимъ прибѣгаютъ, кромѣ настойки дикой конопли или табаку на водкѣ. Малайцы на Бор-

нео считаютъ человѣка, укушеннаго ядовитой змѣей, спасеннымъ, если только онъ выпьетъ водки до опьяненія. Горькіе пьяницы могутъ быть укушены нѣсколько разъ змѣей и это имъ не принесетъ никакого вреда. Къ сожалѣнію, не приведено доказательствъ, что при укушеніи ихъ, ядъ попадетъ въ рану, и свидѣтели могли, какъ это по свѣдѣніямъ часто бываетъ въ Индіи, впасть въ ошибку. Въ новѣйшее время одни врачи примѣняютъ также винный спиртъ въ различной формѣ, другіе-же, среди нихъ и опытный Ричардсъ, не признаютъ за нимъ никакого цѣлебнаго дѣйствія и даже считаютъ вреднымъ принятіе его въ большихъ размѣрахъ. Что алкоголь не дѣйствуетъ какъ противоядіе, другими словами—не разрушаетъ змѣйнаго яда, доказано опытами; но онъ повышаетъ дѣятельность сердца, которая ослабѣваетъ вслѣдствіе отравленія, больше и быстрее, чѣмъ другое возбуждающее средство. Поэтому онъ оказываетъ прекрасную услугу и можетъ быть особенно рекомендованъ къ примѣненію въ самомъ началѣ, такъ какъ водку можно имѣть въ каждомъ селѣ.

При уходѣ за больнымъ, укушеннымъ змѣей, всякая излишняя нѣжность вредна, а нужно только одно, именно быстро и рѣшительно дѣйствовать. Фэйреръ, на основаніи своихъ многочисленныхъ опытовъ, даетъ вкратцѣ слѣдующее наставленіе для ухода и лѣченія человѣка, укушеннаго ядовитой змѣей: тотчасъ же послѣ укушенія взять какую-нибудь тесьму, обернуть ее, выше укушеннаго мѣста вокругъ пораженной конечности и завязать ее, какъ можно туже, даже въ случаѣ необходимости съ помощью рычага. На нѣкоторомъ разстояніи выше перваго наложить второй, третій и четвертый такой-же бинтъ вокругъ конечности и продѣлать съ нимъ то-же, что и раньше. Затѣмъ произвести быстрый надрѣзь надъ раной и позволить крови сочиться, или же высосать ее желающему, или же взять для прижиганія раны горящій уголь, раскаленное желѣзо или, если есть, ляписъ или какое-нибудь другое ѣдкое вещество. Если завѣдомо ядовитой змѣей пораненъ палецъ на рукѣ или на ногѣ, тогда отсѣчь или отрѣзать зараженный членъ; если этого сдѣлать нельзя, тогда по крайней мѣрѣ вырѣзать рану настолько глубоко, насколько можно сдѣлать это, не причиняя вреда. Больного оставить въ покоѣ и не надоедать ему всевозможными предложеніями, какъ это обыкновенно принято при уходѣ. Если появятся первые признаки отравленія, давать ему нашатырный спиртъ, сильно разбавленный водой, или еще лучше, нагрѣтый спиртъ, водку, глицеринъ и т. п. съ водой. Раціональнѣе не давать слишкомъ много за одинъ разъ, а, какъ можно чаще, маленькими дозами. При наступленіи слабости, положить на животъ горчичникъ или горячій компрессъ, направить на сердце и грудобрюшную преграду гальванической или электрической токъ; обливаніе холодной водой можно также съ успѣхомъ примѣнить. Если больной захочетъ принять противоядіе, въ которое онъ вѣруеть, тогда дать ему просимое; важнѣе всего внушить ему какъ можно болѣе бодрости.

Повидимому часто достигаютъ хорошаго исхода благодаря тому, что у жертвы поддерживаютъ долгое время искусственное дыханіе. Во всякомъ случаѣ чрезвычайно трудно рѣшить, какое средство—дѣйствительное, такъ какъ укушенные и въ концѣ концовъ спасенные, не могутъ съ увѣренностью сказать, попалъ-ли дѣйствительно ядъ въ рану, или же, мнимыя жертвы и безъ всякаго ухода остались-бы живы. Во всякомъ случаѣ достовѣрно, что не при всякомъ укушеніи, произведенномъ настоящей ядовитой змѣей, ядъ попадаетъ въ рану. Также достовѣрно и то, что многихъ людей, которые вовсе не были укушены ядовитой змѣей, принимаютъ на излѣченіе. При этомъ бываетъ такъ много ошибокъ и обмана, что Ричардсъ недавно сдѣлалъ слѣдующій выводъ изъ своихъ многочисленныхъ наб-

людей: «относительно усѣпшаго лѣченія змѣиныхъ укушеній мы и теперь еще такъ же безпомощны, какъ наши предки двѣсти лѣтъ тому назадъ».

Буддисты, догматы которыхъ совершенно воспрепятствуютъ умерщвлять животныхъ, помещаютъ пойманную ядовитую змѣю въ корзинку, сплетенную изъ пальмовыхъ листьевъ и оставляютъ ее на произволъ волнамъ рѣки. У насъ также встрѣчаются глупые люди, которые вслѣдствіе непонятной чрезмѣрной чувствительности требуютъ пощады для гадюки, приносящей пользу пожираемъ мышей, и осмѣливаются называть умерщвление змѣи бесполезной жестокостью. Но съ ними, конечно, не стоитъ спорить, такъ какъ они не вѣдаютъ, что говорятъ. «Живѣ берите камни и дубины и безжалостно бейте вредное существо, хотя бы оно, угрожая, приподымалось и шипѣло съ расширенной шеей», говоритъ уже Виргилій, и мы присоединяемся къ нему. Мы убиваемъ ядовитыхъ змѣй и, поступая такъ, поступаемъ правильно. Напротивъ того, разумные люди не считаютъ нужнымъ говорить о пощадѣ, ибо только беспощадное истребленіе увеличитъ нашу безопасность. Къ счастью, и въ Индіи есть много людей, которые, поощренные наградами, назначенными правительствомъ, посвящаютъ себя истребленію ядовитыхъ змѣй. Въ Сѣверной и Южной Америкѣ змѣямъ не оказываютъ никакого снисхожденія, никакой пощады. Кто увидитъ въ Сѣверной Америкѣ ядовитую змѣю, тотъ не лѣнится сойти съ лошади или изъ экипажа, чтобы умертвить ее; кто можетъ въ Бразиліи захватить змѣю, тотъ, хотя и не безъ страха, убиваетъ ее со злобой и смертельной ненавистью. Много и неядовитыхъ змѣй становятся жертвами этой ненависти; но кто же захочетъ поставить это въ вину людямъ, которые ежегодно испытываютъ послѣдствія укушенія змѣй? Еще нигдѣ человѣкъ не можетъ похвалиться тѣмъ, что одержалъ полную побѣду надъ ядовитыми змѣями, и пока продолжается истребительная война противъ нихъ, преждевременно требовать безусловной пощады безвредныхъ змѣй. Человѣкъ никогда не истребитъ ядовитыхъ змѣй; онъ можетъ только уменьшить ихъ количество. Это доказываютъ всѣ страны, въ которыхъ утвердился земледѣлецъ, именно Соединенные Штаты и Бразилія. При постепенномъ возрастающемъ воздѣлываніи почвы число змѣй сильно, а ядовитыхъ особенно значительно уменьшается и со временемъ въ этихъ мѣстностяхъ настанетъ пора, когда человѣкъ будетъ имѣть возможность проживать безъ страха. До тѣхъ поръ мы и всѣ разумные люди будемъ согласны съ Виргиліемъ.

Во многихъ учебникахъ зоологіи говорится, что змѣи не пьютъ. Опыты, произведенные надъ плѣнными ужами и гадюками, повидимому, указываютъ на то, что онѣ никогда не пьютъ воды. Но эти опыты ничего не доказываютъ, такъ какъ наблюденіе, и притомъ повторенное нѣсколько разъ, доказываетъ намъ обратное. Всѣ змѣи пьютъ, однѣ вбирая воду полными глотками, причѣмъ онѣ производятъ замѣтныя движенія челюстями, другія-же схватываютъ языкомъ водяныя капли и росу или же смачиваютъ ими свой языкъ. Я особенно обращаю на это вниманіе, такъ какъ Леали еще въ 1870 году могъ увѣрять, что еще не видѣли, какъ змѣи пьютъ; Эффельдтъ-же, наблюдательность и опытность котораго я вполне признаю, писалъ къ Ленцу, что даже тѣ змѣи, которыя во время питья погружаютъ голову въ воду, пьютъ всегда лакая, другими словами никогда не пьютъ съ втянутымъ языкомъ. Я имѣлъ случай наблюдать на воспитанныхъ мною гремучихъ змѣяхъ совершенно обратное: онѣ пили, когда ихъ сильно томила жажда, съ настоящими жевательными движеніями челюстей, то есть хлебая, а не лакая. Когда змѣй послѣ долгаго путешествія въ узкихъ ящикахъ, наполненныхъ пескомъ, перенести, наконецъ, въ обширную клѣтку, тогда онѣ, томимыя голодомъ и жаждой, изслѣдуютъ ее по всѣмъ направленіямъ и, найдя, наконецъ, сосудъ съ водой,

убѣждаются прикосновеніемъ языка въ присутствіи усладительнаго питья, погружаютъ въ нее морду поверхъ глазъ и иногда пьютъ такъ много, что, какъ очень вѣрно замѣчаетъ Эффельдтъ, «совершенно разбухаютъ». Многіе виды явно страдаютъ и околѣваютъ, если они, по необходимости, лишены воды; другіе-же, повидимому, могутъ удовлетворять свою жажду нѣсколькими каплями въ день, или даже пьютъ разъ втеченіе нѣсколькихъ недѣль. Эффельдтъ поставилъ предъ своими плѣнными змѣями сахарную воду, вино и молоко и замѣтилъ, что нѣкоторые изъ нихъ, будучи лишены воды, пьютъ слегка подслащенную воду и молоко; напротивъ того, постоянно пренебрегаютъ виномъ и сильно подслащенной водой. Молодая гремучая змѣя, которая не хотѣла ѣсть, но пила молоко, по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ околѣла.

Для жизни змѣй имѣетъ еще большее значеніе, чѣмъ для жизни птицы линяніе, сбрасываніе съ себя кожи. Это сбрасываніе—первое, что предпринимаетъ молодь, только что вылупившаяся изъ яйца, и что взрослыя животныя продѣлываютъ втеченіе года по нѣскольку разъ. Сбрасываніе начинается отдѣленіемъ тонкой, стекловидной кожицы на губахъ, результатомъ чего является возникновеніе большаго отверстія. Затѣмъ образуются двѣ лопасти, одна на верхней части головы, другая—на нижней челюсти. Эти лопасти отворачиваются и все дальше и дальше завертываются, такъ что въ концѣ концовъ внутренняя часть становится наружной.

По Бугону, въ сброшенной кожѣ, по крайней мѣрѣ у обыкновенныхъ ужей, отсутствуетъ всегда самый крайній конецъ. Для освобожденія отъ своей «сорочки», на свободѣ змѣи пользуются мхомъ, верескомъ и другими растеніями и вообще шероховатыми поверхностями, и въ состояніи закончить въ короткое время сбрасываніе кожи; въ ящикѣ же онѣ понапрасну прилагаютъ усилія для достиженія той-же цѣли и только въ рѣдкихъ случаяхъ сбрасываютъ цѣликомъ всю кожу. По наблюденіямъ Леѣца у нашихъ змѣй первая линька начинается въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая, вторая—въ концѣ мая и началѣ іюня, третья—въ концѣ іюня и началѣ іюля, четвертая—въ концѣ іюля и началѣ августа, наконецъ пятая—въ концѣ августа и въ началѣ сентября. У видовъ, обитающихъ въ теплыхъ странахъ, сбрасываніе совершается такимъ-же образомъ. Относительно послѣднихъ у насъ въ настоящее время имѣется только немного данныхъ. По Гаргману, гремучія змѣи линяютъ только два раза въ годъ. Фэйреръ и Ричардсъ наблюдали, что находящіяся въ плѣну въ Индіи кобры мѣняютъ свою кожу каждый мѣсяць даже зимой и «во время линьки, безъ всякаго сомнѣнія, слѣпы». Если плѣннымъ не хватало воды, тогда сорочка отдѣлялась по частямъ. «Я очень сомнѣваюсь», продолжаетъ Ричардсъ, «чтобы у свободно живущихъ змѣй линька такъ часто происходила, какъ у находящихся въ неволѣ. Я нѣсколько разъ также наблюдалъ, что птицы употребляютъ змѣиныхъ сорочки для подстилки своихъ гнѣздъ». Непосредственно предъ линькой всѣ змѣи пребываютъ въ покоѣ, послѣ же она онѣ тотчасъ становятся гораздо бодрѣе. Плѣннымъ змѣямъ значительно облегчаютъ сбрасываніе кожи примѣненіемъ теплыхъ ваннъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ первой весенней линьки, начинается размноженіе. Оно въ извѣстной степени возбуждаетъ змѣй, по никоимъ образомъ не столь сильно, какъ объ этомъ болтаютъ. Очень вѣроятно, что извѣстные виды въ періодѣ спариванія собираются большими группами и долгое время пребываютъ вмѣстѣ. По крайней мѣрѣ наблюдали, что нѣкоторые ядовитыя змѣи во время спариванія спутываются въ форменный клубокъ и по цѣлымъ часамъ остаются въ такой удивительной связи. Древніе, которые, повидимому, наблюдали подобныя

сплетения у многихъ змѣй, объясняли себѣ причину суевѣрнымъ образомъ, называли клубокъ змѣинымъ яйцомъ и приписывали ему чудодѣйственную силу; обыкновенно же находятъ оамца и самку спаривающихся змѣй тѣсно сплетенными и покоящимися на излюбленныхъ мѣстахъ. Онѣ лежатъ по цѣлымъ часамъ на солнцѣ на одномъ мѣстѣ, не шевелясь. Соединеніе обоихъ половъ очень тѣсное, потому что цилиндрической удъ самца, выворачиваемый при спариваніи, усаженъ на внутренней поверхности твердыми шипами и поэтому прочно удерживается въ половыхъ органахъ самки. Еще не знаютъ, сколько времени продолжается спариваніе, но нужно думать, что оно продолжается нѣсколько часовъ: Эффельдтъ нашелъ дюжину сплетенныхъ гадюкъ, отысканныхъ имъ вечеромъ, еще на слѣдующій день въ томъ-же положеніи. «Если змѣи сцѣпились», говоритъ Ленцъ, «то можно ихъ очень хорошо наблюдать, пребывая въ покоѣ, на умѣренномъ отдаленіи, не разгоняя ихъ. Какъ только подойти ближе или же ударить ихъ, онѣ стараются дать тягу. Но это не такъ легко совершается, потому что онѣ обвиты другъ около друга и поэтому неспособны ползать. Сначала онѣ стараются улизнуть, спутавшись вмѣстѣ, но замѣчаютъ, что это не удается. Тогда онѣ отчасти или совсѣмъ распутываются и уползаютъ. Такъ какъ онѣ еще крѣпко соединены шипами самца и каждая желаетъ пойти по своей собственной дорогѣ, то, какъ одна, такъ и другая тянуть и меньшая должна слѣдовать за болѣе крупной. Подобное бѣгство совершается, конечно, очень медленно. Если же начать ихъ сильно и безъ перерыву бить, или же наступить на нихъ, тогда онѣ наконецъ съ помощью сильного толчка отрываются другъ отъ друга».

По истеченіи 4 мѣсяцевъ яйца, числомъ отъ 6 до 40, а у ложноногихъ и до 100, готовы къ кладкѣ, и откладываются матерью во влажныхъ, темныхъ мѣстахъ, если видѣть не относится къ тѣмъ змѣямъ, которыя откладываютъ настолько развитыя яйца, что молодъ разламываетъ скорлупу яйца или непосредственно вслѣдъ за кладкой или же уже въ тѣлѣ матери. Только относительно нѣкоторыхъ удавовъ извѣстно, что они правильно высиживаютъ яйца. Шнекъ утверждаетъ, что оцъ вынулъ изъ одного сѣверо-американскаго водяного ужа (*Tropidonotus sirtalis*) даже 78 молодыхъ экземпляровъ. Подобныя большія количества дѣтенышей мы наблюдали также и у аспидовъ. Мать не оказываетъ никакой помощи при разламываніи скорлупы и вообще мало или совсѣмъ не заботится о вылупившихся молодыхъ животныхъ. Послѣднія растутъ необычайно медленно, но, вѣроятно, ростъ продолжается до конца ихъ жизни, хотя въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, конечно, растутъ несравненно медленнѣе, чѣмъ вначалѣ. Онѣ могутъ достигъ глубокой старости.

Значеніе змѣй въ сравненіи съ остальнымъ животнымъ міромъ такъ мало, что можно справедливо утверждать, что и безъ нихъ равновѣсіе природы не нарушилось-бы. Во всякомъ случаѣ нѣкоторыя изъ нихъ приносятъ пользу уничтоженіемъ мышей и другихъ вредныхъ грызуновъ; но польза, которую они приносятъ этимъ человѣку, какъ я только что сказалъ, болѣе чѣмъ уравнивается тѣмъ вредомъ, который онѣ, по крайней мѣрѣ ядовитые виды, наносятъ. Потому нельзя назвать несправедливой ту ненависть, которую питаютъ ко всему этому подотряду. Конечно человѣку дѣлаетъ честь, что онъ, преслѣдуя ядовитыхъ змѣй, щадить и не умерщвляетъ безвредныхъ, но для того, чтобы отличить ядовитыхъ змѣй отъ безвредныхъ необходимо точныя познанія о всей группѣ, такъ что тотъ, кто несвѣдущему совѣтуетъ щадить всѣхъ змѣй, оказываетъ плохую услугу. У насъ, конечно, нетрудно отличить два мѣстныхъ вида ядовитыхъ змѣй отъ безвредныхъ видовъ. Но уже въ Западной Европѣ встрѣчается, какъ мы слышали, одинъ ужъ, который по наружному виду такъ похожъ на одну изъ ядовитыхъ змѣй,

что даже знатокъ змѣй, Дюмериль, могъ ошибиться и схватилъ вмѣсто мнимаго ужа гадюку, укушеніе которой подвергало опасности его жизнь. Во всѣхъ остальныхъ частяхъ свѣта встрѣчаются змѣи, относительно которыхъ, несмотря на наше знаніе, ушедшее далеко впередъ, неизвѣстно, ядовиты ли онѣ или безвредны. Кто хочетъ проповѣдывать пощаду змѣямъ, долженъ по крайней мѣрѣ ограничиваться только Германіей; этимъ онъ еще не принесетъ бѣды. Я вовсе не желаю защищать змѣй, такъ какъ наши безвредные виды поѣдаютъ главнымъ образомъ такихъ животныхъ которыя, несомнѣнно, болѣе полезны намъ, чѣмъ ихъ хищники. Въ Сѣверной Америкѣ также сильно жалуются на опустошенія, которыя производятъ среди молодой рыбы водяные ужи. Кто истребляетъ всѣхъ, попадающихся подъ руку змѣй, не причиняетъ этимъ, повторяю, никакой бѣды; кто же хоть одинъ разъ приметъ ядовитую змѣю за неядовитую, тотъ можетъ за это поплатиться жизнью или здоровьемъ.

Просвѣщенный человѣкъ, который очень хорошо понимаетъ, что неразвитые люди всегда считаютъ зло сильнѣе добра, а язычники особенно боялись злыхъ существъ, найдетъ очень понятнымъ, что въ преданіяхъ и въ мифологіи древнихъ народовъ змѣи играли важную роль. Преданія почти всѣхъ народовъ вообще упоминаютъ о нихъ то со страхомъ и отвращеніемъ, то съ любовью и благоговѣніемъ. Змѣи считались олицетвореніемъ быстроты, хитрости, врачебнаго искусства, даже времени. Уже и въ сѣдую старину, какъ и теперь еще у дикихъ народовъ, существовало поклоненіе змѣямъ. Такъ, въ Индіи имъ поклонялись, какъ олицетворенію мудрости, у другихъ народовъ—какъ олицетворенію лживости, коварства и обольщенія. Что римляне оказывали змѣямъ божескую почесть, видно изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ ихъ писателями. «Городу Риму», говоритъ Валерій Максимъ, «боги уже часто давали доказательства своего особеннаго благоволенія. Однажды городъ втеченіе трехъ лѣтъ посѣждался чумой, и ни боги, ни люди не помогли тяжелой бѣдѣ. Наконецъ жрецы спросили Сивиллины книги и нашли въ нихъ, что прежнее здоровое состояніе города можетъ быть достигнуто только тѣмъ, если богъ Эскулапъ будетъ приведенъ изъ Эпидавра. Было послано посольство искать утѣшенія и помощи. Эпидавряне приняли римлянъ любезно и повели посольство въ храмъ Эскулапа. Само божество высказало знаками свое благоволеніе. Въ Эпидаврѣ иногда видѣли змѣю, появленіе которой каждый разъ приносило особенную благодать, и которая, потому, была почитаема такъ же высоко, какъ и самъ Эскулапъ. Во время пребыванія римлянъ показалась эта змѣя и медленно двигалась, кротко озираясь вокругъ, по самымъ населеннымъ частямъ города. Это она повторяла втеченіе трехъ дней, а народъ смотрѣлъ на нее съ благоговѣніемъ. Желаніе измѣнить мѣстопробываніе на болѣе достойное явно придавало ей отпечатокъ веселой живости. Тогда она наконецъ рѣшительно направилась къ римскому военному кораблю. Тамъ она привела перепуганный ею экипажъ въ сильный трепетъ; но она, не обращая вниманія, поползла въ какту посланника Огулнія и свернулась тамъ съ величайшимъ удобствомъ. Тогда послы увидѣли собственными глазами, что они владѣютъ богомъ, совѣтовались, какъ бы оказать ему подобающую почесть, поблагодарили учтиво и сердечно жителей Эпидавра и отплыли въ радостномъ расположеніи духа. Послѣ благополучнаго плаванія корабль остановился въ Антіумѣ. Тамъ змѣя, оставшаяся раньше при всѣхъ остановкахъ на кораблѣ, выползла изъ него, направилась къ портику Эскулапова храма, гдѣ стояло вѣтвистое миртовое дерево, и обвилась вокругъ высокой пальмы. Здѣсь она отдыхала три дня и ей приносилась обыкновенная пища. Послы боялись, что она можетъ не возвратиться на корабль; но она оставила добровольно дерево и снова направилась на корабль. Наконецъ послы высадились у устья Тибра. Тамъ змѣя

поплыла на островъ, на которомъ ей воздвигли храмъ. Съ ея прибытіемъ Римъ освободился отъ чумы».

Подобныя воззрѣнія удержались до послѣдняго столѣтія и въ настоящее время существуютъ еще у различныхъ народовъ Европы, Азии и Африки. Согласно довольно распространенному предразсудку, змѣи приносятъ счастье; индусы и малайцы твердо убѣждены, что убійство змѣи влечетъ за собой несчастье. Такъ, по сообщенію Ричардса, индусы утверждаютъ, что не надо убивать ядовитую змѣю, укусившую человѣка, иначе укушенный непременно умретъ. Затѣмъ, заклинатели змѣй со страхомъ остерегаются ихъ убивать, такъ какъ иначе, по ихъ словамъ, они потеряютъ свою власть надъ змѣями. Подобное же суевѣріе нашелъ Пимъ въ Америкѣ у караибовъ. Мартенсъ замѣчаетъ, что, согласно предразсудку, на Амбоинѣ, кто убьетъ питона, тотъ скоро потомъ самъ умретъ; однако проповѣдникъ Валентійнъ, уже достаточно просвѣщенный для своего времени, утверждаетъ, что, убивъ питона въ собственномъ своемъ домѣ, онъ не испыталъ иного вреда, кромѣ увеличенія числа крысъ. Но суевѣріе съумѣло объяснить и этотъ фактъ въ свою пользу: духъ змѣи, говорили, безсиленъ относительно проповѣдника. По словамъ Крапфа, галласы считаютъ змѣю родоначальницей людей и выказываютъ къ ней высокое почтеніе. Когда Гейглинъ убилъ одного африканскаго питона вблизи жилища негровъ—динка, они были очень разсержены и, жалуясь, высказывали, что имъ принесетъ несчастье насильственная смерть ихъ предка, уже долго мирно жившаго у нихъ. Это подтверждается и дополняется замѣчаніемъ Швейнфурга, что змѣи являются единственными животными, которымъ воздается до нѣкоторой степени божеское поклоненіе у негровъ динка и шиллукъ на бѣломъ Нилѣ. Динка называютъ ихъ своими братьями и считаютъ преступленіемъ убивать ихъ. Различные свидѣтели рассказывали Швейнфурту, что нѣкоторыя змѣи лично извѣстны хозяину жилища, въ которомъ онѣ поселились, что онъ называетъ ихъ по именамъ и общается съ ними, какъ съ домашними животными.

По словамъ Ливингстона, въ странахъ у озера Ніасса убить змѣю—преступленіе, даже если она сдѣлалась въ тягость жителямъ своимъ грабительствомъ. Говорящіе по арабски купцы, путешествующіе по тѣмъ странамъ, утверждали даже, что на островахъ названнаго озера живутъ змѣи, обладающія даромъ человѣческой рѣчи; по воззрѣнію этихъ простодушныхъ людей онѣ происходятъ отъ первороднаго змія, соблазвившаго нашу праматерь Еву. Прежде чѣмъ смѣяться надъ дикими народами, вспомнимъ сначала о сардинцахъ: воззрѣнія ихъ очень мало отличаются отъ воззрѣній дикарей. «О нашихъ змѣяхъ рассказываются чудеса въ собраніяхъ женщинъ», говоритъ Четти. «Въ прежнія времена змѣи были пророчицами и знали будущее. Я охотно вѣрю, что подобныя сказки только для шутки рассказываются нашими образованными женщинами; но многіе итальянцы видятъ въ змѣѣ существо, достойное полнѣйшей ихъ привязанности и уваженія. Когда змѣя залозетъ въ хижину крестьянина или пастуха, она указываетъ на предстоящее счастье; если бы кто-нибудь вздумалъ дурно ее встрѣтить, это сочли бы столь же глупымъ, какъ прогнать счастье, приближающееся къ дому. Поэтому всѣ мѣстныя женщины стараются удержать змѣй и съ особенной заботливостью, ежедневно кладутъ имъ кормъ передъ норами, въ которыхъ онѣ поселились. Я знаю одну женщину, которая дѣлала это втеченіе двухъ лѣтъ». Тюрингенскіе и южногерманскіе крестьяне смотрятъ на змѣю такъ же, какъ сардинцы: и въ ихъ глазахъ залозная въ жилище змѣя считается вѣстницей приближающагося счастья.

Неудивительно, что подобныя воззрѣнія уже въ отдаленнѣйшія времена должны были вести къ тому, чтобы видѣть въ змѣяхъ совсѣмъ не то, что онѣ въ

дѣйствительности. Имъ приписывались всевозможныя качества, злыя и добрыя, и онѣ занимали мѣсто то божества, то злого духа. Имъ придавались не только несуществующія свойства, но также крылья, ноги и другіе члены, головное украшеніе вродѣ короны и т. п., потому что главную роль тутъ играло воображеніе, а не дѣйствительное наблюденіе. Для свѣдущихъ людей змѣи долгое время были источникомъ богатыхъ доходовъ, потому что для одураченія слѣпо вѣрующей толпы ими легче пользоваться, чѣмъ всякими другими животными. И не буду перечислять приводимыхъ Плиніемъ и другими римскими, а также греческими писателями лѣчебныхъ, волшебныхъ и тому подобныхъ средствъ, добывавшихся изъ тѣла и отдѣльныхъ его частей различныхъ змѣй. Достаточно сказать, что мы обязаны римлянамъ и грекамъ тѣми приготовляемыми изъ гадюкъ лѣкарствами, которыя на много пережили средніе вѣка. Еще въ послѣднемъ столѣтіи для европейскихъ аптекъ собирались сотни тысячъ различныхъ змѣй изъ рода гадюкъ, преимущественно въ Италіи и Франціи. Доходило до того, что покупали огромное множество египетскихъ ядовитыхъ змѣй, такъ какъ европейскихъ не хватало. Уже знаменитый врачъ императора Октавіана Августа—Антоній Муза—употреблялъ гадюкъ въ качествѣ лѣкарствъ; но только лейбъ-медикъ императора Андромахъ Критскій открылъ «тѣріакъ». Еще въ прошломъ столѣтіи онъ приготовлялся почти во всѣхъ европейскихъ аптекахъ подѣ наблюденіемъ врачей, обязанныхъ изслѣдовать всѣ идущія въ него вещества. Особенно славилась тѣріакомъ Венеція, едва ли менѣе Рима, гдѣ его приготовляли иезуиты, обезпеченные правительствомъ отъ неудобныхъ подражаній. Тѣріакъ прописывался для очищенія крови при лишаихъ, проказѣ, чесоткѣ, золотухѣ, зобѣ и какъ противоядіе при отравленіяхъ; онъ обладалъ совершенно тѣми же цѣлебными свойствами, какія приписываются разнымъ современнымъ чудеснымъ лѣкарствамъ. Кромѣ того врачи прописывали вареныхъ и жареныхъ гадюкъ, супы, студни и сиропъ изъ нихъ, порошокъ изъ сердца и печени и спиртовыя вытяжки изъ разныхъ частей тѣла отъ лихорадокъ, оспы, падучей, паралича, апоплексическаго удара, гніенія зубовъ. Жиръ считался отличнымъ лѣкарствомъ при ушибахъ, ранахъ, и при глазныхъ болѣзняхъ; онъ также принимался внутрь чахоточными и втирался въ лицо кокеткамъ, для уничтоженія морщинъ и улучшенія цвѣта лица. Вѣра въ цѣлебность гадючьяго жира держалась до самаго послѣдняго времени, и даже такой свободный отъ предразсудковъ человекъ, какъ Ленцъ, не могъ вполне отдѣлаться отъ нея, по крайней мѣрѣ въ прежніе годы. Во всякомъ случаѣ это заблужденіе, какъ и всякое другое, имѣло и одно хорошее слѣдствіе: оно существенно содѣйствовало уменьшенію численности гадюкъ. Въ настоящее время ни одинъ разумный человекъ не вѣритъ больше въ подобныя лѣкарства прошлыхъ столѣтій и десятилетій, потому что въ наше время въ фармакогнози самымъ блестящимъ образомъ выразилось благотворное вліяніе развитія естественныхъ наукъ. Но именно поэтому является обязательнымъ полнѣйшее покровительство естественнымъ врачамъ змѣй.

Къ успокоенію всѣхъ, боящихся змѣй, и къ радости всѣхъ противниковъ этого опаснаго или возбуждающаго страхъ племени, полчище его враговъ очень многочисленно. У насъ змѣй преслѣдуютъ кошки, лисицы, куницы, хорьки, барсуки, ласки, ежи, дикія и домашнія свиньи; въ южныхъ странахъ виверры и именно мангусты; въ южной Африкѣ, согласно Фиску, также нѣкоторыя ящерицы, а равно самымъ упорнымъ образомъ преслѣдуютъ ихъ змѣятникъ и орель-крикунъ, ястреба, вороны, сороки и сойки, аисты и другія болотныя птицы, а также ихъ родственники въ жаркихъ странахъ. Самымъ лучшимъ истребителемъ змѣй является секретарь; но и другіе его родичи выказываютъ достаточную дѣятельность, именно мѣст-

ныя породы ястребовъ, орловъ и грифовъ, совершенно независимо отъ многихъ куриныхъ и голенастыхъ, съ дѣятельностью которыхъ мы недавно познакомились. Всѣ они заслуживаютъ уваженія и защиты разсудительныхъ людей, потому что большею частью не только уничтожаютъ змѣй, но и совершенно возмѣщаютъ полезную дѣятельность этихъ послѣднихъ.

Прирученіе змѣй или по крайней мѣрѣ содержаніе ихъ въ неволѣ извѣстно съ древности. Уже древніе египтяне, повидимому, держали въ своихъ жилищахъ змѣй и между ними также страшнаго асида гая. Эліанъ сообщаетъ, что фокусники совершенно такъ же пользовались этими змѣями, какъ и въ настоящее время, и такъ же часто, какъ и теперь, подвергались смертельнымъ укушеніямъ. У Марціала мы читаемъ, что женщины иногда клали холодныхъ змѣй вокругъ своей шеи. По сообщенію Светонія, у императора Тиверія была змѣя, которую онъ очень любилъ и всегда кормилъ изъ рукъ. Императоръ Геліогабалъ, по словамъ Элія Лампрідія, иногда приказывалъ собирать много змѣй и выпускать ихъ до восхода солнца въ дни народныхъ игръ, чтобы позабавиться ужасомъ людей, изъ которыхъ многіе погибали отъ укушеній змѣй или въ давкѣ. При дворахъ индусскихъ князей содержаніе змѣй въ неволѣ было самой обыкновенной вещью, если вполнѣ вѣрить стариннымъ писателямъ.

Большинство змѣй легко привыкаютъ къ неволѣ и выживаютъ въ ней года или по крайней мѣрѣ мѣсяцы. Гадюки, пойманныя старыми, не всегда принимаются за кормъ, но вѣроятно только потому, что имъ устраиваютъ жильё неподходящимъ способомъ. Для ихъ благополучія необходимо тепло, и притомъ влажное; именно въ ихъ клѣткѣ непременно долженъ быть бассейнъ съ водой для купанья. Чтобы приучить ихъ къ корму, надо сначала давать имъ живыхъ животныхъ; разъ гадюки согласятся хватать и проглатывать ихъ, можно перейти и къ мертвымъ, а позже даже къ кускамъ мяса.

Змѣи различныхъ родовъ, посаженные въ одну и ту же клѣтку, иногда уживаются между собой, иногда дерутся; часто случается также, что одиѣ пожираютъ другихъ, какъ это бываетъ и на свободѣ. Можно посадить вмѣстѣ до сотни ужей различныхъ породъ, присоединить къ нимъ нѣсколько маленькихъ гадюкъ и наблюдать лишь полнѣйшее взаимное равнодушіе; но можно испытать также обратное, если прибавить сюда ужа другого вида, любимая пища котораго неизвѣстна. Не одинъ разъ приходилось мнѣ видѣть, что миролюбивый и безвредный съ виду ужъ тотчасъ нападалъ на своихъ родичей и проглатывалъ такихъ, которые мало уступали ему по величинѣ. Ядовитыя змѣи часто въ кровь кусаютъ себѣ подобныхъ или умерщвляютъ змѣй другихъ родовъ, чтобы проглатывать ихъ просто изъ злости или можетъ быть сердясь на безпокойство и помѣху, причиняемая имъ.

Крупнѣйшіе виды всѣхъ трехъ сухопутныхъ ядовитыхъ подсемействъ никогда не слѣдуетъ сажать вмѣстѣ съ другими змѣями, все равно съ ядовитыми или неядовитыми, если не желаютъ потерь. Даже маленькія гадюки, вообще нисколько не обращающія вниманія на другихъ змѣй, кусаютъ и иногда умерщвляютъ ужей, съ которыми прожили мѣсяцы, не обращая другъ на друга вниманія. Напротивъ того, можно наблюдать очень дружное, повидимому, сожителство змѣй одного вида. Питоны, удавы, ужи и многія древесныя змѣи охотно отдыхаютъ вмѣстѣ въ вѣтвяхъ и при этомъ нерѣдко сплетаются въ клубокъ, на видъ совершенно нераспутывающійся. Гюнтеръ превосходно описываетъ это по наблюдениямъ, производившимся имъ въ змѣиномъ садкѣ Лондонскаго зоологическаго сада, надъ однимъ боа изъ центральной Америки (*Chilabothrus inornatus*). Подходя къ клѣткѣ, сначала совсѣмъ не замѣчаешь ея обитателей и тогда начинаешь искать ихъ въ

развѣтвленіяхъ поставленныхъ въ ней сучьевъ. «Въ верхнемъ и самомъ темномъ углу оказывается круглый клубокъ такой величины, что онъ очевидно не можетъ быть образованъ одной змѣей. Но онъ остается неподвижнымъ и единственная голова, выглядывающая между сжатой массой колець, не выказываетъ ни малѣйшихъ признаковъ жизни при сильнѣйшемъ стукѣ по стеклу. Такъ же и на томъ же самомъ мѣстѣ лежалъ клубокъ этотъ и пять лѣтъ тому назадъ; но его легко заставить распуститься. Едва сторожъ дотрогивается до задвижки, чтобы открыть дверцу, какъ замѣченная сначала голова начинаетъ двигать языкомъ; вторая и третья головы мелькаютъ между извилами колець; становится замѣтно подниманіе и опусканіе клубка отъ возбужденнаго дыханія, заставляя предчувствовать скоро наступающее превращеніе его въ вѣчто совершенно противоположное. Едва сторожъ дотронется своей палочкой до одной изъ змѣй, какъ клубокъ разматывается съ быстротой, за которой не въ состояніи слѣдить глазъ: на каждой вѣткѣ скользятъ внизъ змѣи въ два метра длиной, въ общемъ шесть числомъ, и расползаются по всей клѣткѣ. По прошествіи около получаса одна змѣя начинаетъ медленно возвращаться къ старому мѣсту отдыха; за ней слѣдуетъ вторая, третья и т. д., пока въ короткое время снова образуется такой же клубокъ, какой мы видѣли сначала». Я видѣлъ то же самое у ужей и часто съ истиннымъ изумленіемъ наблюдалъ такое или подобное совмѣстное ихъ отдохновеніе и перепутываніе.

Змѣи, содержимыя въ неволѣ, постепенно вступаютъ до извѣстной степени въ дружескія отношенія съ ухаживающимъ за ними человекомъ, берутъ предлагаемую имъ пищу у него изъ рукъ или изъ щипцовъ, позволяютъ трогать себя, брать, носить въ рукахъ и даже могутъ быть до нѣкоторой степени дрессированы; но истинной привязанности къ хозяину совершенно не замѣчается, а скорѣе даже наблюдается обратное у сильныхъ видовъ или способныхъ къ оборонѣ, благодаря ихъ ядовитымъ зубамъ. Содержавшіеся подъ моимъ надзоромъ удавы и питоны выказывали очевидное отвращеніе именно къ своему сторожу; также я видалъ, какъ большія ядовитыя змѣи приходили въ ярость при приближеніи ходившаго за ними человека. Въ обоихъ случаяхъ раздраженіе вызывалось единственно безпокойствомъ, по необходимости причиняемымъ сторожемъ лѣниво нѣжащимся тварямъ; при этомъ они совершенно забывали о благодѣяніяхъ, оказанныхъ имъ тѣмъ человекомъ, которому онѣ угрожаютъ, и стремились лишь отомстить за яко бы причиняемую имъ обиду. Только въ исключительныхъ случаяхъ устанавливаются до нѣкоторой степени удовлетворительныя отношенія съ раздражительными, легко приходящими въ гнѣвъ ядовитыми змѣями; но иногда онѣ кусаютъ и послѣ того, какъ уже нѣсколько мѣсяцевъ считались ручными. Обращеніе съ ними остается опаснымъ при всякихъ обстоятельствахъ и требуетъ такой великой осторожности, что не совѣтую никому забыватья съ ними; говорю это по собственному опыту.

Относительно подраздѣленія змѣй на семейства и роды мнѣнія современныхъ специалистовъ такъ же далеко расходятся между собой, какъ и относительно опредѣленія видовъ. Между тѣмъ, какъ Гюнтеръ въ 1858 году устанавливалъ 630 видовъ, а Янъ въ 1863 году—780, Уоллесъ въ 1876 году считалъ необходимымъ принять круглымъ счетомъ 970 видовъ. Напротивъ того, въ 1835 году Гюнтеръ устанавливалъ это число въ 1800, а Буланже въ 1891 году снова сократилъ его до 1500. Но изъ 315 родовъ, принятыхъ въ 1886 году Коппомъ, мы считаемъ только половину хорошо обоснованными.

Согласно одному ученому, почти каждый родъ распадается на подроды; другой соединяетъ вмѣстѣ нѣсколько семействъ; въ то время, какъ одинъ при-

знаетъ лишь три подотдѣла, другой устанавливаетъ ихъ четыре. Мы присоединяемся къ тѣмъ, которые ограничиваютъ число всѣхъ группъ и видовъ; но относительно семействъ мы примыкаемъ къ Буланже, который считаетъ ихъ девять, существенно различающихся по вѣщному устройству и по скелету. вмѣстѣ съ этимъ превосходнымъ ученымъ, которому мы слѣдуемъ и во многихъ частностяхъ, насколько это возможно, мы бросаемъ старинное главное подраздѣленіе змѣй на ядовитыхъ и неядовитыхъ, потому что считаемъ его совершенно ненаучнымъ воззрѣніемъ, мало или совершенно не принимающимъ во вниманіе общее строеніе животнаго. Дальше, при описаніи семейства ужей, мы дадимъ подробное объясненіе этому новому подраздѣленію.

Червеобразными змѣями называютъ по ихъ формѣ и по образу жизни два маленькихъ семейства, которыя такъ же поразительно отличаются отъ прочихъ змѣй, какъ двуходки отъ другихъ ящерицъ; прежними естествоиспытателями онѣ причислялись не къ змѣямъ, а къ ящерицамъ. Онѣ характеризуются тѣмъ, что у нихъ снабжена зубами только одна челюсть, или верхняя, или нижняя, квадратная кость прикрѣплена къ самому черепу, ротъ неспособенъ растягиваться и постоянно наблюдаются зачатки таза.

Подъ именемъ «амфисбена», древніе разумѣли отнюдь не извѣстныхъ намъ двуходокъ, но червеобразную змѣю, которая такъ похожа на нихъ, что легко понять позднѣйшее смѣшиваніе ихъ.

«Эта змѣя», говоритъ Геснеръ, «неизвѣстна въ Германіи; ее находятъ въ Греціи, особенно на островѣ Лемносъ; поэтому у другихъ народовъ она извѣстна только подъ своимъ греческимъ именемъ, происходящимъ отъ «ползанія». Большинство старинныхъ писателей приписываютъ этой змѣѣ двѣ головы, одну спереди, а другую сзади на мѣстѣ хвоста, подобно судамъ съ двумя носами; думали, что амфисбены могли употреблять попеременно ту или другую голову и ползали и впередъ, и назадъ. Но подобное ошибочное утвержденіе опровергаетъ высокоученый Маттиолусъ, потому что если и видали когда-либо змѣй или другихъ созданій съ двумя головами, то это всегда происходило чудеснымъ и неестественнымъ путемъ. Впрочемъ, возможно, что при рожденіи сразу многихъ дѣтенышей являются уродцы съ двумя головами, многими ногами или другими подобными уродствами. Но, какъ сказано выше, это происходитъ лишь неестественнымъ путемъ, рѣдко и въ видѣ исключенія. И поэтому не надо давать никакой вѣры ошибочному мнѣнію, что именно амфисбена отъ природы рождается съ двумя головами. Но древніе потому приняли такое мнѣніе, что тѣло амфисбены, какъ у дождевого червя, одинаково заострено съ головы и хвоста, также потому, что голова вполне похожа на хвостъ и нелегко различается, а въ особенности потому, что амфисбена ползаетъ впередъ и назадъ, подобно судамъ, одинаково управляемымъ въ обѣ стороны. Это же свидѣлствуютъ Гезихіусъ и Этіусъ, говоря: эта змѣя не толста съ головы и не остра съ хвоста, какъ другія змѣи, но одинаковой толщины по всему тѣлу, ползаетъ впередъ и назадъ, такъ что съ трудомъ отличаютъ голову отъ хвоста. Вообще она мала, не толще дождевого червя; глаза ея свѣтятся, какъ огонь; у ней толстая кожа, черноватаго или буро-чернаго цвѣта (но скорѣе чернаго, чѣмъ бурога), усыпанная многими пятнами или точками.

«Эта амфисбена легче всѣхъ другихъ переноситъ холодъ и вынолзаетъ изъ норъ или изъ земли раньше, чѣмъ закукуетъ кукушка. Отсюда можно заключить, что кровь у нея теплѣе, чѣмъ у другихъ змѣй. Но какъ изъ одного заблужденія вытекаютъ многія другія, точно также вслѣдствіе ложнаго мнѣнія о двухъ голо-

вахъ нѣкоторые заключали и утверждали, что амфисбена рождаетъ дѣтенышей ртомъ. Оба эти заблужденія должны быть отброшены. Виноградныя лозы являются смертью и гибелью для амфисбены, а другими средствами и способами ее не легко умертвить. Отсюда произошло сказаніе о Бахусѣ, убившемъ виноградной вѣтвью амфисбену, потому что она напала на него и разбудила, когда онъ спалъ, лишенный чувствъ Юноной. Если беременная женщина перешагнетъ чрезъ амфисбену, то, говорятъ, она не доносить плода до зрѣлости, а выкинетъ его раньше времени. Плиній пишетъ, что этого не бываетъ, если змѣя содержится въ сосудѣ, а случается лишь, когда она лежитъ на землѣ мертвая. При этомъ, вѣроятно, отравленные испаренія, поднимающіяся отъ мертвой змѣи, удушаютъ плодъ въ чревѣ матери.

«Кожа этой змѣи, натянутая или навитая на палочку изъ дикой маслины, помогаетъ при оживленіи замерзшихъ, отнимаетъ у членовъ онемѣніе, дрожаніе и холодъ, размягчаетъ и растягиваетъ отвердѣвшія и онемѣвшія вены. Привязыванье мертвой амфисбены, также какъ ея кожа, успокаиваетъ боль въ венахъ и удаляетъ ознобъ и холодъ. Диоскоридъ и нѣкоторые другіе думаютъ, что такъ какъ ядъ этой змѣи похожъ по силѣ и дѣйствию на ядъ ядовитыхъ ужей, то слѣдуетъ примѣнять противъ него почти такія же средства, и поэтому необходимо описывать ихъ. Напротивъ того, Этіусъ говоритъ, что укусъ ея незамѣтенъ, ничтоженъ, похожъ на укусъ комара, не опасенъ—укушенный не можетъ умереть, а только испытываетъ воспаленіе или опухоль, какъ при ужаленіи пчелы. Поэтому при укушеніи амфисбеной надо употреблять такія же лѣкарства, какъ и при ужаленіи пчелъ, только немного посильнѣе».

Изъ вышеизложеннаго достаточно выясняется, что червеобразныя змѣи, причисляемыя нами къ роду слѣпуновъ, были извѣстны древнимъ, знавшимъ кое-что и относительно ихъ образа жизни.

* * *

Слѣпуны (Typhlopidae. Blindschlangen) отличаются отъ остальныхъ червеобразныхъ змѣй тѣмъ, что только верхняя, вертикально поставленная, слабо прикрѣпленная челюсть снабжена съ каждой стороны 2—5 сильными зубами; на нижней же челюсти зубовъ совсѣмъ нѣтъ. Величина слѣпуновъ незначительна, тѣло червеобразно; голова не отдѣлена отъ туловища; хвостъ очень коротокъ; глаза малы, прикрыты головными щитками; языкъ явственно раздвоенъ. Кости головы прочно соединены между собой. Покровъ тѣла и хвоста состоитъ изъ маленькихъ кругловатыхъ, гладкихъ череницеобразныхъ чешуекъ, одинаковыхъ спереди и сзади. Напротивъ того, передняя часть головы прикрыта болѣе крупными щитками. Зачатки таза имѣются въ видѣ единственной маленькой косточки на каждой сторонѣ тѣла.

Установлено около 100 различныхъ видовъ слѣпуновъ, раздѣляемыхъ на 4 рода. Семейство это распространено въ экваторіальныхъ странахъ; представители его особенно многочисленны въ восточной и австралійской областяхъ; въ афіопской и южноамериканской областяхъ они встрѣчаются въ болѣе ограниченномъ числѣ; на сѣверѣ Америки совершенно отсутствуютъ; на сѣверѣ Стараго Свѣта представителями этого семейства являются лишь немногіе виды, встрѣчающіеся, повидимому, лишь въ южной Европѣ, западной Азій и Японіи.

Всѣ они живутъ подъ землей, какъ черви, которыми кстати и питаются, а размножаются яйцами. Яйца обыкновенно очень велики, вытянуты въ длину и многочисленны. Наибольшій извѣстный видъ едва достигаетъ 70 см. длины при поперечникѣ въ 3 см. По образу жизни одного вида можно изучить образъ жизни всѣхъ прочихъ, насколько это вообще возможно въ настоящее время.

* * *

Въ нашихъ странахъ представителемъ семейства слѣпуновъ является **Слѣпунъ червячный** (*Typhlops vermicularis*, *Anguis lumbricalis*, *Typhlops syriacus*, *flavescens*. Blödauge). Оба конца его тѣла одинаковой толщины и дѣйствительно трудно отличить морду отъ хвоста, такъ какъ можно смѣшать ротъ съ заднепроходнымъ отверстіемъ, если не обратитъ вниманія на болѣе крупные щитки, отдѣляющіе закругленную морду. Глазъ просвѣчиваетъ сквозь глазной щитокъ, какъ едва замѣтная точка. Носовое отверстіе находится на швѣ двухъ щитковъ, на которые раздѣленъ носовой щитокъ. Голова мала; морда полушарообразно округлена, особенно сильно выпукла снизу и спереди, верхняя ея часть со всѣхъ сторонъ выступаетъ надъ нижней. Круглое, цилиндрическое тѣло замѣтно утолщается къ хвосту; послѣдній очень коротокъ, шире головы, конусовидно заостренъ, вооруженъ маленькимъ шипомъ и слегка согнутъ кверху. Число рядовъ чешуй колеблется между 22 и 24. Окраска болѣе или менѣе блестящаго желто-бураго цвѣта; верхняя часть тѣла темнѣе, нижняя свѣтлѣе. Рисунокъ состоитъ изъ темныхъ бурыхъ точекъ у конца каждой спинной и хвостовой чешуи. Длина тѣла самое большее 33 см., толщина 0,8 см.

До настоящаго времени червячнаго слѣпуна находили въ Греціи и на многихъ греческихъ островахъ, въ Малой Азіи, Сиріи, въ Каменистой Аравіи и на Кавказѣ до Закаспійской области; но относительно его образа жизни не имѣется сколько-нибудь обстоятельныхъ наблюденій. Напротивъ того, относительно образа жизни индійскихъ видовъ семейства, превосходный натуралистъ Канторъ сообщаетъ слѣдующее.—«У всѣхъ слѣпуновъ одинаковы образъ жизни и привычки. Они живутъ по большей части подъ поверхностью земли, но иногда появляются въ тѣнистыхъ мѣстахъ, именно во время періода дождей, послѣ ливней. Движенія ихъ очень живы, и роговой шипъ на хвостѣ, повидимому, значительно помогаетъ движенію; по крайней мѣрѣ, когда слѣпуновъ берутъ въ руки и они стараются убѣжать, то часто сильно прижимаютъ шипъ къ рукѣ. Лежащаго на землѣ слѣпуна легко принять за дождевого червя, пока его не узнаешь по змѣеобразнымъ движеніямъ, поднятію головы и высовыванію языка. Поиманные отказываются отъ пищи и питья; въ желудкахъ изслѣдованныхъ находили немного земли и нѣкоторые остатки насѣкомыхъ, иногда тысяченожекъ и муравьевъ. Въ тѣлѣ одной молодой самки была найдена цѣпочка изъ шести продолговатыхъ мягкоскорлупныхъ желтовато-бѣлыхъ яицъ.» Согласно Фальбенштейну, на западномъ берегу Африки, и, по словамъ Ричардса, въ Индіи и Австраліи, живущіе тамъ виды слѣпуновъ и въ настоящее время туземцами и многими изъ живущихъ тамъ европейцевъ еще вполне серьезно считаются двуголовыми змѣями. Вотъ все, сколько мы знаемъ, что мы знаемъ о жизни слѣпуновъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что древніе подразумѣвали подъ своими драконами нашихъ современныхъ гигантскихъ змѣй. Поразительная величина этихъ животныхъ, ихъ значительная сила и всеобщій страхъ передъ змѣями вообще—дѣлаютъ очень понятными преувеличенія, въ которыхъ повинны древніе; по тѣмъ же причинамъ извинительны и сверхъестественныя представленія о нихъ, еще и теперь сохранившіяся у многихъ людей, вмѣстѣ съ излюбленными преувеличеніями нѣкоторыхъ путешественниковъ и натуралистовъ. Мы не должны удивляться, что, чувствуя себя слабымъ относительно подобныхъ чудовищъ, человекъ отъ страха все преувеличивалъ вдвое, и его воображеніе надѣляло этихъ страшныхъ существъ несуществующими частями тѣла. Такъ называемые задніе шпорцы

гигантскихъ змѣй, въ настоящее время принимаемые нами за укороченные зачатки ногъ, не были замѣчены древними, но, вмѣсто того, древніе присвоили отвратительнымъ въ ихъ глазахъ созданіямъ своеобразныя лапы и удивительныя крылья. Съ теченіемъ времени людская фантазія еще богаче надѣлила драконовъ и изъ непонятныхъ сказокъ восточныхъ людей постепенно выросли образы, для которыхъ разумный челоѣкъ тщетно искалъ оригиналовъ, потому что свѣдѣнія о самихъ гигантскихъ змѣяхъ были почти потеряны. Тѣмъ упорнѣе держались необразованные люди излюбленнаго описанія большого дракона или змія горы-ныча, извергнутаго на землю на погибель всему міру. Съ понятіемъ о драковъ постепенно связывалось понятіе о дьяволѣ, пока слово «драконъ» не сдѣлалось его прозвищемъ. Еще и теперь оно употребляется въ этомъ смыслѣ простонародьемъ въ Германіи, напримѣръ тюрингенскими крестьянами, въ другихъ отношеніяхъ очень образованными.

Во времена старика Геснера, т. е. къ концу XVI-го столѣтія, люди еще не были такъ просвѣщенны, какъ теперь. Въ тѣ времена наше современное всеобщее невѣріе было присуще немногимъ, и сказкамъ охотно вѣрили, даже тѣ, кто называлъ себя натуралистомъ. Геснеръ добросовѣстно потрудился надъ описаніемъ драконовъ и ради этого выбралъ изъ древнихъ писателей все, казавшееся ему важнымъ. Не хочу лишать это описаніе его старинной окраски и потому предоставляю говорить самому моему старому другу. «Названіе драконъ происходитъ у грековъ отъ остраго зрѣнія, и подъ нимъ часто подразумѣваются змѣи вообще. По собственному драконами слѣдуетъ называть тѣхъ змѣй, столь большихъ и тяжелыхъ тѣломъ, которыя величиной превосходятъ всѣхъ прочихъ, поэтому должны быть разсматриваемы относительно змѣй такъ же, какъ большіе киты относительно другихъ рыбъ. Августинъ говоритъ, что на землѣ нѣтъ ни одного животнаго больше дракона... Эліанъ пишетъ, что въ Мавританіи живутъ драконы въ тридцать шаговъ длиной; повидимому, у мавровъ нѣтъ для нихъ никакого особаго имени и они зовутъ ихъ просто «убивателями слоновъ»; эти драконы доживаютъ до глубокой старости. Во времена Александра Великаго одинъ яндусъ выкормилъ и воспиталъ двухъ драконовъ, одного длиной въ 46, а другого въ 80 локтей, и Александръ Великій пожелалъ видѣть ихъ ради ихъ замѣчательной величины. У египтянъ, говоритъ Эліанъ, есть сказаніе, что въ правленіе царя Филадельфа изъ Эіопіи были привезены въ Александрію два живыхъ дракона, одинъ въ 14 и другой въ 13 локтей длины. Также во время Эвергета оттуда привезли трехъ, по 7 и по 9 локтей длиной; одного изъ нихъ съ большими издержками прилежно воспитывали и кормили въ храмѣ Эскулапа. Эліанъ сообщаетъ также, что Александръ Великій видѣлъ въ Индіи много рѣдкихъ животныхъ; между прочимъ, онъ нашелъ тамъ одного дракона, котораго однако пощадилъ по просьбѣ индусовъ, считавшихъ его священнымъ. Говорятъ, драконъ этотъ былъ въ 70 локтей длины; услышавъ приближеніе войска Александра, онъ такъ страшно зашвысталъ, что сильно перепугалъ всѣхъ. Онъ не вылезалъ совершенно изъ норы, а только высовывалъ голову. Глаза его по величинѣ равнялись большому щиту... Въ Эіопіи водится много драконовъ, особенно къ югу, вслѣдствіе близости солнца и сильнаго зноя; они по большей части длиной въ 20 локтей. Кромѣ того, драконовъ въ большомъ числѣ находятъ въ Индіи, Нубіи, Ливіи и тому подобныхъ жаркихъ странахъ; они иногда бываютъ въ 15 шаговъ длиной и по толщинѣ походятъ на бревна; но индійскіе по большей части крупнѣе и страшнѣе живущихъ въ Мавританіи... Они подраздѣляются на два рода: одни держатся въ горахъ и гористыхъ мѣстахъ, велики, проворны, быстры и имѣютъ

гребень; другіе же живутъ во мхахъ и болотахъ, лѣнны, спокойны, неповоротливы и у нихъ нѣтъ гребня... Также у нѣкоторыхъ имѣются крылья, а у нѣкоторыхъ нѣтъ. Августинъ пишетъ: драконъ часто лежитъ въ своей норѣ, но какъ только почувствуетъ сырость въ воздухѣ, вылѣзаетъ, взлетаетъ въ высоту при помощи своихъ крыльевъ и улетаетъ съ большимъ шумомъ. У нѣкоторыхъ драконовъ нѣтъ ногъ и они ползаютъ грудью по землѣ, у другихъ есть ноги... У однихъ ротъ маленькій, вродѣ трубочки; у другихъ же, водящихся въ Индіи, Мавританіи и подобныхъ мѣстахъ, ротъ такъ великъ, что драконы эти проглатываютъ цѣликомъ птицъ и другихъ животныхъ. Языкъ ихъ раздвоенъ. Зубы сильны и велики, остры и похожи на острую пилу. У драконовъ весьма острое зрѣніе и хорошей слухъ; они рѣдко спятъ, и оттого поэты называютъ ихъ стражами сокровищъ. Гдѣ живетъ драконъ, тамъ воздухъ портится отъ его свиста и ядовитыхъ испареній. Онъ питается всякой пищей—яблоками, травами, яйцами, птицами и разными животными. Онъ можетъ очень долго жить безъ пищи, и въ особенности долго воздерживается отъ нея, когда становится старъ и достигаетъ присущей ему величины. Но когда драконъ получаетъ пищу и набрасывается на нее; то не скоро насыщается. Во Фригии существуютъ драконы въ 10 шаговъ длины (какъ сообщаетъ Эліанъ); во время кормежки всѣ они выползаютъ изъ своихъ норъ къ рѣкѣ Риндако, упираются на хвостъ, поднимаютъ вверхъ все тѣло и вытягиваютъ вверхъ шею; такъ они ждуть съ раскрытой пастью пролетающихъ мимо птицъ и какъ только завидятъ ихъ, притягиваютъ къ себѣ своимъ дыханіемъ и проглатываютъ. Такъ они поступаютъ до захожденія солнца, послѣ чего прячутся и подкарауливаютъ возвращающійся домой скотъ, похищаютъ и калѣчатъ его, а также часто умерщвляютъ пастуховъ... Орелъ постоянно враждуетъ съ дракономъ, такъ какъ ѣстъ и змѣй... Кроме того, драконы ведутъ постоянную войну со слонами. Какъ сказано, въ Эіопіи водятся драконы въ 30 шаговъ длины; у нихъ нѣтъ особаго имени—ихъ просто называютъ «убивателями слоновъ». Когда подобный драконъ узнаетъ, что слоны объѣдаютъ нѣкоторыя деревья, онъ прилежно высматриваетъ это, залѣзаетъ на такое дерево, прикрываетъ свой хвостъ листьями и вѣтками, а переднюю часть тѣла свѣшиваетъ внизъ, какъ канатъ. Когда затѣмъ слонъ подойдетъ, чтобы объѣсть верхнія вѣтки, драконъ неожиданно бросается ему прямо въ глаза, вырываетъ ихъ и такъ опутываетъ и оплетаетъ слона, что онъ остается на мѣстѣ. Часто драконы залегаютъ около тропинокъ, по которымъ ходятъ слоны, и, спрятавшись, поджидаютъ ихъ; переднихъ пропускаютъ и нападаютъ на самаго задняго, чтобы первые не могли придти ему на помощь; связываютъ хвостами ему ноги, такъ что онъ не можетъ идти дальше, и такъ убиваютъ его. Плиній говоритъ, что драконы такъ велики, что могутъ обвить и стянуть все туловище слона; но иногда и слонъ растаптываетъ и убиваетъ дракона. Точно также, когда драконы нападутъ на слона и обовьютъ его, онъ трется о скалы или деревья, чтобы растереть и измолотъ своихъ враговъ; но тутъ драконъ употребляетъ другую хитрость—обвивается вокругъ ногъ слона, такъ что онъ не можетъ двигаться... У драконовъ мало или совсѣмъ нѣтъ яду, поэтому къ нимъ причисляются змѣи, которыя приносятъ болѣе вреда наносимыми ими ранами, чѣмъ ядомъ... По этому поводу надо замѣтить, что драконы по природѣ ядовиты, но въ нѣкоторыхъ странахъ находятъ и ядовитыхъ. Драконы, какъ и другія змѣи, не такъ вредны въ холодныхъ странахъ, какъ въ Африкѣ и подобныхъ жаркихъ мѣстахъ; поэтому Луканъ говоритъ: «вы, драконы, считавшіеся до сихъ поръ во всемъ свѣтѣ безвредными, въ Африкѣ однако вы особенно ядовиты и вредны»... Отправляясь на охоту за людьми или

животными, драконы всегда сначала ѣдятъ ядовитыя травы и корни; впрочемъ, они наносятъ большій вредъ хвостомъ, чѣмъ зубами, и кого они схватятъ хвостомъ, тотъ погибъ. Ихъ укусъ не силенъ и не болѣзненъ, такъ какъ у нихъ маленькій ротъ, и они при нападеніи не столько пользуются зубами, сколько проявляютъ свою силу хвостомъ...»

Если припомнить преувеличенія, въ которыхъ даже въ настоящее время повинны нѣкоторые путешественники, то, вѣроятно, придется примириться съ вышеприведеннымъ описаніемъ. Еще и теперь рассказываютъ объ удавахъ въ 50 футовъ длины; еще и теперь не стыдятся писать, что такія чудовища нападаютъ на лошадей, рогатый скотъ и другихъ животныхъ, душатъ ихъ и проглатываютъ, и если въ списокъ ихъ жертвъ не зачисляютъ слоновъ, то можетъ быть только потому, что забыты древнія исторія. Возможно, что прежде удавы достигали большей величины, чѣмъ теперь, когда противъ нихъ выступаетъ лучше вооруженный человѣкъ и укорачиваетъ ихъ жизнь своимъ страшнымъ оружіемъ; но никогда не бывало такихъ змѣй, какихъ описываютъ намъ древніе. По собственному опыту я знаю, какъ необыкновенно трудно правильно судить о длинѣ змѣй. Очень сильно ошибается даже привычный человѣкъ, проверяющій позже свои оцѣнки точнымъ измѣреніемъ. Уже при маленькихъ змѣяхъ, длиной въ метръ, слишкомъ легко прибавить имъ лишнюю треть, даже когда видишь ихъ спокойно лежащими передъ собой и поэтому имѣешь достаточно времени для запоминанія ихъ вида. Со змѣями же въ 3 метра длины трудности и ошибки оцѣнки удваиваются и утраиваются; когда же подобная змѣя двигается, просто невозможно точно оцѣнить ея длину. Не сумѣю сказать, отчего это собственно происходитъ, но могу лишь утверждать на основаніи фактовъ, что всякій пытающійся оцѣнить на глазъ длину змѣи, постоянно ошибается въ большую сторону, и постоянно снова впадаетъ въ ту же ошибку, даже нѣсколько разъ убѣдившись въ ней. Самообманъ открывается лишь когда приложишь къ змѣѣ точную мѣру. Поэтому неудивительно, что живое воображеніе туземцевъ южныхъ странъ еще менѣе нашего способно удерживаться въ границахъ и вдвое и втрое преувеличиваетъ настоящую величину змѣй. Иной индусъ или южноамериканецъ съ видомъ полнѣйшей достовѣрности рассказываетъ о видѣнномъ или убитомъ имъ удавѣ въ 50 футовъ длины; онъ заявляетъ натуралисту, спокойно измѣряющему убитую змѣю въ 6 метровъ, что она далеко превосходитъ по величинѣ всѣхъ видѣнныхъ имъ змѣй того же рода.

Ложноногія (Boidae. Stummelfüßer), наше второе семейство, къ которому принадлежатъ гигантскія или исполинскія змѣи, отличаются слѣдующими признаками: голова болѣе или менѣе явственно отдѣлена отъ туловища, трехугольной или продолговато-яйцевидной формы, сверху внизъ сплюснута, спереди по большей части заострена, пасть болѣе или менѣе широко разсѣчена; тѣло сильно и мускулисто, съ боковъ сжато, вдоль средней линіи спины часто углублено, а съ боиохъ боковъ возвышенно, соотвѣтственно проходящимъ здѣсь сильнымъ мускуламъ; хвостъ относительно коротокъ; ложныя ноги большею частью и снаружи обозначены съ каждой стороны тупой роговой шишкой (шпорцемъ) вблизи заднепроходнаго отверстія. Голова покрыта иногда табличками, иногда чешуйками; туловище—маленькими шестиугольными чешуйками; брюхо—короткими, но широкими щитками, которые къ хвосту или слѣдуютъ одинъ за другимъ нераздѣльными, или идутъ двумя рядами. Верхняя челюсть, небная кость и крыловидныя кости подвижны. При внимательномъ анатомированіи обнаруживаются явственные зачатки

таза, состоящие из 4 костей—подвздошной, лонной, сѣдалищной и бедренной. Обѣ челюсти и небныя кости усажены сильными зубами, такъ расположенными по величинѣ, что самымъ большимъ является третій или четвертый зубъ въ ряду, а остальные къзадѣ отъ него идутъ уменьшаясь. Относительно маленькіе глаза имѣютъ вертикальный зрачекъ. Поздри открываются кверху. Оба легкихъ хорошо развиты.

За исключеніемъ причисляемыхъ къ нашему семейству полозовъ, признаки которыхъ я совершенно пропущу при общемъ описаніи, ложноногія живутъ только въ полосѣ между тропиками, по крайней мѣрѣ не заходятъ далеко за эти предѣлы. Неизвѣстно, была ли прежде ихъ область распространенія шире. Въ настоящее время они населяютъ всѣ жаркія и богатыя водой страны Стараго и Новаго Свѣта, преимущественно же большіе лѣса, охотнѣе и чаще всего такіе, которые прорѣзываются рѣками или вообще богаты водой. Но нѣкоторые виды ложноногихъ встрѣчаются и въ сухихъ мѣстностяхъ. Многія ложноногія оказываются настоящими водяными животными, покидая рѣки, озера и болота, для того лишь, чтобы грѣться на солнцѣ и спать; охотятся же они преимущественно въ водѣ или на ея берегахъ. Другія же, повидимому, избѣгаютъ воды и до нѣкоторой степени боятся ея. Строеніе глазъ ложноногихъ заставляетъ признать ихъ за ночныхъ животныхъ; наблюденія надъ содержимыми въ неволѣ не оставляютъ никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ. Во всякомъ случаѣ, въ ихъ родныхъ лѣсахъ исполнскихъ змѣй видятъ двигающимися и днемъ, и иногда онѣ въ это время добываютъ себѣ и пищу. Но настоящее ихъ оживленіе начинается съ наступленіемъ сумерекъ и кончается съ разсвѣтомъ. Однако, относительно этого имѣется еще мало наблюденій, но лишь потому, что темнота затрудняетъ или дѣлаетъ невозможнымъ изслѣдованіе жизни исполнскихъ змѣй на свободѣ. Напротивъ того, относительно содержащихся въ неволѣ скоро замѣчаютъ, что онѣ совершенно ночныя животныя. Насколько онѣ лѣнны и любятъ покой днемъ, настолько же онѣ веселы и живы ночью. Только ночью начинаютъ онѣ двигаться; ночью же на свободѣ онѣ блуждаютъ по своей области и отправляются на охоту. Втеченіе дня ихъ видятъ отдыхающими или грѣющимися на солнцѣ, свернувшись самымъ различнымъ образомъ.

Однѣ избираютъ для этого отдѣльныя скалы, сухія мѣста или выдающіяся изъ воды вѣтви; другія взлѣзаютъ на деревья, крѣпко прицѣпляются къ ихъ вѣтвямъ своимъ цѣпкимъ хвостомъ, свиваются клубкомъ или свѣшиваются глубоко внизъ переднюю часть тѣла; третьи отыскиваютъ чистое мѣсто въ заросляхъ, на краяхъ скалъ, на скатахъ горъ и спокойно ложатся здѣсь, болѣе или менѣе вытянувшись или свернувшись въ плоскую спираль. Всѣ онѣ двигаются елико возможно меньше, собственно лишь въ случаяхъ опасности или, если онѣ долго понапрасну охотились и имъ теперь подвергается добыча. Тогда клубокъ вдругъ разматывается и могучее пресмыкающееся бросается со всей своей силой на замѣченную жертву, схватываетъ ее зубами, обвиваетъ и неминуемо душитъ. Мнѣ такъ часто приходилось наблюдать это, что я могу описать употребляемые змѣей приемы на основаніи личныхъ наблюденій. Сверхъ того, нашъ иллюстраторъ возымѣлъ счастливую мысль изобразить исполнскихъ змѣй, о которыхъ подробно говорится ниже, въ положеніяхъ, принимаемыхъ ими въ покоѣ, а также на охотѣ, когда онѣ увидятъ добычу, къ ней подкрадываются, умерщвляютъ и проглатываютъ.

Какъ только исполнская змѣя замѣчаетъ беззаботно приближающуюся къ ней добычу, хотя бы и днемъ, она поднимаетъ голову надъ тупымъ конусомъ, свернувшись въ который она предавалась покою. Служенные на свѣтѣ въ узкую

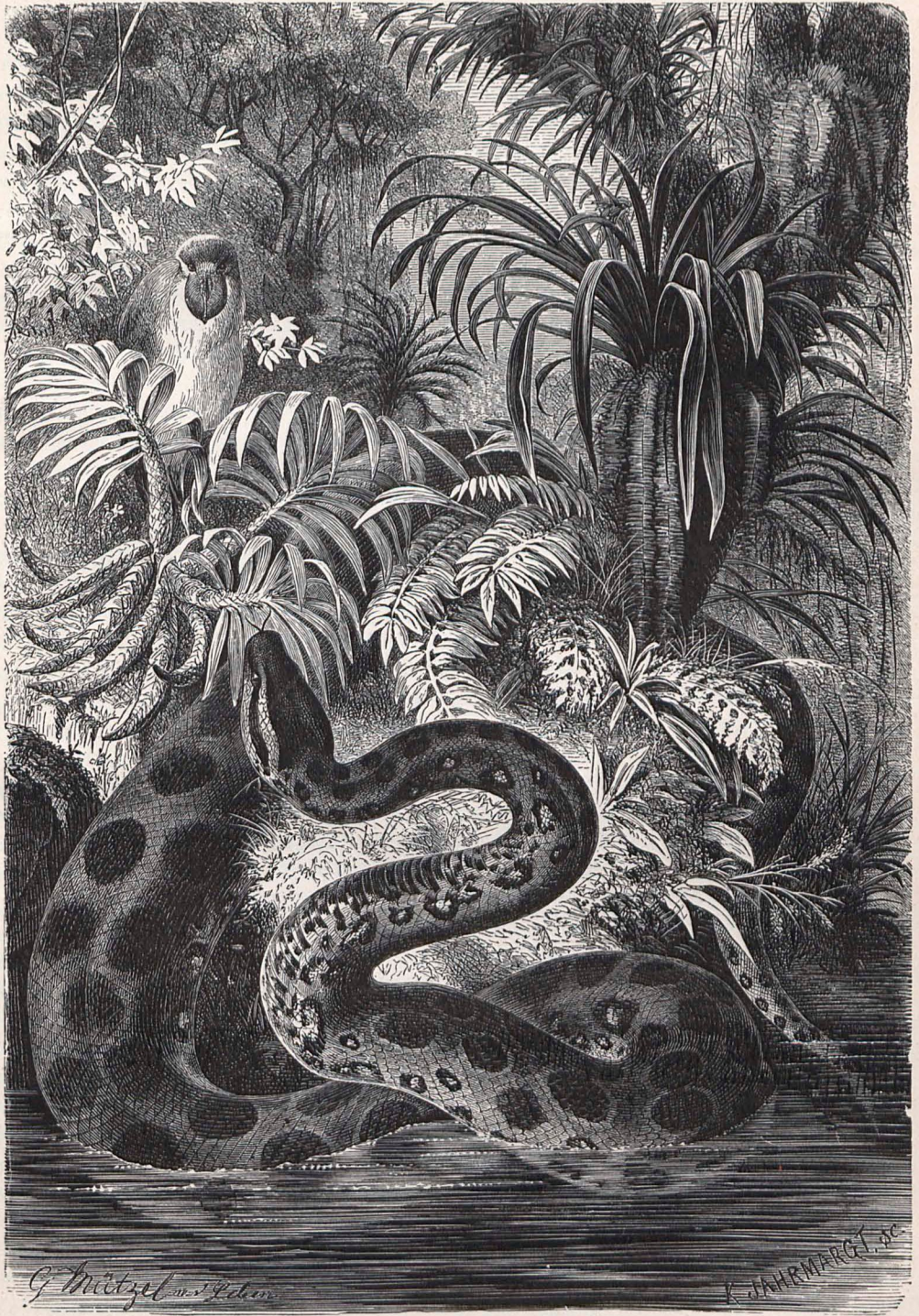
щель зрачки ея маленькихъ глазъ расширяются, языкъ начинаетъ двигаться, появляясь и исчезая, поворачивается и вертится то въ ту, то въ другую сторону; конецъ хвоста также приходитъ въ движеніе, выражая пробуждающуюся хищность, какъ у подкарауливающей кошки. Именно это мгновеніе избралъ Мютцель для изображенія обыкновеннаго и стройнаго удава. Тщательно осмотрѣвъ жертву, что можетъ занять болѣе или менѣе продолжительное время, змѣя развивается и начинаетъ преслѣдованіе, какъ это видно на рисункѣ анаконды. Медленно тянется передняя часть тѣла поверхъ колець, въ которыя была свернута покоившаяся змѣя; за передней частью медленно и непрерывно слѣдуетъ все большая и большая часть червеобразнаго тѣла. Всѣ мускулы работаютъ, всѣ ребра упираются въ землю, подвигая впередъ тяжелую массу; вѣчно двигающійся языкъ изслѣдуетъ все встрѣчающееся на пути, а глаза непрерывно слѣдятъ за жертвой: все ближе и ближе подбирается къ ней хищникъ. Жертва нисколько не подозрѣваетъ угрожающей ей опасности, потому что не узнаетъ въ непрерывно приближающейся къ ней змѣѣ страшнаго врага, отъ котораго черезъ нѣсколько мгновеній не будетъ спасенія. Озадаченная незнакомымъ и, вѣроятно, въ высшей степени поразительнымъ явленіемъ, жертва продолжаетъ сидѣть или самое большее дѣлаетъ нѣсколько шаговъ или скачковъ, словно желая дать дорогу змѣѣ, потомъ снова успокаивается. Жертва не только допускаетъ приходящаго все въ большее и большее возбужденіе хищника складывать шею въ кольца непосредственно передъ ней, чтобы выгадать длину, необходимую для нападенія, но часто продолжаетъ сидѣть даже тогда, когда змѣя настолько приблизилась, что трогаетъ свою добычу концами языка. При этомъ кролики, какъ я постоянно наблюдалъ, тоже и съ своей стороны любопытно обнюхиваютъ змѣю, словно желая отвѣтить на ея прикосновенія. Вдругъ голова змѣи неожиданно выбрасывается впередъ; одновременно, но не ранѣе, раскрывается пасть,—и прежде чѣмъ жертва сообразитъ, что ей угрожаетъ, она схвачена и сжата однимъ или двумя кольцами тѣла змѣи. Это происходитъ съ такой молніеобразной быстротой, что зритель едва получаетъ настоящее представленіе о томъ, какъ оно дѣлается. Змѣя схватываетъ животное, какъ показываетъ рисунокъ собачьеголоваго удава, и одновременно обвивается вокругъ него передней частью тѣла, поворачивая впередъ свою голову, вцѣпившуюся въ добычу и описывая ея столько круговъ, сколько колець змѣя хочетъ наложить на свою жертву. Не проходитъ секунды съ начала нападенія, какъ схваченная жертва уже находится въ смертельныхъ тискахъ. Лишь рѣдко замѣчается вскрикиваніе жертвы и, вѣроятно, оно происходитъ только вслѣдствіе страшнаго давленія, выжимающаго содержащейся въ легкихъ воздухъ черезъ гортань. По выраженію морды обвитаго животнаго видно, какъ непреодолимо это давленіе: глаза выходятъ изъ орбитъ, губы болѣзненно растягиваются, заднія ноги, иногда не захваченныя кольцами, судорожно подергиваются. Но уже черезъ нѣсколько мгновеній исчезаетъ сознаніе и, смотря по живучести животнаго, раньше или позже ослабѣваетъ сердцебиеніе; наконецъ, оно совершенно исчезаетъ и наступаетъ смерть.

Напрасно стали бы мы пытаться теперь развернуть змѣю. Ея страшная мускульная сила не поддается усиліямъ нѣсколькихъ людей. «Я пробовалъ», замѣчаетъ Хуттонъ, «размотать исполинскую змѣю въ два метра длины, обвившую куропатку, но не добился и тѣни успѣха, хотя напрягалъ всѣ свои силы». Но змѣя точно соразмѣряетъ силу, потребную для умерщвленія добычи, и никогда не выпуститъ ее изъ своихъ тисковъ раньше, чѣмъ вполне убѣдится въ ея смерти. Небольшія исполинскія змѣи обвиваются вокругъ малыхъ жертвъ описаннымъ образомъ, большія же часто зажимаютъ ихъ лишь между двумя изгибами

передней части тѣла и душать ихъ, ложась на нихъ, т. е. заставляя дѣйствовать собственную тяжесть; напротивъ того, большихъ животныхъ они всегда обвиваютъ, какъ показываетъ рисунокъ тигроваго питона. Изъ одного сообщенія Хуттона поразительно выясняется, какъ точно исполнскія змѣи различаютъ разную добычу. Этотъ натуралистъ, съ наблюденіями котораго вполнѣ согласуются и мои, однажды пожертвовалъ большого и сильнаго варана (*Varanus niloticus*) одному пойманному имъ тигровому питону. Ящерица попыталась убѣжать и при этомъ вскочила на спину своего врага. Хотя очевидно неприятно затронула острыми когтиами варана змѣя продолжала спокойно лежать, но пристально устала глаза на сородича. Черезъ нѣкоторое время варанъ сошелъ у ней со спины, словно разсмотрѣвъ плохой выборъ мѣста, и убѣжалъ на другой конецъ клѣтки. Змѣя распустила свои кольца и приготовилась къ нападенію; варанъ повернулся къ ней, такъ что Хуттонъ уже сталъ надѣяться, что загорится битва. Но тутъ змѣя бросилась впередъ и съ такой необычайной быстротой и непреодолимостью обвинилась вокругъ варана, что его шея дважды хрустнула и основаніе хвоста было прижато къ концу носа. Цѣлый часъ спустя враги еще оставались свившимися вмѣстѣ; удивленный этимъ, Хуттонъ взялъ палочку и попробовалъ заставить змѣю выпустить добычу, но скоро увидѣлъ причину ея неподвижности: варанъ еще былъ живъ, шевелилъ ногами, и оказался такъ живучъ, что питонъ могъ развернуться не раньше 3¼ часовъ. Змѣя знала въ точности, сколько времени ей слѣдуетъ продолжать душить. Млекопитающее издыхаетъ самое позднее черезъ 10 минутъ, обыкновенно же черезъ 5 минутъ, и вскорѣ послѣ того пожирается: варанъ же требуетъ въ двадцать разъ большаго напряженія силъ и все-таки нисколько не утомляетъ змѣю.

Когда змѣя убѣдится въ смерти своей жертвы, она осторожно развивается и пробуетъ добычу языкомъ, обыкновенно еще не выпуская ее совершенно изъ своихъ колець, какъ это можно видѣть на рисунокѣ южноафриканскаго питона.

Я никогда не наблюдалъ, чтобы передъ проглатываніемъ добычи змѣя играла ею, какъ это утверждали древніе и повторяли новѣйшіе писатели. Мнѣ всегда казалось, что ощупываніе языкомъ имѣетъ цѣлью лишь отысканіе подходящаго мѣста для начала проглатыванія. Этимъ мѣстомъ является голова, потому что большой кусокъ нищи, долженствующій быть проглоченнымъ цѣлкомъ, лишь тогда представляетъ наименьшее сопротивленіе, когда змѣя сначала забреть въ свою пасть голову. Послѣ продолжительнаго ощупыванія языкомъ, змѣя снова схватываетъ мертвое животное за голову, растягиваетъ какъ можно шире пасть и начинаетъ утомительную работу проглатыванія. Змѣя поочередно выдвигаетъ одну за другую половины челюсти, каждый разъ запуская въ добычу свои загнутые назадъ зубы, чтобы прочно удерживать ее, и постепенно все дальше проталкиваетъ ее внутрь. При этомъ видимо нижняя челюсть расширяется сначала книзу, потомъ все болѣе и болѣе впереди, въ то время какъ подвижныя связки все шире растягиваются. Прежняя красота головы совершенно исчезаетъ; лишь верхняя часть приблизительно сохраняетъ свой видъ; нижняя же челюсть и кожа глотки расширяются, какъ у пеликана, въ мѣшокъ и, какъ изображаетъ рисунокъ іероглифоваго питона, наконецъ походятъ на широкій кошель съ твердымъ кольцомъ на верхнемъ краю. Чѣмъ сильнѣй растягивается нижняя челюсть, тѣмъ больше выступаетъ дыхательное горло. Всѣ железы обильно выделяютъ слюну и смачиваютъ волоса или перья жертвы, насколько она вошла въ заднюю часть рта. У болѣе крупныхъ животныхъ лопатки, а у птицъ крылья причиняютъ еще особенныя затрудненія. Но какъ только змѣя справится съ ними, остальное

УДАВЪ АНАКОНДА.

тѣло добычи поразительно быстро подвигается дальше, пока наконецъ исчезаютъ ноги и хвостъ. Тогда голова змѣи снова принимаетъ свой прежній видъ. Раздвинувшіеся суставы стягиваются; змѣя, равномерно зѣвая, нѣсколько разъ разѣваетъ и закрываетъ пасть; затѣмъ все снова оказывается въ порядкѣ. Въ это время пища дальше и дальше двигается по пищеводу, какъ ясно видно снаружи, пока не достигнетъ желудка. Еще раньше, чѣмъ она войдетъ сюда, змѣя можетъ, въ случаѣ, если еще голодна, поймать вторую жертву; если послѣ долгаго поста змѣя получить въ свое распоряженіе столько добычи, сколько пожелаетъ, то легко можетъ случиться, что она пожретъ подъ рядъ 6—8 животныхъ, ростомъ съ кролика или голубя. Если привязать, какъ это принято дѣлать въ нѣкоторыхъ зоологическихъ садахъ и странствующихъ звѣринцахъ, къ протягиваемой ей живой жертвѣ еще двѣ или три мертвыхъ равной величины, то змѣя сразу проглатываетъ весь рядъ; если ей подають живыхъ животныхъ одно за другимъ, то она убиваетъ и пожираетъ ихъ по очереди. Управившись съ пищей, змѣя каждый разъ съ удовольствіемъ шевелитъ языкомъ и буквально облизываетъ себѣ губы. Несмотря на необыкновенную способность проглатыванія исполинской змѣи, растяжимость ея челюстей все-таки имѣетъ свои границы. Разныя страшныя исторіи, которыя рассказывались объ удавахъ и которымъ вѣрили, невѣрны: ни одна исполинская змѣя не въ состояніи проглотить взрослога человѣка, быка, лошадь, большого оленя; уже проглатываніе живснаго, величиной съ козулю, причиняетъ немалыя трудности даже гигантамъ этой семьи. Въ высшей степени излюбленъ разсказъ, что исполинскія змѣи справляются съ большими животными, ожидая, пока та часть тѣла, которую они не въ состояніи проглотить, придетъ въ гніеніе; къ этому прибавляютъ, что слюна змѣи быстро причиняетъ гнилостное разложеніе тѣла животныхъ. Положимъ, можетъ случиться, что содержаыя въ неволѣ змѣи, постепенно приученныя ѣсть и мертвыхъ животныхъ, оставляють долго лежать свою пищу, когда онѣ не голодны, и только тогда проглатываютъ ее, когда уже началось ея разложеніе. Но подобныя наблюденія не могутъ дать понятія о жизни животного на свободѣ. Напротивъ того, совершенно вѣрно, что исполинскія змѣи, послѣ обильной ѣды впадаютъ въ состояніе замѣчательной вялости, которое продолжается, пока большая часть пищеваренія окончится. Въ старинныхъ путешествіяхъ рассказываются сказки, какъ живущія на свободѣ исполинскія змѣи во время перевариванія пищи продолжаютъ спокойно оставаться на мѣстѣ даже тогда, когда къ нимъ приближаются люди; утверждали даже, что, принявъ ихъ за упавшіе древесныя стволы, люди садились на нихъ и только тогда онѣ медленно уползали. Подобныя розказни сами себя опровергаютъ, и мнѣ непонятно, какъ могли давать имъ вѣру въ началѣ и даже въ серединѣ нашего столѣтія. Сколько бы ни съѣла исполинская змѣя, все-таки она не становится такъ вяла, чтобы спокойно допустить приближеніе человѣка, не дѣлая хотя бы попытки къ оборонѣ или бѣгству. Наступить на нихъ—дѣло возможное, но садиться—конечно нельзя. На содержащихся въ неволѣ можно наблюдать, какъ необычайно сильно дѣйствуетъ ихъ пищевареніе. Самое позднее черезъ 4 дня крупѣйшее млекопитающее изъ употребляемыхъ для корма, совершенно разлагается; лишь нѣкоторые остатки волосъ извергаются вмѣстѣ съ каломъ, и съ этой минуты змѣя снова обнаруживаетъ аппетитъ. По ей не вредитъ, если приходится голодать недѣли и даже мѣсяцы, разумѣется предположивъ, что неопытный воспитатель не заставлялъ ее уже раньше почти непрерывно поѣстаться.

Относительно спариванія исполинскихъ змѣй на свободѣ, сколько мнѣ извѣстно, еще не собрано никакихъ точныхъ наблюденій. Что касается

размноженія, то извѣстно, что однѣ принадлежатъ къ живородящимъ пресмыкающимся, другія кладутъ яйца, изъ которыхъ черезъ продолжительное время вылупляются дѣтеныши, при дѣятельномъ участіи матери, вообще не наблюдающемся ни у какихъ другихъ пресмыкающихся. У содержимыхъ въ неволѣ неоднократно наблюдали, какъ я дальше расскажу подробнѣе, что мать прикрывала снесенныя ею яйца своимъ тѣломъ и до нѣкоторой степени высиживала ихъ; поэтому вполне правдоподобно слѣдующее сообщеніе двухъ индусовъ. «Въ мартѣ 1838 года», пишетъ Абботъ, «названные люди нашли вблизи Акіаба въ Акаранѣ подъ обломкомъ скалы большую исполинскую змѣю женскаго пола, около 4 п. длины, лежащую на гнѣздѣ, въ которомъ было 48 яицъ. Змѣя очевидно насиживала ихъ и дѣлала это и позже въ неволѣ, когда ей въ клѣткѣ были отданы яйца. Втеченіе всего времени она ничего не ѣла. По истеченіи 3 мѣсяцевъ яйца еще не были высижены; но при изслѣдованіи одного изъ нихъ я нашелъ вполне развитаго сильнаго дѣтеныша, который жилъ бы, если бы его не убили». Заботится ли мать о дѣтенышахъ послѣ ихъ вылупленія или предоставляетъ ихъ своей участи—этого я не могу сказать. Тѣ виды, которые рождаются живыми, повидимому такъ же мало, какъ и другія пресмыкающіеся, заботятся о своемъ потомствѣ, какъ только оно благополучно появится на свѣтъ. Дѣтеныши, длиной почти въ метръ и толщиной почти съ большой палецъ, начинаютъ послѣ вылупленія образъ жизни родителей, но еще долгое время держатся вмѣстѣ маленькими стаями, одни на землѣ, другіе ютятся въ вѣтвяхъ деревьевъ. Ихъ ростъ идетъ сначала очень быстро, а позже все болѣе замедляется и наконецъ замѣтно не увеличивается. Рожденные въ неволѣ питоны, къ которымъ я еще возвращусь, всего быстрѣй росли въ первые четыре года своей жизни, съ этого времени медленнѣе, а съ 14 лѣтъ увеличеніе стало незамѣтнымъ; поэтому слѣдуетъ принять, что исполинскія змѣи въ 6—7 п. длиной должны имѣть возрастъ по крайней мѣрѣ вдвое большій.

Исполинскія змѣи обыкновенно убѣгаютъ отъ человѣка, хотя бываютъ и исключенія. Въ Бразиліи почти всѣ убѣждены, что эти змѣи постоянно выказываютъ подобающее почтеніе къ властителю вселенной, т. е., проворно уходятъ при его появленіи; но иногда происходитъ и обратное, потому что онѣ отлично знаютъ свою силу и раздражительнѣе многихъ другихъ змѣй. Это верѣдко можно наблюдать на содержимыхъ въ неволѣ, и иногда конечно то же можетъ случаться и на свободѣ. Когда Гейглинъ съ своими спутниками шелъ по абиссинской степи въ темную бурную ночь, онъ былъ принужденъ какъ можно быстрѣе сдѣлать маленькій обходъ, потому что какъ разъ на дорогѣ лежала змѣя, шипѣвшая и шумѣвшая при ихъ приближеніи; вѣроятно это была исполинская змѣя; въ темную ночь было невозможно ее разглядѣть. Шедшіе позже люди нашли ее еще на томъ же мѣстѣ и въ такомъ же настроеніи. Что такъ настроенная змѣя легко можетъ иногда напасть и на человѣка, въ этомъ, конечно, нельзя сомнѣваться послѣ слѣдующихъ сообщеній добросовѣстныхъ путешественниковъ: «Одинъ чловѣкъ въ Буру, жившій недалеко отъ меня», пишетъ Уоллесъ, «показалъ мнѣ на своей ляшкѣ рубцы, которые были ему нанесены схватившей его змѣей въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ его домомъ. Змѣя была достаточно сильна, чтобы схватить въ пасть ляшку человѣка, и, вѣроятно, умертвила-бы его и проглотила, если-бы на его крикъ не прибѣжали сосѣди и не убили чудовища своими косарями». Принцъ Морицъ Пассаускій, бывшій бразильскій штатгальтеръ, утверждаетъ, что видѣлъ, какъ на его глазахъ была проглочена змѣей одна голландка, а въ одномъ путешествіи въ Индіи сообщается, что одинъ матросъ испыталь-бы

такую-же участь, если бы его товарищи во время не освободили его изъ колець исполинской змѣи. Шомбургкъ также рассказываетъ подобную исторію, которую я передамъ ниже. Наконецъ епископъ Паллегуа утверждаетъ, что одна исполинская змѣя проглотила спящее дитя около кровати его матери. Я такъ же мало буду отрицать послѣднее, какъ и сообщеніе Шомбургка, но самымъ рѣшительнымъ образомъ сомнѣваюсь во всѣхъ остальныхъ исторіяхъ и въ другихъ съ подобнымъ-же содержаніемъ.

Если бы исполинская змѣя дѣйствительно обвилась вокругъ человѣка съ намереніемъ сожрать его, опъ, конечно, во всякомъ случаѣ погибъ-бы; какъ уже справедливо замѣчаетъ Хуттонъ, сила свивающейся змѣи такъ велика, что едва допускаетъ возможность обороняться. Но что касается проглатыванія людей, это мнѣ кажется еще менѣе правдоподобнымъ, чѣмъ нападеніе, потому что растяжимость челюстей имѣетъ свои предѣлы, какъ я уже замѣчалъ выше, и ни одинъ изъ многихъ рассказовъ о томъ, что исполинскія змѣи охотятся и за людьми, не имѣетъ такихъ поручителей, чтобы могъ считаться достовернымъ. Во всякомъ случаѣ достоверно извѣстно, что ни одинъ южноамериканскій охотникъ и также ни одинъ разумный смыслящій въ охотѣ туземецъ въ Африкѣ не боятся серьезно исполинскихъ змѣй. Ихъ ревностно преслѣдуютъ, потому что многообразными способами пользуются ихъ мясомъ, жиромъ и кожей. Мясо, правда, употребляется въ пищу лишь туземцами; но жиру приписываютъ всевозможныя цѣлебныя свойства, а кожу обрабатываютъ для разныхъ украшеній. Самая охота въ настоящее время производится почти исключительно съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Выстрѣла дробью въ голову вполнѣ достаточно, чтобы умертвить исполинскую змѣю, потому что сравнительно съ ихъ величиной и силой они гораздо менѣе живучи, чѣмъ другіе виды змѣй.

Исполинскихъ змѣй часто также ловятъ живьемъ; ловля эта не представляетъ особыхъ трудностей: ихъ или преслѣдуютъ и ловятъ на бѣгу, или ставятъ передъ ихъ убожищемъ силки, такъ настороженные, что они пропускаютъ только тонкую голову, но не туловище, и тѣмъ крѣпче затягиваются, чѣмъ сильнѣй усилія пытающагося освободиться животнаго. Нечего бояться, что оно удавится, потому что, какъ было замѣчено выше, всѣ змѣи могутъ необыкновенно долго выдерживать, не дыша. Въ настоящее время неизвѣстны громадныя приспособленія для ловли исполинскихъ змѣй, описываемыя древними авторами; эти рассказы, вѣроятно знакомые не всѣмъ моимъ читателямъ, слишкомъ характерны для тогдашнихъ воззрѣній, чтобы я могъ совершенно обойти ихъ молчаніемъ. Особенно выдается подробное и живое описаніе, оставленное намъ Діодоромъ Сицилійскимъ.

«Люди, живущіе близъ пустынь и длиныхъ мѣстностей земли негровъ, рассказываютъ, что тамъ водятся различныя виды змѣй невѣроятной величины. Цѣныя даже утверждаютъ, что видали змѣй въ 100 локтей длины, но эти заявленія кажутся и мнѣ, и другимъ честнымъ людямъ неправдой. Къ этому прибавляютъ, что такія змѣи, свернувшись, издали похожи на холмъ. Если это и преувеличеніе, то съ другой стороны я расскажу о большой змѣѣ, которую дѣйствительно видѣли и привезли въ специально для нея выстроенномъ помѣщеніи въ Александрію. Дѣло было такъ: Итоломей II, страстно любившій охоту на слоновъ и щедро награждавшій тѣхъ, кто ловилъ ему разныхъ могучихъ животныхъ, побудилъ многихъ охотниковъ рѣшиться рискнуть жизнью, чтобы поймать живую змѣю и живьемъ привезти ее въ Александрію. Охотники замѣтили одну подобную, имѣвшую въ длину 30 локтей; она жила у стоячей воды и здѣсь по большей части ле-

жала неподвижно свернувшись, пока не приходило какое-нибудь животное, чтобы утолить свою жажду. Тогда змѣя вдругъ бросалась, схватывала жертву пастью, и такъ обвивала ее своими кольцами, что та не могла шевельнуться. Такъ какъ змѣя была очень вяла, то охотники надѣялись справиться съ ней при помощи веревокъ и цѣпей. Они дерзко отправились на это предпріятіе. Когда они подошли ближе, увидѣли огненные глаза и вертящійся во всѣ стороны языкъ змѣи и услышали возбуждающій ужасъ шумъ, который змѣя производила своими жесткими чешуями, когда они увидѣли громадныя зубы, ужасную пасть—то ими овладѣлъ страхъ и ужасъ. Но все-таки они отважились, какъ ни были испуганы, набросить ей на хвостъ веревку. Тогда чудовище обернулось со страшнымъ шипѣніемъ, схватило передняго охотника пастью за голову и живьемъ проглотило его. Затѣмъ, змѣя поймала на бѣгу втораго охотника, обвилась вокругъ него и крѣпко держала его. Всѣ остальные спаслись бѣгствомъ въ величайшемъ смятеніи. Но охотники, побуждаемые надеждой на большое вознагражденіе, не бросили своей затѣи изъ-за неудачной попытки. Теперь они попытались достичь хитростью того, чего не удалось добиться силой. Они сплели изъ толстыхъ прутьевъ мережу (корзину для ловли рыбы) такого объема, чтобы въ ней могло помѣститься все чудовище. Они выслѣдили нору, въ которую змѣя пряталась, и замѣтили часъ, когда она отправлялась на добычу и возвращалась. Когда змѣя вышла, они забили нору большими камнями и землей и выкопали подлѣ яму, въ которой такъ расположили мережу, что отверстие было обращено кнаружи. Дорогу, по которой обыкновенно змѣя возвращалась, заняли стрѣлками изъ лука, пращниками, многими всадниками и т. п. Когда гадина приблизилась, она подняла голову выше всадниковъ и никто не отважился подойти къ ней. Но когда со всѣхъ сторонъ стали стрѣлать изъ луковъ и метать камни, всадники начали скакать туда и сюда, залаяла цѣлая стая собакъ, зазвучали трубы—тогда змѣя испугалась и бросилась по дорогѣ къ своей норѣ. Чѣмъ ближе подходила она, тѣмъ сильнѣе дѣлался шумъ отъ оружія, криковъ и трубныхъ звуковъ. Змѣя нашла закрытымъ входъ въ свое жилище и бросилась въ мережу; всадники поспѣшили къ ней и заперли корзину, прежде чѣмъ попавшая змѣя могла снова найти выходъ. Тогда мережа была вытащена изъ ямы и поднята рычагами. Змѣя страшно бѣсилась въ тѣсномъ помѣщеніи, раздробляла прутья своими зубами и билась во всѣ стороны, такъ что несшіе ее каждую минуту ожидали ея прорыва. Чтобы отогнать ее отъ прутьевъ, охотники начали колотить ее въ хвостъ, и этимъ отвлекли ея вниманіе къ хвосту. Такъ наконецъ удивительное животное было доставлено въ Александрію и охотники получили отъ царя заслуженное вознагражденіе. Чудовище было усмирено голодомъ и постепенно сдѣлалось удивительно ручнымъ. Птоломей держалъ змѣю у себя и показывалъ ее посѣщавшимъ его царство чужеземцамъ какъ наибольшую рѣдкость въ немъ».

Ниже я приведу описаніе ловли одной индійской исполинской змѣи, изъ котораго видно, что подобное животное и въ настоящее время можетъ еще пугать робкихъ людей, отчего вышеприведенный разговоръ Діодора становится понятнѣе.

Въ южной Азии и въ Америкѣ очень часто держатъ въ неволѣ исполинскихъ змѣй, пользуясь ими, какъ искусными крысоловами, при чемъ имъ даютъ большую или меньшую свободу въ домѣ и надворныхъ постройкахъ. Относительно этого Ленцъ сообщаетъ слѣдующее со словъ нѣкоторыхъ изъ своихъ учениковъ, отцы которыхъ жили въ Бразиліи въ качествѣ купцовъ. «При собираніи каучука негры иногда ловятъ удава и приносятъ его съ собой домой. Здѣсь удава сажаютъ въ ящикъ, который днемъ запираютъ; ночью же змѣѣ даютъ полную свободу для

ловли крысъ и мышей. Передъ запираніемъ хлѣбнаго амбара одинъ изъ негровъ открываетъ ящикъ змѣи вынимаетъ ее и часто, сначала долго поигравъ съ ней, выпускаетъ ее въ помѣщеніе, потомъ чиститъ ящикъ, снова наполняетъ водой находящійся въ немъ сосудъ и уходитъ, заперевъ за собой дверь амбара. Когда змѣя очиститъ его отъ крысъ, то негры, съ особенной любовью ухаживающіе за ней, достаютъ ей мертвыхъ мышей и крысъ; когда же и ихъ нѣтъ, змѣѣ даютъ нарѣзанное сырое мясо, приучивъ ее сначала къ такой пищѣ. Утромъ, послѣ отпирания амбара, туда сначала входитъ негръ, снова ловитъ змѣю и снова сажаетъ ее въ ящикъ». Такія, уже привыкшія къ неводѣ исполинскія змѣи гораздо лучше выносятъ пересылку въ Европу, чѣмъ только что пойманныя и при мало-мальски удовлетворительномъ уходѣ выживаютъ въ клѣткахъ по многу лѣтъ. Въ Европѣ, какъ и въ Сѣверной Америкѣ ихъ всегда съ охотой покупаютъ содержатели звѣринцевъ, потому что странствующій звѣринецъ безъ исполинской змѣи потерялъ бы свою главнѣйшую приманку. Съ ужасомъ смотритъ простодушный поселянинъ или полный страха любознательный горожанинъ, какъ сторожъ, окончивъ свое неизбѣжное повѣствованіе о всякихъ животныхъ, и благополучно собравъ подачку на водку, идетъ къ длинному ящику, вынимаетъ завернутого въ шерстяныя одѣяла удава, кладетъ его себѣ на плечи, обвиваетъ вокругъ шеи и вообще такъ обращается со страшилищемъ, что у нѣкоторыхъ зрителей волосъ встаетъ дыбомъ. Къ счастью для сторожей звѣринцевъ, которые безъ исполинскихъ змѣй лишились бы крупнѣйшей части своихъ доходовъ, обхожденіе съ «драконами» не такъ опасно, какъ воображаетъ толпа. Приспособленія для содержанія змѣй во всѣхъ ярмарочныхъ звѣринцахъ такъ неудовлетворительны, несмотря на неизмѣнную бутылку съ горячей водой, и кромѣ того обращеніе съ ними оставляетъ столько желать, что исполинскія змѣи черезъ короткое время ослабѣваютъ и наконецъ приходятъ въ состояніе постоянного изнуренія, поэтому позволяютъ все съ собой дѣлать, даже положительно мучить себя, не оказывая сопротивленія. Не такъ бываетъ, когда въ хорошо устроенныхъ зоологическихъ садахъ заботливымъ уходомъ поддерживаютъ исполинскую змѣю въ силѣ. Тутъ сторожа иногда подвергаются опасности, потому что именно ихъ ненавидятъ эти сильныя твари и по временамъ не только угрожаютъ имъ, но положительно нападаютъ на нихъ. Это бываетъ во всѣхъ зоологическихъ садахъ и то же самое мнѣ пришлось испытать отъ содержавшихся подъ моимъ надзоромъ исполинскихъ змѣй. Впрочемъ, для опытнаго сторожа подобныя нападенія никогда не опасны. Когда ему надо войти въ клѣтку кусающейся исполинской змѣи, онъ просто запасается большимъ толстымъ порываломъ и держитъ его передъ змѣей, когда она изловчается укусить его; или ловитъ ее въ мѣшокъ съ широкимъ отверстіемъ и оставляетъ бушевать въ немъ пока самъ кончаетъ свою работу. Одна изъ моихъ исполинскихъ змѣй даже обвилась двумя кольцами вокругъ ногъ своего сторожа и такъ крѣпко стянула ихъ, что сторожъ не могъ двинуться и лишь при помощи товарищей былъ освобожденъ изъ этого, во всякомъ случаѣ неприятнаго положенія. На основаніи такихъ опытовъ мнѣ кажется вѣроятнымъ, что описываемый Левцомъ несчастный случай дѣйствительно былъ, именно, что одна молодая дѣвушка, которая должна была появиться передъ зрителями въ видѣ индійской богини, обвитая вокругъ тѣла исполинской змѣей, была ею задушена или задавлена, потому что въ змѣѣ, увидѣвшей вырвавшуюся на свободу обезьяну, проснулась страсть къ хищничеству.

Исполинскія змѣи, за которыми не слишкомъ заботливо ходятъ, особенно которыхъ содержать недостаточно тепло и рѣдко купаютъ въ теплой водѣ, подвержены многимъ болѣзнямъ; въ особенности гибнутъ онѣ отъ такъ на-

зывается «гнилости рта», болѣзни, сходной съ цынгой. Пораженныя ею змѣи теряютъ всякую охоту къ ѣдѣ, вѣроятно потому, что растягиваніе пасти причиняетъ имъ сильную боль, худѣютъ и въ концѣ концовъ околовѣаютъ, если искусной рукой не будетъ примѣнено подходящее лѣкарство. Какъ подобное средство, Вернеръ рекомендуетъ для небольшихъ видовъ смазываніе кисточкой край члустей и пасти алкоголемъ и прибавленіе спирта въ воду для питья и купанья. Другой болѣзнью является иногда болѣзнь кожи, вызываемая микроскопическимъ грибомъ, похожая на проказу; при этомъ часто вся кожа начинаетъ гноиться, даже появляются глубокія язвы въ мускулахъ и змѣя должна избѣгать всякаго движенія; также и въ этомъ случаѣ лучшимъ или, правильнѣе, предупредительнымъ средствомъ является прилежное купанье. Затѣмъ, исполинскія змѣи, какъ и другія змѣи, страдаютъ отъ солитеровъ и другихъ глистовъ, иногда въ невѣроятномъ числѣ; съ этими паразитами можно справиться лишь смазывая лѣкарствомъ въ жидкомъ видѣ животное, даваемое змѣѣ въ пищу. Понятно, что исполинской змѣѣ невозможно просто давать внутри какое-либо лѣкарство.

Насколько содержаніе въ неволѣ исполинской змѣи можетъ сдѣлаться для нея тягостнымъ, настолько оказывается для нея благопріятна полная свобода, даже въ нашемъ холодномъ климатѣ. Относительно этого мы обязаны Ленцу въ высшей степени замѣчательнымъ сообщеніемъ. Въ первыхъ годахъ нашего столѣтія въ гессенскій городокъ Шлицъ прибылъ странствующій звѣринецъ. Одна бывшая въ немъ исполинская змѣя была больна. Владѣлецъ звѣринца какъ разъ былъ въ отлучкѣ, когда разъ вечеромъ сторожъ счелъ змѣю мертвой и боясь, чтобы ему не поставили въ вину этого несчастія, выбросилъ ее въ рѣчку Шлицъ, а въ клѣткѣ раздвинулъ нѣсколько прутьевъ и рассказывалъ, что змѣя убѣжала. На слѣдующее утро хозяинъ звѣринца велѣлъ обыскать всѣ окрестности, чтобы найти ушедшую змѣю, но не нашелъ никакихъ ея слѣдовъ; наконецъ звѣринецъ отправился далѣе, долго пробывъ въ городкѣ, причѣмъ продолжались поиски змѣи. Но оказалось, что змѣя не погибла, а за это время благополучно устроилась. Вѣроятно, она принадлежала какому-нибудь любящему воду виду, потому что поселилась въ самой рѣкѣ; иногда въ теплыя ночи она появлялась въ ней, плавая, и по утрамъ на пескѣ дорожекъ графскаго парка находили явственные слѣды ея ночныхъ прогулокъ. Всѣ попытки снова поймать иностранную гостью оказались тщетны, и такъ наконецъ наступило холодное время года. Бѣглянка снова исчезла и еще разъ была сочтена мертвой. Но на слѣдующую весну, какъ только совсѣмъ потеплѣло, змѣя появилась въ рѣкѣ у Фульды и здѣсь чаще всего показывалась у мѣста купанья солдатъ. Здѣсь также всѣ преслѣдованія оказались безплодными. Со слѣдующей зимы окончательно исчезъ всякій слѣдъ этой исполинской змѣи. Едва ли можно сомнѣваться въ приведенномъ замѣчательномъ фактѣ, сообщенномъ Ленцу графскимъ придворнымъ садовникомъ Виммеромъ въ Шлицѣ и подтвержденномъ другими людьми его возраста.

Семейство ложконогихъ можно раздѣлить на два подсемейства: на **Питоновыхъ** (Pythoninae. Pythonischlangen) и **Удавовыхъ** (Boinae. Schlinger), независимо отъ третьяго, менѣе важнаго. Прежде оба эти подсемейства обыкновенно возводились въ самостоятельныя семейства и къ нимъ прибавлялось третьимъ семейство полозовъ, но видъ и строеніе тѣла послѣднихъ не такъ существенно отличаются отъ вида и строенія удавовыхъ, чтобы мы не могли и ихъ причислить туда же.

Мегастенъ пишетъ, что въ Индіи змѣи были такъ велики, что могли совер-

ленно проглатывать оленей и быковъ. Метродоръ рассказываетъ, что при рѣкѣ Риндакусъ въ Понтѣ змѣи были до того громадны, что хватали высоко и быстро летящихъ птицъ. «Извѣстно, что римскій полководецъ Регулъ во время войны съ Картагеномъ въ сѣверной Африкѣ у рѣки Баграда долженъ былъ обстрѣливать изъ большихъ метательныхъ машинъ и штурмовать одну змѣю въ 120 футовъ длиной. Кожа и пасть ея сохранились въ Римѣ въ одномъ храмѣ до Нумантійской войны. Этотъ рассказъ тѣмъ болѣе правдоподобенъ, что даже въ Италиі такъ называемыя змѣи-боа бываютъ до того велики, что во времена императора Клавдія въ брюхѣ одной такой змѣи, убитой на Ватиканскомъ холмѣ, нашли цѣлаго ребенка. Боа сначала питается коровьимъ молокомъ и отсюда (отъ слова *bos*—быкъ) получилъ свое имя». Такъ пишетъ Плиній, и мы видимъ, что имя боа собственно относится къ исполинскимъ змѣямъ Старога Свѣта. Въ томъ же смыслѣ высказывается и Гумбольдтъ.—«Первыя свѣдѣнія о громадномъ пресмыкающемся», говоритъ онъ, «которое хватаетъ людей и даже большихъ четвероногихъ, обвивается вскружъ нихъ и такъ раздробляетъ имъ кости, которое душитъ домашнихъ и дикихъ козъ,—первыя свѣдѣнія эти получены нами сначала изъ Индіи и съ береговъ Гвинси. Какъ ни мало значить имя, но все-таки лишь съ трудомъ привыкаешь къ мысли, что *Boa constrictor*'а совѣмъ нѣтъ на томъ полушаріи, гдѣ *Виргилій* воспѣлъ страданія Лаокоона, повторяя сказаніе, заимствованное малоазіатскими греками у народовъ, живущихъ гораздо южнѣе. Такъ какъ боа Плинія былъ африканской или южно-азіатской змѣей, то, конечно, Додэу слѣдовало бы окрестить американскаго боа питономъ, а индійскаго питона—боа». Теперь уже нельзя вернуть этого, исправивъ путаницу въ понятіяхъ: разъ введенное въ науку названіе не должно быть оставляемо безъ особенно важныхъ причинъ. Итакъ, мы подразумѣваемъ подъ именемъ «питоновъ» великановъ этого семейства въ Старомъ Свѣтѣ.

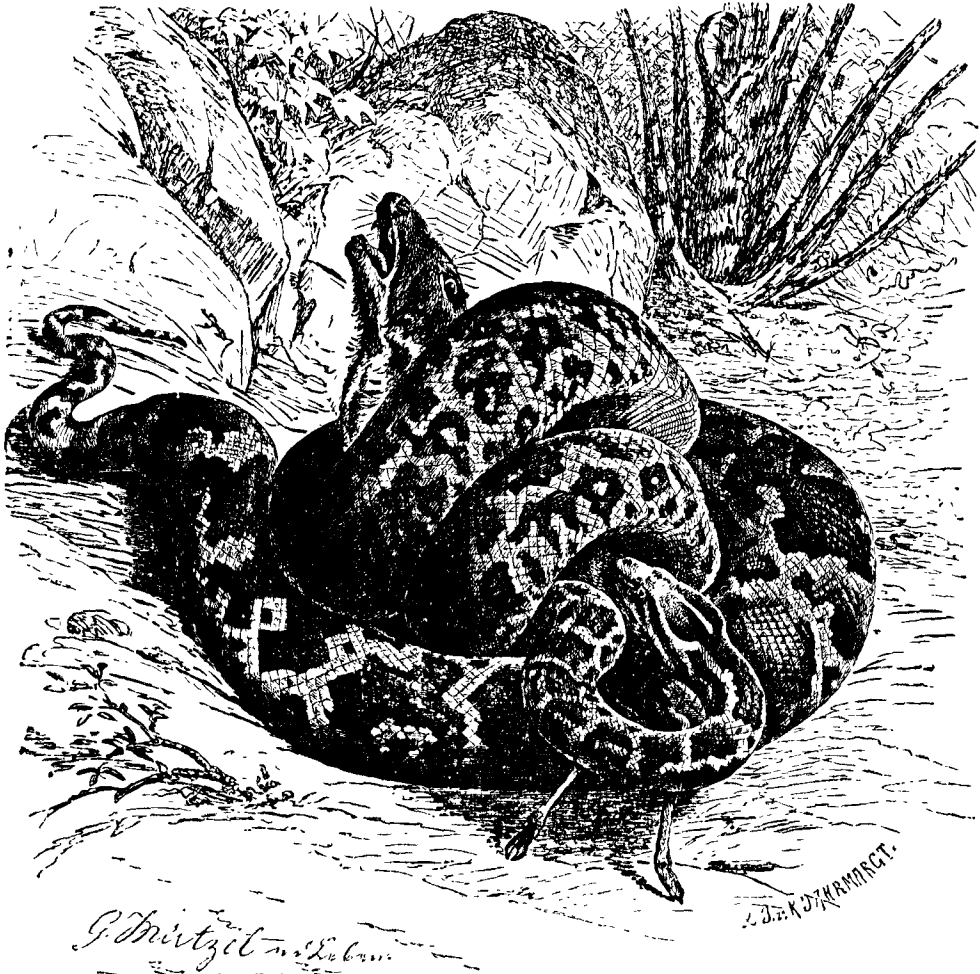
* *

Питоновыя (*Pythoninae*) отличаются отъ удавовыхъ главнымъ образомъ тѣмъ, что у нихъ также и межчелюстные кости вооружены зубами, и что нижніе хвостовые щитки, какъ обыкновенно у змѣй, образуютъ два ряда. На нѣкоторыхъ губныхъ щиткахъ на обѣихъ челюстяхъ или лишь на нижней часто имѣются глубокія углубленія. Болѣе тѣсное подраздѣленіе этой группы, состоящей изъ 8 родовъ съ 30 видами, основывается главнымъ образомъ на присутствіи или отсутствіи этихъ углубленій, на положеніи ихъ и числѣ. Отдѣльные роды характеризуются также свойствомъ головного покрова, — покрыта ли голова совершенно или отчасти мелкими чешуями или спереди покрыта болѣе крупными табличными щитками,—и наконецъ положеніемъ носовыхъ отверстій сверху или съ боковъ морды. Особенно богаты представителями даннаго семейства Моллукскіе острова, Новая Гвинея и Австралія; вообще же распространеніе ихъ строго ограничивается Старымъ Свѣтомъ.

* *

Тигровый питонъ (*Python molurus*, *Coluber molurus*, *peddapoda*, *Python tigris*, *bivittatus*. *Tigerschlange*. *Python tigre*) или **Педдапода** бенгалійцевъ, живетъ въ большей части Индіи; онъ является представителемъ настоящихъ **Питоновъ** (*Python. Felsenschlangen*), которые отличаются тѣмъ, что у нихъ покрыта щитками передняя половина верхней части головы, а задняя, напротивъ того, покрыта чешуями; щитокъ морды и нѣкоторые верхніе и нижніе губные щитки имѣютъ углубленія; ноздри находятся между двумя неодинаковой величины щитками. Передніе зубы на обѣихъ челюстяхъ относительно очень длинны; глаза

малы; тѣло одѣто очень мелкими чешуйками, гладкими, безъ кила. Хвостъ настоящій хватающій, дѣпкій. Известны 7 видовъ, изъ которыхъ 4 живутъ въ тропической Африкѣ, а 3 въ южной Азiи. Длина тигроваго питона достигаетъ, какъ доказано, 6 м; болѣе крупныя экземпляры, если вообще и существуютъ, встрѣчаются чрезвычайно рѣдко. Обыкновенно же питонъ этотъ не превосходить длины въ 3½ м. Голова сѣровато-мясо-красная, темя и лобъ свѣтло-оливково-коричневые, спина свѣтло-коричневая, по срединѣ съ сѣро-желтымъ налетомъ. Нижняя сторона

Тигровый питонъ. *Python molurus* 1/10 наст. вел.

тѣла бѣловатая; отъ носового отверстiя черезъ глазъ и сзади угла рта внизъ идетъ масляно-бурая полоса; такого же цвѣта пятна трехугольной формы окружаютъ глаза. На задней части головы и затылкѣ находится большое пятно, внизу вилообразное, остриемъ впередъ, въ видѣ Δ , или лишь просто продолговатое. На спинѣ рядъ большихъ продолговато-четырёхугольныхъ пятенъ красновато-бурого цвѣта съ черными каймами; эти каемки зубчатой или прямолинейной формы; частью пятна являются съ ярко-желтой серединой. Вдоль боковъ идутъ меньшiя продолговатая пятна, соответствующiя среднимъ. Другими отличительными признаками являются: два переднихъ и два заднихъ лобныхъ щитка; между послѣд-

ними и обоими темными щитками много маленьких щитковъ и трехугольных углубленія въ двухъ верхнихъ и 4-хъ нижнихъ губныхъ щиткахъ; верхняя сторона тѣла покрыта мелкими чешуйками, расположенными въ 60—75 рядовъ.

Область распространенія тигроваго питона простирается отъ юга Индустанскаго полуострова до подножія Гиммалаевъ. Согласно Буланже, онъ рѣдко встрѣчается на полуостровѣ Малаккѣ, Явѣ и на Цейлонѣ; но, по словамъ Хали, здѣсь еще десять лѣтъ тому назадъ находили питоновъ въ 10 м. длиной въ плантаціяхъ корицы. Они вымерли вслѣдствіе увеличенія города Коломбо.

Другой родичъ его—**Сѣтчатый питонъ**, по малайскі—**Уларсава** (*Python reticulatus*, *Boa reticulata*, *Python schneideri*, *javanicus*, *Coluber*, *Constrictor schneideri*. Gitterschlange. *Python amethyste*) длиной превосходитъ тигроваго питона на одну треть и въ исключительныхъ случаяхъ достигаетъ 8,5 м. Основной цвѣтъ его—свѣтло-желтоватый до оливково-бураго; рисунокъ образуется узкой черной продольной линіей, начинающейся на лобномъ щиткѣ и идущей по прямой линіи до затылка, и второй линіей, начинающейся у задняго края глаза, косо поднимающейся черезъ верхнюю губу и потомъ идущей дальше почти прямо вдоль середины шеи, но скоро, какъ и первая линія, переходящей въ рядъ большихъ кольчатыхъ пятенъ; эти пятна неправильно образованы, то кругловатой, то косо четырехугольной формы; они занимаютъ середину спины и рѣдко выступаютъ на ея фонѣ, потому что около ихъ черныхъ краевъ чешуи окрашены гораздо свѣтлѣе, даже почти бѣловатыя. Съ каждой стороны подобнаго пятна находится маленькое, также неправильно образованное пятно, бѣловатое съ черной каймой, увеличивающее сѣтчатость всего рисунка. Желтоватая нижняя сторона тѣла съ боковъ разрисована неправильными черными пятнами, а нижняя сторона хвоста покрыта мраморными бурыми пятнами. Между задней парой лобныхъ щитковъ и темнымъ щиткомъ, обыкновенно нераздѣльнымъ, находится 2 или 3 пары маленькихъ щитковъ; въ 4 верхнихъ губныхъ щиткахъ имѣются углубленія. Мелкія чешуи на тѣлѣ расположены въ 60—75 рядовъ.

Сѣтчатый питонъ, кромѣ Малайскаго полуострова, Сіама и Бирмы, живетъ на всѣхъ островахъ Индійскаго архипелага до Филиппинскихъ и Молукскихъ, распространяясь на востокъ до Амбоины и Тимора.

Объ эти исполинскія змѣи часто смѣшиваются, если и не натуралистами, то путешественниками и туземцами, и оттого не всегда можно опредѣлить, къ какому именно виду относится данный рассказъ. Но все-таки, совершенно независимо отъ легко исправимыхъ преувеличеній, даже въ естественно-историческихъ сочиненіяхъ содержатся ошибочныя свѣдѣнія объ этихъ змѣяхъ, извѣстныхъ уже много столѣтій.

Среди индусовъ еще и въ настоящее время ходятъ объ этихъ змѣяхъ рассказы, напоминающіе сказки древнихъ. — Натуралистами и путешественниками еще мало собрано фактическихъ данныхъ; но изъ нихъ достаточно выясняется, что южноазиатскіе «драконы» нисколько не опаснѣе своихъ американскихъ родственниковъ, что они живутъ совершенно подобно имъ, съ особенной любовью придерживаясь болотистыхъ мѣстъ, затопленныхъ рисовыхъ полей, вообще держатся вблизи воды, но также не избѣгаютъ и сухихъ, скалистыхъ мѣстъ, и всюду охотятся за мелкими позвоночными обоихъ первыхъ классовъ. Очень большіе экземпляры иногда нападаютъ на молодыхъ мунджаковъ и мелкихъ оленей, отсюда и могли произойти рассказы, что питоны умерщвляютъ животныхъ до величины нашего благороднаго оленя. Конечно, названныя животныя принадле-

жать къ семейству оленей, но по величинѣ, какъ всѣмъ извѣстно, никогда не равняются нашей косулѣ, и при упоминаніи о нихъ нужно всегда еще помнить, что въ южной Азіи водятся маленькіе мускусные олени, которыхъ не только туземцы, но и живущіе тамъ европейцы обыкновенно называютъ оленями. Хотя въ Индіи и теперь рассказываютъ сказки о нападеніяхъ на людей, хотя знаменитые художники изображали, на основаніи «достоверныхъ фактовъ», ужасныя схватки между змѣями и ласкарами, и эти рисунки попадали даже въ естественно историческія книги, несмотря на ихъ очевидную неправдоподобность, но все это не введетъ въ заблужденіе того, кто привыкъ раздѣлять правдоподобное отъ невѣроятнаго. Даже въ такой хорошей книгѣ, какъ «Путешествіе Новары» находишь утвержденіе, что путешественники видѣли на Маниллѣ живого *Voa constrictor*'а въ 48 ф. длиной, или около 14 м., и 7 дюйм. или 17 см. толщиной; читая это невольно подумаешь, что навѣрно ни одинъ натуралистъ не просматривалъ внимательно этихъ строкъ передъ печатаніемъ. Преувеличеніе всѣхъ подобныхъ описаній неопровержимо выступаетъ изъ дѣйствительно достоверныхъ фактовъ. Шлегель, который въ своемъ благоприятномъ положеніи, какъ первоначальный сотрудникъ, а потомъ руководитель одного изъ величайшихъ музеевъ въ мірѣ, имѣлъ полную возможность составить себѣ вѣрное мнѣніе, рѣшительно утверждаетъ, что индійскіе питоны больше 6 м. принадлежатъ къ величайшимъ рѣдкостямъ, и что его другъ Буа, который въ качествѣ путешествующаго натуралиста прожилъ много лѣтъ своей жизни на родинѣ обоихъ видовъ питона и обращалъ особенное вниманіе на пресмыкающихся, несмотря на самые ревностные поиски, никогда не могъ добыть ни одного тигроваго или сѣтчатаго питона вышеуказанной величины. Маленькія млекопитающія составляютъ главную пищу обѣихъ змѣй, и лишь старые, крупные экземпляры иногда нападаютъ на поросятъ или телятъ мелкихъ видовъ оленей.

Крупныя млекопитающія и люди никогда не подвергаются опасности быть пожранными ими, и даже туземцы утверждаютъ, что питоны никогда не нападаютъ на дѣтей. Послѣ подобныхъ серьезныхъ изслѣдованій легко рѣшить, что надо думать о слѣдующемъ сообщеніи Клейера. «Въ королевствѣ Арракомъ, на границѣ Бенгаліи,» говоритъ бравый голландецъ, «видѣли, какъ змѣя огромной величины напала, подлѣ одной рѣчки, на буйвола. Бой ихъ представлялъ страшное зрѣлище. На разстояніи добраго пушечнаго выстрѣла слышался хрустъ костей буйвола, когда онѣ раздроблялись силой его врага. Я купилъ подобную змѣю у одного охотника и нашелъ въ ней, при вскрытіи, цѣлаго оленя средней величины, со шкурой и волосами, въ другой же цѣлаго дикаго козла, несмотря на его длинныя рога, а въ желудкѣ третьяго цѣлаго дикобраза съ его иглами. На островѣ Амбонѣ подобной змѣей была проглочена даже одна беременная женщина».

Подобныя сказки сообщаются и другими старинными путешественниками и, можетъ быть, вслѣдствіе ихъ Уоллесъ придаетъ большее значеніе, чѣмъ слѣдуетъ, вышеупомянутымъ нападеніямъ одного изъ видовъ питона на чело-вѣка. По моему мнѣнію случающіяся иногда нападенія питоновъ на чело-вѣка никогда не совершаются намѣренно, а самое большее по ошибкѣ. Такое нападеніе испыталъ сторожъ Копъ въ Лондонскомъ зоологическомъ саду; онъ протянулъ одному изъ своихъ голодныхъ питоновъ курицу, какъ всегда дѣлалъ это при кормленіи; змѣя бросилась на нее, вѣроятно промахнулась, потому что была не задолго до линянія, и ея глаза, какъ это обыкновенно бываетъ при подобныхъ обстоятельствахъ, были мутны; змѣя схватила большой па-

лець Кона и въ слѣдующее мгновеніе обвилась вокругъ его руки и шеи. Копь былъ одинъ, но не потерялъ присутствія духа, а попытался другой рукой схватить голову змѣи, чтобы освободиться отъ нея; но, къ несчастію, змѣя такъ обвилась вокругъ своей собственной головы, что сторожъ советѣмъ не могъ ее поймать и былъ принужденъ лечь на полъ клѣтки, въ надеждѣ такъ легче справиться со змѣей. Къ счастью, два сторожа во время пришли къ нему на помощь и не безъ усилій освободили его отъ его противника, который иначе, пожалуй, могъ бы уготовить ему участь Лаокоона. Подобныя недоразумѣнія возможны, какъ я знаю изъ собственного опыта; но на свободѣ питанъ только тогда нападаетъ на человѣка, когда считаетъ себя вынужденнымъ защищать собственную жизнь. Змѣя эта такъ же мало способна замыслить съѣсть царя вселенной, какъ какое-либо другое большое животное или, какъ это также разсказывали про нее, затѣять бой съ сильнымъ королевскимъ тигромъ. Хуттонъ, наблюдавшій змѣй этого вида во время своего пребыванія въ Индіи, видѣлъ, что одна изъ его плѣнницъ сочла за благо снова выпустить схваченную и обвиту ю кошку, потому что та такъ упорно защищалась, что ея врагъ счелъ себя не въ состояніи что-либо подѣлать съ ней.

Относительно питанія, теплоты тѣла и линія въ неволѣ тигроваго питона Пинсонъ сообщаетъ слѣдующее. Втеченіе жаркаго времени года перевариваніе пищи продолжается 8, въ холодную же погоду 38 дней. Въ холодное время втеченіе 113 дней всякая пища отвергалась, и при этомъ теплота тѣла змѣи упала съ 28 градусовъ до 23 Цельсія. Линяніе наблюдалось четыре раза въ годъ. Приведенное выше сообщеніе с размноженіи живущихъ на свободѣ южноазиатскихъ питоновъ было вполне подтверждено наблюденіями надъ содержимыми въ неволѣ. 1-го января 1841 года замѣтили, какъ подробно описываютъ Валансъенъ и Дюмериль въ первый разъ совокупленіе двухъ жившихъ въ Парижскомъ Jardin des plantes тигровыхъ питоновъ. До конца января змѣи нѣсколько разъ совокуплялись. Со 2-го февраля самка, которая въ этотъ день проглотила кролика и 4 килограмма бычачьяго мяса, больше не ѣла, но замѣтно начала равномерно увеличиваться въ толщинѣ. 6-го мая она положила втеченіе 3¹], часовъ 15 яицъ, одно за другимъ, собрала ихъ въ кучу и такъ свернулась надъ ними, что отдѣльныя кольца ея тѣла образовали плоскій сводъ, высшую точку котораго заняла голова. Въ такомъ положеніи змѣя оставалась почти два мѣсяца, съ 5-го мая до 3-го іюля, когда вылупились дѣтеныши. Втеченіе этого времени нѣсколько разъ измѣряли температуру, развивавшуюся между кольцами змѣи, и нашли, что иногда она на 10—12° Ц. превышала окружающую температуру. Лежащая на яйцахъ змѣя помѣщалась въ большомъ ящикѣ, который снизу подогревался сосудами съ горячей водой и могъ быть нагрѣтъ до 25 или 30°. Эта теплота тщательно поддерживалась втеченіе всего времени и, вѣроятно, существенно содѣйствовала достигнутымъ пріятнымъ результатамъ. Изъ 15 яицъ вылупились въ вышеупомянутый день 8 змѣенышей, около 50 см. длиной; но они выросли, не принимая пищи, втеченіе первыхъ 16 дней до длины въ 80 см., линяли въ первый разъ между 13 и 18 іюля, вообще же линяли до декабря того же года пять разъ, и начали ѣсть послѣ первой линьки. Сначала имъ давали воробьевъ, которыхъ они умерщвляли по способу родителей; позже они получали сырое мясо и маленькихъ кроликовъ. Такъ какъ имъ давали столько корма, сколько съѣдятъ, то они отлично росли и къ декабрю года своего рожденія уже достигли длины въ 1,5—1,55, даже 2 м. Черезъ 20 мѣсяцевъ, 2-го марта 1843, длина большинства ихъ была больше 2 м. или вчетверо превосходила ихъ длину при рожденіи; одинъ изъ нихъ даже выросъ до 2,34 м. Этотъ послѣдній въ первые 6 мѣсяцевъ

своей жизни съѣлъ 13, а во 2-й годъ 22 килограмма пищи. Изъ этихъ фактовъ Гюнтеръ выводитъ, что тигровый или сѣтчатый питонъ полныхъ 3 м. длиной долженъ имѣть около 4 лѣтъ отъ роду, и изъ наблюдений, полученныхъ въ Лондонскомъ зоологическомъ саду, мы узнаемъ, что въ слѣдующіе 10 лѣтъ длина ихъ можетъ достигнуть 7 м.

Въ южной Азійи оба вида питоновъ ловятся и охотно содержатся въ неволѣ, хотя и не всѣми народностями. По словамъ Мартенса, китайцы съ удовольствіемъ видятъ ту или другую исполинскую змѣю въ своихъ джонкахъ и считаютъ ее залогомъ счастья, если она что-либо ѣсть, и несчастья, если она покинетъ джонку. На судахъ, равно какъ и въ жилищахъ, гдѣ ее держать, она ревностно охотится за крысами. Старикъ Валентинъ рассказываетъ, какъ ловко она это дѣлаетъ: не шевелясь, она позволяетъ крысамъ бѣгать по своему тѣлу, но потомъ, какъ только онѣ явятся на удобной дистанціи, она вдругъ хватается и обычнымъ способомъ душитъ и пожираетъ дерзкую тварь. Признавая ее полезность, ее охотно оставляютъ жить въ надворныхъ постройкахъ домовъ, особенно въ хлѣбныхъ амбарахъ; мсжегъ быть вслѣдствіе этого, или помня о хорошей ѣдѣ на китайскихъ судахъ, она верѣдко посѣщаетъ суда и дома, куда ее вовсе и не приглашали. Такъ, въ 1840 году замѣтили одного сѣтчатаго питона на кормѣ военного судна, которое стояло на якорѣ въ 3—4 морскихъ миляхъ отъ берега вблизи Сингапура— и не нашли ничего лучшаго, какъ застрѣлить просящаго о гостепрѣимствѣ пришельца. Также въ одинъ прекрасный вечеръ Уоллесъ былъ испуганъ появленіемъ сѣтчатаго питона въ своемъ домѣ на Амбоинѣ. «По вечерамъ», говоритъ онъ, «я обыкновенно сидѣлъ, читая, на верандѣ, наготовѣ для ловли насѣкомыхъ, привлекаемыхъ свѣтомъ. Разъ, вечеромъ, около 9 часовъ, я услышалъ страшный шумъ и шуршавье надъ собой, словно тяжелое животное медленно ползло по крышѣ. Шумъ скоро прекратился, я пересталъ о немъ думать и пошелъ спать. На другой день послѣ полудня, какъ разъ передъ обѣдомъ, когда я, утомленный дневной работой, лежалъ на кровати и читалъ, взглянувъ вверхъ, я увидѣлъ большую массу чего-то, которую я раньше незамѣчалъ. При болѣе внимательномъ разглядываніи я могъ различить желтыя и черныя пятна и сначала принялъ это за щитъ черепахи, который засунули туда между стропилами и крышей, чтобы убрать съ дороги. Но при дальнѣйшемъ наблюдении, предметъ преобразился въ большую, совершенно свернувшуюся въ клубокъ змѣю, и я могъ теперь разглядѣть, какъ разъ посреднѣ колець, ея голову и блестящіе глаза. Теперь объяснился шумъ прошлаго вечера. Питонъ влѣзъ на одинъ изъ столбовъ дома, пробрался подъ крышей на одинъ метръ надъ моей головой и тамъ удобно растянулся, а я всю ночь благополучно проспалъ непосредственно подъ нимъ. Я кликнулъ обоихъ моихъ слугъ, которые препарировали птицъ, и сказалъ: «на крышѣ большая змѣя». Но оба, какъ только я показалъ имъ ее, бросились вонъ изъ дома и также уговаривали меня выйти вонъ. Такъ какъ я видѣлъ, что они слишкомъ трусливы, чтобы что-либо предпринять, то позвалъ нѣсколько работниковъ съ плантаціи и скоро собралъ съ подлужины людей. Они стали совѣщаться. Одинъ изъ нихъ, уроженецъ Буру, гдѣ очень много змѣй, сказалъ, что онъ легко вытащитъ ее, и тотчасъ умѣло принялся за дѣло. Онъ приготовилъ петлю изъ ротанга, взялъ ее въ одну руку, а въ другую длинную жердь и сталъ толкать ею змѣю, пока она не начала медленно развертываться. Онъ дѣйствовалъ такъ, пока не надѣлъ ей петлю на голову, осторожно подвинулъ внизъ на туловище, затянулъ и стащилъ змѣю внизъ. Вышла большая возня,—змѣя обвивалась вокругъ подпорокъ стропиль и столбовъ, съ намѣреніемъ оказать сопротивленіе своему врагу; наконецъ

туземець схватилъ ее за хвостъ, бросился изъ дома, понесся такъ быстро, что змѣя казалась ошеломленной и попробовалъ ударить ее головой о дерево, но промахнулся и долженъ былъ выпустить, послѣ чего испуганное животное спряталось подъ лежавшій по близости гнилой стволъ дерева. Но ее снова выгнали, опять поймали за хвостъ и на этотъ разъ счастливо съ розмаха ударили головой о дерево, послѣ чего легко убили топоромъ. Она была около 4 м. длинны, очень толста, и была бы въ состояннн надѣлать много бѣдъ, такъ какъ могла бы проглотить ребенка или собаку.»

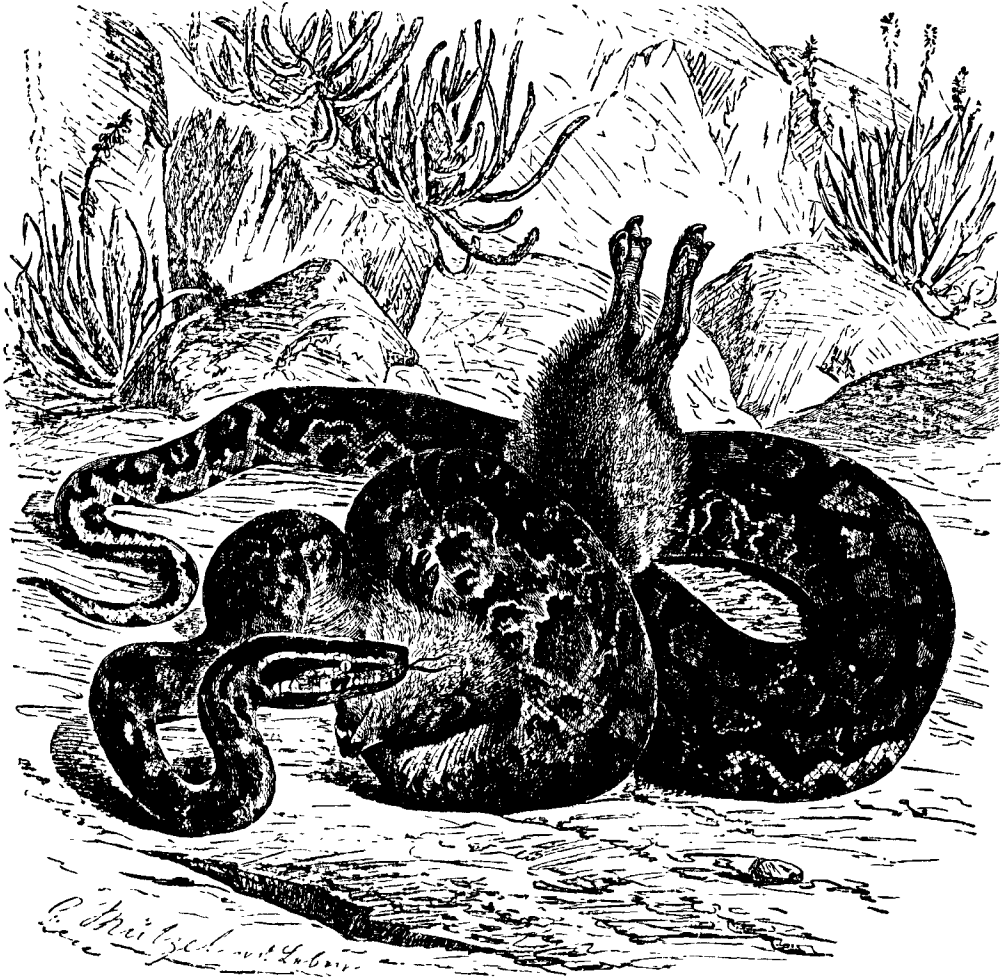
Не знаю, почему Уоллесъ считалъ столь небольшую змѣю способной на такое тяжкое злодѣяніе, такъ какъ онъ, насколько я могъ замѣтить, во всемъ своемъ сочиненіи не сообщаетъ ни одного наблюденія, которое оправдывало бы подобное его мнѣніе. Я привелъ эту выдержку изъ его сочиненія, чтобы показать, какъ сильно боятся исполинскихъ змѣй. Еще яснѣе выдѣляется это изъ одного разказа Добсона о ловлѣ родственнаго тигроваго питона. Одинъ подобный питонъ забрался въ садъ въ предмѣстнн города Калькутты и здѣсь расположился на манговомъ деревѣ, отѣнявшемъ маленькій прудъ. Попробовали спугнуть змѣю, и для этого одинъ челоувѣкъ влѣзъ на дерево, чтобы стряхнуть ее съ вѣтки, на которой она свернулась. Но вдругъ змѣя развернулась и бросилась въ находившійся внизу прудъ. Папавшій на нее челоувѣкъ, боявшійся, что змѣя можетъ обвиться вокругъ него, тоже бросился внизъ, свалился на другую сторону дерева на землю и при этомъ едва не сломалъ себѣ шею. Змѣя исчезла подъ водой и въ слѣдующіе полчаса не появлялась; съ тѣхъ поръ, почти цѣлый мѣсяцъ, ее вообще больше не видали, пока, наконецъ, ее снова не замѣтили на берегу того же пруда на другомъ манговомъ деревѣ. Когда сюда прибылъ Добсонъ, онъ нашелъ, что она снова перемѣнила мѣсто, но опять выбрала манговое дерево и на значительной высотѣ свернулась на развѣистой вѣткѣ. Туземцы объяснили ея пристрастіе къ деревьямъ, говоря, что исполинскія змѣи взлѣзаютъ на деревья когда голодны, чтобы ловить здѣсь ночующихъ птицъ. Тогда нашъ наблюдатель прежде всего снялъ фотографію со змѣй, и такъ какъ эта работа могла быть исполнена лишь съ трудомъ, то въ тотъ же день оказалось слишкомъ поздно, чтобы попытаться поймать ее. Покуда должны были удовольствоваться тѣмъ, что при помощи подачки на водку побудили туземнаго садовника покараулить змѣю до слѣдующаго утра. Между тѣмъ извѣстіе о присутствіи змѣй распространилось въ тотъ же вечеръ еще далѣе и на слѣдующее же утро въ саду появились люди, тоже желавшіе поймать гадину; за еще болѣе крупную подачку они также заручились помощью садовника. При этомъ они старались обѣщаніемъ щедрого вознагражденія уговорить туземцевъ поймать змѣю, но охотниковъ взяться за это опасное дѣло не нашлось. Вновь прибывшіе люди вернулись обратно въ городъ искать подмоги. Садовникъ, желавшій получить третій кушъ, воспользовался этимъ отсутствіемъ и сообщилъ о происшедшемъ нѣкоторымъ сосѣдямъ, услугами которыхъ воспользовались для Добсона. Эти пришли съ заклинателемъ змѣй, нѣсколькими сѣтями и многими рабочими и усердно принялись разстраивать планы другихъ.

Заклинатель змѣй влѣзъ на дерево и попробовалъ уговорить змѣю оставить свое мѣсто. Но она не исполнила его желанія и сильно укусила его въ руку, потомъ вдругъ быстро развернулась и попробовала убѣжать, какъ ранѣе, но на этотъ разъ прудъ былъ слишкомъ далеко и она упала на сухую землю. Въ то же мгновеніе кули закутали ее сѣтями и съ торжествомъ понесли прочь, къ великому разочарованію другой компаніи, которая почти въ то же время снова появилась на мѣстѣ дѣйствія и также привела съ собой заклинателя змѣй и большое число кули.

Добсону пришлось почти мѣсяцъ продержать питона въ клеткѣ, прежде чѣмъ удалось отослать его. Одинъ капитанъ, котораго онъ пробовалъ уговорить перевезти питона въ Англiю, увѣрялъ, что лучше что угодно возьметъ на бортъ, только не змѣю, и отказался взять съ собой прочно упакованное въ ящикъ животное; только другой капитанъ былъ достаточно разуменъ, чтобы смотрѣть на названный ящикъ, какъ на кладь, которая не можетъ внушать никакого страха.

* * *

Африкѣ принадлежать четыре вида питоновъ. Руководствуясь обстоятельными

Южноафриканскій питонъ. *Python natalensis*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

описанiями Дюмерила и Биброна и прекрасными рисунками Яна, я попытаюсь передать важнѣйшiе отличительные признаки обоихъ обыкновенныхъ видовъ.

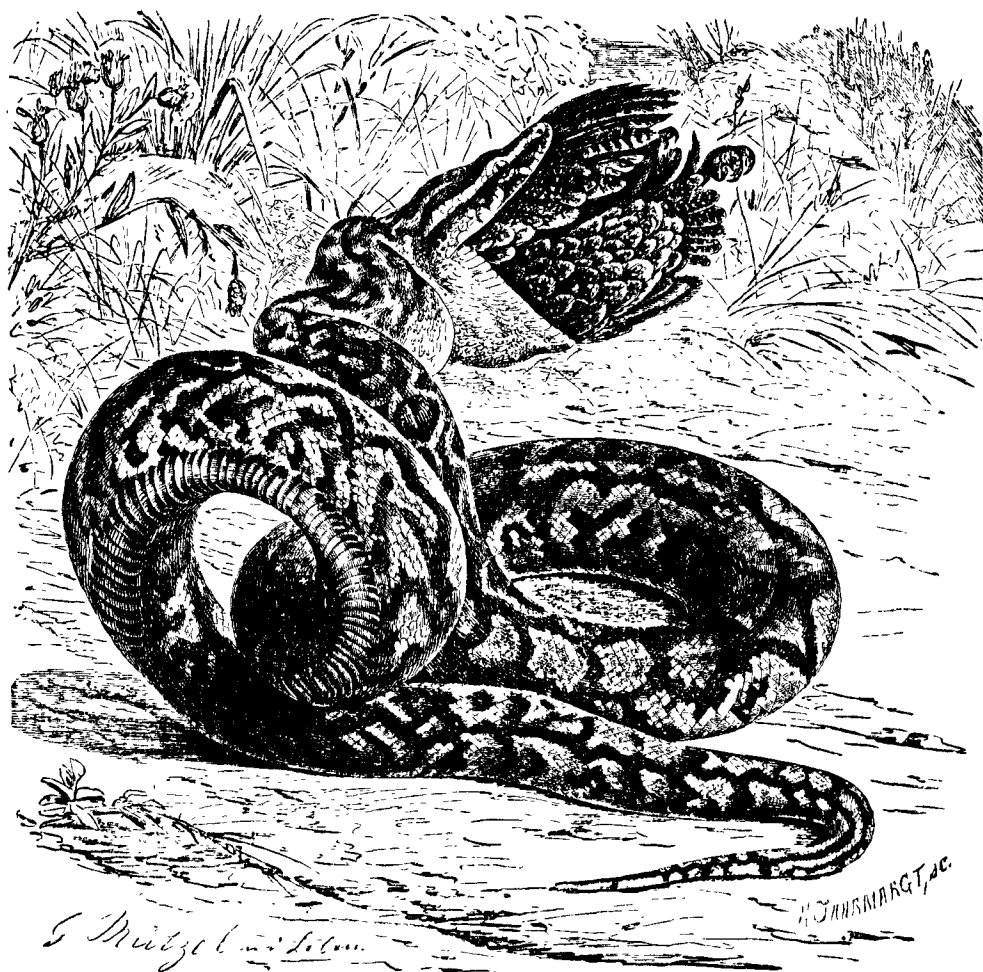
Южноафриканскій питонъ (*Python natalensis*. *Hortulia natalensis*. *Natalfelsenschlange*. *Python de Natal*) распространенъ лишь въ восточной части южной Африки; у него оба переднихъ лобныхъ щитка длиннѣе слѣдующей за ними средней пары лобныхъ щитковъ, а эти почти такой же величины, какъ задняя пара,

остальные головные щитки, за исключеніемъ непарнаго темнаго щитка, малы и неправильной формы; передній щитокъ морды съ двумя углубленіями, между тѣмъ какъ оба переднихъ верхне-губныхъ щитка съ каждой стороны имѣютъ по одному углубленію. Всѣ три пары лобныхъ щитковъ почти одинаковой ширины; туловище покрываютъ отъ 65 до 70 рядовъ чешуй. Основной цвѣтъ передней трети тѣла,—красивый желто-бурый; остальная верхняя часть тѣла болѣе темнаго оливково-бурого цвѣта; нижняя сторона тѣла красиваго красновато-бѣлаго цвѣта; большую часть верха головы занимаетъ черно-бурое пятно, обращенное остриемъ впередъ; по всей верхней сторонѣ тѣла тянется рядъ переплетенныхъ въ видѣ цѣпи пятенъ черно-бурого цвѣта, продолговато-четыреугольныхъ, болѣе или менѣе прямоугольныхъ или косыхъ, у краевъ часто сливающихся, обыкновенно неодинаковыхъ и неодинаково расположенныхъ; эти пятна продолжаются до конца хвоста, какъ темная полоса между двумя желтыми продольными полосами.

Напротивъ того, у распространеннаго по всей западной и центральной Африкѣ **Гіероглифоваго питона** (*Python sebae*, *Coluber sebae*, *speciosus*, *Boa hieroglyphica*, *Python hieroglyphicus*, *Constrictor rex*, *Hieroglyphenschlange*, *Python seba*) передніе лобные щитки лишь такой же длины, какъ средніе или короче, и въ то же время гораздо уже послѣднихъ; третья пара лобныхъ щитковъ значительно меньше средней пары; два темныхъ щитка лежатъ рядомъ; но углубленія въ щиткахъ морды и въ щиткахъ верхней губы расположены такъ же, какъ у южноафриканскаго питона. Около 80 рядовъ чешуй покрываютъ середину туловища. Верхняя сторона головы настолько покрыта темно-бурымъ или черноватымъ стрѣловиднымъ пятномъ, что сбоку остается лишь узкая бѣло-желтая полоса. Тѣло покрыто по сѣро-желтому фону буроватыми пятнами разнообразно мѣняющагося вида;—внутри они по большей части свѣтлѣе, чѣмъ у краевъ; кромѣ того замѣчаются поперечныя полосы, которыя, какъ и пятна, съ каждой стороны выходятъ отъ темной, внизу переходящей въ свѣтло-желтый фонъ продольной полосы. Нижняя сторона тѣла сѣро-желтая; боковыя края брюшныхъ щитковъ съ каждой стороны украшены продольнымъ рядомъ маленькихъ черноватыхъ пятенъ.

Старый Босманъ правильно замѣтилъ, какъ подтверждается позднѣйшими путешественниками, что именно этому виду должно принадлежать названіе «змѣи-идола» (*Abgottschlange*), потому что именно ей на Гвинейскомъ берегу поклоняются въ храмахъ-хижинахъ, гдѣ ее содержатъ жрецы. По рассказамъ француза Марше обожаніе этой змѣи имѣетъ серьезную причину. Когда однажды войско короля племени вайда стояло въ боевомъ порядкѣ, отъ врага пришла такая змѣя-идолъ и такъ довѣрчиво и кротко вела себя и была такъ ручна, что всякій могъ ее ласкать. Главный жрецъ взялъ ее въ руки и сдѣлалъ ее предметомъ поклоненія. Негры упали ницъ, чтобы молиться новому божеству, затѣмъ мужественно ударили на врага и обратили его въ бѣгство. Кому какъ не змѣѣ были обязаны они такой удачей! Ея чудодѣйственная сила блестяще обнаружилась, и потому сочли необходимымъ выстроить ей храмъ и собрать сокровища для его содержанія. Ее возвели въ санъ цокровительницы войны, земледѣля и торговли, и она, повидимому, оказала замѣчательныя услуги, потому что вскорѣ первый храмъ уже не могъ вмѣщать всѣхъ поклонниковъ. Пришлось возвести новыя постройки для поклоненія ей; для ея культа нашлись жрецы и жрицы; ежегодно отыскивали прекраснѣйшую дѣвушку и посвящали ее змѣѣ. Сначала, можетъ быть, вѣрующія являлись и добровольно; позже ихъ принуждали силой къ

служению змѣй. Вооруженные тяжелыми дубинами жрецы рыскали въ поискахъ за дѣвушками; противившейся ихъ священному выбору грозили хоть и не проклятіемъ и костромъ, то все-таки дубиной. Жрецы забирали самыхъ красивыхъ дѣвушекъ, которыя должны были считать высокой честью для себя обрученіе съ фетишемъ. Сначала ихъ учили пѣть гимны и исполнять священные танцы; потомъ имъ обрѣзали волосы и вырѣзывали у нихъ на кожѣ священные знаки. До-

Гіероглифовый питонъ. *Python sebae*. $\frac{1}{8}$ наст. вел.

стойно приготовивъ дѣвушекъ къ обрученію съ фетишемъ, ихъ отводили въ темный подземный покой, при шумной музыкѣ, пѣніи и танцахъ, восхваляя ихъ высокую судьбу. По возвращеніи изъ священной пещеры дѣвушка получала титулъ «змѣиной невесты», но несмотря на это, могла потомъ выходить замужъ по собственному выбору; избранный ею счастливецъ выказывалъ къ ней высочайшее почтеніе и подчиненіе. Но о томъ, что было съ ними въ пещерѣ, дѣвушки должны были хранить ненарушимое молчаніе; если же онѣ позволили бы себѣ болтать, то жрецы забирали ихъ и убивали, увѣряя всѣхъ, что змѣя уничтожила ихъ, мстя за себя.

По увѣренію Маттьюса гіероглифовый питонъ ловить не только козъ, овецъ и свиней, но нападаетъ и на леопардовъ; туземцы утверждаютъ, что въ болотистыхъ мѣстахъ низменной части страны, гдѣ человекъ не преслѣдуетъ эту змѣю, она достигаетъ громадной величины и силы и можетъ съѣсть даже буйвола; короче, опять является на сцену старая сказка о драконахъ. Для человека же гіероглифовый питонъ опасенъ будто бы лишь тогда, когда находитъ его спящимъ.

Относительно образа жизни этого питона, особенно же объ его хищничествѣ и о пожираниіи имъ добычи Маттьюсъ рассказываетъ подобныя же сказки, приводимыя ниже. «Обыкновенно», пишетъ онъ, «эта змѣя держится въ болотистой мѣстности и здѣсь иногда случается видѣть, какъ она осматривается, поднявъ голову надъ травой въ 3 фута высотой». Нападеніе ея на добычу и умерщвление послѣдней описываются нашимъ авторомъ довольно правильно, но онъ положительно утверждаетъ, что, сжимая жертву, гіероглифовый питонъ раздробляетъ ей всѣ кости, повторяя это въ двухъ—трехъ различныхъ мѣстахъ тѣла. Умертвивъ добычу, питонъ этотъ будто бы дѣлаетъ обходъ въ полъ англійской мили въ діаметръ, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли вблизи кого-либо изъ его враговъ; изъ этихъ враговъ всѣхъ неприятнѣй одна порода муравьевъ или термитовъ; когда змѣя проглотитъ добычу и, словно мертвая, лежитъ во время перевариванія пищи, оставаясь въ томъ же положеніи отъ 3 до 4 дней, смотря по величинѣ и свойству добычи, на нее нападаютъ муравья, проникающіе черезъ всѣ отверстія ея тѣла, и въ самое короткое время пожираютъ беззащитное пресмыкающееся.

Изъ этого описанія видно, что Маттьюсъ не собиралъ самостоятельныхъ наблюдений, а записывалъ не выдерживающую критики болтовню туземцевъ. Если мы примемъ, что африканскія исполинскія змѣи принадлежатъ къ сходнымъ между собою видамъ или хоть ведутъ приблизительно одинаковый образъ жизни, то, сводя здѣсь дѣйствительно наблюдавшіеся факты, мы получимъ приблизительно слѣдующее описаніе жизни этихъ пресмыкающихся: южноафриканскій и гіероглифовый питоны, повидямому, нигдѣ особенно не многочисленны, но и не совсемъ рѣдки; они вытѣснены только изъ населенныхъ мѣстностей. Старые экземпляры въ 6 м. и болѣе длиной принадлежатъ къ величайшимъ рѣдкостямъ; даже экземпляры въ 5 м. лишь въ исключительныхъ случаяхъ попадаются на глаза наблюдающимъ и коллекционирующимъ натуралистамъ. Бартъ упоминаетъ, что его людьми у озера Чадъ былъ убитъ питонъ въ 6 м. длиной; Руссегеръ тоже говоритъ объ одномъ необычайно большомъ питонѣ, убитомъ во время путешествія въ Сенааръ. Мнѣ самому пришлось измѣрить только двухъ, одного въ 2,5 и другаго 3,15 м. Послѣдній въ глазахъ суданцевъ казался настоящимъ чудовищемъ. Швейнфуртъ говоритъ объ одномъ убитомъ гіероглифовомъ питонѣ почти въ 5 м. и о другомъ видѣнномъ въ 6 м. По измѣреніямъ экспедиціи въ Лоанго Гюсфельдта эти змѣи въ среднемъ достигаютъ длины въ 4 и 5 м.; свыше 6 м. не измѣрено ни одной. Отсюда легко можно судить, что слѣдуетъ думать о рассказахъ о змѣяхъ въ 10—16 м. длины.

Возможно, что гіероглифовый питонъ многочисленнѣе, чѣмъ думаютъ, потому что онъ по большей части прячется въ заросляхъ травы и кустовъ и начинаетъ бродить лишь послѣ захода солнца. Всѣ гіероглифовые питоны, попадавшіеся намъ или о которыхъ мы слышали рассказы, очевидно были потревожены среди ихъ отдыха и старались какъ можно быстрѣе уйти прочь, какъ только замѣчали, что они открыты. Довольно часто люди проходятъ или проѣзжаютъ верхомъ близко мимо отдыхающей змѣи этого вида, не замѣчая ее, потому что она не находитъ нужнымъ двигаться; между тѣмъ, ее несомнѣнно открыли бы при помощи приученныхъ къ охотѣ лошадей или охотничьихъ собакъ, которымъ она выдаетъ себя своимъ

запахомъ. Весьма понятно, что вслѣдствіе такой рѣдкости встрѣчъ съ пѣроглифовымъ питономъ во всей Африкѣ господствуетъ полное невѣдѣніе относительно его образа жизни. Мало знаютъ даже о добычѣ, за которой онъ охотится; именно поэтому живое воображеніе туземцевъ тѣшится безмысленнѣйшими розсказами, которыя находятъ откликъ даже въ сообщеніяхъ европейскихъ путешественниковъ, даже въ естественно-историческихъ книгахъ. «Содрагаешься», увѣряетъ Ласепедъ, «когда читаешь въ розказахъ путешественниковъ, проникавшихъ въ глубину Африки, какъ огромное животное, подобное большому, длинному, тянущемуся впередъ бревну, ползеть, извиваясь, въ высокой травѣ и кустахъ. Уже издали замѣчаешь борозду, прокладываемую извивами его тѣла въ сгибающихся подъ нимъ травахъ и растеніяхъ, и видишь цѣлыя стада антилопъ и другихъ преслѣдуемыхъ имъ животныхъ, убѣгающими отъ него. Чтобы оградить себя отъ его силы и убійственной пасти въ этой огромной пустынѣ остается одно средство—поджечь траву, уже наполовину высушенную солнцемъ. Всякое другое оружіе безсилно противъ взрослога и особенно противъ голоднаго питона. Избѣжать смерти можно только, предавъ пламени всю мѣстность вокругъ себя и такимъ образомъ противопоставивъ стѣну огня преслѣдованіямъ чудовища. Рѣки и даже рукава моря не удерживаютъ его, потому что оно плаваетъ и среди бушующихъ волнъ. Высочайшія деревья также представляютъ плохое убѣжище, потому что змѣя эта быстро взлѣзаетъ до самыхъ высокыхъ вершинъ». Ласепедъ подкрѣпляетъ это описаніе нѣсколькими розказами путешественниковъ, увѣряющихъ, что въ желудкѣ африканскихъ исполинскихъ змѣй находили не только крупныхъ животныхъ, какъ напримѣръ ланей (*Cervus dama*, которыхъ, какъ извѣстно, свсѣмъ нѣтъ въ западной Африкѣ), но также людей. Упоминаю снова объ этихъ безмысленныхъ басняхъ лишь потому, что убѣдился, что сколько разъ ихъ ни опровергай, никогда не будетъ лишнее. Въ дѣйствительности ни одна африканская исполинская змѣя, какъ бы ее ни называли и каковъ бы ни былъ ея образъ жизни, не охотится за млекопитающими крупнѣе косули или овцы; уже подобная добыча несомнѣнно является рѣдкимъ исключеніемъ. Я знаю лишь немного надежныхъ сообщеній о столь крупной добычѣ питоновъ.

Во время пребыванія Саважа въ западной Африкѣ, онъ узналъ частью по собственнымъ наблюденіямъ, частью по слухамъ, что исполинскія змѣи около 5 м. дланой два раза хватали и обвивали небольшихъ собакъ и разъ схватили маленькую антилопу. Собакъ можно было спасти изъ ужасныхъ тисковъ только тѣмъ, что змѣй колотили и кололи. Одна изъ собакъ долго твердо помнила испытанное нападеніе и боялась всего и всѣхъ. На одну изъ этихъ собакъ питонъ напалъ днемъ, на другую, какъ обыкновенно, ночью. Ночью же одна исполинская змѣя посѣтила хижину негританки, чтобы рядомъ съ ея постелью овладѣть курицей. Одно подобное происшествіе живо и увлекательно описывается Швейнфуртомъ.

«Въ одной изъ глубокихъ расщелинъ земли, изображавшихъ во время дождей два сливающихся ручья, мой спутникъ скрывался вмѣстѣ со своимъ ослонь; я-же въ высокой травѣ ранилъ маленькую антилопу. Я видѣлъ, какъ она скакала черезъ траву по направленію моего входнаго пункта и ждалъ, что она вотъ-вотъ упадетъ. Вдругъ я услышалъ, какъ она издала короткій блеющий крикъ, и въ то же мгновеніе исчезла у меня изъ глазъ, словно упала въ яму. Я пошелъ чрезъ высокую траву къ мѣсту, гдѣ видѣлъ ее въ послѣдній разъ, но ничего не могъ найти. Мои движенія затруднялись двумя ружьями, которыя я несъ; но зная, что звѣрь находится навѣрно на рѣзко ограниченномъ участкѣ между двумя потоками, я старательно продолжалъ искать. Наконецъ я увидалъ анти-

лопу, лежащую близко передо мной; она отчаянно двигала ножками, плотно прижатыми къ землѣ какимъ то предметомъ, котораго я не могъ разобрать. Мнѣ показалось, словно какой то нубецъ набросилъ на мою добычу свой грязный набедренный платокъ. Я подошелъ на шагъ ближе и совершенно ясно разглядѣлъ исполинскую змѣю, которая трижды обвилась вокругъ тѣла антилопы;—голова змѣи была отнесена далеко назадъ, вѣдѣвшися въ одну изъ заднихъ ногъ жертвы». Ниже я расскажу, какъ Швейнфуртъ убилъ эту исполинскую змѣю, а здѣсь лишь замѣчу, что она и антилопа, будучи положены на спину осла, почти уравнивали другъ друга. Наконецъ, Фалькенштейнъ убилъ, какъ онъ пишетъ мнѣ, змѣю въ 6 м. длины, у которой въ тѣлѣ оказалась взрослая антилопа, бывшая еще такъ мало переваренной, что ею могли воспользоваться для составленія скелета, за исключеніемъ недостававшей головы.

Я повторяю, что гіероглифовый питонъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ нападаетъ на такихъ крупныхъ и тяжелыхъ животныхъ, чтобы пожрать ихъ. Обыкновенно онъ довольствуется гораздо болѣе мелкой дичью, особенно зайцами, земляными бѣлками, крысами и другими живущими на землѣ грызунами. Эти и различныя сухопутныя птицы, вѣроятно, чаще всего подвергаются его преслѣдованіямъ. Въ желудкѣ одного изъ изслѣдованныхъ мной гіероглифовыхъ питоновъ я нашелъ цесарку и съ этимъ согласуется одно сообщеніе Драйсона. Онъ рассказываетъ, что въ Наталѣ однажды видѣлъ, какъ маленькая дрофа нѣсколько разъ взлетѣла и, подлѣхавъ ближе, замѣтилъ, что ее упорно преслѣдуетъ южноафриканскій питонъ. Когда Драйсонъ появился на мѣстѣ дѣйствія и убилъ вкусную птицу, змѣя сочла благоразумнымъ какъ можно скорѣе удалиться; но ревностный охотникъ, давно уже желавшій добыть подобнаго пресмыкающагося, послѣ хорошей охоты настигъ ее и ударомъ дубины убилъ или по крайней мѣрѣ оглушилъ. Фалькенштейнъ пишетъ мнѣ дальше, что одна змѣя на западномъ берегу Африки хотѣла украсть курицу такъ сказать на его глазахъ, но что змѣи эти чаще всего ловятся въ овечьихъ хлѣвахъ, привязываются неграми на веревку изъ травы и такъ отводятся для продажи европейцамъ.

Наконецъ Андерсонъ утверждаетъ, передавая рассказы туземцевъ, что названные змѣи питаются преимущественно даманами; это тоже, можетъ быть, справедливо. «Эта змѣя встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ думаютъ», пишетъ Пехуэль-Леше изъ западной Африки, «потому что ее вѣчно видятъ, такъ какъ она обыкновенно лишь ночью выползаетъ изъ зарослей и лѣсовъ саваннъ въ кампинны. По правдоподобнымъ рассказамъ туземцевъ она охотно подвѣшивается къ вѣтвямъ деревьевъ, стоящихъ у опушки заросли кустовъ, и караулитъ тутъ добычу. Близъ миссиі въ Ланданѣ одинъ изъ охотящихся такъ питоновъ разъ утромъ схватилъ даже полосатаго волка, на жалобный крикъ котораго мы поспѣшили на мѣсто и поспѣли еще во время, чтобы освободить его. Вслѣдствіе густой растительности мы не могли рѣшить, обвилась ли змѣя вокругъ своей добычи или лишь вѣдѣпилась въ нее зубами; мы видѣли только, что питонъ отцѣпилъ свою хвостовую часть отъ вѣтки одного дерева на высотѣ роста человѣка и ясно слышали, какъ онъ шлепнулся на землю. Въ Чинчочо мы держали, кромѣ ядовитыхъ змѣй, также много питоновъ въ деревянной клѣткѣ; самый крупный изъ нихъ разъ вечеромъ выломалъ одну доску и ушелъ изъ клѣтки. Вѣроятно въ поискахъ за крысами онъ заползъ въ хижину нашего надсмотрщика и притомъ проползъ вплотную между горѣвшимъ тамъ яркимъ огнемъ и сидѣвшими у него и болтавшими людьми. Совершенно блѣдный отъ ужаса надсмотрщикъ сообщилъ намъ о происшествіи. Я прибѣжалъ въ хижину съ ружьемъ, мой Мулекъ свѣтилъ мнѣ головней и поднялъ

циновки, свѣшивавшіяся съ приподнятой кровати. Тамъ лежалъ названный посѣ- титель, очень испуганный шумомъ, свернувшись въ углу и спокойно тараща на насъ глаза. Я раздробилъ выстрѣломъ ему голову и шею. Отчаянно смѣлый юноша Мулекъ схватилъ тогда извивающуюся гадину за хвостъ и выталцилъ ее къ собравшимся снаружи любопытнымъ, которые естественно съ крикомъ бросались врасыпную. Повеселѣвшія обезьяны тоже пришли въ величайшее возбужденіе и издавали свою характерную трескотню. Упомянутая уже выше змѣя, которую Фалькенштейнъ застрѣдилъ недалеко отъ устья Куилу, наѣвшись досыта, предавалась кейфу;—она злобно фыркала и шипѣла, когда мы ее дразнили, и много разъ выбрасывала, на цѣлый метръ, свою голову съ раскрытой пастью, въ нашу сторону.

«Въ сосѣдней съ нашимъ селеніемъ факторіи разъ ночью питонъ проникъ въ хлѣвъ и вслѣдствіе поднятаго козами шума былъ открытъ, какъ разъ въ ту минуту, когда онъ держалъ, обвинши, самаго крупнаго козленка. Два другихъ въ факторіяхъ Массабъ и Виста среди бѣлаго дня поймали по курицѣ. Живущій у устья Куилу торговецъ Рейсъ завелъ себѣ хорошенкій выводокъ гусей, но въ концѣ концовъ изъ за питоновъ лишился всѣхъ своихъ гогочащихъ питомцевъ, кромѣ одного стараго бѣлаго гусака, умѣвшаго спастись отъ преслѣдованій змѣй. Питоны приплывали съ материка черезъ проливъ къ острову, на которомъ жилъ Рейсъ. Во время нашего пребыванія у него одна змѣя высидѣлась какъ разъ около обѣда, но была встрѣчена криками людей, тотчасъ снова бросилась въ воду и такъ ловко ныряла, что мы не могли ни разу по ней выстрѣлить. Вредъ, причиняемый питонами, ограничивается кражей мелкаго скота и домашней птицы. При нападеніи на питоновъ, они защищаются, шипятъ и яростно стараются укусить,—но не нападаютъ на человѣка, если ихъ не дразнить. Ходячіе рассказы о томъ, будто бы они умерщвляютъ даже буйволовъ и леопардовъ, отрицаются умными и понимающими охоту туземцами. Они утверждаютъ, что питонъ особенно охотно ѣстъ яйца, но преимущественно питается крысами и куриными птицами и т. д.; свою добычу онъ хватается пастью, трясетъ маленькихъ, барахтающихся животныхъ, пока они не око- лѣбютъ, и лишь болѣе крупныхъ душитъ, обвиваясь вокругъ нихъ. Туземцы разсказываютъ также, что вспугнутый или преслѣдуемый днемъ въ кампинахъ питонъ чаще всего высоко поднимается, чтобы осмотрѣться среди окружающей его растительности, но онъ всегда убѣгаетъ отъ человѣка, пока можетъ это сдѣлать, или держится совсѣмъ тихо, пока человѣкъ не пройдетъ мимо».

Относительно размноженія питоновъ туземцы ничего не могли сообщить намъ. Но мы узнали на пойманныхъ, что гіероглифовый питонъ въ этомъ отношеніи не отличается отъ своихъ азіатскихъ родственниковъ.

Въ іюні 1881 года два питона этого вида спарились въ Лондонскомъ зоологическомъ саду, и къ срединѣ декабря было замѣчено, что самка очень увеличилась въ объемѣ. — Сторожъ, знавшій, что животное впчего не ѣло втеченіе многихъ недѣль, счелъ ее больной и лишь за немного дней до 13 января узналъ истинную причину необычайнаго явленія. На утро названнаго дня онъ замѣтилъ что змѣя — самка втеченіе прошедшей ночи снесла большое количество яицъ, почти 100, какъ оказалось послѣ, и свернулась на нихъ уже описаннымъ выше способомъ. Повидимому во время кладки яицъ змѣя постоянно кружилась и клала одно яйцо за другимъ. Ни одно изъ нихъ ничѣмъ не соединялось съ другими; позже вся куча, однако, крѣпко склеилась вмѣстѣ, вслѣдствіе клейкой скорлупы и кромѣ того яйца были такъ сдавлены тяжестью лежащей сверху матеря, что совершенно потеряли свою первоначальную круглую форму. Въ такомъ положеніи самка оста-

вдалась до 4-го апрѣля и втеченіе всего этого времени лишь рѣдко покидала яйца и всегда лишь не надолго, дольше всего 4-го марта, когда она линяла.

Линяніе, занимающее у здоровыхъ змѣй самое большее 3 или 4 часа, на этотъ разъ продолжалось полныхъ 10-ть часовъ, и верхняя кожа отдѣлялась лишь маленькими лоскутками, что всегда является признакомъ нездоровья змѣи.

Зная о наблюденіяхъ Валансьена, и въ настоящемъ случаѣ измѣряли температуру, развившуюся между кольцами змѣи. примѣняя для этой цѣли специально устроенные, въ высшей степени чувствительные инструменты. Хотя результатъ измѣреній былъ совсѣмъ иной, однако несомнѣнно было установлено что тѣло самки обладаетъ высшей температурой, чѣмъ тѣло самца, и температура между кольцами еще значительнѣе температуры внѣшнихъ частей тѣла. — Напримѣръ, при температурѣ воздуха въ 14, 8° Ц. температура внѣшнихъ частей самца равнялась 21, 2°, —самки 22, 8°, —температура между кольцами самца 23, 8°, —между кольцами самки 27, 6; въ одномъ случаѣ, 2-го марта, при 15, 6° въ воздухѣ, измѣреніе дало 22° для внѣшней и 24, 1° Ц. для внутренней температуры самца, а для самки даже 22, 9° для внѣшней и 35, 6° для внутренней температуры; такимъ образомъ разница въ пользу самки оказалась отъ 6, 9 до 11, 2° Ц.

4-го апрѣля замѣтили, что яйца очевидно пришли въ гніеніе, и такъ какъ нельзя было ожидать благоприятныхъ результатовъ, потому что змѣи уже почти 10 недѣль лежала на нихъ и кромѣ того постылась почти 32 недѣли, то яйца были удалены. Ближайшее изслѣдованіе обнаружило въ 5—6-ти изъ нихъ отчасти развившихся зародышей, среди которыхъ одинъ достигъ длины около 20 см. Уже сдѣлались видны одѣяніе щитками и также окраска и рисунокъ кожи, поэтому дѣтеныщъ развился почти до вылупленія. Остальные изслѣдованныя яйца представляли, за исключеніемъ одного, испортившуюся жирную массу и нельзя было узнать, были ли они оплодотворены. Въ вышеупомянутомъ единственномъ яйцѣ замѣчали живого зародыша еще 15 дней спустя послѣ того, какъ яйцо было отобрано у самки. Змѣя, обнаружившая сильное безпокойство послѣ удаленія яицъ, около мѣсяца спустя снова перемѣнила кожу, начала ѣсть какъ обыкновенно и съ тѣхъ поръ чувствовала себя отлично. Въ новѣйшее время, между прочимъ Чаперъ наблюдалъ на Золотомъ берегу размноженіе гіероглифоваго питона на свободѣ и ему случилось спугнуть самку съ яицъ въ дуплистомъ деревѣ.

Суданцы, отлично знающіе, что гіероглифовый питонъ неопасенъ, при охотѣ на него пользуются простыми дубинами, потому что достаточно одного сильнаго удара по головѣ пресмыкающагося, чтобы убить его. Мы испытали, что его также легко убить выстрѣломъ дробью средней величины. Подстрѣленные исполнскія змѣи, особенно больно раненныя, повидимому пробуютъ защищаться, какъ это явствуетъ изъ только что приведенныхъ описаній. Швейнфуртъ, увидавъ упомянутую выше антилопу во власти исполнской змѣи, отошелъ назадъ насколько считалъ нужнымъ для удобства выстрѣла, потомъ выстрѣлилъ и увидѣлъ какъ въ то же мгновеніе питонъ всталъ дыбомъ передъ его глазами, взвившись прямо вверхъ больше, чѣмъ на метръ. «Потомъ», какъ говоритъ Швейнфуртъ, «онъ снова опустился и съ невѣроятной быстротой бросился на меня. Но лишь передняя половина его тѣла казалась способной двигаться, остальная часть туловища осталась на землѣ парализованной, потому что позвоночный хребетъ былъ слеманъ. Когда я убѣдился въ этомъ, я схватилъ свой дробовикъ, выстрѣлилъ, снова зарядилъ и стрѣлялъ до тѣхъ поръ, пока гадина перестала шевелиться. Я стрѣлялъ почти наугадъ, потому что не успѣвалъ слѣдить за движеніями змѣи». Этотъ естественный убійца и при другихъ случаяхъ, что исполнскихъ змѣй можно убивать обыкновенной дробью.

Въ Восточномъ Суданѣ я узналъ, что убитый гіероглифовый питонъ прежде всего идетъ въ пищу туземцамъ; его мясо, приправленное солью и краснымъ перцемъ, разваривается какъ можно мягче и потомъ поѣдается съ такимъ же великимъ удовольствіемъ, какъ мясо крокодила. Такъ какъ мы много слышали о хорошемъ вкусѣ его, то я приказалъ приготовить описаннымъ образомъ и для насъ кусокъ мяса. Кушанье это имѣло многообѣщающій, блѣснобѣжный цвѣтъ и дѣйствительно пріятный вкусъ, напоминающій вкусъ куриного мяса, но было такъ твердо и вязко, что мы едва могли его разжевать.

По словамъ Гейглина и негры племени доръ на Бѣломъ Нилѣ ѣдятъ мясо этой исполинской змѣи, между тѣмъ какъ негры динка, живущіе на той же рѣкѣ, по наблюденіямъ Швейнфурта, считаютъ несъѣдобными всѣхъ ползающихъ тварей, и особенно высоко почитаемыхъ ими змѣй, а изъ всѣхъ пресмыкающихся ѣдятъ единственно черепахъ. Напротивъ того, нѣкоторые племена западной Африки считаютъ исполинскихъ змѣй изысканнымъ кушаньемъ; по словамъ Саважа, они даже вывариваютъ изъ кожи и внутренностей супъ, который, по ихъ мнѣнію, превосходить всѣ другіе.

Ливингстонъ сообщаетъ намъ, что бушмены охотно ѣдятъ южноафриканскихъ питоновъ; напротивъ того, Смитъ говоритъ, что другіе туземцы южной Африки рѣдко рѣшаются преслѣдовать этихъ змѣй, такъ какъ чувствуютъ къ нимъ необычайный страхъ и считаютъ, что онѣ могутъ имѣть извѣстное вліяніе на ихъ судьбу и поэтому тотъ, кто нанесетъ какой-либо вредъ исполинской змѣѣ, неминуемо рано или поздно поплатится за свою дерзость. Пестрая кожа питоновъ для суданцевъ еще важнѣй ихъ мяса; суданцы и также негры, живущіе по Бѣлому и Голубому Нилу, примѣняютъ ее для всевозможныхъ украшеній и притомъ съ величайшимъ вкусомъ, особенно какъ украшенія оправъ ножей, амулетовъ, для письменныхъ и денежныхъ сумокъ и т. п. Нѣкоторыя народности, напримѣръ готтентоты, считаютъ жиръ питоновъ обладающимъ въ высшей степени цѣлебными свойствами, поэтому онъ еще тщательнѣе сохраняется, чѣмъ мясо, и принимается большими съ полной вѣрой, а потому часто и съ пользой. По словамъ Швейнфурта въ Суданѣ существуетъ подобное же воззрѣніе, но только цѣлебныя свойства жира ограничиваются ушными болѣзнями.

Въ зоологическихъ садахъ и странствующихъ звѣринцахъ африканскіе питоны, особенно гіероглифовый питонъ, встрѣчаются не рѣже своихъ американскихъ родственниковъ. Они, повидимому, такъ же легко, какъ послѣдніе, привыкаютъ къ своимъ хозяевамъ, и при соответствующемъ уходѣ отлично выживаютъ въ неволѣ.

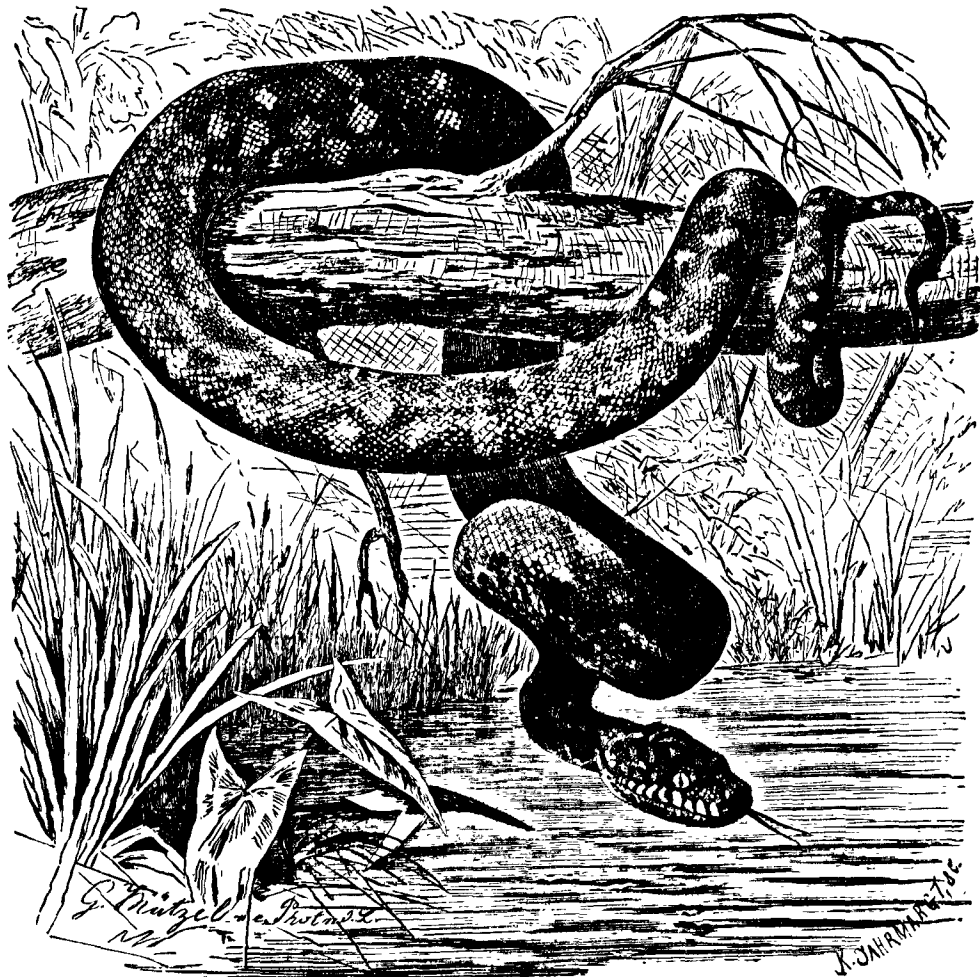
* *
*

Однѣя питонъ, живущій въ Австраліи и Новой Гвинее, отдѣляется отъ своихъ родичей въ особый родъ, *Morelia*, потому что отличается отъ нихъ болѣе боковымъ положеніемъ ноздрей и устройствомъ головныхъ щитковъ. Каждая ноздря открывается среди одного нераздѣльнаго щитка; на головѣ только сзади передняго щитка имѣются двѣ болѣе крупныя пары щитковъ, остальная голова покрыта мелкими неправильными чешуями; на переднемъ щиткѣ и обѣихъ переднихъ щиткахъ верхней губы имѣются углубленія.

Ромбическій питонъ (*Morelia argus punctata, variegata*. Coluber, *Vipera argus*, *Python punctatus, spilotes, peroni*. Rautenschlange. *Python argus*) можетъ считаться красивѣйшей изъ исполинскихъ змѣй. Его окраска чернаго и желтаго цвѣтовъ въ высшей степени разнообразнаго рисунка. Голова часто чернаго цвѣта

съ желтыми пятнами, верхняя часть тѣла усѣяна блестящими желтыми ромбами по сине-черному фону; нижняя сторона свѣтло-желтого или соломенно-желтого цвѣта, съ сѣро-черными поперечными полосами и пятнами. У середины тѣла можно насчитать 45—50 рядовъ чешуй. Согласно Беннету эта змѣя достигаетъ длины въ 4—5 м. Подъ названіемъ «Ковровой Змѣи» часто различаютъ другой видъ, но Беннетъ справедливо считаетъ его разновидностью перваго.

По наблюденіямъ Лессона ромбическій питонъ живетъ преимущественно въ

Ромбическій питонъ *Morelia argus*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

сырыхъ мѣстахъ, часто въ самой водѣ; по увѣренію же «Стараго бушмена»—на открытыхъ мѣстахъ, въ сухую погоду, по большей части въ равнинахъ, гдѣ лежатъ свернувшись въ какомъ-нибудь углубленіи. Въ жаркое время года онъ приближается къ водѣ и охотно держится общественно. Его пища состоитъ изъ мелкихъ сумчатыхъ крысъ, мышей и птицъ; у одного изслѣдованнаго Беннетомъ экземпляра, въ желудкѣ оказалась кузу-лиса (Т. III стр. 703), которая была такъ мало повреждена, что ее могли препарировать и выставить въ австралийскомъ музеѣ рядомъ съ ея убійцей. «Однажды» рассказываетъ «Старый бушмень» «я видѣлъ, какъ этотъ питонъ очаровывалъ стайку маленькихъ

лѣсныхъ птичекъ. Онъ лежалъ подъ свалившимся деревомъ, на сухихъ вѣткахъ котораго сидѣла большая стая птичекъ, прыгая, перепархивая и щебеча. Движенія змѣи были въ высшей степени граціозны: она наполовину приподнялась, нагнала голову впередъ и назадъ, двигала языкомъ и очевидно старалась приманить жертву и привлечь ее къ себѣ; вдругъ она увидѣла меня и поспѣшно скрылась».

Этотъ видъ питонѣвъ также скоро привыкаетъ къ неволѣ и даже до нѣкоторой степени ручиѣтъ.—Веннетъ держалъ въ клѣткѣ одного ромбическаго питона въ 2, 5 м. длиной и позволялъ ему иногда обвиваться вокругъ своей руки. При этомъ змѣя обыкновенно такъ крѣпко сжимала руку единственно съ цѣлью крѣпко держаться, что рука нѣсколько часовъ потомъ плохо двигалась.

Второе подсемейство ложноногихъ образуютъ **Удавовыя** (Boinae. Boaschlangen), къ которымъ принадлежитъ значительная часть настоящихъ исполинскихъ змѣй. Ихъ тѣло очень вытянутой формы; хорошо образованная голова по большей части явственно отдѣляется отъ туловища, шея сравнительно тонка, туловище сжато съ боковъ и сверху немного углублено вдоль посреднѣвъ, хвостъ въ различной степени способенъ свертываться и цѣпкій, голова часто покрыта чешуями, вмѣсто щитковъ, нижняя сторона хвоста одѣта широкими, всегда расположенными въ одинъ рядъ щитками. Зубы сидятъ въ верхней и нижней челюстяхъ, на небной и крыловидныхъ костяхъ, но не на межчелюстныхъ костяхъ.

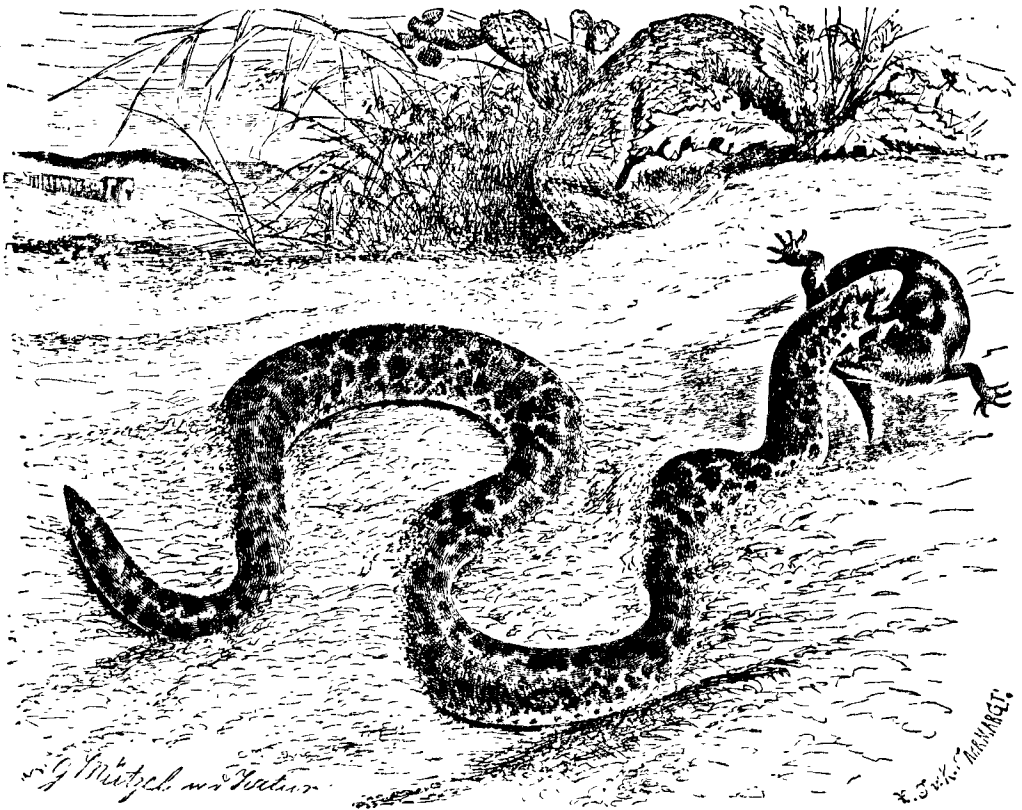
Различаютъ около 20 родовъ удавовыхъ съ 52 видами, изъ которыхъ большая часть особенно характерныхъ для подсемейства формъ живетъ въ Новомъ Свѣтѣ, но также и на о. Мадагаскарѣ, на о. Св. Маврикія, въ Австраліи, Новой Гвинее, на Молдукскихъ островахъ; другая, меньшая часть живетъ въ сухихъ и песчаныхъ мѣстностяхъ Стараго Свѣта.

* * *

На первомъ мѣстѣ слѣдующаго семейства мы поставимъ родъ **Полозовъ** (Eryx. Sandschlangen), такъ какъ онъ имѣетъ представителя и въ Европѣ. Отъ остальныхъ ложноногихъ полозы отличаются главнымъ образомъ очень короткимъ хвостомъ, который не можетъ свертываться и вообще гораздо менѣе подвиженъ, одѣтой мелкими чешуйками головою, явственнымъ продольнымъ желобкомъ на серединѣ подбородка, окраской и образомъ жизни. Тѣмъ не менѣе они очень близки къ удавамъ какъ по внѣшнимъ, такъ и по внутреннимъ признакамъ. Къ перечисленнымъ признакамъ рода можно еще прибавить, что передніе челюстные зубы полозовъ лишь немного длиннѣе заднихъ и что ихъ очень мелкія чешуйки могутъ быть гладки или килеваты. Тѣло ихъ умѣренной длины и вальковато, голова нѣсколько удлинена, рыло широко закруглено, глаза малы, зрачекъ вертикальный, разрывъ рта широкій. Ни одинъ изъ губныхъ щитковъ не имѣетъ ямкообразнаго углубленія.

Между тѣмъ какъ остальные ложноногія, именно настоящія исполинскія змѣи, предпочитаютъ всѣмъ другимъ мѣстности, богатая водою и поросшія богатою растительностью и до извѣстной степени лишь въ видѣ исключенія встрѣчаются въ другихъ мѣстахъ, полозы, соотвѣтственно ихъ нѣмецкому названію (Sandschlangen—песчаная змѣя) живутъ именно на очень сухой и по возможности состоящей изъ мелкаго песка почвѣ степей и пустынь и охотятся здѣсь болѣе подъ землею, чѣмъ на ея поверхности. Этотъ родъ, въ которомъ до настоящаго времени различаютъ лишь 5—6 видовъ, живетъ въ южной Европѣ, западной и южной Азіи и сѣверной Африкѣ.

Только **Полозь турецкій** (*Eryx jaculus, familiaris, turcicus, Anguis jaculus. miliaris, hel'uo, Boa tatarica. Sandschlange. Eryx ture*) служитъ представителемъ этого рода въ юговосточной Европѣ. Онъ достигаетъ длины въ 66, самое большее въ 77 см. и его легко узнать и отличить отъ другихъ европейскихъ змѣй по короткому тупозакругленному хвосту, маленькой, неотдѣленной отъ тѣла головѣ, одѣтой сверху мелкими, неправильными, къзадѣ даже чешуеобразными щитками, приблизительно 45 рядами чешуи которыя гладки и лишъ на хвостѣ слабо килеваты, и по шпорцевиднымъ придаткамъ по бокамъ заднепроходной щели, которые представляютъ зачатки ногъ. Лежащія сбоку ноздри очень узки, глаза малы. Основной цвѣтъ верхней стороны болѣе или менѣе яркій желтовато-сѣрый, который можетъ

Полозь турецкій. *Eryx jaculus*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

переходить у нѣкоторыхъ экземпляровъ въ ржавый, у другихъ въ соломенный, Голова, за исключеніемъ черноватой полоски съ каждой стороны, тянущейся въ косвенномъ направленіи отъ задняго края глаза къ углу рта, одноцвѣтна и развѣ на затылкѣ разрисована двумя широкими, посрединѣ соприкасающимися черноватыми или темно-бурыми полосами; верхняя сторона тѣла и хвоста украшена расположенными въ четыре продольныхъ ряда болѣе или менѣе четырехугольными пятнами такого же цвѣта, которыя самымъ различнымъ образомъ сливаются между собою и, благодаря разнымъ оттѣнкамъ цвѣтовъ, образуютъ рисунки, похожіе на коверъ. Нижняя сторона всегда значительно свѣтлѣе или одноцвѣтна, или имѣетъ черныя пятна. Наблюдались различныя разновидности.

Область распространения полоза ограничивается в Европѣ Балканскимъ полуостровомъ, гдѣ на западѣ онъ былъ найденъ еще на Корфу; на востокѣ этотъ полозъ встрѣчается до Алтайскихъ горъ, а на югъ по всей западной Азіи и въ Африкѣ до Египта и Алжира. Въ Европѣ эта змѣя встрѣчается довольно часто въ Греціи и населяетъ также нѣкоторые греческіе острова; въ Азіи она извѣстна въ Сиріи, Палестинѣ, Малой Азіи, Аравіи, Персіи, Каспійской области и Туркестанѣ, на сѣверѣ Африки въ пустыняхъ вдоль всего берега, а также вдоль обоихъ береговъ Нила до области верхняго теченія его онъ принадлежитъ къ обыкновеннымъ змѣямъ. По моимъ наблюденіямъ и наблюденіямъ другихъ полозъ встрѣчается на мѣстахъ, покрытыхъ мягкимъ сыпучимъ пескомъ; это объясняется тѣмъ, что онъ охотится не на поверхности, а подъ нею, и предметомъ этой охоты служить, вѣроятно, главнымъ образомъ ящерицы, ведущія такой же образъ жизни. Въ неволѣ полозы, которыхъ я получалъ иногда въ большомъ числѣ, показываются развѣ въ томъ случаѣ, если долго голодали и по движеніямъ надъ ними замѣчаютъ или предполагаютъ присутствіе добычи. На послѣднюю они затѣмъ нападаютъ и душатъ ее такъ же, какъ ихъ болѣе крупные родичи, пока она не умретъ, и затѣмъ обычнымъ способомъ приступаютъ къ проглатыванію. Арабы часто ловятъ эту змѣю и другой близкій видъ, но по большей части уродуютъ ее, отрѣзая ей языкъ. Такіе плѣнники живутъ, правда, еще долгое время, но упрямо отказываются отъ пищи и потому непременно рано или поздно гибнутъ; напротивъ, неповрежденные экземпляры проживаютъ въ клѣткѣ цѣлые годы. Особеннаго удовольствія они, впрочемъ, не доставляютъ и самому усердному наблюдателю по той простой причинѣ, что не показываются, а если ихъ вынуть изъ песка, то тотчасъ зарываются въ него снова. Если ихъ не беспокоить, то можно иногда не видѣть ихъ цѣлые мѣсяцы, и, перемѣняя въ клѣткѣ песокъ, можно изумиться, что они еще существуютъ тамъ. Напротивъ, живущія подобно имъ въ пескѣ ящерицы оказываются обыкновенно исчезнувшими. Въ водѣ для питья полозы не нуждаются.

По словамъ Вальтера полозъ хотя и водится лишь на низменностяхъ, но въ Закаспійскомъ краѣ встрѣчается не только въ чистомъ пескѣ, но также и въ степи и по теченію рѣкъ. Онъ появлялся тамъ лишь въ апрѣлѣ и поймать его было легче всего въ темную ночь съ фонаремъ. Два экземпляра этого вида выползли 19-го мая изъ узкихъ ходовъ въ пескѣ и начали играть, что, вѣроятно, должно было предшествовать совокупленію; когда ихъ хотѣли схватить, то одинъ скрылся, необыкновенно быстро зарывшись въ песокъ.

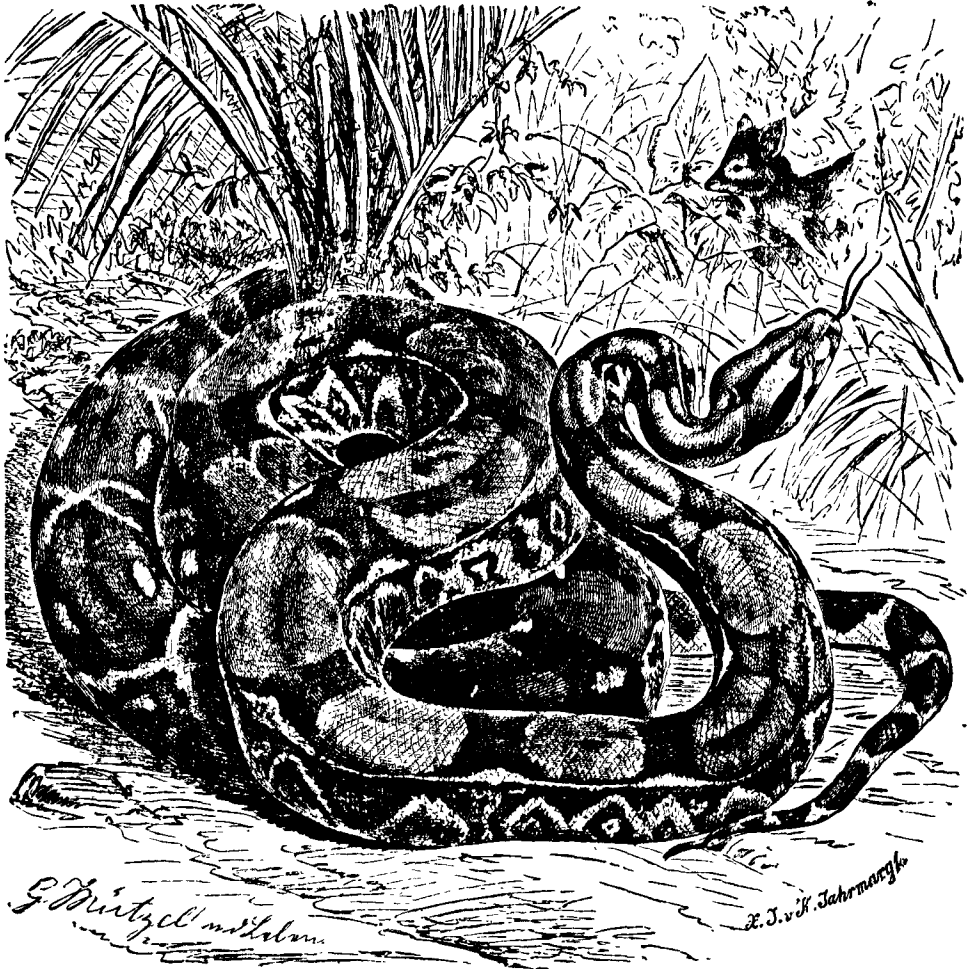
* *
*

Наиболѣе извѣстный, по крайней мѣрѣ по имени, представитель этого семейства—**Удавъ обыкновенный** (*Boa constrictor*, *Constrictor formosissimus*, *auspex*. *Abgottschlange*. *Boa devin*), принадлежащій къ роду **Удавовъ** (*Boa*). Отличительные признаки этого рода: отсутствіе ямокъ на губныхъ щиткахъ, гладкія чешуйки тѣла, расположенныя приблизительно въ 90 продольныхъ рядовъ, и ясно отдѣленная отъ шеи, плоская, спереди притупленная голова, покрытая чешуйками и лишь по краю рта равномерно расположенными щитками.

Обыкновенный удавъ принадлежитъ къ самымъ красивымъ изъ всѣхъ змѣй вообще. Рисунокъ его очень изященъ и пріятенъ, хотя и состоитъ лишь изъ немногихъ и простыхъ цвѣтовъ. Основной цвѣтъ пріятный красновато-сѣрый; по спинѣ пробѣгаетъ широкая зубчатая продольная полоса, заключающая въ себѣ яйцевидныя, съ обѣихъ сторонъ выемчатыя сѣро-желтоватыя пятна; голова разрисована тремя продольными темными полосками. У молодыхъ удавовъ цвѣта ярче,

а яйцевидныя пятна соединены по бокамъ болѣе свѣтлыми продольными линиями.

Длина взрослыхъ животныхъ, говорятъ, достигаетъ и даже превосходить 6 м. «Эта змѣя», говоритъ принцъ фонъ Видъ: «достигала прежде и даже достигаетъ еще теперь (1825) въ совершенно безлюдныхъ мѣстностяхъ длины въ 20—30 футовъ, а можетъ быть и болѣе. Еще теперь попадаются экземпляры толщиною въ человеческое бедро, которые способны поймать и задавить косулю. Въ Сертонгѣ,

Обыкновенный удавъ. *Boa constrictor*. $\frac{1}{8}$ наст. вел.

въ Бахія и у Риакко де Рессакве мнѣ рассказывали объ одномъ животномъ такой величины, убитомъ тамъ незадолго передъ тѣмъ. Въ совершенно пустынныхъ дикихъ мѣстностяхъ еще и теперь при ихъ разчисткѣ и обработкѣ находятъ обыкновенно исполинскіе экземпляры этого вида.» Шомбургкъ тоже утверждаетъ, будто бы эта змѣя достигаетъ длины въ 6—10 м. Но ни тотъ, ни другой путешественникъ не измѣряли сами такую змѣю и оба передаютъ очевидно лишь рассказы туземцевъ, въ достовѣрности которыхъ слѣдуетъ сомнѣваться.

При современномъ состояніи нашихъ знаній рассказы прежнихъ путешественниковъ объ удавѣ кажутся намъ въ высшей степени забавными. Именно о

немъ сочинялись всевозможныя небыллицы. Юще во времена Ласепада вѣрили всѣмъ преувеличеніямъ и сказкамъ, исходившимъ отъ путешественниковъ, одаренныхъ непомерно развитымъ воображеніемъ. «Если и отбросить кое-что изъ разсказовъ объ удавѣ, особенно объ его безчувственности и опѣевѣннѣи, то все же, по видимому, несомнѣнно, что въ различныхъ мѣстностяхъ, а именно на Панамскомъ перешейкѣ, путешественники наталкивались среди густой травы лѣсовъ на скрытыхъ на половину удавовъ, черезъ которыхъ они переступали во время ихъ пищеварительнаго періода, или на которыхъ они, если можно вѣрить разсказамъ, даже садились, считая этихъ животныхъ за упавшіе, покрытые травой, древесныя стволы, и при этомъ змѣя не трогалась. Только въ томъ случаѣ, если близко отъ нея разводили огонь, теплота настолько оживляла ее, что она начинала двигаться и путешественники съ ужасомъ замѣчали ея присутствіе и убѣгали.» Ласепедъ основывается при этомъ на разсказѣ патера Симона, который сообщаетъ, что въ одномъ лѣсу Венецуэлы 18 испанцевъ, утомившись отъ путешествія, хотѣли сѣсть на упавшій древесный стволъ и къ величайшему ужасу замѣтили, что этотъ стволъ началъ ползати и превратился въ удава.

Ласепедъ полагаетъ, что названіе священной змѣи (Abgottschlange) дается обыкновенному удаву потому, что древніе мексиканцы поклонялись ему. «Его ужасная сила и исполинская величина, блескъ его чешуи и красота цвѣтовъ внушали чувство изумленія и ужаса нѣкоторымъ народамъ, которые были еще недалеки отъ грубаго первобытнаго состоянія, а такъ какъ все удивительное и страшное, все то, въ чемъ можно видѣти большое превосходство надъ другими существами, легко возбуждаетъ въ непросвѣщенныхъ умахъ представленіе о сверхъестественномъ существѣ, то и древніе обитатели Мексики всегда съ священнымъ ужасомъ взирали на удава и боготворили его, или полагая, что такая большая и движущаяся съ такою быстротою масса можетъ быть приводима въ движеніе лишь дыханіемъ божества, или считая эту змѣю служителемъ небесныхъ силъ. Вслѣдствіе этихъ выдающихся качествъ удава они дали ему имя своего царя. Къ нему они обращались съ молитвами, а слѣдовательно, онъ служилъ и предметомъ ихъ особаго вниманія. Ни одно его движеніе не осталось незамѣченнымъ, ни одно изъ дѣйствій не было для нихъ безразличнымъ. Съ трепетомъ слушали они его долгие пронзительное шипѣніе и въ благочестивомъ заблужденіи полагали, что всѣ проявленія различнаго расположенія духа этого удивительнаго и божественнаго существа могли предвѣщать имъ ихъ судьбу. Шипѣніе удава въ глазахъ мексиканцевъ предвѣщало всегда большое несчаствіе и приводило ихъ въ ужасъ. Высшее божество мексиканцевъ, «Витцлипутцли», изображается со змѣю въ правой рукѣ, а въ храмахъ и на алтаряхъ этого идола, которому приносились человѣческія жертвы, тоже находили часто изображеніе этой змѣи». Я оставляю, конечно, открытымъ вопросъ, дѣйствительно ли мексиканцы поклонялись обыкновенному удаву или близкому виду этого рода, водящемуся въ Мексикѣ, не отваживаюсь также рѣшать, дѣйствительно ли существовало это поклоненіе или нѣтъ, но считаю возможнымъ, что названіе божественной змѣи произошло отъ идолопоклонническихъ обрядовъ, похожихъ на тѣ, которые негры продѣлываютъ по отношенію къ змѣямъ въ Южной и средней Америкѣ. Среди нынѣ живущихъ индѣйцевъ всѣ змѣи, насколько мнѣ извѣстно, утратили подобное значеніе, если и имѣли его когда-либо; напротивъ, среди негровъ поклоненіе змѣямъ, какъ уже было замѣчено, играетъ важную роль.

Область распространенія обыкновеннаго удава, по видимому, менѣе обширна, чѣмъ обыкновенно принимали, такъ какъ часто смѣшивали исполинскихъ змѣи

разныхъ видовъ. Повидимому можно считать установленнымъ, что онъ занимаетъ совершенно замкнутую область распространения къ сѣверу отъ Рио-де-Жанейро и Кабо Фриу въ средней и сѣверной Бразиліи, во всей Гвианѣ, въ Венецуэлѣ и на нѣкоторыхъ изъ болѣе южныхъ Малыхъ Антильскихъ островахъ и проникаетъ на западъ въ области верхняго течения Амазонской рѣки до Андовъ Эквадора и Перу. Принцъ фонъ-Видъ и Шомбургкъ единогласно говорятъ, что онъ держится лишь въ сухихъ жаркихъ мѣстностяхъ, лѣсахъ и кустарникахъ. Онъ живетъ въ норахъ въ землѣ и расщелинахъ скалъ, между корнями и въ другихъ убѣжищахъ, нерѣдко маленькими обществами изъ 4, 5 и болѣе экземпляровъ, а также поднимается иногда на деревья, чтобы подстергать съ нихъ добычу. Въ воду онъ не идетъ никогда, между тѣмъ какъ родственные виды держатся именно тутъ.

Еслибы можно было прослѣдить поведеніе удава ночью, то мы несомнѣнно получили бы совершенно другое представленіе объ его характерѣ, чѣмъ то, которое мы имѣемъ теперь. Правда, онъ и днемъ не пропуститъ подвернувшуюся добычу, но настоящее время охоты его начинается несомнѣнно лишь съ наступленіемъ сумерекъ. Это достаточно ясно доказывается поведеніемъ его на свободѣ и въ неволѣ. Всѣ путешественники, которые бродили по лѣсамъ Южной Америки и встрѣчались съ обыкновенными удавами, говорятъ единогласно, что эти змѣи неподвижно или по крайней мѣрѣ вяло оставались на одномъ мѣстѣ и обращались въ бѣгство лишь тогда, когда противникъ приближался къ нимъ на нѣсколько шаговъ, что ихъ можно было даже убивать дубиной. Шомбургкъ встрѣтился на одной изъ своихъ экскурсій съ большимъ удавомъ, который навѣрное видѣлъ уже нѣкоторое время его и его спутника-индѣйца, но не скрылся, а остался неподвижно на мѣстѣ. «Еслибы этотъ предметъ», говоритъ путешественникъ, «бросился мнѣ въ глаза прежде, то я принялъ бы его за конецъ торчащей кверху вѣтви. Несмотря на убѣжденія и страхъ моего спутника и нежеланіе моей собаки, я скоро рѣшился по крайней мѣрѣ сдѣлать попытку убить это животное. Здоровая дубина въ качествѣ оружія для нападенія была скоро найдена. Змѣя все еще неподвижно протягивала голову надъ чащей; я осторожно приблизился, чтобы имѣть возможность достать до нея своимъ оружіемъ и нанести ей оглушающій ударъ; но въ то самое мгновеніе, какъ я хотѣлъ сдѣлать это, животное исчезло подъ зеленымъ покровомъ и своеобразно шуршащее движеніе вай папоротниковъ показало мнѣ, что удавъ обратился въ бѣгство. Густота заросли не давала мнѣ проникнуть въ нее, но движеніе растеній выдавало мнѣ направленіе, котораго держалась убѣгающая змѣя. Она скоро снова приблизилась къ опушкѣ, вдоль которой я сѣвшилъ, чтобы держаться на одной линіи съ нею. Вдругъ извилистое движеніе папоротниковъ прекратилось и голова змѣи высунулась сквозь зеленый кровъ листьевъ, вѣроятно, чтобы осмотрѣться, гдѣ преслѣдователь. Счастливыи ударъ такъ сильно поразилъ ее въ голову, что она, ошеломленная, свалилась на землю; прежде чѣмъ она пришла въ себя, я нанесъ ей еще нѣсколько ударовъ. Какъ хищная птица на голубя, бросился я теперь на свою добычу, опустился на нее колѣнами и, обхвативъ обѣими руками шею, сдавилъ ей горло. Убѣдившись, что настоящая опасность миновала, индѣецъ поспѣшилъ на мой зовъ, отстегнулъ у меня одну изъ подтяжекъ, сдѣлалъ петлю, наложилъ ее выше моей руки вокругъ шеи удава и какъ можно сильнѣе стянулъ ее. Густая чаща мѣшала судорожнымъ извивамъ сильнаго животнаго и тѣмъ помогла овладѣть имъ».

Принцъ фонъ-Видъ говоритъ, что въ Бразиліи обыкновеннаго удава убиваютъ палкой или ружейнымъ выстрѣломъ, такъ какъ выстрѣлъ дробью тотчасъ стираетъ его на землѣ. Опытные и смышленные охотники въ Бразиліи смѣются,

если ихъ спросить, опасна ли эта змѣя и для людей; лишь невѣжественная народная масса рассказываетъ объ этихъ животныхъ фантастическія исторіи, которыя однако всегда опровергаются всѣми знатоками и основательными наблюдателями.

Пища удава состоитъ изъ мелкихъ млекопитающихъ и птицъ различнаго рода, особенно агуты, лака, крысъ и мышей. Что удавъ не щадитъ и яицъ, доказываютъ содержимые въ неволѣ, которыя, повидимому, проявляютъ къ нимъ большую жадность. Старые экземпляры отваживаются, говорятъ, нападать на животныхъ величиною до собаки или козули. Одинъ бразильскій охотникъ рассказывалъ принцу фонъ-Видъ, что онъ услышалъ разъ въ лѣсу крикъ своей собаки и, приблизившись, увидѣлъ, что большой удавъ схватилъ ее за бедро, обвился вокругъ нея и такъ сдавилъ ее, что у собаки выступила изъ горла кровь. Исторіи, подобныя сообщеннымъ Гарднеромъ, будто бы американскія исполинскія змѣи проглатываютъ лошадей или людей, относятся къ области басенъ.

Живущіе на свободѣ, безъ сомнѣнія, пожираютъ лишь добычу, которую умертвили сами, но не падалъ; но содержимыхъ въ неволѣ можно постепенно приучить ѣсть и падалъ. Такъ, Эффельдтъ кормилъ своихъ удавовъ всегда мертвыми крысами, такъ какъ живыя производили въ ящикахъ слишкомъ большой беспорядокъ, и змѣи никогда не оставляли такую падалъ нетронутой; имъ даже, повидимому, нравилось, если крысы были нѣсколько загнившими, что говорить въ пользу существованія у нихъ обонанія.

О размноженіи удавовъ на свободѣ я не имѣю никакихъ подробныхъ свѣдѣній. На содержимыхъ въ неволѣ наблюдали, что они рождали живыхъ дѣтенышей. Принцъ Вольдемаръ Прусскій убилъ одного беременнаго удава, отнесеннаго къ описываемому виду, 12 яицъ котораго были уже настолько выношены, что дѣтеныши достигали длины отъ 30 до 50 см., а Вестерману посчастливилось видѣть, какъ содержимые въ неволѣ удавы съ успѣхомъ приступили къ размноженію: змѣя, о которой идетъ рѣчь, родила нѣсколько живыхъ дѣтенышей и вмѣстѣ съ ними нѣсколько яицъ.

Въ восточной части Южной Америки убитые удавы различнымъ образомъ употребляются въ дѣло. Мясо ѣдятъ, какъ говорятъ, негры; жаръ считается надежнымъ средствомъ противъ различныхъ болѣзней; кожу обыкновенно дубятъ и выдѣлываютъ изъ нея сапоги, чепраки и тому подобное; негры обвиваютъ ее также вокругъ тѣла, считая предохранительнымъ средствомъ отъ различныхъ болѣзней.

Удавовъ, привозимыхъ живыми въ Европу, ловятъ обыкновенно въ петли, которыя разставляютъ передъ ихъ логовищемъ. По степени гладкости входа, гдѣ толстое, тяжелое тѣло всегда оставляетъ слѣдъ, узнаютъ, обитаема ли данная нора или нѣтъ, и въ первомъ случаѣ укрѣпляютъ передъ входомъ въ нее петлю. Пойманное животное, говорятъ, сильно бьется и извивается, но лишь рѣдко случается, чтобы оно задохлось, такъ какъ, легко погибая отъ пораненій, оно, повидимому, оказывается довольно нечувствительнымъ по отношенію къ давленію и удару. Убѣдившись ранѣе на опытѣ въ живучести змѣй, Шомбургкъ тщательно связалъ пришибленнаго имъ удава и прикрѣпилъ его къ столбамъ хижины. Оказалось, что эта предосторожность была совершенно основательна. «Рѣзкій необузданный хохотъ и громкое, странное шипѣніе», рассказываетъ нашъ изслѣдователь, «разбудили меня утромъ. Я поспѣшно соскочилъ съ гамака и вышелъ изъ хижины. Змѣя дѣйствительно оправилась и старалась, дѣлая страшныя усилія, освободиться отъ путъ. Вокругъ нея собралась кругомъ индѣйцы, которые дразнили ее, увеличивая ея гнѣвъ и ярость. Языкъ удава былъ въ непрерывномъ движеніи. Если къ нему приближались во время шипѣнія, то чувствовался мускусный запахъ. Чтобы какъ можно скорѣе положить конецъ мученіямъ змѣи, я выстрѣлилъ ей въ голову»

Истребляя мышей и крысѣ, удавъ, какъ мы слышали, оказывается весьма полезнымъ въ амбарахъ бразильскихъ кушцовъ и плантаторовъ, считается поэтому почти домашнимъ животнымъ и пользуется иногда такимъ довѣріемъ, что даже ночью спать въ одной комнатѣ съ нимъ. Его умѣренность или способность безъ вреда голодать цѣлые мѣсяцы еще болѣе увеличиваетъ его цѣнность и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчаетъ пересылку. Это дѣлается крайне просто. Змѣю упаковываютъ въ большой ящикъ, забиваютъ его гвоздями; прсдѣлываютъ нѣсколько отверстій для воздуха и предоставляютъ ее судьбѣ. Вслѣдствіе этого пренебрежительнаго обращенія и, вѣроятно, пробуждающагося голода она обыкновенно достигаетъ мѣста назначенія въ довольно непривѣтливомъ расположеніи духа, оказывается злою и готовою къ паденію и долго упрямится, прежде чѣмъ рѣшится приняться за ѣду, но скоро раздраженное состояніе начинаетъ уменьшаться, а когда она начинаетъ ѣсть и нѣсколько привыкнетъ къ хозяину, то съ нею легко имѣть дѣло. Необходимыя условія для того, чтобы удавъ чувствовалъ себя хорошо, это большая теплая клѣтка съ стволами и вѣтвями для лазанія и вдѣланнымъ въ дно большимъ корытомъ для купанія. Употребляемые въ звѣринцахъ ящики вовсе поэтому не соотвѣтствуютъ потребностямъ животного, а шерстяныя одѣяла, въ которыя его закутываютъ, думая согрѣть его, могутъ принести больше вреда, чѣмъ пользы. Дѣло въ томъ, что не разъ наблюдали, какъ содержимыя въ неволѣ исполинскія змѣи, можетъ быть подъ влияніемъ голода, проглатывали свое одѣяло. У одного удава въ Берлинѣ проглоченное шерстяное одѣяло оставалось въ желудкѣ 5 недѣль и 1 день; втеченіе этого времени онъ очень много пилъ и обнаруживалъ признаки недомоганія, пока не началъ, наконецъ, ночью между 11 и 12 часами выбрасывать обратно шерстяную массу и счастливо освободился, съ помощью сторожа, отъ непереваримаго куска. То же случилось почти одновременно и въ Лондонскомъ зоологическомъ саду, а позднѣе въ Jardin des plantes въ Парижѣ. Одѣяло, которое проглотилъ жившій здѣсь удавъ, имѣвшій болѣе 3 м. длины, было 2 м. длины и 1,6 м. ширины и оставалось въ желудкѣ съ 22 августа до 30 сентября. Наконецъ, змѣя открыла пасть и выдвинула конецъ одѣяла; за этотъ конецъ схватился сторожъ, но не тянулъ его; удавъ обвился хвостомъ вокругъ находившагося въ клѣткѣ дерева и сталъ подвигаться назадъ, такъ что все одѣяло вышло обратно неповрежденнымъ; но оно приняло форму валька, длиною почти въ 2 м., который въ самомъ толстомъ мѣстѣ достигалъ въ поперечникѣ 12 см. Послѣ этого происшествія змѣя оставалась 10 дней вялою, но потомъ совершенно оправилась.

* * *

Въ тѣхъ же странахъ, которыя служатъ родиной обыкновеннаго удава, живетъ и знаменитая анаконда, принадлежащая къ тому же семейству, но очень сильно отличающаяся по образу жизни и служащая представителемъ рода **Водяныхъ удавовъ** (*Eunectes. Wasserschlenger*). Она отличается отъ обыкновеннаго удава и своихъ родичей тѣмъ, что носовые щитки съ могущими закрываться ноздрями соприкасаются между собою на серединѣ морды и что покровъ головы состоитъ передъ глазами изъ болѣе крупныхъ, довольно правильно расположенныхъ щитковъ. Голова, по сравненію съ длиною и толщиною тѣла, мала, мало отдѣлена отъ шеи. Продолговато яйцевидна и сплюснута сверху, морда закруглена, тѣло толстое; хвостъ тупой и короткій; 55—60 рядовъ чешуекъ окружаютъ середину тѣла.

Анаконда, Сунуриуба или Комути (*Eunectes murinus, Boa murina, scytale, aquatica, glauca, gigas, anaconda. Anakonda. Boa anacondo*), по словамъ принца

фонъ-Видъ, который подробно описываетъ ее, обладаетъ очень постоянной и характерной окраскою. Верхнія части темно-оливково-чернаго цвѣта, бока головы оливково сѣрые, нижніе края челюстей болѣе желтоватые; отъ области лба между глазъ, радужная оболочка которыхъ темна и мало замѣтна, тянется къ затылку широкое грязно-желто-красное пятно, окаймленное съ боковъ чернымъ цвѣтомъ, а подъ нимъ, тоже отъ глазъ, въ косвенномъ направленіи внизъ надъ угломъ рта, черно-бурая полоса, которая рѣзко отличается отъ пятна на верхней части головы; нижнія части животнаго до половины высоты боковъ усыяны на блѣдно-желтомъ фонѣ черноватыми пятнами, которыя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образуютъ двѣ прерывающіяся продольныхъ линіи; рядомъ съ этими пятнами находятся два ряда кольцеобразныхъ, черныхъ съ желтой серединой глазчатыхъ пятенъ, а отъ головы до конца хвоста тянутся по верхней сторонѣ два ряда круглыхъ или кругловатыхъ, отчасти расположенныхъ попарно, отчасти чередующихся черно-бурыхъ пятенъ, которыя на шеѣ и надъ заднепроходнымъ отверстіемъ обыкновенно стоятъ рядомъ, а въ остальныхъ частяхъ тѣсно сближены и могутъ соединяться въ попережномъ направленіи.

Изъ исполинскихъ змѣй Новаго Свѣта анаконда самая большая. Самая крупная змѣя этого вида, измѣренная Гюнтеромъ, равнялась 29 футамъ, слѣдовательно, 8,29 м.; Фишеръ упоминаетъ объ измѣренныхъ имъ самимъ экземплярахъ длиною въ 7,13 и 7,58 м. Одна змѣя этого вида, которую изслѣдовалъ Бэтсъ, имѣла въ длину болѣе 6 м. и обхватъ ея по серединѣ тѣла равнялся 60 см. Шомбургеръ рассказываетъ, что онъ убилъ нѣсколько экземпляровъ длиною въ 5 м.; то же подтверждаютъ и данныя принца фонъ-Видъ. Но Каплеръ опредѣленно говоритъ объ анакондѣ, которую онъ самъ убилъ и измѣрилъ: «она безъ головы и хвоста была длиною въ 26 рейнскихъ футовъ, а слѣдовательно, вся длина равнялась почти 30 футамъ, а толщина ея равнялась обыкновенной толщинѣ тѣла мужчины». Несомнѣнно, что анаконда — сильная, внушающая почтеніе змѣя, которая, вмѣстѣ съ живущимъ въ Индіи сѣтчатымъ питономъ, самая большая изъ всѣхъ извѣстныхъ змѣй.

«Всѣ рассказы и названія», говоритъ принцъ фонъ-Видъ: «указывающіе на пребываніе въ водѣ или около воды, относятся къ этому виду. Онъ по большей части живетъ въ водѣ и можетъ очень долго оставаться на глубинѣ, но часто выходитъ на берегъ на старые древесные стволы, обломки скалъ или на горячій песокъ, чтобы грѣться здѣсь на солнцѣ или съѣсть добычу. Анаконда предоставляетъ теченію рѣки нести ее, ловить здѣсь рыбу или ложится на обломкѣ скалы въ засаду, подстерегая водосвинокъ, агути, пака и тому подобныхъ животныхъ. Въ рѣкѣ Бельмонте мои охотники увидѣли торчащія изъ воды четыре ноги млекопитающаго, которое они приняли за мертвую свинью; но когда они подошли ближе, то замѣтили исполинскую змѣю, которая нѣсколько разъ обвилась вокругъ большой водосвинки и задушила ее. Охотники тотчасъ два раза выстрѣлили въ чудовище, а ботокудъ всадилъ въ него стрѣлу. Лишь теперь змѣя оставила добычу и, несмотря на рану, быстро удаллась, какъ будто бы съ ней ничего не случилось. Мои люди поймали еще свѣжую, только что задушенную водосвинку и возвратились, чтобы рассказать мнѣ объ этомъ случаѣ. Такъ какъ для меня было крайне важно добыть эту замѣчательную змѣю, то я тотчасъ послалъ охотниковъ снова, чтобы отыскать ее; но весь трудъ пропалъ даромъ. Дробины потеряли въ водѣ силу, а стрѣлу наши сломанной на берегу, гдѣ змѣя освободилась отъ нея».

Анаконда питается различными млекопитающими и птицами. Она проводитъ много времени на днѣ воды, лежить, отдыхая, въ глубинѣ и развѣ высовываетъ надъ поверхностью воды свою голову, наблюдая отсюда берегъ, или плыветъ внизъ

шо теченію, замѣчая всякаго рода добычу. Жители сильно ненавидятъ ее за ея разбой: Шомбургкъ убилъ змѣю, которая только что схватила одну изъ большихъ ручныхъ мускусныхъ утокъ и уже задушила ее, и узналъ, посѣтивъ одну плантацію, что анаконда нападаетъ иногда и на домашнихъ четвероногихъ, напримѣръ свиней. Другіе изслѣдователи подтверждаютъ эти данныя. «Когда мы», рассказываетъ Батсъ: «стояли на якорѣ въ гавани Антоніо Малагета, мы испытали непріятное посѣщеніе. Сильный ударъ въ бортъ моей лодки, за которымъ послѣдовалъ звукъ падающаго въ воду тяжелаго тѣла, разбудилъ меня около полуночи. Я поспѣшно всталъ, чтобы посмотрѣть, что случилось. Все уже успокоилось и лишь куры въ корзинѣ, привязанной на борту судна на высотѣ около 2 футовъ надъ уровнемъ воды, были неспокойны и кудахтали. Я не могъ объяснить себѣ это; мои люди были на берегу: поэтому я возвратился въ каюту и проспалъ до утра. Проснувшись, я нашелъ, что куры бѣгаютъ по лодкѣ, и при ближайшемъ изслѣдованіи въ корзинѣ для куръ оказалась большая дыра; двухъ куръ не доставало. Синьоръ Антоніо заподозрилъ въ этомъ преступленіи анаконду, которая, какъ онъ говорилъ, охотилась въ этой части рѣки за нѣсколькими мѣсяцевъ до того и утащила множество утокъ и куръ. Сначала я былъ склоненъ сомнѣваться въ этомъ и скорѣе подозрѣвалъ каймана, хотя мы уже нѣсколько времени не видѣли въ рѣкѣ ни одного; однако, спустя нѣсколько дней я имѣлъ случай вполне убѣдиться, что Антоніо былъ правъ. Молодые люди изъ различныхъ поселеній собрались на охоту за хищникомъ, начали правильное преслѣдованіе, изслѣдовали всѣ мелкіе островки по обоямъ берегамъ рѣки и, наконецъ, нашли змѣю въ устьѣ одной илистой рѣчки, гдѣ она лежала на солнцѣ. Они убили ее метательными копьями и на слѣдующій день мнѣ удалось видѣть ее; при измѣреніи оказалось, что это былъ не особенно большой экземпляръ: длина ея равнялась 6 м., обхватъ лишь 40 см.»

Именно относительно анаконды утверждаютъ, что она нападаетъ иногда на человѣка, и можетъ быть къ ней относится переданный уже рассказъ принца Моррица Нассаускаго. Шомбургкъ рассказываетъ буквально слѣдующее: «Въ Марокко (одна изъ миссій въ Гвіанѣ) всѣ были еще ошеломлены нападеніемъ испанской змѣи на двухъ жителей миссии. За нѣсколько дней до этого одинъ индѣецъ изъ миссии поѣхалъ съ женою вверхъ по рѣкѣ на охоту за птицами. Онъ выстрѣлилъ въ вспугнутую утку и она упала на берегъ. Спѣша къ добычѣ, охотникъ былъ внезапно схваченъ большою комути или анакондой. Не имѣя съ собою никакого оружія (ружьѣ онъ оставилъ въ челнокѣ), онъ крикнулъ женѣ, чтобы она принесла ему большой ножъ. Едва жена приблизилась къ нему, какъ чудовище схватило и ее и обвилось вокругъ нея, причемъ индѣйцу удалось, къ счастью, высвободить руку и нанести змѣѣ нѣсколько ранъ. Ослабленная ими, она, наконецъ, оставила индѣйцевъ и обратилась въ бѣгство. Это былъ единственный извѣстный мнѣ случай, когда анаконда напала на людей». Въ высшей степени вѣроятно, что змѣя намѣревалась напасть на утку, а не на индѣйца, и въ слѣпой хищности впѣлилась въ него. Однако бываютъ и дѣйствительные случаи. «Въ Эгѣ», рассказываетъ Батсъ: «большая анаконда разъ чуть не съѣла 10-лѣтняго мальчика, сына одного изъ моихъ сосѣдей. Отецъ и сынъ хотѣли набрать дикихъ плодовъ и высадились на песчаный берегъ. Мальчикъ остался стеречь лодку, а отецъ пошелъ въ лѣсъ. Въ то время, какъ мальчикъ игралъ въ водѣ подъ тѣнью деревьевъ, вокругъ него обвилась большая анаконда, которая незамѣтно приблизилась къ нему настолько, что онъ не могъ уже спастись бѣгствомъ. Къ счастью, на его крикъ своевременно подоспѣлъ отецъ, который тотчасъ схватилъ анаконду за голову, раскрылъ ей челюсти и освободилъ мальчика». А. фонъ-Гумбольдтъ тоже говоритъ ясно, что большія

водяныя змѣи бываютъ опасны индѣйцамъ во время купанія. Тѣмъ не менѣе эти исключенія не могутъ опровергнуть установленнаго принципомъ фонъ-Видъ правила, что нераздраженная анаконда безопасна для человѣка и что никто ея не боится.

Послѣ принятія обильной пищи анаконда, какъ и вообще всѣ змѣи, становится вялой, но никогда не бываетъ при этомъ до такой степени неподвижной, какъ рассказывали. Во всемъ, что говорилось о пищѣ и неподвижности во время пищеваренія, заключается, какъ указываетъ принцъ фонъ-Видъ, «извѣстная доля правды, но она всегда очень преувеличена». Шомбургкъ замѣчаетъ, что запахъ, исходящій отъ анаконды во время пищеваренія, отвратителенъ, и по большей части, руководясь имъ, можно придти къ мѣсту, гдѣ лежитъ переваривающая пищу змѣя. По словамъ Вагертонна, остается еще спорнымъ, происходитъ ли эта вонь отъ разлагающихся кусковъ добычи или отъ извѣстныхъ железъ, которыя находятся, какъ говорятъ, около заднепроходнаго отверстія.

Гумбольдтъ первый изъ естествоиспытателей упоминаетъ, что анаконда замираетъ въ илѣ и впадаетъ въ состояніе оцѣпенѣнія, когда высыхаютъ воды, въ которыхъ она живетъ. «Индѣйцы часто находятъ», говоритъ онъ: «громадныхъ исполинскихъ змѣй въ этомъ состояніи и, какъ говорятъ, чтобы разбудить, ихъ раздражаютъ или поливаютъ водой». Впрочемъ, такая зимняя спячка наступаетъ лишь въ извѣстныхъ частяхъ Южной Америки, но не въ тѣхъ странахъ ея, гдѣ не бываетъ ни холода, ни невыносимаго жара и засухи. Здѣсь, по увѣренію принца фонъ-Видъ, не случается никакихъ значительныхъ перемѣнъ въ образѣ жизни анаконды и все, что говорили о зимней спячкѣ ея, не относится къ лѣсамъ Бразиліи. Въ вѣчно богатыхъ водою лѣсныхъ долинахъ, гдѣ она живетъ не въ настоящихъ болотахъ, а въ широкихъ озерахъ, рѣкахъ и ручьяхъ, берега которыхъ освѣжаются тѣнью старыхъ деревьевъ дѣвственнаго лѣса, она остается подвижной и живой и зимой, и лѣтомъ. Однако жителямъ извѣстно, что въ жаркое время, т. е. въ декабрѣ, январѣ и февралѣ, такъ какъ въ это время въ ней пробуждается уже половое стремленіе, она движется больше и чаще показывается, чѣмъ въ остальное время года.

Во время спариванія, по словамъ того же изслѣдователя, которыя вполне подтверждаетъ и Шомбургкъ, часто бываетъ слышно странное ворчаніе анаконды. О самомъ совокупленіи, т. е. о времени и способѣ его, неизвѣстно ничего. Шомбургкъ говоритъ, что дѣтеныши выходятъ изъ яицъ еще въ брюхѣ матери и что число ихъ часто доходитъ до сотни, а Каплеръ нашелъ въ тѣлѣ убитой имъ анаконды «78. кожистыхъ пузырей длиною въ 6 дюймовъ, въ которыхъ находилось по змѣѣ длиною въ 1 $\frac{1}{2}$ фута и толщиною въ большой палецъ. Всѣ дѣтеныши были мертвы». Шлегель тоже вынулъ изъ тѣла присланной ему изъ Суринама анаконды штукъ 20 яицъ, въ которыхъ зародыши были почти совершенно развиты и уже достигли длины въ 30—45 см. Однако дѣтеныши могутъ, повидимому, являться на свѣтъ и недоношенными, такъ какъ одна анаконда изъ звѣринца Диттера снесла 26 мая 36 яицъ; ихъ помѣстили между шерстяными одѣялами и держали въ температурѣ 36 градусовъ и они успѣшно развивались до 18 июня, когда вышелъ бойкій и свѣжій первый дѣтенышъ, толщиною приблизительно въ палецъ. На свободѣ дѣтеныши, повидимому, тотчасъ послѣ рожденія отправляются въ воду, но еще долго держатся вмѣстѣ и располагаются обществомъ на сосѣднихъ прибрежныхъ деревьяхъ. Это указаніе подтверждается и Шомбургкомъ. «Нѣсколько исполинскихъ змѣй», рассказываетъ онъ: «повидимому, избрали берега рѣки для рожденія дѣтенышей; на деревьяхъ, свѣшивающихся надъ рѣкой, находилось множе-

ство этихъ змѣй длиною около 2 м. и соответственнаго возраста. Если мы начинали трести топоромъ стволъ дерева, свѣсившагося надъ рѣчкой, то каждый разъ нѣсколько штукъ падало внизъ въ челноки».

Читая старыя описанія путешествій, не удивляешься болѣе, что еще и сегодня встрѣять въ страшные случаи борьбы между людьми и анакондами или другими исполинскими змѣями. Патеръ Мантоя говоритъ, что видѣлъ самъ, какъ анаконда ловила рыбу. По его словамъ, она выплевываетъ на воду массу пѣны для того, чтобы привлечь рыбъ, ныряетъ и, когда пѣна окажетъ свое дѣйствіе, появляется и опустошительно хозяйничаетъ надъ чешуйчатыми обитателями глубины. Однажды патеръ видѣлъ, какъ взрослый большой индѣецъ, стоявшій по поясъ въ водѣ, былъ проглоченъ змѣю, видѣлъ также, что онъ на слѣдующій день былъ выплюнуть обратно. Другіе рассказчики придумываютъ или преувеличиваютъ такимъ же образомъ. Штедманъ описываетъ очень яркими красками свою охоту на одного изъ этихъ чудовищъ. Путешественникъ былъ боленъ лихорадкой и лежалъ въ гамакѣ, когда часовой сказалъ ему, что въ кустарникѣ на берегу движется что-то черное, повидимому, человѣкъ. Бросили якорь и поѣхали въ челнокъ къ указанному мѣсту. Одинъ невольникъ различилъ, что черный предметъ былъ исполинская змѣя, и Штедманъ приказалъ поворотить назадъ; но невольникъ хотѣлъ непременно напасть на змѣю и возбудилъ тѣмъ соревнованіе европейца, который, несмотря на нездоровье, пошелъ къ змѣѣ съ заряженнымъ ружьемъ, между тѣмъ какъ одинъ изъ солдатъ несъ за нимъ еще три ружья. Едва они прошли по илу и кустарнику 50 шаговъ, какъ невольникъ закричалъ, что видитъ змѣю. Громадное животное лежало всего въ 5 м. отъ нихъ подъ листьями, двигало языкомъ и глаза его сверкали. Штедманъ положилъ ружье на сукъ, прицѣлился, выстрѣлилъ, но попалъ пулей не въ голову, а въ тѣло. Змѣя стала страшно биться и точно скопидователей такую массу ила, что они думали лишь о томъ, какъ бы поскорѣе дать тягу и прыгнуть въ челнокъ. Когда они пришли въ себя, невольникъ предложилъ повторить нападеніе. Змѣя, полагалъ онъ, черезъ нѣсколько минутъ успокоится и не будетъ думать о преслѣдованіи. Штедманъ еще разъ ранилъ ее, но тоже легко и получилъ такой дождь ила, какъ въ сильнѣйшую бурю. Опять мужественные бойцы убѣжали въ челнокъ и потеряли охоту къ дальнѣйшимъ нападеніямъ; но невольникъ не отставалъ. Теперь всѣ трое выстрѣлили сразу и попали змѣѣ въ голову. Негръ былъ внѣ себя отъ радости, принесъ веревку, набросилъ все еще извивавшейся змѣѣ петлю на шею и тогда ее съ большимъ трудомъ стащили въ воду, привязали къ челноку и понесли обратно къ баркѣ. Змѣя была еще жива и плыла, какъ угорь. Длина ея равнялась 7 м., толщина была настолько значительна, что она совершенно наполняла жилетъ 12-лѣтняго негра.

Нечего удивляться, что послѣ такихъ рассказовъ и Шомбургкъ сначала боялся нападать на замѣченную его индѣйцами анаконду. «Чудовище», рассказывалъ онъ: «лежало на толстой вѣтви выдававшей надъ рѣчку дерева, свернувшись какъ якорный канатъ, и грѣлось на солнцѣ. Я видалъ уже дѣйствительно большихъ анакондъ, но такого великана мнѣ еще не попадалось. Долго боролся съ собою и былъ въ нерѣшимости, напасть или спокойно проѣхать мимо. Всѣ страшныя картины, въ которыхъ мнѣ рисовали громадную силу этой змѣи и отъ которыхъ я дрожалъ еще ребенкомъ, всплыли теперь въ моей памяти, и заявленіе индѣйцевъ, что если мы не ранимъ анаконду смертельно первымъ выстрѣломъ, она, безъ сомнѣнія, нападетъ на насъ и опрокинетъ маленькій челнокъ, обвинившись вокругъ него, какъ неоднократно бывало, въ связи съ видимымъ ужасомъ Штеккле (слуга-

нѣмецъ), который заклиналъ меня моими и своими родителями не подвергать насъ легкомысленно такимъ опасностямъ, побудили меня оставить мысль о нападеніи и спокойно проѣхать мимо. Но едва мы отъѣхали отъ этого мѣста, какъ мнѣ стало стыдно своей нерѣшимости, и я заставилъ гребцовъ вернуться. Я зарядилъ оба ствола ружья самой крупной дробью и нѣсколькими картечинами; то же сдѣлалъ и самый храбрый изъ индѣйцевъ. Медленно возвратились мы къ дереву; змѣя лежала на прежнемъ мѣстѣ. По данному знаку мы оба выстрѣлили; громадное животное свалилось внизъ, и послѣ нѣсколькихъ судорожныхъ движеній его понесло теченіемъ. Мы съ ликоваіемъ повеселись на своемъ суднѣ вслѣдъ за змѣей, скоро догнали ее и вытащили въ челнокъ. Хотя всѣ убѣдились, что она давно уже умерла, однако Штеккле и Лоренцъ вовсе не считали себя въ безопасности около нея; оба героя съ жалобами и воемъ бросились на дно лодки, увидѣвъ лежащее передъ ними и отъ времени до времени двигавшее хвостомъ животное длиною въ 5 п. Легкостью, съ которой мы овладѣли анакондою, мы были обязаны дѣйствию картечинъ, изъ которыхъ одна раздробила спинной хребетъ, другая голову. Такая рана, особенно въ голову, мгновенно дѣлаетъ неподвижной, какъ я имѣлъ часто случай замѣтить позднѣе, даже самую громадную змѣю. Крикъ и выстрѣлы заставили возвратиться и оба челнока, которые уплыли впередъ; однако господинъ Клингъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько замѣчаній относительно моего предпріятія; вполне подтверждая слова индѣйцевъ. Въ одно изъ его путешествій такое чудовище, длиною почти въ 6 т., было убито лишь седьмою пулей.

Каплеръ слѣдующимъ образомъ описываетъ, какъ онъ убилъ исполинскій экземпляръ, размѣры котораго были уже приведены. «Когда въ ноябрѣ 1838 г. я возвращался въ постъ Никкери на большомъ суднѣ, въ которомъ мы привезли необходимую воду для питья, гребцы обратили мое вниманіе на большую змѣю, лежавшую у берега. Я видѣлъ сначала лишь покрытую иломъ и намытыми листьями кучу и лишь когда рудевой ткнулъ въ нее шестомъ, которымъ править, можно было различить пятнистую кожу животнаго. Ударъ, нанесенный шестомъ, сломалъ бы человѣку ребра, но чудовище точно не почувствовало его. Лишь когда я выстрѣлилъ въ него мелкой дробью, оно подняло голову изъ середины клубка, но тотчасъ снова опустило ее. Мы были у самаго берега и находились отъ змѣи лишь на разстояніи около 6 футовъ; голову она снова вткнула въ середину. Я выстрѣлилъ во второй разъ. Теперь змѣя съ быстротою, какой нельзя было ожидать отъ такого вялаго животнаго, поднялась, обдавъ насъ иломъ, который полетѣлъ вверхъ на 12 футовъ, и съ раскрытой пастью бросилась на меня. Это нападеніе было такъ неожиданно, что я бросился, стремглавъ, въ судно, между тѣмъ какъ рудевой, сильный негръ, напалъ на бѣшеное животное съ шестомъ; анаконда обвилась вокругъ шеста и вцѣпилась зубами въ твердое дерево. Я оправился между тѣмъ отъ испуга, зарядилъ ружье и убилъ животное на мѣстѣ выстрѣломъ въ голову. Затѣмъ мы общими силами втащили змѣю въ судно, гдѣ я отрубилъ ей голову и хвостъ и выбросилъ ихъ за бортъ, такъ какъ негры не хотѣли иначе брать ее съ собою».

Въ противовѣсъ такимъ рассказамъ, справедливость которыхъ я вовсе не хочу оспаривать, мнѣ кажется необходимымъ привести еще нѣкоторыя данныя принца фонъ Видъ. «Обыкновенно», говорить этотъ во всѣхъ отношеніяхъ надежный излѣдователь, «анаконду убиваютъ дробью, но ботокуды убиваютъ ее и стрѣлами, если могутъ достаточно приблизиться къ ней, такъ какъ на сушѣ она движется медленно. Догнавъ змѣю, ее бьютъ по головѣ или стрѣляютъ въ голову. Ее нелегко умертвить стрѣлой, попавшею въ тѣло, такъ какъ анаконда живуча; она уползаетъ съ стрѣдой въ тѣлѣ и обыкновенно выздоравливаетъ. Жители Бельмонте убивали этихъ змѣй,

почти совершенно отрубали имъ голову, вынимали изъ тѣла всѣ внутренности и обильный находящійся тамъ жиръ, и тѣло все-таки двигалось еще долгое время, даже послѣ того, какъ шкура была содрана. Анаконду преслѣдуютъ безъ пощады, гдѣ найдутъ. Ея толстую кожу дубятъ и дѣлаютъ изъ нея попоны, сапоги и чемоданы. Бѣлый жиръ, котораго въ извѣстныхъ времена года у нея бываетъ очень много, въ большомъ употребленіи, а ботокуды ѣдятъ мясо анаконды, если это животное попадетъ случайно въ ихъ руки».

Кромѣ людей у взрослыхъ анакондъ едва ли есть какіе-либо враги; по крайней мѣрѣ я считаю всѣ рассказы объ ужасныхъ битвахъ между крокодилами и водяными змѣями за пустую болтовню, чтобъ не сказать ложь. Напротивъ, дѣтенышей съ такимъ же рвеніемъ преслѣдуютъ всѣ южноамериканскіе враги змѣй, какъ и другихъ мелкихъ представителей этого отряда.

Въ нашихъ звѣринцахъ и зоологическихъ садахъ живыхъ анакондъ можно видѣть такъ же часто, какъ и обыкновенныхъ удавовъ. Уходъ за ними такой же, и то, что можно сказать о жизни въ неволѣ одной изъ этихъ змѣй, относится и къ другой.

* * *

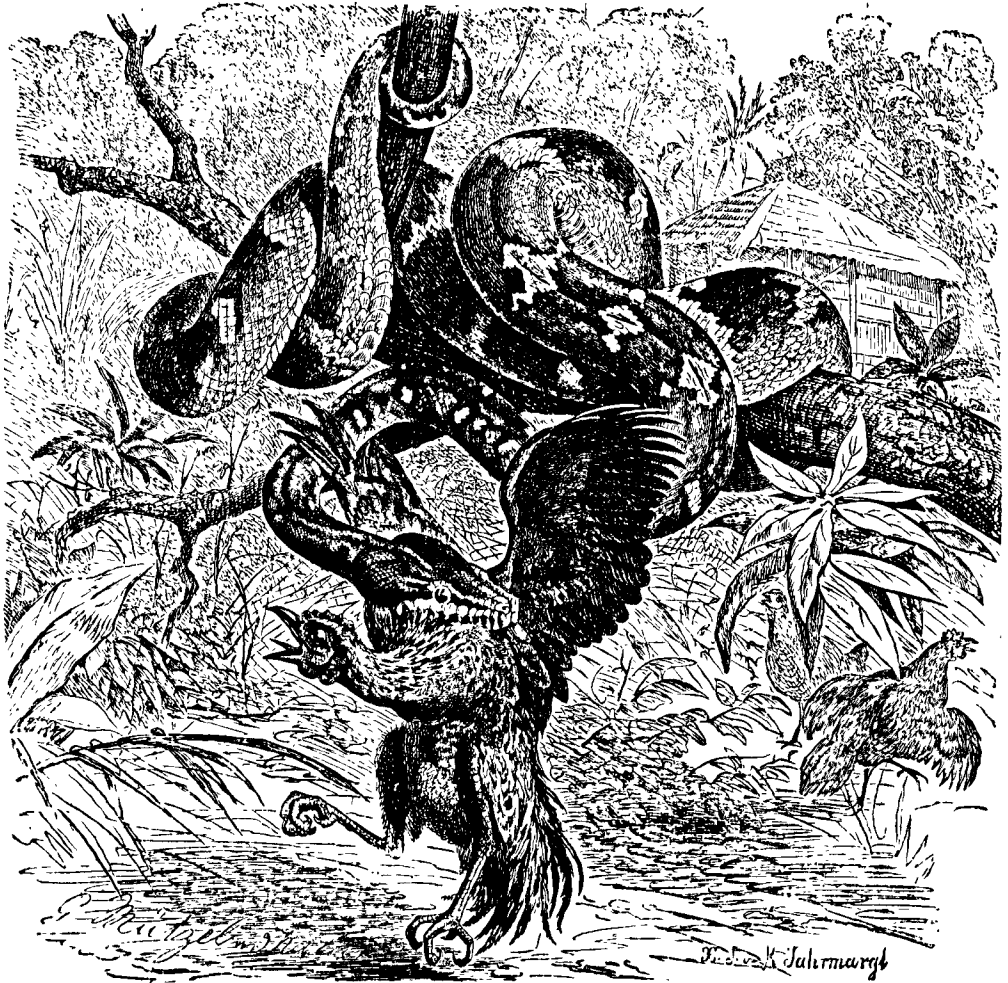
Подъ названіемъ **Узкобрюхихъ удавовъ** (*Xiphosoma*. *Windesch'angen*) отдѣляютъ четыре вида этого семейства отъ остальныхъ его представителей. Какъ и у обыкновеннаго удава, голова и тѣло ихъ одѣты гладкими чешуйками, которыя на передней части головы позади морды превращаются въ нѣсколько одинаковыхъ крупныхъ щитковъ. Эти змѣи особенно отличаются тѣмъ, что каждая сторона рыльцеваго щитка и большая часть верхнегубныхъ щитковъ имѣютъ по глубокой ямкѣ и что всегда между носовымъ щиткомъ и глазомъ находятся два или болѣе уздечныхъ щитковъ, расположенныхъ въ видѣ продольнаго ряда. Тѣло сильно сжатое, хвостъ, какъ у предыдущихъ формъ, способенъ къ хватанію. Шомбургкъ считаетъ кромѣ того характернымъ признакомъ, что у одного изъ видовъ болѣе длинныя зубы сильнѣе развиты въ нижней челюсти, чѣмъ въ верхней. Узкобрюхіе удавы населяютъ тропическую Америку, одинъ видъ живетъ на Мадагаскарѣ.

Собачьеголовой удавъ или **Бойоби** (*Xiphosoma caninum*, *Boa canina*, *hupnale*, *thalassina*, *aurantiaca*, *exigua*, *viridis*, *flavescens*, *Xiphosoma aragamboya*. *Hundskorpschlange*. *Boa bojobi*) достигаетъ длины въ 3—4 м., но экземпляры такой величины попадаются рѣдко. Цвѣтъ верхней стороны прекрасный листовидно-зеленый, темнѣющій вдоль средней линіи и испещренный по бокамъ рѣзко выступающими, чисто бѣлыми двойными пятнами и поперечными полукольцами; нижняя сторона желто-зеленая.

Въ настоящее время еще не установлено съ достаточной достовѣрностью, какъ далеко простирается область распространенія этого вида. Чаще всего онъ встрѣчается, повидимому, въ области Амазонской рѣки и отсюда распространяется на сѣверъ до Гвианы, на югъ по сѣверной Бразиліи.

Одинъ удавъ этого вида, котораго держали въ Лондонскомъ зоологическомъ саду, лежалъ обыкновенно свернувшись въ клубокъ на высокихъ вѣтвяхъ, прикрѣпляясь своимъ хватательнымъ хвостомъ къ болѣе тонкой вѣтви, и тѣмъ какъ бы указывалъ, что на свободѣ онъ ведетъ, вѣроятно, такой же образъ жизни, какъ другой извѣстный видъ. Послѣдній (*Xiphosoma hortulanum*) Шомбургкъ находилъ всегда свернувшимся на вѣтвяхъ кустарниковъ, ихъ любимомъ мѣстопребываніи. Пища собачьеголоваго удава состоитъ, вѣроятно, изъ птицъ; наблюдали также, что онъ превосходно плаваетъ и притомъ не только въ прѣсныхъ водахъ, но и въ

морь. Такъ, Спиксъ встрѣтилъ одного собачьеголоваго удава, переплывавшаго Рио Negro, а одинъ морской офицеръ увѣрялъ Дюмериля, что видѣлъ такого удава плавающимъ по рейду Рио де Жанейро. По рассказамъ старыхъ авторовъ, онъ часто прокрадывается въ жилища, особенно въ хижины негровъ, въ поискахъ за пищей, но никогда не бываетъ опасенъ для людей. Тѣмъ не менѣе онъ сильно кусается, если его раздражить, и наноситъ своими длинными зубами болѣзненные и трудно заживающія раны. Въ послѣднемъ Спиксъ убѣдился на томъ экземплярѣ,

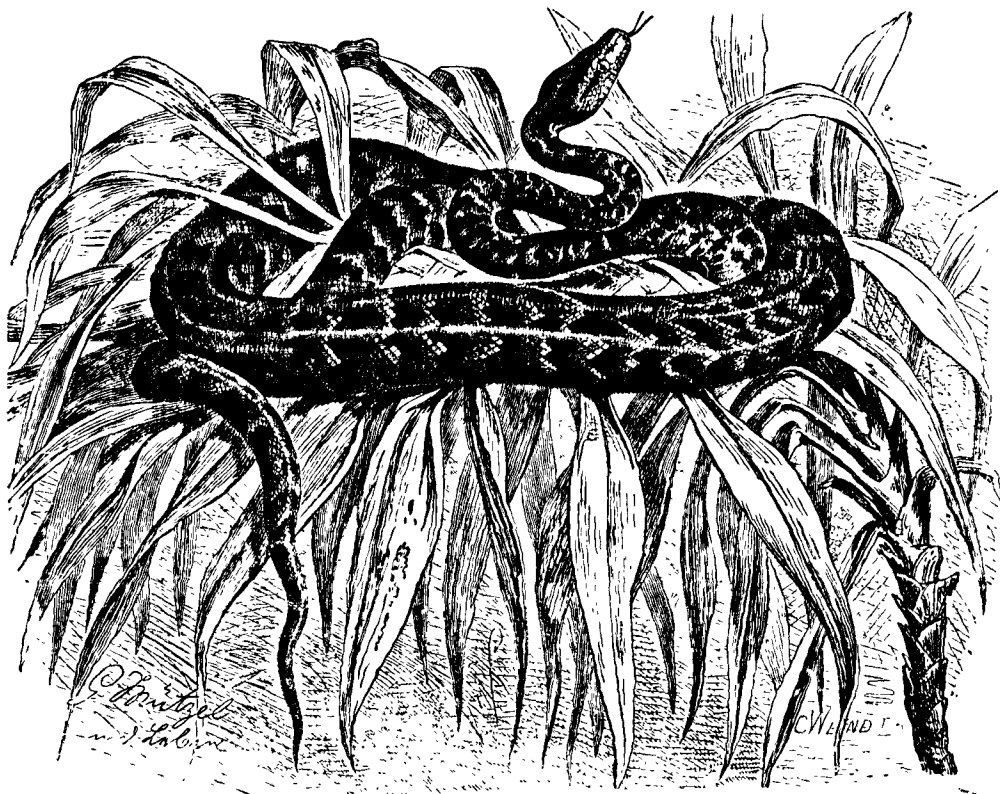
Собачьеголовый удавъ. *Xiphosoma caninum*. $\frac{1}{8}$ наст. вел.

который онъ видѣлъ плавающимъ въ Рио де Жанейро. Желая овладѣть имъ, онъ ведѣлъ грестъ вслѣдъ за удавомъ и одинъ изъ его спутниковъ индѣйцевъ счастливо оглушилъ его ударомъ по головѣ. Нашъ изслѣдователь схватилъ удава, но едва взявъ его, какъ тотъ съ такой силой обвился вокругъ руки, что Спиксъ не могъ двинуть ея. Къ счастью онъ схватилъ удава рукою за голову и сунулъ ему въ пасть кусокъ дерева, въ который змѣя сильно вцѣпилась зубами. Никто изъ сопровождавшихъ его индѣйцевъ не осмѣливался приблизиться, боясь, что удавъ выпуститъ бѣлаго и бросится на него. Только убѣдившись, что змѣя не можетъ ничего имъ болѣе сдѣлать, они помогли Спиксу освободиться отъ колецъ змѣи. Ее

пришибли и умертвили въ спирту. Когда вынули ее въ Европѣ изъ сосуда, она держала еще во рту кусокъ дерева, въ который вцѣпилась, и изслѣдованіе показало, что зубы ея пронзили его съ обѣихъ сторонъ. Относительно размноженія собачьеголоваго удава я не знаю никакихъ данныхъ; о жизни его въ неволѣ Склатеръ, который написалъ нѣсколько словъ по поводу великолѣпнаго рисунка Вольфа, изображающаго эту змѣю, тоже не говорить ничего.

* * *

Лишь въ новѣйшее время сталъ извѣстенъ одинъ изъ представителей этого

Стройный удавъ. *Homalochilus striatus*. $\frac{1}{5}$ наст. вел.

семейства, **Стройный удавъ**, (*Homalochilus striatus*. Schlankboa. Boa strié), представитель **Гладногубыхъ удавовъ** (*Homalochilus*. Glattlippenboa), признаки которыхъ слѣдующіе: голова замѣтно отдѣлена отъ тѣла,зади значительно шире, чѣмъ спереди, морда косо усѣчена по направленію книзу, лобъ низкій, слегка вдавленный посрединѣ, ноздри лежатъ сбоку и каждая окружена тремя щитками; шея тонка, тѣло сильно сжато, хвостъ тонокъ и въ значительной степени способенъ свертываться. Лишь на мордѣ находятся болѣе крупныя, правильныя щитки; находящіяся на лбу и между глазами неправильны и расположены неодинаково; губныя щитки не имѣютъ ямкообразныхъ углубленій. Гладкія чешуйки, расположенныя въ 55—65 рядовъ, на бокахъ уменьшаются, но къ брюху снова увеличиваются и покрываютъ верхнюю сторону тѣла, широкіе щитки одѣ-

ваютъ брюхо, болѣе узкіе, расположенные въ одинъ рядъ, — нижнюю сторону хвоста. Зубы находятся въ челюстяхъ и на небѣ и именно въ верхней челюсти съ каждой стороны по 20, въ нижней по 18. Основной цвѣтъ прекрасный мѣдно-красно-бурый; голова одноцвѣтная или съ желтыми пятнами назади и украшена двумя болѣе темными полосками, тянущимися съ каждой стороны отъ глазъ назади; спина разрисована по всей длинѣ очень многочисленными, частыми, зигзагообразно изогнутыми узкими поперечными полосками бѣловатаго цвѣта. Вся длина можетъ достигать или даже превышать 3 м.

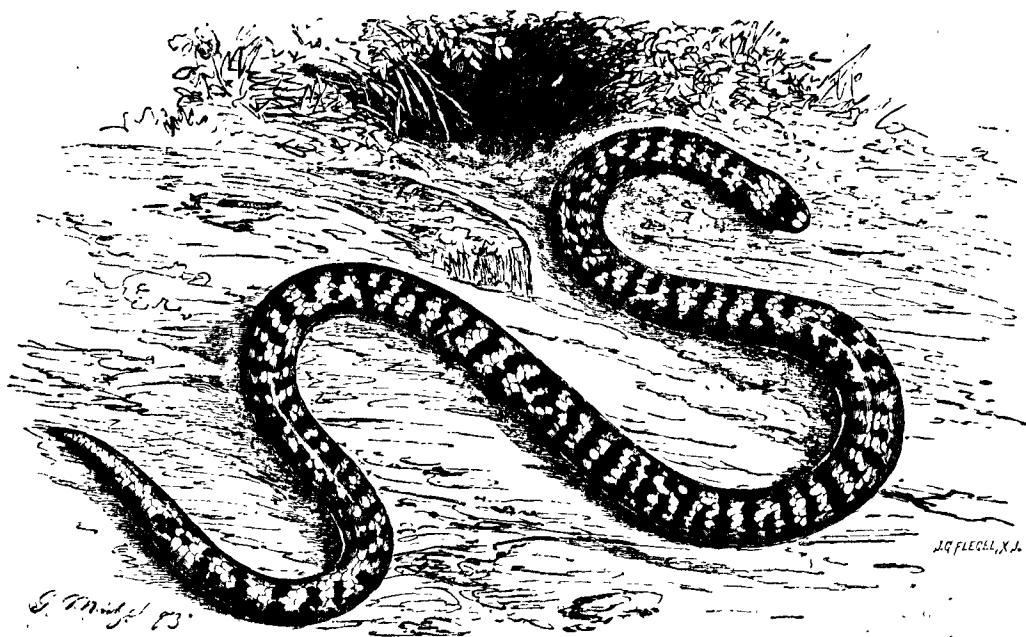
Область распространенія стройнаго удава, повидимому, ограничивается Гаити. Съ Антильскихъ острововъ были получены въ Германіи первые экземпляры, которые познакомили съ этимъ видомъ ученый міръ и отсюда же, отъ Гебгардта, я получилъ однажды изъ Капъ Гаитіенъ три змѣи этого вида, которыхъ я долгое время держалъ и наблюдалъ. По словамъ лица, подарившаго ихъ, стройные удавы держатся главнымъ образомъ на плантаціяхъ сахарнаго тростника, но нерѣдко показываются и въ хижинахъ туземцевъ или селятся среди кровельныхъ балокъ полуразрушенныхъ строеній, на примѣръ старыхъ церквей, и предпринимаютъ отсюда охоты на крысъ, молодыхъ птицъ и т. п., похищаютъ также и яйца. Днемъ они ведутъ себя очень спокойно и лѣнливо, почему на родинѣ ихъ называютъ также «сонными змѣями». Тѣмъ бодрѣе и оживленнѣе бываютъ они ночью, когда, подобно всѣмъ родичамъ, занимаются охотой. Только что пойманные злы и любятъ кусаться, но скоро привыкаютъ къ людямъ и обнаруживаютъ позднѣе такой же смирный характеръ, какъ и любой другой представитель этого семейства. За пищу они принимаются не сразу: присланные мнѣ прожили 11 мѣсяцевъ въ неволѣ въ домѣ отправителя, но лишь черезъ 6 мѣсяцевъ рѣшились съѣсть крысу, и потому прибыли ко мнѣ настолько исхудавшими, что одинъ изъ нихъ скоро окочнѣлъ. Остальные стали наконецъ ѣсть и при этомъ оказалось, что они схватываютъ, душатъ и глотаютъ добычу совершенно такъ же, какъ и другіе удавы. Но они довольно существенно отличаются отъ большинства родичей способностью лазать. Между тѣмъ какъ другіе удавы только иногда пользуются предоставленными имъ вѣтвями, чтобы подниматься вверхъ и лежать на нихъ, стройные удавы, повидимому, не могутъ безъ нихъ жить или по крайней мѣрѣ никогда не чувствуютъ себя такъ хорошо, какъ другія исполнскія змѣи даже тогда, когда лежатъ въ лѣнливомъ покоѣ на хорошо прогрѣтомъ полу. Положеніе, переданное нашимъ художникомъ, обыкновенно принимали стройные удавы, которыхъ я держалъ.

Соединительнымъ звеномъ между ложноногими и щитохвостыми змѣями является семейство Вальновыхъ змѣй (*Ilysiidae*). Онѣ родственны послѣднимъ по формѣ тѣла и чешуямъ, а съ ложноногими сходны въ томъ отношеніи, что у нихъ существуютъ остатки таза и слѣды заднихъ конечностей, между тѣмъ какъ по строенію черепа онѣ какъ разъ стоятъ посрединѣ между обоими семействами. Общій видъ ихъ напоминаетъ слѣпуновъ: голова мала, приплюснута, закруглена и едва замѣтно отдѣлена отъ тѣла, хвостъ очень коротокъ, съ тупымъ концемъ, пасть вооружена сильными зубами для схватыванія добычи, которыхъ въ межчелюстныхъ костяхъ 0—4, на каждой челюсти по 9—12, на небныхъ костяхъ по 6—8 и еще значительное число на крыловидныхъ костяхъ. Въ скелетѣ замѣтны зачатки таза и конечностей съ недоразвитымъ когтемъ, что болѣе явственно замѣтно у ложноногихъ. Маленькіе глаза лежатъ свободно или скрыты подъ просвѣчивающей роговой чешушкой и имѣютъ круглый зрачекъ. Лобъ покрытъ двумя

большими, верхнія губы 5—6 болѣе мелкими щитками; чешуйки малы, округлены, гладки и налегаютъ другъ на друга черепицеобразно; брюшныя чешуйки едва крупнѣе одѣвающихъ остальное тѣло. Всѣ виды рождаютъ живыхъ дѣтенышей. Известны лишь два рода, о которыхъ я тотчасъ буду говорить.

* * *

Одинъ изъ обыкновеннѣйшихъ видовъ этого маленькаго семейства—**Коралловая сверташка** (*Ilysia scytale*, *Anguis* и *Tortrix scytale*, *Anguis annulata*, *fasciata*, *corallina*, *coerulea*, *atra*, *Anilius* и *Torquatrix scytale*, *Korallenrollschlange*, *Rubansogail*), представитель **Сверташекъ** (*Ilysia*, *Roller*, *Rouleaux*). Родъ этотъ отличается тѣмъ, что у единственнаго принадлежащаго къ нему вида съ каждой стороны два зуба въ межчелюстныхъ костяхъ и маленькіе глаза находятся подъ серединой

Коралловая сверташка. *Ilysia scytale*. 1/2 наст. вел.

щитка. Цвѣтъ великолѣпный кораллово-красный, на которомъ очень рѣзко выступаютъ многочисленныя, зубчатая по краямъ, черныя кольца или кольцеобразныя поперечныя полосы. Длина равна 60—70 см.

По словамъ Дюмерилъ и Виброна отечество этой змѣи голландская и французская Гвіана; они говорятъ, что этотъ видъ здѣсь очень обыкновененъ; другіе изслѣдователи тоже утверждаютъ, что сверташка, которая встрѣчается во всѣхъ собраніяхъ, обыкновенна въ Венецуэлѣ, Гвіанѣ и сѣверо-восточной Бразиліи, и потому странно, что тщательнаго наблюдавшій Шомбургъ не упоминаетъ о ней. Каплеръ говоритъ, что эта змѣя живетъ и въ Суринамѣ, но упоминаетъ только, что всегда удивлялся ея мышечной силѣ, которая гораздо значительнѣе, чѣмъ сила всякой другой змѣи такой же величины.

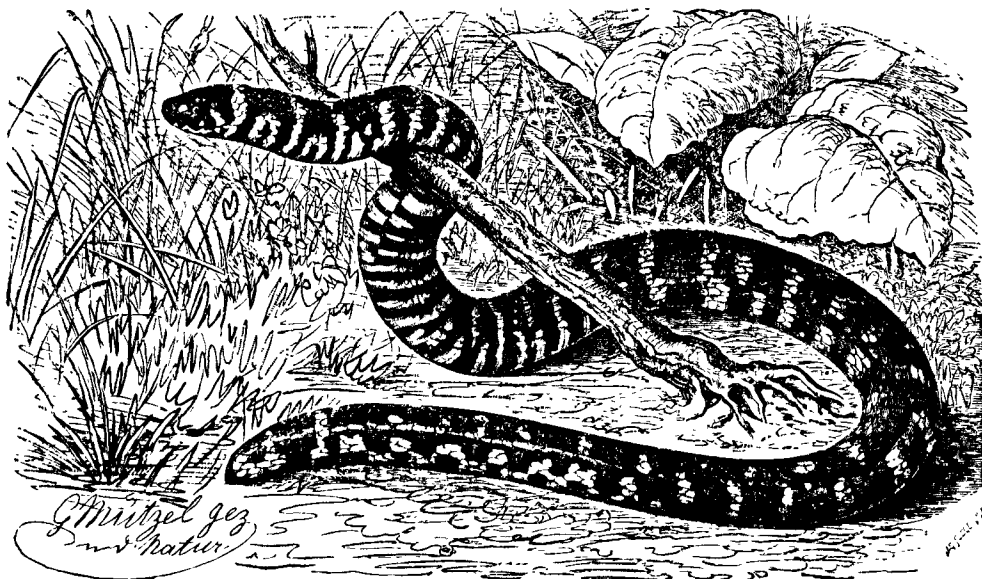
Объ образѣ жизни ея мы знаемъ приблизительно слѣдующее: сверташка медленна въ движеніяхъ, не удаляется на значительное разстояніе отъ своего убѣжища, которое избираетъ подъ корнями старыхъ деревьевъ, въ норахъ въ землѣ

и тому подобных мѣстностяхъ, охотится за мелкими пресмыкающимися, напримѣръ слѣпунами, и рождаетъ дѣтенышей, уже разорвавшихъ оболочку яйца.

О великолѣпнн цвѣта живого животного едва ли можно, по словамъ Батса, составить себѣ понятіе и во всякомъ случаѣ не по сохранявшимся въ спирту, выцвѣтшимъ экземплярамъ.

* * *

Цилиндрическія змѣи (*Cylindrophis*, *Walzenschlangen*) отличаются отъ сверташекъ тѣмъ, что у нихъ нѣтъ зубовъ въ межчелюстныхъ костяхъ и что ихъ глаза не затянута кожей тѣла. Глазъ окруженъ надглазнымъ, заглазнымъ, лобнымъ и двумя губными щитками. Каждая ноздря лежитъ въ большомъ, нераздѣленномъ щиткѣ. На серединѣ подбородка явственно замѣтна продольная бороздка.

Красная змѣя. *Cylindrophis rufus*. $\frac{1}{2}$ наст. величины.

Въ качествѣ представителя этого рода, къ которому относятся лишь три вида, живущіе въ Индіи, приводится обыкновенно Красная змѣя (*Cylindrophis rufus*, *resplendens* и *melanotus*, *Anguis*, *Tortrix rufa*, *Rotschlange*, *Rouleau rouge*), распространенная отъ Бирмы до Кокинхины и Малакккаго полуострова и по всѣмъ Нидерландскимъ колоніямъ на Зондскихъ островахъ; она особенно обыкновенна на Явѣ и достигаетъ длины 78—83 см. Цвѣтъ ея бурый или черный съ кораллово-краснымъ ошейникомъ, неправильными, большими или меньшими черными полосками на бѣлой нижней сторонѣ и кораллово-красной нижней стороной хвоста. Продольныхъ рядовъ чешуекъ отъ 19 до 21. Бѣлыя поперечныя полосы по бокамъ спины могутъ существовать или отсутствовать.

Цилиндрическія змѣи живутъ подъ землею, вырываютъ себѣ ходы, лишь случайно выходятъ на поверхность и питаются насѣкомыми, червями и слѣпунами, но едва ли, какъ указывали прежде, мелкими живущими въ землѣ млекопитающими. Онѣ тоже рожаютъ живыхъ дѣтенышей.

Къ вальковымъ змѣямъ примыкаютъ Щитохвостыя змѣи (*Uropeltidae*, *Schildschwänze*), стройныя змѣи одинаковой толщины по всей длинѣ съ маленькой, клино-

видно-заостренной головой, не отдѣленной отъ тѣла, и коротко притупленнымъ, часто точно отгнѣзаннымъ хвостомъ, который покрытъ на концѣ большимъ щиткомъ или килеватыми чешуйками. Обѣ челюсти вооружены зубами, но зубы немногочисленны и малы, челюстные кости сильныя, но мало раздвигаются. На небѣ зубовъ никогда не бываетъ. Большіе щитки одѣваютъ голову; гладкія, кругловатая черепицеобразныя чешуйки покрываютъ тѣло. Глаза малы, или даже очень малы и имѣютъ всегда круглый зрачекъ. Вальковатое тѣло замѣчательно жестко и мало гибко. Всѣ виды мелки. Нѣтъ ни слѣда остатковъ таза или заднихъ конечностей. Самцы и самки по большей части очень значительно различаются по щиткамъ хвоста и потому ихъ часто легко отличить уже по внѣшнему виду.

По Буланже теперь извѣстно 40 видовъ этого замѣчательнаго семейства, которые распредѣляются по 7 родамъ. Всѣ живутъ или на Цейлонѣ, или въ самой южной части Индостана въ горахъ или влажныхъ лѣсахъ непосредственно у подошвы горъ.

Щитохвостыя змѣи ведутъ рокошій образъ жизни и называются на Цейлонѣ и въ южной Индіи всюду «земляными змѣями»; чаще всего онѣ попадаются при обработкѣ кофейныхъ и чайныхъ плантацій. Ведомъ находилъ большинство видовъ подъ гнилымъ деревомъ и большими камнями въ горныхъ лѣсахъ, но другіе виды онъ получалъ изъ травянистыхъ мѣстностей на болѣе значительной высотѣ надъ уровнемъ моря; нѣкоторые показывались послѣ сильныхъ ливней въ дождливое время года на лѣсныхъ дорогахъ. Многіе отличаются удивительно красивыми цвѣтами, чернымъ, краснымъ и желтымъ, а черные виды замѣчательны своимъ блескомъ, отливающимъ всѣми цвѣтами радуги, особенно же голубымъ и зеленымъ; въ этомъ отношеніи ихъ превосходятъ развѣ яванская змѣя *Xenopeltis* и нѣкоторые изъ гладкочешуйныхъ сцинковъ. Пойманныя ведутъ себя какъ веретеницы и никогда не стараются укусить; довести ихъ въ неволѣ до размноженія еще не удавалось.

* *

Хорошо извѣстный видъ этого семейства представляетъ **Щитохвостка большая** (*Uropeltis grandis, philippinus, suffraganus* и *pardalis*. *Rauhschwanzschlange*), замѣчательное животное съ конической головою, нѣсколько приостреннымъ съ боковъ рыльцевымъ щиткомъ и косо усѣченнымъ, тупымъ хвостомъ, у котораго на яйцевидномъ, шероховатомъ, плоскомъ кроющемъ щитѣ замѣчаются болѣе или менѣе правильно расположенныя кольца тонкихъ шипиковъ. Верхняя челюсть имѣетъ 9 зубовъ, нижняя двумя менѣе. Маленькіе глаза лежатъ подъ прозрачнымъ щиткомъ. Чешуйки расположены на шеѣ въ 23, на серединѣ тѣла въ 19 продольныхъ рядовъ. Прекрасный темно-бурый цвѣтъ, преобладающій въ окраскѣ животнаго, переходитъ на бокахъ и на нижнихъ частяхъ въ желтый, такъ какъ здѣсь края чешуекъ окрашены въ этотъ послѣдній цвѣтъ. Молодыя щитохвостки испещрены иногда многочисленными желтыми пятнами; нѣкоторые экземпляры сверху бурога цвѣта, снизу желтаго съ темно-бурыми пятнами. Длина равна 45 см.; такихъ размѣровъ не достигаетъ никакой другой видъ семейства.

Щитохвостыя змѣи имѣютъ вообще ограниченную область распространенія и тамъ, гдѣ водятся, встрѣчаются рѣдко. Онѣ живутъ какъ червеобразныя змѣи, но по большей части гораздо глубже, обыкновенно на глубинѣ 1 м. и болѣе подъ поверхностью земли, а потому ускользаютъ отъ наблюдений. Ихъ коническая голова, часто вооруженная кромѣ того особаго рода вертикальнымъ рѣжущимъ ребромъ на рыльцевомъ щитѣ, сильная шея, упругое тѣло и прежде всего короткій, сильный хвостъ, болѣе или менѣе одѣтый щитками, которымъ животное можетъ упи-

ратся, въ высокой степени способствуютъ такому образу жизни. Но какъ онѣ живутъ, какъ движутся, мы не знаемъ. Пища ихъ состоитъ почти исключительно изъ червей и ихъ яйца вынашиваются въ глѣ такъ долго, что дѣтеныши рождаются живыми.

Среди туземцевъ Цейлона, горными лѣсами котораго ограничивается область распространения большой щитохвостки, она подала поводъ къ своеобразному сказанію; они утверждаютъ, что щитохвостка и страшная очковая змѣя—одно и то же животное, такъ какъ послѣдняя послѣ каждаго укушенія теряетъ кусокъ хвоста и подѣ конецъ у нея остается лишь маленькій придатокъ.

Линней соединялъ всѣхъ извѣстныхъ ему змѣй въ три семейства, именно: исполинскихъ, ужеподобныхъ и гремучниковыхъ. Подѣ названіемъ **Ужеподобныхъ** (Colubridae) мы, слѣдуя Буланже, подразумеваемъ приблизительно всѣхъ тѣхъ змѣй, которыхъ соединялъ подѣ этимъ названіемъ Линней, а, слѣдовательно, относимъ къ одному этому большому семейству значительное большинство змѣй, какъ неядовитыхъ, такъ и ядовитыхъ.

Понадобилось цѣлое столѣтіе для того, чтобы естествоиспытатели убѣдились въ томъ, что основное дѣленіе змѣй на безвредныхъ и ядовитыхъ неестественно и ненаучно. Главная причина, почему нельзя провести это, повидимому, столь рѣзкое дѣленіе, заключается въ существованіи переходныхъ формъ змѣй, относительно которыхъ никто не можетъ сказать, ядовиты онѣ или нѣтъ. Цѣлый рядъ бороздчатоозубыхъ, къ которому мы должны еще будемъ возвратиться, заключаетъ животныхъ совершенно ужеобразнаго строенія и образа жизни, но строеніе ихъ зубовъ и въ частности дѣйствіе укусовъ приближаютъ ихъ къ настоящимъ ядовитымъ змѣямъ; укусы ихъ рѣшительно смертельны для мелкихъ животныхъ, каковы ящерицы, веретеницы и воробьиныя птицы, но неопасны для людей и болѣе крупныхъ млекопитающихъ. Должны ли мы причислить бороздчатоозубыхъ змѣй къ неядовитымъ змѣямъ, съ которыми онѣ сходны по общему строенію тѣла, или къ ядовитымъ, съ которыми онѣ до извѣстной степени сходны по дѣйствию ихъ укусовъ? Мы знаемъ теперь ядовитое дѣйствіе на мелкихъ животныхъ укусовъ ящеричного ужа и древесной плетевидки, которыхъ относили прежде къ безвреднымъ змѣямъ, и можемъ заключать отсюда, что и другіе роды, подобнымъ же образомъ вооруженные бороздчатыми зубами, каковы: кошачья змѣя, дипсы и остроголовыя змѣч, тоже отравляютъ своими укусами. Объ отдѣленіи отъ безвредныхъ ужей здѣсь тѣмъ менѣе можно думать, что бороздки на зубахъ остаются часто почти единственнымъ признакомъ, по которому можно различать два близко родственныхъ вида. Примѣры этого рода легко привести. Водящаяся въ кожной Испаніи и на Балеарскихъ островахъ змѣя *Psammophilax cucullatus* такъ близко родственна мѣдянкамъ (*Croconella*), что до новѣйшаго времени всѣ знатоки змѣй, за чрезвычайно рѣдкими исключениями, не отдѣляли этотъ видъ въ особый родъ отъ обонхъ европейскихъ мѣдянокъ, хотя онъ и обладаетъ бороздчатыми зубами. Но гдѣ встрѣчаются бороздчатые зубы, они, я полагаю, должны имѣть значеніе, которое заключается въ томъ, что бороздка проводитъ въ рану жидкость, все равно, назовемъ ли мы ее слюной или ядомъ *).

*) Въ новѣйшее время Phisalix и Bertrand доказали опытами, что кровь и слюна изъ двухъ маленькихъ губныхъ железъ нѣкоторыхъ видовъ ужей убиваетъ морскихъ свинокъ: слѣдовательно и ужы ядовиты. (Прим. ред.).

Съ другой стороны переходъ между бороздчатыми зубами и полыми, какими обладают виды, ядовитые и для человѣка, совершенно постепенный и оба рода зубовъ вообще различны лишь по степени развитія, какъ и укушеніе различается лишь по степени дѣйствія. Что такое полый зубъ, какъ не бороздчатый, у котораго загнутые края желобка слились, срослись между собою? У зубовъ обоого рода основная форма сходная, развитіе зуба одинаковое, дѣятельность тоже; оба снабжены желобкообразной выемкой на переднемъ краю и края выемки заворочены, чтобы ядовитая жидкость могла вѣрнѣе попадать при укушеніи въ рану: если оба края сближаются, происходитъ бороздчатый зубъ, если они соприкасаются и посрединѣ сливаются, мы имѣемъ передъ собою полый или ядовитый зубъ. Не слѣдуетъ забывать, что при основаніи и на концѣ полые зубы остаются настоящими бороздчатыми. Въ такъ называемой ядовитой железнѣ мы тоже не находимъ различія между ядовитыми и безвредными змѣями съ тѣхъ поръ, какъ Рейхель показалъ, что ядовитая железа гадюки и задняя верхнегубная железа ужа соотвѣтствуютъ другъ другу по положенію и строенію.

Отъ остальныхъ семействъ ужеподобныя отличаются отсутствіемъ остатковъ таза и заднихъ конечностей, присутствіемъ верхневисочной кости, а также тѣмъ, что переднія лобныя кости всегда отдѣлены отъ носовыхъ промежуткомъ. Зубы находятся въ обѣихъ челюстяхъ; верхняя челюсть расположена горизонтально и неспособна двигаться въ вертикальномъ направленіи; въ нижней челюсти нѣтъ вѣнечной кости.

Мы дѣлимъ это большое семейство, къ которому относится большинство всѣхъ извѣстныхъ змѣй, на три параллельныхъ ряда, изъ которыхъ **Гладкозубыя** (*Aglypha. Glattzähler*) имѣютъ лишь одинъ родъ зубовъ; зубы эти совершенно сплошные и не имѣютъ ни бороздокъ, ни внутреннихъ каналовъ. Второй рядъ обнимаетъ **Бороздчатозубыя** (*Opisthoglypha*). У нихъ по крайней мѣрѣ одинъ изъ заднихъ зубовъ верхней челюсти снабженъ на передней сторонѣ продольнымъ желобкомъ. Онѣ могутъ считаться подозрительными змѣями и отчасти извѣстны уже, какъ въ легкой степени ядовитыя. У третьяго ряда, **Трубчатозубыя** (*Proteroglypha. Giftzähler*) передніе зубы верхней челюсти снабжены бороздкой или каналомъ. Всѣ эти змѣи ядовиты и укушеніе ихъ по большей части опасно и для человѣка. Въ каждой изъ этихъ трехъ группъ мы встрѣчаемъ замѣчательное повтореніе формъ, такъ что каждый изъ нихъ можемъ подраздѣлить по образу жизни на подсемейство, состоящее изъ родовъ, живущихъ на сушѣ, и подсемейство изъ родовъ, живущихъ въ водѣ.

Нашъ первый рядъ, **Гладкозубыя** (*Aglypha. Glattzähler*), можно раздѣлить на подсемейство **Умей** (*Colubrinae*), куда относится громадное большинство родовъ и видовъ и представители котораго болѣе или менѣе приспособлены къ жизни на сушѣ и покрыты чешуйками, черепицеобразно налегающими другъ на друга, и на подсемейство **Бородавчатыхъ змѣй** (*Ascogordinae. Warzenschlangen*), которыя приспособлены къ жизни въ прѣсной и солоноватой водѣ и отличаются зернистыми чешуйками, не налегающими одна на другую.

Уми (*Colubrinae. Nattern. Couleuvres*) отличаются тѣмъ, что тѣло ихъ тонко и одинаково гибко во всѣ стороны, маленькая, продолговатая, стройная голова, болѣе или менѣе явственно отдѣлена отъ тѣла, хвостъ оканчивается остріемъ, тѣло

одѣто гладкими или килеватыми черепичатыми чешуйками, а на нижней сторонѣ большими щитками, и, наконецъ, щитки на подбородкѣ обыкновенно раздѣлены бороздкой, а щитки хвостовой части расположены въ одинъ или два ряда. Многочисленные одинаковые зубы сидятъ на челюстяхъ и на небѣ; но лишь рѣдко нѣкоторые изъ нихъ отличаются своей величиною. Такимъ образомъ можно сказать, что ужи тѣ безвредныя змѣи, которыя обладаютъ наиболѣе правильной формой тѣла и строеніемъ отдѣльныхъ частей или не отличаются никакимъ выдающимся признакомъ. Но они отличаются отъ многихъ другихъ змѣй своею подвижностью, бодростью и относительною понятливостью, такъ что ихъ можно въ извѣстномъ смыслѣ назвать выше всего стоящими змѣями, по крайней мѣрѣ они едва ли уступаютъ въ этомъ отношеніи исполинскимъ змѣямъ.

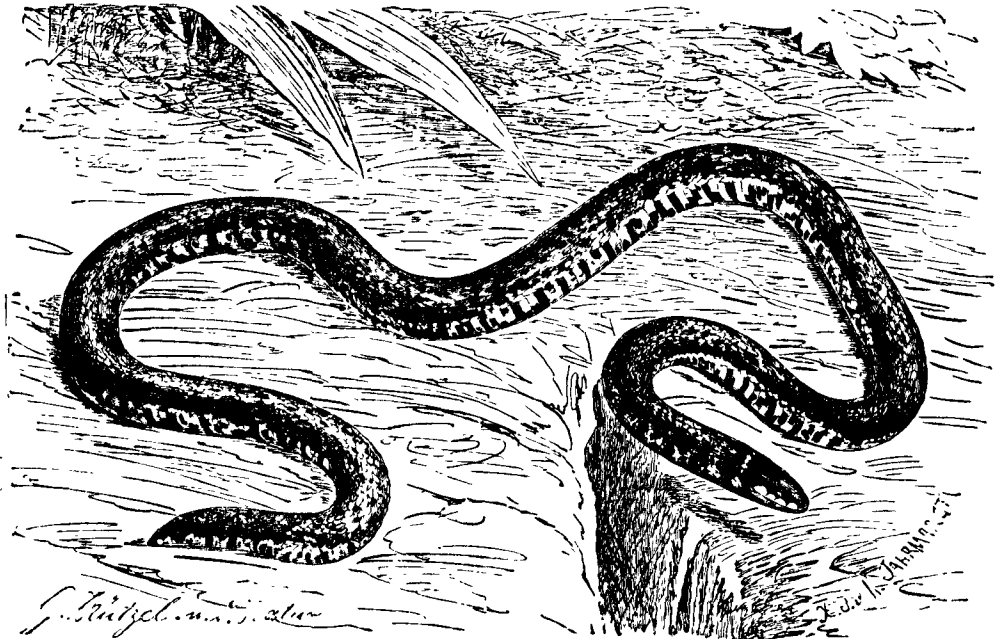
Ужи, которыхъ различаютъ не менѣе 1000 видовъ, распределенныхъ по очень многочисленнымъ родамъ, распространены по всей землѣ, такъ какъ они, хотя и въ маломъ числѣ, доходятъ до полярнаго круга и нѣсколько видовъ ихъ встрѣчаются также въ Австраліи и на островахъ Великаго океана. Мѣстопробываніе ихъ очень различно. Многіе виды любятъ сырыя мѣста и воду, другіе ищутъ, напротивъ, болѣе сухихъ мѣстностей. Большинство ихъ, какъ заставляетъ предполагать уже круглый зрачекъ, преимущественно дневныя животныя, которыя съ наступленіемъ ночи удаляются въ свои убѣжища. Однако, есть немало видовъ, какъ, напримѣръ, живущіе въ Индіи Волчезубы (*Lycodon*), которые дѣятельны въ сумерки или, благодаря своему вертикальному зрачку, отыскиваютъ добычу, состоящую изъ ящерицъ и особенно сцинковыхъ, днемъ въ ихъ убѣжищахъ. По образу жизни разные виды различаются довольно существенно, такъ какъ значительное вліяніе на это оказываетъ мѣстопробываніе ихъ; но съ другой стороны между ними много общаго. Это быстрыя и подвижныя животныя; они относительно быстро ползаютъ, извиваясь по землѣ, нѣкоторые изумительно ловко плаваютъ, лазаютъ также болѣе или менѣе хорошо, а нѣкоторые изъ нихъ превосходно.

Пища ихъ состоитъ главнымъ образомъ изъ мелкихъ позвоночныхъ всѣхъ классовъ, особенно пресмыкающихся и земноводныхъ, однако, нѣкоторые ревностно преслѣдуютъ также мелкихъ млекопитающихъ, другіе мелкихъ птицъ, а нѣкоторые рыбъ соотвѣтственной величины. Нѣкоторые изъ болѣе мелкихъ видовъ довольствуются червями, насѣкомыми и ихъ личинками. Если въ смѣшанное общество ужей, живущихъ въ одной клѣткѣ, бросить различныхъ животныхъ, соотвѣтствующихъ привычкамъ и вкусамъ пестраго общества, то можно удобно наблюдать, какъ одинъ видъ ужей намѣчаетъ одну, другой другую добычу, преслѣдуетъ, овладеваетъ ею и поѣдаетъ ее. Ни одинъ извѣстный мнѣ ужъ не подстерегаетъ проходящую мимо жертву, а каждый охотится за замѣченнымъ животнымъ, подкрадывается къ нему или торопливо преслѣдуетъ его, пока не схватитъ. При этомъ можно замѣтить, что виды, поѣдающіе лягушекъ и рыбъ, глотаютъ ихъ безъ особыхъ приготовленій, лягушекъ часто начиная съ заднихъ ногъ, рыбъ всегда головой впередъ; напротивъ, тѣ, которые охотятся за млекопитающими, птицами или ящерицами, всегда сначала душатъ добычу и лишь затѣмъ поѣдаютъ ее. Со змѣями, не исключая и ближайшихъ родичей, ужи поступаютъ такъ же, какъ и съ рыбами, и глотаютъ ихъ такъ быстро, что ихъ можно спасти, лишь во время схвативъ за хвостъ и вытащивъ изъ пищевода и желудка врага. Одинъ лазающій ужъ, проглоченный сѣвероамериканскимъ чернымъ ужомъ до кончика хвоста, былъ мною возвращенъ такимъ образомъ на свѣтъ и прожилъ послѣ своего спасенія

расположенные въ 13 продольныхъ рядовъ, одѣваютъ тѣло и хвостъ, хорошо развитыя щитки покрываютъ брюхо, а расположенныя въ два ряда щитки—нижнюю сторону хвоста. Напротивъ, число головныхъ щитковъ очень уменьшено, такъ какъ всегда нѣтъ уздечныхъ, переднихъ лобныхъ и височныхъ. Глаза, съ круглымъ зрачкомъ, малы; ноздри лежатъ сбоку въ очень маленькомъ носовомъ щиткѣ. Зубы не представляютъ ничего особеннаго; верхнечелюстные приблизительно равны между собою по величинѣ и рядомъ съ ними существуютъ небные зубы; переднѣе зубы нижней челюсти всегда нѣсколько длиннѣе заднихъ.

Карликовыя змѣи заслуживаютъ свое имя; ни одна изъ нихъ не бываетъ болѣе 51 см.; большинство не достигаетъ и половины этой длины, а нѣкоторыя едва одну треть. Онѣ живутъ, почти какъ червеобразныя змѣи и сверташки, подъ

Карликовая змѣя. *Calamaria linnaei*. Наст. вел.

упавшими деревьями, камнями и въ тому подобныхъ убѣжищахъ, исключительно на землѣ, частью подъ землею, и питаются, подобно имъ, насѣкомыми и червями; въ свою очередь онѣ очень часто становятся жертвой другихъ змѣй, особенно болѣе мелкихъ аспидовъ, которые живутъ въ тѣхъ же мѣстахъ.

Достаточно рассмотреть здѣсь ближе одинъ видъ этого красиваго и пестро окрашеннаго рода, къ которому примыкаютъ многочисленныя родственныя ему группы, живущія во всѣхъ тропическихъ странахъ. Я выбираю для этого одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ видовъ.

Карликовая змѣя (*Calamaria linnaei*, *Coluber calamarius*, *Anguis calamaria*, *Calamaria maculosa*, *multipunctata*, *reticulata*. Zwergschlange. Couleuvre naine) достигаетъ въ длину 33 см., имѣетъ четыре верхнегубныхъ щитка и отличается также тѣмъ, что первая пара нижнегубныхъ щитковъ позади подбородковаго щитка не соприкасается, какъ обыкновенно у громаднаго большинства змѣй, а переднѣе щитки желобка прилегаютъ къ заднему краю подбородковаго щитка. Цвѣтъ и еще

болѣе рисунокъ чрезвычайно разнообразны. Голова и тѣло болѣе свѣтлаго или болѣе темнаго бурога цвѣта съ великолѣпнымъ голубымъ отливомъ, то одноцвѣтны, то съ черными пятнами, продольными или поперечными полосками; брюхо у живого животнаго карминно-красное и украшено большими черными четырехугольными пятнами. Отечество этой змѣи Ява.

Названная карликовая змѣя и вообще виды этого рода живутъ всё на землѣ, движутся лишь днемъ и питаются мелкими безпозвоночными животными. Они предпочитаютъ гористыя мѣстности равнинамъ. По наблюдениямъ Кантора, эти змѣи не встрѣчаются въ большомъ числѣ. Онѣ вялы, движутся медленно и даже въ случаѣ преслѣдованія никогда не уползаютъ далеко, а, напротивъ, предпочитаютъ лежать неподвижно и, повидимому, притворяться мертвыми. Отъ враговъ онѣ не защищаются, не пытаются кусать и едва уползаютъ. Изъ всѣхъ известныхъ змѣй онѣ наименѣе выносливы, такъ какъ не могутъ ни долго голодать, ни выносить какое-либо причиненное имъ насиліе. Въ неволѣ всё не принимаютъ пищи и потому скоро погибаютъ, притомъ же ихъ едва можно трогать, такъ какъ легкаго движенія достаточно, чтобы умертвить ихъ. Въ желудкѣ изслѣдованныхъ имъ видовъ Канторъ нашелъ остатки насѣкомыхъ и немного песку.

* * *

На второмъ мѣстѣ мы поставимъ родъ **Мѣдянокъ** (*Coronella Schlingnattern.*) Это относительно маленькіе или средней величины ужи съ сильнымъ, слегка укороченнымъ вальковатымъ, не сжатымъ посрединѣ тѣломъ, короткой, довольно плоской, мало отдѣленной отъ шеи головой съ круглой мордой, умеренно длиннымъ хвостомъ, довольно маленькими глазами съ круглымъ зрачкомъ, ноздрями, открывающимися наружу между двумя щитками, двумя парами лобныхъ, однимъ уздечнымъ и 4—7 височными щитками, гладкими, расположенными въ 19—25 рядовъ чешуйками, которыя имѣютъ передъ концомъ по тонкой ямкѣ, такъ называемой концевой порѣ, двурядными подхвостными щитками, 12—16 зубами верхней челюсти, которые равномерно увеличиваются въ длину спереди назадъ, и гладкими, небороздчатыми зубами въ нижней челюсти, которые равной величины. Брюшные щитки закруглены на бокахъ и не загнуты вверхъ въ видѣ выступающаго края. Известно около 20 видовъ, которые распределены по Европѣ, западной Азіи, Африкѣ и Америкѣ; лишь одинъ видъ живетъ въ Индіи. Всѣ онѣ сильныя проворныя змѣи, живущія на землѣ и охотящіяся на ящерицъ и другихъ змѣй.

Во всей Европѣ отъ сѣверной Норвегіи до юга живетъ на удобныхъ мѣстахъ, иногда въ большомъ числѣ **Мѣдянка** (*Coronella austriaca, Coluber austriacus, thuringiacus, alpinus, tetragonus, ferrugineus, ponticus, cupreus, caucasicus, laevis, maeota, paedera, nebulosus, Natrix, Coronella laevis, Tropidonotus austriacus, thuringicus, Zacholus italicus, fitzingeri. Glatte Natter. Couleuvre lisse*), одна изъ самыхъ изящныхъ, подвижныхъ и живыхъ змѣй нашего отечества, длина которой не превышаетъ 65 см., причѣмъ около 10 см. приходится на хвостъ. Основной цвѣтъ верхней стороны обыкновенно бурый; рисунокъ состоитъ изъ большого темнаго пятна на зашейкѣ, которое часто продолжается къзадѣ въ широкія полосы и въ два ряда темно-бурыхъ, иногда соединенныхъ попарно пятенъ, которыя пробѣгаютъ вдоль спины; другая темно-бурая полоса тянется черезъ глаза внизъ по бокамъ шеи; нижняя сторона тѣла бываетъ или стале-голубого или красно-желтоватаго и бѣловатаго цвѣта и часто испещрена болѣе темными пятнами. Какъ и у большинства змѣй, цвѣтъ и рисунокъ представляютъ большое

*

разнообразіе. Попадаются разновидности отъ сѣраго до красно-бураго цвѣта во всѣхъ промежуточныхъ оттѣнкахъ. Додень справедливо отдѣлилъ въ особый видъ родственную форму, живущую въ южной Франціи; на Пиренейскомъ полуостровѣ, въ сѣверной Африкѣ и Италиі, подъ названіемъ Жирондской мѣдянки (*Coronella girundica*, *Coluber riccioli*, *Girondische Schlingnatter*, *Couleuvre de 'a Gironde*), между тѣмъ какъ мѣдянка, встрѣчающаяся въ Италиі и Сициліи (*Coronella fitzingeri*) должна считаться разновидностью нашей.

Отъ гадюки, съ которой несвѣдущіе люди такъ часто смѣшиваютъ мѣдянку, она

Мѣдянка. *Coronella austriaca*. Паст. вел.

отличается съ перваго взгляда совершенно гладкими чешуйками, на которыхъ нѣтъ ни слѣда срединнаго кила, головою, совершенно правильно покрытой щитками, двойнымъ, расщепленнымъ посрединѣ заднепроходнымъ щиткомъ и круглымъ, не вертикально щелевиднымъ зрачкомъ. Очень существенно отличается, наконецъ, и строеніе зубовъ, о чемъ будетъ еще сказано ниже. Въ Норвегіи и Швеціи мѣдянка встрѣчается; подобно всѣмъ представителямъ того же разряда, лишь въ особенно удобныхъ мѣстахъ и всюду рѣдко; въ южной Англии она встрѣчается, по словамъ Вуда, лишь на известковыхъ горахъ, на которыхъ часто попадаютъ ящерицы; въ Германіи ее рѣдко встрѣчаютъ на Гарцѣ и въ Тюрингенскомъ

лѣсу, а къ югу отсюда на всѣхъ горахъ средней Германіи, также въ Австріи, особенно въ Альпійскихъ странахъ, слѣдовательно по всей Штирии, Тиролю, Каринтіи, Крайнѣ и въ Далмаціи: Въ сѣверной Греціи, Итали, сѣверной Франціи, сѣверной Испаніи и Португаліи она тоже живетъ; въ Россіи она, какъ доказано, населяетъ, начиная съ Курляндіи, Лифляндіи и Польши, всѣ среднія и южныя губерніи до Каспійскаго моря. Въ Германскихъ Альпахъ она восходитъ до 1200, въ кантонѣ Ваадтѣ до 1240, на Кавказѣ до 2000 м.

Своимъ мѣстопробываніемъ она избираетъ сухую почву, солнечныя, каменистыя склоны, покинутыя каменоломни, горныя откосы, густо поросшіе кустарникомъ обрывы, но въ видѣ исключенія встрѣчается и въ низменности на болотистой почвѣ. По наблюденіямъ Ленца, она гораздо чаще заползаетъ подъ гладкіе камни, чѣмъ гадюка и обыкновенный ужъ, прячется также подъ мохъ, такъ что надъ нимъ выглядываетъ лишь головка; въ высшей степени вѣроятно, что она дѣлаетъ это затѣмъ, чтобы укрыться отъ своихъ безчисленныхъ враговъ. Она гораздо подвижнѣе и живѣе ужа, что особенно обнаруживается тогда, когда ее поднять за конецъ хвоста или на палкѣ, вокругъ которой она обвилась. Въ первомъ случаѣ она можетъ, если здорова и не слишкомъ отягощена пищей, быстро поднять голову до руки, во второмъ случаѣ, по письменному сообщенію Стерки, она обвивается, дѣлая оживленныя движенія, кольцами вокругъ палки и старается достать до земли или прочной опоры; а если ей это не удастся, то продолжаетъ держаться на палкѣ и не сваливается съ нея, какъ дѣлаетъ въ такихъ случаяхъ болѣе неуклюжій ужъ. Несмотря на такую ловкость, насколько мнѣ извѣстно, никогда не видѣли, чтобы она лавала. Точно такъ же она не идетъ добровольно и въ воду, а если ее бросить туда, то плаваетъ быстро и ловко, но всегда старается какъ можно скорѣе добраться до берега.

О характерѣ мѣдянки различныя наблюдатели высказываются неодинаково. Нѣкоторые называютъ ее смиреннымъ, добродушнымъ животнымъ, между тѣмъ какъ большинство утверждаетъ прямо противоположное. «Она»; говоритъ Ленцъ: «вспыльчивое, злобное животное, которое не только бѣшено кусаетъ вокругъ себя тотчасъ послѣ поимки, но даже въ комнатѣ продолжаетъ обыкновенно кусаться еще нѣсколько недѣль, а иногда и цѣлыя мѣсяцы. Если ей подставить перчатку, полукуртука и т. п., то она обыкновенно вцѣпляется такъ крѣпко, что иногда виситъ по 8 минутъ и больше. Ея зубы, правда, такъ малы и такъ мало выдаются изъ десенъ, что едва видны у живыхъ животныхъ; но они такъ остры, что все-таки тотчасъ вонзаются. Хотя эта змѣя легко озлобляется до того, что кусаетъ самоё себя, подобныхъ ей, другихъ змѣй и т. д., но неохотно пробуетъ зубы о камни или желѣзо и т. п. Если ее раздражить, то она принимаетъ почти такое же положеніе, какъ гадюка, свертывается, втягиваетъ шею, расширяетъ затылокъ и при укушеніи часто раскрываетъ пасть, насколько можетъ. Нѣсколько мѣдянокъ очень часто сражаются между собою и при этомъ кусаются часто очень сильно. Если при этомъ онѣ случайно схватятъ другъ друга за голову, то иногда случается, по словамъ Дерси, что онѣ вцѣпляются своими загнутыми назадъ зубами и не могутъ расцѣпиться; битва становится въ такомъ случаѣ часто продолжительной, обѣ змѣи тянутъ назадъ въ противоположныхъ направленіяхъ и болѣе слабая принуждена слѣдовать за болѣе сильной, но дѣлаетъ это не добровольно. Такія битвы можно вызывать, если взять въ обѣ руки по мѣдянкѣ, схвативъ ихъ около головы, и держать одну противъ другой, даже если ихъ просто дразнить или вдругъ обрызгать водою. Особенно въ послѣднемъ случаѣ онѣ гнѣвно ползутъ во всѣхъ направленіяхъ и въ слѣпой ярости хватаютъ другъ друга. Этотъ злобный характеръ

создалъ мѣдянкѣ дурную славу и ея очень боятса, такъ какъ считаютъ ядовитой; и дѣйствительно, въ то мгновеніе, когда она злобно хватается вокругъ себя, ее легко смѣшать съ самкой гадюки. «Со мною самимъ случалось», замѣчаетъ Шинцъ: «что я принималъ такую змѣю за viperу, пока не изслѣдовалъ ее точнѣе. Конечно, если можно вблизи видѣть ея голову, то ошибка скоро становится ясной для всякаго знатока; большіе щитки на головѣ, болѣе тонкое, блестящее тѣло, отливающее на солнцѣ разными цвѣтами, позволяютъ легко отличить ее; но ошибиться въ этомъ случаѣ слишкомъ опасно и потому надо смотрѣть хорошенько».

Вѣроятно эти различныя мнѣнія легко примирить между собою. У мѣдянки бываетъ хорошее и дурное расположеніе духа. «Иногда», продолжаетъ Ленцъ, «особенно если погода мокрая и холодная, она терпѣливо и безъ сопротивленія позволяетъ поймать себя; но по большей части она старается быстро ускользнуть и дѣйствительно бываетъ очень проворна, хотя ее и легко догнать на ровномъ мѣстѣ; во всякомъ случаѣ она гораздо быстрѣе гадюки и ужа. Если ее держать за конецъ хвоста, она очень легко поднимаетъ голову вверхъ до руки».

Иногда она живетъ вмѣстѣ съ другими змѣями, наприимѣръ съ ужами, рѣже съ гадюками, уживается съ ними долгое время и въ неволѣ, но лишь до тѣхъ поръ, пока ей это нравится и она не голодна. «Только если къ ней посадить живую мышь», говоритъ Ленцъ, «она тотчасъ приходитъ въ возбужденное состояніе и шипитъ, но лишь отрывисто и тихо. Иначе нелегко услышать ея шипѣніе, кромѣ развѣ того случая, если ее дразнить въ то время, когда она вполнѣ бодря». Она, какъ уже упомянуто, предпочитаетъ добычу извѣстнаго рода, именно горныхъ ящерицъ, всякой другой, но нерѣдко нападаетъ также на другихъ ящерицъ и маленькихъ змѣй и побѣждаетъ, по наблюденіямъ Эрбера, даже молодыхъ гадюкъ, несмотря на ихъ ядовитые зубы. Видеръ, повидимому, первый обнаружилъ свои наблюденія относительно того, какимъ способомъ мѣдянка овладѣваетъ своей добычею; но позднѣйшимъ изслѣдователямъ мы обязаны болѣе подробными описаніями, лучшимъ, по моему мнѣнію, Дерси. Если, такъ приблизительно выражается онъ, посадить нѣсколько живыхъ ящерицъ въ то помѣщеніе, въ которомъ находятся мѣдянки, то онѣ тотчасъ понимаютъ угрожающую имъ опасность и стараются спастись, бѣшено бѣгая по всѣмъ направленіямъ. Все общество приходитъ въ величайшее возбужденіе и въ первомъ замѣшательствѣ мѣдянки тоже стараются поспѣшно выбраться изъ суматохи. При этомъ онѣ часто такъ бѣшено кусаютъ кругомъ, что вступаютъ въ драку между собою и иногда хватаютъ даже собственное тѣло. «За этимъ шумнымъ началомъ слѣдуетъ мучительная пауза. Быстро двигая языкомъ и поднявъ голову, змѣи обдумываютъ планъ нападенія, а оцѣпившія отъ ужаса ящерицы собираютъ съ полуоткрытымъ ртомъ свои силы для отчаянной защиты. Вдругъ одна изъ змѣй бросается на свою добычу, вытягиваетъ предварительно согнутую назадъ и въ сторону шею и, быстро скользя, хватается широко раскрытой пастью убѣгающую ящерицу. Бѣшено крутясь, обвивается она тѣсными кольцами вокругъ тѣла опрокинутой на спину ящерицы, такъ что только голова и хвостъ послѣдней выдаются изъ плотнаго клубка».

«Теперь наступаетъ тяжелая работа глотанія. Ящерица должна быть проглочена цѣликомъ и притомъ головой впередъ; на это уходитъ много времени и труда. Наша мѣдянка поэтому не особенно торопится, облизываетъ свою жертву и виляетъ по кошачьи хвостомъ. Но затѣмъ она высоко поднимается, описываетъ шейю вертикальную дугу и, широко раскрывъ пасть, схватываетъ голову жертвы. Постепенно кольца змѣи распускаются; голова ящерицы исчезаетъ; медленно слѣдуетъ за нею тѣло; печально киваетъ еще на прощаніе хвостъ но лишь по про-

шествиі получаса или даже позднѣе ящерица проходитъ черезъ широко растянутый пищеводъ въ желудокъ мѣдянки. Не всегда все проходитъ такъ гладко; обитая до шеи ящерица еще жива и, раскрывъ пасть, готовится къ отчаянной оборонѣ. Если мѣдянка схватитъ не такъ, какъ слѣдуетъ, то ящерица хватается ее за верхнюю или нижнюю челюсть и, судорожно сжавъ ротъ, можетъ своими плотными и крѣпкими зубами цѣлые часы держать схваченную часть своего врага. Тщетно старается змѣя освободиться. Оба животныхъ, судорожно сжавъ челюсти, какъ бульдоги вцѣпляются другъ въ друга; бѣшено извивается змѣя, стараясь оторваться отъ добычи, но тщетно. Наконецъ ящерица выпускаетъ змѣю, конечно тотчасъ же удираетъ, и змѣя, изъ ранъ которой подчасъ выступаетъ кровь, смотритъ ей вслѣдъ»

Если надо еще дополнить это живое описаніе, то я могу прибавить, что мѣдянка обыкновенно образуетъ вокругъ своей жертвы три кольца и такъ тѣсно стягиваетъ ихъ, что они, не повреждая кожи, врѣзываются до костей и дѣлаютъ почти невозможнымъ никакое движеніе тѣла добычи, даже бѣженіе сердца. Схвативъ веретеницу, которыя составляютъ, послѣ ящерицъ, самую любимую добычу мѣдянки, она образуетъ кольца на большемъ разстояніи одно отъ другаго, но всегда такъ, что голова добычи направлена впередъ. Одна ручная мѣдянка, которую держалъ Гюнтеръ, ѣла лишь ящерицъ, но никогда не ѣла мышей или лягушекъ, хотя кусала и ихъ, какъ и всякихъ животныхъ. Послѣ того, какъ хозяинъ долгое время кормилъ ее ящерицами обыкновенной величины, онъ далъ ей, чтобы испытать ея силу, необыкновенно большую и сильную ящерицу. Она тотчасъ схватила ее, но послѣ долгой битвы, во время которой ящерица неразъ казалась задушенной кольцами змѣи, но снова вырывала изъ челюстей врага свою голову, схваченную уже для глотанія, она перемѣнила способъ нападенія и схватила ящерицу за хвостъ. Хвостъ обломался и былъ съѣденъ. Съ тѣхъ поръ змѣя всегда довольствовалась тѣмъ, что обламывала у ящерицъ хвосты, не дѣлая дальнѣйшихъ нападеній на безхвостыхъ, и не обращала болѣе вниманія на изуродованныхъ такимъ образомъ, которыхъ сажали въ ея клѣтку. Шлегель говоритъ, что находилъ въ желудкахъ изслѣдованныхъ имъ ужей этого вида также мышей, а Эрберъ наблюдалъ ихъ въ то время, какъ они ѣли мышей; тѣмъ не менѣе мы можемъ принять, что пока у нихъ есть ящерицы и веретеницы, онѣ питаются лишь ими. Соотвѣтственно этому можно считать, что Ленцъ совершенно правъ, называя и этого ужа вреднымъ, такъ какъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что ящерицы и веретеницы, которыхъ онъ уничтожаетъ, намъ полезны.

Линкъ утверждаетъ, что мѣдянка чувствуетъ отвращеніе къ сырости, что брошенная въ воду, напрягая всѣ силы, легко и проворно скользитъ по поверхности, но съ ужасомъ спѣшитъ къ берегу, что въ клѣткѣ, если при поливкѣ дерна на нее попадетъ хоть немного ненавистной жидкости, она настойчиво ищетъ сухого мѣстечка, что «питье для нея страшнѣе», и она старается преградить доступъ внутрь тѣла даже влажному воздуху. Онъ говоритъ даже, что наблюдалъ, какъ одна изъ его плѣнницъ, которой не удалось достаточно быстро защитить себя такимъ образомъ отъ поднимавшихся испареній воды, схватила въ пасть оставшееся сухимъ тѣло другой змѣи, чтобы такимъ образомъ вполне закрыть ее. Этимъ заявленіямъ рѣшительно противорѣчатъ наблюденія другихъ изслѣдователей. Мартинъ наблюдалъ, что одна мѣдянка, которую онъ держалъ и намѣревался кормить лягушками и мышами, не трогала ихъ и какъ будто для того, чтобы утолить голодъ, жадно слизывала капли воды съ влажнаго мха или стеклянной крышки, а Дерси говоритъ прямо, что пойманная мѣдянка, если поставить ей въ клѣтку блюдце съ

водой, иногда пьеть, причемъ совершенно погружаетъ переднюю часть головы и дѣлаетъ явственныя глотательныя движенія. Тѣ же наблюденія произведены недавно и другими, такъ что вопросъ можетъ въ настоящее время считаться совершенно исчерпаннымъ.

Видеръ замѣтилъ первый, что мѣдянка принадлежитъ къ числу живородящихъ змѣй, т. е. такъ долго вынашиваетъ свои яйца, что тотчасъ послѣ кладки дѣтеныши разрываютъ оболочку яйца и выходятъ. Ленцъ находилъ въ серединѣ мая у большихъ экземпляровъ яйца длиною въ 15 мм., толщиною въ 6 мм., но уже во второй половинѣ юня яйца были длиною болѣе 25 мм. и шириною около 12 мм., затѣмъ онъ находилъ въ нихъ бѣлыхъ свернувшихся зародышей длиною въ 6 см. съ толстыми головами и большими, черными глазами. Въ концѣ августа или началѣ сентября яйца откладываются и изъ нихъ тотчасъ выползаютъ дѣтеныши длиною въ 15 см., толщиною въ карандашъ, числомъ отъ 3 до 13, которые при хорошей погодѣ стараются еще добыть немного пищи, а позднѣе прячутся въ удобное убѣжище, чтобы укрыться здѣсь отъ суровой зимы. Эфеле, который могъ подробно наблюдать процессъ рожденія, видѣлъ, какъ пойманная 10 сентября самка родила втеченіе 4 дней 9 дѣтенышей, длиною въ 5 см., шириною въ 3 см., которые освобождались отъ оболочекъ. Каждому отдѣльному рожденію предшествовала пауза, похожая на родовыя схватки; она была тѣмъ продолжительнѣе, чѣмъ больше времени прошло съ предшествовавшихъ родовъ. «Болѣе хорошенькія созданія, чѣмъ эти маленькіе ужи», восклицаетъ Линкъ, «едва ли могутъ существовать! Пятна спины тянутся блестящими изящными рядами до тонкаго, какъ иголка, кончика хвоста, цвѣтныя украшенія нѣсколько широкаго черепа выступаютъ явственно и рѣзко и глазъ съ удовольствіемъ смотритъ на постоянную смѣну арабесокъ, которыя украшаютъ тѣло этихъ безконечно гибкихъ маленькихъ животныхъ, когда они скользятъ между пальцами или по вязкому кустарнику».

Тотъ же наблюдатель предполагаетъ, что мѣдянка, вопреки общему правилу, рождаетъ иногда дѣтенышей лишь весною. «Я находилъ молодыхъ мѣдянокъ»; говорилъ онъ: «во всякое время теплой части года и даже получилъ 3-го апрѣля 1854 года въ концѣ долгой, суровой зимы, немного дней спустя по наступленіи теплой погоды, одну, которая, повидимому, едва за недѣлю до того вышла изъ яйца! Родилась ли она уже прошлой осенью и, проживъ нѣсколько дней, погрузилась въ зимнюю спячку? Но ея окраска была слишкомъ свѣжа и блестяща для вывѣтрившейся зимней одежды, а для второго линянія животное было еще слишкомъ юно. Можетъ быть морозъ принудилъ мать, тѣло которой было наполнено зрѣлыми яйцами, искать убѣжища въ лонѣ земли, а вмѣстѣ съ матерью ускользнули отъ вліянія суроваго времени года и дѣтеныши? Трудно сдѣлать выборъ изъ этихъ предположеній; но во всякомъ случаѣ самый фактъ сильно говоритъ въ пользу предположенія, что границы половой дѣятельности у этой змѣи по времени очень растяжимы».

Въ высшей степени странное сообщеніе обнародовалъ Гредлеръ: Сеттари, извѣстный ему ревностный наблюдатель и содержатель змѣй, который держалъ въ неволѣ цѣлые годы и мѣдянокъ и неразъ получалъ отъ нихъ и воспитывалъ дѣтенышей, пишетъ слѣдующее: «Втеченіе первыхъ 2—3 недѣль дѣтенышей кормитъ мать; она сначала проглатываетъ мучныхъ червей, мелкихъ ящерицъ и т. п., затѣмъ черезъ часъ или два выбрасываетъ ихъ обратно и всовываетъ дѣтенышамъ въ ротъ». До сихъ поръ неизвѣстно ничего подобнаго относительно какого-либо пресмыкающагося и къ этому сообщенію должно поэтому относиться съ рѣшительнымъ сомнѣніемъ.

Въ неволѣ мѣдянка обыкновенно уже по прошествіи немногихъ дней приручается настолько, что не кусаетъ болѣе хозяина, если онъ беретъ ее въ руки или суетъ себѣ за пазуху, чтобы согрѣть. Однако, какъ уже замѣчено, попадаютса экземпляры, которые долго упрямятся, прежде чѣмъ рѣшатся вступить въ дружескія отношенія съ хозяиномъ. Сначала всѣ кусаются и хотя давленіе, которое могутъ производить ихъ челюсти, крайне слабо, но острые зубки все-же легко проникаютъ сквозь кожу и такъ глубоко, что течетъ кровь. Эта злость рано или поздно непремѣнно пропадаетъ и потому эта столь же красивая, какъ изящная и привлекательная змѣя весьма удобна для содержанія въ неволѣ, тѣмъ болѣе, что она очень хорошо выживаетъ, если только обратить должное вниманіе на ея жизненныя потребности.

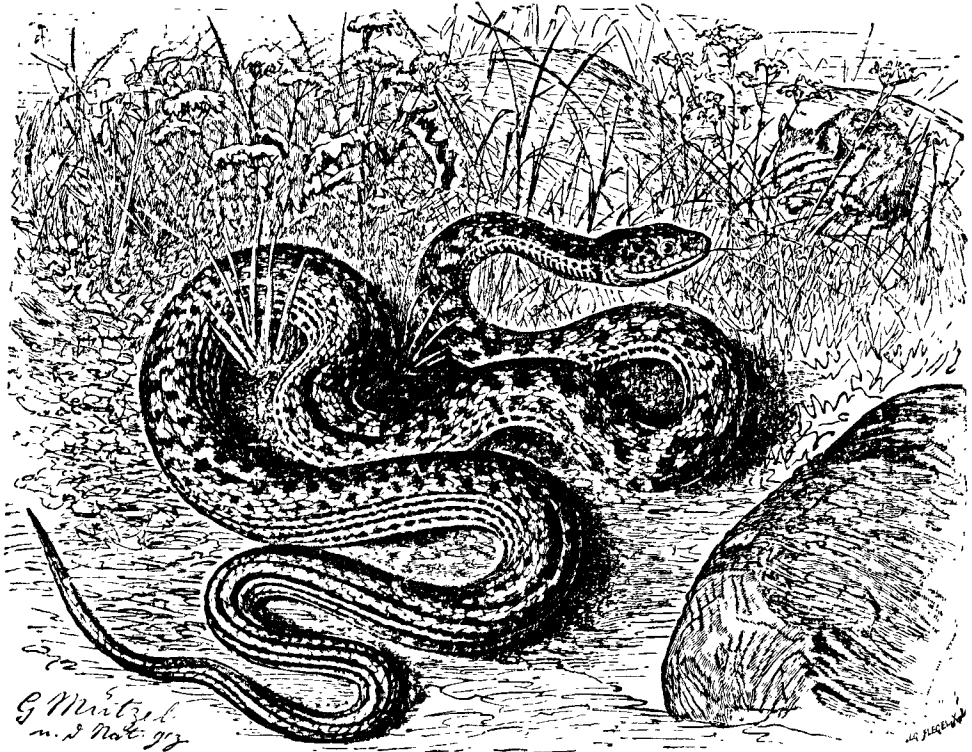
«Одно время», рассказываетъ Ленцъ: «по совѣту одного теперь умершаго венгерскаго врача употребляли желчь мѣдянки противъ падучей. Тогда многіе врачи обращались ко мнѣ, чтобы получить эту желчь, и чтобы удовлетворить ихъ желанію, я постепенно умертвилъ множество своихъ мѣдянокъ. Сначала я для этой цѣли погружалъ ихъ подъ воду, но въ такомъ случаѣ онѣ мучились передъ смертью по нѣскольку часовъ. Поэтому позднѣе я всегда смазывалъ имъ внутренность рта табачнымъ сокомъ, послѣ чего онѣ сильно раздували голову и горло, выпускали изъ ноздрей пузыри, вертѣлись и по прошествіи немногихъ минутъ или четверти часа оказывались мертвыми и судорожно скрюченными». Цѣлебнаго и дѣйствія змѣиная желчь, понятно, не имѣетъ. * *

Отъ мѣдянокъ мало отличается по строенію родъ **Злыхъ ужей** (*Zamenis Zornschlangen.*), которые заслуживаютъ нашего вниманія особенно потому, что нѣсколько видовъ ихъ встрѣчаются на югѣ Европы. Признаки этого рода слѣдующіе: тѣло тонкое и вытянутое, хвостъ длинный, удлиненная голова явственно отдѣлена отъ шеи, глаза съ круглымъ зрачкомъ, умѣренной величины или большіе, ноздри лежать сбоку и каждая окружена двумя щитками, а остальной покровъ головы отличается тѣмъ, что отдѣльные щитки часто раздѣляются на два или нѣсколько и глазъ иногда окруженъ обособленными частями верхнегубныхъ щитковъ. Подъ предглазнымъ щиткомъ всегда находится по крайней мѣрѣ одинъ подглазный. Расположенныя въ 15—31 продольныхъ рядовъ чешуйки или гладки, или слегка килеваты и имѣютъ концевыя норы; брюшныя щитки выпуклы и по бокамъ загнуты вверхъ, образуя тупой край, пли неявственно килеваты; подхвостныя щитки расположены въ два ряда. 12—20 зубовъ, которые постепенно увеличиваются по направленію къзадѣ, находятся въ верхней челюсти; напротивъ, зубы нижней челюсти почти одинаковой величины.

Около 20 видовъ этого рода живутъ въ Европѣ, Азій и сѣверной Африкѣ. Несмотря на названіе «злыхъ ужей» не всѣ виды ведутъ себя злобно; напротивъ, напримѣръ **Пятнистобрюхій ужъ** (*Zamenis ventrimaculatus. Fleckenbauch*) и особенно **Діадемовая змѣя** (*Zamenis diadema. Diademschlange*) чрезвычайно смиренныя и милыя существа. Всѣ живутъ на землѣ или на кустахъ, большинство въ степныхъ мѣстностяхъ или по окраинѣ пустыни и питаются преимущественно мелкими млекопитающими и птицами.

Чаще всего встрѣчающійся въ Европѣ злой ужъ представляетъ двѣ постоянныя разновидности, которыя прежними изслѣдователями считались за отдѣльные виды. Одна изъ нихъ **Желтозеленый ужъ** (*Zamenis gemonensis, viridiflavus, Colu-*

ber communis, vulgaris, francae, sardus, luteostriatus, gemonensis, viridiflavus, atrovirens, Natrix, Hierophis viridiflavus, Zamenis atrovirens. Gelbgrüne Natter. Couleuvre verte et jaune), водящийся въ западной части области распространения вида, другая **Прыгающий ужь**, **Желтопузь** (Zamenis trabalis, jaculator, Coluber jaculator, trabalis, caspius, petalarius, acontistes, thermalis, griseocoeruleus, erythrogaster, personatus, Bothriophis, Coelopeltis erythrogastra, Haemorrhoids trabalis. Springnatter. Couleuvre sauteuse), водящийся въ восточной части области распространения. Оба отличаются отъ другихъ злыхъ ужей правильными щитками на верхней сторонѣ головы, двумя передними глазами щитками, изъ которыхъ нижній малъ и отодвинутъ въ рядъ губныхъ, и длиною хвоста, которая

Желтозеленый ужь. *Zamenis gemonensis*. 1/4 наст. вел.

едва составляетъ четверть общей длины. Кромѣ того всегда два верхнегубныхъ щитка касаются глазного яблока. Гладкія чешуйки расположены въ 17—19 продольныхъ рядовъ. Подробное описаніе главныхъ и промежуточныхъ разновидностей потребовало бы нѣсколькихъ страницъ; поэтому мы ограничимся приведеннымъ ниже для различія двухъ важнѣйшихъ формъ.

Желтозеленый ужь, повидимому, никогда не достигаетъ такой длины, какъ прыгающий ужь, и не превосходитъ 1,9 м., а обыкновенно бываетъ меньше этихъ размѣровъ. Голова и зашеекъ покрыты на сѣро-желтомъ, а спина и хвостъ на зеленоватомъ фонѣ неправильными черными поперечными полосками, на желтой нижней сторонѣ полосы эти болѣе правильны; пятнистый рисунокъ переходитъ на задней части тѣла въ тонкія продольныя полоски, которыя тянутся параллельно до конца хвоста. У другихъ экземпляровъ на верхней сторонѣ преобладаетъ вмѣсто зеленого красивый зелено-желтый цвѣтъ, а нижняя сторона въ та-

комъ случаѣ канареечно-желтая. У другихъ экземпляровъ верхняя сторона оливково-бурая и безъ пятенъ, у одной разновидности (*var. carbonaria*) почти совершенно черная, брюхо сѣрое, вся нижняя сторона и бока съ стале-голубымъ блескомъ.

Прыгающій ужъ, который достигаетъ длины въ 2,3 м., покрытъ сверху на голубовато или буровато-сѣромъ фонѣ болѣе или менѣе явственными частыми продольными полосками, такъ какъ середина каждой чешуйки окрашена свѣтлѣе, чѣмъ края. Кромѣ происходящей отъ этого полосатости, которая можетъ быть свѣтлѣе, даже почти бѣлой или же ржаво-красной или ржаво-бурой, болѣе молодыя змѣи, принадлежащія къ этой разновидности, имѣютъ еще на тѣлѣ черныя, болѣе или менѣе явственно выступающія пятна, расположенныя продольными рядами. Голова сверху всегда буроватая и испещрена желтыми и черноватыми черточками и точками. Верхнегубные щитки и щитки передъ глазами и позади ихъ всегда свѣтлые, буроватые или желтые; первые окаймлены узкими темными краями, нижняя сторона, напротивъ, одноцвѣтная, или буровато-желтая, или кирпично-красная; брюшные щитки у нѣкоторыхъ экземпляровъ на передней половинѣ тѣла съ прерывающейся черной каймою на заднемъ краѣ и кромѣ того разрисованы сѣрыми туманными пятнами.

Желтозеленый ужъ распространенъ, начиная съ Венгрии, на западъ по всемъ средиземноморскимъ странамъ, но лишь во Франціи проникаетъ на сѣверъ за Альпы. Онъ обыкновененъ въ Кроаціи, Крайнѣ, южной Каринтіи и южномъ Тиролѣ; здѣсь, по словамъ Гредлера, онъ встрѣчается даже чаще, чѣмъ всякій другой ужъ, тѣмъ болѣе, что онъ дерзко приближается къ домамъ; въ южной части Швейцаріи, и именно въ Тессинѣ и Валлисѣ, онъ, напротивъ, рѣдокъ и такъ какъ держится въ нѣкоторыхъ курортахъ, то, по мнѣнію Фаціо, былъ введенъ сюда лишь римлянами; во многихъ мѣстностяхъ южной Франціи онъ представляетъ обыкновенное явленіе на сѣверъ до 50° с.ш. Въ Италиі онъ распространенъ повсюду, очень обыкновененъ въ окрестностяхъ Рима, встрѣчается около самаго города и нерѣдко проникаетъ даже въ сады внутри города. Въ Далмаціи онъ, по словамъ Эрбера, встрѣчается чаще всякой другой змѣи. Начиная отъ Венгрии на востокъ, его замѣняетъ прыгающій ужъ; онъ распространенъ, начиная отсюда, по всей южной Россіи, а также отъ Греціи по Малой Азіи, Сиріи и Персіи. Онъ извѣстенъ, начиная отъ Офена, на югѣ Венгрии, Славоніи, на Цикладскихъ островахъ, въ Малой Азіи, въ Кавказскихъ странахъ, въ мѣстностяхъ по нижней Волгѣ, Тереку и Уралу, вообще во всей южной Россіи, отъ Днѣпра до Каспійскаго моря и его можно назвать въ южно-русскихъ степяхъ самой обыкновенной изъ водящихся тамъ змѣй. Такимъ образомъ область распространенія этой змѣи простирается по крайней мѣрѣ отъ Пиренеевъ до западнаго берега Каспійскаго моря и отъ 32 до 50 градуса сѣверной широты.

Желтозеленый ужъ избираетъ себѣ мѣстопробываніе смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ. Въ русскихъ степяхъ онъ живетъ на самыхъ жаркихъ и сухихъ равнинахъ, напротивъ, въ Далмаціи и Тиролѣ—на солнечныхъ, но не безплодныхъ мѣстностяхъ воздѣланныхъ странъ въ кустарникахъ или вдоль изгородей, дорогъ, въ старыхъ постройкахъ и кучахъ камней, какъ на равнинахъ, такъ и въ холмистой мѣстности; онъ взлѣзаетъ и на деревья; по крайней мѣрѣ Гредлеръ увѣряетъ, что ему случалось стряхивать съ деревьевъ вмѣсто насѣкомыхъ этихъ ужей.

Пища состоитъ, по словамъ Эрбера, изъ ящерицъ и мышей, но, вѣроятно, и изъ другихъ змѣй, такъ какъ въ неволѣ наблюдали, что эти ужи нападали на

змѣй. Во всякомъ случаѣ желтозеленый ужъ, повидимому, предпочитаетъ пресмыкающихся мышамъ. Эрберъ и Метакса убѣдились, что онъ поѣдаетъ и змѣй. Метакса держалъ въ клѣткѣ желтозеленаго ужа вмѣстѣ съ другими, но долженъ былъ, къ своему неудовольствію, убѣдиться, что онъ съѣлъ двухъ изъ своихъ товарищей, въ томъ числѣ одного изъ представителей того же вида. Его застали, когда онъ уже проглотилъ на половину вторую жертву, понятно помѣшали ему и заставили выбросить добычу обратно. Послѣдняя выпла живой и неповрежденной; но и первая изъ съѣденныхъ змѣй, которую вытащили изъ желудка ужа, умертвивъ его, оказалась лишь полумертвой. У Эрбера, къ его огорченію, одинъ изъ этихъ ужей съѣлъ рѣдкую кошачью змѣю; онъ наблюдалъ, что храбрый желтозеленый ужъ не боялся и ядовитыхъ змѣй, и именно безъ колебанія напалъ на песчаную гадюку и съѣлъ ее. По наблюденіямъ Эффельдта, любимую пищу его составляютъ зеленыя ящерицы, но несомнѣнно и змѣи едва-ли менѣе любимая имъ добыча и притомъ желтозеленый ужъ одинаково пожираетъ и змѣй того же вида, и другихъ. Однажды нашъ авторъ подоспѣлъ еще во время, чтобы видѣть, какъ желтозеленый ужъ, длиною болѣе метра, хотѣлъ проглотить другую змѣю того же вида почти такой же длины, но, несмотря на всѣ усилія, не могъ добиться, чтобы она помѣстилась въ желудкѣ, такъ что Эффельдтъ долженъ былъ придти на помощь и отрѣзать часть, висѣвшую еще изо-рта; другой разъ онъ засталъ такого ужа, который проглотилъ на половину другую змѣю того же вида, чуть-чуть меньше его; онъ надѣялся, что ее можно еще спасти и сталъ мѣшать глотанію, пока змѣя не выбросила свою хотя еще живую, но очень ослабѣвшую добычу. Это повело къ тому, что на слѣдующій день обѣ змѣи были мертвы.

По увѣреніямъ Эргардта, которыя согласуются съ другими указаніями, желтозеленому ужу вовсе не свойственна ялость другихъ змѣй; напротивъ, онъ постоянно въ движеніи, преслѣдуетъ, на половину поднявъ тѣло, быстро ползая и прыгая, свою добычу, влѣзаетъ на деревья и переплываетъ водныя пространства, по увѣренію греческихъ рыбаковъ даже безъ колебанія переплываетъ морскіе проливы. Человѣкъ онъ вовсе не боится, а всегда самъ нападаетъ на него и притомъ съ громкимъ шипѣніемъ и выпуская слюну, что характерно и для одного остьяндскаго вида того же рода, *Слизистаго ужа* (*Zamenis mucosus*. Rattenschlange). Напротивъ, Фишеръ говоритъ, что онъ робокъ и избѣгаетъ человѣка и бѣшено кусаетъ вокругъ себя лишь тогда, когда его хотятъ схватить.

Изъ безвредныхъ змѣй Европы желтозеленый ужъ справедливо считается самой злой и живой. Уже меньшая разновидность, извѣстная намъ подъ названіемъ желтозеленаго ужа, по большей части старается укусить ловца; болѣе крупный, прыгающій ужъ, хотя обыкновенно и отступаетъ, но не боится лошади или всадника, а если послѣдній застанетъ его врасплохъ, то ужъ безъ колебанія дѣлаетъ нападеніе. При этомъ, по наблюденіямъ Палласа, онъ иногда свертывается въ кружокъ, подпускаетъ противника вплотную и вдругъ выдвигаетъ голову для укушенія, и иногда крѣпко вцѣпляется въ губы лошадей. Нѣтъ ничего удивительнаго, что, вслѣдствіе этой злости, крупныхъ желтозеленыхъ ужей всюду боятся. Хотя они, какъ говорятъ Эргардтъ, и не обладаютъ адскимъ ядомъ копьевидной куфіи или нѣмого кротала, и нападенія, которыя они дѣлаютъ на разсудительнаго человѣка, ведутъ лишь къ ихъ собственной гибели, но они могутъ сильно напугать дѣтей и неопытныхъ женщинъ. На Цикладскихъ островахъ, какъ и на всѣхъ вообще островахъ Средиземнаго моря, не исключая даже Сициліи и Ионическихъ острововъ, часто повторяются рассказы объ убитыхъ чрезвычайно большихъ змѣяхъ;

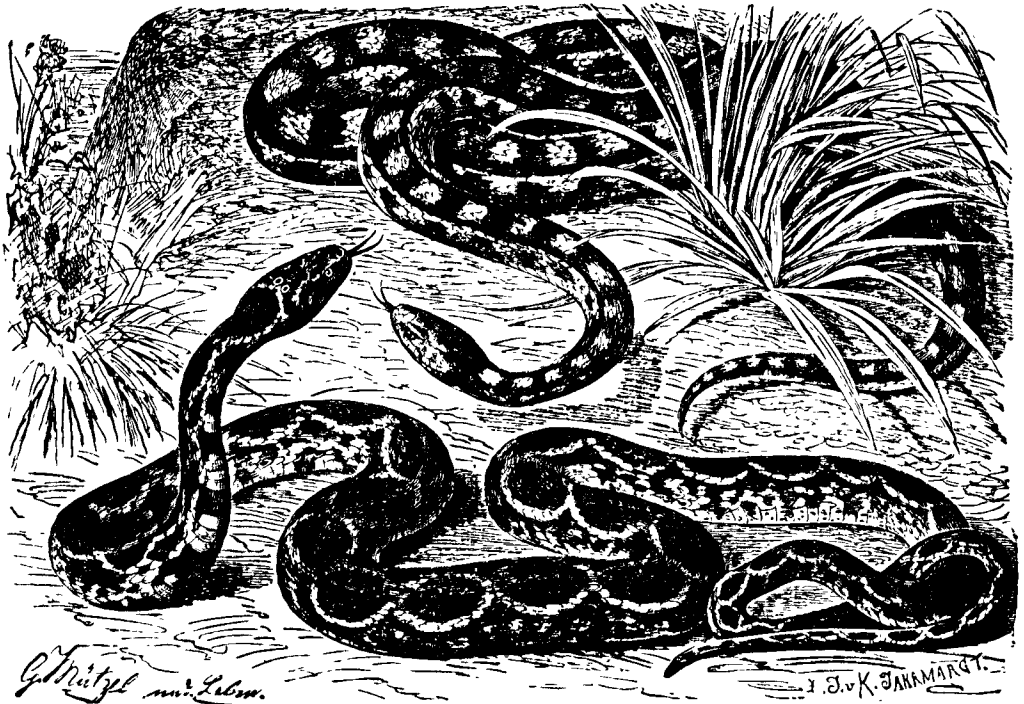
разказы эти заставляют думать, что въ прежнее время такіа змѣи распростра-
няли повсюду ужасъ вокругъ того мѣста, гдѣ онѣ жили. Такъ, о Кефалоніи,
островѣ, который, по Эргарту, можно назвать настоящимъ гнѣздомъ змѣй, раска-
зываютъ, что два брата убили аллебардами на вершинѣ горы спящую змѣю, кото-
рая долгое время жила тамъ и цѣлые годы дѣлала гору недоступной для людей
и животныхъ. Въ этомъ разказѣ, какъ убѣдился Эргартъ на мѣстѣ, вѣрно то,
что гора, на которой былъ, по преданію, совершенъ этотъ геройскій подвигъ, но-
ситъ еще и сегодня имя обоихъ братьевъ и, на основаніи документовъ, представ-
лена въ награду ихъ потомкамъ въ вѣчное и свободное отъ податей владѣніе.
Разказываютъ также, что въ районѣ Галлиполи у Дарданеллъ, но на азиатской
сторонѣ, была убита, тому назадъ нѣсколько десятилѣтій, выстрѣломъ дробью въ
голову змѣя, которая, умирая, вырывала съ корнемъ виноградныя лозы вокругъ
себя движениями хвоста, и трупъ которой были не въ состояніи унести три че-
ловѣка. Нѣтъ нужды особенно доказывать, что всѣ разказы этого рода въ выс-
шей степени преувеличены; но они все-таки заслуживаютъ упоминанія, такъ какъ
всѣ они относятся, вѣроятно, къ желтозеленому или къ четырехполосному ужу.

Вслѣдствіе злобнаго характера желтозеленаго ужа его нелегко получить
живымъ. Эрберъ называетъ его кромѣ того хитрымъ и осторожнымъ и указываетъ
на это качество, какъ на одну изъ причинъ, почему его ловятъ лишь рѣдко; онъ
замѣчаетъ кромѣ того, что желтозеленый ужъ въ неволѣ остается всегда дикимъ
и принуждаетъ даже хозяина, къ которому, повидимому, привыкъ, осторожно
приближаться къ нему, такъ какъ онъ никогда не гарантированъ отъ его уку-
шенія. За ѣду онъ, впрочемъ, принимается скоро, постепенно утрачиваетъ по край-
ней мѣрѣ отчасти свой необузданный характеръ, но никогда не становится
дѣйствительно ручнымъ и обнаруживаетъ такую потребность въ теплотѣ,
что переживаетъ у насъ зиму лишь въ томъ случаѣ, если можетъ въ хорошо
устроенной клѣткѣ пользоваться всевозможнымъ уходомъ. По Фишеру, онъ охотно
вздвѣзаетъ на кусты, чтобы грабить птичьи гнѣзда. Размноженіе его падаетъ на
конецъ іюня или начало іюля; онъ кладетъ 8—15 яицъ подъ мохъ или опавшіе
листья.

Второй европейскій видъ этого рода—**Подновчатый ужъ** (*Zamenis hippocrepis*,
Coluber domesticus, *Natrix bahiensis*, *Coluber*, *Natrix*, *Naemorrhais*, *Calopeltis*, *Pe-
rionis hippocrepis*. *Hufeisennatter*. *Couleuvre fer à cheval*). Отъ другихъ злыхъ ужей
онъ отличается вѣнцомъ мелкихъ подглазныхъ чешуекъ, который вполне отдѣляетъ
глазъ отъ лежащихъ подъ нимъ верхнегубныхъ щитковъ, раздѣленнымъ заднепро-
ходнымъ щиткомъ, гладкими чешуйками тѣла, расположенными въ 25—29 продоль-
ныхъ рядовъ и очень мало измѣняемымъ цвѣтомъ и рисункомъ. Длина этой кра-
сивой змѣи достигаетъ 1,75 м. Основной цвѣтъ верхней стороны представляетъ
переходы отъ зелено-желтаго или сѣровато-желтаго черезъ оранжевый до красно-
вато-бураго. Голова разрисована обыкновенно темной поперечной полоской между
глазами, далѣе къзади вторую поперечной полоской, выгнутой впереди и продол-
жающейся внизъ до ковокъ шеи, и пятномъ, лежащимъ между обѣими половинами
задней полоски, такъ что между пятномъ и полоской выступаетъ свѣтлая, подко-
вообразная фигура. На спинѣ выступаютъ, въ видѣ продольнаго ряда, ромбоидальныя
или яйцевидныя темныя пятна, окаймленныя желтымъ цвѣтомъ, которыя далѣе
къзади сливаются по большей части въ продольную полосу и заключаютъ между
собою съ каждой стороны по ряду другихъ, болѣе мелкихъ пятенъ; къ этому ряду
примыкаетъ третій рядъ расположенныхъ болѣе вертикально крапинъ, доходящихъ

внизъ до брюшныхъ щитковъ. Такъ какъ среднія пятна по большей части очень велики, то основной цвѣтъ образуетъ вокругъ нихъ лишь узкія кольца и, благодаря этому, образуется очень правильный и красивый рисунокъ въ видѣ цѣпочки. Нижняя сторона испещрена на желтомъ или оранжево-красномъ фонѣ черными пятнами. Подковчатый ужъ тоже принадлежитъ средиземноморскимъ странамъ. Въ Европѣ распространение его ограничивается Пиренейскимъ полуостровомъ и Сардиніей; въ сѣверной Африкѣ, гдѣ онъ очень обыкновененъ и достигаетъ большей величины, чѣмъ въ Испаніи, онъ распространенъ, насколько извѣстно до настоящаго времени, отъ Марокко до Туниса. Для жительства онъ выбираетъ, по словамъ Кантрэна, сухую и каменистую почву. По увѣренію этого путешественника онъ, совершенно въ

Лѣствичный ужъ. *Rhinechis scalaris*. Подковчатый ужъ. *Zamenis hippocrepis*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

противоположность желтозеленому ужю и несмотря на свою живость, смиренъ и безобиденъ и никогда не пытается кусаться. Бетхеръ сдѣлалъ такія же наблюденія на содержимыхъ въ неволѣ экземплярахъ средней величины, родомъ изъ Марокко; Фишеръ, напротивъ, увѣряетъ, что подковчатый ужъ изъ Алжира такъ же золь и смѣль, какъ и желтозеленый ужъ.

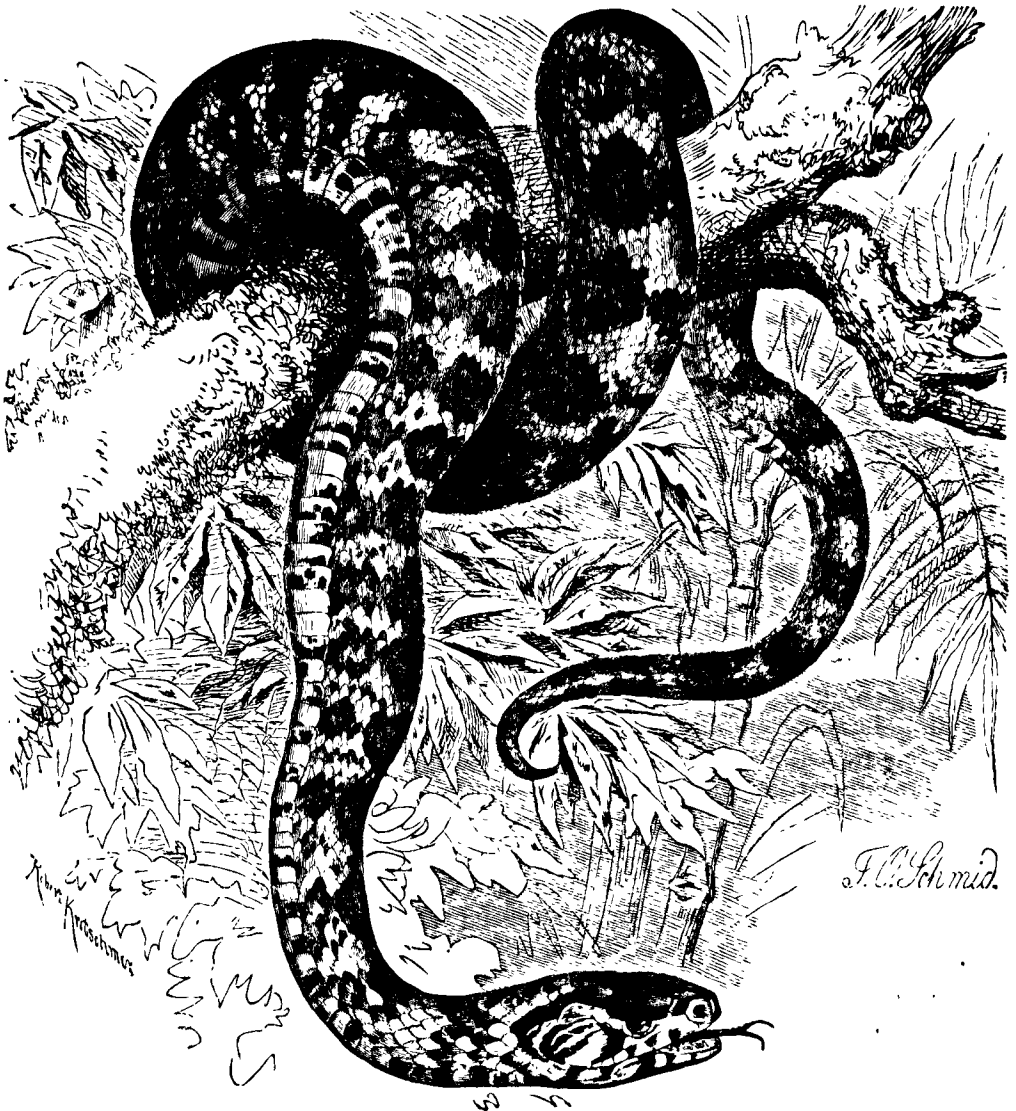
Подковчатый ужъ питается на свободѣ мышами и воробьиными птицами.

* * *

Большеглазыми ужами (*Ptyas Rennattern*) мы будемъ называть тѣ американскіе виды этого подсемейства, которые отличаются величиной, сильнымъ сложеніемъ, округлымъ сѣченіемъ тѣла, явственно отдѣленной головою съ большими глазами, равномерно заостреннымъ хвостомъ, равнымъ приблизительно четвертой части длины тѣла или болѣе, гладкими чешуйками, расположенными въ 15—17 продольныхъ рядовъ, правильными головными щитками, некилеватыми брюшными, и наконецъ верх-

нечелюстными зубами совершенно равной длины, которыхъ около 21. Нижний предглазый щитокъ можетъ существовать или отсутствовать; заднепроходный щитокъ раздѣленъ по срединѣ. Отличіе отъ водящагося въ Старомъ Свѣтѣ рода *Zamenis* заключается главнымъ образомъ въ строеніи зубовъ и въ большихъ глазахъ.

Къ этому роду относится Пантеровый ужъ (*Ptyas pantherinus*, Coluber, Corypho-

Пантеровый ужъ. *Ptyas pantherinus*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

don, *Pseudelaps*, *Drymobius pantherinus*, *Coluber compressus*, *capistratus*, *lichtensteini*, *Natrix scurrula*. *Panthernatter*. *Couleuvre pantherine*), легко отличимый по 15 продольнымъ рядамъ чешуекъ тѣла, отсутствію маленькаго нижняго предглазнаго щитка и по цвѣту и рисунку. Это змѣя длиною приблизительно въ 2 м., окраска которой, по изслѣдованіямъ принца фонъ Видъ, очень постоянна, т. е. не

измѣняется значительно ни по полу, ни по возрасту. Основной цвѣтъ блѣдный чало-желтовато-сѣрый: на передней части головы находятся три темныхъ поперечныхъ полоски, на затылкѣ и зашейкѣ двѣ широкихъ продольныхъ полоски; рисунокъ спины состоитъ изъ ряда большихъ сѣро-бурыхъ пятенъ, окаймленныхъ чернымъ цвѣтомъ, которыя на шеѣ ромбоидальной формы, на остальномъ тѣлѣ неправильной и соединены каждое съ двумя боковыми пятнами; желтовато-бѣлые щитки краевъ челюстей съ черной каймою; позади каждого глаза тянется къ углу рта черно-бурая продольная полоска. У болѣе молодыхъ животныхъ пятна болѣе сближены и соединенія между ними шире, а потому и общая окраска темнѣе.

Пантеровый ужъ распространенъ по Гвианѣ и тропической и умѣренной части восточной Бразиліи до Рио Гранде до Суль. Принцъ фонъ Видъ видѣлъ его у Рио де Жанейро на поросшихъ кустарникомъ высотахъ позади Санто Христованто, и позднѣе находилъ его на сѣверѣ въ Парахибѣ и до Эспирито Санто; Вухереръ наблюдалъ его у Бахія, Гензель въ Рио Гранде до Суль. У Эспирито Санто онъ не рѣдокъ, у Бахія это самая обыкновенная изъ встрѣчающихся тамъ змѣй. Онъ, по видимому, предпочитаетъ болота и болотистыя пастбища, поросшія кустарникомъ. Движенія его умѣренно быстры и по проворству онъ далеко уступаетъ другимъ видамъ. Поэтому можно безъ труда подойти къ нему довольно близко, и онъ даже и тогда едва обнаруживаетъ какой-либо признакъ тревоги. Жабы и лягушки составляютъ его пищу, а слѣдовательно, онъ ведетъ, по видимому, въ сущности образъ жизни нашего обыкновеннаго ужа. Въ Рио Гранде до Суль его, по словамъ Гензеля, часто смѣшиваютъ съ шарараккой и потому боятся, считая крайне ядовитымъ.

Къ тому же роду причисляютъ и извѣстнаго **Чернаго ужа** южной половины Соединенныхъ Штатовъ (*Ptyas constrictor*, *Coluber constrictor*, *flaviventris*, *Vascanion*, *Coryphodon consrictor*. *Schwarzsnatter*. *Couleuvre noire*). Это большая змѣя длиною въ 2 м., чернаго цвѣта съ голубымъ блескомъ; этотъ цвѣтъ переходитъ на нижней сторонѣ въ свѣтлый пепельно-сѣрый, а на груди въ бѣловато-сѣрый. Нѣкоторые экземпляры отличаются тѣмъ, что неправильно испещрены сверху болѣе темными пятнами. Чешуйки расположены въ 17 продольныхъ рядовъ; второй маленькій нижній предглазный щитокъ существуетъ.

Изъ сѣверо-американскихъ змѣй черный ужъ одна изъ самыхъ распространенныхъ и обыкновенныхъ. Онъ тоже предпочитаетъ мѣстности, богатая водою и охотно держится по берегамъ рѣкъ, прудовъ или озеръ, особенно тамъ, гдѣ кустарникъ растетъ болѣе или менѣе въ самой водѣ, но онъ предпринимаетъ иногда, подобно нашему обыкновенному ужу, странствованія по сушѣ и при этомъ его наблюдаютъ въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ. Если можно вполне вѣрить тому, что рассказываютъ о немъ, то онъ превосходитъ всѣхъ своихъ родичей своей способностью къ движенію. Онъ одинаково быстро извивается по сухой и каменистой почвѣ, ловко и потому охотно лазаетъ по вѣтвямъ кустовъ и деревьевъ и превосходно плаваетъ и ныряетъ. Пища его состоитъ изъ рыбъ, земноводныхъ, змѣй, птицъ и мелкихъ млекопитающихъ; говорятъ, что онъ особенно успѣшно преслѣдуетъ молодыхъ гремучихъ змѣй, а также мышей и крысъ, но грабитъ также много гнѣздъ полезныхъ птицъ. Мѣстами онъ считается самымъ дѣйствительнымъ врагомъ своихъ страшныхъ родичей. Вслѣдствіе приписываемаго черному ужу уменьшенія молодыхъ гремучихъ змѣй его почти всюду считаютъ полезнымъ животнымъ; тѣмъ не менѣе ему не вездѣ рады, а мѣстами боятся его; первое обусловливается его хищностью, которая простирается и на домашнихъ птицъ, второе страннымъ желаніемъ нападать, которое обнаруживаетъ иногда черный ужъ,

быть может правильнѣе сказать—которое ему приписываютъ Уже Кальмъ рассказываетъ, что въ періодѣ спариванія онъ, какъ стрѣла, вылетаетъ изъ кустарника, бросается на человѣка и такъ энергично преслѣдуетъ его; что тотъ едва можетъ убѣжать. Если онъ догонитъ кого-нибудь, то обвивается вокругъ ногъ и заставляетъ человѣка упасть. Хорошо еще, что укушеніе его не вреднѣе порѣза ножомъ. Такъ какъ, ползая по опавшимъ листьямъ, онъ производитъ такой же шумъ, какъ гремучая змѣя, издающая звукъ своей трещеткой, то его иногда смѣшиваютъ съ нею, и онъ до крайности пугаетъ человѣка, надъ которымъ вздумаетъ подшутить. Замѣчательно, что новѣйшіе авторы не возражаютъ ничего противъ этого крайне невѣроятнаго разсказа, и онъ повторяется во всѣхъ естественныхъ исторіяхъ, не возбуждая даже сомнѣній, а между тѣмъ, по моему мнѣнію, разсказы эти мало вѣроятны. Можетъ быть черный ужъ дѣйствительно довольно поспѣшно бросается на добычу; можетъ быть онъ заслуживаетъ даваемое и ему названіе «бѣгуна», т. е. отличается необыкновенной быстротою, но приведенный разсказъ все же слишкомъ нелѣпъ, чтобы онъ могъ заслуживать довѣрія. Пехуаль-Леше, который, впрочемъ, тоже считаетъ эти данныя преувеличенными, тѣмъ не менѣе неразъ наблюдалъ, что раздраженный черный ужъ обнаруживаетъ большую охоту къ нападеніямъ и смѣлость.

О размноженіи, повидимому, произведено мало наблюдений. Кэсби говоритъ, что черный ужъ рождаетъ, вѣроятно, живыхъ дѣтенышей.

Къ неволѣ черный ужъ приспосабливается такъ же хорошо, какъ и другіе виды этого семейства, и при надлежащемъ уходѣ выживаетъ цѣлые годы. Съ другими змѣями онъ не уживается и по отношенію къ болѣе мелкимъ безъ церемоніи примѣняетъ право сильного, душитъ при случаѣ одного или двухъ изъ своихъ товарищей по заключенію и проглатываетъ ихъ.

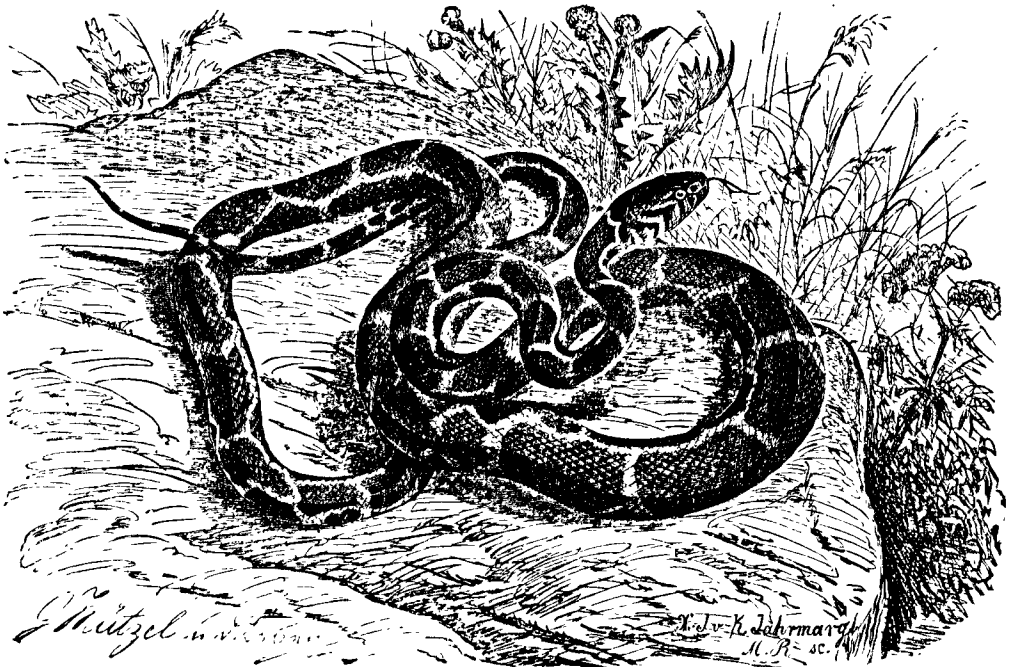
* * *

Родъ **Лазяущихъ ужей** (*Coluber. Kletternattern*), обнимаетъ, если не большинство ужей, то самыхъ совершенныхъ въ своемъ родѣ. Тѣло ихъ длинно и слегка сжато съ боковъ, удлинненная голова явственно отдѣлена отъ шеи. Голова одѣта щитками; чешуйки тѣла гладки или килеваты, имѣютъ концевыя поры и расположены въ 19—27 продольныхъ рядовъ; брюшныя щитки всегда загнуты кверху и имѣютъ по бокамъ болѣе или менѣе явственный кантъ; наконецъ хвостовыя щитки расположены въ видѣ двойного ряда. Глаза умѣренной величины и имѣютъ круглый зрачекъ. Въ верхней челюсти находится отъ 12 до 22 зубовъ равной длины; нижнечелюстные зубы тоже одинаковой величины.

Этотъ богатый видами родъ распространенъ по большей части Европы, Азии, Сѣверной Америкѣ и тропической Америкѣ. Это большія и сильныя животныя, которыя менѣе живутъ на землѣ, чѣмъ на кустахъ и деревьяхъ и питаются главнымъ образомъ мелкими млекопитающими и птицами. Многіе изъ нихъ любятъ близость воды и превосходно плаваютъ.

Всѣ виды, которые считались прежде представителями родовъ *Coluber*, *Elaphis*, *Calopeltis*, *Cynophis*, *Compsosoma*, *Spilotes* и *Gonyosoma*, Буланже теперь снова соединяетъ въ ланнеевскій родъ *Coluber*, указывая на то, что ничто въ строеніи ихъ тѣла не даетъ намъ повода раздѣлять эту группу. Зеленый цвѣтъ видовъ *Gonyosoma* представляетъ, по его мнѣнію, лишь приспособленіе къ жизни на деревьяхъ и такъ же мало можетъ служить основаніемъ для отдѣленія этихъ древесныхъ ужей отъ рода *Coluber*, какъ въ родѣ ужей *Ablabes*, въ родѣ ложныхъ ужей *Dipsas* и въ родѣ гремучниковъ *Trimergesurus*, которые всѣ имѣютъ зеленыхъ представителей рядомъ съ окрашенными иначе.

Одинъ изъ красивѣйшихъ извѣстныхъ мнѣ лазающихъ ужей — напоминающій во многихъ отношеніяхъ мѣдянокъ сѣвероамериканскій *Лазающій ужъ* (*Coluber getulus*, *Anguis annulatus*, *Coronella getula*, *Ophibolus* и *Herpetodryas getulus*. Kettennatter. Couleuvre annellée), стройное животное длиною въ 1,35 м., очень красиваго цвѣта и привлекательнаго рисунка. Темный фонъ, который можетъ измѣняться отъ красновато-бурого до черно-бурого и даже чернаго, разрисованъ на верхней сторонѣ узкими желтыми поперечными полосками, отстоящими другъ отъ друга приблизительно на 4—5 см., которыя съ каждой стороны соединяются на границѣ брюшныхъ щитковъ съ продольными полосками и образуютъ такимъ образомъ цѣль, продолжающуюся до конца хвоста. Щитки на верхней сторонѣ головы шоколадно-бурого цвѣта съ различной формы желтыми пятнами, губ-

Лазающій ужъ. *Coluber getulus*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

ные щитки грязно — или желтовато бѣлые съ черно-бурыми краями, брюшные щитки испещрены грязно-желто-бѣлыми и бурыми четырехугольными пятнами. Хвостъ средней длины и нѣсколько сжатъ съ боковъ, гладкія чешуйки расположены въ 21 продольный рядъ, заднепроходный щитокъ не раздѣленъ. Обыкновенно съ каждой стороны можно насчитать 7 верхнегубныхъ щитковъ.

Лазающій ужъ распространенъ по значительной части Соединенныхъ Штатовъ, встрѣчается уже въ непосредственной близости отъ Нью-Йорка и избираетъ для жительства богатые кустарникомъ равнины и лѣса. Проворотство его движеній очень велико; онъ принадлежитъ въ клѣткѣ къ числу самыхъ живыхъ, бодрыхъ и подвижныхъ змѣй, какихъ я когда-либо видѣлъ. На свободѣ онъ, повидимому, охотится почти исключительно за ящерицами, въ неволѣ предпочитаетъ ихъ всякой другой пищѣ, однако привыкаетъ со временемъ и къ мышамъ и даже къ тонко наръзанному куску сыраго мяса. Онъ часто попадаетъ живымъ въ Европу и при надлежащемъ уходѣ выживаетъ въ клѣткѣ нѣсколько лѣтъ, становится съ тече-

ніемъ времени очень ручнымъ и можетъ быть приученъ брать изъ рукъ даваемую ему пищу и вообще очень выгодно отличается отъ другихъ змѣй тѣмъ, что не кусается. Поведеніе его гораздо болѣе похоже на поведеніе аскулаповой змѣи, чѣмъ мѣдианки. По наблюденію Вернера онъ распространяетъ во время пищеваренія крайне сильный запахъ. Когда я посадилъ одно изъ этихъ животныхъ къ его соотечественнику, черному ужу (*Ptyas constrictor*), то онъ, увидѣвъ послѣдняго, попытался спастись бѣгствомъ, но когда это ему не удалось, принявъ угрожающее положеніе; но черезъ нѣсколько мгновеній черный ужъ напалъ на него, схватилъ за голову и, несмотря на сопротивленіе, такъ быстро проглотилъ его, что мы едва успѣли схватить его за хвостъ и вытащить обратно изъ пищевода черного ужа. Онъ не получилъ никакихъ поврежденій, кромѣ нѣсколькихъ незначительныхъ царапинъ на головѣ и жилъ еще нѣсколько лѣтъ послѣ этого приключенія.

* *
* *

Асклепій, богъ врачевой науки, носитъ, какъ извѣстно, въ качествѣ знака своего могущества, въ рукѣ жезлъ, вокругъ котораго обвивается змѣя. Какой видъ отряда подразумѣвали при этомъ древніе греки и римляне, въ настоящее время нельзя рѣшить; но довольно общепринято, что змѣя эта принадлежала къ числу ужей и была распространена лишь римлянами. Когда при консулахъ Фабіи и Брутѣ въ Римѣ свирѣпствовала чума, эту змѣю, какъ было уже сообщено выше, привезли изъ Эпидавра и затѣмъ поклонялись ей на одномъ изъ острововъ Тибра, чтобы укротить эпидемію, и теперь еще, говорятъ, можно видѣть тамъ ея изображеніе въ садахъ одного монастыря, посвященнаго св. Варооломею. Но Бетхеръ доказалъ, что аскулаповъ ужъ вовсе не могъ водиться въ Эпидаврѣ, что ближайшій оттуда пунктъ, гдѣ этотъ ужъ водится, лежитъ гораздо далѣе на сѣверо-западъ у Преветы въ Эпирѣ и что поэтому сказочная змѣя храмъ относилась, вѣроятно, къ другому виду и имено была или четырехполосный, или желтозеленый ужъ. Изъ Рима, говорятъ, эта змѣя постепенно распространилась далѣе и особенно развелась въ курортѣ Шлангенбадѣ. Вѣрно одно, что ужъ, котораго мы теперь называемъ аскулаповымъ, еще и теперь попадаетъ по близости отъ курортовъ въ такихъ странахъ, гдѣ онъ вообще не водится. Такъ, его находятъ въ Германіи у Шлангенбада, въ Австріи у Бадена около Вѣны, въ Швейцаріи въ нижнемъ Тессинѣ и въ Валлисѣ, гдѣ, по мнѣнію Фаціо, его первоначально тоже не было, почти исключительно между развалинами римскихъ построекъ около цѣлебныхъ источниковъ. Полагали правда, что его нашли въ Германіи также въ Тюрингенѣ и Гарцѣ, и Гибель высказался повтому противъ взгляда, что онъ былъ завезенъ на сѣверъ римлянами; но Бетхеру удалось доказать, что эти открытія, сдѣланныя въ сѣверной и средней Германіи и всѣ основанные на нихъ выводы были ошибочны, такъ какъ всѣ предполагаемые аскулаповы ужы, найденные къ востоку отъ области Лана, оказались при болѣе точномъ изученіи мѣдианками. Что этотъ видъ можно было бы безъ большого труда развести въ Германіи и теперь, показываетъ слѣдующій фактъ. Графъ Гертцъ, какъ онъ сообщалъ Ленцу, выписалъ въ теченіи 1853 и 1854 г. постепенно 40 штукъ этихъ ужей изъ Шлангенбада и выпустилъ ихъ на свободу по близости своего помѣстья Рихтгофъ, недалеко отъ Шлитца въ Великомъ Герцогствѣ Гессенскомъ. Они нашли здѣсь все, что можетъ радовать ихъ въ жизни: солнечное, теплое мѣстоположеніе, старыя деревья съ неровной корой, кустарники, плодородныя сады, скалистые, крутые обрывы, растрескавшіяся старыя развалины, подземныя расщелины и т. п., и такъ какъ ихъ здѣсь охраняли, то они размножались, хотя и не чрезмѣрно, но по-

стоянно. Неразъ замѣчали, что они и расселялись отсюда; нѣкоторые экземпляры находили на разстояніи часа пути отсюда, другихъ даже по ту сторону Фульды, которую они должны были переплыть, такъ какъ по близости нѣтъ мостовъ. Такимъ образомъ мнѣніе, высказанное впервые Гейденомъ и раздѣляемое многими другими изслѣдователями, что римляне завезли эту змѣю въ Германію, кажется мнѣ еще вовсе не опровергнутымъ, хотя и нельзя отрицать, что взглядъ этотъ нѣсколько колеблетъ находка Зандбергера, который утверждаетъ, что наблюдалъ остатки костей клѣтчатаго ужа въ лесѣ области Лана, относящіеся слѣдовательно къ такому времени, когда люди навѣрное не думали обращаться съ пресмыкающимися, какъ съ домашними животными. Дѣло въ томъ, что и клѣтчатаго ужа считаютъ, подобно эскулапову ужу, завезеннымъ въ область Рейна римлянами, и если бы было твердо установлено, что первый принадлежитъ къ числу коренныхъ обитателей западной Германіи, то это могло бы снова утвердить право гражданства эскулапова ужа въ Германіи. Однако находка Зандбергера все-же кажется мнѣ еще вовсе не несомнѣнной, такъ какъ извѣстно, что различать обонхъ нашихъ водныхъ ужей лишь по отдѣльнымъ костямъ скелета очень трудно, если не невозможно. Настоящая родина эскулаповой змѣи южная Европа, вѣроятно отъ Испаніи и навѣрное отъ Пиренеевъ до западнаго берега Каспійскаго моря. Эскулаповъ ужъ встрѣчается въ южной Франціи во многихъ мѣстахъ, попадаетъ въ Швейцарію кромѣ указанныхъ мѣстъ, въ Валлисѣ и восточномъ Ваадтѣ, населяетъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей и Ломбардской низменности, всю Италію, очень обыкновененъ въ Римской области, Калабріи и обонхъ большихъ островахъ Сициліи и Сардиніи, распространенъ по южному Тиролю и поднимается здѣсь до 1050 м. надъ уровнемъ моря, встрѣчается кромѣ того въ Каринтіи, Штиріи и Верхней Австріи, рѣже въ Австрійской Силезіи, принадлежитъ къ болѣе обыкновеннымъ змѣямъ въ Галиціи, а также въ южной Венгрии и Кроаціи, однако ограничивается здѣсь лѣсистыми горами, водится также на материкѣ Балканскаго полуострова и встрѣчается наконецъ въ нѣсколькихъ южныхъ губерніяхъ Россіи.

Эскулаповъ ужъ, Эскулапова змѣя (*Coluber aesculapii*, *scopolii*, *bicolor*, *fugax*, *flavescens*, *Natrix longissima*, *Calopeltis flavescens*, *Elaphis*, *Zamenis aesculapii*, *flavescens*. *Aeskulapschlange*. *Couleuvre d'Esculape*) легко отличается по маленькой, мало отдѣленной отъ шеи головѣ съ закругленной мордой, плотному тѣлу и длинному, тонкому хвосту, а также по строенію покрова и простой окраскѣ. Что касается головныхъ щитковъ, то маленькаго нижняго предглазнаго щитка, которымъ отличаются многіе изъ родичей этой змѣи, а также злые ужи, нѣтъ, изъ 8 верхнегубныхъ щитковъ четвертый и пятый входятъ въ составъ кольца, окружающаго глазъ. На тѣлѣ находится 21—23 ряда гладкихъ чешуй; заднепроходный щитокъ раздѣленъ. Верхняя сторона тѣла и головы обыкновенно буровато-сѣро-желтаго цвѣта, нижняя сторона бѣловатая; на затылкѣ находится съ каждой стороны по желтоватому пятну, а на спинѣ и на бокахъ замѣтны мелкія, бѣловатыя крапинки, которыя у нѣкоторыхъ экземпляровъ очень чисты, явственны и имѣютъ форму буквы X. Впрочемъ цвѣтъ представляетъ разнообразныя измѣненія: встрѣчаются очень свѣтлые и почти черные эскулаповы ужи. Ленцъ справедливо указываетъ еще, какъ на особенность этой змѣи, на то, что брюшные щитки на обонхъ сторонахъ какъ бы согнуты колѣнчато, а потому плоское брюхо имѣетъ съ каждой стороны по краю, который можетъ становиться острымъ, когда ужъ прижимаетъ къ нему ребра. Длина равна 1,5 м.; такой значительной величины

достигаютъ, впрочемъ, лишь тѣ змѣи этого вида, которыя живутъ въ южной Европѣ.

Всѣ наблюдатели, которые видѣли эскулапова ужа на свободѣ или держали его въ неволѣ, единогласно хвалятъ его. «Форма его тѣла и его движенія», говоритъ Линкъ, «имѣютъ что-то чрезвычайно привлекательное, изящное, утонченное. На всей поверхности его кожи нѣтъ ничего шероховатаго, оборваннаго, невидно ничего угловатаго, рѣзкаго въ измѣненіи формы: все гладко, изящно,

Эскулаповъ ужъ. *Coluber aesculapii*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

мягко». Характеръ змѣи соответствуетъ ея внѣшности: она привлекательна во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ южной Европѣ эскулаповъ ужъ держится предпочтительно на скалистой или по крайней мѣрѣ каменистой почвѣ, скудно поросшей кустарникомъ, а потому здѣсь его часто вовсе не бываетъ въ мѣстностяхъ другаго характера. У Шлангенбада, по Гейзенгейнеру единственнаго мѣста, гдѣ этотъ видъ встрѣчается въ Германіи и даже обыкновененъ, онъ живетъ охотно въ развалинахъ. Въ упомянутомъ поселеніи графа Гертца они тоже часто лазаютъ по рѣшетчатой стѣнѣ, поднимаются на теплый чердакъ низкой, ветхой, поросшей плушемъ пекарни

и являются иногда на кучѣ разлагающихся растительныхъ веществъ, набросанной нарочно для нихъ, гдѣ развивается и ихъ потомство. Въ нѣкоторыхъ стверстіяхъ стѣны, а еще болѣе въ старомъ дубѣ, дупло котораго доходить, вѣроятно, до земли, они мирно живутъ вмѣстѣ съ шершневыми осаами и влѣзаютъ туда черезъ отверстіе въ вѣтви на высотѣ около 3 м. надъ землею, черезъ которое обыкновенно пробираются внутрь дерева и осы къ находящемуся тамъ гнѣзду. Въ воду эскулаповъ ужъ не входитъ добровольно, а брошенный въ нее очень быстро и ловко плыветъ къ берегу. Движенія его по ровному мѣсту не особенно быстры и вообще не представляютъ ничего особеннаго; въ быстротѣ ползанія онъ, можетъ быть, даже уступаетъ другимъ ужакамъ, но тѣмъ превосходитъ ихъ умѣетъ онъ лазать. Въ этомъ отношеніи онъ превосходитъ всѣхъ остальныхъ германскихъ змѣй и почти равняется настоящимъ древеснымъ змѣямъ, которыя проводятъ на вѣтвяхъ большую часть своей жизни. Наблюдая его во время лазанія, можно ясно видѣть, какъ онъ пускаетъ въ дѣло свои ребра. «Когда я, стоя, прикладывалъ ручного эскулапова ужа, длиною въ метръ», рассказываетъ Ленцъ, «къ своей груди, застегнувъ пуговицы скюртука, онъ умѣлъ все-таки удержаться на ней, такъ крѣпко прижимаясь къ тому мѣсту, гдѣ была пришита пуговица, что тѣло его образовывало острый край; этотъ край онъ такъ плотно вдвигалъ подъ пуговицу, что могъ висѣть на одной или двухъ пуговицахъ, хотя и былъ очень тяжелъ. Если онъ хотѣлъ лѣзть выше, то втискивалъ тѣло подъ слѣдующія пуговицы. Такимъ образомъ эти животныя могутъ подниматься даже по толстымъ, вертикальнымъ стволамъ сосенъ; они втискиваютъ при этомъ выступающіе края, которые они могутъ производить на своемъ тѣлѣ, въ щели коры». Впрочемъ обыкновенно эскулаповъ ужъ старается подниматься вверхъ по тонкимъ стволамъ деревьевъ, вокругъ которыхъ онъ можетъ обвиваться, пока не достигнетъ вѣтвей, между которыми и по которымъ можетъ лѣзть далѣе. Въ густомъ лѣсу онъ перелѣзаетъ съ дерева на дерево и передвигается такимъ образомъ на большія разстоянія. По стѣнѣ онъ взбирается вверхъ съ почти непостижимой ловкостью, такъ какъ каждый, даже самый незначительный выступъ служитъ ему достаточной опорой и онъ дѣйствительно искусно умѣетъ пользоваться всякой неровностью камней.

Пища его состоитъ, повидимому, преимущественно изъ мышей; но между прочимъ онъ охотится и за ящерицами, а если представится случай, то не упуститъ схватить и птицу или ограбить гнѣздо. Тѣмъ не менѣе его друзья, которые причисляютъ его къ самымъ полезнымъ представителямъ отряда за его охоту на мышей, правы.

Образъ жизни высаженныхъ графомъ Гертцъ поселенцевъ можно было хорошо наблюдать. Если спокойно сѣсть на одну изъ удобныхъ скамеекъ парка и удерживаться отъ всякаго движенія, всякаго говора и крика, то змѣи считаютъ наблюдателя за чурбанъ или что-нибудь подобное и часто подползаютъ совсѣмъ близко; но если сдѣлать самое незначительное движеніе, онѣ поспѣшно обращаются въ бѣгство. Если онѣ думаютъ, что за ними не наблюдаютъ, то ползаютъ взадъ и впередъ, лазаютъ вверхъ и внизъ, грѣются на солнцѣ и занимаются охотой, какъ обыкновенно. До упомянутаго отверстія въ вѣтви дуба онѣ добираются безъ затрудненія, втискивая при лазаніи края тѣла въ щели коры. Такъ же спускаются онѣ и внизъ по деревьямъ и охотно прицѣпляются, грѣясь на солнцѣ, къ вертикальному стволу этого дуба. Еще не видѣли, чтобы онѣ поднимались вверхъ до вершины; но онѣ грѣются на солнцѣ также на верхушкахъ густыхъ кустовъ или стѣнъ. Не видали также еще ни разу, чтобы онѣ плавали, пили, ѣли, но часто замѣчали, какъ онѣ, обвившись по двѣ одна вокругъ другой, такъ быстро катались по землѣ, что глазъ зрителя не могъ слѣдить за ихъ движеніями.

«Изъ всѣхъ германскихъ змѣй», говоритъ Линкъ: «эскулаповъ ужъ производятъ наименѣе многочисленное потомство. Совокупленіе ихъ совершается обыкновеннымъ образомъ, но поздно, такъ какъ они гораздо чувствительнѣе къ морозу, чѣмъ всѣ другіе водящіяся здѣсь виды и рѣдко оставляютъ свои зимнія убѣжища раньше начала іюня, а слѣдовательно, смотря по обстоятельствамъ, на 1 или 2 мѣсяца позднѣе остальныхъ. Это единственная, кромѣ водяныхъ ужей, змѣя Германіи, яйца которой должны дозрѣвать въ теченіи нѣсколькихъ недѣль послѣ кладки, прежде чѣмъ дѣтенышъ разовьется настолько, что можетъ выйти изъ яйца. Обыкновенно эскулаповъ ужъ кладетъ лишь около 5 яицъ и именно въ рыхлую землю, а также въ глубокой, сухой мохъ, и предоставляетъ ихъ затѣмъ судьбѣ. Яйца продолговаты, но менѣе выпуклы, чѣмъ голубинныя и похожи приблизительно на увеличенныя муравьиныя куколки».

Ни одну германскую змѣю не ловятъ такъ часто, какъ эскулапова ужа. Въ Шлангенбадѣ охота за ними составляетъ предметъ промысла для бѣдныхъ людей. Ихъ отыскиваютъ послѣ ихъ пробужденія отъ зимняго сна, приручаютъ и забавляютъ ими затѣмъ посѣтителей курорта, а также продаютъ экземпляръ—другой любителямъ. По окончаніи купальнаго сезона плѣнниковъ выпускаютъ на свободу, такъ какъ въ клѣткѣ они лишь рѣдко принимаютъ пищу и по крайней мѣрѣ въ Шлангенбадѣ всѣ думаютъ, что это не случается никогда. Съ этимъ согласуются и рассказы Ленца и Линка. «Я никогда не могъ», говоритъ первый: «заставить ихъ ѣсть въ неволѣ и тѣмъ не менѣе держалъ ихъ живыми почти годъ. Разъ у меня ускользнулъ 1-го августа экземпляръ длиною въ метръ, который прожилъ у меня съ предыдущей осени и отъ голода и скуки ослабѣлъ и исхудалъ. По простествіи мѣсяца, однажды въ саду раздался громкій крикъ поденщика, звавшего на помощь; онъ увидѣлъ, какъ животное ползло и быстро придавилъ его лейкой. Когда я подоспѣлъ къ нему, то съ большой радостью увидѣлъ ускользнуваго отъ меня ужа. Онъ былъ очень бодръ и въ тѣлѣ; его схватили и снова возвратили въ неволю». Линкъ увѣряетъ, что эти ужи вовсе не принимаютъ въ неволѣ пищи и потому, хотя и могутъ выдержать нѣсколько мѣсяцевъ безъ пищи, но передъ весною должны жалкимъ образомъ погибнуть.

Что оба наблюдателя не правы, хотя и сообщаютъ результаты собственныхъ наблюденій, слѣдуетъ изъ разсказа Эрбера, который удивляется добровольному голоданію плѣнниковъ, такъ какъ онъ наблюдалъ на двухъ эскулаповыхъ ужахъ, которыхъ онъ долгое время держалъ въ клѣткѣ, что они въ теченіи одного лѣта съѣли вдвоемъ 108 мышей и 2 ящерицы. Одинъ ужъ, который не принималъ пищи 14 мѣсяцевъ, но правильно лялъ въ теченіи этого времени и несмотря на это лѣченіе голодомъ видимо не исхудалъ, тоже рѣшился наконецъ приняться за ѣду, но скоро послѣ того лежалъ въ клѣткѣ мертвый: «первое животное этого вида, которое погибло у меня».

Эффельдтъ заставлялъ эскулаповыхъ ужей, которыхъ онъ держалъ иногда одновременно дюжинами, ради опыта голодать цѣлые мѣсяцы и затѣмъ давалъ имъ птичьи яйца, ящерицъ, веретеницъ, жабы, лягушекъ и другихъ земноводныхъ, а также насѣкомыхъ и червей разнаго рода. Но ни одинъ изъ нихъ не трогалъ этихъ животныхъ. Напротивъ, названный изслѣдователь, обладавшій чрезвычайной опытностью и удивительной ловкостью въ уходѣ за змѣями, скоро приучилъ ихъ ѣсть мышей и птицъ и нашель, что они нуждаются въ замѣчательно большомъ количествѣ пищи. «Если въ клѣтку», пишетъ онъ Ленцу, «посадить живую мышъ или птицу, то, будетъ ли это днемъ или ночью, головки змѣй тотчасъ выглядываютъ изъ норы; начинается горячая охота и счастливый охотникъ хватаетъ добычу

зубами за какую попало часть тѣла и съ быстротою молніи обвивается вокругъ нея шестью тѣсно прилегающими другъ къ другу кольцами, такъ что она пропадаетъ изъ глазъ зрителя. Если обвитое животное особенно живуче и сопротивляется, несмотря на кольца змѣи, то часто случается, что ужъ начинаетъ съ бѣшеной быстротою кататься по клѣткѣ, пока ему не покажется, что добыча навѣрное задушена. Но и теперь алчный ужъ не выпускаетъ ее. Онъ расслабляетъ кольца, отыскиваетъ голову жертвы, хватаетъ ее зубами и начинаетъ затѣмъ обыкновеннымъ образомъ глотать добычу. Случается не особенно рѣдко, что два эскулаповыхъ ужа одновременно обхватятъ одну и ту же добычу, обовьются вокругъ нея и въ борьбѣ изъ за желанной ѣды начинаютъ съ такою быстротою кататься по землѣ, что зритель не можетъ хорошенько различить, изъ какихъ частей состоитъ катающійся клубокъ». Эффельдтъ достигъ того, что содержимые имъ эскулаповы ужи ѣли также мертвыхъ млекопитающихъ и птицъ, а подъ конецъ даже нарѣзанную сырую конину.

Въ началѣ несли эскулаповъ ужъ очень золь и бѣшено кусаетъ по направлению къ рукѣ ловца или мышамъ, которыхъ посадятъ къ нему въ клѣтку. «При этомъ», говоритъ Ленцъ: «онъ чрезвычайно расширяетъ голову, такъ что получаетъ совершенно другой видъ и голова его становится трехугольной, втягиваетъ шею и затѣмъ чрезвычайно быстро выбрасываетъ ее впередъ, чтобы укусить. Даже если его глаза затемнены предстоящимъ линянїемъ, онъ цѣлится хорошо, гораздо лучше гадюки. Прежде чѣмъ укусить, онъ, подобно ей, быстро движетъ языкомъ; но при самомъ укушеніи языкъ втянуть. Иногда онъ быстро кусаетъ, не раскрывая предварительно пасти; иногда же предварительно широко раскрываетъ ротъ. Если два ужа очень разозлены, то иногда кусаютъ другъ друга; вообще же они очень хорошо уживаются въ неволѣ между собою и съ другими пресмыкающимися. Злость его продолжается иногда долго и прорывается снова, если прирученнаго ужа потревожатъ, когда онъ вѣжится, или послѣ продолжительнаго пребыванія на свободѣ посадятъ снова въ клѣтку. Но черезъ нѣсколько недѣль пойманный ужъ, если имъ много заниматься, становится настолько ручнымъ и добродушнымъ, что дѣйствительно вступаетъ въ дружбу съ хозяиномъ, никогда не пытается болѣе кусать его изъ каприза даже если его раздражать; попавъ на свободу, онъ, какъ увѣряетъ Эрберъ, даже снова возвращается въ свою тюрьму. Какъ быстро эта змѣя привыкаетъ къ людямъ, слѣдуетъ изъ наблюденія, произведеннаго Эрберомъ, когда онъ поймалъ одного эскулапова ужа по близости каменоломни. «Это животное», рассказываетъ онъ: «было настолько ручнымъ, что я предполагалъ, что оно уже раньше жило въ неволѣ; но отъ работавшихъ по близости людей я узналъ что они уже давно замѣтили ужа, но не убивали его потому, что видѣли, какъ онъ ѣлъ и истреблялъ мышей. Этимъ объяснилось отсутствіе страха при приближеніи человѣка». Такъ какъ всѣ попытки заставить этого ужа ѣсть не удалось, то онъ былъ высаженъ обратно, но не оправдалъ ожиданій хозяина. «Полученная свобода, повидимому, мало радовала его; онъ свернулся и продолжалъ спокойно лежать около меня на солнечномъ мѣстѣ; удаленіе мое мало тревожило его. Когда я спустя долгое время возвратился на то же мѣсто, онъ лежалъ еще безъ перемѣны и не двигался; только когда я погладилъ его, онъ, какъ дѣлалъ обыкновенно въ клѣткѣ, медленно вползъ вверхъ по моей рукѣ и улегся у меня на плечѣ. Я вслѣски тревожилъ его, но онъ не уползалъ, а очень тихо поползъ вверхъ по моей ногѣ и старался спрятаться ко мнѣ подъ жилетъ; я оставилъ поэтому свое намѣреніе и снова взялъ его съ собою домой». Одинъ ужъ, котораго держалъ Ленцъ, такъ привыкъ къ нему, что змѣѣ не приходило болѣе въ голову укусить хозяина. «Только когда я», рассказываетъ онъ, «какъ часто случалось, бралъ его

съ собою въ рощу изъ вишневыхъ деревьевъ, гдѣ онъ скоро поднимался вверхъ по стволу, затѣмъ переходилъ съ вѣтви на вѣтвь и съ дерева на дерево, онъ кушалъ, если я взлѣзалъ за нимъ и хотѣлъ снять его. Тамъ наверху онъ снова чувствовалъ себя свободнымъ, хотѣлъ отстоять свою свободу и всегда крѣпко обвинялся снова, когда я дѣлалъ попытку отцѣпить его отъ вѣтви. Поэтому мнѣ не оставалось ничего иного, какъ брать каждый разъ съ собою наверхъ пилу и отпиливать всю вѣтвь, на которой онъ висѣлъ; когда я спускался внизъ, онъ все-таки не выпускалъ вѣтви и потому я долженъ былъ каждый разъ совать его подъ воду. Тогда онъ оставлялъ вѣтвь, послѣшно плылъ къ берегу и здѣсь я безъ затрудненія снова ловилъ его».

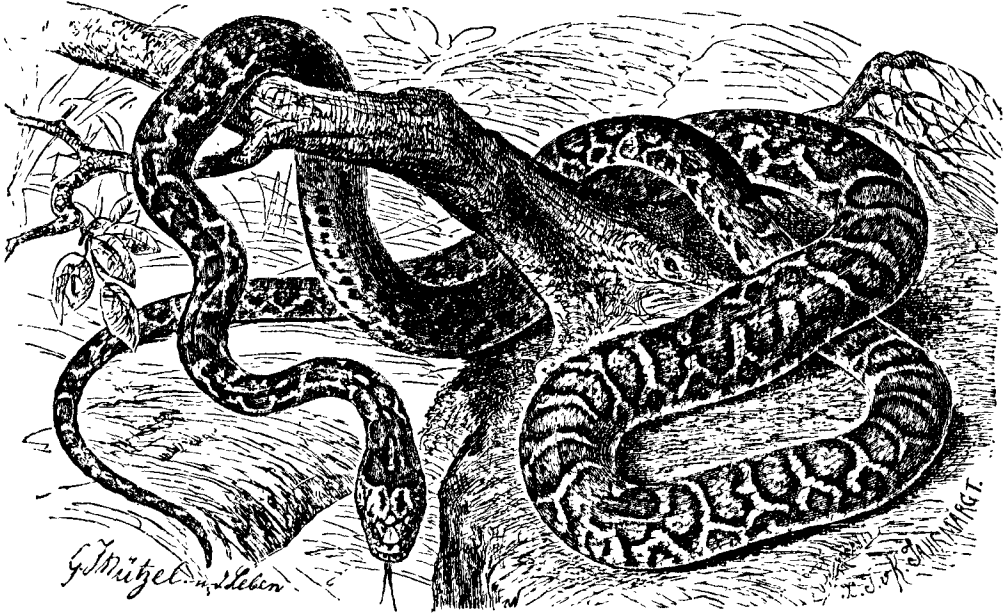
Объ его искусствѣ лазать, гибкости и стремленіи уклониться отъ опеки хозяйина Ленцъ и Линкъ приводятъ интересные рассказы. Линкъ получилъ въ началѣ іюня красивую пару этихъ ужей изъ Шлангенбада, вынулъ обѣихъ изъ хорошо высланнаго мхомъ и травкою ящика и, занятый дѣлами, предоставилъ ихъ самимъ себѣ въ большой, хорошо запертой комнатѣ. По прѣшествіи часа онъ возвратился, чтобы поздороваться съ гостями, но они исчезли. Онъ искалъ во всѣхъ углахъ, перерылъ всевозможные укромные уголки: тщетно! Наконецъ онъ замѣтилъ самца на высотѣ 3 м. на палкѣ занавѣски, по складкамъ которой онъ долженъ былъ взобраться наверхъ; уже лежалъ вытянувшись вдоль палки и спокойно поглядывалъ на то, что происходило подъ нимъ. Стали продолжать поиски, чтобы отыскать самку и опять они долго были безуспѣшны, пока нашъ наблюдатель не услышалъ наконецъ легкое движеніе въ подушкѣ обитаго стула. Перевернувъ стулъ, онъ съ радостью увидѣлъ бѣглеца, который тѣсно перепутался съ пружинами сидѣнія и, какъ доказывали попытки кусаться, рѣшился защищать противъ всякаго свое убѣжище. Лишь съ величайшимъ трудомъ удалось вынуть оттуда животное.

Склонной къ бродяжничеству парѣ дали теперь болѣе надежное помѣщеніе: ящикъ, заплетенный сверху частой проволочной сѣткой. Разъ крышку закрыли недостаточно тщательно, змѣямъ удалось нѣсколько сдвинуть ее въ сторону и тюрьма снова оказалась пустою. Отверстіе, черезъ которое оба ужа ускользнули, возбуждало по своимъ малымъ размѣрамъ справедливое изумленіе; казалось непостижимымъ, какъ такое большое животное могло протискаться черезъ такую щель. На этотъ разъ очень долго искали напрасно, выдвигали ящики, самымъ тщательнымъ образомъ осматривали каждую подушку, даже поднимали полъ; всѣ комнаты, всѣ уголки были осмотрѣны: но змѣи, казалось, пропали. «Приблизительно черезъ три недѣли», рассказываетъ нашъ авторъ: «я собирался пройти черезъ спальню въ одну внутреннюю комнату, какъ вдругъ увидѣлъ самку, которая усердно старалась протискаться подъ дверь въ сосѣднюю комнату. Встревоженная приближавшимися шагами, она на мгновеніе пріостановилась и лежала теперь передней частью тѣла на порогѣ, остальнымъ тѣломъ въ спальнѣ, прижавшись подъ дверь, какъ мертвая. Такъ какъ дверь нельзя было отворить, не повредивъ животное, то я попытался вытащить его, но его пришлось бы разорвать на куски, чтобы высвободить оттуда. Поэтому я предоставилъ змѣю самой себѣ и она воспользовалась этимъ, чтобы какъ можно скорѣе удрать. При этомъ я не могъ удивиться перемѣнамъ формы ея тѣла, которое сжималось то въ вертикальномъ, то въ горизонтальномъ направленіи. Но гдѣ же жило животное все это время? Не смотря на тщательные поиски, это до сихъ осталось неразрѣшенной загадкой. Около 8 дней спустя былъ найденъ и самецъ, а именно на кучѣ хвороста около дровяного сарая, гдѣ онъ съ удовольствіемъ потягивался подъ теплыми солнечными

лучами. Судя по объему тѣла, онъ, за время своего отсутствія, не умерщвлялъ своей плоти.

* * *

Къ тому же роду принадлежит **Леопардовый ужъ** (*Coluber quadrilineatus*, *cruentatus*, *leopardinus*, *Ablabes quadrilineatus*, *Coronella quadrilineata*, *Calopeltis leopardinus*. *Leopardennatter*. *Couleuvre leopardine*), широко распространенная по южной Европѣ змѣя, отличающаяся изящнымъ сложеніемъ и красотой, а также и значительно варьирующей окраской; длина этого ужа можетъ достигать 90 см. Онъ отличается отъ другихъ видовъ того же рода отсутствіемъ нижняго предглазнаго щитка, 8 верхнегубными щитками, изъ которыхъ четвертый и пятый касаются глаза, 25—27 продольными рядами гладкихъ чешуй на серединѣ тѣла и раздѣленнымъ заднепроходнымъ щиткомъ. Среди многихъ разновидностей встрѣчаются

Леопардовый ужъ. *Coluber quadrilineatus* $\frac{1}{2}$ наст. вел.

двѣ постоянныя. У одной, настоящаго, но гораздо болѣе рѣдкаго четырехлинейнаго ужа, по Штрауху, на буровато-сѣромъ фонѣ имѣются четыре, но чаще двѣ, болѣе темныя или кроваво-красныя продольныя полосы, но большей части окаймленныя чернымъ цвѣтомъ, которыя или непрерывно тянутся вдоль спины, или мѣстами прерываются; гребень спины обыкновенно окрашенъ очень свѣтлымъ, даже бѣлымъ цвѣтомъ, бока разрисованы болѣе мелкими черноватыми пятнами; нижняя сторона головы и передней трети тѣла желтовато бѣлая или очень свѣтлая желтая, но каждый брюшной щитокъ разрисованъ 4 или 5 мелкими, неправильными, черноватыми пятнами, которыя далѣе къ заднепроходному отверстию настолько увеличиваются въ размѣрахъ, что середина всего брюха оказывается темнаго стале-голубого цвѣта и лишь наружные края щитковъ сохраняютъ еще желтую окраску.

Болѣе обыкновенная, пятнистая разновидность (*var. leopardina*), напротивъ, окрашена при жизни свѣтлымъ красновато-бурнымъ цвѣтомъ и украшена на верхней сторонѣ тѣла и хвоста расположенными въ два продольныхъ ряда, но часто

сливающимися въ широкія поперечныя полосы кроваво-красными пятнами съ черной каймой, а по бокамъ рядомъ болѣе мелкихъ, черныхъ полудунныхъ крапинъ, чередующихся съ первыми.

Область распространенія этой змѣи ограничивается на западѣ горами южной Италіи и Сициліей, притомъ въ большинствѣ странъ въ предѣлахъ этой области обѣ разновидности встрѣчаются рядомъ, а въ Далмаціи и Греціи почти исключительно леопардовый ужъ. Палласъ открылъ первую изъ описанныхъ нами формъ въ Крыму; Эрберъ ловилъ леопардоваго ужа во всей Далмаціи и Герцеговинѣ, но всегда лишь поодиночкѣ; Эргардъ наблюдалъ его только одинъ разъ около вершины горы Пиргосъ, вышиною въ 500 м., на Сирѣ. Напротивъ, Бетхеръ получалъ его изъ всѣхъ частей Греціи въ широкомъ смыслѣ слова, съ материка и острововъ, такъ правильно и въ такомъ значительномъ количествѣ, что называетъ его одною изъ самыхъ обыкновенныхъ змѣй Балканскаго полуострова. Онъ встрѣчается также на Хіосѣ и у западнаго берега Малой Азіи. Изъ Далмаціи я неразъ получалъ его и между прочимъ тотъ экземпляръ, по которому нашъ художникъ сдѣлалъ рисунокъ. По наблюденіямъ Эрбера, онъ питается главнымъ образомъ ящерицами, но нападаетъ и на мелкихъ змѣй, по крайней мѣрѣ бросается на нихъ въ клѣткѣ, убиваетъ и съѣдаетъ ихъ. Эрберъ проситъ щадить этого ужа, такъ какъ, по его словамъ, нельзя доказать, чтобы онъ былъ въ какомъ-нибудь отношеніи вреденъ, а его чудная окраска и рисунокъ доставляютъ удовольствіе всякому. Въ неволѣ онъ хотя и переноситъ обыкновенно зиму, но съ началомъ весны всегда погибаетъ даже въ томъ случаѣ, если приложить величайшее стараніе къ уходу за нимъ и устройству клѣтки. Изъ нашихъ европейскихъ змѣй онъ если не самая живая и бодрая, то безусловно самая красивая. Онъ служитъ украшеніемъ всякой клѣтки тѣмъ болѣе, что не прячется, если только за нимъ хорошо ухаживать. Онъ лазаетъ съ такой же охотой и ловкостью, какъ эскулаповъ ужъ, держится поэтому лишь въ силу необходимости на плоскомъ полу клѣтки и если снабдить послѣднюю вѣтвями или, что еще лучше, зелеными растеніями, тотчасъ поднимается вверхъ во стволу и вѣтвямъ, отыскиваетъ удобное мѣсто и самымъ красивымъ образомъ ложится здѣсь, по большей части перепугавшись и извившись различнымъ образомъ. Такимъ образомъ онъ и здѣсь, какъ на свободѣ, плѣняетъ cadaго зрителя.

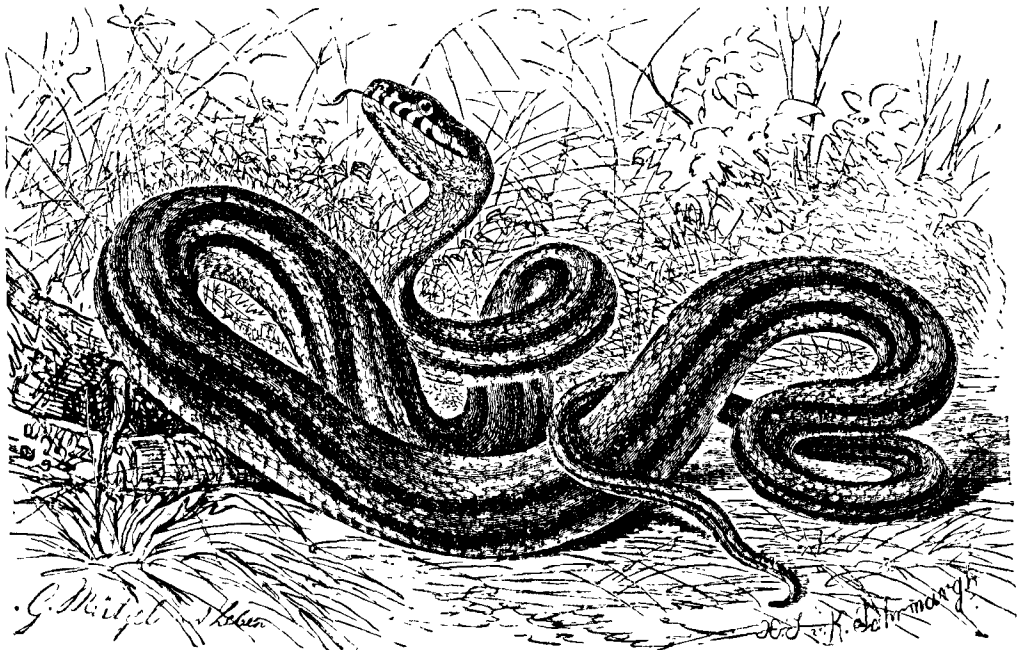
* * *

Метакса, одинъ итальянскій изслѣдователь, полагаетъ, что въ четырехполосномъ ужѣ надо видѣть боа Плинія, но, понятно, не хочетъ поддерживать этимъ мнѣніемъ старую сказку, что во времена Клавдія была убита змѣя этого вида, въ брюхѣ которой нашли ребенка. Какъ уже замѣчено, Плиній ясно указываетъ, что боа питается коровнымъ молокомъ и получилъ отъ этого свое названіе, и еще сегодня четырехполоснаго ужа, по словамъ Эрбера, очень боятся, преслѣдуютъ и безпощадно убиваютъ, такъ какъ всѣ думаютъ, что онъ ползаетъ за коровами и козами, чтобы высасывать у нихъ молоко, почему онъ и носитъ названіе «сгавог-сиза» или доилщица коровъ.

Четырехполосный ужъ (*Coluber quateradiatus*, *Elaphis cervone*, *Coluber*, *Tropidonotus*, *Natrix elaphis*, *Elaphis quateradiatus*, *Streifennatt* r. *Coulevre à quatre raies*), одна изъ крупнѣйшихъ европейскихъ змѣй, достигаетъ длины въ 1,8—2 м. и разрисованъ сверху по оливково-буроватому, переходящему въ мясной цвѣтъ фону съ каждой стороны двумя черно-бурыми продольными линиями, а снизу соло-

менно желтого цвета. Отъ глаза къ углу рта тянется черная полоска. Эта окраска, впрочемъ представляетъ различныя измѣненія. Эрберъ ловилъ экземпляры совершенно черного цвѣта, а другіе изслѣдователи показали, что у дѣтенышей на головѣ находятся правильныя поперечныя черныя полосы, а на верхней сторонѣ тѣла три ряда большихъ бурыхъ пятенъ; бока тоже испещрены пятнами, а на нижней сторонѣ находятся черновато-стале-сѣрыя четырехугольныя пятна. Изъ другихъ признаковъ надо еще указать на присутствіе маленькаго нижняго предглазнаго щитка, на 23—25 рядовъ спинныхъ чешуекъ, которыя въ молодости слабо, въ зрѣломъ возрастѣ сильнѣе килеваты, и на двойной заднепроходный щитокъ.

Область распространенія четырехполоснаго ужа простирается по южной и юго-восточной Европы, отъ нижней Италіи и Далмаціи черезъ Турцію, Грецію и Греческій архипелагъ по крайней мѣрѣ до внутренности Малой Азіи. Принадле-

Четырехполосный ужъ. *Coluber quateradiatus*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

жать ли сюда родичи этого ужа, описанные въ кавказскихъ странахъ, или представляютъ одинъ или два другіе вида, еще намъ неизвѣстно, но очень вѣроятно, что змѣи, встрѣчающіяся въ южной части Европейской Россіи на востокъ до горы Дзилтау и въ мѣстностяхъ къ западу отъ Каспійскаго моря, названныя Штраухомъ *Elaphis saugomates*, относятся къ четырехполоснымъ ужамъ. Достоверно, что этотъ видъ, за исключеніемъ, быть можетъ, окрестностей Неаполя и нѣкоторыхъ греческихъ острововъ, нигдѣ не можетъ считаться обыкновеннымъ, безъ сомнѣнія благодаря непрерывному преслѣдованію, которому онъ подвергается въ большей части странъ.

Въ Греціи четырехполосный ужъ, по изслѣдованіямъ Бедряги, населяетъ довольно ограниченныя мѣстности. «На островѣ Миконѣ онъ долженъ, впрочемъ, быть очень обыкновеннымъ, судя по большому числу убитыхъ экземпляровъ, которые я находилъ на дорогахъ Микона. Я узналъ отъ миконійцевъ, что они не боятся этого вида змѣй, который они называютъ «лафитисъ» (*Laphitis*), а терпятъ его

вслѣдствіе одного мѣстнаго повѣрья и не растаптываютъ нарочно, а лишь потому, что онъ, благодаря своей смѣлости, самъ подвергаетъ себя опасности. Онъ живетъ тамъ въ мѣстахъ, часто посѣщаемыхъ людьми, каковы огороды, сараи и курятники. Подобное же повѣрье относительно змѣй существуетъ и въ Россіи и Италіи. Въ Малороссіи падаютъ ужей и особенно большіе экземпляры, чтобы не подвергнуться бѣдѣ. У Длиннаго озера въ Италіи я нашелъ, что тамъ подобнымъ же образомъ падали живущихъ въ виноградникахъ эскулаповыхъ ужей».

Всѣ наблюдатели называютъ четырехполоснаго ужа безобиднымъ и крайне полезнымъ животнымъ, которое не кусаетъ даже тогда, когда его ловятъ на свободѣ, и въ самое короткое время привыкаетъ къ хозяину, оказываетъ услуги, поѣдая крысъ, мышей и менѣе крупныхъ змѣй, но между прочимъ преслѣдуетъ также полезныхъ кротовъ, мелкихъ птицъ и ящерицъ.

«Тому назадъ два года», пишетъ мнѣ Эрберъ, «я поймалъ въ Албаніи четырехполоснаго ужа при странныхъ обстоятельствахъ. Собирая насѣкомыхъ вокругъ одного монастыря, я услышалъ въ опускавшейся до земли водосточной трубѣ непонятный для меня шорохъ. Я остановился неподвижно, ожидая, что покажется какое-нибудь изъ мелкихъ четвероногихъ страны, но я немало удивился, когда вмѣсто него показалось куриное яйцо, а за нимъ четырехполосный ужъ, длиною болѣе 5 футовъ. Животное уползло въ кусты, съ безконечными усилиями проглотило яйцо, не разбивая его, но скоро послѣ того раздавило его, прижавшись къ маленькому деревцу. Признаюсь, я долженъ былъ сдѣлать усиліе, чтобы не начать тотчасъ ловлю этой красивой змѣи; но я хотѣлъ наблюдать дальнѣйшее поведеніе ея. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ ужъ снова пробрался черезъ водосточную трубу на крышу, а отсюда черезъ окно чердака внутрь монастыря. Вѣроятно здѣсь находились гнѣзда куръ или складъ яицъ, такъ какъ скоро змѣя снова показалась на томъ же пути, опять съ яйцомъ во рту, спустилась, какъ и первый разъ, черезъ водосточную трубу, поползла въ кустарникъ и проглотила такимъ же образомъ вторую добычу. Этимъ дѣло не кончилось: семь разъ повторялъ четырехполосный ужъ свои разбойничьи путешествія и, быть можетъ, былъ еще не удовлетворенъ; но мнѣ показалось это слишкомъ долгимъ и я, благодаря тому, что змѣя наѣлась, безъ особеннаго труда поймалъ ее. Такъ какъ со мною не было никакого мѣшечка достаточной величины, то я сунулъ плѣтника въ одинъ изъ кармановъ пальто, которые были достаточно велики и застегивались съ помощью пуговицъ, и спокойно продолжалъ собирать насѣкомыхъ. Но скоро я почувствовалъ на боку странную влажность: змѣя выбросила въ мой карманъ всѣ съѣденныя и раздавленныя яйца, и мнѣ стоило немалыхъ усилій отмыть карманъ отъ этого грязнаго подарка, тѣмъ болѣе, что ужъ сталъ теперь очень подвиженъ и мнѣ приходилось все время держать его подъ ногою. Во всякомъ случаѣ животное это обнаружило въ своемъ хищническомъ предпріятіи хитрость и ловкость, которыя заслуживаютъ полнѣйшаго вниманія, тѣмъ болѣе, что это наблюдение самымъ неопровержимымъ образомъ подтвердило часто возбуждавшіе сомнѣніе рассказы, что наши европейскія змѣи грабятъ птичьи гнѣзда и похищаютъ яйца».

Кнауеръ описалъ жизнь четырехполоснаго ужа въ неволѣ. Онъ оказался животнымъ, хорошо переносящимъ нашъ климатъ и безъ затрудненія зимующимъ. Онъ много лазалъ, охотно купался и легко принимался за ѣду; любимую пищу его составляли птицы. Графъ Перакка получилъ изъ яицъ черезъ 56 дней дѣтенышей. По мнѣнію его, самцы рѣже самокъ.

Въ качествѣ послѣдняго представителя этого рода я разсмотрю еще **Канинанью** (*Coluber poecilocostomus*, *Thamnobius*, *Spilotes poecilocostoma*, *Natrix sulphurea*. Fleckenpatter. Couleuvre tachetée), такъ какъ, благодаря наблюдениямъ принца фонъ-Видъ и Шомбургка, мы до извѣстной степени знакомы съ нею. Она отличается сильнѣе сжатымъ съ боковъ тѣломъ и тремя заглазными щитками, между тѣмъ какъ нижній предглазный щитокъ можетъ существовать или отсутствовать. Большія килеватыя чешуйки тѣла образуютъ 21 продольный рядъ, которые имѣютъ своеобразное косо направленіе; заднепроходный щитокъ простой, нераздѣленный. Это довольно большая змѣя, длиною въ 2—3 м.; основной цвѣтъ сѣро-желтый и разрисованъ голубовато-сѣрыми или черноватыми угловатыми полосками, съ обращенными впередъ вершинами угловъ. Длинная, темная полоска пробѣгаетъ отъ глаза вдоль боковъ шеи; краевые щитки челюстей съ темной каймой; нижняя сторона покрыта на свѣтломъ печеночно-буромъ фонѣ черными пятнами. У самца горло, края челюстей и нижняя сторона иногда желтаго цвѣта, у самки красновато-бурого.

Канинанья, одинъ изъ обыкновенныхъ и величайшихъ ужей сѣверной Бразиліи и Гвианы, водится главнымъ образомъ въ лѣсахъ, кустарникахъ, пустынныхъ степяхъ, пастбищахъ, болотахъ и мангровыхъ заросляхъ и живетъ здѣсь то на землѣ, то въ водѣ, то на вѣтвяхъ деревьевъ. Пища ея состоитъ изъ мышей, птицъ и ихъ яицъ, а особенно изъ пресмыкающихся и земноводныхъ; такъ, принцъ фонъ-Видъ часто находилъ ее въ лѣнивомъ покоѣ и безобразно растянутой, если она проглатывала одну изъ бразильскихъ жабъ. По землѣ она движется не особенно быстро, часто подпускаетъ человѣка совсѣмъ близко и затѣмъ выражаетъ свое безпокойство лишь тѣмъ, что немного поднимаетъ вверхъ голову и раздуваетъ горло; но на вѣтвяхъ деревьяхъ она движется съ большой быстротою. Она совершенно безвредна и безобидна, что извѣстно и большинству жителей ея родины; тѣмъ не менѣе нѣкоторые считаютъ ее ядовитой или смѣшиваютъ ее съ настоящими ядовитыми змѣями. Позднѣйшіе наблюдатели расходятся съ принцемъ фонъ-Видъ въ томъ отношеніи, что называютъ канинанью смѣлой и злой.

О жизни ея въ неволѣ рассказываетъ Шомбургкъ. «Я держалъ канинанью длиною въ 2 м.», рассказываетъ онъ, «нѣсколько мѣсяцевъ въ клѣткѣ и имѣлъ случай точнѣе наблюдать ее. Самымъ замѣчательнымъ показалось мнѣ то, что она часто требовала воды для питья; я обратилъ на это вниманіе лишь благодаря ослабленію ея жизнедѣятельности. Продержавъ ее нѣсколько дней, я замѣтилъ рѣшительное уменьшеніе ея живости; она не ѣла болѣе и цѣлый день лежала свернувшись въ углу клѣтки. Чтобы освѣжить ее, я облилъ ее разъ водою, и она тотчасъ стала съ жадностью пить собравшуюся на днѣ клѣтки жидкость. Съ этого времени я давалъ ей, какъ и всѣмъ другимъ своимъ животнымъ, воду для питья, и она пила ежедневно. Пища ея состояла изъ живыхъ птицъ и мышей, которыхъ она, какъ только ихъ всовывали въ клѣтку, тотчасъ хватала всегда за голову и проглатывала. Паѣвшись, она успокаивалась и лежала почти цѣлый день на одномъ мѣстѣ, переваривая пищу и издавая при этомъ крайне непріятный запахъ. На второй или третій день послѣ того въ клѣткѣ лежали свернутыя въ комокъ перья и то, что не могло перевариться въ желудкѣ. Мертвыхъ животныхъ канинанья не трогала, даже если испытывала отъ голода сильнѣйшія мученія. Это красивое животное, ставшее въ послѣднее время очень ручнымъ, умерло, къ сожалѣнію, у береговъ Англій; вѣроятно причиною смерти былъ голодъ.»

Близкаго родича только что описаннаго вида (*Coluber variabilis*) бразильцы называютъ «курофдомъ», такъ какъ его обвиняютъ въ томъ, что онъ имѣетъ особенное пристрастіе къ дыплетамъ. Онъ особенно обыкновененъ около рѣкъ и

часто чрезвычайно пугаетъ черныхъ прачекъ, которыя, поглощенные болтовней, забываютъ объ окружающемъ и бываютъ чрезвычайно встревожены приближеніемъ змѣи этого вида. Бразильцы, которые рассказываютъ разныя чудеса о канибанѣ, утверждаютъ, между прочимъ, что она посѣщаетъ спящихъ женщинъ въ постеляхъ, чтобы сосать у нихъ грудь. Можетъ быть и этихъ ужей заставляли когда нибудь пьющими молоко, но тѣмъ не менѣе не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что приведенные рассказы лишены всякаго основанія

* * *

Подъ названіемъ **Остромордыхъ ужей** (*Rhinechis Schnauzennattern*) выдѣлили одинъ родъ змѣй югозападной Европы, который отличается вытянутымъ впередъ въ видѣ острія, большимъ, выпуклымъ рыльцевымъ щиткомъ, далеко выдающимся на верхней сторонѣ морды назадъ между передними лобными щитками и оканчивающимся здѣсь острымъ концомъ. Хвостъ нѣсколько короче, чѣмъ у лазающихъ ужей. Извѣстенъ единственно слѣдующій видъ.

Лѣстничный ужъ (*Rhinechis scalaris*, *Coluber scalaris*, *bilineatus*, *agassizi*, *hermani*, *Rhinechis agassizi*, *Xenodon michahellesi*, *Treppennatter*, *Couleuvre echellée*). одна изъ красивѣйшихъ змѣй Европы. Вальковатое тѣло укороченное и сильное, хвостъ, составляющій не болѣе одной шестой всей длины, короткій и тупой, мало отдѣленная голова, плоская, короткая, назадъ довольно широкая, спереди заостренная; верхняя челюсть вытянута за нижнюю; щитки нормальные. Расположенные въ 27—29 продольныхъ рядовъ черепичатыя чешуйки продолговаты, ромбоидальной формы и гладки, брюшные щитки широки и загнуты на края, подхвостовые расположены въ два ряда. Цвѣтъ и рисунокъ представляютъ различныя измѣненія. Цвѣтъ переходитъ съ возрастомъ изъ свѣтло-сѣраго или свѣтло-зеленовато-сѣраго черезъ красновато—или желто-бурый въ оливковый или красновато-желтый. Рисунокъ состоитъ на головѣ часто изъ вертикально проходящей черезъ глазъ полоски и другой, тянущейся отъ глаза къ углу рта, изъ поперечнаго пятна на зашейкѣ и ряда такихъ пятенъ, которыя тянутся на равныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга вдоль спинного хребта, между и около которыхъ находится съ каждой стороны по ряду болѣе мелкихъ пятенъ, и между ними и около нихъ можетъ быть еще третій и четвертый рядъ. Съ возрастомъ пятна болѣе и болѣе исчезаютъ, начиная съ боковъ, пока не останутся наконецъ лишь двѣ темно-бурыхъ или черныхъ линій, пробѣгающихъ отъ зашейка до конца хвоста. Этотъ видъ достигаетъ въ длину 1,58 м.

Родина этой змѣи Испанія и отсюда она переходитъ въ сосѣднія части южной Франціи, но, повидимому, всюду рѣдка.

Объ образѣ жизни и привычкахъ лѣстничнаго ужа мы имѣемъ два подробныхъ разсказа, которые однако противорѣчатъ другъ другу во многихъ и важныхъ пунктахъ, такъ что очень желательны новыя изслѣдованія. По Фишеру, онъ настоящее дневное животное и въ теченіи лѣта его можно наблюдать въ полуденное время на изгородяхъ и въ виноградникахъ на землѣ или вѣтвяхъ кустарника, вообще же онъ чрезвычайно робокъ и остороженъ. Сухость и тепло—необходимыя условія его жизни. Онъ лазаетъ хорошо и представляетъ самую быструю и ловкую изъ европейскихъ змѣй. По отношенію къ человѣку онъ необыкновенно смѣлъ и золь, его трудно ловить и нельзя приручить; но въ неволѣ онъ оказывается выносливымъ и легко размножается. Спариваніе происходитъ на землѣ и продолжается сначала 8—20 минутъ, позднѣе нѣсколько часовъ. Черезъ 25 дней были

отложены 9 яицъ, длиною 45—59,5 мм. шириною 19,5—21 мм. Зрѣніе его очень острое. Пища состоитъ изъ мышей, птицъ и ящерицъ, въ молодости изъ кузнечиковъ и ихъ личинокъ. Лѣстничный ужъ требуетъ, хотя и рѣдко, воды для питья. Феоктистовъ говоритъ, напротивъ, что этотъ ужъ не золь и приручимъ. Онъ ѣсть, по его словамъ, даже мертвыхъ мышей и на свободѣ пробирается за мышами въ самыя гнѣзда ихъ. Пищу онъ перевариваетъ необыкновенно быстро; въ мѣсяцъ онъ истребляетъ около 20 мышей и можетъ проглотить четыре штуки подрядъ. По словамъ этого автора, лѣстничный ужъ пользуется опытомъ, научается отличать мертвыхъ мышей отъ живыхъ и сообразуетъ съ этимъ свое поведеніе во время ѣды.

* * *

Въ то время какъ предъидущіе роды ужей лишь по временамъ поднимаются на деревья въ поискахъ за пищею, **Лѣсные ужы** (*Herpetodryas Waldnattern*) стали уже почти вполне древесными животными. Ихъ зубы тоже гладки и одинаковой величины, но глаза у нихъ больше, чѣмъ у лазящихъ ужей, часто очень велики; тѣло ихъ нѣсколько больше сжато съ боковъ, тоньше, хвостъ достигаетъ трети всей длины или превышаетъ ее, а число рядовъ чешуи всегда четное и не превышаетъ 10—12. Извѣстны лишь пять видовъ, живущихъ въ Вестъ-Индіи, въ средней и Южной Америкѣ. У нихъ преобладаютъ оливково-зеленые цвѣта.

Въ лѣсахъ всей Бразиліи, Гвіаны и Венецуэлы, а также на Малыхъ Антильскихъ островахъ живетъ одинъ видъ, относящійся къ этому роду, **Зипо** (*Herpetodryas carinatus*, *Coluber carinatus*, *bicarinatus*, *pyrrhopygon*, *saturninus*, *laevicollis*, *Natrix bicarinata*, *Sipo*. *Couleuvre sipo*). Эта древесная змѣя, длиною въ 2,3 м., имѣетъ великолѣпную внѣшность, каковъ бы ни былъ оттѣнокъ ея цвѣта. По описанію на мѣстѣ, сдѣланному принцемъ фонъ Видъ, верхнія части—красиваго, мягкаго, нѣсколько темнаго чижиково или оливково-зеленаго цвѣта, который переходитъ на спинѣ въ буроватый; нижнія части зеленоватаго или ярко-желтаго цвѣта; при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что первый цвѣтъ преобладаетъ обыкновенно на брюхѣ, послѣдній на нижней сторонѣ головы, на горлѣ, на нижней сторонѣ шеи и хвоста. Зеленый цвѣтъ представляетъ всѣ оттѣнки до блестящаго металлически бурога. Среднюю линію спины занимаетъ болѣе свѣтлая полоска, которая часто ограничена по бокамъ болѣе темнымъ цвѣтомъ. Вестъ-Индскіе экземпляры этого вида сверху черновато-бурые или черные, снизу свинцово-сѣрые; верхняя губа и область горла у нихъ желтоватая. Чешуйки этой легко отличимой змѣи то гладкія, то два среднихъ спинныхъ ряда килеватые; онѣ всегда расположены двѣнадцатью продольными рядами. Глаза замѣчательно велики.

По наблюденіямъ принца фонъ Видъ, зипо представляетъ въ Бразиліи, вмѣстѣ съ коралловой змѣей, одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ видовъ отряда. Она встрѣчается около Рио-де-Жанейро, Кабо Фриу, Кампосъ-де-Гойятасазесъ, у Париhiba и Капитанія при Эспирито Санто и живетъ преимущественно въ кустарникахъ, растущихъ на песчаной почвѣ, по близости моря. Здѣсь упомянутый естественный наблюдатель наблюдалъ чрезвычайно крупныя экземпляры, длиною въ 2—3 м. и толщиною въ 4—6 см. Змѣя эта, повидимому, особенно, любитъ песчаную почву, а также влажныя и болотистыя мѣстности около моря, поросшія ситникомъ, желтоколосникомъ, тростникомъ и тому подобными растеніями и напоминающія наши луга. Здѣсь ее часто находятъ въ кустахъ тамъ, гдѣ растутъ прямыя цекронія съ бѣлыми цвѣтами и жесткія широколистыя клузіи. По большей части она попадаетъ на деревьяхъ, гдѣ отдыхаетъ на вѣткахъ или толстыхъ сучьяхъ, но

нерѣдко и на землѣ. Если къ ней приблизиться, то она такъ быстро уползаетъ, что за нею едва можно слѣдовать, всего быстрее въ травѣ, нѣсколько медленнѣе по голому песку. Гензель полагаетъ, что зипо можетъ быть не такъ рѣдка въ южной Бразиліи, какъ кажется, но скрывается отъ взоровъ, такъ какъ держится подъ кустарникомъ и въ лѣсахъ и уходитъ отъ всѣхъ преслѣдованій, благодаря своей невѣроятной быстротѣ.

Съ быстротою молніи эта змѣя взлѣзаетъ на тернsvникъ и кусты и, изви-

Зипо. *Herpetodryas carinatus*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

ваясь, проскальзываетъ сквозь нихъ, такъ что рассказы о томъ, будто бы она питается птицами, не кажутся невѣроятными. Принцъ фонъ Видъ часто находилъ, что тонкая шея зипо была чрезвычайно сильно растянута большими жабами; поэтому можно думать, что она питается главнымъ образомъ земноводными. Время спариванія приходится въ октябрѣ.

По Молю и Уриху, эта общеизвѣстная змѣя называется на Тринидадѣ «Machete» (ножикъ), по острому гребню спины. Она не только изумительно лазааетъ по кустамъ и деревьямъ, но также превосходно плаваетъ. Съ чрезвычайной быстротою она

соединяет необыкновенную ловкость в гимнастических упражнениях. Нередко можно видеть, как она висит на кончике хвоста на самом конце ветви куста, склоняющейся над рекою. Если ее схватить, то блестящая золотистым и бронзово-зеленым цветом «мачете» яростно кусает вокруг себя. Главную пищу ее составляют лягушки, но она не пренебрегает также молодыми птицами и ящерицами. Она кладет пять яиц вальковатой формы с замечательно тонкой скорлупой.

Зипо считают безвредной даже в Бразилии; тем не менее жители с ужасом смотрели, как упомянутый натуралист и его спутники схватывали руками это красивое животное. В крайности зипо, впрочем, защищается от человека, как видно из следующего рассказа Шомбургка: «На одной из своих охотничьих экскурсий я увидел змею длиною в 2 м., которая медленно двигалась мне на встречу. Расстояние было еще слишком велико, и я не мог различить, ядовитая это змея или безвредная. Оба ствола моей двухстволки были заряжены; я прицеливаюсь, стреляю, и животное, судорожно извиваясь, вытягивается в виде дуги. Хлопанье крыльев в ветвях дерева, под которым я стоял, привлекает мое внимание: два красивых, незнакомых мне попугая, которые сидели в тени и были испуганы выстрелом, скоро снова опускаются на кончик ветви. Змея казалась смертельно раненой, и я убил одну из птиц из второго ствола. Теперь я вижу, как змея с трудом поворачивается к густому кусту, в котором и исчезает, пока я заряжаю ружье. Тщетно ищу я ее с заряженным ружьем в руках и стараюсь подойти ближе. Вдруг раненое животное, которое заметило мое приближение и приготовилось к прыжку, стрелю бросается по направлению к моему плечу и заставляет меня сделать сильный скачек назад. Еще оцепенелый от испуга, не зная, ранен ли я или нет, я увидел, что животное снова готовится к прыжку. Сделать это змея однако не удалось, благодаря во время произведенному удачному выстрелу. При ближайшем рассмотрении я нашел, что не был ранен, а мой яростный враг оказался не ядовитой змеею, а безвредною зипо».

* * *

Наиболее резко выраженное приспособление к жизни на деревьях находим мы у **Древесных ушей** (*Dendrophis*. Baumschlangen), брюшные щитки которых не только выгнуты с обеих сторон, но и килеваты. Соответственно этому, на заднем крае каждого брюшного щитка там, где в него вдается киль следующего щитка, находится маленькая выемка. Средний ряд чешуек, которых от 13 до 15 рядов, шире, чем боковые ряды, которые вѣерообразно расположены в косвенном направлении. В остальном можно заметить мало отличий от предыдущего рода. 25—30 зубов верхней челюсти равной величины, передние зубы нижней челюсти, напротив, вѣсколько длиннее задних. На удлиненной головѣ, явственно отделившейся от шеи, находятся большие глаза с круглым зрачком. Тонкое тѣло сжато с боков, гладкие чешуйки снабжены на конце порами, хвост равен четверти или трети всей длины, хвостовые щитки расположены в два ряда. Десять известных видов распространены от тропической Азии по Моллукским островам и Новой Гвинее до северной Австралии.

Очень известный представитель этого рода, **Шокари** индийцев (*Dendrophis pictus*, *Coluber pictus* и *decorus*, *Dendrophis boiei*, *Leptophis pictus* и *maniar*, *Ahaetulla belli*. Glanznatter. Couleuvre chokari), великолѣпная древесная змея длиною в 1,14 м., из которых вѣсколько меньше одной трети приходится на хвост.

Отъ другихъ видовъ рода ее отличаютъ по 15 рядамъ чешуекъ, по умѣренной величинѣ глазъ, по одному только уздечному щитку и по тому, что 2 или 3 верхне-губныхъ щитка соприкасаются съ глазомъ. Цвѣтъ верхней стороны блестящій мѣдно-бурый, который иногда особенно выдѣляется, благодаря желтой линіи, проходящей вдоль середины первой трети спины. Бока украшены желтой полосой, которая или на верхней, или на нижней, или на обѣихъ сторонахъ снабжена узкой черной каймою, еще болѣе украшающей змѣю. На бокахъ головы находится черная продольная полоска, проходящая черезъ глазъ. Верхняя губа желтая; одноцвѣтная нижняя сторона переходитъ болѣе или менѣе въ желтый или свѣтло-зеленый цвѣтъ.

Этотъ широко-распространенный видъ водится во всемъ Индостанѣ и Индокитаѣ и на всѣхъ тропическихъ островахъ на югѣ отъ Индіи. Замѣчательно, что объ образѣ жизни этой столь же красивой, какъ обыкновенной змѣи нѣтъ подробныхъ свѣдѣній. Изъ этого можно заключить, что она въ этомъ отношеніи мало отличается или вовсе не отличается отъ остальныхъ ужей, живущихъ на деревьяхъ. Она широко распространена по Остѣ-Индіи, живетъ, по наблюденіямъ Кантора, въ особенно большомъ числѣ въ холмистыхъ мѣстностяхъ, менѣе на равнинѣ и охотится, подобно своимъ родичамъ, за древесными ящерицами, мелкими птицами, древесными лягушками, а въ молодости и за различными насѣкомыми. Взрослые экземпляры, повидимому, очень злы и при приближеніи человѣка защищаются изо всѣхъ силъ и кусаются довольно чувствительно. При такомъ нападеніи онѣ, подобно другимъ индійскимъ древеснымъ змѣямъ, изгибаютъ переднюю часть шеи и тѣла, причѣмъ выступаютъ ряды чешуекъ бѣло-голубого цвѣта съ великолѣпнымъ металлическимъ блескомъ, поднимаютъ надъ землею приблизительно первую треть тѣла, оживленно двигаютъ языкомъ, прицѣливаются нѣсколько секундъ въ противника, кусаютъ, отодвигаются обратно и приготавливаются къ новому нападенію. Въ тѣлѣ одной беременной самки Канторъ нашелъ 7 вальковатыхъ яицъ съ мягкой скорлупою, длиною въ 35 мм.

* *

Въ противоположность двумъ послѣднимъ родамъ, которые ведутъ образъ жизни настоящихъ древесныхъ животныхъ, два слѣдующихъ живутъ предпочтительно около воды и охотятся какъ въ ней, такъ и на сушѣ, питаются преимущественно рыбами, тритонами и лягушками и не дупать свою добычу передъ тѣмъ, какъ глотать ее, подобно нѣкоторымъ мѣдянкамъ и лазающимъ угамъ.

Большой родъ **Водныхъ ужей** (*Tropidonotus*. Wassernattern) отличается по своему внутреннему строенію, малой величиною носовыхъ костей и зубами. Изъ 12—22 зубовъ верхней челюсти послѣдній всегда длиннѣе остальныхъ; зубы нижней челюсти равной величины. Голова явственно отдѣлена отъ шеи, умѣренно большіе или очень большіе глаза имѣютъ круглый зрачекъ, ноздри направлены нѣсколько вверхъ. Вальковатое тѣло то болѣе, то менѣе вытянуто; чешуйки килеватия, рѣже гладкія, расположены въ 15—29 продольныхъ рядовъ и по большей части имѣютъ передъ кончикомъ поры. Брюшные щитки закруглены и не загнуты по бокамъ угломъ впередъ; хвостовые щитки расположены двойнымъ рядомъ. Нѣкоторые водные виды кладутъ яйца, другіе, какъ сѣвероамериканскій *Tropidonotus sipedon*, рождаютъ живыхъ дѣтенышей.

Водные ужи распространены по большей части странъ, лежащихъ къ сѣверу отъ экватора, и отъ тропической Азіи они доходятъ черезъ Моллукскіе острова и Новую Гвинею до сѣверной Австраліи. Значительное большинство видовъ

живетъ въ южной и восточной Азіи и въ Сѣверной Америкѣ. Мы займемся лишь тремя видами, встречающимися въ Европѣ.

Общезвѣстный представитель этого рода **Обыкновенный ужъ, Ужанъ** (*Tropidonotus natrix*, *Coluber natrix*, *scutatus*, *ponticus*, *minutus*, *niger*, *Natrix torquata*, *persa*, *Tropidonotus ater*, *persicus*, *scutatus*, *torquatus*, *natrix*, *murorum*. Ringelnatter. Couleuvre à collier), змѣязмѣй для нашего народа, предметъ его древнихъ сказаній и новыхъ чудесныхъ разсказовъ, его страха, его ненависти, его страсти къ истребленію, — самый распространенный изъ всѣхъ германскихъ ужей. Онъ можетъ достигать въ длину 1,58 м., но обыкновенно, по крайней мѣрѣ въ Германіи, остается на добрую треть меньше этихъ размѣровъ, а самцы кромѣ того всегда меньше самокъ. Одна исключительно крупная самка изъ Швейцаріи, которую имѣлъ Финеръ-Зигвартъ,

Обыкновенный ужъ. *Tropidonotus natrix*. $\frac{1}{3}$ част. вел.

была 1,80 м. длины. Два бѣлыхъ или желтыхъ, а у южныхъ формъ часто ярко-красно-желтыхъ полудлунныхъ пятна съ каждой стороны позади висковъ, которые называютъ «короной» ужа, служатъ такимъ надежнымъ отличительнымъ признакомъ, что эту змѣю никогда нельзя смѣшать съ другими европейскими змѣями. Кромѣ того этотъ ужъ на сѣромъ фонѣ разрисованъ 4—6 рядами черныхъ пятенъ, тянущихся вдоль спины, ниже по бокамъ испещренъ бѣлыми пятнами, а середина брюха чернаго цвѣта. Цвѣтъ спины то впадаетъ въ болѣе бурый, то въ зеленоватый, то въ сѣро-голубой; иногда онъ кажется почти чернымъ и въ такомъ случаѣ темныя пятна исчезаютъ почти совершенно; вообще же оба пола, а также старые и молодые отличаются другъ отъ друга очень мало. Для дальнѣйшей характеристики этого вида можно еще прибавить, что килеватая чешуйки расположены 19 продольными рядами, и что глазъ окруженъ спереди лишь однимъ предглазнымъ щиткомъ, а сзади тремя заглазными. Изъ семи верхнегубныхъ щитковъ третій и четвертый доходятъ до глаза.

Отъ гадюки, съ которою обыкновенный ужъ имѣть общій признакъ—килеватыя чешуйки, его легко отличить по большимъ щиткамъ, по круглому зрачку, по заднепроходному щитку, раздѣленному на два, и по тому, что между верхнегубными щитками и глазомъ не вдается рядъ болѣе мелкихъ чешуекъ, отдѣляющихъ глазъ отъ губныхъ щитковъ.

Въ холмистой части Швейцаріи наблюдаются, по словамъ Чуди, двѣ или три различныхъ постоянныхъ разновидности: оливково-сѣрая, болѣе красновато-сѣрая пстоящая между обѣими первыми—пятнистая. На юго-востокѣ и востокѣ Европы къ нимъ, кромѣ нѣкоторыхъ формъ, менѣе важныхъ для насъ, присоединяются еще двѣ другихъ: **Темный ужъ** (*var. atra*. Trauerringelnatter), въ Волжскомъ бассейнѣ, который весь окрашенъ въ чисто-черный цвѣтъ, а на нижней сторонѣ головы имѣетъ отдѣльныя свѣтлыя пятна, и **Пестрый ужъ** (*var. persa* Streifenringelnatter), который отличается двумя узкими, рѣзко ограниченными, параллельными продольными полосками желтаго или желтовато-бѣлаго цвѣта, которыя начинаются на затылкѣ и тянутся вдоль спины до хвоста. Пестрый ужъ встрѣчается уже въ сѣверо-восточной Италіи и Далмаціи, а еще чаще въ Греціи рядомъ съ обыкновенной формой ужа и часто происходитъ даже изъ кладки послѣдняго. На Кавказѣ и въ Персіи онъ становится совершенно преобладающей формою, а въ Малой Азіи, повидимому, даже совершенно вытѣсняетъ неполосатую коренную форму.

Область распространенія ужа простирается, за исключеніемъ самаго крайняго сѣвера, по всей Европѣ и очень значительной части передней Азіи и сѣверной Африки до Алжира. Онъ встрѣчается во всей Германіи, особенно часто въ болотистыхъ и богатыхъ водою мѣстностяхъ, рѣже въ сухихъ мѣстахъ, и вообще попадается вездѣ. Онъ водится также въ Швейцаріи и вообще въ Альпахъ, поднимается здѣсь до 1650 м., а въ Пиемонтѣ, по Камерано, даже до высоты 2300 м. По ту сторону Альпъ онъ встрѣчается во всѣхъ частяхъ Италіи; во всей Франціи, а также на Пиренейскомъ полуостровѣ онъ принадлежитъ къ самымъ обыкновеннымъ змѣямъ; въ Дунайскихъ низменностяхъ и на Балканскомъ полуостровѣ встрѣчается еще гораздо чаще, чѣмъ у насъ, но лишь въ видѣ полосатой разновидности, на сѣверѣ достигаетъ средней Швеціи, въ Россіи доходитъ до Финляндіи, переходитъ за Кавказъ и Уралъ, живетъ слѣдовательно и въ Киргизской степи, Закавказьѣ и лишь въ Закавказьѣ, Персіи и Алжирѣ достигаетъ своей южной границы. Только въ Алжирѣ ужа можно назвать рѣдкимъ.

Поросшіе кустами берега болотъ и топкихъ мѣстъ, медленно текущія ручьи и рѣчки, заброшенные плотины прудовъ, влажные лѣса, мѣста, поросшія ситникомъ или камышомъ, и болота составляютъ излюбленное мѣстопробываніе ужа, такъ какъ здѣсь онъ находитъ свою любимую пищу. Однако его можно встрѣтить и на болѣе высокыхъ горахъ, далеко отъ всякой воды и притомъ, по словамъ Ленца, вовсе не случайно, а въ любое время года; это даетъ право заключать, что онъ не покидаетъ этихъ мѣстъ. Нерѣдко онъ приближается къ человѣческимъ жилищамъ и селится на дворахъ подъ кучами навоза и земли, въ которыхъ самъ вырываетъ себѣ нору, или въ норахъ, вырытыхъ крысами, мышами и кротоми, а также въ погребахъ и хлѣвахъ. Стругъ убѣдился, что въ Мекленбургѣ особенно любимое мѣстопробываніе ихъ составляютъ хлѣва для утокъ и куръ; тамъ онъ видалъ иногда дюжинами старыхъ и молодыхъ ужей. Особенно правится имъ находящаяся здѣсь влажная теплая подстилка. Они живутъ въ самомъ лучшемъ согласіи съ утками, которыя не дотрогиваются даже до маленькихъ ужей вслѣдствіе ихъ вони; ужи-же охотно кладутъ свои яйца подъ покинутыми гнѣздами утокъ и

куръ. Напротивъ, названный наблюдатель нигдѣ не могъ встрѣтить случая, что бы ужь селились въ хлѣвахъ для коровъ и овецъ; это объясняется тѣмъ, что копыта домашнихъ млекопитающихъ представляли бы для змѣй слишкомъ большую опасность. Менѣе часто, чѣмъ въ птичникахъ, но все же нерѣдко, ужь встрѣчаются и внутри человѣческихъ жилищъ. Ленць рассказываетъ, что жилъ ребенкомъ въ домѣ, въ нижнемъ этажѣ котораго болѣе года пребывала пара большихъ ужей, къ которой отъ времени до времени присоединялась и группа молодыхъ. «Было запрещено беспокоить это общество, но зато было трудно найти прислугу, которая согласна была жить у насъ. Мы, дѣти, особенно дивились этимъ животнымъ, когда они съ дребезжающимъ шумомъ ползали по стекламъ витрины. Болѣе неприятно было, когда большой ужь поселился подъ половицами жилой комнаты у одного моего близкаго родственника, духовнаго лица. Стоило только немного посильнѣе ступить на половицы и тотчасъ изъ-подъ нихъ распространялась извѣстная вонь ужа. Половицы не были подняты, такъ какъ домъ стоялъ подъ управленіемъ общины. Наконецъ змѣя выселилась добровольно». Въ русскихъ крестьянскихъ избахъ ужь, по словамъ Фишера, ползаютъ очень часто, такъ какъ крестьяне охотно допускаютъ ихъ или по крайней мѣрѣ терпятъ; ихъ охраняетъ повѣрье, будто бы смерть ужа приноситъ несчастье. Малоросъ вѣритъ въ царство ужей, въ которомъ есть царь ужей. Онъ носитъ украшенную драгоценными камнями корону, которая прекрасно блеститъ на солнцѣ, и ему подвластны всѣ ужь. Если одному изъ его подданныхъ сдѣлаютъ зло, то онъ мститъ за это, напуская на обидчика болѣзнь, у этого человѣка рождается уродъ, случается пожаръ или онъ подвергается какой-нибудь другой бѣдѣ. Весьма естественно, что ужь вступаетъ въ дружескія отношенія съ настроенными такимъ образомъ обитателями дома.

Ужъ принадлежитъ къ тѣмъ пресмыкающимся, которыя, насколько возможно, сокращаютъ свой зимній сонъ. Осенью при хорошей и теплой погодѣ можно видѣть еще въ ноябрѣ, какъ онъ грѣется на солнцѣ, весною онъ снова показывается въ концѣ марта или началѣ апрѣля и сначала въ теченіи нѣсколькихъ недѣль согрѣвается подъ теплыми лучами солнца, прежде чѣмъ начнетъ свою лѣтнюю жизнь или даже свою охоту.

Тотъ, кто отброситъ привитый намъ воспитаніемъ страхъ передъ змѣями и познакомится съ ужемъ, безусловно назоветъ его пріятнымъ и привлекательнымъ существомъ. Онъ принадлежитъ къ самымъ подвижнымъ и проворнымъ видамъ семейства; онъ, правда, охотно вытягивается на солнцѣ и по цѣлымъ часамъ съ удовольствіемъ остается въ этомъ положеніи, но онъ также много ползаетъ, во всякомъ случаѣ гораздо больше, чѣмъ коварно подстерегающая, лѣнивая ядовитая змѣя, которая даже ночью движется въ возможно маломъ районѣ. На поросшихъ кустами берегахъ спокойныхъ водъ легко можно наблюдать живость и подвижность ужа. Съ берега, на краю котораго онъ только что грѣлся на солнцѣ, онъ безшумно соскальзываетъ въ воду, чтобы развлекаться плаваніемъ или выкупаться. Обыкновенно онъ держится такъ близко подъ поверхностью воды, что головка его выдается надъ нею, и онъ движется впередъ, изгибаясь въ стороны и постоянно двигая языкомъ. Но иногда онъ плаваетъ также между поверхностью и дномъ, выпуская пузыри воздуха и по близости твердыхъ предметовъ, осязая языкомъ. Испуганный, онъ постоянно скрывается въ глубинѣ и довольно далеко плыветъ или по дну, или около самаго дна, пока не сочтетъ себя достаточно обезпеченнымъ, чтобы снова подняться къ поверхности, или же опускается на дно и долго лежитъ тамъ, такъ какъ можетъ оставаться подъ водою цѣлые часы. «Это я наблюдалъ», говоритъ Ленць, «не только въ природѣ, но и въ комнатѣ. У меня

было 16 ужей въ большой бочкѣ, наполовину налитой водою; на днѣ лежала доска, на которой они могли отдыхать; подъ доскою былъ столбъ. Я видѣлъ, что они часто добровольно оставались полчаса подъ водою, или лежа на доскѣ, или ниже, обвившись вокругъ столба».

Если ужъ хочетъ проплыть большое разстояніе, напримѣръ переплыть широкую рѣку или озеро, то онъ наполняетъ, насколько возможно, свое широкое легкое воздухомъ и, благодаря этому, значительно облегчаетъ себѣ плаваніе, между тѣмъ какъ при ныряніи онъ всегда предварительно опоражниваетъ легкое. Правда, онъ плаваетъ не особенно быстро, по крайней мѣрѣ не такъ скоро, чтобы нельзя было идти рядомъ съ нимъ, но очень продолжительно и можетъ предпринимать гораздо болѣе обширныя путешествія по водѣ, чѣмъ обыкновенно думаютъ. При благопріятныхъ обстоятельствахъ можно прослѣдить его плаваніе на большомъ разстояніи. Такъ, Струкъ замѣтилъ однажды ужа, плившаго вдоль берега, и прошелъ 1800 шаговъ рядомъ съ нимъ, пока тотъ наконецъ нырнулъ и исчезъ. Что онъ дѣйствительно переправляется черезъ обширныя водныя поверхности, это положительно доказано. Шинцъ видѣлъ въ тихую погоду ужа, который бодро плавалъ на серединѣ Цюрихскаго озера; англійскіе изслѣдователи неоднократно встрѣчали ужей въ морѣ между Уэльсомъ и Англезі; датскій морякъ Ирмингеръ нашель ужа даже въ открытомъ морѣ на разстояніи 23 килом. отъ ближайшаго берега, острова Рюгена. Такъ какъ онъ старался взобраться на бортъ, то Ирмингеръ спустилъ шлюпку, поймалъ ужа и отослалъ его въ Копенгагенъ къ Эшрихту, который и опредѣлилъ его.

Въ Мекленбургѣ считается общеизвѣстнымъ, и Струкъ нѣсколько разъ видѣлъ это собственными глазами, чтоужи, ловящіе рыбу въ озерѣ, иногда располагаются на спинѣ плавающихъ утокъ, безъ сомнѣнія для того, чтобы такимъ образомъ одновременно наслаждаться тепломъ, мягкой подстилкой и отдыхомъ. Уткамъ нравятся такіе всадники. Въ народѣ, на основаніи этого наблюденія, возникло мнѣніе, будто бы утки спариваются съ ужами, и ни одинъ изъ вѣрныхъ сторонниковъ этого повѣрья не согласится когда-нибудь съѣсть утиное яйцо. Ползаетъ ужъ по землѣ довольно быстро; однако на равнинѣ его всегда можно догнать, даже безъ значительныхъ усилій; напротивъ, по склонамъ онъ иногда скользитъ внизъ съ такою быстротою, что его удачно можно сравнить со стрѣлою. Въ лѣзніи онъ тоже довольно ловокъ и иногда взлѣзаетъ на довольно высокія деревья. «Увидѣвъ ужа на деревѣ», говоритъ Ленцъ, «я забавлялся тѣмъ, что загонялъ его очень высоко на дерево. Если онъ не можетъ лѣзть дальше, то начинаетъ, быстро извиваясь, спускаться по вѣтвямъ или, если это возможно, переходитъ на ближайшее дерево и спускается по его вѣтвямъ; но если нижнія вѣтви далеко отъ земли, то онъ не старается соскользнуть по стволу, а шлепается внизъ и уползаетъ».

Ужа называютъ добродушнымъ животнымъ, такъ какъ онъ лишь крайне рѣдко пускаетъ свои зубы въ дѣло противъ человѣка и хорошо уживается на свободѣ и въ неволѣ съ другими змѣями или вообще пресмыкающимися, а также и съ земноводными; съ послѣдними, по крайней мѣрѣ, если не голоденъ. Противъ хищныхъ млекопитающихъ и птицъ онъ, конечно, шипя, становится въ оборонительное положеніе и пытается укусить, но если можно, то онъ всегда убѣгаетъ отъ существъ, кажущихся ему опасными, особенно отъ тѣхъ, которыя его преслѣдуютъ и ѣдятъ. Линкъ называетъ ужа такимъ миролюбивымъ, безобиднымъ существомъ, «что можно почувствовать искушеніе приписать ту довѣрчивость, съ которою онъ приближается къ жилищамъ человѣка, извѣстнаго рода чистой совѣсти. Особенно человѣку нечего бояться зубовъ ужа, онъ можетъ безъ страха про-

тягивать къ нему руку, ловить его и, если хочеть, даже носить за пазухою. У ужа нѣтъ недостатка въ храбрости, чтобы защищаться, но надо прибѣгнуть къ хитрости и схватить его неожиданно и сзади, чтобы побудить его кусаться». По наблюденіямъ Дерси, ужъ не кусаетъ даже тогда, когда, спрятавшись за доской или дверью, вдругъ всунуть руку въ его помѣщеніе. Указаніе Линка тѣмъ не менѣе справедливо; Ленцъ увѣряетъ, что ужи иногда кусали его очень неожиданно. Однажды одинъ ужъ добродушно позволилъ поймать себя и лишь около 6 минутъ спустя вдругъ укусилъ, издавъ короткое шипѣніе, хотя до того спокойно лежалъ въ рукѣ, и нанесъ кровавую рану, длиною въ сантиметръ и глубиною въ миллиметръ, которая была какъ бы прорѣзана острымъ ножомъ и, конечно, очень скоро зажила безъ дурныхъ послѣдствій. Для защиты отъ человѣка ужъ пользуется только своими крайне вонючими испражненіями; противъ большихъ животныхъ, хищныхъ птицъ и вороновъ онъ защищается энергичнѣе, очень сильно шипитъ при ихъ приближеніи и кусаетъ по направленію къ нимъ, но лишь рѣдко достаетъ до врага. «Я никогда не видѣлъ», говоритъ Ленцъ, «чтобы онъ дѣйствительно нанесъ сильное укушеніе такому врагу, хотя онъ въ состояніи, если его запрутъ вмѣстѣ съ врагомъ, нѣсколько дней сряду непрерывно лежать, свернувшись клубкомъ и надувшись, и кусаться каждый разъ при его приближеніи. Если врагъ, будь то птица или млекопитающее, дѣйствительно схватитъ ужа, то онъ не защищается, а только сильно шипитъ, старается освободиться или обвивается вокругъ врага и выпускаетъ испражненія и вонючую жидкость».

Любимая добыча ужа состоитъ изъ лягушекъ и особенно ревностно преслѣдуетъ онъ травяную лягушку. По наблюденіямъ Ленца и Ветхера, онъ предпочитаетъ квакшу всякой другой; по крайней мѣрѣ только что пойманныхъ ужей, которые пренебрегаютъ другими лягушками, можно легко заставить ѣсть, если предложить имъ квакшъ. Но до такого лакомства ужъ при жизни на свободѣ добывается однако лишь въ періодъ спариванія квакшъ, во время котораго онѣ спускаются на землю, а обыкновенно травяныя или болотныя лягушки составляютъ ту добычу, которая достается ужамъ легко и постоянно. Наблюденіе Эффельдта, что обыкновенно ужи боятся зеленыхъ лягушекъ, а при сильномъ голодѣ, хотя и кусаютъ, но не ѣдятъ ихъ, едва-ли относится къ нашимъ ужамъ; я неразъ видѣлъ, какъ они глотали зеленыхъ лягушекъ.

Замѣчательно, по словамъ Вернера, та вѣрность, съ которой ужъ даже въ темнотѣ различаетъ разные виды лягушекъ и жабъ и дѣлаетъ между ними выборъ, причемъ, вѣроятно, руководится обоняніемъ. Даже для знатока земноводныхъ не совсѣмъ легко отличить травяную лягушку отъ проворной, а между тѣмъ ужъ это удается всегда съ безошибочной вѣрностью. Если онъ не находитъ достаточно лягушекъ, то принимается и за жабъ. Тритоновъ онъ ѣсть, повидимому, очень охотно и умѣетъ овладѣвать всѣми встрѣчающимися у насъ видами, какъ на землѣ, такъ и въ водѣ. Иногда, какъ сообщаетъ мнѣ Стерки, онъ схватываетъ и саламандру, но, повидимому, такая птица не особенно нравится ему, такъ какъ ужъ иногда выплевываетъ саламандру обратно и этимъ даруетъ ей жизнь. Послѣ земноводныхъ онъ, подобно всѣмъ родичамъ, особенно охотно преслѣдуетъ маленькихъ рыбокъ и потому можетъ, мѣстами, дѣйствительно приносить вредъ. Линкъ никогда не видѣлъ, чтобы ужамъ на свободѣ удавалось поймать рыбу, и потому сомнѣвается, чтобы кто-нибудь могъ приписать ужамъ, на основаніи собственныхъ наблюденій, ловкость, необходимую для ловли рыбы. Но уже Ленцъ, этотъ точный и добросовѣстный наблюдатель, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ этомъ, а мой братъ Рейнгольдъ часто наблюдалъ, какъ другіе водные ужи ловили рыбу, такъ что этотъ вопросъ можно

считать совершенно исчерпаннымъ. Ленцъ, изслѣдуя содержимое желудка убитыхъ ужей, находилъ, что они ѣли главнымъ образомъ гольцевъ, пещарей и молодыхъ лией, а Пехуэль-Леше наблюдалъ ихъ во время ловли рыбы.

Живо и вѣрно описываетъ Линкъ охоту ужа за его любимой дичью, толстой травяной лягушкой. «Лягушка во время замѣчаетъ намѣренія приближающагося ужа, въ которомъ инстинктъ, а иногда и воспоминаніе о счастливо избѣгнутой опасности заставляють ее узнать жестокаго врага; поэтому лягушка тотчасъ обращается въ бѣгство. При этомъ она, какъ и всякая преслѣдуемая дичь, движется тѣмъ поспѣшнѣе, чѣмъ болѣе уменьшается разстояніе между нею и преслѣдующимъ ее врагомъ. Страхъ лишаетъ ее соображенія, такъ что она дѣлаетъ лишь рѣдкіе и короткіе прыжки (хотя она скорѣе всего могла бы спастись сильными прыжками, къ которымъ она вполнѣ способна въ другое время), и съ удвоенной поспѣшностью старается спастись бѣгомъ, причѣмъ часто кувыркается. Очень рѣдко при этомъ раздается полный отчаянія жалобный крикъ испуганнаго животнаго. Этотъ крикъ не имѣетъ никакого сходства со звуками, которые мы слышимъ у лягушекъ обыкновенно, и незнающій можетъ приписать его скорѣе всякому другому животному, чѣмъ лягушкѣ. Онъ звучитъ почти какъ жалобное, продолжительное овечье блеяніе, но болѣе протяженъ и дѣйствительно возбуждаетъ состраданіе». Такое преслѣдованіе, при которомъ змѣя кажется слѣпою по отношенію ко всему остальному, рѣдко продолжается долгое время; напротивъ, обыкновенно черезъ самое короткое время добыча уже схвачена и затѣмъ проглочена. Линкъ полагаетъ, что въ такъ называемой волшебной силѣ змѣй, быть можетъ, есть доля истины; одинъ достойный довѣрія челоуѣкъ рассказывалъ ему объ ужѣ, который только что проглотилъ очень большую лягушку и былъ окруженъ полдюжиной другихъ лягушекъ; онъ со всѣхъ силъ издавали жалобный крикъ, но не дѣлали никакой попытки избѣжать судьбы товарища, такъ что ужъ схватилъ и умертвилъ еще одну изъ нихъ, а затѣмъ третью. Я полагаю, что могу остаться при томъ мнѣніи, которое высказалъ выше, такъ какъ неразъ видѣлъ столь наглядно описанную Линкомъ охоту на лягушекъ. Притомъ, если посадить лягушку въ одну клѣтку съ ужомъ, то она старается какъ можно поспѣшнѣе убѣжать, и только увидѣвъ, что это невозможно, почти безъ сопротивленія отдается своей судьбѣ.

Способъ, которымъ ужъ глотаетъ добычу, внушаетъ зрителю отвращеніе, особенно потому, что онъ не умерщвляетъ сначала свою жертву (къ чему онъ, впрочемъ, и не способенъ), а проглатываетъ ее еще живою. Обыкновенно онъ старается схватить лягушку съ головы; но если это не удастся, то схватываетъ ее, напримѣръ, за заднія лапы, и медленно стягиваетъ въ глотку, причѣмъ лягушка, понятно, сильно бьется и жалобно квакаетъ, пока можетъ еще открывать ротъ. Змѣѣ стоитъ немалого труда удерживать подвижную добычу; тѣмъ не менѣе послѣдней крайню рѣдко удается освободиться отъ безжалостнаго врага. Но и въ такомъ случаѣ, если змѣю не беспокоятъ, то она тотчасъ слѣдуетъ за добычей и снова овладѣваетъ ею. Мелкія лягушки глотаются гораздо легче, чѣмъ большія, при которыхъ работа часто продолжается по нѣскольку часовъ и, повидимому, очень утомляетъ ужа; между тѣмъ мелкіхъ лягушекъ онъ въ случаѣ сильнаго голода часто схватываетъ и глотаетъ полдюжины сряду. При большомъ голодѣ онъ съѣдаетъ черезъ короткіе промежутки 100 головастиковъ или 50 маленькихъ лягушекъ, только что окончившихъ превращеніе. Испуганный ужъ, подобно другимъ змѣямъ, обыкновенно выплевываетъ обратно принятую пищу, причѣмъ, если проглоченное животное было очень велико, онъ долженъ ужасно разѣвать пасть. Мелкіхъ позвоночныхъ, принадлежавшихъ къ двумъ первымъ классамъ, ужъ ѣсть развѣ лишь въ самыхъ рѣд-

нихъ исключительныхъ случаяхъ; по крайней мѣрѣ на содержимыхъ въ неволѣ наблюдали, что они постоянно пренебрегаютъ мышами или птицами и ихъ яйцами. Желткомъ разбитыхъ яицъ они, напротивъ, лакомятся съ видимымъ удовольствіемъ, какъ наблюдалъ Струкъ и другіе. Въ молодости они, если и не преимущественно, то между прочимъ могутъ питаться также насѣкомыми и мягкотѣлыми. Эрберъ видѣлъ, какъ ужи, которыхъ онъ держалъ, ѣли улитокъ и гусеницъ, а Струкъ, — какъ живущіе на волѣ старались схватывать на освѣщенныхъ солнцемъ стѣнахъ спокойно сидѣвшихъ мухъ, комаровъ, мокрицъ и т. п.

Долгое время полагали, что ужъ не пьетъ. Ленцъ никогда не находилъ воды въ желудкѣ изслѣдованныхъ имъ ужей, хотя оставлялъ ихъ въ жаркую погоду долго безъ воды, помѣщавъ затѣмъ въ воду и скоро послѣ того вскрывалъ. Тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться въ противоположномъ: одинъ пріятель только что названнаго изслѣдователя наблюдалъ, какъ одинъ изъ его плѣнниковъ, послѣ того, какъ терпѣлъ въ серединѣ лѣта жажду въ теченіи 14 дней, выпилъ дочиства чашечку воды; другіе любители змѣй убѣдились въ томъ же. Дерси удивляется каждому наблюдателю, который не видѣлъ, какъ ужи пьютъ, и потому утверждаетъ противное. Въ жаркіе дни можно замѣтить, что они жадно всасываютъ упавшія на землю капли, а также очень часто удается видѣть, какъ они пьютъ изъ наполненнаго водою блюдечка такимъ же образомъ, какъ мѣдянка. Тѣ ужи, которыхъ я наблюдалъ и которыхъ держалъ въ клѣткѣ вмѣстѣ съ другими змѣями, пила такъ же правильно, какъ и ихъ родичи. Кромѣ воды, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ пьютъ и молоко, особенно, если у нихъ нѣтъ ничего другаго; а если они разъ привыкли къ такой жидкости, то можетъ случиться, что они пьютъ ее даже очень охотно. На этомъ наблюденіи основывается, вѣроятно, общеизвѣстное повѣрье, что ужи сосутъ вымя коровъ и другихъ дающихъ молоко домашнихъ животныхъ для лакомства.

Подобно всѣмъ змѣямъ, ужъ можетъ выживать цѣлые мѣсяцы безъ пищи. Относительно этого Герклоцъ обнаружилъ въ свое время одно наблюденіе, которое, несмотря на жестокость опыта, заслуживаетъ болѣе широкой извѣстности. «Въ 1864 г. 19-го іюня я поймалъ во время одной изъ охотничьихъ экскурсій въ болотѣ Нейзидерскаго озера ужа и сохранялъ его съ тѣхъ поръ въ устроенномъ для этого стеклянномъ помѣщеніи. Хотя въ немъ находилась подходящая для ужа пища, онъ упорно отказывался отъ корма и воды. Это продолжалось до середины сентября; въ этомъ мѣсяцѣ онъ пилъ одинъ разъ воду, но не принималъ пищи. Линяніе произошло полное. Мнѣ очень хотѣлось знать, сколько времени это животное будетъ въ состояніи голодать и потому съ этого времени я отказывалъ ему въ пищѣ и водѣ. Клѣтка стояла въ моей комнатѣ; я жилъ въ ней одинъ, и не подлежить никакому сомнѣнію, что никто не кормилъ змѣю. Наступила зима, но змѣя, хотя и пыталась устроить себѣ логовище подъ камнями и покрытой мхомъ землею, не впала въ зимнюю спячку, такъ какъ температура не падала ниже 10—12° Цельсія. Въ теченіи зимы змѣя была, правда, не очень оживленна и по временамъ даже лежала долгое время, повидимому, мертвая, но быстрое, какъ стрѣла, движеніе языка, когда я отворялъ клѣтку, показывало мнѣ, что она была еще жива и не спала. Только разъ я подумалъ, что она умерла, и поручилъ убрать трупъ изъ клѣтки; однако въ теплой рукѣ моего сына змѣя снова ожила, начала извиваться, выпила немного воды и затѣмъ продолжала свой невольный постъ до 26 апрѣля. Въ этотъ день она снова была совершенно истощена, и я серьезно опасался за ея жизнь. Такъ какъ она была мнѣ нужна, и я не хотѣлъ ею жертвовать, то я принесъ ей въ клѣтку двухъ тритоновъ. Она мгновенно замѣтила

ѣду, развернулась и нѣсколько разъ проползла вокругъ своей тюрьмы, вдругъ остановилась, подняла головку и стала водить ею по камню то вправо, то влѣво. При этомъ она поочередно открывала то одну, то другую сторону пасти и наконецъ совсѣмъ раскрыла и растянула ее. Съ чрезвычайной быстротою бросилась она затѣмъ на одного изъ тритонъ, съ большой жадностью проглотила его, а скоро въ ея пасти исчезъ и второй тритонъ. Съ тѣхъ поръ ужъ часто ѣлъ, былъ совершенно здоровъ и перелетѣлъ 11-го мая. Хотя во время жизни въ неволѣ онъ исхудалъ, однако никакой признаковъ не обнаруживалъ въ немъ какого-либо болѣзненнаго состоянія, и все поведеніе его соотвѣтствовало поведенію другихъ экземпляровъ, которыхъ я тоже держалъ въ неволѣ, не заставляя ихъ голодать. Рѣдко можетъ случиться, чтобы животное провело безъ пищи и зимняго сна 311 дней, потому я полагаю, что объ этомъ случаѣ слѣдуетъ сообщить».

Хотя въ хорошіе годы ужъ, какъ уже замѣчено, показывается къ концу марта или въ началѣ апрѣля и скоро послѣ того подвергается первому линянію, а слѣдовательно до нѣкоторой степени надѣваетъ свой брачный нарядъ, однако онъ рѣдко приступаетъ къ спариванію раньше конца мая или начала іюня. Въ это время можно видѣть, обыкновенно въ утренніе часы, какъ самецъ и самка лежатъ въ самомъ тѣсномъ соединеніи, обвившись многократно другъ около друга, по возможности на такомъ мѣстѣ, которое освѣщается лучами утренняго солнца. При этомъ они такъ поглощены своею страстью, что можно приблизиться къ нимъ на нѣсколько шаговъ, прежде чѣмъ они съ громкимъ шипѣніемъ стануть пытаться бѣжать, какъ указано выше, дергая другъ друга и взаимно мѣшая ползти. На вынашивание яицъ въ тѣлѣ матери, повидимому, не остается безъ вліянія погода, такъ какъ свѣжеположенные яйца можно находить въ различныя времена года, первыя въ концѣ іюля, послѣднія въ августѣ и сентябрѣ. У ужей, содержимыхъ въ неволѣ, кладка можетъ затягиваться до того, что дѣтеныши образуются уже въ тѣлѣ матери и выползаютъ немедленно или скоро послѣ того, какъ яйца являются на свѣтъ. Болѣе молодыя самки кладутъ 15—20, болѣе старыя 25—36 яицъ. По формѣ и величинѣ яйца похожи на яйца домашнихъ голубей, но отличаются, какъ и всѣ яйца пресмыкающихся, своею мягкой, гибкой, слѣдовательно содержащей мало извести скорлупою, а внутри незначительнымъ количествомъ бѣлка, который образуетъ лишь тонкій слой вокругъ желтка. На воздухѣ они постепенно засыхаютъ и гибнутъ, въ водѣ они тоже пропадаютъ; и то и другое вліяетъ на размноженіе этого вида змѣй, которое должно было бы быть чрезвычайно сильнымъ, если бы развивались всѣ зародыши. Обыкновенно самка выбираетъ съ большимъ искусствомъ удобныя мѣста: кучи навоза, листьевъ, коры изъ дубильныхъ ямъ, опилокъ, рыхлой земли, влажный мохъ и т. п. мѣста, которыя подвергаются нагрѣванію и тѣмъ не менѣе долго сохраняютъ умѣренную влажность. Здѣсь она отыскиваетъ углубленіе, помѣщаетъ надъ нимъ заднепроходное отверстіе, загибаетъ вверхъ хвостъ и выпускаетъ въ углубленіе яйца. При кладкѣ одно яйцо непосредственно слѣдуетъ за другимъ и связано съ предыдущимъ посредствомъ студенистой массы, такъ что вся кладка имѣетъ видъ четокъ. Эти то яйца народъ и называетъ пѣтушьими яйцами, которые въ глазахъ суевѣрныхъ людей должны обладать чудесными свойствами. Дозрѣваніе ихъ заканчивается черезъ три недѣли послѣ кладки; совершенно развитый дѣтенышъ продѣлываетъ себѣ отверстіе въ скорлупѣ и начинаетъ затѣмъ вести такую же жизнь, какъ и родители, если рано наступившій холодъ не заставитъ его искать уже теперь защиты отъ непогоды, т. е. заползать въ отверстіе, служащее убѣжищемъ во время зимы. При выходѣ изъ яицъ молодые ужы бываютъ длиною около 15 см.; зубы у нихъ уже

есть и слѣдовательно они достаточно подготовлены для самостоятельной жизни. Если погода мѣшаетъ имъ охотиться и добывать пищу, то жиръ, отложившійся въ ихъ тѣлѣ еще въ яйцѣ, и ихъ прирожденная живучесть защищаютъ ихъ до слѣдующей весны отъ голодной смерти. Мать послѣ кладки не заботится болѣе о потомствѣ.

Въ неволѣ ужа держать легко, такъ какъ онъ тотчасъ принимается за ѣду. Даже только что пойманный, если къ нему посадить живую лягушку, не оставить ее безъ вниманія и не позволить ей прыгать передъ нимъ взадъ и впередъ, а если голоденъ, то начинаетъ охоту, схватываетъ и съѣдаетъ ее; если же кромѣ того позаботятся также о водѣ для питья и купанья и надлежащимъ образомъ устроить помѣщеніе, то онъ очень хорошо чувствуетъ себя въ клѣткѣ. Сначала онъ докучливымъ образомъ пользуется своимъ оборонительнымъ средствомъ и опоражниваетъ свои вонючія железы чаще, чѣмъ это можетъ нравиться; но понемногу онъ отучается отъ такой невѣжливости и съ теченіемъ времени можетъ стать дѣйствительно ручнымъ. Стерки пишетъ мнѣ, что держалъ нѣсколько ужей, которые такъ мало стремились къ свободѣ, что онъ могъ выносить ихъ и по цѣлымъ часамъ оставлять въ травѣ, предоставляя самимъ себѣ, причемъ они не пытались бѣжать. Я самъ студентомъ держалъ нѣсколько ужей, которые слѣдовали за мною по всей комнатѣ, когда я держалъ передъ ними пищу. Такъ какъ ужъ кусаетъ лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, то его можно беззаботно поручать попеченію дѣтей, любящихъ животныхъ, и онъ всегда доставляетъ имъ большое удовольствіе. Мнѣ извѣстны случаи, когда ужи, которые вовсе не пользовались особой заботливостью, выдерживали въ неволѣ три года и болѣе.

О врагахъ ужа мнѣ не зачѣмъ распространяться послѣ того, что уже сказано, но тѣмъ не менѣе я хочу еще разъ просить для нихъ о пощадѣ. За самого ужа я не стану вступаться, такъ какъ считаю его скорѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ животнымъ. Не говоря уже объ истребленіи рыбы, которое можетъ дѣйствительно становиться ощутительнымъ тамъ, гдѣ существуютъ рыбоводные пруды, онъ питается, какъ мы слышали, только животными, которыя безспорно приносятъ намъ пользу, истребляя вредныхъ улитокъ и насѣкомыхъ. Тѣмъ не менѣе и я, подобно Линку, предлагаю «не только любителю природы, но и каждому другу разумаго воспитанія, рядомъ съ комнатными птицами и тому подобнымъ, дать мѣсто около себя и пресмыкающимся, а прежде всего ужу». Я согласенъ съ упомянутымъ любителемъ змѣй, что это рѣшительно способствуетъ развитію народа и ослабляетъ суевѣріе, такъ какъ заблужденіе очевидно уничтожается, когда людямъ дается возможность наглядно убѣдиться въ безвредности животнаго.

* *
*

Произведенныя моимъ братомъ Рейнгольдомъ въ Испаніи прекрасныя наблюденія надъ ловлей рыбы водными ужами даютъ мнѣ поводъ говорить еще о двухъ, въ большомъ числѣ живущихъ въ Европѣ видахъ этого рода, которыхъ часто смѣшиваютъ,—клѣтчатымъ ужѣ и гадюковымъ ужѣ.

Клѣтчатый ужъ (*Tropidonotus tessellatus*, *Coluber hydrus*, *ponticus*, *scutatus*, *griseus*, *reticulatus*, *elaphoides*, *Tropidonotus scutatus*, *reticulatus*, *gracilis*. Würfelnatter. Cou'euvre quadrillée) по величинѣ и формѣ близокъ къ обыкновенному ужу, но отличается отъ него не только числомъ верхнегубныхъ и предглазныхъ щитковъ, но также формою головы и рисункомъ. Число верхнегубныхъ щитковъ

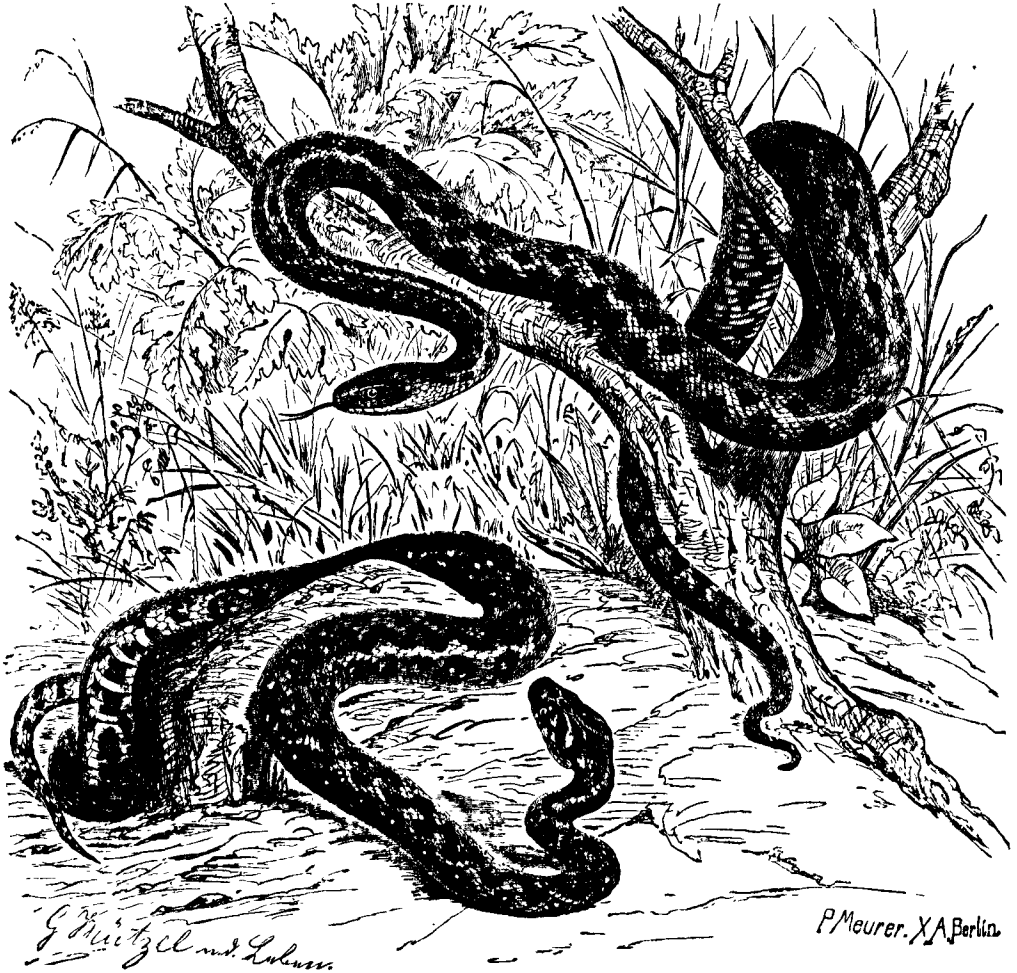
равняется въ среднемъ 8, въ очень рѣдкихъ случаяхъ 7 или 9, число предглаз-ныхъ колеблется между 2 и 3, число заглазныхъ между 3 и 5. Голова уже и болѣе вытянута, по сторонамъ падаетъ менѣе круто, чѣмъ у обыкновеннаго ужа, такъ что глаза, а также и ноздри, занимаютъ болѣе косвенное положеніе и направлены не просто кнаружи, какъ у того, а въ то же время и нѣсколько кверху. Его килеватая чешуйки расположены 19 продольными рядами. Болѣе свѣтлый или болѣе темный оливково-сѣрый цвѣтъ, часто съ мелкимъ желтовато-сѣрымъ от-тѣнкомъ, составляетъ фонъ. Голова одноцвѣтна, только желтоватые верхнегубные щитки почти всѣ безъ исключенія имѣютъ то болѣе широкій, то болѣе узкій черный край. Пять продольныхъ рядовъ черныхъ, по большей части четырехугольныхъ, рѣдко округленныхъ пятенъ составляютъ рисунокъ тѣла и чередуются между собою въ шахматномъ порядкѣ. Пятна могутъ различнымъ образомъ варьировать въ формѣ, даже совершенно исчезать до незначительныхъ черныхъ черточекъ на концѣ чешуекъ, а также вмѣсто равномернаго чернаго цвѣта могутъ быть перерѣзаны болѣе свѣтлыми, оливково-сѣрыми линиями, которыя соотвѣтствуютъ кля-мъ чешуекъ. На нѣкоторыхъ экземплярахъ тотчасъ позади головы находится узкая черная поперечная полоска, которая составляется изъ двухъ косыхъ пят-ныхъ, сходящихся подъ острымъ угломъ, направленнымъ впередъ. Нижняя сто-рона, которая на бѣломъ, желтоватомъ или оранжевомъ фонѣ испещрена черными пятнами, представляетъ шахматное расположеніе пятенъ, но по большей части не совсѣмъ правильное, въ которомъ перевѣшиваетъ то свѣтлый, то темный цвѣтъ. Длина животнаго достигаетъ 1,2 м. при 5 см. въ поперечникѣ.

Относительно области распространенія клѣтчатаго ужа лишь въ новѣйшее время собраны достаточныя наблюденія. Онъ тоже принадлежитъ къ числу ши-роко распространенныхъ змѣй и, какъ говоритъ Штраухъ, сопровождаетъ обык-новеннаго ужа въ большей части области его распространенія, но онъ чаще встрѣчается въ южныхъ и восточныхъ частяхъ Европы и не переходитъ на сѣ-веръ за среднюю Европу; даже здѣсь встрѣчается лишь мѣстами и вообще не часто. Во всѣхъ странахъ южной Европы, лежащихъ къ западу отъ Германіи и Италіи, его часто смѣшивали съ встрѣчающимся здѣсь рядомъ съ нимъ радио-ковымъ ужомъ. Въ Германіи онъ съ увѣренностью найденъ впервые Гейденомъ около Эмса и замѣченъ, какъ змѣя, не рѣдкая около теплыхъ ключей долины Лана и въ сточныхъ рвахъ купаленъ; позднѣе его нашли Кирибаумъ и Штоль въверхъ по Рейну отъ устья Лана до области Наа, гдѣ, какъ уже было установлено Гей-зенгейнеромъ, эта змѣя встрѣчается часто. Совершенно недавно Нолль получилъ клѣтчатаго ужа изъ трехъ мѣстъ въ долинѣ Мозеля. Но, повидимому, клѣтчатый ужъ ограничивается въ нашемъ отечествѣ приведенными мѣстностями, между тѣмъ какъ въ сосѣдней Швейцаріи, средней Франціи и Австро-Венгріи онъ встрѣ-чается уже въ гораздо большемъ числѣ. За исключеніемъ острововъ, онъ насе-ляетъ всю Италію, гдѣ онъ особенно распространенъ по всему сѣверу и по во-сточному берегу полуострова и отсюда область его простирается на востокъ по Далмаціи, Албаніи, Турціи и Греціи съ ея островами почти непрерывно до Ма-лой Азіи, Сири, Кавказу и частей Россіи и Персіи, прилегающихъ къ Черному, Азовскому и Каспійскому морьямъ. Такимъ образомъ отечество его простирается отъ западныхъ гористыхъ и холмистыхъ странъ Франціи до Алтайскихъ горъ и отъ 50 градуса сѣверной широты до Средиземнаго моря.

Около Лана клѣтчатыхъ ужей, по словамъ Фогельсбергера, весною часто встрѣ-чаютъ парами подъ камнями, лѣтомъ ихъ находятъ много въ водѣ, гдѣ они тоже охотно располагаются подъ камнями; напротивъ, поздней осенью и ранней весною

кльчатый ужъ попадаетъ болѣе въ горахъ, куда онъ удаляется и гдѣ его можно видѣть въ солнечные дни лежащимъ на мшистыхъ мѣстахъ; Гейзенгейнеръ видѣлъ его мѣстами около рѣки Наа, а особенно часто въ самомъ Крейцнахѣ. Здѣсь рѣка расширяется противъ сада при минеральныхъ водахъ и при низкомъ уровнѣ воды выступаютъ мелкіе острова, между тѣмъ какъ на лѣвомъ берегу остаются еще лужи стоячей воды. Эта часть рѣки представляетъ самое удобное мѣсто для того, чтобы наблюдать эту змѣю. Въ лужахъ ее по большей части приходится ви-

Кльчатый ужъ. *Tropidonotus tessellatus*, и Гадюковый ужъ. *Tropidonotus viperinus*. $\frac{2}{3}$ наст. в.

дѣтъ лежащей на камняхъ подъ поверхностью воды, и отсюда то она предпринимаетъ экскурсіи къ ближнимъ горамъ. Какъ обыкновенна она должна здѣсь быть, видно изъ того, что Гейзенгейнеръ въ одно утро могъ найти пять экземпляровъ съ разбитыми головами. Въ Далмаціи клѣчатый ужъ, по наблюденіямъ Эрбера, живетъ главнымъ образомъ на берегу моря, такъ какъ онъ занимается охотой на рыбу и въ соленой водѣ. По Фогельсбергеру онъ прячетъ яйца на сыромъ берегу; Гейзенгейнеръ получалъ ихъ семь штукъ величиною съ яйца обыкновеннаго ужа, но они не были прикрѣплены одно къ другому въ видѣ четоковъ, а сложены въ комокъ и найдены въ навозѣ. Яйца откладываются въ юльѣ.

Гейзенгейнеръ недавно очень внимательно изучилъ распространеніе и образъ жизни этой змѣи. По его описаніямъ, клѣтчатыя ужъ охотно держатся въ Наа особенно на такихъ мѣстахъ, гдѣ въ руслѣ рѣки еще и въ настоящее время выходятъ теплые ключи; онъ подтверждаетъ слѣдовательно указанія Гейдена, который впервые нашелъ клѣтчатаго ужа 70 лѣтъ тому назадъ при подобныхъ обстоятельствахъ въ Ланѣ около Эмса. «Въ солнечные лѣтніе дни», рассказываетъ Гейзенгейнеръ, «клѣтчатаго ужа можно часто наблюдать около ключа Элизабетквелле въ Крейцнахѣ во время наибольшей жары, слѣдовательно между 10 и 3 часами. Иногда змѣя лежитъ, вытянувшись во всю длину или свернувъ заднюю половину тѣла, на непокрытомъ водою камнѣ плотины, но чаще она лежитъ неподвижно подъ водою, свернувшись или извившись, иногда отчасти подъ камнемъ. Неподвижность эта лишь кажущаяся: клѣтчатыя ужъ подстерегаютъ добычу. Горе рыбкѣ, которая проплываетъ мимо него на такомъ разстояніи, что онъ можетъ достать до нея! Съ быстротою молніи она схвачена и обречена на вѣрную смерть. Только однажды я видѣлъ, что ужъ преслѣдовалъ намѣченную добычу. Въ тѣхъ случаяхъ, которые я наблюдалъ, ужъ схватывалъ рыбу за середину брюшной стороны, между тѣмъ какъ, по словамъ Лейдига, ужъ хватается съ головы. Змѣя плыветъ затѣмъ, крѣпко держа добычу, къ берегу, ложится приблизительно передней третью на сушу и до тѣхъ поръ подбрасываетъ рыбу въ сторону, пока ей не удастся схватить ее за голову; лишь затѣмъ начинается глотаніе. Если хочешь наблюдать это, то надо быть крайне осторожнымъ; при малѣйшемъ шумѣ ужъ выпускаетъ добычу и уплываетъ. Если его поймать послѣ ѣды, то онъ отрыгаетъ рыбу обратно, нѣсколько разъ сряду широко раскрывая пасть, и выплевываетъ ее.

«Въ поздніе послѣобѣденныя часы я видѣлъ однако, что клѣтчатыя ужъ поступалъ и иначе для того, чтобы поймать добычу: онъ не находился въ засадѣ, а отыскивалъ добычу. Очень медленно и осторожно онъ засовываетъ тогда голову подъ каждый камень, проплываетъ нѣкоторое разстояніе, вдругъ останавливается и остается, какъ бы окаменѣвъ, въ томъ самомъ положеніи, которое имѣлъ, когда плылъ (онъ какъ бы прислушивается!), затѣмъ продолжаетъ поиски подъ камнями, пока не добудетъ одну изъ рыбъ, которыя прячутся подъ ними, напр. пескороя или бычка». Этому же автору рассказывали, что клѣтчатыя ужы проплывали порядочныя разстоянія по поверхности воды, не двигаясь сами. При этомъ они совершенно вытягиваются, держать тѣло подъ самой поверхностью, а голову и хвостъ высовываютъ изъ воды.

По наблюденіямъ Эрбера, клѣтчатыя ужъ обнаруживаетъ настолько сильное любопытство, что, благодаря этому, его легко поймать, несмотря на его чрезвычайное проворство. Даже въ клѣткѣ онъ старается еще изслѣдовать все, что его беспокоитъ и безъ страха всползаетъ на протянутую къ нему руку. Болѣе старые экземпляры, которыхъ держалъ въ неволѣ Гейзенгейнеръ, шипѣли очень сильно, когда ихъ сажали въ клѣтку, тотчасъ начинали, продолжая шипѣть, рядъ отчаянныхъ попытокъ освободиться, и хотя скоро оставляли ихъ, но лишь затѣмъ, чтобы возобновить ихъ къ вечеру. Какъ я могу утверждать на основаніи собственныхъ наблюденій, они тоже скоро привыкаютъ къ неволѣ и, если имъ доставлять въ достаточномъ количествѣ ихъ любимую пищу, рыбъ и тритоновъ, то они, повидному, наконецъ совершенно примиряются съ потерей свободы. Я держалъ ихъ много, нѣкоторыхъ болѣе года, и потому совершенно не могу согласиться съ мнѣніемъ другихъ наблюдателей, будто бы клѣтчатыя и гадюковые ужы легко гибнутъ.

Гадюковый ужь (*Tropidonotus viperinus*, *Natrix viperina*, *ocellata* и *chersoides*, *Coluber viperinus*, *naticula* и *chersoides*. Vipernatter. Couleuvre viperine) отличается от предыдущаго, какъ и отъ обыкновеннаго ужа, чешуйками тѣла, расположенными всегда въ 21 продольный рядъ и двумя, рѣже однимъ предглазнымъ щиткомъ и двумя заглазными. Съ обыкновеннымъ ужомъ у него общее число верхнегубныхъ щитковъ, именно 7, изъ которыхъ, какъ и у того, третій и четвертый входятъ въ составъ щитковъ, окружающихъ глазъ. Длина его отъ 60 до 90 см.; очень рѣдко она превышаетъ 1 м. Цвѣтъ верхней стороны темно-сѣрый, болѣе или менѣе переходящій въ желтоватый или бурый; на немъ рѣзко выдѣляется черно-бурый рисунокъ. Послѣдній начинается двумя темными, ромбическими пятнами на головѣ, продолжается въ видѣ зигзагообразной полосы вдоль всей спины, распадается у нѣкоторыхъ экземпляровъ на задней половинѣ спины, а у всѣхъ на концѣ хвоста на отдѣльные пятна и быстро суживается здѣсь. По обѣимъ сторонамъ этого рисунка, который придаетъ гадюковому ужю сходство съ гадюкой, могущее часто ввести въ заблужденіе, пробѣгаютъ на приблизительно равныхъ разстояніяхъ круглыя глазчатыя пятна темнаго цвѣта, заключающія по маленькому бѣлому или желтовато-бѣлому глазку; иногда эти пятна сливаются между собою, принимая видъ цифры 8. Нижняя сторона желтая, къ серединѣ брюха темно-желтая, далѣе къ заду поочередно покрыта красно-желтыми пятнами и черными четырехугольниками; нижняя челюсть желтовато-бѣлая.

Что касается распространенія гадюковаго ужа, то онъ смѣняется на западѣ клѣтчатаго ужа. Онъ живетъ на Сициліи и Сардиніи и въ сѣверозападной части Аппенинскаго полуострова, слѣдовательно въ Лигуріи и Пьемонтѣ, касается въ отдѣльныхъ пунктахъ южной Швейцаріи, встрѣчается вдоль всего южнаго берега Франціи и въ частяхъ этой страны, лежащихъ къ югу отъ Гаронны, наконецъ почти во всей Испаніи и Португаліи и на Балеарскихъ островахъ. Въ сѣверозападной Африкѣ онъ особенно обыкновененъ и живетъ во всѣхъ водахъ Марокко, Алжира и Туниса, гдѣ достигаетъ особенно большой величины. При изслѣдованіи одного гадюковаго ужа мы увидѣли, какъ изъ его глотки выползла жаба и поползла прочь, хотя одна задняя лапа ея была уже переварена и ея, конечно, не было.

«Гадюковый ужь» говоритъ мой братъ Рейнгольдъ, «живетъ по близости дворца Эскуріаль у большихъ прудовъ и населяетъ здѣсь растрескавшіеся камни, и трещины стѣнъ искусно построенныхъ, но нѣсколько заброшенныхъ плотинъ и острововъ. При одномъ изъ большихъ прудовъ ихъ поселились цѣлыя сотни: обойдя одинъ только разъ вокругъ острова величиною около 10 м., въ квадратѣ, которымъ я обыкновенно пользуюсь для того, чтобы подстергать утокъ, я могъ насчитать около 60 штукъ, которыя скрывались отъ меня въ свои жилища или бросались въ воду. Эти змѣи преслѣдуютъ лягушекъ лишь между прочимъ, а главнымъ образомъ охотятся за рыбами и производятъ среди нихъ значительныя опустошенія. Чтобы ловить рыбъ, онѣ пересѣкаютъ прудъ во всѣхъ направленіяхъ, извиваясь на глубинѣ отъ 30 см. до 1 м. подъ поверхностью и поднимая отъ времени до времени свою головку надъ водою; онѣ усердно охотятся за своей добычею и преслѣдуютъ ее долгое время. Я часто наблюдалъ другой способъ, которымъ онѣ ловятъ рыбу; онъ заключается въ томъ, что онѣ или ложатся на камни подъ водою или становятся въ водѣ косвенно, такъ что голова находится на 10 см. и болѣе подъ поверхностью воды, а хвостъ иногда касается дна, тѣло же поддерживается въ своемъ положеніи съ помощью изгибанія. Изъ этого положенія ужи съ быстротою стрѣлы бросаются впередъ, если мимо проплываютъ

рыбки, и почти всегда схватываютъ нахѣченную добычу. Обыкновенно они схватываютъ рыбу за брюхо, поднимаютъ надъ поверхностью воды и плывутъ къ берегу или острову, чтобы здѣсь съѣсть добычу. Изъ своей засады я часто видѣлъ, какъ нѣсколько ужей одновременно подплывали комѣ; у всѣхъ рыба была схвачена поперекъ серебристаго брюха, и они держали ее внѣ воды. Когда я въ первый разъ увидѣлъ змѣю, приближавшуюся ко мнѣ со своею добычей, то я не зналъ, что это за животное; я видѣлъ только широкой блестящей предметъ, который быстро двигался въ водѣ, и только охотничья зрительная труба разъяснила мнѣ, въ чемъ дѣло. Вовсе нерѣдко въ узкихъ протокахъ и такихъ мѣстахъ, гдѣ плавало много рыбы, я видѣлъ по 6—8 гадюковыхъ ужей, мирно стоявшихъ въ водѣ рядомъ, ожидая рыбу, между тѣмъ какъ другіе спокойно лежали у берега на камняхъ, находившихся подъ поверхностью воды, очевидно не мѣшая остальнымъ. Что они въ случаѣ нужды ловятъ и лягушекъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію; еще вчера я поймалъ одного, который на моихъ глазахъ схватилъ и проглотилъ лягушку; но во всякомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ здѣсь, рыбы составляютъ главную пищу этого вида и поэтому его должно причислять къ безусловно вреднымъ животнымъ». По Вернеру, онъ, кромѣ рыбъ, ѣстъ особенно охотно также квакшъ, жабъ и тритоновъ. Онъ линяетъ по крайней мѣрѣ четыре раза въ годъ.

* *
* *

У рода **Косоглазыхъ змѣй** (*Helicops*, *Scheelzugenschlangen*) тѣло довольно короткое и толстое, хвостъ умѣренной длины и заостренъ, голова широкая и сплюснутая сверху внизъ, слегка отдѣленная отъ шеи, глаза малы, далеко отодвинуты вверхъ, съ круглымъ зрачкомъ, каждая изъ ноздрей открывается кверху въ большемъ, неправильно четырехугольномъ, до половины раздѣленномъ щиткѣ; они часто такъ малы, что кажутся лишь точками; морда круто закруглена. Тѣло покрыто 19—23 рядами килеватыхъ чешуекъ, не имѣющихъ концевыхъ поръ. Покровъ верхней стороны головы состоитъ, кромѣ уже описанныхъ носовыхъ щитковъ, изъ одного широкаго, трехугольнаго передняго лицевого щитка, одного простаго, лежащаго между носовыми, пятиугольнаго передняго и двухъ короткихъ широкихъ пятиугольныхъ заднихъ лобныхъ щитковъ, одного шестиугольнаго темяннаго и двухъ надглазныхъ и затылочныхъ щитковъ, всего слѣдовательно изъ одиннадцати щитковъ.

Задніе зубы верхней челюсти, которыхъ всего можно насчитать около 20, больше перелныхъ, но безъ слѣдовъ бороздки; нижнечелюстные зубы одинаковой величины спереди и назадъ, брюшные щиты по бокамъ закруглены, хвостовые расположены въ два ряда.

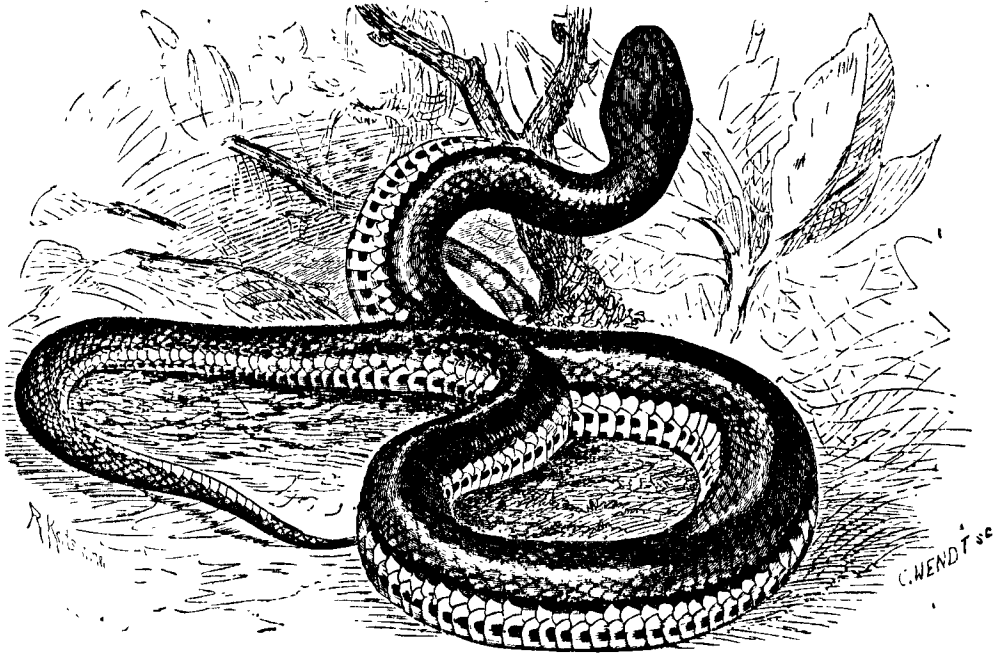
Всѣ виды этого рода, за исключеніемъ одного, встрѣчающагося въ Индіи и на Цейлонѣ, водятся въ тропической Америкѣ, живутъ, подобно нашимъ воднымъ ужамъ, въ рѣкахъ и болотахъ и питаются земноводными и рыбами.

Сюда принадлежитъ **Черноглазикъ** (*Helicops carinicaudus*, *infrataeniatus*, *trivittatus*, *baliogaster*, *Coluber*, *Homalopsis carinicaudus*, *Keilschwanznatter*, *Coeluvge à carène*), змѣя длиною около 1 м., имѣющая 8 верхнегубныхъ щитковъ, 2 заглазныхъ и 19 рядовъ чешуекъ. Сверху черноглазикъ на грязно-сѣромъ фонѣ разрисованъ тремя продольными толще темными полосками, снизу на желтомъ фонѣ рядами правильно расположенныхъ четырехугольныхъ черныхъ пятенъ; на каждомъ брюшномъ щиткѣ находятся три такихъ пятна, изъ которыхъ среднее обыкновенно самое малое; въ области шеи и на хвостѣ среднее пятно исчезаетъ, по-

чему здѣсь видны лишь два ряда. Иногда на брюшной сторонѣ вмѣсто пятенъ находятся три широкихъ темныхъ продольныхъ полосы.

Отечество этой змѣи составляетъ восточная Бразилія, отъ сѣверовосточной границы ея на югъ до Рио Гранде до Суль, гдѣ, какъ и въ провинции Санто Пауло, этотъ видъ, говорятъ, очень обыкновененъ, и Уругвай до устья Ла-Платы.

Принцъ фонъ Видъ, который впервые описалъ черноглазика, говоритъ, что добылъ лишь одинъ экземпляръ, именно у рѣки Итапемиримъ, а потому не можетъ ничего рассказать относительно образа жизни его; отъ другихъ изслѣдователей мы узнаемъ, что онъ и его родичи ведутъ образъ жизни водныхъ ужей, подобно имъ живутъ главнымъ образомъ въ сырыхъ мѣстностяхъ или даже въ рѣкахъ и пре-

Черноглазикъ. *Helicops carinicaudus*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

слѣдуютъ здѣсь рыбъ и лягушекъ. Шомбургкъ видѣлъ, какъ змѣя одного изъ ближайшихъ видовъ пыталась проглотить въ неглубокомъ мѣстѣ рыбу, которая была слишкомъ велика для нея, и легко поймалъ животное, ставшее безпомощнымъ, благодаря этой трудной работѣ. Гензель, который тоже наблюдалъ черноглазиковъ, называетъ ихъ настоящими водяными змѣями, которыхъ никогда не находишь на берегу, а всегда въ тихихъ заливахъ. Здѣсь они движутся около берега на мелкихъ мѣстахъ, между водяными растениями, и ловятъ рыбъ. Если ихъ преслѣдуютъ, то они тотчасъ ныряютъ и стараются спрятаться на днѣ, но никогда не спасаются на сушу. Они рожаютъ, подобно всемъ извѣстнымъ видамъ того же рода, живыхъ дѣтенышей.

Къ подсемейству настоящихъ ужей примыкаетъ второе подсемейство, **Акрохордовые** (*Acrochordinae*, *Wargenschlangen*). Они тоже принадлежатъ къ гладкозубымъ змѣямъ, но по строенію тѣла и образу жизни должны быть причислены къ воднымъ животнымъ. Они отличаются зернистыми чешуйками, которыя не при-

крываютъ другъ друга, и тою особенностью въ строеніи черепа, что ихъ задне-лобная кость вытянута надъ надглазничной областью.

Эту группу составляютъ пять родовъ съ очень немногими видами; изъ нихъ три обладаютъ явственно развитыми брюшными щитками, которыхъ нѣтъ у остальныхъ. У нѣкоторыхъ видовъ верхняя сторона головы покрыта обыкновенными большими щитками, у другихъ на головѣ лишь такія же чешуйки, какія одѣваютъ также тѣло и хвостъ. Довольно длинное тѣло вальковатое или слегка сжато съ боковъ, хвостъ часто превращенъ въ хватательный, голова не отдѣлена или мало отдѣлена отъ шеи, глаза съ круглымъ или вертикально яйцевиднымъ зрачкомъ, носовая полость, отверстія которой сближены между собою, лежить на кончикѣ морды. Мелкія, похожія на бородавки, килеватыя, бугорчатыя или иглистыя, неприкрывающія другъ друга чешуйки одѣваютъ тѣло. Короткіе, но крѣпкіе зубы, почти одинаковой величины, стоятъ въ челюстахъ и на ребѣ.

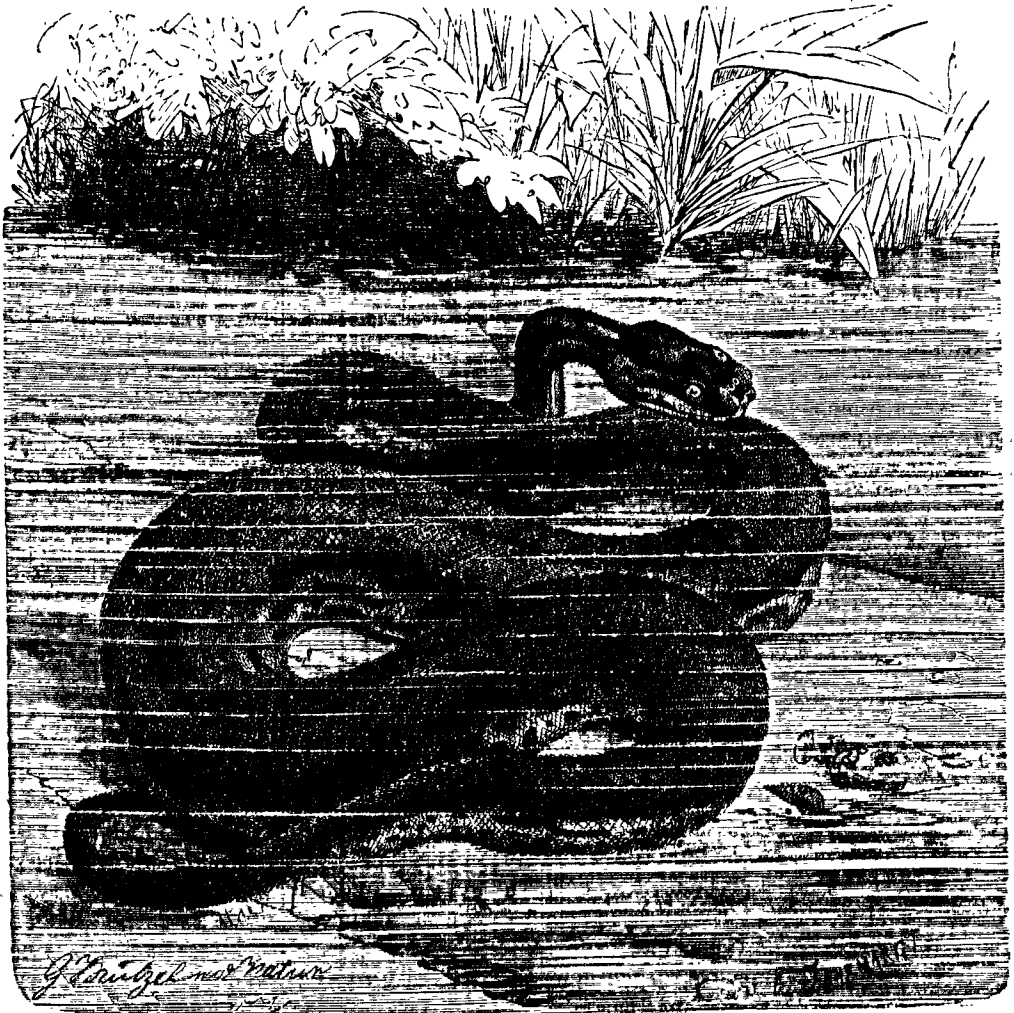
Распространеніе акрохордовыхъ тоже очень своеобразно. Они населяютъ, по видимому не въ большомъ числѣ, рѣки и морскіе берега Индіи и всѣ острова сосѣдняго архипелага, отъ восточнаго берега южной Индіи и Малайскаго полуострова до Филиппинскихъ острововъ и Новой Гвиней, проводятъ жизнь исключительно въ водѣ и наблюдаются иногда въ морѣ на разстояніи 3—4 морскихъ миль отъ берега. Но одинъ родъ живетъ далеко отъ другихъ, въ восточной части Панамскаго перешейка. Пища ихъ состоитъ преимущественно изъ рыбъ, которыхъ они, по видимому, ловятъ въ водѣ на всякой глубинѣ. Они могутъ по цѣлымъ часамъ оставаться подъ водою, не поднимаясь на поверхность, чтобы дышать, и, вѣроятно, никогда не оставляютъ воду добровольно. По движеніямъ и характеру они чрезвычайно сходны съ морскими змѣями, но существенно отличаются отъ нихъ своей безвредностью. Хотя ихъ и подозрѣвали многократно, но они совершенно неядовиты, но не особенно и добродушны. Всѣ виды рождаютъ живыхъ дѣтенышей.

* *
*

Тотъ видъ этого подсемейства, который служитъ типомъ его и отъ котораго все подсемейство получило свое названіе, **Акрохордъ**, (*Acrochordus javanicus*. Wagzenschlange. *Acrochorde de Java*), представитель рода того же имени, отличается отъ родственнаго ему вида тѣмъ, что слегка сжатая задняя часть его тѣла не имѣетъ кожистой складки вдоль средней линіи и что на его верхней и нижней челюсти находится по ряду явственныхъ, если и не очень большихъ, губныхъ щитковъ. Каждая чешуйка его на кожного покрова поднимается посрединѣ въ видѣ большого трехсторонняго иглистаго кила, который заостряется въ видѣ шипа; на многихъ чешуйкахъ къ нему присоединяется еще пара болѣе мелкихъ шиповъ. Голова коротка и широка, главнымъ образомъ вслѣдствіе необыкновенно укороченной морды; глаза направлены впередъ, ноздри лежатъ близко одна около другой и каждая лежитъ посрединѣ маленькаго округленнаго щитка на верхней сторонѣ морды; ротовая щель умѣренная, верхняя челюсть округленная, спереди имѣетъ посрединѣ четырехугольную выемку, которая принимаетъ въ себя соответственный выступъ нижней челюсти. Хвостъ коротокъ и превращенъ въ органъ хватанія. Въ верхней челюсти 17, въ нижней 18—22 зуба, которые спереди назадъ нѣсколько уменьшаются. Равномѣрно бурый, переходящій на бокахъ въ желтоватый цвѣтъ, составляетъ основную окраску старыхъ акрохордовъ; напротивъ, у молодыхъ на буромъ фонѣ находятся большія, неправильныя, болѣе темныя продольныя пятна, которыя явственно выдѣляются на желтомъ брюхѣ, но съ возрастомъ становятся болѣе и

болѣе неясными и наконецъ совершенно исчезаютъ. Взрослые экземпляры достигаютъ въ длину 2,30 м., и, вѣроятно, могутъ быть еще значительно больше.

Быть можетъ акрохордь ускользаетъ отъ наблюденія, но даже тамъ, гдѣ онъ постоянно живетъ, онъ попадается лишь рѣдко. Въ этомъ малайцы Пинанга убѣрили опытнаго изслѣдователя Кантора, и въ томъ же самомъ убѣдился Монгомери, который въ теченіи 20-лѣтняго пребыванія въ Сингапурѣ могъ только

Акрохордь. *Acrochordus javanicus*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

одинъ разъ наблюдать одну изъ этихъ змій. Она известна на Явѣ, Борнео, Суматрѣ, Малайскомъ полуостровѣ и въ Кохинхинѣ. Канторъ сравниваетъ морду акрохорда съ мордою чистокровнаго бульдога; онъ убѣдился, что и характеръ его соответствуетъ этому выраженію. Коль скоро его тронуть, онъ пытается укусить, но такъ какъ его зрачекъ очень сильно сжимается при яркомъ дневномъ свѣтѣ, то онъ обыкновенно промахивается и не попадаетъ въ намѣченный предметъ. Добровольно онъ никогда не оставляетъ воды; тѣмъ не менѣе онъ способенъ безъ особеннаго затрудненія двигаться на сушѣ, хотя лишь медленно. Пища его состоитъ

изъ рыбъ и лягушекъ. Одна самка, которую Канторъ получилъ живую, скоро послѣ того, какъ онъ положилъ ее на землю, стала особеннымъ образомъ двигать задними ребрами и въ теченіи 25 минутъ родила 27 дѣтенышей, которые, за исключеніемъ двухъ, являлись на свѣтъ годовой впередъ и въ среднемъ имѣли въ длину 45 см. Они обнаруживали чрезвычайную живость и тотчасъ пускали въ дѣло свои вполне развитые зубы, яростно кусая вокругъ себя. Скоро послѣ рожденія отпали яйцевыя оболочки большими кусками, какъ это бываетъ и у другихъ новорожденныхъ водяныхъ змѣй. Въ водѣ дѣтеныши, повидимому, чувствовали себя сначала неприятно, но крайней мѣрѣ они ревностно стремились выбраться на сушу.

Въ Кохинхинѣ, по Тирану, ѣдятъ мясо этихъ змѣй. Кнееландъ поймалъ нѣсколько экземпляровъ близкаго вида (*Chersydrus granulatus*) въ Манильской бухтѣ на донныя удочки. Пойманныя животныя выдержали подъ водою цѣлую ночь, не имѣя возможности добыть свѣжаго воздуха для дыханія, и тѣмъ не менѣе остались живы.

Вторая группа ужей снабжена бороздчатыми зубами. Всѣ относящіяся сюда роды имѣютъ ту общую черту, что задніе зубы верхней челюсти превращены въ органы, служащіе для ловли добычи; они больше и крѣпче верхнечелюстныхъ зубовъ, сидящихъ передъ ними, и имѣютъ вдоль передней стороны глубокую, желобобразную бороздку. Всѣхъ ихъ можно поэтому назвать подозрительными и относительно нѣкоторыхъ въ настоящее время собраны уже путемъ опытовъ надежныя доказательства того, что ихъ укушеніе оказываетъ въ нѣсколько минутъ смертельное дѣйствіе на позвоночныхъ всѣхъ классовъ. Эти **Бороздчатоzubыя** (*Ophithoglypha. Furchenzähler*) въ свою очередь могутъ быть раздѣлены на два подсемейства, **Ложныхъ ужей** (*Dipsadinae. Trugnattern*) и **Водяныхъ ложныхъ ужей** (*Notalopsinae. Wassertrugnattern*), которые по образу жизни точно соответствуютъ обоимъ вышеописаннымъ подсемействамъ; настоящихъ ужей и акрохордовыхъ. Подобно имъ, первые живутъ главнымъ образомъ на сушѣ, послѣдніе почти исключительно или постоянно въ водѣ.

Если бы мы захотѣли дать общее описаніе крайне разнообразнаго внѣшняго вида и образа жизни **Ложныхъ ужей** (*Dipsadinae. Trugnattern*), то оно было бы очень коротко, такъ какъ кромѣ столь замѣчательнаго строенія зубовъ, имъ свойственъ собственно еще лишь тотъ признакъ, что ихъ ноздри всегда расположены по сторонамъ морды и никогда не бывають передвинуты на верхнюю сторону головы. Кромѣ того многіе принадлежащіе сюда роды снабжены вертикальнымъ зрачкомъ, указывающимъ на ночной образъ жизни. Ложные ужи живутъ на землѣ, на кустахъ или деревьяхъ; многочисленныя роды ихъ тоже распространены по всѣмъ частямъ свѣта, но ни одинъ изъ нихъ не водится въ Германіи.

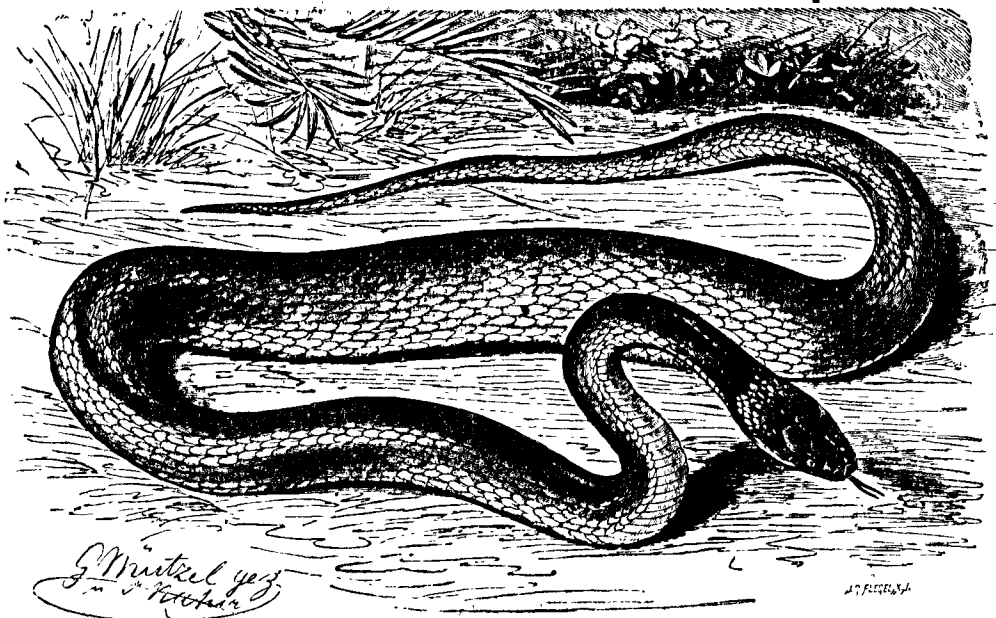
Одно мало понятное для насъ имя, которымъ Плиніи обозначаетъ какую то змѣю, было позднѣе дано одному южноамериканскому виду этого семейства. Мы назовемъ этихъ змѣй **Лунатиками** (*Scytale*); нѣмецкія названія ихъ: *Mondschlangen* (лунныя змѣи) и *Bleichschlangen* (блѣдныя змѣи), соответствуютъ названіямъ, даннымъ бразильцами.

Лунатики имѣютъ умѣренно тонкое, нѣсколько сжатое тѣло, плоскую, мало отдѣленную отъ шеи, сзади расширенную, впереди заостренную голову съ закруг-

леннымъ кончикомъ морды, верхняя челюсть которой сильно выступаетъ надъ нижней и косо усѣчена по направлению вверхъ, начиная отъ края верхней губы. Кромѣ того они отличаются гладкими чешуйками, простымъ заднепроходнымъ щиткомъ и тѣмъ, что ихъ нижніе хвостовые щитки образуютъ лишь одинъ рядъ. Зрачекъ глаза вертикальный. Немногочисленные извѣстные виды живутъ въ Южной Америкѣ.

Наиболѣе извѣстный представитель этого рода—упомянутый выше **Вѣнценосный лунатикъ** (*Scytale coronatum*, Boa и *Pseudoboa coronata*, *Natrix* и *Cloelia occipitalis*, *Lycodon cloelia*, *Mondschlange*, *Scytale couronné*). Длина его равна приблизительно 60 см. Главный признакъ вида тотъ, что на задней части тѣла или на первой трети хвоста чешуйки среднихъ рядовъ значительно увеличены. Основной цвѣтъ молодыхъ животныхъ однообразный блѣдно-красный, на которомъ рѣзко вы-

Вѣнценосный лунатикъ. *Scytale coronatum* 2/3 наст. вел.

ступаетъ почти яйцевидное, темно-буроватое пятно на задней части головы, такъ называемая корона; кромѣ того замѣчаются темно-бурое поперечное кольцо на шеѣ и далѣе назадъ еще нѣсколько мелкихъ, неправильно расположенныхъ пятнышекъ того же цвѣта. Однако цвѣтъ темнѣетъ съ возрастомъ болѣе и болѣе, пока на верхней сторонѣ не получитъ преобладанія черный цвѣтъ, а на нижней—бѣлый; въ то же время почти совершенно исчезаютъ и пятна. Вѣнценосный лунатикъ живетъ въ тропической части восточной Южной Америки, начиная отъ Гренады и Тринидада, въ Венесуэлѣ, Гвианѣ и Бразиліи на югъ приблизительно до тропика Козерога.

Объ образѣ жизни вѣнценоснаго лунатика, насколько мнѣ извѣстно, рассказываетъ лишь Вухереръ. Принцъ фонъ Видъ добылъ его въ песчаныхъ мѣстностяхъ между рѣками Св. Матвѣя и Ріо Доце, но затѣмъ никогда не видалъ его болѣе. «Обыкновенный около Бахія вѣнценосный лунатикъ», говоритъ Вухереръ, «замѣчательнѣе тѣми перемѣнами, которымъ онъ подвергается съ возрастомъ».

Молодые змѣи этого вида блѣднаго гвоздично-краснаго цвѣта; напротивъ, старыя сверху почти равномѣрнаго чернаго цвѣта, снизу бѣлаго. Эта змѣя, подобно всѣмъ ея родичамъ, питается ящерицами. Я часто держалъ ее и одинъ сходный съ нею видъ въ неволѣ. Это на половину ночная змѣя, которая отыскиваетъ добычу, правда, не ночью, но и не раньше заката солнца, лишь въ сумерки. Пойманную ящерицу она не душитъ, если только жертва не сопротивляется ей. Принимая во вниманіе живучесть всѣхъ ящериць, я часто изумлялся, что ящерица, схваченная змѣей, хотя бы только за лапу, не оказываетъ ей никакого сопротивленія; она казалась обыкновенно совершенно ошеломленной. Если она бьется, то змѣя быстро обвивается разъ или два вокругъ ея тѣла и душитъ ее; если же она вовсе не сопротивляется, то змѣя развертывается и осторожно схватываетъ добычу за голову, чтобы проглотить ее. Дѣйствительно ли змѣи съ бороздчатыми зубами совершенно безвредны, по крайней мѣрѣ неядовиты для холодно-кровныхъ животныхъ?»

Мы упоминали уже, что въ настоящее время въ состояніи дать отвѣтъ на этотъ вопросъ превосходнаго наблюдателя. Да, бороздчатоозубыя змѣи ядовиты, но ихъ ядъ дѣйствуетъ смертельно лишь на болѣе мелкихъ животныхъ.

* *
* *

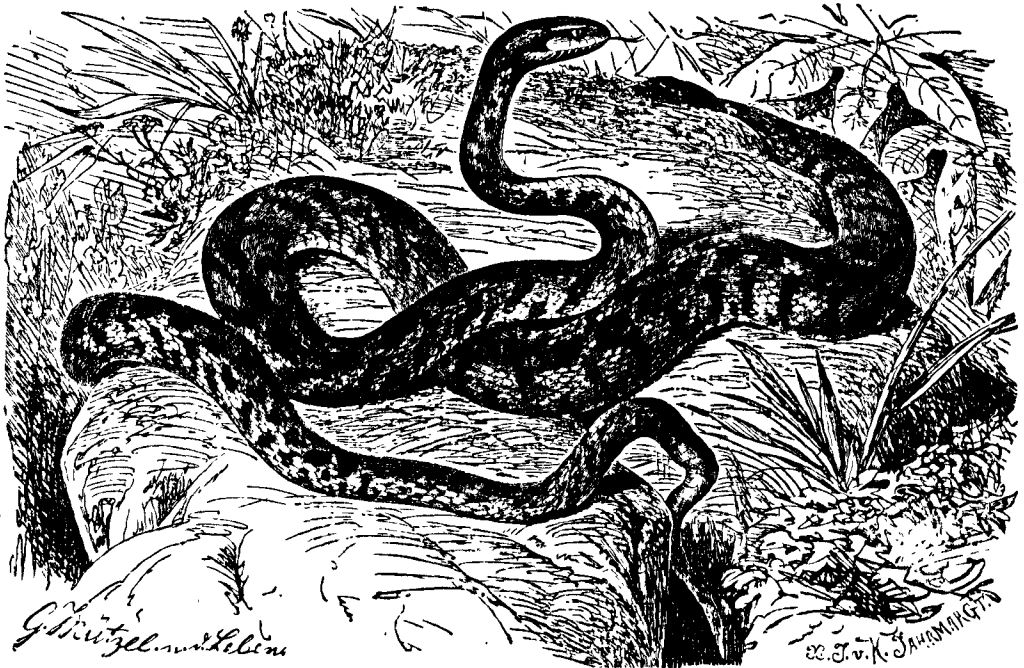
Одинъ изъ немногихъ европейскихъ видовъ бороздчатоозубыхъ, точнѣе ложныхъ ужей, Флейшманъ отдѣлилъ въ особый родъ *Кошачьихъ змѣй* (*Tarbophis*. *Katzenschlangen*). Тѣло ихъ веретенообразное, голова явственно отдѣлена, нѣсколько плоская, хвостъ относительно коротокъ. Маленькіе глаза съ щелевиднымъ зрачкомъ. вмѣсто нижняго предглазнаго щитка сильно вытянутый въ длину уздечный щитокъ достигаетъ глаза, такъ что верхній предглазный щитокъ отчасти окружаетъ его,—единственный случай такого строенія щитковъ у европейской змѣи. Передніе зубы нижней челюсти гораздо длиннѣе и болѣе загнуты, чѣмъ слѣдующіе за ними; задніе бороздчатые зубы въ верхнихъ челюстяхъ очень длинны и тоже сильно согнуты. Извѣстенъ лишь слѣдующій видъ.

Кошачья змѣя (*Tarbophis vivax*, *fallax*, *Coluber vivax*, *carneus*, *Dipsas fallax*, *Trigonophis iberus*, *Ailurophis*, *Tachymenis vivax*. *Katzenschlange*. *Couleuvre vivace*) легко отличима отъ всѣхъ европейскихъ змѣй по длинному уздечному щитку и щелевидному вертикальному зрачку; она разрисована на грязно-буровато-желтомъ или сѣромъ фонѣ крайне мелкими черными точками и кромѣ того на головныхъ щиткахъ каштаново-бурыми пятнами, на затылкѣ большимъ черно—или красно-бурымъ пятномъ, а на спинѣ рядами пятенъ того же цвѣта. Темная полоска пробѣгаетъ отъ глаза къ углу рта, рядъ мелкихъ пятенъ—вдоль каждой сторозы тѣла; нижнія части желтовато-бѣлаго цвѣта съ бурымъ мраморнымъ рисункомъ. Длина не превышаетъ 1,08 м., а по большей части значительно меньше.

Насколько извѣстно до настоящаго времени, область распространенія кошачьей змѣи простирается отъ Истріи до Апшеронскаго полуострова и отъ сѣверо-восточной окраины Африки до 45—46 градуса сѣверной широты. Она получена изъ Истріи, Далмаціи, Альбаніи, Турціи и Греціи, а также изъ Египта, Палестины, Малой Азіи, горныхъ странъ около Чернаго моря и, начиная отсюда, до Каспійскаго моря. Скалы, покрытыя камнями обрывы, освѣщаемые солнцемъ склоны и развалины служатъ мѣстопробываніемъ ея; но, по словамъ Флейшмана, она, повидимому, боится значительнаго жара и ощутительнаго холода, а потому выходитъ изъ своего убѣжища въ жаркіе мѣсяцы лишь въ утренніе и вечерніе часы. Дви-

женія ея живѣе, чѣмъ у гадюкъ, но медленнѣе и лѣнливѣе, чѣмъ у ужей. Флейшманъ говоритъ, что кромѣ ящерицъ она преслѣдуетъ и мелкихъ млекопитающихъ; Эрберъ убѣдился, что она исключительно довольствуется первыми; Дюмериль нашелъ въ желудкѣ одной изслѣдованной имъ кошачьей змѣи полуперевареннаго гекко.

Такъ какъ она очень кусается, то мѣстные жители часто смѣшиваютъ ее съ гадюкой, считаютъ очень ядовитой и преслѣдуютъ такъ ревностно, что она въ настоящее время стала уже въ Далмаціи довольно рѣдкой. Въ неволѣ она скоро привыкаетъ къ своему хозяину, принимается, не упрямясь, за пищу и потому выдерживается при надлежащемъ уходѣ нѣсколько лѣтъ. По своему поведенію она, какъ сообщаетъ мнѣ Эффельдтъ, представляетъ много сходства съ мѣдянкой. Она лазаетъ чрезвычайно ловко и держится на вѣтвяхъ, если разъ обвилась вокругъ нихъ, такъ

Кошачья змѣя. *Tarbophis vivax*. 1/2 наст. вел.

крѣпко, что ее едва можно отцѣпить, даже если ее дразнить и сердить. Добычу она убиваетъ, обвиваясь вокругъ нея, совершенно такъ же, какъ мѣдянка. Эрберъ наблюдалъ, что его плѣнники впадали въ зимній сонъ; этотъ фактъ заслуживаетъ упоминанія потому, что Кантрень видѣлъ еще въ декабрѣ одну изъ этихъ змѣй, которая ползала между развалинами одного заброшеннаго замка въ Далмаціи.

Эйффе наблюдалъ ядовитое дѣйствіе ея укушенія надъ одной горной ящерицей, которая была умерщвлена въ 1 1/2 минуты; но это дѣйствіе могло быть достигнуто только одинъ разъ; остальные опыты, произведенные имъ въ этомъ направленіи, не удались.

* * *

У Дипсовъ въ тѣсномъ смыслѣ слова (*Dipsaz. Nachtbaumschlangen.*) тѣло длинное, сильно сжатое съ боковъ, плоская голова съ короткой мордой очень явственно отдѣлена отъ шеи, глаза велики, зрачки, какъ всегда у змѣй, ведущихъ ночной образъ жизни, щелевидны, голова правильно покрыта щитками, тѣло по-

крыто 17—27 рядами узкихъ и гладкихъ чешуекъ, расширенныхъ лишь вдоль спинного хребта; хвостъ покрытъ снизу двумя рядами щитковъ. Только задніе 2 или 3 зуба верхней челюсти бороздчаты. Передніе зубы нижней челюсти длиннѣе заднихъ.

Почему Бойе далъ этому изящному, хотя и кусающемуся, но все-же безвредному для человѣка животному имя змѣи, которая въ древности считалась очень страшною, мы не знаемъ; несомнѣнно, что оно не имѣетъ ничего общаго съ *Dipsas* древнихъ; не подлежитъ никакому сомнѣнію, что подъ послѣднимъ названіемъ они подразумѣвали какую-нибудь viperу, а вовсе и не думали объ этой привлекательной древесной змѣѣ. «Нѣкоторые изъ древнихъ писателей», замѣчаетъ Геснеръ, «причисляють ее къ ужамъ, другіе къ аспидамъ. Но это не имѣетъ особеннаго значенія».

Изъ этого рода извѣстны теперь 20 видовъ, которые водятся въ южной Азій, на Молдукскихъ островахъ, въ Новой Гвиней, сѣверной Австраліи и тропической Африкѣ и живутъ въ первобытномъ лѣсу на деревьяхъ и кустахъ, рѣже на землѣ въ степныхъ мѣстностяхъ. Пресмыкающіяся, и именно ящерицы, составляютъ, повидимому, любимую пищу дипсовъ; но нѣкоторые охотятся исключительно за птицами, другіе также за млекопитающими, нѣкоторые преслѣдуютъ, можетъ быть, и насѣкомыхъ. Что они грабятъ гнѣзда, было неопровержимо доказано Гюнтеромъ, который вынулъ изъ желудка одного дипса хорошо сохранившееся яйцо попугая. Образъ жизни ихъ еще мало извѣстенъ и это тѣмъ болѣе странно, что тамъ, гдѣ они живутъ, они встрѣчаются не слишкомъ рѣдко.

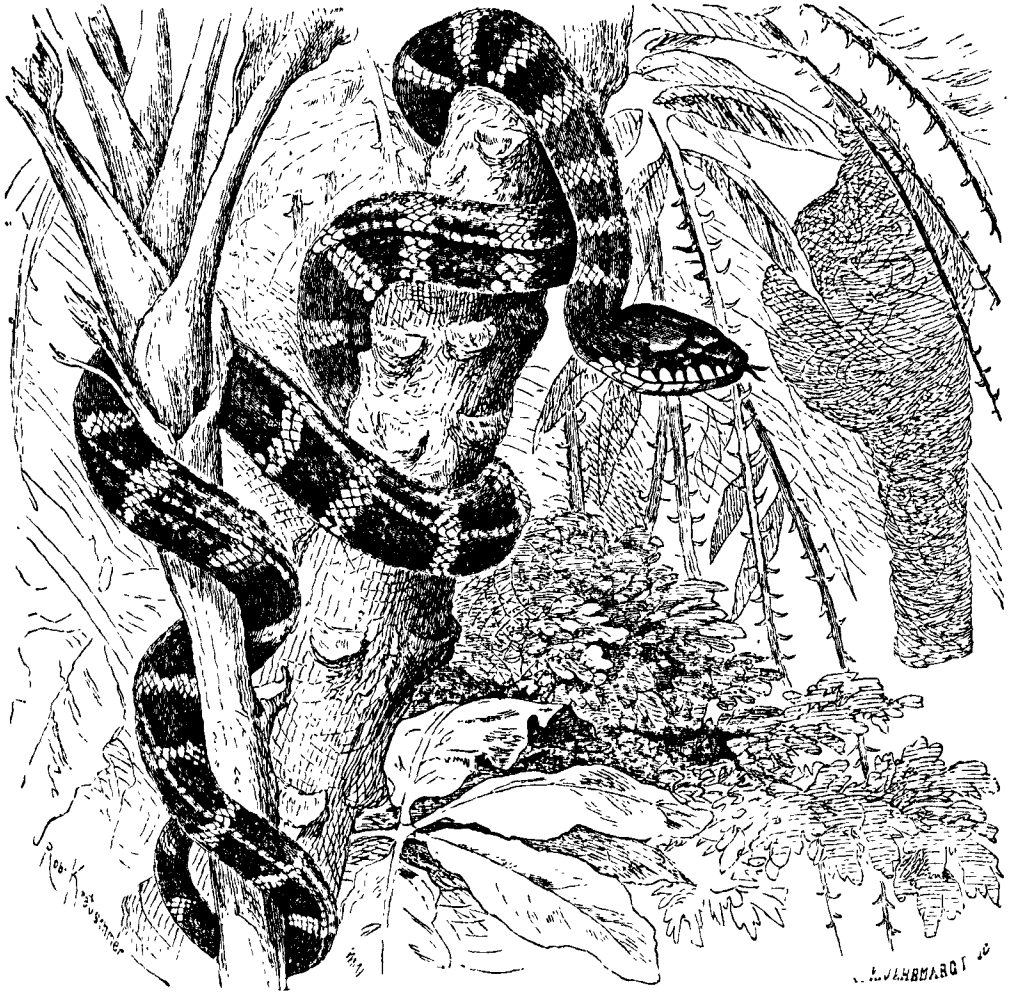
* * *

Въ качествѣ представителя рода можно назвать **Уларъ буронга** малайцевъ (*Dipsas dendrophila*, *Triglyphodon dendrophilus*, *gemmicinctus*. *Ularburong*. *Oular birong*), змѣю, отличающуюся дѣйствительно великолѣпной окраской и рисункомъ. На черномъ блестящемъ фонѣ выдѣляются 40—90 узкихъ, расширяющихся книзу свѣтло-желтыхъ кольцевыхъ поперечныхъ полосокъ, которыя на серединѣ спины обыкновенно раздѣлены, а въ видѣ исключенія имѣютъ видъ отдѣльныхъ пятенъ. Губные и горловые щитки тоже желтые, но съ широкимъ чернымъ краемъ; брюхо или одноцвѣтное черное, или съ желтымъ мраморнымъ рисункомъ. Верхняя челюсть вооружена 12 равными зубами умѣренной длины, а назади двумя длинными бороздчатыми зубами, небо—мелкими зубами. Чешуйки расположены въ 21 рядъ. Взрослые экземпляры достигаютъ въ длину 2 м., изъ которыхъ хвостъ занимаетъ нѣсколько менѣе четверти.

Уларъ буронгъ—обитатель всѣхъ острововъ Нидерландской Индіи, а также встрѣчается на Малайскомъ полуостровѣ и въ Сингапурѣ. На Явѣ онъ населяетъ всѣ лѣса, хотя и не во множествѣ, и посѣщаетъ даже ботанической садъ въ Бейтенпортѣ, резиденціи голландскаго намѣстника. Подобно всѣмъ своимъ родичамъ, онъ любитъ кусаться и при приближеніи врага тотчасъ готовится къ нападенію, подобно ядовитымъ змѣямъ свертывается въ плоскій кружокъ, дѣлаетъ дрожательныя движенія хвостомъ, отгибаетъ голову, насколько можетъ, назадъ, качаетъ ею въ стороны, движетъ языкомъ и наконецъ вдругъ развертываетъ свои переднія кольца и ударяетъ въ косвенномъ направленіи впередъ, но очень часто промахивается, такъ какъ свѣтъ ослѣпляетъ его, и змѣя не попадаетъ въ предметъ, возбудившій ея гнѣвъ. На Явѣ каждый знаетъ, что укушеніе уларъ буронга опасно; поэтому никто и не боится его, между тѣмъ, какъ одинъ изъ его родичей считается крайне ядовитымъ. Это, по словамъ Шлегеля, можетъ служить до-

казательствомъ того, какъ мало значенія надо придавать словамъ людей; для которыхъ перешедшіе къ нимъ предрасудки имѣютъ больше значенія, чѣмъ то, что они испытали собственными чувствами.

У одного близкаго рода съ заднимъ бороздчатымъ зубомъ въ верхней челюсти, Мексиканскаго дипса (*Trimorphodon biscutatus*) Дюже нашелъ железу, которая открывается наружу около бороздчатого зуба и, по сдѣланнымъ Дюже опытамъ, выдѣляетъ ядъ.

Уларъ буронгъ. *Dipsas dendrophila*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

Экземпляры, принадлежащіе ко второму близкому роду, *Leptodira annulata*, очень часто привозятся въ Германію живыми вмѣстѣ съ красивымъ деревомъ. По наблюденіямъ Вухерера, эти и подобныя имъ бразильскія виды прячутся въ теченіи дня въ темныхъ мѣстахъ; ночью они выходятъ изъ убѣжищъ и показываются нерѣдко въ непосредственной близости отъ домовъ или даже на ихъ соломенныхъ крышахъ. Одинъ видъ, который названный наблюдатель держалъ въ неволѣ, былъ невидимъ въ теченіи всего дня и скрывался въ щеляхъ кѣтки,

а постѣ солнечнаго заката онъ становился очень бодрымъ и живымъ. Пищи онъ не принималъ и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ однажды найденъ въ клѣткѣ мертвымъ.

* * *

Ямочешуйными умами (*Coelopeltis Grubenschupper*) мы будемъ называть другой родъ ужеобразныхъ змѣй съ бороздчатыми зубами. Это животныя съ вытянутымъ, но сильнымъ, круглымъ тѣломъ, отдѣленной отъ шеи, большой и высокой головою, вдавленной въ области уздечки, съ ноздрями, лежащими по бокамъ, большими глазами съ круглымъ зрачкомъ, широкимъ ртомъ, покровомъ головы, состоящимъ изъ щитковъ, прямыми, ланцетовидными, гладкими чешуйками, съ продольными углублениями по срединѣ, расположенными въ 17—19 рядовъ, и двурядными подхвостными щитками. Темной щитокъ чрезвычайно длиненъ и узокъ, надглазные щитки выдаются въ стороны и затѣняютъ глаза, какъ брови; уздечный щитокъ коротокъ. Особого вниманія заслуживаютъ зубы верхней челюсти, такъ какъ изъ нихъ задніе гораздо длиннѣе, чѣмъ 10—16 переднихъ, и снабжены бороздкой. Передніе зубы нижней челюсти длинны, задніе малы.

Мы могли бы пропустить этотъ родъ, если бы онъ не былъ представленъ въ Европѣ одною змѣей, съ образомъ жизни которой мы до нѣкоторой степени знакомы, благодаря наблюдениямъ Эрбера. Второй видъ живетъ, начиная отъ алжирской и тунисской пустыни, во всей сѣверной Африкѣ до Аравіи.

* * *

Ящеричный ужъ (*Coelopeltis lacertina, monspessulana, vermiculata, insignita, neumayeri, Natrix lacertina, Coluber fuscus, virens, vermiculatus, flexuosus, Rhabdodon fuscus, Bothriophis distinctus. Eidechsenatfer. Couleuvre lacertine*) достигаетъ длины 1,58 м., изъ которыхъ должно отчислить 35 см. на хвостъ, и легко можетъ быть отличенъ отъ всѣхъ остальныхъ европейскихъ змѣй по лбу, всегда глубоковыемчатому, а у взрослыхъ экземпляровъ и по чешуйкамъ спины, которыя тоже снабжены продольными выемками. Оливково-бурый основной цвѣтъ верхнихъ частей переходитъ у молодыхъ животныхъ болѣе или менѣе въ красно-бурый; голову украшаютъ трудно поддающіеся описанію темно-бурыя съ желтыми краями рисунки очень различной формы, которые выступаютъ то болѣе, то менѣе явственно. Верхнюю сторону тѣла и хвоста украшаютъ мелкія продолговатыя черноватые пятна по большей части съ желтымъ краемъ съ одной или другой или съ обѣихъ сторонъ; эти пятна образуютъ обыкновенно пять, рѣже семь болѣе или менѣе явственныхъ продольныхъ рядовъ и расположены такъ, что пятна каждаго ряда чередуются съ пятнами сосѣдняго. На чешуйкахъ обѣихъ крайнихъ рядовъ каждой стороны находятся кромѣ того въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ бѣловатые или желтоватые пятна неправильной формы и различной величины, которыя иногда расположены въ видѣ непрерывной волнистой полоски, иногда же недоразвиты и представляются въ видѣ узкой каймы. Нижняя сторона тѣла и хвоста желтовато-бѣлая или буровато-желтая; у совершенно молодыхъ экземпляровъ она разрисована всюду черновато-сѣрыми пятнами, которыя расположены въ четыре продольныхъ ряда, у болѣе старыхъ — одноцвѣтна. Въ области горла пятна обыкновенно сливаются въ три короткихъ продольныхъ полоски. Старыя животныя (var. *neumayeri*) сверху или одноцвѣтны, или имѣютъ лишь на задней половинѣ тѣла и у корня хвоста намекъ на болѣе темныя пятна, расположенныя продольными рядами. Другія (var. *fusca*) сверху чистаго оливково или даже черно-бурого цвѣта и имѣютъ нѣсколько чешуекъ съ свѣтлыми краями.

которыя болѣе многочисленны на бокахъ и образуютъ тамъ узкую продольную полоску свѣтло-желтаго цвѣта, которая тянется до заднепроходнаго отверстія. Верхнегубные щитки черные съ буро-желтыми пятнами; нижняя сторона вслѣдствіе скучивающихся темныхъ пятенъ оказывается у такихъ экземпляровъ обыкновенно одноцвѣтной черно-сѣрой.

Ящеричный ужъ водится во всѣхъ береговыхъ странахъ Средиземнаго моря, а также въ Португаліи, Аравіи и Персіи, такъ что область распространенія его простирается отъ береговъ Атлантическаго океана по южной Европѣ и сѣверной Африкѣ до Каспійскаго моря и западной Аравіи и отъ 45 градуса сѣверной широты до пустынь Африки. Эрберъ наблюдалъ его во всей Далмаціи и вездѣ довольно часто, можетъ быть уже потому, что онъ самъ выдаетъ себя сильнымъ шипѣніемъ. «На свободѣ, когда онъ подстерегаетъ мышей, ящерицъ или птицъ подъ кустарникомъ, его навѣрное часто не замѣчали-бы, если-бы онъ самъ не обращалъ на себя вниманіе сильнымъ шипѣніемъ. По близости Цары, около деревни Козино я поймалъ самое крупное животное этого вида, которое тоже привлекло мое вниманіе сильнымъ шипѣніемъ. Я преслѣдовалъ эту змѣю отъ куста къ кусту, пока она не спряталась наконецъ передо мною въ отверстіе въ землѣ, но я, къ счастью, успѣлъ еще схватить ее за хвостъ. Я не хотѣлъ повредить ее, но вытащить ее, не повредивъ, было невозможно, такъ какъ змѣя все тянула внизъ. Отпустить животное, чтобы затѣмъ выкопать, было тоже неудобно, такъ какъ вырыть его изъ каменистой почвы было-бы не особенно легко. Такимъ образомъ я просидѣлъ два часа, постоянно вытягивая змѣю и беспокоя ее; наконецъ она быстро повернулась и выползла изъ норы. Первымъ дѣломъ ея было съ ужаснымъ шипѣніемъ броситься мнѣ въ лицо, чему я, конечно, помѣшалъ, а затѣмъ тотчасъ избавиться отъ излишняго содержимаго желудка. Она выбросила не задолго съѣденныхъ дрозда, четырехъ мышей и двухъ зеленыхъ ящерицъ; но черезъ нѣсколько часовъ послѣ этого напряженія она околѣла».

Въ неволѣ она нелегко приручается, постоянно очень сильно шипитъ и кусаетъ воздухъ часто безъ всякой причины.

По Филлеру, ящеричный ужъ живетъ въ пустынныхъ сухихъ мѣстностяхъ и питается мелкими млекопитающими, птицами, пресмыкающимися и даже кузнечиками. «Доведенный до крайности», пишетъ онъ: «ящеричный ужъ очень громко шипитъ и кусается. Часто онъ довольствуется тѣмъ, что бьетъ нападающаго мордой. Самцы въ общемъ злѣе и чаще кусаютъ, чѣмъ самки. Несмотря на эти воинственныя ухватки, эта змѣя становится однако очень ручною и привыкаетъ брать пищу изъ рукъ хозяина. Подъ конецъ она охотно ѣстъ мертвыхъ птицъ, а нѣкоторыя приучаются даже брать изъ рукъ куски сырого мяса».

Дюже указываетъ, что укушеніе этой змѣи, несмотря на бороздчатые задніе зубы верхней челюсти, не причиняетъ человѣку никакого вреда. Но недавно графъ Перакка и Дерегибусъ доказали многочисленными опытами, что для болѣе мелкихъ животныхъ, ящеричный ужъ дѣйствительно ядовитъ. Большая железа позади глаза, простирающаяся отъ 5-го до 7-го верхнегубнаго щитка,—настоящая ядовитая железа. Укушеніе змѣи черезъ 3—4 минуты смертельно для ящерицъ, птицъ и лягушекъ; ядъ дѣйствуетъ сначала на дыханіе, затѣмъ на дѣятельность сердца и наконецъ производитъ полный параличъ. Смерть наступаетъ благодаря остановкѣ сердца. Для болѣе крупныхъ животныхъ, какъ на примѣръ для собаки, укушеніе оказалось неопаснымъ, а людямъ тѣмъ менѣе надо бояться его, что змѣя кусаетъ лишь рѣдко, а также и потому, что укушеніе, чтобы быть опаснымъ, должно дѣйствовать въ теченіи нѣсколькихъ минутъ. Такъ какъ никто не позволитъ ужу ку-

сать себя 4 минуты сряду, не отбросивъ животное, то отсюда слѣдуетъ, что ящеричный ужъ для человѣка совершенно безвреденъ.

* * *

Древесныя змѣи съ задними бороздчатыми зубами живутъ въ большомъ числѣ въ жаркихъ странахъ обоихъ полушарій въ удобныхъ для нихъ мѣстностяхъ. Почти всѣ виды считаются туземцами за очень ядовитые и потому внушаютъ страхъ и отвращеніе. Между тѣмъ тщательное изслѣдованіе ихъ зубовъ и опытъ доказали, что онѣ совершенно безвредны для человѣка, а красота ихъ формъ, изящество и привлекательность движеній должны въ высшей степени плѣнять безпристрастнаго наблюдателя. Такое возрѣніе раздѣляютъ даже сіамцы, они дали одной изъ этихъ змѣй погитическое названіе «лучъ солнца». Но и среди европейцевъ эти изящныя животныя нашли много друзей. «Я всегда былъ въ восторгѣ», пишетъ Вухереръ, «когда замѣчалъ, что древесная змѣя снова поселилась въ моемъ саду въ Бахія. Поднимаешься на дерево, чтобы изслѣдовать птичье гнѣздо, изъ котораго птицы уже вылетѣли, но находишь его занятымъ однимъ изъ этихъ чудныхъ созданій, которое свернуло клубкомъ свое тѣло, длиною въ три четверти метра, въ пространствѣ не больше ладони. Древесная змѣя, повидимому, всегда на сторожѣ, всегда бдительна; въ то мгновеніе, какъ замѣчаешь ее, быстрая игра глубоко раздвоеннаго чернаго языка доказываетъ, что тебя увидѣли и узнали. Если самымъ незначительнымъ движеніемъ обнаружить намѣреніе потревожить животное, оно тотчасъ убѣгаетъ вверхъ по вѣтвямъ и листьямъ съ такою легкостью, что послѣдніе, кажется, едва гнутся подъ его тяжестью; еще одно мгновеніе и змѣя скрылась изъ глазъ. Если я когда нибудь-вернусь въ Европу, то во всякомъ случаѣ хочу имѣть въ своей оранжереѣ эти невинныя и милыя существа».

Добыча древесныхъ змѣй, повидимому, различна. Онѣ ѣдятъ мелкихъ грызуновъ, маленькихъ птицъ, а особенно охотно всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ ящерицъ и земноводныхъ, которыя раздѣляютъ съ ними мѣстожителство. По наблюденіямъ Смита надъ однимъ африканскимъ видомъ, птицы знаютъ, что это опасный врагъ, и, замѣтивъ такую змѣю, по обыкновенію громкимъ крикомъ возвѣщаютъ объ этомъ сосѣдямъ. Со всѣхъ сторонъ показываются затѣмъ птицы и съ громкимъ крикомъ порхаютъ роємъ вокругъ врага до тѣхъ поръ, пока наконецъ одна изъ нихъ не станетъ жертвой змѣи, которая, высоко поднявъ голову, выжидаетъ удобное мгновеніе. Смитъ полагаетъ на основаніи своихъ наблюденій, что можетъ подтвердить старую сказку о волшебной силѣ змѣй и видитъ въ неосторожности, съ которой птицы приближаются къ нимъ, лишь слѣдствіе ошеломляющаго ихъ ужаса; онъ однако упоминаетъ о чрезвычайномъ проворствѣ древесныхъ змѣй, которое ведетъ къ тому, что имъ удается наконецъ схватить ослѣпленную собственнымъ возбужденіемъ птицу, ставшую слишкомъ смѣлой; этимъ онъ самъ-же ниспровергаетъ свои выводы.

Къ древеснымъ змѣямъ съ бороздчатыми зубами принадлежатъ распространенныя въ Южной Америкѣ, но встрѣчающіяся также въ Вестъ-Индіи и на Мадагаскарѣ Зеленныя змѣи (*Philodryas. Grünschlagen*). Ихъ задніе бороздчатые зубы лишь умѣренной величины и не болѣе, чѣмъ вдвое длиннѣе стоящихъ передъ ними небороздчатыхъ. Тѣло и хвостъ длинны и болѣе или менѣе сжаты съ боковъ, голова конически заострена. Глаза средней величины съ круглымъ зрачкомъ, гладкія или килеватыя чешуйки расположены въ 17—21 продольныхъ рядовъ. Зеленые цвѣта преобладаютъ. Въ этомъ родѣ насчитывается около 15 видовъ.

* * *

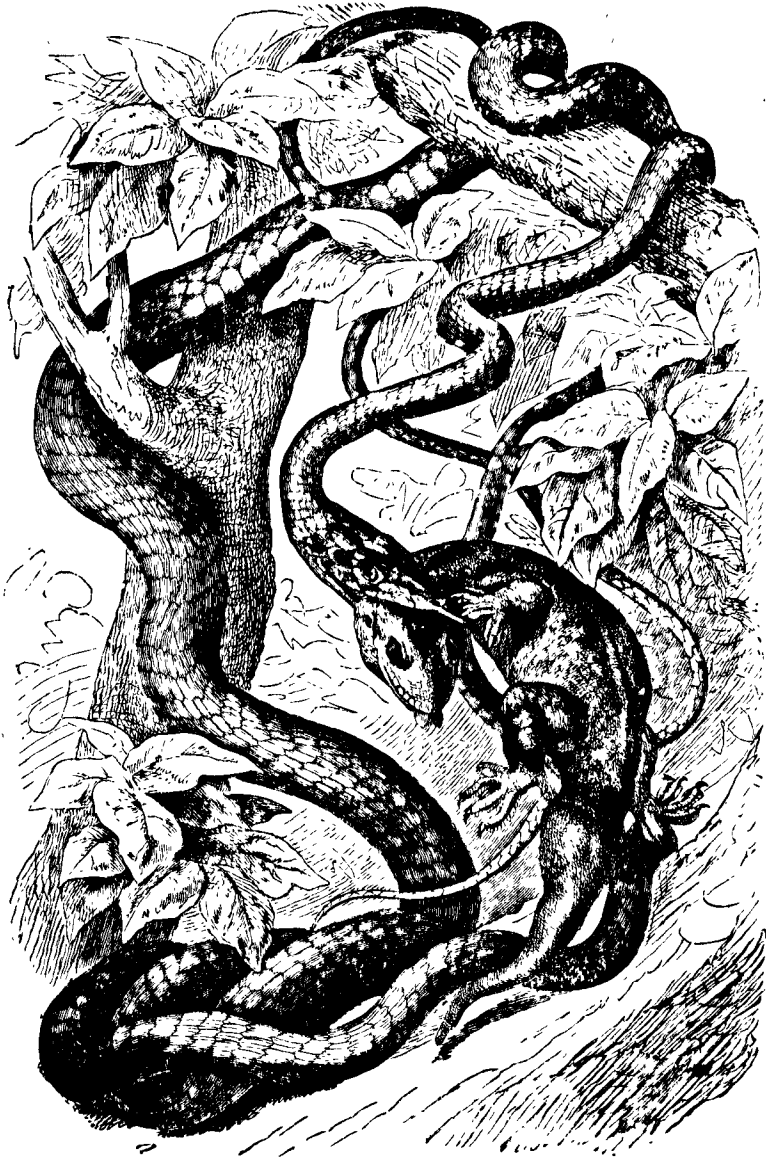
Къ самымъ обыкновеннымъ видамъ этого рода принадлежитъ водящаяся всюду въ лѣсахъ Гвѣаны и восточной части тропической Бразиліи Зеленая змѣя (*Philodryas viridissimus*, *Coluber*, *Herpetodryas*, *Dryophylax viridissimus*, *Coluber janthinus*, *Natrix coerulescens*, *Natrix*, *Coronella viridissima*, *Chlorosoma viridissimum*, *Grünschlange*, *Serpent vert*), змѣя съ не очень большой плоской головою, сжатымъ тѣломъ и длиннымъ хвостомъ. У нея 8 верхнегубныхъ щитковъ. Узденный щитокъ нѣсколько удлинень, тѣло, имѣющее всегда болѣе 200 брюшныхъ щитковъ, плоское вслѣдствіе угловато загнутыхъ боковъ одѣвающихъ его щитковъ, чешуйки, расположенныя въ 19 рядовъ, гладкія. Верхняя часть тѣла блестяще зеленого цвѣта, а нижняя матово-зеленая. Змѣя эта достигаетъ въ длину 82 см.

Мы обязаны Гюнтеру интереснымъ сообщеніемъ о жизни ея въ неволѣ. «Въ серединѣ лѣта», пишетъ онъ, «зоологическому саду въ Лондонѣ были предложены на продажу двѣ южно-американскихъ зеленыхъ змѣи. Несмотря на бывшую въ то время очень высокую температуру, онѣ были крайне вялы и казались такими окоченѣлыми, что всякое грубое прикосновеніе могло бы сломать ихъ тонкое тѣло. Помѣщенные въ клѣтку, онѣ двигались крайне медленно, пока не достигли угла, гдѣ онѣ подняли вверхъ переднюю часть тѣла и остались неподвижны. «Всѣ зеленыя змѣи скоро умираютъ», таково было мнѣніе сторожа, которому, кажется, приходилось уже смотрѣть за многими зелеными змѣями родственныхъ индѣйскихъ видовъ. Онъ всегда давалъ имъ въ клѣтку вѣтви и хворостъ, но онѣ не дѣлали ихъ своимъ обычнымъ мѣстомъ отдыха. Такъ какъ уже зеленый цвѣтъ этихъ змѣй заставлялъ предполагать, что онѣ будутъ хорошо чувствовать себя лишь на зеленыхъ, покрытыхъ листьями растеніяхъ, то на этотъ разъ къ нимъ въ клѣтку помѣстили двѣ большихъ гортензіи. Едва змѣи успокоились, какъ одна изъ нихъ повернула голову къ растеніямъ и, казалось, разсматривала ихъ вѣтвь за вѣтвью, листъ за листомъ. Вдругъ — глазъ едва могъ услѣдить за нею—она бросилась на растеніе, проползла, извиваясь, нѣсколько разъ въ вѣтвяхъ и наконецъ свернулась клубкомъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ея тѣло могло почти цѣликомъ покоиться въ зелени. Движеніе это было такъ быстро и неожиданно, что пока мое вниманіе было обращено на эту змѣю, я не замѣтилъ, какъ вторая сдѣлала то же самое и мнѣ, даже въ этомъ узкомъ пространствѣ, пришлось поискать, прежде чѣмъ я могъ различить ее между листьями. Съ тѣхъ поръ обѣ чувствуютъ себя самымъ лучшимъ образомъ и ихъ никогда не приходилось потомъ видѣть на землѣ; лишь иногда одна изъ нихъ вытягиваетъ переднюю часть тѣла съ растенія и очень похожа тогда на зеленую вѣтвь безъ листьевъ. Попытка кормить ихъ маленькими лягушками неудалась, почему пришлось давать имъ маленькихъ ящерицъ, нѣсколько рѣдкій и дорогой кормъ въ бѣдной пресмыкающагося Англіи. Хотя до сихъ поръ не видѣли еще, какъ онѣ ѣдятъ, но нельзя сомнѣваться, что эта пища нравится имъ, такъ какъ ящерицы отъ времени до времени исчезаютъ, причѣмъ желудокъ змѣй оказывается значительно растянутымъ. Вѣроятно онѣ привыкли на свободѣ къ подобному корму, къ древеснымъ ящерицамъ или аноли; другія предпочитаютъ, можетъ быть, лягушекъ, третьи птицъ».

* * *

Еще болѣе выраженъ характеръ древесныхъ животныхъ у *Плетевидныхъ змѣй* (*Dryophis*, *Peitschenschlangen*), у которыхъ тѣло и хвостъ несоразмѣрно длинны и тонки, голова очень длинна и узка, спереди сильно заострена и нерѣдко удлинена еще въ видѣ хобота, благодаря очень вытянутому впередъ рыльцевому щитку, который у нѣкоторыхъ видовъ можетъ превращаться въ подвижный при-

датокъ; ротъ широкій, глаза велики, съ горизонтальнымъ щелевиднымъ зрачкомъ, маленькія ноздри расположены по сторонамъ. Щитки головы не представляютъ въ остальномъ ничего замѣчательнаго. Расположенныя въ 15 рядовъ чешуйки тѣла гладкія, очень узкія, далеко налегающія одна на другую на подобіе черепицы, брюшные щитки округлены, а подхвостные, какъ обыкновенно, расположены въ

Темная плетевидка. *Dryophis pulverulentus*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

два ряда. Изъ 12—15 зубовъ верхней челюсти 1 или 2 стоящіе въ серединѣ ряда зубовъ очень увеличены и похожи на клыки, затѣмъ идетъ промежутокъ въ рядѣ зубовъ, а позади стоятъ два большихъ, крѣпкихъ бороздчатыхъ зуба. Въ нижней челюсти третій и четвертый зубъ больше остальныхъ и тоже похожи на клыки, остальные меньше. Всѣ 7 или 8 извѣстныхъ видовъ живутъ въ тропической Азіи.

Плетевидныя змѣи не безъ основанія получили свое названіе: ихъ дѣйстви-тельно можно сравнить съ плетью: такъ тонко, такъ чрезвычайно вытянуто ихъ тѣло. Соотвѣтственно такому строенію тѣла, онѣ живутъ исключительно въ зелени деревьевъ и только здѣсь чувствуютъ себя дома. На землѣ ихъ движенія безпо-мощны и медленны, въ вѣтвяхъ деревьевъ настолько же привлекательны, какъ ловки. Обвившись нѣсколько разъ своимъ тонкимъ тѣломъ вокругъ вѣтви, онѣ да-ютъ этимъ своему тѣлу надежную опору и благодаря этому могутъ двигать имъ въ любомъ направленіи, для того-ли, чтобы, далеко выдвинувшись впередъ, пой-мать добычу, или чтобы, перебросившись на отдаленную вѣтку, продолжать затѣмъ по ней свой воздушный путь. Мы можемъ признать, что онѣ опасны всѣмъ мелкимъ позвоночнымъ, которыя, подобно имъ, живутъ на деревьяхъ. Ядовитое дѣйствіе ихъ укушенія на жертву Вальянъ доказалъ недавно опытами. Онѣ охотятся за птицами, ящерицами, древесными лягушками, а въ молодости и за насѣкомыми; по рассказамъ Мотлея и Дилльвина, онѣ замѣчательно прожорливы, по другимъ указаніямъ очень любятъ кусаться, коварно бросаются на каждое при-ближающееся къ нимъ существо и кусаютъ каждый подставленный имъ предметъ но тѣмъ не менѣе мѣстами дѣти употребляютъ ихъ въ качествѣ игрушекъ.

Водящаяся на Цейлонѣ и горахъ Анаймалай приблизительно на высотѣ 570 м. Темная плетевидка (*Dryophis pulverulentus*, *Dryinus pulverulentus*, *Passerita purpurascens*. Dunkle Peitschenschlange. *Driophe sombre*) можетъ намъ дать понятіе объ одной изъ южно-азиатскихъ плетевидныхъ змѣй. У нея хоботъ, котораго длина превышаетъ ширину глаза, состоитъ главнымъ образомъ изъ удлиненнаго, четырехсто-ронняго, свернутаго передняго лицевого щитка, который покрытъ сверху мелкими чешуйками; уздечнаго щитка нѣтъ. Змѣя эта, не часто встрѣчающаяся на своей родинѣ, покрыта на буро-сѣромъ фонѣ сверху и снизу пурпурнымъ мраморнымъ рисункомъ и болѣе темными бурыми крапинками; кожа между чешуйками бѣлаго и чернаго цвѣта, и благодаря этому, когда животное вытягивается, показываются чередующія кольцевыя полоски обохъ этихъ цвѣтовъ. Бурая уздечная полоска пробѣгаетъ до глаза; наконецъ бурые верхніе головные щитки съ широкими жел-тыми краями. Изъ всей длины, достигающей 1,67 м., на хвостъ приходится $\frac{1}{10}$.

Для какой цѣли служить хоботъ плетевидныхъ змѣй, трудно сказать. Его едва-ли можно считать органомъ осязанія, такъ какъ онъ одѣтъ толстыми щит-ками, также мало можно считать его органомъ, служащимъ для того, чтобы про-бивать дорогу въ густыхъ вѣтвяхъ. Для какой-нибудь цѣли онъ, конечно, служить, но для какой—мы еще не можемъ указать.

Къ одному близко родственному виду, Зеленой плетевиднѣ (*Dryophis myste-rizans*. Grüne Peitschenschlange. *Driophe vert*), которая отличается зеленымъ цвѣ-томъ и желтой продольной линіей по краю брюха, относится описаніе цейлонскихъ древесныхъ змѣй, составленное Теннентомъ. Домъ, въ которомъ этотъ изслѣдова-тель жилъ по близости Коломбо, былъ окруженъ нѣсколькими высокими ка-зуаринами и другими деревьями, верхушки которыхъ иногда кишѣли древесными змѣями. Такъ какъ вѣтви деревьевъ достигали почти до самыхъ оконъ, то Тен-нентъ имѣлъ удобный случай наблюдать дѣятельность древесныхъ змѣй. Она за-ключается болѣе въ постоянномъ вниманіи ко всему, что происходитъ кругомъ, чѣмъ въ особенной подвижности, хотя иногда эти животныя проявляютъ большое проворство. Охоту онѣ, повидимому, занимаются главнымъ образомъ ночью; пред-метомъ ея служатъ различныя ночныя ящерицы, именно, живущіе тамъ гекко, мел-

кія птицы и ихъ птенцы. Никогда онѣ не оставляютъ деревьевъ добровольно. Всѣ виды, встрѣчающіеся на Цейлонѣ, совершенно безвредны, но очень любятъ кусаться. «Замѣчательно», говорятъ въ заключеніе Теннентъ, «что я не могъ заставить въ неволѣ ѣсть ни одинъ изъ многихъ экземпляровъ, которые я собралъ, чтобы взять съ собою въ Европу; между тѣмъ близко-родственныя имъ американскія остроголовыя змѣи, если ихъ клѣтку украсить нѣсколькими зелеными растеніями, безъ затрудненія принимаютъ за пищу».

Буданже называетъ зеленую плетевидку кроткимъ животнымъ, которое держится на кустахъ и въ высокой травѣ, между тѣмъ какъ по даннымъ Кантора похожая на нее **Древесная плетевидка** (*Dryophis prasinus*. Baumschnüffler.) въ ранней молодости безобидна и смирна, а съ возрастомъ становится дикой и злобой. Древесная плетевидка и **Повязковая плетевидка** (*Dryophis fronticinctus*. Stirnbindenschlange.), по Кантору и Теобальду, живородящи. Одна самка древесной плетевидки, которая должна была быть беременна по крайней мѣрѣ съ 15-го августа, родила въ Лондонѣ, по Гопли, 9-го января 8 живыхъ дѣтенышей. Повязковую плетевидку, тоже зеленую съ бѣлой боковой полоской, Столичка находилъ во множествѣ въ Пегу и Араканѣ, на кустахъ, которые росли между чертой прилива и отлива около устья рѣки Моулмейнъ на почвѣ, покрытой лужами. Названный авторъ называетъ ее поэтому настоящей змѣей солоноватой воды; онъ часто видѣлъ, какъ она ныряла и плавала, и могъ наблюдать, какъ она лазала и пряталась на высокіхъ кустахъ и деревьяхъ. Если ее хотятъ поймать, она всегда спасается въ воду. Именно объ этомъ рѣдкомъ видѣ, даже родина котораго была неизвѣстна немного лѣтъ тому назадъ, мы знаемъ теперь гораздо больше, чѣмъ о многихъ гораздо болѣе обыкновенныхъ родичахъ его.

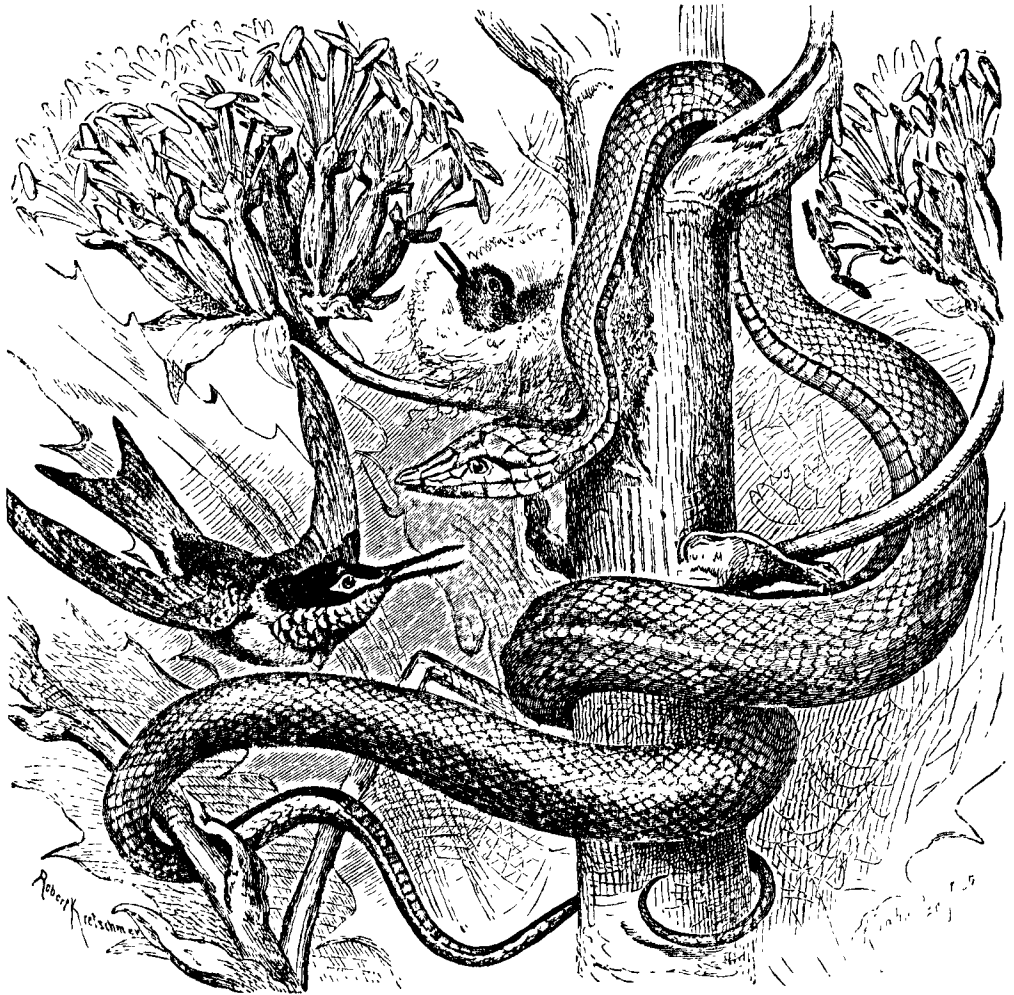
* * *

У Остроголовыхъ змѣй (*Oxybelis*), о которыхъ можно упомянуть въ заключеніе, какъ объ американскихъ и африканскихъ замѣстителяхъ предыдущаго рода, голова тоже узкая, вытянутая, начиная отъ глазъ, въ очень сжатую длинную морду; рыльцевый щитокъ, которой нѣсколько выдается за нижнюю челюсть, заостренный, но неподвижный, шея чрезвычайно тонка, тѣло очень вытянуто, нѣсколько сжато съ боковъ, хвостъ длиннее и тоньше и заканчивается тонкимъ остриемъ. Въ верхней челюсти позади приблизительно 17-ти гладкихъ зубовъ равной длины находятся 4 болѣе крупныхъ бороздчатыхъ зуба. Изъ 7 видовъ этого рода 6 живутъ въ тропической средней и Южной Африкѣ, а одинъ въ средней и западной Африкѣ.

Блестящая остроголовка (*Oxybelis fulgidus*, *Coluber fulgidus*. Glanzspitzschlange.) змѣя, длиною около 1,5 м., разрисованная на великолѣпномъ зеленомъ фонѣ съ каждой стороны продольной желтой линіей, живетъ въ сѣверо-восточной Бразиліи, Гвианѣ и другихъ частяхъ Южной Америки почти исключительно на деревьяхъ, на вѣтвяхъ которыхъ она движется съ величайшей быстротою. Отъ другихъ родичей она отличается 17-ью рядами спинныхъ чешуекъ, изъ которыхъ среднія съ киями, 9—10 верхнегубными щитками и отсутствіемъ уздечнаго щитка.

Относительно ихъ образа жизни нѣтъ специальныхъ данныхъ. Фишеръ сообщилъ о жизни въ неволѣ близко родственнаго вида, **Мѣдной остроголовки** (*Oxybelis acuminata* и *ahenea*. *Erzspitzschlange*.), которая встрѣчается во всей сѣверной части Южной Америки. Эти змѣи лежатъ въ видѣ мягкихъ широ-

ких колець на вѣтвяхъ или листьяхъ и избѣгаютъ земли, а потому ихъ крайне трудно отличать отъ перепутанныхъ вѣтвей. По отношенію къ колебаніямъ температуры онѣ обнаруживаютъ большую чувствительность; лучше всего онѣ чувствуютъ себя при 25—31 градусѣ Цельсія. Охлажденные до 7,5 градусовъ Цельсія, онѣ казались безжизненными, но снова оправлялись при болѣе высокой температурѣ. Если попытаться схватить остроголовую змѣю, то она кусается. Пожитливость

Блестящая остроголовка. *Oxybelis fulgidus*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

ея очень ничтожна, однако первоначальная робость ея скоро уступаетъ мѣсто известной смѣлости. Это дневное животное съ хорошо развитымъ зрѣніемъ и слухомъ. Пища ея состоитъ изъ молодыхъ ящерицъ, которыхъ она проглатываетъ, не душа ихъ, а свободно свѣсивъ шею и голову. Это животное пьетъ росу, но привыкаетъ и къ чашкѣ съ водой. Линяніе происходитъ четыре раза въ годъ; осеннее линяніе, приостановившееся на 6 мѣсяцевъ, было закончено въ апрѣлѣ, причемъ кожа отдѣлялась лоскутьями; все это время змѣя проголодала

Подобно тому, какъ въ ряду гладкозубыхъ приспособленные къ жизни въ водѣ акрохорды противопологаются настоящимъ ужамъ, такъ и рядъ бороздчато-зубыхъ раздѣляется на живущихъ на сушѣ ложныхъ ужей и на водныхъ ложныхъ ужей. Это второе подсемейство, подсемейство **Водныхъ ложныхъ ужей** (*Homalopsisinae*), отличается отъ наземныхъ положеніемъ ноздрей, которыя придвинуты на верхнюю сторону морды, и маленькими глазами, зрачекъ которыхъ всегда вертикальный. Всѣ девять родовъ, которые причисляются сюда Буланже, принадлежатъ южному Китаю, Остѣ-Индіи, Моллукскимъ островамъ, Новой Гвинее и сѣверной Австраліи.

Прѣсноводныя змѣи могутъ поэтому считаться характерными для восточной и австралійской областей. Всѣ извѣстные виды живутъ почти исключительно въ водѣ, и лишь иногда можно найти ту или другую изъ нихъ, лежащую на плоскихъ мѣстахъ берега. Нѣкоторые индійскіе виды вышлываютъ изъ рѣкъ даже въ море и ведутъ тогда образъ жизни морскихъ змѣй, съ которыми они настолько сходны и въ другомъ отношеніи, что Грэй соединилъ ихъ когда-то въ одно отдѣльное семейство. По положенію ноздрей на верхней сторонѣ морды, которое позволяетъ имъ дышать, выставляя надъ поверхностью воды лишь очень незначительную часть головы, не говоря уже объ ихъ зубахъ, ихъ по большей части легко отличить отъ ужей и тѣхъ змѣй, которыя дѣйствительно наиболѣе родственны имъ. Всѣ виды превосходно плаваютъ, извивая тѣло, причемъ имъ существенно помогаетъ сильный хвостъ; имъ они пользуются и для того, чтобы держаться за выдающіеся предметы въ водѣ. Пища ихъ состоитъ исключительно изъ рыбъ или плавающихъ мягкокожихъ ракообразныхъ. Прѣсноводныя змѣи болѣе добродушны, чѣмъ большинство ужей, вовсе не раздражительны и не сильно кусаются; по своему характеру это вообще привлекательныя животныя, которыя послужили бы большимъ украшеніемъ нашихъ аквариумовъ, если бы было возможно привозить ихъ къ намъ живыми. Но это, повидимому, не удастся по той причинѣ, что и на родинѣ онѣ недолго выживаютъ въ неволѣ, именно не хотятъ ѣсть. Всѣ виды, подобно всѣмъ вообще змѣямъ, живущимъ въ водѣ, рождаютъ живыхъ дѣтенышей; но размноженіе ихъ, кажется, незначительно, такъ какъ, по наблюденіямъ Кантора, ни одинъ видъ не рождаетъ болѣе дюжины дѣтенышей. Большая самка, которую держалъ въ неволѣ названный изслѣдователь, родила, проживъ 6 мѣсяцевъ въ стеклянномъ сосудѣ съ водой, одиннадцать живыхъ дѣтенышей. Во время родовъ самка лежала на днѣ сосуда, но спустя короткое время она умерла при судорожныхъ болѣзненныхъ явленіяхъ, и такимъ же образомъ за нею послѣдовали въ теченіи двухъ часовъ и два изъ ея дѣтенышей, скоро послѣ того, какъ они сбросили свои личныя оболочки. Остальные девять, длина которыхъ равнялась приблизительно 15 см., обвились подъ водою вокругъ тѣла находившагося въ томъ же сосудѣ стараго самца, поднимали отъ времени до времени голову къ поверхности, чтобы дышать, сопротивлялись всѣмъ усиліямъ стараго животнаго, которое стремилось отъ нихъ освободиться и оставались въ избранномъ ими положеніи. Рыбами и водяными насекомыми они пренебрегали и вслѣдствіе этого въ теченіи двухъ мѣсяцевъ за матерью послѣдовали и дѣтеныши.

Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ родовъ водныхъ ложныхъ ужей, отъ котораго получило свое названіе и все подсемейство, составляетъ **Удавовидный уми** (*Homalopsis buccata, hardwickii, semizonata, Coluber buccatus, Pythonia semizonata, Boatrugnatter*), животное, по вѣшнему виду представляющее сходство съ удавомъ и достигающее длины въ 1 м. Родъ этотъ легко отличить по килеватымъ чешуйкамъ, носовымъ щиткамъ, которые соприкасаются между собою на мордѣ, обра-

зуба длинный шовъ, и по явственно развитымъ, большимъ затылочнымъ щиткамъ. Въ верхней челюсти стоятъ спереди 12 простыхъ зубовъ, сзади два снабженныхъ бороздками. Маленькіе глаза съ вертикальнымъ зрачкомъ. Плотное тѣло окружено 37—47 рядами чешуи.

Единственный видъ, который живетъ въ Индокитаѣ, на Малайскомъ полуостровѣ и на большихъ Зондскихъ островахъ и особенно обыкновененъ на Явѣ, имѣетъ на спинѣ широкія, темно-бурья, окаймленные чернымъ цвѣтомъ поперечныя полосы, отдѣленные другъ отъ друга узкими свѣтло-бурыми промежутками. Голова украшена сверху угловатыми рисунками, а по бокамъ темно-бурой продольной полоскою; бѣловатое тѣло украшено съ каждой стороны продольнымъ рядомъ бурыхъ пятенъ; нижняя сторона тоже съ бурими пятнами.

По наблюденіямъ Кантора, этотъ видъ, который встрѣчается въ маленькихъ рѣчкахъ, въ стоячей водѣ прудовъ и на затопыхъ рисовыхъ поляхъ, очень смиренъ, медлителенъ въ движеніяхъ и очень безпомощенъ на сушѣ.

* *
* *
* *

Другой родъ, **Церберъ** (*Cerberus*) живетъ въ илѣ рѣчныхъ рукавовъ и въ устьяхъ большихъ рѣкъ и лагунахъ по близости морского берега въ Индіи, Новой Гвинее и Австраліи и представляетъ замѣчательную способность приспосабливаться къ жизни, какъ въ прѣсной, такъ и въ соленой водѣ. Онъ также очень смиренъ и питается рыбами.

Третій родъ, **Горбонось** (*Hypsirohina. Hochnasennat'er*), живетъ, по даннымъ Кантора, обществами въ рѣчкахъ, а также на рисовыхъ поляхъ и въ лагунахъ, питается тоже рыбами, но упрямо пренебрегаетъ ими въ неволѣ. Эти змѣи тоже боязливы и миролюбивы.

Тотъ же авторъ нашелъ единственный извѣстный видъ рода **Фордонія** (*Fordonia*) въ Пинангѣ въ большомъ числѣ не только въ прѣсной водѣ и лагунахъ съ солоноватой водою, но и въ морѣ, довольно далеко отъ берега, гдѣ онъ иногда попадаетъ въ рыбацьи сѣти. Медленный въ движеніяхъ и смиренный по характеру, онъ тоже питается главнымъ образомъ рыбами и ракообразными.

Наконецъ родъ **Гипистъ** (*Hipistes. Wasserschuppenköpfe*) болѣе всего похожъ на морскихъ змѣй изъ всѣхъ водяныхъ ложныхъ ужей. Онъ питается лишь рыбами, уходитъ дальше въ море, чѣмъ всѣ остальные родичи, и часто ловится вмѣстѣ съ настоящими морскими змѣями въ рыбацьи сѣти и мережи у берега Пегу.

Переднебороздчатая (*Proteroglypha. Giftzähler*) составляютъ третій и послѣдній родъ большого семейства ужей. Они отличаются, какъ мы уже слышали, бороздчатыми зубами, которые стоятъ въ передней части верхней челюсти приблизительно въ области между ноздрей и переднимъ краемъ глаза и у нѣкоторыхъ родовъ составляютъ единственные зубы, существующіе въ верхней челюсти, у другихъ же кромѣ нихъ замѣчается извѣстное число мелкихъ, толстыхъ, небороздчатыхъ зубовъ. Всѣ эти змѣи безъ исключенія ядовиты.

Подобно обоямъ остальнымъ группамъ ужей, съ которыми мы уже познакомились, ихъ тоже можно раздѣлить на два подсемейства, изъ которыхъ одно, аспидовыя, въ качествѣ наземныхъ или древесныхъ животныхъ, приурочено къ жизни

на сушѣ, между тѣмъ какъ другое представляетъ исключительно приспособленную къ жизни въ морѣ группу морскихъ змѣй.

Въ первомъ подсемействѣ мы соединяемъ **Аспидовыхъ** (Elapinae. Giftnattern), змѣй съ вытянутымъ тѣломъ, маленькой головою, вальковатымъ, на концѣ умѣренно заостреннымъ тѣломъ. Тѣло ихъ округло или кажется въ разрѣзѣ тупо трехугольнымъ, благодаря выступающему гребню на спинѣ. Ноздри открываются по бокамъ на закругленномъ концѣ морды: уздечные щитки всегда отсутствуютъ; голова правильно одѣта большими щитками; остальные чешуйки тѣла бываютъ довольно разнообразны. Маленькіе глаза съ круглымъ, лишь у немногихъ видовъ яйцевиднымъ и вертикальнымъ зрачкомъ. Строеніе зубовъ очень различно у разныхъ видовъ: у аспидовъ, красивыхъ аспидовъ и железистыхъ змѣй въ верхней челюсти вовсе нѣтъ зубовъ кромѣ ядовитыхъ, у остальныхъ позади ядовитаго зуба существуетъ еще болѣе короткій или болѣе длинный рядъ мелкихъ, небороздчатыхъ верхнечелюстныхъ зубовъ.

Одинъ изъ важнѣйшихъ отличительныхъ признаковъ этого подсемейства заключается въ отсутствіи уздечнаго щитка; весьма вѣроятно, что это отсутствіе стоитъ въ какой-нибудь связи съ находящимся прямо подъ этимъ мѣстомъ ядовитымъ зубомъ. Можетъ быть отсутствіе этого щитка, а слѣдовательно меньшее число и менѣе свободное соединеніе щитковъ, лежащихъ между ноздрями и глазами, объясняется необходимостью дать этому зубу болѣе твердое, менѣе подвижное положеніе. Правда, есть довольно безвредныхъ змѣй изъ другихъ подсемействъ, у которыхъ тоже нѣтъ уздечнаго щитка, но мы имѣемъ въ этомъ по крайней мѣрѣ предостерегающій насъ признакъ, который указываетъ намъ, что не слѣдуетъ схватывать руками тѣхъ змѣй, у которыхъ нѣтъ уздечнаго щитка. Полную увѣренность въ томъ, имѣемъ ли мы дѣло съ ядовитой или безвредною змѣей, окончательно даетъ намъ, какъ мы объяснили уже раньше, лишь точное изслѣдованіе ихъ зубовъ.

Подсемейство это распространено по обоимъ полушаріямъ, достигаетъ большаго разнообразія въ восточномъ, обнимаетъ всѣхъ встрѣчающихся въ Австраліи многочисленныхъ ядовитыхъ змѣй, но, къ счастью, не имѣетъ представителей въ Европѣ. Оно включаетъ въ себѣ почти половину всѣхъ извѣстныхъ ядовитыхъ змѣй, и въ томъ числѣ нѣкоторыхъ изъ самыхъ опасныхъ. Почти всѣ принадлежащія къ нему виды живутъ на землѣ, однако нѣкоторые способны также подниматься на деревья, но, повидимому, дѣлаютъ это лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Всѣ охотятся за мелкими позвоночными, особенно безвредными змѣями, но также и ящерицами. Болѣе крупныя нападаютъ на добычу изъ засады, но иногда преслѣдуютъ ее на короткое разстояніе, кусаютъ и оставляютъ жертву умирать; болѣе мелкія, повидимому, отыскиваютъ пищу, схватываютъ ее и отравляютъ лишь при глотаніи. О размноженіи ихъ мы имѣемъ до сихъ поръ лишь скудныя свѣдѣнія, изъ которыхъ, повидимому, слѣдуетъ, что аспидовыя кладутъ яйца прежде, чѣмъ зародыши въ нихъ разовьются окончательно.

* * *

Въ общемъ ядовитыя змѣи, можетъ быть, и уступаютъ неядовитымъ въ красотѣ окраски, но нѣкоторыя могутъ соперничать съ ними въ этомъ отношеніи; быть можетъ даже ни одна змѣя или вообще ни одно пресмыкающееся не превосходитъ красотой цвѣтовъ **Аспидовъ** (Elaps. Prunkottern), которые живутъ въ болѣе теплыхъ частяхъ Америки, а немногіе виды въ южной Африкѣ. Это маленькія,

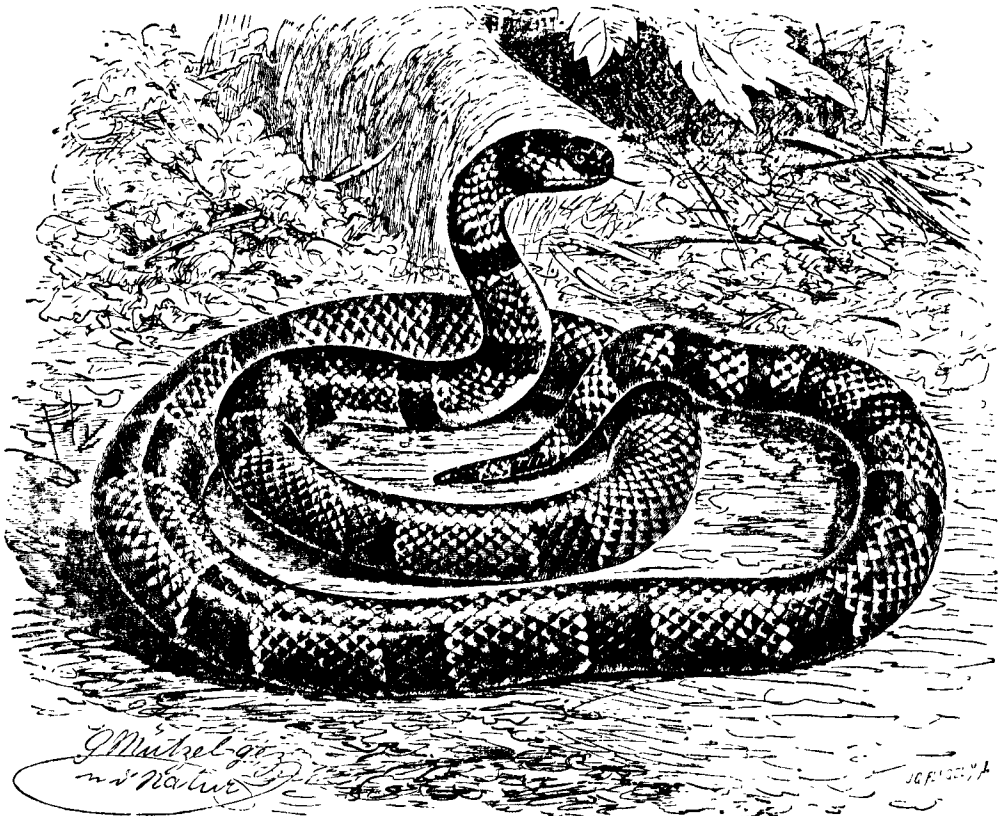

но вытянутыя въ длину, нѣсколько неуклюжія змѣи съ вальковатымъ тѣломъ, плоской, едва отдѣленной отъ шеи головою и короткимъ хвостомъ. Маленькіе глаза имѣютъ круглый зрачекъ. Одѣты аспиды однородными, гладкими чешуйками, расположенными въ 15 рядовъ, округленными брюшными щитками, простымъ заднепроходнымъ щиткомъ и расположенными попарно хвостовыми щитками. Ротовое отверстіе очень мало, и челюсти могутъ лишь мало растягиваться, благодаря короткости барабанныхъ и сосцевидныхъ костей.

Позади пробуравленныхъ ядовитыхъ крючковатыхъ зубовъ у нихъ нѣтъ сплошныхъ зубовъ. Относительно первыхъ долгое время существовало сомнѣніе, такъ какъ нѣкоторые изъ лучшихъ естествоиспытателей, между прочимъ принцъ фонъ Видъ, несмотря на тщательное изслѣдованіе, не могли открыть ни пробуравливанія, ни бороздчатости, между тѣмъ какъ у другихъ видовъ того же рода они были найдены. Принцъ фонъ Видъ считалъ поэтому тѣхъ аспидовъ, которыхъ онъ наблюдалъ, безвредными змѣями и отвергалъ также и ядовитость остальныхъ. «Даже если бы у нихъ», говоритъ онъ, «пробуравленные зубы содержали ядъ, то и въ такомъ случаѣ было бы очень мало оснований бояться этихъ животныхъ, такъ какъ при малой величинѣ ихъ и незначительности разрѣза рта они могли бы кусать лишь совсѣмъ мелкихъ животныхъ и не могли бы быть опасны для человѣка. Аспиды, изъ которыхъ я многихъ носилъ съ собою безъ малѣйшаго вреда, повидимому, родственны по формѣ и строенію двуходковымъ: плоская, спереди закругленная голова, маленькіе глаза, длинные зубы, стоящіе по одиночкѣ въ передней части верхней челюсти, маленькій, едва открывающійся ротъ, нерастяжимый затылокъ—эти признаки довольно хорошо согласуются между собою въ обѣихъ группахъ. Чего имъ недостаетъ, благодаря строенію челюстей, вознаграждается, повидимому, длиною большихъ клыковъ, которые, впрочемъ, могутъ быть пускаемы въ дѣло лишь противъ очень маленькихъ животныхъ». Новѣйшіе изслѣдователи, хотя и не причисляютъ аспидовъ къ самымъ опаснымъ ядовитымъ змѣямъ, однако согласны между собою въ томъ, что ядъ этихъ змѣй такъ же дѣйствителенъ, какъ и ядъ другихъ змѣй такой же величины, вооруженныхъ бороздчатыми или пробуравленными зубами.

Одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ видовъ—**Коралловый асидъ** (*Elaps corallinus*, *Coluber corallinus*, *Micrurus spixi*, *Elaps circinalis*, *gastrostictus*, *Korallenotter*, *Serpent corail*), змѣя длиною отъ 60 до 70 см., изъ которыхъ хвостъ занимаетъ около 10 см. «Основной цвѣтъ всего животнаго», говоритъ принцъ фонъ Видъ, «великолѣпный киноварно-красный съ необыкновенно яркимъ, на брюхѣ нѣсколько болѣе матовымъ блескомъ. Этотъ красивый красный цвѣтъ прерывается на тѣлѣ 16—19 черными кольцами шириною около 10—14 мм., окружающими тѣло и расположенными довольно правильно, черезъ одинаковые промежутки; на переднѣмъ и заднемъ краю каждое кольцо очень рѣзко отдѣлено отъ краснаго цвѣта узкимъ зеленовато-бѣлымъ кольцомъ. Всѣ красныя и зеленовато-бѣлыя кольца усыяны черными точками, такъ какъ каждая ихъ чешуйка съ чернымъ кончикомъ. Передняя половина головы до задняго конца лобнаго щитка голубовато-черная, на обоихъ затылочныхъ щиткахъ начинается широкая зеленовато-бѣлая поперечная полоса, которая позади глаза опускается внизъ и занимаютъ всю нижнюю челюсть; позади ея находится черный ошейникъ или первое черное кольцо, за которымъ слѣдуетъ красное. Хвостъ обыкновенно не краснаго цвѣта, а имѣетъ на черномъ фонѣ около 8 бѣловатыхъ колець и короткій, бѣлый кончикъ. Эта окраска, повидимому, очень постоянна».

Коралловый аспидъ живеть, какъ указываетъ принцъ фонъ Видъ, въ большихъ лѣсахъ и кустарникахъ около Ріо де Жанейро, Кабо Фріо и у Парахиба, но встрѣчается какъ въ Вестъ-Индіи и Аргентивѣ, такъ и на западѣ въ Эквадорѣ, Боливіи и низко лежащихъ областяхъ сѣверо-восточнаго Перу. На совершенно открытыхъ мѣстахъ его замѣчаютъ рѣже, хотя иногда его находятъ также здѣсь и даже по близости жилищъ. Въ болотахъ онъ, повидимому, не живеть и скорѣе предпочитаетъ всѣмъ другимъ мѣстностямъ песчаную почву или прохладную, влажную почву лѣсовъ, гдѣ растенія и опавшіе гніющіе листья доставляютъ ему убѣжище. «Охотникъ», продолжаетъ нашъ авторъ, «который вступаетъ на

Коралловый аспидъ. *Elaps corallinus*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

эту покрытую растеніями лѣсную почву, останавливается съ изумленіемъ и удовольствіемъ, увидѣвъ въ зелени ярко-красныя кольца этой великолѣпной змѣи, и только неувѣренность въ томъ, опасно ли это животное, или безвредно, останавливаетъ его желаніе протянуть руку за этимъ прекраснымъ существомъ; однако мы скоро убѣдились, что вовсе не опасно брать этихъ животныхъ и таскать съ собою живыми въ карманахъ. Я часто находилъ коралловаго асида во время моихъ охотничьихъ экскурсій, но больше въ теплое время года, чѣмъ въ холодное. Онъ не принадлежитъ къ быстрымъ змѣямъ и его можно скоро догнать; онъ не можетъ также взлѣзать на деревья, какъ многіе родичи его въ первобытныхъ лѣсахъ Бразиліи. Пища его состоитъ изъ мелкихъ позвоночныхъ; глотать болѣе крупныхъ ему не позволяетъ узкій ротъ и глотка. Я не замѣчалъ у этихъ змѣй

особаго запаха во время спариванія, но часто находилъ тѣло ихъ наполненнымъ яйцами.

«Бразильцы обыкновенно много рассказываютъ чужестранцу объ этихъ красивыхъ животныхъ, такъ какъ чудный блескъ красокъ этихъ змѣй производить впечатлѣніе и на нихъ; но они считаютъ ихъ, какъ и большинство змѣй, ядовитыми; многіе думаютъ даже, что коралловый аспидъ носить въ своей шеѣ еще другую маленькую змѣю, которая кусаетъ». Мы знаемъ теперь, что оба наблюденія имѣютъ извѣстное фактическое основаніе. Высказывавшіе это мнѣніе люди были правы, что коралловый аспидъ ядовитъ, а принцъ фонъ Видъ былъ неправъ; мы должны согласиться и съ вторымъ замѣчаніемъ, такъ какъ онъ пытается змѣями, двуходками и сцинками и другими мелкими пресмыкающимися и его часто могли наблюдать во время проглатыванія добычи.

Одинъ изъ обыкновеннѣйшихъ аспидовъ у Рио Гранде до Сулъ (*Elaps lemniscatus*) тоже внушаетъ чрезвычайный страхъ, какъ животное крайне ядовитое. Однако бразилецъ вмѣсто ядовитыхъ зубовъ приписываетъ ему желѣзное остріе на концѣ хвоста, которымъ онъ будто бы наноситъ смертельныя раны. «Несмотря на всѣ распросы», говоритъ Гензель, «я никогда не могъ найти кого-нибудь, кому пришлось быть свидѣтелемъ отравленія, вызваннаго укушеніемъ этой змѣи. Всегда повторялись лишь чужія наблюденія и рассказы. Всѣ убитые мною коралловые аспиды не обнаруживали нисколько желанія сопротивляться, а старались лишь спастись бѣгствомъ, такъ что ходячіе рассказы объ опасности этихъ животныхъ, безъ сомнѣнія, вымышлены или по крайней мѣрѣ преувеличены». Изъ пяти случаевъ, когда люди были укушены сѣверо-американскимъ **Желтымъ аспидомъ** (*Elaps fulvius*), два, по словамъ Трю, имѣли смертельный исходъ. Для болѣе мелкихъ змѣй укушеніе асида, по словамъ этого автора, тоже смертельно.

Себа рассказываетъ, что обитательницы южной Африки употребляютъ другой видъ, **Ручного асида** (*Elaps hygiae*. Schossschlange), въ жаркое время года для освѣженія, обвивая его вокругъ шеи, такъ какъ онъ не кусается; повидимому и принцъ фонъ Видъ видѣлъ нѣчто подобное, такъ какъ онъ говоритъ: «Убитый и обвитый вокругъ темной шеи негровъ или индѣйцевъ, этотъ прекрасный ужъ былъ похожъ на тѣ пестрыя ожерелья, которыя жители Гавайскихъ острововъ во время пребыванія тамъ Кука приготовляли изъ птичьихъ перьевъ.»

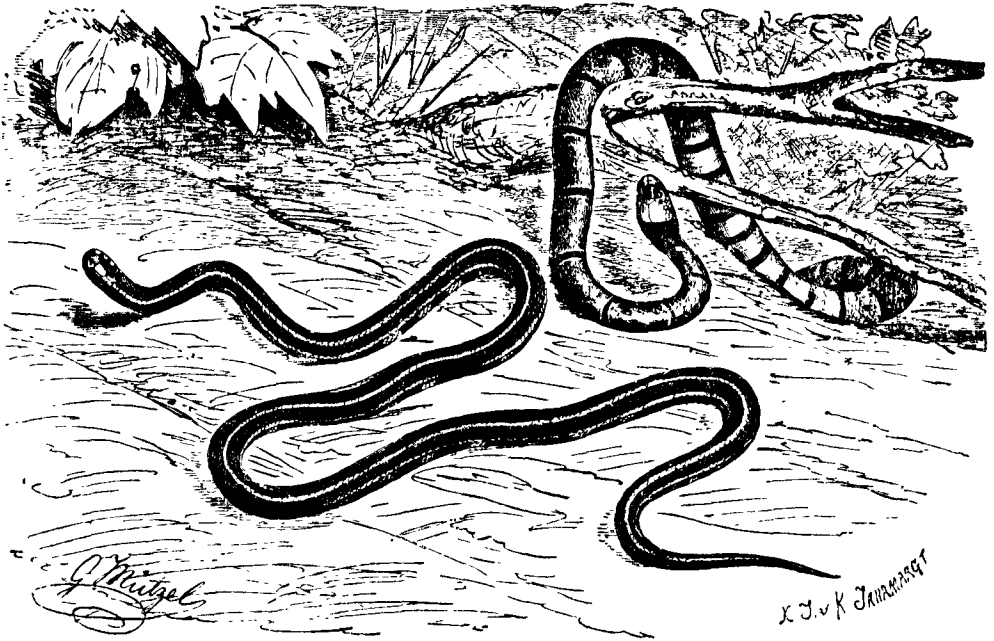
О жизни аспидовъ въ неволѣ одинъ торговецъ животными сообщилъ мнѣ слѣдующее: ему прислали одного изъ этихъ животныхъ, который бросился ему въ глаза своими великолѣпными цвѣтами, въ широкогорлой стеклянкѣ. Онъ ходилъ за нимъ съ особымъ стараніемъ, такъ какъ боялся, что оно недолго останется живымъ. Муравьиныя яйца, мучныхъ червей и кусочки мяса аспидъ не трогалъ; но когда ему предложили мышъ, онъ тотчасъ обнаружилъ возбужденіе и поспѣшилъ умертвить жертву. Онъ не укусилъ ее и не задушилъ, обвиваясь вокругъ нея, а такъ сильно придавилъ ее къ стѣнѣ помѣщенія, что мышъ скоро околѣла. Затѣмъ змѣя схватила мышъ и до тѣхъ поръ сжимала ее, пока не привела ее въ видъ, удобный для глотанія, послѣ чего и проглотила. По отношенію къ хозяину и этотъ коралловый аспидъ былъ смиренъ и добродушенъ, никогда не кусался и вообще велъ себя совсѣмъ не такъ, какъ ядовитая змѣя.

Въ нашихъ музеяхъ нельзя составить себѣ правильное понятіе о великолѣпнѣи этихъ животныхъ. Если съ нихъ содрать кожу, то красивыя красныя кольца очень скоро блѣднѣютъ, а если бросить ихъ въ винный спиртъ, то красный цвѣтъ тоже

болѣе или менѣе исчезаетъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ пропадаетъ совершенно. Повидимому красящія вещества растворяются въ спиртѣ и извлекаются, такъ какъ онъ принимаетъ блѣдно-красноватый цвѣтъ.

* *
*

Въ Азiи только что описанныхъ змѣй замѣняютъ **Красивые аспиды**, (*Callophis. Schmuckottern.*) Они отличаются бороздкой вдоль всей передней стороны верхнечелюстныхъ зубовъ, присутствiемъ заднихъ лобныхъ костей и числомъ рядовъ чешуекъ, которое у нихъ равняется 13, а у аспидовъ 15. Округленнее тѣло очень длинно и тонко, голова, едва отдѣленная отъ шеи, тупая, хвостъ очень коротокъ, широкія ноздри лежатъ между двумя щитками, глазъ съ круглымъ зрачкомъ малъ и окруженъ 0—1 предглазнымъ и 1—2 заглазными щитками. Щитки головы пра-

Железистая ехидна. *Adenophis intestinalis* и Мангеландова ехидна. *Callophis maclellandi*.
 $\frac{1}{2}$ наст. вел.

вильные, хотя недостаетъ уздечнаго щитка, височные щитки расположены въ одинъ продольный рядъ, верхнія губы покрыты 6—8 щитками, чешуйки тѣла гладки и мало налегаютъ другъ на друга, покрывающія середину спины не увеличены. Строенiе ядовитыхъ железъ нисколько не уклоняется отъ строенiя ихъ у предыдущаго рода. Извѣстны семь видовъ, которые распределены по Ост-Индiи, южному Китаю и южной Японiи.

Одинъ изъ обыкновеннѣйшихъ и наиболѣе распространенныхъ видовъ, **Мангеландова ехидна** (*Callophis maclellandi*, *Elops maclellandi*, *personatus*, *univirgatus*, *Callophis univirgatus*, *annularis*. *Maskenschmuckotter.*), змѣя, длиною въ 62 см., изъ которыхъ хвостъ занимаетъ около одной одиннадцатой. Число губныхъ щитковъ равно 7, число предглазныхъ 1, число заглазныхъ 2; два височныхъ стоятъ одинъ позади другаго. Цвѣтъ довольно значительно варьируетъ. Обыкновенно верх-

няя сторона этой красивой змѣи красновато-бурая и украшена приблизительно 40 правильно расположенными на равныхъ расстояніяхъ, черными съ бѣлыми каемками поперечными полосками или полными кольцами; желтое брюхо имѣетъ черныя поперечныя полоски или квадратныя пятна.

Одна разновидность изъ Непала имѣетъ на спинѣ черную линію и ея черныя поперечныя полосы замѣняются поперечными пятнами или могутъ и вовсе исчезать.

Она извѣстна изъ Непала, Сиккима, Ассама, Бирмы и южнаго Китая.

* * *

У второго азіатскаго рода, крайне близко родственнаго предыдущему, **Железистыхъ змѣй** (*Adeniophis. Bauchdrüsenottern.*) заслуживаетъ особеннаго вниманія строеніе ядовитыхъ железъ, которыя, какъ нашелъ Мейеръ, достигаютъ такой величины, какой не встрѣчается у другихъ змѣй. Железы эти занимаютъ на каждой сторонѣ треть длины тѣла, простираются даже въ полость тѣла и оказываютъ замѣтное вліяніе на положеніе остальныхъ внутренностей, такъ напримѣръ отъѣсняютъ назадъ сердце. Особенно бросается въ глаза тотъ фактъ, что эти большія железы находятся у нѣкоторыхъ змѣй, во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ сходныхъ съ тѣми, у которыхъ онѣ достигаютъ лишь обыкновенной величины. По Буланже, въ существованіи этихъ большихъ ядовитыхъ железъ можно убѣдиться, не вскрывая змѣю, а лишь ощупывая ее, такъ какъ глубоко лежащее сердце представляетъ сопротивленіе изслѣдывающимъ змѣю пальцамъ; можно даже замѣтить ихъ существованіе глазомъ, по небольшому возвышенію въ началѣ второй трети тѣла, тамъ, гдѣ лежитъ сердце. Извѣстны два вида, живущіе въ южной Индіи.

Самый обыкновенный видъ этого рода **Железистая ехидна**. (*Adeniophis intestinalis, Aspis, Elaps и Callophis intestinalis, Elaps furcatus, Maticora lineata, Elaps trilineatus, Adeniophis nigrotaeniatus. Bauchdrüsenotter Elapsintestinalis.*), змѣя обыкновенная въ Бирмѣ, на Малайскомъ полуостровѣ и на всѣхъ островахъ отъ Суматры до Филиппинскихъ. Длина ея равна 57 см., изъ которыхъ около 1/3 приходится на хвостъ. Число верхнегубныхъ щитковъ равно 6, спереди находится одиночный, сзади два лежащихъ одинъ надъ другимъ височныхъ щитка. Экземпляры съ Явы имѣютъ на красно-буромъ фонѣ красную спинную полосу, окаймленную чернымъ цвѣтомъ и съ каждой стороны по желтой боковой полоскѣ, тоже окаймленной чернымъ цвѣтомъ. Спинная полоска раздѣляется у задняго края темнаго щитка на двѣ вѣтки, которыя тянутся по направленію къ ноздрямъ. Вся нижняя сторона покрыта чередующимися широкими черными и желтыми полукольцами, заднепроходный щитокъ черный, нижняя сторона хвоста желтая съ поперечными полосками или безъ нихъ.

Красивые аспиды и железистыя ехидны, которые въ высокой степени сходны между собою, особенно обыкновенны на материкѣ Индіи, по крайней мѣрѣ ихъ находятъ здѣсь въ большемъ числѣ, чѣмъ на сосѣднихъ большихъ островахъ. По своему образу жизни они замѣчательно сходны съ карликовыми змѣями; они не только живутъ въ тѣхъ же мѣстностяхъ, но и тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ ними въ томъ отношеніи, что главнымъ образомъ, если не исключительно, питаются ими. Обѣ группы имѣютъ совершенно одинаковую область распространенія, и эти ядовитыя змѣи такъ безусловно зависятъ отъ своей добычи, что не водятся тамъ, гдѣ ея нѣтъ, какъ напр. на Цейлонѣ. Если позволительно дѣлать заклю-

ченіе объ относительномъ количествѣ представителей обѣихъ группъ на свободѣ, основываясь на числѣ экземпляровъ, попадающихъ въ наши собранія, то можно, по словамъ Гюнтера, сказать, что виды карликовыхъ змѣй встрѣчаются приблизительно въ двое большемъ числѣ, чѣмъ живущіе въ тѣхъ же мѣстностяхъ красивые аспиды и железистыя ехидны. По наблюденіямъ Кантора, эти ядовитыя змѣи не особенно обыкновенны, но ихъ также нельзя назвать и рѣдкими. Это земляныя змѣи въ полнѣйшемъ смыслѣ этого слова, которыя ищутъ убѣжища подъ корнями деревьевъ, камнями и въ трещинахъ скалъ, кажутся очень вялыми и неловко движутъ своимъ длиннымъ, тонкимъ тѣломъ, а обыкновенно встрѣчаются лежа на землѣ безъ движенія, съ различнымъ образомъ изогнутымъ, но не свернутымъ тѣломъ. Хотя ихъ слѣдуетъ считать дневными змѣями, однако ихъ зрѣніе, соотвѣтственно чрезвычайно малому круглому зрачку, повидимому, такъ же слабо, какъ и ихъ слухъ; по крайней мѣрѣ можно близко подойти къ нимъ, не вызывая съ ихъ стороны никакого движенія, которое выражало бы страхъ. Если ихъ трогать палькой, то онѣ дѣлаютъ большія усилія, чтобы ускользнуть, но скоро снова останавливаются и, если продолжать ихъ преслѣдовать, то онѣ движутся крайне неправильнымъ, судорожнымъ образомъ, но никогда не пробуютъ кусаться. Только однажды Канторъ видѣлъ, какъ одна изъ этихъ змѣй подняла голову приблизительно на 4 см. надъ землею. Въ неволѣ онѣ не принимаютъ ни пищи, ни воды и скоро гибнутъ. Въ желудкахъ большаго числа этихъ змѣй, которыхъ излѣдовалъ Канторъ, онъ только разъ нашелъ остатки маленькой змѣи, которую онъ не могъ опредѣлить; напротивъ, Шлегель находилъ въ желудкахъ железистыхъ ехиднъ карликовыхъ змѣй, которыхъ еще можно было опредѣлить.

Только благодаря узкому рту эти змѣи оказываются безвредными; дѣйствіе ихъ яда относительно такъ же сильно, какъ и дѣйствіе яда другихъ представителей того же подсемейства, а железистыя ехидны, у которыхъ ядовитая железа достигаетъ такого необычайнаго развитія, могли-бы, несмотря на очень малые ядовитые зубы, наносить крайне опасныя укушенія. Но и остальные могутъ умертвить болѣе крупное животное. Послѣ различныхъ неудачныхъ попытокъ раздражить красивыхъ аспидовъ и побудить ихъ кусать, Канторъ вонзилъ ядовитые зубы одного изъ нихъ въ приподнятую складку кожи на голени курицы. Въ виду узкаго рта змѣи и трудности выполненія этого опыта казалось сомнительнымъ, проникли ли ядовитые зубы сквозь кожу, и потому черезъ четверть часа змѣю заставили такимъ-же образомъ ранить курицу подъ правымъ глазомъ. 20 минутъ спустя послѣдняя обнаружила первые признаки отравленія, испржнилась, подняла съ видимою болью раненую ногу и прижала ее къ тѣлу. 28 минутъ послѣ перваго укушенія, которое оставило едва видимыя раны, птица свалилась и вѣсколько разъ тщетно пыталась подняться; 10 минутъ спустя наступили судороги, зрачекъ сжался, явленія отравленія продолжались и по прошествіи часа наступила смерть. Другія куры, которыхъ кусали красивые аспиды, умирали съ такими же признаками отравленія по прошествіи отъ 80 минутъ до 3 часовъ. Но и всѣ змѣи, которыхъ употребляли для этихъ опытовъ скоро послѣ того умирали вслѣдствіе причиненнаго имъ насилія.

* * *

Именемъ **Бунгаръ** или **Бунгарумъ** индусы означаютъ большихъ и крайне опасныхъ ядовитыхъ змѣй своей родины. Названіе это передѣлано въ латинское *Bungarus* и принято наукой, и въ настоящее время подъ этимъ названіемъ мы подразумеваемъ 8 видовъ змѣй Остѣ-Индіи и южнаго Китая, которымъ общи слѣ-

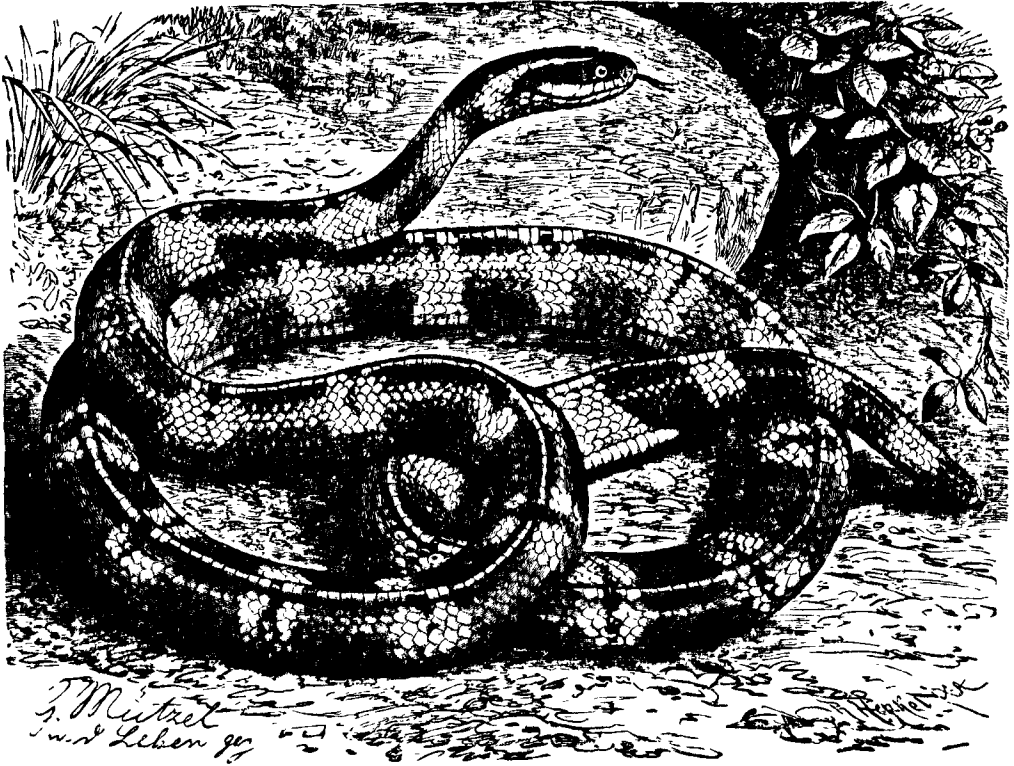
дующіе признаки: голова едва шире шеи, мала, яйцевидна, съ короткой и тупой мордой; шея неспособна расширяться или надуваться, тѣло круглое или тупотреугольное, почти равной толщины до самаго хвоста, самый хвостъ относительно коротокъ. Большіе щитки покрываютъ голову, гладкія чешуйки, расположенныя косыми поперечными и 13—15 продольными рядами, одѣваютъ тѣло, болѣе широкія, шестиугольныя щиткообразныя чешуйки образуютъ выступающій гребень на спинѣ, а одно-или двурядныя щитки покрываютъ нижнюю сторону хвоста. Ротовое отверстіе мало, нижняя челюсть нѣсколько короче верхней, зубы въ ней меньше, чѣмъ въ послѣдней. Отъ одного до трехъ мелкихъ сплошныхъ зубовъ стоятъ позади крючковатыхъ ядовитыхъ зубовъ, которые имѣютъ на передней согнутой сторонѣ явственную бороздку, но очень малы по отношенію къ величинѣ животнаго и лишь мало выступаютъ изъ складки десны.

Бунгара-пама, Санни и Кокліа-краить индусовъ (*Bungarus fasciatus*, *annularis*, *Pseudoboa fasciata*. Pama: Bongare à anneaux), величайшій видъ этаго рода, достигаетъ въ длину 1,75 м. и покрытъ на черномъ или черно-глубомъ фонѣ желтыми кольцами; голова черно-голубая, морда бурая, полоска, которая начинается на серединѣ затылочнаго щитка и идетъ по обѣимъ сторонамъ въ видѣ ошейника назадъ и внизъ, желтая; остальное тѣло покрыто почти на равныхъ расстояніяхъ 25—35 черно-голубыми и желтыми кольцами приблизительно одинаковой ширины. Кромѣ сильно расширенныхъ брюшныхъ щитковъ и однорядныхъ хвостовыхъ щитковъ, которые свойственны и слѣдующему виду, бунгара-пама отличается явственнымъ килемъ на спинѣ и замѣчательно тупозакругленнымъ концомъ хвоста.

Второй видъ, **Парагуда**, называемая также **Краить**, **Панта-пула**, **Анали** и **Калгундаить** (*Bungarus coeruleus*, *candidus*, *arcuatus*. *Pseudoboa coerulea*, *krait*. *Paraguda*. Bongare bleu), достигаетъ въ длину не болѣе 1,29 м. Цвѣтъ и рисунокъ варьируютъ различнымъ образомъ. Обыкновенно верхняя сторона голубовато-черная или темно-бурая и разрисована болѣе или менѣе многочисленными, очень узкими, по большей части занимающими въ ширину лишь одну спинную чешуйку бѣлыми поперечными полосками или мелкими бѣлыми пятнами; нижняя сторона бѣлая. Этотъ видъ отличается отъ предъидущаго также отсутствіемъ спинного кля и тѣмъ, что хвостъ его суживается въ острый кончикъ.

Бунгара-пама распространена по Остѣ-Индіи, Индокитаю и сосѣднимъ островамъ; ее находили во всей Остѣ-Индіи, Ассамѣ, Бирмѣ, Сіамѣ, южномъ Китаѣ и на Явѣ и Суматрѣ; парагуда, повидимому, живетъ лишь въ Индостанѣ, по Буланже, рѣдка уже въ Бирмѣ, а особенно обыкновенна въ Бенгаліи и на Малабарскомъ берегу. Оба вида выбираютъ для жилья, по словамъ Кантора, сухія мѣстности и охотятся здѣсь за мелкими млекопитающими и пресмыкающимися, особенно за другими змѣями и ящерицами. По Фипсону, парагуда охотно ѣстъ дупсовъ и слизистыхъ ужей. Въ предѣлахъ своей области онѣ выбираютъ себѣ убѣжище, или норки въ землѣ, или мѣсто подъ корнями дерева, и охотятся по близости него. Въ населенной странѣ ихъ приходится видѣть нечасто, однако и онѣ пробираются въ хижины туземцевъ. Канторъ говоритъ, что несмотря на свой круглый зрачекъ, онѣ часто прячутся днемъ въ своихъ убѣжищахъ, избѣгаютъ солнца, ищутъ тѣни и двигаются медленно, а иногда безъ видимаго повода быстро. Напротивъ, Фэйреръ называетъ ихъ дневными животными. Если онѣ не раздражены, то при приближеніи человѣка всегда обращаются въ бѣгство, но

если ихъ дразнить, то онѣ тотчасъ приходятъ въ ярость и могутъ въ такомъ случаѣ быть настолько же опасны, какъ и любая другая ядовитая змѣя такой же величины. Если бить ихъ или вообще нападать на нихъ, то онѣ проявляютъ сильный гнѣвъ, стараются выйти изъ своего убѣжища, и ихъ обычная медлительность внезапно смѣняется большою подвижностью. При нападеніи на нихъ онѣ, подобно гадюкамъ, далеко отодвигаютъ голову назадъ и затѣмъ выбрасываютъ въ косвенномъ направленіи впередъ половину тѣла и стараются вонзить зубы въ своего врага. Индусы увѣряютъ, что укушеніе ихъ смертельно и отъ него нѣтъ спасенія, поэтому очень боятся ихъ, особенно весьма обыкновенную парагуду; однако, благо-

Бунгара-пама. *Bungarus fasciatus*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

даря короткости ихъ ядовитыхъ зубовъ, у укушеннаго все-таки скорѣе остается извѣстная надежда на сохраненіе жизни, чѣмъ при укушеніи очковою змѣею.

Опыты, произведенные Русселемъ, Фэйреромъ и другими, достаточно доказываютъ опасность укушенія бунгарь. Укушенная очень ослабѣвшею бунгарою-пама курица тотчасъ легла, у нея обнаружился сильный поносъ, и она не могла больше держаться прямо. Въ первые 10 минутъ она тщательно пыталась подняться, голова ея дрожала; 5 минутъ спустя она лежала и, повидимому, умирала, но смерть наступила лишь черезъ 25 минутъ и сопровождалась подергиваніемъ членовъ. Большая сильная собака, укушенная парагудою въ бедро, громко закричала въ то же мгновеніе, хотя нанесенная ей рана была едва видима, но продолжала бѣгать, повидимому, безъ затрудненія; 10 минутъ спустя она стала подергивать раненою конечностью и поднимала ее вверхъ, но могла еще стоять, черезъ 5 минутъ она легла и стала лаять, но еще разъ поднялась, хотя движеніе бедра

казалось замѣтно ослабленнымъ; черезъ 25 минутъ послѣ укушенія обѣ заднія ноги были уже парализованы. Въ теченіи второго часа она нѣсколько разъ подвергалась рвотѣ, параличное состояніе увеличивалось; собака легла на бокъ, стала тяжело дышать и умерла къ концу этого часа. На укушенной конечности едва можно было замѣтить опухоль или блѣдность. Сука, укушенная въ пахъ, умерла при такихъ же явленіяхъ въ теченіи часа, но при сильныхъ подергиваніяхъ. Курица, укушенная тою же змѣей въ крыло, тотчасъ впала въ безсознательное состояніе, но могла еще ходить въ теченіи 10 минутъ; черезъ 15 минутъ легла и казалось засыпала, поворачивала голову то въ одну, то въ другую сторону, нѣсколько разъ дѣлала безплодные движенія или усилія, чтобы встать, подверглась подергиваніямъ и черезъ часъ умерла.

Очень многочисленныя, но недостаточныя обстоятельныя опыты Фэйрера въ существенныхъ чертахъ согласуются съ опытами Русселя. Укушенные собаки начинали черезъ 23 минуты скоро и тревожно дышать, черезъ три четверти часа подвергались рвотѣ, становились очень безпокойны, вялы, сонливы, равнодушны, наконецъ съ ними дѣлались судороги и онѣ умирали по истеченіи 54—55 часовъ. Кошки раскрывали послѣ укушенія ротъ, далеко высовывали языкъ, пытались убіять, затѣмъ спокойно ложились и умирали приблизительно черезъ такое же время. Цапли, укушенные въ голень, уже спустя 3 минуты вытягивали раненую ногу, скорѣе дышали, дѣлали попытки летѣть, обнаруживали черезъ 6 минутъ послѣ укушенія первые признаки слабости, широко открывали клювъ, нахохливали черезъ 20 минутъ перья, ложились, пальцы ихъ судорожно сводило, онѣ дѣлали дрожащія движенія кожею, спустя часъ не могли болѣе двигаться и черезъ полтора часа послѣ укушенія были мертвы. При изслѣдованіи укушенная голень оказалась очень опухшею и до такой степени наполненною газами, что при надавливаніи она перемѣщалась съ шумомъ; кровь была водянистою и жидкою, что обыкновенно наблюдается при изслѣдованіи крови животныхъ или людей, погибшихъ отъ укушенія ядовитыми змѣями. Буры уже черезъ 2 минуты послѣ укушенія были очень возбуждены и тревожно бѣгали, черезъ 8 минутъ послѣ того онѣ начинали шататься, такъ что должны были поддерживать себя, упираясь въ землю клювомъ; черезъ 5 минутъ послѣ того онѣ падали парализованныя, еще черезъ 15 минутъ у нихъ дѣлались подергиванія и черезъ 26 минутъ, нѣкоторыя уже черезъ 17 минутъ, а самое позднее черезъ полтора часа послѣ укушенія, онѣ умирали. Укушенная молодая кошка проболѣла 3 дня, но осталась жива, вѣроятно потому, что въ рану влилось недостаточно яда. Подобныя же обстоятельства могутъ встрѣчаться иногда и въ тѣхъ случаяхъ, когда укушенные люди не умираютъ отъ отравленія. «Если бы», говоритъ Фэйреръ, «для спасенія кошки были примѣнены какія-нибудь средства, то вѣроятно имъ приписали бы благоприятное дѣйствіе, и можетъ быть неосновательно». Въ томъ же смыслѣ высказывается и Ричардсъ, который указываетъ на цѣлый рядъ случаевъ, имѣвшихъ подобный-же исходъ.

Изъ всѣхъ этихъ опытовъ, полное перечисленіе которыхъ утомило бы читателей и все же не дало бы ничего новаго, слѣдуетъ, что ядъ бунгаръ дѣйствуетъ не такъ быстро или сильно, какъ ядъ очковой змѣи, но, вѣроятно, лишь благодаря короткости ядовитыхъ зубовъ, которые не могутъ проникать такъ глубоко. Отравленія, вызванныя укушеніями этихъ змѣй, опасны всегда, и самые дурные исходы могутъ имѣть мѣсто и тогда, если ядовитые зубы только оцарапали кожу.

Бунгары, укушенные очковыми змѣями, умирали на слѣдующій день; инныя оставались живы. Фэйреръ склоненъ приписывать смерть первыхъ дѣйствию уку-

шенія болѣе крупныхъ очковыхъ змѣй, и на это онъ, по моимъ наблюденіямъ, имѣетъ полное право.

Сколько изъ большого числа несчастныхъ случаевъ укушенія ядовитыхъ змѣй, ежегодно повторяющихся въ Индіи, надо приписать бунгарамъ, трудно рѣшить; но вѣроятно мы не будемъ несправедливы къ нимъ, если поставимъ ихъ на первое мѣсто послѣ очковой змѣи, какъ самыхъ опасныхъ изъ ядовитыхъ змѣй Остѣ-Индіи. Относительно незначительная величина и вовсе не бросающаяся въ глаза форма головы, а также и вообще ихъ безвредный видъ, быть можетъ даже великолѣпные цвѣта и рисунки бунгаръ могутъ ввести въ заблужденіе иного незнающаго человѣка, а ихъ дневной образъ жизни и многочисленность могутъ чаще приводить ихъ въ столкновеніе съ человѣкомъ, чѣмъ другихъ ядовитыхъ змѣй такой же величины. «Относящееся къ Европѣ правило», говоритъ Мартенсъ, «что ядовитыхъ змѣй можно узнать по широкой головѣ, явственно отдѣленной отъ шеи, невѣрно для южной Азіи, и одинъ голландскій офицеръ въ Амбаравѣ долженъ былъ не задолго до нашего пріѣзда въ Иву заплатить жизнь за недостаточность знаній по зоологіи, такъ какъ онъ счелъ бунгару безвредной на основаніи малой величины ея головы. Такъ какъ передній и задній концы этихъ змѣй на первый взглядъ не слишкомъ различны, то народъ счтаетъ ихъ двухголовыми и предостерегаетъ отъ двухголовыхъ змѣй, какъ особенно опасныхъ».

Насколько основательно такое предостереженіе, хотя оно и основано на ложномъ мнѣніи, въ этомъ убѣждаютъ насъ данныя Фэйрера относительно остиндскихъ бунгаръ. Въ отчетахъ, доходящихъ до правительственныхъ мѣстъ, бунгары, а особенно паратура, занимаютъ второе мѣсто. Укушенія паймой упоминаются замѣчательно рѣдко, напротивъ, укушенія или случаи смерти отъ паратуры крайне часто и всѣ доклады полицейскихъ чиновниковъ приводятъ ужасающее число несчастныхъ случаевъ, причиненныхъ этою относительно небольшою, ядовитою змѣей. Она же повсюду обыкновенна во всей Индіи, чаще, чѣмъ всякая другая змѣя, пересѣкаетъ дорогу путнику, проникаетъ не только въ открытыя хижины, но даже въ запертые дома, свертываясь на порогѣ двери, въ углу комнаты, въ шкафу и въ сундукѣ, проскальзываетъ въ спальни и ванныя я, благодаря этому, очень часто бываетъ причиною смерти людей.

* * *

«Кобра де Канелло» назвали португальцы одну змѣю, которую они нашли на Цейлонѣ, а позднѣе перенесли это названіе и на родичей ея, которыхъ встрѣтили въ Африкѣ. Названіе это значитъ «шляпная змѣя» и оно характерно; однако португальцы могли бы и не создавать новаго названія, такъ какъ и та, и другая змѣя уже съ незапамятныхъ временъ были извѣстны и названы; особенно видъ, живущій въ сѣверной и восточной Африкѣ, приобрѣлъ громкую извѣстность уже въ исторіи древняго Египта. Особенность этихъ змѣй заключается въ томъ, что онѣ могутъ, вертикально поднимая переднюю часть тѣла, расширять шею въ видѣ плоскаго кружка, направляя въ стороны переднія восемь реберъ. При этомъ положеніи онѣ всегда держатъ голову горизонтально, и тогда кажется, какъ будто бы на нихъ надѣта большая круглая шляпа. Впечатлѣніе это получается однако лишь въ томъ случаѣ, если смотрѣть на нихъ сзади; при разсматриваніи спереди плоскій кружокъ, образованный съ помощью реберъ, вызываетъ сравненіе съ щитомъ и потому названіе «щитоносная змѣя» («Schi'dotter») было бы еще характернѣе.

Тѣло Най (*Naja. Putschlangen*) вытянуто въ длину и округлено, по серединѣ нѣсколько утолщено, снизу плоско; шея, способная къ значительному расширенію въ покоѣ нѣсколько отдѣлена отъ головы; сама голова мала, продолговато-яйцевидна, довольно плоска, въ общемъ очень похожа на голову настоящихъ ужей, хвостъ удлинненно-конической и заостренный; глаза довольно малы и съ круглымъ зрачкомъ; ноздри широкія и лежатъ по бокамъ, каждая между двумя щитками. Покровъ головы состоитъ изъ большихъ правильныхъ щитковъ. Уздечныхъ щитковъ нѣтъ; предглазныхъ 1—2, заглазныхъ 3, иногда же 2 или 4; верхняя губа одѣта 6—7 щитками, изъ которыхъ третій и четвертый по большей части входятъ въ составъ кольца, окружающаго глазъ. Остальной покровъ состоитъ изъ расположенныхъ косыми рядами, гладкихъ, болѣе мелкихъ чешуекъ на шеѣ и такъ же расположенныхъ болѣе крупныхъ ромбическихъ на верхней сторонѣ остального тѣла, между тѣмъ какъ брюшная сторона покрыта большими однорядными щитками, а нижняя сторона хвоста однорядными и раздѣляющимися на пары. Ротовое отверстіе относительно широкое; позади явственно бороздчатыхъ ядовитыхъ зубовъ, которые средней длины, находятся 1—3 гладкихъ сплошныхъ зуба. Различаютъ 6 или 7 видовъ, которые распредѣлены по Африкѣ и южной Азии. Всѣ кладутъ яйца, живутъ на землѣ, но часто поднимаются на деревья и добровольно идутъ въ воду.

Тотъ, кто хоть разъ видѣлъ наю, когда она, испуганная и раздраженная видомъ врага, особенно человѣка, поднялась, вытянула вверхъ переднюю треть тѣла, расширила свой щитъ и въ этой величественной позѣ, готовая къ нападенію или, по крайней мѣрѣ, къ защитѣ, то болѣе медленно, то быстрѣе ползетъ, извиваясь, къ предмету своего гнѣва, причемъ передняя часть ея держится неподвижно, какъ статуя, а задняя напрягаетъ каждый свой мускулъ, и кто знаетъ, при этомъ, что ея укушеніе такъ же смертельно, какъ укушеніе копьевидной куфии или гремучей змѣи, тотъ пойметъ, что она должна была издавна возбуждать вниманіе человѣка, пойметъ, почему ей воздавали божескія почести и пользовались ею, чтобы обманывать людей, незнакомыхъ съ характеромъ и особенностями этой змѣи. Существо, столь своеобразное по характеру и строенію, должно было привлекать къ себѣ вниманіе каждаго мыслящаго человѣка, а знаніе смертоноснаго дѣйствія ея укушенія позволяло властолюбивому жрецу или ловкому обманщику выдавать это животное за изображение или представителя божества.

Кобра де Капелло, или просто **Кобра**, **Очковая змѣя**, называемая въ Индіи **Тшинта-негу**, **Налла-памба**, **Нага**, въ Бирмѣ **Муэ-науи** (*Naja tripudians, lutescens, larvata, atra, oxiana, Tomyris oxiana, Coluber naga. Brillenschlange. Serpent à lunettes*) длиною 1,4—1,81 м. Она огненно-желтаго цвѣта, при извѣстномъ освѣщеніи съ пепельно-голубымъ блескомъ; цвѣтъ этотъ кажется, однако, блѣднымъ, такъ какъ промежутки между чешуйками свѣтло-желтые или бѣлые, а часто того же цвѣта и углы отдѣльныхъ чешуекъ. На затылкѣ свѣтло-желтый или бѣлый цвѣтъ настолько преобладаетъ, что болѣе темный является лишь въ видѣ крапичъ и именно на этомъ мѣстѣ явственно выдѣляется рисунокъ, имѣющій сходство съ очками. Очки эти окаймлены двумя черными линиями и обыкновенно значительно свѣтлѣе, чѣмъ окружающія части, между тѣмъ, какъ мѣста, соответствующія стекламъ очковъ, или чисто-чернаго цвѣта, или представляютъ свѣтлое глазчатое пятно, окруженное темнымъ краемъ. Брюшная сторона грязно-бѣлая и часто имѣетъ на передней трети тѣла широкія черныя поперечныя полосы. Но нерѣдко встрѣчаются и экземпляры, которые сверху чернаго цвѣта, снизу

Лит. Штадеръ - Латинотъ С. П. В.

ОЧКОВАЯ ЗМЪЯ.

черновато-бураго, такіе, которые и сверху и снизу оливково-бураго, наконецъ такіе, которые окрашены сверху сѣроватымъ, снизу бѣловатымъ цвѣтомъ; кромѣ того, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ у этого вида вовсе нѣтъ бросающагося въ глаза рисунка на затылкѣ. Главныя отличія отъ родственныхъ видовъ заключаются въ отсутствіи большихъ щитковъ позади затылочныхъ, въ числѣ рядовъ чешуй по срединѣ тѣла, которыхъ здѣсь 19—23, и въ незначительной вышинѣ шестого верхне-губного щитка.

Такъ какъ туземцы хорошо знакомы съ очковой змѣю, безспорно самой ядовитой змѣей Индіи, то они различаютъ разновидности ея. Руссель, который сообщилъ подробныя свѣдѣнія объ этомъ животномъ, приводитъ девять названій. Одна разновидность, живущая у Коромандельскаго берега, **Ариги-негу**, имѣетъ сѣрые очки съ сѣрыми каемками посерединѣ и по темному пятну съ каждой стороны дуги; другая, **Кендумъ-негу**, происходящая изъ той же области, болѣе темнаго цвѣта, съ желтой кожей между чешуйками, и рисункомъ въ видѣ очковъ, очертанія котораго образованы двойною дугой чернаго цвѣта; третья разновидность, **Могла-негу**, отличается затылочными щитками съ сѣрыми пятнами и сѣро-голубыми остальными головными щитками, четвертая, **Мелле-негу**,—блѣдно-бурымъ цвѣтомъ, нѣсколькими темными поперечными полосками на шеѣ и маленькими очковыми рисунками, пятая, **Кембу-негу**,—темными затылочными щитками и общей окраской, имѣющей голубой отливъ; шестая, **Ізние-негу**,—оранжевой, седьмая, **Неллетеспемъ**,—черной кожей горла; восьмая, **Коріэ-негу**,—узкими передними и широкими послѣдними лобными щитками; наконецъ, девятая, **Сенну-негу**,—тѣмъ, что вовсе не имѣетъ рисунка на шеѣ. Недавно описано еще нѣсколько разновидностей.

Очковая змѣя распространена по всей Индіи, южной части Китая, Бирмѣ, Сіаму, Малайскому полуострову, большимъ Зондскимъ островамъ за исключеніемъ Целебеса, Андаманскимъ островамъ и Цейлону, а на западъ по Афганистану, сѣверо-восточнымъ частямъ Персіи и южнымъ областямъ Туркменіи до Каспійскаго моря. На Гиммалаяхъ она встрѣчается до высоты 2500 м. Подобно большинству остальныхъ змѣй, она, повидимому, не связана съ опредѣленной мѣстностью, напротивъ, поселяется вездѣ, гдѣ находитъ удобное убѣжище и достаточную пищу. Любимое жилище ея составляютъ покинутые холмики термитовъ, развалины, кучи камней и дерева, дырявыя глиняныя стѣны и тому подобныя кучи хлама, заключающія въ себѣ дыры и скрытые промежутки, служащія очковой змѣѣ убѣжищемъ. Тенненъ указываетъ, что на Цейлонѣ она, на ряду съ такъ называемымъ слизистымъ ужемъ (*Zamenis mucosus*), представляетъ единственныхъ змѣй, не избѣгающихъ сосѣдства человѣческихъ жилищъ. Ее привлекаютъ сюда сточныя рвы, а можетъ быть и добыча, которую она рассчитываетъ здѣсь достать, именно крысы, мыши и маленькіе цыплята. Нерѣдко и наводненіе заставляеть ее отыскивать вышележащія части страны, не заливаемой рѣкою, а вмѣстѣ съ тѣмъ и построенныя тамъ хижины. Пока ее не тревожатъ, она обыкновенно лѣниво и вяло лежитъ передъ входомъ въ свое жилище, а при появленіи человѣка по большей части какъ можно торопливѣе прячется и только доведенная до крайности бросается на нападающаго. Если она не раздражена, на примѣръ, если она отправляется на охоту, она ползеть по землѣ извиваясь, съ едва поднятой головой и не расширенной шейей; если же она раздражена или хотя бы испугана, она тотчасъ принимаетъ свойственное этому роду положеніе, приготовляясь къ нападенію. Хотя она дневная змѣя, но избѣгаетъ жары и вообще жгучихъ лучей солнца и начинаетъ охоту лишь въ поздніе послѣобѣденные часы и часто продолжаетъ еще пол-

зять поздно ночью, а потому некоторые авторы прямо считают ее ночным животным.

Все наблюдатели называют ее движения медленными, однако она болѣе ловка, чѣм думаютъ: она не только умѣетъ плавать, но до известной степени и лазать. Одна кобра, которая упала въ крѣпостной ровъ и не могла взобраться по крутымъ стѣнамъ его, легко и свободно плавала втеченіе нѣсколькихъ часовъ, держа голову и шейный щитъ надъ водою; другія отправлялись даже добровольно въ море. Когда «Веллингтонъ», правительственное судно, служащее для надзора за рыбной ловлей, стоялъ на якорѣ въ бухтѣ Кудремеле на разстояніи около четверти мили отъ берега, однажды, приблизительно за часъ до заката солнца, замѣтили очковую змѣю, которая плыла прямо на судно и приблизилась метровъ на 12. Матросы стали бросать въ нее кусками дерева и другими предметами и заставили ее повернуть къ берегу. На слѣдующее утро на берегу нашли слѣды животнаго тамъ, гдѣ оно вышло изъ воды, и могли прослѣдить его до сосѣдняго джунгля. Позднѣе нашли и убили на томъ же суднѣ одну кобру, которая могла попасть на него лишь по якорной цѣпи; это доказываетъ, что она хорошо можетъ и лазать. Тенненъ слышалъ, что одну очковую змѣю нашли въ верхушкѣ кокосовой пальмы; «ее привлечь, какъ говорили, пальмовый сокъ, который сочился въ это время»; въ дѣйствительности же она взобралась сюда навѣрное затѣмъ, чтобы охотиться за птицами или грабить ихъ гнѣзда. На крышахъ домовъ ихъ замѣчаютъ нерѣдко.

Яица кобры состоятъ исключительно изъ мелкихъ животныхъ и, кажется, преимущественно изъ пресмыкающихся и земноводныхъ, по крайней мѣрѣ Тенненъ указываетъ въ качествѣ добычи, которую она преслѣдуетъ, ящерицъ, лягушекъ и жабъ, Фэйреръ кромѣ того еще рыбъ и насѣкомыхъ. Что она должна быть опасной для молодыхъ куръ, мышей и крысъ, это достаточно выясняется уже изъ приведенныхъ мною данныхъ перваго изъ вышеазванныхъ изслѣдователей; что она грабитъ также птичьи гнѣзда и въ особенности отыскиваетъ въ курятникахъ и голубятникахъ яйца домашнихъ птицъ, упоминаетъ Фэйреръ. О другихъ змѣяхъ она мало заботится и, повидимому, не преслѣдуетъ ихъ. Она пьетъ много, но можетъ также долгое время безъ вреда терпѣть жажду, по наблюденіямъ надъ содержимыми въ неволѣ, втеченіе нѣсколькихъ недѣль и даже мѣсяцевъ.

Относительно размноженія кобры Фэйреръ говоритъ, что она кладетъ до 18 продолговато-яйцевидныхъ бѣлыхъ яицъ съ мягкой скорлупою, которая по величинѣ равны яйцамъ домашняго голубя. Финсонъ увеличиваетъ это число до 12—20. Совершенно то же, что древніе говорятъ о родственномъ очковой змѣѣ аспидѣ или гаѣ, рассказываютъ и индусы объ очковой змѣѣ: что самецъ и самка обнаруживаютъ известную взаимную привязанность, что тамъ, гдѣ поймашь одну кобру, по большей части скоро послѣ того замѣчаешь и другую и т. п., однимъ словомъ, что у очковыхъ змѣй существуетъ брачная жизнь, и что оба пола рѣшительно держатся вмѣстѣ. Тенненъ замѣчаетъ, что онъ два раза имѣлъ случай сдѣлать наблюденія, которыя, повидимому, подтверждаютъ этотъ рассказъ. Одна взрослая кобра была убита въ купальнѣ правительственнаго дома въ Коломбо и «ея товарищъ» былъ найденъ на слѣдующій день на томъ же мѣстѣ; точно такъ же, когда въ крѣпостной ровъ падала кобра, то въ то же утро ея «товарища» находили въ сосѣднемъ ровѣ. Происходило ли это именно въ періодъ спариванія, и объясняется слѣдовательно весьма естественнымъ образомъ, объ этомъ Тенненъ не говоритъ ничего и потому мы не знаемъ, насколько это можетъ считаться дѣломъ случая. Относительно дѣтеннейшей сиагалезцы утверждаютъ, будто бы она становится ядовитыми не раньше 13-го дня, когда происходитъ первое линяніе.

Какъ въ прежнія времена, такъ и сегодня еще очковая змѣя служитъ предметомъ благоговѣйнаго почитанія и даже почти боготворенія и играетъ важную роль въ религіозныхъ сказаніяхъ индусовъ. Одна изъ самыхъ интересныхъ выдумокъ этого рода слѣдующая: когда Будда однажды скитался по землѣ и заснулъ подъ лучами полуденнаго солнца, явилась кобра, расширила свой щитъ и заслонила имъ отъ солнца лицо бога. Довольный этимъ богъ общалъ ей чрезвычайную милость, но забылъ о своемъ обѣщаніи, и змѣя увидѣла себя вынужденной напомнить ему объ этомъ, такъ какъ грифы производили въ это время среди нихъ ужасныя опустошенія. Въ защиту отъ этихъ хищныхъ птицъ Будда даровалъ кобрѣ очки, которыхъ коршуны боятся. Другое сказаніе повѣствуетъ о драгоцѣнномъ камнѣ, «негеменикъ-кіа», который иногда находится въ желудкѣ кобры и который она заботливо скрываетъ, такъ какъ не поддающийся описанію блескъ его сталъ бы привлекать всякаго, подобно лучезарному свѣтилу, и тѣмъ подвергалъ бы животное опасности.

Во время пребыванія Деллона въ Куранурѣ, около середины XVII-го столѣтія, одинъ секретарь князя былъ укушенъ очковой змѣею. Его принесли въ городъ, а вмѣстѣ съ нимъ въ хорошо закрытомъ сосудѣ и змѣю. Князь былъ очень огорченъ несчастнымъ случаемъ и призвалъ браминовъ, которые трогательнымъ образомъ стали указывать змѣѣ, что жизнь раненаго секретаря очень важна для государства. Къ такимъ увѣщаніямъ присоединялись и необходимыя угрозы: змѣѣ объясняли, что ее сожгутъ на одномъ кострѣ съ больнымъ, если укушеніе ея будетъ имѣть слѣдствіемъ его смерть. Однако божественное животное не смягчилось и секретарь умеръ. Глубокое уныніе овладѣло княземъ; однако ему во время пришла въ голову мысль, что мертвый, быть можетъ, навлекъ на себя гнѣвъ боговъ какимъ-нибудь тайнымъ грѣхомъ, и змѣя исполнила лишь повелѣніе боговъ. Поэтому ее вынесли въ сосудѣ изъ дому, отпустили на свободу и надлежащимъ образомъ умоляли ее съ низкими поклонами о прощеніи. Данныя Ричардса объ особенныхъ воззрѣніяхъ, которыя удерживаютъ индусовъ отъ умерщвленія змѣй, сообщены уже выше. Если житель Малабара находитъ въ своемъ домѣ ядовитую змѣю, онъ самымъ дружескимъ образомъ проситъ ее уйти; если это нисколько не помогаетъ, то онъ держитъ передъ нею пищу, чтобы выманить ее, а если она и тогда не уходитъ, то онъ призываетъ благочестивыхъ служителей божества, которые, понятно за соответственное вознагражденіе, дѣлаютъ змѣѣ трогательныя увѣщанія. По справкамъ, собраннымъ Фэйреромъ, воззрѣнія индусовъ, если и не всѣхъ кастъ, не измѣнились въ этомъ отношеніи и до нашихъ дней. Многіе индусы ни въ какомъ случаѣ не убьютъ очковую змѣю. Если кто-нибудь найдетъ ее въ своемъ домѣ, то успокаиваетъ ее, насколько можетъ, кормитъ и защищаетъ ее, какъ будто бы причиненный ей вредъ долженъ принести несчастье дому. Если страхъ передъ опаснымъ и злобнымъ гостемъ перевѣситъ суевѣрное боготвореніе, если, на примѣръ, змѣя умертвитъ кого-нибудь изъ жителей дома, то индусъ приказываетъ поймать ее, но и теперь обращается съ нею почтительно и осторожно, относить ее въ отдаленное необитаемое мѣсто и отпускаетъ на свободу, чтобы она мирно ползла своей дорогой.

Съ такимъ народомъ фиглярамъ, понятно, легко имѣть дѣло. Слѣпая толпа считаетъ ихъ фокусы за очевидное волшебство, а брамины по мѣрѣ силъ поддерживаютъ эту выгодную для нихъ вѣру. Правда, нельзя отрицать, что фигляры обращаются съ этими опасными животными такимъ образомъ, что вполне могутъ внушить и недовѣрчивому европейцу высокое почтеніе къ своей ловкости; но все ихъ искусство основано исключительно на точномъ знаніи характера и особенностей

змѣи. Различные писатели утверждали, что кобрѣ, какъ и аспиду, ея африканскому родичу, выламываютъ ядовитые зубы, прежде чѣмъ употреблять змѣй для представлений, и что укушеніе ихъ не можетъ приносить вредъ; но уже Дэви самымъ рѣшительнымъ образомъ оспариваетъ это мнѣніе, а новѣйшіе наблюдатели вполне согласны съ нимъ. Конечно можетъ случаться, что фигляры выламываютъ у змѣй ядовитые зубы, но обыкновенно кобра обладаетъ своимъ смертоноснымъ оружіемъ и слѣдовательно можетъ пускать его въ дѣло; дрессировка, которой она подверглась, едва ли можетъ помѣшать ей въ этомъ. Дрессировка, правда, происходитъ, но навѣрное не ведетъ къ тому, чтобы удержатъ животное отъ кусанія, и только проворство и внимательность фигляра спасаютъ его отъ опасности, которую онъ дерзко навлекаетъ на себя, хотя и не во всѣхъ случаяхъ. Иной изъ этихъ людей погибаетъ отъ очковой змѣи. «Заклинатель змѣй», рассказываетъ Дэви, «дразнить кобру ударами или быстрыми угрожающими движеніями руки и снова успокаиваетъ ее голосомъ, медленными круговыми движеніями рукъ и легкимъ поглаживаніемъ. Если она разозлится, онъ искусно избѣгаетъ ея нападенія и играетъ съ нею только, когда она успокоена. Тогда онъ подноситъ пасть животнаго къ своему лбу, проводитъ ею по лицу. Народъ думаетъ, что заклинатель можетъ безопасно обращаться со змѣями, благодаря волшебству; просвѣщенный человѣкъ смѣется надъ этимъ и подозрѣваетъ фигляра въ обманѣ, думая, что онъ вырвалъ у кобры ядовитые зубы; но онъ ошибается, а народъ болѣе правъ. Я изслѣдовалъ такихъ змѣй и нашелъ ихъ зубы неповрежденными. Фигляры дѣйствительно обладаютъ волшебствомъ—конечно не сверхъестественнымъ, а волшебствомъ увѣренности и мужества. Они знаютъ нравы и склонности этой змѣи, знаютъ, какъ неохотно она пускаетъ въ дѣло свое смертоносное оружіе и что она кусаетъ лишь послѣ того, какъ ее сильно раздражатъ. Тотъ, кто обладаетъ увѣренностью и проворствомъ этихъ людей, можетъ подражать ихъ игрѣ, и я не разъ дѣлалъ это. Фигляры могутъ вести игру съ каждой змѣей, только что пойманной или долго содержавшейся взаперти; но они не отваживаются на это ни съ какой другою ядовитой змѣей». Справедливость указаній Дэви печально подтвердилась, по Тенненту, на Цейлонѣ смертью одного изъ этихъ заклинателей, который, благодаря этимъ представленіямъ, приобрѣлъ необыкновенную дерзость въ обращеніи со змѣями, былъ укушенъ одною изъ нихъ въ грудь и умеръ въ тотъ же день.

Очень живое описаніе заклинанія далъ Рондо. «Къ 6 часамъ вечера на судно является заклинатель—индусъ. Онъ бѣдно одѣтъ, но въ видѣ отличительнаго признака носить тюрбанъ, украшенный тремя павлиньими перьями. Онъ приноситъ съ собою въ мѣшкахъ ожерелья, амулеты и тому подобное, а въ плоской корзинкѣ очковую змѣю. Онъ располагается на бакѣ. мы садимся на скамьи на шканцахъ; матросы становятся кругомъ. Онъ ставитъ корзинку и снимаетъ съ нея крышку. Змѣя лежитъ свернувшись на двѣ ея. Фигляръ садится на корточки на нѣкоторомъ разстояніи передъ нею и начинаетъ играть на особаго рода кларнетѣ протяжную, жалобную, однообразную мелодію. Змѣя немного поднимается, вытягивается и встаетъ. Кажется какъ будто бы она сѣла на свой хвостъ, который остается еще свернутымъ. Она не оставляетъ корзинку. Черезъ нѣкоторое время она становится безпокойной, старается ознакомиться съ мѣстомъ, гдѣ находится, начинаетъ двигаться, развертываетъ и расширяетъ свой щитъ, сердится, болѣе храпитъ, чѣмъ шипитъ, быстро движетъ языкомъ и нѣсколько разъ съ силою бросается къ фигляру, какъ бы желая укусить его, при этомъ неоднократно подпрыгиваетъ и дѣлаетъ неловкіе скачки. Чѣмъ болѣе она двигаетъ своимъ щитомъ, тѣмъ болѣе расширяетъ его. Фигляръ не сводитъ съ нея глазъ и смотритъ на нее страннымъ пристальнымъ взглядомъ. По

прошествіи 10—12 минутъ змѣя кажется менѣ возбужденной, постепенно успокаивается и покачивается; наконецъ, какъ будто бы прислушиваясь къ постепенно слабеющей музыкѣ фокусника, она ложится но все еще движеть языкомъ съ чрезвычайной живостью. Состояніе ея, повидимому, все болѣе и болѣе становится соннымъ. Глаза ея, которые сначала, казалось, хотѣли уничтожить заклинателя, смотрятъ на него неподвижно, какъ будто очарованные. Индусъ пользуется этимъ мгновеніемъ слабости змѣи, медленно приближается къ ней, не переставая играть, и прижимаетъ къ ея головѣ сначала свой носъ, затѣмъ языкъ. Это продолжается не болѣе одного мгновенія, но въ ту же минуту змѣя оправляется и съ бѣшеной яростью бросается къ фигляру, который едва успѣваетъ отступить настолько, чтобы она не могла его достать.

«Когда фокусникъ кончалъ свою игру, подходитъ одинъ изъ офицеровъ судна и выражаетъ желаніе видѣть, какимъ образомъ индусъ прикладываетъ губы къ покрытой чешуей головѣ животнаго. Бѣднякъ снова начинаетъ свою однообразную пѣсню и снова устремляетъ на кобру пристальный взглядъ. Усилія его тщетны. Змѣя находится въ состояніи крайняго раздраженія; ничто на нее не дѣйствуетъ. Она хочетъ оставить корзинку и ее приходится закрыть. Мы сомнѣваемся, чтобы у кобры были еще ея ядовитые зубы и чтобы страхъ, выражаемый индусомъ, былъ основательнымъ. Поэтому мы требуемъ, чтобы онъ далъ змѣѣ укусить двухъ куръ и общаемъ ему за это испанскій пластръ. Онъ беретъ черную курицу и держитъ ее передъ змѣей. Змѣя поднимается на половину, смотритъ одно мгновеніе на курицу, кусаетъ и оставляетъ ее. Курицу отпускаютъ и она убѣгаетъ въ испугѣ; 6 минутъ спустя у нея дѣлается рвота, она протягиваетъ ноги и умираетъ. Змѣѣ подставляютъ другую курицу, она кусаетъ ее два раза и курица умираетъ черезъ 8 минутъ».

Графъ Гертцъ описываетъ въ своемъ путешествіи вокругъ свѣта представленіе фигляровъ нѣсколько иначе. Очковыя змѣи, съ которыми играли передъ нимъ заклинатели въ Мадрасѣ, тоже лежали, свернувшись въ плоскихъ корзинахъ; но старшина трупы фокусниковъ бралъ одну за другою за голову, вынималъ и клалъ ихъ на землю и лишь послѣ того сталъ извлекать звуки, раздрающіе уши, изъ страннаго кларнета, къ концу котораго была прикрѣплена маленькая тыква. Животныя подняли кверху головы и шеи, пристально смотрѣли ему въ лицо и сильно расширяли шею, не дѣлая другихъ движеній. Затѣмъ онъ сталъ протягивать кулакъ къ ихъ головамъ, онѣ двигали головою вслѣдъ за кулакомъ, какъ бы съ намѣреніемъ укусить, но не открывали рта. Кончикомъ носа и языкомъ этотъ фигляръ дѣлалъ то же, что и первый. Онъ не старался очаровать ихъ пристальнымъ взглядомъ, напротивъ, часто небрежно трогалъ животныхъ и наконецъ обвилъ ихъ вокругъ своей шеи. Танцующихъ движеній у змѣи было вовсе не замѣтно; въ ея поведеніи явственно выражались съ одной стороны вся злоба и бѣшенство этого вида змѣй, съ другой—страхъ передъ заклинателемъ. Легко было догадаться, что прирученіе заключалось въ томъ, что змѣѣ давали кусать твердые или нагрѣтые предметы. «Ядовитые зубы были вырваны, какъ я убѣдился самъ; въ этомъ признались и сами фигляры».

Послѣднее подтверждается и слѣдующимъ разсказомъ Джонсона: «Одинъ фокусникъ заставлялъ большую кобра-де-капелло плясать передъ многочисленнымъ обществомъ. Сынъ его, юноша 16 лѣтъ, привелъ животное въ ярость, былъ укушенъ и черезъ часъ умеръ. Отецъ былъ пораженъ и клялся, что смерть его сына не могла произойти отъ укушенія, такъ какъ у змѣи не было зубовъ и какъ онъ, такъ и сынъ его уже часто подвергались ранѣ укушенію безъ всякихъ дурныхъ

последствий. Однако при изслѣдованіи змѣи оказалось, что вырванные ядовитые зубы замѣнены новыми, которые хотя и выдавались мало, но все-же нанесли мальчику смертельную рану. Старикъ клялся, что никогда не видѣлъ ничего подобнаго, и былъ безутѣшенъ вслѣдствіе потери сына».

По даннымъ, сообщеннымъ однимъ образованнымъ индусомъ, которые обнаруживалъ Фэйреръ, въ Бенгаліи есть четыре различныхъ класса людей, которые ловятъ змѣй и даютъ представленія съ ними. Первый изъ нихъ, несравненно болѣе опытный, чѣмъ остальные, есть классъ «мальсъ», низкая каста индусовъ, которые живутъ ловлей и продажей змѣй, но никогда не занимаются фиглярствомъ, волшебствомъ и лѣченіемъ. Мальсъ бѣдные жалкіе люди, осужденные на бродячую жизнь; но они не занимаются воровствомъ и вообще не возбуждаютъ никакихъ подозрѣній. Въ сѣверо-западной части Бенгаліи ихъ замѣняютъ «модарисъ», изъ которыхъ нѣкоторые приходятъ иногда и въ Калькутту. Найендралала Митра, упомянутый индусъ, никогда не имѣлъ случая ближе наблюдать ихъ и потому ничего не знаетъ о нихъ, но замѣчаетъ, что ихъ, вѣроятно, часто смѣшиваютъ съ «бедіяхсъ», цыганами Бенгаліи. Последніе фигляры, вожаки медвѣдей и обезьянъ, продавцы травъ и амулетовъ, знаменитые знахари, которые лѣчатъ отъ ломоты, паралича и другихъ недуговъ, мастера въ «волшебствѣ и колдовствѣ», цирюльники и хирурги, а также заклинатели змѣй; вообще они занимаются всѣмъ, чѣмъ угодно, пока не придуть въ столкновеніе съ полиціей. Они вовсе не славятся, какъ заклинатели змѣй. Отъ мальсъ они отличаются въ томъ отношеніи, что заставляютъ работать вмѣстѣ съ собою и своихъ женъ, чего никогда не бываетъ у тѣхъ. Настоящіе заклинатели змѣй «саніясъ», называемые въ Бенгаліи «тубри-валахсъ», которые, вѣроятно, тоже родомъ изъ сѣверо-западной Бенгаліи и отличаются желтой одеждой и большимъ тюрбаномъ; они носятъ извѣстную дудку, съ помощью которой они будто-бы овладѣваютъ змѣями и выманываютъ ихъ изъ норъ. Чтобы очистить домъ отъ змѣй, они, понятно, уносятъ нѣсколько штукъ съ собою въ складкахъ своей широкой одежды, а въ то же время показываютъ нѣкоторыхъ находящихся на свободѣ, или и вовсе не показываютъ ихъ. Въ качествѣ бродягъ они по дорогѣ берутъ, что подвернется подъ руку, но тѣмъ не менѣе ихъ нельзя назвать профессиональными ворами. Они бродятъ по всей сторонѣ и ихъ можно одинаково встрѣчать и въ сѣверо-западной, и въ южной Индіи. Уже самыя древнія санскритскія книги рассказываютъ о нихъ; поэтому вѣроятно, что ихъ искусство восходитъ до самой глубокой древности. Дудка ихъ должна считаться характерной особенностью, такъ какъ ея не бываетъ ни у мальсъ, ни у модарисъ или бедіяхсъ.

Очковая змѣя потому служитъ любимицей всѣхъ этихъ людей, что, благодаря своей позѣ при защитѣ и нападеніи, болѣе поражаетъ зрителей, чѣмъ всякая другая ядовитая змѣя, а благодаря ихъ многочисленности, заклинатель змѣй никогда не терпитъ въ нихъ недостатка. Кромѣ нихъ иногда можно видѣть въ рукахъ заклинателей *Королевскую наю*, которая обнаруживаетъ тѣ же особенности и еще большую свирѣпость, чѣмъ очковая змѣя. У тѣхъ, которыхъ постоянно употребляютъ для представленій, почти всегда вырываютъ ядовитые зубы и кромѣ того вырѣзаютъ и складку, въ которой они лежатъ и гдѣ развиваются новые, замѣняющіе ихъ. Тѣмъ не менѣе надо признать, что заклинатели змѣй очень хорошо умѣютъ обращаться и съ такими ядовитыми змѣями, которыя вполнѣ обладаютъ еще своимъ смертоноснымъ оружіемъ. Ловкость, которую они обнаруживаютъ, когда берутъ съ земли голой рукой ползущую въ густой травѣ ядовитую змѣю

и избѣгаютъ при этомъ пораненія, и увѣренность, съ какою они потомъ обращаются со змѣями, въ высокой степени достойны удивленія. Заклинатели змѣй хорошо знаютъ, какой опасности они подвергаются, они знаютъ не хуже другихъ, что нѣтъ ни одного средства противъ дѣйствія яда змѣй, которое можно было-бы считать надежнымъ, хотя они сами и указываютъ такія средства и продаютъ ихъ. Кромѣ ядовитыхъ змѣй они всегда показываютъ и неядовитыхъ, при чемъ всегда играютъ на дудкѣ.

Ловлей и дрессировкой очковой змѣи занимаются, кромѣ фокусниковъ, и брамины. Какъ сообщаетъ Джонсонъ, ловцы изслѣдуютъ въ удобныхъ мѣстностяхъ всѣ углубленія въ землѣ и начинаютъ копать, если земля при выходѣ сглажена, благодаря вползанію и выползанію змѣи, такъ какъ знаютъ, что если въ норѣ живутъ животныя, снабженныя ногами, то это мѣсто бываетъ обыкновенно неровнымъ. Отыскавъ змѣю, они начинаютъ осторожно разрывать нору, пока не натолкнутся на ея обитательницу, стараются схватить ее лѣвой рукою за хвостъ, схватываютъ правою выше за тѣло и какъ можно быстрѣе протягиваютъ ее сквозь руку, пока не схватятъ ее за затылокъ указательнымъ и большимъ пальцами. Джонсонъ увѣряетъ, что видѣлъ, какъ змѣй ловили такимъ образомъ и на открытомъ мѣстѣ. Впрочемъ, ловцы никогда не ходятъ на охоту за змѣями по одиночкѣ и всегда носятъ при себѣ необходимыя орудія и средства, чтобы имѣть возможность принять мѣры въ случаѣ укушенія. Такъ, одинъ изъ нихъ несетъ обыкновенно жаровню съ угольями, служащую для того, чтобы поддерживать въ раскаленномъ состояніи маленькій желѣзный инструментъ величиною съ обыкновенный зубецъ вилки, имѣющій форму змѣинаго зуба, которымъ онъ, если кто-нибудь будетъ укушенъ, выжигаетъ пораненное мѣсто, выдавивъ и высосавъ предварительно кровь, а также перевязавъ раненую часть. Другіе ограничиваются тѣмъ, что прикладываютъ къ ранѣ такъ называемый «змѣиный камень», о которомъ я буду подробнѣе говорить ниже. Внутрь принимаютъ настой безоароваго спирта на дикой коноплѣ или табакѣ, называемый гонгеа, по словамъ Джонсона, часто съ хорошиими результатами.

Рейне рассказываетъ, что ловцы змѣй употребляютъ иногда маленькую дудку, чтобы выманить очковую змѣю изъ ея убѣжища, и утверждаетъ, что самъ видѣлъ это. «Одинъ заклинатель змѣй явился въ 1854 году въ мое бунгало и просилъ позволенія показать мнѣ пляску своихъ змѣй. Такъ какъ я неразъ видѣлъ уже этотъ фокусъ, то я въразилъ ему, что готовъ подарить ему рупію, если онъ согласится сопровождать меня въ джунгли и поймаетъ тамъ очковую змѣю, жилище которой было мнѣ извѣстно. Онъ согласился. Я пересчиталъ его ручныхъ змѣй, поставилъ къ нимъ сторожа съ порученіемъ смотрѣть за ними до моего возвращенія, осмотрѣлъ затѣмъ самого фокусника и убѣдился, что онъ не имѣлъ при себѣ змѣи. Когда мы пришли на мѣсто, онъ заигралъ на маленькомъ духовомъ инструментѣ и черезъ нѣсколько времени большая очковая змѣя дѣйствительно показала передъ холмикомъ термитовъ, гдѣ, какъ я зналъ, она жила. При видѣ челоуѣка она попыталась скрыться, но онъ схватилъ ее за хвостъ, сталъ непрерывно кругообразно махать ею вокругъ себя и такимъ образомъ донесъ ее до нашего бунгало. Здѣсь онъ заставилъ ее плясать, но прежде чѣмъ овладѣлъ ею, былъ укушенъ въ ногу выше колѣна».

Послѣднія слова еще разъ подтверждаютъ рассказъ Дэви; они доказываютъ, что собственно нѣтъ никакой надобности въ дрессировкѣ очковой змѣи для того, чтобы заставить ее выполнять такъ называемую пляску. Тѣмъ не менѣе я приведу рассказъ Кэмпфера о томъ, какъ надо поступать, чтобы отнять у змѣи охоту

кусаться. «Одинъ браминъ занимался, кромѣ поученія вѣрующихъ, также дрессировкой змѣй, чтобы по окончаніи обученія продавать ихъ. У него было ихъ 22 штуки въ такомъ же числѣ глиняныхъ сосудовъ, которые были достаточно велики, чтобы позволить змѣямъ дѣлать необходимыя движенія, и могли закрываться крышками. Когда погода была не слишкомъ жаркою, онъ выпускалъ одну змѣю за другою изъ заключенія и обучалъ ихъ болѣе короткое или болѣе продолжительное время, смотря по успѣхамъ, достигнутымъ ими въ своемъ искусствѣ. Какъ скоро змѣя выползала изъ сосуда и хотѣла обратиться въ бѣгство, учитель поворачивалъ ея голову къ себѣ съ помощью нѣсколькихъ ударовъ прутикомъ, и въ то мгновеніе, когда она хотѣла укусить его, подставлялъ ей сосудъ, принимая имъ, какъ щитомъ, укушенія. Скоро змѣя убѣждалась, что ярость ея ни къ чему не ведетъ, и отступала. Эта борьба между человѣкомъ и змѣею продолжалась въ теченіи четверти часа или даже получаса, и все это время змѣя слѣдила за всѣми движеніями сосуда, который держали передъ нею, расширявъ щитъ и выставивъ ядовитые зубы для укушенія. Такимъ образомъ она постепенно пріучалась подниматься, какъ только передъ нею появлялся сосудъ. Позднѣе учитель вмѣсто сосуда держалъ передъ змѣею руку, но она не смѣла броситься на нее, думая, что опять укуситъ глину. Фигляръ сопровождалъ движенія пѣніемъ, чтобы увеличить обманъ. Несмотря на всю ловкость и осторожность, онъ могъ однако быть пораненъ и потому давалъ змѣѣ предварительно кусать сукно и такимъ образомъ освободиться отъ яда». Напротивъ, Ричардсъ настоятельно указываетъ на то, что нужно лишь знаніе характера змѣи и соответствующія ловкія движенія руки, чтобы, повидимому, подчинить кобру, не лишенную ядовитыхъ зубовъ, волѣ того, кто ее показываетъ; онъ рассказываетъ даже объ одномъ европейцѣ, которому доставляло удовольствіе продѣлывать подобные фокусы.

На основаніи всего этого кажется, что рассказъ Кэмпфера основанъ лишь на томъ, что онъ слышалъ, а не на собственныхъ наблюденіяхъ. Можетъ быть и рассказъ Дэви, повидимому, говорить въ пользу того, что наи легче обучаются, чѣмъ другія ядовитыя змѣи; но я считаю очень сомнительнымъ, чтобы дрессировка могла приносить пользу. Въ Индіи рассказываютъ удивительныя исторіи. «Слышали-ли вы», пишетъ Скипнеръ Теннену, «когда-нибудь о ручныхъ очковыхъ змѣяхъ, которыхъ поймали и пріучили къ дому, которымъ позволяютъ по желанію входить и выходить, какъ и остальнымъ обитателямъ дома? Одинъ зажиточный человѣкъ, живущій въ области Негомбо и постоянно имѣющій у себя въ домѣ значительныя суммы денегъ, держитъ въ качествѣ хранителя своихъ сокровищъ вмѣсто собакъ кобру. Но это вовсе не единственный случай этого рода. Я слышалъ объ одномъ такомъ случаѣ всего нѣсколько дней тому назадъ и притомъ отъ человѣка, безусловно заслуживающаго довѣрія. Змѣи ползаютъ по всему дому на страхъ ворами, но никогда не пытаются вредить законнымъ обитателямъ дома». Можно-ли вѣрить рассказамъ такого рода? Я сомнѣваюсь въ этомъ, хотя они, повидимому, подтверждаютъ древніе рассказы; я отношусь къ нимъ съ тѣмъ большимъ недоувѣріемъ, что происхожденіе ихъ кажется мнѣ легко объяснимымъ. Зажиточный и образованный человѣкъ, который умѣетъ надлежащимъ образомъ судить о невѣжественномъ народѣ, пускаетъ въ ходъ такую сказку, чтобы обезопасить себя отъ неприятныхъ посѣщеній, пожалуй показываетъ иногда и нѣсколько очковыхъ змѣй, чтобы придать своей выдумкѣ печать правдивости. Таково зернышко истины, заключающееся во всемъ этомъ рассказѣ.

Относительно дѣйствія укушенія кобры Руссель, Джонсонъ, Бретонъ, Фэйреръ, Ричардсъ и другіе произвели разнообразныя опыты, которые достаточно

выясняютъ, насколько опасна эта змѣя. Голуби умирали черезъ 3—4 минуты послѣ укушенія, куры черезъ 4—6, собаки отъ 20 минутъ до нѣсколькихъ часовъ; люди мучались передъ смертью по нѣскольку часовъ. Джонсонъ нашелъ, что во всѣхъ случаяхъ ядъ все болѣе и болѣе терялъ свою смертоносную силу, если одну и ту же очковую змѣю заставляли кусать различныхъ животныхъ черезъ короткіе промежутки; по мнѣнію его, изъ опытовъ, произведенныхъ имъ, слѣдуетъ, что ядъ при сохраненіи въ железахъ становится все сильнѣе и что въ болѣе теплую погоду онъ дѣлается жиже, а также, что змѣи въ разное время обладаютъ въ различной степени способностью убивать. Бретонъ тоже нашелъ, что послѣдовательныя укушенія теряютъ въ силѣ. Онъ далъ кобрѣ укусить въ хвостъ водяную змѣю. Черезъ полтора часа послѣдняя не могла владѣть укушенной частью, постепенно слабѣла и умерла черезъ 2 часа и 15 минутъ, не обнаруживая никакихъ особенныхъ явленій кромѣ того, что сильнѣе дышала. Кроликъ, укушенный въ голень тою же змѣей, немедленно вслѣдъ затѣмъ обнаружилъ параличъ и слабость, у него сдѣлались легкія судороги и онъ умеръ черезъ 11 минутъ. Голубь, укушенный вслѣдъ за тѣмъ, умеръ черезъ 27 минутъ, второй лишь черезъ 1 часъ 11 минутъ, третій черезъ 3 часа 42 минуты, четвертый не обнаружилъ никакихъ признаковъ отравленія, пятый тоже нисколько не пострадалъ отъ укушенія. Тою же коброю были ранены другія ядовитыя змѣи, причемъ не обнаружилось никакого дѣйствія яда. Руссель далъ очковой змѣѣ укусить свинью, но послѣдняя вовсе не оказалась способной противостоять яду и умерла черезъ часъ послѣ укушенія. Отравленные собаки вели себя различно. Нѣкоторыя были относительно спокойны, только поджимали укушенную конечность, затѣмъ ложились, подвергались рвотѣ, дѣлали тщетныя усилія подняться и умирали; другія ужасно были и дрожали всѣмъ тѣломъ, пока не впадали въ безчувственное состояніе; третья сначала визжали, пытались убѣжать, обнаруживали чрезвычайное безпокойство, лаяли, ѣли еще, подвергались рвотѣ, наконецъ приходили въ бѣшенство, дѣлали сильныя попытки убѣжать и непрерывно лаяли, пока и у нихъ не наступали параличъ и слабость. Куры и голуби, которымъ былъ привитъ ядъ очковой змѣи, испытывали всѣ припадки отравленія и умирали, если опытъ былъ дѣйствительно выполненъ ловко. Белланже, врачъ и директоръ ботаническаго сада въ Пондишери, доказалъ другими опытами, что два грана яда очковой змѣи, перенесенные на поверхность слуховыхъ органовъ (вѣроятно барабанной перепонки) собаки, могутъ причинить смерть при весьма замѣчательныхъ симптомахъ, и что ядъ, выпущенный каплями на поверхность глаза, языка и т. п., тоже вызываетъ очень тяжелыя послѣдствія.

Фейреръ производилъ въ теченіи трехъ лѣтъ сряду обширнѣйшіе опыты, чтобы выяснитъ дѣйствіе яда индѣйскихъ змѣй и въ особенности яда очковой змѣи. Для этихъ опытовъ употреблялись преимущественно собаки и куры, а кромѣ того лошади, рогатый скотъ, козы, свиньи, кошки, мунго, кролики, крысы, грифы, цапли, ящерицы, неядовитыя и ядовитыя змѣи, лягушки, жабы, рыбы и улитки и всѣ наблюденія записывались такъ тщательно, но въ то же время въ такомъ пестромъ безпорядкѣ, что разобратся въ его сочиненіи и придти къ опредѣленному выводу для читателя почти невозможно. Изъ всѣхъ данныхъ выясняется, что ядъ очковой змѣи дѣйствуетъ на всѣхъ животныхъ, съ которыми производились опыты, и что дѣйствіе его чрезвычайно сильно, а по большей части и крайне быстро, наконецъ, что противоядія самого различнаго рода или вовсе не дѣйствуютъ, или имѣютъ крайне ничтожное дѣйствіе и что укушенія, задѣвшія болѣе крупный кровеносный сосудъ, должны считаться безусловно смертельными. Фейреръ доказалъ

съ полной опредѣленностью, что мнѣніе, будто бы ядъ змѣй, и въ частности кобры, дѣйствуетъ лишь въ томъ случаѣ, если его ввести непосредственно въ кровь, совершенно ошибочно, напротивъ, ядъ можетъ всасываться всѣми слизистыми оболочками и даже можетъ перейти въ кровь изъ желудка.

На людяхъ послѣдствія укушенія змѣй, какъ говорятъ, часто проявляются иначе, чѣмъ на животныхъ, и именно у нихъ замѣчали, что тѣло становилось холоднымъ, какъ у трупа, между тѣмъ какъ у собакъ наблюдалось прямо противоположное, именно лихорадочное состояніе. Такъ какъ въ Индіи ежегодно относительно большое число людей бываетъ укушено очковыми змѣями, и они по большей части умираютъ, то имѣется достаточно наблюденій и относительно теченія болѣзни у отравленныхъ людей. Я хочу привести здѣсь нѣсколько случаевъ, которые не кончались смертью, такъ какъ считаю ихъ болѣе поучительными, чѣмъ другіе.

Одна женщина была укушена въ нижнюю часть ноги; черезъ 11 часовъ ее поѣтилъ Дюффинъ. Она утратила чувство зрѣнія и осязанія; глотаніе было такъ затруднено, что было невозможно ввести въ ея желудокъ хотя бы самое незначительное количество какого-нибудь вещества. Судороги не мучали ее, но съ самаго начала она впала въ состояніе слабости, которая все возрастала. Рану расширили и приложили ртутную мазь; наконецъ, съ трудомъ удалось дать больной нѣсколько пилюль. Первые не подѣйствовали, но послѣ третьей больная испражнилась и кожа стала немного влажной. Черезъ 18 часовъ послѣ укушенія у больной возстановилось осязаніе, зрѣніе и способность глотанія; въ три слѣдующихъ дня она сильно потѣла; черезъ 8—10 дней слабость исчезла и больная стала медленно поправляться.

Одинъ индусъ, укушенный въ пятку, черезъ четверть часа крѣпко сжалъ челюсти и казался мертвымъ, но обнаружилъ чувствительность, когда смочили четыре очень большихъ раны жидкостью, состоящею изъ ѣдкаго амміака, янтарнаго масла, воскового мыла и виннаго спирта. Ему насильно раздвинули челюсти и въ буквальномъ смыслѣ слова влили съ помощью воронки двѣ бутылки нагрѣтой мадеры, продолжая непрерывно наружное употребленіе вышеупомянутой жидкости. Больной былъ въ такомъ безчувственномъ состояніи, что его можно было бы счесть за мертваго, если бы онъ не дышалъ отъ времени до времени; онъ оставался въ этомъ состояніи 40 часовъ и лишь послѣ того обнаружилъ признаки возвращенія чувствительности; черезъ два часа онъ началъ говорить, но оставался еще слабымъ и изнуреннымъ въ теченіи нѣсколькихъ дней.

Туземцы Индіи, особенно заклинатели змѣй и фокусники, кромѣ вышеуказанныхъ цѣлебныхъ средствъ, употребляютъ при укушеніяхъ змѣй также многія другія, но обыкновенно держатъ ихъ въ тайнѣ, такъ что еще и теперь невзвѣстно, какого они рода и каково ихъ дѣйствіе. Два весьма употребительныхъ средства заслуживаютъ, повидимому, упоминанія, хотя въ дѣйствительности приносятъ мало пользы. Первое изъ нихъ—змѣиный камень, называемый на Цейлонѣ «пембу-келу», употребленію котораго сингалезцы научились, вѣроятно, отъ заклинателей змѣй, пріѣзжающихъ сюда съ Коромандельскаго берега. «Не одинъ случай успѣшнаго употребленія этого камня, за достовѣрность которыхъ вполне ручались», говоритъ Теннентъ, «разказывали мнѣ люди, бывшіе очевидцами этого. Однажды въ мартѣ 1854 г. одинъ изъ моихъ друзей, проѣзжая верхомъ по джунглю, по близости Бинтенне, вмѣстѣ съ правительственнымъ чиновникомъ, увидѣлъ таміля, который приближался къ нимъ съ товарищемъ. Вдругъ онъ прыгнулъ въ лѣсъ и возвратился съ очковой змѣю,

которую онъ схватилъ за голову и хвостъ и крѣпко держалъ. Онъ позвалъ товарища на помощь, чтобы посадить змѣю въ корзину съ крышкою, но обращался съ ней такъ неловко, что она укусила его въ палецъ и нѣсколько мгновений держала его зубами, какъ будто бы не могла вытащить ихъ.

Кровь потекла и сильнѣйшія боли послѣдовали, повидимому, непосредственно за укушеніемъ. Товарищъ укушеннаго тотчасъ развязалъ свой поясъ и вынулъ два змѣиныхъ камня величиною съ маленькія миндалины, чернаго цвѣта, крайне тщательно отполированныхъ, и положилъ по камню на каждую рану. Они пристали къ ранамъ, впитывали въ себя всю кровь, вытекавшую изъ ранъ, оставались въ этомъ положеніи около 3 или 4 минутъ, между тѣмъ какъ товарищъ больного гладилъ и растиралъ руку отъ плеча къ пальцамъ, и наконецъ отпали сами собою. Страданія укушеннаго, повидимому, прекратились. Онъ сталъ двигать рукою, вытягивать пальцы, такъ что суставы хрустѣли, и пошелъ дальше, не обнаруживая озабоченности. Между тѣмъ другой индусъ досталъ изъ своего дорожного мѣшка маленькій кусочекъ дерева, похожій на корень, и осторожно приблизилъ его къ головѣ змѣи, которая тотчасъ прижала голову къ землѣ, схватилъ ее затѣмъ безъ всякаго страха и свернулъ въ кружокъ на днѣ корзинки. Онъ увѣрялъ, что этотъ корень дѣлаетъ хватаніе змѣи совершенно безопаснымъ и назвалъ его «наи-тали-каланго», что значитъ корень змѣиного растенія.

Другой случай произошелъ въ 1853 г. и былъ сообщенъ Тенненту Лавальеромъ, который былъ очевидцемъ его. Онъ встрѣтилъ въ лѣсу заклинателя змѣй, который отыскивалъ очковыхъ змѣй, послѣдовалъ за нимъ и увидѣлъ, какъ тотъ нашелъ и поймалъ одну, но былъ при этомъ укушенъ въ голень, такъ что изъ раны потекла кровь. Онъ тотчасъ приложилъ къ ранѣ змѣиный камень, который крѣпко присталъ и держался около 10 минутъ; между тѣмъ индусъ двигалъ надъ камнемъ взадъ и впередъ какимъ то корнемъ, который онъ держалъ въ рукѣ, пока камень не отпалъ. Онъ увѣрялъ европейца, что больше не о чемъ заботиться, и далъ ему тотъ самый змѣиный камень, который онъ употреблялъ. Лавальеръ не разъ видѣлъ потомъ укушеннаго человѣка вполне здоровымъ.

Тотъ индусъ, о которомъ рассказываетъ Рейне, употребилъ послѣ укушенія пембу-келу, но въ то же время перевязалъ укушенный органъ выше мѣста укушенія. Въ теченіи нѣсколькихъ минутъ онъ терпѣлъ, повидимому, сильную боль, но постепенно сталъ оправляться и чувствовать облегченіе, когда камень отпалъ. Собравшись немного съ силами, онъ подставилъ змѣѣ кусокъ сукна, который она укусила, схватилъ ее прежде, чѣмъ она успѣла освободиться, рукою за затылокъ и въ присутствіи Рейне вырвалъ у нея ядовитые зубы. Рейне слѣдилъ съ полнѣйшимъ вниманіемъ за всею операціей, причѣмъ ему помогало и нѣсколько другихъ лицъ. Однако Ричардсъ по отношенію къ подобнымъ случаямъ указываетъ прежде всего на то, что остается открытымъ вопросомъ, не остался ли бы укушенный живъ и здоровъ и безъ такого лѣченія; хотя укушеніе и произошло дѣйствительно, но это вовсе не значитъ, что непременно послѣдовало и отравленіе.

Змѣиные камни и корни, которые употреблялись въ приведенныхъ выше случаяхъ, достались позднѣе Тенненту. «Корни», говоритъ онъ, «не одинаковы. Одинъ изъ нихъ, повидимому, кусокъ вѣтви аристолохін, другой такъ сухъ, что опредѣленіе его было очень затруднительно, но онъ похожъ на четырехгранной кусокъ ломоноса. Нѣсколько видовъ аристолохій, какъ напримѣръ растущая въ Америкѣ *Aristolochia serpentaria*, издавна уже пользуются славою, какъ помогающія отъ укушенія змѣй, а индійскій видъ этого рода (*Aristolochia indica*)

и есть то растеніе, къ которому прибѣгаютъ мунго по народному повѣрью». Тенненъ прибавляетъ, приводя эти данныя, что онъ не вѣритъ въ дѣйствительность этихъ корней и убѣжденъ, что они имѣютъ лишь воображаемое значеніе, внушая ловцу змѣй храбрость и довѣріе къ собственной ловкости. Въ этомъ онъ, безъ сомнѣнія, правъ.

О природѣ змѣйнаго камня намъ сообщили достаточныя свѣдѣнія Барровъ и Гарди: изслѣдованія Тенненга имѣли однако то значеніе, что подтвердили прежнія данныя. Уже Кольбе упоминаетъ, что европейцы, живущіе въ Капландѣ, пользуются змѣйнымъ камнемъ и получаютъ его изъ Индіи, гдѣ его готовятъ брамины. Послѣдніе одни только знаютъ, повидимому, тайну его состава и ни за какую цѣну не открываютъ ее людямъ, которые не принадлежатъ къ ихъ кастѣ. «Я чрезвычайно жалѣю», говоритъ Кольбе, «что тайна неизвѣстна среди христіанъ и что брамины непреклонны въ этомъ отношеніи, такъ какъ упомянутые камни дѣйствительно обладаютъ чудесной силою». Затѣмъ идетъ описаніе употребленія камня, которое въ существенныхъ чертахъ сходно съ описаннымъ выше. Тунбергъ, который посѣтилъ Капландъ послѣ Кольбе, тоже рассказываетъ о змѣйныхъ камняхъ и указываетъ, какъ на отличительный признакъ настоящихъ камней, на то, что если положить ихъ въ воду, то поднимаются пузырьки воздуха, а если ввести въ ротъ, то они крѣпко прилипаютъ къ небу. Если ихъ приложить къ части тѣла, укушенной змѣею, то они крѣпко прилипаютъ къ ранѣ, высасываютъ ядъ и опадаютъ сами, когда напитаются». По увѣренію Джонсона тайна приготовленія и теперь еще находится въ рукахъ браминовъ и приноситъ имъ значительную выгоду; но приготовленіе змѣйныхъ камней болѣе не тайна. Наши химики изслѣдовали массу и нашли, что это обожженные кости, известъ и обугленная смола; посредствомъ своихъ ячеекъ или внутреннихъ пустотъ эти вещества всасываютъ жидкость, а слѣдовательно кровь и даже ядъ.

Путешественникъ Гарди, который ознакомился съ приготовленіемъ змѣйнаго камня, употребляемаго въ Мексикѣ, сообщаетъ намъ даже, какъ его готовятъ. «Возьми кусокъ оленьяго рога любой величины и формы, оберни его травкою или сѣномъ, заключи въ кусокъ листовой мѣди и положи въ горячіе уголья, пока рогъ не будетъ достаточно обожженъ, дай остыть, вынь обожженный рогъ изъ оболочки и онъ готовъ для немедленнаго употребленія. Въ этомъ состояніи онъ представляетъ крѣпкую, хотя и ячеистую массу чернаго цвѣта, которая по формѣ и величинѣ совершенно похожа еще на кусокъ рога». Въ южной Африкѣ, какъ и въ Мексикѣ, принимаютъ еще одну мѣру предосторожности, именно, расширяютъ рану, а когда змѣйный камень вполне напитается, его бросаютъ обыкновенно въ воду или молоко, очищаютъ его такимъ образомъ, высушиваютъ и снова прикладываютъ къ ранѣ. Что подобное тѣло дѣйствительно можетъ оказывать нѣкоторое дѣйствіе, нельзя сомнѣваться; однако дѣйствіе это, конечно, значительно уступаетъ дѣйствію кровососной банки, и упомянутые выше случаи могутъ слѣдовательно доказать лишь то, что больные, спасенные съ помощью змѣйнаго камня, были лишь легко ранены и отравлены. Въ томъ же смыслѣ высказывается и Фэйреръ.

Съ гораздо большею увѣренностью употребляли недавно въ Индіи противъ укушенія змѣй листья аристолохин и, какъ говорятъ, получала самые лучшіе результаты. «Одна индуска, укушенная змѣею», рассказываетъ Лацтеръ, «была принесена ко мнѣ на носилкахъ. Она находилась въ состояніи полной безжизненности, такъ что я рѣшительно отказалъ ей въ помощи. Въ этомъ меня подерживалъ и одинъ офицеръ, находившійся въ моемъ домѣ; онъ указывалъ,

что лучше всего отослать укушенную обратно, чтобы не ронять моего цѣлебнаго средства въ глазахъ народа. Женщина была холодна, какъ мраморъ; я вовсе не замѣчалъ кровообращенія; по виду она походила на трупъ. Мужъ ея былъ глубоко огорченъ моимъ отказомъ и умолялъ, чтобы я хоть попробовалъ примѣнить свое средство. Я объяснилъ ему свои причины и не скрылъ отъ него своего глубокаго убѣжденія, что его жена уже скончалась. Однако, чтобы не увеличивать его горе, упорствуя въ отказѣ, я насильно раздвинулъ челюсти укушенной и влилъ своего лѣкарства, которое я составилъ изъ трехъ растертыхъ листьевъ аристокхія средней величины и десяти зеренъ перца, настоенныхъ въ унціи воды. Когда питье было влито, я велѣлъ привести тѣло въ сидячее положеніе и сталъ ждать съ нѣкоторымъ напряженіемъ, но безъ малѣйшей надежды на успѣхъ. По прошествіи 8 или 10 минутъ я замѣтилъ легкую пульсацію въ нижней губѣ. Я тотчасъ велѣлъ мужу укушенной носить большую взадъ и впередъ при помощи своихъ слугъ, въ надеждѣ, если возможно, снова возбудить кровообращеніе. Двое людей держали ее подъ руки, стали двигать ее взадъ и впередъ, причемъ ноги ея безпомощно волочились. Нѣсколько минутъ спустя я замѣтилъ, что больная сдѣлала попытку двигать ногами, и велѣлъ поэтому, поднять ее настолько, чтобы подошвы касались земли. Еще нѣсколько минутъ и глубокій вздохъ, сопровождаемый страннымъ крикомъ, показалъ, что сознание возвращается. Затѣмъ послѣдовалъ возгласъ: «Огонь жжетъ внутренности!» Въ это время грудь и руки были еще холодны, какъ у трупа. Я тотчасъ снова далъ ей настой одного листа въ унціи воды, который, повидимому, смягчилъ жгучія боли въ желудкѣ. Теперь она могла указать мнѣ мѣсто, въ которое была укушена. Я велѣлъ натирать его листьями аристокхія и, благодаря этому, она была въ состояніи ходить безъ посторонней помощи. Я велѣлъ ей еще ходить взадъ и впередъ по крайней мѣрѣ часа два, сказалъ ей затѣмъ, что она вполне выздоровѣла и отпустилъ ее».

Лаутеръ рассказываетъ и другіе подобные случаи и увѣряетъ, что онъ лѣчилъ по крайней мѣрѣ 20 человекъ, на которыхъ употребленіе аристокхія увѣнчалось полнѣйшимъ успѣхомъ. При опытахъ надъ собаками оказалось однако, что это растеніе не можетъ считаться средствомъ, пригоднымъ во всѣхъ случаяхъ, и что у этихъ животныхъ оно вызывало ужасную лихорадку, отъ которой они и погибали. Это различное дѣйствіе, по мнѣнію Лаутера, легко можно объяснить; онъ утверждаетъ, что послѣдствія отравленія проявляются у различныхъ живыхъ существъ очень различнымъ образомъ.

Очень можетъ быть, что старая слава аристокхія оправдается, и она окажетъ цѣлебное дѣйствіе противъ змѣйнаго яда. Однако, по опытамъ, произведеннымъ до сихъ поръ знатоками дѣла, надежда на листья аристокхія оказывается очень плохой. «Я долженъ, къ сожалѣнію, сказать», замѣчаетъ Фэйреръ, «что во всѣхъ случаяхъ, когда я примѣнялъ аристокхію, я получалъ полную неудачу, и я вообще очень сомнѣваюсь въ томъ, чтобы существовало какое-нибудь средство, которое могло бы воспрепятствовать дѣйствію страшнаго яда взрослой очковой змѣи, хотя мнѣ и кажется возможнымъ, что болѣе крупныя животныя, укушенные очковой змѣей, могутъ быть вполне спасены, благодаря употребленію лѣкарствъ».

Если вспомнить сообщенныя выше, правда сомнительныя данныя о вопіющемъ числѣ людей, погибшихъ отъ укушенія ядовитыхъ змѣй, если принять во вниманіе указаніе Руссенберга, что въ 1834 г. на Цейлонѣ умерло 20 человекъ отъ укушенія этихъ животныхъ, опять-таки преимущественно очковыхъ, и положиться на увѣреніе Теннеанта, что изъ 112 человекъ, умерщвленныхъ въ 1851—55 гг. на томъ

же островъ дикими животными, 68 умерло отъ змѣйнаго яда, то необходимо придется къ выводу, что число враговъ этихъ опасныхъ пресмыкающихся не можетъ быть особенно велико. Тѣмъ не менѣе индусы рассказываютъ о значительномъ числѣ мелкихъ хищныхъ млекопитающихъ съ мунго во главѣ, и различныхъ хищныхъ птицахъ, которыя будто бы усердно преслѣдуютъ ядовитое пресмыкающееся. Упомяну еще, какъ о фактѣ, достойномъ вниманія, о томъ, что увеличеніе числа змѣй наблюдали, или по крайней мѣрѣ полагали, что наблюдали тамъ, гдѣ усердно охотились за павлинами и другими дикими курами и такимъ путемъ сильно уменьшили число этихъ птицъ. На основаніи этого можно было бы заключить, что эти большія и гордые птицы поступаютъ съ очковыми змѣями такъ же, какъ наши домашнія куры съ гадюками. Утверждаютъ также, будто бы олени Цейлона истребляютъ много змѣй, прыгая на нихъ всѣми четырьмя ногами сразу и растапывая ихъ.

Огромное число несчастныхъ случаевъ побудило англійское правительство прибѣгнуть къ болѣе серьезнымъ мѣрамъ для уничтоженія ядовитыхъ змѣй и прежде всего очковыхъ. Къ счастью, не всѣ индусы думаютъ такъ, какъ было указано выше; многіе изъ низшихъ кастъ, напротивъ, занимаются почти исключительно ловлей или умерщвленіемъ ядовитыхъ змѣй, одни для того, чтобы давать представленія съ ними, другіе, чтобы добывать скудное вознагражденіе ловлей и убиваніемъ ихъ. Въ 1858 г., правительство назначило за каждую убитую и доставленную властямъ ядовитую змѣю вознагражденіе въ 4 анна или 48 пфенниговъ и выдало въ одномъ только округѣ не менѣе 1961 рупій. Когда вознагражденіе было понижено до 2-хъ анна, число доставляемыхъ змѣй внезапно понизилось, такъ что въ 1859 г., въ томъ же округѣ выдали лишь 124, въ 1860 даже лишь 27, а въ 1861 лишь одну рупію; никто не хотѣлъ рисковать жизнью изъ за ничтожной суммы въ 2 анна. Въ 1862 г., вознагражденіе снова повысили до 4 анна и тотчасъ снова началась охота за змѣями, такъ что уже въ первый день было доставлено 47, во второй 70, позднѣе 118 ядовитыхъ змѣй въ день. 20 октября чиновникъ, завѣдывавшій этимъ, представилъ отчетъ, что съ 29 мая до 14 октября 1862 г., было убито не менѣе 18,423 змѣй или 110 въ день, и требовалъ еще 10,000 рупій, чтобы имѣть возможность продолжать выдачу вознагражденія, но въ то же время предложилъ снова понизить плату до 2 анна. Съ 15 октября до 7 декабря результаты ловли увеличились настолько значительно, что было доставлено 26,920 змѣй. Когда намѣстникъ выразилъ удивленіе, что именно въ холодную погоду было поймано столько змѣй, то ему просто и основательно объяснили это увеличеніемъ числа ловцевъ змѣй и постепенно возрастающей опытностью ихъ. Конечно, повидимому, не была исключена возможность того, что между ядовитыми змѣями могло находиться и много неядовитыхъ; но чиновники утверждали, что осматривали доставленныхъ змѣй съ большою тщательностью, и полагали, что было бы выдано 40,000 рупій больше, если бы они не платили исключительно за ядовитыхъ змѣй. Однако при этомъ выяснилось, какъ можно было и ожидать, что хитрые туземцы, чтобы болѣе удобнымъ образомъ получать сравнительно высокій доходъ, занимались съ большимъ успѣхомъ правильнымъ разведеніемъ опасныхъ змѣй.

* *
* *

Зрѣлище, подобное тому, которое доставляютъ индійскіе заклинатели змѣй, можно видѣть въ каждый праздничный день на площадяхъ Каиро. Глухіе, но громкіе звуки, производимые съ помощью большой раковины, привлекаютъ вниманіе къ человѣку, который готовится дать одно изъ тѣхъ представленій, которыя въ высшей степени любятъ сыны и дочери «побѣдоносной столицы и матери міра».

Скоро вокруг «Хауи» образуется кружокъ и представленіе начинается. Оборванный юноша играетъ роль паяца и расточаетъ неуклюжія, грубая шутки, которыя не только встрѣчаютъ полное сочувствіе со стороны большинства зрителей, но и откликъ; затѣмъ показываетъ свою понятливость гамадриль, и помощница фокусника встаетъ, чтобы собрать скудное вознагражденіе въ видѣ малоцѣнныхъ мѣдныхъ монетъ. Самое удивительное еще впереди: явное волшебство фокусника, на котораго со страхомъ смотрятъ иной изъ зрителей, должно обнаружиться лишь постепенно.

Фокусникъ, паяцъ и обезьяна озабоченно бѣгаютъ и прыгаютъ другъ черезъ друга, хватаясь за одинъ предметъ, притаскивая другой. Наконецъ хауи схватываетъ одинъ изъ кожаныхъ мѣшковъ, въ которыхъ хранить всѣ свои принадлежности, бросаетъ его на середину круга, развязываетъ узелъ, которымъ онъ былъ затянутъ до тѣхъ поръ, беретъ, вмѣсто раковины, «сумара», инструментъ, изобрѣтенный демонами, враждебными музыкѣ, и начинаетъ играть свою однообразную мелодію. Въ мѣшкѣ замѣчается движеніе, ближе и ближе къ отверстію ползетъ въ немъ что-то и наконецъ показывается маленькая яйцевидная голова змѣи. За головою слѣдуетъ передняя часть тѣла и лишь только она выйдетъ изъ мѣшка, какъ животное подымается совершенно такимъ же образомъ, какъ очковая змѣя, окончательно выползаетъ, извиваясь, изъ мѣшка и начинаетъ медленно ползти взадъ и впередъ въ предѣлахъ, до извѣстной степени указанныхъ ей фокусникомъ, гордо покачивая маленькой головой надъ расширенной шейю и слѣди сверкающими глазами за каждымъ движеніемъ хозяина. Общій ужасъ охватываетъ зрителей: каждый знаетъ, что эта змѣя, внушающая основательный страхъ—ная; но едва ли кто-нибудь считаетъ возможнымъ, чтобы фокусникъ могъ безопасно потѣшаться надъ ея гнѣвомъ, и потому предполагаютъ, что онъ былъ настолько уменъ, что выломалъ ей ядовитые зубы. Хауи поворачиваетъ и извиваетъ ее, какъ дѣлаютъ у насъ хозяева звѣринцевъ, чтобы показать, насколько она ручна, схватываетъ ее за шею, плюетъ на нее или обрызгиваетъ ее водою и незамѣтно для зрителей вдругъ сжимаетъ ей одно мѣсто на затылкѣ. Въ то же мгновеніе змѣя вытягивается во всю длину и дѣлается похожей на палку.

Змѣя, съ которой египетскіе заклинатели показываютъ фокусы передъ народомъ, есть знаменитый **Аспидъ** (aspis) грековъ и римлянъ; «Ара» или «приподнятая» древнихъ египтянъ, символъ возвышенности, изваянное изображеніе которой можно видѣть на храмахъ по обѣ стороны изображенія земного шара. Ея изваяніе царь носилъ на лбу, какъ украшеніе и знакъ своего могущества и власти. Позднѣе она была названа по древне египетскому слову «Uräus», и можетъ считаться самой знаменитой изъ змѣй на всей землѣ. Что побудило удивительный народъ долины Нила отвести ей столь выдающееся мѣсто между другими животными: странная ли поза, которую она иногда принимаетъ, или польза, которую она приноситъ земледѣльцамъ, истребляя крысъ и мышей, или ужасное дѣйствіе ея ядовитыхъ зубовъ, я долженъ оставить нерѣшеннымъ. Почти каждый греческій или римскій писатель рассказываетъ что-нибудь объ аспидѣ, его жизни и дѣйствіи его яда, почетъ, которымъ онъ пользовался, и употребленіи его для лѣкарственныхъ цѣлей. Но почти каждый смѣшиваетъ истину съ ложью, и то, что онъ самъ видѣлъ, съ вымышленнымъ. «Находятъ», говоритъ Эліанъ, «аспидовъ длиною въ 5 локтей. Большинство ихъ чернаго или пепельно-сѣраго цвѣта, нѣкоторые огненнаго.—Представь себѣ кроваваго аспида», описываетъ Плиандръ, «съ его ужасной чешуею. Если онъ слышитъ шумъ, то свертывается

въ кругъ и поднимаетъ посерединѣ свою страшную голову. При этомъ затылокъ его раздувается, онъ бѣшено шипитъ и грозитъ смертью каждому, кто ему встрѣтится».—«Это ужасное животное», прибавляетъ Плиній, «обнаруживаетъ однако въ одномъ отношеніи нѣжное чувство: самецъ и самка живутъ постоянно вмѣстѣ и только смерть можетъ разлучить ихъ. Если одинъ аспидъ убитъ, то другимъ овладѣваетъ невѣроятная жажда мести. Онъ преслѣдуетъ убійцу, находитъ его даже въ величайшей толпѣ людей, побѣждаетъ всѣ трудности, не обращаетъ вниманія на разстояніе и только послѣднее бѣгство черезъ рѣки можетъ спасти отъ него. Трудно опредѣлить, создала ли природа больше зла или средствъ противъ него. Этой злобой змѣй, напримѣръ, она дала слабые глаза, и расположила ихъ такъ, что змѣя можетъ видѣть не передъ собою, а только по сторонамъ; поэтому она часто замѣчаетъ человѣка только тогда, когда онъ наступитъ на нее».

«Египтяне», рассказываетъ Эліанъ далѣе, «высоко чтятъ аспидовъ и поэтому эти змѣи у нихъ ручныя и обходительныя. Если воспитывать аспидовъ вмѣстѣ съ дѣтьми, то они не дѣлаютъ имъ никакого вреда и выходятъ изъ норъ, если хлопать въ ладоши; словами ихъ не зовутъ. Когда египтяне кончаютъ обѣдъ, они размачиваютъ хлѣбъ въ винѣ и медѣ, и кладутъ его на столъ, за которымъ ѣли, и затѣмъ хлопаютъ руками, какъ бы призывая гостей. Змѣи тотчасъ выходятъ, становятся вокругъ стола съ поднятыми головами и позволяютъ цѣловать себя, причемъ спокойно поѣдаютъ хлѣбъ. Если египтянинъ идетъ по своему дому темной ночью, онъ тоже хлопаетъ руками. Животныя причутся тогда и на нихъ нельзя наступить. Изображеніе аспида, который египтяне называютъ «термутисъ», считается у нихъ священнымъ и украшаетъ въ видѣ діадемы голову Изиды. Египтяне утверждаютъ, что аспиды созданы не во вредъ человѣчеству; но если увѣряютъ, что аспидъ щадитъ добрыхъ и умерщвляетъ злыхъ, то это пустяки. Нѣкоторые прибавляютъ, что Изида посылаетъ ихъ къ злѣйшимъ преступникамъ. Египтяне насчитываютъ не менѣе 16 различныхъ видовъ аспидовъ, но говорятъ, что только термутисъ безсмертенъ. Въ каждомъ углу храма они, какъ говорятъ, строятъ жилище для такихъ змѣй и кормятъ ихъ телячьимъ саломъ». «Объ одномъ аспидѣ», дополняетъ въ свою очередь Плиній, «Плутархъ рассказываетъ, что онъ приходилъ обыкновенно къ столу одного египтянина и что это очень нравилось хозяину. Позднѣе онъ родилъ дѣтенышей и одинъ изъ нихъ умертвилъ сына хозяина. Когда аспидъ возвратился, чтобы ѣсть, и узналъ о несчастіи, онъ умертвилъ своего дѣтеныша и болѣе не показывался въ домѣ». «Ни одинъ человѣкъ», рассказываетъ Эліанъ далѣе, «укушенный аспидомъ, не оставался, говорятъ, живымъ. Поэтому египетскіе цари носятъ, какъ я слыхалъ, на своей діадемѣ изображеніе аспида, какъ знакъ непобѣдимости ихъ владычества. Падувая свою шею, аспидъ лишаетъ зрѣнія того, кто подвергается его дыханію. Ядовитые зубы одѣты тонкимъ покровомъ, похожимъ на кожицу. Когда аспидъ вонзаетъ зубы, кожица эта отодвигается и ядъ изливается. Затѣмъ кожица снова прикрываетъ зубы. Слѣдъ укушенія аспида, говорятъ, не очень явственъ, такъ какъ смертельный ядъ его, какъ утверждаютъ, очень быстро распространяется по тѣлу, такъ что на кожѣ остаются лишь незначительные слѣды. Поэтому посланные Августомъ къ Клеопатрѣ могли замѣтить лишь два чуть видимыхъ укула, которые и объяснили ея загадочную смерть».

«Если кто-нибудь укушенъ аспидомъ», рассказываетъ Диоскоридъ, «то видны лишь тонкіе укулы; изъ раны вытекаетъ мало крови и именно черной; часто смерть наступаетъ прежде, чѣмъ пройдетъ треть дня».—«Укушенный аспидомъ», указываетъ Плиній далѣе, «впадаетъ въ безчувственное состояніе и сонъ. Изъ

ЗМЪЯ АСПИДЪ.

всѣхъ змѣй аспидъ имѣеть самый смертоносный ядъ. Введенный въ кровь или свѣжую рану, онъ убиваетъ мгновенно, намазанный на старые нарывы—лишь медленно. Вообще же его можно безъ вреда пить, сколько хочешь, а также ѣсть животныхъ, умершихъ отъ укушенія асида. Изъ слюны асида, увѣряеть Аристотель, готовятъ ядъ, возбуждающій гнѣеніе, противъ котораго нѣтъ средства. Если въ Александріи кого-нибудь приговаривали къ смерти, и онъ долженъ былъ умереть тихой смертью, то, по словамъ Галена, аспиду давали укусить его въ грудь. Прекрасный афинскій государственный человѣкъ и знаменитый ученый Деметрій Фалерскій, какъ увѣряеть Цицеронъ, лишилъ себя жизни, давъ аспиду укусить себя. Какъ на самаго важнаго врага этой змѣи указываютъ всегда на ихневмона; но Аристотель говоритъ, что онъ всегда, прежде чѣмъ напасть на ядовитую змѣю, созываетъ помощниковъ и никогда не приближается къ ней, не покрывъ себя сначала панциремъ изъ ила.

Аспидъ, Гая (*Naja haje*, *Coluber haje*, *niveus*, *candidissimus*, *Vipera melanura*, *haje*, *Uraeus haje*, *Cerastes candidus*, *Echidna flava*, *Naja regalis*. *Aegyptische Brillenschlange*. *Haje*), котораго поселенцы южной Африки называютъ также «плюющей змѣей», нѣсколько больше своего азиатскаго родича, такъ какъ длина взрослага экземпляра можетъ достигать 2,25 м. У него шестой верхнегубной щитокъ гораздо выше, чѣмъ остальные губные щитки, такъ какъ сливается съ лежащимъ надъ нимъ височнымъ щиткомъ и образуетъ очень большую пластинку, которая касается впереди заглазныхъ щитковъ. Что касается цвѣта гая, то и о ней можно сказать такъ же мало общаго, какъ и объ очковой змѣѣ. Большинство аспидовъ, и именно египетскіе, сверху равномернаго соломенно-желтаго цвѣта, снизу свѣтло-желтаго, но имѣють на нижней сторонѣ въ области шеи нѣсколько болѣе темныхъ поперечныхъ полосъ различной ширины, изъ которыхъ каждая тянется по нѣсколькимъ брюшнымъ щитамъ. Но существуютъ разновидности, представляющія сверху всѣ оттѣнки отъ соломенно-желтаго до черно-бураго цвѣта, а снизу тоже самыя различныя и по большей части нѣсколько болѣе свѣтлыя пятна. Пехуэль-Леше видѣлъ въ Нижней Гвиней исключительно очень темныхъ, по большей части почти черныхъ аспидовъ, которые были всѣ украшены на нижней сторонѣ болѣе или менѣе многочисленными матово-желтыми пятнами различной величины. Такъ же окрашены были тѣ, которыхъ онъ наблюдалъ въ германской юго-западной Африкѣ, главнымъ образомъ въ странѣ Гереро, съ однимъ исключеніемъ: около мѣста, гдѣ черпали воду, около полудня, на пескѣ, накаленномъ солнцемъ, былъ убитъ около походнаго стула госпожи Пехуэль-Леше экземпляръ блестящаго бронзоваго, почти оранжеваго цвѣта.

Нѣкоторыя изъ этихъ разновидностей считали особыми видами; но измѣнчивость асида такъ велика, что, по словамъ Гюнтера, можно даже сомнѣваться, имѣешь ли передъ собою очковую змѣю или асида. Тщательное сравненіе 70 аспидовъ, хранящихся въ Лондонскомъ музеѣ, заставило названнаго автора убѣдиться въ ненадежности всѣхъ этихъ такъ называемыхъ видовъ. Онъ могъ однако констатировать, что рисунокъ въ видѣ очковъ встрѣчается на затылкѣ африканскаго вида гораздо рѣже и менѣе явственъ, чѣмъ у азиатскаго родича.

Если принимать, что всѣ аспиды, о которыхъ идетъ рѣчь, должны быть причисляемы къ одному виду, то областью распространенія этого опаснаго животнаго надо считать всю Африку къ югу отъ Атласскихъ горъ. Въ странахъ, лежащихъ по Нилу, аспидъ встрѣчается въ удобныхъ мѣстахъ очень часто; въ Тунисѣ и южномъ Марокко онъ попадаетъ отдѣльными экземплярами, во всей южной Аф-

рикѣ съ Капландомъ онъ обыкновененъ; у западнаго берега онъ есть вездѣ; внутри Африки Ливингстонъ и всѣ новѣйшіе путешественники неоднократно наблюдали его или слышали рассказы о немъ. Мѣстности, въ которыхъ онъ живетъ, различны. Въ лишенномъ деревьевъ Египтѣ онъ населяетъ поля и пустыни, отыскивая себѣ убѣжище между развалинами и въ скалахъ, а также селится и въ ворахъ песчанокъ и тушканчиковъ. Въ Суданѣ и южной Африкѣ онъ держится въ кустарникахъ и въ степи, гдѣ всюду находитъ убѣжище. Въ горахъ, которыхъ онъ вовсе не избѣгаетъ, онъ находитъ достаточно укромныхъ мѣстечекъ подъ большими каменными глыбами или даже въ густомъ низкомъ кустарникѣ, который покрываетъ здѣсь землю. Онъ вездѣ нерѣдокъ, однако его встрѣчаешь не такъ часто, какъ можно бы ожидать. Я убивалъ его по близости египетскихъ храмовъ, въ первобытномъ лѣсу, а также на абиссинской возвышенности; по крайней мѣрѣ я считаю, несмотря на отличія въ цвѣтѣ, за аспиду ядовитую змѣю длиною въ 2 м., которую я убилъ въ странѣ Богосъ выстрѣломъ дробью.

Увѣряютъ, что египетскіе земледѣльцы не оставляютъ изъ за аспиды своихъ работъ, когда встрѣчаютъ его на поляхъ, такъ какъ знаютъ, что онъ не нападаетъ, если держаться на нѣкоторомъ разстояніи отъ него, а спокойно лежитъ. Поднявъ голову, и не переставая слѣдить глазами за человѣкомъ. Это указаніе нуждается въ исправленіи. Всѣ египтяне чрезвычайно боятся гаи и, если это возможно, всегда убиваютъ ее; что же касается мнѣнія, будто бы она не нападаетъ, то слѣдуетъ замѣтить, что она, правда, обыкновенно скрывается, увидѣвъ человѣка, и притомъ какъ можно быстрѣе, но тотчасъ поднимается и принимаетъ оборонительное положеніе, если кто-нибудь дѣйствительно идетъ ей на встрѣчу, и вообще очень ясно проявляетъ свою раздражительность и свирѣпость. Если она думаетъ, что можетъ укусить, то, по единогласнымъ увѣреніямъ различныхъ ловцевъ змѣй, бросается на противника и послѣдній имѣетъ тогда полное основаніе не зѣвать. Эти заявленія египтянъ находятъ подтвержденіе со стороны Смита, Андерсона и Ливингстона, или вѣрнѣе Уоллера, издателя послѣднихъ сообщеній этого путешественника. Смитъ замѣчаетъ, что аспидъ никогда не обращается въ бѣгство и отъ защиты нерѣдко переходитъ къ нападенію. Андерсонъ и Ливингстонъ также рассказываютъ характерные случаи, подтверждающіе то же самое. «Одинъ изъ моихъ друзей», говоритъ первый: «едва спасся однажды отъ такой змѣи. Когда онъ однажды былъ занятъ собираніемъ одного рѣдкаго растенія, аспидъ бросился по направленію къ его рукѣ. У него не было времени повернуться, и онъ побѣжалъ задомъ такъ быстро, какъ только могъ. Змѣя слѣдовала за нимъ по пятамъ и догнала бы его, еслибы эта охота продлилась еще нѣсколько секундъ. Но въ это мгновеніе онъ споткнулся на муравейникѣ и упалъ навзничъ. Лежа, онъ видѣлъ, какъ змѣя стрѣлою пронеслась мимо». Въ справедливости этого разсказа можно было бы еще усомниться; Андерсонъ рассказываетъ то, что не самъ испыталъ. Разсказъ Ливингстона, или вѣрнѣе Уоллера, если только онъ точно передаетъ событіе, еще болѣе говоритъ въ пользу того, что аспидъ нападаетъ самъ. «Одна маленькая дѣвочка умерла потрясающимъ образомъ. Она шла въ ряду носильщиковъ, какъ вдругъ на нее бросилась большая змѣя, укусила ее въ голень и скрылась въ сосѣдней норѣ. Это совершилось въ одно мгновеніе, но было достаточно, чтобы смертельно ранить бѣдную дѣвочку. Всѣ средства были употреблены, но менѣе, чѣмъ въ 10 минутъ ребенокъ испустилъ духъ. Этотъ вполне достовѣрный случай доказываетъ справедливость разсказовъ нѣкоторыхъ путешественниковъ по различнымъ частямъ Африки. Туземцы увѣряютъ, что большая ядовитая змѣя съ быстротою молніи преслѣдуетъ и настигаетъ добычу и что тѣ, которые знаютъ, насколько она опасна

и проворна, избѣгаютъ приближаться къ ея убѣжищу. Довольно замѣчательно слѣдующее обстоятельство: одинъ арабъ рассказывалъ носильщикамъ, съ которыми онъ встрѣтился позднѣе въ Занзибарѣ, что черезъ короткое время послѣ упомянутаго несчастнаго случая онъ отправился тою же дорогою, и что одинъ изъ его носильщиковъ подвергся на томъ же мѣстѣ нападенію той же змѣи и исходъ былъ такой же несчастный». Хотя змѣя здѣсь и не названа аспидомъ, но едва ли это могла быть какая-нибудь другая.

Достоиню вниманія то, что поселенцы въ южной Африкѣ и туземцы западнаго берега раздѣляютъ убѣжденіе древнихъ, что аспидъ можетъ плеватся ядомъ и тѣмъ вредитъ нападающему. Гордонъ Кеммингъ увѣряетъ, что съ нимъ самимъ случилась неприятность этого рода, и онъ вслѣдствіе этого долженъ былъ цѣлую ночь терпѣть сильнѣйшія боли. Гордонъ Кеммингъ рассказываетъ, правда, часто прошествія, за которыя онъ не можетъ отвѣчать, и въ этомъ случаѣ передалъ, вѣроятно, лишь общераспространенное мнѣніе туземцевъ: однако, повидимому, здѣсь есть доля истины. «Аспиды», пишетъ мнѣ Рейхеновъ, «вмѣстѣ съ капской гадюкой, очень обыкновенны на Золотомъ берегу. Они живутъ въ степяхъ и избѣгаютъ густого лѣса. Въ полуденный жаръ они охотно выползаютъ на дороги, чтобы грѣться на солнцѣ. Если кто-нибудь наталкивается на нихъ, то они поднимаются вверхъ, шипятъ, раздуваютъ шею и плюютъ на разстояніе метра въ нарушителя покоя, причемъ, повидимому, всегда цѣлятся ему въ глаза. Количество жидкости, которую они при этомъ выбрасываютъ, довольно значительно, такъ какъ змѣи часто плюютъ по три раза сряду и подъ-конецъ слюна капаетъ у нихъ изо рта. По словамъ миссіонеровъ на Золотомъ берегу, а также и туземцевъ, если эта слюна попадаетъ въ глазъ, то производитъ слѣпоту. Замѣчу, что Эффельдтъ рассказывалъ мнѣ о подобныхъ наблюденіяхъ, сдѣланныхъ надъ гремучими змѣями, но въ то же время увѣрялъ, что такая слюна, которая можетъ быть смѣшана съ ядомъ, не въ состояніи производить на кожу или роговую оболочку никакого другаго дѣйствія, чѣмъ всякая другая ѣдкая жидкость». Согласно съ Рейхеновымъ о плеваніи аспидовъ рассказывалъ мнѣ и Фалькенштейнъ, который, правда, тоже не наблюдалъ этого самъ; онъ считаетъ это, повидимому, очень обыкновеннымъ явленіемъ. «Если аспидъ оплюетъ негра, то послѣдній, какъ мнѣ сообщали, вымываетъ себѣ соотвѣтственныя мѣста молокомъ женщины, которое считается надежнымъ цѣлебнымъ средствомъ».

Пехуэль-Леше слыхалъ почти вездѣ, гдѣ эта змѣя встрѣчается, рассказы о плеваніи и прыганьи, но не могъ убѣдиться въ ихъ справедливости. «Говорятъ, что она», пишетъ онъ, «не только прыгаетъ на нападающаго, но и обрызгиваетъ его на разстояніи 3—4 шаговъ нѣсколькими каплями жидкости, которая причиняетъ на чувствительныхъ частяхъ тѣла злокачественныя воспаления и сильныя боли. Надежнымъ средствомъ въ Лоанго и около Конго считается помазать тѣ мѣста, куда попалъ ядъ, молокомъ женщины, между тѣмъ какъ люди изъ племени кру и боеры въ юго-западной Африкѣ хвалили мнѣ такое же употребленіе человеческой слюны въ качествѣ средства, уничтожающаго ядъ. Самый разсудительный изъ боеровъ, Бота, прекрасный охотникъ и наблюдатель, осмѣивалъ эти рассказы и вообще оспаривалъ, чтобы эта или какая-либо другая изъ извѣстныхъ змѣй «плевалась». Я самъ неразъ имѣлъ случай нарочно дразнить замѣченныхъ на открытыхъ мѣстахъ аспидовъ (они живутъ и въ саваннѣ), но не видѣлъ, чтобы какой-нибудь изъ нихъ выбрасывалъ жидкость или дѣйствительно нападалъ. Сильно преслѣдуемые, правда, свертывались, поднимались и принимали извѣстное по индѣйскому виду угрожающее положеніе, но тотчасъ же снова обра-

щались въ бѣгство. Въ Кинзембо я былъ приглашенъ на обѣдъ въ факторію Баннистера. Когда я вошелъ на дворъ, я нашелъ хозяина и нѣсколько другихъ европейцевъ занятыхъ прикрѣпленіемъ большой мясной вилки къ длинной палкѣ: въ въ обѣденной комнатѣ была только что замѣчена «куспидейра», кобра, настоящая плюющая змѣя; ее хотѣли удержать или приколоть съ помощью вилки и передать мнѣ живою. По моему желанію, неприятному гостю, лежавшему въ углу, предложили сначала немного свѣжаго козьего молока; онъ не обратилъ на него вниманія. Наконецъ мы не безъ затрудненія выгнали его на широкій песчаный дворъ, лишенный всякой растительности. Здѣсь мы стали дразнить змѣю всевозможными способами, но могли добиться лишь того, что она нѣсколько разъ поднималась въ величайшей ярости и, широко раскрывъ ротъ, издавала нѣсколько разъ почти храпящее шипѣніе. Но она не «плевала» и не «прыгала»; въ этомъ убѣдился вмѣстѣ со мною и каждый изъ присутствовавшихъ европейцевъ. Наконецъ я отрубилъ змѣѣ голову похожимъ на саблю охотничьимъ ножомъ. Голова эта, лежавшая на пескѣ подъ палящими лучами солнца, кусала еще спустя 10 минутъ палку, которою до нея дотрогивались. Я не хочу поэтому оспаривать ни плеванья, ни прыганья; но самъ я никогда не могъ наблюдать этого и не слыхалъ, чтобы какой-нибудь спокойный наблюдатель подтверждалъ это въ качествѣ очевидца. Положеніе при нападеніи, которое, конечно, представляетъ въ сущности лишь оборонительное положеніе, можетъ подать поводъ къ различнымъ ошибкамъ; дѣйствительно кажется, что животное готовится къ прыжку: передняя часть тѣла поднимается вертикально, шея надувается и расширяется въ стороны, маленькая голова съ шипѣніемъ наклоняется впередъ. Въ этой позѣ змѣя со своими оригинальными гибкими движеніями представляетъ даже привлекательное зрѣлище. Будь она не ядовита, можно было бы почувствовать желаніе держать ее у себя, чтобы любоваться ею. Я не думаю, чтобы и самая большая изъ тѣхъ, которыхъ я наблюдаю, длина которой равнялась не полному 2 м., могла подниматься вверхъ больше, чѣмъ на 0,5 м. Въ Лоанго рассказываютъ также, что плюющая змѣя держится въ вѣтвяхъ кустарниковъ и низкихъ деревьевъ и въ такомъ случаѣ часто бываетъ окружена роемъ кричащихъ птицъ».

Гессе, который прожилъ три года въ Нижней Гвинее и подробно занимался животнымъ міромъ этой страны, конечно знакомъ со всѣми указаніями относительно характера плюющей змѣи и тѣмъ не менѣе не приводитъ ни одного случая, который-бы могъ подтвердить это распространенное мнѣніе. Шинцъ, который втеченіе многихъ лѣтъ изслѣдовалъ юго-западную Африку, тоже не можетъ ничего сообщить о плеваніи и прыганіи этой змѣи, хотя она иногда, какъ напримѣръ въ Ондонгѣ, угрожала ему. «Присутствіе мышей», пишетъ Шинцъ, «было очевидно причиной того, что у насъ поселился еще одинъ и притомъ значительно болѣе опасный сосѣдъ, кобра, о существованіи которой мнѣ нѣсколько разъ говорили мои люди, причемъ я не довѣрялъ ихъ рассказамъ. Разъ ночью я уже заснулъ, когда шорохъ и трескъ въ гербаріи подъ моею постелью разбудилъ меня. Спички и свѣча были подъ рукою, я, ничего не подозрѣвая, зажигаю огонь и въ то же самое мгновеніе передъ самымъ лицомъ моимъ поднимается вверхъ гибкое тѣло самой страшной изъ ядовитыхъ змѣй Африки; разозленная змѣя широко раздуваетъ шею, но я уже вскочилъ и пускаю въ нее на близкомъ разстояніи полный зарядъ птичьей дроби. На утро мы смѣрли убитое животное и нашли, что оно имѣло въ длину 2 м.» По отношенію къ способамъ движенія гая, повидимому, совершенно сходна съ очковой змѣею. Она тоже проворна на землѣ, часто и добровольно идетъ въ воду, очень хорошо плаваетъ и лазаетъ, подобно своему родичу.

Добыча аспиды состоитъ изъ различныхъ мелкихъ животныхъ, особенно изъ полевыхъ мышей, песчанокъ и тушканчиковъ, птицъ, живущихъ на землѣ, и ихъ потомства, ящерицъ, другихъ змѣй, лягушекъ и жабъ, смотря по мѣстности и обстоятельствамъ. Въ общемъ онъ, подобно всѣмъ вообще ядовитымъ змѣямъ, можетъ приносить пользу своею хищностью, но пользу, приносимую имъ человѣку, едва-ли можно цѣнить высоко и общее преслѣдованіе, которому онъ подвергается, конечно вполне основательно.

Каждый египетскій фигляръ самъ ловить себѣ аспидовъ, которые нужны ему для представленій, и очень простымъ способомъ. Вооруженный длинной, крѣпкой палкой изъ дерева мимозы, такъ называемымъ набутъ, онъ посѣщаетъ мѣста, обѣщающія добычу, и изслѣдуетъ всѣ удобныя убѣжища, пока не увидитъ гаю. На одномъ концѣ палки прикрѣпленъ комокъ тряпокъ, который ловець и подставляетъ змѣѣ, коль скоро она поднимается угрожающимъ образомъ и дѣлаетъ видъ, что переходитъ отъ защиты къ нападенію. Въ ярости кусаетъ она тряпки и въ то же мгновеніе ловець быстрымъ движеніемъ дергаетъ палку назадъ съ намѣреніемъ выломать у змѣи зубы. Но никогда онъ не довольствуется одною попыткой, а дразнить и раздражаетъ змѣю до тѣхъ поръ, пока она не укуситъ много разъ, не лишится навѣрное своихъ ядовитыхъ зубовъ и не будетъ совершенно изнурена. Теперь онъ крѣпко прижимаетъ ей палкой голову къ землѣ, осторожно приближается, схватываетъ ее за шею, сжимаетъ ей извѣстное ему мѣсто на затылкѣ, приводитъ ее такимъ образомъ въ столбнякъ и изслѣдуетъ наконецъ ее пасть, чтобы увидѣть, дѣйствительно-ли вырваны ядовитые зубы. Онъ очень хорошо знаетъ, что это оружіе возобновляется само собою и потому никогда не упускаетъ повторять отъ времени до времени вышеописанное кусаніе тряпокъ.

Въ истиннѣйшемъ вышесказаннаго я убѣдился собственнымъ наблюденіемъ. Во время нашего пребыванія въ Фаумѣ при Меридовомъ озерѣ къ намъ явился однажды хауи и сталъ увѣрять, что въ нашемъ жилищѣ поселились змѣи и что онъ пришелъ прогнать ихъ: Я возразилъ ему, что мы позаботились уже сами объ этомъ, но что мы готовы разрѣшить ему дать передъ нами представленіе. Онъ тотчасъ открылъ принесенный съ собою мѣшокъ съ змѣями и заставилъ 6—8 аспидовъ «танцовать» въ нашей комнатѣ. Тогда я попросилъ его принести мнѣ нѣсколько аспидовъ, у которыхъ есть еще ядовитые зубы, такъ какъ я знаю, что тѣ, которыхъ мы видимъ передъ собою, не имѣютъ болѣе этихъ зубовъ. Онъ утверждалъ противное, пока мы не назвали себя заклинателями змѣй изъ Франкнстана, страны европейцевъ, слѣдовательно до нѣкоторой степени товарищами его по специальности. Я обладаю тѣмъ счастьемъ, что когда посѣщаю звѣринецъ и меня узнаютъ, со мною обращаются съ величайшей предупредительностью и называютъ «господинъ коллега»; это счастье помогло мнѣ и въ этомъ случаѣ. Нашъ хауи многозначительно подмигнулъ и произнесъ нѣсколько обычныхъ фразъ о томъ, что надо «жить и давать жить, о жестокости судьбы, трудности добывать хлѣбъ, глупомъ народѣ, сыновьяхъ, внукахъ, правнукахъ и потомкахъ ословъ» (при этомъ онъ подразумѣвалъ своихъ высокочтимыхъ зрителей) и т. п. и въ заключеніе обѣщалъ, вѣроятно болѣе побуждаемый предложеннымъ вознагражденіемъ, чѣмъ товарищескими чувствами, принести мнѣ, европейскому заклинателю змѣй и его другу, знаменитому врачу, большую гаю съ ядовитыми зубами. Уже на другой день онъ снова явился къ намъ въ комнату съ знакомымъ кожанымъ мѣшкомъ на плечѣ, положилъ мѣшокъ на полъ, открылъ его безъ всякихъ ужимокъ съ величайшей осторожностью и сталъ, держа на готовѣ палку, ждать появленія змѣи. Показалась изящная головка, но прежде чѣмъ успѣла показаться часть тѣла,

чтобы гая могла стать «ара», т. е. расширить шею, онъ придавилъ ее палкой къ землѣ, схватилъ правою рукою за затылокъ, лѣвою за середину тѣла вмѣстѣ съ заключавшимъ его кожанымъ мѣшкомъ — и когда ротъ открылся, то мы увидѣли оба неповрежденныхъ ядовитыхъ зуба. «Такъ, братъ мой», сказалъ онъ, «мое слово—слово истины, моя рѣчь безъ обмана. Я поймалъ ее, опасную, не повреждая ее. Богъ великъ и Магометъ его пророкъ». Минуту спустя гая плавала въ очень большомъ широкомъ сосудѣ, наполненномъ спиртомъ, и дѣлала тщетныя усилія вытолкнуть пробку. Нѣсколько минутъ винный спиртъ, повидимому, не оказывалъ на нее ни малѣйшаго дѣйствія, но черезъ четверть часа движения ея стали слабѣе, а еще черезъ четверть часа она лежала, неподвижно свернувшись, на днѣ сосуда.

Туземцы западной Африки, какъ можетъ подтвердить Пехуэль-Леше, не прибѣгаютъ къ такимъ сложнымъ приемамъ при ловлѣ ядовитыхъ змѣй, даже если имѣютъ дѣло съ проворнымъ аспидомъ. При благоприятныхъ обстоятельствахъ самые безстрашные изъ нихъ просто хватаютъ ядовитую змѣю за шею, прижимаютъ большой палецъ къ ея головѣ и свободно несутъ ее. Большинство же берутъ съ собою для ловли палку съ коротко-обрѣзанной развилиной, которою они прижимаютъ къ землѣ шею добычи тотчасъ позади головы, прежде, чѣмъ схватить ее. Относительно юго-западной Африки Шинцъ рассказываетъ: «Змѣй приносили всегда безъ исключенія живыми; я помню даже, что получилъ разъ отъ маленькаго мальчика кобру, опаснѣйшую изъ змѣй южной Африки, длиною въ 2,25 м., которую онъ несъ голыми руками въ темную ночь на разстояніи двухъ часовъ пути».

Несмотря на всю осторожность, которую соблюдаютъ хауи при ловлѣ своихъ змѣй и обращеніи съ ними, иногда случается однако, что змѣя кусаетъ его и онъ умираетъ. Противоядіе, насколько мнѣ извѣстно, онъ не употребляетъ. Въ Капландѣ-же находятся въ общемъ употребленіи средства, которымъ приписываютъ цѣлебныя силы. Англичане употребляютъ особую жидкость, нашатырный спиртъ и т. п.; голландскіе поселенцы, по словамъ Андерсона, распарываютъ живой курицѣ грудь и кладутъ ее на рану, происшедшую отъ укушенія змѣй. По ихъ мнѣнію, у курицы, если ядъ смертеленъ, тотчасъ обнаруживаются признаки отравленія, т. е. она слабѣетъ, опускаетъ голову и умираетъ. Послѣ первой берутъ вторую, третью и четвертую курицу, если это покажется нужнымъ, пока на послѣдней не будетъ болѣе замѣтно никакихъ признаковъ отравленія. Теперь, какъ полагаютъ, укушенный внѣ всякой опасности. Лягушка, которую употребляютъ такимъ-же образомъ, оказываетъ, впрочемъ, ту-же услугу, т. е. конечно никакой. Одинъ видъ бѣлыхъ бобовъ, который растетъ въ нѣкоторыхъ частяхъ южной Африки и называется бобами Гереро, тоже считается средствомъ отъ укушенія змѣй и другихъ ядовитыхъ животныхъ. Этотъ бобъ разрѣзаютъ, кладутъ на рану, и онъ такъ крѣпко пристаётъ къ ней, что его можно удалить лишь съ усиліемъ, но онъ отпадаетъ самъ, когда высосетъ ядъ. Прежде считалось въ высшей степени дѣйствительнымъ средствомъ кровь черепахи; туземцы въ своихъ путешествіяхъ всегда носили ее повсюду съ собою и принимали въ случаѣ надобности, а въ то же время мазали ею и пораженное мѣсто. Нечего и упоминать о томъ, чего можно ждать отъ такихъ средствъ.

Аспидъ часто попадаетъ живымъ въ Европу, но обыкновенно лишь съ вырванными ядовитыми зубами и по большей части погибаетъ, хотя онъ легче другихъ ядовитыхъ змѣй примѣняется къ неволѣ, скоро принимается за ѣду и постепенно мирится со своей участью. Сначала онъ при приближеніи хозяина къ его помѣщенію постоянно становится «ара» и остается иногда по цѣлымъ часамъ въ этомъ положеніи; однако позднѣе его раздражительность уменьшается,

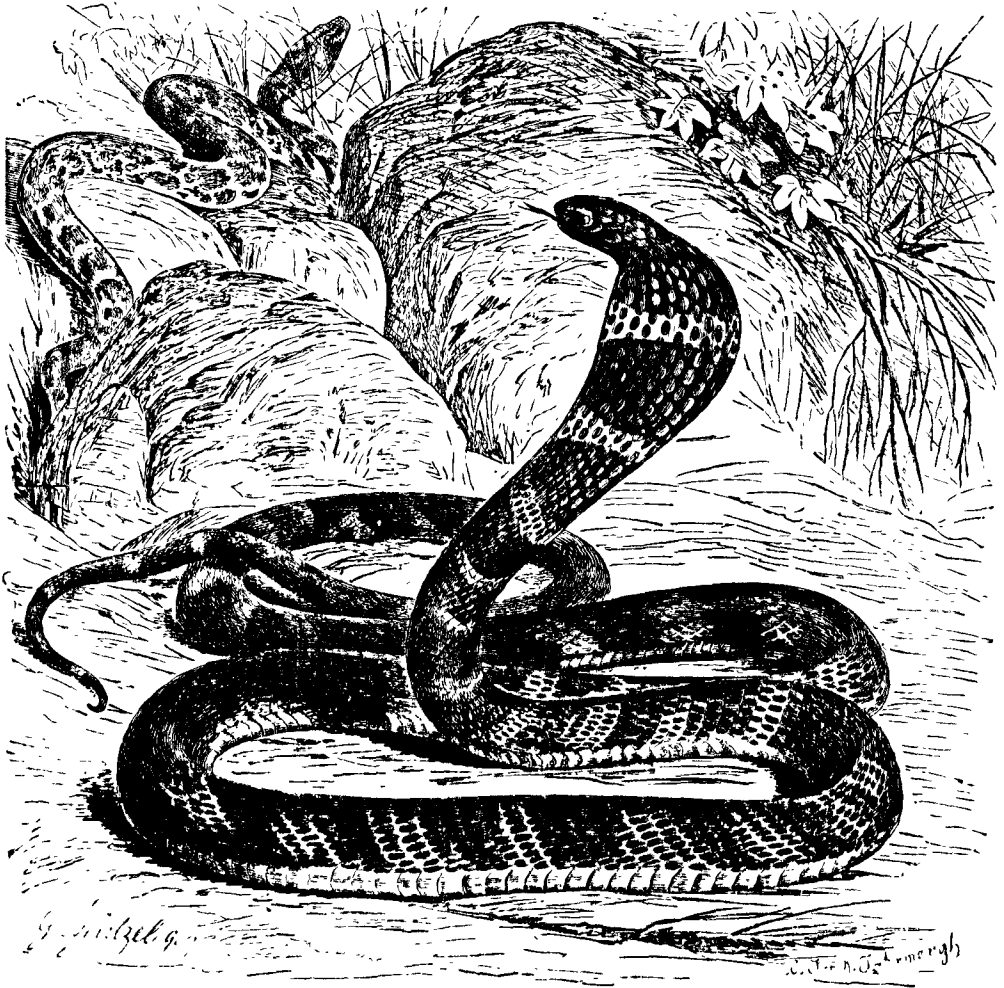
хотя онъ никогда не вступаетъ въ дружбу съ хозяиномъ. Аспиды, которыхъ держалъ въ неволѣ Эффельдтъ, скоро принимались за ѣду, хотя и были лишены ядовитыхъ зубовъ, ѣли сначала живыхъ, позднѣе мертвыхъ мышей и птицъ, предпочитали млекопитающихъ птицамъ и пренебрегали пресмыкающимися и земноводными, по крайней мѣрѣ не нападали на нихъ и обнаруживали къ нимъ такое отвращеніе, что удалялись, если тѣ двигались около нихъ. Вода была, повидимому, безусловно необходима для того, чтобы они чувствовали себя хорошо: они очень правильно купались и съ видимымъ удовольствіемъ оставались цѣлые часы въ своемъ бассейнѣ съ водою. Приблизительно по прошествіи года ихъ ядовитые зубы образовывались снова и теперь приходилось обращаться съ ними съ крайней осторожностью, такъ какъ ихъ нападенія совершаются неожиданно и съ быстротою молніи, и они удивительно далеко выдвигаютъ голову вверхъ или впередъ.

О жизни ихъ въ неволѣ Гюнтеръ далъ подробный и привлекательный рассказъ на основаніи наблюденій въ Лондонскомъ зоологическомъ саду. «Замѣчательную противоположность вялымъ водянымъ змѣямъ составляютъ ихъ опасные сосѣди, два великолѣпныхъ экземпляра черной разновидности аспиды. При своей живости и величинѣ они требуютъ довольно большого помѣщенія. Стекла клѣтки на треть высоты покрыты масляной краскою и потому непрозрачны, для того, чтобы доставить больше покоя змѣямъ, которые при своей раздражительности находились бы въ постоянномъ возбужденіи, частью же для того, чтобы скорѣе побудить ихъ, если бы пришлось ихъ дразнить, подниматься вверхъ и выглядывать изъ за болѣе темной части стекла. Это онѣ дѣлаютъ всегда по самому ничтожному поводу. Если при этомъ или во время кормленія онѣ приблизятся другъ къ другу, то между ними начинается бой: онѣ поворачиваются одна къ другой съ поднятымъ тѣломъ, расширяютъ, насколько возможно, шею и каждая старается подняться выше другой, причемъ онѣ постоянно кусаютъ по направленію къ противнику. Замѣчательно, что эти животныя не наносятъ другъ другу ранъ, но когда нѣсколько времени тому назадъ къ нимъ посадили третьяго аспиды, то началась битва, во время которой послѣдній былъ, вѣроятно, укушенъ, такъ какъ на слѣдующее утро онъ былъ мертвъ. Посаженныхъ къ нимъ животныхъ аспиды умерщвляютъ, даже если и не ѣдятъ ихъ. Движеніе, служащее для кусанія, совершается съ чрезвычайной быстротою; хотя видишь, что змѣя коснулась животнаго, но не думаешь, что бы оно было дѣйствительно укушено, пока оно не подвергнется, спустя нѣсколько секундъ, непрерывнымъ подергиваніямъ. Ротъ открывается при этомъ лишь очень мало, и змѣя скорѣе царапаетъ, чѣмъ вонзаетъ зубы, такимъ же образомъ, какъ если, держа иголку перпендикулярно къ боку животнаго, провести ея внизъ вмѣсто того, чтобы воткнуть ее въ тѣло. Они часто и долго лежатъ въ водѣ; они совершенно уходятъ подъ ковры лишь зимою».

* * *

Къ наймъ принадлежитъ еще одна ядовитая змѣя, водяющаяся въ южной Азій, быть можетъ самая страшная и по крайней мѣрѣ самая длинная изъ всѣхъ, которую мы будемъ называть большою наей. Затылочные щитки окружены тремя парами очень большихъ щитковъ, изъ которыхъ два переднихъ надо считать верхними височными щитками. Гладкія чешуйки, сильно налегающія другъ на друга, образуютъ 15 косыхъ продольныхъ рядовъ вокругъ середины тѣла, передніе подхвостные щитки лишь одинъ, задніе—два ряда. На нѣкоторомъ разстояніи позади длиннаго спереди бороздчатаго ядовитаго зуба находится второй маленькій сплошной зубъ.

Большая ная, называемая въ Бенгалии, Сункерхоръ, въ Бирмѣ Гнанбокъ (*Naja bungarus, elaps, vittata, Ophiophagus elaps, Hamadryas ophiophagus* и *elaps, Trimeresurus ophiophagus* и *elaps. Riesenhutschlange. Naia ophiophage*), достигаетъ длины въ 3, 38—3,75 м., дѣйствительно громадной для ядовитой змѣи; Беддомъ убилъ даже одну длиною въ 4,26 м., а самый большой экземпляръ въ Лондонскомъ музеѣ равенъ, по Булавже, 3,96 м. Часть затылка, способная къ расширенію, относительно меньше, чѣмъ у другихъ най; окраска различнымъ образомъ варьируетъ, по боль-

Большая ная. *Naja bungarus*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

шей части цвѣтъ оливково-зеленый сверху и блѣдно-зеленый снизу. Всѣ головные щитки, а также чешуйки шеи, задней части тѣла и хвоста съ черной каймой; тѣло и хвостъ разрисованы многочисленными чередующимися черными и бѣлыми косыми полосками, сходящимися по направленію къ головѣ; брюшные щитки съ черноватымъ мраморнымъ рисункомъ. Змѣи этого вида, окрашенные такимъ образомъ, встрѣчаются на Малайскомъ полуостровѣ, въ Бенгалии и южной Индіи. У большихъ най, живущихъ на Филиппинскихъ островахъ, передняя часть тѣла буровато-оливковаго цвѣта, чешуйки задней части съ чернымъ краемъ, каждая чешуйка хвоста украшена сильно выдѣляющимся бѣлымъ глазчатымъ пятномъ съ чернымъ

краемъ. Экземпляры съ Борнео отличаются равномернымъ желто-бурымъ цвѣтомъ верхней стороны, желтымъ цвѣтомъ подбородка и горла, чернымъ остальной нижней стороны и нѣсколько болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ середины каждой чешуйки на задней части тѣла и хвоста. У молодыхъ большихъ наѣ окраска представляетъ еще большія различія. Нѣкоторыя разрисованы по черному фону многочисленными желтыми узкими поперечными полосками, одинаково отстоящими другъ отъ друга и направленными косвенно къзуду, голова украшена четырьмя желтыми поперечными полосками, изъ которыхъ одна проходитъ черезъ конецъ морды, вторая черезъ передніе лобные щитки, третья поперекъ теменн, четвертая черезъ заднюю часть головы къ угламъ рта. У другихъ экземпляровъ брюхо черное, а желтыя поперечныя полоски расширяются на спинѣ; у третьихъ брюхо бѣлое и каждый щитокъ съ черноватымъ краемъ. Нѣкоторыя молодыя, какъ нашель Беддомъ, настолько похожи на одну безвредную древесную змѣю, что ихъ можно смѣшать.

Область распространенія этой въ высокой степени замѣчательной змѣи простирается почти по всѣмъ частямъ материка Индіи и Остиндскаго архипелага. Кромѣ южной Индіи ее наблюдали также на Андаманскихъ островахъ, на Явѣ, Суматрѣ, Борнео и Филиппинскихъ островахъ. Вообще она рѣдка, но въ Сиккимѣ и Ассамѣ, напротивъ, встрѣчается, повидимому, довольно часто и не представляетъ особенно необыкновеннаго явленія въ Бирмѣ. Въ восточной Бенгаліи она встрѣчается мѣстами чаще, чѣмъ было бы желательно, и смѣло приближается къ мѣстечкамъ, даже къ болѣе значительнымъ городамъ. Андерсонъ получилъ одну изъ ботаническаго сада въ Калькуттѣ, другую около Мутлаха. На Гиммалаяхъ она, говорятъ, встрѣчается до высоты 2000 м.

Насколько можно судить по имѣющимся даннымъ, она населяетъ преимущественно рѣдкіе лѣса или богатые травою джунгли и селится охотнѣе всего въ дуплахъ, такъ какъ прекрасно лазаетъ, по крайней мѣрѣ ее можно часто видѣть отдышающею на вѣтвяхъ. Въ воду она тоже идетъ отъ времени до времени, такъ какъ плаваетъ превосходно. Одинъ другъ Фэйрера рассказывалъ ему, что незадолго до того замѣтилъ большую наю въ одной рѣкѣ, когда плылъ въ лодкѣ по теченію. Змѣя легко плыла по водѣ, поднявъ голову, но когда ее ранили дробью, то старалась какъ можно быстрѣе скрыться на берегу и была тамъ убита.

Пища большой наѣ состоитъ, повидимому, преимущественно изъ другихъ змѣй. На ея охотѣ за змѣями основано распространенное мѣстами въ Индіи повѣрье, что она пользуется среди змѣй королевской властью. Одинъ очень разумный индусъ увѣрялъ Торренса, что видѣлъ своими глазами, какъ большая ная ѣла другихъ змѣй. Разскащику было тогда 14 лѣтъ и онъ находился на плоской крышѣ своего дома, когда по близости показалась большая ная, которая очевидно не могла замѣтить его; она подняла шею, расширила свой щитъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ наѣ, издала затѣмъ свистящее шипѣніе и была немедленно послѣ того окружена 10 или 12 змѣями, которыя приползли со всѣхъ сторонъ и собрались передъ своимъ королемъ. Этотъ послѣдній посмотрѣлъ на нихъ короткое время, затѣмъ бросился на одну изъ нихъ и проглотилъ ее. Наблюденіе индуса въ общемъ вѣрно, только выводъ изъ него, понятно, ложный: разскащикъ видѣлъ ничто иное, какъ охоту мнѣмаго короля за змѣями. Что большая ная поѣдаетъ ихъ, въ всякаго сомнѣнія доказано наблюденіями надежныхъ изслѣдователей. «Двумъ, которыхъ я держалъ въ неволѣ», рассказываетъ Канторъ, «я бросалъ регулярно черезъ каждые 14 дней по змѣѣ, безразлично, ядовитой или неядовитой. Увидѣвъ добычу, наѣ издавали громкое шипѣніе, расширяли свой затылочный щитъ, поднимали переднюю часть тѣла, оставались въ этомъ положеніи, какъ-бы желая хорошенько прицѣлиться,

слѣдя за каждымъ движеніемъ добычи, и затѣмъ бросались на жертву. Когда она была отравлена и умерщвлена, онѣ глотали ее и затѣмъ предавались въ теченіи около 12 часовъ лѣнному покою.

У тѣхъ, которыхъ досталъ Фэйреръ, ядовитые зубы были вырваны заклинателями, и онѣ поэтому совершенно утратили свою живость, повидимому подчинились власти своихъ повелителей и вели себя совершенно такъ, какъ очковые змѣи, съ которыми играютъ фигляры. Онѣ два раза съѣдали въ присутствіи Фэйрера змѣй, убитыхъ коброю. Хозяинъ всовывалъ голову древесныхъ змѣй въ ротъ най и онѣ медленно проглатывали ихъ въ теченіи приблизительно четверти часа, покачивая головою и расширивъ шейный щитъ. Сжимая ядовитую железу, удалось добыть нѣсколько капель яда. Онѣ были введены въ тѣло курицы. Черезъ три часа она умерла притакныхъ же болѣзненныхъ явленіяхъ, какія наступаютъ послѣ укушенія кобры, и кровь ее оказалась при изслѣдованіи свернувшюся. Позднѣ Фэйреръ досталъ другую большую наю, длиною лишь въ 2 м. Она казалась вялой и нерасположенной кусаться, однако отъ времени до времени поднималась, расширяла шейный щитъ и шипѣла. Запертая въ ее клѣтку живая древесная змѣя осталась нетронутою, на собаку она тоже не напала; короче, она, повидимому, стремилась уклониться отъ всякаго безпокойства и оставаться одною. Заклинатель змѣй въ виду ее силы и опасности обращался съ нею съ видимою неохотою и замѣтною осторожностью и если требовали, чтобы онъ взялъ ее, то онъ не соглашался ничего дѣлать съ нею безъ помощи товарища. Съ теченіемъ времени онъ согласился продѣлывать и съ нею обычныя штуки, но лишь въ томъ случаѣ, если другой заклинатель держалъ ее за хвостъ.

Такая осторожность находить полное оправданіе: большая ная настолько-же свирѣпое, какъ и опасное животное, которое не только выдерживаетъ нападеніе, но даже преслѣдуетъ противника, когда онъ повернется къ ней спиною, совершенно въ противоположность нравамъ другихъ змѣй этого рода. Такъ говоритъ Канторъ и единогласно рассказываютъ всѣ остальные наблюдатели, которые встрѣчались съ большою наей. На одного офицера въ Ассамѣ напала большая ная и онъ подвергся величайшей опасности; одного бирманца она, по увѣреніямъ другаго, рассказывавшаго эту исторію англичанамъ, даже долгое время преслѣдовала. Онъ наткнулся на нѣсколько молодыхъ большихъ най, которыхъ, какъ онъ полагалъ, стерегла ихъ мать. Послѣдняя мгновенно обратилась къ пришельцу. Онъ побѣждалъ со всѣхъ ногъ и ужасъ придавалъ ему крылья. Такимъ образомъ онъ счастливо достигъ маленькой рѣчки и, не раздумывая, бросился въ ее волны, чтобы переплыть на другой берегъ. Но рѣка не остановила бѣшеную змѣю, и она все болѣе и болѣе приближалась къ испуганному бѣглецу, которому мерещились уже ея сверкающіе глаза и готовые вонзиться зубы. Какъ послѣднее средство для спасенія, онъ бросилъ на землю свой тюрбанъ; змѣя съ яростью бросилась на него и стала кусать рыхлую ткань. Бѣглець, благодаря этому, выигралъ время и счастливо убѣжалъ. Я не отвергаю, что на это описаніе могъ вліять перенесенный испугъ, что оно можетъ быть сильно преувеличеннымъ, а отчасти и вымышленнымъ; но что змѣя дѣйствительно преслѣдуетъ, это, кажется, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Ричардсъ, который очень спокойно и критически относится ко всѣмъ рассказамъ объ ядовитыхъ змѣяхъ, тоже признаетъ, что большія най опасны, но существенно ограничиваетъ свое заявленіе. «Эта змѣя», говоритъ Ричардсъ, «нападаетъ безспорно охотнѣе, чѣмъ какая-либо другая, съ которой я имѣлъ случай ознакомиться; однако мы, Валь и я, находили, что обращаться съ крупной, только что пойманной большою наей едва-ли труднѣе, чѣмъ съ только что пойманной коброю

самой проворной разновидности. Я полагаю даже, что послѣдняя вслѣдствіе своей чрезвычайной подвижности и неугомонности въ началѣ жизни въ неволѣ опаснѣе для того, кто ею занимается». Кромѣ того этотъ авторъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: «эту змѣю тоже охотно показываютъ заклинатели, какъ вслѣдствіе ея величественнаго вида, такъ и того, что съ нею легко обращаться».

Ядъ большой най, по опытамъ Кантора, дѣйствуетъ чрезвычайно сильно. Собака умираетъ приблизительно черезъ 14 минутъ послѣ укушенія, и притомъ даже въ холодное время года, когда, какъ извѣстно, ядъ всѣхъ змѣй менѣе опасенъ, чѣмъ въ жаркіе мѣсяцы. Человѣкъ, по словамъ Маклея, можетъ умереть отъ укушенія въ 3 минуты. Неволю большая ная переноситъ хорошо; большой экземпляръ этой змѣи прожилъ въ Лондонскомъ зоологическомъ саду 12 лѣтъ 7 мѣсяцевъ; въ теченіи этого времени его кормили почти исключительно мѣстными змѣями.

* *
*

Я приведу здѣсь въ качествѣ австраійскаго представителя подсемейства одну изъ самыхъ опасныхъ змѣй Австраліи, извѣстную **Черную ехидну** (*Pseudechis porphyriacus*, *Coluber*, *Hurria*, *Trimeresurus porphyriacus*, *Naja*, *Duberria porphyriaca*, *Acanthophis tortor*. *Schwarzotter*. *Naia d'Australie*). Признаки этого рода заключаются въ очень вытянутомъ, вальковатомъ тѣлѣ съ относительно длиннымъ и острымъ хвостомъ, маленькой, слабо отдѣленной отъ шеи головою, одѣтой большими щитками, гладкими ромбическими чешуйками, расположенными въ 17—23 ряда, двойнымъ заднепроходнымъ щиткомъ и хвостовыми щитками, которые расположены сначала въ одинъ, потомъ въ два ряда. Позади бороздчатаго зуба стоятъ въ верхней челюсти одинъ или два гладкихъ зуба; затылокъ неспособенъ къ расширенію, какъ у най. Зрачки круглые. Извѣстенъ лишь одинъ видъ этого рода, который встрѣчается въ различныхъ мѣстахъ въ видѣ четырехъ разновидностей, отличающихся одна отъ другой цвѣтомъ и числомъ чешуекъ. Онъ распространенъ по Австраліи и Новой Гвинее. Длина обыкновенной черной ехидны юго-восточной Австраліи колеблется, по Беннету, между 1,6—2,5 м. Цвѣтъ верхней стороны великолѣпный блестящій черный или темный оливково-бурый, цвѣтъ брюха столь же красивый блѣдно-красный; цвѣтъ боковъ яркій карминно-красный; этого цвѣта лишь края чешуй, и онъ особенно выдѣляется, благодаря ихъ темной серединѣ, точно такъ-же, какъ черный задній край брюшныхъ щитковъ существенно украшаетъ ихъ окраску.

По единогласному мнѣнію всѣхъ изслѣдователей, наблюдателей и охотниковъ, нѣтъ другой части свѣта, даже нѣтъ страны, въ которой бы было относительно такъ много ядовитыхъ змѣй, какъ въ Австраліи. По крайней мѣрѣ двѣ трети всѣхъ змѣй, которыя собраны до настоящаго времени въ различныхъ частяхъ этого материка, ядовиты и нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ къ самымъ опаснымъ видамъ во всемъ отрядѣ. «Всюду, гдѣ находишься», увѣряетъ «Старый бушменъ», «въ глухомъ лѣсу или въ кустарникахъ, въ открытыхъ степяхъ и на болотахъ, по берегамъ рѣкъ, прудовъ или ямъ съ водою, можно быть увѣреннымъ, что встрѣтишь своего ненавистнаго врага, черную ехидну. Она проникаетъ въ палатку и хижину охотника, свертывается клубкомъ подъ его простынями; нигдѣ нельзя быть безопаснымъ отъ нея и слѣдуетъ удивляться, что отъ нея не погибаетъ гораздо большее число людей». По словамъ этого наблюдателя, которыя заслуживаютъ довѣрія, несмотря на нѣкоторую неясность, всѣ змѣи южной Австраліи подвергаются зимней спячкѣ: онѣ исчезаютъ къ концу марта и снова показываются въ сентябрѣ. Скоро послѣ пробужденія весной онѣ спариваются и начинаютъ затѣмъ лѣтнюю

жизнь, которая представляет ту особенность, что онѣ принуждены по мѣрѣ увеличенія жара, иссушающаго большую часть водоемовъ, перекочевывать вслѣдъ за своей добычей и такимъ образомъ перемѣщаться отъ одного болота, пруда или дождевого потока къ другому. Черная ехидна, самку которой, благодаря ея цвѣту, отличаютъ подъ названіемъ бурой змѣи или «бурой ехидны», повидимому самая распространенная и обыкновенная изъ всѣхъ змѣй, по крайней мѣрѣ ее чаще приходится видѣть, что обусловливается, вѣроятно, дневнымъ образомъ ея жизни. Движенія ея разнообразнѣе, чѣмъ у другихъ австралійскихъ ядовитыхъ змѣй, такъ какъ, если наблюденія вѣрны, она не слишкомъ рѣдко лазаютъ или отправляется въ воду. «Лѣтомъ», говоритъ вышеназванный авторъ, «почти всѣ змѣи Австраліи держатся по близости воды и, подстерегая утокъ, я очень часто видѣлъ, какъ онѣ приползали пить. Разъ я застрѣлилъ пару утокъ, изъ которыхъ одна упала на противоположный берегъ. Такъ какъ со мною не было собаки, то я раздѣлся и поплылъ за добычею. Плывая, я замѣтилъ предметъ, который принялъ сначала за палку; но, приблизившись къ нему, я узналъ въ немъ большую черную ехидну, которая совершенно неподвижно покоилась на водѣ, вытянувшись во всю длину. Хотя я проплылъ отъ нея лишь въ нѣсколькихъ шагахъ, она не сдѣлала ни малѣйшаго движенія. Это открытіе объяснило мнѣ, почему утки становятся иногда столь безпокойными безъ видимаго повода». Это наблюденіе не имѣетъ, впрочемъ, никакого отношенія къ пищѣ черной ехидны, такъ какъ она, насколько извѣстно, преслѣдуетъ лишь мелкихъ млекопитающихъ и птицъ, а также пресмыкающихся и земноводныхъ.

Ядовитыя змѣи Австраліи приносятъ много вреда, а иногда и служатъ причиною несчастныхъ случаевъ; поэтому ихъ всюду боятся и преслѣдуютъ. Много головъ рогатаго скота и овецъ изъ тѣхъ, которыхъ можно бываетъ видѣть лѣтомъ умирающими или мертвыми на равнинахъ, погибаетъ, вѣроятно, отъ укушенія змѣей, хотя скоть, по крайней мѣрѣ овцы, убиваютъ этихъ опасныхъ созданій, прыгая на нихъ всѣми четырьмя ногами и растапывая ихъ. Чернокожіе чрезвычайно боятся всѣхъ змѣй, хотя и рѣдко подвергаются укушеніямъ по той простой причинѣ, что ходятъ чрезвычайно осторожно, и ихъ орлявые глаза замѣчаютъ все, что передъ ними движется или не движется. Въ высшей степени осторожные, благодаря долгой привычкѣ, они никогда не пойдутъ черезъ углубленіе, никогда не войдутъ въ яму, которую не могутъ хорошо осмотрѣть. Они ѣдятъ змѣй, которыхъ убьютъ сами, но, по увѣренію «Стараго бушмена», никогда не станутъ ѣсть такихъ, которыя сами укусили себя въ предсмертныхъ судорогахъ, что, какъ говорятъ, случается часто.

Обыкновенно черная ехидна, услышавъ или увидѣвъ человѣка, обращается въ поспѣшное бѣгство, но, доведенная до крайности, и раздраженная или даже послѣ долгаго преслѣдованія она смѣло бросается на нападающаго и потому получила у поселенцевъ названіе «прыгающей змѣи». «Старый бушменъ» увѣряетъ, впрочемъ, что онъ только разъ видѣлъ, какъ черная ехидна прыгала и именно съ намѣреніемъ укусить собаку. Она лежала, приподнявшись наполовину, и бросилась съ быстротою молніи впередъ на всю длину свою. Нѣкоторыя собаки необыкновенно ловко схватываютъ и убиваютъ ядовитыхъ змѣй безъ вреда для себя; но почти всѣ онѣ рано или поздно платятся жизнью за свое усердіе: онѣ становятся слишкомъ смѣлы и наконецъ схватываютъ когда-нибудь змѣю безъ должной осторожности. Беннетъ рассказываетъ, что одна собака, которая привыкла убивать змѣй, однажды долго сражалась съ черной ехидной, скрытой подъ хворостомъ до самой головы, наконецъ бросилась, схватила ее и тотчасъ умертвила, но была

при этомъ два раза укушена: разъ въ языкъ, разъ въ переднюю ногу. Результатъ былъ тотъ, что храбрый песъ почти немедленно послѣ того подвергся судорогамъ, всѣ члены его опухли, морда и языкъ почернѣли и смерть послѣдовала приблизительно черезъ 20 минутъ при ужасныхъ подергиваніяхъ. Собака эта, извѣстная, какъ истребительница змѣй, до того времени счастливо избѣгала всякой опасности, но, правда, сражалась со своими опасными врагами лишь въ открытомъ полѣ. Старья охотничья собака отыскиваютъ змѣй, но держатся на почтительномъ разстояніи отъ нихъ и лаютъ до тѣхъ поръ, пока не подойдетъ охотникъ.

Черные туземцы Австраліи увѣряютъ, что укушеніе этой змѣи рѣдко бываетъ смертельно для человѣка, и дѣйствительно Беннетъ помнитъ случаи, когда люди, укушенные ею, выздоравливали безъ всякаго лѣченія. Тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что укушеніе влечетъ всегда серьезные послѣдствія. «Одинъ кодонистъ у рѣки Кларенсъ», рассказываетъ названный изслѣдователь, «узнавъ, что домъ его находилась черная ехидна, хотѣлъ убить ее палкой, но, по неловкости, былъ укушенъ въ ногу. Послѣдствія укушенія выразились прежде всего въ замѣчательномъ упадкѣ силъ и сонливости раненаго. Стали употреблять внутрь и снаружи нашатырный спиртъ, сдѣлали разрѣзы на пораненомъ мѣстѣ, наложили тугую перевязку и заставили больного ходить, хотя онъ обнаруживалъ сильнѣйшія позывы ко сну и вообще велъ себя, какъ отравленный опиумомъ. Это состояніе продолжалось цѣлые часы, затѣмъ больной постепенно оправился». Чернокожіе обращаются съ укушеннымъ совершенно такимъ же образомъ. Высосавъ рану, они заставляютъ больного бѣгать, чтобы, какъ они говорятъ, удержать его отъ сна и этимъ помѣшать дѣйствію яда. Впрочемъ, они обращаютъ особое вниманіе и на рану: или выжигаютъ ее, или дѣлаютъ разрѣзы и поддерживаютъ кровотеченіе цѣлые часы.

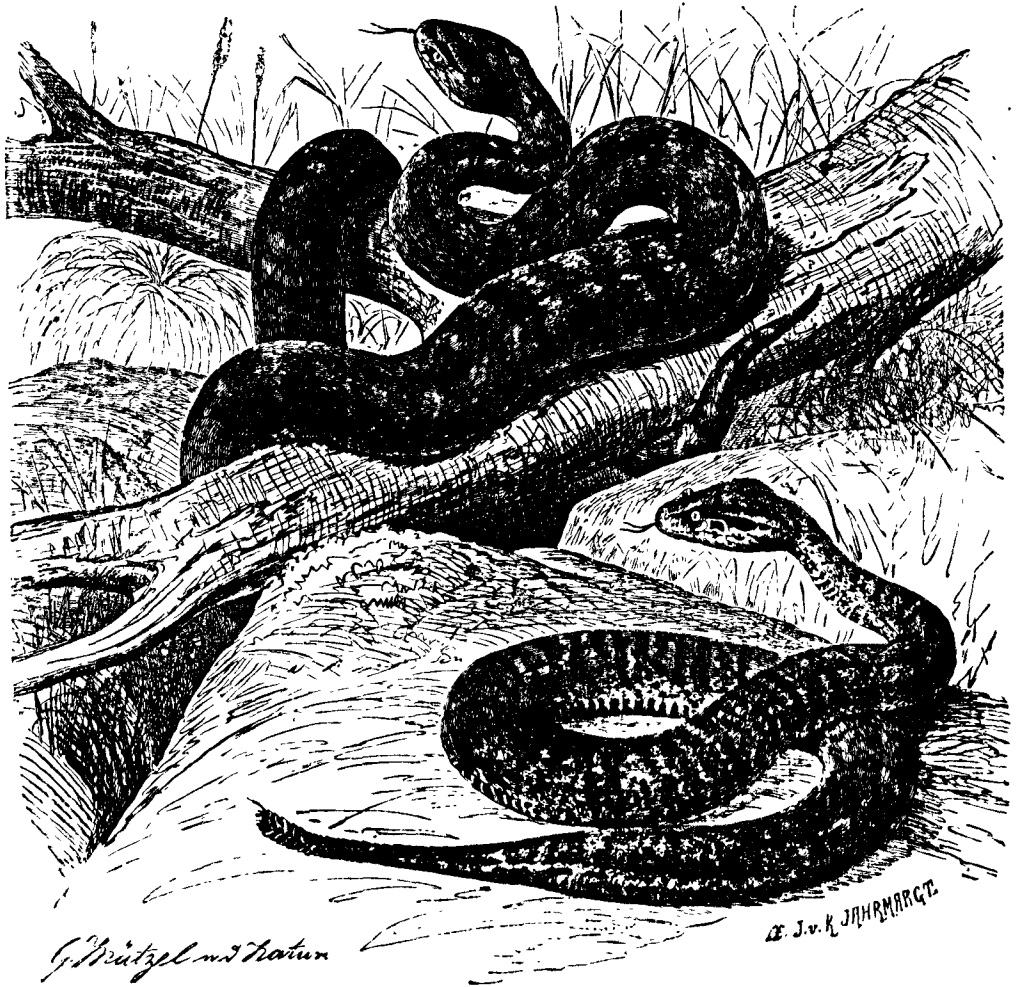
Подобныя исцѣленія позволяютъ, впрочемъ, дѣлать заключенія лишь о томъ, что укушеніе нерѣдко оказывается неудачнымъ, но вовсе не о недѣйствительности яда этой змѣи: произведенные опыты доказываютъ противоположное. Смитманъ далъ черной ехиднѣ кусить сильнаго динго, живучесть котораго (томъ II, стр. 87) обратилась въ пословицу. Черезъ 25 минутъ укушенный членъ подвергся полному параличу; 20 минутъ спустя животное лежало на боку, языкъ висѣлъ изо рта, слюна обильно текла, дрожь пробѣгала по всему тѣлу, наступили судороги, затѣмъ слабость и безпамятство, и черезъ 1 часъ 40 минутъ послѣ укушенія динго околѣлъ. Изслѣдую животное на слѣдующее утро, можно было узнать укушенное мѣсто лишь по нѣсколькимъ вытекшимъ каплямъ крови. Тѣло не было опухшимъ.

Изъ естественныхъ враговъ первое мѣсто, по крайней мѣрѣ въ глазахъ охотниковъ и туземцевъ, занимаетъ исполинскій зимородокъ; кромѣ того черную ехидну съ успѣхомъ преслѣдуетъ и истребляетъ во множествѣ, говорятъ, одна большая ящерица, вѣроятно варанъ. Замѣчательно, что о ней рассказываютъ тѣ же исторіи, какъ и о мунго, увѣряютъ, что она знаетъ цѣлебныя растенія и употребляетъ ихъ послѣ укушенія змѣею; полагаютъ даже, что нашли съ помощью ея надежное средство противъ змѣянаго яда. Гораздо успѣшнѣе, чѣмъ всѣ эти враги, дѣйствуетъ огонь, который ежегодно разводятъ на пастбищахъ, чтобы уничтожить засохшую траву и превратить ее въ плодородную золу: жертвою огня ежегодно становятся тысячи ядовитыхъ змѣй и другихъ вредныхъ животныхъ, и можно ожидать, что съ увеличеніемъ населенія и правильной обработкой страны змѣи станутъ быстро уменьшаться въ числѣ.

* *
* *
* *

Столь богатой ядовитыми змѣями Австралія и сосѣднимъ островамъ принадлежитъ еще одинъ большой родъ змѣй, къ которому навѣрное относится видовъ 25.

По вѣншему виду онѣ представляютъ большое сходство съ настоящими ужами, но могутъ быть отличены по бороздчатымъ зубамъ. Мы будемъ называть ихъ Фуріями (*Hoplocerpha'us. Furien. Furies*). По формѣ тѣла и строенію зубовъ онѣ сходны съ аспидовыми, но отличаются отъ нихъ тѣмъ, что въ передней части верхней челюсти позади короткаго бороздчатаго ядовитаго зуба есть еще рядъ мелкихъ, кривыхъ и остроконечныхъ зубовъ безъ бороздокъ. Голова, имѣющая форму неравносторонняго четырехугольника, плоская и закругленная на краю рыла, тѣло толстое, хвостъ умѣ-

Фурія короткая. *Hoplocerphalus curtus*. Змѣя смерти. *Acanthophis antarcticus*. $\frac{1}{4}$ наст. вел. ренной длины или коротокъ. Гладкія спинныя чешуйки одинаковой величины и расположены въ 15—21 рядъ; чешуйки гребня спины сходны съ остальными; нижняя сторона хвоста одѣта всегда однимъ простымъ рядомъ щитковъ. Всѣ отличаются кромѣ того тѣмъ, что рождаютъ живыхъ дѣтенышей. Особенный интересъ для нѣмцевъ представляетъ то, что одинъ видъ этого рода встрѣчается и въ германской Новой Гвинее, а нѣсколько другихъ на островахъ архипелага Бисмарка.

Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ и страшнѣйшихъ видовъ этого рода, Фурія короткая (*Hoplocerphalus curtus*, *Naja*, *Alecto* и *Echiopsis curta*, *Elapocornus curtus*, *Kurz-*

otter. *Alecto courte*), змѣя длиною въ 1—1,5 м., отличающаяся своими гладкими чешуями, расположенными въ 19 рядовъ, и темнымъ щиткомъ, котораго длина почти вдвое больше ширины. Цвѣтъ и рисунокъ ея значительно варьируютъ, какъ и у многихъ ея родичей. Обыкновенно голова одноцвѣтная черная, тѣло оливковаго цвѣта съ широкими бурыми или черными поперечными полосками; однако встрѣчаются также экземпляры равномернаго темнаго оливково-бурого цвѣта безъ поперечныхъ полосъ; заднія части тѣла и верхняя сторона хвоста по большей части одноцвѣтныя черноватая; вся нижняя сторона блѣдно-желтая.

Сколько изъ названій, употребительныхъ среди колонистовъ, относится къ этой змѣѣ, нельзя опредѣлить съ увѣренностью, а потому нельзя еще установить и область распространения ея. Тамъ, гдѣ она водится, она встрѣчается очень часто, такъ напримѣръ въ Тасманіи, гдѣ Верро могъ собрать въ теченіи кратковременнаго пребыванія болѣе 40 экземпляровъ. По Беннету, ея чрезвычайно боятся, такъ какъ укушеніе ея влечетъ всегда за собою самыя серьезныя послѣдствія. Одинъ девятилѣтній мальчикъ изъ Сиднея былъ укушенъ одною изъ этихъ змѣй въ октябрѣ 1858 года; къ сожалѣнію, его родные не употребили тотчасъ же какого-либо подходящаго средства, а послали мальчика къ врачу, жившему на разстояніи около 2 англійскихъ миль отсюда. Когда послѣдній сталъ помогать больному, тотъ находился уже въ очень жалкомъ состояніи, былъ сонливъ, потерялъ способность видѣть правымъ глазомъ и вообще тяжело страдалъ отъ дѣйствія яда. На мизинцѣ, въ который онъ былъ укушенъ, были замѣтны лишь двѣ маленькихъ точки, но едва было видно воспаленіе или опухоль. Сдѣлали разрѣзы, высосали рану, давали нашатырный спиртъ и другія раздражающія вещества, заставляли бѣднаго мальчика безостановочно бѣгать, чтобы прогнать сонливость, какъ дѣлаютъ обыкновенно чернокожія, но не достигли ни малѣйшаго успѣха; черезъ 8 часовъ послѣ укушенія съ раненымъ сдѣлались судороги и онъ умеръ. Короткая фурія, повидимому, сильно размножается: 32 дѣтеныша бываетъ у нея нерѣдко, а Мортонъ утверждаетъ даже, что нашель въ одной убитой имъ самкѣ болѣе 100 дѣтенышей. О другихъ фуріяхъ рассказываютъ, впрочемъ, то же.

* *

«Самая опасная змѣя Австраліи», говоритъ Беннетъ, «называемая колонистами змѣею смерти, а туземцами по шипу на хвостѣ—шипохвостомъ, есть не красное, по отношенію къ длинѣ толстое пресмыкающееся съ маленькими ярко-желтыми глазами съ вертикальнымъ зрачкомъ и чрезвычайно измѣнчивой окраской, трудно поддающейся описанію, которая состоитъ изъ соединенія болѣе блѣдныхъ тоновъ и узкихъ черныхъ полосокъ и лишь на нижней сторонѣ переходитъ въ свѣтлый красно-желтый цвѣтъ. Однако черныя по большей части округленныя пятна по бокамъ головы и на бокахъ брюшныхъ щитковъ есть почти всегда. Длина достигаетъ 0,75 м., діаметръ тѣла 2,2 см.»

Шипохвостъ, Змѣя смерти (*Acanthophis antarcticus, cerastinus* и *browni*. *Boa antarctica* и *palpebrosa*, *Vipera acanthophis*. *Todesotter*. *Vipère à aiguillon*) служитъ представителемъ рода **Шипохвостыхъ ехиднъ** (*Acanthophis*. *Stachelottern*), отличительные признаки котораго заключаются въ широкой головѣ, одѣтой до передней половины большими щитками, въ лежащихъ сбоку и открывающихся посреди большого щитка ноздряхъ, и сильно заостренномъ, покрытомъ снизу простыми непарными щитками хвостѣ, который оканчивается роговымъ шипомъ. Надглазныи щитокъ выступаетъ угломъ на заднемъ краю, повидимому обладаетъ, какъ у гадюкъ, извѣстной подвижностью и придаетъ змѣѣ злобный видъ. Изъ 19 рядовъ че-

шукъ средня на передней половинѣ тѣла болѣе или менѣе явственно килеватыя. Извѣстенъ лишь этотъ единственный видъ. Кромѣ Австраліи и Новой Гвинеи мы знаемъ теперь эту змѣю также съ восточныхъ Моллукскихъ острововъ, гдѣ она доходитъ въ западномъ направленіи до Церама и Амбонны.

«Змѣя смерти», говоритъ Беннетъ далѣе, «обыкновенна въ Новомъ Южномъ Валлисѣ, даже по близости Сиднея. Ее находятъ въ сухихъ, песчаныхъ мѣстахъ, часто на улицахъ и тропинкахъ, гдѣ она лежитъ днемъ свернувшись и продолжаетъ лежать при приближеніи врага; это обстоятельство дѣлаетъ ее тѣмъ опаснѣе. Я самъ почти коснулся ногою первой изъ нихъ, съ которой я встрѣтился въ этой странѣ, но, къ счастью, еще во время обратилъ на нее вниманіе. Ея короткое, толстое, своеобразно окрашенное тѣло, широкая голова и злобные глаза предостерегаютъ отъ нея и неспециалиста, и выраженіе ея лица настолько отталкивающее, что его можетъ превосходить развѣ выраженіе лица у канской гадюки. Пища ея состоитъ главнымъ образомъ изъ лягушекъ и мелкихъ птицъ; по крайней мѣрѣ я находилъ послѣднихъ въ желудкѣ тѣхъ, которыхъ изслѣдовалъ».

Туземцы утверждаютъ, что отъ укушенія этой змѣи не умираетъ никто, что укушенный самое большее, что чувствуетъ себя нѣкоторое время нездоровымъ и именно сонливымъ, а затѣмъ выздоравливаетъ; европейцы-же убѣдились въ противномъ. Странную исторію рассказываетъ Куннингамъ. Въ періодъ спариванія змѣи охотничья собака нашла двухъ змѣй смерти и подозвала своего хозяина, который отрубилъ одной изъ змѣй голову; другая скрылась. Приблизительно черезъ 10 минутъ послѣ того, другая собака пробѣжала по тому-же мѣсту, была укушена отрубленной головою и скоро послѣ того умерла съ страшнымъ воемъ и подергиваніями.

Второе подсемейство ядовитыхъ змѣй составляютъ **Морскія змѣи** (*Hydrophiinae*. Seeschlangen. Serpents de mer). Насколько трудно разграничить отдѣлы другихъ змѣй, настолько-же легко узнать морскихъ змѣй и отличить ихъ отъ всѣхъ другихъ: плавательный хвостъ ихъ служитъ такимъ характернымъ признакомъ, что ихъ никоимъ образомъ нельзя смѣшать съ другими. При поверхностномъ сравненіи онѣ кажутся болѣе похожими на угревидныхъ рыбъ, чѣмъ на змѣй. Голова ихъ относительно мала, тѣло въ передней части почти вальковатое, далѣе обыкновенно сжато съ боковъ, хвостъ очень коротокъ, чрезвычайно сильно сжать съ боковъ и похожъ на весло, поставленное ребромъ. Поздри открываются на верхней сторонѣ морды на большихъ носовыхъ щиткахъ; маленькіе глаза съ круглымъ зрачкомъ. Голова одѣта всегда большими неправильными щитками, тѣло—мелкими чешуйками, покрывающими другъ друга черепицеобразно или касающимися другъ друга въ видѣ пластинокъ. Чешуйки эти и на нижней сторонѣ лишь въ видѣ исключенія превращаются въ узкій рядъ брюшныхъ щитковъ. Зубная система состоитъ изъ короткихъ бороздчатыхъ ядовитыхъ зубовъ, за которыми слѣдуетъ извѣстное число болѣе мелкихъ зубовъ, нижняя челюсть вооружена по всей своей длинѣ сплошными зубами. Строеніе верхней челюсти очень различно въ девяти родахъ, на которые дѣлятся морскія змѣи. У одной группы позади двухъ ядовитыхъ зубовъ стоятъ большіе небороздчатые зубы, и именно у **Плоскохвостыхъ змѣй** (*Platurus*) одинъ такой зубъ съ каждой стороны, у родовъ *Enhydria* и *Enhydrina*—2—5, у **Пеламидъ** (*Hydrus*)—7—8, у большого рода *Hydrophis*—7—18; у второй группы Буланже нашелъ 4—10 сплошныхъ зубовъ, спереди тоже бороздчатыхъ, слѣдующихъ черезъ равные промежутки за обоими ядовитыми зубами. Къ этой группѣ принадлежитъ родъ **Ластохвостыхъ змѣй** (*Distira*). Въ строеніи скелета особенно за-

мѣчательны кромѣ того остистые отростки хвостовыхъ позвонковъ, которые паразитально вытянуты вверхъ и внизъ.

Съ баснословнымъ страшилищемъ, которое показывается отъ времени до времени, если не въ морѣ, то въ головахъ моряковъ, а затѣмъ всегда и на страницахъ газетъ, настоящія морскія змѣи не имѣютъ ничего общаго. Ни одинъ изъ 50 видовъ, которыхъ различаютъ до настоящаго времени, не достигаетъ въ длину 3,5 м.; такіе, которыя имѣютъ въ длину болѣе 1 м., принадлежать уже къ очень рѣдкимъ явленіямъ.

Бросающемуся въ глаза строенію ихъ тѣла соответствуетъ мѣстопребываніе и образъ жизни ихъ, такъ что это подсемейство должно считаться характернымъ по всѣхъ отношеніяхъ. Всѣ морскія змѣи живутъ, какъ показываетъ ихъ названіе, исключительно въ морѣ, за однимъ только исключеніемъ, о которомъ будетъ упомянуто ниже, никогда не выходятъ на сушу, а также не поднимаются добровольно и вверхъ по рѣкамъ. Всѣ рождаютъ живыхъ дѣтенышей. Онѣ водятся въ Индѣйскомъ и Тихомъ океанахъ, отъ мыса Доброй Надежды и береговъ Мадагаскара до Панамскаго перешейка и отъ Новой Зеландіи до Японіи, особенно-же въ частяхъ, лежащихъ между южно-китайскимъ и сѣверо-австралійскимъ берегомъ. По характеру, правамъ и привычкамъ всѣ виды, повидимому, сходны между собою, по крайней мѣрѣ изслѣдованія наши недостаточны еще для того, чтобы установить какія-либо различія. Описаніе ихъ образа жизни не можетъ поэтому относиться къ отдѣльнымъ видамъ, а должно обнимать всю совокупность ихъ.

Для болѣедробнаго подраздѣленія этого подсемейства пользуются прежде всего различіями въ зубной системѣ и покровахъ тѣла.

* * *

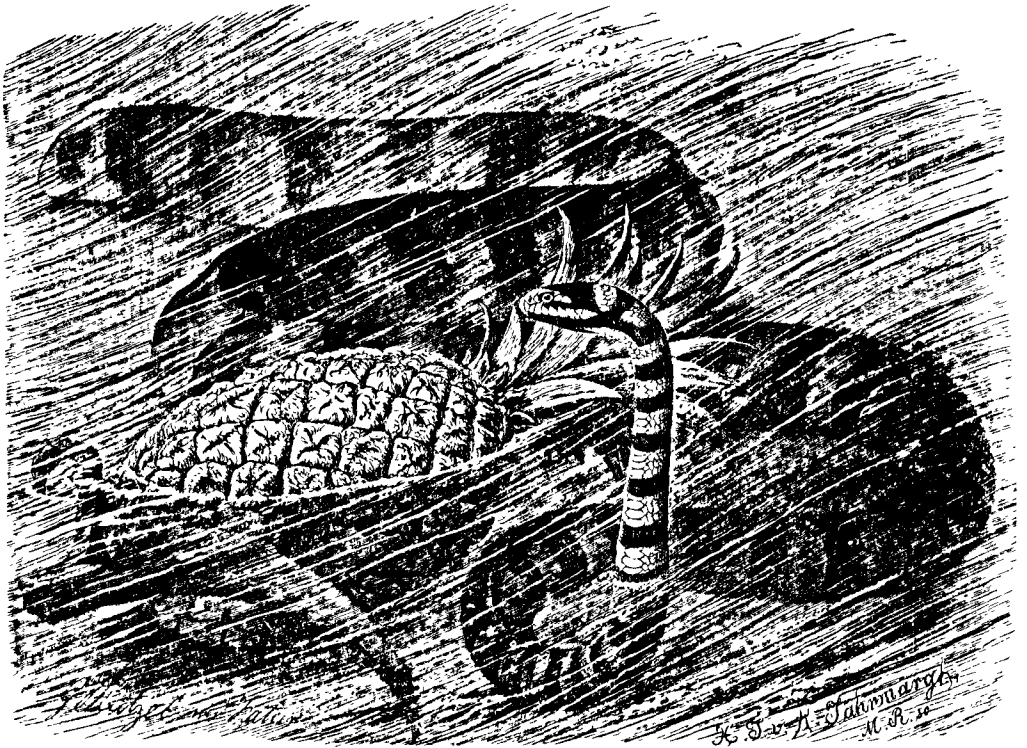
У **Плоскохвостыхъ змѣй** (*Platurus*, *Plattschwänze*) тѣло почти вальковатое, выдающееся на спинной поверхности въ видѣ крыши; чешуйки и щитки похожи на чешуйки и щитки другихъ змѣй, такъ что этотъ родъ можно считать соединительнымъ звеномъ между аспидовыми и морскими змѣями. Голова покрыта щитками, которые по числу и расположенію приближаются къ обыкновенному типу. Ноздри лежатъ по бокамъ морды и отърываются каждая посреди щитка, который отдѣленъ отъ парнаго ему вдающимися между ними переднебоковыми щитками. Тѣло одѣто сверху гладкими и блестящими черепичатыми чешуйками, снизу хорошо развитыми щитками, которые образуютъ подъ хвостомъ два ряда. Позади ядовитыхъ зубовъ въ замѣчательно короткой верхней челюсти находится отдѣленный отъ нихъ довольно широкимъ промежуткомъ небородчатый зубъ, который однако легко выпадаетъ, а потому часто можетъ отсутствовать.

Изъ трехъ извѣстныхъ видовъ этого рода **Плоскохвость** (*Platurus laticaudatus*, *fischeri*, *affinis*, *fasciatus*, *Coluber laticaudatus*, *Laticauda scutata*, *Zeilenschlange*, *Plature*) самый обыкновенный и извѣстный. Длина его можетъ достигать 1 м., но по большей части меньше. Отъ одного близко родственнаго вида плоскохвость легко отличается по отсутствію непарнаго щитка на мордѣ и только 10 рядами чешуекъ въ первой трети тѣла. Основной цвѣтъ верхней стороны болѣе или мѣнѣе яркій голубовато или зеленовато-черный, цвѣтъ нижней стороны отъ желтоватаго до гуммигутово-желтаго; рисунокъ состоитъ изъ 25—50 черныхъ колець, которыя окружаютъ все тѣло, и чернаго пятна на темени, которое соединено съ вторымъ поперечнымъ пятномъ на задней части головы и такимъ-же на затылкѣ посредствомъ начинающейся на подбородкѣ продольной полоски того-же цвѣта, и

наконецъ изъ черной уздечной полоски, которая, подобно полоскамъ на головѣ, рѣзко выступаетъ на ярко-желтой мордѣ.

По Кантору, плоскохвость водится въ Бенгальскомъ заливѣ около Пондшери, а также въ моряхъ у Цикобарскихъ, Андаманскихъ и Моллукскихъ острововъ, вокругъ Тимора, Целебеса, Новой Гвинеи и южнаго Китая. Область распространенія простирается, по Буланже, отъ Бенгальскаго залива до Китайскаго моря и до Полинези. Но плоскохвость, повидимому, живетъ въ морѣ не при всякихъ условіяхъ, такъ какъ нѣкоторые экземпляры были уже найдены на сушѣ и притомъ довольно далеко отъ берега. Такъ, недавно, какъ сообщаетъ Фанъ-

Плоскохвость. *Platurus laticaudatus*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

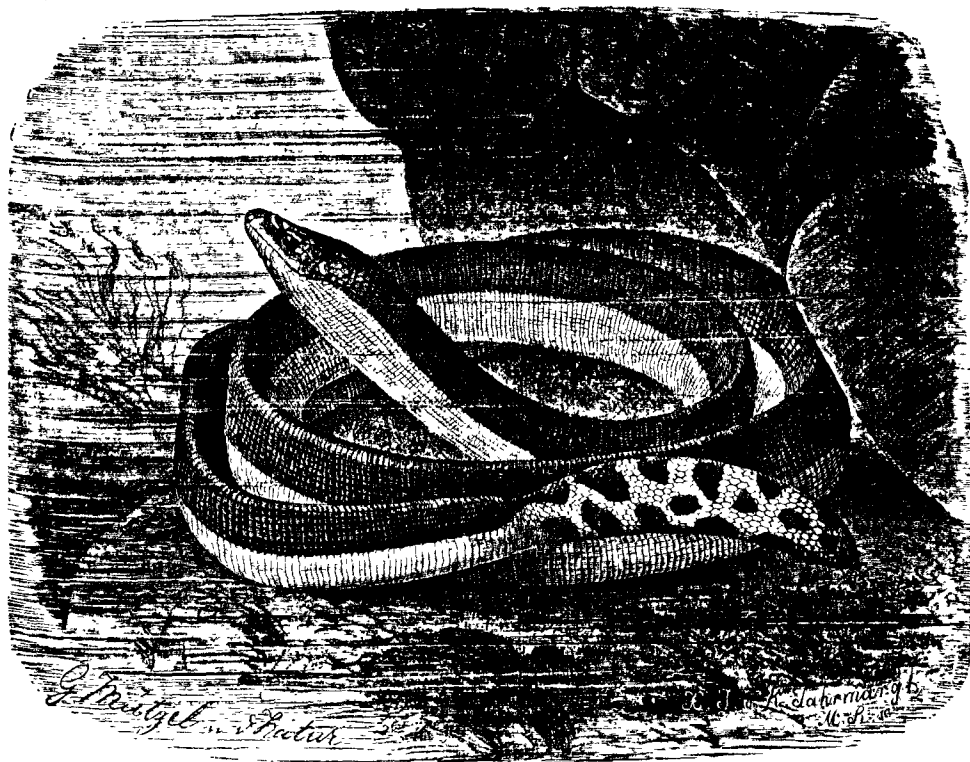
Лидтъ, Гагенъ тоже добылъ плоскохвоста въ лѣсахъ Серданга на Суматрѣ на разстояніи почти дня пути отъ ближайшаго берега.

* * *

У Пеламидъ (*Hydrus. Pelamiden*) голова плоская, морда очень длинная и лопатообразная, шея замѣчательно толстая, тѣло короткое, толстое, сильно сжатое съ боковъ по всей длинѣ, сверху съ тупымъ, снизу съ острымъ краемъ. Носовые щитки касаются другъ друга по средней линіи, больше въ длину, чѣмъ въ ширину и пробуравлены въ задней части носовыми отверстиями, которыя открываются кверху; лобныхъ щитковъ лишь одна пара, чешуйки на всемъ тѣлѣ четырехъ или шести угольныя, касающіяся другъ друга въ видѣ пластинокъ, гладкія или бугорчатые, брюшные щитки неразвиты. Позади ядовитыхъ зубовъ стоятъ съ каждой стороны 7—8 мелкихъ сплошныхъ зубовъ.

Цвѣтъ **Двухцвѣтной пеламиды** (*Hydrus bicolor*, *Pelamis bicolor* и *ornata*, *Hydrophis pelamis* и *variegatus*. Zweifarbige Seeschlange. Pelamide bicolore), единственнаго представителя рода, темный буро-черный, цвѣтъ нижней стороны свѣтлый желто-бурый, охрово-или лимонно-желтый. Оба цвѣта, рѣзко отдѣляющіеся другъ отъ друга, перемѣшиваются въ области хвоста и здѣсь образуются полосы и пятна. Рѣже экземпляры съ черными поперечными полосками или съ равномерно распределенными по обѣимъ сторонамъ спины черными пятнами на лимонно-желтомъ фонѣ. Длина животнаго рѣдко достигаетъ болѣе 0,85 м.

Двухцвѣтная пеламида тоже одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ и извѣстныхъ видовъ семейства, такъ какъ область распространенія ея простирается по Индѣй-

Двухцвѣтная пеламида. *Hydrus bicolor*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

скому океану и тропическимъ частямъ Тихаго. Она часто встрѣчается по близости береговъ Бенгалии, Малабара, Суматры, Явы, Целебеса, южнаго Китая, а также въ Персидскомъ заливѣ и у западнаго берега средней Америки; но ее наблюдали также въ водахъ Японіи, далѣе вокругъ Мадагаскара и даже у мыса Добрая Надежды.

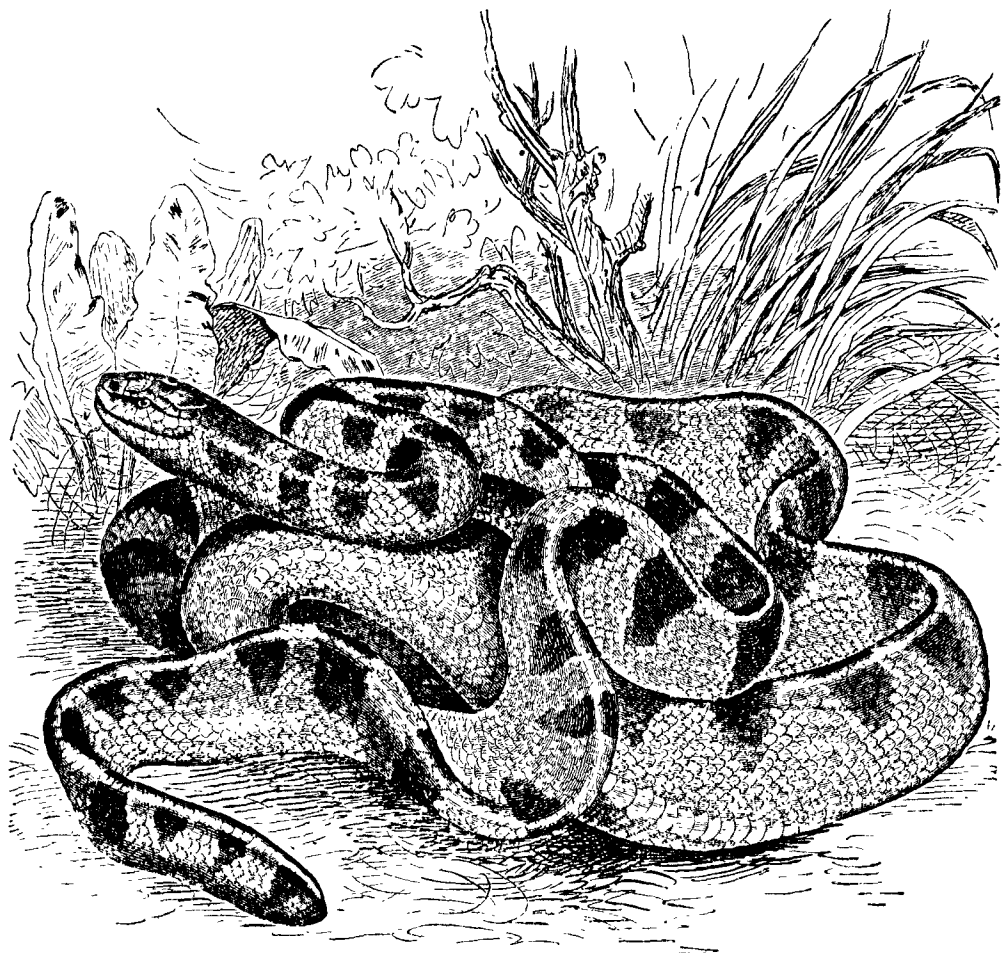
* *

У **Ластохвостыхъ змѣй** (*Distira. Ruderschlangen*) голова умѣренной величины или мала, продолговата, тѣло длинно, впереди тонко и округленно, сзади утолщено и сжато, хвостъ широкъ, чешуйки различны, смотря по видамъ, но всегда лежатъ въ передней части тѣла черепицеобразно. Носовые щитки, изъ которыхъ каждый окружаетъ ноздрю, лежатъ на концѣ морды, граничатъ другъ съ другомъ и даютъ

*

мѣсто лишь одной парѣ лобныхъ щитковъ. По большей части клеватяги или бугорчатяги, но никогда не гладкія чешуйки, лежатъ въ задней части тѣла, налегая одна на другую, или рядомъ; брюшные щитки по большей части явственны, но малы. О своеобразной зубной системѣ мы говорили уже выше.

Изъ 14 извѣстныхъ видовъ этого рода заслуживаетъ упоминанія **Ластоховость синеполосатый** (*Distira cyanocincta*, *Hydrus striatus*, *Hydrophis cyanocinctus*, *striatus*).

Ластоховость синеполосатый. *Distira cyanocincta*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

tus, *sublaevis*, *subannulatus*, *asper*, *westermanni*, *taprobanicus*, *Leioselasma striata*. Streifenruderschlange. Hydre à bandes bleues), такъ какъ это тоже одна изъ самыхъ обыкновенныхъ морскихъ змѣй. Чешуйки на тѣлѣ его расположены черепицеобразно и на шеѣ въ 27—33, на серединѣ тѣла въ 39—43 продольныхъ ряда; темной щитокъ замѣтно больше въ длину, чѣмъ въ ширину, 2 или 3 переднихъ височныхъ щитка лежатъ одинъ надъ другимъ. Длина можетъ достигать 1,75 м. Основной цвѣтъ верхней стороны оливково-зеленый, нижней—зеленовато-желтый; рисунокъ состоитъ изъ 50—75 черныхъ поперечныхъ полосъ, которыя представляютъ различныя уклоненія; у молодыхъ животныхъ онѣ образуютъ кольца

и часто бывают кромѣ того связаны черноватою линіею, проходящей вдоль брюха; у болѣе старыхъ онѣ все болѣе и болѣе исчезаютъ по направленію къ нижней сторонѣ, становятся менѣе ясными или распадаются на пятна, обыкновенно же доходятъ до половины тѣла и шире всего на срединной линіи спины.

Область распространенія простирается отъ Персидскаго залива до Японскаго моря. Змѣя эта обыкновенна у береговъ Цейлона, въ Бенгальскомъ заливѣ, въ восточно-Индійскомъ архипелагѣ и въ Китайскомъ морѣ.

Опытные моряки, которые неразъ плавали по Индійскому океану и привыкли обращать вниманіе на происходящія въ немъ явленія, считаютъ появленіе морскихъ змѣй признакомъ близости земли. Морскія змѣи лишь въ исключительныхъ случаяхъ удаляются отъ береговъ, взрослые, повидимому, все-таки чаще, чѣмъ молодыя, такъ какъ послѣднихъ, по словамъ Кантора, всегда ловятъ гораздо больше. Извѣстная близость суши представляетъ, повидимому, необходимое условіе для ихъ жизни; но ихъ нельзя считать ни береговыми животными, ни обитателями обширныхъ пространствъ моря, лишенныхъ острововъ, хотя имъ было бы легко кочевать по морямъ и хотя по временамъ, быть можетъ побуждаемая половымъ чувствомъ, онѣ безспорно болѣе приближаются къ берегамъ, чѣмъ въ другое время. Любимое мѣстопребываніе ихъ составляютъ широкіе морскіе рукава между островами. Вѣроятно имъ особенно нравится здѣсь относительно спокойная и неглубокая вода; но, конечно, больше всего привлекаетъ ихъ въ такія мѣста обиліе животныхъ, служащихъ имъ пищею. Правда, ихъ встрѣчали иногда и въ открытомъ морѣ, но всегда считали за змѣй, которыя заблудились и какими-нибудь причинами были отнесены далѣе. Въ 1837 г. колонисты Новой Зеландіи были крайне неприятно удивлены, убѣдившись, что около ихъ острова появилось множество морскихъ змѣй, однако опасенія, связанныя съ появленіемъ этихъ ядовитыхъ животныхъ, къ счастью, не оправдались: гости скоро снова исчезли, потому ли, что откочевали обратно, или погибли на чужбинѣ. Подобныя явленія наблюдались, какъ говорятъ, также около Панамы и Капштадта. Въ Атлантическомъ океанѣ заблудившіяся змѣи этого рода, насколько извѣстно до сихъ поръ, еще не попадались. Иногда случается, что приливъ заноситъ ихъ въ береговую рѣчку, но и здѣсь ихъ замѣчаютъ всегда лишь короткое время, такъ какъ онѣ не въ состояніи жить въ рѣчной водѣ. Руссель, Канторъ и Фэйреръ убѣдились, что всѣ морскія змѣи, которыхъ они получали живыми, умирали черезъ 2 или 3, самое большее черезъ 10 дней послѣ поимки, даже если ихъ держали въ морской водѣ. Другія наблюденія тоже доказываютъ, что эти змѣи морскія животные въ томъ же смыслѣ, какъ киты или океанпческія птицы, что онѣ не могутъ жить въ морѣ. Гюнтеръ полагалъ, впрочемъ, основываясь на строеніи, особенно на развитіи брюшныхъ щитковъ и боковомъ положеніи ноздрей плоскохвостыхъ змѣй, что онѣ могутъ по временамъ жить на сушѣ, что по крайней мѣрѣ въ некоторые виды этого рода охотятся иногда на иловатой почвѣ, и это мнѣніе, какъ было указано выше, недавно подтвердилось.

Относительно образа жизни ихъ мы, что легко объяснимо, вовсе не имѣемъ еще достаточныхъ свѣдѣній. Въ отличіе отъ другихъ представителей того же отряда морскія змѣи обыкновенно встрѣчаются вмѣстѣ въ очень большомъ числѣ, иногда такими обществами, что на извѣстномъ протяженіи совершенно наполняютъ воду. Онѣ плаваютъ здѣсь, высоко подвѣвъ голову и дѣлая такія же движенія, какъ и другія змѣи, но далеко превосходятъ ихъ, по крайней мѣрѣ, всѣ виды, не живущіе постоянно въ водѣ, легкостью, изяществомъ и красотою движенія,

которыми онѣ разсѣкаютъ волны. Ихъ широкой сплюснутый хвостъ, лежащій на верхней сторонѣ и закрывающійся клапанами поздри, объемистыя легкія и даже маленькая голова и тонкая, вальковатая передняя часть тѣла или сжатая съ боковъ форма всего тѣла, а, пожалуй, и своеобразныя чешуйки—все это дѣлаетъ ихъ очень совершенными морскими хищниками. Хвостъ, который у многихъ видовъ можетъ въ то же время служить и органомъ хватанія, соответствуетъ во всѣхъ отношеніяхъ хвосту рыбъ; онъ позволяетъ имъ двигаться въ водѣ съ быстротою стрѣлы и служить якоремъ, когда онѣ хотятъ отдохнуть на коралловыхъ банкахъ или камняхъ; высоколежащія поздри позволяютъ самымъ удобнымъ образомъ захватывать воздухъ, а обширные легкія—долѣ оставаться подъ водою, чѣмъ всѣ остальные змѣи. Наконецъ, благодаря тонкой шеѣ, онѣ могутъ, внезапно выдвинувъ голову впередъ или сдѣлавъ быстрое боковое движеніе, вѣрно схватить добычу или по крайней мѣрѣ смертельно ранить ее. Всѣ наблюдатели, которые видѣли, какъ онѣ плаваютъ въ чистой водѣ, единогласно удивляются быстротѣ и ловкости ихъ движеній. Въ тихую погоду онѣ лежатъ на поверхности и, повидному, спятъ; онѣ не особенно пугливы, но не предаются и беззаботному покою. Иногда онѣ едва обращаютъ вниманіе на проплывающее между ними подъ парусами судно, другой разъ ихъ пугаетъ самый незначительный шумъ, который покажется имъ подозрительнымъ, напримѣръ приближеніе лодки: онѣ опоражниваютъ легкія, ныряютъ въ глубину и только рядъ поднимающихся пузырьковъ воздуха обнаруживаетъ еще ихъ присутствіе.

Что онѣ погружаются на значительную глубину, доказало изслѣдованіе ихъ желудковъ, что онѣ подолгу отдыхаютъ полъ водой, показали точныя наблюденія. Когда намѣревались строить маякъ на скалахъ Бассельса, остаткахъ поглощенныхъ моремъ острововъ Гири, замѣтили при первой высадкѣ среди сотенъ и тысячъ рыбъ, оживляющихъ многочисленныя пещеры этихъ скалъ, множество морскихъ змѣй, изъ которыхъ нѣкоторыя достигали въ длину 1,5 м. Змѣи лежали здѣсь свернувшись, предавались покою и такъ сердились, когда ихъ тревожили, что съ яростью кусали по направленію къ шестамъ, которыми изслѣдовали углубленія. Сингалезцы, которые служили проводниками европейскихъ инженеровъ, увѣряли, что морскія змѣи не только смертельно оравляютъ своимъ ядомъ, но также стараются вредить своему противнику, обвиняаясь вокругъ него. Вообще, новѣйшіе наблюдатели согласны между собою въ томъ, что эти змѣи вовсе не вялыя и добродушныя, а, напротивъ, крайне проворныя, злыя и свирѣпыя существа, которыя въ своей стихіи такъ же, какъ ядовитыя змѣи на сушѣ, яростно кусаютъ по направленію къ каждому мнимому или дѣйствительному противнику и при этомъ наносятъ раны и себѣ самимъ. Сравнительно съ значительнымъ множествомъ ихъ, случается, правда, рѣдко, чтобы онѣ кусали людей, но это зависитъ исключительно отъ того, что человѣкъ рѣдко посѣщаетъ ихъ стихію, а также отъ ихъ пугливости. По мелкимъ мѣстамъ, на которыхъ онѣ держатся, не ходитъ безъ особенной надобности ни одинъ рыбакъ, а отъ приближающейся лодки онѣ, если и не всегда, то по большей части прячутся. Но неосторожно купающіеся нерѣдко подвергаются ихъ укушенію, а тѣ змѣи, которыхъ вытаскиваютъ на берегъ во время рыбной ловли, причиняли бы много зла, если бы рыбаки не были вполне знакомы съ той опасностью, которую представляетъ неосторожное обращеніе съ этой нежелательной добычей, часто попадающей въ слишкомъ большомъ количествѣ. Страхъ всѣхъ туземныхъ рыбаковъ передъ морскими змѣями совершенно основателенъ, такъ какъ укушеніе ихъ по дѣйствию совершенно сходно съ укушеніемъ другихъ бороздчатозубыхъ. Въ этомъ достаточно убѣдились путемъ опы-

товъ индѣйскіе изслѣдователи, именно Руссель и Канторъ, и если Зибольдъ наблюдалъ, что матросы держали въ рукахъ пойманныхъ морскихъ змѣй, не подвергаясь укушеніямъ, то рѣчь шла очевидно объ одномъ видѣ плоскохвостовъ, который, по новѣйшимъ опытамъ, произведеннымъ въ Японіи, дѣйствительно не кусаетъ, даже если его дразнить. Съ другой стороны мы знаемъ, что, кромѣ туземцевъ, укушенію морскихъ змѣй подвергались и англійскіе моряки и умирали отъ него, какъ показываетъ слѣдующій разсказъ, переданный Чеверсу.

Когда, въ 1837 г., англійское военное судно «Algerine» стояло на якорѣ на Мадраасскомъ рейдѣ, была поймана морская змѣя, длиною въ 2 м. Одинъ изъ матросовъ до тѣхъ поръ разсматривалъ и трогалъ ее, пока она не укусила его въ указательный палецъ правой руки. Онъ тѣмъ менѣе обращалъ вниманіе на маленькую рану, что, какъ онъ думалъ, подвергался укушеніямъ водяныхъ змѣй въ Малаккскомъ проливѣ и не чувствовалъ никакихъ дурныхъ послѣдствій. Черезъ полчаса послѣ укушенія онъ позавтракалъ, одѣлся и приблизительно часа черезъ два отправился на палубу. Здѣсь у него вдругъ сдѣлалась рвота, скоро послѣ того нульсъ сталъ слабымъ и по временамъ прекращался; зрачки были расширены, но суживались подъ вліяніемъ свѣта; на кожѣ выступилъ холодный потъ и выраженіе лица видимо становилось болѣе тревожнымъ и все болѣе и болѣе обнаруживало общее и тяжелое болѣзненное состояніе. Скоро наступилъ параличъ гортани, который существенно затруднялъ дыханіе; края раны и ближайшія части руки опухли; опухоль распространилась потомъ по всей правой сторонѣ, а шея и лицо приняли пятнистый пурпуровый и сѣрый цвѣтъ. Врачъ прописалъ различныя средства, большою дѣлалъ усилія, чтобы принять ихъ, но не могъ, и только послѣ продолжительной теплой ванны былъ въ состояніи проглотить лѣкарства, но они тотчасъ же выбрасывались обратно вмѣстѣ съ бурой липкой жидкостью. Приблизительно черезъ 20 минутъ послѣ ванны приступы судорогъ, отъ которыхъ больной страдалъ уже съ самаго начала, стали чаще и темный цвѣтъ распространился по всему тѣлу. Дыханіе становилось все труднѣе, изо рта вытекала темно-бурая волокнистая масса, затѣмъ наступило безпамятство и еще до истеченія четвертаго часа послѣ укушенія больной умеръ.

Второй случай, тоже имѣвшій печальный исходъ, произошелъ въ маѣ 1869 года и постигъ капитана одного судна, который былъ укушенъ во время купанья. Рана причиняла ему лишь незначительную боль, и онъ думалъ, что его уцѣпнулъ крабъ. Позднѣе онъ тоже не чувствовалъ ни малѣйшаго признака отравленія, долго говорилъ съ однимъ изъ друзей, забавлялся съ его дѣтьми, игралъ и пѣлъ, вообще находился въ самомъ лучшемъ настроеніи и только по временамъ чувствовалъ своеобразный жаръ, пробѣгавшій по всему тѣлу, который былъ скорѣе пріятенъ, чѣмъ болѣзненъ. Этотъ жаръ мало измѣнялъ его видъ и вызвалъ замѣчаніе друга, что капитанъ никогда не казался здоровѣе, чѣмъ въ этотъ день. По возвращеніи на судно, приблизительно черезъ три часа послѣ купанья онъ почувствовалъ, что движенія языка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣчь затруднены, и постепенно сталъ замѣчать, что первоначально едва замѣтная оочечѣлость членовъ все болѣе распространялась. Онъ выпилъ водки и послалъ за врачомъ, который скоро явился и прописалъ лѣкарство, но лишь позднѣе одинъ бирманецъ обратилъ его вниманіе на истинную причину болѣзни. При ближайшемъ изслѣдованіи укушеннаго мѣста, сбоку отъ ахиллесова тяжа, около ладыжки, нашли двѣ маленькихъ ранки, которыя едва вызвали воспаленіе и мало отличались отъ укушеній комаровъ. Врачъ прибѣгнулъ тогда къ средствамъ, которыя казались ему цѣлебными, часто давалъ большому пить водку и отваръ конопли; но всѣ средства болѣе не помогали. Болѣз-

пенное состояніе капитана все усиливалось и черезъ 71 часъ послѣ укушенія онъ умеръ.

Канторъ далъ одной морской змѣѣ, длиною въ 1,5 м., укусить птицу; она тотчасъ обнаружила признаки параличнаго состоянія и умерла черезъ 4 минуты при подергиваніяхъ членовъ; вторая птица, укушенная тою же змѣею, умерла черезъ 10 минутъ, третья, отравленная другою морской змѣею, въ 7 минутъ, и т. д. Особенно замѣчательны опыты, которые тотъ же изслѣдователь произвелъ надъ пресмыкающимися и рыбами. Мягкая черепаха (*Trionyx gangeticus*) была укушена морской змѣею (*Hydrophis schistosus*) въ морду; 5 минутъ спустя она стала чесать укушенное мѣсто ногою и продолжала это нѣкоторое время; но 16 минутъ спустя она не могла уже болѣе дѣлать это такъ какъ члены ея были парализованы и неподвижны; по истеченіи еще 14 минутъ она была мертва. Кромѣ незначительнаго измѣненія въ укушенной части на трупѣ животнаго не замѣчалось ничего необыкновеннаго. Вторая черепаха того же вида умерла черезъ 46 минутъ послѣ укушенія. Древесная змѣя стала черезъ три минуты послѣ укушенія безнокойной, ползала по клѣткѣ изъ угла въ уголъ, но уже скоро послѣ того не могла владѣть задней частью своего тѣла, черезъ 16 минутъ послѣ отравленія судорожно открыла ротъ и черезъ 30 минутъ околыла. Большой скалозубъ (*Tetraodon rotosa*), укушенный ластохвостой змѣею длиною въ 1,5 м., бодро плавалъ въ теченія первыхъ трехъ минутъ послѣ укушенія въ ваннѣ, наполненной морской водою, послѣ того сталъ сильно двигать хвостомъ, не могъ болѣе держаться опредѣленнаго направленія и умеръ черезъ 10 минутъ послѣ укушенія.

Изъ всѣхъ этихъ опытовъ слѣдуетъ, что морскія змѣи такъ же страшны въ своей стихіи, какъ родственныя имъ ядовитыя змѣи на сушѣ.

Только что пойманныя морскія змѣи издаютъ ясный запахъ воровани, который не утрачивается даже тогда, когда ихъ пересылаютъ въ спиртъ и вынимаютъ изъ сосуда по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ Европѣ.

Пища всѣхъ видовъ состоитъ, понятно, изъ рыбъ и ракообразныхъ; за первыми охотятся взрослые, за вторыми молодыя. Гюнтеръ находилъ въ желудкахъ различныхъ морскихъ змѣй мелкихъ рыбъ почти изъ всѣхъ семействъ, живущихъ въ тѣхъ же моряхъ, и въ томъ числѣ такихъ, которыя обладаютъ очень крѣпкими и острыми шипами и другими колючими твердыми частями. Вооруженіе этого рода такъ же мало можетъ защищать рыбъ отъ морскихъ змѣй, какъ и мѣшать этимъ послѣднимъ глотать свою добычу. Онѣ убиваютъ ядомъ и передъ смертью какъ и послѣ смерти добычи нисколько не заботятся объ ея оборонительномъ оружіи потому, что глотаютъ всѣхъ рыбъ съ головы. Всѣ морскія змѣи очень прожорливы. Обыкновенно онѣ охотятся въ верхнихъ слояхъ воды, а въ бурную погоду на болѣе значительныхъ глубинахъ. На содержимыхъ въ неволѣ наблюдали, что ихъ зрачекъ способенъ значительно расширяться и сжиматься, а слѣдовательно можетъ исполнять свою службу на очень различныхъ глубинахъ. Полный дневной свѣтъ, то есть не преломленный въ водѣ, дѣйствуетъ на ихъ глаза такъ сильно, что зрачекъ сжимается въ точку, и совершенно ослѣпляетъ животныхъ, какъ видно по ихъ неловкимъ движеніямъ.

Относительно размноженія морскихъ змѣй нѣтъ еще достаточныхъ данныхъ. Самцы и самки довольно значительно различаются у нѣкоторыхъ родовъ и видовъ по формѣ, чешуѣ и цвѣту, и тѣмъ дѣлаютъ еще болѣе труднымъ различеніе отдѣльныхъ видовъ, которое нелегко и само по себѣ. Такъ, у самцовъ большей части видовъ кили на чешуйкахъ, которые на нѣкоторыхъ могутъ оканчиваться нѣсколькими шипиками или иглами, значительно больше,

чѣмъ у самокъ; у видовъ рода *Elyhydris* самцы короче и имѣютъ меньше чешуекъ, чѣмъ болѣе вытянутыя въ длину самки; у нѣкоторыхъ видовъ *Hydrophis* (*H. obscurus*), по Буланже, шейная часть у самки гораздо тоньше, чѣмъ у самца. Не разъ упомянутыя выше ластохвостыя змѣи (*Distira cyanocincta* и *Hydrophis schistosus*) спариваются, по наблюденіямъ Кантора, въ февралѣ и мартѣ, обвиваются во время совокупленія одна вокругъ другой, и долгое время носятся вмѣстѣ по волнамъ, подвигая себя поочередными движеніями. Относительно продолжительности беременности Канторъ не могъ добиться надежныхъ свѣдѣній, но онъ полагаетъ что она длится около 7 мѣсяцевъ. Дѣтеныши разрываютъ при рожденіи яичныя оболочки и начинаютъ съ этого момента вести такую-же жизнь, какъ ихъ родители.

Врагами морскихъ змѣй оказываются индѣйскіе орланы и акулы. Въ желудкѣ послѣднихъ Перонъ постоянно находилъ остатки этихъ пресмыкающихся; весьма вѣроятно, что онѣ были схвачены во время сна и безъ страха передъ ядовитыми зубами погребены въ широкой пасти акулъ. Вѣроятно не менѣе опасны для нихъ, чѣмъ эти страшные морскіе разбойники и другія большія хищныя рыбы, а также сильныя бури, которыя часто массами выбрасываютъ ихъ на сушу. Здѣсь онѣ гибнутъ, если другая благоприятная для нихъ волна не возвратитъ ихъ въ родныя глубины. Насколько онѣ ловки въ морѣ, настолько же неловки и безпомощны на сушѣ, за исключеніемъ упомянутаго плоскохвоста. Онѣ едва пытаются ползать и двигать частью тѣла, сначала, правда, кусаютъ еще бѣшено вокругъ, но скоро утомляются и тогда забываютъ даже пускать въ дѣло свое страшное оружіе. Свѣтъ ослѣпляетъ ихъ, необычная среда лишаетъ ихъ не только силы, но, повидимому, и сознанія. По прошествіи немногихъ дней онѣ умираютъ навѣрное, какъ и выброшенные на сушу киты. Къ названнымъ врагамъ и враждебнымъ явленіямъ присоединяется еще человекъ. Ни одинъ туземный рыбакъ не бросаетъ безъ нужды обратно въ воду морскихъ змѣй, которыхъ вытащить сѣтью на берегъ вмѣстѣ съ различными рыбами, каждый старается убить ихъ столько, сколько можетъ. Однако большого вреда человекъ не приноситъ имъ, какъ и всѣ остальные ихъ враги. Море защищаетъ ихъ, къ сожалѣнію, лучше, чѣмъ было бы желательно, а ихъ если и не особенно сильное, то все же значительное размноженіе скоро пополняетъ всѣ потери. На морскихъ змѣяхъ и именно на тѣхъ видахъ, чешуйки которыхъ снабжены шероховатыми киллями, часто селятся водоросли, мшанки, такъ что эти животныя иногда тащатъ за собою плавучій дѣсь, населенный кромѣ того различными ракообразными. Эта оригинальная одежда можетъ быть полезна имъ при добываніи пищи, но еще болѣе вызываетъ она насъ на размышленія, когда мы стараемся узнать средства, которыми пользуется природа, чтобы распространять по морямъ низшія морскія растенія и морскихъ животныхъ. Повидимому на долю морскихъ змѣй выпадаетъ при этомъ значительная роль, и онѣ могутъ переносить на большія разстоянія многіе изъ организмовъ, живущихъ паразитами на ихъ тѣлѣ.

Пропуская одно семейство безвредныхъ змѣй, **Толстоголовыхъ змѣй** (*Amblyserphalidae*. Dickkopfschlangen), такъ какъ оно менѣе важно для насъ, мы обращаемся теперь къ послѣднему семейству, **Гадюновымъ** (*Viperidae*. Vipern). Всѣ принадлежащіе сюда виды ядовиты и, насколько извѣстно, живородящи. Толстое тѣло, плоская, часто трехугольная голова, короткій, тупой хвостъ, иногда превращенный въ органъ хватанія, недоразвитая верхняя челюсть, вооруженная исключительно гладкими, крючковатыми ядовитыми зубами, и глаза съ вертикальнымъ зрач-

комъ составляютъ, правда, отличительные признаки, свойственные всѣмъ змѣямъ этого семейства, однако на основаніи этихъ признаковъ нельзя еще безошибочно отличать ихъ отъ аспидовыхъ. Нужно большое вниманіе, а иногда приходится прибѣгнуть и къ тщательному изслѣдованію внутренняго строенія, чтобы рѣзко различать обѣ группы.

Самымъ важнымъ внутреннимъ признакомъ этого семейства должно считать форму и способъ движенія короткой и толстой, какъ бы недоразвитой верхней челюсти, которая съ одной стороны подвижно связана черезъ посредство соединительной кости, поперечнонебной, съ крыловидной костью, съ другой—съ межчелюстной. Верхнечелюстная кость можетъ подниматься перпендикулярно къ поперечнонебной кости и позволяетъ прикрѣпленнымъ къ ней спереди ядовитымъ зубамъ совершать движеніе такого рода, что если мы будемъ считать основаніе зуба за постоянную точку, конецъ его можетъ описывать вокругъ этой точки дугу въ четверть круга. Каждая верхнечелюстная кость имѣетъ по одному большому, шиловидно изогнутому зубу, у гадюки около 5 мм. длиною, по длинѣ котораго тянется каналъ, оканчивающійся тонкой щелью на передней, слѣдовательно выпуклой сторонѣ зуба около кончика его. Очень часто въ верхнечелюстной кости стоятъ по два зуба рядомъ. Такъ какъ одинъ изъ нихъ обыкновенно сидитъ уже не совсѣмъ крѣпко и такъ какъ при укушеніи тоже рѣдко наблюдается болѣе двухъ ранокъ, то слѣдуетъ принимать, что второй зубъ—болѣе старый, вышедшій уже изъ употребленія. Зубы эти стоятъ въ связи съ ядовитыми железами. Если змѣя хочетъ кусать, то она прижимаетъ поперечнонебную кость къ верхнечелюстной; эта послѣдняя съ приросшими къ ней зубами поднимается кверху и ядъ вытекаетъ вслѣдствіе дѣйствія височныхъ мускуловъ, а также, вѣроятно, и того сопротивленія, которое встрѣчаетъ верхняя челюсть при кусаніи, черезъ отверстіе въ верхней и передней части зуба въ зубной каналъ. Когда зубы при кусаніи проникаютъ въ мясо, ядъ попадаетъ въ рану и отсюда въ кровь. Въ состояніи покоя, зубы эти повернуты назадъ и лежатъ въ кожистыхъ сумкахъ на верхней челюсти, направленные остриемъ назадъ. Тотчасъ позади обоихъ ядовитыхъ зубовъ находятся еще 3—4 замѣщающихъ зуба, которые замѣняютъ собою дѣйствующій ядовитый зубъ, когда онъ сломается. Первый замѣщающій зубъ достигаетъ иногда полной величины еще прежде, чѣмъ вступить въ дѣятельность. Плотные, гладкіе, крючковатые зубы находятся въ нижней челюсти и на крыловидныхъ и небныхъ костяхъ; они служатъ для того, чтобы схватывать добычу и втаскивать ее въ зѣвъ и глотку, причемъ вѣтви нижней челюсти, соединенныя лишь растяжимой соединительной тканью, поочередно подвигаются впередъ и вонзаютъ зубы въ добычу. Благодаря тому, что весь челюстнонебный аппаратъ состоитъ изъ многихъ подвижныхъ костей и потому чрезвычайно растяжимъ, и что обильное отдѣленіе железъ смачиваетъ добычу и дѣлаетъ ее скользкой, гадюковыя, подобно многимъ другимъ змѣямъ, могутъ проглатывать относительно большихъ животныхъ.

Мы будемъ и здѣсь слѣдовать Булацке, который подраздѣляетъ гадюковыхъ на два рѣзко раздѣленныхъ подсемейства, на **Гадюкъ** (*Viperinae*. Ottern) и **Гремучниковъ** (*Crotalinae* Grubenottern), которые всѣ безъ исключенія отличаются присутствіемъ ямки въ видѣ дырочки между ноздрю и глазомъ, значеніе которой еще совершенно неизвѣстно. Гадюки характерны для Стараго Свѣта и особенно много видовъ ихъ водится въ Африкѣ; гремучники обитатели Америки и распространены отъ Соединенныхъ Штатовъ до Патагоніи, но доходятъ по Азіи на западъ до границы Европы, гдѣ одинъ маленькій видъ встрѣчается еще, быть можетъ,

по сую сторону рѣки Урала. Что Германія уже въ древнія первобытныя времена обладала змѣями изъ этого семейства, доказала намъ недавно поразительная находка полага ядовитаго зуба (*Provirega*) въ нижнемъ миоценѣ Висбадена.

Гадюки (*Viperinae. Ottern. Vipères*) представляютъ очень однообразное строеніе и могутъ считаться самыми лучшими представителями ядовитыхъ змѣй. Онѣ отличаются очень плотнымъ, иногда почти безобразно толстымъ тѣломъ, плоской головою, имѣющей форму трехугольника, вѣрнѣе четырехугольника съ неравными сторонами, а также тѣмъ, что верхняя сторона морды покрыта почти всегда чешуею или одѣта мелкими крайне неправильными и неправильно расположенными щитками, и наконецъ короткимъ тупо-коническимъ хвостомъ, который лишь въ исключительныхъ случаяхъ обладаетъ способностью цѣпляться: Онѣ отличаются отъ гремучниковъ, единственныхъ змѣй, съ которыми ихъ можно было бы смѣшвать, какъ уже замѣчено, отсутствіемъ окруженной щитками ямки на головѣ между ноздрю и глазомъ.

По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, къ этому подсемейству принадлежитъ не болѣе 4 родовъ съ 26 видами, изъ которыхъ 5 встрѣчаются въ Европѣ, но распространены также въ Азіи и въ Африкѣ; 14 характерны для Африки и 5 для Азіи, а остальные принадлежатъ Азіи и Африкѣ вмѣстѣ. Общая область распространенія ихъ простирается на палеарктическую, индѣйскую и эіопскую области. Въ первой, центръ которой находится до извѣстной степени въ странахъ вокругъ Средиземнаго моря, живетъ 10, въ индѣйской 3, наконецъ въ эіопской 13 видовъ.

За исключеніемъ лишь трехъ, еще мало извѣстныхъ видовъ, принадлежащихъ къ особому роду, которые живутъ на деревьяхъ, гадюки медленныя ядовитыя змѣи, обреченныя на жизнь на землѣ; всѣ онѣ, безъ исключенія, чисто ночныя животныя, которыя начинаютъ свою дѣятельность добровольно лишь послѣ солнечнаго заката. Нѣкоторыя африканскія гадюки, повидимому, не боятся и воды, однако объ этомъ существуетъ пока еще мало надежныхъ наблюденій. Позвоночныя, особенно мелкія млекопитающія и птицы, а иногда также ящерицы и земноводныя, но не рыбы, составляютъ ихъ добычу. Только болѣе мелкіе и проворные виды рѣшаются на продолжительное преслѣдованіе; настоящій способъ охоты у гадюкъ другой: онѣ терпѣливо выжидаютъ добычу, быстро выдвигаютъ голову, вонзаютъ разъ свое страшное оружіе и, увѣренныя въ успѣхъ, ожидаютъ дѣйствія яда, который оказывается смертельнымъ почти безъ исключеній. Онѣ болѣе вялы, чѣмъ всѣ другія ядовитыя змѣи, и кажутся намъ поэтому болѣе коварными, чѣмъ всѣ ихъ родичи, съ которыми онѣ раздѣляютъ вспыльчивость, бѣшенство и злобу. Несмотря на ихъ страшное оружіе и на то, что ядъ ихъ по своему дѣйствию не уступаетъ никакому другому, отъ нихъ гораздо рѣже погибаютъ люди, чѣмъ отъ аспидовъ, онѣ менѣе опасны также, чѣмъ ближайшіе родичи, гремучники, но тѣмъ не менѣе причиняютъ довольно бѣдъ. Всѣ соотвѣтствуютъ своему латинскому названію, такъ какъ всѣ рождаютъ живыхъ дѣтенышей. Размноженіе ихъ не особенно сильно, но способность противостоять вреднымъ вліяніямъ значительна, а число враговъ относительно ничтожно; этимъ легко объясняется ихъ многочисленность. Человѣкъ долженъ преслѣдовать и истреблять ихъ самымъ ревностнымъ образомъ;

* * *

Ядро подсемейства образуетъ родъ **Гадюка** (*Vipera. Otter. Vipère*), отличительные признаки котораго заключаются въ раздѣленныхъ хвостовыхъ щиткахъ,

расположенных въ два продольныхъ ряда, въ килеватыхъ чешуйкахъ, которыя образуютъ 21—37 продольныхъ рядовъ, и въ томъ, что голова покрыта чешуйками или немногочисленными мелкими щитками. Къ этому роду относятся не менѣе 20 видовъ, и всѣ представители описываемаго подсемейства, живущіе въ Европѣ, должны быть причислены къ этому роду.

Прототиномъ гадюкъ и всего подсемейства вообще мы считаемъ Обыкновенную гадюку, Козюльну (*Vipera berus*, *Coluber berus*, *prester*, *chersea*, *vipera*, *melanis*, *scytha*, *thuringicus*, *coeruleus*, *Vipera ceilonica*, *squamosa*, *orientalis*, *prester*, *melanis*, *scytha*, *trigonocephala*, *chersea*, *communis*, *limnaea*, *torva*, *pelias*, *Echis americana*, *Pelias berus*, *prester*, *chersea*, *dorsalis* и *renardi*, *Echidnoides trilamina*. *Kreuzotter*. *Vipère commune*). Она отличается превращенными въ щитки чешуйками на теменн и, за рѣдкими исключеніями, однимъ только рядомъ чешуекъ между глазомъ и лежащими подъ нимъ верхнегубными щитками. Цвѣтъ и рисунокъ ея чрезвычайно разнообразны, но почти всегда на спинѣ есть темная зигзагообразная полоса, которая поэтому заслуживаетъ вниманія, какъ отличительный признакъ.

Какъ типическая представительница подсемейства обыкновенная гадюка отличается уже по формѣ отъ остальныхъ змѣй Германіи и большинства змѣй Европы, ея ближайшихъ родичей, понятно за исключеніемъ вилеры и песчаной гадюки. Голова сзади замѣтно шире шеи, довольно плоская, впереди слегка закругленная; шея ясно отдѣлена, немного сжата съ боковъ, и ея сѣченіе поэтому имѣетъ продолговато-округленную форму; тѣло значительно толще шеи, довольно плоское на спинной сторонѣ, ширина и высота его одинаковы, брюшная сторона также плоская; хвостъ относительно коротокъ, замѣтно утонченъ въ послѣдней трети длины и заканчивается короткимъ твердымъ кончикомъ. Начиная отъ шеи, тѣло постепенно утолщается до середины и, начиная отсюда, снова утончается къ хвосту, въ который и переходитъ безъ замѣтной границы. Самецъ и самка различаются по формѣ: у перваго тѣло короче и товѣе, а хвостъ относительно толще и длиннѣе, чѣмъ у послѣдней. Длина взрослого самца около 60 см., рѣдко на 5 см. болѣе, по большей части по крайней мѣрѣ настолько же меньше; длина самки 70, но можетъ доходить до 81 см. Можно считать правиломъ, что голова составляетъ приблизительно двадцатую часть длины тѣла, хвостъ самца—шестую,—самки восьмую: это отношеніе не встрѣчается ни у какой другой германской змѣи, кромѣ вилеры. Рыльцевой щитокъ трехугольно закругленный съ дугобразной вырѣзкой снизу, черезъ которую проходитъ языкъ, съ каждой стороны отъ него находятся два неправильныхъ пятиугольныхъ щитка, а около него большіе носовые щитки съ широкими воздрами. На передней части темени находится три маленькихъ неправильно трехугольныхъ щитка, изъ которыхъ передній вдается вершиной между задними. Спереди на краю морды 6 округленныхъ чешуекъ образуютъ полукругъ, а между ними и большими надглазными щитками лежатъ 5—9 другихъ маленькихъ щитковъ тоже округлой формы. Позади темянныхъ щитковъ начинаются уже чешуйки тѣла, форма которыхъ остается въ существенныхъ чертахъ одинаковой. Преобладаетъ яйцевидная форма, но чешуйки становятся уже и длиннѣе на спинѣ и расширяются на бокахъ и на хвостѣ. Онѣ образуютъ 21 продольный рядъ. Всѣ чешуйки снабжены болѣе или менѣе явственнымъ килемъ, который однако едва намѣченъ на чешуйкахъ ряда, примыкающаго къ брюшнымъ щиткамъ; нижняя сторона одѣта широкими поперечными щитками, которые на хвостѣ расположены попарно. Особенно важенъ покрывающій заднепроходное отверстіе щитокъ, такъ какъ онъ всегда нераздѣленъ и слѣдовательно не состоитъ изъ двухъ чешуекъ; это признакъ, свойственный

изъ германскихъ змѣй, кромѣ гадюки, только виперѣ. Число и форма головныхъ щитковъ подлежатъ различнымъ измѣненіямъ; число брюшныхъ щитковъ колеблется въ такихъ широкихъ предѣлахъ, что считать ихъ—безполезный трудъ.

Мало змѣй, у которыхъ окраска настолько измѣнчива, какъ у гадюки; тѣмъ не менѣе можно считать правиломъ, что основной цвѣтъ самца представляетъ свѣтлые тоны, цвѣтъ самки—болѣе темные, у перваго преобладаютъ повѣтому бѣлые, серебристо-сѣрые, свѣтло-пепельно-сѣрые, зеленоватые, свѣтло-желтые, свѣтло-бурые цвѣта, у послѣдней—буро-сѣрые, красно-бурые или оливково-бурые, черно-бурые и тому подобныя. Но какъ ни различенъ основной цвѣтъ, темная зубчатая продольная полоса замѣтно выдѣляется, и только у очень темныхъ самокъ и у совершенно черной разновидности она становится мало замѣтной или вовсе незамѣтной. Эта полоса, «канновъ знакъ» нашихъ европейскихъ ядовитыхъ змѣй, какъ ее называлъ Линкъ, пробѣгаетъ зигзагами вдоль всей спины отъ затылка до конца хвоста и сопровождается съ каждой стороны продольнымъ рядомъ темныхъ пятенъ. Не только ширина ея, но и форма отдѣльныхъ составляющихъ ее пятенъ очень различна. Нормально она слагается изъ ряда косвенно и поперечно расположенныхъ ромбическихъ или прямоугольныхъ четырехугольниковъ, или же полоса распадается на отдѣльныя пятна, вытянутыя въ поперечномъ направленіи, или же округлыя; боковыя пятна, которыя обыкновенно чередуются съ болѣе крупными, могутъ тоже распадаться на болѣе мелкія каплины. Цвѣтъ полосы соответствуетъ, по Штрауху, основному цвѣту животнаго, такъ что у гадюкъ свѣтлаго желтовато-бурого или почти песочнаго цвѣта полосы и пятна свѣтлаго каштаново-бурого цвѣта, у окрашенныхъ болѣе темнымъ цвѣтомъ—бурого въ различныхъ степеняхъ, и наконецъ у совершенно темныхъ или каштаново-бурыхъ—совершенно чернаго. Кромѣ этой зигзагообразной полосы слѣдуетъ обратить вниманіе на рисунокъ головы, которому гадюка обязана своимъ нѣмецкимъ названіемъ. Двѣ продольныя полоски, окруженныя неправильными пятнами и черточками, украшаютъ середину темени и иногда сближаются здѣсь до соприкосновенія, начинаются на глазномъ щиткѣ, пробѣгаютъ отсюда къ серединѣ темени, соединяются иногда пятномъ того-же цвѣта и затѣмъ расходятся, образуя назади явственный трехугольникъ, вершина котораго направлена впередъ, и какъ-бы обхватывая первый ромбъ спиннаго рисунка. Нижняя сторона у гадюки по большей части темно-сѣраго или даже чернаго цвѣта; но каждый щитокъ покрытъ обыкновенно многочисленными желтоватыми отдѣльными или сливающимися пятнами чрезвычайно различной формы. Гадюки, которыя очень свѣтлаго цвѣта сверху, представляютъ и на нижней сторонѣ болѣе свѣтлую окраску до буровато-желтой, и отдѣльныя щитки имѣютъ разбросанныя мелкія пятна черноватаго цвѣта. Конецъ хвоста всегда болѣе свѣтлаго желто-бѣлаго, лимонно-желтаго или оранжево-желтаго цвѣта; верхнегубныя щитки тоже свѣтлые, обыкновенно бѣлые, но всегда съ темной каймой.

Большіе круглые огненные глаза, благодаря выдающимся надглазнымъ щиткамъ, подъ которыми они лежатъ, производятъ впечатлѣніе коварства и злобы и дѣйствительно помогаютъ отличить гадюку, особенно если не забывать, что ни у какой другой средне-германской змѣи зрачекъ не имѣетъ вида косой продольной щели, направленной спереди и сверху внизъ и назадъ. При яркомъ солнечномъ свѣтѣ эта щель стягивается въ едва замѣтную линію, а въ темнотѣ чрезвычайно сильно расширяется. Цвѣтъ радужной оболочки обыкновенно яркій огненно-красный, у темныхъ самокъ свѣтлый красновато-бурый.

Изъ разновидностей гадюки темная, которую народъ въ Германіи преимущественно называетъ «адской змѣей» («Höllennatter»), получила нѣкоторое зна-

чение, такъ какъ ее долгое время считали особымъ видомъ (*Vipera prester*). Однако болѣе внимательнымъ наблюдателямъ скоро бросилось въ глаза, что почти всѣ «адскія змѣи» были самки, а когда наконецъ достали беременныхъ «адскихъ змѣй» и убѣдились, что ихъ дѣтеныши ничѣмъ не отличались отъ дѣтенышей обыкновенной гадюки, то не могло подлежать никакому сомнѣнiю, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ разновидностью.

Область распространения обыкновенной гадюки не только больше, чѣмъ у какой-либо другой змѣи, водящейся въ Европѣ, но и обширнѣе—чѣмъ у всякой другой наземной змѣи вообще; она простирается, по Штрауху, отъ Португалiи на востокъ до острова Сахалина, переходитъ въ Скандинавию за полярный кругъ и достигаетъ на югѣ съ одной стороны средней Испанiи, съ другой—сѣверной границы Персiи.

Блумъ, который посвятилъ большой, снабженный картою трудъ распространенiю гадюки въ Германiи, слѣдующими словами опредѣляетъ въ главныхъ чертахъ мѣста, гдѣ она водится. «Мы находимъ ее на югѣ распространенною по всей альпiйской странѣ и на сѣверъ отъ нея, по плоскогорiямъ швабскому и верхне-баварскому до Дуная. Далѣе къ сѣверу она распространяется по швабской и франконской Юрѣ черезъ Вюртембергъ, Гогенцоллернъ и Баварiю до Эйхштедта. Также ее находятъ во многихъ мѣстахъ Шварцвальда. По франконской Юрѣ, на этомъ разстоянiи большей частью спорадически, и на границѣ Богемiи и Баварiи она доходитъ на сѣверъ до Фихтельгебирге. Здѣсь гадюка чрезвычайно многочисленна, такъ же какъ и на сѣверо-востокъ по направленiю Саксонскихъ Рудныхъ горъ. Дальше она встрѣчается въ Лужицкихъ горахъ и въ горахъ Силезiи до границъ Польши и Галиции. Изъ остальныхъ горъ Германiи она водится въ Гарцѣ, въ Тюрингенскомъ лѣсу и въ горахъ Ренъ (Rhön). На сѣверъ отъ средне-германской горной страны гадюка попадаетъ кое-гдѣ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ она встрѣчается въ большемъ количествѣ, напримѣръ въ окрестностяхъ Берлина. На сѣверо-германской низменности, покрытой болотами и лугами, она опять многочисленна. Изобильными гадюкой мѣстами оказываются еще: восточная и западная Пруссiя, Померанiя, Мекленбургъ, Шлезвигъ-Гольштинiя, области ганзейскихъ городовъ, отчасти Ганноверъ и Ольденбургъ.

«Гадюка не водится на сѣверѣ Бадена и Вюртемберга въ большей части нижней Франконiи, за исключенiемъ Ренскихъ горъ, во всемъ великомъ герцогствѣ Гессенѣ, въ провинци Висбаденъ, въ Рейнской провинци, кромѣ немногихъ мѣстъ, гдѣ гадюка попадаетъ въ княжествѣ Биркенфельдѣ, во всемъ Пфальцѣ, верхнемъ и нижнемъ Эльзасѣ. Гадюки нѣтъ также въ княжествахъ Шаумбургъ-Липпе, вѣроятно въ княжествѣ Вальдекъ и въ герцогствѣ Саксенъ-Кобургъ.

«Если спросить о причинѣ, почему именно гадюка не водится въ названныхъ мѣстностяхъ, то прежде всего придется сослаться на ихъ мягкiй климатъ. Гадюка любитъ нѣсколько болѣе низкую среднюю температуру и не слишкомъ сухую, сильно нагрѣвающуюся солнцемъ почву. На югѣ Германiи она водится въ болѣе возвышенныхъ мѣстахъ, рѣдко ниже 300 м. надъ поверхностью моря, а болѣею частью гораздо выше; мѣста эти имѣютъ поэтому болѣе низкую среднюю годовую температуру. На сѣверѣ она живетъ главнымъ образомъ въ мѣстностяхъ луговыхъ и болотистыхъ; обыкновенно болотъ нѣтъ тамъ, гдѣ нѣтъ этихъ змѣй. Кое-гдѣ увеличенiе площади обработанной земли могло способствовать истребленiю гадюки; но отсутствiе ея на большихъ протяженiяхъ, разумѣется, нельзя приписать этому обстоятельству. Въ низменностяхъ, подверженныхъ отъ времени до времени наводненiямъ, а также въ топкихъ трясиныхъ она не водится.

«Во многихъ областяхъ Германіи гадюка отсутствуетъ, хотя тамъ есть всѣ условія для ея распространенія. Какъ причину этого я привожу затрудненія, часто встрѣчающіяся при переселеніи, а такія непреодолимая препятствія составляютъ рѣки. На правомъ берегу Мозеля мы не найдемъ ни гадюки, ни виперы, хотя на лѣвомъ оба эти вида змѣй очень многочисленны. Къ сѣверу отъ Пегница въ Зебальдервальдѣ попадаетъ очень мало гадюкъ, тогда какъ на югъ отъ Пегница въ Лоренцервальдѣ ихъ чрезвычайно много, а между тѣмъ въ Нюрнбергѣ условія мѣстности по обѣимъ сторонамъ рѣки одинаковы, судя по словамъ Гагена. Обработанныя мѣстности тоже представляютъ много преградъ для переселенія».

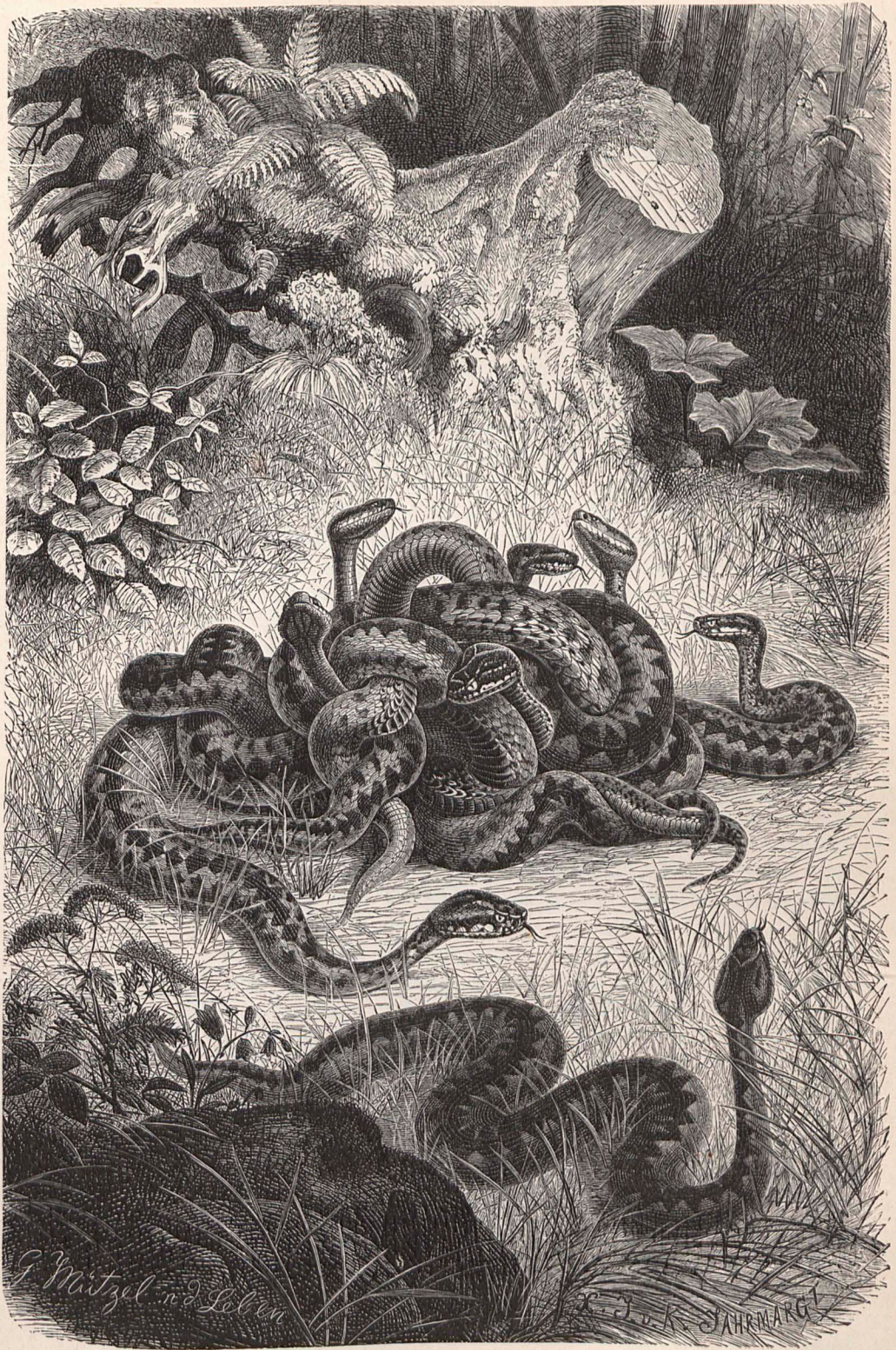
Во многихъ мѣстахъ Германіи гадюка очень часто встрѣчается. Такъ, на примѣръ, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ ядовитыя змѣи такъ часто появлялись на плацу для маневровъ Метцкаго гарнизона, что начальство назначило премію въ 1 марку за каждую убитую змѣю. Слѣдствіемъ этой мѣры было то, что въ 1884—85 г. было доставлено 230, а въ 1885—86 г. 302 гадюки. Но вмѣсто того, чтобы уменьшаться послѣ такого огромнаго улова, число змѣй, повидимому, все увеличивалось. Это показалось властямъ подозрительнымъ, и ближайшеслѣдствіе показало, что большая часть доставленныхъ экземпляровъ была привезена контрабандой изъ Франціи, съ цѣлью получить высокую денежную премію. Тогда премію отмѣнили; съ тѣхъ поръ, правда, показываются то тамъ, то тутъ ядовитыя змѣи, но ихъ уничтожаютъ безъ всякаго вознагражденія. Теперь нельзя рѣшить, были ли доставленныя змѣи гадюки или виперы, или какой былъ процентъ тѣхъ и другихъ. Лица, умѣющія распознавать змѣй, съ достовѣрностью узнали, что випера водится въ окрестностяхъ Метца, но, по мнѣнію Блума, и гадюка тамъ есть.

Кромѣ Германіи она живетъ во всѣхъ государствахъ Австро-Венгріи, именно въ обоихъ эрцгерцогствахъ передъ и за Энсомъ, во всей Богеміи, Моравіи, австрійской Силезіи, Штиріи, Каринтіи, Крайнѣ, Тиролѣ, Венгріи, Галиціи, Буковинѣ, Семиградіи, Военной границѣ и Босніи, и только въ южной Кроации, Истріи и Далмаціи замѣняется сходной песчаной гадюкой. Съ другой стороны она распространяется по Голландіи, Бельгіи, по всей Франціи, исключая департаментовъ, пограничныхъ съ Германіею, и сѣверныхъ департаментовъ, гдѣ ее до сихъ поръ не встрѣчали. Мѣстами гадюка попадаетъ въ Швейцаріи и Италіи на югъ до Аbruцкихъ горъ, переходитъ за Пиренеи и живетъ на полуостровѣ, лежащемъ за ними, по крайней мѣрѣ въ сѣверныхъ горахъ его. Гадюка живетъ какъ на материкѣ, такъ и на островахъ Европы, разумѣется за исключеніемъ маленькихъ сѣверныхъ острововъ и Ирландіи; особенно много ее въ Англіи, Шотландіи и на датскихъ островахъ, а въ Скандинавіи она распространяется на сѣверъ далѣе, чѣмъ какая-либо другая извѣстная змѣя, причѣмъ ей служитъ границей 67° сѣверной широты. Затѣмъ она водится по всей Россіи, отъ Польши до Урала и отъ Бѣлаго до Чернаго моря, переходитъ за Кавказъ и Уралъ, появляется въ степяхъ южной и средней Сибири и сѣвернаго Туркестана, и, по личнымъ наблюденіямъ, она такъ же часто встрѣчается въ Монголіи, какъ живущая въ этой мѣстности змѣя халисъ. Наконецъ гадюка появляется на Амурѣ; такимъ образомъ, вѣроятно, она живетъ во всей Сибири, между этой рѣкою и Обью. Изъ этого сопоставленія оказывается, что пося распространенія гадюки обнимаетъ площадь въ 160° долготы и 30° широты.

Хотя на этомъ огромномъ пространствѣ то тутъ, то тамъ ея нѣтъ, но всегда только на очень ограниченныхъ мѣстахъ. Вообще же она живетъ во всякихъ мѣстностяхъ, какъ бы различны онѣ ни были: въ лѣсахъ и въ пустыняхъ такъ

же, какъ на горахъ, на лугахъ, поляхъ, болотахъ и даже въ степяхъ. Въ Альпахъ она встрѣчается, по сообщеніямъ Шинца и Чуди, на высотѣ 2000 м., по Питте и Варду въ кантонѣ Ваадтъ до 2100 м., а, по Видерсгейму, до 2200 м. Въ среднемъ Кавказѣ, какъ говоритъ Вагнеръ, она поднимается до высоты 2000 и 2150 м., такимъ образомъ часто заходитъ за границу лиственнаго лѣса, и тѣмъ не менѣе благополучно живетъ въ мѣстности, гдѣ самое большее три мѣсяца въ году можетъ пользоваться свободой, а три четверти своей жизни принуждена проводить въ состояніи зимней спячки. Подобныя условія существованія переносить она также на сѣверѣ Европы, немногимъ лучшія въ степяхъ средней Сибири. Первые условія ея довольства—это удобные уголки, куда бы она могла заползать, достаточная пища и солнечный свѣтъ; въ остальномъ она, повидимому, не предъявляетъ особыхъ требованій той мѣстности, въ которой поселяется. Каменныя отлогости и скалы, поросшія кустарникомъ, пустырь, чаща лиственнаго или хвойнаго лѣса, въ которомъ однако есть прогалины, доступныя солнцу, особенно же болотистыя мѣстности или степи даютъ ей все необходимое для жизни. На такихъ мѣстахъ она встрѣчается иногда въ ужасающемъ количествѣ: въ одномъ лѣсу Люнебургскаго герцогства во время сѣнокоса въ теченіи трехъ дней и на протяженіи очень немногихъ гектаровъ было убито штукъ тридцать гадюкъ. Нѣкоторыя пустынные мѣстности въ сѣверной Германіи пользуются дурной славой изъ за множества этихъ ядовитыхъ змѣй; вблизи Берлина есть отдѣльныя участки лѣса, куда, по милости гадюки, женщины, косящія траву, приходятъ не иначе, какъ въ высокихъ сапогахъ. Но все же даже самыя изобильныя гадюкой мѣстности Германіи далеко уступаютъ въ этомъ отношеніи степямъ южной Сибири и Туркестана, гдѣ гадюка водится въ чрезвычайно большомъ количествѣ вмѣстѣ съ единственнымъ европейскимъ гремучникомъ (*Ancistrodon halys*). Въ чистомъ высокоствольномъ лѣсу она не встрѣчается; но не избѣгаетъ даже и большого лѣса, если почва здѣсь покрыта травой, также переселяется мало по малу въ мѣстности, гдѣ долго не появлялась, если почва перемѣняется такимъ образомъ, что она можетъ найти тутъ убѣжище и добычу; при обратныхъ же обстоятельствахъ снова уходитъ. «Въ Тюрингенскомъ лѣсу», рассказываетъ Ленцъ, «увеличеніе числа гадюкъ было сначала вызвано тѣмъ, что тамъ, гдѣ рубили деревья для новаго посѣва, почву взрывали большими глыбами, подъ которыми сейчасъ же разводились ящерицы и мыши, а позднѣе и гадюки. Теперь при нашемъ правильномъ лѣсномъ хозяйствѣ подобныя вещи совершенно прекратились; на вырубленныхъ участкахъ сажаютъ молоденькія деревца, взятые изъ питомниковъ, ямы уничтожаются, а вслѣдствіе этого число гадюкъ сильно уменьшилось» Наоборотъ, Бетхеръ увѣряетъ, что на горахъ около Фрейберга въ Саксоніи, гдѣ прежде гадюка попадалась нерѣдко, но и нечасто, онъ въ теченіи 3 лѣтъ, отъ 1862—66 года, не видалъ ни одной изъ нихъ, несмотря на ежедневныя охоты за жуками втеченіе лучшаго времени года и несмотря на то, что онъ съ особеннымъ вниманіемъ выискивалъ змѣй (уже было поймано много); онъ не могъ даже достать ни одного экземпляра гадюки для Фрейбергскаго музея, который тогда возникалъ. Теперь опять появился тамъ этотъ видъ змѣй; втеченіе 1885—90 годовъ было поймано нѣсколько штукъ и доставлено Бетхеру.

Эта змѣя живетъ въ какомъ-нибудь найденномъ отверстіи въ почвѣ, подъ корнями дерева или между камнями, въ мышиной или кротовой норкѣ, въ погинутой норѣ лиспы или кролика, въ расцѣлинѣ почвы—вообще въ какомъ-нибудь подобномъ убѣжищѣ, вблизи котораго по возможности находится неболь-

Г А Д Ю Б А.

10

шое открытое мѣстечко, гдѣ бы она могла грѣть на солнышкѣ свое тѣло, нуждающееся въ теплотѣ. Когда желаніе спариться не побуждаетъ ее бродить по окрестностямъ, ее можно всегда найти днемъ вблизи ея убѣжища, куда при малѣйшей опасности она и возвращается настолько поспѣшно, насколько ей позволяютъ ея сонливость и лѣнь. При приближеніи грозы, по наблюденіямъ Ленца, она совершаетъ небольшія экскурсіи; но обыкновенно она днемъ никогда не уходитъ далеко отъ своей норы.

Ленць утверждаетъ, что гадюка чисто дневное животное, «такъ какъ мало найдется животныхъ, въ такой степени любящихъ выставляться на солнце», но къ этимъ словамъ онъ прибавляетъ, что трудно узнать, что она дѣлаетъ ночью. «Я не сомнѣваюсь въ томъ, что въ теплыя или душныя ночи гадюки остаются на поверхности земли, или заползаютъ только подъ мохъ. При лунномъ свѣтѣ я тихонько подкрадывался къ своимъ плѣвницамъ и нашелъ, что часто онѣ совсѣмъ спокойно лежатъ, но иногда и проворно ползаютъ; два раза я приходилъ въ лунныя ночи совершенно одинъ и такъ тихо, какъ только возможно, на мѣста, гдѣ, какъ я зналъ, есть гадюки, но не находилъ ни одной, хотя изъ этого нельзя вывести никакого заключенія, такъ какъ среди бѣла дня и въ самую прекрасную погоду можно не найти ни одной змѣи. Извѣстно только, что, предпринимая охоту на змѣй, рѣдко можно найти нашихъ отечественныхъ змѣй послѣ заката солнца на открытыхъ мѣстахъ; онѣ заползаютъ тогда подъ мохъ, въ траву и пр.». Если бы случай научилъ нашего изслѣдователя, какъ научилъ меня, если бы онъ на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, на которыхъ напрасно искалъ гадюкъ при лунномъ свѣтѣ, зажегъ бы огонь темной ночью, то онъ измѣнилъ бы свое мнѣніе. Особенная «любовь» гадюки къ солнечному свѣту доказываетъ только одно, именно—что она, какъ и ея родичи, больше всего любитъ тепло и старается доставлять себѣ это высшее наслажденіе какъ можно чаще, но это еще не доказываетъ, что она дневное животное. Бросающаяся въ глаза каждому лѣнность, которую она обнаруживаетъ, когда грѣтется на солнцѣ, равнодушіе ко всему, что не касается до нея непосредственно, указываетъ на то обстоятельство, что днемъ она находится не въ бодрственномъ состояніи, а скорѣе въ какомъ то полуснѣ. Всѣ ночныя животныя, безъ исключенія, любятъ солнце, хотя боятся и избѣгаютъ свѣта; самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ этого служатъ кошка или сова, которыя тоже грѣются на солнцѣ: пойманныя совы погибаютъ, если ихъ продолжительное время лишаютъ солнца.

Для гадюки же, животного пресмыкающагося, температура тѣла котораго увеличивается или уменьшается въ зависимости отъ окружающей среды, составляетъ самую насущную потребность часами лежать, растянувшись на солнышкѣ; для нея истинное благодѣяніе дать тѣлу теплоту, которой не можетъ доставить ему вяло обращающаяся кровь. Но эта змѣя отнюдь не дневное животное, точно такъ-же, какъ и всѣ другія изъ этого семейства. Не даромъ она одарена зрачками, способными необыкновенно расширяться и сокращаться, не даромъ глаза еще особенно защищены выдающимися бровными щитками, а у другихъ сходныхъ съ нею видовъ—кожистыми образованиями, которыя можно сравнить только съ осязательными волосками ночныхъ хищныхъ млекопитающихъ, потому что каждый органъ, каждая способность, которой обладаетъ животное, находитъ свое примѣненіе. Только съ наступленіемъ сумерекъ гадюка начинаетъ свою дѣятельность, свои занятія, свою охоту. Чтобы убѣдиться въ этой истинѣ тому, у кого есть пойманныя змѣи, стоитъ только устроить клѣтку такимъ образомъ, чтобы видѣть, что въ ней происходитъ, не будучи замѣченнымъ животными, или же ночью

зажечь огонь на мѣстѣ, гдѣ часто попадаютъ гадюки. Необычный свѣтъ удивляетъ животныхъ, ночью очень оживленныхъ, и они спѣшатъ поближе познакомиться со страннымъ явленіемъ, подползаютъ къ самому огню, съ удивленіемъ смотрятъ на пламя и, повидимому, неохотно рѣшаются уползти. Такимъ образомъ тотъ, кому надо поймать гадюку, гораздо легче достигнетъ цѣли ночью съ помощью огня, чѣмъ днемъ; онъ поймаетъ ихъ даже на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ напрасно искалъ днемъ, понятно въ томъ случаѣ, если въ этой мѣстности дѣйствительно есть гадюки или другія ночныя змѣи.

Противъ того мнѣнія, что гадюка скорѣе ночное, чѣмъ дневное животное. Блумъ выставляетъ на видъ, что всѣ сообщенія, полученные имъ, и его собственные наблюденія сводятся къ тому, что «послѣ заката солнца, большей частью даже гораздо раньше, гадюка заползаетъ въ свою норку и вылѣзаетъ оттуда ночью только въ очень теплую, душную погоду. Тогда дѣйствительно она повсюду разгуливаетъ и отправляется за добычей. Въ горахъ, гдѣ большей частью изъ всѣхъ змѣй только и водится гадюка, а въ сѣверныхъ мѣстностяхъ даже на низменностяхъ, гдѣ лѣтомъ ночи всегда холодныя, она навѣрно никогда не покидаетъ ночью своего убѣжища, такъ что тамъ она принуждена искать добычу днемъ. Кромѣ того и другія змѣи съ щелеобразнымъ зрачкомъ извѣстны за дневныхъ животныхъ. Изъ группы волчеубыхъ змѣй индѣйскіе виды питаются, по мнѣнію Гюнтера, веретеницами, которыхъ имъ приходится ловить днемъ; африканскіе же ѣдятъ несомнѣнно мышей и другихъ маленькихъ ночныхъ млекопитающихъ. Возможно, что щелеобразные зрачки и выдающіеся надглазные щитки полезны ей при отыскиваніи мышей въ норкахъ. Доказательствомъ того, что она это дѣлаетъ, служатъ маленькіе мышенята, которыхъ много разъ находили у нея въ желудкѣ». Подобно этому высказывается и Гомейеръ, который часто встрѣчалъ гадюку, отправляющихся за добычей днемъ, а разъ самъ наблюдалъ, какъ гадюка напала на птичку.

Заблужденіе относительно времени, въ которое гадюка предается дѣятельности, оправдываетъ отчасти распространенные повсюду взгляды о ея нравѣ, которые и я прежде раздѣлялъ. Кто наблюдалъ ее днемъ, скажетъ истинную правду, назвавъ ее крайне вялымъ, неподвижнымъ, тупымъ къ воспріятію вѣшнихъ впечатлѣній и неумнымъ животнымъ, даже сравнительно съ другими змѣями; но человѣкъ, наблюдавшій ее ночью, составитъ себѣ совсѣмъ другое мнѣніе. Правда, она и тогда не можетъ соперничать въ ловкости и проворствѣ со стройнымъ ужомъ или съ мѣдвянкой: но все-же ночью остаются только слабыя признаки вялости, медлительности и осмотрительности ея дневныхъ движеній. Она дѣлается подвижной и проворной, во всѣхъ направленіяхъ ползаетъ по своей клѣткѣ, а на свободѣ, понятно, по той области, въ которой охотится, и, въ противоположность своему дневному поведенію, обращаетъ вниманіе на все, что кругомъ нея происходитъ. Наблюденія и произведенные опыты показали, что гадюка довольно быстро передвигается по ровному мѣсту, хотя не лазаетъ, но можетъ взобраться по кривому стволу дерева, а также отлично справляется въ водѣ. Последнюю она избѣгаетъ совсѣмъ не въ той степени, какъ думаютъ обыкновенно. Она не такъ любитъ воду, какъ напъ ужъ и его родичи, но совсѣмъ не боится близости воды.

О развитіи вѣшнихъ чувствъ гадюки приходится повторить то, что уже сказано мною выше; только я очень сомнѣваюсь, что у насъ сложилось вѣрное мнѣніе объ остротѣ ея зрѣнія, и никогда я не присоединюсь къ мнѣнію лицъ, приписывающихъ ей слабое зрѣніе на основаніи наблюденій, произведенныхъ днемъ. Также и нашъ приговоръ относительно ея умственныхъ способностей нуж-

дается въ подтвержденіи. Обь умѣ въ собственномъ смыслѣ у этой змѣи, какъ высказался я раньше, почти не можетъ быть и рѣчи. Безпристрастное наблюдение выставляетъ ее крайне глупымъ животнымъ, чудомъ умственной несостоятельности. Самой выдающейся чертой ея характера является безумная ярость. Все непривычное возбуждаетъ ея гнѣвъ; но она не дѣлаетъ различія, поддается самому грубому обману и никогда не научается опытомъ.

Почти съ одинаковымъ бѣшенствомъ кусаетъ она какъ живое существо, такъ и палку, или палецъ, показываемый ей за стекломъ. Она разбиваетъ себѣ морду въ кровь, не сознавая, что ея злость безцѣльна; когда она разсержена, то въ бѣшенствѣ кусается прямо на воздухъ, если нечего больше кусать. Она не въ состояніи отличить опасное отъ безопаснаго, по этой причинѣ она врядъ ли знаетъ страхъ и не всегда обращается въ бѣгство даже при очевидномъ превосходствѣ силы ея врага. Ни одно животное нельзя такъ легко поймать или убить, какъ гадюку. На видъ она упорно ожидаетъ приближающагося врага, а между тѣмъ иногда совершенно забываетъ все окружающее. Не надо обманываться, принимая та кое ея поведеніе за храбрость; этой послѣдней у нея нѣтъ, самое большее, что можно ей приписать, это упрямство. У нея не хватаетъ ума даже на хитрость; настоящее лукавство ей чуждо. Когда она собирается схватить добычу, она обыкновенно шипитъ такъ громко, какъ будто дѣло идетъ объ оборонѣ. Всякаго рода раздраженіе вызываетъ въ ней сильный гнѣвъ. Нечего и говорить, что подобное созданіе никогда не заключаетъ дружбы съ другими животными, что приручить его нельзя; такія ограниченныя умственныя способности не поддаются развитію.

Это описаніе совершенно вѣрно, пока дѣло идетъ о дневной жизни гадюки, но теперь я сомнѣваюсь, чтобы оно имѣло какое-нибудь значеніе для изображенія оя ночныхъ походовъ. Кто наблюдалъ галаго, летучую мышь или сову днемъ, навѣрно не составилъ себѣ правильнаго мнѣнія объ ихъ характерѣ и привычкахъ. Можемъ ли мы предполагать обратное у живущихъ ночью пресмыкающихся? Думаю, что нѣтъ. Противъ этого говорятъ даже во всѣхъ отношеніяхъ скудныя и совсѣмъ недостатчныя наблюденія, которыя мы можемъ дѣлать надъ пойманными гадюками въ клеткѣ. А какія открытія могли бы повести за собою наблюденія ихъ жизни на свободѣ! Съ моимъ теперешнимъ опытомъ я думаю, что могу высказать то мнѣніе, что всѣ ночныя змѣи, а съ ними и наша гадюка, ведутъ себя по ночамъ приблизительно такъ же, какъ дневныя змѣи, дѣятельность которыхъ мы въ состояніи наблюдать. Такъ, напримѣръ, онѣ навѣрно дѣйствительно охотятся за добычей, а не только лежатъ на одномъ мѣстѣ въ ожиданіи, чтобы какая-нибудь добыча приблизилась къ нимъ, какъ это можно было заключить изъ нашихъ прежнихъ наблюденій. Чтобы оправдать этотъ взглядъ, я могу теперь привести слѣдующее наблюденіе. Въ прекрасную лѣтнюю ночь, въ полнолуніе, Штрукъ шелъ со своимъ другомъ по широкой дорогѣ черезъ смѣшанный лѣсъ. Около 11 ч. друзья расположились отдохнуть при дорогѣ; черезъ нѣсколько времени они услышали шуршанье, шаговъ за 17 отъ себя, и увидѣли мышь, которая быстро выбѣжала изъ кустарника на дорогу, преслѣдуемая змѣей. Охота эта происходила на дорогѣ на разстояніи 15 шаговъ; змѣя нагнала мышь, зашипѣла и схватила добычу. Спутникъ Штрука, лѣсникъ, взялъ ружье, выстрѣлилъ и нашелъ мертвую мышь и издыхающую гадюку. Тотъ же наблюдатель замѣтилъ, что гадюки приползаютъ къ тѣмъ огнямъ, которые зажигаютъ ночью, чтобы сгонять звѣрей съ зерновыхъ хлѣбовъ, понятно въ томъ случаѣ, если люди сидятъ смирно; если же кто-нибудь идетъ на гадюкъ съ дубиной, то онѣ даютъ тягу.

Характеръ гадюки, насколько мы его знаемъ, нисколько не симпатиченъ, а слѣпое, безграничное бѣшенство, выказываемое ею при раздраженіи, просто отвратительно. «Однажды», рассказываетъ Ленцъ, «я дразнилъ гадюку цѣлый часъ, причѣмъ она безпрестанно фыркала и старалась меня укусить, такъ что наконецъ мнѣ это надоѣло, но ей ничуть. Въ такомъ бѣшенствѣ если предметъ, разсердившій ее удался, она бросается и кусаетъ на воздухъ, или кучки моха и тому подобное, а чаще всего, если дѣло происходитъ на солнцѣ, то кусаетъ свою тѣнь или тѣнь другихъ предметовъ. Она тогда свертывается и втягиваетъ шею въ средину образующагося такимъ образомъ плоскаго кружка, чтобы при каждомъ укусѣ быстро выдвинуть ее на 15, самое большее на 30 см. Втягиваніе шеи есть всегда знакъ, что гадюка хочетъ укусить; она почти никогда не кусаетъ, не приготовившись такимъ образомъ, и сейчасъ же послѣ укуса опять быстро втягиваетъ шею, если она не такъ крѣпко впиалась зубами, что это становится для нея невозможнымъ. Даже если передъ нею держать предметъ, величиною съ мышъ, она, кусая, часто промахивается, значитъ прицѣпляется плохо (какъ почти всѣ ядовитыя змѣи). Когда гадюка разозлится и собирается кусаться, она не только втягиваетъ шею, но если у нея есть время опомниться и если предметъ, разсердившій ее, не вдругъ приближается, то она часто быстро высовываетъ языкъ приблизительно на длину своей головы, причѣмъ глаза у нея горятъ; но во время укуса языкъ у нея втянутъ; она также рѣдко трогаетъ имъ предметъ, который собирается укусить. Когда врагъ настигаетъ ее вдругъ, и она тотчасъ же кусаетъ его, то она рѣдко шипитъ предварительно; но чѣмъ больше у нея времени опомниться, тѣмъ болѣе растетъ ея раздраженіе, и тѣмъ она сильнѣе и продолжительнѣе шипитъ. Это шипѣніе или фырканье производится ею обыкновенно съ закрытымъ ртомъ и называется тѣмъ, что она вдыхаетъ и выдыхаетъ воздухъ сильнѣе, чѣмъ обыкновенно; оно состоитъ изъ двухъ разныхъ, хотя нѣсколько сходныхъ между собою звуковъ, перемежающихся другъ съ другомъ приблизительно въ промежутокъ времени, необходимый человеку для вдыханія и выдыханія. При выдыханіи воздуха звукъ силенъ и низокъ, при вдыханіи—слабѣе и выше. Я прикрѣпилъ на конецъ палки пушокъ и держалъ его передъ носомъ гадюки, которая продолжительно и сильно шипѣла; такимъ образомъ я могъ ясно наблюдать вдыханіе и выдыханіе, но нащелъ, что движеніе воздуха при этомъ чрезвычайно ничтожно. Вообще, когда гадюка злится, то она такъ сильно надувается, что даже самая худая кажется толстой и жирной. Еще сильнѣе раздувается она, если ее бросишь въ воду; но это она дѣлаетъ для того, чтобы уменьшить свой удѣльный вѣсъ посредствомъ втягиванья въ себя воздуха. Она всегда на сторожѣ и одинаково готова и къ защитѣ, и къ нападенію. Поэтому, если ее и ничто не тревожитъ, все-таки почти всегда находишь ее съ приподнятой нѣсколько на сторону головой. Хотя днемъ она довольно плохо видитъ, но все же очень хорошо умѣетъ различать приближающіеся къ ней предметы, и легко можно замѣтить, что она охотнѣе другихъ хватается теплокровныхъ животныхъ и между ними особенно мышей. Также замѣчаютъ, что если ее посадить въ очень свѣтлое стеклянное помѣщеніе, то она скорѣе бросается на обнаженную руку, поднесенную снаружи къ стеклу, чѣмъ на рукавъ, или палочку, если ими дотронуться до стекла.

«Въ неволѣ въ просторномъ ящикѣ она очень хорошо уживается со всѣми маленькими животными, кромѣ мышей; я даже часто видѣлъ, какъ ящерицы, лягушки и птицы, разъ приученныя, спокойно грѣлись на солнышкѣ, сидя на гадюкѣ, а на свободѣ тоже встрѣчалъ гадюкъ, на которыхъ уютно расположились ящерицы. Однажды я былъ свидѣтелемъ пріемной сцены. Въ ящикѣ со змѣями

солнце освѣщало только маленькое пространство, которымъ гадюки и овладѣли тотчасъ же. Тогда приползла ящерица и, поискавши напрасно свободнаго мѣстечка, преспокойно укусила одну изъ гадюкъ за бокъ, чтобы заставить ее уступить мѣсто, но та даже не шевельнулась. Наконецъ ящерица улеглась подлѣ гадюкъ не на солнцѣ. Другія змѣи и веретеницы тоже охотно помѣщаются около гадюки, на ней и подъ нею, какъ будто она принадлежитъ къ ихъ семьѣ. Она не обращаетъ вниманія на жуковъ, бѣгающихъ у нея по тѣлу; если же они ползутъ по головѣ, то она стряхиваетъ ихъ, но не сердится.

«Повсюду распространено мнѣніе, что гадюка прыгаетъ и въ гнѣвѣ преслѣдуетъ врага на большомъ разстояніи. На я, ни мой охотникъ за змѣями не видѣли этого; также ничего подобнаго не рассказывали мнѣ люди, хорошо знакомые съ гадюкою. Часто не только въ комнатахъ, но и на воздухѣ я прилагалъ всѣ старанія, чтобы заставить гадюку прыгать, но всегда напрасно. Однако все же большее удовольствіе подражать прутикомъ гадюку, застигнувъ ее неожиданно на мѣстѣ, которымъ она, по своему мнѣнію, владѣетъ нераздѣльно, и гдѣ она удобно расположилась отдыхать. Иногда она свивается такъ, что образуетъ небольшую башенку, на верху которой помѣщается угрожающая головка, а иногда лежитъ широкимъ кольцомъ. Всѣ ея мускулы находятся въ постоянномъ движеніи, такъ что нельзя хорошенъко разглядѣть цвѣтъ ея тѣла, и, точно молнія изъ темной грозовой тучи, поминутно вздрагиваетъ въ воздухѣ ея голова, старающаяся укусить нарушителя покоя. Но никогда я не видѣлъ, чтобы она намѣренно прыгнула хотя-бы на 30 ст. впередъ; только иногда, когда ее неожиданно застигнутъ въ вытянутомъ положеніи, и у нея нѣтъ времени свернуться кольцомъ, то она просто вытягиваетъ шею и потомъ быстрымъ движеніемъ выдвигаетъ ее впередъ и кусаетъ, причѣмъ иногда случается, что это движеніе перемѣщаетъ нѣсколько впередъ и остальное тѣло.

«Часто въ своей слѣпой злобѣ гадюка выдаетъ себя сама, когда, спрятавшись въ травѣ или въ кустарникѣ, и совершенно незамѣчаемая проходящимъ мимо, она, вмѣсто того, чтобы тихо лежать, начинаетъ дико шипѣть и кусаетъ человѣка, такъ что часто онъ замѣчаетъ ее только тогда, когда она уже укусила или его самага, или башмакъ, или платье. Иногда гадюка обращается въ бѣгство, укусивши разъ или два; но чаще она убирается во-свояси, какъ только замѣчаетъ по близости людей. Это случается постоянно ночью, когда она бодрствуетъ, и вслѣдствіе этого происходитъ то явленіе, что въ это время она гораздо рѣже кусаетъ людей, чѣмъ это обыкновенно предполагають, даже если принять во вниманіе, что послѣ захода солнца ея излюбленныя мѣста мало посѣщаются».

Пища гадюки состоитъ преимущественно, хотя и не исключительно, изъ теплокровныхъ животныхъ, особенно мышей, которыхъ она предпочитаетъ всякой другой ждѣ; она ѣстъ также землероекъ и молодыхъ кротовъ. Особенно страдаютъ отъ нея, по словамъ Ленца, земляныя полевки, потому что онѣ самыя медлительныя и добродушныя изъ всѣхъ видовъ мышей; гораздо менѣе достается быстрымъ, хитрымъ обыкновеннымъ полевкамъ. Нѣтъ пощады и землеройкамъ. Хотя мнѣ и не приходилось находить кротовъ въ желудкѣхъ у гадюки, но я ничуть не сомнѣваюсь, что, найдя случайно гнѣздо съ кротятами, она съ аппетитомъ полакомится ихъ жирнымъ мясомъ. Изъ наблюденій Ленца слѣдуетъ, что она ловитъ мышей не только на землѣ, но и подъ землею, такъ какъ онъ говоритъ, что въ желудкѣхъ вскрытыхъ имъ гадюкъ онъ часто находилъ маленькихъ, совсѣмъ голыхъ мышенятъ и землероекъ, которыхъ можно было добыть только въ гнѣздѣхъ подъ землею. Птенчики, особенно тѣхъ птицъ, которыя гнѣздятся на землѣ, часто дѣлаются жертвой

гадюки, и очень правдоподобно, что она опустошает немало гнѣздъ. На это указываетъ поведеніе старыхъ птицъ, которыя поднимаютъ крикъ и вообще обнаруживаютъ величайшее безпокойство, какъ только завидятъ гадюку. Лягушекъ она ѣсть только въ случаѣ крайности, ящерицъ—пока онѣ молоды. «Замѣчательно», рассказываетъ Ленцъ, «насколько гадюкѣ врожденна неодолима потребность умерщвлять мышей. Даже въ неволѣ, гдѣ она добровольно обрекаетъ себя на голодную смерть и, если ее не раздражить, нелегко кусаетъ другихъ животныхъ, даже тутъ, говорю я, какъ только завидитъ она мышъ, ея глаза начинаютъ горѣть отъ дикой жажды крови и она бросается на мирнаго звѣрка; она умерщвляетъ его съ бѣшенствомъ, но никогда не ѣсть. Какъ только бѣдный звѣрекъ лежитъ передъ ней безъ дыханія, къ гадюкѣ возвращается все ея спокойствіе, точно коварная злодѣйка утолила въ крови ненавистнаго врага долго сдерживаемую жажду мести. Я часто видѣлъ подобныя сцены. Въ ящикъ, въ которомъ жили 10—20 гадюкъ съ другими змѣями, веретеницами, ящерицами, лягушками и другими животными, и въ которомъ царили полный миръ и взаимное довѣріе, я вдругъ пускалъ мышъ. Безстрашно бѣгаетъ она кругомъ; она воображаетъ, что попала въ хорошее общество, и ничуть не боится прыгать по тѣлу и головѣ гадюкъ. Но вотъ онѣ втягиваютъ шею и голову, ихъ глаза горятъ, языкъ высовывается и быстро движется; во всѣхъ углахъ слышится шипѣніе и всѣ открытыя пасти направляются на нее съ цѣлью укусить. Она еще не знаетъ, на кого нападаютъ онѣ. Она увертывается отъ укушенія, прыгаетъ во всѣхъ направленіяхъ, но нигдѣ не находятъ покоя. Наконецъ ядовитые зубы настигаютъ ее: она содрогается, распухаетъ, шатается, падаетъ и умираетъ. Возбужденіе еще не улеглось; тамъ и тутъ слышится еще шипѣніе и вытягивается на воздухъ пасть; но скоро, со смертью врага, водворяются по прежнему миръ и тишина».

Какъ и другимъ змѣямъ, гадюкѣ не приноситъ вреда продолжительное голоданіе; но зато, если ужъ улыбнется ей счастье на охотѣ, то она вволю наѣдается. Въ своихъ изслѣдованіяхъ Ленцъ нашелъ въ пищеводѣ и желудкѣ одной гадюки трехъ большихъ мышей, одну за другой.

Лѣтняя жизнь гадюки начинается въ апрѣлѣ, хотя во время благопріятной весны ее замѣчаютъ уже въ мартѣ вѣдъ ея зимняго убѣжища, а въ особенно теплую погоду можно видѣть иную гадюку и раньше, какъ исключеніе даже зимою. «19 января 1875 года», пишетъ мнѣ Гриммъ, «около трехъ часовъ пополудни стоялъ я на юго-западной опушкѣ стараго дубоваго лѣса, богатаго выгнившими пнями, гдѣ предполагалась охота. Солнце довольно сильно грѣло, и хотъ на всей землѣ лежалъ еще снѣгъ, но съ одной стороны лѣса, покрывавшаго пологую покатость, почва оттаяла и была совершенно суха. Около одного изъ пней лежала, грѣясь на солнышкѣ, гадюка, не совсѣмъ свернувшаяся и, повидимому, мертвая. Но когда я тронулъ ее своею палкою, то она довольно послѣшно поползла къ ближайшему стволу дерева. Пока я старался удержать ее, чтобы поймать живьемъ, подскочилъ слишкомъ усердный загонщикъ и, прежде чѣмъ я могъ помѣшати ему, убилъ ядовитое животное».

Въ зимнемъ убѣжищѣ гадюка обыкновенно собирается порядочными обществами. «Въ 1816 году», пишетъ пасторъ Трейсе Ленцу, «нѣсколько дровосѣковъ работали въ теплую погоду на дорогѣ, для починки которой пришлось ломать значительныя стѣны изъ песчаника. Въ этихъ послѣднихъ было много трещинъ и щелей, и тутъ то были найдены на 1—2 м. ниже поверхности земли 10 гадюкъ въ состояніи зимней спячки. Сначала дровосѣбки приняли ихъ за веревки; но, вытащивъ первую съ помощью кирки, они признали ее за гадюку,

достали остальных, размѣщенныхъ въ разныхъ трещинахъ, и убили ихъ всѣхъ. Животныя были найдены свернувшимися между камнями, вялыми и въ состояніи оцѣпенѣнія. По бокамъ стѣнъ не было замѣтно трещинъ, такъ что гадюки, должно быть, заползли туда сверху, гдѣ было нѣсколько щелей». Собщеніе Вагнера совершенно согласуется съ этимъ. «Зимой 1829—30 года, на разстояніи одного часа пути на западъ отъ города Шлибенъ, были найдены девять гадюкъ въ болотистой мѣстности, надъ поверхностью воды, въ старомъ пнѣ. Онѣ тѣсно прижались другъ къ другу, почти не выказывали признаковъ жизни, и были всѣ вмѣстѣ убиты. Вмѣстѣ съ гадюками нашли тутъ хорька, который, вѣроятно, искалъ себѣ тамъ пищи и тоже былъ убитъ». Гомейеръ сообщаетъ мнѣ еще доказательство этого факта. «Гадюка совершаетъ свою зимнюю спячку цѣлымъ обществомъ. По наблюденіямъ моего брата, находятъ 15—25 гадюкъ, лежащихъ тѣсно вмѣстѣ подъ корнями можжевельника и подъ старыми полусгнившими ольховыми и березовыми пнями, куда онѣ сползаются съ началомъ холодовъ, чтобы остаться тамъ до возвращенія весны. Обыкновенно, когда дровосѣки выкорчевываютъ старые корни, то находятъ такія спящія общества и, понятно, убиваютъ всѣхъ членовъ ихъ. Съ истиннымъ удовольствіемъ открыли мы, что хорекъ знаетъ объ этомъ фактѣ гораздо больше, чѣмъ знали мы до сихъ поръ. Зимой онъ отыскиваетъ подобныя логовища и таскаетъ себѣ оттуда животныхъ, сколько ему нужно. Мой братъ, доставая хорька изъ норы среди зимы, нашелъ нѣсколько лягушекъ и трехъ гадюкъ, которыхъ животное натаскало въ свою нору, принявъ сначала предосторожность—перекусивъ имъ спинной хребетъ у самой головы. Въ заключеніе еще замѣчу, что зимній сонъ гадюки не очень крѣпокъ: при нѣкоторомъ безпокойствѣ она поднимаетъ голову, начинаетъ медленно ползать и высовываетъ языкъ; однако глаза кажутся усталыми и тусклыми».

По мнѣнію Блума, половая зрѣлость наступаетъ не раньше четвертаго года. Спариванье начинается только тогда, когда весенняя погода установилась, обыкновенно около конца апрѣля или начала мая. Какъ исключеніе, случается, что гадюки спариваются и въ необыкновенное время. Такъ, напримѣръ, въ 1848 году Эффельдтъ нашелъ пару совокупившихся гадюкъ 15-го марта; также и Ленцъ рассказываетъ, что 18 декабря, передъ полуднемъ въ прекрасную теплую погоду видѣли разъ двухъ спарившихся гадюкъ. Поэтому онъ считаетъ возможнымъ, что дѣтеныши рождаются у нихъ иногда уже весною. Обыкновенно гадюки выводятъ дѣтенышей въ августѣ и сентябрѣ. Весьма вѣроятно, что эти животныя совокупляются ночью, но остаются нѣсколько часовъ обвившись другъ съ другомъ, такъ что ихъ можно увидѣть еще и на слѣдующій день, лежащихъ на выбранномъ ими мѣстѣ. Какъ было уже замѣчено, случается, что во время совокупленія нѣсколько паръ гадюкъ свиваются вмѣстѣ и образуютъ цѣлый клубокъ, что, весьма возможно, и подало поводъ къ древнему сказанію о головѣ Горгоны. «Въ апрѣлѣ 1837 года», рассказывалъ мнѣ Эффельдтъ, «отправился я, какъ часто это дѣлаю въ это время, въ деревню Іоганнисталь, расположенную на разстояніи 10 кил. отъ Берлина, чтобы наловить тамъ гадюкъ. Тогда я еще не зналъ, что всѣ гадюки—ночныя животныя, и такъ какъ прибылъ на мѣсто, гдѣ предполагалъ охотиться, уже довольно поздно вечеромъ, то и думалъ отложить свои поиски до слѣдующаго утра. Однако послѣ заката солнца я вышелъ въ лѣсъ, не столько ради животныхъ, какъ для того, чтобы насладиться прекрасной погодой. Въ это время къ крайнимъ домикамъ деревни примыкалъ лѣсокъ, состоявшій преимущественно изъ ольхи и густо поросшій ежевикой. Этотъ лѣсокъ былъ до того полонъ гадюкъ, что ежегодно то тотъ, то другой изъ обитателей деревни бывалъ ими укушенъ, и

даже гадюки приползали къ людямъ, какъ случается читать подобныя вещи обь южныхъ странахъ. Въ лѣсу я встрѣтилъ своего знакомаго лѣсничаго, который еще издали привѣтствовалъ меня восклицаніемъ: «Ну, если вы сегодня опять хотите ловить гадюкъ, то вы пришли во время; я только что видѣлъ ихъ цѣлую кучу». По моей просьбѣ показать мнѣ это мѣсто, мой знакомецъ вернулся, но подвелъ меня только на извѣстное разстояніе къ указанному мѣсту, «потому что», увѣрялъ онъ, «ни за что на свѣтѣ не подошелъ бы онъ къ этому комку гадюкъ, даже не рѣшился бы выстрѣлить въ нихъ, такъ какъ злыя животныя тотчасъ же бросаются на человѣка и преслѣдуютъ его долго». Послѣ продолжительныхъ поисковъ я открылъ къ моему величайшему удивленію, что лѣсникъ сказалъ мнѣ дѣйствительно правду. Около ольховаго пня, окруженнаго молодыми побѣгами, совсѣмъ близко къ тропинкѣ, лежало 6—8 гадюкъ, свернувшихся и спутавшихся другъ съ другомъ самымъ удивительнымъ образомъ; самцы и самки лежали въ перемежку, нѣсколько парочекъ уже совокупились, другія свились съ ними. Когда я подошелъ, всѣ онѣ подняли головы, высунули языки и зашипѣли, но упорно остались на томъ же самомъ мѣстѣ, не сдѣлавъ ни малѣйшей попытки спастись бѣгствомъ; онѣ не тронулись даже тогда, когда я сталъ ихъ трогать и дразнить прутикомъ. Поздній часъ помѣшалъ мнѣ предпринять что-либо; поэтому утромъ на слѣдующій день я снова отправился на это мѣсто, не столько ожидая застать еще клубокъ гадюкъ, какъ надѣясь встрѣтить многихъ изъ видѣнныхъ вчера животныхъ. Каково же было мое удивленіе, когда, подойдя къ знакомому мѣсту, я нашелъ не только вчерашнихъ гадюкъ на прежнемъ мѣстѣ, но замѣтилъ, что за ночь число ихъ еще увеличилось. Состояніе животныхъ существенно перемѣнилось; теперь при яркомъ солнечномъ свѣтѣ онѣ были несравненно спокойнѣе и равнодушнѣе, чѣмъ наканунѣ вечеромъ, и потому мнѣ удалось съ помощью сачка на длинной палкѣ, поймать ихъ всѣхъ вмѣстѣ и посадить въ хорошо закрытый ящикъ. Тогда я отправился обратно въ Берлинъ, сгорая любопытствомъ узнать, что будетъ дальше. Однако дорога впродолженіи нѣсколькихъ часовъ и постоянная тряска, вѣроятно, побеспокоили ихъ: когда я пріѣхалъ домой, клубокъ совсѣмъ размотался. Десять лѣтъ спустя я узналъ отъ преемника того лѣсничаго, что онъ наблюдалъ у гадюкъ совершенно такіе же факты».

По изслѣдованіямъ Ленца, гадюки спариваются только тогда, когда достигаютъ почти полнаго своего роста; этотъ изслѣдователь не нашелъ ни одной гадюки менѣе 50 см. длиною, въ тѣлѣ которой были бы яйца, достигнувшія полнаго развитія. Число дѣтенышей, производимыхъ на свѣтѣ самкою, зависитъ отъ возраста и величины матери: болѣе молодыя мечутъ 5—6 дѣтенышей, постарше—12—14, даже 16 штукъ. Ленцъ наблюдалъ и очень подробно описалъ самый ходъ рожденія. «Когда гадюка кладетъ яйца», говоритъ онъ, «то лежитъ вытянувшись и выжимаетъ одно яйцо за другимъ изъ отверстія кишечника, въ которомъ оканчиваются яйцеводы, понятно попеременно, такъ что если положено яйцо изъ одного яйцевода, то второе слѣдуетъ уже изъ другого. Во время кладки гадюка поднимаетъ хвостъ криво и часто дугообразно, а туловище ея лежитъ на землѣ. Сначала это послѣднее до самаго хвоста равномерной толщины; но какъ только положено первое яйцо, наблюдатель видитъ очень ясно, какъ подвигается слѣдующее, и замѣчаетъ, что передъ каждымъ яйцомъ тѣло суживается, чтобы пропихнуть его дальше и наконецъ совсѣмъ выдавить. Между появленіемъ яицъ проходитъ каждый разъ нѣсколько минутъ, иногда четверть часа или даже цѣлый часъ. Впродолженіи кладки яицъ гадюка, по моимъ наблюденіямъ, чрезвычайно спокойна. Какъ только яйцо положено, находящійся тамъ дѣтенышъ вытягивается, разры-

ваеѣ тонкую яичную оболочку и выползаеѣ изъ нея. Но у него на тѣлѣ виситѣ еще желточный мѣшокъ; животное освобождается отъ него, разрывая во время ползанья пупочные сосуды, и тогда, обладая уже полнымъ развитіемъ, не помышляя ни о матери, ни объ отцѣ, начинаеѣ трудный жизненный путь на собственный страхъ.

«Я долженъ замѣтить, что гадюка родится злою и остается злою до конца жизни. Маленькія гадюки, только что вылупившіяся изъ яйца и еще мокрыя, шипѣли и сердито кусались, когда я трогалъ ихъ; но я долженъ признать, что не всѣ появляются на свѣтъ съ одинаковой злостью, такъ какъ всегда находятся болѣе спокойныя даже между дѣтенышами одной и той же матери. Особенно забавно было мнѣ наблюдать, какъ маленькія, едва вылупившіяся изъ яйца гадючки, которыя начинаютъ ползати и знакомиться со свѣтомъ, обыкновенно не забываютъ разѣвати пасть отъ времени до времени, причеѣ онѣ высовываютъ свое смертоносное орудіе—ядовитые зубы—расширяютъ затылокъ и приготавливаются такимъ образомъ къ своему предосудительному ремеслу. Тотчасъ послѣ рожденія онѣ бывають 18—23 см. длины или немножко больше, а въ срединѣ тѣла имѣють одинъ см. толщины. Голова, щитки, чешуйки, зубы и пр., у нихъ устроены, какъ у взрослыхъ, но все тѣло покрыто очень тонкой, прозрачной и неплотно прилегающей кожицей, отчего цвѣтъ тѣла кажется блѣднѣе. Черезъ нѣсколько минутъ или часовъ послѣ рожденія онѣ сдирають съ себя эту кожицу, совершенно такъ же, какъ и взрослые; такимъ образомъ линіаніе является первымъ важнымъ дѣломъ ихъ жизни. Между родившимися у меня маленькими гадюками я всегда находилъ только лягую часть самцовъ, впрочемъ и у родившихся на свободѣ всегда встрѣчалъ гораздо больше самокъ, чѣѣ самцовъ, между тѣѣ какъ между взрослыми число самокъ и самцовъ одинаково. Что можетъ быть причиною этого явленія?

«Слѣдуетъ еще замѣтить, что у гадюкъ нѣтъ и слѣда родительской любви, любви дѣтенышей къ родителямъ и дѣтенышей между собою. Тотчасъ послѣ рожденія каждая маленькая гадюка идетъ своей дорогой, вовсе не требуя попеченія матери, которая и сама совсѣѣ не обращаетъ вниманія на дѣтенышей: гадюки одного помета не выказываютъ никакой связи между собою. Маленькихъ гадюкъ встрѣчалъ всегда поодинокѣ, причеѣ каждая очень хорошо сознаеѣ свою силу и выказываетъ много смѣлости. Однако имѣють ли онѣ уже свойственный взрослымъ смертельный ядъ, хотя бы въ болѣе слабой степени? Вопросъ этотъ заслуживаетъ внимательнаго изслѣдованія. Для этого я вынулъ дѣтеныша, который долженъ былъ родиться дней 5 спустя, изъ тѣла матери, которую я для этого убилъ; затѣѣ я нѣсколько разъ прокололъ иголкой голову дѣтеныша въ томъ мѣстѣ, гдѣ находятся ядовитыя железки, и этою иголкой ранилъ клеста, который отъ этого вовсе не пострадалъ. Я повторилъ этотъ опытъ съ другой маленькой гадюкой и съ другимъ клестомъ и получилъ тотъ же результатъ. Скоро послѣ того я пустилъ полувзрослага мышенка въ ящикъ, гдѣ находилось 16 родившихся у меня гадюкъ, имѣвшихъ около 6-ти дней отъ роду. Мышка сначала вовсе не выказывала страха, но, бѣгая по ящику взадъ и впередъ, она вездѣ слышала тихое, но сердитое шипѣніе: всѣ гадюки на нее грозно смотрѣли и кусали ее, когда могли. Она старалась избѣжать опасности, бѣгая изъ стороны въ сторону, однако получила 10 укусовъ, изъ которыхъ самые сильныя были въ морду и въ лѣвую заднюю ногу: два раза даже случилось, что маленькая гадюка такъ впи- лась въ нее зубами, что мышка нѣкоторое время тащила ее за собою. Я тогда вынулъ мышку изъ ящика; она хромала и усиленно чистила себѣ заднюю ногу и мордочку; затѣѣ она стала слабѣти, однако жила послѣ этого около часа и нако-

пещь околѣла. Я пустилъ другого мышенка въ ящикъ съ 24 молодыми гадюками, и съ нимъ случилось то же, что и съ первымъ». Другія наблюденія подтверждаютъ вышесказанное. Изъ опытовъ Кларша, оказывается, что гадюки черезъ нѣсколько минутъ послѣ вылупленія изъ яйца уже могутъ ранить смертельно.

Очень достойнымъ вниманія вкладомъ къ исторіи развитія гадюкъ мы обязаны Петри. Этотъ наблюдатель получилъ взрослую гадюку, которую одинъ изъ его друзей думалъ убить ударомъ палки, и нанесъ ей настолько сильныя поврежденія, что животное нѣсколько часовъ подрядъ не двигалось. По свѣтлымъ глазамъ Петри узналъ, что она еще жива, отнесъ ее въ свою клѣтку со змѣями и сталъ употреблять оживляющія средства; онъ окропилъ ее свѣжей колодезной водой и особенно обильно полилъ пораненное мѣсто на спинѣ. На слѣдующій день къ полудню онъ нашелъ змѣю въ ея естественномъ положеніи, немного свернувшись, а по прошествіи 8 дней она стала такой же бодрой и такъ же кусалась, какъ всякая другая змѣя. Почти черезъ мѣсяцъ послѣ этого гадюка произвела на свѣтъ въ одинъ день 10 дѣтенышей, изъ которыхъ четыре были мертвы а остальные вскорѣ околѣли. На слѣдующую ночь змѣя родила еще одного дѣтеныша, который, подобно другимъ животнымъ этого вида, особенно сердито кусался и жилъ съ матерью въ одной клѣткѣ, пока наконецъ 6 декабря не околѣлъ отъ истощенія. По 12 декабря, къ немалому своему удивленію, Петри нашелъ въ клѣткѣ опять троякъ дѣтенышей, хотя мертвыхъ, но вполне развитыхъ, которыхъ старая гадюка могла родить только въ послѣдніе холодные дни, такъ какъ одинъ изъ дѣтенышей лежалъ еще въ мягкой, кровяной слизи. Такимъ образомъ гадюка черезъ 15 недѣль послѣ перваго помета принесла еще трехъ совсѣмъ выношенныхъ дѣтенышей. Этотъ удивительный фактъ Петри объясняетъ, вѣроятно вполне справедливо, пораненіемъ матери и такимъ предполагаемымъ положеніемъ трехъ яицъ, что ихъ развитіе должно было приостановиться до полнаго заживленія раны.

Если Ленцъ говорить, что гадюка остается злою до конца своей жизни, то это относится также и къ поведенію ея въ неволѣ. Во всякомъ случаѣ съ теченіемъ времени ея необузданная и безтолковая ярость нѣсколько притупляется: она кусаетъ меньше и рѣже, чѣмъ вначалѣ; но никогда ее нельзя дѣйствительно приручить, никогда не удастся довести до того, чтобы она не кусала своего хозяина, и поэтому обращеніе съ нею всегда остается опаснымъ. Замѣчательно то, что даже при самомъ заботливомъ уходѣ она принимаетъ пищу въ клѣткѣ только въ исключительныхъ случаяхъ. «Кажется», говоритъ Ленцъ, «что съ той минуты, какъ она попадаетъ въ ненавистную неволю, она принимаетъ намѣреніе уморить себя голодомъ, потому что, почти всегда безъ исключенія, она или тотчасъ же, или черезъ нѣсколько часовъ выплевываетъ принятую пищу, даже въ томъ случаѣ, когда ее поймали такъ ловко, что придавили только хвостъ. Иногда она выплевываетъ пищу какъ только ее поднимутъ за хвостъ, чаще въ то время, какъ ее несутъ домой въ капсулѣ для собиранія растений или въ мѣшечкѣ, часто также, когда она уже полежала спокойно нѣкоторое время въ отведенномъ ей помѣщеніи. Въ неволѣ я ей давалъ, кромѣ мышей, маленькихъ птичекъ, лягушекъ, ящерицъ и другихъ животныхъ какъ напримѣръ всевозможныхъ насѣкомыхъ, мучныхъ червей, муравьиныя яйца, дождевыхъ червей, древесныхъ лягушекъ, птичьи и черепашия яйца, молодыхъ змѣй другихъ породъ, хлѣбъ, сѣмена и т. д.; но она не обнаруживала ни малѣйшей охоты ко всѣмъ этимъ лакомствамъ. Она съѣдала только часто муравьиныя куколки, но не переваривала ихъ однако надлежащимъ образомъ. Я дѣлалъ также попытки вливать маленькихъ мышатъ долго голодавшимъ гадюкамъ, причемъ я схватывалъ ихъ лѣвой рукой за

затылокъ, въ правой держалъ щипцами мышенка, вталкивалъ его въ пасть и пропихивалъ палочкой въ пищеводъ. Но, къ несчастью, подобное предпріятіе не помогало; черезъ нѣсколько времени гадюка все-таки выплевывала введенную пищу». Такое упорное пренебреженіе пищей есть общее правило; но бывають и исключенія. Если гадюкѣ устроить клѣтку, которая очень походила бы на болотную почву, то она иногда рѣшается принимать пищу добровольно. Въ послѣднемъ убѣдились Эрберъ, Эффельдтъ, а также и я. «Многіе испытанные изслѣдователи змѣй», говоритъ первый, «положительно увѣряли меня, что наша мѣстная гадюка никогда не ѣстъ въ неволѣ; поэтому я пересталъ снабжать ее пищей. Какъ же я былъ удивленъ, когда однажды вечеромъ въ серединѣ октября засталъ гадюку въ то время, какъ она ѣла одну изъ только что убитыхъ молоденькихъ мышекъ, которыхъ я незадолго передъ этимъ посадилъ ей въ клѣтку!» Эффельдтъ увѣрялъ меня, что между безчисленными гадюками, которыя жили у него въ неволѣ, было нѣсколько такихъ, которыя приучались ѣсть, а одна даже правильно принимала пищу. Но это только исключенія; общее же правило таково, что пойманныя гадюки обрекають себя на голодную смерть и рѣдко выживаютъ дольше 9 мѣсяцевъ.

Что касается до истребленія вредныхъ животныхъ, то между всѣми нѣмецкими змѣями гадюка приноситъ самую большую пользу въ этомъ отношеніи: а между тѣмъ никто не благодарить ее за ея заслуги, всѣ стараются уничтожать ее гдѣ и какъ только могутъ! На самомъ дѣлѣ, самое безпощадное и усердное преслѣдованіе ни однимъ нѣмецкимъ животнымъ не заслужено въ такой степени, какъ гадюкой. Въ Германіи теперь рѣдко случается, чтобы человекъ погибалъ отъ какого-нибудь хищнаго животного. Однако постоянно повторяются случаи смерти людей отъ укушенія гадюкой; многіе случаи могутъ быть еще и неизвѣстны. Вѣроятно Линкъ правъ, рассчитывая, что въ Германіи ежегодно умираетъ два человека отъ укушенія гадюкой, и въ 20 разъ болѣе людей бывають отравлены ея ядомъ, но спасены. Блумъ замѣчаетъ, что по имѣющимся у него вполне достойнымъ довѣрія свѣдѣніямъ въ періодъ времени отъ 1879 до 1888 года въ Германіи было 17 смертныхъ случаевъ отъ укушенія гадюки. Восемь случаевъ, почерпнутыхъ изъ газетныхъ и вообще недостовѣрныхъ сообщеній, не были сюда причислены; точно также пропустилъ онъ и 14 лицъ, умершихъ отъ укушенія гадюки въ Фолькмарсдорфѣ въ королевствѣ Саксоніи за послѣдніе 10 лѣтъ, судя по запискамъ Гейте. «Изъ 17 смертныхъ случаевъ 2 приходятся на восточную, 1 на западную Пруссію, 2 на Померанію, 1 на Силезію, 2 на Гессенъ-Нассау, 4 на Баварію, 1 на Саксенъ-Веймаръ, 1 на Ольденбургъ, 1 на Саксенъ-Альтенбургъ, 1 на Рейсъ младшей линіи и 1 на Эльзасъ-Лотарингію. Укушенія, не оканчивающіяся смертью, чрезвычайно многочисленны во всей Германіи и во многихъ случаяхъ они сопровождаются серьезными заболѣваніями. Во многихъ извѣстныхъ мнѣ случаяхъ замѣчалась продолжительная болѣзненность, а въ нѣкоторыхъ даже полное омертвѣніе укушеннаго члена. Нелегко назвать точное число укушеній при общепринятыхъ сообщеніяхъ, которыя часто дѣлають въ подобныхъ случаяхъ; но я думаю, что безъ преувеличенія можно опредѣлить количество укушеній за послѣдніе 10 лѣтъ числомъ 600».

О дѣйстви яда у насъ есть обстоятельный отчетъ, который тѣмъ болѣе имѣетъ значенія, что принадлежитъ одному врачу, который испыталъ это дѣйствіе на самомъ себѣ. Взрослая гадюка укусила Гейнца, какъ онъ самъ рассказываетъ, въ большой палецъ правой руки съ правой стороны около ногтя; случилось это 28 іюня послѣ часа пополудни, когда онъ хотѣлъ перенести змѣю

изъ одного помѣщенія въ другое. День былъ жаркій, животное—большое и раздраженное—не кусалось уже три дня, мѣсто очень удобно для укуса, такъ какъ змѣя могла совсѣмъ обхватить его своими челюстями и всадить зубы во всю ихъ длину. Раны были такъ глубоки, что мѣста ихъ обозначались только нѣсколькими каплями крови, наполнявшими поstepенно ногтевую впадину, но, несмотря на это, боль при укусѣ была значительная. Хотя раскащикъ выставляетъ себя выносливымъ на боль, но онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ, точно пораженный электрическимъ ударомъ; въ минуту укушенія онъ чувствовалъ совершенно ясно, какъ боль съ быстротою молніи передавалась по большому пальцу къ внѣшней сторонѣ запястья, потомъ вкось по направленію локтевой кости и выше по рукѣ до подмышки, гдѣ ощущеніе остановилось. «Я перевязалъ слегка палецъ», рассказываетъ онъ, «и высосалъ рану; однако я ее не вырѣзалъ, не прижегъ и не вытравилъ, потому что я вообще не придавалъ значенія этому случаю, а также потому, что составилъ себѣ о дѣйствіи яда неправильное понятіе, которое заставляло смотрѣть на всѣ эти средства, какъ на недостигающія дѣла. Съ момента укушенія однако я былъ точно оглушенъ, черезъ 5—10 минутъ почувствовалъ легкое головокруженіе и впалъ въ короткое безпамятство, которое перенесъ сидя. Съ того времени головокруженіе не проходило у меня до полудня 30 іюня. Въ 2 часа я во второй разъ потерялъ сознание. Мѣсто укушенія между тѣмъ сдѣлалось синевато-сѣрымъ, распухло и болѣло, какъ и весь палецъ. Обмороки дѣлались у меня все чаще и чаще; однако я могъ усиленіемъ воли отдалять ихъ наступленіе на нѣсколько минутъ, но зато тогда они были продолжительнѣе. Отъ 2—3 часовъ вся рука до самаго плеча распухла такъ, что я едва могъ поднимать ее; въ 2½ часа мой голосъ сдѣлался такимъ беззвучнымъ, что меня съ трудомъ понимали; но при большемъ напряженіи я былъ въ состояніи усилить его звукъ. Въ то же самое время животъ сталъ пухнуть, что сопровождалось сильною болью: послѣ трехъ часовъ въ первый разъ сдѣлалась рвота, вскорѣ послѣ этого меня прослабило. Затѣмъ сдѣлались не очень болѣзненные судороги въ небольшихъ участкахъ брюшныхъ мускуловъ, въ различныхъ частяхъ тѣла и продолжительная судорога мочевого пузыря. Я былъ слабъ въ высшей степени, лежалъ большей частью на полу, плохо видѣлъ и слышалъ, чувствовалъ мучительную жажду и все время леденящей холодъ во всемъ тѣлѣ такъ же, какъ и въ распухшей рукѣ, на которой стали появляться кровоподтеки какъ разъ по направленію, указанному мнѣ первой болью. Теперь причинялъ мнѣ боль только распухшій животъ, потому что онъ дѣлалъ невозможнымъ глубокое вдыханіе. Въ остальномъ дыханіе не было затруднено, не чувствовалось также ни усиленнаго сердцебіенія, ни головной боли.

«Окружавшіе меня говорили, что лицо мое до того исказилось и осунулось, что я сдѣлался совершенно неузнаваемъ. Часто также я бредилъ: но вообще, когда я не лежалъ въ обморокѣ, я былъ въ полномъ сознаніи. Только иногда я начиналъ говорить, и отъ слабости не могъ или не хотѣлъ окончить предложеніе. Въ 7 часовъ, то-есть черезъ 6 часовъ послѣ укушенія, прекратились обмороки, общія судороги, рвота и поносъ, а вскорѣ послѣ этого прошла совсѣмъ и боль живота; я выпилъ нѣсколько глотковъ настойки опія и провелъ ночь хотя безъ сна, но спокойно въ постели; только боль распухающаго тѣла беспокоила меня. Опухоль распространялась слѣдующимъ образомъ: когда я въ 7 часовъ изслѣдовалъ свою руку, то вся она отъ самыхъ пальцевъ распухла почти вдвое; укушенное мѣсто было синевато-черное и отъ него шелъ неправильный рядъ синеватыхъ и красныхъ пятенъ по внутренней сторонѣ запястья къ локтю, и продолжался по всей рукѣ

до плеча. Подмышка была тоже сильно и равномерно распухши; нигдѣ нельзя было прощупать ни сосѣдовъ, ни железъ». Втеченіе первой ночи рука распухла еще больше, и число кровоподтековъ увеличилось настолько, что вся она покраснѣла и посинѣла. Опухоль и кровоподтеки распространились съ плеча черезъ грудь до края реберъ, а на слѣдующій день и на подвздошную кость; въ распухшихъ мѣстахъ, температура которыхъ была чуть-чуть выше, чѣмъ въ остальномъ тѣлѣ, боль усилилась, и больной чувствовалъ нѣкоторое облегченіе только во время испарины. Чувствительность при давленіи и напряженіи уменьшилась отъ мази, прописанной другимъ докторомъ, но каждая попытка подняться вызывала головокруженіе или продолжительный обморокъ. Больной чувствовалъ склонность въ испаринѣ, и когда выступалъ потъ, боль значительно облегчалась и уменьшалось головокруженіе. Затрудненіе мочеиспусканія продолжалось; пульсъ былъ маленький и слабый, аппетитъ хорошій, сонъ въ высшей степени безпокойный.

30 іюня опухоль и кровоподтеки распространились въ стороны по брюшной стѣнкѣ, а также на бока до половины бедра: но дальше опухоль не пошла, а стала замѣтно опадать на пальцахъ. Послѣ продолжительной испарины къ полудню прошло головокруженіе, и послѣ полудня больной могъ встать на нѣсколько часовъ. Хотя рука еще сильно болѣла, пульсъ былъ все еще малъ и слабъ и неприятное ощущеніе холода продолжалось, однако мочеиспусканіе нѣсколько облегчилось, аппетитъ былъ хорошій и жажда умѣренная. 1 іюля опала опухоль кисти руки, живота и бедеръ, и одновременно прекратилось затрудненіе мочеиспусканія, но оставалась еще значительная слабость, и все остальное было въ прежнемъ состояніи. 8-го іюля опала опухоль всей грудной клѣтки, и новые кровоподтеки, которые постоянно образовывались втеченіе послѣднихъ трехъ дней, показались въ послѣдній разъ. Сонъ слѣдался спокойнѣе, хотя рука все еще сильно болѣла, а худоба и блѣдность лица были еще очень замѣтны. Втеченіе послѣдующихъ 8 дней опухоль и кровоподтеки совершенно исчезли, только еще въ продолженіе трехъ недѣль ощущалась легкая боль при испражненіи. «Сегодня, 10 августа, черезъ 6 недѣль послѣ укушенія», заключаетъ Гейнцель, «къ вечеру показалась легкая опухоль правой руки. Кожа на всѣхъ распухшихъ мѣстахъ получила грязноватую окраску и стала очень чувствительна къ нажиму и переменѣ погоды. Я не могу лежать на правомъ боку; вся правая рука безсильна и болитъ иногда часами очень сильно. Я сильно похудѣлъ противъ прежняго, не совсѣмъ еще избавился отъ озноба, часто безъ всякой причины чувствую цѣлый день слабость и цвѣтъ лица у меня переменялся. Я убѣжденъ, что укушеніе непосредственно въ большую вену почти всегда влечетъ за собою смерть, и что въ подобномъ случаѣ всѣ попытки лѣченья должны остаться бесплодными».

По опытамъ Боллингера, при смертельныхъ случаяхъ отравленія отъ укушенія гадюки, смерть наступаетъ въ промежутокъ времени отъ одного часа до 2—3 недѣль. Изъ 610 укушенныхъ, о которыхъ Боллингеръ получилъ свѣдѣнія, умерло 59 человекъ: въ этомъ случаѣ смертность составляла приблизительно 10%; но, по очень добросовѣстнымъ сопоставленіямъ Влума, она составляетъ только 2,83%.

Какое продолжительное дѣйствіе можетъ вызвать укушеніе гадюки, какъ одна капелька жидкости изъ ея зуба можетъ отравить цѣлую жизнь, показываетъ одинъ случай, сообщенный Ленцомъ, который я хочу пересказать здѣсь. Марта Елизавета Эгеръ, изъ Вальтерсхаузена, 60-ти лѣтняя женщина въ то время, когда Ленцъ писалъ свое «Исслѣдованіе о змѣяхъ», пошла какъ то, еще будучи 19-ти лѣтней дѣвушкой, босикомъ въ степь и была укушена гадюкой въ ногу; сначала она обратила на это мало вниманія; но скорѣ нога начала пухнуть, опухоль и боль бы-

стро распространились до верхней части туловища, такъ что она упала и не имѣла силы идти дальше. Къ счастью съ нею была ея мать, которая и помогла дѣвчнкѣ добраться до дому. Позвали хирурга, который примѣнялъ много средствъ. Состояніе больной постепенно улучшилось, но до 40 лѣтъ нога все еще болѣла, причѣмъ постоянно на ней выступали то желтыя, то сивія, то красныя пятна и чувствовалась боль. До этого времени, по совѣту разныхъ знакомыхъ и кумушекъ пробовалось постоянно то то, то другое средство. Но тутъ вдругъ болѣзнь ноги исчезла и бросилась на глаза, которые сильно болѣли нѣкоторое время, затѣмъ больная совѣмъ ослѣпла и оставалась въ такомъ состояніи два года. По прошествіи этихъ двухъ лѣтъ глаза постепенно выздоровѣли и стали опять видѣть, но болѣзнь распространилась теперь по всему тѣлу и выражалась болями попеременно въ различныхъ частяхъ туловища и въ конечностяхъ. Такъ больная и осталась въ этомъ состояніи, а подъ конецъ еще почти совѣмъ оглохла. Долголітіе у нихъ въ роду, потому она до сихъ поръ окружена родственниками, которые очень хорошо помнятъ все теченіе ея недуга. Замѣчательно, что человѣкъ можетъ дожить до такой старости при подобныхъ страданіяхъ, но ужасно, что цѣлую долгую жизнь онъ обреченъ томиться. Кто же, прослушавъ эту грустную исторію, не присоединится къ моему желанію, чтобы были приняты серьезныя мѣры для предотвращенія подобнаго несчастія!

Тотъ, кто изъ преувеличенной любви къ животнымъ защищаетъ змѣй, несомнѣнно грѣшитъ противъ людей. Лучше, повторяю, уничтожать всѣхъ змѣй, ядовитыхъ и неядовитыхъ, чѣмъ терпѣть, чтобы хоть одинъ человѣкъ лишился жизни изъ за одной изъ нихъ, или чтобы жизнь хоть одного человѣка превратилась въ непрерывное страданіе изъ за ихъ адскаго яда. Поэтому охраняйте естественныхъ враговъ змѣй, прежде всего хорька, ежа и голубоногого крачуна, о полезной дѣятельности которыхъ я уже говорилъ, и безжалостно преслѣдуйте самихъ гадюкъ и всю ихъ породу! Каждый учитель долженъ бы былъ давать своимъ ученикамъ наставленія о гадюкахъ, научить ихъ какъ они могутъ, не подвергая себя опасности, уничтожить подобное животное, если оно имъ встрѣтится, каждый отецъ долженъ бы сообщить своимъ дѣтямъ, что одинъ сильный ударъ, притомъ по хребту гадюки, убиваетъ ее, какъ бы живуча она ни была! Только никогда не надо попадаться въ просакъ и брать убитое животное безъ необходимой предосторожности, потому что способность движенія остается у гадюки еще долгое время послѣ того, какъ ей былъ нанесенъ смертельный ударъ, а опасность ея ядовитыхъ зубовъ не уменьшается даже въ томъ случаѣ, если ей отрубятъ голову отъ тѣла. Отрубленная змѣиная голова старается укусить васъ почти такъ же свирѣпо, какъ и раньше, когда змѣя еще была жива, нѣсколько десятковъ минутъ послѣ обезглавленія поворачивается она въ ту сторону, съ которой ей угрожаетъ опасность, по ея предположенію, что показываетъ, какъ долго еще не прекращается дѣятельность ея ничтожнаго и мало развитаго мозга. «Ужасно смотрѣть», говоритъ Линкъ, «какъ такая окровавленная голова нѣсколько разъ открываетъ пасть, высовываетъ ядовитые зубы изо рта и какъ прежде съ жаждою мести старается схватить палецъ, который ей показываютъ». Повторяю, что ядъ теряетъ свою силу далеко не такъ скоро послѣ смерти; многіе произведенные въ этомъ отношеніи опыты показываютъ, что даже высушенный и затѣмъ снова растворенный ядъ способенъ еще отравить кровь млекопитающаго. Итакъ большая осторожность должна быть внушена каждому, кто выказываетъ охоту способствовать уничтоженію ядовитыхъ змѣй. Даже способъ, рекомендуемый со многихъ сторонъ, который состоитъ въ томъ, что выгоняютъ свинья стада въ поля,

посѣщаемыя гадюками, скорѣе можетъ принести убытокъ, чѣмъ имѣть успѣхъ. Тѣмъ изъ моихъ читателей, которые живутъ въ мѣстностяхъ, зачумленныхъ змѣинымъ отродьемъ, я бы посовѣтовалъ ночныя охоты. По вышеприведеннымъ опытамъ я думаю, что вѣрнѣе всего можно очистить мѣстность отъ гадюкъ, приманивая ихъ ночью на зажженный огонь и затѣмъ убивая. Санюги, доходящія до колѣнъ, совершенно защищаютъ отъ укушенія змѣи; такимъ образомъ охотникъ, запасшійся ими, не подвергается ни малѣйшей опасности, а сама по себѣ охота навѣрно доставитъ удовольствіе каждому. Во всякомъ случаѣ надо бы попробовать это средство.

Что касается лѣченія лицъ, имѣвшихъ несчастье быть укушенными гадюкой, то я скажу еще разъ, что по нашимъ теперешнимъ свѣдѣніямъ самое дѣйствительное изъ всѣхъ безчисленныхъ средствъ, которыя были испробованы, это спиртъ, то есть арракъ, коньякъ, ромъ или водка, принятые въ большой дозѣ; такимъ образомъ каждый въ состояніи лѣчить укушеннаго гадюкой, потому что водку можно достать въ самой маленькой деревушкѣ. Среди горныхъ жителей верхней Баваріи это превосходное средство извѣстно всѣмъ и каждому, какъ я узналъ изъ вѣрнаго источника, и почти постоянно успѣшно примѣняется на дѣлѣ. Для успокоенія тѣхъ, кто въ такихъ случаяхъ опасается худшихъ послѣдствій отъ этого лѣкарства, чѣмъ опьяненіе, я говорю съ убѣжденіемъ, что люди, заболѣвшіе отъ укушенія гадюки, нимало не хмѣлѣютъ даже отъ неумѣреннаго приема водки. Если, кромѣ этого, высасываютъ укушенное мѣсто, вырѣзаютъ или прижигаютъ, или же до прибытія медицинской помощи привязываютъ на это мѣсто какой-нибудь твердый предметъ, напримѣръ камешекъ, такъ туго, какъ только можно вытерпѣть—все это, по моему мнѣнію, не заслуживаетъ особеннаго одобренія. Еще надо замѣтить, что въ новѣйшее время совѣтуютъ промывать рану обеззараживающимъ растворомъ марганцовисто-кислаго кали (2°/о на сто) или карболовой кислоты (5°/о на сто).

* * *

Въ юго-западной Европѣ гадюка отчасти замѣняется близкимъ видомъ змѣи, которой болѣе, чѣмъ всякой другой подобаешь носить названіе виперы, потому что именно она была лучше всего извѣстна древнимъ римлянамъ, которые называли ее «Vivipaga», то есть живородящая. Ее считаютъ обыкновенно основной формой рода *Vipera*; однако отличія этой змѣи отъ гадюки до того ничтожны, что нельзя осуждать тѣхъ изслѣдователей змѣй, которые желаютъ считать ихъ обѣихъ разновидностями одного и того же вида. Въ Германіи, гдѣ оба вида могутъ быть рѣзко отдѣлены другъ отъ друга, мы не присоединяемся къ этому мнѣнію, которое недавно остроумно защищалъ Камерано, но признаемъ трудность отличія обѣихъ этихъ формъ, особенно тамъ, гдѣ области ихъ распространенія граничатъ между собою, напримѣръ въ сѣверной Испаніи и въ Итали. У гадюки, какъ мы видѣли, передняя часть головы покрыта тремя ясными маленькими щитками, а у виперы—только плоскими или слегка крышевидно приподнятыми чешуйками, изъ которыхъ обыкновенно только одна, кругловато—многоугольная, которая должна быть принята за темянной щитокъ, немного превосходить остальныхъ своей величиной; между тѣмъ какъ у гадюки между глазами и верхнегубными щитками проходитъ обыкновенно только одинъ рядъ маленькихъ чешуекъ, у виперы всегда два подобныхъ ряда. Также кончикъ рыльца у виперы слегка вздернуть, точно его загнули, и край рыльца надъ уздечною областью имѣетъ болѣе острую грань. Этими и ограничиваются отличительные признаки, которые могутъ быть высканы для установленія вида; въ остальномъ же обѣ змѣи походятъ другъ на друга какъ

родныя сестры, и только при очень тщательномъ изслѣдованіи и сравненіи можно найти признаки, которые помогаютъ отличить одну отъ другой.

Випера (*Vipera aspis, redii, hugyi, ocellata, atra, communis, Coluber aspis, vipera, redii, charasii. Viper. Vipère aspic.*) достигаетъ почти точно такой же величины, какъ и гадюка, но только она большей частью короче и толще, а голова у нея шире. Самый вѣрный признакъ отличія одного вида отъ другого составляютъ ряды чешуекъ, отдѣляющихъ глазное яблоко отъ лежащихъ подъ нимъ верхнегубныхъ щитковъ, а особенно вздернутая морда. На спинѣ невидны или, по крайней мѣрѣ, рѣже, чѣмъ у гадюки, видна непрерывная зубчатая полоса, а вмѣсто нея— большія отдѣльныя пятна, расположенныя однако такимъ же образомъ, какъ тѣ, которыя составляютъ полосу на спинѣ у гадюки. Окраска фона, на которомъ выдѣляется темный рисунокъ, принимаетъ самыя разнообразныя оттѣнки отъ блѣловато-сѣраго до пепельнаго или сѣровато-зеленаго и отъ свѣтло-коричневатаго до мѣдно-краснаго или темно-коричневаго цвѣта; у виперы, какъ и у гадюки, самцы обыкновенно свѣтлѣе самокъ. Чтобы дать описаніе, взятое прямо съ живыхъ экземпляровъ, я приведу слова Шинца: «Спина покрыта четырьмя продольными рядами черныхъ или темно-бурыхъ пятенъ, изъ которыхъ пятна двухъ среднихъ рядовъ почти четырехугольныя и лежатъ близко другъ къ другу, но рѣдко образуютъ зубчатую полосу, хотя они болѣе или менѣе соединяются и иногда связаны по угламъ черной узкой полоской, идущей посреди спины; боковыя пятна меньше, нижнія части черныя съ бѣлыми пятнами, а иногда встрѣчаются пятна цвѣта ржавчины». Длина колеблется между 50 и 60 см.; хвостъ, который къ кончику на нижней сторонѣ желтаго, какъ сѣра, или оранжеваго цвѣта, составляетъ шестую или восьмую часть всей длины тѣла. Мюллеръ раздѣляетъ швейцарскихъ виперъ на двѣ формы: живущую въ долинахъ, съ трехугольной головой, сплошь покрытой чешуйками, и горную—болѣе приближающуюся къ гадюкѣ по рисунку тѣла и по болѣе узкой головѣ. Къ первой формѣ относятся экземпляры изъ Юры, Ваадта, изъ нижней главной долины Валлиса, а къ горной— изъ Верхне-Ронской долины и боковыхъ долинъ Валлиса, также часть экземпляровъ изъ Зимменталя.

Надо еще замѣтить, что Линней называлъ виперу аспидомъ (*Coluber aspis*); въ большей части старинныхъ учебниковъ зоологій она названа *Vipera redii* въ честь одного итальянскаго ученаго, которому мы обязаны прекрасными наблюденіями надъ нею и надъ дѣйствіемъ ея укушенія.

«Тогда какъ гадюка», замѣчаетъ Штраухъ, «живетъ въ средней и сѣверной частяхъ европейско-азиатскаго материка и сравнительно маленькая часть области ея распространенія принадлежитъ Средиземному морю, випера, наоборотъ, водится исключительно въ странахъ, окружающихъ это море, и удаляется отъ него только во Франціи, Швейцаріи и Германіи. Кругъ ея распространенія тянется приблизительно отъ 16 до 34 градуса восточной долготы и достигаетъ на сѣверѣ приблизительно до 49-го градуса, между тѣмъ какъ на югъ только незначительно переходитъ за 37-ой градусъ сѣверной широты». Випера распространена на большомъ пространствѣ во Франціи, особенно въ южныхъ департаментахъ, а въ сѣверныхъ, напротивъ, попадается рѣже; она водится также въ окрестностяхъ Метца, очень обыкновенна въ Швейцаріи, на Юрѣ и въ нѣкоторыхъ частяхъ кантоновъ Ваадта, Валлиса и южнаго Тессина; въ Италіи это самая обыкновенная ядовитая змѣя, которая водится на всемъ полуостровѣ и въ Сициліи, исключая счастливаго острова Сардиніи, свободнаго отъ ядовитыхъ змѣй; ея нѣтъ также въ Далмаціи, Греціи и въ сѣверной Африкѣ. Въ предѣлахъ Германіи она водится на *Rochers de Frazee*

между мѣстечками Дорно и Новеанъ въ Лотарингіи, гдѣ она встрѣчается часто, также въ Шлюхтталѣ и сосѣднихъ долинахъ близъ городка Тингенъ въ южномъ.

Вишера. *Vipera aspis*. Насѣ. вел.

Шварцвальдѣ; но здѣсь она такъ рѣдко попадаетъ, что ее только недавно опредѣлили. Въ Австріи достоверно она извѣстна только въ Тиролю, гдѣ, по словамъ Гредлера, это господствующая ядовитая змѣя къ югу отъ главнаго хребта Альпъ;

повидимому она водится тамъ всюду на удобныхъ для нея мѣстахъ. По словамъ Шинца, випера не встрѣчается въ Швейцаріи въ высокихъ горахъ; но Гредлеръ видѣлъ одинъ экземпляръ, пойманный на высотѣ болѣе, чѣмъ 2000 м., чѣмъ подтверждается сообщеніе Видера, что ее находятъ во многихъ гористыхъ мѣстностяхъ Швейцаріи. По свидѣтельству Шинца, она населяетъ главнымъ образомъ известковые горы, къ которымъ принадлежитъ Юра, и поэтому названіе юрской виперы, предлагаемое для этой змѣи, имѣетъ нѣкоторое основаніе. По словамъ Видера, съ приближеніемъ зимы она покидаетъ горы и переселяется въ равнины поближе къ человѣческому жилью, чтобы тамъ провести суровое время года. Ее находятъ въ сухихъ, теплыхъ, каменистыхъ мѣстахъ, рѣже въ лѣсахъ и рощахъ, чаще же у заборовъ, около стѣнъ или подлѣ кучъ каменьева, утромъ и вечеромъ, передъ грозю; весною она встрѣчается большей частью парами, такъ что, найдя самца, обыкновенно скоро замѣчаютъ и самку. Последнее сообщеніе вполне можетъ подтвердить Гредлеръ, опираясь на случай, когда онъ поймалъ пару виперъ, мѣстопробываніе которыхъ было открыто такимъ образомъ, что замѣтили одну змѣю изъ пары. Тотъ же самый изслѣдователь наблюдалъ одну виперу въ 9 часовъ вечера, о чемъ я упоминаю только потому, что считаю важнымъ приводить всѣ наблюденія, доказывающія ночную жизнь виперъ или же, по крайней мѣрѣ, говорящія за этотъ фактъ.

По своимъ привычкамъ випера обнаруживаетъ очень большое сходство съ гадюкой. «Ея движенія», говоритъ Шинцъ, «медленны и неуклюжи. Сама она цуглива и старается спастись бѣгствомъ и только въ томъ случаѣ, если ей это не удастся, если ее тронули или случайно наступили на нее, она готовится къ оборонѣ и кусается. Если поставить на нее ногу, то она защищается, но кусаетъ также палку или другіе предметы, которыми ее хотятъ схватить».

Вѣроятно, что випера питается тѣмъ же, чѣмъ и гадюка, то есть преимущественно охотится за различными видами мышей. По словамъ Видера, она питается главнымъ образомъ кротами, которые умираютъ отъ ея укушенія черезъ 8—10 минутъ, но она не кусаетъ и не ѣстъ ни пресмыкающихся, ни амфибій, потому что ея ядъ дѣйствуетъ только на теплокровныхъ животныхъ. Сеттари также увѣриетъ, что кошки застрахованы отъ яда виперъ, и говоритъ, что неоднократно производилъ опыты, доказывавшіе это. Я сомнѣваюсь и въ томъ и въ другомъ, потому что, опираясь на приобретенныя раньше свѣдѣнія, не могу понять, почему ядъ виперы можетъ дѣйствовать не такъ, какъ ядъ гадюки. Другое сообщеніе Сеттари во всякомъ случаѣ вѣрнѣе: она, випера, «прилежно охотится за мышами на лугахъ и очень любитъ лежать въ теплые дни подъ кучами скошенной полусухой травы, почему косари часто бываютъ укушены ею за руки и за ноги»: Видеръ не можетъ сказать, чѣмъ питаются маленькія виперы, которыя не въ состояніи еще проглотить ничего большого; я считаю вѣроятнымъ, что онѣ ѣдятъ вначалѣ маленькихъ ящерицъ, какъ это дѣлаютъ молодыя гадюки.

Випера только на третьемъ году дѣлается способной къ размноженію. Спариванье происходитъ въ апрѣлѣ и продолжается больше трехъ часовъ, какъ однажды наблюдалъ Видеръ. При этомъ самецъ и самка такъ тѣсно соединены, что, застигнутые въ это время, не могутъ оторваться другъ отъ друга. Приблизительно черезъ 4 мѣсяца послѣ совокупленія самка мечетъ 8—15 вполне развитыхъ дѣтенышей, около 20 см. длины, которые, подобно гадюкамъ, съ перваго же дня своей жизни обнаруживаютъ свой злой нравъ и усердно кусаются.

Въ неволѣ випера ведетъ себя такъ же, какъ и гадюка. Она никогда не дѣлается ручной, остается всегда коварной, хотя черезъ нѣсколько мѣсяцевъ утрачиваетъ отчасти свою ярость; послѣ полугодоваго заключенія она все еще кусаетъ хозя-

нна и рѣдко рѣшается принимать пищу. «У меня было нѣсколько виперъ», говоритъ Видеръ, «которыя ничего не ѣли втеченіе 16 мѣсяцевъ, но часто пила воду.» Совершенно такъ же, какъ и гадюка, она, вскорѣ послѣ того, какъ ее поймаютъ, выплевываетъ только что проглоченную пищу. Нашъ изслѣдователь поймалъ виперу, у которой было очень толстое тѣло, и въ гостинницѣ посадилъ ее въ бутылку, за неимѣніемъ другаго сосуда; на другое утро онъ немало удивился, найдя въ бутылкѣ большого крота. Вытащить этого крота изъ бутылки оказалось гораздо труднѣе, чѣмъ посадить туда змѣю вмѣстѣ съ добычей, находившейся у нея въ желудкѣ. Одна пойманная випера, которую Гредлеръ держалъ въ строгомъ заточеніи, совсѣмъ не подтвердила наблюденій Видера: она съѣдала подрядъ трехъ ящерицъ, пила воду и даже ливала. Съ другими змѣями випера живетъ въ мирѣ какъ на свободѣ, такъ и въ клѣткѣ, и тѣ ея не боится; но, при появленіи домашней мыши или крысы, она тотчасъ же принимаетъ угрожающую позу и кусается. Домашняя мышь умираетъ черезъ 5 минутъ отъ единственнаго укуса, крыса же черезъ 20 минутъ и обыкновенно мститъ предварительно своему коварному врагу. «Зимою», рассказываетъ Видеръ, «я держалъ въ стеклянномъ ящикѣ 5 виперъ средней величины. Однажды я посадилъ къ нимъ большую крысу и думалъ, что ее скоро кусаютъ и она издохнетъ. Но этого не случилось: все общество жило въ полнѣйшемъ мирѣ. Я кормилъ крысу хлѣбомъ и другими припасами втеченіе нѣсколькихъ недѣль; когда же я долженъ былъ уѣхать на 8 или 10 дней и ей нечего было ѣсть, миръ былъ нарушенъ. По своемъ возвращеніи я нашелъ крысу очень бодрой, а пять виперъ были съѣдены до косточки.»

Випера это та самая змѣя, надъ которой, кромѣ Реди, также и Фонтана производилъ изслѣдованія, сдѣлавшіяся знаменитыми. При дворѣ Тосканскаго великаго герцога Фердинанда II, который самъ занимался науками и поддерживалъ по возможности выдающихся людей, была рассмотрѣна между прочимъ и випера. До того времени (XVII столѣтія) имѣлись на лицо только сообщенія древнихъ, и имъ вѣрили, не заботясь о томъ, чтобы собственными наблюденіями изслѣдовать истину. Нѣкоторые изъ ученыхъ мужей, съ которыми Реди имѣлъ сношенія, утверждали, что ядъ виперы помѣщается у нея въ зубахъ; другіе говорили, что ядовиты не зубы сами по себѣ, а сокъ зубныхъ мѣшковъ, и что притекаетъ онъ изъ желчной сумки, потому что желчь виперы, даже если ее проглотить, дѣйствуетъ какъ страшнѣйшій ядъ; третьи думали, что ядъ находится въ слюнкѣ, и наконецъ четвертые присоединялись къ мнѣнію древнихъ, что все зло заключается въ кончикѣ хвоста. Начали изслѣдованія съ желчи, потому что за нее было мнѣніе большей части присутствующихъ, опиравшихся на показанія Галена, Плинія, Авиценны, Разеса, Хали Аббаса, Албуказиса, Вильгельма де Плацентисъ, Цезалпина, Кардана и многихъ другихъ знаменитыхъ врачей. «Собраніе этихъ высоко-ученыхъ именъ», говоритъ Ленцъ устами ученаго Реди, «могло бы испугать любого человѣка; но, нимало не заботясь о нихъ, Яковъ Коцци, охотникъ за виперами, который, стоя въ углу, слушалъ все ученое изложеніе, подошелъ смѣясь, взялъ желчь виперы, бросилъ ее въ воду и проглотилъ безъ разсужденій, вызываясь проглотить еще цѣлую массу. Это было поистинѣ вѣское доказательство; однако собравшіеся господа не повѣрили продѣлкѣ и предположили, что у него въ желудкѣ было какое-нибудь противоядіе. Поэтому они давали желчь виперы многимъ животнымъ; но всѣ они оставались здоровыми, и одна кошка, проглотивши желчь, стала даже съ удовольствіемъ облизывать свою мордочку. Послѣ многочисленныхъ опытовъ надъ животными, которымъ вводили желчь въ раны безъ всякаго для нихъ вреда, господа, предполагавшіе ядовитость желчи, были разбиты на голову.

«Охотникъ за виперами скоро положилъ также конецъ спорамъ о жидкости, находящейся въ пасти виперы; онъ взялъ большую, злую виперу, старательно вымылъ ея пасть и зубные мѣшки виномъ и затѣмъ спокойно выпилъ эту настойку; на слѣдующій день онъ повторилъ то же съ тремя другими виперами. Козель и утка, которымъ приготовили такой же напитокъ, чувствовали себя также хорошо; но когда большому количеству молодыхъ куръ и голубей ввели въ раны желтый сокъ, находящійся въ зубныхъ мѣшкахъ живыхъ и мертвыхъ виперъ, то всѣ онѣ умерли». Такимъ образомъ ядъ былъ довольно скоро обнаруженъ. Для того, чтобы опровергнуть басни древнихъ писателей, Реди производилъ самые разнообразныя опыты: испробовалъ всевозможныя травы, которыя рекомендовались какъ противоядья, и нашелъ, что онѣ никуда не годны; убивалъ массу виперъ, жарилъ ихъ мясо и кости, сжигалъ ихъ затѣмъ въ пепель и примѣнялъ добытыя изъ шелока соли, для того, чтобы убѣдиться, что онѣ дѣйствовали точно такъ же, какъ вещества, добытыя тѣмъ же путемъ изъ другихъ животныхъ. Такъ какъ Аристотель, Никандръ, Галенъ, Плиній, Павелъ Эгинетъ, Серапионъ, Авиценна, Люкрецій и позднѣе многіе другіе знаменитые писатели утверждали, что человѣческая слюна убиваетъ ядовитыхъ животныхъ, то Реди впрыскивалъ ее виперамъ въ продолженіи 15 дней подрядъ, однако безъ малѣйшаго для нихъ вреда; онъ бросалъ имъ всѣ тѣ листья, къ которымъ, какъ говорили древніе, ядовитыя змѣи чувствуютъ ужасное отвращеніе, и съ удовольствіемъ замѣчалъ, что виперы не только не боялись ихъ, но, наоборотъ, залопзали на эти листья. Онъ отвергъ мнѣніе, что випера сама по себѣ можетъ употребляться какъ цѣлебное средство противъ укушенія другихъ змѣй этого рода, вообще доказалъ, что увѣренія древнихъ писателей не были основаны на безпристрастныхъ наблюденіяхъ.

Въ концѣ XVIII-го столѣтія Фонтана сталъ продолжать изслѣдованія Реди и производилъ ихъ съ такимъ усердіемъ и успѣхомъ, что они до сихъ поръ еще имѣютъ большую цѣну. «Ядъ виперы», говоритъ онъ, «не есть кислота: онъ не дѣлаетъ краснымъ лакмусъ, не мѣняетъ цвѣта фіалковаго сиропа, который только немного желтѣетъ, если въ него прибавятъ много яда. Соединенный съ щелочными солями, онъ не шипитъ и очень медленно смѣшивается съ ними; въ водѣ онъ тотчасъ же опускается на дно. Онъ не горитъ, высушенный имѣетъ прозрачный желтый цвѣтъ и липнетъ какъ смола; въ зубахъ мертвой виперы онъ остается годами, не измѣняя цвѣта и не теряя прозрачности; его можно тогда развести въ теплой водѣ и онъ все еще смертеленъ; также высушеннымъ его сохраняли около 10 мѣсяцевъ, и онъ не терялъ своей силы». Изъ безчисленныхъ опытовъ, произведенныхъ имъ, Фонтана выводитъ слѣдующія заключенія: при одинаковыхъ прочихъ условіяхъ самая большая випера есть въ то же время и самая опасная. Дѣйствіе яда усиливается вмѣстѣ съ гнѣвомъ животнаго. Чѣмъ дольше оставляетъ випера свои ядовитые зубы въ ранѣ, тѣмъ вѣрнѣе она отравляетъ. Чѣмъ медленнѣе умираетъ животное, тѣмъ сильнѣе развивается болѣзнь укушенной части тѣла. Относительно дѣйствія яда онъ говоритъ, что кровь укушеннаго животнаго свертывается, плазма отдѣляется отъ кровяныхъ тѣлецъ и распространяется по ткани, что ведетъ за собою прекращеніе кровообращенія и смерть. Кровь, раздѣленная такимъ образомъ на сгустки и водянистую часть, начинаетъ быстро разлагаться и причиняетъ омертвѣніе всего тѣла. Лягушки послѣ укушенія виперы могутъ жить гораздо дольше, чѣмъ теплокровныя животныя, потому что онѣ долгое время могутъ обходиться безъ дыханія и кровообращенія, не умирая отъ этого *).

*) Фонтана сообщаетъ, что ядъ виперы не убиваетъ ужа и это подтверждено двумя французскими учеными.

Насколько обширны опыты этого знаменитого человека, доказываются ниже приводимыми числами. У него было больше 4000 укушенных животных, для чего он употребил около 3000 випер; он применял всё противоядія, известныя ему, и не только надъ однимъ животнымъ, а сразу надъ дюжинами ихъ, и въ строгомъ смыслѣ слова пришелъ къ заключенію, что нѣтъ противоядій. По его мнѣнію человекъ, укушенный виперой, не умираетъ; надо по крайней мѣрѣ 5—6 такихъ змѣй, чтобы убить человека: это сообщеніе, къ сожалѣнію, не нуждается въ изслѣдованіи, такъ какъ мы знаемъ, если и немного, то все же нѣсколько случаевъ, когда люди умирали отъ укушенія одной виперы.

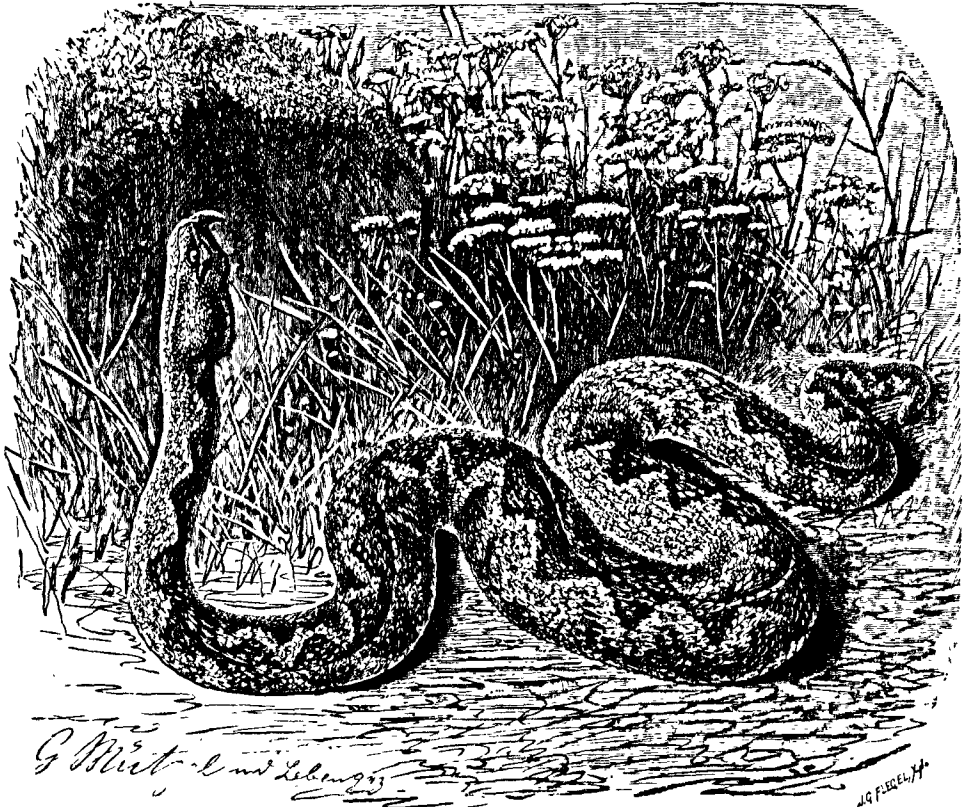
* * *

Изъ трехъ остальныхъ виперъ Европы двѣ водятся только на очень ограниченныхъ небольшихъ пространствахъ и поэтому имѣютъ для насъ мало значенія. Одна изъ нихъ **Курносая гадюка** (*Vipera latastei*. Stülpnasenotter. Vipère saumie), переходная форма между виперой и песчаной гадюкой, водится на Пиренейскомъ полуостровѣ, въ Марокко и Алжирѣ; другая большая змѣя, указанная Бедрягой на островѣ Милосѣ изъ группы Цикладскихъ, **Восточная гадюка** (*Vipera lebetina*. Levanteotter. Vipère de Levant) водится также въ предѣлахъ Марокко, въ Алжирѣ, Тунисѣ и Египтѣ, на Кипрѣ, въ Сиріи и Малой Азии, на Кавказѣ и въ Каспійскихъ странахъ до сѣвернаго Белуджистана, Афганистана и Кашмира. Мы здѣсь о ней говорить не будемъ.

Слѣдующая ядовитая змѣя Европы, **Песчаная гадюка** (*Vipera ammodytes*, *Coluber ammodytes*, *Vipera illyrica*, *Rhinechis ammodytes*. Sandotter. Vipère à museau cognu), имѣетъ мягкій рогообразный придатокъ на носу, покрытый чешуйками и похожій на конусообразную бородавку. Она отличается отъ гадюки также покровомъ головы, на которой, кромѣ надглазныхъ щитковъ, нѣтъ большихъ пластинокъ, но очень похожа на обыкновенную гадюку по внѣшнему виду; даже окраска и рисунокъ ихъ обѣихъ, или скорѣе всѣхъ трехъ видовъ, имѣетъ большое сходство. Голова покрыта маленькими болѣе или менѣе черепичатыми чешуйками съ очень неяснымъ килемъ, вдоль туловища проходятъ 21, въ рѣдкихъ случаяхъ 23 ряда подобныхъ же чешуекъ болѣе большого размѣра съ острымъ килемъ. Господствующая окраска такъ же переменчива, какъ и у прочихъ видовъ: большей частью она бываетъ желтовато-бурого цвѣта, но также бѣловато-сѣраго, у отдѣльныхъ экземпляровъ съ болѣе или меньшей примѣсью краснаго, у нѣкоторыхъ даже прекраснаго розовато-красноватаго цвѣта, дѣйствительно великолѣпнаго; рисунокъ состоитъ въ бурой зубчатой полосѣ, которая начинается на затылкѣ и идетъ черезъ все тѣло и хвостъ и состоитъ изъ продолговатыхъ ромбоидальныхъ пятенъ, соединяющихся между собою углами. Черныя полоски ограничиваютъ съ боковъ среднюю полосу, такъ что она еще ярче выступаетъ на общемъ фонѣ. Щитки нижней части тѣла желтоватаго цвѣта съ черными точками и крапинками. Смотря по окраскѣ фона и по болѣе или менѣе ясно выдѣляющейся зубчатой полосѣ, песчаная гадюка имѣетъ очень разнообразный видъ, но ее всегда легко узнать и опредѣлить по наросту на носу. Хвостъ на нижней сторонѣ у самаго конца принимаетъ яркій кирпично-красный цвѣтъ. Длина ея на нѣсколько сантиметровъ больше длины сходныхъ съ нею видовъ; однако экземпляры въ 95 см. составляютъ большую рѣдкость.

Песчаная гадюка живетъ въ Италіи, въ австрійскихъ Альпахъ, въ Истріи, Далмаціи, южной Венгріи и Семиградіи, на Греческомъ полуостровѣ и почти

всѣхъ греческихъ островахъ, въ Турціи, Сиріи, Малой Азійи и въ турецкой и русской Арменіи. Въ Каринтіи она, по словамъ Галленштейна, чаще всего встрѣчающаяся ядовитая змѣя, въ Крайнѣ и Истріи очень обыкновенное явленіе, въ Тиролю, по словамъ Гредлера, нерѣдко попадаетъ, хотя ограничивается незначительной областью распространенія; по близости Босніи, въ южной Венгріи и Далмаціи обыкновенна. Эффельдтъ нашелъ ее уже подъ Пресбургомъ и, начиная отсюда, находилъ вездѣ по направлению къ югу, особенно же часто вблизи Мехадіи; Эрберъ встрѣчалъ ее въ Далмаціи, Эргардъ въ виноградникахъ Цикладскихъ острововъ, Бори де Сентъ-Венсанъ и всѣ позднѣйшіе путешественники въ особенно большомъ

Песчаная гадюка. *Vipera ammodytes* $\frac{1}{2}$ наст. вел.

количествѣ въ Греціи. Въ Италиіи она распространена гораздо больше, чѣмъ обыкновенно полагаютъ, и сѣверу полуострова такъ же свойственна, какъ и югу.

Шрейберъ называетъ песчаную гадюку вполне ночнымъ животнымъ; днемъ ее встрѣчаютъ по большей части очень рѣдко даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ она принадлежитъ къ самымъ обыкновеннымъ змѣямъ. «Въ это время она еще охотнѣе вылѣзаетъ изъ своей норки послѣ теплаго грозового дождя, особенно если послѣ него тотчасъ же выглянетъ солнышко. Ночью же, наоборотъ, она правильнѣе выползаетъ, и тогда ее можно наблюдать на подходящихъ мѣстахъ, особенно въ лунныя ночи, какъ она ползаетъ часто во множествѣ и ищетъ добычи. Условія почвы, которыя выбираетъ эта змѣя для своего мѣстожительства, не вездѣ одинаковы; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ на примѣръ въ южныхъ Альпахъ, она водится исключительно въ известковыхъ горахъ и преимущественно на твердыхъ,

изрѣдка поросшихъ кустарникомъ мѣстахъ, тогда какъ на Балканскомъ полуостровѣ особенно часто попадаетъ въ виноградникахъ. Вообще въ совершенно плоской мѣстности она встрѣчается рѣдко, а несомнѣнно чаще въ холмистыхъ или гористыхъ мѣстахъ. Насколько высоко она поднимается въ вертикальномъ направлении, я точно не могу опредѣлить, но самъ я поймалъ песчаную гадюку въ южныхъ Альпахъ на высотѣ около 1145 м. надъ уровнемъ моря. Это животное, повидимому, довольно чувствительно къ холоду, потому что изъ всѣхъ змѣй, населяющихъ съ нею одну и ту же мѣстность, она послѣдняя появляется и обыкновенно раньше другихъ исчезаетъ. Пища, по всей вѣроятности, состоитъ исключительно изъ мышей».

Напротивъ того, Бедрыга замѣчаетъ, что по крайней мѣрѣ въ Греціи не приходится называть песчаную гадюку исключительно ночнымъ животнымъ. «Въ Греціи я встрѣчалъ ее», говоритъ онъ, «наоборотъ, постоянно въ полдень, когда она грѣлась на солнцѣ въ мѣстахъ, совершенно лишенныхъ зелени. Чтобы поймать ее, я долженъ былъ выбирать самые свѣтлые и теплые дни, потому что при этихъ условіяхъ она обыкновенно теряетъ всякій страхъ и свободно ожидаетъ врага, чтобы въ подходящий моментъ пустить въ ходъ свои страшные зубы».

Она живетъ въ одиночку, однако, по словамъ Эффельдта, встрѣчается парами еще иногда въ маѣ, то есть долгое время послѣ спариванья; она выбираетъ себѣ убѣжище подъ камнями или въ отверстіяхъ почвы, въ кустахъ, даже въ дѣсахъ и на открытыхъ поляхъ или на межахъ между ними, но особенно охотно поселяется въ виноградникахъ. По Гредлеру, въ Тиролѣ она появляется уже въ мартѣ и встрѣчается еще поздно осенью; на Цикладскихъ островахъ она почти не впадаетъ въ зимнюю спячку, но остается дѣятельной почти цѣлый годъ напролетъ. Эффельдтъ никогда не наблюдалъ ее въ полуденное время, но или раннимъ утромъ, или поздно вечеромъ; нашъ наблюдатель находилъ ее часто въ значительномъ числѣ даже на такихъ мѣстахъ, которыя напрасно обыскивалъ днемъ, когда въ теплые вечера, черезъ часъ послѣ захода солнца, онъ выходилъ искать змѣй съ фонаремъ въ рукахъ. «На мысль о подобнаго рода охотѣ», рассказывалъ онъ мнѣ, «я былъ наведенъ сообщеніемъ одного венгерскаго крестьянина, котораго я спрашивалъ объ этомъ животномъ и у котораго просилъ помощи. Днемъ, говорилъ мнѣ этотъ человекъ, будетъ трудненько собирать этихъ ядовитыхъ змѣй, но вечеромъ это не представитъ никакихъ затрудненій: надо только зажечь огонь; тогда ихъ приползетъ много, и можно будетъ наловить ихъ сколько угодно. Я послѣдовалъ этому совѣту въ тотъ же вечеръ, и результатъ подтвердилъ справедливость сообщенія, казавшагся мнѣ тогда мало вѣроятнымъ: мой охотникъ за змѣями и я поймали въ одну ночь 21 змѣю».

По наблюденіямъ Эрбера, наша змѣя питается мышами, птицами и ящерицами, притомъ умѣетъ очень хитро подстергать птичекъ и смертельно ранить простодушныхъ пернатыхъ пѣвцовъ часто во время пѣнія. «Съ жалобнымъ крикомъ поднимается птичка еще разъ на воздухъ, но тотчасъ же падаетъ на землю и умираетъ черезъ нѣсколько минутъ, послѣ чего змѣя съѣдаетъ ее».

О размноженіи песчаной гадюки не имѣется особыхъ наблюденій; но, изъ сообщеній Эффельдта и Эрбера, видно, что спариванье происходитъ приблизительно въ то же время, какъ и у гадюки, и дѣтеныши выводятся въ августѣ или въ сентябрѣ. Въ сентябрѣ одна самка, пойманная Эрберомъ, родила двухъ дѣтенышей, которые, къ сожалѣнію, оба появились на свѣтъ мертвыми, можетъ быть недоношенными, потому что они были еще въ яичной оболочкѣ.

Первые пойманныя песчаная гадюки, полученные Эффельдтомъ, были при-

сланы ему съ замѣчаніемъ, что они ни разу не принимали пищу въ клѣткѣ; но какъ разъ эти два экземпляра опровергнули подобное утверженіе, такъ какъ одна изъ нихъ, безъ дальнихъ разсужденій, схватила и проглотила брошенную ей мышь. Впослѣдствіи то же наблюденіе повторялось нѣсколько разъ; нѣкоторые экземпляры даже отличались просто-таки прожорливостью, отнимали кормъ у другихъ змѣй, а у слабѣйшихъ вырывали съ злобнымъ шипѣніемъ наполовину проглоченныхъ мышей изъ пасти и насыщались ими, тогда какъ тѣ оставались не при чемъ. Такъ какъ живыя мыши, которыми сначала кормили змѣй, иногда не сразу бывали убиты лѣзвивыми песчаными гадюками и грызли ящикъ, то Эффельдтъ сталъ бросать имъ только мертвыхъ мышей; но змѣи не пренебрегали и ими, и подъ конецъ такъ привыкли къ этому корму, что перестали пускать въ ходъ свое оружіе, когда схватывали мышь, безразлично мертвую или нѣтъ. Однажды Эффельдтъ оглушилъ мышь ударомъ и бросилъ ее песчанымъ гадюкамъ. Она была тотчасъ же схвачена и проглочена, но при этомъ очнулась и начала шевелиться и царапаться. Такъ какъ гадюка схватила ее сзади, то мышь старалась выкарабкаться и пробиралась впередъ, и гадюка должна была напрягать всѣ свои силы, чтобы возвращать ее назадъ. Черезъ нѣсколько времени змѣя рѣшилась наконецъ выплюнуть сопротивляющуюся добычу. Мышь была еще жива, но превратилась въ неузнаваемый комокъ, весь покрытый слюною; она еще билась нѣсколько минутъ и затѣмъ умерла. Но песчаная гадюка тоже оказалась больной и околѣла часа черезъ три, можетъ быть вслѣдствіе внутреннихъ поврежденій, причиненныхъ ей мышью.

По наблюденіямъ Эффельдта, песчаная гадюка отлично уживается съ другими змѣями, даже съ неядовитыми; вообще она сравнительно миролюбивое животное и, пока не разсержена, не обращаетъ вниманія на другихъ животныхъ, исключая мышей и птицъ. Она не такъ свирѣпо бросается на своего хозяина, какъ гадюка, мало по малу выучивается кое-чему до извѣстной степени, по крайней мѣрѣ ее можно приручить больше, чѣмъ гадюку, и поэтому она принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ ядовитымъ змѣямъ, которыя доставляютъ радость любителю.

«Въ сентябрѣ 1857 года», рассказываетъ Эрберъ, «я получилъ изъ Далмаціи двухъ песчаныхъ гадюкъ, а въ началѣ декабря еще третью. Пара изъ нихъ живетъ у меня до сихъ поръ (1863). Онѣ у меня не впадали въ зимнюю спячку, хотя я ставилъ ихъ въ прохладное мѣсто, но аккуратно каждую недѣлю съѣдали по одной мышѣ, которая никогда не жила больше 5 минутъ послѣ укушенія. Два раза я даже видѣлъ, какъ мышь, укушенная въ голову, падала съ жалобнымъ пискомъ и моментально умирала. Только на слѣдующій день или даже черезъ день послѣ этого змѣя проглатывала свою жертву, и, право, ей стоило немалого труда справиться съ животнымъ, успѣвшимъ сильно окоченѣть; часто ей удавалось это только послѣ трехъ или четырехъ бесплодныхъ попытокъ, но всегда она проглатывала свою добычу ночью; по крайней мѣрѣ я никогда не видѣлъ, чтобы она ѣла что-нибудь днемъ. Вообще ночь—это ея время: она тогда гораздо живѣе, чѣмъ днемъ. Ночью она слѣдитъ за каждымъ движеніемъ руки, между тѣмъ какъ днемъ лежитъ совершенно спокойно и особенно усердно ищетъ солнечной теплоты. Она пьетъ часто и охотно, относительно людей не особенно раздражительна, но относительно животныхъ—очень; напримѣръ, видъ собаки легко приводитъ ее въ бѣшенство, и она выказываетъ это тѣмъ, что сильно шипитъ и приподнимается. Она нелегко обращается въ бѣгство, но большей частью принимаетъ выжидательное положеніе, изъ котораго неохотно позволяетъ себя потревожить. Въ де-

кабрѣ 1857 года мнѣ принесли совершенно взрослую крысу, которая попала въ капканъ за заднюю ногу. Животное было чрезвычайно живое, и всѣми средствами старалось освободиться. Тогда я вынулъ изъ клѣтки песчаную гадюку-самца, положилъ ее на полъ и принесъ крысу поближе къ ней. Змѣя тотчасъ же приняла угрожающій видъ и укусила крысу при первомъ ея движеніи. Тогда я посадилъ змѣю назадъ въ ея помѣщеніе, а крысу выпустилъ въ кухню. Сначала она хотѣла спрятаться, но скоро добровольно вышла наружу, стала жадно искать чего то вокругъ и, казалось, совсѣмъ потеряла свой страхъ къ людямъ. Я налилъ ей немного воды, которую она выпила съ жадностью. Но черезъ нѣсколько минутъ она стала беспокоиться, ошестинилась, потомъ съезжилась и на нѣкоторое время оставалась спокойной, затѣмъ снова вытянулась, перекувырнулась и издохла съ продолжительнымъ визгомъ; со времени укушенія не прошло и четверти часа.

«Относительно дѣйствія укушенія на другихъ пресмыкающихся и земноводныхъ я получилъ до сихъ поръ слѣдующія свѣдѣнія. На обыкновенныхъ и клѣтчатыхъ ужей, мѣдянокъ и эскулаповыхъ змѣй укушеніе не производитъ никакого дѣйствія; у всѣхъ ящерицъ, наоборотъ, за укушеніемъ почти въ ту же минуту слѣдовалъ параличъ и скорая смерть. Не то съ жабами, которыя нѣсколько дней бываютъ больны, но затѣмъ снова поправляются и принимаютъ пищу. У тритоновъ, послѣ укушенія снова посаженныхъ въ воду, выказывается только одно явленіе, это то, что они глотаютъ воздухъ черезъ каждыя двѣ минуты, тогда какъ обыкновенно это случается черезъ промежутокъ времени въ 8—10 минутъ; но если ихъ держать въ сыромъ мхѣ, то они умираютъ черезъ нѣсколько минутъ. То же самое можно сказать и объ укушенныхъ саламандрахъ, которыя покрываются передъ смертью бѣлой пѣной. Отравленные животныя тотчасъ же послѣ смерти коченѣютъ.

«Что касается дѣйствія укушенія на человѣка, то я въ состояніи привести только одинъ случай, который, къ сожалѣнію, испытала на себѣ моя жена. Я предоставляю ей самой разказать объ этомъ происшествіи. «Во время отсутствія моего мужа я заботилась о кормленіи пойманныхъ пресмыкающихся и земноводныхъ и чистилъ ихъ клѣтокъ. Чтобы снабдить песчаныхъ гадюкъ свѣжей водою, я поставила три клѣтки на столъ, открыла одну изъ нихъ и посредствомъ длинныхъ щипцовъ поставила сосудъ съ водою опаснымъ животнымъ. Въ это время раздакъ звонокъ, и я пошла отворить дверь, но въ своей поспѣшности забыла затворить клѣтку со змѣями. Когда я снова вошла въ комнату, то увидѣла съ ужасомъ, что одна изъ песчаныхъ гадюкъ выползла наполовину изъ клѣтки. Страшно испуганная, я не знала, что дѣлать, и не догадалась вцѣхнуть опасное животное назадъ въ клѣтку съ помощью щипцовъ, но необдуманно схватила его рукою и бросила въ клѣтку. Это было дѣломъ одной минуты; но какъ ни быстро я это продѣлала, все же гадюка злобно поднялась и укусила меня въ лѣвую руку въ то время, какъ я хотѣла запереть клѣтку. Я такъ испугалась внезапнаго нападенія змѣи, что нѣсколько времени смотрѣла на свою рану совершенно растерянно. Но рана не представляла ничего замѣчательнаго, казалась совсѣмъ маленькой царапиной, какъ отъ иголки, и совсѣмъ не болѣла такъ что я успокоилась и сочла ее неопасной. Но это продолжалось недолго; я почувствовала головокруженіе и мнѣ сдѣлалось такъ нехорошо, что я принуждена была сѣсть; въ то же время я почувствовала сильное колотье въ укушенномъ мѣстѣ и только тогда замѣтила, что оно начало зеленѣть, а маленькая царапина въ серединѣ пятна стала укорачиваться. Такъ какъ боль дѣлалась все сильнѣе и сильнѣе, то я наконецъ увидѣла, что мнѣ осталось только одно — примѣнить одно изъ силь-

ныхъ средствъ, употребляемыхъ при укушеніи ядовитой змѣи, а именно вырѣзать, высосать или выжечь рану. Я схватила щипцами утюгъ, который какъ разъ стоялъ на огнѣ, и смѣло прижала его къ ранѣ. На укушенномъ мѣстѣ образовался большой темный пузырь, а вокругъ раны показалось много меньшихъ красноватыхъ пузырей. Напряжение кожи сдѣлалось скоро невыносимымъ, поэтому я разрѣзала пузырь. Оттуда пошла грязная, черноватая жидкость, которую я выдавила сколько могла, несмотря на сильную боль. Послѣ этого я тщательно перевязала рану, и черезъ 8 дней она совершенно зажила къ моей большой радости».

Изъ сообщеній Эргарда видно, что не всѣ случаи проходятъ такъ благополучно. «Греческимъ виноградарямъ, работающимъ обыкновенно босикомъ, особенно же дѣтямъ, песчаная гадюка нерѣдко приноситъ вредъ. Ея ядъ гораздо сильнѣе дѣйствуетъ, чѣмъ ядъ итальянской виперы, такъ что въ жаркое время года укушеніе ея можно считать прямо-таки смертельнымъ для дѣтскаго или вообще слабаго организма. Къ счастью, она очень лѣнива. Такъ какъ она никогда не нападаетъ первая, а кусаетъ только въ томъ случаѣ, если на нее случайно наступятъ, то ее можно было бы считать безвредной, если бы не истинно греческая небрежность, которая слишкомъ велика въ отношеніи этой змѣи, несмотря на внушаемый ею страхъ. Для примѣра я приведу случай съ однимъ пастухомъ, котораго нѣсколько лѣтъ тому назадъ песчаная гадюка укусила въ щеку, вслѣдствіе чего у него образовался родъ дикаго мяса, распространившагося на языкъ и твердое небо до небныхъ дугъ. Замѣчательно, что ежегодно въ тѣ дни мѣсяца, когда пастухъ былъ укушенъ, это мѣсто напухало, и его соотечественники считали эту болѣзнь проказой. Хотя онъ самъ отлично зналъ причину своей болѣзни, но былъ настолько неостороженъ, что былъ вторично укушенъ змѣей, вслѣдствіе чего едва не умеръ».

* * *

Тигъ-полонча, называемая португальскими колонистами **Кобра-Маниль** (*Vipera russelli*, *Coluber russelli*, *trinoculus*, *triseriatus*, *Vipera daboya*, *elegans*, *Echidna daboya*, *elegans*, *Daboia russelli*, *pulchella elegans*. *Kettenviper*. *Vipère de Russell*), можетъ считаться одною изъ самыхъ большихъ и самыхъ красивыхъ змѣй семейства гадюковыхъ, потому что длина ея достигаетъ до 1,15 м. Голова ея, сравнительно длинная и необыкновенно высокая, мало расширяется сзади, поэтому неясно отдѣляется отъ шеи; конецъ рыльца косо срубавъ сверху внизъ, рыльцевой щитокъ такъ же высокъ, какъ и широкъ. Глаза большіе, отдѣлены отъ надгубныхъ щитковъ 3—4-мя рядами чешуекъ. Ноздри необыкновенно велики, имѣютъ яйцевидную форму, расположены сбоку и окружены тремя щитками. Тѣло обыкновенное, хвостъ же короткій и тонкій. Голова покрыта маленькими, сильно килеватыми черепичатыми чешуйками, тѣло — мало отличающимися чешуйками большей величины, которыя расположены въ 27—31 продольныхъ ряда. На желто-бурой, сѣровато-бурой или красновато-бурой верхней части тѣла замѣчаются три продольныхъ ряда большихъ темно-бурыхъ или черныхъ колець, попеременно съ бѣлой или желтой каймой. Отдѣльныя кольца средняго ряда, въ которыхъ у молодыхъ экземпляровъ видны посрединѣ темныя красновато-бурыя пятна, нерѣдко соединяются между собою и образуютъ тогда цѣпь; каждый рядъ обращается на хвостъ въ продольную полосу. Голова украшена черными полосками, идущими по обѣимъ сторонамъ отъ глазъ къ угламъ рта, и кромѣ того большимъ стрѣлообразнымъ узоромъ, острымъ концомъ направленнымъ впередъ, который тянется со лба до обѣихъ сторонъ затылка. Нижнія части тѣла желтовато-бѣлыя, одноцвѣтныя или съ маленькими черными пятнышками. Подобно другимъ змѣямъ этого

семейства, различные экземпляры тикъ-половчи имѣютъ и различную окраску: поэтому сингалезцы раздѣляютъ ихъ на множество разновидностей и даютъ имъ различныя названія.

Область распространенія этой виверы обнимаетъ всю Остѣ-Индію отъ Бомбея до Бенгалии, включая сюда и Цейлонъ, также Бирму и Сіамъ. Въ Гиммалайскихъ горахъ она поднимается въ долину Кулу на 1430 фт. высоты, а въ долину Кашмира до 1715 м. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ она попадаетъ чрезвычайно часто, напримѣръ, какъ доказано, вблизи Мадраса, Рангуца и въ окрестностяхъ Шинглунута, въ горахъ Шеварой и въ Гиммалаяхъ. Поддѣламъ Теннента, уѣздный судья въ Тринкомале принужденъ былъ изъ за нея выѣхать изъ своей официальной квартиры. Одно изъ любимыхъ мѣстопробываній этой змѣи составляютъ изгороди изъ колючей смоквицы, которыя ее совершенно защищаютъ отъ всѣхъ враговъ; но она проникаетъ также и въ населенныя мѣста, напримѣръ ее ловили нѣсколько разъ въ ботаническомъ саду въ Калькутѣ. На мѣстахъ, лишенныхъ растительности она заползаетъ между свободно лежащими камнями или въ расщелины скалъ. Днемъ, подобно всѣмъ остальнымъ виверовымъ, она лежитъ передъ своей лазейкой или въ ней въ лѣнивомъ и сонномъ состояніи и, повидимому, въ высшей степени раздражается, если что-нибудь ее тревожитъ, по крайней мѣрѣ страшно шипитъ при приближеніи человѣка или животнаго; она не обращается въ бѣгство, но кусаетъ только въ томъ случаѣ, если на нее нападаютъ или разсердить ее какимъ нибудь образомъ. Трое собакъ одного остѣ-индскаго кофейнаго плантатора, по имени Дали, напали на одну изъ этихъ змѣй и всѣ три были укушены ею раньше, чѣмъ ихъ хозяинъ успѣлъ ее убить. Первая собака тотчасъ же издохла, вторая приблизительно черезъ два часа, а третья была больна нѣсколько мѣсяцевъ, однако поправилась. Шортъ, которому Дали рассказалъ это происшествіе, имѣлъ позднѣе случай наблюдать тикъ-половчу въ то время, какъ она защищалась. Одна дама возвращалась домой въ сумерки съ прогулки съ ребенкомъ на рукахъ и въ сопровожденіи молодого бульдога; она почти дошла уже до своего жилища, какъ вдругъ собака остановилась и начала свирѣпо лаять. Хотя дама ничего не видѣла, но у нея явилось подозрѣніе, и она позвала на помощь Шорта, бывшаго тогда въ ея домѣ. Когда Шортъ пришелъ на мѣсто, онъ увидѣлъ змѣю, лежавшую свернувшись посреди дороги, по которой пришла дама. Шея змѣи была по обыкновенію втянута, голову она держала въ горизонтальномъ положеніи и слѣдила горящими глазами за каждымъ движеніемъ собаки, отвѣчая на ея лай громкимъ шипѣніемъ; такимъ образомъ разсерженное и вмѣстѣ съ тѣмъ испуганное животное ждало подходящаго момента, чтобы смертельно укусить своего противника. Шортъ отозвалъ собаку, и какъ только бульдогъ отвернулъ свою голову отъ змѣи, она чрезвычайно быстро скрылась въ высокой травѣ около дороги.

Хотя въ Индіи ей приписываютъ меньшее число несчастныхъ случаевъ, происшедшихъ отъ укушенія змѣй, но индѣйцы боятся ее больше, чѣмъ очковую змѣю, безъ сомнѣнія, благодаря ея ночному образу жизни, изъ за котораго она кажется гораздо коварнѣе, нежели есть на самомъ дѣлѣ. Но весьма возможно, что она играетъ болѣе значительную роль, чѣмъ думаютъ, между неизвѣстными змѣями, отъ укушенія которыхъ ежегодно умираетъ такъ много людей, потому что она, подобно другимъ ядовитымъ змѣямъ, нерѣдко заползаетъ во внутренность домовъ и подъ утро даже располагается тамъ спать. Такъ, напримѣръ, одинъ другъ Теннента, хотѣвшій взять что-то изъ коробки, нашелъ тикъ-половчу, свернувшуюся въ ней. Сингалезцы утверждаютъ, что тикъ-половча и очковая змѣя живутъ въ постоянной враждѣ другъ съ другомъ, но что первая всегда является на-

падающей стороной. Это, вѣроятно невѣрное, мнѣніе вызвало поговорку: «Они ненавидятъ другъ друга, какъ очковая змѣя и тикъ-полонча». На Цейлонѣ народная молва объясняетъ злость послѣдней змѣи интереснымъ сказаніемъ. Разъ маленькій ребенокъ въ отсутствіи матери игралъ подлѣ чана съ водой. Къ нему приползла мучимая жаждой кобра и хотѣла напиться, но ребенокъ въ своемъ невѣдѣніи старался рученкой прогнать непрощенную гостью. Кобра напилась и ушла своей дорогой, не побезпокоивъ ребенка. Прежде чѣмъ она достигла своего жилища, ей попалась на встрѣчу тикъ-полонча и спросила, гдѣ она достала воды. Кобра, зная отлично подлость и злость этой змѣи, и боясь, чтобы та не причинила какого-нибудь вреда невинному ребенку, котораго сама она пощадилась, отказалась дать отвѣтъ, но въ концѣ концовъ все-таки рассказала ей все, подъ условіемъ, чтобы она не смѣла прикасаться къ ребенку. Тикъ-полонча обѣщала исполнить это, но, едва достигнувъ воды, бросилась на беззащитное созданіе и умертвила его.

Обыкновенная добыча, за которой охотится тикъ-полонча, состоитъ изъ маленькихъ позвоночныхъ животныхъ, мышей, крысъ, птичекъ, лягушекъ и жабъ. Въ желудкѣ одной изъ изслѣдованныхъ имъ змѣй Шортъ нашелъ птицу, у другой — полевою крысу, у третьей — огромную жабу. Охотникъ за змѣями, Фэйреръ, утверждалъ, что эта змѣя также идетъ въ воду; однако охотятся она, повидимому, исключительно на сушѣ.

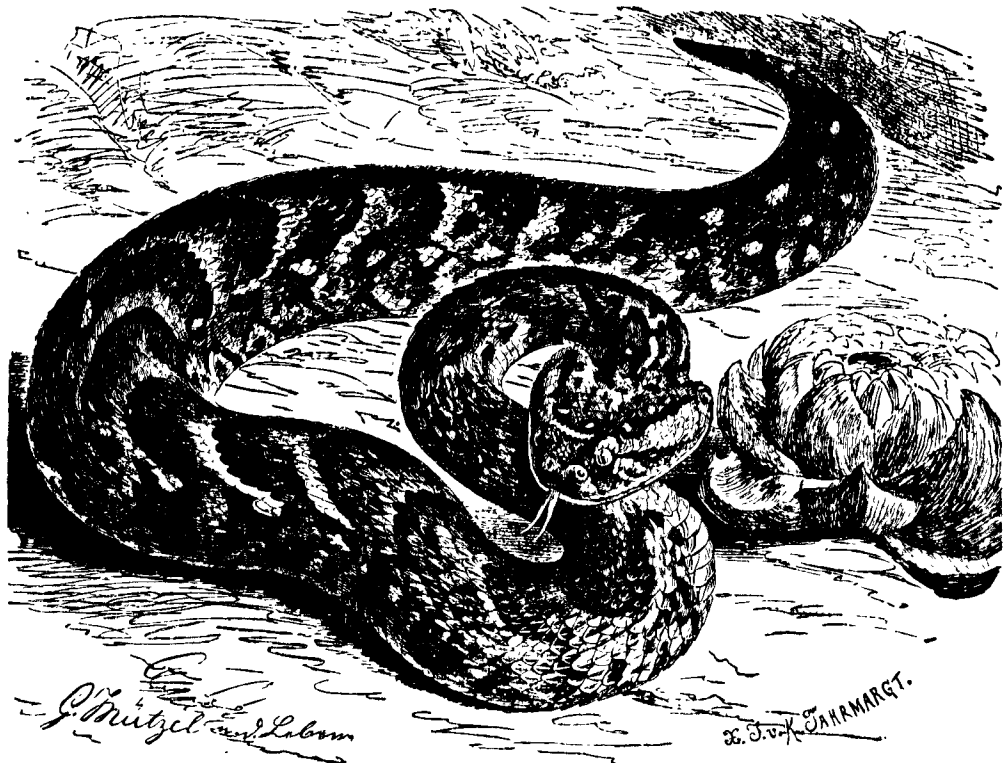
Вольфенденъ нашелъ въ ядѣ тикъ-полончи, такъ же, какъ и въ ядѣ очковой змѣи, три бѣлковыхъ тѣла, какъ носителей ядовитыхъ свойствъ: глобулинъ въ преобладающемъ количествѣ, небольшое количество сывороточнаго альбумина и родъ альбумозы. Относительно дѣйствія ея яда Руссель и Фэйреръ производили много опытовъ, изъ которыхъ слѣдуетъ, что тикъ-полонча, снабженная ужасными, большей частью двойными ядовитыми зубами, опаснѣе всѣхъ другихъ змѣй. У пожертвованной Русселемъ курицы, которую тикъ-полонча укусила въ крыло, тотчасъ же сдѣлались судороги, и она умерла черезъ 36 секундъ. Сильная собака, которая была укушена тотчасъ же послѣ этого тою же змѣей, втеченіе первыхъ 5 минутъ послѣ укушенія обнаруживала признаки отравленія и поднимала укушенный членъ; черезъ слѣдующія 5 минутъ она могла дѣлать это только съ большимъ трудомъ, а еще черезъ 5 минутъ совсѣмъ не могла имъ двигать. Она легла на землю, ужасно визжала, лизала рану, старалась встать, но безуспѣшно; тогда она снова начала лаять и выть, дышала все тяжелѣе, судорожно сжимала челюсти, попеременно впадала то въ оцѣпенѣніе, то въ судороги и издохла черезъ 26 минутъ послѣ укушенія. Одинъ кроликъ былъ отравленъ змѣей, которая передъ нимъ укусила уже четырехъ другихъ животныхъ, и умеръ черезъ часъ послѣ этого; второй кроликъ, бывшій шестой жертвой, — по прошествіи 6 минутъ. Одна лошадь, укушенная въ носъ, два дня ужасно страдала, на третій день обнаружилось улучшеніе, а на пятый она выздоровѣла. Куры, употребляемыя Фэйреромъ для опытовъ, умирали въ промежуткѣ времени отъ 35 секундъ до нѣсколькихъ минутъ, собаки — отъ 7 минутъ до нѣсколькихъ часовъ, кошки черезъ 75 минутъ, лошади черезъ 11¹/₂ часовъ. Не всѣ случаи оканчивались смертью; кровь умершихъ животныхъ была всегда жидкая. Слабые или глубоко укушенные люди никогда не остаются въ живыхъ, менѣе тяжело раненые иногда выживаютъ.

Какъ на замѣчательное явленіе, Шортъ указываетъ на нѣжность этой большой и ужасной змѣи. Легкій ударъ убиваетъ ее почти всегда; Шортъ былъ наученъ собственнымъ опытомъ, что она умираетъ не менѣе скоро, если ей надѣть петлю на шею и понести такимъ образомъ или просто поднять съ земли. Наоборотъ, долгое голоданіе она способна переносить безъ вреда для себя и безъ видимаго ущерба

въ силѣ и ядовитости: одна змѣя, пойманная Фэйреромъ, упорно отказывалась отъ пищи и питья, но, несмотря на это, жила цѣлый годъ, до конца своей жизни злилась и кусалась и умерла наконецъ. внезапно въ школѣ живописи, гдѣ ее хотѣли срисовать.

* *
*

Одна изъ самыхъ большихъ, опасныхъ и извѣстныхъ змѣй жаркаго и умѣреннаго пояса Африки это Капская гадюка (*Vipera arietans*, *Coluber lachesis*, *clotho*, *bitis*, *intumescens*, *Vipera inflata*, *brachyura*, *Echidna arietans*, *Clotho arietans*, *lateristriga*. *Puffotter*. *Vipère du Cap*.). Самую большую капскую гадюку изъ всѣхъ, попадавшихся до тѣхъ поръ въ коллекціи, я самъ держалъ у себя и измѣ-

Капская гадюка. *Vipera arietans*. 1/5 наст. вел.

рилъ ее послѣ ея смерти: она была длиною въ 1,47 м. Бэкеръ увѣряетъ, что онъ убилъ и измѣрилъ еще большую капскую гадюку, длиною въ 1,63 м.: этой мѣрой можно обозначить крайній предѣлъ величины, которой можетъ достигнуть змѣя этого вида. Это единственная гадюка, у которой сравнительно маленькія ноздри лежатъ наверху рыльца за его кончикомъ и направлены вверхъ; она отличается отъ своихъ ближайшихъ родственницъ верхненосовыми щитками съ простыми килемъ, покрытыми такъ же скудно, какъ и надглазничная область чешуйками, шипами или пучками шиповъ, расположенными на подобіе роговъ. Это не клевета, если на нее указываютъ какъ на одну изъ самыхъ красивыхъ змѣй; но это относится къ формѣ ея тѣла, а не къ его окраскѣ. «Тотъ», говоритъ Гюнтеръ, «кто назвалъ viperовыхъ жабами между змѣями, разумѣется правъ, если взялъ за образецъ капскую гадюку». Въ самомъ дѣлѣ ее можно сравнить съ жабой, эту пу-

чеглазую змѣю съ плоской и широкой головой, съ неграціозно толстымъ тѣломъ. Ея голова, представляющая почти трехугольникъ или вѣрнѣе разносторонній четырехугольникъ, неуклюже закруглена на концѣ рыльца и очень рѣзко отдѣлена отъ шеи, которая отнюдь не отличается стройностью, а, наоборотъ, также толста; туловище же, быстро расширяющееся отъ самой шеи, безъ всякой мѣры утолщено и расширено, такъ какъ его разрѣзъ представляетъ плоскій, закругленный на углахъ, трехугольникъ, самую широкую сторону котораго; основаніе, составляетъ брюхо; наконецъ безъ замѣтной границы туловище переходитъ въ хвостъ, который можно сравнить съ тупымъ конусомъ, приплюснутымъ на одномъ мѣстѣ боковой поверхности, на нижней сторонѣ тѣла. Голова и туловище покрыты одинаковой формы гилеватыми черепичатыми чешуйками, различающимися только величиной, которыя располагаются на туловищѣ въ 31—33 продольныхъ ряда, а между глазами и верхнегубными щитками образуютъ 3 или 4 ряда. Окраска и узоръ до извѣстной степени измѣняются у различныхъ экземпляровъ, но не особенно рѣзко, если принять во вниманіе, что, подобно всѣмъ другимъ змѣямъ, капская гадюка тотчасъ послѣ линянія является съ гораздо болѣе яркой окраской, такъ что иногда можно имѣть поползновение причислить одинъ и тотъ же экземпляръ до и послѣ линянія къ двумъ различнымъ разновидностямъ. Тотчасъ послѣ линянія фонъ всего тѣла имѣетъ яркій песочно-желтый цвѣтъ, который до слѣдующаго линянія болѣе или менѣе темнѣетъ и передъ самымъ обновленіемъ животнаго можетъ дойти до грязнаго сѣровато-коричневаго цвѣта. Надъ передней частью морды черезъ глаза идетъ поперечная полоса темно-коричневаго или черноватаго цвѣта, спереди со свѣтлою каймой; непосредственно къ ней, занимая все пространство между глазами, примыкаетъ основаніе лирообразнаго свѣтлаго узора, который, мягко изгибаясь, идетъ отъ глазъ черезъ височную область, затѣмъ поворачиваетъ съ каждой стороны внизъ къ углу рта, а между вѣтвями лиры заключается темное пространство. На шеѣ начинается въ три ряда узоръ, составленный изъ угловъ, которые въ среднемъ ряду обращены вершиной назадъ, а въ боковыхъ рядахъ открываются внизъ. Между этими рисунками находятся полоски и пятна самой разнообразной формы. Углообразные рисунки обыкновенно окрашены въ яркій желтый или желтовато-бѣлый цвѣтъ и всегда съ обѣихъ сторонъ окаймлены чернымъ, а такъ какъ пятна окружены такой же каймой, и эти каймы иногда бываютъ шире, чѣмъ сами полоски, то отсюда возникаютъ всевозможныя разновидности. На самомъ дѣлѣ всѣ эти отличія незначительны и во всякомъ случаѣ если признать, что врядъ ли найдутся двѣ капскія гадюки съ одинаковыми окраской и рисункомъ, то надо прибавить, что существенные признаки цвѣта и узора у всѣхъ одинаковы.

Капская гадюка живетъ во всей Африкѣ, начиная съ 17-го градуса сѣверной широты, переходя за эту параллель на сѣверъ только въ южномъ Марокко; къ югу материка она опять-таки рѣже встрѣчается. На западномъ берегу она обыкновенна, на юго-востоки нигдѣ не представляетъ рѣдкаго явленія, въ серединѣ материка распространена повсюду на подходящихъ мѣстахъ.

Эта viperа заслужила свое нѣмецкое названіе «Puffotter» вслѣдствіе громкаго шипѣнія, которое она испускаетъ, если ее обезпokoятъ или, что то-же, разсердятъ. Въ такомъ случаѣ она такъ сильно надувается, что ея тѣло дѣлается вдвое толще. Бурчель имѣлъ поэтому поводъ дать ей названіе *Vipera inflata*. При этомъ она поднимаетъ голову приблизительно на 30 см. отъ земли, горящими глазами слѣдитъ за каждымъ движеніемъ приближающагося противника и выжидаетъ благоприятнаго момента, чтобы броситься на него. Рись увѣряетъ, что въ

гнѣвъ ея голова не только расширяется, какъ это бываетъ и у другихъ змѣй, но въ то же время измѣняетъ цвѣтъ и отливаешь то голубымъ, то голубовато-краснымъ; но это сообщеніе неправдоподобно и по крайней мѣрѣ не относится къ пойманнмъ капскимъ гадюкамъ, въ чемъ я могъ убѣдиться путемъ собственныхъ продолжительныхъ наблюденій.

О жизни капской гадюки на свободѣ мало извѣстно, можетъ быть мало чего и можно сообщить. Только отъ Фритша я получилъ жизнеописаніе этой змѣи. «Въ южной Африкѣ», такъ пишетъ мнѣ этотъ путешественникъ, «собственно въ Капской землѣ капская гадюка встрѣчается рѣдко; но тѣмъ чаще она попадаетъ въ восточныхъ провинціяхъ, а чаще всего въ голландскихъ республикахъ или дальше внутри страны. Она отличается своею лѣнью, движется чрезвычайно медленно и только когда кусаетъ, то съ быстротою молніи устремляется на свою добычу, причеиъ она болѣе или менѣе вращается около своей оси. Люди увѣряютъ, будто она можетъ подпрыгнуть такъ высоко отъ земли, что въ состояніи достать всадника на лошади. Днемъ она обыкновенно смирно лежитъ, спрятавшись въ кустарникъ или въ травѣ, ночью же выползаетъ и для ловли мышей часто приближается къ жилищамъ, гдѣ рѣдко приноситъ вредъ. Одна женщина въ Трансваальской республикѣ, выходя изъ дому, наступила въ темнотѣ на капскую гадюку, лежавшую передъ дверью, была ею укушена и умерла на слѣдующій день. Эта змѣя еще опаснѣе для пасущагося мелкаго скота или для охотничьихъ собакъ, потому что подъ прикрытіемъ кустовъ она всегда обороняется. Одинъ господинъ въ Блэнфонтенѣ изъ за нея лишился одновременно двухъ своихъ собакъ, изъ которыхъ одна умерла черезъ 10 минутъ, а другая черезъ нѣсколько часовъ послѣ укушенія.

«Одинъ наблюдатель, вполне достойный довѣрія, пошелъ гулять въ лѣсъ, какъ онъ самъ рассказывалъ мнѣ, и, къ своему великому удивленію, замѣтилъ на небольшомъ разстояніи отъ себя большую южно-африканскую полевою мышъ, которая точно приросла къ мѣсту. Когда онъ посмотрѣлъ, что за причина удерживаетъ пугливаго звѣрка обратиться отъ него въ бѣгство, то замѣтилъ совсѣмъ близко отъ себя большую капскую гадюку, которая назначила себѣ эту мышъ въ добычу и не спускала съ нея глазъ. Черезъ нѣсколько времени змѣя вдругъ бросилась на мышъ, схватила ее и исчезла вмѣстѣ съ нею въ находившейся рядомъ дырѣ, прежде чѣмъ изумленный свидѣтель этой сцены успѣлъ пустить въ дѣло свою палку. Вѣроятно змѣя видѣла своего врага, но ей не хотѣлось упустить добычу, потому она и утащила ее съ собою, вмѣсто того, чтобы укусить ее и ожидать смерти отъ укушенія. Последній актъ маленькой трагедіи прошелъ очень быстро, и капская гадюка, вообще лѣнивая, произвела цѣлый рядъ быстрыхъ движеній, чтобы достигнуть своей цѣли. Подобная подвижность этого животнаго составляетъ, впрочемъ, рѣдкое исключеніе. Я самъ разъ въ землѣ Бечуановъ пролежалъ болѣе получаса рядомъ съ полу-взрослой капской гадюкой, свернувшейся въ высокой травѣ, и она даже не пошевелилась. Когда я хотѣлъ подвинуться немного дальше, чтобы спрятаться отъ солнца, то замѣтилъ змѣю какъ разъ въ тотъ моментъ, когда намѣревался опереться на нее локтемъ. Я осторожно поднялся съ земли, чтобы взять свой хлыстикъ, толщиною въ дюймъ, а змѣя попрежнему лежала неподвижно. Сильный нанесенный ей ударъ сдѣлалъ ее навсегда безвредной».

Съ этимъ описаніемъ согласуются и другія сообщенія, до сихъ поръ еще очень скудныя. Андерсонъ рассказываетъ, что быка, на которомъ онъ ѣздилъ верхомъ, разъ чуть было не укусила такая змѣя, лежавшая, вытянувшись, поперекъ дороги; она не тронулась съ мѣста, хотя быкъ почти наступилъ на нее. Другой

разъ жена одного слуги этого путешественника нашла это отвратительное животное, повидимому спящее, въ складкахъ своего кожаного передника.

Относительно питанія и вѣроятно также и размноженія капская гадюка, повидимому, существенно не отличается отъ другихъ гадюкъ. Ея добыча также состоитъ изъ всевозможной мелкой дичи, вѣроятно преимущественно крысъ, мышей, сусликовъ и тому подобныхъ грызуновъ, изрѣдка также и изъ птички, необдуманно приблизившейся къ опасному животному. Я не думаю, чтобы она ѣла другихъ змѣй и вообще пресмыкающихся и земноводныхъ: противъ этого говорить ея отношеніе къ этимъ животнымъ въ клѣткѣ.

Между тѣмъ Нольте сообщаетъ, что въ три часа пополудни въ солнечный октябрьскій день у порта Елисаветы онъ убилъ ударомъ по головѣ одну капскую гадюку, которая только что намѣревалась переплыть маленькій ручеекъ, шириною въ 3 м. «Отличаясь этимъ отъ своихъ родственницъ Стараго Свѣта, она, повидимому, хорошо плаваетъ, на что указываетъ также положеніе ея ноздрей наверху морды. Я также слышалъ, что главная ея пища состоитъ изъ лягушекъ. При внимательномъ осмотрѣ убитаго животнаго, я замѣтилъ, что оно покрыто множествомъ мелкихъ бурыхъ клещей». Гессе пишетъ, что на нижнемъ Конго около Бананы она особенно охотно держится на песчаной почвѣ. «Въ Бананѣ она встрѣчается даже на населенныхъ мѣстахъ голландскихъ факторій; одинъ экземпляръ былъ убитъ очень близко отъ моего жилища. У этого животнаго нашли въ желудкѣ двухъ крысъ, и, по моимъ наблюденіямъ, эти грызуны составляютъ ея главную пищу».

Разсказываютъ, что бушмены ее усердно преслѣдуютъ, чтобы получить ядъ для отравленія своихъ стрѣлъ. Говорятъ, что при ловлѣ этой гадюки они выказываютъ много мужества и ловкости, приближаются осторожно къ лежащей змѣѣ, быстро становятся ногой ей на затылокъ, такимъ образомъ ее крѣпко прижимаютъ къ землѣ и быстрымъ ударомъ ножа отрѣзаютъ ей голову, затѣмъ они выжимаютъ жидкость изъ ядовитыхъ железъ и смѣшиваютъ ее съ липкимъ сокомъ одного растенія, для того, чтобы ядъ лучше приставалъ къ кончику стрѣлы. Впрочемъ, за вѣрность этого разсказа я не ручаюсь.

Капская гадюка, приведенная въ ярость, имѣетъ очень страшный видъ. «Однажды», разсказываетъ Драйсонъ, «я видалъ самку этого вида въ сильной ярости. Нѣсколько каффровъ выгнали ее вмѣстѣ съ дѣтенышами изъ подъ поваленнаго дерева, и змѣя очевидно имѣла намѣреніе защищаться. Каффры рѣшили уничтожить все семейство, но боялись ближе подойти къ страшному животному. Случайно я подошелъ въ это время къ недоумѣвающимъ людямъ и сталъ распорядиться нападеніемъ: я велѣлъ притащить большіе камни и приказалъ кидать ихъ на змѣй, которыя скоро всѣ были убиты. Тогда всю семью положили на костеръ и тутъ же сожгли, чтобы босонogie каффры не могли ранить себя, нечаянно наступивъ на голову убитой змѣи, такъ какъ ядъ ея дѣйствуетъ очень долго постѣ смерти». Драйсонъ обращаетъ вниманіе на то, что въ южной Африкѣ, гдѣ такъ много ядовитыхъ змѣй, очень рѣдко слышишь о несчастномъ случаѣ, происшедшемъ отъ укушенія этихъ животныхъ, и объясняетъ это обстоятельство тѣмъ, что змѣи боятся людей и избѣгаютъ ихъ.

Капская гадюка принадлежитъ къ числу тѣхъ гадюкъ, которыя въ неволѣ довольно легко принимаютъ пищу, что, вѣроятно, происходитъ оттого, что потребности ея довольно легко удовлетворимы. Ей нужна теплая клѣтка, полъ которой посыпанъ пескомъ или мелкими камешками; если въ подобную клѣтку ей бросить добычу, то она рѣдко задумывается ее тотчасъ же схватить. Поэтому ее

встрѣчаешь почти во всѣхъ зоологическихъ садахъ, гдѣ держатъ змѣй. Поимка ея, несмотря на страшно ядовитые зубы, не представляетъ большихъ затрудненій: туземцы нерѣдко хватаютъ ее просто руками за затылокъ или сначала прижимаютъ ее къ землѣ вѣткой съ развилкой. Перевозка ея такъ же легка, какъ и другихъ змѣй, такъ какъ она выдерживаетъ путешествіе въ цѣлый мѣсяцъ безъ всякаго корма. Я самъ воспитывалъ нѣсколько лѣтъ сряду двухъ капскихъ гадюкъ, и въ это время имѣлъ возможность ихъ внимательно наблюдать. Оба животныхъ долго жили у Эффельдта и имъ были приучены къ неволѣ, но не было замѣтно, чтобы они сдѣлались ручными. Какъ только приближались къ ихъ клѣткѣ, то гадюки тотчасъ же выказывали свойственную ядовитымъ змѣямъ простъ фырканьемъ и шипѣньемъ, однако впоследствии онѣ не кусали подходившихъ къ нимъ людей, какъ это онѣ дѣлали вначалѣ; ихъ не слѣдовало только трогать и беспокоить. Трудно описать словами ихъ необыкновенную неподвижность днемъ: гдѣ капская гадюка улеглась угромъ, тамъ она непремѣнно останется лежать до самаго вечера, предаваясь, повидимому, сну; ее очень трудно заставить пошевелиться, и если это дѣлать насильственно, то она приходитъ въ сильную ярость. Гюнтеръ рассказываетъ, что онъ однажды разсматривалъ на кораблѣ только что привезенныхъ и недавно пойманныхъ змѣй, причемъ пришлось открывать ихъ ящики. Ящикъ, гдѣ была очковая змѣя, нужно было закрыть тотчасъ-же, такъ какъ животное моментально приготовилось къ нападению; другой ящикъ, гдѣ было отъ 20 до 30 капскихъ гадюкъ, можно было открыть совершенно спокойно, такъ какъ змѣи не пробовали уйти и не кусались, несмотря на то, что Гюнтеръ ихъ вынималъ изъ ящика палкой. Я могу подтвердить эти наблюденія тѣмъ, что и мои капскія гадюки не обнаруживали расположенія кусаться: онѣ очень сердились, когда ихъ беспокоили, но и при этомъ старались оставаться въ прежнемъ положеніи, такъ что изъ всѣхъ ядовитыхъ змѣй онѣ могутъ быть названы самыми лѣнливыми. Безъ крайней нужды онѣ никогда днемъ не шевелятся, и если это случается, то дѣлаютъ это очень неохотно. Ночью же онѣ тихо, но довольно продолжительно ползаютъ по клѣткѣ, что видно изъ того, что въ одну ночь гладко выравниваютъ только что насыпанный песокъ. Днемъ онѣ вовсе не заботятся объ окружающемъ и не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на змѣй въ сосѣднихъ клѣткахъ и на зрителей. Гремучая змѣя послѣ многихъ лѣтъ неволи начинаетъ шуршать хвостомъ, какъ только человекъ входитъ въ комнату, гдѣ стоитъ ея клѣтка, между тѣмъ какъ капская гадюка начинаетъ шевелиться только тогда, когда ее сильнымъ образомъ разсердятъ. Лѣнность ихъ лучше всего замѣтна, когда имъ днемъ посадятъ въ клѣтку животныхъ, служащихъ имъ пищею. Въ такомъ случаѣ эти гадюки вовсе не похожи на африканскихъ змѣй, «которыя кусаютъ каждое животное безъ всякаго повода»; капская же гадюка нападаетъ на брошенныхъ въ клѣтку животныхъ обыкновенно только тогда, когда очень голодна. Если она накануне поѣла, то положительно позволяетъ кроликамъ съ собой играть и все-таки не пользуется своимъ страшнымъ оружіемъ. Ея умѣренность въ пищѣ почти такъ же значительна, какъ ея лѣнность; иногда проходятъ двѣ—три недѣли, пока эта гадюка рѣшается проглотить добычу и, если она иногда ночью убиваетъ маленькое млекопитающее, находящееся въ ея клѣткѣ, то это, вѣроятно, вызывается тѣмъ, что оно нарушило ея покой. Однако, когда она очень голодна, то тотчасъ же бросается на добычу и сейчасъ же приступаетъ къ проглатыванью ея.

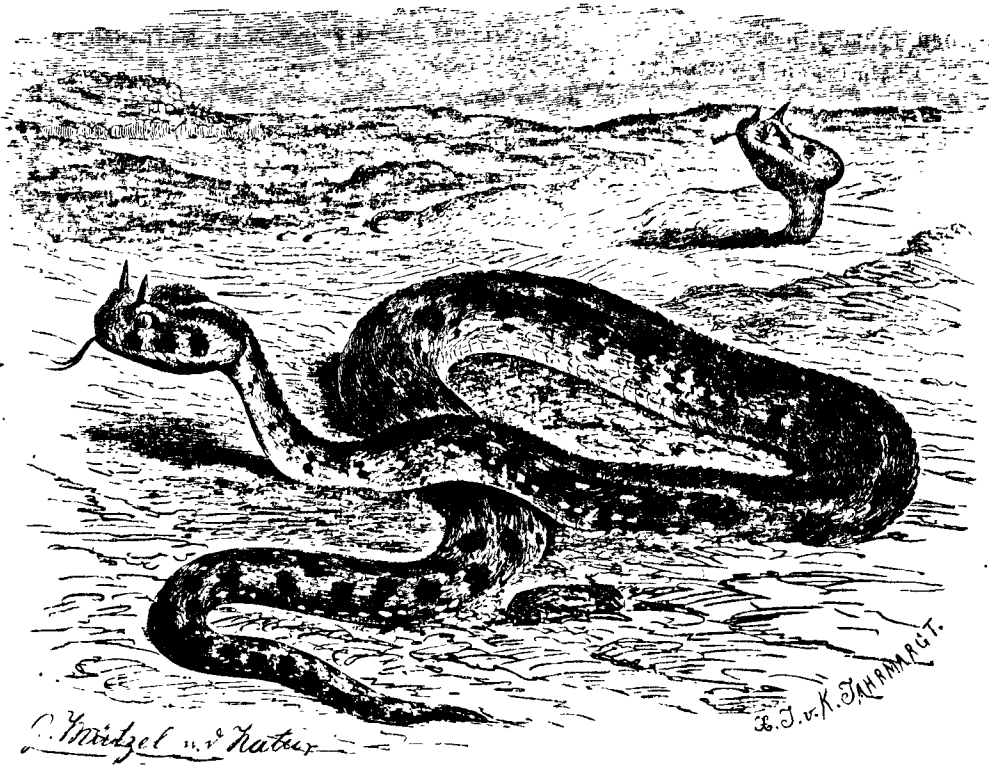
Вслѣдствіе этой лѣнности и умѣренности кормленіе капской гадюки представляетъ собою очень занимательное зрѣлище. Кроликъ или морская свинка, предлагаемые въ пищу этой змѣѣ, не имѣютъ никакого понятія о грозящей имъ опас-

ности. У млекопитающего вовсе не замѣтно предупреждающаго инстинкта, и оно съ любопытствомъ приближается къ змѣѣ, что вполне понятно, такъ какъ оно никогда не видало ничего подобнаго. Кроликъ обнюхиваетъ своего врага, но еще не знаетъ, что онъ можетъ ему повредить. Змѣя поднимаетъ свою трехугольную голову, выгибаетъ шею назадъ и принимаетъ угрожающую, но очень красивую позу для нападенія; кроликъ все-таки ничего не замѣчаетъ, опять обнюхиваетъ, дѣлается смѣлѣе и приближается къ головѣ змѣи. Гадюка высовываетъ языкъ, который приходится въ соприкосновеніе съ усами кролика, но этотъ послѣдній и теперь не замѣчаетъ опасности: онъ какъ будто очарованъ и удивленъ созерцаніемъ столь необыкновеннаго существа. Змѣя приходитъ въ замѣтное волненіе, начинаетъ сильно дышать, такъ что тѣло ея то подымается, то опускается, то расширяется, то суживается; она не шипитъ, но явственно сопить, какъ бы предупреждая кролика, но и это предупрежденіе напрасно: грызунъ не обращаетъ ни на что вниманія. Змѣя опускаетъ голову, чтобы принять другое положеніе; она вытягивается, сотни реберъ начинаютъ передвигаться, и она медленно уползаетъ; кроликъ удивленъ; онъ прыгаетъ въ сторону, внимательно осматриваетъ ползущую змѣю, наостряетъ уши, ворочаетъ усами во всѣ стороны и снова успокаивается. Змѣя снова лежитъ неподвижно, кроликъ опять къ ней приближается, гадюка приподнимаетъ голову, ощупываетъ жертву языкомъ, однимъ словомъ все происходитъ какъ въ первый разъ. Кроликъ вытягивается на мягкомъ пескѣ и даже начинаетъ грызть брошенную ему морковку; ему очевидно нравится въ клѣткѣ, онъ дѣлается смѣлѣе и начинаетъ прыгать, причѣмъ даже задѣваетъ змѣю лапами. Она, наконецъ, приходитъ въ ярость отъ этой дерзости, быстро приподнимается и начинаетъ громко шипѣть. Кроликъ опять озадаченъ, оглядываетъ и обнюхиваетъ врага, но все же не догадывается объ опасности; это можетъ продолжаться втеченіе нѣсколькихъ часовъ, причѣмъ кроликъ дѣлается все смѣлѣе, а змѣя оживляется, наконецъ чувствуетъ, что она голодна, и рѣшительно ползетъ къ жертвѣ. Кроликъ ее спокойно ожидаетъ, какъ и прежде. Змѣя высоко приподымаетъ голову, шея суживается, ядовитыя железки сильно выпячиваются по сторонамъ головы, раздвоенный языкъ еще разъ ощупываетъ кролика и голова съ быстротою молніи сначала отбдывается назадъ, а затѣмъ двигается впередъ, пасть широко раскрывается, длинные ядовитые зубы выставляются изъ чехловъ и глубоко вонзаются въ тѣло жертвы. Кроликъ еще разъ вскрикиваетъ, но смертельный ударъ нанесенъ. Гадюка вытягивается на землѣ, внимательно смотритъ на жертву и ждетъ ея смерти: только небольшое движеніе кончикомъ хвоста указываетъ на ея нетерпѣніе. Кроликъ дѣлаетъ еще нѣсколько прыжковъ, но затѣмъ присѣдаетъ на лапкахъ, уши его опускаются, вѣки закрываются; онъ встряхиваетъ одинъ или два раза головой, а затѣмъ теряетъ сознаніе. Онъ тихонько падаетъ на бокъ, лежитъ спокойно втеченіе 10—20, а въ крайнемъ случаѣ 100 секундъ, затѣмъ судорожно вздрагиваетъ и падаетъ мертвымъ. Адская жидкость свершила свое дѣло.

* * *

Кромѣ асида ни одна змѣя не была столь извѣстна древнимъ, какъ египетская рогатая гадюка (*Cerastes*), представительница рода **Рогачей**. Она отличается маленькими полудлунными ноздрями, расположенными по сторонамъ у края морды, часто, но не всегда, встрѣчающимися рожками надъ глазами, наклонными рядами чешуекъ по сторонамъ тѣла и короткими, на концѣ вздутыми отростками, не достигающими до конца чешуекъ. Рогачей извѣстно всего два вида, которые оба встрѣчаются въ сѣверной Африкѣ.

Рогатая гадюка (*Cerastes cornutus*, *Coluber cerastes*, *cornutus*, *Echidna cerastes*, *Vipera cerastes*, *Cerastes aegyptiacus*, *hasselquisti*, *Hornvipera*, *Ceraste*) достигает длины 60—65 см. и сразу замѣтно, что это дитя пустыни, такъ какъ тѣло ея окрашено подъ цвѣтъ песка. Основнымъ цвѣтомъ служитъ ярко буровато-желтый, на которомъ замѣтны то округленные, то почти четырехугольные, иногда ясно очерченные, иногда неявно выступающія поперечныя пятна темно-бурого или красно-бурого цвѣта; они располагаются въ шесть продольныхъ рядовъ и уменьшаются въ величинѣ отъ середины къ бокамъ. Подъ глазами проходитъ темно-бурая полоска, а на срединѣ головы замѣчается свѣтлая желтовато-бурая полоса, которая на затылкѣ раздѣляется на двѣ и соединяется съ двумя другими такими

Рогатая гадюка. *Cerastes cornutus* $\frac{1}{2}$ наст. вел.

же полосками, идущими отъ подбородка. Чешуйки, окружающія ротъ, свѣтло песчано-желтаго цвѣта, а щитки нижней части тѣла свѣтло-желтые или бѣлые. Число чешуекъ одного пояса кругомъ тѣла бываетъ 29—33; на спинѣ онѣ расположены другъ къ другу вертикально, а по бокамъ принимаютъ косвенное направление; заднепроходный щитокъ не раздѣленъ, а хвостовые щитки раздѣлены на два.

Изображеніе рогача встрѣчается въ іероглифахъ древнихъ египтянъ, такъ какъ первоначальное его названіе «Фи» впоследствии употреблялось для изображенія буквы ф. Геродотъ упоминаетъ объ этой змѣѣ и говоритъ, что она живетъ около Оивъ, имѣетъ два рога на головѣ и неопасна для людей; кромѣ того онъ замѣчаетъ, что ее считаютъ священной, но не объясняетъ почему. Прочіе древніе писатели лишь описываютъ ея наружность.

Рогатая гадюка распространена по всей сѣверной Африкѣ, за исключеніемъ Марокко, а также въ каменистой и счастливой Аравіи; она встрѣчается и южнѣе

пояса пустынь, напирѣвъ ея находятъ въ Восточномъ Суданѣ и, по моимъ собственнымъ наблюденіямъ, въ степяхъ Кордофана, гдѣ она встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ это желательно путешественнику. «Африка», говоритъ Геснеръ, «полна этими змѣями; особенно ихъ много въ песчаныхъ пустыняхъ и бесплодныхъ мѣстахъ Либіи, гдѣ этихъ рогатыхъ змѣй большое множество. Существуетъ сказаніе, что прежде ихъ было очень много въ Египтѣ; онѣ тамъ заняли значительную часть страны и сдѣлали ея пустынною, такъ какъ никто не могъ тамъ жить. Онѣ обыкновенно живутъ въ песчаныхъ мѣстахъ подъ пескомъ, или лежатъ въ норкахъ около дорогъ, откуда имъ легко нападать на проходящихъ. Хотя рогатая гадюка очень ядовита и задорна, однако ни одна змѣя не можетъ такъ долго оставаться живою безъ питья, какъ эта змѣя и обыкновенная гадюка. Она, какъ и обыкновенная гадюка, рождаетъ живыхъ дѣтенышей, поэтому нельзя отличать обыкновенныхъ гадюкъ отъ другихъ змѣй тѣмъ, что будто онѣ однѣ рожаютъ живыхъ дѣтенышей. Она ползаетъ недурно, но со многими поворотами и изгибами, причемъ сильно шумитъ и свиститъ, точно корабль, несомый волнами и бросаемый вѣтромъ туда и сюда. Она очень усердно охотится за птицами, прячетъ туловище подъ песокъ и приманиваетъ птицъ рогами, которые одни торчатъ надъ поверхностью земли; тогда она быстро схватываетъ добычу и убиваетъ ее. Эти змѣи не выказываютъ никакой любви и дружбы жителямъ Либіи, но ненавидятъ ихъ и желаютъ имъ вреда. Псилламъ же, напротивъ, онѣ не вредятъ, и ихъ укушеніе для нихъ неопасно и неболно, такъ что эти люди прогоняютъ ихъ голыми руками не только отъ себя, но и отъ другихъ людей. Чтобы испытать вѣрность своихъ женъ, псиллы подкладываютъ своихъ дѣтей этимъ змѣямъ, точно такъ, какъ испытываютъ золото огнемъ».

Первая часть вышесказаннаго въ существенныхъ чертахъ вѣрна: рогатая гадюка дѣйствительно часто встрѣчается въ Африкѣ и особенно въ Египтѣ; она на самомъ дѣлѣ живетъ преимущественно въ пустынѣ и днемъ почти совсѣмъ зарывается въ песокъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ далеко кругомъ нѣтъ воды; правда и то, что при ползаніи она замѣтно шумитъ, вслѣдствіе наклоннаго направленія чешуй по сторонамъ тѣла, которыя при сильномъ движеніи трутся другъ о друга. Эти боковыя чешуйки могутъ быть приведены особыми мускулами въ дрожательное движеніе, и служатъ ей для того, чтобы захватывать песокъ и бросать себѣ его на спину, чтобы скрыться отъ своихъ враговъ; свойство это встрѣчается еще у рода *Echis*. Уже Брюсъ замѣтилъ, что это ночная змѣя, такъ какъ она ночью подползала къ его костру. Во время моихъ охотъ въ пустыняхъ и степяхъ днемъ я ее никогда не видалъ, такъ какъ у меня не доставало опытныхъ глазъ людей, специально занимающихся отыскиваніемъ змѣй; зато ночью она меня часто сильно сердила. Съ ранняго утра до полудня и съ полуденнаго времени до заката солнца сидишь на спинѣ косматаго верблюда, утоляешь постоянную жажду тепловатой вонючей водой изъ бурдюка, утоляешь сильный голодъ небольшимъ количествомъ риса; понятно, что послѣ такого жаркаго и утомительнаго дня впередъ радуешься ночному покою около костра на песокъ пустыни. Наконецъ мѣсто выбрано, и общество располагается къ покою: снимаютъ тюки, выкапываютъ небольшое углубленіе въ песокъ, закрываютъ его ковромъ, разводятъ ярко горящій костеръ, и путешественникъ ложится на коверъ и набиваетъ себѣ трубку. Все общество приходитъ въ пріятное настроеніе; даже поварь, которому приходится готовить скромный ужинъ, напѣваетъ про себя однообразную мелодію. Вдругъ пѣсня эта прерывается громкими проклятіями. «Что такое»? «О, да будетъ она проклята съ ея отцомъ и всѣмъ родомъ! Да низвергнетъ ее Господь Богъ въ преисподнюю!

Змѣя, господинъ, но она уже жарится въ огнѣ». Весь лагерь оживляется, каждый садится на тюкъ или ящикъ и вооружается щипцами или чѣмъ-нибудь подобнымъ, и рогатая гадюка является иногда дюжинами; не повимаешь, откуда онѣ берутся. Каждый приближается осторожно къ змѣѣ, крѣпко захватываетъ ее желѣзными щипцами за затылокъ и бросаетъ ее въ огонь, съ злобною радостью наблюдая мученія этого исчадія ада. «Скорпіоновъ». пишетъ мнѣ Дюмихенъ, «которые посѣщали ночью мой лагерь, я нисколько не боялся, но змѣя Фи часто пугала меня и моихъ служителей. По цѣлымъ мѣсяцамъ я занимался ею въ храмахъ и развалинахъ, срисовывая ея изображеніе, копалъ землю, изслѣдовалъ, и днемъ не видалъ ни одной живой змѣи; но какъ только начиналась ночь и горѣлъ костеръ, то онѣ появлялись во множествѣ, извивались околс насъ и грозили намъ языкомъ». Другіе путешественники жалуются такимъ же образомъ.

Чѣмъ рогатая гадюка питается въ пустынѣ я сказать не могу, такъ какъ, къ своему стыду, долженъ признаться, что не далъ себѣ труда изслѣдовать желудокъ ни одной изъ убитыхъ нами змѣй. Вѣроятно тамъ, гдѣ нѣтъ мышей, она главнымъ образомъ питается ящерицами, но несомнѣнно, что она нападаетъ и на птицъ.

О размноженіи ея существуютъ еще различныя мнѣнія. Египетскіе укротители змѣй говорятъ, что она, какъ и обыкновенная гадюка, родитъ живыхъ дѣтенышей; Дюмериль же у плѣнныхъ змѣй, которыя нѣсколько разъ спаривались, наблюдалъ, что онѣ кладутъ яйца, изъ которыхъ, впрочемъ, никогда дѣтеныши не вылуплялись. Несмотря на это, я считаю мнѣніе египтянъ справедливымъ, такъ какъ у пресмыкающихся не слѣдуетъ придавать большого значенія различію въ способѣ размноженія, и живущія въ неволѣ животныя часто ведутъ себя въ этомъ отношеніи иначе, чѣмъ на свободѣ.

Рогатая гадюка уживается въ неволѣ точно такъ же легко, какъ и другіе ея родичи. Она можетъ удивительно долго голодать: Шау увѣряетъ, что видалъ у одного любителя въ Венеціи двухъ такихъ гадюкъ, которыя прожили 5 лѣтъ безъ пищи; онѣ линяли и были такъ проворны, что можно было подумать, что ихъ только что поймали. Другіе наблюдатели убѣдились въ томъ, что эти змѣи могутъ оставаться безъ пищи втеченіе полугода. Большинство рогатыхъ гадюкъ, которыхъ привозятъ живыми въ Европу, оказываются лишенными ядовитыхъ зубовъ, такъ какъ при поимкѣ охотники всегда ихъ выламываютъ; змѣи эти сначала ничего не ѣдятъ, но когда зубы у нихъ снова выростутъ, то онѣ тотчасъ нападаютъ на добычу и съѣдаютъ каждую мышъ, которую къ нимъ пустятъ. Съ другими змѣями, а также съ ящерицами онѣ уживаются хорошо, но небольшія теплокровныя животныя тотчасъ же возбуждаютъ ихъ вниманіе и кровожадность. Если только это возможно, то онѣ совсѣмъ зарываются въ песокъ, такъ что видны только глаза, оба рожка и иногда нѣкоторыя мѣста спины. Рогатая гадюка зарывается въ песокъ своеобразнымъ движеніемъ реберъ: она то расширяетъ свое тѣло, то суживаетъ его, и при расширеніи раздвигаетъ песокъ въ стороны. Движеніе это происходитъ такъ быстро, что она совсѣмъ зарывается втеченіе 10 или много 20 секундъ. Если даже песокъ и не вполне закрылъ ее, то она совершенно ускользаетъ отъ взоровъ; даже при отличномъ зрѣніи трудно ее отличить отъ окружающаго песка, если впередъ не укажутъ то мѣсто, гдѣ она лежитъ. Въ клеткѣ въ 4 кв. метра поверхности, дно которой усыпано мелкимъ пескомъ, нужно долго искать глазами зарытую змѣю, и если затѣмъ посмотрѣтъ въ сторону, то опять совершенно теряешь ее изъ виду. Основываясь на этихъ наблюденіяхъ, которыя я повторялъ втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, мнѣ кажется вѣ-

роятнымъ разсказъ прежнихъ натуралистовъ, что птичка можетъ ошибиться и, принявъ рожки гадюки за личинку или червя, сдѣлаться добычей змѣи. Для самой гадюки рожки, впрочемъ, едва ли имѣютъ какое-нибудь значеніе, такъ какъ, по наблюденіямъ Штрауха, изъ 31 гадюки 5 вовсе не имѣли рогъ, а у двухъ было только по одному рогу. Эти совершенно скрытыя въ пескѣ ядовитыя змѣи, безъ сомнѣнія, могутъ быть очень опасны людямъ, путешествующимъ по пустынѣ въ однихъ сандаляхъ, а древніе египтяне имѣли полное право, на основаніи личнаго опыта, разсказывать про эту гадюку разные ужасы.

* * *

Кромѣ рогатой гадюки въ Египтѣ встрѣчается еще другая змѣя, Эфа, которую на первый взглядъ можно смѣшать съ предыдущей, хотя она принадлежитъ къ другому роду (*Echis*). Нижніе хвостовые щитки у этихъ змѣй расположены въ одинъ рядъ, а по всѣмъ другимъ признакамъ онѣ похожи на рогатыхъ гадюкъ. Число чешуй одного ряда бываетъ отъ 25 до 35, и по бокамъ тѣла онѣ идутъ такъ же косо, какъ у вышеописанной змѣи. Извѣстно лишь два вида этого рода; второй видъ живетъ въ Аравіи и Палестинѣ.

Эфа (*Echis carinata*, *arenicola*, *Pseudoboa carinata*, *Vipera echis*, *Echis ravo*, *varia*, *frenata*. *Efa*. *Vipère echis*) небольшая красивая змѣйка не болѣе 60 см. длины; окраска ея также песчаная, но очень разнообразная: на свѣтло-желтовато-буромъ фонѣ замѣчается множество темно-бурыхъ и черныхъ полосокъ, штриховъ, точекъ и пятнышекъ, а нижняя сторона свѣтло-желтая иногда съ бурими точками, расположенными въ видѣ полосокъ. На темени находится бѣловатое или желтое, болѣе или менѣе ясно копьевидное пятно, окруженное темно-бурой полосой; посрединѣ спины идетъ рядъ небольшихъ удлинненно четырехугольныхъ или яйцевидныхъ, равномерно расположенныхъ бѣловато-желтыхъ пятенъ съ темно-бурой опушкой; вдоль осквовъ проходитъ полоска, составленная изъ подобныхъ же пятенъ, или свѣтлая волнистая линія, окаймленная темно буримъ цвѣтомъ. У этой гадюки также замѣчаются различныя видоизмѣненія въ окраскѣ и рисункѣ.

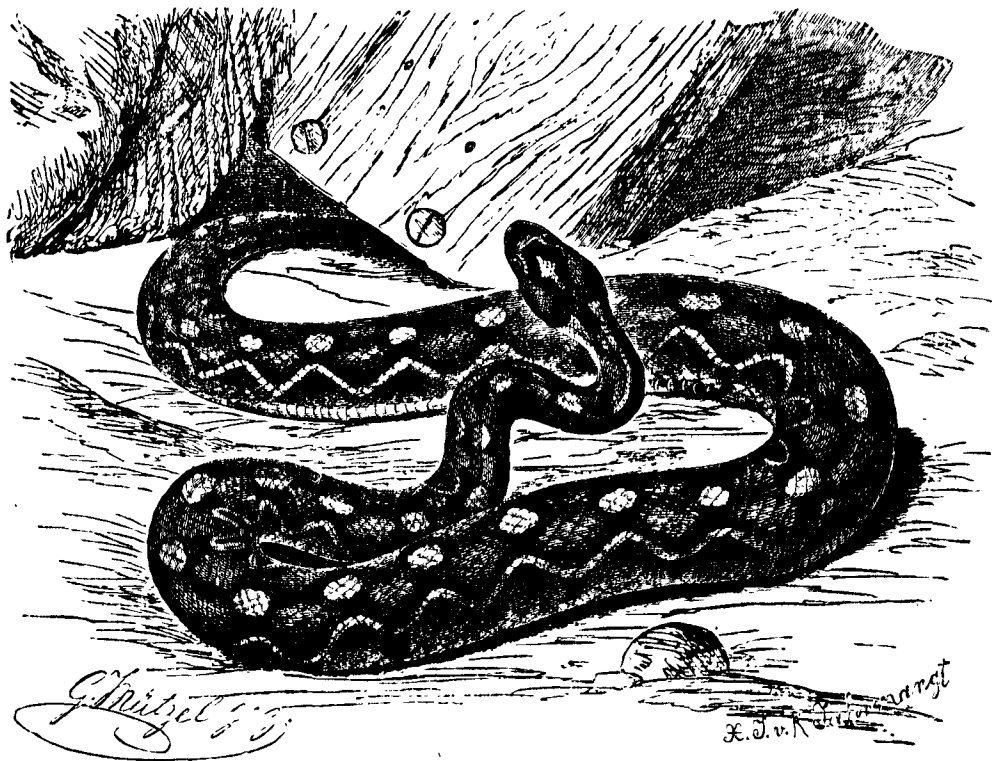
До послѣдняго времени считали змѣю, живущую въ Индіи и называемую тамъ Афэ, а на языкѣ синдговъ Куппуръ, за особый видъ, хотя единственнымъ отличительнымъ признакомъ служило число брюшныхъ щитковъ. По изслѣдованіямъ Гюнтера, у эфы бываетъ не менѣе 163 брюшныхъ щитковъ, а у афэ не болѣе 153, но Андерсонъ нашель въ Индіи змѣй, имѣющихъ также 163 щитка, и поэтому слѣдуетъ признать, что обѣ эти змѣи принадлежать одному виду.

Если присоединиться къ этому мнѣнію, то оказывается, что область распространения эфы не менѣе области распространения нашей гадюки; она живетъ во всей сѣверной Африкѣ на западъ до Алжира, а на югъ до Абиссиніи и Кордофана и кромѣ того въ Палестинѣ, Аравіи, Персіи, Араво-Каспійской низменности и на западномъ Индійскомъ полуостровѣ. Ташенбергъ указываетъ на ея присутствіе на островѣ Сокотора.

Когда караванъ правовѣрныхъ направляется къ священному городу Мекка, и избранный старшина и предводитель паломниковъ вѣзжаютъ въ Каиръ, то туда собираются постоянно многія тысячи людей, чтобы пожелать счастливаго пути выступающимъ и проводить ихъ до воротъ города. При этомъ бываетъ своеобразное шествіе: предводитель каравана, сидя на прекрасномъ конѣ, ѣдетъ, но не по землѣ, а по спинамъ правовѣрныхъ, которые лежатъ на его пути. Коня ведутъ

два богато одѣтыхъ конюха, которые также ступаютъ по спинамъ людей; лошадь идетъ очень осторожно, но, несмотря на это, нѣкоторые люди бываютъ поранены ея копытами, и это служитъ доказательствомъ, что вѣра ихъ неглубока, такъ какъ истинно правовѣрный не можетъ получить увѣчья при этомъ случаѣ. Во время этого шествія, называемаго въ Египтѣ, «тусъ-аль-халифе», заклинатели змѣй, даютъ особыя представленія, и для того, чтобы доказать, что Аллаху все возможно, показываютъ такіе фокусы, которые въ другое время видѣть нельзя.

Эти заклинатели змѣй совсѣмъ нагіе, только бедра ихъ прикрыты разорваннымъ кускомъ полотна; они имѣютъ видъ сумашедшихъ, пляшутъ и прыгаютъ, рыщутъ и бѣгаютъ передъ процессіей, часто набѣгаютъ и на лежащихъ людей и

Эфа. *Echis carinata*. $\frac{2}{3}$ наст. велич.

наносить имъ удары своими пятками. Черезъ плечо у нихъ виситъ мѣшокъ, изъ котораго они вынимаютъ нѣсколько змѣй, бѣшено машутъ ими направо и налево, даютъ имъ обвиваться около рукъ и шеи, дозволяютъ имъ кусать себя, затѣмъ вдругъ схватываютъ змѣю обѣими руками, откусываютъ ей голову и съѣдаютъ ее, или вырываютъ зубами кусокъ мяса изъ туловища змѣи. Все это сопровождается криками «Алла-ху-агбаръ» (Богъ всевышній) и другими благочестивыми возгласами и продолжается до тѣхъ поръ, пока у заклинателей не выступитъ пѣна изо рта и не смѣшается съ кровью змѣй. Въ этомъ случаѣ употребляются очковыя змѣи и эфы, но само собою разумѣется, что у нихъ предварительно обломаны ядовитые зубы. Заклинатели въ этомъ случаѣ очень расчетливы, такъ какъ во время этого торжества правовѣрные дѣлаются особенно щедрыми, и фокусники получаютъ богатую подачку.

Заклинатели вѣроятно потому часто пользуются эфой, что всѣ египтяне знаютъ ее какъ очень ядовитую змѣю. Она обыкновенна во всемъ Египтѣ и встрѣчается не только въ пустыряхъ и въ пустыняхъ, но также и въ населенныхъ мѣстахъ, даже въ самомъ городѣ Каирѣ, гдѣ часто она кусаетъ людей. Кто поселяется въ домѣ, который долго былъ нежилымъ, тотъ долженъ внимательно очистить его отъ всякихъ тамъ поселившихся гадинъ, и между ними почти всегда найдется и эфа. Мнѣ случалось нѣсколько разъ убивать эту змѣю въ нашемъ домѣ въ Хартумѣ, случалось даже находить ее подъ ковромъ, на которомъ я ночью спалъ. Однажды ночью въ темномъ корридорѣ я наступилъ на эфу, и она меня не укусила только потому, что въ это время проглатывала ласточку, которую какимъ то образомъ поймала въ нашемъ домѣ; въ другой разъ я нашелъ парочку этихъ змѣй за подушкой дивана. Мы боялись этой маленькой гадюки больше, чѣмъ очковой змѣи и проклинали ее чаще, чѣмъ какое-либо другое вредное животное, не исключая и надоедливыхъ скорпионовъ; мы ее преслѣдовали усердно и убивали съ особеннымъ наслажденіемъ; особенно охотно мы стали бы ее мучить передъ смертью, но сильная ядовитость ея заставляла насъ убивать ее какъ можно скорѣе. Турки и египтяне рѣдко или никогда не рѣшаются уничтожить эту непрошенную гостью въ своихъ домахъ. Какъ только узнаютъ, что змѣя появилась въ домѣ, всѣми овладѣваетъ ужасъ, и ничего не придумываютъ лучшаго, какъ обратиться къ заклинателю змѣй, который, конечно, дѣлаетъ изъ этого выгодную аферу. Онъ беретъ за эту работу высокую плату и часто выпускаетъ изъ своего мѣшка еще другую змѣю, затѣмъ увѣряетъ хозяина, что узналъ объ ея присутствіи особымъ колдовствомъ, и за это получаетъ еще болѣе высокое вознагражденіе. Жофруа Сентъ-Илеръ рассказываетъ очень интересную, относящуюся сюда исторію. Французскій главнокомандующій, то-есть Бонапартъ, пожелалъ узнать, дѣйствуетъ ли заклинатель змѣй обманомъ, или нѣтъ, и велѣлъ одному изъ нихъ вызвать змѣю, которая пряталась въ нижнемъ этажѣ его дворца. Жофруа долженъ былъ за нимъ присматривать. Заклинателя раздѣли до гола, чтобы изслѣдовать его платье, а затѣмъ дозволили начать свою работу. Человѣкъ этотъ тотчасъ же почувствовалъ себя очень неловко и нѣсколько разъ повторялъ: «а что, если тутъ никакой змѣи нѣтъ?» Ему отвѣчали, чтобы онъ все-таки попробовалъ выманить ее, и успокоили небольшой подачкой. Тогда онъ началъ искать особенно въ сырыхъ мѣстахъ и сталъ свистать то громко и рѣзко какъ самецъ эфы, то глухо и тихо какъ самка. Наконецъ, послѣ двухъ часовъ поисковъ, одна змѣя дѣйствительно отвѣтила и выползла. Безпокойство заклинателя тогда исчезло и онъ, гордо посматривая на окружающихъ, былъ убѣжденъ, что всѣ теперь вѣрятъ въ его колдовство. Это случилось нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, но и нынѣ за небольшую сумму денегъ можно доставить себѣ подобное зрѣлище.

Эфа довольно обыкновенна въ средней и сѣверо-восточной Индіи и живетъ тамъ на пустынныхъ песчаныхъ мѣстностяхъ. По словамъ Блэнфорда, ее находятъ въ рѣдкихъ лѣсахъ между Думагудемъ и Элора, тамъ, гдѣ почва песчаная. Хотя эфа не велика ростомъ, но очень сердита и опасна. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Индіи, напримѣръ въ Сиядѣ, ей приписываютъ большинство смертныхъ случаевъ, причиненныхъ укушеніемъ змѣй; особенно страдаютъ отъ нея работники на поляхъ. Несмотря на небольшой ростъ, она очень задорна и склонна къ нападенію и, даже защищаясь, всегда готова укусить очень большого и сильнаго противника. Какъ только она замѣтитъ опасность, то сейчасъ начинается извиваться, но не такъ, какъ другія гадюки, но образуетъ изъ своего тѣла два полудланныхъ изгиба и держитъ голову готовою къ нападенію въ серединѣ одного изъ этихъ изгибовъ

При этомъ она ни минуты не остается спокойною, а постоянно вертится направо и налѣво и этимъ производитъ такой же шорохъ, какъ и рогатая гадюка. Она остается въ этомъ наступательномъ положеніи до тѣхъ поръ, пока человѣкъ или животное находится вблизи ея и впивается зубами въ каждый предметъ, до котораго можетъ достать; говорятъ, что она можетъ дѣлать прыжки высотой въ половину ея тѣла. Андерсонъ первый обратилъ вниманіе на своеобразный продолжительный шелестъ, который эфа производитъ треніемъ боковыхъ чешуй одна о другую. Шелестъ этотъ происходитъ оттого, что шилообразно зазубренные кили, находящіеся на срединѣ чешуи, трутся о края заднихъ чешуй; этотъ шумъ можно даже произвести и послѣ смерти животного, поворачивая тѣло его въ стороны: зубчики килей тогда трутся о чешуи и производятъ замѣтный шумъ. Подобное устройство чешуекъ имѣютъ также живущія въ песчаныхъ мѣстностяхъ Африки рогатая гадюка и змѣи изъ рода *Dasypeltis*. Фэйреръ считаетъ эфу самую оживленною и задорною изъ всѣхъ ядовитыхъ змѣй, съ которыми онъ успѣлъ познакомиться, и прочіе наблюдатели въ этомъ съ нимъ согласны. Какъ опасно ея укушеніе, видно изъ опытовъ вышеназваннаго натуралиста: курица умерла черезъ 4 минуты послѣ укушенія, другая даже черезъ 2 минуты, а собака черезъ 4 часа.

Главнымъ признакомъ **Гремучниковъ** (*Crotalinae*. Grubenotter) служатъ глубокія впадины съ обѣихъ сторонъ морды между ноздрями и глазами, не имѣющія соединенія ни съ носомъ, ни съ глазами. Кромѣ этого названныя змѣи отличаются отъ гадюкъ болѣе тонкимъ тѣломъ и болѣею частью нѣсколько болѣе длиннымъ хвостомъ, способнымъ къ хватанью. Голова яйцевидная или тупая, трехугольная, сзади расширенная, ясно отдѣляющаяся отъ шеи; ноздри расположены по бокамъ морды; умѣренной величины глаза имѣютъ зрачекъ въ формѣ вертикальной щели. Голова часто не вполне покрыта щитками; также и чешуи на остальномъ тѣлѣ въ главныхъ чертахъ походятъ на чешуи вилперъ.

Гремучники, которыхъ извѣстно около 60 видовъ, водятся въ самомъ большомъ количествѣ въ восточной области; въ сосѣдней эіопской и въ австралийской ихъ совсѣмъ нѣтъ, въ сѣверной части Стараго Свѣта встрѣчаются немногіе виды гремучниковъ, но они водятся въ обоихъ материкахъ Новаго Свѣта и въ особенно большомъ числѣ въ Сѣверной Америкѣ. Уоллесъ думаетъ, что изъ этого можно вывести заключеніе, что это семейство змѣй происходитъ изъ индокитайскихъ странъ и отсюда распространилось на сѣверо-западъ до Сѣверной Америки и затѣмъ далѣе въ Южной Америкѣ, гдѣ, поселившись позднѣе, гремучники не успѣли еще развестись въ особенно большомъ количествѣ, несмотря на то, что тутъ имѣются очень благоприятныя условія для жизни пресмыкающихся. Мы не рѣшаемся основываться на подобныхъ заключеніяхъ, но удовольствуемся признаніемъ того факта, что это семейство во всякомъ случаѣ удивительно распространено. Точное разъясненіе этихъ обстоятельствъ можетъ намъ дать только палеонтологія. Послѣ того какъ нашли въ Висбаденскомъ нижнемъ міоценѣ пустой ядовитый зубъ, былъ объявленъ невѣрнымъ очень распространенный взглядъ, что ядовитость змѣй надо считать очень недавнимъ ихъ приобрѣтеніемъ; можетъ быть недалеко то время, когда будутъ открыты остатки гремучниковъ предшествующихъ геологическихъ періодовъ.

Образъ жизни гремучниковъ мало отличается отъ жизни гадюкъ. Они также настоящія ночныя животныя и проводятъ день въ сонномъ состояніи или спрятавшись въ свою нору, или лежа передъ нею, чтобы доставить себѣ наслажденіе

погрѣться на солнышкѣ; но все-таки они кажутся менѣ лѣнивыми, чѣмъ гадюки, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ. Нѣкоторые ихъ виды лазаютъ, другіе, зеленая окраска которыхъ указываетъ на нихъ, какъ на древесныхъ животныхъ, проводятъ всю жизнь въ вѣтвяхъ высокихъ или болѣе низкихъ растений; третьи плаваютъ почти такъ же искусно, какъ водные ужи и преслѣдуютъ главнымъ образомъ рыбъ, но большинство не покидаютъ земли и охотятся за всякими маленькими млекопитающими и птицами. Относительно размноженія они совершенно походятъ на гадюкъ, потому что и они такъ долго вынашиваютъ свои яйца, что дѣтеныши разрываютъ яичную скорлупу тотчасъ послѣ кладки.

Хотя по опасности и злости гадюки мало уступаютъ гремучникамъ, все же эти послѣдніе считаются самыми страшными змѣями на землѣ, и, дѣйствительно, можно положительно сказать, что ихъ ядовитые зубы отлично развиты. Изъ опасности, грозящей человѣку отъ нѣкоторыхъ изъ этихъ змѣй, дѣлалъ болѣе шуму, чѣмъ она этого заслуживала; другія же, наоборотъ, и изъ нихъ прежде всего ужасная копьевидная кудія и нѣмой кроталь, повидимому, дѣйствительно оправдываютъ ужасъ, внушаемый даже ихъ именемъ. Они считаются проклятіемъ тѣхъ странъ, гдѣ водятся, препятствуютъ обработкѣ земли на большихъ пространствахъ и ежегодно требуютъ себѣ жертвъ. Противъ нихъ человѣкъ безсиленъ еще до сихъ поръ; ужасное дѣйствіе ихъ яда ограничиваетъ число ихъ враговъ и дѣлаетъ единодушнымъ начатое противъ нихъ гоненіе.

* *
*

Самые извѣстные изъ гремучниковъ, **Гремучники настоящіе** (*Crotalus*. Кларпершланге. *Serpents à sonnettes*), отличающіеся отъ остальныхъ привѣскомъ на концѣ хвоста, гремушкой или трещеткой, надъ значеніемъ которой напрасно ломали себѣ голову. Она состоитъ изъ большаго или меньшаго числа роговыхъ пластинокъ, которыя можно сравнить съ нѣсколькими приплюснутыми пустыми конусами, надѣтыми одинъ на другой, изъ которыхъ каждый имѣетъ снаружи три возвышенія, обращенъ вершиной къ концу хвоста и вставляется въ слѣдующій за нимъ конусъ; каждая отдѣльная гремушка укрѣпляется на двухъ горбинкахъ предшествующихъ ей по направленію къ тѣлу, но соединяются съ нею свободно, такъ что всѣ роговые конусы могутъ двигаться и тереться другъ о друга. Эта гремушка есть очевидно кожное образование, и, безъ сомнѣнія, это ничто иное, какъ рядъ остатковъ отъ прежнихъ линяній. Свѣдѣнія о развитіи и ростѣ этой змѣи были до самаго послѣдняго времени не совсѣмъ ясны. Жители Сѣверной и Южной Америки опредѣляютъ возрастъ гремучей змѣи по числу колець ея гремушки и думаютъ, что ежегодно прибавляется новое кольцо. Гензель полагаетъ, что это мнѣніе весьма вѣроятно справедливо, но навѣрно не основано на опытѣ. Я долженъ указать, что, наблюдая нѣсколько лѣтъ подрядъ плѣнныхъ гремучниковъ, замѣчалъ увеличеніе роста ихъ, но не прибавленіе колець гремушки, которая по нѣсколькимъ лѣтамъ не измѣнилась. Имѣется одно вѣрное предположеніе отдѣльныхъ изслѣдователей, состоящее въ томъ, что при линяніи кожа, образовавшаяся на нижней сторонѣ хвоста передъ конусами гремушки, не слѣзаетъ, а свертывается и образуетъ новый конусъ, принимая форму старыхъ; но, повидимому, не каждое линяніе, происходящее, какъ и у всѣхъ змѣй по крайней мѣрѣ раза три, четыре въ годъ, даетъ поводъ къ образованію новаго звена гремушки. Наблюденія надъ плѣнными змѣями ничего не доказываютъ, такъ какъ онѣ и въ другихъ отношеніяхъ часто уклоняются отъ своего образа жизни на свободѣ. Случалось, что гремучники линяли въ неволѣ, но никогда до сихъ поръ не при-

ходило наблюдать прибавленія новаго члена гремушки. По словамъ Гармана, мексиканскій ромбическій гремучникъ (*Crotalus adamanteus*) линяетъ только два раза въ годъ и, соотвѣтственно этому, образуетъ также только два звена гремушки ежегодно. Во всякомъ случаѣ цѣлые года проходятъ раньше, чѣмъ образуется гремушка. 15—18 конусовъ на гремушкѣ встрѣчаются очень рѣдко и остается подъ большимъ сомнѣніемъ, можетъ ли вообще эта змѣя имѣть еще большее число этихъ образований, какъ это видно на одномъ старомъ изображеніи. Какъ самое большое дѣйствительно наблюдаемое число звеновъ гремушки Гюнтеръ называетъ 21. «Ростъ гремушки», говоритъ Гейеръ, «очевидно зависитъ отъ питанія и роста животнаго, который при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ можетъ быть прерванъ, а въ иномъ случаѣ замедленъ; нельзя назначить для него какой-нибудь опредѣленный срокъ». «Нѣкоторые люди», такъ высказывается Гибель, «видятъ заботу Провидѣнія въ этомъ устройствѣ, предупреждающемъ чело-вѣка объ опасности; но они не говорятъ намъ, чѣмъ чело-вѣкъ такъ же заботливо защищенъ отъ другихъ не менѣе опасныхъ ядовитыхъ змѣй, лукаво поджидающихъ его въ своей засадѣ. Гремучники, точно такъ же, какъ и большая часть змѣй, не нападаютъ на чело-вѣка, не будучи разсержены и кромѣ того поселяются въ пустынныхъ открытыхъ мѣстностяхъ, куда чело-вѣку незачѣмъ ходить и гдѣ онъ можетъ замѣтить своего врага легче, чѣмъ въ кустарникѣ или въ густой травѣ». Я не могу ничего прибавить къ этимъ словамъ, потому что они достаточно понятны. Тѣмъ не менѣе кажется достойнымъ вниманія предположеніе Гайя, что польза гремушки состоитъ въ томъ, что змѣя во время предупреждаетъ ея бизоновъ и охраняетъ такимъ образомъ отъ поврежденія и себя и этихъ большихъ жвачныхъ животныхъ, правда теперь почти истребленныхъ.

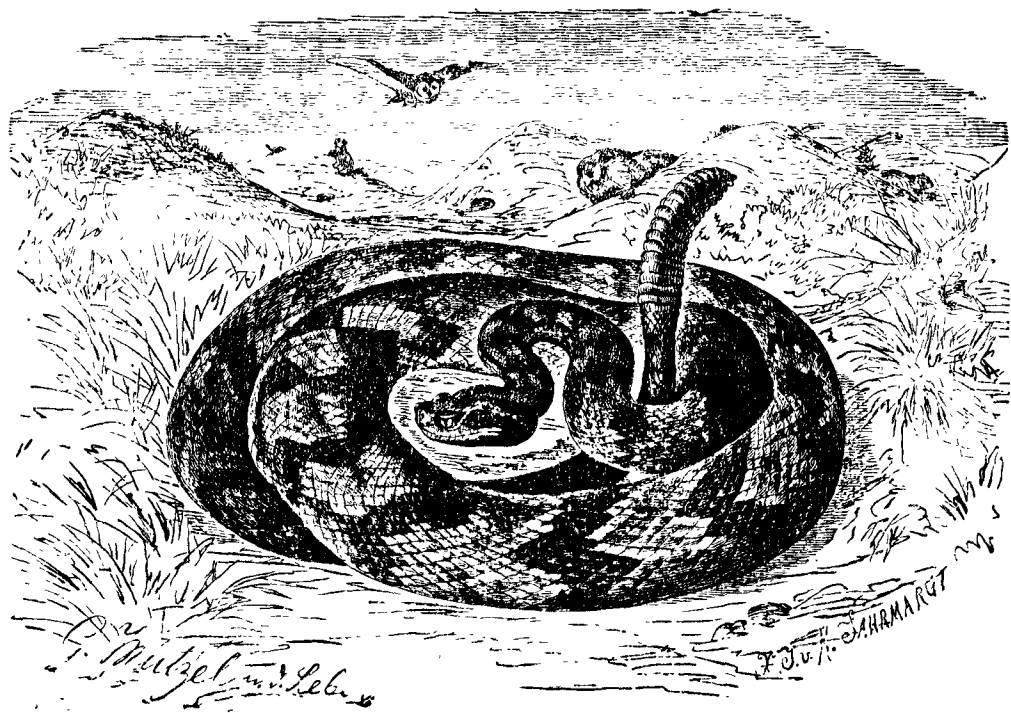
Кромѣ гремушки, другіе признаки этихъ змѣй кажутся довольно незначи-тельными. Голова ихъ спереди и сверху покрыта или немногими, или болѣе многочисленными щитками, а кромѣ этого, какъ и вся верхняя часть тѣла—продолговатыми, ромбoidalными, килеватыми чешуйками; нижняя часть тѣла покрыта широкими щитками, шея по обыкновенію ясно отдѣлена, тѣло сильное, для ядовитыхъ змѣй довольно вытянутое, ядовитые зубы совершенно такого же устройства, какъ у гадюкъ, но такъ сильно развѣты, что Дюмериль съ полнымъ правомъ называетъ ихъ самыми совершенными ядовитыми губами.

Настоящіе гремучники живутъ только въ Америкѣ, но какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ. Они селятся преимущественно въ сухихъ, песчаныхъ или каменистыхъ пустыняхъ, также въ такихъ, которыя поросли низкимъ кустарникомъ, однако предпочитаютъ тутъ сосѣдство воды сухимъ мѣстамъ. Описаніе трехъ самыхъ извѣстныхъ видовъ гремучниковъ обрисуетъ ихъ жизнь; но я не ручаюсь, что пересказанное мною будетъ свободно отъ всякихъ басенъ.

Какъ у большинства родичей, такъ и у гремучниковъ трудно дать общее описаніе для одного какого-нибудь вида, такъ какъ окраска и рисунокъ этихъ змѣй чрезвычайно разнообразны. Для того, чтобы отличать отдѣльные виды принимаютъ во вниманіе щитки головы.

Гремучая змѣя (*Crotalus durissus*, *Crotalus triseriatus*, *atricaudatus*, *lucifer*, *Uracrotalon durissus*, *Uropsophis durissus*, *triseriatus*. Klapperschlange. Serpent à sonnettes). отличается тѣмъ, что у нея, кромѣ большихъ бровныхъ щитковъ надъ каждымъ глазомъ, спереди морды есть еще двѣ пары большихъ щитковъ, между которыми расположены щитки меньшей величины; къ большому трехугольному рыльцевому щитку примыкаетъ съ каждой стороны четырехгранный передній

лобный щитокъ, а къ этому послѣдному далѣ назадъ второй большій яйцеобразный щитокъ, который надо считать боковымъ остаткомъ задняго лобнаго щитка. Пространство между двумя послѣдними щитками заполнено меньшими неправильными щитками, большею частью увеличивающимися по направленію впередъ; уже между надглазными щитками начинаются продолговатыя, ромбоидальныя, килеватыя, черепчатая чешуйки, которыя покрываютъ всю верхнюю часть туловища и идутъ здѣсь въ 25—27 продольныхъ рядовъ. Господствующій цвѣтъ верхней части тѣла темный сѣровато-коричневый; рисунокъ состоитъ изъ трехъ рядовъ большихъ неправильныхъ пятенъ или угловатыхъ черныхъ поперечныхъ полосокъ, теряющихся на темномъ хвостѣ; нижняя часть тѣла желтовато-бѣлаго цвѣта съ

Гремучая змѣя. *Crotalus durissus*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

маленькими черными точечками. Говорятъ, что очень старыя самки достигаютъ длины почти 2 м.; однако теперь змѣи въ 1,6 м. составляютъ уже рѣдкость.

Область распространенія гремучей змѣи простирается отъ Мексиканскаго залива на сѣверъ до 46 градуса сѣверной широты, хотя только въ западныхъ Соединенныхъ Штатахъ; по крайней мѣрѣ всѣ изслѣдователи говорятъ въ одинъ голосъ, что на востокъ или въ Атлантической части страны эта змѣя водится не дальше озера Чемплень. «Можно принять», говоритъ Гейеръ, «что она не водится тамъ, гдѣ прекращается обработка маиса изъ за часто случающихся лѣтомъ морозовъ». Еще въ первые десятки нашего столѣтія она встрѣчалась въ такомъ ужасающемъ количествѣ въ необработанныхъ мѣстностяхъ, что двое людей, занимавшихся правильной охотою на гремучихъ змѣй изъ за ихъ цѣннаго змѣянаго жира, могли убить въ течение 3 дней 1104 штуки. Эта змѣя постоянно и быстро уменьшается въ числѣ, что приписываютъ распространенію земледѣлія въ странѣ и увеличенію числа свиней.

«Любимымъ мѣстопробываніемъ гремучихъ змѣй», продолжаетъ Гейеръ, «слу-

жать мѣстности, гдѣ скалистыя пустынные высоты, подверженныя лучамъ солнца, граничатъ съ плодородными травянистыми долинами, орошенными рѣками, ручейками и текущими ключами; на обширныхъ равнинахъ она встрѣчается только тамъ, гдѣ бываетъ очень обильная роса. Эта змѣя очень чувствительна къ переѣнамъ температуры и часто мѣняетъ свое мѣстопробываніе чуть не ежечасно. Въ хорошее ясное утро жаркаго дня она купается въ росѣ, а затѣмъ грѣется на солнцѣ на удобномъ мѣстѣ, на дорожкѣ или на плоскомъ камнѣ; позднѣе, въ полуденный жаръ, она отыскиваетъ тѣнистыя, сухія мѣста и тамъ лежитъ спокойно, но никогда не удаляется слишкомъ далеко отъ солнечныхъ мѣстъ. Если нѣсколько ночей сряду не было росы, то ее часто встрѣчаютъ на берегахъ рѣкъ и лужъ, но въ воду она отправляется только за добычею. Дождя она очень не любить. Жилища ея различны, въ населенныхъ и воздѣланныхъ мѣстностяхъ и въ пустыняхъ. Въ послѣднемъ случаѣ она живетъ обществами въ завоеванныхъ ею норахъ; въ населенныхъ мѣстахъ она живетъ поодиночкѣ и прячется въ скрытыхъ мѣстахъ. Въ пустыняхъ она селится въ норахъ такъ называемыхъ луговыхъ собачекъ, овражковъ, крысъ, мышей и даже береговыхъ ласточекъ, хотя для крупныхъ экземпляровъ, повидимому, трудно забраться въ гнѣзда ласточекъ. Но гремучая змѣя очень легко буритъ землю и мягкій песчаникъ посредствомъ твердыхъ чешуй на головѣ и тѣлѣ и такимъ образомъ легко расширяетъ, если нужно, найденныя норки. На почти безлѣсномъ склонѣ песчаниковой горы въ верхней части рѣки Монаховъ въ штатѣ Іова, имѣющемъ около 80 м. вышины, мы видѣли большое количество гремучихъ змѣй, которыя поселились въ расширенныхъ норкахъ береговыхъ ласточекъ. Вблизи населенныхъ мѣстъ ее рѣдко находятъ въ большомъ числѣ кромѣ времени размноженія, именно въ концѣ апрѣля и началѣ мая. Здѣсь она прячется въ разсѣлинахъ скалъ и стѣнъ, подъ постройками, въ дуплахъ деревьевъ, въ сложенныхъ дровахъ и кучахъ хвороста; ее даже иногда находятъ въ норахъ крысъ и мышей подъ полами. Зимнее убѣжище выбирается иногда случайно, какъ и у другихъ змѣй. Животное часто выползаетъ изъ своего убѣжища въ теплые октябрьскіе дни, затѣмъ его внезапно застанетъ морозъ, и оно должно остаться на зиму въ своей временной норѣ; поэтому въ преріяхъ часто находятъ гремучихъ змѣй, лежащихъ зимой подъ камнями съ переполненнымъ желудкомъ. Зимняя спячка ихъ такая же, какъ и у другихъ пресмыкающихся, но для зимняго пребыванія онѣ, по возможности, выбираютъ сухое, закрытое помѣщеніе».

Одубонъ, подробно описавшій это животное, рассказываетъ слѣдующее. «Однажды мы зимою отправились со многими знакомыми на охоту за утками. Для обѣда мы остановились около озера, развели костеръ и начали ощипывать одну утку. Одинъ изъ моихъ спутниковъ хотѣлъ прикатить къ костру бревно, и при этомъ нашелъ свернувшуюся и оцѣпенѣвшую крупную гремучую змѣю. Она была тверда какъ палка, и я ее положилъ для дальнѣйшихъ наблюденій въ чехолъ для ружья, который висѣлъ у меня за спиной. Скоро послѣ этого, когда наши утки жарились на деревянныхъ вилкахъ надъ огнемъ, я замѣтилъ, что за мною что то шевелится. Сначала я подумалъ, что это двигается не совсѣмъ убитая утка, но скоро я вспомнилъ объ опасномъ животномъ, отбросилъ чехолъ далеко отъ себя и попросилъ моего спутника посмотрѣть, что дѣлаетъ змѣя. Оказалось, что она вполне ожила, выползла изъ чехла, начала шуршать, подняла голову, свернула туловище и приготовилась къ нападенію. Такъ какъ она находилась далеко отъ огня, то я былъ увѣренъ, что холодъ ее снова успокоитъ, и дѣйствительно, прежде чѣмъ наши утки сжарились, она перестала гремѣть и отыскала себѣ убѣжище,

гдѣ опять оцѣпенѣла. Мы взяли ее домой и дорогой нѣсколько разъ будили ее, поднося къ огню».

Палиссо-де-Бовуа сообщаетъ другое собственное наблюденіе. «Гремучая змѣя охотнѣе всего избираетъ себѣ зимнее убѣжище вблизи ключей. Мы находили многія норки ихъ на берегу Маврикіевой рѣки. Кривые ходы, имѣвшія 2—3 м. длины, оканчивались камерой, гдѣ лежало нѣсколько змѣй на влажной землѣ. Наши проводники привели насъ къ болоту, покрытому слоемъ торфяного мха въ 20—30 см. толщины. Поверхность мха замерзла, но подъ нимъ мы нашли нѣсколько гремучихъ змѣй, которыя медленно ползали по незамерзшей сырой почвѣ. Осенью послѣ линянія еще до равноденствія онѣ прячутся и выходятъ изъ своихъ убѣжищъ весною послѣ весенняго равноденствія».

Гейеръ считаетъ гремучую змѣю за дневное животное и увѣряетъ, что она проводитъ каждую ночь въ своемъ жилищѣ такъ же правильно, какъ это дѣлаютъ домашнія животныя; онъ наблюдалъ втеченіе четырехъ недѣль, что змѣя каждый вечеръ появлялась около дуплистаго дерева, а днемъ ее никогда тамъ не было видно. Однако другія наблюденія ясно доказываютъ, что мнѣніе Гейера невѣрно. Въ видѣ доказательства общественности гремучей змѣи, онъ рассказываетъ слѣдующее приключеніе. «Возвращаясь съ экскурсіи, я подошелъ 22-го августа къ подошвѣ высокой горы, орошенной быстрымъ ручейкомъ, и рѣшился переночевать здѣсь на небольшомъ дужкѣ, окруженномъ кустарникомъ. Слѣзши съ лошади, я подошелъ къ ручью, чтобы напиться, нашелъ интересное растеніе, сталъ искать другія растенія, и при этомъ на меня напала большая гремучая змѣя, которую я и убилъ. Позднѣе, когда я ужиналъ, то услышалъ шумъ; мулъ, котораго я привязалъ на ночь вблизи, сдѣлался очень беспокоенъ, но я продолжалъ ѣсть, а затѣмъ взялъ стаканъ и пошелъ къ ручью напиться. Шумъ, который я слышалъ, казался очень близкимъ и былъ похожъ на шелестъ, который производятъ шести, если ихъ волочить по землѣ. Какъ только я перешелъ дужокъ и всталъ на береговой валъ, возвышавшійся на метръ надъ русломъ ручья, то увидѣлъ огромное множество гремучихъ змѣй, которыя ползали и извивались на песчаномъ берегу. Луна свѣтила очень ярко, и я ясно видѣлъ, какъ онѣ переползали другъ черезъ друга и безостановочно ползали кругомъ большихъ булыжниковъ, лежащихъ на берегу, причемъ сильно шуршали. Шумъ еще увеличивался отъ тренія ихъ чешуйстаго тѣла о песокъ; вонь была нестерпимая и очень сильная. Испугавшись, я возвратился къ своему костру и совсѣмъ завернулся въ шерстяное одѣяло, такъ какъ я боялся, чтобы змѣямъ не вздумалось приблизиться къ огню и напасть на меня во время сна. Шумъ продолжался почти до 10 часовъ, а затѣмъ прекратился, и только тогда я могъ заснуть. Рано утромъ я осѣддалъ своего мула и сталъ искать своихъ лошадей, чтобы поскорѣе удалиться отъ этого неприятнаго мѣста; но проѣздивши нѣсколько часовъ, я лошадей не нашелъ и потому былъ принужденъ здѣсь остаться. Исслѣдовавши снова берегъ ручья, я нашелъ его совершенно пустынь: тамъ лежала только убитая мною змѣя. Чтобы убѣдиться вполнѣ въ отсутствіи змѣй, я устроилъ себѣ рычагъ и сталъ переворачивать лежавшіе на берегу камни, но змѣй нигдѣ не было видно. Нѣсколько дней спустя я встрѣтился въ фортѣ Кольвилъ съ факторомъ Макдональдомъ. Когда я ему рассказалъ свое приключеніе, то онъ, къ большому моему удивленію, сказалъ, что 21 августа, то-есть однимъ днемъ раньше, чѣмъ я, онъ видѣлъ такое же собраніе змѣй на берегахъ Колумбіи».

Большинство наблюдателей описываютъ гремучую змѣю какъ очень лѣнливое созданіе, и Палиссо-де-Бовуа даже говоритъ, что немного змѣй такъ добродушны,

какъ она. «Она никогда не нападаетъ сама на животныхъ, которыя не служатъ ей пищею, никогда не кусается, если ее не трогать и не испугать. Я часто проходилъ на разстоянїи нѣсколькихъ сантиметровъ отъ нихъ, и онѣ никогда не пробовали меня укусить. Ея присутствїе всегда можно узнать напередъ по шуршанїю ея гремушки, и я всегда успѣвалъ вырѣзать себѣ палку, чтобы убить змѣю, прежде, чѣмъ она ко мнѣ приближалась». Это сообщенїе вѣрно только относительно; змѣя ведетъ себя такъ только во время своего покоя, а когда она вполнѣ оживлена, то дѣло происходитъ иначе. «Гремушая змѣя», говоритъ Гейеръ, «движется быстро безъ особыхъ усилїй и сильныхъ изгибовъ, почему кажется, что она движется медленно, но если измѣрить разстоянїе, пройденное ею въ одну секунду, то оно оказывается довольно значительнымъ. На свою добычу она бросается съ постепенно увеличивающейся быстротою, которая подъ конецъ похожа на полетъ птицы. Разъ я видѣлъ, какъ около жилища крестьянина, на берегахъ Миссури, гремушая змѣя съ дерева бросилась на цыпленка, схватила его за крылья и съ быстротою молнїи унесла его на голую скалу, такъ что я только съ трудомъ могъ ее догнать. Я бросилъ въ нее камнемъ: она остановилась, обвилась кругомъ своей жертвы, выпустила ее изъ пасти, но укусила ее въ голову. Когда я вторично бросилъ въ нее камнемъ, то она сначала бросила цыпленка, а затѣмъ высоко приподняла его за крыло, какъ бы любуясь его смертельнымъ страхомъ. Послѣ этого она очевидно хотѣла уйти, но когда получила мѣткій ударъ камнемъ, то бросила свою полумертвую добычу и свилась въ кружокъ для защиты. Я тотчасъ ее убилъ. Еще большую быстроту я замѣтилъ у гремучей змѣи около верхняго теченїя Миссисипи, въ то время, какъ она охотилась за земляной бѣлкой». Совершенно то же самое говоритъ Одюбонъ, который приписываетъ ей большую способность къ лазанью, но всѣ прочїе наблюдатели отрицаютъ въ ней эту способность и говорятъ, что она скорѣе идетъ въ воду, хотя особенно не ищетъ ея, чѣмъ лазаетъ на деревья. Уже Кальмъ замѣтилъ, что она иногда переплываетъ озера и рѣки и въ водѣ очень скоро движется. «Тогда кажется, будто она надулась, и она плыветъ по водѣ точно пузырь. Ее тогда лучше не преслѣдовать, такъ какъ по опыту извѣстно, что она можетъ внезапно броситься въ лодку».

Пища гремучей змѣи состоитъ изъ маленькихъ млекопитающихъ, птицъ и земноводныхъ. Кальмъ утверждаетъ, что въ ея желудкѣ находили даже куницъ, но прибавляетъ, какъ бы для опроверженїя этого, что животныхъ, величиною съ бѣлку или съ зайца, она проглатываетъ только наполовину, причемъ другую половину съѣдаетъ только тогда, когда первая переварена. О волшебной силѣ взгляда этой змѣи еще въ наше время иной разъ говорятъ, хотя всѣ добросовѣстные наблюдатели отрицаютъ у ней эту силу. Я не могу съ увѣренностью сказать, обвиняется ли она кругомъ жертвы, какъ это дѣлаютъ неядовитыя змѣи, или, укусивши добычу, спокойно ожидаетъ ея смерти, но послѣднїй способъ ловли мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ. У жившихъ у меня въ клѣткѣ гремучихъ змѣй я никогда не замѣчалъ, чтобы онѣ душили брошенныхъ имъ животныхъ, но случилось, что онѣ не считали нужнымъ предварительно отравлять маленькихъ животныхъ, а прямо ихъ глотали, какъ ужи это дѣлаютъ съ лягушками. То же самое замѣтилъ Шмидтъ у своихъ пдвнныхъ гремучихъ змѣй. Послѣ обильной ѣды она издаетъ сильное зловонїе, которое замѣчаютъ не только чуткія къ этому животныя, но оно чувствительно и для человѣка. Это обстоятельство отрицается многими натуралистами, но другїе положительно его подтверждаютъ. Ласепедъ говоритъ о сильномъ запахѣ гремучихъ змѣй и ставитъ его въ связь со способностью этихъ змѣй наводить на свою жертву столбнякъ. Поуель рассказываетъ, что онъ разъ

посѣгилъ пещеру, гдѣ подь камнями пряталось по крайней мѣрѣ сто гремучихъ змѣй. Менѣе, чѣмъ черезъ 5 минутъ ему и его спутникамъ сдѣлалось дурно отъ ужасно сильнаго запаха, распространяемаго змѣями; ему стало тошно, и онъ только съ трудомъ могъ выбраться на свѣжій воздухъ. Это навѣрно преувеличено, но доля правды тутъ должна быть, такъ какъ животныя, даже не вида змѣи, чуютъ ея присутствіе, на примѣръ лошади пугаются и бросаются въ сторону, если онѣ находятся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ подобной змѣи. «Хотя нѣкоторые», говоритъ Гейеръ, «и отрицаютъ вонючее испареніе у гремучихъ змѣй, но я долженъ признать справедливость этого факта, хотя не обладаю очень тонкимъ обоняніемъ. Запахъ этотъ вѣроятно зависитъ отчасти отъ ея пищи; если, на примѣръ, она проглотила мертвую бѣлку, то распространяетъ такой же запахъ, какъ хищныя птицы, питающіяся трупами; слѣдуетъ замѣтить, что она ѣстъ и падалъ. Въ голодномъ состояніи она, вѣроятно, не издаетъ такого сильнаго запаха». У плѣнныхъ змѣй я могу съ увѣренностью утверждать, что никакого запаха не чувствовалъ или замѣчалъ только слабый мускусный запахъ.

Размноженіе этихъ змѣй происходитъ въ весенніе мѣсяцы, причемъ самецъ и самка свиваются совершенно такъ же, какъ гадюки. «Способъ сближенія этихъ животныхъ», говоритъ Одюбонъ, «такъ противенъ, что о немъ не стоило бы говорить, если бы онъ не былъ такъ удивителенъ. Въ началѣ весны змѣи, вылинявши, выползаютъ изъ своихъ убѣжищъ, блистая яркими цвѣтами, съ глазами, полными жизни и огня. Самцы и самки бродятъ по залитымъ солнцемъ лѣснымъ прогалинамъ и свиваются вмѣстѣ, если встрѣтятся, пока ихъ не свернется 20—30 штуръ въ одинъ отвратительный клубокъ. При этомъ головы торчатъ во всѣ стороны, пасти открыты и змѣи громко шипятъ и шуршатъ своими гремушками. Въ такомъ положеніи онѣ остаются лежать на одномъ мѣстѣ въ теченіи нѣсколькихъ дней. Къ подобному сборищу очень опасно приблизиться, потому что, завидя врага, змѣи распугываются и тотчасъ же бросаются на нарушителя ихъ цотѣхи». Последнее, безъ сомнѣнія, невѣрно, но свертываніе змѣй въ клубокъ во время размноженія не подлежитъ сомнѣнію и подтверждается Гейеромъ, который приводитъ наблюденія индѣйцевъ. Яйца кладутся въ августѣ, и дѣтеныши нѣсколько минутъ спустя раздраютъ яичныя оболочки; между тѣмъ мать о нихъ вовсе не заботится. Палиссо де-Бовуа, правда, пытается доказать противное, но ни у одной змѣи не было замѣчено заботы матери о дѣтенышахъ, и было бы крайне удивительно, если бы гремучая змѣя составляла въ этомъ отношеніи исключеніе. Я считаю болѣе важнымъ сообщеніе Гейера о вылуplenіи дѣтенышей, основанное на собственномъ наблюденіи. «Только разъ я имѣлъ случай видѣть вылуplenіе молодыхъ гремучихъ змѣй изъ яицъ; это было въ августѣ около заброшеннаго мормонскаго жилища на берегахъ Миссури. Самка грѣлась на солнцѣ передъ дверью хижины и при моемъ приближеніи подползла подь порогъ; вдругъ я увидѣлъ маленькую гремучую змѣю, около 15 см. длины. Я воткнулъ палку подь порогъ и слышалъ, какъ мать, шурша, уползала; при этомъ я замѣтилъ еще нѣсколько молодыхъ змѣй, а, откативши порогъ, состоявшій изъ толстаго бревна, увидѣлъ подь нимъ въ сухой землѣ между камнями около 40 яицъ, изъ которыхъ уже нѣкоторые были пусты. Они были различной формы, по величинѣ были похожи на голубиныя яйца и имѣли свѣтло-бурый цвѣтъ. Только что вылупившіеся змѣеныши такъ сильно пытались кусаться, что меня это очень удивило. Нѣкоторые утверждаютъ, что гремучая змѣя при опасности забираетъ своихъ дѣтенышей въ пасть, но это невѣрно; при вышеприведенномъ случаѣ самка было бы очень кстати это сдѣлать, между тѣмъ она ушла и бросила дѣтенышей.

«Самый опасный врагъ гремучей змѣи—слишкомъ суровая зима, особенно, если она наступаетъ рано и вдругъ. Продолжительные весенніе разливы и степные и лѣсные пожары не менѣе страшны для этой змѣи. Есть примѣры, что суровая зима, разливы и пожары совершенно освобождали отъ нея мѣстности, въ которыхъ она прежде водилась въ большомъ количествѣ. Носятся вообще слухи, что свиньи уничтожаютъ и пожираютъ гремучихъ змѣй и что ядъ ихъ не приноситъ свиньямъ вреда. Многіе естествоиспытатели приняли эту сказку за чистую монету, несмотря на то, что она собственно ни на чемъ не основана. Произведенные мною опыты подтвердили то, что я прежде находилъ: свиньи, такъ же какъ и другія домашнія животныя, боятся живыхъ гремучихъ змѣй, а къ мертвымъ, даже разрубленнымъ на куски, никогда не дотрогиваются». Мнѣ не хотѣлось утаить это послѣднее сообщеніе Гейера, но я долженъ все-таки замѣтить, что уже въ сочиненіяхъ самыхъ первыхъ наблюдателей упоминается о свиньяхъ, какъ о самыхъ полезныхъ истребителяхъ гремучихъ змѣй, и что новѣйшіе наблюдатели только подтверждаютъ это мнѣніе. «Какъ только змѣя увидитъ свинью», говоритъ Кальмъ, «то теряетъ всякое мужество и тотчасъ пускается въ бѣгство. Свиньи жадно разыскиваютъ ее, чуютъ ее издали, выслѣживаютъ и все ближе и ближе подходятъ къ той, которую увидятъ и наконецъ набрасываются на нее и загрызаютъ ее зубами. Какъ только змѣя попала ей въ пасть, она сильно трясетъ ее и пожираетъ безъ всякаго для себя вреда; однако, голову она всегда отбрасываетъ. Если какой-нибудь человѣкъ имѣетъ намѣреніе распахать новъ, онъ прежде всего пріобрѣтаетъ свиней, которыхъ и выпускаетъ въ избранный имъ участокъ въ полной увѣренности, что въ скоромъ времени земля его будетъ освобождена отъ этихъ гадинъ. Случается, конечно, что змѣя укуситъ свинью, но по большей части это не приноситъ ей никакого вреда».

Вышеупомянутыя сообщенія Кальма мнѣ кажутся довольно вѣроятными, а новѣйшія изслѣдованія еще болѣе утверждаютъ меня въ этомъ мнѣніи. «Ни одна мѣстность въ Орегонѣ», говоритъ Браунъ, «не была такъ густо населена гремучими змѣями, какъ долины рѣки Колумбіи. Короткое время послѣ прибытія туда первыхъ поселенцевъ, гремучія змѣи надобдали имъ въ высшей мѣрѣ, такъ какъ онѣ появлялись даже въ домахъ и подползали подъ кровати людей. Всѣ усилія истребить ихъ оказались тщетными, пока свиньи не стали общераспространеннымъ животнымъ въ этой мѣстности. Эти полезныя животныя откармливались въ дубовыхъ лѣсахъ и были почти совсѣмъ предоставлены самимъ себѣ. Съ этой поры господство гремучей змѣи стало падать, и въ настоящее время она здѣсь представляетъ уже весьма рѣдкое явленіе: во всѣ тѣ четырнадцать дней, въ продолженіи которыхъ я, собирая растенія, обошелъ вдоль и поперекъ эту мѣстность, на 6 или 7 англійскихъ миль въ окружности, мнѣ, сколько помнится, ни разу не случилась увидѣть гремучей змѣи. Только послѣ того, какъ я перешелъ границу той мѣстности, на которой водились свиньи, мнѣ стали чаще встрѣчаться гремучія змѣи. Между свиньями и змѣями очевидно существуетъ инстинктивное отвращеніе. Какъ только свинья замѣтитъ змѣю, она тотчасъ набрасывается на нее, и прежде, чѣмъ змѣя успѣетъ всадить въ нее свои ядовитые зубы, ставитъ ей ногу на загрѣлокъ, раздробляетъ ей голову и потомъ спокойно пожираетъ ее. Индѣйцамъ хорошо извѣстна эта обоюдная вражда, и я нѣсколько разъ видѣлъ, какъ индѣянки приходили просить у поселенцевъ кусокъ свиного мяса; онѣ говорили, что хотятъ обвернуть имъ лодыжки, чтобы предохранить ноги отъ укушенія гремучихъ змѣй. Въ южномъ Орегонѣ даже распространено, кажется, ни на чемъ не основанное мнѣніе, будто свиное мясо само по себѣ спасаетъ отъ укушенія

змѣями; доходятъ даже до утверженія, будто свиное мясо составляетъ отличное лѣчебное средство противъ змѣйнаго яда. Можно, впрочемъ, допустить, что толстый слой жира предохраняетъ свинью отъ проникновенія яда въ кровь». Еще лучшимъ предохранительнымъ средствомъ считаетъ Пехуэль-Лёше ту кору грязи, которой покрывается свинья, копаясь въ тивъ, и вообще ея склеенная грязью и смолой щетины, которая защищаютъ ее отъ укусовъ змѣй; однако сильно укушенная свинья все-таки умираетъ.

Согласно съ Брауномъ высказывается и Брухинъ. «Гремучія змѣи», говоритъ онъ, «въ прежнее время часто попадались въ графствѣ Мильвоуке, но въ настоящее время онѣ совсѣмъ почти истреблены тамъ, благодаря дѣятельному преслѣдованію ихъ людьми и свиньями. По крайней мѣрѣ, во всѣ пять лѣтъ, втеченіе которыхъ я вдоль и поперекъ извѣздилъ всѣ лѣса, поля и болота, ни разу ни случилось поймать или даже увидѣть гремучей змѣи, несмотря на то, что онѣ попадались тамъ и сямъ, по одиночкѣ, около Нью Кельна».

Послѣ такихъ, вполне соответствующихъ другъ другу сообщеній, совершенно различныхъ, очевидно незнакомыхъ между собою наблюдателей и послѣ подобныхъ же сообщеній изъ другихъ мѣстностей, я имѣю право думать, что Гейеръ невѣрно оцѣнилъ пользу свиней. «Врагами и преслѣдователями змѣй», говоритъ Гейеръ, «считаются тоже хорекъ, опоссумъ и барсукъ, а въ особенности черный барсукъ. Относительно первыхъ двухъ я нигдѣ не могъ найти достаточнаго удостовѣренія; надъ чернымъ же барсукомъ я самъ произвелъ немало опытовъ, которые оказались такими же неудачными, какъ и опыты со свиньями. Точно также неосновательны и легенды о хищныхъ птицахъ, какъ о врагахъ гремучей змѣи, за исключеніемъ развѣ луны и грифа. Остальныя всѣ слишкомъ слабы, чтобъ осмѣлиться нападать на нее. Я часто находилъ вилхвостаго сокола, которому особенно присвоена слава истребителя змѣй, въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ гремучая змѣя весьма рѣдко попадаетъ. Очень можетъ быть, что хищныя птицы пожираютъ маленькихъ змѣй. Очень много гремучихъ змѣй бываетъ убито или раздавлено на большихъ дорогахъ. Никто не попытается сойти съ лошади съ цѣлью уменьшить число этихъ гадинъ. Несмотря на то, что я часто встрѣчалъ и убивалъ многихъ гремучихъ змѣй, я никогда не могъ совершенно подавить своего страха передъ этими животными, хотя только одинъ разъ былъ укушенъ въ носокъ сапога, да и то раненъ не былъ. Въ Америкѣ, правда, отступаютъ при видѣ гремучей змѣи, но только съ цѣлью найти камень или палку, чтобъ убить ее. Каждый маленькій мальчикъ справляется съ нею, такъ что страхъ передъ нею не очень великъ. Въ населенныхъ мѣстностяхъ Сѣверной Америки она уже можетъ считаться рѣдкостью, такъ что неусыпное преслѣдованіе ее не осталось безъ послѣдствій».

Пакардъ считаетъ ихъ совершенно уже уничтоженными въ Коннектикутѣ и Родъ-Исландѣ; въ Масачузетѣ же онѣ попадаютъ еще мѣстами въ довольно большомъ количествѣ. Но причиной этого вымиранія мы считаемъ не столько непосредственное содѣйствіе людей, сколько совершенное исчезновеніе изъ тѣхъ мѣстъ подходей липи. По словамъ Кастельно, во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя думаютъ воздѣлывать для посѣвовъ, устраиваютъ, прежде всего, большія облавы на гремучихъ змѣй, чтобъ по возможности очистить отъ нихъ цѣлую область. По увѣренію этого путешественника, близъ Георгова озера было однажды въ одинъ день убито до 400 гремучихъ змѣй. Многія изъ нихъ, по словамъ Гейера, и случайно лишаются жизни: онѣ выползаютъ на проѣзжія дороги, чтобъ погрѣться на солнышкѣ, ложатся въ колени, гдѣ и раздавливаются колесами. «Однако, сколько

я ни видалъ случайно убитыхъ змѣй, мнѣ не пришлось ни разу замѣтить, чтобы большое животное съѣдало ихъ: всѣ онѣ оставались на мѣстѣ до совершеннаго разложенія; только одинъ совершенно плоскій, ребристый жукъ, пепельнаго цвѣта, питается этою падалюю. Коренные жители Америки больше боятся гремучихъ змѣй, чѣмъ бѣлые; между послѣдними встрѣчаются люди, которые, не боясь ядовитаго зуба, хватаютъ гремучую змѣю голыми руками. У сына знаменитаго генерала Кларка, который вмѣстѣ съ нами путешествовалъ по Скалистымъ горамъ, карманы постоянно были наполнены гремушками. Завидѣвъ издали гремучую змѣю, онъ тотчасъ бѣжалъ за ней, наступалъ ей на голову лѣвой ногой, правой рукой срывалъ ей гремушки и потомъ отпускалъ змѣю, которая никогда не кусала его. Индѣйцы Сиу и Дакота никогда не убиваютъ гремучихъ змѣй, они скорѣе уважаютъ ихъ за хитрость, и встрѣча съ ними считается хорошей примѣтой. Вслѣдствіе этого почитанія змѣй, эти индѣйскія племена и получили отъ своихъ заклятыхъ враговъ названіе Надовесіу, что значитъ: гремучая змѣя. Названіе же Сиу ничто иное, какъ послѣдній слогъ этого слова. Ни одно другое племя индѣйцевъ не питаетъ подобнаго релігіознаго чувства передъ гремучей змѣей, даже такъ называемые «змѣиные индѣйцы» или «шошоны», не знаютъ его.

Многія животныя знаютъ гремучую змѣю и боятся ея. Лошади и быки пугаются ея и бѣгутъ, завидѣвъ ее издали; собаки дѣлаютъ надъ ней стойку, но при этомъ держатся въ почтительномъ отдаленіи; птицы выпускаютъ при видѣ ея громкіе боязливые крики. «Шагахъ въ двадцати отъ моего дома», рассказываетъ Доденъ, «увидалъ я однажды гремучую змѣю 1,5 м. длины; она лежала свернувшись около корня орѣшника и приняла наступательное положеніе относительно моихъ собакъ. Хвостъ ея былъ въ постоянномъ движеніи и производилъ шумъ, подобный точилу, между тѣмъ какъ ея широко раскрытая и высоко приподнятая пасть была направлена противъ моихъ двухъ собакъ. Послѣднія глядѣли неподвижно, какъ бы въ величайшемъ изумленіи на угрожающее имъ животное и не рѣшались напасть на него, несмотря на то, что каждая изъ нихъ, не задумавшись, вступала въ борьбу съ волками. Двѣ кошки стояли тутъ же, объятые такимъ же изумленіемъ. Я уже начиналъ опасаться за судьбу моихъ домашнихъ животныхъ; но змѣя внезапно перемѣнила положеніе и продолжала свой путь. Собаки и кошки заботливо посторонились; однако, повидимому, изъ простаго любопытства преслѣдовали ее. Я впустилъ въ нее полный зарядъ ружья и потомъ добилъ ее ударами палки. Ни одного изъ своихъ домашнихъ животныхъ я не могъ принудить подойти къ мертвой змѣѣ ближе, чѣмъ они стояли къ живой».

Многіе наблюдатели утверждаютъ, будто гремучая змѣя передъ укушеніемъ всегда шуршитъ своими гремушками; но это оказывается не совсѣмъ вѣрнымъ. «Когда она ползетъ медленно», говоритъ Гейеръ, «то совершенно волочитъ свои гремушки по землѣ; когда спасается отъ преслѣдованья, то поднимаетъ ихъ вверхъ и гремитъ ими безостановочно; только когда она сама преслѣдуетъ добычу, то шума совсѣмъ не слышно. Шумъ этотъ похожъ на шумъ лязганья точильщиковъ или шуршаніе мышинаго горошка въ сухихъ стручкахъ. Въ преріяхъ Миссури живетъ маленькая саранча, которая, улетая, производитъ точно такой же шумъ. Гремучая змѣя не всегда предупреждаетъ шумомъ о своемъ приближеніи, а только когда испугается или видитъ, что на нее хотятъ напасть. Мнѣ часто случалось находить змѣю въ 10 см. разстоянія отъ того мѣста, гдѣ я за минуту передъ тѣмъ стоялъ». «Дикіе, говоритъ Кальмъ, «увѣряютъ, что гремучія змѣи никогда не шуршатъ, когда намѣреваются нанести вредъ: но это мнѣніе, совершенно соответствующее представленіямъ краснокожихъ о хитрости и лукавствѣ змѣй, конечно ни на чемъ не основано.

Насколько я могу судить, шумъ гремушекъ служить выраженіемъ сильнаго возбужденія, которое и у другихъ змѣй выражается усиленнымъ движеніемъ кончика хвоста. Гремучія змѣи, которыхъ я воспитывалъ или вообще видѣлъ въ неволѣ, шумѣли при всякомъ безпокойствѣ, обыкновенно даже, если кто-нибудь только входилъ въ комнату, гдѣ стояли ихъ клѣтки. Во время шума гремушками змѣи принимаютъ обыкновенно то положеніе, которое изображено на нашемъ рисункѣ: т. е. голову поднимаютъ на 20—30 см. надъ землею, а шею придаютъ форму буквы S, чтобы имѣть наготовѣ достаточной длины переднюю часть тѣла для нападенія; при этомъ онѣ высовываютъ кончикъ хвоста съ гремушками межъ извилинами тѣла, позади тѣла, какъ это совершенно вѣрно изображено на рисункѣ. Шумъ гремушекъ, и по моему мнѣнію, скорѣе всего можно сравнить съ трескотней кузнечика, но онъ не такъ звонокъ, а болѣе глухой, беззвучный. Онъ происходитъ отъ безостановочнаго дрожанія хвоста, причемъ движенія эти такъ быстры, что глазъ не можетъ слѣдить за ними и видѣть, какъ обыкновенно при всякомъ слишкомъ скоромъ движеніи тѣлъ, какъ бы одно мельканье. Гремучая змѣя шуршитъ удивительно долго: все время, пока она чувствуетъ себя въ опасности, не измѣняетъ она положенія тѣла и шумитъ безостановочно. Я хотѣлъ, ради забавы, испытать ея терпѣніе, но не выдержалъ. По мѣрѣ удаленія наблюдателя отъ раздражнаго животнаго, трескотня становится тише, но стоять подойти опять ближе, чтобы звукъ усилился и сталъ все яснѣе и яснѣе по мѣрѣ того, какъ усиливается гнѣвъ и страхъ змѣи. По моимъ собственнымъ наблюденіямъ, я могу почти положительно утверждать, что гремучая змѣя начинаетъ шуршать, какъ только завидитъ приближающагося человѣка, и только тогда кусаетъ безмолвно, когда наступитъ врасплохъ.

Укушеніе этой змѣи всегда очень опасно, потому что большіе острые зубы пробиваютъ самую плотную одежду или толстый мѣхъ. «Она кусаетъ», говоритъ Гейеръ, «съ такою силой, какую въ ней и не подозреваешь. Убѣдившись въ томъ, что она не можетъ прыгать, я сталъ, для забавы, наблюдать за тѣмъ, какъ долго она будетъ кусаться. Я нашелъ, что ядовитые зубы вовсе не такъ скоро отламываются, даже если повернуть палку, въ которую они вонзились; можно даже притомъ повернуть и приподнять вверхъ все животное. Бросаетъ змѣя палку только съ цѣлю сохранить зубы, но почти тотчасъ же опять хватается ее. Большая гремучая змѣя, въ 2 м. длины, которую я еще раньше избилъ, 30 разъ набрасывалась и кусала древесный сучекъ, въ 3 см. толщины; она сорвала кору древесины и разгрызла даже послѣднюю. Чѣмъ дальше продолжать эту забаву, тѣмъ болѣе бѣситъ змѣя, такъ что укусы слѣдуютъ одинъ за другимъ съ изумительной быстротой; наконецъ наступаетъ утомленіе и бѣшенство смѣняется страхомъ.

«Другой случай испытать силу укушенія гремучей змѣи представился мнѣ однажды въ преріи близъ Миссури. Я замѣтилъ взрослога быка, который, какъ бѣшеный, несся прямо на меня. Чтобы не попасть къ нему на рога, я повернулъ лошадь свою въ сторону и пустилъ ее короткимъ галопомъ. Быкъ пронесся мимо низкаго кустарника совсѣмъ около меня, при чемъ я замѣтилъ, что у него на шеѣ, за подбородкомъ, висѣла большая гремучая змѣя. Я помчался за нимъ вслѣдъ. Онъ описалъ широкую дугу, наконецъ бросился со всѣхъ силъ въ рощцаду, изъ которой выбрался съ противоположной стороны, сбросивъ своего врага. Я сошелъ съ лошади, чтобы наблюдать за послѣдствіями укушенія. Быкъ медленно подошелъ къ прочимъ пасущимся животнымъ, но не сталъ самъ ѣсть. Нѣсколько минутъ спустя онъ остановился, свѣсилъ голову на противоположную сторону отъ раны. Я замѣтилъ, что ноги его дрожать, начиная съ ко-

лвнъ до лодыжекъ, и это дрожаніе увеличивалось по мѣрѣ того, какъ я гналъ его впередъ. Укушенное мѣсто до самаго уха сильно вспухло. Это случилось между 9 и 10 часами утра. На другой день около 4-хъ часовъ пополудни, я возвратился назадъ и нашелъ укушенное животное на томъ же мѣстѣ; ротъ его былъ весь въ землѣ, сухой, открытый, распухшій языкъ висѣлъ изо рта и былъ покрытъ сухой землею. Подъ языкомъ было довольно большое вылизанное въ почвѣ углубленіе. Рана гноилась и была покрыта цѣлымъ роємъ мухъ. Такъ какъ вблизи не было жилища, то я ничего не могъ сдѣлать для бѣднаго животнаго; однако я парѣзалъ ему цѣлую охапку травы, которую обмокнулъ въ воду и положилъ передъ нимъ. Дѣйствія яда оказываются весьма различными, смотря по степени возбужденности гремучей змѣи. Мѣнѣ ядовитымъ считается укушеніе въ сырую холодную погоду, и очень опаснымъ въ то время, когда змѣя только что выползла изъ своего зимняго убѣжища, и въ жаркіе августовскіе дни. Въ это время нигдѣ нельзя считать себя въ безопасности отъ ея укушеній; она находится въ самой сильной степени возбужденія, смѣло нападаетъ и шуршитъ еще за нѣсколько шаговъ до приближенія врага. Однажды я видѣлъ индѣйскаго мальчика, который былъ укушенъ змѣей именно въ это время года. Ни одно извѣстное индѣйцамъ средство не помогало ему. На мальчика было страшно смотрѣть, потому что гангрена обнажила кости на укушенномъ мѣстѣ, и можно было видѣть, какъ онъ живо гнилъ. Раны его издавали такой отвратительный запахъ, что къ нему невозможно было почти подойти. Несчастнѣйшій мальчикъ умеръ только черезъ шесть недѣль.

«Индѣйцы слѣдовательно тоже не имѣютъ вѣрнаго средства противъ укушенія гремучей змѣи. Однако нужно замѣтить, что многія растительныя вещества употреблялись въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ успѣхомъ. Къ нимъ принадлежатъ: *Aristolochia serpentaria*, *Prepantnes serpentaria*, *Echinacea purpurea*, *serotina*, *angustifolia* и *Egyptium aquaticum*; *Polygala senega* и *P. purpurea* считаются мѣнѣ дѣйствительными. Странно, что употребляются только корни всѣхъ этихъ растений. Индѣйцы постоянно имѣютъ при себѣ эти корни въ высушенномъ видѣ и разжевываютъ ихъ передъ употребленіемъ. Я, съ своей стороны, не думаю, чтобъ они приносили другую пользу, чѣмъ нѣкоторое уменьшеніе страданій. Но мнѣ самому не приходилось наблюдать за дѣйствіемъ котораго-нибудь изъ нихъ. Самое вѣрное, хотя самое болѣзненное средство, по общимъ отзывамъ птицелововъ и охотниковъ, считается выжиганье раны сырымъ порошкомъ; при этомъ пострадавшему даютъ цѣлый зарядъ пороха и во внутрь. Но можетъ быть охотники дикаго запада, въ глазахъ которыхъ порохъ имѣетъ такую высокую цѣну, приписываютъ ему слишкомъ большую силу, хотя выжиганіе свѣжей раны имѣетъ, во всякомъ случаѣ, отличныя послѣдствія».

Къ счастью, среди американцевъ, все болѣе и болѣе распространяется знаніе самаго дѣйствительнаго противоядія: прежде всего укушеннымъ даютъ пять водки или вообще спирту. «Въ сентябрѣ 1820 года», рассказываетъ Майрандъ, «я услышалъ вечеромъ сильный женскій крикъ, и когда меня черезъ нѣсколько минутъ позвали, то я узналъ, что одинъ изъ невольниковъ укушенъ гремучей змѣей и лежитъ при послѣднемъ издыханіи. Я нашелъ его безъ движенія и языка; челюсти его были сжаты, пульсъ бился неправильно и едва замѣтно. Какъ человѣколюбіе, такъ и собственная выгода требовали, чтобъ я испробовалъ все возможное для его спасенія. Я слышалъ о хорошемъ дѣйствіи спиртныхъ напитковъ и рѣшился принять самыя сильныя возбуждательныя средства, которыя были у меня подъ руками; смѣшавъ чайную ложку мелко истолченнаго перца со стаканомъ водки, я приказалъ разжать челюсти и влилъ въ ротъ больнаго эту смѣсь. Отъ пер-

выхъ четырехъ стакановъ его только рвало, наконецъ пятый остался въ желудкѣ. Пульсъ поднялся послѣ приѣма больнымъ 5—6 стакановъ перцовки, но скоро опять упалъ, и я снова принялся вливать ему въ ротъ водку съ перцемъ. Хотя я и опасался, что слишкомъ большое количество возбуждательныхъ средствъ не причинило-бы смерть пациенту, но былъ все-таки принужденъ продолжать, такъ какъ пульсъ тотчасъ падалъ, какъ только я прекращалъ вливаніе перцовки. Проглотивъ болѣе литра водки съ перцемъ, больной заговорилъ со своими земляками; послѣ двухъ часовъ, въ продолженіе которыхъ ему давали все тѣ же средства, онъ такъ окрѣпъ, что я могъ его оставить на попеченіе сторожей. На слѣдующій день состояніе его замѣтно улучшилось, однако онъ былъ еще очень слабъ. Я тогда сталъ ему каждый часъ давать по немногу спирта, настояннаго на оленьемъ рогѣ, и сытную пищу. Втеченіе ночи было истрачено до трехъ литровъ водки, изъ которыхъ около одного литра было пролито. Большая часть мяса подъ подбородкомъ загнила и отвалилась и около раны отвалился кусокъ мяса въ талеръ величиною; однако исцѣленіе все-таки скоро наступило при помощи припарокъ и обмываній раны настоемъ коры краснаго дуба.

«Годъ спустя однажды ночью меня позвали, чтобы лѣчить негра тоже отъ укушенія гремучей змѣи. У него были сильныя боли въ груди и его рвало желчью. Ему вливали нѣсколько разъ по полному стакану водки съ зеленымъ перцемъ, пока пульсъ не вернулся. Боль уменьшилась, и, проглотивъ 6 стакановъ водки, человекъ почувствовалъ себя гораздо лучше, рвота и боль прекратились и 10—12 часовъ спустя, негръ былъ внѣ опасности. Онъ выпилъ около литра наперцованной водки. Одинъ мой пріятель разсказалъ мнѣ еще слѣдующее: «Однажды нашли человекъ, котораго змѣя укусила нѣсколько разъ, и когда принесли его домой, то сочли мертвымъ. Однако онъ черезъ нѣсколько времени пришелъ въ себя и чувствовалъ себя совсѣмъ хорошо. По разсказамъ прочей прислуги онъ вышелъ пьяный изъ дому и, вѣроятно, упалъ на землю, но возбуждательное средство уничтожило, безъ сомнѣнія, дѣйствіе яда». Однако, вспоминая опыты, сдѣланныя въ Индіи, я скорѣе могу допустить въ этомъ случаѣ, что если человекъ этотъ и былъ укушенъ, то во всякомъ случаѣ не отравленъ.

Пойманныя гремучія змѣи долго упорствуютъ, но подъ конецъ, если клѣтка, хоть сколько-нибудь соответствуетъ своему назначенію, принимаются все-таки за пищу. Купленная мною гремучая змѣя ничего не ѣла втеченіи цѣлыхъ 7 мѣсяцевъ, хотя и убивала тѣхъ животныхъ, которыхъ я ей предоставлялъ на жертву; только, по прошествіи сказаннаго времени, исхудавъ почти до скелета, она рѣшилась проглотить отравленную ею же крысу. Предположивъ далѣе, что она, по меньшей мѣрѣ, жила въ неволѣ два мѣсяца раньше, чѣмъ попала ко мнѣ, я могу смѣло сказать, что девятимѣсячное голоданіе нисколько не повредило ей. Во время своего добровольнаго поста она пила воду, купалась, нѣсколько разъ сбросила кожу, послѣ чего, повидимому, требовала пищи и казалась злѣе и оживленнѣе, чѣмъ прежде; убивала принесенныхъ ей животныхъ и все же не дотрогивалась до нихъ, пока, наконецъ, не рѣшилась проглотить крысу. и съ той поры стала такъ правильно питаться, что въ два мѣсяца вернула свою прежнюю полноту. Изъ другого случая я узналъ, какъ лѣнныя гремучія змѣи. Несмотря на предостереженія Эффельдта, который увѣрялъ, что видѣлъ уже нѣчто подобное, я все-таки приказывалъ доставлять своимъ плѣннымъ змѣямъ живыхъ крысъ, которыхъ кормили, пока онѣ не попадали предназначенной имъ судьбѣ, т. е. не были отравлены пришедшей наконецъ въ бѣшенство змѣей. Крысы въ скоромъ времени осваивались съ клѣткой и устраивались въ ней по возможно-

сти удобно. Шумъ, производимый гремушками, возбуждалъ ихъ любопытство, но никакъ не страхъ. Онѣ не обращали никакого вниманія на змѣй, перебѣгали черезъ нихъ, скакали по ихъ спинамъ и вовсе не боялись проявленія ихъ гнѣва, который иногда доходилъ до того, что змѣи принимали вышеописанную наступательную позу, оставаясь въ ней цѣлыми часами, и то громче, то тише стучали гремушками, смотря по приближенію или удаленію отъ нихъ крысъ. Подошедши въ одно утро къ клѣткѣ одной изъ моихъ гремучихъ змѣй, я, къ удивленію своему, замѣтилъ, что она больше не шумитъ, какъ это дѣлала постоянно, завидя меня. Она лежала, очевидно больная, растянувшись по клѣткѣ, безъ движенія, и только глаза сверкали по прежнему живо или, лучше сказать, коварно. Около полудня змѣя лежала уже мертвой на томъ же самомъ мѣстѣ и когда ее стали вынимать изъ клѣтки, то замѣтили у нея на тѣлѣ большую и глубокую рану, которая, очевидно, и была причиной ея смерти. Рана же ей очевидно нанесена была крысой, которая, попросту, заживо загрызла змѣю. Эффельдтъ, которому я сообщилъ объ этомъ случаѣ, очевидно обрадовался, что его предсказаніе оправдалось такимъ блестящимъ образомъ и повторилъ предупрежденіе: никогда не сажать вмѣстѣ съ ядовитыми змѣями такихъ млекопитающихъ, которые могутъ причинить имъ какой-либо вредъ, тѣмъ болѣе, что большія ядовитыя змѣи скоро привыкають ѣсть и мертвыхъ животныхъ и даже пожирають куски сырого мяса.

При мало-мальски заботливомъ уходѣ, гремучія змѣи отлично выдерживаютъ неволю. О нѣкоторыхъ изъ нихъ, мы знаемъ, что онѣ выживали въ клѣткѣ 10, 12 лѣтъ. Вначалѣ онѣ, какъ и прочіе ихъ сородичи, находятся постоянно въ возбужденномъ состояніи; мало по малу злость ихъ утихаетъ и наконецъ онѣ начинаютъ смотрѣть на своего сторожа какъ на кормильца, не бросаются такъ бѣшено, какъ прежде на него и на другихъ людей, подходящихъ къ ихъ клѣткѣ. Съ себѣ подобными онѣ уживаются отлично. «Изъ 35 штукъ», говоритъ Метцль, «которыхъ я держалъ вмѣстѣ въ клѣткѣ, ни одна не выказала вражды противъ остальныхъ, даже и тогда, когда имъ бросали змѣю ихъ вида прямо въ середину общества, между тѣмъ, какъ посаженный въ ихъ клѣтку кроликъ или голубъ приводилъ въ смятеніе всѣхъ. Въ другое время онѣ пребывали въ совершенномъ бездѣйствіи. Въ теплую погоду онѣ были еще веселѣе; сплетались между собою клубками, изрѣдка перемѣняя положеніе, а то подолгу лежали совершенно неподвижно». Этотъ покой тѣмъ опаснѣе, что онъ составляетъ совершенную противоположность значительной быстротѣ ихъ нападенія и можетъ легко ввести въ заблужденіе наблюдателя.

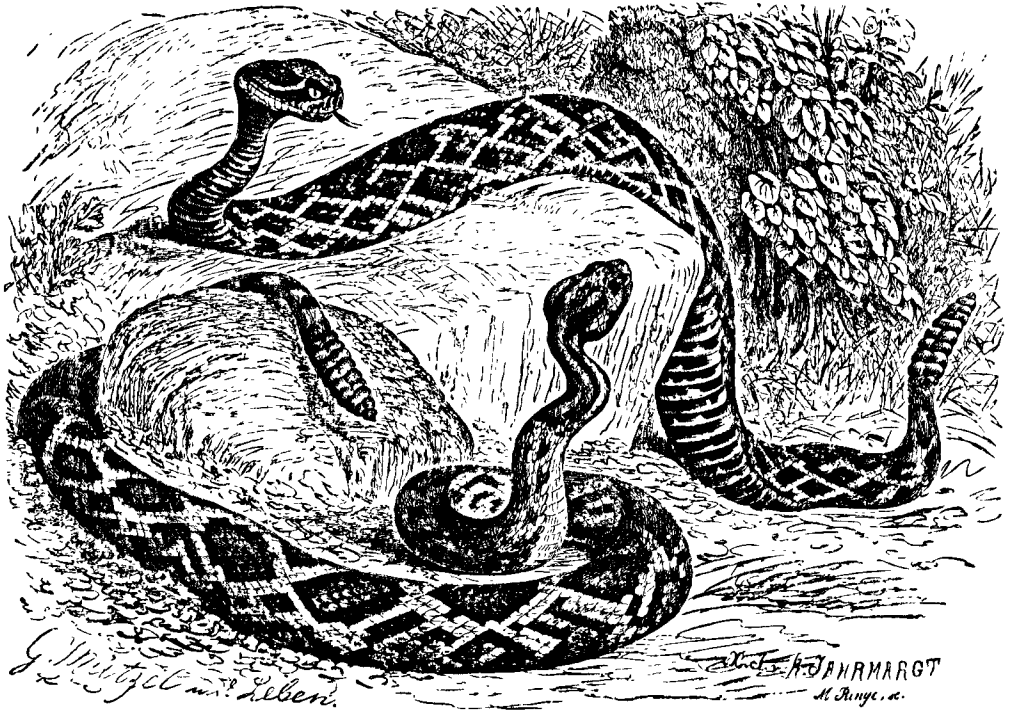
Ниле, который держалъ у себя многихъ гремучихъ змѣй, пришелъ къ заключенію, что ихъ можно приручить. Онъ увѣрялъ, что музыка и на нихъ оказываетъ свое вліяніе, а кроткимъ обращеніемъ можно навѣрно укротить самыхъ бѣшенныхъ изъ нихъ. Говорятъ, что въ концѣ концовъ Ниле дѣйствительно выставилъ прирученныхъ гремучихъ змѣй. «Послушаніе ихъ», говоритъ одинъ свидѣтель, «такъ велико, что, сказавъ имъ нѣсколько словъ и погладивъ рукою, онъ можетъ обращаться съ ними, какъ съ веревками. Онъ позволяетъ змѣѣ ползати у себя на груди, обвиваться вокругъ шеи, цѣлуетъ ее и беретъ въ руки вторую, когда первая обвилась вокругъ него. При этомъ страшныя животныя не только, повидимому, не желаютъ вредить своему хозяину, но, кажется, даже очень къ нему привязаны. Онъ открываетъ ротъ змѣѣ, показываетъ ея ядовитыя зубы и т. п. Его увѣренность въ своей безопасности имѣетъ еще другую причину; онъ знаетъ вѣрное средство противъ укуса змѣй и не скрываетъ этого. По его словамъ,

надо прежде всего вымазать ротъ горячимъ масломъ, потомъ высосать рану, и наконецъ пить настойку изъ корня серпентаріи, пока не вырветъ, послѣ всего этого нечего больше бояться дѣйствія яда».

Нѣтъ причины думать, чтобъ нельзя было заботливымъ уходомъ отчасти приручить гремучихъ змѣй; но обращеніе съ ними, во всякомъ случаѣ, вещь довольно опасная, и почти всѣ фокусники, которые даютъ подобныя представленія, рано или поздно платятся жизнью за малѣйшую неосторожность.

Изъ шести извѣстныхъ намъ видовъ гремучихъ змѣй, не менѣе четырехъ принадлежатъ Сѣверной Америкѣ и только одинъ видъ переступаетъ Панамскій

Ромбическій гремучникъ. *Crotalus adamanteus*. Чернохвостый гремучникъ. *Crotalus horridus*
 $\frac{1}{10}$ наст. вел.

перешеекъ. На югѣ Соединенныхъ Штатовъ къ обыкновенному, т. е. къ болѣе извѣстному виду присоединяется **Ромбическій Гремучникъ** (*Crotalus adamanteus*, rhombifer, atrox, sonoriensis и confluentus. Diamantklapperschlange. Crotale à lozanges), а еще южнѣе, въ Средней Америкѣ, у самой границы области распространенія обыкновеннаго гремучника, появляется **Чернохвостый гремучникъ**, **Каскавелла** (*Crotalus horridus* *Crotalus*. cascavella, Schauerklapperschlange. Crotale de la Guiane), единственный видъ, найденный до сихъ поръ въ Южной Америкѣ.

Ромбическій гремучникъ, безъ сомнѣнія, самый красивый видъ семейства; онъ превосходитъ всѣхъ остальныхъ и величиной, такъ какъ, говорятъ, находили старыхъ самокъ въ два метра длины. Обыкновенно же онъ достигаетъ только 1,7 м. длины. Отъ обыкновенной гремучей змѣи ромбическій гремучникъ сильно отличается во первыхъ большой, вытянутой головой съ мало-развившимися щитками, изъ которыхъ три пары, съ каждой стороны, окаймляютъ сверху края рыльца

между рыльцевыми и надглазными щитками; во вторыхъ — двадцать семью рядами чешуекъ на всемъ протяженіи туловища и наконецъ — окраской и рисунками кожи, такъ что смѣшать его съ обыкновенной гремучей змѣей — невозможно. Небольшой рыльцевый щитъ представляетъ высокій треугольникъ, малоразвитые лобные щитки имѣютъ округленную пятиугольную форму, а большіе надбровные щиты окружены замѣтно выдающимся бортомъ. Великолѣпный зеленоватый, а у нѣкоторыхъ экземпляровъ золотисто-бурый цвѣтъ, въ который облекается животное въ первое время послѣ сбрасыванья кожи, мало по малу темнѣетъ до новаго линянія и вмѣстѣ съ тѣмъ стирается почти совершенно рисунокъ, состоящій изъ трехкратной ромбической цѣпи, золотисто-желтые края которой чудно выдѣляются отъ темнаго фона скошенныхъ четырехугольниковъ. Черно-бурая полоса тянется черезъ глаза, отъ конца рыльца, до угловъ рта. Верхняя часть головы одноцвѣтная или росписана темными, неправильными пятнами, фигурами или полосками.

Чернохвостый гремучникъ похожъ на своихъ сѣверо-американскихъ сородичей устройствомъ щитковъ головы, а на ромбическаго гремучника — цвѣтомъ и рисункомъ; но отличается отъ первыхъ тѣмъ, что четыре щитка передней части рыльца, между рыльцемъ и надглазнымъ щиткомъ, не раздѣлены болѣе мелкими щитками, а слѣдовательно сходятся между собою на средней части головы; отъ ромбическаго же гремучника онъ отличается тѣмъ, что ромбы у него гораздо больше, каймы ихъ гораздо шире, серединныя пятна въ ромбахъ свѣтлѣе и окрашены бѣловато или свѣтло-сѣровато-желтымъ цвѣтомъ. Двѣ параллельныя, широкія, темно-бурья или черныя долевья полосы тянутся черезъ всю голову и шею, начинаясь у глазъ; нижняя часть тѣла желтовато-бѣлаго цвѣта. По величинѣ чернохвостый гремучникъ почти равенъ гремучей змѣѣ. Число рядовъ чешуекъ равняется обыкновенно 29.

Такъ какъ всѣ виды этого рода весьма схожи въ своемъ образѣ жизни, то совершенно достаточно будетъ сообщить о ромбическомъ гремучникѣ, что онъ съ особенной любовью выбираетъ себѣ мѣстожительство около рѣкъ, озеръ, болотъ, или же на морскомъ берегу; онъ также опасенъ но, соотвѣтственно своей величинѣ, еще ядовитѣе своихъ сородичей, а во всемъ остальномъ, въ образѣ жизни и нравѣ, почти ничѣмъ не отличается отъ вышеописанныхъ видовъ. Хотя послѣднее относится и къ чернохвостому гремучнику, но объ его внѣшности и отношеніи къ людямъ существуетъ такъ много интересныхъ сообщеній, что наше желаніе войти въ болѣе подробное описаніе его образа жизни и нравовъ покажется весьма естественнымъ.

«Чернохвостый гремучникъ или каскавелла», говоритъ принцъ фонъ-Видъ, которому мы обязаны подробнымъ описаніемъ этого животнаго, «распространенъ по большей части Южной Америки, живетъ во всей внутренней части Бразиліи, встрѣчается въ провинціи Минасъ Геразъ и пробирается болѣе къ сѣверу, до Гвианы и Амазонской рѣки». Отъ Азара, Бурмейстера и Гензеля мы узнаемъ, что каскавелла встрѣчается и на югѣ; а именно въ Рио-Гранде до Сулъ и въ Лаплатѣ, а отъ Шомбургка, что онъ въ Гвианѣ выбираетъ для житья такія же мѣстности, какъ и въ Бразиліи. «Онъ, повидимому, избѣгаетъ», говоритъ принцъ фонъ-Видъ, «сырые береговые лѣса, но населяетъ болѣе центральныя, сухія, каменистыя мѣстности Сертонга, пустыри, необработанныя еще земли, но живетъ и въ иглистыхъ, сухихъ, нагрѣтыхъ кустарникахъ и т. д.» Съ этимъ сообщеніемъ согласенъ и Чуди, который говоритъ, что чернохвостый гремучникъ предпочитаетъ прохладныя степныя страны жаркимъ первобытнымъ лѣсамъ, почему и встрѣ-

чается преимущественно въ центральных частяхъ Бразиліи. Въ Рио-Гранде до Сулъ, онъ, по словамъ Гензеля, встрѣчается гораздо рѣже двухъ другихъ видовъ гремучниковъ, сурукуку и шарарака (чаще всего еще около поселенія Санта Круцъ) и здѣсь живетъ тоже преимущественно на мѣстахъ открытыхъ, обросшихъ травой и окруженныхъ скалами и кустарникомъ. Въ Гвіанѣ онъ живетъ въ саваннахъ и въ растущемъ тамъ рѣдкомъ, низкомъ кустарникѣ, до высоты 2000 м. надъ уровнемъ моря; но и здѣсь, какъ и въ Бразиліи, онъ избѣгаетъ густыхъ береговыхъ лѣсовъ.

Втеченіе цѣлаго дня каскавелла исключительно предается покою. Она лѣниво лежитъ, свернувшись въ плоскій кружокъ, и кусаетъ только тѣхъ, которые слишкомъ близко подходятъ къ ней. «Часто случается», рассказываетъ принцъ фонъ-Видъ, «потерять такимъ образомъ втеченіе дня нѣсколько штукъ рогатаго скота, укушеннаго въ какомъ-нибудь мѣстѣ пути или пастбища; замѣтивъ это, начинаютъ искать и убиваютъ опасную лѣнивую змѣю. Если не подойти къ ней случайно близко или замѣтить ее за нѣсколько шаговъ, то бояться ее нечего, такъ какъ раньше, чѣмъ укуситъ, она всегда даетъ знать о своемъ присутствіи знакомымъ намъ шуршаніемъ своихъ хвостовыхъ гремушекъ; но звукъ этотъ очень не громокъ, такъ что издали почти не слышенъ. Впрочемъ, несмотря на величайшую осторожность, можно все-таки подойти къ змѣѣ слишкомъ близко и быть укушеннымъ въ ногу». Это случается не только съ бѣлыми, у которыхъ внѣшнія чувства очень слабы, но даже, по словамъ Шомбургка, и съ туземцами, отъ соколиныхъ глазъ которыхъ ничто не ускользаетъ.

«Я часто подходилъ» рассказываетъ Шомбургкъ. «на разстояніе не болѣе 2 м., къ каскавеллѣ, или «Мараккѣ», какъ ее зовутъ туземцы, и спокойно наблюдалъ за нею. Она, правда, не спускала съ меня глазъ, но не выказывала ни малѣйшаго желанія кусаться. Но самое незначительное побужденіе, даже внезапное приближеніе, тотчасъ приводило животное въ бѣшенство. Свернувшись спирально, приподнявъ шею и голову и испуская совершенно своеобразный свистъ, она злобно осматривается кругомъ, выжидая удобной минуты, чтобы укусить врага; она рѣдко даетъ промахъ, а ея ядовитые зубы пробиваютъ самую толстую одежду, самую крѣпкую обувь. Дрожаніе хвоста производитъ, правда, шумъ, но онъ недостаточно громокъ, чтобы его можно было слышать издали». Что касается до троекратнаго предупрежденія, то мы его отнесемъ къ той же области, какъ и волшебную силу, которую приписываютъ каскавеллѣ, т. е. къ области басень. Что человѣкъ всегда можетъ быть предупрежденъ предшествующимъ нападенію шумомъ, подтверждаетъ и Чуди; но предупрежденіе иногда является слишкомъ поздно; случается, напримѣръ, что наступая на спящее животное, и тогда укусъ происходитъ немедленно безъ предварительнаго шума.

Главнѣйшую пищу каскавеллы составляютъ мелкія млекопитающія, а на югѣ, по словамъ Гензеля, маленькія водосвибки и морскія свинки; кромѣ того она гоняется за всѣми птицами, которыхъ надѣется перехитрить. Всѣ наблюденія, сдѣланныя относительно размноженія другихъ гремучихъ змѣй, можно, вѣроятно, отнести и къ каскавеллѣ. Одинъ рассказъ Гарднера даетъ намъ право утверждать, что во время спариванія эти гремучники живутъ обществами. На западномъ склонѣ Органскихъ горъ, близъ Рио-де-Жанейро, онъ услышалъ однажды странное шипѣніе и шорохъ и узналъ отъ своего туземнаго спутника, что этотъ шумъ происходитъ отъ гремучихъ змѣй. Оба путешественника влѣзли на дерево и увидели оттуда до двадцати, свернувшихся въ одинъ клубокъ гремучниковъ, которые, поднявъ головы вверхъ, шипѣли и стучали гремушками. Стрѣлы бразильцевъ и

двухстволка Гарднера убили до 13 штукъ змѣй и многія, тяжело равеныя, были добиты палками.

О дѣйствиі укуса каскавеллы рассказываетъ намъ Шомбургкъ слѣдующее: «Солнце почти совсѣмъ спустилось за горизонтъ, а индѣецъ Эссетамайпу все еще не вернулся, о чемъ, впрочемъ, мы вспомнили только тогда, когда увидали другаго индѣйца, быстро сбѣгавшаго къ намъ съ пригорка: это былъ вѣрный признакъ случившагося несчастія или важной новости, такъ какъ индѣецъ обыкновенно приближается къ деревнѣ самымъ размѣреннымъ шагомъ. Дѣйствительно оказалось, что индѣецъ нашелъ Эссетамайпу, лежащаго безъ чувствъ въ саваннѣ и укушеннаго змѣей. Запасшись всевозможными вспомогательными средствами, мы поспѣшили къ мѣсту, гдѣ, по словамъ индѣйца, лежалъ несчастный, и нашли его тамъ безъ чувствъ. Страшнаго вида рана, вырѣзанная ножемъ и перевязанная клочкомъ передника, надъ щиколкой правой ноги, указывала на мѣсто, гдѣ бѣдняга былъ укушенъ. Вся нога распухла и сильнѣйшія судороги приподымали все тѣло лежащаго безъ сознанія человѣка, котораго даже трудно было узнать, такъ измѣнились его черты вслѣдствіе судорогъ. Бѣдный Эссетамайпу, проходя по саваннѣ, наступилъ на змѣю, тотчасъ убилъ ее въ непосредственномъ припадкѣ мести, а потомъ уже, со свойственной однимъ индѣйцамъ выносливостью, вырѣзавъ ножемъ укушенное мѣсто, самъ перевязалъ рану. Такъ какъ пораненіе произошло на высокомъ мѣстѣ въ глубинѣ саванны, то онъ дотащился съ трудомъ до тропинки, гдѣ его могли скорѣе замѣтить, и тамъ упалъ безъ чувствъ на землю. Почти половина жителей Пирары, увидавъ, съ какой поспѣшностью мы бѣжали мимо ихъ, и узнавъ, вѣроятно, о причинѣ нашей торопливости, послѣдовала за нами и, усѣвшись кругомъ на корточки, молча смотрѣли на несчастнаго, въ то время какъ жена и дѣти Эссетамайпу испускали душу раздражающіе вопли. Судя по застывшей крови, нужно было думать, что укушеніе произошло уже нѣсколько часовъ тому назадъ; поэтому ни высасыванье, ни выжиганье не могло больше принести пользы. Мы обмыли рану амміакомъ и влили нѣсколько капель амміака, разбавленнаго водою, въ ротъ все еще безсознательнаго больного. Это средство произвело, повидимому, свое дѣйствіе. Сознаніе вернулось и больной, который жаловался на боли въ груди, плечахъ и спинѣ, такъ-же какъ и на подергиванье во всѣхъ членахъ, былъ отнесенъ на носилкахъ въ Пирару. Нога оставалась втеченіе нѣсколькихъ дней страшно распухшей до самаго бедра и совершенно неподвижной; при этомъ больной, при малѣйшемъ сотрясеніи, чувствовалъ невыносимую боль. Черезъ три недѣли теплыя припарки изъ кассавы совершенно уничтожили какъ опухоль, такъ и мертвенную блѣдность лица и боли. По истеченіи шести недѣль закрылась и рана, и больной могъ опять владѣть ногой».

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одно происшествіе въ Рио-де Жанейро справедливо возбудило всеобщее вниманіе. Сообщаетъ его намъ Чуди въ своемъ, появившемся въ 1867 году «Путешествіи по Южной Америкѣ». Извѣстный Маньяро-Хозе-Махадо, страдавшій уже долгое время проказой, рѣшился, послѣ четырехлѣтняго пребыванія въ лѣчебницѣ столицы, испытать послѣднее средство излѣченія отъ своей страшной болѣзни. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бразиліи народная молва приписываетъ укушенію ядовитыхъ змѣй свойство излѣчивать отъ проказы. Узнавъ, что въ городѣ находится живая гремучая змѣя, Махадо выразилъ твердое намѣреніе дать себя укусить этому животному. Напрасно близкіе и доктора старались удержать его отъ этого намѣренія. Наскучивъ своей тяжелой жизнью, онъ оставался глухъ ко всѣмъ увѣщаніямъ. Въ сопровожденіи многихъ людей, въ томъ числѣ и нѣкоторыхъ докторовъ, онъ отправился въ указан-

ный ему домъ и составилъ здѣсь торжественный нотаріальный актъ, въ которомъ онъ заявлялъ, что рѣшился на этотъ важный шагъ послѣ зрѣлаго обсуждения и только по собственному побужденію, такъ что всю опасность и отвѣтственность въ случаѣ неуспѣха беретъ на себя. Актъ былъ подписанъ имъ и еще нѣсколькими свидѣтелями.

Махадо былъ человѣкъ средняго роста лѣтъ пятидесяти. Все его тѣло было покрыто тѣми сухими болячками, которыя характеризуютъ проказу, лицо изуродовано и на всѣхъ сочлененіяхъ образовались наросты, съ которыхъ кожа легко лупилась. Его отвращеніе къ жизни достигло высшей степени, такъ что по исполненіи вышеупомянутой формальности, онъ, безъ колебанія, всунулъ руку въ клѣтку гремучяка. Но животное, какъ бы охваченное отвращеніемъ, боязливо отступило. Больной дотронулся до змѣи, но она и тогда направила только жало противъ его вздувшейся руки, и рѣшилась укусить его у основанія мизинца только послѣ долгихъ поддразниваній и давленій съ его стороны. Махадо не почувствовалъ укуса, пока присутствующіе не сообщили ему о немъ. Это случилось въ 11 часовъ 50 минутъ дня. Когда онъ вытащилъ руку изъ клѣтки, около укушеннаго мѣста замѣтна была только небольшая опухоль; 5 минутъ спустя, въ рукѣ появилось ощущеніе холода, она быстро стала пухнуть и черезъ четверть часа приняла страшные размѣры. Въ 12 часовъ 28 минутъ опухоль уже распространилась по всей рукѣ до плеча. Судорожныя подергиванія лица и всего тѣла доказывали усиливающееся дѣйствіе яда. Въ двадцать минутъ втораго стали замѣтны необыкновенная чувствительность и дрожаніе всего тѣла; 16 минутъ позже помутилось сознаніе; больной съ трудомъ шевелилъ губами, появилась сонливость и сжатіе глотки. Въ 2 часа 5 минутъ глотаніе стало затруднительнымъ, а разговоръ неяснымъ. Больной жаловался на ощущеніе невыразимаго страха, и на груди показался обильный потъ; еще черезъ полчаса безпокойство его достигло высшей степени. Въ то же время появилась дурнота и кровотеченіе носомъ, которое повторилось въ 3 часа 4 м. Боли въ рукѣ усилились до такой степени, что больной невольно застоналъ. Въ 3 часа 35 минутъ по всей кожѣ распространился желчный оттѣнокъ и изъ одной изъ болячекъ, подъ рукой, стала сочиться кровь. Больной выпилъ безъ затрудненія немного воды съ виномъ. Но скоро глотаніе и дыханіе опять затруднились, боли въ рукѣ стали почти невыносимыми и желтый цвѣтъ кожи сталъ темнѣть, особенно на укушенной рукѣ. Пульсъ, который въ 2 часа показывалъ 98 ударовъ, достигъ 104 ударовъ въ минуту. Во всемъ тѣлѣ былъ сильный жаръ и показалось слюнотеченіе; въ 5 ч. 30 м. началось значительное изверженіе мочи, а въ 7 часовъ появилась непреодолимая сонливость. Черезъ нѣсколько времени, втеченіе котораго больной непрерывно стоналъ, онъ вдругъ проснулся и сталъ жаловаться на сильную боль въ груди и суженіе горла, такъ что ему невозможно было ничего проглотить; послѣ того наступило опять обильное мочеиспусканіе и кровотеченіе изъ носу. Когда больной наконецъ достигъ такого состоянія, что, какъ онъ самъ, такъ и присутствующіе доктора пришли къ убѣжденію, что болѣзнь будетъ имѣть смертельный исходъ, была сдѣлана съ согласія Махадо еще одна попытка предотвратить катастрофу. Въ 10 часовъ вечера онъ принялъ три ложки отвара Гуако (*Mikania huaco*) и, часъ спустя, еще одну ложку того же средства. Въ полночь больной заснулъ, а черезъ полчаса онъ опять проснулся и, объятый невыразимымъ страхомъ, громко закричалъ и требовалъ священника. Остальная часть ночи прошла очень безпокойно. Около 9 часовъ утра больной впалъ въ глубокое уныніе, выдѣлявшаяся моча была кровяная и судорожныя подергиванія возобновились на подбородкѣ и въ ногахъ. Въ 10 часовъ 30 минутъ, слѣдо-

вательно менѣе, чѣмъ черезъ сутки послѣ отравленія онъ наконецъ умеръ, несмотря на всевозможныя попытки спасти его; между прочимъ ему дано было нѣсколько унцій ящеричнаго жира. Трупъ вскорѣ страшно распухъ и быстро сталъ портиться.

«Если», говорятъ Шомбургкъ, «своевременная, быстрая помощь и можетъ предотвратить смертельный исходъ укушенія змѣи, то раненый все-таки въ продолженіи всей жизни чувствуетъ вредныя его послѣдствія и умираетъ отъ нихъ черезъ нѣсколько лѣтъ. Рана раскрывается почти ежегодно и въ укушенномъ мѣстѣ чувствуется сильная боль при всякой переизмѣнѣ погоды. Кромѣ общеупотребительныхъ средствъ: вырѣзанія и высасыванья раны, такъ-же какъ и свѣжаго сока сахарнаго тростника, употребленіе во внутрь котораго, по словамъ индѣйцевъ, служить вѣрнымъ средствомъ и противъ отравленія стрѣлами, каждое племя имѣетъ еще собственныя лѣкарства, большинство которыхъ мы должны отнести къ воображаемымъ. Такъ, у нѣкоторыхъ племенъ, ни самъ раненый, ни его дѣти, ни родители, ни братья и сестры, живущія съ нимъ, не должны въ первое время послѣ укушенія пить воды, купаться и даже вообще подходить къ водѣ; одной жень его это дозволено. Жажду онъ въ это время можетъ утолять только жадкой, но непременно теплой тыквенной кашей, а голодь — поджаренными плодами пизанга. Если раненый тотчасъ послѣ укушенія пьетъ сокъ сахарнаго тростника, то онъ долженъ въ послѣдствіи избѣгать всего сладкаго. Другія племена воображаютъ, что нашли въ женскомъ молокѣ вѣрное противоядіе и употребляютъ его въ одно время съ смягчительными припарками изъ хлѣба кассавы; другіе, наконецъ, лѣчатъ выжатымъ сокомъ стебельковъ и корней растенія *Draconium dubium*. Довольно сильно распространено тоже противъ укушенія змѣи употребленіе отвара *Bursonima crassifolia* и *Moureira*, и кромѣ вышеупомянутой ароидеи, принадлежащая къ тому же семейству *Quebitea guianensis*. Однако цѣлебное дѣйствіе всѣхъ этихъ средствъ почти всегда обусловлено тѣлосложеніемъ раненаго, такъ что женщины и слабыя мужчины весьма рѣдкѣ выздоравливаютъ». Чуди, впрочемъ, не сомнѣвается, что лѣсные индѣйцы, которые такъ часто подвергаются опасности быть укушенными змѣями, имѣютъ очень дѣйствительное средство противъ змѣйнаго яда; но средство это намъ пока еще неизвестно. «Извѣстно» говоритъ онъ, «что индѣйцы Колумбін и Перу обладаютъ чудеснымъ и почти вѣрнымъ средствомъ противъ укушенія извѣстнаго вида змѣи; это вьющееся растеніе *Vejuco de huaco* (*Mikania huaco*). При обсужденіи вышеописаннаго добровольнаго отравленія онъ прибавляетъ, что средство это въ тысячахъ случаяхъ было примѣнено съ блестящимъ успѣхомъ и не оказало своего дѣйствія у Махадо только потому, что было употреблено слишкомъ поздно, когда, по мнѣнію всякаго знающаго человѣка, о спасеніи нельзя было и думать. «Huaco могло замедлить смерть, но не спасти отъ нея».

«Бразильцы» замѣчаетъ принцъ фонъ-Видъ, «знаютъ нѣсколько весьма дѣйствительныхъ средствъ отъ укушенія змѣи, лѣченіе которыми сопровождается у нихъ многими суевѣрными обрядами, молитвами, заклинаніями и т. п. Къ этимъ средствамъ принадлежатъ: вырѣзаніе и выжиганіе раны, отвары разныхъ травъ, которые употребляютъ для примочекъ или во внутрь; въ послѣднемъ случаѣ они дѣйствуютъ обыкновенно, какъ потогонное. Травъ этихъ, употребляемыхъ отъ укушенія змѣи, насчитывается довольно большое количество; къ нимъ принадлежатъ: нѣсколько видовъ *Aristolochia*, *Bigonía*, *Iacaganda* и др., такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ всякій совѣтникъ думаетъ, что извѣстное ему средство самое лучшее. Корни, листья и плоды этихъ растеній скоблятъ и растираютъ, даютъ во внутрь, или же прикладываютъ къ ранѣ; одни дѣйствуютъ раздражающимъ образомъ, другія,

и большая даже часть, какъ потогонное и т. д.» Въ описаніи своего путешествія, принцъ сообщаетъ о многихъ случаяхъ исцѣленія укушенныхъ змѣями. Молодому индѣйцу перевязали укушенную ногу, вырѣзали и высосали рану и дали во внутрь, вмѣсто другаго потогоннаго, водки. «Послѣ неоднократнаго выжиганія раны порохоомъ, больного положили въ койку и насыпали въ рану порошокъ шпанской мушки. Нога сильно распухла. Присутствовавшій при этомъ рудоколь принесъ два корешка, дѣйствіе которыхъ онъ очень расхваливалъ; одинъ изъ нихъ былъ губчатъ и безвкусенъ, вслѣдствіе чего его забраковали; изъ другаго, очень горькаго (вѣроятно *Aristolochia ringens*), сварили крѣпкій настой. Была ли послѣдовавшая затѣмъ рвота произведена этимъ чаемъ, водкой или змѣинымъ ядомъ—весьма трудно рѣшить. Послѣ спокойной ночи нога и бедро были такъ сильно распухши, что объемъ ихъ былъ вдвое больше нормальнаго, больной же такъ раздражителенъ, что малѣйшій шумъ заставлялъ его плакать и кричать. Такъ какъ у него изо рта шла кровь, ему ничего больше не давали во внутрь; на ногу же положили листьевъ, вѣроятно *Plumeria obovata*, которые больнои очень хвалилъ за ихъ охлаждающее дѣйствіе. Въ рану насыпали порошокъ изъ корня этого растенія и больнои скоро поправился. Во время короткаго путешествія въ окрестностяхъ Рио де Жанейро Селлоу нашелъ негра, укушеннаго змѣей, лежащаго на землѣ въ совершенномъ изнеможеніи. Лицо его сильно распухло, онъ дышалъ громко, и изъ ушей, носа и рта шла кровь. Ему дали во внутрь жиру большой ящерицы теюу, а передъ тѣмъ, какъ снаружи, такъ и во внутрь употребляли чай изъ одной вербены, которая дѣйствуетъ какъ потогонное».

Сообщенное выше даетъ понятіе о болѣе употребительныхъ лѣченіяхъ такихъ больныхъ среди бразильскихъ деревенскихъ жителей; и тамъ, какъ и у насъ, каждый знаетъ какое-нибудь превосходное средство, которое помогаетъ навѣрное и держится, конечно, въ секретѣ.

Чуда рассказываетъ, что нѣмецкій аптекаръ Пеккольдъ въ Кантагалло приготовлялъ тинктуру изъ лѣснаго растенія, употребляемаго иногда съ успѣхомъ туземцами противъ укушенія змѣй; этому лѣкарству онъ далъ названіе *Polycopaton* и пустилъ его въ продажу. Къ этой тинктурѣ присоединяютъ еще особеннаго устройства банки, которыя, перевязавъ пораненный членъ ниже раны, наставляютъ на увеличенную надрѣзанами рану. Тинктура принимается чаще или рѣже, смотря по большей или меньшей силѣ припадковъ. «Средство это оказало прекрасныя услуги въ болѣе, чѣмъ семидесяти случаяхъ въ окрестностяхъ Кантагалло. Примѣненное даже очень поздно, оно приносило исцѣленіе и въ такихъ случаяхъ, когда отравленіе приняло уже самый угрожающій характеръ и наступило опасное кровохарканье».

Индѣйцы и негры увѣряютъ, что укушеніе гремучей змѣи опаснѣе всего въ то время, когда она беременна или мѣняетъ кожу, а также въ жаркую погоду, въ полнолуніе и новолуніе. Какъ индѣйцы, такъ и колонисты говорятъ тоже, что змѣи выплевываютъ ядъ во время питья, что укушенные змѣями люди должны во все время лѣченія избѣгать женщинъ, что ядъ долго сохраняетъ свою силу и рассказываютъ объ этомъ много, часто преуморительныхъ анекдотовъ. Среди бразильцевъ и сѣверо-американцевъ переходитъ изъ устъ въ уста извѣстная исторія о парѣ салогъ, убившихъ трехъ мужей у одной женщины, только вслѣдствіе того, что отломившіеся при укушеніи зубы гремучника остались въ нихъ, и этому всѣ вѣрятъ, конечно, безъ возраженій.

О врагахъ каскавеллы ничего не сообщаетъ ни принцъ фонъ Видъ, ни другіе путешественники; но не подлежитъ сомнѣнію что ихъ истребляютъ въ довольно

большомъ количествѣ нѣкоторые виды куницъ, а также извѣстные враги змѣй, хищныя и болотныя птицы; даже домашнія кошки успѣшно борются съ ними. Человѣкъ убиваетъ ихъ гдѣ только встрѣтитъ но ни на что не употребляетъ. Ни одинъ южный американецъ, даже дикій индѣецъ, не ѣстъ мяса змѣи. Но хвостовыя гремушки, по словамъ принца, никогда не выбрасываются; ихъ даже охотно покупаютъ, такъ какъ онѣ считаются очень дѣйствительнымъ средствомъ во многихъ болѣзняхъ.

Въ Южной Америкѣ только одни негры находятъ удовольствіе въ воспитаніи ядовитыхъ змѣй. «Искусство прирученія такихъ змѣй», говоритъ Шомбургкъ, «повидимому перенесено неграми изъ своего отечества; нерѣдко можно видѣть, что гремушники, у которыхъ даже не вырваны ядовитые зубы, обвиваются вокругъ руки своего хозяина, не причиняя ему вреда, и вообще живутъ съ нимъ на самой дружеской ногѣ».

* * *

«Нѣмымъ кроталомъ» (*Crotalus mutus*, *Stumme Klapperschlange*) Линней называлъ одного изъ самыхъ опасныхъ гремушниковъ Южной Америки, которую голландскіе поселенцы Гвіаны называютъ **Бушмейстеръ**, а бразильцы **Сурунку**. Онъ почти во всемъ схожъ съ гремучей змѣей, за исключеніемъ болѣе острой спины: хвостъ у него, вмѣсто гремушекъ, имѣетъ отъ 10 до 12 поперечныхъ рядовъ маленькихъ заостренныхъ чешуй на нижней части хвоста и одинъ шипъ на концѣ, вслѣдствіе чего Доденъ считаетъ его представителемъ особаго рода **Лакезисъ** (*Lachesis*)

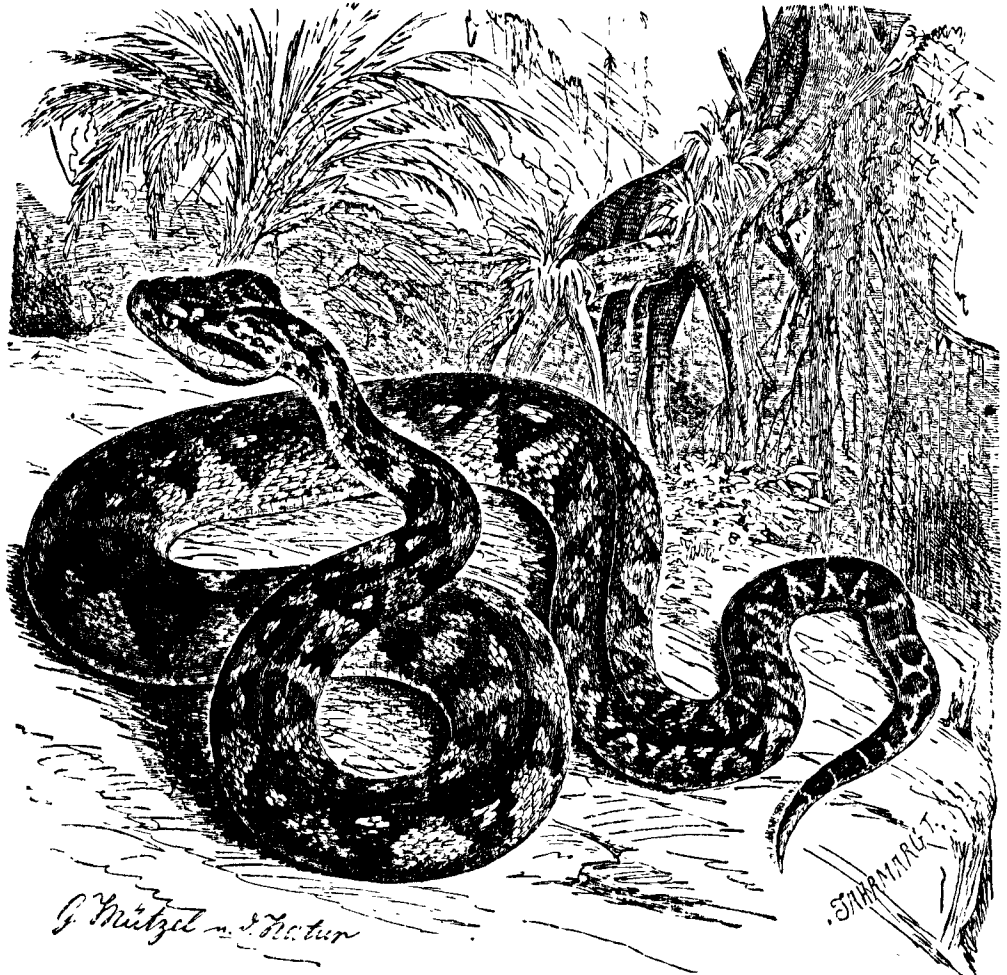
Нѣмой кроталъ (*Lachesis muta*, *Crotalus mutus*, *Scytale ammodytes*, *Coplias surucucu* и *crotalinus*, *Bothrops surucucu*, *Lachesis rhombeata*, *Buschmeister*, *Lachesis muette*) достигаетъ 2,5, а по словамъ Каплера, до 4 м.; по красновато-желтому фону верхней части тѣла проходитъ продольный рядъ черно-бурыхъ ромбовъ, изъ которыхъ каждый заключаетъ въ себѣ два меньшихъ свѣтлыхъ пятна. Нижняя часть тѣла желтовато-бѣлая, блестящая какъ фарфоръ. Цвѣтъ спины на шеѣ становится темнѣе, рисунокъ переходитъ на головѣ въ неправильныя черно-бурыя пятна. Отъ глаза до угла рта идетъ широкая темная полоса по болѣе свѣтлому фону. Сердцевидная, очень расширенная ядовитыми железами, голова этой красивой змѣи, которая рѣзко отдѣляется отъ шеи, такъ-же какъ и ядовитые зубы въ 2,5 см. длины, уже издали указываютъ на ядовитость нѣмого кротала. Еслибъ эти змѣи жили не въ высокихъ лѣсахъ, гдѣ онѣ лежатъ, свернувшись, цѣлыми днями, и еслибъ онѣ были многочисленнѣе, то путнику угрожала бы смерть на каждомъ шагѣ: по словамъ индѣйцевъ, змѣя эта не убѣгаетъ, подобно другимъ змѣямъ, отъ человѣка, а, свернувшись спиралью, спокойно поджидаетъ его, чтобы потомъ, съ быстротою молніи, броситься на него. Она безспорно самая ядовитая и опасная змѣя, живущая въ Гвіанѣ, и укушеніе ея безусловно смертельно». Съ этимъ описаніемъ согласны всѣ сообщенія другихъ наблюдателей, которые прибавляютъ, что ее еще больше опасаются, чѣмъ гремучей змѣи.

«Въ сѣверной и средней Бразиліи», говоритъ принцъ фонъ Видъ, «эта змѣя живетъ всюду, потому что я слыхалъ о ней во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ я бывалъ, и мои охотники убивали ее въ лѣсахъ у рѣкъ Притиба и Итаперири. Рио-Доце, Перухипе и далѣе на сѣверъ». Маркграфъ находилъ ее въ Цернамбуко, Вухереръ около Бахія, Чуди во всѣхъ прибрежныхъ мѣстностяхъ, бассейна Амазонской рѣки, начиная съ провинціи Санто-Паоло, далѣе на сѣверъ въ Куйабѣ и Мато-Гроссо; Шомбургкъ и другіе наблюдатели видѣли ее въ Гвіанѣ.

«Это большая, красиво разрисованная, лѣнивая змѣя, которая какъ говорятъ,

толщиной равняется мужскому бедру; она выбирает для своего мѣстожителства преимущественно прохладные, тѣнистые лѣса, въ которыхъ обыкновенно спокойно лежитъ, свернувшись на землѣ. Она никогда не влѣзаетъ на деревья. По образу жизни и нраву она, повидимому, очень похожа на гремучую змѣю. Увѣряютъ, что она ночью подползаетъ къ огню, и поэтому бразильцы, принужденные кочевать въ лѣсахъ, почти никогда не разводятъ огня. Говорятъ еще, что она выплевываетъ ядъ, когда хочетъ напиться, и еще многое другое. Нѣкоторые португальцы

Нѣмой кроталь. *Lachesis muta*. $\frac{1}{16}$ наст. вел.

говорятъ еще, будто она ранитъ шипомъ хвоста; но индѣйцы и негры, которыхъ я спрашивалъ объ этомъ, всегда мнѣ указывали на отверстіе страшнаго зуба, какъ на мѣстѣлище яда.

«Кажется, что въ Бразиліи время сбрасыванья кожи этихъ змѣй совпадаетъ со временемъ линянья птицъ, такъ какъ я нашелъ однажды въ мартѣ, въ первобытномъ лѣсу около Марро д'Арава, совсѣмъ свѣжесброшенную кожу, на которой еще отпечатаны были всѣ чешуйки.

«Падъ пищей и размноженіемъ этой красивой змѣи, мнѣ не случилось дѣлать наблюденій; но нужно полагать, что въ этомъ отношеніи она вполнѣ сходна

съ гремучей змѣей. Вслѣдствіе величины и толщины своего тѣла, такъ-же какъ и силы оборонительныхъ средствъ, эта змѣя можетъ справиться съ довольно большимъ животнымъ.

«Ея укушеніе убиваетъ быстро. Около Рио-де Жанейро одинъ негръ умеръ черезъ шесть, другой черезъ 12 часовъ послѣ укушенія и рассказываютъ еще много подобныхъ случаевъ. Говорятъ, что у укушенныхъ кровь льется изъ ушей, рта и носа. Однако, если скоро подать помощь, то раненые часто выздоравливаютъ. Впрочемъ довольно трудно отдѣлать въ этомъ случаѣ правду отъ лжи, вслѣдствіе множества легендъ и басенъ, которыя носятъ въ народѣ объ этой змѣѣ. Одинъ голландскій колонистъ сообщаетъ о нѣмомъ кроталѣ слѣдующее: «Къ счастью эта змѣя не очень часто встрѣчается вблизи плантацій, а живетъ больше въ высокихъ лѣсахъ. Но такъ какъ въ нихъ много лѣсопильныхъ мельницъ и многіе торговцы лѣсомъ живутъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, то случается часто, что то одинъ, то другой изъ нихъ умираетъ отъ укушенія змѣи. Одинъ индѣецъ нанялся къ господину Молль въ качествѣ охотника и отправился однажды въ лѣсъ стрѣлать дичь. Нѣсколько времени спустя собака его принялась выть—вѣрный признакъ близости змѣи. Испугавшись за жизнь своей собаки, индѣецъ поспѣшилъ на ея голосъ, съ ружьемъ въ рукѣ, но змѣя бросилась на него раньше, чѣмъ онъ ее замѣтилъ, сильно укусила въ руку выше локтя и сама исчезла. Не чувствуя пока боли, индѣецъ преслѣдовалъ змѣю, убилъ ее, распоролъ ей животъ и натеръ рану ея желчью, какъ противоядіемъ; послѣ того онъ, взявъ въ руки змѣю, поспѣшилъ домой. Но такъ какъ до дому было еще очень далеко, онъ почувствовалъ на полѣ дорогѣ слабость и холодъ, такъ что его члены окоченѣли, и онъ упалъ обезсиленный на землю. Собака, замѣтивъ, что хозяинъ ея лежитъ безъ чувствъ, побѣжала домой и тамъ подняла такой шумъ, что тотчасъ Молль понялъ, что съ его охотникомъ случилось несчастіе. Онъ взялъ съ собою одного изъ своихъ людей и поспѣдовалъ за прыгавшимъ отъ радости путеводителемъ. Черезъ полчаса они нашли индѣйца на землѣ, совершенно окоченѣлаго, но еще въ полномъ сознаніи. Узнавъ отъ него о случившемся, Молль съ своимъ слугою перенесъ раненаго домой; однако всѣ примѣненные средства оказались неэффективными: ядъ уже проникъ въ кровь, такъ какъ со времени укушенія прошло нѣсколько часовъ и смерть была неизбежна.

«Однако, какъ ни опасно укушеніе этой змѣи, раненый можетъ почти всегда быть спасенъ нижеупомянутыми средствами, если примѣнять ихъ втеченіе первыхъ часовъ послѣ укушенія: больному даютъ пить, мало-по-малу одну или двѣ бутылки молока съ 4—6 ложками деревяннаго масла, когда оно есть на лицо; даютъ жевать сырой сахарный тростникъ или, за неимѣніемъ его, горкій померанецъ, глубоко вырѣзаютъ рану и накладываютъ на нее вытяжной пластырь изъ размоченныхъ табачныхъ листьевъ съ очень обыкновеннымъ въ Вестъ-Индіи корнемъ репейника (вѣроятно *Argemone mexicana*), смоченнымъ бензойной или камфарной тинктурой; этотъ пластырь перемѣняютъ каждые четверть часа и прибавляютъ къ нему, если края раны почернѣютъ, еще опиуму. Во внутрь даютъ больному слабительныя и рвотныя средства, а рану искусственно поддерживаютъ еще втеченіе нѣсколькихъ дней». Дѣйствительны ли вполнѣ эти средства—остается пока нерѣшеннымъ, особенно послѣ утверженія въ противномъ Шомбургка. Послѣдній сообщаетъ намъ одну замѣчательную исторію, основанную на его собственномъ опытѣ. «Во время моего перваго пребыванія въ Бартико-Грове», пишетъ онъ, «я нашелъ тамъ цвѣтнаго челоуѣка, сынъ котораго былъ укушенъ коварнымъ нѣмымъ кроталомъ въ лѣвую щеку за нѣсколько дней до моего

приѣзда. Отецъ нашелъ сына уже въ безсознательномъ состоянці и высосалъ ему рану. Черезъ четверть часа послѣ того человѣкъ этотъ почувствовалъ уже невыносимыя страданія, голова его распухла и скоро превраталась въ безформенную массу: появились всѣ признаки отравленія, которое, какъ оказалось, проникло въ кровь черезъ отверстіе больного зуба. Мальчикъ умеръ, а отецъ остался хворымъ; по крайней мѣрѣ я его еще засталъ таковымъ въ послѣднее свое пребываніе въ тѣхъ мѣстахъ».

«Индѣйцы и негры», говоритъ принцъ фонъ-Видъ, «ѣдятъ иногда мясо нѣмого кротала, отрубивъ ему предварительно голову. При встрѣчѣ съ этой змѣей, въ нее стрѣляютъ изъ ружья, такъ какъ всякій считаетъ долгомъ убить это опасное и огромное животное, котораго всѣ боятся и ненавидятъ. Въ змѣиныхъ доушки онъ тоже иногда попадаетъ и тогда обыкновенно долго остается живымъ».

Въ Европу нѣмой кроталъ попадаетъ гораздо рѣже, чѣмъ этого желали бы наши знахари. Въ честь его, одно изъ ихъ средствъ названо «Лакезисъ», вѣроятно потому, что для его изготовленія Герингъ прежде всего взялъ ядъ нѣмого кротала и обработалъ его. Удивительное дѣйствіе этого средства можетъ доказать слѣдующій разсказъ. «Когда мы вспоминаемъ», говоритъ намъ Герингъ, «старыя народныя лѣкарства, то не можемъ не замѣтить, что для ихъ изготовленія употреблялись многія рыбы, а еще чаще земноводныя. Эти страшныя, отвратительныя существа должны были имѣть силу преодолевать самыя ужасныя болѣзни. Разсмотрѣвъ внимательно извѣстныя намъ старыя преданія, мы увидимъ, что жареныя лягушки, сушенныя ящерицы, жиръ змѣй, кровь черепахъ и преимущественно ихъ желчь—расхваливаются на всѣ лады, какъ самыя дѣйствительныя средства противъ упорнѣйшихъ сыпей и нарывовъ. Но сильнѣе всѣхъ животныхъ ядовъ справедливо считается змѣиный, такъ что страшно кажется и употреблять его, какъ лѣкарство, особенно если вспомнить, что многіе изъ укушенныхъ и исцѣленныхъ отъ него всю жизнь страдали сыпями на укушенномъ мѣстѣ, которое, говорятъ, дѣлалось такого же огненнаго цвѣта, какъ сама змѣя. Если кромѣ того принять въ соображеніе, что большое количество этого яда убиваетъ мгновенно, меньшее количество производитъ опухоли и воспаленія и даже самое малое—вызываетъ опасныя припадки, то, конечно, надо стараться настолько уменьшить дозу, чтобы дѣйствіе его было менѣе быстро, и чтобы его раньше можно было замѣтить и предупредить. Поэтому то, еще раньше моего переѣзда на югъ, у меня явилось сильное желаніе изслѣдовать знаменитый ядъ. Опыты со змѣинымъ ядомъ, растертомъ въ молочномъ сахарѣ, не только покажутъ, какъ онъ дѣйствуетъ на людей, но и дадутъ возможность съ большей увѣренностью лѣчить больныхъ и изъ множества противоядій выбирать самыя дѣйствительныя; они, наконецъ, возведутъ змѣиный ядъ на степень очень важнаго цѣлебнаго средства. Я здѣсь напому только разсказъ Галлена, въ которомъ говорится, что прокаженный былъ исцѣленъ виномъ, въ которомъ околѣлъ ужь. Мнѣ тоже сообщили здѣсь (въ Парамарибо) подъ большимъ секретомъ, что жареная голова ядовитой змѣи, истолченная въ порошокъ, служить главною составною частью порошка, который, втертый въ седины кожи, не только предупреждаетъ вредное дѣйствіе укушенія, но исцѣляетъ и послѣ укушенія. Наконецъ я видѣлъ прокаженнаго, у котораго, какъ мнѣ говорили, пропали всѣ струпья на лицѣ и на всемъ тѣлѣ вслѣдствіе лѣченія этимъ порошкомъ. Не слѣдуетъ пренебрегать народными средствами; до Ганемана они были почти единственными источниками аптекарскихъ лѣчебныхъ средствъ. Часто истиннѣе указывалъ людямъ на такія средства, на которыя не натолкнулъ бы ихъ и столѣтній опытъ. Все это, вмѣстѣ взятое, заставило меня сильно желать пріобрѣсти большую живую ядовитую змѣю».

Такое вступленіе заставляетъ ожидать весьма многого; дѣйствительно, Герингъ не обманываетъ нашихъ ожиданій. Онъ рассказываетъ весьма подробно, какъ въ 1828 году онъ наконецъ добылъ себѣ нѣмого кротала, выжалъ ядъ, 10 капель его смѣшалъ съ 100 гранами молочнаго сахара и эту смѣсь растиралъ втеченіе «цѣлаго часа»; потомъ 10 гранъ этой смѣси опять смѣшалъ со ста гранами сахару, чтобы получить сотыя части, считая каждую каплю яда за гранъ. Къ счастью для страждущаго человѣчества, самъ изобрѣтатель этого чудеснаго средства испыталъ дѣйствіе его тотчасъ на самомъ себѣ. «При растираніи яда», говоритъ онъ, «я замѣтилъ, что вдыхаю мелкія его частицы. Вслѣдствіе этого я почувствовалъ, сзади на нѣбѣ, странное ощущеніе, какъ бы щекотаніе; черезъ часъ появилась щемлящая боль въ горлѣ, на маленькомъ мѣстечкѣ, глубоко справа, на сторонѣ глотки; при глотаніи боль не увеличивалась, но усиливалась при нажиманіи. Нѣсколько часовъ спустя, катаясь на воздухѣ, я вдругъ былъ охваченъ страхомъ, или, скорѣе, какъ бы тяжелымъ предчувствіемъ чего то ужаснаго; оно мучило меня болѣе часа. Къ вечеру на меня напалъ припадокъ необыкновенной, почти безумной ревности, столь же глупой, какъ и непреодолимой, позднѣе слабость, усталость, сонливость, и при этомъ страшная болтливость, но говорилъ я, кажется, вздоръ. Аппетитъ совершенно пропалъ, вслѣдствіе какого то непріятнаго ощущенія въ желудкѣ, появилось сильное желаніе выпить пива и отъ времени до времени вышеупомянутая боль въ горлѣ. Когда я наконецъ, совершенно сонный (какъ мнѣ казалось), легъ въ постель, то заснуть никакъ не могъ, все ворочался съ боку на бокъ, не находя удобнаго положенія: все казалось—что то давило въ шею и въ затылокъ. Всякое прикосновеніе къ гортани было не только чувствительно, но производило какъ бы ощущеніе удушья и увеличивало боль горла сзади. Ладони, подошвы и животъ были очень горячи. Заснувъ наконецъ поздно, я очень рано проснулся. На другой день испражненія были недостаточны, полужидки и глинистаго цвѣта; на третій день утромъ сдѣлался поносъ съ кашицевиднымъ испражненіемъ, а послѣ обѣда я, заснувъ, видѣлъ превеселыя, уморительныя сновидѣнія».

При первомъ употребленіи этого удивительнаго средства такимъ искуснымъ врачомъ, получилось слѣдующее: отвращеніе отъ куренія, вспыльчивость и гнѣвъ, но безъ злобы, недовѣріе и подозрительность, щекотанье въ кончикѣ носа; въ углахъ глазъ чувствовалось давленіе и они слезились; передъ полночью появилось возбужденное состояніе, и послѣ полночи—внезапный поносъ, потомъ поразительная апатія, забывчивость и желаніе выпить вина, боль подъ ложечкой при давленіи, зудъ между пальцами, безпокойство, вызывающее на воздухъ, насморкъ и поносъ, которые доказывали, можетъ быть, что приемъ былъ слишкомъ силенъ. При слѣдующихъ опытахъ наступили всевозможные и трудно вообразимые припадки, даже если одинъ гранъ Lachesis'a былъ разводимъ 10,000 гранами воды.

Вся эта исторія должна убѣдить невѣрующихъ, что наши знахари еще много могутъ научиться относительно описанія болѣзней.

* * *

Городъ Змѣиногорскъ въ Алтайскомъ горномъ округѣ, по словамъ Ренованца, получилъ свое названіе отъ поразительнаго количества змѣй, которыя сначала находились въ рудоносныхъ горахъ, и въ такомъ множествѣ, что ихъ должны были складывать въ кучи и сжигать, чтобы отъ нихъ избавиться. Когда мы, т. е. Финшъ, графъ Вальдбургъ-Цейль-Траухбургъ и я, лѣтомъ 1876 г. посѣтили этотъ красивый городъ, то рѣшили изслѣдовать: заслуживаетъ-ли еще и теперь этотъ городокъ свое названіе, и просили нашего радушнаго хозяина, горнаго чиновника

*

Иванова, послать кого-нибудь изъ незанятыхъ рабочихъ на охоту за змѣями. Несмотря на грозу и дождливый день, намъ принесли въ самый короткий срокъ исключительно ядовитыхъ змѣй, нашу общеизвѣстную гадюку и еще другую, на первый взглядъ похожую на нее, но изъ другаго рода, именно единственнаго европейскаго представителя гремучниковъ.

Хались или Щитомордникъ служить представителемъ **Копьеголовыхъ змѣй** (*Ancistrodon Dreiecksköpfe*). Палиссо де-Бовуа, который и ввелъ это названіе въ науку, обозначаетъ имъ всѣхъ гадюкъ безъ гремушекъ съ трехугольной головой, крытой сверху обыкновеннымъ числомъ щитовъ, съ длиннымъ туловищемъ, снабженнымъ 17—27 рядами килеватыхъ чешуекъ, и съ очень короткимъ, неспособнымъ къ схватыванью хвостомъ, нижніе щиты котораго расположены въ два или три ряда, а послѣдняя чешуйка, похожая на жало и роговая, по утверженію нѣкоторыхъ изслѣдователей, представляетъ, конечно, недоразвившуюся гремушку. Изъ этого рода извѣстны 9 или 10 видовъ, которые обитаютъ по большей части въ Сѣверной и Центральной Америкѣ, въ нѣкоторыхъ своихъ формахъ распространяются и на Среднюю и южную Азію, а одинъ видъ переходитъ и за Уралъ и такимъ образомъ проникаетъ на крайній востокъ Европы. Всѣ эти змѣи живутъ исключительно на сушѣ.

Хались, Щитомордникъ азіатскій (*Ancistrodon halys, Coluber, Vipera* и *Trigonosephalus halys, Trigonosephalus sagaranus, Halys Palasi, Halyssschlange, Vipère de Pallas*) не превосходитъ существенно по величинѣ нашу гадюку, такъ какъ, насколько до сихъ поръ извѣстно, высшая длина ея не больше 75 см. Совершенно трехугольная голова ея необыкновенна плоска, на концѣ морды косо срѣзана снизу, сверху углублена въ видѣ желобка и покрыта обыкновенными 9 щитками; покрытая щитками часть головы, однако, невелика и по крайней мѣрѣ половина ея прикрыта ими; щиты еще отличаются тѣмъ, что каждая пара или каждый щитъ лежитъ въ особой плоскости и своимъ заднимъ краемъ прикрываетъ передній край слѣдующихъ паръ или щитка; такимъ образомъ получается болѣе или менѣе ясно обозначенное черепичное расположеніе всей группы головныхъ щитовъ. Отличительной особенностью этого вида, по Шрауху (обстоятельное изслѣдованіе котораго я привожу въ извлеченіи), являются узкіе передніе лобные щиты, которые всѣ вмѣстѣ составляютъ фигуру въ видѣ полумѣсяца и представляютъ выпуклую возвышенность; благодаря имъ, вся морда имѣетъ форму болѣе или менѣе сильно изогнутаго сѣдла. Голова всегда очень рѣзко отдѣляется отъ сжатой и тонкой шеи; туловище довольно длинное и посерединѣ почти круглое, покрыто 25 рядами килеватыхъ чешуй и передъ хвостомъ немного утолщено; послѣдній очень коротокъ, конусообразно заостренъ и снабженъ вышеупомянутымъ роговымъ придаткомъ, довольно длиннымъ, слегка изогнутымъ и съ замѣтною бородкою во всю длину. Окраска верхней стороны всегда буровато-желто-сѣрая, на серединѣ спины болѣе темная; нижняя сторона болѣе или менѣе чистаго желто-бѣлаго цвѣта; на заднихъ щитахъ замѣчаются болѣе или менѣе ясныя черныя точки. Совершенно то же замѣтно на краяхъ губныхъ щитовъ, которые на желтомъ фонѣ имѣютъ каштановые рисунки. Узоръ головы состоитъ изъ большого правильной четырехугольной формы пятна, которое находится на обѣихъ парахъ лобныхъ щитовъ, изъ широкой, на серединѣ прерывающейся поперечной полосы, которая тянется отъ одного предглазнаго щита къ другому, и изъ очень широкой полосы, пробѣгающей отъ задняго края глаза до угла рта черезъ шею. Всѣ эти рисунки имѣютъ окраску спины и окаймлены болѣе или менѣе замѣтно желтой каймой. Вдоль всей спины и на концѣ хвоста

находятся въ большомъ количествѣ желтыя или желто-бѣлыя, окаймленныя чернымъ, поперечныя полосы, по краямъ зазубренныя, часто прерывающіяся или развитыя лишь на половину; иногда онѣ развѣтвляются различнымъ образомъ на подобіе сѣти. Къ нимъ примыкаютъ по сторонамъ туловища черно-бурыя, окаймленныя молочно-бѣлымъ, большею частью правильныя полосы, расположенныя продольными рядами. Первое пятно на затылкѣ отличается отъ остальныхъ своей подковообразной формой. У этой змѣи тоже встрѣчаются видоизмѣненія въ цвѣтѣ и рисункѣ.

Область распространенія щитомордника, открытаго Палласомъ у верховьевъ Енисея и впоследствии вновь найденнаго близъ устьевъ Волги и у Ленкорани на юго-

Щитомордникъ азіатскій. *Ancistrodon halys*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

западъ отъ Каспійскаго моря, простирается отъ Волги на востокъ до Енисея и отъ 51° сѣверной широты на югъ, до какой широты еще неизвѣстно. Въ Европѣ эта змѣя обитаетъ только между Волгой и Ураломъ въ степныхъ мѣстностяхъ. Ея настоящей родиной можно считать Среднюю Азію и именно южную Сибирь, такъ-же какъ сѣверъ Туркестана и Монголіи. Въ Киргизской степи, именно въ юго-восточныхъ ея частяхъ, она можетъ вмѣстѣ съ гадюкою считаться самой распространенной змѣей; то же самое можно сказать, какъ видно уже изъ вышесказаннаго, и о степяхъ Алтайскаго округа.

По нашимъ, впрочемъ, очень поверхностнымъ наблюденіямъ, щитомордникъ не имѣетъ постояннаго убѣжища, а ложится днемъ то тутъ, то тамъ, слегка свернувшись клубкомъ, между травами степи. Когда мы съ нашими киргизскими

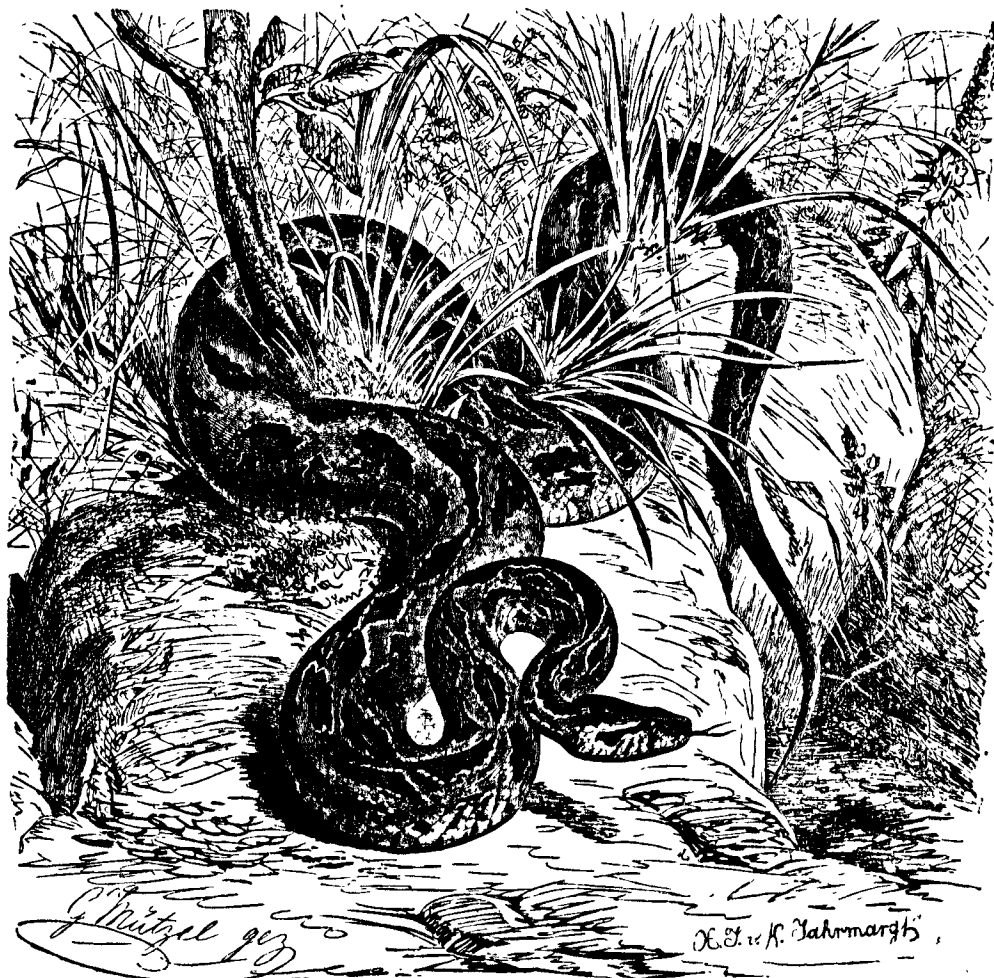
проводниками переѣзжали черезъ степь Семирѣченской области, а потомъ черезъ долину Эмиль, мало чѣмъ отличающуюся отъ первой; каждый день по нѣсколько разъ случалось, что какой-нибудь киргизъ вдругъ вытаскивалъ свой длинный ножъ, наклонялся съ сѣдла и наносилъ быстрый ударъ. Это всегда обозначало присутствіе ядовитой змѣи, то гадюки, то щитомордника, и доказывало намъ, какъ вообще распространены здѣсь оба эти животныя. При разспросахъ киргизовъ, я получалъ полное подтвержденіе этому мнѣнію. Эти кочевники съ полнымъ правомъ ненавидѣли и ту, и другую змѣю, потому что, благодаря имъ, они нерѣдко теряютъ ягнятъ и козь, хотя и тѣ, и другія знаютъ этихъ змѣй и избѣгаютъ ихъ. Тѣ киргизы, которыхъ я спрашивалъ, ничего не могли сообщить мнѣ относительно пищи этой змѣи, и я рѣшаюсь высказать только догадку, что щитомордники, такъ же какъ и гадюки, питаются мышами, маленькими птицами, преимущественно жаворонками и вѣроятно жабовидными ящерицами, очень обыкновенными въ степи. Зато киргизы знали очень подробно образъ жизни обѣихъ змѣй, знали, на примѣръ, что онѣ ночныя животныя, говорили также совершенно вѣрно, что онѣ днемъ спятъ, и прибавляли при этомъ, что въ самое жаркое время года онѣ лежатъ на солнцѣ только въ утренніе и вечерніе часы, въ полдень же прячутся въ тѣнь кустарника или подъ камнями или залѣзаютъ въ воду и тамъ располагаются. Ея укуса очень боятся, потому что опасность его всѣмъ хорошо извѣстна, а дѣйствительно вѣрнаго средства противъ него не знаютъ. Сначала вырѣзываютъ у укушеннаго рану, высасываютъ ядъ, даютъ тинктуру опиума и, наконецъ, мочатъ въ водѣ укушенное мѣсто до тѣхъ поръ, пока не спадетъ опухоль и пока нельзя приняться за втираніе змѣинаго жира. Впродолженіи всей болѣзни говорятъ мѣста изъ корана, а такъ какъ изъ этой книги извѣстенъ только одинъ стихъ, Фатха, то этотъ послѣдній до пресыщенія повторяется надъ больнымъ. Укушенные страдаютъ часто очень долгое время, иногда мѣсяцами и даже годами отъ послѣдствій укушенія. Удивительно то, что русскіе, которые въ Змѣиногорскѣ ловили намъ гадюкъ и щитомордниковъ, нисколько не раздѣляли страха киргизовъ и обращались со змѣями съ достойной порицанія небрежностью. Чтобы ловче и безопаснѣе ихъ носить, они дѣлали изъ гибкихъ сучковъ очень удобныя щипцы, причемъ они надрѣзали сукъ до половины, потомъ, начиная отъ разрѣза, расщепляли, затѣмъ сгибали такъ, что обѣ стороны отставали другъ отъ друга и представляли стороны щипцовъ. Между этими послѣдними зацепляли они шею пресмыкающагося, отпускали сучокъ и такъ крѣпко захватывали на любомъ мѣстѣ шею, что змѣя ужъ никого не могла укусить. При этомъ они думали, что сдѣлали все для своей безопасности и, не обращая ни малѣйшаго вниманія на ядовитыя зубы, обходились со змѣями такъ, какъ будто не знали объ ихъ ядовитости. Какъ мнѣ передавали, многіе бывають искусаны гадюками и щитомордниками, но такъ какъ они вѣрятъ, что втираніемъ дегтя можно предотвратить послѣдствія укушенія, то мало остерегаются отъ подобныхъ случаевъ.

* * *

На Явѣ живетъ другой представитель этого рода, **Гладній копьеголовъ, Уларъ Тауна, Уларъ Донда или Уларъ Бедудакъ** яванцевъ (*Ancistrodon rhodostoma*, *Trigonocephalus*, *Tisiphone*, *Calloselasma*, *Liolepis rhodostoma*, *Vipera praetextata*, *Glatler Dreieckskopf*, *Trigonocephale lisse*), который отличается отъ другихъ своихъ родственниковъ сжатымъ туловищемъ и гладкими не килеватыми чешуями на головѣ и на тѣлѣ. Во всемъ остальномъ чешуйчатый покровъ этой змѣи только тѣмъ отличается отъ другихъ видовъ этого рода, что чешуйки, расположенныя въ 21 рядъ, лежатъ болѣе косо, чѣмъ обыкновенно. Длина ея не больше 95 см.

У этого вида также замѣчается темно-бурая съ бѣловатой или розовой каймой продольная полоса отъ глазъ до угла рта. Спину украшаютъ на красно-буромъ фонѣ два ряда черно-бурыхъ трехугольныхъ пятенъ съ черной и бѣлой каймой, которыя то сливаются съ черной, средней полосой, то переходять съ одной стороны на другую, и такимъ образомъ представляютъ весьма красивый рисунокъ. Бѣлая нижняя сторона слегка покрыта буроватыми жилками.

Эта змѣя живетъ въ Сіамѣ, а также въ западной части Явы на сушѣ, при-

Гладкій копьеголовъ. *Ancistrodon rhodostoma*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

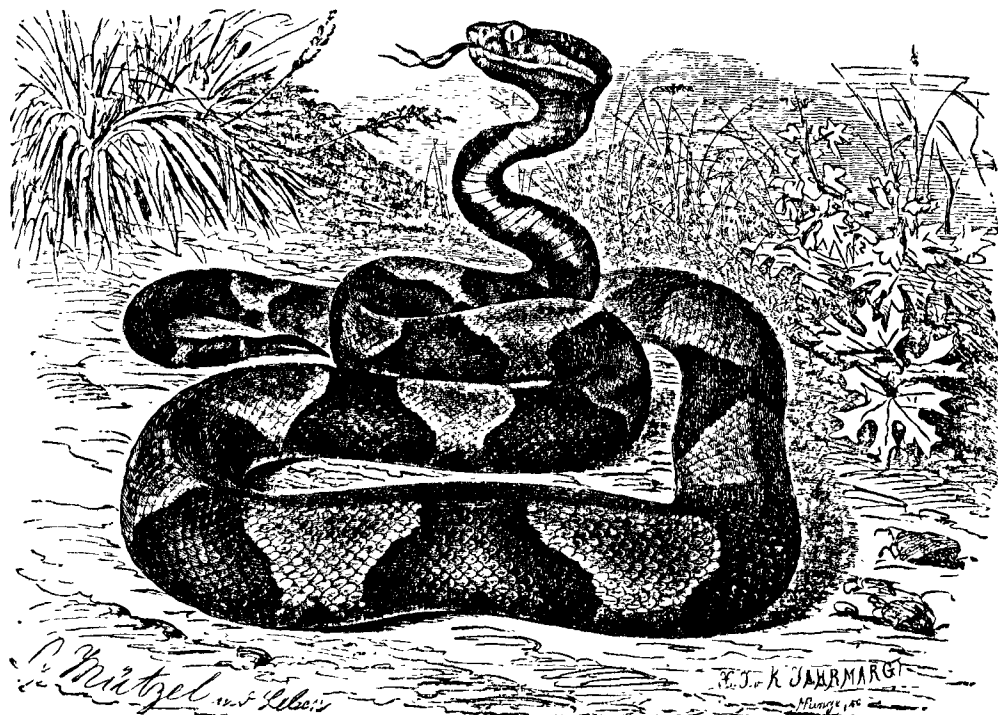
часъ между травами; она проникаетъ въ сады деревень и даже городовъ. Яванцы считаютъ гладкаго копьеголова за самое ядовитое животное ихъ острова и боятся его въ высшей степени. Шлегель рассказываетъ, что два работника, которые въ Бейтендоргѣ были укушены этою змѣею, умерли черезъ 5 минутъ.

Какъ и другія ядовитыя змѣи, гладкій копьеголовъ родитъ живыхъ дѣтенышей и питается обыкновенно лягушками, остатки которыхъ Шлегель находилъ въ его желудкѣ.

Циветты и мангусты помогаютъ людямъ уничтожать эту красивую, но опасную ядовитую змѣю.

Одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ и распространенныхъ сѣверо-американскихъ видовъ этого рода, **Мокасиновая змѣя**. (*Ancistrodon contortrix*, *Trigonocephalus contortrix*, *cenchris*, *Boa contortrix*, *Ancistrodon mokeson*, *Cenchris contortrix*, *mokeson*, *Scytalus supreus*. *Mokassinschlange*. *Mokassin*). Длина ея около 1 м., рѣдко больше. Туловище толстое, хвостъ довольно коротокъ, снизу покрытъ щитками, а на концѣ снабженъ роговымъ остриемъ, голова представляетъ удлиненный трехугольникъ, но очень замѣтно отдѣлена отъ шеи; съ верхней стороны, относительно говоря, не очень плоская; углубленіе, которое лежитъ между верхней губой и переднимъ глазнымъ щитомъ, не особенно глубоко, ротъ сильно разрѣзанъ. За затылочными щитами нѣтъ другихъ неклиеватыхъ щитковъ, какъ у водяного копьеголова. Красивый мѣдно-бурый цвѣтъ, который блеститъ на бокахъ, составляетъ основную окраску

Мокасиновая змѣя. *Ancistrodon contortrix*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

верхней части ея тѣла; около 16 красно-бурыхъ съ болѣе темными каймами поперечныхъ полосъ, выгнутыхъ дугами на бокахъ, составляютъ узоръ ея спины; и, благодаря ему, она и получила свое названіе, потому что его можно сравнить съ мокасиномъ или кожанымъ чулкомъ. Эти поперечныя полосы, которыя тянутся до самаго хвоста, перемежаются съ неправильными и одинаково другъ отъ друга отстоящими пятнами основной окраски. Брюшные щитки свѣтлаго мѣдно-краснаго цвѣта и украшены по сторонамъ большими многоугольными, болѣе темными пятнами, которыя перемежаются съ такими-же круглыми. Голова обыкновенно болѣе свѣтлаго цвѣта, чѣмъ туловище, и украшена широкою свѣтлою полоскою, съ болѣе темными краями, проходящею отъ конца морды по всей сторонѣ до угла рта.

Область распространенія мокасиновой змѣи простирается отъ 45° сѣверной широты до крайняго юга восточныхъ штатовъ Сѣверной Америки. Мѣстомъ ихъ жительства служатъ болотистыя страны, преимущественно широкія пастбища, тѣнистыя дуга

съ высокой травой; ихъ пищу составляютъ полевые мыши, птицы и, вѣроятно, лягушки. Вслѣдствіе ихъ подвижности американцы боятся ихъ больше, чѣмъ гремучихъ змѣй, которымъ онѣ почти равняются по ядовитости своего укуса. Кари упоминаетъ случай, что укушенная мокасиномъ лошадь черезъ нѣсколько часовъ издохла. Нерлингъ указываетъ, напротивъ того, около 20 случаевъ, когда укушеніе ея не имѣло послѣдствіемъ ни смерти, ни даже опасной болѣзни. Ея движенія гораздо быстрѣе движеній гремучей змѣи, но все-же довольно лѣнны; по характеру и привычкамъ она не отличается отъ другихъ, быстро раздражающихся ядовитыхъ змѣй.

При приближеніи человѣка она принимаетъ наступательную позу, хорошо переданную нашимъ художникомъ, подымаетъ свою трехугольную голову, вертитъ языкомъ и двигаетъ также изъ стороны въ сторону кончикомъ хвоста. Кунце долгое время наблюдалъ эту змѣю и можетъ удостовѣрить, что она не кусается ни въ растянutomъ положеніи, ни когда лежитъ свернувшись, какъ гремучая змѣя. Только когда она лежитъ, выгнувшись на подобіе S, она непосредственно опасна. Гартманъ также описываетъ привычки этой змѣи по жившимъ въ неволѣ экземплярамъ, которые онъ получилъ изъ Сѣверной Каролины. Она не оставляетъ своей дикости даже послѣ долгой неволи и во время гнѣва машетъ концомъ хвоста, подобно гремучей змѣѣ, съ замѣтнымъ шумомъ. Ея ядъ убивалъ мышей въ 1—4 минуты; при голодѣ она проглатывала ихъ тотчасъ-же; въ другое время давала имъ лежать нѣсколько дней. Рыбъ она не трогала. При перемѣнѣ кожи у нея образуется подкожная бѣловатая жидкость, которую нашъ наблюдатель замѣтилъ также у лазающихъ, водяныхъ и другихъ сѣверо-американскихъ ужей.

Относительно размноженія я не имѣю никакихъ свѣдѣній, но не думаю, чтобы оно отличалось отъ размноженія другихъ видовъ этого семейства и рода.

* *

Гораздо лучше мокасиновой змѣи знаемъ мы его ближайшаго сородича, **Водяного копьеголова** (*Ancistrodon piscivorus*, *Trigonocephalus*, *Crotalus*, *Scytalus*, *Natrix*, *Cenchris piscivorus*, *Coluber aquaticus*, *Toxicophis piscivorus*, *leucostomus*. *Wasserlanzenschlange*. *Trigonocephale piscivore*), который тоже живетъ въ Сѣверной Америкѣ, но исключительно въ болотахъ и топяхъ, рѣкахъ и озерахъ. Это тоже большая ядовитая змѣя, такъ какъ длина ея доходитъ до 1,5 м. Отъ мокасиновой змѣи водяной копьеголовъ отличается двумя гладкими сверхкомплектными щитами, которые лежатъ за большими затылочными щитами, и кромѣ того маленькими чешуйками, которыя тѣснятся между задними лобными и темными щитами. Его окраска очень измѣнчива, какъ это доказываютъ многія разновидности. Большинство водяныхъ змѣй испещрены по глянцеvitому зелено-сѣрому фону болѣе или менѣе правильными темными полосами и по рисунку напоминаютъ вышеупомянутые виды. Одна разновидность, которую американцы называютъ водяной гадюкой— ровнаго темно-землянисто-бураго или матово-чернаго цвѣта, и ея полосы выступаютъ только непосредственно послѣ перемѣны кожи. У другой разновидности преобладаетъ красивый каштановый цвѣтъ, который иногда темнѣетъ до густого оливковаго цвѣта, а на нижней сторонѣ переходитъ въ желтовато-бурый; эта окраска свойственна только молодымъ змѣямъ, у нѣкоторыхъ, впрочемъ, она сохраняется и до глубокой старости. Обыкновенно нижняя сторона замѣтно темнѣе, чѣмъ у мокасиновыхъ змѣй.

По Гольброку эта змѣя распространяется отъ Педи, рѣчки Сѣверной Каролины, на югъ по всей Сѣверной Америкѣ и на западъ до Скалистыхъ горъ; но

встрѣчается обыкновенно вблизи воды или въ самой водѣ. Она живетъ на берегу острововъ, въ озерахъ, топяхъ, болотахъ, прудахъ и ручьяхъ; на сухой землѣ она совсѣмъ не попадается. Во время сильныхъ жаровъ змѣи эти лежатъ въ большомъ числѣ на нависшихъ надъ водой вѣтвяхъ, поспѣшно соскальзываютъ съ нихъ, если что-нибудь имъ угрожаетъ, и быстро уплываютъ. Катасби

Водяной кобельголовъ. *Ancistrodon piscivorus*. $\frac{3}{8}$ наст. вел.

думаетъ, что онѣ лежатъ на вѣткахъ, высматривая добычу; но вѣроятноѣ, что онѣ отыскиваютъ сучья, чтобы погрѣться на солнцѣ, потому что даже въ безлѣсныхъ болотахъ или на поляхъ въ полдень онѣ поднимаются, ползутъ на сухія мѣста, чтобы подставить себя солнечнымъ лучамъ. Пища ихъ состоитъ преимущественно изъ рыбъ и амфибій; но онѣ не щадятъ млекопитающихъ, птицъ и вообще ни одного позвоночнаго животнаго, котораго могутъ проглотить. По отзыву всѣхъ наблюдателей, которые ихъ изучали, эти змѣи составляютъ предметъ ужаса негровъ и вообще воздѣлывателей риса и возбуждаютъ страхъ гораздо въ большей сте-

пени, чѣмъ гремучія, потому что эти послѣднія, какъ говорятъ, раняютъ телько тогда, когда ихъ раздражать, между тѣмъ какъ водяные копьеголовы нападаютъ безъ всякаго повода и стараются укусить всякое живое существо, которое къ нимъ приближается. Онѣ пугаютъ не только людей, но и звѣрей, которые живутъ въ болотахъ или держатся вблизи воды, млекопитающихъ, какъ и птицъ, пресмыкающихся, какъ и земноводныхъ и рыбъ, потому что никто не застрахованъ отъ нихъ.

Изъ всѣхъ ядовитыхъ змѣй водяной копьеголовъ легче всего содержится въ клѣткѣ, сейчасъ-же принимается за кормъ, употребляетъ самую разнообразную пищу и размножается безъ всякихъ затрудненій. Въ Лондонскомъ зоологическомъ саду пара этихъ животныхъ произвела на свѣтъ дѣтенышей, изъ которыхъ Эффельдтъ получилъ четырехъ. Они дали ему возможность сдѣлать многія наблюденія. Они ѣли и теплокровныхъ и холоднокровныхъ животныхъ, охотнѣе всего рыбъ, которыхъ они рѣшительно предпочитали всякой другой пищѣ. Эффельдтъ называетъ ихъ самыми опасными сосѣдями, которыхъ только могутъ имѣть змѣи или маленькія животныя, потому что они кусаютъ и отравляютъ не только млекопитающихъ и птицъ, но и пресмыкающихся, земноводныхъ и рыбъ, даже и другихъ змѣй, безвредныхъ, какъ и ядовитыхъ. Нашъ наблюдатель замѣтилъ, что изъ песчаныхъ гадюкъ, впущенныхъ въ клѣтку къ водяному копьеголову, нѣкоторыя исчезли; онъ обратилъ на это вниманіе и въ одинъ прекрасный день увидѣлъ, что самецъ водяного копьеголова укусилъ песчаную гадюку. Желая узнать дѣйствіе этого укушенія, Эффельдтъ остался у клѣтки и, къ немалому удивленію своему, очень скоро замѣтилъ несомнѣнные признаки послѣдовавшаго отравленія гадюки. Черезъ нѣсколько минутъ укушенная змѣя замерла и въ скоромъ времени сдѣлалась совершенно безчувственной. Тогда водяной копьеголовъ схватилъ змѣю за середину тѣла, и, не выпуская ее, придвинулъ свою пасть къ головѣ жертвы и повернулся такъ, что гадюка была прямо противъ его рта, и началъ ее проглатывать. Въ зоологическихъ садахъ, по словамъ Эффельдта, должны были отдѣлять водяныхъ копьеголововъ отъ гремучихъ змѣй, живущихъ въ одной клѣткѣ, потому что первые нападаютъ на вторыхъ, хотя и большихъ, чѣмъ они сами, и опасно раняютъ ихъ. Ужи и другія безвредныя змѣи или ящерицы, принесенныя къ водянымъ копьеголовамъ, выказываютъ ужасный страхъ и всегда стараются отъ нихъ убѣжать, но скоро бывають пойманы и рано или поздно укушены. Притомъ эти змѣи никогда не проявляютъ той слѣпой и бѣшеной ярости, какая замѣчается у гремучниковъ и гадюкъ; не выказывая особеннаго раздраженія, онѣ пристально смотрятъ на свою жертву и вдругъ бросаются къ ней на цѣлую половину своего туловища, чтобы укусить. Онѣ очень кровожадны; напримѣръ, птицъ, которыхъ приносятъ въ клѣтку, или рыбъ онѣ очень скоро убиваютъ, даже когда не голодны.

У своихъ плѣнниковъ Эффельдтъ замѣтилъ, что они неразъ, а нѣсколько разъ совокупаются и притомъ въ различныя времена года, сначала обыкновенно весною, затѣмъ лѣтомъ и окончательно осенью, около 10-го октября. При этомъ замѣчается, что эти змѣи во время совокупленія свиваются въ клубокъ. Къ одной парѣ, которая долгое время находилась въ клѣткѣ, были принесены двѣ другія, повидимому самки. Онѣ принимали участіе въ первомъ совокупленіи, свидѣтелями которыхъ онѣ были, обвивая совокупающуюся парочку. Совокупленіе начинается съ дѣйствительныхъ ласкъ со стороны самца, который сначала окружаетъ самку, живѣе, чѣмъ прежде, вертитъ языкомъ, начинаетъ дрожать хвостомъ, потомъ приближаетъ свою пасть къ самкѣ, такъ что кажется, будто они хотятъ кусаться, приче

и самка также вертитъ хвостомъ, показывая свое благоволеніе; обѣ змѣи приближаются другъ къ другу съ продолжающимся дрожаньемъ хвоста и совокупаются такъ быстро, что едва можно замѣтить. Даже послѣ совокупленія продолжаютъ ласки, съ тою только разницею, что онѣ проявляются съ обѣихъ сторонъ, причѣмъ нельзя сказать, кто изъ нихъ нѣжнѣе, самецъ или самка. Послѣ того, какъ совершилось спариванье одной пары, приближаются и остальные змѣи того же вида съ тѣми же самыми ласками съ явнымъ намѣреньемъ тоже принять участіе въ совокупленіи, что часто и случается, если есть на лицо оба пола, такъ какъ стремленіе къ спариванью овладѣваетъ всѣми. Пара остается соединенною большею частью цѣлый часъ.

Относительно своихъ воспитателей водяные копьеголовы выказываютъ себя удивительно добродушными и кроткими и, можно даже сказать, благодарными. Раньше, чѣмъ другія ядовитыя змѣи, они теряютъ охоту кусать его и легче другихъ своихъ сородичей привыкаютъ брать отъ него пищу. Я самъ видѣлъ, что когда Эффельдтъ протягивалъ имъ щипцы съ рыбой или сырымъ мясомъ, они тотчасъ же подходили и брали у него изъ рукъ пищу, и моментально начинали двигаться, какъ только онъ отворялъ дверь клѣтки. Первый кусокъ рыбы или мяса они хватаютъ съ извѣстной нѣжностью, потомъ начинаютъ быстро проглатывать; при остальныхъ кускахъ они кажутся жаднѣе, такъ какъ у нихъ аппетитъ разыгрывается, по мѣрѣ того, какъ они ѣдятъ. При этомъ часто случается, что они кусаютъ щипцы, очевидно только по ошибкѣ; потому что, по увѣренію Эффельдта, эти животныя никогда не пробовали угрожать своему воспитателю, напротивъ, всегда были такъ добродушны, что тотъ совсѣмъ легкомысленно съ ними обходился, при кормленіи беззаботно стоялъ при открытой двери и позволялъ змѣямъ на половину выходить изъ своей клѣтки, чтобъ достать кормъ. При такихъ обстоятельствахъ случилось разъ, что другъ Эффельдта, Вагенфюръ, вдругъ почувствовалъ что то на своей рукѣ, именно языкъ змѣи, который ощупывалъ руку, очевидно съ намѣреніемъ найти что-нибудь съѣстное, впрочемъ, безъ всякаго желанія обидѣть беззаботнаго человѣка. Подобное прирученіе трудно замѣтить у другихъ ядовитыхъ змѣй.

Относительно мѣдно-бурой разновидности Эффельдтъ сообщаетъ тоже цѣнныя наблюденія. Въ ноябрѣ 1871 г. этотъ знаменитый воспитатель змѣй получилъ водяного копьеголова самца названной окраски, а въ іюнѣ слѣдующаго года удалось ему приобрести и самку той же разновидности. 21 января 1873 г. въ одинъ прекрасный солнечный день обѣ змѣи спарились, а въ іюлѣ нашъ наблюдатель нашелъ въ клѣткѣ, къ великой своей радости, 8 живыхъ, только что родившихся змѣенышей. Длина этихъ въ высшей степени миловидныхъ звѣрковъ при рожденіи едва достигала 26 см., толщина 1,5 см. Окраска была не такая, какъ у родителей, а мясного цвѣта, на головѣ краснѣе; узоръ состоялъ изъ черно-бурыхъ зигзаговъ. Послѣ перваго линянія, дней черезъ 14 послѣ рожденія, цвѣтъ туловища перешелъ въ болѣе красно-бурый, а послѣ второй перемѣны, послѣдовавшей недѣль черезъ 5,—въ мѣдно-бурый. Но и при этомъ голова оставалась болѣе свѣтлой. До втораго года эта окраска не измѣнилась и только послѣ этого времени кожа стала постепенно темнѣть, пока не перешла въ вышеописанный цвѣтъ. Въ продолженіи 14 первыхъ дней молодые копьеголовы не принимали никакой предлагаемой имъ пищи; послѣ этого времени они начали, отказываясь рѣшительно отъ рыбъ, пожирать маленькихъ лягушекъ. Мѣсяца черезъ два они достигли уже длины въ 34 см; ихъ головы тогда уже были гораздо больше головы взрослой гадюки, благодаря чему они могли поѣдать уже полу взрослыхъ лягушекъ. «Сей-

часть-же послѣ рожденія», говоритъ Эффельдтъ, «я унесъ молодыхъ змѣенышей, кромѣ одного, изъ клѣтки ихъ родителей, опасаясь, чтобы ихъ собственный отецъ, при своемъ обжорствѣ, не проглотилъ ихъ. Первые дни я не замѣчалъ змѣеныша, оставленнаго при родителяхъ; только 8 дней спустя я увидаль его лежащимъ на тѣлѣ своего отца и замѣтилъ, что тотъ очень ласково облизывалъ его со всѣхъ сторонъ. Этотъ случай доказалъ мнѣ, что эти змѣи чувствуютъ нѣжность къ своимъ дѣтенышамъ, между тѣмъ какъ со всѣми другими существами, даже съ другими видами змѣй онѣ живутъ во враждѣ и нападаютъ не только на всякое животное, но и на человѣка. Когда я посадилъ вмѣстѣ многихъ змѣй одного вида, между ними царствовала дружба, когда же я впустилъ змѣю другаго вида, на нее сейчасъ же напали и укусили. Укусъ никогда не имѣлъ вредныхъ послѣдствій для змѣй того же вида, тогда какъ другіе виды, которые были въ клѣткѣ, какъ гремучія змѣи и копьеголовы, всегда поддавались дѣйствию яда».

Эффельдтъ для опыта давалъ своему водяному копьеголову кусать различныхъ животныхъ. Пасаженная въ клѣтку со змѣями крыса, укушенная только однимъ ядовитымъ зубомъ въ бедро задней ноги, собственно была только оцарапана, какъ доказало изслѣдованіе. Тотчасъ послѣ полученнаго укуса крыса начала безпокойно бѣгать взадъ и впередъ; черезъ нѣсколько минутъ ея поврежденный членъ онѣмѣлъ, черезъ 10 минутъ она, съ взъерошенной шерстью, сидѣла, съезжившись, въ углу, не двигаясь; черезъ 17 минутъ послѣ укушенія она лежала на боку, вслѣдствіе наступившихъ судорогъ, и черезъ 40 минутъ послѣдовала смерть. Менѣе опаснымъ оказался укусъ молодого двухмѣсячнаго водяного копьеголова, который былъ тоже нанесенъ только однимъ ядовитымъ зубомъ; черезъ 5 минутъ послѣдовало онѣмѣніе ноги крысы, черезъ 6 минутъ она замѣтно распухла, черезъ 6 часовъ опухоль перешла въ нагноеніе; но этимъ и прекратилась опасность, потому что въ слѣдующіе дни крыса уже ѣла и только немного хромала на укушенную ногу. Впрочемъ, другая крыса, которую молодая змѣя укусила въ голову, умерла черезъ двѣ минуты. У укушенныхъ лягушекъ сейчасъ-же дѣлались судороги, и онѣ скоро умирали.

Такъ какъ я получилъ отъ Эффельдта многихъ водяныхъ копьеголововъ и долгое время воспитывалъ ихъ, то могу подтвердить его показанія во всѣхъ отношеніяхъ, прибавивъ кое-что и отъ себя. Водяные копьеголовы также ночныя животные; впрочемъ, днемъ они не такъ лѣнны и сонливы, какъ другіе гремучники или гадюки. Разъ привыкнувъ къ клѣткѣ и къ правильному кормленію, они рѣдко отказываются отъ предложенной имъ и днемъ пищи, обыкновенно сейчасъ-же подходятъ къ ней, чтобы съѣсть. Рыбы составляютъ лакомое кушанье взрослыхъ копьеголововъ; обыкновенно они хватаютъ ихъ, не отравляя ихъ раньше, и проглатываютъ головой впередъ; не брезгаютъ они тоже и лягушками, но отравляютъ ихъ большею частью до проглатыванія; маленькихъ млекопитающихъ они тоже пожираютъ и всегда раньше ихъ кусаютъ. Въ теплое время года или въ хорошо нагрѣтой клѣткѣ они проводятъ почти цѣлыя дни въ тазу съ водой, укладываясь тамъ, конечно, если тазъ достаточно великъ, рядомъ или другъ на друга во всѣхъ, возможныхъ для змѣй положеніяхъ, такъ что глазамъ представляется чудесно сплетенный клубокъ, изъ котораго то тутъ, то тамъ возвышается змѣиная голова. Такое купанье доставляетъ имъ высочайшее наслажденіе, и пока змѣи въ водѣ, онѣ силою отражаютъ всякое нарушеніе ихъ спокойствія, даже всякое покушеніе на него. Если не хватаетъ всѣмъ мѣста, можетъ произойти ссора, хотя вообще поселенныя вмѣстѣ змѣи живутъ мирно, не сердятся, если одна вползаетъ на другую, и рѣдко ссорятся изъ-за пищи. Разсердившись, онѣ начи-

наютъ нападать, а если еще при этомъ ими овладѣваетъ стремленіе къ совокупленію, то страстность ихъ характера, и безъ того замѣтная, еще увеличивается и серьезныя битвы становятся у нихъ дѣломъ обыкновеннымъ. При поединкахъ онѣ недолго остаются въ обыкновенныхъ наступательныхъ положеніяхъ, но тотчасъ же начинаютъ кусаться и ранять другъ друга при этомъ такъ серьезно, что кровь сочится изъ многихъ ранъ ихъ тѣла.

Несмотря на то, я никогда не видалъ, чтобы хоть одинъ изъ укушенныхъ копьеголововъ обнаружилъ какіе-нибудь признаки отравленія, и долженъ согласиться съ Эффельдтомъ, когда онъ говоритъ, что ихъ ободные укусы нисколько имъ не вредятъ. Во время случки они необыкновенно возбуждены, безпрестанно ползаютъ взадъ и впередъ по клѣткѣ даже днемъ, угрожаютъ соперникамъ и кусаютъ другъ друга, облизываютъ очень нѣжно избранную самку, наконецъ обвиняютъ ее обычнымъ у змѣй образомъ, причемъ и происходитъ совокупленіе. Развитие зародыша вѣроятно ускоряется подѣ влияніемъ теплоты и замедляется отъ охлажденія.

* * *

Самому богатому видами роду всего подсемейства (*Trimeresurus*) мы дадимъ названіе *Куфій* (*Trimeresurus. Lochottern*). Причисляемая къ этому роду ядовитыя змѣи довольно стройныя животныя съ трехугольной головой, покрытой (за исключеніемъ самаго кончика морды и надглазной области) только небольшими чешуйками, а не щитками, и съ довольно длиннымъ цѣпкимъ хвостомъ, переходящимъ въ тонкое остріе. Это два самыхъ важныхъ отличительныхъ признака куфій. Я могу еще къ нимъ прибавить, что тѣло этихъ змѣй покрыто чешуйками болѣе или менѣе килеватыми и расположенными рядами, числомъ отъ 13 до 31; щитки нижней стороны хвоста расположены болѣею частью двумя рядами, рѣдко — въ одинъ рядъ.

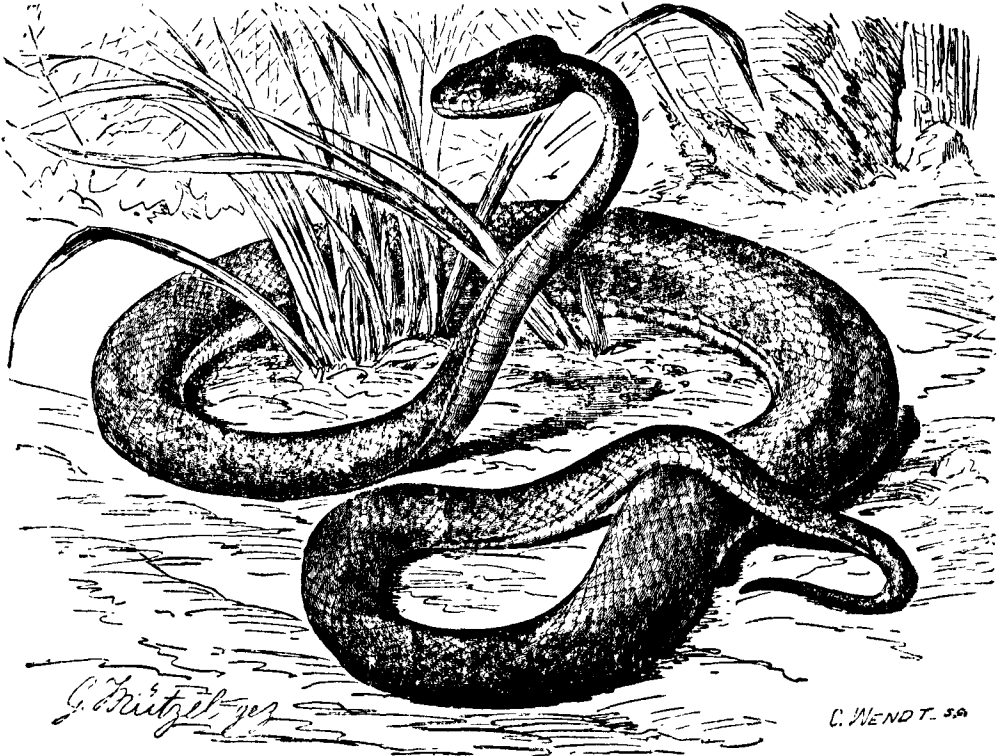
Къ этому роду принадлежатъ навѣрно до 25 видовъ, которые разсѣяны по Остѣ-Индіи, южному Китаю, островахъ Ліукіу и тропической Америкѣ. Зеленые и вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе стройныя виды предпочитаютъ жить въ травѣ и кустахъ; бурные же и сѣрые, болѣе неуклюжіе и менѣе подвижныя виды, любятъ ровную землю или каменистыя и скалистыя мѣстности и даже высокія горы. Но обѣ группы, на первый взглядъ такъ рѣзко отдѣленные другъ отъ друга цвѣтомъ, образуютъ такія многочисленныя переходныя формы, что о раздѣленіи ихъ на два рода нечего и думать. Многія изъ нихъ, какъ это доказываетъ приспособленннй къ хватанью хвостъ, рѣшительно древесныя змѣи, которыя большую часть своей жизни проводятъ на вѣтвяхъ деревьяхъ и вообще на растеніяхъ и только иногда спускаются на землю; другія же живутъ только на землѣ.

Чтобы ознакомиться съ образомъ жизни зеленыхъ куфій совершенно будетъ достаточно сообщить все то, что мнѣ извѣстно объ одномъ изъ видовъ, живущихъ въ Индіи.

Зеленая куфія (*Trimeresurus gramineus, Coluber gramineus, Vipera viridis, Bothrops viridis, Trigonosephalus gramineus, elegans, erythrurus, и viridis, Trimeresurus viridis, elegans, mutabilis, erythrurus, albolabris. Kletterlochotter. Trimeresurus vert*), средній по величинѣ видъ этой группы, достигаетъ до 71 см. длины; верхняя сторона туловища водянисто- или травянисто-зеленаго цвѣта; нижняя — зеленовато-бѣлая. Отъ бѣлой нижней губы тянется иногда подѣ глазами и по бокамъ головы къ шеѣ — такого же цвѣта полоса, а 21 рядъ спинныхъ чешуекъ отдѣляются иногда отъ брюшныхъ щитковъ линіей, образуемой бѣлыми и жел-

тими точками. Старыя самки, по словамъ Гюнтера, не имѣютъ этихъ признаковъ. Кончикъ хвоста окрашенъ иногда великолѣпнымъ краснымъ цвѣтомъ. Отъ своихъ многочисленныхъ сородичей змѣя эта отличается числомъ рядовъ чешуекъ, маленькими килеватыми чешуйками черепа, гладкими височными чешуйками и относительно длиннымъ, цѣпкимъ хвостомъ.

Область распространенія зеленой куфїи простирается отъ западнаго Индѣйскаго полуострова до Китая; она извѣстна отъ Бенгалїи по всему восточному полуострову до южнаго Китая, отъ Малайскаго полуострова и всѣхъ тропическихъ индѣйскихъ острововъ, до Филиппинскихъ, не исключая Андаманскихъ и Никобарскихъ, кромѣ Цейлона. По наблюденіямъ Столички, она живетъ въ очень зна-

Зеленая куфїя. *Trimeresurus gramineus* $\frac{1}{2}$ наст. вел.

чительномъ количествѣ въ холмистыхъ мѣстностяхъ близъ Мульмейна и почти исключительно на деревьяхъ. Окраска туловища этихъ змѣй такъ сходна съ цвѣтомъ листья различныхъ деревьевъ, что ихъ даже трудно замѣтить среди нея. Столичка видѣлъ часто молодыхъ змѣй этого вида и на болѣе низкихъ растенїяхъ, а Канторъ встрѣчалъ ихъ иногда на землѣ. Среди вѣтвей онѣ чувствуютъ себя какъ дома, такъ какъ онѣ не только превосходно лазаютъ, но умѣютъ принимать тамъ самыя удобныя позы. Цѣпкій хвостъ ихъ обхватываетъ суку или верхнюю часть ствола зонтичнаго растенія, чтобы доставить туловищу необходимую опору, и тогда послѣднее, или прямо вытянутое, или свернутое въ нѣсколько оборотовъ, или, наконецъ, только частью кольцеобразно свернутое, покоится неподвижно на широкихъ листьяхъ, сучьяхъ или вѣткахъ, какъ бы составляя часть самаго растенія. Отдыхающая такимъ образомъ зеленая куфїя обращаетъ вниманіе на окружающій ее міръ только въ случаѣ крайней необходимости. Не шевелясь, подпу-

скаетъ она къ себѣ человѣка; позволяетъ даже снять себя съ дерева, не выказывая сопротивленія, и только тогда пытается укусить, когда ее прижмутъ палкой или защемятъ щипцами. Но разсерженная, она тоже проявляетъ ярость, подобно другимъ ядовитымъ змѣямъ: по словамъ Мартенса, она такъ раскрываетъ пасть, что верхняя и нижняя челюсть образуютъ прямую линію, и тогда имѣетъ страшный видъ, со своими острыми выступающими изъ розовато-красныхъ десенъ ядовитыми зубами. Протянутую ей палку она такъ яростно кусаетъ, что сама выламываетъ себѣ ядовитые зубы.

Насколько, говорятъ, эта куфія сонлива днемъ, настолько же она подвижна ночью, такъ какъ въ это время начинается ея охота на различныхъ маленькихъ птицъ, млекопитающихъ, древесныхъ и другихъ лягушекъ, а также и насѣкомыхъ, которыя, по мнѣнію Столички, составляютъ даже главную часть ея пищи. Этотъ наблюдатель никогда не находилъ въ желудкѣ изслѣдованныхъ имъ древесныхъ змѣй остатковъ позвоночныхъ животныхъ, но онъ все-таки не сомнѣвается въ томъ, что онѣ иногда убиваютъ и небольшихъ четвероногихъ, если имъ это удастся безъ особыхъ трудностей. Но всѣ наблюдатели согласны съ тѣмъ, что онѣ пренебрегаютъ другими пресмыкающимися.

Ядъ зеленой куфіи не считается очень сильнымъ, однако не подлежитъ сомнѣнію, что и она можетъ нанести опасныя раны. Человѣкъ меньше страдаетъ отъ нихъ, нежели отъ другихъ ядовитыхъ змѣй, по той простой причинѣ, что эти змѣи, проводя время на деревьяхъ, рѣже другихъ приходятъ въ соприкосновеніе съ человѣкомъ. Но что онѣ могутъ самымъ серьезнымъ образомъ повредить человѣку, подтверждается, къ сожалѣнію, многими примѣрами. «Укушеніе ея», говоритъ миссіонеръ Гензель, «такъ ядовито, что я видѣлъ, какъ раненая ею женщина умерла черезъ полчаса послѣ укушенія. Эта женщина взобралась на дерево, чтобы сорвать плоды, причемъ слишкомъ приблизилась къ незамѣченной ею змѣѣ и тотчасъ же была укушена въ руку. Вполнѣ сознавая опасность такого укушенія, она моментально спустилась съ дерева, но едва достигла земли, какъ почувствовала головокруженіе, какъ бы вслѣдствіе опьяненія. Ее принесли ко мнѣ тотчасъ послѣ укушенія, но пока я ей ставилъ банки, она умерла на моихъ рукахъ». Впрочемъ, это единственный изъ сообщенныхъ мнѣ случаевъ, который окончился смертію; слѣдуетъ притомъ замѣтить, что въ этомъ случаѣ видъ змѣи не былъ въ точности опредѣленъ. Всѣ же другія сообщенія согласны между собою въ томъ, что укушенные зелеными куфіями люди, хотя и очень страдали, но все же чрезвычайно рѣдко погибали отъ отравленія, главнымъ образомъ конечно, оттого, что большинство этихъ змѣй не достигаетъ большой величины.

Руссель дѣлалъ опыты надъ дѣйствиємъ укушеній зеленой куфіи. Курица, укушенная въ ногу, тотчасъ же подняла послѣднюю вверхъ; черезъ двѣ минуты послѣ того легла на землю, затѣмъ пыталась встать, но не могла держаться на ногахъ, пять минутъ спустя сильно повела головой и шеей и умерла 8 минутъ послѣ укушенія. Свинья, укушенная тою же змѣей въ переднюю ногу, уже черезъ 7 минутъ выказала болышую слабость и пробыла въ оцѣпенѣніи около $\frac{1}{4}$ часа. Это состояніе продолжалось около 2-хъ часовъ; бѣдное животное не было въ состояніи приподняться и жалобно кричало, когда его хотѣли поставить на ноги; въ продолженіи 3-го часа свинья страдала, кажется, еще болѣе, по временамъ визжала и потомъ опять впала въ забытіе. Черезъ два часа ей стало лучше, и она попробовала ходить, а черезъ семь часовъ послѣ укушенія была совсѣмъ здорова. Курица, укушенная черезъ полчаса послѣ свиньи тою же змѣей, умерла черезъ 33 минуты. Шесть дней позднѣе куфіи дали укусить собаку въ бедро. Черезъ 16 минутъ у нея

задрожали голова и ноги; черезъ 25 минутъ дрожь распространилась по всему тѣлу; собака вытягивала впередъ шею, подымала вверхъ морду, зѣвая, но не визжа. Впродолженіи втораго часа она лежала на боку какъ бы въ изнеможеніи, шевеля отъ времени до времени конечностями, причѣмъ вздрагивала всѣмъ тѣломъ. Три часа послѣ укушенія припадки уменьшились и наступило выздоровленіе. Два дня спустя эту же самую собаку дали укусить въ оба бедра той же змѣей, которая въ этотъ промежутокъ времени отравила еще трехъ куръ. Она страдала около трехъ часовъ такими же припадками.

Канторъ разсказываетъ цѣлый рядъ подобныхъ опытовъ, предпринятыхъ съ гѣмъ, чтобы узнать дѣйствіе яда зеленой куфій и сродныхъ ей видовъ и пришелъ къ различнымъ результатамъ: только что поѣвшая куфія укусила курицу, которая обнаружила только легкую боль, а въ остальномъ не выказала никакого признака отравленія. Другая курица, укушенная змѣей того же вида, тотчасъ послѣ укушенія скорчила ногу, упала навзничъ, черезъ три минуты послѣ укушенія испражнилась, еще черезъ три минуты выказала легкую онѣмѣлость головы и затылка, которая продолжалась минутъ пять; затѣмъ безуспѣшно пыталась встать на ноги, чего достигла только черезъ 25 минутъ послѣ укушенія, встряхнула крыльями и, повидимому, совсѣмъ выздоровѣла. Совершенно такой же результатъ имѣлъ позднѣйшій опытъ съ тою же змѣей надъ другой курицей. Случалось, однакоже, что курицы, укушенные сродными видами змѣй, умирали; собаки же, напротивъ, выздоравливали, впрочемъ, только при заботливомъ уходѣ со стороны своихъ хозяевъ.

* *
* *

Тремъ слѣдующимъ представителямъ куфій въ Новомъ Свѣтѣ недостааетъ цѣпкаго хвоста; своимъ образомъ жизни онѣ тѣсно связаны съ землею.

«На обоихъ островахъ: Мартиникѣ и Санта Лучія», говоритъ Руфцъ, «копьеголовая змѣя еще безгранично господствуетъ въ кустарникахъ и лѣсахъ; даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ уже поселился человѣкъ и обрабатывается земля, никто не можетъ беззаботно отдохнуть подъ тѣнистымъ деревомъ или пройти черезъ поле безъ охраны невольниковъ; никто не рѣшается бродить среди кустарника или идти для удовольствія на охоту. Ночью вамъ постоянно снятся отвратительныя змѣи, потому что днемъ вы слышите безпрестанно страшные разсказы о нихъ».

Копьеголовая куфія въ большомъ количествѣ и повсемѣстно распространена на обоихъ названныхъ выше островахъ; она живетъ, по словамъ Моро де Жонесъ на нивахъ и въ болотахъ, на берегахъ рѣкъ и въ лѣсахъ, словомъ по всему острову отъ уровня моря до горъ, окруженныхъ облаками; она плаваетъ по водѣ и качается на вѣткахъ деревьевъ, она подползаетъ къ городамъ, а въ деревняхъ нерѣдко проникаетъ въ самые дома, если они окружены кустарникомъ или высокой травой. По словамъ Руфца, горы Св. Петра, достигающія 1500 м. высоты, считаются любимымъ мѣстопребываніемъ этихъ змѣй. Горы эти прорѣзаны пропастями въ нѣсколько сотъ метровъ глубины, покрыты густымъ лѣсомъ, кусты и деревья котораго обвиты ползучими растеніями и переплетены между собою лианами. Первобытная почва глубоко скрыта подъ толстымъ слоемъ гнили, образовавшейся съ незапамятныхъ временъ изъ истлѣвшихъ стволовъ растеній, и плотно покрыта частью сгнившими, а частью еще живыми растеніями, великолѣпными по формѣ и цвѣту; подъ ними вездѣ лежитъ такая густая тѣнь, что тутъ чувствуется скорѣе тяжелый запахъ смерти, чѣмъ свѣжее дыханіе жизни. Мертвая тишина царитъ въ этомъ лѣсу и только рѣдко нарушается однообразнымъ пѣніемъ птицы, которую прозвали горнымъ свистуномъ; другія птицы тамъ рѣдки. Люди никогда

не могли проникнуть въ эту мрачную глушь, но она населена безчисленнымъ количествомъ копьеголовыхъ куфій, у которыхъ никто не оспариваетъ обладаніе ею.

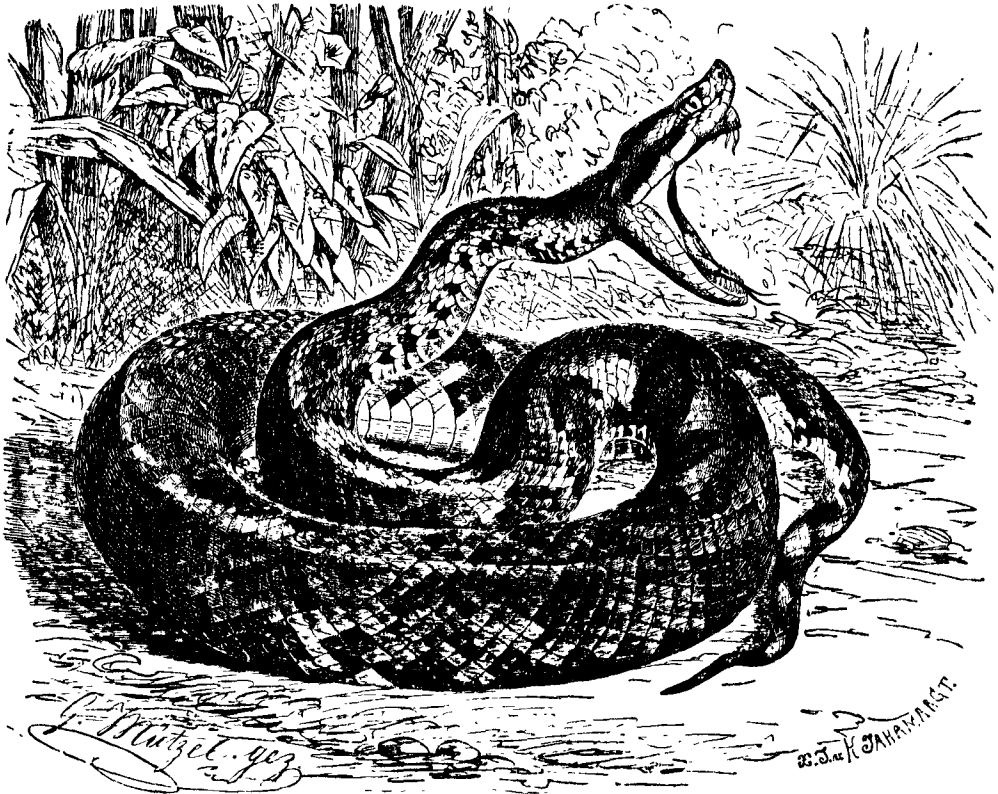
Въ обработанныхъ земляхъ густыя плантаціи сахарнаго тростника составляютъ любимое мѣстопробываніе этой опасной змѣи, но она попадаетъ и во всякаго рода кустарникахъ, которые могутъ ей дать убѣжище. Пещеру въ скалѣ, полое дерево, вырытую кротами или краббами яму—обращаетъ она себѣ въ жилище, но она часто забирается въ хлѣвы и дома дереѣнскихъ жителей, такъ какъ ночью предпринимаетъ далекія путешествія даже по тѣмъ дорогамъ, по которымъ днемъ очень много ходитъ людей.

Во время отдыха, слѣдовательно днемъ, она лежитъ, свернувшись въ плоскій кружокъ съ головой по серединѣ. Но когда ее беспокоятъ, то она, съ быстротою молніи, бросается на врага, вытянувшись на разстояніи, равномъ половинѣ своей длины, послѣ чего опять мгновенно свертывается въ кружокъ. Если въ это время ходить вокругъ нея на нѣкоторомъ разстояніи, то она незамѣтно для васъ будетъ поворачиваться такъ, что вы постоянно видите передъ собою ея лобъ. Ползая, она очень высоко держитъ голову, что придаетъ ей красивый и гордый видъ. По землѣ она движется съ такою легкостью, точно паритъ надъ нею: неслышно ни малѣйшаго шума и не остается никакого слѣда. На островѣ всѣ знаютъ, что она очень быстро плаваетъ. «Я самъ», говоритъ Руфцъ, слова котораго привожу въ переводѣ Ленца, «бросилъ однажды изъ лодки въ море копьеголовую куфію, длиною въ 1,5 м., въ виду города Св. Петра, на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ берега. Она быстро и граціозно поплыла къ берегу, но едва мы ее нагоняли, какъ она моментально останавливалась, свертывалась посреди рѣки такъ-же легко, какъ на сушѣ, и грозно поднимала на насъ голову. Удивительно, что она не пользуется своимъ проворствомъ, чтобы переплыть на сосѣдніе, близлежащіе острова».

Совокупленіе бываетъ въ январѣ; время кладки яицъ въ іюлѣ. Дѣтеныши выползаютъ изъ яицъ въ самую минуту кладки. По словамъ Вальяна, они появляются на свѣтъ окрашенные въ два совершенно различныхъ цвѣта, причемъ не замѣчается никакихъ промежуточныхъ оттѣнковъ; отличія эти не обусловлены и различіемъ половъ. Многіе, даже большинство ихъ, погибаетъ въ юности потому, что родители о нихъ совсѣмъ не заботятся, и ихъ часто убиваютъ даже слабыя животныя, какъ напримѣръ, домашнія куры. Но размноженіе копьеголовыхъ змѣи происходитъ такъ чудовищно быстро, что всякія потери вознаграждаются вскорѣ съ избыткомъ. По увѣреніи Моро де Жонеса, въ животѣ беременной самки заключается отъ 50—60 яицъ; Боноде находилъ ихъ тоже отъ 20—60 штукъ, смотря по величинѣ самки, а Руфцъ отъ 36—47. Дѣтеныши, по вылупленіи, бываютъ отъ 20—25 см. длины, очень подвижны и готовы кусаться.

Въ ранней молодости копьеголовая куфія питается ящерицами, позднѣе маленькими птицами и подъ конецъ преимущественно крысами, которыя, будучи перевезены европейскими моряками на островъ, размножились тамъ въ страшномъ количествѣ. Впрочемъ, она охотится и за домашней птицей, и можетъ, въ зрѣломъ возрастѣ, проглотить курицу, молодую индѣйку или двутробрку. Ей можно было бы поставить въ заслугу истребленіе крысъ, но никто не помянетъ ее за это добрымъ словомъ, такъ какъ приписываемыя ей человѣческія жертвы слишкомъ многочисленны. «Не подлежитъ сомнѣнію», продолжаетъ Руфцъ, «что она кусается, если къ ней подойдутъ слишкомъ близко; но чтобъ она бросилась на человѣка издали или преслѣдовала убѣгающаго отъ нея,—не случается никогда, или, по крайней мѣрѣ, очень рѣдко, иначе на островахъ, на которыхъ она водится, невозможно было бы жить человѣку. Въ 1843 году я собиралъ черезъ священниковъ

и мѣстныя власти свѣдѣнія относительно смертныхъ случаевъ, причиненныхъ этой змѣей, и узналъ, что въ каждой общинѣ острова умираетъ отъ ея укушенія отъ 1 до 3 человекъ. Число укушенныхъ, но оставшихся въ живыхъ, конечно въ десять разъ больше, а такъ какъ, даже при самыхъ благоприятныхъ случаяхъ, послѣдствіемъ укушенія бываетъ продолжительная болѣзнь, а часто и онѣмѣніе членовъ, то вредъ этой змѣи для населенія придется оцѣнить очень высоко. Бываютъ, впрочемъ, особенно худые годы въ этихъ отношеніи, такъ напримѣръ, 1843-й, въ которомъ укушенія были смертоноснѣе, чѣмъ обыкновенно. Начальникъ округа Венанкуртъ сообщилъ мнѣ, напримѣръ, что въ одномъ его округѣ, меньше чѣмъ въ 7

Копьеголовая куфія. *Trimeresurus lanceotatus*. $\frac{1}{6}$ насг. вел.

мѣсяцевъ умерло отъ укушеній змѣй до 18 человекъ. Клервиль тоже увѣдомляетъ насъ, что въ этомъ году умерли почти всѣ укушенные змѣями. Между тѣмъ опустошенія, произведенныя крысами, именно въ этомъ году дѣйствительно были ужасны, изъ чего мы, къ сожалѣнію, видимъ, что ожидаемая отъ этихъ змѣй помощь противъ крысъ очень незначительна.

«Во время жатвы сахарнаго тростника негры постоянно ставятъ на работу рядами, и, по возможности, мужчинъ и женщинъ попеременно. Голосъ надсмотрщика раздается отъ времени до времени, напоминая каждому, чтобъ онъ остерегался змѣй. Замѣтивъ змѣю, весь рядъ, при жалобномъ крикѣ женщинъ, обращается въ бѣгство. Самый храбрый негръ выступаетъ впередъ и убиваетъ чудовище, которое, вслѣдствіе поднятаго шума, или осталось лежать на мѣстѣ, или же только немного подалось назадъ».

Кусая, копьеголовая куфія страшно разѣвываетъ пасть, быстро бросается впе-

редь и укусивъ, опять также быстро свѣртывается и готовится къ новому нападенію. Если она очень разозлится, то кусаетъ нѣсколько разъ. Руфцъ утверждаетъ, что видѣлъ нѣсколько разъ, какъ куфія, кусая собакъ, обвивалась вокругъ своей жертвы. Послѣдствія укушенія ужасны: быстрое опуханіе укушеннаго мѣста, которое скоро синѣетъ и воспаляется, рвота, судороги, боль въ сердцѣ, непобѣдимая сонливость и смерть черезъ нѣсколько часовъ или дней; а въ самомъ благопріятномъ случаѣ всевозможныя страданія, продолжающіяся годами: головокруженіе, боль въ груди, параличи, нарывы и т. п. Безчисленное множество средствъ употребляются противъ этихъ укушеній и большая часть ихъ взята изъ растительнаго царства. Одно время возлагали большія надежды на гуако (*Mikania guaco*) и перевозили его поэтому въ огромномъ количествѣ изъ Новой Гренады, Венецуэлы и Тринидада въ Мартинику, гдѣ и разводили его. Дальнѣйшій опытъ доказалъ однако, что это средство вовсе не дѣйствительно и пришлось отъ него отказаться. «Грустно подумать», говоритъ графъ Герцъ, «что до сихъ поръ не могутъ доискаться вѣрнаго средства противъ укушенія змѣй, и что каждый раненый ищетъ помощи только у старыхъ негровъ, которыхъ называютъ «rapseurs»ами. Мнѣ сообщили случай, когда одинъ молодой европеецъ, укушенный змѣей въ двухъ мѣстахъ, для каждой раны пригласилъ по негру и все же долженъ былъ умереть послѣ тяжелыхъ страданій. Однажды пришла кому то счастливая мысль переселить въ Мартинику африканскаго секретаря змѣеяда, но тамошніе жители перестрѣляли всѣхъ этихъ птицъ для забавы». Графъ Герцъ сожалеетъ, что противъ размноженія копьеголовой куфіи не принимаютъ достаточно серьезныхъ мѣръ, а Ленцъ совѣтуетъ для этой цѣли поселить на островѣ млекопитающихъ, уничтожающихъ змѣй, какъ то: хорьковъ, барсуковъ и ежей, тѣмъ болѣе, что они въ то же время уничтожали бы и крысъ, чѣмъ уменьшили бы количество главной пищи змѣй. Оба правы, хотя слѣдуетъ замѣтить, что туземцы тоже стараются воспрепятствовать размноженію змѣй. «Мой пріятель Гайо», говоритъ Руфцъ, «убиваетъ ежегодно 3—4 змѣи, на каждомъ сахарномъ полѣ, а другой мой пріятель, Дюшатель, въ одну недѣлю убилъ ихъ до 23 штукъ». По словамъ Гюйона, который велъ подробный счетъ убитымъ около форта Бурбона и окружающихъ его мѣстностей змѣямъ, число доставленныхъ за 4 года куфій съ 1818—1821 достигало до 370 штукъ: съ 1822 по 1825 молодыхъ и старыхъ вмѣстѣ доставлено до 2026, слѣдовательно за 8 лѣтъ убито 2396 штукъ, хотя область эта очень мала. Приблизительно въ то же время въ управленіе Данцелота была назначена награда за каждую голову копьеголовой куфіи, а Вיאнесъ, который выплачивалъ эту премію въ окрестностяхъ форта Рояля, сообщилъ мнѣ, что только въ окрестностяхъ этой крѣпости каждую четверть года ему доставлено было до 70 штукъ змѣй. По сообщенію Лалаурета, на плантаціяхъ, принадлежащихъ дачѣ Пекуль, въ одинъ годъ было убито до 600 штукъ, а въ слѣдующій годъ до 300 штукъ копьеголовыхъ куфій.

Руфцъ увѣряетъ, что эта змѣя въ неволѣ не принимаетъ никакой пищи и все-таки выдерживаетъ по нѣскольку мѣсяцевъ. Я знаю изъ достовѣрныхъ источниковъ, что въ Европѣ ихъ держали въ неволѣ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. У содержателя ботаническаго сада въ С. Пьерѣ, Барилле, графъ Герцъ видѣлъ четырехъ красивыхъ змѣй этой породы въ проволочной клѣткѣ и присутствовалъ даже при поимкѣ двухъ змѣй: одного чрезвычайно злобнаго самца въ 2 м.—и самки въ 1,6 м. длины.

Куфія Копьеголовая (*Trimeresurus lanceolatus*, *Coluber glaucus*, *megaera*, *Vipera coeruleascens*, *Trigonocephalus*, *Bothrops*, *Cophias*, *Craspedocephalus lan-*

seolatus. Lanzenschlange. Fer de lance), достигает 2 м. длины и толщины мужской руки. Ея окраска весьма различна даже у дѣтенышей одной кладки. Основной, болѣе или менѣе ярко-желтовато-бурый цвѣтъ переходитъ въ бурый, сѣро-бурый и черный; рисунокъ состоитъ изъ черной полосы, пробѣгающей отъ глазъ къ затылку и двухъ рядовъ неправильныхъ, болѣе свѣтлыхъ, иногда тигровыхъ поперечныхъ пятенъ вдоль спины. Черная полоса, впрочемъ, иногда отсутствуетъ. У нѣкоторыхъ особей бока окрашены въ великолѣпный красный цвѣтъ. Отъ другихъ видовъ этого рода она отличается острыми краями уздечки, выложенными сверху тремя парами большихъ гладкихъ щитковъ, семью верхнегубными щитками, и по большей части 29-ю рядами чешуй и совершенно не пятнистою нижнею частью туловища. Кромѣ Малыхъ Антильскихъ острововъ копьеголовая змѣя населяетъ еще и часть Панамскаго перешейка.

* * *

На южно-американскомъ материкѣ живутъ два почти совершенно схожіе между собою вида куфій: **Шарана** и **Лабарія**. Обѣ эти змѣи такъ похожи по наружному виду, цвѣту и образу жизни, что даже знатоки съ трудомъ различаютъ ихъ. По крайней мѣрѣ въ этомъ различіи не были увѣрены даже Вухереръ и Гензель, которые хотя не отрицали самостоятельности обѣихъ формъ, но, сравнивъ между собою большое число южно-американскихъ куфій, пришли къ тому заключенію, что прежнее мнѣніе знатоковъ змѣй не выдерживаетъ критики, и что существуютъ переходныя формы между двумя видами.

Шарана (*Trimeresurus jararaca*, *Bothrops brasiliensis*, *Vipera brasiliensis*, *weigeli*, *Cophias jaracaga*, *Bothrope megaera*, *furia*, *leucostigma*, *ambiguus*, *Trigonocephalus jararaca*, *Craspedocephalus brasiliensis*. *Schararaka*. *Trimeresure jararaca*) бываетъ, по измѣреніямъ принца фонъ-Видъ, 1,42 м. длины, но, по сообщенію Чудя, достигаетъ 1,8 м. Ея широкая, яйцевидная, рѣзко отдѣляющаяся отъ шеи голова нѣсколько суживается передъ глазами; острая морда ея закруглена въ концѣ, немного приподнята вверхъ и какъ бы косо обрублена, края уздечки закруглены, а не такъ остры и ясно очерчены, какъ у другихъ родственныхъ ей видовъ; довольно тонкое туловище кажется почти трехугольнымъ, вслѣдствіе того, что середина спины выступаетъ килемъ; короткій, неприспособленный къ хватанью хвостъ тонокъ и заостренъ. Число верхнегубныхъ щитковъ равняется, по Шлегелю и Граю — 9, по Вухереру — 8. Наконецъ Гензель нашелъ одну змѣю, у которой на одной сторонѣ было 8, на другой 9 щитковъ. Число продольныхъ рядовъ щитковъ достигаетъ, по сообщеніямъ Шлегеля, Дюмерила, Биброна и Яна 25—27. Цвѣтъ ихъ и рисунокъ кажется очень различнымъ. Шарана разрисована по сѣрому или сѣро-бурому фону не очень частыми, узкими, внизу раздвоенными косыми полосками, которыя черноваты по краямъ и окружены болѣе свѣтлымъ сѣрымъ полемъ. Брюхо сѣрое, съ 2-мя или 4-мя неправильными продольными рядами бѣлыхъ и сѣрыхъ точекъ. Отъ глазъ до угла рта идетъ продольная широкая черная полоска. У молодыхъ змѣй кончикъ хвоста бѣлый. Она водится въ Бразиліи, отъ рѣки Амазонки къ югу до провинціи Санта-Паоло и доходитъ до тропическихъ странъ Эквадора и Перу.

Второй видъ, называемый **Лабаріей** (*Bothrops atrox*, *Coluber*, *Vipera*, *Cophias*, *Trigonocephalus atrox*, *Bothrops dirus*. *Labaria*. *Trimeresure atroce*) имѣетъ, по словамъ Вухерера, только 7 верхнегубныхъ щитковъ и отъ 25 до 27 продольныхъ рядовъ чешуекъ, а не 29—32 ряда, какъ указывали раньше Дюмериль и Биб-

ронъ. По изслѣдованіямъ принца фонъ-Видъ, змѣя эта по наружному виду и строенію, расположенію чешуекъ и даже распредѣленіемъ красокъ, почти совершенно схожа съ шаракой; но спина ея украшена темными ромбическими пятнами, перемежающимися тоже съ темными пятнами въ видѣ буквы X; брюхо не бѣловатое, а болѣе темное и украшено съ каждой стороны рядомъ бѣлыхъ пятнышекъ; отъ глаза къ углу рта тянется тоже широкая темно-бурая полоса. Края пасти, въ противоположность шаракѣ, остры и хорошо развиты.

Этотъ видъ живетъ также въ восточной Бразиліи, но кажется распространень далѣе на сѣверъ за Гвіану и не заходитъ такъ далеко къ югу, какъ шарака. Нѣкоторые виды ихъ, по словамъ Яна и Коне, встрѣчаются еще сѣвернѣе средней Америки и на западѣ до Эквадора. Образъ жизни обоихъ видовъ совершенно почти одинаковъ, такъ что мы, не задумываясь, можемъ отнести къ каждой изъ нихъ то, что знаемъ о другой. Шарака, по словамъ принца фонъ-Видъ, самая обыкновенная ядовитая змѣя Бразиліи, распространена вездѣ, такъ какъ можетъ жить и въ сухихъ, теплыхъ мѣстахъ, обросшихъ кустарникомъ, и въ высокихъ, сырыхъ и темныхъ дѣственныхъ лѣсахъ. Лабарія, по словамъ Шомбургка, попадаетъ во всей Гвіанѣ такъ же часто у береговъ моря, какъ и внутри страны; встрѣчается тамъ и сямъ и въ открытой саваннѣ, хотя предпочитаетъ рѣдкій степной кустарникъ. Днемъ она лежитъ, отдыхая, свернувшись на землѣ, и нападаетъ только тогда, когда къ ней подойдутъ слишкомъ близко. Ея движенія въ это время медленны и лѣнны; но, желая укусить, она, подобно другимъ ядовитымъ змѣямъ, съ быстротою молніи вытягиваетъ переднюю часть тѣла. Ни принцъ фонъ-Видъ, ни Шомбургкъ не видали, чтобы она лазала по деревьямъ. Но Шомбургкъ, къ немалому своему удивленію, во время одной изъ своихъ поѣздокъ къ рѣкѣ Гайамѣ, увидалъ ее въ водѣ, причемъ старая индианка увѣрила его, что змѣя занимается ловлей рыбы. «Сначала я никакъ не могъ различить ее въ водѣ, но позднѣе я дѣйствительно увидалъ, что она тамъ ловила себѣ добычу; она то ныряла на дно съ быстротою молніи, то опять появлялась на поверхности и плавала, сначала медленно, потомъ быстрѣе, вдоль и поперекъ по рѣчному руслу; наконецъ она выползла на берегъ, гдѣ я ее и убилъ. Это была дѣйствительно лабарія, и слова моей спутницы оправдались. Когда я разрѣзалъ ее, то нашелъ въ ея желудкѣ двухъ маленькихъ рыбокъ. Что почти всѣ змѣи хорошо плаваютъ—всѣмъ извѣстно, но что ядовитыя змѣи ищутъ себѣ добычу въ водѣ, было для меня новостью. Обыкновенно шарака и лабарія отыскиваютъ себѣ пищу на землѣ и какъ ихъ сородичи преимущественно охотятся за мелкими млекопитающими. Впрочемъ, я объ этомъ не имѣю никакихъ положительныхъ свѣдѣній, такъ-же какъ и о размноженіи ихъ, могу только сказать, что и эти куфій кладутъ доношенные яйца или производятъ на свѣтѣ живыхъ дѣтенышей».

Обѣихъ этихъ змѣй очень боятся, и онѣ дѣйствительно въ высшей степени опасныя животныя. «Индейцы и даже португальскіе охотники», говоритъ принцъ фонъ-Видъ, «постоянно ходятъ на охоту босые; башмаки и чулки считаются для земледѣльцевъ дорогою вещью и употребляются ими только по праздникамъ. Поэтому эти люди чаще другихъ подвергаются опасности укушенія змѣй, которыя лежатъ свернувшись въ сухой листьѣ; однако это случается рѣже, чѣмъ можно было-бы ожидать. Я подстрѣлилъ однажды тапира и высадился на берегъ съ охотникомъ изъ индейцевъ, чтобы выслѣдить кровавые слѣды животного, какъ вдругъ услыхалъ крикъ моего индейца: онъ случайно подошелъ слишкомъ близко къ шаракѣ 1,5 м. длины и не могъ достаточно скоро выбраться изъ спутанной чащи. Къ счастью для него, я тотчасъ увидалъ грозно приподнимавшееся съ земли жи-

вотное, которое, страшно открывъ пасть и выставивъ впередъ свои ядовитые зубы, намѣревалось кинуться на близъстоящаго охотника; но выстрѣлъ изъ моего ружья уложилъ змѣю на мѣстѣ. Индѣецъ совершенно онемѣлъ отъ страха и оправился только нѣсколько времени спустя, что можетъ служить доказательствомъ, какъ страшно дѣйствуетъ на маленькихъ животныхъ неожиданная близость опаснаго врага, такъ что незачѣмъ и предполагать какой-нибудь притягательной или одурачающей силы со стороны змѣи. Положенная въ челнокъ убитая змѣя возбуждала среди собравшихся тутъ индѣйцевъ такое сильное отвращеніе, что они никакъ не хотѣли понять, для чего я ее беру въ руки, такъ тщательно разглядываю, размѣряю и описываю. Охотникамъ въ жаркихъ странахъ слѣдуетъ запасаться хорошою крѣпкою обувью и широкими штанами, такъ какъ тѣ и другіе довольно хорошо защищаютъ отъ укушенія ядовитыхъ змѣй».

Хотя укушеніе этихъ двухъ куфій не всегда причиняетъ смерть, однако почти всегда вызываетъ тяжелые болѣзненные припадки въ тѣхъ случаяхъ, когда не успѣли во время употребить противодѣйствующія средства. Чуди полагаетъ, что умираетъ двѣ трети укушенныхъ и не примѣнившихъ тотчасъ же упомянутыя средства; при этомъ онъ прибавляетъ еще, что ядъ этихъ куфій не такъ быстро дѣйствуетъ и больше оставляетъ надежды на выздоровленіе, чѣмъ ядъ другихъ ядовитыхъ змѣй. Въ Южной Америкѣ часто смѣшиваютъ шараку съ однимъ кусающимся ужемъ и приписываютъ ей даже случаи укушенія, произведенные этимъ послѣднимъ. «Всѣ тѣ случаи укушенія куфіями», говоритъ Гензель, изъ отчета котораго я извлекаю настоящее сообщеніе, «которые, благодаря употребленію симпатическихъ и другихъ средствъ, не имѣли дурныхъ послѣдствій, нужно приписать исключительно тому, что ужа приняли за куфію». Какія дурныя послѣдствія ведетъ за собою укушеніе, не имѣвшее смертельнаго исхода, узнаемъ мы отъ Шомбургка. «Прежній проводникъ моего брата, котораго лабарія укусила въ ногу, умеръ не задолго до нашего прибытія въ поселеніе (слѣдовательно 7 лѣтъ спустя) отъ послѣдствій укушенія. При малѣйшей переменѣ погоды онъ чувствовалъ сильнѣйшую боль, рана его раскрывалась, причемъ изъ нея вытекала вонючая жидкость».

Шомбургкъ, во время своего собственнаго путешествія, былъ свидѣтелемъ необыкновенно печальнаго случая. «Перебравшись черезъ рѣку Мурре», рассказываетъ онъ, «мы повернули къ сѣверо-западу черезъ волнообразную саванну, гдѣ намъ вскорѣ пересѣкла дорогу рѣчечка въ 3 м. ширины. Посреди русла лежала огромная глыба песчаника, которая уже послужила нашимъ переднимъ индѣйцамъ переходнымъ мостомъ: они прыгали съ одной стороны берега на нее, а оттуда на противоположный берегъ. Я былъ въ ряду шестнадцатымъ; за мной слѣдовала молодая индианка Кэтъ, которая, благодаря своему веселому, ласковому и нѣсколько задорному нраву, получила позволеніе слѣдовать за своимъ мужемъ. Она была любимицей всего нашего общества.

«Когда я подошелъ, въ свою очередь, къ рѣкѣ, мое вниманіе было отвлечено цвѣтами, окаймлявшими берегъ; я остановился, чтобы убѣдиться, есть ли они въ моей коллекціи; однако, побуждаемый нетерпѣливыми и веселыми замѣчаніями Кэтъ, которая убѣждала меня не задерживать всѣхъ изъ за маленькаго цвѣточка, я прыгнулъ наконецъ съ берега на камень. Но отъ втораго прыжка меня удержалъ душераздирающій крикъ Кэтъ; въ то же время слѣдующій за ней индѣецъ перепрыгнулъ заразъ всю рѣку, громко крича «акуй» (ядовитая змѣя). Это произошло такъ быстро, что я едва успѣлъ обернуться къ Кэтъ, которая, мертвенно блѣдная, стояла около меня на камнѣ и указывала на только что покину-

тый берегъ съ тѣмъ же восклицаніемъ: «акуй». Когда я со страхомъ спросилъ ее: не укушена ли она, то молодая женщина горько заплакала и въ ту же минуту я увидаль у нея на правой ногѣ, около колѣна, нѣсколько капель крови. Я зналъ, что подобныя раны можетъ нанести только ядовитая змѣя и что, слѣдовательно, только самая быстрая помощь могла спасти жизнь нашей любимицы. Къ несчастію, Фэйреръ и мой братъ шли послѣдними, а индѣецъ, несшій ящикъ съ лѣкарствами, въ которомъ были и ланцеты,—однимъ изъ первыхъ въ длинномъ нашемъ ряду. За неимѣніемъ всякой другой перевязки, я отстегнулъ свои подтяжки, перевязалъ какъ можно туже раны и велѣлъ индѣйцамъ высасывать ихъ. Я думаю, что бѣдная женщина даже не знала въ первую минуту, что укушена, хотя змѣя два раза бросалась на нее и укусила ее въ первый разъ выше повязки изъ бусъ, шириною въ ладонь, которую она носила подъ колѣномъ, а другой разъ ниже ея.

«Поднявшаяся у насъ суматоха обратила вниманіе слѣдовавшихъ за нами и они поспѣшили къ намъ на помощь. Въ числѣ ихъ былъ и мужъ Кэтъ, который, хотя былъ глубоко потрясенъ видомъ своей любимой жены, съумѣлъ, однако, скрыть свое горе. Блѣдный, какъ смерть, бросился онъ къ женѣ и сталъ высасывать рану. Въ это время подошелъ къ намъ братъ, Фэйреръ и индѣецъ съ аптечкой Фэйреръ вырѣзалъ рану; остальные индѣйцы смотрѣли, повидимому, безучастно и попеременно высасывали кровь. Этотъ кругъ равнодушныхъ по виду лицъ, съ окровавленными губами, представлялъ нѣчто ужасное.

«Хотя мы тотчасъ употребили и снаружи и во внутрь амміакъ—всѣ наши старанія оказались напрасными. Черезъ три минуты появились несомнѣнные признаки отравленія: все тѣло охватила сильная дрожь, лицо все болѣе и болѣе блѣднѣло и принимало мертвенный видъ, тѣло покрылось холоднымъ потомъ, притомъ бѣдная женщина жаловалась на сильныя боли во всей сторонѣ онемѣлой ноги, въ области сердца и въ спицѣ; укушенное мѣсто почти не болѣло. Движеніе ноги было парализовано, наступила судорожная рвота и скоро перешла въ кровавую; глаза тоже налились кровью, которая скоро хлынула изъ носа и изъ ушей. Пульсъ показывалъ 120—130 ударовъ въ минуту. Черезъ 8 минутъ невозможно было узнать нашей любимицы; языкъ у нея отнялся тотчасъ по появленіи кровавой рвоты.

«Въ это время индѣйцы убили змѣю, которую они нашли въ нѣсколькихъ метрахъ отъ дороги. По всей вѣроятности, я, прыгая на камень, потревожилъ змѣю, которая набросилась тогда на слѣдующую за мною Кэтъ, а можетъ и она сама дотронулась до змѣи; когда индѣйцы нашли ее, она опять лежала свернувшись въ кружокъ, съ приподнятой вверхъ головою, готовая къ новому нападенію. Четырнадцать индѣйцевъ и Гудаль прошли мимо, не замѣтивъ и не наступивъ на нее. Кэтъ же сдѣлалась ея жертвой.

«Несчастную перенесли на гамакъ въ безсознательномъ состояніи въ нашу деревню, которую она утромъ еще оставила такою веселою и радостною. Печальное шествіе направилось къ мѣсту въ сопровожденіи Фэйрера и мужа Кэтъ, который и теперь прилагалъ всю силу воли, чтобъ не выдать свое горе. Взглядъ, брошенный нами на безчувственную Кэтъ, былъ послѣднимъ: это хорошо зналъ каждый изъ насъ».

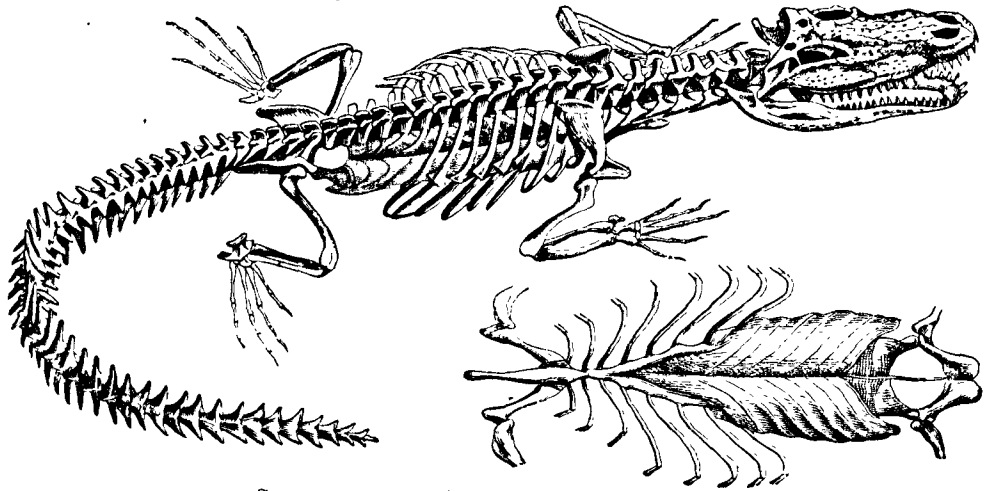
Отрядъ II.

Панцырные ящеры (*Emydosauria*).

Изъ допотопныхъ исполиновъ этого отряда до нашего времени сохранились только немногія родственныя формы, именно крокодилы. По общему своему виду будучи похожи на ящерицъ, эти пресмыкающіяся отличаются отъ нихъ очень значительно различными важными признаками. Они превосходятъ всѣхъ остальныхъ пресмыкающихся, слѣдовательно и ящерицъ, если не по тяжести или вѣсу, то все же по величинѣ. Эти признаки однако еще недостаточны для рѣзкаго отдѣленія обохъ отрядовъ. Гораздо болѣе важны отличія во внутреннемъ строеніи, особенно въ строеніи зубовъ, устройствѣ языка и особенностяхъ половыхъ органовъ. Туловище крокодиловъ вытянуто и значительно больше въ ширину, чѣмъ въ высоту, голова плоская и низкая, рыло очень удлинено, ротовая щель не имѣетъ мясистыхъ губъ и не прямая, но изогнута подъ угломъ, шея необычайно коротка, хвостъ длиннѣе, чѣмъ тѣло, и съ боковъ сжатъ, такъ что образуетъ сильный руль. Низкія конечности снабжены очень развитыми лапами. Послѣднія на переднихъ конечностяхъ имѣютъ 5, раздѣленныхъ до корня, пальцевъ, на заднихъ 4 пальца, которые связаны вполнѣ или до половины плавательной перепонкой. Три внутреннихъ пальца заднихъ конечностей имѣютъ ясные когти. Маленькіе глаза, защищенные тремя вѣками, лежатъ довольно глубоко въ орбитахъ. Они направлены вѣсколько къверху и имѣютъ поперечно расположенный, продолговатый зрачекъ. Ушные отверстія могутъ быть закрыты клапанообразной складкой кожи. Полулунныя носовыя отверстія, лежащія близко одно возлѣ другаго на верхушкѣ верхней челюсти, закрываются сближеніемъ ихъ вздутыхъ краевъ. Задній проходъ имѣетъ видъ продольной щели. Верхняя и нижняя поверхность тѣла и хвоста покрыта болѣе или менѣе четырехугольными, плотными и толстыми чешуйками и щитками. Спинные чешуйки и щитки отличаются выдающимися продольнымъ гребнемъ или килемъ; хвостовые же образуютъ два пилообразно зубреныхъ ряда, которые сзади соединяются въ одинъ. Щитки и чешуйки, находящіяся по бокамъ тѣла, округлены. Эти щитки на спинѣ окостенѣваютъ, вслѣдствіе чего покровъ тѣла получаетъ видъ панцыря. Для опредѣленія родовъ важны шейные и затылочные костяные щитки; такъ какъ ихъ число и расположеніе у отдѣльныхъ родовъ различно и довольно постоянно, то различаютъ ихъ по положенію. На мягкой части кожи за головой лежатъ отдѣльные маленькіе, передніе заты-

лочные щитки, которые расположены большею частью въ одинъ или два попереčnýchъ ряда; верхнюю часть шеи занимаютъ задніе затылочные или шейные щитки.

Благодаря обстоятельнымъ изслѣдованіямъ, мы достаточно знаемъ внутреннее строеніе крокодиловъ. Голова у нихъ очень плоская и сжатая, удлинненная, сзади широкая или вытянута въ ширину, впереди мало-по-малу дѣлается тоньше. Морда такъ сильно вытянута, что настоящій черепъ занимаетъ едва пятую часть длины головы. Затылочная кость состоитъ изъ 4 костей, клиновидная изъ 7, височная изъ 3, теменная изъ 1 и лобная изъ 3 костей. Рѣшетчатая кость существуетъ. Небные кости велики и продолговаты, верхнечелюстные кости, обхватывающія межчелюстную, необычайно развиты, такъ какъ онѣ образуютъ широкую и плоскую небную поверхность. Сзади онѣ соединяются посредствомъ длиннаго отростка со скуловой костью и крыловидными отростками клиновидной кости. Носовая полость, въ образованіи которой участвуетъ внутренняя поверх-

Скелетъ и грудобрюшная кость крокодила.

ность вышеупомянутыхъ костей, замыкается двумя очень длинными носовыми костями. Большая, сильная нижняя челюсть состоитъ изъ двухъ вѣтвей, соединенныхъ впереди швомъ. Изъ этихъ вѣтвей каждая состоитъ изъ шести, соединенныхъ въ свою очередь швами, кусковъ. Зубы сидятъ въ ячейкахъ, конусообразно заострены и едва замѣтнымъ образомъ изогнуты назадъ. Въ общемъ зубы очень сходны между собой и отличаются только длиной. Ихъ конусообразная коронка спереди и сзади имѣетъ острые ребра; корень всегда простой и полный почти вплоть до коронки. Это потому, что каждый зубъ заключаетъ въ себѣ замѣщающій зубъ, который вырастаетъ, когда старый выпадаетъ, и можетъ быть также выдавливаетъ послѣдній въ опредѣленное время. Нижнечелюстные зубы попадаютъ въ промежутки между верхнечелюстными. Оба переднихъ нижнечелюстныхъ зуба входятъ въ ямки или вырѣзы верхней челюсти. Первый и четвертый зубъ нижней челюсти и третій зубъ верхней челюсти обыкновенно самые длинные и сильные. Число зубовъ значительно варьируетъ у различныхъ родовъ.

Позвоночникъ состоитъ обыкновенно изъ 9 шейныхъ, 12 — 13 спинныхъ, 2—4 поясничныхъ, 2—3 крестцовыхъ и 34—42 хвостовыхъ позвонковъ. Отдѣльные части позвонковъ не срастаются въ одинъ кусокъ, но состоятъ изъ нѣсколькихъ частей, соединенныхъ швами и хрящемъ; задняя поверхность каждого по-

звонка выпукла, передняя вогнута для принятія задней поверхности передняго позвонка. Кромѣ 12—13 двуголовчатыхъ реберъ, снабженныхъ крючкообразными отростками, существуютъ еще особенныя, тонкія, костяныя брюшныя ребра, которыя не связаны съ позвоночникомъ и расположены въ 7 или 8 поперечныхъ рядовъ. Они лежатъ между слоями брюшныхъ мускуловъ и прилегаютъ спереди къ хрящу послѣдняго ребра и къ хрящевому отростку грудной кости, а сзади къ лобковой кости и образуютъ такъ называемую грудобрюшную кость. Каждое брюшное ребро въ отдѣльности состоитъ изъ двухъ костей. Грудная кость раздѣляется на маленькую костяную часть и длинный, хрящевой мечевидный отростокъ. Настоящихъ ключицъ нѣтъ. Скелетъ переднихъ конечностей состоитъ изъ плечевого пояса, плеча, обѣихъ костей предплечья, костей пясти и запястья. Запястье состоитъ изъ 5 косточекъ; первый палецъ состоитъ изъ 2, второй и пятый изъ 3, средний и четвертый изъ 4 суставовъ. Тазъ состоитъ изъ подвздошной, сѣдалищной и лобковой костей. Заднія конечности состоятъ изъ бедра, обѣихъ костей голени, костей плюсны и предплюсны. Предплюсна состоитъ изъ 4 костей; первый палецъ заднихъ конечностей состоитъ изъ 2, второй изъ 3, а третій и четвертый изъ 4 суставовъ. Къ костямъ прилегаютъ очень сильныя мускулы бѣлаго цвѣта. По обѣимъ сторонамъ позвоночнаго столба возлѣ остистыхъ отростковъ позвонковъ проходитъ длинный, сильный мускулъ. Этотъ мускулъ, съ помощью нѣсколькихъ другихъ мускуловъ, отдѣляемыхъ съ трудомъ отъ него, вытягиваетъ позвоночный столбъ. Мускулы хвоста очень многочисленны и очень сильны, брюшныя мускулы тонкіе и кожистые; мускулы конечностей толсты и сильны. Между легкими и печенью, по обѣимъ сторонамъ лежитъ тонкій, широкій мускулъ съ сухожильнымъ покровомъ. Онъ прилегаетъ къ внутренней поверхности грудной кости, замѣняетъ диафрагму высшихъ позвоночныхъ и несомнѣнно играетъ важную роль при дыханіи. Маленькая полость черепа занимаетъ едва двѣнадцатую часть длины головы и выполнена мозгомъ, напоминающимъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мозгъ птицъ. Мозгъ, при разсматриваніи сверху, представляетъ пять отдѣловъ: двѣ переднія большія массы, двѣ среднія поменьше и одну маленькую, трехугольную, заднюю. Полушарія покрываютъ въ видѣ свода полосатыя тѣла тонкимъ покровнымъ слоемъ, но не покрываютъ сзади, по словамъ Каруса, четыреххолмія и клереди продолжаютъ въ полныя обонятельныя шишки. Спинной мозгъ и главнымъ образомъ нервы относительно очень сильно развиты. Короткій и плоскій языкъ снабженъ большимъ количествомъ вкусовыхъ сосочковъ и по всей своей длинѣ прикрѣпленъ къ основанію ротовой полости. Этимъ онъ во всѣхъ отношеніяхъ отличается отъ языка ящерицъ. Пищеводъ продолжается въ желудокъ. Послѣдній лежитъ съ лѣвой стороны въ брюшной полости и состоитъ изъ двухъ частей. Одна часть больше другой и образуетъ закругленный сзади мѣшокъ, другая, стоящая съ первой въ соединеніи только посредствомъ круглаго отверстия, является какъ бы придаткомъ къ ней. Средняя кишка коротка, задняя кишка длинная; поджелудочная железа достаточно велика, двухлопастная печень очень велика; желчный пузырь грушевидный; селезенка мала. Лопастныя, темнокрасныя почки прилегаютъ къ поясничнымъ позвонкамъ; мочевого пузыря нѣтъ; мочевые сосуды соединяются въ протоки и образуютъ мочеточникъ. Послѣдній открывается въ клоаку, очень близко возлѣ сѣмяводовъ, выходящихъ изъ сѣмянныхъ железъ, лежащихъ въ брюшной полости вблизи почекъ. Лежащій въ задней части клоаки мужской удъ не двойной, имѣетъ конусообразную форму и снабженъ изогнутой бороздой, проходящей по длинѣ. Двѣ большія железы, приготовляющія сильно пахнущія мускусомъ отдѣленія, лежатъ по обѣимъ сторонамъ клоаки и, вѣроятно, стоятъ въ связи съ половую дѣя-

тельностью. Двѣ другихъ железы, такого же характера, находятся сзади челюстей и представляютъ, быть можетъ, видоизмѣненные слюнные железы, которыхъ, по мнѣнію анатомовъ, у крокодиловъ нѣтъ. Гортань открывается щелью за корнемъ языка, нѣсколько удлиняется и переходитъ затѣмъ въ дыхательное горло, которое, начинаясь въ шеѣ, входитъ въ грудную полость и раздѣляется на двѣ длинныя, изогнутыя трубки. Послѣднія, въ свою очередь, открываются въ большія воздухохранилища, расположенныя между легкими. Изъ воздухохранилищъ воздухъ входитъ въ большое количество ячеекъ легкихъ. Емкость легкихъ крокодила очень значительна; если принять, по Реньяру и Бланшару, емкость легкихъ степного варана равной 10, тогда емкость легкихъ аллигатора выразится 16,8, то есть больше, нежели въ полтора раза. Относительно маленькое сердце, окруженное сильной сумкой, имѣетъ вполнѣ раздѣленные правый и лѣвый желудочки. Изъ лѣваго желудочка выходитъ правая, а изъ праваго лѣвая аортальная дуга вмѣстѣ съ легочнымъ кровеноснымъ стволомъ. Обѣ дуги только въ самомъ началѣ соединены между собою; это соединеніе прекращается тогда, когда полулунные клапаны желудочковъ наполняются возвратившейся кровью и закрываются.

Въ настоящее время извѣстно 24 рѣзко отличающихся видовъ крокодиловъ. Они распадаются на три группы, основанныя на строеніи зубовъ. Штраухъ и Буланже, къ которымъ примыкаю и я, соединяють всѣхъ въ одно семейство; другіе изслѣдователи, особенно Грэй и Гексли, пытались выдѣлить отдѣльныя группы, которыя вышеупомянутые ученые рассматриваютъ какъ подсемейство, въ особыя семейства и каждому приписываютъ болѣе или менѣе значительное число подсемействъ. Признаки же послѣднихъ столь незначительны и сомнительны, что ведутъ скорѣе къ затемнѣнію, чѣмъ къ разъясненію нашихъ свѣдѣній о крокодилахъ. По Буланже, который рассматриваетъ отрядъ, какъ самый высшій между живущими пресмыкающимися, раздѣленіе крокодиловъ на семейства невозможно по слѣдующимъ причинамъ. Выдѣленію гавіаловъ въ отдѣльное семейство препятствуетъ то обстоятельство, что въ Борнео живетъ видъ, по строенію своему стоящій посрединѣ между гавіалами и настоящими крокодилами. Единственное важное отличіе крокодиловъ отъ аллигаторовъ состоитъ въ большемъ числѣ нижнечелюстныхъ зубовъ у послѣднихъ; той же особенностью отличается и гавіаль изъ Борнео. Приспособленіе четвертаго нижнечелюстного зуба къ зубамъ верхней челюсти оказывается у настоящихъ крокодиловъ и аллигаторовъ далеко не столь постояннымъ, какъ раньше предполагали. Съ исчезновеніемъ же этого признака, исчезаетъ граница обоихъ названныхъ подсемействъ. Однимъ словомъ, при изученіи отдѣльныхъ подсемействъ крокодиловъ, мы наталкиваемся всюду на переходы, вездѣ находимъ связующіе члены. Еще больше расходятся взгляды авторовъ относительно границъ видовъ. Всѣ крокодилы измѣняются такъ значительно, въ зависимости отъ возраста и отчасти отъ мѣстопробыванія, что нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что многіе изъ нихъ описываются какъ представители новыхъ видовъ. Напримѣръ отношеніе длины рыла къ ширинѣ у молодыхъ и старыхъ экземпляровъ измѣняется сильно. Люткенъ наблюдалъ у одного американскаго вида крокодиловъ (*Crocodylus intermedius*), что черепъ, необычайно длинный въ молодости, съ возрастомъ все болѣе и болѣе укорачивается. Конечно изслѣдованія этой, какъ и всѣхъ другихъ группъ пресмыкающихся, еще далеко не закончены; но, вѣроятно, число нынѣ описанныхъ видовъ существенно не измѣнится.

Крокодилы распространены во всѣхъ частяхъ свѣта, за исключеніемъ Европы, ибо ихъ мѣстожителство ограничивается жаркимъ поясомъ и прилегающими къ нему частями земнаго шара. Дальше всего на сѣверъ они заходятъ въ Азію и Аме-

рикѣ, далѣ всего на югъ въ Америкѣ и Африкѣ. Границами области ихъ распространенія на сѣверѣ служатъ въ восточномъ полушаріи 34 градусъ широты, въ западномъ же 35 градусъ. На югѣ въ первомъ полушаріи 21 градусъ, во второмъ 32 градусъ. Исключая Австраліи вмѣстѣ съ нѣкоторыми океаническими островами, гдѣ существуютъ крокодилы, исключительно принадлежащіе азіатской области, каждая часть свѣта имѣетъ особые виды. Въ Азии и Америкѣ существуетъ по два вида, исключительно принадлежащіе этимъ частямъ свѣта, въ Африкѣ есть одинъ особый свой родъ. Только крокодилы въ тѣсномъ смыслѣ распространены во всѣхъ частяхъ свѣта.

При описаніи общаго для всѣхъ образа жизни я буду кратокъ, такъ какъ буду подробно описывать жизнь -извѣстныхъ и важныхъ видовъ и тѣмъ самымъ дамъ полную картину жизни цѣлаго семейства. Здѣсь достаточно будетъ ниже-слѣдующаго.

Всѣ крокодилы обитаютъ въ водѣ, чаще всего въ спокойно текущихъ потокахъ, рѣкахъ и ручьяхъ, рѣже въ озерахъ, какъ прѣсныхъ, такъ и соленыхъ, въ богатыхъ водою топяхъ и болотахъ, случайно даже въ морскихъ заливахъ. На сушу они выходятъ только послать съ полнымъ комфортомъ, пригрѣтые оживляющимъ ихъ солнцемъ, отложить на сушѣ яйца или же въ случаѣ переселенія изъ высыхающихъ ручьевъ въ другую невысохшую еще лужу или рѣку. Если же предстоящая имъ дорога слишкомъ длинна или слишкомъ неудобна, тогда они закапываются въ илъ и остаются въ немъ въ спичкѣ, пока новое наводненіе не вызоветъ ихъ къ жизни. Подобнымъ же образомъ они избѣгаютъ, по словамъ Катасби, холода въ Сѣверной Америкѣ, въ особенности въ Каролиѣ. Не рѣдкость, что крокодилы, увлеченные морскими теченіями, совершаютъ непроизвольныя путешествія. По Ридлею, недавно былъ убитъ на Кокосовыхъ или Килинговыхъ островахъ гребнистый крокодилъ, который могъ быть принесенъ сюда водою только съ Явы, отстоящей на 700 морскихъ миль. Точно также, по Кольдуэлю, въ 1885 году былъ выброшенъ на берегъ на островѣ Барбадосѣ крокодилъ, который родомъ могъ быть только изъ Ориноко, отстоящаго по меньшей мѣрѣ на 300 миль. Тамъ, гдѣ крокодилы обитаютъ, они появляются всегда массами, при чемъ старыя и молодыя живутъ въ дружбѣ другъ съ другомъ. Добычей для этихъ хищныхъ звѣрей служатъ позвоночныя животныя всѣхъ классовъ, начиная отъ человѣка и кончая рыбой. Они не пренебрегаютъ также и безпозвоночными животными, особенно раками и моллюсками. Только тѣ животныя ихъ не боятся, которыя величиной и силой значительно превосходятъ этихъ очень наглыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очень трусливыхъ тварей. Имъ нужно много пищи, они разомъ проглатываютъ огромныя массы, причемъ, ради лучшаго пищеваренія, проглатываютъ также громадныя камни. Съ другой стороны они постыятся втеченіе мѣсяца и потому кажутся прожорливѣе, чѣмъ въ дѣйствительности.

Всѣ крокодилы размножаются яйцами, которыя походятъ по величинѣ и виду на гусинныя яйца и окружены твердой известковой скорлупой, похожей на фарфоръ. Самка откладываетъ отъ 20 до 100 яицъ и помѣщаетъ ихъ въ простой, вырытой въ пескѣ ямкѣ, или, зарывъ ихъ въ болотистой почвѣ, покрываетъ остатками стеблей и опавшей листвою. При этомъ она, говорятъ, если не всегда, то время отъ времени посѣщаетъ вѣренное землѣ дорогое потомство. По истеченіи продолжительнаго времени, созрѣвшая въ теплѣ молодежь вылупляется и тотчасъ спѣшитъ въ воду. Въ началѣ своей жизни крокодилы растутъ быстро, достигаютъ черезъ годъ, при хорошемъ питаніи, даже въ плѣну, 30 сп. длины и становятся половозрѣлыми въ возрастѣ отъ 6 до 8 лѣтъ. Съ этого времени ростъ ихъ, повидному, подвигается медленнѣе; ростъ ихъ прекращается, вѣроятно, только съ наступленіемъ

смерти. Какого возраста они достигаютъ, неизвѣстно, но несомнѣнно, что они живутъ въ нѣсколько разъ дольше, чѣмъ человѣкъ.

Грозное, поражающее всегда человѣка появленіе крокодиловъ, ихъ безразсудная страсть къ хищничеству, значительный вредъ, который они приносятъ, заставляетъ людей вездѣ, гдѣ только суевѣріе не считаетъ ихъ священными, оберегать себя отъ нихъ. Вышесказаннымъ оправдывается безпощадное преслѣдованіе ихъ, ведущее мало-по-малу къ совершенному уничтоженію. Самые хищные крокодилы, впрочемъ, не всегда опасны для человѣка. Въ нѣкоторыхъ областяхъ, особенно въ отдѣльныхъ опредѣленныхъ пунктахъ, жители ихъ необычайно боятся, въ другихъ же, наоборотъ, съ ними обращаются такъ, что это показалось бы мало вѣроятнымъ, если бы въ томъ не ручались достовѣрные наблюдатели. «Немногіе крокодилы, встрѣчающіеся въ водахъ Майсура,» пишетъ Сандерсонъ, «бросаются очень рѣдко на людей; рыбаки, плавающіе около нихъ, увѣрили меня въ томъ, что крокодилъ, на котораго они наталкиваются при рыбной ловлѣ, спокойно лежитъ на днѣ и даже при прикосновеніи не подаетъ и признака жизни, очевидно стараясь остаться незамѣченнымъ. Это происходитъ потому, что крокодилы, какъ и всѣ дикіе звѣри, очень трусливы, суевѣріе же туземцевъ заставляетъ считать ихъ смѣлыми. Читателямъ, знающимъ крокодиловъ только по рассказамъ, какіе существуютъ относительно ихъ смѣлости въ другихъ областяхъ, можетъ показаться совершенно невѣроятнымъ нижеслѣдующій мой рассказъ. Я самъ видѣлъ, какъ рыбаки, одинъ за другимъ, погружались въ рѣку четырехъ метровъ глубины, чтобы поймать за хвостъ крокодила въ 2 ш. длины, котораго я легко равиль, и вытащить его на поверхность. Тогда только, когда человѣкъ, вытащившій животное, пытался перенести его на скалу, гдѣ я въ ожиданіи стоялъ съ веревкой, крокодилъ изгибался и ударялъ хвостомъ по рукѣ. Вслѣдъ за этимъ онъ освобождался и погружался опять въ воду. Такимъ образомъ крокодила вытаскивали нѣсколько разъ, пока я не убилъ его выстрѣломъ изъ ружья». Подобно Сандерсону изъ Индіи, сообщаетъ изъ Венецуэлы Заксъ, строго различающій опасные и безопасные виды крокодиловъ, какъ просто обходится народонаселеніе съ панцырными ящерами. По его приказанію, ловили рыбу въ рѣкѣ. Вдругъ громадный неводъ застрялъ. «Остановили работу», продолжаетъ Заксъ, «и начали внимательно осматривать сѣть, которую влекло въ разныя стороны находящееся, повидимому, въ водѣ препятствіе. Оказалось, что въ сѣть запутался кайманъ. Тотчасъ одинъ рыбакъ нырнулъ въ воду, чтобы освободить сѣть. Цѣлая минута прошла, пока человѣкъ снова показался на поверхности воды. Товарищи же его въ это время смѣялись и шутили, нисколько не безпокоясь объ исходѣ такого отважнаго поступка. Привычка все притупляетъ; очень часто случается, что ползающій по дну кайманъ запутывается въ сѣти рыбаковъ и освобождается изъ нея водолазомъ. Если его не освободить, то онъ разрываетъ петли. Когда, послѣ выполнения своей задачи, человѣкъ вышелъ на сушу, я спросилъ его, какое средство онъ употребляетъ, чтобы избѣжать опаснаго нападенія каймана, и получилъ отвѣтъ, который, несмотря на то, что всѣ присутствовавшіе его подтвердили, я склоненъ считать за шутку. Кайманъ, услышавъ я, испытываетъ большое наслажденіе, если его чесать и тереть по бокамъ тѣла въ области реберъ. Паслаждаясь, онъ вытягивается съ удовольствіемъ и позволяетъ дѣлать съ собой, что угодно. Къ нему нужно приближаться сзади, одной рукой постоянно почесывать, а другой въ это время освобождать сѣть отъ звѣря». Теннентъ, Пецъ и другіе даютъ подобныя же указанія, которыя подтверждаютъ, что панцырные ящеры не вездѣ такъ страшны, какъ привыкли думать. «Нужно всегда помнить», пишетъ Пехуэль-Лаше, «что крокодилы не вездѣ являются такими страш-

ными чудовищами, какими ихъ считаютъ. Нѣкоторыхъ панцирныхъ ящеровъ человѣку не нужно совсѣмъ бояться и у самыхъ опасныхъ видовъ встрѣчаются только отдѣльные экземпляры, которые становятся людоедами, какъ это бываетъ у тигровъ. Несомнѣнный фактъ, что не во всѣхъ водахъ и не въ каждомъ любимомъ мѣстѣ, гдѣ обитаютъ эти животныя, происходятъ нападенія на людей. Крокодилы, смотря по внѣшнимъ условіямъ, въ которыхъ они живутъ, поступаютъ различно. Они опытны: то бываютъ боязливыми, то становятся смѣлыми. Впрочемъ, слѣдуетъ быть осторожнымъ вездѣ въ водахъ, гдѣ они живутъ. Самыми опасными являются плоскіе берега съ непосредственно прилегающей глубокой водой».

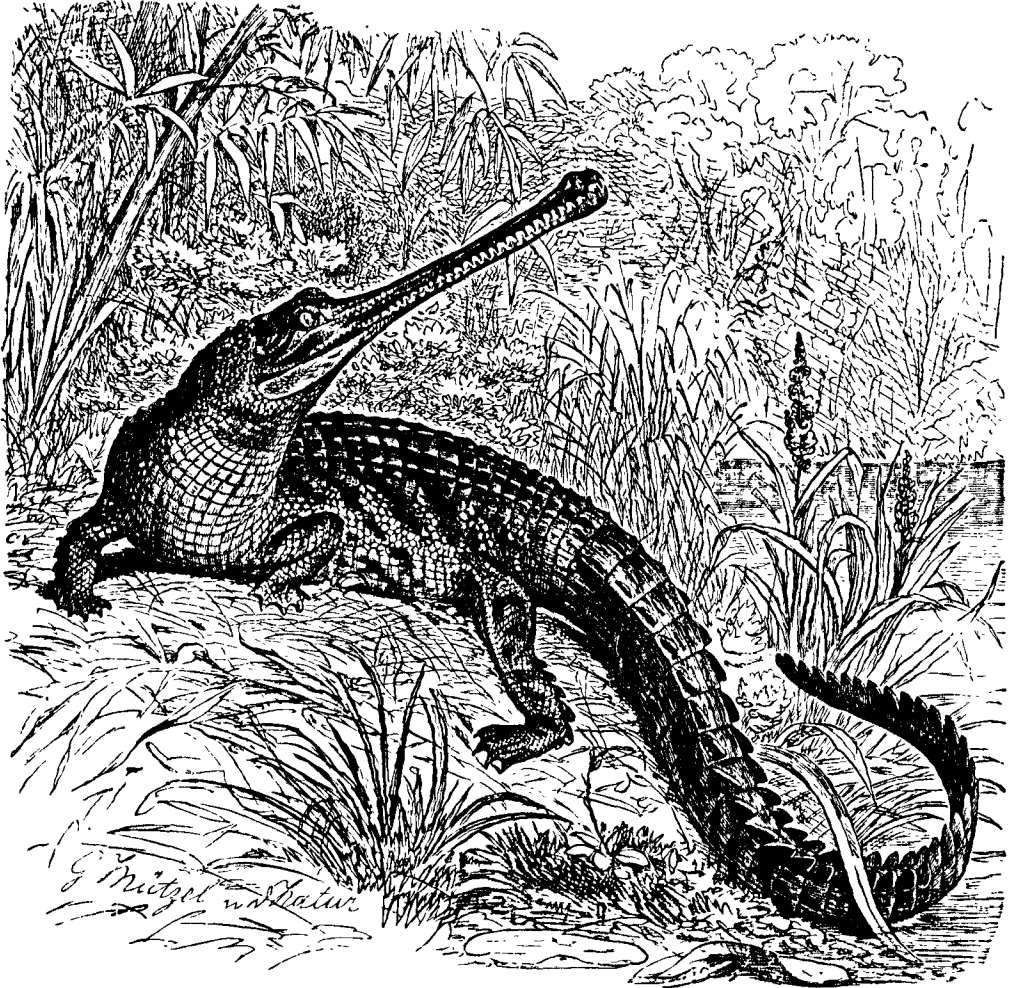
Схватенный крокодиломъ человѣкъ не всегда погибаетъ: часто людей освобождали даже изъ зубовъ хищника или спасали, благодаря своевременно поданной помощи. Быстрая и смѣлая оборона, повидимому, ошеломляетъ крокодила или повергаетъ его въ страхъ, такъ что онъ бросаетъ свою добычу и скрывается. При своихъ нападеніяхъ на звѣрей онъ также не всегда испытываетъ удачу. Однажды Баннистеръ заставилъ своего осла переплыть чрезъ маленькую, но посрединѣ очень глубокую рѣку Кинсембо въ Нижней Гвинее. Вдругъ вынырнулъ огромный крокодилъ, погнался за осломъ, схватилъ его за хвостъ и поволокъ ко дну. Вскорѣ послѣ этого осель появился опять на поверхности и старался поспѣшно добраться до берега. Но его преслѣдователь появился снова, подплылъ и потащилъ снова за хвостъ внизъ. Жертва снова освободилась подъ водой, выплыла на поверхность и достигла ужъ плоскаго мѣста вблизи берега, какъ вдругъ крокодилъ попытался въ третій разъ схватить ее за хвостъ. Но храбрый осель, почувствовавъ уже теперь подъ ногами твердую почву, лягнулъ такъ сильно, что его непріятель, получивши ударъ въ голову, тотчасъ ушелъ въ глубину.

Селусу однажды посчастливилось освободить дорожную собаку изъ пасти крокодила. Дѣло происходило въ юго-восточной области Замбези. «Мы охотились», пишетъ Селусъ, «подъ вечеръ на рѣчкѣ Гвенія за франколинами, какъ вдругъ мою собаку «Биль», бѣжавшую вдоль берега, схватилъ внезапно за заднюю часть тѣла средней величины крокодилъ, а затѣмъ скрылся подъ водой. Рѣченка въ этомъ мѣстѣ достигала едва 2 м. ширины, но была глубока, и русло ея было ограничено крутыми и высокими берегами. Я видѣлъ, что случилось, прыгнувъ съ лошади и подошелъ къ водѣ; въ тотъ-же моментъ показался «Биль» вмѣстѣ съ головой крокодила, но опять скрылся. Такъ какъ я видѣлъ тѣло крокодила въ то время, какъ онъ ворочался съ собакой, то я далъ два выстрѣла по нему. Я надѣялся, что шумъ заставитъ его выпустить жертву. Но этого не случилось. Спустя нѣсколько секундъ рыло крокодила и бѣдная собака снова показались на поверхности. Я схватилъ свое ружье за дуло и подставилъ прикладъ «Билю». Схвативши его зубами, «Биль» боролся между жизнью и смертью; ложе ружья и теперь имѣетъ отпечаткъ его зубовъ. Тутъ я имѣлъ возможность схватить собаку за уши, потащилъ со всей силой и вытащилъ голову крокодила, не желавшаго отпустить свою добычу на поверхность. Подбѣжавшій и стоявшій сзади меня спутникъ выстрѣлилъ въ голову крокодила. Тогда онъ выпустилъ собаку, нырнулъ и больше не показывался. Спасенная собака получила три сильныхъ раны, но скоро поправилась».

При уходѣ за крокодилами съ молодости можно ихъ сдѣлать ручными. Они при-
выкаютъ къ воспитателю и къ его зову или извѣстному сигналу. Для получения пищи они раскрываютъ пасть, причѣмъ берутъ нищу, какъ изъ рукъ, такъ и съ подставленной лалочки. Вообще они оказываются болѣе понятливыми, чѣмъ какой-либо другой представитель этого класса.

Гавіалами (*Gavialis*. Schnabelkrokodile) называютъ такихъ крокодиловъ, у которыхъ спереди на верхней челюсти на каждой сторонѣ есть по три вырѣзки для принятія трехъ переднихъ ниже-челюстныхъ зубовъ. Число зубовъ колеблется между 27 и 29 для верхней челюсти и 25—26 для нижней. Рыло необычайно узкое и длинное; длина его въ $3\frac{1}{3}$ — $5\frac{1}{2}$ раза больше, чѣмъ ширина основанія и на переднемъ концѣ расширяется въ видѣ пятачка. Двѣ вѣтви нижней челюсти соединены необычайно длиннымъ костянымъ швомъ, доходящимъ сзади до 23 или 24

Гавіаль. *Gavialis gangeticus*. $\frac{1}{25}$ наст. вел.

зуба. Спина покрыта панциремъ, состоящимъ изъ четырехъ продольныхъ рядовъ костяныхъ пластинокъ. Эти пластинки лежатъ одна вблизи другой и снабжены гребнями. Брюхо не покрыто костяными пластинками.

Единственнымъ родомъ этого подсемейства является **Гавіаль**, называемый въ Индіи **Харіаль** (*Gavialis gangeticus*, *Lacerta gangetica*, *Crocodylus gangeticus*, *longirostris*, *arctirostris*, *tenuirostris*, *Gavialis tenuirostris*, *Charialis gangeticus*, *Rhampostoma tenuirostre*. *Gangesgavial*. *Gavial du Gange*). Онъ считается у многихъ индій-

цевъ священнымъ животнымъ, посвященнымъ Вишну, творцу и властеляну воды. Голова у него перетянута передъ глазами; рыло длинное, узкое, плоское, сильно расширено на верхушкѣ, носовыя кости сравнительно коротки и далеко не доходятъ до межчелюстныхъ частей, число зубовъ въ каждой изъ обѣихъ челюстей велико.

Кромѣ того признаками гавіала могутъ считаться: присутствіе затылочныхъ щитковъ, маленькія глазныя впадины и слабо развитыя ноги. По словамъ Штрауха, эти признаки отличаютъ гавіала во всякомъ возрастѣ отъ родственныхъ ему формъ. Въ обѣихъ челюстяхъ необычайно удлиненнаго рыла, которое Эдвардсъ, впервые описавшій гавіала, сравниваетъ съ клювомъ крохалея, помѣщаются слегка изогнутые зубы. Самыми сильными между ними являются оба переднихъ боковыхъ зуба верхней челюсти и первая, вторая и четвертая пара нижнечелюстныхъ зубовъ. Непосредственно позади головы или затылочной кости лежатъ въ одномъ поперечномъ ряду 4, чаще 6 маленькихъ щитковъ, другая пара такихъ щитковъ занимаетъ пространство между передними 6 и передними спинными щитками. Последніе начинаются въ срединѣ шеи и образуютъ вилоть до начала хвоста 21—22 поперечныхъ ряда, изъ которыхъ первый состоитъ изъ двухъ щитковъ, въ слѣдующихъ двухъ рядахъ прибавляется два боковыхъ щитка; всѣ же остальные ряды состоятъ изъ 4 среднихъ и двухъ очень маленькихъ боковыхъ щитковъ. На хвостѣ находятся 19 паръ килеватыхъ щитковъ и 19 простыхъ чешуекъ, снабженныхъ гребнемъ. У старыхъ самцовъ переднее вздутіе рыла выше, чѣмъ у самокъ и содержитъ полость для принятія воздуха. Поэтому самцы могутъ долѣе самокъ оставаться подъ водой. Окраска верхней стороны тѣла кофейно-зеленая, испещренная у молодыхъ экземпляровъ многочисленными, маленькими, темно-красными пятнами и полосами. Окраска нижней стороны представляетъ переходъ отъ желто-зеленаго къ бѣлому цвѣту. Взрослые экземпляры достигаютъ длины 5,75 м., хотя въ европейскихъ коллекціяхъ нѣтъ экземпляровъ больше 5 м. въ длину.

Гавіаль живетъ въ Гангѣ и Брампутрѣ и большихъ притокахъ этихъ рѣкъ, а, по словамъ Дэй, и въ Индѣ. Кромѣ того, по новѣйшимъ даннымъ Буланже, онъ попадается еще въ рѣкѣ Маганади въ Ориссѣ и въ рѣкѣ Коладивѣ въ Араканѣ, но его не встрѣчаютъ въ Иравади, Годавари, Кистяѣ, Тапти, Нарбадѣ и др.

Уже Эліанъ различаетъ два вида крокодиловъ, живущихъ въ Гангѣ: одни приносятъ незначительный вредъ, другіе хищные и безпощадно преслѣдуютъ человѣка и животныхъ. «Последніе», говоритъ греческій изслѣдователь, «снабжены на рылѣ сверху возвышеніемъ вродѣ рога. Ими пользуются для казни преступниковъ, отдавая ихъ на сѣденіе крокодиловъ». Теперь мы съ увѣренностью можемъ сказать, что вышеуказанное различіе существуетъ въ дѣйствительности, хотя новѣйшія данныя относительно гавіала чрезвычайно скудны. Еще и теперь, какъ и прежде, въ Гангѣ обитаетъ, кромѣ гавіала, болотный крокодилъ. Данныя Эліана кромѣ того подтверждаетъ Паолино, рассказывающій, что обвиненныхъ въ преступленіи заставляютъ въ присутствіи браминовъ переплыть рѣку. Поощаженные крокодиломъ считаются оправданными.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и теперь еще гавіаловъ считаютъ священными. Почти всѣ путешественники, упоминающіе о гавіалахъ, говорятъ о такомъ возрѣніи туземцевъ. Зубастый крокодилъ производитъ, говорятъ, сильныя опустошенія между рыбами. Своеобразное устройство рыла гавіала говоритъ также за то, что онъ питается, если не исключительно, то главнымъ образомъ рыбой. Строеіе всего тѣла гавіала заставляетъ считать его животнымъ, хорошо приспособившимся къ жизни въ водѣ. Дэй называетъ его «настоящимъ рыбояднымъ крокодиломъ, ловящимъ добычу во время плаванія.» Буланже упоминаетъ также, что

гавиаль питается исключительно рыбой. Форситъ, отдѣляющій гавиала отъ болотнаго крокодила, не находитъ возможнымъ утверждать, на основаніи своихъ наблюденій, чтобы гавиаль былъ опасенъ человѣку. Стерндаль, наконецъ, прибавляетъ, что болотный крокодилъ чаще бросается на человѣка, гавиаль же исключительно питается рыбой. Изъ этого мы видимъ, что неизвѣстно ни одного случая или, по меньшей мѣрѣ, ни за одинъ случай нельзя съ увѣренностью ручаться, чтобы гавиаль бросался на большихъ млекопитающихъ и человѣка. Поэтому его нужно считать однимъ изъ небольшого числа безобидныхъ крокодиловъ. Вредъ его заключается только въ томъ, что, уничтожая въ большомъ количествѣ рыбу, онъ тѣмъ самымъ уменьшаетъ количество пищи, которымъ бы могло воспользоваться население береговъ рѣкъ, въ которыхъ онъ обитаетъ.

О размноженіи гавиала мы узнали изъ недавнихъ изслѣдованій Андерсона. Андерсонъ вырылъ изъ песка яйца, положенныя этимъ крокодиломъ, и продержалъ у себя нѣкоторое время нѣсколько вылупившихся, отчасти съ его помощью, молодыхъ гавиаловъ. Яйца, числомъ 40, лежали двумя одинаковыми кучками, расположенными одна надъ другой. Эти кучки были отдѣлены слоемъ песку, толщиной около 60 см. Вѣроятно яйца были отложены не въ одно время. Премилыя молодые животныя имѣли послѣ вылупленія въ длину 40 см., причѣмъ на рыло приходилось 4 см., а на хвостъ 22 см. Цвѣтъ ихъ былъ сѣро-буроватый, на спинѣ было пять неправильныхъ темныхъ поперечныхъ полосъ. Полосы были расположены между передними и задними ногами; на хвостѣ же было 9 полосъ. Непосредственно по вылупленіи они уже бѣгали съ необычайной быстротой; одинъ изъ нихъ, вылупившійся съ помощью Андерсона, живо огрызнулся и укусилъ въ палецъ нашего путешественника, прежде чѣмъ послѣдній успѣлъ освободить его вполне изъ скорлупы.

Въ европейскихъ коллекціяхъ гавиаль попадаетъ рѣже, чѣмъ другіе крокодилы; въ живомъ же состояніи встрѣчается только у богатыхъ любителей. Въ виду того, что на свободѣ онъ живетъ въ глубокихъ и текущихъ водахъ и добровольно выходитъ на сушу только во время размноженія, содержаніе его представляетъ гораздо больше трудностей, чѣмъ содержаніе другого какого-нибудь представителя этого отряда.

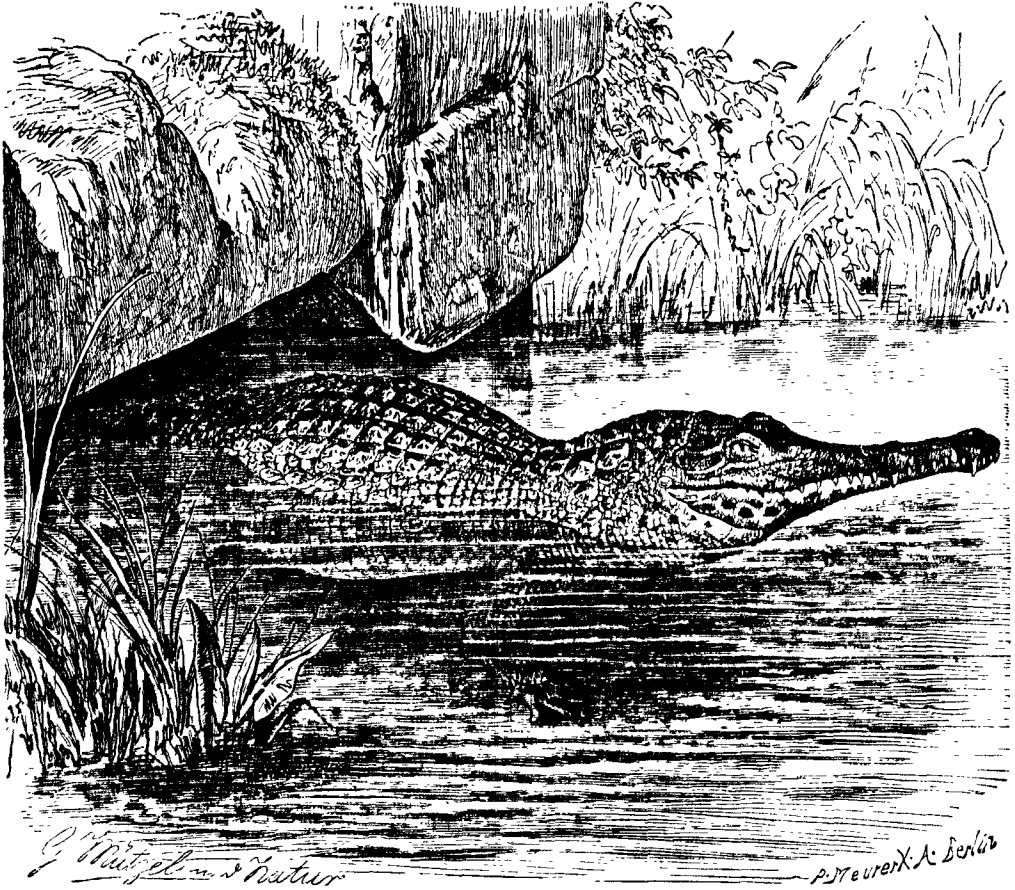
* *

Настоящими крокодилами (*Crocodylus*) называютъ 12 видовъ, у которыхъ межчелюстная кость имѣетъ впереди двѣ глубокихъ ямки, въ которыя входятъ два самыхъ переднихъ зуба нижней челюсти. Кромѣ того каждая верхняя челюсть имѣетъ вырѣзку для принятія съ каждой стороны четвертаго зуба нижней челюсти. Число неравныхъ, но очень сильныхъ зубовъ колеблется отъ 17 до 19 на каждой сторонѣ верхней челюсти, по 15 на сторонѣ каждой нижней челюсти. Общее число зубовъ, слѣдовательно, отъ 64 до 68.

У всѣхъ извѣстныхъ видовъ пятый зубъ верхней челюсти больше, чѣмъ всѣ остальные, и шовъ, соединяющій обѣ вѣтви нижней челюсти, проходитъ не далѣе восьмага нижнечелюстного зуба. Спина покрыта четырьмя или болѣе продольными рядами костяныхъ килеватыхъ щитковъ. Крокодилы живутъ въ Африкѣ, юго-западной и южной Азіи, въ сѣверной Австраліи и въ тропической Америкѣ.

Разграничить отдѣльные виды другъ отъ друга, особенно, если неизвѣстно точно ихъ отечество, совсѣмъ нелегко. Насколько просто отличить далеко стоящія формы, напримѣръ узкорылаго отъ болотнаго крокодила, настолько трудно точно опредѣлить другіе виды, особенно молодые или недавно вылупившіеся изъ яйца. Поэтому приведенные нами признаки относятся исключительно къ взрослымъ формамъ.

Описание настоящих крокодиловъ мы начнемъ съ Узкорулаго крокодила (*Crocodylus cataphractus*, *leptorhynchus*, *Mecistops cataphractus*, *benetti*. Panzerkrokodil. Crocodile du Senegal). Онъ, вслѣдствіе строенія своего узкаго рыла, является нѣкоторымъ образомъ связующимъ звеномъ между гавіалами и крокодилами и даже тѣснѣе примыкаетъ къ первымъ. Очень вытянутое, узкое, заостренное, выгнутое сверху и гладкое рыло, которое въ три раза больше въ длину, чѣмъ въ ширину у основанія, впалый лобъ, двѣ пары расположенныхъ въ два продольныхъ ряда затылочныхъ щитковъ и непосредственно граничащіе съ ними 6 про-

Узкорулый крокодилъ. *Crocodylus cataphractus*. $\frac{1}{20}$ наст. вел.

дольныхъ рядовъ спиннаго панциря—вотъ отличительные признаки узкорулаго крокодила. Голени снабжены, какъ и у многихъ другихъ крокодиловъ, оканчивающимся большими зубцами гребешкомъ изъ чешуекъ. Голова оливковаго цвѣта, усѣяна коричневыми крапинками. Туловище и хвостъ темно-зеленаго цвѣта съ большими черными пятнами, желтовато-бѣлое брюхо съ черными, но значительно меньшими пятнами. Взрослое животное достигаетъ въ длину 6 м.

Адансонъ былъ первый путешественникъ, который отличилъ видѣннаго имъ въ Сенегалѣ узкорулаго крокодила отъ нильскаго. Онъ же первый, хотя и кратко, описалъ его. Съ тѣхъ поръ его находили или замѣчали во всѣхъ большихъ рѣкахъ западнаго берега Африки, особенно въ Сенегалѣ, Гамбїи, Нигерѣ, Биауэ,

Камерунъ, Габунъ, Куйлу и Конго. Адансонъ, хотя и упоминаетъ объ образѣ жизни видѣннаго имъ крокодила, но такъ неопредѣленно, что его данныя съ одинаковымъ правомъ могутъ быть отнесены какъ къ нильскому, такъ и къ узкорылому крокодилу. Саважъ посвящаетъ послѣднему нѣсколько словъ. Названіемъ «Кхинхъ», которое даютъ туземцы узкорылому крокодилу, обозначается собака. Образъ жизни этого животнаго ничѣмъ не отличается отъ образа жизни другихъ крокодиловъ. Онъ обитаетъ въ маленькихъ рѣкахъ и стоячихъ водахъ низменности и питается рыбой, земноводными и пресмыкающимися, живущими въ водѣ, но своимъ временнымъ убѣжищемъ онъ выбираетъ пору на берегу рѣки и изъ нея бросается на безопасную добычу. Онъ кладетъ яйца на сушѣ и покрываетъ ихъ листьями и другими легкими веществами, и этимъ отличается отъ другихъ крокодиловъ и аллигаторовъ. Онъ боязливъ и неопасенъ, вслѣдствіе чего туземцы его очень часто ловятъ для приготовленія ихъ любимаго блюда. На берегахъ Лоанго и Конго, по словамъ Пехуэль-Леше, узкорылый крокодилъ считается очень опаснымъ животнымъ. Этими данными ограничивались наши свѣдѣнія относительно образа жизни узкорылаго крокодила. Благодаря же Рейхену, приславшему нижеслѣдующія свѣдѣнія, я имѣю возможность значительно пополнить вышеприведенныя данныя. «Узкорылый крокодилъ», такъ пишетъ мнѣ этотъ натуралистъ, «часто встрѣчается въ западной Африкѣ, по крайней мѣрѣ въ Верхней Гвинее онъ попадаетъ несравненно чаще, чѣмъ его тупорылый родичъ, червый крокодилъ (*Osteolaemus tetraspis*). Я его находилъ какъ въ лагунахъ вблизи морского берега, въ устьяхъ большихъ рѣкъ, особенно широкихъ, такъ и въ верхнемъ теченіи рѣкъ въ прѣсной водѣ. Мнѣ попадались отдѣльные экземпляры этого крокодила въ дельтѣ рѣки Камерунъ, въ узкихъ каналахъ, пронизывающихъ низменность, поросшую мангровыми деревьями и лаванами. Они грѣлись на солнцѣ, пріютившись на отмеляхъ. Какъ только они замѣчали приближеніе лодки, то моментально спрыгивали въ воду.

«Въ притокѣ же Камеруна, Вури, они попадаютъ въ поразительномъ количествѣ. Я неразъ убѣждался, что узкорылые крокодилы въ прѣсной воды не бросаются, а если и бросаются, то только въ очень рѣдкихъ случаяхъ на сильную добычу, такую, какъ человекъ или другое большое животное, такъ какъ они могутъ оказать сопротивленіе. Въ одной лагунѣ на Золотомъ берегу негры переходили въ бродъ, и я ни разу не слыхалъ про несчастный случай, а между тѣмъ временами здѣсь бывало очень много крокодиловъ. Я самъ, прежде чѣмъ замѣтилъ присутствіе крокодиловъ, ходилъ по поясъ въ водѣ, охотясь на цапель и другихъ болотныхъ птицъ. Очень часто бывало, что прижавшееся на днѣ животное, будучи потревожено мною, вздымало воду. Я думалъ, что это, должно быть, рыба. Но однажды, я, попрежнему безопасно бродя въ водѣ, увидѣлъ въ 8 шагахъ отъ меня высунувшуюся изъ воды отвратительную голову громаднаго крокодила. Въ первый моментъ мы оба были ошеломлены неожиданной встрѣчей, вслѣдъ за тѣмъ я схватился за свое ружье для стрѣлянія птицъ и выстрѣлилъ бекасиной дробью въ голову чудовища (у меня не было болѣе сильнаго заряда). Тогда онъ ударилъ хвостомъ и скрылся въ воду. Само собою понятно, что послѣ этого я ужъ не ходилъ больше въ лагуну, такъ какъ я не былъ настолько увѣренъ въ вѣрности вышеприведеннаго наблюденія, чтобы рисковать собой. Негры же постоянно купались въ Вури на мелкихъ мѣстахъ, не обращая вниманія на многочисленныхъ крокодиловъ. Когда же въ дождливое время рѣка разливалась и дѣлалась глубокой, то нерѣдко бывали случаи, что люди изъ плоскодонныхъ челноковъ были схватываемы крокодилами. Въ этомъ случаѣ они могли тотчасъ утащить добычу на глубину и потопить безъ значительнаго сопротивленія со стороны послѣдней.

Живучесть этого узкорылаго крокодила вовсе не такъ велика, какъ принято думать. Я убивалъ на разстояніи 20—30 шаговъ молодыхъ, длиной въ руку, утиною дробью. Я не стрѣлялъ въ большихъ изъ моего ружья или винтовки, такъ какъ я, при вторичномъ посѣщеніи Вури, не хотѣлъ изъ за охоты на крокодиловъ портить себѣ охоту на бегемотовъ».

«Во время засухи эти крокодилы, повидимому, перекочевываютъ; по крайней мѣрѣ въ началѣ засухи я въ упомянутой лагунѣ у Ауры находилъ ихъ чаще, чѣмъ до этого. Я думаю, что они сюда перекочевали изъ маленькихъ, высохшихъ рѣченекъ. Мясо этого крокодила бѣлое, нѣжное и очень вкусное; поэтому неграми оно очень цѣнится».

* * *

Наиболѣе извѣстнымъ американскимъ представителемъ подсемейства является **Американскій крокодилъ** (*Crocodylus americanus, acutus, pacificus, lewyanus, mexicanus* и *biscutatus*, *Molinia americana*, *Spitzkrokodil*, *Crocodylus à museau pointu*). Рыло у него очень длинное, узкое и заостренное, длина рыла превосходитъ ширину основанія въ два раза, сверху оно болѣе или менѣе выпукло и слегка сморщено. Другими отличительными признаками служатъ: вздутая продольная кайма на выпукломъ рылѣ, 4 переднихъ затылочныхъ щитка, расположенныхъ въ одинъ рядъ, 6 большихъ заднихъ затылочныхъ щитковъ, расположенныхъ обыкновенно въ два ряда; но иногда и иначе и, наконецъ, спинные щитки, расположенные въ 4—6 продольныхъ рядовъ и отдѣленные отъ затылочныхъ щитковъ замѣтнымъ промежуткомъ. Голени снабжены гребешкомъ. Верхняя сторона тѣла окрашена въ темный оливково-бурый цвѣтъ, нижняя же сторона чистаго свѣтло-желтаго цвѣта. Взрослые экземпляры достигаютъ въ длину до 6 м.; находящіяся же въ европейскихъ коллекціяхъ экземпляры чаще всего имѣютъ въ длину 3,5 м.

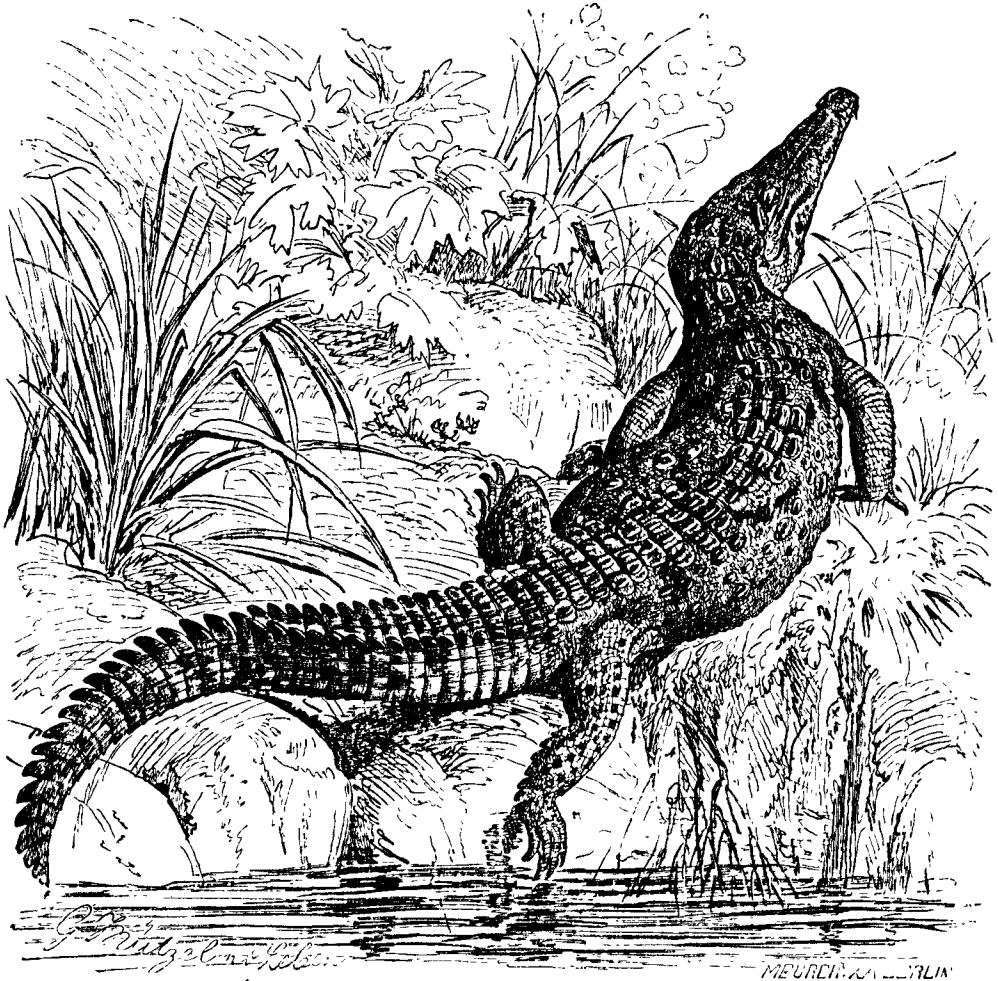
Американскій крокодилъ водится въ значительной части южно-американскаго материка, въ средней Америкѣ и Вестъ-Индіи, преимущественно-же въ прѣсныхъ водахъ Эквадора, Новой Гренады и Венецуэлы, Юкатана, Гватемалы, южной и средней Мексики, Кубы, Сапъ Доминго, Ямайки, Мартиники и Флориды. Такимъ образомъ онъ живетъ почти во всѣхъ странахъ и на большихъ островахъ, лежащихъ между 30 гр. сѣверной и 5 гр. южной широты.

Нижеслѣдующее описаніе образа жизни представляетъ изъ себя извлеченіе изъ данныхъ, приводимыхъ А. фонъ-Гумбольдтомъ въ разныхъ мѣстахъ относительно американскаго и оринокскаго (*Crocodylus intermedius*) крокодиловъ.

«Начиная отъ Діаманта,» говоритъ знаменитый натуралистъ, «тянется область, густо населенная звѣрями, и мѣстами она оказывается настоящимъ царствомъ ягуаровъ и крокодиловъ. Одинъ берегъ рѣки, вслѣдствіе наводненій, пустынный и песчаный, другой—выше и покрытъ высокоствольными деревьями; тамъ и сямъ рѣка ограничена съ обѣихъ сторонъ деревьями. Больнія степныя четвероногія: тапиры, пекари и ягуаръ проложили въ береговой чащѣ тропинки, которыя служатъ имъ путями къ рѣкѣ для питья. Такъ какъ они не убѣгаютъ при видѣ лодки, то можно наблюдать, какъ они медленно проходятъ по берегу и скрываются въ какой-нибудь узенькой просѣлкѣ. Чувствуешь, что находишься среди дѣвственной природы, среди новаго міра! То появляется на берегу ягуаръ, то по берегу медленно шествуетъ гокко; животныя различныхъ классовъ замѣняютъ другъ друга. «Здѣсь находишься точно въ раю», сказалъ нашъ рулевой, старый индѣецъ изъ миссій. Дѣйствительно все напоминаетъ здѣсь первоначальное состояніе міра, о безгрѣшности и благополучіи котораго у всѣхъ народовъ существуютъ издавна благочестивыя преданія. Но, наблюдая здѣсь взаимное отношеніе звѣрей, мы

видимъ, что они боятся и избѣгаютъ другъ друга: золотой вѣкъ прошелъ, и въ этомъ раю американскихъ лѣсовъ, какъ и вездѣ, долгій горькій опытъ научилъ всѣхъ тварей, что сила и кротость рѣдко совмѣщаются въ живомъ существѣ.

«Тамъ, гдѣ плоскій берегъ значительной ширины, ряды кустарниковъ удаляются отъ рѣки. Въ этой промежуточной области можно видѣть разомъ нѣсколько крокодиловъ, числомъ отъ 8 до 10, лежащихъ на пескѣ, съ раскрытыми подъ прямымъ угломъ челюстями; покоятся они другъ возлѣ друга, не выказывая взаимнаго рас-

Американскій крокодилъ. *Crocodylus americanus*. $\frac{1}{20}$ наст. вел.

положенія, какое мы наблюдаемъ у животныхъ общественныхъ. Они расходятся въ разныя стороны, лишь только сойдутъ съ берега, однако, по всей вѣроятности, группа эта состоитъ изъ одного самца и нѣсколькихъ самокъ, ибо самцы попадаются довольно рѣдко. Они, вѣроятно, въ періодъ спариванія дерутся другъ съ другомъ и многіе погибаютъ въ этихъ бояхъ. Эти мощныя пресмыкающіяся такъ многочисленны, что на всемъ протяженіи рѣки ихъ можно каждое мгновеніе видѣть по 5—6 штукъ, хотя Апуре только начала наполняться водою и слѣдовательно сотни крокодиловъ еще лежали, зарывшись въ илъ саваннъ».

Въ рѣкѣ Цевери этихъ чудовищъ масса, даже вблизи ея устья; они проби-

раются, особенно во время шторма, вплоть до открытаго моря. «Легко понять», продолжает Гумбольдтъ «что животное, у котораго тѣло заключено въ панцырь, не очень чувствительно къ ѣдкости соленой воды. Это наблюдение имѣетъ значеніе для геологіи въ виду удивительнаго смѣшенія окаменѣлыхъ морскихъ и прѣсно-водныхъ животныхъ.

«Въ четыре часа вечера мы принялись измѣрять мертваго крокодила, выброшеннаго волной на берегъ. Онъ имѣлъ только 5,24 м. въ длину. Нѣсколько дней спустя Бонпланъ нашелъ другого самца, имѣвшаго въ длину 6,8 м. Во всѣхъ странахъ, какъ въ Америкѣ, такъ и въ Египтѣ, эти животныя достигаютъ указанной длины. Второй видъ, часто попадающійся въ Ориноко, представляетъ изъ себя не каймана или аллигатора, но настоящаго крокодила (*Crocodylus intermedius*) съ зазубренными на наружныхъ краяхъ голенями. Онъ похожъ на нильскаго крокодила, и называется арауэ у таманакъ. Крокодилъ въ Апуре движется очень быстро и проворно, когда онъ нападаетъ; если же онъ не возбужденъ гнѣвомъ или голодомъ, то ползаетъ медленно, какъ саламандра. При движеніи ихъ слышенъ шумъ, повидимому, производимый треніемъ накожныхъ щитковъ одинъ о другой. Часто мы на берегу слышали невдалекѣ этотъ шумъ щитковъ. Утвержденіе индѣйцевъ, что старые крокодилы, подобно броненосцамъ, могутъ приподымать свои чешуи и весь свой панцырь, оказывается несправедливымъ. Они во время движенія изгибаютъ спину, и ноги ихъ кажутся длиннѣе, чѣмъ во время покоя. Они движутся по большей части прямо или, какъ стрѣла, которая по временамъ мѣняетъ свое направленіе. Поворачиваются они, при желаніи, очень легко, несмотря на небольшія ложныя ребра, которыя, прикрѣпляясь къ шейнымъ позвонкамъ, повидимому, затрудняютъ движеніе вбокъ. Я часто наблюдалъ, какъ молодые экземпляры кусаютъ себѣ хвостъ; другіе наблюдали то же самое и у взрослыхъ крокодиловъ. Что ихъ движеніе почти всегда кажется прямолинейнымъ, происходитъ отъ того, что они, подобно ящерицамъ, движутся толчками. Они плаваютъ превосходно и пересиливаютъ легко самое сильное теченіе; впрочемъ мнѣ показалось, что они не могутъ быстро поворачиваться, когда плывутъ внизъ по рѣкѣ. Однажды громадный крокодилъ началъ преслѣдовать въ рѣкѣ большую собаку, сопровождавшую насъ на пути изъ Каракаса. Онъ уже былъ совсѣмъ близко отъ собаки, которая избѣжала опасности единственно благодаря тому, что повернулась и поплыла противъ теченія. Крокодилъ тоже повернулся, но гораздо медленнѣе собаки. Собака-же тѣмъ временемъ благополучно достигла берега».

Впрочемъ, нравъ американскаго крокодила, какъ объ этомъ высказывается въ нѣсколькихъ мѣстахъ Гумбольдтъ, бываетъ различенъ, смотря по мѣстности, въ которой онъ живетъ. Въ нѣкоторыхъ рѣкахъ его очень боятся, въ другихъ не очень или совсѣмъ не боятся. «Привычки животныхъ одного вида», такъ говоритъ Гумбольдтъ, «повидимому бываютъ различны въ зависимости отъ мѣстныхъ вліяній, выяснить которыя очень трудно. Въ Ріо Буригуку предупреждали насъ, чтобы мы не позволяли нашимъ собакамъ пить изъ рѣки, такъ какъ въ ней водятся очень свирѣлые крокодилы. Эти крокодилы, говорили намъ, выходятъ нерѣдко изъ воды и преслѣдуютъ собакъ на берегу. Эта смѣлость тѣмъ болѣе удивительна, что въ Ріо Тизанао крокодилы довольно робки и безвредны. Точно также и въ Ріо Невери, въ которой встрѣчается много большихъ крокодиловъ съ щучьимъ рыломъ, они не столь злы, какъ въ Ориноко. Въ связи съ развитіемъ культуры въ различныхъ мѣстахъ, а также съ болѣе или менѣе густымъ населеніемъ вблизи рѣкъ измѣняются, вѣроятно, также привычки этихъ большихъ пресмыкающихся. Она становятся боязливыми на сушѣ и даже убѣгаютъ отъ человѣка, когда они

не голодны и когда нападеніе связано съ нѣкоторой опасностью. Въ Новой Барселонѣ можно наблюдать, какъ индѣйцы доставляютъ на рынокъ лѣсъ; они бросаютъ въ рѣку большіе брусья, которые увлекаются теченіемъ. Владѣлецъ же, вмѣстѣ со своимъ старшимъ сыномъ, плыветъ то по одну, то по другую сторону брусьевъ и сдвигаетъ съ мели бревна, остановившіяся въ извилахъ рѣки. Въ большинствѣ же рѣкъ, гдѣ водятся крокодилы, подобная перевозка запрещена.

«Въ желудкѣ одного крокодила въ 3,6 м. длины мы, т. е. Бонпланъ и я, по вскрытіи, нашли рыбу, на половинну переваренную, и круглые камни, величиной 8—10 см. Нельзя предполагать, что бы крокодилы случайно проглатывали эти камни, ибо, когда они на днѣ рѣки схватываютъ рыбу, ихъ нижняя челюсть не касается дна. Индѣйцы придумали неудачное объясненіе, будто эти лѣнныя животныя добровольно прибавляютъ себѣ вѣсу, чтобы легче нырять. Я думаю, что они проглатываютъ большіе камни для перевариванія пищи въ желудкѣ, подобно многимъ птицамъ, также для вызванія большаго выдѣленія желудочнаго сока. Исслѣдованія Мажанди говорятъ за такое воззрѣніе. Въ Апуре они имѣютъ обильную пищу, именно водосвинокъ, которыя живутъ по берегамъ рѣкъ группами въ 50—60 штукъ. Эти несчастныя животныя не обладаютъ вовсе оружіемъ для защиты: онѣ плаваютъ немногимъ лучше, чѣмъ бѣгаютъ. Въ водѣ же они становятся добычей крокодиловъ, а на сушѣ ихъ пожираютъ ягуары. Съ трудомъ можно понять, какъ они могутъ быть столь многочисленны при двухъ такихъ сильныхъ врагахъ. Можно представить себѣ наше удивленіе, когда мы увидѣли, что громадный крокодилъ лежитъ безъ движенія и спитъ среди этихъ грызуновъ. Онъ проснулся, какъ только мы приблизились въ нашей лодкѣ и медленно направился въ воду, причѣмъ даже не обезпokoилъ водосвинокъ. Наши индѣйцы объясняли это равнодушіе свинокъ ихъ глупостью; но, повидимому, водосвинки по опыту знаютъ, что крокодилъ въ Апуре и оринокскій не нападаютъ на сушѣ, развѣ только случайно схватываютъ добычу, отправляясь съ берега въ воду.

«Опасности, которымъ подвергаются жители Ориноко, служатъ у нихъ предметомъ ежедневныхъ разговоровъ. Они изучили привычки крокодила такъ, какъ бойцы быковъ привычки послѣднихъ,—они знаютъ движенія панцырныхъ ящеровъ и ихъ способъ нападенія и заранее опредѣляютъ степень ихъ смѣлости. Если туземцы видятъ, что крокодилы имъ угрожаютъ, то прибѣгаютъ съ полнымъ присутствіемъ духа и съ рѣшимостью, свойственной индѣйцамъ, замбо, *) и вообще цвѣтнымъ туземцамъ, ко всемъ средствамъ, извѣстнымъ имъ съ дѣтства. Въ странахъ, гдѣ природа представляетъ столько ужасовъ и опасностей, человекъ всегда приготовленъ къ оборонѣ. Молодая индианка, которая безъ посторонней помощи высвободилась изъ пасти крокодила, сказала: «я знала, что кайманъ меня отпустить, если я ему придавлю глаза пальцами». Эта дѣвушка принадлежала къ бѣдному классу населенія, у котораго привычка къ нуждѣ увеличиваетъ душевную силу. Но по истинѣ поразительно наблюдать въ странахъ, гдѣ часто бываютъ землетрясенія, что у женщинъ изъ высшихъ слоевъ общества въ моментъ опасности появляется подобная же находчивость и рѣшимость.

«Крокодилъ вслѣдствіе строенія своей глотки и язычной кости и вслѣдствіе складчатости языка, можетъ схватить добычу подъ водой, но не можетъ ее тамъ проглотить. Поэтому часто человекъ, схваченный крокодиломъ, тотчасъ исчезаетъ и только спустя часа два можно видѣть, какъ показывается крокодилъ не очень близко отъ того мѣста, гдѣ произошло несчастіе, и проглатываетъ свою добычу.

*) Помѣсь индѣйцевъ съ неграми.

Тѣмъ не менѣе рѣдко охотятся на этихъ опасныхъ хищныхъ животныхъ. Они очень хитры, а потому ихъ нелегко убить. Пуля тогда лишь бываетъ смертельна, если она попадетъ въ пасть или подъ мышку. Индѣйцы, рѣдко пользующіеся огнестрѣльнымъ оружіемъ, нападаютъ на нихъ съ копьями, когда крокодилы попадаютъ на острия, крѣпкія желѣзныя удочки, къ которымъ, въ видѣ приманки, прицѣплено мясо; и то индѣйцы подходятъ только тогда, когда крокодилы долго промучаются, стараясь освободиться отъ желѣза. Невѣроятно, чтобы такая охота могла совершенно очистить страну отъ крокодиловъ, такъ какъ изъ многочисленныхъ рѣкъ каждый день приходятъ новыя полчища отъ восточнаго склона Андовъ чрезъ Мету и Апуре къ берегамъ Испанской Гвѣаны. Результатомъ усиленной охоты будетъ лишь то, что крокодилы сдѣлаются боязливые, и поэтому ихъ легче прогнать».

Въ Южной Америкѣ изъ убитыхъ крокодиловъ извлекаютъ мало выгоды; Гумбольдтъ упоминаетъ только, что жиръ каймана служить прекраснымъ слабительнымъ, а бѣлое мясо въ нѣкоторыхъ мѣстахъ охотно употребляютъ въ пищу.

Американскіе крокодилы имѣютъ немного опасныхъ враговъ, кромѣ человѣка. Часто рассказываютъ о битвахъ между крокодилами и большими удавами, но эти рассказы не заслуживаютъ ни малѣйшаго довѣрія. Вообще крокодилы обращаютъ вниманіе только на животныхъ, могущихъ служить имъ добычей, къ остальнымъ же они остаются совершенно равнодушны. Гумбольдтъ рассказываетъ, что маленькая бѣлоснѣжная цапля часто бѣгаетъ по спинѣ и даже по головѣ крокодила, а онъ не обращаетъ на это никакого вниманія. Здѣсь мы видимъ случай, аналогичный тому, какъ относится нильскій крокодилъ къ своему «сторожу». Шумливые обитатели ихъ рѣки, повидимому, не нравятся крокодиламъ: Гумбольдтъ видѣлъ, что крокодилы ныряютъ, если близко къ нимъ подходятъ дельфины. Старые крокодилы достаточно защищаются противъ нападенія другихъ животныхъ; молодыхъ же подстерегаютъ ревностно и съ успѣхомъ различныя болотныя птицы и грифы.

Относительно ихъ размноженія есть старое изслѣдованіе Уллоа. «Они откладываютъ», такъ описываетъ онъ, «втеченіе двухъ дней по крайней мѣрѣ 100 яицъ и, помѣщая ихъ въ ямкахъ въ песокъ, прикрываютъ и барахтаются сверху, чтобы скрыть слѣды. Вслѣдъ за этимъ они удаляются на нѣсколько дней, по прошествіи которыхъ возвращаются въ сопрожденіи самца, разрываютъ песокъ и разбиваютъ скорлупу яицъ. Мать помѣщаетъ затѣмъ молодъ къ себѣ на спину и несетъ ихъ въ воду. По дорогѣ къ водѣ нѣсколькихъ утащить грифъ, самецъ съѣстъ столько штукъ, сколько можетъ, даже мать пожираетъ тѣхъ, которые упадутъ или же не умѣютъ плавать, такъ что во концѣ кояцовъ остается не болѣе 5 или 6 штукъ.

«Грифы очень любятъ яйца крокодиловъ и поэтому лѣтомъ, какъ часовые, скрываются на деревьяхъ, слѣдя внимательно за самкой во время кладки. Какъ только она удалится, они набрасываются на гнѣздо, разрываютъ клювомъ и когтями песокъ и вступаютъ изъ за яицъ въ драку». Едва ли нужно упоминать о томъ, что у Уллоа правдоподобное перемѣшано съ фантазіей. Правдоподобное подтверждено Гумбольдтомъ. «Крокодилы», рассказываетъ онъ, «кладутъ яйца въ отдѣльныя ямки и самка возвращается ко времени созрѣванія яицъ, зоветъ молодыхъ крокодиловъ, тѣ ей отвѣчаютъ и она помогаетъ имъ выйти изъ земли». Я не знаю, наблюдалъ ли Гумбольдтъ лично вышесказанное или передаетъ слышанное имъ. Мнѣ же не удалось найти то мѣсто въ его сочиненіи, на которое онъ указываетъ. Впрочемъ, это становится нѣсколько правдоподобнымъ послѣ

новѣйшихъ изслѣдованій Фельцкова надъ нильскимъ крокодиломъ. Молодые крокодилы предпочитаютъ широкимъ и глубокимъ рѣкамъ маленькія лужи и рвы съ водой. Во рвахъ, окруженныхъ камышемъ, ихъ находятъ въ такомъ изобиліи, что они тамъ кишатъ, какъ черви.

По изслѣдованіямъ Гумбольдта, оринокскій крокодилъ подверженъ лѣтней спячкѣ. «Ниже впаденія Ріо Араука», говоритъ онъ, описывая свое путешествіе, «появилось крокодиловъ больше, чѣмъ прежде, особенно сравнительно съ большимъ озеромъ, соединеннымъ съ Ориноко. Индѣйцы сказали мнѣ, что эти крокодилы пришли съ суши, гдѣ они лежали подъ иломъ саваннъ. Послѣ перваго ливня они пробуждаются отъ оцѣпенѣнія, собираются массами и направляются къ рѣкѣ, гдѣ снова расходятся. Подъ тропиками они пробуждаются тогда, когда становится болѣе влажно; въ умѣренныхъ же странахъ, Георгіи и Флоридѣ, ихъ пробуждаетъ усиливающаяся жара. Эта жара выводитъ ихъ изъ состоянія оцѣпенѣнія или ослабленія нервовъ и мышцъ, во время котораго дыханіе совсѣмъ прекращается или во всякомъ случаѣ очень сильно ослабѣваетъ. Время сильной засухи, неправильно названное лѣтомъ жаркаго пояса, соответствуетъ зимѣ умѣреннаго пояса. Поэтому замѣчательно съ физиологической точки зрѣнія то, что въ Сѣверной Америкѣ аллигаторы вслѣдствіе холода находятся въ зимней спячкѣ, а крокодилы въ то же самое время въ льяносахъ находятся отъ жары въ лѣтней спячкѣ. Вѣроятно, что аллигаторы и крокодилы, принадлежащіе къ одному семейству, жили когда нибудь вмѣстѣ въ сѣверныхъ странахъ. Переселившись къ тропикамъ, они тѣмъ не менѣе и въ новомъ климатѣ ведутъ тотъ же образъ жизни и чувствуютъ потребность дать отдохнуть своимъ мускуламъ, проработавшимъ 6—7 мѣсяцевъ. Намъ показали хижину или скорѣе родъ сарая, гдѣ съ нашимъ хозяиномъ произошелъ весьма удивительный случай. Однажды онъ спалъ со своимъ другомъ на обтянутой кожей скамейкѣ; вдругъ онъ рано утромъ просыпается отъ сильныхъ толчковъ, шума и стука глыбъ земли, ударяющихся о хижину. Немного погодя, подъ скамьей появляется молодой крокодилъ, длиною въ метръ, и направляется къ собакѣ, лежащей на порогѣ дверей. Собака, конечно, обращается въ бѣгство, а крокодилъ успѣшно идетъ къ берегу и входитъ въ рѣку. Изслѣдовали почву подъ скамьей и странное приключеніе объяснилось. Оказалось, что въ высохшемъ, сильно разрытомъ теперь плѣ, крокодилъ лежалъ въ лѣтней спячкѣ и проснулся отъ шума людей и лошадей, а можетъ быть и отъ запаха собаки. Хижина стояла у пруда и часть года бывала подъ водой. Несомнѣнно, что во время наводненія саваннъ, крокодилъ попалъ въ ту яму, изъ которой видѣли его выходящимъ. Итакъ мы видимъ, что въ льяносахъ жара и зной оказываютъ на звѣрей и на растенія дѣйствіе, подобное холоду. Многія пресмыкающіяся, особенно крокодилы, неохотно покидаютъ лужи, въ которыхъ они во время разлитія рѣки нашли воду. Чѣмъ больше эти водоемы высыхаютъ, тѣмъ болѣе они зарываются въ плѣ, слѣдуя за влагой, необходимой для того, чтобы сохранить гибкость ихъ покровамъ. Въ этомъ состояніи покоя наступаетъ у нихъ оцѣпенѣніе; они хотя не совершенно отрѣзаны отъ доступа воздуха, но этотъ доступъ воздуха очень малъ. Впрочемъ, его достаточно для поддержанія дыханія у животнаго, которое хотя и имѣетъ большіе легочные мѣшки, но не производитъ никакихъ мускульныхъ движеній и приостанавливаетъ всякое жизненное проявленіе».

Молодые узкорылые крокодилы презабавныя созданія и живутъ въ неволѣ десятки лѣтъ, лишь бы имъ доставляли необходимую теплоту.

Наиболѣе извѣстный и, если можно такъ выразиться, знаменитѣйшій изъ всѣхъ крокодиловъ, именно нильскій, издревле служилъ предметомъ для вѣрныхъ описаній и баснословныхъ разсказовъ. Уже Геродотъ описалъ его и о немъ упоминается въ Библии. Первый въ точности описываетъ то, что онъ самъ видѣлъ во время своего пребыванія въ Египтѣ, а въ книгѣ Иова мы находимъ прекрасное и вполне характерное описаніе крокодила подъ названіемъ «Левіаѳана». «Образъ жизни крокодила», такъ приблизительно разсказываетъ Геродотъ, «слѣдующій: онъ живетъ на сушѣ и въ водѣ, откладываетъ и высиживаетъ яйца на сушѣ, гдѣ и проводитъ большую часть дня, а на ночь возвращается въ рѣку, такъ какъ вода ночью теплѣе, чѣмъ ясное небо и роса. Онъ становится изъ самаго маленькаго самымъ большимъ между всѣми животными. Яйца его не больше гусиныхъ и дѣтеныши сначала очень незначительной величины; но, выросши, онъ имѣетъ въ длину 17 локтей. У него четыре ноги, глаза, какъ у свиньи, большіе выдающіеся зубы, языка нѣтъ. Онъ не двигаетъ нижней челюстью, но, наоборотъ, приподнимаетъ верхнюю, что не свойственно ни одному животному. Когти у него большіе, кожа, покрытая чешуею, не можетъ быть стѣблена отъ спины. Въ водѣ онъ слѣпъ, на воздухѣ же онъ обладаетъ острымъ зрѣніемъ. Такъ какъ онъ живетъ въ водѣ, то ротъ его наполненъ пиявками. Его избѣгаютъ всѣ птицы и звѣри, съ птицей же Trochylus онъ живетъ въ дружбѣ, потому что она ему полезна. Когда онъ, выйдя на сушу и повернувшись противъ вѣтра, лежитъ съ открытою пастью, тогда въ эту пасть входитъ трохиль и поѣдаетъ пиявокъ; крокодилу эта услуга нравится и поэтому онъ оставляетъ птицу невредимой. Втеченіе четырехъ холодныхъ зимнихъ мѣсяцевъ онъ не принимаетъ никакой пищи. Въ Египтѣ называютъ его не крокодиломъ, а хампой; іонійцы же называютъ его крокодиломъ въ виду сходства съ ящерицами, бѣгающими по стѣнамъ ихъ садовъ».

Другіе старинные писатели, какъ Аристотель, Діодоръ Сицилійскій, Сенека, Страбонъ, Плиній, Плутархъ, Максимъ Тирій, Дій Кассій, Эліанъ, Флавій Вонисскъ и Амміанъ Марцеллианъ писали также о нильскомъ крокодилѣ и сообщали многое, заслуживающее вниманія. Впрочемъ, они лишь немного пополнили пробѣлы въ описаніи Геродота, которое лишь мало противорѣчитъ дѣйствительности. За то они безхитростное описаніе этого писателя украсили различными сказаніями.

Много свѣдѣній, сообщенныхъ ими, собрано Геснеромъ, и мы передадимъ ихъ здѣсь со словъ Форера, переводчика «Книги животныхъ» Геснера. «Это животное (крокодилъ) — водное, хотя иногда и выходитъ на сушу, и его слѣдуетъ называть воднымъ крокодиломъ, въ отличіе отъ наземнаго, никогда не заходящаго въ воду. Этотъ водный крокодилъ находитъ пищу въ водѣ, а для дыханія долженъ высовывать морду на воздухъ, гдѣ и дышетъ посредствомъ легкихъ. Поэтому онъ не можетъ обходиться ни безъ воды, ни безъ воздуха. Ночь онъ обыкновенно проводитъ въ водѣ, а днемъ выходитъ на сушу и лежитъ на солнцѣ такъ тихо и неподвижно, что его можно, по неопытности, принять за мертваго. Пищей служатъ имъ все, что попадаетъ имъ на встрѣчу: люди, какъ старыя, такъ и молодыя, всевозможные звѣри, телята, собаки и разныя рыбы. Все это они пожираютъ, разорвавши когтями. Сперва они убиваютъ жертву ударами хвоста, который у нихъ очень силенъ. Эти животныя очень плодовиты, носятъ яйца внутри тѣла втеченіе 60 дней, затѣмъ, откладывая втеченіе 60 дней по одному яйцу, кладутъ 60 яицъ, величиной съ гусиныхъ. Высиживаютъ они яйца втеченіе 60 дней, по истеченіи которыхъ выходитъ молодь. Яйца они откладываютъ въ сухой землѣ, на песчаныхъ, теплыхъ мѣстахъ. Высиживаютъ яйца, какъ самецъ, такъ и самка

причемъ они, по словамъ Solinus'a, чередуются. Нѣтъ ни одного животнаго, которое изъ такой незначительной величины въ началѣ жизни достигало бы въ послѣдствіи столь большого роста, именно, изъ яйца, какъ сказано, величиной съ гусиное, вырастаетъ крокодилъ, достигающій длины въ 26 локтей. Впрочемъ, нѣкоторые пишутъ, что его ростъ не останавливается въ продолженіи всей жизни, которая длится въ теченіе 60 лѣтъ.

«Крокодилъ животное живое, хитрое, неприязненное и хищное, можетъ считаться врагомъ всѣхъ остальныхъ тварей. Когда же молодъ вылупится изъ яицъ, крокодилъ перестаетъ хищничать, а заботится о ней. Молодъ не тотчасъ же хищничаетъ, а сначала жуется соломинки, травки, ящерицы, мухъ и т. п., а затѣмъ мать ихъ научаетъ ѣсть и болѣе крупныхъ животныхъ.

«Птичка Trochylus находится въ большой дружбѣ съ крокодиломъ, такъ какъ у крокодила, какъ у воднаго животнаго, въ пасти много пѣвковъ и кромѣ того между зубами отъ пищи остается много мяса, которое эта птичка очень любитъ. И вотъ, когда крокодилъ ложится спать на солнцѣ, по обыкновенію, съ открытой пастью, птичка влетаетъ къ нему въ пасть, начинаетъ клевать и очищать зубы отъ мяса. Это крокодилу доставляетъ большое наслажденіе и потому онъ оставляетъ птичку въ покоѣ и не закрываетъ пасти. Если же у него явится желаніе, чтобы она вылетѣла, тогда онъ приводитъ слегка въ движеніе верхнюю челюсть, и позволяетъ птичкѣ улетѣть неповрежденной.

«Крокодилы вовсе не всегда оказываются свирѣпыми и вредными, если имѣютъ достаточно рыбы или другой пищи; ихъ можно сдѣлать даже совсѣмъ ручными. Когда же они разсвѣрѣцѣютъ отъ голода, тогда они до такой степени люты, что однимъ ударомъ хвоста убиваютъ самыхъ сильныхъ животныхъ и пожираютъ ихъ съ жадностью.

«Самецъ у этихъ животныхъ чувствуетъ пылкую любовь къ самкамъ. Проѣзжающіе по Нилу матросы заставляли часто крокодиловъ во время спариванья. Самка въ это время лежитъ на спиѣ. Матросы съ сильнымъ, неистовымъ крикомъ подбѣгаютъ къ ней. Самецъ отъ испуга быстрымъ скачкомъ скрывается въ водѣ, самка же не можетъ изъ за короткихъ ногъ перевернуться на брюхо и бываетъ умерщвлена. Обыкновенно самецъ помогаетъ ей повернуться. Когда же самецъ возвращается и находитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ лежала самка, кровь, онъ дѣлается страшно золь, преслѣдуетъ матросовъ, схватываетъ зубами и когтями корабль и часто подвергаетъ его большой опасности.

«Свиньи, говорятъ, находятся въ удивительной дружбѣ съ крокодиломъ: тѣ, которыя пасутся вблизи Нила, никогда не подвергаются нападенію со стороны крокодила; фараонова мышь (Ichneumon), напротивъ, враждебна крокодилу и уничтожаетъ его яйца, если только набредетъ на нихъ. Когда крокодилъ спитъ съ открытой пастью, ихневмонъ вползаетъ ему въ брюхо, изгрызаетъ и разрываетъ внутренности и весь животь до тѣхъ поръ, пока не выйдетъ, прогрызши кожу. Trochylus хорошо знаетъ объ этомъ и изъ любви и природной склонности къ крокодилу, замѣчая подобную опасность, будитъ крокодила. Одно семейство обезьянъ, такъ называемые Cercopithecē, одинъ видъ дѣлкихъ быковъ и ястребы враждебны крокодилу. Особенно же вредятъ ему дельфины, заходящіе въ Нилъ изъ моря. Когда какой-нибудь изъ нихъ замѣтитъ въ водѣ крокодила, тогда, помня хорошо, что онъ на спиѣ усаженъ очень острыми шипами и вооруженъ ими какъ бы ножами, а что брюхо у него мягкое, онъ тихо погружается въ воду подъ крокодиломъ, затѣмъ вдругъ сильнымъ толчкомъ разрываетъ ему мягкое брюхо. Подобное строеніе крокодила позволяетъ рыбѣ, уступающей по величинѣ и силѣ такому

большому и сильному звѣрю, побѣждать его. Такимъ образомъ каждое животное имѣеть природнаго врага, которое угрожаетъ его жизни. Крокодилъ и скорпионъ являются также исконными врагами, и египтяне, желая представить двухъ равныхъ враговъ, приводили всегда въ примѣръ крокодила и скорпиона.

Я достаточно ознакомился съ этимъ «левіаѳаномъ» во время своихъ путешествій. Я ихъ наблюдалъ въ Египтѣ, Нубіи и Восточномъ Суданѣ, сотни ихъ видѣлъ, во многихъ прицѣлывался, часто ихъ убивалъ, держалъ въ неволѣ, отвѣдывалъ ихъ мяса и яицъ. Могу по совѣсти сказать, что хорошо знаю нильскихъ крокодиловъ.

Нильскій крокодилъ (*Crocodylus niloticus, vulgaris, suchus, champses, marginatus, lacunosus, complanatus, binnensis, madagascariensis, Lacerta crocodylus, Nilkrokodil, Crocodile vulgaire*) можетъ достигать въ длину до 10 м. Впрочемъ, я думаю, что это нѣсколько преувеличено; въ дѣйствительности же они достигаютъ 5, чаще 6 м. въ длину. Онъ значительно отличается отъ близко стоящихъ къ нему **Гребнистаго крокодила** (*Crocodylus porosus, Leistenkrokodil, Crocodile à deux arêtes*) и **Сіамскаго крокодила** (*Crocodylus siamensis, Siamkrokodil, Crocodile de Siam*) отсутствіемъ всякаго рода гребней на передней части головы или рылъ. За черепомъ лежатъ въ одинъ поперечный рядъ 4—6 килеватыхъ щитковъ, на затылкѣ ихъ 6; число поперечныхъ рядовъ щитковъ на спинѣ различно, обыкновенно ихъ бываетъ 16 или 17; хвостовыхъ щитковъ бываетъ 17—18 парныхъ и 18—20 одиночныхъ. Основная окраска темная бронзово-зеленая, причемъ на спинѣ находятся маленькія черныя пятна; на бокахъ туловища и шеѣ замѣчаются неправильно расположенныя темныя пятна, а нижняя поверхность тѣла грязно-желтая. Впрочемъ, окраска бываетъ довольно разнообразна.

Всѣ африканскіе крокодилы за исключеніемъ узко-п тупорылага, имѣющаго въ длину 10 м. и мадагаскарскаго **Исполинскаго крокодила** (*Crocodylus robustus, Riesenkrokodil, Crocodile gigantesque*), принадлежать къ этому виду. Отличительные признаки, приведенные различными изслѣдователями, напримѣръ Жофруа Сентъ-Илеромъ, и отдѣляющіе, яко бы, въ отдѣльные виды крокодила Верхняго и Нижняго Нила, крокодила Нила и крокодиловъ другихъ рѣкъ Африки, оказались не выдерживающими критики. Точно также несостоятельной оказалась попытка Грандидье и Грѣя возвести живущаго на Мадагаскарѣ крокодила въ особый видъ. Въ дѣйствительности въ озерахъ внутри Мадагаскара, кромѣ нильскаго крокодила, живетъ еще вышеупомянутый исполинскій крокодилъ. Мѣстопробываніемъ нильскому крокодилу, такимъ образомъ, служатъ воды большей части Африки, какъ береговой области, такъ и внутренности материка. Изъ рѣки, названіе которой онъ носитъ, онъ распространяется на востокъ къ югу до области Лимпопо, а на западъ отъ Сенегала до Кунене, а въ области озера Чады, по словамъ Нахтигала, отъ водъ Вадиса къ югу до озера Нгами. Указаніе Де-Бари, что крокодилы встрѣчаются въ Сахарѣ, сѣвернѣе 25 градуса широты, въ болотахъ Вади Михеро, ошибочно. По всей вѣроятности многочисленныя слѣды ногъ, которые Де Бари видѣлъ въ илѣ и принялъ за слѣды небольшихъ крокодиловъ, имѣвшихъ 5—6 футовъ длины, принадлежали степному варану. Изъ острововъ крокодилъ живетъ на Мадагаскарѣ, Коморскихъ и Сешельскихъ, но на западно-африканскомъ островѣ Фернандо-По его нѣтъ. Онъ водится и въ стоячей, и въ текущей водѣ, какъ въ озерахъ и болотахъ, такъ и въ лужахъ и дождевыхъ прудахъ, въ многоводномъ потокѣ и въ незначительной рѣчкѣ. Онъ преимущественно выбираетъ спокойныя и глубокія мѣста воды.

Нильскій крокодилъ, котораго арабы называютъ **Ледшунъ**, кромѣ того живетъ и теперь въ Палестинѣ, но только въ одномъ мѣстѣ и въ немногихъ экземплярахъ, въ Церкѣ или Крокодиловой рѣчкѣ вблизи Кесаріи. Плиніи и Страбонъ называютъ уже городъ Крокодиловъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь крокодилъ живетъ въ Сиріи. Ротъ и Тоблеръ первые обратили вниманіе въ 1858 году на сирійскаго крокодила. Слуги Шумахера убили въ 1877 году самку въ 3 м. длинной, имѣвшію въ тѣлѣ 48 яицъ. Бетхеръ получилъ въ 1879 году одно изъ этихъ яицъ и кусокъ хвоста, такъ что фактъ присутствія крокодила въ Палестинѣ внѣ всякаго сомнѣнія. Вещтейнъ видѣлъ также убитый экземпляръ, а Шнедлеръ видѣлъ скелетъ животнаго, имѣвшаго въ длину болѣе 2 м. Оба эти экземпляра происходили изъ долины рѣки Церки. Впрочемъ, предпринятая въ 1880 году однимъ пѣмецкимъ обществомъ естествоиспытателей охота на сирійскаго крокодила осталась безъ результата.

Въ Египтѣ крокодилъ въ настоящее время почти совсѣмъ уничтоженъ. Стрѣлы и пращи, о которыхъ упоминается въ Библии, конечно не могли изгнать ихъ, но ружейныя и винтовочныя пули скоро уничтожили этихъ животныхъ. Нашъ левиѳанъ хотя и не отступалъ предъ ними, а выдерживалъ нападеніе, какъ герой, однако сожительство съ современнымъ человѣкомъ оказалось для него непосильнымъ. Его золотой вѣкъ уже почти вездѣ прошелъ, дни его сочтены, съ тѣхъ поръ, какъ новыя охотничьи ружья пробиваютъ его панцирь, какъ картонъ. Каждый ребенокъ можетъ теперь съ нимъ справиться. Надъ смѣлымъ ихневмономъ, героемъ древнихъ преданій, теперь смѣются, и его подвиги считаются сомнительными. Ему теперь не приходится поѣдать яйца крокодиловъ и вползать въ ихъ пасть, чтобы съѣдать сердце чудовища, такъ какъ немногіе, оставшіеся въ живыхъ крокодилы, которыхъ я видѣлъ въ Египтѣ, вѣроятно въ послѣдніе годы уже погибли подъ пулями европейскихъ путешественниковъ. Ихневмонъ же долженъ довольствоваться теперь вмѣсто яицъ крокодиловъ куриными яйцами, которыми впрочемъ онъ, по моему твердому убѣжденію, всегда питался.

Мое первое знакомство съ крокодиломъ показало мнѣ, что въ Египтѣ дни его сочтены. Однажды іезуиты, отправляющіеся въ Суданъ для проповѣди христіанства язычникамъ Бѣлаго Нила (я вмѣстѣ съ ними отправился въ первый разъ во внутреннюю Африку), подняли охотничій крикъ и схватились за свои винтовки. Щелкнуло шесть выстрѣловъ, но я не стрѣлялъ, такъ какъ сразу замѣтилъ, что лежащій смѣло на виду крокодилъ уже мертвъ, и былъ убитъ опередившими насъ путешественниками. Но если бы чудовище и было бы живымъ, то оно все-таки не было бы застрѣленнымъ, такъ какъ изъ шести, пущенныхъ въ него пуль ни одна не попала. Но изъ этого охотничьяго пыла, который такъ сильно возбуждалъ даже духовныхъ лицъ, я понялъ, какъ въ наши дни плохо приходится этому травленому звѣрю отъ человѣка; впрочемъ, вполнѣ справедливо я самъ старался убѣдить крокодиловъ, что имъ теперь плохо жить.

Въ этомъ лежитъ причина, почему теперь еще только въ Маабдійскихъ пещерахъ въ Египтѣ насчитываютъ крокодиловъ тысячами, но—въ видѣ мумій. Въ Суданѣ и особенно во внутренней Африкѣ, гдѣ ружья не вытѣснили стариннаго оружія туземцевъ, дѣло обстоитъ иначе. Тамъ еще существуетъ старинная поговорка: «Если ты подынешь на него руку, то помни, что завяжется бой, котораго ты не избѣжишь», особенно у тѣхъ рѣкъ, берега которыхъ заняты дѣвственнымъ лѣсомъ. Поэтому здѣсь нужно быть очень осторожнымъ. На каждой большой песчаной отмели можно найти по крайней мѣрѣ одного большого крокодила и съ полдюжины меньшихъ, различнаго возраста и разной длины. Здѣсь и въ топяхъ, озе-

рахахъ и болотахъ можно наблюдать съ большимъ удобствомъ прекрасные экземпляры этихъ чудовищъ. Къ Судану еще вполне применимы слова Священнаго Писанія относительно страшнаго левіаана, ибо тамъ нѣтъ ни одного села, жители котораго не рассказывали бы о несчастныхъ случаяхъ, нѣтъ ни одного человѣка, который бы, удивляясь силѣ «Тимзаха», не проклиналъ бы его. На послѣднее суданцы дѣйствительно имѣютъ полное право, ибо они совершенно безсильны противъ крокодила и должны, не оказывая сопротивленія, позволять ему уйти, когда страшный хищникъ тащитъ на глубину ихъ дѣтей или домашнихъ животныхъ. Они съ трудомъ побѣждаютъ его, но не могутъ уничтожить. Можно предположить, что въ Голубомъ и Бѣломъ Нилѣ живутъ еще сотни и тысячи крокодиловъ, такъ какъ я ихъ вездѣ видѣлъ. Я насчиталъ ихъ втеченіе одного дня въ Голубомъ Нилѣ больше 30 штукъ и на одной только песчаной отмели 18 штукъ. Между ними были исполины, достигавшіе въ длину не менѣе 5 м., которымъ навѣрно было нѣсколько сотъ лѣтъ. Я долженъ замѣтить при этомъ, что ошибиться относительно длины крокодила, грѣшащего на солнцѣ внѣ воды и движущагося въ водѣ, такъ-же легко, какъ относительно длины змѣи. Крокодилъ имѣющій 5 м. въ длину, представляетъ изъ себя на самомъ дѣлѣ исполинское чудовище, но кажется невооруженному глазу еще длиннѣе, чѣмъ въ дѣйствительности. Я не думаю, чтобы между сотнями видѣнныхъ мною крокодиловъ былъ хоть одинъ въ 7 м. длины. Поэтому я оставляю подъ сомнѣніемъ тѣ сообщенія, въ которыхъ говорится о крокодилахъ, имѣющихъ въ длину около или больше 9 м. Эти сообщенія не основаны на точномъ измѣреніи; длина крокодиловъ вычислялась на основаніи длины черепа. Вслѣдствіе этого часто впадали въ ошибку, такъ какъ черепъ старыхъ крокодиловъ несравненно длиннѣе, чѣмъ черепъ молодыхъ экземпляровъ. Крокодилъ, имѣющій 5 м. въ длину, можетъ считаться взрослымъ, тѣмъ не менѣе, хотя и очень медленно, ростъ его постоянно увеличивается. По всей вѣроятности онъ растетъ до конца своей жизни, который наступаетъ, при очень благоприятныхъ условіяхъ, навѣрно только по прошествіи необычайно длиннаго ряда годовъ.

Песчаная отмель, на которой крокодилъ уютно можетъ погрѣться на солнцѣ, является главнымъ условіемъ при выборѣ ими мѣстопробыванія. Быстрыхъ мѣсть въ рѣкѣ онъ не любитъ; его находятъ очень рѣдко въ потокахъ съ сильнымъ теченіемъ. Онъ съ постоянствомъ и упорствомъ держится разъ избраннаго мѣстопробыванія. Мы всегда обращали вниманіе на участки рѣки, изобилующіе крокодилами, и старые люди увѣряли насъ, что они еще съ дѣтства замѣчаютъ всегда одного и того же крокодила на опредѣленной песчаной отмели. Въ дождливое время онъ предпринимаетъ иногда небольшія экскурсіи внутрь страны, но держится тамъ въ дождевыхъ потокахъ или въ лѣсахъ, залитыхъ водой. Тотъ, кто привыкъ думать, что крокодилъ неловокъ, очень ошибается. Въ водѣ крокодилъ очень проворенъ, плаваетъ и ныряетъ на всякой глубинѣ очень быстро и разбиваетъ волны, какъ стрѣла прорѣзаетъ воздухъ. Необычайно сильный хвостъ служить ему отличнѣйшимъ рулемъ, а хорошо развитыя плавательныя перепонки на заднихъ лапахъ помогаютъ ему двигаться куда угодно и принимать всякое положеніе въ водѣ. Когда онъ хочетъ отдохнуть, тогда онъ погружаетъ по косому направленію заднюю часть своего тѣла въ воду. Въ это время его голова лежитъ по всей длинѣ горизонтально на поверхности воды. Онъ удерживается въ такомъ положеніи, повидимому непонятнымъ образомъ, слабыми толчками хвоста. Онъ можетъ также оставаться неподвижнымъ, если у него легкія съ избыткомъ наполнены воздухомъ. Если онъ хочетъ спуститься на дно рѣки, тогда онъ опораж-

ниваетъ дыхательные пути и бросается на глубину внизъ головой, причемъ онъ, подобно играющимъ дельфинамъ, выставляетъ часть спины и, по большей части, также и кончикъ хвоста. Если онъ хочетъ быстро проплыть известное пространство, тогда онъ машетъ хвостомъ вправо и влево и гребетъ одновременно задними лапами, хотя послѣднія преимущественно служатъ рулемъ. Разсерженный и въ смертоносномъ бою онъ бьетъ по водѣ такъ сильно, что вполне оправдываетъ библейское описаніе: «Онъ кипятитъ пучину, какъ котель, и море претворяетъ въ кипящую мазь». (Иовъ, гл. 41, ст. 23). На землѣ онъ также движется довольно ловко, хотя только въ исключительныхъ случаяхъ проходитъ большія пространства на сушѣ. Когда онъ карабкается на песчаную отмель, то продѣлываетъ это обыкновенно очень медленно: передвигаетъ одну ногу за другой и держитъ тѣло такъ низко, что оно волочится по песку. При этомъ задняя часть тѣла приподнята выше, чѣмъ передняя. Если онъ находится въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ рѣки, то, будучи испуганъ, онъ очень быстро бросается въ воду. Съ такой же быстротой онъ выскакиваетъ изъ воды на сушу, когда желаетъ схватить замѣченную имъ добычу. Мой другъ Пенней во время своего путешествія натолкнулся однажды на крокодила, который спрятался въ дождевомъ потокѣ, почти сплошь наполненномъ сухими листьями. При приближеніи всадниковъ крокодилъ убѣжалъ и поспѣшилъ напрямикъ къ рѣкѣ, находившейся на разстояніи около 10 килом. Онъ это продѣлалъ такъ быстро и торопливо, что его нельзя было догнать на очень быстрыхъ верховыхъ верблюдахъ. Что известное старинное повѣствованіе о томъ, что крокодилы не умѣютъ двигаться зигзагами, ничто иное, какъ басня, можетъ подтвердить каждый наблюдатель, видѣвшій, какъ крокодилъ выползаетъ изъ воды на песокъ и возвращается обратно въ воду. Онъ на протяженіи этого короткаго пути описываетъ кругъ, діаметръ котораго немногимъ превышаетъ длину тѣла крокодила.

Трудно сдѣлать выводъ относительно душевныхъ способностей крокодила. Мнѣніе Геродота о чувствѣ зрѣнія невѣрно, такъ какъ крокодилъ обладаетъ подъ водой чрезвычайно острымъ зрѣніемъ, а на сушѣ видитъ довольно хорошо. Если же отецъ исторіи хотѣлъ сказать, что зрѣніе у крокодила не является самымъ развитымъ чувствомъ, тогда онъ правъ, потому что самымъ развитымъ чувствомъ у крокодила слѣдуетъ считать слухъ. Во всякомъ случаѣ крокодилъ слышитъ лучше, чѣмъ другіе, пожалуй даже, чѣмъ всѣ остальные пресмыкающіяся. Онъ различаетъ, въ чемъ легко убѣдиться на охотахъ, самый незначительный шорохъ и въ большинствѣ случаевъ обязанъ въ минуту опасности этому острому слуху своимъ спасеніемъ и безопасностью. Неразвитыми, чтобы не сказать тупыми, являются чувства обонянія, вкуса и осязанія, что можетъ быть доказано нѣкоторыми наблюденіями, о которыхъ будемъ говорить ниже. Нельзя отказать крокодилу въ известной степени понятливости. Онъ не забываетъ преслѣдованій, которымъ подвергался, и на будущее время старается тщательно ихъ избѣгать. Всѣ крокодилы, живущіе еще въ Египтѣ, или которые тамъ жили во время моего пребыванія, при приближеніи корабля уплзали всегда въ воду. Это они продѣлывали всегда такъ своевременно, что ни разу нельзя было послать имъ въ догонку пули изъ ружья. Наоборотъ, крокодилы, живущіе въ рѣкахъ Судана, подпускаютъ значительно ближе къ себѣ судно и, вслѣдствіе этого, ихъ можно застрѣлить съ судна. Старые крокодилы, являющіеся втеченіе многихъ лѣтъ на одной и той же песчаной отмели, оставляютъ ее, если ихъ нѣсколько разъ потревожить, и выбираютъ другую. Выборъ свой они дѣлаютъ съ известнымъ умѣньемъ, руководясь тѣмъ, чтобы на ней можно было уютно поспать и погрѣться на солнцѣ. Они также помнятъ съ точностью мѣста, доставлявшія имъ неразъ добычу, именно дороги,

НИЛЬСКІЙ КРОКОДИЛЬ.

ЛИТ. ШТАДЕРЪ и ПАТТИНОТЪ С. П. Б.

ведущія къ рѣкѣ, по которымъ часто проходятъ стада животныхъ и женщины для черпанія воды. Съ этихъ мѣстъ они не сводятъ глазъ и вблизи ихъ подстерегаютъ добычу. Однако они не дѣлаютъ различія между людьми, могущими нанести имъ вредъ, и такими, которыхъ вовсе не нужно бояться, но предпочитаютъ дѣйствовать навѣрняка и прячутся въ воду всякій разъ, какъ увидятъ людей. При нападеніи на добычу, они проявляютъ явное лукавство, которое, впрочемъ, нельзя сравнивать съ хитростью млекопитающихъ или птицъ. При этомъ ясно выказывается неуклюжесть, дикость и незначительная понятливость крокодила. Ихъ образъ жизни различенъ, смотря по обстоятельствамъ. На сушѣ крокодилъ жалокъ и трусливъ, въ водѣ же онъ, хотя не дерзокъ, но смѣлъ и предприимчивъ. Повидимому, онъ убѣдился въ безопасности, которую ему доставляетъ его природная среда, что и видно изъ его поведенія. Крокодилъ живетъ съ равными ему по величинѣ животными того же вида въ добромъ согласіи, за исключеніемъ времени спариванія. Крокодилы же менѣе значительной величины находятся постоянно въ опасности, такъ какъ крокодилъ, томимый голодомъ, теряетъ всякое самообладаніе. Онъ обращаетъ на другихъ животныхъ вниманіе только тогда, когда можно одно изъ нихъ схватить и пожрать, а тѣмъ, которыхъ онъ не можетъ схватить, онъ позволяетъ бродить очень близко около себя. Отсюда является понятной кажущаяся дружба крокодила съ вышеописанной птицей, «сторожемъ» его.

Крокодилъ способенъ издавать крикъ, похожій на глухое мычаніе; впрочемъ, онъ кричитъ только при сильномъ возбужденіи. Я полагаю, что можно наблюдать крокодила втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и не слышать его голоса; если же его испугать неожиданно или нанести рану, тогда онъ начинаетъ глухо ворчать или даже громко мычать. На одной охотѣ на цаплю у Бѣлаго Нила я осторожно приблизился къ крутому берегу и увидалъ у ногъ моихъ, вмѣсто желанной птицы, крокодила. Предназначенный для цапли зарядъ я пустилъ въ черепъ крокодилу. Онъ, разъяренный, выдвинулся изъ воды, громко заворчалъ и исчезъ подъ волнами. Тотъ крокодилъ, на котораго набрелъ Пенней, выразилъ свой испугъ мычаніемъ. Когда онъ разсерженъ, то слышится трубное или глухо шипящее сопѣніе. Молодые крокодилы, недавно только вылупившіеся изъ яйца, издаютъ своеобразно квакающій звукъ, напоминающій веселую трескотню лягушекъ. Крокодилъ обыкновенно выходитъ изъ рѣки около полудня, чтобы погрѣться на солнцѣ и поспать. Онъ не можетъ спать на водѣ, потому что при неправильномъ, произвольномъ дыханіи онъ опускается въ глубину, гдѣ, вслѣдствіе потребности въ воздухѣ, онъ долженъ скоро проснуться; однако, при извѣстныхъ условіяхъ, крокодилы, лежащіе на водѣ, могутъ предаваться полудремотѣ: по крайней мѣрѣ мои плѣнники такъ поступали. Для своего полуденнаго сна онъ всплываетъ на низменную песчаную отмель очень медленно и осторожно, внимательно осматриваетъ окрестность своими зеленоватыми глазами и, послѣ продолжительнаго осмотра ложится спать, причемъ сразу грузно опускается на брюхо. Онъ лежитъ почти всегда свернувшись, причемъ рыло и конецъ хвоста направлены къ берегу. Часто конецъ хвоста обмывается при этомъ водой. Растянувшись удобно, онъ приподнимаетъ крышечку, закрывающую его ноздри, сопить, зѣваетъ и открываетъ, сколько можетъ, свою зубастую пасть. Съ этого момента онъ лежитъ неподвижно на одномъ мѣстѣ и, повидимому, скоро засыпаетъ; но нельзя сказать, чтобы сонъ его былъ очень глубокъ, такъ какъ каждый, едва слышный шорохъ пробуждаетъ его и заставляетъ прятаться въ воду. Я наблюдалъ это приготовленіе ко сну крокодила съ помощью зрительной трубы изъ одной землянки, расположенной на той же отмели. Поэтому я могу поручиться за каждое вышесказанное слово.

Крокодилъ лежитъ на сушѣ вплоть до захода солнца; иногда ихъ собирается многочисленное общество. Случайно нѣкоторые лежатъ отчасти другъ на другѣ, обыкновенно же они лежатъ поодиночкѣ, отдѣльно одинъ отъ другого; именно молодые находятся на почтительномъ разстояніи отъ старыхъ. Съ наступленіемъ сумерекъ всѣ острова пустѣютъ; въ это время начинается охота, продолжающаяся втеченіе всей ночи и даже въ утренніе часы. Предметомъ охоты въ рѣкѣ служатъ главнымъ образомъ рыбы. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что громадные, тяжеловѣсные, повидимому неповоротливые крокодилы умѣютъ ловить этихъ проворныхъ водныхъ обитателей, такъ какъ рыбы составляютъ настоящую, если можно такъ выразиться, природную пищу панцирныхъ ящеровъ. Кромѣ рыбъ крокодилъ схватываетъ всѣхъ большихъ и маленькихъ млекопитающихъ, пришедшихъ, по неосторожности, къ рѣкѣ для питья, а также болотныхъ и водяныхъ птицъ, которыхъ можетъ поймать. Онъ приближается къ водою или стоянкѣ своей добычи очень осторожно, погружается совершенно въ воду, плаваетъ тихо и безшумно и выставляетъ изъ воды только ноздри для дыханія. Нападая, онъ бросается на берегъ, какъ я неразъ наблюдалъ, быстро, какъ молнія, и въ прямолинейномъ направленіи. Крокодилъ никогда не рѣшается преслѣдовать на сушѣ не пойманную добычу. Мы видѣли съ истиннымъ наслажденіемъ, какъ пьющая у рѣки антилопа вдругъ двумя сильными скачками очутилась на вершинѣ берега, и въ тотъ же моментъ крокодилъ погнался за ней лишь только до половины вышины берега. Онъ обманываетъ птицъ своимъ видимымъ спокойствіемъ, невнимательностью и неподвижностью, и дѣлаетъ видъ, что и не помышляетъ вовсе объ ихъ преслѣдованіи. Затѣмъ, бросившись моментально впередъ, попадаетъ въ ихъ средину или же сначала приближается къ нимъ очень медленно, дюймъ за дюймомъ, а потомъ, находясь отъ нихъ на достаточномъ, повидимому, разстояніи, переходитъ къ нападенію. «Я постоянно бывалъ свидѣтелемъ», говоритъ Бэкеръ, «какъ онъ бросался на густыя стаи маленькихъ птицъ, которыя рожются въ кустахъ на берегу рѣки. Эти птицы сознаютъ постоянно свою опасность и убѣгаютъ, если возможно, до нападенія. Крокодилъ лежитъ на поверхности воды такъ спокойно и невинно, точно онъ попалъ туда случайно. Такимъ образомъ онъ обращаетъ на себя вниманіе птицъ и, замѣтивши ихъ взоры, медленно уплываетъ на значительное разстояніе. Птицы, одураченныя обманщикомъ, будучи убѣждены, что опасность миновала, возвращаются въ кусты и, побуждаемая жаждой, погружаютъ свои клювы въ воду. Занятая утоленіемъ жажды, онъ не замѣчаетъ, что ихъ врагъ исчезъ съ поверхности воды. Внезапный плескъ, появленіе подъ кустомъ пары сильныхъ челюстей и проглатываніе нѣсколькихъ дюжинъ жертвъ—вотъ результаты неожиданнаго возвращенія крокодила. Онъ коварно скрылся въ воду и, подъ охраной ея, возвратился. Я наблюдалъ, что крокодилы постоянно ведутъ охоту именно вышеуказаннымъ способомъ; обманываютъ ложнымъ отступленіемъ и бросаются затѣмъ изъ-подъ воды».

Я нисколько не сомнѣваюсь нѣ буквальной истинѣ сообщенія Бэкера, что жертвой взрослому крокодилу служатъ также птицы, величиной съ зяблика; Дэй находилъ въ изслѣдованныхъ желудкахъ болотнаго крокодила, похожаго на описываемый видъ, не только остатки рѣчныхъ выдръ, птицъ, змѣй, ядовитыхъ и неядовитыхъ, но и остатки водяныхъ жуковъ, попавшихъ, вѣроятно, вмѣстѣ съ добычей. Нильскій крокодилъ, такъ же мало, какъ и болотный, пренебрегаетъ маленькой, незначительной добычей, хотя всегда предпочитаетъ крупную. Гессе нашелъ въ желудкѣ крокодила, имѣвшаго въ длину только 2,7 м., вмѣстѣ съ нѣсколькими потертыми осколками зеленыхъ бутылокъ, остатки 40 крысъ. Онъ

охотится даже на большихъ млекопитающихъ животныхъ: онъ стаскиваетъ на глубину рѣки ословъ, лошадей, быковъ и верблюдовъ. На двухъ главныхъ развѣтвленіяхъ Нила пастухи ежегодно теряютъ многихъ животныхъ изъ своихъ стадъ. Мы видѣли у Голубого Нила быка, лежавшаго на берегу безъ головы. Владѣлецъ его, плача, рассказалъ намъ, что за нѣсколько минутъ до этого, его схватилъ «сынъ, внукъ и правнукъ проклятаго Аллахомъ чудовища» и откусилъ ему голову. Какъ могъ продѣлать это хищникъ своими ломающимися какъ стекло зубами, я и до сихъ поръ не понимаю, такъ какъ я не могъ себѣ объяснить, несмотря на сильное вооруженіе пасти, столь мощное проявленіе силы. Что онъ одолеваетъ верблюда, я впоследствии убѣдился.

Во время моего пребыванія въ Хартумѣ, у одного верблюда, отправившагося на водопой къ Бѣлому Нилу, крокодилъ откусилъ ногу и, когда я поѣхалъ къ рѣкѣ, то увидаль, что пастухи въ Восточномъ Суданѣ принимаютъ, при водопѣ своихъ верблюдовъ, мѣры осторожности. Они гонятъ стада въ рѣку съ сильнымъ крикомъ и всѣхъ животныхъ разомъ, для того, чтобы шумомъ и суматохой прогнать крокодила. Больше мелкихъ животныхъ, коровъ, лошадей, ословъ, овецъ и козъ никогда не поятъ прямо изъ рѣки, въ которой водятся крокодилы, а всегда изъ особо вырытыхъ на берегу бассейновъ и прудовъ. Пастухи должны наполнять эти водохранилища водой или же они отгораживаютъ въ самой рѣкѣ густымъ терновымъ плетнемъ участокъ, для того, чтобы образовать безопасный отъ страшныхъ хищниковъ водопой. Пожираниемъ людей крокодилъ еще опаснѣе, чѣмъ похищеніемъ домашнихъ животныхъ. Въ Суданѣ повсюду происходятъ ежегодно несчастія, а что путешественники мало слышатъ рассказовъ объ этихъ несчастьяхъ, объясняется тѣмъ, что они не особенно справляются о нихъ. Старые люди всегда могутъ рассказывать любознательному чужестранцу, что крокодилъ утащилъ въ мутныя волны такого-то и такого-то, сына того и того, потомка этого и того, и кромѣ того еще разныхъ животныхъ: лошадей, верблюдовъ, муловъ, ословъ, собакъ, овецъ и козъ. Утащивъ, онъ ихъ пожралъ цѣликомъ или по крайней мѣрѣ откусилъ у нихъ конечности. Большею частью туземцы становятся добычей крокодила тогда, когда они входятъ въ рѣку черпать воду. Эти опасныя хищныя звѣри встрѣчаются даже у водопоевъ большихъ деревень и городовъ. Во время моего пребыванія въ Хартумѣ одинъ мальчикъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома былъ схваченъ, потопленъ, выброшенъ на песчаную мель, находившуюся среди рѣки, и проглоченъ тамъ на глазахъ моихъ слугъ. Къ сожалѣнію, страхъ суданцевъ обусловленъ основательными причинами. По словамъ Пехуэль Леше, у береговъ Лоанго появляются очень часто три вида крокодиловъ: узкорылый, нильскій и тупорылый, а о несчастныхъ случаяхъ здѣсь очень рѣдко можно слышать. У береговъ нижняго Конго дѣло обстоитъ иначе. Тамъ, по Линднеру, похищается вблизи европейскихъ факторій ежегодно не менѣе четырехъ чело-вѣкъ. Гессе утверждаетъ, что ему втеченіе трехъ лѣтъ было извѣстно съ полдюжины такихъ случаевъ у береговъ Конго и Лоанго; число же жертвъ въ дѣйствительности значительно больше, такъ какъ большая часть происшествій только случайно дѣлается извѣстной. «Конечно», продолжаетъ онъ, «часто можно было бы избѣжать этихъ несчастныхъ случаевъ, если бы негры не были необычайно безпечны и неосторожны. Достоверно извѣстно, что крокодилы нападаютъ, хотя и очень рѣдко, на людей въ челнокахъ. За одинъ случай такого рода можетъ поручиться Пехуэль-Леше, который былъ очевидцемъ его вмѣстѣ съ миссіонеромъ Кумберомъ. Этотъ случай произошелъ въ полдень у бельгійской станціи Маніанга на берегу Конго. Старшина туземнаго племени удиль рыбу на глубокомъ, хотя

и защищенномъ подводными камнями мѣстѣ рѣки съ очень маленькой душегубки, нахвдившейся вплоть до бортовъ въ водѣ. Вдругъ его схватываетъ и моментально утаскиваетъ въ воду крокодилъ, котораго голова только на мгновеніе показалась изъ воды; все это совершилось тамъ безшумно и быстро, что негръ даже не успѣлъ вскрикнуть. Только опрокинувшійся вслѣдъ за этимъ челнокъ произвелъ шумъ. Это произошло столь неожиданно, что нельзя было себѣ уяснить, какъ и гдѣ крокодилъ схватилъ человѣка.

Всѣ болѣе разумныя животныя знаютъ крокодила и его способъ нападенія. Когда степные номады приходятъ къ рѣкѣ со своими стадами и собаками, тогда имъ приходится много возиться съ послѣдними и терять много прекрасныхъ животныхъ, такъ какъ собаки еще не набрались опытности. Напротивъ того, собаки, выросшія въ селлахъ, расположенныхъ у рѣки, рѣдко становятся добычей крокодила. Когда у нихъ является желаніе напиться, тогда они приближаются къ поверхности воды всегда съ чрезвычайной осторожностью, внимательно осматриваютъ ее, выпиваютъ нѣсколько капель и поспѣшно возвращаются на берегъ. Постоявши здѣсь впродолженіи довольно большого промежутка времени, онѣ пристально смотрятъ на воду, снова приближаются съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ предосторожности, и пьютъ еще. Такъ онѣ поступаютъ до тѣхъ поръ, пока не утолятъ жажды. Ненависть ихъ къ крокодилу обнаруживается, когда показать имъ большую ящерицу. Увидѣвши ее, онѣ отскакиваютъ такъ, какъ обезьяна отъ змѣи, и начинаютъ громко лаять.

Крокодилъ пожираетъ, кромѣ живыхъ, также и всѣхъ мертвыхъ животныхъ, плавающихъ въ рѣкѣ. Я нѣсколько разъ лишился цѣнныхъ птицъ, которыя, будучи подстрѣлены, падали въ рѣку, причемъ каждый разъ, при подобной потерѣ, я повторялъ клятву отомстить, данную впервые мною при одной встрѣчѣ съ крокодиломъ, которая могла оказаться очень печальной для меня. Каждая выпущенная моей рукой пуля, которыми я пронизалъ во время своего втораго путешествія въ Суданѣ одно изъ этихъ чудовищъ, служила для выполненія этой мести. Я раскинулъ свой шатеръ напротивъ Хартума, охотился втеченіе нѣсколькихъ дней и однажды подстрѣлилъ орлана, казавшагося мнѣ тогда цѣнной птицей. Птица, будучи подстрѣлена, долетѣла еще до рѣки и здѣсь упала на поверхность воды. Волнами ее прибило къ берегу и приблизило къ одному теченію, направляющемуся въ средину рѣки. Этимъ теченіемъ ее унесло-бы отъ меня. Показался арабъ; я сталъ просить его выловить для меня птицу. «Сохрани меня Богъ, господанъ», отвѣчалъ онъ мнѣ, «здѣсь я не войду въ воду, потому что въ ней много крокодиловъ. Только нѣсколько недѣль тому назадъ они поймали во время ливня двухъ овецъ и утащили въ рѣку; одному верблюду откусили ногу, лошадь едва убѣжала отъ нихъ». Я обѣщавъ арабу большое вознагражденіе, назвалъ его другомъ и потребовалъ отъ него, чтобы онъ показалъ, что онъ мужчина. Онъ спокойно возразилъ, что онъ не можетъ исполнить даже, если бы я могъ предложить ему «всѣ сокровища міра». Я неохотно раздѣлся, прыгнулъ въ рѣку и поплылъ за моей птицей. Вдругъ арабъ громко закричалъ; «Господинъ, во имя милостиваго и милосерднаго Аллаха, возвратись! крокодилъ!» Я въ испугѣ поспѣшилъ къ берегу. Съ другой стороны рѣки появился огромный крокодилъ, выставя свои спинныя щитки надъ поверхностью воды. Онъ плылъ по прямому направленію къ моей птицѣ, нырнулъ вблизи ея, открылъ пасть, которая показалась мнѣ достаточныхъ размѣровъ, чтобы вмѣстѣ и меня, утащилъ на своихъ глазахъ добычу и исчезъ съ нею въ мутныхъ волнахъ. Второй крокодилъ тоже прямо поплылъ на клювача, котораго мой слуга хотѣлъ поймать на другомъ бе-

регу. Онъ навѣрно учинилъ-бы охоту на человѣка вмѣсто птицы, если бы я своевременно пуленной пулей не помѣшалъ бы этому и другимъ дальнѣйшимъ его нападеніямъ. Иныхъ крокодиловъ нельзя даже выстрѣлами заставить уйти отъ добычи, на которую они обратили вниманіе. Иногда они схватываютъ негодныя для пищи вещи, которыя плаваютъ въ рѣкѣ, и тратятъ немало времени для изслѣдованія мнимой добычи, прежде чѣмъ проглотить ихъ. Употребляемый суданцами кожаный мѣшокъ, наполненный воздухомъ или водой, можетъ служить, по словамъ Бекера, смотря по обстоятельствамъ, приманкой для крокодила. Крокодилъ схватываетъ этотъ мѣшокъ, а владѣлецъ мѣшка спасается.

Въ прямой противуположности къ наглой дерзости крокодила, находящагося въ водѣ, стоитъ его жалкая трусость во время пребыванія на сушѣ. Очень рѣдко онъ отходитъ на разстояніе, больше 100 шаговъ отъ берега и при кажущейся опасности устремляется напрямикъ обратно въ рѣку. При появленіи человѣка, крокодилъ всегда обращается въ бѣгство съ большой поспѣшностью; при этомъ онъ никогда не помышляетъ преслѣдовать человѣка вглубь суши. Я сотни разъ внезапно, шутя, пугалъ крокодила и всегда видѣлъ, что онъ, подобно лягушкамъ на сушѣ, съ боязливой поспѣшностью спрыгивалъ въ рѣку. Одинъ изъ моихъ слугъ хотѣлъ рано утромъ еще въ сумеркахъ подстеречь дикихъ утокъ изъ за ствола дерева, лежавшаго вблизи рѣки. Онъ немало испугался, когда мнимый древесный стволъ вдругъ оказался крокодиломъ. Къ счастью, крокодилъ, перепуганный, вѣроятно, не меньше, чѣмъ мой слуга, поступилъ какъ всегда. Онъ сталъ самъ искать спасенія, вмѣсто того, чтобы броситься на подползающаго человѣка. Крокодилъ проявляетъ подобную боязливость даже тогда, когда ему отрѣзываютъ дорогу къ рѣкѣ. Онъ всегда стремится достигнуть перваго хорошаго убѣжища, гдѣ онъ могъ-бы быть въ безопасности. Во время одной охоты въ лѣсахъ Голубого Нила мы были очень встревожены, однажды утромъ встрѣтивши въ лѣсу крокодила, имѣвшаго въ длину около 2,5 м. Но наше изумленіе возросло еще больше, когда мы увидѣли, что крокодилъ убѣжалъ въ ближайшій высокій кустарникъ, гдѣ оставался совершенно недвижимъ, такъ что мы не могли увидѣть его и привести въ исполненіе наше намѣреніе, пустить въ него пулю.

Подобные же факты сообщаетъ и Пехуэль-Леше изъ западной Африки: «Животныя, кажущіяся на сушѣ столь безпомощными, могутъ бѣгать съ совершенно поднятымъ тѣломъ, причемъ хвостъ ихъ не волочится, такъ быстро, что ихъ нельзя догнать. Испуганные и отрѣзанные отъ воды крокодилы, изгибаясь, убѣгаютъ очень поспѣшно въ очень густой кустарникъ и скрываются въ немъ такъ искусно, что очень рѣдко можно ихъ найти. Во время бѣга они могутъ очень круто поворачиваться и иногда дѣлаютъ петли и бѣгутъ зигзагами. Поэтому преслѣдовать ихъ въ мѣстности, не вполнѣ открытой взорамъ, оказывается бесполезной попыткой. Запыхавшійся, разбитый и испарипанный охотникъ черезъ большій или меньшій промежутокъ времени остановится и съ удивленіемъ спрашиваетъ себя, куда могло спрятаться столь крупное животное. Крокодилъ-же между тѣмъ, вѣроятно, достигъ уже рѣки или преспокойно лежитъ въ чащѣ. Крокодилы, подобно бегемотамъ, могутъ взбираться на очень крутыя отлогости и скалы и вползаютъ очень охотно на свалившіеся или отчасти прямо стоящіе стволы деревьевъ, растущіе на берегу. На болѣе значительныя разстоянія отъ берега, именно на 50—100 шаговъ, они удаляются только въ мѣстахъ, не посѣщаемыхъ человѣкомъ, и на песчаныхъ меляхъ, представляющихъ возможность обозрѣнія большого пространства. Обыкновенно же они спятъ или грѣются на солнцѣ такъ близко къ берегу, что однимъ прыжкомъ они могутъ очутиться въ водѣ. При этомъ голова у

нихъ всегда обращена къ водѣ, тѣло, особенно у взрослыхъ, только въ очень рѣдкихъ случаяхъ лежитъ прямо вытянутое, обыкновенно же болѣе или менѣе изогнуто, такъ что нѣкоторыя положенія тѣла кажутся совсѣмъ неестественными. Нѣкоторые изъ этихъ чудовищъ грѣются на солнцѣ, лежа на боку, при чемъ всѣ четыре лапы или вытянуты, или же всѣ подогнуты, а хвостъ загнутъ къ брюху въ видѣ петли. Такъ какъ часто у этихъ животныхъ очень толстое брюхо, то крокодилъ, при этомъ нисколько не соответствуетъ обычному образу, который мы о немъ составили, и онъ вовсе не похожъ на тощія экземпляры иныхъ зоологическихъ садовъ.

«Всѣ крокодилы необычайно пугливы и внимательны. У нихъ очень тонкій слухъ и очень острое зрѣніе, чувство-же обонянія у нихъ должно быть совершенно тупо. Подкрасться къ нимъ, во всякомъ случаѣ, очень трудно; случайность играетъ при этомъ болѣе значительную роль, чѣмъ всѣ усилія. Къ нимъ нельзя вовсе подойти на песчаныхъ отмеляхъ, а на высокихъ заросшихъ берегахъ ихъ можно увидѣть съ лодки только, когда они быстро прыгаютъ въ воду. Иногда, если тихо ѣхать по теченію вдоль берега, крокодилъ прыгаетъ въ воду такъ близко отъ судна, что, по неопытности, можно подумать, что онъ желаетъ сдѣлать нападеніе. Я допускаю возможность, что иногда онъ зацѣпляется за судно, опрокидываетъ или разбиваетъ его въ дребезги; но при этомъ животное, будучи само сильно испугано, ни мало не думаетъ о нападеніи. Иные испуганные крокодилы не отваживаются на прыжокъ, но уходятъ и пережидаютъ, чтобы опасность миновала, или же поспѣшно удаляются отъ берега. Кто проѣзжаетъ въ тихій солнечный полдень и при томъ совершенно безмолвно по маленькой, извивающейся рѣчкѣ Нангъ, притоку Куилу, тотъ втеченіе двухъ часовъ можетъ видѣть, какъ нѣсколько дюжины большихъ крокодиловъ (не считая маленькихъ) почти безшумно спрыгиваютъ съ высокихъ береговъ въ глубину».

По всей вѣроятности крокодилъ предпринимаетъ путешествіе внутрь страны только ночью, вѣроятно въ надеждѣ отыскать другой водоемъ. Для охоты-же, какъ сказано, онъ не покидаетъ рѣки; по крайней мѣрѣ я никогда не имѣлъ случая наблюдать или слышать объ этомъ. Во время дождей онъ слѣдуетъ за дождевыми потоками, которые вслѣдъ за этимъ скоро пересыхаютъ. Онъ заходитъ въ эти потоки такъ далеко, что, вслѣдствіе быстро наступающей засухи, онъ оказывается отрѣзаннымъ отъ главнаго потока. Тогда онъ принужденъ зарыться, какъ можно лучше, и выжидать наступленія дождей. Сначала онъ перекочевываетъ изъ одной лужи въ другую; позже онъ остается по недѣлямъ въ той лужѣ, въ которой есть еще немного воды, и которая иногда вовсе не соответствуетъ росту животного, такъ какъ иногда можно видѣть въ маленькой лужѣ настоящихъ исполиновъ. Наконецъ, когда и въ этой лужѣ вода высохнетъ, тогда онъ зарывается въ илъ. Пенней со своими слугами перешелъ дождевой ручей, устье котораго находилось отъ Голубаго Нила на разстояніи 20 килом. Вслѣдствіе недостатка въ водѣ начали рыть колодезь въ высохшемъ ложѣ этого ручья, надѣясь получить такимъ образомъ необходимое количество воды. Когда работники вырыли уже на глубину около 2,5 м., они вдругъ выскочили, испуганные, изъ ямы и позвали на помощь всезнающаго главнаго штабъ-лѣкаря. Они заявили, что въ ямѣ ворочается какой то сѣрый звѣрь. Внимательное изслѣдованіе показало, что они имѣли дѣло съ верхушкой хвоста одного живого, очень большого крокодила.

Когда была вырыта въ области головы вторая яма, тогда явилась возможность нанести ему копьемъ смертельный ударъ въ затылокъ. Наконецъ его выкопали совершенно и узнали, что онъ имѣетъ въ длину 5 м. Вслѣдствіе этой находки

дождевой потокъ и теперь еще называется «Хоръ ель Тимзахъ», или крокодиловый дождевой потокъ. Эминъ-паша и Штульманъ недавно также подтвердили, что крокодилы во внутренней восточной Африкѣ, впадаютъ въ лѣтнюю спячку, зарывшись въ иль.

Крокодилы, имѣющіе въ длину 3,5 м. уже достигаютъ половой зрѣлости; самки такой величины откладываютъ яйца, но въ меньшемъ количествѣ и меньшей величины, чѣмъ совершенно выросшіе экземпляры. Въ періодъ спариванія крокодилы, главнымъ образомъ самцы, издають столь сильный запахъ мускуса, что иногда узнаешь объ ихъ присутствіи раньше обоняніемъ, чѣмъ зрѣніемъ. Иногда можно слышать запахъ мускуса на мѣстахъ отдыха крокодила, хотя уже и покинутыхъ послѣднимъ. О бояхъ, происходящихъ между самцами—соперниками я ничего не слышалъ; напротивъ, я много разъ слышалъ, что спариваніе происходитъ на песчаныхъ отмеляхъ. При спариваніи самецъ переворачиваетъ самку на спину, а по окончаніи спариванія переворачиваетъ ее обратно. Число яицъ, сходныхъ по формѣ и величинѣ съ гусиными яйцами, и имѣющихъ въ длину 9 см., а въ ширину 6 см., колеблется между 20 и 90, среднимъ числомъ ихъ бываетъ отъ 40 до 60. Самка кладетъ яйца въ глубокую ямку, которую она покрываетъ съ помощью хвоста пескомъ. Она тщательно уничтожаетъ всѣ слѣды своей работы. Суданцы утверждаютъ, что самка крокодила охраняетъ свои яйца и помогаетъ выдупляющейся молодежи. Она вынимаетъ молодыхъ изъ песка и отводитъ ихъ къ водѣ.

Фельцковъ нашелъ въ восточной Африкѣ 19 Января одно свѣжее гнѣздо, расположенное на голой почвѣ въ 5—6 шагахъ отъ берега. На двѣ ямки, въ 0,5 м. глубины, лежало 79 яицъ, расположенныхъ 4 кучками. Настоящаго гнѣзда не было, но со стороны матери была извѣстнаго рода забота о дѣтенышахъ, такъ какъ она сторожила это мѣсто вплоть до выхода потомства изъ яицъ, что послѣдовало по истеченіи двухъ мѣсяцевъ. Кладка яицъ, по Фельцкову, бываетъ одинъ разъ въ годъ, отъ конца января до начала февраля. Эминъ-паша и Штульманъ пополняютъ эти наблюденія сообщеніемъ, что время кладки яицъ въ различныхъ мѣстахъ бываетъ различно. Втеченіе двухъ дней, по ихъ наблюденіямъ, самка откладываетъ 90—100 яицъ въ 4—5 отдѣльныхъ ямки, расположенныя близко одна отъ другой. Періодъ развитія яицъ длится 40 дней. Названные путешественники не могли удостовѣриться въ попеченіи матери о дѣтенышахъ. Фельцковъ продолжалъ свои изслѣдованія надъ развитіемъ нильскаго крокодила и на Мадагаскарѣ. «Самый большій, измѣренный мною крокодилъ изъ сѣверо-западной мѣстности Мадагаскара, имѣлъ въ длину 3,5 м, хотя встрѣчаются животныя значительно большихъ размѣровъ. Кладка яицъ начинается здѣсь въ послѣднихъ числахъ августа и продолжается до конца сентября. Число яицъ одной кладки колеблется отъ 20 до 30 штукъ. Гнѣздо вырывается въ землѣ и представляетъ ямку, глубиною отъ 0,5 м., отчасти съ крутыми стѣнками. У основанія эти стѣнки имѣютъ выемки; тамъ то и помѣщаются яйца. Такъ какъ основаніе ямки посрединѣ нѣсколько поднято, поэтому яйца, откладываемыя матерью, сами собой скатываются въ выемки. Очень рѣдко находятъ пару яицъ, лежащими въ срединѣ ямки. Это доказываетъ, что самка не передвигаетъ яйца сама своими лапами въ углубленныя мѣста, такъ какъ тогда посрединѣ ямки не могло-бы быть ни одного яйца. Вслѣдъ за этимъ ямка засыпается и гнѣздо никакъ нельзя различить снаружи. Самка спитъ на гнѣздѣ; поэтому туземцы и находятъ яйца, идя отъ воды по слѣдамъ крокодила. Почти всѣ гнѣзда были вырыты въ сухомъ, бѣломъ пескѣ, нѣкоторые въ такой влажной почвѣ, что яйца не могли развиваться вслѣдствіе сырости, къ которой свѣже-отложенныя яйца чрезвычайно воспримчивы.

«Какъ мнѣ рассказывали люди изъ племени Сакалава, самка разгребаетъ

ямку, когда яйца готовы къ вылупленію». Я не имѣю никакого основанія сомнѣваться въ этомъ, такъ какъ я самъ видѣлъ много ямокъ, изъ которыхъ песокъ былъ удаленъ и которыя содержали разбитыя скорлупы яицъ. Невольно возникаетъ вопросъ, на основаніи чего мать знаетъ, что яйца достаточно развились и что наступило время разгрести ямку? Вопросъ этотъ разрѣшается очень просто.

Въ кабинетѣ моего дома въ Маюнго стояло нѣсколько ящичковъ съ пескомъ, въ которыхъ были положены яйца крокодиловъ, чтобы, имѣя ихъ постоянно въ виду, возможно было во всякое время прослѣдить надъ вылупленіемъ маленькихъ крокодиловъ. Однажды я замѣтилъ, что изъ котораго-то ящичка раздаются звуки; я предположилъ, что одно изъ молодыхъ животныхъ уже появилось на свѣтъ, но, зарывшись въ песокъ, задыхается и вслѣдствіе этого издаетъ эти крики. Разрывая песокъ, чтобы разыскать звѣрка, я былъ пораженъ необыкновеннымъ явленіемъ, а именно: звуки исходили изъ цѣльныхъ, нетронутыхъ яицъ и были такъ громки, что явственно слышались изъ сосѣдней комнаты, когда яйца лежали неприкрытыми. Если же они лежали подъ слоемъ песка около 0,5 м., какъ это бываетъ всегда въ природѣ, тогда звукъ дѣлался нѣсколько глуше, но все же былъ слышенъ за цѣлую комнату. Подобные крики дѣтенышей можно вызвать всякій разъ, если проходить съ шумомъ мимо того мѣста, гдѣ лежатъ яйца, или же, если постукивать по ящичку, въ которомъ они помѣщаются, а также если брать яйца въ руки и тихонько встряхивать ихъ; каждый толчекъ непременно заставляетъ животное пищать. Такъ какъ самка крокодила, какъ выше сказано, спитъ на гнѣздѣ, то при каждомъ движеніи, а также при каждомъ странствованіи ея изъ гнѣзда къ водѣ и обратно она колеблетъ подъ собою почву и этимъ возбуждаетъ достаточно развитыхъ дѣтенышей къ писку въ яйцѣ. Услыхавъ звуки, мать начинаетъ вырывать изъ ямы песокъ, послѣ чего дѣтеныши вскорѣ вылупляются. Изъ подобныхъ яицъ, вырытыхъ изъ песка и свободно лежащихъ, молодые крокодилы выползали черезъ три дня. Издаваемые звуки производятся съ закрытымъ ртомъ, по видимому, посредствомъ сильнаго сжатія брюшныхъ мускуловъ вродѣ нашей икоты, на которую они очень похожи.

Послѣ того какъ дѣтеныши вылупятся, мать отправляется съ ними вмѣстѣ къ водѣ. Мой помощникъ, очень добросовѣстный наблюдатель, рассказывалъ мнѣ, что онъ видѣлъ взрослого крокодила, который со стаею около 20 штукъ молодыхъ переправлялся черезъ песчаное пространство къ водѣ, причѣмъ старый крокодилъ имѣлъ очень злой видъ. Однако, по своимъ собственнымъ наблюденіямъ, я положительно не могу вѣрить, чтобы только что вылупившіеся дѣтеныши могли безъ помощи матери пробраться сквозь покрывающій ихъ слой песку. Изъ тѣхъ яицъ, которыя были покрыты слоемъ песку, толщиной въ 0,5 м. нѣкоторые, правда, дѣлали слабыя попытки высвободиться, такъ напримѣръ у иныхъ яицъ была сломана скорлупа, иногда даже изъ отверстія высывался кончикъ рыла; но въ концѣ концовъ они тамъ постоянно умирали, по всей вѣроятности отъ недостатка воздуха. Изъ яицъ, покрытыхъ тонкимъ слоемъ песку, дѣтеныши выползали безъ всякаго затрудненія.

При вылупленіи длина дѣтенышей бываетъ отъ 20—25 см., втеченіе первыхъ двухъ лѣтъ они вырастаютъ примѣрно на 10 см., въ слѣдующіе же года, напротивъ, на 15 см., до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, достигнутъ общей длины около 3 м.; съ этихъ поръ, по видимому, возрастаніе ихъ идетъ чѣмъ дальше, тѣмъ медленнѣе, такъ что, на основаніи показаній мѣстныхъ жителей, крокодила, длиною въ 5—6 м., можно считать за столѣтняго. До какихъ лѣтъ они доживаютъ, трудно опредѣлить.

Даже маленькія, только что появившіяся животныя, по мнѣнію Фельцкова, уже очень злы; они, напримѣръ, хватаютъ за пальцы, когда хочешь ихъ взять. Они часто пищатъ, особенно если голодны. Тонъ голоса при этомъ не такъ высокъ, какъ въ яйцѣ. Онъ звучитъ примѣрно такъ, какъ голосъ нашей жерлянки, но нѣсколько громче; крикъ повторяется разъ 6—7 и затѣмъ наступаетъ промежутокъ. Кромѣ того животныя эти фыркаютъ, когда ихъ дразнятъ, напримѣръ приподымаютъ за хвостъ. Развитіе яйца продолжается на Мадагаскарѣ около трехъ мѣсяцевъ.

Въ прежнія времена, по сообщенію Геродота, жители Нижняго Египта содержали крокодиловъ въ неволѣ. «Нѣкоторые египтяне», говоритъ этотъ писатель, «считаютъ крокодиловъ за священныхъ животныхъ, другіе же видятъ въ нихъ злѣйшихъ своихъ враговъ: первые живутъ около Меридова озера, а вторые около Элефантины. Этимъ животнымъ устраиваютъ великолѣпное житіе, привѣшиваютъ имъ къ ушамъ золотыя кольца съ самоцвѣтными камнями, переднія ноги ихъ украшаютъ золотыми запястьями и кормятъ ихъ вареными мучными кушаньями и мясомъ жертвенныхъ животныхъ. Послѣ смерти крокодиловъ бальзамируютъ и кладутъ въ священные гробницы. Подобныя гробницы находятся въ подземныхъ помѣщеніяхъ лабиринта около Меридова озера недалеко отъ Крокодилополиса». Страбонъ дополняетъ эти свѣдѣнія. «Городъ Арсиноэ въ Египтѣ прежде назывался Крокодилополисъ, потому что въ этой странѣ крокодиловъ считали священными животными. Здѣсь содержатъ въ озерѣ одного крокодила, который совершенно прирученъ жрецами. Его зовутъ Зухось. Кормятъ его мясомъ, хлѣбомъ и виномъ, и кормъ этотъ приносятъ постоянно съ собою странники, которые хотятъ видѣть священное животное. Мой хозяинъ, высокоуважаемый мужъ, который намъ показывалъ тамошнія святилища, пошелъ съ нами къ озеру, причѣмъ взялъ съ собою небольшой пирогъ, жаренаго мяса и кувшинъ медоваго вина. Мы нашли крокодила лежащимъ на берегу. Жрецы подошли къ нему, открыли ему пасть и положили туда пирогъ, затѣмъ мясо и влили вино. Послѣ этого животное вскочило въ воду и уплыло къ противоположному берегу. Между тѣмъ подошелъ другой чужестранецъ, привесшій подобныя-же дары. Жрецы взяли приношеніе, обошли озеро и накормили имъ крокодила тѣмъ же способомъ». Плутархъ сообщаетъ, что крокодилы не только узнаютъ голоса жрецовъ, но дозволяютъ прикасаться къ себѣ, чистить зубы и обтирать ихъ кускомъ полотна. Діодоръ Сицилійскій наконецъ намъ объясняетъ причину, почему крокодиловъ считали священными животными и воздавали имъ божескія почести. «Говорятъ, что ширина Нила и множество тамъ живущихъ крокодиловъ препятствуетъ аравійскимъ и либіійскимъ разбойникамъ переплывать эту рѣку. Другіе рассказываютъ, что одного изъ древнихъ царей, по имени Менасъ, преслѣдовали его собственныя собаки; онъ спасся въ Меридовомъ озерѣ и крокодилъ перевезъ его чудеснымъ способомъ на противоположный берегъ. Чтобы отблагодарить этихъ животныхъ за свое спасеніе, царь выстроилъ по близости городъ, назвалъ его Крокодилополисъ и приказалъ жителямъ почитать крокодиловъ, какъ божествъ. Онъ же тутъ выстроилъ пирамиду и лабиринтъ. Впрочемъ, нѣкоторые люди приводятъ другія причины обоготворенія этихъ животныхъ.» Какъ велико было почитаніе крокодиловъ, доказываетъ одинъ рассказъ Максима Тира: «Одна женщина въ Египтѣ воспитала крокодила и потому и ее почитали, какъ божество. Сынъ ея жилъ и игралъ съ крокодиломъ, пока тотъ выросъ, окрѣпъ и наконецъ пожралъ своего товарища по играмъ. Несчастная мать однако восхваляло счастье своего сына, который удостоился послужить пищею богу».

Никто на берегахъ Нила никто не думаетъ о прирученіи крокодиловъ, да это и нелегкое дѣло, если животное поймано взрослымъ. 20 іюля 1850 года я купилъ въ Хартумѣ для наблюденій живого крокодила 3,5 м. длины, который запутался въ рыбацкіи сѣти, и заплатилъ за него одну марку на нѣмецкія деньги. Рыбаки ему завязали морду, чтобы онъ не кусался; несмотря на это, когда мы приблизились, онъ такъ неистово и быстро на насъ бросился, что мы со страху отступили. Когда его толкали, то онъ, глухо пыхтя, сопѣлъ и фыркалъ, но вообще казался довольно нечувствительнымъ. Мы его всячески мучали, но онъ не выказывалъ своего недовольства. Только табачнаго дыма онъ, повидимому, не могъ переносить: когда мой спутникъ, Фирталеръ, подносилъ къ его ноздрямъ зажатую трубку, то крокодилъ страшно бѣсился. Сильный ночной ливень ему оказался очень полезнымъ, такъ какъ онъ превратилъ въ лужу небольшое углубленіе въ землѣ, которое и стало мѣстожителемъ нашего плѣнника. Здѣсь, повидимому, онъ себя хорошо чувствовалъ, но держался больше на днѣ воды и появлялся на поверхности рѣдко и то выставлялъ только одни ноздри, чтобы подышать, между тѣмъ какъ во время пребыванія на сушѣ онъ дышалъ очень часто. Для жителей города нашъ крокодилъ служилъ большою забавою. Взрослые и дѣти постоянно стояли кругомъ лужи, гдѣ жилъ «собачій сынъ». Чтобы помѣшать его бѣгству въ рѣку, которая была не очень далеко, я велѣлъ его привязать веревкою; каждый проходящій тащилъ беззащитное животное на сушу, чтобы лучше его разсмотрѣть, а затѣмъ отпускалъ его съ проклятіями и ругательствами, сопровождаемыми часто бросаніемъ камней; даже небольшіе мальчики не могли отказать себѣ въ удовольствіи надругаться надъ крокодиломъ. Чтобы испугать мучителей, я велѣлъ разрѣзать веревку, которою была завязана морда, но и это не помогло. Приносили длинныя палки, били ими крокодила по спинѣ и, когда онъ былъ сильно раздраженъ, то совали палку ему въ пасть, при чемъ животное такъ сильно въ нее вливалось, что позволяло себя тащить за палку, но не отпускало ее. При этомъ часто крокодилъ ломалъ себѣ нѣсколько зубовъ, но все-таки продолжалъ кусаться. Вслѣдствіе этихъ мученій онъ черезъ нѣсколько дней околѣлъ.

Молодые крокодилы скоро дѣлаются такими же ручными, какъ ящерицы; черезъ нѣсколько времени ихъ можно трогать, причѣмъ они не пыхтятъ и не фыркаютъ; они идутъ на зовъ, берутъ пищу изъ рукъ и тогда очень интересны. Нѣтъ сомнѣнія, что животное это, воспитанное смолоду, и въ старости бываетъ настолько спокойно и смирно, насколько это возможно для крокодила, и потому нѣтъ повода сомнѣваться въ справедливости разсказовъ древнихъ о прирученныхъ крокодилахъ.

Древніе египтяне охотились за крокодилами, по Геродоту, различнымъ образомъ. Охотникъ, напримѣръ, бросалъ въ рѣку кусокъ свинины со вложеннымъ въ него крючкомъ на длинной веревкѣ, прятался на берегу и ударами принуждалъ поросенка кричать. Этотъ крикъ привлекалъ крокодила, который глоталъ свинину и съ помощью веревки вытаскивался на берегъ. Здѣсь охотникъ прежде всего замазывалъ ему глаза грязью, чтобы обезпечить себя отъ его нападеній и затѣмъ убивалъ его. По словамъ Гессе, негры на нижнемъ теченіи Конго охотятся и теперь подобнымъ же образомъ. Двѣ, съ обѣихъ концовъ заостренныя палочки изъ твердаго дерева, связываются на крестъ и прикрѣпляются къ бичевкѣ, другой конецъ которой обматывается на крѣпкій коль, вбитый въ берегъ. По срединѣ бичевки придѣлывается деревянный поплавокъ, насаживаютъ на крестъ приманку, для чего обыкновенно служатъ внутренности убитыхъ животныхъ, и опускаютъ его вечеромъ въ рѣку. Когда крокодилъ проглотитъ приманку, то острия палочки впи-

ваются ему въ мягкую пасть и впиваются тѣмъ глубже, чѣмъ больше животное дѣлаетъ усилій, чтобы освободиться. Нерѣдко случается, что бичевка лопається и тогда животное уплываетъ; послѣ этого обыкновенно пускаются на поиски и нерѣдко находятъ его по придѣланному къ веревкѣ поплавку, который и выдаетъ мѣсто нахождения сильно выбившагося изъ силъ и часто уже близкаго къ смерти разбойника».

Тентириты, какъ увѣряетъ Плиній, отваживались слѣдовать за плывущимъ крокодиломъ, набрасывали ему на шею петлю, садились къ нему на спину и въ то время, какъ животное раздвало пасть, чтобы укусить, они всовывали ему поперекъ пасти распорку. При помощи этой распорки они вели свою добычу, какъ коня за поводъ, и пригоняли его къ берегу. Поэтому, думаетъ Плиній, крокодилы боятся даже запаха тентиритовъ и не осмѣливаются подплывать къ ихъ островамъ.

Въ настоящее время такимъ способомъ больше не охотятся, хотя современная охота требуетъ отъ охотника не меньшей храбрости. Она впервые описана Рюппелемъ, а мнѣ рассказана совершенно такимъ же образомъ разными другими лицами. Охота начинается во время отлива, когда обнажаются песчанья отмели, на которыхъ крокодилы спятъ и грѣются. Охотникъ примѣчаетъ мѣста, на которыхъ чаще всего располагаются крокодилы, выкапываетъ себѣ углубленіе въ песокъ съ подвѣтренной стороны, забирается въ него и выжидаетъ, когда животное появится и заснетъ. Главное оружіе охоты состоитъ изъ метательнаго копья, желѣзный трехгранный конецъ котораго снабженъ загнутыми внизъ крючками и прикрѣпленъ къ рукояткѣ посредствомъ кольца и 20—30 крѣпкихъ веревокъ, идущихъ частію отдѣльно, частію же соединенныхъ вмѣстѣ, но черезъ извѣстные промежутки; рукоятка въ свою очередь соединена съ небольшимъ чурбаномъ. «Главное искусство охотника состоитъ въ томъ, чтобы бросить копье съ такою силою, чтобы желѣзо пробило щитъ насквозь и проникло бы не менѣе, какъ на 10 см. въ тѣло животного. Во время метанія рукоятка копья, на которой желѣзный наконечникъ сидитъ свободно, отдѣляется отъ послѣдняго и падаетъ. Раненый крокодилъ, конечно, не бездѣйствуетъ, начинаетъ отчаянно ударять хвостомъ и всячески старается перерезать веревку; но отдѣльно лежащія бичевки попадаютъ между зубами и онъ перекусываетъ только очень немногія изъ нихъ или же всѣ остаются неповрежденными. Въ мелкихъ мѣстахъ рукоятка, плывущая по поверхности воды, указываетъ путь, котораго держится животное, въ глубокихъ же мѣстахъ легкій чурбанъ. По указанному такимъ образомъ пути охотникъ гонится за нимъ на маленькой лодкѣ до тѣхъ поръ, пока, по его мнѣнію, не найдетъ удобное мѣсто на берегу. Если гарпунъ засѣлъ крѣпко, то онъ вытягиваетъ крокодила на поверхность воды и убиваетъ его ударомъ копья въ затылокъ или просто вытаскиваетъ на берегъ. Если бы я это не видѣлъ самъ своими глазами, то мнѣ бы показалось невѣроятнымъ, что два человека могутъ вытащить изъ воды крокодила, длиною почти въ 5 п., и, завязавъ ему сначала пасть, стянуть на спину ноги крестомъ и наконецъ убить его острымъ желѣзомъ, перерубивъ ему на-двое позвоночный столбъ. Сѣтями крокодилы ловятся только случайно, и особенно рѣдко попадаются большіе, такъ какъ они движутся такъ быстро, что обыкновенно рвутъ даже толстыя рыболовныя сѣти.

Европейцы, турки и обитатели средняго Египта охотятся на нихъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Я угостилъ по крайней мѣрѣ сотню крокодиловъ пулями и ни разу не видалъ, чтобы пуля отскакивала отъ нихъ, какъ многіе утверждаютъ. Но доказано, что только въ рѣдкихъ случаяхъ пуля убиваетъ его моментально. Его живучесть необыкновенно велика; даже раненый на смерть крокодилъ обыкновенно

несвенно добирается до рѣки и въ такомъ случаѣ ускользаетъ изъ рукъ охотника. Многіе изъ тѣхъ, которымъ я прострѣливалъ мозгъ, какъ бѣшеные били хвостомъ по водѣ, носились взадъ и впередъ непосредственно у поверхности воды, затѣмъ у нихъ появлялись судороги, они широко разѣвали пасть, издавали невыразимый крикъ и наконецъ исчезали въ глубинѣ мутныхъ волнъ. Черезъ нѣсколько дней они хотя и всплывали, но были до того разложившись, что никуда уже не годились. Однажды я лежалъ въ шалашѣ, покрытомъ циновками и пескомъ, на одной изъ отмелей Голубого Пила и сторожилъ, собираясь бить журавлей. Не успѣли еще птицы показаться, какъ я увидалъ шагахъ въ пятнадцать отъ себя крокодила, длиною метровъ въ пять; онъ медленно подвигался на меня и, не доходя 6 м., улегся на песокъ, вѣроятно намѣреваясь заснуть. Желая наблюдать, я подавилъ въ себѣ всякое чувство мести и рассчитывалъ, что заслуженную имъ пулю я все же ему пошлю, но нѣсколько позже. Одинъ показавшійся журавль случайно спасъ ему на этотъ разъ жизнь, такъ какъ я направилъ винтовку на птицу, которая мнѣ представляла болѣе цѣнную добычу. Крокодилъ услышалъ выстрѣлъ и, можетъ не понявъ даже его значенія, устремился какъ можно быстрѣе къ водѣ; но только что я поднялъ убитаго журавля и началъ снова заряжать ружье, какъ онъ снова появился и именно на прежнемъ мѣстѣ. Тутъ уже я съ полнымъ спокойствіемъ прицѣлился ему въ високъ, выстрѣлилъ и, къ своему величайшему удовольствію, увидѣлъ, что послѣ выстрѣла чудовище взвилось сильнымъ отвѣснымъ прыжкомъ и тяжело рухнуло на землю, гдѣ и замерло совершенно неподвижно. Воздухъ надъ отмелью буквально весь переполнился одуряющимъ запахомъ мускуса; мой слуга Томбольдо, спрятавшійся въ песокъ на противоположномъ концѣ отмели, съ громкими криками радости выскочилъ изъ своей засады и сталъ просить: «добрый господинъ, дайте мнѣ железу, дайте мнѣ мускусъ для моей жены, чтобы я ей тоже могъ принести какой-нибудь гостинецъ изъ путешествія». Мы стояли около убитаго животнаго, тѣло котораго еще дрожало и судорожно передергивалось. «Берегись хвоста», предупреждалъ меня Томбольдо, «и попотчуй его еще пулей, чтобы онъ отъ насъ не ускользнулъ». Хотя я считалъ послѣднее излишнимъ, но все же, въ угоду своему вѣрному негру, исполнилъ его желаніе, приложилъ дуло винтовки почти къ самому уху крокодила и всадилъ еще пулю ему въ голову. Въ тотъ же мигъ онъ подпрыгнулъ вверхъ, взмахами хвоста забросалъ насъ пескомъ и мелкими камнями, судорожно затрясся всѣмъ тѣломъ, и затѣмъ вдругъ помчался къ рѣкѣ, какъ будто вовсе не былъ раненъ, разрушая всѣ мечтанія о приобрѣтеніи мускуса. По увѣреніямъ Гейглина, зарядъ крупной дроби на очень близкомъ разстояніи дѣйствуетъ гораздо вѣрнѣе пули. «Мы прострѣливали пулями вдоль и поперекъ», говоритъ мой спутникъ, «тѣло настоящихъ гигантовъ-крокодиловъ, и они, несмотря на это, проворно устремлялись къ водѣ, пока градъ крупной дроби не укладывалъ ихъ мертвыми на мѣстѣ».

Наблюденія Пехуэля Леше также подтверждаютъ мнѣніе, что большой зарядъ дроби, даже на разстояніи 30 и 40 шаговъ дѣйствуетъ успѣшнѣе выстрѣла пулей. Самую цѣнную добычу современныхъ суданцевъ составляютъ помянутыя четыре железа, которыя они очень искусно вытаскиваютъ изъ тѣла мертваго крокодила. Во время моего тамъ пребыванія, каждая железа продавалась по 4—6 талеровъ, сумма, за которую въ той же мѣстности, можно было тогда купить двухъ быковъ. При помощи этихъ железъ, нубійскія и суданскія красавицы изготовляютъ ту благовонную мазь, которой онѣ смазываютъ свое тѣло и волосы, что дѣлаетъ ихъ особенно привлекательными для глазъ, или, вѣрнѣе говоря, для носовъ и въ поклонниковъ и чѣмъ онѣ дѣйствительно сильно выигрываютъ передъ женщинами сред-

няго Нила, которыя свой войлокоподобный головной покровъ мажутъ помадою изъ кастороваго масла, запахъ котораго отталкиваетъ отъ нихъ европейца, по крайней мѣрѣ на 30 шаговъ. Эти мускусныя железы сообщаютъ всему тѣлу крокодила сильный и такой своеобразный запахъ, что ѣсть мясо старыхъ животныхъ становится совѣмъ невозможнымъ; я хотя нѣсколько разъ и пробовалъ мясо крокодиловъ, но могъ проглотить только нѣсколько кусочковъ и то отъ молодыхъ животныхъ. Конечно туземцы думаютъ иначе; имъ очевидно какъ мясо крокодила, такъ и жиръ его кажутся особеннымъ лакомствомъ. По древнимъ авторамъ мы узнаемъ, что жители Аполлонополиса также охотно ѣли мясо крокодиловъ, но прежде чѣмъ его убить, они вѣшали пойманное животное, и били до тѣхъ поръ, пока оно начинало издавать жалобные крики и только послѣ того разрѣзали его. Такой возни современные африканцы не поднимаютъ; они по большей части просто варятъ мясо въ водѣ и прибавляютъ къ нему развѣ соли и перцу.

Незадолго до нашего прибытiя въ городокъ Валедъ Медина, съ палубы корабля я убилъ крокодила. Возвратясь вскорѣ послѣ этого съ охотничьей прогулки, я нашелъ его уже разрѣзаннымъ, и отъ множества яицъ, которыя въ немъ были найдены, осталось всего 26 штукъ; матросы признались, что не могли удержаться отъ соблазна, при видѣ такого дорогого лакомства и устроили себѣ изъ нихъ прекрасное кушанье. На слѣдующій день половина нашей добычи заполонила рынокъ Валедъ Медина; поразительно скоро мясо было частью продано, частью же промѣняно на меризе (напитокъ вродѣ пива). Въ тотъ же вечеръ неподалеку отъ судна былъ учиненъ пиръ. Для украшенiя праздника, по поводу изготовленiя яствъ изъ крокодиальяго мяса, было приглашено столько мѣстныхъ красавицъ, сколько было матросовъ на нашемъ кораблѣ. Всѣ онѣ охотно приняли участiе въ пирѣ, главное украшенiе и смыслъ котораго составляла красота этихъ предестныхъ женъ и дѣвъ. Надъ тремя огромными кострами въ шаровидныхъ горшкахъ кипѣла диковинная дичь. Вокругъ огней у горшковъ двигались темныя фигуры въ обычныхъ танцахъ. Весело раздавались звуки тарабука, или туземнаго барабана; отъ тѣхъ красавицъ прiятно пахло мускусомъ, такъ какъ вѣжливыя поклонники ихъ, изготовили имъ мазь изъ выпрешенной железы; мѣнялись обокодно словами любви, а свѣтлый мѣсяцъ и я, грѣшный, скрылись, чтобы не мѣшать празднику. Поздно ночью еще слышались звуки барабана, почти до самаго утра продолжались танцы; весело поѣдалось блюдо изъ крокодила и запивалось прекраснымъ меризе; мнѣ также предлагали какъ того, такъ и другого и не мало удивлялись, что я такъ упорно отказывался отъ этого кушанья.

Въ древнiя времена изъ убитаго крокодила добывались кое какiя лѣчебныя средства. Кровь его слыла чрезвычайно цѣлебной противъ змѣйнаго яда, уничтожала, говорятъ, также бѣльма на глазахъ; считалось, что зола отъ сожженной кожи залѣчивала раны, жиръ же предохранялъ отъ лихорадки, зубной боли и укушенiй москитовъ, зубы его носили какъ амулеты на рукахъ, чтобы сообщить носившему особенную силу. Объ этомъ, впрочемъ, теперь неслышно ничего. Извѣстнымъ частямъ крокодила однако и въ наше время приписываютъ восстанавливающее дѣйствiе тѣхъ силъ, которыя наиболѣе желательно укрѣпить людямъ, увлекающимся жизнью, и для поддержанiя которыхъ они прибѣгаютъ къ самымъ разнообразнымъ средствамъ.

Не всѣмъ крокодиламъ воздавались одинаковыя почести съ тѣми животными, мумiи которыхъ находятъ въ гробницахъ Оивъ, и у которыхъ еще и теперь, говоритъ Жофруа Сентъ-Илеръ, замѣтны дырки, куда были продѣты кольца. Тѣ, которыхъ мы разсматривали въ пещерѣ Маабде близъ Монфалута, были просто

завернуты въ полотно, пропитанное смолою. Пещера эта лежитъ на правомъ берегу Нила, на первой плоской возвышенности, на которую входишь, поднявшись на береговныя горы. Начало этой пещеры образуетъ небольшая шахта, глубиною 3—4 м., закрытая обломкомъ скалы; передъ входомъ въ нее валяются кости и лохмотья полотна, закрывавшіе крокодиловъ и муміи; далѣе шахта эта переходитъ въ болѣе длинную штольню, по которой любознательному наблюдателю приходится ползти на четверинкахъ. Ходъ этотъ ведетъ въ объемистую пещеру, въ которой ютятся несмѣтныя количества летучихъ мышей. Отъ перваго и самаго большого отдѣленія во всѣ стороны идутъ ходы высокіе и низкіе, короткіе и длинные, каждый изъ нихъ и въ настоящее время носить свой первобытный характеръ, нигдѣ нѣтъ слѣда культуры, такъ какъ, повидимому, рѣзецъ древнихъ египтянъ вообще никогда не касался сводовъ гробницъ этихъ священныхъ животныхъ. Въ одной изъ болѣе объемистыхъ сводчатыхъ пещеръ посѣтитель замѣчаетъ довольно большое возвышеніе въ видѣ холмика; при болѣе тщательномъ осмотрѣ онъ узнаетъ, что холмикъ этотъ состоитъ изъ человѣческихъ труповъ. Нѣсколько далѣе, въ отдѣленіи еще большихъ размѣровъ, лежатъ муміи крокодиловъ; онѣ лежатъ нагроможденныя тысячами однѣ надъ другими, всевозможныхъ величинъ и возрастовъ, муміи гиганскихъ чудовищъ, а рядомъ—только что вылупившихся дѣтенышей, даже засушенныя, пропитанныя смолой яйца. Всѣ болѣе крупныя крокодилы завернуты въ полотно и настолько бережно прибраны, что каждый завернуть отдѣльно, между тѣмъ какъ молодые, хотя и прибраны съ одинаковою тщательностью, но они сохранялись по 60—80 штукъ въ длинныхъ, съ обѣихъ сторонъ заостренныхъ и завязанныхъ корзинахъ изъ пальмовыхъ вѣтвей. Точно такимъ же образомъ укладывались и яйца. Глядя на такія груды труповъ этихъ священныхъ животныхъ, невольно приходитъ мысль, что въ этомъ почитаніи скрывалось нѣчто своеобразное и особенное. Повидимому древніе египтяне скорѣе боялись крокодиловъ, чѣмъ обоготворяли и всячески старались уменьшить число ихъ. Всѣ тѣ чудовища, тѣла которыхъ здѣсь лежали, очевидно почли не естественною смертію, но, конечно, были убиты и забальзамированы, чтобы этимъ въ то же время искупить убійство. Въ какомъ отношеніи къ крокодиламъ находились муміи людей, трудно сказать; очень можетъ быть, что это были люди, специальность которыхъ была охотиться за крокодилами и бальзамировать ихъ тѣла.

* * *

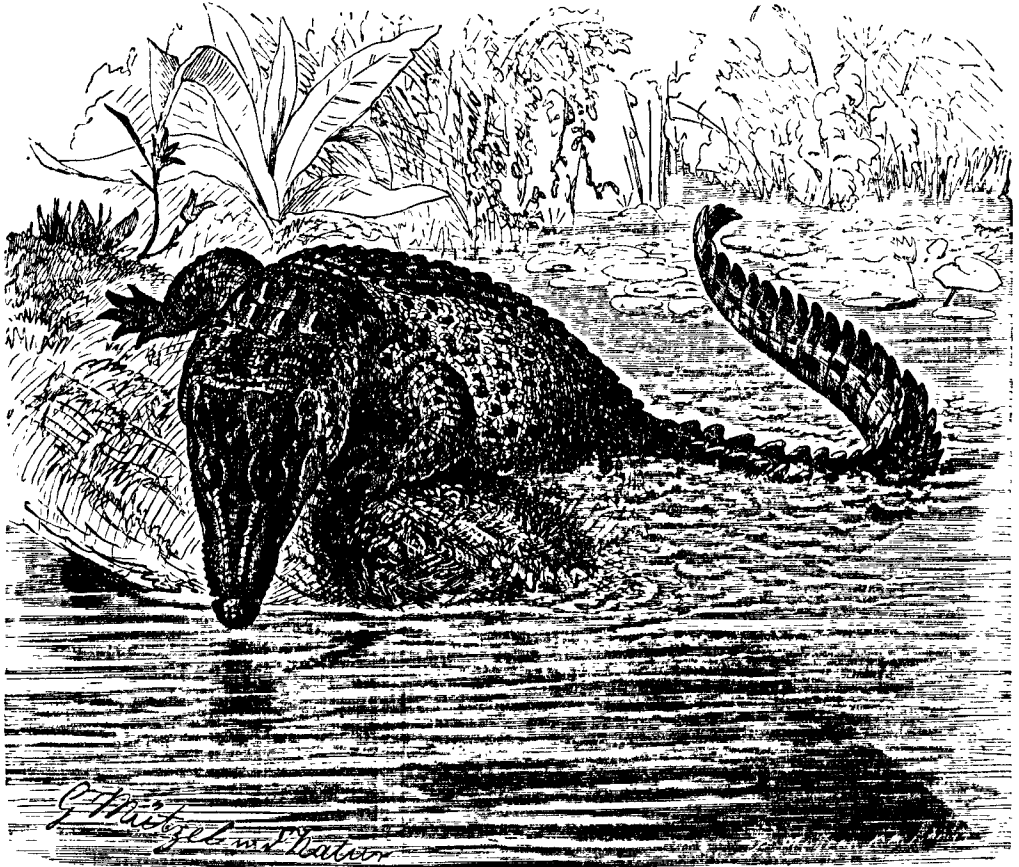
Между азіатскими видами этого рода слѣдуетъ прежде всего назвать **Гребнистаго крокодила** (*Crocodylus porosus, biporcatus, pondicerianus, oorpholis, Oorpholis porosus* и *pondicherianus. Leistenkrokodil. Crocodile à deux arêtes*). Это видъ наиболѣе распространенный изъ всего семейства. Очень важныя признаки, говорить Штраухъ, отличающіе гребнистаго крокодила отъ всѣхъ остальныхъ видовъ, составляютъ: полное отсутствіе переднихъ затылочныхъ щитковъ, которые встрѣчаются очень рѣдко и въ такомъ случаѣ всегда только въ количествѣ одной пары; спинныхъ щитковъ 4—8, которые расположены вдоль спины въ два ряда; самую же характерную особенность этого крокодила составляютъ два очень длинные, четкообразные, членистые, костяные валики, идущіе по всей мордѣ отъ глаза и почти достигающіе кончика носа. Морда все еще вытянутая, болѣе или менѣе узкая и на концѣ заостренная, вдвое длиннѣе ширины у основанія, сводчатая и въ морщинахъ. Зубчатый гребень на голени существуетъ. Окраска темная оливково-зеленая, у молодыхъ кромѣ того съ темными пятнами. Нѣкоторые бываютъ 8,6 м. въ длину, впрочемъ въ коллекціяхъ экземпляры въ 5,25 считаются рѣдкостью.

Югъ Азии и близлежащіе острова составляютъ родину гребнистаго крокодила; онъ встрѣчается на восточномъ берегу Индіи, на Цейлонѣ, въ Бенгаліи, въ Бирмѣ, въ югозападномъ Китаѣ и на всѣхъ островахъ, во множествѣ разбросанныхъ до самой сѣверной Австраліи, и извѣстенъ даже жителямъ острововъ Соломоновыхъ и Фиджи. Буланже говоритъ, что еще недоказано его существованіе на западныхъ берегахъ Индіи, а также еще недостоверно и то, встрѣчаются-ли они въ устьяхъ рѣкъ выше мѣстъ, куда достигаетъ приливъ. Всѣмъ этимъ онъ отличается отъ своего ближайшаго родича, съ которымъ его нетрудно смѣшать, но который гораздо меньше его, а именно **Болотнымъ Крокодиломъ** (*Crocodylus palustris, trigonops, bombifrons, indicus. Sumpfkrokodil. Crocodile palustre*). Последній достигаетъ не болѣе 3—4 м. длины; морда его еще короче и только въ полтора раза длиннѣе, чѣмъ ширина основанія. У него нѣтъ костяного валика, идущаго отъ глазъ по мордѣ, какъ у гребнистаго крокодила, и спина его почти всегда покрыта только тремя рядами костяныхъ щитковъ. Это и есть тотъ крокодилъ, «Магаръ», который обыкновенно встрѣчается въ Индіи и живетъ тамъ почти во всѣхъ прѣсныхъ водахъ, въ рѣкахъ, болотахъ и прудахъ, а именно, по словамъ Буланже, во всей западной Индіи до Синдаи Белуджистана, въ Бирмѣ, на Малайскомъ полуостровѣ, на Цейлонѣ и въ Малайскомъ архипелагѣ.

Гребнистаго крокодила можно назвать морскимъ, потому что онъ чаще другихъ отправляется изъ устьевъ рѣкъ въ море и нерѣдко встрѣчается на разстояніи нѣсколькихъ морскихъ миль отъ берега, а во время отлива его можно видѣть на сухихъ песчаныхъ отмеляхъ на открытыхъ мѣстахъ между острововъ. На Цейлонѣ, говоритъ Тенненътъ, гребнистый крокодилъ селится преимущественно въ рѣкахъ или озерахъ низменностей неподалеку отъ морского берега, между тѣмъ какъ болотный крокодилъ вовсе избѣгаетъ близости моря и живетъ исключительно въ прѣсныхъ водахъ внутри страны. Если гребнистый крокодилъ гдѣ-нибудь встрѣчается, то непременно во множествѣ, въ наибольшемъ-же количествѣ живетъ онъ на Зондскихъ островахъ. Соломонъ Миллеръ увѣряетъ, что на разстояніи менѣе часа пути онъ выдалъ штукъ по 10—12 этихъ животныхъ. Шлегель, который издалъ записки Миллера, говоритъ слѣдующее: «Гребнистые крокодилы, безъ сомнѣнія, представляютъ самыхъ опасныхъ и ужасныхъ хищниковъ Индійскаго архипелага. Мы считаемъ вѣроятнымъ, что въ Индіи столько же людей умираютъ жертвою крокодиловъ, сколько бываютъ растерзаны тиграми. Они пожираютъ безъ разбора все, что имъ попадаетъ изъ животнаго царства, свѣжее или гнилое; прожорливость ихъ доходитъ до того, что они глотаютъ даже камни. На жертву свою они чаще всего нападаютъ изъ засады; главнымъ образомъ оленей, свиней, собакъ, козъ, обезьянъ они подстерегаютъ, когда послѣдніе приходятъ утолять жажду у рѣки.

«Когда это кровожадное животное высматриваетъ добычу, сидя подъ водою, то оно высовываетъ надъ поверхностью только ноздри и въ такомъ положеніи крокодилъ проводитъ нерѣдко цѣлыя часы, не двигаясь съ мѣста. Слухъ, который, по видимому, составляетъ наиболѣе развитое чувство у всѣхъ крокодиловъ, до того тонокъ, что даетъ ему возможность на большихъ разстояніяхъ даже подъ водою слышать, что дѣлается надъ ея поверхностью. При малѣйшемъ шорохѣ онъ обыкновенно тотчасъ-же приближается къ берегу, не производя никакого шума. Если это приближаются люди, то онъ подплываетъ постепенно и до тѣхъ поръ скрывается подъ поверхностью воды, пока не представится удобный случай, дающій возможность напасть на добычу. При этомъ онъ рѣдко терпитъ неудачу, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ бросается на подстерегаемую добычу не раньше,

как убѣдившись, что она не минетъ его пасти. При нападеніи, при закусываніи или утаскиваніи добычи, движенія этихъ крокодиловъ быстры, какъ стрѣла, даже до такой степени, что человѣкъ, схваченный ими, рѣдко успѣетъ издать какой-либо звукъ. Они тотчасъ-же утаскиваютъ добычу подъ воду, но нѣсколько времени спустя появляются съ нею на поверхности. Если животное невелико ростомъ, то крокодилъ пожираетъ его плавая, причемъ держитъ голову высунутою надъ водою; животныхъ-же побольше и людей онъ, наоборотъ, съѣдаетъ спокойно вечеромъ или ночью, для чего уноситъ ихъ на берегъ въ уединенное мѣсто. По видимому онъ раздробляетъ добычу, сильно потряхивая ее взадъ и впередъ и

Гребнистый крокодилъ. *Crocodylus porosus*. $\frac{1}{30}$ наст. вел.

ударяя ее о землю, а затѣмъ раздираетъ ее на куски съ помощью переднихъ лапъ.

«Насколько крокодилы сильны и предприимчивы въ водѣ, настолько робки и пугливы они кажутся внѣ ея. При видѣ человѣка, который приближается къ нимъ на сушѣ или подплываетъ въ челнокъ, они тотчасъ бѣгутъ къ рѣкѣ, бросаются въ воду и, погружаясь, нѣсколькими сильными ударами хвоста производятъ страшный шумъ и затѣмъ исчезаютъ подъ водою. Походка крокодила на сушѣ вообще лѣнивая и затрудненная, но маленькія разстоянія однако онъ перебѣгаетъ съ непостижимой быстротой. Болѣе отдаленныя путешествія они предпринимаютъ только по ночамъ, такъ какъ ихъ все-же слѣдуетъ причислить скорѣе къ ночнымъ,

нежели къ дневнымъ животнымъ; они, какъ и многіе большіе виды кошекъ, опаснѣ всего вечеромъ и около полуночи. Плывутъ они одинаково легко, какъ по теченію, такъ и противъ. Признаковъ выраженія удовольствія или обоюдной привязанности мы у нихъ не замѣчаемъ: каждый изъ нихъ живетъ только для себя».

Тенненъ утверждаетъ, что болотный крокодилъ въ сухое время года принимаетъ болѣе отдаленныя странствованія, но что гребнистый, а при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ и болотный зарываются въ иль, остающіеся отъ высыхающихъ водовмѣстилищъ, впадаютъ въ состояніе оцѣпенѣнія, и остаются здѣсь до первыхъ дождей. Въ одной изъ восточныхъ частей восточнаго полуострова Остъ-Индіи онъ самъ лично видѣлъ подобное ложе, въ которомъ одно изъ упомянутыхъ животныхъ предавалось зимней спячкѣ; мѣсто это вполне ясно сохранило отпечатокъ частей тѣла его. Одинъ офицеръ рассказывалъ ему, что онъ разбилъ палатку на илистомъ днѣ высохшаго озера и былъ не мало испуганъ какими-то колебаніями земли подъ его постелью, которыя повторились и на слѣдующій день. Все это объяснилось, когда проснулся отъ оцѣпенѣнія крокодилъ.

Всѣ большія животныя боятся крокодила не менѣе, какъ и туземцы. «Тѣ собаки» говоритъ Мюллеръ, «которымъ пришлось хоть одинъ разъ видѣть близко это чудовище, дѣлались до того боязливы, что приближались потомъ къ водѣ очень тихо и съ большою осторожностью. На берегу Тимора мы замѣчали нѣсколько разъ, что собака отступала назадъ передъ собственной, своею тѣнью, тряслась и цѣлые полчаса спустя, дрожа всѣмъ тѣломъ, останавливалась за 6 или 8 шаговъ отъ берега, выпучивъ глаза, пристально смотрѣла на то мѣсто, гдѣ видала это пугало, сначала лаяла, а затѣмъ начинала громко, жалобно выть. Если ночь застаётъ туземцевъ на водѣ въ ихъ маленькихъ лодочкахъ, въ которыхъ они обыкновенно странствуютъ, какъ только наступаютъ сумерки, каждый направляется въ средину рѣки, такъ какъ тутъ крокодилы бываютъ рѣже, чѣмъ у береговъ. Несмотря на это, однако, въ Индіи нерѣдко случается, что крокодилы таскаютъ людей изъ лодки и часто съ такой быстротой, что сосѣди едва это успѣваютъ замѣтить. Старые крокодилы своимъ хвостомъ разбиваютъ иногда въ щепки маленькія лодки, причемъ постоянно кто-нибудь изъ людей, сидящихъ въ лодкѣ, дѣлается ихъ добычею. Подобный печальный случай произошелъ на островѣ Борнео, въ октябрѣ 1838 г. На берегахъ рѣки Дузонъ, большой крокодилъ втеченіе двухъ недѣль сожралъ жену и единственнаго сына одного малайца; нѣсколько время спустя, этотъ малаецъ хотѣлъ закинуть крючокъ на томъ мѣстѣ, чтобы словить животное и отомстить за своихъ. Когда мы говорили съ этимъ человѣкомъ, то онъ устраивалъ крючокъ и прикрѣплялъ къ нему, въ видѣ приманки, трупъ молодой обезьяны. На слѣдующій день онъ вмѣстѣ съ тремя другими малайцами отправился на указанное мѣсто, чтобы привязать крючокъ къ кусту такъ, чтобы приманка была надъ водою. Не успѣли они еще привязать крючокъ, какъ челядь ихъ получила сильный толчокъ снизу, такъ что былъ разбитъ и всѣ сидѣвшіе въ немъ упали въ воду. Каждый изъ нихъ отъ испуга думалъ лишь о своемъ спасеніи и старался какъ можно скорѣе вплавъ достигъ берега. Троймъ изъ нихъ это удалось, а четвертый, затѣявшій охоту, исчезъ: онъ сдѣлался жертвою прожорливаго животного, какъ и жена его и ребенокъ. Три спасшіеся человѣка сами рассказывали намъ объ этомъ грустномъ событіи».

«Другое подобное происшествіе случилось за нѣсколько мѣсяцевъ до нашего пріѣзда на Борнео, на рѣкѣ, которая извѣстна во всей странѣ по массѣ живущихъ въ ней крокодиловъ. Только что женившійся малаецъ, изъ деревни Кетанъ

хотѣлъ вмѣстѣ съ женою поздно вечеромъ вернуться домой. Близъ устья рѣки огромный крокодилъ схватилъ его за руку въ то время, когда онъ гребъ; животное вытащило жертву изъ лодки и утащило человѣка такъ быстро и безшумно, что жена, сидѣвшая, по обычаю, на передней части лодки, замѣтила только руку своего мужа, когда онъ уже былъ стаянъ въ воду. Малаецъ этотъ былъ племянникъ мѣстнаго старшины Бодіэна, который былъ до того возмущенъ этой дерзостью, что тотчасъ приказалъ приготовить крючки, для того, чтобы изловить этого крокодила, если же можно, то и другихъ; благодаря этой ловлѣ, мы получили очень много крокодиловъ. По увѣреніямъ Бодіэна крокодилъ, сожравшій его племянника, былъ длиною въ три сажени. До поимки этого чудовища голова жертвы видна была въ кустахъ; у пойманнаго же, по вскрытіи желудка, были найдены кое какіе обрывки платья и почти всѣ кости проглоченнаго человѣка. Мы привезли съ собою его огромный черепъ, который между многими другими былъ выставленъ на берегу на показъ съ широко раскрытой пастью. Достоенъ вниманія еще одинъ необыкновенный случай. Четыре человѣка на озерѣ Лампуръ отправились на рыбную ловлю. Одинъ изъ нихъ, именно тотъ, который выбрасывалъ сѣть, стоялъ впереди въ лодкѣ; поразительной величины крокодилъ схватилъ его за ноги и утащилъ въ воду. Всѣ считали его погибшимъ. Однако немного спустя, хищникъ снова появился около самой лодки, держа въ пасти свою добычу; человѣкъ былъ еще живъ и громко кричалъ, зывая о помощи. Братъ погибающаго, пораженный ужасомъ, въ порывѣ состраданія, не медля ни минуты, бросился его спасать; онъ обнажилъ саблю, прыгнулъ въ воду, схватилъ брата за руку и въ то-же время такъ сильно ударилъ крокодила по затылку, что тотъ тотчасъ же выпустилъ человѣка изъ пасти. Спасенный жилъ недолго; послѣ двухдневныхъ страданій онъ умеръ, вслѣдствіи ранъ, нанесенныхъ ему кровожаднымъ животнымъ».

Разказы о подобныхъ происшествіяхъ передаются многими путешественниками, особенно же тѣми изъ нихъ, которые прожили долгое время въ Остѣ Индіи, или на югѣ Азіи, особенно же на болѣе обширныхъ островахъ Индійскаго архипелага. Эппъ, который жилъ на островѣ Бангка 10 лѣтъ, говоритъ, что въ теченіи этого время около 30 человѣкъ были съѣдены крокодилами или же тяжело ранены. На Цейлонѣ, повидимому, бываетъ не такъ много несчастныхъ случаевъ; по крайней мѣрѣ Теннетъ объ этомъ не такъ много распространяется.

Въ англійскихъ служебныхъ донесеніяхъ о смертныхъ случаяхъ, происшедшихъ вслѣдствіи нападенія дикихъ звѣрей, встрѣчаются немногіе и какъ бы случайныя замѣчанія о несчастіяхъ, приписываемыхъ крокодиламъ. Данныя эти поэтому какъ бы подтверждаютъ мнѣніе Форсита, что крокодилы въ Индіи далеко не такъ опасны для человѣка, какъ можно бы предполагать, основываясь на мнѣніяхъ, руководящихся одними слухами. По официальнымъ донесеніямъ, крокодилами были уничтожены: въ Бенгаліи въ 1882 году 202 человѣка, въ 1884 и въ 1885 въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ и въ Аудѣ 20 и 24 человѣка, а въ тѣ-же года въ Бомбей человѣческихъ жертвъ насчитывалось лишь отъ 3 до 5. Вотъ единственныя свѣдѣнія, заслуживающія большаго или меньшаго довѣрія. Хотя все это говорится «отъ аллигаторахъ» вообще, но слѣдуетъ предположить, что большая часть жертвъ приходится на долю гребнистаго крокодила, меньшая же часть на долю болотнаго, гавіалу же не можетъ быть приписанъ ни одинъ смертный случай.

Понятно, что этихъ опасныхъ животныхъ въ Азіи преслѣдуютъ повсюду, но легко объяснить также и то, что кое-гдѣ ихъ считаютъ священными жи-

вогными и имъ воздаютъ божескія почести. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ ихъ считаютъ священными, высшая мечта людей состоитъ въ томъ, что они превратятся не въ ангеловъ, а въ крокодиловъ; тамъ ихъ никогда не преслѣдуютъ, а, напротивъ, стараются приобрѣсти ихъ дружбу. Не подлежитъ сомнѣнію, что болотнаго крокодила еще и по нынѣ считаютъ священнымъ, такъ какъ всѣ путешественники, которые о немъ упоминаютъ, говорятъ о такомъ взглядѣ туземцевъ. Въ 1842 г. Орлихъ посѣтилъ священный прудъ, лежащій по близости города Каррача, составляющій мѣсто поклоненія для туземцевъ. Въ этомъ водовмѣстилищѣ жило до 50 штукъ этихъ крокодиловъ, изъ которыхъ нѣкоторые были очень велики. Браминъ, которому былъ порученъ надзоръ за этими животными, вызывалъ ихъ въ присутствіи путешественника изъ воды, чтобы ихъ кормить. Къ немалому удивленію Орлиха, онъ увидалъ, что крокодилы повиновались сторожу, по его зову выходили изъ воды, ложались вокругъ него съ сильно разинутой пастью и слушались его, повинуваясь лишь прикосновенію трости. Для ихъ трапезы былъ убитъ козелъ и разрѣзанъ на куски и каждый крокодилъ получилъ свою долю. По окончаніи кормленія, сторожъ прикосновеніемъ трости снова прогналъ ихъ обратно въ воду. Трумпъ говоритъ, что по крайней мѣрѣ 12 факировъ посвящаютъ себя служенію и поклоненію крокодиламъ этого пруда, но за пищу, какъ она ни дешева, должны платить народъ. Шлагинтвейтъ также упоминаетъ о прирученныхъ и хорошо содержимыхъ крокодилахъ, но неправильно называетъ ихъ за ихъ короткую морду аллигаторами. «Насколько ручны аллигаторы въ Магарскомъ прудѣ», говоритъ онъ, «можно заключить изъ того, что на головахъ нѣкоторыхъ животныхъ мусульмане сдѣлали большіе рисунки и написали на нихъ цѣлыя изрѣченія масляными красками. Удивительное впечатлѣніе представляетъ зрѣлище, когда, повинуваясь зову челоуѣка, вась со всѣхъ сторонъ окружаютъ аллигаторы и странно, что зрѣлище это, вѣроятно вслѣдствіе своей новизны и особенности, не вызываетъ страха, столь понятнаго при другой обстановкѣ».

Андерсонъ увѣряетъ, что онъ въ одной рѣкѣ на Суматрѣ видѣлъ гигантскаго гребнистаго крокодила, котораго постоянно кормили рыбьими головами и который, вслѣдствіе такого хорошаго къ нему отношенія, сталъ чрезвычайно ручнымъ. Это необыкновенное животное выживало всѣхъ прочихъ, себѣ подобныхъ, но къ почитателямъ своимъ относилось такъ добродушно, что позволяло имъ прикасаться къ своему благословенному тѣлу. Крокодилъ очень точно появлялся къ обѣду, остальное же время проводилъ въ созерцательномъ бездѣйствіи. «У многихъ людей», говоритъ Мартенсъ, «страхъ и почтительность, печаль и равнодушіе, проститекающіе отъ сильной вѣры, часто возникаютъ одна изъ другой; неудивительно поэтому, что жители Остъ-Индскаго архипелага, по рассказамъ, слышаннымъ мною на одномъ островѣ, не преслѣдуютъ того крокодила, который живетъ по близости отъ нихъ и съѣлъ ихъ ребенка, а считаютъ его священнымъ и вѣруютъ, что въ него переселилась и живетъ душа одного изъ ихъ предковъ, который до извѣстной степени даже имѣетъ право похитить своего внука». Въ другихъ мѣстахъ не такъ суевѣрны, преслѣдуютъ этихъ животныхъ и примѣняютъ различныя средства для ихъ истребленія; чаще всего пользуются крючками съ наживой, иногда ихъ ловятъ толстыми сѣтями, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устраиваютъ запруды съ отверстіемъ, въ которое вдѣлана падающая дверца, не позволяющая крокодилу вернуться въ глубокую воду.

На Филиппинскихъ островахъ, по словамъ Ягора, дѣлаютъ легкій плотъ изъ бамбука и на немъ устраиваютъ небольшое возвышеніе, къ которому привязывается собака или кошка, а рядомъ съ нею крючокъ, привязанный къ плоту пуч-

комъ манильской пеньки; плоть этотъ пускаютъ въ рѣку по теченію. Когда крокодилъ проглотитъ приманку и крючокъ, то онъ тщетно старается освободиться: разорвать пеньковую привязь ему не удается, такъ какъ плоть слишкомъ подвижна, а раскусить пеньку также очень трудно; плоть же всегда указываетъ ловцамъ на мѣстонахождение крокодила. Пойманный на удочку крокодилъ ведетъ себя какъ бѣшеный, и обыкновенно сильно сопротивляется, но когда онъ вытасненъ на сушу, то дѣлается спокойнымъ и покоряется своей участи. Тенненъ рассказываетъ, что крокодилы, которыхъ ловятъ сѣтями въ мелкихъ озерахъ съ тинистымъ дномъ, зарываются часто въ тину, такъ что сѣть проходитъ надъ ними; такимъ образомъ эти животныя выказываютъ хитрость, къ которой даже въ Индіи ихъ не считаютъ способными.

Пойманныхъ гребнистыхъ крокодиловъ убиваютъ и ничѣмъ отъ нихъ не пользуются, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ въ Сіамѣ, мясо ихъ ѣдятъ и продаютъ на рынкахъ.

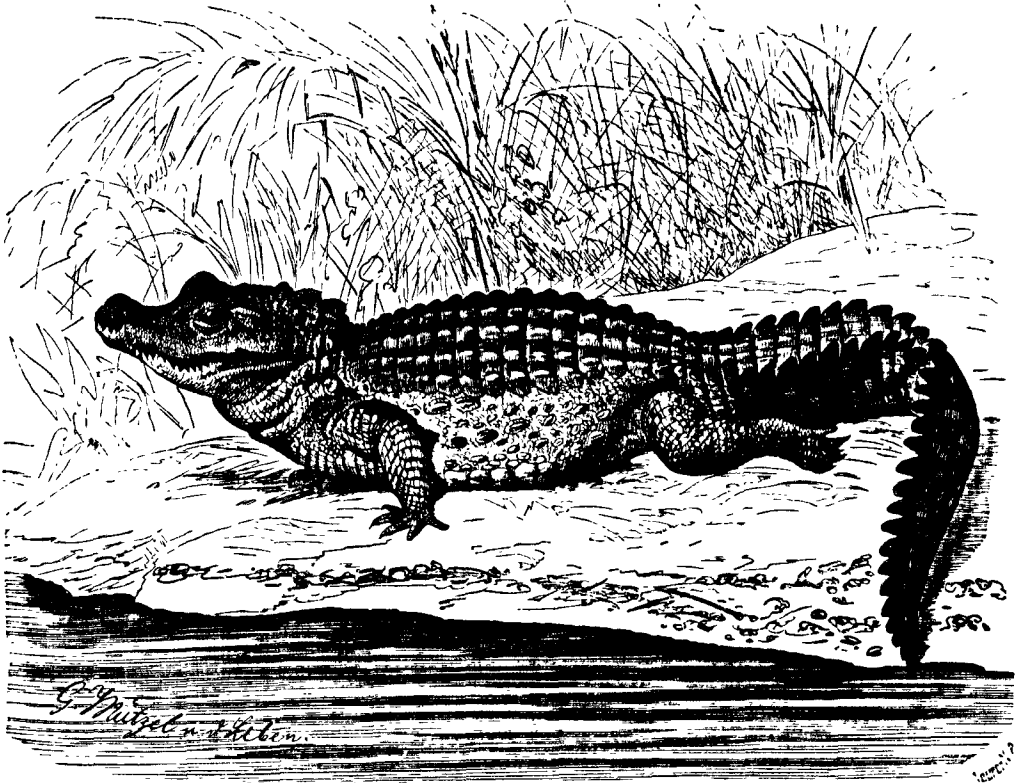
* *
*

Чернаго крокодила (*Osteolaemus tetraspis*, *Crocodylus frontatus*, *Halcrosia frontata*, *nigra*, *afzelii*. Stumpfkrokodil. Crocodile noir) можно считать переходной формой между крокодилами и аллигаторами. Онъ служитъ единственнымъ представителемъ своего рода (*Osteo aemus*), который отличается отъ настоящихъ крокодиловъ главнымъ образомъ костяной перегородкой, раздѣляющей носовую полость на двѣ части. Верхнее вѣко покрыто кромѣ того костянымъ щиткомъ. Верхняя часть головы очень выпукла, лобъ сильно скошенъ, морда широкая, плоская и мало заострена; длина ея почти равняется ширинѣ при основаніи, передняя часть морды приподнята и возвышена. Перепопки между пальцами очень коротки; а на голени, вмѣсто гребня, замѣчается продольный рядъ крупныхъ килеватыхъ щитковъ: по этимъ признакамъ черный крокодилъ похожъ на аллигаторовъ. Передняя часть шеи покрыта 6-ю щитками, расположенными въ одинъ рядъ, но раздѣленными на двѣ группы, задняя часть шеи—4—6-ю костяными щитками, расположенными парами одна за другой; спина покрыта 6-ю продольными и 17-ю рядами поперечныхъ щитковъ. Верхняя часть тѣла окрашена въ матовый бурый цвѣтъ, на головѣ, спинѣ и въ иныхъ мѣстахъ хвостоваго гребня замѣчается грязная свѣтло-бурая окраска съ черными точками и пятнами; нижняя часть тѣла однообразно блестяще-черно-бурая. Молодые животныя желтовато-бурого цвѣта со многими черными пятнышками, а на спинѣ и хвостѣ у нихъ широкія черныя полосы; брюшные щитки у нихъ черные съ желтыми пятнами. Длина взрослыхъ животныхъ достигаетъ, говорятъ, 1,7 м., но Пехуэль-Леше увѣряетъ, что видаль крокодиловъ этого вида, которые были вдвое больше.

Дю Шалью привезъ перваго чернаго крокодила, по которому опредѣленъ этотъ видъ, изъ рѣки Огове въ Америку; Муррэй получилъ его изъ Калабара, Рейхеновъ нашелъ его въ Камерунѣ, экспедиція Гюсфельда находила его по всему берегу Лоанго. Пехуэль-Леше наблюдалъ это животное въ Конго и южнѣе около рѣчки Кинзембо; позднѣе его находили въ Сіерра-Леоне. Слѣдовательно область его распространенія простирается отъ 9 гр. сѣв. до 7 гр. южн. широты, а можетъ быть и еще южнѣе.

Отличается-ли это животное по образу жизни и насколько отличается отъ другихъ крокодиловъ, мы не знаемъ, такъ какъ нѣтъ, повидимому, наблюдений, специально относящихся именно къ этому животному; по крайней мѣрѣ наблюденія эти не обнародованы. Одинъ Пехуэль-Леше говоритъ объ этомъ крокодилѣ съ берега Лоанго слѣдующее. «Туземцы считаютъ его совершенно безвреднымъ.

Онъ нахальнѣе другихъ крокодиловъ и въ глазахъ охотниковъ таскаетъ подъ воду подстрѣленныхъ птицъ; однако нельзя ручаться, чтобы другіе виды при подобныхъ условіяхъ не дѣлали бы того-же самаго. Онъ также довѣрчивѣе или, скорѣе, любопытнѣе другихъ видовъ. Я нѣсколько разъ замѣчалъ, что тамъ, гдѣ много этихъ крокодиловъ, они выссываютъ головы изъ воды всякій разъ, какъ на берегу или на песчаныхъ отмеляхъ происходитъ что-либо необыкновенное. Ихъ особенно много въ Баніа и Куилу въ тихихъ водахъ и въ запрудахъ. Его даже при бѣгломъ осмотрѣ нельзя смѣшать съ другими видами, такъ какъ торчащая изъ воды короткая голова его очень похожа на голову гигантской лягушки; кромѣ того на мордѣ замѣчается характерное вздутіе, и цвѣтъ животнаго грязно-бу-

Черный крокодилъ. *Osteolaemus tetraspis* '1,2 наст. велич.

рый». Молодые животныя этого вида теперь нерѣдко привозятся въ Европу и ихъ иногда видишь въ звѣринцахъ и зоологическихъ садахъ; но большую часть ихъ помѣщаютъ въ такіе небольшіе бассейны, что невозможно дѣлать надъ ними наблюденій. Экземпляры, которые были на моемъ попеченіи, вели себя совершенно такъ-же, какъ и болѣе крупныя ихъ родичи.

* * *

Аллигаторы (*Alligator*) образуютъ второй родъ семейства и отъ вышеописанныхъ крокодиловъ отличаются тѣмъ, что для помѣщенія четвертаго нижнечелюстного зуба на верхней челюсти находится не вырѣзка, а глубокая впадина. На каждой сторонѣ челюсти помѣщается по крайней мѣрѣ по 17 зубовъ, но на верхней челюсти ихъ можетъ быть до 20, а на нижней—до 22, такъ что общее число

зубовъ можетъ доходить до 84. Перегородка между позвѣрами у нихъ костяная; спинные щитки похожи на щитки крокодиловъ, но въ брюшныхъ щиткахъ или вовсе нѣтъ накожныхъ костяныхъ пластинокъ, или же онѣ очень тонки и незамѣтны. Въ этомъ родѣ насчитываютъ два сѣверо-американскихъ и одинъ южно-китайскій видъ.

Китайскій аллигаторъ (*Alligator sinensis*. China Alligator. Caïman de Chine) описанъ лишь въ 1879 и отъ сѣверо-американскихъ видовъ отличается двумя, а чаще тремя парами затылочныхъ щитковъ, лежащихъ одинъ за другимъ и 6-ю или рѣже 8-ю спинными щитками. Онъ водится въ нижнемъ теченіи Янъ-Це-Кiangа и достигаетъ 2 м. длины. По цвѣту и рисунку онъ очень похожъ на своихъ американскихъ родичей. Хотя этого аллигатора и содержатъ въ нѣкоторыхъ зоологическихкихъ садахъ Европы, но мы мало знакомы съ его образомъ жизни.

О жизни ихъ въ неволѣ Вольтерсторфъ пишетъ слѣдующее: «Оба прекрасныхъ экземпляра, которые подарены Франкфуртскому зоологическому саду въ 1890 г. Шмакеромъ изъ Шайхая и которыхъ я имѣлъ возможность долго наблюдать, пойманы въ окрестностяхъ Вуху, на Янъ-Це-Кiangѣ. Передъ отправленіемъ въ Европу ихъ держали 6 недѣль въ ваннѣ; когда я впервые увидѣлъ этихъ животныхъ, то меня поразила ихъ относительная величина: маленькій имѣлъ 1,6, а большой—1,8 м. длины, слѣдовательно они были больше максимальной величины, обозначенной для этого вида. Къ сожалѣнію, оба китайскіе экземпляра вели себя какъ сѣверо-американскіе, т. е. были въ высшей степени лѣнны и неповоротливы, и мнѣ въ теченіи шестимѣсячнаго наблюденія не удалось получить хотя-бы приблизительное понятіе объ ихъ образѣ жизни на свободѣ. Впрочемъ, я могъ наблюдать ихъ только зимою и временное ихъ помѣщеніе въ клеткѣ для обезьянъ, два большихъ ящика, обтянутыхъ проволоочной сѣткой и имѣющихъ просторный, но плоскій бассейнъ, мало соответствовало потребностямъ этихъ огромныхъ пресмыкающихся. Въ этихъ своихъ клеткахъ они вовсе не могли плавать. Въ первыя недѣли своего пребыванія во Франкфуртѣ одинъ изъ аллигаторовъ, по словамъ сторожа, однажды поѣлъ сырого мяса, но затѣмъ всю зиму они упорно голодали. Я самъ въ теплые дни нѣсколько разъ старался покормить ихъ мясомъ или живыми лягушками, но всегда безуспѣшно; когда имъ насильно открывали пасть и клали кормъ, то они постоянно его выбрасывали. Лягушки, которыхъ пускали на ночь въ ихъ клетки, оставались нетронутыми, между тѣмъ какъ на родинѣ своей эти животныя, кромѣ рыбъ, охотно ѣдятъ и лягушекъ и лужанокъ (*Paludina*), которыми такъ сильно изобилуютъ воды Китая. и раковины, которыхъ я находилъ въ испраженіяхъ крокодиловъ. Это не представляетъ ничего удивительнаго, такъ какъ то же самое можно сказать объ южно-американскомъ видѣ каймановъ. Весною большій изъ двухъ соблаговоліялъ попробовать сырого мяса, видимо сталъ отъ него поправляться и хорошо пріучился къ неволѣ. Меньшій изъ нихъ пріѣхалъ изъ родины больнымъ: на ногѣ у него была злокачественная, гноящая рана. Черезъ годъ по прибытіи въ Европу онъ издохъ, не принявъ ни куска пищи. Теперь чучело его красуется въ богатой коллекціи пресмыкающихся Франкфуртскаго музея.

«Въ первое время оба аллигатора проявляли большое неудовольствіе, если ихъ беспокоили, и особенно меньшій изъ двухъ, который содержался въ болѣе низкомъ ящикѣ, дозволявшемъ людямъ подходить къ нему гораздо ближе, чѣмъ къ другому. Когда я въ первый разъ открылъ крышку этого ящика, пытаюсь его покормить, то онъ спрятался въ самый дальній уголъ, сердясь и скаля зубы,

т. е. широко открывая пасть; позднѣе-же, съ наступленіемъ болѣе холодной погоды онъ позволялъ съ собой дѣлать что угодно. Въ это время его можно было разбудить изъ дремоты, если щекотать по головѣ карандашомъ или царапать ногтемъ по мягкому мѣсту на затылкѣ; тогда онъ иногда открывалъ глаза, но тотчасъ-же ихъ закрывалъ. Когда ему однажды въ ноябрѣ въ холодную погоду закрыли ноздри, то онъ сталъ фыркать и слегка двигать головою, но глазъ не открылъ. Во время сильнаго холода въ январѣ аллигаторъ былъ настолько неподвиженъ, что позволялъ открывать пасть для того, чтобы изслѣдовать зубы, причемъ, если можно такъ выразиться, даже не моргнулъ бровью.

«Вообще я всегда заставлялъ этихъ животныхъ спящими, то въ водѣ, то на сушѣ; въ первомъ случаѣ они лежали неподвижно и только кончикъ носа торчалъ изъ воды, на сушѣ же принимали то положеніе, которое такъ прекрасно изобразилъ Мюццель на рисункѣ миссисипскаго аллигатора, т. е. съ вытянутыми назадъ передними и задними ногами, прижавшись животомъ къ землѣ и опустивши голову; только хвостъ стоялъ ребромъ кверху. Слѣдовательно китайскіе аллигаторы въ тепломъ помѣщеніи не подвергались зимней спячкѣ; они иногда произвольно мѣняли свое положеніе, а иногда ихъ даже заставляли съ открытыми глазами. Во всякомъ случаѣ отсутствіе у нихъ аппетита зимою слѣдуетъ объяснить ихъ малою подвижностью въ такой продолжительный промежутокъ времени. При этомъ несомнѣнно, что, по крайней мѣрѣ, болѣе крупное изъ этихъ животныхъ пользовалось полнымъ здоровьемъ».

* *

Въ Сѣверной Америкѣ нерѣдко можно слышать самые страшные рассказы о нѣкоторыхъ тамошнихъ животныхъ, особенно гремучихъ змѣяхъ, сѣрыхъ медвѣдяхъ и аллигаторахъ; эти рассказы, фантастически разукрашенные и преувеличенные, издаются для легковѣрной читающей публики. Въ видѣ примѣра можно привести нѣкоего Бертрама, который утверждаетъ, что хорошо знакомъ съ образомъ жизни сѣверо-американскихъ аллигаторовъ; если вѣрить тѣмъ удивительнымъ приключеніямъ, о которыхъ рассказываетъ этотъ авторъ объ аллигаторахъ, то нельзя не удивляться, что на берегахъ озеръ и рѣкъ Флориды еще могутъ проживать люди:

Бертрамъ рассказываетъ примѣрно слѣдующее о встрѣчѣ съ аллигаторами во время одного изъ своихъ путешествій по рѣкѣ Св. Іоанна. Онъ ѣхалъ однажды въ маленькой лодкѣ внизъ по рѣкѣ. Солнце близилось къ закату; со всѣхъ сторонъ стали собираться крокодилы. Онъ поторопился прекратить рыбную ловлю и вооружился лишь дубиной, такъ какъ боялся, чтобы другое оружіе не упало въ воду. Первая боевая линія крокодиловъ; къ которымъ онъ приблизился, раздѣлилась, самыя сильныя чудовища бросились преслѣдовать его; онъ же принялся грести изо всѣхъ силъ, надѣясь избѣжать опасности, но не успѣлъ еще проплыть и половины пути, какъ увидѣлъ себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ. Враги его старались опрокинуть его лодку; два самые сильные высунули изъ воды головы и даже часть тѣла, страшно рычали и метали, хотя и не огонь, какъ драконы, но все-же потоки воды на несчастнаго искателя приключеній, положеніе котораго становилось въ высшей степени опаснымъ. Боясь каждую минуту быть вытасненнымъ изъ лодки и проглоченнымъ, онъ сталъ на авось махать дубиной направо и налево и былъ настолько счастливъ, что прогналъ этихъ ужасныхъ животныхъ. Враги его снова образовали новую боевую линію, онъ спасся отъ нихъ тѣмъ, что бросился къ берегу, аллигаторы удалились и все стихло. Направляясь внизъ по теченію, онъ доказалъ свою храбрость тѣмъ, что по дорогѣ еще ловилъ форелей, вы-

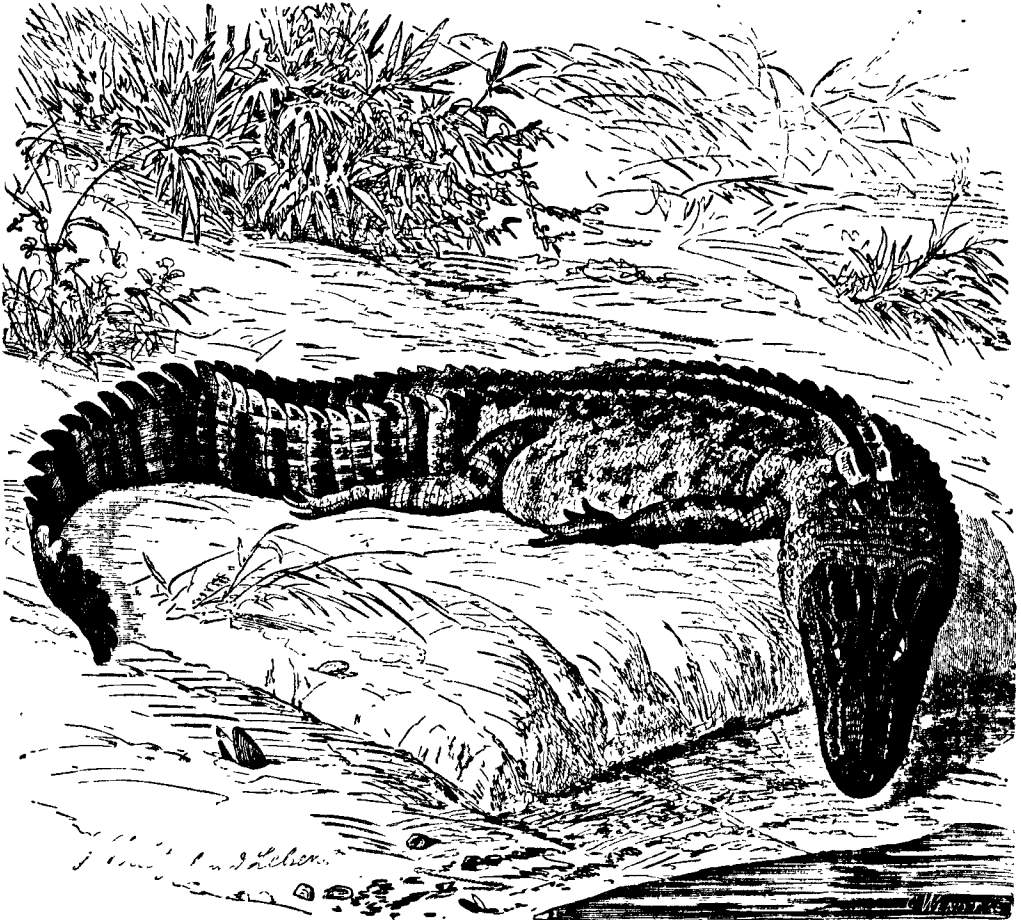
садился на берег въ другомъ мѣстѣ, гдѣ примѣтилъ, что старый аллигаторъ злобно на него смотритъ; желая выстрѣлить въ наказаніе за этотъ взглядъ, онъ отправляется за ружьемъ и къ великому ужасу своему видитъ, что аллигаторъ пожираетъ его рыбъ и опять-таки глядитъ на него безстрашно и сердито; онъ выстрѣлил въ голову и вѣроятно убилъ звѣря. Послѣ всего этого онъ наконецъ собрался сварить рыбу и отправился чистить ее, но, къ счастью, еще разъ оглянулся и увидалъ въ прозрачной водѣ голову и плечи другого крокодила, который приближался къ нему съ боку такъ быстро, что бнѣ едва имѣлъ время отступить назадъ и спастись отъ страшилища, которое однако сбросило въ воду его рыбъ необыкновенно ловкимъ движеніемъ хвоста, какъ-бы желая доказать, что оно точно также могло бы поступить съ нимъ и пожрать его. Счастливо избѣжавъ опасности, онъ собирался развести огонь и придумывалъ какъ-бы взлѣсть на дерево, такъ какъ на водѣ ему угрожали аллигаторы, а на сушѣ волки и медвѣди. Не успѣлъ онъ привести въ исполненіе свой планъ, какъ былъ вновь испуганъ какимъ то шумомъ, который, повидимому, раздавался по близости отъ мѣста его высадки. Приблизившись осторожно, онъ увидалъ, что шумъ этотъ производитъ новое сборище крокодиловъ, число которыхъ было поистинѣ невѣроятно. Они вплосную покрывали поверхность воды такъ, «что по ихъ головамъ почти можно было перейти черезъ рѣку». Они такъ сгоняли всю встрѣчную рыбу, что изъ нея образовалось какъ бы запруда. Къ тысячамъ крокодиловъ присоединялись новыя тысячи. Они съѣдали миллионы рыбы! Несмотря на темноту, путешественникъ видалъ, какъ нѣкоторые крокодилы подбрасывали большихъ рыбъ на воздухъ, ловили ихъ затѣмъ въ пасть и давали ихъ зубами. Вотъ это то хлопанье челюстей и производило тотъ ужасающій шумъ, который онъ слышалъ; потоки крови лились изъ пасти хищниковъ, изъ ноздрей валилъ паръ, какъ изъ печи, и свалка длилась цѣлую ночь.

Все это я сообщилъ намѣренно, не для того, чтобы посмѣяться надъ выдумками Бертрама, но для того, чтобы показать, насколько легковѣрны читатели и даже составители естественно-историческихъ книгъ, которые безъ особенно сильныхъ оговорокъ печатаютъ подобную ложь и способствуютъ дальнѣйшему ея распространенію. Еще до сихъ поръ наша естественно-историческая литература страдаетъ подобнымъ отсутствіемъ критики; съ этимъ зломъ надо бороться, такъ какъ, гоняясь интереснымъ, рассказы эти сильно вредятъ популяризаціи и достоинству науки. Подобныя небывлицы переходятъ изъ книги въ книгу, отъ поколѣнія къ поколѣнію, какъ будто-бы на нихъ нельзя пролить свѣта истины; ихъ повторяютъ постоянно и даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, желая найти что-либо особенное въ образѣ жизни животнаго, которое едва-ли чѣмъ-нибудь отличается отъ прочихъ своихъ родичей. Мы увидимъ, что сѣверо-американскій аллигаторъ, хотя и не можетъ считаться вовсе безвреднымъ животнымъ, но очень трусливъ точно такъ-же, какъ и другіе крокодилы.

Миссисипскій аллигаторъ (*Alligator mississippiensis, lucius, cuvieri, Crocodilus mississippiensis, lucius, cuvieri. Hechtalligator. Caiman à museau de brochet*) отличается, по мнѣнію Шрауха, тѣмъ, что имѣетъ широкую, плоскую, въ формѣ параболы, на поверхности почти гладкую морду, похожую на щучью. Его невозможно смѣшать съ другими видами этого рода, такъ какъ костяная перегородка между ноздрями замѣтна даже снаружи въ видѣ продольнаго гребня, раздѣляющаго обѣ ноздри; кромѣ того на затылкѣ у него два ряда другъ подлѣ друга лежащихъ щитковъ. Затылокъ покрытъ четырьмя большими, парными, поперечными

рядами щитковъ, а спина 8-ю продольными рядами щитковъ; пальцы соединены широкою плавательною перепонкою. Длинною онъ бываетъ до 4,5 м., однако особей, достигшихъ даже половины означенной величины, слѣдуетъ считать взрослыми. Цвѣтъ верхней части его тѣла обыкновенно грязный маслянисто-зеленый, по которому разбросаны темныя пятна; нижняя часть тѣла нечистая ярко-желтая. У молодыхъ животныхъ по спинѣ и хвосту идутъ желтыя полосы.

Область распространенія миссисипскаго аллигатора ограничивается юго-восточными частями Сѣверо-американскихъ Штатовъ, отъ впаденія Рио-Гранде и къ

Миссисипскій аллигаторъ. *Alligator mississippiensis*. $\frac{1}{20}$ наст. вел.

сѣверу до 35-го градуса. Онъ встрѣчается очень часто почти во всѣхъ большихъ и малыхъ рѣкахъ, озерахъ и болотахъ Южной Каролины, Георгіи, Флориды, Алабамы, Миссисипи и Луизианы; далѣе къ сѣверу онъ встрѣчается рѣже и въ Сѣверной Каролинѣ постепенно исчезаетъ. Одюбонъ, сообщеніями котораго я буду пользоваться, говорить, что аллигаторы взбираются на стволы деревь, растущихъ по илистымъ берегамъ помянутыхъ рѣкъ, и грѣются на солнечномъ припекѣ, или же плаваютъ по рѣкѣ, добывая себѣ пищу. Въ Луизианѣ всѣ болота, бухты, рѣки, пруды, озера, все полно этими животными; ихъ можно видѣть повсюду, гдѣ есть достаточно воды, въ которой они могутъ найти себѣ убѣжище и

достаточное количество пищи; такимъ образомъ они распространяются на югъ, ниже впаденія рѣки Арканзасъ, на востокъ до Сѣверной Каролины, а на западъ повсемѣстно. На Красной рѣкѣ, прежде чѣмъ ихъ не испугали пароходы, ихъ было такое поразительное множество, что по берегамъ и на огромныхъ плотяхъ плывущаго лѣса они встрѣчались сотнями. Дѣтеныши ихъ лежали на спинахъ у взрослыхъ и иногда раздавалось такое рычаніе, какъ будто бы мычали тысячи дикихъ быковъ, вступающихъ въ бой. Какъ многія другія дикія животныя въ Америкѣ, такъ и они настолько мало боялись людей, что если въ нихъ не стрѣляли или не пугали намѣренно, то они подпускали мимоѣдущія лодки на нѣсколько метровъ, не обращая на нихъ даже ни малѣйшаго вниманія. Только въ стоячихъ водахъ съ гніющими растеніями они показываются рѣдко.

На сушѣ аллигаторъ обыкновенно движется медленно и неуяуже. О походкѣ его можно сказать, что онъ съ трудомъ карабкается по землѣ: онъ тяжело передвигаетъ нога за ногу, объемистый же животь почти касается земли, а длинный хвостъ волочится позади. Такъ онъ выползаетъ изъ воды, такъ же онъ тащется и по полямъ или по лѣсу, разыскивая мѣсто, болѣе обильное пищею, или же удобное для кладки яицъ. Насколько медленно онъ движется ясно видно изъ слѣдующаго наблюденія. Однѣмъ встрѣтилъ однажды аллигатора, длиною въ 4 м., шагахъ въ 30 отъ пруда, очевидно намѣревавашагося перейти въ другое водовмѣстилище, расположенное неподалеку. Къ наступленію сумерекъ онъ прошелъ шаговъ 600 и далѣе двигаться уже не могъ. На сушѣ, конечно, вслѣдствіе своей безпомощности, они дѣйствительно ужасно трусливы. Если они, во время своимъ перекочевокъ отъ одного мѣста къ другому, замѣчаютъ врага, то прижимаются, сколько возможно, къ землѣ, сильно наклоняютъ голову и недвижимо лежатъ въ такомъ положеніи, слѣдя за врагомъ своими подвижными глазами. Если къ нимъ подойти, то они даже не пытаются спастись бѣгствомъ и, конечно, не нападаютъ, а только поднимаются на ноги и пыхтятъ, какъ будто у нихъ внутри находится кузнечный мѣхъ. Тотъ, кто желаетъ убить животное въ это время, не рискуетъ подвергнуться какой-либо опасности, однако, слѣдуетъ помнить, что необходимо держаться въ почтительномъ отдаленіи отъ его хвоста, такъ какъ въ немъ главная сила аллигатора и до извѣстной степени лучшее его оружіе. Человѣкъ, получившій сильный ударъ этимъ хвостомъ, можетъ умереть отъ него.

Въ водѣ, которая собственно и есть его природная стихія, аллигаторъ живѣе и смѣлѣе. Здѣсь случается, что онъ даже нападаетъ на человѣка, въ большинствѣ же случаевъ онъ его боится и при встрѣчѣ съ нимъ почти всегда убѣгаетъ. Въ Сѣверной Америкѣ случается, что пастухи бываютъ принуждены входить въ воду, вооруженные дубинами, чтобы провести свой скотъ въ бродъ черезъ водовмѣстилище, обитаемое крокодилами, или же чтобы удержать прожорливыхъ животныхъ отъ нападеній на скотъ во время водопоя. Впрочемъ, стоитъ только попасть въ голову аллигатору, то уже его нечего бояться, тогда могутъ дубиной продолжать бить его по головѣ до тѣхъ поръ, пока животное не околѣетъ. Иногда случается видѣть въ водѣ людей, ослѣвъ и аллигаторовъ совѣмъ близко другъ отъ друга; люди колотятъ ихъ, чтобы отогнать отъ ослѣвъ, чудовища же поглядываютъ жадными глазами на желанную добычу, которая при другомъ положеніи дѣла могла бы достаться имъ, и отъ которой только страхъ передъ побоями удерживаетъ ихъ на извѣстномъ разстояніи.

Овцамъ и козамъ, которыя приходятъ на водопой, собакамъ, оленямъ и лошадамъ, которые переплываютъ черезъ воду, грозитъ опасность быть потопленными, а затѣмъ и съѣденными; главную же пищу аллигаторовъ, собственно говоря, состав-

вляють рыбы. Во время ежегоднаго половодья тамошнихъ рѣкъ, большія сосѣднія и мелководныя озера и илистыя болота наполняются не только водой, но и рыбами, за которыми аллигаторы и охотятся. Послѣ спаденія весенней воды всѣ соединительныя вѣтви между водоемами пересыхаютъ, рыба же забирается въ болѣе глубокія мѣста и дѣлается жертвою аллигаторовъ, которые переползаютъ отъ одного углубленія къ другому или, вѣрнѣе, отъ одной лужи къ другой. Послѣ заката солнца издали слышится шумъ, производимый хвостами хищниковъ; подойдя же ближе, можно рассмотреть въ какое движеніе они приводятъ хвостами воду; маневръ этотъ приводитъ рыбъ въ такой страхъ, что онѣ, желая избѣжать своего злѣйшаго врага, сотнями подпрыгиваютъ въ воздухъ, часто же ударами хвоста подбрасываются прямо въ зубастую пасть чудовища. Иногда Одюбонъ для потѣхи бросалъ въ подобную яму надутый бычачій пузырь. Которое нибудь изъ животныхъ приближалось, подталкивало его къ себѣ или старалось схватить его зубами: пузырь выскальзывалъ; прочіе старались половчѣе схватить мнимую добычу; иногда бывало такъ, что они въ полномъ смыслѣ слова играли въ мячъ этимъ пузыремъ. Случалось бросать имъ закупоренную бутылку, которую легче схватить; тогда можно было слышать, какъ разбивалось и хрустѣло стекло у нихъ на зубахъ, причемъ зрители злорадно желали пріятнаго аппетита броненосному разбойнику, котораго всѣ тамъ ненавидятъ.

Весной, во время спариванія, аллигаторовъ слѣдуетъ бояться. Они въ это время очень свирѣпы. Самцы вступаютъ между собою въ бой, какъ въ водѣ, такъ и на сушѣ, и бываютъ вслѣдствіе этого такъ раздражительны, что мало и даже почти нисколько не боятся человека; очень можетъ быть, что подобное состояніе ихъ зависитъ отъ того, что время спариванія совпадаетъ съ половодьемъ, вслѣдствіе чего рыба имѣетъ возможность уплыть изъ одного углубленія въ другое и ловить ее уже не такъ легко, какъ прежде. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Одюбономъ, Люцельбергеромъ и Лейлемъ, послѣ спариванія, въ особу ея для этого устроенныя гнѣзда самка кладетъ яйца, которыя относительно малы, бѣлаго цвѣта, имѣютъ крѣпкую известковую скорлупу, и которыхъ иногда бываетъ болѣе 100 штукъ. Для устройства гнѣзда она выбираетъ подходящее мѣсто по большей части шагахъ въ 50—60 отъ воды, въ густыхъ кустарникахъ или тростникахъ, натаскиваетъ въ пасти листьевъ и вѣтокъ, сноситъ туда яйца и бережно прикрываетъ ихъ. Говорятъ, что съ этихъ поръ она постоянно находится около гнѣзда и стережетъ его; если же кто-либо приближается къ гнѣзду, на того она яростно нападаетъ. Теплота, которая развивается въ гниющихъ растеніяхъ, способствуетъ созрѣванію яицъ; вылупившіеся маленькіе аллигаторы очень ловко выкарабкиваются изъ-подъ покрывающихъ ихъ листьевъ растеній; мать встрѣчаетъ ихъ и ведетъ ихъ тотчасъ же къ водѣ, обыкновенно сначала въ маленькія, отдѣльно лежащія лужицы, чтобы уберечь ихъ отъ самцовъ и отъ большихъ болотныхъ птицъ. Кларкъ однажды, въ срединѣ юня, въ Флоридѣ нашелъ два гнѣзда, въ которыхъ было 29 и 30 яицъ. Бѣлое, съ крѣпкой скорлупой яйцо имѣетъ 67—88 мм. длины и 35—40 мм. ширины.

Живучесть аллигаторовъ затрудняетъ охоту за ними; хотя ихъ и можно убить пулею, попавшею въ мозгъ или въ сердце, но и ихъ также легче положить на мѣстѣ зарядомъ крупной дроби. Для ловли этихъ животныхъ чаще, чѣмъ огнестрѣльное оружіе употребляются сѣти, которыми ихъ и вылавливаютъ изъ воды, вытаскиваютъ на берегъ и убиваютъ топорами. Нѣкоторые негры умѣютъ очень ловко ловить ихъ петлями: когда животное приближается къ берегу, то они набрасываютъ ему петлю на голову и вытаскиваютъ изъ воды. Раненые аллига-

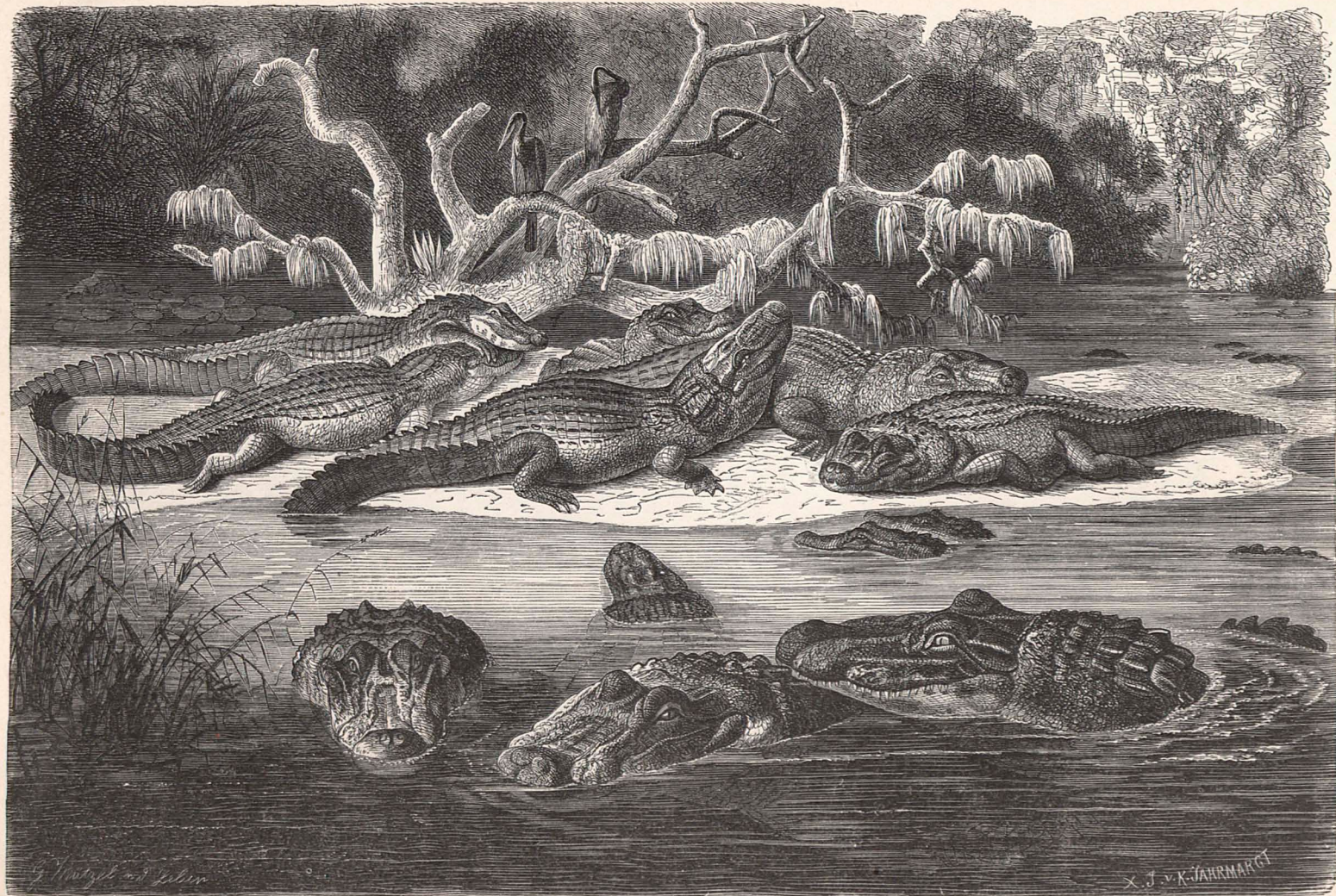
торы производят такое сильное возбужденіе между сожителями одного и того же озера, что они съ испугу или перебираются въ другое мѣсто, или прячутся втеченіе нѣсколькихъ дней; между тѣмъ, какъ на тѣхъ, которые умираютъ моментально отъ выстрѣла дробью, повидимому, никто не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія. Въ прежніе годы близъ Красной рѣки ихъ убивали тысячами, потому что была большая мода на башмаки, сапоги и сѣдла изъ ихъ кожи. Вскорѣ, однако, убѣдились, что кожа эта недостаточно прочна для обуви и не выдерживаетъ сырости, но все же теперь она идетъ на разныя другія подѣлки; жиръ убитыхъ животныхъ также идетъ въ употребленіе, между прочимъ на приготовленіе машинной смазки. Для железъ же ихъ, повидимому, еще не нашли постоянного примѣненія, несмотря на то, что онѣ такъ же сильно пахнутъ мускусомъ, какъ и у настоящихъ крокодиловъ. Гроненъ считаетъ, что во Флоридѣ ежегодно уничтожается до 6000 молодыхъ аллигаторовъ для полученія кожи, зубовъ и жира. Сто штукъ маленькихъ крокодиловъ стоятъ около 25 долларовъ; живыя животныя 10 и 15 футовъ длины стоятъ отъ 25—60 долларовъ.

Это тотъ видъ семейства крокодиловъ, который чаще всего можно видѣть въ зоологическихъ садахъ и у торговцевъ звѣрями. На европейскомъ рынкѣ ежегодно перебивается нѣсколько сотъ живыхъ аллигаторовъ, и всѣ они находятъ покупателей; молодые, только что вышедшіе изъ яйца, попадаютъ къ любителямъ, которые помѣщаютъ ихъ въ акваріумы и настолько ихъ приручаютъ, что они наконецъ начинаютъ брать изъ рукъ предлагаемую имъ пищу. Большіе попадаютъ въ звѣринцы, владѣтели которыхъ таскаютъ аллигаторовъ съ мѣста на мѣсто, пока они не околѣютъ отъ голода, холода и дурного обращенія. Старые экземпляры обыкновенно отказываются отъ пищи, но животныя въ 1½ м. длины, наоборотъ, скоро начинаютъ ѣсть, особенно если у нихъ просторное помѣщеніе, лучше всего небольшой прудъ въ саду. Чтобы ихъ приучить къ корму, слѣдуетъ сначала имъ предлагать живую добычу, на примѣръ, воробьевъ съ перебитыми крыльями, которыхъ бросаютъ на воду, живыхъ голубей, куръ и т. п.; поздне они жрутъ и сырое мясо, которое привязываютъ къ бичевкѣ и двигаютъ взадъ и впередъ, а наконецъ они тотчасъ же раскрываютъ пасть, когда имъ показываютъ кормъ, и глотаютъ его съ радостнымъ ворчаніемъ, точно пища волшебнымъ образомъ имъ сваливается съ неба; старые аллигаторы жрутъ много и могутъ въ недѣлю съѣсть до 8 kgr. мяса. При внимательномъ уходѣ они по нѣскольку лѣтъ выдерживаютъ неволю на открытомъ воздухѣ, но для этого необходимо, чтобы зимою они могли хорошо защититъ себя отъ холода, зарыться въ иль и предаться зимней спячкѣ; если условіе это не соблюдено, то они околѣваютъ въ первую же зиму.

* * *

Остается упомянуть еще объ одномъ родѣ панцырныхъ ящеровъ, именно о **Кайманахъ** (Caiman), которые, по Буланже, отличаются отъ аллигаторовъ тѣмъ, что у нихъ нѣтъ костяной перегородки между ноздрями, а также, что у нихъ кромѣ спинного панцыря замѣчается брюшной, состоящій изъ черепицеобразныхъ костяныхъ пластинокъ. Каждая пластинка состоитъ изъ двухъ частей, соединенныхъ швомъ. Извѣстно пять видовъ этого рода, живущахъ исключительно въ Средней и Южной Америкѣ.

«Кайманы, которыхъ мы встрѣчали въ верхнемъ теченіи Эссеквибо,» говоритъ Шомбургкъ, «а также въ другихъ рѣкахъ саванны, по величинѣ и цвѣту сильно отличаются отъ тѣхъ, которые живутъ на берегахъ моря. Одни достигаютъ 4 м. длины, гораздо чернѣе и кое-гдѣ съ желтыми пятнами, морда ихъ короче

ЧЕРНЫЙ КАЙМАНЪ.

и толще, ноги короче и сильнѣе, чѣмъ у береговыхъ. Они совершенно похожи на черныхъ каймановъ, найденныхъ Марціусомъ въ Амазонской рѣкѣ». Бэтсъ также замѣчаетъ, что туземцы въ верхнемъ теченіи Амазонки также отличаютъ каймановъ отъ другихъ маленькихъ видовъ.

Черный кайманъ (*Caiman niger*, *Alligator niger*, *Champsia*, *Iacare nigra*, *Mohrenkaiman*, *Caiman noir*), принадлежитъ къ такъ называемымъ «очковымъ кайманамъ», т. е. къ такимъ, у которыхъ между глазами находится поперечный валикъ но отличается отъ остальныхъ, кромѣ своей значительной величины, еще и множествомъ заднихъ затылочныхъ щитковъ, которые обыкновенно образуютъ четыре довольно неправильныхъ поперечныхъ ряда; кромѣ того, глазная впадина расположена болѣе впереди, надъ девятымъ и десятымъ верхне-челюстнымъ зубами. Вышеуказанный междуглазый валикъ кромѣ того имѣетъ обыкновенно въ срединѣ трехугольное возвышеніе, а полуокостенѣвшія вѣлки плоски и тонко изборозжены, но не морщинисты. Передніе затылочные щитки также расположены въ 4—5 поперечныхъ рядовъ. Верхняя часть тѣла черная, нижняя—желтая. У молодыхъ животныхъ на черномъ фонѣ замѣчаются желтыя, часто очень яркія пятна, сливающіяся даже въ поперечныя полосы.

Черный кайманъ встрѣчается въ Гвианѣ, сѣверной Бразиліи, Боливіи, Эквадорѣ, въ восточномъ Перу и вообще во всей тропической Южной Америкѣ на востокъ отъ Андъ; онъ здѣсь живетъ во всѣхъ большихъ рѣкахъ и озерахъ въ довольно большомъ количествѣ. «Если утверждаютъ, что воды въ верхнемъ теченіи Амазонской рѣки въ сухое время года наполнены кайманами такъ-же, какъ лужи Англійи головастиками», говоритъ Бэтсъ, «то это не слѣдуетъ считать преувеличеннымъ. Во время пятидневнаго путешествія, совершеннаго нами въ ноябрѣ на пароходѣ, мы на обоихъ берегахъ повсюду видали этихъ животныхъ; съ утра до вечера пассажиры забавлялись стрѣльбою въ нихъ пудами. Особенно много ихъ было въ неглубокихъ бухтахъ, гдѣ они лежали цѣлыми кучами и съ шумомъ расползались при приближеніи парохода». Они, подобно черепахамъ, ежегодно принимаютъ правильныя странствованія: въ половодье они поднимаются вверхъ по рѣкѣ и заходятъ въ затопленныя болота и лужи; съ наступленіемъ же сухого времени года они возвращаются въ рѣки. Въ озерахъ и лагунахъ, у которыхъ соединительные каналы пересыхаютъ въ жаркое время года, кайманы принуждены зарываться въ илъ и предаваться спячкѣ до начала дождливаго времени; въ верхнемъ теченіи Амазонки, гдѣ сухое время года продолжается недолго, они остаются дѣятельными втеченіе цѣлаго года. Туземцы боятся только черныхъ каймановъ, а маленькіе ихъ родичи имъ вовсе не страшны. Послѣднихъ они, по словамъ Бэтса, ловятъ иногда руками, между тѣмъ какъ черные кайманы повсюду внушаютъ къ себѣ уваженіе, такъ какъ нападаютъ не только на водѣ, но ночью бывають опасны и на сушѣ, напримѣръ стараются схватить собакъ, которыя бѣгаютъ кругомъ лагерныхъ костровъ. Бэтса нѣсколько ночей сряду безпокойлъ дерзкій старый самецъ, который имѣлъ смѣлость заходить въ хижину, гдѣ спали вышеназванный натуралистъ и его спутники; однажды ночью этотъ кайманъ удалился только тогда, когда индѣйцы ему бросили нѣсколько пылающихъ головней на его толстую шкуру. Шомбургкъ также увѣряетъ, что черные кайманы самыя хищныя и прожорливыя твари, какихъ можно себѣ представить. Нѣкоторые изъ нихъ, за которыми онъ долго наблюдалъ, постоянно сторожили добычу въ тихихъ бухтахъ рѣки, подкарауливали собакъ и однажды вечеромъ схватили ручнаго гигантскаго аиста, который спалъ на берегу. Собаки, которыхъ кайманы

также таскають въ воду, очень хорошо знают о грозящей имъ опасности и сильно лають, когда замѣтятъ врага.

«Чтобы наблюдать, какъ кайманы ловятъ добычу», говоритъ Шомбургкъ, «я часто привязывалъ птицъ и большихъ рыбъ къ куску дерева и пускалъ ихъ плыть по рѣкѣ. Какъ только приманка бывала замѣчена однимъ изъ каймановъ, то онъ подплывалъ къ ней тихо, такъ что поверхность воды не колыхалась. Приблизившись, онъ сгибалъ тѣло дугой, и кончикомъ хвоста, который можетъ быть подогнуть къ самой пасти, онъ подбрасывалъ въ ротъ всѣ предметы, находящіеся внутри полукруга; затѣмъ онъ исчезалъ подъ водою и черезъ нѣсколько минутъ выходилъ на ближайшій берегъ или на песчаную отмель, чтобы тамъ съѣсть добычу. Если она была не особенно велика, то кайманъ высовывалъ изъ воды только переднюю часть тѣла до плечъ и въ этомъ положеніи проглатывалъ пойманное животное. Чаще всего онъ ѣстъ рыбъ, которыхъ убиваетъ ударомъ хвоста, а затѣмъ подбрасываетъ высоко надъ водою и ловитъ ихъ пастью. Закрываніе челюстей и ударъ хвостомъ производятъ громкій шумъ, который, особенно въ тихую ночь, слышенъ далеко.

«Однажды послѣ обѣда намъ пришлось быть свидѣтелями очень интересной борьбы. Поверхность рѣки была вполне спокойна; вдругъ мы замѣтили на небольшомъ разстояніи необычайное движеніе въ водѣ: огромный черный кайманъ схватилъ за средину тѣла «кайкучи», какъ называютъ тамъ болѣе мелкій видъ каймановъ; голова и хвостъ жертвы висѣли по сторонамъ страшной пасти чудовища. Битва была очень жаркая, но всѣ усилія слабѣйшаго противника оказались тщетными въ борьбѣ съ жаднымъ и свирѣпымъ кайманомъ. Затѣмъ оба исчезли въ глубинѣ, и только сильныя волны, поднявшіяся на тихой поверхности рѣки, указывали, что подъ водою происходитъ борьба на жизнь и смерть; черезъ нѣсколько минутъ оба животныхъ снова выплыли и такъ сильно стали бить хвостами по водѣ, что отъ нихъ распространилась по рѣкѣ сильная зыбь. Скоро однако нельзя было сомнѣваться въ исходѣ битвы: силы кайкучи ослабѣли. Мы приблизились къ нимъ въ лодкѣ. Какъ только большой кайманъ насъ замѣтилъ, то тотчасъ-же нырнулъ, но такъ какъ подъ водою онъ не могъ проглотить добычу, то снова появился и поплылъ къ песчаной отмели, гдѣ тотчасъ-же принялся за ѣду.

«Мнѣ показалось удивительнымъ, что самки долгое время выказываютъ сильную любовь къ своимъ дѣтенышамъ, за ними наблюдаютъ и съ ожесточеніемъ защищаютъ, въ чемъ я убѣдился по собственному опыту. Однажды я обратилъ вниманіе на крикъ, похожій на мяуканье котятъ, и полагалъ, что недалеко находится гнѣздо тигровой кошки, но мой спутникъ указалъ мнѣ на воду и вскрикнулъ: «молодые кайманы!» Звуки раздавались изъ подъ вѣтвей дерева, которое вслѣдствіе того, что корни его были подмыты рѣкою, наклонилось къ водѣ и касалось поверхности ея своими сучьями. Осторожно проползли мы по стволу до самой вершины, и я увидалъ подъ собою въ тѣни весь выводокъ каймановъ, имѣвшихъ до 0,5 м. длины. Такъ какъ мы находились всего на 1 м. надъ поверхностью воды, то моему индѣйцу было нетрудно убить одного изъ дѣтенышей стрѣлой и вытащить бьющееся и кричащее животное. Въ ту самую минуту вынырнулъ изъ воды подъ нашими ногами огромный кайманъ, мать дѣтенышей, которая, вѣроятно, уже нѣкоторое время наблюдала за нами и приготовилась къ защитѣ своихъ дѣтенышей, издавая при этомъ страшное рычаніе. Я не знаю, съ чѣмъ сравнить этотъ крикъ: онъ не совсѣмъ похожъ на мычаніе быка и на голосъ ягуара или на крикъ другаго мнѣ извѣстнаго животного, но представляетъ собою смѣсь всѣхъ этихъ голосовъ, однако такъ страшенъ, что невольно производитъ дрожь во всемъ тѣлѣ.

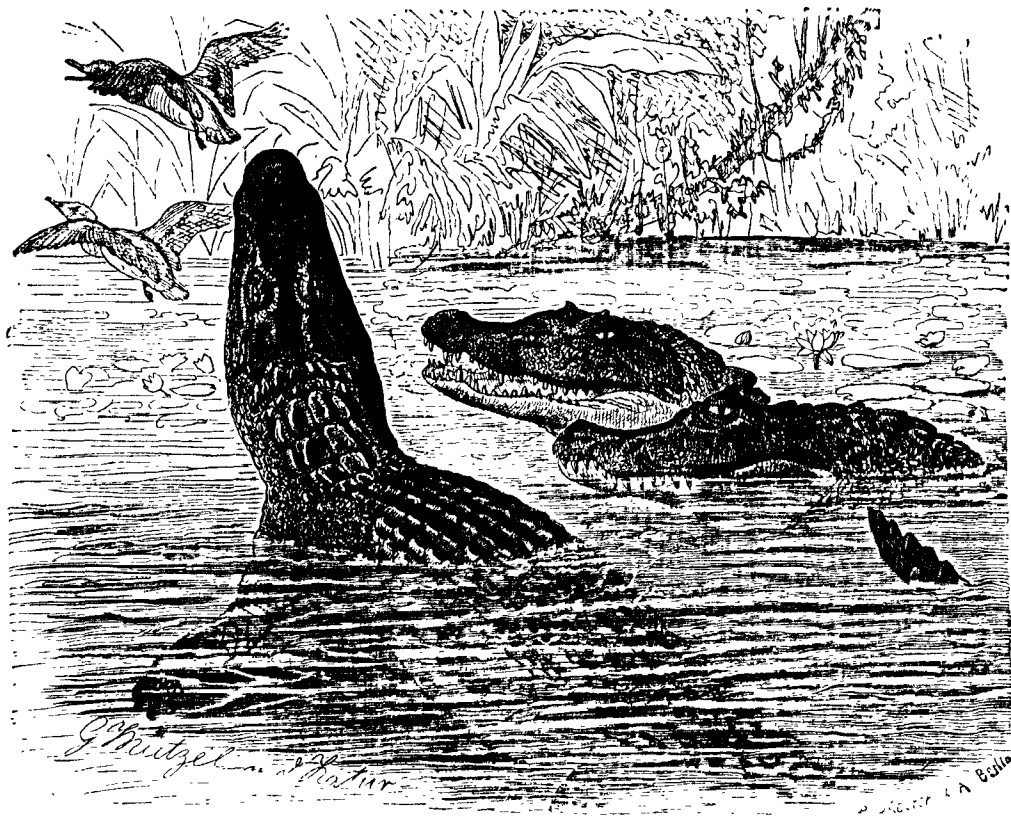
Рычаніе это скоро привлекло другихъ каймановъ, которые, очевидно, желали помочь гнѣвающейся матери, а она часто подымалась выше плечъ изъ воды, чтобы насъ схватить съ возвышающагося надъ водою дерева. Спутникъ мой еще сильнѣе дразнилъ мать, держа передъ нею извивающагося на концѣ стрѣлы дѣтеныша. Когда она была ранена стрѣлою, то на нѣкоторое время исчезала подъ водою, но тотчасъ-же снова выплывала и возобновляла свои нападенія еще съ большею яростью. Тихая поверхность воды превратилась въ бушующую бездну, такъ какъ кайманы постоянно били ее своими согнутыми хвостами, и я долженъ сознаться, что необычайная смѣлость животныхъ заставляла мое сердце биться вдвое сильнѣе обыкновеннаго. Неосторожный шагъ или неловкое движеніе насъ навѣрно низвергли бы въ пасть страшнаго животнаго. Когда вышелъ весь нашъ запасъ стрѣлъ, то я счелъ благоразумнымъ осторожно ретироваться, такъ какъ на землѣ кайманъ слишкомъ трусливъ, чтобы быть опаснымъ; онъ, повидимому, сознаетъ свою беспомощность, когда находится на сушѣ, и потому всегда бѣжитъ какъ можно скорѣе къ водѣ, гдѣ онъ снова чувствуетъ себя въ своей сферѣ.

«Щитки дѣтеныша были еще мягки и гибки, изъ чего можно было заключить, что онъ проклюнулся изъ яйца лишь нѣсколько дней назадъ, но и онъ уже распространялъ сильный мускусный запахъ. Недалеко отъ этого мѣста мы замѣтили на берегу широкую тропинку, которая насъ привела къ гнѣзду, расположенному на разстояніи метровъ десяти отъ воды. Оно состояло изъ вѣтвей листьевъ и травы, и было устроено въ углубленіи въ землѣ; судя по пустымъ скорлупкамъ, оно содержало 30—40 яицъ, которыя лежали слоями одни надъ другими. Одинъ слой отдѣлялся отъ другого листьями и иломъ, верхнія яйца, повидимому, также были покрыты слоемъ ила. Кайманы кладутъ яйца въ одно и то же время, какъ и черепахи, и дѣтеныши ихъ вылупляются еще до наступленія дождей. Во время странствованій ихъ отъ гнѣзда къ водѣ они подвергаются нападеньямъ не только большихъ хищныхъ птицъ и крупныхъ аистовъ, но также и самцовъ каймановъ. Слѣдуетъ замѣтить, что если бы большая часть выводковъ не уничтожалась, то кайманы должны были бы размножиться въ невѣроятномъ количествѣ. На песчаныхъ отмеляхъ самки никогда не зарываютъ своихъ яицъ.

«На слѣдующее утро я, въ сопровожденіи многихъ индѣйцевъ, вернулся къ мѣсту нашего вчерашняго приключенія, съ ружьемъ, заряженнымъ пулею. Самка съ дѣтенышами уже ушла. Несмотря на то, что надъ поверхностью воды поднималось безчисленное множество головъ и что мы пробовали ихъ зацѣпить большими крючками, мы не могли поймать ни одного чудовища. Но по возвращеніи нашемъ домой, охотникъ на каймановъ, который поселился близъ бухты, попросилъ меня оставить ему ружье, такъ какъ онъ надѣялся, что втеченіе дня все же застрѣлитъ хотя одно животное. Подъ вечеръ онъ дѣйствительно пришелъ извѣстить насъ, что онъ сдержалъ слово. Кайманъ еще находился въ водѣ и крѣпкимъ вьющимся растеніемъ былъ привязанъ за шею къ дереву. Онъ имѣлъ 4,5 м. длины. На немъ виднѣлась огромная рана, которая уже зарубцовалась и которую онъ, вѣроятно, получилъ во время одного изъ отчаянныхъ боевъ, бывающихъ между самцами. Изъ его 18 пальцевъ у него 3-хъ не хватало, одна изъ переднихъ лапъ была сильно изувѣчена. По увѣреніямъ индѣйцевъ, увѣчія эти причиняютъ имъ прожорливая рыба паяра, единственное существо, способное вредить взрослому кайману. Охотникъ убилъ этого звѣря только седьмой пулей, которая, пройдя черезъ глазъ, зашла въ мозгъ».

Другой черный кайманъ, котораго еще прежде убилъ проводникъ Шомбургка, еще долго послѣ того, какъ получилъ ударъ пулею, метался и доказывалъ, что не

такъ-то легко заставить его разстаться съ жизнью. Лучи солнца, повидимому, вновь пробудили въ немъ жизнь даже послѣ того, какъ уже его вытащили на берегъ; мнимо убитый врагъ зашевелился и даже пытался сдѣлать нападеніе. Многіе индѣйцы бросились бѣжать и притащали колья; самый смѣлый изъ нихъ бросился на звѣря, который дожидаль его съ разинутой пастью; колы вонзился въ глотку. «Хотя кайманъ сильно зажалъ пасть и закусилъ колы, но, судя по глухимъ стомамъ, такого рода борьба пришлась ему очень не по вкусу. Два другіе неустрашимые индѣйца подошли между тѣмъ сзади и своими дубинами стали колотить по концу хвоста, на который удары сыпались какъ градъ. Съ каждымъ новымъ уда-

Очковый кайманъ. *Caiman sclerops*. $\frac{1}{12}$ наст. вел.

ромъ животное поднималось съ пѣной у рта на дыбы и широко разѣвало пасть, въ которую опять послѣнно вонзалась новая дубина. Индѣйцы утверждаютъ, что хвостъ каймана есть средоточіе его жизни; что онъ составляетъ самую чувствительную часть его тѣла, это намъ было ясно изъ того, что съ каждымъ ударомъ по хвосту животное яростно подпрыгивало, между тѣмъ какъ оно почти вовсе не замѣчало тѣхъ безчисленныхъ ударовъ, которые получало по головѣ и туловищу. Послѣ долгой и яростной борьбы разбойникъ былъ наконецъ убитъ».

* *
*

Распространенный почти по всей Южной Америкѣ и описанный внимательными наблюдателями Шанаръ (*Caiman latirostris*, *Alligator latirostris*, *cynocephalus*, *Champsia fissipes*, *Iacare fissipes*, *latirostris* *Iacare*) часто смѣшивался съ Очко-

ВЫМЪ НАЙМАНОМЪ (*Caiman sclerops*, *Crocodylus*, *Champsia*, *Iacare sclerops*, *punctatus*, *Champsia vallifrons*, *punctulata*, *Iacare punctulata*, *vallifrons*, *longiscutata*, *ocellata*, *multiscutata*, *hirticollis*, *Alligator chiapasius*, *Brillenkaiman*, *Caiman à lunettes*) почему очень трудно, а иногда и невозможно рѣшить, о какомъ видѣ говорятъ путешественники, описывая южно-американскихъ каймановъ. У обоихъ видовъ верхняя вѣлка отчасти костяная, отчасти кожистая, снаружи морщинистая и имѣютъ маленькій роговидный придатокъ; глазницы спереди соединены поперечнымъ валикомъ, по которому эти кайманы и названы очковыми. Передние затылочные щитки у обоихъ видовъ большіе и расположены въ два или три поперечныхъ ряда: у шакара задніе затылочные щитки образуютъ 3 или 4 ряда, а у очкового каймана всегда—5 рядовъ. Шакаръ достигаетъ 3,5 м. длины, а болѣе длинномордый очковый кайманъ лишь 2,8 м. длины. У обоихъ верхняя часть тѣла темно-оливково-бурая, по бокамъ съ сѣрымъ мраморнымъ рисункомъ; нижняя часть тѣла блѣдно-зеленовато-желтая. Шакаръ живетъ въ Южной Америкѣ на востокъ отъ Андовъ, отъ Амазонской рѣки до Ла Платы, а преимущественно въ южной части восточной Бразиліи, въ Уругваѣ и на сѣверо-востокѣ Перу; очковый кайманъ встрѣчается во всей Средней и Южной Америкѣ отъ мыса Тегуантепекъ до Ла Платы, на 32° южной широты, въ Гвианѣ, Бразиліи, сѣверо-восточномъ Перу и Аргентинѣ. Однако очкового каймана не находятъ въ бразильской провинціи Ріо Гранде до Сулъ.

Азара и принцъ фонъ-Видъ достаточно подробно описали образъ жизни шакара. Онъ также предпочитаетъ тихіе рѣчные рукава и стоячія воды быстрымъ рѣкамъ и потому особенно часто встрѣчается въ большихъ болотахъ внутренности материка. Принцъ фонъ-Видъ не замѣчалъ шакара во многихъ большихъ быстрыхъ рѣкахъ, зато ихъ много въ почти стоячихъ боковыхъ рукавахъ и медленно текущихъ ручьяхъ, а чаще всего ихъ можно видѣть въ болотахъ и лужахъ.

Пока этотъ жадный хищникъ сторожить добычу, изъ воды торчатъ только передняя часть головы, настолько, чтобы высоколежащіе глаза были выше поверхности воды и могли обозрѣвать окрестность, и ноздри были бы свободны. Днемъ онъ долго остается на одномъ мѣстѣ, а въ полдень приплываетъ къ берегу, или къ скалѣ, чтобы погрѣться на солнцѣ и поспать; если приближается человекъ или собака, то кайманъ тотчасъ же бросается въ воду. «Часто проезжаешь мимо этихъ животныхъ», говоритъ принцъ фонъ-Видъ, «не замѣчая ихъ, такъ какъ темно-бурую голову и спину ихъ нелегко отличить отъ кусковъ гранита, на которомъ они отдыхаютъ; но чаще они съ шумомъ ныряютъ въ глубину. Въ тихомъ ручьѣ, втекающемъ въ Парахибу, жило очень много этихъ животныхъ. Съ довольно высокаго берега, отгнѣннаго растеніями, имѣвшими 3—4 м. вышины, можно было разомъ видѣть многихъ каймановъ, у которыхъ изъ воды торчали только морды съ глазами. Тамъ, гдѣ листья водяныхъ растеній, особенно кувшинокъ, нѣсколько подымались надъ поверхностью воды, непременно можно было найти каймана, потому что имъ тутъ удобно прятаться. Если ихъ беспокоили, то они ныряли, но скоро опять появлялись на другомъ мѣстѣ.

«Пища ихъ состоитъ изъ всевозможныхъ животныхъ, которыхъ они могутъ захватить. Одинъ изъ моихъ охотниковъ убилъ молодого каймана, который схватилъ застрѣленную имъ утку. Я находилъ въ желудкѣ ихъ особенно много остатковъ рыбъ, много чешуѣй и рыбьихъ костей, перья и кости птицъ, но также небольшіе камешки и песокъ, и узналъ, что они иногда глотаютъ большіе камни. Рыбаки утверждаютъ, что шакаръ иногда нападаетъ на плывущаго или купающагося человека; одинъ изъ рыбаковъ даже показывалъ мнѣ на ногахъ и рукахъ

рубцы от укусов каймана. Однако, если даже вѣрить этимъ рассказамъ, то все-таки нельзя утверждать, что эти крокодилы опасны для человека. Всѣ кайманы, которыхъ мнѣ удалось наблюдать, были въ высшей степени пугливы и тотчасъ исчезали, когда къ нимъ приближались на 30—40 шаговъ. Но они, говорятъ, часто пожираютъ собакъ, переплывающихъ рѣки, и другихъ небольшихъ животныхъ. Въ лагунѣ Арара у рѣки Мукури шакаръ поселился около нашей хижины и постоянно пожиралъ кухонные остатки, внутренности животныхъ и другіе отбросы, которые слуги бросали въ воду». Азара говорить, что этихъ каймановъ мало боятся и спокойно купаются и переплываютъ рѣки вблизи ихъ, такъ какъ они нападаютъ на человека только, когда приближаются къ ихъ яицамъ, но и тогда не пожираютъ и не разрываютъ людей на части. Гензель говорить почти то же. «Кое гдѣ утверждаютъ», пишетъ онъ, «что шакаръ опасенъ для людей, но свѣдѣнія, относящіяся къ этому мнѣнію, очень недостоверны и требуютъ еще подтвержденія. Главною пищею этихъ каймановъ служатъ рыбы, которыхъ они, несмотря на кажущуюся неповоротливость, легко ловятъ въ мелкихъ заливахъ. Однако они ѣдятъ и безпозвоночныхъ животныхъ, что доказывается тѣмъ, что въ ихъ желудкахъ часто находятъ раковины большихъ прѣсноводныхъ улитокъ (*Ampullaria*)».

«Въ то время года, когда происходитъ спариванье», продолжаетъ принцъ фонъ Видъ, «особенно вначалѣ, шакары распространяютъ сильный мускусный запахъ. Въ августѣ и сентябрѣ у рѣки Бельмонте въ тѣни деревьевъ, мы часто чувствовали сильный мускусный запахъ, не видя самого животного, которое давно нырнуло въ воду. Сопровождавшіе насъ ботокуды, почуявъ этотъ запахъ, тотчасъ же кричали «Эхэ», имя, которое они даютъ шакару. У рѣки Ильеосъ я замѣчалъ тотъ же запахъ въ началѣ декабря и въ январѣ». Яйца шакаровъ, величиною съ гусинья и числомъ около 60, кладутся въ песокъ, покрываются сухой травой и предоставляются для нагрѣванія солнцу; дѣтеныши тотчасъ по вылупленіи, какъ узналъ принцъ фонъ Видъ, отправляются въ воду и, говорятъ, часто пожираются грифами, другими хищными птицами и хищными млекопитающими.

«Пользы шакары не доставляютъ никакой, поэтому для выгоды за ними никто и не охотится. Нѣкоторые негры и индѣйцы ѣдятъ ихъ бѣлое, похожее на рыбье мясо, особенно часть хвоста у основанія, но подобное жаркое нечасто имъ достается. Очень трудно убивать этихъ животныхъ, которыя такъ же живучи, какъ и прочіе ихъ родичи, и при первомъ звукѣ выстрѣла немедленно ныряютъ въ воду. Мы очень часто стрѣляли по нимъ дробью; по большей части зарядъ въ нихъ попадалъ, но у насъ не оказывалось никакихъ приспособленій, чтобы вытащить раненое животное со дна воды. Однажды мой проводникъ попалъ зарядомъ мелкой дроби шакару въ затылокъ и ранилъ его смертельно; оказалось, что свинецъ пробилъ не шкуру животного, а мягкую кожу на затылкѣ. Крупная дробь попадаетъ гораздо лучше, особенно если цѣлится въ голову, затылокъ или въ бока. Шакаръ, котораго удается застичъ на сушѣ, всегда дѣлается добычею охотника, ибо на землѣ движенія его настолько же медленны и неповоротливы, насколько проворны въ водѣ. Если онъ замѣчаетъ въ подобныхъ случаяхъ врага, то онъ остается неподвижнымъ, и даетъ себя убить, даже не пытаясь оказывать сопротивленіе. Онъ кусается только въ такомъ случаѣ, если его часто раздражать палкой. Молодые животныя гораздо проворнѣе на землѣ, нежели старыя».

Жители Парагвая очень часто охотятся за шакарами, индѣйцы при помощи особенныхъ стрѣлъ, а европейцы употребляютъ огнестрѣльное оружіе. Стрѣлы вгоняются кайману въ бока и имѣютъ особенное приспособленіе: какъ только желѣзный наконечникъ стрѣлы засѣлъ въ тѣлѣ животного, такъ стержень, который, по

средствомъ шнурка, соединенъ съ наконечникомъ, отпадаетъ и, всплывая на поверхность воды, указываетъ охотнику на мѣсто, гдѣ укрылось раненое животное. Для поимки его испанцы употребляютъ заостренный съ обѣихъ концовъ кусокъ дерева, къ которому прикрѣпляютъ бичевку, навязываютъ на нее бычачье легкое и бросаютъ эту приманку въ воду; кайманъ хватается ее и глотаетъ; послѣ этого его уже безъ всякихъ затрудненій подтаскиваютъ къ берегу и вынимаютъ изъ воды.

Келлеръ—Лейцингеръ описываетъ совершенно своеобразный способъ охоты на шакаровъ и каймановъ. Одно индѣйское племя, каничане, предпочитаютъ жаренаго каймана всякому другому мясу и никогда не упустятъ случая словить свою излюбленную дичь. Одинъ изъ охотниковъ тщательно прикрѣпляетъ крѣпкую петлю изъ воловьей кожи къ длинной жерди, раздѣвается и голый входитъ въ воду на неглубокомъ мѣстѣ; тихонько, по возможности согнувшись, онъ подходит къ пресмыкающемуся и направляетъ на него конецъ жерди. «Кайманъ смотритъ на все происходящее спокойными и добродушными глазами и изрѣдка только проявляетъ признаки жизни, лѣниво поворачивая свой огромный хвостъ; только послѣ того, какъ индѣецъ подходитъ къ нему уже совсѣмъ близко, онъ начинаетъ пристально всматриваться. Между тѣмъ роковая петля уже мелькаетъ передъ его мордой, но онъ все еще ее не замѣчаетъ: какъ очарованный, онъ не сводитъ глазъ съ охотника, который между тѣмъ, не теряя времени, закидываетъ ему петлю на голову и сильнымъ движеніемъ руки затягиваетъ ее. Товарищи его, которые до сихъ поръ, припавъ на землѣ, безмолвно ожидали на берегу, прибѣгаютъ, и 4 или 5 этихъ черныхъ силачей, блестящихъ, какъ бронзовыя статуи, тащатъ къ берегу животное, которое еще неистово бьется и мечется. Только тутъ, получивъ нѣсколько тяжеловѣсныхъ ударовъ топоромъ по хвосту и по темени, онъ стихаетъ на всегда и дѣлается уже вполне безвреднымъ. Если бы звѣрь въ это время не старался спастись, а попытался бы напасть на охотниковъ, то имъ, безъ сомнѣнія, пришлось бы побросать жердь и петлю и бѣжать; но мысль эта, повидимому, не приходитъ и въ голову чудовищу, которое упорно старается отбиваться; поэтому битва всегда кончается смертью шакара. Изъ двѣнадцати разъ только однажды мнѣ пришлось, почти стоя подлѣ него, застрѣлить пулею необыкновенно большого аллигатора, который такъ сильно бился, что я боялся, что онъ ушибетъ одного изъ каничанъ своимъ сильнымъ зубчатымъ хвостомъ. Прежде чѣмъ разобрать всю тушу на части, тщательно вырѣзаются четыре мускусныя железы, чтобы не дать сильному запаху распространиться на все мясо. Эти железы представляютъ пузыри въ 3—4 см. длиною, въ палецъ толщиною, наполненные густою бурою жидкостью; по извлеченіи ихъ, отверстія пузырьковъ этихъ перевязываются и ихъ вѣшаютъ сушиться на солнцѣ. Намъ передавали, что женщины Боливіи очень любятъ душиить этимъ веществомъ свои черные, какъ смоль, волосы; для этого онѣ берутъ содержимое железы, которое имѣетъ непріятный запахъ и производитъ головную боль, и смѣшиваютъ его съ небольшимъ количествомъ розовой воды».

«У меня было», говоритъ въ заключеніе принцъ фонъ-Видъ, «нѣсколько живыхъ, молодыхъ шакаровъ. Они были дика и буйны, надували брюхо и гортань, если ихъ трогали или дразнили, шипѣли при этомъ, какъ гусыня на гнѣздѣ, и открывали пасть; если ихъ удавалось тронуть сзади, то они быстро оборачивались и сильно кусали и били хвостомъ. Даже у этихъ молодыхъ особей былъ замѣтенъ непріятный мускусный запахъ.

Отрядъ III-й.

Черепаша. *Chelonia*.

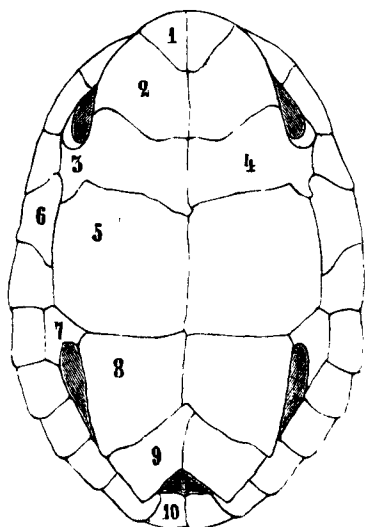
«Черепаша», говоритъ старый Геснеръ, «также относятся къ четвероногимъ животнымъ, которыя имѣютъ кровь и размножаются яйцами. Онѣ бываютъ трехъ сортовъ. Однѣ живутъ на землѣ, другія въ прѣсныхъ водахъ, а третьи въ открытомъ морѣ, но всѣ заключены въ твердые щитки, которые такъ закрыты, что изъ частей ихъ тѣла ничего не видно кромѣ головы и конца лапъ; впрочемъ и ихъ черепаша могутъ втягивать подъ свой твердый и толстый щитокъ, который такъ крѣпокъ, что черезъ него можетъ переѣхать нагруженная телега, не раздавивши его; голова и ноги, которыя онѣ высовываютъ, покрыты чешуйками, какъ у змѣи и ужа».

Вышеназванный натуралистъ причисляетъ черепахъ, какъ и древніе, къ четвероногимъ животнымъ, которыя имѣютъ кровь и размножаются яйцами; прежніе зоологи часто ставили ихъ во главѣ класса пресмыкающихся, такъ какъ они были того мнѣнія, что черепаша, по строенію грудной кости и по своимъ острымъ челястямъ, нѣсколько похожи на птицъ. Если не обратить вниманія на эти признаки, то нѣтъ никакихъ причинъ ставить черепахъ во главѣ пресмыкающихся, такъ какъ ихъ неуклюжесть, малое развитіе внѣшнихъ чувствъ и глупость очевидно ставятъ ихъ ниже всѣхъ животныхъ этого класса, какъ физически, такъ и по душевнымъ качествамъ.

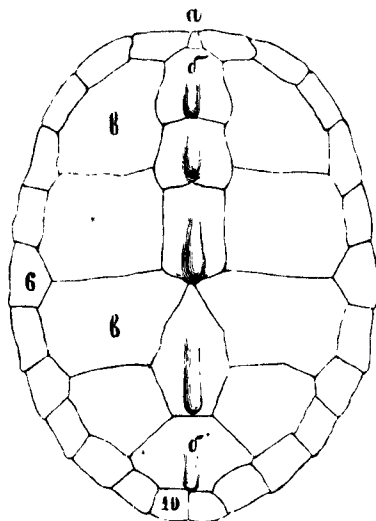
Строеніе черепахъ такъ своеобразно и такъ сильно отличается отъ строенія другихъ пресмыкающихся, что ихъ никакъ нельзя смѣшать съ прочими животными. Характерные признаки ихъ слѣдующіе: туловище, заключенное въ твердый панцирь, неуклюжая голова, челюсти которой, какъ у птицъ, покрыты острыми роговыми пластинками и никогда не имѣютъ зубовъ; ноги короткія и какъ-бы недоразвитыя, превращающіяся иногда въ длинныя узкія лапы. Панцирь состоитъ изъ двухъ частей, изъ верхней и нижней, или спинного и грудного щитковъ. Первый болѣе или менѣе выпуклый, круглый, удлинненный или сердцевидный. нижній—широкій, плоскій, яйцевидный или крестообразный съ округленными концами, такъ какъ его соединеніе со спиннымъ щиткомъ иногда бываетъ довольно узко. Соединеніе обихъ щитковъ состоитъ изъ хряща, который или остается мягкимъ на всю жизнь, или же окостенѣваетъ и тогда соединеніе получаетъ видъ шва.

Такимъ образомъ оба щитка образуютъ коробку, которая открыта только спереди и сзади, чтобы животное могло высовывать голову, ноги и хвостъ, туловище же въ ней вполне заключено. Голова обыкновенно яйцевидная, сзади какъ-бы обрублена, а морда болѣе или менѣе вытянута; шея имѣетъ различную длину, но относительно она очень подвижна. Четыре конечности служатъ для ходьбы, для плаванія, а иногда имѣютъ видъ лапъ. Въ большинствѣ случаевъ короткій, цилиндрической, или конической хвостъ бываетъ различной длины, заостренъ и на кончикѣ снабженъ когтемъ. Панцырь бываетъ покрытъ роговыми пластинками, или щитками, а у немногихъ видовъ покрытъ толстою кожей; голова, шея, ноги и хвостъ покрыты бородавчатой кожей, на которой замѣчаются большіе или маленькіе щитки, бугорки и зернистые придатки, а иногда даже шпорцы и шипы. Щитки спинного панцыря раздѣляются на хребетные, боковые или ребровые и краевые, изъ которыхъ выдѣляются одинъ затылочный и одинъ или два хвостовыхъ щитка; парные щитки брюшного панцыря раздѣляются на горловые, пле-

Фиг. 1.

Фиг. 2.

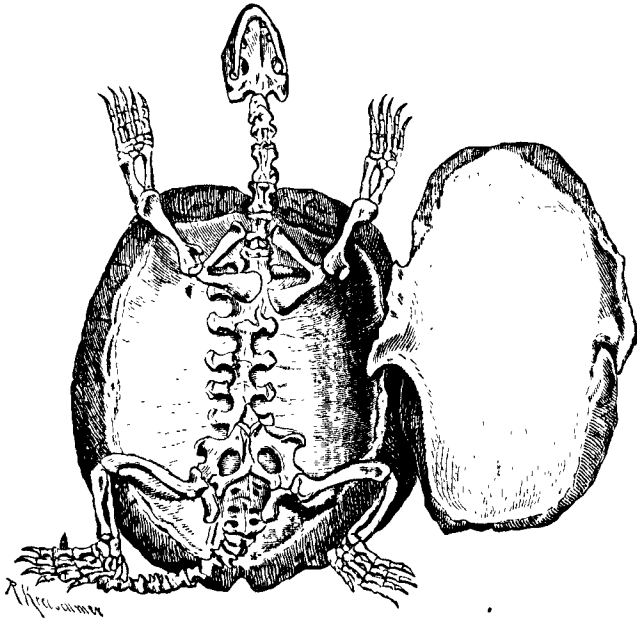

Щитки панцыря черепахъ. Фиг. 1. Брюшной щитъ. 1—горловые щитки; 2—плечевые; 3—подмышечные; 4—грудные; 5—брюшные; 6—краевые; 7—паховые; 8—нижніе брюшные; 9—заднепроходные; 10—хвостовые. Фиг. 2. Спинной щитокъ. —а—затылочный; б—хребетные; в—боковые.

чевые или верхніе грудные, брюшные, нижніе брюшные или бедренные, заднепроходные, а кромѣ того подмышечные и паховые щитки. Большею частью щитки эти соприкасаются между собою и тогда соединены швами, однако случается, что они наложены другъ на друга, какъ черепицы на кровль. Число щитковъ, ихъ отношеніе одинъ къ другому и расположеніе имѣютъ важное значеніе для опредѣленія видовъ.

Строеніе тѣла черепахъ, а особенно ихъ панцыря дѣлается вполне понятнымъ только тогда, когда изучить ихъ скелетъ и его развитіе. Черепъ у нихъ сзади плоскій и соединенъ съ первымъ шейнымъ позвонкомъ одною суставною головкою; лицевая часть черепа короткая и тупая; задняя часть верхняго черепного свода вытянута въ длинный отростокъ; большія височныя впадины сверху или открыты, или снабжены костянымъ сводомъ; лобная кость состоитъ изъ трехъ парныхъ костей, изъ которыхъ передняя пара образуетъ крышку надъ носовую

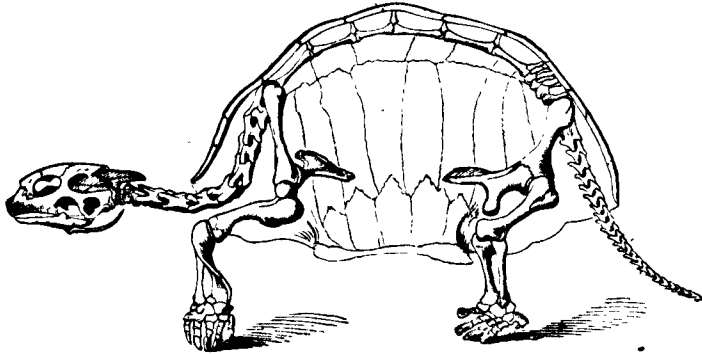
полостью; между челюстными и верхнечелюстными костями крепко соединены с черепом и неподвижны, боковые стѣнки мозговой коробки соединены с каменной частью височной кости хрящеватою перепонкою; стѣнки между глазными впадинами также перепончатая; обѣ вѣтви нижней челюсти почти всегда спереди срослись. Шейные позвонки, которыхъ бываетъ большею частью 8, у многихъ видовъ не имѣютъ развитыхъ отростковъ; передніе изъ нихъ имѣютъ сзади вогнутыя суставныя поверхности, а задніе имѣютъ вогнутыя поверхности спереди; по срединѣ же одинъ позвонокъ съ двояковыпуклыми суставными головками, такъ что образуются очень подвижныя суставы, позволяющіе очень разнообразныя движенія. У нѣкоторыхъ видовъ на шейныхъ позвонкахъ замѣчаются большіе поперечные отростки, которые затрудняютъ изгибы шеи въ отвѣсной плоскости или даже дѣлаютъ ихъ совсѣмъ невозможными. Восемь неподвижныхъ спинныхъ позвонковъ

Скелетъ черепахи снизу.

расширяются у всѣхъ черепахъ, за исключеніемъ одного вида, въ костяныя щитки, въ составъ которыхъ входятъ кожные костныя образованія; затѣмъ они срастаются между собою и съ ребрами зубчатыми швами и образуютъ такимъ образомъ спинной панцырь, покрытый сверху кожистыми или роговыми таблицами, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что эти роговыя щитки вовсе по своему виду и расположенію не соответствуютъ лежащимъ подъ ними костямъ. «Ребра», говоритъ Фогтъ, «простираются большею частью до края панцыря, однако случается, что они имѣютъ видъ щитковъ только около позвоночнаго столба, а потомъ суживаются и дѣлаются похожими на спицы колеса, а промежутки между ними у живыхъ животныхъ наполнены кожей или роговыми пластинками. Обыкновенно на краяхъ панцыря находится рядъ особыхъ краевыхъ щитковъ, въ которые входятъ концы реберъ, такъ что даже у узкоречерныхъ черепахъ мы находимъ непрерывный рядъ краевыхъ щитковъ». Крестецъ образуется двумя, рѣдко тремя щитками, которые точно также неподвижны, какъ и спинные позвонки. Хвостъ образуется 18—27 подвижными позвонками. Брюшной панцырь точно такъ-же образуется, какъ и спинной,

именно изъ чрезвычайно расширенной и распавшейся на нѣсколько частей грудной кости; настоящей же грудной кости вовсе нѣтъ. Плечевой поясъ состоитъ изъ трехъ костей: узкой лопатки, ключицы и дужки. Одинъ изъ отростковъ лопатки связанъ сухожиліями со спиннымъ панцыремъ, противоположный конецъ ключицы точно такъ-же связанъ съ брюшнымъ панцыремъ, такъ что обѣ пары этихъ костей образуютъ спереди кольцо, черезъ которое проходятъ пищеводъ и дыхательное горло; плечевая кость соединена со всѣми тремя вышеназванными костями большою яйцевидною суставною головкою. Тазъ образуется тремя парами короткихъ и широкихъ костей, которыя иногда подвижно прикрѣплены къ спинному и брюшному панцырямъ, иногда-же съ ними срастаются. Плечевыя и бедренныя кости коротки и плотны, предплечье и голень состоятъ изъ двухъ отдѣльныхъ костей, запястье и плюсна образованы многими небольшими косточками неправильной формы. На всѣхъ конечностяхъ бываетъ обыкновенно по пяти пальцевъ, состоящихъ изъ двухъ, трехъ и рѣдко четырехъ или многихъ суставовъ; на пальцахъ обыкновенно бываютъ когти. Къ позвонкамъ туловища и къ щиткамъ спинного панцыря никакихъ мускуловъ не прикрѣпляется; брюшныя мускулы также сильно недоразвиты и служатъ развѣ только для затвора задняго промежутка между панцырями. Зато шей-

Скелетъ сухопутной черепахи. Продольный разрѣзъ.

ные мускулы, изъ которыхъ задніе закрываютъ передній промежутокъ между панцырями, а также мускулы конечностей и хвоста отличаются толщиною и силою. Слюнныя железы есть только у нѣкоторыхъ сухопутныхъ черепахъ, слѣдовательно у большинства этихъ животныхъ не можетъ быть и рѣчи о дѣйствіи слюны на пищу; глотка довольно широкая, но мало растяжимая; пищеводъ не отдѣленъ мускуломъ отъ желудка; продолговатый, очень толстостѣнный желудокъ однако рѣзко отдѣленъ отъ кишекъ толстымъ кольцеобразнымъ мускуломъ; кишки не образуютъ слѣпого отростка и замѣчательны своею длиною. Большая печень раздѣляется на двѣ лопасти и окружаетъ собою объемистый желчный мѣшокъ. У черепахъ есть почки, мочевой пузырь и лимфатическіе сосуды. Заднепроходное отверстие круглое, но находится въ удлиненой складкѣ кожи. Органы дыханія и кровообращенія у черепахъ болѣе совершенны, чѣмъ у другихъ пресмыкающихся, но процессы эти совершаются все-таки медленно и неправильно. Небной занавѣски и надгортаннаго хряща нѣтъ; дыхательное горло открывается, когда выдвинуто впередъ передъ глоткою, и закрывается, когда оттянуто назадъ. Такъ какъ грудная клѣтка почти всегда совершенно неподвижна, да и грудобрюшная перегородка имѣетъ видъ тонкой перепонки, то очень объемистыя легкія, заключенныя, вмѣстѣ съ другими внутренностями, въ костяную коробку, наполняются воздухомъ съ помощью многихъ брюшныхъ, а также плечевыхъ и тазовыхъ мус-

куловъ. Черепахи, если можно такъ выразиться, глотаютъ воздухъ: закрываютъ плотно ротъ и то приподнимаютъ, то опускаютъ язычную кость. При опусканіи воздухъ входитъ черезъ ноздри, а при поднятіи язычной кости воздухъ вгоняется въ легкія. У морскихъ черепахъ, впрочемъ, какъ доказалъ это Ручъ, выдыханіе происходитъ отъ упругости панциря. Дыхательное горло ясно отдѣлено отъ глотки, но голосъ издають только немногіе виды черепахъ. Самцы черепахъ имѣютъ непарный, длинный мужской половой членъ, раздѣленный на двѣ части продольною бороздкою; самки имѣютъ двойные гроздовидные яичники, въ которыхъ уже за 10 мѣсяцевъ до кладки очень замѣтны отдѣльныя яички. Очень маленькая полость черепа наполнена мозгомъ, величина котораго очень незначительна сравнительно съ объемомъ тѣла, при чемъ отношеніе количества головного мозга къ спинному еще меньше, чѣмъ у высшихъ позвоночныхъ. Черепахи въ 40 килогр. вѣса имѣютъ головной мозгъ; который вѣситъ не болѣе 4 граммовъ; у черепахъ въ одинъ килогр. мозгъ вѣситъ—0, 36 грамма. У головного мозга нѣтъ большихъ комиссуръ и полушарія его не имѣютъ извилинъ; обонятельныя лопасти выдаются впередъ надъ полушаріями; немного выпуклый мозжечекъ также не имѣетъ извилинъ и по величинѣ равняется одной изъ половинокъ средняго мозга. На глазахъ замѣчаются два вѣка и мигательная перепонка; строеніе глазного яблока во многомъ напоминаетъ глазъ птицъ: кольцо, окружающее роговую оболочку, имѣетъ костныя таблички; чечевица шарообразная. У карреты Зардеманъ нашелъ слезныя железки замѣчательной величины. Ухо состоитъ изъ средней полости и полукруглыхъ ходовъ; стѣнка, отдѣляющая среднюю полость уха отъ полости черепа, бываетъ отчасти кожистой; молоточекъ имѣетъ очень тонкую рукоятку и вросъ въ хрящъ, которымъ покрыты стѣнки полости. Полость эта продолжается въ видѣ узкаго канала, оканчивающагося яйцевиднымъ окошечкомъ въ барабанной перепонкѣ. Наружное ухо закрывается толстой хрящеватой чешуйкой. Ноздри маленькія, у нѣкоторыхъ видовъ продолжены въ видѣ трубки или хобота; слизистая оболочка внутри имѣетъ много складокъ. Языкъ мясистый и покрытъ мягкими бородавками. Изъ вышесказаннаго оказывается, что черепахи видятъ довольно хорошо и слышать удовлетворительно; онѣ имѣютъ относительно развитое обоняніе и могутъ различать вкусъ; о чувствѣ осязанія трудно судить.

Черепахи также относятся къ древнѣйшимъ обитателямъ земного шара. Несомнѣнные остатки черепахъ находятъ въ раковистомъ известнякѣ и кейперѣ; остатковъ морскихъ и прѣсноводныхъ черепахъ довольно много въ юрской, мѣловой и третичной формаціяхъ. Отпечатки и окаменѣлости настоящихъ сухопутныхъ черепахъ найдены въ эоценовой формаціи въ Америкѣ и міоценовой и пліоценовой въ Европѣ.

Штраухъ самымъ подробнымъ образомъ изслѣдовалъ распространеніе нынѣ живущихъ видовъ черепахъ. Этотъ натуралистъ въ 1865 году высчиталъ, что число извѣстныхъ и достаточно хорошо описанныхъ видовъ черепахъ доходитъ до 194, которые распределены между семью областями. Въ первой, средиземной области, обнимающей собою южную Европу, западную Азію и сѣверную полосу Африки, живетъ 6 видовъ; во второй, африканской области, занимающей весь материкъ Африки, кромѣ сѣверной полосы, и сосѣдніе острова, живутъ 32 вида; въ третьей—южно-азиатской съ прилегающими островами—54 вида; въ четвертой, австралийской—8 видовъ; въ пятой—южно-американской, къ которой относятся Вестъ-Индія и острова Галопagosъ,—35 видовъ; въ сѣверо и средне-американской областяхъ—44 вида и наконецъ въ седьмой, въ открытомъ морѣ—5 видовъ. Между тропиками живутъ 66 видовъ, на полосу, по которой проходитъ тропикъ Рака—35,

на полосѣ тропика Козерога—26, сѣвернѣе тропика Рака—42 вида, южнѣе тропика Козерога—7 видовъ. На восточномъ полушаріи найдено 98 видовъ, на западномъ—78. Отечество 13 видовъ неизвѣстно. Два вида морскихъ черепахъ найдены во всѣхъ моряхъ тропической и умѣренной полосы, за исключеніемъ Чернаго моря; прочіе виды имѣютъ относительно небольшую область распространенія. Буланже въ 1888 году насчитываетъ уже 201 извѣстный видъ черепахъ и нѣтъ вѣроятности, чтобы это число впоследствии значительно увеличилось.

По вышесказанному можно заключить, что относительно распространенія, черепахи подлежатъ тѣмъ-же законамъ, какъ и другія пресмыкающіяся. Самое большое разнообразіе формъ этихъ животныхъ мы находимъ въ теплыхъ странахъ съ обильнымъ орошеніемъ; къ полюсамъ и на высотахъ горъ число ихъ быстро уменьшается; до полярнаго круга не доходить ни одинъ видъ. Онѣ могутъ переносить сильный зной и засуху, но не переносятъ холода. Мѣстомъ жительства имъ служатъ рѣки, болота, трясины, тѣнистые, сырые лѣса, а также степи, пустыни и открытое море.

Всѣ проявленія жизни черепахъ медленны, лѣнны и неправильны и въ этомъ отношеніи произвольныя движенія, т. е. дыханіе и кровообращеніе не отличаются отъ произвольныхъ. Черепахи могутъ жить необыкновенно долго не дыша и не очищая свою кровь; онѣ могутъ двигаться нѣсколько мѣсяцевъ послѣ очень сильныхъ ранъ, напримѣръ обезглавленные черепахи продолжаютъ еще двигаться нѣсколько недѣль, втягиваютъ ноги подъ панцырь при прикосновеніи и вообще ведутъ себя какъ здоровыя животныя. Черепаха, у которой Реди вынулъ мозгъ, ползала еще втеченіе шести мѣсяцевъ; въ Парижскомъ «Jardin des plantes» одна болотная черепаха жила шесть лѣтъ, не принимая пищи. Единственное средство убить черепаху быстро, не открывая панцыря, по словамъ Керстена, состоитъ въ томъ, чтобы помѣстить ее въ охладительную смѣсь, такъ какъ эти животныя созданія холода не выносятъ.

Понятно, что животныя съ такимъ ограниченнымъ развитіемъ мозга и нервовъ, которые для ихъ жизни имѣютъ такое неважное значеніе, не могутъ быть богато одарены въ душевномъ отношеніи. Однако, если судить объ ихъ способностяхъ по ихъ крошечному головному мозгу, то окажется, что проявленіе ихъ душевной жизни даже сильнѣе, чѣмъ можно было ожидать. Онѣ понятливѣе, легчѣ возбуждаются и вообще вліяніе ихъ маленькаго головного мозга значительнѣе, чѣмъ кажется съ перваго раза. Онѣ дѣйствуютъ съ сознаніемъ и въ нихъ замѣчаешь, хотя ограниченную степень, но все же извѣстную долю понятливости. Онѣ различаютъ пріятное отъ непріятнаго, знаютъ, что имъ полезно и что вредно, различаютъ подходящую пищу отъ негодной, безвредныя существа отъ тѣхъ, которыя могутъ быть для нихъ опасными. Черепахи даже привыкаютъ къ доброжелательному человѣку и признаютъ въ немъ, если не воспитателя, то по крайней мѣрѣ кормильца, теряютъ испытываемый передъ нимъ страхъ, позволяютъ трогать себя, возбуждаются, сердятся и успокаиваются; половое чувство и у нихъ проявляется въ сильной степени и выводитъ ихъ изъ обыкновенной апатіи: однимъ словомъ черепахи также по своему наслаждаются и страдаютъ.

Произвольныя движенія черепахъ обыкновенно бываютъ медленны и неуклюжи, но нѣкоторыя изъ нихъ выказываютъ однако проворство, напоминающее движенія другихъ пресмыкающихся. Ходятъ онѣ всѣ неловко и медленно, при чемъ хуже всего дѣлаютъ это сухопутныя и морскія черепахи, а прѣсноводныя ходятъ попроворнѣе. Прѣсноводныя и морскія черепахи при плаваніи и нырніи выказываютъ наибольшую подвижность, на какую онѣ вообще способны.

хотя вряд-ли въ этомъ отношеніи онѣ превосходятъ какое-либо другое въ водѣ живущее пресмыкающееся. Сила мускуловъ, которую онѣ проявляютъ, поразительна. Не очень большая сухопутная черепаха безъ особеннаго затрудненія тащить на спинѣ мальчика, а гигантская черепаха везетъ даже взрослого человека, сидящаго на ней верхомъ; морскую черепаху, съ трудомъ двигающуюся по песку, не можетъ остановить человекъ, а маленькія болотныя черепахи, захвативъ въ ротъ веревку или палку, висятъ на ней по цѣлымъ днямъ и не падаютъ даже, если сильно качать эти предметы.

Сухопутныя черепахи питаются главнымъ образомъ растительными веществами, именно травю, листьями и плодами, но многія изъ нихъ ѣдятъ при этомъ и насѣкомыхъ, улитокъ, червей и. т. п.; прѣсноводныя питаются преимущественно животною пищею и схватываютъ при этомъ всевозможныхъ позвоночныхъ, мягкотѣлыхъ и суставчатыхъ животныхъ; однако въ Индіи живетъ не менѣ четырехъ видовъ, которые ѣдятъ исключительно растительныя вещества. Морскія черепахи кормятся отчасти водорослями, а отчасти ракообразными, веслоногими моллюсками, медузами и другими низшими морскими животными, а также маленькими рыбками. Нѣкоторыя черепахи могутъ быть названы настоящими хищниками. Онѣ ѣдятъ, собственно говоря, только въ жаркіе лѣтніе дни, а подъ тропиками въ дождливое время, и втеченіе нѣсколькихъ недѣль сильно жирѣютъ; затѣмъ почти перестаютъ принимать пищу, и зимою, а въ тропическихъ странахъ въ сухое время, впадаютъ въ оцѣпенѣніе. То-же самое происходитъ съ тѣми видами, которые постоянно живутъ въ лѣсахъ.

Зимняя спячка черепахъ, какъ очень вѣрно замѣчаетъ Тобурнь, не есть приращенное и наследственное свойство ихъ, а явленіе, обусловленное внѣшними обстоятельствами. Этому не противорѣчитъ наблюденіе Аббота, который говоритъ, что сухопутныя черепахи Сѣверной Америки подвергаются зимней спячкѣ, но прѣсноводныя, хотя большею частью также закапываются, но все-же остаются дѣятельными и зимою. Напримѣръ мускусная черепаха (*Cinosternum odoratum*) при пересыханіи болота, гдѣ она зарылась, говорятъ, даже по снѣгу отпавляется искать воды.

Размноженіе происходитъ весною послѣ пробужденія отъ зимняго сна. По Агассису, нѣкоторыя виды размножаются только осенью; нѣкоторыя прѣсноводныя черепахи достигаютъ половой зрѣлости только на 10-мъ или 11-мъ году. Спариваніе длится иногда по нѣскольку дней, причемъ самецъ сидитъ на самкѣ.

По прошествіи довольно долгаго времени самка съ нѣкоторою тщательностью выкапываетъ въ землѣ, а еще чаще въ пескѣ, ямки, кладетъ туда яйца и закрываетъ ихъ слоемъ земли или песку. Яйца имѣютъ твердую, известковую скорлупу и только у морскихъ черепахъ они покрыты мягкой кожей, похожей на пергаментъ; у нѣкоторыхъ видовъ они шарообразны, у другихъ продолговаты, но вообще относительно невелики. Маслянистый желтокъ бываетъ оранжеваго цвѣта, а бѣлокъ, свертывающійся только при очень высокой температурѣ,—зеленоватый. Многія черепахи кладутъ не болѣе дюжины яицъ, а крупныя виды болѣе ста. Мать послѣ кладки вовсе не заботится о своихъ дѣтенышахъ. Созрѣваніе яицъ продолжается нѣсколько мѣсяцевъ; дѣтеныши послѣ вылупленія, которое происходитъ почти всегда ночью, ползутъ въ какія-нибудь норки на землѣ, или въ воду. Безчисленное множество ихъ уничтожается млекопитающимися, птицами, другими пресмыкающимися; необыкновенная живучесть избѣгнувшихъ этихъ враговъ предохраняетъ виды отъ вымиранія. У японцевъ черепаха считается эмблемою долговѣчности и счастья; относительно перваго качества эмблема эта вполне подходящая.

Французскій натуралистъ Ласепедъ, который писалъ о пресмыкающихся въ концѣ прошлаго столѣтїя, называетъ панцырь черепахъ прекраснымъ домомъ и крѣпостью, которая защищаетъ животное отъ нападенїя враговъ. «Большинство черепахъ», говоритъ онъ, «могутъ, если хотятъ, прятать голову, ноги и хвостъ въ твердую, костяную, какъ сверху, такъ и снизу запирающуюся скорлупу, и остающїяся отверстїя такъ малы, что туда не могутъ проникнуть когти хищныхъ птицъ и зубы хищныхъ млекопитающихъ. Если черепахи остаются въ этомъ положенїи, то онѣ смѣло могутъ противустоять нападенїямъ хищныхъ животныхъ. Онѣ тогда не представляютъ собою живыхъ существъ, которыя противопоставляютъ силу—силѣ и могутъ пострадать во время обороны и даже въ случаѣ побѣды, но пассивно предоставляютъ врагамъ одинъ панцырь свой, противъ котораго сіи послѣдніе ничего сдѣлать не могутъ; зубы и клювъ хищниковъ встрѣчаютъ только какъ бы скалу, а черепаха подъ нею такъ-же хорошо скрыта, какъ въ норѣ подъ камнями». Все это хорошо придумано и красиво сказано но, къ сожалѣнію, невѣрно. Уже Бехштейнъ, который перевелъ Ласепеда на нѣмецкїй языкъ, обращаетъ вниманїе на то, что для сухопутныхъ черепахъ ягуаръ, а для морскихъ — акула представляютъ враговъ гораздо болѣе опасныхъ, чѣмъ человекъ. Намъ-же теперь извѣстно, что не только ягуаръ, но даже тигръ и другія крупныя кошки нападаютъ на довольно большихъ черепахъ, переворачиваютъ ихъ на спину, чтобы удобнѣе съ ними справиться и затѣмъ лапами вырываютъ мясо изъ подъ панцыря; адъяги (см. томъ II стр. 71) набрасываются даже на морскихъ черепахъ и убиваютъ ихъ; свиньи же глотаютъ маленькихъ черепахъ вмѣстѣ съ панцыремъ. Мы знаемъ также, что крупныя хищныя птицы, напримѣръ ягнятники, схватываютъ небольшихъ черепахъ, высоко ихъ поднимаютъ на воздухъ и нарочно роняютъ на скалы, чтобы разбить ихъ панцырь, а что болѣе мелкія птицы, напримѣръ нѣкоторые соколиныя, вороны и цапли ѣдятъ маленькихъ черепахъ. Мы, конечно, еще не знаемъ всѣхъ враговъ черепахъ, но нѣтъ сомнѣнїя, что ихъ гораздо больше, чѣмъ только что упомянуто.

Человекъ почти вездѣ присоединяется къ врагамъ черепахъ. Можно смѣло сказать, что это самыя полезныя изъ всѣхъ пресмыкающихся, такъ какъ мы не только пользуемся роговымъ покровомъ черепахъ, но ѣдимъ ихъ мясо и яйца и находимъ ихъ вкусными. Нѣкоторые изъ нихъ, правда, такъ сильно пахнутъ мускусомъ, что по крайней мѣрѣ мы, европейцы, не можемъ ѣсть кушанья, сдѣланныя изъ ихъ мяса, но другія, какъ извѣстно, доставляютъ очень вкусныя блюда. Однако человечество мало бы проиграло, если бы на землѣ не стало черепахъ.

Черепахъ издавна держатъ въ неволѣ. Я держалъ втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ много этихъ животныхъ, но не находилъ въ нихъ ничего привлекательнаго: можетъ быть исключенїемъ здѣсь могутъ служить большія морскія черепахи. Онѣ всѣ мнѣ казались слишкомъ лѣнивыми, медлительными и тупоумными. Существуютъ однако любители, которымъ эти животныя нравятся и которые считаютъ ихъ привлекательными созданїями. Воспитанїе ихъ, впрочемъ, требуетъ болѣе вниманїя и умѣнїя, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Хотя онѣ очень живучи, но часто въ неволѣ околѣваютъ отъ многихъ болѣзней, причиною которыхъ бываетъ всегда недостатокъ заботливости со стороны воспитателя. Главнымъ условїемъ ихъ благо состоянїя слѣдуетъ считать тепло: если ихъ держать въ холодномъ помѣщенїи или холодной водѣ, то имъ живется плохо. Фишеръ, которому мы обязаны прекрасными наблюденїями надъ плѣнными черепаками, говоритъ: «животнымъ этимъ часто очень вредятъ, думая, что ихъ живучесть происходитъ отъ хорошаго здоровья. Нѣтъ! черепахи очень чувствительны къ вѣшнимъ, даже незначительнымъ влія-

нямъ. Онѣ только долго терпятъ, а это ведетъ къ тому, что думаютъ, будто онѣ могутъ все переносить».

Сочиненія древнихъ писателей не только даютъ возможность судить о томъ, что людямъ тогда было извѣстно о черепахахъ, но они содержатъ нѣкоторые историческіе факты, стоющіе вниманія. Понятно, что эти часто встрѣчающіяся животныя были хорошо извѣстны древнимъ, но описанія ихъ содержатъ однако много такихъ свѣдѣній, которыя мы теперь считаемъ за басни, хотя очень можетъ быть, что мы и неправы. Цицеронъ смѣется надъ писателемъ Пакувіемъ, который обычное слово «черепаха» замѣняетъ цѣлымъ описаніемъ: «тихо ползущее, земное, низкое четвероногое животное съ короткой головой, змѣиною шеею, выпученными глазами, безъ внутренностей, безъ души, но съ голосомъ». Аристотель описываетъ кладку яицъ, но къ своему, вообще очень вѣрному изложенію фактовъ, прибавляетъ, что самка черепахи насиживаетъ яйца, возвращается черезъ 30 дней къ нимъ, отрываетъ ихъ, разламываетъ скорлупу и ведетъ дѣтенышей къ водѣ. Кромѣ того онъ говоритъ, что когда черепахи съѣдятъ гадюку, то начинаютъ ѣсть маіоранъ, чтобы спасти себя отъ вредныхъ послѣдствій ядовитой пищи. Плиній собралъ все то, что ему было извѣстно о черепахахъ, но обыкновенію перечисляетъ всевозможныя лѣкарства, приготовляемые изъ частей тѣла этихъ животныхъ, и присовокупляетъ, что любящій роскошь Фарвиль Падліонъ первый приказалъ покрыть черепахою нѣкоторые домашніе предметы. Эліанъ зналъ, что отрубленная голова черепахи еще движется, кусается и мигаетъ глазами; онъ увѣряетъ, уподобляя глаза черепахъ жемчугу, что они издаютъ далеко замѣтный блескъ и что женщины ихъ высоко цѣнятъ, когда глаза эти оправятъ въ золото и сдѣлаютъ изъ нихъ записки. Павзаній говоритъ, что на Паренонѣ въ Аркадіи водятся черепахи, изъ панцыря которыхъ дѣлаютъ превосходныя лютни, но что ихъ тамъ нельзя убавать, такъ какъ мѣстные жители ихъ считаютъ животными, посвященными богу Пану и потому ихъ оберегаютъ. Юлій Капитолинъ между прочимъ упоминаетъ, что въ Римѣ императорскихъ дѣтей купаютъ въ спящихъ щиткахъ черепахъ, а Діодоръ Сицилійскій наконецъ рассказываетъ о людяхъ, питающихся черепахами; которые живутъ на маленькихъ островахъ на океанѣ, находящихся около материка, и ловятъ особеннымъ способомъ черепахъ, посѣщающихъ эти острова. Животныя эти необыкновенно велики, похожи на маленькіе рыбацкіе челноки и ночью ищутъ пищи, а днемъ спятъ подъ лучами солнца на поверхности воды. Въ это время люди тиховько къ нимъ подплываютъ; нѣсколько человекъ переворачиваютъ черепаху на спину, привязываютъ веревку къ хвосту и одинъ человекъ, плывая, тащитъ черепаху къ берегу, а другіе ее подталкиваютъ. На берегу они убиваютъ животное, съѣдаютъ все мясо, высушивши его на солнцѣ, а щитки употребляютъ на челны или на крыши своихъ хижинъ.

Буланже, отъ котораго мы заимствуемъ раздѣленіе черепахъ, дѣлитъ ихъ на два подотряда: **Щитковыхъ** и **Безщитковыхъ**. Безщитковыя (Athesae), нынѣ состояція только изъ одного семейства, рода и вида, отличаются отъ другихъ черепахъ свободными позвонками и ребрами, которыя отдѣлены отъ кожного скелета, состоящаго изъ щитковъ, расположенныхъ въ видѣ мозаики. На темянныхъ костяхъ у нихъ нѣтъ спускающихся внизъ отростковъ.

Относящіяся къ безщитковымъ **Кожистыя черепахи** (Sphargidae) не имѣютъ, какъ выше сказано, панцыря, покрытаго кожными щитками; конечности ихъ

превращены въ ласты, не имѣющіе когтей, хотя пальцы переднихъ конечностей очень удлинены. Впрочемъ суставы этихъ пальцевъ неподвижны.

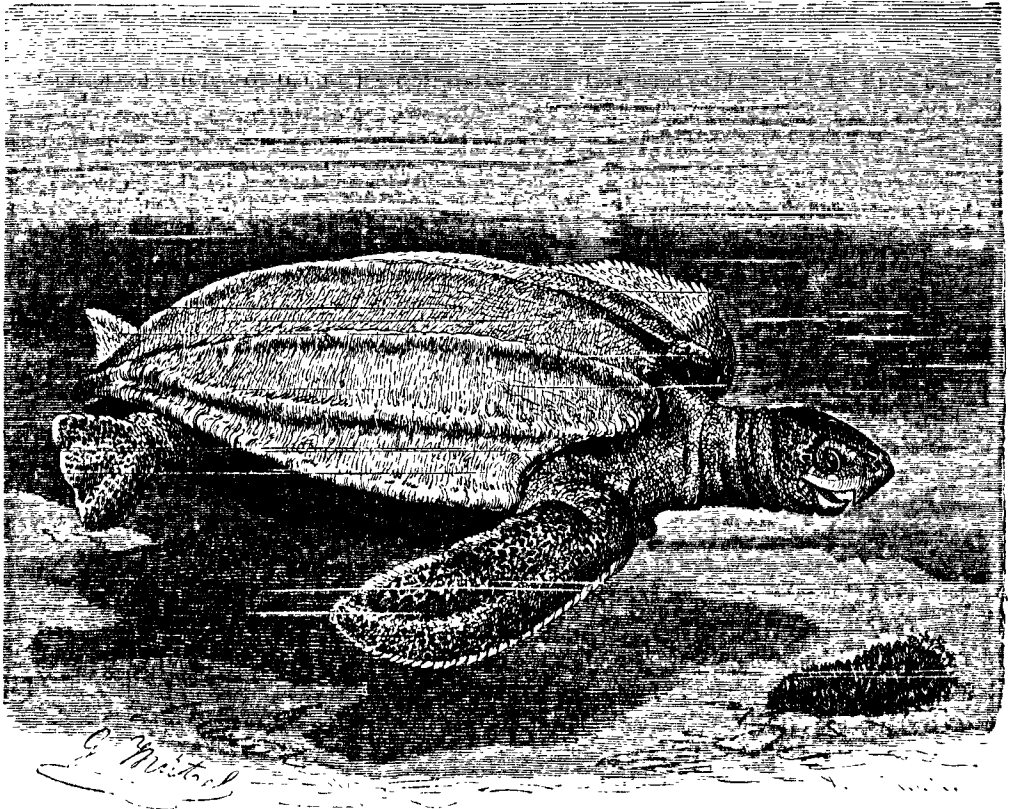
* * *

Вышесказанное семейство состоитъ изъ одного только вида, **Кожистой черепахи** (*Dermochelys coriacea*, *arguata*, *Chelonia coriacea*, *Coriudo coriacea*, *Dermotochelys porcata*, *coriacea*, *Sphargis coriacea*, *tuberculata*, *mercurialis*, *Lederschilckröte*, *Sphargis luth*) огромнаго животнаго около двухъ метровъ общей длины и отъ 500—600 kgr. вѣса. Роговой ободокъ верхней челюсти образуетъ между тремя трехугольными глубокими выемками, спереди, съ каждой стороны, по одному большому выступу въ видѣ зуба; вообще же края челюстей остры и безъ зазубринъ. Переднія конечности болѣе, чѣмъ вдвое длиннѣе заднихъ. Совершенно окостенѣлый спинной щитъ слегка выгнуть, спереди довольно закругленъ, а сзади заостренъ въ видѣ хвоста; щитъ этотъ раздѣленъ на шесть полей семью продольными ребрами, которые у взрослыхъ животныхъ представляютъ непрерывныя нѣсколько зазубренныя полоски; у молодыхъ же состоятъ изъ ряда округленныхъ шишекъ. Грудной панцирь не вполне окостенѣлый: онъ мягокъ и гибокъ, но имѣетъ тоже пять продольныхъ реберъ или килей. Голова, шея и ноги молодыхъ черепахъ покрыты щитками, которые съ возрастомъ мало по малу исчезаютъ, такъ что кожа старыхъ животныхъ совсѣмъ почти гладкая и только на головѣ остаются небольшіе щитки. Цвѣтомъ эти черепахи бурья, съ болѣе или менѣе свѣтлыми желтыми пятнами.

Кожистая черепаха (самая большая изъ живущихъ въ настоящее время)—становится съ каждымъ годомъ болѣе рѣдкой, такъ что этотъ видъ съ полнымъ правомъ можно назвать—вымирающимъ. Она имѣетъ своимъ постояннымъ мѣсто-пребываніемъ всѣ моря жаркаго пояса: встрѣчается она какъ у Соломоновыхъ острововъ Тихаго океана, такъ и у береговъ Аравіи и Чермнаго моря, у Бермудскихъ острововъ и южнаго берега Сѣверной Америки, въ южноиндѣйскомъ морѣ и около Мадагаскара, но доплываетъ и до морей умѣреннаго климата и достигаетъ иногда, гонимая вѣтромъ и бурей, а можетъ быть и любовью къ перемѣнѣ мѣста, до европейскихъ береговъ Атлантическаго океана и даже до Сѣверо-американскихъ Штатовъ и Чили, гдѣ неоднократно попадалась охотникамъ. Нѣкоторые экземпляры встрѣчаются и въ Средиземномъ морѣ. Объ ея образѣ жизни мы знаемъ вообще весьма мало. Пища ея состоитъ преимущественно, если не исключительно, изъ различныхъ животныхъ, въ особенности рыбъ, раковъ и мягкотѣлыхъ. Послѣ спариванья онѣ появляются въ большомъ количествѣ на Черепашьихъ островахъ у Флориды; а, по словамъ принца фонъ Видъ, также въ большемъ или меньшемъ числѣ у песчаныхъ береговъ Бразиліи и здѣсь кладутъ, подобно другимъ морскимъ черепахамъ, свои яйца. Согласно собраннмъ принцемъ фонъ Видъ свѣдѣніямъ, каждая самка четыре раза въ годъ появляется на мѣстахъ кладки, гдѣ въ продолженіи четырнадцати дней кладетъ всякій разъ отъ 18—20-ти дюжинъ яицъ. Это сообщеніе подтверждается, по крайней мѣрѣ отчасти, слѣдующимъ разсказомъ Тисселея: 1-го февраля 1862 года, у берега Теннасерима, близъ устья рѣки Уе, была выслѣжена рыбаками кожистая черепаха, положившая уже до 100 яицъ въ береговой песокъ. Когда послѣ отчаяннаго сопротивленія съ ея стороны, рыбакамъ удалось одолѣть и убить огромное животное, въ ея яичникахъ оказалось еще до 1000 яичныхъ зародышей въ разныхъ степеняхъ развитія. Изъ этого мы должны заключить, что способность къ размноженію кожистой черепахи весьма значительна, и можно только удивляться тому, что она такъ рѣдко встрѣчается наблю-

дателямъ. Вѣроятно большая ихъ часть погибаетъ еще въ юношескомъ возрастѣ. Только что освободившіяся изъ яйца молодыя черепахи прямо ползутъ къ морю; но здѣсь имъ, кажется, угрожаетъ еще большее число враговъ, чѣмъ на сушѣ: различныя хищныя рыбы уничтожаютъ ихъ во множествѣ, такъ что, только благодаря своей необычайной способности къ размноженію, видъ этотъ не вымеръ окончательно.

Изъ вышеупомянутого короткаго сообщенія Тиккеля явствуетъ, что рассказы прежнихъ писателей о силѣ и способности къ защитѣ кожистой черепахи не преувеличены. При вышеупомянутой ловлѣ произошла отчаянная борьба: всѣ

Кожистая черепаха. *Dermochelys coriacea* $\frac{1}{20}$ наст. вел.

шесть рыбаковъ, желавшихъ овладѣть огромнымъ животнымъ, были проташены имъ внизъ по береговому откосу и едва не сброшены въ море. Только при содѣйствіи подоспѣвшихъ имъ на помощь другихъ рыбаковъ, удалось имъ одолѣть исполинское животное и привязать его къ толстымъ жердямъ; но потребовалось 10—12 человекъ, чтобы донести тяжелую ношу до ближайшей деревни. Каплеръ сообщаетъ намъ о трехъ случаяхъ появленія и убіенія кожистой черепахи на морскомъ берегу у Суринама. Де ла Фонтъ рассказываетъ, что пойманная около Напта 4 августа 1729 года кожистая черепаха подняла отчаянный, слышимый за четверть мили въ окружности, крикъ, когда ей проломилъ голову желѣзнымъ крюкомъ. Дальнѣйшихъ подробностей о жизни столь рѣдкаго во всѣхъ коллекціяхъ животнаго мы не знаемъ. Мясо его не ѣдятъ, такъ какъ приписываютъ его

употребленію разныя вредныя послѣдствія, а на островахъ Чагосъ—его прямо считаютъ ядовитымъ.

Наше второе подсемейство, — къ которому принадлежатъ **Настоящія** или **Щитковыя черепахи** (*Thecophora. Echte Schildkröten*), обнимаетъ всѣ прочіе виды этого отряда. Отъ кожистыхъ черепахъ онѣ отличаются тѣмъ, что ихъ спинные позвонки и ребра соединены между собою неподвижно и расширяются въ видѣ костяныхъ пластинокъ, образующихъ настоящій панцырь. Темянныя кости удлиняются внизъ въ видѣ отростковъ. Большая часть этихъ черепахъ покрыта, сверхъ костяного щита, еще роговыми накожными щитками.

Настоящихъ черепахъ мы дѣлимъ, согласно Буланже, опять на три группы: первая изъ нихъ, самая многочисленная, **Скрытноголовыя черепахи** (*Cryptodira. Halsberger*), къ которой принадлежатъ сухопутныя, болотныя и морскія черепахи, обнимаетъ чаще всего встрѣчающихся представителей этого отряда. Одинъ изъ отличительныхъ признаковъ этой группы состоитъ въ способности, придавъ шеѣ форму буквы S, изогнуть ее въ вертикальной плоскости и втянуть подъ панцырь такъ, что голова оказывается втянутой назадъ въ прямомъ положеніи. Вслѣдствіе этого шейные позвонки совсѣмъ не имѣютъ или имѣютъ едва замѣтные боковые отростки. Вторая важная особенность группы состоитъ въ отсутствіи твердаго костяного соединенія таза какъ съ спиннымъ, такъ и съ груднымъ щитомъ.

Прежде всего мы рассмотримъ **Каймановыхъ черепахъ** (*Chelydridae. Alligatorschildkröten*). Принадлежащіе къ этой группѣ роды и виды по внѣшнему виду отличаются слѣдующими признаками: грудныя пластинки отдѣлены отъ краевыхъ, брюшной щитъ очень малъ и имѣетъ крестообразную форму, и хвостъ почти всегда по длинѣ равняется половинѣ длины щита. Въ скелетѣ кромѣ того замѣчаются тѣ особенности, что костяной затылочный щитокъ имѣетъ боковые отростки въ видѣ реберъ, которые простираются и подъ краевыми щитками, что большая часть хвостовыхъ позвонковъ имѣютъ на тѣлѣ сзади впадину и что шовъ лобковой кости въ тазу широко отдѣленъ отъ шва сѣдалищной кости. Къ этому семейству относятся только два рода съ тремя видами въ обоихъ.

* *

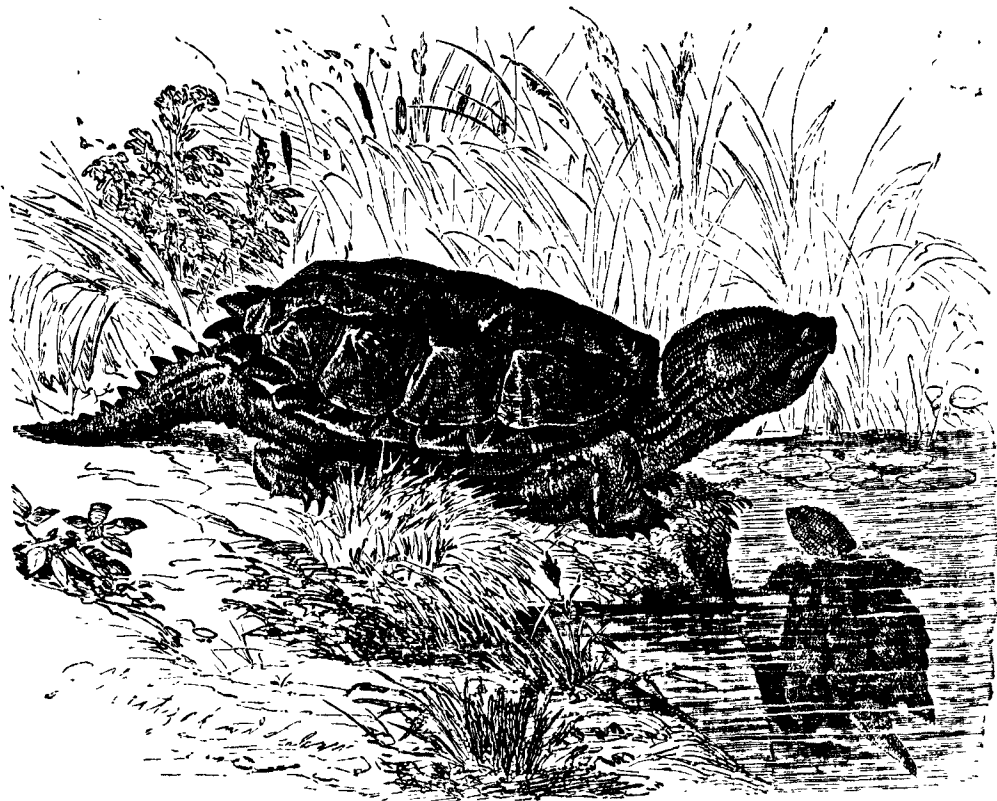
Одну изъ представительницъ рода каймановыхъ черепахъ **Кусающуюся черепаху**, Snapping Turtle сѣверо-американцевъ. (*Chelydra serpentina, Chelydra lacertina* и *emarginata, Emys, Chelonura, Rapara, Testudo, Emysaura serpentina, Schnappschildkröte*) мы съ полнымъ правомъ можемъ назвать чудовищемъ по виду и образу жизни. Намъ извѣстны два вида этого рода, мѣстожительство которыхъ распространяется отъ Сѣверной Америки, черезъ всю Среднюю Америку, къ югу до Эквадора. По едва выпуклому спинному щиту идутъ три продольныхъ ряда невысокихъ бугровъ, изъ которыхъ, впрочемъ, средній не всегда вполне развитъ. Затылокъ покрытъ роговыми пластинками, на хвостѣ онѣ двойныя; боковые крайніе щитки расположены въ одинъ рядъ, касаясь, но не прикрывая другъ друга. Грудной щитъ узокъ, крестообразной формы, состоитъ изъ десяти щитковъ, и соединяется съ каждой стороны со спиннымъ посредствомъ трехъ пластинокъ. Посрединѣ спинного панцыря находится 13 пластинокъ: 5 среднихъ болѣе широки, чѣмъ длинны, и почти равны между собою по величинѣ. Форма этихъ щитковъ почти

четыреугольная, между тѣмъ какъ 4 боковыя пластинки съ каждой стороны или, по крайней мѣрѣ первая изъ нихъ,—неправильны и имѣютъ болѣе или менѣе ясную пятиугольную форму. Край спинного щитка состоитъ изъ 25 пластинокъ, изъ которыхъ первая коротка, но очень широка, а заднія такъ сильно заострены, что образуютъ отъ 6—8 глубокихъ вырѣзковъ или зазубринъ. Голова большая, плоская, трехугольная, морда короткая и заостренная съ очень сплывшими, острыми, на концѣ крючковатыми челюстями безъ зазубринъ; глаза глядятъ впередъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и вверхъ; шея, которая во время покоя кажется короткой, можетъ вытягиваться очень далеко. Ноги сильныя, переднія пятипалыя, заднія—четырепалыя; плавательныя перепонки хорошо развиты. Хвостъ поражаетъ своей длиной (равняющейся двумъ третямъ длины всего панциря), своей толщиной и гребнемъ костяныхъ остроконечныхъ зубцовъ, который тянется по всей его верхней части; зубцы эти съ боковъ сжаты и постепенно уменьшаются къ концу хвоста; нижняя его часть покрыта двумя продольными рядами квадратныхъ чешуекъ. Всѣ незакрытыя панциремъ части тѣла покрыты бородавчатой кожей, которая на животѣ отвислая, шероховатая и морщинистая и вездѣ покрыта небольшими чешуйками. Довольно большія, одиноко стоящія, поперечныя пластинки покрываютъ переднія части ногъ и нижнія части бедеръ. Съ подбородка висятъ два маленькихъ усика. Цвѣтъ кожи трудно опредѣлимый, часто мѣняющійся маслянисто-зеленый. Спинавой щитъ сверху грязновато-темно-или черно-бурый, и, какъ обыкновенно, у молодыхъ свѣтлѣе окрашенъ, чѣмъ у старыхъ. Последніе достигаютъ отъ 0,9—1 м. длины и около 20 kgr. вѣса.

Кусающуюся черепаху нельзя смѣшать ни съ однимъ видомъ черепахъ, за исключеніемъ развѣ родственной ей **Грифовой черепахой** (*Macrolemmys temminckii*, *Chelonura*, *Emysaurus*, *Macrochelys temminckii*, *Gyrophelys* и *Macrochelys lacertina*. Geierschildkröte) самой большой и тяжелой изъ всѣхъ рѣчныхъ черепахъ, которая живетъ въ южной части Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки и достигаетъ 1,4 м. длины. Отличается она тѣмъ, что среднія краевыя чешуйки спинного щитка расположены въ 3 или 4 ряда одинъ надъ другимъ, глаза смотрятъ болѣе въ бокъ, чѣмъ у предыдущей, а хвостъ покрытъ въ нижней части болѣе мелкими чешуйками.

Кусающіяся и грифовыя черепахи живутъ въ рѣкахъ и большихъ болотахъ Соединенныхъ Штатовъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже въ большомъ количествѣ и предпочитаютъ воды съ илистымъ дномъ; по словамъ Миллера, онѣ не пренебрегаютъ даже самыми вонючими лужами. Кусающаяся черепаха водится кромѣ того и въ Мексикѣ, а на югъ доходитъ и до Эквадора. Гольбрукъ сообщаетъ, что онѣ обыкновенно лежатъ въ глубокой водѣ посреди рѣки или болота, появляются иногда и у самой поверхности и, высунувъ изъ воды кончикъ рыла, несутся такимъ образомъ по теченію, но скрываются при малѣйшемъ шумѣ, въ особенности въ густо населенныхъ мѣстностяхъ; въ водахъ же менѣе населеннаго юга онѣ не такъ робки. По мнѣнію Кэя, ихъ можно встрѣтить и на большомъ разстояніи отъ всякой воды, вѣроятно вслѣдствіе того, что онѣ ищутъ на твердой землѣ себѣ пищи или удобнаго мѣста для кладки яицъ. Черепахъ этихъ боятся и ненавидятъ не даромъ, такъ какъ онѣ, съ полнымъ правомъ, носятъ названіе кусающихся черепахъ. Онѣ хватаютъ челюстями все то, что только встрѣчается имъ по пути и нелегко выпускаютъ однажды схваченное. «Едва положиши пойманную черепаху въ лодку», говоритъ Вейнландъ, «какъ разъяренное животное откидывается назадъ, садится на свои могучія заднія ноги, но только для

того, чтобъ въ слѣдующій моментъ, съ страшной быстротой, ринуться впередъ на полметра и яростно вдѣлаться въ протянутое ему весло». Обращаться съ нею надо чрезвычайно осторожно, такъ какъ она со свирѣпостью соединяетъ большую смѣлость и при случаѣ можетъ злобно напасть на человѣка, попавшаго въ обитаемую ею воду, и своими сильными челюстями нанести ему опасныя раны. Вейнландъ увѣряетъ, что весло, въ одинъ сантиметръ толщины пробивается, точно пулею, твердымъ, похожимъ на клювъ хищной птицы клювомъ этого животнаго; другіе наблюдатели утверждаютъ единогласно, что эта черепаха легко перекусываетъ пополамъ довольно толстую трость. «Въ то время какъ», говоритъ Миллеръ, «глаза прочихъ черепахъ выражаютъ какъ бы глупое добродушіе, глаза

Кусающаяся черепаха. *Chelydra serpentina*. $\frac{1}{12}$ наст. вел.

кусающейся черепахи свѣтятся коварствомъ и злобой, такъ что навѣрно многіе люди, встрѣтившись въ первый разъ съ этимъ видомъ, отшатнутся отъ него въ сторону. Хотя это неприятное впечатлѣніе производится и всею фигурой животнаго, но длинная голова и хвостъ его имѣютъ особенно отвратительный и ужасный видъ. Мнѣ бы очень хотѣлось знать, что бы сказали при взглядѣ на него тѣ люди, которые пугаются саламандръ или ящерицы».

Каймановыя черепахи подвижнѣе большей части своихъ сородичей. По землѣ, на которую иногда выходятъ, онѣ двигаются не тише прочихъ, плаваютъ очень быстро и выказываютъ удивительную скорость при преслѣдованіи добычи. Пищу ихъ составляютъ рыбы, лягушки и другія позвоночныя, живущія въ водѣ. Онѣ хватаютъ не только мелкую, но и крупную добычу, какъ напримѣръ

утокъ и гусей. По словамъ Миллера, крестьяне часто жалуются на то, что черепаха утащила у нихъ утку: она хватаетъ послѣднюю, тянетъ ее за ноги въ воду, топить и потомъ пожираетъ со всѣмъ комфортомъ. Одинъ знакомый Миллеру человекъ услышалъ однажды громкій крикъ своей утки; тотчасъ же побѣжавъ къ ней, онъ увидаль, что птица, несмотря на сильное сопротивленіе и хлопанье крыльями, уже на половину исчезла подъ водою. Онъ быстро схватилъ ее и, притянувъ къ себѣ, къ величайшему удивленію замѣтилъ, что на ней виситъ черепаха, которая, не желая выпустить свою жертву, дала себя преспокойно вытащить вмѣстѣ съ ней. Пехуаль Леше убилъ однажды въ прудѣ кусающуюся черепаху въ то время, какъ она уже схватила сильнаго селезня. Черепаха эта давно была всѣмъ ненавистна вслѣдствіе своихъ разбойничьихъ нападеній на водяныхъ птицъ.

Техаскій священникъ, по имени Фонтэнъ, сообщилъ Агассису слѣдующее о двухъ грифовыхъ черепахахъ, за которыми онъ имѣлъ случай наблюдать долгое время, такъ какъ онъ втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ жилъ въ его рыбномъ прудѣ. «Онѣ сдѣлались очень ручными», говоритъ онъ, «но когда я увидаль, что онѣ пожираютъ моихъ рыбъ, то убилъ одну, а другую ранилъ острогой, но поймать ее никакъ не могъ, такъ какъ она отличалась большой хитростью. Я кормилъ своихъ лещей и голяновъ хлѣбомъ, который и черепаха глотала съ жадностью. Однажды послѣ обѣда она лежала на скалѣ, покрытой водою только на полметра въ вышину; не замѣчая ея присутствія, цѣлая стая рыбъ плавала вокругъ нея, съ жадностью хватая брошенные имъ хлѣбныя крошки. Голова ея и ноги были почти совершенно втянуты подъ щитъ, а спина такъ густо покрыва водорослями, что почти нельзя было отличить ее отъ скалы, на которой она лежала въ засадѣ. Нѣсколько большихъ лещей плавало вокругъ нея, хватая отъ времени до времени маленькихъ голяновъ; но только что одна изъ большихъ рыбъ, въ 40 см. длины, подплыла къ ней поближе, какъ черепаха стремительно выдвинула голову и схватила рыбу, глубоко вонзивъ свой крючковатый клювъ въ ея бока и животъ. Послѣ того она подсунула подъ себя рыбу, прижала ее передними ногами къ скалѣ и стала пожирать, совершенно какъ это дѣлаютъ хищныя птицы. Послѣ этого случая, рѣшившись непременно освободиться отъ такой искусной воровки, я запасся большимъ крючкомъ; насадивъ на него леща въ видѣ приманки, я бросилъ удочку въ воду; черепаха тотчасъ схватила приманку, и я быстрымъ движеніемъ руки всадилъ ей крючекъ въ нижнюю челюсть. Но такъ какъ она была слишкомъ тяжела, чтобы я могъ надѣяться поднять ее на крутую скалу, возвышавшуюся надъ водою метра на два, то я повелъ ее на удочкѣ къ противоположной сторонѣ пруда, гдѣ берегъ былъ низокъ и вода мелка. Но метрахъ въ шестидесяти отъ берега она вдругъ остановилась, какъ бы на якорѣ, вытянувъ впередъ ноги и уперлась ими съ такой силой въ песокъ, что, несмотря на всѣ усилія, я никакъ не могъ притянуть ее ближе. Она, повидимому, пришла въ страшную ярость, хваталась нѣсколько разъ за лесу, наконецъ переломила крючокъ и уплыла въ самую глубокую часть пруда. Съ той поры я никогда уже не могъ соблазнить ее какой-нибудь приманкой; вообще она стала очень осторожной, такъ какъ замѣтила, что посягаютъ на ея жизнь. Послѣ того я выдалъ ее только въ водѣ: на скалу она уже не рисковала взбираться. Однажды я бросилъ въ нее гарцуномъ и счастливо попалъ ей въ шею, но сильнымъ напряженіемъ своихъ переднихъ ногъ она вырвала крюкъ и скрылась подъ скалою. Позднѣе выдалъ я ее часто, но всегда только во время ея отступленія въ свое неприступное убѣжище. Я подумывалъ уже опустить на дно пруда желѣзный капканъ съ мясной при-

манкой, надѣясь перехитрить лукавое животное; но мой скорый отъѣздъ изъ той мѣстности спасъ ей тогда жизнь. Я не сомнѣваюсь, что она до сихъ поръ жива, такъ какъ я оставилъ въ прудѣ много рыбы».

Всѣ наблюдения Агассиса о развитіи черепахъ сдѣланы имъ именно надъ кусающеюся черепахой, потому что она встрѣчается довольно часто въ окрестностяхъ Кэмбриджа, и въ особенности потому, что никакого нѣтъ затрудненія собирать ея яйца, которыя по величинѣ почти равняются голубинымъ и покрыты известковой скорлупой. Отъ 20 до 30 такихъ яицъ закапываетъ она близъ воды въ землю, прикрывая ихъ сухими листьями. «Цѣлый мѣсяць», говоритъ Вейнландъ, принимавшій дѣятельное участіе въ этихъ изслѣдованіяхъ, «ежедневно выползали такія маленькія черепашки изъ заложенныхъ пескомъ и мхомъ яицъ, и—достойно замѣчанія—первымъ движеніемъ пробившейся изъ скорлупы головки было хватаніе и кусаніе!» То же самое замѣтилъ еще раньше принцъ фонъ Видъ.

Кусающіяся черепахи, пойманныя старыми, обыкновенно упорно отказываются отъ пищи, молодыхъ же, напротивъ, легко приучить къ ѣдѣ. Одна старая черепаха, которую Миллеръ держалъ у себя, не ѣла втеченіе цѣлаго года: «Я предлагалъ ей всего, что только могъ придумать—но напрасно. Вначалѣ она хоть хватала пищу клювомъ, впослѣдствіи же старалась только укусить меня за руку, понимая, вѣроятно, что причиняетъ мнѣ этимъ боль и желая мстить мнѣ. Я часто привѣшивалъ ей на носъ кусокъ мяса, и она гуляла съ нимъ долго по комнатѣ; даже всунутое ей въ ротъ мясо не проглатывалось ею». Одна грифовая черепаха въ 40 kgr. вѣса, за которой наблюдалъ Вейнландъ, не обращала никакого вниманія на плавающихъ въ ея водоемѣ рыбъ и скачущихъ около нея лягушекъ; всунутую же ей въ челюсти пищу только раскусывала пополамъ, но не проглатывала. Пульстонъ сообщаетъ еще, что голодные черепахи этого вида открываютъ пасть и, высунувъ изъ нея двѣ, прикрѣпленныя къ кончику языка ниточки, заставляютъ ихъ извиваться въ водѣ, какъ червячковъ на удочкѣ. При этомъ само животное остается совершенно неподвижнымъ и походить на камень, обросшій водорослями. Я, впрочемъ, видѣлъ у Эффельдта, что все-таки есть возможность довести этихъ черепахъ до принятія пищи и позднѣе самъ съ успѣхомъ примѣнялъ тѣ же насильственные приемы. Эффельдтъ добылъ себѣ молодую кусающуюся черепаху, которая вначалѣ отказывалась отъ всякой пищи и вела себя совершенно, какъ Миллеровская. Упорство ея было наконецъ побѣждено тѣмъ, что ей всовывали въ ротъ пищу и проталкивали въ глотку. Мало по малу она привыкла сама глотать, а впослѣдствіи и вѣжливо брать изъ рукъ предложенную ей пищу, не выказывая при этомъ прежней злобы и коварства. Однако и глотающая пищу черепаха этого вида мало радуетъ сердце своего воспитателя. «Такой же мрачной, какой она выглядитъ», говоритъ очень основательно Фишеръ, «остается она всю жизнь; пугливо прячется она отъ лучей восходящаго солнца въ самые отдаленные уголки и только съ наступленіемъ ночи принимается за свою безпокойную дѣятельность». Фишеръ полагаетъ, что на своей родинѣ эта черепаха каждую ночь совершаетъ далекія путешествія, такъ какъ его плѣнница каждую ночь выползала изъ своей засады и ходила безостановочно по всѣмъ комнатамъ, волоча за собой свой длинный остроконечный хвостъ. Такъ путешествовала она до утра, когда опять пряталась подъ постель или въ темный уголокъ. Мои плѣнныя кусающіяся черепахи отыскивали тоже самые темные уголки большого водоема, въ который я ихъ помѣстилъ, и лежали тамъ днемъ на днѣ цѣлыми часами, неподвижно, какъ камни, не подымаясь даже для вдыханія воздуха на поверхность воды.

Кусающуюся черепаху легко можно было бы водворить и у насъ, если бы это

могло принести кому-либо пользу. Существует прямое доказательство, что она безъ труда переноситъ климатъ Германіи и даже зимній холодъ; Мейеръ рассказываетъ, что въ 1863 году у одного садовника въ Оффенбахѣ исчезла прісланная ему изъ Америки черепаха этого вида, которую не могли нигдѣ потомъ отыскать, несмотря на самые тщательные поиски. Три года спустя рабочіе, при очисткѣ городского канала, нашли, къ величайшему своему изумленію, глубоко засѣвшее въ илѣ невиданное ими животное, которое оказалось не только живымъ, но и очень бодрымъ и готовымъ искушать всякаго, кто къ нему приблизится. Чѣмъ питалась черепаха въ своемъ тинистомъ убѣжищѣ—остается тайной; но что она, вѣроятно, питалась отлично, доказывали ея внѣшній видъ и бодрость.

Мясо очень старыхъ кусающихся черепахъ, едва ли можетъ быть употреблено въ пищу вслѣдствіе присущаго ему сильнаго мускуснаго запаха; мясо же молодыхъ черепахъ, напротивъ того, считается очень питательнымъ и вкуснымъ. Еще болѣе цѣнятся яйца. Кѣи увѣряетъ, что этимъ яйцамъ онъ обязанъ тѣми превосходными обѣдами, которыми питался во время своихъ странствованій. Чтобы найти яйца, изслѣдуютъ палкой въ іюнѣ, т. е. во время кладки, песчанья мѣста, на которыхъ видны слѣды черепахи, и узнаютъ по рыхлости почвы, гдѣ именно скрытъ кладъ; тогда разрываютъ песокъ и часто находятъ въ гнѣздѣ отъ 60—70 драгоценныхъ яицъ, положенныхъ иногда сюда нѣсколькими самками.

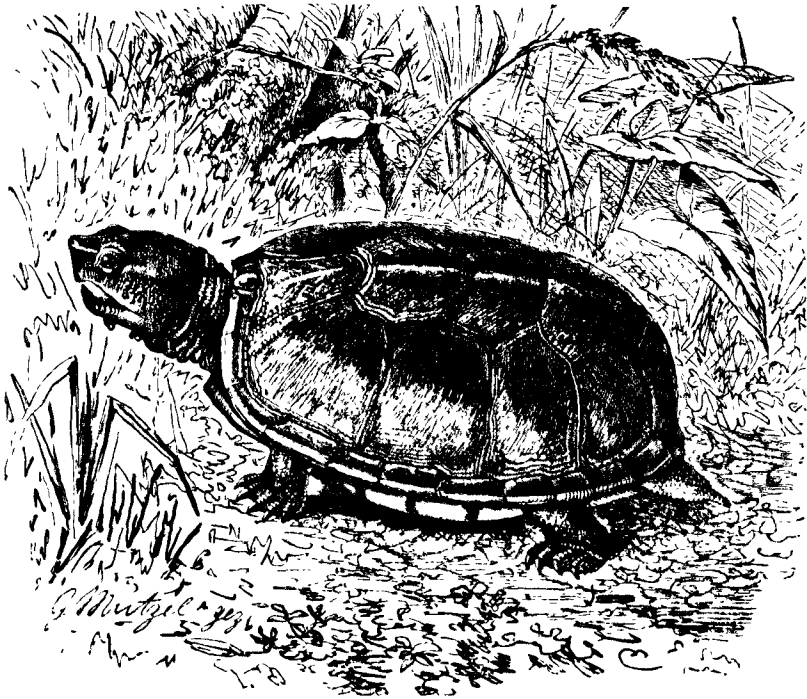
Къ семейству **Замынающихся черепахъ** (*Cinosternidae*. *Klappschildkröten*) причисляемъ мы тѣхъ черепахъ, у которыхъ грудные щитки отстоятъ далеко отъ краевыхъ; спинной щитъ окруженъ 23-мя щитками и 4 или 5 щитковъ покрываютъ переднюю лопасть грудного щита. Хвостъ короче половины панциря, а хорошо развитые пальцы вооружены 4 или 5 когтями. Въ скелетѣ онѣ отличаются отъ каймановыхъ черепахъ тѣмъ, что хвостовые позвонки имѣютъ спереди впадины, и что швы лобковой и сѣдалищной костей почти соприкасаются другъ къ другу. Единственный знакомый намъ родъ этихъ черепахъ живетъ въ Америкѣ къ сѣверу отъ экватора, причемъ только одинъ видъ проникаетъ на югъ до Экватора; въ немъ насчитываютъ 12 или 13 видовъ.

* *

Замынающимися черепахами (*Cinosternum*. *Klappschildkröte*) называемъ мы живущихъ въ Сѣверной, Средней и Южной Америкѣ болотныхъ черепахъ съ довольно плоскимъ спиннымъ щитомъ, въ которомъ замѣчается одна замысловатая и двойная хвостовая пластинка, съ длиннымъ, широкимъ, яйцевиднымъ брюшнымъ щитомъ, состоящимъ изъ 10—11 пластинокъ; какъ передняя, такъ и задняя части брюшного щита подвижны и прикрѣпляются къ одной средней пластинкѣ, неподвижно соединенной со спиннымъ щитомъ. Брюшныя пластинки составляютъ неподвижную часть этого щита, на которой плечевыя и паховыя пластинки отличаются несоразмѣрной величиной. Переднія ноги снабжены 5-ю, а заднія 4-мя когтями и широкими, но не очень длинными плавательными перепонками; оканчивающійся остриемъ хвостъ—коротокъ. Голову покрываетъ единственный тонкій щитъ; множество большихъ чешуй въ формѣ полумѣсяца покрываютъ внѣшнюю часть предплечія и заднюю часть пятокъ; остальная часть ногъ и шея голая или покрыта маленькими бородавками, а на подбородкѣ и горлѣ замѣчаются четыре или пять усиковъ. У молодыхъ животныхъ подвижность обоихъ клапановъ грудного щита совсѣмъ не такъ замѣтна, какъ у взрослыхъ

Пенсильванская черепаха (*Cinosternum pennsylvanicum*, *Testudo*, *Emys*, *Ter-*

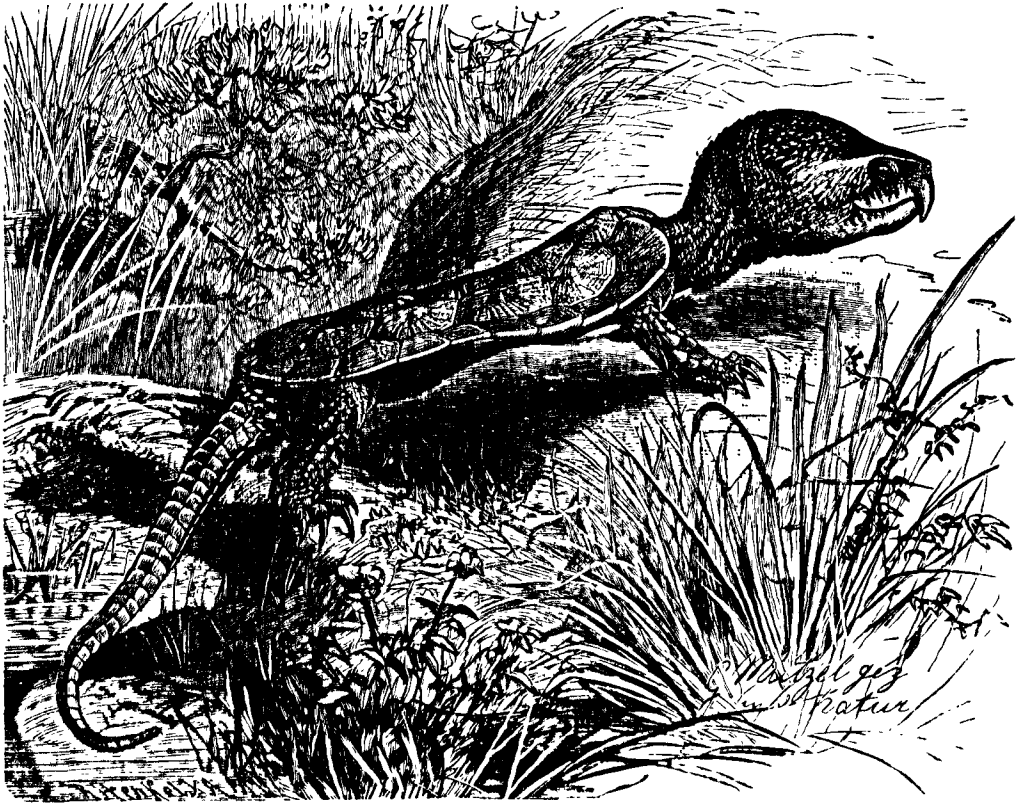
rapene, *Cistuda pennsylvanica*, *Cinosternon oblongum*, *doubledayi*, *punctatum*, *hippocrepis*, *Thyrosternum pennsylvanicum*, *Swanka fasciata*. Schlammschildkröte. Tortue à boîte) маленькое животное 15 см. общей длины, 11 см., которой принадлежатъ спинному щиту. Отъ другихъ видовъ этого рода она отличается умѣренной величиной брюшного щита, передняя крышка котораго значительно уже отверстія спинного щита, а грудныя пластинки трехугольны или только въ серединѣ брюшка образуютъ совсѣмъ короткій общій шовъ. Спинной щитъ оливо-бураго цвѣта; грудной щитъ желтый или оранжевый; всѣ швы отдѣльныхъ пластинокъ щита темно-бурые или черные; бурая голова и часть шеи покрыты неправильными линиями, черточками и пятнами желтоватаго цвѣта; лапы и хвостъ сверху тускло-бураго цвѣта, снизу свѣтлѣе. Радужная оболочка глазъ темно-бурая.

Пенсильванская черепаха. *Cinosternum pennsylvanicum*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

Пенсильванская черепаха очень часто встрѣчается въ южныхъ частяхъ восточныхъ Соединенныхъ Штатовъ и гораздо рѣже въ сѣверныхъ. Область ея распространенія простирается на сѣверо-востокъ до Нью-Йорка; на западъ—до долины рѣки Миссисипи, на югъ—до Мексиканскаго залива. По своему образу жизни она совсѣмъ почти сходится съ рѣчными черепахами, но, по словамъ Миллера, придерживается болѣе болотъ, чѣмъ рѣкъ. Пища ея состоитъ изъ маленькихъ рыбъ, насѣкомыхъ и червей. Вудъ наблюдалъ за этими черепахами во время ихъ охоты за саламандрами. Движенія ихъ въ водѣ были въ высшей степени обдуманны. Онѣ осторожно плавали около избранной жертвы или подползали подъ нее и снизу наносили сильный ударъ. Американскіе рыболовы ненавидятъ пенсильванскую черепаху, потому что она очень часто клюетъ на удочку и, проглотивъ крючокъ, такъ сильно дергаетъ лесу, что вводитъ рыбака въ заблужденіе, будто попалась крупная рыба. При наступленіи зимы она подползаетъ подъ мохъ и вновь появляется только опять въ маѣ.

Разсерженная-- она чаще открывает ротъ, чѣмъ наши рѣчныя и болотныя черепахи, и дѣлаетъ видъ, что хочетъ укусить; однако она легко и быстро приручается, беретъ изъ рукъ своего воспитателя пищу и отличается отъ прочихъ рѣчныхъ черепахъ, развѣ только тѣмъ, что ѣсть гораздо жаднѣе этихъ послѣднихъ. Жившая у Миллера черепаха стала подъ конецъ такъ жирна, что не могла закрывать своихъ щитковъ, потому что мясо ея выступало со всѣхъ сторонъ. Вслѣдствіе этой прожорливости Фишеръ называетъ этихъ черепахъ и ихъ близкихъ

Большеголовая черепаха. *Platysternum megacephalum* $\frac{1}{2}$, наст. вел.

сородичей свиньями черепашняго рода. Иногда сильный и тогда неприятный мускусный запахъ дѣлаетъ мясо этихъ черепахъ противнымъ даже для любителей.

Семейство **Большеголовыхъ черепахъ** (*Platysternidae*. Groskopfschildkröte, *Tortues mégacephales*) имѣетъ съ каймановыми черепахами нѣкоторые общіе внѣшніе признаки, какъ напримѣръ грудныя пластинки широко отстоятъ отъ краевыхъ и хвостъ очень длиненъ; отличаются же онѣ отъ каймановыхъ большимъ груднымъ щитомъ. Въ скелетѣ замѣчательно отсутствіе реброобразныхъ отростковъ у костяной затылочной пластинки и кромѣ того на задней части почти всѣхъ хвостовыхъ позвонковъ, замѣчаются углубленія. Мѣстожительство единственнаго рода и вида этой черепахи ограничивается южнымъ Китаемъ, Сіамомъ и Бирмой.

* *
*

Большеголовая черепаха (*Platysternum megacephalum*, *Emys megacephala*,

Plastysternum peguense. Grosskopfschildkröte. Tortue mégacéphale) принадлежить, по своей странной наружности, къ самымъ необычайнымъ представителямъ рода. Это удивительное созданіе отличается, прежде всего, плоскимъ спиннымъ щитомъ съ затылочной и двойной хвостовой пластинкой, очень широкимъ и плоскимъ груднымъ щитомъ, состоящимъ изъ 12—13 пластинокъ, и мѣста соединенія котораго, включая затылочную и паховую пластинку, покрыто тремя нижними краевыми или межреберными пластинками, огромной, покрытой единственнымъ большимъ щиткомъ головой, которая, впрочемъ, можетъ быть втянута между щитами, и длиннымъ, чешуйчатымъ хвостомъ. Переднія ноги вооружены пятью, заднія—четырьмя когтями, соединенными слабо развитыми плавательными перепонками. Неплотно сидящія другъ къ другу, большія широкія чешуйки покрываютъ предплечія, голени и пятки; зерновидныя чешуйки покрываютъ остальную часть ногъ и шеи и круглыя плоскія бородавки—горло. Окраска верхнихъ частей тѣла оливо-бурая, нижнихъ—желтовато-свѣтло-бурая, нижняя часть ногъ и хвостъ покрыты неправильными красноватыми пятнами, и черная полоска проходитъ по глазу. Общая длина равняется 40,5, длина головы и шеи—8,5, щита—15, хвоста—17 см.

Большоголовая черепаха живетъ въ рѣкахъ Бирмы и Сіама и доходитъ на западъ до Пегу и Тенассерима. Это очень рѣдкій видъ, который встрѣчается, по словамъ Свинхѳа, въ восточныхъ частяхъ южно-китайскихъ провинцій Куангъ-тунгъ и Куангъ-си. Дальнѣйшее о ней, объ ея образѣ жизни и мѣстожительствѣ—мнѣ неизвѣстно.

Большинство всѣхъ нынѣ живущихъ черепахъ относится къ **Выпуклымъ черепахамъ** (*Testudinidae*. *Landschildkröten*). Снаружи онѣ отличаются щитомъ, покрытымъ роговыми, накожными щитками; грудныя и краевыя пластинки щита очень близко прилегаютъ другъ къ другу, а брюшной щитъ состоитъ постоянно изъ 11 или 12 пластинокъ. Отъ прочихъ скрытоголовыхъ черепахъ онѣ отличаются тѣмъ, что ноги или лапы ихъ вооружены когтями, и что костяная затылочная пластинка не имѣетъ реберныхъ отростковъ; отъ ближайшихъ же своихъ сородичей только по скелету, большоголовыхъ черепахъ, онѣ отличаются въ особенности вогнутыми спереди хвостовыми позвонками.

Къ дальнѣйшимъ, общимъ всему семейству признакамъ принадлежитъ способность совершенно втягивать шею и голову подъ щитъ и то обстоятельство, что пальцы переднихъ и заднихъ ногъ имѣютъ подвижные суставы, а пальцы заднихъ ногъ снабжены 4—5 когтями. Выпуклыя черепахи живутъ во всѣхъ жаркихъ и умѣренныхъ странахъ земного шара, исключая Австраліи и Новой Гвинее. Буланже приписываетъ этому семейству 20 родовъ со 115-ью видами. По словамъ этого натуралиста, всѣ эти виды образуютъ почти непрерывную цѣпь существъ, начиная съ чисто водяныхъ животныхъ и кончая черепахами, приспособленными только для жизни на сушѣ. Въ слѣдующихъ описаніяхъ мы будемъ говорить прежде всего о тѣхъ видахъ, которые живутъ въ водѣ; за ними послѣдуетъ описаніе такъ называемыхъ земноводныхъ видовъ, а подъ конецъ мы станемъ разсматривать сухопутныхъ черепахъ въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Почти всѣ прежніе натуралисты соединяли въ отдѣльное подсемейство наземныхъ черепахъ съ плоскимъ спиннымъ щитомъ и короткими плавательными ногами, хотя, какъ уже сказано выше, ихъ весьма трудно отдѣлить отъ видовъ, живущихъ исключительно на землѣ. Зато образъ жизни такъ называемыхъ рѣсноводныхъ черепахъ представляетъ такъ много общаго, что описанію всѣхъ послѣдующихъ родовъ можетъ предшествовать одна общая характеристика.

«Тотъ, кто хочетъ изучать черепахъ во всемъ разнообразіи ихъ формъ и ежедневно наблюдать за ними на свободѣ», говоритъ Вейнландъ, «долженъ посѣтить Сѣверную Америку, эту обѣтованную землю черепахъ, гдѣ многочисленныя ихъ виды населяютъ пруды и рѣки, лѣса и долины, и гдѣ ученымъ еще долго нечего опасаться ихъ скорого вымиранія. Когда европейскій естествоиспытатель отправится въ теплое послѣобѣденное время прогуляться въ Новой Англіи, имѣющей по климату такъ много сходнаго съ Германіей, то напрасно станетъ онъ высматривать ящерицъ, которыя въ Европѣ снуютъ подъ ногами на каждомъ лужкѣ; не найдетъ онъ и веретеницъ, какъ бы усердно ни переворачивалъ камни. Но, если онъ подойдетъ къ маленькому озеру или луговому ручью съ медленно текущими водами, то онъ найдетъ совершенно достаточно матеріала для удовлетворенія своей любознательности. Что это за странное, круглое, бурое существо, величиною въ талеръ, которое сидитъ на листѣ водяной кувшинки? Наблюдатель поспѣшно подходитъ ближе, но животное съ быстротою молніи уже соскользнуло съ плавающего листа въ холодную воду. Жадно слѣдитъ за нимъ глазами натуралистъ и узнаетъ въ немъ наконецъ хорошенькую маленькую черепаху, которая быстро бѣжитъ по дну рѣки и черезъ минуту уже скрывается въ тинѣ или среди водяныхъ растений. Пройдетъ пожалуй больше часа, пока черепахъ опять покажется на поверхности воды, чтобы подышать воздухомъ, и тогда наблюдатель долженъ, какъ охотникъ въ засадѣ, избѣгать всякаго движенія или шума. Наконецъ начинаютъ появляться то тамъ, то сямъ, на гладкой поверхности водъ, маленькія головки, ярко блестятъ маленькіе черные глазки, и животное медленно, почти не производя ряби, плыветъ къ берегу и именно къ тому мѣсту, гдѣ стоитъ его усердный наблюдатель: нужно замѣтить, что всѣ низшія существа узнаютъ о присутствіи человека или вообще всякаго одушевленнаго существа только по ихъ движеніямъ. Это нужно приписать ихъ неумѣнію схватывать предметъ глазами и замѣчается не только у низшихъ, но и у другихъ высшихъ животныхъ. Черепахъ можетъ прямо изъ воды такъ же легко выползти на протянутую ей руку, какъ и на камень или на землю, конечно подъ тѣмъ только условіемъ, чтобы эта рука была совершенно неподвижна и не выдала своего присутствія какимъ-либо запахомъ. Можетъ ли наблюдатель схватить ее? Да, конечно, потому что укусеніе ея неопасно. Радостно держитъ онъ въ рукѣ копошащееся животное, спѣшитъ домой, гдѣ показываетъ первому попавшемуся американскому пріятелю свою счастливую находку. «Если это животное тебѣ нравится», говоритъ, улыбаясь, янки, «то ты можешь получить ихъ тысячи».

Дѣйствительно Америка—настоящее отечество черепахъ, но и Азія изобилуетъ ими; нельзя сказать, что бы и Африка была ими бѣдна. Тамъ, гдѣ въ теплой странѣ есть вода, онѣ всегда встрѣчаются въ большомъ количествѣ.

Всѣ прѣсноводныя черепахи живутъ въ сырыхъ мѣстахъ, по большей части въ водахъ медленно текущихъ рѣкъ, прудовъ и озеръ. Ихъ можно съ полнымъ правомъ назвать прекрасно одаренными водяными животными. Движенія ихъ на твердой землѣ беспомощны и медленны, хотя значительно быстрѣе большей части настоящихъ сухопутныхъ черепахъ; за то движенія ихъ въ водѣ, при плаваньи—очень быстры и замѣчательно ловки. Ихъ часто можно видѣть лежащими или плавающими на поверхности воды; при малѣйшемъ же подозрительномъ шумѣ онѣ съ быстротою молніи ныряютъ въ глубину, чтобы въ то-же мгновеніе скрыться въ илѣ или подъ корнями растений. «Онѣ, повидимому, прекрасно умѣютъ становиться невидимками. Я находилъ иногда берега ручьевъ и прудовъ и даже малѣйшую возвышенность совершенно покрытыми обыкновенными американскими чере-

пахами, которыя, повидимому, беззаботно грѣлись на солнцѣ. Но стоило къ нимъ подкрасться такъ быстро, чтобъ можно было схватить ихъ рукою, какъ онѣ беззвучно исчезали, и тогда поймать ихъ можно было только подъ условіемъ совершенной прозрачности воды съ чистымъ песочнымъ дномъ, иначе онѣ въ то же мгновеніе проворно закапывались въ илъ, благодаря силѣ и ловкости своихъ ногъ». Во время погони за своей добычей черепахи эти выказываютъ изумительное умѣнье плавать. Европейскіе и сѣверо-американскіе виды питаются преимущественно животными, какъ то: мелкими млекопитающими, птицами, пресмыкающимися, земноводными, рыбами и беспозвоночными, которыхъ онѣ постоянно проглатываютъ подъ водою. Напротивъ того, многіе виды, живущіе въ Индіи (по крайней мѣрѣ четыре изъ нихъ), питаются исключительно растеніями. Цѣлыми часами плаваютъ онѣ на поверхности воды, опустивъ глаза внизъ и тщательно всматриваются въ лежащее подъ ними дно, такъ что ихъ можно сравнить съ орломъ, выслѣживающимъ добычу. Завидѣвъ ее, онѣ ускоренно двигаютъ ногами и, выпустивъ воздухъ, быстро опускаются въ глубину; здѣсь онѣ жадно набрасываются на лакомую пищу, хватая ее всегда острыми челюстями и, минуто спустя, сильнымъ движеніемъ вытянутой впередъ головы проглатываютъ ее. Тристрамъ приписываетъ прѣсноводнымъ черепахамъ и султанскимъ курочкамъ разореніе гнѣздъ и уничтоженіе выводковъ, которое замѣчается во всѣхъ озерахъ и болотахъ Алжира. Среди рыбъ онѣ хозяйничаютъ еще хуже, чѣмъ среди птицъ, и тамъ, гдѣ рыбы приобрѣли нѣкоторую цѣнность, онѣ приносятъ людямъ большіе убытки.

Легко понять, что умственные способности болотныхъ черепахъ находятся въ полномъ соотношеніи съ ихъ подвижностью и хищничествомъ. Органы чувствъ развиты у нихъ гораздо лучше, чѣмъ у всѣхъ другихъ сухопутныхъ черепахъ, а по умственному развитію онѣ значительно выше послѣднихъ. Онѣ очень скоро замѣчаютъ, когда ихъ тревожатъ и нѣкоторыя изъ нихъ выказываютъ такую хитрость и осторожность, какой нельзя было бы отъ нихъ ожидать; онѣ умѣютъ выбирать самыя удобныя убѣжища и умно пользуются приобрѣтеннымъ опытомъ. Въ неволѣ онѣ скорѣе всѣхъ другихъ черепахъ становятся ручными; скоро, хотя, конечно, до извѣстной степени, узнаютъ своего хозяина, подплываютъ или подползаютъ къ протянутому имъ пальцу и ѣдятъ изъ рукъ; вообще онѣ легко привыкаютъ къ людямъ, не дѣлая, впрочемъ, между ними никакого различія.

Съ приближеніемъ зимы черепахи эти зарываются довольно глубоко въ почву и остаются тамъ все неблагоприятное время года въ состояніи, похожемъ на смерть. То же самое дѣлаютъ онѣ и подъ тропиками въ сухое зимнее время, когда засуха временно испаряетъ всѣ воды, служащія имъ мѣстопробываніемъ. Миллеръ рассказываетъ, что онѣ совершенно подкапываютъ берега нѣкоторыхъ сѣверо-американскихъ рѣкъ. «Потому ихъ зимнее убѣжище очень легко отыскать: оно имѣетъ такой видъ, будто бы въ немъ копалось цѣлое стадо свиней». Въ Сѣверной Америкѣ онѣ по одиночкѣ выползаютъ изъ своихъ убѣжищъ, уже въ апрѣлѣ или началѣ мая, если весна не запоздала своимъ появленіемъ, и принимаются тутъ же за свою лѣтнюю жизнь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и за дѣло размноженія.

Совокупленіе продолжается у нихъ цѣлыми днями и въ это время онѣ какъ бы умираютъ для всего остального міра и утрачиваютъ свою обычную осторожность и робость. «Я неразъ находилъ», говоритъ Миллеръ, «Расписныхъ болотныхъ черепахъ (*Chrysemys picta*) плавающихъ на поверхности воды во время совокупленія и легко могъ бы поймать ихъ сѣтью, такъ какъ онѣ въ это время ни на что не обращаютъ вниманія». Самецъ сидитъ на спинѣ самки, охвативъ ее ногами, при

чемъ они такъ крѣпко сбѣляются между собою, что стоитъ большого труда оторвать ихъ другъ отъ друга. Вскорѣ послѣ того самка выкапываетъ ямки въ землѣ или въ пескѣ и кладетъ въ нихъ отъ 6—8, а у другихъ видовъ до 30 яицъ, съ очень крѣпкой скорлупой.

Сѣверо-американскія прѣсноводныя черепахи прекрасно уживаются въ неволѣ, конечно подѣ условіемъ хорошаго ухода. Нѣкоторыя изъ нихъ, говорятъ, выживали въ неволѣ до 40 лѣтъ и болѣе. На Цейлонѣ, по словамъ Теннента, черепахъ охотно держатъ и въ домахъ, думая, что онѣ уничтожаютъ разныхъ вредныхъ насѣкомыхъ; онѣ тоже живутъ годами въ неволѣ, пользуясь, повидимому, прекраснымъ здоровьемъ, если получаютъ достаточно воды и немного мяса.

Большая часть содержателей звѣринцевъ обыкновенно неправильно относятся къ малочувствительнымъ на видъ болотнымъ черепахамъ, лишая ихъ зимою необходимой теплоты. Тѣ изъ нихъ, которыхъ держать на чистомъ воздухѣ, сами закапываются въ иль и такимъ образомъ устраиваютъ себѣ подходящее зимнее убѣжище, но для тѣхъ, которыя живутъ въ комнатѣ, необходимо поддерживать равномерную теплоту, чтобъ вознаграждать ихъ хоть отчасти за недостающее зимнее убѣжище. «Впродолженіи многихъ лѣтъ» пишетъ Эффельдтъ, производившій обширные опыты и наблюденія надъ черепахами, «мнѣ привозили сѣверо-американскихъ прѣсноводныхъ черепахъ, которыя однако всѣ умирали зимою. Тѣ немногія изъ нихъ, которыя переживали зиму, ничего не ѣли и такъ худѣли при этомъ, что неизбежно погибали весною. Наконецъ мнѣ пришло въ голову подогрѣвать имъ воду зимою, такъ какъ я замѣтилъ, что онѣ и лѣтомъ ѣдятъ, только напившись теплой воды. Я поставилъ въ комнату печку, на которую могъ сажать своихъ плѣнницъ, и результаты этого опыта были такъ благоприятны, что всѣ мои болотныя черепахи, отъ самой малой до самой большой, стали не только ѣсть каждый день, но драться изъ за пищи, такъ что я былъ принужденъ отдѣльно кормить крупныя виды. Вскорѣ онѣ стали такими ручными, что подымали головы вверхъ, когда я подходилъ къ ихъ чашкѣ, и ѣли изъ моихъ рукъ сырое мясо». Точно также поступаютъ и въ настоящее время всѣ внимательные наблюдатели, которые желаютъ сохранять жизнь своимъ плѣннымъ черепахамъ. Теплота—самое главное условіе благополучнаго существованія черепахъ и въ этомъ отношеніи едва ли можно зайти слишкомъ далеко. Молодыхъ прѣсноводныхъ черепахъ лучше всего воспитывать въ свѣтлыхъ стеклянныхъ сосудахъ съ нагрѣтой водою. Тѣмъ изъ нихъ, которыя не могутъ еще переваривать мясную или рыбную пищу, слѣдуетъ давать маленькихъ раковъ, мягкотѣлыхъ, червяковъ, лягушечью и рыбную икру, муравьиныя яйца и т. п.; потомъ должно перейти къ мокрицамъ, ракамъ, головастикамъ и рыбкамъ и, наконецъ, полувзрослыхъ черепахъ можно приучать уже къ мясу. По моимъ собственнымъ наблюденіямъ, рѣчныя черепахи предпочитаютъ мясо рыбъ мясу птицъ и млекопитающихъ.

* * *

Родъ Прѣсноводныхъ черепахъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова (Clemmys) обнимаетъ 8 видовъ. Плоско-выпуклый спинной щитъ этихъ черепахъ снабженъ затылочной пластинкой и двойными хвостовыми пластинками; неподвижный брюшной щитъ, состоящій изъ двѣнадцати пластинокъ, соединенъ со спиннымъ твердымъ костянымъ швомъ; плечевыя и бедренныя пластинки тоже есть. Переднія ноги снабжены пятью, заднія—четырьмя когтями и болѣе или менѣе развитыми плавательными перепонками. Голова покрыта гладкой кожей, чешуйки въ видѣ черепицы самыхъ

различныхъ формъ, покрываютъ переднія ноги. Всѣ виды этого рода живутъ въ южной Европѣ, сѣверо-восточной Африкѣ, юго-западной Азии, Китаѣ, Японіи и Сѣверной Америкѣ.

Объ обоихъ, очень схожихъ между собою, европейскихъ видахъ: **Каспійской черепахѣ** (*Clemmys caspia*, *Testudo caspica*, *Emenia grayi*, *Emys rivulata*, *tristrami*, *rapponica*, *arabica* и *grayi*. *Kaspische Schildkröte*. *Tortue caspienne*) и **Испанской черепахѣ** (*Clemmys leprosa*, *vulgaris*, *sigriz*, *laticeps*, *fuliginosa*, *flavipes*, *fraseri* и *laniaria*, *Clemmys sigriz*, *marmorea*, *laticeps* и *leprosa*, *Terapene sigriz*, *Mauremys laniaria*, *fuliginosa*, *Eryma laticeps*. *Spanische Wasserschildkröte*. *Tortue espagnole*) мы упомянемъ только въ краткихъ словахъ: отъ прудовой черепахи онѣ легко отличаются присутствіемъ плечевыхъ и паховыхъ пластинокъ, неподвижнымъ по серединѣ брюшнымъ щитомъ и цвѣтомъ преимущественно мягкихъ частей. Обѣ извѣстныя намъ разновидности каспійской черепахи встрѣчаются, начиная отъ Далмаціи во всей Греціи, Турціи, Малой Азии, Кипрѣ и Сиріи (*var. rivulata*) до Кавказа и отъ южнаго берега Каспійскаго моря до Персидскаго залива; онѣ отличаются отъ испанской черепахи, которая живетъ на югѣ Иберійскаго полуострова и въ сѣверо-западной Африкѣ, отъ Туниса до Сенегамбіи, зубчатыми краями вырѣзанной спереди верхней челюсти; у испанской же черепахи края челюстей совершенно гладкіе. Отъ прудовыхъ черепахъ прѣсноводныя отличаются окраской шеи. Въ то время, какъ шея прудовой черепахи всегда черная съ болѣе или менѣе яркими желтыми пятнами, у прѣсноводной черепахи шея покрыта многочисленными желтыми или оранжевыми, перемежающимися съ черными или голубовато-сѣрыми полосками; эта важная примѣта встрѣчается и у молодыхъ животныхъ. Оба вида прѣсноводныхъ черепахъ достигаютъ отъ 18 до 20 см. длины въ щитѣ.

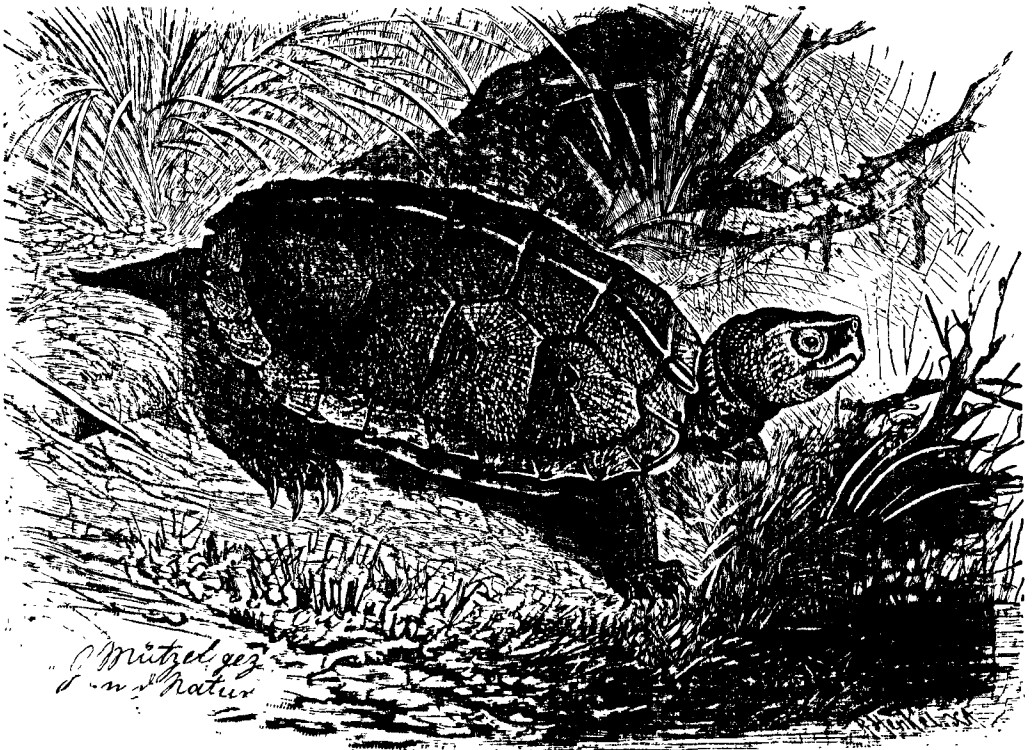
Въ послѣдніе годы этихъ черепахъ стали часто держать въ неволѣ: это живыя, пріятныя животныя, которыя, недолго думая, принимаются за ѣду, если принесенныхъ имъ червяковъ и кусочки мяса бросить въ предварительно согрѣтую воду, и въ нѣсколько дней привыкаютъ ѣсть изъ рукъ.

Длина **Лѣсной черепахи** (*Clemmys insculpta*, *Testudo insculpta*, *Emys insculpta speciosa*, *Terrapene scabra*, *Geoclemmys pulchella*, *Glyptemys insculpta* и *pulchella*, *Chelopus insculptus* *Waldbachschildkröte*. *Tortue des bois*) достигаетъ 29 см., изъ которыхъ 5 см. принадлежатъ хвосту; длина щита доходитъ до 18 см. Яйцевидный спинной щитъ нѣсколько килеватъ, задніе его края зубчаты; грудной щитъ спереди цѣльный, а сзади выемчатъ. Пальцы ногъ снабжены только у основанія плавательными перепонками; въ верхней челюсти замѣчается выемка, по обѣимъ сторонамъ которой видно по тупому зубцу. Щитки спинного панциря буроваты и расписаны лучистыми, нѣсколько загнутыми линиями изъ желтыхъ точекъ; пластинка брюшнаго щита сѣро-желтая съ большимъ темнымъ пятномъ на нижней части. Мягкія части тѣла темно-бурья или оливковаго цвѣта, нижніа части шеи ногъ и хвоста красныя съ черными точками; съ обѣихъ сторонъ шеи видна яркая желтая полоса; глаза каріе, окружающее ихъ кольцо—желтое.

Всѣ приатлантическія береговья земли Соединенныхъ Штатовъ отъ Мэна до Пенсильваніи и Новаго Джерсея служатъ отечествомъ огромному количеству черепахъ этого вида. Онѣ тоже живутъ въ болотахъ и рѣкахъ, но чаще и на болѣе продолжительное время покидаютъ воду, чѣмъ другіе ихъ сородичи, и цѣлыми мѣсяцами остаются иногда на сушѣ. Гальдеманъ думаетъ, что онѣ дѣлаютъ

это съ цѣлью освободиться отъ одного паразита, который мучаетъ ихъ въ водѣ. Гольбрукъ замѣтилъ, что плѣвныя черепахи этого вида такъ же живо и ловко движутся на сушѣ, какъ и въ водѣ, слѣдовательно могутъ жить какъ здѣсь, такъ и тамъ. По словамъ Миллера, лѣсная черепаха предпринимаетъ часто путешествія отъ одной воды къ другой, или совершаетъ переходы по полямъ и лѣсамъ, за что и получила въ Америкѣ названіе «Лѣсной черепахи». Въ мѣстностяхъ, бѣдныхъ водою, наши путешественники, желая скрыться, зарываются просто въ мохъ; такъ какъ плѣвныя лѣсныя черепахи поступаютъ точно такъ же, то мы имѣемъ полное право думать, что сухопутная жизнь есть отличительный признакъ

Лѣсная черепаха. *Clemmys insculpta*. $\frac{2}{5}$ наст. вел.

этого вида, а не слѣдствіе испытанныхъ ею въ водѣ страданій. Живость ихъ проявляется и въ отношеніяхъ къ другимъ животнымъ: онѣ постоянно нападаютъ на товарищей по клѣткѣ или мѣсту жительства. Относительно пищи и размноженія лѣсныя черепахи почти ничѣмъ не отличаются отъ другихъ прѣсноводныхъ черепахъ.

* * *

У Эмидъ (*Emys*), къ которымъ мы причисляемъ нижеслѣдующій видъ вмѣстѣ съ родственнымъ ему сѣверо-американскимъ видомъ, спинной щитъ довольно выпуклый и имѣетъ затылочную и двѣ хвостовыя пластинки; брюшной щитъ, соединенный со спиннымъ хрящевыми связками, очень широкъ и состоитъ изъ двѣнадцати пластинокъ, образующихъ двѣ подвижныя части; однако подвижность обѣихъ частей грудного щита слишкомъ незначительна, даже у вполне взрослыхъ животныхъ, чтобъ совершенно закрыть отверстіе спинного щита. Плечевыя и паховыя

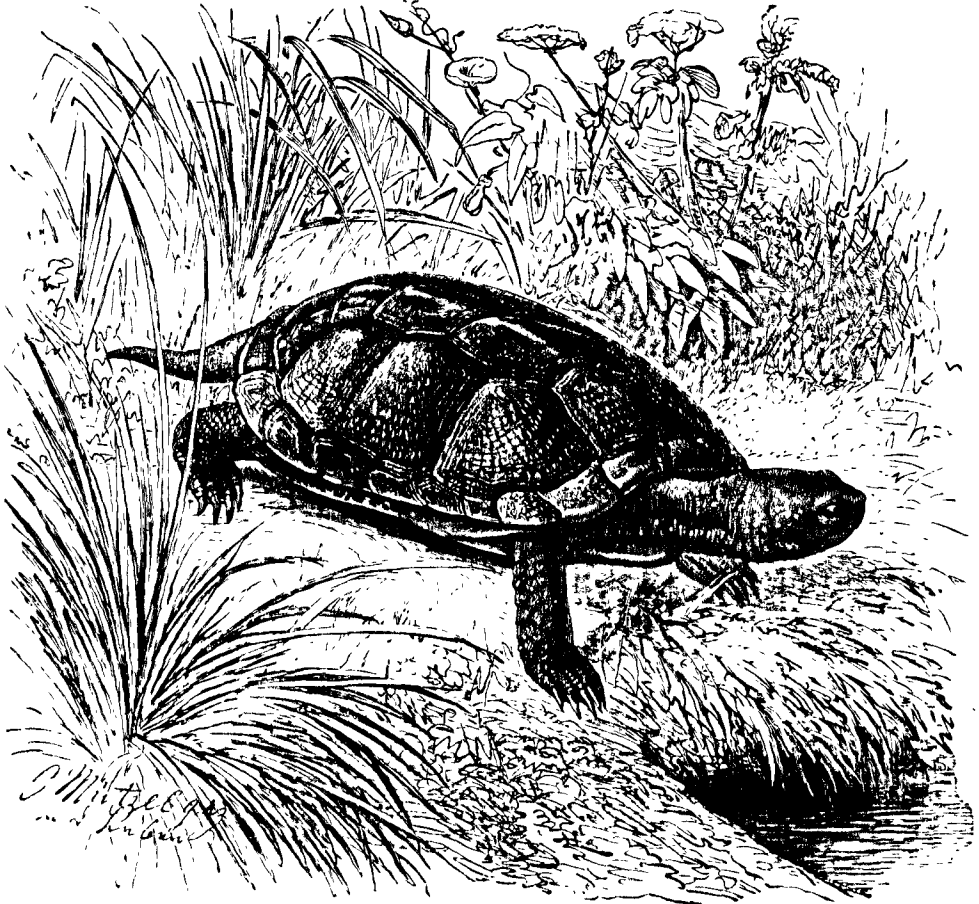
вья чешуйки отсутствуют. Переднія ноги снабжены пятью, заднія—четырьмя когтями; пальцы соединены хорошо развитыми плавательными перепонками. Голова покрыта гладкой кожей; на заднихъ ногахъ видны довольно большія чешуйки. Кончикъ довольно длиннаго хвоста не покрытъ, какъ у многихъ черепахъ, роговой оболочкой.

Наша Европейская Эмида (*Emys orbicularis*, *lutaria*, *europaea*, *pulchella*, *Testudo orbicularis*, *lutaria*, *europaea*, *meleagris*, *flava*, *pulchella*, *Testudo europaea*, *hellenica*, *lutaria*, *Terrapene europaea*, *Lutremys europaea*. *Teichschildkröte*. *Tortue bourbeuse*) достигаетъ до 32 см. общей длины, изъ которыхъ 8 приходится на хвостъ; длина щита не болѣе 19 см. Не защищенные щитомъ части тѣла покрыты по черноватому фону кое-гдѣ желтыми точками; пластинки спинного панциря украшены по темно-зеленому фону лучевидно расходящимися рядами мелкихъ точекъ желтаго цвѣта; пластинки брюшного панциря—грязновато-желтаго цвѣта и покрыты неправильно и рѣдко расположенными точками буряго цвѣта, или желучистыми полосками огненнаго цвѣта. Впрочемъ, какъ цвѣтъ, такъ и рисунокъ подвержены значительнымъ измѣненіямъ; встрѣчаются экземпляры совершенно темно-буряго цвѣта.

Настоящимъ и, вѣроятно, первоначальнымъ отечествомъ этого вида черепахъ мы считаемъ южную и восточную часть центральной Европы. Она очень обыкновенна въ Албаніи, Далмаціи и Босніи, въ Италіи, не исключая острововъ, въ низменностяхъ Дуная и въ Венгріи; встрѣчается и въ южной Франціи, въ Испаніи и Португаліи, въ Алжирѣ, къ сѣверу отъ Атласскихъ горъ; не менѣе часто—въ Россіи на большомъ протяженіи, къ востоку до Сыръ-Дарьи, даже въ Курдистанѣ и Персіи. Въ Германіи онѣ населяютъ рѣки и стоячія воды Бранденбурга, Познани, западной и восточной Пруссіи, Помераніи и Мекленбурга, а можетъ быть встрѣчается и въ Силезіи, слѣдовательно въ системѣ Одера и Вислы. Ее часто наблюдали въ Гавелѣ и въ Шпре, хотя только мѣстами, такъ-же, какъ и въ южныхъ частяхъ Одера и Вислы; до Балтійскаго моря она никогда не доходитъ. Отдѣльные экземпляры амидъ, найденные въ другихъ мѣстахъ Германіи, мы должны считать просто убѣжавшими изъ неволи животными. Эта черепаха живетъ въ настоящее время только на сѣверо-востокѣ Германіи, между тѣмъ какъ она еще послѣ ледниковаго періода населяла всѣ болота Германіи до Рейна и Англію. Можетъ ли этотъ видъ, какъ предполагаетъ Зимротъ, вновь водвориться въ окрестностяхъ Лейпцига—покажетъ намъ время. Она дальше всѣхъ черепахъ проникаетъ на сѣверъ и растространена на болѣе обширномъ протяженіи, чѣмъ другіе ея сородичи, такъ напримѣръ она встрѣчается между 36°, въ западной Европѣ 46°, въ восточной Европѣ 568 сѣверной широты и 9 и 82 градусами восточной долготы или, лучше сказать, между Алжиромъ и Курляндіей, Португаліей и Сыръ-Дарьей.

Европейская эмида предпочитаетъ стоячія, медленно текуція и мутныя воды—быстрымъ рѣкамъ и чистымъ озерамъ. Днемъ она выходитъ изъ воды, чтобы погрѣться на солнцѣ, только въ самыхъ уединенныхъ тихихъ мѣстахъ; но все таки держится по близости воды и сидитъ неподвижно и тихо на одномъ мѣстѣ до самаго захода солнца, когда опять оживляется, такъ какъ главная ея дѣятельность проявляется, повидимому, ночью. Во время зимнихъ мѣсяцевъ она закапывается въ илъ; въ половинѣ апрѣля, если погода ей благоприятствуетъ, она опять появляется на поверхности земли и даетъ о себѣ знать особымъ свистомъ, который, по всей вѣроятности, долженъ считаться призывнымъ крикомъ самца. Она очень осторожна и, плавая въ водѣ, ныряетъ подъ воду при малѣйшемъ шумѣ. Въ своей

родной стихии черепаха эта очень проворна, но и на сушѣ она довольно ловка, по крайней мѣрѣ движется гораздо скорѣе выпуклыхъ черепахъ. Пища ея состоитъ изъ червей, водяныхъ насѣкомыхъ, лягушекъ, саламандръ и головастиковъ; она ловитъ и рыбъ, и даже рѣшается нападать на довольно крупныхъ, кусая ихъ въ нижнюю часть тѣла до тѣхъ поръ, пока жертва ея, совершенно обезсиленная, не попадетъ къ ней въ лапы. Маркграфъ замѣтилъ на плѣнныхъ черепахахъ, что онѣ убитыхъ ими рыбъ тотчасъ уносили подъ воду, гдѣ и пожирали ихъ со всѣми костями. При разрываніи добычи черепаха часто откусываетъ плавательный пузырь, который и подымается на поверхность воды; поэтому если мы замѣтимъ на водѣ

Европейская эмида. *Emys orbicularis*. 2/3 наст. вел.

много плавательныхъ пузырей, то можно съ увѣренностью сказать, что тутъ водятся эмиды. Въ неволѣ онѣ долго могутъ жить въ совершенномъ здравіи, если ихъ кормить рыбами, дождевыми червями или сырымъ мясомъ; онѣ скоро становятся ручными, ѣдятъ изъ рукъ, привыкаютъ спать на определенныхъ мѣстахъ, и въ тепломъ помѣщеніи не впадаютъ въ зимнюю спячку; если же имъ отведутъ небольшой прудъ въ саду, то онѣ закапываются въ илъ съ наступленіемъ холоднаго времени.

По словамъ Ратке, совокупленіе происходитъ слѣдующимъ образомъ: въ теплый майскій вечеръ, самцы влѣзаютъ на спину самокъ и животныя начинаютъ выходить попарно изъ пруда, причемъ самка положительно несетъ на спинѣ самца,

который обхватывает ее ногами. Вышедши на плоскій берегъ, черепахи довольно долгое время остаются тамъ вмѣстѣ, если ихъ ничто не потревожитъ. Число яицъ достигаетъ, по Данилю, 13, по Дюригену—15.

О способъ размноженія и о кладкѣ яицъ европейской эмиды очень подробно сообщаетъ намъ Мирамъ. Хотя результаты его наблюденій совершенно почти ничѣмъ не разнятся съ добытыми раньше надъ другими черепахами, но Мирамъ описываетъ размноженіе подробнѣе всѣхъ другихъ наблюдателей, почему и заслуживаетъ, чтобы мы его сообщенія передали въ полномъ ихъ объемѣ. Мирамъ долго держалъ съ научною цѣлью много живыхъ черепахъ въ своемъ саду, окруженномъ высокой стѣной; за неимѣніемъ пруда онъ велѣлъ вкопать въ землю большое корыто, служившее водоемомъ. Крестьяне изъ окрестностей Кіева приносили ему изъ озеръ и прудовъ множество черепахъ, но почти все взрослыхъ, рѣдко молодыхъ, да и то преимущественно въ апрѣлѣ и маѣ. Часто случалось, что принесенныя черепахи клали яйца въ разныхъ мѣстахъ сада; поэтому Мирамъ далъ имъ полную свободу кластся, гдѣ хотятъ, и замѣтилъ вскорѣ, что самки для выкапыванія себѣ гнѣздъ, выбирали самое высокое мѣсто сада, почва котораго состояла изъ песка, смѣшаннаго съ глиной.

Кладка всегда происходитъ вечеромъ передъ солнечнымъ закатомъ около 7 или 8 часовъ вечера: но такъ какъ выкапыванье и зарыванье гнѣзда происходитъ одновременно, то вся операція продолжается почти всю ночь. 28 мая 1849 года въ теплый прекрасный вечеръ, послѣ продолжительной засухи, пять черепахъ стали кластся одновременно; для этой цѣли онѣ сошлись въ вышеупомянутомъ мѣстѣ сада, около 7 часовъ вечера. Онѣ не соединились на узкомъ мѣстѣ, но держались, напротивъ того, довольно далеко другъ отъ друга. Выбравъ себѣ удобное мѣсто, свободное отъ всякихъ растений, онѣ выпустили довольно значительное количество мочи, вслѣдствіе чего верхній слой земли нѣсколько разрыхлился; послѣ того онѣ стали буравить землю хвостомъ, мускулы котораго были туго натянуты; при этомъ онѣ прижимали кончикъ хвоста къ землѣ, между тѣмъ какъ верхняя часть его описывала вращательное движеніе. Вслѣдствіе этого сверленія образовалось вверху широкое, внизу узкое отверстіе конической формы, въ которое черепахи, чтобы размягчить почву, пускали мочу въ небольшомъ количествѣ. Когда пробурванное отверстіе достигало длины хвоста, черепахи начинали раскапывать дальше яму задними ногами. Съ этой цѣлью онѣ попеременно, то правой, то лѣвой ногой, выкапывали землю, выкладывая ее всякій разъ на край ямы и образуя такимъ образомъ вокругъ нея родъ вала. При этомъ ноги ихъ дѣйствовали совершенно какъ человѣческія руки; черепахи царпали землю попеременно то правой ногой справа налево, то лѣвой слѣва направо, причемъ всякій разъ выносили изъ ямы, такъ сказать, горсточку земли, которую и выкладывали заботливо кругомъ отверстія, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ края, и работали такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока ноги достигали земли. Все туловище оставалось въ это время неподвижно, а голова едва высывалась изъ щитовъ. Каждая черепаха сдѣлала такимъ образомъ яму двѣнадцати сантиметровъ въ поперечникѣ и болѣе широкую посерединѣ, такъ что яма имѣла почти яйцевидную форму. Послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ попытокъ выкопать еще больше земли изъ ямы, животное, кажется, убѣдилось, что гнѣздо готово. Вся операція продолжалась около часу, а можетъ быть и болѣе.

Не измѣняя положенія, черепаха принялась тотчасъ послѣ того за кладку, которая представляла такъ-же много любопытнаго, какъ и предшествующія ей дѣйствія. Изъ задняго прохода показалось яйцо, которое было осторожно подхва-

чено задней ногой, подставленной, такъ сказать, ладонью вверхъ, и такъ же осторожно опущено на дно ямы. Послѣ того бывшая въ дѣйствии нога спряталась и другая задняя нога точно также поймала второе яйцо, которое, по примѣру перваго, было тоже опущено въ яму: такъ попеременно, то правой, то лѣвой ногой, подхватывалось по яйцу и опускалось въ гнѣздо. Скорлупа яйца была вначалѣ мягкая, но очень скоро затвердѣла на воздухѣ. Яицъ обыкновенно бываетъ 9, рѣдко менѣе; Мираму только одинъ разъ случилось видѣть, что черепаха положила 11 яицъ. Такъ какъ яйца появляются одно за другимъ очень скоро, почти всегда черезъ минуту, рѣдко черезъ двѣ—три минуты, то и вся кладка продолжается не болѣе четверти—или получаса. Окончивъ съ кладкой, животное, повидимому, рѣшилось отдохнуть: оно лежало нѣкоторое время совершенно неподвижно. Нога, бывшая въ дѣйствии послѣдней, свѣшивалась, какъ бы въ изнеможеніи на краю ямы, такъ-же, какъ и хвостъ, который во время кладки бываетъ свернуть на сторону. По прошествіи получаса черепаха принялась за послѣднюю и, повидимому, самую утомительную работу: зарываніе ямы и утаптыванье надъ ней земли.

Для этой цѣли она опять свернула хвостъ на сторону и подтянула подъ себя висѣвшую ногу; другой ногой она захватила горсть земли, осторожно опустила ее въ яму и заботливо обсыпала ею яйца. То же сдѣлала она и другой ногой, и такъ попеременно работала она то той, то другой ногой, пока хватило вырытой изъ ямы земля. По послѣднія пригоршни земли не были уже брошены съ такой осторожностью, какъ первыя: черепаха, напротивъ того, старалась придавить ее наружной частью ноги. Когда наконецъ, послѣ получасовой работы, вся земля съ вала была употреблена въ дѣло, наступило время втораго отдыха. Послѣ того черепаха поднялась, высунула голову между щитами и обошла гнѣздо кругомъ, какъ бы для того, чтобы убѣдиться въ удовлетворительности своей работы. Затѣмъ она начала утаптывать образовавшійся холмъ задней частью своего грудного щита; при этомъ она приподнимала заднюю часть тѣла вверхъ и потомъ быстро опускала ее съ извѣстной силой. Это утаптыванье совершалось кругомъ всего гнѣзда и было очень утомительной работой; животное исполняло всѣ эти движенія съ изумительной для черепахи быстротой и тщательностью, вслѣдствіе чего ей такъ хорошо удалось скрыть слѣды устроеннаго на томъ мѣстѣ гнѣзда, что Мирамъ на другое утро напрасно бы проискалъ свои яйца, еслибы не догадался отмѣтить мѣсто значкомъ.

Яйца, положенныя такимъ образомъ въ землю на глубинѣ около 8 см., остаются тамъ до августа или сентября; тогда молодыя черепахи выползаютъ на свѣтъ Божій. Длина ихъ въ это время равняется 15—20 мм. Если при вылуплении онѣ освобождены уже отъ желточнаго мѣшка, то по большей части грудной щитъ ихъ носить между пластинками явные слѣды шнура, къ которому посрединѣ былъ прикрѣпленъ этотъ мѣшокъ.

Мирамъ прилагалъ всѣ старанія, чтобы выростить ихъ большими, но все такъ не могъ сохранить ихъ долѣе трехъ мѣсяцевъ. Маркграфъ былъ счастливѣе: ему удалось выростить нѣсколькихъ родившихся у него европейскихъ амидь. Втеченіе всей зимы молодая черепаха ничего не ѣла и по большей части лежала неподвижно на днѣ водоема съ втянутой подъ щитъ шеей; въ ясные дни она немного прохаживалась по комнатѣ. Съ наступленіемъ весны она начала ѣсть, а на третьемъ году уже была въ состояніи проглатывать цѣликомъ дождевыхъ червей и мелкихъ рыбъ. Больше всего она ѣла въ іюнѣ; начиная съ сентября, аппетитъ ея уменьшался, а къ ноябрю она вовсе переставала ѣсть. Черепаха эта дождала до пяти лѣтъ.

Фишеръ-Зигвартъ рассказываетъ намъ интересный случай догадливости европейской эмиды. Въ большомъ водоемѣ, гдѣ черепахи жили вмѣстѣ съ золотыми рыбками и рѣдкими земноводными, ихъ обильно кормили сырой телятиной, чтобы удержать отъ пожирания другихъ обитателей водоема. Онѣ дѣйствительно не трогали золотыхъ рыбокъ. Но когда въ одинъ изъ бассейновъ, въ который черепахи обыкновенно не заглядывали, были впущены два протейя и нѣсколько ахолотловъ, то онѣ скоро отыскали лакомую пищу и въ одинъ прекрасный день нашъ наблюдатель увидѣлъ, какъ одна черепаха пожирала протейя, между тѣмъ какъ вторая гонялась за ахолотлами, тихо подплывала къ нимъ и потомъ вдругъ высовывала голову, чтобы поранить преслѣдуемое животное. Чтобы прекратить подобные разбойничьи набѣги, кругомъ всего бассейна вбили въ землю на разстояніи 2 ст. ивовыя тычинки, которыя соединили еще сверху тонкой проволокой. На другой день хозяинъ водоема увидалъ черепаху въ то время, какъ она старалась протискаться между двумя тычинками, причѣмъ ей положительно приходилось стоять на боковой грани своего щита. Проволочная загородка помогла только на короткое время, однако разбойники не унялись, пока не преодолѣли препятствіе. Они частью разрушили загородку, частью перелѣзли черезъ нее, или долгими и мучительными усиліями пробирались между проволочными прутами. Однимъ словомъ, они дѣйствовали съ осмотрительностью и настойчивостью, достойною лучшей цѣли.

Относительно ихъ способности къ прирученію рассказываетъ намъ Мартинъ слѣдующую интересную исторію: «Самая маленькая изъ жившихъ у меня пяти черепахъ, величиною въ талеръ, съ первыхъ дней выказывала вдвое больше живости, чѣмъ всѣ остальные: въ то время, какъ другія лежали неподвижно, она весело разгуливала по своему помѣщенію. Весьма естественно, что вмѣстѣ съ физической дѣятельностью развивалась и умственная и что крошка ранѣе всѣхъ своихъ сотоварищей сбросила свою естественную робость. Вслѣдствіе этого она сдѣлалась любимицей моей жены, которая по нѣскольку разъ въ день сажала ее на руку, разговаривала съ ней, ласкала ее, чѣмъ доставляла ей замѣтное удовольствіе. Уже съ первыхъ дней знакомства она была названа «Августомъ» и съ той поры вела себя необыкновенно разумно, т. е. не втягивала подъ щитъ при малѣйшемъ прикосновеніи голову и ноги, какъ это дѣлали ея глупыя сестрички, но выказывала себя весьма храброй, оживленно и умно поворачивая головку въ ту и другую сторону. По прошествіи нѣсколькихъ дней «Августъ» уже отзывался на свое имя, и когда жена моя подходила къ водоему, гдѣ сидѣли всѣ пять черепахъ, то ей стоило только нѣсколько разъ назвать избранницу по имени, чтобы увидать, какъ Августъ быстро вбѣгалъ на скалу изъ песчаника; онъ дѣлалъ это съ такой торопливостью, что часто падалъ головой внизъ, но также скоро опять подымался вверхъ и выказывалъ сильное желаніе быть вынутымъ изъ помѣщенія. Такого рода привязанность въ черепахъ достойна тѣмъ большаго вниманія, что ее нельзя привлечь лакомствами; какъ извѣстно, черепахи могутъ ѣсть только подъ водою. Слѣдовательно эту привязанность прямо должно объяснить только стремленіемъ къ сближенію съ людьми, что доказываетъ довольно хорошо развитую умственную дѣятельность у этого, повидимому, беспомощнаго животнаго. Въ настоящее время, когда прошло уже два года пребыванія у насъ черепахъ, другая изъ нихъ, значительно большая, стала тоже отзываться на зовъ «Августъ», такъ что теперь появляются уже двѣ черепахи на этотъ зовъ, который, впрочемъ, оказываетъ свое дѣйствіе только въ устахъ моей жены».

Въ послѣднее время черепахи стали поступать въ торговлю цѣлыми мас-

сами для любителей аквариумовъ и терраріевъ, особенно въ Венеціи, гдѣ занимаются правильнымъ ловомъ ихъ.

Мясо европейскихъ эмидъ съѣдобно; но малая польза, которую онѣ этимъ приносятъ людямъ, такъ-же какъ и пожираниемъ дождевыхъ червей и улитокъ, далеко не искупаетъ вредъ, приносимый ими уничтоженіемъ молодой рыбы.

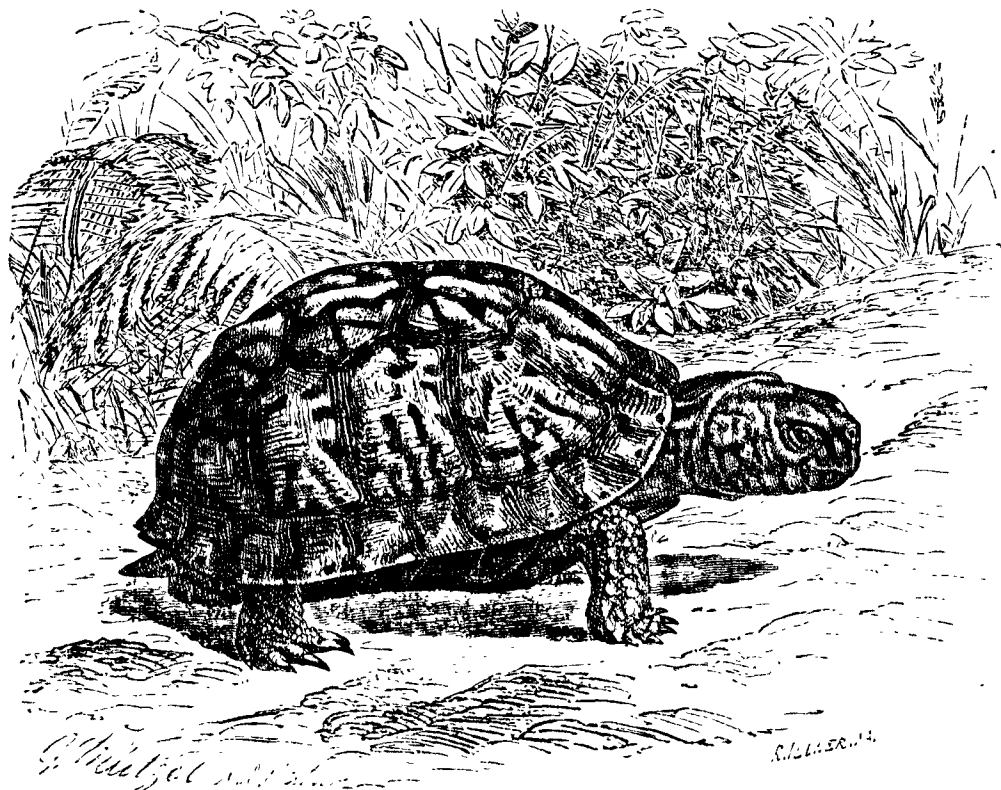
* *
*

Всѣмъ извѣстная сѣверо-американская **Твердощитная черепаха**, схожая по нраву и образу жизни съ сухопутными, а по виду съ прѣсноводными черепахами, служить соединительнымъ звеномъ между сухопутными и прѣсноводными видами, вслѣдствіе чего и заслуживаетъ особаго вниманія. Отличительные признаки представителей этого рода (*Cistudo*) слѣдующіе: сильно выпуклый спинной щитъ имѣетъ затылочную и двойныя хвостовыя пластинки: яйцевидный брюшной щитъ состоитъ изъ двѣнадцати пластинокъ, раздѣленныхъ на двѣ подвижныя части; онъ такъ великъ, что обѣ части его спереди и сзади могутъ совершенно соединяться съ спиннымъ щитомъ; плечевыя и паховыя пластинки плохо развиты, а иногда и совершенно отсутствуютъ; хвостъ коротокъ, ноги довольно длинны и снабжены спереди пятью, сзади четырьмя или тремя пальцами, на которыхъ плавательныя перепонки очень слабо развиты, а иногда и совсѣмъ отсутствуютъ. Голова покрыта гладкой кожей, а переднія ноги большими чешуйками. Отъ эмидъ, къ которымъ онѣ очень близки по скелету, твердощитныя черепахи отличаются отсутствіемъ костяной височной дуги и свѣшивающимся въ видѣ крючка роговымъ клювомъ верхней челюсти. Оба вида, которые дѣлятся на четыре незначительныя разновидности, живутъ въ Сѣверной Америкѣ.

У **Каролинской черепахи** (*Cistudo carolina*, *Testudo carolina*, *carinata*, *virgulata*, *clausa*, *Emys clausa*, *virgulata*, *schneideri*, *Cistudo clausa*, *virginia*, *Terrapene carolina*, *maculata*, *carinata*, *clausa*, *Onychotria mexicana*. *Dosenschildkröte*. *Tortue de la Caroline*) посерединѣ спины проходитъ возвышенность въ видѣ тупого кля; этотъ видъ черепахъ очень разнообразенъ по строенію, окраскѣ и рисунку. Цвѣтъ верхней стороны обыкновенно красиво-бурый или черно-бурый; рисунокъ состоитъ изъ желтыхъ неправильныхъ пятенъ и полосъ; у темно-бурыхъ экземпляровъ встрѣчается иногда на боковыхъ пластинкахъ рисунокъ въ видѣ золотисто-желтаго Е. По желтому фону щитковъ брюшного панциря проходятъ бурья жилки. Длина щита равняется 13, а у нѣкоторыхъ разновидностей—17 см. Ширина обыкновенно отъ 11—12 см. Продолговатая голова яйцевидной формы снабжена острыми незубчатыми челюстями и покрыта, такъ-же какъ и ноги, бурыми и желтыми пятнами. У самца красная, а у самки бурая или сѣрая радужная оболочка.

Область распространенія каролинской черепахи проходитъ по большей части восточныхъ Соединенныхъ Штатовъ отъ Мэна до Флориды, на западъ до Ювы, Миссури и Техаса; одна изъ ея разновидностей (*var. mexicana*) встрѣчается еще въ Мексикѣ, но совершенно отсутствуетъ въ Вестъ-Индіи. Въ вышеупомянутыхъ мѣстностяхъ она водится вездѣ и въ большомъ количествѣ. Каролинская черепаха по своему образу жизни совершенно сходится съ другими сухопутными черепахами. По словамъ Орда, который хорошо наблюдалъ этихъ черепахъ, ихъ чаще можно встрѣтить на сухихъ, чѣмъ на сырыхъ мѣстахъ. Тотъ наблюдатель, который найдетъ ее на сыромъ мѣстѣ, можетъ быть вполне увѣренъ, что въ эту неприятную для нея мѣстность она привлечена какой-нибудь лакомой добычей. Такъ напримѣръ въ тѣхъ болотахъ, гдѣ цапли вьютъ себѣ гнѣзда, на нее навѣрно можно расчи-

тывать, потому что подъ гнѣздами всегда лежатъ много сгнившей рыбы, которая, повидимому, служитъ настоящимъ лакомствомъ для этой черепахи. Кромѣ этихъ остатковъ она ѣстъ и насѣкомыхъ, улитокъ, червей, нѣжные грибы и ягоды; послѣднія даже съ особенной жадностью. Другіе наблюдатели вполне подтверждаютъ сказанное выше. «Я имѣлъ часто возможность», говоритъ Миллеръ, «наблюдать за каролинскими черепахами какъ на свободѣ, такъ и въ неволѣ, и никогда не находилъ ихъ въ водѣ, а, напротивъ того, замѣтилъ, что, попавши въ воду, онѣ выказывали большое неудовольствіе и старались какъ можно скорѣе выбраться изъ нея. Онѣ встрѣчаются, правда, и на сырой и даже болотной почвѣ, но жить обыкновенно въ лѣсахъ и на лугахъ, предпочитая, повидимому, лиственные

Каролинская черепаха. *Cistudo carolina*. 1/2 наст. величины.

лѣса всякимъ другимъ мѣстностямъ. Ее находятъ иногда и на очень сухихъ, даже на безводныхъ мѣстахъ». Однако Шуфельдтъ положительно утверждаетъ, что каролинская черепаха иногда добровольно спускается въ воду. Онѣ часто закапываются, по словамъ Миллера, до половины въ мохъ или землю и, вѣроятно, тогда заняты пожираніемъ грибовъ, червей и насѣкомыхъ. Миллеръ поймалъ однажды черепаху въ пустомъ дуплѣ, откуда слышался еще издали шумъ ея работы; онъ нашелъ ее окруженной личинками насѣкомыхъ, которыми она питалась. Каролинскія черепахи любятъ вообще темноту. По словамъ Фишера, черепахи этого рода забирались днемъ за печку, подъ шкафы и другіе заслоняющіе свѣтъ предметы; съ наступленіемъ же ночи становились живѣе и всегда бѣгали по комнатамъ, когда свѣтилъ мѣсяцъ. Точно также поступаютъ онѣ, безъ сомнѣнія, и на свободѣ. Здѣсь каролинская черепаха выказываетъ себя не менѣе боязливой

и робкой, чѣмъ другіе маленькіе виды ея сородичей. При приближеніи существа, нѣсколько больше ея ростомъ, она тотчасъ втягиваетъ голову и ноги подъ щитъ и такъ плотно захлопываетъ клапаны, что становится совершенно безопасной отъ обыкновенныхъ хищныхъ звѣрей. Но въ раздраженіи она тоже защищается, кусается и не такъ то легко выпускаетъ изъ пасти захваченный предметъ. Шиль протянулъ однажды, шутя, найденной въ преріи черепахѣ, сучокъ, толщиною въ палецъ, который она наконецъ схватила своими челюстями. Чтобы узнать, выпуститъ ли она его, и когда именно—Шиль привязалъ этотъ сучокъ къ своей дорожной повозкѣ, такъ что черепаха повисла въ воздухѣ. Повозка тронулась и черепаха цѣлый день, съ утра до вечера, болталась на сукѣ, не выпуская его, слѣдовательно не уставая.

За каролинской черепахой почти совсѣмъ не охотятся. Ея мясо не употребляютъ въ пищу, несмотря на то, что оно чрезвычайно вкусно. Причиной тому служить тотъ же предрасудокъ, который заставляетъ крестьянъ пренебрегать лягушками, улитками или грибами. Чего крестьянинъ не знаетъ, того онъ не ѣстъ. «Когда однажды», рассказываетъ Ордъ, «старый морякъ, вышедши въ отставку, поселился въ Пенсильваніи и сталъ посылать ребятишекъ за лягушками и черепахами, которыхъ онъ ѣлъ, то возбудилъ вообще недобѣріе только потому, что умѣлъ цѣнить такую вкусную и здоровую пищу». Яйца нравятся больше.

О способѣ размноженія каролинской черепахи сообщаетъ намъ очень подробно Ордъ. Онъ держалъ много лѣтъ сряду нѣсколько черепахъ въ своемъ саду, во всѣхъ отношеніяхъ удобно устроенномъ для самыхъ тщательныхъ наблюдений. Несмотря на доступное имъ большое пространство и почти неограниченную свободу, очень немногія изъ нихъ приступили къ дѣлу размноженія и даже большая часть яицъ погибла, по всей вѣроятности отъ укусовъ маленькихъ муравьевъ, разорявшихъ ихъ гнѣзда. Вырытіе ямы для гнѣзда и кладка яицъ происходитъ, въ общемъ, точно такъ-же, какъ описано было нами раньше про европейскую эмиду. Яма выкапывается такъ глубоко, какъ только достають ноги самки, и кладка яицъ, повидимому, не причиняетъ родовыхъ болей, хотя яйца, числомъ отъ пяти до шести, появляются въ промежуткахъ не менѣе пяти минутъ одно послѣ другого. Полувзрослыя самки тоже несутся иногда, причемъ ведутъ себя совершенно такъ-же, какъ и взрослые. Каждое положенное яйцо окружается землею, а яма опять засыпается и мѣсто тщательно уравнивается. Во все время вырытія ямы и кладки черепахамъ измѣняется своего положенія и даже не оглядывается назадъ. Потревоженные вовремя кладки черепахи принимаются за вырытіе новой ямы только по прошествіи 14 дней.

Ордъ вынулъ однажды изъ ямы яйца черепахи въ самый день кладки и переложилъ ихъ въ ящикъ, наполненный землею. Первая черепаха вылупилась изъ яйца на 88-ой, а послѣдняя на 109-ый день послѣ кладки. Молодыя черепахи были различной величины и силы, но всѣ хорошо сложены и съ первой минуты жизни очень подвижны и проворны; но щиты ихъ были еще мягкіе, и остатки желточного мѣшка очень замѣтны на серединѣ грудного щита. Однако часто случается, что средняя температура пенсильванскаго лѣта недостаточна для полнаго созрѣванія яицъ и наступившая зима застаётъ ихъ еще въ скорлупѣ. Въ такомъ случаѣ онѣ, конечно, еще скорѣе погибаютъ отъ холода, чѣмъ старыя черепахи, которыя тоже страдаютъ отъ мороза, если не успѣли довольно глубоко зарыться въ землю. Счастливы вылупившіеся дѣтеныши зарываются въ землю въ одно время со старыми, т. е. въ Пенсильваніи въ половинѣ октября, чтобы опять появиться къ 20 апрѣля. Свои зимнія убѣжища онѣ выбираютъ весьма искусно въ рыхлой почвѣ и на мѣстѣ, защищенномъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ.

Мюленбергъ рассказываетъ, что каролинская черепаха преслѣдуетъ тоже крысъ и змѣй, что ради этого ее ловятъ и сажаютъ въ погребъ, гдѣ она оказывается весьма полезной. По его словамъ, она хватаетъ этихъ животныхъ и, ущемивъ ихъ между спяннымъ и груднымъ панциремъ, давитъ на смерть, послѣ чего пожираетъ ихъ. Но этотъ рассказъ доказываетъ только, что добродушному Мюленбергу навязали дѣтскую сказку. Какъ дѣло обстоитъ въ дѣйствительности, узналъ Кэй собственнымъ опытомъ, когда посадилъ въ свой погребъ черепаху, чтобы испытать справедливость пушечнаго Мюленбергомъ слуха: оказалось, что сама черепаха была заѣдена крысами. Напротивъ того, совершенно вѣрно, что она въ домѣ приноситъ извѣстную пользу истребленіемъ личинокъ и насѣкомыхъ, для чего ее охотно держать въ неволѣ. Черепахи этого вида питаются самой разнообразной пищей: онѣ ѣдятъ грибы, салатъ, картофель, овощи, хлѣбъ, насѣкомыхъ и мясо. Жившая у Рейхенбаха каролинская черепаха выказывала странное отвращеніе къ греческой черепахѣ, съ которой жила въ одномъ помѣщеніи. «Въ то время, какъ я спокойно занимался», рассказываетъ Рейхенбахъ, «я часто слышалъ какъ будто постукиванье маленькимъ молоточкомъ, и никакъ не могъ понять причины этого стука. Я замѣталъ наконецъ, что маленькая каролинская черепаха напала на большую греческую: подступивъ къ ней съ извѣстною злобою, она старалась приблизиться къ серединѣ боковой стороны своей противницы; достигнувъ этого мѣста, она втягивала голову, становилась на переднія ноги и съ разстоянія около 2 см., начинала, на подобіе римскихъ тарановъ, ударять переднимъ краемъ своего щита въ середину бока греческой черепахи, повторяя эти удары отъ десяти до двѣнадцати разъ подрядъ. Это интересное зрѣлище повторялось ежедневно и многіе изъ моихъ друзей наблюдали его вмѣстѣ со мною, пока маленькая черепаха, можетъ быть со злости на бесполезность своихъ усилій, наконецъ не околѣла». Обѣ черепахи, вѣроятно, были самцами. Съ наступленіемъ зимы необходимо дать каролинскимъ черепахамъ возможность зарыться въ землю; въ этомъ состояніи онѣ вѣрнѣе всего переносятъ зимній холодъ. По словамъ Шнека, онѣ доживаютъ до 60 лѣтъ, а по словамъ Ходзсона, до 62 лѣтъ.

* * *

Всѣ теплыя страны земного шара, за единственнымъ исключеніемъ Австраліи и Новой Гвиней, служатъ отечествомъ настоящимъ, избѣгающимъ воды, сухопутнымъ черепахамъ. Большинство видовъ живетъ въ Африкѣ, въ Европѣ — только два вида. Онѣ населяютъ лѣсистыя или обросшія растеніями мѣстности, а въ особенности степи и пустыни и ведутъ созерцательную, тихую жизнь. Подобно всѣмъ другимъ пресмыкающимся, онѣ больше всего цѣнятъ теплоту, почему показываются въ умѣренномъ климатѣ только въ жаркіе мѣсяцы, а холодное время года проводятъ въ зимней спячкѣ, закапываясь въ вырытыя ими самими ямы. То же самое происходитъ и въ жаркихъ странахъ въ сухое, знойное время года. «Во время сильнаго солнечнаго зноя и засухи», говорятъ А. фонъ-Гумбольдтъ, «животныя эти ничего не ѣдятъ и зарываются подъ камни или въ выкопанныя ими самими ямы. Только послѣ перваго дождя, почувявъ, что земля отсырѣла, онѣ вылѣзаютъ изъ своихъ убѣжищъ и начинаютъ отыскивать себѣ пищу».

Среди представителей своего класса сухопутныя черепахи принадлежатъ къ числу самыхъ лѣнливыхъ и равнодушныхъ существъ. Каждое ихъ движеніе неуклюже, тяжело и беспомощно. Онѣ въ состояніи пройти довольно большія пространства безъ передышки, но совершаютъ эти переходы съ невыразимою медленностью, лѣниво переставляя одну ногу за другою, и какъ будто съ отвраще-

ниемъ передвигая свое тяжелое тѣло. Однако, каждое ихъ движеніе совершается съ значительной силой и выдержанностью. Брошенная въ воду или нечаянно попавшія туда черепахи какъ камень падаютъ на дно, но тутъ преспокойно путешествуютъ дальше и послѣ довольно продолжительнаго времени опять достигаютъ берега, какъ ни въ чемъ не бывало. Гораздо труднѣе имъ перевернуться на ноги, если другіе виды черепахъ или какіе-нибудь враги положить ихъ на спину; онѣ должны часто цѣлыми днями работать головой и хвостомъ, пока имъ удастся перевернуться, потому что неуклюжія ноги рѣшительно отказываютъ имъ въ этой услугѣ. Если имъ однако удастся захватить ртомъ какую-нибудь вѣтку или траву, онѣ закусываютъ ее челюстями и, втянувъ шею, легко переворачиваются на ноги. Удивительно, что онѣ выказываютъ сравнительную ловкость въ другомъ родѣ движеній, такъ напримѣръ онѣ довольно хорошо умѣютъ лазать. Настоящаго голоса, повидимому, у нихъ нѣтъ: въ раздраженіи онѣ сопятъ или фыркаютъ, но не издаютъ настоящихъ звуковъ. Умственныя способности вполнѣ соответствуютъ малому объему мозга, который, повидимому, существуетъ только ради однихъ внѣшнихъ чувствъ. Однако нельзя имъ отказать въ извѣстной степени умственнаго развитія. Онѣ иногда выказываютъ довольно хорошее знаніе мѣстности, память, даже нѣкоторую разсудительность или, по крайней мѣрѣ, стремленіе къ извѣстной цѣли. «Посаженная на плоскій столъ, черепаха Горсфильда (*Testudo horsfieldi*)», сообщаетъ намъ Бетхеръ, «очень хорошо понимаетъ ту страшную высоту отъ земли, на которой она находится и постоянно бѣгаетъ кругомъ борта стола, опуская отъ времени до времени голову внизъ, измѣряя рышину стола, но не падая. Случается однако, что когда въ жаркіе дни черепаха особенно оживится, она пробуетъ спуститься со стола, и если этотъ смѣлый поступокъ ей удастся, она повторяетъ его, раза два-три, если ее даже тотчасъ посадятъ на столъ обратно; все это несомнѣнно доказываетъ, что животное убѣдилось въ безопасности своей попытки. Если же между столомъ и поломъ находится какой-нибудь предметъ въ родѣ стула, или даже моей ноги, она при соскальзываньи со стола благоразумно выбираетъ этотъ путь, чтобъ ослабить силу паденія. «При видѣ врага, черепахи прибѣгаютъ къ своему обычному средству защиты, втягивая подъ щитъ всѣ конечности, чѣмъ мало по малу утомляютъ самаго терпѣливаго противника; однажды испугавшись, онѣ начинаютъ при малѣйшемъ поводѣ втягивать конечности подъ спасительный покровъ. Между собою онѣ иногда выказываютъ чувства привязанности или отвращенія; проявляется иногда и ревность: такъ напримѣръ, два самца могутъ долго спорить за обладаніе одной самкой, и эта борьба продолжается съ извѣстнымъ упорствомъ довольно продолжительное время. За избранной самкой влюбленные самцы слѣдуютъ цѣлыми днями, но только въ періодъ любви; по прошествіи же его каждое животное отправляется отдѣльно въ разныя стороны, не заботясь о другомъ. При кладкѣ яицъ онѣ выказываютъ заботливость, свойственную всѣмъ членамъ этого порядка; къ вылупившимся же птенцамъ относятся совершенно равнодушно.

Пища сухопутныхъ черепахъ состоитъ преимущественно изъ мягкихъ частей растений, которыя онѣ срываютъ или, лучше сказать, срѣзаютъ съ корня. Большіе виды жадны и въ большомъ количествѣ поѣдаютъ всевозможныя травы, меньшіе съ большей разборчивостью выбираютъ части листьевъ, отпрыски растений и плоды. Маленькія черепахи рвутъ траву, а большія срѣзаютъ острыми челюстями или отдѣляютъ захваченный кусокъ, отдергивая назадъ голову. Говорятъ, что иногда онѣ ѣдятъ червей и улитокъ; на большихъ животныхъ онѣ нападать не рѣшаются. Пьютъ онѣ рѣдко, но много за одинъ разъ.

Шаровидныя лица этихъ черепахъ, покрытыя известковой скорлупой, кладутся въ самое благопріятное время года. Онѣ бывають тотчасъ засыпаны землею или зарыты въ листву; дѣтеныши выдуваются черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и начинаютъ вести жизнь своихъ родителей.

Сухопутныя черепахи едва ли приносятъ человѣку какую-нибудь значительную пользу. Только въ домашнемъ обиходѣ дикихъ или полудикихъ народовъ ихъ щиты играютъ большую роль, въ видѣ ящичковъ и коробочекъ для домашней утвари; какъ табакерки, напримѣръ, онѣ очень часто употребляются у туземцевъ юго-западной Африки. Мясо сухопутныхъ черепахъ такъ-же съѣдобно, какъ и мясо рѣчныхъ и морскихъ черепахъ, однако ихъ рѣдко ловятъ для этой цѣли. Чаще ловятъ ихъ для жизни въ неволѣ и тогда пускають ихъ бѣгать по комнатамъ и саду. Привыкнувъ однажды къ тѣсному помѣщенію и къ соединенной съ нимъ перемѣнной пищѣ, онѣ легко выживаютъ многіе годы въ неволѣ, если зимою позаботятся о доставленіи имъ необходимаго тепла. Если же имъ втеченіе дѣта доставляютъ нѣкоторую свободу, напримѣръ, позволяютъ гулять по желанію въ саду, окруженномъ стѣною, и только съ наступленіемъ холодовъ переносятъ въ болѣе теплое помѣщеніе и, наконецъ, не препятствуютъ ихъ зимней спячкѣ, то онѣ чувствуютъ себя еще лучше, чѣмъ въ клѣткѣ, отыскивають большую часть пищи сами и даже иногда плодятся. Единичныя экземпляры выживали 70, 100 и даже 150 лѣтъ въ неволѣ.

Врагами ихъ можно считать вышеупомянутыхъ животныхъ, васколько они могутъ справиться съ этими черепахами.

Многія черепахи могутъ двигать передней или задней, а иногда и обѣими половинками своего брюшнаго щита, но однѣ только **Циниксы** (*Cinixys. Gelenkschildkröten*) въ состояніи пригибать заднюю часть спиннаго щита къ брюшному. Ихъ сильно выгнутый спинной щитъ состоитъ изъ двухъ частей, соединенныхъ между собою только хрящевымъ швомъ, который и допускаетъ нѣкоторую подвижность задней части щита. Шовъ этотъ представляетъ ломаную линію и находится между второй и третьей боковыми пластинками и въ глубокомъ разрѣзѣ между краевыми пластинками. Напротивъ того, брюшной щитъ, раздѣленный на двѣнадцать пластинокъ, состоитъ изъ одного цѣльнаго куска. Затылочныя пластинки иногда очень развиты, но могутъ и отсутствовать. Хвостовая пластинка простая; плечевыя и паховыя тоже замѣтны. Голова покрыта щитками, переднія и заднія ноги—большими черепичатыми чешуйками. На толстыхъ переднихъ ногахъ пять почти совершенно сросшихся пальцевъ, на заднихъ четыре немного болѣе раздѣльныхъ пальца; во время ходьбы первые дотрогиваются до земли только кончиками ногтей, вторые — половиною ступни.

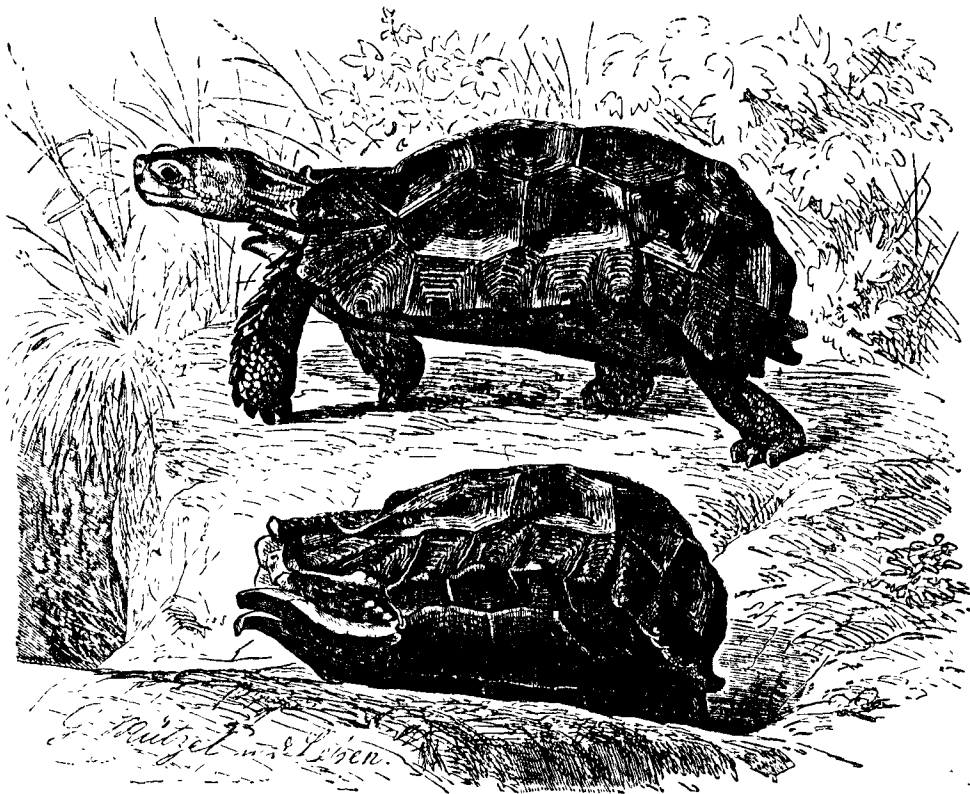
Изъ этой группы черепахъ мы знаемъ только три рода, отечествомъ которыхъ считается тропическая Африка и Мадагаскаръ.

Зубчатая Циникса (*Cinixys erosa, Testudo erosa, Cinixys castanea, denticulata. Gezähnelte Gelenkschildkröte*) самый извѣстный, хотя и не самый распространенный видъ этой группы. Онъ отличается овальнымъ, сверху плоскимъ, впередъ вытянутымъ, въ затылочной части придавленнымъ книзу сплюгнутымъ щитомъ безъ зашейныхъ пластинокъ; передній и задній края спиннаго щитка сильно зазубрены и загнуты вверхъ. Передняя часть груднаго щита довольно значительно выступаетъ впередъ противъ спиннаго. Спинушкой щитъ равномерно свѣтло-каштаново-бураго цвѣта; щитки на головѣ, чешуйки на ногахъ и обѣ челюсти свѣтло-

желтого цвѣта; нѣкоторые щетки на головѣ грязновато-бурые. Величина этой циниксы довольно значительна; длина панциря нерѣдко достигаетъ 23 см.

Отечествомъ этой черепахи можно считать весь западъ Африки. Ее находили отъ рѣки Гамбін къ югу до устьевъ Конго; какъ далеко она распространена во внутренней части Африки—до сихъ поръ еще неизвѣстно.

Объ образѣ жизни всѣхъ вообще циниксъ мы получили только въ самое послѣднее время довольно скудныхъ свѣдѣнйя. До той поры я слышалъ о ней только одинъ разсказъ, какъ въ дельтѣ Нигера у одного туземца, державшаго подобную черепаху на привязи, ее купили, привезли живою въ Европу, кормили только

Зубчатая циникса. *Cinixys erosa*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

каждыя 2—3 недѣли морскими сухарями и, несмотря на то, она выжила въ неволѣ нѣсколько лѣтъ. Въ послѣднее время достигли до насъ не только другіе экземпляры черепахъ этого вида, но и подробныя свѣдѣнйя объ ихъ жизни на свободѣ. Эти свѣдѣнйя не только бросаютъ неожиданный свѣтъ на всѣхъ циниксъ, но и доказываютъ тоже вѣрность взгляда Штрауха, который утверждалъ, что болотныя и сухопутныя черепахи не только принадлежать къ одному семейству, но составляютъ какъ бы звенья одной и той же цѣпи. Хотя Монтейро рѣшительно называетъ одинъ видъ этой группы (*Cynixys belliana*) исключительно сухопутными животными, живущими только на гранитныхъ скалахъ или очень сухой почвѣ и утверждаетъ, что онъ появляется только въ жаркое дождливое время, а прохладные мѣсяцы, отъ мая до октября, по увѣренію туземцевъ, проводитъ, глубоко зарывшись подъ землю; однако о двухъ другихъ видахъ существуютъ свѣдѣнйя,

доказывающія совершенно противоположное. Егеръ доказываетъ, что описанныя выше циниксы довольно обыкновенныя въ Верхней Гвинеѣ животныя, что онѣ служатъ пищей туземцамъ, почему цѣнятся ими очень высоко и по той же причинѣ рѣдко поступаютъ въ продажу. При этомъ онъ прибавляетъ: «повидимому она можетъ долгое время жить въ водѣ: одна изъ принесенныхъ мною домой черепахъ цѣлые мѣсяцы пребыла передъ тѣмъ въ водоемѣ». Съ этимъ вполне согласенъ Фалькенштейнъ. «О циниксѣ», пишетъ онъ, «я не могъ много узнать ни изъ собственныхъ наблюденій, ни изъ рассказовъ негровъ. Я знаю только, что доставленная мнѣ живую циникса встрѣчается нечасто и водится въ рѣкахъ или около нихъ почти до самаго ихъ впаденія въ море. Отсюда она подходитъ для кладки яицъ къ самому берегу моря, гдѣ ее и ловятъ. Въ какое это время происходитъ—я навѣрно не знаю; я убѣжденъ, что она прекрасно умѣетъ плавать, несмотря на плохое развитіе ногъ; по крайней мѣрѣ, жившія у меня въ неволѣ черепахи доставали себѣ пищу изъ очень глубокаго сосуда съ водою, и чтобы отыскать ее опускались на самое дно.»

Жизнь въ неволѣ циниксъ описана въ краткихъ чертахъ Фишеромъ по его наблюденіямъ надъ всѣми тремя видами этого рода. Виды эти совершенно сходны между собою по нравамъ и привычкамъ: это лѣнныя и тупыя дневныя животныя, которыя едва замѣтно передвигаются съ мѣста на мѣсто; ихъ движенія такъ же медленны, какъ передвиженіе минутной стрѣлки; при ѣдѣ же онѣ такъ безпомощны, что Фишеръ удивляется, какъ онѣ вообще могутъ насытиться. Одна изъ черепахъ, за которыми наблюдалъ Эффельдтъ, ѣла только однѣ вишни; тѣ, которыя жили у Фишера, питались исключительно яблоками, да и то онѣ ѣли не чаще, какъ черезъ 8 — 14 дней, а иногда проходило отъ трехъ до четырехъ недѣль, пока онѣ рѣшались приступить къ пищѣ. Сильнѣе всего возбуждается у нихъ аппетитъ въ ясную погоду и послѣ теплаго купанья; но при ѣдѣ у нихъ часто выпадаютъ куски изо рта, послѣ чего онѣ долго, но тщетно, хватаются за нихъ, такъ что для полнаго ихъ насыщенія требуется не менѣе двухъ или трехъ часовъ.

Эффельдтъ сообщилъ мнѣ незадолго до смерти, что походкой своей циниксы отличаются отъ всѣхъ другихъ ему знакомыхъ черепахъ, и ихъ походка можетъ прямо назваться хожденіемъ на ходуляхъ, такъ какъ эти животныя выступаютъ буквально на кончикахъ когтей, какъ это видно на рисункѣ Мютцеля. Въ минуты внезапнаго или продолжительнаго испуга онѣ совершенно прячутся подъ панцирь, опускаютъ подвижную заднюю часть щита, вслѣдствіе чего образуется открытая только спереди коробка, которая съ такой вѣрностью изображена Мютцелемъ.

* *
*

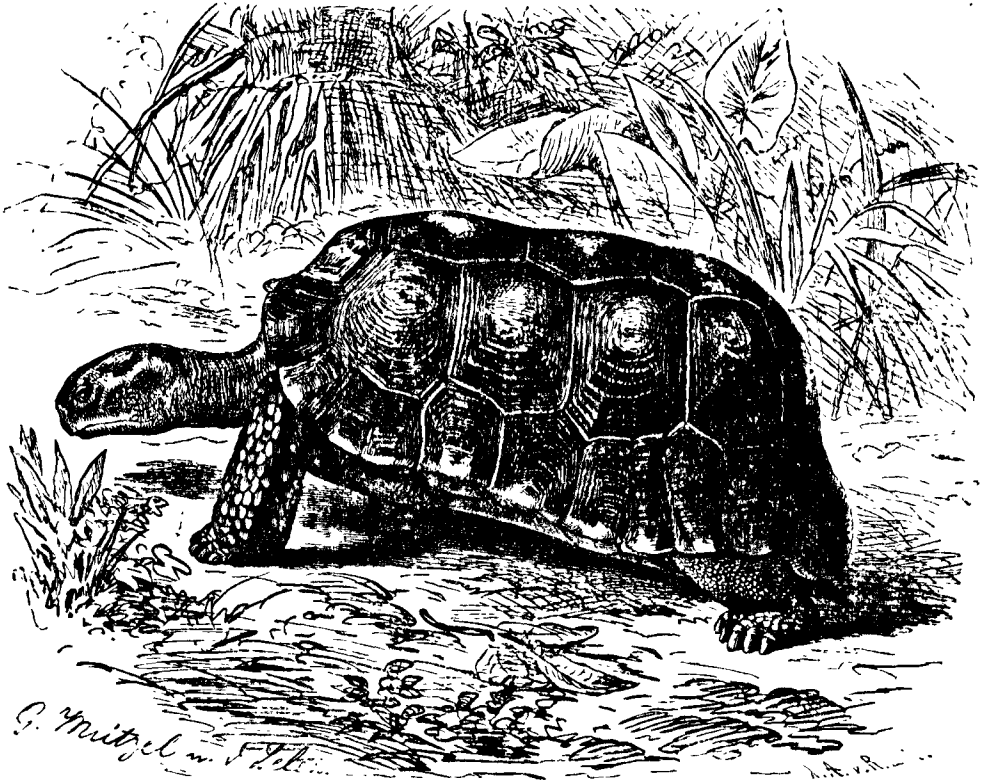
Семейство **Сухопутныхъ черепахъ** въ тѣсномъ смыслѣ слова (*Testudo. Landschildkröte*) отличается слѣдующими общими признаками: сильно выпуклый спинной щитъ состоитъ изъ одного неподвижнаго куска; раздѣленный на 12 пластинокъ брюшной щитъ — пзъ одной или двухъ частей; въ послѣднемъ случаѣ передняя часть неподвижна, задняя подвижна; хвостовая пластинка всегда простая, хотя иногда бываетъ раздѣлена на поверхности. Затылочная пластинка иногда вдвнута между другими краевыми пластинками или совершенно отсутствуетъ; плечевыя и паховыя пластинки почти всегда налицо. Голова покрыта щитками; кончикъ хвоста иногда вооруженъ роговымъ наростомъ. Большія черепичатыя чешуйки покрываютъ плечевую часть переднихъ ногъ; пятки заднихъ ногъ покрыты наростами въ видѣ шпоръ, которыя иногда, поодиночкѣ или группами, видны и

на задней части бедеръ. Сросшіеся до самыхъ когтей пальцы неуклюжихъ ногъ имѣютъ только два сочлененія и снабжены спереди пятью, рѣже четырьмя—а сзади четырьмя когтями. Всѣ принадлежащіе къ этой группѣ виды ходятъ на пальцахъ и принадлежатъ къ сухопутнымъ животнымъ въ полномъ смыслѣ слова. Къ этимъ признакамъ Буланже прибавляетъ, что верхняя челюсть, внутренній и наружный край которой параллельны, снабжена еще продольнымъ костянымъ валикомъ. Намъ извѣстны 43 вида этого обширнаго семейства; конечно, нѣкоторые изъ большихъ видовъ въ настоящее время должны считаться вымершими. Онѣ живутъ въ южной Европѣ, южной Азій, Африкѣ, въ южныхъ Соединенныхъ Штатахъ и Южной Америкѣ. Почти половина всѣхъ видовъ принадлежитъ тропической Африкѣ и ея островамъ.

Изъ Южной Америки очень часто къ намъ привозится въ настоящее время сухопутная черепаха, которую въ Бразиліи называютъ **Шабути**, (*Testudo tabulata, sculpta, denticulata, tessellata, hercules, carbonaria, cagado, boiei, Chersine tessellata, tabulata, Chelonoides tabulata. Chabuti. Tortue du Brésil*). Наружность ея довольно неуклюжа: плоскій щитъ круто спускается спереди, а сзади сильно удлинень, но краямъ нигдѣ не загнуть. Голова довольно большая; края роговыхъ челюстей мелко зазубрены; шея довольно длинная и толстая, хвостъ очень короткій, неуклюжія ноги поражаютъ своей длиной. На спинномъ щитѣ 5 широкихъ щитковъ посерединѣ, по 4 съ каждой стороны—и 23 меньшихъ—образуютъ вѣшній поясъ; затылочной пластинки нѣтъ. Позвоночныя пластинки имѣютъ возвышенную срединную плоскость, которая рѣзко отдѣляется своей желтой или оранжевой окраской. Брюшной щитъ очень великъ, спереди какъ бы обрубленъ, сзади вырѣзанъ подѣ тупымъ угломъ и состоитъ изъ 12 пластинокъ. Горловые щитки хорошо развиты, но не вытянуты впередъ. Спинной щитъ темно-бурый или черный, каждая пластинка украшена посерединѣ желтымъ пятномъ. Брюшной панцирь бурый и желтый, а иногда желтый съ большимъ бурымъ пятномъ посерединѣ. Непокрытыя части тѣла черноватаго цвѣта и разрисованы разными оранжевыми или красными пятнами; темя блѣдно-желтое съ черными полосками и пятнами; остальная часть головы черноватая. Надъ носомъ видны рядомъ два круглыхъ желтыхъ пятна; такія же два пятна надъ ушами и одно на заднемъ концѣ нижней челюсти. Отъ буроватаго фона переднихъ ногъ рѣзко выдѣляются ярко оранжевыя чешуйки, тогда какъ заднія ноги имѣютъ только на бедрахъ нѣсколько желтыхъ чешуекъ и кромѣ того на латкахъ нѣсколько пятенъ того же цвѣта. Длина щита равняется 55 см. Самецъ отличается отъ самки немного болѣе длиннымъ и тонкимъ хвостомъ и на нижней сторонѣ плоскимъ, даже вогнутымъ брюшнымъ щитомъ. У молодыхъ животныхъ спинной щитъ еще болѣе выпуклый, чѣмъ у старыхъ, и окраска ярче.

Шабути распространенъ по всей тропической Южной Америкѣ къ востоку отъ Андъ. Онъ водится, по словамъ принца фонъ Видъ, въ большей части Бразиліи; по словамъ Бетхера,—въ Парагваѣ, по словамъ Шомбургка,—во всѣхъ лѣсныхъ мѣстностяхъ Гвианы до 600 м. надъ уровнемъ моря; по словамъ Гашета, шабути живетъ въ большомъ количествѣ по всей Венецуэлѣ и встрѣчается также на расположенныхъ къ сѣверу отъ Южной Америки Малыхъ Антильскихъ островахъ, а именно на Тринидатѣ, Сентъ-Винцентѣ и Св. Люціи. На удобныхъ имъ мѣстахъ онѣ попадаются даже очень часто. «Я находилъ», говоритъ принцъ фонъ-Видъ, «много пустыхъ щитовъ въ лѣсахъ Тапебуку, на $\frac{1}{2}$ градуса сѣвернѣ Кабо Фріо, и,

идя далѣе по тому же направленію, находилъ и самихъ животныхъ всюду въ большихъ лѣсахъ восточной Бразиліи. Въ Бельмонтѣ онѣ нерѣдки, и я часто видѣлъ въ дорожныхъ мѣшкахъ ботокудовъ цѣлые щиты этихъ черепахъ, также какъ и верхній щитъ рѣчной черепахи, на которомъ эти дикари растираютъ свои краски. У рѣки Ильеосъ, наконецъ, во время нашего странствованія по непрерывнымъ лѣсамъ, мы встрѣчали ихъ часто въ самыхъ густыхъ заросляхъ. Онѣ, повидимому, живутъ только на сухой землѣ, а именно въ лѣсахъ, и я только тамъ и встрѣчалъ ихъ. Здѣсь можно часто увидѣть ихъ, какъ онѣ медленно передвигаются на своихъ неуклюжихъ ногахъ, которыя тотчасъ же втягиваютъ подъ щитъ, когда увидятъ что-нибудь подозрительное. Пищу свою этотъ видъ

Шабуги. *Testudo tabulata*. 1/4 наст. вел.

добываетъ тоже изъ растительнаго царства. Онѣ ѣдятъ преимущественно упавшіе съ дерева спѣлые плоды, чрезвычайно разнообразные въ этихъ странахъ.

«Въ жаркое время года сухопутная черепаха собираетъ въ кучу множество сухихъ листьевъ, въ которые и кладетъ 12 и болѣе яицъ. По словамъ Каплера, одна кладка содержала въ Суринамѣ только 5—6 яицъ. Дѣтеныши, по выходѣ изъ яйца, желто-бураго цвѣта, а щитъ у нихъ еще упругій.

«Эти юныя животныя, какъ и ихъ родители, имѣютъ много враговъ. На старыхъ, несмотря на ихъ толстый щитъ, нападаютъ иногда большіе виды кошекъ и пожираютъ ихъ. Хорошо знакомые съ лѣсомъ и его жизнью индѣйцы увѣряютъ, что ягуаръ, найдя такую черепаху, ставитъ ее стоймя и своими длинными когтями мало по малу вытаскиваетъ мясо изъ подъ щита. Вотъ почему, говоритъ они, и находятъ въ лѣсахъ много пустыхъ панцирей, которые мы дѣйствительно сами

часто находили. Эти рассказы казались намъ тѣмъ вѣроятнѣе, что пустые панцири на ребрѣ были нѣсколько обгрызаны и раскрыты. Такъ какъ эти черепахи не имѣютъ неприятнаго запаха, то онѣ употребляются въ пищу португальцами, неграми и индѣйцами, и въ извѣстное время бываютъ очень жирны. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ около рѣки Илеосъ, ихъ держатъ для этой цѣли за маленькими круглыми оградами изъ вколоченныхъ отвѣсно жердей и достаютъ ихъ оттуда по мѣрѣ надобности. Онѣ долгіе годы выживаютъ въ неволѣ. Посаженныя въ загородку, онѣ тотчасъ принимаются ѣсть бананы, которые особенно любятъ, листья и разные плоды. Когда до нихъ дотрогиваются, онѣ прячутся подъ щитъ и шипятъ, какъ гуси: другаго звука я отъ нихъ никогда не слыхалъ». Каплеръ, который наблюдалъ за этой черепахой въ Суринамѣ, слышалъ, что она издавала жалобные звуки и замѣчаетъ въ то же время, что ее ѣдятъ по всей голландской Гвианѣ.

Шабуты въ послѣднее время стали часто привозить въ Европу живую и если ее только держать зимою въ тепломъ помѣщеніи, то она выживаетъ въ неволѣ многіе годы. Своимъ нравомъ она мало отличается отъ другихъ сухопутныхъ черепахъ. Соответственно своимъ высокимъ ногамъ, она двигается скорѣе, чѣмъ всѣ другіе виды этой породы. «У меня, рассказываетъ Фишеръ, «эти черепахи бѣгаютъ свободно по комнатамъ. Съ первыми лучами солнца онѣ просыпаются и начинаютъ прохаживаться по комнатамъ Цѣлый день онѣ въ движеніи, обнюхиваютъ все, что лежитъ на полу, пьютъ воду и молоко изъ чашки, приготовленной для нихъ, и ѣдятъ то очень много, то вдругъ (въ пасмурные дождливые дни) совсѣмъ перестаютъ ѣсть. Если онѣ найдутъ на полу неразрѣзанное яблоко, то стараются прокусить его, но вмѣсто того катятъ его только передъ собою, такъ какъ, наклоня голову, всякій разъ толкаютъ яблоко концомъ морды. Эта игра продолжается довольно долго, и онѣ, наконецъ, оставляютъ свое намѣреніе и двигаются дальше. Я замѣтилъ, что онѣ въ послѣдствіи оставляли безъ вниманія неразрѣзанные яблоки, какъ бы признавая бесполезность своихъ усилій.

«Какъ только стемнѣетъ, онѣ заползаютъ подъ кровати, шкапы и занавѣси; однако тотчасъ же вылѣзаютъ оттуда, если вблизи ихъ зажгутъ свѣчу или лампу. Тогда онѣ опять начинаютъ бродить кругомъ на своихъ неуклюжихъ ногахъ. Когда у меня въ комнатѣ топится печка, онѣ выходятъ изъ засады, останавливаются на нѣкоторое время и затѣмъ медленно опускаются на полъ около печки; здѣсь онѣ лежатъ, съ виднымъ наслажденіемъ вытянувъ шею и заднія ноги во всю ихъ длину.

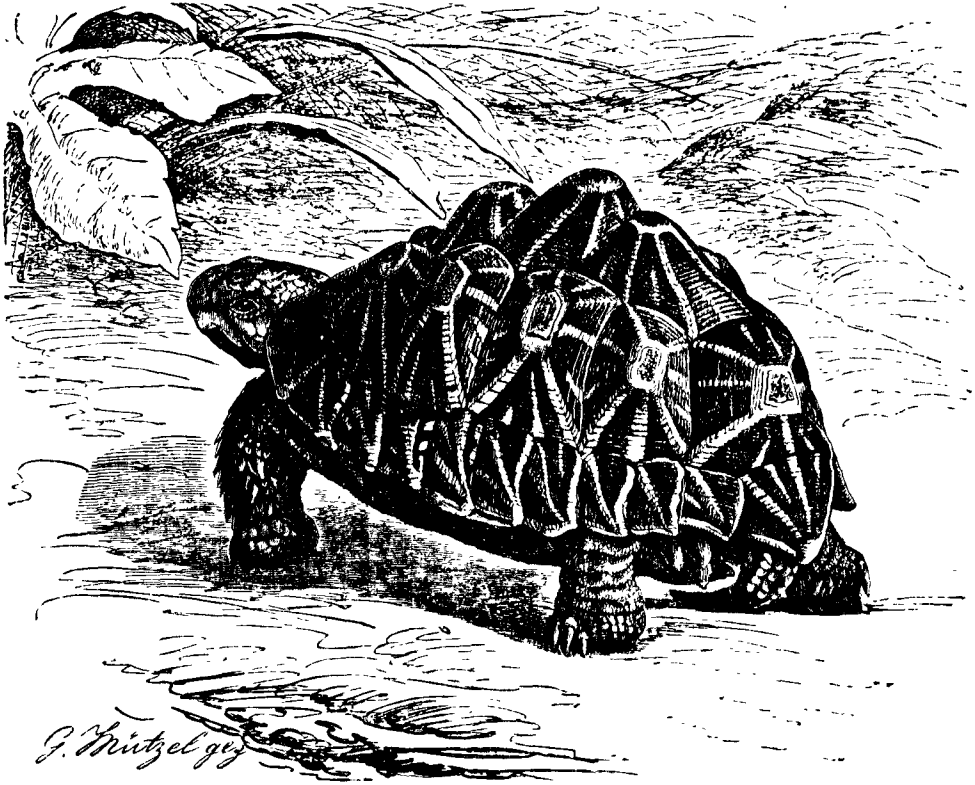
«Пища ихъ состоитъ почти ежедневно изъ булки, размоченной въ молокѣ или въ водѣ, лимоновъ, которые имъ, повидимому, очень нравятся, яблокъ, грушъ, салата, капусты, тыквы и мяса. Замѣчательно то, что самцы охотно ѣдятъ мясо, между тѣмъ какъ самки питаются исключительно растительными веществами.

«Когда я ихъ получилъ, онѣ были такъ пугливы, что при малѣйшемъ приближеніи, шипя, прятались подъ щитъ. Теперь онѣ не перестаютъ даже ѣсть, когда до нихъ слегка дотрогиваются рукою, и ѣдятъ прямо изъ рукъ».

* * *

Пирамидальная черепаха (*Testudo elegans, stellata, actinodes* и *megalopus, Chersine elegans, Peltastes stellatus, Sternschildkröte, Tortue des Indes*) принадлежитъ къ самымъ красивымъ видамъ этой группы и происходитъ изъ Ост-Индіи. Продолговатый яйцевидный щитъ посерединѣ сильно возвышается, съ обѣихъ концовъ почти одинаково покатъ, въ общемъ болѣе высокъ, чѣмъ широкъ; брюш-

ной щитъ спереди, а спинной сзади вырѣзанъ глубокимъ трехугольникомъ. Среднія площадки отдѣльныхъ пластинокъ возвышаются у нѣкоторыхъ старыхъ черепахахъ такъ значительно, что каждая пластинка образуетъ отдѣльный горбъ. Въ хребтовыхъ пластинкахъ средняя, самая высокая площадка, иначе сказать верхушка горба, находится въ серединѣ, на реберныхъ пластинкахъ между серединой и верхнимъ краемъ; на краевыхъ—въ нижнемъ заднемъ углу, у трехъ заднихъ краевыхъ пластинокъ она особенно выступаетъ въ видѣ острій. Затылочная пластинка отсутствуетъ; горловые пластинки имѣютъ видъ продолговатаго трехугольника; плечевыя пластинки болѣе длинны, чѣмъ широки; грудныя—очень узки; брюшныя одинаковы въ длину и ширину; заднепроходныя имѣютъ форму ромба. Маленькіе

Пирамидальная черепаха. *Testudo elegans*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

многоугольные щитки покрываютъ верхъ головы и лежатъ на верхней сторонѣ рыльца, распредѣляясь равномерно по обѣ стороны; болѣе длинная и большая пластинка покрываетъ область надъ ухомъ. Края челюстей слабо зазубрены. Переднія ноги покрыты спереди, заднія сзади большими, плоскими, трехугольными чешуйками и роговыми наростами, а пятки—большими выпуклыми чешуйками въ видѣ шпоръ. Голова и конечности разрисованы по желтоватому фону неправильными жилками; отдѣльные щитки панцыря покрыты по черному фону великолѣпнымъ узоромъ: отъ всѣхъ свѣтло- и ярко-желтыхъ среднихъ полей расходятся во всѣ стороны въ видѣ звѣзды постепенно расширяющіяся того же цвѣта полосы, которыя украшаютъ щитъ самымъ привлекательнымъ образомъ. Длина вытянутаго животнаго равняется 35, длина щита 26 см.

Пирамидальная черепаха живетъ въ большемъ или меньшемъ количествѣ, на

сухой почвѣ, богатой травой, колючимъ кустарникомъ и терновникомъ, у подошвы холмовъ въ Индостанѣ, за исключеніемъ нижней Бенгаліи, и доходитъ на западъ до Синда, на югъ до Цейлона; но, несмотря на то, ихъ ловятъ нечасто. Причиной тому, по словамъ Хуттона, которому мы обязаны всѣмъ нижеказаннымъ, служить то обстоятельство, что ихъ окраска сходится совершенно съ цвѣтомъ почвы ея мѣстожитель-ства; поэтому ее трудно бываетъ отличить отъ окружающихъ предметовъ; кромѣ того она въ жаркое время совсѣмъ не показывается, а прячется подъ кустарникъ или въ густую траву. Опытные туземные охотники разыскиваютъ ихъ слѣды на песчаныхъ или пыльныхъ мѣстахъ, идутъ по нимъ съ поразительной вѣрностью и такимъ образомъ часто овладѣваютъ черепахи. Въ дождливое время пирамидальныя черепахи чувствуютъ себя бодрѣе всего и почти весь день бѣгаютъ взадъ и впередъ для ѣды и спариванья. Съ началомъ холоднаго времени онѣ отыскиваютъ себѣ убѣжище и прячутся, какъ только могутъ лучше, чтобы защитить себя отъ холода. Здѣсь остаются онѣ въ тупой бездѣятельности, но не въ безсознательномъ снѣ до наступленія теплыхъ мѣсяцевъ, втеченіе которыхъ онѣ стараются защитить себя въ полдень отъ жары, какъ прежде защищались отъ холода — и выходятъ изъ засады только къ солнечному закату.

Хуттонъ нѣсколько разъ держалъ пирамидальныхъ черепахъ въ неволѣ, одинъ разъ даже шесть штукъ заразъ: четырехъ самцовъ и двухъ самокъ. Онѣ посадили ихъ за широкую загородку, снабдилъ водою, свѣжей, сухой травой, большой кучей хвороста и жесткаго сѣна, въ которое онѣ прятались, и внимательно наблюдалъ за ними. Въ жаркое время года онѣ оставались цѣлый день въ своемъ убѣжищѣ и показывались только передъ солнечнымъ закатомъ, чтобы поѣсть, однако онѣ не прятались на ночь, а оставались на одномъ мѣстѣ, какъ бы въ спящемъ состояніи, и видимо радовались прохладѣ; съ наступленіемъ дня онѣ опять отправлялись въ свое убѣжище. Въ это же время онѣ часто купались, причѣмъ входили въ воду, гдѣ оставались большею частью около получаса и тутъ же почти всегда испражнялись. Воды онѣ пили тоже очень много.

Съ наступленіемъ дождливаго времени онѣ оживились, бродили цѣлый день въ своей загородкѣ, ѣли, отдыхали и, наконецъ, приступили къ совокупленію. Часто два самца гонялись другъ за другомъ, не тревожа, впрочемъ, самки, которая спокойно ѣла, оставаясь на одномъ мѣстѣ. Во время спариванія самцы влѣзаютъ, по примѣру млекопитающихъ, на избранныхъ самокъ, причѣмъ обнимаютъ щипъ передними ногами, а задними стоятъ на землѣ. Во время совокупленія, которое часто продолжается отъ 10 до 15 минутъ, самецъ испускаетъ звуки, похожіе на хрюканье. Все время, пока продолжаются дожди, значить съ конца іюня до половины октября, самки терпятъ ласки самцовъ; послѣ того оба пола опять становятся совершенно равнодушными другъ къ другу. Два самца нерѣдко сражались между собою; втянувъ переднія ноги и голову, они упирались задними ногами въ землю и до тѣхъ поръ ударялись панцирями, пока одинъ изъ бойцовъ, ослабѣвъ, не отступалъ. Иногда удавалось одному изъ самцовъ повалить другого на спину; изъ такого положенія ему удавалось выйти только благодаря отчаяннымъ усиліямъ головою и ногами. Въ этихъ сраженіяхъ принимали участіе и самки, которыя, благодаря своему росту и силѣ, обыкновенно выходили побѣдительницами изъ борьбы.

11-го ноября самка начала рыть яму для кладки, причѣмъ дѣйствовала слѣдующимъ образомъ: выбравъ уединенное мѣсто около куста густой и жесткой травы, она смочила его сначала мочей, которую выпустила изъ задняго прохода, потомъ начала царапать размягченную землю задними ногами, употребляя попеременно то одну, то другую ногу. Продолжая по каньямъ выпускать мочу, она превратила

почву въ густое тѣсто и только тогда могла приступить къ обработкѣ ея по желанію. Послѣ приблизительно двухчасовой работы она вырыла углубленіе въ 10 см. въ поперечникъ и 15 см. глубины, положила туда 4 яйца, закрыла ихъ выброшенной землею, втоптала ее опять въ яму при помощи заднихъ ногъ, и когда углубленіе было наполнено, стала утаптывать землю, подымаясь какъ можно выше на ноги и вдругъ падая внизъ, чѣмъ такъ уравнила то мѣсто, что Хуттонъ не могъ бы его найти, если бы все время не наблюдалъ за ея работой. Окончивъ свое дѣло, она сошла съ мѣста, но скоро легла на землю, какъ бы утомившись отъ работы. Эта работа взяла у ней цѣлыхъ четыре часа.

При наступленіи холоднаго времени всѣ лѣзныя черепахи стали лѣзныѣе. все рѣже и рѣже выходили изъ своихъ угловъ и съ начала декабря оставались неподвижно на одномъ мѣстѣ и не принимали больше пищи. Ни одна изъ нихъ не пробовала зарыться въ землю, какъ это дѣлаютъ греческія черепахи. Цѣлые два мѣсяца провели онѣ въ одномъ положеніи, предаваясь лѣзному покою, но не впадая въ зимнюю спячку. Когда въ половинѣ февраля пошелъ дождь, онѣ снова появились, поѣли немного травы, съ жадностью выпили большое количество воды, но потомъ снова удалились въ свое зимнее убѣжище и впали въ прежнее состояніе. Только съ середины апрѣля, когда началось теплое время года, онѣ начали правильно появляться въ своей загородкѣ большею частью около полудня. Спокойно вѣжились онѣ подъ живительными лучами солнца и только вечеромъ возвращались въ свое ночное убѣжище.

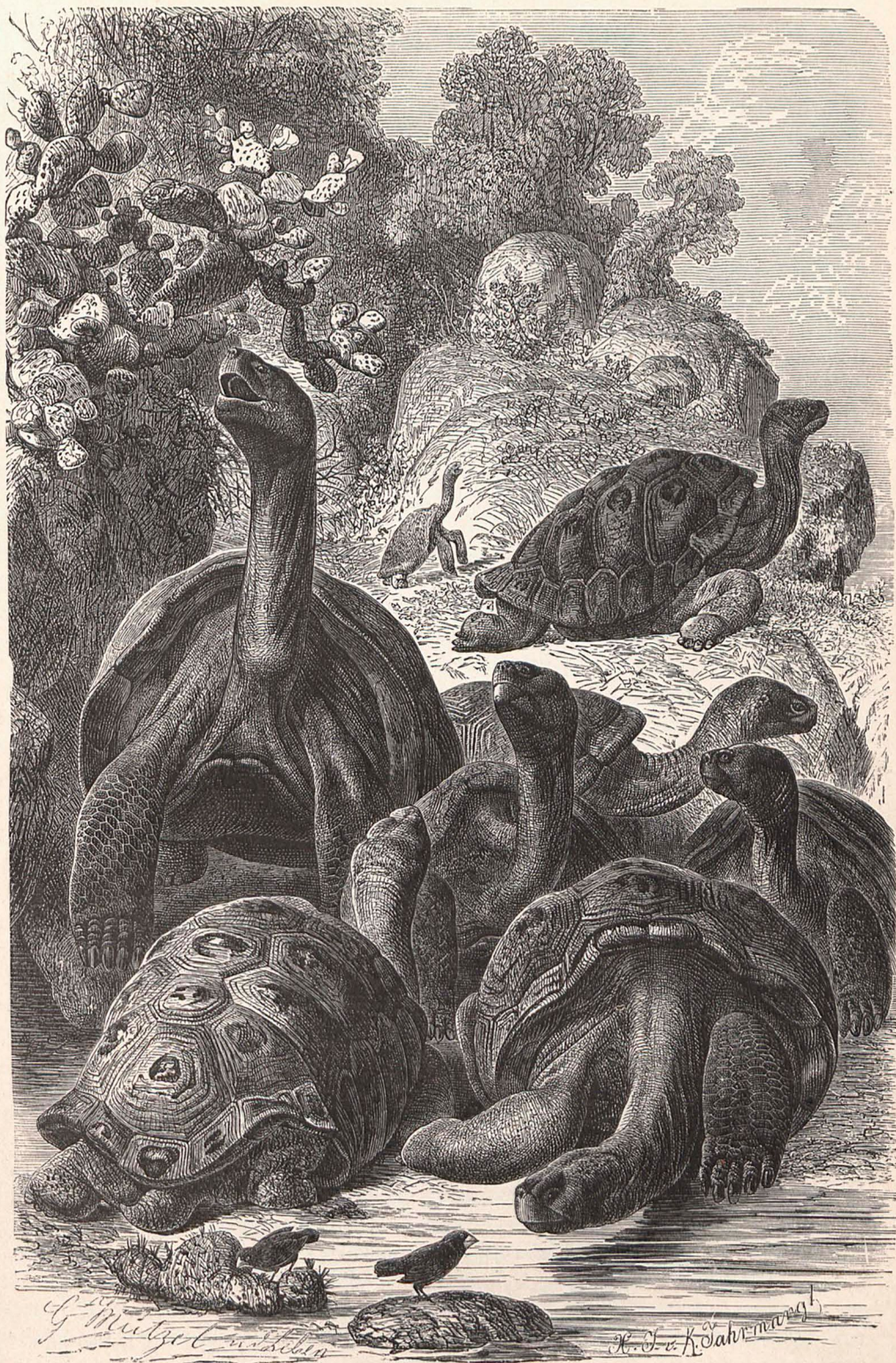
* *
*

Въ слояхъ болѣе ранняго третичнаго періода въ нижней части Гиммалайскаго хрѣба находятъ, вмѣстѣ съ костями первобытныхъ млекопитающихъ, остатки могучаго пресмыкающагося, сородича сухопутныхъ черепахъ, панцирь котораго достигаетъ почти 3 м. длины и 2 м. высоты (*Colossochelys atlas*); точно также и въ Америкѣ, а въ послѣднее время въ Греціи и Франціи находили относящіеся приблизительно къ тому же времени остатки родственныхъ первобытныхъ черепахъ очень значительной величины. О подобныхъ исполинахъ мы едва-ли можемъ себѣ составить вѣрное понятіе, даже принимая во вниманіе и до сихъ поръ живущихъ слоновыхъ черепахъ, которыя по величинѣ превосходятъ всѣ сухопутные виды этого отряда. Не такъ давно на этихъ животныхъ, несмотря на различныя области ихъ распространенія, смотрѣли какъ на разновидности одного вида, которыя называли *Testudo indica*. Въ настоящее время Гюнтеръ, опираясь на изслѣдованія большого числа слоновыхъ черепахъ, различилъ цѣлый рядъ видовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ сводъ всѣхъ прежнихъ свѣдѣній о мѣстѣ жительства, распространеніи и пользѣ ихъ, такъ что мы по крайней мѣрѣ получили болѣе ясную картину жизни нѣкоторыхъ изъ этихъ видовъ.

«Почти всѣ путешественники XVI-го и XVII-го вѣковъ, которые сообщали о своихъ наблюденіяхъ и открытіяхъ въ Индѣйскомъ и Тихомъ океанахъ», замѣчаетъ Гюнтеръ, «упоминаютъ о безчисленномъ множествѣ исполнскихъ черепахъ, которыхъ они встрѣчали на отдѣльныхъ или группами расположенныхъ островахъ. Эти острова, находящіеся между экваторомъ и тропикомъ Козерога, составляютъ два замѣчательные въ зоологическомъ отношеніи центра. Одинъ изъ нихъ заключаетъ въ себѣ Черепашьи или Галапагосскіе острова; другой—острова Альдабра, Реюніонъ, Св. Маврікія, Родригезъ и Мадагаскаръ. Обѣ эти группы сильно отличаются другъ отъ друга, но онѣ имѣютъ то сходство, что на всѣхъ ихъ, за исключеніемъ Мадагаскара, ко времени открытія не было ни людей, ни другихъ большихъ млекопитающихъ. Ни одинъ изъ упомянутыхъ мореплавателей не указы-

васть, чтобы гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, на островахъ, какъ и на материкѣ Индіи, водились эти черепахи. Невѣроятно, чтобы тотъ или другой путешественникъ не упомянулъ бы о подобной встрѣчѣ, потому что онѣ составляли важную часть ихъ пищи. Путешествія, которыя продолжаются теперь нѣсколько недѣль, требовали тогда цѣлыхъ мѣсяцевъ; на всѣхъ корабляхъ былъ многочисленный экипажъ, но пищу суда были снабжены очень скудно; эти черепахи, которыхъ въ нѣсколько дней совершенно легко можно было словить любое количество, были весьма желательной добычей. Ихъ можно было снести въ трюмъ или куда угодно, сохранять цѣлые мѣсяцы безъ корма, убивать по мѣрѣ надобности и при этомъ получать отъ 40 до 100 kgr. превосходнаго мяса: неудивительно, что нѣкоторыя судна на островѣ Св. Маврикія или Галапагосскихъ островахъ ловили ихъ около 400 штукъ и увозили съ собою. Полнѣйшая безопасность, которою до сихъ поръ пользовались на своей родинѣ эти беспомощныя существа, такъ-же какъ и ихъ живучесть, которая позволяетъ многимъ поколѣніямъ жить одною ременою, дѣлаютъ намъ совершенно понятнымъ необыкновенную многочисленность этихъ животныхъ».

Когда Легуать въ 1691 году посѣтилъ островъ Родригецъ, эти животныя были такъ обыкновенны, что можно было видѣть большія стада ихъ въ 2000 или 3000 штукъ и прогуляться шаговъ сто по ихъ спинамъ. Около 1740 года, какъ сообщаетъ Грантъ, суда, шедшія на парусахъ въ Индію, всегда приставали къ острову Св. Маврикія, чтобы запастись черепахами, а впоследствии, 20 лѣтъ спустя, многія маленькія суда непрерывно занимались тѣмъ, что вывозили оттуда цѣлыя тысячи ихъ главнымъ образомъ для употребленія въ больницахъ. Съ этого времени, кажется, число ихъ начало сильно уменьшаться; старыя были переловлены, молодыя уничтожены свиньями, и тѣ и другія оттѣснены вслѣдствіе увеличивающагося заселенія острова, такъ что уже къ началу нашего столѣтія на многихъ островахъ этой группы онѣ были истреблены. Въ настоящее время уже ни одной такой черепахи не живетъ ни на островѣ Св. Маврикія, ни на Родригецѣ, ни на островѣ Реюньонѣ. Нѣкоторыя, но немногія, содержатся въ неволѣ еще на Сешельскихъ островахъ и изъ этихъ, воспитанныхъ въ тѣсной тюрьмѣ молодыхъ черепахъ, нѣкоторыя убѣгають на волю и живутъ самостоятельно. Всѣ эти плѣнные исполинскія черепахи происходятъ съ маленькаго островка Альдабры, единственнаго островка Индѣйскаго океана, на которомъ выдерживаютъ еще борьбу за свое существованія нѣкоторыя, постоянно уменьшающіяся въ числѣ особи этого вида, но и здѣсь тоже вѣчно оттѣсняются все дальше и дальше людьми. Братья Родацъ находили ихъ еще здѣсь во множествѣ, преимущественно въ густомъ кустарникѣ. Ловцы, которые ежегодно прѣзжали сюда для охоты, отгораживали известное пространство стѣнами, чтобы запереть животныхъ до отправленія ихъ на Мадагаскаръ или на африканскій материкъ. Въ одной изъ такихъ загородокъ наши наблюдатели нашли 200, а въ другой 300 черепахъ, которыхъ кормили просто травой и листьями. Одинъ гамбургскій купецъ рассказывалъ Керстену, что въ 1847 году на Альдабрѣ 100 человѣкъ матросовъ, т. е. экипажъ двухъ судовъ, въ самое короткое время поймали до 1200 подобныхъ черепахъ, между которыми встрѣчались исполины, вѣсившіе до 400 kgr. Въ настоящее время на Альдабрѣ трудно найти и сотой доли этого числа болѣе мелкихъ исполинскихъ черепахъ. Литлтонъ сообщаетъ, что въ 1883 году изъ Альдабры были перевезены 6 штукъ исполинскихъ черепахъ на островъ Флэтъ (Flat Island) и тамъ выпущены на волю, чтобы не допустить вымирания этого вида. Онѣ чувствуютъ себя совсѣмъ хорошо на своемъ новомъ мѣстожительствѣ. Живутъ-ли и до сихъ поръ взрослыя

СЛОНОВАЯ ЧЕРЕПАХА.

черепяхи на Альдабрѣ—неизвѣстно, но на островѣ Св. Маврикія и Сешельскихъ находятся въ неволѣ еще много старыхъ экземпляровъ.

То же самое случится, вѣроятно, и на островахъ Галапагосскихъ. Ко времени открытія испанцами этихъ острововъ, они были такъ густо заселены черепахами, что даже получили отъ нихъ и свое названіе. Въ концѣ XVII столѣтія мореплаватели посѣщали эту группу острововъ только для того, чтобы запастись водой и черепахами. «Сухопутныхъ черепахъ», говоритъ Дампье въ своихъ путевыхъ замѣткахъ, вышедшихъ въ 1697 году, «здѣсь такое множество, что отъ 500 до 600 человѣкъ могли бы въ продолженіи мѣсяца питаться только ими однѣми. Онѣ необыкновенно велики, жирны и ихъ мясо такъ же вкусно, какъ мясо нѣжнаго цыпленка». До первыхъ десятилѣтій нашего столѣтія количество ихъ на Черепашьихъ островахъ, повидимому, не измѣнилось существенно. Делано, который съ 1800 года часто посѣщалъ эти острова, нашелъ черепахъ на островахъ Гуда, Чарльза, Джемса и Альбемарль еще во множествѣ, описалъ ихъ очень хорошо и привезъ послѣ шестидесятидневнаго пути половину изъ 300 вывезенныхъ черепахъ на островъ Масъ-а-фуера; другихъ же два раза привозилъ въ Кантонъ. Такъ какъ эти несчастныя животныя всю дорогу были не кормлены, слѣдовательно голодали цѣлый мѣсяць, то многія изъ нихъ издохли; тѣ же, которыя вынесли это суровое испытаніе, послѣ того, какъ набѣлись досыта, успокоились и, повидимому, примирились съ непривычнымъ климатомъ Масъ-а-фуера. Онѣ, вѣроятно, остались-бы живы и можетъ быть даже стали плодиться, еслибъ ихъ не убили, чтобъ полакомиться ихъ мясомъ. Портеръ встрѣчалъ этихъ животныхъ въ 1813 году на всѣхъ большихъ Черепашьихъ островахъ, въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ и поймалъ исполиновъ въ 150—200 kgr. вѣса, въ общемъ 500 штукъ, которыя вмѣстѣ вѣсили свыше 14 тоннъ. На островѣ Мадиссона онъ выпустилъ на свободу немалое количество схваченныхъ животныхъ. 22 года послѣ Портера въ 1835 году Галапагосскіе острова посѣтилъ Дарвинъ. Въ это время они перешли во владѣніе свободнаго штата Эквадора и были населены сотнею ссыльныхъ, которые, повидимому, нанесли такой ущербъ черепахамъ, какого не сдѣлали всѣ прежніе посѣтители острововъ, потому что они вели настоящую разрушительную войну противъ беззащитныхъ созданій, ловили ихъ и солили ихъ мясо. Вмѣстѣ съ поселенцами явились на островахъ и свиньи, которыя отчасти одичали; такъ что количество враговъ нашихъ черепахъ значительно увеличилось. То же самое нашелъ Дарвинъ почти на всѣхъ посѣщенныхъ имъ островахъ. Когда 11 лѣтъ спустя военное судно «Herald», посланное съ научною цѣлю, остановилось у острова Чарльза, вѣхавшій съ ними естествоиспытатель нашелъ на этомъ островѣ многочисленныя стада домашнихъ животныхъ, одичалыхъ собакъ и свиней, но не черепахъ; за это время онѣ были истреблены. Но онѣ жили еще на островѣ Чатама. По словамъ Штейндахнера, въ 1872 году на Галапагосскихъ островахъ не насчитывалось болѣе одного бѣлаго и двухъ черныхъ жителей, которые вели жалкое существованіе на островѣ Чарльза; всѣ остальные жители или умерли или выселились; по словамъ этихъ трехъ людей, черепахи были уничтожены на этомъ послѣднемъ островѣ, такъ-же какъ, по Бауру, на Гудѣ и Барригтонѣ. Что совершилось уже на Маскаренскихъ островахъ, то навѣрно скоро случится и на Галапагосскихъ.

Портеръ первый обратилъ вниманіе на различіе черепахъ, живущихъ на разныхъ островахъ группы Галапагосъ. На островѣ Портера онѣ отличались необыкновенной величиной, потому что нѣкоторыя изъ нихъ были около 1,5 м. въ длину, только на 30 см. менѣе въ ширину и въ вышину почти въ 1 м., не говоря уже объ еще большихъ, которыхъ, какъ говорятъ, находи лиморяки. Панцырь тѣхъ чере-

пахъ, которыя живутъ на островѣ Джемса, поражаетъ своей хрупкостью и незначительной толщиной; очень толстый щитъ черепахъ, живущихъ на островѣ Чарльза, сильно удлинень, спинной щитъ спереди поднять на подобіе испанскаго сѣдла, а окраска черная, т. е. все совершенно противоположно круглымъ, неуклюжимъ, цвѣта чернаго дерева, черепахамъ острова Джемса; наконецъ черепахи, происходившія изъ острова Гуда, были малы и походили на жительницъ острова Чарльза. Гюнтеръ принялъ въ соображеніе эти данныя, но, на основаніи собственныхъ наблюденій, пришелъ къ заключенію, что черепахи Галапагосскихъ острововъ являются представителями шести различныхъ видовъ. По моему мнѣнію, нѣтъ необходимости въ «Жизни Животныхъ» останавливаться на найденныхъ различіяхъ; я удовольствуюсь только указаніемъ, что, по словамъ Гюнтера, всѣ испанскія и слоновыя черепахи Галапагосской группы отличаются отъ одинаковыхъ съ ними по величинѣ родственныхъ видовъ Маскаренскихъ острововъ тѣмъ, что у ихъ панцыря нѣтъ затылочныхъ пластинокъ и задніе края горловыхъ пластинокъ сзади соединяются и образуютъ болѣе или менѣе тупой уголъ. Этихъ животныхъ нельзя смѣшать ни съ одной изъ остальныхъ сухопутныхъ черепахъ, потому что онѣ отличаются не только своимъ исполинскимъ ростомъ, но также и длинной змѣной шеей, высокими ногами, чернымъ цвѣтомъ щитовъ, такъ что ихъ нельзя не узнать.

Нашъ рисунокъ, снятый съ натуры, относится къ виду тѣхъ черепахъ Галапагосскихъ острововъ, которыхъ Гюнтеръ назвалъ **Слоновыми** (*Testudo indica, nigrita, planiceps, elephantina, elephantopus, Elephantopus planiceps. Elephantenschildkröte. Tortue élephantine*).

Описаніе Портера объ образѣ жизни слоновыхъ черепахъ настолько существенно уступаетъ замѣчательному описанію Дарвина, что я буду возвращаться къ Портеру только для пополненія тѣхъ или другихъ маленькихъ пробѣловъ.

«На дорогѣ», такъ начинается Дарвинъ свой разсказъ, «я встрѣтилъ двухъ большихъ черепахъ, изъ которыхъ каждая вѣсила по крайней мѣрѣ по 100 kgr. Одна ѣла кусокъ кактуса; когда я подошелъ ближе, она посмотрѣла на меня и спокойно пошла дальше; вторая издала тихое шипѣніе и спрятала голову. Огромныя пресмыкающіяся, окруженныя черною лавой, безлиственными кустами и большими кактусами, показались мнѣ существами допотопными.

«Эти животныя водятся, вѣроятно, на всѣхъ островахъ этой группы, по крайней мѣрѣ, на большей части ихъ. Они живутъ преимущественно на высоколежащихъ сырыхъ мѣстахъ; впрочемъ, посѣщаютъ и болѣе низкія—сухія. Нѣкоторыя достигаютъ чудовищной величины: Лаузе, англичанинъ, которому, во время нашего пребыванія тамъ, поручень былъ надзоръ надъ поселеніемъ, разсказывалъ о такихъ большихъ черепахахъ, что требовалось 6—8 человекъ, чтобы поднять одну изъ нихъ и что каждая давала до 100 kgr. мяса. Самцы, которыхъ легко отличить отъ самокъ по болѣе длинныхъ хвостамъ, значительно больше самокъ

«Тѣ, которыя живутъ на безводныхъ островахъ или въ низкихъ и сухихъ мѣстахъ, питаются большею частью сочными кактусами; тѣ-же, которыя поселились на сырыхъ высотахъ, ѣдятъ листья различныхъ деревьевъ, кисло-вязкія ягоды, называемыя гвайявита, и блѣдно-зеленые лишай, которые висятъ на извилистыхъ сучьяхъ деревьевъ. Онѣ любятъ воду, пьютъ ее въ большомъ количествѣ и валяются въ тинѣ. Только большіе острова имѣютъ источники, которые находятся обыкновенно въ серединѣ острова и на значительной высотѣ. Поэтому, когда живущія въ низинахъ черепахи захотятъ пить, имъ приходится совершать немалый

путь. Вслѣдствіе этого по направленію отъ источника къ морю видѣются ясныя, широкіе слѣды; испанцы по этимъ слѣдамъ находили источники. Во время моего пребыванія на островѣ Чатама, я не могъ сначала объяснить себѣ, какія животныя такъ регулярно ходятъ по разъ проложеннымъ тропинкамъ. У источника мнѣ представилось замѣчательное зрѣлище. Я увидалъ нѣсколько исполиновъ, однихъ усердно идущихъ вверхъ съ длинно вытянутыми шеями, другихъ уже напившихся, возвращающихся назадъ. Когда черепаха приходитъ къ источнику, она опускаетъ голову въ воду до самыхъ глазъ, не обращая вниманія на могущихъ случиться зрителей, и жадно пьетъ, дѣлая глотковъ 10 въ минуту. Туземцы говорили, что каждое животное проводитъ отъ 3 до 4 дней близъ воды и тогда ужъ возвращается въ низины; но относительно числа такихъ посѣщеній—они не были согласны между собой. Животное въ этомъ случаѣ, вѣроятно, руководится качествомъ той пищи, которую оно ѣло. Несмотря на это, извѣстно, что черепахи живутъ и на такихъ островахъ, на которыхъ онѣ долгое время должны пользоваться только дождевой водой.

«Извѣстно, что мочевой пузырь лягушки служитъ для храненія необходимой для нея влаги. То же самое, кажется, можно сказать и объ этихъ черепахахъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ посѣщенія источника мочевой пузырь этого животного, вслѣдствіе накопившейся жидкости былъ сильно растянутъ; со временемъ количество ея уменьшается, причемъ вода дѣлается менѣ чистой. Туземцы употребляютъ это себѣ въ пользу: когда ихъ во время остановокъ томить жажда, они убиваютъ черепаху, и если пузырь полонъ, они выпиваютъ содержимое. Я видѣлъ одну мертвую черепаху, у которой эта жидкость была совсѣмъ свѣтлая и только имѣла чуть-чуть горьковатый вкусъ. Кромѣ того туземцы пили воду изъ сердечной сумки, потому что здѣсь она лучше.

«Разъ черепахи задумали идти къ опредѣленному мѣсту, онѣ идутъ туда день и ночь и достигаютъ своей цѣли прежде, чѣмъ этого можно было ожидать. По наблюденіямъ надъ нѣкоторыми черепахами, туземцы думаютъ, что эти животныя могутъ пройти около 8 миль въ 2 или 3 дня. Большая черепаха, которую я наблюдалъ, ходила со скоростью 60 ярдовъ въ 10 минутъ, что, за исключеніемъ короткаго времени для ѣды, составляетъ круглымъ числомъ 4 англійскія мили ежедневно». Ихъ шаги, какъ замѣчаетъ Портеръ, медленны и неравномѣрны, но тяжелы; во время хода она держитъ свое тѣло на 30 см. приблизительно отъ земли.

«На время размноженія, когда оба пола соединяются», продолжаетъ Дарвинъ, «самецъ испускаетъ хриплое мычанье или блеянье, которое слышно болѣе, чѣмъ за 100 шаговъ. Самка никогда не пользуется своимъ голосомъ, а самецъ—только во время союзу, такъ что люди, когда слышатъ крикъ черепахи, знаютъ, что оба пола спарились. Самки кладутъ яйца въ октябрѣ. Тамъ, гдѣ почва песчаная, онѣ вырываютъ ямы, кладутъ туда вмѣстѣ всѣ яйца и закрываютъ пескомъ; на каменистомъ грунтѣ онѣ кладутъ свои яйца на удачу въ какую-нибудь яму. Биное нашелъ 7 штукъ ихъ, лежащихъ рядкомъ въ одной расщелинѣ. Яйца бѣлы и круглы; одно, которое я измѣрилъ, было 18 см. въ обхватѣ». Портеръ замѣчаетъ относительно размноженія, что самка, вѣроятно, только для кладки яицъ спускается съ горъ въ долины. Между тѣми, которыхъ онъ взялъ съ собою, нашлось только три самца, да и тѣ были найдены невдалекѣ отъ горы. Самки несли уже готовые яйца, числомъ отъ 10 до 14, которыя онѣ очевидно хотѣли положить въ песчаныхъ долинахъ.

«Днемъ», такъ сообщаетъ Портеръ о своихъ наблюденіяхъ, «черепахи паразитально осторожны и пугливы, отчего и происходитъ, что онѣ при малѣйшемъ дви-

женіи какого-нибудь предмета, прячуть голову и шею подъ щитъ; ночью же онѣ кажутся совсѣмъ слѣпыми, а также и глухими. Сильнѣйшій шумъ, даже выстрѣлъ, нисколько ихъ не беспокоитъ и не производитъ на нихъ никакого впечатлѣнія».

Дарвинъ подтверждаетъ эти показанія: «Туземцы думаютъ, что эти животныя совсѣмъ глухи; по крайней мѣрѣ извѣстно, что онѣ не слышатъ того, кто идетъ сзади ихъ. Меня всегда забавляло перегонять одно изъ этихъ громадныхъ животныхъ, которое спокойно шло впередъ, и видѣть въ ту самую минуту, когда я его обгонялъ, какъ оно прятало голову и шею, испускало глухое шипѣнье и съ громкимъ шумомъ припадало къ землѣ, какъ бы мертвое. Я часто садился имъ на спину; когда я ударялъ ихъ нѣсколько разъ въ заднюю часть щита, онѣ вставали и шли дальше; однако я находилъ, что трудно, сидя у нихъ на спинѣ, сохранить равновѣсіе».

«Ни одно животное не доставляетъ болѣе здороваго, сладкаго и вкуснаго мяса, чѣмъ эти черепахи», увѣряетъ Портеръ, и Дарвинъ не возражаетъ противъ этого. «Мясо», говоритъ онъ, «какъ свѣжее, такъ и соленое, употребляютъ въ различныхъ видахъ въ пищу, а изъ сала готовится прекрасное свѣтлое масло. Когда поймаютъ черепаху, разрѣзаютъ кожу около хвоста, чтобы видѣть, есть-ли у нея подъ спиннымъ щитомъ слой жира. Если этого нѣтъ, то животное отпускается на волю, и оно скоро оправляется отъ своей раны. Чтобы удержать черепаху на мѣстѣ, недостаточно бросить ее на спину, такъ какъ она легко можетъ принять свое обыкновенное положеніе. Только что выдупившіяся черепахи въ большомъ количествѣ становятся добычею хищныхъ птицъ изъ рода сарычей. Старыя, кажется, умираютъ большею частью насильственной смертью или погибаютъ, падая съ обрыва. По крайней мѣрѣ жители рассказывали мнѣ, что, кромѣ вышеупомянутыхъ случаевъ, они никогда не находили мертвыхъ черепахъ».

Различные мореплаватели увѣряли Портера, что слоновыя черепахи, пойманныя ими и посаженныя на судно, 18 мѣсяцевъ находились безъ пищи, и когда ихъ закололи, то нашли, что здоровье ихъ нисколько не пострадало, и онѣ не потеряли своего жира. Онѣ переносили безъ вреда и другія неудобства жизни. Слоновая черепаха, которая служила моделью нашему художнику, раньше чѣмъ доѣхала до Берлина, уже много лѣтъ прожила въ неволѣ и наконецъ служила колодой для рубки. Разсерженные ея постоянными побѣгами, слуги ея владѣльца, которымъ безпрестанно приходилось ловить стремящееся на волю животное, наконецъ засадили ее между вколоченными столбами, а ея спинной щитъ стали употреблять для рубки дровъ. Благодаря той легкости, съ которой эти исполинскія животныя переносятъ долгія путешествія моремъ, ихъ нерѣдко привозятъ въ Европу, и лѣтъ 25 тому назадъ зачастую можно было ихъ видѣть въ зоологическихъ садахъ и звѣринцахъ. Я самъ многихъ воспиталъ и многихъ наблюдалъ. Ихъ содержаніе не представляетъ никакихъ трудностей, надзоръ за ними не труднѣе, чѣмъ за другими сухопутными черепахами. Зимой ихъ держали въ сильно нагрѣтомъ помѣщеніи и кормили растительной пищей всякаго рода; лѣтомъ ихъ выводили на траву, давали имъ на всякій случай достаточное количество капусты и картофеля и предоставляли имъ пастись по ихъ усмотрѣнію. Это онѣ дѣлали, откусывая или отрывая большія охапки травы, разжевывая размягчали ихъ и наконецъ проглатывали, часто даваясь при этомъ. Я остался въ сомнѣніи, отличаютъ ли онѣ своего воспитателя отъ остальныхъ людей или нѣтъ; иногда мнѣ казалось, что да, иногда же онѣ относились къ нему, какъ ко всякому другому. По крайней мѣрѣ къ людямъ вообще онѣ привыкали, переставали шипѣть и бояться, выходили безъ ударовъ палками, позволяли на себя садиться и возили

всадника равнодушно, но, конечно, всегда очень медленно. Въ настоящее время въ самыхъ богатыхъ зоологическихъ садахъ можно видѣть черепахъ этого вида, а черезъ нѣсколько лѣтъ это ужъ будетъ невозможно, если только немногіе, живущіе въ Европѣ плѣнники благодаря своей долговѣчности, не переживутъ своихъ сородичей. По словамъ Гюнтера, 80-лѣтній самецъ слоновой черепахи Лондонскаго зоологическаго сада вѣсилъ 435 kgr. Вѣроятно послѣдніе экземпляры абингдонской черепахи (*Testudo abingdoni*) пойманы на Галапагосскихъ островахъ 1875 году. Въ 1888 году сѣверо-американскій военный пароходъ «Альбатросъ» посѣтилъ Галапагосскіе острова, и Доу могъ убѣдиться, что нѣкоторые изъ видовъ сухопутныхъ черепахъ водятся еще въ большомъ количествѣ. Въ замѣткахъ 1889 года Бауръ считаетъ два изъ шести видовъ слоновыхъ черепахъ на Галапагосскихъ островахъ—совсѣмъ исчезнувшими. Вашингтонскій зоологическій садъ обладаетъ еще тремя видами живыхъ черепахъ. (1891).

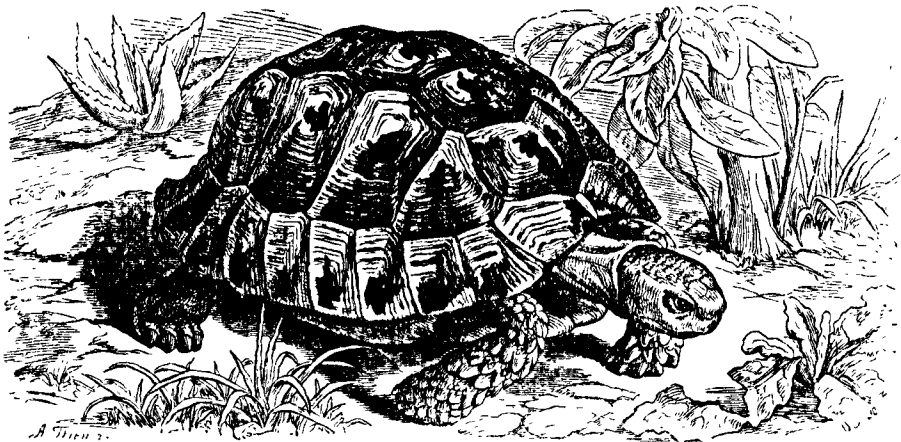
* *
* *

Представителемъ двухъ европейскихъ видовъ этого рода обыкновенно считаютъ **Греческую черепаху** (*Testudo graeca* и *hermanni*, *Peltastes graecus*, *Chersinella graeca*. Griechische Schildkröte. Tortue grecque). Щитъ ея вообще овальный и довольно выпуклый, сзади немного расширяется и болѣе круто спускается, нежели спереди; плоскій у самокъ и нѣсколько вогнутый у самцовъ грудной щитъ спереди срѣзанъ, сзади съ глубокимъ вырѣзомъ. Хребетные щитки слабо изогнуты, три средніе шестиугольные, передній и задній—пятиугольные, оба среднихъ боковыхъ щитка почти вдвое больше въ ширину, чѣмъ въ длину, съ неясно очерченными пятью углами, т. е. представляютъ собою четырехугольники съ ломанной внутренней стороною; передній средній щитокъ пятиугольный съ дугообразнымъ нижнимъ краемъ, задній неправильно четырехугольный. Между 25 краевыми щитками затылочный щитокъ самый маленькій, послѣдній, выдающійся назадъ и спускающійся къ хвосту,—самый большой и въ серединѣ раздѣленъ глубокой продольной бороздкой на двѣ половины; остальные имѣютъ различную неправильно пятиугольную форму. У болѣе молодыхъ животныхъ середина каждаго щитка зернистая, у старыхъ гладкая и окруженная ясными полосами, указывающими на постепенный ростъ пластинокъ. Довольно неуклюжая голова замѣтно толще, чѣмъ шея, рыльце спереди тупо срѣзано, но глаза сравнительно велики; уши, расположенныя около глазъ, тоже довольно большія, верхняя и боковая часть морды покрыта большимъ круглымъ надлобнымъ, меньшимъ лобнымъ и очень большимъ длиннымъ височнымъ щитами; остальная часть головы прикрыта сверху маленькими неправильными щитками. Каждый щитокъ спинного панциря въ серединѣ черенъ, а съ краевъ окаймленъ желтымъ и чернымъ; по брюшному щиту пробѣгаетъ широкая неправильная продольная полоса желтоватаго цвѣта; бока тоже кажутся желтыми, остальная часть панциря черная. Голова, шея и конечности грязновато желто-зеленаго цвѣта. Окраска подвергается частымъ измѣненіямъ; даже число когтей на переднихъ ногахъ можетъ у отдѣльныхъ особей уменьшаться до четырехъ. Также можетъ на одной передней ногѣ быть 4, на другой 5 когтей. Самки отличаются отъ самцовъ меньшимъ ростомъ и болѣе короткимъ, утолщеннымъ у корня хвостомъ, молодыя черепахи отъ старыхъ—болѣе короткой формой панциря. Длина панциря достигаетъ 14, самое большее 16 см.; вѣсъ рѣдко болѣе $\frac{1}{2}$ kgr.

Первоначальнымъ отечествомъ этой черепахи можно считать страны, лежащія на сѣверъ отъ Средиземнаго моря, т. е. собственно только Балканскій и Аппенинскій полуострова и близъ лежащіе острова; кромѣ того, по словамъ Три-

страма, онѣ часто попадаются и въ Сиріи. По всѣмъ указаніямъ и предположеніямъ, она какъ очень распространенное животное, встрѣчается въ Греціи, на греческихъ островахъ, въ Далмаціи и Турціи, въ Дунайской низменности, въ южной Италиіи и, наконецъ, на островахъ Корсикѣ, Сардиніи, Сициліи и Балеарскихъ. По Шрейберу, эта черепаха задолго до нашего времени была введена монахами во многія страны, какъ домашнее животное, а потомъ одичала. Она живетъ въ сухихъ, заросшихъ кустарникомъ мѣстностяхъ, иногда въ большомъ числѣ, особенно въ южной Италиіи, Греціи при Мехадіи, у подошвы Дамоглета, и здѣсь особенно многочисленна.

Тепло она любитъ чрезвычайно и поэтому съ величайшимъ наслажденіемъ часами грѣется въ лучахъ полуденнаго солнца; Дюмериль находилъ ихъ въ Сициліи, гдѣ онѣ часто лежатъ по сторонамъ дороги и настолько нагрѣваются солнцемъ, что онѣ не могъ дотронуться рукой до ихъ щита. Зимой онѣ глубоко

Греческая черепаха. *Testudo graeca*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

зарываются въ землю и здѣсь спать въ продолженіи холоднаго времени; въ началѣ апрѣля онѣ снова выходятъ на свѣтъ Божій.

Пища ея состоитъ изъ различныхъ растений и плодовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она пожираетъ и улитокъ, червей и насекомыхъ и вслѣдствіе этого въ своемъ отечествѣ часто содержится въ садахъ, чтобъ уничтожить вредныхъ животныхъ; дѣло, впрочемъ, кончается тѣмъ, что она обрываетъ или мнетъ самыя лучшія и сочныя растенія. Въ отличіе отъ одного ея сородича, живущаго въ Греціи (*Testudo marginata*), который, по изслѣдованію Эрбера, питается строго растительной пищей, она довольно неразборчива въ ѣдѣ. «Что особенно мѣшало мнѣ любить супъ изъ черепахи», пишетъ мнѣ Эрберъ, «это мое наблюденіе, что она съ удовольствіемъ ѣла человѣческія испражненія. Я видалъ большія сборища ихъ, привлеченныя этимъ отвратительнымъ запахомъ». Въ неволѣ онѣ ѣдятъ овощи, салатъ, хлѣбъ, размоченный въ молокѣ или водѣ, мучныхъ и дождевыхъ червей, такъ-же какъ и сырое мясо, чувствуютъ себя при этой пищѣ превосходно, если только онѣ предохранены отъ стужи, и могутъ пережить много человѣческихъ поколѣній: такъ, Чуди сообщаетъ объ одной черепахѣ, которая прожила около 100 лѣтъ въ имѣнни близъ Алтдорфа въ кантонѣ Ури. «Одна сухопутная черепаха», рассказываетъ Уайтъ, «прожила у одного изъ моихъ друзей около 40 лѣтъ въ загороженномъ мѣстѣ, и потомъ перешла въ мое владѣніе; каждый годъ она около половины

ноября зарывается въ землю и появляется снова въ половинѣ апрѣля. При своемъ пробужденіи весною она мало проявляетъ жадности; позднѣе, среди лѣта, она ѣсть очень много, къ осени опять меньше, а за нѣсколько недѣль до зарыванья не ѣсть совсѣмъ ничего. Ея любимую пищу составляютъ растенія съ млечнымъ сокомъ. Когда она осенью роетъ свою нору, она скребетъ землю передними лапами замѣчательно медленно и обдуманно, а задними откладываетъ ее далеко отъ себя. Проливныхъ дождей она боится; въ сырую погоду она прячется цѣлый день. Въ хорошую погоду лѣтомъ она засыпаетъ въ 4 часа пополудни, а утромъ встаетъ довольно поздно. При страшной жарѣ она иногда ищетъ тѣни, но обыкновенно съ удовольствіемъ нѣжится на солнцѣ». Рейхенбахъ замѣтилъ, что плѣнные черепахи этого вида, которыхъ онъ содержалъ въ Дрезденскомъ ботаническомъ саду, далеко путешествовали, но всегда придерживались той-же дороги, и если становилось прохладнѣе или солнце не показывалось, онъ ихъ находилъ подъ однимъ и тѣмъ-же широколиственнымъ растеніемъ. Осенью онъ зарывались, весною появлялись на свѣтъ, какъ только показывались сложноцвѣтныя растенія, листьями которыхъ онъ питаются.

Въ Сардиніи, гдѣ зима, хотя и умѣренная, но тѣмъ не менѣе настолько сурова, что черепахи должны искать убѣжища подъ землею, онѣ зарываются, по словамъ Четти, въ ноябрѣ и появляются уже въ февралѣ. Въ первые весенніе дни происходитъ и случка, во время которой слышатся довольно громкіе крики. Въ маѣ или іюнѣ онѣ уже кладутъ свои 8—15 яичекъ, круглыхъ, бѣлыхъ, съ твердой скорлупой и величиной съ небольшой орѣхъ. Для кладки яицъ онѣ выбираютъ самое солнечное мѣсто, вырываютъ задними ногами яму, кладутъ туда яйца, покрываютъ ихъ старательно землей и предоставляютъ дальнѣйшую заботу о своемъ потомствѣ солннышку. При наступленіи первыхъ сентябрьскихъ дождей выдупляются молодые черепахи, по величинѣ похожія на половину грецкаго орѣха,—самыя милыя созданія въ свѣтѣ. Когда ихъ оставляютъ на полной свободѣ, онѣ легко уживаются въ сѣверныхъ странахъ, плодятся или, по крайней мѣрѣ, совокупаются *). Такъ, по словамъ Зюндеваля, одинъ работникъ изъ Кольмара, въ юго-восточной Швеціи, нашелъ двухъ черепахъ этого вида, ушедшихъ изъ неводи и уже совокупившихся. Въ равномѣрно и сильно нагрѣтой комнатѣ онѣ не впадаютъ въ зимнюю спячку, но, по изслѣдованію Фишера, живутъ не такъ долго какъ тѣ, которыя пользуются покоемъ зимою.

Плѣнные черепахи, которыя долгое время подвергались стужѣ ниже нуля, скоро умираютъ, какъ ни выносливы онѣ во всемъ остальномъ. Безъ всякаго вреда онѣ могутъ голодать почти цѣлый годъ и переносить самыя ужасныя раны съ непонятнымъ для насъ равнодушіемъ. Если у нихъ вынуть мозгъ, онѣ могутъ ползать безъ него 6 мѣсяцевъ; ихъ сердце бьется еще 14 дней, послѣ того, какъ имъ отрубятъ голову; а отрубленная голова кусается еще съ полчаса. Липпи провѣрилъ это на многихъ опытахъ и Оріоли подтверждаетъ это.

Само собой разумѣется, что животное, у котораго мозгъ играетъ такую второстепенную роль, не можетъ отличаться большою понятливостью. Однако нѣко-

*) Въ маѣ 1894 года мы купили греческую черепаху въ Петербургѣ и свезли ее на свою мызу въ Финляндію, около станціи Перкьярви. Ее пустили гулять въ садъ, огороженный заборомъ, но она пропала, и ее нельзя было найти. Около 10-го августа крестьянинъ увидѣлъ на дужкѣ, версты полторы отъ нашего дома необыкновенное и невиданное животное и собрался его убить. Но дѣвочка, видѣвшая у насъ черепахъ, сказала крестьянину, что ее слѣдуетъ снести къ намъ, и она была возвращена. Погулявши на свободѣ, черепаха была очень здорова и живѣе тѣхъ, которые прожили у насъ (Прим. ред.).

тую степень этой способности можно заметить и у них. Всѣ любители, которые долгое время содержали черепаху въ неволѣ, увѣряютъ, что онѣ привыкаютъ къ своему воспитателю; точно также видно изъ наблюденій Дюмерила, что эти черепахи могутъ раздражаться. «Разъ мы видѣли», говорить этотъ наблюдатель, «какъ два самца съ невѣроятнымъ упорствомъ сражались изъ за самки. Они кусали другъ друга въ шею, старались повалить одинъ другаго, и бой кончился не ранѣе, какъ когда одинъ изъ соперниковъ оказался побѣжденнымъ, т. е. неспособнымъ къ сраженію». Замѣтили, что случка этихъ безпомощныхъ животныхъ совершается послѣ многихъ напрасныхъ попытокъ.

Въ Сициліи и вообще въ Италіи этихъ черепахъ постоянно приносятъ на рынокъ, потому что мясо ихъ всюду употребляется въ пищу, и особенно цѣнится приготовляемый изъ нихъ супъ.

* *

О слѣдующей сухопутной черепахѣ, **Мавританской** (*Testudo ibera, pusilla, escaudata, mauritanica, whitei, Peltastes mauritanicus. Maurische Schildkröte. Tortue du Maroc*) мы вкратцѣ упомянемъ только потому, что она замѣняетъ греческую въ сѣверо-западной Африкѣ, части Сиріи, Малой Азіи, Закавказья и Персіи и тоже очень часто привозится къ намъ живою. Длина ея панцыря 23 см., у нея нѣтъ глубокой продольной борозды посрединѣ хвостового щита и на нижней сторонѣ ея переднихъ ногъ находится большая шарообразная роговая шишка. У старыхъ животныхъ задняя часть брюшного панцыря подвижна по наклонной оси, особенность—которая важна для кладущихся самокъ. По образу жизни она существенно не отличается отъ предыдущаго вида. Она также ѣстъ и земляныхъ червей вмѣстѣ съ растительной пищей. Въ Малой Азіи къ ловлѣ ихъ приучаютъ собакъ, которыя ихъ выслѣживаютъ, дѣлаютъ по нимъ стойку и лаютъ до тѣхъ поръ, пока не приходитъ охотникъ.

* *

Очень близко къ Греческой стоитъ и **Горсфильдова черепаха** (*Testudo horsfieldi, Homopus burnesi, Testudinella и Homopus horsfieldi. Horsfieldische Schildkröte. Tortue de Horsfield*), которая, впрочемъ, отличается и отъ нея и отъ мавританской тѣмъ, что и на заднихъ, и на переднихъ ногахъ ея только по 4 когтя. Ея панцырь, длиною въ 20 см., бурога или оливковаго цвѣта, съ такими же или черными пятнами; на брюшномъ щитѣ или большія черныя пятна, или онъ весь черный.

Эта черепаха—жительница Средней Азіи и распространяется отъ Киргизскихъ степей и Урало-каспійскихъ песчаныхъ пустынь до Афганистана.

Вальтеръ находилъ ее въ большомъ количествѣ во всемъ Закаспійскомъ краѣ, какъ въ песчаныхъ, такъ и въ сухихъ глинистыхъ степяхъ, на оазисахъ, какъ и на горахъ, и здѣсь преимущественно по рѣчнымъ долинамъ. «Первыхъ черепахъ можно было видѣть на пескѣ уже 24 февраля; два дня спустя этихъ животныхъ можно было видѣть всюду, сначала только болѣе мелкихъ самцовъ, потомъ большихъ самокъ. Настоящее время случки падаетъ на послѣднія недѣли марта или первыя—апрѣля, причѣмъ самки для кладки яицъ зарываются въ землю. Самцы, по 3, по 4, дерутся изъ за самокъ, причѣмъ они производятъ довольно замѣтный шумъ. Въ началѣ самаго жаркаго времени, съ начала мая эти черепахи мало по малу прячутся въ землю, такъ что въ іюнѣ уже нельзя найти ни одной. Въ горахъ онѣ долѣе остаются на поверхности земли, а въ Копетъ-дагѣ ихъ можно встрѣтить еще 23—25 мая».

Бетхеръ, который описалъ жизнь въ неволѣ черепахъ этого вида, замѣчаетъ, что самецъ отличается отъ самки болѣе плоскимъ спиннымъ щитомъ и присут-

ствіемъ только одной бедренной шишки направо и налѣво отъ хвоста, между тѣмъ, какъ у самки такихъ шишекъ отъ 3 до 5, и онѣ тѣсно сидятъ въ одной группѣ.

«Горофильдова черепаха кажется», говоритъ Бетхеръ, «въ теплое время года болѣе оживленною, чѣмъ греческая или мавританская. Тѣмъ не менѣе она любитъ лежать на брюшномъ щитѣ въ тѣни, и неразъ я заставлялъ ее утромъ удобно расположившейся въ плоскомъ сосудѣ для питья или въ другомъ сыромъ мѣстѣ ея помѣщенія. Она вполне дневное животное, которое просыпается позднимъ утромъ, закрываетъ уже глаза до захода солнца и погружается въ сонъ, изъ котораго она выходитъ только послѣ долгаго времени. Когда она идетъ, то покачиваетъ изъ стороны въ сторону свой снабженный роговымъ остриемъ хвостъ. Ея движенія сильны и сравнительно быстры, ея подвижность очень велика, и въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ ея неволи, кажется, единственнымъ ея стремленіемъ—было вырваться изъ тѣсной тюрьмы,—большой прямоугольной проволочной клѣтки, дно которой на половину покрыто дерномъ, на половину щебнемъ. Только въ сырую погоду она счастлива тѣмъ, что можетъ зарыться въ землю и въ одинъ—два дня прорываетъ себѣ яму подъ проволочной стѣной своей клѣтки, что дѣлаетъ возможнымъ ея побѣгъ изъ тюрьмы. Другія животныя сейчасъ-же пользуются отверстіемъ. Но, вырвавшись на волю, она отправляется или въ уголокъ каменной ограды, гдѣ она напрасно старается перебраться черезъ стѣну, или, еще чаще, подъ группу ревенныхъ кустовъ, большія листья которыхъ кажутся ей особенно привлекательными и какъ прикрытіе, и какъ пища.

«Положенная на спину, она не можетъ подняться на песчаной поверхности, но если найдетъ точку опоры для ногъ, то ей ужъ нетрудно подняться при помощи головы и ногъ.

«На свободѣ эти черепахи никогда не ловятъ улитокъ и насѣкомыхъ; но зато онѣ съ удовольствіемъ ѣдятъ салатъ, кудрявую и другую капусту, молодые ревенные листья и другія нѣжныя и сочныя растенія. Ихъ аппетитъ зависитъ отъ окружающей теплоты; если очень жарко, онѣ полъ дня сидятъ передъ кормомъ и ѣдятъ, почти не переставая. Ночью онѣ никогда не притрогиваются къ пищѣ. Сначала эти животныя были боязливы и ѣли только при полной неподвижности наблюдателя. Впослѣдствіи онѣ уже перестали бояться ѣсть свѣжій кормъ въ мое присутствіе, и самки раньше, чѣмъ самцы; самка даже любила, чтобы я давалъ ей салатъ изъ рукъ, что дѣлало для нея кормленіе гораздо удобнѣе. На открытомъ воздухѣ имъ менѣе доступны крѣпко сидящіе на деревьяхъ листья, чѣмъ сорванные и брошенные остатки листьевъ, при пожираниі которыхъ онѣ должны помогать передними лапами. Во время ѣды ротъ открывается толчками, и клейкій оранжевый или мясного цвѣта языкъ играетъ при этомъ самую главную роль. Отдѣленные острыми краями зазубренной и вырѣзанной угломъ верхней челюсти, но еще не совсѣмъ отрѣзанныя части листа, при вторичномъ открываніи рта, отдѣляются, или, лучше сказать, отдавливаются языкомъ; потомъ при слѣдующемъ закрытіи челюстей откусывается слѣдующій кусокъ листа, такъ что отдѣльные куски не совсѣмъ оторваны другъ отъ друга. Послѣ ѣды онѣ испускаютъ довольно значительное для такого маленькаго животнаго количество свѣтлой мочи, которая содержитъ лишь немного бѣловатыхъ, волокнистыхъ хлопьевъ. Удивительно, что я ни разу не видалъ, чтобы онѣ пили, и совершенно вѣрно то, что эта черепаха можетъ цѣлые мѣсяцы провести безъ воды. Испраженія выдѣляются чаще и временами отдѣльно отъ мочи; они зеленого цвѣта и перемѣшаны съ непереваренными кусочками стеблей и листьевъ.

«Единственный звук, который онъ издають—это короткое фыркающее выпускание воздуха черезъ носъ. Это слышнѣе слышится только тогда, когда на животное напали спереди и испугали его. Это всегда сопровождается быстрымъ втягиваніемъ головы подъ щитъ, и можетъ быть повторено раза 3 или 4, если животное пугаютъ также внезапнымъ прикосновеніемъ пальцами. Такое быстрое нападеніе спереди влечетъ за собою, если черепаха не спитъ, втягиванье головы, между тѣмъ какъ при медленномъ нападеніи или довольно быстромъ, но со стороны, животное едва или совсѣмъ не прячетъ головы.

«Объ умственныхъ способностяхъ горсфильдовой черепахи можно сказать немного; онъ, безъ сомнѣнія, очень ограниченъ. Во всякомъ случаѣ лучше всего у нихъ развито зрѣніе, при помощи котораго онъ различаютъ пищу, и, можетъ быть, распознаютъ небольшія разстоянія; обоняніе и слухъ слабѣе, но одинаково хорошо, или лучше сказать, одинаково плохо развиты. Недолгое обнюхиванье пищи передъ ѣдой и извѣстная чувствительность къ табачному запаху заставляютъ предполагать въ нихъ обоняніе, а внезапная остановка въ ѣдѣ при шумномъ появленіи наблюдателя—слухъ. Вкусъ ихъ тоже совсѣмъ неразвитъ, потому что животныя эти предпочитаютъ мягкіе и сочные зеленые листья болѣе жесткимъ и темнымъ. Въ общемъ по привычкамъ эти черепахи, по моему, немногимъ отличаются отъ родственныхъ видовъ; я долженъ только прибавить, что со временемъ, при болѣе частыхъ сношеніяхъ съ людьми и при частыхъ прикосновеніяхъ и нападеніяхъ, онъ становится менѣе боязливыми, чѣмъ вначалѣ. Однако воспитатель всегда смущаетъ и беспокоитъ ихъ, и всѣ ихъ помыслы и стремленія направлены къ тому, чтобы отъ него убѣжать».

При хорошемъ питаніи самецъ достигаетъ вѣса въ 590—640 gr., самка въ 825—860 gr.

Отъ остальныхъ представителей того же отряда **Морскія черепахи** (*Chelonidae*. *Meerschildkröten*. *Tortues marines*.) отличаются превращенными въ лапы ногами, изъ которыхъ переднія значительно длиннѣе заднихъ, и покрытымъ роговыми пластинками панциремъ. Каждая нога образуетъ длинный, широкій и сплюснутый лапъ, который, какъ указываетъ Ваглеръ, представляетъ большое сходство съ лапами тюленей; пальцы одѣты общей кожей и поэтому неподвижны и по большей части лишены когтей; только первый или два первыхъ пальца каждой ноги имѣютъ острые когти. Кромѣ того морскія черепахи отличаются сердцевиднымъ, спереди округло выемчатымъ, сзади заостреннымъ, мало выпуклымъ, но вполне окостенѣвшимъ къ концу реберъ сплывшимъ щитомъ, въ который шея и голова могутъ втягиваться не вполне, а конечности вовсе не могутъ втягиваться; отдѣльныя части брюшного щита не образуютъ сплошнаго панциря, а соединены между собою хрящемъ; чешуйки и щитки, покрывающіе панцирь, имѣютъ своеобразное строеніе; шея короткая, толстая, морщинистая; голова короткая, толстая четырехгранная; челюсти голыя и одѣты острыми роговыми чехлами, которые иногда зазубрены на краю; верхняя челюсть вполне обхватываетъ нижнюю, и на концѣ загibaется въ видѣ крючка; глаза большіе, выдающіеся; ноздри очень маленькія, покровъ головы и ногъ состоитъ изъ своеобразныхъ щитковъ; хвостъ короткій, тупой и одѣтъ чешуйками. Суставы пальцевъ лишены суставныхъ головокъ.

Четыре вида черепахъ, принадлежащія къ этой группѣ, которыхъ раздѣлили на два рода, живутъ въ морѣ, иногда на разстояніи сотенъ морскихъ миль отъ берега, превосходно плаваютъ и ныряютъ и отправляются на сушу лишь затѣмъ, чтобы откладывать свои многочисленныя яйца, заключенныя въ мягкую

скорлупу. Всѣ виды, за исключеніемъ одного, поѣдающаго растенія, питаются раками, брюхоногими и пластинчатожаберными моллюсками и другими низшими морскими животными. Насколько отличаются по образу жизни отдѣльные виды, трудно сказать, такъ какъ подробныя наблюденія надъ всѣми морскими черепахаи производились собственно лишь въ періодъ размноженія ихъ или, точнѣе, во время кладки яицъ, а относительно ихъ жизни въ морѣ мы знаемъ немного больше того, что было извѣстно уже древнимъ. Въ разсказахъ о характерѣ, поведеніи и образѣ жизни ихъ нѣтъ недостатка; но вопросъ въ томъ, сколько изъ этихъ разсказовъ основано на добросовѣстномъ наблюденіи и сколько на заблужденіи или на доврчивомъ пересказываніи невѣрныхъ свѣдѣній. Свидѣтельству такихъ лицъ, какъ принцъ фонъ-Видъ, Одюбонъ, Гольбрукъ, Гарманъ и Теннеиъ мы, конечно, можемъ вполне доврять; проврить справедливость разсказовъ другихъ мы еще не въ состояніи. Я попытаюсь, на основаніи извѣстныхъ мнѣ источниковъ, дать картину образа жизни главнѣйшихъ видовъ, насколько могу сдѣлать это съ тѣми средствами, которыми располагаю.

* * *

Голова **Обыкновенныхъ морскихъ черепахъ** (*Chelone. Pattschildkröten*) пирамидальной формы и бока ея круто опускаются внизъ; переднія конечности почти вдвое длиннѣе заднихъ, но гораздо уже ихъ. Спинной щитъ состоитъ изъ 13 среднихъ пластинокъ и 25 краевыхъ; первая изъ четырехъ боковыхъ пластинокъ каждой стороны больше остальныхъ. Брюшной щитъ, такъ какъ горловая пластинка хорошо развита, состоитъ тоже изъ 13 пластинокъ, къ которымъ присоединяется съ каждой стороны еще по 4—5 довольно большихъ и меньшихъ нижнихъ краевыхъ или грудныхъ реберныхъ. 10—12 правильныхъ щитковъ покрываютъ верхнюю горизонтальную поверхность головы, многоугольные щитки очень различной величины покрываютъ ноги, за исключеніемъ плечевой области и верхней части бедра, наконецъ такіе же щитки одѣваютъ середину и конецъ короткаго хвоста.

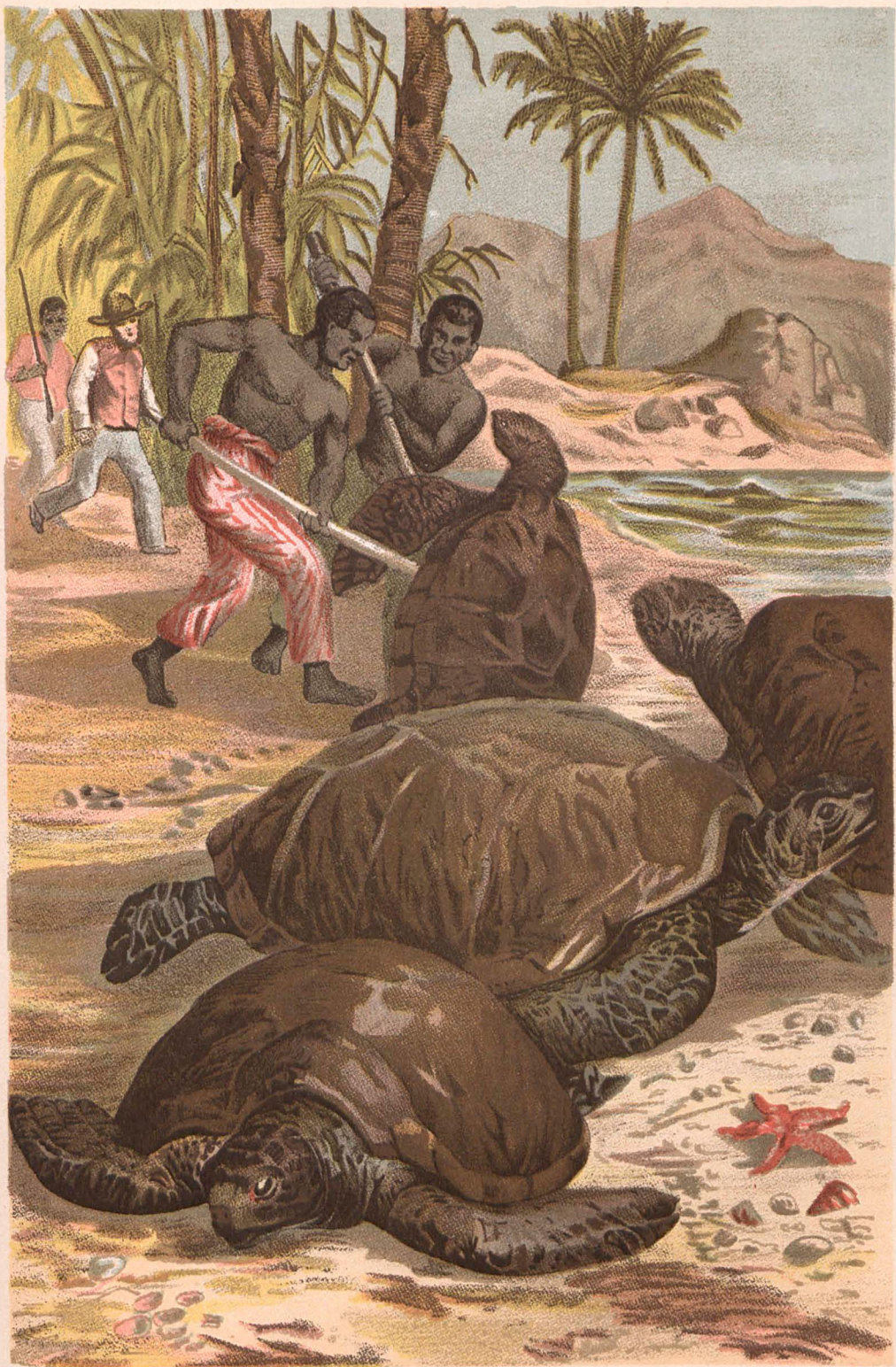
По подробнымъ изслѣдованіямъ Штрауха, къ этому роду принадлежитъ не болѣе двухъ видовъ, представляющихъ много разновидностей: зеленая морская черепаха и каретта.

Зеленая морская черепаха. (*Chelone mydas, macropus, virgata, viridis, maculosa, marmorata, Mydas viridis, Testudo macropus, japonica, cepediana, viridis, mydas, Chelonia japonica, lacrymata, bicarinata, agassizi, depressa, lata, viridis, mydas, virgata, maculosa, marmorata, formosa, tenuis, Caretta cepedei, esculenta, nasicornis* и *thunbergi, Euchelys macropus. Suppenschildkröte. Tortue franche*), очень большое животное, длина панцыря котораго равна 1,1 м., а вѣсъ до 450 kgr., отличается незагнутымъ впереди крючкообразно и вытянутымъ впередъ, а притупленнымъ, острымъ, мелкозубчатымъ покровомъ верхней челюсти, пластинками спинного панцыря, лежащими рядомъ, а не прикрывающими другъ друга и одною только парой щитковъ между ноздрями и лобнымъ щиткомъ. Переднія конечности имѣютъ обыкновенно лишь по одному когтю. Всѣ остальные признаки представляютъ столь многочисленныя видоизмѣненія, что подало поводъ къ установленію около десяти различныхъ видовъ. Очень непостоянный цвѣтъ верхней стороны обыкновенно бываетъ блѣдный буровато-зеленый съ желтоватыми пятнами или мраморными рисунками; цвѣтъ нижней стороны желто или грязно-бѣлый.

Зеленая черепаха живетъ во всѣхъ моряхъ жаркаго и подтропическаго пояса и, повидимому, обыкновенна здѣсь повсюду. Въ Средиземное море, гдѣ ее замѣ-

няютъ другая морская черепаха, она попадаетъ лишь случайно, заблудившись. Ее наблюдали отъ Азорскихъ острововъ до мыса Доброй Надежды, вдоль всего африканскаго берега и у всѣхъ острововъ, принадлежащихъ этой части свѣта, у Атлантическаго берега Америки отъ 34 градуса сѣверной широты до устья Лаплаты, въ Тихомъ океанѣ отъ Перу до Калифорніи и Черепашьихъ острововъ и наконецъ въ Индійскомъ океанѣ и относящихся къ нему моряхъ и проливахъ отъ Маскаренскихъ острововъ и Мозамбикскаго пролива до Краснаго моря включительно, у всѣхъ береговъ Остъ-Индіи, у Зондскихъ и Филиппинскихъ острововъ, Бонинскихъ и наконецъ у береговъ Австраліи. Отдѣльные заблудившіеся экземпляры были пойманы также у сѣверо-восточнаго берега Америки и у береговъ Европы.

Зеленая черепаха, подобно своимъ родичамъ, настоящія морскія животныя. Онѣ держатся преимущественно по близости берега, неслишкомъ рѣдко встрѣчаются передъ устьями или въ устьяхъ большихъ рѣкъ, но часто попадаютъ также очень далеко отъ береговъ, иногда среди открытаго моря. Здѣсь можно видѣть, какъ онѣ плаваютъ около поверхности воды, иногда лежатъ на ней и, повидимому, спятъ, но при самой ничтожной тревогѣ тотчасъ исчезаютъ въ глубинѣ. «Сухопутныя черепахи», говоритъ Ласепедъ, «издавна считались воплощеніемъ медленности, морскихъ черепахъ можно назвать воплощеною осторожностью». Дѣйствительно всѣ рассказы согласны между собою въ томъ отношеніи, что эти животныя, пока они бодрствуютъ и не приведены въ состояніе самозабвенія овладѣвшимъ ими возбужденіемъ, боязливо избѣгаютъ человѣка; но едва ли мы въ правѣ приписывать имъ болѣе высокія способности, чѣмъ остальнымъ представителямъ того же отряда. Ихъ пугаетъ не врагъ, котораго онѣ узнали, а необыкновенный предметъ. Въ этомъ выражается, правда, нѣкоторая понятливость, но, конечно, очень незначительная и во всякомъ случаѣ не болѣе, чѣмъ у другихъ черепахъ. Душевные способности ихъ такъ же ничтожны, какъ значительны тѣлесныя. Говорятъ, что онѣ могутъ ползти по землѣ, неся на спинѣ столько людей, сколько можетъ помѣститься на спинномъ щигѣ ихъ; но свою настоящую подвижность онѣ обнаруживаютъ лишь въ водѣ. Когда онѣ плывутъ, движенія ихъ скорѣе всего напоминаютъ полетъ большихъ хищныхъ птицъ, напримѣръ орловъ; онѣ плаваютъ изумительно, и ихъ движенія отличаются въ равной степени силой и быстротой, неизмѣнной выносливостью и красотой; онѣ одинаково отлично ныряютъ и неподвижно держатся въ водѣ на различной глубинѣ и принимаютъ въ водѣ всевозможныя положенія, то болѣе, то менѣе уклоняясь отъ горизонтальнаго. Тамъ, гдѣ онѣ обыкновенны, можно иногда видѣть цѣлыя стада ихъ и вообще онѣ, повидимому очень общительны. «Такъ какъ онѣ», говоритъ Ласепедъ, «всегда находятъ достаточно пищи у тѣхъ береговъ, гдѣ держатся, то онѣ никогда не ссорятся между собою изъ за пищи, которую имѣютъ въ избыткѣ. Кромѣ того онѣ, подобно всѣмъ пресмыкающимся, могутъ поститься мѣсяцами, даже по цѣлому году, поэтому среди нихъ царствуетъ вѣчный миръ. Онѣ не ищутъ другъ друга, но часто сходятся и добровольно остаются вмѣстѣ. Онѣ не собираются воинственными толпами, чтобы легче овладѣть трудно добываемой добычею, а просто одинаковое побужденіе ведетъ ихъ къ одному и тому же мѣсту и одинаковый образъ жизни держать въ порядкѣ ихъ стада. Своихъ привычекъ онѣ держатся такъ же крѣпко, какъ крѣпокъ ихъ панцырь. Къ окружающему міру онѣ относятся пассивно, и страсти ихъ никогда не бываютъ очень сильными. Онѣ осторожны, но не храбры, рѣдко защищаются активно, а всегда стремятся какъ можно болѣе и какъ можно скорѣе добиться безопасности; для достиженія этой цѣли онѣ напрыгаютъ всѣ свои

ЛИТ. ШТАДЕРЪ И РАТТИНОТЪ С П. Б.

ЗЕЛЕНАЯ МОРСКАЯ ЧЕРЕПАХА.

силы». Я полагаю, что съ этимъ описаніемъ можно согласиться, другими словами, что оно въ общихъ чертахъ вѣрно. Общительность и миролюбіе—выдающіяся качества многихъ черепахъ, но особенно морскихъ.

Въ отличіе отъ родственной ей каретты, которая представляетъ записного хищника, зеленая черепаха поѣдаетъ морскія растенія, особенно водоросли, и тамъ, гдѣ она обыкновенна, присутствіе ея выдаютъ откушенные ею части этихъ растеній, плавающія на поверхности моря. Такъ говоритъ, согласно почти со всѣми авторами, Гольбрукъ и прибавляетъ, подтверждая слова Одюбона, что она предпочитаетъ всѣмъ другимъ водорослямъ нѣжнѣйшія части одного морского растенія (*Zostera marina*), которое даже называютъ черепашьей травой. Онъ замѣчаетъ, что пойманныхъ черепахъ кормятъ исключительно растительными веществами, а именно портулакомъ. Найтъ (Knight) рассказываетъ, что ее очень часто находятъ въ береговыхъ озерахъ, многочисленныхъ на берегу Флориды, гдѣ она питается растущей тамъ водяной травой. Наѣвшись до сыта, онѣ свертываютъ большія массы водяной травы, которую отгрызаютъ своими острыми роговыми челюстями, и склеиваютъ ихъ глинистымъ иломъ, на которомъ эти растенія растутъ, въ комки, часто величиною съ голову. Когда наступаетъ приливъ, вода уноситъ эти комки и животныя слѣдуютъ за ними, чтобы питаться ими позднѣе. Найдя такіе комки въ прибрежныхъ озерахъ, рыбаки знаютъ, что тамъ есть черепахи; они тотчасъ забрасываютъ сѣти и ловятъ животныхъ въ большомъ числѣ.

Въ извѣстное время самки зеленыхъ черепахъ оставляютъ открытое море и плывутъ къ опредѣленнымъ, привычнымъ мѣстамъ, чтобы откладывать тамъ яйца. Онѣ избираютъ для этого песчаныя мѣста берега необитаемыхъ острововъ или мѣста на морскомъ берегу, удаленныя отъ людского движенія, и всегда отыскиваютъ одно и то же мѣсто, если не втеченіе всей своей жизни, то по крайней мѣрѣ извѣстной части ея, даже если имъ приходится для этого перекочевывать на разстояніе сотенъ морскихъ миль. Самцы, по словамъ Дампьера, слѣдуютъ въ этомъ путешествіи за своими самками, но не выходятъ во время кладки на берегъ, а остаются по близости въ морѣ. Передъ этимъ происходитъ спариваніе, которое, по Кэтсби, длится болѣе 14 дней. Видльмонъ говоритъ, что самецъ во время совокупленія сидитъ на спинѣ самки и какъ бы ѣдетъ на ней верхомъ; это наблюденіе, повидимому, соответствуетъ истинѣ. Обѣ черепахи, а особенно самецъ, совершенно забываютъ, говорятъ, во время спариванія свою обычную осторожность. «Я поймалъ», увѣряетъ Дампьеръ, «самца во время совокупленія. Они тогда вовсе небоязливы и ихъ легко добыть. При видѣ лодки самка хотѣла скрыться, но самецъ крѣпко держалъ ее обоими передними лапами. Если желаешь добыть спаривающихся черепахъ, то надо только убить самку, самца тогда навѣрное можно поймать». Сколько времени проходитъ послѣ совокупленія до того, когда первыя яйца созрѣютъ и могутъ быть отложены,—неизвѣстно. Приблизившись къ берегу, черепаха дожидается времени кладки и затѣмъ съ большою осторожностью выходитъ вечеромъ на сушу. Уже днемъ, по наблюденіямъ принца фонъ Видъ, можно видѣть, какъ она плаваетъ недалеко отъ берега, причемъ высовываетъ изъ воды только толстую круглую голову, а спинной панцырь достигаетъ лишь поверхности воды. При этомъ она самымъ тщательнымъ образомъ изслѣдуетъ рѣдко посѣщаемые берега. Одюбонъ, который наблюдалъ ее изъ скрытаго мѣста, увѣряетъ, что прежде, чѣмъ выйти на сушу, она принимаетъ еще особыя мѣры предосторожности, именно издаетъ свистящій звукъ, какъ будто желая прогнать скрытаго врага. Самый ничтожный шумъ заставляетъ ее мгновенно погружаться въ глубину моря и искать другаго мѣста. Сентъ-Шьеръ увѣряетъ даже, что судно, просто-

лвшее на якорѣ нѣсколько часовъ около острова, гдѣ черепахи откладываютъ яйца, на цѣлые дни прогоняетъ этихъ осторожныхъ животныхъ отъ острова, а пушечный выстрѣлъ такъ пугаетъ ихъ, что они снова показываются у береговъ лишь по прошествіи недѣли. Если все спокойно, черепаха медленно приближается наконецъ къ берегу, выползаетъ на сушу и, высоко поднявъ голову, передвигается на разстояніе до 30 или 40 шаговъ отъ черты прилива, еще разъ озирается и начинаетъ затѣмъ класть яйца. Принцъ фонъ Видъ наблюдалъ ее въ это время и сообщаетъ намъ слѣдующее. «Наше присутствіе не помѣшало ей заниматься своимъ дѣломъ. Можно было трогать ее, даже поднимать (для чего было нужно четыре человѣка); при громкихъ знакахъ нашего изумленія и разсужденій, что съ ней дѣлать, она не обнаруживала никакихъ признаковъ безпокойства, какъ шипѣніе, какое издаютъ гуси, если приближаться къ ихъ гнѣзду. Она медленно продолжала своими ластообразными задними ногами разъ начатую работу, вырывая прямо подъ заднепроходномъ отверстіемъ цилиндрическую ямку около 25 см. ширины въ песчаной почвѣ, чрезвычайно ловко и правильно и даже до извѣстной степени въ тактъ выбрасывала по обѣимъ сторонамъ тѣла выкопанную землю и тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ стала класть яйца. Одинъ изъ нашихъ двухъ солдатъ вытянулся во всю длину на землѣ рядомъ съ черепахой, доставлявшей запасъ для нашей кухни, запустилъ руку въ глубину ямки и сталъ выбрасывать яйца по мѣрѣ того, какъ черепаха клала ихъ. Такимъ образомъ втеченіе приблизительно 10 минутъ мы собрали до 100 яицъ. Мы стали разсуждать, не будетъ ли цѣлесообразнымъ присоединить это прекрасное животное къ нашимъ коллекціямъ, однако большой вѣсъ черепахи, для которой пришлось бы назначить особаго мула, а также и трудность укрѣпить эту неуклюжую вошу, заставили насъ даровать ей жизнь и ограничиться данью, которую она уплатила намъ яйцами. Возвратившись черезъ нѣсколько часовъ на берегъ, мы не нашли ея болѣе. Она закрыла свою ямку, и широкій слѣдъ по песку показывалъ, что она уползла обратно въ свою стихію».

Въ своихъ «Матеріалахъ къ естественной исторіи Бразиліи», принцъ фонъ-Видъ прибавляетъ къ сказанному слѣдующее: «Я знаю по опыту, что эти животные во время бразильскаго лѣта, въ декабрѣ, январѣ и февралѣ, во множествѣ приближаются къ берегамъ, чтобы зарывать тамъ свои яйца. Въ этомъ отношеніи всѣ морскія черепахи сходны между собою, и разсказъ о томъ, какъ онѣ дѣлаютъ это, чему я былъ очевидцемъ, относится ко всѣмъ этимъ животнымъ, родственнымъ между собою по строенію и образу жизни. Для кладки яицъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя я объѣхалъ, всего благоприятнѣе населенныя пространства на протяженіи 18 миль, находящіяся между устьями Рио-Доце и рѣки Св. Матвѣя, далѣе мѣстности между только что названною рѣкою и Мукурн, а также нѣсколько другихъ мѣстъ на берегахъ, не окаймленныхъ высокими крутыми утесами, о которые разбиваются морскія волны. Въ періодъ кладки путешественникъ часто находитъ на прибрежномъ пескѣ мѣста, гдѣ двѣ параллельныя бороздки указываютъ путь, котораго держались черепахи, выйдя на сушу. Бороздки эти - слѣды, оставленные четырьмя ластообразными ногами животнаго; между ними замѣтна широкая полоса, вдавленная нижнимъ панциремъ тяжелаго животнаго. Идя по этому слѣду шаговъ 30—40 вверхъ по песчаному берегу, можно найти большое, тяжелое животное, которое неподвижно лежитъ въ плоской, мало углубленной котлообразной ямкѣ, происшедшей отъ круговаго движенія тѣла, на половину спрятавъ въ нее тѣло. Когда всѣ яйца отложены, какъ было описано, животное наскребаетъ съ обѣихъ сторонъ песокъ, плотно прижимаетъ его и от-

правляется такъ же медленно, какъ пришло, по тому же слѣду обратно въ свою стихію».

Тенненъ въ противоположность этому узналъ, что у береговъ Цейлона, гдѣ этотъ видъ особенно посѣщаетъ островъ Рамесварамъ и сосѣдніе мелкіе острова, лежащіе между Цейлономъ и южной Индіей, наблюдали извѣстную хитрость у черепахъ, кладущихъ яйца. Онѣ стараются, говорятъ, скрыть свое гнѣздо, описывая по берегу обширную дугу и возвращаясь въ море въ совершенно иномъ мѣстѣ, чѣмъ вышли изъ него. Сингалезцы принуждены поѣтому обыскивать весь слѣдъ, изслѣдуя почву палкою, такъ какъ они никогда не могутъ сразу узнать, гдѣ находится гнѣздо.

Повидимому первая кладка не исчерпываетъ запаса оплодотворенныхъ яицъ самки, напротивъ, по истеченіи извѣстнаго времени, она, повидимому, снова является на то же мѣсто, чтобы опять довѣрить такое же число созрѣвшихъ яицъ землѣ, которая матерински хранитъ ихъ; все число яицъ взрослой самки можетъ поѣтому доходить до 300, быть можетъ 400. Старые и новые авторы, имѣвшіе случай наблюдать зеленыхъ черепахъ тамъ, гдѣ онѣ кладутъ яйца, или собирать здѣсь, на ихъ родинѣ, свѣдѣнія о нихъ, единогласно утверждаютъ, что эти животныя появляются на мѣстахъ размноженія ежегодно отъ двухъ до пяти разъ, и именно черезъ промежутки въ 14—15 дней, и каждый разъ кладутъ по 75—200 яицъ. Возвращеніе опредѣленныхъ самокъ на мѣста кладки могло быть установлено съ увѣренностью. На островахъ Тортугасъ, одномъ изъ главныхъ мѣстъ размноженія черепахъ въ Вестъ-Индіи, были, по словамъ Стробеля, пойманы и помѣчены различныя черепахи; затѣмъ ихъ отвезли въ Кэй Вестъ и заперли въ загородку. Буря разрушила изгородь и освободила плѣнниковъ. Нѣсколько дней спустя, они были пойманы на томъ же мѣстѣ, и при такихъ же обстоятельствахъ, какъ и первый разъ. Напротивъ, Крюммель рассказываетъ о черепахахъ, появляющихся на островѣ Вознесенія. «Неразъ пытались въ послѣдніе 50 лѣтъ отмѣтить нѣкоторыхъ, прикрѣпляя къ ихъ спинному щиту мѣдную пластинку, но никогда не случалось еще снова видѣть такое животное».

Смотря по мѣстности, время кладки различно. Въ Малаккскомъ проливѣ оно приходится въ тѣ же мѣсяцы, какъ въ Бразиліи, на островахъ Тортугасъ и Бермудскихъ на время отъ апрѣля до іюня, напротивъ, на Золотомъ берегу, по Лойеру, на время между сентябремъ и январемъ; другихъ указаній я не нахожу. Развитие яицъ длится приблизительно 6—10 недѣль, немного болѣе или менѣе, смотря по температурѣ мѣста, напримѣръ на островѣ Вознесенія, какъ узналъ тамъ Крюммель, 9—10 недѣль.

На островахъ Зеленаго Мыса, молодыя черепахи выходятъ изъ яйца, какъ говорятъ, уже на тринадцатый день послѣ кладки; это указаніе навѣрное основано на неточныхъ наблюденіяхъ. Онѣ тотчасъ ползутъ къ морю, но сначала не умѣютъ нырять и многія изъ нихъ становятся добычей чаекъ, цапель, хищныхъ птицъ и хищныхъ рыбъ. Нѣкоторые естествоиспытатели полагаютъ, что ростъ ихъ идетъ очень быстро; однако это мнѣніе не согласуется съ наблюденіями, произведенными надъ болотными черепахами, и во всякомъ случаѣ рассказъ Вилльмона, будто бы одинъ туземецъ на Санъ-Доминго держалъ черепаху въ неволѣ, и она въ одинъ мѣсяць выросла на футъ, не заслуживаетъ никакой вѣры.

Во время кладки яицъ зеленыя черепахи, которыхъ въ остальное время никто не трогаетъ, подвергаются большой опасности. Большіе хищники и люди овладѣваютъ теперь беззащитными существами. О нападеніяхъ на нихъ дикихъ собакъ, я говорилъ уже (т. II, стр. 71), но, несмотря на производимыя ими опу-

стошенія, эти собаки не могут считаться самыми опасными врагами морских черепахъ. Хуже ихъ свирѣпствуетъ человекъ и притомъ бѣлые дѣйствуетъ не менѣе безсовѣстно, чѣмъ краснокожіе. Лишь въ немногихъ мѣстахъ охота на этихъ цѣнныхъ животныхъ ведется разумнымъ и приличнымъ образомъ. У береговъ Гвианы выставляютъ широкоячейныя сѣти, которыя поддерживаются въ верхнихъ слояхъ воды съ помощью поплавковъ; отъ времени до времени ихъ осматриваютъ и вынимаютъ запутавшихся въ петляхъ морскихъ черепахъ. Въ Средиземномъ морѣ, особенно около Цикладскихъ острововъ, охота на родственный видъ, карретту (*Thalassochelys caretta*), производится и теперь еще такимъ же образомъ, какъ въ древности. Лодка, которая при полномъ штилѣ медленно скользитъ по голубой водѣ Цикладскаго моря съ помощью тихихъ ударовъ веслами, по словамъ Эргардта, довольно часто наталкивается, въ нѣсколькихъ морскихъ миляхъ отъ ближайшаго острова, на спящую на поверхности морскую черепаху, которая издали похожа на опрокинутый челнокъ. Если къ ней можно приблизиться прежде, чѣмъ она проснется, то опытные рыбаки схватываютъ ее за ногу, быстрымъ движеніемъ легко поворачиваютъ на спину и тѣмъ приводятъ въ безпомощное состояніе, но и теперь остерегаются подвергнуться укушенію животнаго, такъ какъ оно свободно перерѣзаетъ палки, толщиною въ 2 см. Однако обыкновенно слухъ ея оказывается слишкомъ тонкимъ, чтобы не замѣтить опасность, и, проснувшись во время, она передъ глазами обманутаго врага медленно, почти безъ движенія, погружается въ голубую глубину, «гдѣ она еще втеченіе нѣсколькихъ минутъ видна глазу человекъ, подъ конецъ, какъ зеленая гаснущая звѣзда».

Одинъ способъ ловли, примѣняемый туземцами острововъ Тихаго океана, о которомъ рассказывалъ уже лордъ Ансонъ, правда, не встрѣчая полного довѣрія, въ новѣйшее время слѣдующимъ образомъ описывается миссіонеромъ Уайтъ Джилъ, который ознакомился съ нимъ въ Торресовомъ проливѣ. «Замѣтивъ спящую черепаху, туземцы очень тихо гребутъ къ животному; одинъ изъ нихъ, обвязавъ тѣло веревкой, прыгаетъ на спину ничего не подозревающей жертвѣ. Конечно, ловецъ вмѣстѣ съ черепахой тотчасъ устремляются на дно, что нисколько его не беспокоитъ; между тѣмъ онъ выворачиваетъ и загибаетъ на спину переднія конечности животнаго и крѣпко держится за нихъ, пока его не вытащатъ вмѣстѣ съ черепахою въ лодку». Тотъ же авторъ рассказываетъ о подобномъ способѣ ловли, который правильно примѣняется на островѣ Пенринъ. «Если царствуетъ полный штиль и поверхность моря похожа на зеркало, островитяне выѣзжаютъ съ наступленіемъ дня на своихъ челнахъ. Длиннымъ рядомъ тянутся они и напрягаютъ зрѣніе, чтобы замѣтить на коралловомъ грунтѣ черепаху. Отъ времени до времени надъ поверхностью воды раздается крикъ: «вонъ плыветъ черепаха». Лодки быстро образуютъ кругъ надъ своей жертвой, причемъ туземцы сильно стучатъ по бортамъ судовъ, чтобы, какъ они полагаютъ, сбить черепаху съ толку. Когда они думаютъ, что достигли своей цѣли, одинъ изъ нихъ съ веревкой подъ мышками, ныряетъ на дно, чтобы захватить черепаху. Другіе слѣдуютъ за нимъ, чтобы окружить добычу и помочь ловцу, главная задача котораго заключается въ томъ, чтобы удерживать ноги сильнаго животнаго и дать возможность вытащить обоихъ на поверхность. Иногда товарищи, чтобы помочь ловцу, схватываютъ его за волосы и тащатъ вверхъ. Двѣ или три черепахи считаются хорошей дневной добычею».

Что на островахъ Середэй (въ Торресовомъ проливѣ) для ловли морскихъ черепахъ употребляютъ прилипало, присасывающуюся рыбу изъ рода *Echeneis*, и даютъ рыбамъ этого вида, привязаннымъ къ веревкамъ, присасываться къ чере-

пахамъ, утверждаетъ недавно Гаддонъ, а Склаторъ и Лингъ Ротъ констатируютъ тотъ же способъ ловли для Занзибара и Кубы; въ Торресовомъ проливѣ Уайтъ Джилъ тоже видѣлъ, что присасывающуюся рыбу употребляли такимъ же образомъ.

Безлюдные, дикіе берега Бразиліи, на которые выходятъ обыкновенно черепахи, лишь рѣдко посѣщаются путешественниками, но во время кладки яицъ сюда сходятся всѣ индѣйцы, живущіе по близости. «Эти индѣйцы», говоритъ принцъ фонъ-Видъ, «самые жестокіе враги черепахъ; они ежедневно находятъ по нѣскольку животныхъ этого вида, которыя намѣреваются класть яйца, и тотчасъ убиваютъ ихъ, такъ какъ эти тяжелыя медленныя созданія настолько же безпомощны на сушѣ, насколько они ловки въ водѣ. Поэтому печальные пустынные берега, покрытые лишь пескомъ, а дальше вглубь страны темными дѣвственными лѣсами, омываемые бурными волнами океана, представляютъ всюду картину разрушенія и гибели всего живого; всюду лежатъ во множествѣ черепа, панцыри, цѣлые скелеты этихъ животныхъ, истребляемыхъ именно въ періодъ ихъ размноженія; скелеты эти очищены грифами отъ послѣднихъ остатковъ мяса. Индѣйцы убиваютъ морскихъ черепахъ ради жира, заключающагося въ ихъ мясѣ, варятъ его и собираютъ многочисленныя яйца, находящіяся въ пескѣ или въ тѣлѣ животныхъ, въ большія корзины, чтобы сѣсть ихъ дома. Въ это время собиранія черепашьихъ яицъ можно часто встрѣчать на этомъ берегу семейства индѣйцевъ, нагруженныя названными сокровищами; они строятъ себѣ также хижины изъ пальмовыхъ листьевъ, чтобы поселиться у берега на нѣсколько дней или недѣль и ежедневно заниматься собираніемъ».

Подобнымъ образомъ преслѣдуютъ этихъ полезныхъ животныхъ на всѣхъ берегахъ, которые они посѣщаютъ для того, чтобы класть яйца. Тѣмъ не менѣе очень значительное размноженіе зеленыхъ черепахъ покрывало бы всѣ потери, происходящія отъ ловли старыхъ самокъ, если бы довольствовались самими самками и не грабили мѣста кладки, истребляя тысячи и сотни тысячъ яицъ. Неосмотрительное истребленіе яицъ грозитъ этому виду большою опасностью, но объ этомъ не думаетъ грубый эгоистичный охотникъ. Съ приближеніемъ времени кладки яицъ этихъ животныхъ, сюда собирается всякій сбродъ, чтобы собрать возможно обильную и цѣнную добычу. Охотники осторожно приближаются въ маленькихъ лодкахъ къ берегу ненаселенныхъ острововъ или подходятъ съ суши къ мѣстамъ кладокъ на населенныхъ берегахъ, прячутся по близости и тихо ждуть, пока боязливыя животныя выползутъ на сушу и достаточно удалятся отъ воды. Если охотники поднимутся слишкомъ рано, то черепахи тотчасъ спѣшатъ къ морю и если берегъ нѣсколько наклонный, то имъ часто удается спастись, быстро поворачивая обратно и скользя внизъ по песку. Если охотники поспѣваютъ во время, то они обезпечиваютъ себѣ добычу, переворачивая черепахъ на спину. Ни одна морская черепаха не можетъ освободиться изъ этого положенія, хотя и бьетъ бѣшено своими лапами вокругъ себя и по панцырю и съ теченіемъ времени до такой степени измучивается, что ея глаза наливаются кровью и сильно выступаютъ изъ орбитъ. Неслишкомъ рѣдко случается, что ловцы по жестокости переворачиваютъ больше черепахъ, чѣмъ имъ нужно, и оставляютъ нѣкоторыхъ изъ нихъ лежать въ безпомощномъ положеніи и погибать голодной смертью. Очень большихъ и тяжелыхъ черепахъ переворачиваютъ рычагами, многихъ ловятъ сѣтями, другихъ добываютъ гарпунами. Одюбонъ познакомился съ однимъ ловцомъ черепахъ, который втеченіе одного года наловилъ не менѣе 800 штукъ, почти исключительно взрослыхъ самокъ. Охотятся всегда ночью и приступаютъ на слѣдующее утро къ собиранію пойманныхъ черепахъ, которыхъ переносятъ прежде всего или въ особыя, при-

готовленные для них помѣщенія, или на суда и затѣмъ разсылаютъ. Въ садкахъ, которые представляютъ, повятно, резервуары, наполненные морской водою, можно видѣть, какъ онѣ медленно плаваютъ или часто лежать по 3 или 4 другъ на другъ. Свободно пущенныя на сушѣ онѣ оживленно ползаютъ и по временамъ выражаютъ свое неудовольствіе сопѣніемъ. За ѣду пойманныя черепахи рѣдко принимаются, а потому скоро худѣютъ и теряютъ цѣну. Тѣ, которыхъ привозятъ на европейскіе рынки, происходятъ по большей части изъ Вестъ-Индіи и именно съ Ямайки. Ихъ кладутъ въ удобномъ мѣстѣ на бакъ на спину, прикрѣпляютъ веревками, протягиваютъ надъ ними парусъ и часто поливаютъ ихъ морской водою, чтобы онѣ оставались постоянно мокрыми или по крайней мѣрѣ влажными, всовываютъ бѣднымъ животнымъ въ ротъ кусокъ бѣлаго хлѣба, намоченнаго въ морской водѣ, и полагаются въ остальномъ на ихъ чрезвычайную живучесть. Въ европейскихъ приморскихъ городахъ ихъ держатъ въ большихъ кадкахъ, которыя наполняютъ водою черезъ 2—3 дня, убиваютъ затѣмъ, отрубая имъ голову, и вѣшаютъ на 1 или 2 дня такъ, чтобы вся кровь могла вытечь. Только тогда мясо считается годнымъ для приготовления дорогихъ суповъ.

На островѣ Вознесенія, какъ рассказываетъ Крюммель, пойманныхъ черепахъ сохраняютъ въ прудахъ, устроенныхъ на берегу такимъ образомъ, что они имѣютъ сообщеніе съ моремъ; въ концѣ времени ловли, въ маѣ, въ прудахъ бывають иногда сотни этихъ животныхъ. «Мясо черепахъ», продолжаетъ Крюммель, «появляется два раза въ недѣлю на столѣ гарнизона, а комендантъ присылаетъ всегда въ подарокъ каждому заходящему сюда военному судну одно или нѣсколько этихъ животныхъ. Намъ капитанъ тоже прислалъ двѣ штуки на судно еще до полудня».

Въ Индіи, гдѣ этотъ видъ, по замѣткамъ Буланже, довольно рѣдокъ, и особенно на Цейлонѣ мало церемонятся съ морскими черепахами, предназначенными для кухни. Крайне противное зрѣлище представляется, по словамъ Теннента, посѣтителю рынковъ на Цейлонѣ. Пойманныхъ черепахъ мучають здѣсь ужаснымъ образомъ. Покупатели, вѣроятно, хотять получать мясо по возможности свѣжимъ или продавцы не хотять давать себѣ трудъ убить животное, поэтому просто отдѣляютъ у живого животного грудной панцырь и вырѣзываютъ по желанію, покупателя, указанный кусокъ мяса изъ тѣла жертвы, пользуясь извѣстной живучестью черепахъ; европеецъ въ ужасѣ видитъ при этомъ, какъ истерзанное животное ворочаетъ глазами, медленно открываетъ и закрываетъ ротъ и какъ бьется сердце, которое требуютъ обыкновенно послѣднимъ.

Въ извѣстныхъ времена здѣсь избѣгаютъ ѣсть мясо этихъ черепахъ вслѣдствіе вреднаго, даже ядовитаго дѣйствія его. Въ Пантурѣ, къ югу отъ Коломбо, 28 человѣкъ, которые поѣли черепашняго мяса въ октябрѣ 1840 года, сильно заболѣли скоро послѣ ѣды и 18 изъ нихъ умерли на слѣдующую ночь. Оставшіеся живыми утверждали, что мясо отличалось отъ безвреднаго, повидимому, только тѣмъ, что было очень жирно. Въ чемъ заключается причина вреднаго дѣйствія этого мяса, еще невыяснено.

* *
*

Второй видъ этого рода **Каретта** или **Бисса** (*Chelone imbricata*, *Testudo imbricata*, *caretta*, *Chelonia imbricata*, *pseudomydas*, *pseudocaretta*, *Eretmochelys imbricata*, *squamosa*, *Caretta rostrata*, *squamosa*, *squamata*, *imbricata*, *bissa*, *Onychochelys kraussi*. *Echte Karette*. *Caret*). По величинѣ она замѣтно уступаетъ зеленой черепахѣ, но очень близка къ ней по строенію и виду и отличается во всякомъ возрастѣ болѣе или менѣе крючковой спереди верхней челюстью, а также тѣмъ,

что между ноздрями и лобнымъ щиткомъ всегда лежатъ двѣ слѣдующихъ другъ за другомъ пары щитковъ, и, наконецъ, болѣе или менѣе явственно черепичатыми, слѣдовательно отчасти налегающими одна на другую роговыми пластинками спинного панцыря, который сзади сильно пилообразно зазубренъ и на которомъ у молодыхъ замѣтны три продольныхъ гребня. Переднія конечности имѣютъ всегда по два когтя. Всѣ пластинки спинного панцыря разрисованы на каштаново-или черно-буромъ фонѣ желтыми пятнышками; изъ одного мѣста, обыкновенно задняго угла щитка, расходятся болѣе свѣтлыя, прозрачныя, розово-красныя, красно-бурая, желтыя, какъ кожа, полоски, которыя иногда могутъ настолько расширяться, что первоначально темный цвѣтъ щитковъ занимаетъ меньше мѣста, чѣмъ свѣтлый. Пластинки грудного панцыря одноцвѣтныя, желтыя; щитки головы и конечностей темно-бурыя съ желтыми краями. Длина панцыря достигаетъ 84 см.; самый большой спинной панцырь въ Парижскомъ музеѣ равенъ лишь 74 см.; Гюнтеръ говоритъ, что панцырь длиною въ 60 см. долженъ уже считаться чрезвычайно большимъ.

Повидимому область распространенія каретты болѣе или менѣе совпадаетъ съ областью обитанія зеленой черепахи. Она тоже живетъ въ тропическихъ и подтропическихъ моряхъ обоихъ полушарій и особенно часто встрѣчается въ Карайбскомъ морѣ и вокругъ Цейлона, у Маледивскихъ острововъ и въ морѣ Зуду. Ее ловили или наблюдали во многихъ мѣстахъ вдоль атлантическаго берега Америки, отъ южныхъ Соединенныхъ Штатовъ до Санта Роза, южнѣе Монтевидео, у мыса Доброй Надежды, въ Мозамбикскомъ проливѣ, въ Красномъ морѣ, во многихъ мѣстахъ у Остъ-Индскихъ и Малайскихъ береговъ, около Зондскихъ острововъ, въ Китайскомъ и Японскомъ моряхъ, въ Австралийскомъ морѣ и у западнаго берега Средней Америки.

По своему поведенію и движеніямъ, образу жизни, нравамъ и привычкамъ каретта, насколько намъ извѣстно, въ общемъ сходна съ зеленой морской черепахой. Но это хищное животное въ полнѣйшемъ смыслѣ этого слова; она совершенно пренебрегаетъ растительной пищею, держится исключительно животныхъ веществъ и, какъ говорятъ, умѣетъ овладѣвать даже большими животными. По словамъ Кэтсби, американскіе рыбаки рассказываютъ, что часто случается находить раскушенныя ею большія раковины. Кромѣ моллюсковъ, главную часть пищи этого животнаго составляютъ, вѣроятно, рыбы; ловкость, съ которою эта черепаха плаваетъ, дѣлаетъ вѣроятнымъ, что она можетъ ловить и проворные виды рыбъ.

Размноженіе каретты во всѣхъ отношеніяхъ похоже на размноженіе другихъ морскихъ черепахъ. Яйца она тоже складываетъ въ прибрежный песокъ и притомъ въ тѣ же мѣсяцы, какъ и зеленая черепаха, и, подобно послѣднимъ, каретты всегда возвращаются снова на тѣ мѣста, гдѣ родились. Въ 1826 г., по словамъ Теннента, была найдена около Гамбангтотте одна бисса, въ одномъ изъ плавниковъ которой находилось кольцо; это кольцо прикрѣпилъ ей во время кладки яицъ одинъ голландскій офицеръ за 30 лѣтъ до того времени на томъ же самомъ мѣстѣ.

Эта неизмѣнная, чтобы не сказать упрямая, привязанность животныхъ къ мѣсту рожденія влечетъ за собою то печальное послѣдствіе, что каретты видимо уменьшаются въ числѣ. Человѣкъ безпощадно и безразсудно преслѣдуетъ и ихъ. Мясо ихъ ѣдятъ, правда, лишь туземцы тѣхъ странъ, которыя эти черепахи посѣщаютъ, но не европейцы. По мнѣнію послѣднихъ, оно причиняетъ поносъ и рвоту или вызываетъ чирья и нарывы; напротивъ, по мнѣнію жителей Индіи и Америки, оно предохраняетъ отъ другихъ болѣзней. Биссу ловятъ не ради мяса и не ради

лицъ, невкусныхъ, по мнѣнію Клюнцингера, но очень вкусныхъ, по мнѣнію другихъ, а ради рогового слоя ея панцыря, такъ называемой «черепахи», котораго взрослая черепаха можетъ доставить 2—6 кило. При полученіи этого цѣннаго товара тоже поступаютъ съ отвратительною жестокостію. Роговое вещество легко отдѣляется отъ спинного панцыря лишь тогда, когда его сильно нагрѣть; бѣдную черепаху вѣшаютъ поэтому надъ огнемъ и поджариваютъ до тѣхъ поръ, пока не добьются желаемого дѣйствія. Китайцы, замѣтивъ, что роговое вещество легко можетъ портиться отъ дѣйствія сухого жара, пользуются въ настоящее время для той же цѣли кипяткомъ. По окончаніи этого истязанія биссу отпускаютъ и даютъ ей бѣжать къ морю, полагая, что роговой слой образуется снова. Возможно, что истерзанная такимъ образомъ черепаха остается жива, но едва ли ее придется послѣ этого мучить еще разъ: восстановительная способность этого животнаго едва ли можетъ достигать такой степени, чтобы щитъ покрывался новыми пластинками, годными для торговли. Возможность такого восстановленія мы не можемъ однако отрицать съ тѣхъ поръ, какъ Гадовъ доказалъ, что по крайней мѣрѣ сухопутныя черепахи могутъ снова производить удаленныя части постоянного панцыря съ покрывающими ихъ роговыми пластинками.

Роговое вещество каретты не только превосходитъ всякую другую роговую массу красотою и добротою, но, кромѣ того, куски его легко свариваются вмѣстѣ. Достаточно погрузить отдѣльныя пластинки, которыя не одинаковой толщины и хрупки, въ кипятокъ и затѣмъ сжать ихъ между металлическими вальками. При достаточномъ давленіи онѣ склеиваются такъ крѣпко, что нельзя болѣе отличать отдѣльныя части, вполне сохраняютъ, медленно отвердѣвая, всякую форму, которую имъ придадутъ въ размягченномъ состояніи, и потому превосходно годятся для приготовления табакерокъ и гребенокъ. Даже обрѣзки идутъ въ дѣло: ими наполняютъ промежутки между отдѣльными пластинками и снова до тѣхъ поръ сдавливаютъ при высокой температурѣ, пока они не сольются съ ними въ одну массу. Мѣстами употребляется также лишенный рогового слоя спинной щитъ; такъ, арабскіе моряки украшаютъ ими, по словамъ Клюнцингера, своп суда. Наконецъ, вытопленное изъ жира черепаховое масло играетъ даже въ глазахъ нѣкоторыхъ европейцевъ роль чудеснаго цѣлебнаго средства. Самая лучшая и дорогая «черепаха» идетъ съ Целебеса, откуда ее вывозятъ въ Китай. Въ Европѣ ее обдѣлываютъ въ особенно значительномъ количествѣ въ Неаполѣ.

Каретты попадаютъ такъ же часто, какъ и зеленныя черепахи, живыми на наши рынки, могутъ поэтому быть приобрѣтаемы безъ значительныхъ издержекъ и при надлежащемъ уходѣ очень хорошо выживаютъ въ неволѣ. Клюнцингеръ, какъ онъ сообщилъ мнѣ въ письмѣ, неразъ держалъ во время своего пребыванія на берегахъ Краснаго моря молодыхъ животныхъ этого вида въ бассейнѣ, имѣвшемъ сообщеніе съ моремъ, гдѣ они могли питаться моллюсками, но нашелъ, что животныя всегда погибали, когда вода колодца начинала весною нагрѣваться. Это замѣчательно въ томъ отношеніи, что, по наблюденіямъ другихъ, и морскія черепахи требуютъ умѣренно нагрѣтой воды и лишь въ такомъ случаѣ могутъ быть бодрыми и вообще чувствовать себя хорошо. При этомъ онѣ не нуждаются безусловно въ морской водѣ. Фишеръ съ полнымъ успѣхомъ держалъ молодыхъ морскихъ черепахъ даже въ прѣсной водѣ и безъ труда кормилъ ихъ водяными мокрицами и бокоплавами. Я держалъ нѣсколько экземпляровъ и очень полюбилъ ихъ. Сначала, онѣ казались мнѣ, правда, скучными. Отвыкнувъ отъ воды, онѣ долго дѣлали тщетныя усилія, прежде чѣмъ имъ удалось опуститься въ глубь поставленнаго имъ бассейна, а когда, наконецъ, снова освоились съ родной стихіей, то по

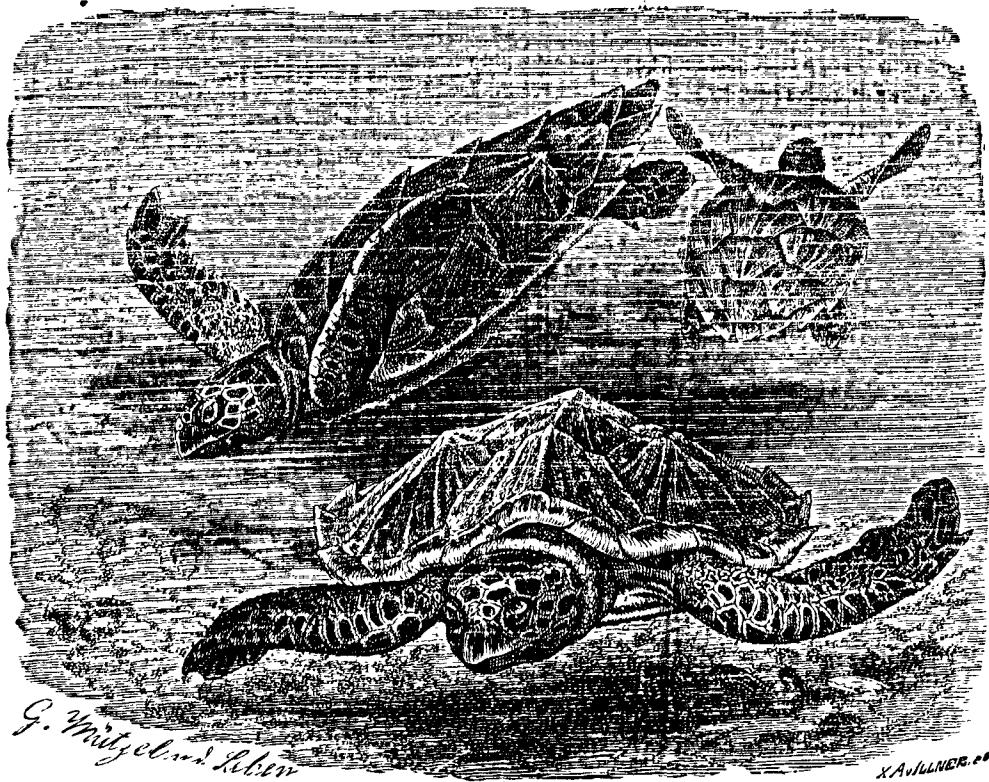
цѣлымъ днямъ лежали на одномъ и томъ же мѣстѣ. Но это измѣнилось, когда онѣ окрѣпли. Утверждаютъ, что старыя животныя этого вида любятъ кусаться; у моихъ молодыхъ питомцевъ я не замѣчалъ этого даже тогда, когда они снова окрѣпли благодаря обильной пищѣ. Если ихъ не сажать въ холодную воду, т. е. такую, температура которой ниже 12,5 градусовъ Цельсія, то онѣ доставляютъ мало хлопотъ, скоро привимаются за пищу, берутъ ее у хозяина даже изъ рукъ или щипцовъ, не нападаютъ на плавающихъ въ томъ же бассейнѣ рыбъ, хотя и ѣдятъ мясо рыбъ охотнѣе, чѣмъ всякую другую пищу и восхищаютъ каждого зрителя своими чудными движеніями. Сравненіе съ летающими хищными птицами, которое я употребилъ выше, приходитъ въ голову каждому, кто видитъ, какъ онѣ плаваютъ. Медленно, постоянно двигаютъ онѣ своими лапами, и тѣло ихъ спокойно и равномерно скользитъ въ любомъ направленіи черезъ слои воды. Ни одинъ извѣстный мнѣ видъ черепахъ не плаваетъ такъ, какъ онѣ и вообще морскія черепахи. Никогда незамѣтно у нихъ торопливости; онѣ, точно играя, разсѣкаютъ воду и тѣмъ не менѣе проплываютъ въ извѣстный промежутокъ времени такое же разстояніе, какъ маленькая, сильно работающая водяная черепаха. Ихъ плаваніе походитъ на пареніе въ водѣ.

Второй рядъ настоящихъ черепахъ обнимаетъ такъ называемыхъ **Бокошейныхъ** (*Pleurodira*. Halswender), очень замѣчательную и своеобразную группу черепахъ, отличающуюся тѣмъ, что всѣ принадлежащія сюда семейства не просто втягиваютъ назадъ свою по большей части длинную шею вмѣстѣ съ головою, а въ случаѣ опасности загибаютъ ее въ сторону и такъ закладываютъ назадъ между спиннымъ и брюшнымъ панциремъ, что конецъ морды касается правой или лѣвой плечевой ямки. Эта особенность обусловливается тѣмъ, что шейные позвонки снабжены чрезвычайно сильно развитыми поперечными отростками. Второй признакъ, позволяющій тотчасъ отличить бокошейныхъ черепахъ отъ скрытноголовыхъ, заключается въ строеніи таза, который всегда сращенъ, какъ со спиннымъ, такъ и съ брюшнымъ панциремъ посредствомъ плотнаго костяного соединенія. Кромѣ того пальцы никогда не имѣютъ болѣе трехъ суставовъ. Всѣ принадлежащія сюда виды, за исключеніемъ одного, напоминающаго морскихъ черепахъ, и снабженнаго лапами рода рѣчныхъ черепахъ Новой Гвиней (*Carettochelys*), имѣютъ 13 пластинокъ на брюшномъ панцирѣ, такъ какъ къ обыкновеннымъ кожнымъ пластинкамъ присоединяется еще непарная горловая.

Въ сѣверномъ полушаріи, слѣдовательно въ Европѣ, всей Азіи и Сѣверной Америкѣ представителей этого рода нѣтъ. Принадлежащія сюда три семейства ведутъ почти исключительно водный образъ жизни.

Яйца нѣсколькихъ южно-американскихъ бокошейныхъ приносятъ значительную пользу нѣкоторымъ народамъ и вообще значеніе этихъ болотныхъ и рѣчныхъ черепахъ въ хозяйствѣ человѣка не слѣдуетъ оцѣнивать слишкомъ низко. Батсъ рассказываетъ, что онъ въ Эгѣ на Амазонкѣ почти цѣлый годъ питался черепахами, и онѣ очень надѣли ему; подъ конецъ онъ не могъ слышать запаха ихъ мяса и потому по временамъ былъ вынужденъ терпѣть голодь. У каждого владѣльца дома тамъ есть маленькій прудъ, въ которомъ пойманныхъ животныхъ держатъ до времени недостатка пищи, т. е. до наступленія дождливаго времени года, и всѣ, у кого служить по нѣскольку индѣйцевъ, посылаютъ ихъ во время низкаго стоянія воды на охоту, чтобы снова наполнить прудъ. Дѣло въ томъ, что, несмотря на изумительное множество водящихся тамъ черепахъ, ихъ въ дождь-

ливые мѣсяцы трудно достать за деньги. Легкость отысканія и ловли ихъ стоитъ въ прямой связи съ высокимъ или низкимъ уровнемъ воды. Если вода въ рѣкѣ понижается менѣе обыкновеннаго, то онѣ рѣдки; если же она очень упадетъ, то ихъ ловятъ во множествѣ, такъ какъ всѣ лужи и болота въ лѣсахъ кишатъ ими. Для охоты употребляютъ сѣти и стрѣлы, наконечникъ которыхъ, попадая въ тѣло, отдѣляется отъ древка, но остается соединеннымъ съ нимъ длинной веревкой. Древко плаваетъ по водѣ, охотникъ подплываетъ на лодкѣ, схватываетъ его и тянетъ, пока животное не приблизится къ поверхности. Затѣмъ въ тѣло животного пускаютъ иногда еще одну стрѣлу и вытягиваютъ его на сушу. Туземныя женщины умѣютъ различнымъ образомъ, но превосходно, пригото-

Каретта. *Chelone imbricata* $\frac{1}{20}$ наст. величины.

влять мясо черепахъ. Оно очень нѣжно, вкусно и здорово, но скоро прѣдается и наконецъ становится противнымъ европейцу. По увѣренію названнаго изслѣдователя, можно долго держать въ неволѣ лишь одинъ видъ и именно самый крупный изъ тѣхъ, которые встрѣчаются въ Амазонкѣ; болѣе мелкіе, гораздо болѣе вкусные виды, обыкновенно выносятъ, какъ говорятъ, потерю свободы лишь втеченіе немногихъ дней.

Къ первому семейству бокошейныхъ, **Пеломедузамъ** (*Pelomedusae*. *Pelomedusen*), мы вмѣстѣ съ Буланже причисляемъ всѣхъ снабженныхъ щитками черепахъ, у которыхъ 13 грудныхъ пластинокъ примыкаютъ къ краевымъ; затылочнаго щитка нѣтъ, шея можетъ втягиваться, загибаясь въ сторону, и совершенно прятаться въ панцирь. Что касается ихъ скелета, то отъ рѣчныхъ чере-

пахъ онъ отличается 11 костями въ брюшномъ панцырѣ вмѣсто 9. Мы причисляемъ сюда 3 рода съ 15 видами, которые принадлежатъ тропической и южной Африкѣ, Мадагаскару и Южной Америкѣ и живутъ все въ прѣсной водѣ ручьевъ и рѣкъ. У одного рода (*Sternotherus*) передняя лопасть брюшного панцыря сочленена подвижно и образуетъ крышку.

По отношенію къ образу жизни, движеніямъ и поведенію, пеломедузы во многихъ существенныхъ чертахъ сходны съ остальными черепахаи, живущими въ прѣсной водѣ. Говорить о нихъ здѣсь больше нѣтъ надобности, такъ какъ жизнь одного вида, о которомъ придется тотчасъ упоминать, описана однимъ изъ величайшихъ изслѣдователей всѣхъ временъ и не уступаетъ по полнотѣ описанію образа жизни любой другой черепахи.

«Къ 11 часамъ утра», рассказываетъ А. фонъ Гумбольдтъ, «мы высадились на островъ посреди рѣки, который индѣйцы въ миссіи Уруана считаютъ своею собственностью. Островъ славится ловомъ черепахъ, или, какъ говорятъ здѣсь, жатвой яицъ, которая производится здѣсь ежегодно. Мы нашли болѣе 300 индѣйцевъ, расположившихся въ шалашахъ изъ пальмовыхъ листьевъ; кромѣ гуановъ и отомаковъ изъ Уруаны, которые и тѣ, и другіе считаются дикими племенами, недоступными цивилизаціи, здѣсь находились карибы и другіе индѣйцы съ низовьевъ Ориноко. Каждое племя расположилось отдѣльно и отличалось по цвѣту, которымъ была раскрашена ихъ кожа. Въ шумныхъ толпахъ мы замѣтили нѣсколько бѣлыхъ, именно мелкихъ торговцевъ изъ Ангостуры, которые поднялись сюда вверхъ по рѣкѣ, чтобы скупать у туземцевъ черепашия масло. Мы встрѣтили также миссіонера изъ Уруаны, который разсказалъ намъ, что перешелъ сюда вмѣстѣ съ индѣйцами ради сбора яицъ, чтобы каждое утро служить мессу подъ открытымъ небомъ и запасти масло для лампадъ въ алтарѣ, а особенно для того, чтобы держать въ порядкѣ эту «республику изъ индѣйцевъ и кастильцевъ», въ которой каждый желаетъ для себя одного все, что Богъ даруетъ всѣмъ.

«Въ сопровожденіи этого миссіонера и одного торговца, который хвастался, что уже 10 лѣтъ прѣзжаетъ на сборъ яицъ, мы обошли островъ, который посѣщаютъ здѣсь такъ, какъ у насъ ярмарки. Мы находились на ровномъ песчаномъ пространствѣ. «Насколько глазъ хватаетъ по берегу», сказали намъ, «лежатъ подъ слоеи земли яйца черепахъ». Въ рукахъ миссіонера былъ длинный шестъ и онъ показавъ намъ, какъ съ помощью его изслѣдуютъ почву, чтобы опредѣлить, до какого мѣста простирается слой яицъ, какъ рудокопъ опредѣляетъ границы слоя мергеля, дерновой желѣзной руды или бурога угля. Втыкая шестъ вертикально въ землю, замѣчаютъ существованіе въ почвѣ пустоты или рыхлаго слоя, заключающаго яйца, такъ какъ сопротивленіе въ такихъ мѣстахъ сразу прекращается. Какъ мы убѣдились, слой въ общемъ распредѣленъ такъ равномерно, что на разстояніи 20 м. вокругъ данной точки шестъ навѣрняка наталкивается на него. Здѣсь говорятъ лишь о «квадратныхъ шестахъ» яицъ, точно дѣлятъ участокъ земли, въ которой залегаютъ руда, и совершенно равномерно разрабатываютъ его. Однако слой яицъ покрываетъ далеко не весь островъ, напротивъ, онъ прекращается всюду тамъ, гдѣ почва быстро повышается, такъ какъ черепаха не можетъ выползати на эти маленькія плоскія возвышенности. Я разсказалъ своимъ проводникамъ о преувеличенныхъ описаніяхъ патера Гумиллы, по которымъ на берегу Ориноко меньше песчинокъ, чѣмъ черепахъ въ рѣкѣ, и онѣ останавливали бы суда, если бы люди и тигры не убивали ежегодно столько черепахъ. «Поповскія сказки», тихо сказалъ торговецъ изъ Ангостуры. Индѣйцы увѣряли насъ, что отъ устья Ориноко до впаденія Апуре нѣтъ ни одного острова

и ни одного берега, гдѣ можно было бы во множествѣ собирать яйца черепахъ. Тѣ части берега, куда, повидимому, ежегодно собираются почти всѣ черепахи Ориноко, лежатъ между слияніемъ Ориноко и Апуре и большими порогами или Раудалесъ, и здѣсь находятся три самыхъ знаменитыхъ мѣста лова. Одинъ видъ, аррау, не переходитъ, кажется, выше пороговъ, и насъ увѣрили, что выше Апуре и Майпуре встрѣчаются лишь черепахи терекай.

«Большая черепаха, аррау, пугливое, боязливое животное, которое выставляетъ изъ воды только голову и прячется при малѣйшемъ шумѣ, избѣгая тѣхъ частей берега, гдѣ живутъ люди или ходятъ лодки. Это большая прѣсноводная черепаха съ плавательными ногами, очень плоской головой, двумя мясистыми, очень острыми придатками подъ подбородкомъ, съ 5 пальцами на переднихъ и 4 на заднихъ ногахъ. Спинной панцырь состоитъ изъ 5 среднихъ и по 4 боковыхъ съ каждой стороны и 24 краевыхъ щитковъ; онъ сверху черно-сѣраго цвѣта, снизу оранжево-желтаго; длинныя ноги такого же цвѣта. Между глазами очень глубокая продольная бороздка. Когти очень велики и согнуты. Заднепроходное отверстіе находится на первой пятой части очень короткаго хвоста. Взрослое животное вѣситъ 20—25 кило. Яйца, которыя гораздо больше голубиныхъ, покрыты известковой скорлупою и, говорятъ, такъ тверды, что дѣти отомаконъ, большіе любители игры въ мячъ, могутъ перебрасываться ими. Терекай меньше аррау, панцырь состоитъ изъ такого же числа пластинокъ, но онѣ расположены нѣсколько иначе. Я насчиталъ 5 среднихъ, по 4 боковыхъ и 24 четырехугольныхъ, сильно согнутыхъ краевыхъ пластинокъ. Цвѣтъ панцыря черный съ зеленоватымъ налетомъ; ногти и ноги, какъ у аррау; голыя части оливково-зеленыя; на головѣ находятся два пятна смѣшаннаго краснаго и желтаго цвѣтовъ; шея желтая. Терекай не собираются въ такія большія стада, какъ аррау, чтобы класть яйца на томъ же берегу. Послѣднія имѣютъ пріятный вкусъ и очень цѣнятся жителями испанской Гвианы. Аррау не переходитъ вверхъ за пороги, терекай встрѣчается какъ въ верхнемъ теченіи Ориноко, такъ и ниже пороговъ, а также въ Апуре, Уритуку, Гуарико и маленькихъ рѣкахъ, текущихъ по льяносамъ «Каракаса».

О *Sternotherus derbyanus*, одномъ западноафриканскомъ животномъ изъ этого семейства, Гессе разсказываетъ, что оно издаетъ иногда короткій отрывистый звукъ, похожій на «вау» собаки и производимый, вѣроятно, захлопываніемъ сильныхъ роговыхъ челюстей. Одна самка клала почти втеченіе 4 недѣль довольно правильно по яйцу въ день; рѣдко она пропускала одинъ день; три раза Гессе находилъ по два яйца въ день. Яйца покрыты похожей на бумагу, неблестящей скорлупою, продолговаты, нѣсколько больше голубиныхъ и равномерно закруглены на обонхъ концахъ.

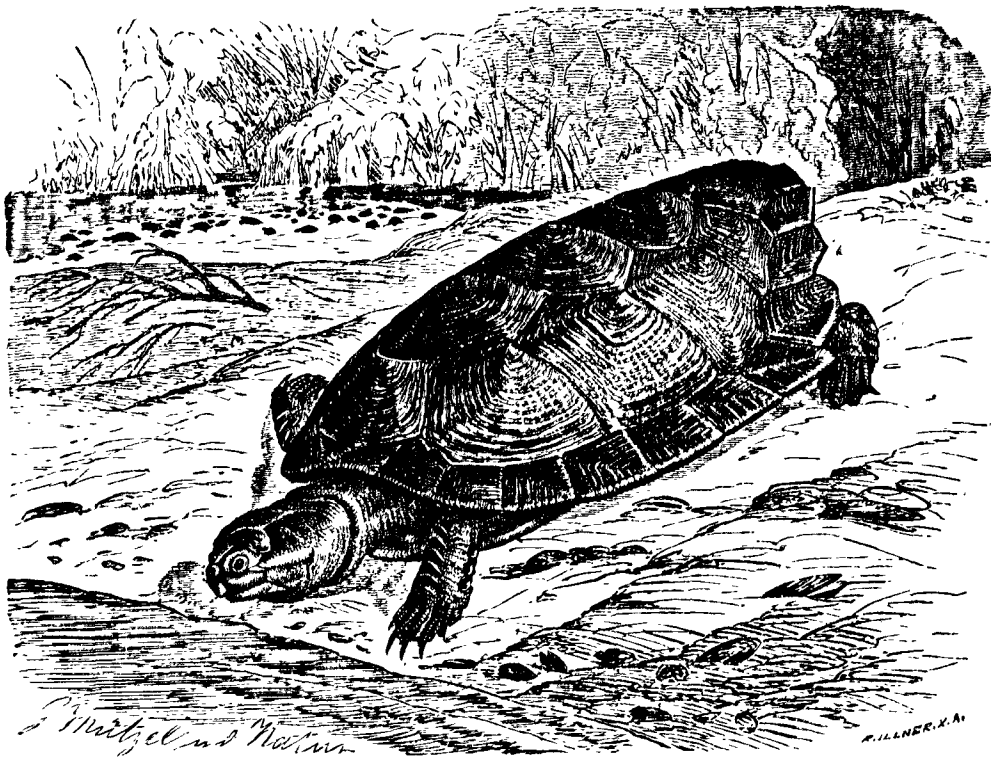
* * *

Аррау (*Podocnemis expansa*, *Emys expansa*, *amazonica*, *Hydraspis expansa*, *Arrauschildkröte*, *Emys de l'Amazonie*), большое животное, панцырь котораго имѣетъ 77 см. длины; оно служитъ представителемъ рода **Щитоногихъ черепахъ** (*Podocnemis*, *Schienenschildkröte*), которыя отличаются слѣдующими признаками: въ умѣренно выпукломъ спинномъ панцырѣ, край котораго горизонтально выступаетъ, нѣтъ затылочной пластинки, въ грудномъ щитѣ недостаетъ подмышечныхъ и паховыхъ пластинокъ. Хвостовая пластинка двойная; замѣчательно мелкія плечевыя пластинки брюшнаго панцыря едва достигаютъ половины величины грудныхъ пластинокъ. Большіе щитки одѣваютъ голову, которая особенно бросается въ глаза, благодаря глубокой и широкой продольной бороздѣ между глазами; съ подбородка свѣшиваются 1 или 2 усика. Предплечія и наружный конецъ заднихъ ногъ по-

крыты нѣсколькими большими чешуйками; остальная кожа конечностей и кожа шеи голая. Плавательныя перепонки развиты очень сильно.

Отъ остальныхъ родовъ этого семейства онѣ отличаются числомъ пальцевъ, которыхъ на переднихъ ногахъ по 5, на заднихъ по 4, между тѣмъ какъ оба остальныхъ рода, встрѣчающихся только въ Африкѣ, имѣютъ и на переднихъ, и на заднихъ ногахъ по 5 пальцевъ. За исключеніемъ одного мадагаскарскаго вида, остальные 7 видовъ щитоногихъ черепахъ живутъ въ большихъ рѣкахъ Южной Америки.

Отъ другихъ видовъ того же рода аррау отличается глубоко вдавленной выемчатой передней частью головы, тремя короткими и слабыми продольными

Аррау. *Podocnemis expansa*. $\frac{1}{6}$ наст. вел.

ребрами на внутренней жевательной поверхности верхней челюсти и двумя короткими жилками на подбородкѣ. Спинной панцирь бураго цвѣта съ болѣе темными пятнами, брюшной панцирь желтоватый съ бурными пятнами. Молодые животныя сверху оливково-бураго цвѣта, снизу желтаго; ихъ верхніе края глазъ, пятно позади глазъ и двойное пятно на межтемянномъ щиткѣ тоже желтое. Самка приблизительно вдвое больше самца.

Этотъ видъ живетъ во всей тропической Южной Америкѣ къ востоку отъ Андовъ. Кромѣ Ориноко, онѣ въ большомъ числѣ живетъ въ рѣкахъ Гвианы, именно Такату, Рио Бранко и Эсеквибо, въ Амазонкѣ съ ея притоками, Санъ-Франциско и другихъ рѣкахъ Бразиліи, встрѣчается также въ сѣверовосточныхъ провинціяхъ Перу, а слѣдовательно имѣетъ очень обширную область распространенія.

«Время, когда аррау кладетъ яйца», продолжаетъ Гумбольдтъ, «совпадаетъ

съ самымъ низкимъ стояніемъ воды. Такъ какъ вода въ Ориноко начинаетъ прибывать съ весенняго равноденствія, то съ начала января до 29 марта бывають непокрыты водою самыя низкія части берега. Аррау собираются уже въ январѣ большими стадами, выходятъ изъ воды и грѣются на солнцѣ, на пескѣ, такъ какъ, по мнѣнію индѣйцевъ, нуждаются въ сильномъ жарѣ, чтобы чувствовать себя хорошо, и такъ какъ солнечный жаръ ускоряетъ кладку яицъ. Втеченіе февраля аррау находятся на сушѣ почти весь день. Въ началѣ марта, разбросанныя стада соединяются вмѣстѣ и плывутъ къ немногимъ островамъ, на которыхъ кладутъ обыкновенно яйца; вѣроятно одна и та же черепаха каждый годъ является на одинъ и тотъ же берегъ. За нѣсколько дней до кладки многія тысячи ихъ появляются длинными рядами у береговъ острововъ Кукурупару, Уруана и Парарума, вытягиваютъ шею и держатъ голову надъ водою, высматривая, не грозитъ ли опасность со стороны «тигровъ» или людей. Индѣйцы, для которыхъ очень важно, чтобы собравшіяся стада продолжали держаться вмѣстѣ, ставятъ вдоль берега стражу, чтобы животныхъ не разгоняли и они могли въ полномъ покоѣ класть яйца. Людямъ, плывущимъ въ судахъ, показываютъ знаками, чтобы они держались на серединѣ рѣки и не пугали черепахъ крикомъ.

«Кладка происходитъ всегда ночью, но начинается тотчасъ послѣ захода солнца. Животное вырываетъ задними лапами, которыя очень длинны и вооружены кривыми когтями, углубленія, шириною въ метръ и глубиною въ 60 см., стѣнки котораго оно, по увѣреніямъ индѣйцевъ, смачиваетъ своей мочою, чтобы сдѣлать песокъ болѣе мягкимъ. Стремленіе къ кладкѣ яицъ такъ сильно, что нѣкоторыя черепахи спускаются въ выкопанныя другими и еще не наполненныя снова землею углубленія и кладутъ второй слой яицъ на только что сложенный. При этой бурной суматохѣ разбивается столько яицъ, что потеря, какъ говорилъ намъ миссіонеръ, можетъ быть достигаетъ трети всего количества яицъ. Мы находили, что кварцевый песокъ и разбитая скорлупа яицъ были склеены въ большіе комки вытекшимъ изъ яицъ желткомъ. Число животныхъ, роющихся ночью на берегу, такъ неизмѣримо велико, что наступающій день застаётъ нѣкоторыхъ еще неокончившими кладку. Въ такомъ случаѣ они болѣе, чѣмъ когда—либо торопятся отдѣлаться отъ яицъ и прикрыть выкопанныя углубленія, чтобы ягуаръ не могъ увидѣть ихъ. Запоздавшія черепахи не обращаютъ при этомъ вниманія ни на какую опасность, угрожающую имъ самимъ, и работаютъ на глазахъ индѣйцевъ, которые приходятъ на берегъ рано утромъ, и называютъ ихъ «глухими черепахами». Несмотря на ихъ сильныя движенія, ихъ легко ловятъ руками.

«Три лагеря индѣйцевъ въ названныхъ выше мѣстахъ устраиваются въ послѣдніе дни марта или первыя числа апрѣля. Сборъ яицъ идетъ каждый разъ одинаково съ тою правильностью, которая царствуетъ во всемъ, что исходитъ отъ монаховъ. До появленія на рѣкѣ миссіонеровъ, туземцы въ меньшей степени пользовались тѣмъ, что природа въ такомъ изобиліи предлагаетъ имъ здѣсь. Каждое племя рыло* берегъ по своему, и при этомъ разбивали безконечное множество яицъ, такъ какъ рыли неосторожно и открывали больше яицъ, чѣмъ можно было унести. Дѣло шло такъ, какъ если бы рудникъ разрабатывался неумѣлыми руками. Иезуитамъ принадлежитъ та заслуга, что они сдѣлали этотъ промыселъ правильнымъ. Они не позволяютъ взрывать весь берегъ и оставляютъ часть его нетронутымъ, такъ какъ опасаются, что черепахи могутъ, если не быть истреблены, то по крайней мѣрѣ значительно уменьшиться въ числѣ». Теперь снова неосмотрительно перерываютъ весь берегъ, зато и замѣчаютъ, что сборы яицъ, повидимому, уменьшаются годъ отъ году.

«Когда лагерь разбитъ, миссіонеръ назначаетъ своего замѣстителя, который дѣлать участокъ, гдѣ лежатъ яйца, на доли, по числу индѣйскихъ племенъ, принимающихъ участіе въ сборѣ. Онъ начинаетъ съ того, что изслѣдуетъ съ помощью своего шеста, какъ далеко простирается въ землѣ слой яицъ. По нашимъ измѣреніямъ, онъ простирается до 40 м. отъ берега и въ среднемъ глубину въ 1 м. Повѣренный означаетъ, до какого мѣста должно работать каждое племя. Не безъ удивленія слышишь, что доходъ отъ сбора яицъ оцѣнивается такъ же, какъ доходъ съ поля, засѣяннаго хлѣбомъ. Случается, что поверхность, длиною въ 40 м. и шириною въ 10 м., даетъ 100 кувшиновъ или на 1000 франковъ масла. Индѣйцы разрываютъ почву руками, кладутъ собранныя яйца въ маленькія корзины, называемыя маппири, уносятъ ихъ въ лагерь и бросаютъ въ большія корыта, наполненныя водою. Въ нихъ яйца раздавливаютъ лопатами, размѣшиваютъ и выставляютъ на солнце, пока не стухнетъ маслянистая часть, желтокъ яицъ, который плаваетъ сверху. Масло вычерпываютъ и варятъ на сильномъ огнѣ; какъ говорятъ, оно держится тѣмъ лучше, чѣмъ сильнѣе его варятъ. Хорошо приготовленное масло прозрачно, лишено запаха и развѣ немного желто. Миссіонеры считаютъ его равнымъ по достоинству съ лучшимъ оливковымъ масломъ. Его употребляютъ не только для горѣнія, но также, и при томъ преимущественно, для приготовленія пищи, такъ какъ оно не придаетъ кушаньямъ никакого неприятнаго вкуса. Однако трудно добыть совершенно чистое черепаховое масло; по большей части оно имѣетъ гнилой запахъ, происходящій оттого, что между яйцами попадаютъ и такія, въ которыхъ уже образовались молодыя черепахи.

«Берегъ Уруаны даетъ ежегодно 1000 кувшиновъ масла. Кувшинъ стоитъ въ Августурѣ 2—2½ піастра. Весь доходъ съ тѣхъ частей берега, на которыхъ ежегодно производится сборъ яицъ, можно опредѣлять въ 5000 кувшиновъ. Такъ какъ 200 яицъ даютъ винную бутылку масла, то на кувшинъ идетъ 5000 яицъ. Если принять, что каждая черепаха кладетъ по 100—116 яицъ и треть разбивается во время кладки, особенно «глупыми черепахами», то оказывается, что для того, чтобы наполнить эти 5000 кувшиновъ масла 330000 аррау должны отложить на трехъ мѣстахъ сбора 33 милліона яицъ. При этомъ расчетѣ мы, вѣроятно, получаемъ число гораздо меньшее, чѣмъ дѣйствительное. Многія самки кладутъ лишь 60—70 яицъ, многихъ въ то мгновеніе, когда онѣ выходятъ изъ воды, съѣдаютъ ягуары; индѣйцы берутъ много яицъ съ собою, чтобы высушивать ихъ на солнцѣ и ѣсть, и разбиваютъ много по небрежности во время сбора. Число яицъ, изъ которыхъ уже вышли молодыя черепахи въ то время, когда человѣкъ начинаетъ сборъ, такъ громадно, что у лагеря въ Уруанѣ я видѣлъ, какъ весь берегъ кишѣлъ молодыми черепахами, длиною въ дюймъ, и онѣ съ трудомъ спасались отъ дѣтей индѣйцевъ, которыя устраивали охоту на нихъ. Если прибавить къ этому, что не всѣ аррау являются къ тремъ мѣстамъ кладки, что многія кладутъ яйца по одиночкѣ, между устьемъ Ориноко и впаденіемъ Апуре и недѣли на двѣ позднѣе, то неизбежно приходишь къ выводу, что число черепахъ, ежегодно несущихъ яйца на берегахъ нижняго теченія Ориноко, доходитъ почти до милліона. Это чрезвычайно много для животнаго столь значительной величины, которое достигаетъ вѣса въ полцентнера, и надъ которымъ такъ страшно свирѣпствуетъ человѣкъ; мелкіе виды вообще сильнѣе размножаются, чѣмъ крупныя.

«Молодыя черепахи ломаютъ скорлупу яйца днемъ; но лишь ночью можно видѣть ихъ выползающими изъ земли. По увѣреніямъ индѣйцевъ, онѣ боятся солнечнаго жара. Краснокожіе хотѣли также показать намъ, какъ маленькая черепаха, если ее унести съ берега въ мѣшкѣ и посадить на землю такъ, чтобы она была

обращена къ рѣкѣ задомъ, тотчасъ направляется къ рѣкѣ самымъ короткимъ путемъ. Я согласенъ, что этотъ опытъ, о которомъ говорить уже патеръ Гумилла, не всегда удается одинаково хорошо, но обыкновенно мнѣ дѣйствительно казалось, что маленькія животныя, даже находясь очень далеко отъ берега и на островѣ, могли различать, откуда вѣяло самымъ влажнымъ воздухомъ. Если принять во вниманіе, какъ далеко простирается, почти безъ перерыва, слой яицъ на берегу, и сколько тысячъ маленькихъ черепахъ, тотчасъ по выходѣ изъ яицъ, направляются къ водѣ, то нельзя принимать, чтобы столь многочисленныя животныя этого вида, вырывающія себѣ гнѣзда на одномъ и томъ же мѣстѣ, могли отыскивать своихъ дѣтенышей и отводить ихъ, какъ дѣлаютъ крокодилы, въ лужи по берегу Ориноко. Достоверно, что эти черепахи проводятъ первые годы жизни въ самыхъ мелкихъ лужахъ и переходятъ въ русло рѣки, лишь когда выростутъ. Какимъ же образомъ находятъ дѣтеныши эти лужи? Ведутъ ли ихъ черепахи самки, которыя помогаютъ имъ, когда встрѣтятся съ ними? Аррау навѣрное узнаетъ такъ же хорошо, какъ крокодилъ, то мѣсто, гдѣ она устроила гнѣздо; но такъ какъ она не смѣетъ приблизиться къ берегу, если индѣйцы устроили тамъ лагерь, то какъ могла бы она отличать своихъ дѣтенышей отъ чужихъ? Съ другой стороны отомаки увѣряютъ, что видѣли въ половодье черепахъ-самокъ, за которыми слѣдовало довольно много молодыхъ черепахъ; это были такія черепахи, которыя положили яйца отдѣльно на уединенномъ берегу и могли возвратиться къ нимъ. Самцы очень рѣдки среди черепахъ: изъ нѣсколькихъ сотенъ едва встрѣтишь одного. Причина этого явленія не можетъ однако быть та же, что у крокодиловъ, которые устраиваютъ между собою кровавыя битвы во время спариванія и размноженія.

«Сборъ яицъ и приготовленіе масла продолжаютъ три недѣли и лишь въ это время миссіи имѣютъ сношеніе съ морскимъ берегомъ и сосѣдними цивилизованными странами. Францисканцы, жуващіе къ югу отъ пороговъ, являются на сборъ яицъ не столько затѣмъ, чтобы добыть масла, какъ для того, чтобы видѣть бѣлыя лица. Торговцы масломъ получаютъ 60—70 процентовъ барыша; индѣйцы продаютъ кувшинъ за піастръ, а издержки по перевозкѣ равняются лишь $\frac{2}{3}$ піастра на кувшинъ. Всѣ индѣйцы, принимающіе участіе въ сборѣ яицъ, приносятъ домой массы яицъ, высушенныхъ на солнцѣ или слегка сваренныхъ. Наши гребцы всегда имѣли ихъ съ собою въ корзинахъ или маленькихъ мѣшкахъ изъ бумажной ткани. Вкусъ ихъ казался намъ не неприятнымъ, пока они хорошо сохранились».

Что яйца аррау цѣнятся и другими племенами, видно изъ слѣдующаго разсказа Шомбургка. «Радостныя восклицанія, которыми гребцы привѣтствовали нѣкоторыя песчанья банки Эсеквибо, я могъ разгадать лишь тогда, когда нѣсколько индѣйцевъ, прежде чѣмъ челноки успѣли пристать, нетерпѣливо бросились въ рѣку, поплыли къ песчаной банкѣ, стали вдругъ рыться тамъ въ песокъ и достали множество яицъ. Время кладки у черепахъ уже началось, то время, котораго такъ же страстно ждуть индѣйцы, какъ наши гастрономы перелета бекасовъ или начала привоза свѣжихъ устрицъ. Жадность индѣйцевъ была такъ велика, что если бы за самовольное оставленіе челнока была назначена смертная казнь, то они, я полагаю, и тогда не могли бы устоять отъ искушенія поплыть къ песчанымъ банкамъ, скрывающимъ въ нѣдрахъ своихъ вкусныя яйца. Когда я познакомился съ этимъ хваленнымъ лакомствомъ, я нашелъ страсть индѣйцевъ понятной. Что значать наши хваленныя яйца чибсовъ по сравненію съ яйцами этой черепахи!

«Животное отходитъ на этихъ песчаныхъ банкахъ по большей части на 80 — 140 шаговъ отъ берега, вырываетъ въ песокъ углубленіе, кладетъ яйца,

покрываетъ ихъ пескомъ и возвращается къ водѣ. Неопытный европеецъ долго и тщетно старался бы найти эти яйца; но опытный сынъ лѣса рѣдко ошибается и почти никогда не случается, чтобы, разрывъ песокъ, онъ не нашелъ непосредственно подъ нимъ яйца. Легкое волнистое возвышеніе песчаной поверхности выдаетъ ему мѣсто гнѣзда; этотъ признакъ мы научились замѣчать лишь тогда, когда видѣли нѣсколько песчаныхъ банокъ, вся поверхность которыхъ имѣла волнистый видъ. Бѣлокъ яйца, не твердѣющій при вареніи и остающійся совершенно жидкимъ, выпускаютъ и ѣдятъ лишь вкусный и питательный желтокъ. Превосходное лакомство доставляли намъ сырые желтки, смѣшанные съ сахаромъ и нѣсколькими каплями рома, что придавало имъ чрезвычайное сходство съ самымъ нѣжнымъ марципаномъ.

«Временемъ кладки яицъ у черепахъ Амазонки Марціусъ считаетъ октябрь и ноябрь; по Гумбольдту, оно падаетъ для Ориноко на мартъ; напротивъ, въ Эссекибо оно начинается въ началѣ января и продолжается, самое большее, до начала февраля. Это различіе во времени кладки, повидимому, стоитъ въ связи съ временемъ наступленія дождливаго времени года въ предѣлахъ областей этихъ трехъ рѣкъ. Животныя освобождаются отъ яицъ въ тѣ благоприятные дни, когда солнце можетъ еще довести до конца развитіе яицъ, прежде чѣмъ наступитъ долгое дождливое время. Для индѣйцевъ появленіе молодыхъ черепахъ служитъ самымъ вѣрнымъ знакомъ скорого наступленія дождливаго времени; когда онѣ, выйдя изъ земли, ползутъ къ водѣ, можно съ увѣренностью рассчитывать, что дождливое время близко. Черезъ 40 дней послѣ кладки дѣтенышъ разрываетъ похожій на пергаментъ покровъ яйца и вылѣзаетъ».

Кромѣ человѣка, который причиняетъ самый значительный уронъ еще и теперь многочисленнымъ стадамъ arraу, правильно похищая яйца, онѣ терпятъ и отъ хищныхъ животныхъ. «Намъ показывали», заканчиваетъ Гумбольдтъ свое интересное описаніе, «большіе панцыри черепахъ, опорожненные ягуаромъ. Эти «тигры» преслѣдуютъ arraу на берегахъ, когда тѣ собираются класть яйца, нападаютъ на нихъ и переворачиваютъ ихъ на спину, чтобы удобнѣе съѣсть ихъ. Черепахи не могутъ выйти изъ этого положенія и, такъ какъ тигръ переворачиваетъ ихъ гораздо больше, чѣмъ онъ можетъ съѣсть въ одну ночь, то индѣйцы часто пользуются его хитростью и злобой жадностью». Заксъ тоже находилъ пустые панцыри.

«Если обратить вниманіе на то, съ какимъ трудомъ путешествующій естествоиспытатель вынимаетъ тѣло черепахи, если не хочетъ отдѣлать спинной щитъ отъ брюшного, то кажется въ высшей степени удивительною та ловкость, съ которою тигръ опоражниваетъ лапой двойной щитъ arraу, такъ что мѣста прикрѣпленія мускуловъ какъ будто бы отдѣлены ножомъ хирурга. Тигръ преслѣдуетъ черепаху даже въ водѣ, если она не очень глубока, вырываетъ яйца и вообще онъ вмѣстѣ съ крокодиломъ, цаплями и грифами самый страшный врагъ только что вылупившихся черепахъ. Въ прошломъ году островъ Парарума во время сбора яицъ посѣщался такимъ большимъ числомъ крокодиловъ, что индѣйцы въ одну ночь поймали на желѣзные крючки, наживленные мясомъ ламантина, 18 штукъ, длиною до 4 м. Кромѣ только что упомянутыхъ дикихъ животныхъ, значительный вредъ приносятъ приготовленію масла также дикіе индѣйцы. Какъ только начинаются первые, менѣе значительные ливни, которые они называютъ черепашими дождями, они отправляются на берегъ Ориноко и убиваютъ отравленными стрѣлами черепахъ, которыя грѣются на солнцѣ, поднявъ голову и вытянувъ ноги».

Гедди доставилъ недавно подробныя свѣдѣнія объ аррау Амазонской рѣки на основаніи ненапечатанныхъ отчетовъ Сильва Кутиньось. Съ января до іюля аррау живетъ въ лужахъ и береговыхъ озерахъ затопленныхъ лѣсовъ и вѣтъ почти исключительно опавшіе древесные плоды. Въ августѣ ихъ ловятъ сѣтями, въ другое время гарпунами и стрѣлами. Совокупленіе происходитъ въ водѣ; яйца откладываются въ концѣ сентября и до октября рано утромъ; 80 — 200 яицъ наполняютъ яму глубиною въ 45—60 см. Яйца ѣдятъ или въ большомъ количествѣ приготавливаютъ изъ нихъ масло, которое прибавляется къ дегтю, употребляется на освѣщеніе, рѣже для приготовления пищи; не падаютъ даже только что вышедшихъ дѣтенышей. Вслѣдствіе неосмотрительнаго истребленія эти черепахи замѣтно уменьшились уже въ числѣ.

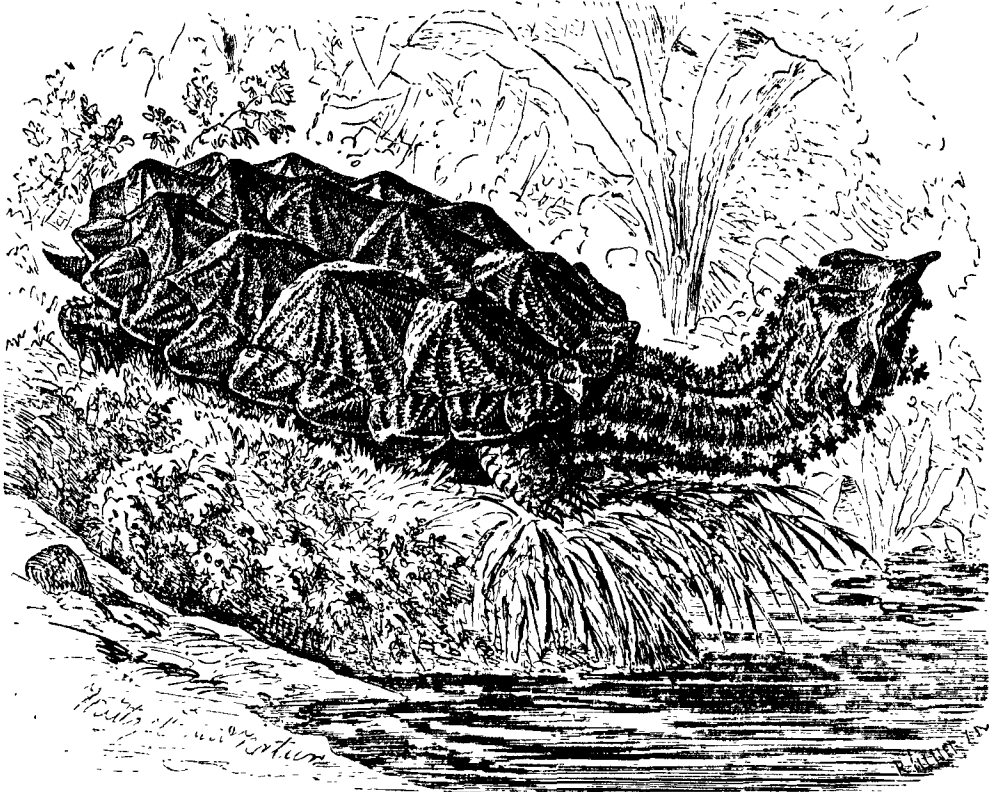
Губастыми черепахами (Chelydidae. Flussschildkröten) мы называемъ второе семейство бокошейныхъ черепахъ, которыя, будучи въ остальномъ сходны съ пеломедузами, не могутъ втягивать шею, а заворачиваютъ ее вбокъ подъ края панцыря. и спинной панцырь которыхъ по большей части имѣетъ явственную затылочную пластинку. Покрытый 13 пластинками брюшной панцырь состоитъ лишь изъ 9 костяныхъ таблицъ, между тѣмъ какъ у пеломедузъ онъ заключаетъ 11 костяныхъ частей. Костяной височной дуги нѣтъ въ черепѣ всѣхъ родовъ, принадлежащихъ къ губастымъ черепахамъ; 5-ый и 8-ой шейные позвонки всегда выпуклы на обоихъ концахъ.

Всѣ губастыя черепахи, которыхъ извѣство 27 видовъ, распределенныхъ по 8 родамъ, живутъ въ Южной Америкѣ, Австраліи и Новой Гвинее. Что и губастыя черепахи, подобно мягкокожимъ, обладаютъ извѣстнаго рода жабернымъ дыханіемъ, не подтвердилось. Гасвелль нашель, правда, у австралійскаго рода *Chelodina* привычку, лежа на днѣ, втягивать и снова выбрасывать черезъ правильные промежутки воду, но онъ могъ доказать вполнѣ, что эти движенія не имѣютъ ничего общаго съ воднымъ или жабернымъ дыханіемъ. О замѣчательномъ способѣ кладки яицъ у этой черепахи сообщилъ Мак-Куэй. Самка приноситъ воду, чтобы размягчать твердую почву, которую она избираетъ для своего гнѣзда, и имѣетъ такимъ образомъ возможность легче разрывать землю. Животное уходитъ для кладки яицъ часто на разстояніе 300 м. отъ рѣки и приноситъ съ собою запасъ воды, которую выплевываетъ черезъ извѣстные промежутки въ вырываемые углубленія. Чтобы врыться на 18 см., черепахѣ нуженъ запасъ воды по крайней мѣрѣ въ полъ-литра. Если одного запаса воды не хватитъ, то черепаха приноситъ на слѣдующее утро новое количество воды и продолжаетъ рыть. Яйца кладутся слоями по 6 штукъ, пока число ихъ не достигнетъ 15—36, когда ямка оказывается полной.

* * *

Родъ **Бахромчатыхъ черепахъ (Chelys. Fransenschildkröten)** принадлежитъ къ тѣмъ, которые имѣютъ самый странный видъ во всемъ отрядѣ. Онъ отличается слѣдующими признаками. Очень мало выпуклый спинной панцырь, снабженный затылочной пластинкой и двойными хвостовыми, имѣетъ три продольныхъ ряда килеватыхъ бугровъ, раздѣленныхъ широкими и глубокими бороздками; состоящій изъ одного куска длинный и узкій по бокамъ килеватый брюшной панцырь не имѣетъ плечевыхъ и паховыхъ пластинокъ. Голова очень сильно приплюснутая, трехугольная, глаза необыкновенно малы, разрѣзъ рта достигаетъ ушной области, болѣе или менѣе загнутаая внутрь челюсть покрыта слабымъ роговымъ клювомъ, а втотъ послѣдній мягкой вздутой кожей, носъ вытянутъ въ длинный хоботъ; шея длинная,

длиннѣе спинной части позвоночника и очень широка и сплюснута; хвостъ коротокъ и не имѣетъ на концѣ когтя; плавательная перепонка на переднихъ и заднихъ ногахъ сильно развита; переднія ноги съ пятью, заднія съ 4 когтями. Мелкія пластинки и различные кожистые придатки одѣваютъ голову, продольные ряды мелкихъ чешуй—шею, множество большихъ чешуй, вытянутыхъ въ поперечномъ направленіи—ноги, наконецъ зернышки—хвостъ. Упомянутые придатки состоятъ изъ тонкой, довольно большой, стоячей трехугольной лопасти кожи надъ каждымъ слуховымъ органомъ, представляющей собою до извѣстной степени наружное ухо, двухъ усиковъ на подбородкѣ и длиннаго, на концѣ расщепленнаго усика на горлѣ; къ нимъ принадлежатъ также 4—5 кожистыхъ наростовъ съ каждой сто-

Матамата. *Chelys fimbriata*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

роны, распложенныхъ въ одинъ рядъ, которые имѣютъ ту же форму, какъ усикъ на горлѣ.

У **Матаматы** (*Chelys fimbriata matamata*, *Testudo fimbriata*, *matamata*, *Matamata fimbriata*, *Matamata*).—единственнаго представителя этого рода, длина панциря достигаетъ 38 см. Цвѣтъ верхней стороны почти равномѣрный каштаново-бурый, цвѣтъ нижней стороны грязный зеленовато-желтый, у молодыхъ экземпляровъ пластинки разрисованы черными и желтыми пятнами и полосами, нижняя сторона шеи—шестью черными продольными полосками.

Область распространенія матаматы ограничивается Гвианой и сѣверной Бразиліей; Спиксъ нашель ее здѣсь въ стоячихъ водахъ Амазонской рѣки, Кастельно—

въ самой рѣкѣ, Шомбургкь—въ рѣкахъ Эссеквибо, Рунунучи Такуту, а также въ озерахъ и болотахъ саваннъ. По Каплеру, ея нѣтъ въ Суринамѣ, но она обыкновенна въ Кайеннѣ. Тамъ, гдѣ она водятся, она встрѣчается, повидимому, часто, а потому хорошо извѣстна всѣмъ европейскимъ колонистамъ и креоламъ, но, благодаря ея страшному виду и отвратительному запаху, на нее смотрятъ съ отвращеніемъ и избѣгаютъ ея. «Дѣйствительно не можетъ быть болѣе безобразнаго существа», говоритъ Шомбургкь, «чѣмъ такая черепаха; ея отвратительный видъ возбуждаетъ уже страхъ, но она становится еще гораздо противнѣе, благодаря сильному, отвратительному запаху. Усаженная множествомъ зубчатыхъ лопастей хоботообразная голова и шея, а также увѣщенные такими же, лишь нѣсколько меньшими лопастями ноги, которыя она можетъ подтягивать подъ плоскій щитъ такъ-же, какъ и голову съ шеей, возбуждали во мнѣ глубочайшее отвращеніе каждый разъ, когда я встрѣчалъ это животное. Столь необузданный въ своей фантазіи, направленной къ изображенію безобразнаго, живописецъ Гелленбрейгель не выдумалъ бы такого отвратительнаго созданія, какое существуетъ здѣсь въ дѣйствительности. Обыкновенно матамата лежала у берега рѣки, зарывшись въ песокъ, такъ что вода покрывала ея щитъ приблизительно на палецъ, и, казалось, неподвижно подстерегала добычу; она, не двигаясь, давала схватывать себя руками; однако мы рѣдко дѣлали это вслѣдствіе ея противнаго запаха. Наши карибы набрасывались на ея мясо просто съ яростью».

Прежніе наблюдатели утверждаютъ, что матамата питается растеніями, растущими у берега, и отыскиваетъ эту пищу лишь ночью, никогда не удаляясь значительно отъ берега. Это мнѣніе навѣрное несправедливо; то, что челюсти покрыты вздутой кожей, похожей на губы, такъ же рѣшительно противорѣчитъ этому, какъ и рассказъ Шомбургка. Гораздо вѣроятнѣе кажется мнѣ указаніе Пенпига: «Она питается маленькими рыбами и лягушками, лежитъ, подстерегая ихъ, между плавающими водяными растеніями, плаваетъ быстро, можетъ даже догнать рыбу и, вдрутъ поднимаясь, схватываетъ мелкихъ водяныхъ птиць». Можетъ быть страшные придатки на головѣ и шеѣ служатъ приманкой для довѣрчивыхъ рыбокъ, которыхъ привлекаютъ червеобразные придатки и которыхъ затѣмъ матамата легко схватываетъ. Гутье увѣряетъ, что нѣкоторое время «очень легко» кормилъ одну самку травой и хлѣбомъ, но, впрочемъ, не говоритъ, какъ долго. Старья матаматы, которыхъ я видѣлъ въ неволѣ или держалъ самъ, не принимали никакой пищи и всегда умирали черезъ нѣсколько недѣль; своей боязнью свѣта и лѣнивымъ покоемъ онѣ надоедали каждому, кто наблюдалъ ихъ. Были ли другіе счастливые меня, я не знаю. По Гюнтеру, можно предполагать, что пища этого вида на свободѣ состоитъ изъ головастиковъ и лягушекъ.

Размноженіе матаматы, говорятъ, слабо, и половая жизнь ея вообще не отличается отъ жизни родственныхъ видовъ. Самка, которую держалъ Гутье, положила передъ смертью пять яицъ; изъ одного вышла черепаха и при томъ противъ всякаго ожиданія въ выдвигномъ ящикѣ, въ которомъ хранились яйца.

* *
* *

Гидромедузы мы будемъ называть два вида губастыхъ черепахъ, которые Ваглеръ совершенно основательно соединилъ въ одинъ родъ (*Hydromedusa*). Онѣ отличаются слабо выпуклымъ, по краямъ загнутымъ кверху въ видѣ желобка спиннымъ панциремъ, состоящимъ изъ 14 пластинокъ, и очень плоскимъ брюшнымъ, состоящимъ изъ одного куска, сплюснутой сверху и одѣтой мягкой кожей головой, слабыми челюстями, очень длинной, бородавчатой шеей, которая длиннѣе

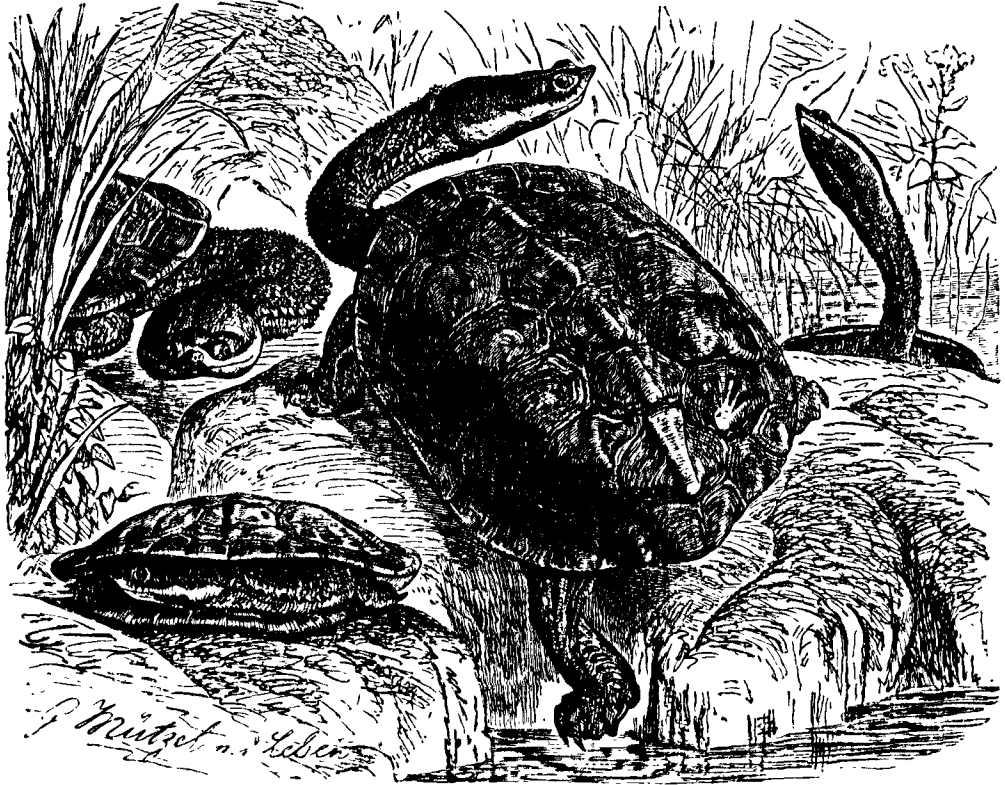
спинного отдѣла позвоночника, короткимъ хвостомъ и четырьмя когтями на переднихъ и заднихъ ногахъ. У нихъ, въ видѣ исключенія, 14 спинныхъ пластинокъ, потому что затылочная пластинка здѣсь не лежитъ, какъ обыкновенно, на переднемъ краю между краевыми пластинками, а позади ихъ на поверхности самого щита передъ первой хребетной пластинкою и какъ бы играетъ роль шестой пластинки этого рода. Хвостовая пластинка двойная, занимающая передній край брюшного панцыря, почти пятиугольная межгорловая пластинка очень велика; плечевыхъ и паховыхъ пластинокъ нѣтъ; усиковъ [на подбородкѣ] тоже нѣтъ. Оба извѣстныхъ вида живутъ въ Южной Америкѣ, одинъ болѣе на сѣверѣ, другой на югѣ этой части свѣта.

Такъ какъ случай далъ нашему иллюстратору возможность сдѣлать рисунокъ одного изъ двухъ видовъ этого рода съ живого животнаго, то мы для описанія и выберемъ этотъ видъ, **Змѣиношейную черепаху** (*Hydromedusa tectifera*, *platanensis* и *Wagleri*, *Schlangenhalschildkröte*, *Chelyde de Wagler*), въ качествѣ представителя группы, хотя намъ мало извѣстно объ ея жизни на свободѣ. Всѣ пластинки широкойлицевиднаго, спереди закругленнаго спинного панцыря представляютъ у молодого животнаго многочисленныя полоски наростанія, посреди которыхъ по большей части, но не всегда, можно отличать выступающее въ видѣ конуса или бугорка срединное поле щитка; напротивъ, у старыхъ животныхъ онѣ кажутся совершенно гладкими. Цвѣтъ спинного панцыря равномерный, темный оливково-зеленый, цвѣтъ грудного панцыря грязный буровато-желтый съ темно-бурыми пятнами; этотъ цвѣтъ выступаетъ и на нижней сторонѣ краевыхъ пластинокъ, но переходитъ въ мѣстѣ соединенія обоихъ щитовъ въ буро-черный. Голова, шея, ноги и хвостъ свинцово-сѣраго цвѣта; полоска, начинающаяся на рѣзко усѣченномъ верхнемъ краѣ морды по бокамъ носа, пробѣгающая отсюда въ видѣ тонкой черты до глаза, расширяющаяся, начиная отсюда, и остающаяся одинаковой ширины вдоль всей шеи, а также другая полоска, которая пробѣгаетъ съ каждой стороны внутри отъ нижней челюсти и скоро соединяется съ первой, желтовато-бѣлаго цвѣта съ черными каемками. Длина панцыря равна 20 см.

Область распространенія змѣиношейной черепахи ограничивается, повидимому, крайнимъ югомъ Бразиліи и сосѣдними странами. Наттереръ нашелъ ее въ Санъ-Паоло, Ихерингъ—въ Рио Гранде до Сулъ, другіе изслѣдователи—въ рѣкѣ Ла-Платѣ, д'Орбиньи—въ Монтевидео и Буэносъ Айресѣ; Гензель получилъ ее изъ Банды Оріенталь. Миканъ даетъ первое описаніе ея; д'Орбиньи говоритъ, что она обыкновенна и держится въ мелкихъ озерахъ и ручьяхъ, но не говоритъ ничего болѣе объ ея образѣ жизни.

Образъ жизни змѣиношейной черепахи, какъ ни сходенъ онъ въ общемъ съ образомъ жизни другихъ водяныхъ черепахъ, долженъ быть замѣчательнъ во многихъ отношеніяхъ. Это доказываетъ молодое животное, по которому сдѣлано наше описаніе и набросаны рисунки. Днемъ можно рѣдко видѣть что-нибудь кромѣ панцыря, такъ какъ голова и конечности совершенно втянуты. Длинная шея лежитъ въ это время въ видѣ толстаго валька поперекъ и довольно глубоко въ пространствѣ между спиннымъ и груднымъ щитомъ, занимая почти всю ширину передняго или шейнаго отверстія, а голова такъ крѣпко прижимается между мягкой кожей плечевой области, что лишь въ видѣ исключенія можно видѣть больше, чѣмъ часть боковой поверхности затылка, а носъ и глаза совершенно скрыты отъ взгляда, такъ какъ кожа со всѣхъ сторонъ окружаетъ эти органы чувствъ. Ноги и хвостъ втягиваются и загибаются, какъ обыкновенно; но по-

дошвы ногъ, вооруженныхъ длинными, но крѣпкими когтями, лежать при этомъ свободно на поверхности. Такимъ образомъ животное выставляетъ на водѣ, въ случаѣ какого-либо нападенія, лишь панцырь, да ноги. Но длинная шея можетъ вдругъ выдвинуться и обнаруживать при этомъ такую изумительную гибкость, быстроту и подвижность, что совершенно напоминаетъ змѣю. Теперь наша черепаха готова къ защитѣ и, когда сочтеть это нужнымъ, переходитъ къ нападенію, которое по живости нисколько не уступаетъ нападеніямъ кусающейся черепахи и далеко превосходитъ ихъ ловкостью. Злобный блескъ какъ бы оживляетъ свѣтло-желтые глаза; шея изгибается по змѣиному, чтобы достаточно вытянуться для нападенія, и съ быстротою молніи, какъ кусающая ядовитая змѣя, злое животное

Змѣиной черепаха. *Hydromedusa tectifera*. $\frac{1}{3}$ наст. величины.

выдвигаетъ ее впередъ, когда считаетъ моментъ удобнымъ для этого. По сравненію съ гибкостью и проворствомъ, съ которыми эта черепаха втягиваетъ и вытягиваетъ шею, не поворачивая ея, всѣ другія движенія, хотя они и не уступаютъ нисколько движеніямъ другихъ представителей отряда, кажутся едва заслуживающими особаго упоминанія; по крайней мѣрѣ они вовсе не характерны.

Если позволить себѣ сдѣлать выводъ о жизни этой черепахи на свободѣ и молодомъ, то можно приблизительно слѣдующимъ образомъ представить себѣ картину жизни этой черепахи. Змѣиной черепаха спокойно лежитъ днемъ въ водѣ или на сухихъ мѣстахъ надъ водою и начинаетъ охоту лишь къ вечеру. Ея спинной панцырь, который такого же цвѣта, какъ иловатый грунтъ, скрываетъ ее отъ глазъ рыбъ, которыхъ она подстерегаетъ, на половину зарывшись

въ илѣ, и онѣ беззаботно приближаются, пока вдругъ не выбросится длинная шея и клювообразныя челюсти не схватятъ неосторожную жертву. Если засада неудачна, то эта шея оказываетъ прекрасныя услуги и при погонѣ за добычею. Противъ враговъ змѣиношейная черепаха защищается съ мужествомъ, упорствомъ, и ловкостью, а потому, вѣроятно, мало терпитъ отъ болѣе сильныхъ противниковъ, да и то, пожалуй, лишь въ молодости. Все вооруженіе предназначаетъ ее къ тому, что такъ удачно выражаетъ названіе ея: она настоящая — «Hydromedusa»; т. е. водное страшилище.

Третій естественный рядъ настоящихъ черепахъ обнимаетъ **Мягкихъ черепахъ** (Trionychidae). Отъ всѣхъ остальныхъ черепахъ онѣ отличаются отсутствіемъ роговыхъ пластинокъ на панцырѣ и явственными пальцами, изъ которыхъ лишь три внутреннихъ имѣютъ когти. Ихъ всегда круглый или яйцевидный, по большей части очень мало выпуклый спинной панцырь представляетъ костяное среднее поле, одѣтое на поверхности мягкой, зернистой или морщинистой кожей, и вокругъ него мягкій, хрящевой край, который крайне рѣдко подпирается отдѣльными краевыми косточками. Грудной панцырь состоитъ изъ костей, которыя остаются раздѣленными всю жизнь. Обѣ половины панцыря одѣты непрерывной мягкой кожей, но не роговыми пластинками. Ноздри лежатъ въ мягкомъ подвижномъ хоботѣ; барабанная перепонка скрыта подъ кожей; челюсти окружены мясистыми губами. Голова и шея могутъ втягиваться подъ панцырь, изгибаясь вертикально въ видѣ S, какъ у скрытноголовыхъ; трехкоготныя плавательныя ноги съ очень развитыми плавательными перепонками тоже могутъ втягиваться, а заднія могутъ иногда скрываться подъ особыми крышками. Хвостъ короткій.

Къ этому роду относится только семейство **Триониксовыхъ** (Trionychidae. Weichschildkröten), представители котораго живутъ теперь въ рѣкахъ Азіи, Сѣверной Америки и Африки, а въ срединѣ третичнаго періода принадлежали также къ самымъ обыкновеннымъ обитателямъ рѣкъ западной Германіи. Лишь отдѣльные виды рода *Emys* встрѣчаются, по Келорту и Блэнфорду, иногда и внѣ воды и на довольно значительномъ разстояніи отъ нея. Извѣстны 26 живущихъ видовъ, которые распределены по 6 родамъ: 15 изъ Азіи, 6 изъ Сѣверной Америки, 5 изъ Африки.

Очень замѣчательно дыханіе триониксовыхъ. Послѣ того, какъ уже Агассисъ указалъ, что въ глоткѣ сѣверо-американскихъ трехкоготныхъ черепахъ находятся волокнистыя образованія, которыя, повидимому, служатъ для извѣстнаго рода жабернаго дыханія, Гіадсъ доказалъ въ 1884 г., что у этихъ черепахъ дѣйствительно существуетъ, какъ у двоякодышащихъ и нѣкоторыхъ ганойдныхъ рыбъ, дыханіе воздухомъ, раствореннымъ въ водѣ, рядомъ съ настоящимъ воздушнымъ дыханіемъ и что эти два способа дыханія могутъ чередоваться. Животныя, надъ которыми производились опыты, добровольно оставались въ текучей водѣ по 2—10 часовъ подъ водою, а не добровольно по 15 часовъ, не терпя никакого вреда. Дыханіе должно было слѣдовательно происходить на счетъ воздуха, раствореннаго въ водѣ. Химическое изслѣдованіе показало въ воздухѣ, растворенномъ въ водѣ, служившей для дыханія, сильную потерю кислорода и значительную прибыль углекислоты. Въ качествѣ внутреннихъ жабръ служатъ при этомъ нитевидныя кожистыя наросты, которыми густо усажена слизистая оболочка глотки и которые кажутся красными и сильно раздутыми отъ обильнаго притока крови.

Образ жизни ихъ еще мало извѣстенъ; однако мы знаемъ, что онѣ выходятъ на нѣкоторое время изъ воды лишь для того, чтобы положить яйца, а въ остальное время проводятъ жизнь въ водѣ. Хотя онѣ довольно проворны на сушѣ, и, по словамъ Бэкера, бѣгаютъ довольно быстро, однако лишь крайне рѣдко предпринимаютъ большія странствованія по сушѣ: онѣ не совершаютъ ихъ даже тогда, когда воды, въ которыхъ онѣ живутъ, высыхаютъ, а просто зарываются при такихъ печальныхъ обстоятельствахъ въ илъ и ожидаютъ здѣсь новаго обилія воды. Тѣмъ болѣе предприимчивыми оказываются онѣ въ тѣхъ случаяхъ, пока могутъ передвигаться въ водѣ. Одинъ видъ поймали въ значительномъ разстоянн отъ устья родной рѣки въ открытомъ морѣ и вѣроятно, что такія экскурсіи въ море совершаются не слишкомъ рѣдко. Дѣло въ томъ, что всѣ рѣки, впадающія въ извѣстную часть моря въ небольшомъ разстоянн другъ отъ друга, населены обыкновенно одними и тѣми же видами, напротивъ, тѣ, которыя текутъ въ различныя части моря и не связаны между собою въ верхнемъ теченн, обыкновенно населены различными видами тріониковыхъ. Изъ всѣхъ представителей отряда, кромѣ морскихъ черепахъ, онѣ предпринимаютъ добровольно самыя далекія перекочевки.

Жизнь ихъ въ водѣ мало замѣтна. Всѣ виды, повидимому, ночныя животныя и начинаютъ свою настоящую дѣятельность лишь послѣ солнечнаго заката. Днемъ онѣ лѣниво лежатъ, наполовину или совсѣмъ погрузившись въ илъ, на одномъ мѣстѣ, часто на очень малой глубинѣ, которая можетъ болѣе прогрѣваться солнцемъ, чѣмъ болѣе глубокія мѣста; ночью онѣ охотятся на различныхъ плавающихъ животныхъ, особенно рыбъ и водяныхъ моллюсковъ. Это не исключаетъ того, что они схватываютъ и днемъ подвернувшуюся имъ добычу; они жадно хватаютъ также, по крайней мѣрѣ пока солнце еще на небѣ, наживку на крючкѣ. О видѣ, живущемъ въ Нилѣ, арабы рассказывали мнѣ, что черепахи ѣдятъ рыбъ, а Бэкеръ увѣряетъ, что эти черепахи очень рѣшительно хватаютъ приманку.

Въ пользу хищности, а косвенно и животной пищи тріониковыхъ говоритъ также смѣлость и злость, нерѣдко переходящія въ бѣшенство, которыя онѣ обнаруживаютъ, если ихъ поймаютъ, а особенно если ихъ предварительно ранятъ. Не всѣ, но очень значительное большинство наблюдателей, которые имѣли случай ознакомиться съ живыми тріониковыми черепахами, согласны между собою въ томъ, что онѣ принадлежатъ къ числу самыхъ свирѣпыхъ и злыхъ представителей отряда, и не только шипятъ и хрипло вскрикиваютъ, но и сильно кусаются. Значительная величина этихъ черепахъ, всѣхъ которыхъ можетъ доходить у нѣкоторыхъ видовъ до 75, даже 100 и болѣе килограммовъ, и ихъ чрезвычайно вкусное мясо побуждаютъ, понятно, къ болѣе или менѣе упорному преслѣдованню. Ихъ ловятъ сѣтями для рыбъ и на крючки, убиваютъ изъ ружья или колятъ въ водѣ, смотря по тому, какой способъ ловли въ данной мѣстности употребителенъ или обѣщаетъ лучшіе результаты; но слѣдуетъ держаться въ почтительномъ отдаленн отъ пойманной тріониковой черепахи. «Для ловли Гангскаго тріоника (*Trionyx gangeticus*. *Gangesweichschildkröte*. *Trionix du Gange*),» рассказываетъ Теобальдъ, «пользуются длинной, заостренной на концахъ желѣзной вилкой или заостренной бамбуковой палкой и втыкаютъ это оружіе въ различныхъ мѣстахъ въ мягкой илѣ или намытые полусгнившіе листья, вдоль береговъ горныхъ рѣкъ. Если рыбакъ кеснется при этомъ тріоника, то замѣчаетъ это по его движеніямъ. Онъ осторожно изслѣдуетъ затѣмъ рукою положеніе черепахи и, смотря по величинѣ животнаго, прикрѣпляетъ къ задней части хрящеваго края щита животнаго одинъ или нѣсколько крѣпкихъ крючковъ. Затѣмъ онъ сильно тянетъ за всѣ веревки, привязанныя къ

крючкамъ, и изъ воды показывается черепаха, дико бьющая ногами вокругъ себя и съ бѣшенствомъ хватаящая все, до чего можетъ достать. Если она очень велика или лежитъ глубоко, то ей вгоняютъ въ спину съ помощью тяжелаго молотка крѣпкій заостренный коль и на немъ вытаскиваютъ ее на берегъ. Горе той части тѣла, которую можетъ схватить яростное животное! Я видѣлъ, какъ тріониксъ откусилъ человѣку палець ноги. Всегда слѣдуетъ какъ можно скорѣе пустить пулю въ голову этому въ сильной степени подвижному и злому созданию; тріониксъ тоже обнаруживаетъ чрезвычайную живучесть и его голова яростно кусается послѣ того, какъ ее отдѣляютъ отъ тѣла».

Монголы, которымъ, повидимому, хорошо извѣстно, что водящіяся у нихъ тріониксовыя черепахи сильно кусаются, окружаютъ ихъ жизнь баснями и сказками. «Наши казаки отказывались», рассказываетъ Пржевальскій, «купаться вмѣстѣ съ нами въ ручьѣ Тахылга; они боялись тріониксовыхъ черепахъ, о которыхъ имъ рассказали монголы. Послѣдніе приписываютъ этимъ созданиямъ особыя волшебныя силы и въ подтвержденіе своего взгляда указываютъ на изящныя глазчатыя пятна на верхней сторонѣ спиннаго панциря, въ которыхъ они видятъ тибетскія буквы. Они напугали нашихъ казаковъ, утверждая, что черепахи всасываются въ тѣло человѣка и, что если это случится, то ихъ нельзя болѣе оторвать обыкновеннымъ способомъ. Единственное средство въ такомъ случаѣ — привести бѣлаго верблюда и бѣлаго самца косули; увидѣвъ черепаху, они начинаютъ кричать, и тогда она выпускаетъ жертву. Въ прежнія времена въ ручьѣ Тахылга не было тріониксовыхъ черепахъ; страшныя животныя явились внезапно и настолько же изумленные, какъ и испуганные окрестные жители не знали, что дѣлать. Наконецъ они обратились за совѣтомъ къ хигену или настоятелю сосѣдняго будійскаго монастыря и онъ объяснилъ, что внезапно появившаяся черепаха останется впредь владычицей ручья и что ее вообще должно причислить къ священнымъ животнымъ. Съ тѣхъ поръ у источника Тахылга производится разъ въ мѣсяцъ благоговѣйное молебствіе». Впрочемъ Булаежъ, говоря объ индійскихъ тріониксовыхъ черепахахъ, тоже высказываетъ мнѣніе, что ихъ дикость, злость и способность съ изумительной быстротой выбрасывать шею во всѣ стороны могутъ дѣлать большіе экземпляры опасными для купающихся. Такъ какъ нѣкоторые виды, водящіяся въ Индіи, имѣютъ панцирь, длиною въ 1,4 м., то такое мнѣніе не заключаетъ въ себѣ ничего страннаго.

Мясо тріониксовыхъ черепахъ ѣдятъ не вездѣ, но всѣ, кто его попробовалъ, очень хвалятъ его По Бекеру, оно даетъ отличный супъ. Менѣе вкусны, повидимому, яйца. «Отъ одной черепахи», замѣчаетъ тотъ же авторъ, «я получилъ болѣе 100 яицъ; они были приготовлены въ видѣ яичницы, но имѣли довольно непріятный вкусъ».

О жизни тріониксовыхъ черепахъ въ неволѣ мы имѣемъ мало подробныхъ рассказовъ. Гессе держалъ въ Конго долгое время въ неволѣ маленькій экземпляръ африканскаго тріоникса (*Trionyx triunguis*), длиною въ 7 см. «Это было живое существо, очень любившее кусаться; онъ съ яростью бросался на подставленный палець и, несмотря на незначительную величину, могъ чувствительно щипать. Вдѣплялся онъ челюстями такъ крѣпко, что его можно было поднять такимъ образомъ на пальцѣ. Онъ ловко плавалъ, но и въ воды двигался быстро. Если его клали на спину, то онъ легко переворачивался, причемъ сильно вытягивалъ шею, загibalъ ее и употреблялъ, какъ рычагъ. Если онъ поднимался на поверхность, чтобы дышать, то высовывалъ изъ воды лишь носъ, вытянутый въ мягкой хоботъ. Я кормилъ его маленькими кусочками ветчины, которые онъ

жадно проглатывалъ; другое мясо менѣ нравилось ему, а растительной пищей онъ совершенно пренебрегалъ». Келортъ упоминаетъ, что онъ цѣлые мѣсяцы держалъ въ чанѣ съ водою видъ, живущій на Цейлонѣ (*Emyda vittata*) и что эта черепаха безъ принужденія ѣла животныя вещества, хлѣбъ и вареный рисъ; онъ замѣчаетъ, что эту черепаху сажаютъ обыкновенно въ трюмъ рыбацкихъ лодокъ, чтобы она могла поѣдать находящиеся тамъ остатки. Къ намъ живыя черепахи этого семейства попадають крайне рѣдко; но я тѣмъ не менѣ видѣлъ молодой экземпляръ одного вида, который еще нельзя было опредѣлить. Это было очень милое существо, со свѣтлыми умными глазами, и движенія котораго по изяществу и красотѣ превосходили движенія всѣхъ извѣстныхъ мнѣ прѣсноводныхъ черепахъ.

* * *

Изъ семейства тріониковыхъ, мы рассмотримъ родъ *Тріониксъ* (*Trionyx*. *Dreiklauger*. *Trionyx*), къ которому причисляютъ 17 видовъ. Спина панцырь крайне мало выпуклый, срединное поле умѣренной величины, хрящевой край поэтому великъ и безъ слѣда краевыхъ костей, брюшной панцырь коротокъ, съ узкими задними лопастями и безъ крышекъ, такъ что заднія ноги не могутъ прятаться подъ нимъ. Мягкая и гладкая кожа покрываетъ голову, шею, ноги и хвостъ; лишь на переднихъ конечностяхъ замѣтно нѣсколько чешуевидныхъ поперечныхъ складокъ. Въ черепѣ глазная орбита болѣе приближена къ височной ямкѣ, чѣмъ къ наружнымъ носовымъ отверстиямъ, внутреннія костяныя носовыя отверстия открываются между глазами.

По Буланже, по крайней мѣрѣ три, а вѣроятно всѣ виды этого рода имѣютъ ту особенность, что являются въ зрѣломъ возрастѣ въ двухъ формахъ, которыя различаются по ширинѣ и крѣпости челюстей. Между тѣмъ, какъ у всѣхъ молодыхъ челюсти снабжены острыми краями, старыя черепахи имѣютъ или челюсти съ острымъ краемъ, или массивныя, приспособленныя для размалыванія. Первые питаются преимущественно рыбами и лягушками, у вторыхъ челюсти предназначены, повидимому, исключительно для размалыванія прѣсноводныхъ одно— и двухстворчатыхъ раковинъ. Развитіе жевательныхъ мускуловъ тоже гораздо сильнѣе у экземпляровъ съ широкими челюстями, чѣмъ у питающихся рыбой. Бауръ сдѣлалъ наблюденіе, что у одного изъ сѣвероамериканскихъ видовъ (*Trionyx muticus*) самка вдвое больше самца.

Изъ видовъ, принадлежащихъ къ этому роду, мы лучше всего знаемъ *Злого тріоникса* (*Trionyx ferox*, *Testudo*, *Platypeltis ferox*, *Testudo verrucosa*, *Trionyx spiniferus*, *georgicus*, *brongniarti*, *carinatus*, *Gymnopus spiniferus*. *Weisschildkröte*. *Trionyx feroce*), самаго крупнаго изъ сѣвероамериканскихъ видовъ. Онъ можетъ достигать вѣса въ 35 килограммовъ, а панцырь его длины въ 42 см. Щитъ его разрисованъ сверху по темному аспидно-сѣрому фону, многочисленными и крупными глазчатыми пятнами и, особенно у края, темными крапинками; снизу онъ грязно-бѣлаго цвѣта; голова шифернаго цвѣта съ темными пятнами сверху и сбоку, въ области глазъ украшена височной полоской съ темными краями, которая достигаетъ шеи и здѣсь теряется; подбородокъ, а также ноги и хвостъ представляютъ мраморный рисунокъ изъ чернаго и бѣлаго цвѣта; радужная оболочка желтая.

Эта кусающаяся черепаха живетъ, по словамъ Гольбрука, въ рѣкахъ Саванна и Алабама и во всѣхъ рѣкахъ, изливающихся въ Мексиканскій заливъ, а также на юго-востокѣ Соединенныхъ Штатовъ отъ Георгіи до Западной Луизианы. Родъ

Л. ШТАДЕРЪ И РАТТИНОТЪ С. В.

ТРИОНИКСЪ.

ственные виды живут также въ большихъ сѣверныхъ озерахъ и наконецъ въ Гудзонѣ, но ихъ нѣтъ во всѣхъ рѣкахъ, которыя впадаютъ въ Атлантическій океанъ между послѣдней рѣкою и Саванною. Въ недавнее время они проникли и въ воды штата Нью-Йоркъ, но можно доказать, что это произошло черезъ Нью-Йоркскій каналъ; до окончанія его онѣ были тамъ неизвѣстны. Въ большей части водъ своей области злой тріониксъ встрѣчается часто. Въ тихую погоду можно видѣть ихъ въ значительномъ числѣ плавающими на поверхности; въ рѣкахъ они часто появляются въ большомъ числѣ въ водѣ около утесовъ, чтобы грѣться здѣсь на солнцѣ на небольшой глубинѣ. Обыкновенно тріониксъ лежитъ, спрятавшись подъ корнями и водяными растениями, и подстерегаетъ добычу. Онъ охотится на рыбъ, земноводныхъ и водяныхъ птицъ, медленно подплываетъ къ замѣченной жертвѣ и съ быстротою молніи выбрасываетъ очень мѣтко свою относительно длинную шею. Крестьянамъ онъ вредитъ, охотясь на молодыхъ утокъ и гусей; рыбаки и болѣе мелкимъ живущимъ въ водѣ пресмыкающимся и земноводнымъ, онъ опасенъ. Между молодыми аллигаторами онъ производитъ, говорятъ, настоящія опустошенія, за то большія въ свою очередь сѣдаютъ его.

Въ маѣ самки отыскиваютъ песчаныя мѣста вдоль береговъ тѣхъ водъ, гдѣ онѣ живутъ, и въ это время, несмотря на то, что обыкновенно боятся суши, взбираются на возвышеніе, болѣе метра вышиною. Яйца круглы и относительно ломки, во всякомъ случаѣ болѣе, чѣмъ у другихъ черепахъ, живущихъ въ тѣхъ же водахъ. О жизни молодыхъ, которые выдупляются въ іюнѣ, повидимому не обнаружено никакихъ наблюденій.

Изъ всѣхъ сѣверо-американскихъ черепахъ этотъ видъ обладаетъ самымъ вкуснымъ мясомъ и потому его ревностно преслѣдуютъ. Его убиваютъ изъ ружья, окружаютъ сѣтями тѣ мѣста, гдѣ тріониксы спятъ, или ловятъ ихъ на крючки. Съ взрослыми надо обращаться осторожно, такъ какъ они защищаются и могутъ наносить, кусаясь, чувствительныя раны. Особенно тѣ, которые попадаютъ на крючекъ, ведутъ себя какъ безумные, хватаютъ челюстями по воздуху, коль скоро кто-нибудь къ нимъ приближается, и вообще стараются всячески проявить свою ярость. Белль рассказываетъ, что разъ одно изъ этихъ животныхъ откусило палець неловкому ловцу.

Отрядъ IV.

Ящерогады (*Rhynchoserphalia*).

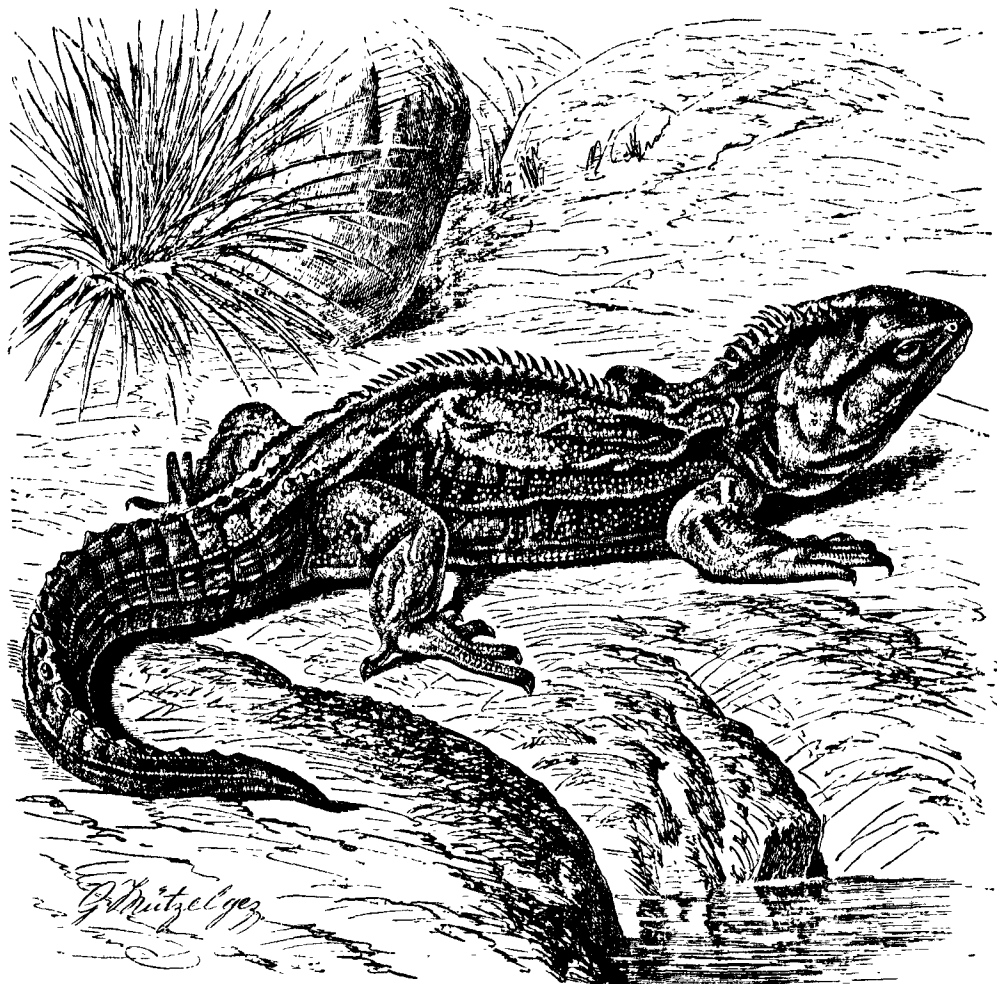
Этотъ во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательный отрядъ совершенно напоминаетъ по внѣшнему виду ящерицъ, но по внутреннему строенію соединяетъ признаки различныхъ другихъ отрядовъ, даже классовъ, съ нѣкоторыми самыми странными особенностями; въ извѣстномъ отношеніи онъ сходенъ даже съ земноводными. Относящаяся сюда гаттерія соединяетъ въ себѣ признаки первобытныхъ стегоцефаловъ, остатки которыхъ находятъ въ пермской и девонской формации Богеміи и Саксоніи, съ признаками исчезнувшихъ плезіозавровъ и нашихъ обыкновенныхъ ящерицъ.

Замѣчательнѣе всего то, что самое древнее пресмыкающееся, которое мы знаемъ, *Палеогаттерія* (*Palaeohatteria. Urbrückenachse*) изъ саксонской пермской формации, представляетъ собою ближайшаго родича нынѣ живущаго животного, которое слѣдуетъ поэтому считать остаткомъ самаго древняго ствола родословнаго дерева пресмыкающихся, единственнымъ выжившимъ остаткомъ давно исчезнутаго міра, заслуживающимъ особаго вниманія потому, что обладаетъ такимъ длиннымъ рядомъ предковъ, какимъ не можетъ похвастаться никакое другое позвоночное на землѣ.

Гаттерію (*Sphenodon punctatus, guentheri diversus, Hatteria punctata. Brückenechse*) мы должны считать типомъ особаго семейства и представителемъ отдѣльнаго отряда (*Rhynchoserphalia*), равнозначущаго съ группами ящерицъ, змѣй, крокодиловъ и черепахъ и существенно отличнаго отъ нихъ. Это большое, нѣсколько неуклюжее животное, напоминающее формой тѣла нѣкоторыхъ игуанъ. Голова ея четырехгранная, тѣло укороченное, конечности сильныя, приблизительно равныя по длинѣ тѣлу хвостъ сжатый, трехгранный; переднія и заднія ноги имѣютъ по пяти сильныхъ, короткихъ, вальковатыхъ пальцевъ съ маленькими порепонками и короткими когтями. Бедренныхъ поръ нѣтъ. На затылкѣ, вдоль середины спины, а также вдоль середины хвоста поднимается прерывающійся въ плечевой и поясничной области гребень, состоящій изъ плоскихъ шиповъ. Мелкія чешуйки покрываютъ голову, болѣе мелкія, перемѣняющіяся съ болѣе крупными, — тѣло, большіе, четырехугольные плоскіе щитки, расположенные поперечными рядами, — ниж-

нюю сторону, мелкія чешуйки—хвостъ и верхнюю и нижнюю сторону пальцевъ. Чешуйки всей верхней стороны зернистыя, тѣ, которыя покрываютъ неправильныя складки кожи, больше остальныхъ. Основной цвѣтъ блѣдный оливково-зеленый, бока и конечности испещрены мелкими бѣлыми и лежащими между ними болѣе крупными желтыми крапинками; шипы гребня на зашейкѣ и спинѣ желтые, шипы хвостоваго гребня бурые.

Гораздо болѣе замѣчательные и важные признаки обнаруживаются при

Гаттерія. *Sphenodon punctatus*. $\frac{1}{4}$ наст. величины.

анатомированіи этого животнаго. Квадратная кость, въ противоположность тому, что мы находимъ у всѣхъ чешуйчатыхъ пресмыкающихся, неподвижно соединена съ черепомъ; лицевая часть черепа соединена съ височной областью двумя костяными мостиками, проходящими надъ височной ямкой. Зубы укрѣплены обыкновеннымъ образомъ своими корнями на краю челюстныхъ костей, но, за исключеніемъ тоже измѣняющихся, но не исчезающихъ двухъ большихъ переднихъ зубовъ, такъ стираются у болѣе старыхъ животныхъ, что они должны, подобно черепахамъ, кусать краями челюстей. На наружномъ краѣ небныхъ костей находится второй рядъ зубовъ. При закрываніи рта рядъ зубовъ нижней челюсти

приходится между небнымъ и параллельнымъ ему верхнечелюстнымъ рядомъ зубовъ. На каждомъ сошникѣ находятся иногда по одному или по два зуба. Вѣтви нижней челюсти соединены впереди связкой, какъ у змѣй. Позвонки снабжены спереди и сзади воронкообразными углубленіями, какъ у нѣкоторыхъ земноводныхъ и у многихъ костистыхъ рыбъ, и какъ было у ископаемыхъ пресмыкающихся, ихтиозавровъ, мегалозавровъ и телеозавровъ. Снабженныя одной суставной головкой ребра съ крючковатыми отростками сходны съ ребрами большинства ящерицъ въ томъ отношеніи, что нѣкоторыя изъ нихъ, именно три пары соединяются съ грудной костью, а затѣмъ существуетъ одинадцать паръ ложныхъ реберъ. Но нижніе концы ложныхъ реберъ соединяются въ свою очередь съ особыми узкими косточками, брюшными ребрами, которыя лежатъ въ подкожномъ слое брюшныхъ покрововъ и по своему числу и положенію соответствуютъ расположеннымъ поперечнымъ рядами наружнымъ брюшнымъ щиткамъ и вдвое превышаютъ число позвонковъ и ложныхъ реберъ. Они такъ крѣпко связаны съ брюшными щитками, что могутъ быть отдѣлены отъ нихъ лишь съ помощью ножа. Поперечный рядъ брюшныхъ щитковъ этого животнаго соответствуетъ слѣдовательно отдѣльному брюшному щитку змѣи и еще болѣе отдѣльнымъ частямъ брюшного панциря черепахи. Съ змѣями гаттерія сходна и въ томъ отношеніи, что у нея нѣтъ барабанной перепонки и обособленной барабанной полости и большой столбикъ замѣняетъ слуховыя косточки; переднія конечности соединяются съ грудной кѣткой посредствомъ ключицъ и дужки. Глаза велики и имѣютъ вертикальный зрачекъ. Заднепроходная щель расположена поперекъ, какъ у ящерицъ. Мужскихъ органовъ совокупленія Гюнтеръ не могъ отыскать; гаттерія сходна слѣдовательно въ этомъ отношеніи съ земноводными. Такимъ образомъ можно сказать, что гаттерія есть пресмыкающееся, которое въ общихъ чертахъ сходно съ ящерицами, но въ нѣкоторыхъ очень важныхъ чертахъ организаціи остановилось на степени земноводнаго, а также выработало другія приспособленія такого же рода, какія мы находимъ у черепахъ и змѣй.

О распространеніи и образѣ жизни гаттеріи мы имѣемъ пока лишь скудныя свѣдѣнія. Кукъ первый упоминаетъ о ней. «Говорятъ, что въ Новой Зеландіи есть ящерицы громадной величины, что онѣ бывають длиною въ 2,6 м. и толщиною съ человека, что онѣ нападаютъ иногда на людей и съѣдаютъ ихъ. Онѣ живутъ въ норахъ подъ землею и ихъ убивають, разводя огонь передъ входомъ въ нору». Поллакъ тоже говоритъ объ этомъ животномъ. «Исполинская ящерица или гуана», говоритъ онъ, «живетъ преимущественно на островѣ Викторія; немногія изъ нихъ встрѣчаются на островахъ въ бухтѣ Пленти. Туземцы рассказываютъ о ней, что она поѣдаетъ людей; однако она несомнѣнно безобидное существо». Диффенбахъ узналъ немного болѣе. «Меня извѣстили о существованіи большой ящерицы, которую туземцы называютъ «туатера» или «нарара» и очень боятся; однако хотя я обыскалъ всѣ мѣста, гдѣ она, говорятъ, водится, и предложилъ значительное вознагражденіе за поимку ея, мнѣ удалось достать одну лишь за нѣсколько дней до моего отъѣзда изъ Новой Зеландіи. Ее поймали на маленькомъ скалистомъ островѣ Карева, лежащемъ въ бухтѣ Пленти приблизительно въ двухъ миляхъ отъ берега. Изъ всего, что я узналъ, повидимому, слѣдуетъ, что гаттерія была прежде обыкновенна на всѣхъ островахъ, жила въ норахъ, а часто, и на песчаныхъ холмахъ около берега; туземцы преслѣдовали и убивали ее изъ за мяса. Вслѣдствіе этихъ преслѣдованій, а также вслѣдствіе ввоза свиней животное это стало столь рѣдкимъ, что многіе пожилые жители страны не видали его».

Гаттерія, которую Диффенбаху принесли живою, попала позднѣе въ Британскій музей и дала Грэю возможность познакомиться съ этимъ видомъ ученымъ міръ. Послѣ Диффенбаха, въ началѣ сороковыхъ годовъ нашего столѣтія, еще нѣсколько экземпляровъ были присланы въ Англію живыми или мертвыми, но въ такомъ маломъ числѣ, что Гюнтеръ уже въ 1867 г. могъ высказать опасеніе, что гаттерію, вѣроятно, скоро придется причислить къ вымершимъ животнымъ. Позднѣе Беннетъ сообщилъ, что это животное до 1851 жило еще въ значительномъ числѣ на отдѣльныхъ островахъ упомянутаго залива, особенно на Рурима и Монтоки. Одна компанія офицеровъ наловила здѣсь въ полчаса около 40 экземпляровъ гаттерій, грѣвшихъ на солнцѣ, длиною отъ 8 до 50 см. Наконецъ въ 1869 г. одно изъ этихъ пресмыкающихся снова попало живымъ въ Англію, именно черезъ посредство Гектора, который досталъ это животное въ провинціи Веллингтонъ на Новой Зеландіи. Объ этомъ экземплярѣ мы узнаемъ, что животное съ жадностью ѣло мучныхъ червей и другихъ насѣкомыхъ, а отъ Диффенбаха мы знаемъ, что гаттерія въ неволѣ въ высшей степени вяла, но зато очень добродушна и позволяетъ трогать себя, не кусаясь и вообще не оказывая сопротивленія.

Еще теперь, отъ времени до времени, съ маленькихъ острововъ къ востоку отъ сѣвернаго острова Новой Зеландіи привозятъ въ Европу живыхъ или мертвыхъ гаттерій; но онѣ все же принадлежатъ къ рѣдкимъ животнымъ и стоятъ дорого. Въ неволѣ онѣ, говорятъ, не пренебрегаютъ и растительной пищею.

ЗЕМНОВОДНЫЯ

Amphibia.

Общій взглядъ на жизнь земноводныхъ.

Глубокая пропасть отдѣляетъ всѣхъ вышеописанныхъ позвоночныхъ животныхъ отъ предстоящихъ къ описанію. Первые на всѣхъ ступеняхъ своего развитія дышатъ легкими, громадное большинство послѣднихъ до извѣстнаго возраста дышетъ жабрами. У животныхъ класса, которымъ мы займемся, почти всегда имѣетъ мѣсто превращеніе, какъ это очень обыкновенно встрѣчается у беспозвоночныхъ, т. е. земноводныя, выйдя изъ яйца, не имѣютъ строенія и организаціи тѣла родителей, но становится похожими на нихъ лишь въ послѣдствіи съ переходомъ изъ личиночнаго состоянія во взрослое.

Земноводныя приближаются къ рыбамъ еще въ большей степени, чѣмъ пресмыкающіяся, съ которыми ихъ раньше соединяли въ одинъ классъ, родственныи птицамъ. Въ молодости они ведутъ образъ жизни рыбъ и только въ послѣдствіи этотъ образъ жизни можно уже назвать «земноводнымъ», хотя животныя эти, по крайней мѣрѣ большинство изъ нихъ, не могутъ быть совершенно лишены воды или отдаляться отъ нея далеко.

Форма ихъ тѣла бываетъ весьма измѣнчива, и Фогтъ объ этомъ говоритъ слѣдующее: «Если съ одной стороны можно встрѣтить полное отсутствіе конечностей или только ихъ необыкновенно слабое развитіе, причемъ самое тѣло имѣетъ червеобразную форму, то съ другой стороны мы видимъ среди нихъ животныхъ съ сильно развитыми органами движенія и широкимъ сплюснутымъ дискоидальнымъ тѣломъ. У живущихъ подъ землею и лишенныхъ конечностей червягъ тѣло, состоящее только изъ туловища и почти лишенное хвоста, напоминаетъ собою тѣло дождевого червя, тогда какъ у живущихъ въ водѣ угревидныхъ уколовъ оно имѣетъ удлинненную угревидную форму и снабжено сжатымъ съ боковъ хвостомъ, на которомъ часто виденъ окаймляющій его кожистый плавникъ, который обуславливаетъ плавательныя движенія. Затѣмъ мы видимъ постепенное появленіе ногъ на всѣхъ ступеняхъ ихъ развитія, вначалѣ совершенно неспособныхъ служить опорой тѣлу и снабженныхъ небольшимъ числомъ маленькихъ недоразвитыхъ пальцевъ. Иногда замѣчаются только переднія ноги, висящія по бокамъ шеи въ видѣ незначительныхъ придатковъ. Чѣмъ сильнѣе развиваются ноги, тѣмъ короче и въ тоже время плоче становится тѣло. У животныхъ, подоб-

ныхъ лягушкамъ въ ихъ взросломъ состояніи, хвостъ совершенно исчезаетъ, отъ него не остается никакого слѣда и заднепроходное отверстіе, какъ у червягъ, находится непосредственно на заднемъ концѣ дискообразнаго тѣла. У такихъ животныхъ заднія ноги гораздо сильнѣе развиты, чѣмъ переднія, которыя малы, коротки, большею частью вывернуты внутрь и снабжены только четырьмя пальцами; на заднихъ же ногахъ обыкновенно бываетъ по пяти пальцевъ. Наземныя земноводныя двигаются большею частью прыжками, причемъ, благодаря сильнымъ толчкамъ, даваемымъ тѣлу задними ногами, животное часто прыгаетъ на значительное разстояніе».

Прежде, когда земноводныхъ соединяли въ одинъ классъ съ пресмыкающимися, послѣднимъ совершенно справедливо было дано названіе «голыхъ гадовъ». Дѣйствительно лишь у очень немногихъ земноводныхъ тѣло бываетъ покрыто слѣдами и нѣкоторымъ подобіемъ роговыхъ образованій, каковыя столь обычно покрываютъ тѣло пресмыкающихся, а равно птицъ и млекопитающихъ, или же составляютъ вооруженіе ногъ въ видѣ ногтей или когтей. Чешуйчатыя или щитовидныя образованія бываютъ лишь какъ исключеніе. Въ соединительнотканномъ слоѣ, который никогда не бываетъ сильно развитъ, у нѣкоторыхъ земноводныхъ между двумя слоями находятся многогранныя полоски и капсулы, наполненныя студенистымъ содержимымъ; у другихъ имѣются глубокія мѣшковидныя полости, въ которыхъ развивается молодъ; у третьихъ могутъ быть толстыя, кольцеобразныя, утолщенныя, въ видѣ подушечекъ, образованія, въ которыхъ внутри небольшихъ карманчиковъ залегаютъ твердыя образованія, похожія на рыбы чешуйки. Иногда въ кожѣ появляются окостенѣнія, которыя могутъ срастаться съ черепными костями и щитовидно расширенными позвонками и ихъ отростками, что встрѣчается только у немногихъ жабъ, квакшъ и лягушекъ. У большинства лягушекъ и у всѣхъ саламандръ кожа скользкая, мягкая, большею частью мѣшковидно прилегающая къ тѣлу, состоитъ изъ эластическихъ волоконъ и настолько тонка, что у тѣхъ животныхъ, у которыхъ она плотно прилегаетъ къ тѣлу, сквозь нее просвѣчиваютъ мускулы. Соединительнотканный слой покрытъ снаружи безцвѣтной верхней кожицей, состоящей изъ плоскихъ клѣтокъ; въ немъ часто залегаютъ различныя красящія вещества желтаго, краснаго, бураго или чернаго цвѣтовъ. Другіе цвѣта, особенно зеленые и голубые, обуславливаются не самымъ красящимъ веществомъ, но происходятъ отъ способности пигментныхъ клѣтокъ, большею частью вѣтвистыхъ, сжиматься, расширяться, подниматься ближе къ поверхности кожи или уходить глубже подъ влияніемъ теплоты или влажности; тотъ же цвѣтовой эффектъ можетъ имѣть мѣсто въ силу явленій, носящихъ у физиковъ названіе явленій интерференціи свѣта. Возбужденія, въ особенности половое, но не такія, какъ на примѣръ страхъ, оказываютъ большое влияние на измѣненіе цвѣта кожи земноводныхъ. Весьма интересно также явленіе сходственной окраски многихъ земноводныхъ съ окружающей ихъ средой: превосходнымъ примѣромъ тому можетъ служить квакша. Другія лягушки окраской или рисункомъ слѣдуютъ тому закону подражанія, по которому въ опредѣленной области животныя совершенно различныхъ семействъ, отрядовъ и классовъ бываютъ одинаково окрашены. Такъ, одна жаба (*Phryniscus varius*) изъ Костарики, принадлежащая къ узкорылымъ, съ удлиненной формой тѣла, имѣетъ на черномъ фонѣ такія же красныя и желтыя кольцевыя пятна, какія мы встрѣчаемъ у живущихъ тамъ же змѣй, какъ ядовитыхъ, такъ и неядовитыхъ. Буланже совершенно справедливо находитъ поразительнымъ тотъ фактъ, что многія земноводныя сѣверной части Суматры имѣютъ яркія карминно-красныя пятна, хотя и принадлежатъ совершенно

различнымъ родамъ и семействамъ. Но такъ какъ то же явленіе могло быть наблюдаемо и у безхвостыхъ земноводныхъ Малакки, то оно едва ли можетъ рассматриваться какъ явленіе подражанія средѣ, скорѣе же имѣеть какое-нибудь отношеніе къ географическому распространенію. У всѣхъ земноводныхъ въ кожѣ находятся особенныя железы, выдѣляющія острую, млечную жидкость, запахомъ болѣе или менѣе напоминающую чеснокъ. Обыкновенно эти железы, какъ напримѣръ у жабы и саламандры, распространены по всему тѣлу, но часто онѣ образуютъ особенныя скопленія по обѣимъ сторонамъ толстой шеи, которыя носятъ названіе ушныхъ железъ. Кромѣ того у нѣкоторыхъ видовъ наблюдаются мѣшковидныя полости, въ которыхъ происходитъ развитіе яицъ; это ничто иное, какъ тѣ же измѣнившіяся кожныя железы, лишь принимающія такое назначеніе только въ пору размноженія.

Голая кожа и находящіяся въ ней железы имѣютъ очень большое значеніе въ жизни земноводныхъ. Они погибаютъ, если дѣятельность кожи чѣмъ-либо нарушена. Ни одно изъ этихъ животныхъ не пьетъ воды обыкновеннымъ способомъ, но всю необходимую для его организма воду впитываетъ въ себя исключительно черезъ кожу. Она впитываетъ ее въ себя и выдѣляетъ ее въ видѣ выпотовъ. Таунсонъ первый открылъ и установилъ этотъ фактъ на основаніи разнообразныхъ опытовъ. лягушка, которую держать въ сухомъ помѣщеніи, худѣетъ и слабѣетъ; силы и бодрость ея восстанавливаются только тогда, когда ей будетъ предоставлена возможность выкупаться. Во всякомъ случаѣ и при яркомъ солнечномъ свѣтѣ лягушекъ можно видѣть сидящими на берегу съ такимъ же наслажденіемъ, которое испытываютъ въ такихъ случаяхъ пресмыкающіяся; однако лягушки сидятъ, окруженныя влажнымъ воздухомъ, всегда вблизи воды, въ которую могутъ прыгнуть, какъ только явится въ томъ необходимость. Всѣ тѣ земноводныя, которыя проводятъ большую часть своей жизни на сушѣ, только тогда рѣшаются выйти изъ своихъ укромныхъ уголковъ, защищенныхъ отъ солнечныхъ лучей, когда наступающая ночь принесетъ съ собою влажность, или же, по крайней мѣрѣ, охранить ихъ отъ высушивающаго зноя. Таунсонъ наблюдалъ, какъ лягушки, будучи лишены воды, гибли черезъ нѣсколько дней и, наоборотъ, жили долгое время, когда могли залезти въ опилки, причемъ прекрасно чувствовали себя, когда опилки опрыскивались водой. Если возлѣ нихъ клали мокрую тряпку, то онѣ прижимались къ ней по возможности всѣми частями своего тѣла. Насколько велико количество воды, поглощаемое ихъ кожей, легко узнать на опытѣ. Берутъ обсохшую лягушку и заворачиваютъ ее въ мокрую тряпку, оставляя при этомъ ея ротъ свободнымъ; тогда вскорѣ замѣчается приростъ въ ея вѣсѣ. Обсохшая древесная лягушка, которую изслѣдовалъ Таунсонъ, вѣсила 95 гранъ; когда же онъ далъ ей возможность впитать въ себя воду, она уже черезъ часъ вѣсила на 67 гранъ болѣе. Въ закрытой жестяной коробкѣ при влажной температурѣ, не теплѣе 10—12 градусовъ, лягушки могутъ прожить отъ 20—40 дней, исключительно благодаря дѣятельности кожи, и это даже въ тѣхъ случаяхъ когда совершенно прекратить доступъ воздуха къ ихъ легкимъ. Наоборотъ, если ихъ оставить дышать одними только легкими, то въ сухую погоду онѣ умираютъ черезъ нѣсколько дней; если же съ нихъ снять кожу, то — черезъ нѣсколько часовъ. Выдѣлительная способность кожи почти такъ же сильно развита, какъ и всасывающая. Вѣс земноводнаго, подвергаемаго дѣйствию теплоты, падаетъ необыкновенно быстро и почти въ такой же степени, въ какой возрастаетъ теплота. Въ безвоздушномъ пространствѣ испареніе весьма значительно, почему земноводныя умираютъ въ немъ скорѣе, нежели въ водѣ, также лишенной воздуха. Если задержать выдѣленія кожи, напримѣръ, густо

покрыть тѣло животнаго лакомъ, то оно живетъ нѣсколько долѣе. Мочевой пузырь ихъ также играетъ роль запаснаго резервуара.

Кромѣ чистой воды, кожа въ большей или меньшей степени выдѣляетъ въ видѣ выпотовъ образующуюся подъ ней слизь. По Шульцу, у всѣхъ земноводныхъ кожа, состоящая изъ рогового и изъ слизистаго слоевъ, бываетъ еще покрыта нѣжнымъ наружнымъ покровомъ линяющей кожицы. Въ роговомъ слоѣ, кромѣ обыкновенныхъ клѣтокъ, лежатъ еще бокаловидныя клѣтки и одноклѣточные железы, выдѣленія которыхъ служатъ для разрыхленія линяющаго слоя. Подъ слизистымъ слоемъ слѣдуетъ соединительнотканнй слой, въ которомъ различаются выше лежащія слизиотдѣлительныя железы и глубже лежащія—ядоотдѣлительныя. Въ то время, какъ слизиотдѣлительныя железы распространены по всему тѣлу, ядоотдѣлительныя скопляются въ особыхъ, точно определенныхъ для извѣстныхъ группъ или родовъ, мѣстахъ. Слизеотдѣлительныя железы шаровидны, ядоотдѣлительныя—продолговато-округлыя и приблизительно въ 10 разъ больше первыхъ. Ядовитое содержимое ихъ состоитъ изъ соединительнотканнхъ клѣтокъ, которыя выстилаютъ ядоносную железу; значеніе ихъ, какъ ядоносныхъ клѣтокъ, обуславливается присутствіемъ зеренъ яда въ самыхъ клѣткахъ. Ядовитыя зерна не представляютъ собою настоящей выпотъ, а скорѣе измѣненное бѣлковое вещество и существенную часть самой клѣтки. Слизеотдѣлительныя железы предохраняютъ кожу животнаго отъ высыханія, ядоотдѣлительныя служатъ защитой отъ враговъ. О томъ, что слизиотдѣлительныя железы при случаѣ могутъ играть роль ядоотдѣлительныхъ, не можетъ быть и рѣчи; оба вида железъ по исторіи своего развитія разнохарактерны. У жабъ и саламандръ, благодаря болѣе многочисленнымъ железамъ, эти выдѣленія значительнѣе, чѣмъ у другихъ земноводныхъ, а при раздраженіи могутъ быть еще болѣе обильными. Если, напримѣръ, саламандру или жабу положить на тлѣющіе угли, то слизь выдѣляется особенно обильно,—что и подало поводъ къ старому неосновательному мнѣнію, будто бы саламандра можетъ жить въ огнѣ. Повидимому, земноводныя въ состояніи произвольно усиливать выдѣленія кожи и такимъ образомъ пользоваться ими, какъ средствомъ защиты противъ враговъ, такъ какъ эта слизь не только имѣетъ сильный запахъ, но и значительную остроту, которая и подала поводъ считать жабъ и саламандръ ядовитыми. Настоящимъ ядомъ для человѣка слизь эта считается, конечно, не можетъ, но она все-таки причиняетъ боль слизистой оболочкѣ и жжетъ языкъ. Дэви, изслѣдовавшій слизь жабъ, замѣчаетъ, что на языкъ она производитъ дѣйствіе, подобное дѣйствію экстракта аконита; Калмельсъ нашелъ въ ней метилкарбиламинъ и вещество, сходное съ нимъ, а въ ядовитомъ сокѣ гребенчатаго тритона соединеніе—этилкарбиламинъ, которому онъ обязанъ своимъ запахомъ и ядовитыми свѣйствами. Вышеназванный химикъ прочно установилъ также, что всѣ кожныя яды земноводныхъ принадлежатъ къ ряду лейцина или болѣе высихихъ амидокислотъ, что они въ чистомъ видѣ еще ядовитѣе, чѣмъ синильная кислота. Опыты Гратиоле, Фатіо и Хлоца показали, что выдѣленіе железъ жабъ быстро убиваетъ маленькихъ птицъ, которымъ этотъ ядъ былъ вприсунутъ, и дѣйствуетъ даже въ томъ случаѣ, если онъ передъ прививкой былъ высушенъ. Ребблеръ также нашелъ, что слизь эта дѣйствуетъ смертельно, будучи введена въ кровь щенятъ, морскихъ свинокъ, лягушекъ и тритоновъ. Точно также и слизь тритоновъ и обыкновенной саламандры губительны для жабъ.

Палласъ рассказываетъ, что у него былъ одинъ мопсъ, который имѣлъ привычку загрызать жабъ; у животнаго однако распухали губы; оно наконецъ заболѣло и околѣло. Къ этому сообщенію Ленцъ присоединяетъ собственныя

наблюденія, подтверждающія вышесказанныя. «Слѣдующій случай научилъ меня, что въ клѣтку къ нѣжнымъ комнатнымъ птицамъ не слѣдуетъ класть песокъ, на который попала слизь, выдѣляемая жабами. Въ 1859 году я велѣлъ принести свѣжаго песку для моихъ канареекъ; часть его я отсыпалъ въ горшокъ, главную же массу велѣлъ сыпать въ сарай, и, чтобы предохранить отъ загрязненія, покрылъ его деревянной крышкой. Зимой и лѣтомъ птицы чаще получали песокъ изъ горшка и чувствовали себя хорошо. Лѣтомъ 1860 года подъ крышкой, прикрывавшей песокъ, поселилась огромная жаба; каждый вечеръ она вылѣзала, сидѣла нѣкоторое время передъ доской, затѣмъ цѣлую ночь ползала по двору и саду. Такъ какъ я часто вечеромъ дѣлалъ ей дружескіе визиты, когда она была около своей кельи, то вскорѣ животное сдѣлалось совершенно довѣрчивымъ. Осенью песокъ въ горшкѣ весь вышелъ. Тогда я поднялъ доску и подъ нею нашла какъ нору, сдѣланную жабой, такъ и ее самое. Какъ я и ожидалъ, песокъ не былъ совершенно сухимъ, но пропитался слизью, которая очевидно выдѣлялась его обитательницей. Подѣланные жабою ходы находились лишь въ верхнихъ слояхъ. Для безопасности я сваялъ сверху лопатой сантиметровъ на 15 песку, взялъ часть его изъ глубины и насыпалъ тремъ совершенно здоровымъ канарейкамъ. Птицы попробовали его и одна изъ нихъ околѣла въ тотъ же день, двѣ другія, у которыхъ я тотчасъ же убралъ песокъ, умерли на слѣдующей недѣлѣ. Два опыта, которые каждый можетъ легко произвести, вполне доказываютъ, по словамъ Бетхера, лучше всего ядовитость кожныхъ выдѣленій земноводныхъ. Стоитъ только разъ поддержать передъ носомъ какой-нибудь благовоспитанной собаки жабу: одна собака будетъ при этомъ морщить ноздри и лобъ и отвернется, другая подожметъ хвостъ и ни за что не рѣшится подойти вновь. Самая ручная собака кусаетъ руку своего хозяина, если онъ попытается совать ей въ ротъ жабу. Еще лучше и въ то же самое время интереснѣе положить нѣсколько огненныхъ жерлянокъ, особенно краснобрюхихъ, въ холщевый мѣшечекъ, потрясти въ немъ животныхъ и предложить понюхать въ отверстіе мѣшка людямъ, отрицающимъ ядовитость кожныхъ выдѣленій жабъ; каждый понюхавшій, правда, тотчасъ же станетъ увѣрять, что онъ не слышалъ никакого запаха и будетъ правъ, но обыкновенно не пройдетъ и минуты, какъ онъ непремѣнно раздражается сильнѣйшимъ чиханіемъ, котораго не въ состояніи вызвать даже самый крѣпкій нюхательный табакъ. Этимъ прекраснымъ и убѣдительнымъ наблюденіемъ мы обязаны Буланже. Кто часто имѣетъ дѣло съ квакшами, тотъ навѣрное вспомнитъ ту жгучую боль въ углахъ глазъ, которая происходитъ отъ случайнаго перенесенія пальцами въ глаза ихъ ѣдкой слизи. Такимъ образомъ наука вновь должна отдать должное народному повѣрью, которое и въ этомъ случаѣ ранѣе, чѣмъ ученые, узнало истину; но какъ и во многихъ другихъ случаяхъ истина была преувеличена и изъ мухи сдѣлала слона. Существованіе яда и ядовитое дѣйствіе несомнѣнно, но, конечно, жидкость эта никогда не могло быть опасной человеку, тѣмъ болѣе, что никому не придетъ въ голову взять въ ротъ лягушекъ или жабъ. Если же кто-либо попытается сдѣлать это, то легко убѣдится въ излишествѣ подобной любознательности, такъ какъ слизь оказывается сильно горькой и ѣдкой и приходится немедленно выплевывать животное обратно, а попытка служить хорошимъ опытомъ на всю жизнь. Однако такіа кратковременныя соприкосновенія, какъ намъ достоверно извѣстно, никогда не имѣли вредныхъ послѣдствій.

Весьма своеобразно устройство скелета земноводныхъ, въ которомъ, хотя и не въ сильной степени, мы встрѣчаемъ соотношенія костей, сходныя съ такими у рыбъ. «У рыбообразныхъ саламандръ», говоритъ Фогтъ,» встрѣчаются

позвонки, по формѣ почти не отличающіеся отъ позвонковъ рыбъ. У настоящихъ саламандръ, напротивъ, всегда имѣются вполне развитые позвонки, снабженные сочленовой головкой, назади же—сочленовой впадиной, которыми и обуславливаются сочлененія позвоночника. У всѣхъ этихъ земноводныхъ при удлинненной формѣ ихъ тѣла и число позвонковъ также очень значительно, тогда какъ у безхвостыхъ земноводныхъ мы встрѣчаемъ лишь немного спинныхъ позвонковъ, именно 7—8, причемъ существуетъ широкая крестцовая кость, повидимому образовавшаяся сляніемъ многихъ позвонковъ и находящаяся въ соединеніи съ длинной мечевидной костью, хвостцомъ, которая является продолженіемъ позвоночнаго столба вплоть до задне-проходнаго отверстія. Поперечные отростки позвонковъ хорошо развиты у всѣхъ земноводныхъ; иногда они бывають очень длинны и до нѣкоторой степени замѣняютъ недостающія ребра, вмѣсто которыхъ лишь изрѣдка встрѣчаются маленькіе костяные или хрящевые придатки.

«Въ строеніи черепной коробки въ ряду земноводныхъ мы видимъ также различныя ступени развитія, которыя говорятъ за постепенное исчезновеніе первоначальнаго хрящевого вещества. Характернымъ признакомъ для всего класса, отличающаго его отъ класса пресмыкающихся, служитъ присутствіе двухъ сочленовыхъ головокъ въ затылочной области, которыя помѣщаются на всегда окостенѣвшей затылочной кости и соотвѣтствуютъ двумъ сочленовымъ впадинамъ перваго кольцевиднаго шейнаго позвонка. Самый черепъ всегда очень широкій и плоскій; глазничныя впадины обыкновенно чрезвычайно велики и не имѣють глазничной перегородки, такъ что если смотрѣть сверху, челюсти имѣють видъ полукруга, въ срединѣ пересѣкающагося продолговатой капсулой—собственно черепомъ. Что касается до отдѣльныхъ костей, то клиновидная кость образуетъ на нижней поверхности черепа крестообразную или широкую пластинку, въ большинствѣ случаевъ покрытую хрящемъ на верхней, обращенной къ черепу поверхности. Черепная крышка состоитъ изъ двухъ, часто мало развитыхъ, затылочныхъ костей, двухъ лобныхъ костей, а у червягъ еще и изъ одной рѣшетчатой кости. У остальныхъ же обыкновенно въ передней части ея лежатъ двѣ болѣе или менѣе развитыя носовыя косточки. У животныхъ, похожихъ на лягушекъ, существуетъ кольцеобразная окостенѣвшая рѣшетчатая кость, иногда достигающая значительной величины, но все-таки никогда не доходящая до верхней поверхности черепа. Боковыя поверхности черепа у земноводныхъ, имѣющихъ жабры, остаются почти совершенно хрящевыми или же имѣють окостенѣнія, соотвѣтствующія переднему отростку клиновидной кости и переднему же отростку лобной кости, тогда какъ у безхвостыхъ окостенѣвають какъ отростокъ клиновидной кости, такъ и каменистая кость, но кожистые промежутки все-таки остаются. Всѣ кости нѣба плотно связаны съ черепомъ такимъ образомъ, что межчелюстная кость и верхняя челюсть образуютъ край рта, причемъ обыкновенно на ихъ внутренней сторонѣ, параллельно имъ идетъ вторая костная дуга, образованная небными костями. Сошникъ а нерѣдко и небныя кости, равно какъ рѣже клиновидная кость (Parsphenoid), имѣють часто зубы, подобно верхней челюсти. Нижняя челюсть состоитъ по меньшей мѣрѣ изъ двухъ костей, суставчатой и конечной, несущей зубы, иногда же изъ большаго числа частей; она подвѣшена къ подвисочной кости, никогда вполне не окостенѣвающей и состоящей изъ квадратной и барабанныхъ костей. Все это рѣшетчатое сплетеніе костей находится въ тѣсной связи съ черепомъ и обыкновенно направлено косо внизъ, такъ что ротовая щель часто простирается довольно далеко за черепъ, обуславливая широкій зѣвъ.

«Конечности, если таковыя существуютъ, всегда состоятъ изъ плечевого и

тазового поясъ и собственно конечностей. У червягъ онѣ совершенно отсутствуютъ, а у иныхъ саламандръ, дышащихъ жабрами, присутствуютъ только плечевой поясъ и переднія конечности. Плечевой поясъ, образованный мечевидной лопаткой, широкой лопатовидной вороньей костью, часто также обособленной ключицей,—прикрѣпленъ сбоку къ шейнымъ позвонкамъ. У саламандръ онъ окостенѣваетъ только частью и состоитъ изъ лопатки, узкой ключицы и лежащей сзади отъ нея къ широкой вороньей кости, къ которой часто присоединяется еще непарная грудная кость. У лягушекъ плечевой поясъ образуетъ болѣе широкую грудную кльѣтку и состоитъ изъ многихъ составныхъ частей, нерѣдко только частью окостенѣвающихъ; но строеніе часто имѣетъ большое значеніе для различія большихъ группъ, отдѣльныхъ семействъ и многихъ родовъ. Переднія конечности состоятъ изъ простой плечевой кости, изъ двухъ иногда слившихся костей предплечья, одного, часто остающагося хрящевымъ, запястья и изъ четырехъ, рѣже трехъ пальцевъ. Тазовой поясъ у саламандръ слабо развитъ и крестцовые позвонки по своей конструкціи почти не отличаются отъ остальныхъ позвонковъ; кромѣ того большую часть хрящевой тазъ состоитъ изъ трехъ обычныхъ составныхъ частей: лобковыхъ, сѣдалищныхъ и повздошныхъ костей. У лягушекъ строеніе таза болѣе замѣчательно; тамъ онъ служитъ опорой сильнымъ прыгательнымъ ногамъ и мѣстомъ прикрѣпленія ихъ мышцъ. Строеніе и расположеніе костей плюсны и пальцевъ то же, что и въ переднихъ конечностяхъ, съ той разницею, что число пальцевъ бываетъ измѣнчивѣе; у многихъ хвостатыхъ земноводныхъ бываетъ только два, три или четыре пальца; у лягушекъ же всегда пять. Крючковатые когти встрѣчаются лишь у немногихъ родовъ лягушекъ и саламандръ, у которыхъ они одѣваютъ палецъ, подобно наперстку; у большинства земноводныхъ пальцы заднихъ лапъ совершенно безъ когтей, напротивъ, часто бываютъ связаны плавательной перепонкой и нерѣдко на концахъ на нижней поверхности снабжены особенными утолщеніями для прирѣпленія.

«Мыскульы земноводныхъ соотвѣтствуютъ формѣ ихъ тѣла. У животныхъ этого класса, живущихъ въ водѣ, болѣе развиты боковые мускулы, у лягушекъ сильнѣе развиты мышцы ногъ. Цвѣтъ мускуловъ красновато-бѣлый, еще немного блѣднѣе, нежели у пресмыкающихся; они имѣютъ значительную силу и раздражительность, какъ это въ достаточной мѣрѣ показали разнообразныя опыты, произведенныя какъ разъ надъ этими животными».

Мозгъ земноводныхъ имѣетъ удлинненную форму; отдѣльные узлы его лежатъ одинъ за другимъ. вмѣсто малаго мозжечка имѣется лишь узкій поперечный мостъ, передъ коимъ лежитъ четыреххолміе, обнимающее сзади мозговую железу; впереди нея помѣщаются парныя полушарія передняго мозга, массой своей обыкновенно превышающаго остальные части. «Мозгъ земноводныхъ», говоритъ Эдинггеръ, «наиболѣе просто и низко организованъ изъ всего типа позвоночныхъ; въ немъ впервые мы встрѣчаемъ затылочныя доли полушарій».

«О такъ называемомъ лобномъ или темянномъ глазѣ, игравшемъ такую большую роль у прежнихъ земноводныхъ, у нынѣ живущихъ же видовъ оставшемся въ видѣ интереснаго остаточнаго органа, нѣкогда, по всей вѣроятности, органа чувствъ,—мы уже говорили въ отдѣлѣ о пресмыкающихся. Спинной мозгъ, въ сравненіи съ головнымъ, имѣетъ значительную длину и значительно массивнѣе его.

У всѣхъ земноводныхъ существуютъ три высшіе органы чувствъ, хотя глаза у нѣкоторыхъ весьма слабо развиты и бываютъ прикрыты непрозрачной кожей. Самыми развитыми глазами обладаютъ безхвостыя земноводныя: глаза ихъ крупны,

очень подвижны, обыкновенно снабжены парю вѣкъ, изъ которыхъ нижее больше, тоньше и прозрачнѣе; кромѣ того большую часть во внутреннихъ углахъ глазъ находится простая маленькая складка кожи—мигательная перепонка. Собственно слѣзныхъ железъ нѣтъ. Органъ слуха еще болѣе измѣнчивъ. У хвостатыхъ земноводныхъ мы замѣчаемъ только лабиринтъ; у безхвостыхъ—кромѣ того, барабанную полость съ барабанной перепонкой и короткую евстахиеву трубу. Самый лабиринтъ состоитъ изъ трехъ полукружныхъ каналовъ и мѣшка, наполненнаго известковыми кристаллами, и имѣетъ овальное отверстіе, прикрытое или крышкой, или тонкой кожицей, или мускулами и кожей. Полость носа впереди открывается на концѣ рыла двумя ноздрями, раздѣленными между собой перегородкой, и сообщается со ртомъ въ небной части,—признакъ, служащій обыкновенно для отличія земноводныхъ отъ рыбъ, хотя въ исключительныхъ случаяхъ онъ наблюдается и у послѣднихъ. У многихъ земноводныхъ входъ въ носовую полость можетъ прикрываться кожистымъ клапаномъ. Языкъ, играющій малую роль, какъ органъ вкуса, отсутствуетъ только у одного подотряда лягушекъ, вообще же хорошо развитъ, часто очень широкъ и обыкновенно совершенно заполняетъ пространство между обѣими челюстями; большую часть онъ обладаетъ достаточной подвижностью, но отличается отъ языка вышеорганизованныхъ позвоночныхъ тѣмъ, что прикрѣпляется не сзади, но спереди и можетъ быть выбрасываемъ изо рта своимъ заднимъ концомъ; только у нѣкоторыхъ саламандръ и безхвостыхъ земноводныхъ, питающихся термитами, онъ приростаетъ ко дну рта. У нѣкоторыхъ квакшъ на срединѣ языка имѣется конусовидная жесткая бородавка, замѣняющая собою противулежащія небные зубы сошника, встрѣчаемые у другихъ родственныхъ имъ формъ.

Изъ земноводныхъ только нѣкоторыя не имѣютъ зубовъ, большинство же снабжено таковыми на верхней челюсти и на сошникѣ; у другихъ зубы сидятъ на верхней челюсти и на небныхъ костяхъ двумя параллельными рядами. У хвостатыхъ земноводныхъ и червягъ обыкновенно имѣются нижнечелюстные зубы, у безхвостыхъ же земноводныхъ они составляютъ рѣдкость. Зубы земноводныхъ всегда маленькіе, простые, острые съ загнутыми назадъ кончиками, служатъ для удержанія схваченнаго и способствуютъ его дальнѣйшему движенію въ глотку, но отнюдь не служатъ для жеванія. Кишечникъ обыкновенно коротокъ, что объясняется употребленіемъ животной пищи всѣми принадлежащими сюда животными; пищеводъ длинный и широкій, желудокъ простой, толстостѣнный съ продольными складками; задняя кишка въ исключительныхъ случаяхъ бываетъ снабжена пузыревиднымъ удлинениемъ. Геронъ Руайе наблюдалъ у всѣхъ европейскихъ земноводныхъ мѣшковидную оболочку испражнений, на которой можно видѣть спиральные обороты; болѣе обстоятельное изслѣдованіе задней кишки показало, что эта покровная оболочка образуется постоянно, всегда замыкаетъ отверстіе толстой кишки и такимъ образомъ препятствуетъ вредному вліянію испражнений на половые органы и ихъ выдѣленія. У этихъ животныхъ всегда находится двулопастная печень, желчный пузырь, поджелудочная железа, селезенка, почки и мочевой пузырь. Всѣ земноводныя имѣютъ два пола: самцовъ и самокъ. Половые органы, прилежащіе къ спинной стѣнкѣ брюшной полости, отличаются простотою строенія. Сѣмянные железы раздѣлены на части и состоятъ изъ короткихъ сѣмяпроводовъ и переходятъ въ весьма тонкіе сѣмянные каналы, которые тянутся за почками по складкѣ брюшины; на почкахъ они образуютъ сѣтъ развѣтвленія, послѣ чего, какъ тѣ, такъ и другіе, переходятъ въ одинъ общій мочеполовой каналъ, на которомъ большую часть замѣчаются еще трубчатые боковыя

выпячиванія. Личникъ имѣтъ грозевидную форму и совершенно замкнутъ. У хвостатыхъ земноводныхъ это—мѣшокъ съ единственнымъ отверстіемъ, черезъ которое зрѣлыя яйца падаютъ прямо въ брюшную полость, у безхвостыхъ же животныхъ каждое зрѣлое яйцо выходитъ отдѣльно изъ своей капсулы. Яйцеводы всегда совершенно обособлены отъ яичниковъ; они очень длинны, подобно кишечнику, чрезвычайно извиты, открываются въ брюшную полость широкой воронкой, по которой яйца попадаютъ въ клоаку; часто передъ выходомъ въ клоаку, яйцеводы имѣютъ маткообразныя расширенія, гдѣ у саламандръ развиваются молодые. Наружные половые органы есть только у червягъ.

Устройство органовъ кровообращенія и дыханія имѣтъ важное значеніе въ жизни земноводныхъ. Сердце ихъ мало отличается отъ сердца пресмыкающихся; оно состоитъ изъ двухъ, однако не всегда вполне обособленныхъ, тонкостѣнныхъ предсердій и одного простого толстостѣннаго желудочка, который гонитъ кровь въ артеріи. Послѣднія претерпѣваютъ значительныя измѣненія во время превращенія, переживаемаго большинствомъ земноводныхъ, причемъ одновременно съ этимъ развиваются легкія, замѣняющія собою жабры молодыхъ и у нѣкоторыхъ начинающія дѣйствовать очень поздно. Это настолько связано съ самымъ развитіемъ интересующихъ насъ животныхъ, что на это мы должны обращать вниманіе прежде всего. Настоящее совокупленіе имѣтъ мѣсто только у червягъ, оплодотвореніе яицъ въ тѣлѣ матери безъ участія самца при помощи воспріятія сѣмянныхъ скопленій, отлагаемыхъ въ воду, свойственно живородящимъ наземнымъ саламандрамъ и многимъ яйцеродящимъ хвостатымъ земноводнымъ. Дальнѣйшее исключеніе представляютъ собою такія лягушки, которыя рождаются непосредственно изъ яицъ безъ предварительнаго превращенія. Обыкновенно же яйца лягушекъ, какъ и рыбъ, только тогда оплодотворяются, когда они выходятъ изъ тѣла матери. За исключеніемъ червягъ, всѣ земноводныя лишены наружныхъ или вообще развитыхъ половыхъ органовъ, и оплодотвореніе яицъ, совершающееся, если и не всегда, то обыкновенно въ водѣ, продолжается большею частью долгое время, причемъ влюбленная парочка часто совершенно забываетъ обо всемъ окружающемъ. Къ яйцамъ своимъ родители относятся съ извѣстной заботливостью лишь въ исключительныхъ случаяхъ, напротивъ, обыкновенно они предоставляютъ ихъ дѣйствию воды и солнца. Благодаря легкости добыванія икры земноводныхъ, развитіе ихъ было предметомъ всевозможныхъ изслѣдованій. «Зрѣлыя яйца», говоритъ Фогтъ, «содержатъ въ себѣ шаровидную желточную массу, которая въ своемъ корковомъ слоѣ у большинства имѣтъ скопленія темноокрашеннаго красящаго вещества, которыя въ одной половинѣ настолько значительны, что въ этомъ мѣстѣ яйцо кажется совершенно чернымъ. Самая желточная масса состоитъ изъ густой вязкой жидкости, содержащей бѣлокъ, въ которой плаваютъ необыкновенно много болѣе твердыхъ желточныхъ зеренъ съ жировиднымъ содержимымъ, большею частью имѣющихъ четырехгранную сплюсненную форму; все это окружено весьма твердой желточной оболочкой. При прохожденіи черезъ длинный извитой яйцеводъ яйца облекаются студенистой массой, которая бываетъ болѣе твердой лишь у немногихъ видовъ и въ такомъ случаѣ представляетъ собою властическій шнуръ; у большинства же, напротивъ, она въ водѣ сильно набухаетъ и образуетъ такимъ образомъ большія массы и клубки икры, которые мы и находимъ весною въ канавахъ и прудахъ. Эта студенистая масса въ развитіи земноводныхъ играетъ отнюдь не маловажную роль.

Въ новѣйшее время въ этомъ направленіи были произведены изслѣдованія Бернардомъ и Братушкомъ, данныя которыхъ мы приведемъ ниже въ видѣ вы-

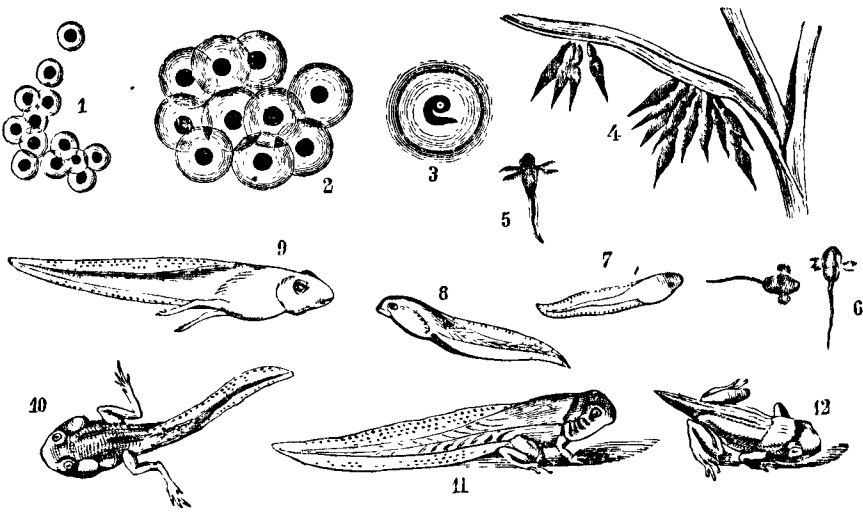
держекъ. Польза, приносимая лягушечьимъ яйцамъ ихъ студенистой оболочкой, уже давно и разносторонне выяснена. Такой студень является настоящимъ предохранителемъ отъ высыхания; далѣе онъ увеличиваетъ скользкость и эластичность яицъ въ защиту отъ механическихъ поврежденій и въ особенности отъ поѣданія. За исключеніемъ ширококлювыхъ утокъ ни для одной птицы почти невозможно проглотить икру земноводныхъ. По наблюденіямъ Шталя, студень служитъ также защитой отъ нападенія рыбъ и моллюсковъ, а по позднѣйшимъ наблюденіямъ Бернарда и Братушка,—и отъ бокоплавовъ. Дальнѣйшимъ преимуществомъ, доставляемымъ яйцамъ студенистой массой, приводятъ и то, что съ увеличеніемъ студенистой оболочки связано и увеличеніе промежутковъ между яйцами, а это въ свою очередь имѣетъ слѣдствіемъ значительно усиленный притокъ воды къ жабрамъ, необходимый для дыханія и обмѣна веществъ. «Шаровидная форма полезна для дыханія еще и въ другомъ отношеніи: блики, играющіе на прозрачныхъ шарикахъ, благодаря преломленію въ нихъ солнечныхъ лучей, привлекаютъ собой подвижныя споры маленькихъ водорослей, которыя и осѣдаютъ на студнѣ. Зеленый ободокъ водорослей, почти всегда встрѣчаемый на болѣе старой икрѣ, имѣетъ очевидно благотворное вліяніе на развитіе яицъ, благодаря обильному снабженію ихъ кислородомъ. Съ другой стороны, повидимому, большое значеніе имѣютъ въ этомъ случаѣ пузырьки кислорода, выдѣляемые болѣе крупными водяными растениями, такъ какъ мы замѣчаемъ, что икра травяныхъ лягушекъ всплываетъ на поверхность воды только въ такихъ мѣстахъ, гдѣ много водяныхъ растеній; гдѣ же таковыхъ нѣтъ, тамъ она лежитъ на днѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что даже совершенно разбухшая икра тяжелѣе воды и можетъ плавать лишь поддерживаемая пузырьками газа, пристающими къ ней снизу. Такимъ образомъ мы не можемъ подтвердить господствующее со времени Резеля мнѣнія, будто бы яйца земноводныхъ легче воды; во всякомъ случаѣ удѣльный вѣсъ ихъ долженъ быть близокъ къ удѣльному вѣсу воды, имѣя въ виду, что они поддерживаются на ней незначительнымъ количествомъ газовыхъ пузырьковъ. Резель совершенно правъ, говоря, что икра иныхъ земноводныхъ, благодаря малому количеству облегающей ихъ студенистой массы, слишкомъ тяжела, чтобы всплывать наружу. Что въ болѣе холодную погоду икра дольше остается лежать на днѣ, является уже фактомъ установленнымъ, который, быть можетъ, можно объяснить тѣмъ, что при незначительной теплотѣ растенія выдѣляютъ кислородъ лишь въ малыхъ количествахъ.

«Кромѣ икры зеленыхъ лягушекъ шаровидную же форму имѣетъ также студенистая масса, облегающая яйца сѣрыхъ лягушекъ и квакшъ, а равно и огненныхъ жерлянокъ. Весьма интересно, что всѣ эти яйца, откладываемыя въ болѣе теплое время года, въ концѣ апрѣля, маѣ или іюнѣ, слабо окрашены и имѣютъ болѣе слабую студенистую оболочку, причемъ развиваются на днѣ, тогда какъ яйца зеленой лягушки, положенныя въ мартѣ и въ началѣ апрѣля, имѣютъ темный цвѣтъ, обладаютъ объемистой оболочкой и всплываютъ на поверхность воды. Развитіе на днѣ воды защищало бы какъ разъ рано отложенную икру отъ ночныхъ морозовъ. Чѣмъ же объяснить, что они то и развиваются на поверхности? Плавая по поверхности, они имѣютъ то преимущество, что подвергаются непосредственно дѣйствію солнечныхъ лучей и такимъ образомъ получаютъ необходимую для развитія теплоту, которой въ предвесеннее время на днѣ еще нѣтъ. Черный цвѣтъ яицъ уже давно объясняется условіемъ лучшаго воспріянія солнечной теплоты; во всякомъ случаѣ другого болѣе подходящаго объясненія этому еще не дано. Студенистая же оболочка весьма существенно помогаетъ направ-

лению этого цвета тѣмъ, что не препятствуетъ прохожденію сквозь нея солнечныхъ лучей, а напротивъ, задерживаетъ нѣкоторые лучи, выходящіе изъ яйца, и, благодаря теплопроводности, возвращаетъ ихъ обратно, представляя собою такимъ образомъ нѣчто вродѣ маленькой теплицы. Бернардъ и Братушекъ дѣйствительно доказали на соответствующихъ опытахъ, при помощи чувствительныхъ измѣрительныхъ приборовъ, «что студенистая оболочка яицъ зеленыхъ лягушекъ, кромѣ обычной пользы, имѣетъ еще значеніе теплицы».

«Лишь только личинка закончила первыя стадіи своего развитія», продолжаетъ Фогтъ, «она прорываетъ студенистую оболочку, поѣдая часть ея, и съ этихъ поръ живетъ въ водѣ свободно». Дѣленіе желтка, особенно хорошо наблюдаемое въ яйцѣ пятнистой жабы, большею частью бываетъ полное, такъ что весь желтокъ дѣлится на двѣ полушаровидныя половины, и эти части въ свою очередь продолжаютъ дѣлиться далѣе вплоть до образованія зародышевыхъ

Стадіи развитія яицъ и личинокъ зеленой лягушки: 1. Яйца по отложеніи ихъ.—2. Они же немного позднѣе.—3. Яйцо съ зародышемъ.—4и 5. Зародыши послѣ прорыва яйцевыхъ оболочекъ.—6—12. Дальнѣйшее развитіе головастиковъ до почти полного превращенія.

клѣтокъ. Весь корковый слой желтка принимаетъ участіе въ образованіи зародыша, охватывая собой центральную часть желтка, мало по малу расходующуюся; вслѣдствіе этого мы никогда не встрѣчаемъ настоящаго мѣшковиднаго желтковаго пузыря. Брюхо, смотря по возрасту личинки, бываетъ болѣе или менѣе вспучено, благодаря содержащемуся внутри его желтку. Первыя ступени развитія проходятъ довольно быстро, такъ что, немного дней спустя послѣ оплодотворенія, весь желточный шаръ превращается въ личинку, у которой плоская, приплюснутая голова, снабженная маленькимъ помѣщающимся на концѣ ртомъ, непосредственно переходитъ въ мѣшковидное брюхо; позади послѣдняго находится сжатый съ боковъ веслообразный хвостъ, отороченный кругомъ кожистой каймой въ видѣ вертикальнаго плавника. Въ этомъ хвостѣ мускульныя волокна расположены такъ же зигзагообразно, какъ мы встрѣчаемъ у рыбъ. На шеѣ отрастаютъ отдѣльныя жабры въ видѣ крошечныхъ древовидныхъ отростковъ, но у головастиковъ лягушекъ они скоро пропадаютъ, замѣняясь внутренними жабрами, тогда какъ у

личинок саламандръ они остаются на болѣе продолжительное время; дальнѣйшее развитіе личинокъ направлено главнымъ образомъ на развитіе хвоста и постепенную переработку желтка. Каймы хвостоваго плавника становятся очень высокими, тѣло суживается и мало по малу начинаютъ развиваться конечности, скрытыя вначалѣ подъ кожей. При этомъ у лягушекъ и саламандръ мы встрѣчаемъ неодинаковый порядокъ развитія конечностей: у послѣднихъ переднія ноги развиваются раньше заднихъ, у первыхъ же заднія конечности прорываютъ кожу ранѣе переднихъ конечностей. У головастиковъ лягушекъ долгое время замѣчаются только однѣ заднія ноги, а хвостъ и послѣ появленія переднихъ ногъ все еще служить главнѣйшимъ органомъ движенія; но затѣмъ начинается превращеніе плавающей личинки, питающейся на ряду съ животной, также и растительной пищей, въ прыгающее насѣкомоядное животное. До сихъ поръ челюсти были вооружены своеобразными роговыми зубами, позднѣе роговыми пластинками, теперь же послѣднія отпадаютъ. Хвостъ постепенно укорачивается, засыхаетъ и наконецъ совершенно исчезаетъ. При этомъ особенно достойно вниманія, что у многихъ земноводныхъ, личинки которыхъ ѣдятъ растенія или, по крайней мѣрѣ, главнѣйшимъ образомъ питаются растительной пищей, при переходѣ на животную пищу пріобрѣтаютъ болѣе укороченный кишечникъ. При неблагоприятной осенней погодѣ, отъ недостатка воды или пищи, быть можетъ даже вслѣдствіе унаслѣдованной привычки въ незапамятныя времена, многія личинки земноводныхъ сохраняютъ свою личиночную форму болѣе продолжительное время—нѣсколько мѣсяцевъ и даже лѣтъ. Тогда часто онѣ dorстаютъ до, такъ называемыхъ, «гигантскихъ личинокъ», которыя у хвостатыхъ земноводныхъ бываютъ способны къ размноженію, что, впрочемъ, никогда не бываетъ у головастиковъ безхвостыхъ земноводныхъ. Именно такихъ головастиковъ, оставшихся въ личиночномъ состояніи, мы встрѣчаемъ у горныхъ тритоновъ и у зеленыхъ лягушекъ. Камерано насчитываетъ 15 видовъ европейскихъ земноводныхъ, у которыхъ наблюдалось это своеобразное явленіе.

«Что касается до развитія внутреннихъ органовъ у личинокъ лягушекъ», продолжаетъ далѣе Фогтъ, «то образованіе зародыша и здѣсь начинается съ опредѣленнаго пункта—съ зародышеваго бугорка, на которомъ сначала появляется спинная бороздка, ограниченная валиками, и затѣмъ уже появляется спинная струна, какъ первое начало образованіе скелета. Вскорѣ по окружности желтка клѣточная масса зародыша обособляется и появляются стѣнки брюшной полости и кожная система; яйцо становится продолговатымъ, спинная пластинка наверху замыкается въ трубку, образуя пространство, предназначенное для головного и спинного мозга. Въ головномъ мозгу различаются ясно три части вмѣстѣ съ принадлежащими имъ органами чувствъ: восемь, глазами и ушами, но уже теперь замѣчаютъ превышеніе объема передняго мозга надъ остальными. Развитіе мозга и органовъ чувствъ имѣетъ много схожаго съ таковымъ у рыбъ; то же самое можно сказать и про образованіе скелета. Въ отпадающемъ хвостѣ позвонковъ никогда не бываетъ, тогда какъ въ туловищѣ они образуютъ полныя кольца и проходятъ стадію двойного конуса, которая остается у саламандръ, дышащихъ жабрами, или же стадію полуколець, такъ что остатки спинной струны на брюшной поверхности позвоночника лежатъ въ немъ какъ въ желобкѣ. Среднее пространство первичнаго хрящевого черепа, въ который входитъ конецъ спинной струны, заполненное мозговымъ придаткомъ, значительной величины и имѣетъ форму яйца; боковые черепные бруски узки; пространство между ними и скуловыми дугами, ограничивающими глазныя орбиты, очень широки; лицевая пластинка

мала и коротка. Кости головы въ большинствѣ случаевъ показываются въ видѣ покрышечныхъ костей, меньшая же часть ихъ является окостенѣніемъ первичнаго черепа, отдѣльные остатки котораго у большинства родовъ остаются на всю жизнь.

«Сердце формируется у личинокъ очень рано и образуется изъ клѣточной массы, залегающей между нижней поверхностью головы и желткомъ; вскорѣ оно приходитъ въ дѣйствіе. Вначалѣ оно является простымъ мѣшкомъ, въ послѣдствіи раздѣляется на отдѣльныя части. Трубка аорты продолжается непосредственно въ жаберныя дуги, вначалѣ питающія кровью наружныя дыхательныя органы, позднѣе—внутренніе; передніе жаберныя сосуды даютъ начало головнымъ артеріямъ, задніе служатъ для образованія аорты. Обратное теченіе крови вѣдуть по полой вѣнѣ, но затѣмъ, какъ у рыбъ, развѣтвляется на поверхности желтка и по желточнымъ венамъ возвращается обратно въ предсердіе. Втеченіе всей личиночной жизни это кровообращеніе по существу остается однимъ и тѣмъ же, съ тою только разницей, что вмѣсто первоначальнаго желточного кровообращенія мало по малу образуются воротныя системы печени и почекъ. Затѣмъ постепенно образуются легкія, и отходящія отъ послѣднихъ жаберныхъ дугъ легочныя артеріи становятся замѣтно больше. Начинается дыханіе атмосфернымъ воздухомъ и жабры исчезаютъ; легочныя артеріи при этомъ развиваются, переднія жаберныя дуги совершенно превращаются въ артеріи головы и глазъ, среднія же въ это время образуютъ аорту. Въ то время, какъ у личинокъ вся масса крови, выталкиваемая сердцемъ, проходитъ черезъ жабры и лишь послѣ этого распредѣляется по тѣлу, у взрослыхъ животныхъ всѣ части тѣла получаютъ лишь смѣшанную кровь, такъ какъ желудочекъ сердца еще не подраздѣленъ на двѣ части. Возвращающаяся изъ тѣла кровь поступаетъ въ правое предсердіе, кровь, текущая изъ легкихъ — въ лѣвое предсердіе; но и та, и другая смѣшивается въ единственномъ желудочкѣ и отсюда уже направляется какъ по тѣлу, такъ и въ дыхательныя органы».

Только что описанное развитіе, конечно, не всегда одинаково у отдѣльныхъ отрядовъ и семействъ. Примѣромъ необычныхъ отклоненій мы можемъ привести здѣсь лишь вкратцѣ дыхательныя органы нѣкоторыхъ зародышей и личинокъ. Изъ формъ, не отлагающихъ своихъ яицъ въ воду, цейлонскія червяги и саламандры имѣютъ три наружныхъ пары жабръ, сумчатая лягушка—двѣ, повитуха и родъ червягъ *Typhlonectes*—одну; листовыя лягушки и пила вообще не имѣютъ жабръ, но органомъ дыханія ихъ личинокъ служитъ хвостъ. У лягушекъ Соломоновыхъ острововъ (*Rana opisthodon*) дыханіе головастиковъ производится девятью складками кожи брюшка.

«Самые древніе слѣды ископаемыхъ земноводныхъ», сообщаетъ Циттель, «находятся въ настоящихъ каменноугольныхъ образованіяхъ Богеміи, Великобританіи и Сѣверной Америки. Они относятся исключительно къ павцырнымъ гадкамъ (*Stegocerphala*), хвостатымъ земноводнымъ, похожимъ на саламандръ и ящерицъ, имѣвшимъ черепную крышку, состоящую изъ кожныхъ костей, прободенную отверстіями глазъ и ноздрей, и у которыхъ замѣчалось темянное отверстіе между темяными костями. Они имѣли простые или наполненные сильно складчатою массою костнаго вещества зубы, и очень разнообразное, но всегда несовершенное строеніе позвоночника. На горлѣ помѣщались три большія пластинки, принадлежавшія грудному поясу. Въ противоположность нынѣ живущимъ земноводнымъ, панцирные гадки обладали хорошо развитыми окостенѣвшими чешуями кожного панциря, которыя

развивались на брюшной сторонѣ. Панцирные гады дѣлятся на три группы: **Трубчатопозвонковыхъ** (*Lepospondyli*), **Неполнопозвонковыхъ** (*Temnospondyli*) и **Цѣльнопозвонковыхъ** (*Stereospondyli*). Въ каменноугольный періодъ преобладали трубчатопозвонковыя, которыя по строенію всего позвоночника напоминаютъ молодыя формы современныхъ хвостатыхъ земноводныхъ, но ни неполнопозвонковыя, ни цѣльнопозвонковыя также не отсутствовали, и такъ какъ двѣ послѣднія группы никакъ нельзя считать непосредственными потомками трубчатопозвонковыхъ, то съ нѣкоторою достовѣрностью можно заключить, что самый древній прототипъ земноводныхъ еще неизвѣстенъ. Мѣста нахождения панцирныхъ земноводныхъ не такъ часты, однако они содержатъ въ себѣ довольно большое число родовъ и видовъ, такъ что при первомъ появленіи земноводныхъ одновременно жили весьма разнообразныя и отчасти весьма другъ отъ друга отличныя формы ихъ. На ряду съ безногими родами встрѣчаются четвероногіе. Особенно интересно широкое географическое распространеніе извѣстныхъ родовъ съ одной стороны въ Сѣверной Америкѣ, съ другой—въ Ирландіи и Богеміи.

«Съ точностью доказано, что панцирные гады составляютъ самостоятельный отрядъ, отличающійся отъ остальныхъ земноводныхъ многими особенностями въ строеніи позвоночника, что они въ нѣкоторомъ отношеніи сохранили личиночныя признаки и въ общемъ имѣютъ большее сходство съ рыбами, чѣмъ ихъ нынѣ живущіе потомки. Однако всѣ извѣстные ископаемыя двоякодышущія и хрящевыя рыбы настолько рѣзко отличаются отъ нихъ, что до сихъ поръ между обоими классами земноводныхъ и рыбъ лежитъ непроходимая пропасть. Если панцирные гады уже въ каменноугольную эпоху выказываютъ такую развитую организацію и столь значительное распространеніе, то приблизительно таковыми же они являются и ко времени отложеній новыхъ красныхъ песчанниковъ. Въ такихъ отложеніяхъ были найдены по истинѣ удивительныя животныя, сохранившіяся въ слояхъ пермской формаціи Саарбрюкенскаго бассейна, сюда же относятся находки въ Богеміи и Саксоніи, въ Отенѣ, во Франціи, а въ новѣйшее время также въ Техасѣ, въ Новой Мексикѣ и Иллинойсѣ. Роды, открытые Коппе въ Соединенныхъ Штатахъ, большею частью принадлежатъ къ неполнопозвонковымъ, но значительно превосходятъ величиной родственныя имъ европейскія формы. Вообще же въ пермской формаціи преобладаютъ неполнопозвонковыя и трубчатопозвонковыя формы съ прочно окостенѣвшими позвонками. Цѣльнопозвонковыя, если и не совсѣмъ отсутствуютъ, то очень рѣдки и большею частью принадлежатъ къ родамъ, имѣющимъ сравнительно просто устроенные лабиринтовые зубы и покрытое щитками брюхо.

«Между каменноугольными формаціями и мезозойскими отложеніями въ южной Африкѣ, Индіи и Австраліи лежатъ песчаные и глинистые слои, возрастъ которыхъ до сихъ поръ еще съ точностью не установленъ; эти слои также заключаютъ въ себѣ панцирныхъ гадовъ. Въ Европѣ этотъ отрядъ земноводныхъ достигаетъ своего совершеннаго развитія и заканчивается въ пестрыхъ песчаникахъ и кейперѣ триаса. Роды, принадлежащіе триасу, характеризуются большею частью крупной величиной, почти совершенно окостенѣвшимъ позвоночникомъ, въ высшей степени развитымъ «лабиринтовымъ» строеніемъ зубовъ и отсутствіемъ брюшныхъ щитковъ, при этомъ они, безъ сомнѣнія, являются наиболѣе развившимися формами своей группы и представляютъ собой заключительное звено съ того времени совершенно исчезнувшихъ панцирныхъ гадовъ.

«По всей вѣроятности панцирные гады въ огромныхъ лабиринтодонтахъ триаса достигли своего полнаго совершенства и, ставъ неспособными къ дальнѣйшему усовершенствованію, вымерли. Нынѣ живущія червяги, хвостатя и без-

хвостыя земноводныя ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть разсматриваемы, какъ непосредственные потомки триасовыхъ лабиринтодонтовъ, такъ какъ между этими панцирными гадами и современными отрядами земноводныхъ есть незаполненный пробѣлъ не только въ отношеніи строеніи тѣла, но и въ отношеніи геологическаго распространенія. Если даже извѣстные палеозойскія трубчатопозвоноквыя напоминаютъ своимъ наружнымъ видомъ саламандръ или червягъ, то при болѣе точномъ сравненіи ихъ скелетовъ замѣчается такое большое различіе, что принять непосредственное происхожденіе наиболее низко организованныхъ земноводныхъ отъ панцирныхъ формъ весьма и весьма затруднительно. Во всякомъ случаѣ лабиринтодонты стоятъ въ сторонѣ и между трубчатопозвоноквыми каменноугольныхъ формаций и слоевъ пермской организаціи, и наиболее древними изъ до сихъ поръ извѣстныхъ хвостатыхъ земноводныхъ изъ нижняго отдѣла мѣловой формации Бернисарта въ Бельгii (Hylaebatrachus) лежитъ очень продолжительный періодъ, не заполненный ни одной промежуточной формой. Въ эоцѣнѣ Сѣверной Америки и около Кверси, въ олигоцѣнѣ южной Франціи встрѣчаютъ скудные остатки крупныхъ хвостатыхъ земноводныхъ. Въ міоцѣнѣ они встрѣчаются уже чаще, но самымъ позднѣйшимъ и прославленнымъ представителемъ ихъ является *Andrias scheuchzeri* *) изъ верхнеміоценоваго прѣсноводнаго бассейна Енингена въ Швейцаріи. Что касается до саламандръ дилювіальнаго періода, то они совершенно сходны съ нынѣ живущими родами.

«Ископаемыя червяги до сихъ поръ еще неизвѣстны; безхвостыя земноводныя, повидимому, также появляются только въ третичную эпоху. Самые древніе, не вполне достовѣрные остатки лягушекъ, по Коппе, встрѣчаются въ эоцѣнѣ Вайоминга. Олигоцѣнъ въ Кверси заключаетъ въ себѣ превосходные остатки лягушекъ у которыхъ въ фосфоритахъ сохранились даже мягкія части; олигоцѣнъ и міоцѣнъ Германіи, Богеміи и Франціи дали многочисленныя кости этихъ животныхъ. Въ Германіи наиболее сильное распространеніе имѣлъ выстѣ съ зеленой лягушкой и вымершій родъ древняго прототипа лягушки (*Palaeobatrachus*), но уже въ верхнемъ міоцѣнѣ это ископаемое животное болѣе не встрѣчаютъ. Жабы, чесночницы и дискоязычныя частью встрѣчаются уже въ олигоцѣнѣ и нижнемъ міоцѣнѣ, такъ что, за исключеніемъ квакшъ, всѣ семейства, живущія въ настоящее время въ палеарктической области, уже извѣстны въ третичномъ періодѣ Европы. На ряду съ прототипомъ нашихъ лягушекъ и вымершимъ родомъ съ достовѣрностью можно считать только родъ *Latonia*. Въ дилювіи, именно въ лессахъ и пещерахъ, остатки лягушекъ довольно не рѣдки, но, насколько извѣстно, они принадлежать къ родамъ и видамъ нынѣ живущихъ формъ».

Въ настоящую эпоху земноводныя живутъ во всѣхъ частяхъ свѣта и, за исключеніемъ наиболее сѣверныхъ частей земного шара, распространены во всѣхъ поясахъ. Теплота и вода являются необходимыми условіями ихъ жизни и размноженія, при томъ въ гораздо большей степени, нежели для другихъ классовъ животныхъ. Ихъ зависимость отъ воды настолько велика, что не можетъ быть и рѣчи съ отсутствіемъ таковой для нихъ, такъ какъ за немногими исключеніями, животные проводятъ въ ней свою первую юность. Вторымъ жизненнымъ условіемъ ихъ

*) Остатки этой гигантской саламандры были вначалѣ ошибочно приняты Шейхценомъ за остатки допотопнаго челоуѣка (*homo diluvii testis*) Пр. перев.

очевидно нужно считать теплоту, что объясняет, почему численность этих животных необыкновенно повышается по направлению къ экватору; можно почти сказать, что настоящею родиною ихъ являются тропическія страны. Однако мѣстомъ своего пребыванія и средой для развитія своего потомства они выбираютъ только прѣсныя воды и избѣгаютъ моря или вообще соленой воды. Обыкновенно они не въ состояніи перебираться черезъ морскіе рукава, поэтому море является въ громадномъ большинствѣ случаевъ непреодолимымъ препятствіемъ для ихъ распространенія. При этомъ, если они встрѣчаются на островахъ, совершенно обособленныхъ отъ материковъ, то въ этомъ случаѣ нужно предполагать или занесеніе ихъ птицами, или о быломъ соединеніи ихъ родного острова съ материкомъ. Значительная часть земноводныхъ всю жизнь свою проводитъ въ водѣ, но большинство, кончивъ свое превращеніе, живетъ внѣ воды, хотя все же въ сырыхъ мѣстахъ. Тамъ, гдѣ преобладаютъ пустыни, не встрѣчается ни одного земноводнаго, тамъ же, гдѣ только есть вода, хотя бы временно, но ежегодно, они не отсутствуютъ, такъ какъ тамъ они такъ-же, какъ и у насъ зимой, проводятъ соответствующее сухое время года, глубоко зарывшись въ иль или забившись въ какую-нибудь впадину, пока наступающая весна не разбудитъ ихъ отъ ихъ глубокой спячки. Во всѣхъ областяхъ тропическихъ странъ, гдѣ обычная пора періодическихъ дождей дѣлать годъ на опредѣленные времена года, эти животныя совершенно исчезаютъ съ наступленіемъ сухого времени и снова появляются послѣ перваго дождя и словно по мановенію магическаго жезла оживляютъ собой большія пространства, на которыхъ до этого времени не замѣчалось и слѣда ихъ присутствія. Подобная лѣтняя спячка, какъ то приводитъ Монике для Явы, можетъ длиться пять мѣсяцевъ. Но во всѣхъ этихъ странахъ число этихъ животныхъ незначительно сравнительно съ обильными водою дѣвственными лѣсами, которые изъ году въ годъ сохраняютъ приблизительно ту же влажность, представляя даже возможность размноженія на вершинахъ своихъ деревьевъ. Неизмѣримые лѣса Южной Америки, какъ равно и дѣвственные лѣса южной Азіи, даютъ убѣжище нѣкоторымъ семействамъ земноводныхъ, обильнымъ не только видами, но и особями; собирающейся же между широкими листьями въ пазухахъ ихъ, въ дулахъ деревьевъ и другихъ мѣстахъ водой они пользуются для откладыванія икры, причемъ вода эта служитъ также пріютомъ для ихъ личинокъ. Здѣсь всякое мѣсто занято: вода, находящаяся внизу на землѣ, влажныя мѣста возлѣ нея, вершины и разныя углубленія деревьевъ, тогда какъ въ сравнительно болѣе сухихъ лѣсахъ Африки земноводныя встрѣчаются въ несравненно меньшемъ числѣ. Болота и влажныя дѣвственные лѣса Средней и Южной Америки и Мадагаскара по истинѣ являются раемъ для безхвостыхъ земноводныхъ, тогда какъ они почти совершенно отсутствуютъ на всемъ материкѣ Африки. Общее распространеніе земноводныхъ, по изслѣдованіямъ Буланже, весьма сходно съ распространеніемъ прѣсноводныхъ рыбъ, но весьма отлочно, напримѣръ, отъ распространенія ящерицъ; упомянутый натуралистъ дѣлитъ всю область распространенія на два пояса: одинъ сѣверный, характеризующійся многочисленностью хвостатыхъ земноводныхъ и отсутствіемъ червягъ, и другой южный, обнимающій собою тропическія страны, для котораго характеренъ недостатокъ хвостатыхъ земноводныхъ и присутствіе червягъ. Сѣверный поясъ подраздѣляется на палеарктическую область, замѣчательную обліемъ настоящихъ саламандръ и дискоязычныхъ и отсутствіемъ въ ней квакшъ, съ однимъ только исключеніемъ, и на сѣверо-американскую область съ ея сиренами и ахолотлами, а равно и обліемъ въ ней квакшъ и лишь малымъ количествомъ настоящихъ саламандръ. Въ то время, какъ палеарктическая область въ свою очередь распадается на европейскій и

азиатскій районы, восточный и западный районы сѣверо-американской области не имѣютъ рѣзкихъ отличій между собой.

Южный поясъ, обнимающій собой тропическія страны, Буланже весьма удачно раздѣляетъ на царство неподвижногрудыхъ и царство подвижногрудыхъ. Область неподвижногрудыхъ какъ разъ соотвѣтствуетъ области господства карповыхъ костистыхъ рыбъ и обладаетъ кромѣ 300 видовъ безхвостыхъ земноводныхъ, 260 неподвижногрудыми, тогда какъ квакши и лягушки Новаго Свѣта совершенно отсутствуютъ. Напротивъ, область распространенія подвижногрудыхъ соотвѣтствуетъ области распространенія прочихъ, некарповыхъ рыбъ: въ немъ приблизительно на 420 видовъ безхвостыхъ земноводныхъ приходится 370 подвижногрудыхъ; остальные—почти всѣ квакши и лягушки Новаго Свѣта. Область обитанія неподвижногрудыхъ въ свою очередь распадается на индѣйскій районъ, въ которомъ отсутствуютъ безъязычныя и древесныя лягушки, и африканскій районъ, въ которомъ живутъ шпорцевыя и древесныя лягушки; область обитанія подвижногрудыхъ формъ опять таки тоже распадается на тропическо-американскій районъ съ червягами, пипами, древесными лягушками и многочисленными настоящими жабами, и на австралійскій районъ, характеризующійся отсутствіемъ червягъ и настоящихъ жабъ.

Нѣтъ необходимости здѣсь приводить подробное раздѣленіе Буланже, который африканскій районъ еще разбиваетъ на материковый и мадагаскарскій отдѣлы, австралійскій—на австралійско-малайскій, собственно-австралійскій и новозеландскій отдѣлы. Будетъ достаточно упомянуть, что на Мадагаскарѣ нѣтъ ни одного представителя подвижногрудыхъ, а въ Австраліи, наоборотъ, не встрѣчается ни одной неподвижногрудой формы; но обѣ эти страны въ одномъ сходны между собой: въ нихъ совершенно отсутствуютъ настоящія жабы рода *Bufo* и представители хвостатыхъ земноводныхъ и червягъ.

По богатству родами и видами, по сопоставленію Буланже въ 1882 г., выше всего стоитъ тропическо-американскій районъ со своимъ 58 родами и 375 видами; затѣмъ слѣдуютъ: индѣйскій съ 28 родами и 168 видами, африканскій съ 26 родами и 141 видомъ, сѣверо-американскій съ 23 родами и 108 видами, австралійскій съ 23 родами и 75 видами и, наконецъ, палеарктический съ 22 родами и 60 видами. Во всѣхъ шести областяхъ распространены семейства жабъ и настоящихъ лягушекъ; шесть изъ извѣстныхъ 19 семействъ земноводныхъ живутъ исключительно только въ одномъ районѣ.

Въ послѣдніе годы число описанныхъ видовъ земноводныхъ настолько существенно увеличилось, что въ настоящее время мы можемъ насчитать около 1000 безхвостыхъ земноводныхъ, хвостатыхъ—123, червягъ—37, въ общемъ слѣдовательно—всего 1160 видовъ; при этомъ однако границы областей распространенія, приведенныя Буланже, остались безъ измѣненія.

Хотя отдѣльныя земноводныя имѣютъ далекое распространеніе, но большинство ихъ связано съ опредѣленными мѣстностями. Ихъ мѣстожителство часто ограничивается пространствомъ менѣе одного квадратнаго метра: средней величины прудъ, даже просто лужа, куда постоянно собирается вода—могутъ служить обителью сотнямъ этихъ непривлекательныхъ созданій, которыя при этомъ не выказываютъ никакого желанія выселиться; какое-либо дерево дѣвственнаго лѣса, быть можетъ, изъ году въ годъ служить убѣжищемъ однимъ и тѣмъ же животнымъ. Пные виды странствуютъ по довольно большой площади своего мѣстожителства, но также, повидимому, строго придерживаются опредѣленной области, а именно всякій разъ вновь отыскиваютъ разъ избранный укромный уголокъ. Болѣе отдаленныя путешествія

земноводныя предпринимаютъ лишь въ очень исключительныхъ случаяхъ: быть можетъ только тогда, когда мѣстожителство ихъ совершенно измѣняется и не можетъ удовлетворять необходимымъ потребностямъ ихъ жизни. Съ другой стороны нельзя отрицать, что и они могутъ болѣе или менѣе распространяться по извѣстной области и вновь поселиться въ извѣстныхъ мѣстахъ, въ особенности у уединенныхъ водоемовъ, гдѣ раньше ихъ не было.

Жизнь земноводныхъ представляется намъ еще болѣе однообразной, чѣмъ жизнь пресмыкающихся, хотя большинство ихъ превосходитъ многихъ изъ послѣднихъ по крайней мѣрѣ своей подвижностью. Благодаря своему водному образу жизни, всѣ они, быть можетъ, за единственнымъ исключеніемъ червягъ, оказываются превосходными пловцами и это отнюдь не въ одномъ только личиночномъ состояніи, которое ихъ до нѣкоторой степени приближаетъ къ рыбамъ, но и во взросломъ состояніи, причемъ все равно какіе органы являются главнѣйшими органами передвиженія, ноги или хвостъ. Въ личиночномъ возрастѣ они двигаются при помощи хвоста по спирали и рѣже, дѣлая боковыя движенія, слѣдовательно плаваютъ по рыбьему. Будучи взрослыми, одни изъ земноводныхъ, именно хвостатыя формы, передвигаются тѣмъ же способомъ, напротивъ, безхвостыя земноводныя плаваютъ, производя сильныя толчки ногами, хорошо приспособленными для этихъ движеній; лягушки напоминаютъ движенія человѣка при плаваніи, съ тою разницею, что переднія конечности земноводныхъ при этомъ не дѣйствуютъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и червяги умѣютъ плавать, такъ какъ вообще каждое червеобразное животное въ этомъ случаѣ можетъ пользоваться своими змѣвидными движеніями; точно также и земноводныя остальныхъ отрядовъ въ передвиженіи этого рода не уступаютъ предыдущимъ. Передвиженіе на сушѣ совершается земноводными различными способами. Всѣ хвостатыя земноводныя, за исключеніемъ нѣкоторыхъ проворныхъ, какъ ящерицы, видовъ, въ родѣ *Spelerpes* и *Chioglossa*, переваливаются ползкомъ, неуклюже подвигаясь впередъ, тогда какъ безхвостыя земноводныя двигаются короткими или большими скачками. Между послѣдними есть даже лазуны, т. е. такія формы, которыя могутъ влѣзть на верхушки высокихъ деревьевъ, но это лазаніе совершается иначе, чѣмъ у другихъ позвоночныхъ, описанныхъ до сихъ поръ, такъ какъ оно состоитъ только изъ перепрыгиванія съ одного мѣста отдыха на другое, расположенное выше. Въ одномъ отношеніи, большая часть земноводныхъ отличается отъ пресмыкающихся: въ то время, какъ лишь немногія изъ послѣднихъ издадутъ голосъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, большое число земноводныхъ, въ особенности первый отрядъ, испускаетъ необыкновенно отчетливыя, болѣе или менѣе звучныя, громкіе, законченные крики. Ихъ голоса раздаются ночью по дѣвственнымъ лѣсамъ, при чемъ если и не заглушаютъ криковъ другихъ животныхъ, то сопровождаютъ ихъ постоянно; ихъ-же голоса всего чаще слышатся у насъ въ лѣтнія ночи. Многіе виды этого класса настолько злоупотребляютъ своимъ даромъ, что могутъ считаться настоящими нарушителями ночного покоя и напугать боязливую особу. Однако, какъ я уже замѣтилъ, кричать могутъ только взрослые формы, напротивъ, личинки и молодъ, а равно и самки—нѣмы.

Чтобы судить о душевныхъ способностяхъ земноводныхъ, мы не имѣемъ еще достаточныхъ наблюденій. Мы уже видали, что у нихъ развиты всѣ пять чувствъ, особенно три высшія; нельзя также обойти молчаніемъ, что душевная дѣятельность ихъ проявляется настолько, что свидѣтельствуетъ о пониманіи окружающаго, что до определенной степени ихъ можно приручить и выдрессировать, что такимъ образомъ они сознаютъ измѣненіе условій и примѣняются къ нимъ. Несмотря на это, нужно все-таки признаться, что они принадле-

лежать къ самымъ глупымъ изъ всѣхъ позвоночныхъ, и понятливостью едва ли превосходятъ какъ самыхъ низшихъ пресмыкающихся, такъ и высшихъ рыбъ. Высказанное о душевныхъ способностяхъ пресмыкающихся вообще можетъ быть отнесено и къ земноводнымъ, причемъ о послѣднихъ мы въ правѣ имѣть еще худшее мнѣніе. Въ общемъ жабы, древесныя лягушки и даже саламандры превосходятъ понятливостью лягушекъ и не только у насъ, но, по словамъ Аббота, и въ Сѣверной Америкѣ. О какомъ-либо общественномъ сожителствѣ между ними не можетъ быть и рѣчи: ихъ общественная жизнь обуславливается подходящею мѣстностью, а не взаимнымъ влеченіемъ. Какъ только они удовлетворили своимъ половымъ потребностямъ, они уже болѣе не обращаютъ другъ на друга никакого вниманія. Не слѣдуетъ также придавать большого значенія заботамъ нѣкоторыхъ изъ нихъ по отношенію къ молодымъ, хотя, конечно, мы не можемъ рѣшить, насколько эти заботы являются обдуманными и почувствованными ими. Наблюденія надъ способомъ обращенія нѣкоторыхъ видовъ съ ихъ потомствомъ заставляютъ предполагать, что животныя эти дѣйствуютъ непроизвольно, по инстинкту; въ противномъ случаѣ пришлось бы предположить большую долю смысленности, которую мы не замѣчаемъ въ другіе моменты жизни земноводныхъ.

Весьма вѣроятно, что лишь немногія земноводныя ведутъ дневной образъ жизни. Ихъ жизнедѣятельность начинается болѣею частью вскорѣ послѣ заката солнца или съ наступленіемъ сумерекъ и продолжается до утра; большинство днемъ обыкновенно предается покою, хотя и самымъ разнообразнымъ образомъ. Въ то время, какъ одни изъ нихъ, просто куда-нибудь заползаютъ и почти безъ движенія проводятъ тамъ время до слѣдующаго вечера, другія пользуются благодѣтельной теплотою солнца, почему взбираются на соответствующія мѣста и проводятъ день въ полудремотѣ, которая все-таки никогда не бываетъ такъ глубока, чтобы животное во время не успѣло замѣтить опасность, или упустило просящуюся въ ротъ добычу. Но и своимъ оживленіемъ, кваканіемъ и тому подобнымъ земноводныя также доказываютъ, что они луну считаютъ своимъ солнцемъ и время ихъ настоящей жизни—ночь.

Превращеніе находится въ извѣстной зависимости отъ пищи. Всѣ земноводныя животныя хищныя, но добыча, преслѣдуемая ими, бываетъ различна, смотря по тому, въ какомъ возрастѣ само животное. Личинки, какъ то установилъ для многихъ Лейдигъ, въ самомъ молодомъ возрастѣ питаются разными мелкими организмами, непрерывно наполняя свой кишечникъ, подобно дождевымъ червямъ, иломъ, а вмѣстѣ съ нимъ обильно проглатывая всякихъ мелкихъ животныхъ, инфузорій, коловратокъ, микроскопическихъ раковъ, а равно и діатомовыя водоросли. Содержимое кишечника, изслѣдованное Лейдигомъ у различныхъ головастиковъ, было всегда болѣе или менѣе одно и тоже; присутствіе проглоченныхъ водорослей и другихъ растительныхъ веществъ подало поводъ къ прежнему, считавшемуся достовѣрнымъ, мнѣнію, что эти головастики питаются исключительно растительной пищей, хищными же животными становятся только послѣ превращенія. Въ всякомъ случаѣ личинки могутъ долгое время существовать исключительно растительной пищей, особенно питаются крошками хлѣба; при этомъ онѣ имѣютъ здоровый видъ, но вскорѣ съ возрастомъ, особенно когда онѣ начинаютъ свои превращенія, требуютъ болѣе дорогого корма, именно животной пищи. Кто наблюдалъ ихъ болѣе продолжительное время, тотъ могъ убѣдиться, что хищническія склонности свойственны имъ уже въ очень раннемъ возрастѣ, такъ какъ онѣ объѣдаютъ другихъ болѣе слабыхъ личинокъ, все равно, будутъ ли послѣднія одного съ ними вида или

другого. Разъ превращеніе закончено, всѣ земноводныя охотятся за живыми, подвижными животными самыхъ разнообразныхъ видовъ, начиная съ червячковъ и кончая позвоночными, одни, преслѣдуя свою добычу плаваніемъ, другія, схватывая намѣченную жертву во время прыжка или быстрымъ выбрасываніемъ впередъ своего языка. Начиная съ этого времени, они уже болѣе не щадятъ ни своего брата, ни родственныхъ имъ животныхъ, проглатывая ихъ съ такимъ же равнодушіемъ, какъ и всякое другое животное, которое вообще могутъ осилить. Дозвано даже, что нѣкоторые виды лягушекъ питаютъ даже предпочтеніе къ охотѣ за другими лягушками, а есть и такія, у которыхъ послѣднія являются главной пищей. Какъ и у пресмыкающихся прожорливость земноводныхъ возрастаетъ съ поднимающейся температурой. Въ лѣтние и осенніе мѣсяца наши земноводныя являются настоящими прожорливыми хищниками; весною они довольствуются малымъ, хотя послѣ предшествовавшей зимней спячки можно было бы ожидать совершенно обратнаго.

Послѣ пробужденія отъ зимней спячки въ земноводныхъ проявляется половое влеченіе, которое какъ то особенно возбуждаетъ этихъ глухихъ созданий. Въ эту пору, по крайней мѣрѣ на сѣверѣ, часто еще господствуетъ суровая погода; температура стоитъ едва на два градуса выше нуля, по водѣ плаваютъ еще большіе нерастаявшіе куски льда; но все это мало озабочиваетъ земноводныхъ. По произведеннымъ опытамъ, падающая вновь температура воды, повидимому, даже торопитъ оплодотвореніе. Какъ только икра отложена, парочки разлучаются, даже такія, которыя видимо питали другъ къ другу тѣсную привязанность; самцы и самки снова идутъ каждый своей дорогой. Живущія на сушѣ покидаютъ воду, обыкновенныя лягушки отправляются на поля и луга, древесныя—залззаютъ на верхушки деревьевъ, саламандры забираются въ свои охотничьи районы. Всѣ эти животныя начинаютъ вести свою однообразную, видимо столь пріятную для нихъ лѣтнюю жизнь, пока наступающая зима своимъ холодомъ, въ тропическихъ же странахъ—своей сухостью, не положить этому конца и не заставить каждое животное отыскивать укромное спокойное мѣсто, которое защитило бы его въ это неблагоприятное время года.

Время первой молодости протекаетъ у земноводныхъ довольно быстро, въ личиночномъ состояніи они проводятъ часто только нѣсколько недѣль. Но ростъ уже взрослога животнаго совершается очень медленно. Въ большинствѣ случаевъ лягушки становятся половозрѣлыми только на четвертомъ или пятомъ году своей жизни, но все еще продолжаютъ расти и достигаютъ своей настоящей величины, быть можетъ, только на десятомъ, двѣнадцатомъ году; саламандры для достиженія своего полнаго объема требуютъ еще болѣе времени, гигантская японская саламандра въ этомъ случаѣ тратитъ, быть можетъ, 30 и болѣе лѣтъ. Зато жизнь земноводныхъ, если она не пресѣкается насильственной смертью, длится многіе и многіе годы, даже при такихъ условіяхъ, которыя являются губительными для другихъ животныхъ. Вѣрно то, что жабы, заключенныя въ замкнутыхъ полостяхъ, оставались жить, хотя къ нимъ пища поступала лишь въ незначительныхъ дозахъ; наблюденіями установлено, что онѣ болѣе года могутъ пробыть, не умирая отъ голода, посаженныя въ нарочно приготовленныя полости. Такимъ образомъ живучестью своей земноводныя дѣйствительно превосходятъ всѣхъ другихъ позвоночныхъ. Нѣкоторыя пресмыкающіяся, мы знаемъ, до известной степени возстановляютъ обломанный хвостъ, т. е. у нихъ образуется новый придатокъ, по формѣ похожій на хвостъ, но имѣющій нѣкоторыя отличія въ кожнхъ покровахъ, а часто и въ строеніи позвонковъ; у нѣкоторыхъ же земноводныхъ, напротивъ, на мѣстѣ утраченныхъ членовъ возстановляются новые съ костями и

сочлененіями, все равно молодо или старо животное, находится ли оно въ личинномъ или взросломъ состояніи. Конечно этого не случается у наиболѣе высоко организованныхъ земноводныхъ. Фрессъ напрасно ждалъ, чтобы у какой-нибудь лягушки или квакши возстановился хотя бы палець, не говоря уже о ногѣ. Однако, если у тритона отрѣзать ногу или хвостъ, то эти части, хотя медленно, но отрастаютъ вновь; если опытъ повторить, то природа вновь приходитъ на помощь животному. Пораненія, отъ которыхъ всѣ остальные позвоночныя безусловно погибаютъ, почти не тревожатъ этихъ земноводныхъ; если у нихъ вырвать глазъ, онъ образуется вновь. Эта своеобразность и вообще ихъ нечувствительность превратила всѣ подходящія виды этого класса, въ особенности лягушекъ, въ мучениковъ науки: на нихъ производились и производятся тѣ опыты, результатомъ которыхъ являются самыя важныя данныя о дѣятельности и назначеніи органовъ. Лягушка со вскрытымъ спиннымъ мозгомъ все еще прыгаетъ, повидимому, бодро, несмотря на это смертельное для всѣхъ другихъ пораненіе; саламандра, изуродованная самымъ ужаснымъ образомъ, продолжаетъ жить такъ-же, какъ и прежде. Такою способностью возстановлять потерянные члены превосходятъ земноводныхъ только низшія морскія животныя. Живучесть по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ видовъ земноводныхъ противустоитъ также дѣйствию атмосферныхъ вліяній. Саламандра и тритонъ, но не безхвостыя земноводныя, могутъ быть заморожены въ водѣ и вновь приведены къ жизни, когда дадутъ куску льду растаять; тритонъ вслѣдствіе сухости можетъ съежиться въ безформенную фигуру, въ которой не замѣчается никакихъ признаковъ движенія, но помѣщенный въ воду, вновь возвращаются къ жизни; даже въ желудкѣ своихъ враговъ неуязвимость земноводныхъ служить имъ хорошую службу. Изъ убитыхъ, разрѣзанныхъ и вскрытыхъ змѣй вылѣзали еще живыя жабы, заднія ноги которыхъ совершенно или только частью были переварены.

Отвращеніе, которое справедливо или несправедливо возбуждаютъ въ насъ пресмыкающіяся, переносится также и на земноводныхъ, съ которыми они имѣютъ много сходства и съ которыми ихъ соединяли до недавняго времени. Но между земноводными нѣтъ ни одного дѣйствительно вреднаго животнаго, ни одного, которое бы могло нанести серьезное поврежденіе и, несмотря на то, ихъ преслѣдуютъ, убиваютъ безпричинно и по невѣжеству. Съ незапамятныхъ временъ и до нашихъ дней существуетъ предубѣжденіе, питаемое къ нимъ, хотя совершенно несправедливо, даже образованными людьми. Въ то время, какъ благоразумный садовникъ бережетъ и холитъ жабъ, а англичане покупаютъ ихъ даже сотнями, чтобы вычистить свой садъ отъ всевозможныхъ вредныхъ насѣкомыхъ и улитокъ, бездушный или просто невѣжественный человѣкъ убиваетъ «отвратительную гадину», гдѣ только найдетъ ее, словно хочетъ встать на одну ступень умственнаго кругозора съ аистомъ, проявляющимъ особенную страсть къ убіенію этихъ животныхъ. Внимательный наблюдатель будетъ относиться ко всѣмъ земноводнымъ такъ-же хорошо, какъ къ лягушкамъ, хотя и остальные формы этого класса заслуживаютъ такого же расположенія наравнѣ съ послѣдними. Отъ большинства хищныхъ звѣрей земноводныхъ спасаетъ слизь, выдѣляемая ихъ кожей; тѣ же изъ нихъ, которыя не обладаютъ подобными особенно дѣятельными ядовитыми железами, въ безчисленныхъ количествахъ дѣлаются добычей самыхъ разнообразныхъ животныхъ. О лягушкѣ можно сказать то же, что и о зайцѣ: «всѣ, всѣ хотятъ меня скушать!» Даже человѣкъ считаетъ бедра нѣкоторыхъ видовъ — лакомымъ кусочкомъ. Къ счастью для этихъ животныхъ, а можетъ быть и для насъ, необыкновенно сильное размноженіе ихъ пополняетъ скорѣ всѣхъ потерю.

Отрядъ I.

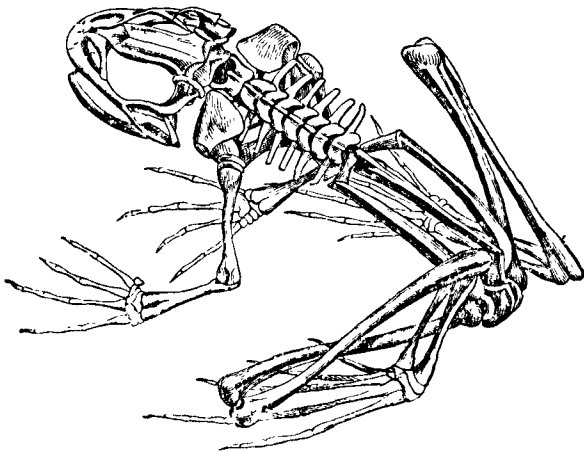
Безхвостыя (Ecaudata).

Всякій, кто видѣлъ лягушку, уже имѣеть представленіе о всѣхъ членахъ перваго отряда этого класса животныхъ. Разница въ строеніи тѣла отдѣльныхъ группъ хотя незначительна и несущественна, но настолько характерна, что лягушку или другую безхвостую форму никогда нельзя смѣшать съ другимъ земноводнымъ. Неуклюжее яйцевидное или почти четырехугольное тѣло, впереди котораго сидитъ приплюснутая, широкая, съ заостреннымъ рыломъ и снабженная широкою пастью голова, такъ что присутствіе шеи незамѣтно, четыре хорошо развитыя конечности и болѣе или менѣе гладкая, голая, скользкая кожа,—вотъ наружные признаки, характеризующіе принадлежащихъ сюда животныхъ. Глаза сравнительно велики, очень подвижны, т. е. далеко могутъ быть втянуты въ глазные орбиты, обыкновенно бывають оживлены; носовыя отверстія, лежація на самомъ переднемъ краю рыла, прикрываются особенными клапанами; ушныя отверстія велики и характеризуются наружной барабанной перепонкой. Смотря по родамъ и видамъ, строеніе ногъ и лапъ бываетъ различно, особенно въ относительной длинѣ переднихъ и заднихъ конечностей, числѣ, длинѣ и формѣ пальцевъ, а также и по способу соединенія ихъ между собой. Столь же существенно различаются эти животныя по гладкости, толщинѣ кожи и по присутствію въ ней железъ, выдѣляющихъ ядъ или слизь; верхняя кожа характеризуется тонкой и рыхлой тканью, особенность, затрудняющая отдѣленіе ея отъ нижней кожи, такъ какъ, будучи отдѣлена отъ послѣдней, она въ полномъ смыслѣ расплзается.

Многіе виды обладаютъ способностью измѣнять цвѣтъ; можно наблюдать, что ихъ кожа до извѣстной степени, нерѣдко даже совершенно, подходитъ подъ цвѣтъ окружающей обстановки и достоверно также, что чувственныя возбужденія, напримѣръ половыя и всякія другія могутъ выражаться измѣненіемъ цвѣта, но до сихъ поръ еще достаточно не установлено, играетъ ли въ этомъ случаѣ какую-нибудь роль воля животныхъ.

Строеніе позвоночника чрезвычайно просто, голова сильно сплющена, такъ какъ небныя и скуловые кости очень удлинены и глазничныя впадины лежатъ почти горизонтально, затѣмъ слѣдуетъ замѣтно сплющенный черепъ, потомъ шея, въ

тѣсномъ смыслѣ слова, только тѣмъ и выражающаяся, что въ ней можно различить одинъ только шейный позвонокъ-атлантъ. Спинной хребетъ состоитъ изъ 7, очень рѣдко изъ 6 позвонковъ, которые, въ виду отсутствія различія между грудными и брюшными позвонками, не требуютъ дальнейшей характеристики. Крестцовый позвонокъ имѣетъ два круглыхъ или плоскихъ треугольных отростка, посреди которыхъ прикрѣпляется длинный пруть хвостца, а по бокамъ таковыя же округленныя снизу и сзади тазовыя кости. Переднія конечности сочленяются съ хрящевымъ пояскомъ, прикрѣпляющимся къ позвоночнику мягкими частями. Поясъ состоитъ снизу изъ передней и задней ключицъ и грудной кости, распадающейся на нѣсколько частей. Реберъ у земноводныхъ нѣтъ, за исключеніемъ одного семейства - дискоязычныхъ, такъ какъ собственно ребрами длинные поперечные отростки позвонковъ назвать нельзя. Локтевая и лучевая кости сливаются въ одну кость, обѣ берцовыя точно также; часть плюсневыхъ костей

Скелетъ лягушки.

соединяются, образуя слѣдующій отдѣлъ ногъ, соответствующій «плюснѣ» птицъ, причемъ двѣ длинныя кости являются прыгательными и пяточными костями. У многихъ лазающихъ лягушекъ встрѣчаются такъ называемыя придаточныя суставы, маленькія косточки, находящіяся всегда между предпоследнимъ и последнимъ суставомъ, какъ переднихъ, такъ и заднихъ ногъ; онѣ служатъ для удерживанія падающаго при прыжкѣ тѣла и такимъ образомъ ослабляютъ силу паденія. На верхней челюсти обыкновенно, на сошникѣ же час-

то, а на небныхъ костяхъ и нижней челюсти въ исключительныхъ случаяхъ имѣются маленькіе крючковатыя зубы. Языкъ рѣдко приростаетъ совершенно къ нижней части рта, большею же частью укрѣпленъ своимъ переднимъ концомъ въ переднемъ углу нижней челюсти, задній же конецъ его свободенъ, такъ что языкъ можетъ выбрасываться наружу. Пищеводъ коротокъ, желудокъ длинный и кожистый, кишечникъ имѣетъ мало завитковъ. Изъ почекъ идутъ мочеточники въ особый резервуаръ, разсматриваемый какъ мочевой пузырь моча представляетъ собою жидкость, по чистотѣ близкую къ водѣ, безъ ощутительнаго вкуса, и, безъ сомнѣнія, служить у всѣхъ земноводныхъ столь необходимой запасной влагой на случай сухого времени. Отсюда уже мочеточники идутъ въ клоаку. Почти всѣ безхвостыя земноводныя имѣютъ очень большія мѣшковидныя легкія и хорошо развитой объемистый голосовой аппаратъ, весьма нерѣдко имѣющій замѣтный гортанный язычекъ и часто снабженный особеннымъ непарнымъ или парнымъ горловымъ мѣшкомъ или резонаторомъ, открывающимся внутрь или наружу и служащимъ для усиленія громкаго голоса, Мозгъ, въ сравненіи съ малой величиной тѣла, довольно объемистъ.

Что касается до распространенія около 1000 принадлежащихъ сюда видовъ, обнимающихъ собою отрядъ безхвостыхъ земноводныхъ, то ко всему вышесказанному намъ придется прибавить немного.

По Буланже, только дискоязычныя могутъ разсматриваться, какъ животныя, свойственныя палеарктической области, хотя одинъ представитель этой группы живетъ въ Новой Зеландіи. Остальные палеарктическіе роды принадлежатъ къ семействамъ водяныхъ лягушекъ, жабъ, древесницъ и чесночницъ, при чемъ число представителей подвижногрудыхъ и неподвижногрудыхъ формъ почти одинаково.

Что касается до обѣихъ палеарктическихъ областей, то западно-европейская особенно богата чесночницами и дискоязычными, для азиатской же характерными являются представители рода веслоногихъ. Съ сѣверо-американской областью палеарктическая не имѣетъ сходства даже въ видахъ, но многія лягушки и жабы Старога Свѣта чрезвычайно близки къ американскимъ формамъ.

Сѣверо-американская область особенно богата настоящими лягушками и квакшами; жабы и чесночницы распространены въ ней менѣе. На югѣ распространяются узкорылыя и лягушки Новаго Свѣта съ немногими видами сѣверо-американской фауны.

Африканская область характеризуется, кромѣ двухъ родовъ жабъ, только неподвижногрудыми формами и рѣдкимъ безъязычнымъ родомъ *Xenopus*. Изъ 20 родовъ настоящихъ лягушекъ Африкѣ свойственны 17, между ними богатый видами родъ *Carria*, который, имѣя организацію лягушекъ, ведетъ образъ жизни древесницъ. Здѣсь живетъ много видовъ рода *Rana*. Мадагаскарская область особенно интересна смѣшанной фауной изъ африканскихъ, индійскихъ и тропическо-американскихъ формъ. Такъ, индійская фауна выразилась многочисленными веслоногими, южно-американская — родомъ *Mantella* изъ древесницъ, въ то время какъ представители подвижногрудыхъ, несмотря на присутствіе многочисленныхъ видовъ, живущихъ, подобно древесницамъ, на деревьяхъ, на Мадагаскарѣ неизвѣстны.

Индійская область по своей фаунѣ безхвостыхъ земноводныхъ имѣетъ неопытное сходство съ Африкой, тогда какъ сходство съ Австраліей весьма незначительно, хотя она и тѣсно связана географически съ послѣдней группой Моллукскихъ острововъ. Изъ неподвижногрудыхъ преобладаютъ настоящія лягушки и узкорылыя, жабъ встрѣчается нѣсколько больше, чесночницъ и древесницъ почти совершенно нѣтъ. На пятнистую жабу нужно смотрѣть какъ на пришельца изъ Европы, который распространился до сѣверныхъ частей Индіи.

Самая богатая безхвостыми земноводными страна — тропическая Америка; она обладаетъ четырьмя девятью всѣхъ извѣстныхъ видовъ. Лягушці Новаго Свѣта и квакши преобладаютъ настолько, что составляютъ половину всей ея фауны земноводныхъ; изъ остальныхъ многочисленны жабы и узкорылыя, а также древесницы; напротивъ, настоящія лягушки рѣдки; Южной Америкѣ свойственна пыла суринамская. Съ австралійскимъ райономъ тропическо-американскій имѣетъ то сходство, что подвижногрудыя въ немъ необыкновенно преобладаютъ надъ неподвижногрудыми.

Наконецъ, что касается до австралійской области, то и здѣсь мы встрѣчаемъ чрезвычайное преобладаніе лягушекъ Новаго Свѣта, жабъ и квакшъ, слѣдовательно подвижногрудыхъ формъ. Въ австралійско-малайской области 12 неподвижногрудыхъ формъ, принадлежащихъ настоящимъ лягушкамъ и узкорылымъ, и три вида чесночницъ относятся къ индійскимъ, а 11 квакшъ къ австралійскимъ формамъ. Небольшіе острова Тихаго Океана, Соломоновы и Каролинскіе острова и острова Фиджи населены своеобразными рогатыми лягушками, крупными настоящими лягушками и другими формами послѣдняго семейства, на ряду съ квак-

шам; одна настоящая жаба живетъ на Сандвичевыхъ островахъ. На Новой Каледоніи нѣтъ ни одного земноводнаго, въ Новой Зеландіи живетъ только одинъ представитель этого класса — одна дискоязычная форма, слѣдовательно представитель одного изъ семействъ палеарктической области.

По Буланже, по всѣмъ шести главнымъ областямъ распространены жабы и настоящія лягушки; квакши и узкорылыя свойственны 5 областямъ, чесночницы—4-мъ, лягушки Новаго Свѣта—3-мъ, древесницы и дискоязычныя—2-мъ, наконецъ пипы и шпорцевыя лягушки только одному.

Слѣдовательно, за исключеніемъ полярныхъ областей, безхвостыя земноводныя являются космополитами, не отсутствуютъ ни въ одной части свѣта. даже ни въ одномъ поясѣ широты и долготы и достигаютъ своего наибольшаго развитія въ тропическихъ странахъ. Онѣ менѣе другихъ земноводныхъ связаны съ опредѣленнымъ мѣстомъ, такъ какъ организація тѣла ихъ допускаетъ свободныя движенія. Весьма немногіе виды остаются навсегда жить въ водѣ, въ которой прошла ихъ юность; большинство безпрестанно кочуетъ, хотя и по ограниченному району, само собою разумѣется, если онѣ могутъ имѣть столь необходимую для нихъ влажность. Мѣстопребываніе ихъ бываетъ настолько разнообразно, насколько то доступно для земноводныхъ вообще. Лягушки живутъ по берегамъ водъ, на лугахъ, поляхъ, въ заросляхъ кустарниковъ и на деревьяхъ, забираются между травой и листьями, въ дыры подъ камни, короче—обитаютъ повсюду, гдѣ только могутъ найти подходящій укромный уголокъ и въ особенности насѣкомыхъ для ѣды. Однако лѣтняя жизнь ихъ существенно отличается отъ зимней, все равно выражается-ли зима наступленіемъ холодовъ или засухи. У насъ нѣкоторыя виды, особенно самцы, осенью снова зарываются въ иль прудовъ и проводятъ тамъ все холодное время года въ непробудной спячкѣ. Въ южныхъ странахъ сухое время года также вынуждаетъ этихъ животныхъ прятаться, но здѣсь они перезимовываютъ не только на значительной глубинѣ подъ поверхностью земли, куда только могутъ забраться, пока почва была илистая, но, подобно другимъ европейскимъ видамъ, подобно самкамъ и всѣмъ молодымъ формамъ, зарывающимся въ иль, проводятъ зиму въ земляныхъ норахъ, подъ камнями, въ дуплахъ деревьевъ, въ трещинахъ и между корнями деревьевъ. Въ этотъ періодъ вынужденнаго покоя, вплоть до наступленія благоприятнаго времени года лигвообразныя питаются на счетъ собственнаго питательнаго матерьяла, именно — накопленнаго въ ихъ печени. Наступаетъ весна, онѣ появляются одновременно, внезапно и массами, такъ что нѣтъ ничего удивительнаго, что несвѣдующіе люди объясняютъ появленіе безчисленнаго множества этихъ животныхъ, о присутствіи которыхъ день назадъ не было и намека, паденіемъ ихъ съ неба съ первыми дождями послѣ зимы. Основной чертой образа жизни всѣхъ безхвостыхъ земноводныхъ, живущихъ у воды или на водѣ, является общественность; однако они никогда не вступаютъ въ тѣсное общеніе между собой, какъ это имѣетъ мѣсто у выше организованныхъ позвоночныхъ: каждое живетъ само по себѣ, нисколько не помышляя о другихъ. Лягушки, живущія на деревьяхъ или около нихъ, и жабы соединяются въ настоящемъ смыслѣ этого слова только въ пору спариванія и, если въ другое время на одномъ мѣстѣ замѣчаютъ одновременно дѣйствительно большое скопленіе такихъ животныхъ, то такое сборище исключительно объясняется или особенно подходящими условиями для ихъ жизни, или присутствіемъ обильной для нихъ добычи. Преимущественной пищей безхвостыхъ земноводныхъ служатъ насѣкомыя, червяки, улитки; они ѣдятъ также рыбу икру и мелкихъ рыбешекъ. Крупныя виды этого отряда рѣшаются преслѣдовать даже мелкихъ млекопитающихъ и

птиць. Одна крупная лягушка, живущая на Соломоновыхъ островахъ (*Rana gurruí*), длина самцовъ которой равняется 10, самокъ 21 см., считая отъ конца рыла и до заднепроходнаго отверстія, питается исключительно крупными раками. Какъ настоящія хищныя животныя, безхвостыя земноводныя питаются только живой и лично пойманной добычей и нисколько не стѣсняются приносить въ жертву своей прожорливости молодыхъ животныхъ ихъ же, вида или же, по крайней мѣрѣ, близко родственнаго имъ вида. Нѣкоторыя квакши, напримѣръ, австралійская золотистая квакша (*Hyla aurea*), по Креффту, почти исключительно питаются другими земноводными, а именно тѣми же древесными лягушками; южно-американскія рогатыя жабы и многія индійскія чесночницы также обыкновенно ѣдятъ только мелкихъ лягушекъ; наши же крупныя зеленыя лягушки и жабы при удобномъ случаѣ ведутъ себя отнюдь не иначе.

Изъ всѣхъ жизненныхъ отправленій этихъ животныхъ наиболее достойно вниманія ихъ оплодотвореніе. Та заботливость по отношенію къ своему потомству, о которой я уже говорилъ, относится преимущественно къ сочленамъ этого отряда. У многихъ безхвостыхъ земноводныхъ самецъ играетъ важную роль въ размноженіи, не только какъ оплодотворитель яицъ, но и какъ помощникъ при выпусканіи ихъ и даже какъ воспитатель. Число яицъ, откладываемыхъ самкой, часто бываетъ необыкновенно велико, благодаря чему беременная самка передъ кладкой становится необыкновенно толстой, такъ какъ яйца достигаютъ своей полной зрѣлости еще до оставленія тѣла матери и совершенно наполняютъ яйцеводы. Во время откладыванія икры самецъ въ полномъ смыслѣ слова является помощникомъ самкѣ. Онъ садится къ ней на спину, обхватываетъ ее своими передними ногами у бедеръ, смотря по виду животнаго, и такъ сдавливаетъ тѣло, что, благодаря этому нажиманію, яйцеводы освобождаются отъ своего содержимаго. Эти объятія у сѣрыхъ, проворныхъ и другихъ лягушекъ могутъ дойти до того, что въ результатѣ ихъ является смерть самки. Геронъ-Руайе доказалъ, что при продолжительномъ нажиманіи большихъ пальцевъ самца, послѣдніе иногда совершенно протыкали грудную клѣтку самки. При выходѣ яйца окружаются еще въ яйцеводѣ слизистой оболочкой и оплодотворяется самцомъ тотчасъ послѣ выхода. Превращеніе личинокъ, которыя теперь научились различать по ротовымъ частямъ и по положенію заднепроходнаго отверстія, въ взрослыхъ животныхъ совершается уже описаннымъ способомъ, причемъ слѣдуетъ отмѣтить, что сначала появляются заднія конечности, а хвостъ, остающійся у саламандровыхъ, у безхвостыхъ мало по малу укорачивается и, наконецъ, совершенно исчезаетъ. За исключеніемъ повитухи, всѣ личинки европейскихъ земноводныхъ, по изслѣдованіямъ Тиле, имѣютъ особые придатки, лежащіе на нижней части вблизи рта; положеніе и форма этихъ придатковъ служатъ у нѣкоторыхъ видовъ отличительными признаками. Эти образованія свойственны исключительно головастикамъ и остаются всего 1—2 недѣли, пропадая послѣ этого совершенно безслѣдно. Эти прицѣпки имѣютъ железистый характеръ и выдѣляютъ жидкость, которая и служитъ для прикрѣпленія личинки; онѣ не являются присосками и не имѣютъ никакого отношенія къ дыханію. Въ дальнѣйшихъ стадіяхъ развитія личинка, вмѣстѣ съ организаціей рта, приобретаетъ губообразныя утолщенія съ своеобразными роговыми зубами, которые и служатъ временными органами прикрѣпленія. По опытамъ Юнга, одной растительной пищи недостаточно для того, чтобы головастикъ развился въ лягушку; для этого необходимы еще и бѣлковыя вещества, въ которыхъ, впрочемъ, рѣдко бываетъ недостатокъ въ донномъ илѣ тѣхъ водъ, гдѣ живутъ личинки лягушекъ. Всѣ личинки лягушекъ питаются различной смѣсью разложившихся животныхъ и растительныхъ веществъ. Превра-

шеніе длится 3, 4, 5 мѣсяцевъ и дольше, послѣ чего лягушата, походя формой на своихъ родителей, покидаютъ воду и начинаютъ вести образъ жизни взрослыхъ.

Таково обычное правило, но дѣло не обходится безъ исключеній. По Флетчеру, австраійскія безхвостыя земноводныя, за исключеніемъ двухъ видовъ *Pseudophryne*, откладываютъ свои яйца обыкновеннымъ образомъ, но время откладыванія икры не у всѣхъ одинаково коротко и не столько зависитъ отъ времени года, какъ это бываетъ у европейскихъ лягушекъ, сколько связано съ дождями, падающими въ Австраліи весьма неравномѣрно. У извѣстныхъ видовъ, впрочемъ, періодъ размноженія падаетъ на опредѣленное время, но икру можно находить круглый годъ.

Точно также различныя безхвостыя земноводныя относятся къ выбору воды. Въ то время, какъ одни откладываютъ яйца въ прудахъ, канавахъ и лужахъ, которыя содержатъ въ себѣ воду, по крайней мѣрѣ, во время развитія ихъ личинокъ, другія довольствуются болѣе незначительнымъ количествомъ воды, собирающейся между листьями или въ дуплахъ деревьевъ, иныя же вовсе не кладутъ яицъ въ воду. Соленая или полусоленая вода препятствуетъ развитію; уже въ водѣ, содержащей только одну часть на сто поваренной соли, всѣ зародыши, по опытамъ Раубера, погибли; однако Юнгъ при меньшемъ содержаніи соли въ водѣ наблюдалъ развивавшихся лягушатъ. Въ этомъ отношеніи самыми крѣпкими и умѣющими примѣняться къ условіямъ являются пятнистая жаба и зеленая лягушка. Въ заросляхъ кустарниковъ, вдоль песчаныхъ береговъ Бразиліи, по наблюденіямъ принца фонъ Видъ, день и ночь слышатся громкіе не одинаково сильные, глухіе и обрывистые, но частые голоса одного вида лягушекъ, носящаго названіе «сапо», и если идти на этотъ голосъ, то находишь животное между листьями бромелій, въ которыхъ всегда собирается вода, остающаяся даже во время самой сильной засухи и жары въ видѣ черной грязной жидкости; но послѣ продолжительнаго дождя вода становится чистой и обильной и даже можетъ быть употреблена для питья. «Въ такихъ скопленіяхъ воды въ листовыхъ пазухахъ растений выше названная лягушка откладываетъ свои яйца, что мы, къ удивленію, и встрѣчали, когда въ январѣ, чувствуя недостатокъ въ водѣ и, изнуренные зноемъ, отыскивали эту воду и наполняли ею наши сосуды для питья. Впрочемъ, маленькіе уже выплывшіеся головастики намъ не мѣшали пить эту воду, такъ какъ мы процѣживали ее черезъ платокъ и прибавляли немного лимоннаго соку и сахару, утоляя этимъ напитокомъ свою жажду, когда въ полуденные часы знойнаго январскаго дня, совершенно изнуренные путешествіемъ, мы располагались въ удушливой тѣни кустовъ на отдыхъ. Можно перевернуть листья бромелій, откуда слышится крикъ этихъ лягушекъ, и вылить оттуда воду вмѣстѣ съ насѣкомыми и рачками (послѣдніе тоже благополучно живутъ здѣсь), сапо же залѣзаетъ все глубже и глубже между листьями и сидитъ такъ крѣпко, что для того, чтобы отыскать ее, нужно отрывать листья одинъ за другимъ. Другія лягушки совершенно удовлетворяются дупломъ какого-либо дерева, гдѣ онѣ находятъ довольно пространства и имѣютъ достаточно времени для полнаго превращенія ихъ личинокъ». — «Я нѣсколько разъ былъ разбуженъ», рассказываетъ Шомбургкъ, «рѣзкимъ мычаніемъ, имѣвшимъ много сходства въ мычаніемъ коровы, повторяемымъ послѣ короткихъ правильныхъ промежутковъ; это мычаніе возбуждало во мнѣ самыя странныя догадки по поводу обладателя этого совершенно чуждаго для меня голоса. Съ нетерпѣніемъ я ждалъ возвращенія туземцевъ. Получивъ на мой вопросъ отвѣтъ, что мычаніе издавалось лягушкой, я думалъ, что людямъ захотѣлось подурочить меня, однако, несмотря на мои сомнѣнія, карибы настаивали, что это была лягушка конобо-ару,

водящаяся на извѣстномъ видѣ деревьевъ, стволы которыхъ внутри пустыя и наполнены водою, въ чемъ они и предложили мнѣ немедленно убѣдиться самому. Я тотчасъ-же пошелъ въ ближайшій лѣсъ низменности, и вскорѣ мы уже стояли передъ однимъ видомъ изъ семейства липовыхъ съ крупными листьями; деревья эти я еще нигдѣ не встрѣчалъ, а при ближайшемъ изслѣдованіи опредѣлилъ за новый родъ (*Bodelschvingia*). Одна изъ особенностей этого дерева заключается въ томъ, что стволъ, достигнувъ извѣстной толщины, дѣлается внутри пустымъ. Одинъ изъ индѣйцевъ залѣзъ на дерево, чтобы заткнуть круглую дыру въ сучкѣ, находившуюся на высотѣ около 12 м., послѣ чего принялись за дѣло и всѣ остальные, и дерево было повалено. Пустой стволъ былъ обильно наполненъ водою, въ которой мы нашли, если и не самого нарушителя нашего покоя, то около 20 штукъ его головастикавъ. Наши поиски за отцомъ или матерью ихъ на этотъ разъ были бесплодны, и я долженъ былъ отложить свои надежды до наступленія ночи, когда, по увѣренію моихъ спутниковъ, можно вновь найти эту лягушку, открывъ ея присутствіе по мычанію. Я долженъ сознаться, что давно не дожидался вечера съ такимъ нетерпѣніемъ, какъ въ этотъ разъ. Было, вѣроятно, 9 часовъ, когда среди глубокой тишины раздался снова голосъ лягушки. Захвативъ факель, я, въ сопровожденіи одного кариба, поспѣшилъ на голосъ, который и привелъ меня къ тому же поваленному дереву. Яркій свѣтъ факела, повидимому, ослѣпилъ животное и оно спокойно позволило взять себя. Это была красивая и крупная мѣстная лягушка».

Еще интереснѣе условія, въ которыхъ совершается превращеніе западно-африканской лазающей лягушки. Въ Камерунѣ, въ послѣдніе дни іюня, на листьяхъ низкаго дерева, стоявшаго наполовину въ водѣ, Бухгольцъ видѣлъ нѣсколько довольно крупныхъ бѣлыхъ шаровъ, оказавшихся при ближайшемъ осмотрѣ рыхлой, отвердѣвшей въ воздухѣ, пѣнистой массой, и полагалъ найти въ нихъ какое-либо насѣкомое. Онъ былъ немало удивленъ, найдя вмѣсто послѣдняго свѣжевылупившихся изъ яицъ головастикавъ, находившихся въ жидкой бѣлковой массѣ въ довольно большомъ количествѣ. При подробномъ осмотрѣ, онъ замѣтилъ и яйца, хотя разбросанныя всюду по всему тѣстообразному комку, но все-таки очень многочисленныя, раньше ускользнувшія отъ его вниманія, благодаря ихъ прозрачности. Чтобы прослѣдить дальнѣйшее развитіе, этотъ ученый взялъ пѣнистый комокъ къ себѣ-домой и заботливо сохранялъ его на тарелкѣ. Черезъ нѣсколько времени онъ убѣдился, что въ теченіи 3—4 дней изъ большинства яицъ вылупились личинки, причемъ большая часть пѣнистой массы обратилась въ жидкость. Съ этихъ поръ молодыя животныя плавали въ этой жидкости, получили длинный вилообразный хвостъ и жаберныя вѣтви и вели себя совершенно, какъ обыкновенныя головастики, причемъ, перенесенныя въ воду, продолжали развиваться обычнымъ путемъ. Слѣдовательно, пѣнистая масса очевидно соотвѣтствовала студенистой слизистой оболочкѣ, въ которой въ другихъ случаяхъ мы видимъ икру лягушекъ, отложенную въ водѣ, но, видимо, масса эта не въ состояніи прокормить личинку болѣе одного дня послѣ вылупленія, и дальнѣйшій ростъ долженъ продолжаться уже въ водѣ. Бухгольцъ предполагаетъ, безъ сомнѣнія совершенно основательно, что молодыя личинки вмѣстѣ съ жидкою массою смываются дождемъ съ вѣтвей деревьевъ въ воду и такимъ образомъ попадаютъ въ эту родную и гостеприимную для всѣхъ земноводныхъ стихію. Начиная съ упомянутаго времени и до іюля, вышеназванный натуралистъ наблюдалъ такія же пѣнистыя массы на различныхъ другихъ прибрежныхъ деревьяхъ и часто на высотѣ 3 м. и выше такія массы нерѣдко слѣпляли собою нѣсколько листьевъ.

Виновицею этихъ комковъ икры Бухгольцъ считаетъ бурю лазающую лягушку (*Chiromantis rufescens*), принадлежащую къ семейству настоящихъ лягушекъ и водящихся на тѣхъ же деревьяхъ. Такъ какъ откладываніе икры всегда совершалось ночью, то прослѣдить его было очень трудно. Наконецъ рано утромъ нашъ натуралистъ былъ чрезвычайно обрадованъ, найдя одну лягушку у самой икры. Объемомъ своимъ масса смѣло равнялась величинѣ отложившей ее самки но была еще полужидкая съ вязкой пѣнистой оболочкой и застыла на воздухѣ только по прошествіи дня. Совершенно такъ же описываютъ кладку икры у *Philot-medusa iheringi*, одной бразильской представительницы семейства квакшъ, и у одной японской веслоногой лягушки (*Rhacophorus schlegeli*), которая, какъ и африканская лазающая лягушка, живутъ, повидимому, исключительно на деревьяхъ.

Однако послѣ отложенія яицъ, не всѣ безхвостыя земноводныя перестаютъ принимать участіе въ своемъ потомствѣ; напротивъ, есть такіе виды, у которыхъ какъ самцы, такъ и самки играютъ особенную роль. Самки нѣкоторыхъ видовъ имѣютъ на спинѣ мѣшокъ или ячеистую кожу, служащія для воспріятія оплодотворенныхъ яицъ, а также надежнымъ пріютомъ головастиковъ въ ихъ раннюю пору развитія. Этотъ мѣшокъ или ячеистая кожа наполняются самкой яйцами, или самецъ наматываетъ на свои бедра и заднюю часть тѣла студенистые шнуры икры и такимъ образомъ беретъ на себя обязанности матери. У первыхъ безхвостыхъ земноводныхъ молодые часто проводятъ всю личиночную жизнь въ этомъ мѣшкѣ или ячейкахъ, у послѣднихъ формъ самецъ волочитъ за собой икру только до вылупленія личинокъ и затѣмъ оставляетъ ее въ водѣ, гдѣ молодые головастики и развиваются далѣе. О попеченіяхъ и заботахъ о своемъ потомствѣ другихъ видовъ мы не разъ еще будемъ говорить на слѣдующихъ страницахъ.

У безхвостыхъ земноводныхъ превращеніе головастиковъ также можетъ быть задержано различными и даже чрезвычайно незначительными обстоятельствами. Такъ, Мартенсъ получилъ въ ноябрѣ и даже 17 декабря живыхъ личинокъ чесночницъ, жившихъ вмѣстѣ съ другими подобными имъ личинками въ пруду съ такимъ отвѣснымъ берегомъ, что они не могли оставить воды, и очень вѣроятно, что это то и задержало ихъ развитіе; однако можетъ быть въ этомъ случаѣ все зависѣло отъ недостатка въ животной пищѣ. Рёзель, наблюдавшій личинки въ подходящихъ условіяхъ, установилъ, что со времени откладыванія икры въ апрѣлѣ и до исчезновенія хвоста и оставленія воды почти никогда не проходятъ болѣе 3-хъ мѣсяцевъ, такъ какъ послѣднее обыкновенно бываетъ въ концѣ іюля, а именно, по его увѣренію, наступаетъ даже въ томъ случаѣ, если личинки бываютъ вынуждены съ мѣсяцъ поститься. Но стадіи личинокъ, присланныхъ Мартенсу въ ноябрѣ и декабрѣ, были сходны съ таковыми того же вида, какими ихъ встрѣчаютъ въ концѣ іюня. Холодная погода или очень холодная вода задерживаетъ развитіе личинокъ. Это фактъ установленный. Такъ называемыя исполинскія личинки, 80 или болѣе сантиметровъ длиною, встрѣчаются среди нѣмецкихъ земноводныхъ, только у чесночницы, повитухи и у озерной лягушки. Головастики лягушекъ, развивающіеся въ высоколежащихъ горныхъ бассейнахъ, нерѣдко бываютъ вынуждены зимовать, не закончивъ своего превращенія, и могутъ покинуть воду только ближайшей весной. По Камерано, это обыкновенно случается съ тѣми лягушками, мѣстонахожденіе которыхъ лежитъ выше 1800 м.

Безхвостыхъ земноводныхъ слѣдуетъ причислить въ большинствѣ случаевъ къ живымъ и бодрымъ животнымъ, которая, такъ же какъ и другія земноводныя, ведутъ ночную жизнь; однако часть ихъ проявляетъ дѣятельность и днемъ, чего мы не встрѣчаемъ у другихъ отрядовъ этого класса. Подвижностью своею они пре-

восходятъ всѣхъ своихъ родичей: ходятъ лучше нихъ, прыгаютъ сравнительно большими скачками и необыкновенно ловко; австралійскія квакши (*Hyla*) нерѣдко дѣлаютъ прыжки въ ростъ человѣка, почему Креффтъ назвалъ ихъ «кэнгуру между лягушками»; малайскія веслоногія лягушки (*Rhacophorus*) могутъ поспорить съ летягами, благодаря необыкновенно развитымъ плавательнымъ перепонкамъ, служащимъ имъ парашютомъ во время прыжковъ. Плаваютъ и ныряютъ безхвостыя земноводныя превосходно; они могутъ также оставаться цѣлѣй часъ на днѣ, задержавъ дыханіе; они зорко видятъ, хорошо слышатъ и обнюхиваютъ, несмотря на видимую нечувствительность, не лишены способности къ осязанію, а равно и чутья, причѣмъ весьма вѣроятно обладаютъ, хотя и въ незначительной степени, чувствомъ вкуса. Въ то время, какъ въ другихъ сородичахъ ихъ по классу трудно найти хотя бы слѣды высшаго проявленія умственныхъ способностей, безхвостыя земноводныя, наоборотъ, проявляютъ способность распознаванія мѣстности; опытъ развиваетъ въ нихъ умѣніе различать предметы, развиваетъ память и сообразительность; они становятся осторожными и пугливыми по отношенію къ другимъ животнымъ, даже, если то нужно, проявляютъ нѣкоторую хитрость при избѣжаніи опасности или ловли добычи. Свои громкіе крики они, видимо, издаютъ съ наслажденіемъ, что, очевидно, можно заключить по ихъ хорошо развитому слуху и ихъ вечернимъ музыкальнымъ упражненіямъ. Благодаря всѣмъ этимъ качествамъ, безхвостыя земноводныя обращаютъ на себя наше вниманіе болѣе всѣхъ другихъ сородичей. Невольно приходишь къ убѣжденію, что это—бодрья и жизнерадостныя животныя, съ наслажденіемъ предающіяся проявленію своихъ чувствъ, выражающія это наслажденіе громкими криками и старающіяся своими голосами дать знать всему окружающему міру о своихъ чувствахъ.

Голоса ихъ, правда, не такъ разнообразны, не такъ богаты звуками, не такъ звонки и измѣнчивы, какъ нѣкіе птицъ, но не уступаютъ во многомъ голосамъ большинства млекопитающихъ и во всѣхъ отношеніяхъ превосходятъ голосъ ящерицъ гекко. Можно услышать въ ихъ голосахъ всѣ переходы отъ громкаго мычанья и до чирикаванія, отъ пронзительнаго свиста и до глухихъ стоновъ. Однѣ издаютъ рѣзкое кряхтѣніе, звучно перекликаются другія, словно кузнечики стрекочатъ третьи, а иныя режутъ какъ быки; огненные жерлянки заливаются отрывистымъ колокольчикомъ, а крикъ прудовой лягушки переливается всевозможными голосами. Въ дѣвственныхъ лѣсахъ Южной Америки крики безхвостыхъ земноводныхъ относятся къ самымъ характернымъ звукамъ; въ тропическихъ странахъ Азіи, Африки, въ Австраліи даже въ Европѣ мы замѣчаемъ то же самое. Словно крикъ какой-то неизвѣстной птицы раздается ночью крикъ пятнистой жабы (*Bufo viridis*) западно-азіатскихъ степей, словно удары бубенъ раздаются крики одной лягушки, водящейся въ центральной Африкѣ. Другая лягушка изъ тѣхъ же мѣстъ издаетъ глухой гулъ, похожій на звукъ струны контробаса; одна форма лаетъ какъ собака, а иныя пищатъ какъ волюнка. Голосъ одной изъ южноамериканскихъ формъ лягушекъ *Paludicola falcipes*, по словамъ Гензеля, подражаетъ сверчку, крикъ другого вида (*Paludicola biligonigera*) похожъ на рѣдкія рыданія, которыя звучатъ, подобно отдаленному крику маленькаго ребенка, или можетъ быть принять за крикъ цикады; крикъ третьяго вида есть звонкое бульканіе, подобное тому, которое слышится при выливаніи воды изъ сосуда съ узкимъ горлышкомъ; крикъ одной жабы есть трель самыхъ низкихъ нотъ; голосъ одной квакши напоминаетъ собой звукъ маленькаго колокольчика, голосъ другой подобенъ звукамъ удара молотка о жель. Однимъ словомъ, каждый видъ кричитъ по своему; какъ бы ни непріятны были эти звуки для нашего уха, они все-же всегда и вездѣ

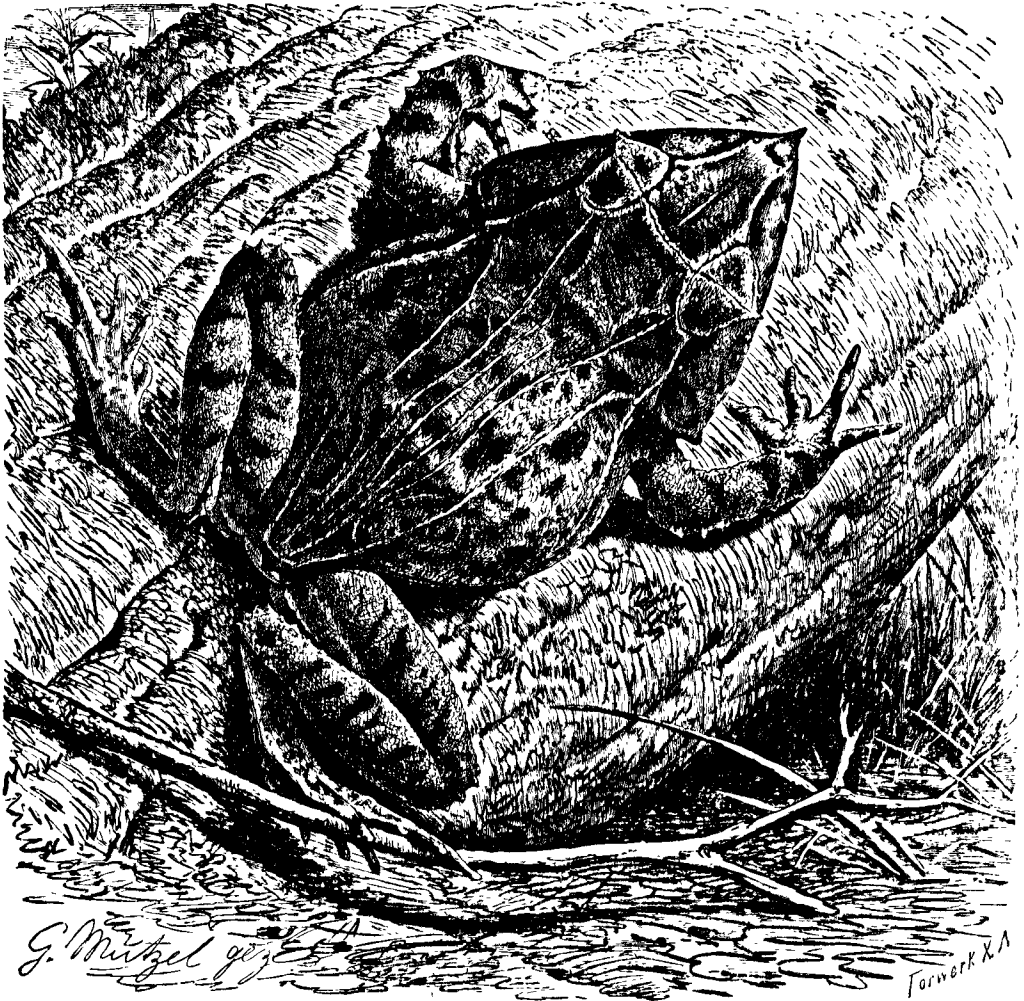
есть выраженіе, если и не веселаго настроенія, то все же удовольствія, испытываемаго животнымъ и всегда всего громче бываютъ въ ту пору, когда въ теплую погоду въ воздухъ начинается пахнуть дождемъ.

На ряду съ ихъ беззаботной веселостью, свойственной всѣмъ безхвостымъ земноводнымъ, даже ненавистнымъ жабамъ и крикуньямъ жерлянкамъ, они заслуживаютъ нашего расположенія своей безвредностью, даже полезной дѣятельностью, значеніе которой мы еще такъ мало пѣнимъ. Только крупные виды могутъ временами приносить намъ незначительный вредъ; всѣ остальные приносятъ намъ, вѣроятно, больше пользы, чѣмъ преслѣдующія ихъ животныя. Мясо ихъ также не изъ плохихъ; это знаютъ не только французы, по кулинарной части дающіе тонъ другимъ націямъ, но и жители Амбо въ юго-западной Африкѣ и даже туземцы Австраліи, которые съ факелами ловятъ ночью сотни древесныхъ лягушекъ одного вида и съ удовольствіемъ ѣдятъ ихъ. Знали ли, задаетъ вопросъ Креффтъ, у котораго я и заимствую послѣднія данныя, злополучные Бурке и Вилльсъ, погибнувшіе отъ голода во время своего научнаго путешествія въ глубь Австраліи, какое спасительное средство представляли для нихъ лягушки? Но, быть можетъ, эти жертвы науки придерживались общаго всѣмъ намъ мнѣнія и даже передъ лицомъ смерти отказали себѣ въ столь же вкусно, какъ и здоровомъ блюдѣ, которое можно приготовить изъ лягушечьихъ бедеръ.

Буланже, классификаціи земноводныхъ котораго мы будемъ придерживаться, подраздѣляетъ безхвостыхъ земноводныхъ на два подотряда, **Язычныхъ** (Phaneroglossa. Zungenfrösche) и **Безъязычныхъ** (Aglossa. Zungenlosen). Язычныя (Phaneroglossa), къ которымъ принадлежитъ наибольшее число нынѣ живущихъ лягушекъ и жабъ, имѣютъ языкъ и отличаются отъ безъязычныхъ еще тѣмъ, что съ каждой стороны на небѣ ихъ имѣется обособленный выходъ внутренняго ушнаго отверстия,—такъ называемая евстахіева труба. Насколько извѣстно, всѣ лягушки этого подотряда въ послѣднее время личиночной стади имѣютъ только одну дыхательную трубку (Spigaculum), отверстіе которой лежитъ на лѣвой сторонѣ тѣла. Однѣ дискоязычныя являются въ этомъ случаѣ исключеніемъ, заслуживающимъ вниманія, и дыхательная трубка у нихъ лежитъ по срединѣ груди.

Язычныя, въ свою очередь, по организаціи плечевого пояса весьма рѣзко раздѣляются на двѣ группы, изъ которыхъ лягушекъ, принадлежащихъ къ первой группѣ, мы назовемъ **Неподвижногрудыми** (Firmisternia. Starrbrustfrösche); онѣ характеризуются неподвижностью своего грудного пояса. Лягушки второй группы—**Подвижногрудыя** (Arcifera. Schibbrustfrösche) имѣютъ грудной поясъ, допускающій боковыя движенія. Поясъ, къ которому прикрѣпляются переднія конечности у неподвижногрудыхъ формъ, въ существенныхъ чертахъ состоитъ изъ двухъ вороньихъ костей, плотно связанныхъ между собой срединнымъ или эпикоракоиднымъ хрящемъ; кромѣ того замѣчаются ключицы (praescoracoideum), такъ что каждая изъ нихъ своимъ концомъ, лежащимъ посреди груди, прилегаетъ къ вороньей кости, или связана съ нею уже упомянутымъ выше срединнымъ хрящемъ. Мы должны особенно отмѣтить такое строеніе скелета потому, что оно представляетъ намъ возможность рѣзко отдѣлять другъ отъ друга лягушекъ, по внѣшнему виду совершенно между собою сходныхъ. Въ этихъ двухъ группахъ лягушекъ есть виды съ острыми пальцами на заднихъ ногахъ и плавательными перепонками, приспособленные для жизни въ водѣ, виды, у которыхъ плавательная перепонка сильно уко-

рочена, приспособленная такимъ образомъ больше для жизни на сушѣ, чѣмъ въ водѣ, и наконецъ, такіе виды, у которыхъ имѣются на пальцахъ переднихъ и заднихъ конечностей прищипки. Къ неподвижногрудымъ относятся 6 семействъ: рогатая лягува (*Ceratobatrachidae*. *Zipfelfrösche*), настоящія лягушки (*Ranidae*. *Echte Frösche*), гевиофрининовыя (*Genyophrynidae*. *Genyophryniden*), древесныя лягушки (*Dendrobatidae*. *Baumsteiger*), узкорылыя лягушки (*Engystomatidae*. *Engmäuler*) и

Рогатая лягува. *Ceratobatrachus guentheri*. Наст. вел.

глухія лягушки (*Dyscophidae*. *Taubfrösche*). Въ Европѣ водятся лягушки одного только семейства настоящихъ лягушекъ.

О семействѣ **Рогатыхъ лягувъ** (*Ceratobatrachidae*) мы упомянемъ лишь вкратцѣ, такъ какъ оно характеризуется многими особенностями. У этого семейства и на нижней челюсти есть зубы, а поперечные отростки крестцового позвонка, какъ и у настоящихъ лягушекъ, не разрастаются.

Къ этому семейству принадлежит одинъ только родъ (*Ceratobatrachus*) съ однимъ только видомъ, **Рогатой лягвой** (*Ceratobatrachus guentheri*. Zipfelfrosch. *Sagraud cognu*) съ Соломоновыхъ острововъ, слѣдовательно изъ области германскаго протектората. Голова этой лягвы трехугольная, сплюснутая, необыкновенно большая. съ рыломъ, вытянутымъ въ кожистое остріе, которое и служитъ органомъ осязанія; такіе же острые кончики украшаютъ также и трехугольные вѣки, конецъ спины надъ заднепроходнымъ отверстиемъ и пяточное сочлененіе. Зрачекъ имѣеть яйцевидную форму и лежитъ поперечно; языкъ назади свободенъ и глубоко выемчатъ; сошникъ покрытъ зубами; барабанная перепонка велика и лежитъ свободно,—итакъ мы у нихъ замѣчаемъ всѣ признаки, свойственные настоящимъ лягушкамъ. Кромѣ уже упомянутыхъ кожистыхъ наростовъ, эта удивительная лягушка украшена болѣе или менѣе многочисленными складками кожи, которыя всего обычнѣе располагаются на головѣ. поперечно, по спинѣ же — вдоль, какъ направо, такъ и налѣво. Затѣмъ нерѣдко имѣется узкая, зубчатая кожистая лопасть, окаймляющая наружный край переднихъ и заднихъ лапъ и голени. Вся нижняя часть тѣла покрыта нѣжными, зернистыми бородавочкамп. Видъ этотъ представляетъ различныя разновидности по величинѣ и формѣ своихъ кожистыхъ придатковъ, причемъ чрезвычайно походитъ своей окраской на цвѣтъ окружающей обстановки. Основной цвѣтъ верхней части тѣла можетъ быть желтоватымъ, красноватымъ, буроватымъ, сѣрымъ или оливковымъ, причемъ самый рисунокъ также бываетъ темнѣе или свѣтлѣе. Однако задняя часть верха бедеръ всегда бываетъ темной частью совершенно черной; то же самое нужно сказать о нижней сторонѣ голени и лапы. Горло и брюхо покрыты мраморнымъ рисункомъ изъ болѣе или менѣе многочисленныхъ темно-бурыхъ пятенъ и зигзаговъ; плечи и пахи яркаго желтаго цвѣта; конечности украшены темными поперечными линиями. Максимальная величина самца 7,5, самки 8,6 см.

Гюппи первый открылъ эту оригинальную лягушку, найдя ее въ 1884 году на нѣкоторыхъ островахъ изъ группы Соломоновыхъ, а Буланже познакомилъ насъ съ этимъ земноводнымъ. Объ образѣ жизни рогатой лягвы мы знаемъ еще довольно мало. Первый изъ упомянутыхъ натуралистовъ называетъ ее весьма обыкновеннымъ животнымъ на всѣхъ упомянутыхъ островахъ, говорить, что она настолько подражаетъ своей окраской окружающей обстановкѣ, что одинъ экземпляръ былъ добытъ имъ совершенно случайно: желая опереться, Гюппи положилъ руку на наростъ коры, и вмѣсто послѣдняго рука его схватила лягушку. Но наибольшій интересъ, возбуждаемый этой формой, заключается въ томъ, что развитіе ея, какъ у антильской лягушки, завершается въ замѣчательно крупномъ яйцѣ, изъ котораго животное выдупляется уже четвероногимъ лягушонкомъ.

У второго семейства группы неподвижногрудыхъ, **Настоящихъ лягушекъ** (*Ranidae*. *Echte Frösche*. *Grenouilles*) зубы имѣются только на нижней челюсти; плечевые отростки крестцовогаго позвонка имѣють цилиндрическую форму, къ концу слабо или совсѣмъ не расширяясь. Грудной поясъ у отдѣльныхъ родовъ мало различается, зато форма послѣдняго сустава пальцевъ бываетъ измѣнчива, будучи или просто заостренной, или треугольной или Т-образной или же Y-образной или даже когтевидной, какъ у древесницъ. Позвонки на переднемъ концѣ выемчаты, хвостецъ сочленяется съ крестцомъ двумя мышелками, ребра отсутствуют. 22 рода, различаемые въ этомъ семействѣ, имѣють зрачки, расположенные вертикально или горизонтально, концы пальцевъ переднихъ ногъ бываютъ или остры или снабжены

прицѣпками, наконецъ у нихъ могу присутствовать или отсутствовать между пальцами плавательныя перепонки, причѣмъ въ однихъ случаяхъ онѣ натянуты между всѣми суставами или же только между основными.

Большинство формъ этого семейства претерпѣваютъ обычное превращеніе въ водѣ, проходя въ ней стадію головастика, но есть исключенія, выражающіяся въ томъ, что часть или все развитіе личинки протекаетъ въ особенно крупномъ яйцѣ. Такое исключительное развитіе свойственно видамъ *Rana opisthodon* и *Rhacophorus reticulatus*, о которыхъ рѣчь еще впереди, и можетъ быть еще виду *Cornufer salomonis* съ Соломоновыхъ острововъ, яйцо котораго бываетъ 5 мм. въ поперечникѣ.

Настоящія лягушки массама живутъ въ водахъ умѣренныхъ и жаркихъ странъ, слѣдовательно во всѣхъ частяхъ свѣта, за исключеніемъ, впрочемъ, Австраліи. Ихъ встрѣчаешь всюду, гдѣ есть текуція или стояція воды, ихъ ночные концерты слышатся стовсюду, гдѣ только мѣсто благоприятствуетъ ихъ жизни, такъ какъ наши зеленныя лягушки и родственныя имъ виды живутъ и въ долинахъ и на высотахъ, какъ на текучихъ, такъ и на стоячихъ водахъ, при томъ только условіи, чтобы послѣднія не были слишкомъ солеными. Немало и такихъ формъ этихъ семействъ, которыя, подобно квакшамъ, держатся въ водѣ только въ пору спариванія, но послѣ него живутъ на влажныхъ лугахъ, въ поляхъ и лѣсахъ, быть можетъ, безъ всякой опредѣленной цѣли, проводя свой отдыхъ тамъ, гдѣ застанетъ ихъ день, и съ наступленіемъ сумерекъ снова продолжая свои странствованія. Многіе роды и виды живутъ также на деревьяхъ, подобно настоящимъ квакшамъ, отъ которыхъ по внѣшнему виду почти не отличаются. Странно звучитъ концертъ такихъ лягушекъ для уха чужеземца, впервые вступившаго на почву другой части свѣта, — такъ какъ къ звукамъ, слышаннымъ имъ еще на родинѣ, присоединяются новыя, чуждыя, виновниками которыхъ онъ, хотя и узнаетъ сразу лягушекъ, но въ звукахъ этихъ все же слышитъ чрезвычайно много своеобразнаго. Послѣднее и дало поводъ какъ первымъ колонистамъ, такъ и натуралистамъ дать характерныя названія извѣстнымъ лягушечьимъ плѣвцамъ.

Образъ жизни лягушекъ, живущихъ въ водѣ, вездѣ болѣе или менѣе одинаковъ; лѣтомъ и весной это — бодрая, веселая и шумная жизнь, полная удовольствій, осенью — менѣе пріятныя странствованія, зимою же — непробудная спячка на днѣ въ илу замерзшихъ или высохшихъ водъ, пока теплое дыханіе весны не растопитъ ледъ или первый дождь не размочитъ изсушенный и скоробленный солнцемъ слой ила, и теплота или влага снова не пробудитъ къ жизни глубоко зарывшихся и спящихъ животныхъ. Какъ у насъ весна одѣваетъ землю новымъ нарядомъ, такъ и въ тропическихъ странахъ начало дождливой поры вновь оживляетъ силы природы. Когда въ центральной Африкѣ въ губительную знойную пору сухого времени года замолкнетъ жизнь, засохнетъ трава, опадетъ листва деревьевъ, улетятъ въ болѣе пріютныя страны птицы и млекопитающія, пресмыкающіяся и земноводныя по неволѣ обречены на покой, — тогда отчаяніе овладѣваетъ и человѣкомъ, и звѣремъ, на долю которыхъ выпадетъ пережить эту пору; такимъ тяжелымъ бременемъ лежитъ это знойное время года на всемъ живущемъ. Но вотъ наконецъ вдали начинаютъ собираться кучки темныхъ облаковъ, гонимыя бурными порывами вѣтра; онѣ несутъ съ собою живительный дождь на истомленную землю, а съ нимъ и весну. Цѣлые часы длится этотъ первый ливень; на низкихъ мѣстахъ образуются ручьи, рѣчки, озера и цѣлыя озера, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ послѣднія удерживаютъ скопившуюся въ нихъ воду въ продолженіи дня. Но прежде, чѣмъ небо совершенно очистится, прежде чѣмъ высохнуть

вѣтви деревьевъ,—весна уже разбудила спавшихъ животныхъ. Вечеромъ послѣ перваго же дождливаго дня изъ каждой образовавшейся отъ дождя лужи, изъ каждаго озера, изъ каждой разлившейся отъ дождя рѣчки, словомъ, куда ни обернешься, отовсюду навстрѣчу вамъ уже раздается «гонк гонк гонк». Тысячи маленькихъ лягушекъ сидятъ по берегамъ, плаваютъ по зеркальной поверхности воды, и можно подумать, что всѣ онѣ, ликуя, привѣтствуютъ то время, въ которое имъ позволено наслаждаться жизнью. Тотчасъ же по пробужденіи, онѣ приступаютъ къ размноженію, радостно скачутъ повсюду, пока ихъ родное мѣсто еще полно водой, и исчезаютъ вмѣстѣ съ послѣдней каплей ея. Ливингстонъ рассказываетъ, что отъ бушменовъ онъ узналъ о зимнемъ мѣстожительствѣ одной лягушки и часто находилъ ее между деревьями въ норкахъ, въ которыхъ одновременно жили пауки и отверстія которыхъ были затканы паутиной. Знаменитый путешественникъ высказываетъ свое удивленіе, что лягушка могла жить въ самомъ сухомъ мѣстѣ страны. Онъ увѣряетъ также, что вначалѣ, слыша въ ночной тишинѣ громкое кваканье этого животнаго, онъ всегда надѣялся встрѣтить по близости воду, но часто ошибался въ своихъ расчетахъ, почему и долженъ былъ предположить, что это животное проводитъ, бодрствуя, и часть сухой поры года. Послѣднее мнѣніе вѣрно лишь условно, такъ какъ мы должны считать, что и въ южной Африкѣ засуха бываетъ лишь зимою, и лягушки становятся бодрыми лишь послѣ выпавшаго дождя, будучи въ нѣкоторомъ смыслѣ возвращены имъ къ жизни. Впрочемъ, наблюденія Ливингстона сходятся съ моими въ томъ отношеніи, что и маленькія, скоро вновь исчезающія лужи, иногда бываютъ оживлены тысячами этихъ лягушекъ. Нѣчто подобное бываетъ и въ другихъ странахъ, въ которыхъ извѣстныя времена года рѣзко отличаются другъ отъ друга; тамъ же, гдѣ изъ году въ годъ подъ теплымъ небомъ преобладаетъ одна и та же погода, веселая лягушечья рать почти непрерывно занята своимъ дѣломъ, почти непрерывно усердно задаетъ свой концертъ и почти не бываетъ мѣсяца, на который бы не падала пора размноженія какого-нибудь вида. Въ сильно орошенной Южной Америкѣ каждый вечеръ слышится концертъ лягушекъ и, конечно, послѣ каждаго дождя; въ сырыхъ низменностяхъ Индіи и западной Африки этихъ животныхъ видишь или слышишь круглый годъ.

Въ нашихъ мѣстахъ лягушки могутъ очень надоѣсть главнымъ образомъ тѣмъ, что концертъ ихъ очень продолжителенъ; въ другихъ частяхъ свѣта онѣ становятся въ тягость своими чрезвычайно громкими голосами. Такимъ образомъ въ то время, какъ виды, живущіе у насъ, совершенно справедливо слѣдуетъ причислить къ полезнымъ животнымъ, лишь въ исключительныхъ случаяхъ приносящимъ незначительный вредъ,—исполнскіе сородичи того же семейства, живущіе въ Америкѣ и Индіи, нерѣдко посягаютъ на собственность человѣка, дѣлая жертвами своего хищничества даже утятъ и гусятъ. Несмотря на это, лягушки нигдѣ не встрѣчаютъ враговъ; никакой народъ не смотритъ на нихъ съ отвращеніемъ, которое возбуждаетъ родственныя имъ жабы, такъ какъ жизнь и поведеніе лягушекъ забавляютъ многихъ людей, что, напимѣръ, такъ красиво изложено въ нижеслѣдующихъ стихахъ Ролленгагена, о которыхъ вспомнилъ Чуди.

«То скачать въ воду и ныряютъ
«И ротъ раскрывъ, свой кормъ хватаютъ

*1

„Mit wassertreten, untersinken.
„Mit offnem Maul doch nicht vertrinken

«То мошку на лету поймають,
 «Иль червяка съ земли глотають,
 «То, ставъ на лапки, лъзуть кучей;
 «Точь-въ точь борцы въ борьбѣ кипучей;
 «То, словно пляской щеголяя,
 «Толпа ихъ скачетъ удалая и т. д.» *)

Однимъ словомъ—человѣкъ охотно дружится съ ними даже и тамъ, гдѣ онъ смотритъ на нихъ, какъ на дичь, которую преслѣдуетъ для приготовления вкуснаго блюда къ своему столу.

Что касается до размноженія, то въ существенныхъ чертахъ эти лягушки сходятся съ квакшами, съ тою только разницею, что для отложенія икры онѣ обыкновенно отыскиваютъ настоящіе водные бассейны и слѣдовательно никогда не довольствуются для своего пребыванія столь незначительнымъ скопленіемъ воды, какъ это мы знаемъ про квакшъ. Это же самое является и причиной, почему распространеніе отдѣльныхъ видовъ далеко не одинаково, почему, напримѣръ, сѣрая лягушка доходитъ въ горахъ до высоты около 2000 м., другіе виды, живущіе въ Гиммалаяхъ, до 2850 м. и выше, тогда какъ наша зеленая лягушка свойственна больше долинамъ. Большинство откладываетъ яйца просто въ воду и болѣе о нихъ не заботится. Къ описанію развитія молодежи, къ которому также относится все уже высказанное, слѣдуетъ развѣ прибавить, что въ холодныхъ и высоколежащихъ водныхъ бассейнахъ превращеніе замедляется, т. е. личиночное состояніе длится въ два раза дольше того времени, каковое затрачивается особями того-же вида, но живущими въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ. То же самое случается, когда головастиковъ помѣщаютъ въ небольшой водоемъ и не доставляютъ имъ въ достаточномъ количествѣ необходимой пищи.

Только въ недавнее время страсть содержать животныхъ въ клѣткахъ простерлась и на лягушекъ. До тѣхъ поръ лягушки семействъ, живущихъ у насъ, шли только на опыты ученыхъ и поимка ихъ въ конечной цѣли почти всегда имѣла ихъ смерть; въ настоящее время троическія формы этихъ земноводныхъ содержатъ въ особо устроенныхъ клѣткахъ, въ которыхъ жизнь животнымъ устроена по возможности удобнѣе. Спустя короткое время, эти лягушки, при хорошемъ уходѣ, привыкаютъ къ хозяину и такимъ образомъ становятся такими же домашними друзьями, какъ и настоящія древесницы.

Въ настоящее время извѣстно около 140 видовъ **Водяныхъ лягушекъ** (Rana. Wasserfrösche. Grenouilles), похожихъ на нашу зеленую лягушку. Всѣ эти лягушки имѣютъ поперечно-расположенный овальный зрачекъ, языкъ, проросшій только впереди, свободный назади, на концѣ глубоко вырѣзанный и развилыстый, зубы, по крайней мѣрѣ на сошникѣ, и обыкновенно замѣтную, свободно лежащую барабанную перепонку.

„Ein Muck' in einem Sprung erwischen
 „Künstlich ein rothes Würmlein fischen
 „Auf gradem Fuss aufrichtig stehen
 „Und also einen Kampf angehen
 „Einander mit tanzen und springen
 „Im grossen Vortheil überwinden etc.“

За исключеніемъ Южной Америки, Австраліи и Новой Зеландіи, водяныя лягушки распространены по всему свѣту. Большинство образомъ жизни сходны съ нашей зеленой лягушкой, которая никогда не отделяется отъ воды, и съ нашей сѣрой лягушкой, живущей преимущественно на сушѣ; но существуютъ и рокоціи формы настоящихъ лягушекъ и даже до извѣстной степени лазающія. Рокоціи виды узнаются легко, по ихъ сильно развитому ступневому выросту, часто лопатовидно удлинняющемуся и заостренному по краю; этотъ выступъ представляетъ собой, повидимому, прекрасное орудіе для рытья. Всѣ лягушки, снабженныя такимъ лопатовиднымъ придаткомъ, при помощи котораго онѣ могутъ зарываться по крайней мѣрѣ на полметра, имѣютъ въ то же самое время короткія, плотныя, сильные заднія ноги, почему и по наружному виду похожи на жабъ. Принадлежащія къ этому роду лазающія лягушки, всѣ безъ исключенія, на концѣ пальцевъ имѣютъ диски, служащіе для прикрѣпленія, однако не всѣ водяныя лягушки, снабженныя разнообразно развитыми прищѣпными кружечками, въ силу этого оказываются древесными формами. Въ то время, какъ большинство водяныхъ лягушекъ головастиками живутъ въ водѣ, видъ *Rana opisthodon* съ Соломоновыхъ острововъ, по изслѣдованіямъ Буланже, претерпѣваетъ болѣе кратковременное превращеніе, и развитіе его протекаетъ въ большемъ яйцѣ, величиною въ 6—10 мм. Лягушенокъ этого вида по вылупленіи не имѣетъ и слѣда хвоста, лишена наружныхъ жаберъ, но съ каждой стороны брюха снабжена нѣсколькими, обыкновенно поперечными складками, которыя могутъ быть разсматриваемы, какъ остатки наружныхъ органовъ дыханія. На концѣ рыла онѣ, какъ у многихъ пресмыкающихся, имѣетъ коническій зубокъ, предназначенный очевидно для просверливанія яйцевой оболочки.

У Бетхера мы находимъ описаніе четырехъ видовъ и одной разновидности лягушекъ, живущихъ въ западной Европѣ. «Съ настоящими лягушками неопытный человекъ можетъ смѣшать развѣ только чесночницу, поэтому и считаю нужнымъ сообщить отличительные признаки этой жабы. Таковыми оказываются: совершенно скрытая и невидная снаружи барабанная перепонка, вертикально расположенный при жизни совершенно овальный зрачекъ, почти крестообразный и только сзади слабо вырѣзанный языкъ и наконецъ то обстоятельство, что большіе ступневые выросты на ногахъ, играющіе вообще чрезвычайно важную роль при систематикѣ видовъ лягушекъ, у этой жабы чечевицеобразны, на свободномъ концѣ отточены какъ ножъ, и окрашены въ бурый цвѣтъ.

«Всѣ пять западно-европейскихъ формъ лягушекъ дѣлятся на двѣ, рѣзко отличающіяся другъ отъ друга группы, «зеленыхъ» и «бурыхъ» лягушекъ, причемъ можетъ случиться, что многія зеленыя группы имѣютъ и бурю окраску, тогда какъ обратнаго явленія не случается, по крайней мѣрѣ я его еще не наблюдалъ. Съѣдобными являются бедра всѣхъ нашихъ лягушекъ, но болѣе вкусны только лапки сѣрой лягушки, слѣдовательно одной изъ группы «бурыхъ».

«Обѣ группы рѣзко разграничены между собой, могутъ даже быть разсматриваемы какъ враги и недоброжелатели, такъ какъ зеленыя лягушки поѣдаютъ бурыхъ. Достаточно обратить вниманіе (наблюденія въ этомъ направленіи слѣдовало бы прежде всего дѣлать знатокамъ блюда изъ лягушечьихъ лапокъ, лично ловящимъ лягушекъ для своего стола на окраску и рисунокъ задней части щекъ, чтобы опредѣлить съ точностью, къ какой изъ вышеназванныхъ группъ принадлежитъ данная лягушка. У представительницы «зеленыхъ», у зеленой лягушки (*Rana esculenta*) и ея разновидности, озерной лягушки (*var. ridibunda*), заднія части щекъ, безъ исключенія, всегда имѣютъ мраморный рисунокъ чернаго цвѣта со свѣт-

лымъ, желтымъ или бѣлымъ, напротивъ, у представительницъ «бурыхъ» — сѣрой или травяной лягушки (*Rana temporaria*), болотной лягушки (*Rana arvalis*) и проворной лягушки (*Rana agilis*) задняя часть щеки никогда не имѣютъ темнаго мраморнаго рисунка.

«На ряду съ этими главными характерными признаками существуетъ еще цѣлый рядъ другихъ, весьма важныхъ отличій въ строеніи тѣла. Прежде всего въ сомнительныхъ случаяхъ нужно обращать вниманіе на удлиненное, впереди заостряющееся рыло и особенно на форму и величину плавательныхъ перепонокъ. У «зеленыхъ лягушекъ» послѣднія бываютъ толсты и совершенны, т. е. настолько сильно развиты, что онѣ соединяютъ до самыхъ концовъ наиболѣе длинные соседніе пальцы заднихъ лапъ, такъ что въ нашемъ зеленомъ ночномъ крикунѣ нельзя не признать обитателя воды. Прибавимъ еще къ этому, что самецъ возлѣ и подъ нижней челюстью снабженъ тянущейся вдоль ея щелью, изъ которой, съ помощью пинцета, легко вытянуть часть пузыря—резонатора;—тогда въ нашихъ рукахъ мы будемъ имѣть признаки, которые всегда разрѣшаютъ наши сомнѣнія о томъ, къ которой группѣ принадлежитъ данная неизвѣстная лягушка. Ни одинъ представитель «бурыхъ лягушекъ», не имѣетъ никакого наружнаго отверстія пузыря резонатора.

«Главная представительница первой группы, зеленая лягушка, снабжена плотнымъ, большимъ, сравнительно очень сильно развитымъ ступневымъ выростомъ, похожимъ на выростъ болотной лягушки; длина его бываетъ 4—5 мм. у тѣхъ экземпляровъ, у которыхъ внутренній палецъ, считая отъ ступневаго выроста равенъ 9—11 мм. Къ черному мраморному рисунку на пахахъ и заднихъ частяхъ щеки всегда болѣе или менѣе подмѣшивается желтая окраска.

«Разновидность, озерная лягушка, статнѣе и крупнѣе обыкновенной зеленой лягушки. Ея ступневый выростъ малъ, удлиненъ, слабо выдающійся; длина его содержитъ 2—4 мм. у экземпляровъ, внутренній палецъ которыхъ равенъ 9—12 мм. Въ пахахъ и на бокахъ замѣтенъ бѣлый цвѣтъ, желтой же окраски не бываетъ никогда.

«Для незнающаго человѣка труднѣе разграничить три вида «бурыхъ лягушекъ», хотя и здѣсь нѣтъ недостатка въ разныхъ отличительныхъ признакахъ. Имѣя испытуемую форму среди близко сходныхъ съ ней по наружному виду лягушекъ и при отсутствіи точно опредѣленныхъ экземпляровъ для сравненія, настолько легко попасть въ заблужденіе, что можно предположить въ ней принадлежность къ другому виду, если обратить вниманіе на небольшое отступленіе отъ правила, хотя бы послѣднее выразилось лишь въ окраскѣ или заостренности рыла. Немало удивляются, подсмѣиваются и даже претендуютъ на такихъ людей, которые, исходя изъ такихъ неразумныхъ основаній, рѣшаются давать видамъ новыя звучныя названія и приписывать себѣ основаніе новаго вида. При этомъ слѣдуетъ подразумѣвать пріятнѣйшую улыбку, означающую: мы такой глупости сдѣлать не способны! Нѣчто подобное случилось, видимо, и съ тѣми, которые высказывали различныя сомнѣнія по поводу болотной лягушки какъ разъ потому, что не видали ее—или не умѣли разглядѣть ее. Не опасаясь возраженій, я могу смѣло утверждать, что никто, кто только знаетъ болотную лягушку, никогда не смѣшаетъ ее съ сѣрой лягушкой и всѣмъ, кто будетъ меня увѣрять въ отсутствіи разницы между этими формами, говорю прямо: «они не имѣютъ понятія ни о формѣ, ни объ образѣ жизни этихъ видовъ просто потому, что эти виды у насъ не встрѣчаются, или же, точнѣе, не были находимы въ нашихъ мѣстностяхъ!»

«Всѣ три «бурыя лягушки» характеризуются, какъ уже выше было упомя-

нуто, болѣе несовершенной плавательной перепонкой, растянутой между пальцами на $\frac{2}{3}$ или $\frac{3}{4}$ ихъ длины, отсутствіемъ наружныхъ частей резонаторнаго мѣшка у самцовъ и весьма крупными, темными пятнами въ области уха. Для незнающаго же человѣка эти лягушки прежде всего замѣтны по заднимъ частямъ щекъ, которыя у нихъ не имѣютъ мраморнаго рисунка и не покрыты черными съ желтыми или черными съ бѣлыми грубыми пятнами.

«По виду, окраскѣ и рисунку бурья формы безспорно имѣютъ много общаго, однако въ нижеслѣдующихъ строкахъ я попытаюсь для менѣе опытныхъ наблюдателей привести наиболѣе рѣзкіе отличительные признаки.

«Прежде всего нужно обратить вниманіе, имѣетъ ли данный экземпляръ короткое, тупое, нѣсколько напоминающее полукругъ рыло, и покрыто ли его брюхо болѣе или менѣе отчетливыми красно-бурными или зеленоватыми пятнами; такіе экземпляры нужно отдѣлить прежде всего—они будутъ настоящими сѣрыми лягушками. Такимъ образомъ мы съ перваго же осмотра опредѣлимъ и отложимъ ихъ въ сторону штукъ 80—90, а быть можетъ и за сотню. Затѣмъ нужно выискивать осободлинноногіе и острорылые экземпляры, большею частью отличающіеся вѣжной конструкціей тѣла и непокрытымъ пятнами брюхомъ; при этомъ такіа лягушки, пытаясь спастись, дѣлаютъ изумительные скачки. Если кромѣ всего этого и, что является самымъ важнымъ отличительнымъ признакомъ, онѣ имѣютъ на нижней сторонѣ пальцевъ переднихъ и заднихъ лапъ сочленовые бугорки, похожіе на пуговицы, то опредѣляемый экземпляръ будетъ рѣдкой проворной лягушкой. Въ Германіи эта форма, конечно, встрѣчается очень рѣдко. Наконецъ остаются еще двѣ неопредѣленныя формы со слегка или замѣтно заостреннымъ рыломъ и брюхомъ, совершенно непокрытымъ пятнами. У этихъ формъ нужно обратить вниманіе на ступенчатый выростъ, лопатовиденъ и сходенъ ли онъ съ таковымъ у настоящихъ зеленыхъ лягушекъ, т. е. длиннѣе ли онъ половины длины прилежащаго пальца; затѣмъ смотреть—совершенно ли плавательная перепонка, не натянута ли она лишь на $\frac{2}{3}$ пальцевъ, не слабы ли сочленовые бугорки подъ пальцами переднихъ и заднихъ лапъ и, наконецъ, не выдѣляется ли рѣзко железистый продольный валикъ по бокамъ спины и не отличается ли онъ отъ прилежащихъ мѣстъ болѣе свѣтлой окраской. Все вышеприведенное представляетъ собою сумму признаковъ болотной лягушки, которая при этомъ часто имѣетъ еще широкую свѣтлую срединную полосу вдоль спины».

Послѣ этого сравнительнаго ознакомленія съ наиболѣе важными отличительными признаками западно-европейскихъ видовъ лягушекъ, обратимся къ описанію наружнаго вида, организаціи и образа жизни отдѣльныхъ видовъ.

«Брекеке!—брекеке брекеке!—коакс туу!—брекеке брекеке!—брекеке кварр брекеке туу!—брекеке брекеке брекеке!—брекеке брекеке брекеке брекеке!—коакс коакс! туу туу!—брекеке туу!—брекеке брекеке!

«Die Kinder der Teiche beginnen ihr Leben,
Sehn sie den strahlenden Mond sich erheben» *),

Кого не умилилъ эта картина, кто возненавидитъ этихъ забавныхъ животныхъ? Правда, Окенъ говоритъ, что, находясь вблизи пруда съ лягушками, можно думать, что находишься по близости сумашедшаго дома, однако мое мнѣніе, что голоса

*) „Прудъ оживился веселой толпою
Мѣсяца въ зыби играютъ лучи“.

и кваканье лягушекъ столь же идутъ къ весенней ночи, какъ и пѣснь соловья. Въ этихъ концертахъ, какъ ни грубы составляющіе ихъ отдѣльные звуки, слышится безграничная радость и дѣйствительное единодушіе. Стоитъ только запѣвалъ начать свое «брекеке», какъ остальные лягушки, прослушавъ молча нѣсколько звуковъ, присоединяются все на глухомъ «кварр» и продолжаютъ уже обычнымъ образомъ квакать далѣе. Съ наступленіемъ сумерекъ начинается общее кваканье. Оно продолжается настойчивѣе всякой другой ночной пѣсни и только подъ утро на пруду становится тише, хотя все-таки все время нѣтъ, нѣтъ, то одинъ, то другой издаетъ полусдавленные «кварр», словно въ видѣ пріятнаго воспоминанія о только что выказанномъ мастерствѣ.

Не спорю и не могу обойти молчаніемъ, что слабонервнымъ людямъ, живущимъ близости населеннаго лягушками пруда, въ концѣ концовъ можетъ стать нетерпимымъ слушать все одинъ и тотъ же концертъ каждую теплую лѣтнюю ночь. Однако лично я не могу раздѣлить этого недоброжелательства, такъ какъ принадлежу къ тѣмъ людямъ, которые, слыша голоса этихъ воодушевленныхъ ночныхъ пѣвцовъ, становятся веселѣе. Полагаю также, что со мной согласится, по крайней мѣрѣ, каждый, кто провелъ свою молодость на лонѣ природы.

Наша **Зеленая лягушка** (*Rana esculenta, viridis, fluviatilis, calcarata, Pelophylax esculentus. Wasserfrosch. Grenouille verte*)—типичный представитель водяныхъ лягушекъ. Не включая заднихъ ногъ, равныхъ 10—11 см., западно-европейская зеленая лягушка достигаетъ длины 6—8 см., а при болѣе обильномъ питаніи, какъ личиночномъ, такъ и въ превращенномъ состояніи, даже нѣсколько превышаетъ эту длину. По красивому зеленому фону верхней части разбросаны черныя пятна и идутъ три желтыя продольныя полосы—одна по хребту и по одной на бокахъ тѣла; иногда на бокахъ головы тянутся двѣ черныя полосы. Нижняя часть тѣла бѣлая или желтоватая; заднія части щекъ имѣютъ мраморный рисунокъ чернаго цвѣта съ желтымъ. Наболѣе свѣжая окраска бываетъ послѣ поры метанія икры, позднѣе же становится то темнѣе, то блѣднѣе, играя болѣе или менѣе бурыми или сѣрыми тонами; изъ этихъ цвѣтовъ то одинъ, то другой становится преобладающимъ, а продольныя полосы могутъ быть выражены болѣе или менѣе ярко. Большіе глаза имѣютъ ярко желтый зрачекъ и глядятъ умно. Болѣе крупная разновидность, **Озерная лягушка** (*var. ridibunda, cachinnans, fortis. Seefrosch. Grenouille lacustre*), имѣетъ длину тѣла 10—11, а заднихъ ногъ 14—16 см; ея заднія части щекъ оливковаго или зеленовато-бѣлаго цвѣта съ темныхъ оливковымъ мраморнымъ рисункомъ. Кромѣ маленькаго, мало выступающаго ступневаго выроста, важнымъ отличительнымъ признакомъ этой разновидности является болѣе удлиненные голени.

Родиной зеленой лягушки является не только Европа, но сѣверо-западная Африка и добрая половина западной Азии. Тамъ она встрѣчается въ трехъ болѣе или менѣе связанныхъ между собою переходами разновидностяхъ, описаніе которыхъ завело бы насъ слишкомъ далеко. Въ Китаѣ и Японіи живетъ очень рѣзко отличающаяся разновидность зеленой лягушки (*var. nigromaculata*), особенно характеризующаяся очень крупнымъ ступневымъ выростомъ, узкими прерывистыми складками кожи вдоль спины и необыкновенно красивой и блестящей окраской. Въ Германіи же, наряду съ переходными формами къ итальянской разновидности (*var. lessonae*) съ бурой окраской спины, водятся только обыкновенныя настоящія зеленныя и озерныя лягушки. Въ то время, какъ первыя изъ нихъ живутъ въ Германіи повсюду, гдѣ только нѣтъ недостатка въ водѣ, озерная лягушка до сихъ

порѣ встрѣчалась только въ низменностяхъ и въ обширныхъ рѣчныхъ долинахъ, такъ она была найдена въ озерной системѣ Шпре у Берлина, въ провинціи и въ королевствѣ Саксоніи, напримѣръ у Дрездена, причѣмъ здѣсь были находимы экземпляры въ 17 см. длиною и 1¼ ф. вѣсомъ, въ Ольденбургѣ, Ганноверѣ и Липпе-Шаум-

Зеленая лягушка. *Rana esculenta*. $\frac{3}{4}$ наст. вел.

бургѣ, на Майнѣ у Швейнфурга, вблизи Крейцнаха, у Мюнстера въ Вестфалии и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по нижнему Рейну. Въ Австро-Венгрии, въ Польшѣ и далѣе на востокъ она является преобладающей формой и озерныя лягушки, живущія у Праги, и на Дунаѣ въ южной Венгрии, часто достигаютъ изумительныхъ размѣровъ. Около Мантуи, по Лейдигу, онѣ также бывають исполинской вели-

чины. Въ Греціи, Малой Азіи, Сиріи, на Кавказѣ и въ прикаспійскихъ областяхъ онѣ являются единственными представителями зеленыхъ лягушекъ. Очень вѣроятно, что какъ западно-европейскія, такъ и сѣверо-африканскія зеленыя лягушки принадлежатъ къ этимъ разновидностямъ, но это точно еще не установлено. Въ южной Азіи и средней Африкѣ зеленую лягушку замѣщаютъ родственные ей виды; на сѣверѣ она идетъ до южной Швеціи и западной Россіи. По Фатіо въ Швеціи она доходитъ до 1100 м. высоты; по Гредлеру, «она уступаетъ свое мѣсто болѣе простой сѣрой лягушкѣ только въ высоко лежащихъ долинахъ и на значительной высотѣ». Гдѣ лягушка водится, тамъ она встрѣчается значительными массами, какъ будто эти животныя любятъ общество, на самомъ же дѣлѣ, конечно, потому, что онѣ настолько сильно размножаются, что прудъ, на которомъ поселится одна пара, скоро переполняется ея потомствомъ. Будучи въ общемъ неприязнительной, зеленая лягушка тѣмъ не менѣе требуетъ извѣстныхъ условій отъ мѣста, которое избираетъ для жительства. Мало такихъ водъ, гдѣ бы ея не было, но въ многочисленныхъ количествахъ она водится лишь на такихъ изъ нихъ, берегъ которыхъ покрытъ высокою травой или ситникомъ, а на серединѣ растутъ водяныя растенія, именно плаваюція на поверхности. Въ не очень соленой водѣ она еще водится, но настоящихъ соленыхъ озеръ она такъ же избѣгаетъ, какъ и моря.

Любимымъ мѣстожительствомъ ея служатъ маленькія, окруженныя кустарникомъ озера, на поверхности которыхъ разбросаны листья водяныхъ лилій, и канавы, удерживающія въ себѣ воду по крайней мѣрѣ втеченіе наибольшей части года; вслѣдъ за этими мѣстами къ мѣстамъ обитанія зеленой лягушки нужно прибавить болота, топи и трясины. на югѣ же онѣ живутъ на рисовыхъ поляхъ, которыя долго остаются подъ водою, и, подобно вышеупомянутымъ озерамъ, постоянно кишатъ добычей для нашихъ лягушекъ. Въ такихъ мѣстахъ послѣдствія бывають очень примѣтны не только для глазъ, но и для уха. Любительницы теплоты, онѣ стараются пользоваться каждымъ лучемъ солнца, почему днемъ обыкновенно располагаются на поверхности воды, лежа на мѣстѣ, широко распластавъ свои огромныя заднія ноги и высунувъ надъ водою голову, или, что для нихъ удобнѣе, садятся на широкій листъ водяного растенія, на пlyingшій кусокъ дерева, на высунувшійся изъ воды камень, или кусокъ прибрежной скалы, или, вообще, на какое-либо подобное мѣстечко и здѣсь съ удовольствіемъ и наслажденіемъ предаются пріятному ощущенію теплоты. Если ихъ ничто не беспокоитъ, онѣ половину дня остаются въ одномъ и томъ же положеніи, совершенно не двигаясь; будучи чѣмъ-либо обезпокоена или привлечена летящей мимо добычей, зеленая лягушка прыгаетъ сильнымъ и широкимъ скачкомъ въ воду, мощно гребя своими лапами, плыветъ между поверхностью воды и дномъ, въ первомъ же случаѣ направляется по слегка изогнутой линіи внизъ и наконецъ, желая скрыться, зарывается въ илъ. Этимъ объясняется приводимая Геснеромъ ниже-германская поговорка:

«De vorsch huppert wider in den pol,
»Wan he ock sethe up een gulden stoll *),

При этомъ, какъ наблюдалъ Брухинъ, съ ней можетъ даже случиться неприятный инцидентъ: передними ногами она можетъ попасть въ раскрытую раковину какой-нибудь ракушки, что имѣетъ для лягушки весьма неприятное послѣдствіе, такъ какъ при всякомъ подобномъ безпокойствѣ чрезвычайно чувствитель-

*) Лягушка прыгаетъ обратно въ илъ, даже если сидитъ на золотомъ стулѣ.

ный моллюскъ тотчасъ же захлопываетъ свою раковину, ущемляя и обрекая на мученія достойное сожалѣнія животное, лишенное возможности сопротивляться. Вообще же мягкій иль является для лягушекъ самымъ безопаснымъ и превосходнымъ убѣжищемъ отъ всякаго нарушившаго ихъ покой и испугавшаго ихъ врага, такъ какъ онѣ совершенно исчезаютъ изъ глазъ послѣдняго. Однако онѣ никогда не остаются въ гостепримной глубинѣ долѣе, чѣмъ то имъ кажется необходимымъ, такъ какъ, послѣ краткаго пребыванія, онѣ уже вновь поднимаются, медленно гребя, всплываютъ на верхъ, высовываютъ голову изъ воды, вращаютъ во всѣ стороны своими свѣтлыми глазенками и дѣлаютъ попытку вновь занять свое мѣсто. Приближается ли вечеръ, или наступаетъ послѣ прошедшаго дождя прохлада,—все населеніе одного озера собирается вмѣстѣ, охотнѣе всего неподалеку отъ берега, между растеніями, и начинаетъ одинъ изъ своихъ вышеупомянутыхъ концертовъ. Такъ ведутъ онѣ себя съ середины апрѣля и до середины, самое большее—до конца октября; это время въ нашихъ краяхъ является тою порой, которая принуждаетъ ихъ искать убѣжища на зиму на днѣ водѣ—въ илу или въ какомъ-либо углубленіи. Уже въ южной Европѣ зеленыя лягушки появляются равнѣе, исчезаютъ позже, въ сѣверной же Африкѣ, тамъ, гдѣ воды не высыхаютъ, онѣ не залегаютъ на зимнюю спячку, но изъ году въ годъ ведутъ почти одинъ и тотъ же образъ жизни съ тою разницею, что въ пору спариванія квакаютъ оживленнѣе и настойчивѣе, чѣмъ въ другое время.

Зеленая лягушка есть созданіе довольно одаренное, движенія ея исполнены силы и ловкости, поведеніе нѣкоторымъ образомъ свидѣтельствуетъ о присутствіи сознанія. Подобно большинству родственныхъ ей формъ, по землѣ она движется только прыгая, при этомъ, однако, бываетъ въ состояніи дѣлать очень большіе скачки и направлять ихъ необыкновенно рассчитанно. Въ водѣ она плаваетъ съ помощью однихъ только плавательныхъ ногъ, въ особенности если она движется на глубинѣ, такъ какъ на поверхности она гребетъ лапами по столбу, по скольку ей это необходимо. Однако, съ помощью сильнаго толчка своихъ плавательныхъ ногъ она можетъ даже выпрыгнуть изъ воды на извѣстную высоту, ради поимки жужжащаго надъ головой ея насѣкомаго, или для того, чтобы занять выше лежащее мѣсто для отдыха. Чувства ея находятся на высокой степени развитія. Зрѣніе имѣетъ довольно значительный кругозоръ, какъ то можно уже заключить по хорошо развитымъ глазамъ; но и близъ лежащіе предметы лягушка видитъ хорошо. Объ ея слухѣ настолько ясно свидѣлствуютъ ея вечерніе концерты, что въ развитости его не можетъ быть никакого сомнѣнія. Обоняніе тоже не плохо и только относительно осязанія и вкуса могутъ существовать различныя мнѣнія, такъ какъ трудно ихъ прослѣдить. Въ понятливости ея убѣждаются скоро, стоитъ только подольше понаблюдать, какъ зеленая лягушка въ своемъ поведеніи сообразуется съ обстоятельствами. Тамъ, гдѣ ее никто не беспокоитъ, она въ концѣ концовъ становится такой довѣрчивой, что подпускаетъ къ себѣ человека даже на шагъ и только послѣ этого уже ускокиваетъ крупными прыжками. Напротивъ, тамъ, гдѣ ее преслѣдуютъ, она уже издали обращается въ бѣгство и даже тогда, когда лежитъ гдѣ-нибудь на срединѣ маленькаго озера, ныряетъ внизъ, если на берегу покажется хорошо извѣстный ей врагъ. Старыя лягушки всегда осторожнѣе молодыхъ, даже являются, подобно извѣстнымъ намъ уже млекопитающимъ и птицамъ, предупредительными стражами для молодыхъ, у которыхъ хватаетъ сообразительности догадаться, что самое лучшее для нихъ—это дѣлать то, что дѣлаютъ ихъ старшіе собратья. Точно также онѣ остерегаются животныхъ, могущихъ быть для нихъ опасными; на озерахъ, регулярно посѣщаемыхъ аистомъ, живущія тамъ лягушки при появ-

леніи птицы бросаются въ бѣгство такъ же поспѣшно, какъ и при появленіи человека. Свою добычу онѣ нерѣдко промышляютъ съ извѣстной хитростью; онѣ, подобно хищнымъ животнымъ, подкарауливаютъ ее, тихо плывутъ къ ней под водой и быстро бросаются, умѣютъ также найтись, если имъ бываетъ трудно справиться съ пойманной добычей. Такъ, Науманъ и Графе наблюдали, какъ одна большая зеленая лягушка, желавшая проглотить маленькаго лягушенка сѣрой лягушки, выказала настоящую собразительность. Она схватила своего маленькаго сородича сзади и сопротивленіе послѣдняго было настолько значительно, что изъ полукрытой пасти хищника, несмотря на всѣ глотательныя движенія, то и дѣло высывалась голова жертвы. Наша зеленая лягушка поразмыслила и пришла къ извѣстному рѣшенію: повторивъ нѣсколько разъ одивъ и тотъ же скачекъ по направленію къ дереву, она тѣмъ самымъ ударила о него свою жертву, оглушила ее и въ тоже время старалась проглотить. Въ неволѣ зеленая лягушка вначалѣ ведетъ себя очень безпокойно, бурчитъ, ворчитъ и безумно прыгаетъ вокругъ, но пріучается постепенно, въ особенности, если ее держать внѣ воды, узнавать своего хозяина и отдавать должную честь мучнымъ червякамъ. Мало по малу она проявляетъ извѣстную привязанность къ своему владѣльцу, беретъ отъ него предлагаемую имъ ей пищу, позволяетъ себя брать и носить на рукѣ, не соскакивая съ нея, и, наконецъ, привыкаетъ даже хватать вмѣсто живой добычи бросаемые кусочки подходящаго корма. Гредлеръ, кормившій пойманныхъ лягушекъ облатками и кусочками мяса, полагаетъ, что вначалѣ вниманіе его питомицы на съѣдобностъ неподвижныхъ кусочковъ была вызвана завистью и, по моему мнѣнію, прекрасно подтверждаетъ этотъ взглядъ тѣмъ интереснымъ наблюденіемъ, что и мертвыя мухи, часто подолгу лежавшія на поверхности воды, вылавливались лягушками только тогда, когда къ нимъ направлялись другія лягушки. Тотъ же недостатокъ несомнѣнно доказывали и тѣ рѣшительныя преслѣдованія и кусанія, которыми иногда награждали другъ друга соперники прежде, чѣмъ схватить добычу. Что у зеленой лягушки на ряду съ веселостью и бодростью, на ряду съ любопытствомъ, пугливостью и прожорливостью ни одно качество не выражено такъ характерно, какъ зависть—эта непремѣнная принадлежность и слѣдствіе общественной жизни—прочно установлено наблюденіямъ Гредлера.

Если принять во вниманіе небольшую величину, то нашу зеленую лягушку нужно назвать очень хищнымъ животнымъ. Она удовлетворяется только лично пойманной добычей и питается исключительно живыми животными; то, что передъ ея глазами не движется, не привлекаетъ ея вниманія. Какъ и всѣ низко стоящія въ умственномъ отношеніи животныя, о жизни другихъ она заключаетъ лишь по ихъ движеніямъ. Испуганно бросаясь въ поспѣшное бѣгство отъ приближающагося человека, она не обращаетъ вниманія на спокойно сидящаго съ удочкой рыбака, пока тотъ не дернетъ удилице. Это вовсе не невнимательность съ ея стороны, это слабое развитіе понятливости, что мы не въ меньшей степени замѣчаемъ и у другихъ вышеорганизованныхъ животныхъ. Сидя, словно въ засадѣ, на своемъ мѣстѣ, зеленая лягушка слѣдитъ за всѣмъ, что происходитъ около нея, внезапно прыгаетъ на приближающуюся добычу, выбрасываетъ языкъ и глотаетъ послѣднюю. Главной пищей ея обыкновенно служатъ насѣкомыя, по наблюденіямъ Гредлера и жалящія формы, вродѣ ось; кромѣ того она питается пауками и улитками, чѣмъ и приноситъ большую услугу человеку. Съ молодыми ея вида или лягушками родственныхъ формъ, именно сѣрой лягушкой, она мало стѣсняется; все, что только передъ ней барахтается, что она можетъ схватить и проглотить, приходится ей по вкусу, какъ бы великъ ни былъ проглатываемый кусокъ.

Отъ зимней спячки молодыя лягушки при благопріятной погодѣ пробуждаются уже въ началѣ апрѣля. Къ размноженію зеленая лягушка приступаетъ тогда только, когда весна уже вполне наступила, слѣдовательно много позднѣе, нежели древесныя и сѣрыя лягушки; рѣдко это случается въ концѣ мая, большею же частью только въ іюнѣ. Спариваніе зеленыхъ лягушекъ, какъ и большинства родственныхъ ей формъ, происходитъ такъ возбужденно, что, не находя самки своего вида, самецъ самымъ рѣшительнымъ образомъ насѣдаетъ на другихъ лягушекъ и даже на рыбъ, вообще же на живыя существа. Однако въ жаркое время эта половая пора рѣдко длится болѣе 8 дней. Одна зеленая лягушка, которую воспитывалъ Гредлеръ, уже въ февралѣ мѣсяцѣ начала выказывать склонность къ спариванію и вела себя въ это время «далеко не двусмысленно» по отношенію къ пятнистой жабѣ и квакшѣ. Такия ошибки наблюдались и у другихъ лягушекъ. Оплодотвореніе происходитъ такъ-же, какъ и у другихъ лягушекъ, но длится дольше. Самецъ страстно обнимаетъ самку и силою объятія передними лапами, а равно и вѣсомъ своего тѣла выдавливаетъ изъ самки яйца; благодаря этимъ объятіямъ, внутреннія поврежденія у самки бываютъ постоянно такъ серьезны, что она иногда окопѣваетъ. Яйца этихъ лягушекъ выглядятъ свѣтло желтыми, но къ одному краю сѣро-желтаго цвѣта; при проходѣ черезъ яйцеводъ, они окутываются въ студенистую массу и затѣмъ падаютъ на дно воды, гдѣ и остаются лежать. По величинѣ они нѣсколько уступаютъ яйцамъ сѣрыхъ лягушекъ и даже древесныхъ лягушекъ; зато они многочисленнѣе, и при благопріятной для созрѣванія икры погодѣ изъ нихъ развивается стадо личинокъ, а изъ послѣднихъ много лягушатъ, такъ что за вымирание этого вида нечего беспокоиться. Уже на четвертый день у зародыша замѣчаются движенія, въ концѣ пятаго или шестого личко лопается и въ немъ видѣнъ трепещущій, средней величины, сѣро-желтый головастикъ, а вскорѣ послѣдній уже начинаетъ плавать. Подъ лупой можно уже ясно различить глаза и ротъ, а по обѣимъ сторонамъ складчатые придатки, изъ которыхъ образуются легкія. Начиная съ этого времени, ростъ головастика идетъ быстро впередъ. Голова утолщается, тѣло округляется, хвостъ становится болѣе длиннымъ, кожа прозрачнѣе; на тринадцатый и четырнадцатый день уже образуются легкія; наружныя жабры спадаются и вмѣсто нихъ по бокамъ брюшка головастика замѣчается непарная жаберная щель для внутреннихъ жаберъ. По Лейдигу, личинки, еще будучи безногими, уже могутъ быть причислены къ плотояднымъ животнымъ, такъ какъ они усердно поѣдаютъ погибшихъ личинокъ тритоновъ. Содержимое кишечника у головастиковъ, уже снабженныхъ парю ногъ, по микроскопическомъ изслѣдованіи, состояло изъ смѣси доннаго ила съ многочисленными мелкими ракообразными, водорослями и другими остатками растительныхъ веществъ. По истеченіи мѣсяца, развитіе начинаетъ замедляться. Когда головастикъ достигнетъ 6—7 см. длины, онъ уже имѣетъ вполне сформировавшіяся ноги, но хвостъ все еще остается длиннѣе тѣла, съ боковъ сжатъ и очень высокъ. Съ этого времени онъ начинаетъ медленно укорачиваться и наконецъ исчезаетъ совершенно, такъ что на тѣлѣ незамѣтно болѣе ни малѣйшаго нароста; наоборотъ — сформировавшійся лягушенокъ выглядитъ менѣе головастика, изъ котораго онъ только что образовался. Превращеніе заканчивается по прошествіи четырехъ мѣсяцевъ; на пятомъ году жизни лягушка достигаетъ своей нормальной величины, но и позднѣе продолжаетъ нѣсколько увеличиваться въ размѣрахъ.

Упомянутые выше половыя недоразумѣнія самцовъ зеленыхъ лягушекъ, случается, наносятъ болѣе значительный вредъ, нежели вообще жадность и прожорливость земноводныхъ животныхъ. Существуютъ наблюденія, не подлежащія ни-

какому сомнѣнію, что лягушки приносили значительный вредъ въ прудахъ съ карповыми рыбами. По сообщенію Шлегеля, Нордманъ, владѣлецъ дворянскаго помѣстья, имѣвшій вблизи Альтенбурга большой разсадочный рыбный прудъ, убѣдился въ этомъ въ оба года, 1853 и 1854, когда, вследствие постоянно дурной погоды, онъ могъ приняться за ловлю зимовавшей рыбы только въ концѣ апрѣля и началѣ мая. Въ одномъ пруду перезимовало около 12 тысячъ полуфунтовыхъ карповъ. За нѣсколько дней до вылавливанія рыбы одинъ крестьянинъ разсказалъ владѣльцу пруда, что на одномъ изъ маленькихъ прудовъ онъ видѣлъ плававшего крупнаго карпа, несмотря на всѣ усилія, безуспѣшно пытавшагося скинуть съ себя насажившую на него лягушку. Къ немалому удивленію, сомнѣнія Нордмана о правдоподобности подобнаго разсказа совершенно разсѣялись при первой же рыбной ловлѣ. Во время ловли оказалось, что почти на каждомъ карпѣ сидѣло по одной или по двѣ лягушки, впившихся своими передними лапами въ глаза или жабры рыбы; упираясь же своими задними ногами, лягушки содрали со спинъ рыбъ чешую. Нѣкоторыя лягушки сидѣли верхомъ въ обратномъ направленіи и всѣ прицѣплялись такъ крѣпко, что ихъ едва отрывали отъ рыбъ рукой. Большая часть красивыхъ племянныхъ карповъ были ободраны и такъ искалѣчены, что ихъ можно было продать только за ничтожную цѣну. Около тысячи рыбъ, которыми лягушки повыцарапали глаза, повредили жабры, сильно или совершенно содрали чешую, болѣе уже не могли служить на племя, такъ какъ можно было опасаться, что онѣ околѣютъ, по крайней же мѣрѣ заболѣютъ, но не выростутъ. На вторую весну дѣло не было такъ плохо, какъ въ первую, но вредъ все еще былъ довольно значителенъ. Рѣдкость такихъ наблюденій объясняется тѣмъ, что пора спариванія лягушекъ обыкновенно начинается только тогда, когда многіе рыбные пруды уже выловлены и племяныя рыбы перенесены въ другіе большіе пруды. Въ послѣднихъ онѣ также навѣрное страдаютъ отъ любовныхъ объятій обезумѣвшихъ лягушекъ, но таковыя случаи тамъ не такъ бросаются въ глаза, какъ въ маленькихъ прудахъ.

Озерная лягушка (*var. ridibunda*. Seefrosch. Grenouille lacustre) стала извѣстна только въ 1882—83 гг. послѣ изслѣдованій Пфлюгера и Буланже. Рыбакъ Ноакъ изъ Кепеника, годами снабжавшій живыми лягушками Германскій Физиологическій институтъ въ Берлинѣ, уже давно отличалъ эту форму, называлъ ее «славнымъ сортомъ», причемъ онъ съ перваго же взгляда могъ отличить эту лягушку отъ зеленой и наблюдалъ, что обѣ эти формы мечутъ икру въ разное время года. Въ концѣ мая озерная лягушка уже прекращаетъ отложеніе икры, тогда какъ зеленая лягушка только готовится къ этому. Правда, Буланже не сомнѣвается, что между озерной и зеленой лягушкой могутъ произойти помѣси, но это бываетъ въ видѣ исключенія, по крайней мѣрѣ между 120 экземплярами онъ не могъ найти ни одной переходной формы. Такъ какъ съ другой стороны, по наблюденіямъ Пфлюгера, отъ зеленой и озерной лягушекъ можно получить искусственно плодящіяся помѣси, то мы не должны видѣть въ нихъ разные виды, хотя строеніе, окраска и образъ жизни, повидимому, у нихъ различны. Въ такихъ случаяхъ вѣрнѣе видѣть въ этой формѣ разновидность.

По Ноаку, озерная лягушка живетъ около текущихъ водъ, въ озерахъ верхняго Шпре и озерныхъ его притоковъ; по Мойсисовичу, она живетъ также на Дунаѣ у Орсовы въ южномъ углу Венгріи; въ стоячихъ же водахъ она не водится никогда и рѣдко живетъ совмѣстно съ зеленой лягушкой. Она мечетъ икру недѣли за двѣ до послѣдней, слѣдовательно въ серединѣ мая, иной разъ еще ранѣе.

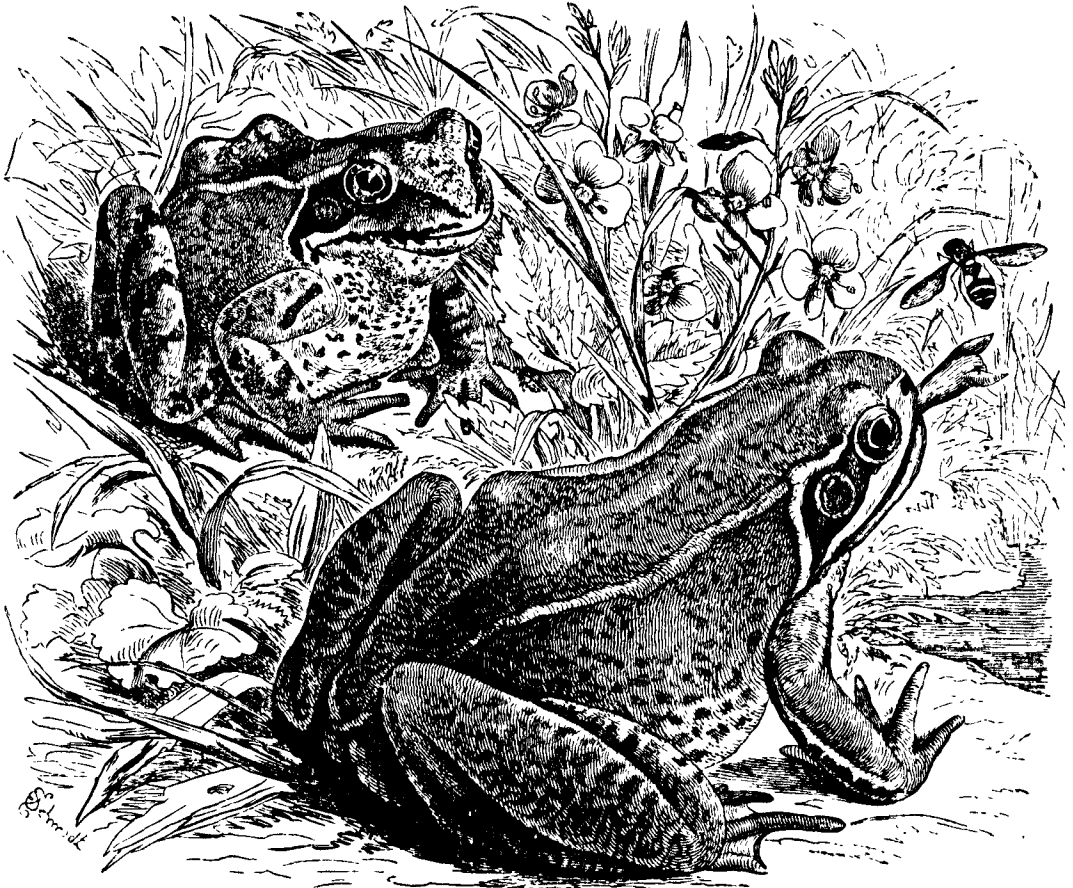
По Буланже, присутствіе обоихъ родичей и притомъ столь рѣзко различныхъ между собой формъ въ одной и той же мѣстности объясняется тѣмъ, что разновременное метаніе икры исключаетъ возможность помѣсей; я же прибавилъ бы къ этому предположенію, что одна изъ этихъ формъ распространилась въ окрестностяхъ Берлина позднѣе другой.

По словамъ Ведряги, голосъ озерной лягушки сильнѣе, благозвучнѣе и ниже голоса зеленой лягушки; она издаетъ громкое «уорр уорр круу», которое звучитъ довольно недурно.

Немногія зеленыя лягушки умираютъ естественной смертью, большинство кончаетъ свое существованіе за столомъ гастронома и въ клювѣ или когтяхъ хищной птицы. Живучесть ихъ необыкновенна. Правда, будучи замороженными и оттаяны, онѣ не возвращаются къ жизни, какъ думали прежде, но онѣ въ состояніи противустоять долгое время сильному зною — фактъ, имѣющій, впрочемъ, мѣсто только на югѣ, такъ какъ на сѣверѣ при подобныхъ условіяхъ онѣ переходятъ въ другіе водные бассейны. Даже сильныя пораненія у нихъ быстро заживаютъ; послѣ самаго ужаснаго калѣченія онѣ еще могутъ жить цѣлыя часы. Спалланцани отрѣзалъ голову у одного сидѣвшаго на самкѣ самца; несмотря на это, послѣдній не разжалъ переднихъ лапъ, которыми обнялъ самку, и только черезъ 7 часовъ, когда самка перестала метать икру, обезглавленное тѣло отстало отъ нея, но движенія его все еще продолжались часа четыре. Наши зеленыя лягушки имѣютъ опасныхъ враговъ среди всякаго рода хищныхъ звѣрей,—онѣ дѣлаются добычей лисицъ, выдръ, хорьковъ и водяныхъ крысъ; на нихъ нападаютъ крачуны и орлы—крикуны и родственныя имъ птицы, аисты и цапли; форели, щуки и другія хищныя рыбы также проглатываютъ ихъ. У насъ люди препятствуютъ сильному размноженію ихъ тѣмъ, что вынимаютъ изъ воды ихъ икру и оставляютъ ее сохнуть на сухомъ мѣстѣ. Уже въ южной Германіи и въ остальныхъ южныхъ частяхъ Европы этихъ лягушекъ усердно преслѣдуютъ ради ихъ ляшекъ, представляющихъ собой по истинѣ лакомое, питательное и здоровое блюдо, а отнюдь не то «противное, нездоровое кушанье, отъ котораго блѣднѣетъ тѣло тѣхъ, кто его ѣстъ», какъ утверждаетъ старый Геснеръ. Правда, и на югѣ, напримѣръ въ Лигуріи, питаютъ отвращеніе къ подобному блюду, но зато есть мѣста, гдѣ ѣдятъ его съ большою охотою, напримѣръ въ Ниццѣ и Пьемонтѣ. Насколько цѣнятъ это кушанье во Франціи, хорошо видно изъ того, что слово «Grenouiller» отнюдь не значитъ только «напиваться» или «нализаться», но также и ловить лягушекъ, именно поставляютъ ихъ на кухню. Ловля лягушекъ особенно обильна бываетъ осенью, когда животныя становятся наиболѣе жирными, при чемъ ихъ ловятъ самымъ различнымъ образомъ: съ помощью прутьевъ или бичей, крючковъ, стрѣлъ и сѣтей. На крючекъ ихъ ловить очень легко, стоитъ только въ видѣ приманки привязать красную тряпочку и ею двигать; убиваніе же лягушекъ стрѣлами, пущенными изъ лука на привязи, является уже дѣломъ, требующимъ большей сноровки, ловля же сѣтями бываетъ успѣшна только вначалѣ, такъ какъ лягушки скоро соображаютъ, что ихъ преслѣдуютъ, и забираются въ иль. Въ Германіи довольствуются обыкновенно одними задними ляшками, напротивъ, въ Италіи лягушку ѣдятъ цѣлкомъ, предварительно выпотрошивъ. Какъ уже было упомянуто, зеленыя лягушки терпятъ отъ преслѣдованія человѣка менѣе, чѣмъ сѣрая лягушка, ляшки которой особенно вкусны и которую легче добыть въ большихъ количествахъ.

Сѣрая или Травяная лягушка (*Rana temporaria, muta, fusca, cruenta, alpina, scotica, flaviventris, platyrhinus, dybowskii, Grasfrosch. Grenouille rousse*) дости-

гаетъ такихъ же размѣровъ, какъ только что описанный видъ, приблизительно 7—9 см., но отличается отъ него, какъ мы отмѣтили уже выше, строеніемъ тѣла, окраской и образомъ жизни настолько, что ее положительно никто не смѣшаетъ. Верхнія части ея покрыты по бурому или ржаво-бурому фону темно-бурыми или черными пятнами; на вискахъ имѣется темное продольное пятно; ноги исполосованы поперекъ темнымъ цвѣтомъ; грудь и брюхо, какъ у самцовъ, такъ и у нѣсколько болѣе крупныхъ самокъ покрыты по свѣтлому фону ржаво-бурыми пятнами или же имѣютъ такой же мраморный рисунокъ. Сошниковые зубы нахо-

Сѣрая лягушка. *Rana temporaria*. Наст. вел.

дятся не между внутренними носовыми отверстиями, какъ у зеленыхъ лягушекъ, но идутъ назадъ за линію, которую можно было бы провести отъ нижняго конца одного носоваго отверстия до нижняго конца другого. Лапы не имѣютъ такихъ большихъ плавательныхъ перепонокъ, какъ лапы зеленыхъ лягушекъ. Рыло тупое, ступневый наростъ бываетъ тупой и небольшой. Родиной сѣрой лягушки являются сѣверная и средняя Европа, начиная отъ сѣверной Испаніи и Англій черезъ сѣверную и среднюю Францію, Швецію и всю Германію, сѣверную Италію и Австро-Венгрію до Финляндіи, Европейская Россія и Скандинавія до Нордкапа, равно какъ сѣверная и умѣренная Азія до Монголіи, Восточной Сибири, Приамурскихъ областей и наконецъ островъ Іезо. Въ горахъ она забирается на высоту 2250 м., на-

примѣръ была находима еще на Гримза, близъ тамошняго монастыря и на высокихъ альпійскихъ озерахъ Сень-Готарда, хотя озера эти часто еще въ іюлѣ покрыты льдомъ. То же самое бываетъ, по словамъ Лессона и графа Сальвадори, и въ пьемонтскихъ Альпахъ. На югѣ, а, по Мехели, и въ Венгріи она вообще живетъ только въ горахъ. Подобное распространеніе обусловливается относительною нечувствительностью ея къ холоду. Въ долинахъ она живетъ у воды только въ пору спариванья, за исключеніемъ, разумѣется, зимнихъ мѣсяцевъ; напротивъ, въ верхнихъ горныхъ поясахъ она до нѣкоторой степени замѣщаетъ зеленую лягушку, почти не покидая воды, послѣ небольшой прогулки по суши въ молодомъ возрастѣ. Она просыпается отъ зимней спячки прежде всѣхъ другихъ безхвостыхъ земноводныхъ, спаривается, когда воды еще не очистились отъ льда, и головастики ея вылупляются ранѣе, чѣмъ родственныя ей формы начнутъ свое икрометаніе. Личинки ея также развиваются быстрѣе головастиковъ другихъ лягушекъ и такимъ образомъ для нея является возможнымъ продолжительное пребываніе въ странахъ, гдѣ лѣто длится лишь нѣсколько недѣль. Зеленая лягушка, оплодотвореніе которой совершается гораздо позже, а личиночное состояніе длится дольше, не могла бы выживать въ этихъ сѣверныхъ странахъ, напротивъ, для травяной лягушки короткаго лѣта вполне достаточно и, если дѣйствительно холодъ какъ нибудь наступитъ ранѣе обычнаго времени, то она спокойно перезимовываетъ въ непревращенномъ личиночномъ состояніи. Метаніе икры эти лягушки охотно совершаютъ общественно. Въ долинахъ пора оплодотворенія начинается уже въ среднихъ числахъ марта, если только особенно холодная зима не продержитъ воды скованными болѣе продолжительное время. Стенструпомъ и Лейдигомъ замѣчено, что самцы передъ спариваньемъ имѣютъ голубоватый блескъ. Послѣдній прочно установилъ, что, за исключеніемъ темной окраски и морщинистой кожи боковъ, постоянныхъ признаковъ самцовъ, пришедшихъ въ охоту, часто имѣется еще яркая голубо-сѣрая окраска въ области верхней части подбородка и на горлѣ. Этотъ голубой налетъ быстро пропадаетъ, какъ только животное вынуто изъ воды. Впослѣдствіи этотъ голубой «налетъ» констатировали и у самцовъ обоихъ другихъ бурныхъ видовъ германскихъ лягушекъ. Яйца откладываются до такой степени быстро, что весь ихъ запасъ выпускается и оплодотворяется большею частью уже втеченіе одного часа. Самца почти нельзя оторвать отъ самки, разъ онъ обхватилъ послѣднюю, и, будучи разлученъ съ нею силою, онъ тотчасъ же возвращается къ ней. По наблюденіямъ Рёзеля, самка можетъ такъ пострадать отъ бурныхъ объятій самца, что послѣдній, если онъ больше ее, можетъ иногда раздавить своими объятіями ея тѣло; этотъ наблюдатель убѣдился также, что нѣкоторые самцы скорѣе позволяютъ себѣ вывихнуть ногу, нежели оставлять самку. При недостаткѣ самокъ самцы садятся другъ на друга, обхватываютъ мертвыхъ самокъ, жабъ и если нѣсколько холостыхъ самцовъ встрѣчаютъ совокупляющуюся пару, они нерѣдко садятся на спарившихся животныхъ, образуя безпорядочную кучу. Яйца сѣрой лягушки, болѣе крупныя, чѣмъ яйца зеленыхъ лягушекъ, но зато уступающія имъ въ численности, откладываются на дно, оболочка ихъ вскорѣ впитываетъ въ себя воду, а впослѣдствіи она, какъ мы уже упоминали, снова поднимается на поверхность, образуя тамъ объемистыя, компактыя слизистыя скопленія. При незначительной теплотѣ, господствующей въ мартѣ, развитіе протекаетъ медленно. Только на 14-й день можно ясно различить личинку; спустя 3, а при неблагоприятной погодѣ 4 недѣли онѣ вылѣзаютъ и плаваютъ кругомъ, но время отъ времени возвращаются къ оставленному ими слизистому скопленію, быть можетъ съ цѣлью питаться имъ. По Лей-

дигу, личинки вначалѣ бываютъ черноватыми и въ то время, какъ бока и брюшко ихъ уже сдѣлались свѣтлыми, спина долго еще остается темной. Блесъ и Милнь-Маршалль сообщаютъ объ удивительномъ фактѣ въ жизни личинокъ сѣрой лягушки. Въ то время, какъ у молодыхъ свободноплавающихъ головастикавъ существуетъ обычный сквозной пищеводъ, у этихъ головастикавъ при длинѣ тѣла въ 7,5 мм., онъ суживается до совершеннаго исчезнованія сквозного отверстія и остается въ видѣ плотнаго тяжа, пока личинка не достигнетъ величины около 10,5 мм. Кромѣ того интересно, что это исчезновение просвѣта происходитъ ранѣе, чѣмъ образуется ротовое отверстіе и что оно длится еще нѣкоторое время и послѣ этого важнаго момента. Съ этихъ поръ развитіе личинки ускоряется и уже втеченіе 3-хъ мѣсяцевъ она превращается въ лягушку. Вслѣдъ за этимъ послѣдняя оставляетъ воду, при чемъ лягушки совершаютъ это часто одновременно и при благоприятныхъ обстоятельствахъ такими массами, что старые рассказы о лягушечьихъ дождяхъ находятъ въ этомъ фактѣ естественное объясненіе. Въ высоко лежащихъ мѣстностяхъ, метаніе икры лягушками, превращеніе головастикавъ въ совершенныя формы, конечно, можетъ совершиться въ томъ же году только въ исключительныхъ случаяхъ; большею же частью животныя, какъ то единогласно указали Фатіо и Камерано, бываютъ вынуждены перезимовывать подъ ледянымъ покровомъ, прежде чѣмъ закончить свое превращеніе, что и совершается слѣдующимъ лѣтомъ.

Съ этихъ поръ лягушата сѣрыхъ лягушекъ начинаютъ жизнь взрослыхъ животныхъ. Отъ зеленыхъ лягушекъ они отличаются тѣмъ, что въ это время часто далеко отдаляются отъ воды, прыгая по лугамъ и садамъ, въ поляхъ и въ лѣсахъ, по кустарникамъ и другимъ подобнымъ мѣстамъ, въ жаркіе дни залзая подъ камни, между корней деревьевъ, въ норы и другіе укромныя уголки, и выходя на добычу при наступленіи сумерекъ. Эта охота состоитъ изъ уничтоженія разнообразныхъ насѣкомыхъ, голыхъ слизняковъ и тому подобныхъ мелкихъ животныхъ, слѣдовательно она приноситъ намъ только пользу и, быть можетъ, даже болѣе значительную, чѣмъ мы то думаемъ. Свѣи путешествія сѣрыя лягушки совершаютъ маленькими скачками. Онѣ странствуютъ по своему району маленькими прыжками; завидя насѣкомое, онѣ устраиваютъ засаду и поджидаютъ намѣченную добычу, но не отыскиваютъ ее. Когда послѣдняя приблизится къ нимъ довольно близко, онѣ, какъ молнія, бросаются на нее, выбрасываютъ свой клейкій языкъ и, если ловъ былъ удаченъ, безъ дальнѣйшаго размышленія проглатываютъ пойманное животное; однако онѣ очень разборчивы по отношенію къ тѣмъ или другимъ видамъ, поѣдая, напримѣръ, пчелъ, ось же выплевывая обратно.

Въ одномъ отношеніи сѣрыя лягушки далеко уступаютъ своимъ зеленымъ сородичамъ: онѣ плохіе музыканты. Только въ извѣстное время, особенно въ пору спариванія онѣ издаютъ нѣчто въ родѣ ворчанія и хрюканія, что въ благозвучіи сильно уступаетъ крику зеленыхъ лягушекъ, звуки эти издаются одинаково какъ самцами, такъ и самками. Въ противоположность зеленой лягушкѣ, сѣрыхъ слѣдовало бы назвать нѣмыми, особенно во время лѣтнихъ мѣсяцевъ, когда онѣ совершаютъ свои дѣла совершенно тихо и безъ шума. Въ неволѣ сѣрая лягушка ведетъ себя далеко не такъ необузданно, какъ зеленая лягушка, ручнѣетъ тоже гораздо скорѣе и вообще лучше и скорѣе приспособляется къ измѣнившимся обстоятельствамъ, нежели послѣдняя.

Ни одно безхвостое земноводное животное не имѣетъ больше враговъ, какъ сѣрая лягушка. Ее преслѣдуетъ и старъ и младъ, какъ въ водѣ, такъ и на сушѣ; ее преслѣдуютъ во всѣхъ стадіяхъ ея развитія; только тогда она можетъ считаться

въ безопасности отъ нападеній, когда около конца октября зароется въ иль на зимнюю спячку. Впрочемъ, большая часть самокъ, повидимому, перезимовываетъ на сушѣ, на землѣ подъ упавшей листвою и въ другихъ защищенныхъ отъ мороза укромныхъ уголкахъ. Всѣ млекопитающія, всѣ птицы, которыя питаются пресмыкающимися и земноводными, въ сѣрыхъ лягушкахъ во всякое время находятъ легкую добычу; питающіяся земноводными змѣи направляютъ свои преслѣдованія главнымъ образомъ противъ нихъ, и, повидимому, предпочитаютъ ихъ зеленымъ лягушкамъ; даже и сіи послѣднія уничтожаютъ ихъ, въ особенности ихъ личинокъ; раки также предпочитаютъ ихъ зеленымъ сородичамъ. Къ этому почти неисчислимому полчищу враговъ присоединяется еще человѣкъ. Благодаря своимъ тучнымъ бедрамъ, сѣрыя лягушки ловятся и убиваются имъ еще усерднѣе, нежели зеленыя. Кромѣ этихъ понятныхъ преслѣдованій часть ихъ дѣлается жертвою безразсуднаго гоненія, и вмѣстѣ съ жабами, за тѣ благодѣянія, которыя онѣ тихо и украдкой совершаютъ на поляхъ и лугахъ, въ лѣсахъ и садахъ, онѣ терпятъ злую несправедливость, будучи убиваемы изъ чистаго безразсудства; но погибшія тысячи этихъ животныхъ, къ счастью, не уменьшаютъ или едва замѣтно уменьшаютъ число этихъ полезныхъ животныхъ. Благопріятная весна покрываетъ потери за 10 предыдущихъ годовъ.

* *
*

Болотная или Остромордая лягушка (*Rana arvalis, oxurrhinus*. Moorfrosch Grenouille à museau pointu) стала лучше извѣстна намъ только въ новѣйшее время. Это очень похожее на сѣрую лягушку животное, имѣетъ въ длину 5—6,5 см. и отличается отъ предыдущей острой мордой и жесткимъ сжатымъ ступневымъ выростомъ. Пространство между глазами впадинами уже, нежели отдѣльное вѣко, железистыя складки боковъ сливы сильно выдаются и почти всегда сильнѣе окрашены, нежели окрестныя мѣста. Насколько похожа болотная лягушка на остальныхъ бурыхъ лягушекъ, настолько часто рѣзко она отличается отъ сѣрой лягушки постояннымъ отсутствіемъ пятенъ на бокахъ брюха и частымъ присутствіемъ широкой, свѣтлой, желтоватой или красноватой, по бокамъ отороченной чернымъ, спинной полосы.

«Между болотной и травяной лягушками», пишетъ Бетхеръ, «помимо отличія по вышности, окраскѣ и рисунку, имѣются еще значительная анатомическая разница, выясненіемъ которой мы существенно обязаны изслѣдованіямъ неутомимаго Лейдига. Одно изъ такихъ отличій настолько заслуживаетъ нашего вниманія, что я долженъ на минутку отвлечься для него. Сѣмянная нить сѣрой лягушки имѣютъ длинную, узкую, острую, нитевидную головку; у болотной же лягушки головка эта гораздо короче, цилиндрическая, спереди притупленная; слѣдовательно мы видимъ такую основную разницу, что Пфлюгеръ пытался, единственно на основаніи формы головокъ этихъ сѣмянныхъ нитей, механически объяснить фактъ, почему ему не удалось получить помѣсь между обоими этими видами лягушекъ. Другіе были счастливѣе Пфлюгера при полученіи искусственныхъ помѣсей обонхъ видовъ, но въ этомъ случаѣ легко заподозрить, что они производили свои опыты не надъ двумя настоящими видами, но надъ разновидностью той или другою лягушки, какъ это, хотя и рѣдко, случается естественнымъ путемъ».

О границахъ распространенія этого вида мы еще не имѣемъ достаточныхъ свѣдѣній; повидимому она очень ограничена. На западъ этотъ видъ идетъ до Рейна, и переходитъ за него, быть можетъ, только въ Голландію, а вѣроятнѣе въ Эльзасъ; на юго-западѣ онъ распространяется до сѣверной Швейцаріи, на востокъ

же по сѣверной и средней Европейской Россіи, а на сѣверѣ живетъ въ Даніи и въ южной Скандинавіи является господствующимъ видомъ. Въ очень недавнее время Мехели нашелъ также болотную лягушку въ прирѣчныхъ долинахъ и въ окрестностяхъ прудовъ и болотъ Венгріи и, что весьма интересно, всегда при отсутствіи травяной лягушки. Въ Азіи ее нашли въ Западной Сибири, на Кавказѣ и въ сѣверной Персіи.

Что касается до Германіи, то до сихъ поръ остромордую лягушку находили только въ окрестностяхъ Зигбурга по нижнему Рейну, Эльберфельда и Мюнстера въ Вестфалии, въ Ольденбургѣ, Вегезакѣ, Ганноверѣ, Брауншвейгѣ, Мекленбургѣ, около Берлина, Штеттина, по всей восточной и западной Пруссіи, около Бре-

Болотная лягушка. *Rana arvalis*. Наст. вел.

славя, Дрездена, Лейпцига, Галле, Магдебурга, Рогетца, Нейгальденслебена и Остербурга, возлѣ Мерзербурга, Нюренберга, Эрлангена и Швобгейма въ Франконіи, около Зейлигенштадта и Офенбаха, Висбадена, близъ Манггейма и Шпейера, Людвигсгафена, Карльсруэ и Фрейбурга въ Баденѣ и наконецъ около Нейдорфа въ Эльзасѣ. Въ прежніе годы эта лягушка встрѣчалась также возлѣ Франкфурта на Майнѣ.

Въ средней Германіи болотная лягушка живетъ преимущественно по окраинамъ топей, поросшихъ осокой, слѣдовательно въ мѣстахъ, гдѣ растутъ тростникъ, голубица, болотный молочай и т. п. растенія. Здѣсь она часто встрѣчается въ обществѣ зеленыхъ и травяныхъ лягушекъ, но, по изслѣдованіямъ Бетхера, по бассейну Майна попадаетъ рѣже обоимъ названнымъ видамъ.

Какъ мы уже видѣли, время метанія икры у сѣрой лягушки приходится по срединѣ марта, у остромордой лягушки оно начинается двумя или тремя недѣлями

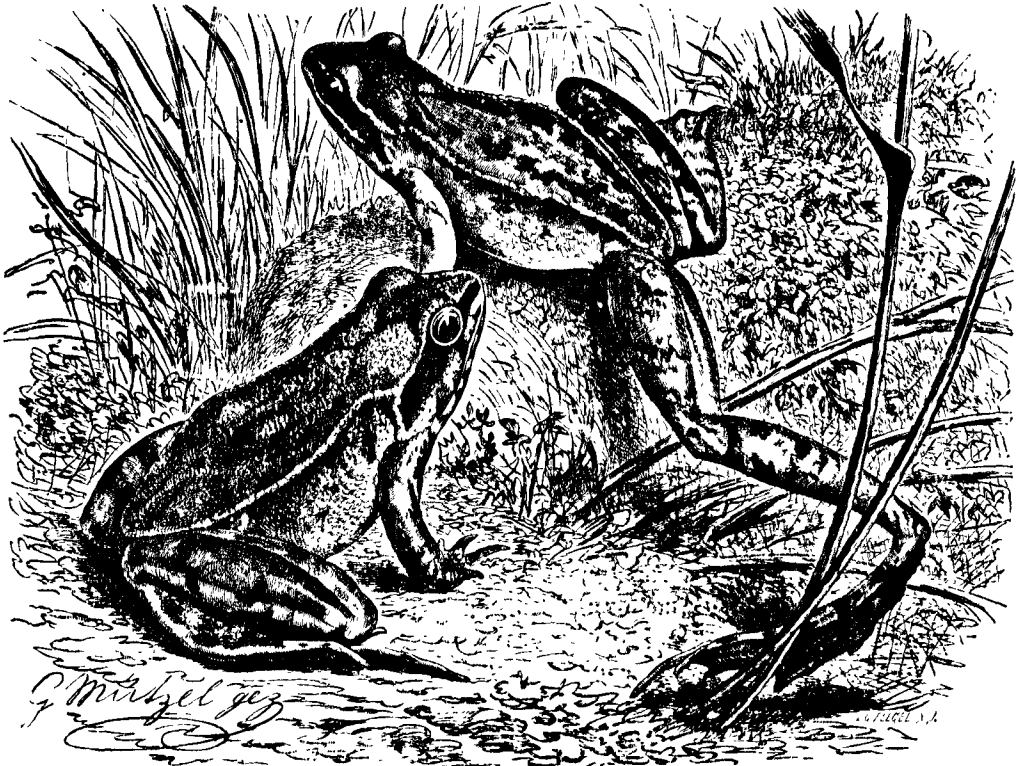
позднѣе. «Всюду, гдѣ только водится болотная лягушка,» пишетъ далѣе Бетхеръ, «она появляется изъ году въ годъ, стоитъ только ее поискать; такъ, на выгонахъ близъ Оффенбаха раннимъ лѣтомъ вы ее всегда найдете. Совмѣстное жительство болотной, травяной и зеленой лягушекъ въ прежнее время даже весьма опытныхъ и осторожныхъ наблюдателей наводило на мысль, не есть ли болотная лягушка, которая по строенію рыла и формѣ ступневого выроста, а у полосатыхъ экземпляровъ и по окраскѣ, занимаетъ почти среднее положеніе между зеленой и травяной лягушками,—помѣсь между обоими этими видами. Одно простое соображеніе тотчасъ же доказываетъ неосновательность такого взгляда. Если бы болотная лягушка была такою промежуточной формой, то слѣдовало-бы предположить, что эта форма унаслѣдовала тождественные признаки обоихъ родичей неизмѣненными, а различія обѣихъ коренныхъ формъ въ ней болѣе или менѣе сгладились, какъ мы это можемъ видѣть во всякое время на помѣси нашихъ прѣсноводныхъ рыбъ. Между тѣмъ плавательная перепонка у зеленыхъ лягушекъ совершенная, натянутая между пальцевъ по всему ихъ протяженію; плавательная перепонка у травяной лягушки почти совершенная, натянутая между пальцевъ на $\frac{3}{4}$ ихъ длины; напротивъ, предполагаемый потомокъ ихъ, болотная лягушка, имѣетъ какъ разъ несовершенную плавательную перепонку, слегка расширяющуюся только въ пору любви и почти всегда только на $\frac{2}{3}$, заполняющую пространство между пальцевъ. Помѣсь же не можетъ обладать признакомъ, выраженнымъ гораздо слабѣе, чѣмъ у обѣихъ его родичей; напротивъ, признаки его должны походить или на признаки отца или матери или занимать между признаками послѣднихъ среднее положеніе. Но и помимо этого смѣшенія обѣихъ этихъ видовъ можно свободно признать не существующимъ уже потому, что промежутокъ между временами спариванія зеленой и сѣрой лягушекъ равенъ по крайней мѣрѣ двумъ мѣсяцамъ. Пфлюгеръ же точно доказывалъ, что течка у обѣихъ видовъ быстро пропадаетъ».

По Лейдигу, котораго мы будемъ придерживаться въ нижеслѣдующихъ замѣчаніяхъ, только что развившійся лягушенокъ болотной лягушки имѣетъ въ длину всего 1,5 см. Голосъ самца въ пору спариванія такъ же отличается отъ соответствующаго голоса самца травяной лягушки, какъ ихъ голоса вообще отличны между собой. Въ неволѣ болотная лягушка ведетъ себя спокойно и, находясь въ необычныхъ для нея условіяхъ, со вниманіемъ слѣдитъ за тѣмъ, что происходитъ возлѣ нея, и не скорчивается тотчасъ, но скорѣе, по примѣру жабы, согнувъ сильно голову, слѣдитъ за подозрительнымъ предметомъ; будучи испуганной, она надуетъ, подобно жабѣ и такъ-же часто какъ послѣдняя, свои бока. Къ ночи, особенно въ бурю и дождь, болотная лягушка становится очень безпокойной и непрерывно скачетъ. По склонности заранѣе залегать въ зимнюю спячку, болотная лягушка, повидимому, болѣе приближается къ зеленой лягушки, нежели къ травяной.

Какъ и у травяной лягушки кожа самца болотной лягушки во время пребывания въ водѣ въ пору течки бываетъ подернута голубоватымъ налетомъ, причѣмъ горло замѣтно синѣетъ и этотъ голубой налетъ у болотныхъ лягушекъ, повидимому, бываетъ еще ярче и наблюдается еще чаще, чѣмъ у другихъ формъ.

. **Проворная лягушка** (*Rana agilis, gracilis*. Springfrosch. Grenouille agile) одна изъ самыхъ рѣдкихъ формъ въ Германіи, представляетъ собой нѣжное и узкотѣлое животное, характеризующееся своимъ острымъ рыломъ и чрезвычайно длинными задними ногами. Длина ея тѣла достигаетъ 5,5—7 см., длина же ея заднихъ ногъ 10,5—12 см. Если же мы возьмемъ лягушку въ руки и приложимъ ея заднюю ногу къ боку головы, то пяточное сочлененіе всегда доходитъ до конца

морды. Барабанная перепонка почти всегда равна величинѣ глаза и находится очень близко позади него. Темяное пятно очень темное; отъ конца рыла вдоль верхней губы и до конца темяного пятна идетъ бѣловатая линия; заднія конечности бывають обыкновенно поперечно исчерчены, брюхо не покрыто пятнами. Отличительнымъ признакомъ отъ другихъ ей родственныхъ видовъ Лейдигъ считаетъ также свѣтлый, нѣжный, пріятный для глаза, красновато или желтовато-сѣрый основной цвѣтъ тѣла, который то на болѣе, то на менѣе продолжительное время можетъ исчезать въ зависимости отъ дѣятельности пигментныхъ клѣтокъ кожи. Такъ, этотъ натуралистъ наблюдалъ нѣкоторыхъ изъ содержавшихся въ комнатѣ лягушекъ настолько потемнѣвшихъ при температурѣ $+ 6^{\circ} \text{C.}$,

Проворная лягушка. *Rana agilis*. Наст. вел.

что ихъ можно было назвать черными. Онѣ сдѣлались болѣе свѣтлыми спустя нѣсколько дней.

Внутреннее отличіе ихъ отъ остальныхъ бурыхъ формъ также очень значительно. Такъ, у самцовъ этой лягушки совсѣмъ нѣтъ внутреннихъ мѣшковъ резонаторовъ, тогда какъ самцы травяной и болотной лягушекъ имѣють такіе резонаторы подъ кожей въ углу нижней челюсти. Самцы проворной лягушки все же имѣють голосъ, какъ о томъ согласно говорятъ Томасъ, Фатіо и Лейдигъ. Затѣмъ сѣмянныя нити проворной лягушки, будучи сходны съ таковыми у травяной лягушки, совершенно не похожи на сѣмянныя нити болотной лягушки, съ которой проворная имѣетъ больше общихъ чертъ по наружному виду и по образу жизни.

Проворная лягушка весьма распространена; она живетъ почти по всей Франціи, въ западной и южной Швейцаріи, въ сѣверной и средней Италіи, по

всей Австро-Венгрии, гдѣ чаще всего встрѣчается около Вѣны, а, по Мойсисовичу, также въ Каринтіи и Семиградіи; она водится также въ Кroatіи, Далмаціи, Босніи, Албаніи. Эпирѣ, Греціи, въ западной части Закавказья и на юговосточномъ берегу Каспійскаго моря. Въ этихъ мѣстностяхъ она живетъ на лугахъ, въ сырыхъ лѣсахъ прірѣчныхъ низменностей и невысокихъ холмовъ; всегда держится поблизости ручьевъ и мелкихъ источниковъ, а въ горахъ поднимается только до высоты въ 1300 м.

Въ Германіи эта лягушка впервые была добыта въ 1880 году у Страсбурга въ Эльзасѣ, затѣмъ была найдена вблизи Вюрцбурга у Гехберга и Фейтсгохгейма и наконецъ на берегахъ Рейна; однако все это время она попадалась единичными экземплярами. Поэтому Лейдигъ считаетъ эту лягушку въ Германіи вымирающимъ видомъ. Изъ дальнѣйшихъ мѣстъ нахождения проворной лягушки отмѣтимъ еще Матцингъ у Траунштейна въ Верхней Баваріи, гдѣ она была найдена въ 1891 г. госпожей Трогеръ и опять таки въ единственномъ экземплярѣ, который и былъ посланъ Ветхеру.

По Фатіо, кожа спаривающагося самца, благодаря наполненію лимфатическихъ полостей, становится вздутой и рыхлой, по Вольтерсторфу, на шеѣ его появляется такой же голубой налетъ, какой въ пору любви мы видимъ и у другихъ бурныхъ формъ лягушекъ Германіи. Время икротетанія у проворной лягушки, по Томасу, приходится 6—7 недѣлями позднѣе, нежели у травяной лягушки.

Голосъ самца, по Латасту, очень слабъ и состоитъ только изъ одного часто и быстро повторяемаго крика; звуки, издаваемые этими животными въ апрѣлѣ, напоминали Лейдигу голоса болотныхъ лягушекъ. По прошествіи поры тетанія икры, ни самцы, ни самки криковъ болѣе не издають, за исключеніемъ одного звука, похожаго на пискъ мыши, который они испускають, будучи пойманы или притиснуты. По Де-Лилло, проворная лягушка откладываетъ комки своихъ яицъ на самую глубину воды. Яйца мельче и многочисленнѣе, чѣмъ у травяной лягушки, отличаются отъ послѣднихъ и цвѣтомъ, причѣмъ черный цвѣтъ желточной массы ихъ темнѣе, бѣлокъ же ярко-бѣлый, такъ что оба эти цвѣта очень рѣзко выдѣляются. Молодой лягушонокъ, только что разившійся въ іюнѣ, имѣетъ въ длину 1,5—2 см.

Объ образѣ жизни проворной лягушки Латастъ сообщаетъ слѣдующее: «За исключеніемъ поры откладыванія икры, эту лягушку никогда не встрѣчаютъ въ водѣ, развѣ только, будучи случайно вспугнутой, она бросается туда въ два большихъ прыжка. Разъ она попала на воду, то скорѣе предпочитаетъ сидѣть на листьяхъ водяныхъ растений, чѣмъ держаться въ самой водѣ. Пища ея состоитъ изъ насѣкомыхъ, которыхъ она ловко ловитъ на лету. Въ теченіи октября проворныя лягушки устраиваются на зимнюю спячку — самки забираются подъ листья, въ пни деревьевъ, въ трещины скаль, самцы же зарываются въ илъ на глубокихъ мѣстахъ. Послѣдніе и лѣтомъ гораздо рѣже отдаляются отъ воды, нежели самки».

Объ образѣ жизни этого вида въ Германіи пока еще совершенно нѣтъ ни свѣдѣній, ни наблюденій.

* * *

Наши европейскія лягушки являются карликами въ сравненіи съ нѣкоторыми родичами ихъ въ Сѣверной и Средней Америкѣ, а также въ Индіи и съ извѣстными видами Соломоновыхъ острововъ, — карликами по величинѣ, ничтожными крикунами — по голосу. Къ однимъ изъ самыхъ громогласныхъ видовъ принадлежить одна сѣверо-американская лягушка, которую назвали по имени одного полез-

ЛЯГУШКА—БЫКЪ.

наго жвачнаго, это—**Лягушка-Быкъ** (*Rana catesbyana, conspersa, mugiens, ripiens, scapularis*. Ochsenfrosch. Grenouille taureau). Къ сожалѣнью, для рѣшенія, насколько справедливо такое названіе, я не имѣю возможности обратиться къ собственнымъ изслѣдованіямъ, но американскіе натуралисты и путешественники говорятъ согласно, что концертъ 500 такихъ лягушекъ совершенно нельзя сравнивать съ тѣми вечерними прудовыми концертами, которые мы слышимъ въ нашихъ мѣстностяхъ. Вычитываешь такъ много о «бессонныхъ ночахъ и докучливыхъ нарушителяхъ покоя» и т. п., что приходится сдѣлать прямой выводъ о такомъ же отношеніи между голосами нашихъ лягушекъ и лягушекъ быковъ, какое существуетъ между величиной ихъ тѣла.

Лягушка-быкъ есть самая большая лягушка въ Соединенныхъ Штатахъ, достигаетъ длины 17—19 см. и имѣетъ заднія ноги длиной въ 24 см. Интересна эта форма также своей широкой и большой плавательной перепонкой и величиной своей барабанной перепонки, достигающей величины глаза, у самцовъ же обыкновенно еще болѣе широкой. Верхняя часть этой лягушки имѣетъ оливково-бурый основной фонъ, покрытый темно-бурыми или волнистыми черными пятнами; нижняя часть желтовато-бѣлая, одноцвѣтная, чаще же покрыта бурымъ мраморнымъ рисункомъ. Зрачекъ красноватый съ желтымъ ободкомъ.

Отечество лягушки-быка простирается по всей восточной части Сѣверной Америки отъ Нью-Йорка до Нового Орлеана; но, повидимому, она нигдѣ не встрѣчается въ такомъ количествѣ, какъ наша зеленая лягушка, можетъ быть на томъ простомъ основаніи, что такому большому числу этихъ исполинскихъ обжоръ было бы трудно прокормиться. По Одюбону, лягушка эта живетъ почти во всѣхъ областяхъ восточныхъ Соединенныхъ Штатовъ, но въ южныхъ частяхъ встрѣчается все-таки несравненно чаще, чѣмъ въ сѣверныхъ. Обыкновенно ее находятъ около чистыхъ, тѣнистыхъ отъ густыхъ прибрежныхъ кустарниковъ рѣкъ. Здѣсь она въ полуденные часы сидитъ у воды, наслаждаясь солнечнымъ свѣтомъ, подобно своимъ сородичамъ, нашимъ зеленымъ лягушкамъ, при опасности же, показавшейся хотя бы издали, она бросается огромнымъ прыжкомъ въ воду, ныряя обыкновенно до самаго дна и плывя на другую сторону. Голосъ ея раздается громче голоса всякой другой лягушки и слышенъ на нѣсколько англійскихъ миль. Въ южныхъ штатахъ онъ раздается круглый годъ, хотя главнымъ образомъ все-таки въ весенніе и лѣтніе мѣсяца, въ сѣверныхъ же—только въ эти послѣдніе, какъ и слѣдовало ожидать, особенно въ пору спариванія, въ которую, основываясь на заслуживающихъ вѣру сообщеніяхъ, въ одномъ мѣстѣ собираются по крайней мѣрѣ нѣсколько сотенъ этихъ ревуновъ. Въ это время гиганты эти ведутъ себя такъ же, какъ и ихъ европейскіе сородичи, съ полнымъ усердіемъ выказываютъ всѣ свои музыкальные таланты, квакаютъ всю ночь безъ перерыва и могутъ довести почти до отчаянія слабонервнаго человѣка, живущаго по близости ихъ мѣстожительства. Американцы подражаютъ низкимъ, оживленнымъ басовымъ звукамъ этой лягушки словами «брумъ» или «moge gum» (побольше рому). Когда яйца отложены, всѣ лягушки снова расходятся, и отправляются на упомянутыя уже выше мѣста. Рано, съ первымъ осеннимъ заморозкомъ, по Гарнье, они уже забираются въ свои зимнія квартиры. Весьма интересно однако замѣчаніе этого натуралиста, что лягушка—быкъ, по крайней мѣрѣ въ Канадѣ, перезимовываетъ въ личиночномъ состояніи и слѣдовательно на ея полное превращеніе уходитъ два года.

Прожорливость этой лягушки хорошо извѣстна всякому живущему по близости сельчанину. Главную пищу ея составляютъ насѣкомыя, наземныя и прѣсновод-

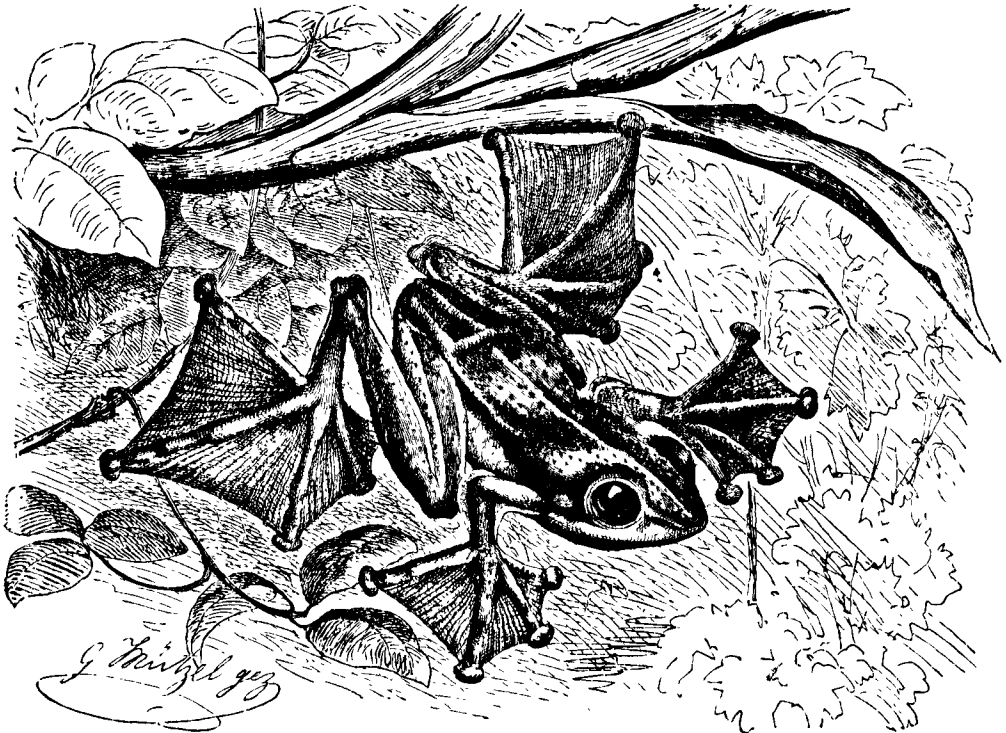
няя улитки: однако, если есть что-либо еще, она отнюдь не довольствуется такой добычей, но хищнически бросается на все живое, завладѣть которымъ считаетъ себя въ силѣ. Что у нашихъ лягушекъ выражается только въ попыткахъ, то ею совершается на дѣлѣ: она жадно ловить мелкую рыбешку, хватая съ низу плывущаго утенка, утаскиваетъ его въ глубину, топить и проглатываетъ, ловкимъ прыжкомъ она завладѣваетъ неосторожно приблизившимся къ берегу ципленкомъ и, прежде чѣмъ на помощь къ нему со взерошенными перьями подоспѣтъ насѣдка, утаскиваетъ его такимъ же образомъ въ укромное мѣсто на дно. Дюмериль нашелъ въ желудкахъ 5 или 6 осмотрѣнныхъ имъ лягушекъ остатки всевозможныхъ насѣкомыхъ, улитокъ, моллюсковъ вообще, остатки и остовы рыбъ, а также и кости птицъ; Харланъ рассказываетъ, какъ онъ убилъ одну лягушку-быка въ тотъ моментъ, когда послѣдняя хотѣла проглотить пойманную ею змѣю. Фермеры положительно утверждаютъ, что эти лягушки гораздо усерднѣе преслѣдуютъ молодыхъ птенцовъ водяныхъ птицъ, нежели норки и ихъ родичи. Такая прожорливость часто ведетъ ее къ гибели: она бросается на ловко наживленный крючекъ съ такой же жадностью, какъ и на цыпленка, и легко попадаетъ въ руки своего противника, которому до тѣхъ поръ приносила вредъ, при чемъ она для него является желанной добычей, такъ какъ изъ нея готовится прекрасное блюдо. Она ловится не только на крючекъ, но также въ сѣть, въ падающія ловушки и даже убивается дробью, такъ какъ лягушка, часто всѣяная около 300 gr., уже стоитъ выстрѣла, хотя на кушанье идутъ только ея толстыя ляшки. Кромѣ того ее съ успѣхомъ преслѣдуютъ болѣе крупныя хищныя звѣри, въ особенности же рыбы, повидимому, такія же большія охотницы до ея вкуснаго мяса, какъ и наши гастрономы. По Одюбону, для ловли акулъ нѣтъ лучше наживки, какъ лягушка-быкъ.

Въ новѣйшее время живыя лягушки этого рода нерѣдко попадаютъ въ Европу и здѣсь живутъ въ терраріяхъ нѣкоторыхъ любителей. Я самъ неразъ держалъ ихъ и могъ долгое время наблюдать за ними, но всегда находилъ, что въ существенныхъ чертахъ онѣ все же отличаются отъ нашихъ зеленыхъ лягушекъ. Соотвѣтственно своей величинѣ, онѣ требуютъ больше корма, почему оказываются еще болѣе прожорливыми, глотаютъ болѣе крупныя куски, но во всемъ остальномъ—своей позой, манерами, повадками и привычками совершенно сходны съ нашими лягушками. Особеннаго ухода онѣ не требуютъ, имъ нужно только вдоволь корму и воды, чтобы имѣть возможность во всякое время освѣжать свою кожу. Кормя ихъ зелеными и сѣрыми лягушками, живыми рыбами и маленькими птичками, которыхъ онѣ проглатываютъ съ такою же жадностью, ихъ можно довести до хорошаго состоянія и даже въ полномъ смыслѣ откормить, такъ какъ онѣ, пока стоитъ хорошая погода, рѣдко отказываются отъ предлагаемой имъ добычи. Въ нашихъ краяхъ онѣ ужались бы безъ труда, если бы это сколько-нибудь было полезно. По Фишеру, лягушка-быкъ достойна вниманія своей приучаемостью и при соответствующемъ уходѣ, конечно, будетъ размножаться, тѣмъ болѣе, что оба пола приступаютъ къ этому даже въ темныхъ ящикахъ.

* *
*

«Одно изъ самыхъ рѣдкихъ и интересныхъ земноводныхъ животныхъ», рассказываетъ Уоллесъ, «которое я нашелъ въ Борнео, была большая древесная лягушка, принесенная мнѣ однимъ работникомъ китайцемъ. Онъ рассказывалъ, что видѣлъ, какъ лягушка, словно плывя, слетѣла въ косомъ направленіи съ высокаго дерева. При ближайшемъ изслѣдованіи животнаго я нашелъ, что очень крупныя пальцы его заднихъ лапъ затянуты перепонкой до самыхъ наружныхъ кон-

цовъ, такъ что. будучи растопыренными, они представляли собою площадь больше площади тѣла. Пальцы переднихъ лапъ были точно также соединены перепонкой и наконецъ тѣло могло значительно надуваться. Спина и конечности имѣли блестящую темно-зеленую окраску, ноги имѣли темныя поперечныя полосы, низъ тѣла и внутренней палець были желтые, плавательныя перепонки исптрихованы желтыми и черными полосками. Длина тѣла равнялась приблизительно 10 см., тогда какъ совершенно растопыренная перепонка каждой изъ заднихъ ногъ занимала собою площадь въ 28, а плавательныя перепонки, всѣ вмѣстѣ взятая, площадь приблизительно въ 81 кв. см. Такъ какъ концы пальцевъ заднихъ ногъ имѣли особенныя прищипныя подушечки, помогавшія животному удерживаться и

Яванская летающая лягушка. *Rhacophorus reinwardti*. 2, наст. вел.

доказывавшія его принадлежность къ древеснымъ лягушкамъ, то не совсѣмъ вѣрится, чтобы эти обширныя перепонки заднихъ лапъ служили только для плаванія, и рассказъ китайца о томъ, что эта лягушка слетѣла съ дерева, приобретаетъ извѣстную вѣроятность. Съ тѣхъ поръ это неразъ подтверждалось другими европейскими путешественниками.

«Насколько я знаю, это первый примѣръ летающей лягушки, заслуживающей вниманія всѣхъ, такъ какъ онъ показываетъ, что измѣненіе въ организаціи пальцевъ, которые уже могли приспособляться къ плаванію и къ лазанію, можетъ идти далѣе и даетъ возможность нѣкоторымъ видамъ земноводныхъ переноситься по воздуху, подобно летягамъ или летающимъ ящерицамъ».

Лягушка, которую Уоллесъ описываетъ въ вышеприведенныхъ словахъ, и въ которыхъ онъ совершенно справедливо увидѣлъ новый, еще неописанный видъ, есть

Борнеоская летающая лягушка (*Rhacophorus pardalis*, Borneoflugfrosch. Grenouille vollante), представитель рода **Веслоногих лягушек** (*Rhacophorus*, Ruderfrösche), которых теперь известно 42 вида: 30 из южной и восточной Азии и 12 с Мадагаскара. Все они отличаются от зеленых лягушек вставной косточкой между последним и предпоследним суставом пальцев задних ног; наружный конец предпоследнего сустава также снаружи и при том наверху по спинке пальца характеризуется присутствием бугорка; пальцы передних ног также почти всегда связаны между собой плавательными перепонками. Пальцы обеих пар конечностей всегда снабжены прищипными кружками. Во всем остальном эти лягушки во внутренней организации никаких существенных отличий не имеют, хотя по наружному виду они совершенно выгладят древесными лягушками и, подобно им, живут на деревьях и кустах. У самца имеется один или два внутренних пузыря резонатора.

Одной из форм, родственных виду, описанному Уоллесом, является **Яванская летающая лягушка** (*Rhacophorus reinwardti*, Pupsiboas, Nyala reinwardti. Javaflugfrosch. Grenouille vollante de Java), вид, нерыбкий в горных лесах Явы и Суматры. Эта лягушка отличается от своего ближайшего родича кожистым килем по хребту и задними ногами, непокрытыми полосами, у молодых животных крупными, при жизни темно-синими пятнами на плавательной перепонке, как передних, так и задних лап, и такими же пятнами позади локтя под мышками. У животных, достигших 7,5 см. длины, остатки этих темных пятен имеются только между четвертым и пятым и самое большее между третьим и четвертым пальцами задних ног, на остальных местах пятна исчезают. При жизни эта красивая лягушка окрашена в темно-зеленый цвет и имеет ярко-желтое брюхо.

Весьма интересна, по Буланже, личинка этого животного, так как на передней половинке ее брюха, позади ротового отверстия, имеются круглые присоски. Морда ее хоботообразно удлинена, дыхательная щель лежит на правой стороне тела, ближе к концу хвоста, нежели к концу морды. Хвост этого головастика, равный 4,5 см., снизу и сверху имеет широкую кожистый гребень. Об образе жизни этой личинки еще ничего неизвестно.

Третий вид—**Цейлонская веслоногая лягушка** (*Rhacophorus reticulatus*, Polypedates reticulatus. Eiertragende Ruderfrosch. Grenouille de Ceylon), с острова Цейлона, прежде всего интересна по своим заботам о своих яйцах. На ее пальцах передних лап имеются только намеки на плавательную перепонку, а барабанная перепонка равняется лишь половине величины глаза. Посредине языка находится острая конусовидная бородавка; носовые отверстия расположены близко от конца морды. На бурой спине имеются маленькие темные пятна, точно также более темными, окрашенными в темно-бурый цвет, оказываются поперечная полоса между глазами, сетчатый рисунок в пахах и на защищенных местах и поперечные полосы на темени; горло покрыто бурными пятнами. Самка, достигающая 6 см., носит, по Гюнтеру, с собою свои 20, величиной с конопляное семя яичек, прищипанными на брюхе, где они плотно прилегают друг к другу. По вылуплении, личинки покидают клетчатую полость брюшной кожи материнского тела.

Третье семейство неподвижногрудых составляют **Древесные лягушки** (Dep-

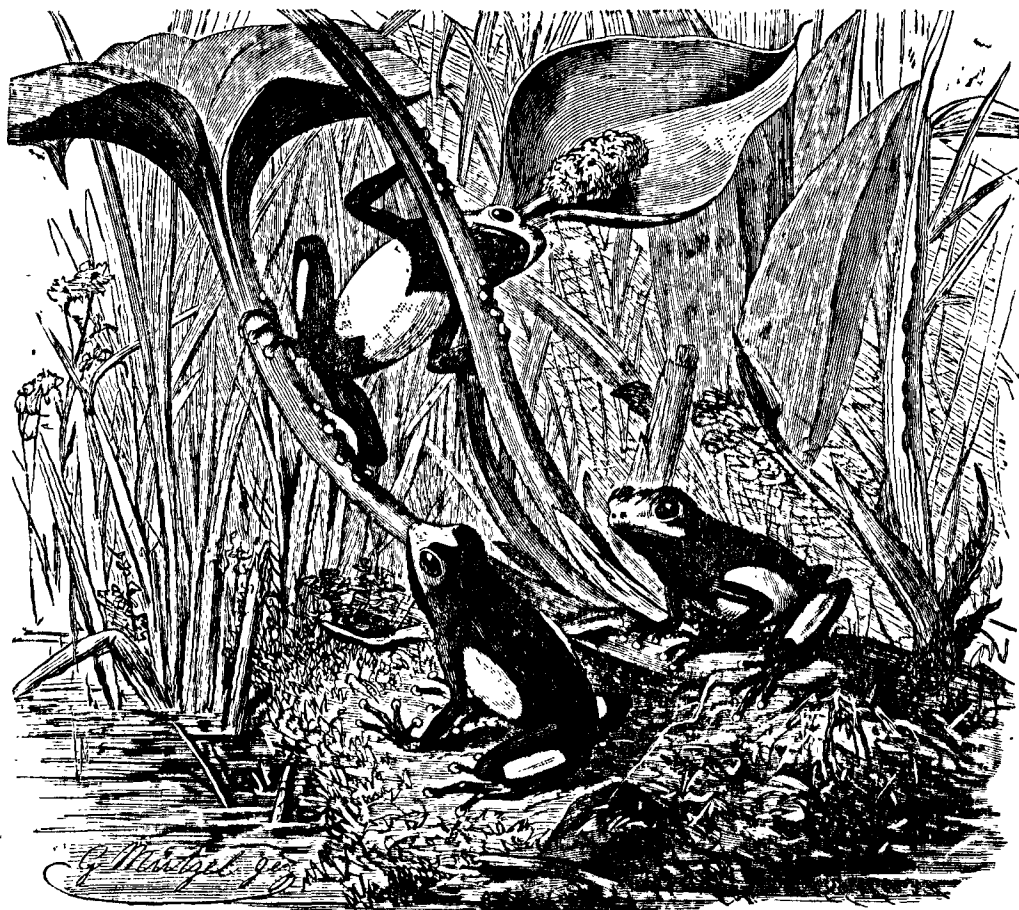
drobatidae; Baumsteiger. Dendrobates) отличающіяся отъ водяныхъ лягушекъ тѣмъ, что у нихъ нѣтъ зубовъ ни на верхней челюсти, ни на сошникѣ, а отъ узкорылыхъ—тѣмъ, что поперечные отростки изъ крестцовой кости не удлинены. Лягушки, принадлежащія къ этому семейству, совершенно лишены плавательной перепонки, на концахъ пальцевъ ихъ переднихъ и заднихъ лапъ имѣются крупныя или мелкія присоски. Животныя эти живутъ, вѣроятно, частью на деревьяхъ, подобно квакшамъ, частью въ низкихъ растеніяхъ и въ травѣ. Извѣстно по одному роду этихъ лягушекъ на Мадагаскарѣ, и въ тропической Америкѣ, оба вмѣстѣ заключающія въ себѣ 10 видовъ. Эти роды характеризуются не только роскошью часто металлической блестящей окраски и рисунка и сильной ядовитостью кожныхъ выдѣлений, но и заботами о своемъ потомствѣ.

* * *

Къ роду **Древесницъ** (Dendrobates. Baumsteiger.), мы причисляемъ тѣхъ лягушекъ, которыя характеризуются удлинненнымъ свободнымъ назадъ, цѣльнокрайнимъ, не выемчатымъ языкомъ. Ихъ ротъ совершенно лишень зубовъ, зрачекъ поперечный, овальный, барабанная перепонка болѣе или менѣе отчетливо выражена, костные концевые суставы пальцевъ переднихъ и заднихъ ногъ имѣютъ форму буквы Т. Семь извѣстныхъ видовъ живутъ въ Средней Америкѣ и въ сѣверныхъ тропическихъ частяхъ Южной Америки.

Самый обыкновенный видъ этого семейства и рода есть **Пятнистая древесница** (Dendrobates tinctorius, histrionicus, Calamita, Rana, Nyla tinctoria, Nylaplesia aurata, tinctoria, Phyllobates auratus, chocoensis. Gemalte Baumsteiger.), животное очень ярко раскрашенное и имѣющее въ длину всего только 3—3,5 см. Голова этой древесницы пирамидальной формы, морда впереди срѣзана, лобъ слегка вдавленъ между глазъ, и расположенные по бокамъ глаза только слегка выходятъ изъ своей орбиты. Узкое туловище снизу и сверху обтянуто гладкой кожей, ушныхъ железъ нѣтъ и тощія ноги относительно малы. Самый внутренній первый палецъ передней ноги всегда короче второго; прицѣпные кружечки пальцевъ переднихъ ногъ болѣе кружечковъ на заднихъ лапахъ, на концѣ тупые и имѣютъ треугольную форму. Самецъ характеризуется присутствіемъ мѣшка резонатора, помѣщающагося на горлѣ. Почти не найдется ни одной другой лягушки, которая бы имѣла столько разнообразія въ своей окраскѣ и рисункѣ, какъ этотъ видъ. Буланже различаетъ пять извѣстныхъ разновидностей, отличающихся по цвѣту. Первая изъ нихъ однообразнаго чернаго цвѣта, вторая сѣраго съ черными пятнами, третья сверху одноцвѣтнаго сѣраго цвѣта, снизу и на бокахъ имѣетъ одноцвѣтную черную окраску. Болѣе пестрою является четвертая форма: верхъ ея по темно-черному фону покрытъ 2-мя или 3-мя бѣлыми, желтыми или кроваво-красными продольными полосами, которыя при этомъ могутъ быть связаны одной или двумя поперечными перекладинами; нижняя сторона этой разновидности сѣрая съ черными пятнами. Наконецъ пятая разновидность—чернаго цвѣта и на верхней сторонѣ покрыта серебристо-бѣлыми штрихами и пятнами, нижняя же сторона имѣетъ такого же цвѣта пятна и мраморный рисунокъ. Наттереръ добылъ одинъ экземпляръ, который при жизни былъ черный и имѣлъ части затылка, шеи и спины гумми-гуттово-желтаго цвѣта. Это большое желтое спинное пятно было разделено на двѣ одинаковыя боковыя половины узкою черною, мѣстами прерванною и по краямъ зубчатою продольною линіею, отъ которой кое-гдѣ выходили боковыя поперечныя вѣтви. Вокругъ же пятно было окружено очень вѣжными черно-

ватыми точечками. Второй экземпляръ изъ другого мѣста имѣлъ грязныя оранжевыя конечности, какъ наверху, такъ и внизу покрытыя круглыми черными пятнами, основаніе же ихъ было болѣе яркаго свѣтло-оранжево-краснаго цвѣта. Черная верхняя сторона тѣла была украшена пятью узкими желтовато-бѣлыми продолговатыми полосками, отстоявшими другъ отъ друга на равныхъ разстояніяхъ; желтовато-бѣлое брюхо съ крупнымъ чернымъ пятномъ. Впрочемъ, весьма интересно, что, несмотря на эту, почти безграничную измѣнчивость, экземпляры, живущіе на одномъ мѣстѣ, болѣею частью совершенно сходны по окраскѣ, по

Пятнистая древесница. *Dendrobates tinctorius*. Нас. вел.

рисунку же, если и отличаются, то не очень рѣзко. Родиной этой распространенной по всей тропической Америкѣ лягушки являются какъ Соединенные Штаты, Гренада Колумбія, такъ Венецуэла, Эквадоръ и Гвѣана; она представляет собою также совершенно обычное явленіе по всей сѣверной Бразиліи, почти до 5° южной широты. По строенію своего тѣла она не есть настоящая древесная форма, такъ какъ прищипные кружечки ея заднихъ ногъ очевидно слишкомъ малы, чтобы давать возможность животному держаться и прикрѣпляться къ стѣснымъ поверхностямъ. Наттереръ находилъ ихъ всегда только въ лѣсу на землѣ, болѣею частью на сухой листьѣ или между ней. Ядовитыя отдѣленія этой и

многихъ другихъ древесныхъ лягушекъ употребляются южно-американскими туземцами для приготовления чрезвычайно сильно-дѣйствующаго яда для стрѣлы.

Достойны вниманія тѣ заботы, которыя всѣ виды древесныхъ лягушекъ проявляютъ по отношенію къ своему потомству.

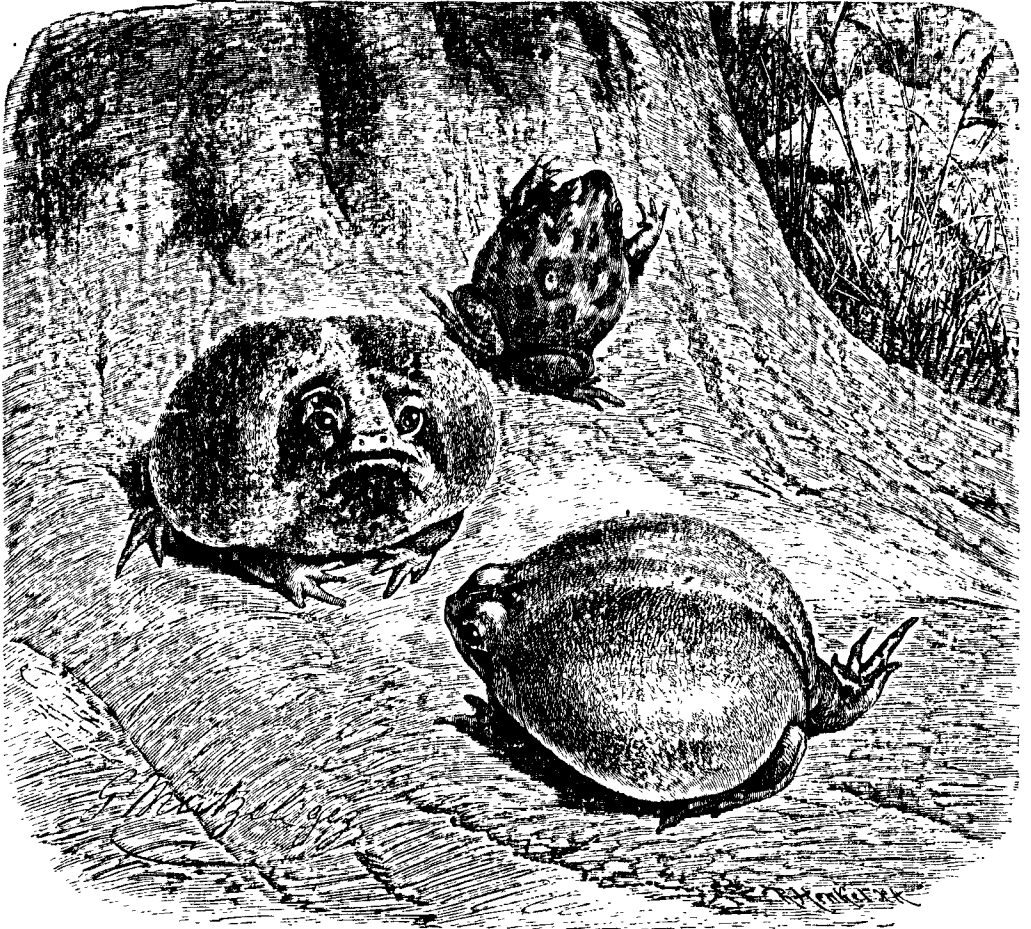
Про **Трехполосую древесницу** (*Dendrobates trivittatus*, *Dreistreifige Baumsteiger*), лягушку изъ Гвіаны, встрѣчающуюся однако и въ тропическихъ частяхъ Перу и Бразиліи, Ключингеръ сообщаетъ, что при высыханіи лужъ она переноситъ своихъ личинокъ на спянь изъ одного воднаго бассейна въ другой. Каплеръ наблюдалъ эту лягушку въ Суринамѣ и нашель, что она отыскиваетъ своихъ головастикавъ и переноситъ ихъ въ другія лужи. Для этой цѣли лягушка погружается въ воду, а личинки ея такъ присасываются къ ней, что часто она несетъ на себѣ такимъ образомъ поясъ изъ 12—18 головастикавъ, почти 6—7 мм. длиною. Натгереръ добывалъ этихъ лягушекъ на сырыхъ обрывистыхъ, готовыхъ осыпаться, отвѣсныхъ берегахъ большихъ рѣкъ и въ канавахъ—на камняхъ, но встрѣчалъ ихъ и въ лѣсахъ на низкихъ деревьяхъ и кустарникахъ. Самецъ обладаетъ громкимъ и свистящимъ голосомъ. Смитъ также нашель одну лягушку, близкородственную трехполосою древесницѣ (*Dendrobates braccatus*), у которой личинки были приклеены съ помощью особенной жидкости къ спяню. По сообщенію этого натуралиста, видъ этотъ живетъ въ Бразиліи на небольшихъ лугахъ, которые, повидимому, не бываютъ никогда покрыты водою. Къ сожалѣнію, невыяснено еще, кто изъ родителей, самецъ или самка, носитъ такимъ образомъ личинокъ.

О семействѣ **Узкорылыхъ лягушенъ** (*Engystomatidae*, *Engmäuler*) мы тоже скажемъ кратко. Это семейство обнимаетъ собою всѣ тѣ неподвижногрудыя формы, лишенные зубовъ на верхней челюсти, у которыхъ поперечные отростки крестцоваго позвонка расширены. Узкорылыя ведутъ всевозможный образъ жизни, будучи лишены одной только способности лазать; извѣстны формы водяныя, наземныя, роющія, обыкновенно же это животныя, живущія подъ землею. Они водятся въ Африкѣ и на Мадагаскарѣ, въ Остѣ-Индіи, южномъ Китаѣ, въ Новой Гвинее и Америкѣ. Изъ 20 извѣстныхъ родовъ 6 живутъ въ Америкѣ, 3 въ Африкѣ, 2 на Мадагаскарѣ, 3 въ Новой Гвинее, 1 на Зондскихъ островахъ, 6 въ Индіи и Бирмѣ и 1 водится одновременно на Зондскихъ островахъ и въ Африкѣ. Иныя виды, имѣя прицѣпныя расширения на концахъ пальцевъ переднихъ и заднихъ лапъ, въ то же время не представляютъ собой древесныхъ формъ. Одна часть узкорылыхъ лягушекъ, какъ уже было упомянуто выше, ведетъ роющій образъ жизни и для этой цѣли онѣ обладаютъ сильными роющими орудіями въ видѣ рогового, лопатовиднаго ступневаго выроста на мускулистыхъ, мощныхъ, роющихъ ногахъ; одинъ родъ (*Hemisus*) роетъ даже съ помощью переднихъ лапъ. У роющихъ видовъ ротъ необыкновенно узокъ и къ этой странности еще прибавляется часто малая величина головы, острая морда и неуклюжее мѣшковидное тѣло, въ которомъ конечности какъ бы скрываются въ складкахъ кожи туловища вплоть до локтей и колѣнъ. Всѣ эти формы принадлежатъ къ животнымъ, питающимся муравьями, точнѣе же термитами, которыхъ они или вырываютъ, или же ловятъ ночью на вылетѣ. Тсерстонъ нашель въ кишечникѣ и желудкѣ одного экземпляра *Saporus glabulosus* изъ окрестностей Мадраса массу крылатыхъ термитовъ, которые, будучи высушены, вѣсили 326 грановъ. Больше половины всѣхъ узкорылыхъ лягушекъ оказываются животными ночными, характеризующимися вертикальными зрачками.

Въ высшей степени оригинальную заботливость о своемъ потомствѣ проявляетъ чплійскій видъ этого семейства *Rhinoderma darwini*. У самца этой формы горловой мѣшокъ превращенъ въ насаживательный гармантъ, который въ пору развитія личинокъ въ концѣ концовъ выполняетъ пространство всей брюшной поверхности. Несмотря на это, по утверженію Хау, тщательно прослѣдившаго это приспособленіе, развитіе молоди отнюдь не препятствуетъ восприниманію нища самцомъ.

* *
*

Короткоголовыя лягушки (*Breviceps*. *Kurzköpfe*), принадлежація къ этому

Мозамбикскій короткоголавъ. *Breviceps mosambicus*. Наст. вел.

семейству, характеризуются неуклюжестью своего тѣла, причемъ въ спокойномъ состояніи лягушки эти напоминаютъ мячикъ. Въ ихъ необыкновенно сильно развитомъ грудномъ поясѣ онѣ обладаютъ, какъ парю сильныхъ ключицъ, такъ въ особенности парю чрезвычайно расширенныхъ вороньихъ костей. Ихъ барабанная перепонка скрыта, а зрачекъ лежитъ горизонтально въ видѣ яйцевиднаго овала, челюстные и небные зубы отсутствуютъ совершенно, языкъ у нихъ продолговато-яйцевидный, слегка приросшій на всемъ своемъ протяженіи и не имѣетъ заднихъ лопастевидныхъ рожекъ, какіе мы видимъ у нашихъ водяныхъ лягушекъ.

Въ позвоночникѣ также встрѣчаются особенности. Спинной хребетъ, какъ то показалъ Станніусъ, благодаря слиянію перваго и втораго, а равно девятаго и десятаго позвонковъ, состоитъ только изъ восьми позвонковъ. Изъ этого рода извѣстны три вида, которые живутъ въ юго-западной, южной и юго-восточной Африкѣ.

Мозамбикскій короткоглавъ (*Breviceps mossambicus*. Ostafrikanische Kurzkopf. *Breviceps de Mozambique*), котораго мы избираемъ представителемъ этого страннаго рода, является въ высшей степени оригинально сложенной лягушкой, съ очень короткой головой, почти плоской лицевой частью, съ едва выдающимся рыломъ, маленюкой ротовой щелью и очень большими, направленными впередъ глазами. Конечности этой лягушки очень коротки и прячутся съ локтей и коленъ въ складкахъ кожи и тѣла, какъ въ мѣшкѣ; но, несмотря на это, конечности видимо все же сложены крѣпко. На лапахъ заднихъ ногъ находится необыкновенно большая остро-заточенная по свободному краю лопатовидная мозоль. Отъ ближайшихъ родичей этотъ видъ отличается почти гладкой кожей, которая имѣетъ на спинѣ грязную красно-бурую, а по бокамъ желто-бурую окраску и можетъ быть покрыта одноцвѣтными или разнообразными черными пятнами. Отъ глазъ книзу и назадъ всегда идетъ косая черная полоса; большое черное пятно на горлѣ украшаетъ нижнюю часть тѣла. Длина животнаго достигаетъ 5 см.

Петерсъ, которому мы обязаны изученіемъ этого вида, встрѣтилъ эту странную лягушку въ концѣ декабря 1843 г. на маленькомъ островѣ Мозамбикѣ, гдѣ такія лягушки повывѣзли изъ земли во время дождя въ огромныхъ количествахъ и затѣмъ такъ же быстро исчезли. Онѣ казались безпомощными и не умѣли прыгать, но двигались, лишь очень медленно ползая. Позднѣе Петерсъ нашелъ этого короткоглава у Сена на Африканскомъ материкѣ, а новые путешественники добыли его на рѣкахъ Замбези и Донда. Все строеніе животнаго — узкое рыло, форма длиннаго приросшаго языка, полное отсутствіе зубовъ, длинный желудочный мѣшокъ — съ точностью приводятъ насъ къ заключенію, что короткоглавъ питается термитами, хотя непосредственныхъ наблюденій объ его образѣ жизни мы еще не имѣемъ.

Второй рядъ язычныхъ безхвостыхъ земноводныхъ обнимаетъ собою большую группу **Подвижногрудыхъ формъ** (*Arcifera*). Ихъ грудной поясъ имѣетъ существенное различіе въ строеніи отъ того, съ которымъ мы познакомились у неподвижногрудыхъ формъ, такъ какъ по средней линіи груди этотъ поясъ допускаетъ подвижность отдѣльныхъ костей. У всѣхъ подвижногрудыхъ лягушекъ воронья кость и ключица связаны съ среднимъ или эпикоракондаднымъ хрящемъ при помощи полудуннаго хряща, а этотъ средній хрящъ грудного пояса, который лежитъ къ одной сторонѣ тѣла, сдвинутый въ боковомъ направленіи, покоится на среднемъ хрящѣ другой стороны тѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ ключица никогда не соприкасается своимъ груднымъ концомъ съ груднымъ концомъ вороньей кости. Въ этой группѣ также есть лягушки съ острыми пальцами заднихъ лапъ, то снабженныхъ, то неснабженныхъ плавательной перепонкой, смотря по тому, на сушѣ или на водѣ привыкли жить эти животныя. Затѣмъ встрѣчаются роющія жабы съ хорошо развитыми копательными придатками на переднихъ или заднихъ лапахъ и, наконецъ, превосходнѣйшіе лазуны съ прищипками на концахъ пальцевъ переднихъ и заднихъ лапъ. Изъ 8 семействъ подвижногрудыхъ мы будемъ говорить только о 5, и это будутъ: лягушки Новаго Свѣта (*Cystignatidae*), Жабы

(Bufonidae), Квакши (Hylidae), Чесночницы (Pelobatidae) и Дискоязычныя (Discoglossidae), такъ какъ остальные семейства мало извѣстны и бѣдны видами.

Первое изъ этихъ семействъ—семейство **Лягушекъ Нового Свѣта** (Cystignathidae. Cystignathen), помимо строенія грудного пояса и никогда не когтевидныхъ послѣднихъ костяныхъ суставовъ пальцевъ переднихъ и заднихъ лапъ, вполне соотвѣтствуетъ семейству водяныхъ лягушекъ, которыхъ оно и замѣщаетъ въ большей части Южной Америки и во всей Австрали. Верхняя челюсть ихъ снабжена зубами, поперечные отростки крестцового позвонка не расширены или только слегка расширены; суставы пальцевъ заднихъ ногъ простые или похожие набуку Y. Органъ слуха ихъ, смотря по родамъ и видамъ, бываетъ всѣхъ ступеней развитія; почти всѣ австралийскія формы, а равно и малая часть американскихъ, имѣютъ вертикально расположенный зрачекъ. Какъ и у настоящихъ лягушекъ, въ этомъ семействѣ встрѣчаются и древолазныя формы, водяныя, наземныя животныя и роющіе виды.

Такихъ лягушекъ извѣстно около 25 родовъ со 180 видами.

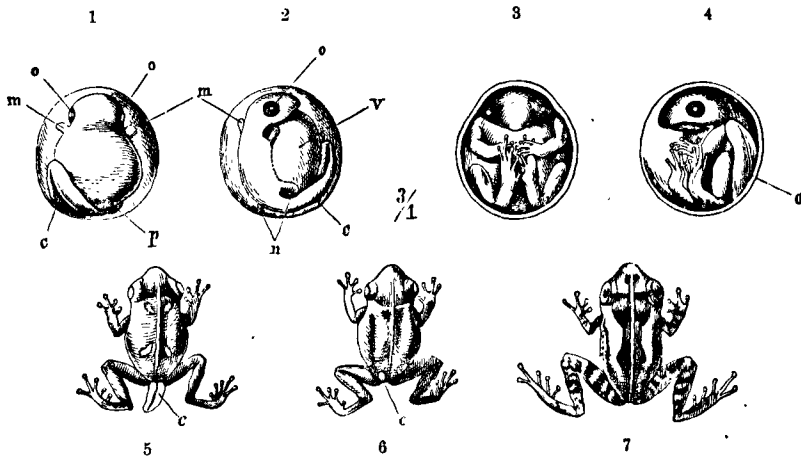
* *
*

Оригинальное животное представляетъ собой **Антильская лягушка** (*Hylodes martinicensis*. Antillenfrosch. Grenouille des Antilles), представитель рода **Листовыхъ лягушекъ** (*Hylodes*. Blattfrösche), характерныя признаки которыхъ слѣдующіе: въ грудной кости ихъ недостаетъ костяного мечевиднаго отростка, пальцы переднихъ и заднихъ лапъ не имѣютъ перепонки, а на концахъ ихъ находятся прищѣпные кружки, посрединѣ которыхъ имѣется продольная бороздка; наконецъ, на сошникѣ находятся зубы, а зрачекъ расположенъ горизонтально. Болѣе 50 видовъ этого рода—большею частью маленькія животныя—живутъ въ тропической Америкѣ, подобно нашимъ древеснымъ лягушкамъ, въ злакахъ, кустахъ и на деревьяхъ. Самцы всѣхъ тѣхъ видовъ, о которыхъ мы имѣемъ свѣдѣнія, обладаютъ на горлѣ мѣшкомъ резонаторомъ. Даже маленькіе виды, по словамъ Наттерера, кричатъ очень громко и при этомъ чрезвычайно раздуваютъ свой горловой мѣшокъ. Напримѣръ голосъ бразильской **Сѣрой листовой лягушки** (*Hylodes griseus*. Grauer Blattfrosch) звучитъ подобно быстро повторяемому «свит свит свит».

Антильская лягушка отличается отъ своихъ сородичей замѣтными железистыми бородавками на брюхѣ, умѣренной величины головой безъ костястаго гребня, своими сошниковыми зубами, расположенными двумя маленькими косыми рядами, и барабанной перепонкой, едва достигающей величины глаза. Лягушка эта представляетъ собою не очень красивое животное 4 см. длины, съ сѣро-бѣловатой основной окраской и весьма измѣнчивымъ рисункомъ, состоящимъ изъ бурыхъ пятенъ. На затылкѣ находится большое бурое пятно; бока верхней части спины покрыты безпорядочно разбросанными мелкими пятнами. Направо же и налево отъ этого хребта спины идутъ двѣ неясныя, начинающіяся уже отъ конца носа и идущія черезъ глаза и уши, доходящія до ляшекъ полосы желтовато-бѣлаго цвѣта. Надъ уздечкой и висками тянутся черно-бурые продольные штрихи; плечи, бедра и ноги попеременно исполосованы бурыми и грязно-бѣлыми поперечными полосами; нижняя часть тѣла бѣловатая.

Антильская лягушка была открыта на островѣ Мартиникѣ, но, какъ показали позднѣйшія наблюденія, она водится на островахъ Гаити, Порто-Рико, Сабо, Доминикѣ, Сенъ-Винцентѣ и Барбадосѣ, повидимому, нигдѣ не бываетъ рѣдка

и всюду извѣстна подъ именемъ «Кокви». О жизни и повадкахъ ея мы не имѣемъ соотвѣствующихъ наблюдений, напротивъ, о размноженіи ея мы въ недавнее время получили въ высшей степени интересныя свѣдѣнія. Прежде всего Белль сообщаетъ, что молодые этой лягушки выходятъ изъ яицъ въ видѣ лягушекъ и способны жить на воздухѣ, слѣдовательно внѣ яйца они уже не переживаютъ никакого превращенія. «Въ 1870 году», говоритъ онъ, «я замѣтилъ одну древесную лягушку этого рода на листѣ лиліи, къ которому было прикрѣплено около 30 яицъ, заключенныхъ въ оболочку, похожую на вату. Самка держалась по близости, словно охраняя отложенныя ею яйца. Немного дней спустя, я нашелъ уже маленькихъ, 6—7 мм. длиною, только что родившихся лягушатъ, уже имѣвшихъ 4 вполне развитыя ноги, однимъ словомъ представлявшихъ собою совершенно развитыхъ животныхъ; всѣ они прыгали и наслаждались воздухомъ. Въ теченіи короткаго времени они уже выросли до натуральныхъ размѣровъ взрослой формы. Садъ былъ окруженъ стѣною, высоту въ 2 м.,

Развитіе Антильской лягушки: 1—4. Зародышъ въ яйцѣ. 5—7. Лягушенокъ въ первые дни своей жизни. Увеличенъ въ три раза.

и внутри его не было никакого водоема. Только упомянутая лилія всегда удерживала на своихъ листьяхъ немного воды, хотя въ сущности вовсе не была водянымъ растеніемъ». Къ этому Мартенсъ, которому мы обязаны сообщеніемъ этого разсказа, полагаетъ нужнымъ прибавить, что самый моментъ вылупленія, повидимому, до тѣхъ поръ еще не былъ наблюдаемъ, и можетъ быть, что въ теченіи тѣхъ немногихъ дней, которые прошли послѣ послѣдняго наблюденія надъ яйцами и перваго уже надъ вылупившимися лягушатами, внѣшнее превращеніе, хотя и кратковременное, все-таки имѣло мѣсто, и это тѣмъ болѣе, что дальнѣйшій ростъ животнаго совершается необыкновенно быстро. Однако дѣло обстоитъ все-таки такъ, какъ его понималъ и передалъ Белль. Слова его Гундлахъ подтверждаетъ въ одномъ письмѣ къ Петерсу. «14 мая 1876 года», пишетъ онъ, «я услышалъ странный звукъ, похожій на крикъ итенца, и отправился по направленію, откуда онъ раздавался. Между двумя большими листьями апельсиннаго дерева, я увидѣлъ лягушку; я подошелъ и тутъ же поймалъ трехъ самцовъ и одну самку антильской лягушки, или же другого какого-либо близкаго къ ней вида листовыхъ лягушекъ. Я помѣстилъ животныхъ въ стаканъ, съ небольшимъ количествомъ воды и заткнулъ его сверху пробуравленной крышкою. Вскорѣ одинъ самецъ насѣлъ на самку и, обнявъ ее, оставался въ такомъ положеніи. Немного

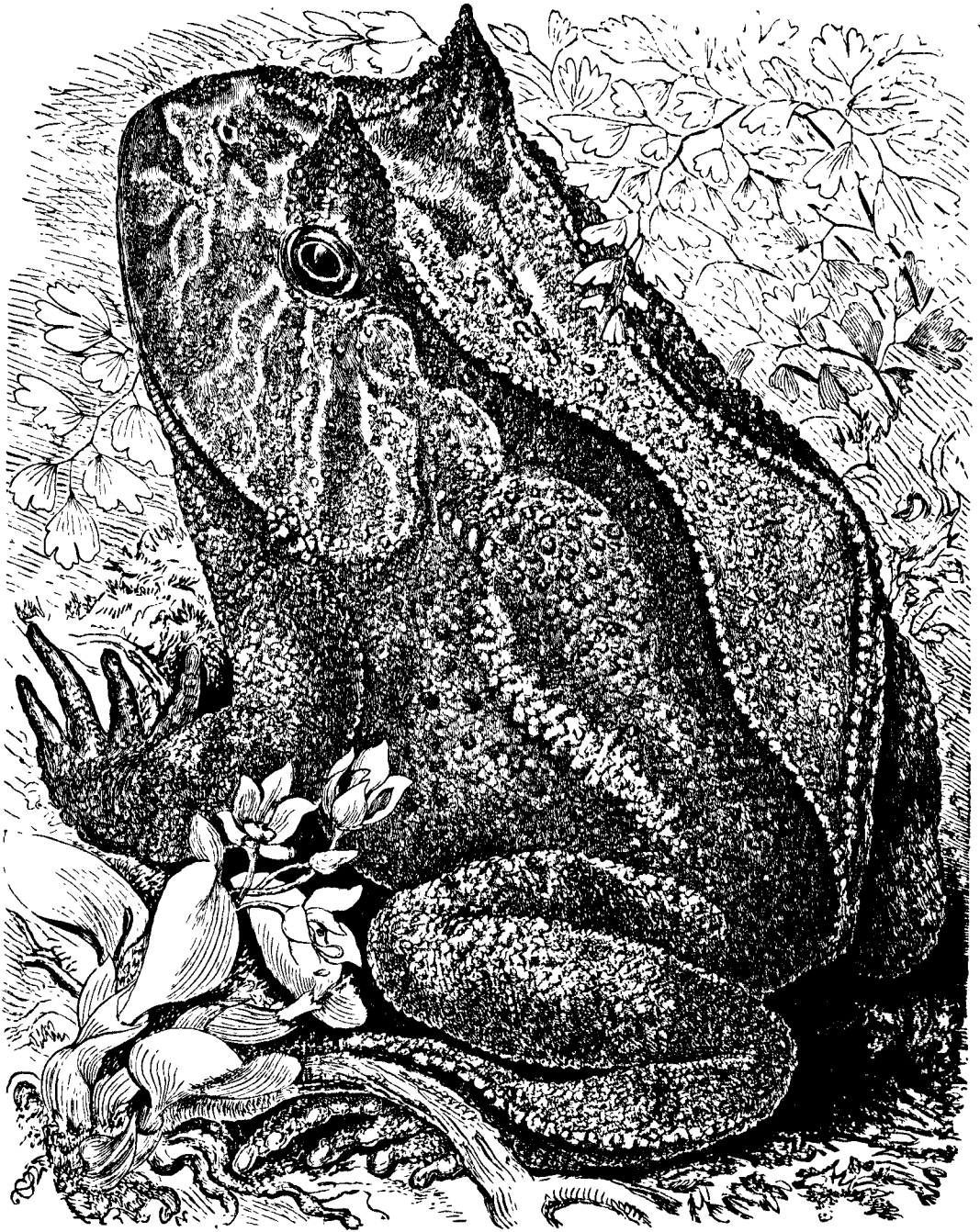
спустя, я повторялъ наблюденія всегда черезъ нѣсколько минутъ, самка отложила 15—20 яицъ, которыя однако скоро снова исчезли за исключеніемъ трехъ. Тогда самка снова отложила 15 круглыхъ, снабженныхъ прозрачною оболочкой яицъ, которыя я отдѣлилъ и помѣстилъ на сырой илѣ. Внутренняя желтковая масса была бѣловатая или блѣднаго соломеннаго цвѣта; позднѣе она нѣсколько съежилась и тогда, сквозь прозрачную оболочку, можно было видѣть образующійся хвостъ, который черезъ 8 дней сталъ совершенно отчетливымъ. Видны были также глаза и красные, пульсирующіе кровеносные сосуды, а наконецъ съ такою же отчетливостью можно было замѣтить слѣды ногъ. Въ это время я ухалъ на нѣсколько дней и когда 6 іюня вернулся обратно, то вечеромъ видѣлъ еще яйца; на слѣдующій день изъ нихъ выдупились молодые лягушата, имѣвшіе остатки хвостика.

«Впослѣдствіи между листьями крупнаго растенія изъ семейства Амариллисовыхъ (*Amaryllidaceae*), я добылъ кучку изъ болѣе, чѣмъ 20 яицъ, на которой сидѣла самка. Я отрѣзалъ этотъ листъ съ яйцами, причемъ самка соскочила, и помѣстилъ его въ сосудъ, дно котораго было покрыто мокрою землею, для поддержанія внутри влажности. Дней черезъ 14 рано утромъ я посмотрѣлъ на яйца. Въ 9 часовъ, вернувшись съ одной прогулки, я увидѣлъ уже вылупившихся изъ нихъ лягушатъ; на послѣднихъ я замѣтилъ лишь одинъ только бѣлый хвостикъ, котораго послѣ полудня уже совершенно не было».

Гундлахъ послалъ Петерсу 4 яйца съ зародышами. По описанію послѣдняго, яйца образовали прозрачныя шары 4—5 мм. въ поперечникѣ, приставшіе одною своею частью къ непрозрачной, клочковатой, бѣлковой массѣ. Такой шаръ былъ наполненъ чистой, какъ вода, жидкостью, которая позволяла видѣть всѣ части помѣщавшагося въ ней зародыша. Послѣдній, подобно зародышу млекопитающихъ, лежалъ скорчившись головой и конечностями къ брюшной сторонѣ, такъ что послѣднія сближались. Какъ переднія, такъ и заднія конечности были сложены и плотно прилегали къ тѣлу. Хвостъ также былъ подогнутъ къ брюху, согнутъ направо или налѣво и покрывалъ собою часть заднихъ конечностей. Въ трехъ яйцахъ конечности были совершенно развиты и на концахъ пальцевъ заднихъ ногъ уже были замѣтны прицѣпные кружечки; въ четвертомъ яйцѣ всѣ эти четыре конечности являлись еще въ видѣ короткихъ отростковъ, на которыхъ не было и слѣда пальцевъ, между тѣмъ какъ извѣстно, что у безхвостыхъ земноводныхъ сначала появляются заднія конечности и пальцы ихъ, и прежде всего концы ногъ. Ни жаберъ, ни жаберныхъ щелей не было и слѣда; напротивъ, хвостъ у этого зародыша былъ замѣтно крупнѣе, чѣмъ у другихъ, и своею широкою площадью плотно прилегалъ къ внутренней стѣнкѣ пузыря, причемъ былъ также такъ обилень кровеносными сосудами, что значеніе его какъ дыхательнаго органа не подлежало сомнѣнію. При дальнѣйшемъ развитіи, вспученный на брюхѣ желтокъ, а равнѣ и хвостъ все время уменьшались въ размѣрахъ, такъ что въ тотъ моментъ, когда лягушенокъ оставляетъ яйцевой пузырь, имѣя отъ начала рыла и до заднепроходнаго отверстія 5 мм. длины, этотъ хвостъ былъ равенъ всего 1,8 мм.; нѣсколько часовъ спустя, онъ укоротился до 0,3 мм., а втеченіе того же дня всосался совершенно. Другія яйца той же кладки, положенныя въ спиртъ только на 8-ой день послѣ ихъ появленія, въ поперечникѣ имѣли стъ 7—7,5 мм., откуда слѣдуетъ заключить что ростъ ихъ происходитъ не быстрѣе, чѣмъ у другихъ безхвостыхъ земноводныхъ.

«Развитіе этой древесной лягушки», заключаетъ Петерсъ, «весьма интересно по отсутствію превращенія, отсутствію жаберъ, по одновременному образованію переднихъ и заднихъ конечностей, по развитію, протекающему, какъ у мле-

копитающихъ, внутри пузыря и въ жидкости, похожихъ на зародышевый пузырь и

Рогатка Бойе. *Ceratophrys loisi*. Наср. вел.

зародышевую плазму. Вѣроятно подобное превращеніе является далеко не такимъ, единичнымъ, какъ это думаютъ до сихъ поръ.

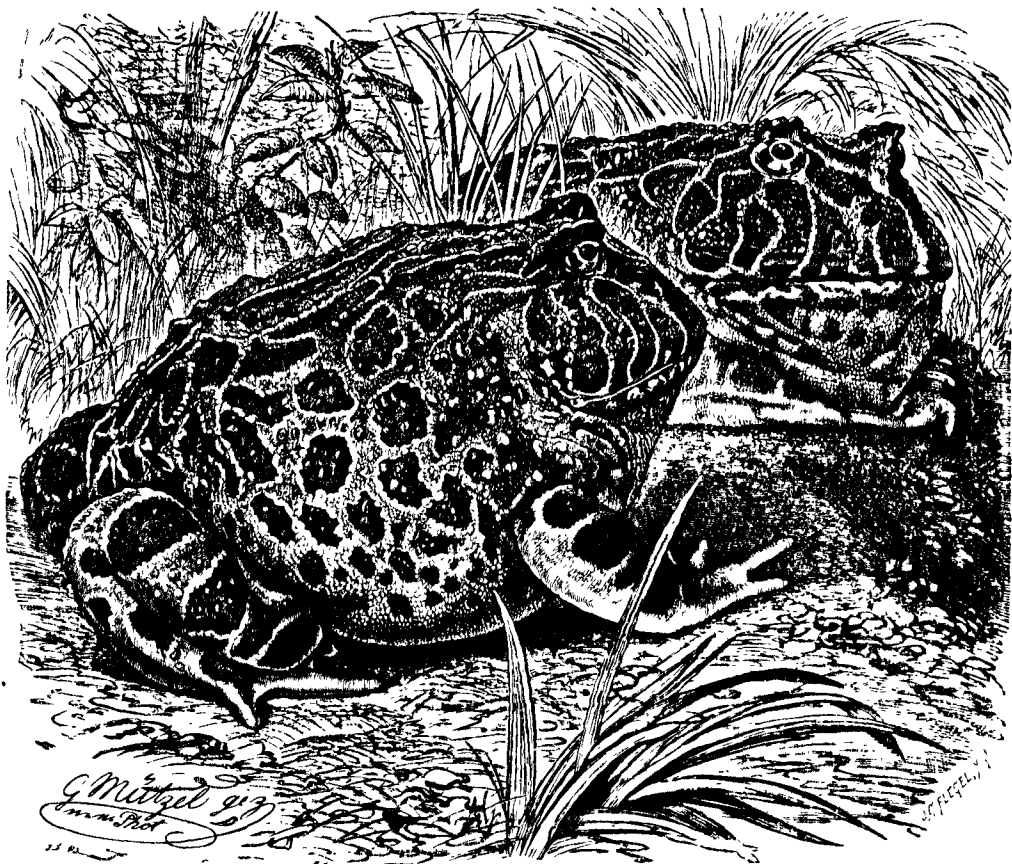
* *
*

Между другими американскими представителями этого семейства особенно бросаются въ глаза по своей величинѣ и своеобразнымъ формамъ **Рогатки** (*Ceratophrys. Hornfrösche Grenouilles cornues*). Форма тѣла ихъ плотная, жабообразная; голова необыкновенно велика и широка, пасть соответствуетъ головѣ; край верхней челюсти снаружи мелко зазубренъ, край нижней челюсти гладкій. Конечности довольно толсты и мясисты; переднія ноги четырехпалыя, заднія пятипалыя, пальцы переднихъ лапъ раздѣлены, пальцы заднихъ лапъ связаны короткими плавательными перепонками; въ грудной кости отсутствуетъ костный мечевидный отростокъ. Языкъ назадъ глубоко вырѣзанъ, зрачекъ расположенъ поперечно. Название этихъ лягушекъ обуславливается своеобразными заостренными наростами надъ глазами, которые представляютъ собою ничто иное, какъ высокіе концы удлинненныхъ верхнихъ вѣкъ. Въ дополненіе къ этому оригинальному образованию на головѣ и спинѣ идутъ высокій бородавчатый гребень и швы. Одиннадцать видовъ этого оригинальнаго по вышнему виду рода живутъ въ Южной Америкѣ.

Итанія (*Ceratophrys cornuta, daudini, megastoma, Rana cornuta, megastoma, Bufo cornutus, Phrynosceros vaillanti, Hornfrossch. Grenouille cornue*), какъ ее зовутъ бразильцы, представляетъ собою очень крупное безхвостое земноводное, съ тѣломъ 15—20 см., и принадлежитъ къ числу роскошныхъ видовъ своего отряда. Широкая полоса, тянущаяся отъ конца морды по спинѣ, оранжево-желтаго цвѣта, мѣстами покрыта зеленымъ рисункомъ; по бокамъ тѣла и на плечахъ видно много ржаво-бурыхъ пятенъ и штриховъ; полосы, отдѣляющія пятки отъ промежуточныхъ полосъ, черно-бураго цвѣта. Бока тѣла покрыты по сѣро-бурому фону зеленовато-черными пятнами, окаймленными блѣдными, сѣро-красноватыми оторочками, а зеленыя голени имѣютъ яркія, травянисто-зеленыя поперечныя полосы; брюхо посрединѣ желтовато-бѣлое, по бокамъ желтое и все покрыто ржаво-бурыми пятнами и крапинками. Болѣе крупная и болѣе красивая самка имѣетъ широкую блестящую зеленую спинную полосу на темномъ сѣро-буромъ фонѣ. Эта полоса образуетъ отъ глазъ въ обѣ стороны боковыя полоски того же цвѣта, при этомъ самая каемка глазъ свѣтло-зеленая. На щекахъ находятся кругловатыя пятна зеленаго цвѣта, отъ носа до глаза тянется черно-бурая полоска, отдѣленная отъ основного цвѣта нѣжной бѣлой линіей. Переднія конечности имѣютъ зеленыя и двѣ ржаво-бурыя поперечныя полосы и по одной бѣлой продольной полосѣ, идущей по наружной сторонѣ предплечія. Бедра каштаново-бураго цвѣта, зеленыя голени дважды перехвачены бурыми полосами. Голова сильно вздернута кверху, окостенѣвшія, верхнія глазныя вѣки удлинены въ рожки. Спина не имѣетъ костяного панцыря; барабанная перепонка отчетливо выдѣляется. Эта лягушка представляетъ намъ примѣръ самой рѣзкой раздражительности окружающей обстановкѣ. Почти вся зарывшись въ свою нору, она выставляетъ оттуда только свою удивительно большую голову, самымъ точнымъ образомъ похожую по цвѣту и по формѣ на окружающіе предметы. Въ такомъ положеніи итанія выжидаетъ, пока приблизится къ ней какая-нибудь добыча.

Рогатка Бойе (*Ceratophrys boiei, granosa, Stombus boiei. Buschstabenfrosch. Grenouille cornue de Boyer*), изображенная на нашемъ рисункѣ, отличается отъ предыдущей формы главнымъ образомъ слѣдующими признаками: голова ея менѣе велика и менѣе окостенѣвши, между глазами ясная поперечная кромка, барабанная перепонка спрятана, окраска лицевой области свѣтлѣе и порядокъ рядовъ бородавокъ иной. Въ другихъ же существенныхъ чертахъ она вполне сходна

съ итаніей. Область обитанія ея, повидимому, ограничивается средней частью тропической Бразиліи. Насколько мы знаемъ теперь, итанія распространена по Гвіанѣ, именно въ Суринамѣ и по всей сѣверной части Бразиліи. По словамъ Азары, она водится въ Парагваѣ. «Во внутреннихъ лѣсахъ Сертонга въ Бахіи говорить принцъ Видъ,—я самъ наблюдалъ рогатку Бойе. Лягушка эта держится въ сырыхъ темныхъ дѣйственныхъ лѣсахъ, особенно по болотистымъ мѣстамъ и путешествуетъ повсюду, даже въ сухихъ лѣсахъ Катинга. Во внутреннихъ большихъ лѣсахъ по дорогамъ, усроеннымъ вдоль рѣки Ильеосъ къ Барро до Фареда въ Сертонгѣ въ хорошую и жаркую погоду можно замѣтить не одну такую ля-

Пестрая рогатка. *Ceratophrys ornatus*. Насг. вел.

гушку; когда же проходила небольшая гроза, мы тотчасъ же видѣли массу прыгавшихъ повсюду молодыхъ лягушекъ этого вида. У взрослой формы пасть настолько велика, что увѣряютъ, будто бы она можетъ проглотить молодого цыпленка; мышей, лягушекъ, улитокъ и другихъ мелкихъ животныхъ она поѣдаетъ массами. Въ Мукури, въ большихъ дѣйственныхъ лѣсахъ, тихими вечерами мы часто слышали ея громкій голосъ, кряхтящій и однозвучный» На это красивое животное бразильцы смотрять съ такимъ отвращеніемъ, какъ на всѣхъ жабъ; напротивъ, итанія, по сообщенію Дюпона, въ Гвіанѣ туземцами почитается; тамъ ее часто держатъ или же держали въ неволѣ. Добрые люди, если вѣрить рассказамъ, держали такихъ лягушекъ и другихъ жабъ подъ горшками, считая ихъ за предска-

зателей погоды или вѣрнѣе, за распорядителей погоды; они требовали, чтобы лягушки даровали имъ дождь или хорошую погоду и бичевали ихъ, если тѣ не исполняли такого желанія.

Третій видъ, рисунокъ котораго мы здѣсь также можемъ дать, есть **Пестрая рогатка** (*Ceratophrys ornata*, *Uperodon ornatus*, *Trigonophrys rugiceps*. Schmusckhornp-frosch. Grenouille cornue ornée). Этотъ видъ меньше обоихъ предшествующихъ, вѣки его лишь слегка заострены и трехугольны, а спина имѣетъ твердый костяной панцырь. Желтоватая или зеленоватая верхняя часть этой рогатки покрыта крупными, разбросанными на подобіе островковъ, темными оливково-зелеными пятнами, окаймленными бѣловатыми краями; между этими пятнами видны также винно-красныя линіи. Самецъ, какъ и у обоихъ другихъ видовъ, снабженъ внутреннимъ горловымъ мѣшкомъ.

Этотъ видъ, повидимому, особенно частъ въ Аргентинѣ, гдѣ онъ водится къ западу отъ бразильской провинціи Ріо Гранде до Суль, а на югѣ доходитъ почти до окрестности Буэнос-Айреса. Изъ Южной Бразиліи экземпляровъ не имѣется.

По наблюденію Гюнтера надъ пойманными экземплярами—это типичное дневное животное, любящее высокую температуру и питающееся другими лягушками.

* * *

Подъ именемъ **Свистуновъ** (*Leptodactylus*. Pfeifer) соединяютъ около 25 видовъ лягушекъ тропической Америки, которые замѣняютъ тамъ нашихъ водяныхъ лягушекъ, и по вѣшнему виду отличаются отъ нихъ иными плавательными перепонками, по внутренней же организаціи они принадлежатъ къ подвижно-груднымъ. Въ противоположность уже рассмотрѣннымъ родамъ лягушекъ Новаго Свѣта, въ ихъ грудномъ поясѣ есть костяной мечевидный отростокъ позади грудной кости; ихъ зрачекъ лежитъ поперечно, а сошниковые зубы всегда находятся позади носовыхъ отверстій на небѣ. Среди свистуновъ также есть узкія и плотно сложенные формы, а также животныя съ острыми пальцами переднихъ лапъ; другія имѣютъ на послѣднихъ прищѣпные кружечки. Послѣднихъ прежде выдѣляли въ родъ **Цѣпкихъ свистуновъ** (*Plectromatis*. Fingerfrösche).

Впрочемъ, остатки плавательной перепонки у нѣкоторыхъ видовъ и родовъ все же замѣтны въ видѣ вѣжной, тонкой кожистой кромочки, которая тянется по бокамъ и доходитъ до конца пальцевъ.

Наилучше извѣстенъ изъ лягушекъ этого рода **Глазастый свистунъ** (*Leptodactylus ocellatus*, *serialis*, *pachypus*, *Rana ocellata*, *pachypus*, *pygmaea*, *Cystignathus pachypus*, *ocellatus*. Augenpfeifer. Grenouille siffleuse). Это стройное животное, съ тѣломъ въ 9—11 см. длиною, легко узнаваемое по отсутствію плавательной оторочки на пальцахъ заднихъ лапъ, по продольной складкѣ на голени и по 8—10 килямъ или возвышеннымъ кожанымъ брускамъ, тянущимся по спинѣ и вдоль боковъ. Первые окрашены въ темный оливково-бурый цвѣтъ, боковые же въ желтовато-бѣлый; лежащее между ними углубленіе на верхней сторонѣ тѣла покрыто по оливково-зеленому фону кругловатыми или четырехугольными, сильно выпуклыми черными пятнами. Заднія части бедеръ по зеленовато-сѣрому фону покрыты темными черновато-сѣрыми пятнами. Нижняя часть тѣла желтовато-бѣлая, горло имѣетъ черноватый мраморный рисунокъ. Самецъ снабженъ въ горлѣ внутреннимъ резонаторнымъ пузыремъ и кромѣ того имѣетъ двѣ крѣпкія бородавки на внутренней сторонѣ первыхъ пальцевъ переднихъ ногъ.

Глазастый свистунъ распространенъ по всей восточной части Южной Америки и тамъ, гдѣ водится, очень обыкновененъ; онъ встрѣчается также во многихъ мѣстностяхъ восточной части берега Бразиліи, тогда какъ внутри страны принцъ фонъ Видъ его не находилъ. Въ Бразиліи и Парагваѣ этотъ видъ замѣняетъ нашихъ водяныхъ лягушекъ и, подобно имъ, держится всегда по близости воды, въ которой, въ случаѣ чего, онъ могъ бы спастись. Будучи довольно недокимъ и неуклюжимъ въ водѣ, на сушѣ онъ двигается съ быстротою и ловкостью и дѣлаетъ, напримѣръ, удивительно большіе прыжки сравнительно со своею величиною. Днемъ онъ прячется въ лужахъ, болотахъ и стоячихъ водахъ, но въ сырую погоду или съ наступленіемъ вечерней прохлады свистуны покидаютъ свои укромные уголки и прыгаютъ всюду по травѣ. Въ это же время можно слышать ихъ крики, представляющіе собой весьма странный, характерный для нихъ и отличный отъ голоса другихъ лягушекъ—свистъ, «словно кто-нибудь зоветъ свистомъ человѣка или собаку». Впрочемъ, въ пору спариванья, которую свистуны проводятъ въ водѣ, они испускаютъ короткій и высокій звукъ, совершенно отличный отъ упомянутого. Такъ, по крайней мѣрѣ, сообщаетъ принцъ фонъ Видъ, который впервые сообщилъ подробныя свѣдѣнія объ этомъ животномъ. Существеннымъ обогащеніемъ нашихъ знаній и исправленіемъ прежнихъ свѣдѣній о жизни этого животного мы обязаны Гензелю. Этотъ натуралистъ сравниваетъ слышащійся издали голосъ свистуны съ звуками ударовъ топора, когда плотники въ тактъ тешутъ какую-нибудь балку. Весною послѣ зимней спячки, по крайней мѣрѣ въ Рио Гранде до Суль, глазастый свистунъ откладываетъ яйца, но не непосредственно въ лужу, въ которой онъ жилъ въ пору спариванья, а вырываетъ въ плоскомъ и илистомъ берегу блюдцевидную ямку около 30 см. въ поперечникѣ. Ямка эта также наполняется водой. Но отъ остального воднаго пространства обыкновенно защищается на краю землянымъ валомъ. Здѣсь свистунъ мечетъ икру, и вылупившіяся личинки въ ямкѣ ждутъ, пока нерѣдкій въ эту пору года дождь не подыметъ уровня воды, и ямка ихъ не соединится съ общимъ водоемомъ; въ это время онѣ уже достигаютъ такой величины, которая большинству изъ нихъ даетъ возможность избѣгать опасности, и если же появленіе весеннихъ дождей затянется, то многія лужи засыхаютъ и икра и личинки гибнутъ. Для полноты жизнеописанія свистуновъ вообще съ моей стороны будетъ не лишнее сообщить свѣдѣнія Гензеля и Гундлаха о томъ, какъ размножаются родственные этимъ свистунамъ виды. По сообщенію Гензеля, **Усатый свистунъ** (*Leptodactylus mystacinus*, Schnurbartpfeifer) въ Бразиліи и Парагваѣ оказывается, повидимому, настоящимъ свистуномъ, часто издавая свой свистъ по вечерамъ въ перебивку съ другими лягушками, тогда какъ такъ называемый «свистунъ» издаетъ только глухой грозный крикъ. Онъ никогда не идетъ въ воду, и не мечетъ икры въ лужу, но роетъ по близости отъ нея ямки. Однако эти ямки устраиваются имъ все-таки внутри тѣхъ границъ, до которыхъ можетъ дойти вода послѣ сильнаго дождя; онѣ устраиваются подъ камнями или гниющими стволами деревьевъ и бываютъ обыкновенно величиною въ чайную чашку. Онъ наполняетъ ихъ своей икрой, которая имѣетъ большое сходство въ застывшей пѣной сбитаго бѣлка. Въ срединѣ этой пѣнистой массы находятся блѣдно-желтыя яйца. Молодыя личинки вначалѣ имѣютъ окраску яицъ, однако вскорѣ на верхней сторонѣ становятся темнѣе, позднѣе принимаютъ зеленовато-бурую, впоследствии же сѣрую, почти серебристо-бѣлую окраску, такъ что по внѣшнему виду онѣ становятся довольно похожими на личинокъ водяныхъ лягушекъ, только хвостовый плавникъ ихъ обыкновенно бываетъ не такъ сильно развитъ. Если вода лужи подыметъ до ихъ гнѣзда, то онѣ переправляются въ нее, и дальнѣйшій образъ жизни ихъ

уже не отличается отъ жизни личинокъ другихъ лягушекъ, только уже теперь на нихъ замѣчаютъ обильное выдѣленіе слизи, чѣмъ, вѣроятно, обуславливается и ихъ большая живучесть. Если мелкая лужа совершенно изсякнетъ за недостаткомъ дождя, всѣ личинки остальныхъ земноводныхъ гибнутъ, но только не личинки нашего свистуна, такъ какъ онѣ залѣзаютъ подъ защиту различныхъ предметовъ: подъ стволы деревьевъ, листья и т. п. и остаются здѣсь, свернувшись комочкомъ въ ожиданіи новаго дождя. Если поднять прикрывающій ихъ предметъ, то вся кучка ихъ закишитъ, и можно видѣть, что онѣ пользуются еще нѣкоторою влажностью. Чѣмъ крупнѣе становятся личинки, тѣмъ болѣе исчезаетъ слизь, служащая имъ пищей. Претерпѣваютъ ли онѣ полное превращеніе, не попавъ въ воду, а въ своемъ гнѣздѣ или позднѣе, по высыханію лужи, въ ихъ укромныхъ уголкахъ, Гензель не наблюдалъ; однако этого почти нельзя предположить, такъ какъ молодые лягушата, будучи еще незначительной величины все-таки были снабжены жабрами и остатками хвоста.

Наконецъ Гундлахъ на островѣ Кубъ нашелъ 4 ноября яйца соломенно-желтаго цвѣта, принадлежавшія другому свистуну (вѣроятно вида *Leptodactylus albilabris*). Яйца были заключены въ пѣнистую массу и лежали въ сыромъ углубленіи, слѣдовательно совершенно такъ-же, какъ и у свистуна, описаннаго Гензелемъ. Гундлахъ наблюдалъ также развитіе хвоста и жабрь. Личинки плавали въ водѣ и жадно ѣли маленькіе кусочки мяса. 25 ноября вышеназванный натуралистъ замѣтилъ первые слѣды заднихъ ногъ, а 3 декабря и переднихъ; 7 декабря животныя уже имѣли большее сходство съ взрослыми лягушками и дѣлали попытки влѣзть вверхъ по стеклу. Мало по малу хвостъ укорачивался и лягушата становились похожими на родителей. Совершенно такую же картину представляетъ, по Буланже, развитіе **Болотнаго свистуна** (*Paludicola Sumpfpfeifer*). У бразильскаго вида *Paludicola gratilis* точно также можно было констатировать, что самка кладетъ свои яйца на дно высохшей лужи, внѣ воды.

Издревле и до нынѣшнихъ дней ни одно семейство животныихъ не вызывало въ людяхъ такого всеобщаго отвращенія, ни одно не преслѣдовалось столь беспощадно и столь несправедливо, какъ семейство жабъ.

«Это животное», говоритъ старый Геснеръ про обыкновеннѣйшій видъ этого семейства, «есть животное совершенно холодное и влажное, все отравленное, ужасное, противное и вредное. Когда животное это дразнятъ, то оно приходитъ въ такой гнѣвъ, что, если оно можетъ, то брызгаетъ на человѣка своими кожными выдѣленіями или отравляетъ его своимъ ядовитымъ вреднымъ дыханіемъ.—Однако вреденъ не одинъ только чистый ядъ, которымъ оно снабжено, но и все тѣло и если кто-либо испачкается ея слизью, то запачканное мѣсто начинаетъ гноиться и очень трудно поддается лѣченію. Съѣденная жаба вызываетъ смерть, дыханіе и взглядъ ея также вредны, отъ нихъ человѣкъ блѣднѣетъ и обезображивается. Жабы отравляютъ также траву и листву, которую онѣ попробовали или даже по которой медленно проползли... Въ Англіи, какъ извѣстно, принято лѣтомъ посыпать полы комнатъ зеленою травою или ситникомъ для освѣженія этихъ помѣщеній. Однажды одинъ монахъ принесъ охапку ситника въ свою келью или опочивальню и разбросалъ его по полу, но когда онъ легъ на эту траву послѣ трапезы и заснулъ, лежа на спинѣ, изъ подъ травы вылѣзла принесенная вмѣстѣ съ ситникомъ жаба и сѣла прямо на ротъ, вцѣпившись четырьмя ногами въ его

верхнюю и нижнюю губу. Другіе монахи, видя это ужасное зрѣлище, не знали, что дѣлать: отрывать жабу значило не иначе, какъ идти на вѣрную смерть, оставить же жабу сидѣть было хуже самой смерти. Наконецъ былъ поданъ хорошій совѣтъ: отнести монаха, лежавшаго на спинѣ, къ окну, гдѣ у паука была паутина; послѣдній какъ разъ случился въ ней. Какъ только паукъ увидѣлъ своего врага, онъ быстро спустился, укусилъ жабу и по паутинкѣ забрался обратно въ свою сѣть. Правда, послѣ укуса у жабы тѣло вспухло, но она не отстала; тогда на нее опять натравили паука, и онъ вновь укусилъ жабу, отчего тѣло послѣдней вздулось еще больше, но животное было все еще живо. Паукъ нанесъ третій укусъ. послѣ котораго жаба поджала ноги и свалилась мертвой. Таково было благодареніе и благодарность, выказанныя паукомъ своему хозяину! Иногда случается, что по неосмотрительности вмѣстѣ съ водою или другимъ напиткомъ проглатываютъ нѣсколько яицъ жабъ или лягушекъ, и яйца превращаются въ лягушекъ или жабъ уже въ желудкѣ; это ужасно! Такіе неосторожные люди должны выгонять животныхъ сильными рвотными или слабительными средствами».

Право трудно понять, какъ могло случиться, что благоразумные люди могли вѣрить такимъ глупостямъ; еще менѣе понятно, что и въ настоящее время ходятся тысячи людей, которые склонны считать за истину подобную пошлюю и ни на чемъ не основанную ложь, такъ какъ не можетъ же ночная жизнь безобразныхъ въ сравненіи съ лягушками жабъ служить причиной постоянныхъ нападокъ и отвращенія къ этимъ безобиднымъ, невиннымъ и въ высшей степени полезнымъ животнымъ! Безспорно только, что это отвращеніе къ жабамъ, слѣпая ярость, съ которою онѣ преслѣдуются и убиваются, одинаково свойственна какъ образованнымъ, такъ и необразованнымъ людямъ, европейцу и американцу, какъ кавказской, такъ негритянской и малайскимъ расамъ. Тотъ, кто скверно отзывался о жабѣ, никогда не наблюдалъ ея жизни, никогда не прочелъ или по крайней мѣрѣ, не понялъ ни одной серьезной книжки по естествовѣдѣнію, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ былъ бы болѣе свѣдушъ. Жабы какъ разъ могутъ служить убѣдительнымъ примѣромъ тому, какъ поставлено у насъ дѣло образованія, въ особенности естествовѣдѣніе и его преподаваніе.

Жабы (*Bufo*nidae. Kröten), отличаются отъ описанныхъ до сихъ поръ подвижно-грудыхъ формъ, совершеннымъ отсутствіемъ зубовъ и треугольными расширенными наружными концами поперечныхъ отростковъ крестцовой кости. Дальнѣйшими характерными для нихъ признаками служатъ: плотная, неуклюжая форма тѣла, почти равныя, толстыя, уродливыя ноги и очень обильная железамъ и бородавкамъ кожа. Изъ восьми родовъ только у двухъ зрачки глазъ имѣютъ вертикальныя щели. Костные концевые суставы пальцевъ переднихъ и заднихъ ногъ обрублены или же имѣютъ трехугольную форму.

Большинство жабъ живетъ на сушѣ; многія изъ нихъ превосходно умѣютъ зарываться въ землю; нѣсколько видовъ проводятъ большую часть своей жизни въ водѣ (*Nectes*), а нѣкоторые даже, подобно древеснымъ лягушкамъ, живутъ на деревьяхъ (*Nestorhryule*); одинъ родъ, носатая жаба, питается термитами и по строенію тѣла и образу жизни имѣетъ много сходнаго съ узкорылыми лягушками.

Жабы живутъ во всѣхъ частяхъ свѣта и многочисленнѣе, понятно, въ теплыхъ областяхъ, нежели въ холодныхъ. Большею частью онѣ держатся въ водѣ только въ пору метанія икры, оказываются вполне ночными животными и только въ исключительныхъ случаяхъ ползаютъ днемъ внѣ своихъ укромныхъ уголковъ. Въ ловкости движеній онѣ уступаютъ лягушкамъ и чесночницамъ,

такъ какъ онѣ скорѣе ковыляютъ, нежели скачутъ, плаваютъ плохо, почему выглядятъ тяжелыми на подъемъ и лѣнивыми, хотя, въ строгомъ смыслѣ слова, онѣ не бываютъ ни тѣми, ни другими. Пищу ихъ составляютъ всевозможныя вредныя животныя, въ особенности черви, улитки, жуки и мелкія позвоночныя; послѣднія, впрочемъ, дѣлаются добычей лишь наиболѣе крупныхъ видовъ жабъ. Потребность въ пищѣ у жабъ значительная, почему и дѣятельность этого оклеветаннаго животнаго для насъ является въ высшей степени полезной. По способу оплодотворенія и по развитію ихъ головастиковъ, онѣ въ существенныхъ чертахъ сходны съ другими формами ихъ отряда, но только у большинства жабъ яйца выходить не комками, но въ видѣ шнуровъ, порознь оплодотворяемыхъ самцами.

Какъ и остальные земноводныя, жабы также безъ вреда для своей жизни не могутъ долго оставаться безъ воды, но во влажныхъ пространствахъ могутъ мѣсяцы и даже годы прожить на самой скудной пищѣ. Случалось часто, что живыхъ жабъ находили въ полостяхъ, не имѣвшихъ, повидимому, никакого входа снаружи. Такія находки съ одной стороны имѣли слѣдствіемъ разнообразныя басни, но съ другой стороны побудили ученыхъ произвести опыты, результаты которыхъ были весьма неожиданныя. Въ ноябрѣ 1828 года Бекландъ изъ Оксфорда велѣлъ высверлить въ большомъ кускѣ грубаго пористаго известняка 12 круглыхъ углубленій, 13 см. въ поперечникѣ и въ 1 м. глубиной; каждое изъ нихъ имѣло по окружности пазъ, въ который вкладывались стеклянная, а поверхъ ея, для защиты, еще аспидная пластинка. Края такой двойной крышки были замазаны гліной и сдѣланы такимъ образомъ недоступными для проникновенія внутрь воды и воздуха. Въ другомъ кускѣ плотнаго песчаника также были сдѣланы 12 углубленій, но меньшихъ размѣровъ и имѣвшихъ въ глубину только 15 см.; къ нимъ придѣланы были такія же крышки. Стеклянные крышки устроены были съ цѣлью осмотра животнаго при условіяхъ изолированія его отъ воздуха и пищи. 24 ноября въ каждое такое углубленіе была посажена живая жаба, послѣ чего крышки были замуравлены; затѣмъ оба куска были зарыты въ землю на глубину 1 м., и прикрыты землею. Въ первый разъ осмотръ былъ совершенъ лишь 10 декабря слѣдующаго года. Въ меньшихъ ячейкахъ, высверленныхъ въ очень плотномъ песчаникѣ, всѣ жабы оказались мертвыми, причемъ большая часть ихъ были настолько истлѣвши, что можно было заключить объ ихъ давней смерти, наступившей за нѣсколько мѣсяцевъ до вскрытія. Въ ячейкахъ же, высверленныхъ въ грубомъ известнякѣ, напротивъ, большинство плѣнницъ были живы и въ то время, какъ нѣкоторыя потеряли часть вѣса, у одной даже было замѣчено прибавленіе его. Стеклянная крышечка помѣщенія этой жабы немного отскочила, благодаря чему отнюдь нельзя было исключить возможности доступа къ жабѣ мелкихъ жучковъ. Такихъ жучковъ въ желудкѣ этой жабы найдено не было, но ихъ нашли въ достаточномъ количествѣ въ помѣщеніи другой жабы, стеклянная крышка у которой была разбита; однако обитательница его оказалась мертвой. По прошествіи 18 мѣсяцевъ околѣли всѣ жабы, какъ помѣщенные въ известнякѣ, такъ и замуравленные въ песчаникѣ. Послѣ перваго изслѣдованія жабъ осматривали нѣсколько разъ, въ продолженіи этихъ 18 мѣсяцевъ, не снимая однако крышекъ. Онѣ все время казались бодрыми, по крайней мѣрѣ сидѣли съ открытыми глазами; однако постепенно животныя худѣли и, наконецъ, подошли отъ истощенія. Приблизительно въ это же время помѣстили 4-хъ жабъ въ три, нарочно вырѣзанныя на сѣверной сторонѣ одной яблони, дуцла, 12 см. глубины и 8 см. ширины; дупла эти были тщательно задѣланы втулками, такъ что къ жабамъ не могли проникнуть ни воздухъ, ни насѣкомыя. По истеченіи

годовалнаго срока втулки были вынуты, и всѣ заключенныя животныя были найдены мертвыми и разложившимися.

Изъ этихъ наблюденій слѣдуетъ, что живучесть жабъ отнюдь не такъ велика, какъ это передавалось въ различныхъ басняхъ по этому поводу, что ни одна жаба не въ состоянiи и года прожить въ пространствѣ, изолированномъ отъ притока воздуха или до двухъ лѣтъ, не получая никакой пищи. Въ то же самое время эти же опыты наводятъ на мысль, что въ случаяхъ находокъ жабъ въ полостяхъ камней и другихъ подобныхъ, пустыхъ внутри предметовъ, изслѣдованiя просто не были произведены тщательно, и всѣ рассказы о жабахъ, прожившихъ много лѣтъ подъ землею, замуравленныхъ въ кремняхъ, безъ сомнѣнiя нужно считать невѣрными. Напротивъ, яйца иныхъ жабъ бываютъ очень мало чувствительны къ зною и засухамъ. Флетшеръ наблюдалъ одну австралийскую жабу (*Pseudophryne australis*, Scheinkrote), которая откладывала свои яйца послѣ дождя подъ камни по краямъ лужъ. По прошествiи около трехъ недѣль при благоприятныхъ условiяхъ потомство ея уже начинало вести самостоятельную жизнь въ видѣ головастиковъ, но развитiе яйца можетъ отложиться болѣе, чѣмъ на три мѣсяца, и самыя яйца безъ вреда переносятъ долгую пору засухи, когда отсутствуетъ необходимая для жизни личинокъ вода. На только что выдупившихся головастикахъ наружныхъ жабръ невидно.

Это семейство распадается на 8 родовъ, заключающихъ въ себѣ около 100 видовъ; для насъ однако будетъ достаточнымъ, если мы ограничимся описанiемъ немногихъ, но болѣе важныхъ видовъ.

* *
* *

Къ таковымъ принадлежитъ обыкновенная жаба, представительница рода **Земляныхъ жабъ** (*Bufo*, Landkröten, Crapauds), отличительнымъ признакомъ которыхъ нужно отмѣтить свободные пальцы переднихъ лапъ и болѣе или менѣе широкiя плавательныя перепонки заднихъ лапъ. Грудная кость или совершенно хрящевая, или же имѣетъ частью окостенѣвшiй мечевидный отростокъ. Извѣстно около 85 видовъ этого рода, водящихся во всѣхъ частяхъ свѣта, за исключенiемъ Мадагаскара, Новой Гвинеи, Австрали и острововъ Тихаго океана.

Обыкновенная жаба (*Bufo vulgaris*, cinereus, rubeta, roeseli, ventricosus, alpinus, commutatus, spinosus, colchicus, japonicus, palmarum, gargarizans, *Rana bufo*, rubeta, *Phryne vulgaris*; Erdkröte, Crapaud commun) достигаетъ значительной величины при ширинѣ въ 6—7 см., 8—12 см. длины, а въ болѣе южныхъ странахъ, какъ напримѣръ въ Сицилии она бываетъ 12—20 см. въ длину, и, по видимому, сложена еще неуклюжѣе, чѣмъ другiе родственные ей виды. Все тѣло ея покрыто толстыми бородавками, которыя за ушами оставляютъ свободныя мѣста для большой полудушной согнутой железы. Окраска ея состоитъ изъ болѣе темнаго сѣро-бураго или черновато-сѣраго цвѣта, который впадаетъ то въ оливково-зеленый, то въ красноватый оттѣнокъ и покрытъ темными неясными пятнами. Окраска эта на нижней части тѣла переходитъ въ свѣтло-сѣрый цвѣтъ, на которомъ видны, у самокъ чаще, нежели у самцовъ, болѣе темныя пятна. Ушные железы снаружи оторочены чернымъ. Глаза имѣютъ блестящую желтую радужину. Отъ своихъ нѣмецкихъ сородичей обыкновенная жаба отличается слѣдующими несомнѣнными признаками: пальцы ногъ ихъ, по крайней мѣрѣ наполовину, затянuty перепонкой, кожной складки вдоль голени нѣтъ, сочленовая мозоль на нижней сторонѣ пальцевъ заднихъ лапъ, а именно четвертаго пальца, всегда парная.

За исключенiемъ сѣверныхъ странъ и Ирландiи, а равно Сардинiи и Корси-

ки, жаба живетъ во всѣхъ другихъ частяхъ Европы; она встрѣчается также въ сѣверо-западной Африкѣ, распространена по всей Малой Азій, по областямъ Кавказа, въ Центральной Азій и Японіи. Въ Альпахъ она взбирается на высоту 1700 м. Мѣстожителства ея такъ разнообразны, что въ Германіи ее слѣдуетъ называть повсюду распространеннымъ животнымъ. Она живетъ въ лѣсахъ, по кустамъ, у изгородей, на поляхъ, лугахъ и садахъ, въ погребахъ, пещерахъ, гротахъ, въ старыхъ стѣнахъ, въ кучахъ камней, подъ стволами деревьевъ, подъ одиночными плоскими камнями, короче—всюду, гдѣ только есть укромный уголокъ или гдѣ она можетъ таковой устроить. Гдѣ нѣтъ природныхъ укромныхъ мѣстечекъ, жаба сама вырываетъ въ землѣ по слегка дугообразной линіи норы, въ которыя возвращается такъ же регулярно, какъ лиса въ свое логовище. Гдѣ только можно, она выбираетъ мѣста сырыя и тѣнистыя, почему очень часто забирается подъ растенія, широкія листья которыхъ не только бросаютъ тѣнь на землю, но просто покрываютъ ее; особенное преимущество она оказываетъ сильно пахучимъ травамъ, такъ, напримѣръ, шалфею и болиголову.

Будучи настоящимъ ночнымъ животнымъ, жаба днемъ всегда прячется; она показывается только тогда, когда теплый дождь смочитъ землю и облака закроютъ неприятное для нея солнце. При этихъ условіяхъ она, правда въ исключительныхъ случаяхъ, охотится и днемъ, что въ другое время начинается только послѣ захода солнца. Безпомощная въ своихъ движеніяхъ, почти не будучи въ состояніи дѣлать крупныхъ скачковъ, неуклюжая и тяжелая на подъемъ жаба, не предпринимаетъ, благодаря всему этому, далекихъ кочевокъ, но зато тѣмъ тщательнѣе обыскиваетъ небольшой районъ, обитаемый ею, почему при ея прожорливости, требующей много пищи, она является истинной благодѣтельницей въ той мѣстности, въ которой поселилась. Вслѣдствіе своей неловкости жабы часто попадаютъ въ погреба, колодцы, шахты и пещеры, откуда онѣ уже не могутъ вылѣзти, почему и должны довольствоваться той незначительной добычей, которая, какъ и онѣ, попадаетъ туда случайно. Несмотря на это, и въ такихъ мѣстахъ онѣ иногда не только живутъ удивительно долгое время, но даже въ полномъ смыслѣ отъѣдаются. Такъ, Эрберъ, посѣтивъ одинъ гротъ въ Далмаціи, нашелъ на глубинѣ 20 сажень и болѣе одну крупную и откормленную земляную жабу, что, по его словамъ, вовсе не находится въ связи съ необыкновенной прожорливостью, выказываемой такимъ животнымъ въ неволѣ, такъ какъ насѣкомыя обыкновенно попадаютъ въ очень немногихъ гротахъ. Добычу этихъ жабъ, по Фотергиллю, составляютъ червячки, осы, пчелы, пауки, жуки, вообще всякихъ видовъ насѣкомыя, за исключеніемъ бабочекъ, которыхъ жабы неохотно ловятъ, потому что чешуйки крыльевъ бабочекъ пристають къ ихъ клейкому языку и затрудняютъ проглатываніе. Несмотря на свою прожорливость, которую можно было бы назвать безпрестаннымъ отчаяннымъ голодомъ, жабы упорно отказываются ѣсть мертвыхъ животныхъ. Пробовали пересилить это упорство голодомъ, и одну сильную жабу помѣстили въ цвѣточный горшокъ, куда было положено довольно большое количество только что убитыхъ пчелъ; по прошествіи 6 или 7. дней всѣ пчелы все еще оставались въ цѣлости, тогда какъ живыя насѣкомыя этого вида тотчасъ же хватались жабами и съѣдались безъ всякаго вреда для ихъ желудка.

Легко наблюдать, какъ жаба ловить добычу такъ какъ онѣ и днемъ не пропускаютъ добычи мимо, большею же частью жадно хватаютъ все, что не заберется въ ихъ область а наиболѣе аппетитныхъ для нихъ насѣкомыхъ даже преслѣдуютъ на нѣкоторое разстояніе. Тамъ, гдѣ ослѣпительные и яркіе солнечные лучи ослаблены снѣжно растительности, сильно выпуклые и подвижные глаза жабъ

видять каждое животное, откуда бы оно ни появилось. Языкъ жабы съ удивительной быстротой и гибкостью выбрасывается по направленію къ высмотрѣнной добычѣ; рѣдкая изъ нихъ успѣеть ускользнуть. — Если кто-либо, не показываясь

Обыкновенная жаба. *Bufo vulgaris*. $\frac{1}{2}$ наст. вел. Пятнистая жаба. *B. viridis*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.
Камышевая жаба. *B. calamita*. Наст. вел.

самъ, бросить или будетъ держать передъ носомъ притаившейся жабы червячка, гусеницу или какое-либо насекомое, то можетъ наблюдать ся обычное поведеніе. Въ одно мгновеніе глаза ея загораются, сама она выходитъ изъ своего, повидимому, сонливаго состоянія и съ проворствомъ, столь несвойственнымъ ей

и противорѣчающимъ ей обычному образу жизни, бросается на добычу. Приблизившись на извѣстное разстояніе, она останавливается, уставляется на свою жертву, словно собака на стойкѣ передъ дичью, выбрасываетъ свой языкъ и вмѣстѣ съ нимъ уноситъ добычу въ широко-раскрытую пасть, почти одновременно проглатывая ее и препровождая въ желудокъ. Если кусокъ оказывается слишкомъ большимъ или длиннымъ, напимѣръ, если она схватитъ дождевого червя и послѣдній все еще торчитъ изъ глотки, то, какъ наблюдалъ Стерки, она протискиваетъ его съ помощью «быстраго, вѣрно направленаго движенія передней лапы, какъ бы утирая ею ротъ». Какъ только кусокъ проглоченъ, жаба снова неподвижно сидитъ въ своей сторожевой позѣ и вновь осматриваетъ все кругомъ. Если, какъ это нерѣдко случается, она промахнется, или же добыча ее будетъ только оглушена языкомъ, но не пристанетъ къ нему, то животное обыкновенно прекращаетъ дальнѣйшее преслѣдованіе, но тотчасъ же снова принимается за охоту, если насѣкомое начнетъ дѣлать какія-либо движенія. Но можетъ случиться также, что она два или три раза метнетъ своимъ языкомъ въ надеждѣ вознаграждать свои первые промахи.

Земляныя жабы уничтожаютъ неимовѣрное количество всякихъ вредныхъ животныхъ. На ряду съ упомянутыми мелкими животными излюбленной пищей ихъ являются также голые слизняки; кромѣ этого онѣ, говорятъ, хватаютъ и мелкихъ земноводныхъ, хотя вообще живутъ въ полномъ мирѣ съ себѣ подобными и никакое раздраженіе не доводитъ ихъ до ссоръ съ другими родственными имъ животными. Доказательствомъ этого можетъ служить слѣдующій рассказъ. Чтобы наблюдать за охотой на насѣкомыхъ одной жабы, постоянное мѣстопробываніе которой было извѣстно, намазали медомъ одинъ листъ и положили его передъ мѣстомъ, куда животное пряталось. Запахъ меда скоро привлекъ массу мухъ и пчелъ, которыя и ловились обитательницей этой норы. Когда къ этому, всегда обильному столу приползла другая жаба, между ними начали бросать много насѣкомыхъ, такъ что вниманіе жабъ направлялось въ разнообразныя стороны. При этомъ случалось, что оба животныя бросались на одно и то же насѣкомое, однако то изъ нихъ, которому ничего не попадало, никогда не выказывало при этомъ ни малѣйшаго неудовольствія или жажды мщенія. Вообще никогда не видѣли, чтобы эти жабы между собой ссорились. Это добродушіе, которое, быть можетъ, слѣдуетъ считать отсутствіемъ ума, свойственно многимъ, но не всѣмъ жабамъ: ихъ поступками управляетъ желудокъ. Всякое приближающееся мелкое животное жабы дѣлаютъ попытку проглотить, если только могутъ, но не трогаютъ его, если оно сидитъ спокойно, быть можетъ потому, что при этихъ условіяхъ онѣ его не замѣчаютъ. Однако, на основаніи всего этого отнюдь нельзя сказать, что бы умственная дѣятельность у жабъ совершенно отсутствовала. Онѣ дѣлаютъ разницу между разнообразными животными, съ которыми имъ приходится имѣть дѣло, и соразмѣряютъ свои поступки съ обстоятельствами. Онѣ чаще, чѣмъ другія земноводныя стараются скрыться отъ каждаго болѣе крупнаго животнаго и, сознавая свое безсиліе, не осмѣливаются оказывать противодѣйствія болѣе сильному врагу. Но онѣ умѣютъ быть благодарными за сдѣланное имъ добро и мало по малу почти совершенно покидаютъ обычную для нихъ пугливую передъ тѣмъ, кто съ ними начнетъ обходиться дружественно. Белль такъ приручилъ одну жабу, что она спокойно сидѣла на его рукѣ и брала изъ пальцевъ предлагаемыхъ ей мухъ. Другіе друзья этихъ столь презираемыхъ животныхъ доводили дѣло до того, что плѣнницы ихъ обыкновенно появлялись на извѣстный зовъ или свистъ въ надеждѣ получить ожидаемый ими кормъ. Лейдигъ, часто державшій довольно долгое время

живыхъ жабъ, считаетъ ихъ умнѣе и понятливѣе зеленыхъ лягушекъ, мы же въ этомъ съ нимъ соглашаемся. «Зеленая лягушка», говоритъ онъ, «въ неволѣ сохраняетъ свой буйный характеръ, и въ ея поступкахъ выказывается мало обдуманности: она принимаетъ все, что движется передъ ея глазами, за живую добычу и такъ же стремительно хватается какой-нибудь плодъ, какъ и насѣкомое. Ей долго или даже никогда не приходится въ голову, что она не можетъ выльзти изъ своего помѣщенія, прыгая по направленію къ крышкѣ, закрывающей его. Насколько отлично поведеніе жабы! Последняя скоро примѣняется къ обстоятельствамъ и при хорошемъ уходѣ становится очень скоро доврчивой. Если положить какое-нибудь насѣкомое или дождевого червя передъ неподвижно сидящей жабой, она начинаетъ дѣлать тихо и со вниманіемъ движенія головой и видно, что соображаетъ, какъ завладѣть добычей. При попыткахъ обжать, она также выказываетъ разсудительность, а что въ пору оплодотворенія въ этомъ животномъ замѣчаютъ удивительное стараніе освободиться отъ противниковъ, есть фактъ вполне извѣстный».

Жабы, содержащіяся въ болѣе ограниченныхъ помѣщеніяхъ, приручаются скорѣе и полнѣе, нежели когда онѣ живутъ въ какомъ-нибудь саду. Содержаніе ихъ почти не представляетъ трудностей, такъ какъ онѣ не отказываются ни отъ какого брошеннаго имъ мелкаго животнаго, лишь бы только послѣднее двигалось; съ другой стороны онѣ могутъ долго голодать безъ малѣйшаго для себя вреда. Со своими сородичами и родственными формами, равнымъ имъ по величинѣ, онѣ уживаются превосходно.

Отлично отъ многихъ другихъ безхвостыхъ земноводныхъ, жаба проводитъ зимнюю спячку въ сухихъ земляныхъ норахъ, далеко отъ воды. Такія норы она рѣдко роетъ сама при помощи своихъ заднихъ ногъ и предпочитаетъ для своего постоянного укромнаго уголка мышиныя норы и трещины въ камняхъ. Сначала старыя, затѣмъ молодыя жабы въ концѣ сентября или въ началѣ октября заползаютъ въ найденныя или вырытыя ими самими норы, часто нѣсколько животныхъ вмѣстѣ, защищаются отъ вліянія холода нарытой землей, заткнувъ сю отверстие въ свое помѣщеніе, и въ этихъ зимнихъ норахъ остаются неподвижными и околѣвшими вплоть до марта или апрѣля. Тотчасъ же по оставленіи своего зимняго убѣжища, непосредственно за зелеными лягушками, онѣ начинаютъ спариваніе и для этой цѣли держатся въ какомъ-нибудь ближайшемъ водоемѣ, предпочитая, подобно зеленой лягушкѣ, самыя маленькія лужи. Несмотря на то, что у самцовъ нѣтъ пузырей резонаторовъ, жаба обладаетъ стонущимъ или нѣжно бляющимъ голосомъ. О спариваніи прежде всего можно узнать по этому голосу, который самцы издають день и ночь. Каждый самецъ, если можетъ, отыскиваетъ самку, обхватываетъ ее обычнымъ для лягушекъ образомъ, но съ такою силою, что пальцы въ полномъ смыслѣ вонзаются въ кожу и сваружи невидны. Такимъ образомъ, по увѣреніямъ внимательныхъ наблюдателей, онъ, не слѣзая, крѣпко сидитъ на самкѣ 8—10, даже 28 дней, пока, наконецъ, эта длинная прелюдія не кончится и не начнется метаніе икры. Лейдигъ замѣтилъ, что, по крайней мѣрѣ въ Германіи число самцовъ далеко превосходитъ число самокъ. За недостаткомъ самки своего вида, самецъ, совершенно какъ водяныя лягушки, плотно насѣдаетъ на другихъ животныхъ, въ особенности на рыбъ, и послѣднія, какъ Ферстеръ наблюдалъ у золотыхъ рыбокъ, могутъ отъ подобныхъ сильныхъ объятій погибнуть отъ задушенія. Икра выходитъ въ видѣ двухъ шнуровъ, изъ которыхъ каждый развивается въ особомъ япчникѣ и яйцеводѣ; отложеніе икры однако совершается съ перерывами, почему самецъ оплодотворяетъ отдѣльныя части шнуровъ. Какъ только кусокъ шнура

выйдетъ изъ яйцевода, совокупившаяся пара на минуту принимаетъ болѣе удобное положеніе, всплывая на поверхность воды и до нѣкоторой степени отдыхая; затѣмъ онѣ опять ныряютъ въ глубину, гдѣ вновь выходитъ и оплодотворяется новый шнуръ. Эти движенія повторяются одно за другимъ, 8—10 разъ; но какъ только выйдетъ послѣдній кусокъ яйцеваго шнура, самецъ оставляетъ самку, и каждый отдѣльно выходитъ на сушу. Яйцевые шнуры имѣютъ толщину карандаша, достигаютъ 3—5 м. длины и заключаютъ въ себѣ нѣсколько тысячъ яицъ. Еще въ пору спариванія эти шнуры, благодаря движеніямъ въ разныя стороны совокупившейся пары, наматываются около водяныхъ растений и тому подобныхъ предметовъ, почему и остаются на днѣ. Черезъ 2—3 дня яйца замѣтно увеличиваются, черезъ 4—5 дней растягиваются; въ теплую погоду на 12 или 14, а въ холодную на 17 или 18 день личинки, развившіяся въ яйцѣ, прорываютъ его оболочку, а 2 дня спустя, оставляютъ и иль. Съ этихъ поръ превращеніе ихъ протекаетъ уже по извѣстному плану. Головастики жабъ — маленькія черныя животныя, охотно живущія общественно. Въ концѣ іюня у нихъ уже образовалось 4 ноги и, когда это произошло, молодыя, необыкновенно маленькія въ сравненіи съ остальными безхвостыми земноводными жабы покидаютъ воду, хотя хвостъ ихъ въ это время не совсѣмъ еще ссохся. Съ этого момента онѣ ведутъ образъ жизни своихъ родителей, но гораздо оживленнѣе въ своихъ движеніяхъ и прыгаютъ довольно хорошо. Ростъ ихъ очень медленный; но и онѣ на пятомъ году жизни уже становятся половозрѣлыми. Продолжительность ихъ жизни значительна. Пеннантъ рассказываетъ про одну жабу, которая пробыла въ неволѣ 36 лѣтъ и прожила бы, быть можетъ, еще дольше, если бы случай не лишилъ ее жизни.

Продолжительность жизни жабъ существенно зависитъ отъ содержанія. Правда, она имѣетъ сравнительно немного враговъ, такъ какъ, благодаря выдѣленію ея железъ, хищныя животныя, за исключеніемъ змѣй, не рѣшаются хватать ихъ, но и размноженіе жабъ относительно невелико, такъ какъ вслѣдствіе безопасности родителей, при высыханіи незначительныхъ лужъ гибнутъ часто тысячи личинокъ. Самымъ же злѣйшимъ врагомъ ихъ является безразсудный, злой человѣкъ, который непростительнымъ образомъ преслѣдуетъ какъ разъ взрослыхъ, а слѣдовательно половозрѣлыхъ жабъ, чѣмъ вредитъ своему собственному хозяйству.

Чтобы совершенно разбить всѣ доводы суевѣрныхъ и безразсудныхъ враговъ жабъ, я обращаю вниманіе на то, что днемъ жаба хватается развѣ только тѣхъ пчелъ, которыя летятъ мимо ея носа, почему и не можетъ считаться въ этомъ случаѣ вреднымъ животнымъ. Нелѣпныя предубѣжденія, что жабы выпрыскиваютъ изъ своего мочевого пузыря ядъ, что слизь, правда очень острая, выдѣляемая ея кожными железами, можетъ серьезно отравить человѣка, что онѣ посѣщаютъ скотныя дворы, гдѣ выдаютъ коровъ и козъ, и всякія другія выдумки про жабъ, все это одинаково мало служить извиненіемъ страсти къ истребленію этихъ животныхъ. Вѣдь самыми тщательными опытами доказано, что жабы не выпрыскиваютъ никакого яда, что сокъ ихъ железъ, правда производящій жжение, если его положить на слизистую оболочку, для человѣка опасенъ быть не можетъ, короче—что жабы никоимъ образомъ не въ состояніи нанести намъ какой-либо вредъ. Слѣдовательно, если кто по заблужденію или по непростительной шалости убиваетъ столь полезное животное, онъ только этимъ доказываетъ свою необразованность и свое невѣжество, о чемъ можно только сожалѣть. Англійскіе садовники, болѣе благоразумные, чѣмъ многіе наши, давно узнали, какъ уже было замѣчено выше, какую большую пользу приносятъ имѣти прилежныя и неутомимыя животныя уничтоженіемъ различныхъ вредныхъ для растений мелкихъ животныхъ.

Въ настоящее время эти садовники покупаютъ жабъ дюжинами и полусотнями и пускаютъ ихъ въ свои сады. Ихъ нѣмецкіе товарищи по ремеслу, быть можетъ, то-же самое скоро станутъ дѣлать. Будемъ же надѣяться, что благоразумные учителя найдутъ время внушить своимъ ученикамъ о полезности этихъ животныхъ и тѣмъ помогутъ искорененію хоть части существующихъ предрассудковъ. Уничтоженіе жабъ, если оно необходимо, можно оправдать развѣ только вблизи разсадочныхъ рыбныхъ прудовъ.

Второй видъ, живущій и въ Германіи, **Пятнистая жаба** (*Bufo viridis, variabilis, arabicus, bouleengeri, schreberianus, Rana variabilis. Wechselkröte. Crapeaud vert*) есть красивое животное, имѣющее 7—8, рѣдко 8—10 см. длины. Сверху она по зелено-сѣрому фону покрыта какъ бы островками, пятнами отъ оливково до черно-земляного цвѣта и болѣе мелкими розово-желтоватыми бородавочками; снизу она покрыта бѣловатыми и лишь изрѣдка рѣдкими черноватыми пятнами или точками; кромѣ того эта жаба характеризуется относительно длинными ногами, довольно плоскими, съ боковъ выемчатыми и почковидными ушными железами и длиной внутренняго пальца переднихъ лапъ, который бываетъ немного длиннѣе второго. Отъ обѣихъ другихъ жабъ Германіи она больше всего отличается простой, а не парной сочленовой мозолью на нижней поверхности всѣхъ пальцевъ заднихъ лапъ, перепонкой, по крайней мѣрѣ доходящей до половины длины пальцевъ, слѣдовательно развитою относительно хорошо, и присутствіемъ отчетливой кожной складки вдоль голени. Восточно-европейскіе экземпляры большею частью ярче окрашены и разрисованы, нежели германскіе. Основной цвѣтъ ихъ свѣтлѣе, иногда сѣро-бѣлый, пятна, въ родѣ островковъ, кажутся рѣзче ограниченными и имѣютъ темныя каймы; красныя крапинки бородавокъ крупнѣе и свѣтлѣе.

Пятнистая жаба—видъ, свойственный средней и восточной Европѣ, но распространенный по Европѣ къ югу и къ востоку. На югъ она распространена отъ Египта до Марокко, на востокъ—по всей западной Средней Азіи до Монголіи, Тибета и Гиммалайскаго хребта. Въ Европѣ она не переходитъ ни за Рейвъ, ни за Рону; интересно, что это единственный видъ жабъ, живущій на Балеарскихъ островахъ. Къ востоку отъ вышеназванныхъ рѣчныхъ границъ и особенно въ сѣверной Швейцаріи, въ Германіи и въ Австро-Венгріи она, вмѣстѣ съ частыми помѣсами ея съ камышевой жабой представляетъ собой настолько обычное явленіе, что было бы совершенно лишнимъ приводить здѣсь болѣе точныя мѣстонахожденія. На сѣверѣ она распространена до Даніи и южной Швеціи. Самки, повидимому, встрѣчаются чаще, нежели самцы.

Послѣ предыдущаго подробнаго описанія образа жизни обыкновенной жабы, въ описаніи и привычекъ пестрой жабы можно ограничиться лишь нѣсколькими словами. Она во многихъ отношеніяхъ сходна съ предыдущей, но замѣтно ловчѣе, проворнѣе, бодрѣе и оживленнѣе ея. Пятнистая жаба, повидимому, непритязательна, легче обыкновенной переноситъ холодъ, сухость воздуха и нечистоту воды. На Гиммалаяхъ Столичка нашелъ ее у Гьемала, на высотѣ 4285 м., до которой не достигаетъ ни одно другое земноводное; въ Закаспійскомъ краѣ Альфредъ Вальтеръ нашелъ ее въ полусоленой, гнилой водѣ уединенныхъ, пустынныхъ колодезѣ.

Днемъ пятнистая жаба прячется въ тѣ же мѣста, какъ и обыкновенныя жабы, нерѣдко живя общественно въ подходящихъ углубленіяхъ; ночью онѣ, охотясь, ходятъ довольно большія пространства. Подвижность свою онѣ проявляютъ не только отрывистыми, но и относительно растянутыми прыжками, а равно умѣнемъ

плавать и способностью, которую въ нихъ трудно заподозрить, именно лазаніемъ. По словамъ Бедраги, любовь къ рытью у нихъ мало развита, потому что, подобно обыкновеннымъ жабамъ, онѣ предпочитаютъ забираться въ чужія норы, или же жить въ найденныхъ ими трещинахъ стѣнъ или скалъ.

Наблюдая за экземплярами пятнистыхъ жабъ, жившихъ въ неволѣ, Лейдигъ замѣтилъ, что жабы эти труднѣе приручаются, нежели оба другіе вида, и что онѣ бодрствуютъ до полночи, даже до 2 или 3 часовъ утра. Въ это время, ослѣпленныя неожиданнымъ свѣтомъ, животныя выглядятъ совершенно иначе, нежели днемъ: голова ихъ бываетъ вздернута кверху, глаза сильно выпячены, зрачекъ расширенъ. «Еще болѣе живыя, одно-и двухгодовалыя жабы ведутъ вообще дневную жизнь, что иногда бываетъ и со взрослыми формами, не считая поры икротанія, когда эти животныя день и ночь проводятъ въ водѣ. Я видѣлъ этихъ жабъ, въ послѣполуденные часы ползавшихъ повсюду въ виноградникахъ при самомъ яркомъ солнечномъ свѣтѣ, а у Мерапа, на примѣръ, видѣлъ ихъ по краямъ дороги въ самые жаркіе часы до полудня. Подобно родственнымъ имъ видамъ, это сильно роющія животныя. Въ одномъ деревянномъ ящичкѣ безъ земли, при полной тишинѣ въ комнатѣ, жаба такъ царапаетъ дно, что ящикъ дребезжитъ, но лишь только животное слышитъ шаги, оно прекращаетъ свое рытье».

Голосъ этой жабы, благодаря хорошо развитому резонаторному пузырьку самца, сильнѣе, чѣмъ голосъ обыкновенной жабы, отчасти похожъ на скрипъ двери или можетъ быть названъ ворчаніемъ. По Лейдигу, животныя живущія въ комнатѣ, передъ предстоящимъ дождемъ издаютъ короткій клохтающій крикъ. Въ Германіи спариваніе бываетъ въ началѣ апрѣля, такъ что оно большею частью совпадаетъ съ временемъ цвѣтенія терновника. «Икра», продолжаетъ тотъ же ученый, «образуетъ два длинныхъ шнура, черныя яйца которыхъ въ два ряда лежатъ въ студенистой оболочкѣ и почти не отличаются отъ яицъ обѣихъ другихъ германскихъ жабъ. Подобно тому, какъ въ силу взаимодѣйствій различныхъ вліяній природы, одновременно раскрываются цвѣточные почки на различныхъ растеніяхъ одного и того же вида, таніе икры многихъ изъ этихъ животныхъ также происходитъ въ одну ночь: при извѣстной температурѣ одинаково, какъ въ защищенныхъ долинахъ, такъ и въ лужахъ на высотахъ, подверженныхъ дѣйствию вѣтра.

При этомъ посѣтителю мѣста танія икры этими жабами должно броситься въ глаза, что эти животныя, если имъ представляется свободный выборъ между мелкой, а потому легче нагрѣваемой водой, и болѣе глубокимъ, а потому болѣе холоднымъ водоемомъ, то онѣ предпочитаютъ первую, очевидно только потому, что она представляетъ болѣе подходящія условія для жизни ихъ молодого поколѣнія. Но это то обстоятельство какъ разъ и является причиной гибели безчисленнаго числа ихъ яицъ и личинокъ, такъ какъ избранныя ими скопленія воды бываютъ большею частью временнаго характера и быстро высыхаютъ, тогда какъ возлѣ лежащія, болѣе глубокіе водоемы сохранили бы жизнь ихъ потомству. Впрочемъ, этотъ недостатокъ предусмотрительности и сообразительности мы встрѣчаемъ и у обѣихъ другихъ видовъ жабъ.

По Шрейберу, пятнистая жаба отправляется въ воду уже за нѣсколько дней до танія икры и нѣкоторое время остается въ ней и послѣ спариванія, что особенно относится къ самкамъ, но бываетъ также и съ самцами, если имъ не удалось совокулиться. Между всѣми нашими жабами пятнистая имѣетъ самое продолжительное время икротанія, такъ какъ спариваніе этого животнаго длится большею частью цѣлый мѣсяцъ и даже больше; самое оплодотвореніе совершается во всякое время дня, но все-таки преимущественно въ теплые солнечные дни. Личинки

формой и величиной очень похожи на головастики зеленой лягушки, уже через 3—4 дня выползают вонь, а наружные жабы теряют уже на второй день.

Осенью, по сообщению Бедраги, пятнистая жаба залегает в зимнюю спячку раньше, чѣмъ оба другіе германскіе вида жабъ.

Третій и въ то же время самый рѣдкій германскій видъ—**Камышевая жаба** (*Bufo calamita, cruciatus, cursor, Epidalea calamita. Kreuzkröte. Craud des joncs*). У насъ она бываетъ 5—6,5, въ болѣе теплыхъ областяхъ на юго-западъ 6,5—8 см. длины; сверху эта жаба оливково-зеленаго или оливково-бураго цвѣта, кромѣ сѣрно-желтой продольной полосы, лишенной бородавокъ и идущей по срединѣ спины, снизу—бѣловато-сѣраго цвѣта. Бедро и бока груди ея покрыты болѣе темными пятнами. Бородавки буро-краснаго цвѣта, глаза желтоватые съ черными точками. Внутренній и второй палець приблизительно одной длины. Ушные железы довольно большія, трехстороннія и плоскія; въ берцовой области имѣется замѣтная железка. Отъ двухъ другихъ германскихъ видовъ камышевая жаба отличается слабымъ развитіемъ плавательной перепонки; пальцы ея короткихъ заднихъ ногъ снабжены только у основанія плотной перепонкой; маленькая барабанная перепонка неясная. Выступающая вдоль голени складка кожи всегда очень отчетлива, а сочленовая мозоль по крайней мѣрѣ подъ послѣднимъ суставомъ четвертаго пальца бываетъ всегда замѣтно парной, а не ординарной, какъ у пятнистой жабы.

Камышевая жаба видъ западно-европейскій, любящій близость моря, и пространство ея ограничивается Португаліей, Испаніей и Франціей, Швейцаріей, Англійей, Ирландіей, Бельгіей и Нидерландами, Германіей и Даніей и южной Швеціей. Ея также нѣтъ на островахъ Средиземнаго моря.

Въ Германіи она встрѣчается на островахъ и въ широкомъ поясѣ по берегамъ Нѣмецкаго и Балтійскаго моря, а равно и по всему западу, также въ Эльзасѣ и, наконецъ, на многихъ мѣстахъ внутри Германіи, но здѣсь только до Эльбы; на югѣ границей ея распространения, повидимому, служитъ Дунай, на юго-востокѣ Рудныя горы и Богемскій лѣсъ. Всего обыкновеннѣе камышевая жаба на сѣверо-западѣ Германіи, по среднему и нижнему Рейну и на островахъ Нѣмецкаго моря. Встрѣчается ли этотъ видъ гдѣ-либо въ Австро-Венгріи, пока очень сомнительно; присутствіе его въ Богеміи еще наиболѣе возможно. Въ горахъ онъ доходитъ до высоты 1000 м., очень рѣдко до 1200 м.

Изъ всѣхъ жабъ Германіи камышевая наиболѣе совершенное роющее животное. «Хотя», замѣчаетъ Шрейберъ, «животное это, скребя всѣми ногами и соотвѣтствующими движеніями тѣла, часто только расширяетъ уже готовыя норы, но оно въ состояніи вырывать и новыя норы. Въ такихъ случаяхъ жаба двигается задомъ, скребя землю своими твердыми роговыми концами пальцевъ заднихъ ногъ; достигнувъ извѣстной глубины, она поворачивается и продолжаетъ рытье уже передними ногами, задними же, подобно кроту, выталкиваетъ наружу землю. Такимъ способомъ она вырываетъ въ косомъ направленіи внизъ свои норы, діаметръ которыхъ соотвѣтствуетъ ея толщинѣ». Въ Ширштейнѣ, близъ Висбадена, зимою съ 1888 на 1889 годъ было найдено нѣсколько живыхъ камышевыхъ жабъ, находившихся въ лесѣ на глубинѣ 3 м. въ норахъ, въ которыхъ не было замѣтно ни одного входа, сообщающагося съ поверхностью, и ни одной трещины въ слои глины. Что всѣ эти жабы зарылись на эту глубину осенью и здѣсь перезимовывали, въ томъ, по словамъ Флоршютца, которому мы обязаны этимъ наблюденіемъ, не было ни малѣйшаго сомнѣнія. Въ остальныхъ движеніяхъ камышевая жаба не такъ неуклюжа и тяжела, какъ обыкновенная, хотя и

она совершенно не можетъ дѣлать скачковъ, благодаря укороченнымъ заднимъ ногамъ. Она бѣгаетъ всѣми четырьмя ногами, согнувъ спину, двигаясь почти такъ-же скоро, какъ мышь,—обстоятельство, по которому даже въ сумеркахъ эту жабу можно отличить отъ прыгающей, какъ лягушка, пятнистой жабы; но она, несмотря на почти полное отсутствіе на заднихъ пальцахъ плавательной перепонки, не лишена умѣнья и плавать: плыветъ она по собачьему, двигая въ водѣ ногами такъ же, какъ и на сушѣ, и притомъ быстро и проворно. Изъ жабъ Германіи она и лазаютъ лучше всѣхъ другихъ. Днемъ эту жабу находятъ въ ея норахъ подъ камнями и въ старыхъ стѣнахъ, вечеромъ же оттуда даже слышится ея рѣзкій трещащій крикъ.

При видѣ врага камышевая жаба прежде всего старается возможно скорѣе удрать; но если ее обезопасили и захватили врасплохъ, то отъ страха она такъ стягиваетъ свою кожу, что всѣ кожные железы ея опоражниваются и покрываютъ животное бѣдой лѣпнистой жидкостью, распространяющей неприятный запахъ. Рёзель сравниваетъ послѣдній съ запахомъ сгорѣвшаго пороха. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что это выдѣленіе пахучей пѣны и служитъ животному лучшимъ средствомъ защиты и обуславливаетъ сравнительно большую безопасность, чѣмъ у другихъ родственныхъ формъ.

Первую камышевую жабу, именно стараго, половозрѣлаго самца Лейдигъ встрѣчалъ въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля. Откладываніе икры слѣдовало въ началѣ мая. Весьма маленькихъ, довольно широкихъ и плоскихъ головастиковъ чернаго цвѣта и покрытыхъ мелкими бронзовыми пятнышками находятъ въ глинистыхъ ямахъ, совершенно лишенныхъ растительности. Однако чаще ихъ встрѣчаютъ въ мелкихъ водныхъ пространствахъ, поросшихъ камышемъ, вдоль берега. Кишечникъ такихъ личинокъ бываетъ наполненъ доннымъ иломъ, въ которомъ можно встрѣтить водоросли и остатки низшихъ животныхъ, но не отдѣльные куски откусанныхъ растений.

Метаніе икры, по Шрейберу, совершается ночью и по большей части кончается въ ту же ночь. Яйца довольно крупны, но не столь многочисленны, какъ у другихъ видовъ жабъ; располагаются они длиннымъ рядомъ въ двухъ шнуркахъ. По прошествіи 3—4 дней головастики уже выплываются, но остаются пока подвѣшенными къ шнурамъ; свои наружныя жабры онѣ сбрасываютъ еще скорѣе, чѣмъ личинки пятнистой жабы. Хотя изъ всѣхъ родственниковъ ей земноводныхъ камышевая жаба откладываетъ икру послѣдней, тѣмъ не менѣе личинки ея оканчиваютъ свое развитіе ранѣе другихъ; можетъ быть даже этотъ видъ преbываетъ въ личиночномъ состояніи вообще менѣе другихъ.

«Молодыя жабы», продолжаетъ Лейдигъ далѣе, «только что покинувшія воду, имѣютъ въ длину всего 1 см. и не только чрезвычайно подвижны, но умѣютъ также быстро лазать, прижимая при этомъ свое брюхо, подобно квакшамъ. Ихъ проворство и подвижный образъ жизни такъ велики, а объемъ такъ малъ, что, ловя ихъ на влажномъ берегу какого-нибудь озера, ихъ можно принять за жужелицу, вродѣ *Elaphrus uliginosus*.

«Хотя камышевую жабу временами и встрѣчаютъ днемъ, но взрослые формы въ общемъ представляютъ изъ себя животныхъ вполнѣ ночныхъ, и у этихъ жабъ, какъ и у другихъ видовъ, въ ночную пору зрачекъ, помѣщающійся на чрезвычайно выпуклыхъ глазахъ, бываетъ весьма расширенъ. Однолѣтнія животныя однако бодрствуютъ и днемъ, и я нерѣдко собиралъ ихъ въ яркій солнечный день почти на краю клевернаго поля, гдѣ они, быть можетъ, занимались ловлей насекомыхъ; я ловилъ ихъ также на нагрѣтомъ отъ солнца песчаномъ берегу Майна».

То же самое въ недавнее время наблюдалъ и Фергефъ. Онъ нашелъ днемъ этотъ видъ на одномъ изъ германскихъ острововъ въ Нѣмецкомъ морѣ, при этомъ въ сильную жару, и животныя занимались ловлей муравьевъ, жуковъ и пауковъ.

Что касается до голоса камышевой жабы, то уже Брухъ вѣрно замѣтилъ, что послѣ древесныхъ лягушекъ самецъ камышевой жабы обладаетъ самымъ громкимъ голосомъ изъ всѣхъ родственныхъ ему земноводныхъ. «Въ апрѣлѣ я частенько останавливался на берегу одного озера, наполненнаго этими животными, и поджидалъ ихъ концерта. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ заката солнца при неподвижномъ воздухѣ и полной тишинѣ вдругъ, словно по командѣ, раздавался громкій крикъ этой жабы и длился, не прерываясь, около 5 минутъ, послѣ чего столь же внезапно онъ обрывался. Черезъ нѣкоторое время концертъ вдругъ снова возобновлялся и съ этихъ поръ уже продолжался все время, пока я стоялъ у озера. На другой день, въ особенности, если можно ожидать дожда, жабы бываютъ не такъ пунктуальны и общаго концерта у нихъ не выходитъ, а каждый пѣвецъ кричитъ какъ ему нравится. При этомъ самки издаютъ одно только нѣжное блеяніе. Въ неволѣ, при тишинѣ въ комнатѣ, самка испускаетъ своеобразный пѣжный стонъ, нѣсколько напоминающій крикъ желтобрюхой жерлянки. Стаи апрѣльскихъ крикуновъ, въ общегитиіи называемыхъ однимъ общимъ именемъ «лягушекъ», состоятъ дѣйствительно не изъ лягушекъ и не изъ квакшъ, а изъ камышевыхъ жабъ».

Въ подтвержденіе взгляда, что камышевая жаба въ умственномъ отношеніи стоитъ выше всѣхъ другихъ нашихъ жабъ, Лейдагъ приводитъ тотъ фактъ, что въ неволѣ эти животныя проявляютъ особенное и притомъ скорое-пониманіе тѣхъ условій, въ которыхъ имъ приходится жить. «Старыя животныя, правда, въ первое время ведутъ себя весьма беспокойно и даже я немало удивился, когда одна необыкновенно большая жаба, содержавшаяся въ тѣсномъ помѣщеніи, при легкомъ поднятіи крышки не только быстро и неохотно отворачивалась въ сторону, но, сильно раздувъ свое тѣло, сопровождала это движеніе почти человѣческимъ ворчаніемъ, выказывавшимъ недовольство. Уже на второй день жаба этого болѣе не дѣлала и при хорошемъ уходѣ мало по малу стала довѣрчивой. Однолѣтнія жабы, подобно всѣмъ молодымъ другимъ животнымъ, приручаются еще скорѣе».

На 4-ый или 5-ый годъ камышевая жаба уже можетъ размножаться, но все еще продолжаетъ расти. Жабы достигаютъ, вѣроятно, очень глубокой старости.

Что касается до пользы, приносимой этими животными, то она одинаково съ тою, которую приносятъ всѣ другія жабы, почему животное это вполне заслуживаетъ пощады.

* *

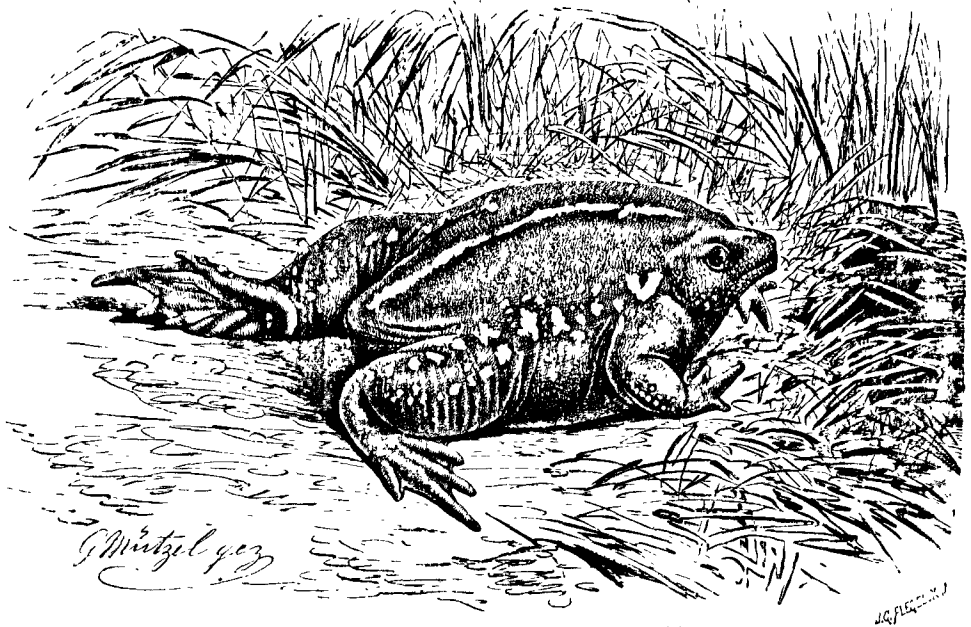
Самая извѣстная жаба Америки—Ага (*Bufo marinus*, *agua*, *horridus*, *maculiventris*, *humeralis*, *ictericus*, *lazarus*, *Rana marina*, *Bombinator horridus*, *Phrynoides aqua*, *Aga*, *Sapaud aqua*), одинъ изъ самыхъ большихъ нывѣ извѣстныхъ безхвостыхъ гадовъ, который по величинѣ больше нѣкоторыхъ черепахъ и при ширинѣ 8—12 см достигаетъ 14—20 см. и даже болѣе длины. Окраска этой жабы темно-бурая, наверху съ большими черными, какъ сажа, пятнами, а внизу съ маленькими красновато-сѣро-бурыми; кончики пальцевъ черно-бурые; возвышенные костяные гребни, идущіе отъ глазъ къ ноздрямъ, имѣютъ черную окраску. Тотчасъ послѣ линянья кожа этого, вообще некрасиваго, животнаго имѣетъ болѣе яркіе цвѣта, а потомъ окраска дѣлается темною и грязною. Бородавки на верхней части тѣла и на наружной сторонѣ конечностей иногда покрыты многочисленными маленькими черными роговыми шипами.

Ага отличается от родственных видов формой и положением костяных гребней на головѣ, а особенно полукруглым гребнемъ, окаймляющимъ верхнее вѣко. Кроме того у нея углы рта не выдаются, барабанная перепонка большая и замѣтная и ушные железы очень велики. Ага живетъ во всѣхъ странахъ и на большинствѣ острововъ Южной и Средней Америки Дюмериль получилъ ее изъ Аргентинской республики, Бразиліи, Гвіаны и острова Мартиники. Другіе натуралисты видѣли ее въ Парагваѣ, Перу, Эквадорѣ, Венецуэлѣ, Костаикѣ, Мексикѣ, и на Малыхъ Антильскихъ островахъ. По согласнымъ показаніямъ принца фонъ Видъ и Шомбургка, днемъ ага держится въ своихъ темныхъ убѣжищахъ, но какъ только вечеромъ дѣлается свѣжо, а также днемъ послѣ ливня, она покидаетъ свою нору и появляется въ удивительно большомъ числѣ, такъ что земля въ иныхъ мѣстахъ ими покрыта. Особенно часто она встрѣчается, по словамъ Шомбургка, въ Джоржтаунѣ, главномъ городѣ британской Гвіаны. Ежедневно вечеромъ ее видишь вездѣ посреди улицъ и даже, повидимому, она рѣже встрѣчается внѣ городовъ и деревень. Въ дождливое время года она, какъ и наша жаба, заходитъ во внутренность домовъ. «Кромѣ противныхъ гекко», рассказываетъ Шомбургкъ, «насъ посѣщали еще многія жабы. Онѣ и днемъ держались въ темныхъ углахъ хижины, а такихъ темныхъ угловъ было много вслѣдствіе большого числа стоящихъ у насъ ящиковъ, и тамъ вырывали себѣ даже норки; ночью же онѣ начинали охотиться за добычей, и если нечаянно кто-либо наступалъ на жабу, то она довольно громко кричала, что заставляло насъ сначала дѣлать внезапные прыжки. Странно то, что эти непріятные гости особенно охотно сидѣли около бутлокъ, кружекъ и другихъ посуды, наполненныхъ водой, между тѣмъ какъ онѣ прятались въ дома отъ слишкомъ большой сырости въ саваннахъ. Если мы сдвигали съ мѣста ящикъ, который не очень плотно стоялъ на землѣ, то обыкновенно подъ нимъ находили цѣлыя гнѣзда жабъ, гекконовъ, ящерицъ, скорпионовъ, и тысячеожекъ, которыя тамъ мирно, соединившись, предавались дневному отдохновенію. Подобное сборище противныхъ, гоныхъ, шевелящихся животныхъ внушало намъ сначала настоящій ужасъ, однако впоследствии мы къ этому привыкли и защищались отъ всѣхъ этихъ звѣрей безпощадными ударами палокъ». Если агу раздражить, то и она выпускаетъ изъ себя водянистую жидкость, которой туземцы очень боятся. Несмотря на свое неуклюжее строеніе, эта огромная жаба движется относительно довольно проворно и прыгаетъ, а не ползаетъ; вообще это подвижное и живое созданіе. Отъ другихъ жабъ она отличается тѣмъ, что производитъ довольно много шума; передъ спариваньемъ самецъ, особенно ночью, но иногда и днемъ, издаетъ громкій пыхтящій лай, а при возбужденіи онъ подаетъ голосъ даже въ неволѣ.

Слѣдуетъ предположить, что прожорливость этой жабы сравнительно съ нашей пропорціональна ея величинѣ, но точныхъ указаній относительно пищи этого американскаго вида, насколько мнѣ извѣстно, не существуетъ.

Въ началѣ дождливаго времени года, а въ южныхъ частяхъ ея области распространенія въ концѣ зимы, ага отправляется въ воду, чтобы метать икру. По словамъ Гензеля, размноженіе начинается въ Ріо-Гранде до Суль въ іюнѣ и продолжается нѣсколько мѣсяцевъ, такъ что еще въ октябрѣ можно найти длинныя шнуры икры этой жабы. Метаніе икры прекращается только тогда, когда температура падаетъ ниже нуля и лужи покрываются льдомъ. Только тогда самецъ перестаетъ издавать свою басистую трель, и жабы прячутся по сосѣдству воды подъ камнями и бревнами, чтобы подождать скорого возвращенія теплой погоды. Головастики аги сначала бываютъ чернаго цвѣта и необыкновенно малаго роста

въ сравненіи съ величиной родителей; даже молодая жаба, только что окончившая свое превращеніе, бываетъ всего длиною въ 1 см. Но даже тѣ, которыя въ три раза больше первоначальной величины, по цвѣту сильно отличаются отъ взрослыхъ: на верхней сторонѣ тѣла онѣ бурья или желтовато-сѣрыя, съ симметрически расположенными темно-бурьями пятнами, которыя снаружи темнѣе, а въ серединѣ свѣтло-бурья и окружены узкой совсѣмъ свѣтлой каемкой. Почти всегда можно еще отличить не парное, но обыкновенно раздѣленное на двѣ одинаковыя части темянное пятно между глазами; за нимъ слѣдуетъ съ каждой стороны по узкому пятну выше конца ушной железы, а еще выше ихъ два маленькія, нерѣдко сливающіяся пятнышка у самой середины спины, а кромѣ того въ неравныхъ разстояніяхъ еще три пары пятнышекъ, изъ которыхъ послѣднія и самыя маленькія находятся по обѣимъ сторонамъ сѣдалищной кости. Между крупными пятна-

Носатая жаба. *Rhinophrynus dorsalis*. Наст. вел.

ми разбѣяны довольно неправильно другія болѣе мелкія. На заднихъ ногахъ замѣчаются темныя поперечныя полоски. Нижняя сторона тѣла сѣрая съ маленькими желтовато-бѣлыми точечками, которыхъ бываетъ иногда такъ много, что они болѣе или менѣе вытѣсняють основной цвѣтъ. Жидкость, вытекающая изъ кожи этого вида жабъ, дѣйствуетъ, по изслѣдованіямъ Дюже и Геронъ-Руайе, еще много лѣтъ спустя, какъ сильный ядъ, на пресмыкающихся животныхъ; жидкость эта употребляется туземцами Южной Америки для приготовления сильно дѣйствующаго яда для стрѣлъ.

* * *

Дюмериль и Бибронъ познакомили насъ впервые съ мексиканскимъ безхвостымъ гадомъ, который отличается отъ всѣхъ другихъ жабъ тѣмъ, что языкъ его сзади приросши и подвиженъ только спереди, зрачекъ имѣетъ видъ вертикальной щели, а грудная кость мало развита. Животное это называется **Носатой жабой** (*Rhinophrynus dorsalis*, *rostratus*. *Nasenkröte*. *Crapaud nasique*), служить единственнымъ представителемъ рода *Rhinophrynus* и принадлежитъ къ числу самыхъ

*

безобразныхъ и странныхъ животныхъ этого отряда. Туловище этой жабы почти яйцевидное, голова срослась съ туловищемъ и оканчивается клювовиднымъ рыломъ; переднія конечности коротки и толсты, заднія также толстыя и имѣютъ 5 пальцевъ, соединенныхъ широкими плавательными перепонками, причемъ внутренній палецъ имѣетъ видъ короткаго бугорка; на нижней сторонѣ ступни торчитъ лопатовидный роговой бугорокъ. Барабанная перепонка незамѣтна и заушныхъ железъ нѣтъ. Тѣло окрашено въ однообразный бурый цвѣтъ съ желтой полоской посреди спины и многими желтыми пятнами по сторонамъ тѣла. Длина равняется 6 см. За угломъ рта у самца есть внутренній голосовой мѣшокъ.

Объ образѣ жизни этого вида мы знаемъ только, что эта жаба отлично роетъ землю и питается исключительно термитами, которыхъ слизываетъ своимъ своеобразнымъ языкомъ.

Слѣдующее семейство подвижногрудыхъ земноводныхъ составляютъ **Квакши** (Hylidae. Laubfrösche. Rainettes.), которыя кромѣ своеобразнаго грудного костяного пояса, о которомъ мы уже говорили, отличаются присутствіемъ зубовъ на верхней челюсти, широкими треугольными боковыми отростками крестцовыхъ позвонковъ и когтевидными, у основанія расширенными костяными суставами на концахъ пальцевъ, на нижней сторонѣ которыхъ замѣчаются железистыя присасывательныя бородавки.

Квакши живутъ почти исключительно на деревьяхъ и встрѣчаются въ особенно большомъ числѣ въ Америкѣ и Австраліи, а въ сѣверной части Старога Свѣта замѣчается только немного видовъ ихъ. Пынь насчитываютъ 10 родовъ съ 200 видовъ. Кромѣ сумчатой квакши эти животныя не выказываютъ особой заботы о своемъ потомствѣ, но родъ *Phyllomedusa*, по словамъ Ихеринга, составляетъ здѣсь исключеніе. Часто встрѣчающаяся въ бразильской провинціи Ріо Гранде до Сулъ *Phyllomedusa iheringi* кладетъ свои яйца не въ воду, хотя головастики и должны въ послѣдствіи тамъ развиваться, но между двумя или тремя склеенными листьями деревьевъ, вѣтви которыхъ висятъ надъ водой. Икрная масса имѣетъ 4—5 см. длины и 1½—2 см. ширины.

* * *

Вначалѣ мы будемъ говорить о **Земляныхъ квакшахъ** (*Chorophilus*), которыя по строенію и образу жизни нѣсколько напоминаютъ нѣкоторые виды лягушекъ Поваго Свѣта. Отъ другихъ квакшъ онѣ отличаются лишь немного расширенными боковыми отростками крестцоваго позвонка и пальцами, между которыми почти нѣтъ плавательной перепонки; кончики пальцевъ образуютъ лишь маленькіе присасывательныя бородавки. Зрачекъ имѣетъ видъ поперечной яйцевидной щели, барабанная перепонка ясно видна; на сошникѣ есть зубы. Пынь извѣстенъ 8 видовъ этихъ квакшъ, которыя живутъ въ Сѣверной Америкѣ и Перу и имѣютъ большую частью около 3 см. длины.

Мы здѣсь изображаемъ одинъ сѣверо-американскій видъ этого рода, **Красивую квакшу** (*Chorophilus ornatus*, *Cystignathus ornatus*. *Schmuckfrosch*. *Rainette ornée*). Это хорошенькое животное, достигающее 3 см. длины, имѣетъ круглый языкъ, сверху красновато-бурого цвѣта съ удлиненными темно-бурыми пятнами, которыя окаймлены золотисто-желтыми полосками; нижняя сторона тѣла серебристо-бѣлая съ сѣрыми точками; на конечностяхъ замѣтны темныя полоски. Красивая квакша живетъ въ Южной Каролинѣ, Георгіи и Техасѣ, на сухихъ мѣс-

тахъ и, за исключеніемъ времени метанія икры, такъ боится воды, что если ее туда бросить, то она какъ можно скорѣе вытѣзаетъ на берегъ. Болѣе подробныхъ свѣдѣній объ ея образѣ жизни пока нѣтъ.

* * *

Очень похожи на предыдущихъ **Сверчковые квакши** (*Acris*). Онѣ главнымъ образомъ отличаются почти полными плавательными перепонками между пальцами и мало замѣтною барабанной перепонкой. Единственный, живущій въ Сѣверной Америкѣ видъ встрѣчается въ двухъ разновидностяхъ, которыя населяютъ различныя мѣстности; трудно сказать, составляютъ ли эти формы отдѣльные виды, или же только разновидности.

Сверчковая квакша (*Acris gryllus, acheta, Rana gryllus, dorsalis, Hylodes*

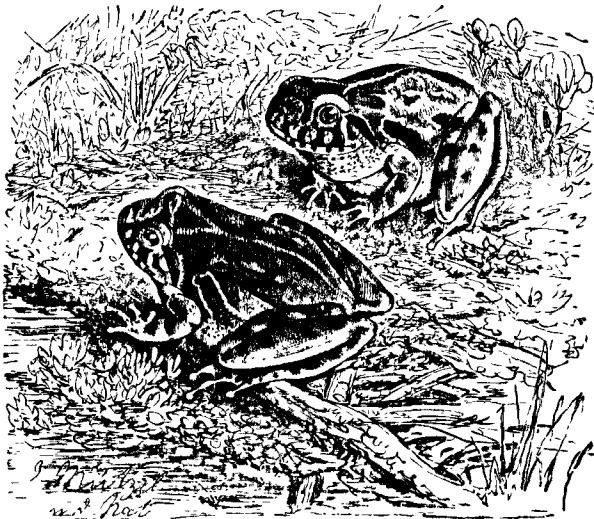
Красивая квакша. *Chorophilus ornatus*. Нас. вел.

gryllus. Heuschreckenfrosch. Rainette grillon) сверху буровато-краснаго, бурога, или сѣраго цвѣта, съ большими неправильными, длинными, черноватыми пятнами, окаймленными свѣтло-зелеными полосками; пятна эти особенно замѣтны на бокахъ тѣла, а на конечностяхъ замѣняются полосками; вдоль спины часто замѣтна свѣтлая полоска; нижняя часть тѣла желтоватая или буроватая. По росту эта квакша похожа на нашу европейскую. Нашъ рисунокъ изображаетъ сѣверную разновидность (*Var. serpitans*), у которой голова и конечности короче, чѣмъ у другой.

Сверчковая квакша распространена по всей восточной и средней Сѣверной Америкѣ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она встрѣчается, она очень обыкновенна, къ немалой досадѣ ворчливыхъ людей, такъ какъ она такъ-же криклива, какъ и наша лягушка, и голосъ ея, похожій на трещаніе кузнечиковъ, безостановочно слышенъ по цѣлымъ ночамъ. Она встрѣчается главнымъ образомъ въ стоячей водѣ, обросшей кустами, и держится здѣсь главнымъ образомъ на плавающихъ листьяхъ водяныхъ растений; иногда она прыгаетъ и на сосѣдніе кусты, но далеко не такъ хо

рошо лазаютъ, какъ наша квакша. Зато по землѣ она скачетъ очень ловко и, сравнительно съ своей величиной, дѣлаетъ удивительно большіе прыжки. Въ неволѣ она выказываетъ такую же живость, какъ и на свободѣ, а также часто подаетъ и голосъ; если она замолчитъ, то ее, точно такъ-же, какъ нашу квакшу, можно заставить кричать, опрыскивая водой, или производя какой-либо шумъ.

По словамъ Копе, квакша эта имѣетъ удивительную способность измѣнять свой цвѣтъ, примѣняясь къ цвѣту окружающей среды. Она особенно любитъ сидѣть на илистыхъ берегахъ, а если ее испугать, то она большимъ прыжкомъ бросается въ воду. Она охотно лазаютъ на высокую траву или растение съ широкими листьями, на деревья же и кусты поднимается очень рѣдко. Голосу этой лягушки легко подражать, если взять два мраморные шарика, которыми играютъ мальчики, и стучать ими другъ о друга, сначала слабѣе, а затѣмъ все сильнѣе, производя 20—30 ударовъ заразъ. Голосъ этотъ не слышенъ на большомъ раз-

Сверчковая квакша. *Acris gryllus*. Наст. вел.

стояніи. Боязливое животное это очень трудно поймать; эта лягушка начинаетъ кричать въ апрѣлѣ, а въ срединѣ іюня, по словамъ Аббота, ее уже очень трудно найти. Вполнѣ развитые дѣтеныши появляются въ концѣ августа. Эта квакша, которая держится больше около воды, чѣмъ въ самой водѣ, питается мухами; осенью и зимою она не нуждается въ пищѣ, такъ какъ, подобно нашей квакшѣ, подвержена полугодовой зимней спячкѣ.

* *
*

Постоящая квакши самая красивая, живая и граціозная

животная цѣлаго класса. Этими качествами онѣ настолько приобрѣли любовь людей, что нѣкоторые держатъ ихъ, какъ домашнихъ животныхъ. Этотъ родъ, очень богатый видами, имѣетъ въ Европѣ лишь одного представителя, общеизвѣстную обыкновенную квакшу, встрѣчающуюся однако въ нѣсколькихъ разновидностяхъ, которыя по образу жизни и по голосу такъ другъ отъ друга отличаются, что могутъ даже считаться отдѣльными видами. Въ южныхъ странахъ этотъ родъ встрѣчается въ необыкновенномъ числѣ формъ; особенно богата видами квакшъ Южная Америка. «Въ Бразиліи», говоритъ принцъ фонъ Видъ, «квакши встрѣчаются въ большомъ количествѣ въ кустахъ около жилищъ, береговъ рѣкъ и моря, но еще въ большемъ числѣ въ первобытныхъ лѣсахъ. Здѣсь живутъ квакши различной величины, строенія, цвѣта, отличающіяся и по голосу; разнообразныя крики ихъ образуютъ очень своеобразный и странный концертъ во время сырыхъ, теплыхъ и темныхъ тропическихъ ночей, особенно въ дождливое время года. Большинство ихъ живетъ въ листовѣ высокихъ лѣсныхъ деревьевъ и чаще всего между твердыми листьями бромелій. Многіе маленькіе виды даже выводятъ свое потомство въ черноватой водѣ, накопившейся между широкими листьями этихъ растений; другіе въ пору размноженія спускаются со своихъ воздушныхъ жилищъ, отправляются въ болота, пруды и лужи, образующіяся въ густой тѣни первобытныхъ

лѣсовъ. Здѣсь слышенъ соединенный хоръ ихъ голосовъ и здѣсь же представляется самый удобный случай добыть для коллекціи этихъ животныхъ, которыхъ въ другое время достать очень трудно; ихъ легко узнать по голосамъ». Послѣ Америки онѣ встрѣчаются относительно въ большемъ числѣ въ Австраліи, а также попадаютъ въ Новой Гвинее, на Моллукскихъ островахъ, въ Индо-Китаѣ, а также въ палеарктической области, хотя здѣсь онѣ не играютъ важной роли.

Кромѣ времени размноженія, которое заставляетъ большинство квакшъ отпавляться въ воду, и зимы, во время которой онѣ прячутся въ илѣ, подъ камнями или подъ корой деревьевъ, квакши всю остальную часть своей жизни проводить въ воздушной выси деревьевъ, гдѣ держатся на разнаго рода листьяхъ и здѣсь же охотятся за добычею. Окраска ихъ, несмотря на свое разнообразіе, всегда похожа на листья тѣхъ деревьевъ, на которыхъ онѣ живутъ; она даже измѣняется по временамъ года, согласно измѣненію окраски этихъ листьевъ, такъ какъ всѣ виды имѣютъ способность измѣнять свой цвѣтъ гораздо сильнѣе и быстрѣе, чѣмъ знаменитый въ этомъ отношеніи хамелеонъ. Квакша, которая имѣетъ зеленую окраску листа, на которомъ она сидитъ, можетъ скоро сдѣлаться похожей по цвѣту на кору дерева. «Одно изъ этихъ красивыхъ животныхъ», говоритъ Теннентъ, «вскакнуло на подставку моей лампы и черезъ нѣсколько минутъ приняло золотистый цвѣтъ украшеній на этой подставкѣ, такъ что ее трудно было отъ нихъ отличить». Кто видѣлъ квакшъ, великолѣпно окрашенныхъ въ красный, желтый и серебристо-бѣлый цвѣтъ съ красивыми точками и другими разноцвѣтными рисунками, тому трудно повѣрить, что окраска этихъ животныхъ дѣйствительно похожа на листву; но кто самъ своими глазами видѣлъ великолѣпіе цвѣтовъ тропической растительности, тотъ легко пойметъ, что даже самая пестрая изъ квакшъ находитъ листья, вполне похожіе на нее по цвѣту, точно такъ-же, какъ наша зеленая квакша похожа на листья нашихъ лѣсовъ. Самые яркіе цвѣта этихъ лягушекъ составляютъ лишь блѣдное подраженіе цвѣта тропическихъ растений и кажущаяся пестрота служить прекрасною защитою отъ враговъ, такъ какъ самый зоркій глазъ не отличитъ окраску квакши отъ цвѣта окружающей листвы.

Если бы о всѣхъ квакшахъ были собраны столь же точныя наблюденія, какъ и о нашей, и можно бы было написать подробную естественную исторію этихъ земноводныхъ, то подобное жизнеописаніе заключало бы въ себѣ много привлекательнаго. Хотя образъ жизни отдѣльныхъ видовъ во многихъ отношеніяхъ кажется одинаковымъ и дѣйствительно заключаетъ въ себѣ много сходнаго, однако каждый видъ представляетъ нѣчто своеобразное: нѣкоторыя отличаются по голосу, другія по способу питанія, третьи, наконецъ, по размноженію. Уже описаніе внѣшнихъ признаковъ этихъ животныхъ, передача словами ихъ внѣшняго вида и окраски представляетъ много интереса, такъ какъ при этомъ мы получаемъ понятіе о чрезвычайномъ разнообразіи явленій природы жаркихъ странъ. Если же къ подобному описанію прибавить свѣдѣнія о жизни квакшъ, объ ихъ привычкахъ и нравѣ, то картина сдѣлалась бы еще привлекательнѣе, что намъ прекрасно доказываютъ наилучше извѣстные до сихъ поръ виды. Все вышесказанное можно отчасти замѣтить въ нижеслѣдующемъ описаніи нѣкоторыхъ видовъ, хотя недостатокъ мѣста принуждаетъ насъ обратить вниманіе лишь на очень немногіе изъ нынѣ извѣстныхъ 150 видовъ квакшъ.

Къ роду **Настоящихъ квакшъ** (*Hyla*) мы причисляемъ виды, имѣющіе слѣдующіе признаки: зрачекъ имѣетъ видъ поперечной щели, пальцы заднихъ конечностей соединены плавательными перепонками, языкъ приросъ къ кожѣ полости

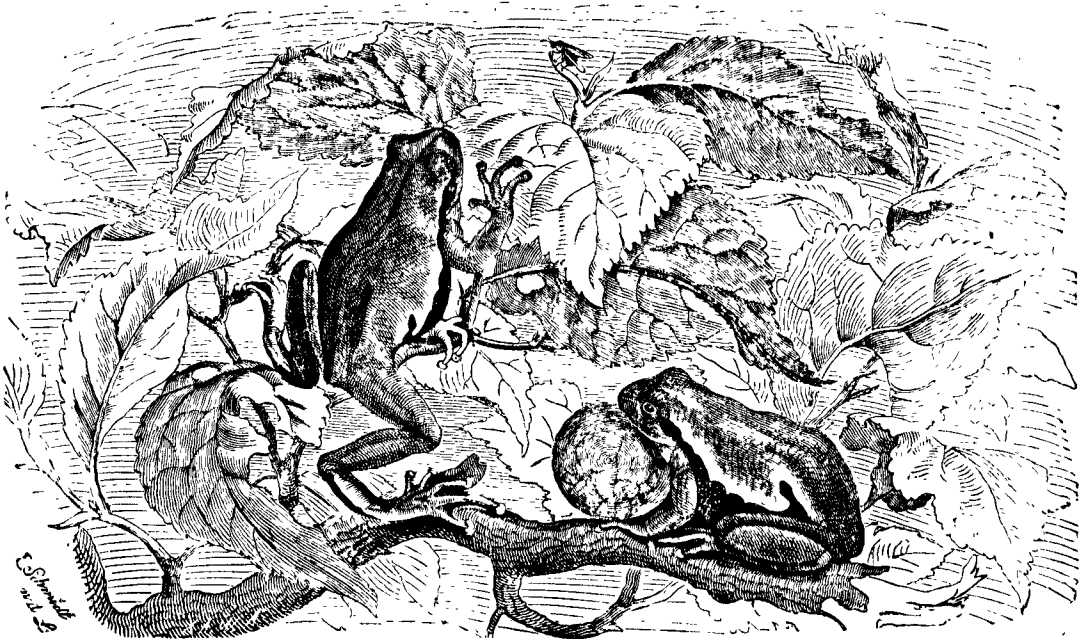
рта, но задняя часть его можетъ довольно хорошо двигаться, на сошникѣ есть зубы и самка во время метанія не имѣетъ спинного мѣшка для принятія икры. Барабанная перепонка иногда ясно замѣтна, иногда скрыта; пальцы переднихъ конечностей, или свободны, или соединены плавательной перепонкой. Какъ у всѣхъ древесныхъ лягушекъ, на концахъ пальцевъ у квакшъ замѣчаются расширенія въ видѣ подушечекъ, которыя даютъ имъ возможность крѣпко держаться на гладкихъ поверхностяхъ; кромѣ того на брюшкѣ находится много маленькихъ бородавокъ съ отверстіемъ потовой железки на верхушкѣ, которыя также имѣютъ значеніе для лучшаго прилипанія этихъ животныхъ къ поверхности листьевъ.

Что касается дѣятельности подушечекъ, находящихся на пальцахъ, то Шубергъ доказалъ, что кончики пальцевъ при прилипаніи нѣсколько скользятъ по поверхности листа, такъ что подушка не только прижимается къ тому мѣсту, гдѣ она должна прикрѣпиться, но отчасти какъ бы смазываетъ его. Гладкіе мускулы своимъ сокращеніемъ выдавливаютъ изъ подушекъ лишнюю жидкость, что препятствуетъ отскакиванью животнаго отъ гладкой поверхности и производитъ немедленное прилипаніе. При ослабленіи мускуловъ липкая жидкость снова втягивается въ подушечку. Слѣдовательно квакши держатся на листьяхъ вслѣдствіе прилипанія съ помощью тонкаго слоя жидкости, а не вслѣдствіе давленія воздуха. Извѣстно, что кожа брюшка тоже служитъ органомъ прилипанія, что облегчается, по изслѣдованіямъ Шуберга, своеобразнымъ строеніемъ кожи и мускуловъ стѣнокъ брюшка.

* *

Типическимъ представителемъ этого семейства и рода можетъ служить единственный видъ, живущій въ Европѣ, Обыкновенная квакша (*Hyla arborea, viridis, savignyi, Rana, Calamita* и *Dendrohyas arborea. Laubfrosch. Rainette commune*). Она достигаетъ длины 3,5—4 см. и основной видъ, встрѣчающійся въ Германіи, сверху красиваго травяно-зеленаго цвѣта, а снизу желтовато-бѣлаго. Оба цвѣта раздѣлены тонкой черной полоской, которая начинается у конца морды и здѣсь имѣетъ бѣлыя каемки, затѣмъ эта полоска нѣсколько расширяется, въ пахахъ образуетъ направленный впередъ крючекъ и тянется назадъ до задней части бедра; плечо и бедро сверху зеленаго цвѣта съ желтымъ ободкомъ, а снизу свѣтло-желтыя. Самецъ отличается отъ самки черноватымъ цвѣтомъ кожи на горлѣ, которое можетъ надуваться въ большой пузырь. Передъ и тотчасъ послѣ линянія, которое происходитъ каждыя двѣ недѣли, окраска измѣняется и дѣлается свѣтло-зеленой, пепельно-голубой или зеленовато-голубой, но скоро снова переходитъ въ травяно-зеленую. По наблюденіямъ Гредлера, цвѣтъ квакши часто измѣняется и дѣлается жемчужно-сѣрымъ или темно-шоколаднымъ, причѣмъ иногда является мраморный рисунокъ; измѣненіе это происходитъ часто осенью и во время зимней спячки. Южная разновидность квакши иногда достигаетъ длины въ 5 см. За исключеніемъ высокихъ горъ, самыхъ сѣверныхъ странъ Норвегіи, Ирландіи и Великобританіи, квакша встрѣчается по всей Европѣ, а также по азиатской части палеарктической области, причѣмъ она была найдена Свинхое даже нѣсколько южнѣе на Китайскомъ островѣ Хайнанъ; ее находятъ также на южныхъ берегахъ Средиземнаго моря и на островахъ Атлантическаго океана. Пыль извѣстны 8 разновидностей этого животнаго, значительно отличающихся по внѣшнему виду, образу жизни, движеніямъ, привычкамъ и голосу; но мы здѣсь не будемъ обращать вниманія на эти разновидности. Она живетъ преимущественно на равнинахъ, но поднимается на горы довольно высоко, напримѣръ въ Тироли, по словамъ Гредлера, до 1325 м., въ Ретійскихъ Альпахъ Граубюндена, по Цшоке, до 1945 м.

Квакша не требуетъ высокой температуры и потому она появляется уже въ апрѣлѣ и держится на деревьяхъ до поздней осени. Однако обыкновенно ее трудно замѣтить, такъ какъ только во время размноженія она держится въ водѣ замѣтными стаями, но скоро послѣ этого забирается въ камыши и въ листву кустовъ и деревьевъ и здѣсь живетъ очень незаметно по одиночкѣ. Это одно изъ самыхъ красивыхъ земноводныхъ; она проворнѣе и при дневномъ свѣтѣ веселѣе всѣхъ прочихъ у насъ встрѣчающихся представителей этого класса и можетъ одинаково ловко двигаться въ водѣ, на поверхности земли и на листьяхъ деревьевъ. Она плаваетъ почти такъ-же хорошо, какъ обыкновенная лягушка, прыгаетъ гораздо лучше ея, а лазаетъ превосходно, причемъ всѣмъ извѣстно, что при лазаньи она не передвигаетъ поочередно конечности, а также прыгаетъ. Тотъ, кто держалъ квакшу въ стеклянной банкѣ, конечно замѣтилъ, что она въ

Квакша. *Bufo arborea*. Наст. вел.

воды всегда двигается скачками, и что если она прыгнетъ на отвѣсную поверхность, даже самую гладкую, то сейчасъ же къ ней крѣпко прилипаетъ. У квакши, которую держать въ банкѣ, можно ясно видѣть, какъ происходитъ это прилипанье. Мы вовсе не замѣчаемъ липкой жидкости, служащей для приклеиванья, а видимъ только на нижней поверхности подушечки свѣтло окрашенное пятно, похожее на пузырь, надъ которымъ замѣтенъ верхній острый край подушечки. Если она прижимаетъ къ стеклу свою присоску, то плоскость, имѣющая видъ пузыря, плотно пристаетъ къ стеклу и прилипаніе происходитъ мгновенно. Кромѣ того она также пользуется для этого кожей горла и всей нижней поверхностью тѣла, которыя также плотно прижимаются къ предмету, и такимъ образомъ ей вовсе не трудно держаться на самыхъ гладкихъ отвѣсныхъ стѣнкахъ. Если квакша прыгаетъ на подобную гладкую стѣнку прямо изъ воды, то она немного скользитъ по ней, безъ сомнѣнія потому, что вода препятствуетъ дѣйствию липкой жидкости на подушечкахъ пальцевъ и на кожѣ брюшка. Такимъ образомъ наша квакша ла-

зааетъ на деревья, сначала прыгая на низкіе кусты, затѣмъ на болѣе высокіе и, наконецъ, отъ листка къ листку достигаетъ до верхушекъ высокіхъ деревьевъ.

Здѣсь, въ воздушной высотѣ, квакша пріятно проводитъ все лѣто, держась при хорошей погодѣ на верхней сторонѣ листьевъ, а во время дождя на нижней сторонѣ ихъ; если дождь продолжается слишкомъ долго, то она спасается отъ него въ воду или прячется въ норки, щели стѣнъ или дупла деревьевъ. Какъ прекрасно цвѣтъ ея подходитъ къ цвѣту листьевъ, можетъ убѣдиться каждый наблюдатель, который слышитъ, какъ она кричитъ на низкомъ кустѣ, и долгое время напрасно старается замѣтить маленькаго крикуна. Квакша хорошо понимаетъ, какъ ей выгодно это однообразіе окраски, и всегда умѣетъ хорошо имъ пользоваться. Она знаетъ, что прыжки тотчасъ укажутъ на ея присутствіе, и потому предпочитаетъ при приближеніи врага или крупнаго опаснаго существа крѣпко прижаться къ листу и, направивъ на противника свои блестящіе глазки, она не двигается до тѣхъ поръ пока не минуетъ опасность. Она скачетъ только въ крайнемъ случаѣ и дѣлаетъ это такъ внезапно и ловко, что почти всегда этимъ спасается.

Пища квакши состоитъ изъ различныхъ пауковъ и насѣкомыхъ, напримѣръ мухъ, жучковъ, бабочекъ и гладкихъ гусеницъ; она ѣстъ только живую и двигающуюся добычу и не трогаетъ мертвыхъ и не шевелящихся насѣкомыхъ. Зоркое зрѣніе и хорошо развитый слухъ ей тотчасъ же даютъ знать о приближающихся мухѣ или комарѣ; она внимательно на нихъ смотритъ и внезапно прыгаетъ на нихъ большимъ скачкомъ, причеиъ почти всегда схватываетъ насѣкомое на лету и падаетъ на другой нижележащій листъ. Для схватыванья добычи она пользуется не только выдвигаемымъ языкомъ, къ которому насѣкомое прилипаетъ, но также пальцами переднихъ конечностей, причеиъ, какъ рукою, подноситъ схваченную добычу ко рту: это замѣчалъ Гредлеръ у квакшъ, живущихъ въ неволѣ, которыхъ кормили крупными мухами, а Гюнтеръ замѣтилъ то же самое у австраійскаго родича нашей квакши. Лѣтомъ квакша требуетъ много пищи, и потому она цѣлый день охотится, хотя настоящее время ея охоты начинается послѣ заката солнца.

Квакшу считаютъ обыкновенно за хорошую предсказательницу погоды и думаютъ, что она указываетъ на измѣненіе погоды своимъ крикомъ, но это мнѣніе не безусловно вѣрно. Ея громкій крикъ особенно часто слышится во время размноженія, однако и лѣтомъ она не безмолствуетъ и издаетъ, надувши горловой мѣшокъ, свое пѣніе, которое звучитъ, какъ колокольчикъ и нѣсколько похоже на трещаніе цикады. Голосъ ея похожъ на бысто произнесенные слоги: «крѣк-крѣк-крѣк» и раздается всю первую половину ночи безъ перерыва, какъ во время сухой и постоянной погоды, такъ и передъ дождемъ. Особенно сильно она кричитъ при приближеніи грозы, но во время дождя и въ сырую погоду совершенно умолкаетъ. Южная разновидность кричитъ еще громче, но медленнѣе и грубѣе «раб-раб-раб», и голосъ ея такъ громокъ, что онъ слышится черезъ три этажа и изъ одного дома въ другой.

Поздно осенью квакша опускается съ деревьевъ и прячется на поверхности земли подъ камнями, въ земляныхъ норкахъ или въ щеляхъ стѣнъ. Здѣсь она проводитъ зиму въ глубокой спячкѣ и не страдаетъ отъ мороза. Свою малую чувствительность къ холоду она доказываетъ своимъ раннимъ появленіемъ весной; она вылѣзаетъ изъ своихъ убѣжищъ прежде другихъ лягушекъ и тотчасъ приступаетъ къ размноженію. Для этого она по возможности выбираетъ такіе пруды, берега которыхъ поросши камышемъ, кустами и деревьями, вѣроятно потому, что

ей трудно издавать свою любовную пѣснь, сидя въ водѣ. Самцы обыкновенно вылѣзаютъ изъ своихъ норокъ въ концѣ апрѣля, въ теплое время раньше, въ холодное нѣсколько позже, но всегда раньше самокъ, которыя показываются только 6 или 8 дней спустя. Тотчасъ послѣ ихъ появленія въ маѣ происходитъ спариваніе: самецъ обнимаетъ самку подъ мышки и плаваетъ съ нею втеченіе 2—3-хъ дней, пока яйца не выйдутъ и не будутъ имъ оплодотворены. Самая кладка продолжается обыкновенно недолго, примѣрно часа два, но можетъ растянуться на 48 часовъ; но тогда самцу сидѣніе надоѣдаетъ, онъ слѣзаетъ съ самки и послѣднія яйца остаются неоплодотворенными. Около 12 часовъ послѣ кладки слизь, окружающая икру, настолько разбухаетъ въ водѣ, что образуетъ очень замѣтную прозрачную массу. Тогда видишь самое яйцо, имѣющее желтовато-бѣлый цвѣтъ съ сѣрымъ налетомъ съ верхней стороны; оно имѣетъ величину горчичнаго сѣмени и окружено особой оболочкой, которая по объему похожа на зернышко вики. Икра образуетъ безформенныя массы, которыя лежатъ на днѣ лужи, пока не вылупятся головастики. Развитие дѣтенышей, какъ и у другихъ амфибій, требуетъ немного времени. Въ яичкахъ, положенныхъ 27 апрѣля, уже 1-го мая былъ замѣченъ зародышъ съ головой и хвостомъ, выдѣляющійся отъ желтка; 4 мая маленькій головастикъ уже шевелился въ своей слизистой оболочкѣ; 8-го крошечный 7—8 мм. длины головастикъ вылѣзъ изъ слизи, плавалъ въ водѣ съ помощью своего хвостика, окруженнаго совершенно прозрачнымъ гребнемъ, и иногда ѣлъ только что оставленную слизь. 10-го мая были замѣтны глаза и за ртомъ двѣ бородавки, которыя служили молодому животному для присасыванью къ травѣ и другимъ предметамъ, а также и хвостовый плавникъ; 12 числа показались жаберныя пучки по одному на каждой сторонѣ головы, которые, впрочемъ, скоро снова исчезли, и головастикъ покрылся пятнами, такъ что казался пѣгимъ; 15-го числа сильно развились ротъ и рыльце и головастикъ сталъ много ѣсть; 18-го числа около черныхъ глазъ появилось золотисто-желтое колечко; 20-го числа образовалось заднее отверстіе и все тѣло было окружено нѣжной кожицей, наполненной водой; 29-го кожица эта слѣзла. Головастики имѣли тогда 1,5 см. длины и грызли плавающую въ водѣ ряску; 29-го іюня показались заднія ножки; 16-го іюля головастикъ достигъ своей полной величины, имѣлъ около 2 см. длины и по пяти очень ясныхъ пальцевъ на каждой конечности. 25-го іюля были уже замѣтны подушечки на концахъ пальцевъ и появились слѣды переднихъ конечностей, которыя вышли наружу 30-го. Спина головастика была тогда зеленоватая, брюшко желтоватое. Они уже часто приближались къ поверхности воды, чтобы подышать воздухомъ. 1-го августа хвостъ уже былъ на половину меньше, а нѣсколько дней спустя уже совсѣмъ исчезъ и лягушенокъ былъ вполне развитъ и способенъ жить на сушѣ. Однако вполне взрослой квакша дѣлается только на четвертомъ году; раньше она квакаетъ только очень тихо и не спаривается. По наблюденіямъ Фишера, квакша можетъ развиваться на свободѣ даже въ окрестностяхъ Петербурга, гдѣ ее однако обыкновенно не встрѣчаютъ; выросшіе тамъ дѣтеныши такъ прекрасно привыкаютъ къ климату, что вѣроятно было-бы возможно развести квакшъ на сѣверѣ Россіи.

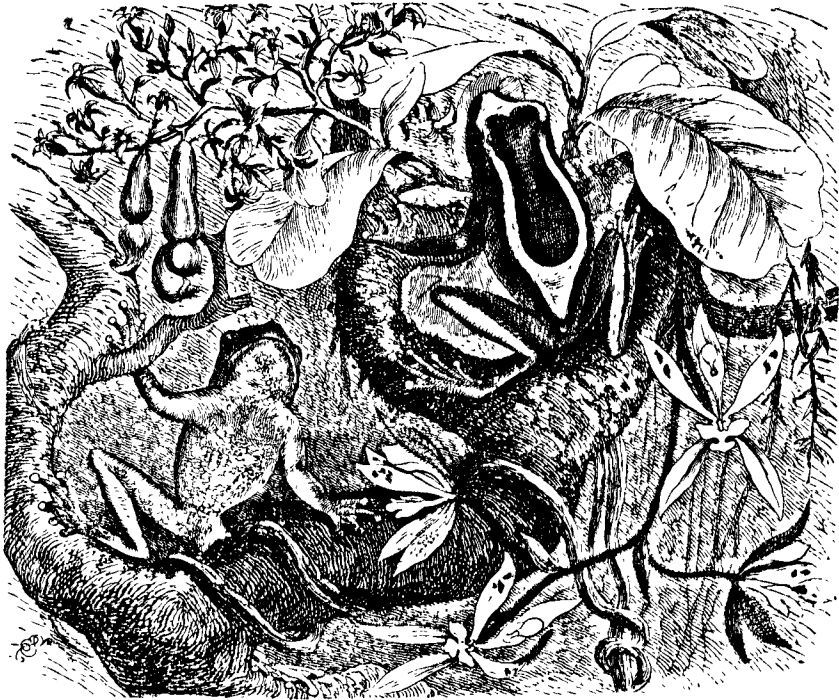
Квакша такъ неразборчива, что ее можно по нѣсколько лѣтъ держать въ самой простой клѣткѣ или стеклянной банкѣ; для нея необходима только вода и подходящий кормъ, а также слѣдуетъ ее защищать отъ комнатной пыли. Папстъ въ Готѣ держалъ квакшу 22 года и она околѣла только вслѣдствіе несчастнаго случая. Вообще о ней не приходится слишкомъ много заботиться, такъ какъ она переноситъ, какъ уже сказано, не только холодъ, но также въ значительной степе-

ни жару и сухость. Квакша, которую держалъ Гредлеръ, однажды исчезла изъ своей банки и ее нашли лишь нѣсколько дней спустя въ узкой щели совершенно высохшею и, повидимому, мертвою. Ее снова бросили въ банку, предполагая выбросить ее потомъ вмѣстѣ съ водой, между тѣмъ черезъ нѣсколько часовъ она снова начала плавать и стала такою же подвижной, какъ прежде. Она неразборчива и относительно пищи: ее кормятъ обыкновенно мухами и мучными червяками, такъ какъ зимой ихъ легче всего достать, но она ѣсть и разныхъ другихъ насѣкомыхъ, даже очень крупныхъ, и справляется съ ними прекрасно. Осенью слѣдуетъ ей давать обильный кормъ, чтобы она лучше перенесла зиму, но и въ холодное время года не слѣдуетъ забывать отъ времени до времени давать ей мучного червяка, паука или муху. При долгой неволѣ она не только научается узнавать своего воспитателя, но узнаетъ и посудину, гдѣ держать мучныхъ червяковъ, и понимаетъ, когда для нея ловятъ въ комнатѣ мухъ. Одинъ другъ моего отца замѣтилъ, что его квакша начинала сильно прыгать, когда онъ кормилъ своихъ комнатныхъ птицъ, причемъ всегда смѣрѣла въ ту сторону; этотъ господинъ сталъ давать квакшѣ каждый разъ по земляному червячку и въ короткое время такъ приучилъ ее къ себѣ, что она брала пищу изъ рукъ не только у него, но и у другихъ лицъ; она даже впередъ знала время кормленія. Чтобы облегчить ей вылезаніе изъ банки около нея повѣсили дощечку на четырехъ ниточкахъ и квакша всякій разъ во время вылезала оттуда и сидѣла на дощечкѣ до тѣхъ поръ, пока не получала своего мучного червяка. Если къ ней приближали палецъ, чтобы ее подразнить, то она старалась ртомъ схватить палецъ. Когда открывали ее банку, то она оттуда выскакивала, прыгала по стѣнамъ комнаты и съ одного стула на другой и, наконецъ, влѣзала на руку своего воспитателя и спокойно ждала, пока не получитъ подачку; тогда она отправлялась обратно въ банку и этимъ поведеніемъ ясно доказывала, что не лишена нѣкоторой доли понятливости и памяти.

Очень прилежный наблюдатель, Глазеръ, также приписываетъ квакшѣ, относительно говоря, довольно значительную долю понятливости. Жившая три года въ неволѣ при обыкновенныхъ условіяхъ квакша подъ конецъ вполнѣ привыкла къ своему воспитателю, догадывалась объ его намѣреніи, когда онъ приближался, и впередъ становилась въ такое положеніе, при которомъ ей было удобно схватить предлагаемое насѣкомое. Во время хорошей погоды она сама приподнимала бумагу, которой была закрыта банка, или пролѣзала черезъ отверстіе въ ней, и днемъ по цѣлымъ часамъ сидѣла на краю банки, съ любопытствомъ осматривая окружающее и слѣдя своими живыми глазами за всякимъ движеніемъ, причемъ иной разъ хватала и вблизи сѣвшую муху; ночью же она предпринимала странствованія. Когда она сидѣла въ банкѣ, то спокойно позволяла брать себя руками, но разъ попавши на свободу, старалась ускользнуть, если ее хотѣли взять, какъ будто понимая, что она совершаетъ нѣчто запрещенное, и не желая, чтобы прекратили ее странствованія. Однажды утромъ замѣтили, что квакша снова ушла изъ своей банки: въ комнатѣ ее нигдѣ не было и потому предположили, что она ночью пролѣзла въ довольно большую щель подъ дверью и такимъ образомъ попала на свободу. Банку однако оставили стоять на мѣстѣ на нетопящейся печкѣ. На слѣдующее утро одинъ изъ дѣтей замѣтилъ, что квакша опять сидитъ въ банкѣ. При внимательномъ осматриваніи оказалось, что бѣглянка кое-гдѣ замарана сажей и даже немного поцарапана и такимъ образомъ узнали, гдѣ она провела день и ночь. Она влѣзла въ длинную и наверху колѣнчатую дымовую трубу и здѣсь пряталась, пока ее искали; когда ей захотѣлось опять побывать въ водѣ, то она вылезла изъ трубы, снова подошла къ банкѣ и черезъ отверстіе въ бумажной

крышкѣ пролѣзла снова въ воду. Съ тѣхъ поръ животное это очень часто вылѣзало черезъ отверстіе изъ банки и снова туда влѣзало, такъ что дѣти перестали беспокоиться, когда квакши не было въ банкѣ. Убѣжавшихъ изъ банки квакшъ часто находятъ въ чашкахъ умывальниковъ. Ваглеръ узналъ, что квакша, точно такъ, какъ жабы и жерлянки, выпускаетъ изъ кожи ѣдкую жидкость, которая ей служитъ для защиты. Онъ случайно поднесъ квакшу къ глазу и немного этой жидкости попало въ глазъ, который почти мгновенно ослѣпъ; это продолжалось довольно долго, такъ какъ вызванное ядомъ воспаление продолжалось три дня. Быстрое окопѣваніе квакшъ, которыхъ пересылаютъ съ мѣста на мѣсто въ большомъ числѣ въ одной банкѣ, вѣроятно слѣдуетъ также объяснить ядовитостью кожныхъ выдѣленій, которыя вредны даже для животныхъ того же вида.

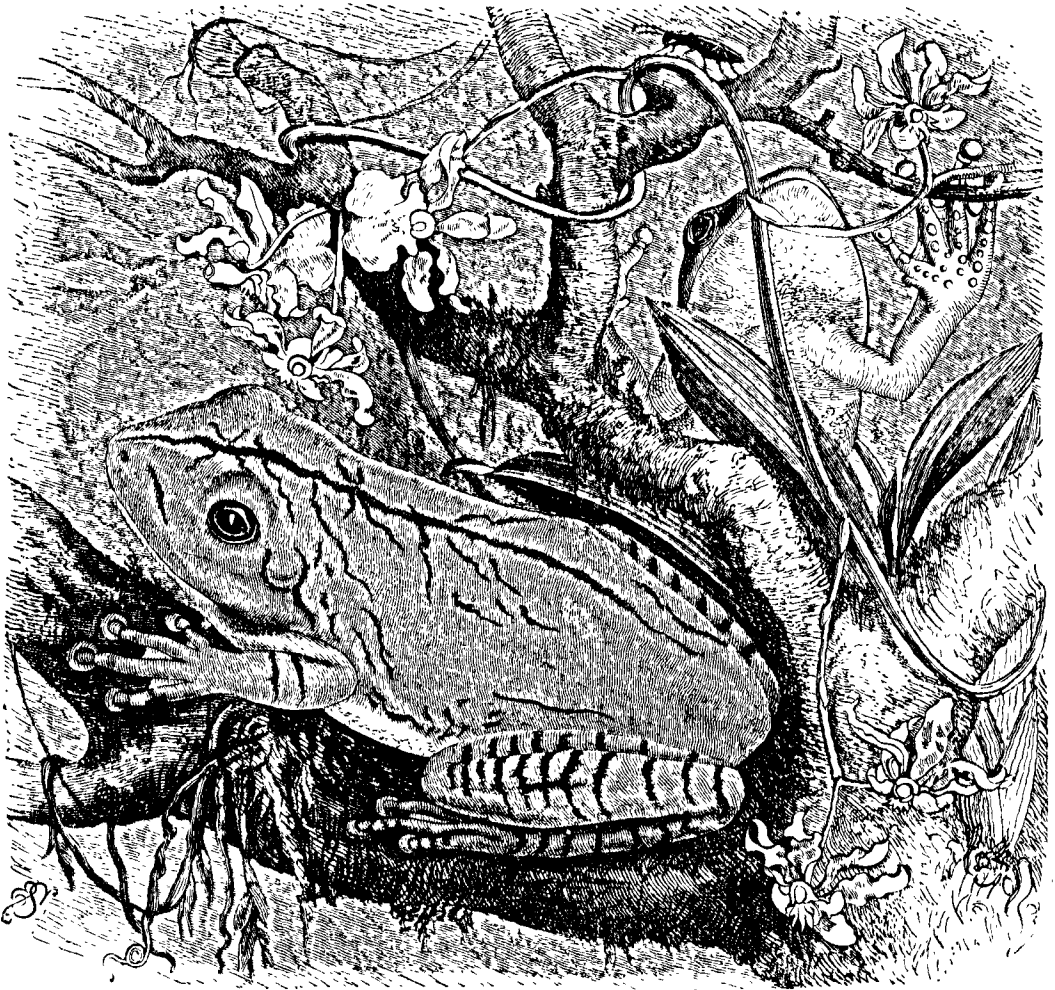

Пѣгая квакша. *Hyla leucophyllata*. Наст. вел.

Пѣгая квакша (*Hyla leucophyllata*, *elegans*, *triangulum* и *frontalis*, *Rana* и *Salamita leucophyllata*, *Hypsiboas leucophyllatus*. Laubkleber. Rainette élégante), можетъ считаться одной изъ самыхъ красивыхъ квакшъ Южной Америки. Ростомъ она развѣ немного больше нашей квакши, имѣетъ около 4 см. длины и отличается стройностью тѣлосложенія и тупой мордой. Зубы на сонникѣ образуютъ два маленькихъ пучка, расположенныхъ какъ разъ между внутренними носовыми отверстіями. Пальцы переднихъ конечностей соединены плавательной перепонкой до двухъ третей своей длины и, не достигая подушечекъ второго и четвертаго пальцевъ, соединяютъ лишь основанія пальцевъ; малозамѣтная барабанная перепонка въ два раза меньше глаза. Верхняя часть тѣла окрашена красивымъ красновато-бурымъ цвѣтомъ, окаймленнымъ съ каждой стороны желтовато-бѣлой, иногда блестяще-серебристой полоской, которая начинается надъ глазомъ, тянется по бокамъ тѣла и оканчивается треугольнымъ пятномъ между задними ногами,

подобное же треугольное пятно находится и передъ глазами; бедра имѣютъ матовый красновато-бѣлый цвѣтъ, голени бурья и точно такъ же съ бѣлой каемкой, какъ и спина; нижняя часть тѣла желтовато-бѣлая.

Пѣгая квакша встрѣчается въ Гвианѣ, Бразиліи и Эквадорѣ и живетъ въ лѣсахъ въ листвѣ деревьевъ. Объ ея образѣ жизни мы ничего не знаемъ, и я ее здѣсь упомянулъ лишь изъ за красивой окраски.

Квакша кузнецъ. *Hyla faber* Наст. вел.

Почти въ тѣхъ же странахъ встрѣчается одна изъ наиболѣе крупныхъ квакшъ, **Квакша кузнецъ** (*Hyla faber*. Kolbenfuss. Rainette à disques), которую въ Бразиліи называютъ такъ изъ за широкихъ подушекъ на пальцахъ. Туловище у ней короткое, голова плоская и шире тѣла, конечности отличаются толщиной. Между двумя внутренними носовыми отверстиями расположены два полудланныхъ пучка зубовъ на сошникѣ; наружные пальцы соединены съ сосѣдними половинной плавательной перепонкой и, кромѣ четырехъ пальцевъ, находится еще торчащій въ сторону неразвитой большой палецъ, имѣющій видъ когтя. Кожа тѣла сверху совсѣмъ гладкая. Верхняя часть тѣла блѣдно-глинисто-желтого или свѣтло-бурого цвѣта съ

черной полосой по срединѣ спины и нѣсколькими неправильными тонкими полосками по сторонамъ; нижняя сторона тѣла однообразно желтовато-бѣлая съ большими бородавками. На заднихъ конечностяхъ замѣчаются также черныя поперечныя полоски; горло у самца бурое. Длина тѣла 8—9 см.

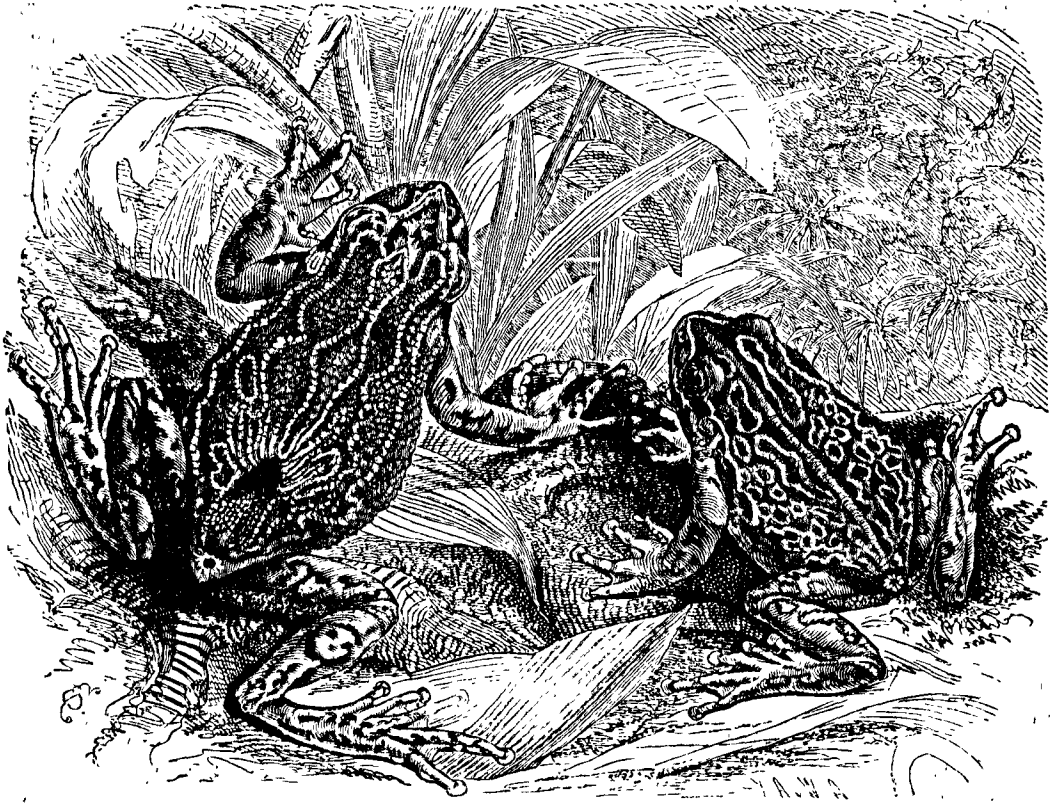
Квакша кузнецъ, за исключеніемъ времени размноженія, живетъ на высокихъ густолиственныхъ деревьяхъ Бразиліи, чаще всего на такихъ, которыя растутъ на берегахъ рѣкъ и болотъ; по принцу фонъ Видъ, эту квакшу можно встрѣтить повсюду въ первобытныхъ лѣсахъ, но только на извѣстныхъ сортахъ деревьевъ, большіе листья которыхъ могутъ выдержать тяжесть такого большого животнаго. Въ дождливое время года эти квакши, по словамъ принца фонъ Видъ, населяютъ болота неисчислимыми стаями и тогда вечеромъ и ночью до самаго утра повсюду слышишь ихъ своеобразный громкій и звонкій голосъ, такъ что кажется, что въ болотѣ работаетъ большое количество кузнецовъ, ударяющихъ молотками по тонкимъ жестянымъ листамъ. Въ южныхъ частяхъ Бразиліи этотъ натуралистъ встрѣчалъ квакшу кузнеца рѣже, чѣмъ другіе виды, и на берегахъ моря она не такъ обыкновенна, какъ въ первобытныхъ лѣсахъ. Послѣ времени размноженія квакша эта охотнѣе всего держится на кустахъ, вѣтви которыхъ висятъ надъ водой; если ее вспугнуть, то она прыгаетъ въ воду, однако тотчасъ же ее оставляетъ и снова влѣзаетъ на вѣтви, соприкасающіяся съ водою. Принцъ фонъ Видъ рассказываетъ, что ему вначалѣ очень хотѣлось познакомиться съ этимъ животнымъ, и что поэтому сопровождавшіе его бразильцы отправлялись ночью съ факелами на охоту за квакшами и всегда возвращались съ богатою добычею.

Шомбургкъ сравниваетъ голосъ другого сходнаго вида, **Квакши гребца** (*Hyla crepitans*, *Hyla daumercei*, *levallanti*, *pugnax*, *Hypsiboas crepitans*, *daumercei*, *levallanti* и *pugnax*. *Ruderer*. *Rainette peteuse*) со звукомъ, который происходитъ, когда весла опускаютъ въ воду, и увѣряетъ, что часто былъ обманутъ этимъ шумомъ. Эта квакша ростомъ нѣсколько меньше предыдущей, живетъ въ сѣверной части Южной Америки, именно въ Гвианѣ, и отличается тѣмъ, что пальцы соединены только на одну треть или на одну четверть плавательными перепонками и на ногахъ замѣчаются черныя поперечныя полоски. «Гребцы при каждомъ ударѣ веслами трогаютъ ими вмѣстѣ съ тѣмъ край челнока, отчего происходитъ довольно глухой звукъ и, будь у челнока хотя 6, 8 или 10 веселъ то все же слышишь только одинъ, быстро повторяющійся въ тактъ ударъ. По этому звуку узнаютъ издали, особенно ночью, приближеніе лодки. Голосъ квакши, издаваемый въ короткіе и равномѣрные промежутки, удивительно похожъ на этотъ звукъ». По словамъ того же натуралиста этотъ видъ вблизи морского берега встрѣчается чаще, чѣмъ во внутренности страны.

* * *

Какъ можетъ быть разнообразно размноженіе квакшъ, доказываетъ между прочимъ **Сумчатая квакша** (*Nototrema marsupiatum*, *Hyla marsupiata*. *Taschenfrosch*. *Rainette à poche*), живущая въ Перу и Эквадорѣ и служащая представительницею особаго рода (*Nototrema*). По своему внѣшнему виду шесть относящихся сюда и живущихъ въ тропической Америкѣ видовъ существенно не отличаются отъ вышеописанныхъ квакшъ, но самка имѣетъ на спинѣ сумку, глубиною около 1 см. и открывающуюся позади, которая во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ сумку сумчатыхъ млекопитающихъ и служитъ для помѣщенія яицъ въ первое время ихъ развитія, а у другихъ видовъ въ ней живутъ дѣтеныши до полнаго ихъ развитія. Когда Дюмериль и Бибронъ описывали сумчатую квакшу, то они еще

не знали для чего служить ей сумка, хотя и дѣлали вѣрные предположенія. По всей вѣроятности самецъ запиживаетъ задними ногами оплодотворенныя яички въ сумку, которая, какъ это видно у нѣкоторыхъ экземпляровъ, распространяется во время развитія яичекъ на всю спину и придаетъ животному совершенно безобразный видъ. Когда зародыши настолько развились, что сдѣлались настоящими головастиками и довольно окрѣпли, то заботливая мать несетъ ихъ въ воду и тамъ оставляетъ. У другихъ видовъ, какъ напримѣръ у живущей также въ Эквадорѣ и Перу Черепашьей квакши (*Nototrema testudineum*), а также у живущей въ Средней Америкѣ и Венецуалѣ Икроносной квакши (*Nototrema oviferum*.)

Сумчатая квакша. *Nototrema marsupiatum*. Наст. вел.

дѣтеныши остаются въ сумкѣ во все время своего превращенія, не нуждаются въ водѣ и вылѣзаютъ изъ сумки въ видѣ четвероногихъ лягушатъ.

Сумчатая квакша отличается отъ другихъ видовъ этого рода тѣмъ, что кожа головы не срослась съ черепными костями, а также относительно короткими ногами и узкимъ лбомъ, расположеннымъ между глазами, который имѣетъ лишь ширину, равную ширинѣ вѣкъ. Эта квакша принадлежитъ къ числу самыхъ пестрыхъ. Основнымъ цвѣтомъ служитъ прекрасный голубовато-синій, который темнѣетъ на головѣ и по серединѣ спины. На этомъ фонѣ замѣчаются темно-зеленыя продольныя полосы и пятнышки со свѣтлыми каемками; полосы эти то приближаются другъ къ другу, то отдаляются, и образуютъ такимъ образомъ правильныя рисунки. Конечности покрыты темными кольцами, полосками, штрихами, пятнышками и точками. У нѣкоторыхъ экземпляровъ, особенно у самцовъ,

рясунокъ на спинѣ отличается тѣмъ, что темныя промежутки, окруженные свѣтлыми каемками, меньшей величины и неправильной формы.

Вейнландъ сообщилъ свѣдѣнія о развитіи зародыша родственной этому виду икросной квакши. Въ числѣ амфибій, присланныхъ въ берлинскій музей, находилась одна подобная квакша, которая отличалась необыкновеннымъ объемомъ тѣла, и у которой можно было ощупать подъ кожей спины крупныя яички, которыя по величинѣ были больше горошинъ. Уже эта величина икриноекъ у лягушки представляла изъ себя нѣчто необыкновенное, но еще страннѣе было ихъ положеніе, такъ какъ убѣдились, что онѣ помѣщались не только по бокамъ тѣла, но отчасти также на самомъ хребетномъ столбѣ. Это странное расположеніе яицъ привело къ открытію щели на задней части спины; отъ этой щели шли направо и налево мѣшки, которые распространялись по сторонамъ тѣла, но не были соединены съ брюшною полостью, а состояли изъ складокъ внѣшней кожи тѣла. Въ обоихъ мѣшкахъ лежали крупныя яйца, склеенныя по три и по четыре, а въ нихъ былъ ясно замѣченъ уже головастикъ съ развитыми глазами и хвостомъ; число всѣхъ яицъ доходило до 15-ти. Они не были срослись съ внутренней оболочкой мѣшковъ, всѣ были одинаково развиты и отличались необыкновенной величиной, такъ какъ имѣли почти 1 см. въ діаметрѣ. У зародыша были очень хорошо замѣтны большіе глаза, переднія и заднія конечности и хвостъ; длина зародыша равнялась 15 мм., голова 4 мм., діаметръ глазъ 1 мм. Однако зародышъ занималъ лишь одну восьмую часть объема всего яйца, вся остальная часть была наполнена желтымъ желткомъ. Строеніе зародыша было столь же своеобразно, какъ строеніе тѣла самки, именно, если снять оболочку желтка, то на затылкѣ зародыша можно было замѣтить двѣ скомканныя кожистыя складки. Ихъ можно было поднять и тогда оказывалось, что онѣ соединены съ каждой стороны двумя длинными шнурками съ нижней стороной тѣла, повидимому съ горломъ. Для того, чтобы узнать ихъ точку прикрѣпленія, отдѣлили голову зародыша отъ желтка и замѣтили, что оба шнурка исчезаютъ подъ жаберной крышкою. Когда приподняли эту послѣднюю, то показали съ каждой стороны три жаберныхъ дуги съ соответствующими тремя жаберными щелями. Шнурки сливались съ двумя передними жаберными дугами, причѣмъ одинъ соединялся съ первой дугою, а другой со второй; третья жаберная дуга была снабжена только придаткомъ съ жаберными листочками, которые, вѣроятно, потомъ превращались во внутреннія жабры. Вышеупомянутыя двѣ скомканныя складки кожи, положенныя въ воду, распустились и образовали собою два воронкообразныхъ тѣла, похожія на колокольчики, которыя Вейнландъ сравниваетъ съ цвѣтками повелики, причѣмъ однако каждый такой цвѣтокъ сидитъ на двухъ цвѣточныхъ ножкахъ. Прикрѣпленіе шнурковъ къ жабернымъ дугамъ тотчасъ указало на связь этихъ органовъ съ дыханіемъ, а изслѣдованія микроскопомъ еще болѣе разъяснили дѣло. Оказалось, что каждый шнурокъ заключаетъ въ себѣ два кровеносныхъ сосуда, а воронка покрыта густою сѣтью волосныхъ сосудовъ. Несомнѣнно, что въ шнуркѣ находится вѣна и артерія, а оболочка шнурка, покрывающая ихъ, есть продолженіе внѣшней кожи зародыша. Но длинѣ этого шнурка замѣтны многіе толстыя мускулистыя пучки, что доказываетъ, что животное это сохраняетъ эти органы и въ болѣе позднемъ періодѣ развитія, когда оно можетъ ими произвольно двигать. Пока зародышъ находится въ яйцѣ, то подобное произвольное движеніе невозможно, такъ какъ шнурки и воронка тѣсно сложены и прижаты оболочкой желтка къ зародышу; однако слѣдуетъ предположить, что эти органы и въ зародышномъ состояніи находятся въ

дѣятельности, такъ какъ оба сосуда и сѣть волосныхъ сосудовъ въ воронкѣ были такъ наполнены кровяными тѣльцами, особенно въ крупныхъ сосудахъ, что видны были только ядрышки кровяныхъ тѣлецъ. Эти воронки со своими шнурками соотвѣтствуютъ вѣтвистымъ жабрамъ, которыя замѣтны у головастиковъ лягушекъ еще въ яйцѣ, и которыя онѣ сохраняютъ вначалѣ, живя въ водѣ, пока не разовьются внутреннія жабры. Кромѣ удивительнаго сильнаго развитія зародыша еще въ яйцѣ въ высшей степени своеобразно строеніе кишекъ этого головастика. Ни у какой другой лягушки Вейнландъ не нашелъ въ яйцѣ столь значительнаго скопленія питательныхъ веществъ, предназначенныхъ для питанія зародыша. Весь желтокъ, т. е. $\frac{1}{2}$ объема яйца, оказался состоящимъ изъ свернуваго въ комокъ кишечнаго канала, наполненнаго комочками желточной массы. Это, повидимому, указываетъ на продолжительный періодъ развитія зародыша въ такое время, когда онъ еще не въ состояніи принимать пищу извнѣ; предположеніе это, какъ мы уже выше указали, вполне подтвердилось наблюденіями.

Подобное же развитіе какъ у икроносной квакши замѣчается у *Nototrema fissipes*, квакши, полученной Буланже изъ бразильской провинціи Пернамбуко. У этой квакши на спинѣ также замѣчаются мѣшки, наполненные очень большими, діаметромъ въ 1 см. яичками, изъ чего можно заключить, что и здѣсь дѣтеныши достигаютъ полнаго развитія въ тѣлѣ матери.

Слѣдующее семейство подвижногрудыхъ лягушекъ образуютъ **Жабныя лягушки** (*Pelobatidae*. *Krotenfrösche*), которыя кромѣ вышеупомянутаго уже строенія плечевого пояса отличаются еще тѣмъ, что на верхнихъ челюстяхъ у нихъ есть зубы, поперечные отростки крестцовыхъ позвонковъ сильно расширены, послѣдніе суставы пальцевъ имѣютъ обыкновенное устройство, а также полнымъ отсутствіемъ реберъ. Всѣ сюда относящіеся виды имѣютъ зрачекъ въ видѣ поперечной щелп и большинство изъ нихъ имѣютъ лапы, прекрасно приспособленныя для рытья земли. Ихъ извѣстно 8 родовъ съ 25 видами, которые живутъ въ Сѣверной Америкѣ, Европѣ, Азіи и Новой Гвинее. Многіе виды, какъ напримѣръ *Megalophrys* и *Leptobrachium*, достигаютъ значительной величины, а послѣдній родъ еще замѣчательнѣе тѣмъ, что это единственная лягушка, самцы которой въ случаѣ нападенія защищаются даже отъ человѣка: они открываютъ широкую пасть, громко кричатъ и стараются укусить руку. Сильныя челюсти живущей въ Бирмѣ *Septobrachium carinense* позволяютъ ей схватывать не только насѣкомыхъ, но и маленькихъ млекопитающихъ. Феа нашелъ въ желудкѣ этого вида маленькую бѣлку.

* * *

Чесночницы (*Pelobates*) по скелету своему отличаются тѣмъ, что у нихъ крестцовая и сѣдалищная кости не отдѣлены другъ отъ друга, а образуютъ одну кость, и что грудная кость имѣетъ костяной мечевидный отростокъ. По своему внѣшнему виду онѣ болѣе похожи на лягушекъ, тѣмъ на жабъ, имѣютъ относительно большія заднія ноги, пальцы которыхъ соединены большими плавательными перепонками; языкъ у нихъ круглый, сзади свободный и на сошникѣ замѣчается два пучка зубовъ; барабанная перепонка скрыта; кожа спины гладкая. На запястьѣ находится большая роговая мозоль, служащая для рытья земли. Три очень близкіе между собой вида этого рода живутъ въ западной и средней Европѣ и въ Сиріи.

Главнымъ представителемъ этого семейства можетъ считаться Чесночница (*Pelobates fuscus*, *insubericus*, *Bufo fuscus*, *vesperlinus*, *Rana fusca* и *allicea*, *Bombinator fuscus*, *Bombina marmorata*, *Cultripis minor*. Knoblauchskröte). Это

Чесночница. *Pelobates fuscus*. Натур. вел.

очень пестрое животное имѣетъ 6 или 7 и рѣдко 8 см. длины; сверху чесночница желтовато-бурая или свѣтло-сѣрая со многими большими и маленькими темно-бурыми неправильными пятнами, которыя иногда соединяются вмѣстѣ, иногда сидятъ отдѣльно и, по словамъ Шинца, похожи на острова, нарисованные на картѣ. Мозоль на запястьѣ, служащая для рытья, окрашена въ желтовато-бурый цвѣтъ. У самца

нѣтъ горлового мѣшка, но на наружной сторонѣ плеча у него замѣчается большая яйцевидная железка. У этого вида число самцовъ больше числа самокъ.

Область распространенія чесночницы простирается на южную Швейцарію, Данію, Германію, за исключеніемъ Вюртемберга, Бельгію, сѣверную Францію, сѣверную Италію, Австро-Венгрію и Европейскую Россію; однако она не вездѣ встрѣчается и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ее совсѣмъ нѣтъ, напримѣръ въ Швейцаріи ее, по словамъ Мюллера находятъ только на границѣ съ Эльзасомъ, а въ Тиролѣ, по Гредлеру, ея совсѣмъ нѣтъ. Самое восточное достовѣрное мѣстопробываніе ея находится въ Сарептѣ по нижнему теченію Волги. Въ южной Франціи, Испаніи и Португаліи она замѣняется другимъ видомъ, **Остроногой чесночницей** (*Pelobates cultripes*) у которой мозоль на ногахъ черная. Кое-гдѣ она встрѣчается часто, напримѣръ около Нюрнберга, Берлина, Вѣны и Германштадта. Она живетъ въ водѣ только во время метанія икры и уже черезъ нѣсколько дней выходитъ на сушу, гдѣ держится, какъ совершенно сухопутное животное, по преимуществу на песчаныхъ поляхъ, причѣмъ днемъ сидитъ въ вырытой ею самою норѣ, а ночью занимается охотой. Съ помощью своихъ роговыхъ мозолей онѣ очень ловко зарываются въ землю, разрывая ее передними ногами, съ выпяченными въ сторону пятками и такимъ образомъ очень скоро исчезаютъ въ землѣ, которая за ними закрывается. Слѣдовательно онѣ собственно не живутъ въ норахъ, такъ какъ за ними не остается никакого отверстія, а вполнѣ покрыты землею. При восходѣ солнца онѣ зарываются въ землю тамъ, гдѣ ихъ застаётъ утро. По своимъ движеніямъ чесночница гораздо проворнѣе жабъ и болѣе ихъ похожа на лягушку. Она проворно скачетъ, дѣлая относительно большіе прыжки, быстро и ловко плаваетъ и гораздо искуснѣе жабъ зарывается въ песокъ и илъ. Пища ея состоитъ главнымъ образомъ изъ насѣкомыхъ, особенно изъ жуковъ и пауковъ.

Изъ европейскихъ земноводныхъ чесночница мечетъ икру раньше всѣхъ, при сколько-нибудь сносной погодѣ—въ началѣ апрѣля, а при дурной погодѣ въ серединѣ этого мѣсяца. Только въ это время оба пола держатся въ водѣ, но рѣдко болѣе одной недѣли; онѣ высовываютъ голову изъ воды и издають звукъ, похожій на клохтанье, при чемъ самка прибавляетъ къ этому глухое хрюканье. Однако эти непріятные звуки не единственные, которые онѣ могутъ издать: если ихъ схватить клещами за ногу, то онѣ жалобно кричатъ, мяукая, какъ котята. При спариваніи самецъ принимаетъ положеніе, очень рѣдко встрѣчающееся у земноводныхъ: онъ схватываетъ самку за бедра. Яйца выходятъ толстыми шнурами въ полъ-метра длины: икринки въ слизи лежатъ нѣсколькими рядами или кучками; онѣ поддерживаются время отъ времени лапками самца, оплодотворяются, а затѣмъ прикрѣпляются къ травѣ, камышу и другимъ воднымъ растеніямъ около берега.

5—6 дней спустя изъ яичекъ вылупляются сначала совершенно черныя головастики, имѣющіе около 4 мм. длины; они плаваютъ кучками; на седьмой день ихъ жизни у нихъ образуется плавникъ на хвостѣ, а на девятый появляются бахромистыя жабры. На 18-ый день они расходятся въ разныя стороны, въ это время теряютъ свои наружныя жабры и дѣлаются очень осторожными. На 9 недѣль у нихъ вырастаютъ заднія ножки, три недѣли спустя и переднія; головастики линяютъ и въ началѣ 4-го мѣсяца своей жизни вылѣзаютъ изъ воды съ небольшимъ тупымъ хвостикомъ, который однако скоро исчезаетъ. Съ этихъ поръ они живутъ на сушѣ, какъ родители, пока сами не сдѣлаются способными къ размноженію.

Головастики чесночницы, какъ это было уже извѣстно Рбзелю, изъ всѣхъ средне-европейскихъ земноводныхъ достигаютъ наибольшей величины: при хорошихъ условіяхъ они имѣютъ 10—12, даже 17,5 см. длины. Такъ какъ взрослое животное увидеть трудно, то по этимъ необыкновенно большимъ головастикамъ можно узнать о присутствіи чесночницы въ извѣстной мѣстности. Могутъ ли эти головастики перезимовать на открытомъ воздухѣ, до послѣдняго времени было неизвѣстно: ни Лейдигъ, ни Кохъ не могли найти весною такихъ перезимовавшихъ головастиковъ. Нынѣ мы узнали отъ Пфлюгера, что часть этихъ головастиковъ зимуетъ въ водѣ и что количество ихъ зависитъ отъ температуры и зимы и другихъ климатическихъ условій мѣстности. Не вполне хорошее примѣненіе строенія этого животнаго къ германскому климату заставило вышеупомянутаго натуралиста предположить, что чесночница переселилась съ юга въ Германію лишь послѣ ледниковаго періода.

Чесночницы при вѣкоторомъ уходѣ очень хорошо уживаются въ неволѣ, но требуютъ много жирной пищи, такъ какъ въ прожорливости не уступаютъ другимъ лягушкамъ. Лейдигъ считаетъ ихъ пугливыми, терпѣливыми и добродушными созданіями. Если онѣ въ неволѣ не могутъ зарыться въ землю, то днемъ онѣ бываютъ лѣзвы и совѣвы. Положеніе спящей лягушки очень странное: она держится какъ можно прямѣе на переднихъ ногахъ, причѣмъ глаза не выпячены, а втянуты въ глубину и закрыты, такъ что она похожа на изваяніе индѣйскаго божества.

Послѣднимъ семействомъ подвижногрудыхъ лягушекъ считаются **Дискоязычныя** (*Discoglossidae*. *Scheibenzungler*). Онѣ отличаются подвижнымъ плечевымъ поясомъ, присутствіемъ зубовъ на верхней челюсти, расширенными поперечными отростками крестцоваго позвонка, и особенно короткими ребрами, которыя прикрѣпляются къ переднимъ поперечнымъ отросткамъ спинныхъ позвонковъ. Тѣла позвонковъ сюда относящихся видовъ сзади вдавлены и этимъ точно такъ, какъ присутствіемъ реберъ, семейство это приближается къ хвостатымъ гадамъ. Головастики дискоязычныхъ отличаются отъ всѣхъ язычныхъ лягушекъ тѣмъ, что дыхательное горло у нихъ лежитъ не на лѣвой сторонѣ, а посреди груди. Нынѣ извѣстны 4 рода съ 7 видами этихъ лягушекъ, которые живутъ въ сѣверной области Стараго Свѣта и въ Новой Зеландіи.

* * *

Изъ этой группы лягушекъ въ Германіи встрѣчаются **Жерлянки** или **Уки** (*Vombinator*), которыя отличаются отсутствіемъ барабанной перепонки и вообще очень недоразвитымъ ухомъ, дисковиднымъ языкомъ, прикрѣпленнымъ къ кожѣ рта всей своею нижнею поверхностью, сильно расширенными поперечными отростками крестцоваго позвонка, сѣдалищными костями, соединенными съ крестцовой костью посредствомъ сустава и треугольными зрачками. Пальцы переднихъ конечностей свободны, и на заднихъ соединены плавательными перепонками. На сошникѣ находится два, близко сидящихъ пучка зубовъ. Въ средней Европѣ живутъ два различныхъ вида этихъ лягушекъ; третій видъ встрѣчается очень далеко отъ насъ, въ сѣверо-восточномъ Китаѣ.

Когда поэтъ Бюргеръ захотѣлъ дать понятіе о вселяющемъ ужасѣ пѣніи привидѣній, то не нашелъ ничего лучшаго, какъ сравнить это пѣніе съ голосомъ жерлянокъ:

«Ihr Lied war zu vergleichen
Dem Unkenruf in Teichen *),

какъ будто онъ самъ слышалъ неприятный крикъ этихъ животныхъ. Однако гораздо вѣроятнѣе, что онъ здѣсь выражаетъ не собственное впечатлѣніе, а суевѣрный взглядъ народа, который соединяетъ съ понятіемъ о жерлянкѣ и ея образѣ жизни всевозможные ужасы; почему? — это никому неизвѣстно! Дѣйствительно жерлянки чаще всего населяютъ водяныя пространства пустынныхъ, мало доступныхъ и потому страшныхъ топей, и голосъ ихъ нельзя назвать веселымъ, какъ голосъ лягушки, а скорѣе меланхолическимъ и печальнымъ. Все-таки ни одинъ человѣкъ, который потрудился самъ наблюдать этихъ красивыхъ и ярко окрашен-

Желтобрюхая жерлянка. *Bombinator pachypus*. Наст. вел.

ныхъ животныхъ, не станетъ раздѣлять суевѣрныхъ воззрѣній народа; никто также, находясь на твердой землѣ и слыша ихъ тихій, но благозвучный голосъ, не назоветъ его неприятнымъ. Такъ какъ только въ послѣдніе годы получены болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ обихъ видахъ жерлянокъ, живущихъ въ Германіи, то мы считаемъ нужнымъ сначала описать отличительные признаки этихъ двухъ видовъ и обозначить ихъ область распространенія, и затѣмъ дать общую картину образа жизни обихъ видовъ, предоставляя будущимъ писателямъ болѣе точное обозначеніе особенностей жизни этихъ двухъ лягушекъ. Обѣ жерлянки живутъ почти постоянно въ водѣ.

Желтобрюхая жерлянка (*Bombinator pachypus*. Gelbbauchige Unke. Sonneur à ventre jaune) имѣетъ короткое туловище и короткую округленную морду, пальцы

*) Ихъ пѣснь можно сравнить съ голосомъ жерлянокъ въ прудахъ.

толсты и бородавки на тѣлѣ больше. Голень у нея длиннѣ лапы. У самца замѣчаются на нижней сторонѣ второго и третьяго пальца черныя щеточки, имѣющія значеніе при спариваніи, и горлового мѣшка у него нѣтъ. Спина темно-желтовато-сѣрая съ металлическимъ блескомъ и безъ черныхъ пятенъ, брюшко лимонно-желтое или оранжевое съ синеваато-сѣрыми или черноватыми пятнами; кончики пальцевъ, особенно на заднихъ конечностяхъ, всегда желтые. Длина доходитъ до 4,5 ст. Этотъ видъ распространяется съ Франціи, гдѣ онъ встрѣчается около Изеры и въ Арденскихъ горахъ черезъ Бельгію, Голландію, Германію, Савойю, Швейцарію, Тироль, верхнюю и среднюю Италію, Штирію, Австрію, Далмацію, Черногорію, Венгрію, Трансильванію и Румынію. Въ Германіи ее до сихъ поръ находили во всей Рейнской провинціи и въ Вестфалии, въ Ганноверѣ и Брауншвейгѣ около Гослара и въ другихъ мѣстахъ на Гарцѣ. въ окрестностяхъ Эйзенаха, между Бамбергомъ и Байрейтомъ, около Зульца и Зонненберга въ Тюрингіи, на Таунусѣ и во всей югозападной Германіи и Баваріи.

По изслѣдованіямъ Вольтерсдорфа, видъ этотъ живетъ исключительно въ холмистыхъ мѣстностяхъ и на низкихъ горахъ; это единственная жерлянка, встрѣчающаяся въ западной и южной Германіи. Въ Швейцаріи она подымается до 1200 м., а въ Тиролѣ до 1500 м. высоты.

Огненная жерлянка (*Bombinator igneus*, *Bombinator*, *Rana bombina*, *Rotbauchige Unke*, *Sonneur à ventre rouge*) болѣе стройнаго тѣлосложенія, морда нѣсколько вытянута и острѣе, пальцы длиннѣе и тоньше, бородавки отчасти расположены въ правильные ряды и чернаго цвѣта; голень короче лапы. У самца нѣтъ щеточекъ на концахъ пальцевъ, а на горлѣ замѣчается два, не вполне развитые мѣшка, которые, впрочемъ, не имѣютъ отверстій ни снаружи, ни въ полости рта. Спина сѣровато-черная съ черными пятнами и большею частію съ двумя темно-зелеными между плечами; брюшко синеваато-черное съ бѣлыми точками и большими оранжево-красными пятнами; кончики пальцевъ черные. Длина также достигаетъ 4. 5 ст.

Этотъ видъ живетъ въ южной Швеціи, Давіи, Германіи, Богеміи, нижней Австріи, Венгріи, Трансильваніи, Румыніи и средней Европейской Россіи, доходя на сѣверѣ до 5,6 гр. сѣв. шир., но на востокѣ не переходитъ за Уралъ. Въ Германіи до сихъ поръ ее находили въ восточной Пруссіи, около Берлина, гдѣ она обыкновенна, около Магдебурга, Дрездена и Лейпцига, а западнѣе въ окрестностяхъ Цешена, Галле, Биттерфельда и Веймара. Самое южное мѣстонахожденіе этой жерлянки находится у Аммендорфа, въ долинѣ Заалы; по словамъ Вольтерсдорфа, мѣстонахожденіе это находится лишь на 45 килом. сѣвернѣе отъ перваго достовѣрнаго мѣстонахожденія желтобрюхой жерлянки, около Зульца въ Тюрингіи.

По мнѣнію Вольтерсдорфа, огненная жерлянка живетъ по преимуществу на равнинахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ предыдущимъ видомъ не встрѣчается; однако тамъ, гдѣ области распространенія обоихъ видовъ близко подходят другъ къ другу, напримѣръ, въ Тюрингіи и Саксоніи, тамъ можетъ случиться, что въ низкихъ мѣстахъ живетъ огненная жерлянка, а по сосѣдству, на высотахъ, желтобрюхая.

Жерлянки держатся какъ въ небольшихъ канавахъ, такъ и въ обширныхъ болотахъ и топяхъ, огненная—въ равнинахъ, а желтобрюхая—на горахъ до 1500 м. высоты. Какъ настоящія водяныя лягушки, онѣ все лѣто живутъ въ лужахъ, прудахъ, канавахъ и болотахъ и только осенью онѣ нѣкоторое время проводятъ на сушѣ, гдѣ ловко прыгаютъ съ помощью своихъ относительно длинныхъ заднихъ конечностей. Обыкновенно онѣ сидятъ въ водѣ, на нѣкоторомъ разстояніи

отъ берега, высунувъ верхнюю часть головы, приче́мъ къ вечеру усердно занимаются уканьемъ, а при малѣйшей опасности быстро ныряютъ въ воду и зарываются въ иль. Если стоять совсѣмъ смирно, то можно замѣтить, что жерлянка въ скоромъ времени снова показывается, принимаетъ прежнее положеніе, осматривается кругомъ своими золотистыми глазками и снова начинаетъ голосить. Такъ какъ это ночныя животныя, то голосъ ихъ слышенъ только къ вечеру, но онъ раздается втеченіе всей ночи. Его никакъ нельзя назвать неприятнымъ, но онъ утомителенъ своимъ однообразіемъ. Отдѣльные звуки можно передать слогами «ку—уу», которые нѣсколько похожи на звонъ стеклянныхъ колокольчиковъ; голосъ этотъ довольно слабый и его можно слышать лишь три или четыре раза въ минуту и голосить очень однообразно, но всѣ самцы кричатъ вмѣстѣ, отчего и происходитъ уканье, слышное втеченіе всей ночи. Самки во время размноженія блеять совсѣмъ тихо.

Хотя жерлянки не могутъ сравниться по проворству съ обыкновенными лягушками, но все-же онѣ въ водѣ двигаются легко; плаваютъ онѣ очень хорошо и еще

Огненная жерлянка. *Vombinator igneus*. Наср. вел.

лучше лягушекъ умѣютъ прятаться въ иль. По землѣ онѣ прыгаютъ быстро слѣдующими другъ за другомъ скачками, приче́мъ подвигаются впередъ довольно скоро. Главнымъ отличительнымъ свойствомъ ихъ, повидному, можетъ считаться необыкновенная пугливость. Онѣ только въ случаѣ крайней нужды держатся въ чистой водѣ и рѣшительно предпочитаютъ воду, покрытую ряской, грязной глинистой лужѣ на дурныхъ дорогахъ, а также маленькіе пруды заброшенныхъ каменоломенъ. Причина этого понятна, такъ какъ въ грязной водѣ и подъ ряской ихъ трудно замѣтить даже зоркому наблюдателю. Если держаться очень смирно и ихъ не пугать, то въ справедливости вышесказаннаго можно убѣдиться собственнымъ наблюденіемъ. Слабый голосъ ихъ не даетъ возможности правильно судить о разстояніяхъ и часто долго и напрасно всматриваешься, пока наконецъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ не замѣтишь очень близко торчащую головку между рясками на такомъ мѣстѣ, которое только что внимательно осматривалъ. На землѣ онѣ

стараятся скрыться отъ взоровъ противника посредствомъ хитрости: если онѣ не могутъ скоро достигнуть воды, то прижимаются къ землѣ и ихъ желтоватая и сѣроватая окраска совершенно сливается съ цвѣтомъ почвы. Если ихъ тогда потревожить, то по крайней мѣрѣ желтобрюхая жерлянка откидываетъ голову назадъ и скрещиваетъ переднія конечности надъ согнутой спиной, такъ что видно все брюшко, и животное выглядитъ совсѣмъ иначе. Въ этомъ странномъ положеніи онѣ остаются нѣсколько минутъ сряду, пока, по ихъ мнѣнію, не минуетъ опасность; послѣ этого онѣ снова приходятъ въ движеніе. Во время сильнаго испуга изъ покрытой бородавками спины и верхнихъ частей реберъ у нихъ выдѣляется пѣна, похожая на мыльную; пѣна эта, какъ у большинства сходныхъ видовъ, имѣетъ острое свойство и во всякомъ случаѣ болѣе ядовита, чѣмъ выдѣленіе обыкновенной жабы. Жерлянка питается насѣкомыми, улитками и маленькими червями, слѣдовательно она принадлежитъ къ вполне безвреднымъ и даже полезнымъ животнымъ.

Желтобрюхая жерлянка принадлежитъ къ числу земноводныхъ, которыя поздно прячутся въ свои зимнія убѣжища, причемъ время это зависитъ, по словамъ Лейдига, не только отъ температуры осени, но также отъ сухости или дождливости всего года. Въ сухіе годы жерлянка зарывается въ землю уже въ концѣ сентября, а когда лѣто было дождливое, то еще въ срединѣ октября ее можно найти въ лужахъ.

Онѣ дѣлаются способными къ размноженію только на третьемъ году своей жизни. Число самокъ больше, чѣмъ число самцовъ. Первыхъ жерлянокъ, проснувшихся отъ зимняго сна, встрѣчаютъ отъ середины до конца апрѣля. Желтобрюхія жерлянки спариваются въ маѣ, огненные же—въ іюнѣ, причемъ предъ настоящимъ спариваніемъ происходятъ предварительныя попытки. Самецъ обнимаетъ самку подъ бедра и оплодотворяетъ каждую массу выходящей икры, затѣмъ онъ бросаетъ самку и больше не заботится ни о ней, ни объ яйцахъ. Икра бываетъ часто прикрѣплена къ завявшимъ листьямъ водяныхъ растений; она лежитъ на днѣ пруда и въ теплое время года развивается довольно скоро. Головастики виденъ уже на пятый день, на девятый день онѣ покидаютъ яйцо; въ концѣ сентября или въ началѣ октября уже развиваются ноги, а хвостъ и жабры исчезаютъ; но уже нѣсколько дней передъ тѣмъ молодыя животныя выходятъ на короткое время на землю или держатся у самаго края воды. Фишеръ-Зигвартъ наблюдалъ, что полное развитіе желтобрюхой жерлянки продолжается 67 дней. Головастики жерлянокъ, которыхъ держалъ Гредлеръ въ своемъ акваріумѣ, питались тѣмъ, что слизвали водоросли и иль со стѣклянныхъ стѣнокъ акваріума вродѣ того, какъ это дѣлаютъ водяныя улитки. «Слѣдуетъ предположить», говоритъ вышеупомянутый натуралистъ, «что головастики не ѣдятъ высухшихъ растений, имѣющихъ болѣе твердые листья, но я думаю, что они питаются низшими водорослями; они глотаютъ ихъ только ради прилипшихъ къ нимъ инфузорій или кружалокъ; можетъ быть, впрочемъ, они питаются этими растительными веществами только тогда, когда не могутъ добыть себѣ съѣдобной животной пищи». Головастики желтобрюхой жерлянки, по наблюденію Лейдига, достигаютъ, при хорошихъ условіяхъ, значительной величины, причемъ хвостъ ихъ окруженъ широкимъ плавникомъ. Въ Сарнталѣ, около Боцена, Лейдигъ въ концѣ сентября находилъ головастиковъ такой величины, что они почти достигали роста головастиковъ чесночницы. Животныя эти жили въ лужѣ, гдѣ вовсе не было растений, и которая содержала только густую, красноватую порфиновую глину: головастики, вѣроятно, питались микроскопическими животными и растеніями, находящимися въ этой глинѣ.

Жерлянки долго проживаютъ въ неволѣ; это невзыскательныя животныя и почти такъ же пріятны, какъ квакши. Поздно осенью онѣ прячутся въ разные уголки и предаются до самой весны зимней спячкѣ.

* * *

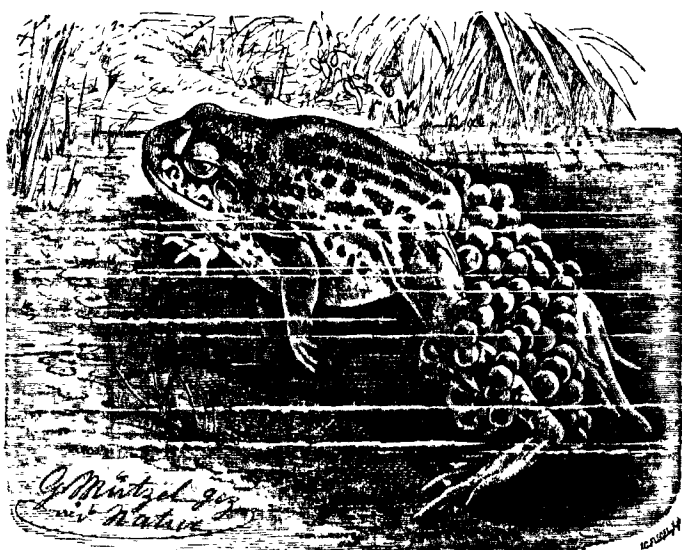
Второй родъ дискоязычныхъ лягушекъ образуютъ Повитухи (*Alytes Fess'eri*), которыя отличаются замѣтною барабанною перепонкою, зрачкомъ, имѣющимъ видъ поперечной щели, и не очень сильно расширенными поперечными отростками крестцового позвонка. Животныя эти похожи на жабу, туловище у нихъ толстое, конечности сильныя, на переднихъ находятся по четыре, а на заднихъ по пяти пальцевъ, причеъ послѣдніе соединены толстою, плавательною перепонкою; кожа у нихъ покрыта железистыми бородавками, а языкъ толстый, имѣетъ форму диска и основаніемъ приросъ къ кожѣ рта. Зубы на сошникѣ образуютъ за внутренними носовыми отверстиями поперечный рядъ, прерванный по срединѣ. Повитухи живутъ только въ западной Европѣ и ихъ извѣстно два вида.

Въ Германіи водится Повитуха обыкновенная (*Alytes obstetricans*, *Rana obstetricans*, *campanisona*, *Bufo obstetricans*, *campanisonus*, *Bombinator obstetricans*, *Obstetricans vulgaris*, *Geburtshelferkröte* *Staraud acoucheur*), небольшое животное, длиною въ 3,5—4,5, а самое большее 5 см. длины; верхняя часть тѣла синевато-пепельно-сѣрая, а нижняя сторона свѣтло-сѣрая; бородавки отчасти темныя, даже черныя, но отъ глаза до заднихъ ногъ тянется линія бѣловатыхъ бородавокъ.

По собраннмъ до сихъ норъ наблюденіямъ, повитуха встрѣчается только въ средней Европѣ. Она обыкновенна въ Португаліи, Испаніи и Франціи, особенно въ окрестностяхъ Парижа, но ее находятъ также въ Бельгіи, западной Германіи и Швейцаріи. Въ Германіи ее встрѣчали около Рейна, на примѣръ около Бонна, въ долинахъ Мозеля и Саара, въ Вестфаліи, откуда я получилъ живой экземпляръ отъ Эффельдта; находили ее также около Касселя, въ Таунусѣ, въ долинѣ Лана, около Мюльгейма, въ Баденскомъ Фрейбургѣ, а въ послѣднее время ее нашли около Геттингена и въ южномъ Гарцѣ, въ окрестностяхъ Нордгаузена и Эйзенаха. Она живетъ въ норкахъ, въ тѣнистыхъ мѣстахъ, въ заброшенныхъ каменоломняхъ, около маленькихъ ручейковъ, подъ камнями, подъ корнями деревьевъ и виноградныхъ лозъ и просто въ углубленіяхъ земли. Агассисъ нашель около Нейенбурга на полъ-метра глубины, въ небольшой пещерѣ, окруженной мергелемъ, 30 штукъ повитухъ, причеъ онъ не могъ найти выхода изъ этой норы; вслѣдствіе этого онъ, вѣроятно справедливо, предполагаетъ, что повитухи умѣютъ рыть землю лучше своихъ родичей. Чуди также говоритъ объ ихъ удивительной способности рыть землю, несмотря на то, что ноги ихъ, повидимому, къ этому вовсе не приспособлены; онѣ роютъ всегда задними ногами и, подвигаясь такимъ образомъ задомъ, вырываютъ ходы въ 10 п. длины. Онъ говоритъ также, что въ случаѣ сильнаго раздраженія, повитуха точно такъ, какъ желтобрюхая жерлянка, выгибаетъ тѣло дугою назадъ и покрываетъ передними ногами глаза. Иногда ее видишь въ небольшихъ открытыхъ норахъ, гдѣ она сидитъ около выхода, большею частію вечеромъ при дождливой погодѣ и почти всегда поблизи воды. Движенія ея медленны и неуклюжи, какъ у обыкновенной жабы, а голосъ пріятный и похожъ на звонъ маленькаго стекляннаго колокольчика.

Жабу эту совершенно справедливо называютъ повитухой. Демуръ еще въ 1778 году сообщилъ французской академіи наукъ свои наблюденія о размноже-

ни этой жабы; наблюдения эти вызвали большое удивление и впоследствии были вполне подтверждены Броніаромъ и Агассисомъ. Броніаръ нашелъ въ парижскомъ Jardin des plantes двухъ спарившихся жабъ, причемъ самецъ сидѣлъ на спиѣ самки; съ большимъ удивленіемъ натуралистъ замѣтилъ, что самецъ схватывалъ шнурокъ икры двумя средними пальцами заднихъ ногъ, вытягивалъ ихъ и такимъ образомъ вытаскивалъ икру; онъ дѣйствовалъ попеременно обѣими ногами до тѣхъ поръ, пока не вытащилъ всю икру. Оплодотворивъ эти яйца, самецъ обертывалъ шнурки икры около своихъ бедеръ, образуя ими цифру восемь и втеченіе многихъ дней таскалъ съ собой этотъ комокъ икры. Слизь, окружающая икру, высыхаетъ, такъ что икрынки расположены какъ бы въ кавальѣ, на разстояніи другъ отъ друга около 1 см.; между ними каналъ высыхаетъ и похожъ на нитку. По словамъ Агассиса, яички сначала маленькія и по цвѣту похожи на яичный желтокъ; на каждомъ изъ нихъ замѣчаются двѣ черныя точки, какъ будто онѣ проколоты иголкой. Самецъ съ своимъ будущимъ потомствомъ зарывается въ землю и тамъ остается нѣсколько дней, пока яички не достигнутъ извѣстнаго развитія. Желтизна яичекъ дѣлается темнѣе и скоро переходитъ въ желтовато-бурый цвѣтъ; на третій день уже можно отличить у зародыша голову, туловище и хвостъ, затѣмъ движенія его дѣлаются живѣе и можно видѣть бѣженіе сердца и движеніе жабръ. На одиннадцатый день развитіе подвинулось настолько впередъ, что чадолюбивый отецъ можетъ освободиться отъ своей ноши.

Новитуха. *Alytes obstetricans*. Паст. вел.

Для этого онъ отправляется въ воду и тамъ плаваетъ и ползаетъ быстро, чѣмъ обыкновенно, что, вѣроятно, и способствуетъ вылупленію дѣтенышей. Освободившись отъ головастиковъ, онъ сдираетъ со своихъ ногъ яичныя оболочки и снова отправляется на сушу, не заботясь болѣе о судьбѣ головастиковъ. Последніе по формѣ мало отличаются отъ головастиковъ другихъ лягушекъ и развитіе ихъ идетъ вполне правильно. По наблюдениямъ Брунка, дѣтенышей этой жабы можно сохранить въ состояніи головастиковъ втеченіе 2¹/₂ лѣтъ, даже въ тепломъ помѣщеніи и давая имъ возможность выходить на сушу, если только кормить ихъ одними водорослями; пища эта достаточна для сохранія жизни, но не даетъ имъ тѣхъ веществъ, которыя необходимы при успелномъ обмѣнѣ ихъ при полномъ превращеніи.

Въ новѣйшее время Де-Лиль снова дѣлалъ наблюденія о размноженіи новитухи и издалъ подробный отчетъ о нихъ. Я постараюсь здѣсь сообщить главнѣйшія свѣдѣнія изъ этого отчета. Чуди нашелъ самца съ шнурками икры черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ обыкновеннаго времени размноженія и потому полагалъ, что

повитуха мечетъ икру два раза въ годъ; по наблюденіямъ же Де-Лиля, періодъ размноженія продолжается постоянно 6 мѣсяцевъ отъ марта до августа. Самка мечетъ икру въ 3 или 4 приѣма, въ чемъ убѣдились потому, что при анатомированіи самки, выпустившей уже извѣстное количество яицъ, внутри ея находили еще два шнура икры, которая была такой же величины, какъ и выпущенная, но ее окружалъ менѣе толстый слой слизи; кромѣ того былъ замѣченъ еще четвертый шнуръ съ икрой, менѣе развитой. Де-Лиль предполагаетъ, что между кладкою этихъ шнуровъ проходитъ нѣсколько недѣль, и думаетъ, что эти промежутки необходимы для того, чтобы дать возможность железкамъ выработать необходимое количество слизи. Вполнѣ взрослая самка начинаетъ метать икру въ мартѣ и продолжаетъ это дѣло до мая, такъ что въ концѣ этого мѣсяца у нея остается въ тѣлѣ еще одинъ шнуръ икры. Молодые самки мечутъ икру только 3 раза; впрочемъ, число кладокъ зависитъ не только отъ возраста самки, но также отъ пищи, климата и другихъ условій. Слѣдствіемъ подобной неравномѣрной кладки бываетъ не одинаковое развитіе дѣтенышей. Тѣ изъ нихъ, которые вылупились изъ яичекъ, положенныхъ въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ, оканчиваютъ свое превращеніе въ промежутки отъ іюля до начала октября.

Послѣ молчанія, продолжающагося около 6 мѣсяцевъ, самцы повитухи подаютъ голосъ въ послѣднихъ числахъ февраля, и крикъ ихъ послѣ этого можно слышать втеченіе 6 мѣсяцевъ до конца августа. Сначала они голосятъ тихо и прѣдка, но скоро пѣніе ихъ дѣлается громче и почти не прерывается. Въ это время, по крайней мѣрѣ въ окрестностяхъ Нанта, начинается кладка яицъ и весною ихъ кладется больше, чѣмъ впослѣдствіи. Настоящее время кладки длится отъ марта до іюня, такъ какъ отъ марта до августа чаще всего встрѣчаются самцы съ пучками яицъ, а отъ іюня до сентября находятъ головастиковъ въ различныхъ стадіяхъ развитія. Въ Германіи, по наблюденіямъ Мейлсхеймера, метаніе икры происходитъ всегда въ маѣ. Здѣсь яички появляются разомъ, въ видѣ двухъ четкообразныхъ шнуровъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ отъ 80 до 170 см. длины, но ихъ можно, не разрывая, вытянуть до двойной длины. Икринки лежатъ въ промежуткахъ отъ 4—7 см. другъ отъ друга, и число ихъ колеблется между 18 и 54. Яичники заключаютъ въ себѣ 120—150 икринокъ, которыя достигаютъ полного развитія втеченіе одного года.

Фишеръ-Зигвартъ дѣлалъ наблюденія надъ жизнью повитухи въ неволѣ. Она предпочитаетъ южные склоны и избѣгаетъ какъ слишкомъ сырыхъ, такъ и слишкомъ сухихъ мѣстностей. За добычей она выходитъ только ночью и для ловли насекомыхъ дѣлаетъ себѣ ямки въ землѣ, вродѣ муравьянаго льва. Движенія ея проворны и рѣшительны и по своему нраву она походитъ на лягушку и квакшу. Одни самцы подаютъ голосъ; втеченіе 5 секундъ слышишь 8 тоновъ. Головастики, вышедшіе изъ яицъ 6 іюня, уже не имѣли наружныхъ жабръ и для своего развитія требовали очень мало воды. Сначала головастики имѣли 16—17 мм. длины, но черезъ 8 дней они достигли 32 мм., въ октябрѣ 55, въ мартѣ слѣдующаго года 65, а 11 мая 76 мм. Отъ этого времени до 8 іюня произошло окончательное превращеніе головастика въ лягушку съ четырьмя ногами. Изъ того, что развитіе головастика продолжалось болѣе года, Фишеръ-Зигвартъ заключаетъ, что въ Швейцаріи головастикъ зимуетъ и слѣдовательно превращеніе здѣсь постоянно происходитъ втеченіе двухъ лѣтъ; Пфлюгеръ въ 1883 году доказалъ то же самое и относительно Германіи.

Во время метанія икры самцы, которыхъ, по словамъ Чуди, больше чѣмъ самокъ, сильно ссорятся изъ-за послѣднихъ. Однажды Де-Лиль видѣлъ четырехъ

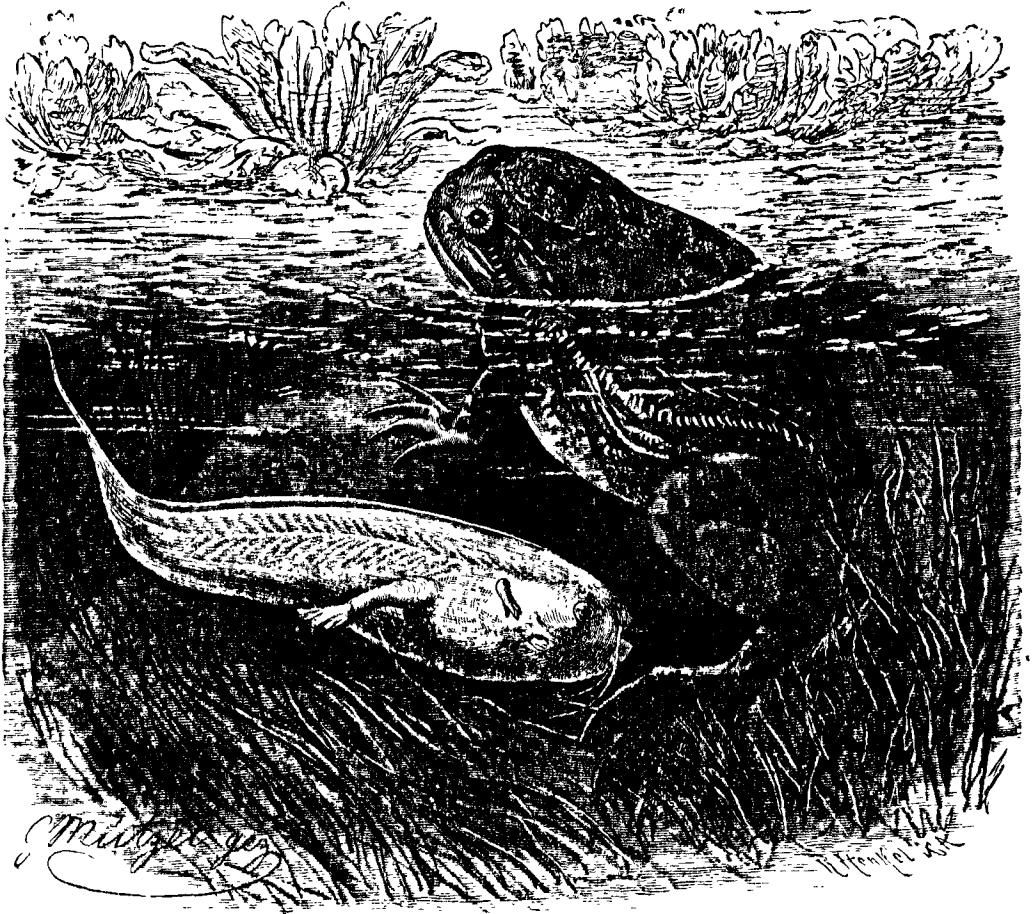
самцовъ, прилѣпившихся къ одной самкѣ. Тѣ изъ самцовъ, которые не находятъ мѣста на спинѣ самки, прицѣпляются къ бокамъ ея, а если ихъ сбросить соперникъ, то они немного поскачутъ, но снова начинаютъ нападенія. Самый ловкій самецъ обнимаетъ самку тѣмъ же способомъ, какъ это дѣлаютъ другія лягушки, и начинаетъ сильно тереть ее около задняго прохода своими ногами, причемъ часто большой палецъ всовывается въ начало клоаки. Послѣ того, какъ эти движенія продолжились около получаса, самецъ внезапно сжимаетъ брюшко самки и этимъ самымъ заставляеть ее выпустить шнуръ икры. Онъ складываетъ ноги, чтобы дать мѣсто икрѣ и ее оплодотворяеть тотчасъ послѣ ея появленія.

Де-Лиль подробнымъ образомъ описываетъ, какъ самецъ различными и не всегда одинаковыми движеніями ногъ, сжимаетъ шнуры икры, лежащей на его пяткахъ, приподымаетъ ихъ до крестца, удобно укладываетъ и затѣмъ со своей ношей удаляется, что происходитъ по прошествіи около часа отъ начала спариванія.

Въ противоположность мнѣнію прежнихъ наблюдателей, Де-Лиль утверждаетъ, что самецъ вовсе не прячется подъ землею, а странствуетъ вмѣстѣ съ своей ношей на спинѣ и сообщаетъ яицамъ необходимую сырость, оставаясь нѣкоторое время въ росистой травѣ. Ноша его нисколько не мѣшаетъ ему бѣгать и прыгать, онъ по обыкновенію ловить добычу и исполняетъ разныя другія необходимыя дѣла. Тамъ, гдѣ много повитухъ, самецъ освобождаетъ двухъ и даже трехъ самокъ отъ икры и носить съ собой всю эту массу. Де-Лиль часто находилъ самцовъ, которые ссорились изъ за самокъ изамѣчалъ, что оба они уже имѣли на спинѣ шнуры съ икрой, и что у нѣкоторыхъ даже очевидно была икра отъ двухъ самокъ. По изслѣдованіямъ Лейдига, въ яйцѣ повитухи, точно такъ, какъ въ яйцѣ живородящихъ саламандръ ясно замѣтенъ желточный мѣшокъ, а головастики отличаются большою длиною своихъ наружныхъ жабръ. Развитіе зародыша въ значительной степени зависитъ отъ погоды и потому продолжается различное время, именно отъ 3—7 недѣль. Между 4-ымъ и 6-ымъ днемъ замѣчаютъ первые признаки скелета; между 7-ымъ и 9-ымъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ должны быть жабры, появляются вздутія; между 9-ымъ и 13-ымъ днемъ жабры бываютъ уже развиты и около 17-го дня зародыши уже могутъ вылупиться изъ яйца. Когда наступаетъ это время, о чемъ отецъ узнаеть, вѣроятно, по движеніямъ зародышей, онъ отправляется въ воду, и головастики чрезвычайно быстро втеченіе нѣсколькихъ минутъ вылѣзаютъ изъ яичныхъ оболочекъ, которыя они разрываютъ нѣсколькими взмахами хвостика и начинаютъ свободно плавать въ водѣ, что продолжается до ихъ полного развитія. Болѣе взрослые головастики отличаются, по словамъ Коха, большими и ясно очерченными каштаново-бурыми пятнами на спинѣ и бокахъ. Самецъ сбрасываетъ съ себя пустыя оболочки яичекъ и проводитъ остальную часть дѣта, какъ прочія лягушки. Лейдигъ рассказываетъ слѣдующее о самцѣ, у котораго отняли шнуръ съ яичками. «Нѣжное и добродушное животное не издавало въ неволѣ ни одного звука, охотно сидѣло на теплой рукѣ и вовсе не беспокоилось, какъ это дѣлаютъ другія лягушки при подобныхъ обстоятельствахъ. Но какъ только онъ замѣчалъ, что я хочу перерѣзать нити, прикрѣпляющіе шнуры икры къ его ногамъ, то онъ приходилъ въ возбужденіе, производилъ движеніе для защиты и издавалъ своеобразныя квакающіе звуки. Слѣдуетъ еще замѣтить, что если внезапно выкопать повитуху изъ земли, то она издаетъ рѣзкій звукъ».

Вторая группа безхвостыхъ амфибій, **Безъязычныя** (*Aglossa*), отличаются отъ первой группы не только отсутствіемъ языка, но также соединеніемъ внутреннихъ ушныхъ отверстій, такъ называемыхъ евстахіевыхъ трубъ въ одно общее отверстіе,

помѣщающаеся на зевѣ. У всѣхъ, сюда относящихся лягушекъ, реберъ не бываетъ; тѣла позвоноковъ на задней сторонѣ имѣютъ выемки, поперечные отростки третьяго и четвертаго позвонка необыкновенно удлинены, а отростки крестцоваго позвонка сильно расширены и такъ срослись съ сѣдалишною костью, что боковыя движенія хребтнаго столба дѣлаются невозможными. Головастики этой группы имѣютъ въ противоположность головастикамъ язычныхъ лягушекъ двѣ дыхательныя трубки, по одной на каждой сторонѣ тѣла. Безъязычныя раздѣляются на два семейства, отли-

Гладкая шпорцевая лягушка и головастикъ сл. *Xenopus laevis*. Част. вел.

чіе которыхъ другъ отъ друга основано на присутствіи или отсутствіи зубовъ на верхней челюсти.

Семейство Шпорцевыхъ лягушекъ (*Dactylethridae*) отличающееся присутствіемъ зубовъ на верхней челюсти и тѣмъ, что у нихъ семь позвонковъ передъ крестцовымъ, состоитъ только изъ одного рода **Шпорцевыхъ лягушекъ** (*Xenopus*), виды котораго живутъ въ тропической Африкѣ. Это гладкія животныя, нѣсколько напоминающія нашихъ обыкновенныхъ лягушекъ, съ маленькою головою и короткой, округленной мордой; ноздри у нихъ расположены на верхней части морды, глаза маленькіе съ круглымъ зрачкомъ, верхнее вѣко имѣетъ видъ небольшой кожис-

той складки, барабанной перепонки незамѣтно, пальцы переднихъ ногъ длинные, свободные, на заднихъ ногахъ они соединены плавательной перепонкой; первые три пальца заднихъ ногъ вооружены очень острыми черными когтями.

Самый извѣстный изъ трехъ, сюда относящихся видовъ—**Гладкая шпорцевая лягушка** (*Xenopus laevis*, *boiei*, *Bufo laevis*, *Pipa laevis*, *bufonia*, *Leptopys oxydactylus*, *Dactylethra laevis*, *capensis*, *boiei*. Glatte Spornfrosch. Ceraud eperonné), которая встрѣчается во всей тропической Африкѣ до мыса Доброй Надежды. Она отличается короткими щупальцами подъ глазами, напоминающими щупальцы веретенищъ, на запястьѣ нѣтъ шпорцы, кругомъ тѣла расположены маленькія трубчатые образованія, ясно выдѣляющіяся на гладкой кожѣ; самки кромѣ того отличаются тремя кожистыми клапанами, закрывающими задній проходъ. Это странное животное сверху темно-бурое, снизу бѣловатое, иногда съ бурыми пятнами.

Во время размноженія самецъ, какъ намъ сообщаетъ Буланже, имѣетъ на всѣхъ переднихъ пальцахъ особыя щеточки, въ видѣ черныхъ полосокъ. По наблюдениямъ Лесли, шпорцевая лягушка живетъ всегда въ водѣ; она схватываетъ и глотаетъ свою добычу только подъ водою, помогая при этомъ себѣ передними конечностями. Спариваніе происходитъ въ августѣ, причемъ животныя принимаютъ то положеніе, которое мы описали у чесночницъ. Яички выходятъ по одному и клапаны, находящіеся около задняго прохода самки, не служатъ для сохраненія сѣмени самца, какъ прежде думали. Вылупляющіеся изъ яичекъ головастыи уже не имѣютъ наружныхъ жабръ; на третій день у нихъ развиваются два длинныхъ усика около угловъ рта, но во все время развитія у головастика незамѣтно ни зубовъ, ни роговыхъ пластинокъ, ни присасывательныхъ бородавокъ кругомъ рта. Изъ этого видно, что по спариванію и метанію икры шпорцевая лягушка похожа на безхвостыхъ земноводныхъ именно на дискоязычныхъ и жабныхъ лягушекъ, между тѣмъ какъ по вѣшнему виду и строенію головастика, она похожа на хвостатыхъ земноводныхъ. Лесли не слышалъ отъ этой лягушки никакого звука, кромѣ тихаго «тик, тик», которое она издаетъ подъ водою.

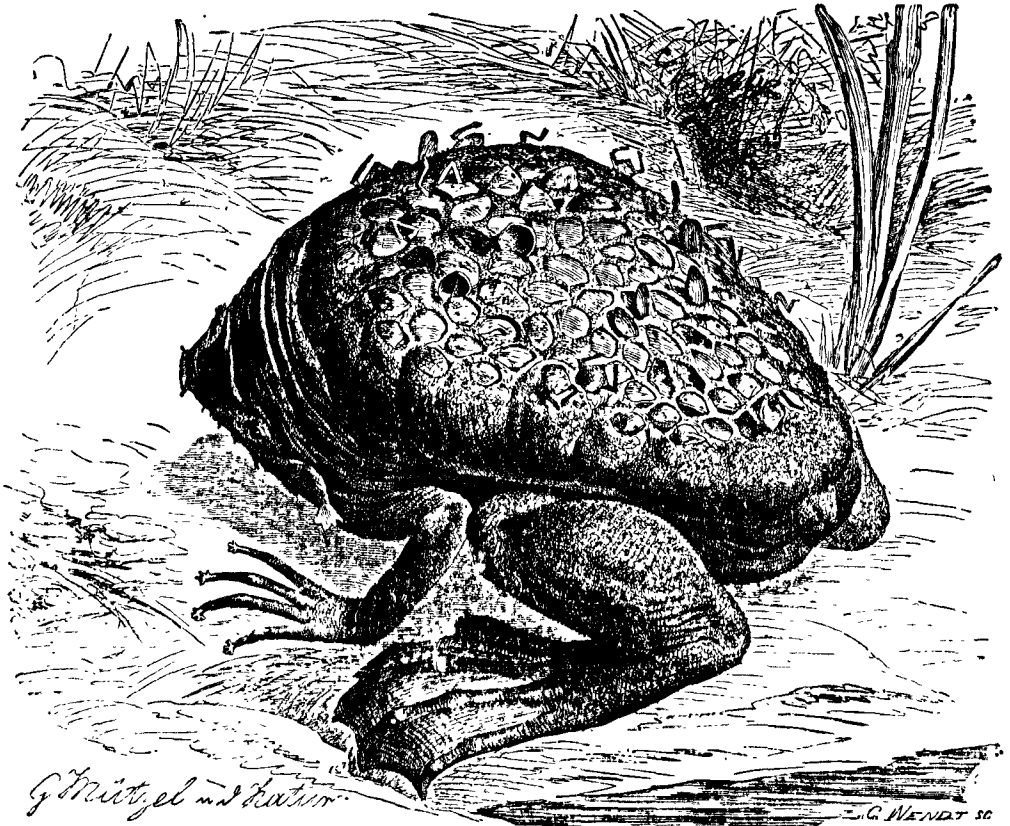
* *
*

Второе семейство безъязычныхъ обнимаетъ собою **Пиповыхъ** (*Pipidea*), очень странныхъ животныхъ, которыя отличаются отъ своихъ ближайшихъ родичей, африканскихъ шпорцевыхъ лягушекъ, полнымъ отсутствіемъ зубовъ. Сюда относятся только одинъ родъ (*Pipa*) и одинъ видъ, живущій въ Гвианѣ и тропической Бразиліи.

Дѣвица Сибилла Меріанъ въ своемъ сочиненіи о суринамскихъ насѣкомыхъ, изданномъ въ 1705 году, описала животное, похожее на жабу, отличающееся въ высшей степени страннымъ способомъ размноженія. Съ тѣхъ поръ это животное было изслѣдовано самымъ подробнымъ образомъ, но всѣ эти изслѣдованія, къ сожалѣнію, производились надъ животными, сохраненными въ спирту, а не надъ живыми, такъ что до сихъ поръ мы не можемъ похвастаться тѣмъ, что хорошо знакомы съ образомъ жизни этой амфибіи.

Пипа Суринамская (*Pipa americana*, *dorsigera*, *curururu*, *tedo*, *Asterodactylus pipa*, *Rana pipa*, *dorsigera*, *Bufo dorsiger*, *Leptopas asterodactylus*. *Pipa*) отличается безобразнымъ почти четырехугольнымъ и плоскимъ туловищемъ, треугольною, къ мордѣ заостряющеюся головою, которая не отдѣлена отъ туловища, и тонкими передни-

ми ногами. Пальцы переднихъ ногъ на концѣ имѣютъ нѣсколько отростковъ, почему пипу и назвали «звѣдопалою» (*Asterodactylus*); задняя нога толще и довольно длинная, съ длинными острыми пальцами, соединенными полными плавательными перепонками; у старыхъ животныхъ кожа на спинѣ складчатая, а у старыхъ самокъ даже ячеистая; передъ глазами, по сторонамъ верхней челюсти замѣчаются одна или двѣ пары щупальцевъ и около угловъ рта виситъ еще одна пара щупальцевъ. Безобразіе животнаго еще увеличивается маленькими выпуклыми глазами, расположенными близъ челюстей и вовсе почти не могущими двигаться; у самца, кромѣ того, мы замѣчаемъ выпячивающуюся глотку, похожую

Пипа суринамская. *Pipa americana*. $\frac{3}{2}$ наст. вел.

на трехгранную, костяную коробку. Челюсти, какъ уже сказано, вовсе зубовъ не имѣютъ и языка также нѣтъ. Оба пола окрашены въ темно-черно-бурый цвѣтъ; нижняя сторона тѣла свѣтлѣе, иногда съ бѣлыми пятнами, иногда же съ черной полоской по серединѣ брюшка. Самка, говорятъ, достигаетъ 20 см. длины.

Если-бы Шомбургкъ поборолъ свое сильное отвращеніе къ жабамъ и внимательно наблюдалъ пипу, то конечно не довольствовался бы краткими словами: «она встрѣчается часто на берегу моря, особенно въ канавахъ, окружающихъ плантаціи;» тогда мы бы имѣли подробное описаніе образа жизни этого удивительнаго животнаго. Преніе путешественники рассказываютъ, что пипа живетъ въ темныхъ лѣсныхъ болотахъ, медленно и неуклюже ползаетъ по землѣ и распространяетъ провзительный запахъ, похожій на запахъ горячей сѣры. Наблюдатели большею частію описываютъ странный способъ размноженія пипы, под-

тверждая свѣдѣнія, сообщенныя Сибиллою Меріанъ, и опровергая лишь ея ошибочное предположеніе, что молодыя пипы рождаются на спинѣ матери.

Размноженіе и развитіе дѣтенышей пипы происходитъ въ главныхъ чертахъ слѣдующимъ образомъ. Какъ и большинство другихъ безхвостыхъ земноводныхъ, пипы мечутъ икру въ водѣ. Самецъ оплодотворяетъ яички и намазываетъ икру на бородавчатую спину самки. Здѣсь находятся особыя полости для развитія дѣтенышей, которыя, какъ предполагаютъ, расширяются, вслѣдствіе раздраженія, произведеннаго яичками, и скоро получаютъ форму шестигранныхъ ячеекъ въ сотахъ; онѣ имѣютъ даже крышечки, какъ ячейки въ сотахъ. Въ каждой полости происходитъ превращеніе одной молодой пипы, которая подъ конецъ открываетъ крышку и высовываетъ голову или ногу, а впослѣдствіи совсѣмъ покидаетъ ячейку. Говорятъ, что 60 или 70 дѣтенышей покидаютъ спину матери спустя 28 дня послѣ оплодотворенія яицъ; мать затѣмъ трется о камни, о растенія, сбрасываетъ съ себя старую кожу и скоро послѣ этого у нея вырастаетъ новая.

Отрядъ II-й.

Хвостатыя земноводныя. (Caudata).

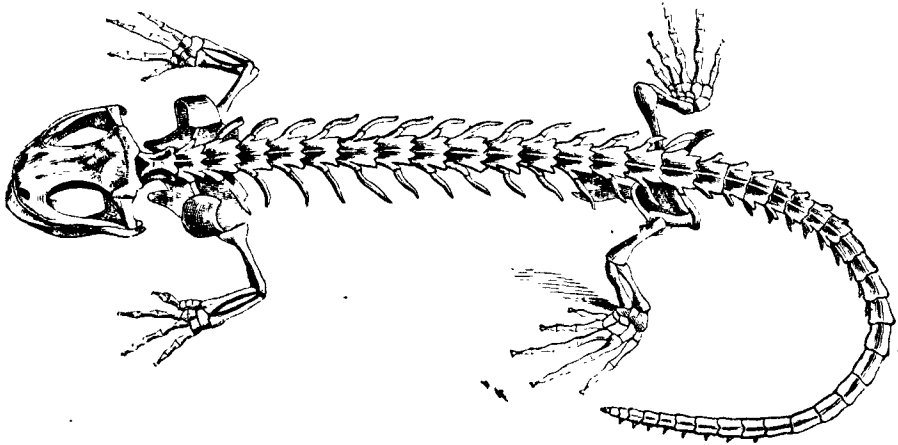
Вслѣдствіе внѣшняго сходства между ящерицами и хвостатыми земноводными, прежніе натуралисты соединяли въ одинъ классъ пресмыкающихся и гадовъ. При этомъ забывали, что хвостатые гады похожи на ящерицъ настолько, насколько попугай похожъ на обезьянъ, совы—на кошекъ, утки—на утконосовъ, пингвины—на тюленей или, взявши примѣръ изъ того же класса, какъ каймановыя черепахи похожи на крокодила, а змѣи—на веретеницъ. Хвостатые гады однако отличаются отъ ящерицъ гораздо больше, чѣмъ вышеозначенныя животныя между собой; это отличіе замѣтно даже тогда, когда не обращаютъ вниманія на развитіе дѣтенышей. Хвостатые гады дѣйствительно имѣютъ также удлиненное цилиндрическое туловище съ отдѣленной отъ него головой, длинный и болѣе или менѣе округленный хвостъ и четыре, а въ видѣ исключенія, двѣ конечности, какъ ящерицы; однако уже голая, слизистая, непокрытая чешуйками кожа, и, еще яснѣе, отсутствіе барабанной перепонки такъ сильно отличаютъ ихъ отъ ящерицъ, что трудно считать ихъ родственными между собой животными.

Болѣе подробное описаніе признаковъ хвостатыхъ гадовъ сводится къ слѣдующему. Туловище болѣе или менѣе удлиненное, вальковатое, почти вездѣ одинаково толстое и иногда довольно неуклюжее; голова относительно велика, большею частію очень плоская, съ округленной мордой; шея уже головы и туловища; хвостъ болѣе или менѣе длинный, круглый или сжатый съ боковъ, иногда совсѣмъ плоскій въ видѣ плавника; конечности имѣютъ неуклюжее строеніе конечностей другихъ земноводныхъ и переднія по длинѣ почти всегда не отличаются отъ заднихъ; переднія конечности въ большинствѣ случаевъ имѣютъ 3—4 пальца, а заднія, которыя, впрочемъ, у нѣкоторыхъ видовъ вовсе не развиваются, 2—5 пальцевъ.

Наружная кожа бываетъ такого же различнаго строенія, какъ у безхвостыхъ гадовъ, чаще всего она тонкая и нѣжная, иногда же складчатая и покрытая бородавками. Бородавки эти также иногда соединяются въ группы и состоятъ изъ сильно развитыхъ железокъ, выдѣляющихъ своеобразную липкую жидкость, похожую на яичный бѣлокъ. Наружная кожа, какъ и у лягушекъ, часто сбрасывается, что происходитъ отдѣльными кусками, отчего линяніе мало замѣтно. Окраска ча-

ще всего темная, но обыкновенно она испещряется свѣтлыми пятнами и полосками, брюшко часто окрашено въ яркій цвѣтъ; однообразная окраска всего тѣла встрѣчается рѣдко.

Въ черепѣ ясно замѣтны парныя темяныя и лобныя кости, въ большинствѣ случаевъ также и носовыя, а верхнечелюстныя иногда совсѣмъ мало развиты. Позвоночный столбъ состоитъ по крайней мѣрѣ изъ 50, а иногда изъ 100 позвонковъ: позвонки, расположенные между конечностями, у болѣе развитыхъ видовъ этого отряда всегда имѣютъ короткія ребра, а у менѣе развитыхъ видовъ ребра замѣтны только на немногихъ позвонкахъ. Настоящей грудной кости никогда не бываетъ, а ея мѣсто замѣняютъ ключицы, которыя на нижней части своей расширяются и образуютъ хрящевой щитокъ. Тазовыя кости по положенію и внѣшнему виду отличаются отъ таза лягушекъ и не всегда прикрѣпляются къ однимъ и тѣмъ же позвонкамъ. На переднихъ конечностяхъ, въ противоположность лягушкамъ, лучевая и локтевая кости отдѣлены другъ отъ друга, а на заднихъ конечностяхъ ясно отдѣлены большая и малая берцовыя кости; кости плюсны и ступни, напротивъ того, плохо развиты и ихъ часто бываетъ только небольшое число.

Скелетъ саламандры.

Глаза представляютъ различныя степени развитія. У нѣкоторыхъ они маленькіе, мало развиты и покрыты кожей, у другихъ они больше и очень замѣтны подъ прозрачной кожей, наконецъ у третьихъ вполне хорошо развиты, имѣютъ видъ вышуклыхъ полушарій, снабжены вѣками и могутъ, какъ у лягушекъ, втягиваться внутрь. Ихъ роговая оболочка очень велика въ сравненіи съ глазнымъ яблокомъ, радужная оболочка у высшихъ видовъ отряда золотистаго или мѣднаго цвѣта, красноватая или желтоватая; зрачекъ всегда круглый. Ноздри расположены большею частью спереди и по сторонамъ морды, иногда они открываются кверху, иногда въ стороны. Благу нашель въ слизистой оболочкѣ носовыхъ полостей саламандръ хорошо развитые органы обонянія и далѣ имъ названіе обонятельныхъ почекъ. Органы слуха покрыты общей кожей всего тѣла; барабанной перепонки у нихъ нѣтъ, а замѣчается только лабиринтъ. Ротъ очень сильно расщепленъ, а нижняя часть полости рта вся наполняется языкомъ, который однако бываетъ различнаго вида: иногда онъ широкій и круглый, или узкій и длинный, сердцевидный, яйцевидный, похожъ на шляпку гриба; въ иныхъ случаяхъ онъ прикрѣпленъ только по срединѣ и потому имѣетъ свободные края спереди и по сторонамъ, въ другихъ случаяхъ онъ почти совсѣмъ проросъ въ кожу рта и мо-

жать двигаться лишь очень немного. У нѣкоторыхъ видовъ (*Spelerpes*), какъ это замѣтилъ Фишеръ, языкъ можетъ выкидываться изо рта, какъ у хамелеона.

Почти у всѣхъ хвостатыхъ гадовъ на верхнечелюстныхъ, междучелюстныхъ и нижнечелюстныхъ костяхъ замѣчаются маленькіе, немного загнутые назадъ зубы; подобные же зубы всегда находятся на сошникѣ и небныхъ костяхъ; зубы эти легче узнаются ошупью, чѣмъ зрѣніемъ, и служатъ только для придерживанія добычи. Зубы на небѣ расположены параллельными или симметрическими поперечными, или продольными дугами. Пищеводъ довольно длинный, желудокъ имѣетъ видъ длинной кишки безъ слѣпого отростка; онъ постепенно переходитъ въ короткую кишку; печень сравнительно велика, такъ что покрываетъ большую часть желудка, желчный пузырь и поджелудочная железа, всегда сильно развиты. Отъ узкихъ, необыкновенно длинныхъ почекъ идутъ короткіе мочеточники въ большой, тонкостѣнный и богатый сосудами мочевой пузырь, который, когда бываетъ наполненъ, то занимаетъ почти половину брюшной полости; содержимое мочевого пузыря выливается въ клоаку или рѣже въ конецъ прямой кишки. Органы дыханія почти такого же строенія, какъ у безхвостыхъ гадовъ, только у хвостатыхъ гадовъ гораздо чаще случается, что они сохраняютъ дыхательные органы, свойственные головастикамъ, т. е. что кромѣ легкихъ у нихъ замѣчаются жабры, развѣтвляющіяся иногда снаружы, иногда внутри тѣла животнаго. До послѣдняго времени не сомнѣвались въ томъ, что животныя, у которыхъ замѣчаются жабры, сохраняютъ ихъ на всю жизнь, однако наблюденія надъ ахолодомъ, который можетъ и терять свои жабры, намъ доказали, что наши наблюденія въ этомъ отношеніи не могутъ еще считаться полными. Хотя до сихъ поръ еще не наблюдали, чтобы какой-нибудь хвостатый гадъ, имѣющій наружныя жабры, кромѣ известнаго намъ ахологла, ихъ въ послѣдствіи потерялъ, однако противоположное наблюдали довольно часто, именно, что виды, имѣющіе несомнѣнно полное превращеніе, иногда сохраняютъ жабры до полного полового развитія. Филиппи, напримѣръ, нашелъ въ одномъ болотѣ около Лаго Маджіоре 50 тритоновъ, изъ которыхъ только 2 имѣли строеніе, свойственное вполнѣ взрослому животному; у всѣхъ же прочихъ были еще замѣтны жабры, хотя по величинѣ тѣла и развитію половыхъ органовъ они были вполнѣ похожи на взрослыхъ животныхъ. Слѣдовательно это были головастики, достигшіе половой зрѣлости, у которыхъ можно было различить самцовъ отъ самокъ, а между тѣмъ они сохранили главный признакъ, свойственный первоначальной степени развитія гадовъ. Жюльенъ нашелъ въ 1869 году въ одномъ болотѣ 4 самки полосатаго тритона, у которыхъ въ ячникахъ были спѣлыя яйца, а вмѣстѣ съ тѣмъ сохранились жабры; двѣ изъ этихъ самокъ дѣйствительно метали икру. Четыре самца изъ того же болота, такъ же сохранившіе жабры, имѣли не вполнѣ развитые половые органы. Если подобное явленіе замѣчается у самыхъ обыкновенныхъ гадовъ, которыхъ можно наблюдать вездѣ, то можно съ нѣкоторою достовѣрностью предположить, что то, что мы замѣчаемъ у одного вида, можетъ, хотя съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, встрѣтиться и у другого, или, иначе говоря, что хвостатый гадъ, который до сихъ поръ намъ известенъ, какъ животное, сохраняющее жабры всю жизнь, окажется головастикомъ, который можетъ при известныхъ условіяхъ потерять эти первоначальные органы дыханія. Вѣрнѣе всего смотрѣть на подобныя формы какъ на головастиковъ, потерявшихъ способность превратиться вслѣдствіе того, что въ строеніи ихъ тѣла произошли такія измѣненія, которыя дѣлаютъ излишнимъ ихъ полное превращеніе.

Что касается распространенія 123 нынѣ известныхъ видовъ хвостатыхъ гадовъ, то можно замѣтить, что всѣ эти виды встрѣчаются въ сѣверной полосѣ,

слѣдовательно въ палеарктической и сѣверо-американской области и только въ видѣ исключенія мы находимъ нѣкоторые виды въ тропическихъ областяхъ. Въ палеарктической области преобладаютъ, по наблюденіямъ Буланже, саламандры, изъ которыхъ 4 вида встрѣчаются и въ сѣверной Африкѣ; въ этой области встрѣчается только по одному виду рыбообразныхъ саламандръ и протеевъ. Между тѣмъ какъ въ Европѣ преобладаютъ настоящія саламандры, въ Азіи, напротивъ, чаще встрѣчаются амблистомы. Чѣмъ дальше мы подвигаемся къ востоку, тѣмъ больше встрѣчающіеся тамъ хвостатые гады похожи на подобныхъ животныхъ, живущихъ въ Сѣверной Америкѣ, однако только два вида общи этимъ двумъ частямъ свѣта. Болѣе половины видовъ хвостатыхъ гадовъ живутъ въ сѣверо-американской области, которой специально свойственны сирены. Здѣсь встрѣчается много амблистомъ, рыбообразныхъ саламандръ и протеевъ, а настоящихъ саламандръ относительно мало. Въ средней и южной Африкѣ и въ Австраліи хвостатыхъ гадовъ вовсе нѣтъ. Въ Индіи мы находимъ только два хвостатыхъ земноводныхъ, одинъ видъ саламандръ въ Юннанѣ и на Гиммалайскомъ хребтѣ и одну амблистому въ горахъ Лаосъ въ Сіамѣ. Въ Южной и Средней Америкѣ и въ Вестъ Индїи живутъ 10 видовъ этихъ животныхъ, главнымъ образомъ изъ рода *Spelerpes* а кромѣ того еще два вида саламандръ въ горахъ Колумбіи, Эквадора и сѣвернаго Перу.

Если не всё, то по крайней мѣрѣ большинство хвостатыхъ земноводныхъ живутъ преимущественно въ водѣ, многіе—въ илистыхъ болотахъ, другіе въ глубокихъ озерахъ, иные въ такихъ озерахъ, которыя расположены на нѣсколько сотъ метровъ надъ поверхностью моря. Всѣ безъ исключенія принадлежатъ къ числу ночныхъ животныхъ, которыя днемъ прячутся въ норкахъ или на двѣ воды и начинаютъ свою дѣятельность только при наступленіи темноты или послѣ дождя; ихъ нелегко наблюдать и, какъ это доказываютъ нѣкоторые наши виды, они могутъ встрѣчаться въ большихъ количествахъ въ такой мѣстности, гдѣ при поверхностномъ наблюденіи ихъ присутствія вовсе не замѣчаешь. Тѣ виды, которые живутъ на сушѣ, любятъ темныя, сырыя мѣстности, куда лучи солнца почти не проникаютъ, слѣдовательно ихъ чаще всего можно встрѣтить въ узкихъ долинахъ или густыхъ лѣсахъ, гдѣ они прячутся подъ камнями, гнилыми бревнами или въ земляныхъ норкахъ. Земноводныя, живущія постоянно въ водѣ, иногда вылѣзаютъ на суцу, прячутся гдѣ-нибудь на берегу, но почти всегда очень скоро возвращаются въ свою родную стихію. Несмотря на это, сихъ послѣднихъ легче найти, чѣмъ сухопутные виды, такъ какъ они, какъ всё вообще водяныя животныя, не дѣлаютъ большого различія между днемъ и ночью, а наши тритоны должны отъ времени до времени появляться на поверхности воды, чтобы набрать воздуха, или они приближаются къ поверхности воды, чтобы погрѣться на солнцѣ. На сѣверѣ своей области распространенія они, какъ другія пресмыкающіяся и гады, подвержены зимнему окоченію, а на югѣ они окоченѣваютъ, когда пересыхаютъ водоемы, въ которыхъ они обыкновенно живутъ. Они выказываютъ удивительную живучесть, которая помогаетъ имъ переносить подобныя сильныя перемѣны: случается, что они совсѣмъ высыхаютъ вмѣстѣ съ иломъ и даже замерзаютъ во льду, а при первомъ дождѣ или отъ вліянія жаркихъ лучей солнца они снова оживаютъ. Къ нимъ относится и то, о чемъ я уже упоминалъ выше, именно, что у нихъ вновь вырастаютъ потеряныя части тѣла, причемъ одна и та же часть можетъ вырастать нѣсколько разъ.

Движенія хвостатыхъ гадовъ обыкновенно считаютъ неуклюжими и вялыми, что дѣйствительно вѣрно относительно большинства видовъ, однако нѣкоторые

южно и западно-европейскія саламандры изъ родовъ *Spelerpes* и *Chiogossa* бѣгаютъ такъ скоро, что въ этомъ отношезїи похожи на ящерицъ. Нѣкоторые виды, какъ гекконы, могутъ держаться и ползать по отвѣснымъ стѣнамъ и даже по потолкамъ. Всѣ эти гады, даже тѣ, которые обыкновенно живутъ на сушѣ, очень проворно двигаются въ водѣ, причеиъ, конечно, тритоны плаваютъ лучше всего, однако и саламандры также быстро двигаются въ водѣ, не только бѣгая по дну ея, но также плавая посредствомъ сильныхъ боковыхъ ударовъ своего хвоста. Однѣ способъ передвиженія имъ вовсе не свойственъ: ни одинъ хвостатый гадъ не можетъ лазать по деревьямъ, ни одинъ изъ нихъ не находитъ себѣ убѣжища между зелеными листьями деревьевъ.

Пища ихъ состоитъ изъ моллюсковъ, червей, пауковъ, насѣкомыхъ и другихъ низшихъ животныхъ. Нѣкоторые изъ этихъ гадовъ могутъ быть названы настоящими хищниками, а большинство безъ всякаго колебанія пожираетъ слабые экземпляры своего вида. Быстрое перевариваніе пищи дѣлаетъ ихъ очень прожорливыми, но они могутъ долго голодать. Способъ размноженія этихъ животныхъ своеобразенъ и неодинаковъ у всѣхъ видовъ. Сокоупленія, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, у хвостатыхъ гадовъ не замѣчается; оба пола въ эпоху размноженія живутъ въ водѣ; самцы гоняются за самками, а затѣиъ выпускаютъ сѣиъа въ видѣ своеобразныхъ комковъ; самки захватываютъ заднимъ проходомъ частички этихъ комковъ, сохраняютъ мужское сѣиъа въ особыхъ полостяхъ и оплодотворяютъ яйца передъ ихъ кладкою или еще раньше, если дѣтеныши рождаются живыми, что также случается. Уже Спаланцани знали, какъ сообщаетъ намъ Целлеръ, что у саламандръ и тритоновъ не бываетъ сокоупленія и что яйца оплодотворяются внутри тѣла самки, но онъ не зналъ, какъ попадаетъ сѣиъа въ клоаку самки. Только Гаско въ 1880 году ясно видѣлъ, какъ у саламандръ и ахолотловъ самки отыскиваютъ положенное самцомъ въ воду сѣиъа и захватываютъ его своей клоакой. Целлеру принадлежитъ честь открытїа, что этотъ странный способъ размноженія встрѣчается у всѣхъ хвостатыхъ гадовъ. Огненная саламандра послѣ спариванья снова оставляетъ воду, но черезъ нѣкоторое время самка туда возвращается, чтобы выпустить въ воду дѣтенышей, которые между тѣиъ образовались у ней изъ яичекъ внутри тѣла; альпійская саламандра рождаетъ дѣтенышей прямо на сушѣ безъ всякаго превращенія. Тритоны наконецъ кладутъ яйца повемногу заразъ и прикрѣпляютъ ихъ липкою слизью къ листьямъ водныхъ растений. Слѣдовательно большинство сухопутныхъ и водяныхъ хвостатыхъ гадовъ проводятъ первое время своей жизни въ водѣ и оставляютъ ее лишь тогда, когда у нихъ развились легкія и они могутъ дышать ими на сушѣ. Въ состоянїи головастиковъ различные хвостатые гады мало другъ отъ друга отличаются и потому не слѣдуетъ отдѣлять въ особые подотряды сухопутныхъ и рыбообразныхъ гадовъ, такъ какъ протей и угревидные уколы, которые сохраняютъ жабры на всю жизнь, должны быть разсматриваемы какъ саламандры, достигшія половой зрѣлости въ состоянїи головастиковъ.

Трудно назвать животное этого отряда, которое бы приносило значительный вредъ человѣку. Нѣкоторые изъ крупныхъ видовъ питаются, правда, маленькими рыбками, но они живутъ въ такихъ странахъ, гдѣ вредъ, приносимый ими, едва ли можетъ быть оцѣненъ на деньги, вслѣдствіе изобилія тамъ рыбъ. Скорѣе ихъ можно назвать полезными существами, такъ какъ они сѣдуютъ множество животныхъ, приносящихъ вредъ человѣку, или уничтожающихъ водныя растенія. Впослѣдствїа мы подробнѣе поговоримъ о томъ, что выдѣленія ихъ кожныхъ железокъ не могутъ никому принести вреда, несмотря на то, что о такъ на-

зывается ядъ саламандръ въ прежнее время ходило много баснословныхъ разсказовъ.

Между врагами, опасными для хвостатыхъ гадовъ, особое значеніе могутъ имѣть змѣи и рыбы; млекопитающія и птицы ѣдятъ только водныхъ гадовъ, сухопутными же пренебрегаютъ изъ за ихъ ѣдкаго кожного выдѣленія, но нѣкоторыя змѣи и лягушки пожираютъ и сухопутныхъ гадовъ. Необразованные люди и до сихъ поръ питаютъ отвращеніе къ саламандрѣмъ и подобнымъ животнымъ, но, къ счастью, они имѣютъ рѣдко возможность выразить это отвращеніе дѣйствіями, т. е. убивать саламандръ. Свѣдующіе и образованные люди смѣются надъ вышеуказанными предрасудками и ловятъ хвостатыхъ земноводныхъ только потому, что они очень хорошо уживаются въ удобно для нихъ устроенныхъ вмѣстѣлищахъ и выживаютъ много лѣтъ въ неволѣ.

Въ послѣднее время хвостатыхъ земноводныхъ раздѣлили на четыре семейства. Къ первому изъ нихъ, **Саламандрѣмъ** (*Salamandridae*) относится большинство хвостатыхъ гадовъ, хотя не самые своеобразные виды. Саламандры отличаются слѣдующими признаками: по строенію тѣла онѣ похожи на ящерицъ, тѣло у нихъ стройное, рѣдко неуклюжее, голова большая, широкая, болѣе или менѣе плоская, морда короткая и тупая. У взрослыхъ никогда не замѣчается жабръ; глаза относительно большіе, сильно выпуклые, съ хорошо развитыми закрывающимися вѣками; ноздри маленькія и расположены на концѣ морды; уши снаружи никогда не замѣтны. Шея у саламандръ ясно отдѣлена отъ головы и около горла всегда замѣчается глубокая складка кожи; туловище у нихъ удлинненное, веретенообразное или цилиндрическое; двѣ пары конечностей довольно слабыя, на переднихъ всегда 4, а на заднихъ чаще всего 5 и только въ видѣ исключенія 4 пальца; пальцы бываютъ иногда длинныя, иногда короткія, чаще всего они свободны, а рѣже соединены плавательными перепонками; когтей большею частью нѣтъ; хвостъ въ большинствѣ случаевъ длиннѣе туловища, почти всегда сжатъ съ боковъ и на концѣ или округленный или ланцетовидный; рѣже встрѣчается круглый хвостъ. Слизистая наружная кожа покрыта множествомъ железокъ и бородавокъ и потому мягкая и неровная; однако у многихъ видовъ кожа кажется гладкою для невооруженнаго глаза. По сторонамъ задней части головы часто замѣчается большое скопленіе железокъ, которыя похожи на такъ называемыя ушныя железки жабъ и носятъ то же названіе. На обѣихъ челюстяхъ сидятъ зубы, а кромѣ того маленькіе зубы находятся на заднемъ краю небныхъ костей, на сошникѣ, и на парасфеноидныхъ костяхъ, причѣмъ расположеніе ихъ различное, именно, или они сидятъ на внутреннемъ краѣ двухъ длинныхъ, сзади расходящихся отросткахъ небной кости и потому вытянуты въ длину, или занимаютъ задній край прямо или косо срѣзаннаго сошника и въ такомъ случаѣ образуютъ поперечные ряды. Языкъ круглый или яйцевидный, у нѣкоторыхъ видовъ онъ приросъ всею нижнею поверхностью или узкою срединною полоскою ко дну ротовой полости и потому свободенъ только по краямъ; у другихъ же видовъ онъ прикрѣпленъ только по срединѣ стѣбелкомъ, слѣдовательно похожъ на грибокъ, края его свободны и онъ очень подвиженъ.

Буланже дѣлитъ саламандръ на 4 подсемейства, отличающіяся по расположенію зубовъ и по строенію позвонковъ; изъ нихъ наиболѣе извѣстны и для насъ важны настоящія саламандры и поперечнозубые гады или амблистомы.

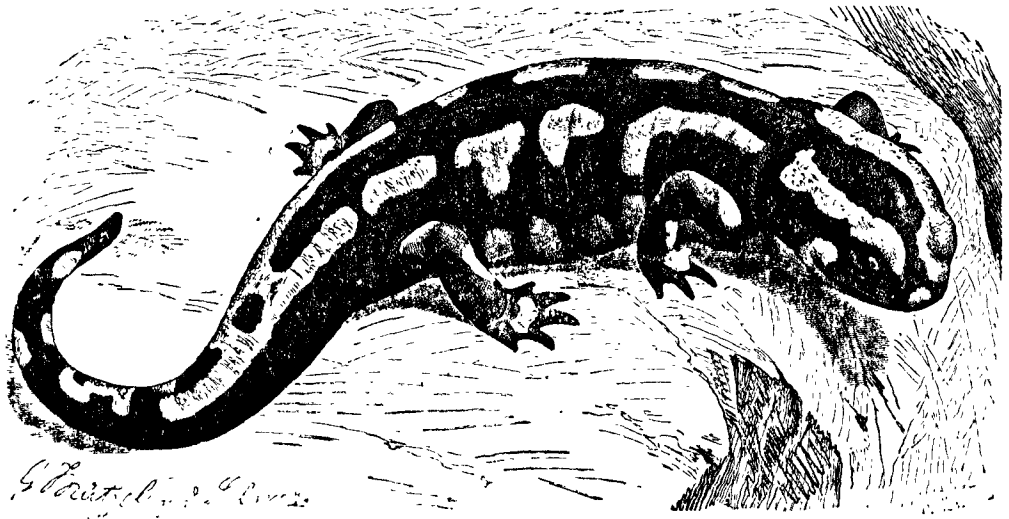
У подсемейства **Настоящих саламандръ** (*Salamandrinae*) небные зубы расположены въ двухъ сзади расходящихся продольныхъ рядахъ, которые сидятъ на внутреннемъ краѣ двухъ длинныхъ отростковъ небной кости; на парасфеноидной кости нѣтъ зубовъ; позвонки на задней сторонѣ имѣютъ выемки. Нынѣ извѣстны 6 родовъ и 27 видовъ саламандръ, изъ которыхъ большинство живутъ на сѣверѣ Стараго Свѣта, а также въ Сѣверной Америкѣ, а въ Азiи распространяются до тропической Индiи и южнаго Китая. * *

«Саламандра—животное, похожее на ящерицу и съ пятнами, имѣющими видъ звѣздъ, показывается только во время сильнаго дождя, а въ сухую погоду ее никогда не видно. Она такъ холодна, что отъ прикосновенiя ея, какъ ото льда, гаснетъ огонь. Слизь, которая похожа на молоко и вытекаетъ у нея изо рта, уничтожаетъ волосы на человѣческомъ тѣлѣ; намазанное мѣсто на кожѣ теряетъ естественный цвѣтъ и тамъ дѣлается пятно. Между всѣми ядовитыми животными саламандра самое злое. Другiя животныя ранятъ только отдѣльныхъ людей и не убиваютъ многихъ заразъ, кромѣ того животныя, ранившiя человѣка, всегда умираютъ и болѣе не могутъ жить на землѣ, саламандра же, напротивъ того, можетъ уничтожить цѣлый народъ, если только люди не остерегутся. Когда она ползетъ на дерево, то отравляетъ всѣ плоды, и кто ихъ поѣстъ—умираетъ, какъ отъ сильнаго холода; даже, если она тронетъ лапой доску, на которой мѣсятъ тѣсто, то хлѣбъ, испеченный изъ этого тѣста, бываетъ отравленъ; если она упадетъ въ колодезь, то вода дѣлается ядовитой. Однако нѣкоторыя животныя пожираютъ это ядовитое существо, напримѣръ свиньи, и вѣроятно мясо тѣхъ животныхъ, которыя ее ѣдятъ, можетъ служить противоядiемъ яду саламандры. Если бы было справедливо то, что говорятъ маги, т. е. что это есть единственное животное, которое тушитъ огонь, и что даже нѣкоторыя части ея тѣла служатъ хорошимъ средствомъ противъ пожаровъ, то Римъ давно бы произвелъ подобный опытъ. Секстiй говоритъ, что если саламандру выпотрошить, отрѣзать у ней ноги и голову, а остальное сохранить въ меду, то это кушанье служитъ возбуждающимъ средствомъ, но онъ отрицаетъ предположенiе, что саламандра тушитъ огонь».

Такъ пишетъ о саламандрѣ Плиниъ и до нашего времени многiе вѣрятъ въ справедливость всего вышесказаннаго и только меньшинство сомнѣвается въ справедливости этихъ фактовъ. На саламандру смотрѣли, да и нынѣ еще смотрятъ, какъ на страшное и ужасное животное. По римскимъ законамъ, человѣкъ, который далъ другому въ пищу часть тѣла саламандры, считался отравителемъ и приговаривался къ смерти. Еще въ концѣ прошлаго столѣтiя одна женщина пробовала отравить мужа, примѣшавши мясо саламандры къ какому то кушанью, причемъ однако мужъ никакого вреда не почувствовалъ и съ аппетитомъ насытился предложеннымъ кушаньемъ. Французскiй король Францискъ I избралъ себѣ въ видѣ эмблемы саламандру среди огня съ надписью «Nurio et extinguo» («пятаю и гапну»). Средневѣковые алхимики, пытавшiеся дѣлать золото, сжигали это несчастное животное съ разными смѣшными церемонiями и надѣялись получить золото, когда на поджаренную и обугленную саламандру они черезъ нѣкоторое время лили каплями ртути; опытъ этотъ считался, впрочемъ, очень опаснымъ. Животное это также при пожарахъ дѣлалось часто жертвой предразсудка: саламандру кидали въ огонь, думая этимъ его погасить. Кто осмѣливался оспаривать подобныя глупости, тому отвѣчали всевозможными грубостями и бранью. Шефферъ сердится на разумныя сомнѣнiя нѣкоторыхъ людей и говоритъ: «кто считаетъ эти рассказы за ложь и басни, тотъ доказываетъ, что у него недалъновидный, глупый и жидкiй мозгъ и

показываетъ, что онъ мало знакомъ со свѣтомъ и не имѣлъ сношеній съ учеными и опытными людьми». Не слѣдуетъ удивляться тому, что баснословные рассказы про саламандру такъ крѣпко держатся въ народѣ; у необразованныхъ людей всегда замѣчалось стремленіе вѣрить въ сверхъестественныя силы и поэтому они нелегко усваиваютъ въ себѣ то, что дознано опытомъ и разумными изслѣдованіями. Въ нижеслѣдующемъ описаніи мы собрали свѣдѣнія, которыя до сихъ поръ извѣстны относительно образа жизни, привычекъ и ядовитости обыкновенной саламандры.

Огненная саламандра, (*Salamandra maculosa*, *maculata*, *terrestris*, *corsica*, *Lacerta salamandra*. *Feuersalamander*. *Salamandre terrestre*) можетъ считаться представителемъ семейства и рода того же названія; она достигаетъ 18—23 см. длины и по блестяще-черному фону испещрена большими неправильными ярко-золотисто-желтыми пятнами, которыя образуютъ двѣ болѣе или менѣе прерванныя полосы, начинающіяся у конца морды и тянущіяся по сторонамъ тѣла до кончика хвоста.

Огненная саламандра. *Salamandra maculosa*. Наст. вел.

причемъ на хвостѣ онѣ кое-гдѣ сливаются; кромѣ того по бокамъ тѣла замѣчаются еще отдѣльныя пятна. На конечностяхъ находятся пятна на каждой отдѣльной части, именно на плечѣ, предплечьѣ и кисти, а также на бедрѣ, голени и ступнѣ, на горлѣ также постоянно бывають пятна, а на брюхѣ не всегда.

Признаки рода саламандръ, по Штрауху и Буланже, слѣдующіе. Тѣло довольно толстое, хвостъ почти круглый, коническій, на концѣ округленный, безъ кожистаго гребня и точно такъ, какъ туловище, болѣе или менѣе кольчатый, т. е. на всемъ тѣлѣ замѣчаются параллельныя складки, проходящія поперекъ тѣла. На переднихъ конечностяхъ 4, на заднихъ 5 свободныхъ пальцевъ. Наружная кожа покрыта железками, ушныя железы велики, ясно разграничены и съ большими отверстиями; вдоль спины и по сторонамъ тѣла расположены продольные ряды на-кожныхъ железокъ. Небные зубы образуютъ два ряда въ видѣ сильно изогнутыхъ «S», которые расходятся сзади и образуютъ вмѣстѣ рисунокъ, похожій на колоколь. Передніе концы рядовъ отдѣлены другъ отъ друга большимъ или меньшимъ промежуткомъ и болѣе или менѣе выдаются передъ переднимъ краемъ внутреннихъ носовыхъ отверстій. Большой, почти яйцевидный языкъ приросъ ко дау ро-

товой полости довольно широкой полоской, слѣдовательно свободенъ только по краямъ. Нынѣ извѣстны только три вида этого рода, маленькая, очень стройная, желтая съ черными пятнами саламандра, живущая въ западной части Закавказья, и двѣ здѣсь описанныя саламандры.

Область распространенія огненной саламандры простирается, за исключеніемъ Великобританіи и Ирландіи, на всю западную, среднюю и южную Европу отъ Португаліи и Испаніи до Греціи и Турціи; кромѣ того она встрѣчается въ Алжирѣ и Марокко въ сѣверной Африкѣ, а также въ Сиріи и Малой Азіи. На западѣ и юго-западѣ встрѣчаются двѣ разновидности ея, отличающіяся по величинѣ и окраскѣ. Внутри этой области распространенія она нигдѣ не принадлежитъ къ числу рѣдкихъ животныхъ; въ Германіи, напримѣръ, она довольно обыкновенна, особенно въ нѣкоторыхъ для нея удобныхъ мѣстностяхъ. Она живетъ въ сырыхъ темныхъ мѣстахъ, гористыхъ и холмистыхъ странахъ, въ узкихъ долинахъ и густыхъ лѣсахъ и тамъ прячется подъ корнями, камнями и въ норкахъ различныхъ животныхъ. Днемъ она оставляетъ свои убѣжища только послѣ дождя, такъ какъ можетъ считаться ночнымъ животнымъ. Сухая теплота или дѣйствіе лучей солнца отнимаютъ у ея тѣла такъ много необходимой для него влаги, что она можетъ отъ этого умереть. Если нѣсколько дней нѣтъ дождя, то, несмотря на росу, тѣло саламандры дѣлается худымъ и жалкимъ, между тѣмъ какъ послѣ дождей она становится толстой, гладкой и выказываетъ всѣ признаки здоровья. Движенія ея медленны и неуклюжи, она ползаетъ, извивая тѣло въ стороны, а плаванье ея также похоже на ходьбу, причѣмъ однако главнымъ органомъ передвиженія является хвостъ. Способности ея незначительны, виѣшнія чувства мало развиты, а понятливость ничтожна. Хотя ее часто находятъ вмѣстѣ съ другими животными ея вида, но ей нельзя приписать стремленія къ обществу, такъ какъ одна саламандра о другихъ не заботится и сильная, въ случаѣ голода, не задумается съѣсть болѣе слабую. Оба пола отыскиваютъ другъ друга только во время спариванья, но, какъ только это дѣло кончено, то всякая связь теряется, и онѣ соединяются вмѣстѣ только потому, что находятъ удобное убѣжище въ одной и той же норкѣ. Саламандры питаются медленно двигающимися животными, преимущественно слизняками, земляными червяками и жуками, а при случаѣ мелкими позвоночными животными; иногда съѣдается разомъ много пищи, но саламандры могутъ и голодать втеченіе нѣсколькихъ недѣль и даже мѣсяцевъ. Онѣ ѣдятъ только тѣхъ животныхъ, которыя шевелятся.

О размноженіи этой саламандры мы до сихъ поръ не имѣемъ еще вполне точныхъ свѣдѣній. Спариванье недавно наблюдалъ Целлеръ и замѣтилъ, что оно происходитъ, какъ у гребнистаго тритона, спариванье котораго было уже давно описано: мы сообщимъ объ этомъ при описаніи этого животнаго. При этомъ самецъ тащитъ лежащую у него на спинѣ самку изъ сухого мѣста въ воду. Замѣтили также, что самецъ откладываетъ въ воду твердые, конусообразныя комки, содержащія сѣмя, и что самка потомъ ихъ забираетъ въ задній проходъ. Все-таки странно, что въ иныхъ случаяхъ самка саламандры, отдѣленная отъ самца втеченіе 6—7 мѣсяцевъ, рождаетъ дѣтенышей, такъ какъ трудно предположить, чтобы развитіе зародышей продолжалось такъ долго. Еще страннѣе, что иногда послѣ перваго помета, безъ участія самца является и второй. Для объясненія этого явленія слѣдуетъ предположить, что оплодотвореніе сохраняетъ свою силу на долгое время и что сѣмя дѣйствуетъ и на тѣ яйца, которыя во время оплодотворенія были совѣмъ еще не зрѣлы.

Земляныя саламандры рожаютъ живыхъ дѣтенышей, только въ клѣткахъ

замѣчали, что онѣ кладутъ яйца, изъ которыхъ, впрочемъ, очень скоро вылуплялись головастики. Это земное животное, которое можно встрѣтить въ водѣ только въ то время, когда нужно снести дѣтенышей въ воду, слѣдовательно въ апрѣлѣ или иногда въ маѣ. Число головастиковъ одного помета значительное: ихъ находили до 50 внутри тѣла самки. Одна самка, жившая у Нолля, усѣлась въ акваріумѣ на выдающійся камень такъ, что задняя часть тѣла находилась въ водѣ, а передняя на воздухѣ, и въ этомъ положеніи она ночью начала класть яйца, продолжая это занятіе до слѣдующаго дня; всѣхъ яицъ было положено 42. Обыкновенно саламандры кладутъ лишь 8, 16, 24, а рѣже 30—42 заразъ или скоро одно послѣ другого въ промежутокъ отъ двухъ до пяти дней, причемъ яйца почти одной величины и одной степени развитія; въ видѣ исключенія однако случается, можетъ быть только у тѣхъ, которыя живутъ въ плѣну, что самки рожаютъ въ одно время живыхъ дѣтенышей и кладутъ яйца. Подобное явленіе наблюдалъ Эрберъ, причемъ удивительно было то, что число положенныхъ яицъ аккуратно равнялось числу дѣтенышей, именно ихъ было по 34 штуки. Крупныя яйца кладутся по одиночкѣ и такъ прозрачны, что въ нихъ ясно видны довольно развитые дѣтеныши; до рожденія они расположены каждое отдѣльно въ расширенныхъ яйцеводахъ, причемъ они прижаты одно къ другому, а головастики въ яйцѣ такъ свернуты, что кончикъ хвоста завороченъ около головы. Послѣ того, какъ положенное яйцо нѣсколько вздулось, вслѣдствіе всасыванія воды, головастикъ разрываетъ оболочку движеніемъ хвоста и появляется на свѣтъ уже съ четырьмя конечностями; онъ способенъ двигаться въ водѣ съ такимъ же проворствомъ, какъ очень развитые головастики лягушекъ. Самки охотнѣе всего рожаютъ дѣтенышей въ холодной ключевой водѣ, какъ будто зная напередъ, что для полнаго развитія ихъ потомства необходимо 4—5 мѣсяцевъ и слѣдовательно неудобно ихъ класть въ воду, которая лѣтомъ пересыхаетъ. Рожденіе дѣтенышей происходитъ всегда въ подводныхъ углубленіяхъ очень близко отъ текучей воды, которая необходима для того, чтобы дѣтеныши появились на свѣтъ, что подтверждается собственными наблюденіями Финнера-Зигварта. Новорожденные дѣтеныши имѣютъ 25—26 мм. длины и въ видѣ головастиковъ не достигаютъ болѣе 55 мм. Если въ мѣстопробываніи самки саламандры вовсе нѣтъ воды, то она, по словамъ многихъ наблюдателей, рождаетъ дѣтенышей въ сырѣмъ мхѣ. Головастики имѣютъ сѣровато-черную окраску съ болѣе или менѣе зеленоватымъ отливомъ; верхняя часть тѣла имѣетъ металлическій блескъ вслѣдствіе многихъ маленькихъ золотистыхъ пятнышекъ, которыя очень украшаютъ животное; золотистый блескъ является впоследствии и на бокахъ, и на животѣ. Мало по малу между этими золотистыми пятнышками появляются большія желтыя пятна, кожа теряетъ свой лоскъ, дѣлается менѣе гладкой и бородавчатой; тогда головастики стараются вылезти на землю, хотя его жабры еще не совсемъ уничтожились. Часто можно встрѣтить головастиковъ въ водѣ еще въ октябрѣ, но обыкновенно жабры исчезаютъ уже въ августѣ или въ началѣ сентября, и животныя тогда могутъ поселиться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ ихъ родители; окраску же, подобную окраскѣ взрослыхъ, они получили еще въ водѣ. Вполнѣ развитыя животныя, точно такъ, какъ и лягушки, кажутся ростомъ меньше, чѣмъ головастики послѣднихъ стадій ихъ развитія. Трудно опредѣлять, сколько времени продолжается ростъ молодыхъ саламандръ; ихъ находятъ не очень часто и потому предполагаютъ, что первые два года своей жизни онѣ живутъ въ очень скрытыхъ мѣстахъ. Выращивать ихъ въ акваріумѣ очень трудно. По словамъ Финнера-Зигварта, животныя вполнѣ взрослыя, длиною около 20 см., имѣютъ по крайней мѣрѣ 4 года. Рожденные въ плѣну саламандры въ-

роятно вслѣдствіе большой теплоты, превращаются скорѣе, чѣмъ на волѣ и могутъ выползати на сушу уже черезъ три недѣли. Для зимней спячки, по наблюденіямъ Фишера-Зигварта, саламандры выбираютъ относительно сухія и защищенныя отъ холода трещины скаль, заросшія мхомъ; впрочемъ, ихъ довольно легко разбудить. Молодые, еще неспособныя къ размноженію животныя, по словамъ Лейдига, покидаютъ свои зимнія убѣжища при хорошей погодѣ въ началѣ апрѣля, а недѣлю спустя появляются и старыя.

Ѣдкій сокъ, выдѣляемый кожей железами, защищаетъ саламандру отъ многихъ враговъ, для которыхъ онъ неприятенъ и даже опасенъ. Если схватить саламандру за шею и ее подавить, то изъ железокъ брызжетъ сокъ, но животное можетъ выпускать сокъ и по своей волѣ и въ случаѣ опасности дѣлаетъ это постоянно, чтобы защититься отъ враговъ. Силу этого яда очень преувеличивали; даже Окенъ осмѣлился утверждать, что дѣти, напившіяся воды изъ колодца, гдѣ жили саламандры, умирали. Многочисленные опыты доказали только, что этотъ сокъ очень сильно жжетъ, когда попадетъ на слизистую оболочку, слѣдовательно производитъ воспаленіе, отъ котораго могутъ умирать маленькія слабыя птички, а также пресмыкающіяся и гады. Рыбы, жившія въ акваріумѣ у Рихтера, околѣли отъ яда, выпущеннаго умершей въ водѣ саламандрой. Лауренти принудилъ ящерицу укусить саламандру; у нихъ отъ этого сдѣлались судороги и онѣ околѣли; напротивъ того, собаки, индюки и куры, которыхъ кормили разрѣзанными на куски саламандрами, переваривали эту пищу безъ вреда для себя, впрочемъ, собакъ иногда отъ этого рвало. Абини подробно изслѣдовалъ ядъ саламандры и извѣщаетъ о немъ слѣдующее.

«Если преодолѣть», говоритъ онъ, «неприятное чувство, появляющееся почти у каждаго человѣка при взглядѣ на этихъ пресмыкающихся, нѣмыхъ и пучеглазыхъ существъ, и осторожно ихъ положить на ладонь, то они обыкновенно сидятъ совсѣмъ смирно и теплота руки, повидному, имъ даже пріятна. Если же схватить ихъ со страхомъ, дрожащими руками, такъ что ихъ мѣстами сжимаешь, то онѣ брызгаютъ нѣсколько капель своего блага сока, который довольно быстро высыхаетъ, причемъ ощущаешь пріятный мускусный запахъ, похожій на запахъ, выдѣляемый большимъ жукомъ мускусникомъ. Если захочешь привязать саламандру къ дощечкѣ, то она защищаетъ всѣми силами и при этомъ выпрыскиваетъ на разстояніе до одного фута свой кожный сокъ, отъ котораго остается нѣсколько капель на порохъ кожи. Такъ какъ я убѣдился, что опорожненіе кожныхъ железъ происходитъ отъ произвольныхъ мышечныхъ движеній, то я попробовалъ получить большое количество этого сока примѣненіемъ электричества. Для этого я тщательно вымылъ нѣсколькихъ животныхъ, посадилъ ихъ въ чистый стеклянный сосудъ, прикрытый стеклянной пластинкой, провелъ черезъ отверстіе этой пластинки проволоку электромагнита и такимъ образомъ могъ подвергать животныхъ дѣйствию электрическаго тока. Такимъ образомъ я получилъ извѣстное количество этого сока на стѣнкахъ сосуда и на крышкѣ».

Собранный такимъ образомъ сокъ былъ изслѣдованъ и оказался ядовитымъ, какъ при введеніи его въ кровь, такъ и при проглатываніи его въ желудокъ; Абини даже замѣтилъ, что этотъ ядъ дѣйствуетъ быстрѣе и сильнѣе, если его класть въ ротъ птицъ и лягушекъ, чѣмъ если его вспрыскивать въ кровеносные сосуды. Но животныя, поѣвшія мяса отравленныхъ этимъ ядомъ существъ, остались здоровыми. Впрочемъ, при этихъ опытахъ удаляли ту часть тѣла, въ которую былъ впрыснутъ ядъ, а также желудокъ и пищеводъ. Изъ своихъ опытовъ Абини выводитъ слѣдующее: ядъ этотъ производитъ мѣстное раздраженіе, что доказывается краснотою

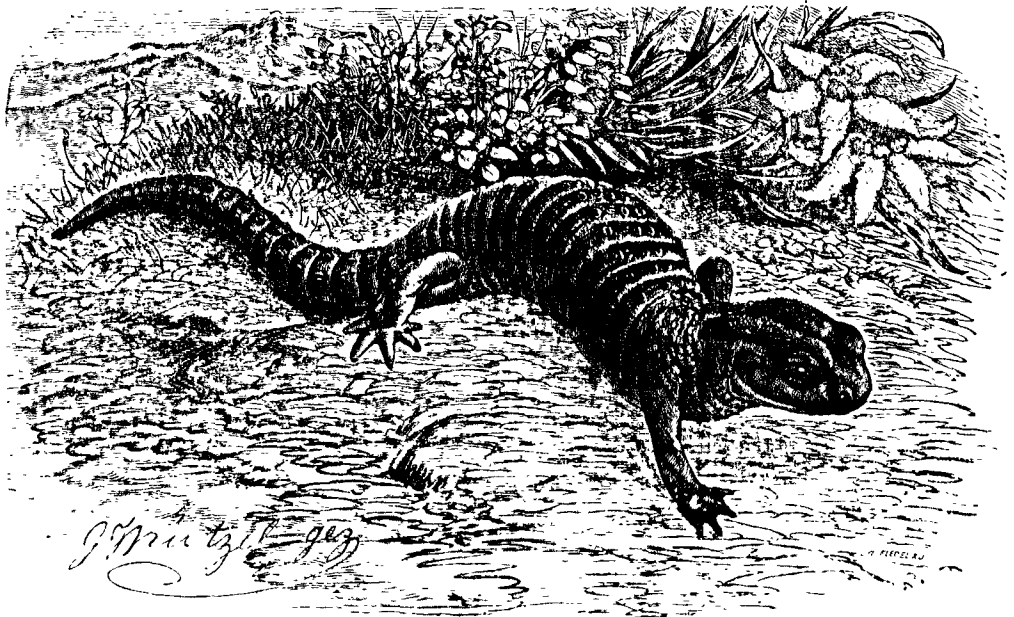
слизистой оболочки рта и языка у лягушекъ, которымъ налили въ ротъ самый ядъ или растворъ его въ водѣ, а также тѣмъ, что птицы, получившія этотъ ядъ, сильно трясутъ головой и открываютъ клювъ. При сильныхъ приѣмахъ птицы скоро умираютъ, а передъ этимъ у нихъ дѣлаются судороги, сопровождаемыя сильными болями и боязливымъ возбужденіемъ; дыханіе и сердцебіеніе ускоряются. Отравленная птица можетъ летать, но не можетъ прямо стоять на ногахъ; ноги и пальцы судорожно сжаты, птица ложится на бокъ и начинаетъ быстро вертѣться кругомъ. Тотчасъ послѣ приѣма яда птица громко кричитъ отъ боли; смерть наступаетъ иногда черезъ минуту, но сердце продолжаетъ послѣ этого биться, и когда оно остановится, то его можно снова заставить биться посредствомъ сильнаго раздраженія; въ такомъ случаѣ сокращаются мускулы произвольнаго и произвольнаго движенія. При незначительной дозѣ яда и болѣе медленномъ дѣйствиіи его, какъ это обыкновенно бываетъ у лягушекъ, сначала усиливается кровообращеніе и дыханіе, затѣмъ происходитъ оконченіе конечностей, а потомъ начинаются судороги, которыя вначалѣ продолжаются недолго, а впослѣдствіи дѣлаются непрерывными и замѣчаются втеченіе нѣсколькихъ дней, пока кровообращеніе и дыханіе постепенно ослабѣваютъ и наконецъ наступаетъ смерть. Отравленная лягушка замѣтно измѣняетъ цвѣтъ кожи, которая дѣлается свѣтлѣе и кажется болѣе тонкою, причѣмъ испареніе изъ нея значительно усиливается. Осадокъ отъ слизи, подверженный сначала дѣйствию чистой воды, а затѣмъ спирта, не выказывалъ болѣе ядовитыхъ свойствъ. Сгущенный посредствомъ испаренія спиртный растворъ былъ гораздо ядовитѣе воднаго раствора; въ спиртномъ растворѣ образовались черезъ день плавающія иголки, которыя при испареніи образовывали щетки. Эти иголки оказались очень ядовитыми; онѣ легко растворяются въ спиртѣ, эфирѣ и въ водѣ, а щелочи на нихъ не дѣйствуютъ; водный растворъ показывалъ кислую реакцію. Дѣйствиіе сгущеннаго яда очень быстрое и у человѣка производитъ тотчасъ-же рвоту.

Саламандра при хорошемъ уходѣ выживаетъ въ неволѣ по нѣсколько лѣтъ. У Петермана жила саламандра втеченіе 18 лѣтъ на туфовой скалѣ среди аквариума; она каждый вечеръ подходила къ извѣстному мѣсту, чтобы получить земляного или мучного червяка, если предварительно стучали пальцемъ о камень. Саламандру слѣдуетъ держать въ помѣщеніи, гдѣ есть небольшой водоемъ и много норокъ, чтобы она могла прятаться. Ее можно кормить мучными и земляными червяками, насекомыми и слизняками; она пожираетъ также и другихъ маленькихъ саламандръ. Замѣчательно, что это, повидимому столь безчувственное животное, быстро умираетъ отъ дѣйствиія нѣкоторыхъ веществъ, на примѣръ на нее чрезвычайно вредно дѣйствуетъ поваренная соль.

На Альпахъ обыкновенная саламандра замѣняется родственнымъ видомъ **Альпійской саламандрой** (*Salamandra atra* и *fusca*, *Lacerta atra*. *Alpensalamander*. *Salamandre des Alpes*), которая очень похожа на вышеописанную, но нѣсколько стройнѣе и глянцево-чернаго цвѣта безъ пятенъ; она нѣсколько меньше обыкновенной и рѣдко бываетъ больше 11—13 см.

Область ея распространенія простирается на Альпы Савои, Швейцаріи, Тироля, Зальцбурга и верхней Австріи, Штиріи и Каринтіи, а также на гористыя страны Виртемберга и Баваріи, которыя соприкасаются съ Альпами. Она живетъ на высотѣ отъ 700—2850 м. въ большомъ количествѣ, на примѣръ, по словамъ Гредлера, въ Тиролѣ въ сырыхъ лѣсахъ и ущельяхъ, по которымъ протекаютъ ручейки. Почти всегда она встрѣчается обществами въ нѣсколько дюжинъ экземпляровъ подъ камнями, мхомъ, кустами рододендра и валежникомъ почти такъ, какъ

и обыкновенная саламандра. Это также лѣнивое, медленное и сонное существо, которое выходитъ изъ своихъ норокъ только при сырой погодѣ и погибаетъ, когда наступаетъ сильная засуха. Вслѣдствіе ея неподвижности тирольцы дали ей прозвище «Tattermann» или «tattermandl», что значитъ «мертвый человекъ», или, по мѣстному смыслу этого слова, «пугало». Альпійская саламандра, по словамъ Шрейбера, отличается по способу размноженія отъ обыкновенной саламандры. Она также родитъ живыхъ дѣтенышей, но не болѣе двухъ заразъ. Хотя въ яичникѣ матки яйца довольно велики и объемисты и въ яйцеводы проходятъ отъ 30—40 яицъ, какъ у обыкновенной саламандры, но въ каждомъ яйцеводѣ развивается только по одному зародышу насчетъ всѣхъ остальныхъ: всѣ яйца сливаются въ одинъ общій желтокъ, который окружаетъ зародышъ до тѣхъ поръ, пока онъ не разорветъ яичной оболочки и не начнетъ свободно двигаться. Въ каждомъ яйцеводѣ остается около 15 неоплодотворенныхъ яицъ, которыя сливаются въ общую

Альпійская саламандра. *Salamandra atra*. Натур. вел.

тягучую массу, служащую первою пищею для зародыша. Дѣтенышъ рождается тогда, когда вся эта масса уничтожена. Зародышъ здѣсь вполне развивается, достигаетъ величины 45—50 мм. и наполняетъ собою задній конецъ прямого яйцевода, имѣющаго 35 мм. длины и 1 см. ширины; онъ тамъ лежитъ съ прижатымъ къ тѣлу и часто дважды загнутымъ хвостомъ, сильно двигается, часто поворачивается кругомъ и рождается то головою, то хвостомъ впередъ. Жабры, которыя похожи на жабры обыкновенной саламандры, но гораздо больше ихъ, достигаютъ почти половины длины тѣла, такъ что задняя вѣтвь ихъ кончикомъ доходитъ до заднихъ конечностей; однако эти жабры исчезаютъ еще до рожденія и у только что родившихся имѣютъ видъ небольшихъ отростковъ или узелковъ; такимъ образомъ, если эту саламандру хотятъ видѣть въ состояніи головастика, то ее нужно вынуть изъ тѣла матери. Для этого самку убиваютъ, положивши въ спиртъ, который такъ мало дѣйствуетъ на дѣтенышей, что, вынутые изъ тѣла матери, они живутъ нѣсколько недѣль. Эта удивительная живучесть доказываетъ,

что дѣтеныши могутъ жить безъ воды, и дѣйствительно самка кладетъ своихъ дѣтенышей, если даже въ неволѣ ей устроить помѣщеніе съ водою, всегда на сухомъ мѣстѣ. Такимъ образомъ оказывается, что способъ размноженія альпійской саламандры очень своеобразенъ и не встрѣчается у другого животнаго этого отряда.

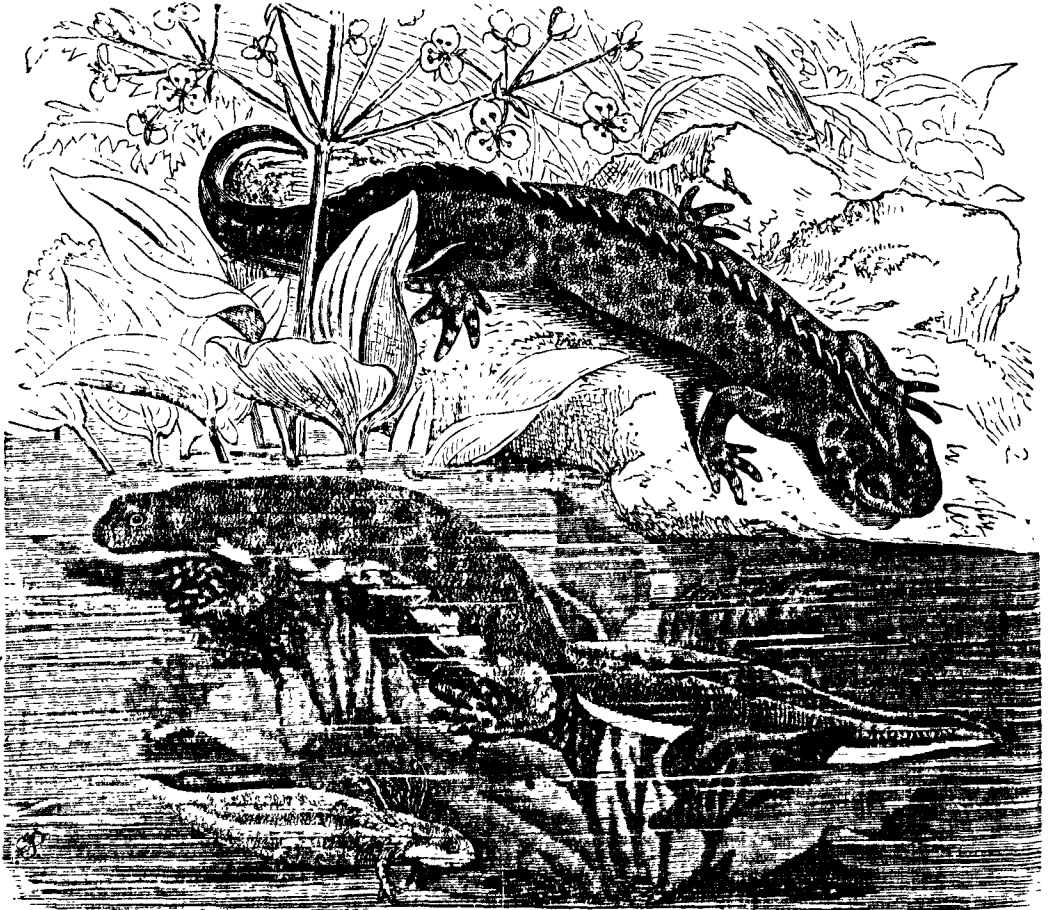
Развитіе яицъ требуетъ столько же времени, сколько у обыкновенной саламандры, но продолжительность всего развитія отъ оплодотворенія до рожденія дѣтеныша гораздо дольше, такъ какъ головастика остаются очень долго въ тѣлѣ матери. Самокъ съ сильно развитыми дѣтенышами рѣдко находятъ раньше августа мѣсяца, но оплодотвореніе происходитъ очень поздно вслѣдствіе холоднаго климата мѣстожительства этой саламандры; итакъ не только недостатокъ воды, но и климатъ имѣетъ вліяніе на своеобразный способъ развитія дѣтенышей.

Чаще всего оба дѣтеныша одной самки имѣютъ одинаковую величину и рождаются почти одновременно, но въ видѣ исключенія случается, что развитіе ихъ не одинаково, и что одинъ изъ нихъ рождается спустя нѣсколько дней послѣ другого. Это происходитъ, какъ кажется, потому, что первоначально оплодотворенное яйцо погибаетъ и вмѣсто него развивается другое. Нерѣдко случается, что въ одномъ яйцеводѣ находятъ 2 или 3 яйца одинаково развитыхъ, между тѣмъ какъ остальные болѣе или менѣе скомканы, обезображены и слились вмѣстѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что всѣ яйца одного помета одновременно оплодотворяются въ яичникахъ или въ яйцеводахъ, хотя только два изъ нихъ вполне развиваются. Способъ оплодотворенія до сихъ поръ еще не вполне разъясненъ, потому-что какъ у альпійской саламандры, такъ и у огненной, не открыто еще наружныхъ мужскихъ половыхъ органовъ; оплодотвореніе однако должно происходить внутри тѣла самки и слѣдовательно сѣмя должно какимъ-либо способомъ проникнуть туда. Впрочемъ, наблюдали, что самецъ передъ спариваньемъ подползаетъ подъ самку и крѣпко захватываетъ своими передними ногами переднія конечности самки. Обнявшись такимъ образомъ на землѣ, оба животнаго тащутся въ воду и остаются тамъ нѣсколько часовъ, отдыхая и плавая, пока спариванье наконецъ не кончится. Линяніе, по наблюденіямъ Шпенгеля, происходитъ такъ, что старая кожа удаляется движеніемъ подкожныхъ мускуловъ до верхней трети хвоста; слѣдовательно у этой саламандры для этого не требуется тренія о посторонніе предметы; кожа задней части хвоста схватывается ртомъ, сдергивается и събѣдается самимъ животнымъ. Во всемъ прочемъ эта саламандра вполне похожа на обыкновенную.

* *
*

Тритоны или **Уголы** (*Molge*) отличаются удлинненнымъ туловищемъ, четырехпалыми передними и пятипалыми задними ногами, сильно сжатымъ съ боковъ, высокимъ хвостомъ, а также спиннымъ гребнемъ, который у самцовъ сильно развитъ весною, во время спариванья. Дуга, идущая отъ глазничнаго отростка лобной кости къ чешуйчатой части височной кости, у всѣхъ тритоновъ, кромѣ гребенчатого, имѣетъ костяное и сухожильное строеніе. Небные зубы образуютъ двѣ прямыя линіи, сильно сближенныя спереди и далеко расходящіяся назадъ; передняя часть этихъ рядовъ доходитъ до поперечной линіи, проходящей по заднему краю внутреннихъ носовыхъ отверстій. Языкъ не очень великъ, круглый или яйцевидный и приросъ къ нижней кожѣ полости рта продольной полоской, проходящей по серединѣ нижней поверхности языка; боковые и задній край его болѣе или менѣе свободны. Если придать этому роду болѣе широкое значеніе, что нынѣ принято почти всѣми натуралистами, то слѣдуетъ замѣтить, что хвостъ тритоновъ въ исключительныхъ случаяхъ можетъ быть и толстымъ, даже совсѣмъ почти круг-

лымъ, но на немъ всегда замѣчается вверху и внизу по гребню; кромѣ того туловище у нѣкоторыхъ видовъ покрыто иногда поперечными складками, которыя придаютъ животному почти кольчатое строеніе. Наружный покровъ у тритоновъ не всегда гладкій, а иногда можетъ быть зернистымъ и бородавчатымъ. Пола легко различаются по формѣ клоаки, наружныя части которой у самца шарообразно вздуты, а у самокъ имѣютъ видъ конуса, т. е. представляютъ строеніе, какъ разъ обратное тому, какое можно было ожидать. Оплодотвореніе тритоновъ происходитъ не посредствомъ совокупленій, но, по очень обстоятельнымъ изслѣдо-

Гребнистый тритонъ. *Molge cristata*. Настр. вел

ваніямъ Целлера, инымъ способомъ, именно, самецъ откладываетъ въ воду студенистые сѣмянные комки въ видѣ колокольчиковъ, пирамидъ или кружковъ; самки же отыскиваютъ эти комки, отдѣляютъ изъ студенистой массы сѣмя, имѣющее форму острія, и всовываютъ себѣ это остріе въ отверстіе клоаки. Сѣмянные тѣльца проходятъ тогда во внутренность клоаки и доходятъ до трубокъ сѣмянной сумки, въ которой сохраняются, пока не явится необходимость въ ихъ дѣятельности. Движенія, предшествующія этому способу оплодотворенія, которыя иногда очень похожи на совокупленіе, бываютъ различны у разныхъ видовъ тритоновъ. 21 известнѣйшій видъ тритоновъ живутъ въ Европѣ, сѣверной Африкѣ, западной Азіи, сѣверо-восточномъ Китаѣ, восточной Азіи и Сѣверной Америкѣ; въ Германіи встрѣчаются

четыре вида ихъ. Какъ исключеніе всё эти четыре вида могутъ встрѣтиться въ одной лужѣ, какъ это наблюдалъ Кернеръ около Кенигштейна въ Таунусѣ.

Гребнистый тритонъ (*Molge cristata*, *Lacerta palustris*, *porosa* *Triton cristatus*, *carnilex*, *palustris*, *hibroni*, *Salamandra cristata*, *pruinata*, *carnifex*, *Hemisalamandra cristata*. *Kammolch*. *Triton à crête*), достигаетъ длины 13—15 см. и отличается совершеннымъ отсутствіемъ костяной или сухожильной височной дуги на черепѣ, зубчатымъ спиннымъ гребнемъ и окраскою брюшка. Основной цвѣтъ спины, боковъ, хвоста и верхней части конечностей темно-бурый съ большими разбѣянными черными пятнами, а на бокахъ къ нимъ примѣшиваются бѣлыя, часто сливающіяся между собою пятна. Нижняя часть тѣла, начиная отъ горла, ярко-желтаго цвѣта съ черными пятнами различной величины. Радужная оболочка глаза золотисто-желтая.

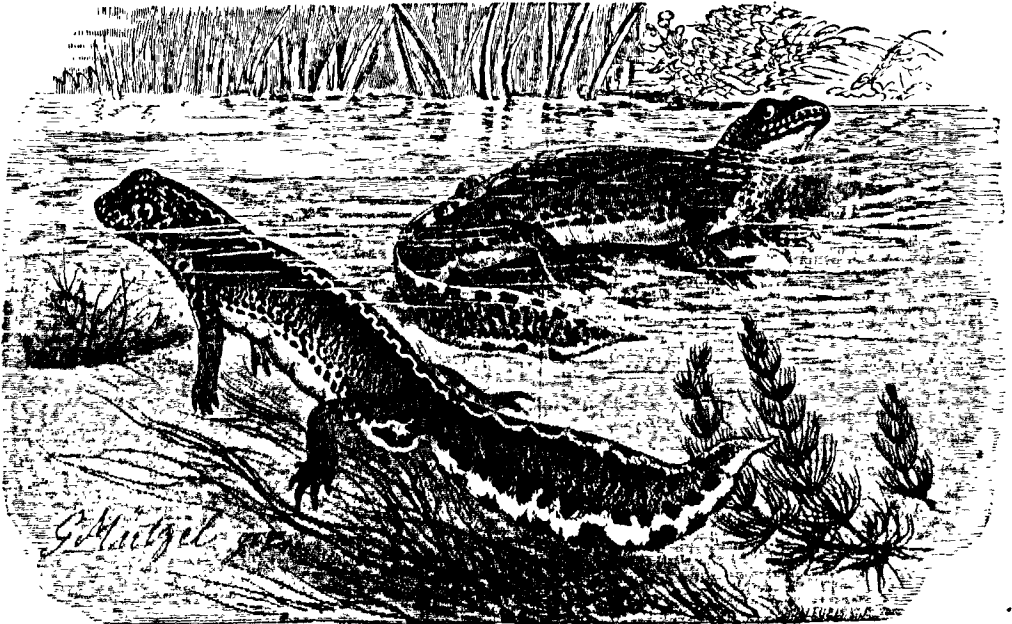
Въ брачномъ одѣяніи гребнистый тритонъ сильно измѣняется. На верхней части тѣла и на хвостѣ у самца возвышается высокій, сильно зубчатый кожистый гребень, который начинается уже на головѣ между глазами и продолжается до конца хвоста, но у основанія хвоста имѣетъ глубокую выемку. Кромѣ того желтый цвѣтъ нижней части тѣла переходитъ въ ярко-оранжевый, а по бокамъ хвоста появляется бѣловато-синяя, какъ бы перламутровая полоса; на головѣ мы замѣчаемъ тогда очень красивый черный и бѣлый мраморный рисунокъ. У самки и въ брачномъ одѣяніи не бываетъ гребня, а вмѣсто него часто замѣчается желтая спинная полоска, а желтый цвѣтъ брюшка переходитъ въ сѣрно-желтый и простирается безъ всякихъ пятенъ отъ основанія хвоста до кончика его. На желтыхъ пальцахъ появляются черныя колечки.

Область распространенія гребнистаго тритона простирается черезъ Англію, сѣверную и среднюю Францію, Бельгію, Голландію, Швейцарію, Швецію, Данію, Германію, Италію, Австро-Венгрію, Грецію, Турцію и Малую Азію, а также и черезъ Россію, доходить на востокъ до Закаспійскаго края и Персіи. Извѣстны двѣ разновидности этого тритона, которыя исключительно встрѣчаются на югѣ и востокѣ Европы и въ западной Азіи.

Горный тритонъ (*Molge alpestris*, *Triton alpestris*, *wurfbaini*, *apuanus*, *salamandroides*, *Salamandra alpestris*, *cincta*, *igneae*, *rubriventris*, *Molge ignea*, *Hemitriton alpestris*. *Bergmolch*. *Triton alpin*) замѣтно меньше предыдущаго: длина его равняется 8—9, а самки 9—11 см. Височныя дуги у него состоятъ изъ сухожилій, спинной гребень низкій, незубчатый, брюшко безъ темныхъ пятенъ. Основной цвѣтъ спины бурый или шиферно-сѣрый съ темно-бурыми зубчатыми пятнами, которыя по сторонамъ головы, тѣла и хвоста и на верхнихъ сторонахъ конечностей переходятъ въ круглыя черныя пятнышки на бѣломъ полѣ. На пальцахъ также замѣтны черныя кольца. Нижняя сторона тѣла оранжево-красная и кромѣ горла безъ всякихъ пятенъ. Радужная оболочка золотисто-желтая съ черными пятнышками.

Въ брачномъ одѣяніи у самца появляется на спинѣ низкій, незубчатый гребень, начинающійся за головою и постепенно переходящій въ плавникъ хвоста; гребень этотъ имѣетъ бѣловато-желтую окраску съ поперечными, короткими черными полосками, между которыми часто появляются короткія темныя треугольныя пятна, обращенныя основаніемъ книзу. Шиферно-сѣрый цвѣтъ переходитъ на спинѣ въ синеватый, а около брюшка въ свѣтло-голубой; черныя боковыя пятна окружены бѣлыми каемками и иногда сливаются въ полоски. Оранжевый

цвѣтъ брюшка дѣлается огненно-краснымъ; верхній и нижній хвостовые плавники получаютъ блѣдно-желтый цвѣтъ съ темными пятнами, а по сторонамъ хвоста появляется рядъ голубовато-бѣлыхъ пятнышекъ. У самки и въ это время обыкновенно гребня не бываетъ или онъ только обозначенъ. Цвѣтъ спины у нея переходитъ въ свѣтлый или темно-сѣрый, даже въ бурый или черноватый и вездѣ усѣянъ темными точками. Большія черноватая зубчатая и мѣстами сливающіяся пятна многочисленнѣе, чѣмъ у самца, и ярче выступаютъ; черные ряды пятенъ по бокамъ тѣла непосредственно граничатъ съ оранжево-желтымъ цвѣтомъ брюшка, нерѣдко расположены въ свѣтло-голубоватомъ поясѣ или, по крайней мѣрѣ, окружены бѣловатыми точками; красно-желтый цвѣтъ брюшка распространяется по нижней сторонѣ хвоста до его кончика, только на нижней сторонѣ хвоста замѣчаются нѣсколько круглыхъ черныхъ пятенъ.

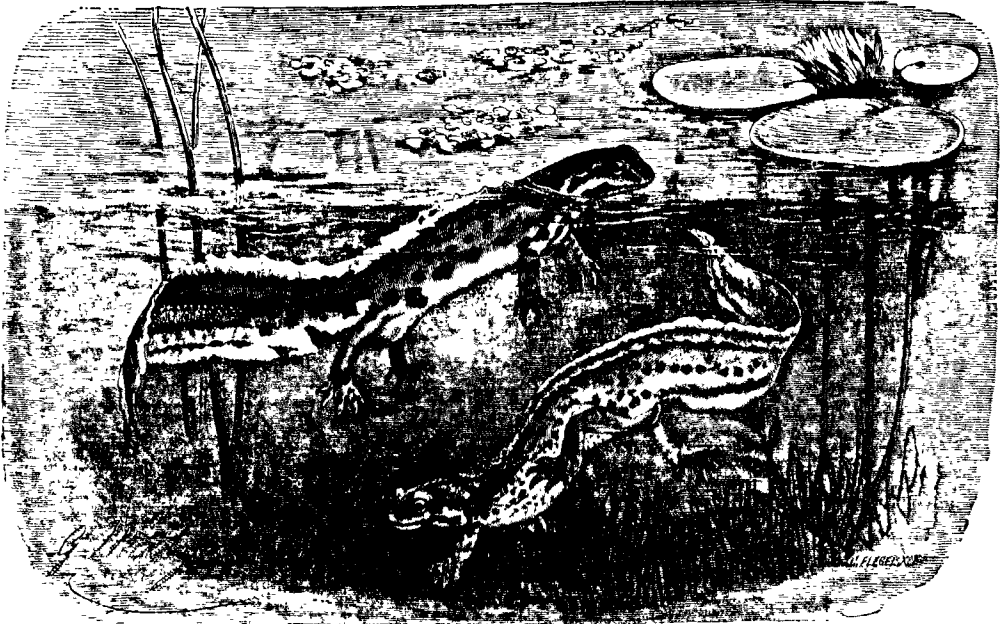
Горный тритонъ. *Molge alpestris*. Нас. вел.

Горный тритонъ встрѣчается въ сѣверной и средней Франціи, Бельгіи, Голландіи и Германіи, гдѣ его можно найти вездѣ, кромѣ сѣверо-Германской низменности; онъ живетъ также въ Швейцаріи, Италіи, Австро-Венгріи и сѣверной Греціи. Въ горахъ кантона Ваадтъ онъ поднимается до 800 м., въ сѣверной Италіи до 2000 м., а въ Граубюнденѣ—до 2190 м.

Полосатый тритонъ (*Molge vulgaris*, *punctata*, *taeniata*, *Lacerta vulgaris*, *palustris*, *aquatica*, *taeniata*, *Triton taeniatus*, *vulgaris*, *exiguus*, *parisinus*, *palustris lobatus*, *punctatus*, *Salamandra exigua*, *taeniata*, *punctata*, *elegans*, *vulgaris*, *abdominalis*, *Lissotriton*, *Lophinus punctatus*, *Pyronicia punctata*, *Streifenmolch*, *Triton punctué*) достигаетъ 7,5—8,5 см. длины и отличается своей височной дугой, состоящей только изъ сухожиля; гребень на спинѣ зубчатый, самцы имѣютъ на заднихъ ногахъ пальцы, отороченные лопастями, брюшко пятнистое, на головѣ замѣчаются два неправильныхъ ряда вдавленныхъ железистыхъ ямокъ, хвостъ на концѣ заостренный. Сверху тритонъ этотъ оливково-зеленаго или бураго цвѣта,

переходящаго по бокамъ въ вѣжрый, слабо-серебристый желтовато-бѣлый цвѣтъ, нижняя сторона тѣла оранжево-желтая. На всемъ тѣлѣ замѣчаются темныя пятна.

Въ брачномъ одѣвнн у самца хвостъ дѣлается выше и появляется гребень, начинающійся на затылкѣ и распространяющійся кругомъ хвоста; около задняго прохода онъ не понижается, а, напротивъ того, особенно сильно развитъ; на пальцахъ заднихъ ногъ появляется оторочка. Верхняя часть тѣла дѣлается оливково-зеленою, а брюшко ярко-оранжевымъ, причеиъ этотъ оранжевый цвѣтъ въ видѣ полосы продолжается на нижней сторонѣ хвоста. Большия круглыя темныя пятна располагаются на туловищѣ и хвостѣ въ продольные ряды и на верхней и боковой части головы сливаются въ 5 продольныхъ полосъ; надъ желтой полоской хвоста появляется голубоватая перламутровая блестящая полоска, прерванная поперечными темными пятнами. У самки въ это время не бываетъ гребня, плавникъ на хвостѣ вверху и внизу имѣетъ незначительную ширину, а на пальцахъ

Полосатый тритонъ. *Molge vulgaris*. Наст. вел.

заднихъ ногъ нѣтъ оторочки. Спина у нея свѣтло-оливково-зеленая или бурая, желтовато-бѣлый цвѣтъ по сторонамъ брюшка имѣетъ слабый золотистый оттѣнокъ, оранжевый цвѣтъ на серединѣ брюшка не такъ яркъ, какъ у самца; темныя пятна маленькя, но ихъ больше и они стоятъ тѣснѣе; пятна эти сливаются въ узкя зубчатя продольныя полоски не только на головѣ, но также и по сторонамъ живота и хвоста.

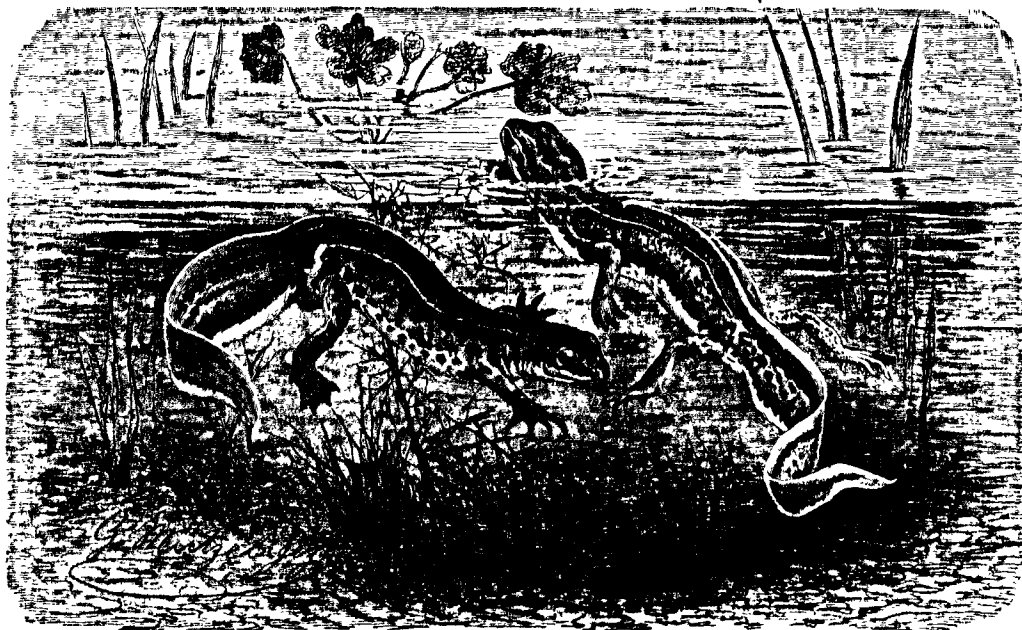
Полосатый тритонъ представляетъ самый обыкновенный видъ въ Германн; онъ встрѣчается во всей Европѣ, кромѣ южной Францн, Испанн и Португалн, и живетъ также въ Малой Азш до Арменн. Разновидность этого тритона, во многихъ отношенняхъ похожая на перепончатонюгаго тритона, встрѣчается въ сѣверной Италн, на австрнйскихъ берегахъ Адриатическаго моря и въ Грецн.

Перепончатонюгн тритонъ (*Molge palmata*, *Triton palmatus*, *helveticus*, *Lacerta helvetica*, *paradoxa*, *Salamandra palmata*, *palmipes*, *Lissotriton palmipes*,

Lophinus palmatus, *Molge alensoi*. Fadenmolch. Triton palmé) по росту равняется полосатому тритону, имѣть 7—8 см. длины. Туловище у него тонкое и стройное и онъ отличается отъ всѣхъ другихъ европейскихъ тритоновъ своей костяной височной дугой; спинной гребень у него очень низкій, пальцы на заднихъ ногахъ у самца соединены перепонками, горло же окрашено въ яркій цвѣтъ и по сторонамъ спинного хребта замѣчаются два ребра, такъ что разрѣзъ туловища оказывается четырехугольнымъ. Къ тупому концу хвоста прикрѣпляется нить различной длины, которая направлена назадъ. Верхняя часть тѣла оливково-бурая съ желтоватымъ отливомъ съ темными пятнами, а на головѣ съ такими же полосами; иногда на спинѣ замѣчается слабый золотистый оттѣнокъ. Нижняя сторона тѣла матово-оранжево-желтая съ немногими желтыми пятнами.

У самца въ брачномъ одѣяніи вмѣсто гребня появляется на спинѣ низкая

Перепончатопогій тритонъ. *Molge palmata*. Наст. вел.

каемка, которая на верхней части хвоста образуетъ плавникъ; пальцы на заднихъ ногахъ соединены полной перепонкой; основной цвѣтъ головы, спины до боковой каемки и верхняго плавника на хвостѣ переходитъ въ оливково-бурый цвѣтъ, бока головы, туловища и хвоста дѣлаются металлически-желтыми, а нижняя сторона тѣла по сторонамъ блестяще-бѣлая; посреди брюшка проходитъ оранжево-желтая полоска. На головѣ появляется красивый мраморный рисунокъ изъ черныхъ пятенъ, конечности имѣютъ подобный же рисунокъ или совсѣмъ черныя. На спинѣ и бокахъ много неправильныхъ и неправильно расположенныхъ темныхъ пятенъ. Горло безцвѣтное, брюшко имѣетъ лишь немного черныхъ пятнышекъ, а пятна хвоста располагаются въ двѣ полоски, между которыми замѣчается голубоватая, блестящая продольная полоска. У самки весной хвостъ низкій, перепонки между пальцами на заднихъ ногахъ неразвиты и окраска однообразнѣе, такъ какъ темный цвѣтъ далѣе распространяется по бокамъ и мелкія пятнышки не такъ замѣтны. Нижняя сторона тѣла ярче окрашена, чѣмъ у самца, и оранжевый цвѣтъ брюшка переходитъ и на хвостъ до послѣдней трети его.

Перепончатоногій тритонъ живеть въ сѣверной Испаніи, Франціи, Англіи, Бельгіи, Голландіи, западной Германіи и Швейцаріи. Центральною частью его области распространенія слѣдуетъ считать Францію. Въ Германіи этотъ видъ встрѣчается по берегамъ Рейна и его притоковъ, но на сѣверо-востокъ доходитъ до Бремена, а на востокъ до Гарца, гдѣ его находилъ Вольтерсдорфъ въ различныхъ далеко другъ отъ друга расположенныхъ мѣстностяхъ до города Рула и горъ Спессарта.

По своимъ привычкамъ и образу жизни тритоны эти такъ мало другъ отъ друга отличаются, что можно довольствоваться описаніемъ одного изъ нихъ. Я главнымъ образомъ буду имѣть въ виду гребнистаго тритона и дополню описаніе нѣкоторыми наблюдениями, относящимися къ образу жизни другихъ нѣмецкихъ видовъ.

Тритоновъ считаютъ обыкновенно водными животными и это отчасти вѣрно, такъ какъ во время спариванья они всегда живутъ въ водѣ, иногда проводятъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, а въ иныхъ случаяхъ и совсѣмъ не покидаютъ воды, но однако слѣдуетъ имѣть въ виду, что обыкновенно они проводятъ нѣкоторое время и на сушѣ, а отдѣльные виды даже тамъ проводятъ все время, кромѣ времени, нужнаго для размноженія. Во время спариванія и кладки яицъ они предпочитаютъ чистую воду, окруженную кустами, такъ какъ тамъ они находятъ обильный кормъ; избѣгаютъ они только быстротекущихъ рѣкъ и ручьевъ. Перепончатоногій тритонъ любитъ холодные горные ключи и окружающія ихъ болота. На землѣ они двигаются неуклюже и неловко, но въ водѣ плаваютъ очень быстро, главнымъ образомъ благодаря своему широкому хвосту; они часто поднимаются вертикально на поверхность воды, чтобы забрать воздуху и, спустившись внизъ, выпускаютъ нѣсколько пузырьковъ на поверхность; они опускаются внизъ, змѣеобразно извиваясь, и бѣгаютъ по дну, карауля или охотясь за добычей. Лѣтомъ они выходятъ изъ воды и прячутся подъ корнями деревьевъ и въ земляныхъ норкахъ, а позднѣ осенью они собираются цѣлыми обществами въ зимнихъ убѣжищахъ; однако тѣ, которые отыскали себѣ прудъ, куда втекаетъ много ключей, часто остаются въ немъ и въ холодное время года. По наблюдениямъ Лейдига, тритоны могутъ очень долго прожить безъ воды. «Я встрѣчалъ ихъ», говоритъ этотъ наблюдатель, «на нѣсколько часовъ пути отъ воды и нѣсколько разъ замѣчалъ, что лужи, въ которыхъ было много тритоновъ, во время жаркаго лѣта совсѣмъ высохали и оставались безъ воды втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ; это относится отчасти къ лужамъ, лежащимъ совершенно отдѣльно, на примѣръ къ лужѣ, расположенной въ каменоломнѣ на горѣ, гдѣ кругомъ нельзя было найти никакой другой воды, которую могли бы посѣщать эти животныя. Не безъ удивленія замѣтилъ я, что когда по истеченіи долгаго времени лужи эти снова наполнились водою, тритоны опять появились тамъ». Подобныя же наблюдения были сдѣланы Мойсисовичемъ. Онъ намъ пишетъ объ этомъ слѣдующее. «Холодное время на Пасхѣ 1891 года, которое я провелъ на берегахъ Истріи, было причиною того, что драгированіе въ морѣ не давало почти никакихъ результатовъ, такъ что мнѣ пришлось заняться экскурсіями внутри страны. Каменистая, отчасти очень пустынная и неплодородная горная страна была мѣстами тогда еще покрыта легкимъ снѣжнымъ покровомъ, и животныхъ я находилъ только подъ камнями. Мы разворотили нѣсколько сотенъ обломковъ скалъ и нашли тамъ довольно богатую добычу, состоящую изъ многоножекъ, скорпионовъ, а въ мѣстахъ, богатыхъ черноземомъ, также земляныхъ червяковъ (*Lumbricus complanatus*) вмѣстѣ съ личинками разныхъ насекомыхъ.

Нѣсколько разъ я находилъ, какъ мнѣ казалось, слѣды ящерицъ и три раза въ мѣстахъ, совершенно сухихъ, нашелъ окоченѣвшихъ молодыхъ полосатыхъ тритоновъ, которые лежали свернувшись въ небольшихъ ямкахъ. Животныя эти были очень блѣднаго цвѣта и по росту были на половину меньше экземпляровъ, встречающихся около Граца и, что было особенно удивительно, они сохранили еще свои наружныя жабры. Это послѣднее обстоятельство я могу объяснить себѣ только тѣмъ, что недалеко находилась лужа, въ которой животныя совершали свое превращеніе и которая потомъ совершенно засохла. Но во время моего посѣщенія кругомъ не видно было никакого слѣда воды, а съ другой стороны трудно предположить, чтобы животныя появились здѣсь съ далекаго разстоянія». Каждый собиратель жуковъ часто находитъ самокъ полосатаго тритона лѣтомъ и осенью подъ большими камнями. Тритоны переносятъ также сильныя морозы: нѣсколько разъ находили этихъ животныхъ, которыя были совершенно замерзши и казались безжизненными, однако при оттаяніи снова оживали и проворно двигались; поэтому они могутъ зимой очень хорошо проживать въ такомъ водоемѣ, который не замерзаетъ до самаго дна. Въ подобныхъ лужахъ тритоны, не спрятавшіеся на землѣ, появляются уже въ концѣ февраля, весело плаваютъ въ водѣ, отыскиваютъ другъ друга, плаваютъ попарно и, какъ рыбы, бьютъ одинъ другого хвостами. Если около одной самки встрѣтится много самцовъ, то они стараются отгѣснить одинъ другого и самый настойчивый изъ нихъ, въ концѣ концовъ завладѣваетъ самкой. Это продолжается весною долгое время, иногда втеченіе нѣсколькихъ недѣль.

Гаше наблюдалъ, что спаривающійся самецъ поднимаетъ свой гребень, сильно двигаетъ имъ и приближаетъ свою морду къ мордѣ самки. При этомъ хвостъ у него постоянно двигается и такъ сильно сгибается, что бьетъ по бокамъ самки. Оба животныя касаются другъ друга головами, но заднія части тѣла болѣе отдалены, такъ что они образуютъ собою острый уголъ. Целлеръ нашелъ, что у горнаго и иглистаго тритона, ахлотла и другихъ хвостатыхъ гадовъ не происходитъ настоящаго спариванія, но что самецъ откладываетъ въ воду своеобразно устроенныя сѣмянные пакеты и прикрѣпляетъ ихъ ко дну лужи, а самка потомъ ихъ отыскиваетъ. Она затѣмъ отдѣляетъ отъ пакета сѣмянной комочекъ, окруженный студенистымъ веществомъ и забираетъ его въ открытое отверстіе клоаки. Целлеръ предполагаетъ, и мы должны съ нимъ въ этомъ согласиться, что этотъ способъ оплодотворенія можетъ быть съ нѣкоторыми небольшими отступленіями свойственъ также протей и вообще всѣмъ хвостатымъ гадамъ.

Только что положенное яйцо гребнистаго тритона, по словамъ Рускови, сначала шарообразное, бѣловато-желтаго цвѣта и окружено клейкой массой, которая однако не тѣсно связана съ яйцомъ. Если двигать яйцо въ водѣ кисточкой, то оно постоянно ложится на ту сторону, на которой первоначально лежало. При этомъ можно замѣтить, что только одна половинка его бѣлая, а другая, напротивъ, бурая, причѣмъ темный цвѣтъ соответствуетъ желтку, а свѣтлый бѣлку; бѣлокъ всегда тяжелѣе желтка и этимъ объясняется, что яйцо всегда ложится бѣлкомъ внизъ. Уже черезъ три дня форма яйца нѣсколько измѣняется и съ помощью лупы можно видѣть очертаніе зародыша. На пятый день зародышъ принимаетъ искривленное положеніе и можно различить голову, туловище и хвостъ и даже около головы небольшія возвышенія, соответствующія будущимъ жабрамъ и переднимъ конечностямъ. На седьмой день всѣ отдѣльныя части еще болѣе выдѣляются и можно замѣтить складку, отдѣляющую голову отъ туловища; хребетной столбъ тогда уже также замѣтенъ. На девятый день зародышъ измѣняетъ

свое положеніе, такъ что можно видѣть нижнюю часть головы и туловища; въ это время уже хвостъ имѣетъ видъ тонкаго придатка, замѣтны слѣды рта и глазъ, зародышъ начинаетъ двигаться и сердце его сокращается и расширяется. Движенія дѣлаются еще чаще на десятый день: зародышъ втеченіе 24 часовъ три или четыре раза измѣняетъ свое положеніе, нижнія части тѣла покрываются черными пятнами, по сторонамъ головы появляются четыре нити, которыя, какъ мы увидимъ впоследствии, служатъ вылупившемуся изъ яйца головастикку для прикрѣпленія къ постороннимъ предметамъ. На слѣдующій день на жабрахъ появляются листочки и можно замѣтить движеніе еще бѣловатой крови. На двѣнадцатый день боковые листочки жабръ выдѣляются яснѣе, движенія зародыша очень быстры и разнообразны, такъ что стѣнки яйца во многихъ мѣстахъ выпячиваются. На тринадцатый день оболочка яйца лопається, головастикъ вылупляется изъ яйца и посредствомъ своихъ нитей прикрѣпляется къ листьямъ и другимъ предметамъ; если прикоснуться къ нему, то онъ двигаетъ туловищемъ и хвостомъ, но обыкновенно по нѣсколькимъ часамъ остается безъ движенія. Иногда случается, что онъ безъ видимой причины вдругъ какъ бы пробуждается, начинаетъ плавать съ помощью боковыхъ движеній хвоста, а затѣмъ снова прикрѣпляется къ какому-нибудь листочку и остается тамъ безъ движенія втеченіе многихъ часовъ. Иногда головастикъ падаетъ на дно и тамъ лежитъ точно мертвый. Глаза едва открыты, ротъ еще почти не открывається, переднія конечности имѣютъ видъ тупыхъ отростковъ, но на жабрахъ вырастаютъ все болѣе и болѣе листочковъ. Съ развитіемъ внутренностей, которое происходитъ въ это время, усиливается и животная жизнь головастика: онъ избѣгаетъ того, что ему непріятно, и отыскиваетъ то, что ему нравится. Онъ начинаетъ охотиться за мелкими ракообразными, плавающими въ водѣ, и ловко ихъ схватываетъ; при сильномъ голодѣ онъ нападаетъ даже на другихъ головастиковъ и отгрызаетъ у нихъ жабры и хвостъ. Переднія конечности постепенно развиваются, а когда головастикъ достигаетъ 2 см. длины, то появляются и заднія конечности. По наблюденіямъ Бедраги, головастикъ достигаетъ 50—82 мм. длины, а черезъ 3 мѣсяца получаетъ форму взрослого животнаго.

Лейдигъ повторилъ наблюденія Рускони и распространилъ ихъ на другіе виды, такъ что свѣдѣнія о развитіи тритоновъ имъ значительно пополнены. «Медленное или быстрое развитіе зародыша въ яйцѣ», говоритъ онъ о гребнистомъ тритонѣ, «въ значительной степени зависитъ отъ температуры. Пойманные тритоны метали икру въ началѣ апрѣля въ комнатѣ при 18°—19° по Ц., между тѣмъ какъ живущіе на свободѣ дѣлали это, когда въ полдень въ тѣни было 13°—14° Ц. На свободѣ самка тритона всегда прикрѣпляетъ свои яички по одиночкѣ къ разнымъ предметамъ, находящимся въ водѣ, охотнѣе всего къ листьямъ живыхъ растений, но въ иныхъ случаяхъ также къ оторваннымъ стебелькамъ, кускамъ дерева и камнямъ; въ неволѣ или когда ее пугаютъ, самка выпускаетъ заразъ нѣсколько яичекъ короткими шнурами, которые падаютъ на дно сосуда. Головастики тритона уже съ самаго ранняго возраста легко отличаются отъ головастиковъ другихъ земноводныхъ. Вылупившійся изъ яйца головастикъ сохраняетъ еще нѣкоторое время желто-зеленый цвѣтъ яичнаго желтка, а впоследствии образуются двѣ черныя полоски на спинѣ и черныя пятна на всемъ тѣлѣ, такъ что желто-зеленый цвѣтъ понемногу исчезаетъ, а на блѣдномъ хвостѣ образуется очень узкая бѣловатая каемка. Въ срединѣ іюля головастики, достигшіе 5 см. длины, бываютъ очень красивы. На четырехъ тоненькихъ ножкахъ замѣчаются очень длинныя и иѣжныя пальцы, жабры, особенно переднія, необыкновенно сильно развиты; бѣ-

лая каемка на хвостѣ сдѣлалась шире и на концѣ образуетъ постепенно утончающуюся нить, около 1 ст. длины; кромѣ тонкой черноватой сѣтки, замѣчающейся на туловищѣ и хвостѣ, образуются большія черныя пятнышки и рядъ маленькихъ желтыхъ точекъ на бокахъ и на хвостѣ. Вообще основнымъ цвѣтомъ все-таки остается свѣтло-оливково-бурый, на которомъ разсыяны отдѣльныя черныя пятнышки; стебельки жабръ, бока и брюшко имѣютъ золотистый оттѣнокъ. Въ началѣ сентября металлическій блескъ исчезаетъ, цвѣтъ тѣла дѣлается оливково-сѣрымъ и кромѣ черныхъ пятенъ появляются нѣсколько неясныхъ бѣлыхъ пятен. На животѣ появляется блѣдно-желтый цвѣтъ со слѣдами темныхъ пятенъ, а по срединѣ спины—блѣдно-желтая продольная полоска. Бѣлыя накожные бородавки по бокамъ тѣла уже тогда замѣтны. Внѣшній видъ головастика уже очень похожъ на видъ взрослого животнаго; жабры сдѣлались гораздо меньше и вмѣстѣ съ рыбообразною внѣшностью исчезъ золотистый и серебристый блескъ, свойственный рыбамъ.»

Изъ всѣхъ тритоновъ, воспитанныхъ Лейдигомъ, ранѣе всего металь икру горный тритонъ, именно въ началѣ апрѣля. Только что положенныя яички этого тритона имѣютъ сѣровато-бурый цвѣтъ, а очень молодые головастики бурюю окраску съ двумя темными спинными полосками. У полузрелыхъ головастика основнымъ цвѣтомъ является свѣтло-оливково-бурый, имѣющій по бокамъ и на брюшкѣ золотистый и серебристый блескъ. Хвостъ свѣтло-оливковаго цвѣта съ частою темною сѣтью. Позднѣе, въ августѣ, головастики получаютъ очень своеобразный видъ отъ свѣтлыхъ, довольно крупныхъ и неправильныхъ пятенъ, которыя появляются по бокамъ тѣла, постепенно дѣлаются свѣтлѣе и крупнѣе, сливаются и рѣзко выдѣляются отъ бурого цвѣта тѣла. Но уже раньше легко отличать головастика горнаго тритона отъ головастика гребнистаго и полосатаго тритоновъ, если они даже случайно имѣютъ одну и ту же величину. Хвостъ у головастика горнаго тритона на концѣ тупой и не имѣетъ конечной нити, бѣловатой каемки на хвостовомъ плавникѣ нѣтъ, и хвостъ покрытъ довольно правильной черной сѣткой безъ отдѣльныхъ пятенъ. Когда же у нихъ появляются на бокахъ свѣтлыя пятна по бурому фону, то этихъ головастика можно сразу узнать. Они достигаютъ, по наблюденіямъ Бедряги, своего полного развитія 32—78 мм. длины.

Четырехногіе головастики полосатаго тритона меньше ростомъ головастика горнаго и имѣютъ болѣе стройное нѣжное строеніе. Цвѣтъ ихъ свѣтлѣе, свѣтло-оливково-бурый, а на хвостѣ замѣчаются только маленькія черныя точки. Но они отличаются главнымъ образомъ отъ головастика горнаго тритона рядомъ желтыхъ точекъ, который на туловищѣ расположенъ по срединѣ тѣла, а на хвостѣ лежитъ нѣсколько выше и продолжается до самаго конца его. Самые крупныя головастики этого вида, по словамъ Бедряги, достигаютъ 34 мм. длины.

Изъ всѣхъ европейскихъ видовъ, по наблюденіямъ Лейдига, позже всего кладетъ яички перепончатоногій тритонъ, именно въ концѣ апрѣля. Въ срединѣ мая, при наступленіи болѣе холодной погоды, кладка остановилась, но въ іюнѣ самки стали прикрѣплять еще больше яичекъ къ воднымъ растеніямъ, самцы даже въ это позднее время года преслѣдовали самокъ и такъ же сильно двигали хвостомъ, какъ и весной. Лейдигъ даже замѣтилъ, что самецъ полосатаго тритона, который былъ помѣщенъ въ одинъ сосудъ съ самкой перепончатоногого, гонялся за ней, какъ будто эта самка была его вида. Лички перепончатоногого тритона меньше, чѣмъ у другихъ видовъ. Въ комнатѣ не удалось достигнуть ихъ развитія, но Лейдигъ въ сентябрѣ добылъ головастика, у которыхъ жабры начинали уже исче-

затѣ и которыхъ легко можно было признать за головастики въ переночногого тритона, вслѣдствіе продольныхъ выступовъ по сторонамъ тѣла. Основной цвѣтъ спины былъ свѣтло-бурый; посреди спины шла темная полоска; надъ продольными боковыми выступами замѣчался рядъ слабо-серебристыхъ пятенъ, почти образующихъ полоску, которая продолжалась и на хвостѣ параллельно верхнему краю его. Бѣлыя металлически-блестящія точки увеличивались въ числѣ по серединѣ туловища, брюшко имѣло золотистый блескъ, а на нижнемъ краѣ хвоста замѣчалась узкая оранжево-желтая полоска. Самый крупный, измѣренный Бедрягой головастикъ этого тритона имѣлъ 29 мм. длины. Фишеръ-Зигвартъ находилъ часто въ Швейцаріи перезимовавшихъ головастиковъ переночногого тритона.

Шрейберъ и Филиппи первые наблюдали, что при извѣстныхъ стѣснительныхъ условіяхъ, зрѣлый въ половомъ отношеніи тритонъ сохраняетъ внѣшній видъ головастика и дышетъ жабрами. Именно у горнаго тритона нѣсколько разъ наблюдали головастиковъ, имѣющихъ вполне развитые половые органы. Филиппи справедливо замѣчаетъ, что это обстоятельство можетъ служить доказательствомъ въ пользу происхожденія видовъ одного отъ другого: оно очевидно приближаетъ тритоновъ къ рыбообразнымъ амфибіямъ гораздо больше, чѣмъ до сихъ поръ думали. По мнѣнію Лейдига, это явленіе, которое Кольманъ называетъ, «неотеніей», слѣдуетъ разсматривать, какъ приспособленіе животнаго къ внѣшнимъ условіямъ.

Тритоны уже съ ранняго возраста живутъ хищничествомъ и исключительно питаются животными веществами. Сначала они охотятся за очень маленькими существами, именно мелкими ракообразными, личинками насѣкомыхъ и червями, позднѣе они преслѣдуютъ болѣе крупную добычу, на примѣръ насѣкомыхъ, плавающихъ на поверхности воды, мягкотѣлыхъ, земляныхъ червей, головастиковъ и даже молодыхъ тритоновъ; они также ѣдятъ лягушечью икру. Вредными ихъ назвать нельзя; скорѣе они бываютъ полезны истребленіемъ личинокъ комаровъ.

Кромѣ измѣненія въ цвѣтѣ, замѣчаемаго во время размноженія, тритоны обладаютъ способностью болѣе или менѣе произвольно измѣнять цвѣтъ своей кожи; у нихъ также замѣчаются подвижныя пигментныя клѣточки. Лейдигъ однажды помѣстилъ великолѣпно окрашеннаго въ брачный нарядъ тритона, который до сихъ поръ жилъ въ большомъ бассейнѣ, въ маленькую банку, чтобы удобнѣе его срисовать. Къ удивленію своему, онъ замѣтилъ, что испуганное этимъ переселеніемъ животное при одинаковомъ освѣщеніи замѣтно измѣнилось въ цвѣтѣ: окраска его стала очевидно блѣднѣе. Когда животное снова перемѣстили въ просторный акваріумъ съ водными растеніями, то возбужденіе его понемногу улеглось и черезъ полчаса оно снова приобрѣло блестящую окраску. Уже это наблюденіе должно было напомнить Лейдигу подобное явленіе у квакши и навести его на мысль о подвижныхъ пигментныхъ клѣткахъ; впрочемъ, вскорѣ онъ замѣтилъ еще болѣе сильное измѣненіе въ цвѣтѣ. Всѣ жившіе у него въ холодномъ помѣщеніи тритоны отличались блѣднымъ цвѣтомъ, между тѣмъ какъ тѣ, которые жили при болѣе высокой температурѣ, имѣли болѣе темную окраску; когда Лейдигъ перенесъ блѣдныхъ тритоновъ въ нагретую комнату, чтобы ихъ срисовать, то окраска ихъ измѣнилась: свѣтло-шиферно-сѣрый цвѣтъ превратился въ темно-шиферно-синій и крупныя, ясныя, бурія пятна исчезли; однимъ словомъ — животныя совсѣмъ измѣнили цвѣтъ. Это явленіе зависитъ, по словамъ Лейдига, отъ вліянія нервной системы: возбужденіе, страхъ и измѣненіе температуры служатъ причинами измѣненія цвѣта. Земноводныя жаркихъ странъ отличаются отъ нашихъ въ этомъ отношеніи тѣмъ, что перемѣна окраски у нихъ не бываетъ такъ сильна и не такъ быстро совершается.

Весною тритоны линяют через 2—8 дней, послѣ спариванья рѣже, а во время пребыванія на сушѣ, вѣроятно, вовсе не линяютъ. Хотя линяніе происходитъ довольно быстро, но однако оно, вѣроятно, сильно вліяетъ на животныхъ, такъ какъ передъ этимъ они теряютъ живость и дѣлаются лѣнливыми. Передъ самымъ линяньемъ кожа дѣлается тусклою и темною, такъ какъ отстаетъ постепенно отъ тѣла; это, вѣроятно, служитъ причиною неприятнаго ощущенія для животнаго и потому то тритоны и кажутся въ это время не совсемъ здоровыми. Когда наступитъ время, тритонъ старается передними ногами образовать отверстіе въ старой кожѣ около нижней челюсти, затѣмъ отдѣляетъ кожу головы около конца морды, сгибается всѣмъ тѣломъ, то на правую сторону, то на лѣвую, часто встряхивается и высовываетъ голову изъ воды. Часто повторяющимися искривленіями туловища и поскребывая себѣ тѣло передними ногами, онъ медленно сдираетъ съ себя кожу; когда переднія конечности уже освободились отъ старой кожи, онъ вертится и сильно встряхивается, такъ что морщинистая наружная кожа отодвигается къ основанію хвоста, затѣмъ онъ схватываетъ ее пастью и сдираетъ ее цѣликомъ такъ, какъ человѣкъ снимаетъ рубашку. Линяніе часто оканчивается втеченіе одного часа, но иногда длится два или болѣе часовъ и необыкновенно утомляетъ тритона. Часто другіе тритоны помогаютъ линяющему и проглатываютъ захваченную въ пасть кожу, но иногда не безъ усилія выдѣляютъ ее непереваренной. Случается, напримѣръ, что проглоченная кожа отчасти торчитъ у нихъ изъ задняго прохода и они всѣми силами стараются ее вытащить лапами и ртомъ; это наблюденіе однако требуетъ подтвержденія, и многіе объясняютъ его тѣмъ, что у нихъ слѣзаетъ кожа также и съ кишекъ. Если линяніе происходитъ быстро и удачно, то отдѣлившаяся кожа бываетъ очень красива: она выворочена, но нигдѣ не разорвана, такъ что можно видѣть каждый палецъ отдѣльно, только на мѣстѣ глазъ бываютъ двѣ большія дырки.

При обыкновенныхъ обстоятельствахъ тритоны не издаютъ никакихъ звуковъ, кромѣ звука, происходящаго отъ выпусканія изо рта пузырьковъ воздуха. Однако они не совсемъ безголосые. Если ихъ тронуть внезапно и довольно сильно, то они издаютъ ясный квакающій тонъ, который похожъ на голосъ другихъ гадювъ.

Жизнь тритона въ неволѣ лучше всѣхъ описалъ Глазеръ. По его наблюденіямъ, животныя эти неприхотливы и потому ихъ нетрудно содержать въ обыкновенномъ акваріумѣ. Тамъ они довольно занимательны: они очень прожорливы и если ими много заниматься и часто кормить, то они дѣлаются очень ручными. Если къ нимъ приблизиться, то они стоятъ на днѣ акваріума, поднявши, какъ собаки, головы вверхъ и пристально смотря на каждаго приближающагося чело-вѣка, ожидая подачки. Въ первое время жизни въ неволѣ они бываютъ робки и пугливы, постоянно прячутся, выходятъ на поверхность воды минутъ черезъ десять, чтобы выпустить воздухъ и набрать новаго, но затѣмъ быстро снова прячутся въ свои убіжища. Когда же ихъ начинаетъ мучить голодь и имъ даютъ возможность его утолить, то они дѣлаются болѣе смѣлыми и, наконецъ, до того ручными, что цѣлый день остаются на виду въ акваріумѣ, бродятъ по дну или плаваютъ и внимательно осматриваются, стараясь разглядѣть какую-нибудь добычу. Тритоны, привыкшіе къ темнотѣ канавъ и болотъ, видятъ своими маленькими глазами плохо. Они также очень неловки при схватываньи и проглатываньи добычи, вертятъ во всѣ стороны головой, чтобы глубже запахать пищу въ пасть и глотаютъ съ трудомъ, кивая головой, приподнимаясь на переднихъ конечностяхъ и судорожно держа всѣмъ тѣломъ. Иногда они въ полномъ смыслѣ этого слова зѣваютъ и вообще

кажутся олицетвореніемъ лѣни и бездѣйствія. Имъ годится всякая пища, они схватываютъ и проглатываютъ съ жадностью совсѣмъ маленькихъ мертвыхъ рыбокъ, которыхъ подносятъ къ ихъ рту, но точно также схватываютъ крошки хлѣба, сырое мясо и всякія другія вещества. Поэтому ихъ безъ всякаго труда можно держать зимою въ теплой комнатѣ.

Изъ страха передъ крупными тритонами, молодые и мелкіе виды постоянно прячутся. Полъ дюжины маленькихъ молодыхъ черныхъ тритоновъ въ 3 см. длины очень скоро были всѣ съѣдены взрослыми, и Глазеръ наблюдалъ, что большіе тритоны схватывали и проглатывали посаженныхъ къ нимъ полосатыхъ тритоновъ. Вообще вмѣстѣ съ гребнистымъ тритономъ нельзя держать тритоновъ другого вида.

Большое удовольствіе доставляетъ кормленіе тритоновъ земляными червями. При этомъ, точно такъ какъ при кормленіи мухами, они схватываютъ другъ друга пастью за ноги, сильно вертятся и дергаютъ и, наконецъ, отдаляются другъ отъ друга; затѣмъ побѣдитель возвращается и беретъ себѣ въ награду добычу. Часто случается, что пока два большихъ тритона стараются схватить брошенное имъ насѣкомое, проворная лягушка, живущая съ ними въ одномъ акваріумѣ, быстрымъ прыжкомъ издали схватываетъ добычу подъ носомъ неуклюжихъ и полуслѣпыхъ тритоновъ. Такъ какъ тритоны плохо видятъ, то довольно трудно ихъ заставить замѣтить пищу, прикрепленную къ концу палочки; они часто изъ жадности хватаютъ ртомъ мимо, иногда же случается, что они схватываютъ челюстями конецъ палочки и тогда ихъ можно вытянуть изъ воды. Глазеръ нѣсколько разъ видѣлъ, что гребнистые тритоны съ большими усиліями выѣдали прудовиковъ и катушекъ изъ ихъ раковинъ. Эти мягкотѣлыя далеко высовываютъ свое тѣло изъ раковины, выскивая себѣ растеніе для питанія. Случается, что при этомъ они поладаются на глаза голодному тритону и, хотя онъ очень неуклюжъ и не проворенъ въ своихъ движеніяхъ, но все же схватываетъ еще болѣе медленно двигающееся мягкотѣлое, сильнымъ отгидываньемъ головы постепенно вытаскиваетъ его изъ раковины и проглатываетъ. Вѣроятно, въ прудахъ, лужахъ и канавахъ улитки составляютъ главную пищу тритоновъ вмѣстѣ съ молодыми и маленькими животными собственнаго вида, между тѣмъ какъ на сушѣ, подъ камнями и въ норкахъ, а также ночью, когда они вылѣзаютъ на берегъ, они ѣдятъ слизней и земляныхъ червяковъ. Жившіе у Глазера гребнистые тритоны проводили жаркое лѣтнее время въ отверстіяхъ туфа, выходящаго въ видѣ острова посреди акваріума, и при этомъ вовсе не двигались. Только, когда погода стала свѣжѣе, они снова появились и стали искать пищи, причемъ охотно ѣли крупныхъ комнатныхъ мухъ. Глазеръ замѣтилъ, что тритонъ, проглотившій большую крылатую самку муравья, снова ее выплюнулъ и болѣе ее не схватывалъ, хотя она шевелилась передъ нимъ. Тритоны неохотно ѣдятъ также сушенныя муравьиныя куколочки, которыми зимою часто кормятъ золотыхъ рыбокъ и лягушекъ. Одинъ американскій тритонъ (*Molge viridescens*) проглатываетъ, по наблюденіямъ Пике, маленькія раковины горошинки (*Pisidium*) вмѣстѣ съ ихъ содержимымъ. Стерки опясываетъ жадность гребнистыхъ тритоновъ почти такъ же, какъ и Глазеръ. «Если имъ давали», пишетъ онъ мнѣ, «большое количество земляныхъ червяковъ, то они часто дрались долгое время между собой прежде, чѣмъ который-нибудь изъ нихъ дотрагивался до одного червяка, и это случалось даже тогда, когда всѣмъ хватало пищи. Часто они схватывали другъ друга за верхнюю челюсть и долго дрались такимъ образомъ. Наконецъ озлобленіе ихъ проходитъ и они начинаютъ ѣсть, при чемъ случается, что два тритона, схватившіе земляного червяка съ противополож-

ных концовъ, при проглатываньи сталкиваются носами. Добыча обыкновенно не разрывается пополамъ, а болѣе сильный тритонъ вытаскиваетъ червяка изъ пасти другого». Мелкіе тритоны ведутъ себя въ акваріумѣ почти такъ-же, какъ и крупныя.

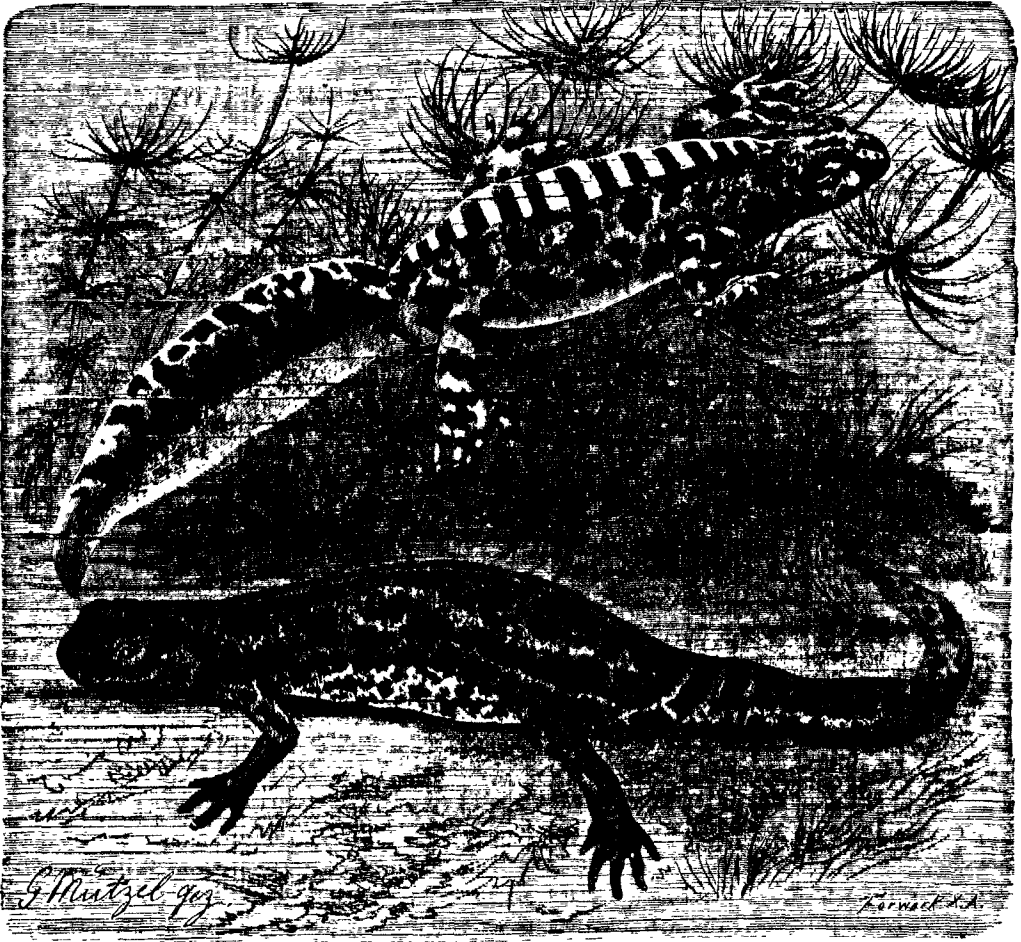
Надъ тритонами дѣлали многія наблюденія относительно ихъ живучести и способности воспроизводить утраченныя части тѣла. Уже давно были извѣстны ихъ нечувствительность къ измѣненіямъ температуры и способность долго противустоять вліянію холода; также узнали, что отрѣзанныя конечности у нихъ снова вырастаютъ. Спалланцани и Блюменбахъ производили надъ ними жестокіе опыты, отрѣзая у нихъ ноги, хвостъ и вырѣзая у нихъ глаза. Опыты эти доказали, что всѣ эти части тѣла полностью возобновлялись, причемъ замѣтили, что у выросшихъ конечностей образовались новыя кости со всѣми суставами. Отрѣзанный хвостъ вырастаетъ снова, бываетъ такой же величины, какъ старый, и въ немъ вновь образуются позвонки; отрѣзанныя конечности вырастаютъ вполнѣ вновь почти нѣсколько разъ; даже вновь вырастаютъ отломанныя челюсти. У Спалланцани втеченіе трехъ мѣсяцевъ тритоны возобновили 687 отнятыхъ костей. Блюменбахъ вырѣзалъ у тритона $\frac{4}{5}$ глаза и убѣдился, что черезъ 10 мѣсяцевъ у него образовался новый глазъ съ роговой и радужной оболочкой, а также хрусталикомъ, однимъ словомъ совершенно новый органъ, отличавшійся отъ прежняго только нѣсколько меньшей величиной.

Эрберъ рассказываетъ примѣръ живучести тритона. «Ужъ съѣлъ одного моего тритона, а затѣмъ скрылся. Мѣсяць спустя въ кухнѣ отодвинули отъ стѣны ящикъ и нашли за нимъ, вѣроятно выплюнутого ужемъ, тритона; при движеніи ящика у тритона оторвали переднюю ногу; животное казалось совсѣмъ высохшимъ, и я у него едва нашелъ признаки жизни; я положилъ его на землю цвѣточного горшка. Когда стали поливать цвѣты и облили при этомъ тритона, то онъ зашевелился и даже пробовалъ ползти. Я тогда посадилъ его въ чистую воду и сталъ кормить земляными червяками. Уже черезъ нѣсколько дней онъ сталъ быстро двигаться, черезъ три недѣли вмѣсто оторванной ноги у него появился небольшой, безформенный отростокъ, а черезъ 4 мѣсяца нога выросла вполнѣ. Съ этихъ поръ на тритона стали обращать большое вниманіе, и онъ скоро научился ползать по стеклу и брать пищу изъ рукъ. Банка, гдѣ онъ жилъ, стояла между рамами окна. Поздно осенью сдѣлался сильный морозъ, вода замерзла и банка лопнула. Тритонъ при этомъ также замерзъ, но такъ какъ я его хотѣлъ посадить въ спиртъ, то помѣстивъ остатки банки въ большой сосудъ съ водою и поставивъ его на плиту, чтобы ледъ растаялъ; при этомъ я совсѣмъ позабылъ о тритонѣ, но скоро замѣтилъ, что онъ снова ожилъ отъ теплоты и всѣми силами старался спастись изъ горячей ванны. Я его снова посадилъ въ холодную воду и послѣ этого происшествія онъ прожилъ у меня еще цѣлый годъ».

* *
*

Самымъ красивымъ изъ европейскихъ видовъ слѣдуетъ считать **Мраморнаго тритона** (*Molge marmorata*, *salamandra*, *Hemisalamandra*, *Pyronicia marmorata*, *Triton marmoratus*. *Marmorolch.* *Triton marbré*), животное отъ 13—14 см. длины, которое отличается отъ другихъ видовъ своими сухожилъными дугами, незубатымъ спиннымъ гребнемъ, и темнымъ брюшкомъ съ бѣлыми пятнами. У самца весной замѣчается высокій прямой спинной гребень, который у основанія хвоста образуетъ глубокую выемку, а у самки вмѣсто гребня на спинѣ есть бороздка. Кожа у этого тритона постоянно неровная и бородавчатая; на головѣ за ушами и по боковой линіи очень замѣтны маленькія отверстія железокъ. Верхняя сторона травяно-зеленаго или

оливково-зеленаго цвѣта съ мраморнымъ чернымъ рисункомъ; спинной и хвостовой гребни покрыты поперечными черными и бѣлыми полосками; по сторонамъ хвоста проходитъ серебристо-бѣлая полоска. Нижняя сторона тѣла сѣрая, бурая или черная съ крупными черными и мелкими бѣлыми пятнышками; иногда и здѣсь замѣчается мраморный рисунокъ. На зеленыхъ пальцахъ замѣчаются черныя колечки. У самки вмѣсто спинного гребня бываетъ оранжево-желтая или красная спинная полоса. Это красивое животное живетъ въ Португаліи, Испаніи и Франціи.

Мраморный тритонъ. *Molge marmorata*. Ист. вел.

Хотя мраморный тритонъ встрѣчается во Франціи чаще огненной саламандры, однако онъ все-таки принадлежитъ къ числу рѣдкихъ хвостатыхъ земноводныхъ этой страны и настоящимъ его отечествомъ слѣдуетъ считать скорѣе Испанію. Только раннею весною, по словамъ Латаста, можно его видѣть въ канавахъ, ключахъ и лужахъ, въ прочее же время года онъ живетъ на сушѣ, какъ и огненная саламандра, въ сырыхъ и тѣнистыхъ мѣстностяхъ и чаще всего парами; здѣсь онъ и зимуетъ. Это—ночное животное, какъ и саламандра, и питается онъ тѣмъ же, чѣмъ и она.

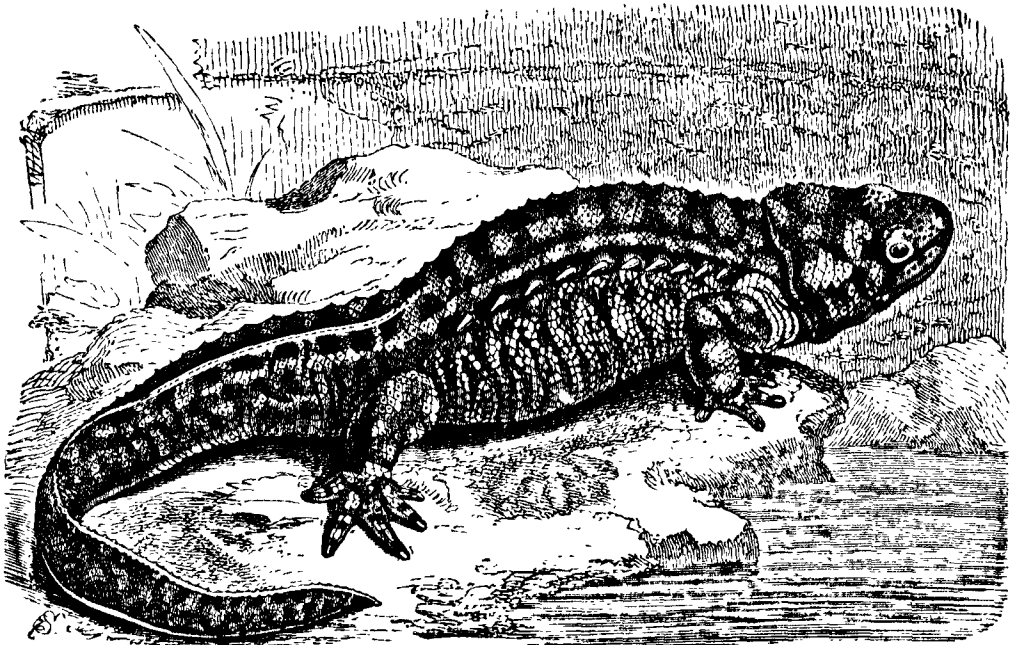
Оплодотвореніе и кладка яицъ происходятъ такъ же, какъ и у другихъ три-

тоновъ. «Головастики», говоритъ Гаше, «двигаются очень быстро, плаваютъ толчками, никогда не приближаются къ берегу, а держатся всегда въ серединѣ воды и очень долго остаются на поверхности ея, не двигаясь съ мѣста. При малѣйшемъ волненіи, или если приближается къ нимъ какой-либо предметъ, головастики быстро спасаются и очень ловко ныряютъ». Мраморный тритонъ размножается во время отъ начала февраля до конца мая; головастики его, очень похожіе на головастиковъ гребнистаго тритона, но отличающіеся отъ нихъ зеленымъ оттѣнкомъ, были пойманы Латастомъ въ серединѣ апрѣля и имѣли тогда 7 см. длины; 15-го мая они превратились въ взрослыхъ животныхъ. Бедрага говоритъ, что головастики этого тритона достигаютъ 43—70 мм. длины. Когда мраморный тритонъ выходитъ на сушу, то кожа его, какъ и у другихъ тритоновъ, дѣлается матовою, зернистою и теряетъ свою гладкую слизистую поверхность. Если его съ суши внезапно бросить въ воду, то, по наблюденіямъ Фишера, все тѣло его покрывается серебрянымъ слоємъ воздуха и онъ можетъ тогда нырять только съ трудомъ.

Тритонъ этотъ еще замѣчательнѣе тѣмъ, что на сѣверной границѣ своей области распространенія, именно въ Бретани и въ сѣверо-восточной Франціи, встрѣчаясь съ гребнистымъ тритономъ, образуетъ съ нимъ помѣси, которымъ дали названіе **Тритоновъ Блазіуса** (*Molge blasii* или *Triton blasii*). Онъ нѣсколько крупнѣе мраморнаго тритона, именно имѣетъ 14—16 см. длины, а по строенію и окраскѣ отчасти похожъ на обоихъ родителей. Височная дуга у него состоитъ изъ сухожилій, какъ у мраморнаго тритона, но гребень у него зубчатый, а брюшко оранжево-красное съ черными пятнами, какъ у гребенчатаго. Графъ Перокка указалъ, что тритонъ Блазіуса встрѣчается также около городовъ Туръ и Анже и происходитъ отъ самца гребнистаго тритона и самки мраморнаго. Этотъ натуралистъ нашелъ помѣсь, происходящую отъ самца мраморнаго и самки гребнистаго тритона, изобразилъ и описалъ это животное и назвалъ **Тритономъ Труессара** (*hybr. trouessarti*),

Михаэллесъ описалъ въ 1830 году тритона, котораго онъ считалъ представителемъ отдѣльнаго рода, но въ послѣднее время его присоединили къ другимъ тритонамъ. Это **Иглистый тритонъ** (*Molge waltli*, *Pleurodeles waltli*, *Salamandra major*, *pleurodeles*, *Bradobates ventricosus*. *Rippenmolch*. *Triton de Waltli*.); туловище у него стройное и удлиненное, однако довольно сильное, длина головы нѣсколько превосходить ея ширину, морда тупая, плоская и округленная, какъ у жабы, хвостъ сильно сжатъ съ боковъ и имѣетъ видъ лезвія ножа, на концѣ округленный и имѣетъ тонкій плавникъ какъ сверху, такъ и снизу. Ни у самца, ни у самки нѣтъ кожистаго гребня на спинѣ, височная дуга костяная, небные зубы такъ сильно придвинуты впередъ, что стоятъ гораздо дальше внутренняго носоваго отверстия. Кругловатый языкъ не великъ, прикрѣпленъ спереди, и свободенъ сзади и съ боковъ. Переднія ноги имѣютъ по 4, а заднія по 5 пальцевъ, не соединенныхъ перепонками. Наружная кожа железистая и зернистая, а на границѣ между спиной и боками проходитъ рядъ крупныхъ роговыхъ бугорковъ, сквозь которыя часто проходятъ очень острые концы реберъ. Михаэллесъ говоритъ, что спина этого тритона грязно-бураго цвѣта съ сѣрымъ оттѣнкомъ и малозамѣтными пятнами, брюшко же охрово-желтаго цвѣта съ маленькими круглыми черновато-сѣрыми пятнами. Шрейберсъ, который наблюдалъ большое количество этихъ тритоновъ, утверждаетъ, напротивъ, что основной цвѣтъ верхней части тѣла грязноватый охрово-желтый, который у старыхъ самокъ переходитъ въ сѣрый, а у самцовъ въ крас-

ный оттънокъ, иногда же у послѣднихъ дѣлается бурымъ, оливково-зеленымъ и даже черноватымъ. Нижняя сторона тѣла обыкновенно блѣднѣе верхней и покрыта довольно мелкими неправильно округленными черноватыми пятнами, которыя стоятъ отдѣльно или иногда болѣе или менѣе сливаются; въ видѣ исключенія же ихъ бываетъ такъ много, что они почти совсѣмъ вытѣсняють основной цвѣтъ. Нижний край хвостоваго плавника и кончики пальцевъ желтоватыя или оранжево-желтыя, многочисленныя бородавки на тѣлѣ имѣють на концѣ черныя роговыя шишечки. Молодые тритоны отличаются отъ старыхъ болѣе свѣтлой окраской переходящей въ кирпично-красный цвѣтъ съ верхней стороны и одноцвѣтнымъ брюшкомъ. Большіе головастики имѣють сверху бѣловатый или свѣтло-желтый цвѣтъ съ многочисленными, болѣею частью сливающимися, темно-пепельно-сѣрыми пятнами, нижняя же сторона тѣла бѣлая со многими мелкими сѣрыми точками. Изъ трехъ пучковъ

Иглистый тритонъ. *Molge waltii*. Натур. вел.

жабръ, средній самый короткій, между тѣмъ какъ задній длиннѣе другихъ и кончикъ его доходитъ до сгиба переднихъ конечностей. Хвостъ имѣеть длину, равную длинѣ тѣла, сильно сжатъ съ боковъ и сверху имѣеть очень высокій плавникъ. Кожа у головастиковъ почти гладкая. Вполнѣ взрослые экземпляры имѣють 18—21 см. длины, но могутъ достигать и 23 см; эти крупныя экземпляры встрѣчаются въ сѣверной Африкѣ. Молодые, только что окончившіе свое превращеніе тритоны имѣють около 6 см. длины, однако нерѣдко встрѣчаются головастики, которые по величинѣ не уступаютъ довольно взрослымъ тритонамъ и бывають вдвое длиннѣе только что окончившихъ свое превращеніе молодыхъ, а по объему тѣла превосходятъ ихъ въ 6 или 8 разъ.

Иглистый тритонъ отличается отъ другихъ хвостатыхъ земноводныхъ болѣе по своему скелету, чѣмъ по внѣшнему виду и окраскѣ. У него большое число, именно 56 позвонковъ: первый позвонокъ не имѣеть реберъ, а 14 слѣдующихъ имѣють хорошо развитыя ребра, которыя прикрѣпляются къ поперечнымъ отрост-

ткамъ позвонковъ двумя головками, имѣютъ очень острые концы и бываютъ около 8 мм. длинны. Къ большимъ поперечнымъ отросткамъ шестнадцатаго позвонка прикрѣпляются тазовыя кости, а къ нимъ заднія конечности; прочіе позвонки находятся въ очень длинномъ хвостѣ. Ни у одного тритона нѣтъ такого большого количества и столь развитыхъ реберъ. Черепъ у него округленнѣе и болѣе плоскій, чѣмъ у другихъ тритоновъ и отличается костяной височной дугой. На краю челюстей сидятъ острые зубы, число которыхъ на каждой челюсти бываетъ 48—60; старыя животныя имѣютъ менѣе зубовъ, чѣмъ молодыя. У послѣднихъ на каждой небной кости замѣчается 12 острыхъ очень маленькихъ зубовъ, между тѣмъ какъ у взрослыхъ тамъ остается только пилообразная полоска.

Иглистый тритонъ до сихъ поръ найденъ только въ юго-западной Испаніи, Португаліи и Марокко, и, повидимому, живетъ здѣсь только въ извѣстныхъ мѣстностяхъ. Вальтъ, открывшій его и въ честь котораго онъ названъ, нашелъ его въ цистернахъ, которыя часто встрѣчаются въ Андалузіи. Нѣкоторые изъ этихъ водоемовъ имѣютъ 6—10, а иные даже 30 м. глубины, и только немногіе изъ нихъ такъ устроены, что можно въ нихъ ловить тритоновъ съ помощью длинной палки и сачка. Тритоны живутъ тутъ въ большомъ количествѣ, но ловить ихъ по вышеуказаннымъ причинамъ трудно, и любознательный натуралистъ долженъ болѣею частью довольствоваться наблюденіями издали. Позднѣе узнали, что этотъ тритонъ встрѣчается не только въ цистернахъ, но также въ прудахъ и лужахъ, гдѣ его гораздо легче ловить. Бедряга предполагаетъ, что взрослые тритоны этого вида могутъ хорошо жить въ глубокихъ цистернахъ, но для размноженія своего требуютъ непременно неглубокихъ лужъ. Несомнѣнно иглистые тритоны попадаютъ въ глубокіе колодцы противъ ихъ воли, но, повидимому, живутъ всю свою жизнь въ водѣ. Наконья выдѣленія у нихъ слабѣе, а живучесть сильнѣе, чѣмъ у другихъ тритоновъ. Это ночныя животныя, которыя предпочитаютъ темныя мѣста свѣтлымъ, растутъ очень быстро и чрезвычайно прожорливы. Зимой они линяютъ ежемѣсячно и, какъ другіе тритоны, проглатываютъ свою кожу.

Передъ спариваньемъ самецъ, по словамъ Латаста, залѣзаетъ подъ самку, сжимаетъ ея переднія ноги спереди назадъ своими лапами, и животныя остаются въ такомъ положеніи втеченіе нѣсколькихъ часовъ. Бедряга наблюдалъ это спариванье, которое происходитъ въ водѣ втеченіе нѣсколькихъ дней, но ни онъ, ни другіе натуралисты не видѣли переносъ сѣмени на яички. Бедряга предполагаетъ, что гребнистый тритонъ кладетъ икру два раза въ году: въ іюль и августъ, а затѣмъ въ февралѣ и мартѣ.

Лейдигъ старался доказать, что часто случающееся прободеніе кожи кончиками реберъ есть явленіе болѣзненное и происходящее оттого, что животное сильно сжимается, когда его схватываютъ, и острыми концами своихъ реберъ защищается отъ врага. Можетъ быть онъ и правъ, но прободеніе кожи ребрами такъ часто замѣчается у животныхъ и на свободѣ, какъ это доказалъ Бедряга, что это явленіе слѣдуетъ считать отличительною особенностью этого страннаго животнаго.

* * *

Очковыя саламандры (*Salamandrina*) отличаются главнымъ образомъ тѣмъ, что у нихъ по 4 пальца на всѣхъ конечностяхъ и височная дуга костяная; туловище у нихъ вытянутое, хвостъ круглый, на концѣ острый и съ острымъ ребромъ наверху и внизу; на головѣ нѣтъ заушныхъ железъ и кожа всего тѣла зернистая. Печные зубы образуютъ два сначала почти параллельныхъ, а сзади сильно расходящихся ряда, передній край которыхъ не заходитъ далѣе внутреннихъ но-

совыхъ отверстій. Языкъ большой, длинный, спереди суженный, сади плоско-закругленный и приросшій переднею частью, такъ что не только задняя половина, но и бока языка свободны.

Единственный видъ этого рода—**Очковая саламандра** (*Salamandrina perspicillata*, *Salamandra tridactyla*, *perspicillata*, *Molge tridactyla*, *Seiranota condylura*, *perspicillata*, *Brillensalamander*, *Salamandre à lunettes*), которую итальянцы называютъ **Тарантолина**. Верхняя часть тѣла матово-черная, причемъ желтовато-красный очковый рисунокъ надъ глазами очень ясно выдѣляется; на черномъ горлѣ находится бѣлое пятно, а на свѣтломъ брюшкѣ много неправильныхъ черныхъ пятенъ и точекъ; мѣсто около задняго прохода, внутренняя сторона конечностей и нижняя сторона хвоста красиваго карминно-краснаго цвѣта. По росту это животное гораздо меньше обыкновенной саламандры: длина его достигаетъ 8—10 см., изъ которыхъ $\frac{2}{3}$ приходится на хвостъ.

Очковая саламандра, *Salamandrina perspicillata* Нас. вел.

Эта красивая саламандра живетъ на берегахъ Средиземнаго моря, въ сѣверной и средней Италіи и на островѣ Сардиніи. Она встрѣчается въ гористыхъ и тѣнистыхъ мѣстахъ, однако высоко на горы не заходитъ, а предпочитаетъ холмистыя мѣстности съ умѣреннымъ климатомъ. До 1863 года были извѣстны лишь очень недостаточныя свѣдѣнія объ очковой саламандрѣ и даже появившееся въ вышеназванномъ году небольшое сочиненіе Раморіно осталось малоизвѣстнымъ. Только въ 1868 году Лессонъ издалъ подробное описаніе этого животного, которое онъ впоследствии еще болѣе пополнилъ.

Въ окрестностяхъ Генуи очковая саламандра очень обыкновенна и часто встрѣчается на горахъ, окружающихъ въ видѣ амфитеатра этотъ красивый городъ. Съ этихъ горъ течетъ въ море много маленькихъ ручейковъ, которые послѣ ливней превращаются въ бурные потоки, а затѣмъ почти совсѣмъ пересыхаютъ, причемъ кое-гдѣ остаются только небольшія лужи, въ свѣтлой водѣ которыхъ растутъ много растеній и живутъ многочисленныя личинки насѣкомыхъ. Горы эти не покрыты ни лѣсомъ, ни даже кустарникомъ. Очковые саламандры держатся вблизи вышеупомянутыхъ лужъ, прячутся тамъ подъ камнями или живутъ даже въ полусохшемъ илѣ. Въ дождливые дни, особенно весной и осенью, саламандры эти выходятъ изъ своихъ убѣжищъ; лѣтомъ же это случается только послѣ большихъ ливней,

которые, однако, въ окрестностях Генуи очень рѣдки въ это время года. Гораздо чаще ихъ можно видѣть въ свѣтлые и тихіе зимніе дни, даже въ январѣ. Онѣ питаются главнымъ образомъ муравьями и маленькими пауками. Въ первые теплые весенніе дни, именно въ мартѣ, саламандры эти отправляются въ воду, чтобы класть яйца и тогда можно видѣть самокъ въ вышеуказанныхъ лужахъ. Первые появившіяся выбираютъ себѣ лучшія мѣста, именно стѣны скалъ, которыя не подвержены сильному прибою воды, такъ что прилѣпленные къ нимъ яички не такъ легко смываются усилившимися послѣ дождя потоками. Когда заняты лучшія мѣста, то прочія самки должны довольствоваться тѣми, которыя остались незанятыми, и прилѣпляютъ свои яички къ стеблямъ и вѣткамъ лежащихъ въ водѣ растений, а также къ листьямъ на днѣ лужи. Очень часто случается, что множество яичекъ смываются водой и уносятся въ море, иногда же, но гораздо рѣже, они погибаютъ, потому что лужи лѣтомъ совсѣмъ высыхаютъ. По наблюденіямъ Лессона только однѣ самки отправляются въ воду; по крайней мѣрѣ ни этотъ натуралистъ, ни одинъ изъ его помощниковъ не замѣчали тамъ ни одного самца. Спариванье, слѣдовательно, происходитъ на сушѣ.

Положенные яички окружены слизью, какъ у лягушекъ, и по развитію своему сначала ничѣмъ существенно не отличаются отъ развитія лягушечей икры. При температурѣ 15° первая средняя бороздка появляется черезъ 48 часовъ, спинное возвышеніе показывается черезъ 24 часа и затѣмъ развитіе продолжается въ обычномъ правильномъ порядкѣ. На 10-ый или 12-ый день головастикъ начинаетъ шевелиться; а черезъ 20—22 дня онъ освобождается отъ окружающей его слизи и какъ бы въ изнеможеніи падаетъ на дно воды, гдѣ втеченіе двухъ дней вовсе не шевелится; если его тронуть, то онъ начинаетъ быстро плавать съ помощью своего хвоста, но скоро останавливается и снова падаетъ на дно воды. На третій день по вылупленіи замѣчаешь, что головастикъ лежитъ на животѣ и прикрѣпляется къ разнымъ предметамъ съ помощью двухъ отростковъ, дѣйствующихъ какъ присасывательныя бородавки. На 18-ый день своей жизни на свободѣ у головастика образуются пальцы, а черезъ 50—52 дня превращеніе вполне закончено. Вообще головастики очковой саламандры гораздо менѣе подвижны, чѣмъ головастики лягушекъ: они долгу лежатъ на днѣ воды на какомъ-нибудь камнѣ и изрѣдка только двигаются, чтобы схватить добычу. По наблюденіямъ Лессона, они несомнѣнно питаются исключительно маленькими животными, слѣдовательно должны быть причислены къ плотояднымъ. Лессонъ самъ видѣлъ, что они глотали личинокъ насѣкомыхъ, а также другимъ путемъ убѣдился, что головастики погибаютъ, если имъ не давать животной пищи. Камерано воспитывалъ много головастиковъ очковыхъ саламандръ, но они почти всѣ у него погибли; ему пришло на мысль кормить остальныхъ мясомъ: онъ разрѣзалъ сырое мясо очень тоненькими полосками, прикрѣплялъ ихъ къ концу проволочки и шевелилъ ими въ водѣ, чтобы придать мясу видъ живыхъ существъ. Головастики глотали мясо съ жадностью, ихъ правильно кормили втеченіе 15 дней такимъ способомъ, и они вполне окончили свое превращеніе черезъ 55 дней послѣ вылупленія. Жабры почти совсѣмъ пропали за пять дней до окончанія превращенія, и головастики часто поднимались на поверхность воды, чтобы набрать воздуха въ легкія, что, впрочемъ, они дѣлали и раньше.

Въ юнѣ въ удобныхъ мѣстахъ можно видѣть молодыхъ только что развившихся очковыхъ саламандръ, а на слѣдующій годъ онѣ достигаютъ настоящей величины. Онѣ бѣгаютъ медленно и плаваютъ посредствомъ боковыхъ движеній своего хвоста, но однако довольно слабы, такъ что послѣ ливней ихъ часто уноситъ съ горъ водою. Послѣ метанія икры онѣ линяютъ; кожа ихъ выдѣляетъ также

слизь, какъ у обыкновенной саламандры, но гораздо въ меньшемъ количествѣ. По наблюденіямъ Фишера, очковая саламандра не имѣетъ, какъ другіе тритоны, способности возобновлять отрѣзанный хвостъ и конечности.

Тотъ же натуралистъ замѣтилъ, что свѣтлый рисунокъ на головѣ очковой саламандры подверженъ многимъ измѣненіямъ: его можетъ даже совсѣмъ не быть у самцовъ. Хотя она часто встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, но въ большомъ количествѣ этихъ саламандръ можно видѣть только весной или осенью. При прикосновеніи она лежитъ безъ движенія. Сухая, неслизистая кожа менѣ чувствительна къ теплотѣ, чѣмъ у другихъ саламандръ. Очковая саламандра дневное животное и при своихъ движеніяхъ главнымъ образомъ руководится зрѣніемъ; кромѣ того у ней, повидимому, хорошо развитъ вкусъ. Голоса у нея нѣтъ и ее трудно испугать какимъ-либо шумомъ. Въ водѣ она живетъ только во время метанія икры. Если ее кормить живыми мухами и личинками жуковъ, то она очень хорошо переноситъ неволію, а также хорошо уживается съ другими экземплярами своего вида; воспитатели своего онѣ не узнаютъ и вообще понятливость ихъ крайне слаба.

Одинъ изъ первыхъ испанскихъ путешественниковъ, Хернандецъ, рассказываетъ, что около города Мексико въ озерахъ живутъ рыбы съ мягкой кожей и четырьмя ногами, похожими на ноги ящерицы, и что эти рыбы бывають около локти длины и около дюйма толщины: ихъ называютъ **Ахолотлами** *). Голова у нихъ большая и плоская, а пальцы какъ у лягушекъ, окраска черная или съ бурыми пятнами. Животное это поражаетъ своимъ необыкновеннымъ и страннымъ видомъ. Мясо его похоже на мясо угря, здорово и вкусно; его ѣдятъ жаренымъ, печенымъ и варенымъ, причемъ испанцы обыкновенно приправляютъ его уксусомъ, перцемъ и пряностями, а мексиканцы ѣдятъ его съ краснымъ перцемъ. Въ другомъ мѣстѣ этотъ писатель говоритъ о головастикахъ этихъ животныхъ, которыхъ индѣйцы охотно ѣдятъ и часто даже приносятъ на рынки.

Долгое время никто не обращалъ вниманія на эти свѣдѣнія, хотя Хернандецъ былъ тонкій наблюдатель и прекрасно описалъ это животное; наконецъ ахолотла привезли во Францію и тогда ученый міръ ознакомился съ нимъ. Подробное описаніе было сдѣлано Кювье по двумъ экземплярамъ, привезеннымъ Гумбольдтомъ изъ Мексикки. Они по росту были похожи на саламандръ, а по внѣшнему виду походили на головастика тритоновъ и какъ Гумбольдтъ, такъ и Кювье ихъ считали за головастика. Туловище у нихъ было короткое, голова плоская и шире чѣмъ у другихъ тритоновъ, хвостъ сжатъ съ боковъ и наверху имѣлъ невысокій гребень, который продолжался и на спинѣ. На переднихъ конечностяхъ было по 4, на заднихъ по 5 пальцевъ. Окраска ихъ была довольно однообразная зеленовато-темно-бурая съ черными пятнами и бѣлыми точками.

Послѣ этихъ первыхъ двухъ экземпляровъ въ Европу привозили много другихъ, которые на нихъ были совсѣмъ похожи. Поэтому предполагали, что это есть окончательная форма животнаго тѣмъ болѣе, что ахолотлы были похожи на нѣкоторыхъ другихъ хвостатыхъ земноводныхъ, которыя также были извѣстны только въ видѣ головастика. Такимъ образомъ и Кювье былъ принужденъ причислить ахолотла къ земноводнымъ, сохраняющимъ жабры на всю жизнь, но сдѣлалъ это не

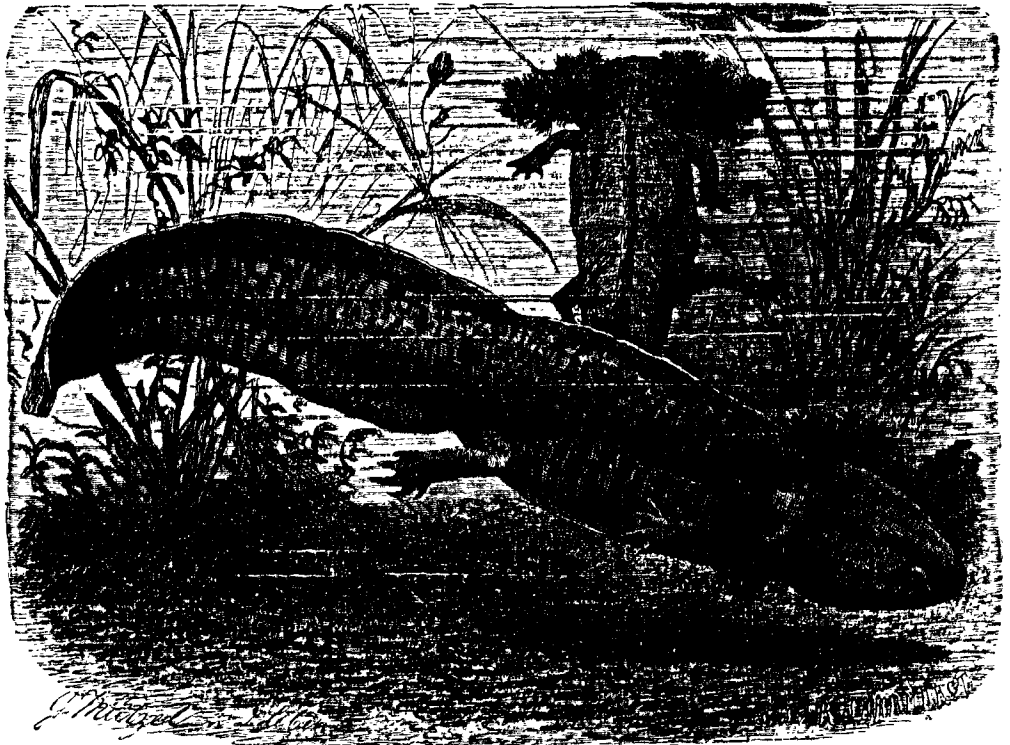
*) Я считаю болѣе правильнымъ называть этихъ животныхъ „ахолотлами“, а не такъ какъ обыкновенно „ахсолотлами“, такъ какъ испанцы букву „х“ произносятъ какъ придаханіе, „xeres“, „ximenes“.

Прим. ред.

безъ колебанія и, такъ сказать, извинился въ этомъ слѣдующими словами: «Я долженъ причислить ахолотла къ земноводнымъ, сохраняющимъ жабры на всю жизнь, такъ какъ многіе наблюдали, что онъ никогда ихъ не теряетъ».

Таковы были свѣдѣнія объ этомъ животномъ до 1865 года. Всѣ натуралисты слѣдовали мнѣнію Кювье, хотя Бэрдь говоритъ, что у ахолотла слишкомъ сильно выступаютъ признаки головастика, чтобы можно было сомнѣваться, что это есть несовершенное животное и что ненахожденіе вполнѣ развитыхъ ахолотловъ не можетъ служить доказательствомъ ихъ совершеннаго отсутствія. Нѣкоторые-же другіе натуралисты не считали возможнымъ сомнѣваться въ достовѣрности прежняго взгляда и утверждали, на основаніи точныхъ наблюденій, что ахолот-

Головастикъ ахолотла. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

лы не имѣютъ дальнѣйшаго превращенія. Въ пользу послѣдняго мнѣнія говорили, правда, очень неубойтельныя наблюденія надъ жизнью этихъ животныхъ на свободѣ. Изъ сообщеній Соссюра и другихъ наблюдателей узнали, что въ Мексикѣ никогда не видали ахолотла безъ жабръ и никогда не находили такихъ ахолотловъ около озеръ, гдѣ они живутъ, между тѣмъ животные эти встрѣчаются въ Мексикѣ въ огромномъ количествѣ и ихъ привозятъ тысячами на рынокъ для продажи.

Наконецъ акклиматизаціонный садъ въ Парижѣ получилъ 6 живыхъ ахолотловъ и передалъ ихъ въ богатую коллекцію живыхъ животныхъ, содержимыхъ въ Парижскомъ Jardin des plantes. Животныя эти жили цѣлый годъ въ аквариумѣ, ѣли и вели себя вообще какъ другіе головастики тритоновъ, какъ вдругъ съ 18-го февраля 1865 года у нихъ стали замѣчать необыкновенное возбужденіе. У самца и у самки сильно распухли края задняго прохода, и самцы, усердно преслѣ-

дья самокъ, выпускали сѣмя въ воду. На слѣдующій день самка начала класть яички совершенно такъ, какъ это дѣлаютъ наши тритоны, и окончила это дѣло на слѣдующій день; шесть недѣль спустя снова повторились вышеописанныя явленія. Дюмериль оба раза велѣлъ вынуть растенія, къ которымъ были прилѣплены яички и помѣстил ихъ въ особый сосудъ. Оказалось, что почти всѣ яички были оплодотворены и головастики стали вылупляться черезъ 28—30 дней. Сначала у нихъ образовались жабры, черезъ нѣсколько дней у нихъ открылся ротъ и головастики стали съ жадностью хватать плавающихъ въ водѣ мелкихъ личинокъ и ракообразныхъ, а затѣмъ развитіе ихъ шло правильнымъ путемъ. Къ началу сентября молодые почти достигли роста родителей.

Въ серединѣ сентября у одного изъ молодыхъ было замѣчено очень странное измѣненіе. Жаберные пучки, гребень на спинѣ и хвостъ стали уничтожаться, нѣ-

Ахолотль. *Amblystoma tigrinum*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

сколько измѣнилась форма головы и на темной кожѣ появилось множество маленькихъ желтовато-бѣлыхъ пятенъ. 28 сентября подобное-же измѣненіе произошло у другого молодого, 7-го октября—у третьяго, а 10 октября у четвертаго. У всѣхъ четырехъ произошло превращеніе и изъ нихъ образовались настоящіе саламандры; такимъ образомъ подтвердились предположенія Гумбольдта и Кювье.

Одинъ изъ первыхъ опытовъ Дюмерила состоялъ въ томъ, чтобы узнать, можно-ли насильственнымъ способомъ ускорить это превращеніе. Онъ у многихъ ахолотловъ отрѣзалъ нѣсколько жабръ съ одной стороны, а потомъ и съ другой, причемъ убѣдился, что эти органы возобновляются отъ пяти до шести разъ сряду, не вредя благосостоянію головастика. Нѣкоторыя изъ этихъ искалѣченныхъ животныхъ въ послѣдствіи претерпѣли превращеніе, но едва-ли можно предположить, что этому способствовало отрѣзаніе жабръ.

Что не исполнѣ удалось или даже вовсе не удалось Дюмерилу, было достигнуто одной дамой, извѣстной всѣмъ ученымъ своими весьма тщательными наблюденіями надъ насѣкомыми, именно Маріей Шовенъ, живущей въ Фрейбургѣ, въ герцогствѣ Баденскомъ. Вейсману пришло на мысль принудить къ превращенію

большинство или всѣхъ головастиковъ ахолотловъ, поставивъ ихъ въ такія условія, которыя затруднили бы имъ пользованіе жабрами, а, напротивъ того, способствовали пользованію легкими, иначе говоря, заставивъ ихъ жить съ извѣстнаго возраста отчасти внѣ воды. Названный ученый производилъ опыты въ этомъ направленіи, но не добился никакихъ результатовъ, такъ какъ оказалось, что для успѣха дѣла были необходимы очень тщательныя и продолжительныя наблюденія надъ этими животными втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Госпожа Шовенъ повторила эти опыты надъ пятью 8-ми дневными головастиками ахолотловъ, оставшимися въ живыхъ изъ 12-ти присланныхъ ей экземпляровъ. «Вслѣдствіе необыкновенной нѣжности этихъ животныхъ», пишетъ вышеназванная дама, «очень большое вліяніе на жизнь ихъ, особенно въ первое время, имѣетъ качество и температура воды, а также количество и качество корма, такъ что воспитаніе ахолотловъ требуетъ большаго внимательности». Молодыхъ животныхъ держали въ банкѣ, имѣющей около 30 см. въ діаметрѣ и наполненной водою извѣстной температуры; ихъ кормили изобильно сначала дафніями и другими мелкими ракообразными, а затѣмъ и болѣе крупными водными животными. При этихъ условіяхъ всѣ пять головастиковъ росли вполне благополучно. Зачатки переднихъ ногъ показались у самыхъ сильныхъ экземпляровъ уже въ концѣ іюня, а 9-го іюля явились и заднія конечности. Въ концѣ октября наблюдательница замѣтила, что одинъ изъ ахолотловъ постоянно держался у поверхности воды, изъ чего можно было вывести заключеніе, что настало время превращенія. Тогда его посадили 1-го ноября въ сосудъ, гораздо болѣе просторный съ плоскимъ дномъ, причѣмъ этотъ сосудъ поставили нѣсколько наклонно и налили мало воды, такъ что ахолотль могъ погрузиться вполне въ воду только въ одной сторонѣ банки, а когда переползалъ на другой край, то болѣе или менѣе приходилъ въ прикосновеніе съ воздухомъ. Въ послѣдующіе дни количество воды было еще болѣе уменьшено и тогда показали первые признаки превращенія. Жабры стали уничтожаться и животное старалось забраться на сухія мѣста. 4-го ноября ахолотль совсѣмъ перебрался на сушу и спрятался въ сырой мохъ, положенный на слой песку въ одномъ мѣстѣ сосуда; въ это время произошло первое линяніе. Въ пять дней, отъ 1-го по 4-ое ноября, видъ животнаго сильно измѣнился: жаберныя пучки почти совсѣмъ съжились, гребень на спинѣ вовсе исчезъ и плавникообразный хвостъ принялъ цилиндрическую форму. Сѣровато-бурый цвѣтъ тѣла превратился постепенно въ черноватый; появились сначала неясныя, а потомъ очень яркія желтовато-бѣлыя пятна. Когда 4-го ноября ахолотль выползъ изъ воды, то жаберныя отверстія у него были еще открыты, но черезъ 8 дней они стали совсѣмъ незамѣтны, такъ какъ они скоро заросли кожей. Изъ другихъ ахолотловъ три въ концѣ ноября оказались точно такъ же хорошо развитыми, какъ первый, такъ что наблюдательница сочла и ихъ достаточно зрѣлыми для превращенія и поступила съ ними такъ-же, какъ съ первымъ. Одинъ изъ нихъ дѣйствительно и подвергся превращенію совершенно такъ-же, какъ первый, на что понадобилось такое-же время: у него были еще жаберныя пучки, когда его посадили въ мелкую воду, а 4 дня спустя они совсѣмъ уничтожились. Животное перешло на сушу и втеченіе 10 дней жаберныя отверстія заросли кожей и ахолотль вполне принялъ форму саламандры. Въ это время животное принимало пищу только тогда, когда его къ этому принуждали. У двухъ другихъ ахолотловъ развитіе шло медленнѣе. Они не такъ часто выходили на сушу и не такъ долго бывали на воздухѣ, такъ что вылезли совсѣмъ изъ воды только въ концѣ января. Несмотря на это, исчезновеніе жаберныхъ пучковъ продолжалось у нихъ столько-же времени, сколько и у пер-

выхъ, а первое линяніе случилось также послѣ выхода на сушу. Послѣдній ахолотль, который былъ замѣтно слабѣе другихъ, увеличивался въ ростѣ гораздо медленнѣе и выказалъ болѣе значительныя уклоненія отъ способа превращенія другихъ ахолотловъ: вмѣсто четырехъ дней ему потребовалось четырнадцать дней для того, чтобы выйти на сушу. Вслѣдствіе своей нѣжности и слабости онъ, само собой разумѣется, былъ гораздо чувствительнѣе къ внѣшнимъ влияніямъ, чѣмъ другіе. Оставаясь долго на воздухѣ, онъ принималъ болѣе свѣтлую окраску и издавалъ особый запахъ, похожій на запахъ, свойственный саламандрѣ во время сильнаго страха. Если его въ этомъ случаѣ снова пускали въ глубокую воду, то онъ тотчасъ опускался на дно и тамъ постепенно поправлялся, причемъ однако жабры опять увеличивались. Опытъ этотъ производился нѣсколько разъ и всегда съ тѣмъ-же результатомъ, изъ чего можно заключить, что слишкомъ большое насильственное ускореніе превращенія дѣйствуетъ на этихъ животныхъ пагубно, замедляетъ развитіе и можетъ даже быть причиною смерти.

Изъ своихъ наблюденій Марія Шовенъ выводитъ слѣдующія заключенія: головастики ахолотловъ болѣею частью, а можетъ быть и всѣ, подвергаются превращенію, если вылупятся изъ яйца здоровыми и получаютъ хорошій кормъ; кромѣ того, превращенію способствуетъ насильственное пребываніе на воздухѣ и отлученіе отъ воды.

Вейсманъ съ своей стороны выводитъ изъ вышесказаннаго различныя заключенія. Онъ прежде всего считаетъ ахолотловъ не за прогрессирующее, а за ретроградное животное и полагаетъ, что животныя, населяющія нынѣ озеро около Мексико, въ прежнія времена были совершенно развитыми саламандрами, которыя вслѣдствіе измѣнившихся условій вернулись къ первобытному типу земноводныхъ, сохраняющихъ жабры на всю жизнь. Это произошло, по мнѣнію Вейсмана, потому, что у ахолотловъ отняли возможность выходить на сушу и они были принуждены оставаться въ водѣ. Главными условіями для этого въ мексиканскихъ озерахъ являются присутствіе соли въ водѣ и временное высыханіе части озеръ; высохшая часть озера представляетъ тогда пустынную площадь, покрытую слоемъ соли, безъ всякой растительности и безъ удобныхъ убѣжищъ, такъ что тамъ ни одно животное не можетъ найти себѣ пристанища и пропитанія. Отъ Гумбольдта мы узнаемъ, что въ относительно недавнее время озера около Мексико лежали гораздо выше относительно уровня поверхности моря; кромѣ того извѣстно, что окружающія горы были прежде покрыты лѣсами, которые теперь истреблены. «Если предположить», говоритъ Вейсманъ, «что въ дилувіальный періодъ озера эти были глубже, обширнѣе, съ менѣе соленою водою и окружены крутыми берегами, покрытыми лѣсомъ, то условія, очевидно, были вовсе не такія, какъ нынѣ, и особенно благоприятны для жизни крупнаго вида саламандръ. Поэтому мы можемъ съ нѣкоторою вѣроятностью предположить, что при началѣ дилувіальнаго періода въ озерахъ около Мексико и прибрежныхъ лѣсахъ жилъ видъ саламандръ съ полнымъ превращеніемъ, но, когда озера все болѣе и болѣе пересыхали, лѣса исчезали и воздухъ становился все суше, животнымъ этимъ жизнь на сушѣ становилась все затруднительнѣе и они навѣрно совсѣмъ бы перевелись, если бы возвращеніе къ стадіи развитія жаброносныхъ земноводныхъ не дало бы имъ возможности жить въ водѣ».

Эти заключенія Вейсмана довольно вѣроятны, но все-же это только гипотезы. Во всякомъ случаѣ его предположенія о влияніи содержанія соли въ водѣ на жизнь ахолотловъ невѣрны, такъ какъ, по изслѣдованіямъ Веласкоса, ахолотлы въ соленой водѣ вовсе не живутъ. Кромѣ того они въ Мексикѣ вовсе не остаются

постоянно въ видѣ головастикавъ, а довершаютъ иногда свое превращеніе, какъ въ Сѣверной Америкѣ. Слѣдуетъ поѣтому предположить, что и въ Мексикѣ ахолотлы достигаютъ чаще всего половой зрѣлости только тогда, когда они совершаютъ полное превращеніе; однако нынѣ мы съ увѣренностью можемъ сказать, что ахолотлы кладутъ способныя къ развитію яйца и въ состояніи головастикавъ, но что нѣкоторые изъ нихъ превращаются въ саламандръ. То, что въ мексиканскихъ озерахъ такъ рѣдко встрѣчаются вполнѣ превратившіеся ахолотлы, не имѣетъ большого значенія, такъ какъ при болѣе тщательномъ изслѣдованіи страны могутъ встрѣтиться болѣе удобно расположенныя озера, въ которыхъ, можетъ быть, найдутъ большое количество животныхъ, достигшихъ полнаго развитія.

Вслѣдствіе сильнаго развитія ахолотловъ, которые въ одномъ Парижскомъ Jardin des plantes втеченіе 2 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ положили 3300 яицъ, эти животныя очень распространились и многіе стали воспитывать ихъ. У меня также ахолотлы жили долго, но изъ за многихъ другихъ занятій я не успѣлъ записать наблюденій за ними, почему я здѣсь приведу нѣсколько замѣчаній Рерига о содержаніи ахолотловъ и ихъ образѣ жизни въ неволѣ, тѣмъ болѣе, что я могу вполнѣ съ ними согласиться. Лучше всего держать этихъ земноводныхъ въ водѣ 10° или 15° тепла по Целзію. Днемъ обыкновенно ахолотлы медленно ползаютъ по дну сосуда; если они увидятъ что-либо необычайное въ своемъ помѣщеніи, то такъ быстро улываются, что сильно ударяются о стѣнки сосуда или камни. Ночью они прицѣпляются къ какому-нибудь растенію на поверхности воды, вѣроятно для того, чтобы легче забирать воздухъ, такъ какъ ахолотлы, кромѣ дыханія жабрами, часто глотаютъ воздухъ надъ водою, что происходитъ съ такою силою, что при этомъ слышенъ очень явственный шумъ; затѣмъ они спускаются на дно головою впередъ, какъ тритоны. Добычею имъ служатъ всевозможныя мелкія животныя, которыхъ они могутъ одолѣть и проглотить, причѣмъ они такъ же прожорливы, какъ тритоны, но не могутъ глотать столь крупныхъ кусковъ, какъ напримѣръ гребнистый тритонъ. На свободѣ, по словамъ Калля, они питаются преимущественно бокоплавами (*Gammarus*), слизюками (*Physa*) и мелкими ракушками, напримѣръ горошинками (*Pisidium*). Реригъ ихъ кормилъ въ неволѣ земляными червями, мелкими ракообразными, именно дафніями, муравьиными куколками, маленькими личинками, головастиками и лягушками, а въ случаѣ недостатка этой пищи, длинными полосками говядины, похожими на червяковъ. Пища не прожевывается, а быстро глотається. Кладка яицъ въ Мексикѣ, говорятъ, происходитъ два раза въ году, но у насъ, повидимому, не зависитъ отъ времени года; въ это время самецъ выпускаетъ свои коническіе комки сѣмени, верхушка которыхъ состоитъ изъ студенистаго вещества, заключающаго въ себѣ сѣмяныя тѣльца. Самки отыскиваютъ эти комки и всовываютъ ихъ себѣ въ клоаку, а скоро затѣмъ начинаютъ класть яйца. Зародыши разрываютъ яичныя оболочки раньше или позже, смотря по температурѣ воды, и очень скоро начинаютъ жить, какъ болѣе взрослые головастики на которыхъ они очень походятъ по вѣшнему виду и окраскѣ.

Госпожа Шовенъ продолжала въ 1883—1885 годахъ свои опыты воспитанія ахолотловъ и сообщила очень обстоятельныя свѣдѣнія объ образѣ жизни этихъ животныхъ. Въ февралѣ мѣсяцѣ она посадила взрослыхъ амблостомъ, которыя выказывали желаніе спариться, въ сосудъ, гдѣ онѣ могли, по желанію, сидѣть въ водѣ или выходить на сушу. Онѣ добровольно оставались постоянно въ водѣ; самцы положили однако свои сѣмяныя комки только около 9-го іюля, которые слѣдующею ночью были захвачены самками. Кладка яицъ произошла 10-го и

11-го іюля и въ этотъ послѣдній день всѣ животныя вышли изъ воды, что вполне соотвѣтствуетъ тому, что было замѣчено у ахолотловъ. Исторія развитія этихъ амблистомъ потому особенно заслуживаетъ нашего вниманія, что безъ насильственнаго вмѣшательства въ ихъ образъ жизни, онѣ навѣрно оставались бы постоянно въ водѣ и тамъ бы и размножались. Вышеупомянутая наблюдательница затѣмъ сообщаетъ, что она искусственнымъ образомъ 3 года и 2 мѣсяца сохраняла ахолотловъ, у которыхъ были уже довольно хорошо развиты легкія, въ видѣ промежуточной формы. По прошествіи этого времени два изъ нихъ соотвѣтствующими мѣрами были возвращены въ состояніе настоящихъ ахолотловъ, а одинъ былъ доведенъ до совершенной формы амблистомы; четвертый околѣлъ во время превращенія. Расположеніе къ полному превращенію у ахолотловъ, содержащихся въ неволѣ, въ высшей степени различно. Госпожа Шовень пробовала самымъ естественнымъ образомъ довести 24 ахолотла, имѣвшихъ отъ 6 $\frac{1}{2}$ до 7 $\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ, до полного превращенія; ни у одного изъ нихъ это не удалось сразу, а превращеніе произошло у различныхъ экземпляровъ только черезъ 48—277 дней. Безъ особаго принужденія ни одно изъ этихъ животныхъ не подверглось бы превращенію. Наблюдательница замѣтила, что не величина жабръ, а первое линяніе представляетъ критическій періодъ для превращенія, и могла потомъ, по своему произволу, переводить животныхъ изъ состоянія головастиковъ въ совершенную форму и наоборотъ, но послѣднее отъносительно труднѣе. Дальнѣйшіе опыты имѣли цѣлью задержать превращеніе на цѣлыя годы, чтобы затѣмъ испробовать у этихъ животныхъ способность приравниваться къ внѣшнимъ условіямъ. Пяти ахолотламъ дали настолько развиться, что животныя могли безъ затрудненія жить на сушѣ, а затѣмъ стали пробовать задержать у нихъ естественное развитіе легкихъ. Ахолотловъ держали по очереди днемъ на землѣ, а ночью въ водѣ. Развитіе не шло дальше впередъ и опыты прекратили черезъ 3 года 2 мѣсяца, причемъ два экземпляра пробовали довести до формы амблистомъ, а два вернуть къ формѣ ахолотловъ. Задержка въ развитіи въ обоихъ случаяхъ обуславливаетъ и остановку въ образованіи половыхъ органовъ. Главными условіями для прогрессивнаго развитія животныхъ и задержки этого развитія являются температура, пребываніе въ водѣ или на воздухѣ, а также и другія внѣшнія условія. Измѣненіе легче всего происходитъ, если мы съумѣемъ возбудить въ животномъ существующую и естественную потребность къ развитію; гораздо труднѣе задерживать естественное развитіе или заставить животное вернуться къ низшей формѣ; всего же труднѣе бороться съ процессами, вкоренившимися вслѣдствіе наследственности.

Наблюденія Шуфельдта надъ другими ахолотлами, живущими на сѣверо-западѣ Новой Мексики, именно *Amblystoma mavortium* и *tigrinum*, подтверждаютъ способность этихъ животныхъ къ прогрессирующимъ и регрессирующимъ измѣненіямъ. При высыханіи болотъ головастики чрезвычайно быстро превращались въ животныхъ, способныхъ жить на сушѣ. Обильная пища и постепенно возвышающаяся температура ускоряли развитіе, а большая глубина воды, напротивъ, его задерживала.

Послѣ того, какъ было доказано съ полною достовѣрностью, что ахолотль есть только головастикъ саламандры, можно было окончательно рѣшить вопросъ о мѣстѣ его въ системѣ. По изслѣдованіямъ Дюмериля, ахолотль принадлежитъ къ очень распространенному въ Сѣверной Америкѣ и богатому видами семейству **Амблистомовыхъ** (*Amblystomatinae*, *Querzahnmolche*), которое, по Штрауху и Буланже, имѣетъ слѣдующіе отличительные признаки. Небные зубы сидятъ вдоль задняго края, иногда какъ бы обрѣзаннаго сошника, иногда же на треугольномъ

непарномъ отросткѣ этой кости, направленномъ назадъ, и потому образуютъ или поперечный рядъ, или-же два ряда, сходящіеся подъ болѣе или менѣе острымъ угломъ. Клиновидная кость (*Parasphaenoideum*) у нихъ всегда безъ зубовъ; позвонки вогнуты, какъ спереди, такъ и сзади.

Тѣло рода **Амблистомъ** (*Amblystoma*) въ тѣсномъ смыслѣ этого слова то вытянуто, то болѣе или менѣе сжато, кожа голая, около ушей замѣчается группа железъ, которая однако часто неясно очерчена. Туловище кажется раздѣленнымъ на кольца вслѣдствіе поперечныхъ складокъ кожи; хвостъ толстый у основанія, круглый по срединѣ, болѣе или менѣе сплюснутый съ боковъ, а къ концу остро закругленный и никогда не имѣетъ кожистыхъ гребней. Переднія конечности имѣютъ 4, заднія—5 свободныхъ пальцевъ. Небные зубы образуютъ два прямыхъ или слегка стоящихъ подъ угломъ ряда; внутренніе концы этихъ рядовъ совѣмъ сходятся, или же раздѣлены очень незначительнымъ промежуткомъ, такъ что зубы образуютъ или двѣ прямыя линіи или двѣ линіи подъ очень тупымъ угломъ, вершина котораго обращена впередъ. Случается иногда, что конецъ ряда какъ бы отдѣленъ и представляетъ кучку отдѣльно стоящихъ зубовъ. Языкъ большой, имѣетъ яйцевидную форму и приросъ нижнею стороною къ нижней поверхности ротовой полости, такъ что только передніе и боковые края нѣсколько свободны. Въ Сѣверной Америкѣ живетъ 17 видовъ этихъ животныхъ, область распространенія которыхъ доходить на югъ до Мексики; только одинъ видъ встрѣчается въ горахъ Сіама.

Изъ американскихъ видовъ ахолотль наиболѣе извѣстенъ. Онъ отличается своимъ длиннымъ, дугообразнымъ рядомъ небныхъ зубовъ, который снаружы доходитъ до края внутреннихъ носовыхъ отверстій. У него замѣчаются 12 поперечныхъ бороздокъ по бокамъ тѣла между конечностями; голова очень большая и у взрослага животнаго цвѣтъ тѣла черный съ желтыми пятнами. Длина тѣла достигаетъ 14—21,5 см. Видъ этотъ встрѣчается въ Соединенныхъ Штатахъ, чаще на западѣ, но также въ восточныхъ штатахъ и на Мексиканскомъ плоскогоріи.

При установленіи вида измѣнилось и научное названіе ахолотля (*Gyrinus mexicanus*, *Siren pisciformis*, *Siredon axolotl*) и теперь ему слѣдуетъ придать названіе развитаго животнаго (*Amblystoma tigrinum*, *californiense*, *maculatum*, *mexicanum*, *mavortium*, *obcurum*, *weissmanni*, *Salamandra tigrina*, *ingens*, *lurida*). Нѣкоторыя амблистомы, напримѣръ *Amblystoma punctatum*, по словамъ Гартмана, пользуются своимъ хвостомъ какъ хватательнымъ орудіемъ, схватываютъ имъ различные предметы и такимъ образомъ спасаются отъ паденія; у *A. opacum* способность эта не такъ развита. Въ остальномъ онѣ въ неволѣ по своимъ привычкамъ мало отличаются отъ ахолотловъ.

«Кромѣ несомнѣннаго свидѣтельства Священнаго Писанія мы имѣемъ еще много доказательствъ страшнаго всемірнаго потопа, напримѣръ мы находимъ потопленныя мѣстности, города, деревни, горы, долины; мы видимъ также каменоломни и ямы, откуда добываютъ глину, которыя свидѣлствуютъ о томъ-же. Отъ допотопнаго времени сохранились безчисленныя остатки и отпечатки растеній, рыбъ, четвероногихъ животныхъ, насѣкомыхъ, раковинъ, улитокъ и т. д.; но отъ людей, погибшихъ при всемірномъ потопѣ, до сихъ поръ было найдено очень мало слѣдовъ. Трупы ихъ плавали на поверхности воды и сгнивали и о костяхъ, кое-гдѣ находимыхъ, нельзя съ достовѣрностью сказать, что они прина-

лежали людямъ. Прилагаемый рисунокъ, прекрасно вырѣзанный на деревѣ, на который я обращаю вниманіе ученыхъ и любознательныхъ людей, изображаетъ одинъ изъ вѣрнѣйшихъ, даже несомнѣнныхъ остатковъ всемірнаго потопа; это не кое-какое очертаніе, изъ котораго богатая и досужая фантазія можетъ возстановить нѣчто похожее на часть человѣческаго тѣла, но полнѣйшее воспроизведеніе извѣстныхъ частей человѣческаго скелета въ настоящую величину, причѣмъ видны даже кости, вдавленные въ камень; даже нѣкоторыя мягкія части находятся на лицо и ихъ можно отличить отъ камня. Человѣкъ этотъ, гробница котораго гораздо древнѣе различныхъ римскихъ, греческихъ, даже египетскихъ и другихъ восточныхъ могилъ, лежитъ навзничъ, такъ что видна его передняя сторона».

Этотъ текстъ объясняетъ рисунокъ, приложенный къ сочиненію, подъ названіемъ: «*Nomo diluvii testis*» (Человѣкъ свидѣтель потопа), изданному въ 1726 году Іоганномъ Яковомъ Шейхцеромъ, докторомъ медицины и членомъ многихъ ученыхъ обществъ; рисунокъ и объясненіе имѣли цѣлью убѣдить всѣхъ въ справедливости сообщаемыхъ свѣдѣній. Девизомъ къ сочиненію служили стихи:

«*Betrübtes Beingerüst von einem alten Sünder *)
Erweiche Herz und Sinn der neuen Bosheitskinder*».

Однако, какъ сочиненіе почтеннаго автора, такъ и благонамѣренные стихи его вовсе не достигли цѣли и не успѣли смягчить сердца тогдашнихъ грѣшниковъ, такъ какъ сочиненіе *Nomo diluvii testis* очень недолго занимало «ученыхъ и любознательныхъ людей». Кювье очень скоро доказалъ, что эти кости вовсе не человѣческія и что «несовершенный скелетъ древняго грѣшника» принадлежитъ саламандрѣ. Эта саламандра, найденная въ новѣйшихъ третичныхъ формаціяхъ и названная палеонтологами *Andrias scheuchzeri*, принадлежитъ къ **Рыбообразнымъ саламандрамъ** (*Amphiumidae*. *Fischmolche*). Животныя эти образуютъ второе семейство отряда и отличаются необыкновенно слабыми конечностями въ сравненіи съ длиною тѣла и большимъ разстояніемъ между передними и задними конечностями, которыя, хотя довольно развиты, но едва ли имѣютъ значеніе при передвиженіи тѣла и дѣйствительно употребляются въ дѣло лишь въ незначительной степени. Органы внѣшнихъ чувствъ также очень несовершенны. Глаза не имѣютъ вѣкъ, носовая полость сзади ограничена костями, ухо скрыто глубоко и всегда очень несовершенно, такъ какъ окошечко лабиринта прикрито крышечкой. Языкъ совершенно приросъ къ кожѣ рта или немного свободенъ только спереди. На обѣихъ челюстяхъ замѣчаются зубы; на сошникѣ, между двумя внутренними носовыми стверстями, находится рядъ небныхъ зубовъ, параллельный зубамъ на междучелюстной и верхнечелюстной кости и расположенный недалеко отъ нихъ. На заднемъ концѣ язычной кости замѣчаются двѣ или четыре жаберныя дуги, которыя совсѣмъ или только отчасти окостенѣли; у большинства видовъ находятся наружныя жаберныя щели, но наружныхъ жаберъ нѣтъ никогда у взрослыхъ животныхъ. Позвонки вогнуты спереди и сзади, какъ у амблистомъ. Всѣ сюда относящіяся саламандры, которыя будутъ ниже описаны, живутъ постоянно въ водѣ и дышать въ одно и то же время легкими и внутренними жабрами.

* * *

Ближайшимъ родичемъ вышеупомянутой допотопной саламандры слѣдуетъ считать **Японскаго скрытожаберника** (*Megalobatrachus maximus, sieboldi, Crypto-*

*) *Несовершенный скелетъ древняго грѣшника пусть смягчатъ сердце и чувства нынѣшнихъ „дѣтей злобы“.*

branchus japonicus, *Salamandra maxima*, *Sieboldia maxima*, *davidiana*, *Tritomegas sieboldi*. Riesensalamander. Grande salamandre du Japon), массивное, неуклюжее и безобразное животное, имѣющее отъ 87 до 114 см. длины. Оно можетъ считаться представителемъ рода *Megalobatrachus*, имѣющаго слѣдующіе отличительные признаки. У взрослога животнаго нѣтъ наружнаго жабернаго отверстія, но есть двѣ жаберныя дуги. Большая, очень широкая и плоская голова оканчивается тупой округленной мордой; короткая шея гораздо уже головы и туловища; туловище плоское, цилиндрическое и по бокамъ имѣетъ еще толстыя рубцы; хвостъ довольно короткій, занимаетъ двѣ пятыхъ длины тѣла и, въ противоположность головѣ и туловищу, сжатъ съ боковъ, такъ что образуетъ высокій руль. На короткихъ, толстыхъ ногахъ спереди по 4, а сзади по 5 хорошо развитыхъ пальцевъ. Носовыя отверстія находятся на передней части морды, очень близко одно отъ другаго; маленькіе глаза безъ вѣкъ, напротивъ, расположены совсѣмъ по сторонамъ головы. На челюстяхъ замѣчаются очень маленькіе зубы, на небѣ находится параллельный имъ рядъ такихъ же зубовъ; языкъ приросъ ко дну рта. Скелетъ напоминаетъ, по Шлегелю, какъ скелетъ саламандры, такъ и скелетъ аллеганскаго скрытожаберника; однако черепъ отличается большей шириной и другими особенностями. Позвоночный столбъ состоитъ изъ 20 туловищныхъ и 24 хвостовыхъ позвонковъ, которые все имѣютъ углубленія спереди и сзади, а передніе снабжены большими поперечными отростками съ слѣдами реберъ. Тазъ прикрѣпляется къ 21 позвонку. Кожа мягкая и бородавчатая и на головѣ возвышенія и бородавки ясныѣ, чѣмъ на другихъ частяхъ тѣла.

Верхняя часть тѣла окрашена мутнымъ, неяснымъ свѣтло-сѣро-бурымъ цвѣтомъ, на которомъ замѣчаются нерѣзко ограниченныя темныя пятна; нижняя часть тѣла свѣтло-сѣрая съ темными пятнами. Молодые скрытожаберники отличаются отъ взрослыхъ, по словамъ Рейна и Рореца, гладкой кожей безъ бородавокъ и морщинъ, коричнево-бурымъ цвѣтомъ съ темными пятнами и сравнительно большими выпяченными глазами. Чѣмъ животныя дѣлаются больше, тѣмъ кожа у нихъ становится менѣе гладкою, покрывается бородавками, дѣлается темнѣе, а пятна крупнѣе.

Зибольдъ открылъ эту самую крупную изъ нынѣ живущихъ саламандръ въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія на островѣ Ниппонъ и узналъ, что она живетъ тамъ въ горныхъ ручьяхъ и глубокихъ, тихихъ водахъ, именно въ затопленныхъ кратерахъ бывшихъ вулкановъ. Японцы за нею охотятся и она продается какъ дичь на рынкахъ; но болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній объ образѣ жизни и размноженіи онъ собрать не могъ. Гораздо позже саламандру эту нашли въ горахъ западной части Китая. Послѣ того какъ Японія стала доступна европейцамъ, многіе изъ нихъ поступили на японскую службу, да и въ самой Японіи появились мѣстные натуралисты, мы получили болѣе точныя свѣдѣнія о мѣстожительствѣ, образѣ жизни и развитіи этой гигантской саламандры, и намъ теперь нѣтъ необходимости довольствоваться неполными сообщеніями Зибольда. По мнѣнію Рейна и Рореца, Зибольдъ не видалъ это животное тамъ, гдѣ оно водится, а получилъ о немъ свѣдѣнія отъ японцевъ. Такъ какъ очень труднополучить вполнѣ точныя естественнo-историческія свѣдѣнія отъ туземцевъ, то, конечно, и случилось, что среди вѣрныхъ фактовъ, сообщенныхъ Зибольдомъ, вкралась нѣкоторыя не маловажныя ошибки. Скрытожаберникъ не очень обыкновененъ, такъ что большинство иностранцевъ, живущихъ въ Японіи, никогда и не видятъ его; приведенное Зибольдомъ мѣстное названіе **Саншо-уво** въ большинствѣ провинцій относится вовсе не къ скрытожабернику, а къ мелкимъ видамъ саламандры, что ведетъ къ

различнымъ недоразумѣніямъ. Поэтому намъ слѣдуетъ быть очень благодарными Рейну и Рорену, что они во время своего пребыванія въ Японіи не упустили

Японскій скрытожаберникъ. *Megalobatrachus maximus* $\frac{1}{3}$ наст. вел.

случая познакомиться съ этимъ животнымъ по собственнымъ наблюденіямъ. «Какъ по сообщенію Зибольда, такъ и по нашимъ собраннымъ свидѣніямъ», пишутъ эти натуралисты, «скрытожаберникъ встрѣчается только въ южной части острова Нип-

понь. Въ Ига его называютъ Газе-кой, въ Мимазако—Ганзани, въ Ивонни—Гамзани, въ Танга—Гадаказу и Анго. Чаще всего его находятъ въ провинціяхъ Мино, Шинано, Ямаширо и Ига». Послѣ многихъ напрасныхъ усилій вышеупомянутымъ натуралистамъ, во время путешествія по провинціямъ Изе, Ига и Ямато удалось попасть въ горную страну, гдѣ скрытожаберникъ всѣмъ взвѣстенъ подъ именемъ газе-кой. Они могли тамъ купить дюжину живыхъ и три соленыхъ экземпляра и, подѣ руководствомъ опытнаго проводника, они побывали въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ водится это животное, и присутствовали при ловлѣ его. Собранныя ими при этомъ свѣдѣнія съ придачею нѣкоторыхъ указаній, данныхъ японцами, заслуживающими довѣрія, сводятся къ слѣдующему.

Скрытожаберникъ встрѣчается во многихъ мѣстахъ въ горной странѣ, отдѣляющей береговую мѣстность Санъ-ю-до отъ берега Санъ-ѳ-до, въ горныхъ рѣкахъ и озерахъ провинціи Гиды и вдоль всего водораздѣла, отдѣляющаго рѣки, текущія къ морю у Изе, отъ бассейна Иодогамы. Въ послѣдней мѣстности животныя эти встрѣчаются вѣроятно чаще всего. Наши путешественники находили скрытожаберника на границѣ провинцій Изе и Ига въ верхнемъ теченіи всѣхъ горныхъ ручьевъ, особенно въ ключахъ Кицугава. Водораздѣлъ здѣсь состоитъ изъ гранита, содержащаго много кварца и отчасти вывѣтрившагося; нѣсколько ниже встрѣчаются кое-гдѣ шиферы, а въ Изе, на востокъ отъ Ига—третичные песчаники, пласты которыхъ стоятъ почти вертикально, и глины, со многими окаменѣlostями. Ни одна изъ мѣстныхъ горъ не достигаетъ 1000 м. высоты, даже Суцугаяма, откуда Зибольдъ добылъ первый экземпляръ скрытожаберника. Вулканическихъ породъ, повидимому, здѣсь вовсе нѣтъ, и Зибольдъ ошибается, выдавая скрытожаберника за животное, живущее на большихъ высотахъ и въ озерахъ, образовавшихся въ кратерахъ потухшихъ вулкановъ. Другія горы, гдѣ живетъ эта саламандра, также состоятъ изъ кристаллическихъ породъ и шиферовъ новаго образованія.

Скрытожаберниковъ находятъ всегда въ холодной, быстро текущей водѣ на высотѣ отъ 200—600 м., а на границѣ Гиды на высотѣ 1000—1500 м. надъ поверхностью моря. Они живутъ здѣсь въ маленькихъ свѣтлыхъ ручьяхъ, которые похожи на канавы, имѣютъ иногда не болѣе 0,3 м. ширины и текутъ по дернистымъ склонамъ, причемъ подмываютъ дернъ, который съ каждой стороны образуетъ навѣсъ надъ ручьемъ. Встрѣчаются эти животныя и ниже, гдѣ изъ мелкихъ ручьевъ образуется болѣе широкій, богатый форелями ручеекъ, который сильно затѣненъ кустарникомъ, растущимъ по берегамъ, и весело течетъ внизъ, журча около камней, находящихся на его днѣ. Болѣе взрослые животныя живутъ подѣ камнями и подѣ дерновыми навѣсами, между тѣмъ какъ молодыя держатся чаще въ мелкихъ канавахъ. По словамъ туземцевъ, скрытожаберники рѣдко выходятъ изъ своихъ убѣжищъ, развѣ только ночью, и никогда не выползаютъ на сушу. Они питаются червями, насѣкомыми, рыбами и лягушками.

Этихъ саламандръ ловятъ, или отводя воду изъ ручьевъ и вытаскивая животныхъ изъ ихъ убѣжищъ, или на удочку, которая состоитъ изъ обыкновеннаго крючка, натравленнаго землянымъ червякомъ и привязаннаго къ бичевкѣ; верхній конецъ крючка всовывается въ сердцевину бамбуковой палки, имѣющей около 1,5 м. длины и веревка свободно окручивается кругомъ палки. Подобную удочку вводятъ во всѣ углубленія, гдѣ можно предполагать присутствіе саламандръ, причемъ ее медленно двигаютъ назадъ и впередъ. Если животное схватитъ наживку, то крючекъ отдѣляется отъ бамбука и остается въ пасти саламандры. Ихъ ловятъ изъ за вкуснаго мяса, которому приписываютъ цѣлебныя свойства, а также ихъ сажаютъ живыми

въ колодцы и ключи, гдѣ онѣ способствуютъ чистотѣ воды, съѣдая всякихъ личинокъ; въ Германіи для этого иногда пользуются черепахами и тритонами. Крупные экземпляры скрытожаберниковъ привозятъ въ Кіото, Осака и Кобе, гдѣ ихъ часто можно видѣть въ звѣряцахъ. Пересылаютъ ихъ, какъ угрей, въ корзинахъ, наполненныхъ мокрыми листьями и травой.

Это большое и неуклюжее животное развивается изъ очень маленькихъ яицъ. Японскій натуралистъ Сасаки удостовѣрился, что самка скрытожаберника кладетъ въ августѣ и сентябрѣ яйца, соединенныя въ видѣ шнуровъ: яйца эти имѣютъ отъ 4 до 6 мм. длины и одинаково закруглены на обоихъ концахъ. Согласно всѣмъ сдѣланнымъ наблюденьямъ, самые маленькіе, до сихъ поръ найденные скрытожаберники имѣли 15 см. длины и во всемъ были похожи на взрослыхъ. По всей вѣроятности, въ началѣ своего развитія скрытожаберники имѣютъ наружныя жаберы и для подтвержденія этого слѣдуетъ упомянуть, что Мартенсъ въ одномъ японскомъ сочиненіи нашелъ изображеніе этой саламандры, окруженной дѣтенышами, у которыхъ по сторонамъ головы были изображены пучки жаберъ. Считаю нужнымъ еще сообщить, что Бетхеръ, изслѣдуя многихъ молодыхъ скрытожаберниковъ, нашелъ у нихъ наружныя жаберныя отверстія. У молодого животного, имѣющаго 16 см. длины, эти наружныя отверстія имѣютъ видъ узкихъ щелей 2,5 мм. длины, которыя расположены между прикрѣпленіемъ переднихъ конечностей и угломъ рта и окружены складчатымъ рубцомъ, особенно толстымъ спереди.

Зибольдъ въ 1829 году взялъ съ собою двухъ живыхъ скрытожаберниковъ, чтобы ихъ привезти въ Европу. Для питанія ихъ были взяты прѣсноводныя японскія рыбы, но когда этотъ кормъ сталъ приходить къ концу, то самецъ пожралъ самку. Затѣмъ онъ голодалъ до пріѣзда въ Европу и, какъ потомъ оказалось, безъ всякаго вреда для себя. Для него устроили въ Лейденѣ бассейнъ съ прѣсной водой, куда пускали небольшихъ рыбокъ, и скрытожаберникъ ихъ отъ времени до времени поѣдалъ. При пріѣздѣ животное имѣло 30 см. длины, шесть лѣтъ спустя уже одинъ метръ, и съ тѣхъ поръ до самой смерти оно медленно, но постоянно росло; оно околѣло, какъ намъ сообщаетъ Кербертъ, только 3 іюня 1881 года въ зоологическомъ саду въ Амстердамѣ.

Позднѣе, именно съ шестидесятыхъ годовъ, въ Европу стали привозить довольно много этихъ неуклюжихъ созданій. Я самъ воспитывалъ многихъ изъ нихъ и нашелъ, что всѣ они, безъ исключенія, очень скучныя существа и вовсе неспособны возбудить интересъ наблюдателя. Вейнландъ даетъ очень хорошее описаніе ихъ образа жизни въ неволѣ. «Всѣхъ вообще земноводныхъ трудно принудить къ принятію пищи въ неволѣ, поэтому мы были очень озабочены доставленіемъ наиболѣе вкусной пищи нашей цѣнной саламандрѣ. Какъ только ее помѣстили въ бассейнъ, то предложили ей большого земляного червя, держа его передъ самой ея мордой; послѣ того какъ червь нѣсколько минутъ извивался передъ ртомъ саламандры, она быстро схватила его, въ первый разъ откусила одну треть, затѣмъ очень скоро другую и, наконецъ, съѣла и третій кусокъ; послѣ этого видно было, какъ язычная кость нѣсколько разъ прижималась въ пищеводу, очевидно, чтобы вдавить добычу изъ пищевода въ желудокъ. Въ этотъ день саламандра съѣла еще только одного червяка, но на слѣдующій день проглотила ихъ шесть, а на третій — девять, все по частямъ, какъ въ первый разъ, и съ помощью сильныхъ глотательныхъ движеній. Такимъ образомъ явилась надежда сохранить гигантскую саламандру въ живыхъ, но намъ показалось необходимымъ предложить ей болѣе питательный кормъ. Въ бассейнъ пустили живую уклеяку около 15 см. длины; при кормленіи червями было замѣ-

чено, что саламандра хватала червей, которыхъ держали надъ ея головой, такъ какъ могла ихъ видѣть своими маленькими глазами, обращенными кверху, а вовсе не замѣчала червей, которые падали на дно бассейна. Какъ только рыба оказалась вблизи ея головы, саламандра, съ совершенно неожиданной для этого вялаго животнаго быстротою, схватила ее быстрымъ боковымъ движеніемъ головы, очень похожимъ на то, какъ хватаютъ добычу акулы, причемъ открыла пасть на 2 см.; рыбка однако ускользнула, хотя саламандра, послѣ первой неудачной попытки, еще два раза, съ голоду, на удачу кусалась по направлевію, гдѣ прежде была рыба. Очевидно, рыба была слишкомъ сильна, а маленькіе зубы саламандры слишкомъ слабы, чтобы ее удержать, такъ какъ замѣтили, что рыба была въ первый разъ дѣйствительно схвачена за середину тѣла. Мы тогда удалили рыбу и, такъ какъ другой подходящей рыбы подъ рукою не было, то посадили въ бассейнъ почти вполне выросшую зеленую лягушку. Саламандра тотчасъ схватила лягушку, но за переднюю лапу, а такъ какъ зубы саламандры слишкомъ малы, чтобы откусить лапу, то лягушка сильными движеніями освободилась. Лягушка скакнула въ уголъ бассейна, и саламандра, какъ мнѣ показалось, совершенно случайно заковыляла въ тотъ-же уголъ. Черезъ нѣсколько времени лягушка была снова схвачена, но этотъ разъ за голову, и, спустя четверть часа, она исчезла вмѣстѣ со своими длинными задними ногами въ пасти саламандры. Конечно глотаніе потребовало при этомъ еще больше усилій: саламандра не только уперлась передними ногами о дно бассейна, но прижала и морду къ стѣнкѣ, чтобы имѣть больше точекъ опоры для глотательныхъ движеній. Затѣмъ она отправилась на покой за камень. Хищныя рыбы и другія водныя животныя обыкновенно хватаютъ добычу за голову, но наша саламандра, повидимому, не держится этого правила: замѣтили, что она схватывала рыбу съ хвоста и глотала ее такимъ образомъ, несмотря на то, что чешуи и жаберныя крышки должны были ей царапать горло.

«Кромѣ способа питанія, кажется, нельзя сдѣлать никакихъ особыхъ замѣчаній относительно этого вялаго и мало чувствительнаго животнаго. Всѣ его движенія очень медленны, исключая тѣхъ, которыя оно дѣлаетъ, чтобы схватить добычу; саламандра постоянно лежитъ неподвижно на днѣ бассейна и всегда въ самомъ темномъ углу; если въ этотъ уголъ попадетъ свѣтъ, то она переходитъ въ ближайшій, болѣе темный. Отъ времени до времени, обыкновенно минутъ черезъ 10, она подымается на поверхность воды, чтобы забрать воздуха, но какъ только воздухъ проникъ въ легкія черезъ ноздри, она спокойно снова опускается на дно. Кромѣ того изрѣдка она втеченіе четверти часа покачивается впередъ, назадъ и немного въ стороны, какъ это часто дѣлаютъ медвѣди и слоны въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ. Вскорѣ послѣ прибытія замѣтили, что она линяла, причемъ кожа отходила большими кусками».

По опыту узнали, что и скрытожаберникъ принадлежитъ къ числу самыхъ живучихъ земноводныхъ. Одинъ изъ тѣхъ, которые были на моемъ попеченіи, переползъ черезъ край сосуда и упалъ на полъ съ высоты около 1,5 м.; его нашли тамъ на слѣдующее утро почти безъ всякихъ признаковъ жизни; но, положенный снова въ воду, онъ скоро поправился. Холодъ на нихъ такъ-же мало дѣйствуетъ, какъ и на нашихъ тритоновъ: въ Амстердамскомъ зоологическомъ саду вода въ бассейнѣ, гдѣ жили скрытожаберники, однажды сверху замерзла, но это не причинило вреда животнымъ. Два скрытожаберника, которые жили у меня, страдали тою же болѣзнью, которая часто замѣчается у ахолотловъ. Именно кожа ихъ покрывалась плѣсенью, которая сначала появлялась небольшими пятнами, но

очень быстро распространялась, такъ что вскорѣ разрослась на всемъ тѣлѣ животнаго, и оно казалось покрытымъ бѣлымъ инеемъ. Уже при появленіи этой плѣсени саламандры совершенно теряли аппетитъ, лежали на одномъ мѣстѣ, не шевелились и околѣвали въ томъ-же положеніи, какъ лежали. Я полагаю, что причину быстраго разростанія этой плѣсени слѣдуетъ считать недостаткомъ извести въ водѣ бассейна, но уничтожить ее не представлялось никакой возможности и каждое, заболѣвшее такимъ образомъ животное слѣдовало считать погибшимъ.

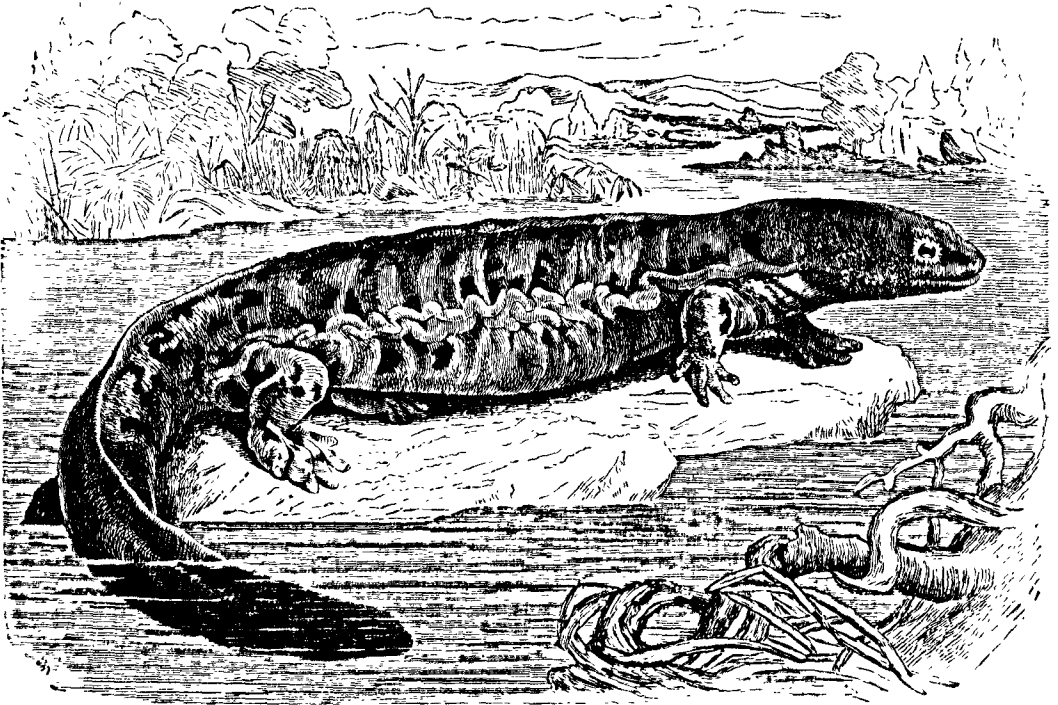
Кромѣ такихъ исключительныхъ случаевъ, которые бывають только при особенно неблагоприятныхъ условіяхъ, скрытожаберникъ вообще доставляетъ мало хлопотъ. Онъ легко хватается всякую движущуюся добычу и потому кормленіе его незатруднительно. Когда онъ раза два сряду хорошенько наѣстся, то иногда по цѣлымъ недѣлямъ не обращаетъ вниманія на плавающихъ рыбъ; затѣмъ хватается ихъ съ жадностью и съѣдаетъ довольно большое количество пищи. Все-же замѣтно, что онъ дѣлаетъ различіе въ кормѣ, и въ некоторыхъ рыбъ, напримѣръ форелей, предпочитаетъ другимъ. Онъ испражняется точно такъ-же неправильно, какъ и ѣсть; но изрѣдка выпускаетъ значительное количество безформеннаго, мягкаго кала бурого цвѣта. Хотя скрытожаберникъ принадлежитъ скорѣе къ числу ночныхъ животныхъ, но въ темнотѣ сохраняетъ ту-же вялость, какъ и днемъ. Случается, что онъ выходитъ изъ своего темнаго угла и медленно выползаетъ на выступающій камень, вѣроятно, чтобы лучше подышать; но иногда по цѣлымъ недѣлямъ лежитъ безъ движенія въ водѣ. Если его силою прогнать изъ его убѣжища, то онъ при первой возможности туда возвращается; если въ его любимый уголокъ накидать камней и крупнаго песку, то онъ все это выскребетъ и опять уляжется на свое мѣсто. Въ случаѣ частаго повторенія безпокойства, скрытожаберникъ приходитъ въ ярость, пробуетъ защищаться, кусаетъ поставленную палку и не такъ легко ее выпускаетъ. Онъ едва ли отличаетъ своихъ сторожей отъ другихъ людей.

* * *

Во второму роду рыбообразныхъ земноводныхъ относится **Аллеганскій скрытожаберникъ** (*Cryptobranchus alleghaniensis*, *salamandroides*, *Salamandra alleghaniensis*, *gigantea*, *Protonopsis horrida*, *Abranchus alleghaniensis*, *Eurycea mucronata*, *Molge gigantea*, *Menopoma alleghaniensis*, *gigantea*, *Salamandrops gigantea*, *Schlammtöufel*, *Grande salamandre d'Amérique*), который также имѣетъ по 4 пальца на переднихъ и по 5 на заднихъ ногахъ, но у него 4 жаберныя дуги и у вполне развитаго животнаго замѣтно, по крайней мѣрѣ съ лѣвой стороны, жаберное отверстіе. Онъ довольно похожъ на японскаго скрытожаберника и достигаетъ 48—55 см. длины; голова у него большая, очень плоская, морда закругленная, туловище мясистое, а хвостъ сильный и сжатъ съ боковъ. Конечности и пальцы съ наружной стороны имѣють кожистыя лопасти. Глаза темнѣе, чѣмъ у другихъ саламандръ, и похожи на глаза ахолотла. Ноздри расположены на самомъ концѣ морды, а внутри открываются по сторонамъ небнаго ряда зубовъ. Желудокъ обширенъ, кишка образуетъ нѣсколько оборотовъ, около печени замѣчается большой желчный пузырь. Спинныхъ позвонковъ 19—20 и всѣ они, за исключеніемъ перваго, имѣють зачатки реберъ на концахъ. Тѣло окрашено въ темно-шиферно-сѣрый цвѣтъ съ темными неясными пятнами и темными уздечными полосами, проходящими черезъ глаза. Кончики пальцевъ желтоваты. Молодое животное, нѣсколькихъ мѣсяцевъ отъ роду, изслѣдованное Гарланомъ, уже не имѣло наружныхъ жабръ.

Аллеганскій скрытожаберникъ былъ впервые описанъ Бартономъ въ 1812 году; животное это встрѣчается во всемъ бассейнѣ Миссисипи и въ другихъ рѣкахъ

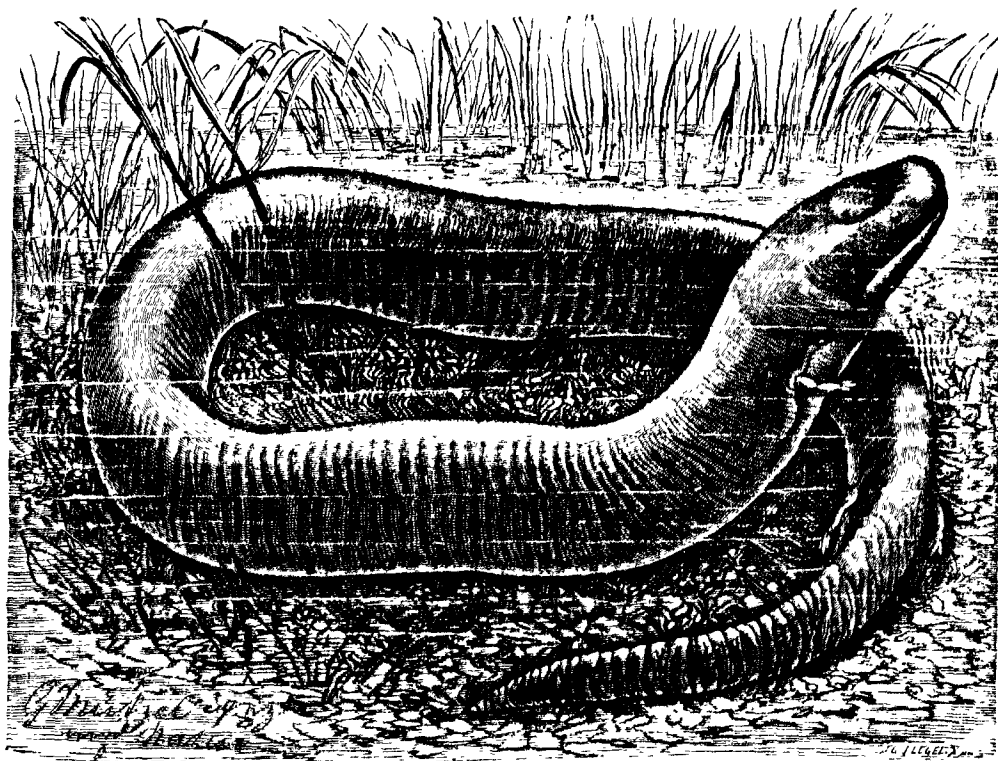
Соединенных Штатовъ отъ Луизианы до Сѣверной Каролины; оно медленно ползаетъ или плаваетъ, но можетъ оставаться 24 часа на сушѣ; оно очень прожорливо, питается червями, раками и рыбами и часто, къ досадѣ рыбаковъ, жадно хватается наживку на удочкѣ. Этотъ скрытожаберникъ никогда самовольно не оставляетъ воды, очень живучъ и совершенно безвреденъ. Превращеніе его должно совершаться очень быстро, такъ какъ до сихъ поръ еще не могли найти его головастиковъ. Лѣща, по словамъ Копа, довольно велики и образуютъ шнуръ, который съ обѣихъ концовъ прикрѣпляется къ какому-нибудь предмету въ водѣ. Вотъ все, что пока намъ извѣстно объ образѣ жизни этого животнаго. Гольбрукъ, который описалъ разновидность аллеганскаго скрытожаберника, также ничего новаго къ этому не прибавляетъ. Можно еще прибавить, что американскіе рыбаки его боятся и считаютъ его ядовитымъ, какъ у насъ саламандру.

Аллеганскій скрытожаберникъ. *Cryptobranchus alleghaniensis*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

Въ новѣйшее время этого скрытожаберника неоднократно держали въ неволѣ и привозили живымъ въ Европу, въ первый разъ въ 1869 году. Онъ скоро берется за кормъ, если ему предлагаютъ мясо или рыбы головы, но можетъ долго и голодать. Братья Фелсъ Гажъ замѣтили, что взрослые скрытожаберники производятъ подъ водою дыхательныя движенія, которыя, повидимому, имѣютъ цѣлью провести черезъ жабры воздухъ, схваченный ртомъ. Леконтъ же видѣлъ, что эти мускульныя движенія простираются и на верхнюю часть дыхательнаго горла, и поэтому онъ предполагаетъ, что животное этими движеніями выдавливаетъ воздухъ изъ легкихъ и заставляетъ его еще разъ пройти черезъ жабры, чтобы воспользоваться ваходящимся тамъ кислородомъ.

Единственный представитель третьего рода названъ **Угревиднымъ уоломъ**. (*Amphiuma Aalmolch*), такъ какъ по строенію тѣла онъ нѣсколько похожъ на угря: туловище его вытянутое и, хотя у него замѣчаются четыре малевкія конечности съ пальцами, но онѣ никакого значенія не имѣютъ. Увзрослыхъ животныхъ съ каждой стороны есть жаберное отверстіе, а внутри четыре жаберныя дуги. Малоразвитые глаза покрыты обіею кожей всего тѣла, но она надъ ними утончается, такъ что глаза замѣтны. Число позвонковъ колеблется между 105—111. Кромѣ зубовъ на обѣихъ челюстяхъ есть еще два ряда зубовъ на небѣ, которые сходятся подъ острымъ угломъ. Различаютъ двѣ разновидности угревидныхъ уко-

Угревидный уколь. *Amphiuma means*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

ловъ—съ двумя пальцами на всѣхъ конечностяхъ и съ тремя пальцами, но такъ какъ въ этомъ только и состоитъ ихъ различіе, то Копе соединилъ ихъ въ одинъ видъ (*Amphiuma means*, *tridactyla*, *didactyla*, *Muraenopsis tridactyla*, *Chrysodonta larvaeformis*, *Sirenoides tridactyla*). Угревидный уколь достигаетъ 76—89 см. длины, сверху черновато-бурый съ зеленымъ отливомъ, снизу свѣтлѣе, совсѣмъ какъ угорь.

Объ образѣ жизни этого животнаго мы знаемъ примѣрно слѣдующее. Угревидный уколь живетъ въ болотахъ и другихъ стоячихъ водахъ юго-восточной части Соединенныхъ Штатовъ въ Сѣверной Америкѣ отъ Луизианы до Южной Каролины, но не встрѣчается на западъ отъ Луизианы и въ долину Миссисипи сѣвернѣе Арканзаса. Онъ плаваетъ довольно быстро, извиваясь, какъ угорь, но часто зарывается въ илъ, зимою даже на метръ глубины, буравя мягкую землю, какъ земляной червь. Пойманные экземпляры, которые случайно выпадали изъ своихъ

бассейновъ, жили безъ всякаго вреда для себя по нѣскольку дней на сушѣ и выдерживали перевозку въ Европу. Питаются они различными мелкими животными. О размноженіи угревиднаго укола мы недавно получили свѣдѣнія отъ Гэя. Самка лежитъ, свернувшись спирально, около яицъ, которыя соединены въ два, четкообразныхъ шнура. Яйцо имѣетъ 9 мм. въ діаметрѣ, а еще не вылупившійся дѣтенышъ—45 мм. Гэй замѣтилъ, что взрослое животное можетъ издавать звуки. Особенности приспособленія жабръ и формы морды облегчаютъ этому животному рытье въ илѣ. Негры, говорятъ, называютъ угревидныхъ уколовъ «змѣями Конго», очень ихъ боятся и считаютъ ядовитыми.

Протеиныя (Proteidae. Olme), образующія третье семейство рыбообразныхъ земноводныхъ, имѣютъ втеченіе всей жизни по сторонамъ шеи наружныя жабры; у нихъ нѣтъ вѣкъ и верхнечелюстныхъ костей; зубы находятся только на межчелюстныхъ и нижнечелюстныхъ костяхъ; позвонки съ углубленіями спереди и сзади. Туловище этихъ животныхъ вытянуто и имѣетъ четыре малоразвитыхъ конечности; на хвостъ вверху и внизу замѣчается кожистый гребень. Глаза прикрыты кожей, какъ у угревидныхъ уколовъ, а носовыя отверстія не проходятъ черезъ кости неба. Дыхательное горло кожистое; легкія образуютъ два длинныхъ мѣшка, на внутренней сторонѣ которыхъ кровеносныя сосуды образуютъ сѣтку съ широкими петлями. Все семейство состоитъ изъ двухъ родовъ съ однимъ видомъ въ каждомъ родѣ.

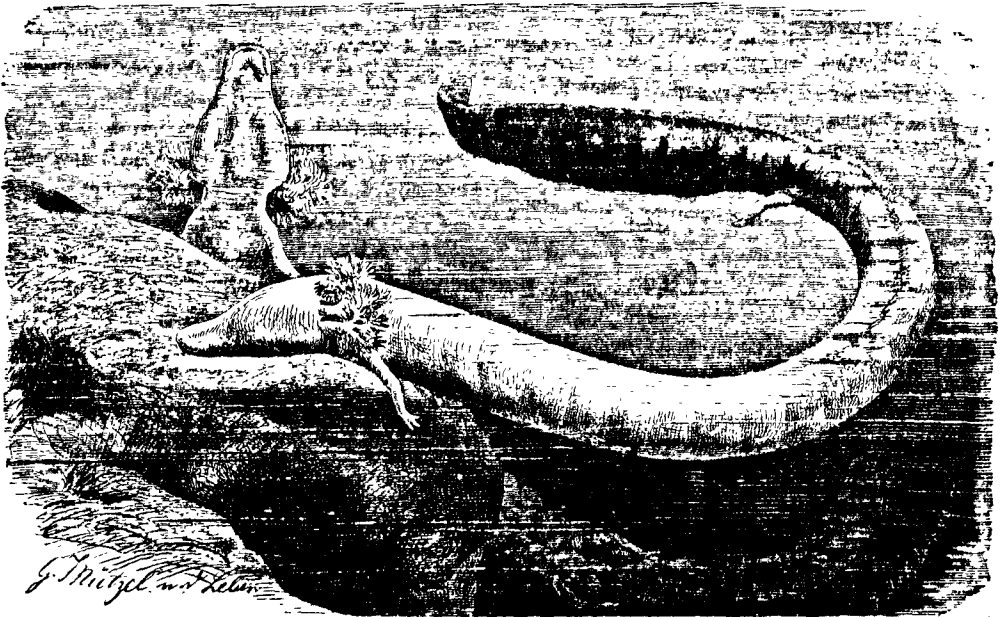
* *

Уже болѣе двухъ сотъ лѣтъ тому назадъ Вальваторъ, написавшій книгу о герцогствѣ Крайнѣ въ Австріи, въ первый разъ упоминаетъ о животномъ, которое иѣмцы, по примѣру Окена, теперь называютъ «Olm». Онъ говоритъ, что жители Крайны ему рассказывали о «чудящахъ», которыя иной разъ выползаютъ изъ земли и причиняютъ разныя бѣдствія. Вальваторъ изслѣдовалъ это и нашелъ, что мнимое чудовище есть небольшое, въ ладонь длины животное, похожее на ящерицу. и кое гдѣ встрѣчающееся въ странѣ. Позднѣе, въ 1761 году мы узнаемъ отъ Штейнберга, что во время наводненія въ 1751 года рыбакъ Зихерль поймалъ пять неизвѣстныхъ рыбокъ въ рѣкѣ Унцъ; онѣ были съ ладонь величиною, бѣлоснѣжнаго цвѣта и имѣли четыре ноги. Послѣ Штейнберга крестьяне деревни Ситтихъ въ Крайнѣ, говорили о протей Скополи и черезъ него свѣдущій въ естественныхъ наукахъ каноникъ Сигмундъ фонъ Гогенвартъ получилъ одинъ экземпляръ этого животнаго, который Лауренти представилъ ученому міру въ Вѣнѣ подъ именемъ *Proteus anguinus*. Вѣроятно тѣмъ-же путемъ былъ добытъ экземпляръ, подробно описанный Шрейберсомъ въ 1800 году. Съ тѣхъ поръ вниманіе натуралистовъ было обращено на это животное. Пыль извѣстно до 50 мѣстностей, гдѣ встрѣчается протей, и, по словамъ графа Гогенварта, болѣе 4000 экземпляровъ были разсланы въ разныя мѣста, частью живыми, частью въ спирт; ихъ вездѣ внимательно изучили, но все-таки нельзя сказать, чтобы животное это вполне хорошо извѣстно.

Протей (*Proteus anguinus*, *xanthostictus*, *schreibersi*, *Siren anguina*, *Pypochton laurenti*, *schreibersi*, *freieri*, *haidingeri*, *xanthostictus*, *anguinus*, *Phanerobranchus platyhynchus*. Olm. Protée), представитель особаго рода, долженъ считаться несомнѣнно однимъ изъ самыхъ удивительныхъ животныхъ; его нельзя, конечно, назвать наиболѣе совершеннымъ видомъ этого семейства, но мы съ него начинаемъ, такъ какъ онъ встрѣчается ближе къ намъ въ Европѣ. Онъ похожъ на уг-

ревиднаго укола по своему длинному туловищу и далеко отстоящимъ другъ отъ друга маленькимъ ножкамъ, изъ которыхъ переднія имѣютъ по три, а заднія по два пальца безъ когтей; отличается же онъ отъ него своею щучьей мордой и малой величиной своихъ глазъ, которые, по словамъ Гесса, не то, чтобы не развиты, но, такъ сказать, обозначены лишь въ грубыхъ чертахъ; глаза же совершенно скрыты подъ кожей головы и снаружи ихъ вовсе не видать.

«Ротовая щель», говоритъ Ваглеръ, «довольно узка, верхняя челюсть толстая и вездѣ прикрываетъ края нижней челюсти. Ноздри имѣютъ видъ длинныхъ щелей, расположенныхъ параллельно краю верхней челюсти. Небольшой языкъ свободенъ только спереди. По сторонамъ шеи расположены три короткихъ, сильно вѣтвистыхъ жабры. Хвостъ, въ сравненіи съ длиною туловища, коротокъ и окруженъ плавникомъ. Скелетъ похожъ на скелетъ саламандры, но отличается отъ него строеніемъ

Протей. *Proteus anguinus*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

черепа, большимъ числомъ и инымъ устройствомъ позвонковъ, меньшимъ числомъ реберныхъ придатковъ, а также костью и ступнею, состоящихъ у протей изъ небольшого числа косточекъ. Черепъ очень своеобразенъ и имѣетъ странный видъ: въ немъ замѣчается совершенное отсутствіе верхнихъ челюстныхъ костей и, какъ слѣдствіе этого, сильное развитіе и удлинненіе межчелюстныхъ костей, которыя занимаютъ весь верхній край ротовой щели; небныхъ костей также нѣтъ. Какъ на краю межчелюстной кожи, такъ и на нижней челюсти расположено много одинаковыхъ коническихъ, немного загнутыхъ назадъ зубовъ; кромѣ того на краю обоихъ сошниковъ мы находимъ по ряду зубовъ. Къ заднимъ краямъ сошниковъ прикрѣпляются узкія крыловидныя кости, которыя своимъ заднимъ концомъ соприкасаются къ внутреннему краю барабанной кости, но на нижней поверхности черепа, между сошниками, остается пустое пространство. Вся прочая нижняя поверхность черепа образована щитовидною плоскою основною костью. Барабанная кость довольно длинная, на обоихъ концахъ нѣсколько утолщена и косо спускается къ нижней челюсти; слуховое окошечко имѣетъ лицевидную

форму и расположено на скалистой кости. Нижняя челюсть похожа на нижнюю челюсть саламандры. Желудокъ протей есть простое расширение кишки и тянется отъ одного конца брюшка къ другому; пищеводъ имѣетъ внутри складки. Настоящей гортани нѣтъ, а вмѣсто нея мы находимъ кожистую полудунную полость, открывающуюся въ глотку небольшою щелью; полость эта назади образуетъ двѣ длинныя трубки, которыя оканчиваются въ тонкостѣнныхъ легочныхъ пузырькахъ, имѣющихъ много кровеносныхъ сосудовъ на внутренней поверхности».

Большинство протеевъ окрашено въ желтовато-бѣлый или свѣтло-мясной цвѣтъ, но, при дневномъ свѣтѣ, эта окраска болѣе или менѣе измѣняется, нѣкоторые дѣлаются совсѣмъ красно-бурыми, а у другихъ появляются зеленныя, обыкновенно голубовато-черныя пятна. Кромѣ того замѣчается двѣ разновидности протеевъ, изъ которыхъ одна живетъ въ Далмаціи, а другая въ Крайнѣ, которыя отличаются одна отъ другой по формѣ морды и по числу складокъ на бокахъ тѣла. По словамъ Шрейберса, основной цвѣтъ протеевъ измѣняется отъ чистаго или грязнаго желтовато-бѣлаго до фіолетоваго, переходя черезъ красновато-бѣлый и мясокрасный цвѣтъ, причемъ замѣтны всевозможные переходные оттѣнки. Очень часто на этомъ фонѣ замѣчаются болѣе или менѣе ясныя, иногда небольшія, иногда крупныя, правильныя и неправильныя пятна и точки желтоватаго, красноватаго или сѣроватаго цвѣта, которыя распределены по тѣлу то рѣдко, то очень тѣсно, причемъ въ послѣднемъ случаѣ онѣ иногда дѣлаются очень крупными и сливаются. Жабры при жизни ярко-крово-красныя, но при дневномъ свѣтѣ блѣднѣютъ. Длина тѣла доходитъ до 28,5 см., но обыкновенно не превышаетъ 25 см.

До сихъ поръ протей исключительно находили въ подземныхъ рѣчкахъ и озерахъ Краины и береговой части Далмаціи. Маркенти нашелъ его въ 1885 году также около Карпано и Монфальконе на берегахъ Адриатическаго моря, принадлежащихъ Австріи. Мѣстные крестьяне очень хорошо знаютъ протей, такъ какъ ловля его имъ доставляетъ хорошій заработокъ, и рассказываютъ, что животное это часто ловится только въ глубокихъ водахъ, находящихся въ пещерахъ озеръ, въ тѣхъ же водахъ, которыя находятся на поверхности земли, протей встрѣчается только послѣ сильныхъ ливней, которые переполняютъ подземные водоемы и такимъ образомъ насильственно выбрасываютъ на поверхность земли этихъ земноводныхъ. Дэви предполагалъ, что всѣ протей живутъ въ одномъ подземномъ озерѣ и оттуда переходятъ въ другія рѣчки и озера, которыя соединены съ нимъ подземными ручьями; но это мнѣніе, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ пещеръ, оказывается совсѣмъ не вѣрнымъ. Хотя эти животныя исключительно держатся въ водѣ, но, по словамъ проводниковъ, они иногда, особенно передъ грозой, выходятъ изъ воды и двигаются въ илѣ на берегу, безпомощно извиваясь, какъ угри.

Нынѣ крестьяне, послѣ сильныхъ ливней, изслѣдуютъ нѣкоторыя лужи, которыя получаютъ воду изъ нѣдръ земли или устья подводныхъ рѣчекъ, вылавливаютъ выброшенныхъ водою протеевъ и сохраняютъ ихъ, пока не явится случай ихъ переслать въ городъ для продажи. Они заходятъ также во внутренность пещеръ, гдѣ есть подземные ручьи и лужи, освѣщаютъ воду факелами и ловятъ протеевъ сачками или просто руками. Пойманныя животныя помѣщаются въ широкогорловыя стеклянки, наполовину наполненныя водою и прикрытыя тонкой сѣткой; въ такомъ видѣ животныхъ сохраняютъ и пересылаютъ.

Многіе любители и натуралисты долго держали протеевъ въ простыхъ тазахъ или даже въ стеклянныхъ сосудахъ и усердно наблюдали ихъ, причемъ нѣкоторыя животныя прожили въ неволѣ 6—8 лѣтъ. Протей обыкновенно лежатъ, вытянувшись на двѣ сосуда, иногда шевеля лапками, какъ бы для того, чтобы подвинуть-

ся впередъ. Если сосудъ, въ которомъ они живутъ, находится въ темномъ мѣстѣ, то они днемъ лежатъ совершенно спокойно, но малѣйшій солнечный лучъ приводитъ ихъ въ возбужденное состояніе, и они какъ можно скорѣе стараются забраться въ темный уголокъ. Въ бассейнѣ, гдѣ вода нечасто мѣняется, они поднимаются до поверхности воды, чтобы подышать, причемъ открываютъ ротъ и съ нѣкоторымъ шумомъ выпускаютъ пузыри изъ жаберныхъ щелей; въ глубокихъ бассейнахъ, гдѣ вода постоянно смѣняется, они получаютъ необходимый имъ кислородъ черезъ жабры и тогда никогда не показываются на поверхности воды. Если ихъ вынуть изъ воды, то они черезъ 2—4 часа всегда околѣваютъ, но, по словамъ Шрейберса, ихъ можно сохранить въ живыхъ и въ мелкой водѣ, причемъ легкія ихъ тогда увеличиваются и расширяются, между тѣмъ, какъ, оставаясь постоянно подъ водою, они сильно развиваютъ свои жабры. Надъ протееми производили различные опыты, чтобы принудить ихъ къ превращенію, на примѣръ перевязывали имъ жаберные сосуды; но опыты эти никогда не имѣли успѣха, а постоянно вели къ смерти животнаго.

Внѣшнія чувства протеевъ вообще слабо развиты, но именно тѣ чувства, которыя мы считаемъ особенно мало развитыми, оказываются, относительно, необычайно острыми. Животныя, на примѣръ, тотчасъ же замѣчаютъ, когда имъ бросаютъ въ бассейнъ кормъ, прямо плывутъ къ тому корму и хватаютъ его безъ всякаго колебанія, изъ чего можно заключить, что у нихъ довольно сильно развито обоняніе или осязаніе, такъ какъ едва ли можно предположить, что ихъ подкожные, почти микроскопическіе глаза могутъ различать что-либо иное, какъ разницу между свѣтомъ и темнотою. По мнѣнію Дюбуа, чувствительность къ свѣту замѣчается не только въ глазахъ, но и во всей кожѣ, но кожа чувствуетъ свѣтъ вдвое слабѣе, чѣмъ глаза. Госпожа Шовенъ многолѣтними опытами убѣдилась, что протееи имѣютъ также память мѣстности. Содержимые въ неволѣ ѣдятъ червей и маленькихъ улитокъ, а, по сообщенію Велькера, особенно охотно дафній, которыя, какъ извѣстно, живутъ между густо-растущими водяными растеніями. Два экземпляра, жившіе у вышеназваннаго натуралиста, быстро плавали кругомъ сосуда, когда ихъ тревожили, и онъ съ удовольствіемъ замѣчалъ, что они въ это время сразу подплывали къ предлагаемому корму и, несмотря на спрятанные подъ кожей глаза, быстрыми движеніями схватывали ѣду. Никогда не замѣчали, чтобы они хватали спокойно сидящее животное, и потому весьма вѣроятно, что прыгающія движенія дафній служатъ для протеевъ особенной приманкой для ѣды. Нѣкоторые протееи упорно отказываются отъ пищи и, несмотря на это, если только имъ часто мѣнять воду, проживаютъ въ неволѣ нѣсколько лѣтъ, причемъ совершенно непонятно, чѣмъ они бываютъ сыты. Въ подземныхъ водахъ, гдѣ живутъ протееи на свободѣ, нашли нѣсколько своеобразныхъ мелкихъ животныхъ, которыя могутъ служить пищею протееамъ, а также замѣчали, что они проламывали раковинки маленькихъ мягкотѣлыхъ; однако до сихъ поръ свѣдѣнія о способѣ ихъ питанія на свободѣ очень недостаточны.

Хотя протеевъ держали дюжинами въ одномъ бассейнѣ и видѣли, какъ они иногда играли между собою, но спариванія ихъ никогда не замѣчали; только въ 1875 году главный надсмотрщикъ надъ пещерами, Прелестнякъ, въ первый разъ видѣлъ, какъ они кладутъ яйца. Съ точностью нельзя было узнать, оба ли живущихъ у него экземпляра, или только одинъ изъ нихъ положилъ 58 яицъ. Госпожа Шовенъ также наблюдала въ 1882 году, какъ самка протеевъ прикрѣпляла свои яйца къ потолку подводнаго грота въ акваріумѣ. Шаровидное яйцо имѣетъ 11 мм. въ поперечникѣ, оно снаружи окружено студенистымъ слоемъ, внутри котораго

находится оболочка, имѣющая 6 мм. въ діаметрѣ, а желтовато-бѣлый желтокъ 4 мм. Оба слоя, окружающіе желтокъ, прозрачны и безцвѣтны. Обыкновенно нельзя отличить снаружи самца отъ самки; только во время размноженія у самца распухаютъ края клоаки, у самки же замѣчается утолщеніе тѣла преимущественно въ вертикальномъ направленіи, у обоихъ половъ образуются въ это время узкіе складчатые кожистые гребни на хвостовомъ плавникѣ и окраска тѣла дѣлается болѣе яркой. Слѣдуетъ предположить, что яйца оплодотворяются внутри тѣла самки, но до сихъ поръ подобнаго оплодотворенія не замѣчали. Протеи кладутъ яйца всегда ночью и каждое яйцо прикрѣпляется отдѣльно.

Только въ 1888 году Целлеръ въ первый разъ описалъ головастика протей. Его протеи положили отъ 14 по 16 апрѣля 76 яицъ. Черезъ 90 дней выползли изъ нихъ два головастика, которые были гораздо болѣе развиты, чѣмъ головастики другихъ хвостатыхъ земноводныхъ и имѣли вначалѣ 22 мм. длины, изъ которыхъ на хвостъ приходилось лишь 5 мм. По внѣшнему виду они были похожи на взрослыхъ протеевъ, только плавниковый гребень у нихъ занимаетъ $\frac{3}{4}$ спины и глаза гораздо болѣе замѣтны и относительно больше, чѣмъ у взрослага животнаго. Жабры развиты не болѣе, чѣмъ у взрослага протей. Переднія конечности имѣютъ уже три пальца, а заднія имѣютъ лишь видъ простыхъ отростковъ. Целлеръ держалъ своихъ протеевъ на открытомъ воздухѣ, причемъ температура воды колебалась между 5° и 18° Ц. Если протеевъ желаютъ наблюдать съ нѣкоторымъ удобствомъ въ неволѣ, то слѣдуетъ сдѣлать имъ жизнь какъ можно болѣе пріятной. Госпожа Шовенъ и Целлеръ только тѣмъ обязаны успѣхомъ своихъ наблюденій, что они очень заботливо относились къ жившимъ у нихъ животнымъ. Для благополучной жизни протеевъ необходима равномерная температура воды отъ 9° до 11° Ц., совершенное отсутствіе свѣта, предохраненіе бассейна отъ сотрясеній, чистая вода, содержащая довольно много воздуха, и кормленіе ихъ земляными червяками и головастиками лягушекъ.

* *

Въ восточныхъ штатахъ Сѣверной Америки и Канадѣ живетъ протей, очень похожій на нашего европейскаго, именно Американскій протей (*Necturus maculatus*, *maculosus*, *lateralis*, *Menobranchus lateralis*, *tetradactylus*, *sayi*, *lancepedei*, *Triton lateralis*, *Phanerobranchus tetradactylus*, *lancepedei*, *Proteus maculatus*. Furchenmolch. Protée maculé) животное средней величины и довольно плотнаго сложенія. Оно имѣетъ четыре конечности съ четырьмя пальцами на каждой, голова яйцевидная, спереди заостренная, а сзади округленная, шея замѣтно отдѣлена отъ тѣла, а туловище похоже на туловище саламандръ. Верхняя часть тѣла бурая, а нижняя грязно-бѣлая; на спинѣ замѣчаются неясныя, а на животѣ болѣе ясныя черноватая круглыя пятна. Отъ конца морды черезъ глаза къ жабрамъ идетъ черноватая продольная полоса, которая у молодыхъ животныхъ продолжается по бокамъ тѣла. Взрослые экземпляры достигаютъ 32—36 см. длины. Большой мясистый языкъ округленъ и спереди свободенъ; зубы похожи на зубы протей. Глаза маленькіе, но довольно замѣтны. Число позвонковъ относительно невелико (18—19 спинныхъ, 1 крестцовый и 35 хвостовыхъ) и скелетъ такъ похожъ на скелетъ саламандры, что Дюмериль и Бибронъ въ видѣ отличительныхъ признаковъ американскаго протей, приводятъ лишь четыре пальца и сохраняющіяся втеченіе всей жизни жабры.

Объ образѣ жизни американскаго протей и другого сходнаго съ нимъ мѣстнаго вида до сихъ поръ у насъ еще очень мало свѣдѣній. Мютцель говоритъ, что этого протей иногда ловятъ на удочку въ сѣверныхъ американскихъ озерахъ и

тогда выставляют его на показъ, какъ рѣдкость; Гибсъ получилъ отъ одного пріятеля сходный съ нимъ видъ (*Necturus punctatus*) изъ маленькихъ рѣчекъ рисовыхъ полей южнаго теченія рѣки Санти. По сообщенію вышеназваннаго наблюдателя, негры совершенно неосновательно ужасно боятся этихъ протеевъ и считаютъ ихъ въ высшей степени ядовитыми. Деревянный сосудъ, въ которомъ помѣщался присланный протей, потерялъ въ глазахъ хозяина всякое значеніе и былъ разрубленъ, чтобы никто потомъ не могъ изъ него ѣсть. Протей скоро исчезъ изъ помѣщенія, куда его посадилъ Гибсъ, вѣроятно потому, что негры нашли нужнымъ какъ можно скорѣе избавиться отъ этого ужаснаго животнаго. Позднѣе удалось поймать другіе экземпляры, и они содержались втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ бассейнѣ. Когда они лежали спокойно, то великолѣпные красножаберные пучки

Американскій протей. *Necturus maculatus*. $\frac{1}{2}$, наст. вел.

ихъ торчали въ стороны, но если животныхъ потревожить, то цвѣтъ жабръ дѣлался гораздо менѣ яркимъ и животное ихъ прижимало къ сторонамъ шеи. Иногда животныя эти поднимались на поверхность воды, открывали ротъ и забирали воздухъ, а затѣмъ снова ныряли внизъ, причѣмъ негодный воздухъ выпускали изо-рта въ видѣ лопающихся пузырей. Такимъ образомъ животныя прожили нѣсколько мѣсяцевъ, повидимому, въ полномъ здоровьи, но подъ конецъ потеряли свою живость, не могли болѣе держаться въ равновѣсіи и скоро послѣ этого окочнѣли. Кинландъ также держалъ въ неводѣ американскихъ протеевъ. Животныя эти были мало чувствительны къ холоду, даже отчасти замерзали и при согрѣваніи снова оживали; оказалось, что они принадлежатъ къ ночнымъ хищникамъ, которые ночью охотились за червями и рыбками, а днемъ прятались отъ свѣта. Жабры ихъ имѣли способность расширяться и сжиматься, вслѣдствіе наплыва въ

нихъ крови, и протеи ихъ очищали отъ грязи, вычесывая ихъ своими пальцами. О размноженіи американскихъ протеевъ еще намъ ничего неизвѣстно.

Четвертое семейство хвостатыхъ земноводныхъ—**Сирены** (Sirenidae, Armmolche) заключаетъ въ себѣ животныхъ наиболѣе простой организаціи. У нихъ, точно такъ, какъ у предыдущаго семейства, жабры сохраняются втеченіе всей жизни, верхнечелюстныхъ костей и глазныхъ вѣкъ также не существуетъ, но на межчелюстныхъ костяхъ и нижней челюсти вовсе нѣтъ зубовъ, такъ что ротъ совсѣмъ беззубый и челюсти покрыты роговыми пластинками; небольшіе зубы сохранялись только на сошникѣ. Извѣстно лишь два рода сиренъ, которыя живутъ въ Сѣверной Америкѣ и отличаются другъ отъ друга по числу жаберныхъ щелей, а также по числу пальцевъ на переднихъ конечностяхъ; заднихъ конечностей вовсе нѣтъ. Въ каждомъ родѣ извѣстно лишь по одному виду. По мнѣнію Копе, сирены не только представляютъ собою животныхъ съ недоразвитымъ скелетомъ, что видно по строенію черепа, плечевого пояса, таза и конечностей, но у нихъ замѣчается ретроградное превращеніе въ развитіи жабрь. Патуралистъ этотъ нашелъ, что въ молодости у сиренъ жабры вовсе не дѣйствуютъ, и онѣ развиваются постепенно лишь съ возрастомъ. Копе изъ этого заключаетъ, что сирены образовались изъ животныхъ, похожихъ на сухопутныхъ саламандръ и только лишь въ послѣдствіи приспособились къ жизни въ водѣ.

* *

Сирена (*Siren lacertina*, in'ermidia, Phanerobranchus dipus. Armmolch. Sirène) по строенію тѣла похожа на угревиднаго укола и отличается отъ него тѣмъ, что у нея замѣчается лишь одна передняя пара конечностей. Тѣло удлиненное и вальковатое, сзади заострено и сжато съ боковъ, на переднихъ конечностяхъ находится по четыре пальца, а слѣдовъ заднихъ конечностей невидно даже и на скелетѣ. Ноздри расположены около края верхней губы, маленькіе круглые глаза прикрыты кожей. Жаберныя щели имѣютъ видъ трехъ наклонныхъ надрѣзовъ на каждой сторонѣ шеи, къ верхнимъ концамъ ихъ прикрѣплены наружныя жабры. На сошникахъ находятся два большихъ ряда зубовъ, образующихъ между собою уголъ. Позвонковъ бываетъ 101—108 и по строенію они похожи на позвонки протея, 8 изъ нихъ, начиная со втораго, имѣютъ небольшіе реберныя придатки. Цвѣтъ тѣла черноватый и одинаковый, какъ сверху, такъ и снизу, но внизу нѣсколько свѣтлѣе; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣчаются небольшія бѣлыя пятна. Животное бываетъ длиною въ 67—72 см. Сирена живетъ въ юго-восточной части Соединенныхъ Штатовъ и доходитъ на западѣ до юго-западнаго Техаса.

Въ первый разъ съ этими животными насъ познакомилъ Гарденъ въ 1761 году: онъ нашелъ сиренъ въ Южной Каролинѣ и послалъ два экземпляра Эллису въ Лондонъ, причѣмъ сообщилъ ему, что сирены встрѣчаются въ болотахъ главнымъ образомъ подъ стволами деревьевъ, лежащихъ въ водѣ; иногда онѣ выползаютъ на эти стволы и когда вода пересыхаетъ, то онѣ жалобно пищать, почти такъ, какъ молодые утки, только громче и яснѣе. Гарденъ считалъ это животное за рыбу, но это мнѣніе было опровергнуто еще Линнеемъ. Палласъ позднѣе считалъ его за головастика какой-нибудь саламандры, а Кювье въ первый разъ высказалъ мнѣніе, что сирену слѣдуетъ считать вполне развитымъ животнымъ.

Въ іюнѣ 1825 года живая сирена, имѣвшая $\frac{1}{2}$ метра длины была прислана въ Англію и жила тамъ втеченіе шести лѣтъ подъ надзоромъ Шейля, который ее внимательно наблюдалъ. Вначалѣ этотъ натуралистъ держалъ сирену въ бочкѣ съ

воду, на днѣ которой лежалъ песокъ; бочка эта была поставлена наклонно, чтобы животное могло выходить на сушу, однако скоро оказалось, что ему удобнѣ класть мохъ, но такъ какъ онъ постоянно гнилъ и его приходилось часто мѣнять, то въ воду положили лягушечникъ (*Hydrocharis morsus ranae*), подѣ плавающими листьями котораго сирена любила прятаться. Лѣтомъ она ѣла земляныхъ червей, маленькихъ колюшекъ, головастикавъ тритоновъ, а позднѣ также голяновъ (*Phoxinus laevis*), зимой же постилась отъ середины октября до конца апрѣля, живя въ холодной оранжереѣ. Если ее трогали за хвостъ, то она пускала пузыри и тихо уплывала.

13-го мая 1826 года, сытно поѣвши, она сама вылѣзла изъ бочки и упала

Сирена. *Siren lacertina* $\frac{2}{5}$ наст. вел.

на полъ, на одинъ метръ глубины. На слѣдующій день ее нашли внѣ оранжереи на дорожкѣ; она подрыла себѣ подѣ стѣной ходъ, въ метръ длины, и черезъ него ушла. Вслѣдствіе холоднаго утра, она была совсѣмъ околѣнѣвши и едва выказывала признаки жизни; посаженная въ воду, она трудно дышала и поднималась на поверхность воды, чтобы забрать воздуха; однако, черезъ нѣсколько часовъ, она снова совершенно поправилась. Когда въ 1827 году ее перенесли въ теплицу, то она стала живѣе и начала квакать, какъ лягушка. Втеченіе этого лѣта она часто съѣдала заразъ 2—4 маленькихъ земляныхъ червей и вообще была голоднѣе, чѣмъ прежде. Какъ только она замѣчала червяка, то осторожно приближалась, на мгновеніе останавливалась, какъ бы присматриваясь, а затѣмъ быстро схватывала его, вообще же она ѣла только разъ въ 8 или 10 дней. Обыкновенно она по нѣскольку часовъ лежала на днѣ воды, не пуская пузырей; два раза въ минуту замѣтно было слабое движеніе воды за жабрами. При прикосновеніи она такъ быстро уплы-

вала, что вода поднималась брызгами. Сирена эта жила до 22-го октября 1831 года и умерла насильственной смертью: ее нашли выпавшей изъ бочки съ засохнувшими жабрами. Втеченіе этихъ шести лѣтъ она выросла на 10 ст. По наблюденіямъ Копе, сирены могутъ дышать исключительно легкими; этотъ натуралистъ держалъ два мѣсяца въ акваріумѣ сирену, у которой рыбы съѣли жабры до послѣдней вѣточки

Отрядъ III.

Безногія (Арода).

Безногія земноводныя, или червяги, говоритъ Ваглеръ, «скорѣе, чѣмъ всѣ другіе гады, имѣютъ право считаться отдѣльнымъ отрядомъ. Хотя по наружности они похожи на амфилии, скорѣе, веретеницъ, но внутреннее ихъ строеніе напоминаетъ лягушекъ. По вѣншему виду они очень похожи на амфисбенъ, но отличаются отъ нихъ тѣмъ, что тѣло у нихъ голое, хвоста почти нѣтъ, заднепроходное отверстіе круглое и находится почти на концѣ туловища, а сіе послѣднее имѣетъ видъ цилиндра съ тупыми концами и вездѣ одинаковой толщины. На кожѣ его замѣчаются иногда кольцообразныя, тѣсно стоящія одна у другой складки кожи; иногда же тѣло гладкое и, пока животное живо, оно покрыто липкою слизью.

«У всѣхъ безогихъ замѣчаются одинаковые пустые, довольно большіе конусообразные и нѣсколько загнутые назадъ зубы, которые прикрѣплены къ внутреннему краю челюстей; языкъ прикрѣпленъ своею нижнею поверхностью къ кожѣ рта и поэтому высовываться не можетъ. На небѣ также есть зубы и они расположены въ видѣ подковы, какъ у нѣкоторыхъ рыбообразныхъ земноводныхъ. Что касается язычной кости, то она тѣмъ замѣчательна, что имѣетъ три пары дугъ, что указываетъ на присутствіе жабръ въ началѣ жизни и слѣдовательно и на то, что червяги имѣютъ превращеніе. Наружныя носовыя отверстія расположены по сторонамъ головы или на переднемъ концѣ ея, а внутреннія носовыя отверстія находятся на небѣ. Глазъ не бываетъ вовсе или они настолько покрыты кожей головы, что для зрѣнія вовсе не пригодны. Передъ глазами всегда находятся маленькія отверстія, въ которыхъ помѣщаются выдвигнувшіе пальцы, снабженные особеннымъ нервомъ. Уши, какъ у саламандръ, спрятаны подъ кожей, не имѣютъ барабанной перепонки и состоятъ, какъ у саламандръ, изъ небольшого хрящика, лежащаго на яйцевидномъ окошечкѣ.

Строеніе черепа очень своеобразно: верхнечелюстныя кости такъ прикрываютъ глазную впадину, а височныя кости височную впадину, что со стороны кажется, что черепъ образованъ одною щитообразною костяною пластинкою. Глаза, если только они существуютъ, лежатъ на верхнемъ краѣ верхнечелюстной кости въ очень маленькомъ удлиненномъ углубленіи. Барабанная кость вдвинута между другими черепными костями, а вѣтви нижней челюсти соединены спереди хрящемъ. Суставная поверхность затылочной кости раздѣлена посрединѣ на двѣ части, совершенно,

какъ у лягушекъ. Спинные позвонки не имѣютъ полушарообразныхъ суставныхъ поверхностей, а съ обѣихъ сторонъ имѣютъ углубленія и соединены хрящевыми пластинками, лежащими между позвонками. Ребра имѣютъ видъ совсѣмъ небольшихъ придатковъ; грудной кости, таза и конечностей вовсе нѣтъ. Изъ легкихъ развито только одно.

Вышеуказанные признаки, установленные еще Ваглеромъ, могутъ быть и теперь еще вполне сохранены. Болѣе подробное описаніе мозга и нервной системы безногихъ земноводныхъ мы находимъ у Вальдшмидта; мозговья полушарія больше, чѣмъ у всѣхъ нашихъ земноводныхъ и скорѣе похожи на мозговья полушарія лягушекъ, чѣмъ саламандръ. Малый мозгъ не отдѣленъ отъ большого, зрительные и слуховые нервы совсѣмъ мало развиты. Новѣйшія изслѣдованія значительно дополняли свѣдѣнія объ этихъ животныхъ: число позвонковъ можетъ доходить до 250, печень раздѣлена на многія лопасти; съ каждой стороны у самца находится по нѣскольکو сѣмянныхъ железъ и у него есть органъ совокупленія, который можетъ быть вынеченъ изнутри.

Объ исторіи развитія червягъ до послѣдняго времени было очень мало извѣстно. Югану Мюллеру мы обязаны сообщеніемъ, что **Цейлонская червяга** (*Ichthyophis glutinosus*) имѣетъ по сторонамъ шеи по одной жаберной щели, которая ведетъ къ внутреннимъ жабрамъ. По словамъ Жерве и болѣе подробнымъ указаніямъ Петерса, у *Turphlonectes compressicauda* — червяги изъ сѣверной части Южной Америки, незамѣтно и слѣда жаберныхъ щелей, какія нашелъ Мюллеръ у цейлонской червяги, но жаберный аппаратъ головастика этого животнаго очень своеобразенъ. Кровеносные сосуды въ жабрахъ не образуютъ петель, проникающихъ въ жаберные сосочки развѣтвленій, какъ у другихъ головастиковъ, но вены и артеріи развѣтвляются на поверхности листовидной жаберной кожицы. Эти листовидныя наружныя жабры сильно напоминаютъ колоколообразныя дыхательныя органы у зародышей сумчатой лягушки, описанныя Вейнландомъ. (См. стр. 753). Несомнѣнно, что превращеніе различныхъ червягъ точно также разнообразно, какъ превращеніе безхвостыхъ земноводныхъ. Напримѣръ, Меліусъ привезъ съ Сешельскихъ острововъ нѣсколько экземпляровъ *Purogeophis rostratus* различнаго возраста, у которыхъ нѣтъ ни жаберныхъ щелей, ни кожистаго гребня на хвостѣ, ни затылочныхъ рубцовъ, встрѣчающихся у головастиковъ, дышавшихъ листовидными жабрами. Дюмериль, напротивъ, у одного молодого экземпляра *Ureotyphlus oхуurus* изъ Малабара нашелъ на сторонахъ шеи жаберную щель, которая была расположена нѣсколько выше, чѣмъ у цейлонской червяги, но доказывала очевидно, что у этого рода не встрѣчается листообразныхъ жабръ. Во время метанія икры червяги идутъ въ воду и кладутъ туда свои яйца, или же рождаютъ живыхъ дѣтенышей; иногда яйца кладутся около воды. У нѣкоторыхъ видовъ яйца насиживаются или, по крайней мѣрѣ, охраняются самкою. Превращеніе зародышей оканчивается болѣею частью въ яйцѣ; послѣ краткаго пребыванія въ водѣ головастики принимаютъ внѣшній видъ взрослыхъ животныхъ и выходятъ на сушу.

Графе сообщаетъ, что *Dermophis thomensis* — червяга изъ восточной Африки, живущая на островахъ св. Ёмы и Ролласъ, часто встрѣчается на высотѣ 400—500 м. надъ поверхностью моря. Но ее находятъ и на высотѣ 900 м. Она питается насѣкомыми, личинками, многоножками и земляными червями, но ѣстъ также и змѣй изъ рода слѣпуновъ. Мѣстные жители думаютъ, что это животное ядовито и, по изслѣдованіямъ Видерсгейма, слѣдуетъ, можетъ быть, предположить, что железы около щупальцевъ дѣйствительно содержатъ ядъ. Углубленія, въ кото-

рыхъ прячутся щупальцы червяги, покрыты, по словамъ Графе, такой же кожей, которая покрываетъ щупальцовыя углубленія и снаружи. Изъ этого углубленія выпячивается щупалецъ такъ, что только кончикъ его свободенъ. На днѣ же углубленія находится отверстіе двухъ каналовъ, впервые описанныхъ Лейдигомъ, которые, по мнѣнію Видерсгейма, сообщаются съ сосѣдней щупальцовой железой. Графе не могъ узнать, куда изливается выдѣленіе этой замѣчательно большой железы, которая отчасти окружаетъ глазъ; онъ не могъ найти выводного канала въ щупальцовое углубленіе, которое было указано Видерсгеймомъ. Изъ всѣхъ наблюденій Графе оказывается однако, что между щупальцемъ и железой очевидно существуетъ нѣкоторое отношеніе, и выдѣленіе ея можетъ быть выбрасываемо, когда щупальцы вывернуты наружу. Кромѣ того замѣчательно, что внѣшнія складки кожи по числу и расположенію вполнѣ соотвѣтствуютъ позвонкамъ. Графе нашелъ также зародышей въ чревѣ матери, голова которыхъ имѣла видъ колбы и представляла собою самую толстую часть тѣла, а задняя часть тѣла была сжата съ боковъ и представляла собою плавательный органъ. У этихъ молодыхъ животныхъ однако не было и слѣда жабръ; этимъ доказывается, что превращеніе органовъ дыханія у этого вида происходитъ очень рано внутри тѣла матери.

При описаніи цейлонской червяги мы увидимъ, что въ этомъ отрядѣ встрѣчается и другого рода способъ размноженія, именно, что нѣкоторые виды кладутъ яйца.

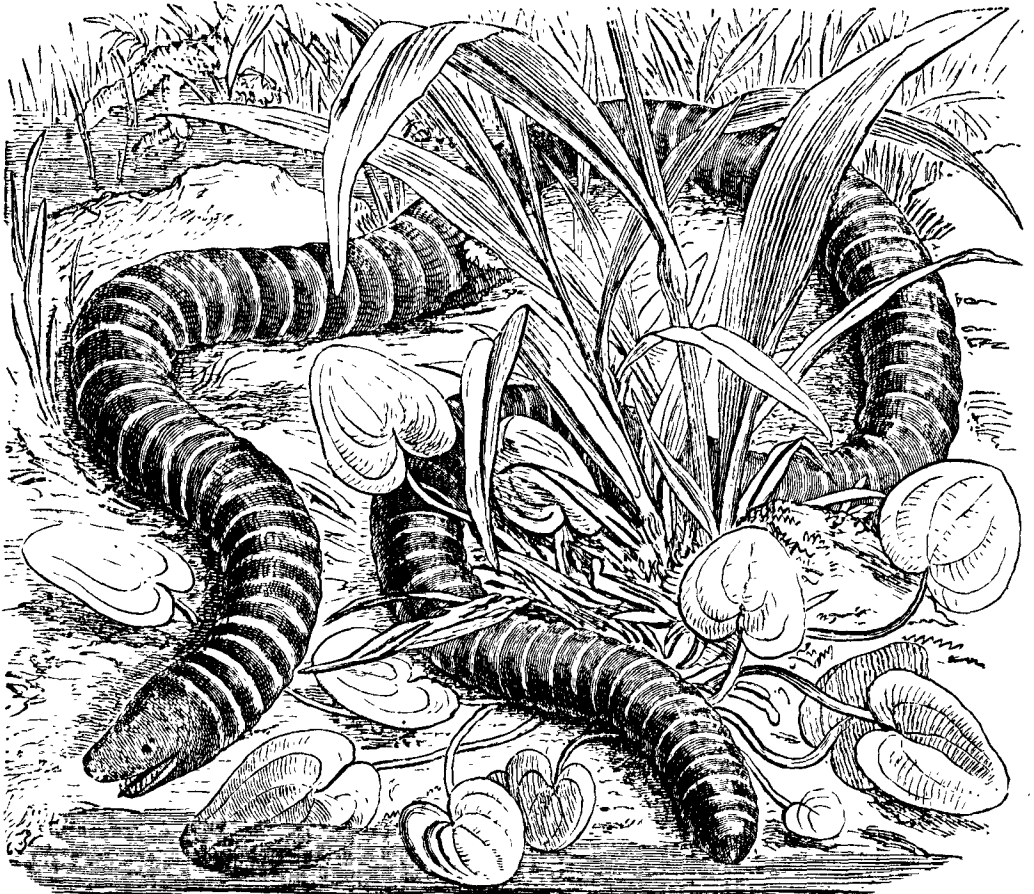
Червяги встрѣчаются въ тропическихъ странахъ Америки, Африки и Азии, но ихъ нѣтъ въ Австраліи и на Мадагаскарѣ. Онѣ роютъ землю и вообще ведутъ подземную жизнь, какъ земляные черви, что въ значительной степени затрудняетъ наблюденія надъ ними. Многія изъ нихъ живутъ въ муравейникахъ и питаются муравьями. Движенія ихъ состоятъ изъ медленнаго ползанія или плаванія, совершаемаго извиваніемъ тѣла. Питаются онѣ червями и разными другими мелкими животными. Нынѣ извѣстно 14 родовъ съ 37 видами безногихъ земноводныхъ, которые другъ отъ друга отличаются развитіемъ глазъ, строеніемъ и положеніемъ щупальцевъ, а также строеніемъ кожи, вмѣнно, замѣчаются ли въ ней круглыя чешуйки, или нѣтъ.

Признаки отряда совпадаютъ съ признаками единственнаго семейства червягъ (*Caeciliidae*), а различія между родами незначительны. У **Кольчатыхъ червягъ** (*Siphonops*) нѣтъ на кожѣ чешуекъ, глаза ясно замѣтны и щупальцы стоятъ ближе къ глазамъ, чѣмъ къ ноздрямъ; у **Настоящихъ червягъ** (*Caecilia*) въ кожѣ замѣчаются круглыя чешуйки, глаза менѣе ясно видны и щупальцы находятся подъ самими ноздрями въ подковообразномъ углубленіи; кромѣ того относящіяся сюда виды часто отличаются очень удлиненнымъ тѣломъ.

* *
*

Къ первому роду относится **Кольчатая червяга** (*Siphonops annulatus*, *Caecilia annulata*, *interrupta*. Ringelwühle) живущая въ Гвианѣ, сѣверной Бразиліи, Эквадорѣ и Перу; она имѣетъ 39 см. длины, на кожѣ ея находится 85—95 кольчатыхъ складокъ; кожа черноватая и бѣловатая въ глубинѣ складокъ. Къ второму семейству относится **Настоящая червяга** (*Caecilia graci is*, *lumbricoida*. Wurmwühle), которая имѣетъ 65—70 см. длины, тѣло, толщиной съ карандашъ, и имѣетъ 210—285 кольчатыхъ складокъ, которыя однако ясно замѣтны лишь на задней части тѣла; цвѣтъ тѣла бурый. Настоящая червяга живетъ также въ сѣверной части Южной Америки.

Объ образѣ жизни этихъ странныхъ животныхъ извѣстно еще очень мало; мы знаемъ только, что они живутъ подъ землею, какъ земляные черви и роются тамъ, двигаясь съ относительно большою силой и скоростью. По словамъ принца фонъ-Видъ, они нѣсколько приподнимаютъ землю надъ своими ходами, какъ у насъ это дѣлаютъ полевые мыши. Настоящая червяга, о которой только и говорить принцъ фонъ-Видъ, имъ не была найдена южнѣ окрестностей Бахи. Ее тамъ называютъ тѣмъ же именемъ, какъ и слѣпуна: «змѣя съ двумя головами».

Кольчатая червяга. *Siphonops annulatus*. Част. вел.

«Мнѣ только удалось узнать», говоритъ Шомбургкъ, «отъ туземцевъ и негровъ, что животныя эти живутъ въ землѣ, а чаще всего въ постройкихъ одного вида муравьевъ. Я впоследствии самъ наблюдалъ, что послѣднее сообщеніе вѣрно и Коллинзъ увѣряетъ, что часто находилъ червягу въ муравейникахъ, когда раскапывалъ ихъ, чтобы уничтожить вредныхъ муравьевъ».

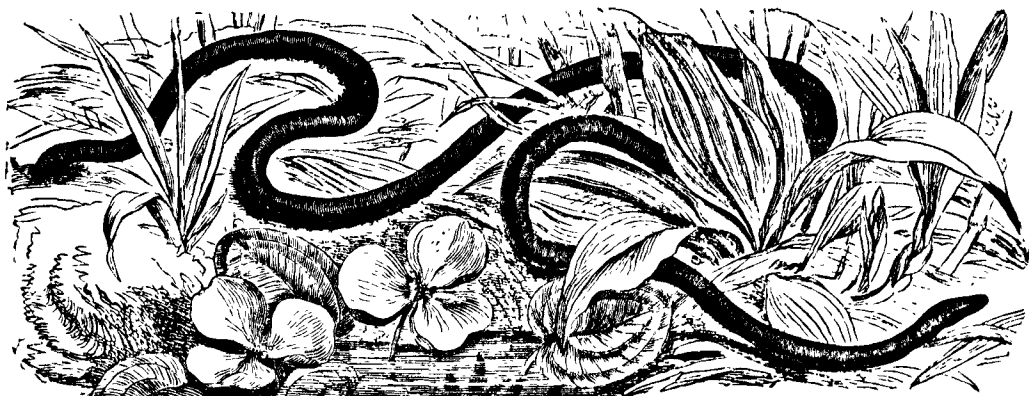
Кольчатая червяга живетъ, по словамъ Чуди, главнымъ образомъ въ сырыхъ мѣстахъ 30—60 см. подъ землею; ее находятъ при копаніи канавъ и устройствѣ дорогъ; бразильцы ее очень боятся, точно такъ, какъ и безвредныхъ двуходокъ.

* * *

Благодаря изслѣдованіямъ братьевъ Саразень, мы лучше знаемъ представителя рода **Слѣпыхъ червягъ** (*Ichtyophis*). Онѣ отличаются отъ настоящихъ червягъ

конусообразными или кожевидными щупальцами, которые окружены кольцеобразным углублением и сидят около губы между ноздрями и глазами. На нижней челюсти находятся два ряда зубов. Изъ двухъ видовъ, встрѣчающихся въ тропической Индіи, особеннаго вниманія заслуживаетъ Цейлонская червяга (*Ichthyophis glutinosus*, *hasselti*, *beddomei*, *Rhinatrema bivittatum*, *Caecilia glutinosa*, *hyrosuaneae*, *bivittata*, *viscosa*, *Epicrium hyrosuaneum*, *glutinosum*. Blindwühle), которая встрѣчается на обоихъ полуостровахъ восточной Индіи, на Цейлонѣ и на Большихъ Зондскихъ островахъ. Животное это имѣетъ 38 см. длины, темно-бураго или синевато-чернаго цвѣта и по бокамъ тѣла замѣчается широкая желтая полоска, идущая отъ головы до хвоста.

Головастика этой червяги въ первый разъ описалъ Буланже. «Голова его похожа на голову рыбы или сирены и языкъ спереди въ значительной степени свободенъ, какъ у головастика многихъ саламандръ. Щупальцевого углубленія

Настоящая червяга. *Caecilia gracilis*. Наст. вел.

нѣтъ, или оно находится около большого глаза, который крупнѣе, чѣмъ у взрослого животнаго и похожъ на глазъ сирены. Наружныхъ жабръ нѣтъ, но жаберныя щели велики. Хвостъ гораздо болѣе сжатъ съ боковъ, чѣмъ у взрослого животнаго и имѣетъ сверху и снизу кожистый гребень. Складки кожи сначала неясны и дѣлаются болѣе замѣтными только съ возрастомъ. Задній проходъ имѣетъ видъ продольной щели».

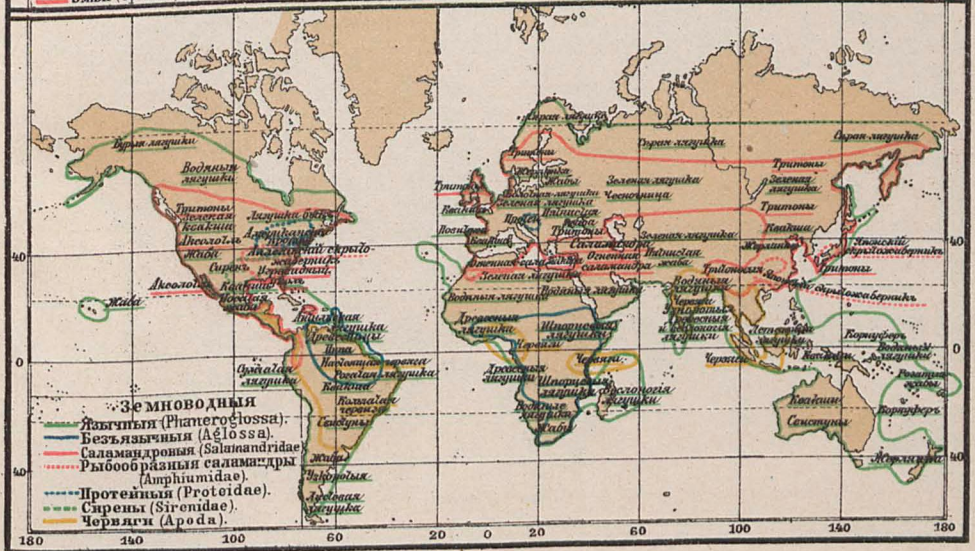
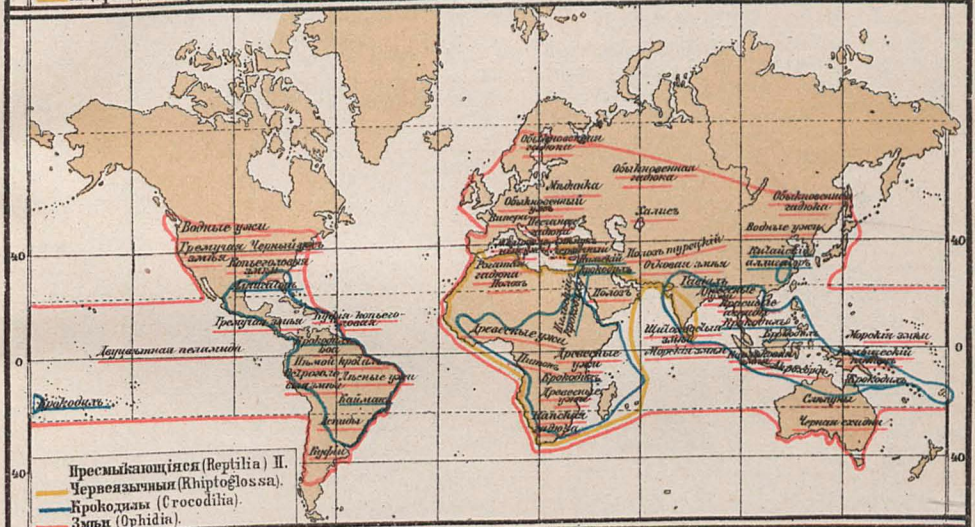
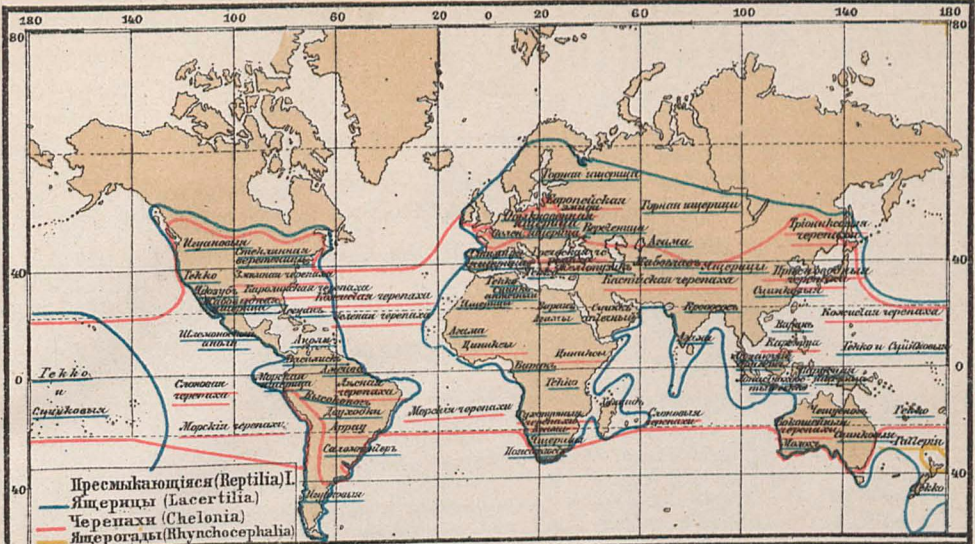
Братья Саразенъ, которымъ мы обязаны подробнымъ описаніемъ этого замѣчательнаго животнаго, находили его на плоскихъ сырыхъ берегахъ ручьевъ, на глубинѣ одного фута, подъ дерномъ. Здѣсь оно питается маленькими змѣями, именно слѣпунами и молодыми щитохвостками, а также земляными червяками. Взрослая червяга боится воды и если ее туда бросить, то она скоро тонетъ. При ползаніи она ощупываетъ землю поочередно своими щупальцами; слизь, покрывающая ее тѣло, имѣетъ ядовитыя свойства, какъ у другихъ земноводныхъ. Цейлонская червяга не родитъ живыхъ дѣтенышей, какъ нѣкоторыя другія червяги, но кладетъ среднимъ числомъ 13 замѣчательно большихъ яицъ, имѣющихъ 9 мм. длины и 6,5 мм. ширины; каждое яйцо вѣситъ примѣрно 0,23 гр. и яйца эти кладутся въ земляное углубленіе недалеко отъ воды, и бывають сложены въ своеобразную кучку. Самка заботится о нихъ и свивается кругомъ кучки, чтобы сохранить въ нихъ необходимую влажность. Если мать броситъ яйца, то они не развиваются и гибнутъ. Во время насиживанія яйца всасываютъ въ себя воду

и жидкое выдѣленіе тѣла матери, причѣмъ діаметръ ихъ дѣлается вдвое больше и въ концѣ насиживанья они въ четыре раза тяжелѣе, чѣмъ вначалѣ. Зародыши, имѣющіе 4 см. длины, сильно двигаются еще въ яйцѣ; у нихъ съ каждой стороны замѣтно по три кровяно-красныхъ наружныхъ жабръ, которыя также шевелятся. Короткій хвостъ окруженъ кожистымъ гребнемъ. У зародышей видны слѣды заднихъ конечностей, въ видѣ маленькихъ конусообразныхъ возвышеній; глаза, которыя въ послѣдствіи очень малы, у зародышей велики и ясно видны. Зародыши еще въ яйцѣ сбрасываютъ наружныя жабры, затѣмъ выходятъ изъ яичныхъ оболочекъ и отправляются въ ближайшій ручей, гдѣ они вырастаютъ до 17 см. длины. Эти угревидныя головастики забираютъ воду ртомъ и выпускаютъ ее черезъ жаберныя отверстія. Однако, отъ времени до времени они поднимаются на поверхность воды и непосредственно дышать воздухомъ. При анатомированіи у нихъ найдены легкія. На кожѣ головастика находится много своеобразныхъ органовъ чувствъ; въ ней также находятъ сосуды, сообщающіеся съ водою и дающіе возможность крови сообщаться съ окружающею водою. По всему видно, что по превращенію червяги похожи на саламандръ; по строенію сѣмянныхъ нитей и присутствію четвертой артеріальной дуги взрослого животнаго червяги также приближаются къ хвостатымъ земноводнымъ.

Коле не считаетъ червягъ отдѣльнымъ отрядомъ, а лишь семействомъ хвостатыхъ земноводныхъ, которое родственно рыбообразнымъ земноводнымъ, а затѣмъ тритонамъ и саламандрамъ. Онъ недавно еще пытался защитить свой взглядъ, указывая на незначительность отличительныхъ признаковъ червягъ отъ другихъ земноводныхъ.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЖИВОТНЫХ VIII ПРЕСЫКАЮЩИЯСЯ И ЗЕМНОВОДНЫХ VII.

Изданія В Ы С О Ч А Й Ш Е утвержденного ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“

С.-Петербургъ, Бол. Подъяч., собств. домъ, № 39.

ТЪМА ЕГИПЕТСКАЯ. Романъ Вс. Вл. Крестовскаго. Ц. 2 р.
ТАМАРА БЕНДАВИДЪ. Романъ Вс. Вл. Крестовскаго (продолженіе романа „Тьма Египетская“). Ц. 2 р.
ДЪДЫ. Романъ Вс. Вл. Крестовскаго. Ц. 2 р., съ пересылкою 2 р. 25 к.
СОВРЕМЕННАЯ ЖРИЦА ИЗИДЫ. Вс. Соловьева. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.
КАВКАЗСКІЕ РАЗСКАЗЫ. Съ иллюстраціями. П. П. Гибдичъ. Ц. 1 р. 50 к.
ПО БЪЛУ-СВѢТУ. Путевыя замѣтки. Григорія Де-Воллава; ч. I. Ц. 2 р. 25 к., ч. II. Ц. 2 р. 25 к.
ЛИСТКИ ИЗЪ ДѢТСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. В. П. Авенариуса; ц. въ бумажкѣ 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ переплетѣ 2 р.
ФРЕГАТЪ ДІАНА. Путевыя записки протоіерея В. Махова. О кругосвѣтномъ плаваніи и о гибели фрегата у береговъ Японіи, и объ Японіи вообще. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.
ЧЕРЕЗЪ СИБИРЬ ВЪ АВСТРАЛІЮ И ИНДІЮ. Русель Киллуга. II изд. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
ШВЕЙЦАРСКІЯ АЛЬПЫ И АЛЬПІЙСКАЯ ЖИЗНЬ. Берлеша, изд. II, съ рисунками въ текстѣ. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 25 к.
КНИГА МИРА. Описаніе странъ и народовъ. Часть I—Старый Свѣтъ. Съ 27 политипажамми въ текстѣ. Изд. II. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.
ТОЖЕ. Часть II—я. Новый свѣтъ, съ политипаж. въ текстѣ. II изд. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
ЛУ ПАЙО ИЛИ РАЗСКАЗЫ ИЗЪ КИТАЙСКОЙ ЖИЗНИ. Съ рисунками въ текстѣ. Соч. Читена. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.
МУЗЕУМЪ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА. 3 части. II изд. Ц. каждой части 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
Часть I. Оширотѣ и долготѣ. Телота на земной поверхности. Морскіе приливы и проч.—Часть II. Воздухъ. Вода. Огонь. Акваріумъ.—Часть III. Гончарное производство; путеш. д-ра Кэна.
ЗАПИСКИ ОСЛА. Соч. гр. Сегюръ, съ 25 рис. въ текстѣ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к. Занимательное чтеніе для дѣтей про ученаго осла.
СВЯЩЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. т. IV. Георгія Властова. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 75 к.
КУРСЪ ВЕКСЕЛЬНАГО ПРАВА. въ связи съ ученіемъ о векселяхъ и вексельныхъ операціяхъ. Состав. С. М. Барацъ, преподав. Спб. Коммерческаго училища. Цѣна 5 р. безъ пересылки.
ОЧЕРКИ ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНИХЪ И НОВЫХЪ НАРОДОВЪ. Драматическая поэзія, пособіе при изученіи словесности въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, составилъ И. Гарусовъ, изданіе 2-е. Книга I, съ 25 политипажамми въ текстѣ. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к. Книга II, съ 8-ю портретами. Цѣна 1 р. 75 к., съ пересылкою 2 руб. Обѣ книги одобрены Уч. Ком. Мин. Народн. Провъ, какъ классное пособіе для гимн., реальнхъ училищъ и женск. среднихъ учебн. заведеній.
ДРЕВНИЕ КЛАССИКИ. Текстъ для учащихся, провѣренный русскими филологами, подъ главной редакціей В. М. Краузе: I) ЭНЕИДА ВЕРГИЛІЯ I—XII. Ц. 50 к.; отдѣльно I—VI—25 к., VII—XII—25 к.
II) ИСТОРІЯ ГЕРОДОТА, ч. II, кн. V—IX. Ц. 60 к.
III) СТИХОТВОРЕНІЯ ГОРАЦІЯ. Цѣна 50 к.
IV) РѢчь ЛИКУРГА ПРОТИВЪ ЛЕОКРАТА. Цѣна 15 к.
Всѣ перечисленные томики одобрены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго

Просвѣщенія въ качествѣ учебнаго пособія для гимназій и прогимназій Министерства, и первые два также одобрены Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ для употребленія въ духовныхъ Семинаріяхъ.

СТРАНСТВОВАНИЕ ПО ЛУГОВЫМЪ СТЕПЯМЪ И ВЪКОВЫМЪ ЛѢСАМЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКИ. Марриета. Изд. II. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

ВАЖНѢЙШАЯ ОТКРЫТІЯ И ИЗОБРѢТЕНІЯ ПО ЧАСТИ НАУКЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ. Соч. Л. Фигье. Изд. II, съ 169 рис. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ЗНАКОМСТВО СЪ ХИМІЕЙ для вседневной жизни, при помощи домашн. средствъ (для родителей, наставниковъ и самообразованія). Сост. К. К. Веберъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

КЛЮЧЪ къ наукамъ, или заявленія изъ вседневной жизни. Съ 27 рис. Д. Брюера. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ЛАТИНСКО-РУССКІЙ СЛОВАРЬ. Къ соч. Саллюстія Криспа. Bellum Catilinarium sive de conjuratione Catilinae et Jugurtha, seu bellum, jugurthinum. Сост. Лебединскимъ. IV изд. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к. Одобрень Учен. Ком. Минист. Народ. Просвѣщенія.

ЛАТИНСКО-РУССКІЙ СЛОВАРЬ. Къ соч. Корнелія Непота. VI изд. Vitae Excellentium Imperatorum cum Vita Catonis et Attica. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к. Первое изданіе одобрено Учен. Комит. Минист. Нар. Просвѣщ.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРІЯ для первонач. ознакомл. съ природою. Сост. по Бауману, XI изд., съ 336 рис. въ текстѣ, вновь пересм. и дополн. П. И. Степановымъ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ КУРСЪ ЗООЛОГІИ, съ приложен. задачъ и лѣтнихъ занятій по зоологіи. Сост. по методу Любена К. Сентъ-Илеръ. XIII испр. изд. Съ 203 рис. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 40 к.

УЧЕБНИКЪ БОТАНИКИ. О. В. Томе. Пер. съ 5 испр. и доп. пѣм. изд., подъ редакц. проф. Моск. Унив. и Петровск. акад., К. Гимирязева. Изд. II. Съ 890 рис. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

КРАТКІЙ УЧЕБНИКЪ МИНЕРАЛЬНОЙ И ОРГАНИЧЕСКОЙ ХИМІИ. Роско. V изд. Одобрень Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Съ 63 политип. и таблицами. Ц. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 50 к.

ОСНОВАНІЕ ОБЩЕЙ АРИФМЕТИКИ для VII класса гимназій. Жибковского; одоб. Учен. Комит. Минист. Народ. Просвѣщ. III-е исправлен. и дополнен. издан. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ПУШКИНЪ. II дополн. изд. Ц. 40 к., съ пер. 60 к.

СУВОРОВЪ. II дополн. изд. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

ЛОМОНОСОВЪ. III исправл. и дополн. изд., Ц. 50 к., съ пер. 70 к.

ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ ГЕОГРАФІИ для средняго и старшаго возраста. А. Н. Сергѣева, ц. 15 к.

ЦАРЬ-БОГАТЫРЬ — ПЕТРЪ 1-й. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

СБОРНИКЪ ДЛЯ УПРАЖНЕНІЯ ВЪ ЧТЕНІИ РУКОПИСНАГО. В. Золотова. XI изд. Ц. 40 к., съ пер. 50.

НЕБО И ЗВѢЗДЫ. Сост. Узловскій, IV изд. Ц. 20 к., съ пер. 30.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ ПРАКТИЧ. ЗАНЯТІЙ ПО ФИЗИКѢ, съ прибавленіемъ электрической и магнитной абсолютной измѣрительной системы Кольрауша. Переводъ съ 2-го нѣмецкаго изд. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1895 г. НА ЖУРНАЛЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

Съ октябрьской книжки 1894 г. право изданія журнала «Русскій Вѣстникъ» перешло въ Товарищество «Общественная Польза». Въ журналѣ приметъ участіе талантливый С. С. Татищевъ; онъ возобновляетъ имѣвшій такой успѣхъ ежемѣсячныя «Политическія Обозрѣнія». На 1895 годъ намъ обещаны: Д. В. Григоровичемъ его новое произведеніе. П. П. Гнѣдичемъ—повѣсть, и новый романъ Н. Ѳ. Головина (Орловскаго) «На вѣсахъ», который начатъ печатаніемъ съ ноябрьской книжки 1894 г., и новые подписчики на 1895 г. могутъ получить начало романа бесплатно, при заявленіи своемъ. Академикомъ, непр. секр. Ак. Наукъ И. Ѳ. Дубровинимъ—новый историческій этюдъ «Наполеонъ I въ современномъ ему обществѣ и въ русской литературѣ». Проф. Н. А. Любимовъ дастъ рядъ статей. Вице-президентъ Ак. Наукъ, Л. Н. Майковъ—продолженіе его литературныхъ этюдовъ. Будутъ помѣщены: повѣсть «Перемелется,—мука будетъ» Д. М. Позняка, новый романъ Вс. С. Соловьева, повѣсть «Покинутый» Пронскаго, романъ «Исторія одной маленькой войны» Вл. Череванскаго, повѣсть И. Н. Данилова и много другихъ произведеній.

Редакція и контора журн. «Русскій Вѣстникъ» помѣщаются въ Товариществѣ «Общественная Польза» (Больш. Подъяч., 39), куда и просить обращаться гг. авторовъ, имѣющихъ надобность до редактора, который принимаетъ повторникамъ отъ 12 до 2 ч. и субботамъ отъ 3 до 5 ч. пополудни.

Годовое изданіе «Русскаго Вѣстника», состоящее изъ ежемѣсяч. книжекъ, выходящихъ каждаго 1 числа, въ 1895 г. стоитъ въ Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки и перес. 15 р. 50 к., съ доставк. 16 р., съ перес. во все города Россіи 17 р. Допускается разсрочка взносовъ только чрезъ Главную Контору журн. «Русскій Вѣстникъ», Больш. Подъяч. д. 39, а именно: 1) При подпискѣ вносятъ девять руб., а осталая сумма къ 1-му июня. 2) Для слугач. за поручительств. казнач. со взнос. по 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ, впредь до уплаты всей подписной суммы. 3) Для учащихъ допускается уступка и разсрочка платежа: при подпискѣ вносятъ 2 р., а затѣмъ, при полученіи каждой книги, уплачивая по 1 руб., т. е. всего 14 р. безъ доставки и перес. За границу принимается подписка, въ государства, входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго союза—18 р. Въ прочія мѣста загранич. подписка приним. съ пересылк. по существ. тарифу.

Подписка на «Русскій Вѣстникъ» приним. въ Петербургѣ: для городск.—въ Конторѣ журнала «Русскій Вѣстникъ» въ Товариществѣ «Общественная Польза» (Больш. Подъяч., 39); въ книжн. магаз. «Новаго Времени» (Невск. 38); въ Москвѣ: въ Ред. «Московск. Вѣдом.»—на Стр. бульв., въ книжн. магаз. «Новаго Времени» (Кузнецк. м., д. Третьякова) и у Н. Н. Печковской (Петр. линія). И городскихъ и иногородныхъ просятъ покорнѣе адресоваться прямо въ Контору «Русскаго Вѣстника», Спб. Товарищество «Общественная Польза» Б. Подъяч., д. 39. За своевременную и аккуратную доставку журнала редакція принимаетъ на себя полную отвѣтственность только предъ тѣми подписчиками, которые, подписались непосредственно чрезъ контору журнала. Статьи, присланныя въ редакцію безъ условій, предоставл. въ полное распоряж. ея. Стихотв. и мелкія статьи, къ печати неудобныя, не возвращаются.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 г. НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

Основанный въ 1870 году ежемѣсячный историческій журналъ «РУССКАЯ СТАРИНА», вступая въ 1895 году въ двадцать шестой годъ своего существованія, остается въ будущемъ вѣрнѣ своей первоначальной программѣ—разрабатывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить читателей съ историческими дѣятелями Русской земли. Но независимо отъ строгой разработки чисто историческаго матеріала на страницахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» читатели всегда найдутъ, какъ находили и прежде, личныя записки и мемуары частныхъ лицъ.

Въ 1895 году журналъ будетъ издаваться при благосклонномъ участіи тѣхъ же сотрудниковъ, которые и прежде своими почтенными трудами содѣйствовали успѣху нашего изданія и въ числѣ которыхъ мы назовемъ А. Ѳ. Бычкова, В. А. Вильбасова, Н. Богдановскаго, Воробьева, Н. Ѳ. Дубровина, Жмакина, А. И. Ильинскаго, Л. Н. Майкова, В. Назарьева, М. Я. Ольшевскаго, М. Л. Песковскаго, В. В. Стасова, Тучкову-Огареву, Н. К. Шильдера, Н. Л. Пириева, В. И. Шенрока, П. Л. Юдина и др.

Въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Лица, не бывшіе подписчиками 1894 года, если пожелаютъ получить первую часть Записокъ В. А. Инсарскаго, которая была напечатана въ 1894 году, приплачиваютъ 50 коп.

РЕДАКЦІЯ ПЕЧАТАЕТЪ И ВЫПУСТИТЬ ВЪ СВѢТЪ ВЪ ЯНВАРЬ 1895 года

ЗАПИСКИ С. Н. ГЛИНКИ

съ портретомъ автора.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна 3 руб.

Для подписч. Русской Старины 1895 г., подписывающ. до 1 февр., уступается за 1 р 50 к.

Иногородные подписчики адресуютъ свои требованія и высылаютъ деньги непосредственно въ главную контору, въ Петербургѣ, Фонтанка, 145.

За своевременную и аккуратную доставку журнала редакція принимаетъ на себя полную отвѣтственность только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана непосредственно чрезъ Петербургскую контору «Русской Старины».

2011136687